Ист. русской истории
S 87/25
Ф 1-1/124

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

[Т 9]

Кнаппе—Кюхельбекеръ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

XX - 10123

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, № 40.
1903.

К

Кнаппе, *Карлъ Фридрихъ*, рисовальщикъ и живописецъ звѣрей и птицъ, цвѣтовъ и плодовъ, ученикъ Грота, род. въ С.-Петербургѣ въ 1745 г., ум. въ 1808 г., возведенный въ «назначенные» 22 августа 1773 г. и въ академики 4 сентября 1774 г., по исполненной программѣ: «Лисица, держащая въ зубахъ утку», онъ былъ пожалованъ въ совѣтники Академіи, 20 іюля 1785 г., находясь при обученіи учениковъ живописи звѣрей и птицъ. 22 февраля 1795 г. академическимъ совѣтомъ опредѣлено было: уволить его съ будущаго марта, выдавъ ему, сверхъ надлежащаго, заслуженнаго жалованья, въ награжденіе за 20-ти-лѣтнюю службу, годовой окладъ въ 300 р., такъ какъ, «по опытамъ довольно извѣстно,—сказано въ протоколѣ,—что обучающіеся ученики живописи звѣрей и птицъ, по выпускѣ ихъ изъ Академіи, не могутъ продолженіемъ своего художества себя пропитать, а, оставляя оное, опредѣляются совсѣмъ въ иной родъ жизни, при чемъ примѣчено и то, что никто еще изъ учениковъ сего класса не удостоенъ былъ, по сдѣланнымъ программамъ, къ полученію золотыхъ медалей, чего ради оный классъ нынѣ отмѣнить и учениковъ онаго перевесть по благоусмотрѣнію въ другіе классы». Послѣ того Кнаппе училъ въ нѣмецкой школѣ св. Петра въ Петербургѣ. Въ свое время работы его весьма уважались и имъ изготовлены были рисунки для изданія «Flora Rossica». Ему же, очевидно, принадлежатъ гравированные карандашною манерой въ 1780 г. листки: «Спящая кошка», «Птицы», «Цыпленокъ», «Сидящій на сучкѣ воробей».

Архивъ Акад. Худ. 1775, № 5; — «Спб. Вѣд.» 1774, № 78; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.». П. Н. Петрова, I, 135, 144, 338; — «Опытъ начертанія художествъ въ Россіи» изъ Фіорилло (въ «Худож. Газетѣ» 1838, стр. 589 и 593), откуда заимствовано у А. Н. Андреева въ его изд. «Живопись и живописцы», Спб. 1857, стр. 480, а изъ нѣмец. оригинала Фіорилло — у Наглера въ «Künstler-Lex.», VII, 71;—Д. Ровинскій, «Словарь рус. граверовъ». *Н. С.*

Книгинъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, статскій совѣтникъ, сынъ священника орловской губерніи, род. 7 сентября 1773 г., умеръ въ августѣ 1830 г. Настоящая его фамилія—Булгаковъ; Книгинымъ же онъ былъ названъ во время пребыванія въ Сѣвской семинаріи, за необыкновенную любовь къ чтенію книгъ. По окончаніи курса въ семинаріи, въ 1792 г. поступилъ въ Московскій университетъ, откуда въ 1793 г. перешелъ въ Московскую медико-хирургическую академію. Въ 1797 г. за представленное имъ сочиненіе «Ulcus perforans ventriculi» получилъ степень кандидата медицины и хирургіи и благодарность отъ Медицинской коллегіи. Въ 1798 г. назначенъ лѣкаремъ въ кирасирскій генерала Корна полкъ. Въ 1799 г. причисленъ къ Московской медико-хирургической академіи въ званіи адъюнктъ-профессора и въ томъ же году переведенъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію для преподаванія анатоміи и физіологіи; за диссертацію «De coloris oeconomia, usu et praestantia» удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1803 г. назначенъ на каѳедру зоотоміи во вновь учрежденномъ при Петербургской медико-хирургической академіи ветеринарномъ училищѣ; при чемъ на него по Высочайшему повелѣнію была возложена обязанность училище это образовать и устроить; для приготовленія къ каѳедрѣ въ томъ же году командированъ за границу, гдѣ про-

былъ 4 года, пріобрѣлъ много рѣдкихъ книгъ, рисунковъ и разныхъ медицинскихъ инструментовъ. Въ 1807 г., по возвращеніи изъ-за границы, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ зоотоміи и сравнительной физіологіи. Въ 1808 г. послѣдовало открытіе ветеринарнаго училища. На торжественномъ собраніи по этому случаю Книгинъ произнесъ рѣчь, которая затѣмъ была напечатана («Рѣчь, говоренная при открытіи въ С.-Петербургѣ ското-врачебнаго училища. Спб. 1808»). Въ 1811 г. Книгинъ перешелъ въ Харьковскій университетъ ординарнымъ профессоромъ анатоміи, физіологіи, судебной медицины и медицинской полиціи и съ самаго пріѣзда состоялъ деканомъ медицинскаго факультета. Въ 1813 г. избранъ директоромъ естественнаго отдѣленія въ Обществѣ наукъ при Харьковскомъ университетѣ, въ 1816 г.—членомъ физико-медицинскаго общества при Московскомъ университетѣ, въ 1818 г. членомъ Петербургской медико-хирургической академіи. Съ 1825 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора и въ 1829 г. вышелъ въ отставку, при чемъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. Онъ перевелъ (вмѣстѣ съ Каменскимъ) съ французскаго Фуркруа, «Химическая философія» и издалъ «Краткое наставленіе, какъ предохранять себя отъ прилипчивыхъ болѣзней простыми средствами», Харьковъ 1814 г. (совмѣстно съ Шумлянскимъ).

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели»; «Сѣверн. Пчела», 1831 г., № 56; Геннади, «Справ. слов.»; Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи».

Книримъ, *Егоръ Ивановичъ*, род. въ 1807 г. въ Ригѣ, ум. въ 1846 г., лекторъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ, изъ дворянъ, сынъ рижскаго ратмана, получилъ первоначальное образованіе въ соборной школѣ въ Ригѣ. Окончивъ курсъ въ Рижской гимназіи, онъ въ 1824 г. поступилъ въ Дерптскій университетъ на юридическій факультетъ, откуда вышелъ въ 1827 г. безъ права на чинъ, такъ какъ не подвергался окончательнымъ испытаніямъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ дома, приготовляясь къ учительскому званію, Книримъ въ 1834 г. отправился въ Москву и былъ опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Московскую губернскую гимназію; 17 октября 1836 г. онъ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ для преподаванія нѣмецкаго языка, а съ 8 октября 1838 г. назначенъ лекторомъ. Одновременно съ этимъ Книримъ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ, въ училищѣ при церкви Петра и Павла и во многихъ частныхъ заведеніяхъ. Въ 1845 г. онъ былъ уволенъ отъ своихъ должностей до выздоровленія, но весною слѣдующаго года скончался. Преподаваніе его отличалось большою ясностью и умѣніемъ приноравливаться къ дѣтскимъ понятіямъ.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета».

Кнорре, *Карлъ Христоформовичъ*, астрономъ, род. въ 1801 г., ум. въ 1883 г. Сынъ Э.-Хр.-Ф. Кнорре, профессора въ Дерптѣ. Воспитывался въ домѣ дяди своего Зенера. Въ университетъ поступилъ на богословскій факультетъ, но, познакомившись съ В. Я. Струве, заинтересовался геодезіей и астрономіей, помогалъ В. Я. Струве во многихъ его работахъ и пріобрѣлъ въ этихъ наукахъ практически такія свѣдѣнія, что Струве рекомендовалъ его во вновь устроивавшуюся обсерваторію въ Николаевѣ и по рекомендаціи этой Кнорре получилъ мѣсто директора. Кнорре съ величайшимъ рвеніемъ отдался этому дѣлу; усиленными занятіями онъ пополнилъ свои свѣдѣнія, во время заграничной командировки 1824—1827 гг. ознакомился съ дѣломъ наблюденій въ лучшихъ обсерваторіяхъ Европы. Мѣсто директора обсерваторіи Кнорре занималъ 50 л.; съ 1871 г., вышедши въ отставку, жилъ въ Берлинѣ. Въ Николаевѣ онъ преподавалъ астрономію въ штурманскомъ училищѣ, руководилъ гидрографическими работами на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, которыя были производимы за время его пребыванія въ Николаевѣ, написалъ нѣсколько спеціальныхъ статей и составилъ пятый листъ извѣстной звѣздной карты, изданной Берлинскою академіею наукъ и содѣйствовавшей открытію многихъ малыхъ планетъ.

Списокъ трудовъ Кнорре и біографія его—въ «Vierteljahresschrift der Astronom. Gesellsch.». XXIV, 1889; «Энцикл. словарь» Брокгауза и Эфрона, XXIX.

Кнорре, *Эрнстъ Христофъ Фридрихъ*, род. въ ноябрѣ 1759 г. близъ Магдебурга, ум. 1 декабря 1810 г. въ Дерптѣ. Изучалъ въ Галле теологію и по оконча-

нiи курса былъ домашнимъ учителемъ. Въ 1789 г. занялъ мѣсто директора и преподавателя въ женской школѣ въ Дерптѣ, а при открытiи университета, 2 iюля 1802 г., былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ математики и наблюдателемъ при астрономической обсерваторiи. Всѣ эти должности онъ занималъ до смерти. Его труды: «Leitfaden in der Religionsunterricht in der Töchterschule zu Dorpat»; «Leitfaden bei meinen mathematischen Vorlesungen», Dorpat, 1803; «Beobachtung und Berechnung der Bedeckung des Aldeborrns vom Mondo den 18 September 1810»—in *Bode's* «Astron. Jahrb.», 1814; «Astronomische Beobachtungen und Nachrichten»—in *Bode's* «Sammtl. astronom. Abh.», 4-er Band.

Кнорринъ, *Александръ Владiмiровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 19 марта 1822 г., ум. 6 iюня 1882 г. Воспитанiе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и какъ лучшiй воспитанникъ выпущенъ былъ, 22 iюня 1840 г., въ лейбъ-гвардiи Волынскiй полкъ. Въ 1852 г., по собственному желанiю, переведенъ былъ изъ гвардiи въ армiю, подполковникомъ въ 8-й оренбургскiй линейный баталiонъ. 30 января назначенъ командиромъ этого баталiона; въ 1858—1859 г. принималъ участiе въ военныхъ дѣйствiяхъ на Кавказѣ. Въ 1864 г. формировалъ 137-й Нѣжинскiй полкъ и назначенъ его командиромъ. 7 октября 1869 г. произведенъ въ генералъ-маiоры; въ 1871 г. назначенъ помощникомъ начальника 5-й пѣхотной дивизiи. Въ послѣднюю войну принималъ участiе во взятiи Никополя и въ атакѣ Плевны 8 iюля, причемъ получилъ сильную рану въ руку, отъ послѣдствiй которой онъ уже не оправился. Въ 1879 г. назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизiи, 30 августа 1880 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Русскiй Инвалидъ», 1882 г., № 138.

Кнорринъ, *Богданъ Ѳедоровичъ*, генералъ-отъ-инфантерiи, род. 10 ноября 1746 г., ум. 17 декабря 1825 г. Съ 1758 по 1764 г. обучался въ Сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ послѣднiе годы пребыванiя тамъ, въ числѣ другихъ лучшихъ учениковъ, исполнялъ подъ непосредственнымъ наблюденiемъ Миниха чертежи для производившихся тогда въ Балтiйскомъ портѣ сооруженiй. Въ 1764 г. выпущенъ поручикомъ въ Нижегородскiй пѣхотный полкъ и подъ наблюденiемъ генерала Вейсмана принималъ участiе въ инженерныхъ работахъ по укрѣпленiю береговъ Западной Двины въ Ригѣ. Въ войнѣ 1768—1774 гг. участвовалъ во взятiи Хотина, въ битвахъ при Ларгѣ, Калугѣ, за которую получилъ чинъ майора и орденъ св. Георгiя 4 ст., затѣмъ въ штурмѣ Бендеръ, взятiи Журжи и въ осадѣ Силистрiи. Во время мирныхъ переговоровъ въ Фокшанахъ гр. Г. Г. Орловъ отправилъ Кнорринга съ особымъ порученiемъ къ брату своему, гр. А. Г. Орлову, командовавшему русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Кноррингъ проѣхалъ сухимъ путемъ до Константинополя, внимательно наблюдалъ мѣстности, по которымъ приходилось ему ѣхать и даже составилъ схематическiе планы нѣкоторыхъ пунктовъ по дорогѣ отъ Рущука до Константинополя и Дарданеллъ; планы эти представлены были имъ въ Военную коллегiю. Въ 1788 г., уже въ чинѣ генералъ-майора и въ должности генералъ-квартирмейстера, былъ въ армiи, которая дѣйствовала противъ шведовъ въ Финляндiи. Въ 1792—1794 гг. дѣйствовалъ въ Польшѣ противъ отрядовъ конфедератовъ, сначала подъ начальствомъ генерала Ферзена, а затѣмъ самостоятельно, при чемъ разбилъ польскiе отряды подъ Вильною и 1 августа 1794 г. взялъ самый городъ, несмотря на отчаянную защиту, за что произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ орденомъ св. Георгiя 2 ст. По воцареniи императора Павла I вышелъ въ отставку; императоръ Александръ вызвалъ его въ 1806 г., произвелъ въ генералы отъ-инфантерiи и отправилъ его въ армiю, дѣйствовавшую противъ французовъ въ Пруссiи. Но между нимъ и главнокомандующимъ Беннигсеномъ возникли несогласiя и Кноррингъ былъ отозванъ отъ армiи. Когда въ 1808 г. Буксгевденъ оставилъ постъ начальника финляндскою армiею, главнокомандующимъ ею былъ назначенъ 8 ноября 1808 г. Кноррингъ. Ему императоръ Александръ предписалъ совершить переходъ въ Швецiю по льду Ботническаго залива, чтобы занять самый Стокгольмъ. Этотъ планъ казался слишкомъ смѣлымъ и рискованнымъ; главнокомандующiй оттягивалъ его исполненiе, ожидая, что наступленiе весны сдѣлаетъ его осуществленiе совершенно невозможнымъ. Прибытiе (20 февраля 1809 г.) къ армiи военнаго министра Аракчеева и ожидаемый пріѣздъ самого императора побудили

къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Подъ личнымъ предводительствомъ Кнорринга русскія войска совершили замѣчательный переходъ по льду черезъ морской заливъ, на протяженіи около 150 верстъ: 2-го марта колонна Багратіона (около 17.000 чел.) начала наступленіе изъ Кумлинге (къ западу отъ Або), 5-го заняла съ бою Аландскіе острова, а 7-го передовой отрядъ Кульнева вступилъ въ Грисельгамъ, въ Швеціи, верстахъ въ 70—80 къ сѣверу отъ Стокгольма. Это появленіе русскихъ войскъ вызвало въ столицѣ страшнѣйшее смятеніе; вспыхнула революція, король Густавъ IV былъ свергнутъ. Кнорринтъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ, воспользовался низложеніемъ короля, поступки котораго вызвали императора Александра къ войнѣ, и 8-го марта двинулся обратно; только небольшой отрядъ Книпера оставленъ былъ на Аландскихъ островахъ. Императоръ Александръ остался очень недоволенъ медленностью и нерѣшительностью Кнорринга; ему дано было понять, что онъ долженъ подать въ отставку; вмѣсто него былъ назначенъ главнокомандующимъ Барклай де Толли, въ мартѣ же совершившій переходъ черезъ проливъ Кваркенъ. Кнорринтъ поселился въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ. Единственный его сынъ *Карлъ Богдановичъ*, палъ подъ Кульмомъ, гдѣ онъ командовалъ Татарскимъ полкомъ.

Статья Перевощикова въ «Атенеѣ», 1828 г., II, 153—198; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», IV, 281 и VIII, 110; Вигель, «Воспоминанія», III, 50—54.

Кнорринтъ, *Владиміръ Карловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Военнаго Совѣта, род. въ 1784 г., ум. въ началѣ января 1864 г. Въ 1804 г. произведенъ въ корнеты въ л.-гв. Конный полкъ. Съ 1805 по 1815 г. участвовалъ во всѣхъ войнахъ противъ французовъ, при чемъ былъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, Фридландѣ, при переправѣ черезъ Березину, при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ, подъ Парижемъ и во многихъ другихъ; въ 1817 г. произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ командовать л.-гв. Кирасирскимъ полкомъ, въ 1829 г. въ генералъ-лейтенанты. Въ польской кампаніи 1831 г. принималъ участіе въ битвахъ при Гроховѣ, Калишѣ и др.; въ 1835 г. назначенъ командиромъ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, 6 декабря 1838 г. генералъ-адъютантомъ, въ 1841 г. генераломъ-отъ-кавалеріи.

«Справ. энцикл. словарь», Края VI.

Кнорринтъ, *Карлъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. послѣ 1805 г. Въ началѣ 1799 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ назначенъ инспекторомъ кавказской пѣхоты, вскорѣ сдѣланъ командующимъ кавказскою линіею. Въ томъ же году уладилъ неудовольствія, возникшія сначала между черноморскими казаками, а затѣмъ—въ средѣ войска донскаго. Съ конца 1800 г. Кнорринтъ дѣятельно участвовалъ въ обсужденіи вопроса о принятіи Грузіи въ составъ имперіи, согласно завѣщанію только что умершаго царя Георгія Иракліевича. Императоръ Александръ немедленно по вступленіи на престолъ поручилъ Кнорринту посѣтить Грузію и лично убѣдиться: такое разрѣшеніе вопроса согласно ли съ желаніемъ населенія, только ли оно можетъ улучшить внутреннее положеніе Грузіи и, наконецъ, выгодно ли оно для Россіи. Въ теченіе мая и іюня 1801 г. Кнорринтъ три недѣли провелъ въ Тифлисѣ и другихъ мѣстностяхъ Грузіи и 20-го іюля представилъ докладъ о необходимости присоединить Грузію. Несмотря на сильную опозицію со стороны гр. А. Р. Воронцова, гр. В. П. Кочубея и кн. А. А. Чарторижскаго, Государственный Совѣтъ высказался за присоединеніе Грузіи; 12 сентября 1801 г. послѣдовалъ соотвѣтственный манифестъ. 9-го апрѣля 1802 г. Кнорринтъ торжественно вступилъ въ Тифлисъ, 8-го мая 1802 г. открылъ присутственныя мѣста. Кнорринтъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Грузіи, правителемъ по гражданской части былъ сдѣланъ д. с. с. П. И. Ковалинскій, принимавшій дѣятельное участіе въ переговорахъ съ мѣстными владѣтелями о присоединеніи. Но управленіе Кнорринга и Ковалинскаго не соотвѣтствовало видамъ правительства; они не успѣли нимало уничтожить тѣ безпорядки и смуты, прекращеніе которыхъ на пользу края выставлялось главнымъ основаніемъ для присоединенія; кромѣ того, въ управленіи ихъ обнаружились чрезвычайныя казнокрадство и взяточничество. Въ концѣ декабря 1802 г. Кнорринтъ явился въ Петербургъ съ представленіемъ о преобразованіи управленія Грузіи. Но при разсмотрѣніи его проектовъ они найдены были совершенно неосновательными и вмѣстѣ

съ тѣмъ раскрылись такія злоупотребленія, что Кноррингъ былъ отставленъ отъ должности и причисленъ къ арміи; мѣсто его занялъ кн. Циціановъ.

«Кавказъ», 1847, № 16; Дубровинъ, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», т. III.

Княжевичъ, *Александръ Максимовичъ*, министръ финансовъ, род. 11 октября 1792 г. въ Уфѣ, ум. 2 марта 1872 г. Отецъ его, сербскій уроженецъ, прибылъ въ Россію въ 1773 г. и былъ принятъ на службу въ кавалергарды; впослѣдствіи онъ состоялъ на гражданской службѣ—прокуроромъ верхняго земскаго суда, губернскимъ прокуроромъ въ Уфѣ, а съ 1797 г. въ Казани, гдѣ онъ былъ потомъ предсѣдателемъ казенной палаты. А. М. Княжевичъ воспитывался въ казанской гимназіи и въ Казанскомъ же университетѣ, поступивъ въ послѣдній въ 1805 г. Когда онъ былъ на старшемъ курсѣ, имѣя всего 16—17 лѣтъ отъ роду, факультетъ поручилъ ему, какъ лучшему студенту, за болѣзнью профессора, читать своимъ товарищамъ чистую математику. Въ 1811 г. онъ переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Экспедицію государственныхъ доходовъ, вскорѣ вошедшую въ составъ Министерства финансовъ.

Живя въ Петербургѣ первое время съ своими тремя братьями, Княжевичъ помимо служебныхъ занятій, работалъ и на литературномъ поприщѣ: въ 1822 г. братья Княжевичи издавали «Библіотеку для Чтенія», состоявшую изъ переводовъ иностранныхъ повѣстей и разсказовъ. Эта дѣятельность сблизила ихъ съ литературнымъ міромъ. Въ 1823 г., съ женитьбой А. М. Княжевича на дочери баронессы Вистингаузенъ, директрисы Патріотическаго института, особы, близкой къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, онъ сталъ двигаться по службѣ нѣсколько быстрѣе; но и то только черезъ 20 лѣтъ службы онъ получилъ болѣе значительную должность—вице-директора департамента государственнаго казначейства. Вскорѣ потомъ онъ былъ сдѣланъ директоромъ канцеляріи министра финансовъ, а въ 1844 г., директоромъ департамента государственнаго казначейства. Въ 30-хъ гг. онъ завѣдывалъ также дѣлами комитета объ усовершенствованіи земледѣлія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Мордвинова.

Съ министромъ финансовъ, Е. Ф. Канкринымъ, Княжевичъ сблизился еще въ 1815 г., когда Канкринъ былъ генералъ-интендантомъ, а онъ былъ командированъ въ Вѣну принять участіе въ ликвидаціи счетовъ съ Австріею послѣ заграничнаго похода русской арміи. По званію директора канцеляріи министра, а потомъ директора департамента государственнаго казначейства Княжевичъ былъ, можно сказать, правою рукою министра и его ученикомъ, а въ обществѣ считался его вѣроятнымъ и желательнымъ преемникомъ. Тѣмъ не менѣе, Канкринъ, отправляясь въ 1840 г. за-границу лѣчиться, поручилъ управленіе министерствомъ не ему, а, къ общему удивленію, Ѳ. П. Вронченкѣ, управлявшему тогда особенною канцеляріею по кредитной части, сдѣлавъ его товарищемъ министра финансовъ. По объясненію самаго Княжевича Канкринъ поступилъ такъ потому, что въ то время важнѣйшею частью въ финансовомъ управленіи была часть кредитная. Вронченко управлялъ министерствомъ и во вторичную поѣздку Канкрина за-границу, въ 1843 г., а съ окончательнымъ выходомъ Канкрина въ отставку въ 1844 г. онъ сдѣлался министромъ. Со смертью Вронченка, въ 1852 г., министромъ финансовъ опять былъ назначенъ не Княжевичъ, а П. Ѳ. Брокъ, управлявшій дѣлами Комитета министровъ, человѣкъ мало свѣдущій въ финансовомъ дѣлѣ. Княжевичъ, имѣя громадный служебный опытъ, по 40-лѣтней службѣ своей въ министерствѣ финансовъ, часто оспаривалъ мнѣнія и предложенія новаго министра и этимъ, естественно, сдѣлался ему непріятенъ; въ 1854 г. онъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ удаленъ изъ министерства, получивъ назначеніе въ Сенатъ; вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ департаментѣ геральдіи. Весьма быть можетъ, что назначенію Княжевича въ преемники Канкрина или хотя бы въ товарищи министра помѣшало участіе его въ питейныхъ откупахъ, хотя это участіе было почти номинальное: онъ и братья его давали свои капиталы откупщикамъ для залоговъ по откупамъ; по случаю неисправности одного откупщика пошли слухи о взяточничествѣ, будто бы практикуемомъ въ министерствѣ финансовъ, на время повредившіе Княжевичу, хотя слухи эти были совершенно неосновательны и интрига направлялась больше противъ самого Канкрина, чѣмъ противъ

Княжевича; для него она не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій.

23 марта 1858 г., на мѣсто уволеннаго П. Ѳ. Брока былъ призванъ управлять министерствомъ финансовъ А. М. Княжевичъ. Назначеніе это было ему, конечно, очень лестно, но принято имъ далеко не съ удовольствіемъ. Онъ отлично зналъ всю сложность и трудность обязанностей русскаго министра финансовъ и, какъ честный и добросовѣстный служака, не съ легкимъ сердцемъ принялъ предложеніе Государя. Онъ заявлялъ Императору, что «не признаетъ въ себѣ качествъ и способностей, необходимыхъ для этого званія, зная вполнѣ всѣ обязанности и всю трудность этой должности и свои слабыя способности», не говоря уже о лѣтахъ своихъ и о затруднительности тогдашняго положенія дѣлъ; кромѣ того, онъ находилъ, что министръ финансовъ долженъ имѣть независимое состояніе и связи, чтобы твердо стоять на своемъ посту, ибо, говорилъ онъ, хорошій министръ финансовъ долженъ чаще отказывать осаждающимъ его разными просьбами, ходатайствами и предложеніями, что навлекаетъ ему недоброжелателей, готовыхъ вредить ему, даже чернить его. Но Государь обѣщалъ ему свою поддержку, подъ условіемъ «говорить всегда правду». Такимъ то образомъ пришлось Княжевичу «вваливаться въ этотъ омутъ», какъ выразился онъ въ письмѣ къ брату, извѣщая его о своемъ назначеніи.

Отношенія его съ Государемъ были отличныя; но онъ не могъ не тяготиться своею новою должностью: ему приходилось слишкомъ много работать для своихъ лѣтъ— ему было уже далеко за 60 л.; въ 1861 г. онъ праздновалъ уже 50-лѣтіе своей службы; быть можетъ и новымъ вѣяніямъ не вполнѣ онъ сочувствовалъ, какъ человѣкъ стараго закала... Въ январѣ 1862 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра финансовъ, съ назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта. Вліятельные круги были недовольны его дѣятельностью; говорили: «онъ не оправдалъ ожиданій».

Конечно, въ ту эпоху всеобщаго оживленія и стремленія къ реформамъ, Княжевичъ не былъ удобенъ во главѣ министерства финансовъ. Онъ былъ человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, гуманный, честный, снисходительный къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ; но все его прошлое не давало ему возможности подняться на высоту требованій того времени, онъ видимо не обладалъ ни широтою взгляда, ни смѣлостью дѣйствій, какія требовались въ эпоху такой лихорадочной дѣятельности, какою была эпоха 60-хъ годовъ. Не обладалъ онъ ни достаточною энергіей, ни самостоятельностью, столь нужными министру финансовъ; несомнѣнно, что онъ хорошо понималъ дѣло финансоваго управленія, но одного пониманія дѣла недостаточно. Дальнѣйшій очеркъ дѣятельности министерства финансовъ въ эпоху управленія имъ Княжевича вполнѣ подтвердитъ такой выводъ.—Въ 1858 г., учреждена была Коммиссія для пересмотра правилъ государственной отчетности и системы смѣтъ, результатомъ трудовъ которой были правила 22 мая 1862 г., поставившія дѣло это на нормальныхъ основахъ. Дѣятельность этой коммиссіи такимъ образомъ совпала съ періодомъ управленія Княжевича. Но что вообще тогдашнее положеніе дѣлъ было ему не по плечу, видно уже изъ того, что въ эпоху государственнаго роста, требовавшую неизбѣжно сильнаго напряженія и развитія финансовыхъ и экономическихъ силъ государства, онъ въ представленной имъ въ 1859 г. Государю запискѣ о хозяйственномъ и финансовомъ положеніи имперіи ставитъ себѣ главною цѣлью и обязанностью крайнюю бережливость. Правда, и Комитетъ финансовъ, къ которому онъ обратился за содѣйствіемъ, вполнѣ согласился съ его заявленіями, и Государь написалъ на заключеніе Комитета, что будетъ сдѣлано все возможное для сокращенія смѣты военнаго министерства и приняты мѣры къ ограниченію требованій всѣхъ министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно, чтобы ни одно министерство не испрашивало прибавокъ безъ предварительнаго соглашенія съ министромъ финансовъ. Но все это были только pia desideria, несовмѣстимыя съ ходомъ государственной жизни.— Больше значенія имѣло указаніе Комитета финансовъ на слабое возрастаніе государственныхъ доходовъ (кромѣ питейнаго), какъ на признакъ неправильности податной основы и на необходимость существенно измѣнить систему налоговъ. Министръ финансовъ принялъ это требованіе къ свѣдѣнію и отвѣчалъ на него учрежденіемъ, 10 іюля 1859 г., «Коммиссіи для

пересмотра системы податей и сборовъ». Учрежденіе такой коммиссіи было, конечно, понятно; столь большое дѣло не могло быть сдѣлано сразу и скоро; но коммиссія эта работала очень медленно и вяло и, просуществовавъ около 20 лѣтъ, умерла медленною смертью. Княжевичу же пока по необходимости пришлось умѣрить заботу о сокращеніи расходовъ и приняться за мѣры къ увеличенію доходовъ, для исправленія ошибокъ своего предшественника Брока и для предупрежденія финансовыхъ невзгодъ, ожидавшихся отъ предпринятыхъ правительствомъ реформъ, главнымъ образомъ—крестьянской. Дѣйствительно, фонды наши, хорошо дотолѣ стоявшіе и еще повысившіеся съ 1857 г. вслѣдствіе пониженія банковыхъ процентовъ,—стали понижаться уже съ 1859 г. и особенно упали въ 1860 г.; быстро понижался и вексельный курсъ. Продолжавшаяся еще ликвидація счетовъ Крымской войны порождала крупные дефициты въ бюджетѣ — свыше 100 м. р. въ годъ за 1857 и 1858 гг. Мѣры, принятыя Княжевичемъ для поправленія курса, къ сожалѣнію, не были удачны: неудачный 3%-ный заемъ 1859 г. весь ушелъ на поддержаніе вексельнаго курса; туда же ушла и выручка отъ выпуска 60 м. р. 4%-хъ металлическихъ билетовъ Государственнаго Банка—и все это безъ всякой пользы. Столь же безполезнымъ оказалось и усиленное погашеніе внутреннихъ займовъ свободными капиталами (до 30 м. р.), переданными въ 1860 г. въ Министерство Финансовъ изъ министерствъ и главныхъ управленій; та же участь постигла и 3 м. р. капитала «Государственнаго ополченія», составившагося изъ пожертвованій. Предпринятый при Княжевичѣ $4^1/_2$%-ный внѣшній заемъ 1860 г. былъ реализованъ уже послѣ него, въ 1863 г. Улучшить нашъ кредитъ было возможно конечно только передѣлкою устарѣвшей финансовой системы, какъ это внушали Ротшильдъ и Перейра совѣтовавшемуся съ ними нашему послу въ Парижѣ гр. П. Д. Киселеву. Но на это Княжевичъ не рѣшался; да онъ и не имѣлъ достаточнаго таланта и энергіи, чтобы провести успѣшно такое трудное и важное дѣло.

При такихъ обстоятельствахъ, въ ожиданіи выработки общей реформы системы финансовъ, пришлось обратиться къ разнымъ частнымъ мѣрамъ для увеличенія государственныхъ доходовъ, такъ настойчиво требовавшагося всѣмъ ходомъ государственной жизни.

Принятыя мѣры состояли въ слѣдующемъ. Указомъ 30 декабря 1861 г. повышены (съ 1862 г.) оклады подушной и оброчной податей — первой среднимъ числомъ по 25 к. на душу, — второй отъ 10 до 44 к. на душу; увеличены съ 1861 г. цѣны гербовой бумаги и почтовая такса за посылки; выработаны новыя правила для солянаго дѣла, приведенныя въ дѣйствіе, впрочемъ, уже послѣ Княжевича, указомъ 14 мая 1862 г.; улучшена система табачнаго акциза и повышенъ самый акцизъ (1861 г.); преобразована, не только ради увеличенія дохода, но и въ обще-государственныхъ и моральныхъ интересахъ, система питейнаго сбора: откупъ замѣненъ акцизною системой (уставъ о питейномъ сборѣ 4 іюля 1861 г.); новая система введена впрочемъ уже послѣ Княжевича, съ 1 января 1863 г.; но косвенно она еще при немъ способствовала увеличенію питейнаго дохода: послѣдніе торги на откупа, въ 1858 г., дали громадную наддачу въ откупной суммѣ. «Грустно мнѣ этому радоваться», сказалъ по этому поводу Императоръ Александръ II Княжевичу. Наконецъ, сдѣлана была Центральнымъ статистическимъ комитетомъ новая классификація губерній для раскладки земскихъ сборовъ.

Вотъ и все главное, что было сдѣлано при Княжевичѣ по части финансоваго хозяйства Имперіи. Мѣры эти нельзя назвать ни выдающимися, ни вполнѣ удачными. Такъ, важнѣйшая реформа — питейная — далеко не оправдала ожиданій въ смыслѣ нравственномъ, хотя и повела къ значительному увеличенію питейнаго дохода. Кромѣ того, Княжевичъ допускалъ иногда прямо натяжки, съ помощью которыхъ прикрывалось дѣйствительно-незавидное положеніе дѣлъ—напримѣръ, неисполненные расходы одного года записывались въ сбереженія ресурсовъ на предстоящій годъ.

Важнѣйшія мѣры Княжевича въ области экономической жизни Россіи были слѣдующія. Въ виду усилившейся потребности въ чугунѣ и желѣзѣ понижены были съ 1861 г. пошлины съ ихъ привоза, а потомъ разрѣшенъ былъ и безпошлинный привозъ для желѣзныхъ дорогъ, механическихъ заводовъ и судостроенія. На первое время эта мѣра принесла довольно замѣтную

пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она повредила развитію нашего горнаго дѣла, и безъ того уже пострадавшаго вслѣдствіе прекращенія крѣпостнаго труда. Далѣе—дано было разрѣшеніе пріобрѣтать чай въ Китаѣ на золото и серебро, вмѣсто обязательнаго вымѣна на товары. Мѣра эта была раціональна, хотя и ее въ свое время сильно порицали. Дѣйствительно, наша мѣновая торговля была сплошною несообразностью: наши мануфактурныя издѣлія — особенно съ открытіемъ внутреннихъ рынковъ Китая англичанамъ и французамъ, послѣ ихъ войны съ Китаемъ—уступались китайцамъ за полцѣны, а убытки торговцевъ раскладывались на стоимость чая, такъ что наши потребители чая оплачивали удешевленное одѣяніе китайцевъ. Полученный покупкою на металлы чай сталъ обходиться дешевле, а допущеніе, съ 1861 г., запрещеннаго прежде привоза его моремъ еще болѣе способствовало его удешевленію. Княжевичу дѣлаетъ честь, что онъ понялъ перемѣну въ нашей торговлѣ съ Китаемъ, вызванную силою обстоятельствъ, измѣнившихъ ходъ международной торговли; упорствованіе въ сохраненіи мѣноваго торга конечно не привело бы къ полезнымъ результатамъ. Послѣдствія вполнѣ оправдали мѣру Княжевича; торговыя отношенія наши съ Китаемъ установились несомнѣнно на болѣе правильныхъ основахъ.

На долю Княжевича выпало также осуществить двѣ крупныя операціи—банковую реформу и финансовую часть крестьянской реформы.

Потребность въ преобразованіи кредитныхъ учрежденій была вызвана отчасти ошибками предшественниковъ Княжевича, отчасти новыми взглядами, проникшими въ наше народное хозяйство. Наши старыя кредитныя установленія — опекунскіе совѣты, банки—коммерческій и заемный, и приказы общественнаго призрѣнія принимали вклады, оплачивая ихъ сложными процентами по 4%. Указомъ 20 іюля 1857 г. процентъ былъ пониженъ до 3%, съ цѣлью вызвать востребованіе вкладовъ, не сполна находившихъ помѣщеніе въ ссудахъ, а между тѣмъ постоянно оплачиваемыхъ процентами вкладчикамъ. Въ 1857 г. такихъ свободныхъ суммъ было до 140 милл. р. Другою причиною пониженія процента было затруднительное положеніе Государственнаго казначейства, какъ послѣдствіе введенной Канкриномъ системы позаимствованій изъ банковыхъ вкладовъ для казенныхъ надобностей. Къ 1857 г. эти позаимствованія составляли уже 553 м. р., — свыше половины всѣхъ вкладовъ. Изъ нихъ 428 м. р. оплачивались процентами изъ государственной казны, остальные изъ земельныхъ сборовъ и другихъ источниковъ. Расходъ казны по этому долгу составлялъ 30½ м. р. въ годъ; Брокъ, чтобы уменьшить его, пересрочилъ погашеніе на 56 лѣтъ, съ пониженіемъ платежа съ 5% до 4½% (въ томъ числѣ ½% погашенія). Расходъ отъ этого уменьшился на 11¾ м. р.; но переходъ казны къ меньшему проценту, естественно, повлекъ за собою и пониженіе процента, платимаго по вкладамъ—иначе кредитныя учрежденія не были бы въ состояніи расплачиваться съ вкладчиками. Такъ какъ по существовавшимъ правиламъ востребованіе вкладовъ не обусловливалось никакими сроками, а вклады были розданы почти всѣ въ долгосрочныя ссуды, то мѣры, принятыя къ изгнанію вкладовъ изъ банковъ, должны были поставить эти послѣдніе въ большое затрудненіе; неудобства этихъ мѣръ усиливались еще отъ того обстоятельства, что это выталкиваніе вкладовъ пониженіемъ процента сдѣлано было въ такое время, когда деньги вовсе не были дешевы, и даже въ Западной Европѣ въ виду экономическаго кризиса учетный процентъ доходилъ до 7½%. Вытѣсняемымъ такимъ путемъ изъ банка деньгамъ некуда было дѣваться; биржевыя операціи съ деньгами и фондами тогда почти не существовали; оставалось всѣмъ этимъ свободнымъ деньгамъ ринуться безъ разбора на разныя промышленныя предпріятія, что и случилось, ко вреду для нашего народнаго хозяйства и къ раззоренію массы довѣрчивыхъ людей.

Послѣдствія ошибки скоро сказались: вслѣдствіе сильнаго востребованія вкладовъ пришлось пріостановить выдачу ссудъ подъ недвижимыя имущества и даже перезалогъ; далѣе оказалось необходимымъ задержать непосильное для банковъ истребованіе вкладовъ ихъ консолидированіемъ. Для этого выпущены были 4%-ные непрерывно-доходные билеты Коммиссіи погашенія долговъ, съ предложеніемъ обращать въ нихъ банковые вклады; въ публикѣ билеты эти не нашли сочувствія; но въ нихъ обязательно были обращены

сословные и общественные вклады. Позднѣе эти билеты и остальные вклады (но послѣдніе не обязательно) замѣнены были 5%-ми билетами Государственнаго Банка 1-го выпуска (на сумму 277½ м. р.); на первое время публика приняла ихъ хорошо, но вскорѣ и они сильно упали въ цѣнѣ. Такимъ образомъ вытѣснялись вклады изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, при избыткѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для надобностей войны.

Наконецъ признано было нужнымъ преобразовать всѣ кредитныя учрежденія; указомъ 31 мая 1860 г. бывшій Коммерческій банкъ преобразованъ и названъ Государственнымъ; Заемный банкъ упраздненъ; сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія оставлены лишь до окончательныхъ разсчетовъ съ заемщиками. Реформа, однако, была односторонняя. Государственному банку присвоено было лишь коммерческое назначеніе, безъ права выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ недвижимую собственность, которая и осталась такимъ образомъ безъ кредита именно въ то время, когда онъ ей особенно былъ нуженъ. Хотя и выработанъ былъ при Княжевичѣ проектъ земскихъ поземельныхъ банковъ, но онъ не осуществился, не встрѣтивъ сочувствія въ его преемникѣ Рейтернѣ. При Княжевичѣ составленъ былъ и проектъ городскихъ банковъ для залога недвижимостей; на основаніяхъ этого проекта и образовано С.-Петербургское городское кредитное общество, 4 іюля 1861 г.

Вообще, банковая реформа произведена была при Княжевичѣ недостаточно обдуманно. Но и тутъ онъ былъ болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ дѣятелемъ; онъ сознавалъ невозможность оставить сельское хозяйство безъ кредита, и особенно въ ту критическую для нашего землевладѣнія эпоху, но онъ былъ безсиленъ противъ кружка лицъ, орудовавшихъ этимъ дѣломъ въ высшихъ сферахъ.

Что касается до крестьянской реформы, то, еще не будучи министромъ, Княжевичъ ей сочувствовалъ, хотя и не ожидалъ отъ нея, какъ онъ говорилъ, «большихъ улучшеній». Участіе его въ этомъ дѣлѣ выразилось устройствомъ выкупной операціи. Опять таки нельзя сказать, чтобы операція эта вполнѣ удалась. Но и тутъ вина не Княжевича, а по всей вѣроятности—предшествовавшей банковой реформы, съ послѣдовавшимъ оживленіемъ промышленной предпріимчивости, поглотившей освободившіяся изъ банковъ деньги. Правительство выпустило выкупныя бумаги (подъ именемъ 5%-хъ билетовъ 2-го выпуска, 5%-хъ выкупныхъ свидѣтельствъ и 5½%-ной ренты), принявъ особыя мѣры предосторожности, чтобы онѣ не загромоздили собою рынка. Тѣмъ не менѣе бумаги эти, благодаря огульному сбыванію ихъ помѣщиками, сильно упали въ цѣнѣ, къ вящшему раззоренію помѣщиковъ. Существенною ошибкой выкупной операціи было то, что долги помѣщиковъ банкомъ не оставлялись за ними и даже не были разсрочены, а цѣликомъ вычитались изъ выкупной суммы. Такимъ образомъ многіе получили лишь ничтожную выкупную плату, которая и была издержана непроизводительно. Опять и въ этомъ случаѣ трудно сказать, много ли виноватъ въ этомъ Княжевичъ, какъ исполнитель предначертаній, не отъ него исходившихъ.

Не мало заботъ причинялъ ему упадокъ цѣнности кредитнаго рубля, — наслѣдіе Крымской войны. Сравнительно съ позднѣйшимъ пониженіе было еще не велико: средній курсъ кредитнаго рубля былъ въ 1858 г. 93,1 металл. копѣекъ; въ 1859 г. 90,5 к.; въ 1860 г.—92,51 к.; даже когда правительство прекратило искусственное поддержаніе курса, въ началѣ 1861 г., рубль стоилъ около 86 к. металл. Тѣмъ не менѣе и это состояніе курса озабочивало правительство. Въ апрѣлѣ 1860 г. было сожжено кредитныхъ билетовъ на 60 милл. р.,—это, однако, нисколько не повліяло на курсъ. Но такъ какъ вся бѣда приписывалась все таки излишку кредитныхъ билетовъ противъ потребности оборота, то Княжевичъ предложилъ избавиться отъ него посредствомъ продажи части государственныхъ имуществъ. Къ счастію, мѣра эта не осуществилась; очевидно, что она была бы не практична: казна лишилась бы значительной части своихъ имуществъ, повышеніе же стоимости бумажнаго рубля до уровня съ металлическимъ едва ли было бы достигнуто, судя по бывшимъ историческимъ примѣрамъ.— Неудачный опытъ размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, по постепенно повышаемому курсу, до нормальнаго 5 р. 15 к. за полуимперіалъ, совершился уже послѣ увольненія Княжевича отъ должности министра финансовъ.

Съ глубокою признательностью слѣдуетъ вспомнить, что благодаря Княжевичу стало у насъ возможнымъ обсужденіе финансовыхъ вопросовъ печатью. Сознавая пользу гласности, хотя и не всегда пріятной самолюбію администраціи, Княжевичъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе дозволить печати обсуждать финансовыя мѣропріятія. Онъ пошелъ еще дальше и сдѣлалъ гласною государственную роспись, составлявшую дотолѣ глубокую государственную тайну. Вопросъ о публикованіи росписи былъ поднятъ имъ въ совѣтѣ министровъ еще въ 1859 г., но не получилъ одобренія; и только въ 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ опубликованіи росписи на 1863 годъ. Опубликована была и роспись («табель») 1862 года, но не въ законодательномъ порядкѣ, а въ видѣ простаго сообщенія къ свѣдѣнію публики. Одного этого внесенія Княжевичемъ гласности въ финансовое дѣло достаточно, чтобы сказать, что управленіе его было не безплодно.—Послѣднія 10 лѣтъ жизни Княжевича не представляли уже ничего интереснаго; онъ тихо угасалъ и скончался 2 марта 1872 года.

Скальковскій, «Наши государственные и общественные дѣятели», 1891 г.; его-же: «Les ministres des finances de la Russie»; статья Судейкина въ «Русской Старинѣ» 1892 г., XI, Бліохъ «Финансы Россіи XIX столѣтія», 1882 г. *В. Лебедевъ.*

Княжевичъ, *Дмитрій Максимовичъ*, попечитель Одесскаго учебнаго округа, род. въ Петербургѣ 25 апрѣля 1788 г., ум. 1 октября 1842 г.; онъ былъ старшимъ братомъ А. М. Княжевича, министра финансовъ. Образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. По словамъ С. Т. Аксакова онъ вмѣстѣ съ Алехинымъ «считался красою гимназіи»; но не смотря на это Княжевичъ, въ числѣ восьми своихъ товарищей, воспитанниковъ старшаго класса, былъ исключенъ изъ гимназіи «безъ аттестаціи въ поведеніи», за протестъ ихъ противъ жестокой экзекуціи инвалида, служившаго при гимназіи, произведенной квартирмейстеромъ Волковымъ. Плохая аттестація отъ гимназіи не помѣшала, однако, Княжевичу тотчасъ же по увольненіи изъ гимназіи поступить на службу (1 сентября 1802 г.) въ экспедицію о государственныхъ доходахъ въ Петербургѣ, а черезъ три года онъ былъ безпрепятственно произведенъ въ первый чинъ. Служба Княжевича въ министерствѣ финансовъ съ трехлѣтнимъ перерывомъ, когда онъ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ (1824 — 1827), продолжалась до половины 1837 г.; онъ достигъ должности директора департамента государственнаго казначейства (въ 1831 г.) и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Быстро пошелъ онъ по службѣ благодаря знакомству съ Канкриномъ, завязавшемуся, когда въ іюнѣ 1812 г. Д. М. Княжевичъ былъ назначенъ бухгалтеромъ въ ликвидаціонную коммисію по разсчетамъ съ иностранными правительствами за продовольствіе нашихъ войскъ въ войну за освобожденіе Европы, сначала въ Прагѣ, а потомъ въ Вѣнѣ; здѣсь онъ и жилъ до іюля 1820 г. Все это время находился онъ подъ главнымъ начальствомъ Е. Ф. Канкрина, замѣтившаго его способности, что повліяло на дальнѣйшую службу Княжевича по министерству финансовъ.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, съ 1802 по 1813 г. онъ, изучивъ иностранные языки, посредствомъ чтенія настолько пополнилъ свое образованіе, что стоялъ на ряду съ выдающимися по образованію людьми своего времени. Переселившись въ Петербургъ, онъ вступилъ въ небольшой кружокъ молодежи, любителей литературы, къ которому принадлежали А. Е. Измайловъ, А. П. Беницкій, М. В. Милоновъ и другіе. Литературные свои труды члены кружка помѣщали въ журналѣ «Цвѣтникъ», который издавался ихъ сочленами—сначала Измайловымъ и Беницкимъ, а въ 1809 и 1810 годахъ, Никольскимъ. Въ послѣднемъ году дѣятельность кружка была перенесена въ «Общество любителей наукъ, словесности и художествъ», подъ предсѣдательствомъ Д. Языкова, при особенно ревностномъ участіи А. Х. Востокова и Д. В. Дашкова, чрезъ котораго Княжевичъ сошелся съ Арзамасцами, въ обществѣ которыхъ впослѣдствіи познакомился и съ Пушкинымъ. Въ 1812 г. Княжевичъ напечаталъ въ журналѣ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» «Синонимы русскаго языка».—Отъѣздъ за границу прервалъ на время его литературную дѣятельность; но, возвратясь на родину, онъ принялся за нее еще съ большимъ рвеніемъ. Въ 1822 году онъ напечаталъ «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенное по азбучному порядку, съ присовокупленіемъ таблицы

содержанія оныхъ для удобнѣйшаго пріисканія», Д. К. Спб., 1822 г. Въ томъ же и слѣдующемъ году Д. М. Княжевичъ вмѣтѣ съ своими братьями Александромъ и Владиславомъ, издавалъ литературныя прибавленія къ «Сыну Отечества», подъ заглавіемъ: «Библіотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, разсказовъ, анекдотовъ и тому подобныхъ произведеній, по преимуществу переведенныхъ съ французскаго и нѣмецкаго».

Въ іюлѣ 1837 г. Д. М. Княжевичъ назначенъ былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Назначеніе Княжевича попечителемъ совпало съ введеніемъ новаго устава для высшаго учебнаго заведенія Одесскаго округа,—Ришельевскаго лицея. Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу преобразованія, новому попечителю предстояло выдержать борьбу съ страшною эпидеміей-чумою, появившеюся въ Одессѣ въ августѣ 1837 г. Какъ только было удостовѣрено, что явилась чума, Княжевичъ заперся съ нѣкоторыми профессорами, учителями гимназіи и пансіонерами въ зданіи лицея и въ то время, когда въ городѣ была парализована вся дѣятельность, она въ стѣнахъ лицея не только не прекращалась, но и не ослабѣвала: ученіе шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ и въ квартирѣ попечителя шли бесѣды, оживляемыя его собственнымъ участіемъ; часто собиралъ онъ вокругъ себя воспитанниковъ гимназіи, устраивалъ игры, въ которыхъ самъ принималъ участіе, оживляя всѣхъ своею простотою и веселостью. Съ минованіемъ эпидеміи Княжевичъ энергически принялся за дѣло преобразованія лицея. Основная задача его состояла въ расширеніи курса наукъ въ лицеѣ, въ приближеніи его къ университету и, наконецъ, въ преобразованіи его въ университетъ, что было его послѣднею завѣтною мечтою. Съ проектомъ этого преобразованія отправился онъ въ Петербургъ, но не доѣхалъ и скончался на пути.—Чтобы привести это заведеніе въ возможную соотвѣтственность съ современнымъ состояніемъ наукъ, говоритъ сотрудникъ его по службѣ въ лицеѣ, проф. В. В. Григорьевъ, съ мѣстными потребителями края и вмѣстѣ съ общимъ направленіемъ образованія въ Россіи, Д. М. Княжевичъ не довольствовался точнымъ приведеніемъ въ исполненіе того, что было уже предположено, но съ неутомимою, можно сказать—безпокойною, ревностью, безпрерывно стремился отъ улучшеній къ улучшеніямъ. Стараніями попечителя учреждена новая каѳедра сельскаго хозяйства и лѣсоводства, введено преподаваніе судебной медицины, политической ариѳметики, геодезіи, сравнительной географіи, русскихъ древностей, образовано, наконецъ, цѣлое особое отдѣленіе лицея подъ именемъ камеральнаго, съ открытіемъ котораго послѣдовала новая организація преподаванія и въ двухъ прежнихъ отдѣленіяхъ, юридическомъ и математическомъ. Для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ Княжевичъ вызвалъ новыхъ лицъ, поставивъ себѣ за правило приглашать только лицъ, имѣющихъ ученыя степени. Во время его попечительства лицей пріобрѣлъ преподавателей: В. В. Григорьева, М. А. Соловьева, В. А. Линовскаго, В. В. Петровскаго. Инспекторомъ лицея былъ назначенъ М. Д. Деларю, человѣкъ хорошо образованный, съ поэтическимъ талантомъ, имѣвшій благотворное вліяніе на питомцевъ лицея развитіемъ въ нихъ склонности къ чтенію и литературѣ. Не менѣе вниманія обращалъ Княжевичъ на среднія и низшія учебныя заведенія. Для нихъ имъ составлена была подробная записка съ приложеніемъ программы для преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ и въ училищахъ, уѣздныхъ и приходскихъ. Трудъ этотъ, оставшійся въ рукописи, содержитъ послѣдовательное изложеніе педагогической системы, основанной на убѣжденіи, что въ краѣ, недавно еще усыновленномъ Россіей и до тѣхъ поръ еще пестрѣвшемъ самымъ разнообразнымъ, разноплеменнымъ, разновѣрнымъ и разноязычнымъ населеніемъ, необходимо водворить воспитаніе и образованіе истинно русское. Система эта мало по малу вводилась въ училища одесскаго учебнаго округа, гдѣ до того времени школы не имѣли однообразной программы и каждая держалась своей собственной, зависящей отъ того, кто былъ ея учредителемъ или кто ею руководилъ: французъ, большею частью іезуитъ, грекъ-комерсантъ, нѣмецъ или полякъ, хотя училища эти носили названіе приходскихъ или уѣздныхъ училищъ и пользовались ихъ правами, какъ правительственныя учрежденія. Во время управленія одесскимъ округомъ Княжевичъ ежегодно по нѣсколько разъ объѣзжалъ части его и не было такого училища въ самомъ отдаленномъ углу края, котораго онъ бы не посѣтилъ, было ли то еврейская тал-

мудъ-тора, мусульманское медресе, армянское, греческое, болгарское, румынское или нѣмецкое училище.

Переселившись въ Одессу, Княжевичъ здѣсь проявилъ большую энергію въ дѣлѣ поднятія научной и литературной дѣятельности въ мѣстной интеллигенціи: между прочимъ, избранный въ члены Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, онъ принялъ на себя редакцію «Листковъ» этого общества и издавалъ ихъ въ теченіи 1831 г. Но болѣе важная заслуга Д. М. Княжевича — основаніе въ Одессѣ «Общества исторіи и древностей». Пользуясь интересомъ къ археологіи въ мѣстномъ образованномъ обществѣ, при сочувствіи этому дѣлу генералъ-губернатора гр. М. С. Воронцова, онъ въ 1839 году открылъ въ Одессѣ названное общество, заслужившее себѣ почетную репутацію и продолжающее свою дѣятельность и по настоящее время. По открытіи общества Д. М. Княжевичъ былъ единогласно избранъ его президентомъ и энергично принялся за дѣла его; онъ старался привлечь въ общество серьезныхъ членовъ, ходатайствовалъ о передачѣ обществу дѣлъ старыхъ архивовъ (напр. крѣпости св. Димитрія—нынѣ Ростовъ на Д.), пріобрѣталъ древности и монеты, которыя приносилъ въ даръ обществу, устраивалъ археологическія командировки — вообще, можно смѣло сказать, былъ душою общества въ началѣ его дѣятельности. Наконецъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи «Записокъ» общества и, уже больной, просматривалъ корректуру перваго тома, выхода въ свѣтъ котораго ему не суждено было видѣть.

Кромѣ трудовъ по обществу исторіи и древностей Княжевичу принадлежитъ инициатива еще двухъ литературныхъ предпріятій Одессы. Во-первыхъ, онъ исходатайствовалъ для Ришельевскаго лицея право изданія Новороссійскаго календаря, который вскорѣ пріобрѣлъ почетную репутацію и широкое распространеніе на всемъ югѣ Россіи; во-вторыхъ, по его почину въ 1839 и 1840 г. издавался въ Одессѣ литературный сборникъ подъ заглавіемъ: «Одесскій Альманахъ», въ которомъ кромѣ одессистовъ принимали участіе многіе извѣстные столичные литераторы. Скончался Дмитрій Максимовичъ въ имѣніи Е. М. Фроловой-Багрѣевой (дочери гр. Сперанскаго), мѣстечкѣ Великой Буромкѣ (полтавской губ., золотоношскаго уѣзда), гдѣ остановился по дорогѣ въ Петербургъ.

Всегда добрый, привѣтливый и радушный, говоритъ одинъ изъ его сослуживцевъ этого времени, всегда другъ и отецъ своихъ подчиненныхъ, какъ скоро видѣлъ малѣйшее сочувствіе къ своему дѣлу,—онъ огорчался до глубины души, выходилъ изъ себя, дѣлался больнымъ, когда замѣчалъ холодное равнодушіе, нерадивость и бездѣйственность на поприщѣ, на которомъ самъ шелъ и работалъ первый.

В. Яковлевъ.

Княжнина, *Варвара Александровна*, писательница, род. 9 августа 1774 г., ум. 23 января 1842 г. Рожденная Караулова, супруга А. Я. Княжнина. Ею напечатаны: стихотвореніе «Разговоръ матери съ маленькимъ ея сыномъ», въ журналѣ «Иппокрена», 1800, ч. 6 и «Строцціева пещера»—переводъ съ французскаго, Спб., 1802 г.

Кн. К. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ».

Княжнина, *Екатерина Александровна*, писательница, род. 14 ноября 1717 г., ум. 1 октября 1777 г. Дочь А. П. Сумарокова и жена Я. Б. Княжнина. Въ журналѣ «Трудолюбивая Пчела», который издавалъ ея отецъ, въ 1759 г. она помѣстила нѣсколько пѣсенъ и элегію безъ подписи и безъ вѣдома своего отца. Есть извѣстіе, будто бы эти пѣсни во 2-мъ изданіи «Трудолюбивой Пчелы» А. П. Сумароковъ издалъ подъ своимъ именемъ.

Кн. К. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ».

Княжнинъ, *Александръ Яковлевичъ*, род. въ 1771 г., ум. 31 марта 1829 г. генералъ-лейтенантъ, сынъ извѣстнаго драматурга. Воспитываясь дома, въ малолѣтствѣ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ 1785 г. переведенъ въ Измайловскій, въ кадетскую роту котораго и поступилъ для окончательнаго образованія. Въ началѣ 1795 г. былъ выпущенъ изъ гвардіи капитаномъ въ 1-й Литовскій полкъ, а отсюда перешелъ въ Тенгинскій мушкатерскій, расположенный въ Петербургѣ. Въ 1802 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника для поступленія на гражданскую службу, но въ слѣдующемъ же году опять поступилъ маіоромъ въ Кексгольмскій мушкатерскій полкъ. Въ 1805, 1807 и 1812 гг. участвовалъ въ войнахъ противъ фран-

пузовъ и подъ Бородинымъ былъ тяжко раненъ. Въ 1816 г., при образованіи Главнаго штаба, былъ назначенъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента, а въ 1823 г.—членомъ Военнаго совѣта. Въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

На ряду со служебными занятіями Княжнинъ занимался и литературою; свою литературную дѣятельность онъ началъ сотрудничествомъ въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» 1793 г., въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» 1796 г. и въ «Новостяхъ русской литературы» 1802 г. Изъ многочисленныхъ его произведеній, упоминаемыхъ въ «Лѣтописи русскаго театра» П. Н. Арапова, въ печати извѣстны слѣдующія: 1) «Андромеда и Персей», мелодрама съ хорами и балетами (въ стихахъ), Спб. 1802, 2) «Цирцея и Улиссъ», мелодрама съ хорами и балетами (въ стихахъ) Спб. 1803, 3) «Женихъ трехъ невѣстъ» комедія въ 1 дѣйствіи, съ принадлежащимъ къ ней балетомъ (въ прозѣ), Спб. 1807, 4) «Ямъ», комическая опера въ 1 дѣйствіи (въ прозѣ), Спб. 1809; изд. 2-е, Спб. 1826, 5) «Посидѣлки, слѣдствіе Яма», комическая опера въ 1 дѣйствіи (въ прозѣ), Спб. 1809; изд. 2-е, Спб. 1826, 6) «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба, слѣдствіе Яма и Посидѣлокъ», комическ. опера въ 1 дѣйствіи (въ прозѣ), Спб. 1809; изд. 2-е, Спб. 1826, 7) «Ода на новый 1815 г.», Спб. 1818, 8) «Амуръ-Судья, или споръ трехъ грацій», лирическое представленіе (въ стихахъ), Спб. 1820, 9) «Мужья, женихи своихъ женъ», комедія въ 2 дѣйствіяхъ (въ стихахъ), Спб. 1825, (передѣлана изъ комической оперы того же названія Я. Б. Княжнина), 10) «Сюрпризъ», придѣланный къ комедіи «Новый Стернъ» Спб. 1828 и 11) «Стихи на день рожденія І. І. Арбенева», безъ даты.

Изъ перечисленныхъ пьесъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія: «Ямъ», «Посидѣлки» и «Дѣвишникъ», имѣющія между собою тѣсную внутреннюю связь. Исполненныя патріотизма и идеализаціи солдатской жизни, эти оперы содержатъ настоящій народный элементъ въ видѣ нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ; многочисленныя же самостоятельныя попытки автора поддѣлаться подъ рѣчь простаго народа—неудачны.

«Военная галлерея Зимняго Дворца», т. II, Спб. 1846; Геннади, «Справочный словарь».

Н. М.

Княжнинъ, *Борисъ Яковлевичъ*, род. въ 1776 г., ум. 29 марта 1854 г., генералъ-отъ-инфантеріи, сынъ извѣстнаго драматурга. Воспитываясь дома, онъ девяти лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ фурьеромъ; на дѣйствительную же службу явился въ 1793 г. Въ 1796 г. былъ выпущенъ изъ гвардіи въ армію капитаномъ и зачисленъ въ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, а черезъ два года переведенъ въ Ярославль, во вновь формировавшійся тогда мушкатерскій генералъ-маіора Лейтнера полкъ, гдѣ и оставался до 1804 г., когда вышелъ въ отставку. Въ исходѣ 1806 г., при началѣ второй войны съ Наполеономъ, онъ былъ вновь принятъ на службу маіоромъ и совершилъ кампанію 1807 г. Въ 1809 г. былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ командиромъ мушкатерскаго графа Аракчеева полка, съ которымъ и участвовалъ въ войнѣ 1812—1814 гг. Въ 1813 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году, по заключенію мира, назначенъ бригаднымъ командиромъ 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, съ оставленіемъ командиромъ полка графа Аракчеева. Назначенный въ 1815 г. бригаднымъ командиромъ 2-й бригады той же дивизіи, Княжнинъ въ 1817 г. былъ опредѣленъ къ командованію назначенною къ отправленію въ новгородскія военныя поселенія временною бригадою, а въ слѣдующемъ 1818 г. ему было поручено командованіе бригадами поселенныхъ баталіоновъ гренадерскаго корпуса. Въ 1826 году былъ назначенъ с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а черезъ два года сенаторомъ. Съ 1829 по 1832 г. состоялъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ первоприсутствующимъ въ 1 отдѣленіи 5-го департамента Сената; 6-го іюня 1832 года назначенъ членомъ учрежденнаго 1-го мая того же года генералъ-аудиторіата военнаго министерства. Въ 1835 г. Княжнинъ командированъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ В. И. Болгарскимъ, въ Новочеркасскъ для приведенія тамъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 26-го мая 1835 г. Положенія объ управленіи Донскимъ войскомъ. Въ 1837 году Княжнину повелѣно, до окончательнаго устройства управленія государственными имуществами, присутствовать въ учрежденномъ для того временномъ совѣтѣ, а съ упраздненіемъ послѣдняго—въ

совѣтѣ вновь учрежденнаго министерства государственныхъ имуществъ. Съ 1838 г. онъ находился въ командировкѣ для обревизированія Новгородской губерніи до 1840 г., когда былъ уволенъ отъ присутствованія въ совѣтѣ министерства государственныхъ имуществъ; черезъ три года произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, а въ 1846 г. оставленъ сенаторомъ неприсутствующимъ.

В. И. Панаевъ, одинъ изъ современниковъ Княжнина, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Очень умный, образованный человѣкъ, отличавшійся вѣжливостью прежнихъ временъ. Говорили, что онъ слишкомъ строгъ по службѣ и даже золъ, но изъ обращенія его ничего подобнаго заключить было нельзя». Объ этой строгости мы узнаемъ изъ записокъ Мартоса, сотрудника Княжнина по новгородскимъ военнымъ поселеніямъ. Для полноты характеристики Княжнина нельзя не упомянуть, что въ бытность свою въ Новочеркасскѣ, онъ, желая знать все, что говорится въ обществѣ и народѣ, очень часто бродилъ по городу инкогнито, переодѣтый въ костюмъ мужика или простаго казака.

Княжнинъ въ молодости писалъ стихи, изъ которыхъ въ печать попали только «Его Императорскому Величеству Александру I стихи посвященные въ Парижѣ Спб. 1815». Кромѣ того, имъ составлена слѣдующая книга: «Біографіи штабъ- и оберъ-офицеровъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, положившихъ жизнь свою, защищая Государя и отечество въ сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ Спб. 1816 г.».

«Военная Галлерея Зимняго Дворца» т. IV, Спб. 1847 г.; Записки Мартоса (Русскій Архивъ 1893 г., Кн. 2, стр. 536); Воспоминанія В. И. Панаева (Вѣстникъ Европы 1867 г. т. III); «Русская Старина», 1875 г., т. 13, стр 225; Геннади, «Справочный словарь». *Н. Мичатекъ.*

Княжнинъ, *Яковъ Борисовичъ*, извѣстный драматургъ, род. 23 октября 1742 года, ум. 14 января 1791 г. Происходилъ изъ дворянъ псковской губерніи, до 15 лѣтъ воспитывался дома, потомъ былъ привезенъ своимъ отцомъ въ Петербургъ и отданъ на воспитаніе къ адъюнкту академіи наукъ Карлу Фридриху Модераху; одновременно Княжнинъ посѣщалъ и пансіонъ Лави, гдѣ изучалъ французскій, нѣмецкій и итальянскій языки. По окончаніи ученія, Княжнинъ въ 1764 г. вступилъ въ Иностранную коллегію юнкеромъ; благодаря знанію языковъ онъ былъ скоро произведенъ въ переводчики. Сухая канцелярская работа была, однако, совершенно не въ натурѣ Княжнина; онъ перешелъ на службу въ канцелярію о строеніи домовъ и садовъ къ извѣстному И. И. Бецкому; но и здѣсь служба показалась ему скучна и неинтересна. Тогда онъ задумалъ поступить въ военную службу, и благодаря протекціи фельдмаршала графа К. Г. Разумовскаго былъ назначенъ, съ чиномъ капитана, адъютантомъ при дежурныхъ генералахъ. Тутъ, попавъ въ кругъ богатой военной молодежи, Княжнинъ увлекся карточною игрой и въ скоромъ времени половину имѣнія проигралъ, а остальное разстроилъ. Между тѣмъ написанная имъ въ 1769 г. трагедія «Дидона» сблизила его съ А. П. Сумароковымъ и на младшей дочери его, Екатеринѣ, Княжнинъ женился. Послѣ свадьбы Княжнинъ зажилъ открытымъ домомъ и въ 1773 году съ нимъ случилось несчастіе: онъ растратилъ 5,773 руб. казенныхъ денегъ, не могъ ихъ заплатить и попалъ подъ судъ. Военная коллегія приговорила его къ разжалованію въ солдаты. Княжнинъ числился солдатомъ до 1777 г., когда Екатерина II помиловала его и приказала вернуть ему капитанскій чинъ, съ которымъ Княжнинъ и вышелъ въ отставку въ томъ же 1777 году. Четыре года прожилъ онъ въ уединеніи, занимаясь исключительно литературой. Послѣ этого Княжнинъ, по приглашенію Бецкаго, поступилъ къ нему секретаремъ. Несмотря на множество канцелярскихъ дѣлъ по обширному управленію своего начальника, Княжнинъ находилъ время и для литературныхъ занятій и, кромѣ того, по приглашенію извѣстнаго графа Ѳ. Е. Ангальта, преподавалъ кадетамъ Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса уроки «россійскаго штиля». Въ 1783 г. Княжнинъ, избранный въ члены Россійской Академіи, много потрудился надъ составленіемъ ея «Словаря», сотрудничая въ то же время въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова». Въ 1787 г. Княжнинъ издалъ собраніе своихъ сочиненій и поднесъ императрицѣ, за что получилъ отъ нея благодарность и богатый подарокъ.

Начало литературной дѣятельности Княжнина относится еще къ школьному періоду его жизни, когда имъ была написана «Ода къ Икару», которая, однако, въ печати не появилась; первымъ напечатаннымъ

произведеніемъ Княжнина была написанная имъ въ 1769 г. трагедія «Дидона». Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1778 г., въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» 1783 и 1784 гг. и въ «Новыхъ Ежемѣсячнымъ Сочиненіяхъ» 1787 г.

Въ русской литературѣ Княжнинъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими драматическими произведеніями. Онъ написалъ семь трагедій въ стихахъ: «Дидона», въ 5 д. (Спб. 1769 г. и М. 1801 г. и въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», часть XXXII. 1790 г.), «Владиміръ и Ярополкъ» (въ 5 д., Спб. 1772 г. и М. 1801 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXIV, 1790 г.), «Рославъ» (въ 5 д. Спб. 1784 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ» ч. VI, 1787 г.), «Титово милосердіе» (въ 4 д., Спб. 1790 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXII, 1790 г.), «Софонисба» (въ 5 д., Спб. 1790 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXIV, 1790 г.), «Владисанъ» (въ 5 д., Спб. 1786 г. и М. 1789 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXII, 1790 г.), «Вадимъ Новгородскій» (въ 5 д. Спб. 1793 г. въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXIX, 1793 г. и въ «Русской Старинѣ», 1871 г. т. 3, № 6, стр. 723); затѣмъ, имъ написаны четыре комедіи: «Хвастунъ» (въ стихахъ, въ 5 д., Спб. 1786 г., изд. 2-е, Спб. 1829 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. X, 1787 г.), «Чудаки» (въ стихахъ, въ 5 д., Спб. 1793 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XLI, 1794 г.), «Трауръ или утѣшенная вдова» (въ прозѣ, въ 2 д. Спб. 1794 г.) и «Неудачный примиритель или безъ обѣду домой поѣду» (въ прозѣ, въ 3 д., Спб. 1790 г., изд. 2-е Спб. 1803 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXXIII, 1790 г.); наконецъ Княжнину принадлежатъ еще пять комическихъ оперъ: «Несчастіе отъ кареты» (въ 2 д., Спб. 1779 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXIV, 1788 г.), «Сбитеньщикъ» (въ 3 д., М. 1788 г. Спб. 1790 г. и въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXX, 1789 г.), «Скупой» (въ 1 д., Спб. 1778 г., М. 1801 г. въ «Росс. Ѳеатрѣ», ч. XXX, 1789 г. и безъ даты въ Москвѣ), «Притворно-сумасшедшая» (въ 2 д. М. 1801 г.) и «Мужья женихи своихъ женъ» (въ 2 д.), Княжнинъ написалъ еще одну мелодраму «Орфей». По характеру своихъ произведеній Княжнинъ принадлежитъ къ ложноклассической школѣ и является какъ бы преемникомъ Сумарокова, котораго онъ превзошелъ лишь чистотой и правильностью языка, стройностью и звучностью стиха. Въ остальномъ трагедіи Княжнина ниже трагедій Сумарокова: между тѣмъ какъ въ послѣднихъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, все таки замѣтно нѣкоторое одушевленіе, видно драматическое движеніе, въ первыхъ эти достоинства почти отсутствуютъ: монологи Княжнина полны реторическаго шума и напыщенности, его герои больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ. Существеннымъ недостаткомъ трагедій Княжнина является также ихъ подражательность, приближающаяся мѣстами къ простому переводу. Такъ «Дидона» написана по образцу одноименной французской трагедіи Лефранка Помпиньяна, съ нѣкоторыми заимствованіями изъ одноименной же итальянской драмы Метастазіо. «Титово милосердіе» почти цѣликомъ является передѣлкою драмы послѣдняго. «Владиміръ и Ярополкъ» есть подражаніе Расиновой «Андромахѣ» и до того близкое, что нѣкоторыя явленія просто переведены съ французскаго, «Софонисба»—вольный переводъ Вольтеровой «Софонисбы», «Владисанъ»—подражаніе «Меропѣ» Вольтера, «Росславъ», не смотря на кажущуюся оригинальность, написанъ по образцамъ французскихъ трагедій вообще. Пушкинъ былъ вполнѣ правъ, назвавъ Княжнина переимчивымъ. Однако, при всѣмъ своихъ недостаткахъ, трагедіи Княжнина имѣли воспитательное значеніе: ими вводилась въ общее сознаніе патріотическая идея государственности, изъ которой опредѣлялся долгъ человѣка и гражданина. Изъ всѣхъ трагедій Княжнина наибольшею популярностью у современниковъ пользовались «Дидона» и «Росславъ». Съ художественной точки зрѣнія первая, безспорно, лучшая трагедія Княжнина, «Росславъ» же стоитъ очень не высоко. Попытка нарисовать идеалъ гражданина, выше всего ставящаго благо и славу отчизны, не удалась Княжнину. Росславъ – герой только на словахъ; его поступки совершенно не соотвѣтствуютъ высокопарнымъ монологамъ и онъ, поэтому, вышелъ болѣе похожимъ на хвастуна, чѣмъ на идеальнаго героя. Изъ остальныхъ трагедій Княжнина особенную извѣстность пріобрѣлъ «Вадимъ», но не столько своими достоинствами, сколько особыми обстоятельствами, сопровождавшими появленіе его въ печати: «Вадимъ» былъ написанъ и приготовленъ къ постановкѣ на сцену еще въ 1789 г., но, въ виду разразившихся въ Западной Европѣ событій, Княжнинъ счелъ представленіе этой

трагедіи несвоевременнымъ и взялъ ее изъ театра обратно. По смерти автора «Вадимъ» попалъ къ книгопродавцу Глазунову. Глазуновъ доставилъ трагедію княгинѣ Дашковой, которая разрѣшила ее напечатать въ 39 части «Россійскаго Ѳеатра»; но въ трагедіи этой были усмотрѣны революціонныя тенденціи и по сенатскому указу «Вадимъ» былъ сожженъ рукою палача. Исторія эта надѣлала много шума и «Вадимъ» очень долго былъ въ числѣ запрещенныхъ книгъ.

Комедіи и комическія оперы Княжнина также не отличаются самостоятельнымъ творчествомъ, но онѣ все таки выше его трагедій: не смотря на отсутствіе истиннаго комизма, въ нихъ много неподдѣльной веселости, видно отраженіе современной автору жизни, написаны онѣ языкомъ болѣе естественнымъ, чѣмъ трагедіи. Лучшая комедія Княжнина «Хвастунъ», въ которой осмѣивается тщеславіе, есть переложеніе французской комедіи де-Брюйэ «L'important». Она также не чужда значительныхъ недостатковъ: помимо утрировки характеровъ, искусственности развязки и отчасти завязки, комедія страдаетъ отсутствіемъ серьезно-сатирическаго взгляда на осмѣиваемый порокъ. Комедія «Чудаки», оригиналомъ для которой послужила французская комедія Детуша «L'homme singulier», есть собственно не комедія, а собраніе портретовъ, которые являются въ отдѣльныхъ сценахъ, не имѣющихъ внутренней связи. Все вниманіе автора посвящено здѣсь обрисовкѣ комическихъ лицъ, чѣмъ и объясняется плохая постройка плана, бѣдность дѣйствія и длинноты. Хотя портреты молодаго щеголя и сантиментальнаго юноши, взятые изъ современной русской жизни, и написаны удачно, но главный персонажъ, чудакъ Лентягинъ, вышелъ неестественнымъ, такъ какъ почти цѣликомъ заимствованъ изъ французской комедіи и совершенно чуждъ русской жизни.

Изъ комическихъ оперъ обращаетъ на себя вниманіе «Несчастіе отъ кареты». Въ ней авторъ, съ одной стороны, нападаетъ на господствовавшую тогда въ русскомъ обществѣ французоманію и на нравственную неустойчивость русскаго дворянства, съ другой—показываетъ, какъ жалка можетъ быть участь крестьянъ-рабовъ, находящихся во власти такихъ господъ. Эта піеса имѣетъ историческое значеніе, служа выраженіемъ тѣхъ понятій, которыя впослѣдствіе легли въ основу истиннаго просвѣщенія и внесли новыя отношенія между сословіями. Кромѣ того, она замѣчательна тѣмъ, что въ ней авторъ воздержался отъ заимствованій. Въ остальныхъ комедіяхъ и комическихъ операхъ Княжнина, написанныхъ въ подражаніе французскимъ образцамъ, разсѣяно много прекрасныхъ мыслей о важности воспитанія, о необходимости образованія для женщинъ, объ истинномъ благородствѣ, на каждомъ шагу встрѣчаются нападки на общественные недостатки и пороки: испорченность большаго свѣта, невѣжество, внѣшній лоскъ при умственной и нравственной пустотѣ, испорченность и тщеславіе дворянства, французоманію и презрѣніе ко всему родному.

Кромѣ драматическихъ произведеній Княжнинъ написалъ много мелкихъ стихотвореній и четыре прозаическія статьи: 1) «Отрывокъ Толковаго Словаря»—переводъ изъ французской книги «Dictionnaire des gens du monde». «Отрывокъ»—произведеніе сатирическаго характера: словамъ дается значеніе, противоположное прямому ихъ смыслу и тѣмъ указывается на злоупотребленія; 2) «Отрывки изъ Риторики»—часть руководства, написаннаго имъ для своихъ учениковъ-кадетъ на основаніи французскихъ руководствъ; 3) «Рѣчь о пользѣ воспитанія и о соединеніи талантовъ съ благонравіемъ, произнесенная въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ, при выпускѣ изъ нея питомцевъ въ 1779 г.»—въ ней авторъ высказываетъ горячее сочувствіе къ просвѣщенію и рисуетъ заслуги Екатерины II въ дѣлѣ воспитанія и 4) «Рѣчь, говоренная кадетамъ Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, объ употребленіи времени въ пользу» (Спб. 1786 г.)—содержитъ мысли, извлеченныя изъ сочиненія Ролленя «Traité des études».

Изъ стихотвореній Княжнина «Вечеръ» и «Письмо къ Г. Д. и А.» знакомятъ съ философическими воззрѣніями автора: онъ смотритъ на жизнь, какъ на поприще наслажденій чистыхъ и честныхъ; условіемъ наслажденій поставлена умѣренность. Взглядъ Княжнина на искусство вообще и поэзію въ частности выраженъ въ двухъ «Посланіяхъ». Въ одномъ изъ нихъ («Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ») говорится, что питомцу

искусства для пріобрѣтенія славы мало одного таланта, а нужно еще просвѣщеніе и, главное, «исправленные нравы». «Посланіе къ тремъ граціямъ», какъ бы въ pendant къ предыдущему, развиваетъ мысль, что одно искусство, безъ дарованія, не можетъ восхищать и плѣнять; для достиженія этой цѣли надо отбросить всѣ «реторическіе бисеры», которыхъ, замѣтимъ кстати, самъ авторъ далеко не чуждъ. «Письмо къ княгинѣ Дашковой на случай открытія Академіи Россійской», восхваляя дѣятельность Екатерины II на пользу просвѣщенія, содержитъ сатирическую выходку противъ сочинителей торжественныхъ одъ. Одописаніе Княжнинъ осмѣиваетъ также въ стихотвореніи «Отъ дяди стихотворца Рифмоскрипа», въ баснѣ «Меркурій и Аполлонъ, согнанные съ небесъ» и въ сказкѣ «Волосочесатель-сочинитель». Въ «Исповѣданіи жеманихи» и въ сказкѣ «Живописецъ въ полону» авторъ нападаетъ на щегольство, кокетство, подражаніе французскимъ обычаямъ и употребленіе французскаго языка. Сказка «Судья и воръ» представляетъ собою сатиру на взяточничество и судейскую безсовѣстность, сказка «Добрый совѣтъ»—на чванство людей, добившихся дворянства.

Послѣ смерти Княжнина, въ его бумагахъ найдены были начатыя произведенія: поэма «Петръ Великій», трагедія «Пожарскій» и поэма «Попугай».

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ произведеній, Княжнину принадлежитъ много переводовъ: онъ перевелъ бѣлыми стихами «Генріаду» Вольтера (Спб. 1777 г. и М. 1790 г.), нѣсколько трагедій Корнеля (Трагедіи Петра Корнелія, ч. I. Смерть Помпеева, Цинна, Сидъ. Спб. 1779 г.—переводы бѣлыми стихами: Родогуна, трагедія Петра Корнелія въ 5-ти д. М. 1788 г. переводъ бѣлыми стихами), романъ въ прозѣ («Несчастные любовники, или истинныя приключенія графа Коминжа, наполненныя событій жалостныхъ и нѣжныя сердца чрезвычайно трогающихъ», съ франц. Спб. 1771 г.), нѣсколько идиллій Гесснера (въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1778 г.) и «Записки историографическія о Мореѣ, покоренной оружіемъ венеціанскимъ, о царствѣ Негропонтскомъ, и о прочихъ близлежащихъ мѣстахъ, также и о тѣхъ, которыя въ Далмаціи и въ Эпирѣ приведены подъ власть Венеціи, съ начала турецкой войны, наставшей въ 1684 году и продолжавшейся до 1687 г., съ описаніемъ крѣпостей Кастель-Ново и Хнина», съ итальянскаго, 2-я ч. Спб. 1769 г.

Первое собраніе сочиненій Княжнина было издано самимъ авторомъ въ 4-хъ ч., Спб. 1787 г.; изданіе 2-е, въ 5-ти частяхъ, М. 1802 — 1803 гг.; изданіе 3-е, въ 5-ти ч., Спб. 1817 — 1818 гг., съ біографіею. Новое изданіе Смирдина, въ 2-хъ ч. Спб. 1847 г.

Геннади, «Справочный словарь»; М. Н. Лонгиновъ, «Я. Б. Княжнинъ и трагедія его Вадимъ» въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г., № 4, февраль, кн. 2-я, стр. 631 — 650; В. Я. Стоюнинъ, «Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ».—«Русск. Вѣстн.» 1860 г., № 10, май, кн. 2-я, стр. 103—108; «Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина Вадимъ». «Русск. Арх.», 1863 г., вып. 5—6, стр. 467; «Изъ записокъ С. Н. Глинки»—«Русск. Вѣстн.», 1866 г., № 1; Сенатскій указъ о сожженіи книги «Вадимъ»—«Русск. Стар.», 1871 г., № 7, стр. 91—92; «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. Княжнинъ»—«Русск. Арх.», 1866 г., № 11—12, стр. 1770»; «Поправка о Княжнинѣ»—«Русск. Арх.», 1873 г., кн. 2-я, стр. 1796 и стр. 02297; В. Я. Стоюнинъ, «Княжнинъ-писатель»—«Историч. Вѣстн.», 1881 г., т. V, № 7, «Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго». Спб. 1878 г., т. I, стр. 30, т. V, стр. 130. *Н. М.*

Князевъ, *Анисимъ Титовичъ*, статскій совѣтникъ, членъ Межевой канцеляріи въ Москвѣ, род. 2 ноября 1722 г., ум. 4 сентября 1792 г. Происходилъ изъ мелкаго дворянскаго рода костромскаго уѣзда, совершенно обѣднѣвшаго, родился въ г. Каширѣ. Службу началъ копіистомъ Вотчинной коллегіи въ 1741 г.; такъ какъ тогда подготовлялось уже общее межеваніе, то Князеву поручено было списывать копіи съ писцовыхъ книгъ; онъ очень ревностно занялся этимъ дѣломъ; до 50.000 тетрадей копій были сняты имъ или подъ его ближайшимъ наблюденіемъ. Эта, повидимому совершенно неинтересная, работа дала Князеву, при его отличной памяти, очень цѣнныя знанія поземельныхъ отношеній и административнаго устройства Московскаго государства, знанія, которыя ему впослѣдствіи очень пригодились, тѣмъ болѣе, что во время дальнѣйшей своей служебной дѣятельности онъ пріобрѣлъ отличныя познанія законовъ вообще. Въ февралѣ 1752 г., когда учреждена была комиссія для сочиненія межевой инструкціи, Князеву было поручено исправленіе должности секретаря этой комиссіи; такую же должность одновременно онъ исполнялъ и въ комиссіи о бѣглыхъ. Въ 1754 г. указомъ

Сената Князевъ опредѣленъ былъ исправлять должность секретаря въ Главной межевой канцеляріи; 6 октября того же года онъ былъ назначенъ сверхъ того «въ комиссію при сочиненіи уложенія»; 16 декабря того же года онъ былъ отпущенъ въ Москву исправлять должность секретаря Вотчинной коллегіи, но уже 15 февраля 1755 г. снова вытребованъ въ Петербургъ въ Главную межевую канцелярію; въ октябрѣ 1755 г. и въ апрѣлѣ 1757 г. получилъ повышенія въ чинахъ и былъ уже «секретаремъ капитанскаго ранга». Въ 1764 г. онъ былъ оберъ секретаремъ въ межевой экспедиціи и оберъ-секретаремъ второго департамента Сената, въ 1766 г. онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Каширскаго дворянства въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія; онъ принималъ активное участіе въ ея работахъ, нѣсколько разъ баллотировался въ разныя частныя комиссіи и 13 іюня 1768 г. былъ выбранъ въ члены комиссіи объ обязательствахъ. Въ томъ же 1768 г., по представленію генералъ-прокурора, Князевъ, въ виду множества дѣлъ по должности секретаря межевой экспедиціи и по званію депутата, былъ уволенъ отъ должности оберъ-секретаря второго департамента Сената, съ сохраненіемъ, однако, всего прежняго жалованья. Въ 1775 г. Князевъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ членомъ губернской межевой канцеляріи въ Москвѣ; первоначально она должна была дѣйствовать, какъ межевыя канцеляріи въ другихъ губерніяхъ, лишь на пространствѣ одной московской губерніи; но мало помалу ей стали поручать разрѣшеніе разныхъ вопросовъ, касавшихся и другихъ губерній, отчасти въ зависимости отъ того, что Князевъ являлся положительно авторитетомъ во множествѣ вопросовъ, касавшихся практики межеванія вообще; въ 1777 г. за нею и оффиціально признано было болѣе широкое значеніе — она и наименована была просто Межевою канцеляріею. Князевъ являлся наиболѣе дѣятельнымъ работникомъ въ этой канцеляріи и, фактически, руководителемъ всего межеваго дѣла, такъ какъ межевая экспедиція при Сенатѣ, которой канцелярія была подчинена, состояла подъ предсѣдательствомъ самого генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго изъ трехъ сенаторовъ; составъ этихъ послѣднихъ не разъ мѣнялся и, разумѣется, экспедиція не входила и не могла входить въ подробности межеваго дѣла, а лишь направляла его вообще. Князь же Вяземскій высоко цѣнилъ познанія Князева и вполнѣ ему довѣрялъ, что видно изъ довольно обширной ихъ переписки. Къ его знаніямъ государственнаго устройства допетровской Руси князь Вяземскій не разъ прибѣгалъ, между прочимъ, и по порученію императрицы. Такъ, 27 февраля 1776 г. Вяземскій писалъ Князеву, что императрица поручаетъ ему сдѣлать для нея въ Разрядномъ архивѣ выписки: «1) какія есть узаконенія касательно дворянства, 2) какія бывали дворянскія службы и какія нынѣ есть, 3) выбрать изъ Разряднаго архива доказательства на дворянство»; черезъ мѣсяцъ Вяземскій благодарилъ Князева за доставленіе этихъ свѣдѣній; 6 апрѣля 1777 г., опять по порученію императрицы, Вяземскій сообщилъ Князеву 25 вопросныхъ пунктовъ, съ просьбой дать на нихъ отвѣты. Пункты эти касались самыхъ различныхъ сторонъ государственнаго устройства и управленія Московской Руси, а такъ же и разныхъ сторонъ экономическаго ея быта и соціальныхъ отношеній. Работами по русской исторіи Князевъ занимался, повидимому, когда былъ совершенно молодымъ человѣкомъ и только что началъ службу: въ бумагахъ его сохранилась тетрадь, содержащая «родословіе всероссійскихъ (sic) великихъ князей, царей и императоровъ», и хронологическій обзоръ важнѣйшихъ событій русской исторіи съ 862 г. по 1625, при чемъ счетъ годовъ ведется отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, а сверхъ того отмѣчено при каждомъ событіи, за сколько лѣтъ совершилось оно до 1744 г. Во главѣ родословной стоитъ «Рюрикъ Гоццомицеличъ», отецъ котораго «Гоццомицелъ, князь оботритскій, изъ провинціи варяжской, сіе есть нѣмецкой», уморъ въ 845 г. Генеалогическія занятія Князевъ продолжалъ и впослѣдствіи, но они приняли болѣе практическое направленіе: по порученію императрицы онъ частью самъ составилъ, частью разсмотрѣлъ представленныя родословія 822 фамилій. Какъ къ отличному знатоку древнихъ актовъ кн. Вяземскій обращался къ Князеву съ просьбою сообщить ему, какіе изъ документовъ Разряднаго архива должно сохранить въ немъ и какіе, какъ къ нему непринадлежащіе, отослать въ другія мѣста. Вопросы

межеваго дѣла занимаютъ въ перепискѣ Вяземскаго съ Князевымъ еще болѣе видное мѣсто, при чемъ Вяземскій вообще отзывается съ полнымъ одобреніемъ о предложеніяхъ и мѣрахъ Князева и сообщаетъ ему лишь второстепенныя по важности указанія и замѣчанія. Съ своей стороны Князевъ откровенно выражалъ Вяземскому свои мнѣнія и мысли о межевомъ дѣлѣ. Такъ, въ 1776 г. онъ представилъ свѣдѣнія о количествѣ земель, проданныхъ изъ казны въ частныя руки въ силу указовъ 23 іюля и 22 августа 1762 г. и свои замѣчанія о неудовлетворительности примѣнявшихъ мѣръ, слѣдствіемъ которыхъ было то, что получены были деньги (418,764 р.) лишь за 290,809 десятинъ, а за 174,596 д., проданныхъ сверхъ того, деньги (до 198,000 р.) еще не были получены, при чемъ для многихъ покупокъ давно пропущены были сроки внесенія денегъ и сроки принятія земель въ свои владѣнія покупателями. Согласно представленію Князева Вяземскій сдѣлалъ докладъ императрицѣ и послѣдовалъ именной указъ (18 сентября 1776 г.)—прекратить дальнѣйшую продажу казенныхъ земель; впослѣдствіи продажа земель была возстановлена, но уже на иныхъ началахъ.

Того, что извѣстно о дѣятельности А. Т. Князева, далеко не достаточно, чтобы изобразить ее вполнѣ опредѣленно; выдающимся дѣятелемъ онъ, конечно, не былъ, но несомнѣнно, онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣльцовъ своего времени. Успѣшное руководительство такимъ важнымъ и для своего времени сложнымъ и труднымъ дѣломъ, какъ межеваніе, вполнѣ подтверждаетъ сохранившіеся о Князевѣ отзывы, какъ о человѣкѣ необыкновенной памяти, обширнѣйшихъ свѣдѣній въ области дѣйствующихъ законовъ и замѣчательнаго трудолюбія. Многіе изъ его современниковъ, особенно его начальство, давали самые лестные отзывы о его честности и безкорыстіи. Вотчинная коллегія въ выданномъ ему аттестатѣ указываетъ на то, что онъ ревностно занимался порученными ему работами по подготовкѣ межевой инструкціи, «оставивъ всѣ интересныя дѣла»—т. е. дѣла о болѣе или менѣе крупныхъ денежныхъ суммахъ, между тѣмъ какъ до 15 декабря 1763 г. служащіе въ Вотчинной, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ коллегіяхъ, не получали жалованья и по закону имѣли право пользоваться «акциденціями» отъ дѣлъ. Въ одной современной рукописной замѣткѣ о смерти Князева сказано, что онъ отличался полнѣйшимъ безкорыстіемъ, такъ что послѣ его смерти не на что было даже похоронить его. Но А. Т. Болотовъ, имѣвшій съ нимъ дѣла, сообщаетъ нѣчто, противорѣчащее такимъ отзывамъ. Въ сношеніяхъ съ Болотовымъ Князевъ былъ чрезвычайно любезенъ; онъ зналъ его сочиненія и съ интересомъ говорилъ о многихъ «ученыхъ» вопросахъ, негодовалъ на одно открывшееся въ межеваніи злоупотребленіе, но отъ предложеннаго Болотовымъ вознагражденія въ 300 р. отказался,—по словамъ Болотова—сказавши, что для такого человѣка, какъ онъ, Болотовъ, онъ готовъ служить и совершенно безвозмездно. Повидимому тутъ мы встрѣчаемся со стариннымъ взглядомъ на служебную честность и безкорыстіе, совершенно отличнымъ отъ нашего, современнаго.

Бумаги А. Т. Князева, въ числѣ рукописей Императорскаго общества любителей древней письменности; краткое сообщеніе о ихъ содержаніи—при отчетѣ о засѣданіи 19 апрѣля 1885 г.; «Жизнь и приключенія А. Т. Болотова», III; Пол. Собр. Законовъ, №№ 14,442, 14,801, 14,826. *Н. Ч.*

Кобеко, *Ѳома Ѳомичъ*, тайный совѣтникъ, род. 7 марта 1793 г., ум. 22 декабря 1870 г. Служилъ первоначально въ Новгородѣ, въ канцеляріи губернатора Сумарокова, затѣмъ въ Тифлисѣ, при А. П. Ермоловѣ и, наконецъ, по Министерству Финансовъ, гдѣ занималъ должность совѣтника правленія Государственнаго заемнаго банка; женатъ былъ на Евдокіи Ѳедоровнѣ Ильиной.

Кобелевъ, казачій сотникъ; въ 1779 г. изъ Ижигинска, онъ проходилъ Чукотскую землю, затѣмъ плавалъ между островами въ Беринговомъ проливѣ, видѣлъ берегъ Америки и сообщилъ нѣсколько свѣдѣній, о будто бы многочисленномъ населеніи этой страны; сообщенія эти долгое время считались достовѣрными, пока въ 1823 г., послѣ экспедиціи Муравьева, обнаружилось, что ближайшія къ островамъ части материка совершенно необитаемы.

«Энциклоп. Лексиконъ» Плюшара.

Кобыла, *Андрей Ивановичъ*, московскій бояринъ временъ Калиты и Симеона Гордаго, исторически достовѣрный родоначальникъ царствующаго Дома Романовыхъ. Кто онъ былъ по происхожденію, неизвѣстно въ точности. Но съ воцареніемъ Романовыхъ явилось желаніе дать родоначальнику ихъ сообраз-

ное съ положеніемъ его потомковъ царственное происхожденіе: А. Кобылу называли сыномъ какого-то Гландала *Камбилы* (отсюда—какъ-бы испорченное въ русской передачѣ *Кобыла*) Дивоновича, происходившаго будто бы отъ Вейдевуда или Видвуша, баснословнаго властителя территоріи нынѣшней Пруссіи еще въ IV в. по Р. Хр.; говорили, что отецъ Андрея выѣхалъ въ Россію съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 г. и названъ былъ Иваномъ. Осмѣянное въ свое время Шлёцеромъ это баснословіе, тѣмъ не менѣе, внесено и въ «Русскій Гербовникъ» (изд. 1797 г.), и въ нѣкоторыя новѣйшія родословныя. Но баронъ Кампенгаузенъ, составлявшій родословіе Романовыхъ для императора Александра I, не рѣшился, однако, признать это баснословіе.—О самомъ Андреѣ Ивановичѣ Кобылѣ наши лѣтописи упоминаютъ только одинъ разъ: въ 1347 г. онъ ѣздилъ съ бояриномъ Босоволоковымъ въ Тверь за невѣстой Симеона Гордаго Маріей (третья супруга его), дочерью в. кн. тверскаго Александра Михайловича. По родословнымъ у него значатся дѣти: 1) Семенъ Жеребецъ, родоначальникъ дворянъ: существующихъ Ладыгиныхъ и Коновницыныхъ (впослѣдствіи графы), угасшихъ—Кокоревыхъ и Образцовыхъ; 2) Александръ Елка, родоначальникъ дворянъ: существующихъ Колычевыхъ, Неплюевыхъ и Боборыкиныхъ, — угасшихъ — Хлызневыхъ-Колычевыхъ, Лошаковыхъ-Колычевыхъ и Немятыхъ-Колычевыхъ; 3) Василій Вантей и Ивантей; 4) Гавріилъ Говша и 5) Ѳедоръ Кошка, собственно родоначальникъ Дома Романовыхъ и дворянъ: существующихъ Шереметевыхъ (впослѣдствіи графы), угасшихъ—Голтяевыхъ и Беззубцевыхъ.

П. С. Р. Л. VII, 210; X, 218; *Balthasar Campenhausen*: «Genealog.—chronol. Geschichte des allerdurchl. Hauses Romanow etc.» Leipzig, 1805. *А. Э.*

Кобякъ, *Иванъ*, дворянинъ. Въ августѣ 1506 г. великій князь Василій Іоанновичъ, получивъ извѣстіе о смерти своего зятя, в. кн. литовскаго Александра, отправилъ въ Вильну Кобяка, «сестры своей навѣщать Елены». Въ 1510 г., въ отвѣтъ на посѣщеніе Москвы женой Менгли-Гирея Нурсалтанъ и на посольство послѣдняго, великій князь, отпустивъ Нурсалтанъ въ Казань, «къ (царю казанскому) Магмедъ-Аминю... послалъ посольствомъ Ивана Кобяка».

Полн. собр. р. лѣт. VIII, 301; Соф. Вр., изд. Строев. II, 277—278, 289. *А. Э.*

Ковалевская, *Софья Васильевна*, рожденная Корвинъ-Круковская, род. въ Москвѣ 3 января 1850 г., ум. въ Стокгольмѣ 29 января 1891 г. Отецъ ея, артиллерійскій генералъ-лейтенантъ, по словамъ перваго учителя Ковалевской, І. И. Малевича, былъ свѣдущъ въ математикѣ и желалъ, чтобы и дочь также занималась этимъ предметомъ. Мать ея была внучкой извѣстнаго астронома Шуберта. Родъ же Корвинъ-Круковскихъ, по семейнымъ преданіямъ, происходилъ отъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина, просвѣщеннаго покровителя наукъ; такимъ образомъ любовь ея къ наукамъ была для С. В. Ковалевской какъ бы наслѣдственною. Первые годы ея дѣтства прошли въ Москвѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ няни, а затѣмъ въ Калугѣ, куда по службѣ былъ переведенъ ея отецъ, она начала учиться у гувернантки француженки. Выйдя въ отставку, отецъ ея съ семействомъ поселился въ имѣніи и вскорѣ система образованія дѣтей измѣнилась. Былъ взятъ учитель, І. И. Малевичъ, и англичанка. Малевичъ, хотя и получилъ только среднее образованіе, но былъ опытнымъ педагогомъ. Его десятилѣтнія занятія не пропали даромъ и ему то, по собственнымъ словамъ Ковалевской, она обязана своими первыми серьезными познаніями въ математикѣ. Въ 1868 г. Ковалевская съ сестрой (Анной Васильевной, рано умершей но успѣвшей уже обнаружить недюжинный литературный талантъ) пріѣхала въ Петербургъ. Въ это время въ обществѣ возникло стремленіе къ высшему образованію женщинъ. Ковалевская искренно увлеклась этимъ движеніемъ. Сознавая недостатки своего образованія, она начала усиленныя занятія по математикѣ и брала уроки по аналитической геометріи и дифференціальному счисленію, а затѣмъ рѣшила поступить въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ. Съ выходомъ въ томъ же году (15 сентября 1868 г.) замужъ она получила возможность осуществить свою мечту. Ея мужъ, Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій, впослѣдствіи профессоръ геологіи въ Московскомъ университетѣ, правовѣдъ по образованію, занимался естественными на-

уками и для пополненія своихъ знаній уѣхалъ за-границу, а съ нимъ отправилась и его молодая супруга. Въ лѣтній семестръ 1869 г. она поступила въ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ обратила на себя вниманіе своихъ профессоровъ Кенигсбергера и Кирхгофа. Въ 1870 г. она уѣхала въ Берлинъ и добивалась разрѣшенія поступить въ университетъ къ знаменитому математику Вейерштрассу, но тогда двери этого университета были еще совершенно закрыты для женщинъ. Тогда Ковалевская убѣдила Вейерштрасса заниматься съ ней частнымъ образомъ; съ первыхъ же шаговъ знаменитый ученый призналъ въ своей молодой ученицѣ выдающійся талантъ. Черезъ годъ она представила въ Геттингенскій университетъ три работы, изъ которыхъ одна «О дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными» была тотчасъ же напечатана, какъ докторская диссертація въ журналѣ Крелля «Journal für die reine und angewandte Mathematik» томъ 80, а двѣ другія «О формѣ кольца Сатурна» (Zusätze und Bemerkungen zu Laplace's Untersuchung über die Gestalt der Saturnsringe) въ журналѣ «Astronomische Nachrichten» 1885 г., т. 111, и «Объ Абелевскихъ интегралахъ» (Ueber die Reduction einer bestimmten Klasse Abell'scher Integrale 3-ten Ranges auf elliptische Integrale) въ журналѣ «Acta Mathematica» 1884 г. Всѣ эти работы относятся къ труднѣйшимъ областямъ математики и сразу доставили Ковалевской почетную извѣстность въ ученыхъ кругахъ. Въ 1874 г. она поселилась въ Петербургѣ. Рожденіе въ 1878 г. дочери, размолвки съ мужемъ, истощеніе средствъ—создали въ жизни С. В. Ковалевской періодъ, продолжавшійся до смерти ея мужа въ 1883 г., когда учеными работами она почти не имѣла возможности заниматься. Въ 1883 г. Ковалевская получила приглашеніе читать приватныя лекціи въ Стокгольмскомъ университетѣ. 1 іюля 1884 г. она получила званіе профессора, а съ осени 1885 г. ей поручили каѳедру механики. Въ 1888 г. появился ея главный трудъ «Sur le problème de la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe», увѣнчанный Парижскою академіею наукъ преміей и напечатанный въ «Acta Mathematica» 1889 г. Въ сентябрѣ 1889 г. Ковалевская была возведена въ званіе ординарнаго профессора, а черезъ годъ избрана членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

Кромѣ упомянутыхъ работъ она помѣстила рядъ менѣе важныхъ статей въ журналахъ «Acta Mathematica», «Comptes rendus des seances de l'Académie des sciences de Paris» и друг.

Не чужда она была и литературнымъ занятіямъ. Ея перу принадлежитъ нѣсколько фельетоновъ въ «Новомъ Времени», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а также слѣдующіе труды: «Воспоминанія о Джоржъ Элліотъ» («Русская Мысль», 1886 года, № 6); «Воспоминанія дѣтства» («Вѣстникъ Европы» 1890 г., № 7—8); «Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи» («Сѣверный Вѣстникъ» 1890 г. № 12); драмы «Vae victis» и «Борьба за счастье». Послѣдняя, написанная по шведски совмѣстно съ А. К. Леффлеръ, сестрою стокгольмскаго профессора, заключаетъ много автобіографическихъ чертъ; по русски она вышла въ Кіевѣ въ 1892 г., въ переводѣ М. Лучицкой.

Е. А. Литвинова, «С. В. Ковалевская». (Жизнь замѣч. людей, Ф. Павленкова); «Воспоминанія» І. И. Малевича, «Русск. Стар.» 1890 г., т. 68; Письма и автобіографія С. В. Ковалевской въ «Русск. Стар.» 1891 г., т. 71 и 72; «Истор. Вѣстникъ» 1891 г. и некрологи въ повременныхъ газетахъ.

Ковалевскій, *Владиміръ Онуфріевичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ 1842 г., ум. 16 апрѣля 1883 г. Отецъ его былъ польскій дворянинъ, витебской губерніи, мать русская. Съ девяти до двѣнадцати лѣтъ онъ учился въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Петербурга, Мегина; 12-ти лѣтъ поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія. Черезъ брата своего Александра Онуфріевича, студента физико-математическаго факультета, В. О. Ковалевскій познакомился со многими молодыми людьми, впослѣдствіи составившими себѣ извѣстность въ области естественныхъ наукъ, и пристрастился къ химіи и еще на студенческой скамьѣ сдѣлалъ нѣсколько тогда же напечатанныхъ переводовъ. Въ 1861 г. В. О. Ковалевскій окончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и 17 мая поступилъ на службу въ департаментъ герольдіи Правительствующаго Сената; 30 іюля того же года уѣхалъ по болѣзни въ отпускъ заграницу, посѣтилъ Гейдельбергъ, Парижъ, Ниццу и поселился въ Лондонѣ; онъ занимался въ это время юридическими науками. Увлекшись польскимъ движеніемъ, онъ на нѣкоторое время пріѣзжалъ въ Польшу

и принималъ участіе въ возстаніи, но затѣмъ вернулся въ Лондонъ и снова занялся естественными науками. Въ 1863—1865 гг. В. О. Ковалевскій жилъ въ Петербургѣ и издалъ рядъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, между прочимъ: «Жизнь животныхъ», Брема, «Древность человѣка», Ляйеля, «Гистологія», Келлинера и др. Въ 1866 г. онъ ѣздилъ на театръ австро-прусской войны корреспондентомъ отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». 15 сентября 1868 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Корвинъ-Круковской, которая впослѣдствіи получила извѣстность своими математическими трудами и умерла, занимая мѣсто профессора въ Стокгольмскомъ университетѣ. Послѣ свадьбы Ковалевскіе уѣхали заграницу и провели нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Лозаннѣ, Парижѣ и Лондонѣ. В. О. Ковалевскій занялся спеціально палеонтологіей и собралъ богатые матеріалы, которые затѣмъ обработалъ въ рядѣ мемуаровъ, представленныхъ Лондонскому королевскому обществу, Петербургской Академіи Наукъ, Московскому обществу любителей естествознанія, а такъ же опубликованныхъ въ извѣстномъ сборникѣ Дункера и Циттеля «Palaeontographica». Въ 1875 г. онъ получилъ степень магистра геогнозіи и минералогіи; затѣмъ онъ принялъ мѣсто директора по технической части въ товариществѣ для разработки нефтяныхъ продуктовъ, устроенномъ Рагозинымъ; дѣла товарищества запутались и участіе въ немъ весьма тяготило В. О. Ковалевскаго. Въ 1881 г. онъ былъ утвержденъ профессоромъ по каѳедрѣ геологіи въ Московскомъ университетѣ, съ 1882 года горячо принялся за лекціи и за обработку обширныхъ матеріаловъ о моллюскахъ мѣловой формаціи, но трудъ этотъ остался неоконченнымъ. Въ припадкѣ давно развивавшейся меланхоліи В. О. Ковалевскій покончилъ жизнь самоубійствомъ. Работы его высоко цѣнились такими учеными, какъ Дарвинъ, Гекели; по словамъ проф. Годри Ковалевскій былъ наиболѣе замѣчательнымъ палеонтологомъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ. Изъ трудовъ В. О. Ковалевскаго важнѣйшіе: «Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ изъ группы копытныхъ» (1875), «О границахъ между юрскою и мѣловою формаціями» (1877), «Monographie der Gattung Anthracotherium Cuv. und Versuch einer natürlichen Classification der fossilen Hufthiere» («Palaeontographica», XXII, 1876), мемуаръ въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія», т. XVI, 1875, посвященный описанію формы gelocus Aymardi Kov. и др.

Некрологъ Д. Н. Анучина—въ «Отчетѣ Моск. универс. за 1883 г.» и въ книгѣ «Біографич. словарь профессоровъ и преподав. С.-Пет. универс. 1869—1894 г.».

Ковалевскій, *Евграфъ Петровичъ*, министръ народнаго просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта, президентъ Императорскаго вольно-экономическаго общества, род. въ 1792 г., ум. 18 марта 1867 г. Ковалевскій происходилъ изъ дворянъ харьковской губерніи, образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, что нынѣ Горный институтъ, въ коемъ окончилъ курсъ въ 1810 г., награжденный за выдающіеся успѣхи большою золотою и серебряною медалями. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ практикантомъ на Луганскій литейный заводъ и произведенъ въ берггешвороны; въ 1813 г. онъ былъ назначенъ маркшейдеромъ, а въ 1816 г. перемѣщенъ въ Петербургъ, на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Въ 1817 г. Ковалевскій произведенъ въ оберъ-гиттенферваль теры и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при томъ же департаментѣ, а въ слѣдующемъ году командированъ на Луганскій заводъ «для изысканія средствъ къ скорѣйшему устройству завода»; кромѣ того ему поручено было обозрѣть Бахмутскіе соляные источники. Удачное выполненіе этого порученія дало Ковалевскому чинъ оберъ-бергмейстера и обратило на него вниманіе, какъ на весьма знающаго и энергичнаго человѣка. Съ тѣхъ поръ ему даютъ одно за другимъ отвѣтственныя порученія. Осенью того же 1818 г. онъ назначенъ въ комиссію для ревизіи Уральскихъ заводовъ, а въ 1819 г. командированъ членомъ комиссіи для разслѣдованія безпорядковъ и упущеній на Гороблагодатскихъ заводахъ. За успѣшныя работы по послѣдней комиссіи Ковалевскій получилъ въ 1820 г. орденъ св. Анны 2-й степени; немного позже онъ былъ произведенъ въ берггауптманы 6-го класса. Вслѣдъ затѣмъ, командированный на Златоустовскій заводъ для изслѣдованія дѣйствій тамошняго начальства, онъ не только разобралъ совершившіяся злоупотребленія, но и на будущее время прочно обезпечилъ административный порядокъ, на основаніи данной ему

инструкціи. Въ мартѣ 1822 г. Ковалевскій вернулся въ Петербургъ и приступилъ къ исполненію обязанностей начальника чертежной при департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ; на эту должность онъ былъ назначенъ еще во время пребыванія своего въ Златоустѣ, съ 3 февраля 1821 г.; 30 ноября 1822 г. ему, кромѣ чергежной, поручено еще управленіе монетнымъ отдѣленіемъ; 5-го мая 1823 г. онъ произведенъ въ оберъ-берггауптманы 5 класса; 25-го мая того же года онъ, не оставляя прежнихъ обязанностей, назначенъ инспекторомъ классовъ въ Горномъ корпусѣ. 9-го февраля 1824 г. Ковалевскій былъ командированъ въ Москву для переосвидѣтельствованія оружія, доставленнаго Златоустовскимъ заводомъ въ Московскій арсеналъ и оказавшагося неисправнымъ. Окончивъ это порученіе «съ весьма значительною выгодою для казны», онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ его ожидалъ рядъ новыхъ назначеній: 30 сентября 1824 г. онъ назначенъ членомъ комитета по устройству горныхъ заводовъ; 15 марта 1825 г.—членомъ комитета для изданія «Горнаго Журнала»; 15 апрѣля того же года — членомъ комиссіи для постройки Александровскаго литейнаго завода въ Петербургѣ; 13 мая того же года поручено ему исправленіе должности директора департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Въ новое царствованіе Ковалевскій двинулся по службѣ еще быстрѣе: 31-го декабря 1825 г. ему пожалованы алмазные знаки св. Анны 2-й степени, а 19 апрѣля 1826 г. онъ назначенъ командиромъ Горнаго корпуса, съ оставленіемъ членомъ Горнаго совѣта. Въ томъ же году онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, а затѣмъ былъ командированъ, въ качествѣ берг-инспектора, на Луганскій заводъ, для реорганизаціи его. Горный корпусъ подъ его начальствомъ былъ приведенъ въ образцовый порядокъ, въ чемъ Императоръ Николай убѣдился лично и выразилъ Ковалевскому свое благоволеніе и особую благодарность въ 1829 г. Въ томъ же году Ковалевскій произведенъ въ оберъ-берггауптманы 4-го класса, а 8 мая 1830 г. назначенъ томскимъ губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ. Свыше четырехъ лѣтъ Ковалевскій оставался на этомъ посту и выказалъ замѣчательную распорядительность, умѣло улаживая столкновенія крестьянъ съ администраціей, упорядочилъ поступленіе въ казну податей и заботился о разработкѣ новыхъ пріисковъ; сверхъ того, въ 1834 г., онъ временно исполнялъ обязанности предсѣдателя въ совѣтѣ главнаго управленія Западной Сибири, вслѣдствіе отсутствія генералъ-губернатора. За время службы въ Томскѣ онъ получилъ слѣдующія награды: 20 февраля 1831 г.—Высочайшее благоволеніе, 1 апрѣля того же года—орденъ св. Станислава 2-й степени, 1-го августа того же года—орденъ св. Станислава 1-й степени, 27 января 1833 г. — вмѣсто аренды по 1,500 р. въ годъ на 12 лѣтъ, 16 мая и 20 октября того же года дважды объявлено ему Высочайшее удовольствіе, 7 апрѣля 1835 г.—награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Кромѣ того 26 января 1834 г. онъ переведенъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ, съ переименованіемъ въ генералъ-маіоры. 29 ноября 1835 г. Ковалевскій, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы въ Сибири и переведенъ въ Петербургъ членомъ совѣта и ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ, а 18 апрѣля 1837 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и назначенъ директоромъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ. 28-го мая 1837 г. онъ назначенъ членомъ горнаго аудиторіата и временно исполнялъ должность предсѣдателя въ немъ, а 4 іюня назначенъ членомъ мануфактурнаго совѣта; кромѣ того неоднократно на него возлагалось исправленіе должности управляющаго штабомъ корпуса горныхъ инженеровъ. 1 января 1843 г. Ковалевскій пожалованъ въ тайные совѣтники и поручено ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, сперва по 4-му департаменту, затѣмъ по 2-му (съ 19 сентября 1846 г.), по межевому (съ 12 января 1849 г.), по 1-му (съ 3 января 1850 г.), а 3 января 1856 г. онъ назначенъ первоприсутствующимъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента. За это время Ковалевскій неоднократно удостоивался Высочайшаго благоволенія и получилъ ордена: Бѣлаго Орла (въ 1849 г.) и Александра Невскаго (1856 г.), а въ 1851 г. ему продолжена была аренда на 6 лѣтъ. Новое царствованіе призвало Ковалевскаго на новое поприще. Онъ пользовался извѣстностью, какъ весьма образованный, гуманный и тактичный администраторъ, и Императоръ Александръ II надѣялся найдти въ немъ надлежащаго исполнителя своихъ

предначертаній по реформѣ образованія. 15 апрѣля 1856 г. Ковалевскій былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. При новомъ попечителѣ Московскій университетъ вздохнулъ свободно послѣ тяжелаго времени, наступившаго въ 1848 г.: Ковалевскій немедленно же отмѣнилъ всѣ стѣсненія преподаванія, вызванныя опасеніями по поводу февральской революціи, и предоставилъ университету значительную автономію во внутреннихъ его дѣлахъ. Между тѣмъ нерѣшительность министра народнаго просвѣщенія Норова побудила Государя ввѣрить эту отрасль управленія другому лицу, которое съ большею энергіей могло бы поставить въ нормальныя условія дѣло образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ упорядочить отношенія между печатью и цензурою, которая тогда была также въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія. Выборъ Императора остановился на Ковалевскомъ и 23 марта 1858 г. онъ былъ назначенъ министромъ. Немедленно поручилъ онъ Никитенкѣ выработать новый цензурный уставъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ измѣнять строй Петербургскаго университета на началахъ внутренней автономіи и развитія студенческихъ корпорацій. И печать, и студенчество злоупотребили тою свободой, которую хотѣлъ обезпечить за ними Ковалевскій, и сами дали противникамъ реформъ сильное орудіе противъ либеральнаго направленія новаго министра. Выходки прессы и волненія среди студентовъ склонили и самаго Государя къ мысли о необходимости оставить въ рукахъ администраціи детальный контроль надъ печатью и университетами. Ковалевскій, не раздѣляя этого мнѣнія и не имѣя силъ отстоять свою точку зрѣнія отъ нападокъ противниковъ, подалъ въ отставку послѣ того, какъ представленный имъ проектъ новаго цензурнаго устава былъ отвергнутъ. 28 іюня 1861 г. былъ по прошенію уволенъ отъ должности министра и постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ, впрочемъ не надолго, гр. Е. В. Путятинъ. Послѣдніе годы жизни Ковалевскій былъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту государственной экономіи, а въ 1862 г. былъ выбранъ въ президенты Вольно-экономическаго Общества. Кромѣ того, съ 8 февраля 1858 г. онъ состоялъ членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, присутствуя сначала въ Московскомъ отдѣленіи, а затѣмъ (съ 29 марта 1858 г.) — въ Петербургскомъ главномъ совѣтѣ. Со времени назначенія попечителемъ московскаго округа Ковалевскій получилъ слѣдующія награды: 12 ноября 1856 г. ему повышена аренда съ 1,500 р. на 2,000 р. и продолжена на 6 лѣтъ, 1 января 1858 г. пожалованы брилліантовые знаки на орденъ св. Александра Невскаго, 12 апрѣля 1859 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 8 августа 1860 г. удостоенъ Высочайшаго рескрипта (по случаю 50-лѣтія службы) тогда же ему дарована на 12 лѣтъ аренда въ 5,000 руб. и 28 іюня 1861 г. (при отставкѣ) получилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени. Ковалевскій былъ почетнымъ членомъ слѣдующихъ учрежденій: Харьковскаго университета (съ 1 іюля 1839 г.), Географическаго Общества (дѣйствительный членъ съ 1849 г.), Академіи Наукъ (съ 31 декабря 1856 г.), Московскаго общества исторіи и древностей (съ 18 іюля 1857 г. — вице-президентъ), Императорской Публичной Библіотеки (съ 5 мая 1858 г.), Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 14 октября 1858 г.), Виленской археографической комиссіи (дѣйствительный членъ съ 11 декабря 1858 г.), Эстляндскаго литературнаго общества (съ 11 марта 1859 г.), Курляндскаго исторіи и искусствъ (съ 18 марта 1859 г.), Комитета для всенароднаго распространенія грамотности (съ 28 іюля 1859 г.), Общества исторіи и древностей остзейскаго края (съ 6 декабря 1859 г.), Московскаго общества сельскаго хозяйства (съ 27 ноября 1860 г.). — Ковалевскій выступалъ и какъ писатель: въ 1829 г. онъ напечаталъ «Геогностическое обозрѣніе Донецкаго горнаго кряжа»; затѣмъ въ 1867 г. появились въ «Вѣстникѣ Европы» его «Очерки этнографіи Кавказа» — отрывокъ изъ задуманнаго имъ обширнаго труда «О народахъ, живущихъ и нынѣ живущихъ въ Россіи». Трудъ этотъ такъ и остался невыполненнымъ. — Ковалевскій былъ женатъ на Аннѣ Степановнѣ Колосовой.

Формуляръ Е. П. Ковалевскаго изъ дѣла архива Мин. Народ. Пр. № 130,578; А. Мюнстеръ, «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», т. I, Спб., 1865; Геннади, «Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ 1866 г.» въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 г. № 12, стр. 2,012; Лоранскій, «Историческій очеркъ Горнаго Института». Спб., 1873; Мѣсяцесловъ Академіи Наукъ на 1868 г.; Джаншіевъ, «Изъ эпохи великихъ реформъ»; П. Семеновъ, «Полувѣковая дѣятельность Импер. Русскаго Географическаго Общества», т. I, стр. 4. Никитенко, «Записки и Дневникъ», т. II.

Ковалевскій, *Егоръ Петровичъ*, братъ предъидущаго, писатель, путешественникъ, директоръ азіатскаго департамента, сенаторъ, предсѣдатель общества для пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ, род. въ 1811 г., ум. 21 сентября 1868 г. Окончивъ въ 1828 г. курсъ въ Харьковскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Ковалевскій поступилъ на службу въ департаментъ горныхъ дѣлъ, но уже въ слѣдующемъ году уѣхалъ, по приглашенію старшаго брата, въ Сибирь, гдѣ занялъ должность правителя дѣлъ въ канцеляріи начальника алтайскихъ заводовъ. Затѣмъ онъ перешелъ на мѣсто смотрителя золотыхъ промысловъ въ Екатеринбургскомъ округѣ, гдѣ еще прежде занимался открытіемъ золотыхъ пріисковъ для казны, а въ 1836 г., когда все горное вѣдомство преобразовано было на военный ладъ, переименованъ въ капитаны. Энергично исполняя свои служебныя обязанности, Ковалевскій въ то же время напечаталъ рядъ изслѣдованій въ «Горномъ Журналѣ», и пріобрѣлъ репутацію многообѣщающаго молодаго человѣка. Въ 1837 г. владыка черногорскій, Петръ Негошъ, извѣстный просвѣтитель своей страны, просилъ у русскаго правительства опытнаго инженера для изслѣдованія природныхъ богатствъ Черногоріи. Какъ разъ въ это время Ковалевскій пріѣхалъ въ Петербургъ съ партіей казеннаго золота, и министерство иностранныхъ дѣлъ командировало его въ Черногорію. Тутъ Ковалевскому, помимо исполненія даннаго ему порученія, пришлось вмѣшаться въ столкновенія черногорцевъ съ австрійцами: онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ пограничныхъ стычкахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ превосходными дипломатическими совѣтами способствовалъ возстановленію согласія между воюющими. Понимая, что такимъ образомъ онъ превысилъ свои полномочія и опасаясь строгой кары за то, Ковалевскій, возвратясь въ Петербургъ, подалъ Государю, по совѣту кн. А. М. Горчакова, подробную записку о своихъ дѣйствіяхъ въ Черногоріи. Императоръ Николай вполнѣ одобрилъ его поступки, написавъ на поляхъ: «Le capitaine Kowalewsky a agi en vrai russe». Съ этихъ поръ Ковалевскому стали давать дипломатическія порученія, преимущественно въ славянскихъ земляхъ и на Востокѣ. Исполняя ихъ, онъ всегда пользовался случаемъ произвести изслѣдованія географическаго, этнографическаго и экономическаго характера. 17 марта 1839 г. онъ былъ отправленъ въ Бухару, но, не имѣя возможности проникнуть въ это ханство, онъ примкнулъ къ хивинской экспедиціи гр. Перовскаго и участвовалъ въ трудной и опасной оборонѣ Акбулакскаго укрѣпленія. Въ 1846 г. онъ сопровождалъ на Уралъ египетскихъ инженеровъ, присланныхъ въ Россію Мегметомъ-Али для изученія горнаго дѣла, а въ 1847 г. самъ ѣздилъ въ Египетъ для устройства тамъ золотыхъ промысловъ. Этою поѣздкой онъ воспользовался, чтобы оказать услуги молодому Русскому географическому обществу, въ члены котораго только что былъ избранъ: по его просьбѣ общество командировало съ нимъ Ценковскаго и они произвели рядъ географическихъ и геологическихъ изысканій въ долинѣ Нила. Отчетъ объ этихъ работахъ былъ помѣщенъ въ «Запискахъ» Географическаго общества (кн. 4-я). Самъ Ковалевскій совершилъ путешествіе внутрь Африки для опредѣленія верховьевъ Нила и побывалъ въ Абиссиніи. Плодомъ этой экспедиціи была книга: «Путешествіе во внутреннюю Африку» (Спб. 1849). Въ 1849 г. Ковалевскій сопровождалъ русскую духовную миссію въ Пекинъ. Въ іюлѣ 1850 г. онъ вернулся въ Кяхту, а черезъ полгода снова двинулся въ Китай съ торговымъ караваномъ по новому пути, который прежде былъ закрытъ для русскихъ купцовъ и разрѣшенъ былъ китайскимъ правительствомъ только по настояніямъ Ковалевскаго. Прежде наши караваны ходили по едва доступнымъ аргалинскимъ пескамъ, и открытіе новаго и удобнаго «купеческаго тракта» обезпечило дальнѣйшее развитіе русско-китайскихъ торговыхъ сношеній. Еще важнѣе былъ заключенный при участіи Ковалевскаго въ 1851 г. Кульджинскій трактатъ, открывшій для русскихъ купцовъ западный Китай и давшій намъ два пункта для факторій Кульджу и Чугучанъ. Этотъ же трактатъ служилъ основаніемъ при всѣхъ дальнѣйшихъ исправленіяхъ русско-китайской границы и обезпечилъ поступательное движеніе русскихъ въ Заилійскомъ краѣ. Въ томъ же году Ковалевскій вернулся въ Петербургъ, и Государь, довольный достигнутыми имъ въ Китаѣ результатами, пожаловалъ ему 600 руб. пожизненной пенсіи; впослѣдствіи Императоръ Александръ II повысилъ эту

пенсію до 2,000 р. Въ 1853 г., по случаю нападенія Омера-паши на Черногорію, Ковалевскій отправленъ былъ туда русскимъ комиссаромъ и за удачныя дѣйствія получилъ отъ Государя табакерку. По возвращеніи изъ Черногоріи, Ковалевскій пробылъ въ Петербургѣ всего 4 мѣсяца и въ ноябрѣ 1853 г. отправился на Дунай въ армію кн. М. Д. Горчакова; состоя въ штабѣ главнокомандующаго, онъ участвовалъ въ отступленіи арміи съ Дуная и въ оборонѣ Севастополя до Инкерманскаго дѣла, послѣ котораго вернулся въ Петербургъ. Въ іюнѣ 1856 г. вновь назначенный министръ иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчаковъ поручилъ Ковалевскому управленіе азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и этимъ назначеніемъ окончилась дѣятельность Ковалевскаго, какъ «странствователя по сушѣ и морямъ» (заглавіе одной изъ его книгъ), полу-дипломата, полу-юриста; онъ становится вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ и поселяется окончательно въ Петербургѣ. Въ трудное время сталъ Ковалевскій директоромъ азіатскаго департамента: несчастная Крымская кампанія и Парижскій миръ сильно подорвали обаяніе и вѣсъ, какими пользовалась дотолѣ Россія на Востокѣ и особенно среди славянъ. Ковалевскому принадлежитъ несомнѣнная и громадная заслуга, что въ это тяжелое время онъ съумѣлъ поддержать престижъ русскаго имени среди восточныхъ и азіатскихъ племенъ и тѣмъ значительно ослабилъ моральное значеніе Парижскаго мира въ международныхъ отношеніяхъ. И на Дальнемъ Востокѣ Ковалевскій съ честью руководилъ русскою политикой: основанія Айгунскаго трактата съ Китаемъ подготовлены были имъ съ такимъ предвидѣніемъ всѣхъ возраженій и знаніемъ дѣла, что заключеніе трактата было значительно облегчено и самое существованіе его упрочено. За эту заслугу Ковалевскій получилъ въ 1860 г. 3,000 десятинъ земли въ самарской губерніи. Лучшему ознакомленію нашему съ Азіей и упроченію нашего положенія тамъ способствовали и экспедиціи Географическаго общества, въ которомъ Ковалевскій былъ помощникомъ предсѣдателя съ 1857 по 1865 г. Особенно замѣчательна экспедиція въ Кашгаръ, снаряженная по его мысли и плану. Въ 1861 г. Ковалевскій былъ уволенъ отъ должности директора азіатскаго департамента и назначенъ сенаторомъ. Одною служебною дѣятельностью Ковалевскаго, хотя и видною, далеко не исчерпывается его значеніе. Современники его свидѣтельствуютъ, что онъ былъ важенъ своею всестороннею и необычайно чуткою отзывчивостью: «не было такого честнаго стремленія на Руси, говоритъ Анненковъ, такого добросовѣстнаго труда и такого свѣтлаго начинанія, которыхъ бы онъ не понялъ или не зналъ, къ которымъ бы остался холоденъ и равнодушенъ». Никогда не замыкаясь въ бюрократическій формализмъ и поддерживая живое общеніе съ общественными насущными интересами, Ковалевскій всегда пользовался своимъ вліяніемъ и служебнымъ положеніемъ для поддержки всего разумнаго, хотя бы это и не имѣло ровно никакого отношенія къ его прямымъ обязанностямъ. Онъ былъ не только администраторомъ, но и истиннымъ членомъ общества, остро чувствовалъ всѣ болѣзни его и страстно стремился къ ихъ уврачеванію, не пренебрегая ни однимъ изъ орудій общественнаго перевоспитанія. Эта впечатлительность съ юныхъ лѣтъ натолкнула Ковалевскаго на путь литературы, которая была для него не развлеченіемъ, а серьезнымъ дѣломъ, однимъ изъ видовъ общественнаго служенія. Писательскую дѣятельность онъ началъ поэтическими попытками: въ 1832 г. онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній «Думы о Сибири» и трагедію въ 5 дѣйствіяхъ «Марѳа Посадница». Но скоро, убѣдившись въ отсутствіи у себя поэтическаго дара, взялся за прозу, обрабатывая преимущественно матеріалъ, собранный въ путешествіяхъ. Таковы его книги: «Четыре мѣсяца въ Черногоріи» (Спб. 1843 г.; въ ней чувствуется подражаніе литературной манерѣ Бестужева-Марлинскаго), «Странствователь по сушѣ и морямъ» (Спб., 1843 г.), «Путешествіе во внутреннюю Аѳрику» (Спб., 1849 г.), «Путешествіе въ Китай» (Спб., 1853 г.). Но лучшая изъ его книгъ — это безусловно его историческая монографія: «Графъ Блудовъ и его время» (Спб. 1866 г.), обнаружившая мастерство изложенія и характеристикъ, широкое историческое міросозерцаніе и необыкновенно пристальное изученіе фактовъ. Ковалевскій успѣлъ напечатать только первый томъ этого труда. Смерть помѣшала ему обработать обширный матеріалъ, собранный для второго тома. Матеріалы, собранные Ковалевскимъ во время Крымской кампаніи и пополнен-

ные послѣдующими изысканіями, послужили основаніемъ для изслѣдованія «Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 гг.» (Спб., 1866 г.). Кромѣ того въ различныхъ журналахъ Ковалевскій помѣстилъ рядъ беллетрическихъ произведеній, по большей части подъ псевдонимами: Нилъ Безымянный и Е. Горевъ. Подъ конецъ жизни Ковалевскій занялся исторіей Россіи въ XIX в. и готовилъ обширный трудъ по этому предмету; отрывокъ изъ этой работы подъ названіемъ «Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ» помѣщенъ былъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1868 г., кн. III. Въ 1859 г. Ковалевскій примкнулъ къ группѣ лицъ, проектировавшихъ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и когда основалось это общество (Литературный Фондъ), онъ былъ избранъ въ предсѣдатели. Оставаясь на этомъ посту до самой смерти, Ковалевскій былъ его душою и достойнымъ представителемъ предъ властями и публикою. Теплая привязанность къ этому учрежденію была основана у Ковалевскаго на признаніи за людьми науки и искусства высокаго и важнаго значенія въ государственной жизни.

П. В. Анненковъ, «Воспоминанія и критическіе очерки», т. I, Спб., 1877; «Отчетъ Имп. Географ. Общества за 1868 г.»; «XXV лѣтъ» (сборникъ Литературнаго Фонда).—Некрологи въ различныхъ газетахъ и журналахъ 1868 г.; Геннади—ст. въ «Русск. Арх.», 1870 г., № 11, стр. 20.

Ковалевскій, *Михаилъ Евграфовичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ 1829 г., ум. 31 января 1884 г., сынъ Евграфа Петровича; воспитывался въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія и по окончаніи курса въ немъ въ 1849 г., поступилъ на службу въ Сенатъ. Послѣ непродолжительнаго участія въ ревизіи Западной Сибири, порученной генералъ-адъютанту Анненкову, Ковалевскій въ 1855 г. былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя перваго департамента петербургской палаты гражданскаго суда, а затѣмъ въ 1857 г. избранъ дворянствомъ въ предсѣдатели перваго департамента петербургской палаты уголовнаго суда. Въ 1862 г. Ковалевскій снова вступилъ въ Сенатъ и былъ оберъ-прокуроромъ департаментовъ: пятаго и четвертаго; со введеніемъ же судебной реформы въ апрѣлѣ 1866 г. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго, а вслѣдъ за тѣмъ и общаго собранія перваго и кассаціоннаго департаментовъ. Въ 1870 г. Ковалевскій былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1878 г. первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и въ этомъ званіи состоялъ членомъ верховнаго уголовнаго суда надъ государственнымъ преступникомъ Соловьевымъ, виновнымъ въ покушеніи на жизнь Государя Императора Александра Николаевича. По Высочайшему повелѣнію 11 августа 1880 г. ему была поручена ревизія сначала Казанской, а потомъ Уфимской губерніи. 17 января 1881 г. онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Перечисленныя должности, кои постепенно занималъ Ковалевскій, не только указываютъ на пройденное имъ поприще, но вмѣстѣ съ тѣмъ осязательно выражаютъ главную черту его нравственнаго характера. Живя въ такую эпоху, когда обиліе государственныхъ реформъ при немногочисленности выдававшихся по способностямъ и образованію людей открывало имъ широкую возможность съ выгодами переходить отъ одного рода службы къ другому, Ковалевскій, слѣдуя влеченію своей цѣльной натуры, въ противоположность большинству своихъ товарищей, неизмѣнно остался вѣренъ одной и той же карьерѣ, не только потому, что его воспитаніе его къ тому приготовило, но въ особенности потому, что судебная служба приходилась ему по душѣ, душѣ правдивой, твердой, нелицемѣрной. Прослуживъ въ отживавшихъ тогда свой вѣкъ губернскихъ учрежденіяхъ, убѣдясь собственнымъ опытомъ въ неудовлетворительности ихъ устройства, Ковалевскій съ радостью встрѣтилъ появленіе судебнаго преобразованія. 20 октября 1864 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи, учрежденной при Государственной Канцеляріи, для написанія новыхъ законоположеній, принималъ живое и дѣятельное въ трудѣ этомъ участіе, а вслѣдъ за обнародованіемъ судебныхъ уставовъ не замедлилъ вступить въ уголовный кассаціонный департаментъ, содѣйствуя всѣми силами къ проведенію, преисполненному подъ часъ препятствіями, въ народную жизнь порядковъ, для нея по новизнѣ, по иноземности происхожденія, трудно примѣнимыхъ, медленно постижимыхъ. Съ отличавшимъ Ковалевскаго прямымъ, здравымъ смысломъ, отнюдь не преклоняясь предъ

отвлеченными авторитетами, онъ въ трудахъ своихъ неизмѣнно старался сблизить суровость письменнаго слова съ снисходительностью, на которую имѣетъ право все живое. Такія душевныя свойства были драгоцѣнны для государственнаго дѣятеля послѣднихъ годовъ омраченнаго разгаромъ политическихъ страстей царствованія Императора Александра II, который назначилъ Ковалевскаго членомъ предсѣдательствуемой графомъ Лорисъ-Меликовымъ верховной коммиссіи, а за тѣмъ поручилъ ему ревизію двухъ губерній. Ревизія эта должна была дать матеріалы для изученія необходимыхъ въ строѣ губернскаго управленія измѣненій, но на долю Ковалевскаго выпало еще разслѣдованіе злоупотребленій, допущенныхъ при раздачѣ казенныхъ земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ.

При открытіи перваго послѣ смерти Ковалевскаго засѣданія Государственнаго Совѣта, предсѣдатель департамента законовъ баронъ Николаи превосходно оцѣнилъ его личность: «Въ лицѣ покойнаго, сказалъ баронъ Николаи, служба Государева лишилась одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей, а Россія одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ своихъ; свѣтлый умъ почившаго, его многостороннія знанія, теплая преданность долгу и безусловная искренность убѣжденій даютъ особое право оплакиваемому государственному дѣятелю на выдающееся значеніе».

Некрологъ въ «Журналѣ уголовнаго и гражданскаго права» (1884 г., № 3), Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ» (1896 г.); «Русская Старина», 1884 г., № 3-й и «Русскій Архивъ», 1884 г., № 3-й.

Ковалевскій, *Осипъ Михайловичъ*, монголистъ, род. въ 1800 г. въ Гроднѣ, ум. въ октябрѣ 1878 г. Послѣ окончаніи курса въ гимназіи поступилъ въ Виленскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, избравъ своею спеціальностію древніе языки и классическую литературу. По окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата на 20-мъ году, Ковалевскій продолжалъ занятія при университетѣ по избранной спеціальности и напечаталъ нѣсколько трудовъ на польскомъ языкѣ въ мѣстныхъ изданіяхъ: въ «Виленскомъ Дневникѣ» въ 1832 г. появился его трудъ о греческомъ риторѣ Лонгинѣ, а потомъ польскій переводъ сочиненія этого автора «О высокомъ». Отдѣльно изданы въ 1823 г. Овидіевы «Метаморфозы». Когда послѣдовало закрытіе Виленскаго университета, Ковалевскій, вмѣстѣ съ другими тремя лицами, былъ отправленъ въ Казань, гдѣ былъ опредѣленъ комнатнымъ надзирателемъ при студентахъ университета. Въ то же время былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ изучать восточные языки (1824 г.), чѣмъ Ковалевскій и воспользовался. Подъ руководствомъ Эрдмана, Хальфина, а послѣ и Казембека, онъ сталъ знакомиться съ языками арабскимъ, персидскимъ и татарскимъ. Затѣмъ ему было предложено заняться монгольскимъ языкомъ; а такъ какъ языкъ этотъ у насъ тогда не преподавался, никакихъ пособій не имѣлось, то для изученія его Ковалевскій отправился въ Забайкалье (въ 1827 году). Получивъ предварительныя свѣдѣнія въ языкѣ у Игумнова въ Иркутскѣ, Ковалевскій долго путешествовалъ среди бурятъ и тунгусовъ, посѣтилъ Ургу, и въ 1830 г. былъ отправленъ съ духовною миссіей въ Пекинъ, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Всего это путешествіе продолжалось пять лѣтъ и въ теченіе его Ковалевскій собралъ много рукописей. Въ 1833 г., съ одобренія Академіи Наукъ, Ковалевскій былъ опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ монгольскаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Прежде всего онъ поспѣшилъ издать пособія для своихъ слушателей. Въ 1835 г. онъ напечаталъ «Краткую грамматику монгольскаго языка», въ 1836—«Монгольскую хрестоматію» и приступилъ къ составленію капитальнаго труда: «Монголо-русско-французскаго словаря», который вышелъ въ трехъ томахъ (in 4°, Казань, 1845—1849) и который, по полнотѣ и обстоятельности, является единственнымъ и до настоящаго времени. Академія Наукъ увѣнчала этотъ трудъ Демидовскою премією и избрала Ковалевскаго въ число членовъ-корреспондентовъ. Кромѣ того онъ напечаталъ нѣсколько мелкихъ статей: «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ» (Казань, 1842), о Киданяхъ (въ «Журн. мин. нар. пр.»), написалъ на монгольскомъ языкѣ брошюру о прививтіи оспы; много его еще неизданныхъ трудовъ погибло во время пожара въ 1863 г. Ковалевскій вскорѣ по вступленіи въ университетъ былъ произведенъ въ экстраординарные, а потомъ и въ ординарные профессора, а въ 1845 г. назначенъ директоромъ 2-й гимназіи и училищъ казанской губерніи. Въ 1855 г. въ Казанскомъ университетѣ закрылось

восточное отдѣленіе, но Ковалевскій остался при университетѣ въ должности ректора и исполнялъ ее до 1860 г., когда былъ причисленъ къ министерству; въ 1862 г. онъ поступилъ въ Главную школу въ Варшавѣ ординарнымъ профессоромъ и деканомъ историко-филологическаго факультета. Съ преобразованіемъ Главной школы въ университетъ (1869), Ковалевскій сохранилъ эту должность до конца жизни. Читалъ онъ всеобщую исторію по Шульгину. Въ маѣ 1878 г. праздновался 50-лѣтній юбилей его службы, а въ октябрѣ того же года Ковалевскій скончался на каѳедрѣ.

Н. Веселовскій.

Ковалевскій, *Петръ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ. Род. въ 1808 г., ум. 21 сентября 1855 г. Происходилъ изъ дворянъ харьковской губерніи; образованіе получилъ въ с.-петербургскомъ артиллерійскомъ училищѣ, и въ офицерскихъ классахъ, которые тогда соотвѣтствовали нынѣшней Михайловской артиллерійской академіи; по окончаніи этого курса переведенъ былъ въ гвардейскую артиллерію. Въ турецкую войну 1828 — 1829 г. онъ сдѣлалъ три кампаніи съ ракетной ротой и участвовалъ во взятіи крѣпости Варны, при устройствѣ ген.-ад. Шильдеромъ моста чрезъ Дунай въ сраженіи подъ крѣпостью Силистріей и въ переходѣ чрезъ Балканы. Съ 1833 по 1837 г. онъ былъ помощникомъ ген.-ад. Шильдера при опытахъ надъ дѣйствіемъ конгреговыхъ ракетъ противъ укрѣпленій и земляныхъ насыпей, и затѣмъ при опытахъ надъ регулированными и шрапнелевыми гранатами, производившихся подъ руководствомъ ген.-ад. Сумарокова. Производя въ то же время самостоятельно и на собственныя средства опыты надъ артиллерійскими снарядами, Ковалевскій изобрѣлъ особую гранатную трубку. Заинтересовавшись исторіей и современнымъ торгово-экономическимъ состояніемъ Средней Азіи, Ковалевскій составилъ двѣ записки—объ образованіи на границѣ Сибири особаго края для развитія торговли Россіи съ Средней Азіей; записки эти были поданы тогдашнему генералъ-губернатору Сибири князю Горчакову и не остались безъ вліянія на послѣдующія мѣропріятія въ этомъ краѣ.

Съ 1843 г., когда Ковалевскій былъ назначенъ командиромъ 20-й артиллерійской бригады, онъ постоянно участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и послѣдніе три года былъ начальникомъ праваго фланга кавказской линіи. Въ войну 1853—1855 гг. онъ удачно защищалъ Ахалцыхъ, разбилъ турокъ подъ Суфлисомъ (1853 г.), осаждалъ Ардаганъ (1855 г.) и командовалъ частью главныхъ силъ кавказской арміи, при штурмѣ Карса 17-го сентября 1855 г.; при этомъ штурмѣ онъ получилъ рану, отъ которой и умеръ.

К. Л. Н., «Изъ записокъ и воспоминаній о походѣ въ Азіатскую Турцію въ 1855 г.»—«Военный Сборникъ» за 1868 г., № 6.

Коваленскій (назывался также Ковалѣнскій и Ковалинскій), *Михаилъ Ивановичъ*, кураторъ Московскаго университета, писатель, род. въ 1757 г., ум. въ 1807 г. Уроженецъ Малороссіи, харьковской губерніи, ученикъ извѣстнаго малороссійскаго философа-мистика Сковороды, затѣмъ наставникъ и спутникъ графа Ал. К. Разумовскаго во время его путешествія заграницей, онъ довершилъ свое образованіе въ Страсбургскомъ университетѣ и по своему времени былъ очень образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ, хорошо знавшимъ латинскій и новые европейскіе языки. При Екатеринѣ II онъ состоялъ, будучи въ чинѣ генералъ-майора, правителемъ рязанскаго намѣстничества. Императоръ Павелъ Петровичъ назначилъ его въ 1801 г. куратором Московскаго университета и въ этой должности онъ пробылъ до 1804 г.; послѣдніе годы жизни провелъ въ отставкѣ въ своемъ имѣніи.

Главное сочиненіе Коваленскаго—«Житіе Г. С. Сковороды», написано было еще въ 1796 г., но напечатано впервые только чрезъ 90 лѣтъ въ журналѣ «Кіевская Старина», 1886 г., № 9 и затѣмъ перепечатано въ «Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества», т. VII (1894 г.). Это произведеніе Коваленскаго—любопытный литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка. Оно отличается легкимъ литературнымъ стилемъ, ясностью и послѣдовательностью изложенія, искренностью и добродушіемъ, полно многочисленными подробностями тогдашняго малороссійскаго быта; оно характерно для опредѣленія воззрѣній и самого автора и въ то-же время является единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ для біографіи Сковороды. Хотя въ печати «Житіе» появилось только въ

1886 г., но еще въ 1823 г. имъ воспользовался для своей статьи о Сковородѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» И. Снегиревъ; затѣмъ архим. Гавріилъ для своей «Исторіи философіи» (1840 г.), Аскоченскій — въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1855 г. и болѣе всѣхъ другихъ Г. П. Данилевскій; его біографія Сковороды, напечатанная въ «Основѣ» за 1862 г., № 8 и 9, основана, главнымъ образомъ, на «Житіи» Коваленскаго. Въ упомянутомъ «Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества» помѣщены «77 писемъ Сковороды къ Коваленскому» на латинскомъ языкѣ (на русскомъ языкѣ всего два или три), а въ трудѣ Г. П. Данилевскаго находимъ и письма Коваленскаго къ своему другу-учителю, довольно любопытныя для характеристики автора. Кромѣ «Житія», Коваленскому принадлежатъ еще слѣдующія произведенія: «Ода на новый 1774 годъ Екатеринѣ II» (Спб., 1774 г.), «Ода на день рожденія Екатерины II, 21 апрѣля 1774 г.», и «Записка Христины, королевы шведской, съ примѣчаніями Д'Аламбера», переводъ съ французскаго (1774 г.).

Шевыревъ, «Исторія московскаго университета»; предисловія къ изданіямъ «Житія».

Ковальскій, *Маріанъ Альбертовичъ*, профессоръ Казанскаго университета, род. 3 августа 1821 г. въ г. Добржинѣ, ум. 28 мая 1884 г. въ Казани. Родомъ изъ дворянъ плоцкой губерніи, въ 1840 г. окончилъ курсъ въ плоцкой гимназіи и въ 1841 г. поступилъ на математическій факультетъ (тогда второе отдѣленіе философскаго факультета) Петербургскаго университета, въ 1845 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата, получилъ золотую медаль за сочиненіе «Принципы механики»; въ 1847 г. защитилъ на степень магистра диссертацію «О возмущеніяхъ въ движеніи кометъ», которая осталась въ рукописи. Въ 1847 же году Ковальскій былъ назначенъ астрономомъ въ ученую экспедицію, отправленную для изслѣдованія сѣвернаго Урала; результаты замѣчательно точныхъ наблюденій, совершенныхъ имъ въ этой экспедиціи за два года времени, напечатаны были имъ въ первомъ томѣ сочиненія «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой», изданномъ Географическимъ Обществомъ въ 1853 г. на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; плодомъ наблюденій, произведенныхъ въ эту же поѣздку, явилась еще статья «Изслѣдованіе взаимнаго дѣйствія двухъ магнитовъ и опредѣленіе горизонтальной напряженности земнаго магнетизма». Въ 1850 г. Ковальскій, по рекомендаціи В. Я. Струве, приглашенъ былъ Казанскимъ университетомъ на каѳедру профессора астрономіи и въ 1852 г. защитилъ тамъ диссертацію на степень доктора «Теорія движенія Нептуна»; за свои изслѣдованія во время уральской экспедиціи и за теорію движенія Нептуна, Ковальскій въ 1854 г. получилъ отъ Академіи Наукъ вторую демидовскую премію. Въ 1851 г. Ковальскій совершилъ экспедицію въ Бердянскъ, для наблюденія полнаго солнечнаго затменія 16 іюня того года. Наблюденія вполнѣ удались, результаты ихъ изложены были Ковальскимъ въ двухъ статьяхъ. Въ 1856 г. Ковальскій издалъ сочиненіе «О затменіяхъ», въ которомъ изложилъ свои новые, замѣчательно простые способы вычисленій, относящихся къ солнечнымъ и луннымъ затменіямъ, прохожденіямъ планетъ и покрытіямъ звѣздъ луною. Въ 1856 г. онъ напечаталъ подъ названіемъ «Recherches astronomiques de l'Observatoire de Kasan» три свои статьи, о которыхъ одинъ спеціалистъ дастъ такой отзывъ: «Трудно сказать, что въ нихъ поражаетъ болѣе: обширныя ли знанія, выносливость ли въ упорномъ долгомъ трудѣ или же способность вносить въ каждый вопросъ свою собственную, новую идею, свои собственные, изящные пріемы анализа». Съ 1857 г. Ковальскій, не оставляя теоретическихъ работъ, предпринялъ рядъ важныхъ практическихъ наблюденій. Прежде всего онъ занялся опредѣленіемъ положенія около-полярныхъ звѣздъ между сѣвернымъ полюсомъ и $+80^0$ склоненія. Въ 1869 г., когда Международное астрономическое общество приступило къ составленію каталога всѣхъ звѣздъ сѣвернаго неба до 9-й величины, Ковальскій взялъ на долю казанской обсерваторіи наблюденія небеснаго пояса между $+75$ и $+80^0$ сѣвернаго склоненія. Къ іюню 1883 г. наблюденія были окончены; съ 1876 г. Ковальскій, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, не могъ уже принимать въ нихъ непосредственнаго участія, но онъ еще успѣлъ напечатать произведенныя имъ самимъ наблюденія. Въ 1873 г. Ковальскій напечаталъ замѣчательную статью «Объ опредѣленіи элементовъ двойныхъ звѣздъ» (Ученыя Записки Казан-

скаго университета), въ 1875 г. «Sur le calcul de l'orbite elliptique à l'aide des deux rayons-vecteurs»... (въ XX т. Bulletine de l'Acad. Imper. des Sciences de St.-Pét.) и 1878 г. «Recherches sur la réfraction astronomique», Казань. Труды Ковальскаго доставили ему громкую и почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ (съ 1862 г.) и членомъ Королевскаго Астрономическаго общества въ Лондонѣ (съ 1863 г.); въ 1869 г., при празднованіи пятидесятилѣтія своего существованія, С.-Петербургскій университетъ избралъ его въ свои почетные члены; въ маѣ 1884 г. избралъ его въ почетные члены и Кіевскій университетъ. Какъ профессоръ, Ковальскій былъ незамѣнимъ. Въ сжатомъ, точномъ изложеніи онъ замѣчательно изящно выводилъ и развивалъ математическія формулы; часто онъ до того увлекался чтеніемъ, что читалъ не 50 минутъ, какъ полагается на лекцію, а два, три часа; ни онъ самъ, ни его слушатели не замѣчали этого; въ виду этого лекціи его обыкновенно назначались послѣднимп въ днѣ. Между студентами и сослуживцами-профессорами Ковальскій пользовался безграничнымъ авторитетомъ. Здоровье его было надломлено еще первою экспедиціею на Уралъ; тяжелыя страданія часто совершенно не давали ему работать; но какъ только онъ получалъ малѣйшую возможность—онъ обращался къ работѣ. Въ послѣдній день жизни онъ сѣлъ работать за два часа до кончины и только за четверть часа подалъ со стола звонокъ, который созвалъ къ нему близкихъ, на рукахъ которыхъ онъ и скончался.

Некрологъ Линдемана въ «Собраніи протоколовъ засѣданій секціи физико-математемат. наукъ общества естествоиспытателей при Казанск. унив.», т. III, 51—64; тамъ же списокъ трудовъ Ковальскаго и нѣсколько работъ его, при жизни имъ ненапечатанныхъ.

Ковальчукъ, *Григорій Яковлевъ*, боцманъ, убитъ 8 іюня 1855 г., мѣщанинъ г. Люблина, римско-католическаго исповѣданія, вступилъ въ морскую службу матросомъ 33 флотскаго экипажа, въ 1840 г., въ 1848 г. произведенъ въ квартирмейстера, за отличіе подъ Синопомъ получилъ знаки военнаго ордена; съ самаго начала осады Севастополя участвовалъ въ ней и прославился многочисленными молодецкими подвигами; почти ни одна вылазка не обходилась безъ его участія; его знали и свои, и враги. Убитъ бомбою.

«Мор. Сборникъ», 1855 г., № 9.

Кованько, *Петръ*, сотникъ полтавскаго полка, ум. послѣ 1709 г., Участвовалъ въ доносѣ на Мазепу Кочубея и Искры; вмѣстѣ съ нѣсколькими другими былъ пытанъ, сказалъ на пыткѣ, что доносилъ по злобѣ, что не знаетъ за гетманомъ никакой вины, былъ наказанъ кнутомъ, сосланъ въ Архангельскъ и записанъ въ солдаты. Когда измѣна Мазепы раскрылась, былъ возвращенъ, отправился на поклоненіе Святымъ мѣстамъ и скончался во время этого путешествія.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь», III, 80—81.

Коверъ, кн. *Андрей Ѳедоровичъ*, сынъ кн. стародубскаго (Стародуба на Клязьмѣ, что нынѣ с. Кляземскій городокъ) Ѳедора Ѳедоровича, родоначальникъ угасшихъ князей Ковровыхъ, сообщившій главному селу своего удѣла Рождественскому названіе Коврова (затѣмъ г. Ковровъ), извѣстенъ только по родословнымъ. Единственный сынъ его, уже неудѣльный князь Василій Андреевичъ Ковровъ, въ 1505 г., посланъ былъ на намѣстничество въ Великую Пермь на мѣсто сведеннаго съ отчины туземнаго пермскаго князя, подручнаго Москвѣ, Матвея Михайловича. Въ томъ же году на Пермь сдѣлалъ набѣгъ Кулукъ-султанъ, сынъ царя Ивана изъ Тюмени и воевалъ по Камѣ. Высланная кн. Василіемъ погоня въ судахъ догнала грабителей въ р. Сылвѣ на перевозѣ и побила заднюю заставу. Скончался кн. Василій Андреевичъ Ковровъ въ 1531 г. въ Ковровѣ.

Продолж. Нестор. лѣт. 177; Карамз. VI, пр. 629; Шишонко: «Пермская лѣт.», вып. I, с. 34; Владим. губ. вѣд. 1857 г. № 47 (ст. Туторскаго: «Истор. замѣтки и преданія о г. Ковровѣ»); Родословныя. *А. Э.*

Ковицкій, *Тихонъ*, крестьянинъ архангельской губерніи, сынъ поселившагося въ Москвѣ поляка, учился грамотѣ въ монастыряхъ, былъ сначала дьячкомъ при Благовѣщенскомъ соборѣ въ г. Шенкурскѣ, затѣмъ записался въ дворцовые крестьяне. Въ началѣ XVIII в. онъ жилъ въ домѣ князя Меньшикова, для обученія дѣтей его грамотѣ. Скончался послѣ 1728 г. въ пустынѣ преп. Варлаама, въ волжскомъ уѣздѣ.

«Рус. замѣчат. люди изъ урожд. арханг. губ.», 47—49.

Ковригинъ, *Егоръ Ильичъ*, «назначенный» въ академики по исторической живописи. Род. въ с. Корбулаки, саратовской губ., 21 мая 1819 г.; ум. въ Римѣ 3 сентября 1853. Сынъ моршанскаго мѣщанина, впослѣдствіи с.-петербургскаго 3-й гильдіи купца, онъ былъ привезенъ родителями въ Петербургъ трехлѣтнимъ мальчикомъ и получилъ воспитаніе въ здѣшнемъ реформатскомъ училищѣ. По окончаніи научнаго курса въ 1835 г., онъ посѣщалъ классы Академіи Художествъ и въ 1839 г. выставилъ въ ней даже этюдъ съ натуры головы старика, а въ 1840 и 1841 гг., состоя вольноприходящимъ ученикомъ Академіи, заслужилъ отъ нея серебряныя медали: 2-ю за рисунокъ съ натуры и 1-ю за живопись, послѣ чего дѣлалъ эскизы программъ на полученіе 2-й золотой медали: «Смерть Алкивіада» въ 1843 г. и «Ахиллесъ оплакиваетъ смерть Патрокла» въ 1845 г. Въ томъ же году онъ иллюстрировалъ 15-ю литограф. сценами перевода «Лондонскихъ тайнъ» П. Фурмана. Написавъ еще: «Моисея» (наход. у Е. Бенардаки) и «Смерть Архимеда» (наход. у А. Добронизскаго) и будучи выпущенъ изъ Академіи съ званіемъ художника XIV класса, поѣхалъ на свой счетъ за границу и занялся въ Римѣ, кромѣ писанія этюдовъ и сочиненія эскизовъ, также исполненіемъ копіи съ картины Рафаэля «Вѣнчаніе Богородицы» (пожалованной въ 1850 г. Императоромъ Николаемъ I Академіи). Представивъ въ 1852 г. въ Академію для полученія званія академика свою картину «Весталка» (наход. у его племянниковъ), онъ былъ возведенъ только «въ назначенные», послѣ чего занялся въ Римѣ обработкой болѣе обширной композиціи: «Овидій читаетъ свои произведенія на Форумѣ», но вскорѣ умеръ.

А. Самовъ «Каталогъ картин. галлереи И. А. Х.», II;—«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II и III, и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова;—«Указатели выст. въ И. А. Х.» 1839 и 1842;—«Иллюстр.» 1845, № 21, с. 328 (рис. его);—«Сынъ Отеч.» 1847, кн. 10, науки и худож., с. 21;—«Отеч. Зап.» 1850, № 11, смѣсь, с. 90;—«Отчетъ И. А. Х.» 1852—53, с. 44—45;—«Мѣсяцесловъ» на 1855. *Н. С.*

Ковшенковъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, скульпторъ и чеканщикъ. Род. 1785 г., ум. 25 ноября 1850 въ С.-Петербургѣ. Крѣпостной человѣкъ Анненковой, онъ обратилъ на себя, искусствомъ въ чеканномъ мастерствѣ, вниманіе Императора Александра I, который, даровавъ ему свободу въ 1822 г., опредѣлилъ его въ число мастеровыхъ при построеніи Исаакіевскаго собора. Въ 1824 г. онъ выставилъ въ Академіи Художествъ — вычеканенный изъ одного мѣднаго листа образъ Спасителя съ картины Карата. Въ 1826 г. исполнилъ бронзовый бюстъ своего августѣйшаго благодѣтеля, а въ 1834 г. удостоенъ былъ отъ Академіи званія свободнаго (неклассnаго) художника по лѣпкѣ и чеканному дѣлу съ предложеніемъ отлить и отчеканить изъ казенной мѣди, по рисунку К. Тона, три канделябра для академической церкви, при чемъ одинъ безденежно. Онъ былъ также авторомъ извѣстныхъ въ 1840-хъ г.г. характерныхъ конныхъ группъ инородцевъ небольшаго размѣра. Сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ (род. 1824 г.), тоже обучался скульптурѣ у барона Клодта, достигъ званія художника въ 1852 г. и академика въ 1859 г. и выставлялъ въ Академіи свои небольшія группы изъ гипса съ изображеніемъ разныхъ военныхъ подвиговъ.

«Журн. Изящ. Искус.» 1825, № 1, с. 57—8, и № 2, с. 75;—«Отеч. Зап.» 1826, XXVI, 293—4, и 1829, XXXVIII, 330—1; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, II, 322.
Н. С.

Ковылинъ, *Илья Андреевичъ*, основатель московскаго Преображенскаго кладбища, род. въ 1731 г., ум. въ 1809. Онъ былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ кн. Алексѣя Борисовича Голицына; въ Москвѣ занялся торговлею и подрядами, пріобрѣлъ довольно значительныя средства и вышелъ въ купцы. Около 1770 г. былъ совращенъ въ ѳедосѣевскую секту раскола и перекрещенъ ярославскимъ крестьяниномъ Ильею Ивановымъ, при чемъ перемѣнилъ и свое прежнее имя «Василій» на имя «Илья». Дѣятельность его пріобрѣла огромное значеніе съ 1771 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, въ Москвѣ разыгралась чума; въ городѣ распространилась паника и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась опасность, что многіе жители Москвы разбѣгутся по другимъ городамъ и разнесутъ заразу. 1 сентября 1771 г. послѣдовалъ указъ, которымъ жители приглашались устраивать своими средствами заставы и карантины около Москвы, чтобы никого не выпускать изъ города безъ осмотра, а всѣхъ подозрительныхъ задерживать. Ковылинъ и товарищъ его по расколу, купецъ Зеньковъ, рѣшили

воспользоваться этимъ случаемъ; они предложили устроить на собственныя средства такой карантинъ. Получивъ на это разрѣшеніе, они арендовали у крестьянъ села Черкизова подгородній участокъ земли, черезъ который шла большая дорога на Владиміръ, поставили заставу, построили нѣсколько домиковъ и задерживали всѣхъ, выходившихъ изъ Москвы. Около этого первоначальнаго поселка и образовалось впослѣдствіи такъ называемое Преображенское кладбище. Съ величайшею заботливостью устроители заставы снабжали всѣмъ необходимымъ тѣхъ, кого приходилось имъ задерживать, за тѣми же, кто заболѣвалъ, они самоотверженно ухаживали и умершихъ отпѣвали и хоронили, тогда какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ это время въ Москвѣ умершихъ просто зарывали въ землю, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. Все это производило сильное и благопріятное для цѣлей Ковылина впечатлѣніе; очень многихъ успѣлъ онъ за это время привлечь въ расколъ и въ карантинѣ у него почти непрерывно совершались перекрещиванія. Московское начальство въ то тяжелое время, конечно, не имѣло ни охоты, ни времени слѣдить за такимъ нарушеніемъ законовъ; напротивъ, самоотверженная и несомнѣнно полезная для борьбы съ чумою дѣятельность Ковылина обезпечила ему на будущее время даже покровительство властей. Онъ, между тѣмъ, энергически работалъ на утвержденіе возникшей около него въ заставѣ раскольничьей общины. На занятую землю онъ распорядился перенести дома многихъ умершихъ въ его карантинѣ людей и успѣлъ многихъ изъ оставшихся въ живыхъ склонить къ тому, что они рѣшились остаться тутъ же жить. Настоятелемъ былъ выбранъ Ковылинъ. Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на окружающихъ и умѣлъ привлекать колеблющихся, на экзальтированныхъ дѣйствуя строгими и страстными поученіями, а болѣе скептически настроенныхъ увлекая такимъ толкованіемъ требованій религіи, при которомъ открывалось широкое поле всякой разнузданности и распущенности, какъ извѣстно, съ особенною силою разыгрывающимся во время всякихъ народныхъ бѣдствій. Въ первый же годъ Ковылинъ отлично обстроилъ вновь возникшій поселокъ, пріобрѣлъ частью за большія деньги, частью обманомъ, множество очень старыхъ иконъ и т. д. Въ скоромъ времени онъ ввелъ въ свое общежитіе и уставъ; посѣтивъ Выгорѣцкую пустынь, онъ думалъ взять уставъ оттуда, но затѣмъ отказался отъ этой мысли и ввелъ уставъ, полученный съ Вѣтки. Ковылинъ умѣлъ привлекать богатыхъ жертвователей и отлично ладить съ властями, такъ что во все время царствованія Екатерины община его была спокойна и процвѣтала. Императоръ Павелъ взглянулъ на эту общину неблагосклонно и послѣдовали такіе указы, которые неизбѣжно должны были привести ее къ полному уничтоженію. Но Ковылинъ съумѣлъ ходатайствами и богатыми подарками задержать въ Москвѣ примѣненіе этихъ указовъ.—Лучшія времена вернулись для него съ воцареніемъ новаго государя. Въ первый же годъ царствованія Александра I, Ковылинъ черезъ кн. А. Б. Куракина успѣлъ исходатайствовать очень благопріятный для раскольниковъ указъ 15 октября 1801 г.; это доставило ему еще больше извѣстности и почета среди всѣхъ вообще раскольниковъ имперіи; затѣмъ онъ успѣлъ испросить повелѣніе, въ силу котораго Преображенское кладбище было признано учрежденіемъ гражданскимъ и потому подчинено только вѣдѣнію полиціи, помимо всякаго отношенія къ нему епархіальнаго московскаго начальства. Этимъ окончательно обезпечено было процвѣтаніе кладбища, къ тому же сосредоточившаго уже и значительные капиталы; къ концу жизни Ковылина оно считало до 10,000 прихожанъ; жили на кладбищѣ до 1,500 чел.—Умеръ Ковылинъ въ глубокой старости, окруженный почтеніемъ членовъ общины. Ковылинъ является человѣкомъ безспорно выдающимся по своимъ административнымъ способностямъ и энергіи; но и сами раскольники не отрицаютъ, что онъ не отличался строгостью жизни; напротивъ, онъ цинично провозглашалъ принципъ: «тайно содѣянное тайно и судится» и позволялъ и себѣ и другимъ полную распущенность, наблюдая только, чтобы соблазнъ не обнаруживался. Ковылинъ былъ также и писателемъ; послѣ него осталось нѣсколько посланій по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, но они не представляютъ ничего замѣчательнаго.

«Изъ исторіи московскаго Преображенскаго кладбища», М. 1862; Кельсіевъ, «Сборникъ пра-

вительственныхъ распоряженій о раскольникахъ», Лондонъ, 1860, I, 6—36; «Христіанское Чтеніе», 1863, II, 38; сочиненія Ковылина—въ «Чтеніяхъ Моск. общества ист. и древ.», 1869. II.

Кожанчиковъ, *Дмитрій Ефимовичъ*, книгопродавецъ и издатель; петербургскій книгопродавецъ, ум. въ 1877 г. Началъ торговлю въ 1858 г. въ С.-Петербургѣ и вскорѣ повелъ ее въ обширныхъ размѣрахъ, открылъ отдѣленія въ Казани, Одессѣ и Варшавѣ и былъ одно время самымъ дѣятельнымъ издателемъ книгъ въ Россіи; онъ издалъ «Кобзарь» Шевченки, сочиненія Писемскаго, Гончарова, Буслаева, Костомарава, Островскаго, Максимова, Есипова; въ 1860-хъ годахъ занялся изданіемъ памятниковъ раскольничьей литературы («Исторія Выговской пустыни», «Житіе протопопа Аввакума»), и сочиненій, относящихся до раскола («Описаніе раскольничьихъ сочиненій» Александра Б.); въ 1874 г. издалъ двѣ книги «Русскихъ драматическихъ представленій 1672 — 1675 гг.» подъ редакціею Н. Тихонравова; третій томъ съ объяснительными примѣчаніями остался недопечатаннымъ и въ свѣтѣ не появлялся, причемъ изготовленные листы его хотя и имѣются въ обращеніи, но представляетъ очень большую рѣдкость. Кромѣ книжной торговли и издательства, занимался и другими промышленными предпріятіями, но неудачно, разстроилъ свои дѣла и умеръ въ бѣдности.

Н. Л.

Кожевниковъ, *Василій Ѳедоровичъ*, генеральный консулъ, ум. въ 1855 г. Сынъ ночетнаго гражданина; по окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, впредѣленъ былъ на службу съ 1852 г. съ канцеляріею черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернатора. Въ 1853 — 1857 гг. служилъ въ канцеляріи товарища петербургскаго губернскаго прокурора, въ 1859 г. перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и послѣдовательно занималъ должности вице-консула въ Фіумэ (съ 1860 г.), консула въ Терновѣ (1863), консула въ Іерусалимѣ (1866), генеральнаго консула въ Рущукѣ (1876) и наконецъ, генеральнаго консула въ Іерусалимѣ (1880—1885). Былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ консуловъ нашихъ на востокѣ. Отлично изучивъ положеніе Турціи вообще, а турецкихъ славянъ и Палестины въ частности, онъ въ значительной степени содѣйствовалъ поднятію русскаго вліянія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводилось ему служить.

Послужной списокъ въ минист. иностр. дѣлъ.

Кожевниковъ, *Дмитрій Александровичъ*, доцентъ Новороссійскаго университета, род. въ 1858 г. въ Москвѣ, ум. въ Ментонѣ 11 апрѣля 1882 г. Окончилъ курсъ въ Московской гимназіи съ золотою медалью и въ Московскомъ университетѣ въ 1878 г.; въ концѣ 1880 г. приглашенъ былъ въ Новороссійскій университетъ; въ началѣ 1882 г. получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ степень магистра ботаники за сочиненіе «Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ покрововъ»; кромѣ этой диссертаціи напечаталъ еще, начиная съ 1876 г., три статьи и сдѣлалъ нѣсколько сообщеній въ Обществѣ испытателей природы. Не смотря на кратковременную преподавательную дѣятельность онъ оставилъ о себѣ память, какъ о талантливомъ молодомъ ученомъ и хорошемъ преподавателѣ.

Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета», 438.

Кожинъ, *Алексѣй Никитичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1737 г., ум. въ мартѣ 1805 г. Происходилъ изъ дворянскаго рода. Воспитывался въ Сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, и окончилъ курсъ подпоручикомъ арміи въ 1756 г. Черезъ три года онъ былъ переименованъ изъ поручиковъ въ титулярные совѣтники и опредѣленъ помощникомъ инспектора при ученикахъ Московской университетской гимназіи. Онъ же, вѣроятно, какъ видно изъ «Стата академической гимназіи», составленнаго М. В. Ломоносовымъ, былъ тамъ въ промежутокъ 1756—1760 г. нѣкоторое время преподавателемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ концѣ 1762 г. Кожина прямо съ этой должности назначили директоромъ («главнымъ командиромъ») казанскихъ гимназій и вмѣстѣ съ тѣмъ «губернаторскимъ товарищемъ». 22 мая 1764 г. онъ былъ назначенъ прокуроромъ государственной камеръ-коллегіи, но оставленъ въ Казани впредь «пока найденъ будетъ на его мѣсто способный чиновникъ»; ему пришлось остаться до октября 1764 г. Обязанности прокурора Кожинъ отправлялъ шесть лѣтъ и въ 1770 г. уволенъ по болѣзни въ отставку. Черезъ два года онъ былъ назначенъ камеръ-директоромъ въ могилев-

скую губернію; въ 1775 г. переведенъ предсѣдателемъ тверской уголовной палаты, въ 1776 г.—вице-губернаторомъ новгородской губерніи, а въ 1780 г. петербургской, и наконецъ, въ 1781 г. назначенъ правителемъ псковскаго намѣстничества, въ каковой должности пробылъ до 1783 г., когда былъ уволенъ отъ службы «съ половиннымъ жалованьемъ впредь до опредѣленія»; но послѣдняго не состоялось до самой смерти Екатерины II, гнѣвавшейся на него, повидимому, изъ-за какихъ-то служебныхъ злоупотребленій и оставившей безъ отвѣта его прошеніе 1788 г. о сложеніи съ него откупной недоимки. Императоръ Павелъ I тотчасъ же по вступленіи на престолъ назначилъ Кожина сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники, а въ 1799 г.—президентомъ камеръ-коллегіи; въ этой должности онъ состоялъ до 19 февраля 1801 г.

«Формулярный списокъ о службѣ А. Н. Кожина», изъ «матеріаловъ» П. И. Баранова; Артемьевъ. «Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи»; В. Руммель и Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», т. I.

Кожинъ, *Петръ Никитичъ*, дѣйств. тайн. совѣтникъ, ум. 23 февраля 1805 г. Вступилъ въ службу въ 1742 г. въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ; съ 1762 г. причисленъ къ комиссіи по строенію Исаакіевскаго собора, ѣздилъ многократно по мѣстамъ, прилежащимъ къ Ладожскому и Онежскому озерамъ, отыскивая строительные матеріалы и при этомъ открылъ много ранѣе неизвѣстныхъ въ Россіи породъ отличныхъ строительныхъ матеріаловъ. 19 августа 1768 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1772 году назначенъ членомъ комиссіи о строеніи Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Подъ его ближайшимъ руководствомъ оконченъ планъ Москвы и составленъ проектъ улучшенія ея строеній. Съ учрежденіемъ (15 іюля 1775 г.) каменнаго приказа въ Москвѣ назначенъ его начальникомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Однимъ изъ поводовъ къ учрежденію приказа послужилъ опустошительный пожаръ 1773 г., послѣ котораго было необходимо возвести въ Москвѣ множество новыхъ построекъ. Приказъ былъ обязанъ заботиться о доставкѣ въ Москву строительныхъ матеріаловъ въ довольномъ количествѣ, разрѣшалъ всѣ новыя постройки, согласно особой инструкціи, данной на этотъ счетъ, а также наблюдалъ за ихъ производствомъ и за отношеніями рабочихъ и нанимателей; подъ наблюденіемъ Приказа совершилось возведеніе многихъ казенныхъ зданій, ремонтъ стѣны Китай-города. Приказъ закрытъ былъ 26 ноября 1786 г. Съ 22 декабря 1783 г. Кожинъ присутствовалъ въ Мастерской и Оружейной палатахъ. 22 сентября 1786 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст., 1 января 1791 г. получилъ чинъ тайнаго совѣтника, 8 апрѣля 1797 г. орденъ св. Анны I степ., 25 февраля 1801 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

«Справоч. энциклоп. словарь» Края; «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи», т. VIII алф. 78—148.

Кожухъ, *Родіонъ*, дьякъ московскаго митрополита Іоны, написалъ два «сказанія», которыя вошли въ лѣтописи, гдѣ они названы «твореніями» его: 1) «Сказаніе о чудесѣ великаго чюдотворца Варлама, новѣйшее чюдо о умершемъ отроцѣ, въ лѣто 6968, мѣсяца генуарія въ 30 день»... 2) «Сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ земли нашей», 14 іюня 1460 г.

Полн. соб. рус. лѣт. VI, 182—184, 320—325.

Козакевичъ, *Павелъ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ корпуса флотскихъ штурмановъ, вице-директоръ гидрографическаго департамента, происходилъ изъ дворянъ новгородской губерніи, род. въ 1813 году въ Кіевѣ, ум. 7 января 1882 г. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ гардемарины въ 1830 году и въ мичманы въ 1832 году. Съ 1837 года по 1856 годъ служилъ въ гидрографическомъ департаментѣ и находился при описи береговъ Балтійскаго моря и промѣрѣ Финляндскихъ шхеръ, плавая на кораблях «Императоръ Петръ» и «Владиміръ» и на бригахъ: «Охта», «Усердіе», «Діомидъ»; въ 1852 году назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для извлеченія изъ шханечныхъ журналовъ морскихъ кампаній для формуляровъ по новой формѣ. Въ 1854 году былъ откомандированъ въ штабъ Наслѣдника Цесаревича, Главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами и производилъ съ офицерами Генеральнаго Штаба рекогносцировку южнаго берега Финскаго залива отъ Ораніенбаума до Нарвы; въ 1855 году былъ вторично командированъ въ тотъ же штабъ и, состоя при береговыхъ войскахъ, сдѣлалъ въ виду непріятеля подробную съемку и

промѣръ устьевъ рѣкъ Луги и Наровы. Послѣдствіемъ этихъ работъ было укрѣпленіе фарватера, облегчившее защиту при нападеніи на этотъ пунктъ 6-го іюня двухъ непріятельскихъ кораблей и двухъ канонерскихъ лодокъ. Съ производствомъ въ 1856 году въ капитаны 2-го ранга, П. В. Козакевичъ назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ инспекторскаго департамента, гдѣ при его ближайшемъ участіи были выработаны правила для выдачи пособій на воспитаніе дѣтей чиновъ морскаго вѣдомства и для призрѣнія инвалидовъ послѣ Крымской войны. Въ 1859 году былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1862 году назначенъ начальникомъ чертежной гидрографическаго департамента, гдѣ онъ ввелъ обученіе мальчиковъ чертежному и граверному искусству, чѣмъ обезпеченъ былъ постоянный личный составъ искусныхъ граверовъ и чертежниковъ. Въ 1869 году произведенъ въ генералъ-маіоры корпуса флотскихъ штурмановъ и въ 1874 году назначенъ вице-директоромъ департамента.

Многочисленные труды въ области отечественной гидрографіи въ теченіе почти полувѣковой службы сдѣлали имя П. В. Козакевича широко извѣстнымъ въ морскомъ вѣдомствѣ и его считали продолжателемъ работъ тѣхъ русскихъ гидрографовъ старой школы, къ которой принадлежали М. Ф. Рейнике и П. А. Ивашенцевъ; составленныя имъ или же подъ его руководствомъ лоціи, морскія карты и описанія маяковъ, какъ и всѣ вообще труды его въ морской литературѣ постоянно обращали на себя вниманіе всѣхъ, интересующихся этимъ предметомъ: Императорское Русское Географическое Общество избрало П. В. Козакевича въ 1861 году своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1879 году Императорское Общество для содѣйствія Русскому торговому мореходству избрало его своимъ почетнымъ членомъ. При большой научной опытности во всемъ, что касается гидрографіи и вообще морскаго дѣла, какъ отечественнаго, такъ и иностраннаго, П. В. Козакевичъ всегда охотно дѣлился своими знаніями со всякимъ, кто этими вопросами интересовался.—Изъ литературныхъ трудовъ П. В. Козакевича въ печати извѣстны: «Силлометръ и подводный термометръ» (1844), «Опыты опредѣленія температуры моря» (1846), «О построеніи гаваней въ Балтійскомъ портѣ и Ревелѣ (1846), «Объ уровнѣ Балтійскаго моря» (1848) (всѣ въ «Запискахъ гидрографическаго департамента»); Въ «Морскомъ Сборникѣ»: «О судахъ, могущихъ безпрепятственно плавать изъ Невы въ Каспійское море» (1860, № 12), «Обзоръ плаваній къ берегамъ Новой Земли» (1873, № 1 и 2), «Городъ Нарва съ морскимъ его рейдомъ и рѣкою Наровою (1878, № 7 и 8). Отдѣльно изданы: «Руководство для плаванія къ устью рѣки Печоры» (съ англійск., 1870 г., брошюра), «Каталогъ атласовъ, картъ, плановъ и руководствъ для плаванія» (1872 г.), «Описаніе маячныхъ аппаратовъ системы Френеля и наставленіе для ихъ постановки», А. Соттера (переводъ съ французскаго, 1875 г.).

Козакевичъ, *Петръ Васильевичъ*, членъ Военнаго Совѣта и Адмиралтействъ—Совѣта, происходитъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, род. въ 1814 г. ум. 11 декабря 1887 г., воспитаніе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ мичманомъ въ декабрѣ 1835 г. Уже самое начало службы обѣщало Козакевичу блестящую карьеру, такъ какъ до 1848 г. онъ постоянно служилъ на тѣхъ судахъ, на которыхъ плавалъ будущій генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а именно на фрегатахъ «Беллона» и «Аврора» и на корветѣ «Пингерманландъ», по Балтійскому и Средиземному морямъ и изъ Кронштадта въ Архангельскъ; на «Аврорѣ» въ то-же время плавалъ и начинающій художникъ Айвазовскій. Великій князь Константинъ Николаевичъ сохранилъ къ Козакевичу до самой его смерти полное благоволеніе. Въ 1848 г. кап.-лейтенантъ Невельской предложилъ Козакевичу быть старшимъ-офицеромъ на транспортѣ «Байкалъ», назначенномъ для отправленія въ Тихій океанъ, для доставки припасовъ тамошнимъ нашимъ судамъ; «Байкалъ» и строился въ Свеаборгѣ подъ наблюденіемъ Козакевича. Плаваніе это было, можно сказать, началомъ присоединенія къ Россіи Амурской области и изученія въ тѣхъ окраинахъ береговъ Тихаго океана. Тогда именно открыли, что Сахалинъ островъ, а не полуостровъ, какъ думали ранѣе, нашли въ Татарскомъ проливѣ заливъ «Счастія» съ хорошею гаванью, а 28 іюня 1849 г. лейтенантъ Козакевичъ вошелъ первымъ изъ русскихъ въ устье р. Амура, опредѣлилъ судоход-

ность этой рѣки и поднялся по ней до деревни Чаддахъ. Съ этихъ поръ Козакевичъ отдался службѣ въ этомъ краѣ. Въ 1851 г. онъ находился въ распоряженіи генералъ-губернатора Восточной Сибири, впослѣдствіи графа, Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Козакевичъ сдѣлалъ опись рѣкъ Ингоды и Шилки; завѣдывалъ на р. Шилкѣ постройкою перваго парохода для плаванія по р. Амуру; въ маѣ 1854 г. командовалъ первою экспедиціею по р. Амуру съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ; ѣздилъ въ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты для заказа пароходовъ для Сибирской флотиліи и механизмовъ и припасовъ для проектированнаго пароходнаго завода въ Николаевскѣ; при немъ въ 1854 г. была отбита угрожавшая городу Петропавловску англо-французская эскадра, а въ 1855 г. доставлена на Амуръ первая партія переселенцевъ изъ Иркутска. Въ 1856 г. въ чинѣ контръ-адмирала Козакевичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Приморской области и командиромъ портовъ Восточнаго океана и Сибирской флотиліи. Когда въ 1858 г. рѣка Амуръ была присоединена къ Россіи по Айгунскому договору, графъ Н. Н. Муравьевъ назвалъ русскими словами и именами своихъ сотрудниковъ, многія мѣста по р. Амуру; именемъ Козакевича названъ былъ мысъ по лѣвому берегу р. Амура, ниже впаденія въ р. Гонана, образуемый базальтовою скалою Иликанъ; съ этого пункта начинается на Амурѣ область вулканическихъ породъ, которая тянется на 70 верстъ. Въ 1862 г. Козакевичъ былъ представителемъ русскаго правительства при проведеніи нашей границы съ Китаемъ по Пекинскому договору, въ 1864 г. при ратификаціи договора назначенъ состоять въ свитѣ Его Императорскаго Величества. Въ 1865 году Козакевичъ оставилъ этотъ край, въ 1866 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1871 г. назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадскаго порта и военнымъ губернаторомъ гор. Кронштадта. Въ 1878 г. ему поручена была морская и береговая оборона Кронштадта и онъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Въ должности главнаго командира въ Кронштадтѣ Козакевичъ оставался до 1883 г., когда былъ сдѣланъ членомъ Военнаго и Адмиралтействъ-Совѣта.—Козакевичъ имѣлъ всѣ высшіе русскіе ордена, за исключеніемъ орденовъ св. Андрея и св. Георгія, и многіе иностранные. Кромѣ своихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, въ качествѣ морскаго офицера и администратора, Козакевичъ пользовался симпатіею всѣхъ, кто зналъ его, за свои личныя качества. Описаніе прощанія Кронштадта съ Козакевичемъ помѣщено въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» за 1883 годъ въ №№ 142 и 148, а празднованія 50-ти лѣтняго юбилея службы, тамъ-же въ № 151 за 1885 г.

Н. Н. П.

Козакъ, *Константинъ Степановичъ*, протоіерей. Род. въ 1822 г. въ селеніи Гертопъ, оргѣевскаго уѣзда, сынъ священника, ум. 16 января 1879 г. Въ дѣтствѣ лишился родителей. Учился въ кишиневскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1847 г. съ званіемъ студента. 15 сентября того же года рукоположенъ въ с. Гертопъ, 19 января 1848 г. назначенъ благочиннымъ, а 18 сентября переведенъ къ кишиневской харалампіевской церкви. По 1862 г. состоялъ благочиннымъ. Съ 1854 по 1859 г. былъ, кромѣ того, помощникомъ старшаго благочиннаго оргѣевскаго уѣзда. Въ 1863 г. былъ казначеемъ консисторіи. Съ 1869 по 1872 г. былъ членомъ правленія духовнаго училища. Съ 1871 по 1874 г. помощникомъ благочиннаго городскихъ церквей. 12 апрѣля 1875 г. возведенъ въ санъ протоіерея. 20 августа 1878 г. назначенъ харалампіевской церкви. Былъ выдающимся мѣстнымъ дѣятелемъ и проповѣдникомъ.

«Кишин. епарх. вѣд.», 1879 г. № 3.

Козачинскій (Казачинскій), *Андрей Ивановичъ*, граверъ рѣзцомъ, род. 6 октября 1774 г., ум. 8 декабря 1814 г. Сынъ почтамтскаго переплетчика; поступилъ въ Академію Художествъ въ 1789 г.; учился у Клаубера; 21 октября 1794 г. выпущенъ художникомъ второй степени и поступилъ на службу въ Депо картъ. Извѣстно до 20-ти его гравюръ, частью выпущенныхъ отдѣльно, частью при изданіяхъ: «Обозрѣніе древнихъ народовъ, соч. Дандре Бардона», (С.Пб. 1796 г.), Reimers, «Reise des Russ.-Kais ausserordent. Gesandschaftt», (С.-Пб. 1793 г.), Сумароковъ «Досуги крымскаго судьи», (1803) и др.

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ»; 309—310.

Козачковскій, *Аверкій Симоновичъ*, граверъ рѣзцомъ и черной манерой, рабо-

талъ въ Кіевѣ въ 1721—1737 г.г., въ духѣ Тенчегорскаго, но даже ниже его по рисунку и техникѣ. Имъ гравированы на мѣди, то съ полнымъ именемъ, то съ инціалами А. К.,—изображенія для псалтыри (заглавный листъ, гибель фараона, царь Давидъ) и для Евангелія (заглавный листъ съ видомъ Кіево-Софійскаго собора, Евангелисты, Бесѣда Христа съ Никодимомъ, Спаситель на крестѣ, въ гробу, на облакахъ и въ купели; Богоматерь въ разныхъ видахъ, Св. Николай Чудотворецъ, Соборъ Кіево-Печерскихъ святыхъ и др.).

Д. Ровинскій, «Подробный словарь русс. гравировъ XVI—XIX в.в.», Спб. 1895). *Н. С.*

Козельскіе, князья—см. **Карачевскіе**, князья.

Козельскій, *Яковъ Павловичъ*, учитель артиллерійскаго корпуса и членъ малороссійской коллегіи, ум. послѣ 1789 г. Извѣстенъ своими переводами и нѣкоторыми самостоятельными сочиненіями. Изъ переводовъ, ему принадлежащихъ, извѣстны: 1) Вертота, «Исторія о перемѣнахъ произшедшихъ въ Швеціи въ разсужденіи вѣры и правленія», 2 ч. 1764 и 1765 г., (съ франц.) 2) Оттвая, «Возмущеніе противъ Венеціи», 1764 (съ нѣмец. прозою). 3) Шофина, «Исторія славныхъ государей и великихъ генераловъ», 1765 (съ франц.). 4) Голберга, «Датская Исторія», 1766—68. 5) Мозера, «Государь и Министръ», 1766 (съ нѣмец.) 6) «Начальныя основанія фортификаціи» съ фигурами, 1766 (съ латин., Вольфа). 7) Статья изъ Французской Энциклопедіи «О философіи» 1770. 8) Сочиненіе объ осадѣ крѣпостей 1770 (съ нѣмецкаго). Его самостоятельныя сочиненія: 1) «Ариѳметическія предложенія для употребленія артиллерійскими кадетами» (1764). 2) «Механическія предложенія» 1764 и 1787 (два изданія). 3) «Философскія предложенія, 1768 г.» 4) «Велесанъ», трагедія въ 4 дѣйствіяхъ, 1778 и 5) «Разсужденіе двухъ питомцевъ Калама и Ибрагима», 1788. Всѣ эти книги были изданы въ С.-Петербургѣ. Въ 1767 году мы встрѣчаемъ имя Якова Козельскаго въ спискѣ депутатовъ извѣстной екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что Козельскій-переводчикъ служилъ въ малороссійской коллегіи (и, какъ извѣстно изъ записокъ Данилова, дѣйствительно бывалъ въ Малороссіи), а, съ другой, что Козельскій-депутатъ былъ выслалъ въ комиссію отъ днѣпровскаго пикинернаго полка (расположеннаго въ Малороссіи), мы можемъ считать почти несомнѣннымъ, что это одно и то же лицо. Дѣятельность Козельскаго въ комиссіи извѣстна, главнымъ образомъ по его участію въ обсужденіи вопроса о сохраненіи дворянскихъ привиллегій за лицами не дворянскаго происхожденія, дослужившимися до оберъ-офицерскаго чина. Свои взгляды по этому вопросу Козельскій высказалъ въ своей рѣчи, сказанной имъ 21 сентября 1767 г. при чтеніи въ комиссіи законовъ о правахъ благородныхъ (на нее возражалъ кн. Щербатовъ) и въ своихъ замѣчаніяхъ на различныя статьи проекта о правахъ благородныхъ. Главною цѣлью стремленій Козельскаго было, очевидно, уравненіе въ правахъ новаго малороссійскаго дворянства съ кореннымъ великороссійскимъ. Кромѣ этого онъ принималъ нѣкоторое участіе въ обсужденіи вопроса о крѣпостномъ правѣ—поддерживалъ Коробьина, поднявшаго вопросъ о ненормальности положенія крестьянъ. 18 декабря 1768 г., при распущеніи Большаго собранія комиссіи, Козельскій вмѣстѣ съ 28-ю другими депутатами былъ уволенъ по Высочайшему указу въ войска по случаю наступившаго военнаго времени. Его дѣятельность какъ переводчика продолжалась до 1789 года.

О литературной дѣятельности Козельскаго: Новикова: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателей» (Спб. 1772); м. Евгенія — «Словарь свѣтскихъ писателей» (1827); Сопикова, «Опытъ россійской библіографіи»; «Сбор. Рус. Имп. Общ.» тт. 4, 32 и 36.

Козенсъ, *Ричардъ*, корабельный мастеръ, ум. въ декабрѣ 1735 г. въ Архангельскѣ. Въ 1700 г. принятъ на русскую службу; въ 1701—1709 г.г. построилъ въ Воронежѣ 70-ти-пушечные корабли «Старый Дубъ» и, «Спящій Левъ»; съ 1707 по 1710 г. построилъ въ Таврові шесть кораблей, 24-хъ, 48-ми и 80-ти-пушечныхъ; съ 1712 г. по 1732 построилъ въ Петербургѣ девять кораблей; въ 1723 г. 10 іюля пожалованъ чиномъ капитанъ-командора. Въ январѣ 1733 г. командированъ въ Архангельскъ, гдѣ и работалъ до дня смерти, успѣвъ построить три корабля и начать четвертый.

«Общ. Морск. списокъ», I. 179..

Козинъ, *Николай Алексѣевичъ*, медальеръ, ум. въ 1867. Воспитанникъ Горной технической школы, онъ былъ вольно-

приходящимъ ученикомъ Академіи Художествъ и, занимаясь подъ руководствомъ проф. Лялина, выставилъ восковыя копіи съ группъ «Лаокоона», осенью 1853 г. и «Орфея и Эвридики» въ 1854 г. Заслуживъ за лѣпку съ натуры серебряныя медали: 2-ю—23-го января 1853 и 1-ю—3-го сентября 1855 г., онъ, вслѣдъ за полученіемъ послѣдней награды, удостоенъ былъ званія класснаго художника. Изъ его работъ извѣстны медали: «Въ воспоминаніе о пользѣ, принесенной геніемъ (К. П. Брюлловымъ) искусству», 1852 по рисунку Чукмасова; «По случаю совершившагося 20 іюля 1856 г. 50-ти лѣтія управленія инж.-ген. А. Я. Вильсона Императорскою Мануфактурою»; «Въ память 20-тилѣтняго управленія гр. П. Д. Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ», 1856, вмѣстѣ съ А. Лялинымъ; «На открытіе С.-Петербургскаго Университета», 1857, съ Лялинымъ; «На 50-ти-лѣтіе Александровскаго лицея»; польская—«На освобожденіе крестьянъ», 1861; «Въ память 100-лѣтняго юбилея славному мужу (Ломоносову) 1865»; «На кончину Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича», 1865.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худож.», П. Н. Петровъ, III, 205. 212, 244, 248;—«Указатели выставокъ въ И. А. Х.» 1853, 1854. 1857; Ю. Иверсенъ, «Словарь медальеровъ», Спб, 1874; его же, «Медали въ честь русс. госуд. дѣятелей», Спб. 1880—1883. *Н. С.*

Козицкій, *Григорій Васильевичъ*, статсъ-секретарь императрицы Екатерины II. Кончилъ жизнь самоубійствомъ, 26 декабря 1775 г. Обучался въ кіевской Духовной Академіи и по окончаніи курса путешествовалъ по Европѣ съ графами Гудовичами и вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Николаемъ Мотонисомъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ Лейпцигскомъ университетѣ онъ занимался, не будучи командированъ Академіей Наукъ, но по своей собственной охотѣ и, можно думать, на свой собственной счетъ. Послѣднее можно заключить изъ того, что, когда академикъ Котельниковъ обратилъ вниманіе Академіи на Козицкаго и Мотониса, а Гейнзіусъ далъ о нихъ очень хорошіе отзывы, то Академія помогла имъ окончить образованіе. Ко времени пребыванія за-границей относится и начало литературной дѣятельности Козицкаго: вмѣстѣ съ тѣмъ же Мотонисомъ онъ перевелъ и издалъ въ Брсславлѣ въ 1752 г. книгу Минетія «Камень соблазна», посвятивъ переводъ своему учителю іеромонаху Варлааму Лящевскому. Въ 1758 г., по возвращеніи изъ-за границы, Козицкій состоялъ лекторомъ философіи и словесныхъ наукъ при Академіи, потомъ былъ адъюнктомъ и «почетнымъ совѣтникомъ». Онъ преподавалъ и въ бывшей при Академіи гимназіи; Императрицею Екатериною онъ былъ взятъ изъ Академіи въ статсъ-секретари, а въ 1768 г. былъ назначенъ къ принятію подаваемыхъ всеподданнѣйшихъ прошеній.—Въ бытность свою статсъ-секретаремъ исполнялъ многочисленныя и разнообразныя порученія императрицы, былъ довѣреннымъ ея лицомъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ входить въ соприкосновеніе съ самыми различными дѣлами. Въ его бумагахъ, послѣ его смерти, была найдена автобіографія механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина; ему-же было поручено гр. Орловымъ привести въ порядокъ оставшіяся послѣ Ломоносова бумаги.—Кромѣ того, Козицкій состоялъ членомъ учрежденнаго Екатериною II Собранія для переводовъ иностранныхъ книгъ, принималъ дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи и перевелъ самъ Епинуса «Разсужденіе о строеніи міра» (1770) и «Метаморфозы» Овидія (1772). Въ 1767 г. Василій Баскаковъ, депутатъ отъ опекунства иностранныхъ въ собранной тогда Комиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія передалъ Козицкому свои депутатскія полномочія. Дѣятельность его, какъ депутата, не представляетъ, однако, чего либо замѣчательнаго; но въ качествѣ лица, приближеннаго къ императрицѣ, онъ принималъ большое участіе въ дѣлахъ Комиссіи 1767—1768 г.г. Не говоря уже о сдѣланномъ имъ переводѣ Наказа на латинскій языкъ (1770 г.), упомянемъ, что всѣ акты о комиссіи, подписанные Екатериною, контрасигнированы Козицкимъ; ему же принадлежатъ: проектъ избранія въ комиссію депутатовъ изъ мѣщанъ и цѣховыхъ и черновой списокъ «Обряда управленія коммиссіею»—окончательная редакція обѣихъ этихъ инструкцій однако, сильно отличается, отъ редакціи Козицкаго; кромѣ того: указъ о созваніи депутатовъ и указъ губернаторамъ объ избраніи депутатовъ—въ этихъ актахъ, наоборотъ, императрицею сдѣлано очень мало поправокъ.—Въ 1775 г., когда воздвигалась колонна въ

Царскомъ Селѣ въ память побѣды русскаго флота надъ турецкимъ въ Средиземномъ морѣ, Козицкимъ были сочинены для этой колонны надписи; надписи эти были, однако, замѣнены другими, сочиненными самою Екатериною. — Въ томъ же 1775 г. 10-го іюля Козицкій былъ уволенъ отъ принятія всеподданнѣйшихъ прошеній, а 21 декабря, нанесъ себѣ въ припадкѣ меланхоліи 32 раны ножемъ и умеръ 26 декабря.—Несмотря на свои многочисленныя служебныя обязанности Козицкій находилъ время для литературныхъ занятій, вслѣдствіе чего ему должно быть удѣлено мѣсто въ исторіи нашей литературы; надо замѣтить, однако, что онъ являлся не столько авторомъ, сколько переводчикомъ. Кромѣ указанныхъ уже выше его переводовъ (книгъ Минетія, Ешпиуса, Овидія и «Наказа»), его перу принадлежатъ: статья «О пользѣ миѳологіи», помѣщенная въ «Трудолюбивой Пчелѣ» за 1759 г.; переводъ прибавленій къ книгѣ Димсдаля «Нынѣшній способъ прививать оспу», сдѣланныхъ авторомъ въ Россіи (самая книга переведена Сичкаревымъ); переводъ на латинскій языкъ трехъ разсужденій Ломоносова: «О пользѣ химіи», «О происхожденіи свѣта» и «О большей точности морскаго пути»; переводъ 10-й главы романа Мармонтеля «Велизарій». Кромѣ того онъ издалъ вторую часть «Древняго Лѣтописца» (Спб. 1775; первая издана Иваномъ Елизаровичемъ Глѣбовскимъ); ему же, наконецъ, приписывается выходившее въ 1769 г. еженедѣльное изданіе «Всякая Всячина». Козицкій былъ очень хорошо образованъ для своего времени и основательно зналъ латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій языки. Вмѣстѣ съ Н. Н. Мотонисомъ онъ вращался въ кругу молодыхъ талантливыхъ людей того времени: знаменитый, столь рано умершій, граверъ Е. Чемесовъ посвятилъ потретъ Ѳ. Г. Волкова своей работы Мотонису и Козицкому, «по собственному желанію Волкова въ знакъ своей къ нимъ дружбы».

Митр. Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей»; Новиковъ, «Опытъ истор. словаря»; Пекарскій «Исторія Академіи Наукъ» т. II. О назначеніи его къ принятію всеподдан. прошеній—П. С. З. т. XVIII № 13.150; о его дѣятельности въ качествѣ статсъ-секретаря—«Сбор. Рус. Ист. Общ.», т.т. X, XIII и XXIII; о его участіи въ дѣлахъ Комиссіи о соч. Нов. Улож. — то же изданіе т.т. IV, XXXII и XXXVI); о его смерти «Дневникъ поручика Васильева», въ «Памят. древ. письмен.» вып. CXIX, стр. 103.

Козка (Матвѣй) *Варѳоломеевичъ*, новгородскій посадникъ, получилъ посадничество въ 1332 г. Въ 1340 г. онъ посланъ былъ новгородцами въ Торжокъ для защиты жителей послѣдняго отъ насилій великокняжескихъ сборщиковъ; вмѣстѣ съ другими новгородскими боярами онъ перехватилъ московскихъ намѣстниковъ и сборщиковъ и посадилъ ихъ въ заключеніе. Но чернь, опасаясь мести великаго князя, освободила заключенныхъ, а новгородцевъ выпроводила изъ города. Въ 1342 г. игралъ видную роль въ смутахъ новгородскихъ, вызванныхъ убійствомъ въ Заволочьѣ Луки Варѳоломеевича. Во время ихъ казни Матвѣй лишился посадничества, но въ 1345 г. ему опять дали его, отнявъ у Евстафія Дворянинца, «и Божіею благодатію не бысть лиха межю има».

П. С. Р. Л. III, 76, 80, 82, 83; IV, 53, 27; V, 222; VII, 206; X, 213, 214; «Опытъ о посадн. новгор.». *А. Э.*

Козловскій, *Василій Тимоѳеевичъ*, переводчикъ первой половины XVIII вѣка, ум. послѣ 1730 г. Обучался въ славяно-греко-латинской школѣ и изъ класса «синтаксіи», въ 1717 году, былъ посланъ Петромъ Великимъ въ Прагу «для либеральныхъ наукъ»; по возвращеніи оттуда въ 1720 г. назначенъ переводчикомъ въ Синодъ съ «содержаніемъ подканцеляриста». Въ первый же годъ, выполнилъ переводъ «Сократовыхъ церковныхъ исторій» и сталъ получать по «80 рублей денегъ и 20 юфтей хлѣба въ годъ». Къ 1730 г. перевелъ еще, вмѣстѣ съ Розенблутомъ, сочиненія Гохберга «Georgica curiosa, oder das adelische Land-und-Feld-Leben».

Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Вел.», I.

Козловскій, *Викентій Михайловичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1797 г., ум. 16 января 1873 г. Въ 1815 г. выпущенъ изъ Дворянскаго полка прапорщикомъ въ 16-й егерскій полкъ, расположенный на Кавказѣ; въ 1831 году отличился при штурмѣ Варшавы. Въ слѣдующемъ году вернулся на Кавказъ, гдѣ и провелъ послѣ этого 26 лѣтъ. Въ 1841—1847 гг. командовалъ знаменитымъ Кабардинскимъ полкомъ и съ нимъ дважды въ 1843 г. разбилъ Шамиля и участвовалъ въ знаменитой экспедиціи въ Дарго; въ 1851 г. взялъ штурмомъ Шалинскіе окопы. Въ 1853 г. Козловскій назначенъ былъ командующимъ войсками

на Кавказской линіи и въ Черноморіи. Когда при началѣ Крымской войны подготовлялось поголовное возстаніе горцевъ на всемъ Кавказѣ, Магометъ Аминь со значительными силами двинулся къ Карачаю, гдѣ долженъ былъ встрѣтить множество единомышленниковъ. Козловскій бросился за нимъ и предъ самымъ Карачаемъ на голову разбилъ его скопища, несмотря на то, что имѣлъ всего 3 батальона; затѣмъ онъ съ невѣроятною быстротою устроилъ колесную дорогу въ Карачай и такимъ образомъ предупредилъ дальнѣйшее развитіе возстанія. По окончаніи Крымской войны въ 1856—1857 г. строилъ укрѣпленія на новой линіи по Малой Лабѣ, въ томъ числѣ и Майкопское. Въ 1858 г, по разстроенному здоровью покинулъ Кавказъ и назначенъ членомъ генералъ аудиторіата военнаго министерства; послѣдній годъ жизни былъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

Лееръ, «Энциклоп. военныхъ и морск. наукъ». статья «Кавказскія войны»; «Русскій Инвалидъ», 1873, № 21; «Иллюстр. Газета», 1873, № 6.

Козловскій, *Иванъ Андреевичъ*, князь, ум. послѣ 1620 г. Въ 1611 г., въ эпоху междуцарствія, вмѣстѣ съ братьями: Ѳедоромъ, Василіемъ и Петромъ, онъ собралъ дружину въ г. Романовѣ и съ нею очистилъ берега Волги отъ польскихъ шаекъ. Затѣмъ онъ въ Ярославлѣ соединился съ войсками кн. Пожарскаго и вмѣстѣ прибылъ подъ Москву, гдѣ не разъ отличился во время очищенія столицы отъ поляковъ и литовцевъ. Въ 1613 г. Козловскій принималъ участіе въ избраніи Михаила Ѳеодоровича и при этомъ государѣ еще въ 1620-хъ годахъ числился дворяниномъ по московскому списку.

Козловскій, *Игнатій Игнатьевичъ*, филологъ. Род. въ 1866 г.; ум. 19 ноября 1889 г. Уроженецъ г. Гродна, воспитанникъ Усть-медвѣдицкой гимназіи и Московскаго университета. Не смотря на то, что умеръ еще совсѣмъ молодымъ, онъ уже успѣлъ напечатать нѣсколько серьезныхъ научныхъ статей: 1) «О родительномъ падежѣ на «я» (въ Технеровскомъ «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft», III т., 1887 г.); 2) «О нарѣчіяхъ: амо, тамо, камо и тогда» (въ «Archiv für slavische Philologie» Ягича, т. X 1888 г.); 3) «Zur Geschichte des slavischen Consonastismus» (ib., т. XI, 1888 г.; двѣ статьи); 4) «Zwei syntaktische Eigenthümlichkeiten der russischen Sprache» (ib., т. XI, 1889 г.); 5) «О палеографическихъ особенностяхъ погибшей рукописи Слова о полку Игоревѣ» (въ III т. «Древностей» Московск. Археологич. Общества) и др.

Некрологъ въ XV т., вып. 2 «Древностей» Московскаго Археологическаго Общества (1894 г.)

Козловскій, *Іосифъ Антоновичъ*, композиторъ и капельмейстеръ, род. въ Варшавѣ въ 1757 г., ум. 27 февраля 1831 г. Родомъ полякъ; съ дѣтства находился въ капеллѣ каѳедральнаго собора св. Іоанна въ Варшавѣ и обнаружилъ большія способности къ музыкѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ былъ приглашенъ въ домъ графа Андрея Огинскаго въ качествѣ учителя музыки къ его малолѣтнему сыну Михаилу-Клеофасу Огинскому, съ которымъ онъ впослѣдствіи сдружился и имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ не только въ исторіи политическихъ событій, но и въ лѣтописяхъ музыки какъ композитора, автора полонезовъ и романсовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Козловскій поѣхалъ въ Россію и поступилъ въ военную службу адъютантомъ къ князю Долгорукову во время войны противъ турокъ. Вскорѣ кн. Потемкинъ взялъ Козловскаго къ себѣ на службу и привезъ въ Петербургъ. Съ этого времени начинается извѣстность Козловскаго, какъ композитора и капельмейстера; онъ завѣдывалъ музыкальною частью знаменитаго роскошнаго праздника, даннаго Потемкинымъ императрицѣ въ его Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ, и дирижировалъ во время его оркестромъ, состоявшимъ изъ 400 музыкантовъ; для этого праздника онъ написалъ большой полонезъ съ оркестромъ и хорами на слова Державина «Громъ побѣды раздавайся», который произвелъ необыкновенный фуроръ и упрочилъ славу автора. Со смертью Потемкина Козловскій былъ сдѣланъ инспекторомъ придворной музыки; эту должность онъ занималъ въ теченіе почти 30 лѣтъ до 1821 года, когда апоплексическій ударъ ослабилъ его физическія и умственныя силы и сдѣлалъ неспособнымъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ; по прошенію онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника и съ большою пенсіею, во вниманіе къ его продолжительной дѣятельности, заслугамъ и таланту. Путешествіе въ Польшу въ 1822—1823 гг. немного поправило его здоровье;

но сила привычки заставила его возвратиться въ 1824 г. въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ остатки своихъ дней, окруженный заботами дочери, превосходной артистки на арфѣ.

Многосложныя обязанности Козловскаго по должности и многочисленныя сочиненія, которыя онъ обязанъ былъ писать по случаю всевозможныхъ празднествъ, не позволили ему серьезно посвятить себя искусству, хотя онъ обладалъ несомнѣннымъ и большимъ талантомъ. Число написанныхъ имъ на разные случаи хоровъ, кантатъ и полонезовъ для большого оркестра — поразительно: ихъ насчитываютъ болѣе шестисотъ. Первые изъ нихъ признаются наилучшими. Современники Козловскаго—Ѳ. Булгаринъ и Вигель удостовѣряютъ необыкновенную популярность его полонезовъ въ екатерининское время. По словамъ Вигеля особенно славился и былъ любимъ тогда обществомъ полонезъ «Громъ побѣды раздавайся», подъ звуки котораго «русскіе ходили тогда съ какою то восторженною гордостью». Въ полонезахъ позднѣйшихъ Козловскій подчинялся предъявляемымъ къ нему требованіямъ и писалъ полонезы на темы французскихъ и итальянскихъ оперъ, которыя въ то время нравились высшему обществу, но въ этихъ его произведеніяхъ уже не было отпечатка той оригинальности, которая такъ замѣтна въ его раннихъ композиціяхъ. Ему принадлежитъ музыка лучшихъ романсовъ и пѣсенъ екатерининскаго времени, на слова Державина, Нелединскаго-Мелецкаго и другихъ. Императоръ Александръ I очень любилъ произведенія Козловскаго и заставлялъ его оркестровать хоры для духоваго оркестра. Козловскій написалъ музыку къ трагедіямъ Озерова «Фингалъ» и «Эдипъ въ Аѳинахъ» и къ трагедіи кн. Шаховскаго «Дебора»; лучшимъ произведеніемъ Козловскаго признавалась месса—«Requiem» на 4 голоса съ оркестромъ, написанная имъ по просьбѣ послѣдняго короля польскаго Станислава - Августа Понятовскаго, незадолго до смерти его въ Петербургѣ въ 1798 году и въ первый разъ исполненная на его похоронахъ лучшими артистами того времени, находившимися въ Петербургѣ; весь ансамбль вполнѣ соотвѣтствовалъ возвышенности сюжета и таланта композитора, патріотизмъ котораго отдавалъ въ этомъ послѣдній долгъ своему королю, умершему въ чужой для него странѣ. Партитура мессы была напечатана у Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ и по ней месса часто исполнялась въ Польшѣ и въ Россіи. Изъ другихъ произведеній Козловскаго изданы: въ Берлинѣ у Лишке: восемь полонезовъ, аранжированныхъ для фортепіано, въ Прагѣ въ 1797 г.—шесть полонезовъ для большого оркестра и собраніе полонезовъ для фортепіано, большая же часть его оркестровыхъ произведеній осталась въ рукописи.

«Biographie universelle des musiciens» par F. Fetis. Paris. 1878. I. V. pp. 89—90;—«Les musiciens polonais et slaves» par A. Sowinski. Paris. 1857 pp. 337—338.—«Русскій энциклопедическій словарь И. Н. Березина, отд. II, т. III, стр. 256»;—«Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона т. XV, стр. 602;—Вл. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи». Спб. 1879. Стр. 276—277;—Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра» Спб. 1861. Стр. 127, 167, 204;—«Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ», Вып. I. Спб. 1892.

Н. Л—скій.

Козловскій, *Михаилъ Ивановичъ*, профессоръ скульптуры. Род. 26 октября 1753 г., ум. 18 сентября 1802 г. въ Петербургѣ. Сынъ «галернаго флота трубачевскаго мастера», онъ былъ принятъ въ Академію Художествъ по прошенію отца 1 іюля 1764 г., зная грамоту и ариѳметику, а въ 1767 г., при общемъ распредѣленіи учениковъ по спеціальностямъ, назначенъ въ классъ скульптуры, къ проф. Жилле. Оказывая быстрые успѣхи въ искусствахъ, онъ выполнилъ въ гипсѣ статуи съ антиковъ «Флора Зенона», и «Венера aux belles fesses», получилъ, одну за другою, медали: въ 1770 г., мая 3-го, 2-ю серебряную за рисунокъ съ натуры и іюля 30-го, 2-ю золотую за исполненіе по программѣ барельефа «Кн. Владиміръ, проснувшись, отклоняетъ ударъ, наносимый ему Рогнѣдою»; въ 1771 г., сентября 5-го, 1-ю серебряную за лѣпленіе барельефа по задачѣ; въ 1772 г. сентября 24-го,—опять 2-ю золотую за выполненіе задачи «Воины хотятъ убить кн. Изяслава Мстиславича на полѣ брани, не узнавъ его, но онъ удерживаетъ ихъ, открывая шлемъ», и, наконецъ въ 1773 г.—1-ю золотую за барельефъ «свиданіе Святослава съ матерью и дѣтьми въ Кіевѣ по возвращеніи съ Дуная», послѣ чего, опредѣленіемъ 20 мая, назначенъ пенсіонеромъ на 4 года въ Римъ, куда и отправленъ 30 іюля на англійскомъ кораблѣ.

Въ своихъ рапортахъ изъ Италіи Коз-

ловскій доносилъ Академіи, что, прибывъ въ Римъ 10 января 1774 г., онъ упражнялся въ лѣпкѣ съ натуры, въ копировкахъ антиковъ во французской Академіи (гдѣ пользовался совѣтами Віена), въ композиціи, въ рисовкѣ съ работъ Ан. Карраччи (въ галлереѣ Фарнези), Доменикино, Рафаэля Урбино, а также съ антиковъ и съ натуры, наконецъ въ исполненіи собственныхъ круглыхъ фигуръ, представляющихъ «Рѣку въ видѣ сидящей женщины съ урной» (1775), «мѣсяцъ августъ» или «лѣто» въ видѣ молодаго пастушка, «Юпитера, лобзающаго Амура» (1776), и въ довершеніе всего—въ производствѣ нѣсколькихъ этюдовъ съ лошади Марка Аврелія и съ работъ Микель Анджело, для чего онъ просилъ объ отсрочкѣ своего пребыванія въ Римѣ еще на годъ, на что и послѣдовало дозволеніе совѣта по журналу отъ 27 марта 1777 г. Въ томъ году онъ работалъ въ галлереѣ Капитолійской съ «умирающаго бойца или гладіатора», затѣмъ—«академію» и «анатомію» съ натуры, взятыя у него многими художниками въ Римѣ и которыя онъ выслалъ въ Петербургъ въ 1779 г.; направляясь же въ Парижъ, получилъ 10 февраля 1780 г. отъ Марсельской Академіи живописи, скульптуры и архитектуры званіе академика, а на родинѣ признанъ, опредѣленіемъ академическаго совѣта отъ 3 сентября 1782 г., «назначеннымъ» въ академики за аллебастровую фигуру «Юпитера съ Ганимедомъ». Пять съ половиною лѣтъ спустя, 15 января 1788 г. состоялось опредѣленіе того-же совѣта, что, такъ какъ «имъ назначенный отъ Академіи и бывшій пенсіонеръ ея въ чужихъ государствахъ г. Козловскій отъѣзжаетъ нынѣ обратно въ Парижъ для пріобрѣтенія познаній въ своемъ художествѣ», то совѣтъ, «зная хорошее и честное его поведеніе, а притомъ и уважая знаменитость, какую онъ художествомъ своимъ уже себѣ пріобрѣлъ, сдѣлавъ изъ мрамора статую Ея Императорскаго Величества (Екатерины II-й, 1787 г., нынѣ въ Академіи), заслужившую Высочайшее благоволеніе, намѣренъ поручить въ надзираніе его находящихся въ Парижѣ пенсіонеровъ, давъ ему касающуюся до должности его особливую инструкцію».

Въ Парижѣ, куда Козловскій пріѣхалъ 20 августа, онъ посѣщалъ натурный классъ Академіи, причемъ ему предоставлено было право входить въ него одновременно съ профессоромъ, что давало ему возможность выбрать мѣсто самое лучшее для рисованья. Въ столицѣ Франціи онъ нашелъ до 10 русскихъ пенсіонеровъ—живописцевъ, скульпторовъ, граверовъ, но обо многихъ изъ нихъ директоръ Академіи не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, а они жаловались, въ свою очередь, что «были безъ всякой протекціи» и потому не могли начать своихъ работъ. Козловскій распредѣлилъ ихъ по разнымъ профессорамъ, и академическій совѣтъ вполнѣ одобрилъ его распоряженіе.

Почти черезъ годъ (25 іюля 1789) онъ доносилъ Академіи изъ Парижа, что «здѣсь воспослѣдовала перемѣна большая—граждане взяли оружіе и содержатъ сами караулъ и насъ къ тому же принуждаютъ, не принимая никакихъ на то отговорокъ, за что пенсіонеры Императорской Академіи Художествъ крайне ропщутъ, ибо стоитъ имъ каждая недѣля — 6 франковъ, а самимъ ходить, казалось бы, непристойно съ ружьемъ въ чужомъ отечествѣ, для сей причины былъ я у нашего посланника, сказывалъ ему, что насъ Императорская Академія не съ тѣмъ сюда прислала, чтобъ намъ ружье здѣсь носить, и просилъ его, чтобъ насъ защитилъ, на что его превосходительство не далъ никакого рѣшенія и мы теперь всѣ должны исполнять, что намъ прикажутъ, а за городъ никого не выпускаютъ, письма распечатываютъ; чѣмъ все это кончится, того никто не знаетъ; къ тому же все здѣсь вздорожало, такъ что наши пенсіонеры едва могутъ имѣть хлѣбъ насущный». Увѣдомляя вмѣстѣ съ тѣмъ о занятіяхъ пенсіонеровъ, Козловскій въ заключеніе совѣтывалъ Академіи долѣе въ Парижѣ пенсіонеровъ не держать, а еще черезъ годъ (4 іюля ст. ст. 1790) увѣдомлялъ, что «долѣе не можетъ исполнять обязанностей инспектора, по тому что обстоятельства долѣе оставаться въ Парижѣ ему не дозволяютъ».

Исполнивъ въ 1791 г. изъ бѣлаго мрамора, въ натуральную величину, горельефное изображеніе по-поясъ митрополита Гавріила, строителя Троицкаго собора въ Александроневской лаврѣ (находится нынѣ въ соборѣ противъ раки св. Александра Невскаго, за картиною «Благовѣщеніе»), и нѣкоторыя другія работы, Козловскій обратился 22 августа 1784 г. въ совѣтъ академіи съ просьбою, гдѣ, разсказавъ въ кратцѣ о своемъ постоянномъ рвеніи и успѣхѣ за

границей, прибавлялъ въ концѣ, что «по возвращеніи моемъ въ Россію старался я равномѣрно трудами моими снискать себѣ благоволеніе любителей изящныхъ художествъ и дожилъ наконецъ счастья, что многія мои работы сдѣлались извѣстны Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, нынѣ же, представляя оныя (какъ-то: Фауна, Марсія, Поликрата, Дѣвушку съ бабочкой) на благоразумное сужденія Императорской Академіи Художествъ, всепокорнѣйше прошу, сравнивъ ихъ съ трудами прочихъ художниковъ, почтить меня по нимъ удостоеніемъ, какое таланты мои заслуживаютъ».

Просьба эта подѣйствовала и, по опредѣленію собранія отъ 12 сентября, Козловскій былъ произведенъ въ академики, а 21 октября того-же года, въ торжественномъ собраніи,—въ младшіе профессоры.

Въ слѣдующемъ году (22 марта) Козловскій занялъ мѣсто члена въ академическомъ совѣтѣ, немного же спустя послѣ того (13 апрѣля) президентъ гр. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ въ Академію слѣдующее предложеніе: «по конфирмованному Ея Императорскимъ Величествомъ штату Академіи положено, при каждомъ художествѣ, быть двумъ профессорамъ — старшему и младшему, а какъ нынѣ скульптурнаго художества состоитъ на жалованьѣ одинъ только профессоръ старшій, изъ опытовъ же извѣстно, что скульпторъ профессоръ и членъ совѣта Козловскій изъ одного только усердія, безъ всякаго по сіе время жалованья, ставилъ неоднократно въ натурномъ классѣ модели и имѣлъ смотрѣніе надъ учениками, то ...онаго профессора Козловскаго помѣстить въ Академіи на штатное жалованье младшаго профессора, состоящее изъ 600 р. годоваго оклада, препоруча притомъ въ его смотрѣніе и распоряженіе къ вящей пользѣ натурный классъ», что и было исполнено по опредѣленію совѣта отъ 28 апрѣля.

Вообще гр. Мусинъ-Пушкинъ покровительствовалъ этому художнику; 9 сентября 1796 г. онъ подносилъ Екатеринѣ II отлитые изъ мѣди при Академіи: вылѣпленную проф. Козловскимъ группу «Минервы съ геніемъ» и «3 орлика, да двѣ подкладки мраморныя», причемъ Ея Величество изволила орлики съ подкладками оставить у себя, Минерву же повелѣла поставить въ Академію, а 21 февраля 1797 г. президентъ предложилъ Совѣту выдать 500 р. на счетъ его жалованья (которое онъ еще 12 января 1796 г. изъявилъ желаніе обратить на поощреніе художниковъ, но по выставкѣ того года не явилось произведеній художниковъ, заслуживающихъ поощренія), въ награду проф. Козловскому за сдѣланную имъ группу Минервы, поднесенную Императрицѣ.

Продолжая службу въ Академіи, Козловскій былъ назначенъ 31 декабря 1796 г. въ коммиссію для описанія картинъ, мраморовъ и эстамповъ Императорскаго Эрмитажа, въ 1797 г. исполнилъ изъ мрамора статую «Амуръ» для того же музея; 27 іюля 1799 г. избранъ былъ старшимъ профессоромъ скульптуры на мѣсто Мартоса, выбраннаго въ адъюнктъ-ректоры; въ концѣ того же года удостоился апробаціи своего проекта памятника Суворову на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ, а въ маѣ 1801 г., по выполненіи онаго, получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и богатую табакерку; годомъ раньше, въ апрѣлѣ 1800 г., Государю Императору была поднесена президентомъ Академіи Художествъ гр. А. Строгановымъ мраморная статуя «пастушокъ съ барашкомъ» работы Козловскаго, и къ оной порфировый пьедесталъ; 1 сентября 1802 г. гр. Муравьевъ препроводилъ къ президенту по Высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія, прошеніе проф. Козловскаго о повелѣніи удовлетворить его за мраморную статую, представляющую «Гименей», сдѣланную на случай бракосочетанія великаго князя Константина Павловича и находящуюся въ Эрмитажѣ. 2 октября, уже послѣ смерти Козловскаго, Леонтьевъ увѣдомилъ гр. Строгонова, что онъ рѣшительнаго отвѣта на счетъ окончанія барельефа, начатаго покойнымъ проф. Козловскимъ (для зданія Медико-Хирургической Академіи), сообщить не можетъ, не узнавъ прежде на то волю министра внутреннихъ дѣлъ, гр. В. П. Кочубея, а за три дня передъ тѣмъ президентъ предложилъ совѣту академіи дать воспитанникамъ программу для сооруженія надгробнаго памятника покойному профессора (на Смоленскомъ кладбищѣ), вслѣдствіе чего Чекаловскій прислалъ гр. Строгонову 15 апрѣля 1804 г. два скульптурныхъ и одинъ рисованный эскизъ такого памятника, за которые пенсіонеры Демутъ-Малиновскій, Пименовъ и Прокофьевъ и получили три золотыя медали. Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, Козловскимъ исполнены были

еще: мраморная статуя, «Бдѣніе Александра Великаго» (она представляетъ героя сидящимъ на лонѣ въ дремотѣ и держащимъ въ правой рукѣ шаръ, готовый скатиться въ чашу), колосальная группа Самсона со львомъ для Петергофскаго сада и украшенія для Таврическаго дворца, а также барельефы въ Мраморный дворецъ, изображающіе: «возвращеніе Регула въ Карѳагенъ» и «Камилла, освобождающаго Римъ отъ Галловъ».

Художественный критикъ первой половины XIX в., говоритъ, что «каждое изъ произведеній Козловскаго обнаруживаетъ въ авторѣ необыкновенную способность, много чувства, воображенія, оригинальный взглядъ и мастерскую руку. Но, не взирая на эти достоинства, должно сказать, что Козловскій, полный самобытности и неподдѣльнаго живаго дарованія, былъ романтикомъ своего рода. Примѣры древности и памятники классическаго искусства не были для него исключительнымъ образцомъ совершенства: здѣсь къ чести его должно сказать, что онъ еще въ исходѣ прошедшаго столѣтія понималъ условность изящнаго древнихъ. Это повело Козловскаго въ сферу художественныхъ вольностей, гдѣ ловкость пріема считается искусствомъ, гдѣ выраженіе чувства замѣняетъ выраженіе характера, гдѣ пылкость и игривость воображенія именуются творчествомъ. Но и на этой дорогѣ, гдѣ другой непремѣнно бы палъ вполнѣ, т. е. сдѣлался бы жалкимъ и грубымъ маньеристомъ, Козловскій сохранилъ свое достоинство: произведенія его, не имѣя идеальнаго совершенства и красоты античной, отличаются естественностью характера и свободной простотой подражанія природы».

Козловскій издалъ въ видѣ книги лучшіе изъ своихъ рисунковъ (частью съ исполненныхъ имъ скульптуръ), гравированныхъ крѣпкою водкою и лависомъ; подъ нѣкоторыми изъ нихъ стоитъ имя гравера Корсакова, другіе—безъ имени мастера. Всего 42 ненумерованныхъ гравюры на 24 листахъ, въ томъ числѣ приписывается ему и «баня», гдѣ женщины моются вмѣстѣ съ мущинами.

Дѣла Архива И. А. Х. 1774—1800 г.; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова; «Мѣсяцесловъ на 1840 г.», стр. 177; Д. Ровинскій «Подробный словарь русс. граверовъ», 1894, т. I; Nagler «Künstler-Lex.». VII.

П. Собко.

Козловскій, *Михаилъ Тимофѣевичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1774 г., ум. 1853 г. Участвовалъ въ компаніяхъ 1805 и 1807 гг., въ сраженіи подъ Аустерлицемъ выказалъ замѣчательную храбрость и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; въ 1807 г. назначенъ командиромъ преображенскаго полка; въ 1809 г. во время свиданія въ Тильзитѣ Императора Александра I съ Наполеономъ былъ комендантомъ Тильзита. Въ 1810 г. уволенъ съ чиномъ тайнаго совѣтника для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Собиралъ Михайловскому-Данилевскому много цѣнныхъ свѣдѣній для исторіи компаніи 1807 г.

«Энциклопед. Словарь» Брокгаузена и Эфрона, XV, 602.

Козловскій, князь *Петръ Борисовичъ*, род. въ Москвѣ въ декабрѣ 1783 г., ум. въ Баденѣ 26-го октября 1840 г. Получилъ домашнее образованіе, которое сначала велось довольно небрежно, но со смертью старшаго брата на него стали смотрѣть, какъ на единственнаго представителя рода и приставили къ нему нѣсколько воспитателей, причемъ главное вниманіе было обращено, соотвѣтственно духу времени, на изученіе французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Раннему умственному развитію кн. Козловскаго много способствовало общество образованныхъ иностранцевъ, преимущественно французскихъ эмигрантовъ,—каковы Дотишанъ, Ламберъ, Шамиссо,—часто посѣщавшихъ домъ его отца. На 17 году кн. Козловскій уже дебютировалъ въ литературѣ стихотвореніями, напечатанными въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» 1798 г. (ч.ч. XIX и XX) и въ «Ипокренѣ» 1799 г. (ч. I). Кромѣ того около этого же времени имъ написаны «Стихи на выздоровленіе благодѣтеля» (кн. А. Б. Куракина, Спб. 1802) и непоявившійся въ печати переводъ «Страданій Вертера» Гете. Для пополненія своего образованія кн. Козловскій обратился въ Римѣ къ французскому іезуиту Лами, у котораго сталъ заниматься латинскимъ языкомъ, исторіей и математическими науками. Занятія съ іезуитомъ Лами, помимо научнаго образованія, произвели переворотъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ кн. Козловскаго: онъ тайно перешелъ въ католичество. Во время заграничной поѣздки, въ Римѣ, онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и вернулся въ Москву для

принятія наслѣдства, которое раздѣлилъ между своими сестрами. Въ 1801 г. онъ поступилъ на службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ 1802 г. былъ назначенъ состоять при русской миссіи въ Сардиніи; въ 1810 г. ему было поручено исполненіе обязанностей повѣреннаго въ дѣлахъ въ Кальяри; въ 1812 г. кн. Козловскій, получилъ званіе камергера, 22 сентября назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сардинскомъ дворѣ. Въ Кальяри кн. Козловскій составлялъ «Исторію господства генуэзцевъ въ Крыму», которая осталась въ рукописи. Здѣсь же онъ подружился съ герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи занимавшимъ французскій престолъ съ именемъ Луи-Филиппа, который пріѣзжалъ съ визитомъ къ сардинскому двору и почти 6 мѣсяцевъ прожилъ на одной виллѣ съ кн. Козловскимъ. Въ 1814 г. Козловскій былъ призванъ на Вѣнскій конгрессъ и тамъ близко сошелся со многими выдающимися современниками: бр. Гумбольдтами, Ипсиланти, проф. Гансомъ, принцемъ де-Линь. Въ 1818 г. кн. Козловскій былъ назначенъ посланникомъ въ Штуттгартъ и Карлсруэ, при дворахъ Виртембергскомъ и Баденскомъ, но, не раздѣляя политическихъ взглядовъ русскаго министерства, черезъ два года былъ переведенъ въ вѣдомство коллегіи, а въ 1821 г. отставленъ отъ службы и отправился путешествовать по Европѣ. Странствованія его продолжались 13 лѣтъ. Дружески принимаемый при иностранныхъ дворахъ, онъ былъ между прочимъ, въ Лондонѣ у короля Георга IV, затѣмъ въ 1824 г. въ Парижѣ у Людовика XVIII. Здѣсь кн. Козловскій написалъ «Tableau de la cour de France»; книга была уже напечатана, но, по совѣту друзей, которые нашли ее слишкомъ смѣлою, не обнародована. Интересуясь дѣлами ирландскихъ католиковъ, Козловскій, въ возраженіе на страстную рѣчь епископа честерскаго, д-ра Бломфильда, которую тотъ держалъ въ Верхней палатѣ 17 мая 1825 г., издалъ въ томъ же году брошюру «Lettre d'un protestant d'Allemagne à Monseigneur l'évêque de Chester». Въ 1825 г. Козловскій появляется въ Берлинѣ, а въ 1830 г. въ Нидерландахъ. Въ 1830 г., въ Гентѣ, онъ издалъ брошюру, касающуюся суда надъ министрами Карла X, подъ заглавіемъ «Lettre au duc de Broglie sur les prisonniers de Vincennes». Пробывъ затѣмъ нѣсколько времени въ Парижѣ, Козловскій въ 1834 г. выѣхалъ въ Россію и заѣхалъ на пути въ Варшаву, чтобы повидаться со своимъ старымъ другомъ кн. Паскевичемъ, занимавшимъ тогда постъ намѣстника въ царствѣ Польскомъ. Тутъ съ нимъ случилось несчастіе: его кучеръ, въ моментъ страннаго умопомраченія, направилъ лошадей къ обрыву, карета съ кн. Козловскимъ скатилась съ высоты 40 футъ, Козловскій разбился, сломалъ ногу, но какимъ-то чудомъ остался живъ. Это несчастіе задержало его въ Варшавѣ на цѣлый годъ и лишь въ 1835 г., послѣ 22-хъ-лѣтняго отсутствія, явился онъ въ петербургскихъ салонахъ, гдѣ сразу занялъ видное мѣсто. Хорошо знакомый съ математическими науками, Козловскій, по предложенію А. С. Пушкина принялъ участіе въ «Современникѣ», и напечаталъ въ 1836 г. въ I и III томахъ этого журнала двѣ статьи: «Разборъ парижскаго математическаго ежегодника на 1836 годъ» (Annuaire du Bureau des longitudes présenté au Roi) и «О надеждѣ» (о теоріи вѣроятностей); кромѣ того въ VI т. «Современника» напечатана его статья о паровыхъ машинахъ. Поступивъ, затѣмъ, въ 1836 г. снова на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, съ назначеніемъ состоять при намѣстникѣ царства Польскаго, кн. Козловскій былъ командированъ въ южную Польшу и представилъ замѣчательный отчетъ о плавильняхъ, молотовыхъ, каменноугольныхъ копяхъ и другихъ отрасляхъ горнозаводской промышленности края. Въ 1839 г. онъ перевелъ на французскій языкъ статью В. А. Полѣнова «Объ отправленіи Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія» (напеч. въ «Русск. Старинѣ» 1874 г., т. IX) и отдалъ переводъ извѣстному тогда путешественнику маркизу Кюстину, который и помѣстилъ его въ приложеніи къ IV тому своей книги «La Russie en 1839».

Кн. П. А. Вяземскій, познакомившійся съ Козловскимъ въ 1834 г., отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ просвѣщенномъ, необыкновенно добромъ, проницательнаго, воспріимчиваго и парадоксальнаго ума, обладавшемъ большою начитанностью, удивительною памятью, смѣлостью мнѣній, простодушіемъ, мягкостью пріемовъ, аттическою вѣжливостью и въ особенности

необыкновеннымъ даромъ слова, выражавшимся въ блестящихъ импровизаціяхъ; съ такою характеристикой согласны почти всѣ отзывы современниковъ, за исключеніемъ Ф. Ф. Вигеля, который неодобрительно отзывается о Козловскомъ, упрекая его въ отсутствіи патріотизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Козловскій отличался лѣностью, причиною чего была, по всей вѣроятности, его необыкновенная тучность, которая служила въ Лондонѣ пищею для каррикатуръ и дала поводъ А. Ѳ. Воейкову написать въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ»: «кн. Козловскій—при дополненіи календаря объѣденія». Есть извѣстіе, что, владѣя необыкновеннымъ даромъ разсказа, Козловскій сочинилъ цѣлый романъ, въ которомъ доказывалъ, что крѣпостное право вреднѣе для господъ, нежели для слугъ, но изъ лѣности не положилъ его на бумагу, а постепенно разсказывалъ своимъ пріятелямъ. Что Козловскій былъ дѣйствительно человѣкъ недюжинный, это всего лучше подтверждается отзывомъ о немъ А. С. Пушкина, который въ письмѣ къ П. Я. Чадаеву въ 1836 г. писалъ: «Козловскій былъ бы для меня провидѣніемъ, если бы онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ». По многимъ своимъ убѣжденіямъ, правиламъ, сочувствіямъ, вѣрованіямъ и особенно въ литературномъ отношеніи онъ былъ строгій классикъ. Латинскій языкъ, латинскіе писатели были ему свои. Особенно любилъ онъ Ювенала. Что же касается новѣйшей литературы, то, за исключеніемъ сочиненій историческихъ политическихъ и сочиненій по точнымъ наукамъ, онъ не только ея не уважалъ, но даже и не признавалъ; только два новѣйшихъ поэта были изъяты имъ изъ этого остракизма: Байронъ и Пушкинъ.

«Fürst Koslofsky.... herausgegeben von D-r Wilhelm Dorow», Leipzig 1846—здѣсь перепечатаны и двѣ политическія брошюры Козловскаго; Геннади, «Справочный словарь»; «Полное собраніе соч. кн. Вяземскаго», Спб. 1879 т. II, стр. 285—294; «Рус. Архивъ», 1863 г. стр. 807; «Парнасскій Адресъ-Календарь»—«Рус. Арх.» 1866 г. стр. 763; «Записки Ф. Ф. Вигеля», Москва 1891 ч. I стр. 176; «Изъ записокъ А. Я. Булгакова»—«Русск. Архивъ» 1867 г. стр. 1368; «Русск. Архивъ» 1882 г., кн. I, стр. 253; кн. III, 175, 1883 г. кн. I стр. 9 и 25; «Русск. Старина» 1896 г. №VI, стр. 456; «Сочиненія А. С. Пушкина», изданіе литературнаго фонда, т. VII стр. 412. *Н. М.*

Козловскій, князь, *Ѳеодоръ Алексѣевичъ*, ум. 24 іюня 1770, сынъ сенатора князя Алексѣя Степановича, бывшаго съ 1758 г. по 1763 годъ оберъ-прокуроромъ св. Сунода, учился въ гимназіи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ на военную службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Съ 1767 по 1769 г. Козловскій состоялъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія въ числѣ молодыхъ дворянъ, прикомандированныхъ къ ней по письменной части. Въ 1769 г. онъ былъ отправленъ курьеромъ къ графу А. Г. Орлову, причемъ получилъ отъ Екатерины II порученіе заѣхать къ Вольтеру въ Ферней и передать ему письмо и ея портретъ. Проѣхавъ изъ Фернея въ Италію, Козловскій оставался при гр. Орловѣ до самаго Чесменскаго боя, во время котораго и погибъ при взрывѣ корабля «Евстафій».

Будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, кн. Ѳ. А. Козловскій былъ близко знакомъ съ выдающимися современными русскими писателями: Д. И. Фонвизинымъ, М. М. Херасковымъ, Н. П. Новиковымъ, В. И. Майковымъ. Козловскій написалъ нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Вечерахъ», ч. II, 1773 г., «Московскомъ Ежемѣсячномъ Изданіи», 1781 г. ч. II, и послужившихъ образцами Державину при первыхъ шагахъ его поэтической дѣятельности, перевелъ съ французскаго нѣсколько пьесъ для театра и, вслѣдствіе выраженнаго Екатериной II желанія видѣть на русскомъ театрѣ «комедіи прямо россійскія, осуждающія главные наши пороки», написалъ комедію въ 1 дѣйствіи (въ прозѣ) «Одолжавшій любовникъ» или «Любовникъ въ долгахъ», которая была играна всего одинъ разъ, на придворномъ театрѣ въ іюнѣ 1764 года. Онъ началъ было также писать трагедію «Сумбека или покореніе Казанскаго царства» и «Похвальное слово Екатеринѣ II», но не успѣлъ окончить этихъ произведеній. Кромѣ того Козловскій участвовалъ въ «Переводахъ изъ энциклопедіи» 1767 г., гдѣ ему принадлежатъ двѣ статьи «о словопроизведеніи». Въ поэмѣ Хераскова «Чесменскій бой» нѣсколько стиховъ посвящены смерти кн. Козловскаго, которую оплакалъ В. И. Майковъ въ «Посланіи къ В. И. Бибикову».

«Драматическій Вѣстникъ» 1808 г. стр. 78; «Сочиненія и переводы В. И. Майкова», Спб. 1867 стр. 537; Геннади, «Справочный словарь»; «Сочи-

ненія Державина, съ примѣчаніями Я. Грота», изд. Имп. Акад. Наукъ. т. VI, стр. 438 и 443, т. VIII стр. 71, т. IX стр. 28. *Н. М.*

Козловъ, *Александръ Алексѣевичъ*, живописецъ, род. въ 1816 г., ум. 7 іюля 1884 г. Учился у Брюни. Извѣстенъ болѣе какъ офортистъ и рисовальщикъ для литографій. Имъ исполнены были семь гравюръ на камнѣ, на манеръ офортовъ, въ томъ числѣ съ картинъ Бруни «Тайная вечеря» (дважды), «Моленіе о чашѣ», «Вакханка» и «Іоаннъ Богословъ»—съ картины Доменикино, по извѣстной гравюрѣ Миллера. Три работы Козлова выполнены офортомъ и до 70—литографіей, преимущественно портреты особъ Царствующаго Дома и представителей высшей духовной и гражданской администраціи.

Ровинскій, «Подробный Словарь рус. граверовъ», 358—361.

Козловъ, *Александръ Степановичъ*, ум. въ февралѣ 1888 г. Службу началъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку; за дуель съ товарищемъ въ 1857 г. переведенъ на Кавказъ, гдѣ показалъ выдающуюся храбрость во многихъ дѣлахъ. По усмиреніи края прощенный и переведенный снова въ гвардію, вышелъ въ отставку и жилъ заграницею, много путешествовалъ, отыскивая повсюду опасности и приключенія, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Африку на охоту за львами съ извѣстнымъ Жераромъ. Въ войну 1877—1878 гг., не смотря на свои уже не молодые годы, снова поступилъ на службу, былъ ординарцемъ при князѣ Шаховскомъ, участвовалъ во второмъ штурмѣ Плевны. По окончаніи войны поселился въ Москвѣ, и скоро пріобрѣлъ широкую извѣстность среди нуждающагося и бѣднаго населенія столицы, помогая щедрою рукою и часто оставаясь даже неизвѣстнымъ по имени, тѣмъ, кому онъ щедро помогалъ.

«А. С. Козловъ. Некрологъ».

Козловъ, *Василій Ивановичъ*, литераторъ, род. въ Москвѣ въ 1792 г., умеръ 11 мая 1825 г. Учился сначала въ Московской практической коммерческой академіи, однимъ изъ учредителей которой былъ его отецъ, московскій купецъ Иванъ Кузьмичъ Козловъ, и, пройдя первый курсъ, перешолъ въ Московскій университетъ. Во время 1812 г. уѣхалъ въ Казань, а въ 1814 г. пріѣхалъ въ С.-Петербургъ съ цѣлію поступить на службу. Не найдя мѣста, онъ, по продложенію основателя «Русскаго Инвалида», П. П. Пезаровіуса, принялъ званіе редактора этой газеты и занимался ея изданіемъ до 1824 г., помѣстивъ массу цѣнныхъ статей въ неоффиціальной части. Въ 1824 г принялъ участіе въ «Сѣверной Пчелѣ», въ которой помѣщалъ преимущественно переводъ заграничныхъ извѣстій; кромѣ того участвовалъ съ 1822 г. въ «Новостяхъ Литературы». Кромѣ журнальныхъ статей извѣстны его «Письма» къ Макарову, напечатанныя въ «Дамскомъ журналѣ», 1829 г., ч. 27.

«Сѣверная Пчела», 1825 г., № 58; Геннади, «Словарь писателей»; «Справочный энц. словарь», изд. К. Крайя, т. VI.

Козловъ, *Гавріилъ Игнатьевичъ*, адъюнктъ ректоръ Академіи Художествъ, ум. 22 мая 1791 г. Въ 1762 г., 19 августа вступилъ въ Академію въ званіи адъюнкта, 25 іюня 1765 г. получилъ званіе академика исторической живописи, 9 января 1771 г. произведенъ въ профессора. Въ 1772 г. назначенъ вмѣстѣ съ Я. Штелинымъ и Девилье членомъ «комитета для составленія медалической исторіи со времени Петра Великаго». Этотъ комитетъ обязанъ былъ составлять рисунки послѣ того, какъ другой комитетъ, въ составъ котораго входили кн. М. М. Щербатовъ, М. М. Херасковъ и А. А. Нартовъ, сообщалъ «историческія описанія прожектированныхъ медалей»; 6 ноября 1774 г. были окончены рисунки для 75 новыхъ медалей и представлены кн. А. А. Вяземскому. 17 октября 1776 г., когда Академія въ Валенсіи прислала Петербургской Академіи Художествъ три диплома на званіе почетныхъ ея членовъ, дипломы эти были по рѣшенію Совѣта переданы: Г. Н. Теплову, директору Академіи А. О. Закревскому и Г. И. Козлову. Въ мартѣ 1779 г. представилъ проэктъ исправленій и реставраціи живописныхъ работъ въ Петропавловскомъ Соборѣ; 13 августа 1779 г. избранъ адъюнктъ ректоромъ Академіи; съ этого же года до кончины занималъ должность директора Шпалерной Императорской мануфактуры. Изъ его произведеній извѣстны «Отреченіе ап. Петра», въ Академіи Хухожествъ и нѣсколько образовъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ и въ главной церкви Смоленскаго кладбища въ С.-Петербургѣ.

Петровъ, «Матер. для исторіи Акад. Худож.», I, 111, 115, 128, 136, 309; «Сочиненія кн. М. М. Щербатова», II, VIII; «Энцикл. Словарь» Брокгауза и Эфрона, т. XV.

Козловъ, *Иванъ Ивановичъ*, поэтъ, род. 11-го апрѣля 1779 г. въ Москвѣ, ум. 30 января 1840 г. Тѣло его погребено на Тихвинскомъ кладбищѣ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ возлѣ него похороненъ впослѣдствіи другъ и покровитель его В. А. Жуковскій. Отецъ его—довольно извѣстный въ царствованіе Екатерины II, генералъ-рекетмейстеръ Иванъ Ивановичъ Козловъ. Фамилія Козлова принадлежала къ высшему московскому обществу, и И. И. Козловъ-сынъ блестящимъ образомъ началъ свою служебную карьеру. На шестомъ году отъ роду онъ былъ зачисленъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, а на шестнадцатомъ (въ 1795 г.) былъ произведенъ въ прапорщики, но чрезъ три года уже перешелъ «къ штатскимъ дѣламъ», съ переименованіемъ сначала въ губернскіе секретари; въ томъ же году былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, съ назначеніемъ въ канцелярію генералъ-прокурора, а затѣмъ въ герольдію и наконецъ (съ 1807 г.) въ канцелярію Московскаго главнокомандующаго, гдѣ получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1812 г. Козловъ состоялъ членомъ комитета для образованія Московскаго ополченія и былъ уволенъ въ отставку за три дня до вступленія французовъ въ Москву, когда съ семьей своей переселился въ Рыбинскъ. Послѣ изгнанія непріятеля изъ Россіи Козловъ поступилъ на службу въ департаментъ государственныхъ имуществъ, гдѣ черезъ два года (въ 1814) получилъ чинъ коллежскаго совѣтника; но вскорѣ служебная карьера его прекратилась: въ 1818 г. ударъ паралича отнялъ у него сначала ноги и разстроилъ нервную систему, затѣмъ онъ сталъ постепенно терять зрѣніе и въ 1821 г. совершенно ослѣпъ. Еще въ 1809 г. Козловъ женился на дочери бригадира С. А. Давыдовой и въ семейной жизни, а также въ тѣсной дружбѣ съ Жуковскимъ, съ которымъ сблизился въ московскомъ обществѣ, несчастный поэтъ нашелъ нравственную поддержку въ своемъ великомъ горѣ. Благодаря матери своей, рожденной Хомутовой, онъ получилъ весьма хорошее образованіе и, обладая замѣчательнымъ умомъ и удивительною памятью, въ своемъ печальномъ положеніи находилъ утѣшеніе въ продолженіи самообразованія. Отлично описалъ въ короткихъ словахъ слѣпца-Козлова Жуковскій. «Слѣпой, неподвижный, пишетъ онъ, и безпрестанно страждущій, но глубоко проникнутый смиреніемъ христіанскимъ, онъ переносилъ бѣдственную свою участь съ терпѣніемъ удивительнымъ, и Божій промыслъ, пославшій ему тяжкое испытаніе, даровалъ ему въ то же время и великую отраду: поразивъ его болѣзнью, разлучившею его навсегда съ внѣшнимъ міромъ и со всѣми его радостями, столь намъ измѣняющими, открылъ онъ помраченному взору его весь внутренній разнообразный и неизмѣнный міръ поэзіи, озаренный вѣрою, очищенный страданіемъ». «Имѣя память необыкновенную (великое счастіе для слѣпаго), Козловъ сохранилъ въ глубинѣ души все свое прошедшее; онъ жилъ имъ въ настоящемъ и до послѣдней минуты сберегъ всю свѣжесть и теплоту любящаго сердца. Несчастіе сдѣлало его поэтомъ и годы страданія были самыми дѣятельными ума его. Знавши прежде совершенно французскій и итальянскій языки, онъ уже на одрѣ болѣзни, лишенный зрѣнія, научился по-англійски и по-нѣмецки, и все, что прочиталъ онъ на сихъ языкахъ, осталось врѣзаннымъ въ его памяти: онъ зналъ наизустъ всего Байрона, всѣ поэмы Вальтеръ-Скота, лучшія мѣста изъ Шекспира, также какъ прежде всего Расина, Тасса и главныя мѣста изъ Данта. Но лучшимъ и самымъ постояннымъ утѣшеніемъ страдальческой его жизни было то, что онъ съ такою вѣрностью могъ читать и все евангеліе, и всѣ наши молитвы. Такимъ образомъ его жизнь, физически разрушенная, при безпрестанномъ, часто мучительномъ, чувствѣ болѣзни, была раздѣлена между религіею и поэзіею, которыя цѣлебнымъ своимъ вдохновеніемъ заговаривали въ немъ и душевныя скорби, и тѣлесныя муки. Но онъ не былъ чуждъ и обыкновенной ежедневной жизни: все, что дѣлалось въ свѣтѣ, возбуждало его участіе—и онъ не рѣдко заботился о внѣшнемъ мірѣ съ какимъ то ребяческимъ любопытствомъ. Съ той самой поры, въ которую параличъ лишилъ его ногъ и зрѣнія, физическія страданія не только не умолкали, но, безпрестанно усиливаясь, въ послѣднее время нерѣдко доходили до крайней степени; они однако почти не имѣли вліянія на его душу, которая всегда ихъ побѣждала, а въ промежуткахъ спокойствія дѣйствовала съ юношескою свѣжестью. Только дней за десять до смерти сильныя страданія успокоились, но вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, заснула и душа. Смерть подошла

къ нему тихимъ шагомъ; онъ забылся на рукахъ ея, и жизнь его кончилась непримѣтно».

Первое стихотвореніе Козлова «Къ Свѣтланѣ» появилось въ печати въ 1821 г. въ журналѣ «Сынъ Отечества» (№ 44), и съ этого же времени стали появляться въ журналахъ его мелкія стихотворенія, но славу свою Козловъ составилъ поэмою «Чернецъ», появившеюся въ печати отдѣльнымъ изданіемъ въ 1825 г.; одна глава ея (X-я) была напечатана въ 1823 г. въ «Новостяхъ Литературы» подъ заглавіемъ «Возвращеніе на родину»; впрочемъ, еще до печати она разошлась въ многочисленныхъ рукописяхъ по всей Россіи. «Чернецъ» произвелъ сильное впечатлѣніе на современныхъ читателей и ставился ими на ряду съ поэмами Пушкина. Послѣдній также высоко цѣнилъ его:—получивъ отъ автора экземпляръ поэмы съ неизвѣстною намъ надписью, онъ писалъ своему брату Л. С. Пушкину изъ с. Михайловскаго: «Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказано. Повѣсть его прелесть, а «хотѣлъ простить,—простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны. Посланіе (посланіе къ В. А. Жуковскому), можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами, если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ». Тогда же Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Козлову—по полученіи отъ него поэмы Чернецъ», которое и было напечатано въ слѣдующемъ 1826 г. въ «Собраніи стихотвореній А. С. Пушкина». Лучшая и вполнѣ справедливая оцѣнка первой поэмы Козлова сдѣлана Бѣлинскимъ. «Слава Козлова, говоритъ онъ, была создана «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи, прежде чѣмъ была напечатана; она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ, ее знали наизустъ и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою разницею, что его совершенно понимали; онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. «Чернецъ» былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была «Бѣдная Лиза» для девятидесятыхъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ—совершенно одинаковы, ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства. Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе Байронова «Гяура», есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: «Гяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» даже и какъ солнце въ малой каплѣ воды, хотя «Чернецъ» и есть явное подражаніе «Гяура». — Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ — и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія чернеца возбуждаютъ въ насъ сострадание къ нему, а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія — великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотреченіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе второго—великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностью. Тѣмъ не менѣе, страданія чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотою чувства, плѣняли публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпаго поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ любилъ его передъ всѣми своими созданіями».—Трудно что либо прибавить къ этимъ строкамъ Бѣлинскаго:—онѣ вполнѣ характеризуютъ поэму Козлова и объясняютъ ея значеніе и причину успѣха. Вслѣдъ за «Чернецомъ» появились еще двѣ поэмы слѣпаго поэта: «Княгиня Наталья Долгорукая» (въ 1828 г.) и «Безумная» (въ 1830 г.), но обѣ онѣ своими достоинствами значительно уступаютъ первой. Козловъ какъ бы выска-

зался весь въ первомъ своемъ большомъ произведеніи. По содержанію своему названныя поэмы повторяютъ основной мотивъ «Чернеца»; сравнительно съ объемомъ въ нихъ очень мало внутренняго содержанія; изложеніе ихъ растянуто, поэтому онѣ нѣсколько скучны. Въ частности въ нихъ есть прекрасныя, по преимуществу лирическія мѣста; но въ общемъ обѣ лишены художественной истины, не говоря уже объ исторической правдѣ (въ Наталіи Долгорукой) и бытовой (въ Безумной). По замѣчанію Бѣлинскаго въ послѣдней «героиня—нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка». Поэтому совершенно понятно, что поэмы эти имѣли гораздо меньшій успѣхъ въ читающей публикѣ, чѣмъ «Чернецъ».

Положительнымъ поэтическимъ достоинствомъ обладаютъ мелкія, лирическія стихотворенія Козлова. Основной характеръ ихъ субъективность. Проникнутыя глубокимъ чувствомъ, они представляютъ полное выраженіе скорбной души поэта: таинство страданія, покорность волѣ провидѣнія, надежду на лучшую жизнь за гробомъ и при этомъ тихое уныніе и постоянную грусть. Выше было указано, какое сильное впечатлѣніе произвело на Пушкина «Посланіе къ Жуковскому», въ которомъ поэтъ описываетъ свое затменіе. Понятно, что къ этому мотиву, подавленный своимъ неотвратимымъ горемъ, Козловъ возвращался очень часто. Онъ не могъ его забыть и, вспоминая былое, невольно сравнивалъ его съ печальнымъ настоящимъ. Онъ изображаетъ послѣднее въ «Посвященіи» къ «Чернецу», въ стихотвореніяхъ «Къ Свѣтланѣ» и къ «Вальтеръ-Скоту», «Графинѣ Потоцкой» и друг. Но вмѣстѣ съ этимъ основнымъ мотивомъ въ стихотвореніяхъ Козлова являются и прелестныя картины природы и изображенія сценъ радостной жизни—таковы «Венеціанская ночь», «Къ Италіи», «Къ Н. П. Гнѣдичу», «Стансы на Кавказъ и Крымъ» и многія другія. Странною является для слѣпаго поэта вѣрность изображаемыхъ имъ картинъ природы, яркость красокъ его описаній, но дѣло въ томъ, что богатая память поэта удержала навсегда впечатлѣнія его «зрячаго» періода жизни, а сильное воображеніе давало возможность ихъ комбинировать, усиливать и видоизмѣнять; у поэта слѣпца старыя впечатлѣнія не заслоняются новыми и, постоянно возобновляемыя памятью, они являются въ своей полной яркости и свѣжести. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно характерное обстоятельство, составляющее существенную черту его литературной дѣятельности. Значительное число мелкихъ оригинальныхъ произведеній Козлова совершенно чужды русской жизни и вообще Россіи. Стихотворенія «На погребеніе англійскаго генерала сэра Джона Мура», «Венеціанская ночь», «Къ Италіи», «Къ Альпамъ», «Плѣнный грекъ въ темницѣ» и очень многія другія по своему содержанію относятся къ странамъ, которыхъ поэтъ никогда не видѣлъ и не соприкасался съ ними непосредственно; но онъ, даже помимо своего печальнаго положенія, почти совершенно лишавшаго его возможности постоянно воспринимать новыя впечатлѣнія окружающей его природы и среды, подобно своимъ современникамъ, главнымъ образомъ питалъ свой умъ и воображеніе произведеніями иностранной литературы, представлявшей, особенно въ то время, несравненно болѣе художественнаго матеріяла, чѣмъ русская. Козловъ сроднился съ изученными имъ поэтами; міръ ихъ произведеній имъ былъ какъ бы усвоенъ, и изображенныя ими картины вызывали въ его воображеніи новыя, какъ бы ихъ дополняющія и въ сущности съ ними однородныя. Припомнимъ еще, что цѣлая половина литературной дѣятельности поэта посвящена переводамъ. Первое мѣсто между поэтами, которыхъ переводилъ Козловъ, занимаетъ Байронъ. Время его литературной дѣятельности совпадаетъ съ полнымъ развитіемъ байронизма въ русской литературѣ. Англійскимъ поэтомъ увлекались и переводили его люди съ такимъ большимъ талантомъ, какъ напр. Жуковскій, не смотря на то, что Байронъ по характеру своей поэзіи не имѣлъ ничего общаго съ своимъ переводчикомъ; міровоззрѣніе перваго было весьма далеко отъ идеала второго. Посѣтивъ въ 1833 г. Шильонъ, Кларанъ и Веве, Жуковскій пишетъ Козлову: «Эти имена напомнятъ тебѣ и Руссо, и Юлію, и Байрона. Для меня краснорѣчивы только слѣды послѣдняго... Для великой здѣшней природы, для страстей человѣческихъ Руссо не имѣлъ ничего, кромѣ блестящей декламаціи: онъ былъ въ свое время лучезарный метеоръ, но этотъ метеоръ лопнулъ и исчезъ. Байронъ—другое дѣло: многія страницы его

вѣчны. Но и въ немъ есть что-то ужасающее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе Божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байрона не выдерживаетъ этой повѣрки». Также какъ Жуковскому, міросозерцаніе британскаго поэта было совершенно чуждо и Козлову, но онъ выбиралъ для перевода только то, что болѣе соотвѣтствовало его характеру, такъ что и въ переводахъ не только Байрона, но вообще иностраныхъ поэтовъ оставался, подобно своему другу и учителю Жуковскому, вполнѣ субъективнымъ. Помимо стихотвореній Байрона и сама личность поэта, его судьба сильно занимала Козлова, какъ мы видимъ изъ его небольшой поэмы «Байронъ», посвященной Пушкину. Произведеніе это, по замѣчанію Бѣлинскаго «есть апоѳеозъ всей жизни Байрона; въ цѣломъ она не выдержана, но отличается поэтическими частностями». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ ней Байронъ изображенъ крайне односторонне: у Козлова на первый планъ выставлена грусть, тоска англійскаго поэта и совершенно скрытъ рѣзкій протестъ, горделивое презрѣніе его къ виновникамъ, часто воображаемымъ, его несчастій. Всѣхъ пьесъ, переведенныхъ Козловымъ изъ Байрона, восемнадцать, въ числѣ ихъ переведена вполнѣ одна большая поэма «Невѣста Абидосская», но переводъ представляетъ только блѣдную копію оригинала; главный его недостатокъ растянутость: одинъ стихъ Байрона переводится двумя, а иногда даже тремя стихами; остальныя пьесы представляютъ отрывки изъ большихъ поэмъ: «Чальдъ Гарольда», «Донъ Жуана», «Гяура», «Корсара», или же мелкія лирическія стихотворенія. Одно изъ послѣднихъ особенно удачно и до сихъ поръ можетъ служить образцомъ художественныхъ переводовъ иностранныхъ поэтовъ; это стихотвореніе «Прости» (Fare thee well, and if for ever...), написанное Байрономъ къ его женѣ, вслѣдъ за разлукой съ нею. Кромѣ Байрона, Козловъ переводилъ еще и другихъ англійскихъ поэтовъ: у него есть нѣсколько переводовъ изъ Томаса Мура, два изъ Вордсворта, одинъ изъ Вальтеръ-Скота. Съ французскаго имъ переведено нѣсколько стихотвореній Андрея Шенье, Ламартина и Беранже, но гораздо болѣе съ итальянскаго—три сонета и стихотвореніе Петрарки, нѣсколько отрывковъ изъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима», и по одному изъ «Неистоваго Орланда» и Дантовой «Божественной комедіи», кромѣ того нѣсколько стихотвореній современныхъ Козлову малоизвѣстныхъ итальянскихъ поэтовъ. Съ нѣмецкаго Козловъ переводилъ очень мало: всего по одному стихотворенію Шиллера и Гете, причемъ переводъ стихотворенія «Радость»—болѣе подражаніе, чѣмъ переводъ. Для своего времени Козловъ оказалъ большую услугу русской литературѣ первымъ переводомъ «Крымскихъ сонетовъ» Мицкевича. Впрочемъ, какъ переводчикъ Козловъ, не смотря на относительное достоинство въ частностяхъ, вообще не удовлетворяетъ требованіямъ сколько-нибудь строгой критики: онъ вообще свободно отступаетъ отъ оригинала; мѣстами, гдѣ текстъ подлинника рисовалъ въ воображеніи переводчика поэтическій образъ—онъ осуществлялъ его въ сжатой картинной формѣ и впечатлѣніе перевода неуступало впечатлѣнію подлинника, но большею частью сжатость выраженій подлинника совершенно пропадала въ переводѣ; желая передать вполнѣ содержаніе оригинала, переводчикъ становился многословнымъ, растянутымъ. Всего болѣе это замѣтно въ переводахъ сонетовъ Мицкевича: передавая одинъ стихъ польскаго поэта двумя и даже тремя собственными стихами, Козловъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ переводовъ разрушилъ совершенно форму сонета, хотя мѣстами и превосходно передалъ чудныя изображенія крымской природы.

Стихотворенія Козлова въ довольно полномъ собраніи были изданы въ двухъ томахъ, вскорѣ послѣ смерти автора, Жуковскимъ — «Собраніе стихотвореній Козлова», третье изданіе, С.-Петербургъ, 1840. При жизни автора было два изданія въ одномъ томѣ въ 1828 г. и въ двухъ томахъ къ 1832—1833 годахъ. Послѣднее лучшее изданіе въ приложеніи къ журналу «Нива» за іюль 1892 г.: «Полное собраніе сочиненій И. И. Козлова. Изданіе исправленное и значительно дополненное Арс. И. Введенскимъ. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ, гравированнымъ на стали Ф. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Спб. 1892 г.».

В. Яковлевъ.

Козловъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, членъ Военной коллегіи, род. 24 января 1680 г., ум. 30 марта 1752 г.; службу началъ солдатомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, на третій годъ послѣ начала войны Россіи со Швеціей, во время которой участвовалъ при взятіи города Капицъ, при строеніи Петербурга (1703 г.), при взятіи Нарвы (1706 г.), при атакѣ Гродны (1706 г.), въ сраженіяхъ при Головчинѣ и подъ Лѣснымъ (1708 г.), въ Полтавской битвѣ, въ Прутскомъ походѣ и при взятіи Штетина. По окончаніи этой войны, Козловъ въ 1722 г., въ чинѣ капитанъ-поручика гвардіи, былъ опредѣленъ прокуроромъ адмиралтействъ-коллегіи. Послѣ непродолжительной командировки въ Рязань въ 1727 г. для наблюденія за разборомъ и заготовленіемъ дубовыхъ лѣсовъ для кораблей, онъ опредѣленъ былъ капитаномъ-командиромъ, съ назначеніемъ присутствовать въ адмиралтейской коллегіи; въ концѣ того-же года отправленъ для осмотра и описанія по Волгѣ, Сурѣ и Свіягѣ (въ Казанской губерніи) годныхъ для кораблестроенія лѣсовъ, гдѣ въ то же время завѣдывалъ казанскимъ адмиралтействомъ и производилъ слѣдствіе по жалобѣ иновѣрцевъ Казанской губерніи. Въ 1729 г. составилъ, по порученію Верховнаго Тайнаго Совѣта, ландкарту заповѣдныхъ лѣсовъ Казанской губерніи; въ 1731 г. вызванъ въ Петербургъ для наблюденія надъ работами, производившимися въ адмиралтействѣ, и для завѣдыванія петербургскою корабельною командою. Съ 1733 до 1736 г. состоялъ президентомъ генеральной счетной комисіи; въ 1738 г. ѣздилъ въ Орелъ для закупки провіанта для войска и въ Бѣлгородскую губернію для сборовъ подушной подати, и наконецъ въ 1740 г. произведенъ въ генералъ маіоры и назначенъ членомъ Военной коллегіи; въ этой должности и умеръ.

Руммель и Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій»; «Общій морской списокъ».

Козловъ, *Кузьма Петровичъ*, воевода, ум. послѣ 1702 г. Упоминается впервые подъ 1656 г. въ разрядныхъ книгахъ подъ именемъ жильца; черезъ два года пожалованъ въ стряпчіе; въ 1660-хъ гг. воеводствовалъ въ Астрахани, въ 1670-хъ на Терекѣ, гдѣ успѣвалъ и ладить съ калмыками, и защищать ихъ отъ притѣсненій донскихъ казаковъ. Во время войны съ турками и крымцами въ 1678—1680 г., будучи уже въ званіи стольника, отличился храбростью въ нѣсколькихъ битвахъ; съ 1698 по 1702 г. былъ верхотурскимъ воеводой. Здѣсь Козловъ построилъ нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ на р. Невьѣ, изъ которыхъ одинъ былъ уступленъ Никитѣ Демидову, и въ 1702 г. занимался, по порученію правительства, развѣдками серебряной руды. Найдя въ 100 верстахъ отъ Сулемской слободы залежи принятаго имъ за серебряную руду металла, онъ послалъ его до $1^1/_2$ пуд. въ Москву; присланный металлъ оказался магнитомъ; но Петръ Великій велѣлъ, однако, продолжать его разработку.

В. Руммель и Голубцовъ, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій»; Дмитріевъ, «Пермская Старина», выпускъ VII.

Козловъ, *Николай Иларіоновичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, начальникъ Медико-хирургической Академіи, сынъ купца, род. 14 апрѣля 1814 г. въ Оренбургѣ, ум. 29 сентября 1889 г. Въ 1829 г. поступилъ въ Казанскій университетъ и въ 1833 г. окончилъ курсъ лѣкаремъ перваго разряда и съ золотою медалью; въ томъ же году перешелъ въ профессорскій институтъ въ Дерптѣ, въ 1837 г. получилъ тамъ степень доктора медицины за сочиненіе «De tumoribus compositis»; въ 1838—1839 гг. путешествовалъ по Европѣ, слушалъ лучшихъ профессоровъ въ Вѣнѣ, Цюрихѣ и Парижѣ. Въ 1839 г. опредѣленъ на службу въ канцелярію военнаго министерства; въ 1841 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ анатоміи въ Кіевскомъ университетѣ, въ слѣдующемъ году утвержденъ ординарнымъ. Здѣсь въ 1846 г. издалъ сочиненіе «О главныхъ видахъ патологическихъ измѣненій», въ 1848 г.— «О холерѣ»; онъ читалъ курсы анатоміи, общей терапіи, патологической химіи и исторіи медицины.

Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ вице-директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, и съ этого времени началась его широкая и плодотворная дѣятельность, какъ медицинскаго администратора. Въ 1858 г. онъ переведенъ вице-директоромъ медицинскаго департамента военнаго министерства, въ 1862 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета; въ 1869 г. назначенъ начальникомъ Медико-хирурги-

ческой Академіи, въ 1871 г.—главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ; съ этой должности онъ и вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью въ 1881 г. Кромѣ исполненія этихъ должностей, Козловъ принималъ участіе во множествѣ комиссій и комитетовъ и въ большей или меньшей степени содѣйствовалъ всѣмъ реформамъ и улучшеніямъ по медицинской части въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ. Такъ, въ 1865 г. онъ былъ членомъ особаго комитета для начертанія положенія объ устройствѣ врачебной части въ военное время; въ 1866 г.—членомъ комиссіи для измѣненія устава Медико-хирургической Академіи; въ 1872 г.—предсѣдателемъ комиссіи для обсужденія мѣръ къ увеличенію общаго числа врачей въ Имперіи; по его предложенію съ 1859 г. предпринято изданіе лучшихъ, оригинальныхъ или переводныхъ, руководствъ по разнымъ отраслямъ медицины, которыя затѣмъ и разсылаются всѣмъ военнымъ врачамъ, въ количествѣ 6-и томовъ въ годъ, за однопроцентный вычетъ изъ жалованья; этимъ дѣломъ Козловъ руководилъ свыше 25 лѣтъ. Затѣмъ, благодаря его усиліямъ, прошли въ 1859 и 1882 гг. узаконенія объ увеличеніи содержанія военнымъ врачамъ; наконецъ, при его ближайшемъ участіи, въ 1872 г. открыты были женскіе медицинскіе курсы. Н. И. Козловъ имѣлъ всѣ награды до ордена Александра Невскаго, бриллiантами украшеннаго, который онъ получилъ въ 1879 г. за заслуги во время русско-турецкой войны.

«Біограф. Словарь професс. универ. св. Владиміра»; «Исторія Импер. Военно-медиц. Академіи», 1898, 592—594.

Козловъ, *Прокопій*, служилый человѣкъ Енисейскаго острога, одинъ изъ малоизвѣстныхъ русскихъ піонеровъ въ Сибири XVII в. Въ 1635 г. онъ ходилъ за ясакомъ изъ Енисейскаго острога въ Олекминскій острожекъ. Въ 1636 г., съ пятьюдесятью спутниками, онъ спустился по р. Ленѣ до Сѣвернаго океана; изъ устья Лены они переѣхали до устья р. Оленки, поднялись по ней, затѣмъ по р. Янгѣ, заставляя мѣстныхъ тунгузовъ признавать владычество русскихъ и платить ясакъ; въ рѣки входили они на двѣ—на три недѣли ходу, а затѣмъ снова выходили въ океанъ и по океану плавали отъ устья одной рѣки до устья другой дней по десяти. Въ этихъ путешествіяхъ, въ областяхъ суровыхъ и совершенно неизслѣдованныхъ, провелъ Козловъ со своими спутниками около четырехъ лѣтъ.

«Доп. къ Акт. Истор.», IX, 240.

Козляниновъ, *Григорій Федоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1793 г., ум. послѣ 1848 г. Въ 1812 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики изъ 1-го кадетскаго корпуса и участвовалъ въ войнѣ 1812—1814 гг.; въ 1828 г. участвовалъ при осадѣ и взятіи Варны. Въ польскую кампанію 1831 г. командовалъ артиллеріею въ отрядѣ генерала Бистрома и артиллеріею генерала Полешко при штурмѣ Варшавы. Въ 1833 г. произведенъ въ генералъ-майоры, въ 1834 г.—назначенъ начальникомъ артиллеріи кавказскаго корпуса; съ 1837 по 1845 г. участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Въ 1847 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Справочн. Энциклопед. Словарь», Края.

Козляниновъ, *Тимофей Гавриловичъ*, вице-адмиралъ, ум. въ мартѣ 1798 г. Произведенъ въ мичманы 18 февраля 1760 г. изъ гардемариновъ Морскаго корпуса. 22 мая 1762 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты и посланъ затѣмъ въ Англію для изученія морской практики. Въ теченіе 1763 и 1764 гг. плавалъ въ Остъ-Индію и Америку, въ 1765 г. осматривалъ порты въ Голландіи и вернулся въ Россію. Здѣсь ему поручено было командовать придворною яхтою «Алексѣй», но онъ пожелалъ поступить на службу мальтійскаго ордена, «для лучшаго въ практикѣ познанія» и 1768—1769 гг. прослужилъ въ Средиземномъ морѣ на мальтійскихъ корабляхъ. Въ 1769 г. произведенъ, по возвращеніи въ Петербургъ, въ капитанъ лейтенанты, а въ 1770 г., въ составѣ эскадры гр. Орлова, былъ въ Средиземномъ морѣ, участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ при Наполи ди Романія и въ чесменской битвѣ и затѣмъ командовалъ кораблемъ «Святославъ». Въ Петербургъ онъ возвратился лишь въ 1775 г. и былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга; въ 1776—1779 г. на фрегатѣ «Сѣверный Орелъ» конвоировалъ въ Средиземномъ морѣ и затѣмъ между разными его портами три фрегата, отправленные туда съ коммерческими цѣлями. Съ 1782 г. по 1784 г. командовалъ военными судами на Черномъ морѣ; 1 января 1784 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и вызванъ въ Петербургъ. Въ 1788 г. командовалъ

отдѣльною эскадрою въ Балтійскомъ морѣ, за гохландское сраженіе получилъ орденъ св. Георгія 4 степени, за тѣмъ участвовалъ въ блокадѣ шведскаго флота подъ Свеаборгомъ, а послѣ смерти адмирала Грейга—командовалъ флотомъ. Участвовалъ и въ другихъ дѣлахъ русскаго флота со шведами. Въ 1792 г. назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи; 30 сентября 1797 г. назначенъ командиромъ порта въ Архангельскъ, гдѣ и скончался.

«Общій морской списокъ», II, 184—187.

Козодавлевъ, *Осипъ Петровичъ*, сенаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и членъ Россійской Академіи, род. 29 марта 1754 г., ум. 24 іюня 1819 г. Принадлежалъ къ старинному дворянскому роду новгородской губерніи, ведущему свое начало отъ германскаго выходца Koss-von-Dahlen; фамилія Козодавлевыхъ упоминается еще при ц. Борисѣ Годуновѣ въ числѣ псковскихъ новиковъ, верстанныхъ при этомъ государѣ жалованьемъ и помѣстными окладами. Отецъ О. П. Козодавлева служилъ въ конногвардейскомъ полку; мать была рожденная Петрово-Соловая. Восьмилѣтнимъ ребенкомъ О. П. Козодавлевъ былъ произведенъ въ пажи и съ этого времени (1762 г.) числился уже на службѣ. Въ 1769 былъ отправленъ для довершенія образованія за-границу, въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи на философскомъ и юридическомъ факультетахъ у профессоровъ Гоммеля (каноническое право), Платнера (философія), Геллерта (словесныя науки) и др. По возвращеніи изъ Лейпцига въ 1774 г., онъ началъ свою дѣйствительную службу, поступивъ въ Сенатъ протоколистомъ; въ 1777 г. былъ сдѣланъ сенатскимъ экзекуторомъ, а въ 1780 г. совѣтникомъ с.-петербургской гражданской палаты. Болѣе видная дѣятельность его начинается съ 1783 г., когда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ при директорѣ Академіи наукъ, княгинѣ Е. Р. Дашковой: указомъ о назначеніи княгини повелѣвалось «для управленія дѣлъ экономическихъ по С.-Петербургской академіи наукъ и прочихъ, касающихся до наблюденія порядка, опредѣлить въ помощь директору Академіи Наукъ двухъ совѣтниковъ шестаго класса»; однимъ изъ этихъ совѣтниковъ и былъ Козодавлевъ. Будучи совѣтникомъ Академіи, Козодавлевъ завѣдывалъ изданіемъ «Собесѣдника любителей россійскаго слова» и новаго полнаго собранія сочиненій Ломоносова. Основою при изданіи сочиненій Ломоносова Козодавлеву служило, какъ кажется, изданіе этого писателя, сдѣланное въ 1778 г. архимандритомъ Димитріемъ Семеновымъ-Рудневымъ; въ Козодавлевскомъ изданіи встрѣчаются, однако, нѣкоторыя не напечатанныя раньше произведенія Ломоносова и, главное, здѣсь впервые обнародованы многія изъ его писемъ. Почти одновременно съ назначеніемъ въ совѣтники Академіи, Козодавлевъ былъ избранъ и членомъ Россійской Академіи, только что учрежденной въ томъ же 1783 г.; дѣятельность его здѣсь выразилась въ участіи въ составленіи словаря русскаго языка: на долю его выпала буква «С», и онъ представилъ собранныя имъ слова, начинающіяся съ этой буквы. Въ концѣ 1784 г. Козодавлевъ перешелъ изъ Академіи наукъ въ комиссію о народныхъ училищахъ, гдѣ и оставался до 1797 г. Задачею этой комиссіи было созданіе цѣлой системы народнаго образованія въ Россіи и выработка плановъ училищъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, начиная отъ самаго низшаго—народной школы и кончая самымъ высшимъ—университетомъ. Поступивъ «въ вѣдомство комиссіи», Козодавлевъ тотчасъ былъ сдѣланъ помощникомъ директора народныхъ училищъ Янковича-де-Миріево, при чемъ ему былъ порученъ «присмотръ по части учебной» за всѣми народными училищами въ петербургской губерніи; какъ видно изъ данной по этому случаю Козодавлеву инструкціи, на немъ лежала обязанность наблюдать не только за учебною, но и за хозяйственною частью во ввѣренныхъ ему училищахъ. Съ 1784 по 1786 г. Козодавлевъ занималъ постъ директора народныхъ училищъ, на мѣсто Янковича-де-Миріево. Въ 1786 г., когда былъ введенъ новый уставъ народныхъ училищъ, на его мѣсто былъ назначенъ Струговщиковъ; Козодавлеву же былъ порученъ осмотръ народныхъ училищъ въ десяти губерніяхъ (новгородской, тверской, московской, калужской, тульской, рязанской, тамбовской, владимірской, ярославской и вологодской); осмотромъ этимъ онъ былъ занятъ отъ февраля до августа 1788 г. Любопытно, что во время этого осмотра, Козодавлевъ, согласно данному ему плану, долженъ былъ возложить на учителей составленіе географическихъ и статистическихъ описаній

различныхъ мѣстностей государствъ. Въ 1787 г., за годъ до осмотра училищъ, Козодавлевъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ II «планъ учрежденію въ Россіи университетовъ» (проэктъ устава). По этому плану предполагалось открыть постепенно три университета: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Выработка университетскаго устава и была возложена на Козодавлева, какъ человѣка, европейски образованнаго и знавшаго изъ личнаго опыта устройство иностранныхъ университетовъ. И дѣйствительно, уставъ, составленный Козодавлевымъ, хотя и представляетъ значительныя отклоненія отъ своихъ образцовъ, соотвѣтственно условіямъ русской общественности, тѣмъ не менѣе ясно обличаетъ въ своемъ авторѣ питомца германскаго университета. По предположенію Козодавлева, университеты должны были главнымъ образомъ заботиться о приготовленіи *русскихъ* ученыхъ, вслѣдствіе чего преподаваніе на иностранныхъ языкахъ должно было быть допущено лишь на первыхъ порахъ, впослѣдствіи же иностранцы, хотя и допускались, но должны были читать на русскомъ языкѣ. Цѣлью университета ставилось «образованіе человѣка и гражданина». Университетъ дѣлился на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій, при чемъ первый стоялъ нѣсколько ниже двухъ остальныхъ и являлся, собственно, подготовительною ступенью къ юридическому—характерная черта нѣмецкихъ университетовъ. Кромѣ профессоровъ, къ чтенію лекцій на философскомъ факультетѣ допускались магистры, а на двухъ другихъ доктора, не имѣющіе профессорскаго званія (нѣчто въ родѣ нынѣшней приватъ-доцентуры). На философскомъ факультетѣ предполагалось открыть слѣдующія каѳедры: философіи, физики, исторіи, словесныхъ наукъ, математики, естественной исторіи, прикладной математики, дипломатики, древностей и технологіи, на юридическомъ—естественнаго права, общаго государственнаго и народнаго, римскаго права, статистики, политическихъ наукъ и наставленія въ россійскихъ законахъ и въ приказномъ слогѣ; на медицинскомъ—естественныхъ наукъ (ботаники, химіи, анатоміи и физіологіи), патологіи, хирургіи, практическаго врачеванія, глазныхъ болѣзней, повивальнаго и аптекарскаго искусства. Въ научномъ отношеніи университетъ долженъ былъ пользоваться неограниченною свободою («свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ»), за то хозяйственныя дѣла университета были отнесены на второй планъ, и забота о нихъ поручалась приказу общественнаго призрѣнія. Доступъ въ университеты предполагалось по проэкту открыть лицамъ всѣхъ сословій, а на медицинскій факультетъ къ слушанію лекцій по акушерству допускать и женщинъ. Плату предполагалось назначить: за каждую науку, читаемую дольше полугода 6 руб., не больше шести мѣсяцевъ—3 руб., но такъ, чтобы студенту ни въ коемъ случаѣ не пришлось бы платить болѣе 30 руб. заразъ. Университетскій проэктъ Козодавлева имѣлъ многія для своего времени очень симпатичныя черты, былъ построенъ на широкихъ гуманныхъ началахъ и выставлялъ съ выгодной стороны своего автора. Въ 1793 г. Козодавлевъ, состоявшій до сихъ поръ лишь «въ вѣдомствѣ комиссіи объ училищахъ» былъ сдѣланъ членомъ ея и одновременно съ этимъ членомъ комиссіи о коммерціи. Въ 1797 г. Козодавловъ, опредѣленный на должность оберъ-прокурора третьяго департамента Сената, былъ, согласно прошенію, уволенъ отъ присутствія въ комиссіи о народныхъ училищахъ. Одновременно съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ, Козодавлевъ вступилъ въ управленіе юнкерскою школою при Сенатѣ и управлялъ ею до 1800 г.. 8 декабря 1799 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и числился: съ 1799 г. по 1800 г. въ первомъ департаментѣ, съ 1800 г. по 1808 г. въ третьемъ и съ 1808 г. по 1819 г. опять въ первомъ. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ директоромъ герольдіи и издавалъ «Гербовникъ русскихъ дворянскихъ родовъ»; въ 1808 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ въ его вѣдѣніе были отчислены главное почтовое управленіе и двѣ экспедиціи министерства внутреннихъ дѣлъ: государственнаго благоустройства и государственной медицинской управы. Въ 1810 году онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, а съ 1811 по 1819 г. былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ этого, Козодавлеву нерѣдко приходилось исполнять временныя назначенія; такъ, въ 1801 году онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ; въ 1803—1804 гг. онъ вошелъ въ составъ

комитета, разработывавшаго проэктъ инструкціи для межеванія малороссійскихъ губерній; въ 1807 г. былъ посланъ въ Бѣлоруссію для осмотра собранной тамъ милиціи; въ 1808 г. былъ командированъ въ саратовскую губернію по случаю открывшейся тамъ чумы; въ 1811 г., одновременно съ назначеніемъ министромъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ лифляндскаго комитета, разработывавшаго проэктъ освобожденія лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; съ 1808 по 1812 г. предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, пересматривавшемъ законодательство о евреяхъ; наконецъ въ 1816 году временно управлялъ Министерствомъ юстиціи, въ 1817 г.—Главнымъ Управленіемъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ исповѣданій, въ 1818 г.—Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Такова служебная карьера Козодавлева; отмѣтимъ теперь вкратцѣ наиболѣе выдающіеся моменты его общественной дѣятельности. Въ 1801 году онъ участвовалъ въ комиссіи о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ. Комиссія эта была учреждена императоромъ Александромъ I для пересмотра уголовныхъ дѣлъ и, какъ потомъ оказалось, вполнѣ своевременно: послѣ пересмотра старыхъ дѣлъ нашли возможнымъ многимъ осужденнымъ смягчить наказаніе, а иныхъ и вовсе освободить отъ него, какъ невинно пострадавшихъ. Свое участіе въ этой комиссіи Козодавлевъ ознаменовалъ крайне сочувственнымъ отношеніемъ къ начатому дѣлу и высоко-гуманнымъ образомъ дѣйствія. По его ходатайству былъ помилованъ, между прочимъ, сосланный въ 1798 г. въ Сибирь, за кражу, отставной прапорщикъ Луполовъ, дочь котораго пѣшкомъ пришла изъ Сибири въ Петербургъ просить Государя за своего отца и впослѣдствіи получила столь громкую извѣстность за свой самоотверженный поступокъ (она выведена въ повѣсти «Параша Сибирячка»); ея просьба увѣнчалась успѣхомъ въ значительной степени благодаря участію и помощи со стороны Козодавлева. Не менѣе достойно вниманія его заступничество за жителя г. Бахмута Никифора Роменскаго, котораго за неосторожно сказанныя въ пьяномъ видѣ слова присудили: наказать кнутомъ, вырѣзать ноздри и, поставя на лицѣ клейма, сослать на работу въ Нерчинскъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но когда была созвана комиссія для пересмотра уголовныхъ дѣлъ, Козодавлевъ получилъ отъ неизвѣстнаго лица письмо, въ которомъ его просили обратить вниманіе на судьбу Роменскаго. Козодавлевъ добился полнаго освобожденія столь строго осужденнаго отъ наказанія и возвращенія ему чиновъ; сверхъ того Роменскому Высочайше было повелѣно выдавать ежегодно 300 рублей пенсіи и отпустить 1000 рублей на проѣздъ изъ Нерчинска. И помимо участія комиссіи для пересмотра уголовныхъ дѣлъ въ сенатской дѣятельности Козодавлева было не мало случаевъ, рисующихъ его въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Таково, напр., его участіе въ обсужденіи вопроса о такъ называемыхъ *филиппопахъ*; филиппопы (пилипопы) — раскольники филиппова согласія; они не признавали властей, и многіе изъ нихъ бѣжали за-границу. Но въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. значительное число филиппоповъ сосредоточилось въ Польшѣ, гдѣ имъ приходилось испытывать немалыя притѣсненія со стороны польской шляхты, смотрѣвшей на нихъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ. Угнетаемые обратились къ императору Александру I съ просьбою о возстановленіи своихъ правъ; Александръ I поручилъ разсмотрѣть это дѣло въ общемъ собраніи Сената. Большинство сената отнеслось къ просьбѣ филиппоповъ крайне несочувственно, видя въ нихъ только бѣглыхъ, заслуживающихъ скорѣе наказанія, чѣмъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Меньшинство соглашалось признать права лишь за тѣми изъ филиппоповъ, которые заключили какія-либо условія съ помѣщиками, и при томъ лишь тѣ права, которыя въ этихъ условіяхъ были упомянуты. При особомъ мнѣніи остался Козодавлевъ; руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что «человѣкъ свободный не можетъ и не долженъ быть рабомъ», и различая два рода филиппоповъ — свободныхъ хлѣбопашцевъ и хлѣбопашцевъ, къ землѣ приписанныхъ, онъ предлагалъ: 1, поселившихся на земляхъ старостинскихъ или помѣщичьихъ по письменнымъ условіямъ, утвердить свободными и причислить ихъ къ званію свободныхъ хлѣбопашцевъ; 2, поселившихся на земляхъ владѣльческихъ безъ условій оставить навсегда на той землѣ приписанными къ землѣ хлѣбопашцами, но «какъ съ одной стороны пилипопы не сдѣлали никакихъ при поселеніи условій,

такъ равно и съ другой—отъ владѣльцевъ никакихъ же условій не было сдѣлано, то и требуетъ справедливость, чтобъ правительство сохранило права и тѣхъ и другихъ, и оградило бы каждаго отъ могущихъ случиться притѣсненій»; личная крѣпостная зависимость на этотъ родъ филиппоповъ также не должна была простираться; 3, записавшихся въ мѣщанское званіе оставить въ этомъ званіи, разъ запись была совершена законнымъ порядкомъ; 4, такъ какъ «источникъ старообрядческихъ заблужденій есть совершенный недостатокъ въ просвѣщеніи или, кратко сказать, совершенное невѣжество, почитаетъ онъ (Козодавлевъ) нужнымъ, чтобъ министерство народнаго просвѣщенія обратило попеченіе свое на скорѣйшее заведеніе школъ въ старообрядческихъ селеніяхъ, а министерство внутреннихъ дѣлъ употребило бы стараніе объ установленіи въ тѣхъ селеніяхъ церквей и объ опредѣленіи къ онымъ добропорядочныхъ священниковъ». Мнѣніе Козодавлева не встрѣтило сочувствія въ сенатѣ, и возстановило противъ него очень многихъ; тѣмъ не менѣе оно было одобрено Александромъ I и, въ существенныхъ своихъ чертахъ, получило силу закона. Занятія комитета о выработкѣ проекта инструкціи для межеванія малороссійскихъ губерній, въ которомъ участвовалъ Козодавлевъ, также были закончены удачно, и въ 1804 году Козодавлевъ наравнѣ съ другими членами этого комитета получилъ отъ Государя особенную признательность.

Наиболѣе широкое поле общественной дѣятельности ожидало Козодавлева съ назначеніемъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Собственно, онъ былъ назначенъ на этотъ постъ въ 1811 г., но фактическое его управленіе министерствомъ началось еще съ марта 1810 г.: Козодавлевъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ собственно въ январѣ 1811 г.; но какъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (его предшественникъ) получилъ въ концѣ марта 1810 г. Высочайшее порученіе принести поздравленіе Наполеону и Маріи-Луизѣ съ совершеніемъ ихъ бракосочетанія и отправился въ Парижъ 31 марта 1810 г., а въ управленіе министерствомъ вступилъ тогда же О. П. Козодавлевъ, съ сохраненіемъ, впрочемъ, званія товарища министра и управлялъ министерствомъ какъ съ возвращенія кн. Куракина изъ Парижа 6 октября 1810 г., такъ и до самого его увольненія въ январѣ 1811 г., то министерство О. П. Козодавлева считалось съ 31 марта 1810 г. Еще 25 августа 1810 г. Козодавлеву было повелѣно составить: 1) проектъ образованія министерства внутреннихъ дѣлъ и 2) проектъ наказа министерству внутреннихъ дѣлъ; такимъ образомъ, О. П. Козодавлевъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, организованнымъ въ значительной мѣрѣ по его собственному плану. Въ кругъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ входили: а) дѣла о поощреніи земледѣлія и колоній, о внутреннихъ переселеніяхъ, б) фабрики, в) внутренняя торговля, г) почты и д) публичныя зданія. Полиція была подъ вѣдомствомъ особаго министерства полиціи.—Заботы объ отечественной промышленности и торговлѣ составляли главный предметъ дѣятельности Козодавлева въ этотъ періодъ его дѣятельности; всѣ мѣры его въ этой области отмѣчены двумя чертами: отсутствіемъ всякой излишней регламентаціи и стремленіемъ предоставить промышленности наибольшую степень свободы и покровительствомъ русскому производству сравнительно съ иностраннымъ—наши таможенныя пошлины стали понижаться лишь съ 1817 г. Кромѣ того, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ увеличенъ на 114.000 руб. капиталъ для поощренія мануфактурной промышленности. Въ 1815 г. министерствомъ была издана «Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи за 1812 г.» и рядъ руководствъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ промышленности, какъ напр. Лепехина «Краткое руководство о разведеніи шелковъ», Фрибе, «Руководство къ усовершенствованію шелководства» и «О разведеніи въ Россіи вайды и крапа», Ахарда «Выдѣлываніе сиропа и сахара изъ свекловицы», Этельмана, «Наставленіе о разведеніи кунжутнаго сѣмени», «Объ усовершенствованіи винокуренія» и многія другія. Въ 1813 г. Козодавлевъ предпринялъ личный осмотръ остзейскихъ фабрикъ. Всѣ эти заботы имѣли извѣстный результатъ, и за время отъ 1810 г. до 1819 г. замѣчается усиленіе нашей промышленности, главнымъ образомъ шелковой, шерстяной, свеклосахарной и кунжутной. Заботы Козодавлева въ этой области связываютъ, такимъ образомъ, его имя съ развитіемъ и устройствомъ у насъ средняго сословія.—Другое сословіе—крестьянское, находившееся въ то время

далеко не въ блестящемъ состояніи, нашло въ немъ также защитника своихъ интересовъ. Козодавлеву, по вступленіи на министерскій постъ, было поручено императоромъ Александромъ I производство дѣлъ объ увольненіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по взаимному соглашенію съ помѣщиками (законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, 20 февраля 1813 г.), и Козодавлевъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы привести этотъ законъ въ исполненіе. Кромѣ того, въ его министерство были освобождены остзейскіе крестьяне, но нельзя сказать, чтобы удачно—они были освобождены безъ земли, вслѣдствіе чего позднѣе было приступлено къ пересмотру положенія объ ихъ освобожденіи. Помимо освобожденія Козодавлевъ сдѣлалъ не мало для улучшенія и утвержденія крестьянскихъ гражданскихъ правъ; онъ хорошо понималъ важность правильной организаціи въ Россіи переселенческаго дѣла, что также составляло предметъ его заботъ въ бытность его министромъ. Лично, какъ помѣщикъ, Козодавлевъ пользовался славою гуманнаго человѣка и не мало сдѣлалъ для своихъ собственныхъ крѣпостныхъ. Проводя тѣ или другія мѣропріятія, Козодавлевъ всегда являлся сторонникомъ гласности въ администраціи и находилъ желательнымъ обсужденіе въ печати различныхъ очередныхъ вопросовъ. Для этого при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 1810 по 1819 г. издавался особый органъ «Сѣверная Почта или новая С.-Петербургская газета» подъ наблюденіемъ и при личномъ участіи самого Козодавлева. Благодаря его заботамъ эта газета не была сборникомъ однихъ офиціальныхъ свѣдѣній, но являлась очень содержательнымъ повременнымъ изданіемъ; въ ней былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей какъ по общественнымъ (главнымъ образомъ, промышленнымъ) вопросамъ, такъ и по чисто литературнымъ; въ «Сѣверной Почтѣ» сообщалось, между прочимъ, не мало о ходѣ ученыхъ работъ Карамзина, занятаго въ то время своей «Исторіей Государства Россійскаго». «Сѣверная Почта» была, можно сказать, единственно дѣломъ рукъ самого Козодавлева; съ его смертью и переходомъ министерства къ гр. Кочубею это изданіе было прекращено.

Болѣе извѣстный по своей общественной дѣятельности, Козодавлевъ занимаетъ нѣкоторое мѣсто и въ исторіи нашей литературы и образованности. Помимо его дѣятельности въ качествѣ члена Россійской Академіи и совѣтника Академіи Наукъ и участія въ «Сѣверной Почтѣ», о которыхъ мы уже сказали, онъ извѣстенъ слѣдующими литературными произведеніями. Въ 1782 г., по порученію императрицы Екатерины II, имъ было переведено съ французскаго «Учрежденіе для призрѣнія бѣдныхъ прихожанъ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ»;—кромѣ того, приблизительно около этого времени имъ были переведены съ нѣмецкаго трагедія Гете «Клавиго» (въ 1780 г.) и поэма Тюммеля «Вильгельмина» (1783 г.). Изъ самостоятельныхъ драматическихъ произведеній (или, правильнѣе, передѣлокъ) Козодавлева извѣстны двѣ комедіи: «Перстень» (1780 г.) и «Нашла коса на камень» (1781 г.); кромѣ того въ 1784 г. имъ было издано «Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ».—Кромѣ «Сѣверной Почты» Козодавлевъ сотрудничалъ въ «Растущемъ Виноградѣ» и «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова». Въ первомъ изъ этихъ журналовъ имъ было помѣщено «Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ» и переписка съ Тюммелемъ; во второмъ—нѣсколько стихотвореній (къ Ломоносову, къ Державину, къ другу моему, къ княгинѣ Дашковой, «Вѣчность») и статьи: «Пріятное путешествіе» и «Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги Собесѣдника любителей россійскаго слова». Кромѣ своего собственнаго участія Козодавлевъ и иными способами заботился о процвѣтаніи литературы; такъ, напр., извѣстно, что Державинская «Фелица» своимъ появленіемъ въ печати обязана въ значительной степени Козодавлеву, который однимъ изъ первыхъ ознакомился съ нею, когда она была еще въ рукописи.—Уже въ бытность свою министромъ Козодавлевъ, содѣйствовалъ предпринятому остзейскимъ дворянствомъ изданію документовъ, относящихся къ исторіи остзейскаго края и хранившихся въ кенигсбергскомъ архивѣ; онъ выхлопоталъ отъ казны субсидію (20.000 руб.) и разрѣшеніе открыть по всей Россіи подписку для сбора средствъ на это изданіе. Козодавлевъ былъ членъ университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Дерптскаго и

многихъ ученыхъ обществъ: библейскаго, минералогическаго и др.; онъ скончался 24 іюля 1819 г. отъ чахотки, 65 лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ.

Современники отзывались о Козодавлевѣ различно; одни считали его человѣкомъ гуманнымъ, отличавшимся стойкостью убѣжденій, признавали въ немъ недюжинный умъ и административный талантъ; другіе видѣли въ немъ личность довольно посредственную и тщеславную, скорѣе карьериста, чѣмъ общественнаго дѣятеля и отказывали ему въ сколько-нибудь выдающихся умственныхъ дарованіяхъ. По всѣмъ этимъ отзывамъ, часто далеко не безпристрастнымъ, конечно нельзя составлять сужденіе о человѣкѣ; дѣла его, однако, достаточно говорятъ за него, и если мы обратимъ вниманіе на то, чѣмъ была отмѣчена вся дѣятельность Козодавлева, то врядъ ли останется у насъ сомнѣніе, какъ надо глядѣть на него. Питомецъ германскаго университета, онъ искренно проникся лучшими принципами западно-европейской культуры того времени и по мѣрѣ силъ старался проводить въ жизнь эти принципы, когда былъ призванъ къ общественной дѣятельности. Заботы о просвѣщеніи, о низшихъ классахъ, о развитіи производительныхъ силъ страны стояли у него на первомъ мѣстѣ; проводя различныя мѣропріятія, онъ былъ убѣжденъ, къ тому же, что всѣ они будутъ плодотворны лишь при условіи свободнаго согласія на нихъ со стороны общества и отсутствіи какого бы то ни было правительственнаго давленія. Свобода преподаванія въ университетахъ, отсутствіе регламентаціи въ промышленныхъ дѣлахъ, переходъ крестьянства отъ крѣпостной зависимости къ свободному состоянію,—вотъ къ чему онъ стремился. Онъ былъ сторонникомъ гласности и всегда отстаивалъ свободу слова и мысли; «критика, писалъ онъ, есть единственный способъ къ истребленію заблужденій». Что всѣ эти взгляды Козодавлева были вполнѣ искренни и не объяснялись какими-либо карьеристическими соображеніями, видно изъ того, что онъ остался имъ вѣренъ вплоть до конца своей дѣятельности и проводилъ ихъ даже въ то время, когда они далеко уже не могли назваться модными. А его гуманное отношеніе къ людямъ, лично ему подчиненнымъ и горячее участіе къ страждущимъ, выказанное имъ въ бытность его членомъ комиссіи о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ, показываютъ, къ тому же, что онъ былъ хорошій и добрый человѣкъ. «Козодавлевъ, говоритъ его біографъ Сухомлиновъ, былъ христіаниномъ не только по имени, но и по образу мыслей и по сердцу... Идеи свободы, развиваемыя въ сочиненіяхъ и лекціяхъ Платнера, Гоммеля, Геллерта и другихъ наставниковъ студента Козодавлева, не безслѣдно запали въ его впечатлительную душу, готовую принять доброе семя.—Житейская школа, житейскій опытъ не истребили добрыхъ задатковъ, и дали только возможность, хотя бы и въ самыхъ скромныхъ и едва примѣтныхъ размѣрахъ, примѣнить къ дѣйствительности то, что считалось такою неопровержимою истиною въ теоріи».

Обстоятельная біографія Козодавлева помѣщена въ шестомъ выпускѣ «Исторія Россійской Академіи» Сухомлинова, цѣликомъ посвященномъ этому дѣятелю; на основаніи этого тома составлена Е. М. Гаршинымъ біографія Козодавлева, помѣщенная въ изданіи Венгерова «Русская поэзія»; 759—761. Кромѣ того, свѣдѣнія о Козодавлевѣ: въ «Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» Варадинова, (ч. I и ч. II, кн. 2) и «Исторіи Академіи Наукъ», Пекарскаго, (т. II). См. также: «Восемнадцатый Вѣкъ», изд. Бартенева, кн. II. («Русскіе студенты въ Лейпцигѣ»); «Русскій Архивъ» за 1889 г. (ст. Евграфова, «Пензенскіе духоборцы»), «Русская Старина» за 1872 г. т. VI, (біографія А. Н. Радищева), 1878 г. т. XXII. (Письма Пикара), за 1881 г., т. XXXII («Толки и пастроеніе умовъ въ Россіи по донесеніямъ высшей полиціи 1818—19 г.г.), за 1882 г. т. XXXIV (Д. П. Трощинскій»); за 1889 г. т. LXIV («Къ исторіи русскаго общества»).—«Журн. Имп. Человѣколюб. Общ.», за 1820 г. п. 11 (некрологъ Козодавлева), «Сѣвер. Почта» за 1863 г. №№ 82 и 83 (Дубровинъ, «О. Козодавлевѣ въ дѣлѣ списыванія актовъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ»).

М. Полѣевктовъ.

Козьма, архіепископъ казанскій и свіяжскій, скончался въ 1583 г.—2 сентября 1572 года онъ былъ опредѣленъ игуменомъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, бывшій тогда мѣстомъ жительства опальныхъ бояръ; къ нему писано царемъ Іоанномъ Васильевичемъ извѣстное посланіе; онъ же присутствовалъ на соборѣ объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ въ 1580 г.; 29 декабря 1581 года хиротонисованъ во архіепископа казанскаго, но вскорѣ оставилъ епархію и удалился на покой въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ и скончался «подъ гнѣвомъ» царя Іоанна Васильевича.

Прот. Діевъ, рукопись — «Повѣрка іерархич. каталоговъ»; Горталовъ, «Казанскіе іерархи».

Козьма, прозваніемъ Святогорецъ, родомъ грекъ, ученый монахъ, жившій въ

Москвѣ въ 1685—1700 г.г. Состоя іеродіакономъ Чудова монастыря, онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ извѣстныхъ братьевъ Лихудовъ въ московской славяно-греко-латинской академіи. Извѣстенъ, какъ переводчикъ реторики Софронія Лихуда на славянскій языкъ; послѣ и самъ написалъ риторику по руководству Скуффи.

Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы».

Козьма, преподобный *Косинскій*, сподвижникъ преподобнаго Константина Косинскаго. Былъ инокомъ въ новгородскомъ монастырѣ преподобнаго Варлаама Хутынскаго. Въ самомъ концѣ XII вѣка, вмѣстѣ съ преподобнымъ Константиномъ, переселился на уединенный островъ, въ трехъ верстахъ отъ г. Старой Руссы, и тамъ они основали Косинскій монастырь. Константинъ, умирая въ 1240 г., передавалъ Козмѣ игуменство, но онъ отказался отъ этого званія и продолжалъ подвижническую жизнь простымъ инокомъ. Когда онъ скончался, неизвѣстно. Мощи его, вмѣстѣ съ мощами препод. Константина, подъ спудомъ. Память 29 іюля.

«Краткія свѣдѣнія о преп. Константинѣ и сподвижникѣ его Козмѣ», Спб. 1882 г. «Исторія и древности въ Косинскомъ св.-николаевскомъ монастырѣ», Спб. 1880 г.

Козьма, преподобный яхромскій, въ XV в. основалъ Успенскій монастырь на р. Яхромѣ, въ 40 верстахъ отъ Владиміра; постриженъ былъ въ Кіево-Печерскій монастырь, скончался въ глубокой старости въ 1492 г.; мощи подъ спудомъ, память 14 октября.

Кн. Эристовъ, «Слов. историч. о святыхъ».

Козьма (Кузмище), кіянинъ. Въ 1159 г. былъ на службѣ у князя сѣверскаго Святослава Всеволодовича, впослѣдствіи перешелъ на службу къ великому князю Андрею Боголюбскому. По убіеніи Андрея, въ 1174 г., когда никто не рѣшался, боясь заговорщиковъ-убійцъ, отдать ему послѣдній христіанскій долгъ, Козьма выпросилъ у ключника Анбала коверъ, обернулъ имъ убитаго, принесъ его къ церкви и позаботился о совершеніи надъ нимъ отпѣванія.

«Полн. собр. русск. лѣт.» II, 83, 114—115.

Козьма *Григорьевичъ*, бояринъ и посадникъ новгородскій, убитъ въ 1477 г. Упоминается въ лѣтописяхъ съ 1471 г., когда въ Шелонской битвѣ онъ взятъ былъ кн. Холмскимъ въ плѣнъ и отвезенъ, по приказу великаго князя, въ оковахъ въ Коломну. Въ 1476 г. онъ былъ на сторонѣ великаго князя, котораго встрѣчалъ на устьѣ р. Волмы, присутствовалъ потомъ на судѣ надъ нѣкоторыми новгородцами, который чинилъ самъ Іоаннъ на Городищѣ, и чрезъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ другими новгородскими боярами билъ челомъ великому князю за осужденныхъ, а послѣ того принималъ, угощалъ и дарилъ Іоанна въ своемъ домѣ. Въ 1477 г., во время возмущенія партіи державшихся старины, убитъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, Захаріемъ Овиномъ.

Полн. собр. р. лѣт. III, 142; VI, 17, 18, 200, 203—206; VIII, 165, 166, 184. *А. Э.*

Козьма *Сысоевичъ* (Ледовичъ, Ледовъ), псковскій посадникъ, Въ 1471 г., ходилъ къ Іоанну III, во время похода на Новгородъ. Въ 1473 г. Козьма былъ на Наровѣ на съѣздѣ съ нѣмцами, на которомъ предполагалось уладить раздоры и несогласія съ ними. Участвовалъ затѣмъ въ благодарственномъ посольствѣ отъ Пскова къ великому князю. Въ 1477 г., когда изъ Пскова уѣхалъ кн. Ярославъ, съ которымъ граждане были не въ ладахъ, къ великому князю отправился Козьма Сысоевичъ, вмѣстѣ съ другими послами бить челомъ о своихъ старинахъ и «князя просити себѣ волного» и т. п. Это посольство было удачно.—Въ послѣдній разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ по случаю поѣздки его съ кн. В. В. Шуйскимъ въ Новгородъ для привѣтствія прибывшаго туда великаго князя, въ 1480 г.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 247, 250, 255, 262; V, 37, 38; VIII, 167, 180. *А. Э.*

Козьма *Твердиславичъ*, новгородскій бояринъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ и посадникъ, упоминается въ лѣтописяхъ съ 1331 г., когда онъ, вмѣстѣ съ другими новгородскими боярами, провожалъ черница Василія, избраннаго въ новгородскіе архіепископы, во Владиміръ Волынскій къ митрополиту для хиротоніи. Имѣя виды на Новгородъ, великій князь литовскій Гедиминъ во время проѣзда новгородскихъ бояръ по его владѣніямъ «поима ихъ на миру»; посольство избавилось отъ плѣна только обѣщаніемъ новгородцевъ уступить нѣкоторые новгородскіе пригороды сыну Гедимина Нариманту и дѣтямъ его «въ вотчину и въ дѣдину». Въ 1338 г., послѣ непріязненныхъ столкновеній между новгородцами и шведами, Кузьма Твердиславичъ ходилъ,

въ числѣ другихъ новгородскихъ пословъ, въ Швецію для заключенія новаго мирнаго договора. Въ 1341 г. онъ ѣздилъ къ великому князю Симеону Гордому съ жалобой на его бояръ, собиравшихъ въ Торжкѣ дань и притѣснявшихъ жителей. Въ послѣдній разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1348 г., когда онъ участвовалъ въ посольствѣ отъ Новгорода къ шведскому королю Магнусу. На обратномъ пути отъ Магнуса, когда уже начались военныя дѣйствія, послы были взяты въ плѣнъ въ Орѣшкѣ; въ 1350 г. они были вымѣнены въ Юрьевѣ на плѣнныхъ шведовъ.

Полн. собр. р. лѣт. III, 75, 79, 80, 83—85, 224, 226, IV, 52, 58—60; V, 219, 221, 222, 225, 226; VII, 202, 206, 211; X, 204, 212.

А. Э.

Козьминъ, *Матвѣй Семеновичъ*, род. 26 октября 1690 г., ум. 29 декабря 1764 г. Въ статскую службу вступилъ въ 1703 г. и былъ въ разныхъ приказахъ; въ 1720 г. назначенъ дьякомъ въ камеръ-коллегію; въ 1722 г. переведенъ на службу въ Сенатъ и въ 1724 г. назначенъ оберъ-секретаремъ; въ 1753 г. произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника и назначенъ вицепрезидентомъ камеръ-коллегіи; въ 1754 г., когда составлена была новая (шестая) комиссія для сочиненія новаго уложенія, онъ былъ назначенъ въ ея составъ и ему поручены были работы по собиранію постановленій, касающихся дѣятельности камеръ-коллегіи, и составленіе на основаніи ихъ положенія объ камеръ-коллегіи. Работы комиссіи шли медленно и не были еще окончены, когда Козьминъ въ 1760 г. назначенъ былъ главнымъ судьею въ соляную контору. Сынъ его, Сергѣй Матвѣевичъ, былъ извѣстный статсъ-секретарь Екатерины II.

Дѣло Правит. сената въ Москвѣ № (частный) 21, общій 8,122, лл. 301—302, за 1754 г. — Соловьевъ, «Ист. Россіи», книга V, 788.

Козьминъ, *Прокофій Тарасовичъ*, подполковникъ корпуса штурмановъ, путешественникъ, род. въ 1795 г., ум. 20 января 1851 г. По окончаніи курса въ штурманскомъ училищѣ въ 1815 г., былъ отправленъ въ заграничное плаваніе на фрегатѣ «Меркурій»; въ концѣ 1817 г. назначенъ на шлюпъ «Камчатку», шедшій подъ командою В. М. Головина въ кругосвѣтное путешествіе. Въ 1820 г. былъ въ экспедиціи барона Ф. П. Врангеля, посланнаго для описи береговъ Ледовитаго океана. Врангель былъ очень доволенъ своимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Изъ произведенныхъ Козьминымъ въ эту экспедицію работъ особенно важны описанія берега Ледовитаго океана отъ устья р. Малой Чукочьей до Индигирки, устьевъ р.р. Калымы и Индигирки и Медвѣжьихъ острововъ. Въ 1825—1827 г. Козьминъ на шлюпѣ «Кроткій», подъ командою того же Врангеля, совершилъ новое кругосвѣтное путешествіе. Опредѣлившись въ 1829 г. на службу Россійско-американской компаніи, онъ принялъ начальство надъ Шантарской экспедиціей, посланной для отысканія гавани на Урскомъ берегу (въ юго-западной части Охотскаго моря), и съумѣлъ придать своею дѣятельностью этой экспедиціи важное географическое значеніе. Онъ, во-первыхъ, подробно описалъ берегъ отъ устья рѣки Уры до Шантарскихъ острововъ и самые острова, и во-вторыхъ, открылъ два большихъ острова, названныхъ въ честь директоровъ Россійско-Американской компаніи «Прокофьевымъ» и «Кусовымъ». Результатомъ его новаго путешествія—участія въ хронометрической экспедиціи Ѳ. Ѳ. Шуберта (1832 г.)—было «Описаніе» ея, напечатанное въ III части «Записокъ Гидрографическаго Депо». Съ 1833 г. онъ служилъ въ гидрографическомъ департаментѣ и съ 1837 г. до самой смерти завѣдывалъ инструментальнымъ кабинетомъ гидрографическаго департамента, переименованнаго изъ гидрографическаго депо. Въ честь Козьмина названы его именемъ: бухта приморской области южно-уссурійскаго края, на с.-з. берегу залива Петра Великаго, и мысъ той же области, сѣверно-уссурійскаго края на западной сторонѣ залива св. Владиміра.

Біографическій очеркъ въ «Морскомъ Вѣстникѣ», 1851 г. № 3, стр. 252—258; бар. Врангель, «Путешествіе по Сибири и Ледовитому океану» (Спб., 1841 г. I и II части); Стрепцель, «Русскія экспедиціи для описанія сѣвернаго берега Сибири и падлежащихъ острововъ» — въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», 1876 г., № 86 и слѣд.

Козьминъ, *Сергѣй Матвѣевичъ*, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь Екатерины II. Родился, какъ видно изъ послужнаго списка отца его, М. С. Козьмина, въ 1723 г., уволенъ въ отставку въ январѣ 1781 г., ум. 10 декабря 1788 г. О началѣ службы его ничего неизвѣстно; къ 1762 г. онъ былъ «артиллеріи военнымъ совѣтникомъ» и съ этого мѣста вскорѣ по воцареніи

Екатерины II онъ, вмѣстѣ съ А. В. Олсуфьевымъ, Г. Н. Тепловымъ и И. П. Елагинымъ, былъ назначенъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ Кабинетъ Ея Величества и состоялъ до конца службы у принятія прошеній; въ 1767 г. онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, аннинскимъ кавалеромъ и членомъ таможенной канцеляріи, въ 1771 г. сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ, 13 марта 1777 г., получилъ орденъ Александра Невскаго. Онъ неизмѣнно оставался однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ императрицѣ лицъ; черезъ его руки шло множество дѣлъ, восходившихъ до императрицы, а черезъ него же объявлялись очень часто ея рѣшенія. Онъ писалъ утвержденный императрицею проэктъ объ учрежденіи торговой компаніи въ Нижнемъ Новгородѣ (1767) и указъ 29 декабря 1768 г. объ учрежденіи ассигнаціоннаго банка. С. М. Козьминъ сопровождалъ императрицу во время ея поѣздокъ въ Москву въ 1762, 1767 и 1775 гг., а также въ путешествіи по Волгѣ въ 1767 г., причемъ перевелъ третью главу «Велизарія»; имя Козьмина упоминается и въ шутливой запискѣ Екатерины о томъ, какою смертью умрутъ она сама и приближенные къ ней люди.—С. М. Козьминъ занимался переводами съ французскаго. Въ 1758—1759 г. вышелъ въ его переводѣ «Опытъ военнаго искусства», соч. графа Тюрпина, затѣмъ онъ переводилъ для императрицы разныя мелкія французскія сочиненія, наконецъ, въ 1767 г. вступилъ въ кружокъ лицъ, предпринявшихъ въ Москвѣ, подъ редакціей Хераскова, изданіе «Переводовъ изъ Энциклопедіи» и взялъ на себя переводъ статей, относящихся къ юриспруденціи.

«Рус. Старина», 1871 г., т. 571—572. «Сбор. Ист. Общ.», т.т. VII, X.

Кокоревъ, *Иванъ Тимоѳеевичъ*, писатель. Род. въ 1826 г.; умеръ въ Москвѣ, 14 іюня 1853 г.—(въ предисловіи къ изданію его «Очерковъ и разсказовъ» 1854 г., какъ годъ его смерти, указанъ ошибочно). Кокоревъ былъ сынъ вольноотпущенника, учился въ уѣздномъ училищѣ и во второй Московской гимназіи, которую оставилъ, по недостатку средствъ, выйдя изъ 5-го класса. Вскорѣ послѣ этого стали появляться въ «Живописномъ Обозрѣніи» небольшіе статейки и разсказы Кокорева, но вниманіе публики онъ обратилъ на себя лишь съ 1849 г., когда началось его постоянное сотрудничество въ «Москвитянинѣ», а затѣмъ въ «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ». Лучшими произведеніями Кокорева признаются: разсказъ «Саввушка» (въ «Москвитянинѣ» за 1852 г.) и очеркъ «Кухарка» (въ «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», 1852 г.). Въ нихъ особенно ярко выразились симпатичныя стороны несомнѣннаго таланта Кокорева—искренняя любовь къ обездоленному бѣдняку и горячее стремленіе къ правдѣ и добру. Написаны они весьма хорошимъ по тому времени языкомъ, безъ поддѣлки подъ народную рѣчь, и не смотря на незамысловатость концепціи, даютъ вѣрную картину народнаго и мѣщанскаго быта Москвы. Для своего времени типы Кокорева, прямо выхваченные изъ жизни, были новостью и справедливо обратили на себя вниманіе публики. Послѣ смерти всѣ его произведенія были напечатаны отдѣльною книгою въ 3-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Очерки и разсказы» (М. 1858). Они заключаютъ до 20 отдѣльныхъ разсказовъ и очерковъ и довольно значительное количество мелкихъ статей, отзывовъ о книгахъ и замѣтокъ. Въ «Русской Газетѣ», за 1859 г., № 5 появилось и его «Письмо къ М. П. Погодину» объ учрежденіи въ Москвѣ публичной библіотеки, выпущенное также и отдѣльными оттисками.

Дементьевъ, «Черты изъ жизни И. Т. Кокорева» въ «Москвитянинѣ» за 1853 г., т. IV; «Московскія Вѣдомости», за 1853 г., № 72.

Кокориновъ, *Александръ Филипповичъ*, архитекторъ, директоръ Академіи Художествъ, род. 29 іюня 1726 г., ум. 10 марта 1772 г. Родился на одномъ изъ сибирскихъ заводовъ Демидова, гдѣ отецъ его былъ тоже архитекторомъ. Въ 1742 г. принятъ на службу въ Москвѣ «архитекторіи ученикомъ». Въ 1754 г. онъ построилъ въ Петербургѣ великолѣпный домъ для И. И. Шувалова на углу Невскаго и Малой Садовой и получилъ за это званіе унтеръ-архитектора, а вскорѣ затѣмъ званіе придворнаго архитектора, съ жалованіемъ въ 600 р. въ годъ; новоселье въ новомъ домѣ И. И. Шувалова и маскарадъ, бывшій по этому случаю, воспѣты въ одной изъ одъ Ломоносова. А. Ф. Кокориновъ обладалъ не только выдающимися дарованіями архитектора, онъ былъ вообще

человѣкъ съ обширными познаніями и въ высшей степени одаренный чувствомъ изящнаго и любовью къ нему; И. И. Шуваловъ, близко узнавъ его, вполнѣ оцѣнилъ его дарованія.—Въ мартѣ 1758 г. открыта была, наконецъ, въ Петербургѣ Академія Художествъ; первоначально управленіе ею было ввѣрено кн. П. В. Хованскому, родственнику кн. Н. Ю. Трубецкаго; но Хованскій оказался человѣкомъ совершенно неподходящимъ для этого дѣла и И. И. Шуваловъ вскорѣ привлекъ къ ближайшему участію въ дѣлахъ Академіи Кокоринова. 15 октября 1758 г. онъ былъ назначенъ архитекторомъ Академіи; 1 ноября 1760 г.—инспекторомъ, а 21 іюня 1761 г. ему поручена была дирекція надъ Академіею. Во все время главнаго управленія ею Шувалова А. Ф. Кокориновъ пользовался полною довѣренностью извѣстнаго мецената и, опираясь на него, энергично и умѣло работалъ на пользу вновь возникшаго учрежденія. При его ближайшемъ участіи были перестроены, сообразно нуждамъ Академіи, пожалованные ей два дома князя Алексѣя Долгорукова, на углу 4-й линіи и набережной Невы, организовано было преподаваніе въ классахъ: живописномъ, скульптурномъ, гравировальномъ и архитектурномъ; архитектуру читалъ самъ Кокориновъ и читалъ по русски — для того времени это являлось дѣломъ и новымъ, и нелегкимъ, такъ какъ терминологія была еще не достаточно разработана; по другимъ предметамъ преподаваніе нерѣдко велось по-нѣмецки или по-французски, кромѣ того преподавались ученикамъ Академіи ариѳметика, исторія и миѳологія. Кокориновъ съ большою любовью относился къ воспитанникамъ Академіи; подъ его вліяніемъ жестокія наказанія—почти неизбѣжно сопровождавшія въ то время всякое обученіе – изъ Академіи были совершенно изгнаны. Въ средѣ учениковъ Кокориновъ быстро замѣтилъ нѣсколько молодыхъ талантовъ—каковы художникъ А. П. Лосенко, архитекторъ В. И. Баженовъ, скульпторъ О. И. Шубинъ, граверъ Е. П. Чемезовъ; рекомендація Кокоринова доставила всѣмъ имъ покровительство И. И. Шувалова и всѣ удобства для ихъ художественнаго развитія. Въ 1760 г. Кокориновъ женился на дочери Григорія Акинфіевича Демидова, Пульхеріи, и такимъ образомъ получилъ возможность жить богато и занять самостоятельное положеніе въ петербургскомъ обществѣ. Талантливый, живой и общительный человѣкъ онъ въ скоромъ времени сдѣлался любимцемъ этого общества; къ нему постоянно обращались за всякаго рода совѣтами и указаніями по художественной части, а онъ со своей стороны старался всячески поддерживать въ обществѣ вкусъ къ изящному и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять работу русскимъ художникамъ и распространять ихъ произведенія. Такъ, онъ ввелъ въ моду гравированные пригласительные билеты на вечера и гравированныя визитныя карточки, исполненіе которыхъ поручалось русскимъ граверамъ; онъ завелъ художественные аукціоны изъ произведеній учениковъ и профессоровъ академіи; и аукціоны эти, на которыхъ фигурировали, между прочимъ, офорты Чемезова и знаменитый портретъ императрицы Елизаветы, работы Шмидта, вошли скоро также въ моду у петербургской знати. При Кокориновѣ Академія исполнила не мало порученій по покупкѣ и выпискѣ изъ-заграницы, для частныхъ лицъ, картинъ и статуй. Кокориновъ былъ близокъ съ Ѳ. Г. Волковымъ и его труппою и охотно принималъ участіе въ устройствѣ домашнихъ спектаклей, самъ проектировалъ декораціи, костюмы и т. д. По порученію И. И. Шувалова Кокориновъ далъ отзывъ, представленный отъ имени Шувалова, о проектѣ памятника Петру Великому, выработанномъ Ломоносовымъ; наконецъ онъ былъ членомъ траурной комиссіи для погребенія императрицы Елизаветы.

Съ воцареніемъ императрицы Екатерины II главное завѣдываніе Академіею Художествъ перешло къ И. И. Бецкому, и положеніе Кокоринова довольно скоро измѣнилось къ худшему. Нѣкоторое время, впрочемъ Кокориновъ дѣйствовалъ по прежнему. Именно въ началѣ новаго царствованія онъ закончилъ свой грандіозный и великолѣпный проектъ, по которому впослѣдствіи и было воздвигнуто нынѣшнее зданіе Академіи Художествъ; къ 1769 г. готовы были чертежи всѣхъ деталей и планы. Иностранцы, посѣщавшіе Петербургъ, долго не хотѣли вѣрить, что это зданіе воздвигнуто по проекту русскаго архитектора. На мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ Академіею, стояли тогда три отдѣльныхъ, разной величины дома. Кокориновъ сумѣлъ воспользоваться ими и до minimum'а низвести необходимую ломку и передѣлку. Во

время работъ надъ проектомъ зданія по 1 января 1765 г. Кокориновъ получалъ изъ статсъ-конторы особое вознагражденіе по 700 р. въ годъ; впослѣдствіи статсъ-контора, ссылаясь на указъ 1723 г., предъявила къ художнику взысканіе, требуя возврата этихъ денегъ, но по Высочайшему повелѣнію, въ октябрѣ 1765 г., взысканіе это было отмѣнено, въ силу привиллегіи Академіи, по которой художники за чрезвычайные, не по должности, труды имѣли право и на особое вознагражденіе.

Торжественная закладка проектированнаго Кокориновымъ зданія совершена была 7 іюля 1765 г. въ присутствіи императрицы и великаго князя Павла Петровича съ необыкновенною пышностью; чрезвычайно красиво декорировано было и мѣсто закладки и существовавшія академическія зданія, тоже по проекту Кокоринова; въ день закладки Кокориновъ получилъ дипломъ на званіе профессора архитектуры; онъ и послѣ этого продолжалъ править директорскую должность, выбираемый на нее чрезъ годъ, ибо по новому уставу директоръ долженъ былъ ежегодно смѣняться. Подъ его наблюденіемъ велись работы по сооруженію новаго зданія. Эти работы и послужили источникомъ всѣхъ непріятностей, омрачившихъ послѣдніе годы жизни Кокоринова, и отчасти даже причиною преждевременной его смерти. И. И. Бецкій не имѣлъ къ нему такого довѣрія, какъ И. И. Шуваловъ, кажется даже нѣсколько недолюбливалъ его, какъ человѣка чрезвычайно талантливаго, который отчасти заслонялъ его, являясь въ глазахъ всѣхъ истиннымъ руководителемъ Академіи. Когда въ теченіе турецкой войны замедлилась выдача изъ казны денегъ, опредѣленныхъ на постройку новаго зданія Академіи, Кокориновъ употребилъ на эту работу нѣкоторыя, довольно значительныя, суммы изъ экономическихъ денегъ Академіи. По этому поводу между нимъ и Бецкимъ произошли довольно крупныя непріятности, и Бецкій не только наговорилъ Кокоринову много рѣзкаго и обиднаго, но заподозрилъ его въ растратѣ; назначена была комиссія для разсмотрѣнія денежныхъ дѣлъ Академіи, и она блестящимъ образомъ оправдала, но уже не Кокоринова, а его память. Самъ онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, истомленный этими непріятностями. Съ конца 1771 г. онъ былъ очень разстроенъ нервно; его лѣчили отъ меланхоліи; утромъ 10 марта 1772 г. онъ успѣлъ скрыться отъ надзора наблюдавшихъ за нимъ людей и повѣсился на чердакѣ одного изъ академическихъ зданій. Съ особаго разрѣшенія митрополита Гавріила Кокориновъ былъ похороненъ по христіанскому обряду и съ большою торжественностью на Смоленскомъ кладбищѣ. Послѣ него осталась одна дочь, Анастасія, которая умерла въ дѣвицахъ 5 октября 1785 г.

Совѣтъ академіи, ходатайствуя предъ И. И. Бецкимъ о пенсіи вдовѣ Кокоринова, подалъ ему представленіе, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «сея академіи бывшій ректоръ А. Ф. Кокориновъ служилъ при оной съ самаго перваго времени ея основанія и какъ при первомъ господинѣ учредителѣ, такъ и въ послѣдующее время съ состоянія конфирмованнаго академіи устава и штата подъ вѣдомствомъ Вашего Высокопревосходительства, сочинилъ проекты и планы новому академическому зданію, будучи сверхъ того главнымъ исполнителемъ вашихъ повелѣній, касающихся до положенія первыхъ основаній столь полезнаго въ Россіи монумента премудрой Екатерины второй... Сверхъ предписанныхъ господамъ профессорамъ, адъюнктъ-ректорамъ и ректорамъ трудовъ, помянутый г. Кокориновъ исправилъ новое академическое зданіе производствомъ дѣйствительнаго строенія отъ положенія перваго фундамента по нынѣшнее состояніе зданій, не оставляя для себя, такъ сказать, часа свободнаго времени»...

Зданіе Академіи Художествъ остается блестящимъ памятникомъ талантовъ Кокоринова, какъ архитектора, а вся исторіи Академіи Художествъ за время его директорства—свидѣтельствомъ его недюжинныхъ административныхъ способностей, его художественнаго вкуса и любви къ родному искусству.—Въ Академіи Художествъ сохраняется превосходный портретъ Кокоринова, работы Левицкаго; съ него существуютъ гравюры Олещинскаго на мѣди и Сѣрякова—на деревѣ.

Статья П. П—ва въ «Нивѣ», за 1870 г., №№ 47, 48 и 52; «Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худож.», I, 215—218 и др.; «Сѣверный Вѣстникъ», 1804, ч. I, 354; «Художеств. Извѣстія», 1836, № 2.

Кокошкинъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, дѣйств. стат. сов., управляющій московскими театрами, род. 20 апрѣля 1773 г.,

ум. 9 сентября 1838 г. Получивъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, съ 1781 г. началъ службу сержантомъ въ Преображенскомъ полку, а съ 1790 г. находился въ Конномъ полку. Въ 1796 г. вышелъ въ отставку. Въ 1807 опредѣленъ въ департаментъ министерства юстиціи. Въ 1813 назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Москву. Въ 1815 перешелъ въ Коммиссію составленія законовъ, откуда въ 1817 г. поступилъ «къ Московскому театру въ помощники управляющаго по учебной части». Въ 1818 утвержденъ членомъ конторы дирекціи театровъ въ Петербургѣ. Въ 1819 пожалованъ въ камергеры, а въ 1821 переведенъ въ совѣтники коммиссіи для строеній въ Москвѣ, съ назначеніемъ почетнымъ смотрителемъ рузскаго уѣзднаго училища. Въ 1823 назначенъ директоромъ Московскихъ театровъ и оставался въ этой должности до 1831 г., когда вышелъ въ отставку по болѣзни.

Въ исторіи московскаго театра имя Кокошкина занимаетъ видное мѣсто. Какъ знатокъ драматическаго искусства и страстный любитель его, онъ употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы довести московскую сцену до возможной степени совершенства. Возобновивъ Петровскій театръ, сгорѣвшій въ 1805 году, Кокошкинъ пригласилъ въ Москву лучшихъ артистовъ, тщательно слѣдилъ за репертуаромъ, а также и за постановкою піесъ; обратилъ вниманіе на театральное училище и самъ сталъ заниматься обученіемъ его воспитанниковъ сценическому искусству. Московская драматическая сцена времени Кокошкина блистала талантами:—на ней играли Мочаловъ, Живокини, Щепкинъ. Но, говоря о заслугахъ Кокошкина, какъ директора театра, необходимо имѣть въ виду, что по своимъ литературнымъ понятіямъ онъ былъ записнымъ классикомъ, враждебно относился къ нарождавшемуся романтизму и не признавалъ ни Шекспира, ни Шиллера. Недружелюбно встрѣтилъ Кокошкинъ и знаменитую комедію Грибоѣдова, о чемъ сохранилось извѣстіе въ неизданной части записокъ С. П. Жихарева. Любопытно, что Кокошкинъ, не смотря на свой литературный консерватизмъ, едвали не первый высказалъ мысль о необходимости основанія народнаго театра, какъ средства для «просвѣщенія черни», но проектъ его почему-то не осуществился.

Какъ записной театралъ и любитель литературы, Кокошкинъ часто устраивалъ у себя домашніе спектакли, на которыхъ и самъ участвовалъ, равно какъ и литературные вечера, усердно посѣщаемые его пріятелями, большею частью членами московскаго Общества любителей россійской словесности. Въ основаніи его (въ 1811 г.) Кокошкинъ принималъ дѣятельное участіе и съ 1827 по 1830 г. былъ предсѣдателемъ этого общества, но, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, «не умѣлъ направлять мнѣнія членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики».

Кокошкинъ хотя и пользовался между москвичами репутаціей хорошаго чтеца и декламатора, но на сценѣ, какъ и въ домашнемъ быту, отличался какою-то напускною важностью и торжественностью. Декламація его, по свидѣтельству П. А. Каратыгина, «была неестественна и исполнена натянутой, надутой дикціи». С. Т. Аксаковъ, особенно уважавшій Кокошкина, разсказываетъ, что кн. А. А. Шаховской называлъ его накрахмаленнымъ галстукомъ, не умѣвшимъ разинуть рта по человѣчески. Вотъ какъ описываетъ оригинальную внѣшность Кокошкина родственникъ его, гр. В. А. Сологубъ: «Онъ былъ малаго роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большою головой и нарумяненными щеками. Носилъ онъ длинные чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а иногда розоваго цвѣта. Онъ казался олицетвореніемъ важности, пафоса и самодовольствія».

Первымъ печатнымъ трудомъ Кокошкина была передѣланная съ французскаго комедія въ 1 д. «Перегородка или много труда по пустому». Эта піеса, представленная «благороднымъ обществомъ» 4 декабря 1804 г., напечатана Кокошкинымъ въ Москвѣ въ 1806 г., съ посвященіемъ своей женѣ. Литературная извѣстность Кокошкина была основана на переводѣ или, вѣрнѣе, переложеніи Мольерова «Мизантропа», который появился на московской сценѣ въ 1815 г. (напечатанъ въ 1816 г.) и имѣлъ большой успѣхъ, благодаря хорошему исполненію, но не литературнымъ достоинствамъ перевода, хотя Кокошкинъ занимался имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Кромѣ «Мизантропа» онъ перевелъ съ французскаго еще нѣсколько драматическихъ піесъ, не имѣвшихъ успѣха на

сценѣ, за исключеніемъ комической оперы «Чертенокъ въ отпуску» (1818 г.), и сочинилъ трагедію «Зорада» (1808 г.), комедію въ 4 д. въ стихахъ «Воспитаніе или вотъ приданое» (М. 1824 г.) и нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, оставшихся также незамѣченными. Мелкія стихотворенія Кокошкина печатались въ «Сынѣ Отечества», «Вѣстникѣ Европы», «Амфіонѣ», «Трудахъ общества любителей россійской словесности» и «Украинскомъ Вѣстникѣ».

Кокошкинъ былъ дважды женатъ: въ первомъ бракѣ на Варварѣ Ивановнѣ Архаровой (род. въ 1786 г., ум. въ 1811 г.), а во второмъ (въ 1834 г.)—на актрисѣ Аннѣ Семеновнѣ Потанчиковой.

Г. Н. Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», т. I; «Полн. собр. соч. С. Т. Аксакова», т. IV; «Сочиненія К. Н. Батюшкова», изд. 1887 г., т. I—III; «Артистъ», 1889 г., кн. III: «Ѳ. С. Потанчиковъ»; Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. I. С.-ПБ. 1899.—Формуляръ. *В. Саитовъ.*

Кокушкинъ, *Антипъ Петровичъ*, петербургскій городской голова, умеръ 26 іюня 1848 г. Сынъ простого крестьянина, род. въ с. Князчинахъ, любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Служилъ прикащикомъ у откупщиковъ Чоблокова и Лѣнивцева, затѣмъ самъ сдѣлался откупщикомъ, нажилъ большое состояніе и въ 1822 г. записался петербургскимъ первой гильдіи купцомъ. Въ февралѣ 1824 г. онъ былъ выбранъ на трехлѣтіе ратманомъ въ первый департаментъ городового магистрата. На этомъ мѣстѣ Кокушкинъ обнаружилъ замѣчательныя административныя способности и въ короткое время привелъ довольно запущенныя дѣла своего департамента въ образцовый порядокъ. Въ 1827 г. онъ былъ избранъ депутатомъ отъ податныхъ сословій въ дворянское депутатское собраніе Петербургской губерніи для раскладки земскихъ повинностей. Онъ съумѣлъ доказать съ полною неопровержимостью, что купеческое, мѣщанское и ремесленное общества платятъ податей вдвое болѣе, нежели другія сословія, и достигъ того, что ежегодный взносъ съ нихъ уменьшенъ былъ болѣе чѣмъ на 100.000 р. въ годъ. Въ 1830—1833 гг. Кокушкинъ былъ членомъ Высочайше учрежденной комиссіи для ревизіи и учета земскихъ повинностей въ Петербургской губерніи и получилъ отъ нея особенную благодарность за свои труды. Въ 1833 г. онъ былъ избранъ на должность городского головы С.-Петербурга и на этой должности упорядочилъ многія статьи расходовъ въ городскомъ хозяйствѣ, разобравъ чрезвычайно запутанныя дѣла по недоимкамъ, и уничтожилъ множество другихъ злоупотребленій въ дѣлопроизводствѣ и расходованіи суммъ. Большія услуги оказалъ онъ умѣлою закупкою и доставкою хлѣба въ Петербургъ въ голодный 1833 годъ. Умеръ Кокушкинъ отъ холеры, заразившись ею при исполненіи обязанностей попечителя при холерной больницѣ.

«Наше купечество». Москва. 1866, вып. II, 4—47.

Кокшаровъ, *Николай Ивановичъ*, горный инженеръ, тайный совѣтникъ, академикъ, членъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета. Род. 23 ноября 1818 г., ум. 21 декабря 1892 г. Н. И. Кокшаровъ родился близъ Усть-Каменогорской крѣпости, въ Томской губ. (нынѣ Семипалатинской обл.), гдѣ дѣдъ его (отецъ его матери), князь Эристовъ, былъ комендантомъ. Отецъ Кокшарова, Иванъ Константиновичъ, былъ горнымъ инженеромъ и сперва служилъ на Алтаѣ, а затѣмъ былъ переведенъ на Уралъ управляющимъ Березовскими золотыми пріисками. Здѣсь протекло дѣтство Н. И. Кокшарова до опредѣленія его въ Горный Корпусъ. Сама судьба какъ будто способствовала тому, чтобы онъ избралъ ученую дѣятельность. Какъ разъ въ то время, когда онъ оканчивалъ курсъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ (1840 г.), были приглашены въ Россію извѣстные ученые Мурчисонъ и де-Вернейль. Вмѣстѣ съ гр. Кейзерлингомъ они должны были предпринять геологическое путешествіе по Россіи. Сопровождать ихъ выпало на долю молодого Кокшарова, который едва успѣлъ сдать свои выпускные экзамены. Онъ весьма хорошо исполнилъ возложенное на него порученіе и представилъ начальству рапортъ, въ которомъ не только сообщалъ о произведенныхъ экспедиціей работахъ, но и высказывалъ нѣкоторыя самостоятельныя мысли относительно пестроцвѣтныхъ породъ восточной полосы Россіи; Мурчисонъ впослѣдствіи согласился съ мнѣніемъ Кокшарова (рапортъ этотъ напечатанъ былъ въ «Горномъ Журналѣ» за 1840 г., подъ заглавіемъ «Геогностическія замѣчанія о нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи»). Въ слѣдующемъ (1841) году Кок-

шарову вновь пришлось сопровождать тѣхъ же ученыхъ въ ихъ вторичномъ геологическомъ путешествіи по Россіи и Уралу. Извѣстно, насколько плодотворны были труды Мурчисона и де-Вернейля для познанія геологическаго строенія Россіи. Путешествіе въ обществѣ такихъ лицъ принесло Кокшарову (какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ запискахъ) огромную пользу, такъ какъ помимо живого интереса, который въ немъ возбуждала самая цѣль изслѣдованій, онъ внимательно слѣдилъ за способами наблюденій первоклассныхъ геологовъ. Однако, Кокшаровъ не сдѣлался геологомъ, какъ объ этомъ ни заботился тогдашній начальникъ корпуса горныхъ инженеровъ Чевкинъ—его привлекала минералогія, которою онъ живо интересовался, еще будучи въ стѣнахъ института.

Съ 1842 по 1845 г. онъ провелъ время за-границею, куда былъ командированъ русскимъ правительствомъ; этой командировкѣ значительно способствовалъ Мурчисонъ.

Во Франціи Кокшаровъ слушалъ лекціи и работалъ у Эли-де-Бомона, Делафосса, Валансьена, Дюфренуа и др.; но особенно большое значеніе для всей его послѣдующей дѣятельности имѣли занятія кристаллографіей у Вейса и минералогіей у Густ. Розе въ Берлинѣ. Изъ нѣмецкихъ кристаллографическихъ ученій того времени наибольшее, однако, впечатлѣніе произвела на него система Науманна, и во всѣхъ своихъ научныхъ трудахъ Кокшаровъ можетъ считаться послѣдователемъ этого ученаго, хотя лекцій его онъ и не слушалъ. Во время заграничнаго путешествія завязались и дружескія отношенія Кокшарова съ различными иностранными учеными; они поддерживались потомъ въ теченіи всей его жизни.

Вернувшись въ Россію, Н. И. Кокшаровъ въ 1846 г. былъ опредѣленъ репетиторомъ института корпуса горныхъ инженеровъ и съ этого времени началась педагогическая дѣятельность его, продолжавшаяся до 1881 г. Онъ читалъ, въ разное время, лекціи минералогіи, геологіи и физической географіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ: Горномъ Институтѣ (съ 1847 г.), Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, Земледѣльческомъ институтѣ (теперь Лѣсной), Константиновскомъ училищѣ, Пажескомъ корпусѣ, 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и др. Кромѣ того въ 1848 г. Кокшаровъ замѣнялъ, въ продолженіи цѣлаго курса, профессора Гофмана въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Съ 1849 по 1852 гг. состоялъ онъ смотрителемъ главной физической обсерваторіи. Въ 1857 г. назначенъ членомъ горнаго ученаго комитета. Въ 1855 г. Кокшаровъ былъ избранъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ, въ 1858 г. (24 мая)—экстраординарнымъ академикомъ и въ 1866 г. (4 марта)—ординарнымъ. Въ 1865 г. (12 марта) минералогическое общество избрало его своимъ директоромъ, а 8 октября того-же года—почетнымъ членомъ. Съ 3 ноября 1872 г. до 25 августа 1881 г. Кокшаровъ занималъ постъ директора Горнаго Института. Въ 1865 и 1866 гг. онъ сопровождалъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго въ путешествіяхъ по Тульской губерніи и по Уралу. Къ покойному герцогу Кокшаровъ былъ глубоко привязанъ и въ свою очередь пользовался его постояннымъ расположеніемъ.

Первые же два труда, съ которыми Н. И. Кокшаровъ выступилъ въ качествѣ минералога, обратили на него сразу вниманіе ученаго міра; это были «Кристаллографическія изслѣдованія багратіонита и магнитнаго желѣзняка» (1847 г.; первоначально они были напечатаны въ «Горномъ Журналѣ»; еще ранѣе онъ помѣстилъ въ томъ же органѣ замѣтку о кристаллизаціи перовскита); за этими трудами послѣдовалъ цѣлый рядъ выдающихся монографій, помѣщенныхъ во многихъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ; въ значительной степени благодаря сочиненіямъ Кокшарова распространились по всему свѣту свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Россіи; списокъ его научныхъ трудовъ напечатанъ въ № 12 «Горнаго Журнала» за 1894 г.

Самымъ капитальнымъ трудомъ Кокшарова являются его «Матеріалы для минералогіи Россіи», издававшіеся имъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (изданіе на русскомъ языкѣ прекратилось, впрочемъ, на 5 томѣ). Первый томъ ихъ, увѣнчанный Демидовскою преміей, появился въ 1853 г. Сочиненіе это, которому Н. И. Кокшаровъ посвятилъ большую часть своей жизни, составило эпоху въ русской минералогической наукѣ и поставило имя своего автора въ ряды извѣстнѣйшихъ и популярнѣйшихъ естествоиспытателей, какъ

русскихъ, такъ и иностранныхъ. За печатаніемъ XI-го тома «Матеріаловъ»—этой настольной книги всякаго минералога—застигла Н. И. Кокшарова болѣзнь, сведшая его въ могилу.

Чтобы оцѣнить значеніе «Матеріаловъ» слѣдуетъ припомнить, что всѣ русскіе минералогическіе труды первой половины настоящаго вѣка, иногда весьма добросовѣстно описывая мѣстонахожденіе, общій видъ, цвѣтъ, иногда химическій составъ минераловъ, имѣли существенный недостатокъ, именно — почти не касались важнѣйшихъ свойствъ минераловъ, ихъ кристаллической формы. Кокшаровъ, первый послѣ Купффера, предпринялъ въ Россіи точныя кристаллографическія наблюденія. Разнообразные же минералы, мѣсторожденіями коихъ такъ богата Россія, дали ему неисчерпаемый матеріалъ для научныхъ работъ. Неутомимо въ теченіе долгихъ лѣтъ работая надъ своими «Матеріалами», онъ постоянно слѣдовалъ одному и тому же направленію, производя длинный рядъ точныхъ гоніометрическихъ измѣреній кристалловъ при убѣжденіи, что только работы подобнаго рода могутъ дать наукѣ тѣ точнѣйшія величины, или такъ называемые константы, на основаніи которыхъ возможно будетъ вывести впослѣдствіи существеннѣйшіе законы кристаллообразованія. Кристаллографическія данныя и основныя формы для множества минераловъ установлены имъ съ точностью, заставляющею считать эти опредѣленія исходною точкою для дальнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ кристаллографическихъ работъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ то же время Кокшаровъ не оставлялъ безъ вниманія изслѣдованія оптическихъ и химическихъ свойствъ минераловъ.

Кокшаровымъ описано въ «Матеріалахъ» болѣе 200 минеральныхъ видовъ, встрѣчающихся въ Россіи, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. эвклазъ, брукитъ, желтый канкринитъ, мѣдная слюдка и волластонитъ) открыты имъ въ Россіи впервые, а другіе (багратіонитъ, ильменорутилъ, кочубеитъ, клинохлоръ, валуевитъ и мурзинскитъ) описаны, какъ совершенно новые. Издавая свои «Матеріалы», Кокшаровъ по нѣскольку разъ возвращался къ одному и тому же минералу, если почему либо было упущено изъ виду какое нибудь изъ характерныхъ свойствъ его или открывались новыя, не наблюдавшіяся ранѣе явленія; при этомъ необходимо сказать, что Кокшаровъ въ своихъ изслѣдованіяхъ никогда не старался умалить или отодвинуть на второй планъ трудовъ другихъ изслѣдователей.

Кромѣ «Матеріаловъ» Н. И. Кокшаровъ издалъ еще первую часть своихъ «Лекцій минералогіи» на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Лекціи эти служили многимъ поколѣніямъ студентовъ Горнаго Института необходимымъ пособіемъ при изученіи кристаллографіи; въ этихъ «Лекціяхъ» начала этой науки изложены по системѣ Науманна съ простотою и ясностью, присущими только такому обладанію предметомъ, какое было у Кокшарова. Нельзя не упомянуть также изданнаго покойнымъ ученымъ «Каталога русскимъ топазамъ, хранящимся въ музеумѣ Горнаго Института». Скромное заглавіе каталога совершенно не соотвѣтствуетъ богатому кристаллографическому и минералогическому матеріалу, заключающемуся въ этой книгѣ, представляющей серьезное научное описаніе находящейся въ Горномъ Институтѣ богатѣйшей коллекціи этого минерала изъ русскихъ его мѣсторожденій.

Императорское минералогическое общество было излюбленнымъ дѣтищемъ Кокшарова, которому онъ посвятилъ добрую половину своей жизни. Со вступленіемъ его въ должность директора общества открылся періодъ особенно успѣшнаго процвѣтанія послѣдняго. Съ этого же времени началось изданіе новой (2-й) серіи ученыхъ «Записокъ» Общества, замѣтно отличающихся къ лучшему отъ раньше издаваемыхъ трудовъ первой серіи, которые печатались, къ тому же, исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Съ 1869 г. Общество начало публиковать «Матеріалы для геологіи Россіи», представляющіе результаты геологическихъ изслѣдованій, производимыхъ членами Общества по порученію послѣдняго. Въ 1891 году маститый ученый, уже ослабѣвшій здоровьемъ и чувствовавшій недостатокъ силъ, сложилъ съ себя званіе директора Общества, но послѣднее, избравъ ему замѣстителя, не пожелало порвать своей долголѣтней связи съ Кокшаровымъ и просило его остаться почетнымъ директоромъ. Въ день пятидесятилѣтняго юбилея ученой дѣятельности Кокшарова минералогическое общество поднесло ему спеціально выбитую по этому случаю медаль.

Въ частной жизни Кокшаровъ отличался необыкновенною незлобивостью и мягкостью характера, отзывчивостью и рѣдкою деликатностью въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этому можетъ служить та готовность, съ какою откликнулось множество лицъ на приглашеніе къ празднованію его пятидесятилѣтняго юбилея. Рѣдкою снисходительностью, исканіемъ всюду хорошаго и уваженіемъ къ чужому труду проникнуты были его отношенія къ научнымъ работамъ и сочиненіямъ другихъ лицъ. Горячо преданный точной наукѣ, Н. И. Кокшаровъ чувствовалъ въ то же время искреннюю симпатію и ко всякому проявленію красоты—въ реальныхъ и духовныхъ образахъ. Свои досуги онъ часто посвящалъ поэзіи, хотя плоды его музы были предназначены лишь для небольшаго кружка близкихъ лицъ. Въ «Русской Старинѣ» (1890 г.) покойный помѣстилъ свои воспоминанія, написанныя очень интересно, но доведенныя всего до 1859 г.; въ нихъ отлично обрисованъ характеръ той эпохи и живою галлереей проходятъ лица (преимущественно ученые — Мурчисонъ, де-Вернейль, Гумбольдтъ, Л. фонъ-Бухъ, Вейсъ, Г. А. Іосса и т. д.), съ которыми автору приходилось сталкиваться.

Кокшаровъ имѣлъ орденъ Александра Невскаго съ бриллiантами, много иностранныхъ отличій и состоялъ членомъ, Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ и кромѣ того — еще 8 иностранныхъ академій, 19 русскихъ ученыхъ обществъ и 11 заграничныхъ; сверхъ того онъ носилъ званіе почетнаго доктора минералогіи Кіевскаго университета.

«Описаніе празднованія 50-тилѣтняго юбилея Н. И. Кокшарова»—«Записки Имп. минералогич. общ.», серія II, ч. 24; Некрологъ въ тѣхъ же «Запискахъ» серія II, ч. 30, стр. 400; «Памяти Н. И. Кокшарова», «Горный Журналъ», 1892 г., № 12. *С. Кулибинъ.*

Колбасинъ, *Елисей Яковлевичъ,* писатель, род. въ 1831 г., ум. 28 сентября 1885 г. въ селѣ Чегодаревкѣ, Херсонской губ. Окончилъ въ 1854 г. курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата. Первыя его литературныя произведенія—повѣсти: «Энтузіастъ» и «Практическій человѣкъ»—появились въ издававшихся въ 1849—1850 г.г. въ Одессѣ Н. М. Фумели «Литературныхъ Вечерахъ». Затѣмъ имъ напечатаны: «Въ деревнѣ и Петербургѣ», повѣсть; «Ив. Ив. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ», («Современникъ», 1855 г., кн. 5 и 1856 г., кн. 3 и 4); «Кургановъ и его Письмовникъ», «Царь Алексѣй Михайловичъ», («Библіотека для чтенія», 1857 г., кн. 1 и 4); «Дѣвичья кожа», повѣсть; «Сурковъ», разсказъ («Современникъ», 1858 г., кн. 4 и 6). «Академическій переулокъ», очеркъ («Библ. для чт.», 1858 г., кн. 8). «Письма Н. М. Карамзина къ В. М. Карамзину», съ предисловіемъ («Атеней», 1858 г., ч.ч. III и IV). «Воейковъ съ его сатирою «Домъ сумасшедшихъ» («Совр.», 1859 г., кн. 1). «Литературные дѣятели прежняго времени» (Спб. 1859 г.—въ эту книжку вошли три вышеуказанныя статьи о Мартыновѣ, Кургановѣ и Воейковѣ). «Два зайца», повѣсть (Спб. 1859 г., т. IX). «Фридрихъ», разсказъ, «Дядюшка», разсказъ («Совр.», 1860 г., кн. 2 и 5). «Семь клеветъ на любовь» (ib. 1861 г., кн. 5). «Майоръ Щавель», разсказъ («Вѣкъ», 1861 г.). «Пѣвецъ Кубры, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ», психологическій очеркъ («Время», 1862 г., кн. 6). «Наша печать» («Новороссійскій Телеграфъ» 1869 г., № 1). Колбасинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ И. С. Тургеневымъ, который находился съ нимъ въ перепискѣ. Беллетристическія произведенія Колбасина не возвышаются надъ уровнемъ посредственности, хотя нѣкоторыми изъ нихъ и былъ доволенъ И. С. Тургеневъ, похвалы котораго, повидимому, объясняются отчасти личными отношеніями; что же касается историко-литературныхъ работъ Колбасина, то онѣ исполнены неудовлетворительно и показываютъ, что авторъ не обладалъ научными пріемами; такъ письма Н. М. Карамзина изданы съ пропусками и ошибками.

«Сочиненія Добролюбова», Спб., 1862, т. III; Ефремовъ, «Матеріалы для исторіи русской литературы», Спб. 1867, стр. IV; Григорьевъ, «Петербургскій университетъ»; «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», Спб. 1885. Языковъ, «Обзоръ», вып. 5-й, стр. 83. «Русскій Архивъ», 1890 г., кн. 3, стр. 209. *Н. М.*

Колесниковъ, *Иванъ,* сибирскій атаманъ XVII в. Упоминанія о немъ начинаются съ 1644 г., когда онъ былъ посланъ изъ Енисейска съ отрядомъ въ 100 человѣкъ «провѣдать про озеро Байкалъ и серебряную руду». Дойдя по Ангарѣ до устья рѣки Осы, Колесниковъ заложилъ тамъ острогъ для перезимовки. Весной 1645 г.

онъ направился къ Байкалу, но могъ добраться только до сѣверо-западнаго его берега, такъ какъ вся страна была въ возстаніи, вызванномъ дѣйствіями верхоленскаго управителя. Въ слѣдующемъ году Колесниковъ пошелъ къ Верхней Ангарѣ и по дорогѣ разбилъ тунгузовъ рода князька Котуга, по имени котораго казаки и назвали рѣку, гдѣ была схватка. Дойдя до Верхней Ангары, Колесниковъ вновь зимовалъ въ выстроенномъ имъ Верхне-Ангарскомъ острогѣ, откуда въ 1647 г. отправилъ въ Енисейскъ нѣсколько казаковъ съ просьбою о провіантѣ и подкрѣпленіи. Во время зимовки онъ узналъ, что у монголовъ, кочевавшихъ около озера Еравны, много серебра; тогда онъ отправилъ къ нимъ для развѣдокъ четырехъ казаковъ, вмѣстѣ съ князькомъ Котугою. Эта развѣдочная экспедиція, не найдя у озера Еравны монголовъ, отправилась къ Селенскъ и тамъ встрѣтила монгольскаго князька Турукая. Послѣдній одарилъ казаковъ Колесникова золотомъ и серебромъ, но увѣрялъ, что золото и серебро находятся въ предѣлахъ китайской имперіи. Не повѣривъ этому заявленію, Колесниковъ оставилъ здѣсь нѣсколько казаковъ для новыхъ развѣдокъ, а самъ съ дарами Туракая и ясакомъ изъ мѣховъ направился въ Енисейскъ, чтобы оттуда съ собранными свѣдѣніями отправиться въ Москву, но вскорѣ погибъ въ Енисейскѣ.

В. Андріевичъ, «Исторія Сибири»; «Вятск. губ. вѣдом.», 1844 г., № 49, 229.

Колесовъ, *Иванъ Алексѣевичъ,* московскій купецъ, род. въ Вологдѣ въ 1778 г., ум. въ Москвѣ 31 августа 1852 г. Отецъ его былъ небогатый вологодскій купецъ; И. А. Колесовъ торговалъ удачно и въ 1809 г. записался уже купцомъ первой гильдіи. Онъ занялся чайною торговлею, чрезвычайно ее разширилъ и былъ главнымъ распространителемъ у насъ чая; долгое время онъ держалъ въ своихъ рукахъ почти всю закупку чаю въ Кяхтѣ непосредственно отъ китайцевъ. Оставивъ послѣ себя значительный капиталъ, И. А. Колесовъ при жизни дѣлалъ многократно значительныя пожертвованія на благотворительныя учрежденія и щедро помогалъ бѣднымъ.

«Москов. Вѣдом.», 1852, № 110; «Вологод. губ. вѣд.», 1852, № 39.

Колзаковъ, *Павелъ Андреевичъ,* адмиралъ, род. въ Тулѣ 18 іюля 1779 г., ум. въ Петербургѣ 1 сентября 1864 г. Въ 1790 г. поступилъ въ Морской Кадетскій корпусъ, 23 апрѣля 1795 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1797 г. командированъ въ Архангельскъ на строившійся тамъ фрегатъ «Азія» и затѣмъ на немъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ флота адмирала Ушакова въ Средиземномъ морѣ, съ 1798 по 1801 г. Въ 1808 г. находился въ Финляндіи; Барклай-де-Толли приказалъ ему перетащить съ моря въ озеро Калавеси, у Куопіо, двѣнадцать канонерскихъ лодокъ для оказанія помощи войскамъ, находившимся у Куопіо; Колзаковъ успѣшно выполнилъ это порученіе и оказалъ отряду существенную помощь. Послѣ войны командовалъ яхтою «Нева», выстроенною для в. кн. Константина Павловича; въ 1811 г. произведенъ въ чинъ капитанъ-лейтенанта и назначенъ флигель-адъютантомъ цесаревича. Сопровождая повсюду великаго князя, П. А. Колзаковъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Бауценѣ, Кульмѣ—гдѣ лично ему сдался маршалъ Вандамъ,—Лейпцигѣ, Фершампенуазѣ; въ 1815 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга. Въ день возстанія въ Варшавѣ 17 ноября 1830 г. состоялъ все время при цесаревичѣ и по выходѣ его изъ Варшавы назначенъ комендантомъ временной главной квартиры; 6 декабря 1830 г. Колзаковъ произведенъ былъ въ вице-адмиралы, а послѣ кончины цесаревича Константина Павловича назначенъ генералъ-адъютантомъ. Въ 1843 г. произведенъ въ адмиралы, въ 1846 г. назначенъ членомъ адмиралтействъ совѣта и въ 1847 г.—членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ 1853 г. Колзаковъ получилъ отставку за упущенія въ дѣлахъ Комитета, давшія возможность одному изъ служащихъ, Политковскому, произвести довольно крупную растрату; но императоръ Александръ II немедленно по воцареніи снова назначилъ его своимъ генералъ-адъютантомъ.

«Морской Сборникъ», 1864, № 10, 177—185; «Кронштадт. Вѣстникъ», 1864, № 101; «Русская Старина», 1870, I, 208.

Коллинсъ, *Эдуардъ Альбертъ,* ординарный академикъ, род. 4 іюля 1791 г., ум. 4 августа 1840 г. Отецъ его, Іоаннъ Давидъ Коллинсъ, былъ шотландецъ, эмигрировавшій въ Пруссію и оттуда приглашенный въ Россію на мѣсто пастора при реформатской церкви, впослѣдствіи директоръ училища св. Петра; мать Э. А. Коллинса была рожденная Эйлеръ, внучка зна-

менитаго Эйлера. 13-ти лѣтъ Коллинсъ поступилъ въ училище при церкви св. Петра; онъ рано обнаружилъ любовь къ математикѣ и 16-ти лѣтъ уже изучалъ алгебру Эйлера съ примѣчаніями Лагранжа. Такой интересъ и такія способности къ математикѣ обратили на него особенное вниманіе его дяди, академика Фусса, и онъ началъ съ нимъ правильныя занятія по высшей математикѣ. Коллинсъ дѣлалъ очень быстрые успѣхи; въ 1814 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи, въ 1820 г. экстраординарнымъ академикомъ и въ 1826 г.—ординарнымъ. Съ 1824 г. онъ былъ преподавателемъ въ школѣ св. Петра, а съ 1833 г. послѣ смерти отца и директоромъ ея; преподавалъ математику великому князю цесаревичу Александру Николаевичу. Въ изданіяхъ Академіи Наукъ за 1829—1838 г. напечатано нѣсколько его мемуаровъ. Коллинсъ не прошелъ высшаго учебнаго заведенія, но познанія его были чрезвычайно обширны и онъ владѣлъ вполнѣ научнымъ методомъ; онъ былъ также большимъ любителемъ музыки и отличнымъ ея знатокомъ.

«Recueil des actes de la séance publique de l'Acad. des sciences de S.-Pet.». 1841, 41—12; Lemmerich, «Gesch. der Schule St.-Peters.», II, 344 и слѣд.

Колло, *Марія Анна*, по мужу Фальконетъ, женщина-ваятельница, род. въ Парижѣ въ 1748 г., ум. въ 1821 г. Отецъ ея не обращалъ никакого вниманія на талантъ дочери; она начала работать самоучкою; впослѣдствіи ея работы стали извѣстны Фальконету и онъ занялся ею; скоро между ними установились искренно-дружескія отношенія. Получивъ приглашеніе въ Петербургъ для работъ надъ памятникомъ Петру Великому, Фальконетъ уговорилъ и дѣвицу Колло послѣдовать за нимъ, увѣренный, что со стороны ея онъ всегда найдетъ вниманіе и заботливость. Въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ въ 1767 г., онъ и Колло исполнили бюсты императрицы Екатерины, вел. кн. Павла Петровича, кн. Г. Орлова, дочери англійскаго посла Каткарта, Фальконета, Генриха IV, Сюлли, Дидро, Даламбера, Вольтера, медальоны Петра Великаго и Елизаветы Петровны. Въ Петербургѣ же Марія Колло создала и свое главное произведеніе, произведеніе, дѣйствительно высоко замѣчательное, обезпечившее ей громкую извѣстность,—именно голову Петра для колоссальной его статуи. Фальконетъ нѣсколько разъ принимался моделировать голову императора, но никакъ не могъ создать то, что удовлетворяло бы и его и императрицу Екатерину. Однажды Фальконетъ печаловался предъ своею ученицею и другомъ на эти неудачи—и къ слѣдующему же дню Колло, проработавъ всю ночь, вылѣпила модель головы Петра, которою остались вполнѣ довольны и императрица, и Фальконетъ; по ея модели и выполнена голова для памятника. Колло получила въ Петербургѣ званіе члена Академіи Художествъ и пожизненную пенсію въ 10.000 ливровъ; въ Петербургѣ же она вышла замужъ за сына своего учителя, Пьера Этьена Фальконета, посредственнаго портретиста. Въ 1778 г. она, вмѣстѣ со своею новою семьею, покинула Петербургъ; нѣкоторое время работала въ Гагѣ, затѣмъ жила въ Парижѣ; революція заставила ее удалиться въ городокъ Морнессонъ, близъ Нанси; здѣсь она и прожила до конца жизни, не занимаясь уже скульптурою.

Сомовъ, «Женщины-Художницы», въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ», 1883. IV, 511—513; «Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ.», т. XVII.

Колмаковъ, *Алексѣй Васильевичъ*, переводчикъ Адмиралтейской коллегіи, ум. въ 1804 г. Имъ напечатаны: «Стихотворенія» (Спб. 1791); «Карманная книжка для вычисленія количества воды, вытекающей чрезъ трубы, отверстія, или по жолобамъ; также и силы, какою они ударяютъ, стремясь съ данною скоростью» (Спб 1791); «Алъ-Коранъ Могамедовъ, переведенный съ арабскаго языка на англійскій, съ пріобщеніемъ къ каждой главѣ на всѣ темныя мѣста изъяснительныхъ и историческихъ примѣчаній, выбранныхъ изъ самыхъ достовѣрнѣйшихъ историковъ и арабскихъ толкователей алъ-Корана Георгіемъ Сейлемъ, и съ присовокупленіемъ обстоятельнаго и подробнаго описанія жизни лжепророка Могамеда, сочиненнаго славнымъ докторомъ Придо», съ англ. 2 ч. (Спб. 1792); «Стерново путешествіе по Франціи и Италіи, подъ именемъ Йорика... съ пріобщеніемъ дружескихъ писемъ Йорика къ Элизѣ и Элизы къ Йорику» съ англ. 3 ч. (Спб. 1793); «Катонъ», трагедія въ 5 д. Адиссона; съ англ. (Спб. 1804).

Геннади, «Справочный словарь».

Колмачевскій, *Леонардъ Зенонович*, профессоръ исторіи литературы, род. въ 1854 г., ум. 24 декабря 1889 г. Окончилъ

курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета въ 1874 г. и нѣкоторое время занималъ въ этомъ университетѣ должность лектора нѣмецкаго языка. Затѣмъ, выдержавъ магистерскій экзаменъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, отправился въ Лейпцигъ и къ 1882 г. приготовилъ диссертацію «Животный эпосъ на западѣ и у славянъ» (Каз. 1882), которую и защищалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на степень магистра исторіи западныхъ литературъ. Съ 1883 г. читалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ, въ качествѣ доцента, въ 1884 г. избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ; въ 1886 г. перешелъ въ Харьковскій университетъ. Изъ его ученыхъ работъ, отличавшихся вообще истинно-научными качествами, особенно выдаются «Замѣтка о Гильфагиннигѣ» (Казань, 1881). Темою докторской диссертаціи Колмачевскій думалъ избрать вопросъ о подлинности пѣсенъ Оссіана, но не успѣлъ исполнить этой работы. Свою прекрасно составленную библіотеку онъ завѣщалъ Харьковскому университету.

«Словарь» Брокгауза и Эфрона, статья А. И. Кирпичникова.

Колмыковъ, *Василій Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. 26 февраля 1887 г. Изъ дворянъ Смоленской губерніи, получилъ воспитаніе въ Дворянскомъ полку и въ 1842 г. выпущенъ въ конную артилерію. За отличіе, оказанное подъ Евпаторіей, произведенъ въ капитаны. Въ генералъ-маіоры произведенъ въ 1873 г. Въ теченіе войны 1877—1878 гг. командовалъ артиллеріею 11 корпуса, потомъ артиллеріею 14 корпуса; командовалъ всею артиллеріею, собранною для демонстраціи переправы у Туртукая 14 іюня, затѣмъ—артиллеріею при атакѣ Плевны 18 іюля и, наконецъ, при Базарджикѣ—12, 14 и 15 января 1878 г.; нерѣдко лично выводилъ и устанавливалъ батареи на позиціяхъ, несмотря на то, что еще съ 1870 г. здоровье его было очень слабо и требовало постояннаго и внимательнаго ухода послѣ того, какъ на одномъ смотру онъ получилъ серьезный ушибъ. За дѣйствія во время войны получилъ золотое оружіе, съ надписью «за храбрость», орденъ св. Станислава 1 ст. и св. Анны 1 ст., оба съ мечами; въ 1886 г. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку.

«Русскій Инвалидъ» 1887 г., № 87.

Коловратъ, *Евпатій*, полумиѳическая личность, герой рязанскаго народнаго сказанія, которое приписываетъ ему баснословные подвиги въ борьбѣ съ полчищами Батыя. Разсказъ о его подвигахъ находится въ «Повѣсти о приходѣ батыевой рати подъ Рязань», вошедшей въ нѣсколько позднихъ лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ. Напечатана во «Временникѣ Моск. общ. исторіи и древностей», кн. XV и Срезневскимъ въ статьѣ «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ».

Кологривова, *Елизавета Васильевна*, писательница, извѣстная болѣе подъ псевдонимомъ Фанъ-Димъ. Родилась около 1815 г.; годъ смерти неизвѣстенъ. Получила только домашнее воспитаніе, но хорошо была знакома съ литературою русскою и иностранною. Первый литературный опытъ ея—повѣсть подъ заглавіемъ «Голосъ за родное», («Маякъ», 1841 г.). Въ 1842 г. эта повѣсть вышла отдѣльнымъ изданіемъ и черезъ годъ уже потребовалось второе ея изданіе. Въ 1842 г. былъ напечатанъ Кологривовою переводъ «Ада» Божественной комедіи Данте, съ итальянскимъ текстомъ, литературнымъ введеніемъ и біографіей Данте, написанными г. Струковымъ. Переводъ былъ сдѣланъ прозой, отличался близостью къ тексту и выразительностью при сравнительно легкомъ языкѣ; Бѣлинскій отнесся къ нему съ большою похвалою. Въ 1876 г. этотъ переводъ былъ перепечатанъ въ сборникѣ «Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ», подъ редакціей П. Вейнберга. Кромѣ названныхъ произведеній Кологривова до 1846 г. напечатала еще: «Два призрака», романъ (Спб., 1842 г., въ 4-хъ частяхъ); «Александрина, небольшой романъ, взятый изъ записокъ Юрія З.», (въ «Русской Бесѣдѣ», за 1842 г., и отдѣльно, Спб. 1855 г.); «Хозяйка», повѣсть (въ «Библіотекѣ для чтенія», 1843 г. т. LVI), и «Отрывки изъ XXXVII пѣсни «Ада» Данте (въ сборникѣ «Новоселье», 1846 г., т. III). Послѣ этого года свѣдѣнія какъ о литературной дѣятельности Кологривовой, такъ и о ней самой прекращаются; смерть сестры заставила ее принять на себя заботы о воспитаніи ея дочерей; Кологривова уѣхала изъ Петербурга и оставила и литературную дѣятельность и мысль издавать задуманный ею журналъ «Женскій Вѣстникъ», который долженъ былъ

быть посвященъ исключительно интересамъ русской женщины. Нѣкоторые критики (особ. О. И. Сеньковскій) отзывались о романахъ Кологривовой съ большою похвалой; другіе находили въ ея произведеніяхъ слишкомъ много напыщенности и отсутствіе реальнаго содержанія; но справедливость требуетъ сказать, что такого рода романы и повѣсти были вполнѣ въ духѣ тогдашней литературы.

Геннади, «Справочный Словарь»; кн. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ»; Бурнашевъ, «Петербургская женщина-литераторъ сороковыхъ годовъ»—въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», 1873 г., № 17 и слѣд.

Кологривовъ, *Василій Алексѣевичъ*, ум. 7 августа 1874 г. При директорѣ Императорскихъ театровъ графѣ Борхѣ, въ 50-хъ годахъ, онъ былъ инспекторомъ музыки с.-петербургскихъ театровъ и, принявшись съ большою энергіею за дѣло, быстро поднялъ русскую оперу, которая до того времени почти не привлекала вниманія публики; благодаря его усиліямъ, главнымъ образомъ, оркестръ русской оперы достигъ той высоты, на которой онъ съ тѣхъ поръ и держится. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Г. Рубинштейномъ, Кологривовъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи русскаго музыкальнаго общества и с.-петербургской консерваторіи; въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ онъ былъ однимъ изъ директоровъ общества. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ переѣхалъ въ Кіевъ, получивъ тамъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Здѣсь онъ также сталъ работать для развитія музыкальныхъ интересовъ, создалъ отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества и музыкальное училище. Самъ онъ былъ довольно хорошимъ віолончелистомъ.

Некрологъ Ларош въ «Голосѣ», 1874 г., № 237.

Кологріевъ, *Василій Егоровичъ*, род. въ 1778 г., ум. 30 іюня 1867 г. Крестьянинъ посада Ненокса въ Архангельской губерніи. Служилъ прикащикомъ въ одномъ петербургскомъ торговомъ домѣ, затѣмъ вернулся на родину; здѣсь сталъ убѣждать своихъ односельчанъ открыть училище. Послѣ долгой борьбы съ мѣстными раскольниками онъ достигъ своей цѣли: 21 ноября 1834 г. училище было открыто. Кологріевъ отдалъ на его устройство свои книги и накопленныя во время службы деньги—свыше 5000 р., отложивъ себѣ только 75 р. на похороны, и жилъ затѣмъ до конца жизни на пенсію въ 60 р., которую получалъ отъ своихъ бывшихъ хозяевъ. При училищѣ онъ устроилъ библіотеку, куда послѣ его смерти поступило еще около 200 книгъ, оставшихся у него.

«Архан. губ. вѣд.», 1870, № 99.

Колодкинъ, *Алексѣй Емельяновичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1775 г., ум. 16 мая 1851 г. Воспитывался въ штурманской ротѣ и въ 1797 г. произведенъ въ подштурманы. Съ 1802 г. по 1808 г. плавалъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Сарычева по Балтійскому морю, занимаясь гидрографическими работами. Результатомъ ихъ явился атласъ Балтійскаго моря и Финскаго залива, изданный въ 1813 г. и употреблявшійся въ нашемъ флотѣ до начала 40-хъ годовъ. Съ 1808 по 1814 г. Колодкинъ занимался уже самостоятельно гидрографическими работами на Каспійскомъ морѣ; результатомъ ихъ былъ атласъ, изданный въ 1826 г. адмиралтейскимъ департаментомъ и долгое время служившій русскому флоту. Въ 1818 г. Колодкинъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго чертежною гидрографическаго департамента, а съ 1819 г. по день смерти состоялъ ея начальникомъ и дѣятельно занимался составленіемъ и редактированіемъ картъ, изданныхъ департаментомъ. Въ генералъ-маіоры произведенъ въ 1840 г.

«Морской Сборникъ» 1851, V, 514—516.

Колоколовъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, настоятель Исаакіевскаго каѳедральнаго собора, сынъ священника, род. въ 1799 г. въ Тверской губ., ум. 9 декабря 1869 г. Образованіе получилъ въ тверской семинаріи и въ петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи, въ 1821 г., оставленъ при ней преподавателемъ греческаго языка. 3 февраля 1830 г. рукоположенъ во священника къ церкви св. Александра Невскаго, что при Сенатѣ. 24 декабря 1860 г. переведенъ въ Исаакіевскій соборъ; въ 1864 г. пожалованъ митрою. Имъ переведены слова Іоанна Златоуста о священствѣ; напечатаны они были сначала въ «Христіанскомъ Чтеніи», за 1830—1832 гг., а затѣмъ отдѣльно въ 1836 г. Онъ участвовалъ и въ новомъ переводѣ съ греческаго «Православнаго исповѣданія», переведеннаго еще Петромъ Могилою, для переизданія этого памятника и «Правилъ

вселенскихъ соборовъ и св. Отцевъ», изданныхъ Св. Синодомъ. Кромѣ того имъ помѣщено нѣсколько словъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» и небольшихъ статей въ «Духовной Бесѣдѣ».

«Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи», вып. II, 1871 г.; «Духовная Бесѣда», 1869 г., № 52; «Странникъ», 1870 г., т. III; Архивъ С.-Петербургской духовной академіи, дѣла за 1834 г., №№ 66, 192; Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской духовной академіи».

Колокольниковъ, *Василій Яковлевичъ*, переводчикъ, ум. въ 1792 г. Въ 1785 г., еще студентомъ Московскаго университета, перевелъ книгу «Сокращенная исторія философіи отъ начала міра до нынѣшнихъ временъ» (М. 1785). Затѣмъ онъ вступилъ въ число масоновъ и въ 1788 г., уже имѣя степень мастера шотландской ложи, онъ былъ отправленъ на средства «Дружескаго ученаго общества» за-границу, въ Лейденъ; въ слѣдующемъ году, въ виду разстройства дѣлъ общества, содержаніе его, а равно Максима Невзорова, принялъ на себя извѣстный И. В. Лопухинъ. Въ февралѣ 1792 г. Колокольниковъ и Невзоровъ, оба уже имѣя степень доктора медицины, возвращались въ Россію, въ Ригѣ были задержаны, взяты въ Петербургъ и допрашивались Шешковскимъ по дѣлу Новикова. Заступничество Шувалова облегчило ихъ положеніе. Колокольниковъ вскорѣ умеръ.

Лонгиновъ, «Новиковъ и москов. мартинисты», 289, 298, 354, 355.

Колокольцовъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 15 апрѣля 1732 г., ум. 24 апрѣля 1818 г. Происходилъ изъ дворянъ. Въ 1775 г. былъ назначенъ прокуроромъ Адмиралтействъ-Коллегіи; въ 1778 — произведенъ въ бригадиры; въ 1781 г. назначенъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора во 2-й департаментъ Сената; занималъ эту должность до 1793 г., когда, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ сенаторомъ 1-го департамента, въ каковой должности и оставался до конца жизни. Пользовался большимъ довѣріемъ кн. А. А. Вяземскаго и очень часто вмѣсто него докладывалъ дѣла въ общемъ присутствіи Сената; при немъ разсматривалось въ Сенатѣ и громкое дѣло сибирскаго губернатора ген. Якоби. 31 мая 1797 г. назначенъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Леонтьевымъ и фонъ-Гейкингомъ предварительно разсматривать, подъ предсѣдательствомъ ген.-прок. Обольянинова, бумаги по дѣлу о составленіи книги законовъ, чѣмъ императоръ Павелъ въ то время очень интересовался. Титулъ барона получилъ 15 сентября 1801 г. Вигель разсказываетъ, что Колокольцовъ, надѣясь на близость къ государю Александру Павловичу своего зятя, Михаила Никитича Муравьева, попросилъ предъ коронаціей графскаго титула; государь улыбнулся и пожаловалъ его барономъ, чѣмъ Колокольцовъ былъ очень недоволенъ и никогда самъ не употреблялъ своего титула. Единственная дочь его, Екатерина Ѳедоровна, была замужемъ за М. Н. Муравьевымъ.

«Адресъ-Календари» съ 1775 г.; Полн. Собр. Законовъ, т.т. XXIII — XXVII; В. И. Саитовъ, «Некрополь», стр. 65.

Коломнинъ, *Сергѣй Петровичъ*, профессоръ Медико-хирургической академіи, изъ дворянъ, род. въ Петербургѣ 25 сентября 1842 г., ум. 11 ноября 1886 г. По окончаніи курса въ Архангельской гимназіи поступилъ въ Медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1865 г. со степенью лѣкаря, при чемъ награжденъ былъ дипломомъ на серебряную медаль, а затѣмъ опредѣленъ ординаторомъ 1-й госпитальной хирургической клиники. Въ 1869 г. получилъ степень доктора медицины и назначенъ ассистентомъ 2-й госпитальной хирургической клиники. Въ 1871 г. опредѣленъ приватъ-доцентомъ въ Медицинскую академію по каѳедрѣ хирургіи; въ 1872 г. назначенъ врачемъ по военно-медицинскому вѣдомству съ прикомандированіемъ къ клиническому госпиталю и въ томъ же году былъ приглашенъ въ университетъ св. Владиміра приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ теоретической хирургіи съ хирургическою госпитальною клиникою. Въ 1876 г. состоялъ въ командировкѣ консультантомъ по хирургіи при Мораво-тимокской арміи въ Сербіи, а въ 1877 г. консультантомъ общества Краснаго Креста по хирургіи же, въ тылу дѣйствующей арміи. Въ 1879 г. переведенъ въ Медико-хирургическую академію ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ хирургическою анатоміею. Вслѣдствіе неудачнаго исхода одной произведенной имъ операціи, 11 ноября 1886 г. застрѣлился.

Ученикъ Пирогова, Коломнинъ былъ блестящимъ представителемъ строго-научнаго анатомо-клиническаго направленія хирур-

гіи. При обширной эрудиціи, онъ обладалъ выдающеюся клиническою опытностью и въ совершенствѣ—техникой искуснаго оператора. Литературно-ученая дѣятельность его выразилась въ цѣломъ рядѣ ученыхъ статей, числомъ свыше 40. Онъ напечаталъ: «Къ ученію о травматической лихорадкѣ» (Журн. для гистологіи и клинич. медиц., 1870); «Случай вылущенія бедра»; (Проток. общ. русск. вр., Спб. 1871); «Послѣдовательное удлиненіе большого берца чрезъ возрожденіе кости надколѣнницею пяточнаго бугра». (Журн. для гистологіи и клинич. медиц., 1873); «Кіевская госпитальная хирургическая клиника». (Ibid., 1874); «Трахеальная пульсація», (Медиц. Вѣстн. 1874); «Общій медицинскій очеркъ сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла арміи въ Румыніи и Бессарабіи во время турецкой войны 1877 г.», (Кіев. Унив. Изв., 1877) и другія; полный перечень всего, написаннаго Коломнинымъ — у Змѣева въ книгѣ «Русскіе врачи-писатели». Его диссертація—«О возстановленіи кровообращенія у человѣка послѣ перевязки большихъ артеріальныхъ стволовъ». Спб. 1869 г

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели»; Иконниковъ «Словарь профессоровъ универ. св. Владиміра». «Клинич. Газета (Боткина)», 1886 г., № 20. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ», вып. VI. Спб., 1890, стр. 67—69.

Колосова, *Александра Ивановна*, артистка, род. 14 апрѣля 1834 г., ум. 23 октября 1867 г. въ Москвѣ. До замужества Григорьева, училась въ театральномъ училищѣ, выступила на сцену 26 октября 1849 г.; 15 мая 1852 г. выпущена была въ драматическо-оперную труппу и въ томъ же году вышла замужъ за артиста К. П. Колосова. Въ 1854 г. обратила на себя вниманіе исполненіемъ роли Лизы, въ комедіи «Горе отъ ума», затѣмъ пользовалась успѣхомъ во многихъ водевильныхъ роляхъ; въ 1858 г. отлично сыграла сильную драматическую роль въ пьесѣ, «Мать и дочь» и съ этихъ поръ играла въ драмѣ съ постоянно возраставшимъ успѣхомъ; прекрасно играла во многихъ пьесахъ Мольера, Островскаго и въ комедіи «Укрощеніе строптивой»; достойно упоминанія, что комедія эта была поставлена въ бенефисъ Колосовой послѣ длиннаго промежутка времени, въ теченіе котораго шекспировскія пьесы вовсе не исполнялись на московской сценѣ.

«Антрактъ», 1868, № 6.

Колосова, *Александра Михайловна*, см. **Каратыгина,** Александра Михайловна.

Колосова, *Евгенія Ивановна*, балерина, род. 15 декабря 1782 г., ум. 30 марта 1869 г. Дочь незначительнаго танцора Неѣлова; начала обучаться въ театральной школѣ подъ руководствомъ Вальберга и 14-ти лѣтъ дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ балетѣ «Пигмаліонъ». Когда школа временно была закрыта, Вальбергъ продолжалъ съ нею заниматься особо, и черезъ три года она выпущена была со званіемъ солистки; почти одновременно она вышла замужъ за музыканта Колосова. Она съ большою любовью относилась къ своему дѣлу; когда въ Петербургъ были приглашены французскіе балетные артисты г. Огюстъ и г-жа Шевалье, которые принесли пріемы новой балетной школы, далеко оставившей за собою прежнюю и удѣлявшей рядомъ съ танцами значительную роль и мимикѣ, Колосова весьма быстро усвоила себѣ все, что было въ новой школѣ цѣннаго и вскорѣ исполнила съ большимъ успѣхомъ значительную мимическую роль Медеи въ балетѣ Новера. Дидло, ангажированный въ это время въ Петербургъ, высоко цѣнилъ талантъ Колосовой и ей поручалъ самыя трудныя и отвѣтственныя роли въ балетахъ, которые онъ ставилъ; балеты «Рауль де Креки», «Венгерская Хижина», «Федра», «Тезей» и др. были рядомъ тріумфовъ Колосовой; по словамъ современниковъ она исторгала своею игрою у зрителей слезы. Нѣсколько разъ съ большимъ успѣхомъ выступила она и въ драмахъ. Въ 1826 г. она вышла въ отставку. Ея дочь—знаменитая актриса А. М. Каратыгина.

«Репертуаръ», 1842, № IV, 9—13; П. Араповъ, «Лѣтопись русск. театра».

Колосовъ, *Василій Михайловичъ*, въ 1830 г. главный смотритель Кремлевскаго архитектурнаго училища, писатель сантиментальнаго направленія, поклонникъ Карамзина. Имъ напечатаны: «Плачъ Россіи и неизрѣченная радость о восшествіи на престолъ императора Александра I» (М. 1801); «Плодъ энтузіазма, лирическое сочиненіе» (на случай коронаціи Александра I), (М. 1801); «Прогулки въ окрестностяхъ Симонова монастыря» (М. 1806); «Воробьевы горы» («Новости Русской Литературы», 1804 г.); «Стихи Петру Андреяновичу Познякову на случай открытія имъ, въ его домѣ, публичныхъ представленій и

маскарадовъ въ пользу бѣдныхъ и инвалидовъ 1814 года» (М. 1814); «Хоръ въ честь русскихъ героевъ, избавившихъ Европу отъ французскаго ига» (М. 1814) и нѣкоторыя другія подобныя произведенія.

Геннади, «Справочный словарь».

Колосовъ, *Иванъ*, граверъ, жилъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.; былъ швейцаромъ въ домѣ дворянскаго собранія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался гравированіемъ; награвировалъ рѣзцомъ и пунктиромъ портреты императоровъ Александра и Николая, Г. Р. Державина, его жены, гр. М. С. Воронцова, копіи съ картинъ «Мадонна делла Седіа», «Снятіе со креста», «Распятіе» и еще нѣсколько листовъ; впрочемъ всѣ его работы, особенно пунктиромъ, не высокаго качества.

Ровинскій, «Подроб. словарь русс. гравер.», 362

Колосовъ, *Константинъ Петровичъ*, актеръ, ум. 26 іюня 1888 г. Учился въ петербургскомъ театральномъ училищѣ и готовился къ балету; красивая его наружность внушила режиссеру драматической труппы мысль поручить ему роли водевильныхъ любовниковъ. Колосовъ довольно долго игралъ это амплуа, но безъ успѣха; въ началѣ 1860 г. онъ былъ переведенъ въ Москву и здѣсь, по указанію критика А. Н. Баженова, ему поручены были комическія роли, въ которыхъ онъ и обнаружилъ большой талантъ; онъ былъ лучшимъ Молчалинымъ на московской сценѣ. Помимо исполненія обязанностей актера К. П. Колосовъ былъ инспекторомъ въ театральномъ училищѣ и однимъ изъ лучшихъ преподавателей въ немъ; подъ его руководствомъ и въ его классѣ получила образованіе, между прочимъ, М. Н. Ермолова.—К. П. Колосовъ была женатъ на извѣстной артисткѣ А. И. Колосовой.

«Новое Время», № 4461.

Колосовъ, *Митрофанъ Алексѣевичъ*, профессоръ варшавскаго университета, род. въ 1839 г., ум. 14 января 1881 г. Родился въ уѣздномъ городкѣ Курской губерніи, Дмитріевѣ на Свапѣ, въ когда то зажиточномъ, но потомъ разорившемся купеческомъ семействѣ. По окончаніи курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ онъ поступилъ въ 3-й классъ Курской гимназіи и съ этого времени уже самъ себя содержалъ репетиторствомъ. Въ гимназіи Колосовъ учился посредственно, но былъ любимъ товарищами и пользовался среди нихъ вліяніемъ. Исключенный изъ Курской гимназіи съ плохою отмѣткой по поведенію Колосовъ, послѣ скитаній по разнымъ городамъ поселился сначала въ г. Фатежѣ, а затѣмъ безъ всякихъ средствъ перебрался въ Курскъ, гдѣ сталъ кое какъ перебиваться грошевыми уроками. Когда его товарищи, по окончаніи гимназическаго курса, поступили въ Харьковскій университетъ, Колосовъ тоже переселился въ Харьковъ, нашелъ здѣсь пріютъ у одного приходскаго учителя, который добылъ ему дешевый урокъ, давшій ему возможность кое какъ существовать, и сталъ готовиться къ экзамену на приходскаго учителя; выдержавъ этотъ экзаменъ при Харьковской гимназіи, онъ отправился пѣшкомъ на службу въ г. Купянскъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ съ жалованіемъ по 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Черезъ два года Колосовъ вышелъ въ отставку, возвратился въ Харьковъ, выдержалъ въ 1860 г. при университетѣ экзаменъ на приходскаго учителя и затѣмъ въ томъ же году записался вольнослушателемъ по историко-филологическому факультету, готовясь вмѣстѣ съ тѣмъ къ студенческому экзамену. Черезъ годъ Колосовъ выдержалъ этотъ экзаменъ, поступилъ въ университетъ и избралъ себѣ спеціальностью церковно-славянскій и русскій языки, которыми и сталъ заниматься подъ руководствомъ П. А. и Н. А. Лавровскихъ и А. А. Потебни. Окончивъ въ 1865 г. курсъ со степенью кандидата, Колосовъ поступилъ въ Симферопольскую гимназію учителемъ русской словесности и старославянскаго языка, вскорѣ переведенъ былъ въ Таганрогскую мужскую гимназію учителемъ исторіи и географіи, преподавалъ тутъ и русскую словесность; столкновеніе съ директоромъ гимназіи заставило его искать другого мѣста и 21 августа 1867 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Одесскую Ришельевскую гимназію учителемъ русской словесности. Отсюда 10 мая 1870 г. онъ былъ командированъ за границу «для ознакомленія съ методами преподаванія и родомъ обученія въ германскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, а равно въ земляхъ славянскихъ, Сербіи и Чехіи». Во время этой командировки Колосовъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ чешскимъ и сербскимъ языками и свести личное знакомство съ нѣкоторыми крупными представителями славянской науки. Въ концѣ сентября 1870 г. онъ возвратился въ Одессу, но въ

октябрѣ произошло столкновеніе нѣсколькихъ преподавателей этой гимназіи съ учебнымъ округомъ, и Колосовъ вмѣстѣ съ директоромъ гимназіи Стратоновымъ и нѣсколькими преподавателями долженъ былъ выйдти въ отставку (11 января 1871 г.). Тогда ректоръ Варшавскаго университета П. А. Лавровскій, который зналъ Колосова еще студентомъ, пригласилъ его на каѳедру русскаго и церковнославянскаго языковъ, въ качествѣ исправляющаго должность доцента; 2 марта 1871 г. Колосовъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи. Въ Варшавѣ Колосовъ съ усиленной энергіей сталъ заниматься вопросами изъ исторіи русскаго и старо-славянскаго языковъ, съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ посвящая свои силы и университетскому преподаванію. Въ 1872 г. Колосовъ защитилъ магистерскую диссертацію въ Харьковскомъ университетѣ и съ 1 февраля 1873 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской словесности. Въ 1875 г. онъ былъ командированъ съ ученою цѣлью въ разныя мѣста Россіи и объѣхалъ Новгородскую, Казанскую и Вятскую губерніи, тщательно отмѣчая особенности живой народной рѣчи. 3 октября 1878 г. Колосовъ защитилъ въ Варшавскомъ университетѣ докторскую диссертацію, вскорѣ получилъ ординатуру и въ томъ же году, 29 декабря, былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Здоровье Колосова было уже надорвано и тогда, когда онъ защищалъ докторскую диссертацію; но это не помѣшало ему осуществить давно задуманный планъ — издавать журналъ, посвященный интересамъ русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Въ теченіе 1879 г. онъ успѣлъ издать только четыре книги «Русскаго Филологическаго Вѣстника», работа надъ которымъ окончательно сломила и безъ того слабое здоровье Колосова. Онъ вынужденъ былъ передать журналъ въ другія руки и, получивъ командировку съ ученой цѣлью въ Россію и за границу, въ январѣ 1880 г. уѣхалъ въ Ниццу. Лѣтомъ 1880 г. онъ пріѣхалъ въ Ялту, гдѣ и умеръ отъ чахотки 14 января 1881 г.

Начало учено-литературной дѣятельности Колосова относится къ 1867 году, когда въ «Филологическихъ Запискахъ» (кн. V, стр. 171) появилась его статья «Поэтъ и поэзія». Въ слѣдующемъ 1868 г. при «Циркулярѣ» попечителя Одесскаго учебнаго округа, былъ напечанъ Колосовымъ «Учебникъ старо-славянскаго языка», составленный на основаніи ученыхъ трудовъ Миклошича и Шлейхера. Съ этого времени до самой смерти Колосовъ не переставалъ помѣщать, сначала въ «Филологическихъ Запискахъ», а затѣмъ въ имъ же основанномъ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» статьи, посвященныя разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи старо-славянскаго и русскаго языковъ. Главнѣйшими же трудами Колосова являются двѣ его диссертаціи: магистерская—«Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе» (Варшава. 1872) и докторская—«Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава. 1878). Оцѣнивая значеніе «Очерка», нельзя упускать изъ виду, что онъ былъ первымъ опытомъ въ области исторической грамматики русскаго языка, такъ какъ предшествовавшіе труды—И. И. Срезневскаго, П. А. Лавровскаго и А. А. Потебни—касались только отдѣльныхъ вопросовъ этой области, а «Историческая грамматика» Ѳ. И Буслаева посвящена болѣе судьбамъ церковнославянскаго языка на русской почвѣ, чѣмъ древне-русскаго. Не обработавъ своего предмета окончательно, Колосовъ въ своей диссертаціи изобразилъ все таки главныя особенности въ звукахъ и формахъ того языка, который, судя по памятникамъ, былъ употребляемъ въ древне-русской письменности съ XI по XV вѣкъ. Недостатками его книги являются: невниманіе къ такому важному вопросу, какъ время раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія и то, что источники, по которымъ дѣлается характеристика языка, не распредѣлены по мѣсту происхожденія, въ виду чего добытые результаты неосновательно распространяются на всю область русскаго языка. Какъ дополненіе къ «Очерку» должно разсматривать изслѣдованіе Колосова «Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка» (Варш. Унив. Изв. 1876 г., № 6)—таковыми авторъ считаетъ «ы» и «ѣ». Въ докторской своей диссертаціи Колосовъ подвелъ итоги какъ своимъ, такъ и чужимъ діалектологическимъ разысканіямъ; впрочемъ, и въ ней съ достаточною полнотой разсмотрѣны особенности только великорусскаго нарѣчія;

данныя бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій лишь привлекаются для сравненія съ великорусскимъ. Матеріалъ для этого труда заимствованъ между прочимъ изъ наблюденій автора во время командировки 1875—1876 г. въ сѣверныя губерніи Россіи. Отчеты объ этихъ наблюденіяхъ напечатаны въ 28-мъ томѣ «Записокъ» Академіи Наукъ и, кромѣ того, вышли отдѣльною книгой подъ названіемъ: «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія», Варшава. 1876 г.

Формуляръ; «Новороссійскій Телеграфъ», 1881 года, №№ 1800 и 1819; «Таврида», 1881 г., №№ 13 и 14; «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1881 г., № 1; Ягичъ И. В., «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка», Спб. 1889, стр. 7—9; Котляревскій, А. А., «Сочиненія», т. IV, Спб. 1895, стр. 209 — 400, passim. Д. Д. Языковъ, «Обзоръ», вып. I, Спб., 1885, стр. 22—23. *Н. М.*

Колосовъ, *Стахій Ивановичъ*, сынъ діакона, род. въ 1757 г., ум. 17 ноября 1831 г.; учился въ Новгородской и Александро-Невской семинаріяхъ; въ послѣдней, по окончаніи курса, былъ учителемъ латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ 1784 г. опредѣленъ священникомъ церкви перваго кадетскаго корпусѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ состоялъ законоучителемъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ. Въ 1798 г. произведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1799 г. сдѣланъ членомъ С.-Петербургской духовной цензуры; 8 декабря 1800 г. избранъ въ члены Россійской Академіи. Въ 1809 г., 22 февраля, переведенъ изъ корпуса въ Петро-Павловскій соборъ; и опредѣленъ присутствующимъ въ петербургскую консисторію, ректоромъ С.-Петербургскихъ духовныхъ училищъ и членомъ конференціи духовной академіи.

«Истор. статист. свѣдѣнія о С.-Петер. епархіи», I, 120, Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской дух. академіи», стр. 43. «Сѣверная Пчела» за 1831 г., № 271; Сухомлиновъ, «Исторія россійской академіи», VII, 457.

Колотовъ, *Петръ Степановичъ*, писатель, ум. въ 1818 г. Служилъ съ конца 60-хъ годовъ XVIII ст., въ началѣ 80-хъ годовъ онъ былъ секретаремъ въ Военной коллегіи и достигъ чина коллежскаго совѣтника; въ 1812 г. въ спискѣ чиновъ уже незначится. Въ 1811 г. вышло въ 6 частяхъ его сочиненіе «Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской», не имѣющее научнаго значенія, но сохраняющее нѣкоторые разсказы и анекдоты изъ царствованія Екатерины, заслуживающіе вниманія изслѣдователей; у него, между прочимъ, впервые напечатана несомнѣнно апокрифическая рѣчь Екатерины, якобы говоренная Императрицею Синоду послѣ отобранія монастырскихъ имуществъ; апокрифичность этой рѣчи доказывается прежде всего ея тономъ, несомнѣнно невозможнымъ, а кромѣ того, еще и тѣмъ, что Екатерина II ни Синода не посѣщала, ни къ себѣ не приглашала его членовъ in corpore, какъ это видно изъ рукописныхъ протоколовъ Синода и изъ «Камеръ-Фурьерскаго Журнала»; эта рѣчь была перепечатана, безъ ссылки на Колотова, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей» за 1862 г.

Митр. Евгеній, «Словарь свѣт. писателей».

Колошинъ, *Сергѣй Павловичъ*, род. 10 января 1825 г. въ Москвѣ, ум. 27 ноября 1868 г. Въ 1843 г. поступилъ въ гренадерскій короля Прусскаго полкъ. Въ 1846 г. началъ печатать въ «Москвитянинѣ» любопытные юмористическіе очерки «Замѣтки праздношатающагося», «Раекъ», «Половые» и др., затѣмъ писалъ фельетоны для «Пантеона» и «Сѣверной Пчелы». Прослуживъ нѣкоторое время въ Восточной Сибири, Колошинъ въ 1857 г. возвратился въ Москву и занялся исключительно литературною дѣятельностью. Въ 1858 г. онъ напечаталъ въ сборникѣ «Утро» романъ «Свѣтскія язвы»—чрезвычайно злой памфлетъ на современное общество; въ 1859 г. писалъ въ «Развлеченіи» бойкіе фельетоны подъ псевдонимомъ: *Не я.* Съ 16 декабря 1861 г. Колошинъ началъ издавать еженедѣльный литературный иллюстрированный журналъ «Зритель», прекратившійся 14 сентября 1863 г., и затѣмъ уѣхалъ въ Италію, откуда посылалъ корреспонденціи въ «Голосъ» и «Русскій Инвалидъ» и описалъ свою поѣздку въ «Современной Лѣтописи»; написанное Колошинымъ въ этомъ послѣднемъ журналѣ было отпечатано особою книгою: «Европа и европейцы, зигзаги и арабески русскаго туриста». Вып. I-й. М. 1866.—Прежде еще изъ его фельетоновъ составилась книжка: «Наша деревня изо дня въ день. Дневникъ фельетониста «Развлеченія». М. 1860.

Геннади, «Справочный словарь»; «Иллюстрированная Газета», 1869 г., № 12; Дѣло департамента герольдіи.

Колпаковъ, *Иванъ Ивановичъ*, граверъ, род. 6 января 1771 г., ум. послѣ 1840. Воспитывался въ Академіи Художествъ; служилъ впослѣдствіи старшимъ

граверомъ въ Депо картъ. Награвировалъ до полуторы сотни листовъ, преимущественно чертежей для изданій по архитектурѣ и изображеній современныхъ ему зданій Петербурга. Очень рѣдки и цѣнны листы его работы, числомъ 19, для изданія Бреины: «Disegni dell' imperial palazzo S. Michel e sue adiacenze eretto in S. Pietroburgo per ordine di Paulo I» и т. д.

Ровинскій, «Подробный словарь русс. граверовъ», 362—365.

Колпаковъ, *Карпъ Ерофѣевичъ*, полковникъ донского войска, род. въ 1721 г., ум. послѣ 1772 г. Съ 16-ти лѣтъ отличался въ битвахъ съ горцами на Кубани; участвовалъ въ шведской войнѣ въ 1742 г.; затѣмъ былъ избранъ войсковымъ дьякомъ и черезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ въ чинъ войсковаго старшины. Принималъ участіе въ послѣдней кампаніи Семилѣтней войны, уже командуя полкомъ; вмѣстѣ съ полкомъ Денисова былъ въ корпусѣ гр. Чернышева, который императоромъ Петромъ III былъ отправленъ въ помощь Фридриху, и получилъ отъ прусскаго короля золотую медаль и похвальный листъ за храбрость. Принимая участіе во многихъ дѣлахъ съ турками въ 1769—1772 годахъ, Колпаковъ получилъ нѣсколько серьезныхъ ранъ и долженъ былъ оставить службу.

Сенюткинъ, «Донцы», ч. II, 29—32.

Колпаковъ, *Николай Яковлевичъ*, граверъ, род. въ 1740 г., ум. 6 сентября 1771 г. Учился сначала въ гимназіи при Академіи Наукъ, въ 1757 г. переведенъ въ только что образованную Академію Художествъ; здѣсь онъ учился у знаменитаго Шмидта и усвоилъ себѣ блестящій и красивый его рѣзецъ. За отъѣздомъ въ 1762 г. Шмидта въ Берлинъ оканчивалъ свое образованіе подъ руководствомъ молодого, но высокоталантливаго Чемесова, который замѣнилъ Шмидта. Съ 1763 г. Колпаковъ былъ уже подмастерьемъ профессора; въ 1765 и 1766 г. получилъ 2-ю и 1-ю серебряныя и 2-ю золотую медали; въ 1767 г. признанъ «назначеннымъ», но скоро сошелъ съ ума и болѣе не работалъ. Изъ его работъ наиболѣе выдающаяся—прекрасный портретъ графа Андрея Арт. Матвѣева, съ оригинала Риго; кромѣ этого въ числѣ произведеній Колпакова заслуживаютъ упоминанія портретъ царицы Натальи Кирилловны и императрицы Екатерины II; два послѣдніе листа менѣе замѣчательны, но рѣдки и цѣнятся знатоками. Сверхъ перечисленнаго Колпаковъ выгравировалъ еще шесть отдѣльныхъ листовъ и четыре виньетки.

Ровинскій, «Подроб. словарь рус. граверовъ», 92, 365.

Колпакъ, *Аѳанасій Ѳедоровичъ*, полковникъ запорожскій, ум. послѣ 1775 г. Происходилъ, «изъ дѣтей малороссійскихъ старшинъ», изъ дворянскаго рода Магденковъ; пришелъ въ Сѣчь въ очень молодыхъ годахъ; вскорѣ прославился удальствомъ въ набѣгахъ на крымскихъ татаръ и въ своемъ куренномъ товариществѣ прозванъ былъ «лыцаремъ»; къ 1769 г. былъ куреннымъ; при движеніи арміи кн. Долгорукаго на Крымъ, Колпакъ былъ однимъ изъ начальниковъ запорожскихъ отрядовъ, которые были посланы войскомъ для участія въ этомъ походѣ; онъ отличился большою храбростью и смѣтливостью въ рекогносцировкахъ и въ 1771 г. получилъ вмѣстѣ со своимъ есауломъ по представленію кн. Долгорукаго золотыя медали для ношенія на шеѣ. Онъ былъ затѣмъ въ Крыму и участвовалъ почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ тамъ до самаго заключенія мира; въ Сѣчь онъ уже не вернулся, такъ какъ она была разорена Потемкинымъ. Его довольно значительное недвижимое имущество было сначала конфисковано вмѣстѣ съ прочими владѣніями Запорожья, но затѣмъ возвращено ему. Еще отецъ его завелъ довольно значительный поселокъ на рѣчкѣ Орели, нынѣ въ новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи; сынъ явился еще болѣе дѣятельнымъ колонизаторомъ новыхъ мѣстъ: въ теченіе 1770—1777 г. онъ основалъ двѣ обширныя слободы, существующія и понынѣ—«Колпаковку» и «Аѳанасовку»; въ послѣдней черезъ нѣсколько лѣтъ считалось свыше 500 душъ обоего пола въ 65-ти дворахъ. 31-го декабря 1781 г. по прошенію уволенъ отъ службы съ чиномъ армейскаго полковника. Отъ Колпака остались очень обстоятельныя и характерныя донесенія о его военныхъ дѣйствіяхъ, отправленныя имъ въ Сѣчу.

Скальковскій, «Ист. новой Сѣчи», изд. 2, т. II, 100— и слѣд.; обширныя выдержки изъ донесеній Колпака—«Харьк. губ. вѣд.», 1846, №№ 24—27. «Записки одесс. общ. исторіи и древн.», XII, 462—464.

Колпашниковъ, *Алексѣй Яковлевичъ*, граверъ, род. 17 марта 1744 г., ум. 5 декабря 1814 г. Въ 1759 г. взятъ «въ ученики въ гравировальный классъ Ака-

деміи Наукъ», затѣмъ переведенъ былъ въ Академію Художествъ, учился у Шмидта и былъ въ числѣ лучшихъ его учениковъ. Съ 1766 г. получалъ при Академіи жалованія по 60 р. въ годъ, въ 1779 г. получилъ чинъ 14-го класса. Затѣмъ нѣкоторое время содержалъ типографію, а въ началѣ царствованія Александра I поступилъ въ вѣдомство Медицинской Академіи и гравировалъ чертежи для ея изданій. Лучшая пора его дѣятельности—съ 1767 г. по 1783: въ это время имъ исполнены портреты Парроселя (1767), кн. А. М. Голицына и гр. Р. И. Воронцова (1774), А. Л. Лебедева, кн. А. Б. Куракина (1783),—наиболѣе цѣнныя его работы. Кромѣ нихъ Колпашниковъ гравировалъ еще портреты царевича Алексѣя Петровича, два портрета императрицы Екатерины II, Петра I, Домашнева, Ломоносова, Третьяковскаго, нѣсколько досокъ въ описаніе коронаціи Императрицы Екатерины II и до 20 менѣе замѣчательныхъ листовъ.

Ровинскій, «Подроб. словарь рус. граверовъ», 95, 281—282, 366—369.

Колтовской, *Иванъ Александровичъ*, ум. послѣ 1627 г., военный дѣятель XVII в. Выдвинулся онъ впервые въ 1611 г., когда, вмѣстѣ съ кн. Д. М. Пожарскимъ и Ив. Матв. Бутурлинымъ, онъ пробрался въ Москву и затѣмъ сыгралъ видную роль въ руководительствѣ народнымъ возстаніемъ противъ поляковъ, занимавшихъ Кремль, и въ бояхъ съ ними 20 марта и въ послѣдующіе дни, закончившихся осадою Гонсѣвскаго въ Кремлѣ. Послѣ воцаренія Михаила Ѳеодоровича И. А. Колтовской неоднократно принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и, повидимому, почитался искуснымъ воеводою. Такъ, въ 1615 г. онъ былъ вторымъ при кн. Ѳ. Куракинѣ, дѣйствовавшемъ противъ Лисовскаго; въ 1616 и 1617 г. былъ воеводою на Рязани и когда одинъ изъ Пушкиныхъ заявилъ, что ему нельзя по мѣстническимъ счетамъ быть ниже Колтовского, то Пушкину приказано было ѣхать къ Москвѣ. Въ 1617 г. И. А. Колтовской былъ назначенъ въ Дорогобужъ, вторымъ при кн. Пронскомъ, но, по мѣстническимъ счетамъ съ кн. Гагаринымъ, уѣхалъ въ Москву. Въ 1618 г., когда князь Д. М. Пожарскій заболѣлъ на своемъ воеводствѣ въ Калугѣ, И. А. Колтовской былъ назначенъ къ нему въ товарищи; онъ вздумалъ было мѣстничаться даже съ кн. Пожарскимъ, но былъ за это обвиненъ, посаженъ на время подъ арестъ и затѣмъ отправленъ все таки въ Калугу. Въ томъ же году, когда двинулся на Москву королевичъ Владиславъ, И. А. Колтовской, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кн. Б. М. Лыковымъ, собиралъ ратныхъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ 1624 по 1627 г. былъ вторымъ судьею въ патріаршемъ судномъ приказѣ.

Соловьевъ, «Ист. Россіи», кн. II, 984; «Разряд. Книги», II.

Колычевъ-Лобанъ, *Иванъ Андреевичъ*, боярин. Въ 1492 г. отправленъ былъ Іоанномъ III, въ качествѣ посла, къ крымскому хану Менгли-Гирею, котораго долженъ былъ поднять на Литву. Въ слѣдующемъ году Колычевъ возвратился изъ Крыма съ царевичемъ Абдылъ-Летифомъ, который ѣхалъ къ великому князю на службу. Въ то же время онъ называется намѣстникомъ въ Новгородѣ. Въ 1495 г. участвовалъ въ шведскомъ походѣ, находясь въ передовомъ полку новгородскаго воеводы Якова Захарьевича Кошкина-Захарьина, а во время похода на Литву въ 1501 г., съ владыкой Геннадіемъ, дворецкимъ Ив. Мих. Волынскимъ и двумя дьяками, оставленъ былъ блюсти Новгородъ. Въ томъ же году ему пришлось идти въ Псковскую область, на которую напалъ магистръ Плеттенбергъ, какъ союзникъ литовскаго кн. Александра. Въ слѣдующемъ 1502 г., при нападеніи ливонцевъ на Иваньгородъ, былъ убитъ; здѣсь онъ находился «въ заставѣ не съ многими людми, а нѣмцы пришли многи».—По списку бояръ и окольничихъ, напечатанному въ «Древ. Рос. Вивліоѳ.», онъ значится окольничимъ, пожалованнымъ въ 1519 г., но это явная ошибка: И. А. Колычевъ-Лобанъ былъ убитъ въ 1502 г., а въ 1519 г. пожалованъ въ окольничіе его племянникъ; по родословной Колычевыхъ, хранящейся въ Герольдіи и въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, онъ значится бояриномъ. Сынъ И. А. Колычева-Лобана, Степанъ Ивановичъ, по прозванію Стенстуръ, былъ дядькою брата царя Іоанна Васильевича, вел. кн. Юрія, и бояриномъ; сынъ это Степана-Стенстура — былъ знаменитый Филиппъ, святой, митрополитъ, въ мірѣ Ѳедоръ Степановичъ Колычевъ.

«Пол. Собр. Рус. Лѣт.» III, 144, 145; IV, 160, 162; VI, 48, 240; VIII, 224, 225, 241; Карамзинъ VI, пр. 428 и 516; «Боярскій родъ Колычевыхъ»

Б. М. Л. Б. К. (барона М. Л. Боде-Колычева), 34—37, 53—55.

Колычевъ-Крюкъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, боярин и воевода, казненъ въ 1608 г. Въ 1580 г. былъ воеводою въ Старой Русѣ. Въ 1585 г. получилъ чинъ окольничаго; въ 1587 г., когда разыгралось столкновеніе Б. Годунова съ Шуйскимъ, окончившееся торжествомъ перваго, былъ заключенъ въ тюрьму въ Нижній Новгородъ. Въ царствованіе Годунова былъ не у дѣлъ; Лжедимитрій вызвалъ его въ Москву; Василій Шуйскій сдѣлалъ его воеводою; Колычевъ начальствовалъ частью войска кн. Скопина-Шуйскаго въ битвѣ съ полчищами Болотникова, въ декабрѣ 1606 г.; послѣ нея Колычевъ получилъ санъ боярина и званіе дворецкаго. 10 октября 1607 г. онъ взялъ Тулу и захватилъ въ плѣнъ Болотникова и самозванца Илейку. Въ слѣдующемъ году явился доносъ на него, будто онъ составилъ заговоръ убить царя Василія. Колычевъ былъ допрашиваемъ, пытанъ и хотя, повидимому, заговоръ не былъ доказанъ, боярин былъ казненъ на лобномъ мѣстѣ.

Карамзинъ, т. IX, XI, XII; Соловьевъ, книга II; «Боярскій родъ Колычевыхъ», 133—141.

Колычевъ, *Поліевктъ* (*Полуектъ*) *Матвѣевичъ* (Колычевъ-Лошаковъ), воевода, ум. въ 1618 г. Въ службѣ съ 1582 г.; въ 1609—1610 годахъ получилъ нѣсколько пожалованій за вѣрную службу во время московскаго сидѣнья; въ 1611 г., когда въ Новгородѣ, по приговору новгородскаго митрополита Исидора, боярина и воеводы кн. Ив. Никит. Одоевскаго и всѣхъ людей, рѣшено было пригласить на русскій престолъ шведскаго принца, П. М. Колычевъ былъ отправленъ въ Швецію во главѣ посольства по этому поводу.

«Боярскій родъ Колычевыхъ», 151—158.

Колычевъ, *Степанъ Алексѣевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, вице-канцлеръ, род. 15 іюля 1746 г., ум. 14 мая 1805 г. Въ 1760 г. поступилъ капраломъ въ лейб-гвардіи Измайловскій полкъ, въ 1765 г.—пожалованъ въ унтеръ-офицеры конной гвардіи и въ томъ же году—въ вахмистры, въ 1769 г.—въ поручики арміи. Гр. Н. И. Панинъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцемъ С. А. Колычева, предложилъ молодому Колычеву перейти на дипломатическую службу и въ 1770 г. назначилъ его въ Гагу, состоять при посольствѣ и вмѣстѣ для усовершенствованія въ наукахъ. За время своей службы въ Голландіи онъ въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ слушалъ лекціи въ Лейденѣ, затѣмъ посѣтилъ Парижъ и Лондонъ и вернулся въ Петербургъ. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Парижъ и 5 лѣтъ пробылъ въ Парижѣ совѣтникомъ посольства, при посланникѣ кн. И. С. Барятинскомъ; въ 1779 г. переведенъ на ту же должность въ Неаполь; но такъ какъ неаполитанскій посолъ не пріѣхалъ въ Петербургъ, то и русская миссія въ Неаполѣ не начинала дѣйствовать и С. А. Колычевъ цѣлый годъ не вступалъ въ должность, а путешествовалъ по Италіи, осматривая ея достопримѣчательности, по преимуществу картинныя галлереи; въ рукописи сохраняется сдѣланное имъ описаніе своего путешествія. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1782 г. онъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ и въ 1783 г.—отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ въ Гагу. Здѣсь ему пришлось явиться, отъ лица императрицы, примирителемъ между штатами и императоромъ Іосифомъ II, когда между ними возникли серьезныя недоразумѣнія по вопросу о судоходствѣ по Шельдѣ. Въ 1789 г. назначенъ камергеромъ и получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст.; 19 февраля 1793 г. выѣхалъ изъ Гаги, такъ какъ городъ попалъ во власть французскихъ революціонеровъ. Въ 1794 г. назначенъ посломъ въ Берлинъ и велъ переговоры здѣсь по поводу третьяго раздѣла Польши и предполагавшихся совмѣстныхъ дѣйствій противъ Франціи, дѣйствуя сообща съ Алопеусомъ, который уже съ 1792 г. жилъ въ Берлинѣ, подъ видомъ «путешественника», не нося офиціальнаго званія, но принимая не меньшее участіе въ сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ, чѣмъ посланники Нессельроде и Колычевъ. 5 іюля 1797 г. Колычевъ былъ отозванъ изъ Берлина, гдѣ его замѣнилъ гр. Н. П. Панинъ, и снова назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ при Голландской республикѣ. Въ 1799 г. Колычевъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, отправленъ былъ посломъ въ Вѣну, послѣ того какъ отношенія петербургскаго и вѣнскаго дворовъ испортились настолько, что прежній посолъ, гр. А. К. Разумовскій, выѣхалъ изъ Вѣны. Поводомъ къ неудовольствіямъ служило поведеніе Австріи относительно русской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи и Швейцаріи; со своей стороны

Суворовъ былъ очень недоволенъ Разумовскимъ, находя, что онъ на все смотритъ глазами Тугута, и заявилъ, что не будетъ вести переписки съ Разумовскимъ, а дождется прибытія вновь назначеннаго Колычева и будетъ сноситься съ нимъ. Колычеву, естественно, тоже не удалось ничего особеннаго сдѣлать; донесеніями его были вообще недовольны и кн. Безбородко и самъ императоръ; въ началѣ 1800 г. онъ былъ отозванъ изъ Вѣны. Затѣмъ отношеніе къ нему императора Павла улучшилось; онъ предполагалъ сдѣлать Колычева вице-канцлеромъ, но почему то это назначеніе не состоялось, а въ концѣ 1800 г. Колычеву дано было спеціальное порученіе въ Парижъ, къ первому консулу. Императоръ Павелъ, раздраженный до чрезвычайности поведеніемъ австрійцевъ относительно Суворова, теперь склонялся къ предложенію союза, сдѣланному Бонапартомъ. Въ инструкціи, данной Колычеву, уже дѣйствительному тайному совѣтнику, 19 декабря 1801 г., императоръ прямо отказывался отъ какихъ либо дѣйствій въ пользу Австріи, соглашался на признаніе Рейна границею Франціи и даже на пріобрѣтеніе ею нѣкоторыхъ изъ наслѣдственныхъ австрійскихъ земель; въ пользу королей сардинскаго и неаполитанскаго, курфюрста баварскаго и герцога виртембергскаго и такъ же папы императоръ дѣлалъ нѣкоторыя представленія, что же касается Австріи, то въ инструкціи Колычеву предписано было сообщить Бонапарту отъ имени императора: «que je lui propose l'abaissement de la maison d'Autriche à sa volonté, persuadé que le repos du reste de l'Europe en dépend»; кромѣ того, императоръ Павелъ выражалъ желаніе установить обоюдо-выгодный торговый трактатъ, а въ секретныхъ пунктахъ инструкціи предписывалъ Колычеву внушать первому консулу, что лучшее средство водворить во Франціи порядокъ и прочность правительства—это принять Наполеону титулъ короля; императоръ Павелъ выражалъ готовность признать корону наслѣдственною въ его родѣ, но заявлялъ, что вполнѣ готовъ признать и республику. Въ февралѣ 1801 г. С. А. Колычевъ прибылъ во Францію, былъ принятъ Бонапартомъ очень хорошо и немедленно приступилъ къ переговорамъ. Женѣ своей онъ писалъ, что первый консулъ дѣйствительно великій человѣкъ; «il fait le bonheur de la France, tout le monde commence a respirer», прибавлялъ онъ. Тѣмъ не менѣе, порученіе, данное Колычеву, казалось ему столь труднымъ, что онъ уже въ началѣ марта просилъ объ отозваніи, но отозванъ не былъ. Въ самомъ же началѣ царствованія императора Александра онъ получилъ званіе вице-канцлера, а затѣмъ, въ грамотѣ отъ 16 апрѣля, ему дано было разрѣшеніе императора подписать отъ его имени трактатъ, который будетъ заключенъ. Но Колычевъ продолжалъ просить объ отозваніи его изъ Парижа; въ числѣ соображеній, побуждавшихъ его къ этому, онъ указывалъ и семейныя обстоятельства, именно, что жена его Наталья Владиміровна (рожденная Хитрово), остававшаяся въ Петербургѣ, часто хворала. 1 іюня 1801 г. на мѣсто Колычева назначенъ былъ въ Парижъ д. т. сов. гр. А. И. Морковъ; въ сентябрѣ онъ прибылъ въ столицу Франціи, и Колычевъ вскорѣ ее покинулъ; предъ самымъ уже пріѣздомъ Моркова Колычевъ получилъ отъ императора предписаніе предоставить подписаніе трактата Моркову. По возвращеніи изъ Парижа Колычевъ до кончины не принималъ никакого активнаго участія въ дѣлахъ; возникало предположеніе назначить его посломъ въ Лондонъ, на смѣну гр. С. Р. Воронцову, но назначеніе не состоялось.

«Боярскій родъ Колычевыхъ», Б. М. Л. Б. К. (барона М. Л. Боде-Колычева) 352—368, нѣкоторые документы, опубликованные въ этомъ изданіи, ранѣе были напечатаны бар. М. Л. Боде въ «Русскомъ Архивѣ», 1869, 1874, 1876; «Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина», кн. VII — VIII; Терещенко, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ», III; «Собраніе трактатовъ и конвенцій», II, VI.

Колычевъ, *Степанъ Андреевичъ*, род. около 1660 г., ум. въ 1735 г. Въ 1697 г. былъ отправленъ заграницу «для обученія наукъ воинскихъ дѣлъ». По возвращеніи пожалованъ ближнимъ стольникомъ и въ 1702 г. опредѣленъ капитаномъ Семеновскаго полка; раненый подъ Нарвою, въ 1704 г. оставилъ военную службу, въ 1707 г. назначенъ оберъ-комендантомъ въ Воронежъ, а въ 1708—1717 г. состоялъ вице-губернаторомъ воронежскимъ и азовскимъ, завѣдывалъ здѣсь корабельными, крѣпостными и городовыми дѣлами; Петръ Великій былъ очень къ нему расположенъ и въ 1709 г., послѣ Полтавской побѣды, не только извѣстилъ его объ этомъ событіи собственноручнымъ письмомъ отъ 9 іюля, но еще и прислалъ ему при этомъ случаѣ почетную шпагу. Въ 1713 г. С. А. Колычевъ былъ

главнымъ комиссаромъ для разграниченія съ Турціей; въ 1718 г. подписался подъ приговоромъ царевичу Алексѣю Петровичу; въ 1721 г. «разбиралъ» при Сенатѣ дворянъ. Въ 1722 состоялъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи и пожалованъ былъ въ герольдмейстеры; въ 1725—1727 г.г. опять былъ главнымъ комиссаромъ по разграниченію земель «отъ Кяхты въ западную сторону». Находился въ перепискѣ съ Петромъ I: «Письма государя императора Петра В. къ С. А. Колычеву, и отвѣты его на оныя» изданы въ Москвѣ въ 1785 году и вновь, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ—въ «Матеріалахъ военнаго ученаго архива Главнаго Штаба».—Сынъ С. А. Колычева, Алексѣй Степановичъ, былъ секундъ-майоръ, а его сынъ, Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ — вице-канцлеръ.

Б. М. Л. Б. К (Боде-Колычевъ), «Боярскій родъ Колычевыхъ», № 280, стр. 270—289; «Матеріалы Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба», Спб. 1871. т. I; Голиковъ, «Дѣянія», изд. II, т. XV; П. Барановъ, «Опись Высоч. указ. хранящ. въ Сенатскомъ Архивѣ». Спб. 1875.

Колычевъ,—Умного, *Ѳедоръ Ивановичъ*, бояринъ, ум. въ 1567 г., постригшись предъ смертью съ именемъ Ѳеодорита. Во время похода царя Іоанна Васильевича подъ Казань въ 1552 г. сопровождалъ его въ чинѣ стольника; въ 1558 г. былъ уже окольничимъ. Въ 1563 г. въ іюнѣ, уже въ санѣ боярина, отвозилъ на Бѣлоозеро старицу Евдокію—бывшую супругу кн. Андрея Іоанновича, насильно постриженную, Евфросинію. Въ декабрѣ того же года сопровождалъ царя въ его походѣ подъ Полоцкъ. Въ 1565 г. назначенъ былъ посломъ въ Польшу; но посольство было задержано моровымъ повѣтріемъ и Колычевъ отправился уже въ 1567 г., 2 февраля, вмѣстѣ съ дворецкимъ Григоріемъ Нагимъ и дьякомъ В. Щелкановымъ, съ порученіемъ добиться уступки Москвѣ Полоцка, заключить перемиріе, заставить поляковъ признать царскій титулъ московскаго государя и выдать кн. А. Курбскаго. 28 марта послы прибыли въ Оршу. Посольство это было безуспѣшно; послы девять разъ имѣли совѣщаніе съ польскими панами, но не пришли къ соглашенію ни по одному пункту и 19 августа того же года уѣхали обратно на Москву.

Карамзинъ, т. IX; Соловьевъ, книга II; «Боярскій родъ Колычевыхъ», 97—108.

Коль, *Іоганнъ-Петеръ*, академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія и церковной исторіи, род. въ Килѣ, ум. 9 октября 1778 г. До 1725 г. жилъ въ Лейпцигѣ; въ 1723 г. издалъ сочиненіе: Ecclesia graeca lutheranizans, гдѣ обнаружилъ основательное знакомство съ догматами православной церкви. 7 февраля 1725 г. Блументростъ, черезъ редактора Acta eruditorum, Менке, пригласилъ Коля въ Петербургскую Академію. Коль прибылъ сюда въ томъ же году, принялъ на себя наблюденіе за академическою гимназіей, читалъ лекціи, сдѣлалъ въ Академіи сообщенія: De manuscriptis bibliothecae mosquensis, De origine linguae russicae, De lexico slavonico conficiendo. Въ 1727 г. Коль впалъ въ меланхолію—по словамъ Шлецера, отъ безнадежной любви къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ—и былъ близокъ къ сумасшествію; его отправили въ Гамбургъ, гдѣ онъ и поправился; въ Россію онъ уже не возвращался. За границей онъ жилъ безбѣдно уроками и издалъ нѣсколько книгъ, доказывающихъ его знаніе русскаго языка и любовь къ Россіи.

Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», I, 77—81.

Кольцо, *Иванъ*, атаманъ казачій, сподвижникъ Ермака. Разбойничалъ на Волгѣ и былъ осужденъ, въ случаѣ поимки, на казнь. Въ 1579 г. явился, въ числѣ другихъ, къ Строгоновымъ и былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Ермака въ покореніи царства Сибирскаго. Въ 1582 г. отправленъ былъ Ермакомъ въ Москву, въ сопровожденіи пятидесяти казаковъ, съ богатыми дарами, бить челомъ царю Іоанну Васильевичу царствомъ Сибирскимъ. Кольцо получилъ прощеніе въ своихъ прежнихъ винахъ и богатые подарки отъ царя для Ермака и другихъ казаковъ. Въ 1583 г. онъ прибылъ съ ними къ Ермаку, въ Искеръ. Посланный Ермакомъ къ князю Карачу, по его просьбѣ, для защиты его отъ нагаевъ, погибъ, вмѣстѣ съ сорока своими товарищами, въ Тарскомъ улусѣ, подъ ножами убійцъ.

Соловьевъ, «Исторія Рос.», кн. II, 316, 343, 629.

Кольцова-Мосальская, княгиня *Елена Михайловна*, род. въ Бухарестѣ въ 1828 г., ум. во Флоренціи въ октябрѣ 1888 г. Рожденная Гика, племянница господаря Григорія Гики, писательница. Выступила на литературное поприще въ 1855 г. книгой «La vie monastique dans l'Eglise orientale» (выдержала три изданія); за этою книгою послѣдовалъ длин-

ный рядъ произведеній, писанныхъ преимущественно по французски, частью по италіански и по нѣмецки. Кн. Кольцова-Мосальская печатала свои произведенія постоянно подъ псевдонимомъ Dora d'Istria. Она владѣла языками румынскимъ, французскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, русскимъ, латинскимъ, древне- и новогреческимъ и нѣсколькими другими, и обладала недюжиннымъ литературнымъ талантомъ. Произведенія ея посвящены исторіи, исторіи литературы, искусству, частью изображенію современнаго положенія и природы разныхъ странъ европейскаго юга и юго-востока; особенно ревностно проповѣдывала Dora d'Istria либеральныя воззрѣнія на эмансипацію женщины. Изъ произведеній ея важнѣйшія: «Les femmes en Orient» (1858; русскій переводъ въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» 1865 г.), «Les femmes par une femme» (1864, русскій переводъ въ 1866 г.), «Les roumains et la papauté», «Gli Albanesi in Rumenia», и рядъ статей въ «Revue des deux mondes», «Libre Recherche», «Spectateur d'Orient», «Diritto», «Antologia nuova», «Rivista europea» и др. Отъ греческаго парламента княгиня Кольцова-Мосальская получила званіе «великой гражданки» и была почетною гражданкою многихъ итальянскихъ городовъ. Она занималась также живописью и на одной изъ выставокъ въ Петербургѣ получила премію за пейзажъ.

«Энциклопед. Словарь» Брокгауза, XIV, 667.

Кольцовъ, *Алексѣй Васильевичъ*, «поэтъ-прасолъ», «художникъ русской пѣсни», одинъ изъ любимѣйшихъ поэтовъ русской школы, род. 3 октября 1809 г. въ г. Воронежѣ, ум. тамъ же 29 октября 1842 г. Отецъ его, Василій Петровичъ, воронежскій мѣщанинъ-прасолъ, торговалъ скотомъ; образованіе его, не смотря на довольно значительный достатокъ, ограничивалось одной грамотностью; мать поэта, Прасковья Ивановна, была неграмотна. Школьное ученіе Кольцова-сына продолжалось всего годъ и три мѣсяца въ уѣздномъ училищѣ, откуда отецъ взялъ его изъ второго класса въ 1821 г., съ тѣмъ, чтобы пріучать уже къ торговому дѣлу. Съ тѣхъ поръ умственныя потребности мальчика удовлетворялись случайно попадавшимися книгами—сначала сказками, потомъ романами (Авг. Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, «Кадмомъ и Гармоніей» Хераскова). Первые стихи, прочитанные Кольцовымъ, сочиненія И. И. Дмитріева, произвели на него сильное впечатлѣніе; замѣтивъ присутствіе ритма, онъ рѣшилъ, что ихъ слѣдуетъ не читать, а пѣть, что и дѣлалъ, пока его не вывелъ изъ заблужденія книгопродавецъ Кашкинъ, который далъ ему прочесть «Русскую Просодію»; съ тѣхъ поръ начинаются стихотворческіе опыты Кольцова (пьеса «Три видѣнія», пересказывавшая сонъ мальчика-товарища, и др.), крайне несовершенные, пока не присоединилось вліяніе семинариста Серебрянскаго, который былъ въ то время въ старшемъ философскомъ классѣ. По отзывамъ людей, его знавшихъ, сынъ сельскаго священника Андрей Порфирьевичъ Серебрянскій былъ личностью богато одаренною, выдавался умственнымъ развитіемъ и могъ писать недурные стихи—ему принадлежитъ довольно извѣстная пѣсня «Быстры, какъ волны, дни нашей жизни»,—выдѣляясь въ то же время идеализмомъ стремленій и душевнымъ жаромъ, который выражался, по свидѣтельству Кольцова, въ горячихъ, одушевленныхъ импровизаціяхъ. Дружба съ Серебрянскимъ, завязавшаяся около 1827 г., дала Кольцову много: съ тѣхъ поръ стихи Кольцова нерѣдко исправляются Серебрянскимъ; обмѣнъ мыслей и совмѣстное чтеніе пополняютъ его умственное развитіе; но она имѣла еще и другое значеніе для будущаго друга Бѣлинскаго и Станкевича—подготовляла его къ воспріятію этого важнѣйшаго въ его умственной жизни вліянія, такъ какъ, при всемъ различіи положеній и научной подготовки, душевный обликъ Серебрянскаго имѣлъ несомнѣнныя черты сходства съ умственнымъ настроеніемъ знаменитаго кружка. Въ первой «Думѣ» Кольцова («Великая тайна»), написанной въ 1833 г., невозможно отдѣлить отголоски первой поѣздки Кольцова въ Москву къ Станкевичу (1831 г.) отъ возможныхъ воздѣйствій Серебрянскаго, который самъ былъ авторомъ философической оды «Безсмертіе». Это участіе Серебрянскаго въ авторствѣ Кольцова за болѣе ранній періодъ его развитія, не поддающееся, конечно, точной оцѣнкѣ, впослѣдствіи дало поводъ обвинять Кольцова въ присвоеніи чужого. Обвиненіе опиралось на нѣсколькихъ словахъ письма умиравшаго въ чахоткѣ Серебрянскаго къ брату. Лучшимъ возраженіемъ въ пользу Кольцова могутъ служить его послѣдующія,

болѣе цѣнныя произведенія и также его горячее отношеніе къ судьбѣ умиравшаго (въ 1838 г.) друга, съ которымъ онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разошелся, и къ оцѣнкѣ стиховъ Серебрянскаго Бѣлинскимъ: переславъ Бѣлинскому нѣсколько стихотвореній Серебрянскаго, Кольцовъ писалъ критику: «Нетерпѣливо жду услышать о стихахъ Серебрянскаго—ужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ плохой поэтъ»... «Вмѣстѣ съ нимъ мы росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. Я такъ много ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ»... Не мѣшаетъ замѣтить также, что за исключеніемъ вышеуказанной пѣсни всѣ сохранившіеся стихи Серебрянскаго плохи.

Новая эпоха въ жизни Кольцова начинается съ его сближенія съ Н. В. Станкевичемъ (вѣроятно, въ 1830 г.). Обстоятельства первой встрѣчи ихъ передаются различно; болѣе правдоподобный разсказъ, идущій черезъ Невѣрова отъ самого Станкевича, передаетъ, что, пригнавъ въ усадьбу Станкевичей гуртъ скота, Кольцовъ, ужиная съ дворней, пѣлъ ей пѣсни своего сочиненія; заинтересовавшись по разсказу слуги пѣсенникомъ - прасоломъ, Станкевичъ пожелалъ его видѣть и безошибочно опредѣлилъ въ немъ присутствіе самороднаго поэтическаго дарованія. Съ тѣхъ поръ заботы Станкевича о Кольцовѣ не прекращаются до самаго отъѣзда его заграницу въ 1837 г., откуда ему не суждено было возвратиться. Когда въ 1831 году Кольцовъ въ первый разъ отправился въ Москву по порученію отца, онъ остановился у Станкевича и черезъ него познакомился съ членами кружка, которыми былъ встрѣченъ очень радушно: идеальные порывы друзей Станкевича и то стремленіе къ духовному совершенствованію, въ которомъ они видѣли смыслъ жизни, должны были заставить ихъ увидѣть родственное имъ по духу явленіе въ пытливомъ и воспріимчивомъ самоучкѣ. Но какъ внѣшніе факты этой поѣздки, такъ и непосредственные слѣды ея вліянія на духовную жизнь Кольцова нѣтъ возможности прослѣдить даже приблизительно. Зато участіе кружка къ Кольцову выражается въ заботахъ о его литературной извѣстности: съ тѣхъ поръ его стихотворенія пристраиваются въ журналы; въ «Литературной газетѣ» за 1831 г. появляется пьеса «Перстень» (впослѣдствіи «Кольцо»), сопровождаемая примѣчаніями Станкевича, въ которыхъ сообщается имя автора, его возрастъ, родъ занятій и степень образованія. Рядъ пьесъ Кольцова печатается затѣмъ въ «Листкѣ», «Молвѣ» и «Телескопѣ». Впрочемъ впервые стихотворенія Кольцова увидѣли свѣтъ еще раньше, въ 1830 г., благодаря случайности: нѣкто Сухачевъ, малоизвѣстный литераторъ, проѣздомъ черезъ Воронежъ познакомился съ «самоучкой» и включилъ три пьесы Кольцова, безъ имени автора, въ свою книгу: «Листки изъ записной книжки С.».— Новымъ московскимъ друзьямъ своимъ былъ обязанъ Кольцовъ и первымъ отдѣльнымъ изданіемъ своихъ сочиненій, единственнымъ при жизни поэта. Въ одномъ изъ собраній кружка рѣшена была судьба изданія, на которое Станкевичъ далъ средства; въ 1835 г. явилась книжка, заключающая въ себѣ всего 18 пьесъ и озаглавленная: «Стихотворенія Алексѣя Кольцова», которая не была сразу многими замѣчена. Извѣстенъ недоумѣвающій и пренебрежительный устный отзывъ о ней Надеждина, который не помѣшалъ однако Бѣлинскому дать о ней сочувственную замѣтку въ «Телескопѣ», издаваемомъ тѣмъ же Надеждинымъ. Славянофильская печать проглядѣла это оригинальное проявленіе русскаго народнаго духа. Завѣдывавшій изданіемъ Бѣлинскій упомянулъ въ предисловіи къ нему о матеріальномъ участіи Станкевича, что привело послѣдняго въ негодованіе: онъ былъ въ отчаяніи, что его сочтутъ за литературнаго предпринимателя, за «литературщика». Къ счастію, вышла задержка въ типографіи, и предисловіе удалось уничтожить. По поводу этого сохранились два письма Станкевича къ Бѣлинскому изъ деревни. Станкевичу же былъ обязанъ Кольцовъ и первымъ біографическимъ очеркомъ: Я. М. Невѣровъ, къ которому Кольцовъ явился въ мартѣ 1836 г. въ Петербургѣ съ рекомендательнымъ письмомъ Станкевича, печатаетъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя статью: «Поэтъ-прасолъ А. В. Кольцовъ» (въ «Сынѣ Отечества» 1836 г.), тепло написанную, въ которой не разъ ссылается на Станкевича, не называя его, однако, по имени; указывая на изданіе 1835 г. и называя рядъ пьесъ, явившихся потомъ въ журналахъ, онъ цѣнитъ ихъ въ особенности за ихъ непосредственность, «какъ чистое и свободное изліяніе души».

Періодъ жизни Кольцова, заключающійся между первою и второю поѣздками его въ столицу (1831—1836 г.), представ-

ляетъ почти полный пробѣлъ въ его вообще не богатой данными біографіи. На пространствѣ пяти лѣтъ только одна «Дума» (1833) представляетъ примѣръ идейнаго творчества; оно выражается всецѣло въ пѣсняхъ съ картинами народнаго быта; количество написаннаго невелико, но въ числѣ его есть такія извѣстныя пьесы, какъ «Урожай», «Не шуми ты, рожь», «Ты не пой, соловей». Время поэта, очевидно, занято было самой жизнью, дѣлами, скитаньемъ по степямъ, впечатлѣніями природы,—всѣмъ тѣмъ, что даетъ потомъ до конца жизни матеріалъ наблюденій, настроеній и красокъ народно-русской кольцовской поэзіи. По свойству своей натуры Кольцовъ испытывалъ потребность активно, дѣятельно, порою страстно, участвовать въ жизни, воспринимая чрезвычайно чувственно ея впечатлѣнія. Мы имѣемъ основанія представлять его себѣ въ эту раннюю пору бойкимъ, смѣтливымъ, не упускавшимъ своего, промышленникомъ, не боявшимся лишеній и опасностей степныхъ ночлеговъ, не чуждавшимся незатѣйливаго, разгульнаго веселья, не гнушавшимся подчасъ ни заурядныхъ барышническихъ пріемовъ, ни грязной, даже жестокой стороны выпавшаго ему на долю промысла, который заставлялъ его иногда цѣлые дни проводить среди лужъ крови, когда били быковъ десятками и требовался хозяйскій глазъ. Народная жизнь со своимъ трудомъ, простотой, привольемъ и разгуломъ широкою волной входила тогда въ его душу, не подвергаясь пока анализу, и когда впослѣдстіи сталъ проявляться разрывъ со средою, онъ долженъ былъ имѣть свой источникъ не въ нервной слабости и брезгливости бѣлоручки, а въ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ запросахъ, которые властно заговорили въ душѣ и для которыхъ окружающая среда была такъ явно неблагопріятна; тогда въ борьбу съ нею онъ вложилъ ту же активность и страстность, съ которой раньше участвовалъ въ ея трудѣ и въ ея весельи; но по обстоятельствамъ его жизни, вмѣсто открытой борьбы съ врагомъ, ему привелось только дразнить его и досаждать ему, оттого такъ трудно въ позднѣйшей исторіи Кольцова отдѣлить серьезный протестъ отъ придирокъ и истинную драму отъ мелочей и грязи.

Въ началѣ 1836 г. Кольцовъ снова поѣхалъ въ Москву и оттуда въ первый разъ въ Петербургъ по тяжебнымъ и торговымъ дѣламъ отца. Въ эту поѣздку онъ сблизился съ Бѣлинскимъ, отношенія къ которому впослѣдствіи перешли въ дружбу; по переѣздѣ Кольцова въ Петербургъ начинается его переписка съ Бѣлинскимъ, которая продолжается затѣмъ до конца жизни Кольцова и занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ его корреспонденціи. Почтительный тонъ ученика въ обращеніи къ учителю слышится съ самаго начала, онъ останется и до конца, соединяясь впослѣдствіи съ выраженіемъ любви, даже нѣжности. Упрекая себя за то, что обременилъ Бѣлинскаго какимъ то порученіемъ, Кольцовъ пишетъ (1836): «Простите... Думалъ очень глупо: человѣкъ, который посвятилъ себя возвышеннымъ думамъ, который въ полныхъ идеяхъ здраваго смысла выводитъ священныя истины и отдаетъ цѣлому міру.... а я глупецъ потревожилъ ваши думы своей бездѣлкой»— способъ выраженія характеренъ для тогдашняго развитія поэта-прасола.—Въ Петербургѣ, благодаря рекомендаціямъ московскихъ друзей, Кольцовъ пріобрѣлъ много литературныхъ знакомствъ; завязались у него дѣловыя литературныя связи съ Краевскимъ, Владиславлевымъ и др., которыя помогли ему впослѣдствіи пристраивать свои стихотворенія въ журналы; Кольцовъ видѣлся съ Пушкинымъ, радушно принятъ былъ кн. Одоевскимъ, Жуковскимъ, Плетневымъ, на вечерѣ у котораго его встрѣтилъ И. С. Тургеневъ, сохранившій для насъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» тогдашній обликъ поэта. Среди новыхъ отношеній Кольцовъ обнаруживалъ много такта и самообладанія, держался скромно, но съ достоинствомъ; менѣе выгодное впечатлѣніе производитъ его стремленіе извлекать практическую пользу изъ сочувственнаго отношенія къ нему кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и кн. В. Ѳ. Одоевскаго для тяжебныхъ дѣлъ отца. Дѣла эти шли между Кольцовыми и мѣстными крестьянами изъ за взятыхъ въ аренду пастбищъ и носили кляузный характеръ, вызвавшій даже протестъ московскаго кружка; поэту приходилось оправдываться, ссылаясь на свою подчиненную роль отцовскаго повѣреннаго. Просительныя и благодарственныя письма Кольцова къ тремъ названнымъ выше лицамъ производятъ неблагопріятное впечатлѣніе тѣмъ тономъ наивности, который въ нихъ преобладаетъ и который противорѣчитъ истинному складу ума Кольцова; одинъ разъ

просьбы его встрѣтили, повидимому, отпоръ даже со стороны добродушнаго и мягкаго Жуковскаго.

Въ маѣ 1836 г. Кольцовъ снова въ Воронежѣ, видимо, ободренный, окрыленный пережитыми впечатлѣніями. Это моментъ подъема силъ, оживленія надеждъ и плановъ; замѣтна вѣра въ свое дарованіе; поэтическая дѣятельность Кольцова становится напряженнѣе, отыскивая новыя темы; почти всѣ лучшія пьесы Кольцова написаны послѣ 1836 г. Но вліяніе пережитыхъ имъ впечатлѣній шло еще глубже: міръ широкихъ умственныхъ и эстетическихъ интересовъ, который Кольцову посчастливилось увидѣть въ его лучшихъ представителяхъ, неудержимо потянулъ къ себѣ талантливую и еще полную силъ натуру. Непосредственнымъ плодомъ этого вліянія являются кольцовскія «Думы», которыя всѣ почти сосредоточиваются именно на этихъ срединныхъ годахъ (1836—1838) короткаго поэтическаго поприща Кольцова. Послѣ горячей статьи Бѣлинскаго болѣе хладнокровная послѣдующая критика не разъ указывала на ихъ недостатки: неопредѣленность, порою сбивчивость мысли; авторъ сильнѣе тамъ, гдѣ онъ спрашиваетъ, недоумѣваетъ, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ пытается давать отвѣты; но это не мѣшаетъ признать поэтическія достоинства отдѣльныхъ мѣстъ, гдѣ поэту-прасолу удалось сочетать отвлеченную широту замысла съ вѣяніемъ поэзіи въ образахъ и контрастахъ, согрѣвъ ихъ лиризмомъ мужественнымъ и сильнымъ, вровень грандіозности сюжета («Божій міръ», «Неразгаданная истина», «Молитва», «Лѣсъ» и др.). Присматриваясь къ «Думамъ» Кольцова, легко отыскать въ нихъ слѣды тѣхъ философскихъ идей, которыми жилъ кружокъ Станкевича, идей шеллинговой философіи; достаточно сравнить характерныя строки въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскаго: «Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи, мысли единаго, вѣчнаго Бога»—съ думой «Царство мысли» (1837). Ту же идею присутствія мысли въ природѣ и исконнаго родства духа природы съ личнымъ духомъ—находимъ въ думѣ «Лѣсъ» (1839). Вытекавшій изъ философіи Шеллинга высокій взглядъ на художника какъ на «соревнователя духа жизни, струящагося въ нѣдрахъ природы», и на искусство, какъ на рѣдкое на землѣ сліяніе «идеальнаго и реальнаго въ абсолютномъ», имѣетъ свой отголосокъ въ нѣсколькихъ «думахъ» Кольцова. Можно поставить съ ними въ связь и то горячее письмо, похожее на «стихотвореніе въ прозѣ», которое было написано Кольцовымъ къ Краевскому по поводу смерти Пушкина: «Прострѣлено солнце... безобразной глыбой упало на землю»...—Въ это время и семейныя отношенія Кольцова были вполнѣ удовлетворительны — лучше, чѣмъ когда нибудь. Практическая польза, которую извлекъ сынъ изъ столичныхъ знакомствъ, была по душѣ отцу. Въ іюлѣ 1837 г. пріѣхалъ въ Воронежъ Жуковскій, сопровождая Наслѣдника престола, не разъ видѣлся съ Кольцовымъ и обласкалъ его на глазахъ у всѣхъ. Эта нежданная честь подняла въ глазахъ отца и среды молодаго поэта и его литературную дѣятельность. Но поворотъ въ неблагопріятную сторону послѣдовалъ скоро.

Къ самому началу 1838 г. относится третья поѣздка Кольцова; сперва онъ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ сблизился на этотъ разъ съ М. Бакунинымъ и В. П. Боткинымъ, видался съ Аксаковыми; отношенія Кольцова къ Бѣлинскому оставались очень близкими; переѣхавъ въ Петербургъ Кольцовъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ его съ Краевскимъ и Полевымъ: подготовлялся переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ (въ 1839 г.); въ маѣ Кольцовъ снова былъ въ Москвѣ, а къ іюню возвратился въ Воронежъ. Намъ неизвѣстны подробности этой поѣздки и вынесенныхъ поэтомъ впечатлѣній, но именно съ этого времени начинаетъ все сильнѣе звучать въ письмахъ Кольцова двойная нота—недовѣрія къ своимъ силамъ и отчужденія, даже озлобленности по отношенію къ средѣ. Поэту кажется непосильною задача перевоспитанія своей личности, которую онъ хотѣлъ бы выполнить по самой широкой программѣ: «мнѣ даны отъ Бога море желаній, а съ кузовокъ души», говоритъ онъ съ горечью; въ письмахъ его за это время находимъ слѣды усиленнаго чтенія, но философскія изученія, повидимому, одобряемыя Бѣлинскимъ, даютъ мало результатовъ; смущаетъ терминологія («субъектъ», «объектъ», «абсолютъ»); онъ тщетно добивается «настоящаго» пониманія, такъ чтобъ «самъ могъ передать: безъ этого понятья нѣтъ», сознается, что при Бѣлинскомъ дѣло шло иначе. Теряя

вѣру въ возможность новаго устройства жизни, Кольцовъ въ то же время все болѣе расходился со старымъ: «Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку... наскучили всѣ,—разговоры пошлые. . они надо мной смѣются»... Онъ подчеркиваетъ въ письмахъ грязную и грубую сторону своего промысла: «Весь день пробылъ на заводѣ, любовался на битый скотъ и на людей, оборванныхъ, опачканныхъ въ грязи, облитыхъ кровью съ ногъ до головы». Между тѣмъ торговое дѣло требуетъ «всего человѣка», не остается ни времени, ни силъ для другого. Въ это время умеръ Серебрянскій, не успѣвъ помириться съ Кольцовымъ, съ которымъ былъ въ размолвкѣ. Его смерть вызвала нѣсколько горячихъ строкъ въ письмахъ Кольцова: «Прекрасный міръ души прекрасной, не высказавшись, сокрылся навсегда». Подготовлялось въ душѣ Кольцова то отношеніе къ связывавшимъ его условіямъ жизни, которое выросло подъ конецъ въ непримиримую вражду, сдѣлавъ его такъ же невыносимымъ для окружающихъ, какъ и они были для него.

Въ сентябрѣ 1840 г. Кольцовъ снова пустился въ путь, на этотъ разъ съ особенно важными порученіями: надо было добиться окончанія двухъ тяжебныхъ дѣлъ, одного въ Москвѣ, другого въ Петербургѣ, и кромѣ того, продать два гурта скота, которые стоили не менѣе 12 тысячъ. Въ Москвѣ уже не было Бѣлинскаго; Кольцовъ видѣлся съ Боткинымъ, сблизился съ Катковымъ, исполнилъ разныя порученія Бѣлинскаго и Краевскаго; въ октябрѣ онъ уже въ Петербургѣ, гдѣ провелъ два мѣсяца; Кольцовъ остановился у Бѣлинскаго и здѣсь то симпатіи къ нему его учителя стали горячимъ дружескимъ чувствомъ, выразившимся потомъ, въ знаменитой статьѣ 1846 г. «Богатая и благородная натура»—пишетъ Бѣлинскій подъ впечатлѣніемъ этой послѣдней ихъ встрѣчи. Въ Москву Кольцовъ возвратился 27 ноября и новый 1841 годъ встрѣтилъ у Боткина въ большей кампаніи; въ письмѣ къ Бѣлинскому дается «полный реестръ» гостей: Грановскій, Крыловъ, Кетчеръ, Клюшниковъ, Красовъ, Сатинъ, Щепкинъ... Встрѣча была шумная и на широкую ногу. Это было послѣднее соприкосновеніе Кольцова съ остатками кружка Станкевича, который самъ только что сошелъ въ могилу. Пьеса «Поминки», внушенная этою смертью, имѣетъ цѣну при изученіи біографіи Кольцова: она даетъ намъ ту мѣрку оцѣнки, которую прилагалъ онъ къ членамъ кружка; въ ней сохранился для насъ не остывшимъ тотъ энтузіазмъ, который увозилъ съ собою въ свой «тѣсный міръ» поэтъ-прасолъ и который сыгралъ въ его жизни важную, но нерадостную роль.—Пребываніе въ Москвѣ замедлилось; можно догадываться, что Кольцовъ бѣдствовалъ, не зналъ, какъ добраться домой, гдѣ его одно время считали пропавшимъ, не думали, что онъ возвратится. Въ Воронежѣ его ждалъ тяжелый и окончательный разрывъ съ отцомъ и любимой младшей сестрой.

У насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы сколько нибудь подробно возстановить факты этого эпизода въ жизни поэта. Разрывъ между отцомъ и сыномъ произошелъ на почвѣ денежныхъ счетовъ; изъ двухъ процессовъ одинъ былъ проигранъ; гурты были проданы невыгодно; можно думать, что вырученныя деньги не были исправно сданы прикащикомъ-сыномъ. Отношенія были безвозвратно испорчены; совмѣстная жизнь стала невыносимой, но тѣмъ не менѣе продолжалась; одно время по требованію сына отецъ назначилъ ему опредѣленное жалованье; это, повидимому, могло бы урегулировать отношенія; но скоро болѣзнь сдѣлала его неспособнымъ къ «дѣлу», тунеядцемъ, котораго держатъ изъ милости. Петербургскій другъ строилъ планы вырвать поэта изъ тяжелыхъ, враждебныхъ ему условій: «пусть все бросаетъ и бѣжитъ, *спасая душу*» (пишетъ Бѣлинскій Боткину); Кольцовъ, по его предположенію, могъ бы завѣдовать конторой «Отечественныхъ Записокъ» или открыть книжную торговлю; но всѣ планы разбиваются: нѣтъ денегъ, сынъ запутанъ въ Воронежѣ отцовскими дѣлами, долговыми обязательствами,—кромѣ того, «нѣтъ голоса въ душѣ быть купцомъ». Въ перепискѣ по этому поводу учителю и ученику не разъ приходилось мѣняться мѣстами: въ рубляхъ и копейкахъ высчитываетъ Кольцовъ непрактичному Бѣлинскому, во что обошлось бы осуществленіе его плановъ и чего можно было бы отъ нихъ ждать. Собственная практика выработала въ молодомъ торговцѣ безотрадный взглядъ на коммерческое дѣло: нельзя не обманывать. О своемъ дарованіи онъ начинаетъ говорить пренебрежительно; прежнему философскому интересу слышится осужденіе въ послѣдней «Думѣ», («Не время ль намъ оставить про высоты мечтать»),

посвященной кн. Вяземскому. Но въ письмахъ по прежнему замѣтны слѣды усерднаго чтенія, отзывы и вопросы о книгахъ, проекты будущихъ чтеній, восхищеніе статьями Бѣлинскаго, новыми вещами Лермонтова. Такъ продолжалось до самаго конца жизни. Когда В. Аскоченскій, товарищъ Серебрянскаго, посѣтилъ почти умирающаго Кольцова, онъ услышалъ слова, произнесенныя съ трудомъ: «Боже мой, какъ вы счастливы; вы учились; а мнѣ не судьба, я такъ и умру неученый».

Но въ этотъ печальный періодъ упадка долженъ былъ разыграться въ жизни Кольцова еще одинъ эпизодъ, который совершенно расшаталъ его силы и выбилъ его окончательно изъ колеи. Это было увлеченіе бурно-чувственнаго характера, заставившее его совершенно потерять голову и скандализировавшее родныхъ. Въ письмѣ къ Бѣлинскому отъ 1 марта онъ дѣлится этою новостью въ безпорядочныхъ строкахъ, отъ которыхъ вѣетъ безумiемъ и которыя не могли сполна увидѣть печати. Впослѣдствіи, подъ перомъ біографа-друга этотъ эпизодъ превратился въ отрывокъ романтической поэмы мрачно-красиваго, байроновскаго оттѣнка; дѣйствительность была гораздо низменнѣе, но такъ же безпощадно послѣдовательна: результатомъ связи явилась тяжелая болѣзнь; больной и покинутый Кольцовъ остался на рукахъ у родныхъ, которымъ онъ совсѣмъ опостылѣлъ. Такъ подготовился его печальный конецъ; 27 февраля 1842 г. онъ писалъ въ послѣдній разъ Бѣлинскому и въ тотъ же день Боткину; отсюда главнымъ образомъ почерпнуты тѣ подробности, которыя потомъ дали возможность Бѣлинскому сдѣлать изъ отношенія родныхъ къ Кольцову «уголовное дѣло», по ироническому выраженію Де-Пуле. Субъективность, болѣзненная раздражительность обоихъ писемъ несомнѣнна; но горькою правдой сквозитъ въ каждой строкѣ мучительная агонія умиранія. Такова и была жизнь Кольцова въ дальнѣйшіе 8 мѣсяцевъ; 29 октября онъ умеръ внезапно, безъ страданій, въ то время какъ старушка-няня поила его съ ложки чаемъ: онъ былъ слабъ какъ ребенокъ, едва могъ сидѣть и говорилъ шопотомъ. Смерть его, давно готовившаяся, была встрѣчена семьей какъ освобожденіе. Крутой, неподатливый отецъ не подалъ вида, что сколько нибудь тронутъ; но на скромномъ памятникѣ, который былъ имъ поставленъ на могилѣ поэта, была сдѣлана, вѣроятно, по его желанію составленная, очень характерная въ своемъ безграмотномъ краснорѣчіи надпись: «Просвещеной безнаукъ природою награжденъ Монаршею милостію скончался 33 годовъ и 26 дней въ 12 часу брака неимелъ». День смерти поэта былъ впослѣдствіи страннымъ образомъ забытъ. Въ 1888 году сестра поэта Андронова поставила новый памятникъ на его могилѣ, причемъ дата смерти была обозначена невѣрно: 19 октября,—число, которое и повторено было потомъ почти всѣми біографами. Церковныя книги возстановляютъ истинную дату: 29 октября; она подтверждается кромѣ того и счетомъ прожитыхъ дней на первоначальномъ памятникѣ, а также тѣмъ, что похороны Кольцова происходили 1 ноября.

Немногочисленны, мелки и не разнообразны факты жизни поэта-прасола; его замкнутый, несообщительный характеръ дѣлалъ его скупымъ на выраженіе болѣе интимныхъ, личныхъ переживаній; бумаги его, въ томъ числѣ письма Бѣлинскаго, Боткина, Бакунина, послѣ его смерти попали на рынокъ; яркость и характерность немногихъ его писемъ мало восполняетъ пробѣлы. Тѣмъ важнѣе, но вмѣстѣ и тѣмъ отвѣтственнѣе для біографа, освѣщеніе фактовъ. Въ біографіи Кольцова оно подъ перомъ различныхъ біографовъ доходило до серьезныхъ разногласій, можно сказать, до контраста, на которыхъ поэтому необходимо остановиться.

Изъ людей, лично знавшихъ Кольцова, двое—Бѣлинскій и Катковъ—попробовали сдѣлать серьезную оцѣнку его личности, и результатъ вышелъ не одинаковъ. Бѣлинскій видѣлъ въ Кольцовѣ только одну часть его натуры—его стремленіе къ высшему духовному развитію и его даровитость, которая бросалась въ глаза всякому послѣ самаго короткаго знакомства съ нимъ; но полюбивъ его какъ человѣка, знаменитый критикъ страстно «пожалѣлъ» его, какъ типичную «жертву среды», личное раздраженное воспоминаніе о которой никогда не переставало жить въ собственной душѣ Бѣлинскаго; сближая «дѣло» Кольцова со своимъ собственнымъ кровнымъ дѣломъ, Бѣлинскій, не задумываясь, приписалъ ему ту степень душевнаго жара, доходившую до жажды подвига, до самозабвенія, которую онъ чувствовалъ въ себѣ. И Кольцовъ частью невольно, частью сознательно

оборачивался къ нему той стороной своего существа, которую одну видѣлъ и хотѣлъ видѣть въ немъ Бѣлинскій; таковъ характеръ писемъ Кольцова къ Бѣлинскому, въ которыхъ фактамъ дается нерѣдко одностороннее освѣщеніе. Извѣстіе о смерти Кольцова, которое дошло до него только мѣсяцъ спустя, когда въ «Отечественныя Записки» было прислано изъ Воронежа стихотвореніе «На смерть Кольцова», Бѣлинскій встрѣтилъ съ озлобленіемъ отчаянія. Онъ пишетъ Боткину: «Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы—палъ другъ и братъ—ничего—съ Богомъ—дѣло обыкновенное». Изъ такого то душевнаго источника произошла его біографія Кольцова, написанная въ самый разгаръ общественнаго протеста (1846 г.), наканунѣ «Письма къ Гоголю».

Спокойнѣе всмотрѣлся въ Кольцова Катковъ. Вспоминая ночь, проведенную въ разговорахъ на постояломъ дворѣ Зарядья, гдѣ проживалъ Кольцовъ, онъ выражаетъ удивленіе его природной даровитости, но отъ него не ускользнула та прочная связь, которая соединяла Кольцова со средою и бытомъ, въ которомъ онъ былъ уже сложившимся, энергичнымъ дѣльцомъ съ привычными уже пріемами и вкусами; умственная воспріимчивость соединялась въ немъ съ неподатливымъ, «кремневымъ», по выраженію Каткова, характеромъ, замкнутымъ по инстинкту, иногда по разсчету, въ которомъ трудно было найти черты энтузіаста.—Но была еще одна сторона въ сложной личности поэта, которой не оцѣнили въ полной мѣрѣ ни Катковъ, ни Бѣлинскій: это широкая по народному натура, толкавшая его на разгулъ и излишества; Бѣлинскій видѣлъ ее лишь такою, какой она отразилась, поэтически преображенная, въ поэзіи Кольцова; оттого и эпизодъ послѣдняго «увлеченія» выросъ и расцвѣтился до поэтичности подъ его перомъ, заслонивъ картину нравственнаго и физическаго упадка. Такимъ образомъ подготовлено было въ литературѣ о Кольцовѣ позднѣйшее разногласіе, благодаря которому наиболѣе освѣдомленному изъ біографовъ поэта, М. П. Де-Пуле, пришлось явиться не разъ въ роли обвинителя поэта-прасола и защитника столь сурово осужденной Бѣлинскимъ семьи. Эпизодъ отношеній Кольцова къ младшей сестрѣ Анисьѣ можетъ удачно иллюстрировать эту запутанную тяжбу. Поэтъ горько жаловался на «измѣну» сестры, которая изъ друга и союзника стала для него злѣе врага; но его жалобы съ трудомъ могутъ быть раздѣлены безпристрастнымъ судьею. Сколько можно судить по—далеко, правда, не достаточнымъ,—даннымъ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи для возстановленія этой ссоры, надо представлять дѣло такъ: въ необразованной, старозавѣтной семьѣ установились натянутыя отношенія между сыномъ и родителями; молоденькая сестра, даровитая и характерная, примкнула къ брату, воспріимчивая къ пропагандѣ новаго, на знамени котораго на первыхъ порахъ написано: учиться по французски и играть на фортепьяно; послѣ немалой борьбы молодежь добивается своего; письмо Кольцова къ сестрѣ (10 января 1841 г.) изъ Москвы, единственное, которое мы имѣемъ, полно духомъ прозелитизма, зазываній въ лучшій, заманчивый міръ, гдѣ можно слушать чудную музыку, видѣть умныхъ, интересныхъ людей. Но и самому пропагандисту, какъ мы знаемъ, не удалось пустить корней въ этомъ мірѣ; между тѣмъ въ его продолжительныя отлучки сестра оставалась одна, глазъ на глазъ съ родителями; временами она готова думать, что братъ и не вернется домой, проходитъ слухъ, что онъ пристраивается въ Петербургѣ, куда она, вѣрно, не попадетъ во всю свою жизнь,—и вотъ практическій смыслъ женщины беретъ верхъ надъ сомнительными мечтами: надо сойтись съ тою средой, въ которой ей всегда придется жить. Но этого поворота на другую дорогу братъ не прощаетъ сестрѣ, онъ старается помѣшать ея замужству, упрекаетъ, мститъ: «они меня такъ озлили, что я началъ сплетничать», пишетъ онъ Бѣлинскому; правда, онъ готовъ раскаиваться въ посѣянномъ раздорѣ, но злорадная нота продолжаетъ звучать. Въ томъ же письмѣ онъ приводитъ слова сестры, сказанныя о немъ матери: «погодите, онъ вамъ носъ-то скуситъ», и дѣйствительно онъ умѣлъ «кусаться»; въ борьбѣ развертывалась его крутая по отцу натура, проявлялось что то жесткое и недоброе, сродни мрачной и страстной поэзіи его пѣсенъ-балладъ съ кровавою развязкой (Хуторокъ, Ночь). *Этого* Кольцова плохо зналъ и понималъ Бѣлинскій, натура неэгоистическая, плохо умѣвшая даже защищаться, смѣлая только тамъ, гдѣ нужно было стоять за принципъ.

Судьба Кольцова - поэта послужила

предметомъ еще другой критико-біографической тяжбы, въ которой роль обвинителя и истца, на этотъ разъ въ интересахъ Кольцова, принадлежитъ тому же Де-Пуле; онъ высказалъ мысль, что Бѣлинскій принесъ одинъ вредъ Кольцову-поэту, сбивъ его съ правильнаго, естественнаго пути развитія, что идеи «кружка» породили въ немъ одно «умничанье», самомнѣніе, путаницу понятій. Обвиняющіе документы отыскать было не трудно; неподготовленность Кольцова къ философскимъ изученіямъ слишкомъ очевидна; но обвинитель-біографъ забываетъ о той эстетической школѣ, которую проходилъ Кольцовъ подъ руководствомъ Бѣлинскаго. Письма его полны указаній на это: «такъ эта тема не хороша, а я то считалъ ее удачной», пишетъ Кольцовъ и сейчасъ же начинаетъ додумываться — почему не хороша? въ чемъ заключалась ошибка? Начинается упорная критическая работа. М. П. Де-Пуле забываетъ о широкой начитанности Кольцова, въ которой вліяніе Бѣлинскаго несомнѣнно, забываетъ обмѣнъ литературныхъ новостей, сужденій, пережитыхъ впечатлѣній, которыми полна переписка. Кольцовъ—«пѣсенникъ», развившійся самостоятельно, въ тѣсномъ своемъ углу, до высокой художественности,—есть миѳъ, невозможность; ранніе опыты его полны недостатковъ—слащавости, лжеромантизма, неумѣнья отличить поэзію отъ набора словъ; нужна была выработка критической способности, соприкосновеніе съ міромъ широкихъ обобщеній и возвышенныхъ точекъ зрѣнія. М. П. Де-Пуле пробуетъ отдѣлить рѣзкою чертой вліяніе Станкевича отъ вліянія Бѣлинскаго къ выгодѣ перваго; но гдѣ основаніе для такого противопоставленія? Одна только «гармоничность», «чувство мѣры», сильно развитыя въ натурѣ Станкевича, который, покачивая головой, слушалъ «неистоваго Виссаріона»? Стихотворенія Станкевича, вмѣстѣ съ указанною тирадой «Литературныхъ мечтаній» и «Думами» Кольцова, составляютъ совершенно однородное по духу цѣлое. Припомнимъ еще то чувство благодарности поэта къ Бѣлинскому до самаго конца его горькой жизни, которое составляетъ едва ли не самую свѣтлую черту въ перепискѣ Кольцова. Противъ такого осужденія Бѣлинскаго возстали почти всѣ, кто писалъ позднѣе о Кольцовѣ (И. И. Ивановъ, Н. А. Котляревскій и др.).

Первое, что нашло себѣ оцѣнку среди поэтическихъ созданій Кольцова, были тѣ картинки деревенскаго быта, народнаго веселья и народнаго труда, которыя до сихъ поръ такъ популярны въ русской школѣ. Но значеніе ихъ, конечно, сильно умалилось въ нашихъ глазахъ; съ трудомъ удовлетворятъ они теперь взрослаго и образованнаго читателя; ранній критикъ Кольцова, Валерьянъ Майковъ, назвавъ такія пьесы, какъ «Что ты спишь, мужичекъ»—«экономической» поэзіей, произнесъ имъ справедливый приговоръ. Но основные лирическіе мотивы въ поэзіи Кольцова сохраняютъ свою поэтическую цѣну, благодаря своему общечеловѣческому и національному значенію, яркости и силѣ настроенія, красотѣ и силѣ языка. Выраженіе удали, широкаго размаха души, одинъ изъ частыхъ мотивовъ у Кольцова, заключаетъ въ себѣ и національные элементы; но эти мотивы развиты лучше тамъ, гдѣ меньше бытовыхъ подробностей. Личная судьба Кольцова часто подсказывала ему также мотивъ борьбы, роковой схватки личности съ внѣшними враждебными ей силами; такова «Дума сокола», «Разсчетъ съ жизнью», названный раньше «Жалобой». Характерною чертой является то, что внѣшнія силы, вліяющія на жизнь, всегда рисуются поэту въ видѣ судьбы, неразумной, слѣпой и въ то же время безпощадной и настойчивой. Если личность торжествуетъ въ борьбѣ, это не столько ея заслуга, сколько «удача», дѣло той же судьбы. Такова народная философія Кольцова, которую тщетно пытался онъ замѣнить шеллинговой вѣрой въ царство разумной идеи. Заслуживаетъ вниманія это свойство кольцовской поэзіи: будучи выраженіемъ личности, возмутившейся, потребовавшей свободы и правъ, она въ то же время какъ бы носитъ въ самой глубинѣ своей исконное невѣріе въ силу личности, зловѣщее предчувствіе ея конечнаго пораженія!

Но быть можетъ, самый яркій мотивъ въ творчествѣ Кольцова — это жажда жизни, жизни вообще, во что бы то ни стало, каково бы ни было ея содержаніе, страстное желаніе «жизнью нажиться» по его собственному выраженію. Чрезъ всю поэзію Кольцова проходитъ эта струя, составленная изъ чувственныхъ порывовъ, съ трагическою и гордою нотой и съ властною страстностью чувства. Поэтъ охотно переноситъ мимолетные моменты народной драмы въ обстановку бу-

ри, ночи съ призраками и кошмарами; они однородны по поэтической атмосферѣ съ «Хозяйкой» Достоевскаго; между двумя художниками въ этомъ именно направленіи можно искать родственныхъ чертъ. Жажда жизни, выразившаяся въ кольцовской лирикѣ, безконечно далека отъ свѣтлой жизнерадостности пушкинской музы: въ ней есть зерно саморазрушенія. Черта страстности, чрезвычайно рѣдкая въ русскомъ искусствѣ, присуща поэзіи этого самородка; она мѣняетъ свое содержаніе; это не одна любовь, иногда это вражда столь же страстная, вызовъ, жажда свободы, злоба на себя самого. Безъ сомнѣнія, въ пьесахъ такого рода, а не въ идиллически-поучительныхъ сельскихъ мотивахъ, истинное значеніе Кольцова въ русскомъ искусствѣ.

Мѣсто Кольцова въ исторіи русской литературы не можетъ быть значительнымъ, но оно имъ прочно и по праву занято. Его поэзія была однимъ изъ самыхъ раннихъ плодовъ великой пушкинской реформы, освободившей окончательно творческую личность, сдѣлавшей возможнымъ творчество, вытекавшее изъ самыхъ глубинъ личнаго бытія, а черезъ это и изъ глубинъ бытія національнаго. Но кромѣ этого общаго значенія, Кольцовъ выразилъ собою опредѣленный и дальнѣйшій шагъ литературнаго развитія: освобожденную личность, дерзнувшую противопоставить себя жизни, много и властно вдругъ отъ нея потребовавшую. Въ этомъ отношеніи, при всемъ различіи дарованій и развитія, Кольцовъ представляетъ явленіе, аналогичное Лермонтову. Наконецъ и иная заслуга поэзіи Кольцова—заслуга выраженія общественнаго самосознанія—не можетъ быть отрицаема, но она достигнута отнюдь не пьесами, рисующими народный бытъ, а изображеніемъ души простолюдина, какимъ былъ онъ самъ, въ значительныхъ и яркихъ чертахъ, которыя громко заявляютъ его права на полное человѣческое существованіе; въ этомъ смыслѣ пѣсни Кольцова подаютъ руку «Запискамъ охотника», поэзіи Некрасова и послѣдующей народнической литературѣ.

Первое изданіе сочиненій Кольцова было сдѣлано Станкевичемъ въ 1835 г.; слѣдующее изданіе явилось въ 1846 г., сопровождаемое статьей Бѣлинскаго; оно было повторено въ 1856 г. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Кольцова переиздавались неоднократно. Въ 1892 г., по случаю 50-тилѣтія со дня смерти поэта, явилось сразу нѣсколько изданій; лучшее изъ нихъ — журнала «Нива» подъ редакціею Арс. Введенскаго; оно было повторено въ 1895 г.; здѣсь напечатаны всѣ извѣстныя до сихъ поръ письма Кольцова (64), данъ обзоръ рукописей и примѣчанія къ отдѣльнымъ пьесамъ. (Невѣрна дата письма № 41—Краевскому: долженъ быть 1841 г., а не 1840). По тому же плану составлено изданіе журнала «Сѣверъ» подъ редакціею А. Лященко (гдѣ пропущено однако важное письмо къ Боткину).—Заслуживаетъ вниманія по иллюстраціямъ и точной хронологіи изданіе «Всемірной Иллюстраціи» подъ редакціею П. Быкова, 1892.

Первая біографія Кольцова написана Ян. Невѣровымъ, «Сынъ Отечества», 1836 г., часть 176. — Важна статья Бѣлинскаго при изданіи 1846 г. («Сочиненія Бѣлинскаго», т. XII). Наиболѣе обстоятельная біографія принадлежитъ М. П. Де-Пуле: «А. В. Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ» 1878 г. (раньше въ «Древней и Новой Россіи» того же года), которая вызвала возраженія («Голосъ», 1878 г., № 336) и отвѣтъ на нихъ автора («Наша критическая дряблость»—«Новое Время», 1878 г., 31 дек.). Біографія, составленная В. Огарковымъ—въ изд. Павленкова «Жизнь замѣч. людей» и при юбилейныхъ изданіяхъ Кольцова; также въ «Энц. Слов.», изд. Брокгауза и Эфрона біогр. очеркъ И. И. Иванова. — Для освѣщенія отдѣльныхъ эпизодовъ жизни Кольцова имѣютъ цѣну: «Нѣск. словъ къ біогр. Кольцова», М. Каткова («Русск. Вѣстн.», 1856 г., VI); воспоминаніе В. Аскоченскаго («Кіев. губ. вѣдом.», 1854 г. № 14) кое что въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева и И. Н. Панаева; вліяніе кружка Станкевича на Кольцова серьезно разсмотрѣно г. Ярмерштедтомъ («Вопросы филос. и псих.» 1893 г., ноябрь и 1894 г., мартъ).—Первая оцѣнка раннихъ пьесъ Кольцова дана въ ст. Я. Невѣрова, затѣмъ—всей поэзіи Кольцова—у Бѣлинскаго; въ томъ же (1846) году написалъ свою статью Вал. Майковъ («Критическіе опыты» 1891 г.), гдѣ проводится взглядъ на Кольцова не столько какъ на продуктъ народной среды, сколько какъ на воплощенія ея стремленій выйти изъ тѣснаго круга интересовъ. Къ 1856 г. относится статья М. С. (въ «Русск. Вѣстн.»), направленная противъ наивно ограниченнаго пониманія народности вмѣстѣ съ тенденціозною идеализаціею патріархальнаго быта.—Обзоръ стихотвореній Кольцова главнымъ образомъ по содержанію и сближеніе ихъ съ народными пѣснями даетъ статья В. Водовозова, въ «Журн. Мин. Народ. Пр.» 1861 г. Попытку опредѣлить мѣсто поэзіи Кольцова въ исторіи русской литературы заключаетъ въ себѣ статья А. Н. Пыпина: «Лермонтовъ и Кольцовъ» въ «Вѣстн. Евр.» 1896 г., январь, также «Ист. рус. лит.» т. IV. Мелкія статьи и замѣтки о Кольцовѣ за время до 1870 г.—см. Геннади, «Справ. Словарь», II. 153—154.

А. Шалыгинъ.

Кольчугинъ, *Григорій Никитичъ,*

род. 1779 г., ум. 24 марта 1835 г., переводчикъ, сынъ черниговскаго крестьянина, торговавшаго между прочимъ книгами въ новиковской компаніи. Воспитываясь съ дѣтьми сенатора Обрѣзкова, получилъ хорошее по своему времени образованіе, зналъ нѣсколько языковъ и перевелъ нѣсколько книгъ мистическаго содержанія. Съ 1799 г. состоялъ помощникомъ гофъ-маклера, а съ 1803 г.—гофъ-маклеромъ; былъ также маклеромъ Московской Учетной конторы. Въ 1812 г. Кольчугинъ оставался въ Москвѣ и по приказанію интенданта Лессепса долженъ былъ состоять членомъ временно-учрежденнаго муниципалитета.

«Русс. Архивъ», 1879, кн. III, с. 45 (его записки о 1812 г.) и отдѣльно.

Колюбакинъ, *Николай Петровичъ* сенаторъ, писатель, изъ дворянъ Новгородской губерніи, сынъ генералъ-маіора, род. въ 1810 г., ум. 15 октября 1868 г. въ Москвѣ. Воспитаніе получилъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, откуда въ 1829 г. выпущенъ въ гражданскую службу; въ слѣдующемъ году перешелъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ корнетомъ; участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа и въ дѣлѣ подъ Раціонжемъ былъ раненъ. Въ 1832 г. былъ переведенъ въ Оренбургскій уланскій полкъ поручикомъ. Находясь въ этомъ полку, Колюбакинъ въ г. Коломнѣ совершилъ преступленіе противъ военной дисциплины, былъ (въ 1834 г.) лишенъ чиновъ, орденовъ и разжалованъ въ рядовые до выслуги, съ отсылкою въ Кавказскій корпусъ, но безъ лишенія дворянства «по уваженію прежней хорошей службы, бытности въ походахъ и сраженіяхъ, оказанныхъ въ нихъ отличій и полученной раны». Тенгинскій пѣхотный полкъ, куда попалъ Колюбакинъ рядовымъ, входилъ въ составъ отряда генерала А. А. Вельяминова, гдѣ былъ и кружокъ декабристовъ и польскихъ дворянъ, сосланныхъ за возмущеніе 1831 года. Вращаясь въ ихъ кругу, Колюбакинъ имѣлъ случай сблизиться съ молодежью, которая наѣзжала изъ Петербурга въ отрядъ Вельяминова. Одному изъ ея представитетей, корнету князю А. И. Барятинскому, Колюбакинъ спасъ жизнь, вынеся его, тяжело раненаго, изъ боя на своихъ плечахъ. Барятинскій всю жизнь помнилъ это, а тогда, больной отъ раны почти безнадежно, въ видѣ завѣщанія своего просилъ генерала Вельяминова, какъ особой къ себѣ милости, ходатайствовать предъ Государемъ о производствѣ Колюбакина въ офицеры; въ 1837 г. Колюбакинъ послѣ одного дѣла съ горцами, гдѣ былъ тяжело раненъ въ ногу, и былъ произведенъ въ прапорщики. Для леченія своей раны Колюбакинъ еще до производства въ офицеры отправился въ Пятигорскъ и здѣсь познакомился съ Лермонтовымъ; его поэтъ изобразилъ каррикатурно, въ лицѣ Грушницкаго. Произведенный въ офицеры Колюбакинъ перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Съ этого времени начинается быстрое его повышеніе по службѣ. Сначала адъютантомъ генерала Будберга, затѣмъ генерала графа Анрепа, онъ служилъ на черноморской береговой линіи и въ Кахетіи, на лезгинской границѣ. Графъ М. С. Воронцовъ, вскорѣ послѣ своего прибытія на Кавказъ, назначилъ его начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа, затѣмъ (въ 1850 г.) Кутаисскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1851 г. начальникомъ III отдѣленія Черноморской берегой линіи. Этотъ послѣдній постъ, равный званію военнаго губернатора, былъ въ тѣ времена однимъ изъ самыхъ важныхъ на Кавказѣ. Но Колюбакинъ никакъ не могъ справиться со своимъ пылкимъ темпераментомъ. Адмиралъ Серебряковъ, армянинъ по происхожденію, командовавшій всею береговой линіей, такъ раздражилъ Колюбакина своимъ постояннымъ, скрытнымъ противодѣйствіемъ всѣмъ его начинаніямъ, что произошло рѣзкое объясненіе и Колюбакину пришлось уѣхать изъ Сухума и причислиться къ тифлисскому главному штабу. Около двухъ лѣтъ оставался Колюбакинъ безъ мѣста; въ 1856 г. намѣстникъ Муравьевъ назначилъ его Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ слѣдующемъ году Колюбакинъ, получивъ чинъ генералъ-маіора, назначенъ былъ управляющимъ Мингреліею и предсѣдателемъ совѣта по управленію этою страной. Въ 1858 г. онъ былъ переведенъ на должность Эриванскаго военнаго губернатора съ управленіемъ и гражданскою частью, а въ 1861 г. назначенъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками. Въ 1863 г. назначенъ сенаторомъ въ 7-й департаментъ, въ каковомъ званіи и умеръ.—По своей необычайной раздражительности и вспыльчивости Колюбакинъ былъ извѣстенъ на Кавказѣ подъ именемъ «немирнаго»; въ сущности же онъ былъ человѣкомъ очень добрымъ, и недо-

статки его характера вполнѣ выкупались неподкупною его честностью и строгимъ преслѣдованіемъ лихоимства и всякихъ противозаконныхъ дѣйствій со стороны подчиненныхъ.

Колюбакинъ довольно много писалъ, почти ничего не оканчивая. Первымъ произведеніемъ его, появившимся въ печати, была статья «О генералъ-адъютантѣ князѣ Аргутинскомъ-Долгоруковѣ» въ газетѣ «Кавказъ» 1855 г. № 19. Затѣмъ, въ «Сводѣ замѣчаній на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ 1861 г.» помѣщена довольно большая статья Колюбакина о судебной реформѣ, доказывающая большую его начитанность и вѣрный взглядъ на дѣло. Въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ», (М. 1865 года, кн. I) появилась его статья «По случаю крестьянскаго вопроса въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи», проникнутая гуманностью и показывающая у автора близкое знакомство съ жизнью Кавказа и Закавказья и съ нравами ихъ обитателей; въ «Русской Старинѣ» (1876 г. т. XVII, стр. 321—342) напечатаны его: «Письма къ кн. В. О. Бебутову», «Изъ дневника», «Memento». Произведенія эти живо рисуютъ внутреннее политическое и военное положеніе Абхазіи и западнаго Закавказья въ послѣдніе мѣсяцы 1855 года и относятся къ числу лучшихъ матеріаловъ для исторіи тогдашней войны нашей съ союзными державами.

Формуляръ; Геннади, «Справочный Словарь», «Русскій Архивъ», 1874 г., № 11; стр. 949—957; 1875 г. № 1, стр. 121—127, 1884 г. кн. 3, стр. 448; «Русская Старина» 1876 г. № 10, стр. 317—342; «Историч. Вѣстн.» 1885 г. т. 19, стр. 38; Ibid. 1894 г. т. 58, стр. 381 и сл., и 694 и сл.; «Благородный пансіонъ императорскаго Царскосельскаго лицея 1814—1819», (кн. Н. С. Голицына). Спб. 1869, стр. 402. *Н. М.*

Комаржевскій, *Иванъ*, тайный совѣтникъ, ум. въ 1810 г. Польскій шляхтичъ, близкій королю Станиславу Понятовскому человѣкъ, въ 1774 г., въ награду за заслуги, оказанныя въ тайномъ посольствѣ отъ короля въ Петербургѣ и Берлинѣ, получилъ воеводство Частарское, затѣмъ быстро прошелъ чины до генералъ-лейтенантскаго (въ 1786 г.) включительно и въ этомъ чинѣ принималъ дѣятельное участіе въ улучшеніи организаціи и администраціи войскъ. Сопровождалъ короля Станислава на свиданіе съ Екатериною въ Каневъ въ 1787 г. въ качествѣ гофмаршала. Въ 1788 г. сложилъ съ себя должности и остался только генералъ-адъютантомъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши послѣдовалъ за королемъ Станиславомъ въ Россію и послѣ смерти своего государя императоромъ Павломъ принятъ на русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника и опредѣленъ къ управленію пороховыми заводами. Вскорѣ возвратился въ Варшаву и предался своимъ любимымъ занятіямъ минералогіей; былъ членомъ общества любителей наукъ. Написалъ: «Coup d'oeil rapide sur les causes réelles de la décadence de la Pologne» (Paris, 1807). Послѣдніе годы жизни провелъ въ Парижѣ.

«Encyklopedyja powszechna Olgebranda», 1882, V.

Комаровскій, графъ, *Евграфъ Ѳедотовичъ*, см. **Камаровскій.**

Комаровскій, *Иванъ Петровичъ*, полный генералъ, ум. въ Череповцѣ, 11 февраля 1888 г. Происходилъ изъ дворянъ новгородской губерніи, образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, службу началъ въ 1829 г. въ Черноморскомъ флотѣ. Во все время Севастопольской обороны былъ начальникомъ севастопольскаго морского госпиталя; по окончаніи войны былъ назначенъ начальникомъ кронштадскаго морского госпиталя. Съ 1869 г., до выхода, въ 1886 г., въ отставку, былъ начальникомъ комиссаріатской части балтійскаго флота.

«Новое Время», 1888, № 4300.

Комаровъ, *Дмитрій Виссаріоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 16 октября 1831 г., ум. 29 марта 1881 г. Въ 1849 г. окончилъ курсъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ л.-гв. Егерскій полкъ; въ 1854 г. поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская главнаго штаба), кончилъ курсъ съ отличіемъ и отправился на службу на Кавказъ, котораго и не покидалъ въ теченіе 25 л., до самой кончины. Участвовалъ и отличался во многихъ экспедиціяхъ; при штурмѣ аула Цибаро, 27 августа 1858 г., тяжело раненъ. Въ 1864 г. назначенъ былъ командиромъ Навагинскаго полка, въ 1869 г. начальникомъ средняго Дагестана, въ 1870 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Предъ началомъ турецкой войны Д. В. Комаровъ получилъ командованіе 19-ою пѣхотною дивизіей; въ сраженіи подъ Зивиномъ, 13 іюня 1877 г., онъ лично велъ два гренадерскіе полка въ атаку, она была произ-

ведена съ замѣчательною храбростью, но была отбита: полки отступили, разстрѣлявъ всѣ патроны; Комаровъ былъ опять раненъ; къ зимѣ онъ, однако, снова возвратился въ строй, былъ назначенъ начальникомъ Кобулетскаго отряда и 18 января 1878 г. опять руководилъ атакою турецкой позиціи при Цихидзирѣ. За боевыя отличія получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и ордена св. Анны 1 степени и св. Владиміра 2 ст. Скончался въ Ставрополѣ кавказскомъ.

«Русскій Инвалидъ», 1881, № 82.

Комаровъ, *Матвѣй*, писатель XVIII в. Обстоятельства жизни его неизвѣстны; по одному объявленію объ его книгахъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1783 г. видно, что онъ былъ «служителемъ въ домѣ г-жи Эйхлеръ», но какого рода была его служба—неизвѣстно; самъ онъ называлъ себя въ предисловіяхъ «житель города Москвы». Первое печатное его произведеніе—«Письмо кн. А. В. Хованскому», (М. 1771); затѣмъ имъ изданы: «Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ... Ваньки Каина и... Картуша» (Спб. 1779, 1791, 1793 и 1794, М. 1781), «Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга...» (П. 1782—затѣмъ выдержала до 30 изданій), «Описаніе тринадцати старинныхъ свадебъ великихъ князей и государей»... (М. 1785); «Старинныя письма китайскаго императора къ россійскому государю...» (М. 1787); «Невидимка, исторія о Фецкомъ королевичѣ...» (М. 1789), «Разныя письменныя матеріи, собранныя М. Комаровымъ», (М. 1791). Всѣ произведенія М. Комарова очень не высокаго достоинства; но они вполнѣ пришлись по вкусу мало образованныхъ и неразвитыхъ читателей и выдержали массу изданій. Можно даже сомнѣваться, былъ ли М. Комаровъ авторомъ по крайней мѣрѣ всѣхъ извѣстныхъ подъ его именемъ произведеній, или только являлся ихъ издателемъ, переработавъ нѣсколько старинныхъ, анонимныхъ повѣстей и при этомъ удачно приспособивъ ихъ по вкусамъ извѣстнаго круга читателей: по крайней мѣрѣ «Исторія объ англійскомъ милордѣ» была довольно значительно распространена въ рукописяхъ уже къ серединѣ XVIII в.; собственныя имена въ печатномъ изданіи оказываются измѣненными, сравнительно съ рукописями.

Геннади, «Словарь»; Пыпинъ, «Для любителей книжной старины», 14—15.

Комлишинскій, *Василій Сергѣевичъ*, профессоръ Харьковскаго университета, ум. послѣ 1837 г. Воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ и кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ перваго выпуска; въ 1812 г. получилъ степень магистра и назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ физики, въ 1815 г. — профессоромъ; въ 1837 г. вышелъ въ отставку; былъ ассессоромъ и секретаремъ Харьковскаго общества наукъ. Комлишинскій перевелъ: Гизе, «Всеобщая химія для учащихся» (Харьковъ, 1813—1817, 5 частей) и написалъ «De polarisatione radiorum luminis» (Харьковъ, 1813 г. — это его докторская диссертація), «Ueber den Hagel und Hagelarbeiter» (Харьковъ, 1833 г.) и рѣчь «О неводяныхъ атмосферныхъ осадкахъ» («Рѣчи Харьк. университета», 1818 г.).

Багалѣй, «Опытъ ист. Харьков. универ.», 789, 822; «Адресъ-календари»; «Словарь» Брокгауза и Эфрона.

Комовскій, *Василій Дмитріевичъ*, предсѣдатель Археографической комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. въ 1803 г., ум. 14 іюня 1851 г. Въ 1821 г. окончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ и поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія. 3 января 1822 г. назначенъ секретаремъ Цензурнаго комитета, въ 1828 г.—правителемъ дѣлъ Главнаго управленія цензуры. Въ 1833 г. 16 марта назначенъ библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки; 22 ноября 1836 г.—членомъ Археографической комиссіи; съ 13 марта 1838 г. по 6 февраля 1850 г. былъ директоромъ канцеляріи Министра народнаго просвѣщенія, съ перерывомъ отъ 23 декабря 1840 г. по 12 сентября 1841 г., когда, по болѣзни, оставлялъ эту должность и носилъ званіе чиновника для особыхъ порученій при министрѣ, по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа. Въ 1845 г., 29 ноября, съ выходомъ въ отставку Востокова, Комовскій былъ назначенъ преемникомъ его въ качествѣ главнаго редактора изданій Комиссіи на иностранныхъ языкахъ; впрочемъ, уже 27 января 1849 г. онъ по прошенію уволенъ былъ отъ этой должности и передалъ ее А. А. Кунику. Съ 19 іюня 1841 г. былъ правителемъ дѣлъ комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ д. с. с. кн. Дундукова-Корсакова, для новаго устройства Академіи Наукъ. 6 февраля 1850 г. на-

значенъ предсѣдателемъ Археографической Комиссіи на мѣсто кн. Ширинскаго-Шихматова, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія. Издалъ переводы: Шлегеля «Исторія древней и новой литературы» и Менцеля «Нѣмецкая словесность».

Формуляръ въ архивѣ министерства народ. просв.

Комынинъ, *Лукьянъ Ивановичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 24 апрѣля 1788 г. Въ 1765 г. былъ оберъ-прокуроромъ 5-го департамента Сената въ Москвѣ; 22 сентября 1767 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ того же департамента, въ 1768—1773 г.г. былъ сенаторомъ во 2-мъ департаментѣ въ Петербургѣ, а съ 1774 по день смерти опять въ Москвѣ, въ 6-мъ департаментѣ. Въ 1785 г. ему въ непосредственное завѣдываніе поручена была Вотчинная коллегія для того, чтобы по возможности скорѣе привести къ окончанію ея дѣла и закрыть эту коллегію; онъ успѣшно исполнилъ это порученіе и представилъ свои соображенія объ устройствѣ архива вотчинныхъ дѣлъ и выработалъ для него штатъ, который и былъ утвержденъ; такимъ образомъ Л. И. Комынинъ является первымъ устроителемъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

«Адресъ-календари», за 1765—1788 г.; Пол. Собр. Законовъ, №№ 16273 и 16307.

Кондзеровскій, *Константинъ Дмитріевичъ*, генералъ-майоръ, ум. 6 октября 1883 г., въ Ниццѣ. Произведенъ въ прапорщики л.-гв. Волынскаго полка въ 1851 г.; окончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и состоялъ при штабѣ Кіевскаго военнаго округа; съ 1865 г. служилъ въ Финляндіи; въ 1871 г. получилъ въ командованіе Бѣломорскій полкъ, стоявшій въ Гельсингфорсѣ. Кондзеровскій входилъ въ мельчайшія нужды своихъ подчиненныхъ, организовалъ солдатскую чайную и библіотеку и кромѣ того явился дѣятельнѣйшимъ участникомъ при основаніи въ Гельсингфорсѣ «Русскаго благотворительнаго общества», благодаря которому русское школьное дѣло въ Финляндіи стало на твердую почву. Съ 1874 по 1876 г. Кондзеровскій былъ начальникомъ Константиновскаго военнаго училища, затѣмъ харьковскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ. Въ 1878 г. произведенъ въ генералъ-майоры; въ 1880 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 37-й пѣхотной дивизіи; послѣдніе годы жизни былъ предсѣдателемъ состоявшей при Главномъ Штабѣ комиссіи по хозяйству войскъ.

«Русск. Инвалидъ», 1883 г. № 219.

Кондоиди, *Павелъ Захаровичъ* (Panaiota Condoidi), тайный совѣтникъ, лейбъ-медикусъ, главный директоръ надъ Медицинскою канцеляріею, род. въ 1709 г., ум. въ 1760 г. Племянникъ ученаго греческаго священника, Аѳанасія Кондоиди, выѣхавшаго въ Россію при Петрѣ Великомъ и бывшаго впослѣдствіи вологодскимъ епископомъ. Дядя далъ ему отличное образованіе: П. Кондоиди говорилъ и писалъ на языкахъ греческомъ, латинскомъ, русскомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, зналъ отчасти англійскій и голландскій. Учился на медицинскомъ факультетѣ въ Лейденскомъ университетѣ, получилъ въ 1733 г. степень доктора медицины и напечаталъ: Historiae lateralis ad extrahendum calculum sectionis appendix, (4°, 1733, Lugd. Batavorum). На русскую службу принятъ послѣ colloquium'а въ Медицинской канцеляріи 20 мая 1735 г. въ корпусъ, дѣйствовавшій въ Польшѣ; въ 1736—1739 г. состоялъ въ арміи Миниха, совершавшей Крымскіе походы, былъ въ битвѣ при Ставучанахъ и при взятіи Хотина. 8 іюня 1738 г. назначенъ генеральнымъ штабъ-докторомъ арміи Миниха. Кондоиди составилъ инструкцію для генеральныхъ штабъ-докторовъ, которая и была утверждена Медицинскою канцеляріею 16 марта 1739 г. Въ новой должности онъ проявилъ немедленно большую дѣятельность: онъ представилъ, что невозможно успѣшное леченіе больныхъ и раненыхъ, если не будетъ хорошо поставлена продовольственная и гигіеническая часть въ госпиталяхъ, и успѣлъ добиться значительныхъ улучшеній въ томъ и другомъ отношеніи; затѣмъ онъ установилъ «ученыя совѣщанія» всѣхъ наличныхъ докторовъ при арміи для выясненія, какія мѣры надо принимать въ представляющихся тому или другому доктору затруднительныхъ случаяхъ. По окончаніи войны и послѣ прекращенія моровой язвы на югѣ, Кондоиди считался при Украинской арміи и жилъ въ Переяславѣ. По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны Лестокъ былъ назначенъ архіатеромъ и сдѣлался такимъ образомъ начальникомъ Медицинской канцеляріи. Сознавая недостаточность своихъ свѣдѣній для управленія такимъ большимъ

дѣломъ, онъ немедленно вызвалъ къ себѣ Кондоиди и 21 февраля 1742 г., уѣзжая въ Москву со Дворомъ, поручилъ ему управленіе медицинскою конторою, остававшеюся въ Петербургѣ. 3 мая 1743 г. Кондоиди былъ отпущенъ на прежнее мѣсто своего служенія и замѣненъ Лерхе; но 18 февраля 1745 г. Лестокъ окончательно перевелъ его на службу въ Медицинскую канцелярію. Послѣ паденія Лестока Кондоиди оставилъ службу въ канцеляріи и 20 октября 1747 г. назначенъ былъ гофъ-медикусомъ. Онъ успѣлъ создать себѣ прочное положеніе въ петербургскомъ обществѣ и 8 марта 1754 г., по смерти Каау-Бургава, который замѣнилъ Лестока, Кондоиди былъ назначенъ главнымъ директоромъ Медицинской канцеляріи и всего медицинскаго факультета, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ жалованьемъ въ 5000 р.

Въ этомъ званіи Кондоиди работалъ очень энергично. Прежде всего и больше всего онъ заботился объ успѣхахъ госпитальныхъ школъ: установилъ для нихъ программы, точные сроки экзаменовъ и порядки ихъ; противодѣйствовалъ примѣненію въ школахъ тѣлесныхъ наказаній; учредилъ акушерскія школы въ Петербургѣ и Москвѣ; учредилъ при госпитальныхъ школахъ доцентуры; издалъ очень подробныя и по своему времени замѣчательныя инструкціи этимъ доцентамъ (5 февраля 1754 г.), инструкцію штадтъ-физику, дивизіоннымъ врачамъ, инструкціи для леченія оспы, кори и др. подобныхъ болѣзней, для осмотра инвалидовъ, негодныхъ къ службѣ и для пользованія медицинскою библіотекою, имъ же учрежденною. Замѣчательнымъ было для своего времени и то, что Кондоиди написалъ всѣ эти инструкціи по-русски. Особенную дѣятельность проявилъ онъ при организаціи медицинской части въ русскихъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ въ Семилѣтнюю войну. Дѣятельность его была награждена особымъ рескриптомъ 3 сентября 1759 г. съ выраженіемъ монаршей благодарности чинамъ Медицинской канцеляріи. Вообще, организація медицинской части въ Россіи получила сколько нибудь правильную постановку лишь начиная съ Кондоиди.

Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи», CLXXXII—CLXXXVIII; дѣло Сената, въ Москвѣ, № част. 21, общ. 8123, стр. 578—579, 1754 г.

Кондратовичъ, *Кирьякъ Андреевичъ*, переводчикъ XVIII в., коллежскій асессоръ, род. въ 1703 г., ум. около 1790 г. Сынъ сотника слободскаго Ахтырскаго полка, учился въ Кіевской духовной академіи, гдѣ пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ довольно хорошимъ знаніемъ языковъ польскаго и латинскаго, чрезмѣрное пристрастіе къ схоластикѣ; въ 1728—1731 г. обучалъ латинскому языку семинаристовъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ, гдѣ въ то время былъ епископомъ его дядя, извѣстный проповѣдникъ, Гавріилъ Бужинскій. Въ 1733 г. Кондратовичъ занимался у Ѳеофана Прокоповича переводами и въ томъ же году былъ отосланъ въ Екатеринбургъ, учителемъ дѣтей церковниковъ и мастеровыхъ. Здѣсь онъ занимался переводами по указанію В. Н. Татищева и сдѣлалъ для него не мало переводовъ изъ латинскихъ и польскихъ источниковъ, касающихся русской исторіи. Въ 1735 — 1739 г.г. онъ занималъ—по его показанію должность «придворнаго философа», по словамъ Татищева—гусляра, повидимому просто шута. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны Кондратовичъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ и, представивъ въ Академію Наукъ составленный имъ «Лексиконъ», который впослѣдствіи легъ въ основаніе начальныхъ трудовъ по составленію перваго русскаго словаря, изданнаго Россійскою Академіей въ 1786—1796 г.г., заявилъ Сенату свое желаніе получить при Академіи Наукъ мѣсто профессора «къ собиранію лексиконовъ латино-россійскаго и россійско-латинскаго языковъ»; но подобной каѳедры въ Академіи не существовало, и Кондратовича опредѣлили старшимъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, съ жалованьемъ въ 300 р. Первые два года, когда онъ одновременно съ академическими занятіями обучалъ катехизису сына гр. Строгонова, который покровительствовалъ ему въ Екатеринбургѣ, ему жилось, какъ читаемъ въ одномъ изъ его писемъ, «свободно, прохладно, совокупно и равномѣрно весело»; въ послѣдующее же время онъ испыталъ много непріятностей. Особенно его досадовало, что Академія Наукъ не печатала его переводовъ. Въ 1745 г. Кондратовичъ написалъ латинскую грамматику, посвятилъ ее св. Синоду и въ особомъ «доношеніи» по этому случаю привелъ и реестръ своихъ переводовъ и словарей, числомъ 31. Но грамматика была признана «неисправной», и обращеніе Кондратовича къ Синоду не

имѣло никакихъ результатовъ. Въ 1759 г. въ періодическомъ изданіи Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (ноябрь) появился впервые въ печати переводъ его двухъ элегій Овидія Назона. Затѣмъ Кондратовичъ былъ назначенъ въ помощники Ломоносову «при сочиненіи россійскаго лексикона»; и съ нимъ, и съ Сумароковымъ онъ не ужился. Въ 1766 г. онъ подалъ въ Академію Наукъ прошеніе о напечатаніи его переводовъ и при этомъ сообщилъ полный перечень своихъ трудовъ; Академія не обратила вниманія на просьбу Кондратовича. Однако, въ 1767 г. появились въ печати слѣдующіе переводы Кондратовича съ латинскаго яз.: 1) «Изслѣдованіе сочинителя Ригера о воздухѣ», 2) «Ѳеофила Сигефра Беэра, бывшаго профессора восточной исторіи и языковъ, Географія россійская изъ Константина Порфироднаго», 3) «Сочиненіе о варягахъ автора Ѳеофила Сигефра Беэра, бывшаго профессора восточной исторіи и восточныхъ языковъ при Императорской Академіи Наукъ», 4) «Географія россійская и сосѣдственныхъ съ Россіею областей около 947 года, изъ книгъ сѣверныхъ писателей выбрана, автора Беэра», 5) «Марка Туллія Цицерона двѣнадцать отборныхъ рѣчей». Въ посвященіяхъ этихъ переводовъ высокопоставленнымъ особамъ Кондратовичъ печаталъ частью стихотворныя похвалы лицамъ, которымъ посвящены переводы, частью «оды», вовсе неимѣющія отношенія къ переводу; такъ напр., при трактатѣ о варягахъ находимъ «оду парафропическую о впадшемъ въ разбойники»; въ «Географіи россійской»—такая же ода о страшномъ судѣ; въ «Изслѣдованіи о воздухѣ»—«элегія или арія объ Абрадатѣ сузскомъ царѣ». Кромѣ того Кондратовичъ занимался собираніемъ и составленіемъ эпиграммъ и изъ многочисленнаго собранія ихъ ему удалось въ 1769 г. напечатать до 300 подъ названіемъ «Старикъ молодой доброхотному и недоброхотному читателю»; эпиграммы почти всѣ плохи. Послѣдними печатными трудами Кондратовича были: 1) «Польскій общій словарь и библейный, съ польскою, латинскою и россійскою новоисправленною библіями смѣчиванъ»... (Спб., 1775 г.), и 2) «Дикціонеръ или реченіаръ по алфавиту россійскихъ словъ о разныхъ произращеніяхъ, т. е. древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ кореньяхъ и о прочихъ быліяхъ и минералахъ» (Спб., 1780 г.).—Какъ писатель Кондратовичъ не имѣетъ никакого значенія; переводы его тоже довольно плохи. Но онъ заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ первыхъ представителей того типа литературныхъ «трудолюбцевъ», людей какъ бы одержимыхъ страстью къ сочинительству, переводамъ, даже просто къ переписыванію, который создался у насъ въ XVIII в.

Митр. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» (М. 1845 г.; стр. 299 и слѣд.); Тихонравовъ, «К. А. Кондратовичъ» (въ «Библіографическихъ Запискахъ», т. I, стр. 225—236); Билярскій, «Матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова»; П. П. Пекарскій, «Кондратовичъ, русскій прозаикъ и стихотворецъ, филологъ и беллетристъ XVIII ст.» (въ «Современникѣ», 1858 г., т. LIX, стр. 452—484); его-же, «Исторія Академіи Наукъ» (II т., 372—374 стр.); «Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1867 г., № 3; Геннади, «Словарь».—Нѣкоторые неизданные переводы Кондратовича упоминаются, между прочимъ, въ «Описаніи рукоп. Румянц. музеума», № CCLXIV и у Змѣева, «Рус. врачебники», 155. *В. Р—ъ.*

Кондратовичъ, *Людвигъ-Владиславъ* (псевдонимъ Владиславъ Сырокомля), польскій поэтъ, род. въ Минской губерніи 17 сентября 1823 г., ум. 15 октября 1862 г въ Вильнѣ. Отецъ его былъ мелкій шляхтичъ, арендовавшій небольшое имѣніе въ радзивиловскихъ владѣніяхъ. Людвигъ Кондратовичъ началъ ученье въ школѣ отцевъ-доминикановъ въ Несвижѣ и закончилъ его въ 5 классѣ уѣзднаго училища въ Новогрудкѣ; на девятнадцатомъ году жизни онъ поступилъ писцомъ въ канцелярію главнаго управленія радзивиловскими имѣніями въ Несвижѣ; вскорѣ онъ женился, взялъ въ аренду крошечное помѣстье Залучье и съ 1844 г. провелъ девять лѣтъ въ глуши. Здѣсь Кондратовичъ много читалъ и успѣлъ серьезно пополнить свое скудное образованіе, здѣсь развился и окрѣпъ его поэтическій талантъ, проявлявшійся въ стихотвореніяхъ еще во время службы его въ канцеляріи. Первыя же его произведенія—стихотворные переводы латино-польскихъ поэтовъ, помѣщенные въ Athenaeum'ѣ Крашевскаго, обратили на себя вниманіе; книгопродавецъ М. О. Вольфъ купилъ у него первое крупное его произведеніе «Urodzony Jan Dęborog», которое и было издано въ Петербургѣ въ 1859 г. Кружокъ образованныхъ людей въ Вильнѣ, съ историкомъ Николаемъ Малиновскимъ во главѣ, оказалъ Кондратовичу большое вниманіе; его снабжали книгами, помогали совѣтами. Ви-

ленская жизнь, сравнительно съ прежнимъ уединеніемъ Кондратовича, очень оживленная, множество различныхъ интересовъ и столкновеніе различныхъ взглядовъ и мнѣній, совершенно подавляли молодого поэта; онъ писалъ, что не выдержалъ бы такой жизни. Но друзья его находили, что такого талантливаго человѣка не должно оставлять въ захолустьи, и устроили ему на выгодныхъ условіяхъ аренду болѣе значительнаго помѣстья Борейковщизны, у гр. Тышкевича; это имѣніе лежало въ 14 верстахъ отъ Вильны и близость города оказала самое пагубное вліяніе на Кондатовича: увлекаемый разными излишествами, онъ, можно сказать, сжигалъ жизнь безъ сожалѣнія. Въ результатѣ, онъ совершенно опустился, разрушилъ свое семейное счастье и обнищалъ до послѣдней крайности. Умственная работа сверхъ силъ и разныя излишества истощили его организмъ и породили сложную неизлечимую болѣзнь, быстро прекратившую его дни.

Кондратовичъ—послѣдній талантливый представитель той литературной школы, которая была создана Мицкевичемъ. По словамъ г. Спасовича, «полетъ Кондратовича невысокъ, кругъ идей его маленькій, но онъ настоящій нѣманскій соловей, пѣвецъ съ огнемъ вдохновенія, съ глубокимъ искреннимъ чувствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ необычайною простотою, чуждающеюся всего ходульнаго». По чувствамъ своимъ Кондратовичъ глубокій и искренній демократъ: онъ пѣлъ не для знати, не для избранниковъ, а для всѣхъ; рамки его творчества не широки: онъ можетъ изображать лишь немногое, но зато изображаетъ все очень правдиво и тепло, и немудрено, что его поэзія была любима многими его современниками. Недостаточное образованіе помѣшало Кондратовичу воспитать свой талантъ, а потому его поэтическія произведенія далеко не равнаго достоинства, и кромѣ того, менѣе цѣнны изъ нихъ именно тѣ, которыя ему казались особенно важными.

Выступленіе Кондратовича на литературное поприще совпало съ тою эпохой въ жизни нольскаго общества, когда, разочарованное неудачами революціонныхъ попытокъ, оно отвернулось отъ современности и ушло въ созерцаніе прошлаго. Идеализація давно минувшаго не чужда и Кондратовичу: его любовь къ родинѣ, любовь, почти физическая, находила себѣ выходъ въ поэтическихъ экскурсахъ въ область литовскаго прошлаго. Кромѣ того, подобно своему образцу, Мицкевичу, Кондратовичъ выступилъ въ своей лирикѣ пѣвцомъ родной природы: «родные луга знаю я, восклицаетъ онъ однажды, по аромату, воду родины могу опознать по вкусу, меня не обманетъ пѣніе иныхъ птицъ, по шуму я отгадаю принѣманскія деревья... вѣтеръ принѣманскій различу моими легкими». Такъ же сильно былъ привязанъ Кондратовичъ и къ вѣрѣ своихъ предковъ; въ религіозномъ чувствѣ онъ умѣлъ находить много красотъ и любилъ изображать вліяніе церковнаго обряда въ убогомъ сельскомъ костелѣ на души людей смиренныхъ и простыхъ. Влюбленный въ свой народъ, въ его прошлое и настоящее, Кондратовичъ всю жизнь носился съ идеею создать великій народный эпосъ, но, конечно, это ему оказалось не подъ силу: попытки его въ этомъ направленіи—поэма «Маргеръ», въ которой изображалась борьба литовцевъ съ тевтонами, равно какъ и неконченная поэма «Каноникъ Пржемысльскій» — совершенно неудачны. Въ той и другой только тѣ мѣста производятъ впечатлѣніе, гдѣ поэтъ, оставивъ героевъ и ихъ подвиги, обращается къ живымъ простонароднымъ типамъ; онъ настоящій пѣвецъ тѣхъ забитыхъ, бѣдныхъ и загнанныхъ, для которыхъ древняя Польша не была раемъ, но которые любили свою родину не меньше счастливцевъ и клали за нее свои головы. Съ этой любовью къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» въ душѣ Кондратовича уживалась злоба къ льстивому, спесивому магнатству; онъ дѣлается желчнымъ сатирикомъ, когда ратуетъ съ врагами освобожденія крестьянъ.

Первыя произведенія Кондратовича («Błogosłowiony Sadoch», «Trzy gwiazdki», «Dyfferencyja»), были напечатаны въ 1845 и 1846 г.г. въ «Athenaeum'ѣ» Крашевскаго и въ «Pamiętnik'ѣ» Подберецкаго. Въ 1849 г. онъ выпустилъ 1-ый томикъ переводовъ польско-латинскихъ поэтовъ. Это изученіе старой польской поэзіи привело его къ изданію въ 1851 и 1852 г.г. исторію польской литературы («Dzieje literatury polskiej», 2 t.). Въ эти же годы перевелъ онъ и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько историческихъ работъ: «Historyja rewolucyi francuskiej», 2 т. въ 1851 г., «Historyja Jana Sobieskiego» 2 т., въ 1851 г. и др. Въ 1856 году онъ пе-

ревелъ работу Кромера «Polska czyli o położeniu, obyczajach i urzędach rzeczypospolitej». Изданіе его собственныхъ произведеній началось съ выпуска въ свѣтъ въ 1853 году перваго томика «Gawęd i rymow ulotnych» (2-й т.—въ 1853 и 1862; 3-й и 4-й въ 1856; 5-й въ 1857; 6-й въ 1861 г.). Въ 1853 году напечатана была его прекрасная повѣсть: «Urodzony Jan Dęboróg», за которою вскорѣ появилась въ печати поэма «Margier», «Chatka w lesie» (1855 и 1856); за тѣмъ въ 1854 и 1856 г.г. напечатано было — «Dwie gawędy»; въ 1855—«Kęs Chleba», «Córa Piastów»; въ 1856 — «Hrabia na Wątorach», «Zgon Acerna», «Wielki Czwartek»; 1857—«Garść Pszenna», «Stare Wrota», «Janko Cmentarnik», и т.д.; въ 1862 году появилось «Poezyje ostatniej godziny». Изъ иностранныхъ поэтовъ Кондратовичъ перевелъ «Пѣсни» Беранже и «Кобзаря» Шевченка. Въ 1872 году въ Варшавѣ были изданы всѣ творенія Кондратовича въ 10-ти томахъ, причемъ въ нихъ напечатаны и нѣкоторыя сочиненія его, до того необнародованныя.

I. Kraszewski, «Władysław Syrokomla» въ «Przegląd Europejski», 1863 г.; Tyszyński, «Kondratowicz i jego poezye»—«Bibl. Warszawska», 1872 г.; Спасовичъ, «Athenaeum», 1876, № 1 и 2 («Nowe studyum nad Syrokomlą. Poezye, wydanie na rzecz wdowy, t. 10, Warszawa, 1872 г.); L. K., «Dziejie literatury w Polsce», 2 t., Wilno, 1851—1854.—Пыпинъ и Спасовичъ, «Исторія славянскихъ литературъ», изд. 2, т. II, 760—765; «Encyklopedyja powszechna», Olgebranda.

Кондратьевъ, *Василій Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1810 г., ум. 15 февраля 1873 г. въ Кіевѣ. Службу началъ фейерверкеромъ 4 класса въ 1827 г., въ 1827—1829 г.г. участвовалъ въ турецкой войнѣ и получилъ знакъ военнаго ордена; въ 1831 г. за отличіе въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ произведенъ въ прапорщики, въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерской кампаніи, во время Крымской кампаніи командовалъ батареею въ 16-й артиллерійской бригадѣ и батарея его была поставлена образцово. Въ 1857 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи Восточной Сибири и произведенъ въ полковники; въ 1865 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи Оренбургскаго округа; въ 1870 г. переведенъ помощникомъ начальника артиллеріи въ Варшаву, а въ 1872 г. уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта назначенъ начальникомъ артиллеріи Кіевскаго округа. Сослуживцы и подчиненные Кондратьева относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ за ту необыкновенную доброту, какую онъ всегда проявлялъ въ отношеніяхъ къ людямъ, отличаясь, въ то же время, величайшею скромностью, строгостью къ себѣ и къ исполненію своихъ обязанностей. Одинъ изъ знавшихъ его выразился, что если бы было слово, которымъ въ области доброты, самоотверженности и скромности можно было бы выразить такую же степень совершенства, какая въ области умственныхъ дарованій выражается словомъ геній, то это слово было бы непремѣнно прилагаемо къ Кондратьеву.

«Русскій Инвалидъ», 1873, № 41.

Кондыревъ, *Иванъ Гавриловичъ*, ум. послѣ 1632 г. Въ 1614 г. былъ посланъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Ногайскую орду къ мурзѣ Шитереку съ порученіемъ уговорить его не присоединяться къ Заруцкому. Въ слѣдующемъ году былъ отправленъ во Францію посломъ къ Людовику XIII съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича и съ просьбою о помощи противъ поляковъ и шведовъ. «Послали мы къ вамъ, брату нашему, говорилось въ царской грамотѣ, данной ему, наше государство обвѣстить, Сигизмунда короля и шведскихъ, прежняго и нынѣшняго, королей неправды объявить. А вы, братъ нашъ любительный, великій государь Людвигъ король, намъ бы, великому государю, способствовалъ, гдѣ будетъ тебѣ можно». Людовикъ XIII принялъ посла въ Бордо очень любезно, по просьбѣ его согласился въ отвѣтной грамотѣ царю написать царское именованіе сполна, но помощи не оказалъ. Тѣмъ не менѣе благодаря посольству Кондырева завязались дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею. Въ апрѣлѣ 1618 года Кондыревъ ѣздилъ въ польскій станъ къ королевичу Владиславу, стоявшему подъ Вязьмой, чтобы устроить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ, но поѣздка эта не имѣла успѣха. Въ 1622 году Кондыревъ былъ посланъ съ дьякомъ Бормосовымъ и турецкимъ посломъ Ѳомою Кантакузеномъ въ Константинополь. Много злоключеній пришлось вынести Кондыреву за эту поѣздку. Прежде всего его захватили въ плѣнъ казаки на Дону и не отпустили, пока онъ не одарилъ ихъ «царскимъ жалованьемъ». Въ Азовѣ жители, недовольные казацкими

набѣгами, схватили пословъ и требовали отъ нихъ, чтобы они усмирили казаковъ, грозя въ противномъ случаѣ выместить на нихъ свои обиды; только съ помощью всевозможныхъ обѣщаній Кондыреву удалось выбраться изъ Азова. Въ Константинополѣ онъ засталъ сильную смуту: султанъ Османъ былъ убитъ янычарами, на мѣсто его возведенъ былъ дядя его Мустафа. Янычары буйствовали, чуть не убили пословъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они за одно съ казаками, грабившими на Черномъ морѣ турецкія суда. Они отняли у пословъ массу вещей, а на всѣ жалобы Кондырева визирю тотъ отвѣчалъ только, что ему «не до пословъ». Вскорѣ былъ назначенъ новый визирь Гуссейнъ; онъ потребовалъ себѣ отъ пословъ подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ задержать ихъ на нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ. Пришлось одарить визиря и только тогда Кондырева отпустили съ отвѣтомъ, что султанъ, хотя и помирился съ литовскимъ королемъ, хочетъ быть въ мирѣ и съ московскимъ государемъ и запретитъ азовцамъ нападать на московскія украйны, если же литовцы договоръ нарушатъ или запорожцы выйдутъ въ море хотя-бы на одномъ стругѣ, султанъ немедленно начнетъ съ королемъ войну и дастъ знать государю въ Москву. Пришлось удовольствоваться такимъ уклончивымъ отвѣтомъ. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ посольства было освобожденіе изъ турецкой неволи нѣкоторыхъ русскихъ плѣнниковъ. Повидимому, Кондыревъ довольно смѣло дѣйствовалъ, привлекая съ собою на русскую службу разныхъ людей изъ Турціи: по крайней мѣрѣ въ числѣ новокрещеновъ значится много вышедшихъ изъ Турціи съ посломъ Иваномъ Кондыревымъ. На вывозъ людей изъ своихъ земель всѣ правительства смотрѣли въ то время очень неблагопріятно и, можетъ быть, такія дѣйствія и обусловили то недружелюбное отношеніе, которое Кондыревъ многократно встрѣчалъ. Возвращеніе его въ Москву было опять рядомъ приключеній. Въ Керчи городскія власти заперли Кондырева въ башню и чуть не убили, обвиняя его въ сношеніяхъ съ донскими казаками, подступившими какъ разъ въ это время къ городу на 30 стругахъ. Въ Темрюкѣ запорожцы посадили посла въ башню, чтобы выместить на немъ свое неудовольствіе за разбои донскихъ казаковъ въ степи; лишь заступничество азовскаго воеводы и турецкаго посланника спасло Кондырева отъ ногайскаго плѣна. Только въ сентябрѣ 1623 года онъ возвратился въ Москву. Въ 1627 году Кондыреву еще разъ пришлось поѣхать въ Ногайскую орду съ подарками къ мурзамъ и этимъ закончилась его посольская дѣятельность. 9 августа 1632 г. онъ былъ отправленъ воеводою съ окольничимъ княземъ Семеномъ Васильевичемъ Прозоровскимъ къ гор. Ржевѣ Владиміровой противъ польскаго королевича Владислава, но въ концѣ года заболѣлъ и умеръ.

Соловьевъ, «Ист. Росс». кн. II, 1140, 1179—1180, 1237; «Акты истор.», III. 22; «Книги разрядныя», II 378, 395, 407, 411—416; «Рус. Истор. Библ.», II и XVIII; Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», III; Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд. XVI, XVII в.в», 644.

Кондыревъ, *Петръ Сергѣевичъ*, профессоръ Казанскаго университета, род. въ 1789 г., ум. послѣ 1823 г. Учился въ Казанской гимназіи и въ 1805 г., при основаніи университета, переведенъ въ студенты. Всесильный тогда въ университетѣ Яковкинъ очень покровительствовалъ Кондыреву. Уже въ іюлѣ 1806 г. Яковкинъ докладывалъ совѣту, что Кондыревъ, подъ его руководствомъ «со всевозможнымъ прилежаніемъ и успѣхами» занимается составленіемъ «самой полной статистики Россійскаго государства». 6 февраля 1807 г. Кондыревъ былъ допущенъ въ засѣданіе совѣта и представилъ въ рукописи свое «Краткое начертаніе статистики Россійскаго государства»; Яковкинъ, которому было поручено разсмотрѣть это сочиненіе и дать о немъ отзывъ, чрезъ три дня сообщилъ совѣту, что трудъ Кондырева заслуживаетъ полнаго одобренія, и Кондыревъ 14 февраля 1807 г. былъ удостоенъ степени кандидата, первый въ Казанскомъ университетѣ. Тогда же, съ разрѣшенія попечителя, онъ былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря. Съ апрѣля 1807 г. Кондыревъ уже читалъ лекціи по всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ подъ руководствомъ Яковкина. По обычаю того времени Кондыревъ читалъ по чужимъ печатнымъ трудамъ — онъ избралъ за основаніе чтеній сочиненія Яковкина; уже одно это указываетъ, что умственный кругозоръ его и научные интересы были очень не широки. Такимъ онъ остался и во всю свою дѣятельность, отличаясь за то чрезвычайною угодливостью предъ начальствомъ вообще, въ частности предъ

Яковкинымъ, и величайшею искательностью. Эти качества и обезпечили ему карьеру.

Румовскій, тогдашній попечитель Казанскаго округа и университета, не смотря на усиленныя рекомендація Кондырева со стороны Яковкина, а, можетъ быть, даже именно благодаря имъ, составилъ себѣ о Кондыревѣ довольно невыгодное впечатлѣніе и отклонилъ печатаніе на счетъ университета его «статистики», о чемъ очень хлопоталъ Яковкинъ. Румовскій писалъ Яковкину, что молодымъ людямъ надо не стремиться только къ ученой степени, а работать и прежде всего—хорошенько овладѣть латинскимъ языкомъ, Кондыреву же, возвращая его рукопись, онъ прислалъ незадолго передъ тѣмъ вышедшій трудъ Зябловскаго «Статистическое описаніе Россійской имперіи». Однако, въ мартѣ 1809 г. по ходатайству Яковкина Румовскій предложилъ совѣту возвести Кондырева въ степень магистра. Въ 1811 г. онъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ, въ 1814 г. экстра-ординарнымъ профессоромъ, въ 1820 г.—ординарнымъ. Самостоятельныхъ трудовъ онъ не оставилъ; напечаталъ только переводъ съ нѣмецкаго: «Сарторіуса, Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи А. Смита», (Казань, 1812) и Снелля «Начальный курсъ философіи» (совмѣстно съ А. А. Лубкинымъ, Казань, 1813); по книгѣ Сарторіуса онъ неизмѣнно читалъ и свой курсъ. Кромѣ того онъ напечаталъ третьимъ изданіемъ (Казань, 1811) «Странствованія Филиппа Ефремова въ Киргизской степи» и т. д., дополнивъ со словъ автора описаніе его приключеній, уже изданное въ 1786 и 1790 годахъ. Нѣсколько разъ совершалъ Кондыревъ визитаціи училищъ въ округѣ, подвѣдомственномъ Казанскому университету; во время этихъ поѣздокъ онъ осмотрѣлъ и описалъ древности Болгаръ и Билярска. Въ совѣтѣ университета Кондыревъ всегда былъ ревностнымъ сторонникомъ Яковкина, особенно въ тѣхъ столкновеніяхъ, какія у него возникали съ болѣе выдающимися профессорами. Довольно дѣятельное участіе принималъ Кондыревъ въ Казанскомъ обществѣ любителей словесности, гдѣ произнесъ нѣсколько рѣчей и исполнялъ обязанности секретаря; участвовалъ въ комитетѣ, издававшемъ (съ 1811 г.) «Казанскія Извѣстія».

Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казанск. унив.» I, 488—503. 597 и слѣд., «Адресъ-Календари» за 1808—1823 г.г.; Шпилевскій, «Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Каз. губ.» 549—552; Геннади, «Словарь».

Кондыревъ, *Петръ Тимофеевичъ*, окольничій, ум. послѣ 1696 г. Съ 1664 по 1674 г. въ чинѣ стольника былъ воеводой въ Уфѣ; около 1677 г. былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ, въ 1678 г. пожалованъ въ окольничіе. Съ 1686 по 1690 годъ завѣдывалъ мастерскою палатою царицы Прасковьи Ѳеодоровны. 27 апрѣля 1695 г., онъ, въ числѣ бояръ, сопровождалъ Петра Великаго при торжественномъ выступленіи изъ Москвы отряда генерала Автамона Михайловича Головина.

«Дополн. къ актамъ истор.», т. IX, 93, 113, 338; «Дворцовые разряды», т. IV, «Древн. Рос. Вивл.», т. XX, 325. «Собр. Госуд. Грамотъ», IV, 408. Голиковъ I, 243; «Письма и бумаги Петра Великаго», Т. I, 594.

Кони, *Ирина Семеновна*,—по сценѣ Сандунова, актриса и писательница, род. 5 мая 1811 года въ семействѣ помѣщика Полтавской губерніи Юрьева, ум. 24 сентября 1891 г. въ Москвѣ, гдѣ воспитывалась и провела свои молодые и преклонные годы. Въ 1837 г., подъ вліяніемъ и по совѣту своего родственника, извѣстнаго писателя А. Ѳ. Вельтмана, выступила на литературное поприще, издавъ сборникъ разсказовъ о «простыхъ случаяхъ жизни» подъ названіемъ «Повѣсти дѣвицы Юрьевой»—и вслѣдъ за тѣмъ поступила на Императорскую сцену, на которой—сначала въ Москвѣ, а потомъ, съ выходомъ замужъ за Ѳедора Алексѣевича Кони, въ Петербургѣ—оставалась болѣе 15 лѣтъ, съ талантомъ и тонкимъ пониманіемъ исполняя преимущественно комическія женскія роли. Сотрудничая въ «Литературной газетѣ» Краевскаго, «Репертуарѣ и Пантеонѣ» и «Пантеонѣ» (1852—1856 г.г.) своего мужа, она помѣстила въ нихъ, подъ фамиліею Юрьевой, рядъ повѣстей («Воля и доля», «Сапожный снарядъ», «Цѣлковый», «Пуля—дура», «Цыганка», «Купеческая дочка»), посвященныхъ описанію столкновеній между свѣтскими условностями и житейскою правдою и фактовъ изъ жизни незамѣтныхъ, но глубоко-чувствующихъ людей. Къ этимъ, написаннымъ простымъ и вмѣстѣ красивымъ языкомъ и проникнутымъ теплою вѣрою въ лучшія стороны человѣка, разсказамъ Кони присоединила уже въ началѣ шестидесятыхъ

годовъ два очерка «Морская пѣна» и «Новый управитель», напечатанные въ журналѣ «Самообразованіе». Она же передѣлала въ 1850 г. съ французскаго драму «Порывъ и страсть». Покинувъ сцену, Кони продолжала служить драматическому искусству, помогая своимъ опытомъ и знаніями устройству спектаклей съ благотворительными цѣлями и сама принявъ участіе въ устроенныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ Литературнымъ фондомъ спектакляхъ, въ которыхъ играли выдающіеся писатели—Тургеневъ, Писемскій и др. Исполненіе ею ролей Кабановой въ «Грозѣ», свахи въ «Женитьбѣ» и городничихи въ «Ревизорѣ» дало ей, судя по воспоминаніямъ П. И. Вейнберга, возможность проявить выдающійся талантъ.—До конца дней своихъ сохранила она искренній интересъ ко всему и отзывчивость на всякое горе, оставивъ въ обширномъ кругу знавшихъ ее прочныя воспоминанія о живости своего ума и горячности сердца, не поддававшихся ни глубокой старости, ни недугамъ.

К. Е. Н—тъ.

Кони, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, писатель, род. въ Москвѣ 9 марта 1809 г., ум. въ Петербургѣ 25 января 1879 г. Сынъ московскаго купца, давшаго ему солидное первоначальное образованіе, онъ развился дома подъ вліяніемъ своей матери, Аграфены Никитичны, передавшей ему свою живую, энергическую натуру, и общественную школу—«воспитательно-учебное заведеніе благороднаго юношества», содержавшееся извѣстнымъ педагогомъ Леопольдомъ Чермакомъ—сталъ посѣщать лишь на 15 году. Окончивъ въ этой школѣ курсъ въ 1826 г., Кони поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, блиставшій въ то время такими замѣчательными профессорами, какъ знаменитый анатомъ Лодеръ и клиницистъ Мудровъ. Медицина, однако, мало привлекала его и онъ, наряду съ лекціями по избранному имъ факультету, посѣщалъ съ особою любовью разнообразныя чтенія на словесномъ, или, какъ онъ тогда назывался, философскомъ факультетѣ. Эти чтенія и знакомство въ подлинникѣ съ лучшими произведеніями западной драматической литературы оказали рѣшающее вліяніе на направленіе его дѣятельности и хотя онъ и получилъ званіе лекаря, но никогда практически медициною не занимался, интересуясь, однако, ея успѣхами и слѣдя за развитіемъ медицинскихъ знаній, какъ видно изъ сдѣланнаго имъ въ 1861 г. подробнаго разбора «Медицинскаго календаря». Еще на студенческой скамьѣ перевелъ онъ драму Виктора Дюканжа (автора извѣстной «Жизни игрока»), «Смерть Каласа», изданную въ 1830 г. отдѣльною книгой и данную въ 1829 г. на Московской Императорской сценѣ, причемъ главныя роли исполнялись Мочаловымъ и Рѣпиною. Успѣхъ этой пьесы, переданной по-русски прекраснымъ языкомъ и производившей сильное впечатлѣніе на зрителей, обратилъ на молодого переводчика особое вниманіе директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Его совѣты и указанія, поддержанные настояніями А. Д. Галахова, съ которымъ Ѳ. А. Кони былъ связанъ тѣсною дружбой, побудили его окончательно посвятить себя драматической литературѣ и изученію исторіи и теоріи искусства. Съ 1832 по 1837 г. были имъ изданы и шли, съ постояннымъ успѣхомъ на сценѣ, шесть передѣланныхъ имъ съ французскаго водевилей, снабженныхъ оригинальными куплетами («Женихъ по довѣренности», «Принцъ съ хохломъ и бѣльмомъ», «Карета», «Мужъ всѣхъ женъ», «Дѣвушка-гусаръ» и «Мужъ въ каминѣ»), передѣланная съ нѣмецкаго оперетка «Студентъ, хористъ и артистъ» и пять оригинальныхъ пьесъ: драма «Тереза», водевили: «Иванъ Савельевичъ», «Женишокъ-Горбунокъ» и «Титулярные совѣтники въ домашнемъ быту»—и комедія «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», имѣвшая большой успѣхъ въ Москвѣ, гдѣ главную роль въ пьесѣ играла извѣстная московская актриса Львова-Синецкая, и въ Петербургѣ. Одновременно съ занятіями для сцены Кони сталъ работать и на педагогическомъ поприщѣ, поступивъ на службу учителемъ исторіи въ 1 Московскій кадетскій корпусъ. Въ 1836 г. онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность преподавателя исторіи во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и «наставника-наблюдателя» по русской и всеобщей исторіи въ Дворянскомъ полку, учебномъ заведеніи, куда переводились кадеты изъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ. Дѣломъ преподаванія Кони занимался съ большою любовью. Изъ воспоминаній бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка видно, что ученики старшихъ классовъ цѣнили живые и блестящіе его уроки, хранили литографированныя по нимъ записки

и въ промежутки уроковъ вступали со своимъ молодымъ учителемъ въ оживленную литературную бесѣду. Результатомъ педагогическихъ занятій Кони была учебная книга, въ двухъ томахъ, на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, подъ названіемъ «Живописный міръ или взглядъ на природу, науки, искусства и человѣка», изданная въ 1839 г. въ Гельсингфорсѣ и принятая въ качествѣ руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ занятія исторіей привели Кони къ большому и серьезному сочиненію — къ «Исторіи Фридриха Великаго», вышедшей въ 1844 г. и составляющей томъ большого формата въ 742 страницы, съ прекрасными политипажами. Книга эта, написанная съ большимъ талантомъ, возбуждающая въ читателѣ неослабѣвающій интересъ къ личности и жизни Фридриха II, и основанная на изученіи многихъ иностранныхъ источниковъ и дѣлъ нашего архива генеральнаго штаба, являлась, по своему времени, выдающимся трудомъ и быстро разошлась въ количествѣ 5,000 экземпляровъ. Изданіе ея было повторено въ 1857 г.; нынѣ эта книга составляетъ библіографическую рѣдкость. «Исторія Фридриха Великаго» обратила на себя вниманіе и за границей. Іенскій университетъ, ознакомясь въ 1846 г. съ подробнымъ разборомъ этой книги и переводомъ нѣкоторыхъ ея главъ, сдѣланными библіотекаремъ прусскаго короля Шнейдеромъ, возвелъ автора въ степень доктора философіи. «За особенное удовольствіе считаю, какъ деканъ философскаго факультета Іенскаго университета,—писалъ ему профессоръ Эйхштетъ, — сообщить вамъ лестное сужденіе нашего факультета о вашемъ прекрасномъ сочиненіи, которое представляетъ многія новыя историческія воззрѣнія на эпоху и блестящее ихъ развитіе, какъ равно и вѣрныя очертанія характеровъ, и переслать вамъ дипломъ на почетное званіе доктора». Другимъ большимъ трудомъ Ѳ. А. Кони въ этой области былъ изданный въ 1849 г. сдѣланный имъ переводъ «Исторіи консульства и Имперіи» Тьера, снабженный многими примѣчаніями для русскихъ читателей, подробнымъ введеніемъ и превосходными гравюрами на стали. Знаменитый государственный человѣкъ Франціи былъ тронутъ переводомъ своего обширнаго и задушевнаго труда на русскій языкъ и благодарилъ переводчика и издателя очень теплымъ письмомъ.

Служебныя и ученыя занятія не отвлекали, однако, Кони отъ излюбленной имъ драматической дѣятельности—и съ 1837 г. по 1857 г. онъ написалъ еще рядъ водевилей и комедій («Дѣловой человѣкъ», «Петербургскія квартиры», «Всякій чортъ Иванъ Ивановичъ», «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» и др.), — драматическую хронику «Архипъ Осиповъ», съ прологомъ въ стихахъ и эпилогомъ, и перевелъ около десяти различныхъ пьесъ и между прочимъ «Клавиго» Гёте. Большая часть этихъ произведеній, искрящихся добродушнымъ юморомъ, рисующихъ комическія стороны бытовой жизни средняго слоя петербургскаго населенія и часто задѣвающихъ въ формѣ веселаго куплета такія явленія современной имъ русской жизни (раболѣпное чиновничество, взяточничество, бездушіе крѣпостныхъ отношеній), которыхъ, по цензурнымъ условіямъ, нельзя было коснуться строгимъ словомъ негодующаго осужденія, — имѣла большой успѣхъ на сценѣ, исполнялась лучшими артистами съ большою охотою, составляла одну изъ приманокъ бенефисныхъ спектаклей и долго держалась въ репертуарѣ. Отжившій нынѣ свой вѣкъ водевиль, замѣнившійся, едва ли съ пользою для сценическаго искусства, оперетkою и фарсомъ, соотвѣтствовалъ неприхотливымъ, но и болѣе здоровымъ вкусамъ театральной публики второй четверти XIX-го столѣтія. Въ немъ искали легкой комедіи нравовъ, безъ нравоучительныхъ или тягостныхъ выводовъ, искали источника искренняго смѣха и возбуждающихъ веселость, но не чувственность, сценъ и положеній. Въ ряду лучшихъ русскихъ водевилистовъ того времени—Ленскаго, Каратыгина 2-го, Григорьева, Писарева и др.—Кони занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Бѣлинскій, вообще сурово относившійся къ водевилю, отдалъ въ разборѣ «Петербургскихъ квартиръ» справедливость остроумію Кони и жизненности выводимыхъ имъ типовъ. Необходимою принадлежностью водевиля были куплеты и потому въ пьесахъ Кони они встрѣчаются во множествѣ. Но кромѣ этого легкаго и незамысловатаго рода произведеній, онъ написалъ довольно много стихотвореній, въ которыхъ искреннее чувство и яркость образовъ

облечены нерѣдко въ красивую форму. Нѣкоторыя его вещи долгое время пользовались большою извѣстностью на Руси и, будучи положены на музыку, распѣвались въ отдаленнѣйшихъ ея уголкахъ. Таковы его «Романсъ» («Рано, цвѣтикъ, рано ты въ полѣ распустился»...) и въ особенности «Баркаролла» («Гондольеръ молодой, взоръ мой полонъ огня»...). Изъ разбросанныхъ въ различныхъ изданіяхъ, стихотвореній его надо отмѣтить: «Сеньоръ и плебеянка», сцены изъ итальянской жизни XVI столѣтія, «Вѣщіе сны», большую балладу въ народномъ стилѣ; «Я умеръ», «Вышитый цвѣтокъ» и безспорно лучшій переводъ «Альпухары» Мицкевича. Юморъ Кони не всегда, впрочемъ, былъ безобиденъ и, выражаясь въ колкихъ и попадавшихъ въ цѣль эпиграммахъ, иногда, по справедливому замѣчанію В. Р. Зотова, доходилъ до высокой сатиры. Таковы его блестящій ямбъ «Не жди, чтобы цвѣла страна...» и «Біографія благороднаго человѣка», долгое время не могшая появиться въ печати. По указаніямъ Я. К. Грота, съ которымъ Кони близко сошелся во время печатанія «Живописнаго міра», Кони написалъ нѣсколько балладъ на народныя скандинавскія темы и перевелъ балладу Эленшлегера «Агнета», а также рядъ старинныхъ шведскихъ народныхъ пѣсенъ («Чудная арфа», «Сила скорби» и т. д.). Ему же принадлежатъ многочисленные переводы изъ Гейне и весьма удачный, по тонкой передачѣ духа подлинника, переводъ «Le roi d'Ivetot» Беранже.

Главнѣйшимъ призваніемъ Кони была, однако, журналистика. Ей посвятилъ онъ почти всѣ свои силы, упорно уклоняясь отъ заманчивыхъ предложеній поступить на службу: онъ вышелъ въ отставку изъ Дворянскаго полка въ 1848 г. и лишь въ послѣдніе годы жизни принялъ на себя служебную работу въ комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи,—да и то въ качествѣ частнаго лица,—высоко ставя званіе и тернистый путь русскаго литератора и тщательно оберегая свою личную свободу и независимость своихъ мнѣній. Цензурныя и общественныя условія конца сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ дѣлали положеніе русскаго журналиста крайне тяжелымъ, заставляя его тратить—и очень часто совершенно безплодно—массу силъ для устраненія неожиданныхъ и нерѣдко трудно-объяснимыхъ препятствій. Заслуга въ отношеніи русскаго общественнаго просвѣщенія тѣхъ, кто въ эти годы, гнушаясь грязными пріемами и закулисными сношеніями Булгарина и не прибѣгая къ двусмысленному глумленію Сенковскаго, стоялъ на своемъ редакторскомъ посту среди упорнаго труда и ежедневныхъ огорченій, несомнѣнна. Она можетъ, по всей справедливости, быть признана и за Кони, во всей журнальной, редакторской и издательской дѣятельности котораго настойчиво проведено стремленіе развивать въ читателяхъ уваженіе къ духовнымъ пріобрѣтеніямъ человѣчества, любовь къ искусству въ его разнородныхъ проявленіяхъ и интересъ къ его исторіи и мѣсту среди движущихъ силъ общественнаго развитія. Начавъ свои очерки изъ области сценическаго искусства на страницахъ «Сѣверной Пчелы», Кони вскорѣ рѣзко разошелся со взглядами и пріемами Булгарина, изображеннаго имъ впослѣдствіи въ лицѣ журналиста Задарина, въ «Петербургскихъ квартирахъ», и, работая въ «Литературной Газетѣ», съ 1840 г. сдѣлался издателемъ художественно-литературнаго журнала «Пантеонъ», а въ 1841 г. сверхъ того преемникомъ Краевскаго по редакторству «Литературной Газеты», которою завѣдывалъ до конца 1843 года. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ Кони помѣстилъ рядъ очерковъ по исторіи искусства и въ особенности театра и его видныхъ представителей («Физіологія театра», «Придворный театръ Наполеона въ Москвѣ», «Воспоминанія о театрѣ Медокса», «Датскій поэтъ Адамъ Эленшлегеръ», характеристика Евгенія Скриба, біографія Рашели и др.). Въ 1843 г. «Пантеонъ» и «Репертуаръ русской сцены», издаваемый Песоцкимъ, слились въ одно изданіе подъ названіемъ «Репертуаръ и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», въ которомъ Кони принималъ дѣятельное участіе, давъ цѣлый рядъ статей и біографій, стремившихся возсоздать въ живыхъ очеркахъ, по нетронутымъ до него источникамъ и матеріаламъ, прошлое нашего сценическаго искусства и оцѣнить значеніе его дѣятелей. Такъ, между прочимъ, имъ напечатаны: «Начала оперы, драмы и балета въ Россіи», «Театральныя мечтанія» и «Галлерея русскихъ художниковъ», представляющая біографіи Дмитревскаго, Плавильщикова, Рязанцева, Кокошкина,

Рубини, Дюра и характеристики личности и творчества пѣвца Лаврова, Мочалова, Василія Каратыгина, Верстовскаго. Рядомъ съ этимъ шли статьи о Гофманѣ и первомъ представленіи Моцартовскаго «Донъ-Жуана», объ Ал. Дюма-отцѣ, о Розѣ Шери, о пѣвцѣ Маріо, очерки по исторіи баловъ и маскарадовъ и т. д. «Галлерея русскихъ художниковъ» содержала много теоретическихъ положеній и практическихъ замѣчаній объ условіяхъ сценическаго исполненія, о необходимыхъ требованіяхъ, обращаемыхъ къ артисту, и о различныхъ школахъ игры у насъ и на западѣ. Эти замѣчанія не утратили своего значенія и до сихъ поръ, а вдумчивое отношеніе Кони къ исторіи развитія сценическаго искусства, заставившее его возобновить въ памяти читателей образы забытыхъ или забываемыхъ служителей этого искусства, сохранило для этой исторіи много интересныхъ бытовыхъ картинъ и личныхъ воспоминаній. Съ 1852 г. Кони принялъ на себя изданіе и исключительное редакторство журнала, подъ первоначальнымъ названіемъ «Пантеонъ», преобразованнаго имъ по типу большихъ литературныхъ журналовъ, съ преобладающимъ отдѣломъ исторіи и теоріи искусствъ и съ рядомъ ежемѣсячныхъ художественныхъ приложеній — портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюръ, картинокъ модъ и музыкальныхъ пьесъ. Обычный составъ книжекъ новаго журнала, весьма изящнаго по внѣшнему виду, представлялъ отдѣлы: изящной словесности, искусства, мемуаровъ, театральной лѣтописи (русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, французскій и нѣмецкій театры), обозрѣнія иностранныхъ театровъ, хроники общественной жизни, литературнаго обозрѣнія и смѣси (замѣчательныя открытія въ наукахъ и промышленности, музыкальныя и театральныя новости, мелкіе разсказы и т. п.). Въ приложеніи къ каждой книжкѣ давалось оригинальное русское драматическое произведеніе. Эта программа съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнилась въ томъ смыслѣ, что отдѣлъ изящной словесности въ 1855 и въ особенности 1856 гг. получилъ перевѣсъ надъ прочими и кромѣ того въ журналѣ появилось много статей этнографическаго характера. Обновленный «Пантеонъ» велся Кони по строго выдержанной системѣ и очень умѣло, представляя на ряду съ серьезными литературными произведеніями самый подробный и разносторонній отчетъ о томъ, что дѣлается во всѣхъ отрасляхъ искусства. Самъ редакторъ продолжалъ на его страницахъ свои изслѣдованія по исторіи театра и велъ тщательную критическую лѣтопись всему, дававшемуся на петербургскихъ сценахъ. Проповѣдуя принципы московской сценической школы, названной имъ школою «духовнаго проявленія» въ противоположность направленію «пластическаго проявленія», привитаго петербургской сценѣ Каратыгинымъ, онъ предъявлялъ къ артистамъ серьезныя требованія и ратовалъ противъ искусственно приподнятаго тона и вычурности въ игрѣ, которыми восхищалась избранная публика Александринскаго театра. Кони предпринялъ также на страницахъ «Пантеона» остроумный и настойчивый походъ противъ псевдо-патріотическихъ и ходульныхъ драмъ Кукольника, встрѣчавшихъ шумное покровительство со стороны Булгарина и Сенковскаго и представлявшихъ, по словамъ Кони, «угодничество передъ публикою и притомъ не передъ разумнымъ ея меньшинствомъ, а передъ оглушаемымъ трескучими фразами большинствомъ». Кони умѣлъ привлечь къ участію въ журналѣ многія литературныя силы и дать въ немъ мѣсто первымъ талантливымъ опытамъ писателей, занявшихъ впослѣдствіи выдающееся положеніе. Въ «Пантеонѣ» дебютировала повѣстью «Чайка» Кохановская и стихотвореніями Хвощинская (Заіончковская), извѣстная впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Крестовскаго; въ немъ помѣщалъ свои воспоминанія и драматическія произведенія Лажечниковъ и сотрудничали: Григоровичъ, Полонскій, Щербина, гр. Ростопчина, М. И. Михайловъ, Мей, Бенедиктовъ, Кроль, Грековъ, Толбинъ (авторъ талантливыхъ очерковъ изъ жизни бѣднаго петербургскаго люда), кн. Кугушевъ, Аоанасьевъ-Чужбинскій и др. Разнообразію переводнаго и оригинальнаго отдѣла изящной словесности въ «Пантеонѣ» соотвѣтствовало богатство содержанія отдѣла искусствъ, въ которомъ, независимо отъ перевода изслѣдованій и статей Гизо (о Шекспирѣ), Вильмена, Жюль-Жанена, Мазада, Чарльза Ламба (о Шекспирѣ) и др., помѣщенъ былъ рядъ интереснѣйшихъ статей Сѣрова о музыкѣ и ея главнѣйшихъ представителяхъ, вмѣстѣ съ пись-

мами его къ Улыбышеву о Моцартѣ и Бетховенѣ,—и этюды о выдающихся русскихъ художникахъ Ѳедотовѣ, Егоровѣ и др. Съ первыхъ мѣсяцевъ своего появленія «Пантеонъ» началъ пользоваться большимъ успѣхомъ и его книжки стали проникать въ глухіе уголки Россіи, занося туда, вмѣстѣ съ занимательнымъ матерьяломъ для чтенія, здравые взгляды на искусство и интересъ къ нему. Обширныя и талантливыя статьи по русской этнографіи Шпилевскаго, и о географическихъ и геологическихъ изслѣдованіяхъ и астрономическихъ открытіяхъ Новосильскаго придавали ему и нѣкоторый научный оттѣнокъ. Эта сторона журнала послужила поводомъ къ избранію редактора его въ члены Географическаго Общества. Крымская война, привлекшая горячее вниманіе общества къ театру военныхъ дѣйствій, имѣла роковое значеніе для журнала. Какъ «художественно-литературному» изданію ему не было предоставлено перепечатывать изъ «Русскаго Инвалида»—тогдашняго единственнаго въ этомъ отношеніи источника—извѣстій о ходѣ войны и это въ значительной степени охладило вниманіе къ нему публики. Журналъ боролся сколько могъ, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, но средства на изданіе истощились, а новыя вѣянія въ литературѣ, захватывавшія коренные вопросы русскаго общественнаго устройства, отодвигали на задній планъ вопросы искусства—и къ 1857 году «Пантеонъ» прекратился. Кони не оставлялъ, однако, литературныхъ занятій до конца, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Энциклопедическаго Словаря, задуманнаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по очень широкой программѣ, кружкомъ русскихъ писателей, и продолжалъ писать о театрѣ. Такъ, въ 1864 г. въ журналѣ «Русская Сцена» былъ помѣщенъ рядъ выдающихся его статей подъ заглавіемъ «Русскій театръ, его судьба и его историки». Его драматическія произведенія были изданы въ 1871 г. въ 4-хъ томахъ. Этотъ «Театръ Ѳ. А. Кони» заключаетъ въ себѣ 34 пьесы, изъ которыхъ 15 оригинальныхъ. Кромѣ того сохранилась не напечатанная комедія въ стихахъ «Не мужъ, а золото», написанная въ 1861 году.—Разносторонне образованный человѣкъ, говорившій свободно на пяти иностранныхъ языкахъ, Кони по складу своихъ мыслей примыкалъ къ такъ называемымъ людямъ сороковыхъ годовъ, со многими изъ которыхъ онъ завязалъ дружескія связи еще на школьной скамьѣ. Онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ великія начинанія Александра II, къ которому обратилъ, послѣ 4 апрѣля 1866 г., глубоко прочувствованные стихи. Въ личной жизни это былъ привѣтливый, отзывчивый и добрый человѣкъ, идеалистъ и романтикъ, испытавшій, благодаря этому, не мало горькихъ минутъ, но до гроба сохранившій довѣріе къ людямъ и, какъ свидѣтельствуетъ Гербель, горячую вѣру въ великое будущее русскаго народа. Послѣ него осталась обширная переписка съ выдающимися писателями и учеными 30-хъ и 40-хъ годовъ, содержащая въ себѣ интересныя данныя для исторіи цензуры и журнальнаго дѣла за это время.

«Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Гербеля; «Новое Время» 1879 г. 26 января, № 1046: «Эпоха великихъ реформъ» Джаншіева; «Театръ Ѳ. А. Кони», С.-Петербургъ, 1870—1871, 4 томъ; неизданныя бумаги Ѳ. А. Кони.

Кентъ.

Коновницынъ, графъ *Петръ Петровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, род. 28 сентября 1764 г., ум. 28 августа 1822 г. Происходилъ изъ дворянъ; отецъ его былъ петербургскимъ губернаторомъ и сынъ, по обычаю того времени, былъ записанъ въ Инженерный и артиллерійскій корпусъ кадетомъ еще шести лѣтъ, но учился дома; съ 10-ти лѣтъ онъ считался уже фурьеромъ л.-гв. Семеновскаго полка, а 1 января 1785 г. получилъ чинъ прапорщика гвардіи и началъ дѣйствительную службу. Въ 1788—1790 г. онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи, затѣмъ, по неотступнымъ настояніямъ своимъ, отпущенъ былъ отцомъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Потемкинъ, пріятель Коновницына-отца, принялъ молодого человѣка подъ свое покровительство; 22 іюня 1791 г. П. П. Коновницынъ былъ переведенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора, черезъ два мѣсяца произведенъ въ подполковники и назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ кн. Потемкину. Въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ Коновницыну не пришлось участвовать—ихъ уже почти не было, а шли переговоры о мирѣ. Однако, пребываніе при главной квартирѣ было для Коновницына очень

полезно—онъ видѣлъ тамъ близко много замѣчательныхъ военныхъ дѣятелей и съ нѣкоторыми изъ нихъ сблизился; особенно цѣнилъ онъ вниманіе, которое ему началъ оказывать уже съ этого времени М. И. Кутузовъ. По заключеніи мира въ Яссахъ Коновницынъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго полка и съ нимъ дѣйствовалъ противъ польскихъ конфедератовъ; за отличіе при Барѣ, гдѣ онъ взялъ въ плѣнъ Ланцкоронскій полкъ, Коновницынъ былъ произведенъ въ полковники, а за храбрость, оказанную въ сраженіяхъ подъ Хельмомъ и Слонимомъ, получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; эта награда доставила ему такое удовольствіе, что онъ считалъ себя, по его собственнымъ словамъ, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

17 сентября 1797 г. Коновницынъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ шефомъ Кіевскаго гренадерскаго полка, а въ 1798—шефомъ Углицкаго полка, съ переименованіемъ его Мушкатерскимъ Коновницына полкомъ; въ томъ же году, 2 ноября, вмѣстѣ со многими другими генералами, отставленъ отъ службы.

Восемь лѣтъ послѣ этого Коновницынъ провелъ въ небольшомъ имѣніи своемъ Кіяровѣ, глуховскаго уѣзда. Въ деревнѣ онъ много читалъ, переводилъ, дѣлалъ выписки, излагалъ на бумагу свои мысли по разнымъ вопросамъ. Это было довольно обычнымъ въ то время занятіемъ людей, съ болѣе или менѣе живыми и сильными умственными интересами, такъ какъ внѣ государственной службы почти не было возможности удовлетворить какъ либо иначе свою жажду дѣятельности. Коновницынъ, однако, вовсе не былъ склоненъ довольствоваться такою дѣятельностью постоянно; онъ ждалъ только случая вернуться къ горячо любимому имъ военному дѣлу. Такой случай представился, когда 30 ноября 1806 г. императоръ Александръ издалъ манифестъ о составленіи временнаго Земскаго Войска. Коновницынъ немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ. Петербургское дворянство вручило ему начальство надъ земскимъ войскомъ губерніи; Коновницынъ быстро организовалъ его и отправилъ четыре батальона, отлично дѣйствовавшихъ въ ряду арміи; императоръ Александръ наградилъ Коновницына орденомъ св. Анны I ст. при милостивомъ рескриптѣ, а когда милиція была распущена—пожаловалъ ему 3.000 дес. земли и выразилъ желаніе, чтобы Коновницынъ снова поступилъ на дѣйствительную службу. 25 ноября 1807 г. Коновницынъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества. Государь оказывалъ ему большое вниманіе и часто совѣтовался съ нимъ во время приготовленій къ войнѣ со Швеціей; 20 января 1808 г. Коновницынъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ арміи, начинавшей, подъ начальствомъ гр. Буксгевдена, военныя дѣйствія въ Финляндіи. Коновницынъ образцово организовалъ продовольственную и квартирмейстерскую часть арміи, которая, благодаря его попеченіямъ, была избавлена отъ многихъ трудностей и лишеній; кромѣ того Коновницынъ принималъ очень дѣятельное участіе въ распоряженіяхъ артиллеріею; нерѣдко онъ самъ устанавливалъ баттареи и лично наблюдалъ за ихъ огнемъ. За покореніе Свеаборга, 6 марта, онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и драгоцѣнную табакерку съ портретомъ Государя; въ началѣ іюля Коновницынъ быстрымъ движеніемъ къ Або и энергическою атакою въ рѣшительную минуту весьма содѣйствовалъ отраженію шведскаго десанта подъ начальствомъ ген. Фегезака; 22 іюня Коновницынъ отразилъ попытку шведовъ высадиться у м. Рунсало, причемъ ему привелось руководить не только дѣйствіями артиллеріи и сухопутныхъ войскъ, но и дѣйствіями гребной флотиліи: съ нею Коновницынъ преслѣдовалъ отступившаго вечеромъ непріятеля и, такимъ образомъ, одержалъ своего рода морскую побѣду, о чемъ любилъ вспоминать до конца жизни. За отраженіе непріятеля, сдѣлавшаго было высадку у Кимито, Коновницынъ получилъ орденъ св. Георгія 3 ст.; къ концу войны онъ былъ назначенъ командиромъ третьей пѣхотной дивизіи. Своимъ дѣйствіямъ въ шведскую войну Коновницынъ велъ подробный журналъ, къ сожалѣнію, потомъ утраченный. Въ 1810—1811 г.,—время дѣйствія континентальной системы, — Коновницынъ охранялъ со своею дивизіею берега Балтійскаго моря отъ Палангена до Гапсаля. Коновницынъ довелъ состояніе своей части до высокой степени совершенства. Въ началѣ 1812 г., когда готовились уже къ борьбѣ съ Наполеономъ и Александръ I обозрѣвалъ войска, онъ, въ приказѣ 20 мая, объявилъ Коновницыну особое благоволеніе, пожаловалъ ему та-

бакерку, дивизію его поставилъ въ примѣръ всѣмъ другимъ и каждому рядовому этой дивизіи пожаловалъ по 3 р. — это былъ первый примѣръ подобной награды.

14 іюля 1812 г. Коновницынъ встрѣтилъ французовъ при деревнѣ Какувачинѣ, въ 8-ми верстахъ за Островно. Цѣлый день держался онъ, сначала противъ Мюрата и Богарне, а потомъ противъ самого Наполеона и отступилъ, не оставивъ въ рукахъ непріятеля никакихъ трофеевъ. 5-го августа Коновницынъ со своею дивизіею выдерживалъ жестокій натискъ французовъ въ Смоленскѣ, защищая Малаховскія ворота; появляясь лично въ самомъ сильномъ огнѣ, Коновницынъ получилъ легкую рану въ руку, но до вечера не далъ даже сдѣлать себѣ перевязки и изъ Смоленска вышелъ, можно сказать, послѣднимъ. 6-го августа Коновницынъ сражался въ битвѣ при Лубинѣ, гдѣ отчаянная храбрость войскъ и твердость П. А. Тучкова обезпечили двумъ русскимъ арміямъ возможность соединиться. Отступая, Тучковъ Коновницыну поручилъ свой арріергардъ, а 16-го августа Коновницынъ былъ назначенъ вообще начальникомъ арріергарда. Кутузовъ утвердилъ это назначеніе и выразилъ Коновницыну свое особенное довѣріе. И Коновницынъ это довѣріе вполнѣ оправдалъ. Съ 17 по 23 августа у него шелъ, можно сказать, почти непрерывный бой съ авангардомъ французовъ, предводимымъ Мюратомъ; Коновницынъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность. Днемъ онъ руководилъ военными дѣйствіями и не оставилъ врагу ни одной пушки, ни одной повозки, а когда наступленіе ночи прекращало битву—онъ распоряжался охраною мѣстныхъ жителей, стараясь доставить всѣмъ возможность удалиться подъ прикрытіемъ русской арміи. Иногда повозки бѣгущихъ или кресты и хоругви, уносимые изъ церквей, двигались среди полковъ Коновницына; при этомъ, конечно, необходимо было соблюдать порядокъ и возможность свободнаго движенія войскъ на случай отраженія новой атаки непріятеля — и Коновницынъ вполнѣ успѣвалъ этого достигать. Съ необычайною сердечностью относясь къ жителямъ, искавшимъ у него защиты, Коновницынъ, пожалуй, еще сердечнѣе относился къ солдатамъ, видя со стороны ихъ заботливость о мирныхъ жителяхъ и этимъ еще болѣе побуждалъ солдатъ дѣйствовать въ такомъ же духѣ.

Въ Бородинской битвѣ Коновницынъ былъ тамъ, гдѣ шла самая отчаянная борьба— около Багратіона. Смертельно раненый, Багратіонъ ему сдалъ командованіе второю арміею и Коновницынъ отвелъ ее за Семеновскій оврагъ послѣ той ужасной атаки, которую направилъ на нее самъ Наполеонъ и во время которой убитъ былъ Багратіонъ; здѣсь Коновницынъ собралъ разстроенныя части; затѣмъ прибылъ Дохтуровъ, котораго послалъ на мѣсто Багратіона Кутузовъ и ему было передано начальство. Коновницынъ бился въ рядахъ солдатъ и получилъ двѣ контузіи, одну довольно сильную. На другой день послѣ битвы Кутузовъ назначилъ Коновницына командиромъ 2-го корпуса на мѣсто смертельно раненаго Н. А. Тучкова. На совѣтѣ въ Филяхъ Коновницынъ подавалъ мнѣніе за битву предъ Москвою. 6 сентября Кутузовъ назначилъ его дежурнымъ генераломъ. Коновницынъ обнаружилъ на этомъ мѣстѣ не только обычную ему распорядительность, но и необычайную неутомимость: онъ спалъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки, и то когда и гдѣ придется. 5 октября Коновницынъ заболѣлъ жестокою лихорадкою. Кутузовъ, обо всемъ совѣтовавшійся съ нимъ, сообщилъ ему и о своемъ рѣшеніи атаковать на другой день французовъ при Тарутинѣ, но взялъ слово, что Коновницынъ останется дома; однако, Коновницынъ своего слова не сдержалъ и, совершенно больной, поѣхалъ верхомъ съ колонною гр. Орлова-Денисова, обходившею Мюрата; мало того, онъ лично бросился въ атаку и едва не былъ зарубленъ въ сѣчѣ. Затѣмъ Коновницынъ водилъ войска въ атаку подъ Малоярославцемъ; въ рѣшительную минуту боя Кутузовъ сказалъ ему: «Петръ Петровичъ! Ты знаешь, какъ я берегу тебя и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь; но теперь прошу тебя очистить городъ!»—и городъ былъ взятъ русскими. Подъ Вязьмой Коновницынъ также лично участвовалъ въ сраженіи; долго онъ упрашивалъ Кутузова — разрѣшить ему ѣхать къ сражающимся, долго Кутузовъ отказывалъ, но наконецъ сказалъ: «Отвяжись ты отъ меня и ступай, куда хочешь!»; точно также послѣ долгихъ отказовъ Кутузова Коновницынъ выпросилъ все-таки у него позволеніе и участвовалъ въ сраженіи подъ Краснымъ; въ обѣихъ этихъ битвахъ онъ давалъ приказанія именемъ фельдмаршала.

За дѣйствія свои со времени вторженія непріятеля въ русскіе предѣлы Коновницынъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», ордена св. Владиміра 2-й ст., св. Александра Невскаго, св. Георгія 2-й ст., и званіе генералъ-адъютанта. Изъ Вильны Коновницынъ уѣхалъ въ кратковременный отпускъ въ Петербургъ, а въ началѣ января 1813 г. снова былъ уже при арміи и получилъ командованіе гренадерскимъ корпусомъ. Во главѣ его онъ участвовалъ въ Люценскомъ сраженіи, но въ самомъ началѣ битвы долженъ былъ оставить поле сраженія, получивъ рану въ ногу пулею на вылетъ. На излеченіе раны Императоръ Александръ пожаловалъ ему 25.000 р.; Коновницынъ лечился въ Ландекѣ и Баденѣ и къ сентябрю мѣсяцу снова былъ при главной квартирѣ. Во время Лейпцигской битвы онъ все время находился при Императорѣ Александрѣ, нѣсколько разъ былъ посылаемъ имъ для передачи распоряженій, и награжденъ за это сраженіе орденомъ св. Владиміра 1 ст. Въ 1814 г. Коновницынъ встрѣтилъ и затѣмъ сопровождалъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича во время ихъ пребыванія въ 1814—1815 г. при заграничной русской арміи. Онъ получилъ многочисленныя награды также отъ союзныхъ монарховъ, именно: австрійскій орденъ св. Леопольда, прусскій Краснаго Орла, баварскій—св. Максимиліана, наконецъ французскій св. Людовика.

12 декабря 1815 г. Коновницынъ былъ назначенъ военнымъ министромъ и вскорѣ получилъ бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго; 12 декабря 1817 г. произведенъ въ чинъ генерала отъ инфантеріи. 25 ноября 1819 г. онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Пажескаго и другихъ военныхъ корпусовъ, Царскосельскаго лицея и пансіона, съ назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта по департаменту дѣлъ военныхъ, а 12 декабря 1819 г. — возведенъ въ графское достоинство.

Коновницынъ съ большою любовью занялся малолѣтними своими питомцами и пользовался съ ихъ стороны безграничною любовью и довѣренностью. Съ вступленіемъ его въ завѣдываніе военноучебными заведеніями для нихъ вернулись времена Мелиссино и Ангальта. Въ этой должности Коновницынъ и скончался на дачѣ подъ Петергофомъ, 28 августа 1822 года; онъ погребенъ въ своемъ селѣ Кіяровѣ.

Коновницынъ принадлежитъ къ числу выдающихся боевыхъ генераловъ. Онъ любилъ солдатъ, умѣлъ съ ними обращаться, былъ любимъ ими до чрезвычайности и подъ его начальствомъ, даже въ его присутствіи, они способны были совершать чудеса храбрости. Самъ Коновницынъ отличался рѣдкою неустрашимостью; съ длинною трубкою въ рукахъ онъ спокойно оставался подъ огнемъ непріятеля, находившагося даже на очень близкомъ разстояніи. Обыкновенно одѣтый просто, даже часто не вполнѣ по формѣ, въ Бородинскую битву онъ явился въ блестящемъ парадномъ генеральскомъ мундирѣ и въ немъ былъ прямо въ рукопашныхъ схваткахъ. Въ полномъ смыслѣ слова неустрашимый на полѣ битвы, человѣкъ, о подвигахъ котораго ходили анекдоты и въ русскихъ и въ чужихъ арміяхъ, Коновницынъ отличался чрезвычайно добрымъ сердцемъ и твердо хранилъ завѣтъ Суворова—щадить безоружнаго врага и никогда не угнетать беззащитнаго жителя; напротивъ, интересы и благосостояніе мирныхъ жителей Коновницынъ всюду особенно охранялъ. Одинъ изъ современниковъ и участниковъ въ Отечественной войнѣ, говоритъ о немъ слѣдующими словами: «съ удовольствіемъ останавливаюсь надъ героическою памятью сего достойнаго мужа. Только въ Отечественной войнѣ возвышаются явленія, подобныя ему. Не столько, полагаю, отличали его воинскія дарованія, сколько величіе самоотверженія, всегда присутственнаго, равнаго величію самой борьбы за честь и цѣлость Отечества и кротостію нрава истинно умилительною украшеннаго».

«Военная галлерея Зимняго дворца», I; «Энциклоп. воен. и морск. наукъ», Леера; «Записки гр. Н. Х. Граббе», въ «Русс. Архивѣ», 1873 и 1875 гг.

Кононовъ, *Алексѣй Кононовичъ*, академикъ Академіи Наукъ, род. въ 1766 г., ум. 5 октября 1795 г. Сынъ унтеръ-мастера шпалерной фабрики, принятъ въ гимназію при Академіи Наукъ по распоряженію вице-директора Академіи Ржевскаго, въ 1773 г. Въ первые же два года ученія обнаружилъ онъ такія способности и сдѣлалъ такіе успѣхи, что назначенъ «учиться со взрослыми гимназистами»; въ 1784 г. онъ былъ уже въ числѣ студен-

товъ и переводами, въ которыхъ студенты упражнялись по распоряженію Домашнева, зарекомендовалъ себя такъ хорошо, что по рѣшенію академическаго совѣта ему выдана была серебряная медаль, одна изъ тѣхъ, которыя были выбиты по случаю юбилея Академіи Наукъ; въ 1785 г., по предложенію княгини Дашковой, былъ посланъ заграницу, въ Геттингенскій университетъ; онъ слушалъ лекціи Кестнера, Гмелина, Лихтенберга, Миллера и др.; всѣ они отзывались съ большою похвалою о его способностяхъ и трудолюбіи. По возвращеніи изъ заграницы, въ мартѣ 1789 г., Кононовъ, вмѣстѣ съ другими молодыми учеными, тоже бывшими заграницей, подвергнутъ былъ особымъ испытаніямъ; экзаменовали его академики Румовскій, Крафтъ, Шубертъ, Георги и Фуссъ, которые всѣ единогласно дали наилучшій отзывъ о молодомъ ученомъ, и 18 іюня 1789 г. Кононовъ былъ единогласно избранъ адъюнктомъ академіи по физико-математическимъ наукамъ. Въ 1789—1791 годахъ онъ представилъ въ Академію пять мемуаровъ математическаго содержанія; одинъ изъ нихъ—De motu coni duplicis in altum sponte ascendentis—напечатанъ въ VII т. серіи: «Nova acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae»; Кононову принадлежитъ также переводъ съ французскаго книги Бособра «Опытъ о благополучіи или разсужденіе о благѣ и злѣ человѣческой жизни» (1791 г.). Въ 1795 г. по предложенію Бакунина, временно управлявшаго Академіей, Кононовъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго академика. При учрежденіи Россійской Академіи княгиня Дашкова предложила избрать въ это новое ученое общество восемь молодыхъ людей, оказавшихъ успѣхи въ русскомъ языкѣ; со званіемъ «пріобщниковъ» Академіи они должны были участвовать въ составленіи словаря; собраніе академиковъ одобрило это предложеніе и выборъ этихъ лицъ предоставленъ былъ кн. Дашковой; 30 октября 1792 г. она избрала въ числѣ другихъ Кононова. Но въ новомъ званіи ему пришлось проработать всего два года съ небольшимъ; онъ скончался, не достигши еще тридцати лѣтъ.

Сухомлиновъ, «Ист. россійск. академіи», III, 265—286.

Кононъ (въ мірѣ Кузьма Трофимовичъ *Дураковъ*), старообрядческій новозыбковскій епископъ, род. въ 1797 г., ум. 21 января 1884 г. Сынъ донского казака, полкового писаря, родился въ станицѣ Есауловой въ землѣ Войска Донского, въ раскольничьей семьѣ. Въ молодыхъ годахъ уже уходилъ изъ родительскаго дома, желая постричься, но былъ возвращенъ и по настоянію родителей женился. Въ 1845 г. онъ уговорилъ жену разойтись и принялъ постриженіе, въ с. Лужкахъ, отъ старца Тихона. Съ 1850 г. началъ странствовать и 20 октября 1855 г. въ Бѣлой Криницѣ былъ рукоположенъ митрополитомъ Кирилломъ въ санъ епископа на черниговскую епархію. Кононъ продолжалъ свои странствованія между Москвою и Бѣлою Криницею и многихъ старообрядцевъ посвятилъ въ священники; такъ какъ въ то время это строго преслѣдовалось, то уже въ началѣ 1858 г. Кононъ былъ въ Москвѣ схваченъ, но, за недостаткомъ уликъ, выпущенъ на свободу; однако, 16 октября того же года снова былъ арестованъ въ м. Паволочкѣ и, по Высочайшему повелѣнію отъ 30 января 1859 г., заключенъ 7 апрѣля того же года въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ и провелъ 22 года. Впрочемъ, заключеніе его не было строго; въ 1870 г. онъ провелъ, съ особаго разрѣшенія, цѣлую зиму въ Москвѣ, занимаясь въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрческаго монастыря. Въ 1881 г. по Высочайшему повелѣнію освобожденъ отъ заточенія въ монастырѣ, съ обязательствомъ, однако, жить безвыѣздно во Владимірѣ. 21 января 1884 г. Кононъ умеръ; погребенъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ. Кононъ придерживался мнѣній такъ называемыхъ противуокружниковъ; въ молодости онъ составилъ толкованіе на 12-ю главу III книги Ездры. Извѣстный историкъ и изслѣдователь раскола, профессоръ Субботинъ, велъ съ Кононом переписку по догматическимъ вопросамъ и послѣ смерти Конона напечаталъ ее въ «Братскомъ Словѣ».

«Братское Слово», 1883, №№ 4, 9, 10; 1884, № 3.

Коноплевъ, *Николай Гавриловичъ*, ум. послѣ 1855 г. Происходилъ изъ купеческаго званія; въ 1825 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1828 г. отправленъ въ Петербургъ для изученія восточныхъ языковъ, въ 1832 г. окончилъ здѣсь свои занятія и съ 1834 г. началъ въ Московскомъ университетѣ занятія со студентами по арабскому языку; помѣстилъ

нѣсколько статей въ «Ученыхъ запискахъ» университета въ 1834—1835 г.

«Біогр. словарь профессоровъ и преподав. Московск. унив.», I.

Константиновскій, *Матвѣй Александровичъ*, протоіерей ржевскаго Успенскаго собора, сынъ уѣзднаго діакона, род. 6 ноября 1791 г., ум. 13 апрѣля 1857 г. Учился въ тверской семинаріи; 10 февраля 1814 г. рукоположенъ былъ въ діакона, 30 октября 1820 г. во священника. Во время служенія своего въ Ржевѣ онъ велъ энергичную борьбу противъ раскола, но дѣйствовалъ весьма благоразумно и примирительно: онъ ежедневно ходилъ по домамъ раскольниковъ, бесѣдовалъ, увѣщевалъ и обличалъ ихъ; раскольники сначала встрѣчали его недружелюбно, но мало по малу стали уступать и присоединяться къ православію; вскорѣ два молитвенныхъ дома ржевскихъ раскольниковъ были обращены въ единовѣрческія церкви. 1 мая 1849 г. Константиновскій былъ перемѣщенъ въ ржевскій Успенскій соборъ и возведенъ въ санъ протоіерея. Въ ноябрѣ 1853 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для приготовленія къ болѣе широкой миссіонерской противураскольнической дѣятельности; здѣсь онъ отправлялъ богослуженіе въ домовой церкви Т. Б. Потемкиной; ему поручено было наставлять въ истинахъ вѣры прибывшихъ въ Петербургъ самоѣдовъ. Въ Петербургѣ онъ и скончался.

«Слово и рѣчь при погребеніи протоіерея М. А. Константиновскаго»; «Странникъ», 1860, № 12, статья Грѣшищева. *Здр.*

Константиновъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, переводчикъ, библіотекарь императрицы Екатерины II, сынъ брянскаго протопопа, род. 5 февраля 1728 г., ум. 11 мая 1808 г. Съ 1750 года воспитывался въ университетѣ при Академіи Наукъ и въ 1754 г. получилъ степень магистра; затѣмъ преподавалъ русскій и латинскій языки въ Московской благородной гимназіи. 6 мая 1758 г. опредѣленъ въ Академію Художествъ «для надзиранія и обученія» математическаго класса и, завѣдуя одновременно академическимъ хозяйствомъ, находился при Академіи фактически по 21 ноября 1760 г., а номинально по 27 августа 1761 г., когда былъ уволенъ, по прошенію, вслѣдствіе обнаруженія нѣкоторыхъ безпорядковъ въ дѣлахъ. Тотчасъ послѣ восшествія на престолъ Екатерины II Константиновъ былъ назначенъ унтеръ-библіотекаремъ ея комнатной библіотеки и произведенъ въ надворные совѣтники. Константиновъ былъ женатъ на единственной дочери М. В. Ломоносова, Еленѣ. Въ 1766 г. Константиновъ подавалъ на имя государыни прошеніе, чтобы ему поручено было докончить начатыя Ломоносовымъ мозаичныя картины и вообще производить мозаичныя работы. Но ходатайство это не получило удовлетворенія. Константиновъ занимался переводами для «Ежемѣсячныхъ Сочиненій».

Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. II, стр. 883; «Сборникъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ», т. II, стр. 30; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ», Спб. 1864 г. часть I, стр. 24—26, 28, 627, 655, 658, 682 и 683; «Московскія Вѣдомости» 1758 г., приб. къ № 38, стр. 12.

Константиновъ, *Андрей Дмитріевичъ*, резидентъ въ Крыму, ум. послѣ 1796 г. Былъ сначала переводчикомъ при Шагинъ-Гиреѣ въ то время, когда онъ, выѣхавъ изъ Крыма, жилъ въ Полтавѣ; въ 1777 г., когда Шагинъ-Гирей былъ сдѣланъ ханомъ крымскимъ, отправленъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ и ссенью того же года былъ назначенъ при ханѣ резидентомъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника. Въ 1777—1778 г. сношенія съ Крымомъ велись черезъ посредство генералъ-поручика кн. А. А. Прозоровскаго, который командовалъ отрядомъ русскихъ войскъ, ближайшимъ къ Крыму; кн. Прозоровскій не отличался дипломатическими способностями, не умѣлъ примѣниться къ сношеніямъ съ татарами и постоянно вступалъ въ пререканія съ Шагинъ-Гиреемъ; Константинову приходилось улаживать затрудненія и хотя онъ большею частью такъ или иначе успѣвалъ въ этомъ, но дѣла все таки шли не быстро. Положеніе сразу улучшилось, когда вмѣсто Прозоровскаго назначенъ былъ Суворовъ; онъ прибылъ на мѣсто въ началѣ мая 1778 г. Суворовъ сталъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Константиновымъ, отдавалъ справедливость его знанію татаръ и умѣнью имѣть съ ними дѣло, и оказывалъ ему полную поддержку. При дружныхъ ихъ усиліяхъ удалось закончить вполнѣ согласно съ желаніями русскаго правительства одно важное дѣло, именно выводъ изъ Крыма въ Россію почти всѣхъ жившихъ тамъ христіанъ. 28 марта 1778 г. Румянцевъ далъ предписаніе Константинову начать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ;

послѣ продолжительныхъ проволочекъ, послѣ всевозможныхъ противодѣйствій хана, которому, конечно, вовсе не хотѣлось лишаться столькихъ подданныхъ, дѣло это, наконецъ, было устроено совершенно по желаніямъ Россіи. «Выводъ крымскихъ христіанъ конченъ!», писалъ Суворовъ Румянцеву отъ 18 сентября 1778 г., «обоего пола отправилось въ Азовскую губернію 31.908 душъ; осталось зимовать въ Еникалѣ и Черкасѣ 288 душъ... Примѣрно вышло денегъ на выводъ сей здѣсь до 130.000 р., паче на прогоны». Конечно, нельзя Константинову приписывать всей чести этого дѣла, но безъ сомнѣнія на его долю выпала самая большая и трудная часть работы.

Другое дѣло, въ которомъ пришлось ему не мало приложить старанія, были сношенія съ ханомъ по поводу признанія независимости Крыма Турціею. Дѣло въ томъ, что Шагинъ-Гирей ожидалъ—трудно установить, насколько дано было ему для этого основаній,—что съ признаніемъ этой независимости Россія окажетъ ему поддержку въ присоединеніи подъ его власть нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, или уже во всякомъ случаѣ — возвратитъ Крыму тѣ земли, которыя отошли къ Россіи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру и которыми до того времени владѣли татары. Но, конечно, и въ томъ и въ другомъ пришлось Шагинъ-Гирею разочароваться. Отсюда возникло у него недовольство, которое прежде всего и отразилось на Константиновѣ; ханъ постоянно и лично давалъ ему это чувствовать и жаловался въ Петербургъ, обвиняя резидента въ непочтеніи къ себѣ, въ грубостяхъ. Въ Петербургѣ прежде были очень довольны дѣйствіями Константинова и не разъ ему это выражали; теперь гр. Н. И. Панинъ внушалъ ему, что необходимо оказывать почтеніе хану и всѣмъ татарамъ давать понять, что Россія уважаетъ хана и находитъ, что созданное ею правительство самое полезное для Крыма. Константиновъ оправдывался, но и со своей стороны высказывалъ утомленіе отъ сношеній съ ханскимъ правительствомъ и выражалъ желаніе оставить свой постъ. Ханъ, между прочимъ, былъ недоволенъ тѣмъ, что Константиновъ долго не представлялъ ему официально вѣрительныхъ грамотъ; по сообщенію объ этомъ въ Петербургъ грамоты были присланы и 11 іюня 1779 г. Константиновъ имѣлъ торжественную аудіенцію и съ этого времени былъ уже официально резидентомъ. Но это улучшило положеніе лишь ненадолго и 3 марта 1780 г. Константиновъ былъ отозванъ съ причисленіемъ къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; на выѣздъ ему пожаловано было 2000 р.; 28 мая имѣлъ уже у хана торжественную аудіенцію статскій совѣтникъ П. П. Веселицкій, замѣнившій Константинова съ званіемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Предъ отъѣздомъ Константинова изъ Крыма раскрылось одно непріятное для него дѣло: обнаружилось, что онъ взялъ фиктивные векселя на одного изъ торговавшихъ въ Крыму русскихъ купцовъ на очень крупную сумму; было совершенно ясно, что Константиновъ желалъ въ данномъ случаѣ незаконнымъ образомъ нажиться. Несмотря на усилія Веселицкаго уладить это дѣло, оно было перенесено въ Харьковское намѣстничество. Чѣмъ оно было рѣшено—неизвѣстно; но Константиновъ состоялъ впослѣдствіе при Коллегіи иностранныхъ дѣлъ канцеляріи совѣтникомъ, получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4 ст.

Дубровинъ, «Присоединеніе Крыма къ Россіи», I, 431; II, 710; III, 154, 258, 306, 542 и др.; Смирновъ, «Крымское ханство», 150 и слѣд.; «Адресъ-календари», по 1796 г.

Константиновъ, *Константинъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1819 г., ум. въ ночь на 12 января 1871 г. въ Николаевѣ. Окончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ въ 1836 г. и былъ оставленъ при училищѣ для продолженія научныхъ занятій. Въ 1840—1844 г.г. находился въ заграничной командировкѣ, сопровождая ген. Винстера, для собиранія свѣдѣній о современномъ состояніи артиллеріи. Въ 1846 г. былъ прикомандированъ къ штабу генералъ-фельдцейхмейстера и за изобрѣтеніе снаряда для опредѣленія первоначальной скорости полета артиллерійскаго снаряда, получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. и денежную награду; съ сентября 1846 г. по сентябрь 1847 г. былъ въ заграничной командировкѣ для изученія дѣйствій хлопчато-бумажнаго пороха; съ 1846 г. онъ служилъ въ школѣ мастеровыхъ и подмастерьевъ порохового дѣла (потомъ наименованной пиротехническою) инспекторомъ и преподавателемъ. Въ 1849 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ С.-Петербургскаго

ракетнаго заведенія. Въ томъ же году изобрѣлъ подвижной прицѣлъ, который и введенъ былъ въ русскую артиллерію. Въ 1850 г. назначенъ членомъ ученаго Морского Комитета; въ 1851 г. былъ назначенъ членомъ комитета по устройству электрическаго телеграфа и изобрѣлъ электробаллистическій приборъ; въ 1852 г. назначенъ присутствующимъ артиллерійскаго отдѣленія военнаго ученаго комитета. Въ 1855 г. изготовилъ новаго образца артиллерійскія ракеты; въ 1856 г. завѣдывалъ всѣми пиротехническими работами во время коронаціи и въ августѣ этого года произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1859 г. получилъ орденъ св. Станислава 1 ст. за усовершенствованіе боевыхъ ракетъ и за замѣчательныя свои сочиненія по разнымъ вопросамъ артиллерійскаго дѣла и назначенъ завѣдующимъ изготовленіемъ ракетъ. Въ 1864 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1865 г.—назначенъ почетнымъ членомъ Морского ученаго комитета. Кромѣ русскихъ орденовъ до ордена св. Анны 1 ст. включительно, Константиновъ за свои ученыя работы и изобрѣтенія получилъ еще ордена прусскій, французскій, вюртембергскій, голландскій и испанскій. Ему принадлежитъ рядъ статей въ Инженерномъ и Артиллерійскомъ журналахъ и отдѣльныя сочиненія: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о введеніи и употребленіи боевыхъ ракетъ» (1855), «О боевыхъ ракетахъ»—(1864 г. появилось первоначально на французскомъ), «Спасательныя ракеты и спасательный змѣй» (1869), «Hausses de l'artillerie de campagne russe», (1856), «Mémoire sur les fusées de guerre» (1858), «Lectures sur les fusées de guerre faites en 1860» (1861), и нѣкоторыя другія.

«Николаевскій Вѣстникъ», 1871 г., № 19; Геннади, «Словарь».

Константиновъ, *Осипъ Ильичъ*, статскій совѣтникъ, писатель, род. въ 1813 г., ум. 3 мая 1856 г. Окончилъ курсъ въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ артиллеріи; съ 1840 по 1849 г. состоялъ при главнокомандующемъ на Кавказѣ кн. М. С. Воронцовѣ; когда по иниціативѣ Воронцова основано было въ Тифлисѣ первое періодическое изданіе—еженедѣльная газета «Кавказъ», выходившая на русскомъ и армянскомъ языкахъ,—Константиновъ съ 1846 по 1849 г. былъ ея первымъ редакторомъ. Съ 1850 по 1854 г. состоялъ при военномъ министрѣ; во время Восточной войны и севастопольской обороны состоялъ при кн. М. Д. Горчаковѣ. Константиновъ помѣстилъ въ газетѣ «Кавказъ» слѣдующія статьи: «Вступленіе на престолъ грузинскаго царя Георгія III» (1846, № 33), «Сванетія» (1847, № 44), «Происшествія, сопровождавшія присоединеніе Мингреліи къ Россіи» (1849, № 21) и нѣкоторыя другія; отдѣльно издалъ: «Дорожникъ по пути слѣдованія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича по Закавказскому краю» (Тифлисъ, 1850) и «Путеводитель по Черноморью, Кавказскому и Закавказскому краю»—въ «Кавказскомъ календарѣ» за 1851 г. Кромѣ того послѣ него остались въ рукописи «Исторія владычества русскихъ на Кавказѣ» и замѣтки по исторіи Крымской войны, изъ которыхъ напечатана въ «Русской Старинѣ», 1875, № 11 статья: «Штурмъ Малахова кургана».

Геннади, «Словарь»; «Отечественныя Записки», 1856, № 6.

Константиновъ, *Петръ Константиновичъ*, академикъ гравированія, род. въ 1830 г., ум. 4 марта 1890 г. Сынъ гравера Конст. Яков. Аѳанасьева. Въ 1854 г. поступилъ въ Академію Художествъ и работалъ подъ руководствомъ проф. Ѳ. И. Іордана, который очень цѣнилъ его и котораго онъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ. Въ 1857 г. награвировалъ «Умершій Спаситель» и въ 1859 г. выпущенъ со званіемъ некласснаго художника, за окончаніе доски, начатой Галактіоновымъ, изображающей «Болото», съ картины Рюисдаля; за смертью Галактіонова доска оставалась неоконченной; надъ окончаніемъ ея, до того, какъ это было поручено Константинову, работалъ въ 1858 г. Д. П. Лебедевъ. Вскорѣ по окончаніи курса въ Академіи получилъ мѣсто гравера въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ и служилъ до конца жизни. Въ 1868 г., за гравюру «Несеніе Креста», съ оригинала Себастьяна дель Піомбо, получилъ званіе академика. Въ 1878 г. началъ гравюру «Христосъ, оплакиваемый ангелами», съ оригинала Альбано. Рисунокъ для этой гравюры былъ сдѣланъ въ Италіи Іорданомъ во дни его молодости; въ 1867 г., окончивъ свою большую доску «Истязаніе Спасителя», Іорданъ думалъ было начать гравированіе доски по этому рисунку, но имѣя уже почти 70 лѣтъ, не рѣшился приниматься за такую работу, которая могла потребовать многихъ лѣтъ,

и подарилъ рисунокъ и начатую доску Константинову. Этотъ къ 1886 г. окончилъ гравюру по рисунку Іордана и представилъ ее на званіе профессора. Несмотря на отличныя достоинства гравюры въ званіи этомъ ему было отказано, на томъ основаніи, что онъ работалъ не по своему, а по чужому рисунку. Эта неудача очень огорчила Константинова.—Кромѣ упомянутыхъ уже работъ, имъ выгравированы: «Богоматерь въ облакахъ», съ оригинала Дольче, портреты К. Я. Аѳанасьева, Баратынскаго, Грибоѣдова, Ненингера, гр. С. С. Уварова, Шебуева, А. П. Корнилова и дипломы на званіе академика и на званіе художника. Для изданія «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ» онъ налитографировалъ портреты Блументроста и Делиль де ля Кройера. Какъ граверъ, Константиновъ пользовался почетною извѣстностью. Но особенно много онъ проработалъ надъ изготовленіемъ досокъ для геліогравюръ. По свидѣтельству Д. А. Ровинскаго, онъ довелъ это дѣло до необыкновеннаго совершенства. Ретушированныя имъ доски (портреты Виніуса съ Вишера, Софьи Алексѣевны съ Блотелинга и Аѳанасьева) и всѣ геліогравюры съ оригиналовъ Чемесова сдѣланы съ такимъ искусствомъ, что ихъ почти невозможно отличить отъ оригиналовъ, портретъ Виніуса на Амстердамской выставкѣ произвелъ положительно сенсацію. П. К. Константиновъ былъ постояннымъ сотрудникомъ Д. А. Ровинскаго въ его изданіяхъ, для которыхъ требовались геліогравюры, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени является участникомъ дѣла Ровинскаго — поднятія въ русскомъ обществѣ интереса къ русскому гравированію и распространенія о немъ знаній.

Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравероѣ», 119, 334—373, 594.

Константинъ I, *святой*, митрополитъ кіевскій и всея Руси, изъ грековъ. Въ 1155 г. константинопольскимъ патріархомъ хиротонисанъ въ митрополита кіевскаго и въ 1156 г., послѣ апрѣля мѣсяца, прибылъ въ Кіевъ на мѣсто кіевскаго митрополита Клима, поставленнаго безъ вѣдома константинопольскаго патріарха. Въ 1159 г. въ Кіевѣ начались смуты: одни считали митрополитомъ Клима, другіе—Константина. Видя «о себѣ несогласіе въ народѣ», Константинъ добровольно оставилъ престолъ и удалился въ Черниговъ, гдѣ и скончался 5 іюня 1159 года. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Константинъ просилъ не погребать тѣла его, а выбросить за городъ на съѣденіе псамъ, что и было исполнено; но чрезъ три дня тѣло его найдено невредимымъ и погребено въ черниговскомъ соборѣ. Мощи подъ спудомъ; память 5 іюня.—Константинъ II, митрополитъ кіевскій извѣстенъ только по упоминанію его подъ 1167 и 1172 гг.

Эристовъ, кн., «Слов. ист. о святыхъ»; Макарій, «Исторія рус. церкви», т. II, гл. 1.

Константинъ, преподобный, князь муромскій. По родословнымъ нельзя точно установить его родства; по житію и прологу онъ въ 1192 г., собравъ съ сыновьями своими, Михаиломъ и Ѳеодоромъ, войско въ Кіевѣ, осадилъ Муромъ и взялъ его послѣ битвы, въ которой погибъ сынъ его Михаилъ; послѣ этого онъ крестилъ жителей города и далъ имъ епископа. Умеръ онъ по однимъ извѣстіямъ въ 1205 г., по другимъ послѣ 1223 г.; но упоминаніе въ житіи Константина святаго князя Глѣба Владиміровича, какъ непосредственнаго предшественника Константина въ попыткѣ крестить Муромъ, заставляетъ относить его жизнь ко времени еще болѣе древнему.

Эристовъ, кн., «Слов. истор. о святыхъ»; Соловьевъ, кн. I, 722.

Константинъ, преподобный, игуменъ косинскій. Въ самомъ концѣ XII в. онъ переселился изъ новгородскаго монастыря Варлаама Хутынскаго въ уединенное мѣсто на сліяніи рѣкъ Полисты и Снѣжны, въ 3-хъ верстахъ отъ Старой Руссы, и основалъ Косинскій свято-николаевскій монастырь, въ которомъ былъ первымъ игуменомъ. Скончался 29 іюля 1240 г. Мощи подъ спудомъ. Память 29 іюля.

«Краткія свѣдѣнія о препод. Константинѣ, игуменѣ Косинскомъ», Спб. 1882 г.; «Исторія и древности въ Косиномъ св. Николаевскомъ монаст.», Спб. 1880 г.

Константинъ Ѳедоровичъ, прозваніемъ *Улемецъ*, св. князь и чудотворецъ ярославскій, младшій изъ двухъ сыновей св. Ѳеодора Ростиславича *Чернаго*, сначала князя смоленско-можайскаго, потомъ ярославскаго, отъ второго брака его съ Анной Ногаевной, дочерью кипчакскаго хана. Скудныя свѣдѣнія о немъ сообщаютъ только житія св. Ѳеодора Ростиславича и дѣтей его (Константина и Давида). Онъ скончался позднѣе отца, въ началѣ XIV в. Тѣло его, какъ и тѣло отца, погребенное въ ярославскомъ Спасопреображенскомъ

монастырѣ, найдено нетлѣннымъ въ 1463 г. при кн. Александрѣ Ѳеодоровичѣ Брюхатомъ, праправнукѣ св. Ѳеодора, и, признанное мощами, переложено, съ тѣлами отца и брата его Давида, въ каменную раку 5 марта 1464 г. Память всѣхъ трехъ князей совершается 5 марта и 19 сентября.

Пол. Соб. Русс. Лѣт. IV, 132, 148; V, 274; VI, 185; Степенная кн. I, 395, 397—401,—II, 100; «Яросл. губ. вѣд.», 1875, № 37; Нилъ, «Яросл. Спасо-Преобр. мон.».

Константинъ Борисовичъ, князь ростовскій, род. 30 іюня 1255 г., ум. въ 1307 г. въ Ордѣ. Въ 1277 г. сопровождалъ своего отца, Бориса Васильковича, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, Дмитріемъ, въ Орду; здѣсь кн. Борисъ скончался, старшій братъ повезъ его тѣло на Русь, а Константинъ сопровождалъ хана Мангу-Тимура въ походѣ на ясовъ, для чего и былъ вызванъ въ Орду его отецъ. Константину послѣ смерти отца достался Ростовъ, Дмитрію Угличъ. Въ теченіе 1288—1294 г.г., когда происходила борьба за великое княженіе между Дмитріемъ и Андреемъ Александровичами, мелкіе князья, въ томъ числѣ и Константинъ Борисовичъ, были увлекаемы въ эту борьбу и поддерживали то того, то другого претендента. Въ 1293 г. Дмитрій умеръ и Константинъ Борисовичъ присоединилъ Угличъ къ своимъ владѣніямъ. Въ 1294 г. у него произошло какъ то столкновеніе съ владыкой Тарасіемъ, который даже выѣхалъ изъ Ростова, но Константинъ Борисовичъ силою задержалъ его.

Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», II, 31—34, 131.

Константинъ Васильевичъ, князь суздальскій, род. въ 1309 г., ум. 21 ноября 1355 г. Сынъ князя Василія Андреевича. Съ 1332 г. послѣ смерти старшаго брата, Александра, сталъ княжить въ Суздалѣ. Въ 1340 г. являлся однимъ изъ соперниковъ Симеона Іоанновича въ его домогательствахъ великаго княженія владимірскаго, но оно досталось въ Ордѣ Симеону, а Константинъ былъ сдѣланъ княземъ всего суздальскаго нижегородскаго княжества; въ томъ же году участвовалъ въ походѣ на Новгородъ; въ 1341 и 1342 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ другими князьями въ Орду. Константинъ не хотѣлъ спокойно мириться со все возраставшимъ могуществомъ Москвы и сдѣлалъ рядъ усилій поднять могущество и значеніе своей области. Онъ перенесъ въ 1350 г. свой столъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ и усиленно привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ областей, а также распространялъ свою власть и на сосѣднюю Мордву; границы суздальскаго княжества при немъ значительно подвинулись къ востоку по Волгѣ. Въ 1353 г., когда умеръ Симеонъ Гордый, Константинъ опять явился очень серьезнымъ претендентомъ на великокняжескій престолъ; Новгородъ, постоянно враждовавшій съ Москвою, отправилъ въ Орду особое посольство хлопотать предъ ханомъ, чтобы великое княженіе дано было Константину; но московскія вліянія одержали верхъ, великимъ княземъ признанъ былъ Іоаннъ Іоанновичъ; Константинъ заплатилъ новгородцамъ тѣмъ, что успѣлъ удержать новаго великаго князя отъ похода на нихъ. Впрочемъ въ 1355 г. Константинъ примирился съ Іоанномъ. Женатъ былъ дважды—на дочери какого то мангупскаго князя Василія, Аннѣ и на Еленѣ, извѣстной только по имени.

Экземплярскій, «Великіе и удѣльн. князья», II, 400—404.

Константинъ Васильевичъ, князь ростовскій, род. въ 1312 г., ум. въ 1365 г. Младшій изъ сыновей кн. Василія Константиновича. Въ 1328 г. былъ обвѣнчанъ съ Маріею, дочерью Іоанна Даниловича Калиты. Калита уже распоряжался въ это время болѣе мелкими княжествами почти безпрекословно и Константинъ является по преимуществу какъ исполнитель воли московскаго князя: въ 1340 г. онъ явился въ Москву со своею ратью для участія въ походѣ на Новгородъ, въ 1348 г. снова ходилъ противъ Новгорода въ составѣ московскаго войска. Въ 1360 г., когда начались нѣкоторыя смуты въ самомъ семействѣ московскихъ князей, во время малолѣтства Димитрія Іоанновича, Константинъ выхлопоталъ въ Ордѣ ярлыкъ на всѣ Ростовское княжество и захватилъ часть своего племянника кн. Андрея Ѳеодоровича; съ этого начались между ними продолжительныя распри, пользуясь которыми въ Ордѣ—куда Константинъ ѣздилъ въ 1361—1362 гг.—обирали обѣ стороны; въ 1364 г. московскій князь оказалъ поддержку кн. Андрею и Константинъ долженъ былъ покинуть Ростовъ и уѣхать въ Устюгъ.

Умеръ онъ отъ язвы, свирѣпствовавшей въ то время по русской землѣ.

Экземплярскій, «Великіе и удѣльн. князья», II, 47—51.

Константинъ Всеволодовичъ, великій князь владимірскій, сынъ Всеволода III Юрьевича отъ перваго брака съ Маріей, дочерью чешскаго князя Шварна, род. 18 мая 1186 г., ум. 2 февраля 1218 г. По десятому году былъ уже повѣнчанъ во Владимірѣ съ дочерью кн. смоленскаго Мстислава Романовича, неизвѣстной по имени (въ иночествѣ—Агаѳія). Съ ранней молодости онъ принималъ уже участіе въ походахъ отца, а также въ дѣлахъ общественныхъ и государственыхъ: въ 1199 г. ходилъ съ отцомъ къ Дону на половцевъ, а въ 1205 г. Всеволодъ послалъ его на княженіе въ Новгородъ, на мѣсто брата его Святослава. Черезъ два года послѣ этого Константинъ съ новгородцами, псковичами, ладожанами и новоторжцами участвовалъ въ походѣ отца на Рязань и въ осадѣ Пронска. Послѣ похода Всеволодъ оставилъ его при себѣ, и далъ ему Ростовъ и еще пять городовъ. Между тѣмъ новгородцы приняли къ себѣ на княженіе кн. торопецкаго Мстислава (1208 г.); вслѣдствіе этого Константинъ съ братьями выступилъ къ Торжку противъ Новгорода. Дѣло, однако, окончилось безъ кровопролитія. Въ томъ же году между нимъ и отцомъ произошла размолвка, послѣдствіемъ которой у него были кровавыя столкновенія съ братомъ Юріемъ: Всеволодъ звалъ Константина къ себѣ во Владиміръ, намѣреваясь, на случай своей смерти, подѣлить его съ Юріемъ волостями; первому, какъ старшему, онъ хотѣлъ дать стольный Владиміръ, а второму—Ростовъ. Но старшій братъ хотѣлъ удержать за собой оба эти города и потому не явился къ отцу даже и послѣ вторичнаго приглашенія. Тогда Всеволодъ призвалъ къ себѣ епископа Іоанна, духовныхъ и мірянъ всѣхъ чиновъ и состояній и заставилъ ихъ присягнуть Юрію, какъ своему преемнику въ великокняжескомъ достоинствѣ. Въ 1212 г. Всеволодъ скончался и между братьями возгорѣлась борьба; младшіе братья переходили на сторону то одного, то другого изъ старшихъ братьевъ. На съѣздѣ въ Юрьевѣ Константинъ и Юрій примирились, но въ 1213 г. Константинъ опять задумалъ идти на Юрія, который, однако, предупредилъ его, самъ подошелъ къ Ростову, пожегъ здѣсь множество селеній; вскорѣ братья заключили миръ, но въ 1216 г. опять начали борьбу. Въ 1215 г. Ярославъ Всеволодовичъ выступилъ противъ Новгорода за то, что послѣдній принялъ къ себѣ на княженіе Мстислава Удалого; Константинъ сначала принялъ сторону брата, но потомъ Мстиславъ привлекъ его на свою сторону обѣщаніемъ доставить ему великокняжескій столъ. Битва произошла на берегахъ рѣки Липицы: Ярославъ и Юрій бѣжали, а Константинъ торжественно вошелъ во Владиміръ, привелъ жителей ко кресту, примирилъ Ярослава съ Мстиславомъ, призвалъ брата Юрія изъ Городца и назначилъ ему, послѣ своей смерти, Владиміръ, а пока отдалъ ему Суздаль (1217 г.). Въ слѣдующемъ году, передъ самой кончиной своей, онъ распредѣлилъ удѣлы сыновьямъ своимъ: Василько—Ростовскій, и Всеволоду—Ярославскій. Лѣтописцы называютъ Константина «блаженнымъ», украшеннымъ «всѣми добрыми нравы», не помрачившимъ ума своего «пустошною славою прелестнаго свѣта сего»; передаютъ, что онъ «весь умъ свой впери» въ «нестарѣющую безконечную жизнь», которую и «улучи своими милостынями и великимъ беззлобіемъ», указываютъ на его правдивость, щедрость, кротость и смиреніе, на его заботы о созданіи «прекрасныхъ жіихъ церквей», которыя онъ украшалъ «чудными» иконами и снабжалъ книгами, хвалятъ его, что онъ «чтилъ паче мѣры іерейскій и мнишескій чинъ» и пр.—Константинъ дѣйствительно поставилъ много церквей во Владимірѣ, Ростовѣ и Ярославлѣ; въ Ростовѣ онъ учредилъ епископскую каѳедру.

Полн. собр. рус. лѣт.; I, 167, 171, 174—191; 210, 213—218, 252; III, 29—35; IV, 19—26; VII; 98—126, и др.; X, 18—65 и слѣд.

Константинъ Дмитріевичъ, князь углицкій, младшій сынъ Дмитрія Донского, род. 14 или 15 мая 1389 г. (за четыре или за пять дней до смерти отца, случившейся 19 мая), ум. въ концѣ 1433 или въ началѣ 1434 г. Согласно завѣщанію отца на случай, если у жены его родится сынъ, братья выдѣлили ему небольшія части изъ своихъ удѣловъ. Впервые выступаетъ онъ на историческомъ поприщѣ въ 1406 г., когда вел. кн. Василій Дмитріевичъ отправилъ его въ Псковъ по просьбѣ псковичей; лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что князь Константинъ былъ хотя и молодъ, но «совершенъ умомъ»; дѣйстви-

тельно, военныя предпріятія его во главѣ псковичей противъ нѣмцевъ были довольно успѣшны. Въ 1408 г. онъ былъ посланъ намѣстникомъ великаго князя въ Новгородъ; въ 1411 г. псковичи «выпроводили» отъ себя своего прежняго намѣстника, кн. Александра, и попросили себѣ Константина; до 1414 г. онъ управлялъ и Новгородомъ и Псковомъ; въ 1414 г. уѣхалъ въ Москву. Въ 1419 г. онъ поссорился со своимъ старшимъ братомъ, великимъ княземъ, который хотѣлъ его «подписать подъ сына своего Василія»; Константинъ не пожелалъ подчиняться и ушелъ въ 1420 г. въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ честью. Въ 1421 г. братья примирились и послѣ смерти Василія Дмитріевича Константинъ поддерживалъ его сына Василія, въ борьбѣ противъ дяди его, а своего брата, Юрія. Потомства не оставилъ.

Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», II, 135—141.

Константинъ Михайловичъ, сначала кн. дорогобужскій, потомъ великій князь тверской, сынъ вел. кн. тверского Михаила Ярославича, род. въ 1306 г., ум. въ 1346 г. Въ лѣтописяхъ упоминается, какъ лицо дѣйствующее, съ 1318 г. Въ этомъ году онъ отправился въ Орду вмѣсто отца, бывшаго тогда во враждѣ съ Юріемъ московскимъ, повидимому, болѣе въ качествѣ заложника, чѣмъ въ качествѣ ходатая. Ханъ, въ гнѣвѣ на Михаила, хотѣлъ уморить Константина голодомъ, но не привелъ своего намѣренія въ исполненіе, желая видѣть у себя въ Ордѣ его отца. Въ началѣ сентября 1319 г. Константинъ встрѣтился съ отцомъ на устьѣ Дона; Михаилъ понималъ, что мало вѣроятія ему уѣхать изъ Орды, гдѣ сильно дѣйствовалъ противъ него Юрій Даниловичъ московскій, и далъ сыну наставленіе объ устроеніи дѣлъ княжества, а передъ самой казнью отослалъ его къ ханшѣ Баялыни, которая утѣшала юнаго княжича и защитила его и его бояръ отъ враговъ отца его. По совершеніи казни надъ Михаиломъ, Юрій московскій взялъ съ собою въ Москву Константина съ тверскими боярами и тѣло великаго князя тверского. Въ 1320 г. Константинъ выкупленъ былъ за 2000 р., и въ этомъ же году женился на Софіи, дочери Юрія, вѣроятно, въ знакъ примиренія, составлявшагося при выкупѣ тѣла Михаилова Александромъ Михайловичемъ.

Въ 1327 г. произошло извѣстное избіеніе татаръ въ Твери и в. кн. Александръ, избѣгая ханскаго мщенія, ушелъ во Псковъ; Константинъ также ушелъ въ Ладогу; Тверь опустошена была татарами. Константинъ и братъ его, Василій кашинскій, возвратились домой, «препочивши отъ великія печали и скорби и сѣдоша въ Твери въ велицѣй нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля Тверская пуста .. и начаша помалу сбирати люди и утѣшати отъ великія печали и скорби». Старшимъ между тверскими князьями, а слѣдовательно претендентомъ на тверской столъ, оказывался теперь Константинъ; въ слѣдующемъ году онъ и получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе тверское. Мало-по-малу Тверь начала оправляться отъ татарскаго погрома, но Константинъ не могъ уже и думать о первенствѣ и даже о борьбѣ съ Москвою: онъ безпрекословно ходилъ съ Калитой на брата своего Александра, котораго князья должны были доставить въ Орду, и вообще держался по отношенію къ Калитѣ какъ его подручникъ. Въ 1331 г. онъ ѣздилъ съ Калитой въ Орду, въ 1333 г. участвовалъ въ походѣ московскаго князя на Новгородъ. — Въ 1337 г. Александру возвращенъ былъ тверской столъ и Константинъ спокойно уступилъ его брату; но въ 1339 г. опять занялъ его, по убіеніи Александра въ Ордѣ, Въ это время Калита наложилъ свою тяжелую руку на Тверь: приказалъ снять съ тверской Спасо-Преображенской церкви и отвезти въ Москву колоколъ, символъ свободы и независимости Твери. Въ 1340 г.. по смерти Калиты, сынъ его Симеонъ, Константинъ и другіе князья проѣхали въ Орду выслушать волю хана, который далъ великокняжескій столъ Симеону, а всѣхъ остальныхъ князей отдалъ «подъ руку его». И съ Симеономъ Константинъ два раза ѣздилъ въ Орду: въ 1342 г. и въ 1343 г.— Константинъ отличался характеромъ мирнымъ и тихимъ, можетъ быть даже слабымъ. Въ 1346 г. Константинъ поѣхалъ въ Орду судиться съ племянникомъ, Всеволодомъ, и скончался тамъ же, въ Ордѣ, еще до ханскаго суда. Онъ женатъ былъ дважды: въ первый разъ, на Софьѣ Юрьевнѣ, а во второй—на неизвѣстной по происхожденію Евдокіи (ум. 1364 г.). Имѣлъ двухъ сыновей, Семена и Еремѣя, князей дорогобужскихъ.

Полн. собр. рус. лѣт., III, 72—79; IV, 49—55; V, 209—222; VII, 191—245; X, 194—217; Татищ.

IV, 99, 101, 120, 121, 141, 142, 153, 159; Борзаковскій, «Ист. Тверск. кн—ства»; Экземплярскій, «Великіе и удѣльн. кн.» II, 476—8.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, генералъ-адмиралъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, второй сынъ императора Николая Павловича и супруги его императрицы Александры Ѳеодоровны, родился 9 сентября 1827 г., умеръ 13 января 1892 г.

Съ ранняго дѣтства великій князь Константинъ Николаевичъ предназначенъ былъ своимъ родителемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ стать во главѣ русскаго военнаго флота и морского управленія. Когда великому князю не исполнилось еще четырехъ лѣтъ, онъ былъ назначенъ, 22 августа 1831 г., генералъ-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа. Въ слѣдующемъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Государь ввѣрилъ руководство воспитаніемъ великаго князя Ѳедору Петровичу Литке, (впослѣдствіи графу), морскому офицеру, составившему себѣ извѣстность трудными морскими экспедиціями въ сѣверныя воды и цѣнными научными трудами по гидрографіи, географіи и физикѣ. Предшествовавшею своею дѣятельностью Ѳ. П. Литке не былъ подготовленъ къ обязанностямъ воспитателя, но онъ съ большою энергіей поспѣшилъ восполнить недостававшія ему свѣдѣнія и въ теченіе 16 лѣтъ онъ исполнялъ обязанности воспитателя, вполнѣ удовлетворяя требованіямъ Государя и многократно удостоиваясь выраженія его благодарности.

Правильныя учебныя занятія начаты были съ семилѣтняго возраста великаго князя. Въ распредѣленіи ихъ Литке строго держался правила, чтобы великій князь никогда не имѣлъ болѣе четырехъ часовыхъ уроковъ въ день, считая въ томъ числѣ уроки рисованія и чистописанія. Только въ послѣдній годъ ученья, передъ заключеніемъ учебныхъ курсовъ, число уроковъ было увеличено до пяти. Графъ Литке писалъ впослѣдствіи, по окончаніи ученья: «успѣхи, оказанные великимъ княземъ по всѣмъ предметамъ, которые, конечно, въ значительной степени должны быть отнесены на счетъ необыкновенныхъ его способностей, доказываютъ, что когда вниманіе учителя посвящено нераздѣльно одному ученику, то четырехъ полныхъ часовъ занятій учителя съ ученикомъ совершенно достаточно». Въ первые годы ученья строго наблюдалось также, чтобы между двумя послѣдовательными уроками всегда былъ часъ промежутка, и чтобы труднѣйшимъ предметамъ посвящены были болѣе ранніе часы, когда голова совершенно свѣжа; въ послѣдніе часы занятій преподавались наиболѣе легкіе предметы—чистописаніе, рисованіе, музыка. Въ промежутокъ между двумя утренними уроками отъ 10 до 11 часовъ великій князь Константинъ вмѣстѣ съ братьями навѣщалъ своихъ родителей и затѣмъ занимался гимнастикой, фехтованіемъ, маршировкой, ружейными пріемами. Отъ 12 до 2 послѣ легкаго завтрака онъ совершалъ прогулку или ѣздилъ верхомъ. Отъ 2 до 3 былъ урокъ, затѣмъ въ 3 часа обѣдъ, послѣ котораго великій князь отправлялся къ императрицѣ, гдѣ оставался до 5. Четвертый урокъ назначался въ 5 часовъ и затѣмъ время до отхода ко сну, въ 9 часовъ, великій князь проводилъ или у императрицы, или въ играхъ съ братьями и сестрами; два раза въ недѣлю въ эти часы назначался урокъ танцевъ. Позднѣе, съ 17-го года возраста великаго князя, этотъ порядокъ занятій былъ измѣненъ: уроки слѣдовали отъ 8 утра до часу, съ перерывомъ отъ 10-ти до 11-ти.

Въ преподаваніи наукъ первоначально рѣшено было слѣдовать «систематическому курсу», составленному В. А. Жуковскимъ для обученія цесаревича Александра Николаевича, при чемъ Жуковскій же долженъ былъ руководить прохожденіемъ этого курса. Черезъ два года, однако, систематическій курсъ былъ оставленъ; изъ пріемовъ, рекомендовавшихся Жуковскимъ, удержанъ былъ только пріемъ составленія таблицъ, какъ хорошее мнемоническое средство.

Изученію исторіи въ общемъ планѣ преподаванія отведено было видное мѣсто. Русскую исторію преподавалъ великому князю профессоръ И. П. Шульгинъ; для курса о событіяхъ XVIII вѣка Шульгинъ, одинъ изъ первыхъ, допущенъ былъ въ 1844 г. къ изученію секретныхъ дѣлъ Государственнаго архива. Впродолженіе лекціи, состоявшей всегда изъ свободнаго разсказа, великій князь долженъ былъ дѣлать въ особой тетради краткія замѣтки. По этимъ замѣткамъ на слѣдующемъ урокѣ излагалъ онъ содержаніе лекціи изустно, а затѣмъ въ письменной работѣ. Такимъ образомъ, великій князь прошелъ всю

исторію русскую и всеобщую. Эту послѣднюю ему читалъ А. Ѳ. Гриммъ на нѣмецкомъ языкѣ. На урокахъ французскаго и англійскаго языковъ великій князь разсказывалъ на этихъ языкахъ содержаніе послѣдней нѣмецкой исторической лекціи. Статистику и законовѣдѣніе преподавалъ великому князю статсъ-секретарь баронъ (впослѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ; но эти науки въ общемъ планѣ преподаванія занимали второстепенное мѣсто; императоръ Николай рекомендовалъ бар. Корфу «долго не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ», находя, что «лучшая теорія права—добрая нравственность; а она должна быть въ сердцѣ независимой отъ этихъ отвлеченностей, и имѣть своимъ основаніемъ религію». Преподаваніе математики и физики поручено было академику Э. Х. Ленцу; военныя науки—фортификацію, артиллерію, стратегію, тактику — преподавали полковникъ Ѳ. Ѳ. Ласковскій, ген.-маіоръ М. Д. Рѣзвой, полковники: Платовъ, М. И. Богдановичъ и Ѳ. И. Горемыкинъ. Ближайшимъ помощникомъ Ѳ. П. Литке по воспитанію великаго князя былъ контръ-адмиралъ Ѳ. С. Лутковскій. Экзамены производились черезъ трехлѣтніе промежутки, въ 1838, 1841 и 1844 годахъ, на 11-мъ, 14-мъ и 17-мъ годахъ возраста великаго князя. На послѣднемъ изъ этихъ экзаменовъ въ присутствіи Государя великій князь обнаружилъ вполнѣ свои блестящія способности; императоръ Николай остался чрезвычайно доволенъ его успѣхами.

Великій князь съ дѣтства проявлялъ большія дарованія и пылкій характеръ. Строгою дисциплиною твердый и суровый Литке стремился выровнять характеръ своего воспитанника. Онъ удовлетворялъ широкой любознательности живого и воспріимчиваго юноши великаго князя, но старался направить его интересъ преимущественно въ область морского дѣла и наукъ, имѣющихъ связь съ мореплаваніемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, Литке привлекъ своего августѣйшаго воспитанника къ участію въ трудахъ только что основаннаго имъ Географическаго Общества; 6 августа 1845 г. Константинъ Николаевичъ по избранію общества былъ Высочайше назначенъ его предсѣдателемъ.

Весьма рано Константина Николаевича начали знакомить съ практикою морского дѣла. Въ 1834 г. въ день своего рожденія онъ получилъ первый офицерскій чинъ мичмана и въ слѣдующемъ году, восьмилѣтнимъ мальчикомъ, совершилъ первое морское плаваніе на военномъ суднѣ «Геркулесъ». Въ 1843 г. великій князь произведенъ былъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ году въ капитанъ-лейтенанты (26 марта) и въ капитаны 2-го ранга (12 августа). Одновременно онъ былъ назначенъ командующимъ бригомъ «Улиссъ», на которомъ крейсировалъ около Красной Горки. Въ 1844 г., восемнадцати лѣтъ отъ роду, Константинъ Николаевичъ совершилъ большое морское плаваніе на кораблѣ «Ингерманландъ» изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Весною 1845 г. учебныя занятія великаго князя были пріостановлены и цѣлый годъ былъ посвященъ морскимъ экспедиціямъ. Въ сопровожденіи Литке великій князь отправился сухимъ путемъ на югъ въ Николаевъ, совершилъ морское плаваніе на военномъ суднѣ въ Константинополь, затѣмъ посѣтилъ Францію, Испанію и Англію. Въ числѣ документовъ Военно-ученаго Архива (за № 108), находится «Предположеніе атаки Царя-града съ моря»,—записка составленная вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ послѣ этого путешествія. Въ запискѣ своей великій князь доказываетъ, что при современномъ состояніи укрѣпленій Босфора съ одной стороны и русскаго Черноморскаго флота—съ другой, атака несомнѣнно увѣнчается успѣхомъ и что затѣмъ, овладѣвъ Дарданелами, мы окажемся въ полной возможности отразить всякія попытки флотовъ Англіи и Франціи выбить насъ изъ Константинополя. 25 іюня 1846 г. онъ произведенъ былъ въ капитаны I ранга и затѣмъ вступилъ въ командованіе фрегатомъ «Паллада», на которомъ совершилъ въ 1847 и 1848 гг. двѣ морскія кампаніи. Одновременно съ этимъ въ зимнее время великій князь командовалъ первымъ батальономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Въ 1847 г. 9 сентября великій князь достигъ совершеннолѣтія; учебныя занятія его были закончены въ мартѣ того же года; но Государь оставилъ при немъ графа Литке въ званіи попечителя. 6 февраля слѣдующаго года состоялось обрученіе великаго князя съ принцессою Александрою - Фредерикою, дочерью герцога Саксенъ-Альтенбургскаго Іосифа, нареченною при св. муропомазаніи великою княж-

ною Александрою Іосифовною. 26 марта великій князь отправился въ Англію и посѣтилъ на пути туда свою высоконареченную невѣсту въ Альтенбургѣ. По возвращеніи великаго князя въ Петербургъ совершено было 30 августа бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Въ тотъ же день Константинъ Николаевичъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества, назначенъ шефомъ Морского кадетскаго корпуса и командующимъ Финляндскимъ полкомъ. По особому желанію императора Николая графъ Литке и послѣ брака великаго князя оставался его попечителемъ въ теченіе двухъ лѣтъ до переѣзда своего въ Ревель, на постъ командира порта.

Въ 1849 г. великій князь совершилъ съ нашими войсками походъ въ Венгрію, участвовалъ въ сраженіяхъ 3 и 5 іюля подъ Вайценомъ, 13 и 14 іюля при устройствѣ переправъ черезъ рѣку Тиссу и 21 іюля подъ Дебречиномъ. Отъ главнокомандующаго дѣйствующей арміей князя Паскевича, онъ получилъ орденъ св. Георгія четвертой степени. Въ Высочайшей грамотѣ на этотъ орденъ заявлено, что великій князь, «находясь постоянно при главныхъ силахъ арміи, раздѣлялъ съ войсками всѣ труды похода», — «въ дѣлахъ подъ Вайценомъ и подъ Дебречиномъ оставался подъ смертоноснымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ батарей, а при Тисса-Фюретѣ находился подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, отличаясь мужествомъ и самоотверженіемъ». Изъ этого похода великій князь писалъ очень обстоятельныя письма Государю; и Государь говорилъ, что именно на основаніи ихъ онъ составилъ себѣ наиболѣе полное и вѣрное представленіе объ этой компаніи. Личное участіе въ войнѣ, однако, не увлекло Константина Николаевича; напротивъ того, оно побудило его оставить навсегда недавнія мечтанія о военной славѣ и о походѣ на Царьградъ,—мечты, которыя онъ питалъ нѣкоторое время послѣ поѣздки своей въ Константинополь и которыя еще незадолго передъ тѣмъ высказывалъ въ одномъ изъ писемъ къ В. А. Жуковскому.

Участіемъ въ военномъ походѣ закончилась подготовка великаго князя къ правительственной дѣятельности; тотчасъ же послѣ венгерской кампаніи, съ 1850 г., императоръ Николай начинаетъ поручать ему все болѣе и болѣе отвѣтственныя дѣла по высшему государственному управленію и вскорѣ ставитъ его во главѣ управленія морскимъ вѣдомствомъ. 5 сентября 1850 г. великій князь назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ раньше, съ 3 января 1849 г., присутствовалъ безъ права голоса. Съ 1850 же года начинаются тѣсно-дружескія и довѣренныя отношенія между великимъ княземъ и А. В. Головнинымъ, сыномъ извѣстнаго своимъ плѣномъ въ Японіи и литературными трудами адмирала Головнина, въ послѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія. Своимъ государственнымъ развитіемъ великій князь во многомъ былъ обязанъ Головнину, который познакомилъ великаго князя, внѣ служебныхъ отношеній, съ тою плеядою выдающихся общественныхъ дѣятелей, которая постепенно группировалась впослѣдствіи вокругъ великаго князя въ эпоху преобразованій императора Александра II. Въ совмѣстныхъ трудахъ по всѣмъ отраслямъ государственной дѣятельности великій князь и Головнинъ были неразлучны до послѣднихъ дней и дружба ихъ всегда оставалась неизмѣнною и непомраченною.

Уже въ 1850 году великому князю было ввѣрено руководство крупною законодательною работой по морскому вѣдомству, а именно пересмотромъ и общимъ сводомъ морскихъ уставовъ; съ 3 сентября 1850 г. Константинъ Николаевичъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, образованномъ для этой цѣли. Вскорѣ затѣмъ великій князь началъ знакомиться и съ дѣлами управленія морскимъ вѣдомствомъ: 25 іюня 1852 г. Государь назначилъ его товарищемъ начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, который, состоя въ этой должности, управлялъ морскимъ министерствомъ. Въ слѣдующемъ году, когда князь Меншиковъ отправленъ былъ посломъ въ Константинополь, Константинъ Николаевичъ съ 21 января замѣстилъ его, вступивъ въ управленіе морскимъ министерствомъ. Молодой великій князь ревностно и успѣшно исполнялъ свои новыя обязанности; Государь высоко цѣнилъ его дѣятельность; 19 апрѣля великій князь получилъ чинъ вице-адмирала, а 6 декабря того же года ему пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 1 ст., при чемъ Государь выразилъ ему свое особенное благоволеніе въ слѣдующей грамотѣ: «Назначивъ васъ

товарищемъ начальника главнаго штаба и слѣдя внимательно за ходомъ служебной дѣятельности вашей, пріятно намъ было удостовѣриться, что вы, вникая во всѣ отрасли сей многосложной части, соотвѣтствуете тѣмъ нашему довѣрію. Возложенный на васъ важный трудъ составленія устава морской службы совершили вы съ отличнымъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовалъ предъ нами генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ; вступая же за отсутствіемъ его въ управленіе морскимъ министерствомъ, успѣли въ короткое время уменьшить расходы по коммисаріатскому департаменту. Все сіе, радуя родительское сердце, даетъ вамъ право на особенное наше благоволеніе, въ ознаменованіе котораго жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра первой степени... Мы увѣрены, что, продолжая съ тѣмъ же рвеніемъ дѣйствовать на служебномъ поприщѣ вашемъ, вы доведете управляемую вами часть до желаемаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенства и содѣлаетесь достойнымъ, если обстоятельства того потребуютъ, вести флоты наши противъ враговъ отечества къ новой славѣ».

Въ слѣдующіе, послѣдніе годы царствованія Николая I, Константинъ Николаевичъ продолжалъ управлять морскимъ вѣдомствомъ, вводя во флотѣ частичныя улучшенія. Императоръ Александръ II оставилъ въ его рукахъ морское вѣдомство и тотчасъ же по вступленіи на престолъ, повелѣлъ ему 23 февраля 1855 г. управлять какъ флотомъ, такъ и морскимъ министерствомъ, по званію генералъ-адмирала, на правахъ министра.

Въ 1854 и 1855 гг., во время осады Севастополя великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна, между которыми существовали уже ранѣе особенно дружескія и довѣренныя отношенія, положили въ Россіи начало тому, что образовало впослѣдствіи во всемъ мірѣ учрежденія Краснаго Креста.—Въ то время какъ въ Крыму у англичанъ дѣйствовала одиночно Miss Nightingale—въ русскихъ войскахъ арміи и флота около раненыхъ и больныхъ сталъ дѣйствовать цѣлый организованный сонмъ исполнителей предначертаній великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны. Благодѣтельный результатъ этихъ начертаній обратилъ на себя благодарное вниманіе всей Россіи.

Едва кончилась Крымская война, стоившая намъ потери Черноморскаго флота и сопровождавшаяся запретомъ его возобновленія, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ уже положилъ первый камень такого возобновленія подъ видомъ созданія въ Черномъ морѣ Русскаго общества пароходства и торговли, уставъ коего былъ изданъ въ августѣ 1856 г., чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія Парижскаго мира. Не прошло пяти лѣтъ, какъ это общество укрѣпило за собою почетное и серьозное мѣсто среди конкурирующихъ въ Средиземномъ морѣ иностранныхъ мореходныхъ кампаній.

По окончаніи Крымской войны великій князь генералъ-адмиралъ приступилъ къ важнымъ преобразованіямъ по морскому вѣдомству; но не ограничиваясь ввѣренною ему спеціальною частью, явился дѣятельнымъ, виднымъ участникомъ многихъ реформъ новаго царствованія. Особенно плодотворно и важно было участіе Константина Николаевича въ законодательныхъ работахъ 1857—1861 гг. по дѣлу освобожденія крестьянъ. Не менѣе важнымъ было также нравственное вліяніе великаго князя на направленіе и общій ходъ преобразованій въ первую половину 60-хъ годовъ.

Императоръ Александръ II, признавая необходимость преобразованій, не считалъ возможнымъ провести реформы единственно силою самодержавной власти, разомъ сломивъ сопротивленіе сторонниковъ стараго порядка; Императоръ давалъ свободу борьбѣ мнѣній, борьбѣ стараго съ новымъ; онъ не устранилъ отъ власти авторитетныхъ заслуженныхъ сановниковъ прежняго царствованія и считался съ ихъ мнѣніями, какъ съ отзвукомъ настроенія большинства общества. Въ силу этого дѣятельность великаго князя, смѣлаго сторонника новыхъ идей, пріобрѣла большое значеніе въ общемъ ходѣ преобразовательнаго движенія. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ обществѣ составилось довольно вѣрное представленіе объ этой роли Константина Николаевича. Современникъ, академикъ А. В. Никитенко, замѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Великій князь пользуется репутаціей защитника и главы партіи всѣхъ мыслящихъ людей—главы такъ называемаго прогресса».

Занимаясь спеціально дѣлами морского управленія, вел. кн. Константинъ Николаевичъ постоянно имѣлъ въ виду обще-

государственныя задачи и потребности. Въ письмѣ къ кн. А. И. Барятинскому 24 іюня 1857 г. онъ такъ указываетъ на рядъ предстоящихъ реформъ: «Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того, чтобы выйдти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ народъ находилъ гдѣ нибудь судъ и расправу, чтобъ приказанія правительства исполнялись и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ. Въ то же время необходимо изыскать новые и притомъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что при томъ бѣднѣе не только матерьяльными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи».

Задолго до того, какъ императоръ Александръ II рѣшился приступить къ уничтоженію крѣпостного права, Константинъ Николаевичъ проникся твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости и своевременности этого преобразованія. Въ апрѣлѣ 1855 г. въ разговорѣ объ инвентаряхъ, вводившихся въ юго-западномъ краѣ, онъ замѣтилъ: «вѣдь это подготовляетъ волю; дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло». Въ 1856 г., ознакомившись какъ управляющій морскимъ вѣдомствомъ, съ тягостнымъ положеніемъ охтенскихъ казенныхъ поселянъ, состоявшихъ подъ тѣсною крѣпостною опекой петербургскаго адмиралтейства, великій князь началъ разработку вопроса объ отпускѣ ихъ на волю. Черезъ два года, 10 апрѣля 1858 г., охтенскіе поселяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости и великій князь не замедлилъ возбудить вопросъ объ освобожденіи на тѣхъ же основаніяхъ крестьянъ черноморскихъ адмиралтейскихъ селеній. Горячій и безбоязненный сторонникъ освобожденія крестьянъ, Константинъ Николаевичъ имѣлъ большое вліяніе на успѣшное разрѣшеніе вопроса объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, рѣшительно вступивъ въ борьбу съ тѣми изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императора, которые несочувственно или враждебно относились къ реформѣ, и оказавъ сильную поддержку немногочисленнымъ сторонникамъ освобожденія. Вмѣстѣ съ великою княгиней Еленой Павловною, просвѣщенною и ревностною сторонницей реформъ, Константинъ Николаевичъ повліялъ на рѣшимость Императора немедленно приступить къ этому трудному дѣлу и затѣмъ поддерживалъ своего царственнаго брата въ минуты колебаній.

Въ октябрѣ 1856 г. Н. А. Милютинъ писалъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: «при первомъ приступѣ къ реформѣ (освобожденія крестьянъ) нужна для успѣха дѣла твердая нравственная опора, чтобы придать съ самаго начала твердость идеямъ и убѣжденіямъ, еще столь колеблющимся. Обыкновенный дѣятель, подобный лицу, указанному Вашимъ Высочествомъ, не могъ бы имѣть ни авторитета, ни независимости, необходимыхъ для такой роли. Онъ повредилъ бы себѣ, не достигнувъ цѣли. Беру на себя смѣлость указать единственное лицо, которое обладаетъ всѣмъ необходимымъ, чтобы быть выразителемъ мыслей Вашего Высочества»—Милютинъ имѣлъ при этомъ въ виду великаго князя Константина Николаевича и въ немъ именно неокрѣпшая еще идея реформы нашла себѣ въ самомъ началѣ «твердую опору».

Первый приступъ къ реформѣ сдѣланъ былъ Государемъ въ отсутствіе великаго князя Константина Николаевича: 3 января 1857 г. образованъ былъ секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Великій князь находился въ это время въ далекомъ заграничномъ путешествіи. Выѣхавъ 25 декабря 1856 г. изъ Петербурга, онъ пробылъ нѣкоторое время въ гостяхъ у королевы ганноверской, сестры своей супруги, затѣмъ у ея родителей въ Саксенъ-Альтенбургѣ, посѣтилъ Дрезденъ, Веймаръ, Штутгартъ; въ февралѣ онъ отправился въ Швецарію и отсюда въ Ниццу, гдѣ произвелъ смотръ русской эскадрѣ. Въ апрѣлѣ великій князь прибылъ въ Парижъ

и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на возвратномъ пути въ Россію, посѣтилъ Англію.

Въ теченіе этого времени секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу, не сочувствовавшій освобожденію крестьянъ, полгода просуществовалъ безплодно. Лишь только Константинъ Николаевичъ вернулся въ Россію, государь Александръ II назначилъ его въ іюлѣ 1857 г. членомъ названнаго комитета. Вступленіе въ комитетъ великаго князя сразу дало сильный толчокъ движенію вопроса. Въ лицѣ Константина Николаевича комитетъ пріобрѣлъ наиболѣе убѣжденнаго и смѣлаго защитника немедленнаго освобожденія крестьянъ. Принявшись за дѣло со свойственною ему энергіей, великій князь имѣлъ рядъ совѣщаній съ оставшимися въ Петербургѣ въ эти лѣтніе мѣсяцы, членами комитета: Орловымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ и Ростовцевымъ, и сговорился съ ними о нѣкоторыхъ началахъ преобразованія. Первыя отважныя усилія его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій, происходившихъ 14-го, 17-го и 18-го августа, большинство комитета, вопреки настояніямъ великаго князя, оставшагося въ меньшинствѣ, признало необходимымъ вести «дѣло улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ» съ осторожностью и постепенностью, предложивъ для начала ограничиться изданіемъ указа о дозволеніи дворянамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями.

Государь утвердилъ мнѣніе большинства комитета; но черезъ три мѣсяца мнѣніе меньшинства, руководимаго великимъ княземъ, восторжествовало. Получивъ адресъ дворянства трехъ сѣверозападныхъ губерній, выразившаго (по внушенію генералъ-губернатора Назимова) желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Государь приказалъ комитету немедленно обсудить главныя основанія реформъ, предложивъ въ руководство проектъ, составленный ранѣе министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Въ восьмидневный срокъ, указанный Государемъ, комитетъ выработалъ знаменитый отвѣтный рескриптъ генералъ-губернатору Назимову 20-го ноября 1857 г.: этимъ рескриптомъ устанавливались главныя начала освобожденія крестьянъ (впослѣдствіи, впрочемъ, измѣненныя) и повелѣвалось открыть дворянскіе комитеты въ трехъ литовскихъ губерніяхъ и общую комиссію въ Вильнѣ, для составленія проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ пояснительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ было указано, что «улучшеніе быта крестьянъ» означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Слова «освобожденіе крестьянъ» были, наконецъ, произнесены. Но въ рескриптѣ Государя и въ бумагѣ Ланского рѣчь шла пока еще не объ общегосударственной реформѣ, а только о мѣстныхъ преобразованіяхъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ. Опасаясь, чтобы реформа не была локализована противниками освобожденія крестьянъ, великій князь предложилъ комитету разослать рескриптъ и пояснительное отношеніе ко всѣмъ губернаторамъ для свѣдѣнія и соображенія. Благодаря настойчивости великаго князя комитетъ одобрилъ эту мѣру. Незначительная на первый взглядъ мѣра, столь своевременно и смѣло проведенная великимъ княземъ, сильно двинула впередъ все дѣло освобожденія. Разсылкою этихъ бумагъ правительство предложило дворянству всѣхъ губерній слѣдовать примѣру дворянства литовскаго и открыто ставило на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ по всей Россіи. Большинство комитета на другой-же день рѣшилось испросить Высочайшее разрѣшеніе на пріостановку разсылки рескрипта,—но было уже поздно: по распоряженію Ланского и Н. А. Милютина бумаги были отпечатаны немедленно, въ ночь на 21-е ноября, и были уже сданы на почту.

Дальнѣйшій сильный толчокъ движенію дѣла дала рѣчь Государя къ петербургскому дворянству 9-го декабря 1857 г. и возвѣщенное въ рескриптѣ 5-го декабря открытіе петербургскаго губернскаго комитета по крестьянскому вопросу. Послѣ этого великому князю, дѣйствовавшему въ согласіи съ великою княгиней Еленой Павловной и Милютинымъ, удалось провести мысль о приданіи дѣлу освобожденія крестьянъ полной гласности. Еще въ августѣ 1857 г. онъ пытался убѣдить членовъ секретнаго комитета въ необходимости огласить предположенныя начала реформы, но тогда встрѣтилъ рѣшительный отпоръ со стороны большинства комитета; теперь, уступая настойчиво выраженному великимъ княземъ мнѣнію, комитетъ согласился на опубликованіе рескриптовъ и въ

особенности министерскихъ циркуляровъ. Въ связи съ этимъ секретный комитетъ 8-го января 1858 г. былъ переименованъ въ «Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу».

Ходъ законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ подробно изложенъ въ біографіи императора Александра II, а потому здѣсь остается упомянуть лишь объ участи Константина Николаевича въ сихъ работахъ. Участіе это въ 1858 г. было менѣе значительно, такъ какъ съ открытіемъ редакціонныхъ комиссій къ нимъ перешелъ центръ тяжести работъ по крестьянскому дѣлу и дѣятельность главнаго комитета почти совершенно прекратилась на полтора года. Великій князь не принималъ участія въ отвѣтственной и сложной работѣ этихъ комиссій по окончательному выясненію главныхъ началъ и разработкѣ всѣхъ подробностей реформы. Въ концѣ ноября 1858 г. онъ отправился въ продолжительное путешествіе за границу.

4 декабря великій князь прибылъ въ Виллафранку, отсюда на фрегатѣ «Громобой» съ русскою эскадрой изъ четырехъ судовъ отплылъ въ Тулонъ и посѣтилъ Парижъ. Съ 22 декабря Константинъ Николаевичъ три мѣсяца прожилъ въ Оливуццѣ близъ Палермо, совершивъ нѣсколько короткихъ поѣздокъ. 6 апрѣля великій князь на фрегатѣ «Громобой» въ сопровожденіи эскадры, отправился въ Грецію, гдѣ осмотрѣлъ Аѳины, затѣмъ—въ Яффу, посѣтилъ Іерусалимъ, и 25 мая прибылъ въ Константинополь, откуда по Черному морю прослѣдовалъ въ Крымъ. Находясь за границей, великій князь внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось на родинѣ, и велъ обширную переписку офиціальную и частную съ русскими государственными дѣятелями.

Члены редакціонныхъ комиссій, съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, защищавшіе преимущественно интересы крестьянъ, стремившіеся къ наибольшему обезпеченію ихъ землей при освобожденіи, знали, что великій князь вполнѣ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ, и увѣренность въ этомъ давала имъ бодрость въ борьбѣ съ противниками. Великій князь слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ законопроекта при дѣятельномъ содѣйствіи своего секретаря А. В. Головнина, который, будучи другомъ Н. А. Милютина и пріятелемъ многихъ членовъ комиссій, всегда зналъ, что въ нихъ происходило. Благодаря этому великій князь ознакомился не только съ существенными сторонами проекта, но и съ мотивами его, которыхъ редакціонныя комиссіи не успѣли изложить въ объяснительной запискѣ, вслѣдствіе поспѣшности ихъ закрытія. Такимъ образомъ онъ явился вполнѣ подготовленнымъ для выполненія возложенной на него Государемъ задачи предсѣдательства въ главномъ комитетѣ во время обсужденія проекта комиссій.

Назначеніе Константина Николаевича въ октябрѣ 1860 г. предсѣдателемъ главнаго комитета, на мѣсто заболѣвшаго кн. А. Ѳ. Орлова, было радостно встрѣчено сторонниками его взглядовъ на проведеніе реформы. Назначеніе это давало великому князю возможность оказать сильное вліяніе на успѣшное окончаніе дѣла, которому онъ горячо сочувствовалъ.

Императоръ Александръ II высоко цѣнилъ важность услугъ, оказанныхъ великимъ княземъ дѣлу освобожденія крестьянъ; въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января 1861 г. онъ горячо благодарилъ его, поцѣловавъ нѣсколько разъ. Въ рескриптѣ великому князю, подписанномъ въ одинъ день съ утвержденіемъ положенія 19 февраля 1861 г., Государь писалъ: «Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ Ваше Императорское Высочество и какъ другіе члены комитета». Впослѣдствіи въ день празднованіи 25-лѣтія своего восшествія на престолъ Александръ II въ своей рѣчи Государственному Совѣту назвалъ великаго князя *«первымъ своимъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ»*.

Въ законодательныхъ работахъ по второй важнѣйшей реформѣ 60-хъ годовъ,—общей судебной реформѣ, великій князь не принималъ прямого участія, но въ начальную ея стадію существенно содѣйствовалъ торжеству идей, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ императора Александра II. Вопросъ объ общемъ преобразованіи суда въ духѣ этихъ идей былъ разрѣшенъ Императоромъ въ сентябрѣ 1862 года, когда имъ утверждены были основныя начала реформы. Между тѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ еще за два года до этого проектировалъ преобразованіе морского судоустройства и судопроизводства на тѣхъ же самыхъ началахъ.

Живо сознавая крайнюю неудовлетворительность и жестокость старыхъ судебныхъ порядковъ, великій князь съ первыхъ же лѣтъ новаго царствованія спѣшилъ устранить нѣкоторые недостатки военно-морского суда частичными мѣропріятіями. Объявленныя по представленіямъ морского министерства Высочайшія повелѣнія 9 марта 1855 г., 4 іюня и 5 октября 1856 г. и 5 мая 1858 г. явились предвѣстниками судебной реформы, устанавливая новый гуманный взглядъ на подсудимыхъ. Этими узаконеніями опредѣлялось, что «лица, состоящія подъ слѣдствіемъ и судомъ, доколѣ не будутъ обвинены, не суть еще преступники и посему могутъ быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всякомъ случаѣ обращеніе съ ними должно быть согласно съ справедливостью и человѣколюбіемъ».

Съ другой стороны приняты были мѣры противъ одного изъ главныхъ золъ стараго письменнаго и тайнаго суда—крайней медленности судопроизводства. Съ цѣлью возможнаго ускоренія его и сокращенія переписки Высочайшимъ повелѣніемъ 22 декабря 1858 года отмѣнены были нѣкоторыя судебныя обрядности и установлены новыя правила письмоводства въ судахъ. Въ 1855 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ была образована особая комиссія для переработки правилъ о наблюденіи за скорѣйшимъ рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и объ отчетности въ ихъ производствѣ.

Наконецъ, въ военно-морской судъ внесено было до извѣстной степени начало гласности. По распоряженію великаго князя, явившемуся важнымъ нововведеніемъ, наиболѣе любопытныя изъ морскихъ судебныхъ дѣлъ начали оглашаться во всеобщее свѣдѣніе на страницахъ «Морского Сборника».

Но всѣ эти мѣропріятія не измѣняли основныхъ началъ стараго военно-морского судопроизводства и поэтому, естественно, не могли привести къ существенному его улучшенію. Видя единственный исходъ изъ прежняго неудовлетворительнаго положенія военно-морского суда въ коренной реформѣ его, великій князь учредилъ въ іюлѣ 1857 г. при аудиторіатскомъ департаментѣ особый комитетъ по пересмотру свода морскихъ уголовныхъ постановленій, поручивъ ему составить проектъ морского суднаго устава на новыхъ, современныхъ началахъ. Эти новыя для Россіи западно-европейскія начала суда оказались недостаточно извѣстными членамъ комитета и для успѣха ихъ работъ великій князь призналъ необходимымъ прежде всего собрать матеріалы заграницей; съ этою цѣлью генералъ-аудиторъ флота, П. Н. Глѣбовъ, былъ командированъ въ 1858 году во Францію и позднѣе въ 1860 г. юрисконсультъ морского министерства Варрандъ—въ Англію. Результатомъ командировки Глѣбова былъ составленный имъ, примѣнительно къ судебнымъ учрежденіямъ Франціи, проектъ устава морского судоустройства и судопроизводства, въ основу которыхъ положены были начала, чуждыя до того времени русскому процессу: самостоятельность судей, состязательный устный процессъ, гласность уголовнаго процесса и обезпеченіе права защиты обвиняемаго. Это были основныя начала судебныхъ уставовъ 1864 года, морское вѣдомство впервые оглашало ихъ въ Россіи офиціально во всеобщее свѣдѣніе.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. великій князь Константинъ Николаевичъ, справедливо гордясь своимъ содѣйствіемъ великой реформѣ 1864 г., замѣтилъ, что проектъ военно-морского судебнаго устава 1860 г. много содѣйствовалъ принятію рѣшенія подвергнуть наше судоустройство и судопроизводство коренному преобразованію, что онъ побудилъ оставить мысль объ улучшеніи прежнихъ судебныхъ порядковъ отдѣльными частичными измѣненіями.

Дѣйствительно, этотъ проектъ, напечатанный въ 1860 г., за два года до утвержденія основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (29 сентября 1862 г.), тотчасъ же былъ разосланъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, судебнымъ чинамъ (предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и губернскимъ прокурорамъ), а также юристамъ, профессорамъ университетовъ. Въ слѣдующемъ же году морское министерство напечатало два тома «Отзывовъ и замѣчаній разныхъ лицъ на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ».

Этотъ проектъ самъ по себѣ отличался многими существенными недостатками. Провозгласивъ необходимость реформы суда на новыхъ началахъ и формулировавъ ихъ въ самомъ уставѣ и въ объяснительной запискѣ вполнѣ опредѣленно, составители проекта отчасти не съумѣли, отчасти не рѣшились вполнѣ послѣдова-

тельно провести эти начала въ проектированныхъ ими учрежденіяхъ. Настаивая на независимости судебной власти отъ административной, они вслѣдъ затѣмъ, во имя военной дисциплины, безусловно подчиняли слѣдователей командирамъ портовъ, образовывали морскіе суды изъ лицъ, подчиненныхъ тѣмъ же командирамъ и т. п. Старанія составителей ввести состязательный элементъ въ судебный процессъ также не увѣнчались успѣхомъ. Проектъ не удовлетворялъ вообще своею непослѣдовательностью юристовъ и потому впослѣдствіи былъ существенно переработанъ. Онъ имѣлъ, однако, весьма важное значеніе въ общемъ ходѣ судебной реформы, какъ первый офиціальный проектъ, въ которомъ, благодаря рѣшимости великаго князя, безъ всякихъ уступокъ приняты были два великія начала судопроизводства: устное судоговореніе и гласность, и было открыто признано превосходство двухъ другихъ западно-европейскихъ началъ суда: самостоятельности судей и обезпеченія права защиты обвиняемаго. Въ проектѣ ярко выражено назрѣвшее сознаніе полной неудовлетворительности стараго суда и намѣченъ былъ правильный путь для реформы.

Великій князь, выйдя изъ области подлежащихъ его непосредственному вѣдѣнію вопросовъ морского управленія, и не ожидая почина отъ спеціальныхъ судебныхъ вѣдомствъ, своимъ проектомъ смѣло поставилъ на очередь общую судебную реформу. Всѣ поняли значеніе этого шага великаго князя Константина Николаевича и большинство восторженно привѣтствовало его проектъ, какъ «зарю прекрасной будущности для Россіи». Нѣкоторые находили неудобнымъ преобразовать морскіе суды, оставивъ въ общихъ судахъ всю прежнюю систему; но большинство поддерживало такую частную реформу, въ увѣренности, что «введеніе морского проекта въ дѣйствіе неминуемо повлечетъ коренное преобразованіе всего судоустройства и судопроизводства какъ военнаго, такъ и гражданскаго». «Морское вѣдомство, писалъ К. П. Побѣдоносцевъ, хочетъ положить начало, показать примѣръ на практикѣ. Благослови Боже это благое начинаніе морского вѣдомства».

Для переработки первоначальнаго проекта военно-морского судебнаго устава въ 1861 году учреждена была особая комиссія. Въ началѣ 1862 г. дѣйствія ея были пріостановлены, въ виду начавшагося въ это время обсужденія вопроса объ общемъ преобразованіи судебной части въ Имперіи. Затѣмъ, немедленно по утвержденіи основныхъ положеній этой реформы, образована была 2 ноября 1862 г. новая комиссія изъ представителей военнаго и морского вѣдомствъ для начертанія общихъ основныхъ положеній военнаго и военно-морского суда. По утвержденіи Государемъ —25 октября 1865 г.— основныхъ положеній преобразованія военно-судной части, выработанъ былъ къ началу 1866 года представителями морского и военнаго вѣдомствъ подробный проектъ уставовъ военно-уголовнаго судоустройства и судопроизводства. Великій князь генералъ-адмиралъ руководилъ этимъ дѣломъ въ полномъ согласіи съ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, неуклонно держась основныхъ принциповъ «Судебныхъ уставовъ» 1864 года. Въ 1866 г., 4 іюля, былъ учрежденъ для обсужденія проекта военно-судебнаго устава особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя. Послѣ подробнаго обсужденія этого проекта въ комитетѣ, онъ былъ исправленъ и утвержденъ Государемъ 15 мая 1867 г.

Кромѣ реформъ крестьянской и судебной имя великаго князя Константина Николаевича тѣсно связано также и съ третьей крупной реформой царствованія Александра II, —отмѣной тѣлесныхъ наказаній.

Энергичный противникъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній вообще, великій князь Константинъ Николаевичъ не находилъ возможнымъ дѣлать въ этомъ вопросѣ исключеніе для военно-морской службы и его не останавливалъ примѣръ передовой Англіи, сохранявшей тѣлесныя наказанія во флотѣ. При посредствѣ органа своего вѣдомства, «Морского Сборника», великій князь первый началъ подготовлять почву для уничтоженія шпицрутеновъ, кошекъ и розогъ. Онъ не только стремился къ отмѣнѣ жестокихъ наказаній, но шелъ гораздо дальше, безусловно воспретивъ, въ 1860 г., морскимъ офицерамъ собственноручныя расправы съ матросами.

Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбужденъ былъ кн. Н. А. Орловымъ въ бытность его посланникомъ въ Брюсселѣ. Въ мартѣ 1861 г. онъ представилъ Государю записку о необходимости этой реформы; въ составленіи записки кн.

Орлову помогалъ генералъ-аудиторъ П. Н. Глѣбовъ.

Великій князь тотчасъ же горячо привѣтствовалъ и поддержалъ гуманное начинаніе кн. Орлова. «Тѣлесныя наказанія, писалъ великій князь въ своемъ офиціальномъ заключеніи по этому вопросу, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей». Употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, находилъ онъ, не достигаетъ цѣли: «ни жестокость тѣлесныхъ казней и наказаній, ни частое употребленіе ихъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній и неумѣренное употребленіе ихъ, безъ крайней въ томъ необходимости и безъ достаточнаго зрѣлаго обсужденія проступка виновнаго, могутъ ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія»,

Великій князь энергично настаивалъ на неотложности отмѣны наказаній плетьми и шпицрутенами, которыя въ сущности, какъ указывалъ кн. Орловъ, были не только жестокою пыткой, но и мучительною смертною казнью, такъ какъ наказаніе шпицрутенами весьма часто оканчивалось смертью преступника; великій князь предлагалъ узаконить отмѣну этихъ наказаній по военному и морскому вѣдомствамъ немедленно и не ожидая соотвѣтствующаго распоряженія по гражданскому вѣдомству. Рѣшительный голосъ великаго князя Константина Николаевича особенно повліялъ на изданіе гуманнаго закона 17 апрѣля 1863 г., потому что онъ возставалъ противъ жестокихъ наказаній, хотя и являлся представителемъ морского вѣдомства, въ которомъ необходимость желѣзной дисциплины, казалось, оправдывала строгость наказаній болѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Освобожденіе печатнаго слова отъ предварительной цензуры совершилось также въ значительной степени благодаря вліянію вел. кн. Константина Николаевича. Дѣйствуя болѣе самостоятельно въ своей спеціальной области морскаго управленія, онъ первый допустилъ въ концѣ 50-хъ годовъ гласное обсужденіе проектовъ преобразованій, задуманныхъ морскимъ вѣдомствомъ, и не только по военно-морской спеціальности, но даже иногда и по вопросамъ, имѣвшимъ общегосударственное значеніе. На страницахъ органа морского министерства, «Морскаго Сборника», впервые началось гласное обсужденіе новыхъ началъ воспитанія и судоустройства. Обсужденіе поставленнаго морскимъ министерствомъ вопроса о реформѣ морского воспитанія, естественно, вызывало обсужденіе вопроса о наилучшей системѣ воспитанія вообще. Извѣстныя статьи Пирогова «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь», напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1856 и 1860 гг., явились крупною новостью въ нашей литературѣ по той свободѣ, съ которою трактовались въ нихъ новыя гуманныя начала воспитанія. Въ статьяхъ Глѣбова и Яневича-Яневскаго въ 1857 г. впервые допущено было гласное обсужденіе новыхъ началъ судоустройства и судопроизводства.

«Морской Сборникъ», издававшійся подъ ближайшимъ наблюденіемъ великаго князя, превратился въ живой органъ, въ которомъ разрабатывались самые существенные и жгучіе общественные вопросы. Въ мемуарахъ современника, Валуева, замѣчено объ этомъ времени, что «газеты наши живутъ только перепечатками изъ «Морского Сборника». Журналъ этотъ, естественно, получилъ широкую популярность въ русскомъ обществѣ; число его частныхъ подписчиковъ возросло въ 1857 г. до 1,680. Нѣсколько позднѣе онъ печатался въ количествѣ 5,000 экземпляровъ. Въ гласномъ обсужденіи реформъ великій князь видѣлъ лучшее средство для ихъ успѣха. Онъ считалъ необходимымъ снять покровъ тайны, скрывавшій отъ общества дѣятельность администраціи. По распоряженію его, явившемуся смѣлымъ для того времени нововведеніемъ, въ «Морскомъ Сборникѣ» начали съ 1853 г. оповѣщаться во всеобщее свѣдѣніе правительственныя распоряженія по морскому вѣдомству, донесенія о плаваніяхъ, извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ и ревизій. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ въ 1880 г. великій князь говоритъ, что «такого рода гласность, придаваемая дѣйствіямъ всѣхъ служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, приносила несомнѣнную пользу вліяніемъ страха общественнаго порицанія». Въ этомъ-же отчетѣ онъ, упоминая о томъ, что смѣты до 1858 г. со-

ставляли государственную тайну, замѣчаетъ: «Морское министерство было первое, которое уничтожило у себя эту вредную для пользы дѣла таинственность, ввело печатаніе смѣтъ и сдѣлало ихъ такимъ образомъ предметомъ гласнаго обсужденія».

Великій князь имѣлъ косвенное вліяніе и на нѣкоторыя изъ тѣхъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, въ которыхъ онъ не принималъ непосредственнаго участія, поддерживая дѣятелей, посвящавшихъ имъ свои силы и во многихъ случаяхъ выдвинутыхъ имъ самимъ. Сочувствіе и поддержка Константина Николаевича обезпечены были министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину въ его мѣропріятіяхъ по отношенію къ печати и въ проведеніи университетскаго устава 1863 г. Великій князь высоко цѣнилъ знаменитаго дѣятеля эпохи реформъ Н. А. Милютина и всегда готовъ былъ ему содѣйствовать. Когда въ февралѣ 1861 г. Милютинъ подалъ просьбу объ отпускѣ, видя, что онъ не пользуется полнымъ довѣріемъ Государя, Головнинъ 1 марта сообщилъ ему о слѣдующемъ своемъ разговорѣ съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ: «Я видѣлъ утромъ великаго князя, но мнѣ не удалось убѣдить Его Высочество стать на вашу точку зрѣнія. Великій князь настаивалъ на своемъ мнѣніи, что вы должны быть утверждены въ вашей должности товарища министра». Вслѣдъ затѣмъ, 3 марта, Головнинъ пишетъ Милютину о новомъ разговорѣ съ великимъ княземъ: «Его Высочество долго бесѣдовалъ со мною. Онъ находилъ, что вы болѣе, чѣмъ кто-либо другой, необходимы для великаго дѣла и что вы должны замѣстить Ланского. Онъ хочетъ самъ переговорить (объ этомъ съ Государемъ)». Великій князь относился, какъ сообщаетъ Головнинъ, «съ искренней симпатіей и уваженіемъ къ Милютину»; онъ живо интересовался его планомъ земской реформы. Черезъ день послѣ подписанія манифеста 19 февраля великій князь просилъ Милютина сообщить его мысли по этому вопросу и получилъ отъ него 22 февраля записку о введеніи въ Россіи земскаго самоуправленія.

Предполагавшееся великимъ княземъ назначеніе Н. А. Милютина на постъ министра внутреннихъ дѣлъ не состоялось. Однако, при назначеніи новыхъ министровъ въ концѣ 1861 г. и началѣ 1862 г. Государь выбралъ себѣ нѣсколько новыхъ сотрудниковъ изъ кружка государственныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ вел. кн. Константина Николаевича и одинаково съ нимъ убѣжденныхъ въ необходимости коренныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ А. В. Головнинъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ, съ 1850 г., секретаремъ при Константинѣ Николаевичѣ; военное министерство ввѣрено было Д. А. Милютину, министерство финансовъ—А. Х. Рейтерну, который преобразовалъ систему счетоводства въ морскомъ вѣдомствѣ.

Горячая пора преобразованій начала 60-хъ годовъ ознаменовалась революціоннымъ движеніемъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ самомъ началѣ этого движенія императоръ Александръ II пытался прекратить его политикой примиренія, избѣгая насилія. Глубоко проникнутый гуманными идеями эпохи великій князь Константинъ Николаевичъ вполнѣ сочувствовалъ этой системѣ успокоенія Польши и принялъ должность намѣстника императора въ Царствѣ Польскомъ въ наиболѣе критическое время, когда въ царствѣ грозилъ разразиться со дня на день открытый вооруженный мятежъ. 27 мая 1862 г. подписанъ былъ Высочайшій указъ о назначеніи великаго князя на должность намѣстника, съ подчиненіемъ ему на правахъ главнокомандующаго всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ. Другимъ указомъ того же числа Государь облекалъ намѣстника, какъ своего представителя, полною властью, за исключеніемъ власти законодательной и дѣлъ чрезвычайной важности, подлежавшихъ рѣшенію самого Императора. Поддерживая въ царствѣ порядокъ, безопасность и спокойствіе великій князь въ предѣлахъ административной власти уполномоченъ былъ дѣйствовать чрезъ посредство подчиненныхъ ему начальника гражданскаго управленія, маркиза Велепольскаго, и командующаго войсками. 15-го іюня на жизнь предмѣстника великаго князя, генерала Лидерса, произведено было покушеніе въ Варшавѣ: выстрѣломъ изъ пистолета неизвѣстный ранилъ его тяжело въ лицо. Великій князь Константинъ Николаевичъ поспѣшилъ тогда въ столицу Царства Польскаго на свой опасный постъ. 20 іюня онъ прибылъ

въ Варшаву вмѣстѣ съ супругою, Ея Высочествомъ Александрою Іосифовною. На другой же день, 21 іюня, при выходѣ великаго князя изъ театра, сдѣланъ былъ и въ него выстрѣлъ изъ пистолета въ упоръ. Пуля, пройдя чрезъ эполету, легко ранила его въ плечо.

На пріемѣ въ замкѣ великій князь сказалъ чиновникамъ и почетнымъ лицамъ изъ поляковъ, явившимся поздравить его съ чудеснымъ спасеніемъ: «Вотъ уже второе преступленіе въ одну недѣлю. Провидѣніе охранило меня и я считаю этотъ случай счастливымъ, потому что онъ указываетъ краю на то, какъ далеко зашла зараза. Я глубоко убѣжденъ, что благородная и великодушная польская нація отвергаетъ всякое соучастіе въ покушеніяхъ такого рода, но словъ недостаточно: нужно дѣло. Братъ мой желаетъ вашего счастья, вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Расчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить мою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что только въ моихъ силахъ». Обратясь къ графу Замойскому великій князь спросилъ: «Вы, графъ, одобряете меня? Такъ дайте же руку» и взявъ также за руку маркиза Велепольскаго прибавилъ: «Прошу, господа, вашего содѣйствія. Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ».

Въ полномъ согласіи съ великимъ княземъ-намѣстникомъ маркизъ Велепольскій энергично принялся за исполненіе своей программы примиренія путемъ уступокъ политическимъ притязаніямъ поляковъ. Нѣкоторыя отрасли управленія, почта и пути сообщенія, были изъяты отъ подчиненности подлежащимъ вѣдомствамъ имперіи; всѣ должности мѣстной администраціи отъ высшихъ (главныхъ директоровъ правительственныхъ комиссій и губернаторовъ) и до низшихъ были замѣщены природными поляками; польскій языкъ введенъ въ официальную переписку властей. Военное положеніе постепенно отмѣнено было въ пяти губерніяхъ царства. Великій князь намѣстникъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ помилованія. Къ концу сентября 1862 г. изъ общаго числа 499 осужденныхъ имъ прощены были 289 человѣкъ.

Но политика примиренія не остановила мятежнаго движенія; революціонныя демонстраціи не прекращались. Въ началѣ слѣдующаго 1863 г. великій князь намѣстникъ увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Военное положеніе, отмѣненное въ нѣсколькихъ губерніяхъ, было вновь введено по всему пространству Царства Польскаго. Объявлено Высочайшее повелѣніе о примѣненіи порядка сокращеннаго военно-полеваго суда къ мятежникамъ, взятымъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшія изъ имперіи войска начали преслѣдованіе отрядовъ повстанцевъ.

Кровавая борьба съ мятежными поляками продолжалась уже полгода, но возстаніе продолжало развиваться. Великій князь все-таки не желалъ принять тѣ крайнія мѣры строгости, при помощи коихъ успѣшно подавлено было возстаніе въ другихъ мѣстностяхъ и оставилъ должность намѣстника въ Царствѣ Польскомъ.

Въ рескриптѣ, тогда же данномъ великому князю, Государь слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ высокую цѣль, преслѣдовавшуюся имъ при управленіи Польшей: «Призвавъ ваше императорское высочество въ прошедшемъ году къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ моего намѣстника, я желалъ выразить мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, мною Царству дарованнымъ. Самое назначеніе любезнаго мнѣ брата было ручательствомъ моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края. Вполнѣ постигнувъ мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокою мыслію примиренія, ваше имераторское высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ имперіи, чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ вамъ указанномъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества... Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія вашего императорскаго высочества моимъ намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему въ лицѣ любезнаго мнѣ брата залога благосклонныхъ намѣреній моихъ»...

Въ концѣ октября 1863 г. великій князь вмѣстѣ съ августѣйшей супругой выѣхалъ черезъ Крымъ въ продолжительное заграничное путешествіе. Первую половину ноября онъ провелъ въ Вѣнѣ, затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ—въ германскихъ княжествахъ Баденѣ, Дармштадтѣ, и Альтенбургѣ, у родственнаго ему герцога.

1 января 1865 г. великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; но прежде чѣмъ перейти къ изложенію дѣятельности великаго князя въ Совѣтѣ, мы считаемъ удобнымъ представить очеркъ многолѣтняго управленія его морскимъ министерствомъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ находился во главѣ управленія морскимъ вѣдомствомъ 28 лѣтъ, съ 1853 по 1881 годъ.

Время это было однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ переходныхъ періодовъ въ исторіи флотовъ вообще и русскаго въ особенности. Въ кораблестроеніи совершался коренной переворотъ; крупныя техническія открытія и усовершенствованія въ этой области слѣдовали одно за другимъ. Положеніе нашего морского вѣдомства, въ сравненіи съ другими державами, было особенно затруднительнымъ, такъ какъ знанія русскихъ техниковъ оказались далеко не на высотѣ новыхъ требованій кораблестроенія.

Едва успѣли мы съ большими трудами создать въ замѣну отживавшихъ свои дни парусныхъ судовъ нѣсколько военныхъ колесныхъ пароходовъ, какъ введеніе въ военное кораблестроеніе винтовыхъ двигателей уничтожило значеніе этихъ судовъ. Въ Крымскую войну Англія и Франція, противопоставивъ намъ вмѣстѣ съ парусными судами и колесными пароходами, нѣсколько вновь построенныхъ винтовыхъ кораблей, совершенно парализовали дѣйствія нашего флота. Едва удалось намъ вслѣдъ затѣмъ, по примѣру этихъ державъ, построить деревянныя суда съ винтовыми двигателями, какъ послѣ 1863 г. на смѣну деревяннымъ явились желѣзныя суда, обшитыя бронею, и мы должны были употреблять новыя чрезвычайныя усилія, чтобы организовать дѣло сооруженія броненосцевъ.

Явившіяся въ 1854 г. въ Черное и Балтійское моря англійскія и французскія суда съ винтовыми двигателями не были для насъ совершенною новостью. Винтовые корабли новаго типа начали сооружаться заграницей задолго до того и наше морское министерство еще въ 1846 году приступило къ постройкѣ перваго русскаго винтового фрегата «Архимедъ». Это судно было спущено на воду въ Петербургѣ въ 1848 году; оно окончило, однако, свою службу въ самомъ-же началѣ, потерпѣвъ крушеніе во время пасмурной погоды 6 октября 1850 г. у острова Борнгольма. Учрежденный при морскомъ министерствѣ особый пароходный комитетъ внимательно слѣдилъ за ходомъ усовершенствованій по части примѣненія пара къ военному судостроенію, но, по замѣчанію великаго князя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1880 г., «тяжелой машинѣ тогдашней нашей морской администраціи требовалось очень много времени, чтобы при посредствѣ безчисленныхъ письменныхъ и другихъ формальностей довести каждое предположеніе до исполненія»; при томъ считали нужнымъ ждать «дальнѣйшихъ усовершенствованій, послѣдняго слова въ теоріи и практикѣ, и не рѣшались рисковать затратою денегъ». Только чрезъ три года послѣ постройки «Архимеда» нашли нужнымъ приступить къ постройкѣ двухъ винтовыхъ фрегатовъ и къ передѣлкѣ, по примѣру Англіи, трехъ парусныхъ кораблей въ винтовые. Корпуса строились въ Россіи, но машины для всѣхъ пяти судовъ были заказаны въ Англіи. Въ виду полной неподготовленности нашихъ казенныхъ адмиралтействъ и заводовъ къ новой, сложной работѣ постройки винтовыхъ механизмовъ, морское вѣдомство не рѣшалось приступить къ постройкѣ машинъ въ Россіи и не принимало мѣръ для подготовки нашихъ техниковъ и заводовъ къ этимъ работамъ. Ближайшій опытъ показалъ настоятельную необходимость строить военныя суда собственными средствами; изъ числа заказанныхъ въ Англіи машинъ мы успѣли получить до Крымской войны только двѣ, а остальныя три были конфискованы англійскимъ правительствомъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло сооруженія новыхъ винтовыхъ кораблей при вступленіи великаго князя Константина Николаевича въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ. Великому князю предстояла трудная задача создать новый винтовой флотъ; Крымская война заставила спѣшить съ этимъ дѣломъ. Въ

декабрѣ 1854 г. императоръ Николай повелѣлъ экстренно соорудить къ навигаціи 1855 г. шхерную паровую флотилію изъ 38 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ. Въ слѣдующемъ году велѣно было изготовить немедленно еще 35 винтовыхъ лодокъ того-же типа и приступить къ постройкѣ большихъ винтовыхъ судовъ: 8 кораблей, 3 фрегатовъ и 6 клиперовъ.

Неудачный опытъ изготовленія въ Англіи паровыхъ механизмовъ, окончившійся ихъ конфискаціей, принудилъ морское вѣдомство приступить къ изготовленію машинъ въ Россіи, несмотря на полную неподготовленность казенныхъ верфей и заводовъ. Въ трудные годы тяжелой войны, въ виду непріятеля, великій князь генералъ-адмиралъ долженъ былъ положить начало нашей независимости отъ иностранныхъ заводовъ. Казенные верфи и заводы были наскоро приспособлены къ новымъ работамъ и дѣятельность ихъ доведена до крайняго напряженія; одновременно поручено было частнымъ заводамъ изготовленіе винтовыхъ механизмовъ при содѣйствіи со стороны морского вѣдомства. Благодаря чрезвычайной энергіи, проявленной въ этомъ дѣлѣ морскимъ министерствомъ, менѣе чѣмъ въ два года создана была цѣлая флотилія изъ 75 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, построено 14 корветовъ съ артиллеріей по 11 пушекъ, и всѣ эти суда были снабжены механизмами русской работы. Кромѣ того, къ концу войны находились въ постройкѣ 8 кораблей, 3 фрегата и 6 клиперовъ съ винтовыми двигателями; достроены они были уже по окончаніи войны.

Неопытность въ дѣлѣ постройки судовъ новаго типа и вынужденная обстоятельствами чрезмѣрная спѣшность работъ имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ то, что эти первыя русскія винтовыя суда оказались съ большими изъянами; употребленный на нихъ матеріалъ, лѣсъ и желѣзо, далеко не удовлетворяли требованіямъ. Такъ, напримѣръ, корабль «Ретвизанъ», спущенный на воду въ 1855 г., черезъ три года во время плаванія въ Средиземномъ морѣ, получилъ значительный переломъ корпуса. Фрегатъ «Аскольдъ», несмотря на обнаруженныя имъ во время кругосвѣтнаго плаванія прекрасныя морскія качества, также не обладалъ достаточною крѣпостью корпуса и въ 1858 г. штормъ въ Китайскомъ морѣ расшаталъ его во всѣхъ частяхъ.

Несмотря на это, постройка указанныхъ судовъ принесла существенную пользу, какъ первая попытка нашего освобожденія отъ иностранной зависимости въ дѣлѣ судостроенія. Съ этого времени основою судостроительной дѣятельности морского министерства стало: сооруженіе флота въ Россіи изъ русскихъ матеріаловъ силами русскихъ техниковъ и мастеровъ. Съ этою цѣлью морское вѣдомство рѣшило капитально перестроить адмиралтейства, углубить гавани, расширить и построить новые доки, соорудить новые заводы, мастерскія и склады, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими машинами и механизмами. Принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы дать возможность русскимъ мастерамъ и техникамъ пріобрѣсти заграницей необходимыя знанія и опытность, и чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ иностранные техники и мастера замѣнены были въ нашихъ адмиралтействахъ русскими людьми. Частнымъ заводамъ давались заказы на постройку судовъ и механизмовъ, несмотря на то, что они строились здѣсь медленнѣе, обходились въ первое время дороже и требовали передѣлокъ,—морское вѣдомство не останавливалось передъ пожертвованіями для поддержанія частной судостроительной и механической промышленности, сознавая, что излишнимъ расходомъ мы оплачивали въ этомъ случаѣ нашу самостоятельность въ дѣлѣ, соединенномъ съ безопасностью государства. Трудности и неудачи, сопутствовавшія неуклонному преслѣдованію этихъ цѣлей, доставили главному руководителю дѣла, великому князю, по его собственному признанію, «много тяжкихъ минутъ испытанія и разочарованія», но со стороны Государя онъ встрѣчалъ постоянно поддержку и полное сочувствіе.

Послѣ экстренныхъ работъ во время войны морское вѣдомство, по заключеніи Парижскаго мира, приступило къ систематическому сооруженію судовъ новаго типа съ винтовыми двигателями. Парусныя суда и колесные пароходо-фрегаты отжили свое время.

Въ 1857 г., во время заграничной поѣздки, великій князь ознакомился съ морскими силами Англіи и Франціи и по возвращеніи въ Россію такъ охарактеризовалъ свое положеніе, какъ главы

морского вѣдомства, въ письмѣ къ князю Барятинскому: «Я теперь ничто иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота и который только что видѣлъ своими глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ. Мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота». Въ основу одобреннаго затѣмъ Государемъ плана сооруженія флота великій князь положилъ мысль, которая раньше поставлена была цѣлью для дѣятельности морского вѣдомства императоромъ Николаемъ: «Россія должна быть первоклассною морскою державою, занимать въ Европѣ третье мѣсто по силѣ флота послѣ Англіи и Франціи, и должна быть сильнѣе союза второстепенныхъ морскихъ державъ».

Отъ программы, начертанной великимъ княземъ, пришлось, однако, немедленно отступить вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій. Постройку судовъ по этой программѣ предположено было начать съ 1858 г.; но смѣта морского министерства на этотъ годъ была сокращена почти на 3.000,000 р. и кромѣ того, министерство должно было передать въ государственное казначейство свои капиталы на сумму болѣе 2.000,000. Въ послѣдующее время до 1862 г. кредиты морского министерства также урѣзывались, такъ что размѣры судостроенія пришлось согласовать не столько съ предначертанною программой, сколько съ затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства.

Въ періодъ времени съ 1856 по 1863 г. сооружено было 26 винтовыхъ судовъ: 3 трехдечныхъ корабля, 7 фрегатовъ, 6 корветовъ, 7 клиперовъ и 3 морскія канонерскія лодки. Изъ числа этихъ судовъ только пять было построено заграницей; а механизмовъ, несмотря на всѣ усилія морского вѣдомства, только девять удалось изготовить въ Россіи — остальные пришлось заказать заграницею.

Постройка этихъ судовъ произведена была въ общемъ весьма успѣшно; при сооруженіи ихъ удалось избѣжать ошибокъ, сдѣланныхъ при работахъ во время Крымской войны; большая часть новыхъ судовъ по своимъ морскимъ и боевымъ качествамъ не уступали судамъ тѣхъ-же типовъ сильнѣйшихъ иностранныхъ флотовъ. 70-ти-пушечный фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ» стяжалъ славу лучшаго парового и паруснаго судна не только у насъ, но и заграницей. Тревожныя политическія обстоятельства въ 1862 и 1863 гг. дали возможность провѣрить результаты дѣятельности морского вѣдомства по части судостроенія подъ управленіемъ великаго князя и провѣрка оказалась всецѣло въ его пользу: въ 1852 и 1853 гг. морское вѣдомство съ трудомъ могло выбрать изъ многочисленнаго состава балтійскаго флота для отправленія въ Тихій океанъ только три парусные судна, дошедшія туда послѣ многочисленныхъ исправленій въ различныхъ портахъ,—теперь, въ 1862 г., оказалось возможнымъ отправить въ Сѣверную Америку по первому требованію двѣ эскадры изъ 6-ти винтовыхъ судовъ каждая, вполнѣ отвѣчавшихъ современнымъ требованіямъ, при чемъ одна изъ эскадръ, снаряженная экстренно въ двѣ недѣли, перешла изъ Кронштадта въ Нью-Іоркъ, не зайдя ни въ одинъ портъ.

Между тѣмъ дни этого, только что созданнаго съ большими усиліями, деревяннаго винтового флота были уже сочтены. Едва лишь морское вѣдомство успѣло прочно организовать постройку новыхъ судовъ, приспособивъ къ тому адмиралтейства и заводы и усвоивъ всѣ улучшенные пріемы, какъ появленіе на западѣ желѣзныхъ броненосныхъ судовъ, на смѣну деревянныхъ, лишь обшитыхъ бронею, заставило насъ снова перестраивать весь флотъ.

Первыя броненосныя суда, батареи, обшитыя желѣзными плитами въ четыре дюйма толщиною, сооружены были во Франціи и испытаны они были впервые въ 1855 г. при взятіи нашей черноморской крѣпости Кинбурна; по примѣру Франціи приступила къ постройкѣ броненосныхъ судовъ и Англія, въ 1859 г.

Морское вѣдомство зорко слѣдило за первыми шагами этихъ державъ въ дѣлѣ пересозданія флота. Великій князь генералъ-адмиралъ, начиная съ 1858 г., неоднократно докладывалъ Государю о начинающемся новомъ радикальномъ переворотѣ въ морскомъ судостроеніи и указывалъ на необходимость приступить къ постройкѣ броненосцевъ; каждый годъ, при обсужденіи смѣты морского министерства, онъ обращалъ на это вниманіе Государственнаго Совѣта. Въ ожиданіи отпуска необходимыхъ средствъ на сооруженіе броненосцевъ морское министерство до 1861 г. должно было ограничиваться только пред-

варительными опытами надъ желѣзными плитами и листами для обшивки судовъ. Но въ 1861 г. англійскій и французскій флоты, вслѣдствіе постройки броненосцевъ, получили такой перевѣсъ надъ нашимъ деревяннымъ флотомъ, что медлить долѣе было невозможно. Броненосныя суда нанесли такой же ударъ существованію деревянныхъ, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ винтовыя суда парусному флоту. Великій князь рѣшился, не ожидая особыхъ ассигнованій, обратить на броненосное судостроеніе всѣ средства ограниченной смѣты своего вѣдомства, оставивъ въ сторонѣ самыя настоятельныя потребности флота, какъ напримѣръ практическія плаванія. Въ этомъ году заказано было въ Англіи первое русское броненосное судно—батарея «Первенецъ» и приглашенъ былъ въ Петербургъ англійскій заводчикъ Митчель и англійскіе мастера, для постройки на Галерномъ островѣ другой броненосной батареи того же типа «Не тронь меня». Знаменитая побѣда 8 марта 1862 г. броненосца «Мерримакъ» надъ пятью деревянными, винтовыми и парусными судами послужила блестящимъ подтвержденіемъ настоятельности начатаго великимъ княземъ сооруженія броненосныхъ судовъ. Но побѣдитель деревянныхъ судовъ «Мерримакъ», фрегатъ стараго типа лишь обшитый бронею, въ свою очередь былъ побѣжденъ, на другой же день послѣ упомянутаго боя, небольшимъ судномъ «Мониторъ»; это былъ вновь изобрѣтенный американцами башенный желѣзный броненосецъ; имя этого судна, «Мониторъ», стало нарицательнымъ. Великій князь генералъ-адмиралъ, получивъ извѣстіе объ этой битвѣ, немедленно командировалъ въ Америку двухъ моряковъ для ознакомленія съ броненосцемъ новаго типа.

Возникшія у насъ съ Англіею въ 1863 г. политическія несогласія по польскому вопросу, грозившія возможностью разрыва съ этою державою, дали сильный толчокъ сооруженію русскаго броненоснаго флота. Особый комитетъ, учрежденный для обсужденія мѣръ по оборонѣ Кронштадта и столицы, призналъ, что Кронштадтъ невозможно отстоять противъ англійскаго флота безъ помощи броненосныхъ судовъ.

При такихъ обстоятельствахъ на морское вѣдомство возложена была задача употребить всѣ возможныя усилія и немедленно соорудить броненосную флотилію для обороны Кронштадта и столицы. Это экстренное порученіе не застало морское вѣдомство неподготовленнымъ. Двѣ броненосныхъ батареи уже строились, одна въ Англіи, другая въ Петербургѣ. Техника броненоснаго желѣзнаго судостроенія заключала въ себѣ много новаго; но русскіе морскіе техники не были уже въ это время столь безпомощными, какъ десять лѣтъ назадъ. Морское министерство дѣйствовало съ чрезвычайною энергіей, соотвѣтствовавшею обстоятельствамъ. Немедленно построены были новые эллинги и мастерскія, отчасти приспособлены старые. Не прошло года, какъ на воду Кронштадтскаго рейда спущены были 10 мониторовъ американской системы Эриксона и одна двухбашенная броненосная лодка, построенная на русскихъ казенныхъ и частныхъ верфяхъ; команды были обучены заранѣе въ выстроенныхъ на берегу моделяхъ башень. Кромѣ того въ 1864—1865 годахъ достроена была приведенная изъ Англіи въ неоконченномъ видѣ батарея «Первенецъ» и двѣ батареи, строившіяся въ Россіи, и кромѣ того передѣланы были въ броненосныя суда два деревянныхъ фрегата.

Эти 16 судовъ, построенныя въ два-три года, послужили началомъ нашего новаго броненоснаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Въ боевомъ отношеніи они оказались вполнѣ удовлетворительными, несмотря на спѣшность ихъ постройки. Въ 1865 г. великій князь ходилъ съ девятью мониторами и двумя батареями въ Швецію для испытанія ихъ въ плаваніи. Это плаваніе, между прочимъ, показало, что наши мониторы, хотя и построенные въ цѣляхъ обороны береговъ, не лишены были до извѣстной степени качествъ мореходныхъ судовъ; они хорошо выдерживали свѣжую погоду и хорошо слушались руля.

Полный переворотъ въ судостроеніи, замѣнившій деревянные корпуса судовъ желѣзными и покрывшій ихъ тяжелой бронею, заставилъ во второй разъ совершенно заново перестроить наши адмиралтейства въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и на Ижорѣ и создать новые казенные заводы. Въ то же время, несмотря на огромныя затрудненія, морскому министерству удалось вызвать къ жизни нѣсколько новыхъ частныхъ заводовъ, желѣзодѣлательныхъ, механическихъ и судостроительныхъ. При посредствѣ постоянныхъ морскихъ агентовъ

и инженеровъ, въ большомъ числѣ командированныхъ заграницу, министерство слѣдило шагъ за шагомъ за иностранными изобрѣтеніями и усовершенствованіями въ дѣлѣ судостроительной техники. Всѣ новыя броненосныя суда, за исключеніемъ одной упомянутой выше батареи «Первенецъ», были построены въ 1861—1864 гг. въ Россіи; только время отъ времени мы еще обращались къ заграничнымъ заводамъ съ заказами механизмовъ и брони и то по бо́льшей части единственно для того, чтобы имѣть образцы для подражанія и дать доступъ русскимъ инженерамъ и мастерамъ на иностранные заводы для изученія производства.

Морское министерство, руководимое великимъ княземъ, шло въ дѣлѣ уничтоженія нашей технической и промышленной зависимости отъ иностранцевъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, впереди другихъ вѣдомствъ. Дѣятельность его въ этомъ направленіи Государь поставилъ въ примѣръ всѣмъ другимъ министрамъ, повелѣвъ 6 октября 1866 г.: «прекратить на будущее время правительственные заказы заграницей, подобно тому, какъ это уже приведено въ исполненіе по морскому вѣдомству и затѣмъ всѣ заказы какъ военнаго министерства, такъ и другихъ вѣдомствъ исполнять внутри государства, несмотря ни на какія затрудненія или неудобства, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ». Нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, какъ съ удовольствіемъ вспоминалъ впослѣдствіи в. кн. Константинъ Николаевичъ, весьма сочувственно отозвался о стремленіи его обезпечить независимость Россіи отъ Англіи въ дѣлѣ судостроенія. «Je n' hésite point, писалъ баронъ Брунновъ кн. А. М. Горчакову въ 1865 г., à rendre le plus juste hommage à la prévoyance, avec laquelle le ministère Impérial de la marine a reconnu la nécessité de créer chez nous des établissements maritimes, propres à faire face aux besoins de nos constructions navales. Cette disposition, prise à temps, aura pour résultat de rendre la Russie indépendante du bon vouloir de l'Angleterre, sur lequel il n'est jamais sûr de compter avec trop de confiance».

При сооруженіи первыхъ броненосныхъ судовъ имѣлась въ виду единственно оборона Кронштадта; они должны были противостать иностранному флоту въ случаѣ попытки его форсировать проходъ къ столицѣ. Броненосцы поэтому строились съ малымъ углубленіемъ и по недостаточной быстротѣ хода и поворотливости не годились для дальнихъ плаваній по океану. Такое же оборонительное назначеніе имѣла слѣдующая серія броненосныхъ судовъ, построенныхъ въ періодъ времени съ 1864 по 1867 г.г., а именно: два двухбашенныхъ фрегата «Адмиралъ Спиридовъ» и «Адмиралъ Чичаговъ», два трехбашенныхъ фрегата «Адмиралъ Грейгъ» и «Адмиралъ Лазаревъ» и двѣ двухбашенныхъ лодки: «Чародѣйка» и «Русалка». Эти суда по своимъ мореходнымъ качествамъ стояли выше своихъ предшественниковъ и кромѣ главнаго своего назначенія, защиты прибрежій, годились также для плаваній по Финскому заливу и вдоль береговъ Балтійскаго моря. Къ концу 1869 г. у насъ былъ на Балтійскомъ морѣ броненосный флотъ изъ 23 судовъ, покрытыхъ бронею отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ дюймовъ, имѣвшихъ 61390 тоннъ водоизмѣщенія, 7110 номинальныхъ силъ машинъ, 162 орудія большаго калибра, которыя выбрасывали съ одного борта (а башенныя суда изъ всѣхъ орудій) залпъ вѣсомъ 24,256 фунтовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ работъ великій князь считалъ выполненнымъ возложенное на него дѣло сооруженія оборонительнаго флота для защиты Кронштадта. Назначенная по его просьбѣ въ 1870 г. Императоромъ особая комисія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена, нашла, что новый флотъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію и признала нужнымъ, для лучшей обороны Кронштадта, построить еще лишь нѣсколько мелкосидящихъ канонерскихъ лодокъ. Такихъ лодокъ типа «Ерша», съ машинами въ 30 номинальныхъ силъ, каждая съ однимъ нарѣзнымъ орудіемъ большого калибра, построено было съ 1873 по 1880 годъ—пять.

Выполняя программу сооруженія оборонительнаго броненоснаго флота, великій князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставлялъ совершенно мысли о будущемъ соперничествѣ съ иностранными флотами въ открытомъ морѣ и, какъ только это представилось возможнымъ, поспѣшилъ положить начало постройки броненосцевъ для дальнихъ плаваній. Въ 1864 г. заложенъ былъ на Галерномъ островѣ нашъ первый мореходный броненосецъ «Князь Пожарскій», по системѣ, только что изобрѣтенной англій-

скимъ заводчикомъ Ридомъ. Но это судно вышло весьма неудачнымъ. Послѣ пробныхъ плаваній 1869—1871 г.г. фрегатъ былъ передѣланъ по указаніямъ генералъ-адъютанта Попова; въ 1873 г. онъ былъ отправленъ для стаціонерной службы въ Средиземное море и явился первымъ нашимъ броненосцемъ въ дальнихъ водахъ, внѣ Балтійскаго моря. По возвращеніи фрегата въ Кронштадтъ оказалось необходимымъ сдѣлать въ немъ новыя значительныя исправленія по корпусу и механизму; но и послѣ передѣлокъ, продолжавшихся два года, не удалось придать ему скорости хода большей, чѣмъ въ 11,7 узловъ въ часъ.

Фрегатъ «Князь Пожарскій» съ такою слабою скоростью, съ водоизмѣщеніемъ въ 4505 тоннъ, съ броневыми плитами въ 4 и 4½ дюйма, стоимостью до 1½ милліона рублей, оказывался слабымъ судномъ въ сравненіи съ строившимися въ это время на западѣ новыми броненосцами для дальняго плаванія, громадныхъ, небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Иностранныя броненосныя суда успѣшно совершали уже кругосвѣтныя плаванія; водоизмѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ превышало уже 10.000 тоннъ, толщина брони доходила до 12, а на башняхъ до 14 дюйм.; 9-ти, 10-ти и 11-ти-дюймовая артиллерія входила въ обычное вооруженіе; судовые механизмы доводились до 8,500 индикаторныхъ силъ. Полуторамилліонная затрата на постройку одного судна, еще такъ недавно поражавшая своею громадностью, стала ничтожною въ сравненіи со стоимостью новыхъ иностранныхъ броненосцевъ.

Несмотря на крайнюю тягость такихъ затратъ, мы должны были немедленно приступить къ сооруженію мореходныхъ броненосцевъ новаго типа. При необыкновенно быстромъ ходѣ развитія кораблестроенія и артиллеріи, въ дѣлѣ созданія этихъ судовъ нельзя было уже ограничиваться только заимствованіемъ. Для того, чтобы идти по возможности въ уровень съ другими державами, необходима была самостоятельная работа, необходимо было самимъ производить дорогіе и рискованные опыты, такъ какъ, при постоянномъ движеніи впередъ техники судостроенія, рѣшаясь строить судно по испытанному уже на западѣ образцу, мы рисковали создать судно устарѣвшаго типа. Теперь у насъ было уже достаточно знаній и опытности для того, чтобы, идя по слѣдамъ западныхъ судостроителей, до извѣстной степени дѣйствовать самостоятельно. Въ 1867 г. морское министерство приступило къ самостоятельной разработкѣ чертежей башеннаго мореходнаго броненосца и затѣмъ одобрило проектъ двухбашеннаго броненосца, выработанный контръ-адмираломъ Поповымъ, и въ основныхъ чертахъ совпадавшій съ англійскими брустверными мониторами Рида. Въ 1869 г. начата была постройка судна по этому проекту; сначала оно названо было «Крейсеромъ», а затѣмъ 30 мая 1872 г., въ день празднованія двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, получило славное имя основателя русскаго флота. Броненосецъ «Петръ Великій» былъ спущенъ на воду 22 августа 1872 г. и зачисленъ въ судовой списокъ въ рангѣ корабля. Изготовленіе механизма въ 1400 номинальныхъ силъ, броневыхъ плитъ толщиною до 12 дюймовъ и окончательная отдѣлка корпуса продолжались еще болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что только въ 1877 г. корабль могъ начать кампанію въ полной боевой готовности. Медленность постройки этого судна не можетъ быть, однако, поставлена въ упрекъ русскимъ судостроителямъ. Однотипный съ нимъ англійскій броненосецъ «Thunderer» строился еще болѣе продолжительное время. «Петръ Великій» оправдалъ возлагавшіяся на него надежды; въ изданныхъ англичанами таблицахъ ему отведено было первое мѣсто какъ сильнѣйшему броненосцу во всѣхъ иностранныхъ флотахъ 1876 г. Крупнымъ недостаткомъ его была недостаточная быстрота хода; машины, изготовленныя на заводѣ Берда, при испытаніи ихъ не развили обусловленной по контракту индикаторной силы; вмѣсто предполагавшейся по проекту скорости хода въ 14 узловъ, наибольшая средняя скорость получилась въ 12,35 узла. Броненосецъ, кромѣ того, не имѣлъ рангоута и, такимъ образомъ, не могъ парусами возмѣстить недостатокъ машины.

Между тѣмъ, съ конца 60-хъ годовъ иностранцы, сначала американцы, а по примѣру ихъ и англичане, направили главныя усилія на сооруженіе быстроходныхъ броненосцевъ новаго типа, которые удовлетворяли бы всѣмъ требованіямъ океанской крейсерской службы. Новые броненосные крейсеры, имѣя большіе размѣры и грозную артиллерію, вмѣстѣ съ тѣмъ достигали большой скорости хода, благодаря сильнымъ паро-

вымъ машинамъ и большой площади парусности. Въ началѣ 1869 г. великій князь возбудилъ вопросъ о сооруженіи судовъ этого типа для нашего флота, поручивъ контръ-адмиралу Попову составить чертежи быстроходнаго океанскаго крейсера изъ желѣза, съ броневымъ поясомъ по ватерлиніи и съ полнымъ рангоутомъ. Въ 1870 г. съ разрѣшенія Государя начата была постройка по одинаковымъ чертежамъ двухъ судовъ этого типа, фрегатовъ: «Генералъ-Адмиралъ» и «Герцогъ Эдинбургскій» (сначала названный «Александръ Невскій»). Вслѣдствіе недостатка средствъ постройка этихъ судовъ была разсрочена на нѣсколько лѣтъ; она значительно затянулась также вслѣдствіе неуспѣшности работъ на строившихъ ихъ частныхъ заводахъ невскомъ, балтійскомъ и заводѣ Берда (изготовлявшемъ машину для второго фрегата); эти крейсеры были приведены въ полную боевую готовность первый только черезъ девять, а второй черезъ десять лѣтъ. Фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ» былъ спущенъ на воду въ 1873 г.; сооруженіе его было закончено въ 1878 г., но онъ не былъ въ этомъ году отправленъ въ дальнее плаваніе, такъ какъ въ механизмѣ его обнаружились существенные недостатки, которые затѣмъ были исправлены лишь черезъ годъ, къ закрытію навигаціи 1879 г.—Фрегатъ «Герцогъ Эдинбургскій» былъ спущенъ на воду, вслѣдствіе разстройства дѣлъ на балтійскомъ заводѣ, лишь въ 1875 г., а установка машины и вооруженіе его закончены были къ навигаціи 1881 г.

Еще дольше строился третій броненосный крейсеръ, фрегатъ «Мининъ», начавшій свою морскую службу въ 1878 г. Продолжительность его постройки обусловлена была, однако, не недостатками нашихъ заводовъ, а неоднократными уже во время работъ измѣненіями первоначальнаго проекта судна. Этотъ фрегатъ начали строить въ 1864 г. по типу казематтированнаго мореходнаго броненосца, съ машиною въ 450 номинальныхъ силъ; успѣхи кораблестроенія и артиллеріи въ Англіи заставили сдѣлать въ проектѣ, во время постройки, значительныя измѣненія, съ цѣлью снабдить судно машиною въ 800 силъ и вооружить болѣе сильной артиллеріей. Затѣмъ, когда «Мининъ» уже былъ спущенъ на воду, достройка его была пріостановлена вслѣдствіе гибели однотипнаго съ нимъ англійскаго фрегата «Captain», опрокинувшагося у береговъ Испаніи. Въ 1874 г. рѣшено было существенно передѣлать корпусъ судна, чтобы обратить его въ океанскій крейсеръ по типу «Генералъ-Адмирала». Передѣлка эта исполнена была довольно удачно и «Мининъ» обнаружилъ прекрасныя морскія качества подъ парусами, а подъ одними парами достигъ скорости хода въ 14 узловъ.

Приступая къ постройкѣ судовъ для дальняго плаванія, великій князь имѣлъ въ виду образовать четыре отряда, каждый въ составѣ трехъ крейсеровъ. По плану, начертанному имъ въ 1869 г., четыре отряда необходимы для того, чтобы нашъ флагъ постоянно развѣвался въ водахъ далекаго Тихаго океана. Въ то время, какъ одинъ изъ отрядовъ находится въ Тихомъ океанѣ, другой идетъ туда ему на смѣну, третій возвращается въ Россію; четвертый же отрядъ стоитъ въ Кронштадтѣ, приготовляясь къ трехгодичной службѣ въ океанѣ. Броненосные крейсеры, фрегаты «Генералъ-Адмиралъ», «Герцогъ Эдинбургскій», «Мининъ» и слабѣйшій изъ нихъ «Князь Пожарскій» должны были стоять во главѣ этихъ четырехъ отрядовъ, въ составъ коихъ входили бы еще по два крейсера, не обшитыхъ бронею. Къ сооруженію такихъ вспомогательныхъ судовъ меньшей силы морское министерство приступило въ 1873 г. Суда эти предположено было строить изъ желѣза, безъ брони, съ усовершенствованными машинами, дающими большую скорость хода при значительной экономіи въ топливѣ, и съ нарѣзною артиллеріей. Первымъ построенъ въ 1875 г. клиперъ «Крейсеръ», затѣмъ совершенно такого же типа и тѣхъ же размѣровъ—еще три клипера: «Джигитъ», «Разбойникъ» и «Стрѣлокъ», въ теченіе 1876—1879 г.г. По другой, смѣшанной системѣ (желѣзный корпусъ съ деревянною обшивкой) построены были къ 1881 г. четыре клипера для крейсерской службы: «Наѣздникъ», «Пластунъ», «Вѣстникъ» и «Опричникъ».

Кромѣ того, въ виду натянутыхъ отношеній нашихъ къ Англіи, весною 1878 г. куплено было въ Америкѣ три купеческихъ парохода, которые перестроены были въ военные крейсеры на американскихъ верфяхъ при участіи экстренно посланныхъ въ Америку въ мартѣ 1878 г. русскихъ морскихъ офицеровъ, техниковъ

и матросовъ (672 человѣка). Эти крейсеры названы были: «Европа», «Африка», «Азія»; къ нимъ присоединился четвертый крейсеръ «Забіяка», одновременно построенный по нашему заказу въ Америкѣ. Тѣ же политическія обстоятельства вызвали въ январѣ 1878 г. экстренную постройку 100 миноносокъ; изъ нихъ только десять заказаны были въ Германіи; остальныя быстро сооружены были на нашихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ, къ концу навигаціи 1878 года.

Въ послѣдній годъ управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ мы имѣли, такимъ образомъ, для дальняго плаванія, одинъ большой броненосецъ «Петръ Великій», четыре броненосныхъ крейсера, и 14 крейсеровъ безъ брони, изъ коихъ 8 построено было въ Россіи и четыре заграницей. Этотъ новый нашъ флотъ по качествамъ судовъ былъ въ общемъ ниже лучшихъ иностранныхъ, такъ какъ наши казенные и особенно частные заводы не вполнѣ удовлетворяли строгимъ требованіямъ кораблестроенія. Броненосные крейсеры, наиболѣе сильныя и дорогія суда новаго флота, задуманы были прекрасно. Англичане немедленно заимствовали характеристическія ихъ особенности; въ англійскомъ парламентѣ офиціально было заявлено, что «русскимъ первымъ удалось осуществить идею броненосныхъ крейсеровъ съ броневымъ поясомъ по ватерлиніи». Но исполненіе этихъ новыхъ судовъ было вообще ниже проектовъ. Мы говорили уже о томъ, какъ долго строились и затѣмъ передѣлывались и чинились не только первыя суда изъ этой серіи «Князь Пожарскій» и «Мининъ», но и сооруженныя позднѣе, лучшія — фрегаты «Генералъ-Адмиралъ» и «Герцогъ Эдинбургскій». И послѣ всѣхъ исправленій навигація 1880 г., несчастная вообще для нашего флота, обнаружила въ нихъ крупные недостатки. Въ ноябрѣ 1880 г., во время жестокаго шторма въ Бискайскомъ заливѣ, на фрегатѣ «Генералъ-Адмиралъ» расшатались палубы и упала за бортъ дымовая труба. потому что, какъ объяснялъ командиръ судна, она была сдѣлана непомѣрно высокой, чтобы усилить тягу и развить контрактное число индикаторныхъ силъ на офиціальной пробѣ машины. Фрегатъ «Герцогъ Эдинбургскій» при выходѣ изъ Кронштадта въ первое заграничное плаваніе имѣлъ чрезмѣрную суточную прибыль воды: въ носовомъ отдѣленіи 27 дюймовъ, а въ кормовомъ—29. Изъ неброненосныхъ клиперовъ нѣкоторые вышли удачными и обнаружили хорошія морскія качества; машина на клиперѣ «Разбойникъ», изготовленная въ Россіи, развила большее число индикаторныхъ силъ, чѣмъ было условлено въ контрактѣ, и дала скорость хода болѣе 12½ узловъ. Хорошую скорость хода имѣлъ также клиперъ смѣшанной системы «Наѣздникъ», благодаря машинѣ, построенной въ Англіи (болѣе 13 узловъ). За то весьма неудачная машина изготовлена была для перваго изъ этой серіи клиперовъ «Крейсера»; она не дала скорости судну болѣе 8 узловъ; послѣ безуспѣшныхъ исправленій ея, рѣшено было поставить совершенно новую машину. Клиперъ «Опричникъ» былъ посланъ въ Средиземное море въ октябрѣ 1880 г. невполнѣ готовымъ: пробивая ледъ около Кронштадта, онъ не только ободралъ обшивку, но и расшаталъ свой легкій корпусъ; на переходѣ до Кале онъ все время давалъ большую течь и явился въ Гавръ совершеннымъ инвалидомъ; при осмотрѣ клипера въ докѣ оказалось, что у него сильно поврежденъ корпусъ (переломился продольный стрингеръ у бимсовъ жилой палубы и одинъ изъ шпангоутовъ далъ трещину) и что у него не проконопачены палубы.

Таковы были въ общихъ чертахъ успѣхи и недостатки нашего судостроенія на Балтійскомъ морѣ. Въ то время, какъ здѣсь сооружался новый флотъ для дальняго плаванія, на Черномъ морѣ намъ пришлось ограничиться на первое время лишь сооруженіемъ судовъ, спеціально приспособленныхъ для защиты побережья.

Вопросъ о сооруженіи Черноморской оборонительной флотиліи броненосцевъ, возбужденный впервые въ 1863 г., былъ окончательно разрѣшенъ въ январѣ 1870 г. Главныя основанія этого дѣла установлены были особымъ совѣщаніемъ изъ представителей министерствъ военнаго, морского и финансовъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было произвести на Черномъ морѣ опытъ постройки проектированнаго контръ-адмираломъ Поповымъ круглаго броненоснаго судна. Смѣлая мысль адмирала Попова была осуществлена по энергичнымъ настояніямъ великаго князя. Новые броненосцы, извѣстныя «поповки», возбудили всеобщій

интересъ и рѣзко осуждались большинствомъ. Но для правильной оцѣнки этихъ судовъ необходимо принимать во вниманіе тѣ спеціальныя цѣли, которымъ они должны были удовлетворять. При выборѣ типа судовъ для Чернаго моря имѣлось въ виду единственно «дополненіе плавучею оборонною береговыхъ укрѣпленій Керченскаго пролива и Днѣпровско-Бугскаго лимана». Эта именно задача поставлена была морскому вѣдомству Государемъ, согласно заключенію особаго совѣщанія, при чемъ велѣно было «всѣ подробности при разработкѣ чертежей строго подчинить требованіямъ военно-сухопутнаго инженернаго вѣдомства». Проектъ адмирала Попова былъ отвѣтомъ на требованія, предъявленныя военнымъ вѣдомствомъ. Круглая форма судна давала ему возможность, при весьма маломъ углубленіи (около 13 футъ) носить самую толстую броню и артиллерію изъ орудій наибольшаго калибра, удовлетворяя цѣли обороны прибрежья. Первая поповка, броненосецъ «Новгородъ» (съ водоизмѣщеніемъ въ 2450 тоннъ, машинами въ 480 силъ, и бронею, въ 12 дюймовъ) была спущена въ воду въ 1873 году; вторая, болѣе крупныхъ размѣровъ, «Вице-адмиралъ Поповъ»—въ 1876 г. (водоизмѣщеніе 3550 тоннъ, броня—14 и 16 дюймовъ, машина въ 480 силъ). Эти суда несомнѣнно удовлетворили своему назначенію—служить плавучими фортами, въ помощь сухопутнымъ крѣпостямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они оказались не лишенными и извѣстныхъ мореходныхъ качествъ въ отношеніи поворотливости, плавности качки, незначительности размаховъ, устойчивости орудійной платформы. Недостаточная быстрота хода—въ $7^1/_2$ и $8^1/_2$ узловъ—обусловливалась не столько формою судна, сколько слабостью машины. Великій князь, живо интересуясь судьбою идеи круглаго судна, совершилъ лѣтомъ 1879 г. плаваніе на поповкѣ «Вице-адмиралъ Поповъ» изъ Ялты въ Батумъ и обратно и вынесъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Онъ полагалъ, что при дальнѣйшей разработкѣ вопроса, круглымъ судамъ можетъ быть дана большая скорость хода и что они окажутся пригодными для дальнихъ плаваній въ открытомъ морѣ. Но эти ожиданія не сбылись; когда оставлена была защищаемая великимъ княземъ мысль о сооруженіи на Черномъ морѣ судовъ съ исключительно оборонительною цѣлью, оставлена была и разработка типа круглыхъ броненосцевъ.

За время управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ, наравнѣ съ преобразованіемъ военнаго судостроенія, подверглась коренному преобразованію и морская артиллерія.

Неудовлетворительное состояніе нашей морской артиллеріи 40-хъ годовъ не замедлило обратить на себя вниманіе августѣйшаго генералъ-адмирала. На судахъ и въ арсеналахъ находилось до 15.000 орудій, но около половины ихъ было отлито еще въ прошломъ столѣтіи; суда вооружались безъ всякой системы орудіями самыхъ разнообразныхъ системъ и калибровъ. Пользуясь имѣвшимися орудіями, великій князь усилилъ вооруженіе судовъ посредствомъ частичныхъ усовершенствованій и различныхъ новыхъ приспособленій. Вооруженіе было улучшено, насколько возможно, подборомъ соотвѣтствующихъ орудій изъ имѣвшихся запасовъ; станки были исправлены и приспособлены для дальней и быстрой стрѣльбы; введены были новые прицѣлы и новые дальномѣры, которые были проектированы лично великимъ княземъ, и т. д. Производству артиллерійскихъ опытовъ придана была правильная организація. Для этой цѣли была учреждена особая комиссія, сначала временная—въ Кронштадтѣ, затѣмъ, съ 1855 г.—постоянная въ Петербургѣ. Для подготовки спеціалистовъ артиллерійскаго дѣла, по мысли великаго князя, изложенной въ докладѣ императору Николаю I, въ іюнѣ 1850 г. учреждено образцовое артиллерійское судно, которое должно было готовить комендоровъ на весь балтійскій флотъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ артиллеріи, судно это замѣнено было цѣлымъ артиллерійскимъ отрядомъ. Послѣ Крымской войны, въ декабрѣ 1857 г., окончательно выработаны были основанія перевооруженія флота. Новыя пушки 60-ти и 36-ти фунтоваго калибра были скоро изготовлены на отечественныхъ олонецкихъ заводахъ и въ навигацію 1861 г. боевыя суда балтійскаго флота были уже вооружены 1608 орудіями, не уступавшими заграничнымъ и достаточно сильными для дѣйствія по деревяннымъ судамъ того времени.

Это перевооруженіе флота закончено было какъ разъ наканунѣ коренного переворота въ морской артиллеріи, вызваннаго появленіемъ броненосцевъ. Сильнѣйшія

пушки старыхъ системъ разомъ оказались безсильными для борьбы противъ новыхъ судовъ, окованныхъ бронею. Артиллерія бросилась искать совершенно новыхъ путей. Началась упорная борьба между бронею и пушкою, незаконченная и донынѣ. Очень скоро измѣнились не только калибръ орудій, но и самый ихъ матеріалъ, конструкція, всѣ принадлежности: станки, снаряды, порохъ. Чугунъ замѣненъ былъ сталью, гладкіе стволы нарѣзными и скрѣпленными рядомъ колецъ, заряжаніе съ дула—заряжаніемъ съ казенной части. Морскія державы, встревоженныя тѣмъ беззащитнымъ положеніемъ, въ которое ихъ вдругъ поставило появленіе броненосныхъ судовъ, не щадили ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы возстановить свою безопасность, создавъ артиллерію, которая могла бы быть грозною для брони.

Наше положеніе было несравненно хуже, чѣмъ другихъ великихъ державъ, такъ какъ наши заводы были не въ силахъ не только соперничать съ иностранными, но даже слѣпо подражать имъ. Морское вѣдомство внимательно слѣдило за артиллерійскими новинками заграницей, добытыя свѣдѣнія провѣряло опытами, но это еще не давало намъ пушекъ. Въ августѣ 1861 г., когда перевооруженіе флота только что было закончено, великій князь представилъ Государю свои соображенія о необходимости немедленно положить начало выдѣлкѣ большекалиберныхъ орудій новаго образца и просилъ учредить для разсмотрѣнія этого вопроса комитетъ изъ представителей трехъ заинтересованныхъ вѣдомствъ—морского, военнаго и горнаго. Незадолго передъ тѣмъ русскому горному инженеру Обухову удалось выработать хорошую литую сталь и изготовить 12-ти фунтовую пушку, которая въ началѣ 1861 г. выдержала испытаніе также удовлетворительно, какъ и пушка завода Круппа того же калибра. Успѣхъ работъ Обухова далъ основаніе комитету, учрежденному подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Путятина, признать возможнымъ изготовленіе новой стальной артиллеріи въ Россіи, безъ помощи иностранныхъ заводовъ, пользуясь способомъ литья стали, изобрѣтеннымъ Обуховымъ. Комитетъ призналъ необходимымъ немедленно приступить къ устройству сталепушечнаго завода около Петербурга, какъ пункта, близкаго къ средоточію флота. Министерство финансовъ, однако, не рѣшалось отпустить крупнаго капитала на постройку казеннаго завода для изготовленія новыхъ орудій. Тогда морскому министерству удалось образовать частное товарищество изъ трехъ лицъ, Обухова, Путилова и Кудрявцева, которые, получивъ въ задатокъ отъ морского вѣдомства до 930,000 р., немедленно, въ 1863 г., приступили къ постройкѣ сталелитейнаго завода, получившаго затѣмъ названіе Обуховскаго. Устройство завода пошло на первыхъ порахъ успѣшно. Но черезъ годъ дѣла завода оказались въ весьма критическомъ положеніи, и товарищество въ октябрѣ 1864 г. потребовало новой субсидіи въ 460,000 р. Великій князь рѣшилъ не отступать передъ затратами и довести до конца дѣло созданія русскаго сталепушечнаго завода, чтобы не оставлять снабженіе флота пушками въ зависимости отъ иностранцевъ. Заводу была выдана новая ссуда въ 460.000 р. Долгъ товарищества морскому министерству достигъ 1.300,000 р. и въ виду этого министерство признало необходимымъ взять подъ свой непосредственный надзоръ всѣ операціи завода. Вслѣдъ затѣмъ успѣхи артилерійской техники привели къ необходимости расширить средства завода, построить новыя мастерскія, пріобрѣсти новые механизмы для отдѣлки орудій, заряжающихся съ казенной части. Вслѣдствіе этого заводу въ іюлѣ 1865 г. была выдана новая ссуда въ 1.300,000 р.; но и эта ссуда была не послѣдней — долгъ завода казнѣ достигъ громадной суммы 4.682.797 р., прежде чѣмъ издѣлія его начали хотя сколько-нибудь погашать выданныя ссуды. Въ 1871 г. заводъ успѣшно выполнилъ заказъ сухопутнаго артилерійскаго вѣдомства и съ слѣдующаго года поставка орудій какъ морскому, такъ и военному вѣдомству пошла уже безъ всякихъ остановокъ. Къ 1877 г. заводъ исполнилъ казенныхъ заказовъ на 5.318.000 и началъ быстро погашать свой долгъ. Въ отношеніи достоинства выдѣлываемыхъ пушекъ Обуховскій заводъ сравнялся съ лучшими изъ иностранныхъ пушечныхъ заводовъ и пріобрѣлъ всѣ средства для самостоятельнаго совершенствованія конструкціи и выдѣлки орудій, не отставая отъ успѣховъ иностранной техники. Производство пушекъ было прочно водворено въ Россіи. Къ 1880 г. всѣ боевыя суда нашего флота были вооружены нарѣзными стальными

пушками, изъ коихъ большая часть была сдѣлана въ Россіи (498 пушекъ было обуховскихъ и 198 крупповскихъ). Энергія великаго князя и его дѣятельнаго сотрудника, адмирала Краббе, въ этомъ дѣлѣ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. «Исторія Обуховскаго завода, говоритъ великій князь въ своемъ отчетѣ въ 1880 г., есть почти вся исторія морской артиллеріи за прошлое двадцатипятилѣтіе. На него мы возлагали всѣ наши надежды; черные дни его неудачъ были тяжелы для лицъ, принявшихъ на себя водвореніе въ Россіи сталепушечнаго производства своею нравственною отвѣтственностью, но они кромѣ того требовали много твердости характера и вѣры, чтобы не отступить предъ неудачами. Успѣхи и безпримѣрное развитіе, котораго достигъ потомъ заводъ, служатъ теперь утѣшеніемъ и гордостью морского вѣдомства».

Къ числу видныхъ преобразованій, совершившихся въ области военно-морского дѣла—за время управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ—относится также вооруженіе судовъ подводными минами.

По примѣру сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наше морское вѣдомство въ 60-хъ годахъ самостоятельно занялось разработкой миннаго дѣла. Въ 1868 г. клиперъ «Гайдамакъ», отправленный въ Тихій океанъ, былъ вооруженъ минами на откидныхъ шестахъ. Въ 1874 г. управленіе минною частью было сосредоточено въ одномъ лицѣ, затѣмъ въ Кронштадтѣ былъ устроенъ минный офицерскій классъ, со школою для нижнихъ чиновъ, для подготовленія матросовъ-минеровъ. Морское вѣдомство внимательно слѣдило за иностранными новинками въ этой области, вводя у насъ сначала цилиндрическія шестовыя мины, которыя были употреблены въ дѣло лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ въ послѣднюю русско-турецкую войну, затѣмъ буксирныя мины Гарвея, ручныя пироксилиновыя мины и др. Наконецъ, у англичанина Уайтгеда въ 1876 г. купленъ былъ секретъ изобрѣтенныхъ имъ самодвижущихся минъ. Нѣсколько офицеровъ и матросовъ послано было на заводъ изобрѣтателя и новыя мины начали успѣшно изготовляться въ Россіи.

Рядомъ съ созданіемъ новаго флота, по мѣрѣ быстрыхъ успѣховъ западно-европейской кораблестроительной техники, великому князю генералъ-адмиралу предстояла другая, не менѣе трудная задача обновленія личнаго состава флота, образованія моряковъ, стоящихъ на высотѣ новыхъ требованій военно-морской службы. Длиннымъ рядомъ крупныхъ мѣропріятій, коснувшихся разнообразнѣйшихъ сторонъ жизни морскихъ офицеровъ и матросовъ, положеніе личнаго состава флота было реформировано до основанія.

Уничтоженіе нашего черноморскаго флота въ Крымскую войну произвело избытокъ въ личномъ составѣ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформа кораблестроенія съ необычайно возроставшею дороговизной постройки судовъ, вела къ уменьшенію числа судовъ въ нашемъ флотѣ, также какъ въ иностранныхъ, и къ соотвѣтственному сокращенію морскихъ командъ. Поэтому вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира морское вѣдомство приняло мѣры къ уменьшенію излишняго числа офицеровъ, расширивъ увольненіе ихъ на коммерческія суда, на выгодныхъ условіяхъ, и ограничивъ пріемъ въ морскія учебныя заведенія. Вслѣдъ затѣмъ съ Высочайшаго разрѣшенія послѣдовало въ 1859 и 1860 г.г. усиленное увольненіе въ резервъ старослужащихъ моряковъ, при чемъ уволено было адмираловъ и генераловъ—21 и 640 штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ то же время приняты были мѣры къ сильному сокращенію числа нижнихъ чиновъ во флотѣ. Въ 1855 г. флотскихъ нижнихъ чиновъ было болѣе 125.000. Въ 1859 г. число ихъ сократилось до 51.663; а съ 1868 по 1879 г. равнялось въ среднемъ 25.000 (отъ 20.986 до 28.920). Столь значительное сокращеніе числа нижнихъ чиновъ обусловлено было отчасти уменьшеніемъ числа военныхъ судовъ, а главнымъ образомъ постоянною заботой великаго князя о возможномъ сокращеніи береговыхъ командъ, такъ называемыхъ «нестроевыхъ» нижнихъ чиновъ; великій князь при этомъ стремился къ тому, чтобы рекрутскою повинностью не отвлекать отъ плуга и отъ свободнаго промышленнаго труда ни одного лишняго человѣка, за исключеніемъ людей, необходимыхъ для дѣйствительной службы во флотѣ. Начиная съ 1859 г. упразднены были всѣ береговыя команды, не несшія вовсе морской боевой службы: портовыя роты, ластовые экипажи, употреблявшіеся для валовыхъ работъ и карауловъ; въ результатѣ численность береговой команды, превышавшая въ 1855 г. 63.000, пала къ концу 1879 г. до 822 человѣкъ. Казенный рекрутскій

трудъ матроса на берегу замѣненъ былъ, гдѣ только было возможно, вольнонаемнымъ. Убѣжденный сторонникъ вольнаго труда, великій князь не остановился предъ возраженіями большинства современныхъ дѣятелей, сжившихся съ старыми порядками и утверждавшихъ, что дѣло созданія и поддержанія флота въ Россіи немыслимо вести безъ помощи казеннаго, подневольнаго труда. Предсказанія этихъ лицъ не оправдались,—замѣчаетъ великій князь въ своемъ отчетѣ въ 1880 г., съ чувствомъ удовлетворенія успѣшностью проведенной имъ реформы.

Въ 1857 г., одновременно съ началомъ упраздненія береговыхъ командъ, великій князь возбудилъ вопросъ объ уничтоженіи въ морскомъ вѣдомствѣ худшаго вида береговой службы—званія деньщиковъ, всего менѣе соотвѣтствующаго назначенію военнаго матроса. Но въ этомъ случаѣ ему не удалось немедленно достигнуть поставленной цѣли. Задуманная великимъ княземъ мѣра встрѣчена была столь энергичными возраженіями, что онъ долженъ былъ уступить на время своимъ противникамъ. Тѣмъ не менѣе, начавъ въ 1860 г. съ отмѣны, въ видѣ опыта, назначенія деньщиковъ къ береговымъ офицерамъ, великій князь, постепенно сокращая число деньщиковъ, достигъ къ 1879 г. полнаго упраздненія этого званія во флотѣ. Казенная прислуга во флотѣ осталась лишь въ видѣ ограниченнаго числа вѣстовыхъ на судахъ во время плаванія. Въ результатѣ этихъ мѣропріятій въ 1880 г. изъ общаго числа нижнихъ чиновъ во флотѣ—93,5% несли дѣйствительную военно-морскую службу, тогда какъ въ 1855 г. число строевыхъ матросовъ равнялось лишь 54,4% общаго числа нижнихъ чиновъ.

Въ видахъ улучшенія личнаго состава флота морское вѣдомство приняло мѣры къ тому, чтобы рекруты во флотъ набирались въ мѣстностяхъ приморскихъ или прирѣчныхъ изъ населенія, свыкшагося съ морскими или рѣчными промыслами. Еще въ 1853 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы изъ губерній Архангельской и Астраханской, какъ прилегающихъ къ морю, всѣ рекруты поступали на укомплектованіе флота. Въ виду немногочисленности приморскихъ жителей въ Россіи морское вѣдомство обратило особенное вниманіе на прирѣчное населеніе и командировало нѣсколько молодыхъ писателей для собранія свѣдѣній о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно развито рѣчное судоходство и промыслы. Въ то же время морское министерство при преобразованіи морскихъ учебныхъ заведеній въ 1862 г. установило новыя правила пріема учениковъ въ морское училище съ такимъ расчетомъ, чтобы флотскими офицерами становились люди, имѣющіе особенную склонность къ мореплаванію. Въ это училище положено было принимать юношей въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ, при чемъ поступающимъ въ училище дозволено было, еще до пріемнаго экзамена, участвовать въ пробныхъ плаваніяхъ на учебныхъ судахъ, чтобы испытать свои способности къ морской службѣ. Эти правила, однако, не достигли цѣли; въ 1873 г. пріемъ молодыхъ людей на пробныя плаванія былъ отмѣненъ, а затѣмъ при морскомъ училищѣ открыты были приготовительные классы для малолѣтнихъ воспитанниковъ отъ 12 лѣтъ.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для возвышенія личнаго состава флотскихъ офицеровъ было улучшеніе матеріальнаго ихъ положенія, которое должно было привлечь въ морскую службу лучшія силы. Великій князь возбудилъ вопросъ объ увеличеніи денежнаго содержанія офицеровъ въ первые же годы своего управленія морскимъ вѣдомствомъ, придавая этому вопросу большую важность. Оклады жалованья флотскихъ офицеровъ до 1856 г. были крайне недостаточны; рядомъ узаконеній, начиная съ 1859 г., они были увеличены въ крупныхъ размѣрахъ; постоянные офицерскіе оклады повышены были, смотря по должности, болѣе, чѣмъ въ 3, $2^1/_2$, $1^1/_2$ раза (для лейтенанта на 68%); оклады заграничнаго плаванія увеличены отъ 11 до 42%, морского внутренняго плаванія—отъ 30 до 74%. Для лицъ, прослужившихъ долгое время во флотѣ, опредѣлены пособія на воспитаніе дѣтей. Учрежденіе эмеритальной пенсіонной кассы на капиталъ въ $1^1/_2$ милліона изъ остатковъ по морскому вѣдомству въ скоромъ времени дало возможность прекрасно обезпечивать выходящихъ въ отставку флотскихъ офицеровъ, почти утроивъ размѣры ихъ пенсій.

Особенное вниманіе великій князь обратилъ на реформу морскихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ объ этомъ возбужденъ былъ великимъ княземъ въ 1855 г., когда по его просьбѣ назначена была для ревизіи ихъ особая комиссія изъ представи-

телей министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. Великій князь при этомъ просилъ членовъ комиссіи тщательно обозрѣвать морскія училища, «въ особенное личное ему одолженіе и сообщить ему замѣчанія съ полною откровенностью, не стѣсняясь никакими соображеніями». На основаніи работъ этой ревизіонной комиссіи, адмиралъ графъ Путятинъ выработалъ въ августѣ 1860 г. проекты уставовъ морского кадетскаго корпуса, морской академіи и морского техническаго училища. Затѣмъ учрежденъ былъ особый комитетъ для переработки этихъ проектовъ и для руководства постепеннымъ преобразованіемъ морскихъ учебныхъ заведеній. Въ основу преобразованія положено было начало отдѣленія общаго образованія отъ спеціальнаго и гуманная система воспитанія путемъ убѣжденія, а не страхомъ наказаній. Новая организація морского училища, замѣнившаго прежній морской кадетскій корпусъ, совершена была въ 1867 г., а морского техническаго училища—въ 1873 г. Офицерскій классъ при морскомъ кадетскомъ корпусѣ преобразованъ былъ въ 1862 г. въ морской академическій курсъ. 28 января 1877 г. этотъ курсъ переименованъ въ Николаевскую морскую академію и великій князь назначенъ былъ почетнымъ президентомъ академіи. При этомъ Государь въ рескриптѣ на имя великаго князя выразилъ ему «искреннюю и душевную признательность за неусыпные труды, направленные къ возвышенію и распространенію морского образованія во флотѣ».

Не ограничиваясь преобразованіемъ морскихъ учебныхъ заведеній, великій князь и другими различными способами старался о распространеніи среди моряковъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ морскихъ знаній. Во исполненіе выраженнаго имъ желанія, съ 1857 г. въ Кронштадтѣ начали ежегодно, въ зимніе мѣсяцы, читаться лекціи для морскихъ офицеровъ какъ по прямой ихъ спеціальности, такъ и по другимъ научнымъ предметамъ; впослѣдствіи такія же чтенія организованы были въ Николаевѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ портахъ. Въ видахъ предоставленія флотскимъ офицерамъ возможности слѣдить за морскою наукой, морской ученый комитетъ издавалъ на средства морского министерства въ большомъ числѣ сочиненія, оригинальныя и переводныя и при устройствѣ въ портахъ морскихъ собраній обращено было особое вниманіе на устройство въ нихъ библіотекъ и читаленъ. Сочувствуя развитію кронштадтской морской библіотеки, великій князь уступилъ въ 1874 г. подъ библіотеку свои комнаты въ морскомъ собраніи Кронштадта. Постояннымъ вниманіемъ великаго князя пользовались занятія моряковъ по разработкѣ исторіи русскаго флота; онъ придалъ этимъ работамъ извѣстную систему и испросилъ ежегодное ассигнованіе суммъ на изданіе трудовъ по русской морской исторіи. Наиболѣе дѣйствительное средство въ дѣлѣ распространенія морскихъ знаній среди офицеровъ великій князь нашелъ въ періодическомъ органѣ морского министерства «Морскомъ Сборникѣ». Журналъ этотъ до 1855 г. не имѣлъ большого распространенія, отчасти потому, что онъ плохо редактировался, а главнымъ образомъ потому, что по цензурнымъ условіямъ того времени не касался дѣятельности русскаго флота. Великій князь обновилъ редакцію журнала и далъ ему возможность стать живымъ органомъ современнаго положенія морского дѣла въ Россіи. Въ немъ обсуждались реформы морской администраціи и разрабатывались спеціальные вопросы морской науки. Журналъ привлекъ къ себѣ интересъ моряковъ, также какъ и всего образованнаго общества и явился проводникомъ морскихъ знаній въ ихъ среду. Въ теченіе горячаго періода преобразованій журналъ, какъ указано выше, касался вопросовъ, имѣвшихъ широкій общественный интересъ, впослѣдствіи же, съ 1862 г., онъ сосредоточился исключительно на своей спеціальности и въ немъ дѣятельно велась серьезная научная разработка первостепенныхъ вопросовъ морского дѣла.

Великій князь прилагалъ старанія къ улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія не только морскихъ офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Съ теченіемъ времени были существенно улучшены всѣ стороны быта матросовъ, ихъ служебныя работы, помѣщенія, одежда, умственное развитіе. Чрезвычайная смертность флотскихъ нижнихъ чиновъ въ до-реформенное время указывала на необходимость совершеннаго измѣненія условій ихъ жизни. Разслѣдованіе, произведенное въ 1855 г. по приказанію великаго князя, представило безотрадную картину казарменнаго

быта матросовъ, въ особенности семейныхъ. Большею частью сырыя, холодныя, худо освѣщаемыя и худо-отопляемыя, тѣсныя матросскія казармы были крайне неудобны для житья и весьма вредны для здоровья. Не имѣя средствъ на постройку новыхъ казармъ, морское министерство капитальнымъ ремонтомъ улучшило старыя зданія и цѣлымъ рядомъ частичныхъ мѣропріятій и приспособленій сдѣлало ихъ болѣе гигіеничными; уменьшеніе же числа матросовъ и наемъ частныхъ помѣщеній дали возможность болѣе просторно размѣстить матросовъ и обособить холостыхъ отъ семейныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенно улучшены были береговые госпитали и обращено было серьезное вниманіе на судовую гигіену. Крайне изнурительныя въ прежнее время валовыя работы матросовъ на судахъ и въ портахъ были облегчены и ограничены предѣлами крайней необходимости. Благодѣтельное вліяніе всѣхъ этихъ мѣропріятій наглядно выразилось въ томъ фактѣ, что смертность нижнихъ чиновъ во флотѣ къ 1880 г. понизилась почти вдвое; тифъ и цынга, тяжкіе недуги флота, утратили свою распространенность и напряженность. Нравственное состояніе матросовъ также улучшилось; прежнія отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ, отличавшіяся патріархальностью и привычкою къ кулачной расправѣ временъ крѣпостного права, замѣнились отношеніями, основанными на строгомъ соблюденіи требованій дисциплины.

Въ заботахъ объ улучшеніи личнаго состава нашего флота великій князь обращалъ особенное вниманіе на дальнія плаванія въ воды Тихаго океана, какъ на лучшую школу для моряковъ. Изъ числа трехъ руководящихъ началъ своей дѣятельности по морскому управленію, онъ ставилъ на первое мѣсто: «возможно большее плаваніе военныхъ судовъ въ дальнихъ моряхъ и океанахъ, необходимое какъ для созданія истинныхъ моряковъ, такъ и для поддержанія международнаго значенія Россіи». До царствованія Александра II на дальнія плаванія русскихъ судовъ обращали мало вниманія; такъ, за 18 лѣтъ, съ 1834 по 1852 г., было отправлено въ Тихій океанъ только пять судовъ и то по крайней необходимости. За время же управленія великаго князя морскимъ вѣдомствомъ наши военныя суда безостановочно отправлялись въ продолжительныя дальнія плаванія, насколько позволяли средства, отпускавшіяся флоту. За исключеніемъ четырехъ лѣтъ (1867—1869 и 1875) число нашихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ не падало ниже 10-ти, а повышалось до 24-хъ. Въ то же время въ водахъ, омывающихъ берега западно-европейскихъ государствъ, находилось ежегодно отъ 7 до 18 нашихъ военныхъ судовъ (въ 1865 г.—29 судовъ). Эти дальнія плаванія часто были не вполнѣ благополучными вслѣдствіе недостатковъ вновь построенныхъ судовъ; наши суда, нерѣдко, особенно въ первые годы послѣ Крымской войны, едва выйдя изъ Балтійскаго моря, должны были заходить въ иностранные порты для исправленія обнаружившихся недостатковъ постройки или полученныхъ въ морѣ поврежденій и послѣ дальнѣйшаго перехода снова укрываться въ гавань на продолжительное время для починокъ—но тѣмъ не менѣе эти плаванія имѣли огромное и благодѣтельное значеніе для нашего флота.

Русскій военный флагъ развѣвался въ иностранныхъ моряхъ гораздо чаще, чѣмъ въ предшествовавшее время, но все же не такъ часто и не всегда тамъ именно, гдѣ слѣдовало бы. Такъ напримѣръ, наши моряки избѣгали полярныхъ водъ, рѣдко посѣщали воды, омывающія сѣверную часть нашего Тихо-океанскаго прибрежья, и мало сдѣлали для охраны ихъ отъ эксплоатаціи иностранцевъ и для изслѣдованія и описанія русскихъ береговъ. Широкому развитію дальнихъ плаваній препятствовалъ недостатокъ средствъ. Такъ въ 1867—1869 г.г. смѣта морского министерства была сокращена на нѣсколько милліоновъ и въ эти годы океанскія плаванія были ограничены до крайней степени. Великій князь старался возмѣстить этотъ недостатокъ обученіемъ командъ во внутреннихъ плаваніяхъ. Въ 1858 г. впервые образована была особая эскадра для практическаго плаванія въ водахъ Балтійскаго моря. Эта школа нашихъ моряковъ получила широкое развитіе въ 60-хъ годахъ. Въ 1867 г. установлено во внутреннихъ водахъ очередное плаваніе всѣхъ судовъ флота и во главѣ балтійской практической эскадры поставленъ былъ знатокъ морской тактики, вице-адмиралъ Бутаковъ 1-й, выработавшій постепенно широкую систему морского обученія командъ во время практическихъ плаваній. Иностранные офицеры часто посѣщали балтійскую броненосную эскадру

и иностранная печать указывала на примѣнявшіеся здѣсь пріемы обученія команды какъ на образецъ, достойный подражанія.

Возрожденіе русскаго военнаго флота, организація труднаго дѣла сооруженія собственными русскими силами новыхъ военныхъ судовъ и новой морской артиллеріи, обновленіе и образованіе личнаго состава флота,—таковы были главнѣйшія задачи дѣятельности великаго князя по его отвѣтственной должности генералъ-адмирала. Въ связи съ ними существенно преобразованы были всѣ стороны военно-морского дѣла въ Россіи. Особенныя старанія приложены были великимъ княземъ къ преобразованію на новыхъ началахъ морского управленія, центральнаго и мѣстнаго, берегового. Послѣ перваго же ознакомленія съ морскою администраціей великій князь убѣдился въ необходимости коренной ея реформы съ цѣлью устраненія сложныхъ обрядностей и порядковъ, отжившихъ свое время, упрощенія и оживленія механизма управленія.

Рядомъ послѣдовательныхъ частичныхъ мѣропріятій онъ началъ немедленно подготовлять общую реформу. Для лучшаго успѣха дѣла великій князь въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, прибѣгнулъ къ содѣйствію гласности; въ «Морскомъ Сборникѣ» отведенъ былъ особый отдѣлъ для обсужденія предположенныхъ реформъ. Первоначальный проектъ преобразованія морского министерства и управленія портами, составленный въ 1856 г., нѣсколько разъ разсылался разнымъ свѣдущимъ людямъ и перерабатывался по ихъ указаніямъ. Проектъ новаго положенія объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ былъ утвержденъ 27 января 1860 г. Основныя начала положенія удостоились полнаго одобренія Государя, который собственноручно написалъ на журналѣ Государственнаго Совѣта, что онъ ставитъ ихъ «въ примѣръ всѣмъ г.г. министрамъ и главноуправляющимъ, надѣясь и возлагая на ихъ попеченіе достигнуть того же и по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ». Основой реформы была возможно бо́льшая децентрализація управленія. Мѣстнымъ властямъ даны были обширныя права, обезпечена значительная самостоятельность въ рѣшеніи дѣлъ и личная иниціатива; на центральное же учрежденіе, на морское министерство, возлагалось лишь общее направленіе и наблюденіе за дѣйствіями мѣстныхъ властей. Командиры главныхъ портовъ и портовъ второго разряда подчинены непосредственно управляющему министерствомъ и генералъ-адмиралу. Всѣ хозяйственныя заготовленія, сосредоточивавшіяся ранѣе въ департаментахъ министерства, переданы командирамъ портовъ; имъ предоставлено составлять проекты работъ и смѣты на предстоящій годъ и вносить свои предположенія на утвержденіе министерства.

Новое положеніе введено было въ дѣйствіе для испытанія на пять лѣтъ. По прошествіи этого срока, въ 1867 г. въ немъ сдѣланы были измѣненія въ прежнемъ направленіи децентрализаціи управленія и сокращенія и упрощенія дѣлопроизводства. Два департамента, кораблестроительный и комисаріатскій, и два отдѣльныхъ управленія—артиллерійское и строительное—были упразднены, а дѣла ихъ переданы начальству портовъ. Благодаря упрощенію системы управленія и уничтоженію нѣсколькихъ излишнихъ учрежденій и должностей, морское министерство, несмотря на быстрое развитіе флота, могло въ теченіе 25 лѣтъ довольствоваться прежнею суммой, отпускавшейся на содержаніе администраціи (1,632,000 р.), значительно возвысивъ въ то же время оклады служащихъ, сравнительно съ окладами, существовавшими до реформы 1860 г.

Рядомъ съ общею реформой морского управленія преобразована была система счетоводства и отчетности, имѣющихъ важное значеніе въ сложномъ и обширномъ морскомъ хозяйствѣ. Нововведенія морского вѣдомства въ этой области послужили также образцомъ для другихъ вѣдомствъ и были распространены на всю администрацію. Онѣ основаны были на изученіи иностранныхъ, прусской и американской, системъ счетоводства. Великій князь командировалъ заграницу съ этою цѣлью статсъ-секретаря Рейтерна и по его представленію посланъ былъ въ командировку отъ государственнаго контроля статсъ-секретарь Татариновъ. Смѣты морского министерства были преобразованы и начали отличаться полною откровенностью и правдивостью. Великій князь оставилъ твердо укоренившійся взглядъ на смѣты, какъ на государственную тайну, и съ 1858 года началъ ихъ печатать и разсылать въ подвѣдомственныя учрежденія для руководства. Затѣмъ всѣ суммы морского вѣдомства были сосредоточены въ одномъ центральномъ казначействѣ и такимъ образомъ впервые примѣ-

нено было начало единства кассы, распространенное нѣсколько позже на всю имперію. Морское вѣдомство первое же ввело у себя въ 1860 г. новую систему контроля, послужившую основаніемъ для позднѣйшей общей реформы контрольной части по всѣмъ вѣдомствамъ. Составленіе множества приходо-расходныхъ книгъ было отмѣнено, уничтожены двѣ контрольныя инстанціи и взамѣнъ того установленъ порядокъ присылки на ревизію подлинныхъ документовъ.

Этотъ краткій обзоръ дѣятельности великаго князя по управленію морскимъ вѣдомствомъ закончимъ слѣдующими его словами изъ всеподданнѣйшаго отчета, представленнаго имъ Императору въ 1880 году:

«Не мнѣ рѣшать, дѣйствительно-ли въ трудный, пережитый морскимъ вѣдомствомъ періодъ, было сдѣлано на пользу флота все возможное, но свидѣтельствую совѣстью предъ Вами, Государь, что всѣ силы ума и самыя пламенныя желанія благъ флоту были мною приложены къ дѣлу, которое Вашему Императорскому Величеству благоугодно было столь продолжительное время оставить на моемъ попеченіи, и что я не отступалъ ни передъ какимъ трудомъ. Уже воспоминанія моего перваго дѣтства соединены были съ флотомъ, неразлучно съ нимъ идетъ вся моя жизнь, и теперь, когда большая половина жизни пройдена, интересы флота также близки моему сердцу, какъ и при вступленіи моемъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, при началѣ моей морской карьеры. При такомъ положеніи обстоятельствъ, Ваше Императорское Величество не найдете преувеличеннымъ мое увѣреніе, что дѣлу флота я принадлежалъ все это время не по одному сознанію долга службы, но и по чувству глубокой къ нему привязанности, сдѣлавшейся вторымъ моимъ существомъ».

Заботы о развитіи и преуспѣяніи русскаго флота не поглощали всѣхъ силъ великаго князя Константина Николаевича. Подобно тому, какъ въ періодъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, великій князь и въ позднѣйшее время, руководя преобразованіями по флоту, близко входя во всѣ дѣла управленія морскимъ вѣдомствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ въ разработкѣ и рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ и по другимъ отраслямъ управленія.

1 января 1865 г. великій князь назначенъ былъ на должность предсѣдателя Государственнаго Совѣта и занималъ ее въ теченіе болѣе 16 лѣтъ. Онъ имѣлъ всѣ данныя для успѣшнаго исполненія обязанностей предсѣдателя этого высшаго государственнаго учрежденія и относился къ нимъ, какъ ко всѣмъ своимъ обязанностямъ вообще, чрезвычайно ревностно и добросовѣстно. «Есть множество свидѣтелей, сообщаетъ М. И. Семевскій, того непрерывнаго, большого и упорнаго труда, каковой несъ на себѣ въ Государственномъ Совѣтѣ великій князь Константинъ Николаевичъ: каждое, сколько нибудь важное, дѣло изучаемо имъ было лично, нерѣдко безъ посредства докладчика; занимая предсѣдательское мѣсто, великій князь всегда приступалъ къ засѣданію лишь послѣ тщательнаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что подлежало обсужденію и рѣшенію. Въ началѣ его служенія на посту предсѣдателя Государственнаго Совѣта, пылкость и страстность характера великаго князя нѣсколько порывисто проявлялись, но съ теченіемъ времени онъ овладѣлъ собою и былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, быстро усвоивая суть обсуждавшихся докладовъ, личнымъ разъясненіемъ разсѣевая возникавшіе вопросы и недоумѣнія, сглаживая оттѣнки разномыслія и превосходно приводя собраніе къ единогласнымъ рѣшеніямъ». Великій князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдательствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, нерѣдко принималъ участіе въ преніяхъ, съ обычною ему рѣшительностью защищая или оспаривая разные законопроекты. Обращаясь теперь къ обзору дѣятельности великаго князя Константина Николаевича въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, мы ограничимся указаніемъ только важнѣйшихъ перемѣнъ въ прежде дѣйствовавшихъ законахъ и учрежденіяхъ, которыя были выработаны Совѣтомъ подъ его предсѣдательствомъ.

Дѣятельность Государственнаго Совѣта во время предсѣдательства въ немъ вел. кн. Константина Николаевича была особенно усиленною. Рядъ важныхъ преобразованій, которыя кореннымъ образомъ измѣнили нѣкоторыя стороны издавна сложившагося общественнаго порядка, вызвалъ особое обширное законодательство, имѣвшее предметомъ опредѣлять подробности примѣненія новыхъ законовъ, разрѣшать возникавшіе при исполненіи вопросы и сомнѣнія и согласовать съ новыми учреж-

деніями прежніе законы и постановленія. Въ разрѣшеніи всѣхъ частныхъ вопросовъ и въ выработкѣ всѣхъ новыхъ мѣропріятій Совѣтъ соблюдалъ неуклонно вѣрность основнымъ началамъ, положеннымъ въ основу великихъ реформъ императора Александра II, и въ значительной степени это объясняется личнымъ участіемъ въ работахъ Совѣта вел. кн. Константина Николаевича.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потребовало цѣлаго ряда мѣръ, изглаживавшихъ постепенно въ разныхъ мѣстностяхъ слѣды прежнихъ отношеній. Такъ въ 1869 г. устроено окончательно, на одинаковыхъ съ государственными крестьянами основаніяхъ, сословіе ямщиковъ (до 10 т. душъ), и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области (до 24 т. душъ), учреждена казенная лѣсная стража, съ освобожденіемъ до 24,000 крестьянъ отъ обязательной службы по охраненію казенныхъ лѣсовъ, исполненіе чего почиталось повинностью столь же тяжелою какъ рекрутчина. Башкирскія земли окончательно распредѣлены между вотчинниками и такъ называемыми «припущенниками» и установлены правила о продажѣ этихъ земель. Обнаружившіяся впослѣдствіи злоупотребленія при таковой продажѣ побудили Государственный Совѣтъ въ 1878 г. правила эти пересмотрѣть и переработать.

Съ исполненіемъ мировыми посредниками большей части обязанностей, возложенныхъ на нихъ при освобожденіи крестьянъ, не было уже необходимости сохранять этотъ институтъ, тѣмъ болѣе, что съ открытіемъ мировыхъ и земскихъ учрежденій лучшія силы перестали пополнять составъ мировыхъ посредниковъ, а земства тяготились расходомъ на содержаніе одновременно и мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ. Въ виду этого министерство внутреннихъ дѣлъ представило въ Государственный Совѣтъ проектъ уничтожить должность мировыхъ посредниковъ, а дѣла, подлежавшія ихъ вѣдѣнію, предлагало распредѣлить частью между губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями и состоящими при нихъ временными членами, которыхъ бы приглашалъ съ Высочайшаго соизволенія министръ внутреннихъ дѣлъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, а частью—между губернаторами, губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями и уѣздными исправниками. Государственный Совѣтъ нашелъ, что дѣло по крестьянскому самоуправленію необходимо сосредоточить въ такомъ учрежденіи, которое бы ближе стояло къ крестьянамъ и хорошо знало бы мѣстныя условія. Таковыми учрежденіями призваны были стать уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; проектъ ихъ былъ выработанъ главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденъ 27 іюня 1874 г. Въ 1874 же году на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта былъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ сельской полиціи, но онъ былъ возвращенъ Совѣтомъ для нѣкоторыхъ измѣненій; въ 1879 г. онъ снова былъ представленъ, но снова послѣ всесторонняго обсужденія не признанъ удовлетворительнымъ и обращенъ въ министерство для исправленія и дополненій. Равнымъ образомъ не былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1880 г. проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ.

16 іюня 1870 г. Высочайше утверждено было городовое положеніе. Еще въ 1867 г. внесены были на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проекты положеній по новому устройству городовъ. Но въ виду послѣдовавшаго вскорѣ назначенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ, ген.-адъют. Тимашева, проекты эти были обращены на заключеніе новаго министра, и въ 1869 г. представлены въ Государственный Совѣтъ въ новой редакціи. Государственный Совѣтъ, обозрѣвъ вновь это дѣло въ полномъ его составѣ, нашелъ необходимымъ, во вниманіе къ значительной его сложности, примѣнить нѣкоторыя особыя мѣры для наиболѣе успѣшнаго его разсмотрѣнія и испросилъ Высочайшее соизволеніе учредить особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, изъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, съ привлеченіемъ къ участію въ комиссіи, въ качествѣ экспертовъ, городскихъ головъ С.-Петербурга, Москвы и Одессы и нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей городского общественнаго самоуправленія. Этою комиссіею и былъ выработанъ проектъ, который, по одобреніи Государственнымъ Совѣтомъ, удостоился Высочайшаго утвержденія. Одновременно

съ утвержденіемъ городового положенія были утверждены правила, выработанныя Государственнымъ Совѣтомъ о приведеніи въ дѣйствіе этого новаго учрежденія.

Особенно много было сдѣлано Государственнымъ Совѣтомъ въ періодъ 1865—1880 г. новыхъ работъ по устройству судебной части въ Имперіи, для согласованія разныхъ частныхъ законоположеній, дѣйствовавшихъ съ прежняго времени, съ новою организаціею судебнаго дѣла. Въ 1869 г. Государственный Совѣтъ издалъ узаконенія, опредѣляющія порядокъ производства опекунскихъ дѣлъ и временныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, такъ какъ то и другое находилось прежде подъ вѣдѣніемъ гражданскихъ палатъ и съ уничтоженіемъ ихъ многіе частные обряды, обязательные въ нѣкоторыхъ случаяхъ для приданія законной силѣ завѣщаніямъ, стали невыполнимыми. 8 іюня 1874 г. Высочайше утверждены были правила о гминныхъ судахъ, одобренныя Государственнымъ Совѣтомъ; 19 февраля 1875 г. были Высочайше утверждены проекты законоположеній о преобразованіи судебной части въ губерніяхъ Царства Польскаго. Этимъ закончено было дѣло, начатое еще въ 1867 г., когда въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 23 сентября 1864 г., была образована особая комиссія при учредительномъ комитетѣ въ Царствѣ Польскомъ, которой и было поручено разработать вопросъ о новой организаціи въ Царствѣ Польскомъ судебной части. Составленный этою комиссіею проектъ былъ въ 1867 г. разсмотренъ въ особомъ совѣщательномъ комитетѣ, а затѣмъ въ 1871 г. внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ подвергся всестороннему обсужденію и нѣкоторымъ измѣненіямъ. Наконецъ, 10 іюня 1877 г. Высочайше утверждены были одобренные Государственнымъ Совѣтомъ временные штаты кассаціонныхъ департаментовъ Сената. По новымъ штатамъ составъ ихъ былъ значительно усиленъ и изъ Государственнаго казначейства на этотъ предметъ опредѣлено ежегодно отпускать приблизительно на 250,000 р. болѣе, чѣмъ расходовалось ранѣе. Совершенно справедливо говоритъ объ этой мѣрѣ предсѣдатель Государственнаго Совѣта въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ: «Издаваемое законоположеніе, безъ сомнѣнія, останется въ лѣтописяхъ отечественнаго законодательства краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того уваженія, съ которымъ русское правительство относится къ дѣлу отправленія правосудія. Въ такое время, когда политическія обстоятельства требовали отъ государственнаго казначейства особаго напряженія и чрезвычайныхъ жертвъ для огражденія достоинства и чести Россіи, когда оказывалось необходимымъ пріостановить новыя изъ казны ассигнованія на весьма полезные предметы, ни министерство финансовъ, ни государственный контроль, ни предсѣдатель и члены департамента экономіи, не остановились предъ значительностью расхода, оказавшагося нужнымъ для того, чтобы поставить верховный судъ нашъ въ возможность съ успѣхомъ исполнять свое предназначеніе». Государственный Совѣтъ обратилъ также вниманіе и на лучшее устройство тюремъ и вообще на положеніе лицъ, отбывающихъ по суду наказаніе. Въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Грота и въ составѣ статсъ-секретарей Заблоцкаго-Десятовскаго и князя Оболенскаго и тайн. сов. Стояновскаго и Побѣдоносцева былъ подробно разсмотрѣнъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ главнаго тюремнаго управленія. Государственный Совѣтъ нашелъ трудъ комиссіи исполненнымъ въ высшей степени хорошо, выразилъ ей единогласно глубокую признательность и проектъ ея, съ незначительными измѣненіями въ частностяхъ, постановилъ поднести на Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало 27-го февраля 1879 г.

Изъ мѣропріятій по государственному хозяйству, обсужденныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заслуживаютъ вниманіе Высочайше утвержденныя 18 октября 1871 г. правила о продажѣ уральскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Еще 24 октября 1864 г. Высочайше одобрено было представленіе министра финансовъ о передачѣ въ частныя руки, путемъ продажи или отдачи въ аренду, тѣхъ казенныхъ заводовъ, которые не возмѣщаютъ цѣнностью вырабатываемыхъ на нихъ продуктовъ ежегодныхъ затратъ казенныхъ денегъ на свое содержаніе. Послѣ разработки этого вопроса въ комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ министръ финансовъ Рейтернъ внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе о продажѣ нѣкоторыхъ указанныхъ имъ казенныхъ горныхъ заво-

довъ и золотыхъ пріисковъ и проектъ правилъ и порядковъ таковой продажи. Государственный Совѣтъ, согласившись въ главныхъ основаніяхъ съ проектомъ министра финансовъ, ограничилъ, однако, число заводовъ предназначенныхъ къ продажѣ, въ проектъ же правилъ внесъ во-1), постановленіе, что предварительно обращенію какого либо завода въ продажу, должно быть обезпечено поземельное устройство водворенныхъ при заводѣ крестьянъ, и во-2), измѣнилъ нѣсколько процедуру продажи и утвержденія торговъ, упростивъ и облегчивъ ее, съ сохраненіемъ, однако, всѣхъ гарантій интересовъ казны.

Большое вниманіе Государственнаго Совѣта было посвящено также развитію кредитныхъ учрежденій. Оживленіе промышленности вызвало чрезвычайно усиленный ростъ разнаго рода кредитныхъ учрежденій: къ 1867 г. число ихъ не превышало 16, а въ слѣдующее пятилѣтіе достигло 76; Совѣтъ постоянно разсматривалъ и утверждалъ уставы этихъ предпріятій, а также и измѣненія въ этихъ уставахъ, вызывавшіяся необходимостью.

Въ 1869 г. дозволено было земствамъ принимать на себя иниціативу въ производствѣ изысканій для новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, въ испрашиваніи концессій и гарантій и т. д., но запрещено земствамъ непосредственно выполненіе сихъ предпріятій за исключеніемъ устройства небольшихъ побочныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ежегодная приплата по гарантіямъ не превышала 30% мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

Наконецъ цѣлый рядъ мѣръ обсужденъ былъ Государственнымъ Совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ вел. кн. Константина Николаевича по народному образованію. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ Государь утверждалъ не мнѣніе большинства Совѣта, а мнѣніе меньшинства, въ полномъ довѣріи къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстому. Такъ, Высочайшими повелѣніями 6 іюня 1871 г. и 15 мая 1872 г. введена была классическая система, съ незначительными измѣненіями дѣйствующая и теперь, а ученикамъ реальныхъ училищъ закрытъ былъ доступъ въ университеты—въ обоихъ этихъ случаяхъ Государь утвердилъ мнѣніе не большинства, а меньшинства Совѣта. Отнесясь несочувственно къ предложеніямъ министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ вопросѣ, Государственный Совѣтъ встрѣтилъ вполнѣ доброжелательно его проектъ о низшемъ народномъ образованіи. Уѣздныя училища, существовавшія еще по уставу 8 декабря 1828 г., далеко не удовлетворяли своему первоначальному назначенію доставлять дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ со средствами лучшаго нравственнаго воспитанія, и такія свѣдѣнія, которыя по образу ихъ жизни, нуждамъ и упражненіямъ могли быть имъ особенно полезны; курсъ въ этихъ училищахъ былъ чисто теоретическій и вовсе не приспособленный къ потребностямъ лицъ, готовившихся къ практической дѣятельности, кромѣ того преподаваніе велось по методамъ очень устарѣлымъ и вполнѣ неудовлетворительнымъ и лицами, не имѣвшими сколько нибудь достаточной подготовки. Министерство народнаго просвѣщенія выработало проектъ учрежденія вмѣсто уѣздныхъ училищъ—городскихъ и придало этимъ училищамъ такое устройство, которое бы болѣе удовлетворяло насущнымъ потребностямъ различныхъ классовъ городского населенія; для приготовленія учителей, болѣе соотвѣтствующихъ своему назначенію, рѣшено было устроить нѣсколько учительскихъ семинарій. Всѣ эти предположенія были одобрены Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверждены 31 мая 1871 г.; въ томъ же году былъ изданъ рядъ постановленій, имѣвшихъ предметомъ лучшую организацію школъ для инородческаго населенія губерній казанской и иркутской и Крыма; 25 мая 1874 г. утвержденъ былъ разсмотрѣнный и одобренный Государственнымъ Совѣтомъ проектъ министерства народнаго просвѣщенія объ организаціи начальныхъ народныхъ училищъ. Для наблюденія за низшими училищами еще 29 мая 1869 г. учреждена была должность инспекторовъ народныхъ училищъ въ тѣхъ 34 губерніяхъ, въ которыхъ введены были земскія учрежденія; на содержаніе этихъ инспекторовъ, въ пособіе земствамъ при устройствѣ ими народныхъ училищъ и на содержаніе учреждаемыхъ министерствомъ образцовыхъ двухклассныхъ и однокласныхъ школъ, отпущено по 306.000 р. въ годъ; въ 1876 г., въ виду увеличенія числа на-

родныхъ училищъ, число инспекторовъ увеличено на 74, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ и расходовъ на ихъ содержаніе. Въ 1873 г. устроена учебная часть въ Закавказскомъ краю, гдѣ въ гимназіяхъ обращено особое вниманіе на занятія русскимъ языкомъ, а занятія древними облегчены; въ томъ же году преобразована Петровская земледѣльческая академія, а харьковское и дерптское ветеринарныя училища преобразовали въ институты, съ разширеніемъ программы преподаванія; въ 1874 г. получили новую организацію Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ и Нѣжинскій лицей кн. Безбородко; въ 1876 г. измѣнено положеніе о Технологическомъ институтѣ и молодымъ людямъ, окончившимъ въ немъ курсъ, предоставлено право поступленія на государственную службу; институтъ состоялъ тогда въ вѣдѣніи министерства финансовъ; министерства народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ не согласились съ остальными членами Государственнаго Совѣта въ справедливости и желательности такого постановленія; но Государь его утвердилъ и написалъ на докладѣ: «тѣмъ болѣе, что имѣю въ виду распространить мѣру эту и на всѣ прочія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства». Наконецъ поставленъ былъ окончательно на очередь и вопросъ объ учрежденіи университета въ Сибири. Вопросъ объ этомъ поднимали еще при императорѣ Александрѣ I и тогда Демидовъ пожертвовалъ на этотъ университетъ 50,000 р.; съ наросшими на этотъ капиталъ процентами и съ другими пожертвованіями имѣлось на постройку зданій для университета 250,000 р.; между тѣмъ необходимо было не менѣе 750,000 р.; министерство финансовъ находило невозможнымъ отпустить недостающую сумму изъ государственнаго казначейства; Государственный Совѣтъ рѣшилъ, что необходимо приступить къ постройкѣ зданій для университета съ имѣющимися уже средствами, въ надеждѣ, что начало этого дѣла усилитъ приливъ къ нему частныхъ пожертвованій и въ убѣжденіи, что черезъ нѣсколько лѣтъ состояніе финансовъ позволитъ отчислить на этотъ предметъ необходимыя суммы. Мѣстомъ для университета былъ избранъ городъ Томскъ.

26 мая 1869 г. изданъ былъ законъ, окончательно отмѣнившій у насъ наслѣдственность и замкнутость духовнаго сословія. Неудобства прежняго порядка были уже очень чувствительны: множество лицъ духовнаго званія, учившихся по обязанности въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ и не имѣвшихъ никакой подготовки къ какой либо другой дѣятельности, оставались на цѣлые годы, а иные и навсегда, безъ опредѣленныхъ занятій, не имѣя права поступать никуда на службу по гражданскому вѣдомству, и безъ всякой надежды получить мѣсто въ вѣдомствѣ духовномъ.

По новому закону дѣти лицъ православнаго духовенства не принадлежатъ къ духовному званію и могутъ обращаться, по желанію, къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, а также поступать въ гражданскую и военную службу; 26 апрѣля 1871 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта сила этого новаго узаконенія была распространена и на лицъ духовнаго происхожденія, родившихся и начавшихъ службу и ранѣе закона 26 мая 1869 г.

Особенно близкое участіе великій князь принималъ въ разработкѣ устава о всеобщей воинской повинности, утвержденнаго 1 января 1874 г. Великій князь предсѣдательствовалъ какъ въ особомъ присутствіи, учрежденномъ при Государственномъ Совѣтѣ въ январѣ 1873 г. для предварительнаго разсмотрѣнія проекта устава воинской повинности, такъ и на засѣданіяхъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, посвященныхъ этому проекту. Защищая положенный въ основу устава принципъ *всеобщей* воинской повинности, «безъ различія званій и состояній», тогдашній военный министръ Д. А. Милютинъ нашелъ себѣ сильнаго пособника въ лицѣ Константина Николаевича, вполнѣ сочувствовавшаго указанному принципу, которымъ подтверждались освободительныя начала эпохи преобразованій и который во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ чертахъ дѣйствуетъ неизмѣнно и по настоящее время. Въ день подписанія устава Государь, благодаря великаго князя за его «теплое участіе» въ этомъ дѣлѣ, благодарилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и за другіе труды по государственному управленію въ слѣдующихъ словахъ рескрипта 1 января 1874 г.:

«Ваше Императорское Высочество, руководя преніями по столь важному законодательному вопросу, какъ въ особомъ

Присутствіи при Государственномъ Совѣтѣ, такъ и въ общемъ Собраніи сего послѣдняго, и постоянно стремясь къ достиженію цѣли, Мною указанной, путемъ всесторонняго обсужденія способовъ приведенія ихъ въ исполненіе, явили новое доказательство рвенія вашего на службу мнѣ и Отечеству. Утвердивъ нынѣ представленный Мнѣ Уставъ о всеобщей воинской повинности, вмѣняю Себѣ въ особенное удовольствіе выразить вашему Императорскому Высочеству мою искреннѣйшую признательность за принятое Вами въ семъ дѣлѣ теплое участіе, встрѣчаемое мною при каждомъ случаѣ возложенія на Васъ особыхъ трудовъ независимо отъ постоянно лежащихъ на Васъ обязанностей, всегда цѣнимыхъ мною съ благодарностью и братскою къ Вамъ привязанностью. Искренно васъ любящій братъ и другъ *Александръ*».

Впослѣдствіи, въ полномъ согласіи съ главнымъ дѣятелемъ военной реформы, графомъ Милютинымъ, великій князь Константинъ Николаевичъ много помогъ успѣшному введенію въ дѣйствіе новаго устава. Примѣненіе на практикѣ этого важнаго законоположенія, совершенно измѣнившаго издавна сложившійся у насъ порядокъ отправленія воинской повинности, измѣнявшаго и самый взглядъ на нее, какъ на нѣчто близкое къ наказанію, не могло не возбудить на первыхъ порахъ многихъ сомнѣній и вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ. Въ виду этого упомянутое выше особое присутствіе о воинской повинности было сохранено въ нѣсколько измѣненномъ составѣ на правахъ департамента государственнаго совѣта и предсѣдателемъ его остался Константинъ Николаевичъ. Разрѣшая недоразумѣнія, встрѣченныя на мѣстахъ при выполненіи той или другой статьи устава, особое присутствіе, руководимое великимъ княземъ, помогло гр. Милютину успѣшно исполнить задачу, возложенную на него Государемъ въ рескриптѣ 11 января 1874 г., а именно привести уставъ въ исполненіе «въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ, съ сохраненіемъ твердо и незыблемо основнаго начала обязанности каждаго нести воинскую повинность и со всѣми въ отбываніи этой повинности облегченіями, возможными безъ ущерба для существенныхъ интересовъ государства, для силы и достоинства арміи».

Кромѣ особаго присутствія по воинской повинности, Константинъ Николаевичъ въ это время, въ 70-хъ годахъ, предсѣдательствовалъ еще въ двухъ постоянныхъ комитетахъ. Онъ продолжалъ предсѣдательствовать въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, близко слѣдя за главными дѣлами комитета. Одновременно великій князь состоялъ предсѣдателемъ комитета о раненыхъ. Александръ II назначилъ его на этотъ постъ 18 августа 1864 г., въ день пятидесятилѣтія со времени учрежденія комитета, «въ знакъ особеннаго своего участія къ судьбѣ заслуженныхъ воиновъ», при чемъ упомянулъ въ рескриптѣ, что вновь назначенный предсѣдатель самъ «кровію запечатлѣлъ доблестное служеніе престолу и отечеству». По прошествіи десяти лѣтъ, въ 1874 г., Государь въ рескриптѣ вел. кн. Константину Николаевичу призналъ, что за десятилѣтнее руководство его дѣлами комитета «приняты были многія важныя мѣры къ расширенію правъ раненыхъ и семействъ ихъ на покровительство комитета и къ усиленію способовъ ихъ призрѣнія. Число покровительствуемыхъ комитетомъ лицъ годъ отъ году увеличивалось, размѣры ассигнованій на призрѣніе ихъ постепенно возрастали и однако же денежныя средства комитета не только не уменьшились, но почти удвоились». Государь при этомъ душевно благодарилъ Константина Николаевича за его «непрестанную заботливость о преуспѣваніи дѣла призрѣнія раненыхъ».

19 февраля 1880 г., въ день двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, Государственный Совѣтъ имѣлъ чрезвычайное собраніе и призналъ священнымъ долгомъ принести Его Императорскому Величеству вѣрноподданническія поздравленія, вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ Совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности. Въ журналѣ этого засѣданія сказано между прочимъ: «Государственный Совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предначертаній Государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ Монарха по главнымъ отраслямъ державнаго Его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорскаго Величества къ Россіи и неусыпной заботливости Его о благѣ

ввѣреннаго Ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ высокое счастіе быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

Наиболѣ важное изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—возымѣло начало отъ лица своего Государя, развивалось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ Его Императорскаго Величества и исполнено успѣшно силою державной воли Его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства при спокойствіи и довѣріи сельскаго населенія.

Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за него милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Напмепованіе Освободителя, въ благодарной памяти народной неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ по всѣмъ отраслямъ управленія узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостью Монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

Не легокъ былъ путь, пройденный Царственнымъ Труженикомъ; не мало разнообразныхъ препонъ дано было Ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу Его дѣяній удаленіемъ отъ Него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, бываетъ неразлучною съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали Его сердца, не останавливали и не ослабляли воли, благодѣющей Россіи.

Гордое Вѣнценоснымъ своимъ Вождемъ отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцатипятилѣтіе Его Царствованія. Стекающіяся изъ всѣхъ концовъ обширной Имперіи, отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемыя щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ Монарху Его вѣрноподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на Его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—вполнѣ достойное чествованіе Царя Освободителя. Богъ Всемогущій да сохранитъ Его на многіе годы!». Совѣтъ постановилъ принести въ полномъ своемъ составѣ вѣрноподданническія поздравленія и вслѣдъ за подписаніемъ сего журнала торжественно отправился въ пріемные покои Его Величества. По выходѣ Государя Императора изложенный выше журналъ былъ прочитанъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, какъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. По выслушаніи журнала Государь отвѣтилъ: «Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ Моего царствованія. Благодарю всѣхъ ближайшихъ моихъ сотрудниковъ», продолжалъ Государь, обратясь къ вел. кн. Константину Николаевичу и обнимая и цѣлуя его, «начиная съ тебя, перваго Моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера. Надѣюсь, что Совѣтъ будетъ по прежнему помогать Мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ. Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь вмѣстѣ со Мною и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!»

По вступленіи на престолъ Императора Александра III великій князь Константинъ Николаевичъ устранился отъ дѣлъ: 13 іюля 1881 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи его отъ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ, отъ должностей предсѣдателя Государственнаго Совѣта, предсѣдательствующаго въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и предсѣдателя особаго присутствія о воинской повинности, съ оставленіемъ въ званіяхъ генералъ-адмирала и генералъ-адъютанта.

Послѣ этого великій князь проживалъ въ удаленіи отъ дѣлъ въ своемъ имѣніи Оріанда въ Крыму. Здѣсь въ 1888 г. его постигла тяжкая болѣзнь; скончался онъ въ Павловскѣ 13 января 1892 г.

Съ большимъ интересомъ и любовью великій князь относился къ русской литературѣ, наукѣ и къ русскому музыкальному искусству. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его письма 50-хъ годовъ, къ сожалѣнію лишь въ очень незначительномъ количествѣ напечатанныя. Отправляясь въ концѣ 1851 года за границу, въ Венецію, по случаю болѣзни великой княгини Александры Іосифовны, Константинъ Николаевичъ обратился съ просьбою къ М. П. Погодину сообщать ему подробно о московскихъ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ и въ особенности по предмету изученія русскихъ древностей. «Его Высочество,—писалъ Головнинъ Погодину,—желалъ-бы, между прочимъ, получить подробныя извѣстія объ открытыхъ въ послѣднее время древнѣйшихъ спискахъ Нестора. Сверхъ того, великій князь желахъ бы получить «Москвитянинъ» за весь нынѣшній годъ и получать этотъ журналъ въ теченіе всего будущаго года. Отдавая мнѣ изложенныя приказанія, Его Высочество изволилъ выразиться, что всякое извѣстіе о томъ, что дѣлается для блага Россіи, утѣшительно для русскаго и тѣмъ болѣе вдали отъ отечества». Получивъ сообщеніе отъ Погодина, великій князь благодарилъ его и просилъ продолжать сообщать о томъ, «что дѣлается у насъ на пользу русскаго слова и русскаго бытописанія».

Высоко цѣня талантъ Гоголя, великій князь въ 1851 г. взялъ на себя починъ въ дѣлѣ разрѣшенія новаго посмертнаго изданія его сочиненій. Въ письмѣ къ графу Орлову онъ писалъ слѣдующее: «Въ виду того, что сочиненій Гоголя нѣтъ въ продажѣ, тогда какъ онѣ должны бы находиться въ каждой русской библіотекѣ (даже у меня нѣтъ полнаго собранія оныхъ), я прошу Ваше Сіятельство принять на себя трудъ попросить отъ моего имени члена помянутаго главнаго управленія (по дѣламъ печати) ген.-лейт. Дуббельта постараться, въ особенное мнѣ удовольствіе, чтобы разрѣшеніе комитета (цензуры) на изданіе сочиненій послѣдовало по возможности въ непродолжительномъ времени... Искренно благодарю за покровительство, которое онъ окажетъ сочиненіямъ нашего народнаго писателя, котораго я весьма уважаю и который своими твореніями доставилъ мнѣ много пріятныхъ минутъ и принесъ истинную пользу».

Русская наука многимъ обязана вел. кн. Константину Николаевичу; особенно много сдѣлалъ онъ для Русскаго Географическаго общества. Великій князь не входилъ близко во всѣ дѣла общества только потому, что видѣлъ, что дѣла эти находятся въ надежныхъ рукахъ его просвѣщенныхъ вице-предсѣдателей; но его сочувствіе и поддержка всегда были обезпечены всѣмъ широкимъ предпріятіямъ общества. Астрономической экспедиціи Шварца въ Сибирь 1855 г. великій князь выразилъ свое особенное вниманіе, снабдивъ её хронометрами и универсальнымъ инструментомъ. Онъ принималъ самое живое участіе въ организованныхъ Географическимъ обществомъ послѣ Крымской войны экспедиціяхъ, хорасанской и другихъ, въ сопредѣльныя съ Россіею азіятскія страны. Знаменитыя путешествія Пржевальскаго также могли состояться въ значительной степени благодаря поддержкѣ, оказанной Н. М. Пржевальскому августѣйшимъ предсѣдателемъ Географическаго общества. Послѣ кончины перваго предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, всѣ члены выразили единодушное желаніе видѣть своимъ предсѣдателемъ великаго князя Константина Николаевича и по докладу гр. Д. Н. Блудова Государь Николай Павловичъ 27 ноября 1852 г. утвердилъ великаго князя предсѣдателемъ общества. Не разъ великій князь и предсѣдательствовалъ въ немъ лично, и постоянно живо интересовался его работами; благодаря ходатайству великаго князя во время празднованія 25-ти-лѣтняго юбилея общества, въ 1861 г., ему назначено было постоянное пособіе въ 5,000 руб. ежегодно.

Великій князь также живо интересовался русскимъ музыкальнымъ искусствомъ. Императорское Русское Музыкальное Общество навсегда сохранитъ благодарную память о своемъ первомъ президентѣ и покровителѣ. Константинъ Николаевичъ принялъ это званіе съ Высочайшаго утвержденія 26 января 1873 г. и тогда же повелѣлъ отпускать консерваторіи изъ собственныхъ суммъ ежегодно 1000 р., на содержаніе столовой и на пособія недо-

статочнымъ ученикамъ. По его представленію обществу пожалованъ былъ 6 апрѣля 1873 г. титулъ Императорскаго. Проектъ новаго устава общества разработанъ былъ въ главной дирекціи подъ предсѣдательствомъ великаго князя.

16 сентября 1850 г. Великій князь былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Кромѣ того онъ состоялъ почетнымъ членомъ академій Медикохирургической и Михайловской артиллерійской, а также университетовъ С.-Петербургскаго, Казанскаго и Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго).

Отъ брака съ Великой Княгиней Александрой Іосифовной великій князь Константинъ Николаевичъ имѣлъ дѣтей: великаго князя Николая Константиновича, род. 2 февраля 1850 г., великую княжну Ольгу Константиновну, род. 22 августа 1851 г., съ 15 октября 1867 г. въ супружествѣ съ Георгомъ I, королемъ греческимъ, великую княжну Вѣру Константиновну, род. 4 февраля 1854 г., съ 28 апрѣля 1874 г. въ супружествѣ съ герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ; великаго князя Константина Константиновича, род. 10 августа 1858 г., великаго князя Димитрія Константиновича, род. 1 іюня 1860 г., и великаго князя Вячеслава Константиновича, род. 1 іюля 1863 г., въ Варшавѣ, ум. 15 февраля 1879 г. въ С.-Петербургѣ.

«Морской Сборникъ» за 1857—1881 годы; «Сѣверная Пчела», 1848, №№ 194, 195; «Сѣверная Почта», 1863, №№ 224—256, 1864, № 185; «Правительственный Вѣстникъ», 1874, № 2, 9, 1881, № 155.

Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 г. Спб. 1880.

Всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству за первое двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича. Спб. 1880.

Журналы Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. т. I (1857—1859).

Сводъ замѣчаній на проектъ устава о военно-морскомъ судѣ, ч. I и II. 1861.

Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 1863.

Отчеты по Государственному Совѣту за время съ 1869 г. по 1892 г.

П. П. Семеновъ. Рѣчь въ память вел. кн. Константина Николаевича—«Русская Старина», 1892 г., № 3.

М. И. Семевскій. Вел. кн. Константинъ Николаевичъ—«Русская Старина», 1892, № 2.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. 7-е изд. 1898.

П. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи. тт. I—III.

П. Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи.

П. Милюковъ. «Крестьяне»—въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона.

Я. Соловьевъ. Крестьянское дѣло—«Русская Старина», 1880—1883. тт. 27, 30—31.

P. Leroy—Beaulieu. Un homme d'état russe (N. Milutine).

Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Спб. 1893, тт. II и III.

Дневникъ гр. П. А. Валуева—«Русская Старина». тт. 70—72.

Записки В. А. Инсарскаго—«Русская Старина». 1895, № 7.

Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. кн. 10, 11.

В. Безобразовъ. Гр. Ѳ. П. Литке. Приложеніе къ LVII тому Записокъ Импер. Акад. Наукъ, 1888.

П. П. Семеновъ. Исторія полувѣковой дѣятельности Импер. Русск. Географ. Общества, т. I—III 1896.

С. В. Максимовъ. Литературная экспедиція—«Русская Мысль», 1890, № 2.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго общества. т. V, Спб. 1892.

Отчетъ Спб. отдѣленія Импер. Русск. Музык. Общества по консерваторіи 1872—73 г.

Письма вел. кн. Константина Николаевича къ кн. А. И. Барятинскому въ приложеніи къ біографіи кн. Барятинскаго, А. Зиссермана, «Русскій Архивъ», 1889. Письма В. А. Жуковскаго къ великому князю за 1840—1849 гг.—«Рус. Арх.», 1867, 1385—1439; изъ письма на стр. 1411 видно, что великій князь высказывалъ В. А. Жуковскому мысль о покореніи Царя-града.

Письма великаго князя къ архіепископу Иннокентію: «Русская Старина», 1879 г. т. 23;—къ гр. Орлову: тамъ же 1873, т. 8.

«Русская Старина»,—passim, по указателю.

Некрологи и статьи по поводу кончины великаго князя въ слѣд. журналахъ и газетахъ—«Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ», «Наблюдатель», «Морской Сборникъ», 1892, № 2; «Новое Время», «Новости», «Петербургскія Вѣдомости», «Русскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», 1892, 14 января.

«Предположеніе объ атакѣ Царя града съ моря», напечатано въ присужденіи Макарьевскихъ премій въ 1893 г., въ рецензіи Н. К. Шильдера на книгу А. Н. Петрова «Война Россіи съ Турціей Дунайская кампанія 1853—1854 гг.».

Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, род. 27 апрѣля 1779 г., въ Царскомъ Селѣ, ум. въ Витебскѣ въ 7¼ час. вечера 15 іюня 1831 г.; погребенъ 17 августа того же года въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Второй сынъ императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Съ 15 февраля 1796 г. въ супружествѣ съ саксенъ-кобургскою принцессою Юліаной-Генріетой-Ульрикой (род. 11 сентября ст. ст. 1781 г., ум. 12 августа нов. ст. 1860 г., по св. миропомазаніи нареченной в. кн. Анною Ѳеодоровною; бракъ

этотъ былъ бездѣтенъ; 20 марта 1820 г. онъ особымъ Высочайшимъ манифестомъ объявленъ расторгнутымъ; 12 мая 1820 г. цесаревичъ сочетался вторымъ бракомъ съ графинею Іоанною Грудзинскою (род. 17 сентября ст. ст. 1795 г., ум. 17 ноября ст. ст. 1831 г.), получившею послѣ того титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ.

«Мнѣ все равно, будутъ ли у Александра сестры—писала императрица Екатерина Гримму — но ему необходимъ младшій братъ». Извѣщая Гримма о рожденіи своего второго внука, государыня писала: «Этотъ чудакъ заставлялъ ожидать себя съ половины марта. а двинувшись, наконецъ, въ путь, упалъ на насъ въ полтора часа какъ снѣгъ на голову; старушки, окружающія его, говорятъ, что онъ похожъ на меня какъ двѣ капли воды; онъ послабѣе брата и чуть коснется его холодный воздухъ, онъ прячетъ носъ въ пеленки, онъ ищетъ тепла». Въ то время, когда родился второй сынъ у цесаревича Павла Петровича, императрица уже задумывалась надъ тѣми политическими планами, которые потомъ отлились въ форму «Греческаго проекта»—и новорожденному великому князю было дано имя Константинъ. «Меня спрашивали, — пишетъ императрица—кто будетъ его крестнымъ отцомъ. Я отвѣчала: только мой другъ Абдулъ Гамидъ могъ бы быть ему воспріемникомъ. Но такъ какъ христіанинъ не можетъ быть крещенъ туркомъ, то окажемъ ему, по крайней мѣрѣ, почетъ, назвавъ младенца Константиномъ. И вотъ онъ сталъ Константиномъ—величиною въ кулакъ, а я очутилась съ Александромъ по правую и съ Константиномъ по лѣвую руку». Крестины происходили въ Царскомъ Селѣ. Въ день крещенія выдано было отцу и матери высоконовороженнаго по 60.000 р.; 3 мая данъ указъ изъ Кабинета Олсуфьеву: «Адамъ Васильевичъ! Прикажите записать въ расходъ выданный по повелѣнію нашему при случаѣ рожденія внука нашего в. кн. Константина Павловича: бабкѣ Годдъ 3000 р., генералъ-порученцѣ Бенкендорфъ 1500, полковницѣ Удаловой 1500, майоршѣ 1000, вдовѣ Брюховой съ дочерьми 1000, англичанкѣ 1000, двумъ кормилицамъ: каждой по 800, двумъ монастырскимъ дѣвушкамъ (т. е. изъ Смольнаго монастыря) каждой по 200, одной гречанкѣ 300, лейбъ-медику Крузу 2000, лейбъ-хирургу Веку 500, штабъ-лекарю Шмиту 500, а всѣхъ 14.800 р.».

На рожденіе Константина была выбита медаль, на которой, между прочимъ, представленъ въ отдаленіи храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ и надъ нимъ восходящая звѣзда. Кн. Потемкинъ устроилъ по случаю его рожденія блестящій праздникъ на дачѣ; во время фейерверка и иллюминаціи пѣлъ хоръ пѣсни на новогреческомъ языкѣ; первою кормилицею великаго князя была гречанка Елена; потомъ къ нему приставленъ былъ грекъ Дмитрій Курута, который остался при великомъ князѣ всю его жизнь. По свидѣтельству Мальмсбюри императрица по рожденіи второго внука нѣсколько разъ говорила въ кругу приближенныхъ о возможности ему царствовать на престолѣ греческихъ императоровъ; Храповицкій тоже записалъ разговоръ въ такомъ духѣ; наконецъ въ одной замѣткѣ Екатерины читаемъ: «буде успѣхи войны подали бы способъ и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага имени Христова изъ предѣловъ европейскихъ, то Россія за таковую всему христіанству и роду человѣческому заслугу выговариваетъ себѣ возстановленіе на развалинахъ варварской державы древней греческой имперіи. Россія обѣщаетъ оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему россійскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имѣетъ дать обѣщаніе, да не учинитъ ни въ какомъ случаѣ наслѣдственное или иное притязаніе на всероссійское наслѣдіе, равно и братъ его на греческое». Но эти планы привели только къ тому, что в. кн. Константинъ Павловичъ выучился по-гречески; никакой роли въ исторіи Греціи или Балканскаго полуострова ему играть не пришлось...

Императрица взяла на свое прямое попеченіе и второго своего внука; оба великіе князя жили при бабушкѣ, а не при родителяхъ, которые съ 1780 г. поселились въ Гатчинѣ; родители и видали ихъ сравнительно рѣдко. Константинъ Павловичъ былъ впослѣдствіи здоровъ и очень силенъ; но въ младенчествѣ онъ былъ слабаго здоровья, боялся свѣту и холоду; въ іюлѣ 1779 г. Екатерина въ письмѣ къ Гримму выражала сомнѣніе, чтобы онъ остался въ живыхъ; впослѣдствіи она высказывалась, что Константинъ обязанъ спа-

сеньемъ жизни Бестужевскимъ каплямъ. Въ 1786 г., собираясь въ путешествіе на югъ Россіи, Екатерина рѣшилась взять съ собою обоихъ внуковъ, несмотря на усиленныя просьбы сына и невѣстки—оставить дѣтей съ ними; болѣзнь Константина, захворавшаго корью почти наканунѣ отъѣзда императрицы, принудила оставить маленькихъ великихъ князей въ Петербургѣ. Они встрѣчали бабушку, когда она возвращалась; 22 мая 1787 г. Александръ и Константинъ выѣхали въ Москву, 23 іюня встрѣтили бабушку за Москвою въ с. Знаменскомъ, 11 іюля пріѣхали съ нею въ Царское Село. Императрица удѣляла большое вниманіе Константину, хотя и ясно, тѣмъ не менѣе, что онъ стоялъ для нея далеко на второмъ планѣ, сравнительно съ Александромъ; на старшемъ внукѣ сосредоточивалась любовь бабушки; о Константинѣ она всегда говорила только въ дополненіе къ разсказамъ объ Александрѣ, разсказамъ всегда неизмѣнно восторженнымъ.

Свидѣтельства Екатерины и Лагарпа даютъ намъ довольно полную картину дѣтскихъ лѣтъ Константина Павловича и рисуютъ намъ уже въ эти годы опредѣленные задатки тѣхъ качествъ, какія впослѣдствіи проявились въ его характерѣ съ большою рѣзкостью.

Когда Константину было всего еще два года, императрица уже писала, что его необычайная живость не позволяетъ ему ни на чемъ остановить свое вниманіе, но что у него очень умные глаза; о крайней живости своего второго внука императрица говорила затѣмъ почти постоянно, когда только приходилось ей говорить о немъ; при этомъ она прибавляла иногда, что онъ имѣетъ недостатки, которыхъ не имѣетъ Александръ. Въ 1790 г., когда Константину Павловичу шелъ уже 12 годъ, императрица такъ характеризовала его: «у него живость переходитъ даже въ буянство; но у него доброе сердце и много ума; онъ сорви голова (seigneur à batons-rompus) и не имѣетъ столько послѣдовательности въ характерѣ, какъ старшій братъ, но онъ заставитъ говорить о себѣ»; далѣе императрица говоритъ, что у великаго князя опредѣленная склонность къ военному дѣлу, особенно къ морскому; по ея словамъ, онъ отлично знаетъ по-гречески и свободно читаетъ въ подлинникѣ Плутарха. Успѣхами своихъ обоихъ внуковъ императрица постоянно была очень довольна, но, повидимому она какъ любящая бабушка нѣсколько увлекалась въ данномъ случаѣ; успѣхи ея внуковъ, въ сущности, были далеко не столь блестящими.

Первоначально оба великіе князя были на ближайшемъ попеченіи Софьи Ив. Бенкендорфъ; въ сентябрѣ 1783 г. она умерла и императрица рѣшила поручить дальнѣйшее воспитаніе великихъ князей мущинѣ. Руководителемъ для нихъ императрица избрала ген.-ад. Н. И. Салтыкова; онъ былъ немедленно вызванъ изъ за-границы, гдѣ находился, и съ конца 1783 г. вступилъ въ свою должность при великихъ князьяхъ; 13 марта 1784 г. была дана Салтыкову при особомъ рескриптѣ извѣстная инструкція для воспитанія великихъ князей, составленная самою императрицею.

Въ этой инструкціи императрица исходитъ изъ положенія, что воспитаніе и образованіе должно только развить тѣ прекрасные задатки, которые она находила у своихъ внуковъ въ самой высокой степени—«продолжить и укрѣпить умонаклоненіе толь драгихъ питомцевъ ко всякому добру». «Богу благодареніе!—сказано въ рескриптѣ—неоспоримо, что природное сложеніе ихъ высочествъ, здоровье ихъ и качество души и ума соотвѣтствуютъ въ полной и рѣдкой мѣрѣ принятому объ ихъ попеченію». «Высокому рожденію ихъ высочествъ наипаче предлежатъ два великіе пути: 1) справедливости; 2) любви къ ближнему; для того и другого нужнѣе всего, чтобы имѣли они порядочное и точное понятіе о вещахъ, здравое тѣло и разсудокъ»; «языки и знанія суть меньшая часть воспитанія ихъ высочествъ, добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ со временемъ». «Ученіе или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію». «Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть». И такъ, главною задачею ставится не пріобрѣтеніе знаній, а воспитаніе ума и характера; но нельзя не замѣтить, что пріобрѣтеніе знаній представляется императрицѣ гораздо болѣе лег-

кимъ, чѣмъ каково оно въ самомъ дѣлѣ. При томъ условіи, что ученіе ставится на второй планъ, какъ бы рядомъ съ игрой, что уроки не должны были продолжаться болѣе получасу подрядъ, предполагалось, что научившись читать, писать и считать, царственные воспитанники будутъ проходить: географію, астрономію, хронологію, математику, исторію, нравоученіе, «правила закона гражданскаго»—этимъ послѣднимъ въ основу полагались: «Наказъ», «Учрежденіе о губерніяхъ» и «другіе законы россійскіе»; далѣе предполагалось дать имъ понятіе «о доходахъ и государственномъ оныхъ управленіи» и основательно изучить военное искусство. Съ 11 до 15 л. предположено было занимать великихъ князей «по нѣскольку часовъ въ день» «спознаніемъ Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія лишь примѣняясь къ оной представить надлежитъ». Программа начертана, какъ видимъ, неопредѣленно; неудивительно, что она не была выполнена—тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, поступая подъ надзоръ Салтыкова великіе князья почти не говорили по-французски, а почти всѣ предметы преподаваемы были имъ на этомъ языкѣ, съ другой — обученіе великихъ князей окончилось, когда имъ было только около 15 лѣтъ...

Замѣчательнѣе части инструкціи, посвященныя воспитанію. Императрица словно провидѣла тѣ именно недостатки, которые особенно проявились въ характерѣ великаго князя Константина. Императрица даетъ наставленіе, какъ бороться съ упрямствомъ, вспыльчивостью, непостоянствомъ, неохотою подчиняться и соблюдать въ чемъ либо порядокъ, съ неохотою или пренебреженіемъ къ знаніямъ и упражненіямъ, «въ то время какъ въ игрѣ живъ, движимъ и продолжителенъ въ своихъ намѣреніяхъ и не лѣнивъ»; къ борьбѣ съ этими недостатками императрица рекомендовала твердость въ разъ предъявленныхъ требованіяхъ, лишеніе возможности отдаваться любимымъ и интересующимъ занятіямъ, пока не исполнено то, что требовалось,—то же самое предлагалъ примѣнять къ в. кн. Константину Лагарпъ. Но энергической борьбы съ такими чертами характера, когда онѣ проявились у в. кн. Константина, предпринято не было—потому ли, что императрица, въ теоріи, сознавая весь вредъ такихъ наклонностей не замѣчала ихъ у своего внука, или потому, что Салтыковъ не рѣшался раскрывать предъ императрицею въ ея внукѣ такихъ свойствъ, которыя она сама заранѣе признала нежелательными.

Съ назначеніемъ Салтыкова руководить воспитаніемъ великихъ князей къ нимъ были назначены особые кавалеры и приставники, а затѣмъ и преподаватели. При в. кн. Константинѣ состояли Сакенъ, Кошелевъ, Ламсдорфъ и грекъ Балдани; преподаватели были у обоихъ братьевъ одни и тѣ же—протоіерей Самборскій, М. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи еще Палласъ, Крафтъ и Массонъ; первоначально же учителемъ великихъ князей по исторіи, географіи и математикѣ былъ Ф. Ц. Лагарпъ, приглашенный сначала только для преподаванія французскаго языка. Значеніе Лагарпа въ исторіи развитія в. кн. Александра достаточно выяснено; здѣсь для насъ довольно замѣтить, что в. кн. Константинъ менѣе подвергся его вліянію. Объясняется это не только тѣмъ, что на в. кн. Константина менѣе было обращено вниманія, но и его характеромъ и природными задатками.

Въ 1786 г. Лагарпъ въ своемъ отчетѣ Салтыкову говорилъ, что в. кн. Константину мѣшаетъ въ успѣхахъ его живость, недостатокъ вниманія и проистекающее отъ этого «затрудненіе, которое онъ испытываетъ при заучиваніи наизустъ и отвращеніе ко всему, что останавливаетъ его вниманіе на нѣсколько минутъ сряду»; въ это время великій князь еще очень плохо читалъ по-французски, затрудняясь каждымъ словомъ, писалъ подъ диктовку по-французски не умѣя еще правильно раздѣлять словъ; изъ ариѳметики онъ едва началъ умноженіе и прослушалъ самые элементарные курсы географіи и исторіи. Отзываясь всегда съ большою похвалою о душевныхъ качествахъ в. кн. Александра, Лагарпъ и у него находитъ въ довольно сильной степени умственную лѣность, нелюбовь къ умственному труду—и въ этомъ съ его отзывами согласны и отзывы Протасова; тѣ же недостатки, но въ гораздо большей степени, видитъ Лагарпъ у в. кн. Константина. «У великаго князя прекрасное сердце, много прямоты душевной, вѣрное нравственное чувство, у него есть даро-

ванія и способность легко схватывать, пишетъ онъ. Эти счастливые задатки подаютъ, конечно, самыя блестящія надежды; но напрасно было бы разсчитывать на осуществленіе ихъ, если не истребить въ великомъ князѣ его крайнюю живость, не пріучить его сосредоточиваться и не побѣдить его упрямство. Что касается первой, то едва ли возможно—да едва ли и нужно—совершенно ее искоренять, потому что она зависитъ отъ темперамента великаго князя и отъ его возраста; но можно сдѣлать проявленія ея менѣе частыми и менѣе сильными, можно направить ее на полезныя цѣли и предупредить зло, которое можетъ она повлечь. Мало дѣтей, столь живыхъ, какъ великій князь; онъ ни минуты не остается въ покоѣ, все двигается и, не глядя, куда идетъ, куда ставитъ ногу, онъ вылетѣлъ бы за окно, если бы за нимъ не слѣдили... При всемъ моемъ терпѣніи—о которомъ я могу говорить, безъ опасенія, чтобы меня можно было въ данномъ случаѣ опровергнуть—мнѣ никогда не удавалось удержать его вниманіе на одномъ предметѣ болѣе трехъ минутъ, да и это удавалось крайне рѣдко; неудивительно поэтому, что великій князь забываетъ почти столько же, сколько узнаетъ новаго... Другое не менѣе вредное слѣдствіе его излишней живости—это привычка ежеминутно переходить отъ одного предмета къ другому и интересоваться только ихъ разнообразіемъ или быстротою смѣны впечатлѣній—откуда происходитъ то печальное слѣдствіе, что люди смотрятъ—и не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что видятъ, что люди говорятъ обо всемъ, ничего не зная, и что дѣлаются неспособными правильно судить... Нужно непремѣнно, чтобы великій князь почувствовалъ необходимость заниматься серьезно». Лагарпъ замѣчаетъ, что для великихъ князей, по рожденію уже поставленныхъ такъ высоко въ обществѣ, особенно необходимо съ дѣтства развить въ себѣ сдержанность, способность владѣть собою, а в. кн. Константинъ совершенно этого качества лишенъ и «вспышки у него появляются такъ внезапно и сопровождаются такими проявленіями злой воли, что рѣшительно невозможно оставить этого обстоятельства безъ вниманія» и что «вслѣдствіе необходимости бороться съ упрямствомъ, неповиновеніемъ и гнѣвомъ великаго князя приходится терять по три мѣсяца на то, на что довольно было бы недѣли»; по словамъ Лагарпа живость младшаго великаго князя и его упрямство не позволяютъ ему поддаться на тѣ средства увѣщанія и убѣжденія, которыя достаточны съ его старшимъ братомъ; Лагарпъ настаивалъ поэтому на необходимости быть съ нимъ неукоснительно строгимъ. Но строгости примѣнять Салтыковъ не считалъ возможнымъ и характеръ великаго князя не мѣнялся. Въ концѣ 1789 г., т. е. когда великому князю шелъ уже одиннадцатый годъ, онъ все еще не могъ читать по-французски правильно и безостановочно; онъ и въ это время, какъ три года назадъ, былъ занятъ только ружьями, знаменами, алебардами и думалъ только объ игрѣ въ солдатики, какъ послѣ уроковъ, такъ и во время ихъ. Лагарпъ признаетъ въ великомъ князѣ отличные задатки—но еще болѣе сильные недостатки, препятствующіе ихъ развитію; не желая нисколько приложить труда къ исполненію того, что отъ него требовалось, великій князь Константинъ, по словамъ Лагарпа. «какъ только обстоятельства разстроятъ его планы относительно игры и забавъ — предается вспышкамъ самаго необузданнаго гнѣва, которому потворствовать или который терпѣть нѣтъ болѣе никакой возможности». Однажды онъ въ теченіе двухъ часовъ упорствовалъ и не хотѣлъ исполнить работы, по словамъ Лагарпа, самой простой; а когда Лагарпъ пригласилъ Салтыкова и Салтыковъ сдѣлалъ великому князю выговоръ, онъ, по уходѣ его, бросился на Лагарпа и укусилъ ему руку... Сохранившіяся въ довольно значительномъ числѣ (до 20) записочки в. кн. Константина Павловича, за время отъ 1788 по 1794 г., вполнѣ подходятъ по содержанію своему къ тому, что выше изложено: онѣ почти всѣ заняты извиненіями въ томъ, что заданное не было исполнено, просьбами о прощеніи и обѣщаніями непремѣнно исправиться. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторыя изъ этихъ записокъ представляютъ собою несомнѣнно записи, сдѣланныя великими князьями подъ диктовку Лагарпа, какъ бы въ наказаніе, и имѣютъ цѣлью устыдить великихъ князей: по крайней мѣрѣ одна записочка, нерѣдко цитованная въ біографіи Александра I, какъ еще дѣтское его выраженіе мыслей о самомъ себѣ, дословно повторена и в. кн. Константиномъ только съ нѣсколькими лиш-

ними орѳографическими ошибками; вотъ она съ правописаніемъ младшаго великаго князя: «Il est si agreable de ne ce donner aucune peine que je desirerai même que les autre pussent marcher, manger, boire et parler pour moi et je n'anvie rien tans que de ressembler à une statue»; есть и еще подобные примѣры; поэтому надо быть очень осторожнымъ, дѣлая какіе либо выводы изъ этихъ записочекъ о характерѣ великихъ князей; онѣ являются выраженіемъ особаго педагогическаго пріема Лагарпа, а не собственныхъ чувствъ и мнѣній того или другого изъ его воспитанниковъ.

Не пользуясь расположеніемъ Лагарпа, великій кн. Константинъ и самъ его не особенно любилъ; гр. Моріолль, долго находившійся при великомъ князѣ въ послѣдніе годы его жизни, разсказываетъ, что по словамъ Константина Павловича Лагарпъ постоянными наговорами императрицѣ вселилъ и въ нее нелюбовь ко второму внуку. Несомнѣнно, что отношенія къ Лагарпу не оставили въ великомъ князѣ благопріятнаго впечатлѣнія и разсказы его Моріоллю вполнѣ убѣждаютъ въ этомъ; но несомнѣнно, что кое-что Моріолль и преувеличилъ...

Въ вышеприведенныхъ отзывахъ Лагарпа в. кн. Константинъ Павловичъ является предъ нами почти точно такимъ, какимъ видимъ мы его затѣмъ во всю его жизнь. Воспитаніе мало сгладило врожденную ему горячность, вспыльчивость, необдуманность; но за то до конца жизни великій князь сохранилъ доброту, искренность, которыя присущи были ему съ дѣтства. Юношей великій князь вполнѣ проявилъ свой буйный характеръ. Какъ ни снисходительно смотрѣла на него императрица—помимо того, что безъ сомнѣнія и великій князь при ней сдерживался, болѣе, чѣмъ при комъ либо другомъ—но иногда и Екатерина сообщаетъ о такихъ выходкахъ, которыя нельзя не признать непозволительными; за 10 дней до рожденія в. кн. Николая Павловича, Константинъ Павловичъ сказалъ о своей родительницѣ:—que de sa vie il n'a vu ventre pareil et qu'il y a là place pour quatre personnes; эта выходка только позабавила императрицу. Можно себѣ представить, что же долженъ былъ позволить себѣ великій князь, чтобы императрица написала Салтыкову такое письмо (29 августа 1796 г.): «Я хотѣла сегодня говорить съ моимъ сыномъ и разсказать ему все дурное поведеніе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ говорить сбираюсь и увѣрена, что великій князь со мною согласенъ будетъ; я Константину, конечно, потакать никакъ не намѣрена. А какъ великій князь уѣхалъ въ Павловское и нужно унять хоть Константина какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и именемъ моимъ, чтобъ онъ воздержался впредь отъ злословія, сквернословія и безпутства, буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобъ я надъ нимъ сдѣлала примѣръ. Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мужчину, ни женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произнесено было, что нетокмо многіе изъ нашихъ, но даже и шведы безъ соблазна, содроганія и омерзенія слышать не могли. Сверхъ того, онъ со всякою подлостью вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такою непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайней непріятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковой подлый sanculottisme, предъ всѣми унижающій. Повторите ему, чтобы онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, если еще посрамитъ оное, я бъ не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры». Константинъ Павловичъ былъ посаженъ подъ строгій караулъ за эти выходки. Не стѣснялся, наконецъ, великій князь и въ отзывахъ о бабушкѣ и отцѣ: по крайней мѣрѣ, кн. А. Чарторижскій пишетъ, что не разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ объ императрицѣ «avec une rudesse sans mesure et des termes les plus inconvenables», а по словамъ гр. Растопчина ходили слухи, что онъ передразнивалъ и своего отца...

Занимаясь такъ, какъ разсказываетъ Лагарпъ, великіе князья окончили къ 1791 г. курсъ геометріи, начали алгебру,

прошли троекратно курсы географіи и исторіи, при чемъ постепенно увеличивалась подробность и разносторонность свѣдѣній изъ двухъ послѣднихъ предметовъ. Пособіями при историческихъ занятіяхъ служили имъ Милло, Кондильякъ, Гаттереръ, Нибуръ, Вольней; большое вниманіе удѣляемо было на то, чтобы познакомить великихъ князей въ отрывкахъ съ произведеніями классическихъ, греческихъ и римскихъ писателей. Далѣе Лагарпъ предполагалъ сосредоточить занятія великихъ князей по исторіи—на чтеніи Гиббона, а затѣмъ приступить къ чтенію философскихъ сочиненій начавъ съ Кондильяка (Essai sur les origines de connaissances humaines) и Локка, далѣе—читать Руссо, Мабли и особенно Монтескье. Но эта часть программы осталась не выполненной; съ философскими сочиненіями въ учебные свои годы великіе князья такъ и не успѣли познакомиться: ученіе ихъ прекращалось.

Съ 1792 г. дѣло шло уже къ женитьбѣ в. кн. Александра: въ Петербургѣ, съ конца этого года, находились баденскія принцессы, съ одною изъ которыхъ в. кн. Александръ и вступилъ въ бракъ 28 сентября 1793 г.; въ теченіе всего года учебныя занятія обоихъ великихъ князей были почти прекращены—в. кн. Константинъ, по дружбѣ своей съ братомъ, былъ почти неразлученъ съ нимъ и его невѣстой. Послѣ свадьбы Александра Павловича занятія возобновились, но шли не очень правильно, а 31 января 1795 г. состоялось увольненіе Лагарпа.

Прежде думали, что императрица рѣшилась на это въ виду республиканскихъ симпатій Лагарпа, которыя были признаны совершенно неумѣстными при дворѣ въ виду разыгрывавшихся тогда ужасовъ французской революціи; въ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ передается слухъ, что в. кн. Константинъ желалъ удаленія Лагарпа и просилъ объ этомъ Салтыкова. Точно извѣстно, однако, что инициатива удаленія Лагарпа исходила отъ самой императрицы и что политическія его воззрѣнія тутъ рѣшительно не причемъ. Во всякомъ случаѣ—оно имѣло огромное значеніе для молодыхъ великихъ князей. Къ этому времени великіе князья вступили уже въ такой возрастъ, когда признано было необходимымъ ознакомить ихъ съ военнымъ дѣломъ; для этого они начали еще съ 1794 г. гораздо чаще посѣщать Гатчину, а особенно лѣтомъ Павловскъ, и тамъ проходили военную службу подъ руководствомъ отца; Константинъ Павловичъ особенно увлекся теперь раскрывшимися предъ нимъ обязанностями и задачами. Умнаго, образованнаго искренно расположеннаго къ великимъ князьямъ Лагарпа теперь рядомъ съ ними уже не было. Передъ отъѣздомъ своимъ Лагарпъ самъ счелъ своимъ долгомъ облегчить сближеніе великаго князя Павла Петровича съ его сыновьями: понявъ, какой существуетъ планъ относительно цесаревича Павла Петровича, онъ добился передъ своимъ отъѣздомъ свиданія съ нимъ, хотя цесаревичъ до тѣхъ поръ явно ему неблаговолилъ. Нераскрывая цесаревичу грозившаго ему рѣшенія, Лагарпъ убѣдилъ его въ томъ, что его сыновья ему искренно преданы и что ему самому необходимо съ ними сблизиться. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ внялъ этимъ совѣтамъ...

Уже съ конца 1794 г. в. кн. Константинъ имѣлъ свой особый отрядъ изъ 15-ти человѣкъ и усиленно занялся его муштровкою послѣ отъѣзда Лагарпа. Онъ примѣнялъ теперь на дѣлѣ тѣ взгляды на военную службу, которые высказывалъ незадолго передъ тѣмъ Лагарпу и въ которыхъ остался непоколебимъ, несмотря на всѣ возраженія своего учителя—именно, что военный «есть простая машина» и что «все, что командиръ приказываетъ подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость». Вел. кн. Александръ не сочувствовалъ сначала такому увлеченію брата и писалъ въ февралѣ 1796 г. Лагарпу, что «военное искусство вскружило его брату голову и онъ иногда грубъ со своими солдатами»; но мало-по-малу увлекся военными упражненіями и в. кн. Александръ; оба брата получили черезъ нѣсколько времени въ свое завѣдываніе по батальону изъ числа шести, составлявшихъ войско ихъ отца—и скоро выраженія «это по гатчински», «это по нашему» — стали чаще и чаще срываться съ ихъ устъ, выражая всегда похвалу.—Константинъ Павловичъ въ маѣ 1795 г. совершилъ поѣздку въ Финляндію, между прочимъ, съ цѣлью осмотрѣть стоявшія тамъ войска.

Къ 1793 г. относятся первыя рѣчи о женитьбѣ в. кн. Константина. Отъ русскаго представителя въ Неаполѣ, гр. М. П. Скавронскаго, получены были извѣстія, что супруга неаполитанскаго короля Ферди-

нанда IV, Каролина-Марія, дочь Маріи Терезіи, не прочь была бы выдать одну изъ своихъ дочерей за младшаго внука русской императрицы; когда гр. Скавронскій умеръ, предложенія въ томъ же духѣ были сдѣланы въ Вѣнѣ неаполитанскимъ посланникомъ Галлемъ русскому послу гр. А. К. Разумовскому, а имъ сообщены въ Петербургъ. Императрица Екатерина, однако, отнеслась къ этому проэкту не сочувственно: она не пожелала вступить въ родство съ домомъ, нѣсколько представителей котораго были психически не вполнѣ нормальны; кромѣ того, она нашла совершенно неумѣстнымъ требованіе Каролины Маріи, чтобы до бракосочетанія съ ея дочерью Константинъ Павловичъ получилъ изъ русскихъ владѣній какое нибудь независимое княжество и чтобы супруга его сохранила католическое исповѣданіе. Императрица поручила ген. А. Я. Будбергу подыскать для в. кн. Константина Павловича невѣсту въ такомъ владѣтельномъ домѣ, который не предъявлялъ бы подобныхъ претензій. Будбергъ завелъ негласные переговоры съ домомъ Саксенъ-Заальфельдъ-Кобурскимъ и встрѣтилъ полную готовность сообразоваться съ желаніями императрицы.

6 октября 1795 г. супруга наслѣднаго принца Кобурскаго прибыла въ Петербургъ съ тремя своими дочерьми. Помѣщеніе для принцессъ было приготовлено въ Зимнемъ Дворцѣ. Роскошь и великолѣпіе двора Екатерины поразили представительницъ некрупнаго германскаго дома. 8 окрября императрица посѣтила прибывшихъ и вручила всѣмъ принцессамъ ордена св. Екатерины; въ тотъ же день былъ у принцессъ съ визитомъ и великій князь Константинъ. Общія симпатіи сразу завоевала младшая изъ трехъ принцессъ, Юліана-Генріета-Ульрика, императрица говорила Будбергу, что жалѣетъ о невозможности оставить въ Петербургѣ всѣхъ трехъ принцессъ и что останется, вѣроятно, младшая. Женихъ, со своей стороны, произвелъ благопріятное впечатлѣніе. «Константинъ, — писала герцогиня мужу — кажется съ виду не менѣе 23 л. (ему было 16) и видно, что онъ еще подростетъ. У него широкое круглое лицо и, еслибъ онъ не былъ курносъ, то былъ бы очень красивъ; у него большіе голубые глаза, въ которыхъ много ума и огня; рѣсницы и брови почти черныя; небольшой ротъ, губы совсѣмъ пунцовыя; очень пріятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжій цвѣтъ лица; въ ясномъ взглядѣ видны благородная кровь и душа неиспорченная; у него такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствія ко всему великому и столько скромности!» По желанію императрицы великій князь часто видѣлся съ пріѣзжими, онъ показывалъ имъ Эрмитажъ, запросто у нихъ завтракалъ, ужиналъ; сначала онъ очень стѣснялся, конфузился, но скоро освоился и чувствовалъ себя очень хорошо въ обществѣ принцессъ; онѣ ему рисовали, пѣли, а онъ потѣшалъ ихъ своимъ плохимъ нѣмецкимъ языкомъ. 12 октября, послѣ продолжительной бесѣды съ кн. Зубовымъ, великій князь явился къ принцессѣ-матери и формально попросилъ руки ея младшей дочери; согласіе сейчасъ же было дано; позвали принцессу Юлію и она выразила свое согласіе. 14 октября помолвка была объявлена; затѣмъ послѣдовалъ рядъ празднествъ: спектакль въ Эрмитажѣ, ужинъ у вел. кн. Александра, великолѣпный маскарадъ при дворѣ. 27 октября принцесса-мать съ двумя старшими дочерьми, богато одаренная императрицей, выѣхала изъ Петербурга; переночевавъ въ Царскомъ Селѣ, она на слѣдующій день обѣдала въ Гатчинѣ у наслѣдника и продолжала путь въ Германію. Невѣста была помѣщена вмѣстѣ съ великими княжнами, на попеченіи баронессы Ливенъ. Она начала учиться русскому языку и православному исповѣданію; 2 февраля 1796 г. она была присоединена къ православію и получила имя Анны Ѳеодоровны. 3 февраля совершено было обрученіе. Бракосочетаніе, первоначально назначенное на 13 февраля, было отложено по случаю нездоровья невѣсты и совершилось 15 февраля. Обрядъ совершенъ былъ духовникомъ императрицы; вѣнецъ надъ женихомъ держалъ оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ, надъ невѣстой — кн. П. А. Зубовъ; изъ подъ вѣнца молодые, съ отцомъ и матерью жениха, отправились въ Мраморный Дворецъ, назначенный для жительства в. кн. Константина съ супругою; тутъ они были встрѣчены в. кн. Александромъ и его женою. Городъ былъ иллюминованъ; 18 февраля былъ устроенъ народный праздникъ передъ Зимнимъ Дворцомъ; рядъ торжествъ закончился великолѣпнымъ фейерверкомъ 27 февраля. Гофмаршаломъ новаго двора

назначенъ былъ кн. Б. Голицынъ; штатъ великокняжеской четы составили 6 камергеровъ, 6 камеръ-юнкеровъ и 3 фрейлины. Великій князь, не достигшій еще 17 лѣтъ, говорилъ предъ свадьбою, что ему хочется жениться поскорѣе особенно потому, что онъ получитъ послѣ свадьбы Мраморный Дворецъ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Молодой великій князь первое время былъ, повидимому, влюбленъ въ свою жену; но между ними не было истинной любви. Фрунтовые интересы скоро опять получили свое преобладаніе надъ душою супруга; по прежнему прорывалась его вспыльчивость и грубость; обильное количество поводовъ къ проявленію этихъ свойствъ нашелъ онъ въ пребываніи въ Петербургѣ короля шведскаго и его разстроившемся сватовствѣ за великую княжну Александру Павловну. Въ это же время былъ назначенъ къ в. кн. Константину флигель-адъютантомъ кн. Конст. Чарторижскій; но между ними не было такихъ серьезныхъ бесѣдъ и не установилось отношеній, хотя бы отдаленно напоминавшихъ и по интимности, и по важности тѣ, какія установились между в. кн. Александромъ и его флигель-адъютантомъ, кн. Ад. Чарторижскимъ.

Въ день смерти императрицы Екатерины в. кн. Константинъ, какъ и его братъ, были въ Петербургѣ; они встрѣтили отца, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, уже въ мундирахъ гатчинской формы. Въ ту же ночь Константину Павловичу поручено было отцомъ его участвовать въ разсмотрѣніи бумагъ покойной императрицы и опечатать бумаги кн. Зубова. Въ первомъ же приказѣ императора Павла в. кн. Константинъ назначенъ былъ шефомъ Измайловскаго полка, въ составъ котораго вошелъ его гатчинскій батальонъ; 10 ноября великій князь сопровождалъ императора, встрѣчавшаго гатчинское войско, вступавшее въ столицу.

Царствованіе императора Павла принесло и вел. кн. Константину то же, что и всѣмъ другимъ близкимъ къ императору лицамъ: ежедневные вахтпарады, усиленныя фрунтовыя занятія, непрерывное опасеніе безпричиннаго гнѣва и опалы, полное отсутствіе всякой увѣренности въ спокойномъ теченіи жизни—и непрерывное усиленіе и развитіе всѣхъ этихъ непріятныхъ ощущеній и опасеній.

28 марта 1797 г. оба старшіе великіе князя сопровождали верхомъ императора въ его торжественномъ въѣздѣ въ Москву и затѣмъ присутствовали на коронаціи; 3 мая они отправились, вмѣстѣ съ государемъ, въ поѣздку по Россіи. Посѣтивъ Смоленскъ, Оршу, Могилевъ, Минскъ, Вильну, Гродно, Ковно, Митаву, Ригу и Нарву, высокіе путешественники 2 іюня вернулись въ Павловскъ; съ 6 іюля по 10 они сопровождали императора во время пребыванія его на флотѣ въ Кронштадтѣ; в. кн. Константинъ былъ назначенъ около этого времени генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи — это званіе сохранилъ онъ до конца жизни; во время пребыванія императорской фамиліи въ Петергофѣ онъ обыкновенно исполнялъ обязанности военнаго губернатора этого города; однажды незначительная его оплошность, вызванная тѣмъ, что онъ неправильно понялъ слова государя и думалъ, что отпущенъ на этотъ день совсѣмъ, навлекла на него жестокій гнѣвъ отца; пришлось великому князю прибѣгнуть къ заступничеству Кутайсова, чтобы утишить гнѣвъ государя. Съ 5 мая по 11 іюня 1798 г. оба старшіе великіе князя сопровождали государя въ его поѣздкѣ—путь шелъ черезъ Новгородъ, Тверь, Москву—въ окрестностяхъ которой были большіе маневры,—Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Казань, Ярославль, Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. Вскорѣ по возвращеніи в. кн. Константинъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ надъ кадетскимъ корпусомъ. 29 ноября 1798 г. великіе князья Александръ и Константинъ участвовали въ церемоніи, сопровождавшей принятіе императоромъ званія гросмейстера Мальтійскаго ордена—они воздѣвали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги... Императоръ вообще относился къ своему второму сыну скорѣе съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ в. кн. Александру, планы Екатерины относительно котораго вселили въ душу Павла нѣкоторое недовѣріе и подозрѣніе къ своему наслѣднику; но и къ Константину Павелъ Петровичъ нашелъ нужнымъ приставить подъ видомъ адъютанта особо довѣренное лицо, офицера измайловскаго полка П. А. Сафонова, который совершенно случайно обратилъ на себя вниманіе государя своимъ серьезнымъ видомъ, а затѣмъ показался государю, по его словамъ, пригоднымъ потому, что онъ былъ въ свойствѣ съ Гендриковыми—императоръ такъ

и сказалъ Сафонову, что они, значитъ, свойственники... Сафоновъ долженъ былъ слѣдить за великимъ княземъ и доносить обо всемъ государю, но великій князь съумѣлъ вполнѣ подчинить этого своего дядьку себѣ и Сафоновъ не сообщалъ государю ничего непріятнаго для Константина Павловича.

5 мая 1779 г. в. кн. Константину Павловичу назначено было по 30.009 р. въ годъ; 23 января 1780 г. на экипажъ ему, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ, назначено 17.433 р.; опредѣлить внуку содержаніе по вступленіи его въ бракъ императрица Екатерина не успѣла; 17 ноября 1796 г. императоръ Павелъ назначилъ ему 100.000 р. въ годъ, супругѣ его — 70.000 р.; 28 декабря 1796 г. ему назначено 500.000 р. — столько же, сколько въ тотъ же день назначено было и цесаревичу Александру Павловичу, которому первоначально было назначено 200.000 р. 2 іюня 1797 г. императоръ подарилъ своему второму сыну мызу Стрѣльну, а 21 іюня прибавилъ къ ней еще 1500 душъ.

Третій годъ царствованія Павла в. кн. Константинъ провелъ внѣ Петербурга и Россіи — онъ былъ волонтеромъ при войскѣ Суворова, сражавшемся противъ французовъ.

Великій князь еще въ 1798 г. выразилъ отцу желаніе свое принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ; отвѣтомъ на это было слѣдующее письмо императора отъ 30 декабря 1798 г.: «Мнѣ очень пріятно имѣть сына съ такими чувствами, каковы ваши, любезный Константинъ. Но скажу вамъ, что Голицынъ ведетъ только вспомогательный корпусъ, состоящій на жалованьи у Англіи, а корпусъ Розенберга состоитъ на жалованьи у Австріи. Я вовсе не желалъ бы, чтобы русскій великій князь участвовалъ въ такомъ походѣ. Впрочемъ, быть можетъ, обстоятельства будутъ таковы, что для насъ представится случай отправиться въ походъ на свой собственный счетъ». Въ первыхъ числахъ марта 1799 г. отправился изъ Петербурга въ Вѣну Суворовъ, а 11 марта выѣхалъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ, который ѣхалъ волонтеромъ въ русскую армію, поступавшую подъ начальство великаго полководца. Великій князь выѣхалъ подъ именемъ гр. Романова; но скоро инкогнито было оставлено. Великаго князя сопровождали: Дерфельденъ, однимъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ Екатерининскаго времени, бывшій предъ тѣмъ въ отставкѣ, а теперь вновь принятый на службу и имѣвшій даже порученіе «въ случаѣ нужды заступить мѣсто» фельдмаршала, ген.-м. Сафоновъ, адъютанты полковники Комаровскій и Лангъ и еще нѣсколько человѣкъ. На другой день послѣ выѣзда великаго князя выѣхала въ Германію для свиданія съ родными и супруга его, великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Константинъ Павловичъ ѣхалъ черезъ Митаву; здѣсь его принималъ и угощалъ Людовикъ XVIII. На австрійской границѣ его встрѣтилъ и привѣтствовалъ кн. Эстергази; на послѣдней станціи предъ Вѣною его встрѣтилъ губернаторъ Вѣны, герцогъ Фердинандъ Виртембергскій, братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Константинъ Павловичъ прямо отправился къ императору; въ императорскомъ дворцѣ онъ остановился и обѣдалъ почти ежедневно съ императоромъ. Великій князь провелъ въ Вѣнѣ двѣ недѣли съ 5 по 19 апрѣля; при дворѣ баловъ по случаю войны не было, но русскій посолъ гр. Разумовскій давалъ въ честь великаго князя великолѣпные обѣды и балы; публика восторженно привѣтствовала русскаго великаго князя при появленіи его въ театрахъ. Императоръ далъ вел. кн. Константину чинъ генералъ-фельдцейхмейстера; во время пребыванія его въ Вѣнѣ рѣшено было дѣло о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ. Такъ какъ Іосифъ назначался главнокомандующимъ цесарскою арміею на Рейнѣ, то императоръ предложилъ великому князю отправиться не въ Италію, а на Рейнъ; великій князь заявилъ, что безъ вѣдома отца не можетъ перемѣнить своего первоначальнаго рѣшенія; императоръ Павелъ остался очень доволенъ этимъ поступкомъ сына.

Отправившись изъ Вѣны 19 апрѣля, великій князь прибылъ 27 апрѣля въ Верону, къ корпусу ген. Края, а 26 — въ Вогеру, гдѣ въ то время находился Суворовъ. Суворовъ принялъ сына своего императора со всѣми знаками глубочайшаго почтенія. 27 апрѣля великій князь выѣхалъ къ корпусу ген. Розенберга, занимавшему одну изъ передовыхъ позицій, и здѣсь объявилъ русскимъ войскамъ «бла-

годарность и поклонъ» отъ Государя. 29 апрѣля великій князь впервые былъ въ огнѣ, у переправы черезъ По у Борго-Франко. 1-го мая разыгралось неудачное для насъ дѣло у Бассиньяно: ген. Розенбергъ переправилъ часть своихъ силъ черезъ По, но оказался совершенно не въ силахъ удержаться на другомъ берегу и долженъ былъ отступить со значительными потерями; большая опасность угрожала непосредственно великому князю: онъ оказался въ небольшомъ отрядѣ, сбитомъ на маленькій островокъ и долгое время не имѣвшемъ никакихъ средствъ для переправы. Суворовъ былъ чрезвычайно недоволенъ Розенбергомъ и грозилъ ему военнымъ судомъ. Розенбергъ отвѣтилъ письмомъ: «Какъ подчиненный, я виноватъ безъ оправданія; но если Ваше Сіятельство примете трудъ изслѣдовать поведеніе мое въ предпріятіи занять Валенцію—ибо я повелѣніе Ваше о присоединеніи къ арміи получилъ вошедши уже въ дѣло—то я увѣренъ, что я правъ буду совершенно». Дѣло въ томъ, что наступленіе было произведено благодаря вмѣшательству великаго князя. Розенбергъ замѣтилъ, что обстоятельства не тѣ, при какихъ приказано было ему наступать, и не хотѣлъ наступленія производить, но великій князь вообразилъ, что онъ лучше стараго опытнаго генерала оцѣниваетъ обстановку и сказалъ Розенбергу: «Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить въ Крыму, тамъ было покойнѣе и непріятеля въ глаза не видѣли». Розенбергъ былъ задѣтъ этимъ укоромъ; къ тому же—совершенно не ясно было, каково положеніе великаго князя въ арміи, каковы его роль и значеніе; Розенбергъ поступилъ согласно желаніямъ великаго князя—и въ результатѣ явилось почти пораженіе. Суворовъ, который до перваго случая вмѣшательства великаго князя въ распоряженія, не давалъ ему никакихъ совѣтовъ, теперь сразу опредѣлилъ положеніе высокаго волонтера своей арміи. Въ приказѣ по арміи Суворовъ выразился между прочимъ, что «демонстраціи—игра юно-военныхъ»; принявъ на другой день великаго князя со всѣми знаками почтенія, Суворовъ заперся съ нимъ въ кабинетѣ и имѣлъ продолжительный разговоръ, содержаніе котораго неизвѣстно; затѣмъ, опять съ низкими поклонами, Суворовъ вышелъ провожать великаго князя, но остановился, и въ присутствіи его, сурово пригрозилъ всѣмъ находившимся въ это время въ его квартирѣ военнымъ, если только они допустятъ когда либо великаго князя подвергнуться опасности. Послѣ этого положеніе великаго князя выяснилось. Онъ былъ постоянно близко отъ Суворова и часто съ нимъ видался, присутствуя иногда при докладахъ, причемъ, по желанію Суворова, великій князь какъ бы не замѣчалъ фельдмаршала, который, въ свою очередь не отрывался отъ дѣлъ при его приходѣ и уходѣ; обыкновенно день онъ проводилъ при авангардѣ, которымъ постоянно командовалъ Багратіонъ; въ случаѣ если Багратіонъ былъ вызываемъ къ главнокомандующему или получалъ какое либо особое порученіе—великій князь вступалъ въ командованіе авангардомъ; но къ чести его пониманія важности дѣла надо сказать, что онъ никогда болѣе не отдавалъ какихъ либо приказаній, которыя могли бы имѣть серьезныя послѣдствія, а ограничивался тѣмъ, что разсыпалъ цѣпь, наблюдалъ за установкою орудій и т. п. При этомъ онъ охотно дѣлилъ всѣ неудобства и трудности похода—то пѣшкомъ дѣлалъ длинные переходы въ жару, то чуть не по полсутокъ проводилъ верхомъ; сколько возможно было онъ старался облегчить трудъ солдатъ, покупалъ для нихъ на свой счетъ нѣкоторые припасы и т. п.; впослѣдствіи, во время швейцарскаго похода, участвуя въ военныхъ совѣтахъ, онъ подавалъ весьма благоразумные совѣты.

15 мая великій князь участвовалъ въ вступленіи въ Туринъ и былъ горячо привѣтствуемъ народомъ. Во время движенія навстрѣчу Макдональду, онъ велъ отрядъ Багратіона и исполнилъ предписанное движеніе съ большою скоростью, вопреки совѣтамъ одного австрійскаго генерала, предлагавшаго ему отступить отъ прямыхъ приказаній фельдмаршала—этотъ поступокъ великаго князя и поведеніе его въ битвѣ при Требіи 6, 7 и 8 іюня заслужили ему лестный отзывъ Суворова въ донесеніи императору Павлу. Послѣ пораженія Макдональда великій князь провелъ почти мѣсяцъ вмѣстѣ съ Суворовымъ въ лагерѣ подъ Александріей; тутъ онъ постоянно занимался ученьями, осматривалъ укрѣпленія, участвовалъ въ маневрахъ, которые производилъ Суворовъ въ такіе промежутки времени; съ большою пыш-

ностью празднуемы были въ лагерѣ царскіе дни. Александрія сдалась 11 іюля; послѣ этого великій князь былъ при обложеніи Серравалле, которая сдалась 27 іюля; 4 августа великій князь былъ въ сраженіи при Нови; послѣ битвы Суворовъ поздравлялъ его съ побѣдою и изъявлялъ величайшую похвалу мужеству и неутомимости его; въ рапортѣ государю Суворовъ писалъ, что великій князь «обрѣтался при передовыхъ войскахъ и когда выступили они на баталію въ боевомъ порядкѣ, то великій князь изволилъ идти съ ними и во время баталіи присутствовалъ, гдѣ, мужествомъ своимъ поощряя войска, приводилъ къ неустрашимости».

Когда Суворовъ предпринялъ движеніе въ Швейцарію, командиръ и офицеры австрійскіе драгунскаго полка, бывшаго подъ командою великаго князя при Нови, явились къ нему, 27 августа, и выразили свое сожалѣніе, что не будутъ имѣть чести сражаться вмѣстѣ съ нимъ. Когда, 4 сентября русскія войска вступили въ Таверну и были задержаны до 9-го отсутствіемъ муловъ, была принята Суворовымъ мысль великаго князя употребить для перевозки вьюковъ казацкихъ лошадей. Почти весь переходъ по Швейцаріи, безпримѣрный по перенесеннымъ трудностямъ, великій князь совершилъ пѣшкомъ. 18 сентября, уже въ Муттенской долинѣ, Суворовъ получилъ точныя свѣдѣнія о пораженіи Римскаго-Корсакова подъ Цюрихомъ и отступленіи ближайшихъ австрійскихъ корпусовъ и собралъ военный совѣтъ. Положеніе русскаго войска было, дѣйствительно, отчаянное. На этомъ совѣтѣ Суворовъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, воодушевившую собраніе, и въ заключеніе, со словами: «Спасите честь Россіи и Государя! спасите сына нашего Императора!»—упалъ на колѣни предъ великимъ княземъ и залился слезами,—великій князь бросился его поднимать, обнималъ и цѣловалъ, и самъ плакалъ. Великій князь на этомъ совѣтѣ предложилъ, вопреки совѣтамъ австрійскихъ проводниковъ, двинуться не къ Швицу, а къ Гларису. Суворовъ вполнѣ одобрилъ это предложеніе. Съ величайшими трудностями, но удалось совершить это движеніе; на новомъ совѣтѣ, собранномъ 23 сентября въ Гларисѣ, опять принято было предложеніе великаго князя—отказаться отъ предположеннаго удара въ тылъ французамъ, а идти кружнымъ путемъ на соединеніе съ Корсаковымъ. Суворовъ такъ доносилъ императору объ участіи Константина Павловича въ Швейцарскомъ походѣ: «Его Высочество во всю нынѣшнюю многотрудную кампанію и теперь на вершинахъ страшныхъ Швейцарскихъ горъ, гдѣ проходилъ мужественно всѣ опасности, поощрялъ войско своимъ примѣромъ къ преодолѣнію трудностей и неустрашимой храбрости, изволилъ подавать полезные и спасительные совѣты. Всегдашнее присутствіе Его Высочества предъ войсками и на гибельныхъ стремнинахъ горъ оживляло ихъ духъ и бодрость. Исторія увѣковѣчитъ достохвальные его подвиги, которыхъ я имѣлъ счастіе быть очевидцемъ». Государь пожаловалъ Константину Павловичу титулъ Цесаревича слѣдующимъ указомъ 28 октября 1799 г.: «Видя съ сердечнымъ наслажденіемъ, какъ Государь и Отецъ, каковые подвиги храбрости и примѣрнаго мужества во все продолженіе нынѣшней кампаніи противъ враговъ царствъ и вѣры оказывалъ любезнѣйшій сынъ нашъ е. и. в. великій князь Константинъ Павловичъ, въ мзду и вящее отличіе жалуемъ мы ему титулъ Цесаревича»; самому Цесаревичу Государь въ тотъ же день писалъ: «Герой, пріѣзжай назадъ. Вкуси съ нами плоды дѣлъ твоихъ».

Выведши войска русскія изъ Швейцаріи, Суворовъ расположилъ ихъ на зимнія квартиры въ Баваріи; цесаревичъ принялъ подъ свое начальство лейбъ кирасирскій Его Величества полкъ, стоявшій въ Мемминген, и усердно занимался ученьями, осматривалъ также близъ стоявшія части. Здѣсь получилъ онъ орденъ Аннунціаты отъ сардинскаго короля и военный орденъ Маріи Терзіи съ лентою отъ германскаго императора; императоръ Павелъ еще раньше пожаловалъ ему командорскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго, кототорый онъ жаловалъ вмѣсто ордена св. Георгія; отсюда 16 ноября онъ ѣздилъ въ Кобургъ для свиданія съ родными своей жены. Въ Аугсбургѣ великій князь получилъ просьбу отъ вѣнскаго двора явиться посредникомъ между обоими императорскими дворами, когда недовольство императора Павла выразилось съ полною ясностью; цесаревичъ отвѣтилъ, что онъ находится при арміи въ качествѣ волонтера, и отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла. 27 ноября 1799 г. Цесаревичъ оста-

вилъ армію и поѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 27 декабря того же года. Императоръ принялъ его очень радостно; въ честь его было дано нѣсколько баловъ, и на Эрмитажномъ театрѣ поставленъ аллегорическій балетъ «Le retour de Polioctète».

По возвращеніи въ Петербургъ началась для цесаревича та же жизнь, какъ и ранѣе въ царствованіе Павла; только усилившаяся раздражительность императора вносила въ жизнь, наполненную фронтовыми ученіями и вахтпарадами, особенно рѣзкіе эпизоды. 6 января 1800 г. на парадѣ полкъ Конной Гвардіи навлекъ на себя гнѣвъ императора, былъ высланъ въ Царское Село, и обучать его отправленъ туда же,—т. е. тоже высланъ—и цесаревичъ Константинъ Павловичъ, командовавшій полкомъ; на другомъ парадѣ офицеръ Милюковъ совершенно невинною оплошностью вызвалъ столь жестокій гнѣвъ Павла Петровича, что приказано было даже наказать офицера палками — цесаревичъ Константинъ, выбравъ удобную минуту, на колѣняхъ испросилъ офицеру этому прощеніе; государь не хотѣлъ ему возвращать чина, какъ наказанному палками,—но Константинъ Павловичъ признался, что это приказаніе государя не было выполнено и тогда Павелъ Петровичъ согласился на его просьбу вполнѣ. Константинъ Павловичъ вообще умѣлъ лучше всѣхъ понимать настроеніе отца и не раздражать его; государь относился къ нему лучше и съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ старшему сыну. Однако, и Константину Павловичу не удавалось избѣгать гнѣва и подозрительности отца. Вскорѣ по возвращеніи изъ Итальянскаго похода императоръ разговорился съ нимъ о томъ, удобна-ли для солдатъ форма, и выразилъ готовность сдѣлать измѣненія, какія предложитъ цесаревичъ на основаніи своего опыта. Но когда цесаревичъ представилъ черезъ нѣсколько дней солдата въ такой формѣ, какая казалась ему наилучшею—императоръ рѣзко высказалъ ему неудовольствіе за то, что онъ хочетъ вновь ввести «потемкинскую» одежду. Къ концу царствованія Павла и цесаревичъ Константинъ былъ ему также подозрителенъ, какъ всѣ другіе: 11 марта оба старшіе великіе князя были арестованы и приведены къ присягѣ генералъ-прокуромъ Обольяниновымъ. Извѣстна странная и тяжелая сцена вечерняго визита императора въ покои цесаревича Константина Павловича, записанная очевидцемъ Саблуковымъ и повторенная во всѣхъ подробныхъ біографіяхъ императоровъ Павла и Александра. Вечеромъ, 11 марта, великій князь Константинъ былъ при обычномъ столѣ императора, гдѣ въ этотъ разъ ужинало, кромѣ императора и императрицы, еще 17 человѣкъ.

Въ первомъ часу пополуночи, 12 марта, кн. Зубовъ разбудилъ цесаревича Константина Павловича и сообщилъ ему о кончинѣ императора Павла. Въ ту же ночь императоръ Александръ переѣхалъ въ Зимній Дворецъ; съ нимъ неразлученъ былъ и цесаревичъ. Скорбь свою цесаревичъ выражалъ гораздо менѣе сдержанно, чѣмъ юный государь; по словамъ де-Санглена, 12 марта, предъ присягою, Константинъ Павловичъ громко сказалъ при видѣ гр. Н. А. Зубова и кн. Яшвиля: «Я бы ихъ всѣхъ повѣсилъ»...

Съ воцареніемъ Александра Павловича цесаревичъ Константинъ Павловичъ сохранилъ свое прежнее положеніе—онъ остался главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ и генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи. Онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ другомъ своего царственнаго брата. Между братьями существовали неизмѣнно самыя сердечныя отношенія; Константинъ Павловичъ не однократно и разнымъ лицамъ высказывалъ свою безграничную преданность императору и брату и, дѣйствительно, вся его дѣятельность отмѣчена неизмѣннымъ стремленіемъ служить цѣлямъ брата, безпрекословно и безъ критики поддерживать его всегда и во всемъ, хотя бы,—какъ напр., въ вопросѣ объ устройствѣ, дарованномъ въ 1815 г. Польшѣ—вел. кн. Константинъ и не раздѣлялъ взглядовъ императора Александра. Императоръ, со своей стороны, сознавая недостатки въ характерѣ брата, тѣмъ не менѣе отзывался о немъ всегда, какъ объ очень добромъ и искренно преданномъ ему человѣкѣ и неизмѣнно оказывалъ ему полное довѣріе и дружбу. Горячая преданность брату—это черта, освѣщающая личность Константина Павловича наиболѣе симпатичнымъ свѣтомъ; въ этомъ случаѣ проявлялись всѣ лучшіе задатки его натуры. Въ другихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, въ его поведеніи господствовали

чаще всего иныя черты—наслѣдственныя черты его родителя—крайняя несдержанность, нѣкоторая грубость, наклонность къ жестокости. Не мало самыхъ различныхъ свидѣтельствъ о томъ, что цесаревичъ далеко не пользовался симпатіями общества; объ образѣ жизни великаго князя очень неодобрительно отзывался въ іюнѣ 1801 г. въ одномъ изъ своихъ писемъ гр. С. Р. Воронцовъ; съ недоброжелательствомъ даже чрезмѣрнымъ характеризуетъ цесаревича графиня Эделинкъ, рожденная Стурдза; въ 1801 г. разыгралась въ Петербургѣ какая то исторія, закончившаяся смертью француженки г-жи Араужо, исторія, которую общій голосъ связывалъ съ великимъ княземъ, по поводу которой именнымъ повелѣніемъ назначено было особенное разслѣдованіе—и это разслѣдованіе, не давъ окончательныхъ, вполнѣ ясныхъ результатовъ, оставляетъ поводъ сомнѣваться—должно-ли отдѣлить эту исторію отъ цесаревича. Извѣстный А. М. Грибовскій, въ своемъ дневникѣ по поводу похоронъ великаго князя Константина, записалъ: «этотъ государь въ молодости не зналъ границъ своимъ желаніямъ, а послѣ отъ царства отказался. Гдѣ дѣвались гордость, кичливость, великія о себѣ думы, коими онъ равнялъ себя богамъ!». Наконецъ, въ 1801 г. навсегда покинула Петербургъ и Россію супруга великаго князя Анна Ѳеодоровна; ближайшихъ поводовъ ея отъѣзда мы не знаемъ, но извѣстно, что она не была счастлива со своимъ супругомъ.

24 іюня 1801 г. образована была подъ предсѣдательствомъ цесаревича «воинская коммисія», въ составѣ генераловъ кн. Прозоровскаго, Ламба, Татищева, Голенищева-Кутузова, Свѣчина, Тормасова, кн. Волконскаго и кн. Долгорукаго. Коммисіи этой предписано было: опредѣлить общее число войскъ и общее ихъ расположеніе, обсудить продовольствіе, вооруженіе и одежду войскъ, организовать конную артиллерію. По выработанным этою коммиссіею планамъ и были произведены различныя преобразованія въ теченіе 1803—1805 годовъ. Въ коммисіи же этой поднятъ былъ вопросъ объ измѣненіяхъ преподаванія и обученія въ кадетскихъ корпусахъ—и 29 марта 1804 г. императоръ утвердилъ докладъ великаго князя «объ учрежденіи совѣта о военныхъ корпусахъ», поручивъ ему выразить благодарность членамъ воинской коммисіи, труды которой были закончены. Предсѣдателемъ совѣта былъ назначенъ цесаревичъ, членами—министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, министръ военносухопутныхъ силъ Вязьмитиновъ, товарищи министровъ — иностранныхъ дѣлъ кн. А. Чарторижскій и юстиціи — Новосильцевъ, генералы гр. Аракчеевъ, Сухтеленъ, Клингеръ и Клейнмихель (директоръ кадетскаго корпуса, отецъ перваго графа Клейнмихеля). Засѣданія совѣта открыты были 4 августа 1804 г.; первою задачею его было—преобразованіе высшихъ кадетскихъ корпусовъ и устроеніе новыхъ училищъ въ губернскихъ городахъ. Наступившій періодъ войнъ задержалъ дѣятельность этого совѣта; но уже въ октябрѣ было утверждено предложеніе совѣта — организовать управленіе второго кадетскаго корпуса во всемъ согласно съ управленіемъ перваго.

Какъ инспекторъ кавалеріи цесаревичъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на нѣкоторыя, второстепеннаго значенія, реформы: такъ, 21 декабря 1803 г. учреждены были при кавалерійскихъ полкахъ запасные эскадроны и полуэскадроны; 17 февраля 1804 г. усиленъ составъ лейбъ-казачьяго полка; составленъ уставъ о лагерной службѣ и нѣкоторые другіе. Кромѣ того цесаревичъ принималъ участіе въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи многихъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ вопросовъ, связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, какъ-то: объ уравненіи числа людей въ батальонахъ, объ амуничныхъ вещахъ гвардейскихъ и егерскихъ полковъ, о формѣ мѣсячныхъ рапортовъ, о выключкѣ нижнихъ чиновъ изъ гвардейскихъ полковъ и т. п. Особенное же вниманіе постоянно посвящалъ цесаревичъ фрунтовой службѣ; онъ былъ неутомимъ на ученьяхъ, производилъ ихъ чуть-ли не во всякое время дня и ночи; обучаемыя имъ части, дѣйствительно, достигали совершенства, поражавшаго не только иностранцевъ, но и русскихъ; чего это стоило—это другой вопросъ; къ чему это служило—тоже другой вопросъ—тѣмъ болѣе, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ теченіе всей своей дальнѣйшей жизни войны не любилъ. Нѣтъ необходимости для объясненія этого предполагать непремѣнно отсутствіе личной храбрости, въ чемъ обвиняетъ цесаревича графиня Эде-

линкъ; достаточною причиною нелюбви къ войнѣ могли служить тѣ неудачи, которыхъ свидѣтелемъ пришлось быть цесаревичу съ 1804 по 1807 гг.; цесаревичъ такъ давно уже, съ дѣтства, привыкъ любить вахтпарадъ, привыкъ считать его чѣмъ-то необходимымъ; а война всегда нарушала порядокъ, стройность, чистоту, столь любезныя и привычныя сердцу цесаревича; при отсутствіи настоящихъ, не часто встрѣчающихся, дарованій довольно естественно было, интересуясь войскомъ, склониться отъ интереса къ войнѣ къ интересамъ фронта и вахтпарада.

Въ компанію 1805 г. гвардія, предводимая цесаревичемъ, выступила изъ Петербурга между 10 и 15 августа. Предъ сраженіемъ при Аустерлицѣ 15 ноября она расположилась въ резервѣ, прикрывая главную квартиру императоровъ Александра и Франца въ Просницѣ; цесаревичъ стоялъ на лѣвомъ берегу р. Литтау, впереди Аустерлица. 20 ноября произошло печальное для союзниковъ сраженіе подъ Аустерлицомъ. Извѣстно, какая сложная составлена была для него диспозиція и какъ она не была выполнена, а только создала страшную путаницу. Между прочимъ гвардія совершенно неожиданно очутилась предъ непріятелемъ, въ то самое время, когда она ожидала найдти австрійскій отрядъ кн. Лихтенштейна. Цесаревичъ, подскакавъ къ своему уланскому полку, крикнулъ: «Ребята! помните, чье имя вы носите! не выдавай!» и двинулъ его въ атаку на французовъ; уланы, были, однако, отбиты. Гвардія скоро была при общемъ разгромѣ, отрѣзана отъ главныхъ силъ; преображенцы, кавалергарды, конногвардейцы и лейбъ-казаки нѣсколько разъ ходили въ аттаку, пытаясь возстановить связь съ ними, но всѣ усилія были безполезны; гвардія, долженствовавшая составлять резервъ, была разбита въ самомъ началѣ боя. Великій князь отвелъ свой отрядъ за Раусницкій ручей. Французы не преслѣдовали его. Сраженіе было совершенно проиграно. Послѣ Аустерлицкой битвы великій князь возвратился въ Петербургъ черезъ Берлинъ, гдѣ былъ въ декабрѣ 1805 г.

16 ноября 1806 г. началась у Россіи новая война съ Франціей, теперь въ союзѣ съ Пруссіей. Гвардія выступила изъ Петербурга 13 февраля 1807 г. Походъ былъ чрезвычайно труденъ; приходилось идти усиленными переходами при жестокихъ морозахъ и при дневкахъ едва на пятый или шестой день. Въ Юрбургѣ цесаревичъ представилъ гвардію на смотръ императору. Присоединившись затѣмъ къ арміи, цесаревичъ немедленно началъ производить ученія и парады; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратилъ большое вниманіе и на снабженіе войскъ необходимыми припасами. Послѣ неудачнаго для насъ дѣла при Гейльсбергѣ 15 мая 1807 г. главнокомандующій Бенигсенъ отправилъ великаго князя къ императору въ Тильзитъ для того, чтобы онъ доложилъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Цесаревичъ явился горячимъ сторонникомъ мира. Однако, настоянія партіи мира не имѣли успѣха предъ императоромъ Александромъ; цесаревичъ ѣхалъ обратно къ арміи, когда въ Инстербургѣ встрѣтилъ онъ войска наши, потерпѣвшія пораженіе подъ Фридландомъ; цесаревичъ возвратился тогда къ императору Александру; теперь было уже необходимо вступить въ мирные переговоры; къ арміи отправленъ былъ кн. Лобановъ съ порученіемъ ихъ начать, а 9 іюня цесаревичъ привезъ ему полномочіе заключить миръ. Переговоры привели къ знаменитому личному свиданію императора Александра съ Наполеономъ, состоявшемуся на р. Нѣманѣ, 13 іюня 1807 г.; Константинъ Павловичъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ императора. Когда затѣмъ императоръ Александръ и Наполеонъ жили въ Тильзитѣ, тамъ же былъ и Константинъ Павловичъ; онъ часто видался съ Наполеономъ; 27 іюня при ратификаціи мирнаго договора великій князь Константинъ Павловичъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Осенью 1808 г. великій князь сопровождалъ императора Александра въ его поѣздкѣ въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ.

Когда въ 1812 г. довольно очевидно стало, что не миновать намъ войны съ Наполеономъ и армія наша была сосредоточена на западной границѣ, гвардейскій корпусъ подъ командою цесаревича стоялъ въ Свенцянахъ и Видзахъ, въ виленской губерніи. Цесаревичъ громко высказывалъ свои опасенія неизбѣжнаго разгрома русскихъ, говорилъ, что необходимо во что бы то ни стало испросить у На-

полеона миръ и самъ вызывался ѣхать къ нему съ такимъ порученіемъ. Съ началомъ войны, сохраняя недовольство ею, цесаревичъ долженъ былъ принять участіе въ общемъ отступленіи изъ Дриссенскаго лагеря къ Смоленску. Подъ Смоленскомъ собранъ былъ военный совѣтъ и цесаревичъ былъ въ числѣ наиболѣе настоятельно требовавшихъ наступательнаго движенія. Подъ давленіемъ совѣта 26 іюля Барклай де-Толли двинулъ армію отъ Смоленска къ Руднѣ, но не рѣшился все-таки на сраженіе и затѣмъ опять отступилъ. Въ войскѣ началъ распространяться ропотъ и едва-ли не громче всѣхъ высказывалъ свое неудовольствіе цесаревичъ. Изъ Витебска Барклай де-Толли удалилъ цесаревича, отправивъ его съ яко бы чрезвычайно важнымъ донесеніемъ въ Москву, къ государю; государь выразилъ цесаревичу желаніе, чтобы онъ остался въ Москвѣ и занялся формированіемъ кавалерійскаго полка,—но цесаревичъ приступилъ къ этому дѣлу съ такими нарушеніями всѣхъ обычныхъ порядковъ, что гр. Растопчинъ настоялъ предъ государемъ, чтобы цесаревичъ не оставался долѣе въ Москвѣ. Императоръ предложилъ ему формировать ополченіе въ Нижнемъ Новгородѣ, но цесаревичъ не пожелалъ туда ѣхать и испросилъ позволеніе ѣхать снова въ армію. Онъ прибылъ къ арміи какъ разъ къ тому времени когда французы, 6 августа, оттѣснили ее отъ Смоленска. Генералъ Жиркевичъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что собственными ушами слышалъ, какъ цесаревичъ, подъѣхавъ къ батареѣ, сказалъ смолянамъ: «что дѣлать, друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручать васъ! Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, да должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается!» Барклай де-Толли нашелъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе цесаревича при арміи; въ докладѣ своемъ государю онъ далъ очень ясно чувствовать свое неудовольствіе его поведеніемъ и изъ Дорогобужа вновь отправилъ его къ государю, теперь уже въ Петербургъ. Въ Ижорѣ цесаревичъ встрѣтилъ Кутузова, ѣхавшаго въ армію, на смѣну Барклая. Цесаревичъ изложилъ ему свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ арміи. Пріѣхавъ въ Петербургъ онъ, по словамъ гр. Эделинкъ, громко говорилъ, что все погибло и имѣлъ видъ человѣка совершенно растерявшагося; его поведеніе—особенно послѣ Бородинскаго сраженія и оставленія Москвы—производило столь неблагопріятное впечатлѣніе, что сочтено было за лучшее, чтобы онъ удалился изъ Петербурга. Онъ выѣхалъ и провелъ нѣсколько времени въ Твери, у сестры своей, великой княгини Екатерины Павловны; здѣсь, между прочимъ, онъ имѣлъ горячій споръ съ Карамзинымъ, не соглашавшимся съ опасеніями великаго князя относительно исхода борьбы и рѣзко отозвавшимся о Наполеонѣ.

Когда началось уже окончательно отступленіе французовъ—тогда только явился великій князь снова къ арміи, которую нагналъ уже въ Вильнѣ; теперь уже не было повода ему выражать свое недовольство главнокомандующими. 1 января 1813 г. цесаревичъ присутствовалъ при переходѣ русскихъ войскъ черезъ границу. Затѣмъ, командуя гвардіей, цесаревичъ принималъ участіе въ Бауценскомъ сраженіи 8—9 мая; 14 августа участвовалъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ и получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; подъ Лейпцигомъ, 4 октября, цесаревичъ командовалъ резервами и отряду его приходилось принимать участіе въ битвѣ; великій князь Константинъ получилъ за это сраженіе орденъ Св. Георгія 2 ст. Въ битвѣ при Феръ-Шампенуазѣ конно-гренадерскій и лейбъ-драгунскій полки подъ личною командою цесаревича произвели блестящую атаку, по отзывамъ военныхъ писателей—одну изъ самыхъ замѣчательныхъ за всѣ наполеоновскія войны. Вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ цесаревичъ вступилъ въ Парижъ. 9 іюня 1814 г. онъ прибылъ въ Петербургъ вѣстникомъ окончательнаго мира. Дворянство и купечество хотѣли по этому поводу дать въ честь великаго князя балъ, но онъ отклонилъ его и просилъ, чтобы деньги, которыя пришлось бы потратить на балъ, были употреблены въ пользу раненыхъ. Изъ Петербурга великій князь поѣхалъ на конгрессъ въ Вѣну, сопутствовалъ затѣмъ императору въ непродолжительномъ походѣ 1815 г. И на стоянкахъ въ Германіи въ 1813 г., и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ великій князь постоянно производилъ ученья, парады, строжайшимъ образомъ наблюдая за соблюденіемъ формы; въ это время уже чаще и больше стали проявляться въ его характерѣ черты

вспыльчивости и необузданности и не разъ возникали довольно непріятныя столкновенія не только съ отдѣльными лицами, но даже и съ цѣлымъ обществомъ офицеровъ того или другого полка. Впрочемъ, великая задача, предлежавшая тогда войскамъ, не позволяла доводить эти столкновенія до размѣровъ, какіе стали получать они послѣ...

Изъ Вѣны цесаревичъ уѣхалъ въ Варшаву. Съ конца 1814 г. Варшава становится главнымъ поприщемъ его дѣятельности и постояннымъ его мѣстопребываніемъ.

2 апрѣля 1814 г. императоръ Александръ Павловичъ принималъ въ Парижѣ генерала Сокольницкаго и полковника Шимановскаго; они явились депутатами отъ польскихъ отрядовъ, сражавшихся подъ знаменами Наполеона, и представили государю просьбу, чтобы отрядамъ этимъ позволено было возвратиться въ Польшу. Императоръ былъ очень милостивъ къ депутаціи, выразилъ желаніе, чтобы польскіе отряды возвратились на родину вмѣстѣ съ русскими войсками и сказалъ: «польская армія сохранитъ свое прежнее устройство; командовать вами будетъ мой братъ», заключилъ императоръ, указывая на цесаревича, который присутствовалъ при этой аудіенціи. Черезъ нѣсколько времени цесаревичъ сдѣлалъ смотръ польскимъ отрядамъ—и остался ими чрезвычайно доволенъ. 17 сентября 1814 г. русскій гвардейскій корпусъ и съ нимъ польскіе легіоны вступили подъ командою цесаревича въ Варшаву, проходя церемоніальнымъ маршемъ предъ кн. Барклаемъ-де-Толли. Въ своемъ дневномъ приказѣ, отданномъ по польской арміи 29 ноября 1814 г. (ст. ст.), великій князь писалъ: «явитесь достойными поддержать цѣною вашей крови великодушныя усилія вашего августѣйшаго монарха, пекущагося о благосостояніи вашей страны. Императору извѣстна ваша храбрость... Вы отличались великими подвигами въ борьбѣ, нерѣдко вамъ чуждой; теперь, когда вы посвятите всѣ ваши усилія защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы»..

Здѣсь не мѣсто излагать всѣ перипетіи переговоровъ о возстановленіи Царства Польскаго, всѣ препятствія, которыя были воздвигаемы этому намѣренію императора Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ; прибытіе Наполеона съ острова Эльбы во Францію и занятіе имъ Парижа заставили представителей Австріи, Франціи и Пруссіи стать сговорчивѣе. 21 апрѣля (ст. ст.) 1815 г. подписаны соглашенія между Россіей, Австріей и Пруссіей, опредѣлившія судьбу Варшавскаго герцогства: за исключеніемъ незначительныхъ частей, отошедшихъ къ Австріи и Пруссіи, оно присоединено было къ Россіи подъ наименованіемъ Царства Польскаго; польскимъ провинціямъ вообще предположено было даровать представительный образъ правленія и «учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, каковой признаютъ удобнѣйшимъ и полезнѣйшимъ владѣющія ими державы». 13 мая послѣдовалъ манифестъ жителямъ Царства Польскаго о предстоящемъ дарованіи имъ конституціи. 9 іюня (ст. ст.) 1815 г. въ Варшавѣ происходило торжество возстановленія Польши. Въ католической соборной церкви собрались всѣ правительственныя лица; послѣ богослуженія здѣсь были прочтены: актъ отреченія короля саксонскаго, манифестъ императора всероссійскаго, царя польскаго, и основанія будущей конституціи. Тутъ же была принесена присяга; затѣмъ всѣ высшіе сановники отправились съ парадnымъ визитомъ къ цесаревичу. Цесаревичъ съ конца 1814 г. почти безвыѣздно жилъ въ Варшавѣ, занимаясь дѣлами подчиненной ему арміи; только на короткое время ѣздилъ онъ въ Вѣну и присутствовалъ тамъ, въ началѣ октября 1814 г., на торжественномъ празднованіи первой годовщины лейпцигскаго сраженія. Упомянемъ здѣсь объ одномъ актѣ внѣшней политики Россіи, въ которомъ цесаревичъ принялъ участіе: 18 апрѣля 1818 г. онъ скрѣпилъ своею подписью, какъ цесаревичъ, актъ уступки императоромъ Александромъ графства Еверскаго Ольденбургскому дому.

15 ноября 1815 г. возвращаясь изъ вторичнаго похода въ Парижъ, императоръ Александръ подписалъ въ Варшавѣ конституціонную хартію Царства Польскаго. 17 ноября намѣстникомъ царства былъ назначенъ ветеранъ наполеоновскихъ легіоновъ, генералъ Заіончекъ. До послѣдней минуты надѣялся занять эту должность кн. Ад. Чарторыжскій и былъ страшно пораженъ, когда обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Великій князь остался въ Варшавѣ главнокомандующимъ польскою арміею, сохранивъ званіе генералъ-инспектора всей кавалеріи; 18 ноября го-

сударь выѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

Вопросъ о томъ, каково было положеніе цесаревича въ администраціи новаго царства, и какъ онъ относился къ тѣмъ особенностямъ, которыя столь существенно отличали Царство Польское отъ Имперіи, требуетъ нѣкотораго вниманія. Прежде думали, что цесаревичъ ограничивался строго своимъ офиціальнымъ положеніемъ — главнокомандующаго польскою арміею—и не принималъ никакого участія въ управленіи общими дѣлами Царства, занимаясь только военнымъ вѣдомствомъ. Но такое мнѣніе неправильно. Помимо соображеній, что не могъ не имѣть большого вліянія на дѣла ближайшій другъ императора, его братъ и наслѣдникъ, особенно рядомъ съ человѣкомъ столь дряхлымъ и мало вліятельнымъ лично, какъ намѣстникъ Заіончекъ, помимо этихъ соображеній, мы имѣемъ и прямыя точныя свидѣтельства, рисующія намъ роль великаго князя совершенно иначе. Свидѣтельства эти—прежде всего въ письмахъ кн. Адама Чарторыжскаго къ императору Александру; очевидно, что при всей готовности кн. Чарторыжскаго иногда скрывать истину и говорить неправду, въ данномъ случаѣ показанія его не могли быть несогласны съ истиною, — не могъ онъ писать неправду императору о его братѣ. По словамъ Чарторыжскаго намѣстникъ Заіончекъ былъ убѣжденъ, что желанія великаго князя всегда согласны съ видами императора и многократно, съ удареніемъ, заявлялъ, что по каждому вопросу онъ прежде всего желаетъ быть въ согласіи съ великимъ княземъ; всякое противорѣчіе себѣ намѣстникъ принималъ за желаніе быть непремѣнно въ оппозиціи съ правительствомъ, а великій князь, пишетъ Чарторыжскій, къ несчастію вполнѣ раздѣляетъ этотъ взглядъ намѣстника; въ полномъ согласіи со взглядами великаго князя намѣстникъ высказывался, что конституція—это просто кодексъ анархіи и что ее необходимо измѣнить; великій князь не скрывалъ своего пренебреженія существовавшими въ Царствѣ узаконеніями, нерѣдко нарушалъ ихъ, назначая, напр., произвольныя наказанія за такіе проступки, какъ воровство, отдавая приказанія городскому управленію или отмѣняя его распоряженія. Такое преобладающее значеніе великаго князя представлялось кн. Ад. Чарторыжскому крайне вреднымъ какъ для Польши, такъ и для намѣревій государя; «врагъ не могъ бы повредить Вашему Величеству болѣе», писалъ онъ. Моріолль, близко знавшій жизнь великаго князя въ Варшавѣ, свидѣтельствуетъ тоже, что хотя великій князь не упускалъ случая заявить, что не интересуется нимало гражданскими дѣлами, «c'est lui qui a gouverné»; есть и другія свидѣтельства русскихъ современниковъ совершенно въ такомъ же духѣ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что в. кн. Константину Павловичу съ самаго же начала пребыванія его въ Варшавѣ, принадлежала фактически первая роль въ управленіи Царствомъ. Что касается его отношенія къ порядкамъ Царства, то столь же несомнѣнно, что отношеніе это было далеко не дружелюбное. Объ этомъ имѣемъ свидѣтельства въ тѣхъ же письмахъ Чарторыжскаго и въ письмахъ самого цесаревича. Чарторыжскій пишетъ, что съ первыхъ же дней своего новаго назначенія великій князь отзывался о немъ, какъ о какомъ то наказаніи, и высказывалъ желаніе вернуться къ главной квартирѣ государя; хотя черезъ нѣсколько времени это недовольство своимъ положеніемъ прошло, но недружелюбное отношеніе къ окружающему осталось. «Армія, нація, отдѣльныя лица—ничто не нравится великому князю; конституція въ особенности является предметомъ его сарказмовъ», — пишетъ Чарторыжскій. Разсказываютъ, что нерѣдко въ минуты гнѣва великій князь кричалъ на польскихъ офицеровъ, что онъ «задастъ имъ конституцію»! — и это является выраженіемъ его постояннаго взгляда на достоинства новой организаціи царства; онъ, несомнѣнно, старался примѣниться къ ней, но не только не успѣлъ въ этомъ, но и сохранилъ постоянное къ ней нерасположеніе. Вотъ, что писалъ, между прочимъ, цесаревичъ въ февралѣ 1826 г. своему другу Опочинину въ Петербургъ: «Покойному государю императору угодно было нетолько дать имъ (полякамъ) питаться надеждою, но 10 лѣтъ сряду словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ въ нихъ сію мысль; и посему самому, что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставляю вамъ въ свидѣтели В. С. Ланского, который теперь въ Петербургѣ, и П. Н. Новосильцова, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда

слухи на счетъ возстановленія Царства Польскаго, что по моему бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ и даже поименовывалъ таковыхъ. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 г., я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо въ то время на счетъ оной мнѣ сказалъ: «посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе». Я также поставляю въ свидѣтели е. и. в. вел. кн. Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ въ 1818 г., что пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился Его Императорскому Величеству отвѣчать на счетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что Государь Императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться . . . Государь Императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшихъ, и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими какъ статскими, такъ и военными чинами откровенно изволилъ изъяснять свои на счетъ ихъ намѣренія; слѣд., что же мудренаго, что у нихъ вскружилась голова на чувствахъ nationalité». Цесаревичъ относился къ конституціи неодобрительно и недоброжелательно; онъ, такъ сказать, противъ воли примѣнялся къ ней; онъ дѣлалъ это, какъ и вообще поступалъ онъ всегда, вполнѣ добросовѣстно, искренно; но онъ не съумѣлъ выбрать правильнаго образа дѣйствій относительно Царства, въ которомъ находился. Ни по характеру своему, ни по воспитанію Цесаревичъ не былъ подготовленъ исполнять роль конституціоннаго государя; когда какія-либо дѣйствія поляковъ не затрагивали самыхъ глубокихъ убѣжденій великаго князя или—и это даже болѣе важно—не раздражали его лично—онъ почиталъ необходимымъ предоставлять полякамъ, въ силу существованія у нихъ конституціи, самыя широкія права, иногда пропуская безъ противодѣйствія даже и нарушеніе ими ихъ опредѣленныхъ конституціей обязанностей. Но если что либо лично его раздражало—тогда онъ нарушалъ не только конституціонныя, но, можно сказать, и всякія права. Этимъ онъ съ одной стороны содѣйствовалъ развитію самыхъ крайнихъ проявленій свободы въ Польшѣ, а съ другой стороны—постоянно раздражалъ поляковъ, затрагивая самыя чувствительныя ихъ струны. Въ данномъ случаѣ проявилась съ особенною силою та досадная черта, которую можно замѣтить и во многихъ другихъ важныхъ моментахъ дѣятельности цесаревича—то именно, что, поставивъ себѣ иногда вѣрно цѣль, онъ склоненъ былъ избирать пути не только не ведущіе къ цѣли прямо, но наоборотъ—какъ то особенно заводящіе въ дебри безвыходныхъ противорѣчій и создававшіе затрудненія, которыхъ прежде не было. Таково было поведеніе великаго князя впослѣдствіи въ вопросѣ объ его отреченіи отъ престола, его поведеніе въ самомъ началѣ возстанія 1830 г., таково же было его поведеніе и вообще за все время проведенное имъ въ Варшавѣ. И при этомъ цесаревичъ несомнѣнно вполнѣ искренно былъ убѣжденъ, что все около него идетъ прекрасно и отлично направляется имъ къ намѣченной имъ цѣли — полному примиренію и сближенію поляковъ съ русскими.

Итакъ, за великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ должно признать значительную долю участія во всей внутренней исторіи возстановленнаго Царства Польскаго. Мы скажемъ о состояніи Царства въ 1815—1830 г. ниже, въ непосредственной связи съ исторіею того возстанія, которымъ закончилось и само существованіе Царства, а теперь остановимся на тѣхъ сторонахъ дѣятельности цесаревича, которыя его ближайшимъ образомъ занимали, и на крупныхъ фактахъ его личной исторіи.

Цесаревичъ съ увлеченіемъ отдался дѣлу организаціи новой польской арміи. Онъ вообще любилъ военное дѣло и части, которыми приводилось ему спеціально начальствовать; но къ польской арміи онъ получилъ какую-то особенную любовь. Отчасти имѣло тутъ значеніе то обстоятельство, что цесаревичъ смотрѣлъ на себя какъ на ея создателя, отчасти, вѣроятно, привлекало его симпатіи къ ней и то, что онъ являлся прямымъ и полнымъ ея начальникомъ, не стѣсняемый другими равными—или іерархически даже и высшими—властями и въ то время, когда въ послѣднее десятилѣтіе александровскаго царствованія въ арміи русской завелось въ смыслѣ фронтовомъ много новаго—цесаревичъ, быть можетъ, особенно дорожилъ

тѣмъ, что въ своей польской арміи онъ не вводилъ этихъ новшествъ, а придерживался порядковъ старыхъ, къ которымъ давно и твердо привыкъ; наконецъ, путемъ установленія хорошихъ отношеній къ войску польскому цесаревичъ надѣялся ближайшимъ образомъ подойти къ той цѣли, сближенію русскихъ съ поляками, которую онъ себѣ поставилъ.

Съ начала 1815 г. приступлено было къ формированію польской арміи. Инструкторами были назначены русскіе офицеры, а солдаты набирались изъ уроженцевъ польскихъ губерній; во всѣхъ русскихъ полкахъ приказано было ихъ отобрать и отправить въ Царство Польское—и цесаревичъ внимательно слѣдилъ за исполненіемъ этого распоряженія; изъ уроженцевъ литовскихъ губерній составленъ былъ особый литовскій корпусъ, стоявшій въ смежныхъ съ Царствомъ губерніяхъ. По польскимъ войскамъ назначены были оклады значительно превышавшіе тѣ, какіе получали соотвѣтственные чины въ русской арміи; по польскому войску были назначены генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты; въ большомъ количествѣ доставляемы были изъ Россіи порохъ, боевые снаряды и оружіе — и при этомъ поляки съумѣли устроить такъ, что оружіе старое или стараго образца не было отдаваемо русскимъ властямъ, а сохранялось въ польскихъ арсеналахъ—благодаря чему къ возстанію оказалось у поляковъ огромное количество оружія и боевыхъ снарядовъ. Срокъ службы въ рядахъ польской арміи былъ не 25 лѣтъ, какъ въ русской, а всего 8—и чрезъ это значительно бо́льшее число способныхъ къ военной службѣ перебывало въ солдатахъ и получило военное обученіе. Крѣпости, находившіяся въ Царствѣ, особенно Модлинъ и Замостье, были возобновлены и значительно усилены; самая Варшава—подъ предлогомъ борьбы съ контрабандою—обведена была глубокимъ рвомъ и валомъ.

Все это дѣлалось съ вѣдома великаго князя и отчасти при его содѣйствіи. Онъ твердо вѣрилъ въ успѣшность своихъ стремленій сблизить поляковъ съ русскими, не разъ говорилъ, что безусловно полагается на вѣрность польскихъ войскъ и что дай Богъ другимъ частямъ быть такъ же вѣрными; онъ совершенно отрицалъ возможность того, чтобы поляки заплатили за все оказанное имъ довѣріе черной неблагодарностью. Что цесаревичъ искренно ставилъ выше всего вѣрность государю и присягѣ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи онъ просмотрѣлъ развитіе среди войскъ самой крайней пропаганды и не могъ рѣшиться ни на какія серьезныя мѣры противъ измѣнниковъ присягѣ даже и тогда, когда измѣна проявилась открыто и дерзко; его взгляды согласовались въ общемъ съ убѣжденіями императора Александра—и были совсѣмъ оставлены безъ вниманія тѣ представленія, какія сдѣлалъ императору В. С. Ланской, который писалъ, что «въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго изліять ядъ свой». Великій князь былъ—насколько только онъ могъ и умѣлъ—любезенъ и милостивъ съ офицерами и солдатами польской арміи: онъ, внѣ службы, обращался съ ними запросто, охотно говорилъ по-польски, посѣщалъ больныхъ, помогалъ нуждающимся. Въ строю, какъ всегда, онъ былъ чрезвычайно взыскателенъ и ученьями и смотрами утомлялъ войска, не щадя и себя. За то онъ успѣлъ достигнуть дѣйствительно превосходной выправки войскъ и иностранцы, посѣщавшіе Варшаву, единогласно признавали войско его образцовымъ; такой замѣчательный знатокъ военнаго дѣла, особенно фронта, какимъ всегда былъ императоръ Александръ, постоянно выражалъ великому князю свое полное удовольствіе польскою арміею, чѣмъ, по словамъ цесаревича, еще болѣе и болѣе возбуждалъ его ревность. Особенно доволенъ былъ цесаревичъ полнымъ одобреніемъ императора, высказаннымъ послѣ большого смотра 17 сентября 1823 г. подъ Брестъ-Литовскомъ. Къ тому времени организація и обученіе всей польской арміи были закончены и вся армія, до 80,000 человѣкъ, предстала тутъ на смотръ государя.

На почвѣ военной службы, однако, прорывались особенно и давнишнія свойства великаго князя—его горячность, несдержность—и причиняли ему заботы и непріятности. Отношенія его съ офицерами не были такъ дружественны, какъ того ему хотѣлось, отчасти въ силу политическихъ причинъ, а отчасти и вслѣдствіе вспыльчивости великаго князя, не разъ создававшей ему непріятное положеніе. Разсердившись на что-либо, великій князь почти никогда не умѣлъ сдержаться въ

границахъ благоразумія и справедливости; неисправность какого-нибудь одного офицера навлекала его гнѣвъ чуть ли не на всѣхъ присутствующихъ; въ минуту гнѣва великій князь не только кричалъ на присутствующихъ и оскорбительно бранилъ ихъ, но однажды даже приказалъ двумъ офицерамъ стать въ ряды солдатъ и промаршировать два круга съ солдатскимъ ружьемъ. Это вызвало особенно крупный инцидентъ. Общество офицеровъ того полка, къ которому принадлежали два помянутые офицера, заявило, что не можетъ служить вмѣстѣ съ ними, почитая ихъ разжалованными. Произошли сцены и объясненія столь острыя, что въ короткое время пять офицеровъ покончили самоубійствомъ и шестой, покусившійся на себя, былъ спасенъ совершенно случайно; не безъ труда удалось утишить волненіе, причемъ великій князь лично приносилъ извиненіе и даже выразилъ готовность дать удовлетвореніе тому изъ офицеровъ, кто не доволенъ этимъ его извиненіемъ. Въ другой разъ, офицеры, явившіеся по обязанности къ столу великаго князя, демонстративно не пили его здоровье.

Впрочемъ, эти случаи имѣли мѣсто по преимуществу въ первые годы пребыванія великаго князя въ Варшавѣ. Съ теченіемъ времени, съ годами, вспышки его, какъ будто, немного ослабѣли; кромѣ того въ планы заговорщиковъ, начавшихъ къ тому времени свою дѣятельность, входило по возможности сглаживать всякія случайныя осложненія, пока не будетъ признано своевременнымъ дѣйствовать рѣшительно; наконецъ, съ теченіемъ времени явилось еще одно обстоятельство, сдѣлавшее великаго князя еще болѣе чѣмъ прежде любезнымъ для поляковъ, и черезъ это ослабившее и самыя столкновенія: великій князь вступилъ въ бракъ съ женщиною, чрезвычайно имъ любимою и, къ тому же—съ полькою.

Великая княгиня Анна Ѳеодоровна, покинувъ Россію вскорѣ послѣ смерти императора Павла, болѣе уже въ Россію не возвращалась. Бывая за границей великій князь видался съ нею, но отношенія между супругами остались холодными. Уже въ 1803 г. вел. кн. Константинъ Павловичъ заводилъ рѣчь о разводѣ и имѣлъ въ виду жениться на княжнѣ Жанетѣ Антоновнѣ Четвертинской, сестрѣ извѣстной Марьи Антоновны Нарышкиной. Императрица-мать рѣшительно воспротивилась не только этому браку, но и самой мысли о разводѣ. Она высказывала въ письмѣ къ сыну, что гласный разводъ подорветъ въ массѣ населенія до извѣстной степени уваженіе къ сану великаго князя. Императрица-мать писала, что ему необходимо не искать развода, а перемѣнить образъ жизни; свое письмо она заключала заявленіемъ, что могла бы согласиться на разводъ сына только въ томъ случаѣ, еслибы онъ избралъ себѣ другую супругу въ какомъ нибудь владѣтельномъ домѣ, ибо люди его положенія обязаны жениться на равныхъ себѣ по рожденію. На этомъ дѣло и окончилось. Среди многихъ женщинъ, пользовавшихся за это время вниманіемъ и благосклонностью великаго князя, дольше всѣхъ сохранила ихъ одна французская актриса, Фридрихсъ; у великаго князя былъ отъ нея сынъ Павелъ, который родился въ 1808 г. и, съ именемъ Павла Константиновича Александрова, служилъ въ военной службѣ и умеръ въ 1857 г. генералъ адъютантомъ. Фридрихсъ сопровождала великаго князя, между прочимъ, и въ заграничномъ походѣ въ 1813—1814 гг. Съ переселеніемъ великаго князя въ Варшаву и она стала тамъ жить. Но въ самомъ же началѣ своего пребыванія въ Варшавѣ великій князь на одномъ балу у Заіончека встрѣтилъ молодую дѣвушку, графиню Іоанну Грудзинскую, и былъ совершенно плѣненъ ею. Онъ страстно влюбился въ нее и постоянно оказывалъ ей самые ясные знаки особеннаго вниманія; но молодая графиня, не отталкивая его отъ себя, держалась тѣмъ не менѣе совершенно безукоризненно и великій князь, послѣ почти пятилѣтняго ухаживанія, наконецъ, рѣшился на бракъ съ нею. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ онъ получилъ согласіе на этотъ бракъ отъ государя и отъ императрицы-матери 20 марта 1820 г. появился Высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что цесаревичъ обратился къ императору и императрицѣ-матери и указалъ, что супруга его, великая княгиня Анна Ѳеодоровна, еще въ 1801 г. удалясь въ чужіе края, «по личному ея объясненію и впредь возвратиться въ Россію не можетъ по крайне разстроенному ея состоянію» и «вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобы бракъ его съ нею былъ расторженъ». Синодъ, запрошенный по этой просьбѣ великаго

князя, нашелъ возможнымъ разрѣшить разводъ по силѣ 10 пункта Духовнаго Регламента. Въ манифестѣ по сему предмету было сдѣлано еще слѣдующее дополненіе: «При семъ, объемля мыслію различные случаи, которые могутъ встрѣтиться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями, мы признаемъ за благо для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное право: «если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола».

12 мая 1820 г. совершенъ былъ бракъ цесаревича съ гр. Жанетою Грудзинскою. Вѣнчаніе происходило сначала по православному обряду во церкви Королевскаго замка, а затѣмъ по католическому, въ каплицѣ замка; присутствовали при вѣнчаніи только четыре лица: генералы графъ Курута, Альбрехтъ, Кнорринъ и Нарышкинъ. Цесаревичъ пріѣхалъ въ замокъ изъ Бельведера совершенно одинъ, въ кабріолетѣ, запряженномъ парою лошадей, которыми, какъ онъ обыкновенно ѣздилъ, онъ самъ и правилъ. Въ этомъ же кабріолетѣ послѣ вѣнчанія возвратился онъ въ Бельведеръ съ молодою женою. Вѣсть о вѣнчаніи разнеслась уже по всему городу и улицы покрыты были густою толпою народа, сердечно привѣтствовавшаго на обратномъ пути великаго князя и его супругу. Положеніе ея опредѣлено было манифестомъ императора Александра отъ 8 іюля 1820 г. распубликованнымъ только въ Царствѣ Польскомъ, а не въ Имперіи. Въ манифестѣ этомъ было объявлено, что супругѣ великаго князя цесаревича и могущимъ родиться отъ ихъ брака дѣтямъ не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ придаваемъ титулъ, принадлежащій вел. кн. Константину Павловичу, и повелѣно было именовать «супругу возлюбленнаго брата нашего, великаго князя Константина Павловича, Іоанну Грудзинскую княгинею Ловицкой» или Ловичъ—по названію имѣнія, пожалованнаго великому князю.

Княгиня Ловичъ оказалась женщиною весьма доброю, кроткою и симпатичною. Она была нѣсколько склонна къ мечтательности, мистицизму, нѣсколько можетъ быть мелочна—эти качества особенно подчеркиваетъ гр. Моріолль, относящійся къ ней вообще недружелюбно; но и изъ его разсказовъ видно, что это была женщина удивительно кроткая и добрая. Императоръ Александръ отзывался о ней, что она «ангелъ по характеру»; великій князь Михаилъ Павловичъ и его супруга относились къ ней чрезвычайно хорошо; она пользовалась уваженіемъ и расположеніемъ и великаго князя Николая Павловича, и его супруги; сама императрица-мать, повидимому, не сочувствовавшая браку своего сына не съ принцессою царствующаго дома, впослѣдствіи относилась къ ней очень хорошо и, оставляя ей по завѣщанію нѣкоторыя драгоцѣнности, писала, что оставляетъ ихъ «своей дорогой невѣсткѣ». Впрочемъ, такое положеніе создалось для супруги цесаревича не сразу; въ Петербургъ ее не приглашали—и она оказалась тамъ уже послѣ смерти мужа. Великій князь былъ влюбленъ въ свою жену чрезвычайно; подъ ея вліяніемъ онъ сталъ ровнѣе и добрѣе; онъ почти не разставался съ нею и когда въ 1823 г. пришлось ей жить за границей для лѣченія, онъ неоднократно къ ней ѣздилъ изъ Варшавы. Со времени брака онъ жилъ чрезвычайно тихо, скромно, вполнѣ по семейному; въ Бельведерѣ, послѣ окончанія утреннихъ парадовъ и смотровъ, время свое проводилъ онъ съ женою, сыномъ Павломъ, котораго полюбила и княгиня Ловичъ, двумя его воспитателями—французомъ гр. Моріоллемъ и полякомъ Фавицкимъ—и двумя-тремя приближенными генералами. По разсказамъ Моріолля такая жизнь особенно нравилась великому князю Михаилу Павловичу, который изъ всѣхъ братьевъ особенно любилъ цесаревича и старался ему подражать—даже во внѣшности, въ тонѣ голоса и оборотахъ рѣчи. Сравнительно не часто бывалъ цесаревичъ въ Петербургѣ; но все же онъ ѣздилъ туда напр. на свадьбу великаго

князя Михаила Павловича, былъ тамъ нѣсколько разъ и въ царствованіе Николая Павловича; съ императоромъ Александромъ онъ видѣлся неоднократно въ Варшавѣ.

Вскорѣ послѣ второго брака цесаревича произошло событіе, имѣвшее огромную важность не только въ жизни цесаревича Константина Павловича, но и въ исторіи Россіи—цесаревичъ отрекся отъ наслѣдованія престола послѣ старшаго своего брата, императора. Конечно, различныя причины соединились, чтобы привести къ такому рѣшенію; полностью онѣ намъ не раскрыты и потому остается обширное поле для догадокъ. Прежде всего навести цесаревича на это рѣшеніе могло намѣреніе императора Александра отказаться отъ престола; въ случаѣ осуществленія этого намѣренія императора Александра цесаревичу пришлось бы стать государемъ при жизни своего старшаго брата, а его цесаревичъ всю жизнь любилъ и уважалъ безгранично, настолько, что ему, дѣйствительно, представлялось невозможнымъ быть его государемъ—поэтому являлась ему довольно естественно мысль объ отреченіи со своей стороны; а разъ напавъ на эту мысль, цесаревичъ могъ утверждаться въ ней сознаніемъ, что не обладаетъ характеромъ, необходимымъ для государя, а также—и своими личными, сердечными привязанностями — его жена не могла раздѣлить вполнѣ его положенія. Впрочемъ, это наши догадки; достовѣрные же эпизоды этого факта таковы.

Лѣтомъ 1819 г. императоръ Александръ обѣдалъ у великокняжеской четы, Николая Павловича и Александры Ѳеодоровны, послѣ смотра въ Красномъ Селѣ. Шла простая дружественная бесѣда; но вдругъ государь далъ ей совершенно неожиданный оборотъ. Онъ сталъ говорить, съ какою радостью видитъ семейное и родительское счастіе молодой четы, котораго самъ никогда не испыталъ, что и воспитаніе данное ему и его брату Константину не было направлено къ тому, чтобы научить цѣнить подобное счастье. Далѣе государь заговорилъ, что для тяжелыхъ и постоянныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ обязанностей Государя, необходимы сверхъ другихъ качествъ еще здоровье и физическая крѣпость, а онъ чувствуетъ постепенное ихъ ослабленіе и предвидитъ, что вскорѣ не будетъ въ состояніи исполнять эти обязанности такъ, какъ онъ ихъ всегда понималъ; почему считаетъ за долгъ и непремѣнно рѣшилъ отказаться отъ престола, какъ только замѣтитъ, по упадку силъ своихъ, что наступило для этого время. «Я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, заключилъ государь, но онъ, будучи однихъ со мною лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ и съ врожденнымъ сверхъ того отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. И такъ, вы должны напередъ знать, что призываетесь, въ будущемъ, къ Императорскому сану». Великій князь и его супруга были совершенно поражены этимъ сообщеніемъ; великій князь началъ доказывать, что онъ совершенно не готовился къ такому сану, что не чувствуетъ себя способнымъ его нести — государь отвѣтилъ указаніемъ, что его положеніе при началѣ царствованія не было легче, и утѣшеніями, что это не предстоитъ еще въ ближайшемъ будущемъ.—Впослѣдствіи императоръ Александръ неоднократно въ разговорахъ съ братомъ и его супругою намеками касался этого же предмета, но болѣе ясно и вполнѣ опредѣленно ничего великому князю Николаю Павловичу никогда сказано не было.

Осенью того же 1819 г. императоръ Александръ, возвращаясь изъ Варшавы въ Петербургъ, сказалъ сопровождавшему его нѣсколько станцій цесаревичу: «Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно дѣлать въ семъ случаѣ». Цесаревичъ отвѣтилъ: «Тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего; я буду вамъ служить и, ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь это сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою вамъ, какъ благодѣтелю моему». «При сихъ словахъ—говорилъ вел. кн. Константинъ Павловичъ П. Д. Киселеву, передавая ему этотъ фактъ — при сихъ словахъ государь поцѣловалъ меня такъ крѣпко, какъ еще никогда въ 45 л. нашей жизни онъ меня не цѣловалъ. Когда придетъ время абдикировать, сказалъ онъ, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши матушкѣ».

Изъ разговора императора Александра съ в. кн. Николаемъ Павловичемъ, выше приведеннаго, видно, что между старшими братьями рѣчь объ ихъ отреченіи заходила уже и ранѣе; «Торжественное объявленіе» отъ цесаревича даетъ нѣсколько иное опредѣленіе времени, когда вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, но по существу его свидѣтельство не отличается отъ приведеннаго выше. Сейчасъ переданный разговоръ государя съ братомъ былъ, значитъ, не первый на эту тему; онъ опредѣлялъ только, что приблизилось время заявить рѣшительно о принятомъ намѣреніи. Послѣ вступленія цесаревича во второй бракъ съ женщиною не принадлежавшею къ владѣтельному дому, и манифеста, подтверждавшаго, что его супруга и могущія у нихъ родиться дѣти устраняются изъ состава и правъ Императорской Фамиліи, цесаревичъ долженъ былъ укрѣпиться въ рѣшеніи отказаться отъ престола. Лѣтомъ 1821 г. в. кн. Михаилъ Павловичъ, пользовавшійся особенною любовью в. кн. Константина, былъ въ Варшавѣ; туда же ждали и в. кн. Николая Павловича. Въ приготовленіяхъ къ пріему его, цесаревичъ сказалъ однажды своему брату: «видишь ли, Michel, съ тобой мы по домашнему, а когда жду брата Николая, мнѣ все кажется, будто готовлюсь встрѣчать самого Государя!» А черезъ нѣсколько дней, прогуливаясь съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ въ коляскѣ, цесаревичъ сказалъ ему уже совершенно прямо: «Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ; теперь хочу еще болѣе доказать ее, ввѣривъ тебѣ великую тайну, которая лежитъ у меня на душѣ. Не дай Богъ намъ дожить до величайшаго несчастія, какое только можетъ постичь Россію—потери Государя; но знай, что если этому удару суждено совершиться еще при моей жизни, то я далъ себѣ святое обѣщаніе отказаться, навсегда и невозвратно, отъ престола. У меня два главныя къ тому побужденія. Я во первыхъ такъ люблю, уважаю и чту брата Александра, что не могу безъ горести, даже безъ ужаса, вообразить себѣ занять его мѣсто; во вторыхъ жена моя не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому и, что еще болѣе—она полька; слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ нужной довѣренности и отношенія наши будутъ всегда двусмысленны. И такъ я твердо рѣшился уступить мое право брату Николаю и ничто никогда не поколеблетъ этой, здравообдуманной рѣшимости. Покамѣстъ она должна оставаться между нами, но если бы когда нибудь братъ Николай самъ заговорилъ съ тобой объ этомъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я буду ему вѣрный и ревностный слуга до гроба вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить, а когда бъ и его при мнѣ не стало, то съ такимъ же усердіемъ буду служить его сыну, можетъ быть еще и съ большимъ, потому что онъ носитъ имя моего благодѣтеля».

Когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора прибылъ въ Варшаву в. кн. Николай Павловичъ, цесаревичъ принялъ его съ такими почестями, которыя смущали великаго князя, и на его попытки отклонить нѣкоторыя изъ нихъ, которыя иногда принимали даже видъ насмѣшливости, цесаревичъ отвѣчалъ ему шуткою: «это оттого, что ты царь Мирликійскій»!.

Въ началѣ 1822 г. въ Петербургѣ собрались всѣ четыре сына императора Павла. Въ первой половинѣ января однажды вечеромъ великій князь Михаилъ Павловичъ, ужинавшій по обыкновенію у императрицы матери, былъ удивленъ, что его позвали къ ужину не въ 10 ч. какъ обыкновенно, а уже въ двѣнадцатомъ; у императрицы матери онъ засталъ только цесаревича и великую княгиню Марію Павловну и входя, увидѣлъ, что великая княгиня обнимала брата, со словами; «Vous êtes un honnête homme, mon frère!». За ужиномъ ничего особеннаго сказано не было. Но, возвращаясь съ в. кн. Михаиломъ Павловичемъ изъ Зимняго Дворца, цесаревичъ сказалъ ему: «Помнишь мои слова въ Варшавѣ! Сегодня вечеромъ все устроилось. Я окончательно подтвердилъ государю и матушкѣ мои намѣренія и неизмѣнную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили мой образъ мыслей. Государь обѣщалъ составить обо всемъ этомъ особый актъ и положить его къ прочимъ, хранящимся на престолѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; но актъ этотъ будетъ содержимъ въ глубокой тайнѣ и огласится только тогда, когда настанетъ для того нужная пора». Вслѣдствіе этого объясненія цесаревичъ написалъ собственноручное письмо къ императору. Письмо это помѣчено 14 января 1822 г.; черновой проектъ его былъ разсмотрѣнъ и собственноручно самимъ императоромъ исправленъ. Вотъ его полный текстъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Обнадеж-

женъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія Вашего Императорскаго Величества ко мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ оному и изложить у ногъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу мою.

Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства. Симъ могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое я далъ непринужденно и торжественно, при случаѣ развода моего съ первою моею женою. Всѣ обстоятельства нынѣшняго моего положенія меня наиболѣе къ сему убѣждаютъ и будутъ предъ государствомъ нашимъ и свѣтомъ новымъ доказательствомъ моихъ искреннихъ чувствъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Примите просьбу мою благосклонно; испросите на оную согласіе всеавгустѣйшей родительницы нашей и утвердите оную Вашимъ Императорскимъ словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго государства нашего».

Отвѣтъ Государя послѣдовалъ въ собственноручномъ письмѣ, помѣченномъ 2 февраля 1822 г., слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно дало мнѣ новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

По вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ же какъ и я чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

Окончательно утверждено было состоявшееся рѣшеніе манифестомъ, который былъ написанъ архіепископомъ московскимъ Филаретомъ и подписанъ императоромъ въ Царскомъ Селѣ, 16 августа 1823 г. Манифестъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія: «Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ, непрестанно Мы чувствуемъ Себя обязанными предъ Вседержителемъ Богомъ, чтобы не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго Намъ отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ Насъ, чрезъ ясное и точное указаніе преемника Нашего сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не могъ остаться праздным. Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ Нашемъ сію священную заботу, возлюбленный братъ Нашъ, Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи Престола, постановленному Нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному. Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Нашъ возлюбленный братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи. Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ, столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для Государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола у имѣющихъ на него право не отъемлютъ сво-

боды отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола,—съ согласія августѣйшей родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно верховному праву главы Императорской фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога самодержавной власти, Мы опредѣлили: во-первыхъ: свободному отреченію перваго брата Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ; во-вторыхъ: вслѣдствіе того, на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола, наслѣдникомъ Нашимъ быть второму брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу. Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ. по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго царствія въ вѣчность, государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ надлежащее время, по распоряженію Нашему, должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ царствіе Его вѣчное».

27 августа того же года, находясь въ Москвѣ, императоръ прислалъ этотъ манифестъ Филарету, въ запечатанномъ конвертѣ, заключавшемъ кромѣ манифеста оба вышеприведенныя письма—отъ цесаревича, 14 января 1822 г. и отъ императора 2 февраля 1822 г., съ собственноручною надписью государя: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами, до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору, въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія». 29 августа пакетъ этотъ и былъ положенъ на опредѣленное ему мѣсто. Только Филаретъ, кн. А. Н. Голицынъ и гр. А. А. Аракчеевъ знали о его содержаніи; Филаретъ подалъ мысль, что надобность въ этомъ пакетѣ можетъ всего скорѣе представиться въ Петербургѣ и потому и было признано необходимымъ положить копіи съ хранимыхъ въ немъ бумагъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ; копіи эти были изготовлены кн. А. Н. Голицынымъ и въ теченіе октября того же года доставлены въ указанныя мѣста съ соотвѣтственными надписаніями. Глубокая тайна была соблюдена всѣми знавшими объ этомъ дѣлѣ; ни одинъ человѣкъ, кромѣ ихъ, ничего никогда о содержаніи этихъ пакетовъ не услышалъ. Строго сохранилъ тайну и в. кн. Константинъ Павловичъ; только одному в. кн. Михаилу Павловичу онъ сообщилъ о состоявшемся рѣшеніи, никто другой не говоритъ намъ чтобы слышалъ что либо подобное—никто, кромѣ гр. Моріолля; но его показаніе представляется въ данномъ случаѣ не заслуживающимъ вѣры. Не вполнѣ понятны причины, почему назначенному наслѣднику, вел. кн. Николаю Павловичу, не было ничего сообщено о существованіи актовъ, которые имѣли всю силу государственнаго закона; это было особенно странно въ виду того, что великій князь слышалъ отъ императора Александра предположенія его въ такомъ духѣ; естественно могла явиться у него мысль, что если ему сообщались предположенія когда они возникали, и ничего не сообщено объ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла, касавшагося его наиболѣе близко и для него особенно щекотливаго, то, значитъ, окончательнаго, законно-оформленнаго рѣшенія не состоялось. Не было сообщено о манифестѣ и о копіяхъ, хранившихся въ Петербургѣ и цесаревичу—и когда ему стало впослѣдствіи извѣстно объ нихъ, у него явилось, кажется, нѣкоторое чувство неудовольствія, потому что составленіе копій ему представилось знакомъ нѣкотораго недовѣрія къ его обѣщанію—хотя конечно, копіи были сняты не въ силу недовѣрія, а въ силу соображеній,

совершенно правильно указанныхъ Филаретомъ. Все это повлекло за собою то неестественное положеніе, которое продолжалось для Россіи въ теченіе почти мѣсяца и разыгралось печальными событіями 14 декабря 1825 г.

Съ начала ноября 1825 г., когда здоровье императора Александра стало внушать сильныя опасенія, цесаревичъ ежедневно получалъ извѣстія отъ ген. И. И. Дибича, находившагося, вмѣстѣ съ кн. П. М. Волконскимъ и А. И. Чернышевымъ, при государѣ въ Таганрогѣ. Цесаревичъ трепеталъ за жизнь горячо любимаго брата; его отвѣтныя письма ясно выражаютъ всю искренность его чувствъ. Но—по совершенно непонятнымъ соображеніямъ—онъ не только ничего не сдѣлалъ, чтобы устранить возможность замѣшательства, а дѣйствіями своими скорѣе даже способствовалъ его возникновенію. Нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ искренности его намѣреній; всѣ шаги цесаревича послѣ кончины Александра, отъ перваго до послѣдняго, безусловно исключаютъ возможность какого-либо подозрѣнія; но поведеніе его остается необъяснимымъ; онъ не только не предупредилъ ни единымъ словомъ, ни какимъ намекомъ великаго князя Николая Павловича, что въ случаѣ смерти императора ему предстоитъ исполнить нѣчто другое, а не принести немедленно присягу Императору Константину, что несомнѣнно должно было прежде всего придти въ голову великому князю, мало того: по какимъ то непонятнымъ соображеніямъ цесаревичъ даже въ Варшавѣ ото всѣхъ скрывалъ, что получаетъ очень тревожныя вѣсти о здоровьѣ государя; онъ сообщилъ это только ген. Курутѣ и своему доктору Кучковскому, а даже женѣ и великому князю Михаилу Павловичу ничего объ этомъ не говорилъ и частые пріѣзды курьеровъ объяснялъ имъ разными служебными дѣлами.

25 ноября цесаревичъ получилъ отъ Дибича рапортъ о кончинѣ государя Александра Павловича; при этомъ Дибичъ обращался къ нему уже какъ къ императору. Тогда только цесаревичъ сообщилъ печальную вѣсть княгинѣ Ловичъ и великому князю Михаилу Павловичу. «Теперь, сказалъ онъ, настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствія не былъ личиною, и кончить дѣло съ такою же твердостью, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости, ничего не перемѣнилось и моя воля отказаться отъ престола болѣе чѣмъ когда либо непреложна». Но и тутъ дѣйствовалъ цесаревичъ какъ то не довольно просто: немедленно же написалъ онъ отвѣтъ Дибичу, но въ отвѣтѣ этомъ объ отреченіи своемъ прямо не говорилъ, а сказалъ такъ, что понять могъ только тотъ, кто зналъ о предшествовавшихъ переговорахъ. «Баронъ Иванъ Ивановичъ!—писалъ цесаревичъ.— Не можетъ быть печальнѣе извѣстія какъ потеря обожаемаго Государя Императора, милостивца и благодѣтеля нашего. Нѣтъ мѣры моего сокрушенія; я погруженъ въ неутѣшную скорбь, для изъясненія которой не могу найти словъ. Въ отвѣтъ же на письмо ваше, въ которомъ испрашиваете моего разрѣшенія о распоряженіяхъ, какія принять надлежитъ, спѣшу васъ увѣдомить, что я остаюсь при теперешнемъ моемъ мѣстѣ товарищемъ вашимъ и посему ни въ какія распоряженія не могу войдти, а получите вы ихъ изъ Петербурга, отъ кого слѣдуетъ, о чемъ вмѣстѣ съ симъ пишу и къ кн. П. М. Волконскому. Впрочемъ, если угодно будетъ вамъ при семъ случаѣ принять мой дружескій совѣтъ, я полагаю, что о всякихъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высшей власти требующихъ, должно вамъ относиться въ С.-Петербургъ, а ко мнѣ подобныхъ представленій не присылать».

Затѣмъ, вечеромъ того же дня, 25 ноября, къ цесаревичу стали собираться по его приглашенію высшіе сановники, находившіеся въ Варшавѣ; онъ сообщалъ имъ о кончинѣ государя. Первымъ услышалъ эту вѣсть Н. Н. Новосильцевъ—и назвалъ цесаревича «Ваше Величество»; цесаревичъ сказалъ: «прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго мнѣ титула»—и разсказалъ о своемъ отреченіи; когда Новосильцевъ снова употребилъ этотъ титулъ—цесаревичъ уже съ гнѣвомъ и возвысивъ голосъ запретилъ себя такъ титуловать; навлекли на себя его гнѣвъ и его адъютантъ, Колзаковъ, и генералъ Рожницкій, обратившіеся къ нему съ такимъ же титуломъ. Когда всѣ приглашенные собрались—цесаревичъ разсказалъ подробно имъ о своемъ отреченіи, прочелъ письма—свое и императора Александра—о манифестѣ 16 августа 1823 г. цесаревичъ ничего не зналъ—и заявилъ, что онъ признаетъ импе-

раторомъ Николая Павловича. Сейчасъ же цесаревичъ началъ писать письма къ императрицѣ-матери и къ новому императору; къ нему онъ написалъ два письма, одно оффиціальное, другое частное. Всѣ эти письма повезъ въ Петербургъ великій князь Михаилъ Павловичъ, отправившійся въ столицу послѣ обѣда 26 ноября. Частное письмо цесаревича къ новому императору было слѣдующаго содержанія:

«По собственнымъ твоимъ чувствамъ, любезный Николай, ты легко оцѣнишь, сколько потеря благодѣтеля, обожаемаго государя и возлюбленнаго брата, жестока въ особенности для меня, связаннаго съ нимъ отъ первыхъ дней дѣтства. Тебѣ довольно извѣстно, за какое я счастье почиталъ служить ему и исполнять его волю во всемъ важномъ и неважномъ. Его намѣренія и повелѣнія всегда были и, хотя его уже не стало, всегда будутъ мнѣ священны и я не перестану имъ повиноваться до конца жизни. Перехожу къ дѣлу и извѣщаю тебя, что, во исполненіе воли покойнаго нашего государя, я послалъ къ матушкѣ письмо, содержащее въ себѣ выраженіе непреложной моей рѣшимости, заранѣе освященной какъ покойнымъ нашимъ повелителемъ, такъ и нашею родительницею. Не сомнѣваясь, что ты, любезный братъ, привязанный къ покойному душою и сердцемъ, въ точности исполнишь его волю и то, что было сдѣлано съ его соизволенія, приглашаю тебя распорядиться соотвѣтственно тому и почтить тѣмъ память брата, который тебя любилъ и которому наше государство обязано своею славою и настоящимъ величіемъ. Сохрани мнѣ дружбу свою и довѣренность, любезный другъ, и будь навсегда увѣренъ въ моей вѣрности и преданности. Оффиціальное мое письмо передастъ тебѣ все остальное. Братъ Михаилъ везетъ его къ тебѣ и сообщитъ всѣ подробности, какихъ ты пожелаешь. Не забывай меня, любезный другъ, и вѣрь ревности и усердію вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друзей». Оффиціальное письмо на имя Императора Николая Павловича было слѣдующаго содержанія: «Любезнѣйшій Братъ! Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ я, вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мь часовъ, горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, моего благодѣтеля. Спѣша раздѣлить съ Вами таковую, постигшую насъ тягчайшую скорбь, я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ я письмо къ Ея Императорскому Величеству, вселюбезнѣйшей родительницѣ нашей, съ изъявленіемъ непоколебимой моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго рескрипта покойнаго Государя Императора, отъ 2 февраля 1822 года ко мнѣ послѣдовавшаго, на письмо мое къ Его Императорскому Величеству, объ устраненіи меня отъ наслѣдія Императорскаго Престола, которое было предъявлено родительницѣ нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу любезнѣйшую родительницу нашу о всемъ томъ объявить, гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой моей воли въ надлежащее исполненіе. Изложивъ сіе, непремѣнною за тѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ меня перваго вѣрноподданническую мою присягу, и дозволивъ мнѣ изъяснить, что, не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ я за службу покойнымъ нашимъ родителемъ. Единственнымъ себѣ счастіемъ навсегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго моего благоговѣнія и безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-ти-лѣтнюю мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе, блаженной памяти Государямъ Императорамъ родителю и брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству и потомству Вашему мое служеніе при настоящей моей обязанности и мѣстѣ». Въ такомъ же духѣ писалъ Цесаревичъ и своей Родительницѣ.

Въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра получено было утромъ, 27 ноября и почти тотчасъ же, по желанію великаго князя Николая Павловича, принесена была присяга имъ самимъ и присутствовавшими императору Константину; въ тотъ же день Николай Павловичъ отправилъ старшему брату въ Варшаву собственноручное письмо съ извѣщеніемъ обо всемъ происшед-

шемъ и съ просьбою прибыть въ Петербургъ.

3 декабря прибылъ въ Петербургъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Великій князь Николай Павловичъ объяснилъ ему, что поступилъ такъ, какъ только и могъ поступить; послѣ долгихъ разсужденій положено было написать цесаревичу, что Николай Павловичъ по необходимости покорится его волѣ, если и теперь, послѣ совершившагося, онъ положительно останется при прежнемъ рѣшеніи. Николай Павловичъ убѣдительно просилъ при этомъ брата лично прибыть въ Петербургъ, представлялъ ему, что только въ такомъ случаѣ можно быть увѣрену, что не произойдетъ никакого замѣшательства при присягѣ другому государю; ту же просьбу настоятельно повторяла въ своемъ письмѣ и императрица-мать. Оба эти письма посланы были съ курьеромъ въ тотъ же день, 3 декабря; 5 декабря выѣхалъ обратно въ Варшаву и великій князь Михаилъ Павловичъ—для того, чтобы успокоить цесаревича относительно здоровья императрицы-матери, какъ говорили открыто, а въ сущности для того, чтобы лично уговорить цесаревича ѣхать въ Петербургъ. Николай Павловичъ продолжалъ именовать Константина императоромъ въ письмахъ своихъ къ князю Волконскому. Между тѣмъ, 2 декабря Константинъ Павловичъ получилъ вышеупомянутое письмо отъ Николая Павловича отъ 27 ноября и отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Твой адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ твое письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое намѣреніе неподвижно и освящено покойнымъ моимъ благодѣтелемъ и государемъ. Твоего предложенія прибыть скорѣе въ Петербургъ я не могу принять и предваряю тебя, что удалюсь еще дальше, если все не устроится въ согласность волѣ покойнаго нашего государя. Твой по жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ». Курьеръ, везшій этотъ отвѣтъ цесаревича, имѣлъ съ собою еще письмо отъ него на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Лопухина; въ письмѣ этомъ цесаревичъ излагалъ весь ходъ дѣла, затѣмъ напоминалъ, что «въ присягѣ, принесенной при воцареніи императора Александра именно упомянуто, что каждый вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться долженъ, какъ его императорскому величеству Александру Павловичу, такъ и его императорскаго величества всероссійскаго престола наслѣднику, который назначенъ будетъ. Каковая присяга, будучи повторяема при производствѣ въ чины и другихъ случаяхъ, тѣмъ вящше должна быть сохраняема въ памяти каждаго вѣрноподданнаго».

Далѣе цесаревичъ писалъ: «а какъ изъ раскрытыхъ бумагъ въ Государственномъ Совѣтѣ явно обнаружена высочайшая воля покойнаго государя императора, дабы наслѣдникомъ всероссійскаго престола быть великому князю Николаю Павловичу, то, безъ нарушенія сдѣланной присяги, никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей великому князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу нынѣ принесенную, ни признать законною, ни принять оную не могу; при чемъ вашей свѣтлости и то сказать долженъ»—писалъ цесаревичъ—«что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ...; а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена его императорскому величеству Николаю Павловичу.... Давая знать о семъ вашей свѣтлости — заключалъ свое письмо цесаревичъ — я прошу васъ поставить себѣ въ обязанность предъявить, гдѣ слѣдуетъ, все здѣсь изложенное и привести оное въ должное исполненіе». Тотъ же курьеръ везъ письмо цесаревича къ министру юстиціи, кн. Лобанову-Ростовскому; цесаревичъ возвращалъ нераспечатаннымъ рапортъ о присягѣ, привезенный ему отъ кн. Лобанова чиновникомъ Никитинымъ, и писалъ между прочимъ, что Правительствующему Сенату, яко блюстителю закона, слѣдовало и слѣдуетъ въ точности исполнить высочайшую волю блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Александра Павловича. «Впрочемъ», говоритъ цесаревичъ въ заключеніе — «чувствуя въ полной мѣрѣ оказанное Правительствующимъ Сенатомъ и къ лицу моему относящееся усердное расположеніе, я прошу ваше сіятельство изъявить сему высокопочтенному сословію истинную мою признательность, присовокупя къ тому, что чѣмъ больше чувствую цѣну таковой приверженности, тѣмъ вящше

поставляю себѣ долгомъ пребыть непоколебимымъ исполнителемъ священнаго закона, установленнаго въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ». Слѣдомъ за курьеромъ, привезшимъ это отправленіе, прибылъ и другой, 12 декабря, который привезъ въ такомъ же духѣ, какъ и прежде, составленный цесаревичемъ отказъ отъ престола, въ отвѣтъ на письма императрицы-матери и Николая Павловича отъ 3 декабря. Тогда уже исчезла всякая возможность не рѣшаться — и 13 декабря состоялось засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ Николай Павловичъ объявилъ, что принимаетъ санъ императора, а 14 декабря — произошла присяга въ войскахъ, съ сопровождавшими ее происшествіями.

По полученіи отъ императора Николая письма, извѣщавшаго о восшествіи его на престолъ, цесаревичъ составилъ «Любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ, отъ его императорскаго высочества, цесаревича, великаго князя Константина Павловича, торжественное объявленіе»; оно, однако, не было въ свое время издано; по экземпляру, оказавшемуся въ бумагахъ князя П. М. Волконскаго, оно напечатано въ книгѣ Корфа (3-е приложеніе). Содержаніе этого «объявленія» вполнѣ точно излагаетъ выше разсказанное; извлекаемъ изъ него нѣсколько замѣчаній — они цѣнны, какъ изложеніе всѣхъ этихъ событій лицомъ, принимавшимъ въ нихъ ближайшее участіе. — «По прошествіи двадцати лѣтъ блаженнаго царствованія вѣчнодостойной памяти обожаемаго государя императора Александра Павловича—такъ начинается этотъ документъ—когда мало уже было надежды, чтобы послѣ кончины его величества осталось прямое его поколѣніе для наслѣдованія престола, я, соревнуя о благоденствіи и спокойствіи Россіи, счелъ долгомъ моимъ обратить высочайшее вниманіе государя императора на драгоцѣннѣйшій предметъ для государства, на прочное опредѣленіе и установленіе наслѣдства императорскаго престола... Я разсуждалъ въ совѣсти моей, что, отказавшись отъ правъ моихъ, исполню обязанность россіянина, споспѣшествуя, для спокойствія Россіи, упрочить твердый переходъ наслѣдованія престола, переводя оное заблаговременно на младшаго брата моего, коего потомство зритъ уже Россія и коего первородный сынъ, родившійся въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ въ Кремлѣ, есть уже залогомъ будущаго ея спокойствія. Я разсуждалъ также, что если бъ у меня были дѣти, которыя, по коренному закону Россіи, изданному въ царствованіе покойнаго государя императора родителя моего, имѣли бы право наслѣдованія престола, то можетъ быть соотчичи мои имѣли бы право жаловаться на меня въ томъ, что я отказался отъ права, служащаго не мнѣ одному лично, но и поколѣнію моему, самою природою для царствованія назначенному. Но находясь въ совершенно противномъ тому положеніи, мое отреченіе отъ права наслѣдованія престола было отступленіемъ отъ правъ, лично только мнѣ принадлежавшихъ, — было собственнымъ пожертвованіемъ и долгомъ моимъ для блага и спокойствія Россіи, по тому уваженію, что главнымъ основаніемъ монархическихъ державъ есть постоянный, продолжительный и обезпеченный переходъ престола, по прямому, естественному, самою природою пріуготовленному наслѣдству. Сими-то чувствами движимый, испросивъ предварительно высочайшее соизволеніе, учинилъ я оное предложеніе его императорскому величеству объ отреченіи моемъ отъ права наслѣдованія престола, и о заблаговременномъ переводѣ онаго на лицо любезнѣйшаго младшаго брата моего».

Изложивъ обстоятельства составленія уже извѣстныхъ намъ писемъ и манифеста, великій князь Константинъ Павловичъ говоритъ въ заключеніе:

«Достопочтенны по истинѣ, изъявленныя законнымъ наслѣдникомъ престола, его императорскимъ величествомъ Николаемъ Павловичемъ, возвышенныя чувства уважительности для старшаго брата. Правильное къ симъ чувствамъ всякій подданный долженъ имѣть уваженіе; но превыше всего суть права и обязанности законною властью поставленнаго наслѣдія престола. Самъ Богъ назначилъ одни роды долженствующіе начальствовать надъ прочими родами человѣческими. Онъ, въ естественномъ порядкѣ или въ верховной волѣ вѣнценосцевъ, являетъ Свою святую волю, которой человѣкъ смертный да не преступитъ безгрѣшно и моя душевная горесть тѣмъ обиднѣе преисполняетъ меня неизъяснимою печалью, что въ семъ дѣйствіи Государственнаго Совѣта усматриваю предполагаемую во мнѣ готовность не только

принять, но еще можетъ быть и потребовать обратно право наслѣдованія престола, отъ котораго отказался я свободно, добровольно, изъ одной любви къ Россіи, для ея блага и спокойствія, которое принято верховною законною властью и которое, наконецъ, передано, по законному порядку, достойному брату, который одаренъ, по милости Всевышняго, не токмо всѣми изящными качествами ума, утверждающими залогъ благоденствія Россіи, но и благословенъ драгоцѣннымъ для Россіи потомствомъ. Сказавъ сіе для облегченія сокрушеннаго сердца, для облегченія опечаленной души, я, въ совѣсти только моей спокойный, уповаю пользоваться всегда довѣріемъ августѣйшаго брата Государя Императора Николая Павловича, надѣюсь отъ соотчичей моихъ сохраненія для меня признательной любви, такъ какъ вся, болѣе тридцатилѣтняя служба Государямъ Императорамъ, родителю и брату, ознаменованная неограниченною Ихъ Императорскихъ Величествъ довѣренностію — словомъ, всѣ усилія и вся жизнь моя были чисты и непорочны. Я отказался отъ правъ моихъ, не нарушивъ своихъ обязанностей. Величіе россійскаго престола, основанное на благоденствіи государства, будетъ, по гробъ мой, единственною цѣлью силъ души и тѣла моего».

Не пожелавъ пріѣхать въ Петербургъ въ декабрѣ 1825 г., цесаревичъ въ слѣдующемъ году присутствовалъ на коронаціи въ Москвѣ. Естественно, что онъ привлекалъ тутъ общее вниманіе; но онъ былъ сумраченъ, не доволенъ, вѣроятно тѣмъ, что княгиня Ловичъ не была приглашена—и уѣхалъ сейчасъ же послѣ коронаціи, проведя въ Москвѣ только 10 дней, съ 14 по 24 августа.

Императоръ Николай Павловичъ съ момента своего вступленія на престолъ и до кончины цесаревича Константина Павловича поддерживалъ съ нимъ самую оживленную переписку. Можно сказать, что ни одно сколько нибудь важное рѣшеніе не было принято Императоромъ безъ того, чтобы онъ ранѣе не посовѣтовался по данному вопросу съ старшимъ братомъ; графъ Нессельроде сообщалъ великому князю наиболѣе важныя бумаги своей дипломатической переписки и въ большей части случаевъ получалъ отъ него заявленія, согласныя съ видами усвоенной правительствомъ политики. Вопросы управленія внутренняго, отъ котораго великій князь стоялъ вдали почти во свою жизнь, передавались на его разсмотрѣніе лишь въ исключительныхъ случаяхъ и разсмотрѣніе это едва ли сопровождалось благодѣтельными послѣдствіями. Рельефнымъ тому доказательствамъ служатъ выработанныя комитетомъ 6 декабря 1826 г. и государственнымъ совѣтомъ законодательныя предположенія одобренныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, кои приведены въ дѣйствіе не были вслѣдствіе заявленія великимъ княземъ *«рѣшительнаго мнѣнія противъ предначертанныхъ перемѣнъ и непреодолимой мысли, что по крайней мѣрѣ по главнѣйшимъ предметамъ лучше казалось бы остановиться и отдать ихъ еще на судъ времени»*. А между тѣмъ предначертанія сіи имѣли предметомъ переходныя мѣры къ уничтоженію крѣпостного состоянія, кои значительно облегчили бы окончательныя по этому предмету мѣропріятія, судебное устройство, послѣдовавшее чрезъ сорокъ лѣтъ едва ли съ пользою протекшихъ, измѣненія въ сословныхъ правахъ также во многомъ и существенномъ, необходимость самимъ императоромъ Николаемъ указанную замѣнить чины должностями, установленіе предѣловъ дѣлимости земельныхъ участковъ какъ для дворянскаго, такъ и для крестьянскаго землевладѣнія и т. д. Послѣдовавшія событія доказали что разрѣшеніе такихъ вопросовъ едва ли надлежало предоставить суду времени, какъ полагалъ великій князь Константинъ Павловичъ. По поводу нѣкоторыхъ несогласій цесаревича съ императоромъ другъ цесаревича Опочининъ писалъ ему: «Я нахожу, что положеніе ваше и братца вашего неестественно; исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ; слѣдовательно и обоюдныя ваши отношенія должны быть неестественны. Они должны быть основаны на любви самой чистѣйшей и душевной; отсюда проистекать должно неминуемо уваженіе, дружба, довѣренность, и всѣ тѣ хорошія послѣдствія, которыя содѣлываютъ семейное благополучіе. Если же вы обоюдно будете токмо критиковать дѣйствія другъ друга сіе не породитъ вышеизложеннаго, напротивъ того расторгнетъ со временемъ всѣ связанныя между вами существующія узы ко вреду даже государства. Вы полагаете, что вы потеряли довѣренность; братецъ также можетъ полагать, что всѣ его

усилія, клонящіяся къ добру, не получаютъ вашу апробацію». Надо сказать, что, хотя дѣйствительно, замѣтна нѣкоторая разница въ письмахъ императора къ цесаревичу за первое время его царствованія и за дальнѣйшіе годы, но въ письмахъ императора Николая Павловича неизмѣнно чувствуется прямота, искренность; въ письмахъ цесаревича слышится иногда что то недосказанное, что то затаенное, — но вѣдь и положеніе его было болѣе трудное.

Въ новое царствованіе цесаревичъ Константинъ Павловичъ остался безотвѣтственнымъ въ прежнемъ своемъ положеніи, официально — главнокомандующимъ польскою арміею, фактически — какъ бы намѣстникомъ Царства Польскаго. Нѣкоторое измѣненіе въ его официальной роли произошло еще при жизни императора Александра, именно 29 іюня 1819 г., когда данъ былъ сенату слѣдующій указъ: «Главнокомандующему литовскимъ корпусомъ, его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу всемилостивѣйше предоставляемъ надъ губерніями Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Бѣлостокскою областью власть главнокомандующаго дѣйствующею арміею, на основавіи учрежденія оной, генваря 27 1812 года изданнаго, впредь до нашего указа». По учрежденію этому «главнокомандующій представляетъ лицо государя императора и облекается властью его величества»; главнокомандующему предоставлялась полная власть во всѣхъ исключительныхъ случаяхъ, но гражданское управленіе подчинено ему не было. Однако, соединеніе званія главнокомандующаго съ личнымъ значеніемъ великаго князя цесаревича какъ-то само-собой расширило его власть и на гражданскія дѣла края; виленскій генералъ-губернаторъ входилъ къ великому князю Константину Павловичу съ представленіями по самымъ различнымъ и часто очень мелкимъ вопросамъ гражданскаго управленія и отъ имени цесаревича исходили рѣшенія по этимъ дѣламъ, — рѣшенія, не рѣдко отмѣченныя печатью выходящаго изъ ряда произвола; приданная великому князю власть надъ перечисленными выше губерніями создавала еще въ одномъ отношеніи странное положеніе: губернія эти подчинены были лицу, официально стоявшему лишь во главѣ польской арміи и слѣдовательно, какъ бы являлась мысль о соединеніи управленія ими съ управленіемъ частью дѣлъ Царства Польскаго; съ другой стороны—являлось страннымъ и то, что цесаревичъ не имѣлъ официально никакой власти по гражданскому управленію въ Польшѣ, хотя имѣлъ ее надъ сосѣдними губерніями. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи явилось нѣкоторое упрощеніе: 18 іюня 1826 г. умеръ Заіончекъ; новаго намѣстника назначено не было, но при великомъ князѣ состояла канцелярія по гражданскимъ дѣламъ; съ этого времени онъ уже, очевидно, являлся намѣстникомъ, не нося только этого титула.

Такое безграничное полновластіе, руководимое главнымъ образомъ личными симпатіями и внушеніями далеко не государственныхъ людей, окружавшихъ великаго князя, должно было повести и дѣйствительно повело къ грустнымъ послѣдствіямъ.

15 ноября 1815 г. подписана была конституціонная хартія. Общія основанія ея были сходны съ конституціонною хартіею, данною Франціи Людовикомъ XVIII. Главою Царства являлся монархъ, имѣвшій опредѣленныя права; его особа неприкосновенна; законодательная власть раздѣлялась между монархомъ и сеймомъ; сеймъ составляли 128 депутатовъ—51 сенаторъ и 77 представителей городовъ. Исполнительная власть была передана совѣту управленія Царства; подъ предсѣдательствомъ намѣстника его составляли министры, числомъ пять, государственный секретарь и уполномоченный императорскій комиссаръ. На должность послѣдняго былъ назначенъ т. с. Н. Н. Новосильцевъ; государственнымъ секретаремъ былъ Игнатій Соболевскій, министрами: финансовъ—Матушевичъ, внутреннихъ дѣлъ—Тадеушъ Мостовскій, просвѣщенія—Станиславъ Костка Потоцкій, военнымъ—Віельгорскій, юстиціи—Томашъ Ваврженцкій; два послѣдніе принимали видное участіе въ борьбѣ Костюшки противъ Россіи, С. Потоцкій былъ братъ Игнатія Потоцкаго, одного изъ составителей Конституціи 3 мая.

За время отъ 1815 г. по 1830 г. были собраны въ Польшѣ три сейма. Первый открытъ былъ 15 мая 1818 г. лично императоромъ Александромъ. Въ засѣданіяхъ этого сейма цесаревичъ участвовалъ какъ депутатъ отъ предмѣстья Варшавы Праги. «Существовавшія въ вашей странѣ государственныя учрежденія (organisation)»—

сказалъ, между прочимъ, императоръ въ тронной своей рѣчи—«дозволили мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами либеральныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченіямъ моимъ ввѣренныя». Указавъ затѣмъ главнѣйшія задачи, предлежащія сейму, императоръ говорилъ далѣе: «Докажите современникамъ вашимъ, что свободныя учрежденія (les institutions libérales), коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе въ правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, совершенно согласуются съ порядкомъ и утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ». Результатами перваго сейма государь былъ, повидимому, доволенъ; изъ внесенныхъ совѣтомъ проектовъ не былъ принятъ только одинъ; но когда камеры, въ заключеніе сейма, представили обширныя замѣчанія, въ которыхъ не только распространялись вообще объ отношеніяхъ государей къ подданнымъ и сдѣлали нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній правительству, но высказали ему и общее порицаніе за то, что правительство сразу подняло слишкомъ много вопросовъ и потому предлагало ихъ недостаточно обдумавъ и обсудивъ—то государь, въ рескриптѣ своемъ совѣту управленія отъ 23 августа 1818 г., далъ почувствовать свое неудовольствіе этимъ шагомъ камеръ и поручилъ совѣту заняться разсмотрѣніемъ помянутаго представленія лишь настолько, насколько найдетъ это нужнымъ самъ совѣтъ. Второй сеймъ былъ открытъ 1 сентября 1820 г.; государь въ своей рѣчи настоятельнѣе, чѣмъ прежде, предостерегалъ депутатовъ отъ излишняго увлеченія теоріями, тѣмъ болѣе крайними, господствовавшими тогда во многихъ частяхъ Европы, и обращалъ ихъ вниманіе на то, что особенно важно обсуждать положеніе страны на основаніи фактовъ, а не теорій, придерживаться дѣйствительности, а не вращаться въ однѣхъ отвлеченностяхъ. Но на этомъ сеймѣ оппозиція проявилась съ настойчивостью и страстностью. Предложенные правительствомъ проекты были отвергнуты почти безъ обсужденія ихъ; между прочимъ проектъ новаго уголовнаго судопроизводства былъ отвергнутъ 120-ю голосами противъ 3, потому что по проекту не предполагалось ввести судъ присяжныхъ. Суда этого въ Польшѣ до того времени не существовало, да и въ данный моментъ въ странѣ—какъ совершенно основательно доказывали въ камерахъ министры—еще не было достаточно интеллигенціи для того, чтобы введеніе этого суда могло бы принести тѣ выгоды, которыхъ отъ него ожидали; но такъ какъ требованіе суда присяжныхъ было въ то время такъ-сказать обязательнымъ лозунгомъ либеральныхъ партій, то непремѣнно требовали его и польскія камеры. Второй сеймъ былъ закрытъ императоромъ 1 ноября 1820 г. рѣчью уже строгою; но тѣмъ не менѣе государь заявилъ, что сохраняетъ попрежнему благоволеніе къ полякамъ. 1 февраля 1825 г., по желанію государя былъ изданъ дополнительный къ конституціи актъ, по которому была сохранена публичность только перваго и заключительнаго засѣданія каждаго сейма; 1 мая 1825 г. открытъ былъ третій сеймъ; онъ окончился принятіемъ предложенныхъ правительствомъ мѣръ; 1 іюня государь закрылъ его засѣданія, довольный его трудами.

Состояніе страны въ періодъ существованія царства было весьма благопріятно для польскаго народа. По признанію польскихъ писателей Польша подъ скипетромъ русскаго императора стала хорошо организованною, промышленною страною, какою она не была раньше; правительство, составленное, можно сказать, сплошь изъ поляковъ, ревностно работало для поднятія благосостоянія страны. Императоръ Александръ отказался отъ всякихъ доходовъ съ Польши въ пользу императорскаго двора и вернулъ въ національную собственность многія большія имѣнія, отрѣзанныя Наполеономъ и розданныя имъ своимъ генераламъ. Особенно замѣчательна дѣятельность кн. Любецкаго, занявшаго въ 1821 г. постъ министра финансовъ. Этотъ энергичный, даровитый и опытный администраторъ весьма успѣшно устраивалъ народное хозяйство и финансы: былъ организованъ, частью средствами правительства, кредитный поземельный союзъ, ко-

торый принесъ большую пользу земледѣлію; торговля оживилась, мануфактуры получили быстрое развитіе; выгодный торговый договоръ съ Россіей облегчилъ сбытъ въ Россію и далѣе на востокъ произведеній польскихъ фабрикъ; нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ поселенцевъ, отличныхъ ремесленниковъ, явились въ странѣ и содѣйствовали общему оживленію ремесленной дѣятельности. Устроены были пути сообщенія, населились и обогатились города; Варшава въ 1814 г. имѣла едва 80.000 жителей, а черезъ 5—6 лѣтъ она имѣла уже 130.000 жителей и отлично обстроилась; населеніе царства вообще въ теченіе 15 л. возросло съ $2^1/_2$ мил. почти до 4-хъ.

Но состояніе польскаго общества было таково, что представлялось весьма нелегкимъ сохранить надолго столь благопріятно слагавшіяся обстоятельства. Умственное броженіе въ Европѣ еще не улеглось; событія въ Италіи, Испаніи, Греціи, отчасти и во Франціи, поддерживали его; а поляки никогда не были склонны къ умѣренности, къ спокойной, медленной работѣ на созиданіе національнаго благополучія. Неожиданное великодушіе императора Александра, который приложилъ на Вѣнскомъ конгрессѣ столько усилій чтобы доставить Польшѣ самостоятельное существованіе, возбудило въ полякахъ самыя неумѣренныя ожиданія, такъ что полученное уже далеко ихъ не удовлетворяло; извѣстный нѣмецкій историкъ Смитъ, жившій въ Варшавѣ во время Вѣнскаго конгресса, свидѣтельствуетъ о разительномъ переходѣ отъ боязливаго опасенія результатовъ конгресса къ странному недовольству этими результатами, когда они оказались болѣе благопріятными, чѣмъ ожидали. Революціонныя идеи, бродившія въ Польшѣ съ самаго начала французской революціи, сохранили еще свою власть надъ умами многихъ.

Господствовавшія въ Польшѣ настроенія можно свести къ двумъ главнымъ группамъ; одна мечтала о дальнѣйшемъ, законномѣрномъ развитіи дарованныхъ уже Польшѣ учрежденій, другая имѣла цѣлью соціальную революцію; первая партія въ свою очередь раздѣлялась на двѣ части: одна часть надѣялась достигнуть своихъ цѣлей главнымъ образомъ путемъ политическихъ осложненій и вмѣшательства, въ пользу Польши, другихъ государствъ, другая—орудіемъ своимъ считала оппозиціонную дѣятельность на сеймахъ; вторая партія подраздѣлялась на двѣ группы—изъ нихъ первая, состоявшая по преимуществу изъ военныхъ, желала скорѣйшаго возстанія и полагала, что съ существующимъ уже войскомъ она можетъ достичь своихъ цѣлей, а вторая, состоявшая по преимуществу изъ журналистовъ, адвокатовъ, профессоровъ, почитала нужнымъ подготовить путемъ оппозиціи возстаніе болѣе широкое и не только въ Царствѣ собственно, но и въ сосѣднихъ областяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Польшѣ. Различаясь, такимъ образомъ, въ частностяхъ и относительно цѣлей своихъ и относительно средствъ, всѣ эти фракціи сходились въ одномъ — въ желаніи бороться противъ существующаго порядка. Онѣ покрыли всю Польшу сѣтью тайныхъ обществъ. Тайныя общества не прекращали своего существованія въ Польшѣ съ самаго момента ея окончательнаго раздробленія; они имѣли первоначально цѣлью поддерживать внутреннее единство въ польскомъ народѣ; но мало-по-малу ихъ цѣли обозначились нѣсколько иначе и вмѣстѣ съ тѣмъ - точнѣе. Правительство не разъ наталкивалось на нихъ, но, неизмѣняя, конечно, вслѣдствіе ихъ открытія своего образа дѣйствій по существу, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не подавляло пропаганды достаточно энергично и этимъ въ извѣстной степени способствовало ея развитію. Едва ли мы ошибемся, если общій характеръ отношенія правительства къ этой пропагандѣ отнесемъ на долю именно личнаго вліянія цесаревича; такое заключеніе представляется наиболѣе естественнымъ и потому, что подобный вопросъ не могъ быть рѣшенъ безъ его согласія и потому, что когда силою обстоятельства цесаревичъ былъ поставленъ очевидно и прямо на первомъ планѣ и долженъ былъ принимать тѣ или другія мѣры—общій духъ ихъ оказался поразительно схожъ съ тѣмъ отношеніемъ къ революціонной пропагандѣ, какое можно наблюдать раньше.

Послѣ кратковременнаго упадка тайныхъ обществъ въ періодъ существованія Варшавскаго герцогства, когда поляки мечтали открытою силою достигнуть главныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ тайными обществами, уже въ 1814 г. вновь возникли политическія тайныя общества, такъ на-

зываемыя общества «истинныхъ поляковъ»; затѣмъ, въ 1817 г. въ Варшавскомъ университетѣ образовалось тайное общество «свободныхъ поляковъ»; въ 1819 г., особенно стараніями маіора Лукашинскаго, приняли прямо политическій характеръ многочисленныя масонскія ложи. Одно время, когда особенно было сильно увлеченіе орденомъ самъ цесаревичъ — и чуть ли не по желанію императора Александра — принадлежалъ къ масонамъ; но затѣмъ онъ скоро вышелъ изъ его состава. Запрещеніе масонскихъ ложъ, послѣдовавшее въ 1820 г., повлекло лишь нѣкоторое ихъ преобразованіе и возникновеніе «общества патріотовъ», въ 1820 г. образовалось тайное общество въ средѣ студентовъ виленскаго университета, главнымъ образомъ стараніями извѣстнаго Лелевеля; при закрытіи масонскихъ ложъ были уже довольно явные поводы подозрѣвать политическія задачи масоновъ; обнаружилась и тайная дѣятельность майора Лукашинскаго; цесаревичъ призывалъ къ себѣ Лукашинскаго и лично распрашивалъ его; понятно поведеніе Лукашинскаго, который ото всего отрекся, но менѣе понятно, какъ великій князь вполнѣ ему повѣрилъ и не далъ дѣлу никакого дальнѣйшаго хода. Послѣ этого общество патріотовъ въ теченіе 1821 — 1822 гг. получило значительное распространеніе не только въ предѣлахъ Царства, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ; особые эмиссары были отправлены въ Парижъ. 6 ноября 1821 г. объявлено было въ Польшѣ повелѣніе намѣстника, воспрещавшее всякія тайныя общества; но это запрещеніе не оказало никакого вліянія на ходъ дѣлъ, — общества, напротивъ, распространялись; наконецъ, напали на явные слѣды обширной ихъ сѣти—и 8 іюля 1822 г. назначена была подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Гауке особая комисія, чтобы изслѣдовать происхожденіе, распространеніе и цѣль этихъ обществъ. Въ то самое время, когда комисія эта дѣйствовала, тайныя общества получили новое развитіе; Лукашинскаго, арестованнаго вмѣстѣ съ другими, замѣнилъ въ средѣ обществъ даровитый Кржижановскій, затѣмъ въ это же время вступили въ общества представители знатныхъ фамилій — сенаторъ гр. Солтыкъ, кн. Яблоновскій; въ то же время общество патріотовъ завязало сношенія съ тайными обществами, существовавшими при южной арміи въ Россіи. Въ іюнѣ 1824 г. слѣдственная комисія окончила свое дѣло; судимы были 6 человѣкъ и изъ нихъ трое оправданы, а трое—Лукашинскій, Доброгайскій и Добржицкій—приговорены къ заключенію въ крѣпости, первый—на 9 л., а два послѣдніе—на 6; милостью Государя срокъ каждому изъ нихъ уменьшенъ былъ на два года. Столь незначительный результатъ слѣдственной комисіи, не сумѣвшей раскрыть бо́льшаго количества участниковъ тайныхъ обществъ, только ободрилъ ихъ руководителей. Въ 1823 г. открылось, что между учениками виленской гимназіи распространяются противуправительственныя идеи; объ этомъ доложено было великому князю и онъ отправилъ въ Вильну своего адъютанта, полковника Нессельроде; произведенное слѣдствіе раскрыло, что среди студентовъ виленскаго университета существуетъ тайная организація, и что нѣсколько профессоровъ причастны къ ней; къ слѣдствію привлечено было 166 человѣкъ; въ результатѣ ректоръ, четыре профессора и библіотекарь были уволены изъ университета и 9 студентовъ высланы въ предѣлы Имперіи. Въ 1825 г., въ январѣ, у двухъ гимназистовъ въ Кейданахъ явился планъ убить великаго князя во время проѣзда его черезъ этотъ городъ; и объ этомъ сообщено было великому князю; онъ лично допрашивалъ обвиняемыхъ и, послѣ ихъ сознанія, приказалъ произвести слѣдствіе и судъ. Обнаружено было, что еще 4 чел. знали объ помянутомъ намѣреніи; всѣ шестеро были приговорены къ смертной казни, но великій князь замѣнилъ её двумъ главнымъ виновникамъ ссылкою въ Сибирь, а остальнымъ — отдачею въ солдаты. Не смотря на многочисленность этихъ симптомовъ, великій князь не оцѣнивалъ всей важности ихъ. Въ одномъ изъ писемъ къ другу своему Опочинину, касаясь нѣкоторыхъ изъ вышеизложенныхъ событій, онъ проводилъ мысль, что въ Царствѣ «другая» присяга, конституціонная, и на этомъ основаніи считалъ нѣкоторыя вины поляковъ меньшими, чѣмъ если бы такія же были совершены русскими. Если признать правильность такой точки зрѣнія вообще, то надо будетъ придать особенно важное и печальное значеніе тѣмъ случаямъ, случаямъ очень ча-

стымъ, гдѣ великій князь, въ увлеченіи гнѣвомъ, самъ сильнѣйшимъ образомъ нарушалъ конституцію и оскорблялъ чувства поляковъ, — вѣдь этимъ онъ давалъ имъ право на серьезное недовольство и, значитъ, на противодѣйствіе русскому правительству, а между тѣмъ цесаревичъ внушалъ Опочинину, что различіе присяги забывать недолжно, хотя — прибавлялъ онъ—я и не выхваляю этого.

Съ началомъ слѣдствія надъ декабристами открыта была связь ихъ съ польскими тайными обществами; арестованы были сенаторъ гр. Солтыкъ, Гржимайло, Плихта, Кожуховскій, Дембскій, Пронзинскій, Кржижановскій (оба подполковники), Мицельскій — адъютантъ великаго князя, Малаховскій и Лелевель. Была назначена смѣшанная коммиссія, состоявшая изъ 5 членовъ русскихъ и изъ 5 поляковъ—она должна была произвести слѣдствіе и въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ. Черезъ годъ, въ началѣ 1827 г., комиссія представила свой докладъ великому князю. По признанію самихъ поляковъ было собрано совершенно достаточно уликъ для того, чтобы приговорить къ смерти нѣсколько человѣкъ. Великій князь предлагалъ судить всѣхъ обвиняемыхъ военнымъ судомъ, но молодой Императоръ повелѣлъ судить ихъ, согласно конституціи, польскому сенату, какъ высшему судилищу Царства. Въ польскомъ обществѣ началась сильнѣйшая агитація чтобы оказать нравственное воздѣйствіе на сенатъ—и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія сенатъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного (ген. Викентія Красинскаго) оправдалъ подсудимыхъ. Императоръ передалъ рѣшеніе это совѣту управленія Царства, чтобы совѣтъ рѣшилъ, насколько приговоръ этотъ согласенъ съ закономъ и совѣтъ, несмотря на энергическія возраженія Новосильцова, присоединился къ взгляду Любецкаго и призналъ, что «Сенатъ по несовершенству законовъ не могъ произнести другаго рѣшенія». Обвиняемые были немедленно освобождены. Цесаревичъ тоже, повидимому, до извѣстной степени поддался воздѣйствію общественнаго мнѣнія Варшавы; онъ, такъ возмущавшійся движеніемъ декабристовъ и призывавшій на нихъ самыя строгія кары, облеченный на время этого суда почти диктаторскою властью и, несомнѣнно, всѣмъ существомъ своимъ проникнутый отвращеніемъ къ идеямъ, лежавшимъ въ основѣ всѣхъ происшедшихъ смутъ, счелъ нужнымъ признать состоявшее рѣшеніе, исходя изъ факта существованія конституціи въ Царствѣ...

Процессъ 1826 г. на нѣкоторое время задержалъ дѣятельность тайныхъ обществъ; опасеніе кары, казавшейся совершенно неизбѣжною, ихъ почти парализовало. Но когда дѣло кончилось оправданіемъ обвиняемыхъ, то дѣятельность тайныхъ обществъ снова оживилась. Особенно энергично стали теперь дѣйствовать Лелевель и кн. А. Чарторыжскій; Чарторыжскій нѣсколько лѣтъ жилъ въ Парижѣ, но вернулся, чтобы принять участіе въ судѣ надъ заговорщиками. Теперь обращено было особенное вниманіе на пропаганду между студентами университета и воспитанниками военныхъ школъ. Въ 1827 г. уже существовалъ въ Варшавѣ тайный высшій союзъ, составленный изъ депутатовъ и чиновниковъ; въ военныхъ кругахъ самостоятельно создались два заговора, впослѣдствіи слившіеся—Высоцкаго и Заливскаго. Конецъ 1828 г. казался для заговорщиковъ особенно благопріятнымъ: начавшаяся у Россіи война съ Турціей шла первое время не совсѣмъ удачно, а въ Польшѣ распространялись слухи о весьма серьезныхъ неудачахъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ польская армія не была употреблена въ дѣло и она попрежнему стояла свѣжая, всѣмъ хорошо снабженная. Цесаревичъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ странный взглядъ: онъ именно настоялъ, чтобы польскія войска, хотя ближайшія сравнительно къ театру военныхъ дѣйствій, не были двинуты на войну; цесаревичъ прямо заявлялъ, что война портитъ войска—забывая, что война есть единственное основаніе существованія войскъ. Между тѣмъ таково, дѣйствительно, было мнѣніе цесаревича; онъ интересовался войсками, какъ войсками, или, быть можетъ даже, какъ объектомъ для упражненій въ командѣ и для парадовъ, но не какъ боевою силою; еще въ 1826 г. онъ писалъ Опочинину: «Въ россійской арміи—я изъ многихъ опытовъ знаю—существуетъ какая-то привычка, что коль скоро войско употребляется въ такое дѣло, которое имѣетъ подобіе на военное время, какъ-то: на бивуаки, или въ разъѣзды и такъ далѣе, то сейчасъ отстаетъ отъ той строевой чистоты, какая

обыкновенно бываетъ, полагая, какъ бы она не нужна». Когда было въ концѣ 1828 г. упущено время, представлявшееся удобнымъ, явилось предположеніе воспользоваться предстоящимъ прибытіемъ императора Николая въ Варшаву для коронаціи и тогда убить его и другихъ членовъ императорской фамиліи. Но страхъ, охватившій заговорщиковъ при случайномъ арестованіи одного изъ нихъ, помѣшалъ дальнѣйшему развитію и окончательной подготовкѣ этого плана. Коронованіе императора Николая польскою короною въ маѣ 1829 г. прошло благополучно. Послѣ этого опять цѣлый годъ прошелъ довольно спокойно. Между различными фракціями заговорщиковъ происходили въ это время раздоры — одни, желая болѣе быстрыхъ дѣйствій, негодовали на тѣхъ, которые помѣшали предположенному покушенію, другіе—упрекали противниковъ въ томъ, что своею неосторожностью они совсѣмъ погубятъ общее дѣло.

Вѣсть объ іюльской революціи въ Парижѣ имѣла рѣшающее значеніе; партія немедленныхъ дѣйствій пріобрѣла окончательно перевѣсъ и взрывъ приблизился. Военные союзы вступили въ тѣсныя сношенія между собой, установили связь и съ партіей высшаго союза; пропаганда въ войскахъ чрезвычайно усилилась, много новыхъ членовъ присоединилось къ прежнимъ союзникамъ; двое студентовъ добровольно принесли клятву убить великаго князя. Въ октябрѣ 1830 г. составился уже особый комитетъ для непосредственнаго распространенія возстанія и руководительства имъ; намѣченъ былъ и составъ будущаго правительства, которое должно было создаться подъ диктатурой кн. А. Чарторыжскаго; Чарторыжскій и гр. Вл. Островскій были извѣщены о томъ, какія надежды возлагаютъ на нихъ заговорщики, и, хотя не выразили полнаго одобренія предположенному, но и не постарались предотвратить возстаніе.

Чувствовались различные признаки того, что предстоитъ нѣчто особенное; по улицамъ расклеивались возмутительныя прокламаціи; на стѣнѣ Бельведера появилось объявленіе, что съ января наступающаго года этотъ домъ будетъ отдаваться въ наймы; носились слухи, опредѣлявшіе революцію — сначала на 10, потомъ на 15 и на 20 октября; офицеры русскаго гарнизона были на-сторожѣ. Главари заговора оживленно совѣщались, но не могли придти къ окончательному соглашенію. Въ это время вдругъ одинъ изъ подпрапорщиковъ донесъ о замышляемомъ возстаніи; тотчасъ были арестованы видные дѣятели заговора Высоцкій и Урбановичъ; но великій князь все еще пребывалъ въ своемъ ослѣпленіи насчетъ настроенія польской арміи, не придалъ вѣры доносу и оба арестованные были почти немедленно освобождены. Но съ этого момента заговорщики, опасаясь, что послѣдуетъ какой-нибудь новый доносъ, который, пожалуй раскроетъ весь умыселъ, рѣшили осуществить его немедленно. Когда въ это время получено было въ министерствѣ финансовъ предписаніе подготовить все необходимое для рѣшеннаго движенія польскихъ войскъ въ Бельгію, на борьбу съ революціей — стало понятно всѣмъ дѣятелямъ заговора, что необходимо, наконецъ, выступить съ рѣшительнымъ ударомъ, прежде чѣмъ удалены будутъ изъ страны войска, участіе которыхъ въ возстаніи было обезпечено и было необходимо. Отправлены были въ провинціи делегаты, которые должны были приготовить все къ общему возстанію; они должны были возвратиться въ Варшаву къ 10 декабря и на этотъ день назначена была революція. Но въ началѣ ноября опять было арестовано нѣсколько заговорщиковъ; это заставило приступить къ дѣйствіямъ, не дожидаясь возвращенія делегатовъ. Высоцкій и Заливскій имѣли 9 ноября совѣщаніе съ Лелевелемъ; они назначили возстаніе на 16 ноября. Но такъ какъ по дошедшимъ объ этомъ до русскихъ властей неопредѣленнымъ слухамъ всѣ караулы въ этотъ день были заняты русскими войсками, то руководители дали знать, что революція вспыхнетъ 17 ноября вечеромъ.

Заговорщики положили: убить великаго князя, взять въ плѣнъ и обезоружить русскія войска и овладѣть арсеналомъ; возстаніе должно было начаться въ 6 ч. вечера, по сигналу, которымъ долженъ былъ явиться пожаръ одной опредѣленной пивоварни на Сольцѣ. Первое предпріятіе должны были исполнить добровольцы изъ школы подпрапорщиковъ и 32 студента, наканунѣ принесшіе въ этомъ клятву предъ Заливскимъ; караулы со всего города должны были собраться къ арсеналу и овладѣть имъ; подпрапорщики вмѣстѣ съ егерями и 6-мъ линейнымъ полкомъ,

должны были обезоружить русскихъ кирасиръ, улановъ и гусаровъ. Русскихъ войскъ было тогда въ Варшавѣ всего около 7,000; при этомъ расположены они были въ противуположныхъ концахъ города: кавалерія на южной его окраинѣ, а пѣхота—въ сѣверной; артиллерія стояла за городомъ. Такое расположеніе войскъ давало мятежникамъ возможность напасть врасплохъ, а русскія войска не могли свободно соединиться; особенно же способствовало успѣшному дѣйствію мятежниковъ въ первые моменты слѣдующее обстоятельство: предъ самымъ уже днемъ возстанія сдѣлано было тайное распоряженіе—чтобы въ случаѣ тревоги войска собирались не къ арсеналу, какъ предполагалось ранѣе, а въ южной части города, къ Бельведеру; приказаніе это держалось въ строжайшей тайнѣ и было извѣстно только командирамъ полковъ; а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ началѣ бунта были захвачены въ плѣнъ, то въ движеніи войскъ произошло замѣшательство.

17 ноября великій князь провелъ день по обычаю: утромъ былъ на разводѣ, затѣмъ принималъ доклады и представлявшихся ему лицъ, отобѣдалъ и въ шестомъ часу легъ отдохнуть. Около 6 часовъ въ рощу подъ Лазенками стали сходиться заговорщики—но ихъ собралось не до 50 человѣкъ, какъ ожидалось, а всего 20 человѣкъ—5 подпрапорщиковъ и 15 студентовъ и молодыхъ журналистовъ; всѣ были вооружены ружьями со штыками. Собравшіеся, послѣ тщетнаго ожиданія другихъ своихъ товарищей, раздѣлились на двѣ партіи: большая—14 человѣкъ, подъ предводительствомъ Тржасковскаго, Набѣляка и Гощинскаго, должна была ворваться во дворецъ и убить великаго князя, меньшая—остальные 6 человѣкъ—должна была наблюдать въ саду, чтобы не дать великому князю скрыться. Около 7 часовъ показалось зарево условленнаго пожара—и злоумышленники двинулись. Два сторожа-инвалида у воротъ не могли оказать сопротивленія; войдя въ вестибюль, заговорщики, съ криками «смерть тирану!», разбили большую люстру и наудачу бросились въ комнаты нижняго этажа, направо; здѣсь они тоже начали въ первой комнатѣ бить зеркала. Но это были покои княгини Ловичъ, а пока Тржасковскій, нѣсколько знавшій расположеніе дворца, успѣлъ остановить ихъ и направить на лѣстницу, которая поднималась въ концѣ вестибюля и вела въ покои великаго князя, наверху уже услышали этотъ шумъ, особенно странный въ такое время, когда великій князь отдыхалъ и во всемъ дворцѣ соблюдалась тишина; услышали его прежде другихъ вице-президентъ города, ген. Любовицкій, явившійся съ вечернимъ докладомъ, и ген. Жандръ, приглашенный къ вечернему столу великаго князя; оба они подбѣжали къ стеклянной двери, ведущей на лѣстницу—и увидали толпу вооруженныхъ людей, устремляющуюся вверхъ. Любовицкій побѣжалъ къ спальнѣ великаго князя, чтобы его предупредить, мятежники спѣшили за нимъ по пятамъ; великій князь, который уже проснулся, отворилъ дверь своей спальни, чтобы узнать, что за шумъ во дворцѣ—и въ этотъ самый моментъ Любовицкій успѣлъ вскрикнуть: «Плохо, ваше высочество!» («Zle, moście xiąźią!»), какъ мятежники его настигли; онъ палъ подъ ихъ ударами—и въ то же мгновеніе камердинеръ великаго князя Фрезе оттолкнулъ великаго князя внутрь спальни, притворилъ дверь и успѣлъ запереть ее на двѣ прочныя задвижки уже подъ бѣшенными ударами злоумышленниковъ, которые стали ломиться въ дверь. Камердинеръ провелъ великаго князя въ небольшую комнатку подъ крышей дворца, тамъ великій князь одѣлся и пробылъ нѣкоторое время, пока представилась ему возможность выйдти изъ дворца. Возможность же эта представилась довольно скоро: когда Любовицкій побѣжалъ къ спальнѣ великаго князя, ген. Жандръ, черезъ другія комнаты, выбѣжалъ на дворъ и сталъ звать караулъ и прислугу; его увидали заговорщики, подстерегавшіе со стороны сада, приняли его въ темнотѣ за великаго князя, бросились на него и нанесли ему смертельный ударъ штыкомъ. Тогда они подбѣжали снова къ дворцу и стали кричать своимъ товарищамъ, чтобъ они выходили, что великій князь уже убитъ. Между тѣмъ изъ дворцовыхъ корпусовъ стала появляться прислуга, показалось и нѣсколько всадниковъ — прискакалъ съ ними дежурный ординарецъ, П. К. Александровъ, сынъ великаго князя. Тогда всѣ мятежники выбѣжали и скрылись въ ближайшей рощѣ; ихъ не преслѣдовали, такъ какъ всѣ спѣшили во дворецъ, узнать, что съ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, заговорщики бѣжали, и вмѣстѣ съ тѣмъ—

стали подходить русскія войска; немедленно къ нимъ вышелъ великій князь. Закутанный въ шинель, окруженный генералами Курутою, Кнорринговъ, Штрандманомъ, Марковымъ и Данненбергомъ, онъ находился предъ фрунтомъ первыхъ трехъ явившихся къ нему кавалерійскихъ полковъ (Подольскій кирасирскій, Уланскій его высочества и Гродненскій гусарскій). Затѣмъ явился къ Бельведеру конно-егерскій полкъ, который по первой тревогѣ былъ посаженъ ген. Курнатовскимъ на коней и направленъ къ Бельведеру. На пути полкъ этотъ встрѣтилъ польскія егерскія роты—одну изъ частей, наиболѣе подготовленныхъ къ бунту—выведенныя своими офицерами для того, чтобы произвести нападеніе на русскія гвардейскія казармы. Поровнявшись съ ними на Александровской площади, ген. Курнатовскій во главѣ гвардейскихъ конныхъ егерей, не зная о ихъ намѣреніяхъ, приказалъ имъ слѣдовать за собою къ Бельведеру и польскіе егеря не рѣшились въ этотъ моментъ на открытое неповиновеніе и присоединились къ войскамъ, собравшимся подъ предводительствомъ великаго князя. Онъ обратился къ егерямъ съ увѣщаніемъ не забывать долга присяги; въ это время одинъ изъ егерскихъ офицеровъ, подпоручикъ Волосчанскій, взялъ ружье у одного изъ солдатъ и попытался выстрѣлить въ великаго князя; но ружье дало осѣчку, злоумышленникъ тогда бросилъ его и скрылся въ темнотѣ. Кавалерія явилась къ Бельведеру по тревогѣ; на уланскія казармы было произведено подпрапорщиками два покушенія, но столь слабыя, столь мало обдуманныя, что не только уланы не были обезоружены, но сами подпрапорщики должны были поспѣшнымъ бѣгствомъ спасаться отъ тѣхъ, кого они имѣли въ виду обезоружить. Нападеніе на казармы пѣхоты въ сѣверномъ концѣ города тоже не удалось: Волынскій полкъ былъ предупрежденъ однимъ изъ русскихъ подпрапорщиковъ, который бѣгомъ бросился къ своему полку, пока другіе подпрапорщики-поляки направились къ уланскимъ казармамъ; Литовскій полкъ собрался по общей тревогѣ; командиръ Волынскаго полка ген. Ессаковъ въ самомъ началѣ возстанія попалъ въ руки мятежниковъ; команду надъ полкомъ, въ виду его отсутствія, принялъ полк. Овандеръ; онъ не зналъ секретнаго приказа, которымъ было предписано въ случаѣ тревоги идти немедленно къ Бельведеру и направился, согласно прежней диспозиціи, къ арсеналу. Но арсеналъ былъ уже въ рукахъ мятежниковъ—это была единственная часть ихъ программы, которую имъ удалось осуществить; Волынскій полкъ былъ встрѣченъ выстрѣлами; полкъ этотъ долженъ былъ отступить, а затѣмъ ген. Жимирскій отвелъ его и Литовскій полкъ на Марсово поле, гдѣ полки эти и простояли эту ночь и слѣдующій день.

Мятежникамъ въ теченіе ночи удалось, хотя и не безъ труда, поднять чернь: криками что русскіе рѣжутъ поляковъ они побудили многихъ присоединиться къ взбунтовавшимся войскамъ. Лица, навлекшія на себя ненависть измѣнниковъ, разыскивались и подвергались поруганію или смерти. Кромѣ Жандра были убиты: военный министръ ген. Гауке, ненавистный особенно какъ предсѣдатель суда надъ арестованными въ 1826 г., ген. Новицкій—по ошибкѣ: его приняли за ген. Левицкаго, русскаго коменданта, котораго рѣшено было убить непремѣнно, генералы Стан. Потоцкій, Трембицкій, Блюммеръ и Семіонтковскій, тщетно пытавшіеся образумить части войскъ, забывшія присягу и долгъ; убиты были и нѣсколько офицеровъ низшаго ранга; генералы Дьяковъ, Кривцовъ, Ессаковъ, Бонтанъ и нѣсколько офицеровъ были захвачены въ плѣнъ; были и другіе захваченные, но они были освобождены изъ подъ ареста разъѣздами Конноегерскаго полка, нѣсколько разъ посланными именно съ этою цѣлью.

Только одна, очень слабая, произведена была попытка къ усмиренію возстанія: генералы Курнатовскій, Данненбергъ и Феншъ испросили у великаго князя дозволеніе двинуться въ городъ съ Конноегерскимъ полкомъ. Они разогнали нѣсколько мятежныхъ скопищъ и дошли до арсенала; но здѣсь ихъ встрѣтили уже не толпа, а войска,—кавалерія не была поддержана ни однимъ отрядомъ пѣхоты и должна была возвратиться ни съ чѣмъ. Великій князь остался твердъ въ своемъ рѣшеніи—не предпринимать ничего со своей стороны силою. Если нельзя ставить великому князю въ вину самый фактъ, что вспыхнуло возстаніе, то нельзя не видѣть вины его въ томъ, что онъ не только не принялъ быстрыхъ и энергичныхъ мѣръ къ прекращенію возник-

шихъ безпорядковъ, но какъ видно изъ письма его къ гр. Бенкендорфу, имѣлъ неправильный взглядъ на возникавшія событія. «Какъ бы не велика была, — писалъ онъ, — моя скорбь при мысли о бѣдствіяхъ, которыя будутъ послѣдствіемъ этого возстанія поляковъ, я нахожу утѣшеніе въ томъ, что всѣ обиды, на которыя они ссылаются въ оправданіе своего поведенія, лишены всякаго основанія... Въ эту трудную минуту я поступилъ такъ, какъ могъ и какъ долженъ былъ поступить; несмотря на попытки поляковъ дѣйствовать наступательно, я долженъ былъ воздерживаться отъ всякаго съ ними столкновенія и, переведя на территорію имперіи русскія войска, я этимъ, полагаю, достаточно показалъ, что вся вина была на сторонѣ мятежниковъ».— Неоднократно возвращается въ этой перепискѣ цесаревичъ къ разсужденіямъ о томъ, что напрасно русскія войска позволяли себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реквизиціи и утверждаетъ, что именно онѣ явились причиною возстанія въ литовскихъ губерніяхъ — мы видѣли выше, что все для возстанія было уже заранѣе подготовлено и въ этихъ губерніяхъ. Наконецъ, въ одномъ письмѣ довольно ясно просвѣчиваетъ новое чувство — какъ бы нѣкотораго злорадства, когда цесаревичъ говоритъ, что войска наши вступали въ царство далеко не въ комплектѣ, что, поэтому, они были слабѣе, чѣмъ о нихъ думали, и «громовой ударъ» не удался, тѣмъ болѣе, что русскія войска сражаются въ данномъ случаѣ лишь по приказу, а поляки съ одушевленіемъ. Странно читать такія рѣчи, — онѣ объясняются тѣмъ безконечно горькимъ чувствомъ, которое, естественно, испытывалъ цесаревичъ, когда увидѣлъ себя лишившимся фактически всякаго вліянія, поставленнымъ въ неловкое положеніе — послѣ того, какъ еще недавно онъ былъ совѣтчикомъ, чей голосъ имѣлъ почти рѣшающее значеніе по всякому вопросу, по какому онъ только пожелалъ бы высказаться. Во всякомъ случаѣ—наступившія событія ставили великаго князя въ положеніе, съ непріятностью котораго не могло быть сравниваемо никакое другое положеніе его въ теченіе всей его жизни...

Уже въ ночь съ 17 на 18 ноября великому князю привелось вступить въ сношеніе съ возставшими. Началъ эти сношенія кн. Любецкій; предполагая, что можетъ быть удастся смягчить гибельныя для страны послѣдствія бунта, онъ послалъ просить великаго князя объ отвращеніи враждебныхъ дѣйствій; великій князь приказалъ въ отвѣтъ объявить, что онъ отступаетъ, предоставляя самимъ полякамъ согласить свои недоразумѣнія. Въ эту же ночь кн. Любецкій собралъ у себя польскихъ членовъ совѣта управленія и нѣсколькихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, съ кн. А. Чарторижскимъ во главѣ, и по предложенію Любецкаго совѣщаніе это рѣшило стать во главѣ движенія, для того, чтобы имѣть какую нибудь возможность руководить имъ, а не оставить его въ рукахъ демагоговъ. Въ 7 час. утра 18 ноября появилась прокламація совѣта, въ которой выражено было сожалѣніе о случившемся, сообщалось, что русскіе не начнутъ враждебныхъ дѣйствій и дѣлалось воззваніе къ возстановленію спокойствія. Но изъ прокламаціи этой имѣлъ вліяніе только одинъ пунктъ: удостовѣреніе, что русскіе не начнутъ военныхъ дѣйствій— и это только возбудило толпу...

Утромъ же кавалерійскіе полки вышли изъ города и расположились на Мокотовѣ полѣ; сюда же явилась изъ окрестностей артиллерія, нападенія на которую не удались; къ вечеру пришли сюда же и пѣхотные полки, обогнувшіе городъ; главная квартира великаго князя была учреждена въ дер. Вержбнѣ, приблизительно въ 3 верстахъ отъ города. Всякія сношенія съ возставшими великій князь запретилъ своимъ войскамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь старался поддерживать въ своемъ отрядѣ дисциплину, едва-ли даже не чрезмѣрную: нѣсколько солдатъ, которые разломали какую-то постройку, чтобы развести костеръ и около него отогрѣться при внезапно наступившемъ морозѣ, были по приказанію цесаревича судимы военнымъ судомъ и приговорены къ смерти— но, конечно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Еще 19 ноября нѣкоторые генералы возобновили свои представленія предъ великимъ княземъ, чтобы произведено было нападеніе на городъ; казалось, что рѣшительнымъ ударомъ можно остановить дальнѣйшее развитіе мятежа; но великій князь остался при прежнемъ своемъ планѣ дѣйствій. Въ тотъ же день великій князь послалъ въ Сохачевъ генералу Шембеку

приказаніе присоединиться къ нему съ тремя польскими егерскими полками; Шембекъ немедленно выступилъ, по дорогѣ опередилъ свои полки, явился къ великому князю и, послѣ бесѣды съ нимъ, далъ ему слово привести полки; затѣмъ онъ уѣхалъ къ нимъ на встрѣчу—и, нашедши при полкахъ полковника Кицкаго, присланнаго временнымъ правительствомъ, направился со своимъ отрядомъ не къ великому князю, а въ Варшаву. Измѣна Шембека особенно поразила великаго князя.

20 ноября къ великому князю въ Вержбну явилась депутація отъ временнаго правительства, въ составѣ кн. А. Чарторижскаго, кн. Любецкаго, гр. В. Островскаго и Лелевеля. Великій князь принялъ депутатовъ, хотя и сухо. Чарторижскій и Любецкій доказывали длинными разсужденіями, что Польша не можетъ подчиниться безусловно, что она возвратится подъ власть своего государя только въ случаѣ полнаго возстановленія конституціи, данной императоромъ Александромъ, присоединенія къ Царству сосѣднихъ, прежде отторгнутыхъ у Польши, областей, и полной амнистіи; Лелевель при этомъ сталъ даже увѣрять, что и императоръ Николай попалъ въ руки возставшихъ въ Петербургѣ и даже сомнительно живъ-ли онъ. Цесаревичъ отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя уполномоченнымъ вступать въ какіе либо переговоры и что можетъ обѣщать только свое ходатайство за виновныхъ. «Здѣсь нѣтъ виновныхъ!», запальчиво воскликнулъ Островскій. Не смотря на эту и подобныя выходки, отчасти сдерживаемыя княгинею Ловичъ, великій князь выслушивалъ представленія делегатовъ и даже счелъ возможнымъ дать имъ письменно заявленіе, что не имѣетъ намѣренія атаковать Варшаву, что не давалъ приказанія литовскому корпусу вступать въ Царство, что отпуститъ всѣ польскія части, ставшія подъ его начальство, и что приметъ на себя ходатайство передъ государемъ за поляковъ; одинъ изъ окружавшихъ великаго князя передаетъ даже, будто великій князь обѣщалъ, если получитъ повелѣніе атаковать Варшаву, предупредить о началѣ дѣйствій за 48 часовъ.

21 ноября, видя колебаніе польскихъ войскъ, великій князь далъ имъ письменное разрѣшеніе вернуться въ Варшаву—онъ объясняетъ этотъ свой поступокъ желаніемъ избавить ихъ отъ позора самовольнаго перехода къ бунтовщикамъ. Затѣмъ, онъ написалъ слѣдующее письмо административному совѣту: «Разрѣшаю польскимъ войскамъ; которыя остались мнѣ вѣрными до сего момента, присоединиться къ ихъ сотоварищамъ. Я выступаю въ походъ съ императорскими войсками, чтобы удалиться отъ столицы и ожидаю отъ лояльности поляковъ, что войска эти не будутъ безпокоимы въ ихъ движеніи къ границамъ Имперіи. Всѣ учрежденія, имущества и отдѣльныя лица я поручаю покровительству польской націи и ставлю ихъ подъ охрану священнѣйшаго закона» («Je permets aux troupes polonaises, qui me sont restées fidèles jusqu'à ce dernier moment, de rejoindre leurs camarades. Je me mets en marche avec les troupes Impériales, pour m'éloigner de la capitale, et j'espère de la loyauté polonaise, qu'elles ne seront pas inquiétées dans leur mouvements pour régagner les frontières de l'Empire. Je recommande tous les établissements, les propriétés et les individus à la protection de la nation polonaise et les mets sous la sauvegarde de la foi la plus sacré»).

Отступленіе русскаго отряда началось въ пятницу, 21 ноября въ 10 ч. утра; нѣкоторые изъ польскихъ солдатъ съ грустью разставались съ русскими; генералы Красинскій и Курнатовскій плакали, плакалъ и великій князь; два его адъютанта поляки, гр. Красинскій и Турно, испросили у великаго князя позволенія проводить его до границы. Движеніе это продолжалось 12 дней: 25 ноября русскій отрядъ переправился на паромахъ черезъ Вислу у Пулавы, оттуда—черезъ Курновъ, Маркушевъ, Каменку и Любартовъ—1 декабря дошолъ до Влодавы и переправившись на другой день черезъ Бугъ, остановился уже на русской землѣ. Согласно строгому предписанію диктатора Хлопицкаго нигдѣ не было оказано ни малѣйшаго затрудненія отряду; но тѣмъ не менѣе походъ былъ необычайно труденъ вслѣдствіе сильнѣйшей распутицы; къ тому же русскія войска выступили изъ Варшавскихъ казармъ своихъ совершенно неожиданно и потому не только у солдатъ, но и у офицеровъ часто недоставало самаго необходимаго. Кромѣ того и настроеніе было у всѣхъ самое грустное, а грустнѣе

всѣхъ—у цесаревича. «Карьера моя кончена!», неоднократно повторялъ цесаревичъ въ кругу близкихъ людей. Генералъ Розенъ, командиръ литовскаго корпуса, узнавшій уже о происшедшемъ, испрашивалъ у великаго князя разрѣшенія двинуться къ нему навстрѣчу, чтобы по возможности облегчить и обезопасить его маршъ, но великій князь запретилъ это, желая буквально сохранить данное полякамъ обѣщаніе.

4 декабря русскій отрядъ двинулся далѣе; цесаревичъ остановился въ 2-хъ верстахъ отъ Бреста, на мызѣ Адамовкѣ; 8 декабря выступили далѣе и 29 пришли въ Брестовицы; сюда пріѣзжалъ къ цесаревичу изъ Гродно фельдмаршалъ Дибичъ, назначенный главнокомандующимъ арміею, двинутою для усмиренія бунта; 22 января 1831 г. отрядъ цесаревича опять тронулся въ путь и на другой день, 23—пришелъ въ Бѣлостокъ, гдѣ была главная квартира фельдмаршала.

Всѣ эти событія и особенно — начало военныхъ дѣйствій противъ поляковъ—повлекли за собою крутой переломъ въ судьбѣ цесаревича; они отодвинули его въ тѣнь, на второй планъ, подъ гнетъ, вѣроятно, не безосновательнаго и всѣми сознаваемаго, хотя ни кѣмъ не высказаннаго, обвиненія въ томъ, что значительная доля отвѣтственности за происходящее падаетъ на него; онъ пятнадцать лѣтъ управлялъ въ Польшѣ и если не въ его власти было предотвратить бунтъ, то во всякомъ случаѣ полная для него самого неожиданность возстанія свидѣтельствовала, что онъ не зналъ хорошо совершавшагося вокругъ него. Изъ Влодавы 1 декабря цесаревичъ писалъ государю, что весь его 16-ти-лѣтній трудъ разрушенъ молодыми офицерами и студентами, что вся разумная часть населенія въ отчаяніи отъ происшедшаго, но что войска и ихъ начальники принуждены были слѣдовать за главарями движенія, увлеченные субалтернъ-офицерами и молодежью. «Bref les choses sont au pire et je ne sais ce qui en adviendra de la clémence de Dieu. Tous mes moyens de surveillance ont été nuls... Nous voilà, nous autres russes à la frontière, mais, grand Dieu, dans quel état! presque nus-pied...» Цесаревичъ, такимъ образомъ, не говорилъ самъ о томъ, что сознаетъ за собою извѣстную вину; это, конечно, не облегчало его положенія, а скорѣе даже отягчало, дѣлая неизбѣжнымъ для государя дать ему почувствовать, что поведеніе его не стояло въ уровень съ выпавшею ему задачею.

Въ первыхъ послѣ бунта письмахъ цесаревича къ Императору, довольно замѣтно еще чувство смущенія: «Conservez, si j'en suis digne, confiance et amitié à un frère qui vous chérie de coeur et d'âme», читаемъ въ письмѣ отъ 1 декабря. Но затѣмъ, цесаревичъ скоро принялъ опять спокойный тонъ, снова началъ предлагать совѣты и повторять настоятельно о необходимости милосердія и кротости въ отношеніи къ полякамъ. Пусть можно бы еще обсуждать и такой образъ дѣйствій относительно мятежниковъ — но тѣмъ не менѣе странно слышать настоянія въ этомъ смыслѣ отъ в. к. Константина Павловича, который считалъ всякую ошибку на парадѣ непростительною и достойною жестокаго наказанія и который въ декабрѣ 1825 г. не щадилъ ни самыхъ сильныхъ выраженій, ни требованій жестокаго наказанія декабристамъ, который, наконецъ, и въ 1828 г. предлагалъ самымъ суровымъ образомъ наказать весь польскій сенатъ, за его оправданіе поляковъ, привлеченныхъ къ обвиненію за связи съ декабристами... «La modération peut ramener les bons et faire en sorte qu'eux mêmes trouvent les coupables. Au nom de Dieu—pas de précipitation et du calme et du sang froid» — пишетъ отъ 3 декабря. «Je pense que la grandeur d'âme fera plus d'effet que la force»; «quand à moi—je le repéterai toujours que la modération et la générosité feront plus que la force», читаемъ въ письмахъ отъ 8 и отъ 10 декабря. «Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour tous — c'est le voeu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle époque de sa vie», пишетъ онъ опять въ письмѣ отъ 1 января 1831 г. Въ перепискѣ за это время особенно яркимъ и симпатичнымъ свѣтомъ освѣщается фигура императора Николая Павловича: столько обнаружилъ онъ истиннаго великодушія, столько тонкой деликатности къ своему брату и вмѣстѣ съ тѣмъ столько твердости и такую глубокую преданность интересамъ Россіи. Забота о томъ, чтобы успокоить брата, чтобы внушить ему, что нѣтъ чувства неудовольствія противъ него — встрѣчается въ каждомъ письмѣ;

часто заводитъ императоръ рѣчь и о другомъ, совершенно такъ, какъ дѣлалъ онъ въ письмахъ за предшествовавшіе годы; никогда не забываетъ выразить вниманіе княгинѣ Ловичъ, «Полю» (П. К. Александрову) и другу цесаревича Курутѣ. И только когда представленія цесаревича дѣлаются уже слишкомъ настоятельны — императоръ даетъ ему почувствовать, что не только не желаетъ, но не можетъ забыть лежащихъ на немъ обязательствъ предъ Россіею, силамъ и достоинству которой грозитъ опасность. 13 декабря онъ пишетъ цесаревичу: «J'espère, que vous êtes convaincu à l'heure, qu'il est que je suis disposé a épuiser tous les moyens compatibles avec l'honneur de *celui* que je represente et avec ma conscience pour ramener à la raison une nation égarée», а въ письмахъ отъ 18 декабря 1830 г. и отъ 3 января 1831 г. государь выразился такъ: «Si des deux parties et des deux trônes l'un doit périr—puis je balancer un instant? Vous-même ne le feriéz-vous pas»... «Ma position est grâve, ma responsabilité terrible, mais ma conscience ne me reproche rien vis-a-vis de polonais»... «Et la voilà en deux mots: qui des deux doit perir—car il parait que périr il faut—est-ce la Russie ou la Pologne? — Decidez vous même!».

Когда стало извѣстно, что предприняты будутъ военныя дѣйствія, цесаревичъ написалъ государю, что онъ полагалъ, что предоставленные самимъ себѣ поляки, вѣроятно, изъявили бы полную покорность, но разъ начинаются военныя дѣйствія, онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ сторонѣ отъ нихъ и проситъ дать ему въ командованіе какой нибудь корпусъ, причемъ согласенъ—если это окажется нужнымъ—подчиниться тому, кто назначенъ будетъ главнокомандующимъ арміею. Едва-ли можно не видѣть въ этомъ письмѣ осторожнаго намека на то, что самъ цесаревичъ не предполагалъ назначенія кого либо высшаго надъ нимъ по власти. Но государь, конечно, въ данномъ случаѣ смотрѣлъ иначе, команду надъ арміею онъ ввѣрилъ Дибичу, военные таланты котораго цѣнилъ очень высоко и писалъ ему (8 января): «J'attends que mon frère me dise finalement ce qu'il désire, car, exepté le désir prononcé de ne pas quitter la garde, il m'a dit ne pas vouloir se mêler de rien. Je lui ai écrit encore dernièrement et même aujourd'hui, pour lui bien faire entendre que la garde doit marcher, et que si cela lui est désagréable il peut attendre celle d'ici, mais je ne puis priver l'armée d'une réserve pareille dans un moment où il faut user de tous nos moyens».—Цесаревичъ принялъ участіе въ походѣ въ качествѣ командира гвардейскаго корпуса.

25 января 1831 г. русскія войска перешли черезъ Бугъ и вступили въ Царство Польское; 26—цесаревичъ выѣхалъ изъ Бѣлостока, гдѣ осталась больная княгиня Ловичъ; его гвардейскій корпусъ составлялъ, обыкновенно, резервъ; онъ перешелъ границу 25 и 26 января въ Сурожѣ, направляясь на Соколово. 5 февраля отряду цесаревича пришлось принять участіе въ стычкѣ при Калушинѣ, 13 февраля—онъ участвовалъ въ пораженіи поляковъ у Грохова подъ Варшавой. Послѣ этой битвы наступило нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ и цесаревичъ, съ разрѣшенія фельдмаршала, уѣхалъ въ Бѣлостокъ навѣстить больную жену; онъ прибылъ въ городъ 18 февраля. Состояніе здоровья его жены было очень плохо, да и самъ онъ подъ вліяніемъ нравственныхъ мученій послѣднихъ мѣсяцевъ тоже расхворался. Уже при самомъ вступленіи въ предѣлы царства цесаревичъ чувствовалъ сильную «геморроидальную колику», затѣмъ онъ получилъ лихорадку, отъ которой не могъ окончательно избавиться. О душевномъ состояніи его свидѣтельствуютъ такія мѣста въ перепискѣ съ Опочининымъ: «Живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю; безъ того есть съ чего съ ума сойти» (13 марта). «Я здоровъ»,—пишетъ цесаревичъ 1 мая,—«но до крайности скученъ и, признаюсь, что надобно много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминаю каждую минуту прошедшее... Есть минуты таковыя, что голова идетъ кругомъ и до сумасшествія недалеко»; «признаюсь, я никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ всѣ тѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать», писалъ онъ 5 мая. Недоволенъ былъ цесаревичъ и ходомъ военныхъ дѣлъ и способомъ веденія войны;

онъ все еще не могъ избавиться отъ старой своей идеи—будто можно было привести дѣло безъ кровопролитія къ мирному концу, недоволенъ былъ, что войну вели сурово, не стѣсняясь реквизиціями. Отрядъ цесаревича состоялъ въ составѣ арміи, подъ Варшавой, съ начала до конца марта, въ Зелеховѣ, потомъ отодвинулся въ Луковъ; цесаревичъ жилъ въ Бѣлостокѣ. Военныя дѣйствія шли вяло; русскія войска испытали рядъ частныхъ неудачъ и отступали. Неловкости положенія в. кн. Константина Павловича очевидно, не уменьшились, а скорѣе усилились тѣмъ недостаточно опредѣленнымъ и даже, можно сказать, неосновательнымъ поведеніемъ, какому онъ оставался вѣренъ во все время борьбы. Переписка съ великимъ княземъ Бенкендорфа ясно могла раскрыть ему, что его дѣйствія въ Петербургѣ служатъ предметомъ критики. Умышленно или случайно, но создалось такое положеніе, что, напримѣръ, о назначеніи на мѣсто Дибича главно командующимъ Паскевича великій князь не былъ извѣщенъ официально и узналъ только изъ частнаго письма. Едва ли цесаревичъ могъ не знать о недружелюбномъ отношеніи къ нему общества и не могъ не испытывать по этому поводу непріятныхъ чувствъ... Слухи о томъ, что цесаревичъ не желаетъ сражаться противъ поляковъ, что онъ громко восхищается польскими солдатами, отдавая имъ предпочтеніе предъ русскими—конечно, несправедливы; но они показываютъ, какъ настроено было по отношенію къ нему общественное мнѣніе; впрочемъ, въ письмахъ къ императору цесаревичъ не разъ говоритъ о храбрости поляковъ и въ одномъ и томъ же письмѣ распространяетъ о ихъ храбрости и очень коротко и спокойно говоритъ о потерѣ нами въ одномъ дѣлѣ нѣсколькихъ орудій...

Прибывъ въ Бѣлостокъ—цесаревичъ болѣе уже не возвращался въ армію—такова была воля государя.

25 февраля императоръ писалъ цесаревичу и говорилъ, что цесаревичъ выполнилъ даже болѣе того, чего требовалъ отъ него долгъ по отношенію къ войскамъ, которыя дѣлили съ нимъ трудности отступленія, и затѣмъ очень деликатно, очень осторожно предлагалъ цесаревичу не возвращаться къ арміи, говоря, что ему неприлично начальствовать столь малымъ отрядомъ, какой составляла въ походѣ гвардія: «un plus long séjour à l'armée serait inconvenable vu votre rang, votre qualité de naissance», писалъ государь далѣе. Такое предложеніе, однако, вовсе не соотвѣтствовало намѣреніямъ цесаревича: въ отвѣтномъ письмѣ онъ не давалъ положительнаго обѣщанія не возвращаться къ арміи, а распространялся въ завѣреніяхъ, что онъ поступитъ такъ или иначе только по самомъ зрѣломъ обсужденіи и что его поведеніе ничему не повредитъ. Въ отвѣтъ на это 7 марта императоръ писалъ: «Souffrez que je vous réitère à ce sujet tout ce que je vous ai dit pour vous conjurer à rester pour ce moment près de votre femme». Но и на это письмо цесаревичъ отвѣтилъ совершенно такъ же, какъ на предыдущее. Тогда въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 16 марта, императоръ подчеркнулъ слѣдующія строки: «Cher Constantin, vous ne devez pas retourner à l'armée pour y reprendre le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang et à votre place que vous avez occupé en dernier temps... Je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention à la quelle il m'est impossille de consentir». Такое положительное выраженіе воли, несогласной съ желаніями цесаревича, повидимому, очень его раздражило и онъ написалъ слѣдующія строки—самыя горькія во всей его перепискѣ съ братомъ и какъ-бы намекающія на то, что только его строгость въ исполненіи своихъ обязательствъ доставила императору то положеніе, въ которомъ онъ находится теперь и какъ бы приказываетъ старшему брату; онъ писалъ: «ma pénible position du moment — victime pour ainsi dire de mon obéissance passée» — и далѣе говорилъ: «or donc j'avais cru me permettre, malgré vos instances, d'oser vous supplier de vous fier à ma prudence pour saisir le moment opportun pour retourner à l'armée que certes je n'eusse pas quitté d'un seul moment, si j'avais pu seulement prévoir la fausse et plus que délicate position où cette triste absence m'a placé». На это письмо послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ государя, въ письмѣ отъ 30 марта, самомъ холодномъ по тону во всей перепискѣ его съ цесаревичемъ. «Я ничего не могу сказать къ тому, что я уже сказалъ какъ братъ,

какъ другъ и—что мнѣ особенно тяжело—въ силу обязанностей того положенія, которое я занимаю. Вы можете дѣйствовать согласно вашей совѣсти и вашему убѣжденію—и я умолкаю». «Я остаюсь въ Бѣлостокѣ», отвѣчалъ цесаревичъ на это письмо...

Между тѣмъ волненіе въ Литвѣ обратилось въ открытое возстаніе. Гелгудъ и Хлаповскій собрали два значительные отряда и заняли Брянскъ и Бѣльскъ, т. е. оказались въ 40 в. отъ Бѣлостока, гдѣ находился тогда великій князь; 9 мая цесаревичъ съ женою выѣхалъ изъ Бѣлостока въ Слонимъ, куда прибылъ 13 мая. Къ Слониму тоже, однако, стали приближаться отряды повстанцевъ и явился еще болѣе грозный врагъ — холера; тогда цесаревичъ сталъ поспѣшнѣе удаляться съ больною женою: 16 мая онъ выступилъ изъ Слонима по бѣлорусскому тракту, 21 онъ прибылъ въ Минскъ, 23 двинулся далѣе къ Витебску, 3 іюня, наконецъ, достигъ этого города и остановился въ домѣ губернатора князя Хованскаго. Государь звалъ брата въ Петербургъ—цесаревичъ отклонилъ это предложеніе. Двигались медленно, дѣлая частыя дневки, въ виду крайней слабости княгини Ловичъ; цесаревичъ почти все время ѣхалъ верхомъ—въ письмахъ къ Опочинину онъ говоритъ, что искалъ утомленія, чтобы забыть нравственныя муки. «Я скучаю и грустенъ до крайности»; «физически и морально я усталъ до крайности»—вотъ постоянно встрѣчающіяся въ его письмахъ фразы; «я другого занятія не имѣю какъ скуку, скуку и скуку», читаемъ тамъ же.

Угнетенное состояніе духа и физическое утомленіе всегда являются однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ условій для заболѣванія холерой, а болѣзнь эта въ 1831 г. въ первый разъ посѣтила русскую землю и свирѣпствовала съ ужасною силою, тѣмъ болѣе, что не были почти извѣстны ни средства предосторожности, ни средства борьбы съ нею. 29 мая умеръ отъ нея Дибичъ; 13 іюня почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ цесаревичъ; 14 іюня онъ нѣсколько еще простудился благодаря холодному вечеру; около 4 часовъ утра 15 іюня обнаружились первые припадки холеры, а въ восьмомъ часу вечера того же дня цесаревичъ скончался... При немъ были генералы Фешъ, Филиппеусъ и адъютантъ Колзаковъ. Фешъ донесъ Бенкендорфу о кончинѣ цесаревича эстафетою; княгиня Ловичъ написала особое письмо Государю; императоръ и императрица отвѣтили ей очень сердечно и приглашали жить въ Царское Село. Особымъ манифестомъ 27 іюня 1831 г. объявлено было о кончинѣ цесаревича.

16 іюня тѣло усопшаго было вскрыто и затѣмъ бальзамировано; послѣ этого тѣло было положено въ гробъ и перенесено въ соборъ; соборъ былъ запечатанъ. Въ концѣ іюля съѣхались въ Витебскъ Опочининъ, Курута и другіе близкіе къ покойному высшіе чины арміи. 16 іюля тѣло было вынесено изъ собора и печальный кортежъ направился въ Петербургъ. 31 іюля тѣло цесаревича было привезено въ Гатчину; сюда выѣхалъ поклониться праху Государь и посѣтилъ затѣмъ княгиню Ловичъ. 13 августа вывезли тѣло изъ Гатчины въ Петербургъ; проливной дождь былъ причиною, что кортежъ былъ составленъ самымъ скромнымъ образомъ. 14 августа къ вечеру онъ достигъ Московской заставы; въ 11 часовъ 15 августа прахъ цесаревича былъ торжественно перевезенъ въ Петропавловскій соборъ, 17 послѣдовало погребеніе.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ изъ всѣхъ дѣтей императора Павла Петровича болѣе всего имѣлъ сходства съ отцомъ своимъ; можетъ быть, наиболѣе несчастныя черты характера, общія имъ обоимъ, не развились у Константина Павловича въ столь сильной степени, какъ у его отца, потому только, что онъ не былъ никогда въ томъ положеніи человѣка совершенно полновластнаго, вынести которое далеко не вскякому по силамъ. Судьба Константина Павловича была полна почти трагизма, какъ судьба его отца: предназначенный обладать короною Византійской имперіи, носившій, хотя и помимо своего желанія, нѣсколько дней санъ императора Всероссійскаго, онъ умеръ въ небольшомъ городкѣ, въ тяжелыхъ и печальныхъ обстоятельствахъ; начавъ свое военное поприще переходомъ черезъ Альпы, онъ окончилъ его отступленіемъ отъ Варшавы; вся жизнь его прошла среди великихъ событій, на фонѣ грандіозныхъ переворотовъ и среди крупныхъ личностей, между которыми онъ былъ лицомъ только оригинальнымъ. Наиболѣе трагическій моментъ въ его жизни—это,

конечно, тотъ, когда онъ усиленно отказывался и отказался-таки отъ императорской короны, которую ему всѣ возлагали на голову. Въ свое время этотъ эпизодъ вызвалъ шумъ восторговъ и удивленія предъ скромностью Константина Павловича. И дѣйствительно—это эпизодъ не часто встрѣчающійся въ исторіи; но вѣрную оцѣнку этого факта далъ императоръ Николай Павловичъ. Когда императрица Марія Ѳеодоровна, окончательно убѣдившись въ отреченіи отъ престола Константина Павловича, сказала новому государю русскому: «Eh bien, Nicolas, prosternez-vous devant votre frère Constantin, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône» — молодой государь, подумавъ минуту, отвѣтилъ: «Avant que je me prosterne comme vous le dites, maman, veuillez-vous permetre d'en apprendre la raison, car j'ignore lequel des deux sacrifices, dans une pareille circonstance, est le plus grand: de la part de celui qui refuse, ou bien de celui qui accepte!». Трудно не признать этого замѣчанія глубоко вѣрнымъ; а Константинъ Павловичъ сдѣлалъ, конечно, лучше—не только для себя, но, можетъ быть и для другихъ—тѣмъ, что отъ этого бремени отказался.

Инструкція Екатерины Н. И. Салтыкову—въ «Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общ.», т. XXVII, 301—308 и въ I т. «Собранія сочин. имп. Екатерины», изд. Смирдина. Отчеты Лагарпа, представленные императрицѣ—въ XLVII т. «Сборника», Салтыкову—въ «Рус. Стар.» за 1870 г. Записочки къ Лагарпу отъ маленькихъ вел. князей и нѣсколько писемъ цесаревича—въ V т. «Сборника»; см. также «Письма» импер. Екатерины къ Гримму—«Сборникъ», т. XXIII. «Архивъ кн. Воронцова», т.т. VIII, XI, XII, XV, XVII. Переписка вел. кн. Константина Павловича съ Опочининымъ—въ «Рус. Стар.», т. VII и VIII, съ Сипягинымъ, Курутою и др.—тамъ же, т. XXXIV. «Междуцарствіе въ Россіи—19 нояб.—14 декабря 1825 г.»—«Рус. Стар.», т. XXXIX, 147—216,—здѣсь напечатаны полностью многіе документы, только частями цитированные раньше Корфомъ и Шильдеромъ; переписка съ А. Х. Бенкендорфомъ, 1826—1831—«Рус. Архивъ», 1884, III, 1885, I; письма герцогини Саксенъ-Заальфельдской къ мужу—въ журналѣ «Morgenblatt» и въ извлеченіи—«Рус. Арх.» 1869, 1089—1102; письмо в. кн. Анны Ѳеодоровны о разводѣ—«Чтенія Моск. Общ. ист. и древ.», 1871, тт. III V; проектъ отвѣта Екатерины на предложеніе Каролины-Маріи — «Рус. Арх.», 1863, изд. I, 708; записки гр. Эделингъ, рожд. Стурдза — въ «Рус. Арх.», 1887, I, извлеченія, а полностью: «Mémoires de la comtesse Edling, née Stourdza», Moscou, 1888. Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго—«Рус. Арх.», 1885, III, 1886, I,—особ. о цесаревичѣ во время похода 1813—1815 г. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго — въ «Рус. Арх.» 1867; журналъ похода 1799 г., веденный Комаровскимъ же и взаимно дополняющійся съ его записками—въ «Военномъ Журналѣ» Рахманова, за 1810 г.; Записки Саблукова—«Revue moderne», 1865 и «Рус. Арх.», 1869. Дневникъ А. М. Грибовскаго—«Рус. Арх.», 1893, I. «Mémoires du prince Ad. Czartoryski», Paris, 1887, II; «Mémoires du comte de Moriolles», Paris, 1902; оставили записки и воспоминанія многіе изъ участниковъ возстанія—Bronikowski, Dembiński, Garczyński, Głębocki, Niemcewicz, Prądsyński, Wysocki и др.; см. такъ же: Obraz polityczny i statystyczny kr. Polskiego przed dniem 29 Listopada, Warszawa, 1830. Отзывы вел. кн. Константина Павловича о польскихъ сеймахъ—въ письмахъ къ маркизѣ де-Кюбьеръ, «Рус. Арх.», 1870, 409—430. Нѣкоторыя замѣтки кн. Ловичъ—«Рус. Стар.», т. LXII. Записки Ермолова—въ «Чтеніяхъ» и отдѣльно; докладная записка Государю Барклая де-Толли «Чтенія», 1858, т. IV; записки Н. В. Веригина—«Рус. Стар.», т.т. 76 и 77. «Камеръ-фурьер. журналъ: 1779—1831: Полн. Собр. Зак., т.т. XXIII—XL, особ. №№: 17,560, 17,692, 18,027, 18,058, 19,170 (титулъ цесаревича, 28 окт. 1789), 19,926 (назначеніе предсѣд. воин. комиссіи), 20,166, 21,091, 21,155, 21,435, 21,641 и др. (перемѣны въ устройствѣ войскъ по докладамъ этой комиссіи), 21,685 (учрежденіе совѣта о военныхъ корпусахъ), 22,081, 27,350 (согласіе на уступку графства Еверскаго ольденбургскому дому), 28,208 (манифестъ о расторженіи брака съ вел. кн. Анною Ѳеодоровною), 29,087 (предоставленіе власти главнокомандующаго), 30,328 (22 апр. 1825 г.—Высоч. утв. докладъ цесаревича объ адвокатѣ Пуциловскомъ, строго наказанномъ цесаревичемъ за нѣсколько рѣзкихъ выраженій на судъ о противной сторонѣ) и др.

Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», 4 т.; его же, «Императоръ Павелъ I»; Карновичъ, «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», — въ «Рус. Стар.» 1877 и 1878, и отдѣльно, подъ редакціей Н. К. Шильдера, съ тѣмъ же названіемъ, 1899; «Жизнь Его И. В. Цесаревича и в. кн. Константина Павловича», М., 1831, 2 части; Сухомлиновъ, «Фр. Ц. Лагарпъ»; Смитъ, Фр., «Исторія польск. возстанія и войны 1830—1831 г.», 3 т.—русскій переводъ Квитницкаго, Спб. 1863—1864; Корфъ, «Восшествіе на престолъ Имп. Николая I»; Сочиненіе Мохнацкаго, использованное Смитомъ, напечатано въ рус. переводѣ съ примѣчаніями, въ «Рус. Стар.», т, XLIII; Милютинъ, Д. А. (гр.), «Исторія войны 1799 года»; Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна»; его же, «Павелъ I»—въ «Русскомъ біограф. словарѣ»; Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ»; Богдановичъ, «Исторія царствованія Импер. Александра I»; его же, «Исторія войны 1812—1814 г.». Польскія исторіи возстанія 1830—1831 годовъ—Мирославскаго, Мохнацкаго, Р. Солтыка—пристрастны, но содержатъ все-таки, хотя и въ тенденціозномъ изложеніи, нѣкоторыя фактически вѣрныя сообщенія; отдѣльные эпизоды—см. «Рус. Стар.», т. I, XXI, XXII; о самозванцѣ, принявшемъ имя в. кн. Константина Павловича.—«Рус. Архивъ», 1878, т. II; см. еще «Рус. Стар.», т. XXIII, т., статья Рѣпинскаго; Ульяновъ — въ «Рус. Арх.», 1867, 695—712 и др.

Н. Чечулинъ.

Константинъ Романовичъ, великій князь рязанскій, убитъ въ 1306 г. По нѣкоторымъ родословнымъ онъ былъ младшимъ изъ сыновей Романа Олеговича и, какъ таковой, занялъ рязанскій столъ, надо полагать, послѣ брата своего Ярослава, въ 1299 г. Лѣтописныя извѣстія о Константинѣ Романовичѣ весьма скудны. Въ 1300 или 1301 году на него по неизвѣстнымъ причинамъ напалъ Даніилъ Александровичъ московскій; въ битвѣ на сторонѣ Константина были и татары. Рязанскій князь проигралъ битву, взятъ былъ въ плѣнъ «нѣкоею хитростью и измѣною» своихъ бояръ и отведенъ въ Москву; здѣсь его содержали «въ чести», такъ какъ Даніилъ хотѣлъ примириться съ нимъ и отпустить его на Рязань. Но Даніилъ въ 1303 году скончался, а сынъ и преемникъ его Юрій, въ 1306 году, по неизвѣстной причинѣ приказалъ убить Константина. Константинъ Романовичъ имѣлъ единственнаго сына Василія, котораго нѣкоторыя родословныя называютъ Ярославомъ — вѣроятно, одно имя христіанское, т. е. данное при крещеніи, а другое — княжеское.

Полное собр. рус. лѣт., I, 208, 209, VII, 183, 184, 220, 243; X, 176; Иловайскій, «Ист. Рязанск. княж.»; Экземплярскій, «Великіе и удѣл. кн.» II, 575 и сл. *А. Э.*

Константинъ (*Борковскій*), архимандритъ нижегородскаго Печерскаго монастыря, родомъ малороссіянинъ; род. около 1725 г., ум. 6 іюля 1773 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. Въ 1753 г. опредѣленъ былъ учителемъ въ московскую Славяно-греколатинскую академію, обучалъ піитикѣ, риторикѣ и былъ проповѣдникомъ. Въ 1759 г., по слабости здоровья, уволенъ изъ академіи и назначенъ игуменомъ московскаго Данилова монастыря, затѣмъ настоятелемъ Пафнутіева-Боровскаго монастыря; 6 іюля 1767 года перемѣщенъ на настоятельскую должность въ казанскій Спасопреображенскій монастырь и назначенъ ректоромъ и учителемъ богословія въ Казанской духовной семинаріи. 1 іюня 1772 г. переведенъ въ нижегородскій Печерскій монастырь; въ то же время ему велѣно было присутствовать въ нижегородской консисторіи, говорить проповѣди и исполнять ректорскую должность въ семинаріи. Изъ сочиненій его извѣстны: «Слово на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II» (М. 1762 г.); въ рукописяхъ Московской академіи сохраняется сочиненіе его «О вѣчности».

Филаретъ «Обзоръ», 351. Дѣла арх. Св. Синода: 1759 г. № 107; 1766 г. № 90; 1772 г. № 160.

Константинъ (*Бродскій*), архимандритъ, ум. въ 1763 г. Воспитанникъ Кіевской академіи, по окончаніи академическаго курса былъ нѣкоторое время справщикомъ въ типографіи Кіевопечерской лавры. Въ 1745 г. вызванъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію на должность учителя философіи, въ іюлѣ 1748 г. назначенъ префектомъ академіи, въ августѣ 1749 г. учителемъ богословія. При ректорѣ академіи архимандритѣ Іоаннѣ (Хотунцевскомъ), проживавшемъ въ Донскомъ монастырѣ, фактически былъ начальникомъ академіи. 14 мая 1753 г. Синодъ ввѣрилъ ему «дирекцію въ Заиконоспасскомъ училищномъ монастырѣ надъ братіею и въ академіи, впредь до разсмотрѣнія и указа о назначеніи архимандрита и ректора». 18 августа 1753 г. опредѣленъ настоятелемъ въ Куряжскій монастырь бѣлоградской епархіи, причемъ «за немаловременные въ академіи труды» возведенъ 24 октября 1753 г. въ санъ архимандрита. Тогда же онъ назначенъ былъ ректоромъ Харьковскаго коллегіума; онъ значительно улучшилъ матеріальное положеніе этого коллегіума.

С. Смирновъ, «Исторія моск. сл.-гр.-лат. академіи», М. 1855; «Истор.-статист. опис. харьковской епархіи», отд. I, М. 1852; Архивъ Св. Синода, дѣло 1753 г. № 196. *С. Г. Р.*

Константинъ (*Неаполитанскій* или, быть можетъ, *Новгородскій*) іеромонахъ, настоятель церкви при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, убитъ 26 декабря 1742 года. По происхожденію былъ великороссіянинъ; обстоятельства его жизни въ Россіи неизвѣстны. Въ 1736 г., послѣ начала турецкой войны, когда русское посольство оставило Константинополь, Константинъ переселился на Аѳонъ и до заключенія мира жилъ на Св. Горѣ; въ этотъ же періодъ времени онъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ. По возвращеніи въ Турцію русскаго посольства Константинъ занялъ прежнее мѣсто. Вскорѣ у него произошла, неизвѣстно по какому поводу, ссора съ резидентомъ Вишняковымъ и до того сильная, что Константинъ перешелъ къ туркамъ и въ присутствіи султана и двора торжественно отрекся отъ христіанства и объявилъ, что принимаетъ

мусульманство. За этотъ поступокъ онъ былъ осыпанъ милостями и дарами. Это было за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова. Когда же праздникъ наступилъ — Константина охватило такое раскаяніе, что 26 декабря онъ внезапно явился предъ султаномъ, отрекся отъ магометанства, проклиналъ Магомета, топталъ и рвалъ всѣ султанскіе дары; тутъ же онъ былъ убитъ султанскою стражею. Греческою церковью причисленъ къ лику святыхъ.

«Чтенія въ Моск. общ. ист. и древ.», 1869, I, 23—30; «Русск. Арх.», 1894, ноябрь.

Константинъ, 3-й архимандритъ новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря, управлялъ съ 1600 по 1609 г., когда, во время раззоренія Торжка литовскими людьми, былъ сожженъ со всею братіей и нѣкоторыми жителями города въ деревянной церкви; на мѣстѣ ея ежегодно совершается поминовеніе погибшихъ въ этомъ пожарищѣ.

Иліодоръ «Описаніе Новгородскаго Борисоглѣбскаго монастыря», 161—162.

Константинъ (или **Константій**), епископъ бузевскій.—Выѣхалъ изъ Валахіи въ Бессарабію; 28 іюля 1823 г. принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи; проживалъ въ Кишеневѣ въ собственномъ домѣ. Въ 1824 г. уѣхалъ съ Высочайшаго соизволенія въ Австрію на воды для поправленія разстроеннаго здоровья. Отсюда въ 1827 г. переѣхалъ въ Бухарестъ, гдѣ и скончался 8 сентября 1827 г. Съ 16 мая 1821 г. получалъ пенсію по 3,000 р. асс. въ годъ, «во уваженіе заслугъ его, въ пользу Россіи оказанныхъ». Имѣлъ Высочайше пожалованную панагію, осыпанную брилліантами, и орденъ Анны 1-й ст. Епископомъ состоялъ, судя по датѣ епископской его грамоты, съ 15 апрѣля 1796 г.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1821 г. № 779; 1824 г. № 698. *С. Г. Р.*

Константинъ, ростовскій протоіерей; въ 1467 г. по порученіи ростовскаго епископа Трифона свидѣтельствовалъ въ Ярославлѣ новоявленныя мощи ярославскихъ князей: Ѳеодора и дѣтей его Константина и Давида. По словамъ лѣтописи вел. князь Іоаннъ III ежегодно вызывалъ его въ Москву, потому что онъ былъ «голосистъ и рѣчистъ, и грамотѣ гораздъ и рожаистъ»; вниманіе великаго князя такъ подѣйствовало на Константина, что онъ «возвысился умомъ и бѣша гордъ» и не вѣровалъ въ святость новоявленныхъ мощей. Прибывъ въ Ярославль, онъ не захотѣлъ дожидаться властей Спасскаго монастыря, въ которомъ лежали мощи, самъ приказалъ отворить церковь и приступилъ къ освидѣтельствованію мощей, но внезапно поверженъ былъ на землю «и бяше нѣмъ, и омертвѣ»; потомъ онъ, однако, поправился и, пробывъ довольно долго у новоявленныхъ чудотворцевъ, вернулся въ Ростовъ сообщить владыкѣ обо всемъ случившемся при освидѣтельствованіи мощей.

Пол. собр. рус. лѣтоп. VII, 186—187.

А. Э.

Константинъ (Коснятинъ) **Добрыничъ**, новгородскій посадникъ, сынъ и преемникъ извѣстнаго Добрыни, убитъ въ 1022 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ мать его была убита новгородцами за насильственное введеніе мужемъ ея христіанства въ Новгородѣ въ 992 г.; посадничество Константинъ получилъ въ 1017 г. Въ 1018 г. Ярославъ Владиміровичъ, потерпѣвъ пораженіе отъ Святополка, прибѣжалъ въ Новгородъ и отсюда хотѣлъ бѣжать далѣе, «за море». Но Константинъ и новгородцы изрубили Ярославовы ладьи, не пустили князя и оказали ему энергичную помощь: собрали деньги, наняли варяговъ, сами вооружились и поддержали его въ борьбѣ съ братомъ. Не смотря на эту услугу, Ярославъ въ 1019 г. за что-то заточилъ Константина въ Ростовъ; потомъ онъ переведенъ былъ въ Муромъ и здѣсь убитъ въ 1022 г.

Полн. собр. рус. лѣтоп., I, 62; II, 263; V, 132, 134; VII, 326, 328; IX, 76, 77; Карамзинъ, II, пр. 16 и 20; «Опытъ о посадн. новг.», Татищевъ, Соловьевъ подъ указ. годами.

А. Э.

Константинъ (Костя) **Юрьевичъ**, вятскій воевода, ум. послѣ 1485 г. Въ 1472 г., когда посланецъ польскаго короля Кирей подбивалъ хана Ахмета идти на Москву, Константинъ напалъ съ вятчанами на Сарай, произвелъ въ немъ опустошеніе, плѣнилъ сарайскихъ княгинь и благополучно удалился съ богатою добычею. Въ 1485 г., когда вятчане отступили отъ великаго князя московскаго, онъ бѣжалъ въ Москву.

Полн. собр. рус. лѣт. VI, 237—238; Архангел. лѣтоп. 149.

Константинъ (Коснячко), кіевскій воевода. По смерти вел. кн. Ярослава, въ 1054 г., участвовалъ въ съѣздѣ его сы-

новей, на которомъ постановлено было отмѣнить «убіеніе за голову, но кунами ся выкупати». Въ 1067 г. вел. кн. Изяславъ Ярославичъ съ братьями былъ разбитъ половцами; кіевляне требовали, чтобъ онъ далъ имъ оружіе и коней для новой битвы съ половцами, но князь отказалъ имъ въ этомъ,—по мнѣнію кіевлянъ подъ вліяніемъ Константина; поэтому они окружили его домъ и хотѣли убить; Константинъ успѣлъ, однако, скрыться; послѣ этого мятежа былъ освобожденъ Всеславъ полоцкій.

Полн. собр. русск. лѣт. I, 73; II, 271; V, 142; VII, 336 (въ трехъ послѣднихъ—подъ 1068 г.); VI, 57.

А. Э.

Контрымъ, *Казиміръ Осиповичъ*, род. въ 1762 г., ум. въ іюлѣ 1836 г., публицистъ. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ, въ молодости служилъ въ военной службѣ; въ 1805 г. былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря Виленскаго университета, въ 1809 г. назначенъ адъюнктъ-библіотекаремъ университета, съ порученіемъ составить исторію Виленскаго университета; въ 1825 г. вышелъ въ отставку, переселился въ Варшаву, гдѣ по порученію министра финансовъ занимался изслѣдованіемъ состоянія промышленности и торговли въ Полѣсьи. Контрымъ редактировалъ «Dziennik Wileński», съ 1815 по 1818 г., «Dzieje dobroczynności» съ 1820 по 1822 г. и изданіе «Biblioteka Handlowa». Его сочиненія: «Podróż odbyta w roku 1829 po Poliesiu» (1839), «Pociecha w nieszczęściu» (изъ соч. Вейса въ Dzien, Wil. 1815).

«Адресъ-календари»; «Tygodn. Petersburski».

Контскій, *Аполлинарій Григорьевичъ*, директоръ варшавской консерваторіи, скрипачъ, род. 2 іюля 1824 г. въ Варшавѣ, ум. тамъ-же 20 іюля 1879 г. Отецъ его, Григорій Осиповичъ Контскій, былъ инспекторомъ лицея въ Варшавѣ; онъ былъ отличный музыкантъ и способности къ музыкѣ перешли къ тремъ его сыновьямъ, изъ которыхъ Карлъ (род. въ 1815 г., ум. въ 1867 г.) и Аполлинарій были скрипачами, а третій, Антонъ (род. въ 1817 г., ум. въ 1899 г.)—пьянистомъ. Первоначальное музыкальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ брата; въ 1837 г. онъ имѣлъ случай играть предъ Паганини и послѣ этого Паганини принялъ его въ ученики. Ап. Контскій не отличался выдающимися композиторскими дарованіями, но какъ виртуозъ былъ замѣчателенъ; онъ давалъ концерты съ малыхъ лѣтъ и повсюду пользовался полнымъ успѣхомъ; охотно игралъ съ благотворительною цѣлью, особенно въ пользу учащейся молодежи. На пожертвованныя имъ деньги, между прочимъ, учреждена одна стипендія въ Радомской гимназіи. Съ 1853 г. онъ былъ солистомъ русской оперы въ Петербургѣ. Благодаря его энергіи возникла въ 1861 г. консерваторія въ Варшавѣ, которою онъ съ полнымъ успѣхомъ и руководилъ до самой смерти.

«Голосъ», 1879, № 179; «Всемірная Иллюстр.», 1879, № 548.

Кончака, въ христіанствѣ **Агаѳія**, см. Агаѳія.

Коншинъ, *Николай Михайловичъ*, педагогъ, писатель, род. въ 1793 г.; ум. 31 октября 1859 г. Отправленный въ 1805 г. въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ, Коншинъ, за неимѣніемъ документовъ, доказывающихъ его дворянское происхожденіе, былъ зачисленъ въ роту для разночинцевъ, откуда выпущенъ чрезъ 3 года кондукторомъ въ инженерный корпусъ. Въ 1811 г. былъ переведенъ юнкеромъ въ гвардейскую конную артиллерію, и въ концѣ того же года произведенъ по экзамену въ прапорщики. Въ 1818 г. онъ оставилъ военную службу и поступилъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли; но въ слѣдующемъ же году перешелъ обратно въ военную службу, въ которой и пробылъ до 1824 г. Въ этомъ году Коншинъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при костромской казенной палатѣ; затѣмъ въ теченіе 1825—1827 г. служилъ въ департаментѣ податей и разныхъ сборовъ и въ тверской казенной палатѣ, и наконецъ въ 1829 г., послѣ двухлѣтней отставки, былъ назначенъ правителемъ канцеляріи главноуправляющаго Царскимъ Селомъ и дворцовымъ правленіемъ. Въ этой должности онъ оставался болѣе 8 лѣтъ. Въ 1837 г. Коншинъ былъ опредѣленъ, благодаря, между прочимъ, ходатайству А. С. Пушкина, директоромъ училищъ Тверской губерніи, откуда въ 1849 г., 28 августа, переведенъ директоромъ вновь открытой 4-й московской гимназіи, а черезъ годъ назначенъ директоромъ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—директоромъ

училищъ Ярославской губерніи. Послѣ шестилѣтняго пребыванія здѣсь Коншина возникли обвиненія его со стороны наставниковъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ по должности и въ 1856 г. онъ былъ отставленъ, несмотря на то, что не всѣ обвиненія были доказаны. Кажется, эти обвиненія возникли отчасти потому, что Коншинъ, будучи по образованію ниже лицейскихъ профессоровъ и наставниковъ, относился къ нимъ нѣсколько самовластно и въ видахъ «увеличенія средствъ Лицея» всегда принималъ сторону учащихся, особенно изъ дворянъ. Въ маѣ 1859 г. онъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ училищъ западной Сибири, но въ этой новой должности провелъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ качествѣ директора лицея Коншинъ, обращалъ наибольшее вниманіе на работы по перестройкѣ лицея, не забывая также и фрунтовой службы: воспитанники учебныхъ заведеній «маршировали при немъ не хуже кадетовъ»; что касается преподаванія, то Коншинъ требовалъ фактичности, не любилъ никакихъ мудрствованій и ставилъ главною цѣлію всѣхъ наукъ—«прославленіе Творца вселенной».

Такова была служба Коншина; но не она представляетъ интереснѣйшую часть въ его біографіи, а его литературная дѣятельность. Еще въ 1819 г., въ Нейшлотскомъ полку, Коншинъ познакомился и близко сошелся съ унтеръ-офицеромъ поэтомъ Баратынскимъ, а чрезъ него сблизился съ Дельвигомъ и впослѣдствіи, особенно во время жизни въ Царскомъ Селѣ, съ самимъ Пушкинымъ и со многими другими членами такъ называемаго Пушкинскаго кружка. Въ 1820 г. въ журналѣ «Благонамѣренный», онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе: «Баратынскому», представляющемъ подражаніе стихотворенію Баратынскаго: «Дельвигу». Съ 1821 г. Коншинъ сотрудничалъ въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» и въ № 8 за 1821 г. помѣстилъ недурное стихотвореніе: «Барону К.***» въ 1824 г., въ № 7—небольшое стихотвореніе: «Къ Лидѣ», заключающее въ себѣ описаніе Финляндской природы. Тамъ же Коншинъ напечаталъ и свое первое крупное произведеніе—поэму «Владѣтель волшебнаго хрусталька», перепечатанную отдѣльною книжкой (Спб., 1825 г.). Авторъ придавалъ этой поэмѣ большое значеніе, но на самомъ дѣлѣ она плоха и любопытна только тѣмъ, что показываетъ вѣянія, господствовавшія въ то время среди любителей словесности. Значительно лучше были мелкія стихотворенія Коншина, особенно «Походъ», «Къ ручью», «Воспоминаніе», имѣющее автобіографическій интересъ.

Въ 1830 г. Коншинъ выступилъ съ альманахомъ: «Царское Село», куда вошли 42 стихотворенія Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Ѳ. Глинки, бар. Розена, самого Коншина и др., и 6 повѣстей и романовъ, въ томъ числѣ повѣсть самого Коншина: «Островъ на садовомъ озерѣ», отличающаяся крайнимъ сентиментализмомъ. Въ 1833 г. Коншинъ издалъ книжку: «Двѣ повѣсти (изъ записокъ о Финляндіи)»; изъ нихъ одна, «Густавъ Вертъ», представляетъ подражаніе «Гану Исландцу» Гюго, а другая, «Тайна»—самостоятельна и довольно удачна. Черезъ годъ появился его трехтомный романъ «Графъ Обаянскій или Смоленскъ въ 1812 г.». По отзыву проф. Кирпичникова: «Историческая часть романа блѣдна, а романтическая скучна до крайности; даже слогъ испещренъ курьезными неправильностями. Но доброе сердце автора и оптимизмъ его выражаются и здѣсь и, пожалуй, еще съ большою рельефностію, нежели гдѣ бы то ни было». Бѣлинскій отозвался объ этомъ романѣ очень неодобрительно. Послѣ этого отзыва Бѣлинскаго, Коншинъ только черезъ 6 лѣтъ, въ 1841 г., напечаталъ три послѣднихъ стихотворенія. Коншинъ былъ также довольно дѣятельнымъ переводчикомъ. Въ 1822 и 1823 г. въ «Соревнователѣ просвѣщенія» онъ помѣстилъ два переводныхъ съ французскаго отрывка изъ Робертсоновой «Исторіи Карла V». Въ 1823 г. напечатанъ былъ его переводъ обширнаго сочиненія, «Царствованіе Карла Великаго, короля французскаго, императора западнаго», за который онъ былъ награжденъ отъ Государя бриллiантовымъ перстнемъ.

Съ переѣздомъ въ Тверь Коншинъ особенно усердно занялся отечественной исторіей. Въ 1840 г. въ «Маякѣ» онъ помѣстилъ свою статью: «Взглядъ на древнюю Тверь» (написана преимущественно по Карамзину), и въ 1847 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и отдѣльно—«Объ Оршинскомъ монастырѣ и открытыхъ въ немъ древностяхъ». Въ 1848 г. ему удалось найти въ Новгородѣ рукописный сборникъ, въ которомъ оказался древній списокъ Домостроя съ неизвѣстною до

тѣхъ поръ послѣднею главой: «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну». По этому-то, главнымъ образомъ, списку и былъ въ 1849 г. во «Временникѣ» напечатанъ Домострой, подъ редакціей Коншина. Вышедшіе въ свѣтъ въ 1840-хъ годахъ «Акты Историческіе» дали Коншину матеріалъ для изслѣдованій: въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся многочисленныя его рукописи и между ними нѣсколько статей, обработанныхъ на основаніи первоисточниковъ: «Бояринъ М. Б. Шеинъ»; «Нѣчто о царѣ Борисѣ Годуновѣ»; «Еретики XVII в.»; «О князѣ Иванѣ Хворостининѣ»; «О чудной бѣлозерской грамотѣ»; «Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія»—авторъ на основаніи тщательной разработки матеріаловъ приходитъ къ выводу о невиновности Годунова въ убіеніи царевича, т. е. къ тому же заключенію, къ которому склоняется современная исторіографія. Кромѣ того въ видѣ черновыхъ имѣются статьи: «Марья Ивановна Хлопова»; «Сцена временъ великаго князя Василія Ивановича»; «Бездѣтная супруга XVI ст.» и «Объ эпитрахили». Въ 1874 г., въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторія и Древн. Росс.» (кн. I) изъ его рукописей была напечатана «Записка о новгородской рукописи, упоминаемой въ «Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви, изд. II, Спб., 1827 г., т. II, стр. 203», съ приложеніемъ трехъ, выписанныхъ изъ «Сборника Сильвестровскаго» писемъ, адресованныхъ къ Голохвастову; а въ 1884 г., въ «Историческомъ Вѣстникѣ», № 8, стр. 263—286—помѣщены «Воспоминанія» Коншина о 1812 годѣ, въ сокращенномъ и нѣсколько переработанномъ по части слога видѣ.

«Словарь» Геннади; Рогозинниковъ, «Литературные труды бывшаго директора училищъ Ярославской губерніи Н. М. Коншина» (въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г., № 18); Трефолевъ, «Крыловъ, Пушкинъ и Коншинъ» (въ «Русской Старинѣ», 1887 г., № 8); его-же, «Разсказы объ ярославской старинѣ» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1877 г., т. III); Лонгиновъ, «Е. А. Баратынскій и его сочиненія» (ib., 1867 г., № 2); К. Головщиковъ, «Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ училища» (Ярославль, 1887 г.); предисловіе къ «Воспоминаніямъ» («Ист. В.» 1884 г., № 8); Отчеты Императорской Публичной Библіотеки за 1876 и 1878 гг.»; А. И. Кирпичниковъ, «Н. М. Коншинъ» (въ «Русской Мысли», 1897 г., № 5).

Копіевскій или **Копіевичъ**, *Илья Ѳедоровичъ*, переводчикъ, ум. послѣ 1708 г.; родомъ изъ Бѣлоруссіи, обучался въ Голландіи, гдѣ, принявъ реформатское исповѣданіе, былъ кандидатъ-пасторомъ въ Амстердамѣ. Копіевскій порядочно владѣлъ славянорусскимъ языкомъ; Петръ Великій, въ бытность свою въ Амстердамѣ, обратилъ на Копіевскаго вниманіе и поручилъ ему переводъ иностранныхъ книгъ и составленіе русскихъ, съ условіемъ печатать таковыя въ славянской типографіи, заведенной, по желанію Петра, Яномъ Тессингомъ въ Амстердамѣ. Занимаясь изданіемъ книгъ, Копіевскій въ то же время давалъ уроки русскимъ молодымъ людямъ, бывавшимъ въ Амстердамѣ по повелѣнію царя. Въ 1698 г. Копіевичъ представилъ боярину Головину свой первый трудъ—«Краткое собраніе Льва Миротворца, августѣйшаго греческаго кесаря, показующее воинскихъ дѣлъ обученіе», но Головинъ даже не принялъ его лично, а черезъ подьячаго вернулъ ему книгу, «аки бездѣлицу какую». Не мало жаловался Копіевичъ и на своихъ учениковъ, которые иногда не только не платили ему за труды, но даже, по его словамъ, увозили его книги и глобусы, которыми пользовались. Къ декабрю 1699 г. Копіевичъ напечаталъ 4 книги, приготовилъ къ печати еще 13 и работалъ надъ четырьмя. Около 1700 года Копіевскій, не поладивъ съ Тессингомъ, завелъ собственную типографію, причемъ ему, въ виду незнанія его работниками русскаго языка, приходилось часто самому становиться за типографскій станокъ. Здѣсь Копіевичъ напечаталъ латинскую грамматику; но дѣла его шли плохо: въ Голландіи русскія книги, конечно, почти не расходились, а посылать ихъ въ Москву было нельзя, потому что привиллегію на торговлю въ Москвѣ книгами, печатанными заграницей, имѣлъ Тессингъ. Въ 1702 году Копіевскій велъ переговоры съ Берлинскою академіею наукъ объ уступкѣ ей своей типографіи, но безуспѣшно. Въ 1705 г. типографія Копіевскаго находилась еще въ Амстердамѣ, русскіе же шрифты ея употреблялись еще до 1735 г. Самъ Копіевскій въ 1703 г. бѣжалъ изъ Амстердама въ Польшу или Пруссію, покинувъ своего компаніона по типографіи Іоанна Юнга; около 1707 г. онъ явился въ Россію. Въ этомъ году изъ царской канцеляріи ему дано было 50 ефимковъ для покупки книгъ въ Данцигѣ, но онъ успѣлъ купить тамъ только одну—

«Артиллерію» Брауна. Возвращаясь въ Россію, Копіевскій, по его словамъ, былъ на дорогѣ ограбленъ казаками. По пріѣздѣ его въ Варшаву, Петръ велѣлъ ему быть «въ полкахъ» при Я. В. Брюсѣ. Копіевскаго сопровождала повсюду дочь и потому для него была очень неудобна жизнь въ походахъ; въ маѣ 1708 года онъ просилъ царя дать ему какое-нибудь другое назначеніе, а также и жалованіе. Въ то же время и Брюсъ писалъ Петру, что Копіевскій живетъ у него безъ всякаго дѣла, такъ какъ онъ въ нѣмецкомъ языкѣ не искусенъ, а лучше бы ему переводить польскія книги лѣтописныя или геометрическія, «того ради не лучше ли его отослать къ Гаврилѣ Ивановичу (Головкину, начальнику посольской канцеляріи), понеже мнѣ не надобенъ»... Извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Копіевскаго нѣтъ.

Копіевскій написалъ и издалъ довольно много книгъ и притомъ самаго разнообразнаго содержанія; впрочемъ, всѣ онѣ интересны лишь какъ образцы переводовъ того времени. «Краткое собраніе Льва Миротворца» уже упомянуто; первою его книгою, напечатанною въ Амстердамѣ, было: «Введеніе краткое во всякую исторію» (1699). Далѣе, имъ составлены и изданы учебники: «Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae adornata» (Амст. 1700); «Nomenclator in lingua latina, germanica et russica» (Амст. 1700); «Руководеніе въ грамматику въ славянороссійскую». (1706); «Краткое и полезное руководеніе въ аритметыку» (Амст. 1699); «Книга учащая морского плаванія» (Амст. 1701 — переводъ голландскаго учебника Авраама де Графа); «Уготованіе и толкованіе ясное и зѣло изрядное краснообразнаго поверстанія круговъ небесныхъ» (Амст. 1699—краткія задачи о склоненіи солнца и т. п.). Эти книги очень небольшихъ размѣровъ («Руководеніе въ аритметику», напр., состоитъ изъ 16 маленькихъ страничекъ) и представляютъ собой сборники самыхъ элементарныхъ общихъ свѣдѣній по исторіи, географіи, ариѳметикѣ и т. д. «Славянская грамматика» Копіевича—ничто иное, какъ краткое извлеченіе изъ граммати Смотрицкаго, сочиненіе «О дѣлѣ воинскомъ»—рядъ общихъ мѣстъ о качествахъ полководцевъ, о веденіи войны и т. д. Изданія Копіевскаго, однако, въ общемъ весьма замѣчательны для своего времени, для только что начинавшей учиться свѣтскимъ наукамъ и у новыхъ учителей Россіи. Особенность его произведеній составляетъ замѣтное желаніе, гдѣ только можно, восхвалять Петра Великаго и Россію. Очевидно, онъ слѣпо порѣшилъ исполнять условіе, помѣщенное по этому поводу въ привилегіи, данной Тессингу на изданіе русскихъ книгъ. Въ своей географіи, напр., онъ въ своемъ усердіи дошелъ до того, что назвалъ Москву рѣку великою и славною рѣкою: «Здѣ удивитеся, пишетъ онъ, говоря о Москвѣ рѣкѣ, пріидите всѣ боящіеся, пріидите и видите дѣла Божія, яко Господь огради люди своя на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны тремя великими и славными рѣками». Копіевскому принадлежитъ честь быть первымъ издателемъ русскаго перевода древнихъ писателей: имъ изданы «Притчи Эссоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ, совокупно же брань жабъ и мышей Гомеромъ древле описана» (Амст. 1700). Кромѣ того Копіевскій напечаталъ стихотвореніе на взятіе Азова: «Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ пресвѣтлѣйшаго и аугустѣйшаго державнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ кратце списана стихами поетыцкими» (Амст. 1700).

Пекарскій, «Наука и литература», т. I, стр. 13 и сл., т. II, стр. 12—16, 24—30, 46 и 47; Геннади, «Справочный словарь»; Первольфъ, «Славянская взаимность»; Митр. Евгеній, «Словарь»; «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., т. 28, стр. 264—265. *Н. М.*

Копрій, преподобный печенгскій, основалъ, вмѣстѣ съ преподобнымъ Авраміемъ, въ 1492 г. Печенгскій Грязовецкій Спасопреображенскій монастырь, въ 20 верстахъ отъ Вологды; обстоятельства жизни неизвѣстны; мощи подъ спудомъ.

Кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ», 5.

Коптевъ, *Дмитрій Ивановичъ*, литераторъ, род. 16 сентября 1820 г. въ Тулѣ, ум. 30 апрѣля 1867 г. Получивъ отличную домашнюю подготовку, въ 1832 г. помѣщенъ былъ въ частный пансіонъ въ Москвѣ и обратилъ на себя вниманіе М. П. Погодина, Н. И. Надеждина и В. А. Жуковскаго своею необычайною даровитостью, любознательностью и памятью. Въ 1840 г. кончилъ въ Московскомъ университетѣ курсъ кандидатомъ юридическаго факультета. Во время про-

хожденія курса онъ основательно изучилъ литературу французскую, нѣмецкую, англійскую, итальянскую, испанскую, восточныя, не говоря уже объ отличномъ знакомствѣ съ литературою римскою; онъ писалъ самъ стихи по латыни и по нѣмецки; нѣкоторыя изъ послѣднихъ напечатаны были въ журналѣ «Звѣздочка»; онъ перевелъ на французскій и нѣмецкій языки стихами нѣсколько стихотвореній Пушкина. Съ 1840 г. онъ служилъ въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора; въ 1848—1850 г.г. былъ постояннымъ докладчикомъ у гр. А. А. Закревскаго; въ 1850 г. вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, въ 1858 г. былъ избранъ тульскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 1862 г.—губернскимъ; съ 1858 г. принималъ весьма дѣятельное участіе въ работахъ тульскаго губернскаго комитета для составленія положенія объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Въ то же время онъ неутомимо изучалъ различные научные вопросы, относившіеся къ области химіи, ботаники, медицины, астрономіи и собралъ обширнѣйшую библіотеку. О его начитанности и знаніяхъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ: однажды на вечерѣ у П. А. Плетнева, находившагося въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Д. И. Коптевымъ, послѣдній прочелъ, по предложенію хозяина, безъ всякаго приготовленія, подъ рядъ какъ бы три лекціи, на предложенныя ему темы: «О герцогахъ Бургундскихъ», «о георгинахъ» и о трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ».

«Русскій Архивъ», 1877, III, 357—359.

Копылъ, *Юрій Елисеевичъ*, псковскій посадникъ, ум. послѣ 1510 г. Въ 1510 г. былъ отправленъ псковитянами въ Новгородъ къ великому князю Василію, во главѣ посольства, съ дарами (150 р.) и съ челобитьемъ на псковскаго намѣстника, кн. Ивана Михайловича Репню-Оболенскаго. Великій князь обѣщалъ дать управу на намѣстника. Но Копылъ вызвалъ лишь волненія въ Псковѣ: онъ объявилъ на вѣчѣ, что великій князь принялъ дары, но что онъ задумалъ сдѣлать со Псковомъ, неизвѣстно; тогда въ Новгородъ поѣхало еще много псковичей, съ разными жалобами и просьбами; дѣло окончилось уничтоженіемъ въ Псковѣ вѣча.

Полн. собр. р. лѣт., IV, 283—284.

Копылъ-Спячій, *Василій*, гость, велъ торговлю съ Крымомъ. Въ 1515 г. великій князь Василій Іоанновичъ послалъ его съ милостыней на Аѳонскую гору, и онъ какъ туда, такъ и оттуда ѣхалъ чрезъ Царьградъ, въ которомъ останавливался на продолжительное время. Въ Москву онъ возвратился съ аѳонскими старцами, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Максимъ Грекъ.

Пол. собр. рус. лѣтоп. VI, 257; VIII, 259, 263; «Соф. Врем.», II, 300—301.

Копьевъ, *Алексѣй Даниловичъ*, писатель-драматургъ, род. въ 1767 г., ум. 5 іюля 1846 г. Отецъ его былъ пензенскимъ вице-губернаторомъ; А. Д. Копьевъ служилъ въ Измайловскомъ полку; бойкостью, остроуміемъ обратилъ онъ на себя вниманіе князя Зубова и Зубовъ помѣстилъ его при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника. Въ началѣ царствованія императора Павла Копьевъ вздумалъ было посмѣяться надъ вновь введенною военною формою прусскаго образца, заказалъ себѣ обмундировку, преувеличивая ея характерныя особенности, и въ такомъ видѣ явился въ Москву, куда былъ посланъ съ приказаніями; эта насмѣшка надъ формой доведена была до свѣдѣнія императора; онъ приказалъ привести Копьева къ себѣ въ кабинетъ и, увидя каррикатурное его одѣяніе, тутъ же разжаловалъ его въ солдаты, въ гарнизонный полкъ въ Финляндіи. Здѣсь Копьевъ влюбился въ дочь небогатой помѣщицы и нашелъ взаимность; это было представлено императору въ трогательныхъ чертахъ и онъ велѣлъ отставить Копьева отъ службы прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но тамъ же въ Финляндіи оставить на жительство. Въ первые же мѣсяцы царствованія Александра I, Паленъ и Зубовъ вызвали Копьева въ Петербургъ и въ сравненіе со сверстниками выхлопотали ему прямо чинъ генералъ-маіора, въ каковомъ онъ и умеръ, занимаясь въ послѣднее время жизни торгами и подрядами.—Изъ произведеній Копьева извѣстны двѣ комедіи: «Что наше, того намъ и не надо», въ 1 д. (Спб. 1794) и «Лебедянская ярмонка или обращенный мизантропъ», въ 5 д. (Спб. 1794). Комедіи эти не отличаются большими достоинствами, но вторая изъ нихъ 2 апрѣля 1794 года была представлена на Таврическомъ театрѣ и очень понравилась присутствовавшимъ, особенно императрицѣ, которая пожаловала автору золотую таба-

керку съ алмазами. Въ «Лебедянской ярмаркѣ» осмѣяно увлеченіе модами, рѣчь на смѣси русскаго языка съ французскимъ и незнаніе въ то же время ни одного изъ нихъ. Комедія, кромѣ того, пересыпана похвалами Екатерининскимъ реформамъ и въ особенности совѣстнымъ судамъ. Первая же комедія оригинально напечатана: съ полнымъ соблюденіемъ фонетическаго правописанія. Упоминается еще объ одной комедіи Копьева «Бабьи сплетни» (играна на Эрмитажномъ театрѣ 20 января 1796 года), но нѣтъ свѣдѣній, чтобы комедія эта когда либо появлялась въ печати.

Геннади, «Справочный словарь»; «Русскій Архивъ», 1866 г. стр. 111, 1868 г. стр. 1818, 1873 г. ч. I, стр. 682—683, ч. II стр. 1978—1979; «Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго» т. VII, стр. 99; «Русская Старина», 1892 г., т. 74 стр. 467; «Записки А. С. Шишкова»; Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра». *Н. М.*

Кораблевъ, *Герасимъ Ивановичъ*, докторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, ум. послѣ 1860 г. Изъ духовнаго званія. Окончивъ курсъ въ Рязанской семинаріи и въ Московской Медико-Хирургической Академіи, въ 1813 г. выпущенъ лекаремъ съ награжденіемъ золотыми часами и оставленъ при Академіи прозекторомъ. Въ 1815 г. назначенъ врачемъ Тарутинскаго полка. Въ 1819 г., защитивъ въ московской Медико-хирургической академіи диссертацію: «De pneumonitide», получилъ степень доктора медицины и былъ опредѣленъ въ Московскій воспитательный домъ профессоромъ акушерства и адъюнктъ-профессоромъ фармаціи въ Медико-хирургическую академію. Въ 1826 г. утвержденъ въ Академіи экстраординарнымъ профессоромъ акушерства и судебной медицины, въ 1827 г. ординарнымъ профессоромъ; читалъ лекціи до закрытія Академіи (1844 г.). Труды его: «Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней. М. 1841—1843. 3 ч. съ атласомъ» и нѣкоторые другіе, всѣ посвящены женскимъ болѣзнямъ.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Кораблиновъ, *Яковъ Миничъ*, экстраординарный профессоръ латинской словесности въ Казанскомъ университетѣ, изъ духовнаго званія, род. въ 1789 г., ум. послѣ 1837 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Воронежской семинаріи, затѣмъ слушалъ историческія и политическія науки въ Московскомъ университетѣ, и богословіе—въ Московской академіи. Въ 1811 г. отправленъ въ Воронежскую семинарію для приготовленія къ учительской должности, и учительствовалъ въ ней до 1817 г., когда былъ отправленъ въ Петербургскую Духовную Академію «для образованія высшимъ наукамъ». Въ 1821 г., признанный старшимъ кандидатомъ съ правомъ безъ экзамена на званіе магистра, назначенъ въ Волынскую семинарію профессоромъ по классу физико-математическихъ наукъ. Уволенный въ октябрѣ 1823 г. отъ службы въ семинаріи и изъ духовнаго вѣдомства, Кораблиновъ пріобрѣлъ какимъ то способомъ расположеніе тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго и по представленію послѣдняго, безъ выбора университетскимъ совѣтомъ, 10 мая 1824 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ политической экономіи и дипломатики въ Казанскомъ университетѣ. 13 мая 1824 г. ему было поручено преподаваніе латинскаго языка; 4 марта 1825 г. онъ перемѣщенъ на каѳедру латинскаго языка, съ порученіемъ читать политическую экономію и дипломатику. Кромѣ того, съ 4 апрѣля 1825 г. по 4 іюня 1826 г. преподавалъ, по порученію совѣта, философію за отсутствіемъ профессора философіи Сергѣева. 15 іюля 1825 г. утвержденъ деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія. Съ 3 октября 1825 по 7 августа 1826 г. исправлялъ должность секретаря совѣта. Съ 30 іюня 1827 г. по 4 іюня 1831 былъ членомъ училищнаго комитета. Въ 1832 г. былъ въ командировкѣ для обозрѣнія училищъ Саратовской и Пензенской губерній. 27 января 1834 г. уволенъ отъ преподаванія политической экономіи и дипломатики. Не имѣя ученыхъ заслугъ и держась въ университетѣ лишь благодаря покровительству Магницкаго, Кораблиновъ, по удаленіи послѣдняго отъ должности, сталъ заводить всяческія интриги, въ намѣреніи убѣдить начальство, что университетъ падаетъ послѣ удаленія Магницкаго и въ научномъ отношеніи и, главное, въ смыслѣ благонадежности. Онъ доносилъ, что профессоръ Сергѣевъ распространяетъ среди молодежи Handbuch der Philosophie Круга, содержащую возмутительныя идеи, а ректоръ Фуксъ потворствуетъ Сергѣеву. Но эти интриги не имѣли серьезныхъ послѣдствій. Новый по-

печитель, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, указывая на необходимость освѣжить составъ профессоровъ Казанскаго университета, такъ аттестовалъ Кораблинова министру народнаго просвѣщенія Уварову (7 авг. 1835 г.): «мало обращаетъ вниманія на успѣхи учащихся. Онъ посвятилъ себя сельскому хозяйству. Это, а не преподаваніе, составляетъ главное его занятіе. Полезно было бы его уволить». Кораблиновъ почуялъ непрочность своего положенія при новомъ попечителѣ, подалъ прошеніе объ увольненіи и былъ уволенъ въ мартѣ 1837 г.

Формуляръ. Дѣла Архива Министерства Нар Просв., №№ 15614 и 51710. *Н. М.*

Корбелецкій, *Ѳедоръ Ивановичъ*, писатель и переводчикъ, находился при дѣлахъ петербургской удѣльной экспедиціи, затѣмъ служилъ въ министерствѣ финансовъ. 19 августа 1812 года былъ командированъ въ Москву и Калугу для принятія необходимыхъ мѣръ по финансовой части, въ виду угрожавшаго нашествія французовъ. 30 августа того же года Корбелецкій былъ схваченъ польскими уланами на Верейской дорогѣ и, послѣ неудачной попытки бѣжать, былъ доставленъ въ главную квартиру французовъ подъ Москвой и при вступленіи Наполеона въ Москву, находился при свитѣ императора въ качествѣ проводника. 27 сентября ему удалось бѣжать изъ плѣна, а 6 октября по именному Высочайшему повелѣнію онъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, по подозрѣнію въ участіи въ учрежденномъ французами московскомъ городскомъ правленіи; Сенатъ призналъ его невиновнымъ. — Корбелецкій написалъ слѣдующія произведенія: «Ода на прибытіе изъ Москвы въ С.-Петербургъ императора Павла I» (Спб. 1797);—«Ода на побѣды въ Италіи войскъ е. и. в. Павла I..... подъ предводительствомъ ген.-фельдмаршала гр. Суворова-Рымникскаго» (1799);—«Ода въ честь побѣдоноснаго россійскаго воинства, по полученіи извѣстія, о бѣгствѣ изъ Москвы Наполеона, и о совершенномъ его пораженіи» (Спб. 1813); при одѣ: Краткое повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву и о пребываніи ихъ въ оной и «Гимнъ при берегахъ Днѣпра» Спб. 1826—перепечатанъ у Бурцева: «Описаніе рѣдкихъ книгъ» т. I, стр. 268. Кромѣ того, Корбелецкимъ переведены съ нѣмецкаго: «Опыты пчеловодства для охотниковъ и любителей онаго съ прибавленіями, взятыми изъ лучшихъ писателей сего рода, а особливо о роякъ... и т. д.», соч. Фредерика (М. 1807). Изъ всѣхъ этихъ произведеній заслуживаетъ вниманія «Краткое повѣствованіе», какъ разсказъ одного изъ немногихъ интеллигентныхъ очевидцевъ кратковременнаго владычества французовъ въ Москвѣ.

Геннади «Справочный словарь»; «Русскій Архивъ» 1868 г., стр. 901; «Краткое повѣствованіе». *Н. М.*

Корвинъ-Коссаковскій, *Іосифъ*, римско-католическій епископъ. Род. въ 1730 г. въ Шилахъ, Ковенскаго повѣта, ум. послѣ 1803 г. На пятомъ году жизни лишился отца и былъ воспитанъ родственниками. Образованіе получилъ въ ковенскихъ іезуитскихъ школахъ и виленской академіи. По окончаніи образованія, на 18 году жизни поступилъ на гражданскую службу и въ 1748 г. былъ уже ковенскимъ подчашимъ. Въ 1758 г. состоялъ посломъ отъ ковенскаго повѣта на варшавскомъ сеймѣ. Въ 1761 г. поступилъ въ варшавскую семинарію, былъ посвященъ въ духовный санъ и скоро сдѣлался виленскимъ каноникомъ. Въ 1781 г. посвященъ во епископа инфлянтскаго и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ коадъюторомъ епископа виленскаго.

Коргуевъ, *Павелъ Алексѣевичъ*, публицистъ. Род. около 1825 г.; ум. 11 апрѣля 1877 г. По окончаніи курса въ первомъ штурманскомъ полуэкипажѣ (теперь Морское Техническое Училище Императора Николая I) въ 1844 году и потомъ въ офицерскихъ классахъ Морскаго Кадетскаго корпуса, Коргуевъ былъ прикомандированъ къ Николаевской Пулковской обсерваторіи и занимался практической астрономіей подъ руководствомъ знаменитаго Струве. Съ 1849 г. до 1867 г. онъ состоялъ преподавателемъ математики и физики въ штурманскомъ полуэкипажѣ; въ 1857—1867 гг. былъ помощникомъ астронома новоучрежденной Кронштадтской морской обсерваторіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ 1858—1859 гг. Коргуевъ по порученію морского министерства завѣдовалъ производствомъ работъ по астрономическому опредѣленію пунктовъ по берегамъ Ладожскаго озера, производя въ то же время и магнитныя наблюденія и за «Отчетъ» объ этихъ работахъ, напечатанный въ 1863 г. Гидрографическимъ

Депо, удостоенъ малой золотой медали отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Къ этому періоду, 1856—1865 гг., относятся и его научныя статьи, напечатанныя въ «Морскомъ Сборникѣ»: «О дѣйствіи земного магнетизма на ходъ хронометровъ» (1856 г., № 10; «Способы проложенія дуги большого круга на меркаторской картѣ» (1858 г., № 8); вмѣстѣ съ г. Зеленымъ); «Руководство къ ученымъ изысканіямъ: Атмосферическія волны и барометрическія явленія», переводъ (1858 г., №№ 5 и 6); «Исправленіе лунныхъ разстояній» (1859 г., № 1); «О магнитныхъ свойствахъ желѣза» (1859 г., № 7); «Вспомогательныя таблицы для способа Сомнера» (1860 г., № 9); «Проекція большого круга на меркаторской картѣ» (1860 г., № 10); «О предохраненіи мѣдной обшивки подводной части судна и желѣзныхъ плитъ броненосныхъ судовъ» (1865 г., № 5), и «Приложенія исчисленія вѣроятностей въ стрѣльбѣ изъ артиллерійскихъ орудій и оружій», переводъ соч. И. Дидіона (Спб., 1864 г.). Въ 1861 г. былъ основанъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», и Коргуевъ былъ въ числѣ первыхъ его редакторовъ-издателей. Въ 1864 г. онъ вышелъ въ отставку и былъ сначала мировымъ судьею, а потомъ городскимъ головою въ Кронштадтѣ. По его иниціативѣ и при его непосредственномъ участіи основаны: Кредитное Общество взаимнаго страхованія, ссудо-сберегательное товарищество, Кронштадтскій коммерческій банкъ и Реальное училище, въ которомъ дума учредила стипендію его имени.

Некрологъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», за 1877 г., № 44; Недѣльковичъ, «Краткій историческій очеркъ морской и городской газеты «Кронштадтскій Вѣстникъ»; «Общій Морской Списокъ», т. X.

Корейша, *Иванъ Яковлевичъ*, юродивый, род. около 1780 г., ум. 6 сентября 1861 г.; изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей; учился въ смоленской семинаріи и былъ въ ней самъ учителемъ; посѣщалъ монастыри Соловецкій, Печерскую лавру и Нилову пустынь; но около 1813 г. онъ что то надѣлалъ такое, за что ему грозили какія то серьезныя непріятности; тогда онъ ушелъ въ лѣсъ и началъ юродствовать; крестьяне нашли его черезъ нѣсколько времени въ лѣсу, ковыряющимъ палкою землю; они поставили ему небольшую избушку; слухъ о юродивомъ распространился по окрестности. 17 октября 1817 г. Корейша былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ сумасшедшемъ домѣ; разсказываютъ, что поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство: одна молодая дѣвушка изъ хорошей фамиліи, вздумала предъ самою своею свадьбою съ мѣстнымъ помѣщикомъ, тоже изъ хорошей фамиліи, обратиться за совѣтомъ къ Ивану Яковлевичу; онъ далъ ей такія предсказанія, что она отказала жениху, а тотъ попросилъ губернатора удалить изъ губерніи этого юродиваго.—До конца жизни, свыше 40 лѣтъ, Корейша провелъ въ сумасшедшемъ домѣ; впрочемъ, покровительство и даже почтеніе къ нему многихъ московскихъ жителей имѣло слѣдствіемъ, что онъ содержался не по общимъ правиламъ для больныхъ, а на положеніи совершенно исключительномъ. Къ нему постоянно допускались посѣтители и ему была предоставлена почти полная свобода устроить образъ жизни по своему желанію. Онъ держалъ себя крайне неопрятно, приходившихъ къ нему принималъ нерѣдко очень своенравно, не только бранилъ, но и билъ его; довольно обычнымъ было съ его стороны, что онъ составлялъ самое странное мѣсиво изъ всего съѣстнаго, что ему приносили, не различая постнаго и скоромнаго, и ѣлъ это самъ и другихъ заставлялъ ѣсть. По десяти лѣтъ онъ не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался и не причащался; это, однако, не мѣшало многимъ лицамъ, и не только изъ среды простонародья или купечества, относиться къ нему съ величайшимъ почтеніемъ и почитать его чуть не за святого. На имя его постоянно приходили пожертвованія, иногда довольно значительныя; онъ все раздавалъ окружающимъ. Одно время родственники его дѣлали попытку получить Ивана Яковлевича на свое попеченіе, конечно, надѣясь воспользоваться доходами, но имъ было отказано.

«Странникъ», 1862 г., № 6; Прыжовъ, «Житіе Ивана Яковлевича Корейша», Спб. 1860 г.—тутъ указаны и журнальныя статьи, посвященныя ему.

Корела, *Андрей*, атаманъ донскихъ казаковъ, сторонникъ Лжедимитрія I, ум. послѣ 1605 г. Происходилъ по однимъ предположеніямъ, изъ Курляндіи, по другимъ изъ Корелы; поступивъ въ донскіе казаки, онъ задолго до Смутнаго времени выдѣлился своею храбростію и энергіей.

Корела былъ уже атаманомъ, когда началось движеніе въ пользу Лжедимитрія I, и немедленно же въ 1605 г., со своими донцами, въ числѣ около 600 человѣкъ, пошелъ для соединенія съ войсками признаннаго имъ царевича. Воевода города Кромъ, Акинфіевъ, соединился съ Корелою и съ нимъ рѣшился защищать Кромы противъ подступившаго въ это время московскаго войска, предводимаго Мстиславскимъ, Салтыковымъ и др. Корела принялъ дѣятельное участіе въ руководствѣ обороною; семидесятипятитысячное войско, имѣвшее 70 пушекъ, долго простояло подъ Кромами, маленькимъ городкомъ, укрѣпленнымъ деревянными стѣнами и земляными окопами и имѣвшимъ не болѣе 5000 человѣкъ всего населенія; нѣсколько приступовъ было отбито, а московская артиллерія мало вредила осажденнымъ, потому что они спасались въ вырытыхъ по приказанію Корелы подземныхъ «норахъ». Осада затянулась; въ московскомъ войскѣ почувствовался недостатокъ въ продовольствіи и начались болѣзни. А благодаря внезапной смерти Бориса осада была совершенно прекращена; Басмановъ съ большинствомъ московскихъ людей перешелъ на сторону Лжедимитрія. Изъ Кромъ Корела съ донцами и другими приверженцами Самозванца направился къ самой Москвѣ, но, повидимому, на этомъ походѣ онъ погибъ: по крайней мѣрѣ, въ Тулѣ донцы представлялись Лжедимитрію, подъ начальствомъ уже другого атамана—Смаги Чертенскаго.

Костомаровъ, «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. IV (Спб. 1868 г.); «Энциклопедическій Словарь» Края (VI); «Словарь» Брокгауза (XVI).

Корелкинъ, *Николай Павловичъ*, педагогъ, род. въ Вологдѣ 3 марта 1830 г., ум. 19 мая 1855 г. Происходилъ изъ бѣднаго купеческаго семейства. Обучался въ Вологдѣ, сперва въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1845 г. Скопивъ уроками небольшую сумму денегъ, онъ отправился въ Петербургъ и въ 1846 г. поступилъ въ университетъ на филологическій факультетъ. Въ 1848 г. Корелкинъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе на тему: «Разсмотрѣть сочиненія И. Крылова и А. Пушкина, причемъ опредѣлить, какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ, въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого, способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще какъ искусства, внесли ли новыя истины въ умственную жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка»; въ 1849 г. награжденъ золотой медалью за сочиненіе на тему: «Разсмотрѣть языкъ лѣтописи Нестора въ отношеніи фонетическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ, обращая вниманіе на смѣшеніе въ немъ элементовъ языка старо-славянскаго церковнаго и русскаго народнаго, и на особенности этого послѣдняго». Въ 1850 г. Корелкинъ окончилъ университетъ со степенью кандидата и въ томъ же году назначенъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Псковскую гимназію. Въ Псковѣ онъ занимался изученіемъ народнаго быта и исторіи этого края вообще, а въ частности нумизматикой, разобравъ, между прочимъ, по порученію палаты государственныхъ имуществъ, монеты временъ Іоанна III, Василія III и Іоанна Грознаго. Здѣсь же, руководимый указаніями И. И. Срезневскаго, Корелкинъ началъ свой магистерскій трудъ о Лаврентьевской лѣтописи, посвященный филологическому анализу языка этого памятника. Въ 1851 г. Корелкинъ былъ переведенъ въ Петербургъ, преподавателемъ русской словесности въ Ларинской гимназіи. Съ 1852 г. помѣщалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» рецензіи и критическія статьи по своей спеціальности, и тамъ же напечаталъ въ 1855 г. (т. 38), замѣчательную для того времени монографію о А. Х. Востоковѣ. Среди педагоговъ Корелкинъ пріобрѣлъ репутацію выдающагося дѣятеля, заслужилъ уваженіе начальства и любовь воспитанниковъ. Взглядъ свой на преподаваніе въ гимназіяхъ русскаго языка и словесности Корелкинъ выразилъ въ особой запискѣ, составленной въ 1853 г.; онъ желалъ преподаваніе ввѣреннаго ему предмета направить къ изученію быта русскаго народа съ цѣлью привести въ дѣйствіе всѣ духовныя силы учениковъ при помощи самопознанія. На Корелкина возлагались большія надежды въ педагогическомъ и ученомъ мірѣ, но 19 мая 1855 г. онъ умеръ отъ скоротечной чахотки, развившейся въ немъ подъ давленіемъ нужды и занятій.

«Сѣверная Пчела» 1855 г., № 111; «Сборникъ

студентовъ Спб. университета» I; В. В. Григорьевъ, «Императорскій Спб. университетъ». «Пятидесятилѣтіе Спб. Ларинской гимназіи» 1886 г. *Л. П.*

Кореневъ, *Иванъ Ивановичъ*, протоіерей, род. въ 1734 г., ум. 25 апрѣля 1825 г. Сынъ бѣднаго церковника села Щира кромскаго уѣзда. Воспитаніе и образованіе получилъ соотвѣтственное тогдашнему времени и сословію, въ которомъ родился—т. е. очень незначительныя; всѣмъ, что онъ зналъ, онъ обязанъ былъ своей любознательности и самообученію. Въ 1767 г. былъ рукоположенъ во священника къ Орловской Воскресенской церкви. Овдовѣвъ черезъ два года, онъ посвятилъ всю свою жизнь служенію ближнимъ. Онъ устроилъ въ Орлѣ кирпичные и кафельные заводы, на которыхъ работали бѣдные и убогіе люди, получая отъ о. Іоанна самую щедрую плату; тѣ малые доходы, которые онъ получалъ отъ церковной службы, онъ раздавалъ нищимъ. Съ теченіемъ времени у церквей Воскресенской и Кладбищенской о. Кореневъ построилъ нѣсколько домовъ, гдѣ при жизни его призрѣно было до 1.500 бѣдныхъ и убогихъ и до 1.000 младенцевъ-сиротъ; однимъ изъ его питомцевъ былъ Козьма Ивановичъ Троепольскій, въ монашествѣ Ксенофонтъ, впослѣдствіи подольскій архіепископъ. Кромѣ того, о. Кореневъ устроилъ въ Орлѣ благотворительное заведеніе для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей. За такую дѣятельность еще въ 1782 г. орловскій приказъ общественнаго призрѣнія почтилъ отца Іоанна благодарственнымъ актомъ; въ 1816 году онъ былъ пожалованъ камилавкою и наперснымъ крестомъ. Орловскіе архіереи избирали его своимъ духовникомъ. Въ 1823 г. о. Іоаннъ былъ представленъ Александру I, проѣзжавшему черезъ Орелъ. На вопросъ Государя: какой желаетъ онъ награды, старецъ отвѣчалъ: «Самая лучшая для меня награда, Государь, будетъ, чтобы Ваше Императорское Величество позволили мнѣ самому прокормить сиротъ моихъ». Государь пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра 4 степени.

«Журналъ Импер. Человѣкол. Общ.», 1822 г., ч. 21; «Отечеств. Записки», 1822 г., ч. 11; «Орлов. губерняск. вѣд.» 1838 г., №№ 20—32.

Корженевскій, *Ипполитъ Осиповичъ*, хирургъ, род. въ 1827 г. въ Кременцѣ, ум. 11 января 1879 г. въ Петербургѣ. Сынъ извѣстнаго польскаго писателя. Образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ и С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1850 г. Въ 1851 г. назначенъ былъ ординаторомъ въ Варшавскую больницу Младенца Іисуса. Въ 1853 г., получивъ степень доктора медицины и хирургіи, былъ отправленъ за границу, гдѣ занимался въ разныхъ университетахъ и, по возвращеніи въ Россію, издалъ свое сочиненіе «Анатомія человѣческаго тѣла», доставившее ему громкую извѣстность. Съ 1858 г. былъ доцентомъ въ Варшавской главной медицинской школѣ и въ 1871 г. занялъ каѳедру въ С.-Петербургской Медико-Хирургической академіи. Принявъ участіе въ войнѣ 1877—1878 гг., какъ помощникъ Пирогова, по окончаніи войны былъ назначенъ консультантомъ по хирургіи во всѣхъ военныхъ госпиталяхъ Варшавскаго округа.

Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели»; «Curier Codzienny», 1879 г, № 18.

Корженевскій, *Осипъ Викентьевичъ*, профессоръ кіевскаго университета, польскій писатель, род. въ 1797 г. въ м. Бродахъ, ум. 5 сентября 1863 г. въ Дрезденѣ. Изъ дворянъ, воспитаніе получилъ въ волынской гимназіи; по окончаніи курса былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ генерала Красинскаго, затѣмъ библіотекаремъ у графовъ Замойскихъ; въ 1823 г. выдержалъ испытаніе при Виленскомъ университетѣ и былъ назначенъ тогдашнимъ попечителемъ, кн. А. Чарторижскимъ, профессоромъ польскаго языка, поэзіи и литературы въ Кременецкій лицей, гдѣ и читалъ до закрытія лицея въ 1830 г. Въ 1834 г., при основаніи университета въ Кіевѣ, назначенъ сюда профессоромъ латинскаго языка; съ 1838 г. по 1846 г. былъ директоромъ гимназіи и училищъ въ Харьковѣ, съ 1846 г. по 1861 г.—въ Варшавѣ визитаторомъ школъ Царства Польскаго, съ 1861 г. по кончину—директоромъ отдѣла народнаго просвѣщенія. Какъ ученый Корженевскій не написалъ ничего особенно выдающагося; въ 1829 г. вышелъ его «Kurs poezyi», принятый какъ учебникъ для польскихъ школъ; гораздо больше значенія имѣетъ онъ какъ дѣятель польской литературы. Въ молодости онъ писалъ оды подъ вліяніемъ Руссо, затѣмъ

переводилъ Вольтера, Шиллера, отчасти Шекспира, съ начала 30-хъ годовъ далъ длинный рядъ драмъ и повѣстей; онѣ изданы въ 1871 — 1873 г. редакціей журнала «Kłosy», въ 12-и томахъ. Повѣсти его отличаются психологическою вѣрностью типовъ и характеровъ; лучше всего ему удавались женскіе типы; многія изъ его произведеній переведены были на русскій языкъ въ 1830—1870 годахъ, напр. «Отшельникъ», поэма, переведена Щастнымъ; «Коллокація», «Заслуженный учитель», повѣсти, переведены Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, драмы «Нареченные», «Старый мужъ», «Судъ присяжныхъ» и др.

Иконниковъ, «Біограф. словарь профес. унив св. Владиміра»; «Энцикл. Словарь» Брокгауза, т. 31.

Корженевскій, *Осипъ Ивановичъ*, докторъ, статскій совѣтникъ, род. 19 марта 1806 г. въ г. Слуцкѣ, Минской губ., ум. 21 мая 1870 г. По окончаніи курса въ несвижской гимназіи, въ 1821 г. поступилъ въ Виленскій университетъ на физико-математическій факультетъ; со второго курса перешелъ на медицинскій. Кончивъ курсъ въ 1827 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія, былъ оставленъ при университетѣ помощникомъ прозектора анатоміи. Въ 1829 г., защитивъ 12 іюля диссертацію «Conspectus nosologicus exanthematum», получилъ степень доктора медицины. Въ 1831 г. оставилъ службу въ университетѣ и уѣхалъ въ Брестъ-Литовскъ и Витебскъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ появившеюся въ этихъ городахъ холерою. Въ 1832 г. назначенъ помощникомъ прозектора хирургической клиники виленской Медико-хирургической академіи, въ 1835 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ; преподавалъ десмургію. Въ 1837—1839 г. занимался въ лучшихъ университетскихъ клиникахъ за-границей и, по возвращеніи въ 1840 г., утвержденъ ординарнымъ профессоромъ и директоромъ академической клиники. По закрытіи академіи, въ 1843 г., остался за штатомъ и занимался практикой въ Вильнѣ. Корженевскій былъ извѣстенъ въ Польшѣ, какъ лучшій операторъ. Труды его; 1) Desmurgia sive chirurgiae pars de variis adminiculis deligatoriis. Vol. I. Vilnae 1829. 2) De ossibus fractis tractatus in discentium usum. Vilnae, 1837, и нѣсколько статей въ Pam. tovarz. lekarz. Warsz. и въ Dzien. medic., chir. i farm. (T. I.—1830 г.).

Kosmiński, «Słownik lekarzów polskich»; Hirsch, «Biogr. Lexikon der Aerzte»; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Коржъ, *Никита Леонтьевичъ*, запорожецъ, род. 30 мая 1731 г., ум. 1 ноября 1835 г. Происходилъ изъ рода запорожскихъ казаковъ, отличавшагося необыкновеннымъ долголѣтіемъ: отецъ его жилъ 115 л., дѣдъ и прадѣдъ—85 и 89 л.; несмотря на свои 105 л. отличался бодростью; умеръ отъ простуды, которую получилъ, ходя за сборомъ подаянія на построеніе новой церкви; отлично помнилъ старину, между прочимъ бытъ Запорожья, въ которомъ провелъ болѣе 20 л.; его любопытные и весьма характерные разсказы, записанные Гавріиломъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, и Іоанномъ, епископомъ саратовскимъ, изданы особою книжкою, подъ названіемъ: «Устное повѣствованіе бывшаго запорожца, жителя Екатеринославской губерніи и уѣзда, села Михайловскаго, Никиты Леонтьевича Коржа» (1842).

Коринѳскій, *Михаилъ Петровичъ*, архитекторъ, коллежскій ассессоръ, род. въ 1789 г., ум. 10 іюня 1851 г. По происхожденію арзамасскій мѣщанинъ. Будучи уже женатымъ человѣкомъ, онъ въ 1809 г. явился въ Петербургъ къ Воронихину и тотъ призналъ въ немъ такія способности, что въ 1810 г. испросилъ у совѣта Академіи ему, «яко отличающемуся способностями и отличнымъ благонравіемъ», право «пользоваться художественными классами для усовершенствованія»; въ 1810 и 1811 г. Коринѳскій получилъ малую и большую серебряныя медали за рисунки и такія же медали за архитектурныя композиціи. Въ 1812 г. онъ подалъ прошеніе, что необходимость содержать семью заставляетъ его прекратить свое обученіе; совѣтъ Академіи выдалъ ему дипломъ на званіе свободнаго художника. Коринѳскій поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ и скоро пріобрѣлъ себѣ во всемъ Новгородѣ извѣстность искуснаго и талантливаго строителя. Въ 1816 г. ему поручена была постройка зданія для дворянскаго собранія нижегородской губерніи. Въ 1825 г. онъ получилъ званіе «назначеннаго», за проектъ соборной церкви для г. Симбирска; одновременно съ представленіемъ этого проекта въ Академію симбирскій губернаторъ писалъ къ президенту, давая самую лестную аттестацію дѣятельности и талантамъ

Коринѳскаго и свидѣтельствуя, что онъ произвелъ множество построекъ домовъ, церквей и усадебъ для крупныхъ помѣщиковъ. Въ 1830 г. Академія предложила ему программу на званіе академика архитектуры: карантинное зданіе на морскомъ берегу на 250 человѣкъ; по разсмотрѣніи проекта званіе было Коринѳскому присуждено. Съ 1837 по 1848 г. состоялъ архитекторомъ и членомъ строительнаго комитета Казанскаго университета.

Петровъ, «Матер. для исторіи Импер. Академ. Худ.», I, 547, 854, 562—565; II, 3, 5, 82, 201—207, 242; «Адресъ-Календари» съ 1833 по 1849 г.

Коритари, *Георгій Георгіевичъ*, профессоръ харьковскаго университета, ум. въ 1810 г. Еврей по происхожденію, учился въ іенскомъ университетѣ, степень доктора медицины получилъ въ Пештѣ, гдѣ, какъ сказано въ его документахъ, «могъ бы получить мѣсто профессора окулистики, ежели бы религія въ томъ не препятствовала». Приглашенный въ Харьковскій университетъ читалъ въ 1806—1810 гг. лекціи по «фармаціи, врачебному веществословію и словесности медицинскихъ наукъ». Въ сочиненіи своемъ «De nexu studii medicinae cum studio philosophiae» (Харьковъ, 1807), Коритари проводитъ мысль, что чисто эмпирическихъ направленій въ изученіи медицины недостаточно, и что необходимо философское изученіе естественныхъ наукъ.

«Энцикл. Словарь» Брокгауза; «Адресъ-календари».

Корицкій, *Осипъ Ивановичъ*, директоръ вышневолоцкой системы, род. 1 января 1778 г. въ г. Заславлѣ волынской губерніи, ум. 3 августа 1829 г. Происходилъ изъ польскаго шляхетскаго рода. Первоначальныя свѣдѣнія по механикѣ онъ получилъ у одного часовыхъ дѣлъ мастера; затѣмъ самостоятельно занимался механикою и пріобрѣлъ въ ней серьезныя познанія; но вообще обстоятельства его жизни въ дѣтствѣ и первая молодость совершенно неизвѣстны. Въ 1805 г. онъ прибылъ въ Петербургъ искать счастья. Узнавъ, что въ вѣдомствѣ водяной коммуникаціи заняты вопросомъ объ очисткѣ Ладожскаго канала, онъ предложилъ начальнику вѣдомства, генералъ-лейтенанту Герарду, придуманную имъ машину. Машина эта дѣйствовала очень успѣшно и Корицкій былъ принятъ на службу смотрителемъ р. Тверцы съ чиномъ коллежскаго регистратора; онъ устроилъ по Тверцѣ много мостиковъ и гатей, очень облегчившихъ тягу лошадьми по бечевнику. Въ 1812 г. онъ представилъ принцу Георгію Ольдебургскому проектъ уничтоженія непріятелей посредствомъ взрывовъ; принцъ одобрилъ его проектъ, думалъ доложить Государю; но вскорѣ принцъ Ольденбургскій скончался и дѣло это заглохло. Въ то же время Корицкій устроилъ особую повозку для большихъ тяжестей, въ которой треніе было значительно ослаблено. Въ 1816 г. онъ былъ посланъ въ Смоленскъ для устройства плавучаго моста черезъ Днѣпръ на то время, пока будетъ строиться новый постоянный, взамѣнъ обрушившагося. Корицкій исполнилъ это порученіе чрезвычайно быстро и дешево: онъ воспользовался сваями моста, построеннаго въ 1812 г. французами, и на нихъ сдѣлалъ мостъ, вполнѣ замѣнившій предположенный пловучій. Въ 1823 г., въ чинѣ инженеръ-майора, Корицкій былъ назначенъ директоромъ вышневолоцкой системы и произвелъ на ней весьма значительныя и существенныя улучшенія, по планамъ, обдуманнымъ имъ еще ранѣе. Въ 1825 — 1828 г. онъ значительно увеличилъ водохранилище: до него оно имѣло 5 или 6 квадратныхъ верстъ, съ подпоромъ не выше 3 ар. 10 в., — онъ поднялъ воду до 6 аршинъ (впослѣдствіи она поднимаема была еще на 1 аршинъ) и образовалъ искусственное озеро площадью въ 50 кв. верстъ; это сооруженіе дало возможность на каждую проходившую барку нагружать на 1500 пудовъ болѣе, чѣмъ прежде; такое увеличеніе допустимой грузоподъемности произвело, можно сказать, эпоху въ торговлѣ, связанной съ вышневолоцкою системою. Въ 1826 г., вслѣдствіе сильной засухи, Сиверсовъ каналъ, огибающій Ильмень между рр. Мстою и Волховомъ, не только обмелѣлъ, но даже мѣстами совершенно пересохъ; движеніе по системѣ сдѣлалось почти совершенно невозможнымъ, ибо переѣздъ черезъ озеро Ильмень былъ крайне опасенъ. Корицкій, посредствомъ очень простого и остроумнаго способа, направилъ теченіе Мсты въ каналъ, и въ нѣсколько дней возстановилъ вполнѣ свободное движеніе. Въ 1815 еще году Корицкій значительно упростилъ полушлюзъ на р. Цнѣ въ одномъ очень неудобномъ и опасномъ для судовъ мѣстѣ, а въ 1826 г. такъ же привелъ въ изумленіе всѣхъ

окрестныхъ жителей, уничтоживъ, съ помощью особаго имъ придуманнаго и выстроеннаго ящика, опасный для судовъ омутъ. Наконецъ, на р. Мстѣ, въ такъ называемыхъ боровицкихъ порогахъ, гдѣ скорость теченія была до 30 в. въ часъ, онъ устроилъ особыя «упругія заплывы», принесшія огромную пользу судоходству: заплывы эти уменьшали силу удара судовъ о берега, неизбѣжнаго въ виду чрезвычайной извилистости русла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывавшаго нерѣдко огромныя потери, ибо если одно какое нибудь судно ударялось слишкомъ сильно и начинало тонуть, то слѣдующія барки тоже почти неизбѣжно разбивались объ него и, такимъ образомъ, погибало множество судовъ. Въ 1822—1823 г. были примѣнены заплывы по системѣ Корицкаго и съ тѣхъ поръ плаваніе черезъ пороги стало почти безопаснымъ.—Таковы были главнѣйшія работы Корицкаго на вышневолоцкой системѣ; кромѣ нихъ онъ произвелъ еще множество менѣе значительныхъ и трудныхъ, но такъ же въ высшей степени полезныхъ для судоходства. Корицкій вообще отличался чрезвычайной изобрѣтательностью въ области механики и постоянно устраивалъ различныя модели, которыя, къ сожалѣнію, послѣ его смерти исчезли безъ слѣда. Но сколько онъ любилъ механику, столько же чувствовалъ отвращеніе отъ бумажнаго дѣлопроизводства и переписки и получалъ много разъ выговоры и замѣчанія за несвоевременное доставленіе проектовъ, смѣтъ и отчетовъ. Умеръ онъ отъ болѣзни, развившейся вслѣдствіе ушиба, полученнаго имъ однажды, когда онъ выскочилъ изъ экипажа, который понесли лошади.

Біографія Корицкаго, написанная А. Штукенбергомъ, въ «Журналѣ Главн. Управлен. Путей Сообщенія», 1861, кн. I, 37—94.

Коркинъ, *Ѳедоръ Максимовичъ*, одинъ изъ сотрудниковъ Ерофея Хабарова, ум. послѣ 1657 г. Въ 1650 г. онъ промышлялъ за соболями на р. Олекмѣ, съ партіею въ 11 человѣкъ, когда Михаилъ Кашинцевъ, служилый человѣкъ, посланный Хабаровымъ изъ Якутскаго острога, съ партіей въ 40 человѣкъ, взялъ его «на государеву службу»; Коркинъ съ девятью другими такими же «охочими служилыми людьми» доставилъ въ Даурскую землю хлѣбные запасы, оружіе, порохъ и свинецъ, которые Хабаровъ оставилъ на Олекмѣ: они сначала, идя на лыжахъ въ теченіе семи недѣль, дотащили все это на нартахъ до р. Амазары, затѣмъ сдѣлали барку, пяти саженъ длины, и стали спускаться по рѣкѣ; встрѣчая пороги, они разгружали свою барку и всю кладь переносили на себѣ; такъ дошли они, наконецъ, до Амура и по Амуру до Албазина городка, гдѣ и сдали все Хабарову. Въ теченіе четырехъ лѣтъ затѣмъ Коркинъ служилъ съ Хабаровымъ, участвовалъ въ походахъ на «государевыхъ непослушниковъ, Богдойскихъ, Даурскихъ, Дючерскихъ и Гиляцкихъ людей, на бояхъ ихъ побивалъ, языковъ и аманатовъ многихъ ималъ, ясакъ государевъ сбиралъ», былъ четыре раза раненъ. Въ 1656 г. Коркинъ былъ посланъ съ партіей въ 100 человѣкъ «на стороннюю рѣчку», «для пріиску и привода неясачныхъ людей подъ государеву руку»; онъ «сыскалъ неясачныхъ людей Жючеръ», побилъ ихъ, взялъ «въ аманаты лучшаго мужика» и сталъ получать съ нихъ ясакъ. Въ 1656 же году Коркинъ былъ въ партіи въ 50 человѣкъ, съ которою Михаилъ Кашинцевъ повезъ въ Якутскъ собранную Хабаровымъ «царскую казну»; «съ нужи и голоду» умерли на этомъ пути 27 человѣкъ, въ числѣ ихъ и Кашинцевъ; тогда Коркинъ принялъ начальство надъ оставшимися и среди величайшихъ лишеній даставилъ все, что было отправлено, въ Якутскъ, въ цѣлости.

«Дополненія къ Актамъ Историч.», IV, 94—95.

Коркодиновы, князья. Происходили отъ владѣтельныхъ князей смоленскихъ; родоначальникомъ ихъ былъ *Иванъ Юрьевичъ Коркодиновъ*, прибывшій изъ Литвы на службу къ Василію Ивановичу, великому князю московскому, въ 1514 г. Наиболѣе извѣстные изъ Коркодиновыхъ: *Семенъ Ивановичъ*, бывшій воеводою въ Смоленскѣ (1571 г.), намѣстникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (1574—1576) и воеводою въ Кукейносѣ (1579) и участвовавшій въ Ливонской войнѣ полковымъ воеводою. *Григорій Ивановичъ*, воевода «на Пловѣ и на Соловѣ» (1571), намѣстникъ рославльскій (1573) и воевода астраханскій (1576—1577). *Гаврило Семеновичъ*—въ 1591 г. онъ «сбиралъ въ лѣвую руку» на Коломну Муромцевъ; въ томъ же году былъ за Москвою рѣкою «объѣзжимъ головою»; въ 1592 г. участвовалъ въ Шведскомъ походѣ; въ 1593—1594 гг. былъ

воеводою въ Крапивнѣ; въ 1595 г. посланъ къ ногайцамъ и затѣмъ былъ воеводою во Ржевѣ (1596), Орлѣ (1598), Черниговѣ (1599 и 1601), Почепѣ (1602), Переяславлѣ-Рязанскомъ (1603), Рязани (1604) и Смоленскѣ. Убитъ въ 1607 г. въ Путивлѣ возмутившимися жителями, перешедшими на сторону Самозванца. *Иванъ Михайловичъ*,—стряпчій (1636—1640), стольникъ (1658—1676), окольничій (1681—1686) и бояринъ (1691); въ 1664 г. былъ воеводою въ Вагѣ, а въ 1672—1673 гг. въ Астрахани. *Петръ Алексѣевичъ*, стольникъ (1686 — 1692), послѣдній изъ рода.

Ср. «Акты Историческіе», т. IV, 408, 424, 426, 493, 499, 504, 510; V, 135, 137; «Дополн. къ Актамъ Историческимъ», т. IV, 379—380; VI, 55, 255—260, 268, 272, 274, 275, 282, 285—289, 301; VIII, 238; IX, 205, 349; X, 120; «Родословная князей Коркодиновыхъ» въ «Русскомъ Архивѣ», 1869 г., стр. 1080—1082; «Словарь» Брокгауза (т. XVI, стр. 263); Газенвинкель, «Систематическій перечень сибирскихъ воеводъ» (Тобольскъ, 1892 г.

Коркуновъ, *Михаилъ Андреевичъ*, академикъ, род. 2 сентября 1806 г. въ Пензѣ, ум. 13 января 1858 г. въ Петербургѣ. Сынъ берггешворена; учился въ пензенскомъ уѣздномъ училищѣ и въ мѣстной семинаріи; юноша мечталъ объ университетѣ и ученой дѣятельности, но дѣдъ, у котораго онъ жилъ, хотѣлъ непремѣнно, что бы онъ служилъ по горному вѣдомству; М. А. Коркуновъ задумалъ тогда подать прошеніе на Высочайшее имя о томъ, чтобы ему было разрѣшено продолжать занятія и поступить въ университетъ; уже заготовленное прошеніе у него было найдено кѣмъ-то изъ домашнихъ и уничтожено на домашнемъ совѣтѣ. Тогда онъ нашелъ возможность обратиться къ П. П. Свиньину, случайно бывшему въ Пензѣ; Свиньинъ, черезъ начальство Коркунова-отца, достигъ того, что отецъ и дѣдъ разрѣшили молодому Коркунову отправиться въ Московскій университетъ. Здѣсь онъ поступилъ на философскій факультетъ и занимался особенно восточными языками; въ 1828 г. онъ окончилъ курсъ и былъ назначенъ преподавателемъ въ университетѣ арабскаго языка; съ 1830 г. преподавалъ въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ географію, съ 1832 г.—географію же преподавалъ студентамъ перваго курса, въ 1834 г. началъ читать лекціи всеобщей исторіи, географіи и статистики для чиновниковъ, въ 1835 г., по случаю отъѣзда за границу профессора Погодина, ему поручено было преподаваніе въ университетѣ русской исторіи; въ то же время онъ былъ помощникомъ инспектора студентовъ и завѣдывалъ минцъ-кабинетомъ. Еще съ 1827 г. онъ былъ сотрудникомъ Московскаго общества исторіи и древностей, 22 февраля 1836 г. избранъ его дѣйствительнымъ членомъ. 7 января 1837 г. онъ оставилъ службу въ Московскомъ университетѣ, 13 марта того же года назначенъ чиновникомъ Археографической Коммиссіи, 15 мая того же года — правителемъ дѣлъ ея. Въ 1848 г. М. А. Коркуновъ былъ избранъ въ члены-сотрудники Археологическаго общества, въ 1856 г. въ дѣйствительные его члены; въ 1847 г. въ адъюнкты Академіи Наукъ по II отдѣленію, а въ 1851 г. въ экстраординарные академики и завѣдывающимъ дѣлами II отдѣленія.

Дѣятельность М. А. Коркунова была направлена преимущественно на собираніе и изданіе памятниковъ; отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ и высокою добросовѣстностью въ работѣ, Коркуновъ на избранномъ имъ поприщѣ составилъ себѣ почетное имя. Подъ его ближайшимъ завѣдываніемъ напечатаны III и V томы «Актовъ Историческихъ» и т.т. I—VI «Дополненій» къ нимъ; восемь лѣтъ онъ завѣдывалъ изданіемъ «Словаря церковно-славянскаго языка». Коркуновъ былъ однимъ изъ самыхъ основательныхъ знатоковъ русской дипломатики и безъ его болѣе или менѣе активнаго участія не совершалось въ свое время почти ни одной работы по изданію древнихъ памятниковъ. Учено-литературная его дѣятельность не имѣла такого важнаго значенія, хотя тоже отмѣчена присущими его дѣятельности чертами — добросовѣстностью и основательностью въ работѣ. Первыя статьи Коркунова: «Извѣстіе о городѣ Оханскѣ» и «О народонаселеніи Пермской губерніи» напечатаны были въ «Вѣстникѣ Европы», за 1827 г. (№№ 11 и 24); въ «Трудахъ и лѣтописи Московскаго общества исторіи и древностей» (части IV и VIII) напечатаны его описанія нѣсколькихъ рукописей. Затѣмъ, за время пребыванія въ Москвѣ Коркуновъ напечаталъ еще въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета» статьи: «Географическія свѣдѣнія Гомера» и «О мнимомъ путешествіи

финикіянъ вокругъ Африки», и въ «Телескопѣ» — статью «О мѣстоположеніи Фарсиса». Въ 1836 г. Коркуновъ издалъ «Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVIII в. іеродіакономъ Троице-Сергіевской Лавры». Съ переѣздомъ въ Петербургъ онъ началъ сотрудничать въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Съ 1835 по 1855 г. въ этомъ журналѣ Коркуновъ напечаталъ: «Розысканіе о путешествіи въ Офиръ» (переводъ изъ книги Gosselin, «Recherches sur la géographie»,—въ части VI, 1835 г.), «Карта военныхъ дѣйствій между русскими и поляками въ 1579 г. и тогдашніе планы г. Полоцка и его окрестностей» (ч. XV, 1837 г.), «Описаніе старинnаго русскаго перстня» (ч. XXVII, 1840 г.), а также критическія статьи по поводу изданія Мухановымъ «Рукописи Филарета» и о книгахъ: Досиѳея, «Описаніе Соловецкаго монастыря», Борисова, «Описаніе города Шуи», о сочиненіи Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», о «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго, и нѣкоторыя другія, также нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Въ I т. «Извѣстій Археологическаго общества» напечатано сообщеніе Коркунова о такъ называемой «Башмаковской разрядной книгѣ», интересномъ и важномъ памятникѣ, тогда только что открытомъ, и нѣсколько отзывовъ его о разныхъ рукописяхъ; Археологическое Общество въ концѣ 1857 г. избрало Коркунова въ члены коммиссіи, для составленія «Археологическаго Словаря», но участвовать въ ней Коркунову уже не привелось.

«Біогр. Словарь профессоровъ Моск. Универс.». I; «Отчетъ Академіи Наукъ по II отдѣленію, за 1852—1866 гг.»; «Извѣстія Импер. Археологич. Общества», I, 1858 г.

Корнилій, преподобный комельскій, скончался 17 мая 1537 г. Родомъ былъ изъ Ростова, въ молодыхъ годахъ служилъ при дворѣ великой княгини Маріи, супруги великаго князя Василія Васильевича, но рано оставилъ службу, постригся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, исполнялъ тамъ разнаго рода послушанія, переписывалъ между прочимъ книги. Послѣ продолжительнаго странствованія по монастырямъ поселился при дворѣ извѣстнаго архіепископа новгородскаго Геннадія. Строгость его жизни и начитанность привлекали къ нему множество посѣтителей; онъ же искалъ уединенія и спокойной молитвы; поэтому удалился сначала въ окрестности Твери, а затѣмъ въ Вологодскіе предѣлы, гдѣ, въ Комельскихъ лѣсахъ, съ благословенія митрополита Симона, основалъ въ 1517 г. небольшой монастырь. Монастырь его быстро разросся; тогда Корнилій съ ученикомъ своимъ Геннадіемъ удалился въ костромскіе предѣлы и тамъ основалъ новую обитель на берегу Сурскаго озера. Около 1531 г. Корнилій удалился въ мѣсто своего постриженія, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, но по усиленнымъ просьбамъ братіи Комельскаго монастыря перешелъ туда и жилъ тутъ до кончины уединенно и въ молчаніи, не принимая на себя игуменства. Для монастыря своего онъ составилъ особый общежительный уставъ.

Эристовъ, кн., «Слов. истор. о святыхъ».

Корнилій, преподобный палеостровскій, основатель Палеостровскаго монастыря (существующаго и нынѣ) на островѣ Палеѣ Онѣжскаго озера, жилъ не позже 2-й половины XIV ст. Единственную біографическую подробность объ основателѣ Палеостровскаго монастыря сообщаетъ рукописная служба преподобному Корнилію, называющая Псковъ «отечествомъ» преподобнаго.

Барсовъ, «Палеостровъ и его значеніе въ Обонѣжскомъ краѣ»—въ «Чтен. Общ. Ист. и Древн.» 1868 г., кн. I.

Корнилій, преподобный, въ мірѣ Кононъ, скончался 22 іюня 1693 г. Родомъ купеческій сынъ изъ Переяславля-Рязанскаго; съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Лукьяновской пустыни, затѣмъ постригся въ Борисоглѣбскомъ переяславскомъ монастырѣ и велъ чрезвычайно строгую и подвижническую жизнь. Мощи его открылъ св. Димитрій ростовскій въ 1705 г. и написалъ ему тропарь и кондакъ.

Эристовъ, кн., «Слов. истор. о святыхъ».

Корнилій (Александръ Матвѣевичъ *Орлинковъ*), архимандритъ новгородскаго Антонія Римлянина монастыря, род. въ Москвѣ въ 1833 г., ум. 25 іюля 1886 г. Сынъ священника. Обучался въ Московской семинаріи и академіи, гдѣ 8 марта 1858 г., предъ окончаніемъ курса, постригся въ монашество; 16 марта рукоположенъ въ іеродіакона, затѣмъ произведенъ въ іеромонахи; кончилъ курсъ магистромъ; прекрасно зналъ новѣйшіе и

древніе иностранные языки. Былъ инспекторомъ въ калужской, потомъ въ костромской семинаріяхъ; 15 декабря 1864 г. произведенъ въ архимандрита. 18 марта 1865 г. переведенъ инспекторомъ въ петербургскую семинарію, а 31 августа 1866 г. назначенъ ректоромъ костромской семинаріи. Въ 1874 г. былъ опредѣленъ настоятелемъ новгородскаго Антонія Римлянина монастыря и членомъ новгородской консисторіи. Обладалъ ораторскимъ талантомъ и произносилъ прекрасныя проповѣди, но не печаталъ ихъ. Въ молодыхъ лѣтахъ принималъ участіе въ переводѣ съ латинскаго языка на русскій твореній св. Кассіана. Скончался скоропостижно въ Новгородѣ.

«Церк. Вѣстникъ» 1886 г., № 32; «Исторія Спб. семинаріи», Надеждина; дѣла архива св. синода.

Корнилій (Кодратъ Андреевичъ *Чернявскій*), игуменъ. Род. въ 1781 г.; ум. 26 іюля 1875 г. Сынъ священника с. Тополевки, Сосницкаго уѣзда. Началъ службу канцеляристомъ въ новгородсѣверскомъ духовномъ правленіи при единственномъ новгородсѣверскомъ епископѣ Иларіонѣ Кондратковскомъ (новгородсѣверская епархія учреждена въ 1785 г., упразднена въ 1797 г.), затѣмъ перешелъ въ сосницкое духовное правленіе. Послѣ трехлѣтней службы, рукоположенъ во діакона, затѣмъ—въ священника въ с. Тополевку. 4 іюля 1842 г. уволенъ за штатъ. Въ 1854 г. поступилъ въ число монашествующей братіи архіерейскаго дома въ Черниговѣ; постриженъ 1 февраля 1855 г. Все время, съ этихъ поръ, оставался архіерейскимъ духовникомъ, до самой своей кончины. Почти столѣтній старецъ, простой, глубоковѣрующій, былъ очень популяренъ и пользовался большимъ авторитетомъ среди духовенства и мѣстнаго населенія.

«Черниг. епарх. вѣдом.», 1875 г., № 18.
С. Г. Р.

Корнилій, постриженникъ и игуменъ Псково-Печерскаго монастыря, скончался 20 февраля 1570 г., на 69 году отъ роду и на 42 году своего игуменства. Замѣчателенъ заботами о распространеніи христіанства среди Чуди; составилъ лѣтопись своего монастыря и описаніе бѣдствій своего времени, до насъ не дошедшее. По преданію его собственноручно, въ гнѣвѣ, обезглавилъ царь Іоаннъ Грозный.

«Описаніе Псково-Печерск. мон.», Деритъ, 1832 г.; Карамзинъ, IX, 90, 158.

Корнилій, игуменъ Падаостровскій, какъ есть основаніе думать, ученикъ преподобнаго Александра Свирскаго (ум. 1553 г.), основалъ въ 1549 г. Падаостровскій монастырь (нынѣ не существующій) въ предѣлахъ нынѣшней Олонецкой губерніи, въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, въ 69 верстахъ къ юго-востоку отъ уѣзднаго города. Ум. послѣ 1582 г.

«Акты Историческіе», т. II, № 31; Неволинъ «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ», прил. VI, 179—180.

Корнилій, архіепископъ ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій. Около 1560 г. онъ былъ игуменомъ колоцкаго монастыря смоленской епархіи. Хиротонисанъ во архіепископа 19 января 1567 года. 29 апрѣля 1572 г. присутствовалъ на соборѣ о четвертомъ бракѣ царя Іоанна Васильевича. Скончался 7 марта 1573 года.

«Яросл. Епарх. Вѣдом.» 1894 г., № 10; Діевъ «Повѣрка іерарх. каталоговъ»—рукопись синод. архива.

Корнилій, архіепископъ вологодскій и великопермскій. Хиротонисанъ въ архіепископа 6 февраля 1620 г.; ранѣе, съ 1613 г., упоминается въ числѣ архимандритовъ свіяжскаго богородицкаго монастыря въ Казани. Въ декабрѣ 1620 г. присутствовалъ на соборѣ о крещеніи латинянъ. Скончался 17 марта 1625 г. и погребенъ въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ.

«Вологодск. епарх. вѣдом.», 1865 г., № 24; Діевъ, «Повѣрка іерарх. каталоговъ», рукоп. въ архивѣ Свят. Синода.

Корнилій, митрополитъ казанскій и свіяжскій. Въ 1647 г. былъ игуменомъ Макаріева желтоводскаго монастыря; въ 1649 г.—игуменомъ московскаго Богоявленскаго монастыря. 13 января 1650 г. хиротонисанъ въ митрополита казанскаго. Скончался 17 августа 1656 г. Онъ хиротонисалъ патріарха Никона и потомъ присутствовалъ на соборахъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ.

Діевъ, рукопись «Повѣрка іерарх. каталоговъ»; Горталовъ «Казанскіе іерархи».

Корнилій, митрополитъ сибирскій и тобольскій, ум. 23 декабря 1678 г. Хиротонисанъ изъ игуменовъ новгородскаго хутынскаго монастыря 24 іюля 1664 г., въ Тобольскъ прибылъ въ февралѣ 1665 г.

Въ 1668 г. вызванъ въ Москву и поставленъ 25 мая въ митрополиты сибирскіе. Въ епархіи своей строго наблюдалъ за жизнью и дѣятельностью духовенства; заботился о распространеніи христіанства среди инородческаго населенія; во многихъ острогахъ и слободахъ, какъ-то: Шадринской, Бешкильской, Торсютской, Иркутскомъ, Красногорскомъ и другихъ, построилъ церкви; по его грамотѣ построенъ монастырь Вознесенія въ Иркутскомъ острогѣ. Въ архіерейскую ризницу оставилъ богатые вклады; за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины принялъ схиму.

«Журн. Мин. Нар. Просв.; 1854, I, отд. V, 31—35, «Тоб. губ. вѣд.», 1859, 165—173.

Корнилій, выгопустынскій, въ мірѣ Кононъ; выдающійся расколоучитель, причисленный раскольниками къ лику святыхъ. Ум. 21 марта 1695 г. ста двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Корнилій родился въ г. Тотьмѣ, въ крестьянской семьѣ; почувствовавъ влеченіе къ иноческой жизни, онъ 15-ти лѣтъ оставилъ родительскій домъ и послѣ трехъ лѣтъ скитанія по монастырямъ, постригся въ монастырѣ св. Корнилія комельскаго. Пробывъ тамъ 24 года, онъ вновь пошелъ странствовать и поселился, наконецъ, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ. Отсюда патріархъ Іосифъ взялъ его къ себѣ въ пекари. Пробывъ два года въ этой должности, Корнилій направился въ Новгородъ и тамъ былъ пекаремъ у митрополита Аѳонія, а потомъ у его преемника Никона. Здѣсь познакомился онъ съ извѣстнымъ игуменомъ Досиѳеемъ. Изъ Новгорода Корнилій опять вернулся въ Москву; патріархъ Іосифъ поставилъ его къ Архангельскому собору и поручилъ ему наблюденіе за узниками духовнаго званія. Обязанность эта тяготила Корнилія, а потому, по смерти патріарха, онъ вернулся въ Чудовъ монастырь. Когда Никонъ сталъ вводить правленныя книги и измѣненные обряды, Корнилій бѣжалъ съ Досиѳеемъ на Донъ, пробылъ тамъ три года, вернулся было въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, но когда и туда проникли новые обряды церковные, удалился въ Нилову пустынь. Здѣсь онъ принялъ дѣятельное участіе въ открытомъ сопротивленіи властямъ, которое оказали иноки при введеніи у нихъ церковныхъ новшествъ. Послѣ этого Корнилій бѣжалъ въ Олонецкіе предѣлы, гдѣ и явился ревностнымъ сѣятелемъ и распространителемъ раскола. Поселившись сначала на р. Воулѣ недалеко отъ г. Пудоги, онъ затѣмъ переходилъ съ мѣста на мѣсто (жилъ на Кяткозерѣ, на Нигозерѣ, на Бѣломъ островѣ Водлозера, на Немозерѣ, на Гавушозерѣ), пока не поселился окончательно на р. Выгѣ. Во время странствованій онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ главарями раскольничьяго движенія, которые высоко почитали мудраго начитаннаго проповѣдника («самъ книга бяше», говоритъ о немъ біографъ), являвшаго образецъ строгой иноческой жизни. На Выгѣ онъ благословилъ Даніила Викулина на устройство знаменитаго впослѣдствіи Выговскаго общежитія. Послѣ смерти Корнилій былъ канонизованъ раскольниками; ему составлена особая служба; ему приписываются чудеса.—Житіе Корнилія имѣется въ двухъ редакціяхъ: одна, первоначальная, написана до 1723 г. его ученикомъ Пахоміемъ, другая, позднѣйшая, является литературною обработкою первой и принадлежитъ перу выговца Трифона Петрова; она напечатана въ 1731 г. Обѣ редакціи встрѣчаются во множествѣ рукописей. Первая пересказана Максимовымъ въ его «Разсказахъ изъ исторіи старообрядчества» Спб. 1861 г., а вторая—Александромъ Б. (Бровковичемъ) въ «Описаніи нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Спб. 1861 г., ч. I.

Дружининъ, «О житіи Корнилія Выгопустынскаго»—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884 г., сентябрь, 1—15.

Корнилій, митрополитъ великоновгородскій, великолуцкій и всего поморья. Ум. 26 февраля 1698 г. Родомъ великороссіянинъ. Постригся въ Зеленецкомъ монастырѣ и былъ тамъ рукоположенъ въ іеромонаха. Осенью 1665 г. переведенъ архимандритомъ въ тихвинскій монастырь и въ январѣ 1667 г. представленъ былъ въ кандидаты на патріаршество, а съ 10 марта 1668 г. былъ снова въ Зеленецкомъ монастырѣ настоятелемъ, откуда «нуждою»—т. е. противъ собственнаго его желанія—былъ хиротонисанъ 16 марта 1673 г. въ митрополита казанскаго и свіяжскаго. Въ Казани, однако, побывать ему не пришлось: годъ и 5 мѣсяцевъ онъ прожилъ въ Москвѣ, а 6 августа 1674 г. перемѣщенъ былъ на новгородскую митрополичью каѳедру, которою и правилъ 20 лѣтъ. При немъ въ 1682 г. Соловецкій мо-

настырь отошелъ отъ новгородской къ холмогорской епархіи; въ 1685 г. ему въ помощь данъ викарій епископъ тамбовскій Леонтій; 3 марта 1695 г. престарѣлый митрополитъ по болѣзни удалился на покой въ Зеленецкую пустынь, гдѣ и скончался и погребенъ.

«Новгородск. епарх. вѣдом.» 1894 г.; «Іерархи Новгородской епархіи».

Корниловичъ, *Александръ Осиповичъ*, писатель. Род. около 1795 года, ум. въ сентябрѣ 1833 года. Уроженецъ Малороссіи, воспитанникъ Одесскаго лицея и училища колонновожатыхъ, Корниловичъ былъ прикомандированъ къ генералу Д. П. Бутурлину, занимавшемуся тогда исторіей походовъ Петра Великаго и исторіей двѣнадцатаго года и помогалъ ему въ архивныхъ разысканіяхъ. Это обстоятельство дало ему возможность собрать значительное количество историческихъ матеріаловъ, недоступныхъ для другихъ, развило въ немъ интересъ къ русской исторіи и послужило поводомъ къ сближенію съ литераторами. Результатомъ его историческихъ занятій были слѣдующія статьи: «Первый опытъ кораблестроенія въ Россіи»; «Посольства русскихъ въ Голландію» — обѣ статьи представляютъ переводъ изъ сочиненій голландскаго историка Схельтемы «Rusland en de Nederlanden», и были напечатаны въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1822—1824 гг.; «Изъ записокъ аббата Жоржея» и «Изъ Стрюйса» (напечатаны тамъ же). Въ 1824 г. Корниловичъ вмѣстѣ съ казацкимъ офицеромъ Сухоруковымъ предпринялъ изданіе альманаха «Русская Старина»; въ 1825 г. альманахъ этотъ вышелъ вторымъ изданіемъ; теперь эта книга составляетъ большую рѣдкость.

Въ 1824 г. Корниловичъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ; онъ участвовалъ въ южномъ тайномъ обществѣ и затѣмъ въ событіяхъ 14 декабря и былъ приговоренъ на вѣчныя каторжныя работы; но на пути къ Читѣ былъ остановленъ и возвращенъ секретно въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ содержался до 1832 г. Причиною его возвращенія было, кажется, опасеніе, чтобы онъ не разгласилъ архивныхъ секретовъ. Пребываніе Корниловича въ крѣпости съ внѣшней стороны было обставлено довольно удобно и даже сравнительно комфортабельно. Тотчасъ же по доставленіи Корниловича въ Петербургъ гр. Бенкендорфъ передалъ ему, что Императоръ разрѣшаетъ ему излагать свои мнѣнія по разнымъ предметамъ государственнаго благоустройства для представленія Государю. Корниловичу свободно доставлялись книги; но всякія сношенія съ посторонними и разговоры даже со сторожемъ были строго воспрещены; за нѣкоторыя замѣчанія Государь выражалъ Корниловичу свою благодарность чрезъ Бенкендорфа.

Въ 1832 г. Корниловичъ былъ привезенъ въ Грузію и зачисленъ солдатомъ въ пѣхотный Ширванскій полкъ, расположенный въ Царскихъ Колодцахъ, но здѣсь онъ вскорѣ заболѣлъ горячкой и умеръ.— Всѣ, знавшіе Корниловича, отзывались съ похвалами о его эрудиціи и превозносили его кроткій характеръ и необычайную доброту.

«Записки» А. П. Бѣляева; «Воспоминанія» Н. И. Шенига въ «Русскомъ Архивѣ», 1880 г., т. III, стр. 298 и слѣд.; «Изъ записокъ Н. И. Греча» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1868 г., № 6, стр. 414—416); Д. Завалишинъ, «Сухоруковъ и Корниловичъ»,—«Древняя и Новая Россія», 1878 г., № 6; «А. О. Корниловичъ» —«Русская Старина», 1878 г. № 10.

Корниловъ, *Алексѣй Михайловичъ*, отецъ знаменитаго севастопольскаго героя вице-адмирала Владиміра Алексѣевича Корнилова, род. въ 1760 г., ум. послѣ 1835 г. Учился въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры въ 1782 г. послѣ долгаго плаванія въ Средиземномъ морѣ. Въ сраженіи при Красной Горкѣ онъ въ чинѣ лейтенанта командовалъ фрегатомъ, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степ. и чинъ капитанъ-лейтенанта. Онъ написалъ книгу, имѣвшую въ свое время важное практическое значеніе: «Сигналы, посредствомъ коихъ производятся тактическія дѣйствія гребного флота». Книга эта обратила на себя вниманіе; въ 1797 г. авторъ ея былъ пожалованъ чиномъ капитана 2-го ранга, затѣмъ онъ былъ начальникомъ канонерской эскадры «Державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго» и имѣлъ командорскій орденскій знакъ. При Александрѣ I онъ занималъ постъ губернатора въ Иркутскѣ, потомъ въ Тобольскѣ. За это время онъ написалъ книгу «Замѣчанія о Сибири»; въ ней интересна глава «о воспитаніи дѣтей въ Китаѣ», гдѣ авторъ излагаетъ свои мысли о громадномъ значеніи воспитанія вообще; онъ признаетъ, что только воспитаніе домашнее можетъ вырабатывать изъ дѣтей полезныхъ гражданъ и вѣрныхъ сыновъ

отечества. Въ 1807 году А. М. Корниловъ совсѣмъ покинулъ Сибирь и поселился въ родовомъ имѣніи своемъ Тверской губерніи; въ 1822 г. онъ назначенъ былъ сенаторомъ.

Источники — въ матеріалахъ для біографіи его сына.

Корниловъ, *Владиміръ Алексѣевичъ*, вице-адмиралъ, знаменитый севастопольскій герой, род. въ 1806 г., убитъ въ Севастополѣ 5 октября 1854 г. До 15 лѣтъ онъ учился съ дѣтьми помѣщика-сосѣда по имѣнію съ его отцемъ - въ Тверской губерніи, въ 1821 г. былъ отданъ въ Морской Кадетскій корпусъ; въ 1823 г. былъ произведенъ въ мичманы. Въ 1824 г. Корниловъ былъ назначенъ по просьбѣ отца на шлюпъ «Смирный», отправлявшійся въ Тихій Океанъ для охраненія торговли нашихъ американскихъ колоній. «Смирный», однако, не дошелъ до мѣста назначенія, пострадавъ отъ жестокихъ бурь въ Нѣмецкомъ морѣ и, послѣ зимовки въ портѣ Арендаль, вернулся въ Кронштадтъ; тогда Корниловъ былъ прикомандированъ къ Гвардейскому экипажу, но командиръ экипажа вскорѣ удалилъ его, не найдя въ немъ «достаточной для фронта бодрости» и Корниловъ продолжалъ службу при 20-мъ экипажѣ; въ 1827 г., благодаря знакомству отца съ адмираломъ Сенявинымъ, молодой Корниловъ былъ переведенъ въ 12-й экипажъ и назначенъ на корабль «Азовъ», шедшій въ Средиземное море. Это назначеніе оказало огромное вліяніе на всю будущность Корнилова. Командиромъ «Азова» былъ въ то время Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, впослѣдствіи главный начальникъ черноморскаго флота. Это былъ человѣкъ, замѣчательно понимавшій людей. В. А. Корниловъ пріѣхалъ къ нему свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, читалъ только легкіе французскіе романы, въ службѣ видѣлъ лишь тягостную необходимость; но М. П. Лазаревъ понялъ, что изъ этого юноши можетъ выйти дѣльный человѣкъ. Онъ началъ особенно внимательно и строго къ нему относиться; но замѣчанія по службѣ внушили Корнилову мысль, что его «преслѣдуютъ»; тогда Лазаревъ рѣшилъ объясниться съ нимъ; онъ прямо спросилъ Корнилова, желаетъ ли онъ продолжать службу во флотѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, высказалъ ему свой взглядъ на обязанности морского офицера, на значеніе самообразованія, а затѣмъ, по словамъ самого Корнилова, любившаго разсказывать объ этомъ эпизодѣ, собственноручно выбросилъ за бортъ всѣ книги молодого офицера и замѣнилъ ихъ книгами изъ своей собственной библіотеки. Этотъ разговоръ произвелъ глубокое впечатлѣніе на молодого офицера. Корниловъ началъ жить новою жизнью, все свободное отъ службы время онъ сталъ посвящать серьезному чтенію. Лазаревъ зорко слѣдилъ за нимъ, радовался въ душѣ, но ничѣмъ не выказывалъ своего одобренія и не баловалъ наградами своего любимца. За Наваринскую кампанію Корниловъ получилъ лишь орденъ св. Анны 4-й ст.; по возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1830 году онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а вслѣдъ за тѣмъ въ 1831 году былъ назначенъ командиромъ тендера «Лебедь». На «Лебедѣ» онъ плавалъ два года; въ 1833 году Лазаревъ вызвалъ его къ себѣ на Босфоръ, гдѣ онъ находился съ эскадрою, посланною въ помощь Турціи противъ Ибрагима-Паши. Здѣсь Лазаревъ немедленно назначилъ его къ себѣ для особыхъ порученій. Корниловъ оправдалъ довѣріе своего покровителя: за свое пребываніе на Босфорѣ онъ, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Путятинымъ, составилъ описаніе укрѣпленій Дарданельскаго пролива и Босфора, трудъ очень серьезный, имѣвшій не малое значеніе во время послѣдовавшей затѣмъ войны съ Турціей. За эту работу Корниловъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степ. и осенью слѣдующаго года былъ назначенъ командиромъ брига «Ѳемистоклъ». За время своего недолгаго плаванія на этомъ суднѣ онъ привелъ его въ блестящій порядокъ. Скоро, однако, Корнилову показалось неудобнымъ учить своихъ офицеровъ на Босфорѣ, и по его просьбѣ Лазаревъ перевелъ его съ бригомъ въ Пирей. Плаваніе здѣсь продолжалось до 1835 г. и Корниловъ заслужилъ за это время среди подчиненныхъ репутацію «лихого командира». Въ 1835 г. Корниловъ произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1837 г. назначенъ командиромъ корвета «Орестъ» и затѣмъ быстро пошелъ впередъ по службѣ. Съ 1838 по 1842 г. онъ получилъ многіе знаки отличія, чины капитана 2-го ранга, затѣмъ 1-го ранга и, наконецъ, назначенъ былъ командиромъ 120-ти пушечнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ». Въ то же время Корниловъ исполнялъ обязанности

начальника штаба Черноморскаго флота, командиромъ котораго былъ Лазаревъ. Способности Корнилова къ работѣ и умѣнье обращаться съ подчиненными вполнѣ высказались въ это время. Къ офицерамъ онъ относился не какъ строгій, суровый начальникъ, а какъ старшій опытный товарищъ и наставникъ. На вахтѣ и во время ученій онъ никогда не вмѣшивался въ приказанія командировъ, предоставляя имъ дѣйствовать самостоятельно, но ни одна ошибка не ускользала отъ его зоркаго глаза и, вечеромъ, въ своей каютѣ онъ подробно обсуждалъ все со своими офицерами, объяснялъ каждый промахъ и указывалъ, какъ его слѣдуетъ избѣгать. Онъ заботился и о разумномъ чтеніи для своихъ офицеровъ: самъ перевелъ съ англійскаго языка статьи англійскаго регламента «объ артиллерійскомъ ученьи» и «о лейтенантѣ», съ французскаго «о вахтенномъ и субалтернъ-офицерахъ», снабдилъ эти переводы своими примѣчаніями и передалъ ихъ въ офицерскую библіотеку на кораблѣ. Возвращаясь въ Николаевъ послѣ прекращенія кампаніи, Корниловъ неутомимо трудился надъ разработкою вновь составлявшихся штатовъ. Эта сложная работа была послѣднимъ испытаніемъ, которое М. П. Лазаревъ возложилъ на своего любимца, предполагая ввѣрить ему затѣмъ отвѣтственный постъ начальника штаба Черноморскаго флота. Корниловъ съ успѣхомъ выполнилъ свою задачу. «Польза штатовъ 1840 г.— громадна, пишетъ по этому поводу одинъ изъ его современниковъ, Шестаковъ,—это—лучшая справочная морская книга, и такого труда, вмѣстѣ полезнаго и гигантскаго, нигдѣ не существуетъ». Въ это же время Корниловъ приготовилъ къ печати и издалъ въ 1839 г. переводъ книги «Морская служба въ Англіи»—руководство для молодыхъ офицеровъ,—превосходно знакомящее съ подробностями корабельнаго порядка и управленія. Съ 1842 по 1846 г. Корниловъ совершилъ рядъ плаваній по Черному морю на кораблѣ «12 Апостоловъ»; за это время довелъ судно до совершенства и превосходно изучилъ берега Чернаго моря. Въ промежуткахъ между плаваніями онъ занялся, между прочимъ, по порученію Лазарева, преобразованіемъ морской офицерской библіотеки въ Севастополѣ. Библіотека эта, основанная адмираломъ Грейгомъ, къ этому времени пришла въ полный упадокъ, вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ книгами какъ завѣдующихъ библіотекою, такъ и посѣтителей-офицеровъ. Корниловъ завелъ строгій порядокъ въ библіотекѣ, пополнилъ ее лучшими сочиненіями по морскому дѣлу, устроилъ прекрасный кабинетъ для чтенія. Въ 1846 г. Лазаревъ командировалъ его въ Англію для заказа новыхъ пароходовъ. Жизнь въ Англіи, гдѣ вообще относились очень подозрительно ко всякому иностранцу, а въ особенности—моряку, была очень тяжела для Корнилова; приходилось бороться съ множествомъ мелкихъ непріятностей. Въ 1848 г. онъ вернулся въ Севастополь на вновь выстроенномъ пароходѣ «Владиміръ», и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ 1851 г. умеръ Лазаревъ. Смерть его была тяжелымъ ударомъ для Корнилова: онъ очутился въ самомъ неопредѣленномъ и затруднительномъ положеніи: по всѣмъ частямъ управленія Черноморскимъ флотомъ онъ долженъ былъ раздѣлять отвѣтственность съ исправлявшимъ должность главнаго командира, вице-адмираломъ Берхомъ, а между тѣмъ за предѣлами штаба онъ не имѣлъ никакой власти; при Лазаревѣ, при отношеніяхъ его къ Корнилову, такое ненормальное положеніе вещей было незамѣтнымъ, но теперь оно грозило очень непріятными послѣдствіями для него. 4 августа 1851 г., во время пребыванія въ Николаевѣ начальника главнаго морского штаба кн. Меншикова, Корниловъ подалъ ему докладную записку по этому вопросу— и послѣдовало распоряженіе о допущеніи Корнилова «присутствовать при всѣхъ докладахъ, дѣлаемыхъ главному командиру»; кромѣ того, Меньшиковъ разрѣшилъ Корнилову писать прямо къ нему во всѣхъ затруднительныхъ для черноморскаго управленія обстоятельствахъ. Въ концѣ 1851 г. Корниловъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества, а въ 1852 г. Государь пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты съ производствомъ въ вице-адмиралы и утвердилъ его въ должности начальника штаба Черноморскаго флота. Въ эти же годы Корниловъ, участвуя въ пересмотрѣ морскихъ уставовъ, представилъ много цѣнныхъ замѣчаній. 14 февраля 1853 г. Корниловъ былъ назначенъ въ свиту кн. Меншикова, посланнаго чрезвычайнымъ посломъ къ турецкому султану, и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополь на пароходѣ «Громоносецъ». Въ

Константинополѣ онъ осмотрѣлъ адмиралтейство, укрѣпленія, заводы, русскія и иностранныя суда, стоявшія тамъ, и 28 февраля поѣхалъ на «Бессарабіи» въ Мраморное море и Пирей, произвести смотръ находившимся тамъ судамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — чтобы ознакомиться съ перемѣнами, происшедшими въ укрѣпленіяхъ Босфора и Дарданеллъ съ того времени, какъ онъ (въ 1833г.) съ лейтенантомъ Путятинымъ составилъ ихъ описаніе.

Вернувшись въ Константинополь, Корниловъ узналъ, что переговоры кн. Меншикова съ султаномъ затянулись и, предвидя, что дѣло окончится войною, поспѣшилъ 12 марта уѣхать въ Севастополь. Здѣсь онъ дѣятельно принялся за приготовленія къ предстоящей кампаніи: производилъ ежедневные морскіе маневры и пополнялъ артилерію на судахъ. Вскорѣ кн. Меншиковъ вернулся съ извѣстіемъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Турціею; Корниловъ немедленно предписалъ всѣ порты и суда Чернаго моря привести въ боевую готовность и составилъ программу крейсерства нашихъ судовъ между Босфоромъ и Севастополемъ. 16 октября 1853 г., получивъ извѣстіе о первой битвѣ, происшедшей 12 октября между нашей гребной флотиліей и турецкими укрѣпленіями на Дунаѣ близъ м. Исакчи, онъ издалъ свой первый боевой приказъ по Черноморскому флоту, въ которомъ говорилъ, что «хотя и не послѣдовало еще Высочайшаго манифеста о войнѣ, суда должны быть всякую минуту готовы къ выходу въ море для пораженія непріятеля» и потому предписалъ ежедневно дѣлать общія ученья и держать въ полной готовности пушки и даже абордажные снаряды. Одновременно съ этимъ Корниловъ предписалъ командиру Севастопольскаго порта раздѣлить фрегаты, оставшіеся на рейдѣ, на двѣ эскадры, чтобы, въ случаѣ выхода одной въ море, другая могла оставаться въ запасѣ. Корниловъ сталъ ожидать, какъ писалъ онъ Нахимову 18 октября, «пока Государь дозволитъ доказать Джону Булю, что русскіе не забыли своего происхожденія отъ людей, спасшихъ Европу, и что пока можно будетъ свалять дѣло вродѣ Наваринскаго». 20 октября Корниловъ получилъ разрѣшеніе выйти на рекогносцировку Варнскаго и Бургасскаго заливовъ, по осмотрѣ которыхъ онъ долженъ былъ проѣхать къ Азіатскому берегу и тамъ соединиться съ эскадрою Нахимова. При встрѣчѣ съ турецкими судами разрѣшено было дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Корниловъ открылъ мѣсто нахожденія турецкой эскадры и по пути на соединеніе съ Нахимовымъ 3 ноября овладѣлъ съ бою 10-ти пушечнымъ, 220-сильнымъ турецкимъ пароходомъ «Первазъ-Бахри». Доставивъ свой призъ въ Севастополь, онъ поспѣшилъ къ Нахимову, но соединился съ нимъ уже послѣ Синопской битвы. «Битва славная, писалъ онъ женѣ 22 ноября 1853 г., выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимовъ! Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) радуется за своего ученика!». Послѣ Синопа кн. Меншиковъ опять вызвалъ Корнилова въ Севастополь. Имена Корнилова, Нахимова и Тотлебена неразрывно связаны съ славной исторіей обороны Севастополя. Если Тотлебенъ своимъ искусствомъ сумѣлъ въ короткое время обратить почти незащищенный городъ въ неприступную крѣпость, если Нахимовъ послѣ смерти Корнилова геройски продолжалъ начатое дѣло обороны, то именно Корниловъ нашелъ себѣ такого помощника, какъ Тотлебенъ, онъ положилъ начало оборонѣ Севастополя, вдохнувъ энергію въ окружающихъ, готовыхъ было отчаяться въ возможности защиты, наконецъ, именно онъ послѣ Лазарева, а отчасти и при немъ уже, былъ воспитателемъ того высокаго духа въ морякахъ Черноморскаго нашего флота, который проявился въ такомъ величіи при защитѣ Севастополя. По пріѣздѣ въ Севастополь Корниловъ дѣятельно принялся за укрѣпленіе порта и рейда; распредѣлилъ мѣсто стоянки судовъ въ гавани, составилъ для нихъ боевыя диспозиціи, построилъ три земляныя батареи для оказанія помощи нашимъ судамъ въ случаѣ появленія непріятеля на рейдѣ; онъ замѣтилъ, что непріятель легко можетъ стать съ тыла Константиновской батареи и безнаказанно бомбардировать рейдъ (что и пробовали дѣлать англійскія суда 5 октября 1854 г.), поэтому и приказалъ построить къ сѣверу отъ Константиновской батареи на высокой скалѣ оборонительную башню «Мартелло». Башня эта впослѣдствіи нанесла столько вреда врагамъ, что они прозвали ее «осою». Затѣмъ Корниловъ сформировалъ 4 десантныхъ и 2 резервныхъ баталіона. Укрѣпленія, возведенныя Корниловымъ, придали Севастополю такой грозный видъ съ моря, что непріятель послѣ многихъ рекогносци-

ровокъ счелъ болѣе удобнымъ напасть на городъ съ суши. Союзники высадили десантъ на берегъ близъ Балаклавы, и при р. Альмѣ принудили русскія войска отступить. Главнокомандующій кн. Меншиковъ, подойдя къ Севастополю, порѣшилъ присоединить севастопольскія сухопутныя войска къ арміи, а защиту города съ суши поручить морякамъ. Но, чтобы защитить Севастополь и съ моря, онъ приказалъ Корнилову затопить при входѣ въ бухту нѣсколько судовъ. Корнилову приходилось собственными руками уничтожать флотъ, надъ улучшеніемъ котораго онъ столько лѣтъ трудился. Онъ не возразилъ Меншикову; а у себя на квартирѣ созвалъ военный совѣтъ изъ флагмановъ и командировъ судовъ, передалъ имъ приказаніе князя и предложилъ въ свою очередь, выйти въ море и дать рѣшительное сраженіе непріятелю, чтобы, если не совсѣмъ разбить его, то по крайней мѣрѣ обезсилить настолько, чтобы онъ не могъ начать осады города. Но планъ этотъ встрѣтилъ мало сочувствія. Тогда Корниловъ распустилъ совѣтъ, поѣхалъ къ Меншикову и передалъ ему о своемъ намѣреніи. Меншиковъ въ отвѣтъ повторилъ приказъ затопить корабли. Корниловъ отказался исполнить приказаніе. Меншиковъ сильно разсердился и со словами: «Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ мѣсту своего служенія!» приказалъ позвать къ себѣ вице-адмирала Станюковича. Видя, что Меншиковъ непоколебимъ, Корниловъ вскричалъ: «Остановитесь!—то, къ чему вы меня принуждаете,—самоубійство, но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелями,—невозможно!—Я готовъ повиноваться!»... На слѣдующій день Корниловъ отдалъ приказъ затопить въ бухтѣ пять кораблей и со слезами на глазахъ, по разсказамъ очевидцевъ, смотрѣлъ, какъ они медленно погружались въ воду. «Москва горѣла, но Русь отъ этого не погибла, напротивъ встала сильнѣе! Богъ милостивъ! Помолимся Ему и не допустимъ врага сильнаго покорить себя!»—обратился онъ къ окружающимъ морякамъ. Затопивъ корабли, Меншиковъ, несмотря на всѣ возраженія Корнилова, порѣшилъ вывести почти всѣ сухопытныя войска изъ города. Передъ уходомъ онъ поручилъ защиту южной стороны города Нахимову, а сѣверной, откуда ожидалось нападеніе непріятелей,—Корнилову. Сѣверная сторона была такъ слабо укрѣплена, что Корниловъ совершенно не предвидѣлъ успѣха въ случаѣ штурма. «Отступленіе съ сѣверной стороны—невозможно, говорилъ онъ; мы всѣ тутъ ляжемъ. Смерть меня не страшитъ, но быть взяту въ плѣнъ—это ужасно!» Однако онъ не упалъ духомъ, а дѣятельно принялся съ Тотлебеномъ за укрѣпленіе порученной ему части города и сумѣлъ вдохнуть бодрость и энергію въ окружающихъ. Между тѣмъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, непріятель 25 сентября вдругъ перешелъ на южную сторону. Корниловъ со своими 11 баталіонами моряковъ поспѣшилъ на помощь къ Нахимову. Нахимовъ съ самаго начала тяготился выпавшею на его долю ролью командира-распорядителя и просилъ Корнилова принять на себя защиту города и главное командованіе войсками. Корниловъ согласился и принялся за работу. Укрѣпленія южной стороны съ суши мало чѣмъ отличались отъ укрѣпленій сѣверной. Даже знаменитый впослѣдствіи Малаховъ курганъ имѣлъ только башню, безъ гласиса, безъ фланговой обороны. Корниловъ трудился неутомимо, поспѣвая всюду, ободряя всѣхъ словами и своею личною энергіею. Непріятели не торопились наступать—они тоже окапывались. 3 октября Корниловъ отдалъ свой послѣдній приказъ по войскамъ, который кончался словами: «Помни каждый, что для успѣха надо думать не о себѣ, а о товарищѣ...».—5 октября союзники штурмовали русскія позиціи. Рано утромъ, только началась канонада, Корниловъ пріѣхалъ на 4-й бастіонъ, оттуда поѣхалъ на пятый, а затѣмъ, услышавъ, что защитники 3-го бастіона терпятъ сильный уронъ, онъ поскакалъ къ нимъ. Офицеры уговаривали Корнилова беречь себя, но онъ отвѣчалъ, что «въ такой торжественный день онъ имѣетъ душевную потребность видѣть всюду своихъ героевъ на полѣ ихъ отличія», и что «разъ другіе исполняютъ свой долгъ, то почему же ему мѣшаютъ исполнять его долгъ!».... Въ $11^1/_2$ часовъ дня Корниловъ пріѣхалъ на Малаховъ курганъ, приказалъ устроить перевязочный пунктъ въ нижней части каменной башни, а затѣмъ, сталъ спускаться къ мѣсту, гдѣ была привязана его лошадь, чтобы ѣхать къ Бутырскому и Бородинскому полкамъ. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, ядро раздро-

било ему лѣвую ногу. Онъ успѣлъ только сказать: «Отстаивайте же Севастополь!»—и потерялъ сознаніе. На перевязочномъ пунктѣ онъ пришелъ въ себя, причастился и послалъ брата своей жены юнкера Новосильцева въ Николаевъ предупредить жену о полученной ранѣ. Раненаго хотѣли перенести въ госпиталь, но не знали какъ приподнять его, чтобы не разбередить рану. Замѣтивъ ихъ колебаніе, Корниловъ сдѣлалъ усиліе и самъ черезъ раздробленную ногу легъ въ носилки. Въ тотъ же день Корниловъ и скончался истиннымъ героемъ. Въ госпиталѣ онъ попросилъ къ себѣ контръ-адмирала Истомина, чтобы передать ему еще кое-какія приказанія. Истоминъ успокоилъ раненаго на счетъ хода дѣла на 3-мъ бастіонѣ и сталъ говорить о томъ, что онъ скоро поправится... «Нѣтъ, туда, туда, къ Михаилъ Петровичу» (Лазареву), перебилъ его Корниловъ и затѣмъ добавилъ: «Развѣ вы меня не знаете?—Смерть для меня не страшна! Я не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надо скрывать ее. Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ. Скажите Генералъ-Адмиралу, что у меня остаются дѣти». Въ это время въ госпиталь вошелъ лейтенантъ Львовъ съ извѣстіемъ, что англійскія батареи сбиты. Собравшись съ силами, Корниловъ вскрикнулъ: «Ура, ура!» Послѣдними его словами были: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна. Благослови Господь Россію и Государя! Спаси Севастополь и флотъ!»

Корниловъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ выдающимся человѣкомъ. Слабый тѣломъ, онъ отличалсь необыкновенной энергіей. Съ начала осады онъ отдыхалъ два—три часа въ день, да и то съ перерывами, и и все же находилъ время для серьезнаго чтенія. Въ послѣдніе дни онъ изучалъ сухопутную часть военнаго искусства, читалъ депеши и приказы Веллингтона въ изданіи Gurvood'a. Онъ былъ религіозенъ до мистицизма, горячо любилъ свою родину и считалъ своимъ долгомъ воспитывать то же чувство въ дѣтяхъ. Корнилова любили какъ подчиненные ему офицеры, для которыхъ онъ былъ настоящимъ учителемъ, такъ и матросы, съ которыми онъ отлично умѣлъ говорить и прекрасно обращался. «Крѣпко любили его солдаты, пишетъ одинъ его подчиненный, за привѣтъ, за доброе слово. Рѣчь его была впечатлительна, всякое слово близко солдатскому уму и сердцу. При всякой встрѣчѣ и прощаньи съ нимъ солдаты говорили: «Вотъ такъ енералъ! отецъ, а не енералъ!» Вечеромъ, когда разнесся слухъ: «адмиралъ убитъ»—никто не повѣрилъ. Отчаяніе матросовъ убѣдило насъ въ справедливости этого извѣстія». Лишь только 12 октября Государь узналъ о смерти Корнилова, онъ немедленно назначилъ его вдовѣ по 5.000 р. сер.—сверхъ пенсіона, слѣдовавшаго ей изъ инвалиднаго комитета; сыновей приказано было взять въ пажи. Тогда же Государь рѣшилъ бастіонъ, гдѣ онъ убитъ, назвать его именемъ и заложить ему памятникъ, который воздвигнуть на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ. Затѣмъ, Государь повелѣлъ выкупить на казенный счетъ имѣнія Корнилова, находившіяся въ залогѣ, и выдать вдовѣ его 20.000 изъ государственнаго казначейства на уплату частныхъ долговъ покойнаго. 14 октября Государь послалъ вдовѣ весьма милостивый рескриптъ. На слѣдующій день 15 октября Императрица рескриптомъ увѣдомила вдову Владиміра Алексѣевича, что причисляетъ ее къ числу кавалерственныхъ дамъ ордена Св. Великомученицы Екатерины 2 ст.,—словомъ, семейство Корнилова было осыпано Высочайшими милостями. Въ 1894 г., по проекту генералъ-лейтенанта Бильдерлинга, былъ отлитъ въ Петербургѣ памятникъ Корнилову и поставленъ на Малаховомъ курганѣ въ Севастополѣ. Въ память Корнилова одинъ изъ крейсеровъ 1-го ранга носитъ имя «Адмиралъ Корниловъ».

«Морской Сборникъ» 1854 г., № 12; «Одесскій Вѣстникъ» 1854 г., № 121; «Русскій Инвалидъ» 1854 г.; «Матеріалы для обороны Севастополя и біографіи В. А. Корнилова», Жандра; «Оборона Севастополя», Тотлебена; «Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя» изд. Воен. Мин. 1872 г., вып. 3; «Русскій Архивъ» 1867 г., № 12, 1639—1643; Послужной списокъ въ Архивѣ Морского Министерства.

Корниловъ, *Петръ Яковлевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1770 г., ум. 10 іюля 1828 г. Происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи. Записанный 9 лѣтъ отъ роду въ л.-гв. Измайловскій полкъ, началъ дѣйствительную службу въ 1787 г. вахмистромъ л.-гв. Коннаго полка, въ 1789 г. переведенъ былъ на гребной флотъ принца Нассау-Зигена, дѣйствовав-

шій противъ шведовъ; въ 1790 г. участвовалъ въ дѣлахъ при о-вѣ Біорке, у Роченсальма и у Котки. Переведенный въ слѣдующемъ году въ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, участвовалъ въ итальянскомъ походѣ Суворова, и отличился въ сраженіяхъ при Мантуѣ, Пескіерѣ и Бресчіѣ, при переправѣ черезъ Адду, при аттакѣ у Вердеріо и взятіи въ плѣнъ корпуса ген. Серрюрье, наконецъ при Бергамо, Миланѣ и Туринѣ; въ трехдневномъ сраженіи при Требіи Корниловъ командовалъ Тамбовскимъ полкомъ и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст.; участвовалъ въ дѣлахъ подъ Александріею, Серовалле и Тортоною, отличился особенно въ битвѣ при Нови, при переходѣ черезъ Альпы «показалъ опыты самой блистательной храбрости». Затѣмъ участвовалъ въ войнѣ съ турками и въ 1810 г., находясь въ авангардѣ главной арміи, отличился при взятіи Силистріи и въ сраженіи подъ Шумлою, за что и былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора; участвовалъ при штурмѣ Рущука и былъ раненъ. Въ отечественную войну 1812 г. Корниловъ участвовалъ въ пораженіи непріятеля подъ Кобриномъ, въ сраженіи подъ Городечномъ и затѣмъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ во время преслѣдованія французовъ и особенно при переправѣ черезъ Березину. Въ первый день бауценскаго сраженія, командуя егерскою бригадою, онъ цѣлый день удерживалъ далеко превосходившаго его по числу непріятеля, старавшагося овладѣть сел. Мальгивицъ, а на другой день одинъ съ бригадою прикрывалъ отступленіе 3-й западной арміи. Затѣмъ, командуя 15-ю пѣхотною дивизіею, бывшею въ арміи Блюхера, и находясь въ авангардѣ, участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ силезской арміи. За отличіе, оказанное въ лейпцигской битвѣ, получилъ знакъ шведскаго ордена Меча. Затѣмъ онъ участвовалъ при блокадѣ Майнца, при изгнаніи французовъ изъ Бингена, въ сраженіяхъ подъ Бріеномъ, у Ла-Ротьера, при Шамподерѣ, у Лайна и въ другихъ дѣлахъ Блюхеровой арміи. Далѣе, занявъ Сенъ-Дени, взялъ здѣсь 10 орудій и до 2000 французской пѣхоты со всѣмъ ея штабомъ, и на другой день участвовалъ въ битвѣ подъ Парижемъ. По возвращеніи въ Россію, Корниловъ былъ назначенъ командиромъ 22-й пѣхотной дивизіи, а въ 1827 г.—17-й. Во время турецкой войны 1828—1829 гг. находился при занятіи Молдавіи и Валахіи, послѣ покоренія Браилова и перехода войскъ за Дунай, блокировалъ Журжу, здѣсь во время блокады заболѣлъ и умеръ. Тѣло его погребено въ Бухарестѣ, въ монастырѣ Викарешти. Михайловскій-Данилевскій такъ характеризуетъ Корнилова: «прослуживъ почти 40 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ и участвовавъ въ войнахъ съ 1789 по 1828 г., подъ начальствомъ Циціанова, Суворова, Дерфельдена, Кутузова, Барклая де Толли и Блюхера, Корниловъ пріобрѣлъ обширную опытность, отличался мужествомъ и распорядительностью въ битвахъ и явилъ нѣсколько примѣровъ рѣдкаго присутствія духа въ самыя рѣшительныя минуты. Въ обращеніи со всѣми онъ былъ простъ и привѣтливъ, и отличался набожностью».

«Справочный Энциклопедическій Лексиконъ», т. VI, стр. 851—852; «Военный Энциклопедическій Лексиконъ», т. VII, стр. 401—403; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», Леера, т. IV, стр. 366; Михайловскій-Данилевскій, «Александръ I и его сподвижники», т. I, (Спб., 1846 г.); его же «Описаніе отечественной войны» (1840 г.); И. Богдановичъ, «Исторія отечественной войны 1812 г.» (Спб. 1859—69 гг.). *В. Р—въ.*

Корнисъ, *Иванъ Ивановичъ*, членъ корреспондентъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, дѣятель на поприщѣ сельскаго хозяйства, род. въ окрестностяхъ Данцига въ 1789 г., ум. 13 марта 1848 г. Учился въ мюльгаузенскомъ училищѣ, въ 1804 г. переселился съ своими родителями въ южную Россію, въ Хортицкій округъ менонистскихъ поселеній. Родители Корниса были люди очень небогатые; но молодой Корнисъ отличался чрезвычайною энергіею, смѣтливостью и дѣловитостью. Начавъ вести свое сельское хозяйство въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, онъ постоянно улучшалъ и развивалъ его и умѣлъ содѣйствовать улучшенію его и среди всѣхъ своихъ собратовъ по менонистской общинѣ. Онъ развелъ въ своей мѣстности лучшія породы лошадей, коровъ и овецъ; онъ съумѣлъ даже окрестныхъ ногайцевъ убѣдить, вопреки толкованіямъ нѣкоторыхъ муллъ, что именно испанская мериносовая овца и по Корану должна быть признаваема наиболѣе благородною, чистою и вполнѣ пригодною для жертвъ; благодаря этому онъ успѣлъ положить твердое основаніе разведенію мериносовъ между ногаями. Въ 1830 г. Корнисъ былъ назначенъ по-

жизненнымъ предсѣдателемъ менонистскаго земледѣльческаго общества и въ этомъ званіи много сдѣлалъ для лѣсоразведенія, табаководства, шелководства, наконецъ для устройства искусственнаго орошенія; о разведеніи табаку въ степяхъ Корнисъ написалъ особое наставленіе, которое было напечатано въ приложеніи къ 1 № «Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland», апрѣль, 1846. Его образцово устроенное имѣніе Юшанлы было посѣщаемо Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ и вел. кн. Еленою Павловною во время ихъ путешествій по Россіи; въ 1838 г. Корнисъ былъ избранъ въ члены корреспонденты ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, въ 1844 г. награжденъ отъ этого комитета золотою медалью за услуги сельскому хозяйству. Въ частной жизни Корнисъ отличался добротою и скромностью и въ то время уже, когда достигъ значительнаго богатства.

«Журн. Мин. Госуд. Имущ.», 1848. ч. 29, 220—231; «Записки Одесскаго общества сельск. хоз.»; 1848, № 11, 735—744, № 12, 786—798.

Корнухъ-Троцкій, *Петръ Яковлевичъ*, профессоръ кіевскаго университета, докторъ философіи и магистръ свободныхъ наукъ, род. въ 1803 г., ум. послѣ 1884 г. Изъ дворянъ черниговской губерніи, сынъ священника; въ 1827 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ лѣкаремъ перваго отдѣленія; въ іюлѣ 1828 г. причисленъ къ профессорскому институту при Дерптскомъ университетѣ; 11 августа 1832 г. по защитѣ диссертаціи «De plantarum phanerogamarum germinatione» получилъ ученую степень; въ 1833—1835 гг. работалъ заграницей. 20 іюля 1835 г. прочелъ въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ пробную лекцію «О растеніи вообще» (напечатано въ «Журн. мин. нар. просв.» 1835, ч. VII) и 17 августа назначенъ профессоромъ ботаники въ Кіевскій университетъ, а 9 іюля 1836 г. перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ въ Казанскій. 21 мая 1858 г. уволенъ по прошенію отъ службы. Былъ членомъ ученыхъ обществъ: Императорскаго московскаго испытателей природы, Россійскаго общества садоводовъ и казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Иконниковъ «Біограф. словарь профес. универс. Св. Владиміра».

Корнѣевъ, *Егоръ Васильевичъ*, см. Карнѣевъ.

Корнѣевъ, *Емельянъ Михайловичъ*, академикъ исторической живописи, род. 8 ноября 1780 г., ум. въ 1839 г. Въ 1795 г. получилъ въ Академіи 1 серебряную медаль, въ 1799—2-ую золотую; въ 1800—первую золотую, за картину «Изгнаніе изъ храма»; вмѣстѣ съ тѣмъ Корнѣевъ былъ оставленъ при Академіи, и въ 1803—1805 гг. ѣздилъ за границу. Еще въ бытность ученикомъ Академіи исполнилъ для строившейся тогда въ Царскомъ Селѣ церкви образъ Воскресенія, за который ему было выдано 150 р. Въ 1807 г. признанъ академикомъ за картину «Похищеніе Деяниры Центавромъ». Въ 1802—1803 гг. сопровождалъ генерала Спренгпортена, который по повелѣнію императора Александра совершалъ путешествіе по Россіи. Корнѣевъ нарисовалъ въ это время большое количество рисунковъ. Ихъ пріобрѣлъ у него графъ Рехбергъ и въ 1812 г. издалъ ихъ въ числѣ 95, очень роскошно въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: «Les peuples de la Russie... accompagnée de figures coloriées», съ посвященіемъ Императору Александру; надъ гравированіемъ этихъ рисунковъ работали Адамъ, Грозъ, Менцъ и другіе иностранные граверы, а изъ русскихъ Мельниковъ, Осиповъ и Скотниковъ, послѣдній исполнилъ 20 листовъ; самъ Корнѣевъ награвировалъ девять листовъ. Въ 1826 г. ему назначена была пенсія въ 720 р. ежегодно.

Петровъ, «Матеріалы для исторіи Акад. Худож.» I, 346, 398, 416, 573, 590; Ровинскій, «Подробн. словарь рус. граверовъ», 375—378.

Коробейниковъ, *Трифонъ*, путешественникъ по святымъ мѣстамъ Востока, ум. послѣ 1594 г. По смерти царевича Іоанна Іоанновича (въ мартѣ 1582 г.) царь Іоаннъ Грозный отправилъ милостыню объ упокоеніи души почившаго въ Царьградъ и на Аѳонскую гору. Во главѣ посольства поставленъ былъ купецъ И. М. Мишенинъ, съ нимъ ѣхали Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грекъ. Посольство выѣхало изъ Москвы въ мартѣ и прибыло въ Константинополь 20 ноября 1582 года. Здѣсь оно роздало милостинныя деньги патріарху цареградскому Іереміи II и патріарху александрійскому Сильвестру. Изъ Цареграда Мишенинъ отправился на Аѳонъ, а Коробейниковъ и грекъ Юрій въ Іерусалимъ. По возвращеніи ихъ въ Констан-

тинополь всѣ трое посланниковъ покинули столицу Турціи 19 ноября 1583 г. и прибыли въ Москву 28 февраля 1584 г. еще при жизни Грознаго. Послы, о которыхъ александрійскій патріархъ Сильвестръ отзывался въ благодарственномъ письмѣ къ царю какъ о людяхъ смиренныхъ, были, повидимому, награждены по заслугамъ. По крайней мѣрѣ уже въ 1588 и 1589 гг. купецъ Трифонъ Коробейниковъ является въ должности дворцоваго дьяка.—Въ 1592 г. у царя Ѳеодора Ивановича родилась дочь Ѳеодосія; царь снарядилъ посольство по монастырямъ Востока «со многою доволнею милостынею» о здравіи новорожденной; на Аѳонскую гору былъ посланъ купецъ Иванъ Кошуринъ, а въ Іерусалимъ дьякъ Михаилъ Огарковъ съ товарищами; въ составѣ этого посольства опять поѣхалъ на востокъ и дьякъ Трифонъ Коробейниковъ. Посольство выѣхало изъ Москвы 19 января 1593 г. съ милостынею въ 5564 золотыхъ угорскихъ и со множествомъ пушного товара, —то и другое оно имѣло раздать въ Цареградѣ, Іерусалимѣ, въ Египтѣ и на Синайской горѣ. 13-го марта посланцы прибыли въ Яссы, 25-го въ Сакчи, Пасху (1 апрѣля) они встрѣтили въ Хапстѣ и вскорѣ затѣмъ прибыли въ Константинополь. Здѣсь они роздали по церквамъ и монастырямъ 1760 золотыхъ, а равно передали здѣсь же александрійскому патріарху Мелетію Пигасу милостыню какъ для него самого, такъ и въ александрійскіе монастыри и церкви, такъ что въ Египетъ имъ ѣхать не пришлось. Изъ Константинополя посланники прибыли въ Іерусалимъ 28 сентября 1593 года. Здѣсь роздано было 2544 золотыхъ и кромѣ того здѣсь же передана была милостыня и для синайскаго архіепископа Лаврентія черезъ посредство синайскаго архимандрита Мелетія, такъ что и на Синай Коробейникову ѣхать не довелось. Послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ Іерусалимѣ посольство въ апрѣлѣ 1594 года отправилось въ Антіохію, гдѣ передало милостыню патріарху Іоакиму, духовенству и бѣднымъ. Снабженные благодарственною грамотою патріарха, послы отправились обратно домой, роздали милостыню въ Литвѣ и «съ великою честью» прибыли въ Москву. Трифонъ Коробейниковъ привезъ въ Москву, вѣроятно по порученію правительства, модель Гроба Господня; она была помѣщена въ соборѣ.—Вотъ и всѣ скудныя свѣдѣнія, какія имѣются о Трифонѣ Коробейниковѣ. Съ именемъ его связано описаніе его путешествія и святынь Востока. На пространствѣ трехъ столѣтій Коробейниковъ пользовался широкою извѣстностью, какъ авторъ, пока его авторскій авторитетъ не былъ заподозрѣнъ и окончательно подорванъ въ послѣднее время.

Наибольшею извѣстностью пользуется его описаніе святынь Іерусалима и Синая, 1582 года; оно было въ свое время однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ произведеній и до нашего времени дошло болѣе, нежели въ 200 спискахъ XVI—XIX вѣковъ. Во введеніи къ этому описанію разсказывается, что въ мартѣ 1582 г. милостыня по царевичѣ послана была съ московскими купцами Трифономъ Коробейниковымъ и Юрьемъ Грекомъ; съ ними ѣздилъ по своей охотѣ москвичъ Ѳедоръ, крестовый мастеръ. Далѣе во всѣхъ лучшихъ спискахъ означенъ путь посланника только отъ Цареграда до Іерусалима, и лишь въ одной рукописи XVII в. приведено описаніе пути отъ Москвы до Цареграда, которое по всей вѣроятности принадлежитъ не Коробейникову, а заимствовано откуда-то извнѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Коробейниковъ въ 1593 г. ѣхалъ въ Константинополь совсѣмъ другимъ путемъ. Затѣмъ въ виду того, что Коробейниковъ въ Египтѣ и на Божественной горѣ не былъ, описаніе этихъ святынь, ему приписанное, въ дѣйствительности ему не принадлежитъ. Что касается до самаго описанія Іерусалима, то И. Е. Забѣлинъ указалъ, что оно цѣликомъ списано съ книги паломника В. И. Познякова, 1558 года. Такимъ образомъ, отъ перваго путешествія Коробейникова не остается почти ничего, собственно ему принадлежащаго. За то путешествіе его 1593—1594 гг., безъ сомнѣнія описано имъ самимъ, а равномѣрно описаніе его пути отъ Москвы до Цареграда, и отчетъ о роздачѣ царской милостыни въ Цареградѣ, Іерусалимѣ, Антіохіи и въ Волошской землѣ—Яссахъ, разсказъ же о Константинополѣ опять не принадлежитъ путешественнику.

Описаніе путешествія Коробейникова издано дважды: «Хожденіе купца Трифона Коробейникова по святымъ мѣстамъ Востока, 1582 года», подъ редакціей Хр. М. Лопарева, въ 27-мъ выпускѣ изданій Православнаго Палестинскаго Общества, 1889,

«Второе хожденіе Трифона Коробейникова, 1593 г.», издано подъ редакціей С. О. Долгова, (М. 1887, Чт. Общ. Ист. и Др. 1887, кн. 1); отчетъ Трифона Коробейникова въ розданной царской милостыни, 1593 — 1594 года напечатанъ въ «Прав. Палест. Сборникѣ», вып. XXVII 84—103.

Забѣлинъ, «Хожденіе купца Василія Познякова, 1558 г. М. 1884 (Чт. Общ. Ист. и Др. 1884, кн. 1); Хр. М. Лопаревъ, рецензія на изданіе г. Долгова «въ Журн. Мин. Нар. Пр.», 1887, XI; Д. Ѳ. Кобеко, рецензія ва изданіе г. Лопарева—въ «Зап. Имп. Русск. Археол. Общ.» 1893, VIII, 142—143. Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791. VII, 25; «Матеріалы для исторіи и археологіи Москвы», М. 1884, I, 1218, 1221; рук. Имп. Публ. Библ. Г. I, № 644; рук. Московск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Греческія дѣла, VI, 17 л. п. 1, грам. 18 апрѣля; «Хожденіе В. Я. Гагары по святымъ мѣстамъ Востока», подъ ред. С. О. Долгова, въ «Прав. Палест. Сборн.», т. XI, вып. 3.

Хрис. Лопаревъ.

Коробка, *Максимъ Петровичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1763 г., ум. 28 января 1836 г. Поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ въ 1773 г., въ 1778 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1789 г. принималъ участіе въ сраженіяхъ у о-ва Гохланда, о-ва Эланда, у Красной Горки и получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Съ 1791 г. служилъ при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ капитаномъ; въ 1804 г. назначенъ директоромъ штурманскаго училища балтійскихъ портовъ. Въ 1807 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1809 г., во время войны съ Англіею, командовалъ эскадрою въ шесть плавучихъ батарей и 52 канонерскія лодки; въ 1812 г. съ эскадрою изъ трехъ кораблей крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, и затѣмъ ходилъ съ нею въ Англію. Съ мая 1826 г. исправлялъ должность главнаго командира и военнаго губернатора Кронштадтскаго порта.

«Записки Учен. Комит. Морск. Министерства», 1837, ч. 13, 343—346.

Коробовъ, *Андрей Ивановичъ*, воевода, ум. послѣ 1506 г. Въ 1489 г. вмѣстѣ съ воеводой кн. Осипомъ Дорогобужскимъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Даніила Щени, водилъ тверскіе полки на Вятку. Въ 1496 г. ходилъ въ Финляндію и успѣшно воевалъ со шведами. Въ 1499 г., подвергся опалѣ, вмѣстѣ съ кн. В. Ромодановскимъ и другими, когда была удалена отъ двора вдова старшаго сына Іоанна III, Елена. Но уже въ 1501 г. мы опять видимъ его участникомъ побѣдоноснаго похода кн. Даніила Щени въ Ливонію; въ этомъ походѣ онъ былъ третьимъ воеводой въ сторожевомъ полку. Въ 1506 г. онъ принималъ участіе въ походѣ на Казань, будучи воеводой въ сторожевомъ полку конной рати.

Пол. Соб. Рус. Лит. VIII, 231, 246; «Арханг. лѣт.», 165; Карамз. VI, пр. 451, 516.

Коробовъ, *Василій Андреевичъ*, ближній дворянинъ в. кн. Василія Іоанновича, воевода. Въ 1515 г. великій князь отправилъ его посломъ въ Константинополь, вмѣстѣ съ бывшимъ тогда въ Москвѣ турецкимъ посломъ, съ письмомъ къ султану Селиму; Коробовъ долженъ былъ просить султана, чтобы онъ удержалъ Менгли-Гирея отъ союза съ Литвой, и хлопотать о заключеніи союза между Россіей и Турціей противъ Литвы и Крыма, если Менгли-Гирей будетъ поддерживать дружбу съ Сигизмундомъ. Султанъ принялъ посольство ласково; сдѣлано было постановленіе о свободной торговлѣ для русскихъ купцовъ въ Азовѣ и Кафѣ, но союзъ не состоялся.

Пол. Собр. Рус. Лит. VI, 257, 280; VIII, 259; Карамз. VII, 45 пр. 98 и 114.

Коробовъ *(Коробъ, Хоборъ), Яковъ Ѳедоровичъ*, новгородскій посадникъ, братъ посадника Казимера, ум. послѣ 1481 г. Въ 1476 г. встрѣчалъ вел. кн. Іоанна III во время шествія его въ Новгородъ; а когда великій князь производилъ на Городищѣ судъ надъ новгородскими боярами, Коробовъ ходатайствовалъ предъ государемъ за виновныхъ бояръ, взятыхъ владыкою на поруки, затѣмъ два раза принималъ Іоанна у себя въ домѣ, угощалъ и дарилъ его. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ владыкой, ходилъ въ Москву бить челомъ великому князю «за поиманныхъ бояръ». Въ 1477 г., когда Іоаннъ шелъ свести окончательные счеты съ Новгородомъ, Коробовъ вмѣстѣ съ владыкой и другими новгородскими властями, встрѣтилъ Іоанна въ Сытинѣ и умолялъ его не поднимать меча на Новгородъ, затѣмъ когда Іоаннъ былъ уже подъ самымъ Новгородомъ и заявилъ новгородскимъ посламъ, въ томъ числѣ и Коробову, что хочетъ властвовать въ Новгородѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, Коробовъ былъ въ числѣ пословъ, которые пытались получить миръ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; Коробовъ участвовалъ во всѣхъ переговорахъ съ великимъ княземъ и его боярами до окончательнаго

рѣшенія судьбы Новгорода, а потомъ просился на службу къ великому князю и цѣловалъ ему крестъ. Въ 1481 г. Коробовъ съ братомъ, вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими новгородцами, былъ переселенъ въ московскія области.

П. С. Р. Л. III, 142; VI, 16 17, 200, 203—5, 209—216, 219; VIII, 182, 187—195, 198; Карамз., VI, 87; «Опытъ о посадн. Новгор.». *А. Э.*

Коробьинъ, *Артемій*, митрополичій бояринъ, въ 1352 г. посланъ былъ митр. Ѳеогностомъ въ Константинополь къ патріарху съ просьбой, чтобы преемникомъ ему по митрополіи назначенъ былъ епископъ Алексій. Въ слѣдующемъ году Коробьинъ возвратился въ Москву съ грамотами отъ императора и патріарха, которыми повелѣвалось епископу Алексію прибыть въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Дѣти его, митрополичьи бояре Андрей и Иванъ, сопровождали въ 1377 г. Митяя въ Царьградъ въ его поѣздкѣ для посвященія въ митрополиты, окончившейся, какъ извѣстно, неудачею.

Пол. Собр. рус. лѣт., VII, 217,

Коробьинъ, *Василій*, дворянинъ, ум. послѣ 1634 г. Въ 1621—1624 гг. онъ съ Аѳанасіемъ Кувшиновымъ былъ посломъ въ Персіи; посольство это замѣчательно тѣмъ, что Шахъ-Аббасъ выразилъ посламъ свое намѣреніе послать въ Москву, въ даръ государю, срачицу Христову, которую онъ взялъ въ Грузіи, во время своего похода туда. Коробьинъ и Кувшиновъ въ 1624 г. съ Терка, гдѣ они остановились, сообщили объ этомъ въ Москву, гдѣ извѣстіе это было принято съ величайшимъ интересомъ и съ радостью, но и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ подлинности этой святыни, такъ какъ предложеніе ея исходило отъ магометанскаго государя. Переговоры, однако, были продолжаемы и 11 марта 1625 г., персидскій посолъ Русанъбекъ поднесъ эту святыню царю Михаилу Ѳеодоровичу; послѣ того, какъ подлинность ея была достаточно засвидѣтельствована чудесами, новая святыня была торжественно положена въ Успенскій Соборъ и учреждено празднованіе въ память перенесенія ея 27 марта. Въ 1630 г. Коробьинъ былъ посылаемъ для нѣкоторыхъ дѣлъ въ Данію, въ 1634 г. ѣздилъ въ Константинополь.

«Сборникъ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ», вып. V, 1893; Соловьевъ, книга II, 1185, 1188, 1249—1250.

Коробьинъ, *Григорій*; депутатъ Козловскаго дворянства въ Екатерининской коммиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія. Свѣдѣній о жизни Коробьина до принятія имъ депутатскаго званія и послѣ сдачи его мы не имѣемъ. Онъ не былъ депутатомъ, избраннымъ отъ Козловскаго дворянства, а получилъ это достоинство отъ избраннаго первоначально капитана Семена Муравьева — депутаты, какъ извѣстно, имѣли право передавать свои полномочія кому угодно, лишь бы избранное ими лицо само имѣло пассивныя избирательскія права. Вступилъ Коробьинъ въ комиссію въ концѣ 1767 г. или въ началѣ 1768 г.: 21 сентября 1767 г. въ числѣ депутатовъ, подписавшихся подъ мнѣніемъ кн. Щербатова, мы встрѣчаемъ еще депутата Козловскаго дворянства С. Муравьева, Коробьинъ же впервые выступаетъ въ протоколахъ коммиссіи 27 апрѣля 1768 г., когда онъ баллотировался въ частную коммиссію «о предостереженіи противорѣчія между воинскими и гражданскими законами», но избранъ не былъ. Въ коммиссіи Коробьинъ примкнулъ къ прогрессивной партіи этого собранія и явился однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ въ преніяхъ, возникшихъ по поводу крѣпостного права. Впервые свое мнѣніе о вредѣ крѣпостного права Коробьинъ заявилъ 5 мая 1768 г. при чтеніи указовъ о бѣглыхъ: многочисленные побѣги онъ объяснялъ тѣмъ, что помѣщики угнетаютъ своихъ крестьянъ непомѣрными податями, отдачею въ наймы за свои долги и отнятіемъ у нихъ ихъ собственныхъ доходовъ. Желанія его, однако, были довольно скромны; они сводились къ уменьшенію власти помѣщика надъ имуществомъ крестьянъ и болѣе точному опредѣленію размѣра оброка; власть помѣщика надъ личностью крѣпостныхъ должна была, по мнѣнію Коробьина, остаться въ прежнихъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе и эти умѣренныя требованія встрѣтили сильный отпоръ; на мнѣніе Коробьина было подано очень много возраженій. Отмѣну крѣпостного права находили дѣломъ несвоевременнымъ, и даже въ Россіи невозможнымъ, указывали на испорченность крестьянъ; были даже лица, упрекавшія Коробьина въ томъ, что онъ берется разсуждать о дѣлѣ, ему совершенно незнакомомъ, и что его мнѣніе противорѣчитъ наказу, данному его предше-

ственнику; послѣдній упрекъ совершенно справедливъ: козловскій наказъ составленъ, дѣйствительно, въ крѣпостническомъ духѣ. 21 мая Коробьинъ отвѣчалъ всѣмъ своимъ противникамъ—и умѣренность тона его рѣчи и умѣніе, съ какимъ онъ опровергаетъ здѣсь направленныя противъ него возраженія, показываютъ, что онъ былъ человѣкъ недюжинный въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Многочисленность возраженій по существу, сдѣланныхъ Коробьину, не показываетъ, однако, чтобы къ его взглядамъ отнеслось несочувственно большинство собранія; напротивъ, есть основаніе думать, что большинство ему сочувствовало: въ томъ же засѣданіи, когда Коробьинъ впервые выступилъ со своими соображеніями (5 мая), происходило баллотированіе членовъ въ коммиссію для разсмотрѣнія порядка сборовъ и расходовъ; Коробьинъ получилъ 174 избирательныхъ шара изъ 287; 14 мая происходила новая баллотировка въ коммиссію о рудокопаніи, сбереженіи лѣсовъ и торговлѣ;—на этотъ разъ Коробьинъ получилъ 260 избирательныхъ изъ 306; большинство 260 голосовъ изъ 306 представляло рѣдкость въ баллотировкахъ коммиссіи и его можно разсматривать, какъ демонстрацію въ пользу Коробьина. Баллотировка 14 мая показала, что отношеніе большинства не было враждебно Коробьину; не было оно враждебно, слѣдовательно, и его мысли объ улучшеніи быта крестьянъ. Нѣкоторые депутаты прямо высказывали сочувствіе Коробьину, дополняя съ своей стороны и развивая его предложеніе, напр., Козельскій, Жеребцовъ и др. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить одну слабую сторону во мнѣніи Коробьина, на которую указывали почти всѣ его противники: онъ предлагалъ уменьшеніе власти помѣщиковъ надъ имуществомъ крестьянъ — и въ то же время, сохраненіе, въ прежнемъ объемѣ ихъ власти, надъ личностью крѣпостныхъ—въ этомъ, очевидно, заключается противорѣчіе, и осуществленіе такого порядка повело бы къ очень нежелательнымъ послѣдствіямъ. Можно думать, что Коробьинъ самъ скоро созналъ это противорѣчіе; нѣсколько позднѣе онъ высказывался уже болѣе опредѣленно. Такъ при обсужденіи внесеннаго въ собраніе проекта о правахъ благородныхъ онъ отстаивалъ противъ кн. Щербатова 13 статью II главы проекта, по которой благородные получали право освобождать своихъ крѣпостныхъ («право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ»). Въ спорѣ съ кн. Щербатовымъ Коробьинъ хотѣлъ, кромѣ того, высказать свое мнѣніе о томъ, въ какой степени подданнымъ вообще можетъ быть дарована свобода, но былъ остановленъ маршаломъ собранія Бибиковымъ. Въ протоколѣ засѣданія коммиссіи 17 сентября 1768 г. по этому поводу сказано «Господинъ депутатъ Козловскій отъ дворянства говорилъ: «...Имя свободы отнюдь не вредно. Я бы вамъ это доказалъ въ другомъ мѣстѣ, или еслибъ я вамъ сказать могъ тихо»... Тогда г. маршалъ объявилъ г. депутату Коробьину, что «доказательства ваши вы всѣ ясно и безъ закрытія говорить можете, ибо ничего такого тутъ быть не должно, что тайно или скрыто говорить надлежитъ, но все съ благопристойностью откровенно говорено быть должно». Съ этого момента Коробьинъ прекращаетъ свою дѣятельность въ коммиссіи. Въ слѣдующія два засѣданія, когда дѣло дошло до ст. 17, 21, 22, 23 и 27 гл. II проекта, на которыя раньше Коробьинъ записался говорить, было объявлено, что его нѣтъ въ собраніи. Наконецъ, мѣсяцъ съ небольшимъ спустя Собранію было объявлено, что Коробьинъ сдалъ на время свое званіе артиллеріи бомбардирнаго полка поручику Василію Родіонову. А. И. Тургеневъ въ своемъ предисловіи къ запискамъ Винскаго «Моя жизнь» (напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1877 г. т. I) говоритъ: «Описывая законодательство Екатерины и именно коммиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія, подъ заглавіемъ «Русскіе Фоксы и Шериданы», Винскій сообщаетъ важный историческій фактъ: «Изъ всего происходившаго въ сей коммиссіи достопамятнѣйшимъ можетъ почесться публичное преніе кн. Щербатова съ депутатомъ Коробьинымъ, которое прекращено было безъ дальнѣйшихъ пустословій объявленною чрезъ Вяземскаго волею Государыни». Приводя это извѣстіе, затрудняемся рѣшить вопросъ о его достовѣрности (въ текстѣ напечатанныхъ записокъ такой статьи нѣтъ); очень можетъ быть, что здѣсь въ искаженномъ видѣ передается замѣчаніе маршала Коробьину, сдѣланное имъ, конечно, безъ всякаго посторонняго внушенія:

Императрица Екатерина, зорко наблюдавшая за коммиссіею, дѣйствовала обыкновенно болѣе тонко, когда желала оказать давленіе на депутатовъ, и не имѣла обыкновенія прибѣгать къ такимъ мѣрамъ. Просматривая тѣ статьи проекта о правахъ благородныхъ, которыя Коробьинъ защищалъ или выразилъ желаніе защищать, мы видимъ, что почти всѣ эти статьи даруютъ довольно значительныя привиллегіи дворянству: освобождаютъ его отъ обязательной службы, позволяютъ ему выѣзжать за-границу и даже мѣнять подданство; надѣляютъ дворянство обширными правами по распоряженію своимъ имуществомъ; и такъ, отстаивая интересы крѣпостныхъ, Коробьинъ защищалъ и привиллегіи другихъ сословій, разъ эти привиллегіи не были въ ущербъ остальному населенію; его конечною цѣлью было, повидимому, не уменьшеніе сословныхъ правъ вообще, а, напротивъ, увеличеніе, уравненіе и распространеніе ихъ на всѣ слои общества. Если, къ этому, мы вспомнимъ, что Коробьинъ былъ не только провинціальнымъ депутатомъ, но, какъ кажется, и дѣйствительнымъ жителемъ провинціи, то его дѣятельность въ коммиссіи 1767 г. можетъ быть разсматриваема, какъ черта, лишній разъ характеризующая съ выгодной стороны русскую провинцію второй половины XVIII вѣка. — О дальнѣйшей судьбѣ Коробьина, какъ уже сказано намъ, ничего неизвѣстно; только въ 1794 г. мы встрѣчаемъ Григорія Степановича Коробьина предводителемъ дворянства Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи въ чинѣ секундъ-маіора. Принявъ во вниманіе близость уѣздовъ Козловскаго и Михайловскаго, а также то обстоятельство, что въ 1767 г. Коробьинъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, мы можемъ не безъ нѣкотораго основанія предположить, что Григорій Коробьинъ-депутатъ 1767 г. и Григорій Степановичъ Коробьинъ-предводитель 1794 г. одно и то же лицо.

«Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.» тт. 32 и 36; также Лонгиновъ, «Матеріалы для исторіи коммиссіи о сочиненіи проекта Нов. Уложенія» въ «Русс. Вѣст.», 1861 г. дек.; кн. Туркестановъ «Губернскій Служебникъ». *М. П—въ.*

Коровинъ, *Иванъ*, шкиперъ, ходилъ въ 1762 г. изъ Камчатки для звѣриныхъ промысловъ и открытія новыхъ земель на суднѣ купца Никифора Трапезникова «Св. Троица». Такія поѣздки были очень не безопасны, потому что обитатели Алеутскихъ острововъ и Аляски то принимали мореходовъ съ покорностію, то вдругъ обнаруживали враждебное отношеніе и нападали на нихъ. Коровину во время его экспедиціи, продолжавшейся съ 15 сентября 1762 г. по конецъ 1763 г., пришлось много отбиваться отъ жителей острова Уналашки и спастись ему удалось только менѣе чѣмъ съ половиною спутниковъ. Два другія судна, одновременно съ нимъ вышедшія, были уничтожены туземцами и только съ одного изъ нихъ Коровину удалось спасти часть экипажа.

Чулковъ. «Историч. описаніе росс. коммерціи», т. III, кн. II, 506—510.

Коровинъ, *Семенъ*, см. Каровинъ.

Коровицкій, *Александръ Сикстовичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ 1797 г., ум. въ 1864 г. Происходилъ изъ дворянъ, учился въ Дрогичикѣ у піаровъ, затѣмъ въ бѣлостокской гимназіи и Виленскомъ университетѣ, здѣсь окончилъ курсъ 28 іюня 1816 г. со степенью кандидата правъ и оставленъ при университетѣ, 25 мая 1821 г. утвержденъ въ степени магистра, 1 марта 1822 г. назначенъ преподавателемъ въ Виленскомъ университетѣ гражданскаго судопроизводства; въ 1824—1825 гг. преподавалъ русское и мѣстное право, съ 1826 по 1831 г. преподавалъ русское гражданское и уголовное право. По закрытіи Виленскаго университета назначенъ 14 декабря 1834 г. членомъ комитета Высочайше утвержденнаго при II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для ревизіи свода законовъ западныхъ губерній. Съ 1 января 1838 по 1839 г. состоялъ при комитетѣ Высочайше утвержденномъ для разбора и составленія свода законовъ для царства Польскаго. 11 іюня 1841 г. опредѣленъ исполняющимъ должность профессора юридическихъ наукъ для юношества царства Польскаго въ Московскомъ университетѣ, въ 1845 г. 12 іюля утвержденъ въ званіи профессора по каѳедрѣ гражданскаго, уголовнаго и административнаго права. Его сочиненія; 1) Proces cywilny litewski. Wilno. 1826; 2) Proces graniczny. Wilno. 1828; 3) Porządek sądzenia spraw w Rządzącym senacie i w Radzie państwa. Wilno. 1827; 4) Porządek sądowy kryminalny podług praw

rossyjskich z dodaniem odmian guberniom zachodnim właściwych. Wilno. 1831; 5) Историческое обозрѣніе Россійскаго гражданскаго права.

«Біогр. словарь профессоровъ Моск. унив.» I.

Коровицкій, *Иларіонъ Ивановичъ*, протоіерей г. Житомира, сынъ священника волынской губерніи, род. въ 1837 г., ум. 19 іюня 1892 г. въ Житомирѣ. Обучался въ волынской семинаріи; въ 1859 г. былъ рукоположенъ въ священники къ одной сельской церкви въ владиміро-волынскомъ уѣздѣ; тутъ онъ завелъ школу, построилъ новую церковь; въ 1869 г. перемѣщенъ былъ въ г. Житоміръ къ церкви богоугодныхъ заведеній. Онъ состоялъ законоучителемъ волынскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, женской гимназіи, фельдшерской школы и сиротскаго пріюта, былъ благочиннымъ, членомъ училищнаго духовнаго правленія, членомъ ревизіоннаго комитета и три трехлѣтія гласнымъ думы. Съ 1882 года, издавалъ мѣстную ежедневную газету «Волынь», въ которой энергично отстаивалъ интересы православія и русской народности на Волыни.

«Волынь», 1892 г.; «Волынск. епарх. вѣдом.» 1892 г. № 20.

Коровка, *Григорій Карповичъ*, малороссійскій полковникъ. Ум. послѣ 1705 г. Въ 1677 г. онъ выдержалъ 4-хъ-недѣльную осаду въ Чигиринѣ съ однимъ казацкимъ полкомъ и тремя городовыми сотнями полковъ Лубенскаго и Гадячскаго, противъ многочисленной турецкой арміи, приведенной Юріемъ Хмѣльницкимъ, прекратившимъ осаду только съ появленіемъ войскъ Самойловича и Ромодановскаго. По удаленіи непріятелей Самойловичъ, укрѣпивъ нѣсколько полуразрушенный Чигиринъ, ввелъ въ него 15.000 казаковъ и поручилъ команду надъ ними Коровкѣ и воеводѣ И. И. Ржевскому, а прежнихъ тамошнихъ старшинъ, къ которымъ не имѣлъ довѣрія, удалилъ. При гетманѣ Мазепѣ Коровка счастливо боролся съ своимъ Кіевскимъ полкомъ противъ Петрика (1692—1693) и въ 1705 г. участвовалъ въ переговорахъ на р. Бугѣ русскихъ уполномоченныхъ съ турецкими коммиссарами.

И. Маркевичъ, «Исторія Малороссіи», т. II, стр. 249—251, 337 и 338; Эварницкій, «Исторія запорожскихъ казаковъ», т. III.

Корсаковъ, *Власій*, монастырскій луга Троице-Сергіевой Лавры. Въ 1608 г. во время осады Лавры Сапѣгою и Лисовскимъ, воеводы Голохвостовъ и кн. Долгоруковъ поручали Корсакову отыскивать подкопы, которые дѣлались подъ Лавру поляками; затѣмъ ему же, какъ «искусному въ горномъ ремеслѣ», поручено было углубить ровъ вокругъ Лавры, что онъ и исполнилъ успѣшно почти подъ безпрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ.

Голубинскій, «Преподобный Сергій Радонежскій и Троице-Сергіева Лавра» (М. 1892 г.).

Корсаковъ, *Петръ Александровичъ*, цензоръ, переводчикъ и писатель, род. 17 августа 1790 г., ум. 11 апрѣля 1844 г. Образованіе получилъ домашнее. Съ 1807 по 1810 г. состоялъ при русской миссіи въ Гаагѣ и пользуясь этимъ основательно изучилъ голландскій языкъ и литературу; вообще онъ отличался чрезвычайною способностью къ изученію языковъ и отлично зналъ восемь новыхъ европейскихъ языковъ. По возвращеніи въ Россію Корсаковъ жилъ въ деревнѣ, занимаясь литературою и переводами; первый его переводъ—«Собраніе путешествій, предпринятыхъ агентами лондонскаго общества африканскихъ открытій», вышелъ еще въ 1807 г. Въ 1817 г. онъ издавалъ одновременно два періодическія изданія: «Русскій пустынникъ или наблюдатель отечественныхъ нравовъ» и «Сѣверный наблюдатель», въ которыхъ чуть не весь текстъ принадлежитъ ему самому. Съ 1835 г. по кончину П. А. Корсаковъ былъ цензоромъ и оставилъ по себѣ самую добрую память своимъ отношеніемъ къ литературѣ и писателямъ. Въ первые два года изданія «Маяка», въ 1840—1841 г., онъ былъ однимъ изъ его редакторовъ, ранѣе принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Библіотеки для чтенія» и помѣстилъ въ обоихъ изданіяхъ, а также въ «Сынѣ Отечества», множество оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, повѣстей и театральныхъ пьесъ. Главную его заслугу передъ русской литературой составляютъ его прекрасные переводы съ голландскаго и оригинальные труды: «Очерки голландской литературы» (1838) и двѣ монографіи, посвященныя двумъ выдающимся голландскимъ писателямъ, Іакову Катсу и Іосту фанъ-деръ-Фонделю.

«Иллюстрація», 1846, № 6; «Маякъ», 1844, т. 16, стр. 67—70; тутъ и списокъ его сочиненій, дополняемый указаніями въ «Словарѣ» Геннади

Корсаковъ, *Лонгинъ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, ум. 18 іюля 1872 г. Произведенъ въ прапорщики въ 5-й саперный батальонъ въ 1842 г., изъ Дворянскаго полка. Въ 1844—1850 г. участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ на Кавказѣ; въ 1855 г. занимался постройкою береговыхъ батарей въ Одессѣ и велъ обширныя работы по укрѣпленію Николаева. Въ 1859 г. произведенъ былъ въ подполковники, въ 1860 г.—назначенъ командиромъ 6-го сапернаго батальона, съ которымъ въ 1863 г. участвовалъ въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ; въ 1870 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 3-й саперной бригады. Умеръ скоропостижно, въ лагерѣ подъ Кіевомъ, во время маневровъ, такъ какъ не желалъ исполнять требованій врача и, послѣ тяжелой болѣзни, явившейся слѣдствіемъ опаснаго ушиба, не доставилъ себѣ необходимаго отдыха, а, напротивъ, скрывая симптомы болѣзни, лично руководилъ на маневрахъ ввѣренной ему частью.

«Русск. Инвал.», 1872, № 187; «Иллюстр. Газета». 1872, № 34.

Корсаковъ, *Михаилъ Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ 1826 г., ум. 16 марта 1871 г. Въ 1845 г. выпущенъ былъ изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Семеновскій полкъ; въ 1848 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Время службы Корсакова въ Сибири совпало съ началомъ обширныхъ и сложныхъ мѣропріятій, результатомъ которыхъ было присоединеніе къ Россіи Амурскаго края. Въ началѣ 1849 г. Корсаковъ былъ командированъ съ секретнымъ порученіемъ въ Охотское море, для встрѣчи транспорта «Байкалъ», отправленнаго для развѣдки въ устье Амура. Путешествіе было чрезвычайно трудное—между прочимъ Корсакову пришлось проѣхать 1200 верстъ верхомъ, что онъ и сдѣлалъ въ теченіе 12 дней; данное ему порученіе Корсаковъ выполнилъ очень успѣшно; затѣмъ онъ плавалъ вдоль береговъ Охотскаго моря и былъ отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о посѣщенныхъ имъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ, краяхъ. Изъ Петербурга онъ сухимъ путемъ проѣхалъ 14.000 верстъ въ Камчатку, куда онъ былъ командированъ для перенесенія порта въ Петропавловскъ; въ 1851 г. ему снова пришлось по дѣламъ побывать въ Петербургѣ. Въ 1854 г., уже въ чинѣ подполковника, Корсаковъ распоряжался въ Иркутскѣ всѣми подготовительными работами для снаряженія русской экспедиціи на Амуръ; проѣхавъ вмѣстѣ съ самимъ Муравьевымъ по Амуру, онъ руководилъ снабженіемъ Аянскаго порта и береговъ Камчатки всѣми необходимыми припасами, и опять отправленъ былъ Муравьевымъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о всемъ совершившемся. Въ декабрѣ 1854 г. онъ снова былъ въ Иркутскѣ и снаряжалъ вторую экспедицію на Амуръ, съ которою въ маѣ 1855 г. совершилъ вновь плаваніе по Амуру, послѣ чего былъ назначенъ командующимъ войсками, сосредоточенными на устьяхъ Амура; въ сентябрѣ того же года опять отправился въ Петербургъ, на этотъ разъ сухимъ путемъ. Въ концѣ 1855 г. назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ забайкальскаго казацкаго войска. Пять лѣтъ занималъ онъ это мѣсто и съ чрезвычайною энергіею занялся заселеніемъ обширнаго, и почти безлюднаго, ввѣреннаго ему края; въ его резиденціи Читѣ — которая только что стала преобразовываться въ городъ изъ прежде бывшаго острога—постоянно заготовлялись массы лѣсного матеріала, дѣлались срубы домовъ и въ большомъ количествѣ держались на готовѣ всѣ необходимыя для домашняго обихода вещи, которыя и доставлялись немедленно во всякое вновь заводившееся поселеніе; Корсаковъ живѣйшимъ образомъ интересовался этимъ дѣломъ и нерѣдко самъ то выѣзжалъ на встрѣчу одного каравана, то сопровождалъ другой. Корсаковъ явился энергичнымъ дѣятелемъ по освобожденію отъ крѣпостной зависимости крестьянъ Кабинета Его Величества; большое вниманіе удѣлялъ онъ такъ же заведенію школъ. Въ 1860 г. Корсаковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, а въ 1861 г.—исправляющимъ должность генералъ-губернатора Восточной Сибири; въ 1863 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта; за этотъ періодъ его дѣятельности заслуживаетъ вниманія начавшееся развитіе земледѣлія въ Амурской области и заведеніе нѣсколькихъ новыхъ желѣзныхъ заводовъ, заведеніе пароходства по важнѣйшимъ

рѣкамъ Сибири и окончаніе телеграфной линіи, соединившей Иркутскъ съ Петербургомъ. Отличаясь чрезвычайною энергіею въ работѣ М. С. Корсаковъ былъ человѣкомъ чрезвычайно добросердечнымъ и очень старался облегчить положеніе преступниковъ, находившихся на работахъ и на поселеніи въ Сибири; инородцы такъ же видѣли съ его стороны заботливость и вниманіе и долго помнили его имя. Напряженная дѣятельность преждевременно истощила силы Корсакова; въ 1870 г. онъ не могъ уже болѣе нести сложныя обязанности по управленіи своимъ генералъ-губернаторствомъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; весною слѣдующаго года онъ скончался; его похороны были почтены присутствіемъ Государя Императора.

«Иллюстрир. Газета», 1871 г. № 13; «Голосъ», 1871. № 81; «Отчетъ Импер. Рус. Геогр. Общ.», за 1871 г.», «Адресъ-Календари».

Корсакъ, *Александръ Казимировичъ*, род. 24 октября 1832 г. въ Капискѣ, ум. въ 1874 г. Кончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ съ золотою медалью, полученною имъ за диссертацію «О торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ», онъ въ 1861 г. получилъ степень магистра за сочиненіе «О формахъ промышленности вообще и о кустарной промышленности въ Западной Европѣ». Дважды онъ отказывался отъ предложенныхъ ему каѳедръ въ Харьковѣ и Петербургѣ, желая получить каѳедру непремѣнно въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ посвятилъ себя публицистикѣ. Кромѣ участія въ разныхъ журналахъ, онъ напечаталъ: «О формахъ промышленности» (М. 1861 г.), «О пропинаціонномъ правѣ въ Западныхъ губерніяхъ» (Спб. 1864), перевелъ капитальные труды—Рошера «О хлѣбной торговлѣ», Кольба «Сравнительную статистику» и съ 1864—1866 г. редактировалъ «Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ»; въ изданіи этомъ помѣщено много матеріаловъ, важныхъ для изученія современнаго финансоваго положенія Россіи, а также и ея финансовъ и государственнаго хозяйства въ прошломъ.

Корсини, *Іеронимъ Доминиковичъ*, архитекторъ, род. въ 1811 г., ум. 1886 г.; сынъ художника, Доминика Корсини, приглашеннаго въ Петербургъ въ 1802 г. на службу въ театральную дирекцію и получившаго впослѣдствіи званіе академика; учился въ училищѣ св. Анны, затѣмъ въ высшемъ училищѣ (нынѣ 2-я гимназія) и окончилъ курсъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, откуда 1 декабря 1830 г. произведенъ въ прапорщики. Черезъ 6 лѣтъ вышелъ въ отставку и поступилъ гражданскимъ инженеромъ въ петербургскую губернскую контору казенныхъ имуществъ, съ 1838 г. служилъ, по министерству Двора. Подъ руководствомъ отца онъ пріобрѣлъ обширныя художественныя познанія и возвелъ рядъ замѣчательныхъ сооруженій, за которыя въ 1849 г. получилъ званіе академика. Около двадцати лѣтъ онъ занимался постройками для гр. Д. Н. Шереметева; въ 1837 г. устроилъ извѣстную чугунную ограду предъ его домомъ, отдѣлалъ бальную галлерею въ его домѣ, построилъ дачу Ульянку; въ 1841—1842 гг. построилъ домъ римско-католической церкви св. Станислава, въ 1845—1847 гг. возвелъ домъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго, въ 1853 г. перестроилъ главное зданіе Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся и устроилъ въ немъ домовую церковь, въ 1856 г. участвовалъ въ производствѣ разныхъ сооруженій, связанныхъ съ коронаціей; въ 1862—1863 гг. составилъ общій планъ застройки Апраксина двора и съ августа 1862 г. по іюль 1863 г. возвелъ постройки торговыхъ рядовъ Александровской линіи. Въ 1851—1862 г. онъ составилъ еще проекты: для шаха персидскаго—зданія съ комнатами совѣта, для султана турецкаго—мечети и нѣкоторые другіе.

«Иллюстрир. Газета», 1864 г. № 21.

Корсини, *Марія Антоновна*, рожденная Быстроглазова, писательница, род. около 1813 г., ум. 11 февраля 1859 г. Воспитывалась въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ и окончила курсъ въ 1830 году. Литературная дѣятельность ея началась статьями въ дѣтскомъ журналѣ: «Звѣздочка», въ которомъ Корсини писала въ 1845—1848 гг. Съ 1848 по 1851 г. она выпустила въ свѣтъ свое главное произведеніе—9 томовъ «Очерковъ современной жизни», содержаніе которыхъ составляли статьи для народнаго чтенія, для дѣтей, повѣсти, романы, драмы и т. п. Такое разнохарактерное содержаніе «Очерковъ» Корсини объясняла тѣмъ, что она стремилась «представить въ нихъ обзоръ современной общественной жизни людей

разныхъ сословій, не стѣсняясь условіями состоянія, возраста и мѣстности». Произведенія Корсини были чужды реальности, пропитаны ходульной моралью; нѣкоторые журналы, особенно «Современникъ», очень неблагосклонно отозвались о сочиненіяхъ Корсини; другіе органы печати, какъ, напр., «Отечественныя Записки», «Сѣверная Пчела», «Библіотека для Чтенія» и др. отнеслись нѣсколько снисходительнѣе къ названнымъ произведеніямъ Корсини. Несмотря, однако, на скучную мораль, тяжеловатость и расплывчатость изложенія съ неизбѣжнымъ выставленіемъ всюду собственнаго «я», «Очерки» читались тогдашней публикой и въ 1853 г. они вышли вторымъ изданіемъ; лучшій изъ всѣхъ очеркъ—«Рыбакъ»,—помѣщенъ въ 9 томѣ. Другія произведенія Корсини: «Мысли и повѣсти, посвященныя юношеству» (1846 г.): «Народное Чтеніе», 2 книги (1851 г.); «О воспитаніи дѣтей въ обществѣ» (въ «Сѣверной Пчелѣ», 1851 г. № 244); «Прогулка въ С.-Петербургъ» (ib., 1854 г. №№ 201 — 205); «Счастье христіанской жизни, сочиненіе опытной старушки, посвященное дѣвицамъ и молодымъ женщинамъ», (анонимно; Спб., 1856 г.); и «Петергофъ и петергофское празднество 11 іюля» (Спб., 1854 г.) — носятъ тотъ же характеръ.

«Сѣверная Пчела», 1859 г. № 39; «Иллюстрація» 1859 г. № 58; «Мѣсяцесловъ на 1860 г.»; «Библіографическія Записки», 1861 г. № 4, т. III; «Словарь» Геннади; кн. Голицынъ, «Словарь русскихъ писательницъ»; Лихачева, «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», т. III, стр. 252—254. *В. Р—въ.*

Корфъ, *Андрей Ѳедоровичъ,* (Ulrich Kasimir Heinrich von Korff), баронъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ, писатель, род. 1 (13) мая 1765 г., ум. 18 (30) ноября 1823 г. Обучался въ Митавской гимназіи, потомъ въ университетахъ: лейпцигскомъ, геттингенскомъ и страсбургскомъ; много путешествовалъ по Германіи, Франціи и Швейцаріи, и въ 1786 г. вступилъ въ прусскую службу сперва референдаріемъ, потомъ перешелъ въ Департаментъ иностранныхъ дѣлъ; сдѣланъ былъ въ 1792 г. камергеромъ и отправленъ въ Швецію повѣреннымъ въ дѣлахъ, гдѣ и пробылъ 5 лѣтъ. Вернувшись въ 1797 г. въ Митаву, онъ по дѣламъ отца долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ и здѣсь, приглашенный императоромъ Павломъ I на русскую службу, въ томъ же 1797 г. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ вице-президентомъ Юстицъ-Коллегіи; въ 1804 г. былъ сдѣланъ президентомъ той же коллегіи и наконецъ въ 1819 г. — сенаторомъ. Бар. Корфъ напечаталъ: «Essai statistique sur la monarchie Prussienne» (1791 г., 2-е изд. 1798 г.) и «Der dänische Prinz Iohann in Russland». Бар. А. Ѳ. Корфъ принадлежалъ къ довольно распространенному въ обществѣ XVIII в. типу такъ называемыхъ «трудолюбцевъ»: онъ много читалъ и дѣлалъ обширныя выписки изъ прочитаннаго, составляя такимъ путемъ цѣлыя сочиненія, конечно, не имѣющія никакого научнаго значенія и остающіяся въ рукописи. Послѣ него остались, частью на нѣмецкомъ, частью на французскомъ языкѣ: «Современная политическая исторія, собранная изъ современныхъ политическихъ газетъ и журналовъ отъ 1812 по октябрь 1823 г.»; «Карманная книга русскихъ законовъ»; «Исторія россійской іерархіи»; «Собраніе различныхъ молитвъ»; «Собраніе всѣхъ извѣстій, касающихся смерти Коцебу» и «Географическое, историческое и политическое описаніе Россійской имперіи» 1812 г. (5 частей), «Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ», исторіи Англіи, Швейцаріи, Голландіи, Испаніи, Португаліи, статистическій очеркъ разныхъ европейскихъ государствъ. Сынъ А. Ѳ. Корфа былъ графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ; къ одной линіи съ ними принадлежалъ баронъ Іоаннъ Альбрехтъ Корфъ, президентъ Академіи Наукъ и русскій дипломатъ XVIII вѣка.

Словари: Старчевскаго (VI, 860—861), Геннади (163—164) и Брокгауза и Ефрона (т. XVI, стр. 355); некрологъ, написанный М. А. Корфомъ въ «Сѣверномъ Архивѣ», 1823 г. ч. VIII, стр. 393—396, и «Revue Encyclopédique» (1826 г. т. XXX, стр. 564; Recke и Napiersky, «Allgem. Schriftsteller-und-Gelehrt. Lexicon», II, 498—499.

Корфъ, *Василій Сергѣевичъ,* баронъ, генералъ-адъютантъ, род. въ 1807 г., ум. 11 декабря 1883 г. Произведенъ въ прапорщики въ 1826 г. былъ учителемъ въ школѣ подпрапорщиковъ при главной квартирѣ 1-й арміи, затѣмъ преподавателемъ и помощникомъ инспектора классовъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Съ 1838 г. по 1857 г. состоялъ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ, получивъ за это время переводъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ (1840 г.), званіе флигель-адъютанта (1846 г.), чинъ генералъ-маіора

(1849 г.) и званіе генералъ-адъютанта (1854 г.); въ 1852 г. сопутствовалъ Ихъ Высочествамъ во время ихъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи и въ 1854 г.—въ главную квартиру южной дѣйствующей арміи, участвовалъ въ Инкерманскомъ боѣ и находился въ Севастополѣ въ январѣ и февралѣ 1855 г. Незадолго до вступленія въ бракъ великаго князя Николая Николаевича назначенъ состоять при немъ и управляющимъ гофмейстерскою частью двора Его Высочества. Въ этой должности онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта (въ 1858 г.).

Послужн. спис. за 1864 г. въ Арх. Главнаго Штаба № 1010. *С. Н. П.*

Корфъ, *Іоаннъ Альбрехтъ*, баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ Академіи Наукъ, дипломатъ, род. 30 ноября 1697 г., ум. 7 апрѣля 1766 г. Принадлежалъ къ небогатой вѣтви древняго курляндскаго рода. Учился сначала дома и крайне неохотно; отецъ его приходилъ въ отчаяніе отъ лѣности и тупоумія сына и рѣшилъ, наконецъ, отдать его немедленно въ военную службу; но предъ перспективою попасть въ суровую обстановку тогдашней прусской арміи, въ молодомъ человѣкѣ вдругъ проснулась энергія и опредѣленно выразились интересы въ совершенно другомъ направленіи: онъ началъ заниматься чрезвычайно прилежно и съ замѣчательнымъ успѣхомъ; черезъ два года онъ уже могъ поступить въ Іенскій университетъ и блестяще окончилъ въ немъ курсъ. Интересъ къ знаніямъ съ этихъ поръ въ немъ уже не только не ослабѣвалъ, но можно сказать постоянно возрасталъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ университета І. А. Корфъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору вдовствующей герцогини Курляндской Анны Іоанновны и въ 1728 г. отправленъ въ Москву, ходатайствовать о прибавкѣ къ пенсіи, которую Анна Іоанновна получала отъ русскаго двора; это порученіе было исполнено имъ успѣшно. Когда Анна Іоанновна сдѣлалась русскою императрицею, Корфъ въ 1730 же году былъ переименованъ въ камеръ-юнкеры русскаго двора — съ этого времени и начинается дѣятельность въ Россіи разныхъ отраслей этой многочисленной фамиліи. Вскорѣ І. А. Корфъ былъ посланъ изъ Москвы въ Курляндію — хлопотать о занесеніи Бирона въ число курляндскихъ дворянъ. Биронъ уже не разъ начиналъ это домогательство, но оно долго оставалось безуспѣшнымъ; на этотъ разъ, однако, курляндское дворянство оказалось сговорчивѣе и Корфъ привезъ Бирону столь желанное имъ постановленіе. Временщикъ принялъ Корфа очень холодно; ему, повидимому, было непріятно, что Корфъ имѣлъ теперь право считать его, Бирона, обязаннымъ себѣ благодарностью; тѣмъ не менѣе въ 1731 г. Корфъ получилъ повышеніе — былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а въ 1732 г. былъ опять посланъ въ Курляндію, теперь съ порученіемъ подготовить избраніе Бирона въ герцоги курляндскіе послѣ смерти престарѣлаго герцога Фердинанда, которой надо было ожидать съ часу на часъ. Корфъ провелъ въ Курляндіи два года и, дѣйствительно, успѣлъ настолько подготовить почву, такъ что въ 1737 г. Кейзерлингъ уже безъ большого труда могъ довершить начатое имъ, и избраніе Бирона состоялось.

По возвращеніи І. А. Корфа въ Петербургъ, 18 сентября 1734 г. онъ былъ назначенъ «главнымъ при Академіи командиромъ», т. е. президентомъ ея. Назначеніе это вполнѣ соотвѣтствовало серьезнымъ интересамъ Корфа; въ исторіи же Академіи оно составило, можно сказать, эпоху.

Прежде всего, І. А. Корфъ былъ вообще человѣкомъ образованнымъ и любознательнымъ, а въ частности — большимъ любителемъ книгъ. Еще въ 1731 г. онъ уже началъ сношенія съ Шумахеромъ именно по поводу покупки книгъ изъ академической книжной лавки; съ тѣхъ поръ сношенія эти уже не прерывались. Черезъ академическую лавку Корфъ пріобрѣталъ книги во множествѣ; со своей же стороны онъ постоянно присылалъ въ Академію книги, особенно когда бывалъ за границею. Къ концу жизни Корфъ собралъ библіотеку по тому времени прямо огромную: она заключала до 34.000 томовъ; въ значительной степени изъ-за нея онъ впалъ въ большіе долги. Пополненіе библіотеки, ея устройство, веденіе каталога ея было его любимымъ занятіемъ. Въ 1764 г. библіотека эта была пріобрѣтена за 50.000 руб. для великаго князя наслѣдника Павла Петровича, съ тѣмъ, что пользованіе ею сохранялось за Корфомъ до его смерти, деньги же должны были быть выплачены ему по 10.000 руб. въ пять лѣтъ. Послѣ смерти императора

Павла библіотека эта перешла въ собственность цесаревича Константина Павловича, а послѣ него досталась генералъ-адъютанту Александрову, который большую часть книгъ изъ нея завѣщалъ Александровскому гельсингфорскому университету. Помимо большой библіотеки, Корфъ имѣлъ довольно обширное собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Курляндіи; оно пожертвовано было впослѣдствіи въ Дерптскій университетъ.

І. А. Корфъ не только собиралъ книги, онъ несомнѣнно и читалъ ихъ; по словамъ одного современника «самыя сложныя работы Академіи не превосходили круга его знаній»; съ полнѣйшею охотою ссужалъ онъ своими книгами разныхъ ученыхъ. Бюшингъ разсказываетъ, что ему доводилось вести съ бар. І. А. Корфомъ продолжительные богословскіе споры, въ которыхъ Корфъ обнаруживалъ чрезвычайно широкую начитанность и очень основательныя знанія; по своимъ убѣжденіямъ Корфъ былъ, въ значительной степени свободомыслящимъ; онъ, согласно духу времени, смѣло подвергалъ критикѣ разныя богословскія ученія; это не мѣшало ему признавать ученіе Христа и апостоловъ выше всякой критики; но и такіе взгляды, кажется, повредили Корфу въ глазахъ императрицы Анны Іоанновны, которая была, по своему, очень благочестива и богобоязненна.

Вступивъ въ управленіе Академіею 11 ноября 1734 г., Корфъ уже 7 марта 1735 г. представилъ докладъ о необходимости значительно увеличить штатъ Академіи и назначить на ея расходы свыше 64.000 р. хотя незадолго предъ тѣмъ по ходатайству предмѣстника Корфа, гр. Кейзерлинга, было уже выдано Академіи 30.000 руб.; представленіе Корфа не было утверждено цѣликомъ, но тѣмъ не менѣе по его просьбамъ Академіи было выдано въ октябрѣ 1736 г. 10.000 руб. и въ іюлѣ 1737 г. 20.000 руб. Въ 1738 г. Корфъ организовалъ вторую экспедицію въ Камчатку, заключивъ съ академикомъ Фишеромъ контрактъ, по которому онъ обязывался провести въ этомъ путешествіи пять лѣтъ. По его докладамъ состоялись высочайшія повелѣнія: о приготовленіи при Академіи новаго изданія Уложенія ц. Алексѣя Михайловича, о новомъ изданіи при Академіи прежде напечатанныхъ при бывшей сенатской типографіи указовъ съ 1714 по 1725 г. и о печатаніи впредь по годамъ вновь выходящихъ, о составленіи жизнеописаній царей Іоанна Васильевича, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, для чего велѣно было передавать въ Академію всякіе документы отъ этихъ эпохъ—жизнеописанія эти, впрочемъ, составлены не были. По ходатайству Корфа въ 1735 г. были доставлены въ Академію бумаги, книги и разные приборы, оставшіеся послѣ гр. Брюса; въ 1739 г. Корфъ учредилъ при Академіи географическій департаментъ, поручивъ его завѣдыванію Делиля,—черезъ шесть лѣтъ отъ этого департамента былъ изданъ первый атласъ Россіи. По его мысли въ 1735 г. было учреждено «россійское собраніе», имѣвшее цѣлью «очищеніе и усовершенствованіе русскаго языка»; въ первомъ засѣданіи Третьяковскій говорилъ рѣчь «о чистотѣ россійскаго языка»; впрочемъ это «собраніе» существовало лишь три года, а затѣмъ при Академіи устроенъ былъ «переводческій департаментъ», который, однако, тоже скоро разстроился. Корфъ очень заботился о пополненіи состава Академіи; имъ были приглашены въ число академиковъ Штелинъ, Ле Руа, Бремъ, Штрубе-де-Пирмонъ и Рихманъ; извѣстному математику Д. Бернулли онъ началъ производить пенсію, чтобы тотъ участвовалъ своими трудами въ изданіяхъ Академіи. Заботясь о дѣятельности Академіи какъ учрежденія ученаго, Корфъ не упускалъ изъ виду и цѣли учебныя, которымъ, по уставу, должна была тогда тоже служить Академія. Такъ при немъ ею выработаны были правила для публичныхъ экзаменовъ при Кадетскомъ шляхетскомъ корпусѣ, а 24 января 1735 г. онъ представилъ Сенату, что, согласно намѣреніямъ Петра Великаго, необходимо собрать при Академіи до 30 человѣкъ молодыхъ людей, которые обучались бы при ней, съ цѣлью впослѣдствіи сдѣлаться академиками; по этому представленію состоялся указъ Сената о присылкѣ молодыхъ людей изъ Московской славяно-греколатинской школы; они прибыли въ началѣ 1736 г.; въ числѣ ихъ былъ Ломоносовъ. Въ 1736 же году трое изъ нихъ—въ томъ числѣ и Ломоносовъ,—были отправлены Корфомъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

Въ отношеніяхъ своихъ къ академикамъ Корфъ, на нашъ, современный взглядъ, безспорно держался слишкомъ

начальническаго тона; но нельзя забывать, что въ то время къ представителямъ науки огромное большинство лицъ, занимавшихъ высокое административное положеніе, относилось еще несравненно хуже. Г. Ф. Миллеръ называетъ Корфа «безподобнымъ человѣкомъ»; по словамъ другого современника—Корфъ «вполнѣ заслуживалъ бы быть президентомъ всѣхъ академій въ свѣтѣ»; вниманіе къ петербургскимъ своимъ сотрудникамъ по Академіи Корфъ обнаруживалъ до конца жизни; такъ, Миллеру онъ переслалъ копіи съ древнихъ грамотъ, которыя были доставлены ему любекскимъ синдикомъ Дрейеромъ изъ мѣстнаго архива; Бюшингу онъ прислалъ въ подарокъ изъ Даніи и Швеціи нѣсколько старинныхъ грамотъ; извѣстная въ свое время книга Teca Curländische Liedergeschichte (Copenhagen 1751) была составлена и издана по побужденію и подъ покровительствомъ Корфа; въ Даніи и Швеціи онъ повсюду завязывалъ близкія сношенія съ мѣстными учеными.

Отъ управленія Корфомъ Академіею, при такихъ условіяхъ, слѣдовало ожидать, хорошихъ результатовъ. Но управленіе это продолжалось недолго. Говорятъ, Бирономъ опасался, какъ бы Корфъ, ловкій въ обращеніи и интересный собесѣдникъ, не явился соперникомъ ему въ расположеніи императрицы и постарался вызвать ея неудовольствіе противъ него, выставляя на видъ свободомысліе Корфа. Въ 1736 г. состоялась у Корфа дуель съ барономъ Менгденомъ, по поводу того, что фрейлина Видеманъ отвергла предложеніе Корфа и вышла замужъ за Менгдена; это происшествіе еще болѣе усилило неудовольствіе императрицы на Корфа; онъ сталъ замѣчать явное нежеланіе его видать и потому счелъ нужнымъ принять мѣсто внѣ Петербурга. 27 марта 1740 г. состоялось назначеніе Корфа, на мѣсто А. П. Бестужева-Рюмина, чрезвычайнымъ посланникомъ при датскомъ дворѣ и въ нижнесаксонскомъ округѣ, съ аккредитованіемъ его при вольныхъ городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ. Къ новому мѣсту служенія баронъ І. А. Корфъ выѣхалъ 15 апрѣля 1740 г.; съ этого времени прекращается фактически управленіе имъ Академіею; 24 апрѣля 1740 г. президентомъ Академіи назначенъ Бревернъ; Корфъ же съ самаго отъѣзда, кажется, уже и не возвращался въ Россію, по крайней мѣрѣ, на сколько-нибудь продолжительный срокъ.

Первыя его дѣйствія въ Даніи были направлены къ тому, чтобы удержать датское правительство отъ помощи Швеціи въ замышляемомъ этою послѣднею державою нападеніи на Россію; въ этомъ Корфъ успѣлъ, но склонить Данію къ активной поддержкѣ Россіи ему не удалось. 18 февраля 1741 г., во время регентства Анны Леопольдовны, въ Копенгагенъ назначенъ былъ посланникомъ графъ П. Г. Чернышевъ, а Корфу приказано ѣхать въ Петербургъ; но онъ не успѣлъ еще этого исполнить, какъ 31 октября того же года Чернышеву приказано ѣхать посланникомъ въ Испанію, а Корфу оставаться въ Копенгагенѣ. Въ 1743 г. онъ получилъ здѣсь орденъ св. Анны 1-й ст., а 26 іюля 1744 г. орденъ св. Александра Невскаго. Съ провозглашеніемъ великаго князя Петра Ѳеодоровича наслѣдникомъ русскаго престола, для русскаго посланника выступила въ сношеніяхъ съ датскимъ правительствомъ необходимость улаживать старинные счеты Голштинскаго дома съ Даніею изъ-за разныхъ незначительныхъ пограничныхъ округовъ; король Христіанъ VI въ 1746 г. предлагалъ за прекращеніе всякихъ притязаній на эти земли со стороны голштинскаго герцога 1.000.000 рейхсталеровъ, но императрица Елизавета не пожелала распорядиться за своего племянника его наслѣдственными владѣніями, и продажа эта не состоялась. Въ 1746 же году въ Петербургѣ великій князь Петръ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ совершеннолѣтнимъ и Корфъ ѣздилъ изъ Копенгагена въ Киль объявить объ этомъ и принять дѣла отъ администраціи, управлявшей герцогствомъ до того времени. Изъ Киля онъ представилъ обстоятельный докладъ о положеніи герцогства, а также прислалъ очень любопытныя, но мало утѣшительныя свѣдѣнія о воспитаніи и обученіи великаго князя въ то время, когда онъ жилъ еще въ Голштиніи. Относительно того, какъ устроить управленіе герцогствомъ далѣе, Корфъ высказался, что необходимо поручить въ немъ штатгальтерство не кому-либо изъ мѣстныхъ дворянъ, тѣмъ болѣе—не кому-либо изъ состава прежней администраціи, а принцу крови, и указалъ на дядю великаго князя, принца Августа: совѣты его были приняты и принцъ

Августъ назначенъ штатгальтеромъ. 10 іюня того же 1746 г. Корфъ заключилъ съ датскимъ правительствомъ трактатъ и конвенцію о взаимной помощи. Въ Копенгагенѣ Корфъ умѣлъ установить наилучшія отношенія съ дворомъ и съ правительствомъ; Бестужевъ считалъ его очень искуснымъ и ловкимъ дипломатомъ и потому 22 января 1746 г. Корфъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмъ (отправился онъ туда 12 іюля) на смѣну Любераса, которымъ Бестужевъ-Рюминъ былъ недоволенъ, находя, что Люберасъ своимъ нерѣшительнымъ и неумѣлымъ образомъ дѣйствій допустилъ значительное усиленіе партіи, враждебной Россіи; Корфа Бестужевъ считалъ способнымъ поддержать интересъ Россіи на сеймѣ, который долженъ былъ собраться въ 1746 г.; во время сейма можно было свергнуть прежнихъ враждебныхъ Россіи министровъ и во всякомъ случаѣ необходимо было не допустить полнаго торжества французской партіи, которая возбуждала Швецію напасть на Россію, чтобы этимъ путемъ удержать Россію отъ помощи, какую она оказывала Австріи во время войны за австрійское наслѣдство. Главою французской партіи являлся наслѣдный принцъ, Адольфъ Фридрихъ, бывшій владѣтельный князь эйтинскій и епископъ любскій, избранный въ наслѣдники въ 1742 г. по настоянію Россіи. Сдѣлавшись наслѣдникомъ Шведской короны, онъ перешелъ, однако, на сторону Франціи и очень энергично поддерживалъ французскую партію, и своимъ личнымъ вліяніемъ и деньгами; Корфу онъ на каждомъ шагу старался показывать свое неудовольствіе имъ, но русскій посланникъ этимъ не смущался и энергично, пожалуй даже слишкомъ энергично, боролся съ партіею французскою. Онъ щедрою рукой раздавалъ деньги, жилъ открыто и широко, угощалъ депутатовъ, съѣзжавшихся на сеймъ, поддерживалъ бодрость сторонниковъ Россіи въ частыхъ бесѣдахъ, иногда даже ночныхъ и тайныхъ, въ разговорахъ съ принцемъ смѣло упрекалъ его въ неблагодарности къ императрицѣ и къ Россіи, противъ дѣйствій во внутренней и внѣшней политикѣ гр. Тессена, ген. Вреде и другихъ французскихъ «партизановъ» составлялъ и распространялъ смѣлыя меморіи, которыя дѣйствительно и производили не малое впечатлѣніе; такъ какъ представители и противной партіи дѣйствовали тоже за деньги, только получаемыя отъ враждебныхъ Россіи державъ, то не трудно было указать въ ихъ поступкахъ многое, достойное сильнѣйшаго порицанія, разъ удавалось добыть какія-нибудь точныя свѣдѣнія, а ихъ Корфъ, дѣйствительно, умѣлъ получать. Сеймъ кончился не вполнѣ согласно видамъ русскаго двора: нетолько власть осталась въ рукахъ противниковъ русской партіи, но еще нѣсколько представителей ея потеряли свои мѣста; за то выяснилось, все-таки, что русская партія настолько еще сильна, что невозможно правительству рѣшиться на активныя дѣйствія противъ Россіи. Дѣятельность Корфа навлекла на него сильнѣйшее неудовольствіе французской партіи: на него жаловались въ Петербургъ, что онъ вмѣшивается во внутреннія дѣла Швеціи, отзывается неуважительно о кронпринцѣ и т. д., но понятно, что такія жалобы нисколько не повредили Корфу. Характеръ чрезвычайнаго посла Корфъ сложилъ съ себя согласно распоряженію изъ Петербурга еще въ іюлѣ 1747 г., но только 31 января 1748 г. получилъ онъ предписаніе ѣхать обратно въ Копенгагенъ, причемъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; выѣхалъ онъ изъ Стокгольма лишь въ концѣ мая 1748 г., послѣ того, какъ въ апрѣлѣ прибылъ туда вновь назначенный посланникъ, дѣйствительный камергеръ Н. И. Панинъ.

По возвращеніи въ Копенгагенъ Корфу за время царствованія Елизаветы Петровны не приходилось уже вести особенно важныхъ дѣлъ. Со вступленіемъ же на престолъ Петра Ѳеодоровича отношенія съ Даніею быстро испортились и скоро казалась неизбѣжною война съ нею. Императоръ ставилъ выше всего голштинскіе интересы и непремѣнно хотѣлъ силами Россіи добиться удовлетворенія во всѣхъ старыхъ спорахъ и несогласіяхъ голштинскаго герцогства съ Даніей. 18 мая 1762 г. онъ рескриптомъ учрежденной при дворѣ конференціи объявилъ, что находитъ необходимымъ «стараться получить силою» спорныя земли и приказываетъ «не токмо все къ тому потребное тотчасъ приготовить, но и дѣйствительно за дѣло приниматься». Король прусскій Фридрихъ II по заключенному съ нимъ Петромъ Ѳеодоровичемъ договору долженъ былъ бы помогать Россіи въ этой войнѣ;

желая избѣжать этой необходимости, онъ склонилъ русскаго императора согласиться на конференцію съ датскими представителями, которая должна была собраться въ Берлинѣ и уладить несогласія. 24 мая Петръ Ѳеодоровичъ предписалъ Корфу сообщить датскому правительству о согласіи его на эту конференцію, но на условіяхъ, которыя заранѣе дѣлали невѣроятнымъ успѣшное ея окончаніе. Именно: императоръ требовалъ, чтобы переговоры начались не позже 1 іюля ст. ст., чтобы первыя же предложенія съ русской стороны служили ультиматумомъ, непринятіе котораго разрушаетъ конгрессъ, и чтобы датскіе уполномоченные имѣли право окончательно подписать соглашеніе, не вступая въ сношенія со своимъ правительствомъ, такъ какъ императоръ не желаетъ тратить времени на переговоры; было, впрочемъ, прибавлено, что «въ ознаменованіе особливой къ Его Величеству, королю Прусскому, дружбы и вниманія, Императоръ нѣсколько отступитъ отъ своихъ справедливыхъ требованій, если Его Величество признаетъ сіе нужнымъ для успѣха переговоровъ». Условія, на которыхъ соглашался Петръ Ѳеодоровичъ сохранить миръ, были изложены въ слѣдующей формѣ: «Возвращеніе Шлезвига, Феморна и Геймиланда; въ награжденіе за убытки—отдача датской половины Голштиніи со всѣми къ оной принадлежащими крѣпостями». Въ Берлинъ съѣхались—съ русской стороны Корфъ и представитель Голштиніи Сальдернъ, съ датской—Ассебургъ и Алефельдъ; 8 іюня ст. ст. состоялось первое засѣданіе; немедленно же выяснилось, что соглашенія достигнуть невозможно. Но до войны дѣло не дошло: съ вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины русское правительство заявило, что голштинскія отношенія не могутъ оказывать никакого вліянія на русскія; Корфу предписано было вернуться въ Копенгагенъ и съ датскимъ дворомъ возстановились прежнія хорошія отношенія. Съ августа по октябрь 1762 г., впрочемъ, между петербургскимъ и копенгагенскимъ дворами обнаружились опять небольшія недоразумѣнія, вызванныя тѣмъ, что король датскій, безъ вѣдома русской императрицы, вздумалъ присвоить себѣ право соопекунства надъ малолѣтнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ голштинскимъ, основываясь на одномъ частномъ договорѣ между шведскимъ и датскимъ королями, родственниками голштинскаго дома. І. А. Корфу пришлось принимать участіе въ объясненіяхъ петербургскаго двора съ датскимъ по этому поводу; столкновеніе окончилось вполнѣ благопріятно для новаго русскаго правительства—датское министерство отмѣнило свои рѣшенія и извинилось предъ русскимъ; впрочемъ, результатъ этотъ достигнутъ былъ, главнымъ образомъ, благодаря твердости и искусству Панина. Затѣмъ дипломатическая дѣятельность Корфа въ Копенгагенѣ ограничивалась почти только наблюденіями, чтобы датское правительство не поддерживало въ Швеціи партію, враждебную Россіи; 28 февраля 1765 г. Корфъ возобновилъ почти безъ измѣненій союзный договоръ, имъ же подписанный въ 1746 г. Въ февралѣ же 1765 г. Корфъ представилъ петербургскому министерству предположеніе—нельзя ли устроить на сѣверѣ Европы союзъ, который бы являлся противовѣсомъ союзу католическихъ державъ на югѣ Европы; на основаніи этого Корфа считаютъ первымъ авторомъ той «сѣверной системы», которая въ 1766 — 1768 годахъ составляла, между прочимъ, предметъ обсужденія Н. И. Панина.

Баронъ І. А. Корфъ оставилъ три печатныя произведенія; впрочемъ, какъ авторъ онъ гораздо менѣе замѣчателенъ, чѣмъ какъ любитель и покровитель наукъ; его произведенія къ славѣ его ничего не прибавляютъ. Въ 1733 г. во время хлопотъ Корфа въ Курляндіи объ избраніи Бирона въ герцоги, умеръ Биронъ—отецъ; Корфъ произнесъ на его похоронахъ слово, которое и было тогда же напечатано подъ заглавіемъ: «Lob- und Abdankungsrede bei dem Grabe des Hochwohlgebornen Herrn, Herrn Carl von Biron, Königlichen Cornets, Erbherrn auf Kalnzehm, gehalten ... von des hohen Trauerhauses demuthigsten und ergebensten Diener Iohann Albrecht Korff»; затѣмъ въ «Dreiers Specimen juris publici Lubecensis» (1762) помѣщена статья І. А. Корфа подъ заглавіемъ: «Nachricht von dem litthauischen Grossfürsten Gedimin»; наконецъ, въ 1762 же году Корфъ написалъ книжку «Gründlicher Beweis, dass das Recht einen Fürsten zu wählen, den Standen der Herzogthümer Curland und Semgallen von ihren Urahnen angestammt»...

Баронъ І. А. Корфъ остался холостымъ. По свидѣтельству знавшихъ его лицъ онъ былъ въ частной жизни однимъ изъ любезнѣйшихъ людей; какъ дипломатъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою прямоту и умъ; ему ставили въ вину иногда слишкомъ рѣзкое отношеніе къ противникамъ преслѣдуемыхъ имъ видовъ его правительства; во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ съ достоинствомъ держаться въ трудныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ и при русскомъ, и при другихъ дворахъ.

Біографія, составленная бар. М. А. Корфомъ въ «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale, 11 janvier 1847», 73—101: «Баронъ І. А. Корфъ», біографія въ «Исторіи Академіи Наукъ» Пекарскаго, т. I, 516—535; его же, «Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи», 87 — 90; Бантышъ-Каменскій, «Словарь»; «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ», тт. II, III, IV; Соловьевъ, «Исторія Россіи», книги IV, V, VI; Recke und Napiersky, «Allgem. Schriftsteller-und-Gelerht. Lexicon», II, и «Nachträge»—здѣсь краткій обзоръ манускриптовъ, поступившихъ изъ библіотеки Корфа въ Юрьевскій университетъ; «Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общества», тт. 47, 57 и 61. Дѣло Сената, въ Москвѣ, NN част. 21, общ. 8122, стр. 729—731, за 1754 г.

Н. Чечулинъ.

Корфъ, *Модестъ Андреевичъ*, графъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, род. 11 сентября 1800 г., ум. 2 января 1876 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Вестфаліи. Исторію этого рода можно прослѣдить съ 1240 г. По преданію, одинъ изъ Корфовъ участвовалъ въ 1250 г. въ седьмомъ крестовомъ походѣ французскаго короля Людовика IX и въ одной изъ битвъ король, находившійся въ величайшей опасности, былъ спасенъ Корфомъ. Въ благодарность за это король позволилъ ему имѣть лиліи на своемъ гербѣ, и съ тѣхъ поръ гербъ этого семейства состоялъ изъ краснаго щита съ тремя лиліями. Въ концѣ XV вѣка одна изъ боковыхъ вѣтвей этого рода появилась въ тогдашней Лифляндіи, и одинъ изъ представителей ея—Николай Корфъ—получилъ въ ленное владѣніе имѣніе Преекульнъ. Младшій сынъ этого Корфа, тоже Николай — праотецъ этой теперь столь распространенной въ Россіи семьи, какъ православной, такъ и лютеранской ея вѣтви.

Въ Россіи первымъ представителемъ фамиліи Корфъ былъ баронъ Іоганнъ Альбрехтъ Корфъ, съ 1730 г. Другой Корфъ, баронъ Зигмундъ Фридрихъ, староста Россіены въ Бѣлоруссіи, послѣ присоединенія Курляндіи въ 1795 г. былъ произведенъ императрицей Екатериной II въ статскіе совѣтники и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. У сына его, Генриха-Ульриха-Казиміра (по-русски Андрея Ѳедоровича), отъ брака съ Ольгой Сергѣевной Смирновой, русской по происхожденію и религіи, и родился сынъ Модестъ, окрещенный въ православную вѣру.

Довольно рано пришлось молодому Корфу покинуть родительскій домъ. 19-го октября 1810 г. онъ, вмѣстѣ съ 29-ю другими юношами, поступилъ въ только что открытый Императорскій Лицей, находившійся тогда въ Царскомъ Селѣ. Императрица-мать желала, чтобы младшіе сыновья ея получили не исключительно военное воспитаніе, а болѣе гражданское, и потому хотѣла отправить ихъ въ Лейпцигскій университетъ. Но императоръ Александръ, вообще никогда не вмѣшивавшійся въ воспитаніе своихъ братьевъ и всегда предоставлявшій матери полную свободу дѣйствій, въ этомъ случаѣ не согласился на ея планъ. Желая, однако, хоть отчасти исполнить желаніе матери, онъ напалъ на мысль (быть можетъ, мысль эта принадлежала наиболѣе вліятельному въ то время въ Россіи человѣку М. М. Сперанскому) основать заведеніе, въ которомъ его братья могли бы слушать лекціи вмѣстѣ съ другими сверстниками. Поэтому это новое учрежденіе, Лицей, и помѣстили въ Царскомъ Селѣ во флигелѣ дворца, въ которомъ жили великіе князья. Это подтверждается и словами императора Николая Павловича: въ 1842 г. при посѣщеніи Лицея, государь, обращаясь къ тогдашнему директору Лицея генералъ-маіору Броневскому, сказалъ: «Помѣщенію своему здѣсь Лицей обязанъ его отцу (при этомъ онъ указалъ на принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго): онъ подалъ Государю мысль дать намъ образованіе въ университетѣ, а чтобъ приготовить къ этому—воспитать насъ общественно. Лицей и былъ учрежденъ для того въ нашемъ помѣщеніи. Разрывъ съ Наполеономъ помѣшалъ тому». Позднѣе, когда Корфъ сталъ ближе къ Государю, Императоръ шутя называлъ его «mon camarade manqué», намекая на свое предполагаемое воспитаніе въ Лицеѣ.

Лицей былъ основанъ съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы госу-

дарственной, и составляемаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій» и долженъ былъ совмѣщать въ себѣ какъ гимназическій, такъ и университетскій курсъ. Программа его была чрезвычайно обширна и при самомъ добромъ желаніи не могла быть пройдена въ какихъ-нибудь шесть лѣтъ; она давала лишь прочную основу для дальнѣйшаго образованія. О шести годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, Корфъ самъ разсказываетъ слѣдующее: «Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сначала начальные учителя, а дали тотчасъ профессоровъ, которые притомъ сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ, и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полу-гимназическій и полу-университетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цѣли... Какъ насъ учили, видно уже отчасти изъ вышесказаннаго. Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполнѣ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія. Въ слѣдующіе курсы, когда они пообтерлись на насъ, дѣло пошло, я думаю, складнѣе; но несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ, несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ. Одного имени Пушкина довольно, чтобы обезсмертить этотъ выпускъ; но и кромѣ Пушкина, мы изъ ограниченнаго числа 29-ти воспитанниковъ, поставили по нѣсколько очень достойныхъ людей почти на всѣ пути общественной жизни. Какъ это дѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ, ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія. Основательнаго, глубокаго въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и очень были богаты блестящимъ всезнаніемъ, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отыгрываться въ Россіи. Многому мы, разумѣется, должны были доучиваться уже послѣ Лицея, особенно у кого была собственная охота къ наукѣ и кто, какъ напримѣръ я, оставилъ школьную скамью въ 17 лѣтъ... да оставилъ Царское Село съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ прегромкимъ аттестатомъ, въ которомъ только на половину было правды».

9 іюня 1817 г. былъ первый выпускъ воспитанниковъ изъ Лицея. Первую золотую медаль получилъ В. Д. Вольховскій, а вторую — князь А. М. Горчаковъ; серебряныхъ медалей были удостоены: Д. Н. Масловъ, С. С. Есаковъ, В. К. Кюхельбекеръ и С. Г. Ломоносовъ; достойными серебряныхъ медалей были признаны: Н. А. Корсаковъ и баронъ М. А. Корфъ.

Свою служебную карьеру Корфъ началъ 25 іюня 1817 г. въ департаментѣ юстиціи; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его перевели въ канцелярію министерства въ качествѣ переводчика. Затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ былъ сначала помощникомъ редактора, а потомъ и редакторомъ Коммиссіи составленія законовъ — званіе, въ которомъ онъ оставался до самаго закрытія Коммиссіи 4 апрѣля 1826 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ на него возлагали и другія служебныя обязанности. Такъ, съ 19 января до 24 мая 1820 г. онъ былъ секретаремъ у сенаторовъ князя Гага-

рина и Хитрово, которые по Высочайшему повелѣнію были посланы на югъ для изслѣдованія причинъ внесенія заразы въ Бессарабію и для ревизіи Подольской губерніи. За это, 3 января 1821 г., онъ получилъ свою первую награду — орденъ Владиміра 4-й степени. Въ мартѣ 1822 г. онъ былъ командированъ въ канцелярію комитета Высочайше учрежденнаго по дѣламъ бессарабскаго помѣщика Бальша для занятія ими. Въ 1823 г. 4 апрѣля Корфъ перешелъ изъ министерства юстиціи въ министерство финансовъ; 21 апрѣля того же года онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ, а позднѣе и начальникомъ отдѣленія. Въ 1825 г. на него было возложено управленіе дѣлами двухъ Высочайше учрежденныхъ комитетовъ—одного для пріисканія способовъ къ улучшенію состоянія городовъ и другого—для уравненія земскихъ повинностей. Конечно, во всѣхъ этихъ должностяхъ, гдѣ положеніе его было вполнѣ зависимое, Корфъ не имѣлъ возможности проявить свои блестящія способности, и только впослѣдствіи такой опытный государственный дѣятель, какъ М. М. Сперанскій, сблизившись съ нимъ, распозналъ таившіяся въ немъ дарованія. Императоръ Николай по вступленіи на престолъ прежде всего обратилъ вниманіе на печальное положеніе законодательства. Работа Коммиссіи составленія законовъ не принесла большихъ результатовъ; она подвигалась крайне медленно; происходило это частью потому, что чиновники работали очень вяло, частью потому, что они не имѣли достаточной подготовки для успѣшнаго выполненія возложенной на нихъ задачи. Поэтому 4 апрѣля 1826 г. Императоръ распустилъ эту коммиссію и замѣстилъ ее такъ-называемымъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи; такимъ образомъ онъ взялъ, такъ сказать, законодательную коммиссію подъ свое непосредственное руководство. 1-е Отдѣленіе находилось въ то время подъ номинальнымъ управленіемъ статсъ-секретаря Н. Н. Муравьева, а въ сущности было канцеляріей всемогущаго графа А. А. Аракчеева, который въ царствованіе императора Александра докладывалъ всѣ дѣла Государю. Почти также дѣло обстояло и во 2-мъ Отдѣленіи. Во главѣ его стоялъ Т. А. Балугьянскій, но живою силою его, душою его былъ М. М. Сперанскій. Задача, поставленная этому новому учрежденію, была нелегка: нужно было собрать всѣ законы, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, извлечь изъ нихъ все нужное, расположить въ системѣ и издать полученный, такимъ образомъ, сводъ законовъ. Для такой колоссальной работы Сперанскій былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ. Сначала юный Государь относился къ нему нѣсколько недовѣрчиво; но послѣ дѣла декабристовъ Сперанскій сталъ въ болѣе близкія отношенія къ Государю; послѣдній перемѣнилъ о немъ мнѣніе и поручилъ ему это важное дѣло, для выполненія котораго, кромѣ Сперанскаго, едва ли бы и нашелся человѣкъ. Сперанскій прежде всего позаботился о пріисканіи себѣ способныхъ помощниковъ изъ различныхъ министерствъ; къ числу этихъ послѣднихъ онъ причислилъ и Корфа, который былъ переведенъ старшимъ чиновникомъ во II Отдѣленіе. Въ своей «Жизни графа Сперанскаго» Корфъ говоритъ: «Ему, для осуществленія обширныхъ его плановъ, необходимы были руки, а въ коммиссіи законовъ ихъ не оказывалось, потому что не только почти никто изъ ея чиновниковъ ничего не дѣлалъ, но немногіе изъ нихъ и способны что-нибудь дѣлать. Сперанскій принужденъ былъ начать съ увольненія множества прежнихъ чиновниковъ; но, почти чуждый тогдашнему служебному міру, онъ замѣстилъ ихъ не по близкой ему извѣстности, не по какому-нибудь строгому испытанію, а почти на удачу—нѣсколькими профессорами и, частью, молодыми людьми, окончившими курсъ наукъ въ тогдашнемъ Царскосельскомъ лицеѣ и въ университетахъ. Случайно наборъ новыхъ работниковъ вышелъ довольно счастливый. Сперанскій и собственнымъ своимъ примѣромъ, и щедрыми, истинно безпримѣрными наградами, въ которыхъ императоръ Николай, вовсе на нихъ не расточительный, за это дѣло никогда не отказывалъ — умѣлъ вдохнуть своимъ новобранцамъ необыкновенное одушевленіе. Не всѣ между ними были равны по дарованіямъ и знаніямъ, но всѣ сдѣлались болѣе или менѣе полезными по ревностному усердію».

Здѣсь Корфъ работалъ въ теченіе пяти лѣтъ; въ то же время онъ не прерывалъ своихъ сношеній съ министерствомъ фи-

нансовъ, гдѣ 7 октября 1830 г. его назначили вице-директоромъ департамента разныхъ податей. Подъ руководствомъ такого геніальнаго государственнаго человѣка, какъ Сперанскій, онъ прошелъ черезъ основательную школу въ области администраціи и законодательства, которая послужила основой для его дальнѣйшей блестящей карьеры. Учитель чрезвычайно дорожилъ своимъ ученикомъ. Это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ наградъ, которыя Сперанскій испросилъ для него за это время у Государя: 1 іюля 1827 г. Корфъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, званіе камергера и единовременно 5.000 руб.; 19 января 1828 г. орденъ св. Владиміра 3-й степени; 17 марта 1829 г. чинъ статскаго совѣтника и единовременно 3.500 руб.; 22 января 1830 г. орденъ св. Станислава 2-й степени со звѣздою и 3.500 руб.; 17 января 1831 г. 2.000 руб. Нелегко было разобраться въ той огромной массѣ указовъ и законовъ, которая накопилась вѣками; нужно было отбросить все непригодное, привести въ систематическій порядокъ и исправить то, что годилось для даннаго времени. Работа требовала неутомимаго прилежанія, щепетильной добросовѣстности, критически развитого ума, способнаго отличить существенное отъ второстепеннаго; слогъ долженъ былъ отличаться точностью выраженій, сжатостью, отсутствіемъ какихъ-либо прикрасъ, но не въ ущербъ ясности смысла. Всѣми этими качествами обладалъ Сперанскій, и многому научился у него его понятливый, переимчивый ученикъ Корфъ. Наконецъ, дѣло было кончено. «Полное Собраніе Законовъ» вышло изъ печати въ 1830 г. въ 45 томахъ in quarto, а въ концѣ 1832 г. появился и «Сводъ законовъ» въ 15 томахъ, содержащій болѣе 42.000 статей.

Еще во время своей службы во 2-мъ Отдѣленіи Корфъ былъ переведенъ по совѣту Сперанскаго въ комитетъ министровъ, правитель дѣлъ котораго, Ѳ. Ѳ. Гежелинскій, впалъ въ немилость у Государя за небрежное и неакуратное веденіе дѣлъ, былъ отставленъ отъ должности и разжалованъ въ солдаты. Въ теченіе какого-нибудь года Корфъ привелъ въ порядокъ всѣ не доложенныя и не исполненныя дѣла. Государь остался имъ очень доволенъ и 6 мая 1831 г. назначилъ его, несмотря на его сравнительно молодые годы, управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а 11 января 1832 г. утвердилъ его въ этой должности. Теперь самое дѣло дало Корфу возможность стать въ болѣе близкія отношенія къ Государю; послѣдствіемъ этого сближенія было назначеніе его исправляющимъ должность государственнаго секретаря (въ 1834 г.); 1 января 1839 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности. Такому быстрому повышенію не мало способствовало успѣшное выполненіе одной работы, возложенной на него Государемъ въ 1832 г.: Корфъ составилъ «Опытъ общаго обозрѣнія всѣхъ частей государственнаго управленія за 1831 г.»; въ этомъ сочиненіи онъ далъ сжатый очеркъ хозяйственной жизни Россіи; многочисленныя таблицы, касавшіяся торговли, финансовъ, промышленности, умственной жизни, военныхъ силъ и т. п. давали вѣрную общую картину всего государственнаго управленія.— Высокій постъ государственнаго секретаря раскрылъ передъ Корфомъ широкое поле дѣятельности. По порученію Государя онъ выработалъ планъ, по которому подъ его руководствомъ должна была быть написана исторія этихъ учрежденій; Корфу, котораго Сперанскій называлъ своимъ золотымъ перомъ, было поручено изложеніе наиболѣе важныхъ государственныхъ документовъ; оно отличалось необыкновенною точностью выраженій и красотою слога, какъ и все, выходившее изъ-подъ его пера.—Цѣлыхъ 9 лѣтъ пробылъ Корфъ въ этой должности. 11 апрѣля 1843 г. его назначили членомъ Государственнаго Совѣта. Государь высоко цѣнилъ его большія дарованія и былъ чрезвычайно доволенъ его дѣятельностью въ Государственномъ Совѣтѣ. Это видно изъ мемуаровъ самого Корфа, въ которыхъ онъ между прочимъ описываетъ свою аудіенцію у Государя послѣ своего назначенія членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ пишетъ: «Когда мы (преемникъ его въ званіи государственнаго секретаря Бахтинъ и назначенный на его мѣсто управляющимъ дѣлами комитета министровъ Ханыковъ) вошли, Государь, обратясь ко мнѣ, съ пожатіемъ руки, сказалъ: «Ваше Превосходительство, нижайше поздравляемъ: надѣюсь, что ты и въ новой своей должности будешь тѣмъ же и такимъ же, какъ въ прежнихъ, а тебѣ (къ Бахтину) желаю быть такимъ же государственнымъ секре-

таремъ, какимъ былъ твой предмѣстникъ. Кромѣ добросовѣстности и отличной редакціи я долженъ еще особенно отдать ему справедливость въ томъ, что при изложеніи имъ разногласій въ совѣтѣ, я нигдѣ не видѣлъ и не могъ замѣтить собственнаго его мнѣнія, а это и большое мастерство, и большая побѣда надъ самимъ собою, потому что и не имѣющему голоса нельзя же не имѣть своего убѣжденія». Академикъ Я. К. Гротъ, поступившій послѣ своего выпуска изъ лицея въ 1832 г. подъ начальство Модеста Андреевича, въ то время управляющаго дѣлами комитета министровъ, и переведенный Корфомъ въ 1834 г., по назначеніи его государственнымъ секретаремъ, въ канцелярію Государственнаго Совѣта, описываетъ его дѣятельность въ слѣдующихъ чертахъ. «Дѣятельность свою онъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправленіяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Баронъ Корфъ не даромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго старшимъ чиновникомъ 2-го Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усвоивали себѣ болѣе или менѣе всѣ, работавшіе подъ его руководствомъ».

Корфъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, долженъ былъ принимать участіе въ различныхъ коммиссіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе важной былъ такъ-называемый Комитетъ 2 апрѣля. Волненія 1848 г. не могли не отозваться и у насъ, хотя безпорядковъ и не было. Князь А. С. Меньшиковъ, въ разговорѣ съ Наслѣдникомъ, отозвался о нихъ, какъ о «подкопной работѣ либерализма», а Корфъ составилъ докладную записку, въ которой указывалъ на вредное вліяніе двухъ журналовъ—«Отечественныхъ Записокъ» и «Современника»; записку эту онъ передалъ Наслѣднику. Тогда назначенъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Меньшикова съ членами: гр. А. Г. Строгановымъ, Д. П. Бутурлинымъ, бар. Корфомъ и сенаторомъ Дегаемъ; ему было поручено «разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы». Но этотъ временный комитетъ просуществовалъ всего одинъ мѣсяцъ; уже 2 апрѣля былъ основанъ постоянный комитетъ съ Бутурлинымъ во главѣ и членами: Корфомъ и Дегаемъ; онъ имѣлъ обязанностью представлять свои замѣчанія и предположенія непосредственно Государю. По смерти Бутурлина предсѣдателемъ его сдѣлался Корфъ, по предложенію котораго комитетъ былъ уничтоженъ въ 1856 г., какъ не соотвѣтствующій своей цѣли.

Императоръ выказалъ Корфу особое довѣріе: въ 1847 г. ему было поручено читать курсъ правовѣдѣнія великому князю Константину Николаевичу, а въ 1851 г. познакомить съ основами государственнаго устройства русской имперіи герцога Георга Мекленбургскаго, мужа великой княгини Екатерины Михайловны, поступившаго тогда на русскую государственную службу. Впослѣдствіи онъ читалъ тотъ же курсъ младшимъ сыновьямъ Императора—Николаю и Михаилу Николаевичамъ, а въ слѣдующее царствованіе Императора Александра II великимъ князьямъ—Николаю, Александру, Владиміру и Алексѣю Александровичамъ, а также старшему сыну великаго князя Константина Константиновича—Николаю Константиновичу.

18 октября 1849 г. Государь передалъ Корфу управленіе императорской публичной Библіотекой. Теперь передъ Корфомъ открылось новое поприще дѣятельности, поприще, на которомъ его административные и организаторскіе таланты могли проявиться во всемъ своемъ блескѣ. До того времени Библіотека занимала скромное мѣсто: ее мало знали, и доступъ публикѣ былъ недостаточно открытъ; она не имѣла достаточныхъ денежныхъ средствъ, не имѣла достаточнаго количества рабочихъ силъ. Работы по составленію каталога начались лишь въ сороковыхъ годахъ при Д. П. Бутурлинѣ и двигались мед-

лѣнно. Корфъ съумѣлъ вдохнуть жизнь въ этотъ полумертвый организмъ. Онъ возбудилъ интересъ публики къ этому учрежденію; благодаря своимъ связямъ въ вліятельныхъ кругахъ общества и личнымъ отношеніямъ къ императору Николаю, онъ съумѣлъ получить и необходимыя денежныя средства. Такимъ образомъ, онъ извлекъ Библіотеку изъ того мрака, въ которомъ она прозябала до того времени. За двѣнадцать лѣтъ своего управленія ею онъ поставилъ ее на такую высоту, что она могла стоять на ряду съ другими большими библіотеками Западной Европы. Такъ, въ теченіе 1849 г. число посѣтителей библіотеки равнялось приблизительно 900 человѣкъ, причемъ число требованій на книги не превышало 1.500 томовъ; черезъ 10 лѣтъ число читателей почти упятерилось, и число прочитанныхъ томовъ достигло приблизительно 7.300. Далѣе: въ 1850 г. библіотека могла купить книгъ только рублей на 600, въ 1858 же году расходы на этотъ предметъ, благодаря различнымъ поступленіямъ, возросли до 22.600 руб. Чтобы сдѣлать библіотеку болѣе доступной для публики, Корфъ распорядился, чтобы читальная зала была открыта ежедневно до 9 ч. вечера и даже въ праздники и воскресенья въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Библіотека была изъята изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, располагавшаго крайне скудными денежными средствами, и перешла въ вѣдѣніе министерства Императорскаго Двора; она стала находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Государя и поэтому могла располагать большими средствами, такъ что доходы ея, какъ обыкновенные, такъ и экстраординарные, значительно возросли.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ тѣ многочисленныя прекрасныя коллекціи и драгоцѣнныя рѣдкости, которыми библіотека обогатилась, благодаря стараніямъ Корфа, и которыми она справедливо можетъ гордиться. Укажемъ лишь на два отдѣленія ея, которыя особенно важны спеціально для Россіи. Принимая на себя обязанности директора Библіотеки, Корфъ задался двумя цѣлями: собрать все, напечатанное на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, и собрать все, напечатанное на иностранныхъ языкахъ о Россіи. Старопечатныхъ книгъ было въ Библіотекѣ чрезвычайно мало, и покупка (за 150.000 руб.) такъ-называемаго древнехранилища Погодина, этой прекрасной коллекціи старопечатныхъ книгъ и церковно-славянскихъ рукописей, положила прочное основаніе новому отдѣленію. Скоро сюда же присоединились коллекціи Карабанова, Кастерина и Каратаева, изобиловавшія старопечатными книгами кирилловскаго шрифта, рѣдкими народными картинками и изданіями временъ Петра Великаго —и создалось въ Библіотекѣ единственное въ своемъ родѣ собраніе. Не меньшимъ успѣхомъ увѣнчались работы Корфа и объ отдѣленіи иноязычныхъ писателей о Россіи. Еще будучи двадцатилѣтнимъ юношей, Корфъ носился съ мыслью собрать такую коллекцію; онъ тщательно отмѣчалъ заглавія тѣхъ произведеній иностранныхъ писателей, которыя имѣли отношеніе къ Россіи, и собралъ разныя біографическія данныя о ихъ авторахъ; и вотъ, спустя 30 лѣтъ, судьба позволила ему осуществить эту мысль, притомъ такъ блестяще, какъ едва ли онъ самъ могъ этого ожидать. Чтобы убѣдиться въ его заслугахъ по устройству этого отдѣленія библіотеки (онъ продолжалъ быть директоромъ этого отдѣленія даже послѣ того, какъ покинулъ постъ директора библіотеки), стоитъ только обратиться съ «Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères», изданному подъ его редакціей въ 1873 г. въ двухъ томахъ. 16 декабря 1861 г. императоръ Александръ II, «желая сохранить навсегда память о заслугахъ барона Корфа для Императорской Публичной Библіотеки», повелѣлъ «ту залу сей библіотеки, въ коей помѣщается учрежденное по мысли его собраніе всего напечатаннаго о Россіи на иностранныхъ языкахъ, именовать залою барона Корфа»; при этомъ Государь разрѣшилъ повѣсить въ этой залѣ портретъ Корфа. Корфъ вполнѣ заслужилъ такой награды за свои труды и усердіе.

Въ 1861 г. 6 декабря Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ II Отдѣленія канцеляріи Его Величества и поэтому долженъ былъ оставить постъ директора Публичной Библіотеки. До конца своихъ дней, т.-е. въ теченіе еще четырнадцати лѣтъ, онъ продолжалъ, однако, выказывать живѣйшій интересъ къ этому любимому своему дѣтищу, продолжалъ считать себя его членомъ и постоянно навѣщалъ его; выхлопотать для Библіотеки то или другое

и вообще такъ или иначе прійти ей на помощь — доставляло ему особенное удовольствіе.

Въ день празднованія пятидесятилѣтія служебной дѣятельности Корфа чины Императорской Публичной Библіотеки выказали свою глубокую признательность и уваженіе своему горячо-любимому бывшему начальнику слѣдующимъ образомъ: зная, какой онъ былъ ревностный библіофилъ и библіографъ, они поднесли ему книгу, напечатанную всего въ двухъ экземплярахъ, слѣдовательно большую библіографическую рѣдкость. Книга была озаглавлена: «На память о 9 іюня 1867 г. Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день 50-тилѣтія его службы» и заключала въ себѣ поздравленія и привѣтствія, а также воспоминанія нѣсколькихъ лицъ изъ числа прежнихъ его сослуживцевъ, говорившія о работахъ, произведенныхъ въ библіотекѣ въ его время; книга была составлена на тридцати различныхъ языкахъ, европейскихъ и внѣевропейскихъ. Кромѣ того, ему вручили изящно напечатанный каталогъ (составленъ А. Ѳ. Бычковымъ) изданій гражданской печати, вышедшихъ при Петрѣ Великомъ, значительная часть которыхъ поступила въ Библіотеку при М. А. Корфѣ. Вручая ему эту книгу, тогдашній директоръ Библіотеки И. Д. Деляновъ охарактеризовалъ дѣятельность барона между прочимъ слѣдующими словами: «Неутомимо работая на пользу ввѣреннаго вамъ учрежденія, вы и въ каждомъ изъ сослуживцевъ вашихъ вызывали новыя, нерѣдко самимъ имъ невѣдомыя силы, и доводили ихъ до соотвѣтственной цѣли. Притомъ, помня всегда, что человѣку свойственно ошибаться, вы, не давая никому того замѣтить, немощное въ нихъ врачевали и оскудѣвающее восполняли. Собственная ваша личность всегда сливалась съ пользами великаго нашего учрежденія; она была примѣтна и чувствительна для подчиненныхъ вашихъ только въ одномъ — въ благодушныхъ наставленіяхъ, совѣтахъ и указаніяхъ съ одной стороны, а съ другой — въ поощреніяхъ, коими вы одушевляли ихъ на трудъ, и въ высокомъ сочувствіи къ ихъ радостямъ и горестямъ; для посѣтителей же библіотеки и ученыхъ, искавшихъ въ ней источниковъ для своихъ изысканій — въ помощи, облегченіи, которыя вы доставляли каждому изъ нихъ».

Недолго, всего три года, пришлось Корфу пробыть во II Отдѣленіи, гдѣ въ прежнее время онъ самъ получилъ юридическое и политическое образованіе подъ руководствомъ Сперанскаго; 27 октября 1864 г. его назначили президентомъ департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ что и здѣсь, какъ и во II Отдѣленіи, онъ сдѣлался преемникомъ своего учителя, Сперанскаго. Разстроенное здоровье, пошатнувшееся отъ долгой и усиленной работы, принудило его, однако, поѣхать въ заграничный отпускъ на продолжительный срокъ. Онъ подалъ въ отставку, которая и была принята 1 января 1872 г. При этомъ Корфъ имѣвшій уже всѣ русскіе ордена, былъ пожалованъ въ потомственное графское достоинство русской имперіи.

Несмотря на многочисленныя обязанности и работы, прямо связанныя со службою, Корфъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Еще въ первые годы по окончаніи Лицея онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Первая его болѣе крупная работа появилась въ печати въ Петербургѣ въ 1820 г. и имѣла заглавіе: «Графодромія или искусство скорописи, сочиненіе Астье, передѣланное и примѣненное къ рускому языку барономъ Модестомъ Корфомъ»; за заглавіемъ слѣдовало посвященіе: «Императорскому Царскосельскому Лицею посвящено признательнымъ воспитанникомъ». Въ этомъ сочиненіи говорилось о предметѣ совершенно еще неизвѣстномъ въ Россіи — о стенографіи. По словамъ князя В. Ѳ. Одоевскаго изъ Астье баронъ Корфъ заимствовалъ лишь общность системы — большая часть книги содержитъ въ себѣ совершенно самостоятельное примѣненіе стенографіи къ русскому языку и не мало практическихъ замѣтокъ, почерпнутыхъ изъ основныхъ свойствъ русскаго языка, нигдѣ прежде незамѣченныхъ. Но съ особенною любовью Корфъ занимался историческими изысканіями; въ «Сѣверномъ Архивѣ», 1822 г. онъ напечаталъ довольно большое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Принцъ Датскій Іоганнъ въ Россіи. Происшествіе 1602 г.» — тутъ разсказана исторія умершаго въ Москвѣ жениха Ксеніи Годуновой. Сочиненіе это было переведено и на нѣмецкій языкъ и напечатано въ 6-й книгѣ «St.-Petersburgische Zeitschrift», изданіе А.

Ольдеркопа. Другая работа подобнаго же рода появилась на русскомъ языкѣ въ 1847 г. въ «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale de Sciences de St.-Pétersbourg tenue le 11 Janvier 1847 г.» Это была біографія знаменитаго предка Корфа—барона Іоганна Альбрехта Корфа; небольшая по объему, она даетъ обстоятельное жизнеописаніе этого замѣчательнаго человѣка. Впослѣдствіи П. П. Пекарскій значительно дополнилъ эту работу въ своей исторіи Академіи Наукъ: онъ могъ пользоваться архивомъ Академіи, которымъ Корфъ не располагалъ; еще новыя дополненія къ біографіи его явились въ разныхъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества».

Выше было уже упомянуто, что Корфъ, сдѣлавшись директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, имѣлъ возможность осуществить мечту своей юности, т. е. собрать все написанное о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Какъ только мысль эта стала извѣстна книгопродавцамъ и антикварамъ различныхъ государствъ, они незамедлили прислать въ библіотеку свои предложенія, такъ что въ скоромъ времени библіотека могла пріобрѣсти самыя цѣнныя и рѣдкія изданія. Всѣ эти пріобрѣтенныя рѣдкости были перечислены въ годовыхъ отчетахъ библіотеки, которые Корфъ долженъ былъ представлять министру Императорскаго Двора; простой же публикѣ онѣ были мало извѣстны, развѣ по самымъ краткимъ указаніямъ. Въ виду этого Корфъ рѣшился напечатать въ «Отечественныхъ Записках» въ 1854 г. рядъ монографій о наиболѣе интересныхъ книгахъ; монографіи эти помѣщались въ отдѣлѣ «Библіографическіе отрывки» и были написаны частью имъ самимъ, частью подъ его непосредственной редакціей. Таковы были слѣдующія библіографическія замѣтки: «Изданія на иностранныхъ языкахъ Наказа Екатерины II», «Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе о двухъ Сарматіяхъ» (написана К. А. Коссовичемъ), «Посольство въ Россію графа Карлейля» (написана А. Ѳ. Бычковымъ), «Нѣсколько рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка», «Первые иноземные путешественники по Россіи», «Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка» и другія.

Въ декабрѣ 1847 г. великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, присутствуя на одной изъ бесѣдъ Корфа съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, прочелъ имъ собственноручно написанныя воспоминанія Императора о событіяхъ 14 декабря 1825 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочелъ и написанное Корфомъ сочиненіе: «О самодержавіи въ Россіи»; въ немъ онъ нашелъ извѣстный манифестъ 1826 г., котораго онъ до тѣхъ поръ не зналъ; особенно заинтересовало его то мѣсто книги, которое касалось престолонаслѣдія. Тогда ему пришло въ голову дополнить меморіалъ Государя и напечатать его. Работу эту онъ поручилъ Корфу. Онъ передалъ ему копію съ меморіала, написанную рукою великой княгини Маріи Николаевны, объяснилъ ему свою мысль о способѣ выполненія работы, о необходимыхъ дополненіяхъ и т. д., Государь далъ свое согласіе на это дѣло, и такимъ образомъ 14 декабря 1848 г. появился въ печати этотъ меморіалъ, но уже въ совершенно переработанномъ видѣ, такъ какъ онъ былъ значительно дополненъ разными офиціальными документами, разсказами, мемуарами различныхъ лицъ; онъ былъ напечатанъ всего въ 25 экземплярахъ подъ заглавіемъ: «Историческое описаніе 14 декабря 1825 г. и предшедшихъ ему событій». Шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1854 г. Государь велѣлъ напечатать 2-е изданіе этой книги, опять въ количествѣ 25 экземпляровъ, но подъ заглавіемъ: «Четырнадцатое декабря 1825 года». Конечно, при такихъ обстоятельствахъ это собраніе матеріаловъ первостепенной важности было доступно лишь для немногихъ избранныхъ. Между тѣмъ въ обществѣ интересъ къ событіямъ 14 декабря былъ чрезвычайно великъ, особенно въ высшихъ его слояхъ, многіе члены котораго принимали участіе въ событіяхъ этихъ знаменательныхъ дней, были замѣшаны въ нихъ прямо или косвенно. Неудивительно поэтому, что по выходѣ въ 1857 г. 3-го изданія этой книги, предназначеннаго для публики, книга быстро разошлась и въ короткое время потребовалось три ея изданія. На этотъ разъ она носила заглавіе: «Восшествіе на престолъ императора Николая I» и была вѣрнымъ сколкомъ съ первыхъ двухъ изданій, дополненныхъ лишь письмами нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ и немногими подробностями. Книга эта была переведена на

многіе иностранные языки; въ одной Германіи появилось семь ея изданій въ различныхъ переводахъ. Чистую выручку отъ продажи этой книги въ Россіи, около 28.000 руб., Корфъ подарилъ Публичной Библіотекѣ. По причинамъ весьма понятнымъ сочиненіе это не могло быть подвержено исторической критикѣ; но собранный въ немъ драгоцѣнный матеріалъ дѣлаетъ его незамѣнимымъ источникомъ для историка царствованія Николая I, изучающаго первые мѣсяцы по смерти Александра Павловича.

Корфъ оставилъ, однако, трудъ еще болѣе цѣнный, для историіографа, выполненный имъ по порученію императора Александра II. Въ декабрѣ 1856 г. Корфъ получилъ приказаніе Государя собирать матеріалы для полной біографіи и исторіи царствованія императора Николая I. Корфъ принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей и любовью къ историческимъ изысканіямъ и продолжалъ его въ теченіе 19 лѣтъ. Конечно, подобная работа была непосильна одному человѣку, такъ какъ матеріалъ, разсыпанный по архивамъ отдѣльныхъ министерствъ и другихъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, былъ слишкомъ обширенъ. Назначена была коммиссія изъ лицъ, которыя состояли на службѣ въ этихъ различныхъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ было выбрано все то, что относилось къ царствованію Николая I, а также важные акты, на которыхъ находились собственноручныя помѣтки Императора, характерныя для вѣрнаго освѣщенія его личности; все это было переписано и вручено Корфу. Корфъ просмотрѣлъ всѣ эти работы, сопоставилъ ихъ, сдѣлалъ нужныя исправленія и дополненія и затѣмъ представилъ свой трудъ Государю. Къ концу 1875 г., т. е. ко времени смерти Корфа, въ рукахъ Государя Александра II находилось весьма почтенное число составленныхъ такимъ образомъ томовъ—92 in folio. Упомянемъ здѣсь, что по смерти Корфа предсѣдателемъ этой коммиссіи вмѣсто него назначенъ былъ главноуправляющій второго отдѣленія канцеляріи Его Величества кн. Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, а по смерти этого послѣдняго въ январѣ 1883 года—министръ народнаго просвѣщенія Иванъ Давыдовичъ Дельяновъ. 1 января 1886 г. коммиссія была уничтожена, а всѣ работы ея по Высочайшему повелѣнію переданы Императорскому Русскому Историческому Обществу. Замѣтимъ также, что Корфъ съ 1866 г. состоялъ членомъ этого общества, какъ одинъ изъ основателей его и оказывалъ поддержку своимъ вліяніемъ разнымъ ученымъ предпріятіямъ—напр., разрѣшенію изданія журнала «Русская Старина».

Наконецъ, въ 1861 г. появилось еще сочиненіе Корфа—«Жизнь графа Сперанскаго» въ двухъ томахъ. Біографія эта создалась благодаря слѣдующему обстоятельству: дочь Сперанскаго, вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фролова-Багрѣева, принесла въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1857 г. всѣ бумаги, оставшіяся послѣ отца ея и всю свою переписку съ нимъ. При этомъ она выразила желаніе, чтобы по возможности все это было напечатано. Корфъ скоро, однако, пришелъ къ убѣжденію, что простая перепечатка бумагъ безъ біографическихъ и историческихъ примѣчаній и разъясненій принесла бы мало пользы. Между тѣмъ, какъ горячій почитатель своего прежняго руководителя, которому онъ былъ обязанъ своей блестящей карьерой, Корфъ еще раньше собиралъ матеріалы для его біографіи. Поэтому онъ и рѣшился напечатать пожертвованное дочерью гр. Сперанскаго съ своими дополненіями. Однако, и такого рода изданіе показалось ему недостаточно удобопонятнымъ и «отсюда возникла необходимость», какъ сообщаетъ графъ Корфъ въ предисловіи къ своему труду, «свести всѣ отдѣльныя наши замѣтки въ одно цѣлое, т. е. въ послѣдовательный разсказъ, который служилъ бы введеніемъ и ключомъ къ содержанію писемъ. Такимъ образомъ, почти неожиданно для насъ самихъ, сложилась издаваемая нынѣ біографія. Вслѣдъ за нею будетъ приступлено и къ печатанію писемъ». Письма Сперанскаго къ дочери напечатаны А. Ѳ. Бычковымъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. Книга имѣла большой успѣхъ: какъ самое содержаніе ея, такъ и личность автора ея, занимавшаго высокій государственный постъ, возбудили къ ней всеобщій интересъ. О Сперанскомъ до того времени было напечатано сравнительно мало. Отношенія его къ императору Александру I, неожиданное паденіе его не были подвергнуты исторической обработкѣ, и вся судьба его была какъ бы окутана туманомъ. Источники для изученія эпохи Александра I были въ то

время очень скудны; цензура зорко слѣдила за всякимъ историческимъ изысканіемъ ученыхъ и допускала полную свободу только при изученіи болѣе древнихъ эпохъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, сочиненіе Корфа о Сперанскомъ стало однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи царствованія Александра I и Николая I. Отличаясь прекраснымъ изложеніемъ, оно давало много новыхъ свѣдѣній о томъ слоѣ общества, среди котораго приходилось вращаться Сперанскому и самому Корфу въ молодые его годы; личныя воспоминанія Корфа о Сперанскомъ, подъ руководствомъ котораго онъ прошелъ такъ сказать, цѣлую школу, возбудили величайшій интересъ. Конечно, мнѣнія о достоинствѣ книги были различны. Самъ Корфъ пишетъ въ 1863 г.: «Хотя все сочиненіе въ полномъ его составѣ прошло, по Высочайшей волѣ, черезъ цензуру графа Блудова, а въ важнѣйшихъ его частяхъ и черезъ собственную цензуру Государя, но ни той, ни другой я отнюдь не считалъ достаточнымъ огражденіемъ противъ тайныхъ наговоровъ и интригъ реакціонерной партіи, которая еще очень многочисленна и сильна въ нашей высшей администраціи, и которой даже самый фактъ выпуска на Божій свѣтъ такой книги долженъ былъ показаться ужасающею неосторожностью со стороны нашего правительства и самымъ зловреднымъ дѣйствіемъ съ моей». Нѣкоторые порицали Корфа за то, что онъ обо многомъ умолчалъ, не понимая, или же не желая понять, что книга никогда не могла бы появиться, если бы онъ сообщилъ все то, что было ему извѣстно. Другіе находили, что онъ слишкомъ ужъ возвеличилъ Сперанскаго, который этого будто бы вовсе не заслужилъ, что онъ къ нему слишкомъ пристрастенъ, а третьи, напротивъ, упрекали Корфа, что онъ недостаточно выдвинулъ заслуги этого великаго государственнаго человѣка. Какъ бы то ни было, книга составила цѣнный вкладъ въ русскую исторіографію; по предложенію академика Устрялова, безъ вѣдома Корфа, Академія Наукъ удостоила это сочиненіе полной Демидовской преміи. Доходъ отъ продажи книги Корфъ опять пожертвовалъ Публичной Библіотекѣ.

Недолго могъ Корфъ наслаждаться отдыхомъ, котораго онъ болѣе чѣмъ заслужилъ. Осенью 1875 г. онъ вернулся изъ-за границы. Умственныя силы его не ослабли, но здоровье было подорвано. 2 января 1876 г. смерть унесла этого государственнаго дѣятеля, такъ много потрудившагося на благо своего отечества.

10 января 1876 г., въ день перваго засѣданія Государственнаго Совѣта по смерти Корфа, предсѣдатель Государственнаго Совѣта великій князь Константинъ Николаевичъ открылъ засѣданіе слѣдующими словами: «Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ жизнь графа Корфа была неразрывно связана съ лѣтописью Государственнаго Совѣта. Нѣкоторые изъ членовъ Совѣта еще помнятъ блистательнаго государственнаго секретаря, великаго мастера русскаго слова, въ молодыхъ лѣтахъ уже стяжавшаго себѣ извѣстность государственнаго дѣятеля тонкимъ пониманіемъ вопросовъ высшаго управленія, рѣдкимъ даромъ изложенія, необыкновенною распорядительностью и находчивостью. Глубокій знатокъ государственнаго дѣла, знаменитый въ ряду сподвижниковъ двухъ царствованій, графъ М. М. Сперанскій, былъ первымъ цѣнителемъ счастливыхъ дарованій молодого дѣятеля и печатью своего таланта отмѣтилъ ихъ быстрое и блестящее развитіе. Въ настоящемъ засѣданіи не мѣсто было бы распространяться о многихъ заслугахъ графа Корфа, высоко и по достоинству цѣнимыхъ русскимъ обществомъ, но оказанныхъ имъ внѣ стѣнъ Государственнаго Совѣта. Однако, и посреди постороннихъ трудовъ, онъ до дня кончины своей никогда не переставалъ принадлежать Совѣту. Въ весьма недавнемъ времени, на памяти большой части присутствующихъ, мы встрѣчаемъ его въ званіи предсѣдателя департамента законовъ, которое представило ему случай обнаружить рядъ новыхъ замѣчательныхъ качествъ. Лица, принимавшія участіе въ засѣданіяхъ, имъ руководимыхъ, конечно, не забудутъ невозмутимаго спокойствія и глубокаго уваженія къ мнѣнію каждаго, необыкновеннаго дара обобщать и упрощать самые сложные вопросы, — этихъ важныхъ достоинствъ предсѣдателя, которыми въ высшей степени обладалъ графъ Модестъ Андреевичъ».

М. А. Корфъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, баронессѣ Ольгѣ Андреевнѣ. Отъ этого брака у него было нѣсколько дочерей и единственный сынъ — Модестъ Модестовичъ Корфъ; въ рукахъ

этого послѣдняго находятся мемуары отца, изъ которыхъ напечатано очень немногое; на страницахъ «Русской Старины» появились лишь краткія извлеченія изъ нихъ, предназначенныя для печати самимъ авторомъ.

Селезневъ, «Историческій очеркъ Императорскаго Александровскаго Лицея». Спб., 1861 г.; «Отчеты Императорской Публичной Библіотеки» за 1850—1861 г.; «Русская Старина»,1876 г., 1898 и 1899 г; «Древняя и Новая Россія», I, 1876 г.; «Жизнь графа Сперанскаго», Спб. 1861 г.; «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1899 г.

К. Феттерлейнъ.

Корфъ, *Николай Александровичъ*, баронъ, педагогъ, род. въ Харьковѣ, 2 іюля 1834 г., ум. тамъ же 13 ноября 1883 г. Происходилъ изъ той же линіи Корфовъ, къ которой принадлежали Іоаннъ Альбрехтъ Корфъ, президентъ Академіи Наукъ и графъ М. А. Корфъ. На второмъ году жизни остался круглымъ сиротою и до 8 лѣтъ жилъ у своей тетки, жены воронежскаго помѣщика Градовскаго. Въ 1843 г. былъ отданъ въ пансіонъ Крюммера, въ г. Верро лифляндской губерніи, затѣмъ съ 1845 г. учился въ Петербургѣ, въ пансіонѣ Филиппова, окончилъ образованіе въ Александровскомъ Лицеѣ. За нежеланіе подчиняться нѣкоторымъ требованіямъ лицейскаго режима—какъ, напр., за несоблюденіе формы, куреніе и т. п. при выпускѣ въ 1854 г. получилъ не золотую медаль, на которую имѣлъ право, а серебряную. Прослуживъ полтора года въ департаментѣ министерства юстиціи, Н. А. Корфъ оставилъ службу и уѣхалъ въ наслѣдственное свое имѣніе, въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи; здѣсь онъ явился дѣятельнымъ членомъ сначала въ дворянскихъ собраніяхъ, гдѣ проводилъ мысль о нецѣлесообразности многихъ дворянскихъ привиллегій, а затѣмъ, съ введеніемъ земскихъ учрежденій —въ земскихъ. Онъ былъ земскимъ гласнымъ, не разъ секретаремъ земскихъ собраній, членомъ ревизіонной комиссіи, почетнымъ мировымъ судьею и членомъ училищнаго совѣта. Ревностный работникъ въ сферѣ земской дѣятельности вообще, онъ особенно много сдѣлалъ для народнаго образованія. Онъ горячо принялся за устройство народныхъ школъ въ уѣздѣ; отлично зная школьное дѣло, для изученія котораго онъ ѣздилъ за границу, и обладая даромъ слова, онъ умѣлъ возбудить и у помѣщиковъ и въ сельскихъ обществахъ большой интересъ къ народному образованію. Такъ какъ тогда учительскихъ семинарій еще не было, то Н. А. Корфъ принялъ на себя трудъ помогать учителямъ, которые желали бы пополнить свои свѣдѣнія или ознакомиться съ лучшими методами преподаванія; нерѣдко сельскіе учителя являлись къ нему сами и онъ оставлялъ ихъ жить у себя въ домѣ, пока съ ними занимался; еще больше приходилось ему давать совѣтовъ и наставленій въ время объѣздовъ школъ; нерѣдко онъ самъ давалъ въ нихъ образцовые уроки; его обширные отчеты служили впослѣдствіи руководствомъ для устройства школъ въ другихъ уѣздахъ. Въ 1872 г., вслѣдствіе партійныхъ соображеній, онъ былъ забаллотированъ въ гласные отъ помѣщиковъ, но выбранъ огромнымъ большинствомъ въ гласные отъ крестьянъ. Разстроенное здоровье заставило его уѣхать за границу, гдѣ онъ и провелъ почти 10 лѣтъ; въ Женевѣ онъ устроилъ семейную школу для дѣвицъ; женевская академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1880 г. Корфъ возвратился въ Россію; въ 1882 г. онъ устроилъ въ Александровскомъ уѣздѣ повторительныя воскресныя школы, въ 1883 г. руководилъ лѣтнимъ съѣздомъ сельскихъ учителей въ Бердянскѣ.

Являясь однимъ изъ энергичнѣйшихъ и популярнѣйшихъ дѣятелей-практиковъ на поприщѣ народнаго образованія, Н. А. Корфъ былъ и выдающимся писателемъ въ этой области. Составленныя имъ книги для первоначальной школы—«Руководство къ обученію грамотѣ», «Нашъ другъ», «Малютка»—разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ: книга «Нашъ другъ», напр., почти въ 200.000 экз.; значительныя суммы изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи этихъ произведеній, Корфъ жертвовалъ на дѣло народнаго образованія. Баронъ Н. А. Корфъ помѣстилъ длинный рядъ статей по народному образованію и педагогическимъ вопросамъ въ «Вѣстникѣ Европы», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Народной Школѣ», «Семьѣ и Школѣ», «Недѣлѣ»; важнѣйшія изъ нихъ изданы въ 1871 г. отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію»; имъ переведена съ нѣмецкаго книга Гарднера «Руководство къ начальному обученію». Въ 1870 г. Н. А. Корфъ былъ избранъ

въ почетные члены петербургскимъ педагогическимъ обществомъ, въ 1871 г.—московскимъ комитетомъ грамотности и Московскимъ университетомъ; въ 1873 г. петербургскій комитетъ грамотности поднесъ Н. А. Корфу золотую медаль.

«Русскіе педагогическіе дѣятели», М. 1887; статья Ф. Мѣдникова, «Баронъ Н. А. Корфъ», въ журналѣ «Народная Школа», 1873, № 11; «Русскіе современные дѣятели», изданіе Баумана, т. III, 81—93.

Корфъ, *Николай Андреевичъ*, баронъ, генералъ-аншефъ, сенаторъ, род. 7 мая 1710 г., ум. 24 апрѣля 1766 г. По женѣ своей, рожденной Скавронской, онъ былъ близокъ къ императрицѣ Елизаветѣ; къ ея воцаренію онъ былъ премьеръ-майоромъ въ кавалерійскомъ Копорскомъ полку, а затѣмъ быстро пошелъ по службѣ: немедленно же по воцареніи Елизаветы Петровны онъ былъ отправленъ въ Киль, чтобы привезти оттуда племянника императрицы герцога Петра Ульриха, впослѣдствіи императора Петра Ѳеодоровича; 5 февраля 1742 г. Корфъ благополучно прибылъ съ молодымъ герцогомъ и въ тотъ же день пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ; въ ноябрѣ того же года онъ ѣздилъ въ Швецію, съ поздравленіемъ къ вновь избранному наслѣднику шведскаго престола Адольфу Фридриху; избраніе его очень радовало императрицу, такъ какъ обезпечивало со стороны Швеціи признаніе наслѣдникомъ Россіи Петра Ѳеодоровича; 24 декабря того же года жена Корфа, двоюродная сестра императрицы, къ большому удовольствію Елизаветы Петровны, приняла православіе, причемъ имя Марта замѣнено было именемъ Екатерины; 15 іюля 1744 г. Корфу пожалованъ былъ орденъ Александра Невскаго и опять поручено было дѣло, которое императрицѣ казалось очень важнымъ и которое могло быть поручено лишь человѣку безусловно вѣрному и близкому—именно перевезти Брауншвейгскую фамилію изъ Раненбурга въ Соловецкій монастырь. Въ началѣ сентября Корфъ вывезъ съ мѣста тогдашняго заключенія все это несчастное семейство, причемъ бывшаго императора, Іоанна Антоновича, везъ все время подъ своимъ непосредственнымъ надзоромъ. Доѣхавъ съ узниками въ Холмогоры, онъ оставилъ ихъ тутъ и по его представленію рѣшено было на Соловецкіе острова ихъ не перевозить; Корфъ за исполненіе этой комиссіи пожалованъ былъ сенаторомъ. 30 марта 1758 г. онъ былъ, уже въ чинѣ генералъ-поручика, назначенъ генералъ-губернаторомъ кенигсбергскимъ и въ этомъ званіи управлялъ занятыми нами прусскими областями до конца 1760 г. когда былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-полицеймейстеромъ. Съ воцареніемъ императора Петра Ѳеодоровича онъ былъ сдѣланъ генералъ-аншефомъ, получилъ орденъ св. Андрея, 20 февраля 1762 г. сдѣланъ подполковникомъ лейбъ-Кирассирскаго полка, полковникомъ котораго былъ самъ императоръ. 21 марта 1762 г. онъ былъ сдѣланъ «главнымъ директоромъ надъ всѣми полиціями», съ подчиненіемъ одному только Государю, и ему поручено представить соображенія о реорганизаціи полицейскаго управленія въ городахъ имперіи. Вмѣстѣ съ Л. А. Нарышкинымъ и Д. В. Волковымъ онъ сопровождалъ императора при посѣщеніи имъ въ Шлиссельбургѣ Іоанна Антоновича. Въ то время, когда поведеніе Петра Ѳеодоровича начало вызывать общее и довольно явное недовольство, Корфъ держался очень осторожно; разсказы Болотова, который былъ въ это время при немъ адъютантомъ, даютъ всѣ основанія думать, что Корфъ, если не зналъ о готовившемся переворотѣ, то вполнѣ понималъ его неизбѣжность; со своей стороны онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы раскрыть что-либо; 28 іюня, при первомъ же движеніи въ Петербургѣ, онъ немедленно сталъ на сторону императрицы и былъ въ числѣ особъ, охраненію которыхъ порученъ былъ великій князь Павелъ Петровичъ на время отсутствія императрицы, выступившей съ гвардіею въ Петергофъ; 21 іюля 1762 г., когда императрица выѣхала въ Москву, Корфъ былъ въ числѣ другихъ пяти сенаторовъ оставленъ въ Петербургѣ, въ конторѣ Сената,—Сенатъ же въ полномъ составѣ послѣдовалъ за императрицею въ Москву. До конца жизни Корфъ сохранилъ свое званіе главнаго директора надъ полиціями и пользовался довѣріемъ императрицы Екатерины.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь»; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. V; Болотовъ, «Жизнь и приключенія», I, II; «Пол. Собр. Законовъ», тт. XII, XV.

Корфъ, *Николай Ивановичъ*, баронъ, генералъ отъ артиллеріи, род. 23 іюня 1793 г., ум. 10 октября 1869 г.—23 февраля 1811 г. выпущенъ изъ 1-го кадет-

скаго корпуса подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскій батальонъ. Участвовалъ въ битвахъ подъ Бородинымъ, Малоярославцемъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ и во многихъ другихъ. 25 марта 1828 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; участвовалъ затѣмъ въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831—1832 гг. и за отличіе при взятіи штурмомъ Варшавы, получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени; въ Варшавѣ онъ исполнялъ послѣ ея взятія съ 29 августа должность коменданта; 13 сентября 1832 г. назначенъ военнымъ начальникомъ подлясскаго воеводства. 3 марта 1835 г. назначенъ начальникомъ 2-й бригады 2-й драгунской дивизіи, 19 апрѣля 1842 г.—начальникомъ 1-й драгунской дивизіи, 24 августа назначенъ начальникомъ департамента военныхъ поселеній; 6 декабря 1851 г. произведенъ въ генералы отъ артиллеріи; 30 марта 1852 г. назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи. Назначеніе это совпало съ началомъ восточной войны; Н. И. Корфу пришлось усиленно работать для удовлетворенія потребностей войны; онъ успѣлъ ввести въ нашу артиллерію и нѣкоторыя улучшенія и нововведенія; въ теченіе войны вводилась на Сестрорѣцкомъ заводѣ выдѣлка нарѣзныхъ ружей. 25 января 1856 г. великій князь Михаилъ Николаевичъ назначенъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а баронъ Корфъ сдѣланъ его помощникомъ съ назначеніемъ въ члены Государственнаго Совѣта и состоящимъ при Особѣ Его Величества.

«Артиллер. Журналъ», 1861, № 3; «Георгіевскіе кавалеры», вып. VII—X; «Русскій Инвалидъ», 1869, № 123; «Отчетъ по Госуд. Совѣту», за 1869 г.

Корфъ, *Павелъ Ивановичъ*, баронъ, генералъ-адъютантъ, род. въ 1803 г., ум. 6 апрѣля 1867 г. Окончилъ курсъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ 1820 г. и началъ службу прапорщикомъ л.-гв. Волынскаго полка. Участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ въ 1830—1831 гг.; въ 1847 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и въ концѣ 1849 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Волынскаго полка; въ 1855 г., командуя третьею гвардейскою пѣхотною дивизіей, находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндской губерніи. Въ 1862 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ и начальникомъ варшавскаго гвардейскаго отряда. Во время послѣдняго польскаго возстанія П. И. Корфъ былъ назначенъ командующимъ войсками варшавскаго военнаго отдѣла и своими распоряженіями много содѣйствовалъ подавленію мятежа во ввѣренномъ ему районѣ; въ 1864 г. награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

«Военный Сборникъ», 1867, т. 55, стр. 43—44.

Корфъ, *Ѳедоръ Карловичъ*, баронъ, генералъ-лейтенантъ. Род. въ 1774 г., ум. 30 августа 1826 г. Поступивъ 13 лѣтъ вице-вахмистромъ въ л.-гв. Конный полкъ, онъ былъ выпущенъ въ 1794 г. въ армію капитаномъ и въ томъ же году участвовалъ въ войнѣ съ Польшею. За храбрость, оказанную при штурмѣ Праги, награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. Въ 1800 г. баронъ Корфъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Походы 1806 и 1807 гг. были началомъ его военной извѣстности. Назначенный бригаднымъ командиромъ, онъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ въ Пруссіи и особенно отличился въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ раненъ въ руку; за это сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 3-й ст.

Въ 1809 г. онъ находился съ русскими войсками въ Галиціи; въ 1810 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ 1811 г. начальникомъ 2-й кавалерійской дивизіи. Въ Отечественную войну баронъ Корфъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, при Бородинѣ—за храбрость, оказанную въ этомъ послѣднемъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта—и затѣмъ почти во всѣхъ дѣлахъ во время преслѣдованія французской арміи, причемъ особенно отличился въ сраженіи подъ Вязьмою. Кампаніи 1813 и 1814 г. доставили барону Корфу новые случаи отличиться на военномъ поприщѣ и преимущественно въ дѣлахъ при Рохлицѣ, Дрезденѣ и Бишофсвердѣ, при Бауценѣ, Кацбахѣ и Лейпцигѣ. Послѣ блокады Майнца онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Парижемъ и, наконецъ, при новомъ появленіи Наполеона былъ вторично съ своимъ кавалерійскимъ корпусомъ въ Парижѣ.

«Военный энциклопедическій лексиконъ» (т. VII, стр. 414—415); «Справочный энциклопедическій словарь» (т. VII, стр. 861—862) и «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера (т. IV, стр. 376).

Корчминъ, *Василій Дмитріевичъ*, генералъ-маіоръ, одинъ изъ дѣятельныхъ

сотрудниковъ и любимцевъ Петра Великаго, ум. въ 1731 г. Корчминъ обучался военно-математическимъ наукамъ за границею въ теченіе 1697—1698 гг. и по возвращеніи на родину былъ назначенъ сержантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка. Весною 1700 г., передъ началомъ Сѣверной войны, онъ былъ посланъ въ Нарву, подъ предлогомъ покупки пушекъ, для осмотра крѣпости. При осадѣ Нарвы велъ апроши; въ 1702 г. участвовалъ при взятіи Нотебурга и въ 1703 г. —Ніеншанца. Затѣмъ долгое время командовалъ батареею на Васильевскомъ острову. Съ именемъ его, по преданію, долго связывалось наименованіе въ Петербургѣ одного изъ острововъ Васильевскимъ: говорили, будто Петръ Великій, посылая туда къ нему разныя письма и повелѣнія, обыкновенно для краткости адресовалъ: «Василью на островъ»; но едва ли не справедливѣе мнѣніе, по которому названіе «Васильевскаго» принадлежало этому острову издревле и происходитъ отъ владѣльца имѣній при устьѣ р. Невы, Василья Казимера, новгородскаго посадника, жившаго въ XV в.: по крайней мѣрѣ, уже въ книгѣ Вотской пятины подъ 1500 г. встрѣчается наименованіе этого острова Васильевскимъ. Въ 1706 г. Корчминъ устраивалъ оборонительную линію между Смоленскомъ и Брянскомъ и укрѣплялъ самый Брянскъ. Въ слѣдующемъ году исправлялъ укрѣпленія въ московскомъ Кремлѣ и Китай-городѣ; въ 1719 г. онъ былъ посланъ для изслѣдованій по проведенію канала изъ р. Мологи въ р. Мсту и для описанія Волги, Мологи и Тверцы. Наконецъ, въ 1722 г. Корчминъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ, исполняя обязанности генералъ-квартирмейстера.

Кромѣ этихъ военныхъ обязанностей Корчминъ исполнялъ множество другихъ порученій Великаго преобразователя и между прочимъ—вмѣстѣ съ Скорняковымъ-Писаревымъ составлялъ записки о дѣланіи ракетъ, долгое время служившія руководствомъ при этой работѣ.

Словари: «Военно Энциклопедическій (VII, 421—422), Леера (IV, 376); Края; «Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства», т. VI, стр. 394; П. Н. Петрова—«Исторія города С.-Петербурга».

Коршъ, *Валентинъ Ѳедоровичъ*, литераторъ, публицистъ, род. 23 ноября 1828 г. въ Москвѣ, ум. 25 іюня 1883 г. въ Гейдельбергѣ. Окончивъ курсъ въ 1-й московской гимназіи съ золотою медалью, Коршъ поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ; черезъ два года по семейнымъ обстоятельствамъ перешелъ въ Петербургскій, на юридическій факультетъ. Окончивъ здѣсь въ 1850 г. курсъ со степенью кандидата, Коршъ занялъ мѣсто помощника редактора «Московскихъ Вѣдомостей», а въ 1856 г. сдѣлался редакторомъ этой газеты. Продолжая заниматься науками политическими, исторіей и исторіей литературы, Коршъ велъ въ газетѣ иностранный отдѣлъ, кромѣ того, печаталъ въ ней свой историко-литературный трудъ «Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей» («Моск. Вѣд.» 1856 г. №№ 1, 3, 12, 37, 67, 87, 101, 149 и 155 и отдѣльно—Москва 1857). Въ 1862 г., когда «Московскія Вѣдомости» изъ казеннаго изданія обратились въ частное и были сданы въ аренду М. Н. Каткову, Коршъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, при посредствѣ графа Д. Н. Блудова, взялъ въ аренду съ 1 января 1863 г. «С.-Петербургскія Вѣдомости», право собственности на которыя принадлежало Академіи Наукъ. Коршъ заручился множествомъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей и его газета стала представлять небывалое до того времени въ русской печати богатство ежедневныхъ извѣстій. Коршъ постарался также придать своему изданію серьезный характеръ и опредѣленное направленіе. «С.-Петербургскія Вѣдомости» были подъ его редакторствомъ органомъ политическаго либерализма. Сторонникъ политической и общественной свободы, глубоко возмущавшійся всякою несправедливостью, Коршъ по натурѣ былъ человѣкъ мягкій, чуждый всякой рѣзкости и не высказывалъ своихъ убѣжденій совершенно опредѣленно, а ограничивался обыкновенно намеками и недомолвками; это вызывало особенно въ первое время неудовольствіе публики, тогда пріученной къ другимъ газетнымъ пріемамъ и къ другому тону; но скоро газета Корша пріобрѣла полное уваженіе и сочувствіе. «С.-Петербургскія Вѣдомости» стремились служить практической разработкѣ тогдашнихъ реформъ и облегчать, по возможности, примѣненіе ихъ къ жизни: въ нихъ всегда встрѣчали отпоръ всякія попытки, направленныя къ искаженію крестьянской реформы, и находила защиту судебная ре-

форма отъ всякихъ посягательствъ. Несогласіе съ воззрѣніями тогдашняго министра народнаго просвѣщенія на школьную реформу принудило Корша оставить редакторство «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», когда, въ ноябрѣ 1874 г., по Высочайшему повелѣнію, «С.-Петербургскія Вѣдомости» перешли въ полное и непосредственное завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія. Коршъ имѣлъ право оставаться издателемъ газеты еще одно трехлѣтіе, но уже не могъ быть ея редакторомъ; и выборъ новаго редактора уже не зависѣлъ отъ него. 31 декабря 1874 г., въ послѣднемъ номерѣ газеты, подписанномъ именемъ В. Ѳ. Корша, какъ редактора, онъ въ небольшой прочувствованной статьѣ объяснилъ, насколько это было возможно, причины своего удаленія и высказалъ свой взглядъ на задачи печати. Покончивъ расчеты по изданію и щедро вознаградивъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, Коршъ уѣхалъ въ Италію и Германію. Полтора года провелъ онъ тамъ, изучая, между прочимъ, итальянскій языкъ и древне-греческую литературу; но любовь къ журнальному дѣлу влекла его въ Россію. Вернулся онъ въ Петербургъ въ 1876 г., съ самыми разнообразными планами литературныхъ предпріятій: онъ задумывалъ издавать или еженедѣльную газету «Университетъ», которая была бы посвящена критикѣ и библіографіи по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, или журналъ «Критическое Обозрѣніе» по подобной же, но нѣсколько расширенной, программѣ, или наконецъ, еженедѣльную «Литературную Лѣтопись» въ томъ же приблизительно родѣ; но эти планы не осуществились, такъ какъ Коршу не позволяли ничего издавать безъ предварительной цензуры, а издавать журналъ иначе онъ не находилъ возможнымъ. Въ 1876 г. Коршъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» статьи: «Книга Литтре и сборники сочиненій Ф. Шаля и Эд. Гартмана» (№ 3), «Книги французскихъ моралистовъ Каро и Карро о нравственныхъ идеалахъ» (№ 4) и «Древнее рабство и его судьба въ началѣ нашей эры» (№ 6). Въ началѣ 1877 г. кружокъ литераторовъ и лицъ, интересовавшихся литературой, далъ средства на преобразованіе спеціально-юридической газеты «Судебный Вѣстникъ» въ ежедневную политическую газету «Сѣверный Вѣстникъ». Во главѣ этого изданія сталъ Коршъ въ качествѣ неоффиціальнаго редактора—отвѣтственнымъ редакторомъ газеты значился В. Д. Рычковъ. Однако, подписка на новую газету шла туго. Публика интересовалась въ то время преимущественно военными событіями и требовала какъ можно болѣе подробныхъ извѣстій съ театра войны; а при скромныхъ сравнительно средствахъ, какими располагалъ «Сѣверный Вѣстникъ», онъ не могъ конкуррировать въ этомъ отношеніи съ другими, уже прочно стоявшими, изданіями. Въ ноябрѣ 1877 г. газетѣ дано было предостереженіе, собственно первое; но такъ какъ на прежнемъ «Судебномъ Вѣстникѣ» уже числилось два предостереженія, то это новое было признано третьимъ и повело къ пріостановкѣ изданія на одинъ мѣсяцъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Сѣверный Вѣстникъ» былъ признанъ спеціально-юридическимъ изданіемъ и было сильно ограничено право газеты печатать политическія руководящія статьи, и вовсе отнято право касаться вопросовъ экономическихъ и финансовыхъ, и изъ литературнаго отдѣла исключены общественная жизнь, театръ и музыка. Въ мартѣ 1878 г. «Сѣверный Вѣстникъ» былъ запрещенъ навсегда за вредное направленіе, выразившееся въ напечатаніи письма Вѣры Засуличъ.

Коршъ оказался въ весьма неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, такъ какъ на него пали всѣ долговыя обязательства прекратившагося изданія; онъ долженъ былъ искать себѣ литературнаго заработка въ какомъ-нибудь чужомъ изданіи. Коршъ началъ вести въ газетѣ «Молва» отдѣлъ литературной критики, подписываясь псевдонимомъ «Отшельникъ». Вскорѣ онъ занялъ видное мѣсто въ редакціи новой газеты «Русская Правда», гдѣ завѣдывалъ преимущественно политическимъ отдѣломъ; но и «Русская Правда» скоро прекратила свое существованіе. Въ это время Коршу представилась возможность осуществить давно занимавшую его мысль объ изданіи «Всеобщей исторіи литературы»; матеріальную часть изданія принялъ на себя извѣстный книгопродавецъ К. Л. Риккеръ, а все остальное было предоставлено Коршу. Съ марта 1880 г. по августъ 1882 г. вышло въ свѣтъ 15 выпусковъ «Всеобщей исторіи литературы». Здѣсь Коршу принадлежитъ общее введеніе и обширная исторія греческой литературы. Кромѣ того, Коршъ взялъ на себя соста-

вленіе исторіи всѣхъ европейскихъ литературъ, начиная съ XVII в. до настоящаго времени; но этого труда онъ уже не успѣлъ и начать; онъ только готовился къ нему усиленнымъ чтеніемъ и однимъ изъ результатовъ этой подготовительной работы явился напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» (1880 г. №№ 10—12) этюдъ «Вольтеръ, его жизнь и сочиненія». Въ 1880 г. Коршу было разрѣшено изданіе большой ежедневной газеты «Печать», съ самою широкою программою, но онъ не могъ найти достаточныхъ средствъ, чтобы начать изданіе этой газеты. Съ начала 1881 г. въ газетѣ М. М. Стасюлевича «Порядокъ» Коршу было поручено редактированіе политическаго отдѣла; одновременно онъ велъ тотъ же отдѣлъ и въ «Вѣстникѣ Европы». Съ октября 1881 г. Коршъ сталъ издавать ежемѣсячный журналъ «Заграничный Вѣстникъ», однако, изданіе продержалось всего полтора года. Главною причиною прекращенія «Заграничнаго Вѣстника» была серьезная болѣзнь Корша. 25 іюня 1883 г. онъ умеръ въ Гейдельбергѣ. Тѣло его было перевезено въ Россію и погребено въ Петербургѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. По смерти Корша наиболѣе выдающіяся изъ его статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, были собраны и изданы въ 1885 г. въ Петербургѣ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Этюды В. Ѳ. Корша».

«Этюды В. Ѳ. Корша», Спб. 1885, стр. I—XXIV; Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 3 и 4.

Н. М.

Косинскій, *Викентій Викентьевичъ*, геологъ, род. въ 1835 г., ум. въ 1883 г. Учился въ Плоцкой гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ въ 1855 г. курсъ со степенью кандидата математическихъ наукъ; въ 1856 г. назначенъ учителемъ математики въ реальномъ училище въ Кѣльцахъ; въ 1858—1860 гг. былъ командированъ для занятій во Фрейбургскую горную академію. Въ 1861—1865 г. составилъ геологическую карту восточнаго горнаго округа Царства Польскаго. Напечаталъ рядъ статей въ журналахъ «Bibliotheca Warszawska» и «Tydzień», и во 2-мъ томѣ «Земледѣльческой Энциклопедіи» (Варшава, 1874) большую и цѣнную статью «О геологическихъ изслѣдованіяхъ и картахъ Царства Польскаго».

«Энцикл. Словарь» (Брокгауза и Эфрона), т. XVI.

Косинскій, *Кристофъ*, атаманъ запорожскихъ казаковъ, предводитель перваго казацкаго движенія противъ поляковъ, убитъ въ маѣ 1593 г. По мѣсту родины Косинскій былъ полѣшанинъ, т. е. изъ Полѣсья, по происхожденію — польскій шляхтичъ, и по вѣроисповѣданію — православный. Когда и какъ онъ попалъ къ запорожскимъ казакамъ, свѣдѣній нѣтъ, но въ концѣ XVI в. онъ пользовался среди нихъ большой популярностью и былъ выбранъ ими атаманомъ; имя его, какъ вождя Запорожцевъ, извѣстно съ 1586 г. Въ январѣ 1592 г. низовые казаки, предводительствуемые Косинскимъ, напали на домъ бѣлоцерковскаго подстаросты князя Курцевича-Булыги и разграбили его. Сигизмундъ III разослалъ «листы», съ приказаніемъ покарать своевольныхъ людей и изловить Косинскаго. Между тѣмъ послѣдній успѣлъ взять Бѣлую Церковь, Кіевъ и нѣсколько другихъ городовъ, запастись всѣмъ необходимымъ и значительно увеличить свой отрядъ малороссійскими казаками. Послѣ этого онъ немедленно пошелъ на Волынь, взялъ нѣсколько городовъ, принадлежащихъ князю Константину Острожскому, и простоялъ въ его имѣніи Остропалѣ до конца лѣта, всюду распространяя казацкій судъ на шляхту, мѣщанъ и крестьянъ. Князь Острожскій пытался было противостать казакамъ, но былъ совершенно разбитъ. Тогда онъ обратился съ просьбою о принятіи мѣръ противъ казаковъ къ королю и къ сосѣднимъ старостамъ и воеводамъ, но послѣдніе до самаго конца 1592 г. не отзывались на его просьбы. Только въ январѣ 1593 г. по универсалу короля къ шляхтѣ и по сеймовому постановленію составилось значительное войско и подъ предводительствомъ Януша Острожскаго двинулось противъ Косинскаго. Въ происшедшей около м. Пятки битвѣ казаковъ съ поляками первые были разбиты, Косинскій сдался на капитуляцію, долженъ былъ отказаться отъ гетманства и обѣщалъ выдать примкнувшихъ къ нему польскихъ слугъ. Но вскорѣ онъ съ новыми силами явился къ г. Черкасы и готовился уже къ новымъ нападеніямъ на пановъ, но въ это время былъ убитъ людьми Вишневецкаго; по другому извѣстію, Косинскій палъ въ битвѣ съ войсками Вишневецкаго подъ Черкасами. Народная молва и украинскіе лѣтописцы придали Косинскому ореолъ

мученика и о его кончинѣ разсказывали, будто бы онъ живымъ былъ замурованъ въ каменномъ столбѣ въ Брестъ-Литовскѣ и погибъ тамъ лютою смертью. Со смертью Косинскаго казацкое возстаніе, вызванное не столько религіозными причинами, сколько бѣдственнымъ сословнымъ и экономическимъ положеніемъ южно-русскаго народа вообще и казачества въ особенности, не только не прекратилось, но съ появленіемъ новыхъ вождей, Лободы и Наливайки, было для Поляковъ, гибельнѣе прежняго.

«Архивъ Юго-западной Россіи», ч. III, т. I; Костомаровъ, «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. III; Ф. Николайчикъ, «Первыя казацкія движенія въ рѣчи Посполитой» (въ «Кіевской Старинѣ», 1884 г. № 3); Эварницкій, «Исторія запорожскихъ казаковъ», т. II.

В. Р—въ.

Косинскій, *Михаилъ Іосифовичъ*, баронъ, педагогъ, род. въ 1839 г., ум. 4 декабря 1883 г. Образованіе получилъ въ Николаевской Инженерной Академіи, откуда въ 1861 г., въ чинѣ подпоручика, до окончанія курса въ практическомъ отдѣленіи отчисленъ за проступокъ противъ воинской дисциплины и прикомандированъ къ саперному полубаталіону. Къ этому времени относится его участіе въ учрежденіи безплатной Таврической школы въ память свв. Кирилла и Меѳодія, въ которой онъ занимался съ увлеченіемъ и гдѣ проявилось его призваніе къ педагогической дѣятельности; въ томъ же году онъ оставилъ военную службу и, по приглашенію инспектора Смольнаго Института К. Д. Ушинскаго, поступилъ въ этотъ Институтъ преподавателемъ ариѳметики и геометріи. Въ 1865 г., при открытіи въ Петербургѣ педагогическихъ курсовъ для приготовленія народныхъ учителей, онъ былъ приглашенъ преподавателемъ математики, а съ 1867 г. исполнялъ обязанности инспектора классовъ; кромѣ того съ 1868 г. завѣдывалъ Педагогическою женскою прогимназіей, гдѣ преподавалъ педагогику. Имя барона Косинскаго, какъ педагога, получило значительную извѣстность и въ 1869 г. онъ былъ приглашенъ новгородскимъ земствомъ для организаціи учительскаго съѣзда, и затѣмъ ему поручено было открытіе Александровской земской учительской школы, въ короткое время давшей значительный контингентъ хорошо подготовленныхъ сельскихъ учителей. Дѣятельность Косинскаго на поприщѣ народнаго образованія не была, однако, чужда нѣкоторыхъ увлеченій и потому ему пришлось оставить его. Возвратившись въ Петербургъ въ 1874 г., онъ, въ качествѣ директора тюремнаго комитета и предсѣдателя исправительнаго совѣта тюремнаго замка, съ энергіею и настойчивостью взялъ на себя заботу о малолѣтнихъ преступникахъ, какъ во время ихъ заключенія, такъ и по минованіи срока ихъ судебной кары. Въ силу особенно сложившихся обстоятельствъ въ 1875 г. Косинскій оставилъ педагогическую дѣятельность и поступилъ на службу по таможенному вѣдомству. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ пограничныхъ таможняхъ, онъ былъ переведенъ членомъ таможни въ Ревель, гдѣ и умеръ. Во время службы въ Петербургѣ баронъ Косинскій былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ и секретаремъ петербургскаго педагогическаго общества и комитета грамотности; принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Общества Милосердія, былъ однимъ изъ учредителей перваго въ Петербургѣ церковнаго братства; положилъ начало учрежденію такихъ же братствъ въ Новгородской губерніи, былъ сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за время редакціи Корша. Имъ составленъ учебникъ «Наглядная геометрія». И во время службы въ Ревелѣ, онъ находилъ время для частной благотворительной дѣятельности и читалъ публичныя лекціи о воспитаніи.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1883 г., № 288; Языковъ, «Обзоръ», 1886 г.

Косицкая (Никулина-Косицкая), *Любовь Павловна*, артистка московской императорской труппы, род. въ 1829 г., ум. 5 сентября 1868 г. Родилась въ Нижегородской губерніи въ семьѣ крѣпостного крестьянина; фамиліи владѣльца своего отца Косицкая никогда не сообщала, потому что ей приходилось поминать его только зломъ, какъ человѣка очень дурного и жестокаго. Когда ей было 6 лѣтъ, отецъ ея былъ проданъ другимъ владѣльцамъ, а въ 1839 г. выкупился на волю и переселился снова въ Нижній, поступивъ дворецкимъ въ одно семейство. 13-ти лѣтъ Любовь Косицкая была взята въ услуженіе къ купчихѣ Долгановой, которая полюбила живую, симпатичную дѣвочку. Однажды она свезла ее въ театръ и съ перваго же разу Косицкая почувствовала необыкновенное влеченіе къ сценѣ; вес-

ною 1844 г. она поступила въ мѣстную труппу и съ нею побывала въ разныхъ приволжскихъ городахъ, отъ Ярославля до Астрахани. Событія этого времени, съ его бѣдами, лишеніями, опасностями для молодой дѣвушки и съ очень немногими радостями, чрезвычайно жизненно и поэтично разсказаны въ «Запискахъ», которыя, какъ оказалось послѣ смерти Косицкой, она начала писать и которыя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. (т. 21). Изъ Ярославля, послѣ удачнаго бенефиса, она рѣшила съѣздить въ Москву; здѣсь она стала разыскивать Верстовскаго, чтобы поступить въ хористки; прослушавъ ее, Верстовскій нашелъ, что ее принять вполнѣ можно и представилъ ее Гедеонову; изъ разговора выяснилась склонность Косицкой къ драматическому искусству и въ 1844 году она была принята въ театральное училище. Въ 1847 году она выступила на сцену; играла она въ трагедіяхъ, комедіяхъ и водевиляхъ; театральное начальство не особенно къ ней благоволило, но публика относилась къ ней чрезвычайно хорошо. Лучшими ея ролями были въ это время роли Дездемоны, Офеліи, Реганы, Джульетты въ шекспировскихъ трагедіяхъ, Луизы—въ «Коварствѣ и любви», Амаліи въ «Жизни игрока» и др. Но особенно ярко обнаружился талантъ Косицкой, когда ей пришлось играть въ пьесахъ Островскаго — роли Авдотьи Максимовны («Не въ свои сани не садись»), Катерины («Гроза»), Груши («Не такъ живи какъ хочется»)—были настоящими тріумфами Косицкой. Она отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно добрымъ и симпатичнымъ характеромъ и пользовалась особеннымъ уваженіемъ въ средѣ своихъ товарищей. Нѣсколько разъ она гастролировала въ провинціи, причемъ повсюду вызывала восторги, особенно же въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ 1851 г. Косицкая вышла замужъ за артиста И. М. Никулина; съ 1865 г. здоровье ея разстроилось, она стала играть рѣже и 15 декабря 1867 г. простилась съ публикою въ день своего бенефиса за двадцатилѣтнюю службу.

«Русская Старина», 1878, т. 21, 65—68; Гацискій, «Люди Нижегород. Поволжья», 63—118.

Коссаковскій, графъ, *Станиславъ Осиповичъ*, род. въ 1795 г., ум. въ 1872 г. Образованіе получилъ за границей; въ 1822—1827 г. былъ первымъ секретаремъ русскаго посольства въ Римѣ; въ 1832 г. былъ сдѣланъ членомъ сената царства Польскаго, впослѣдствіи предсѣдательствовалъ въ Герольдіи царства. Онъ издалъ въ трехъ томахъ «Monografie historycznogenealogiczne niktórych rodzin polskich» (Warszawa, 1859—1872; 2 изд. I тома 1876). Занимался также литературою, живописью и ваяніемъ. По-польски напечаталъ комедію «Stara panna czyli intryga wiejska» (Poznan, 1858), и по-французски нѣсколько комедій въ сборникѣ: «Répertoire du théatre de Societé du Comte St.» (Paris, 1857), «Choisisser ou la foi et la charte ou le monopole universitaire» (Paris, 1845) и «Essai de médecine pratique» (Paris, 1858).

«Encyklopedyja powszechna Olgebranda», 1882, V.

Коссаковскій, *Янъ Непомукъ*, римско-католическій епископъ. Род. въ 1755 г. въ краковскомъ воеводствѣ, ум. въ 1808 г. Первоначальное образованіе получилъ въ піарскихъ варшавскихъ школахъ, дальнѣйшее—за границей. По окончаніи образованія поступилъ въ духовное званіе и два года былъ въ семинаріи миссіонеровъ въ Варшавѣ, затѣмъ перешелъ въ Литву и здѣсь получилъ мѣсто прелата-кустоша каѳедральнаго и настоятеля волпянскаго прихода, а затѣмъ былъ избранъ коадъюторомъ инфлянтскаго епископа. Послѣ присоединенія западнаго края къ Россіи по второму и третьему раздѣламъ Польши, оставшись безъ мѣста, за упраздненіемъ латинскихъ епархій, проживалъ три года въ Римѣ, путешествовалъ по Валахіи, Швейцаріи, Пруссіи, Франціи, Голландіи, Англіи. Въ 1798 г., при императорѣ Павлѣ I, избранъ епископомъ виленскимъ. Былъ человѣкъ дѣятельный, предпріимчивый. Окончилъ постройку виленскаго каѳедральнаго костела, устроилъ больницу въ Вильнѣ, предпринималъ учрежденіе въ Вильнѣ же школы глухонѣмыхъ (избранное имъ для этой цѣли лицо, ознакомившееся съ дѣломъ устроенія школъ для глухонѣмыхъ за границей, было вызвано въ Петербургъ для устроенія тамъ такой же школы), много содѣйствовалъ возникновенію виленскаго общества доброчинности, состоялъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго общества любителей наукъ. Кромѣ того, славился своими проповѣдями, — частью напечатаны при его жизни, частью же остались послѣ него въ рукописяхъ. Извѣстенъ и другими сочиненіями исто-

рико-литературнаго характера. Скончался въ Баденѣ, куда уѣхалъ для поправленія здоровья. Напечатаны въ Вильнѣ: 1) Kazanie o miłości ojczyzny, 1790 г.; 2) Kazanie o zachowaniu praw narodowych, 1790 г.; 3) Kazanie o prawdziwej wielkości i chwale człowieka, 1792 г.; 4) Kazanie w dzień poświęcenia kościoła katedralnego wileńskiego, 1801 г.; 5) Mowa miana przy pierwszem zdaniu sprawy towarzystwa dobroczynności, 1808 г. (перепечатана въ «Dzieje dobroczynności», 1820 г.); 6) Listy pasterskie, изд. въ 1798 и 1799 гг.; 7) Rzut oka na literaturę czeską i związek języków słowiańskich (въ «Ежегодникѣ варшавскаго общества любителей наукъ», т. III; 8) O sztukach wyzwolonych i naukach u dawnych Etrusków (тамъ же т. VII). Нѣкоторыя мелкія статьи были помѣщены въ Варшавскомъ журналѣ «Мониторъ».

«Encyklopedyja powszechna». *С. Г. Р.*

Коссинскій, *Владиміръ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 6 сентября 1830 г., ум. 22 января 1889 г. въ Петербургѣ. Происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, въ маѣ 1849 г. былъ произведенъ въ прапорщики съ назначеніемъ въ л.-гв. Литовскій полкъ. Въ апрѣлѣ 1854 г. Коссинскій пожелалъ перейти въ дѣйствующую армію и былъ переведенъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ съ переименованіемъ въ капитаны. Съ 1 мая по 27 августа 1855 г. онъ находился въ Севастополѣ, 14 мая былъ на 4-мъ бастіонѣ сильно контуженъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій Коссинскій былъ снова переведенъ въ гвардію; въ 1861 г. былъ дѣлопроизводителемъ Высочайше учрежденнаго комитета для опредѣленія довольствія армейскихъ войскъ, затѣмъ былъ назначенъ помощникомъ дѣлопроизводителя комиссіи для улучшеній по военной части, въ мартѣ 1863 г. помощникомъ правителя дѣлъ спеціальнаго комитета по устройству и образованію войскъ. Въ апрѣлѣ 1867 г. Коссинскій былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи военнаго министра и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ членомъ комиссіи по образованію офицерскихъ собраній, устройству военныхъ библіотекъ и въ комиссіи по пересмотру законоположеній о чинопроизводствѣ въ войскахъ.

Въ апрѣлѣ 1870 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, назначенной для осмотра военно-исправительныхъ ротъ; въ теченіе 1873 и 1874 гг. былъ предсѣдателемъ особой комиссіи для пересмотра хозяйства Медико-хирургической академіи и въ то же время состоялъ членомъ комиссіи для пересмотра правилъ о порядкѣ представленія къ наградамъ и комиссіи для разработки правилъ относительно назначенія подъемныхъ и путевыхъ пособій лицамъ, командируемымъ заграницу, а также въ комиссіи для распредѣленія пособій. По объявленіи войны Турціи онъ былъ назначенъ инспекторомъ госпиталей дѣйствующей арміи въ Европейской Турціи. Участвовалъ въ отраженіи турокъ на Шипкинскомъ перевалѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами. Заболѣвъ тифомъ, Коссинскій принужденъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни онъ былъ назначенъ членомъ главно-военно-госпитальнаго комитета, въ 1880 г. осматривалъ госпитали и лазареты на Кавказѣ, въ 1881 г. принималъ дѣятельное участіе въ организаціи военнаго обоза, въ 1882 г. въ разработкѣ положеній объ окружныхъ и корпусныхъ управленіяхъ, въ 1883 г. былъ предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о способѣ содержанія кавказскихъ минеральныхъ водъ и опредѣленія новыхъ условій для пользованія ими больныхъ воинскихъ чиновъ. 15 мая 1883 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Съ 1869 г. В. Д. Коссинскій состоялъ членомъ комитета по устройству Севастопольскаго музея и былъ его казначеемъ, а также однимъ изъ главныхъ распорядителей. Онъ написалъ «Севастопольскія былины», въ которыхъ прекрасными стихами изложилъ эпизоды боевой жизни въ 1855 г.; печаталъ свои статьи по разнымъ спеціально-военнымъ вопросамъ въ военныхъ періодическихъ изданіяхъ; особенно важенъ его трудъ, составленный по порученію военнаго министра—«Систематическій сборникъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба».

«Сборникъ приказовъ и циркуляровъ Главнаго Штаба» Спб. 1887 г.; «Русскій Инвалидъ», 1889 г., № 23; «Подъ Севастополемъ». Былины въ стихахъ. Спб. 1867 г. и Спб. 1874 г.; «Замѣтка по поводу предполагаемаго преобразованія нынѣшней системы продовольствія войскъ». Спб. 1866 г.

Коссовичъ, *Игнатій Андреевичъ*, профессоръ Варшавскаго университета, род. въ 1808 г., ум. 15 октября 1878 г. Сынъ священника Витебской губерніи; учился въ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ и, по окончаніи въ ней курса, 22 ноября 1830 г. возведенъ въ степень магистра богословія; съ конца 1830 г. по 22 ноября 1832 г. былъ прикомандированъ для усовершенствованія въ латинскомъ и греческомъ языкахъ къ Петербургскому университету; 3 марта 1833 г. назначенъ профессоромъ греческаго языка и церковнаго краснорѣчія въ бѣлорусскую грекоуніатскую семинарію. 15 января 1835 г. назначенъ преподавателемъ въ Кромскую гимназію; преподавалъ затѣмъ въ Смоленской и Московской 1-й гимназіяхъ; съ сентября 1849 г. былъ инспекторомъ сначала въ Рязанской, потомъ въ Владимірской гимназіи. Пробывъ въ отставкѣ съ 5 сентября 1860 г. по 17 апрѣля 1862 г., назначенъ преподавателемъ въ Петербургскую 6-ю гимназію, затѣмъ въ Ларинскую. 24 іюля 1870 г. назначенъ штатнымъ доцентомъ греческой словесности въ Варшавскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ представлена была диссертація на степень доктора. 17 декабря 1871 г. получилъ въ университетѣ св. Владиміра степень доктора римской словесности за сочиненіе: «De Horatio lyrico poëta atque qui sui aevi homines, quibuscum vixisse ac negotia habuisse illi obtigisset, fuissent». Въ 1872 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1873 г.—ординарнымъ. Кромѣ диссертаціи напечаталъ: «Разсужденія о важности греческаго языка», «Греческій глаголъ въ своемъ развитіи» и нѣкоторыя другія, меньшія по объему и значенію, работы. Большою извѣстностью и распространеніемъ пользовался составленный имъ «Греческо-русскій словарь, вышедшій въ теченіе 1847—1848 г.г. въ двухъ большихъ томахъ; трудъ этотъ былъ изданъ на казенный счетъ, автору выдано по 30 р. за листъ, и кромѣ того, Академія Наукъ удостоила этотъ словарь половинной Демидовской преміи.

Дѣло въ архивѣ Варшавскаго университета.

Коссовичъ, *Каетанъ Андреевичъ*, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ санскритской словесности, род. въ 1815 г., ум. 26 января 1883 г. Отецъ его былъ бѣдный священникъ изъ бѣлоруссовъ. К. Коссовичъ воспитывался сперва въ школѣ въ Полоцкѣ, затѣмъ въ другой школѣ въ Витебскѣ и тамъ же потомъ въ гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ; обративъ на себя вниманіе учебнаго начальства своими познаніями по древнимъ языкамъ онъ былъ посланъ на счетъ бѣлорусскаго округа въ Московскій университетъ. Здѣсь онъ окончилъ курсъ въ 1836 г. со степенью кандидата перваго отдѣленія философскаго факультета. Въ 1839 г. онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ греческаго языка въ Тверскую гимназію, а въ 1843 г. переведенъ во вторую Московскую гимназію. Съ 1845—1847 г. состоялъ преподавателемъ въ Институтѣ Восточныхъ языковъ гг. Лазаревыхъ, а въ 1849 г. уволенъ по прошенію отъ службы въ Московскомъ учебномъ округѣ. Въ 1850 г. назначенъ редакторомъ ученыхъ работъ Императорской Публичной Библіотеки. Въ 1851 г. былъ командированъ въ Лондонъ. Въ 1857 г. избранъ членомъ корреспондентомъ Харьковскаго университета. Въ 1858 году допущенъ къ преподаванію санскритскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ и въ 1860 г. назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ томъ же году ему временно было поручено чтеніе древне-греческаго языка студентамъ историко-филологическаго факультета. Въ 1864 г. удостоенъ совѣтомъ Харьковскаго университета степени доктора сравнительнаго языкознанія и въ томъ же году утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ санскритской словесности на факультетѣ Восточныхъ языковъ. Въ 1864 г. отправился на годъ заграницу въ командировку съ научною цѣлью. Черезъ два года, въ 1866 г., утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора.—Такова въ краткихъ чертахъ внѣшняя канва жизни Коссовскаго. Въ немъ мы имѣемъ выдающійся образецъ русскаго самоучки, который выбился на свою дорогу среди постоянныхъ лишеній. Онъ началъ интересоваться и заниматься Востокомъ въ то время, когда молодая наука востоковѣдѣнія не раздѣлилась еще на безчисленныя спеціальности и когда можно было считаться оріенталистомъ вообще, а не только арабистомъ, санскритистомъ, ассиріологомъ и т. д. И дѣйствительно К. Коссовичъ былъ и гебраистомъ, и иранистомъ, и сан-

скритистомъ, и по всѣмъ этимъ спеціальностямъ оставилъ работы. Въ то время Востокъ являлся какъ бы откровеніемъ, произведенія восточныхъ литературъ отодвигались въ глубь вѣковъ и благодаря этому даже самыя незначительныя произведенія получали въ глазахъ изслѣдователей огромную важность. Теперь, когда внесенъ уже нѣкоторый порядокъ въ хронологію Востока, работы того времени въ значительной мѣрѣ потеряли значеніе и интересъ, и молодая школа оріенталистовъ иногда съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ смотритъ на труды своихъ предшественниковъ, которые для нея безполезны.

Эти замѣчанія мы сочли необходимыми, чтобы объяснить то полное забвеніе, которому подверглись со стороны спеціалистовъ почти всѣ труды К. Коссовича. Работы его можно раздѣлить на три отдѣла: труды по санскритскому языку и литературѣ, труды по изслѣдованію языка и литературы древней Персіи и труды по еврейскому языку; труды покойнаго по греческому языку были исключительно учебнаго, а не ученаго характера.

Большая часть работъ К. Коссовича по санскриту—переводы различныхъ литературныхъ произведеній; переводы эти почти всѣ прекрасны; они обнимаютъ двѣ драмы (одну только частью) и цѣлый рядъ легендъ. Лексикологическая работа Коссовича—Санскритско-русскій словарь—осталась неоконченной, да и врядъ ли могла бы имѣть успѣхъ, такъ какъ надобности въ русско-санскритскомъ словарѣ и до сихъ поръ, спустя сорокъ лѣтъ послѣ изданія первыхъ тетрадей словаря Коссовича, не ощущается и всякій русскій санскритистъ непремѣнно долженъ владѣть англійскимъ и нѣмецкимъ языками. Самъ К. Коссовичъ, какъ мы знаемъ изъ личныхъ бесѣдъ, не придавалъ особеннаго значенія этому научному предпріятію.

Работы по иранской филологіи состоятъ изъ изслѣдованія древнѣйшихъ частей Авесты, такъ называемыхъ Гатъ, истолкованію которыхъ Коссовичъ посвятилъ три книги; онъ издалъ также весьма полезныя хрестоматіи, составленныя изъ отрывковъ Авесты: одну съ русскими толкованіями и словаремъ, другую съ латинскимъ переводомъ и примѣчаніями. Древнеперсидской клинописи онъ посвятилъ роскошно изданное изслѣдованіе, въ которомъ собралъ всѣ до того извѣстныя надписи и снабдилъ ихъ обширными примѣчаніями и словаремъ.

Изъ работъ по еврейскому языку слѣдуетъ указать особенно на переводъ грамматики Гезеніуса и на еврейскую хрестоматію, которыя обѣ служатъ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ для преподаванія еврейскаго языка.

Всѣ эти работы способствовали не мало развитію у насъ въ Россіи интереса къ востоковѣдѣнію и К. Коссовичу, хотя онъ не оставилъ послѣ себя учениковъ по своей спеціальности, которая и до сихъ поръ не пользуется у насъ популярностью, принадлежитъ видное мѣсто среди первыхъ піонеровъ русскаго оріентализма.

Какъ преподаватель и въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ К. А. Коссовичъ отличался рѣдкимъ умѣньемъ заинтересовать своихъ слушателей и возбудить въ нихъ любовь къ изученію языковъ.

Вотъ списокъ главнѣйшихъ трудовъ К. А. Коссовича въ хронологическомъ порядкѣ. (1843) «Элементарная грамматика греческаго языка, съ присовокупленіемъ задачъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, составленная докторомъ Р. Кюнеромъ»; Москва. Книга эта выдержала четыре изданія, изъ которыхъ послѣднее въ 1868—1869 годахъ. (1844) «Сундасъ и Унасундасъ. Эпизодъ изъ Магабгараты»; «Москвитянинъ», I, 311—329). (1845) «Извлеченіе изъ письма Рабби Хисдай-бэнъ-Ицхакъ къ царю Хазарскому» переводъ съ еврейскаго. («Сборн. Ист. и Стат. свѣд. о Россіи», изд. Д. Валуева I, 185 — 189). (1847) «Торжество свѣтлой мысли». Драма въ 6 актахъ; переводъ съ санскритскаго— «Моск. Науч. и Лит. Сборн.», стр. I—XVIII и 1—187). «Сказаніе о Видьядгарѣ Джимутаваганѣ, повѣсть Сомадевы Бгатты»; Переводъ съ санскритскаго («Москвитянинъ» IV, 17—50). (1848) «Греческо-русскій словарь, изданный иждевеніемъ департамента Народнаго Просвѣщенія»; (Первыя буквы отъ Ἀ до Εἰς обработаны К. А. Коссовичемъ. все остальное братомъ его, И. А. Коссовичемъ). «Сказаніе о Дгрувѣ. Древне-индійская религіозная легенда»; переводъ съ санскритскаго. Москва. (1849) «Васантазена. Древне-индійская драма; переводъ съ санскритскаго» (только начало) «Москвитянинъ», кн. V, № 17, отд. иностр. словесн.,

1—42). (1853) «Филологическія замѣчанія»; С.-Петербургъ. (Изъ 7-го вып. Ит. Прибавл. къ Изв. Втор. Отд. Имп. Акад. Наукъ)—по поводу книги Гильфердинга о сродствѣ славянскаго съ санскритскимъ). (1854—1856) «Санскритско-русскій словарь»; С.-Петербургъ. (Вышло всего три тетради). (1859) «Легенда объ охотникѣ и парѣ голубей. Извлеченіе изъ Магабгараты»; С.-Петербургъ; «Вступительная лекція о санскритскомъ языкѣ и литературѣ,(«Журн. мин. нар. просв., ч. CIH, 233—250). (1860) Двѣ публичныя лекціи о санскритскомъ эпосѣ»; «Русское Слово», VI, 1—25. VIII, 166—201).(1861) «Sâvitri Mahâb'ârati Episodium. Petropoli». «Четыре статьи изъ Зендавесты»; С.-Петербургъ (VIII т. Труд. Вост. Отд. Имп. Арх. Общ.). (1865) «Decem Sendavestae excerpta»; Parisiis. (1867) «Gatá Ahunavaiti Saratústrica carmina septem»; Petropoli. (1869) «Gâtà Ustavaiti»; Petropoli»; (1871) Saratústricae Gâtáe posteriores tres»; Petropoli. (1872) «Inscriptiones Palaeo-persicae Achaemenidarum»; Petropoli. (1874) «Еврейская грамматика Гезеніуса»; Переводъ. С.-Петербургъ. (1875) «Еврейская христоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ». С.-Петербургъ. (1879) «Canticum Canticorum. Ex hebraeo convertit et explicavit»; Petropoli.

Біографическія и библіографическія свѣдѣнія о К. А. Коссовичѣ находятся въ слѣдующихъ статьяхъ: Марксъ, «Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ».—«Русская Старина», т. LII, 605—620. 1886 г.; Роговинниковъ, «Къ біографіи К. А. Коссовича».—«Ист. Вѣстн.» XXXI. 516—518, 1885 г. И. Б. «К. А. Коссовичъ»—въ «Журн. мин. нар. просв.» 1883 г., мартъ CCXXVI. 35—42; Языковъ Д. Д. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» III, 43—45. Дополн. IV, 9 и V, 9 (Прим. къ «Истор. Вѣстн.»). «Словарь профессоровъ С.-Петербургскаго Университета». I. 346—354.

Сергѣй Ольденбургъ.

Костенецкій, *Василій Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1772 г., ум. 6 іюля 1831 г. Получилъ образованіе въ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ; въ 1786 г. выпущенъ штыкъ-юнкеромъ во 2-й канонерскій полкъ; въ 1788 г. отличился подъ Очаковымъ и при взятіи Бендеръ; въ 1798 г. переведенъ въ л.-гв. артиллерійскій батальонъ; въ 1803 г. назначенъ командиромъ конной гвардейской артиллеріи, въ сраженіи при Астерлицѣ удачными выстрѣлами ея нѣсколько разъ опрокидывалъ французскія атакующія колонны, а затѣмъ прикрывалъ отступленіе и получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. Отличился также подъ Фридландомъ, при Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ и въ 1808 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; въ томъ же году командовалъ отрядомъ, охранявшимъ отъ высадки англичанъ берегъ отъ Нарвы до Ораніенбаума; въ войнѣ 1812 г. участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ при отступленіи отъ Вильны до Смоленска, въ числѣ другихъ настаивалъ на отступленіи отъ Дриссы, отличился подъ Бородинымъ, за что получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст., и временно, послѣ смерти Коновницына, командовалъ всею артиллеріею. Затѣмъ участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ при преслѣдованіи французовъ, въ битвахъ при Калишѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ и другихъ; при отступленіи отъ Дрездена спасеніе русской артиллеріи было главнымъ образомъ слѣдствіемъ его распоряженій.—Отличался необыкновенною тѣлесною силою и храбростью: уже въ чинѣ генерала, однажды банникомъ отбился чуть ли не отъ цѣлаго взвода кавалеріи, атаковавшей батарею, на которой одинъ Костенецкій оставался нераненымъ. Его смѣлый характеръ, и нескрываемое нерасположеніе къ иностранцамъ были причиною того, что при императорѣ Александрѣ его часто обходили наградами; между прочимъ, однажды, чтобы не дать ему Александровскаго ордена, ему дали Владиміра 2-й ст., хотя онъ уже имѣлъ этотъ орденъ. 14 декабря 1825 г. Костенецкій былъ однимъ изъ первыхъ явившихся къ императору Николаю Павловичу; онъ сопровождалъ его неотлучно цѣлый день. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ 1826 г.; умеръ отъ холеры.

«Военная Галлерея Зимняго Дворца», I; «Справочный Энциклопед. словарь» Края; «Рус. Старина», 1875 г. XII, 407—413.

Костенецкій, *Яковъ Ивановичъ*, род. въ 1811 г., ум. 1 іюня 1885 г. Происходилъ изъ малороссійскаго дворянскаго рода; учился въ полтавской гимназіи и на этико-политическомъ (нынѣ юридическій) факультетѣ Московскаго университета. Въ 1833 г., за участіе въ «Сунгуровскомъ тайномъ обществѣ» лишенъ дворянства и записанъ рядовымъ въ Куринскій полкъ на Кавказѣ; въ 1839 г. за отличіе при штурмѣ крѣпости Ахульго произведенъ въ прапорщики; былъ затѣмъ адъютантомъ прп генералѣ гр. П. Х.

Граббе; въ 1842 г. по болѣзни уволенъ въ отставку; поселившись въ своей деревнѣ, въ Черниговской губерніи, посвятилъ себя впослѣдствіи земской дѣятельности. Его «Воспоминанія» о студенческой жизни напечатаны послѣ его смерти въ «Русскомъ Архивѣ», (1887, кн. 1, 2, 3 и 5). При жизни своей Костенецкій напечаталъ: «Аварская экспедиція 1837 г.» (въ «Современникѣ» за 1850 г., кн. 10—12, и отдѣльно, въ трехъ томахъ, въ 1851 г. подъ названіемъ «Записки объ Аварской экспедиціи»), воспоминанія о генералѣ В. Г. Костенецкомъ, М. Ю. Лермонтовѣ и легенды объ Ив. Скобелевѣ и Тешенѣ (въ «Русской Старинѣ» за 1875 и 1882 года) и «Разсказы объ Императорѣ Николаѣ» (въ «Истор. Вѣстн.» за 1883 г.).

Языковъ, «Обзоръ», Вып. V, 83—84; «Русскій Архивъ», 1887, I, 99—100.

Костенко, *Левъ Феофиловичъ*, генералъ-маіоръ, род. 19 февраля 1841 г., ум. 28 сентября 1891 г. въ Петербургѣ, Уроженецъ Полтавской губерніи. По окончаніи курса во 2-мъ Военномъ Константиновскомъ училищѣ, произведенъ въ 1860 г. въ поручики съ назначеніемъ въ 14-й стрѣлковый баталіонъ. Въ 1863 г. онъ поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба; по окончаніи курса въ Академіи; въ декабрѣ 1866 г. былъ причисленъ къ Генеральному Штабу. Въ 1867 г. Костенко былъ назначенъ помощникомъ старшаго адъютанта въ штабѣ Туркестанскаго военнаго округа. Здѣсь онъ дѣятельно собиралъ свѣдѣнія о Туркестанскомъ краѣ, которыя и изложилъ впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ трудовъ. Въ январѣ 1868 г. Л. Ф. Костенко былъ назначенъ членомъ Статистическаго комитета и вслѣдъ за тѣмъ на него была возложена работа собранія и приведенія въ систематическій порядокъ экспонатовъ края для всероссійской мануфактурной выставки въ С.-Петербургѣ.—1 мая 1870 г. онъ получилъ командировку съ дипломатическою цѣлью къ бухарскому эмиру; въ виду обостренія отношеній нашихъ къ Хивѣ желательно было склонить эмира Музаффаръ-Хана на сторону Россіи; но въ то же время было у эмира афганское посольство, которое старалось склонить его на свою сторону; для поддержки этихъ домогательствъ афганцы выставили на бухарской границѣ 12.000 войска. 23 мая прибылъ Костенко въ Бухару. Послѣ долгихъ переговоровъ онъ, наконецъ, достигъ успѣшнаго результата и 18 іюля выѣхалъ обратно. Въ 1873 г. Л. Ф. Костенко принималъ участіе въ Хивинскомъ походѣ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ мечами и чиномъ подполковника съ назначеніемъ старшимъ адъютантомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа. Получивъ въ 1874 г. заграничный отпускъ Л. Ф. Костенко отправился въ Африку для ознакомленія съ войсками, расположенными въ Алжирѣ и Тунисѣ. Въ 1876 г. Костенкѣ было поручено составленіе военно-статистическихъ описаній Туркестанскаго военнаго округа. Въ томъ же году онъ предпринялъ экспедицію въ Атлайскія горы. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ путешественниковъ. посѣтившихъ Памиры и описавшихъ эту малоизвѣстную страну. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Семирѣченской области и во время пребыванія въ ней совершилъ нѣсколько разъ путешествіе по Тянь-Шаню, изучая и составляя описаніе этихъ горныхъ системъ. Въ декабрѣ 1885 г. Л. Ф. Костенко былъ назначенъ въ распоряженіе командующаго войсками Омскаго военнаго округа и спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ февралѣ 1886 г. былъ переведенъ въ С.-Петербургъ на должность старшаго дѣлопроизводителя канцеляріи военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, въ іюнѣ 1887 г. назначенъ завѣдующимъ азіатскою частью Главнаго Штаба, въ августѣ того же года произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1890 г. Л. Ф. Костенко принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ новаго положенія объ Аму-Дарьинской флотиліи.—Костенко состоялъ членомъ Географическаго общества. Ему принадлежитъ не мало цѣнныхъ трудовъ. Первое мѣсто среди занимаетъ «Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности съ картою Средней Азіи», С.-Петербургъ, 1870. Поѣздка въ 1870 г. въ Бухару описана Костенко въ «Военномъ Сборникѣ»: «Городъ Бухара» (т. LXXVI, № 12, стр. 411—425) и «Путешествіе въ Бухару русскоймиссіи въ 1870 году», (№ 10, 11 и 12); въ значительно дополненномъ видѣ издано отдѣльной книгой въ 1871 г. Костенко напечаталъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» 1870 г.: «О земледѣльческомъ производствѣ края», Въ 1873 г. въ «Военномъ

Сборникѣ» № 11 появилась его статья «Отъ Хивы до Казалинска», во «Всемірной Иллюстраціи»—«Городъ Хива и его значеніе» и отдѣльнымъ изданіемъ «Очеркъ Верхнегерчинскаго края» С.-Петербургъ, 1873 г.; въ «Военномъ Сборникѣ» онъ напечаталъ «Хивинское ханство въ сельско-хозяйственномъ отношеніи» (1874 г.), «Туркестанскія войска и условія ихъ бытовой и боевой подготовки» и «Путешествіе по Алжиру и Тунису». (1875 г.), «Экспедиція въ Алайскія горы» (1876) «По Ферганской долинѣ» (1877) «Краткая характеристика Великаго Тянь-шаньскаго Нагорья» (1878) и отдѣльно «Очеркъ Семирѣченскаго края». «Рѣка Аму-Дарья и сводъ новѣйшихъ свѣдѣній объ этой рѣкѣ» (1878 г.).

«Историческій Вѣстникъ» 1891 г. т. XLVI, ноябрь, стр. 548; «Русскій Инвалидъ» 1891 г. № 216; «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» за 1891 г. Спб. 1892 г.

Костомаровъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, профессоръ, род. въ 1791 г., ум. 3 мая 1837 г. Окончивъ курсъ С.-Петербургской Медико-Хирургической академіи въ 1817 г. лѣкаремъ I отдѣленія, оставленъ при Академіи репетиторомъ анатоміи и физіологіи и черезъ годъ отправленъ за границу. Въ 1822 г., по возвращеніи изъ-за границы, назначенъ и. д. адъюнктъ-профессоромъ зоотоміи въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Въ 1824 г. переведенъ ординаторомъ въ Московскій военный госпиталь, а въ 1825 г. опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи и физіологіи въ Московскую Медико-Хирургическую Академію. Съ 1827 г. служилъ врачемъ въ Арзамасѣ, Нижегородской губерніи, гдѣ и скончался.

Извѣстны его переводы съ англійскаго: «Куперъ. Начертаніе практической хирургіи, излагаемой въ настоящемъ ея состояніи на началахъ патологической и хирургической анатоміи. Москва, 1824—1825 г. 5 ч. и Бейли, «Патологическая анатомія». Москва. 1826 г.

Зміевъ, «Русскіе врачи-писатели»; Геннади, «Словарь».

Костомаровъ, *Николай Ивановичъ*, историкъ, род. 4 мая 1817 г. въ имѣніи Юрасовкѣ, въ Воронежской губерніи, ум. 7 апрѣля 1885 г. Родъ Костомаровыхъ—служилый великорусскій; но сынъ боярскій Самсонъ Мартыновичъ Костомаровъ, служившій у царя Іоанна IV въ опричнинѣ, бѣжалъ на Волынь, гдѣ получилъ помѣстье, перешедшее къ его сыну, а затѣмъ ко внуку Петру Костомарову, который въ половинѣ XVII в. участвовалъ въ казацкихъ возстаніяхъ, бѣжалъ въ предѣлы Московскаго государства и поселился въ такъ называемой Острогожчинѣ. Одинъ изъ потомковъ этого Костомарова въ XVIII в. женился на дочери чиновника Юрія Блюма и въ приданое получилъ слободку Юрасовку (Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи), которая перешла по наслѣдству къ отцу историка, Ивану Костомарову, состоятельному помѣщику. Онъ родился въ 1769 г., служилъ въ военной службѣ и, выйдя въ отставку, поселился въ Юрасовкѣ; получивъ плохое образованіе, онъ старался развить себя чтеніемъ; читая преимущественно французскія книги XVIII в., онъ сталъ тѣмъ, что называлось въ XVIII в. «вольтерьянцемъ», что, впрочемъ, не мѣшало ему дурно обращаться съ своими крестьянами; въ то же время онъ женился на своей крѣпостной, предварительно попытавшись дать ей образованіе. Вообще отецъ историка былъ человѣкъ крутой и своенравный; зато мать, Татьяна Петровна, была очень кроткая и добродушная женщина; единственнымъ ребенкомъ у нихъ былъ сынъ Николай, рожденный до брака.

Н. И. Костомаровъ до 10 лѣтъ воспитывался дома согласно принципамъ, развитымъ Руссо въ его «Эмилѣ», на лонѣ природы, и съ дѣтства полюбилъ природу. Отецъ желалъ сдѣлать изъ него вольнодумца; но вліяніе матери сохранило его религіозность; читалъ онъ много и, благодаря выдающимся способностямъ, легко усваивалъ прочитанное, а пылкая фантазія заставляла его переживать то, съ чѣмъ онъ знакомился по книгамъ. Въ 1827 г. Костомарова отдали въ Москву, въ пансіонъ г-на Ге, лектора французскаго языка въ Университетѣ, но скоро по болѣзни взяли домой. Лѣтомъ 1828 г. Костомаровъ долженъ былъ возвратиться въ пансіонъ; но въ это время отецъ его былъ убитъ дворнею, похитившею и его деньги; (позднѣе разбойники ограбили его мать). Оставшись съ небольшими средствами—усыновить Костомарова отецъ его не успѣлъ, и потому большая часть Юрасовки досталась племянникамъ убитаго, Ровневымъ,—Т. И. Костомарова отдала сына въ воронежскій пансіонъ, довольно плохой, гдѣ онъ за $2^1/_2$ года

научился немногому, да и велъ онъ тамъ себя безпорядочно; въ 1831 г. онъ былъ отданъ въ воронежскую гимназію; но и тутъ, по воспоминаніямъ Костомарова, учителя были плохіе и недобросовѣстные, знаній дали ему немного и велъ онъ себя плохо. Окончивъ въ 1833 г. курсъ въ гимназіи, Костомаровъ поступилъ сперва въ Московскій, а потомъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Профессора въ то время въ Харьковѣ были не важные; напр., русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, хотя и извѣстный авторъ малорусскихъ стихотвореній, но отличавшійся, по словамъ Костомарова, въ своихъ лекціяхъ пустымъ риторствомъ и напыщенностью. Однако, Костомаровъ и при такихъ преподавателяхъ сильно занимался, поддаваясь по своей натурѣ то тому, то другому увлеченію; такъ, поселившись у профессора латинскаго языка П. И. Сокальскаго, онъ сталъ заниматься классическими языками и особенно увлекся Иліадою; сочиненія В. Гюго обратили его къ французскому языку; потомъ онъ сталъ заниматься итальянскимъ языкомъ, музыкой, началъ писать стихи, а жизнь велъ крайне безпорядочную. Вакаціи онъ постоянно проводилъ у себя въ деревнѣ, увлекаясь верховой ѣздою, катаньемъ на лодкѣ, охотою, хотя природная близорукость и состраданіе къ животнымъ мѣшали послѣднему занятію. Въ 1835 г. въ Харьковѣ появились молодые и талантливые профессора, напр., по греческой литературѣ А. О. Валицкій и по всеобщей исторіи М. М. Лунинъ, читавшій лекціи весьма художественно; подъ вліяніемъ Лунина Костомаровъ сталъ заниматься исторіей, проводя дни и ночи за чтеніемъ всевозможныхъ историческихъ книгъ. Поселился онъ у Артемовскаго Гулака и теперь велъ образъ жизни очень замкнутый; въ числѣ немногихъ его друзей былъ тогда А. Л. Мешлинскій, извѣстный собиратель малорусскихъ пѣсенъ. Въ 1836 г. Костомаровъ окончилъ курсъ въ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ, нѣсколько времени прожилъ у Артемовскаго, преподавая его дѣтямъ исторію, затѣмъ выдержалъ экзаменъ на кандидата и тогда же поступилъ юнкеромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ. Служба ему, однако, не нравилась; съ товарищами, вслѣдствіе иного склада ихъ жизни, онъ не сближался; сблизился онъ съ образованнымъ, но недоучившимся купеческимъ сыномъ Должниковымъ и, увлекшись разборомъ дѣлъ богатаго архива, находившагося въ Острогожскѣ, гдѣ стоялъ полкъ, Костомаровъ манкировалъ службой и по совѣту полкового командира оставилъ ее. Проработавъ все лѣто 1837 г., онъ составилъ историческое описаніе острогожскаго слободского полка, приложилъ къ нему много копій съ интересныхъ документовъ, и приготовилъ къ печати, разсчитывая такимъ же путемъ составить исторію всей Слободской Украины, но не успѣлъ, а этотъ трудъ исчезъ впослѣдствіи при арестѣ Костомарова и пока неизвѣстно, гдѣ онъ находится и даже—сохранился ли вообще. Осенью того же года Костомаровъ вернулся въ Харьковъ, снова сталъ слушать лекціи Лунина и заниматься исторіей. Уже въ это время онъ началъ задумываться надъ вопросомъ: почему въ исторіи такъ мало говорится собственно о народныхъ массахъ? Желая уяснить себѣ народную психологію, Костомаровъ сталъ изучать памятники народной словесности въ изданіяхъ Максимовича и Сахарова и особенно увлекся малорусскою народной поэзіей, въ чемъ могло сказаться вліяніе на него Артемовскаго и Мешлинскаго, а частью и повѣстей Гоголя, хотя, по словамъ Костомарова, онъ въ то время еще плохо зналъ малорусскій языкъ и даже не могъ понимать сочиненій Котляревскаго и Основьяненка. Важное значеніе въ усиленіи малорусскихъ симпатій Костомарова принадлежитъ И. И. Срезневскому, тогда молодому преподавателю Харьковскаго университета. Когда въ 20—30 годахъ въ Малороссіи стали особенно интересоваться исторіей и бытомъ казаковъ, такое направленіе наиболѣе сказалось въ Харьковѣ, гдѣ жилъ тогда и главный представитель малорусской литературы, Квитка. Срезневскій, хотя и рязанецъ происхожденіемъ, юность провелъ въ Харьковѣ и былъ знатокомъ и любителемъ украинской исторіи и литературы, особенно послѣ того, какъ побывалъ на мѣстахъ былого Запорожья и наслушался его преданій, что дало ему возможность составить «Запорожскую Старину». Сближеніе съ Срезневскимъ сильно содѣйствовало упроченію въ Костомаровѣ стремленія изучать Малорусскую народность, какъ въ памятникахъ ея прошлаго, такъ и въ настоящемъ быту; съ этою цѣлью онъ постоянно совершалъ этнографическія

экскурсіи въ окрестности Харькова, а потомъ и далѣе, тогда же началъ онъ и писать на малорусскомъ языкѣ — сперва украинскія баллады, потомъ драму «Сава Чалый»; она была напечатана въ 1838 г., а баллады годомъ позже — то и другое подъ псевдонимомъ «Іеремія Галка»; драма вызвала лестный отзывъ Бѣлинскаго. Въ 1838 же году Костомаровъ былъ въ Москвѣ и слушалъ тамъ лекціи Шевырева и др., думая держать экзаменъ на магистра русской словесности, но заболѣлъ и снова вернулся въ Харьковъ, успѣвъ за это время изучить нѣмецкій, польскій и чешскій языки и напечатать свои малорусскія произведенія. Въ 1840 г. онъ выдержалъ экзаменъ на магистра русской исторіи, а въ слѣдующемъ представилъ диссертацію «О значеніи уніи въ исторіи Западной Россіи», и въ ожиданіи диспута уѣхалъ на лѣто въ Крымъ, который осмотрѣлъ обстоятельно. По возвращеніи въ Харьковъ Костомаровъ сблизился съ Квиткою и также съ кружкомъ малорусскихъ поэтовъ, въ числѣ коихъ былъ Корсунъ, издавшій сборникъ «Снипъ», гдѣ Костомаровъ подъ прежнимъ псевдонимомъ, напечаталъ стихи и новую трагедію «Переяславска ничь». Между тѣмъ, харьковскій архіепископъ Иннокентій обратилъ вниманіе высшаго начальства на напечатанную уже Костомаровымъ въ 1842 г. диссертацію. По порученію министерства народнаго просвѣщенія Устряловъ сдѣлалъ ея оцѣнку и призналъ ее неблагонадежною: выводы Костомарова относительно появленія уніи и ея значенія не соотвѣтствовали общепринятымъ, считавшимся обязательными для русскихъ. Дѣло получило такой оборотъ, что диссертація была сожжена и экземпляры ея теперь составляютъ большую библіографическую рѣдкость; впрочемъ, въ переработанномъ видѣ диссертація эта потомъ два раза была напечатана, хотя подъ иными названіями. Исторія съ диссертаціей могла бы быть пагубною для молодого автора, но такъ какъ о Костомаровѣ вообще были хорошіе отзывы и въ томъ числѣ самого архіепископа Иннокентія, то ему разрѣшили напечатать другую диссертацію; онъ избралъ темою «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» и писалъ это сочиненіе въ 1842—1843 г., состоя помощникомъ инспектора студентовъ Харьковскаго университета. Онъ часто посѣщалъ театръ, особенно малороссійскій, и помѣщалъ въ сборникѣ «Молодикъ» Бецкаго малорусскіе стихи и первыя свои статьи по исторіи Малороссіи: «Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ поляками» и др. Оставивъ въ 1843 г. должность при университетѣ, Костомаровъ сталъ преподавателемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго и тогда уже началъ работать надъ исторіей Богдана Хмѣльницкаго. 13 января 1844 г. Костомаровъ, не безъ приключеній защитивъ диссертацію (она тоже впослѣдствіи издана была въ переработанномъ видѣ), сталъ магистромъ русской исторіи и сперва жилъ въ Харьковѣ, работая надъ Хмѣльницкимъ, затѣмъ, не получивъ здѣсь каѳедры именно вслѣдствіе неблагосклоннаго отношенія харьковскихъ ученыхъ къ его способу изученія этнографіи, напримѣръ, къ помѣщенію вечерницъ, шинковъ и пр., попросился на службу въ Кіевскій учебный округъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣятельности своего героя—Хмѣльницкаго, и осенью этого же года былъ назначенъ учителемъ исторіи въ гимназію въ г. Ровно, Волынской губерніи. Проѣздомъ былъ онъ въ Кіевѣ, познакомился съ Кулишомъ, Максимовичемъ, съ помощникомъ попечителя учебнаго округа М. В. Юзефовичемъ и др. Въ Ровно учительствовалъ Костомаровъ только до лѣта 1845 г., но пріобрѣлъ общую любовь и учениковъ, и товарищей за гуманность и прекрасное изложеніе предмета. Какъ всегда, онъ пользовался всякимъ свободнымъ временемъ, чтобы совершать экскурсіи въ многочисленныя историческія мѣстности Волыни, дѣлать историко-этнографическія наблюденія и собирать памятники народнаго творчества; доставлялись ему таковые и учениками его; напечатаны были всѣ эти собранные имъ матеріалы гораздо позже—въ 1859 г. Знакомство съ историческими мѣстностями дало ему возможность впослѣдствіи столь живо изобразить многіе эпизоды изъ исторіи перваго Самозванца и Богдана Хмѣльницкаго. Лѣтомъ 1845 г. Костомаровъ побывалъ на Святыхъ горахъ, осенью былъ переведенъ въ Кіевъ учителемъ исторіи въ I гимназію, и тогда же преподавалъ въ разныхъ пансіонахъ, въ томъ числѣ въ женскихъ—де-Мельяна (брата Робеспьера) и Залѣсской (вдовы знаменитаго поэта), а позднѣе въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Ученики и

ученицы его съ восторгомъ вспоминали о его преподаваніи; вотъ что сообщаетъ о немъ, какъ объ учителѣ, извѣстный живописецъ Г'е: «Н. И. Костомаровъ былъ любимѣйшій учитель всѣхъ; не было ни одного ученика, который бы не слушалъ его разсказовъ изъ русской исторіи; онъ заставилъ чуть не весь городъ полюбить русскую исторію. Когда онъ вбѣгалъ въ классъ, все замирало, какъ въ церкви, и лилась живая, богатая картинами старая жизнь Кіева, всѣ превращались въ слухъ; но—звонокъ, и всѣмъ было жаль, и учителю, и ученикамъ, что время такъ быстро прошло. Самый страстный слушатель былъ нашъ товарищъ полякъ... Николай Ивановичъ никогда много не спрашивалъ, никогда не ставилъ балловъ; бывало, учитель нашъ кидаетъ намъ какую-то бумагу и говоритъ скороговоркою: «Вотъ, надо поставить баллы. Такъ вы уже сами это сдѣлайте», говоритъ онъ; и что же—никому не было поставлено болѣе 3-хъ балловъ. Нельзя, совѣстно, а вѣдь было тутъ до 60 человѣкъ. Уроки Костомарова были духовные праздники; его урока всѣ ждали. Впечатлѣніе было таково, что учитель, поступившій на его мѣсто, у насъ въ послѣднемъ классѣ цѣлый годъ не читалъ исторіи, а читалъ русскихъ авторовъ, сказавъ, что послѣ Костомарова онъ не будетъ читать намъ исторію. Такое же впечатлѣніе онъ производилъ и въ женскомъ пансіонѣ, а потомъ въ Университетѣ». Въ Кіевѣ Костомаровъ сблизился съ нѣсколькими молодыми малороссами, составившими тогда кружокъ частью панславистическаго, частью національнаго направленія; проникнутые идеями панславизма, нарождавшагося у насъ тогда подъ вліяніемъ трудовъ Шафарика и иныхъ знаменитыхъ западныхъ славистовъ, Костомаровъ и его товарищи мечтали объ объединеніи всѣхъ славянъ, но въ видѣ федераціи, съ самостоятельною автономіей славянскихъ земель, въ которыя должны были распредѣлиться существующія нынѣ племена, причемъ въ проектируемой федераціи должно было утвердиться либеральное государственное устройство, какъ его понимали въ 40-хъ годахъ, съ отмѣною у насъ крѣпостного права. Очень мирный въ сущности кружокъ, намѣревавшійся дѣйствовать лишь корректными средствами, и притомъ въ лицѣ Костомарова глубоко-религіозный, имѣлъ, кажется, и соотвѣтствующее названіе—Братство свв. Кирилла и Меѳодія (первое по времени), какъ бы указывая этимъ, что дѣятельность свв. Братьевъ, религіозная и просвѣтительная, дорогая для всѣхъ славянскихъ племенъ безъ различія ихъ религій, можетъ считаться единственно возможнымъ знаменемъ для славянскаго объединенія. Но, такъ какъ самое существованіе подобнаго, хотя бы и мирнаго кружка, было уже въ то время явленіемъ не легальнымъ, то члены его придали ему характеръ тайнаго общества съ спеціальными атрибутами, особою иконою и желѣзными кольцами съ надписью: «Кириллъ и Меѳодій» и съ печатью, на которой было вырѣзано: «Разумѣйте истину и истина васъ освободитъ». Членами этого братства были Ае. В. Марковичъ, впослѣдствіи извѣстный южно-русскій этнографъ, Н. И. Гулакъ—писатель, А. А. Навроцкій—поэтъ, учителя В. М. Бѣлозерскій и Д. П. Пильчиковъ, особенно дѣятельный, нѣсколько студентовъ, позднѣе Т. Г. Шевченко, на творчествѣ котораго такъ отразились идеи панславистическаго братства; бывали и случайные братчики, напримѣръ, помѣщикъ Н. И. Савинъ, знакомый Костомарову еще по Харькову; зналъ о братствѣ и извѣстный публицистъ П. А. Кулишъ. Въ 1846 г. съ Костомаровымъ поселилась его мать, продавшая доставшуюся ей часть Юрасовки, а 4 іюня Костомаровъ избранъ былъ адъюнктомъ русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ; занятія въ гимназіи и иныхъ пансіонахъ онъ теперь покинулъ.

Профессоромъ Кіевскаго университета былъ Костомаровъ недолго, менѣе года; но студенты, съ которыми онъ держалъ себя просто, очень его любили и увлекались его лекціями; читалъ онъ нѣсколько курсовъ и въ томъ числѣ славянскую миѳологію, которую напечаталъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, что отчасти было поводомъ къ ея запрещенію; только въ 70-хъ годахъ пущены были въ продажу отпечатанные 30 лѣтъ назадъ ея экземпляры. Работалъ Костомаровъ и надъ Хмѣльницкимъ, пользуясь матеріалами, имѣвшимися въ Кіевѣ и у извѣстнаго археолога Гр. Свидзинскаго, а также былъ избранъ членомъ Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ и готовилъ къ печати лѣтопись С. Величка. Въ началѣ 1847 г. Костомаровъ обручился съ Анною

Леонтьевной Крагельской, своей ученицею, и свадьба назначена была на 30 марта; но подслушанный раньше и сообщенный полиціи разговоръ Костомарова съ нѣсколькими членами Кирилло-Меѳодіевскаго братства повелъ къ арестамъ его членовъ и лицъ, которыя считались ему сочувствовавшими. Костомаровъ успѣлъ раньше вручить могущія компроментировать кружокъ бумаги М. В. Юзефовичу, по его настоянію, а онъ тоже представилъ ихъ полиціи; мирный кружокъ былъ сочтенъ собраніемъ заговорщиковъ и подвергся страшному разгрому; члены его сильно пострадали, болѣе всего Шевченко; арестованный 29 марта Костомаровъ, отправленъ былъ въ Петербургъ и послѣ допроса въ III отдѣленіи Канцеляріи Его Величества посаженъ на годъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости; здѣсь сильно пострадало его и безъ того не крѣпкое здоровье; допускали къ нему лишь мать, но давали книги и онъ кстати изучалъ греческій языкъ; свадьба его разстроилась. «За составленіе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо было соединеніе славянъ въ одно государство», Костомаровъ былъ высланъ на службу въ Саратовъ, съ запрещеніемъ печатать свои произведенія. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ Губернскаго правленія; но переводить ему было нечего, и губернаторъ (Кожевниковъ) поручилъ ему завѣдываніе сперва уголовнымъ, а потомъ секретнымъ столомъ, гдѣ производились преимущественно раскольничьи дѣла,—тутъ же было и его собственное дѣло; это дало ему возможность основательно познакомиться съ расколомъ и, хотя не безъ труда, сблизиться съ его послѣдователями; результаты своихъ изученій мѣстной этнографіи Костомаровъ печаталъ въ «Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», которыя временно редактировалъ. Изучалъ онъ также физику и астрономію, устраивалъ воздушный шаръ, занимался даже спиритизмомъ, но не прекращалъ занятій по исторіи Богдана Хмѣльницкаго, получая книги отъ Гр. Свидзинскаго; сталъ онъ собирать матеріалы и для изученія внутренняго быта древней, до-Петровской, Руси. И въ Саратовѣ около Костомарова сгруппировался кружокъ образованныхъ людей, частью изъ ссыльныхъ поляковъ, частью изъ русскихъ; кромѣ того къ нему близки были въ Саратовѣ архимандритъ Никаноръ, впослѣдствіи архіепископъ херсонскій, И. І. Палимпсестовъ, впослѣдствіи профессоръ Новороссійскаго университета, Е. А. Бѣловъ, Варенцовъ и др.; позднѣе Н. Г. Чернышевскій, А. Н. Пыпинъ и особенно Д. Л. Мордовцевъ; пріѣхала въ Саратовъ и мать Костомарова, и вообще Костомарову жилось въ Саратовѣ недурно; давалъ онъ здѣсь и уроки. Изъ Саратова Костомаровъ совершилъ нѣсколько экскурсій, напримѣръ, въ Крымъ, гдѣ участвовалъ въ раскопкѣ одного изъ Керченскихъ кургановъ, позднѣе въ Дубовку, для знакомства съ расколомъ, въ Царицынъ и Сарепту при собираніи матеріаловъ о Пугачевщинѣ и т. п. Любопытно участіе Костомарова въ слѣдствіи надъ евреями, обвиненными въ убійствахъ христіанскихъ дѣтей съ цѣлью пользоваться ихъ кровью; по поводу этого онъ составилъ ученую записку, приписанную, однако, иному лицу; разойдясь во взглядѣ на данный вопросъ съ мѣстнымъ начальствомъ, Костомаровъ чуть было изъ-за этого не пострадалъ. Въ 1855 г. Костомаровъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ саратовскаго Статистическаго комитета, и напечаталъ не мало статей по саратовской статистикѣ въ мѣстныхъ изданіяхъ; собиралъ онъ матеріалы по исторіи Разина и Пугачева, но не обработалъ ихъ самъ, а передалъ Мордовцеву, который потомъ съ его разрѣшенія ими и воспользовался; Мордовцевъ въ это время сдѣлался помощникомъ Костомарова по статистическому Комитету. Въ томъ же году Костомаровъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» статью по малорусской исторіи объ Иванѣ Свирговскомъ, украинскомъ гетманѣ XVI в. Въ концѣ 1855 г. Костомарову разрѣшено было съѣздить по дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ онъ четыре мѣсяца работалъ въ Публичной библіотекѣ надъ эпохою Хмѣльницкаго, и надъ внутреннимъ бытомъ древней Руси, и въ началѣ 1856 г. напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью о борьбѣ украинскихъ казаковъ съ Польшей въ первой половинѣ XVII в., составляющую предисловіе къ его Хмѣльницкому. Въ 1857 г. явился, наконецъ, и «Богданъ Хмѣльницкій», хотя и съ пропусками, и произвелъ сильное впечатлѣніе, особенно художественностью изложенія; напечатаны были тогда и иныя произведенія Костомарова, но авторъ все-таки

долженъ былъ вернуться въ Саратовъ, гдѣ продолжалъ работу надъ изученіемъ внутренняго быта древней Руси, особенно надъ исторіей ея торговли въ XVI—XVII в. Коронаціонный манифестъ освободилъ Костомарова отъ надзора, но распоряженіе о воспрещеніи ему служить по ученой части осталось въ силѣ. Весною 1857 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сдалъ тамъ въ печать исторію торговли и отправился за границу, гдѣ посѣтилъ Швецію, Германію, Австрію, Францію, Швейцарію и Италію; работалъ онъ мало, хотя и осматривалъ архивы (напримѣръ, шведскіе), а болѣе лѣчился; затѣмъ вернулся въ Саратовъ; лѣтомъ 1858 г. снова работалъ въ Петербургской Публичной библіотекѣ надъ исторіей бунта Стеньки Разина и параллельно писалъ изъ того же времени, по совѣту Н. В. Калачова, съ которымъ тогда сблизился, разсказъ «Сынъ» (напечатанъ въ 1859 г.); видѣлся онъ и съ Шевченкомъ, вернувшимся изъ ссылки. Осенью Костомаровъ принялъ мѣсто дѣлопроизводителя въ Саратовскомъ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу и такимъ образомъ связалъ свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ. Въ концѣ 1858 же года напечатана была монографія его «Бунтъ Стеньки Разина», окончательно сдѣлавшая имя Костомарова знаменитымъ. Эти произведенія Костомарова имѣли въ нѣкоторомъ смыслѣ, то же значеніе, какъ, напримѣръ, «Губернскіе очерки» Щедрина; они были первыми по времени научными трудами по русской исторіи, въ которыхъ многіе вопросы и эпохи рисовались не по обязательному до тѣхъ поръ шаблону офиціальнаго ученаго направленія; вмѣстѣ съ тѣмъ они были написаны и изложены замѣчательно художественно. Весною 1859 г. Петербургскій университетъ избралъ его въ экстраординарные профессора по русской исторіи. Дождавшись закрытія Комитета по крестьянскимъ дѣламъ, Костомаровъ послѣ очень сердечныхъ проводовъ въ Саратовъ явился въ Петербургъ; но оказалось, что дѣло о его профессурѣ не устроилось, онъ не былъ утвержденъ, ибо Государю сообщили, что Костомаровъ написалъ неблагонадежное сочиненіе о Стенькѣ Разинѣ. Но Императоръ самъ прочелъ эту монографію, отозвался о ней очень одобрительно и разрѣшилъ утвердить Костомарова профессоромъ (только не въ Кіевскомъ университетѣ), чему помогло и хадатайство братьевъ Д. А. и Н. А. Милютиныхъ. Вступительная лекція Костомарова состоялась 22 ноября 1859 г. и доставила ему отъ студентовъ и слушавшей публики необыкновенныя овація. И профессоромъ Петербургскаго университета Костомаровъ пробылъ не долго, по май 1862 г.; но и за это время утвердилась за нимъ извѣстность талантливѣйшаго преподавателя и выдающагося лектора; изъ учениковъ его вышло нѣсколько весьма почтенныхъ дѣятелей въ области науки русской исторіи, напримѣръ, профессоръ А. И. Никитскій. О томъ же, что Костомаровъ былъ великій художникъ-лекторъ, сохранилось много воспоминаній его учениковъ; одинъ изъ слушателей Костомарова такъ говоритъ о его чтеніи: «несмотря на довольно неподвижную наружность его, тихій голосъ и не совсѣмъ ясный, шепелявый выговоръ съ сильно замѣтнымъ произношеніемъ словъ на малорусскій ладъ, читалъ онъ замѣчательно. Изображалъ ли онъ Новгородское вѣче или суматоху Липецкой битвы, стоило закрыть глаза — и черезъ нѣсколько секундъ самъ какъ будто переносишься въ центръ изображаемыхъ событій, видишь и слышишь все то, о чемъ говоритъ Костомаровъ, который между тѣмъ неподвижно стоитъ на каѳедрѣ; взоры его смотрятъ не на слушателей, а куда то вдаль, будто именно что-то прозрѣвая въ этотъ моментъ въ отдаленномъ прошломъ; лекторъ кажется даже человѣкомъ не отъ міра сего, а выходцемъ съ того свѣта, явившимся нарочно для того, чтобы сообщить о прошломъ, загадочномъ для другихъ, но ему столь хорошо извѣстномъ».—Вообще лекціи Костомарова очень дѣйствовали на нервы и самое увлеченіе ими со стороны публики надо отчасти объяснить сильною нервностью лектора, постоянно прорывавшеюся, несмотря на внѣшнее его спокойствіе, и заражавшею слушателей. Послѣ каждой лекціи ему дѣлались овація, его выносили на рукахъ, и т. п. Курсы читалъ онъ слѣдующіе: Исторію древней Руси, изъ которой напечатана была статья о происхожденіи Руси со жмудскою теоріей этого происхожденія; этнографію инородцевъ, жившихъ въ древности на Руси, начиная съ литовцевъ, которая тоже напечатана; исторію древнерусскихъ областей, часть которой напечатана подъ названіемъ «Сѣ-

вернорусскія народоправства», и исторіографію, изъ которой напечатано лишь начало, посвященное анализу лѣтописей, да и то незаконченное. Кромѣ университетскихъ лекцій читалъ Костомаровъ и публичныя, тоже пользовавшіяся громаднымъ успѣхомъ. Параллельно съ профессорствомъ у Костомарова шли и ученыя работы, преимущественно архивнаго характера, для чего Костомаровъ постоянно посѣщалъ какъ петербургскіе и московскіе, такъ и провинціальные библіотеки и архивы, совершая для этого частыя экскурсіи; осматривалъ онъ древне-русскіе города Новгородъ и Псковъ, не разъ ѣздилъ и за границу. Къ этому времени относится и публичный диспутъ его съ М. П. Погодинымъ изъ-за вопроса о происхожденіи Руси. Въ 1860 г. Костомаровъ былъ сдѣланъ членомъ Археографической комиссіи, съ порученіемъ редактировать акты южной и западной Россіи, и избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Русскаго географическаго общества. Комиссіею издано подъ его редакціей 12 томовъ актовъ (съ 1861 по 1885 г.), а географическимъ обществомъ—три тома «Трудовъ этнографической экспедиціи въ западнорусскій край» (III, IV и V — въ 1872—1878 гг.).

Въ Петербургѣ около Костомарова сложился кружокъ, къ которому принадлежали: Шевченко, впрочемъ вскорѣ умершій, Бѣлозерскіе, книгопродавецъ Кожанчиковъ, А. А. Котляревскій, этнографъ С. В. Максимовъ, астрономъ А. Н. Савичъ, священникъ Опатовичъ и многіе другіе. Кружокъ этотъ въ 1860 г. началъ издавать журналъ «Основа», въ которомъ Костомаровъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ; здѣсь напечатаны его статьи: «О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты южнорусской исторіи» и др., а также не мало и полемическихъ статей по поводу нападокъ на него за «сепаратизмъ» и т. п. Принималъ онъ участіе и въ изданіи популярныхъ книжекъ на малорусскомъ языкѣ («Метеликовъ»), причемъ для изданія Св. Писанія онъ собралъ особый фондъ, употребленный впослѣдствіи, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, на изданіе малорусскаго словаря. Въ 1862 г. произошли печальныя событія въ Петербургскомъ университетѣ, вызвавшія временное закрытіе его и уходъ нѣсколькихъ лучшихъ профессоровъ. Костомаровъ въ данномъ случаѣ пошелъ среднимъ путемъ, впрочемъ, совершенно въ согласіи со своими взглядами, которые онъ высказывалъ въ нѣсколько горячо написанныхъ въ то время статьяхъ объ университетахъ; онъ предлагалъ открыть ихъ для всѣхъ желающихъ, освободивъ отъ характера такихъ учебныхъ заведеній, гдѣ воспитаніе даетъ извѣстныя права. Когда на смѣну закрывшемуся Университету, по хлопотамъ профессоровъ и въ томъ числѣ Костомарова, открылся, какъ тогда говорили, «вольный университетъ» въ залѣ Городской Думы и происходившія на лекціяхъ демонстраціи вызвали у студентовъ желаніе прекратить эти лекціи, Костомаровъ, несмотря на всѣ просьбы и запугиванья, не согласился не читать лекцій, чѣмъ и вызвалъ 8 марта 1862 г. великій скандалъ,—былъ освистанъ явившимися спеціально для того студентами, послѣ этого лекціи были прекращены, а Костомаровъ вышелъ въ отставку, чѣмъ и закончилось пребываніе его на университетской каѳедрѣ. Университеты Кіевскій, Харьковскій и Новороссійскій впослѣдствіи пытались приглашать его въ число профессоровъ; но выступленіе снова на каѳедрѣ Костомарову не было разрѣшено; но, чтобы обезпечить такого выдающагося ученаго, ему было назначено соотвѣтствующее жалованье ординарнаго профессора за службу въ Археографической комиссіи. Впрочемъ, Костомаровъ не имѣлъ сперва и формальныхъ правъ на профессуру согласно университетскому уставу 1863 г., такъ какъ былъ лишь магистромъ, и только въ 1864 г. по напечатаніи имъ сочиненія «Кто былъ первый самозванецъ?», Кіевскій университетъ далъ ему степень доктора honoris causa; позднѣе, въ 1869 г., Петербургскій университетъ избралъ его почетнымъ членомъ; кромѣ того онъ былъ членомъ корреспондентомъ по II отдѣленію Императорской Академіи Наукъ и членомъ многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ.

Оставивъ университетъ, Костомаровъ не оставилъ своихъ ученыхъ занятій и въ 60 годахъ имъ напечатаны были такіе труды, какъ «Сѣвернорусскія народоправства», «Исторія смутнаго времени», «Южная Русь въ концѣ XVI в.» (передѣлка уничтоженной диссертаціи), затѣмъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и др.;

тогда же было напечатано имъ и нѣсколько статей по исторіи Малороссіи, являющихся продолженіемъ труда о Богданѣ Хмѣльницкомъ. Случалось ему читать въ это время и публичныя лекціи. Но вообще жизнь его въ послѣднія 20 лѣтъ протекала тихо и мирно, безъ приключеній, разнообразясь лишь безпрерывными разъѣздами по Россіи и изрѣдка за границу. 1 февраля 1875 г. скончалась мать Костомарова; 9 декабря 1875 г. онъ женился на своей прежней невѣстѣ, которая въ 1851 г. по настоянію матери вышла замужъ, а къ этому времени овдовѣла; ея семья стала его семьею. Съ тѣхъ поръ лѣто онъ проводилъ почти постоянно въ с. Дѣдовцахъ, въ 4-хъ верстахъ около г. Прилукъ (Полтавской губерніи) и одно время былъ даже почетнымъ попечителемъ Прилуцкой мужской гимназіи, зиму же въ Петербургѣ, окруженный книгами и продолжая работать, несмотря на все болѣе и болѣе обнаруживавшійся упадокъ силъ. Изъ послѣднихъ трудовъ его можно назвать, какъ болѣе крупные: «Начало единодержавія въ древней Руси», «Объ историческомъ значеніи русскаго пѣсеннаго народнаго творчества» (переработка магистерской диссертаціи), начало котораго было напечатано въ журналѣ «Бесѣда» за 1872 г., а продолженіе частью въ «Русской Мысли» за 1880 и 1881 г. подъ названіемъ «Исторія казачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣснетворчества», частью въ книгѣ «Литературное наслѣдіе» (Спб. 1890 г.)—подъ названіемъ «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества»; частью же затерялась (см. «Кіевская Старина», 1891 г. № 2, Документы и пр. ст. 316); конецъ этой работы написанъ не былъ; въ это же время писалъ Костомаровъ и «Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», тоже не оконченную (заканчивается біографіей Императрицы Елисаветы Петровны) и крупные труды по исторіи Малороссіи, какъ продолженіе прежнихъ работъ: Руина, Мазепа и Мазепинцы, Павелъ Полуботокъ; наконецъ, рядъ автобіографій, имѣющихъ не одно только личное значеніе. Постоянно недомогавшему въ послѣдніе годы (въ сущности еще съ 1875 г.) Костомарову особенно повредило то, что 25 января 1884 г. онъ былъ сбитъ съ ногъ подъ аркою Главнаго Штаба экипажемъ. Съ нимъ подобные случаи бывалъ и раньше и отзывались тяжело, но онъ поправлялся; случай же 25 января подкосилъ его совершенно; въ началѣ 1885 г. онъ сильно заболѣлъ и 7 апрѣля скончался. Похороненъ онъ на Волковомъ кладбищѣ на такъ называемыхъ «литературныхъ мосткахъ», на могилѣ его поставленъ памятникъ.

По наружности Н. И. Костомаровъ былъ средняго роста и далеко некрасивъ. Отличался онъ какой-то нескладностью фигуры, разсѣянностью; ума же Костомаровъ былъ необыкновеннаго, знаній весьма обширныхъ и не только въ тѣхъ областяхъ, которыя служили предметомъ его спеціальныхъ занятій (русская исторія, этнографія), но и въ такихъ, напримѣръ, какъ богословіе; архіепископъ Никаноръ, небезъизвѣстный богословъ, говаривалъ, что онъ не смѣетъ и сравнивать своего знанія Св. Писанія съ знаніемъ Костомарова; память Костомарова была феноменальная; словомъ, въ умственномъ отношеніи это былъ рѣдко одаренный человѣкъ. Онъ былъ страстный эстетикъ, увлекался всѣмъ художественнымъ, картинами природы болѣе всего, музыкой, картинами, статуями. Любилъ онъ животныхъ, психику которыхъ какъ то умѣлъ понимать и къ нимъ приспособляться, такъ что они въ свою очередь его любили. Нѣкоторыя странности его характера, его капризы на старости—вещи въ сущности очень обыкновенныя и никому не вредившія. Осуждали его за то, что онъ всегда умѣлъ найти какое-либо отрицательное свойство въ человѣкѣ, котораго при немъ хвалили; но, съ одной стороны, въ словахъ его была всегда правда; съ другой, если при Костомаровѣ начинали говорить о комъ-либо дурно, онъ почти всегда умѣлъ найти въ немъ и хорошія качества. Въ сущности въ немъ просто сказывался духъ противорѣчія; на дѣлѣ же онъ былъ крайне незлобивъ и скоро прощалъ тѣмъ людямъ, которые виноваты противъ него. Костомаровъ былъ любящій семьянинъ, преданный другъ, надежный товарищъ. Объ обвиненіи Костомарова въ недостаткѣ патріотизма или въ сепаратизмѣ не стоитъ говорить; онъ самъ не разъ и очень хорошо отвѣчалъ обвинителямъ въ своихъ сочиненіяхъ. Замѣчательна религіозность Костомарова, вытекающая не изъ общихъ философскихъ воззрѣній, а теплая, такъ

сказать, стихійная, близкая къ религіозности народа. Костомарову, хорошо знавшему догматику православія и его мораль, дорога была и всякая черта нашей церковной обрядности; посѣщеніе богослуженія было для него, какъ и для народа, не только обязанностью, отъ которой онъ не уклонялся даже во время сильной болѣзни, но и великимъ эстетическимъ наслажденіемъ.

По идеаламъ своимъ Костомаровъ былъ всегда національнымъ романтикомъ, подобно славянофиламъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что въ теоріяхъ его есть много свѣжаго, и затѣмъ, что самое главное, теоріи эти въ примѣненіи къ изученію русской исторіи дали превосходные результаты. Разсматривая историческіе взгляды Костомарова, легко замѣтить, что исходные пункты ихъ тѣ же, что и у славянофиловъ—вѣра въ будущую историческую роль славянства, и прежде всего русскаго народа, вѣра въ его альтрюизмъ во всѣхъ формахъ, причемъ въ этомъ отношеніи Костомаровъ шелъ даже дальше славянофиловъ. Какъ и они, Костомаровъ былъ панславистомъ, вѣрилъ въ соединеніе всѣхъ славянъ въ одно государство, но, сообразно съ своими идеалами, въ государство федеративное, съ сохраненіемъ національныхъ и религіозныхъ особенностей отдѣльныхъ народностей. Впрочемъ, какъ человѣкъ искренно преданный православію и любившій свой народъ, онъ надѣялся, что при долголѣтнемъ общеніи естественно сгладится мирнымъ путемъ разница между славянами. Какъ и славянофилы, Костомаровъ также былъ недоволенъ настоящимъ и искалъ идеала въ національномъ прошломъ; этимъ идеальнымъ прошлымъ могло быть для Костомарова лишь такое время, когда русскій народъ жилъ по собственнымъ оригинальнымъ принципамъ жизни, чуждымъ какого-бы то ни было исторически замѣтнаго вліянія варяжскаго, византійскаго, татарскаго, польскаго и т. д. Угадать эти принципы народной жизни, угадать духъ русскаго народа, — вотъ вѣчная цѣль работы Костомарова и не только ради исторической истины, но даже и для практическихъ послѣдствій, достижимыхъ хотя бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ.

Костомаровъ постоянно занимался этнографіей, какъ такою наукою, которая важна для знакомства съ психологіей народа. Его интересовала не только русская, но и общеславянская этнографія; но особенно изучалъ онъ этнографію Южной Руси. Помимо причинъ индивидуальныхъ, это имѣло и иное, болѣе теоретическое основаніе. Костомаровъ былъ убѣжденъ, что національныя чувства русскаго (собственно славянскаго) племени въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились до сихъ поръ именно у нынѣшнихъ малороссовъ, тогда какъ другія славянскія племена частью испытали на себѣ въ историческій періодъ гораздо болѣе иноземныхъ вліяній, частью поглотили много инородческаго элемента. Статья Костомарова «Двѣ русскія народности» посвящена именно указаніямъ, что альтруистическими качествами всегда отличалась южно-русская народность, тогда какъ велико-русская имѣетъ другія качества, и придавшія ей первенствующее значеніе въ истекшей исторической жизни русскаго народа.

Свѣдѣнія Костомарова въ этнографіи были чрезвычайно обширны; это было замѣтно особенно въ разговорѣ; сочиненій же Костомарова по этнографіи немного. Костомаровъ какъ бы боялся напечатать что-либо не систематичное, а написать нынѣ какой-либо систематическій трудъ по русской этнографіи слишкомъ трудно. Попытка не только описать, но и осмыслить славянскую и русскую миѳологію была не особенно удачна, такъ какъ Костомаровъ примѣнилъ къ дѣлу теорію Крейцера, т. е. подошелъ къ изученію миѳологіи уже съ предвзятою мыслью, тогда какъ матеріалъ былъ научно совершенно не обработанъ, какъ не обработанъ онъ и донынѣ. Позднѣе Костомаровъ всегда интересовался народными вѣрованіями, практически изучалъ сохранившіяся въ народѣ ихъ слѣды, но не писалъ о нихъ. Нѣсколько охотнѣе печаталъ Костомаровъ статьи по этнографіи инородцевъ, такъ какъ здѣсь матеріаловъ меньше, и потому они легче поддаются обработкѣ; но этимъ статьямъ самъ онъ не придавалъ значенія. Словомъ, все напечатанное Костомаровымъ въ этомъ отношеніи даетъ лишь слабое понятіе о его дѣйствительномъ знаніи этнографіи. Въ связи съ этнографіей Костомаровъ превосходно зналъ и историческую (да и современную) географію, особенно южно-русскихъ земель.

Изъ всѣхъ своихъ этнографическихъ

работъ Костомаровъ отдавалъ въ печать лишь тѣ, которыя касались собиранія и осмысленія имъ памятниковъ народной литературы; онъ любилъ собирать народныя пѣсни или сказки. Значеніе имъ онъ придавалъ громадное. Для него народная пѣсня казалась важнѣе точнаго историческаго документа, такъ какъ она вела къ знакомству съ народною психологіей, въ чемъ и ставилъ Костомаровъ цѣль историческаго изученія.

Собрано было Костомаровымъ памятниковъ народной литературы весьма много, и онъ не только самъ издавалъ или редактировалъ ихъ собранія (внося тогда много и лично имъ собранныхъ матеріаловъ), но дѣлился и съ другими. Нѣтъ сборника пѣсенъ или сказокъ, куда не вошли бы полученныя отъ Костомарова. И здѣсь главные труды Костомарова посвящены Южной Руси; но и памятники народной литературы иныхъ славянскихъ племенъ были собираемы и изучаемы Костомаровымъ весьма усердно; такъ, онъ издалъ сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, народными преданіями онъ пользовался для исторіи бунта Стеньки Разина. Интересовался Костомаровъ и языкомъ, особенно южно-русскимъ, за составленіе словаря котораго имъ учреждена премія. Но филологомъ онъ не былъ, и попадающіяся у него филологическія объясненія, напримѣръ, въ статьѣ о «Началѣ Руси», не имѣютъ научнаго характера. Но особенно важны, конечно, историческіе труды Костомарова; въ совокупности они охватываютъ почти всю исторію Россіи до времени императрицы Елисаветы Петровны, исторію которой писалъ онъ на смертномъ одрѣ. Но не трудно замѣтить, что у Костомарова были излюбленныя имъ эпохи, и притомъ отличающіяся извѣстною особенностью: Костомаровъ любилъ изучать тѣ эпохи русской исторіи, когда дѣйствовалъ народъ, и не какъ неопредѣленная масса, а какъ живое цѣлое съ постоянно высказываемою индивидуальною жизнью и дѣятельностью. Ему казалось, что именно такія эпохи въ исторіи представляются тѣми идеальными временами, о которыхъ мечтали русскіе романтики и которыя они пытались воскресить. Первою такою эпохою была древняя Русь, Русь Кіевская; ей и посвятилъ Костомаровъ множество своихъ трудовъ. По мнѣнію Костомарова, въ древней Руси народъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, проникнутъ началомъ альтрюизма. Въ это время не было не только крѣпостного права, но и понятіе о сословіяхъ еще не установилось, и люди различались лишь индивидуальными качествами, да, въ нѣкоторой степени, экономическими различіями; о привиллегіяхъ нѣтъ и рѣчи; понятіе закона идентично съ понятіемъ объ искони существовавшемъ обычаѣ. Городъ и деревня жили вполнѣ общинною жизнью. Сами бурныя вѣча по принципу рѣшаютъ дѣла единогласно. Князья рѣшали дѣла не иначе, какъ по совѣту съ дружиною и старцами градскими. Князья стояли близко къ народу и, обладая всею полнотою власти, тѣмъ не менѣе всегда дѣйствовали по установившимся обычаямъ, нарушеніе которыхъ могло стоить имъ стола, и имѣли, главнымъ образомъ, въ виду интересы народа. Православіе, хотя и принятое недавно, глубоко проникло въ народъ, обусловило его мораль и чуждо было еще чрезмѣрной позднѣйшей обрядности. Все это было въ каждой русской землѣ или, позднѣе, княжествѣ; но эти земли и княжества жили не изолированною жизнью: у нихъ существовало сознаніе обще-русскаго единства, что въ свою очередь и вызвало нѣчто въ родѣ федеративнаго строя, не такъ точно опредѣленнаго, какъ въ С.-Американскихъ Штатахъ, а скорѣе чувствуемаго, чѣмъ сознаваемаго. Это была естественная федерація. Самая удѣльная система, которую до Костомарова историки рисовали эпохою величайшихъ бѣдъ, въ его глазахъ имѣла большое значеніе: это было время образованія могущественнаго русскаго племени. Раскинутыя по огромной территоріи удѣльныя княжества никогда не разрывали своей федеративной связи, скрѣпленной кромѣ общности происхожденія, нравовъ и обычаевъ, еще и общностью религіи (богослуженія, духовенства) и литературы и единымъ, вѣчно двигавшимся по этой территоріи, княжескимъ родомъ. Несомнѣнно, что въ этомъ взглядѣ Костомарова на древнюю Русь есть преувеличеніе. Кіевскій періодъ русской исторіи есть само по себѣ значительное время, и жизнь русскаго народа испытывала тогда довольно сложныя теченія; но что это былъ наиболѣе оригинальный періодъ исторической жизни русскаго народа—это совершенно вѣрно, и если искать для Россіи романтическихъ идеаловъ, то ло-

гичнѣе всего искать ихъ въ древней Руси, и тѣ симпатичныя стороны жизни, которыя привлекали славянофиловъ въ Московской Руси, въ болѣе чистомъ видѣ существовали именно въ Руси Кіевской. Указанныя выше формы жизни этого періода Костомаровъ и изучалъ повсюду, особенно въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ, которымъ посвятилъ извѣстное сочиненіе. Этимъ трудомъ Костомаровъ, можно сказать, положилъ у насъ начало изученію областной исторіи. И дѣйствительно, въ областной исторіи черты народной жизни, конечно, вскрываются гораздо глубже, чѣмъ въ исторіи общегосударственной. Но въ этомъ сочиненіи Костомаровъ повторилъ ошибку всѣхъ историковъ своего времени: онъ, какъ и они, былъ убѣжденъ, что въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ власть дѣйствительно принадлежала народу, что на вѣчѣ дѣйствительно рѣшались дѣла народомъ; между тѣмъ это далеко не такъ: и въ Новгородѣ большую роль играли богатые; Новгородъ и палъ не отъ излишка свободы, а скорѣе отъ недостатка ея, такъ какъ существовавшія тамъ экономическія условія дали возможность образовавшейся въ Новгородѣ сильной денежной аристократіи или крупной буржуазіи захватить власть въ свои руки и узурпировать ее въ своихъ личныхъ интересахъ. Желаніе показать, что эта эпоха была наиболѣе оригинальною, и выяснить, какъ впослѣдствіи въ русскую жизнь проникли внѣшнія вліянія и какія вызвали они измѣненія, тоже обусловило появленіе нѣкоторыхъ историческихъ трудовъ Костомарова. Извѣстно, какое громадное вліяніе придавали прежде призванію варяговъ-норманновъ, т. е. германцевъ, и значенію ихъ въ русской исторіи; Костомаровъ пытался доказать, что въ этихъ варягахъ надо видѣть жмудиновъ, что сразу свело бы къ нулю вліяніе германцевъ въ русской исторіи; затѣмъ онъ призналъ правильнымъ мнѣніе Иловайскаго о сказочномъ характерѣ самаго преданія, чѣмъ вопросъ о вліяніи варяговъ-германцевъ на русское государство совершенно упраздняется. Вопросъ о вліяніи иноземщины, затемнившемъ чистое теченіе народной жизни въ древней Руси, разслѣдованъ Костомаровымъ, можетъ быть, и неправильно, но очень послѣдовательно еще и въ извѣстной монографіи «О началѣ единодержавія». Здѣсь Костомаровъ доказывалъ, что иноземный элементъ имѣлъ совершенно отрицательное значеніе.

Изученіе исторіи какой-либо эпохи тѣсно связано съ изученіемъ исторіографіи ея. Костомаровъ, какъ очень сильный историкъ, вообще писалъ свои сочиненія преимущественно непосредственно по источникамъ, но онъ любилъ посвящать свои труды и спеціально изученію источниковъ. Особенно привлекали его лѣтописи—памятникъ, на страницахъ котораго яснѣе чѣмъ гдѣ-либо, обрисовывается участіе народа въ политической жизни древней Руси. Многія замѣчанія его о лѣтописяхъ имъ самимъ необоснованныя, и такіе, которыхъ въ то время еще нельзя было обосновать по отсутствію матеріаловъ или предварительныхъ работъ, поражаютъ своею вѣрностью и впослѣдствіи установились въ наукѣ.

Хотя исторія сѣверо-восточной Руси менѣе останавливала на себѣ вниманіе Костомарова, чѣмъ исторія Руси юго-западной, такъ какъ въ первой народная жизнь текла несравненно тише; но и для первой онъ далъ цѣнныя работы. Особенно привлекало его смутное время, какъ такое, когда дѣйствовалъ по преимуществу народъ. Очевидно, это время даетъ много матеріаловъ для народной психологіи. Впрочемъ, смутное время очень важно и для исторіи сѣверщины и казачества. Затѣмъ интересовали Костомарова установленіе крѣпостного права, бунтъ Стеньки Разина, оригинальная ересь Башкина, и расколъ, особенно такія явленія въ немъ, какъ молоканство. Легко понять отношеніе всѣхъ этихъ частныхъ вопросовъ къ одному общему, всегда занимавшему Костомарова вопросу — разгадать принципы народной жизни, понять духъ русскаго народа. Къ инымъ явленіямъ московской жизни Костомаровъ относился нѣсколько тенденціозно, но вражды къ московщинѣ, въ которой его иногда укоряли, у него не было. Изложеніе московской исторіи у Костомарова было объективнымъ. Если попадаются дурные отзывы о великороссіянахъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изображенію жизни великорусскаго народа, то они взяты изъ столь солидныхъ историческихъ источниковъ, что, наоборотъ, умолчаніе о нихъ было бы тенденціознымъ. Еще менѣе можно упрекнуть Костомарова за характеристику Іоанна Грознаго, ибо она та же, что у Ка-

рамзина; иного сужденія—это надо признать—заслуживаютъ попытки развѣнчать Димитрія Донского, Минина и Пожарскаго, кое-какіе укоры, брошенные въ Андрея Боголюбскаго; не то важно, что онъ отнесся къ нимъ слишкомъ строго, а то, что онъ сдѣлалъ это безъ достаточныхъ основаній. Если это былъ протестъ противъ не менѣе тенденціозныхъ панегириковъ, то и на такой протестъ историкъ не имѣетъ права. Съ бо́льшимъ правомъ доказывалъ Костомаровъ неполную достовѣрность преданія о Сусанинѣ, но и здѣсь онъ не замѣтилъ, что самое существованіе преданія гораздо важнѣе его достовѣрности, и именно для народной психологіи, все равно какъ и преданіе о геройскомъ съ точки зрѣнія своего времени подвигѣ казака Галагана. Впрочемъ, Костомаровъ, не стѣснялся развѣнчивать и крупныхъ южно-русскихъ историческихъ лицъ; такъ онъ указалъ и на черныя стороны въ дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго, важность дѣятельности котораго имъ же впервые оцѣнена была какъ слѣдуетъ; отъ его упрековъ не укрылся и храбрый рыцарь Дорошенко. Вообще, повторяемъ, Костомаровъ хотѣлъ выставить преобладающее значеніе дѣятельности народа предъ дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ.

Исторіею юго-западной Руси Костомаровъ занимался гораздо болѣе, такъ какъ онъ видѣлъ въ ней истинное продолженіе исторіи Кіевскаго періода, что нынѣ по отношенію къ бытовой исторіи вполнѣ доказано. Только періодъ XIII—XV в. мало имъ затронутъ; но въ то время, когда Костомаровъ занимался исторіей уніи или казачества, для изученія указаннаго періода совершенно не было издано матеріаловъ. Съ XVI же вѣка, начиная съ подготовки уніи, исторія юго-западной Руси, особенно исторія Малороссіи, разсмотрѣна Костомаровымъ весьма обстоятельно и почти до тѣхъ поръ, пока она совершенно не дѣлается провинціальною, т. е. до конца XVII в. и начала XVIII в.

Что интересовало Костомарова въ исторіи казацкихъ движеній, а также въ жизни Запорожья—ясно само собою. Казаки, особенно запорожцы, казались ему воплощеніемъ идеи братства. Да и вообще въ жизни южной Руси альтрюистическій элементъ во всѣхъ сферахъ играетъ важную роль. Видимъ въ народѣ и вѣрность верховной власти, сначала въ лицѣ короля, пока онъ не оттолкнулъ отъ себя народъ религіозными гоненіями, позднѣе въ лицѣ царя, вѣрность которому пересилила и всѣ интриги генеральной старшины и возмутительное иногда поведеніе московскихъ воеводъ и войскъ. Казаки, даже запорожцы, тоже умѣли по старинному облечь своихъ гетмановъ неограниченною властью, особенно во время войны. Что же касается до религіозности, то южная Русь всей исторіей своей показала, насколько глубоко было въ ней религіозное чувство. Если Костомаровъ и въ исторіи южной Руси повторилъ свою или лучше сказать общую для своего времени ошибку, въ силу которой извѣстныя громкія казацкія движенія, равно какъ и дѣятельность Запорожья, считались дѣломъ народнымъ, тогда какъ въ сущности казацкія движенія, особенно имѣвшія политическій характеръ, были дѣломъ высшаго слоя казачества, которое впослѣдствіи подготовило и утвержденіе крѣпостного права въ Малороссіи, и запорожское казачество, повидимому, произошло отъ выселенія горожанъ, то Костомаровъ самъ и поправилъ эти ошибки. Онъ нѣсколько разъ поправлялъ своего Богдана Хмѣльницкаго, соображаясь съ новыми историческими матеріалами, изъ которыхъ выяснилось, что стремленія народныхъ массъ, порожденныя ихъ экономическимъ положеніемъ, шли въ иную сторону, чѣмъ стремленія высшаго слоя казачества. Точно также и мнѣніе о городскомъ происхожденіи Запорожья впервые высказано именно Костомаровымъ. Укажемъ еще на любопытную черту: южнорусскія лѣтописи казацкаго періода никогда не внушали Костомарову той симпатіи, какъ лѣтописи древнія, и понятно почему: онѣ вышли изъ среды казацкаго писарства, т. е. элемента мало народнаго, проникнутаго скорѣе новѣйшими шляхетскими тенденціями. Костомаровъ одинъ изъ первыхъ призналъ подлогъ въ исторіи Конисскаго, хотя и во многомъ симпатичной ему по своимъ воззрѣніямъ, призналъ онъ подлогъ и въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ думахъ, которыя, въ случаѣ своей неподложности, были бы весьма дороги, ибо могли разрѣшить все еще не совсѣмъ ясный вопросъ о переходѣ кіевскаго богатырскаго эпоса въ эпосъ казацкій. Въ послѣднемъ случаѣ Костомарову пришлось высказать свое мнѣніе по та-

кому вопросу, гдѣ онъ сперва былъ, можно сказать, единственнымъ компетентнымъ судьею.

За Костомаровымъ навсегда останется та заслуга, что онъ былъ первый, въ Россіи, историкъ, понявшій исторію, какъ народную психологію. Въ настоящее время такое отношеніе къ исторіи господствуетъ, и потому то труды Костомарова и стали столь популярны и дороги образованнымъ людямъ не одной только Малороссіи. Если же мы обратимся къ идеаламъ самого Костомарова, то увидимъ, что это былъ, подобно славянофиламъ, русскій романтикъ; но онъ искалъ осуществленія своихъ идеаловъ въ болѣе отдаленномъ времени, когда народная жизнь проявлялась полнѣе, чѣмъ въ московскій періодъ. Читающее общество скоро выдѣлило Костомарова и изъ славянофиловъ, да они и сами не считаютъ его своимъ, несмотря на его служеніе Кирилло-Меѳодіевской идеѣ. Впрочемъ, Костомаровъ относился къ славянофиламъ (напримѣръ, къ К. Аксакову) съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Въ этомъ различіи большинство образованныхъ людей стало на сторону Костомарова и признало его идеалы, по крайней мѣрѣ, болѣе симпатичными. Но въ настоящее время удовлетворяться такими идеалами невозможно, такъ какъ жизнь ставитъ все новые и новые и все болѣе и болѣе важные вопросы, о которыхъ люди XII вѣка не имѣли и понятія, а между тѣмъ прогрессъ всего человѣчества зависитъ отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Костомаровъ не пошелъ въ этомъ отношеніи за вѣкомъ, онъ не отозвался на эти вопросы, онъ слишкомъ мало былъ публицистомъ. Въ немъ не было той живости, которая была, напримѣръ, у Кавелина, умѣвшаго стать публицистомъ въ самыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ и понять сравнительную важность тѣхъ вопросовъ, которые можетъ выставлять жизнь для разрѣшенія. Костомаровъ же часто отъ нихъ уклонялся. Единственный вопросъ, который могъ его затронуть, заставить говорить, и говорить горячо и мѣтко — былъ вопросъ о положеніи Малороссіи въ настоящее время и о тѣхъ сторонахъ жизни, которыя вызываются этимъ положеніемъ. И хотя Костомаровъ всегда рѣшалъ этотъ вопросъ сообразно съ своими идеалами, но рѣшенія его нисколько не были опасны для жизни русскаго государства, и столь часто бросаемый Костомарову упрекъ въ сепаратизмѣ должно признать упрекомъ неосновательнымъ.

Интересны еще статьи Костомарова по университетскому вопросу. Онѣ болѣе оригинальны, чѣмъ справедливы, но важно, что Костомаровъ и дѣйствовалъ въ университетскихъ дѣлахъ сообразно съ своими убѣжденіями и вышелъ изъ Университета, когда проводить свои принципы для него оказалось невозможнымъ. Костомаровъ представлялъ собою цѣлое направленіе. Тѣхъ же воззрѣній въ свое время держались и Кулишъ, Шевченко и многіе другіе южно-русскіе дѣятели, напримѣръ, тѣ, которые вмѣстѣ съ Костомаровымъ мечтали о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, или позднѣе создали журналъ «Основу» (при участіи же Костомарова); но дѣятельность Кулиша, можетъ быть самого сильнаго изъ южно-русскихъ романтиковъ, приняла совершенно иное направленіе, далекое отъ его собственныхъ идеаловъ; Шевченко, подъ вліяніемъ иностранной поэзіи, началъ выражать и въ своей идеалы общечеловѣческіе, и лишь Костомаровъ съ кружкомъ «Основы» до конца жизни оставался романтикомъ, враждующимъ съ тѣми же самыми элементами, съ которыми враждовалъ южно-русскій народъ въ XVII в. Конечно, задачи теперешняго патріотизма совершенно иныя; но воздадимъ честь и тѣмъ піонерамъ, которые прокладывали дорогу для другихъ. Костомаровъ во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ піонеровъ въ исторіи развитія русской мысли.

Костомарова часто называютъ замѣчательнымъ историкомъ-художникомъ; и это совершенно вѣрно. Художественность эта, помимо присущей Костомарову рельефности изображенія, такъ сказать образности, достигалась и умѣстнымъ иллюстрированьемъ разсказа, выдержками изъ источниковъ, картинность которыхъ безконечно выше всякихъ историческихъ украшеній. Но нельзя скрыть и того, что Костомаровъ иногда приносилъ въ жертву картинности историческую точность; онъ именно могъ воспользоваться народнымъ преданіемъ, какъ историческимъ источникомъ для времени, въ преданіи изображаемаго. Извѣстна еще одна, пріятная для читателя, но иногда досадная для историка, черта сочиненій Костомарова: онъ сразу, въ предисловіи, исчислялъ тѣ источники, кото-

рыми пользовался, и потомъ въ изложеніи ссылался уже на нихъ весьма рѣдко; между тѣмъ пользовался онъ ими невсегда точно. Послѣдніе же по времени труды Костомарова отличаются даже довольно тяжелымъ слогомъ. Костомарову случалось писать и популярныя книжки для народа, особенно южно-русскія; онъ принималъ участіе и въ изданіи такъ называемыхъ «Метеликовъ». Писалъ онъ и для учащихся. Особенно извѣстны его разсказы изъ русской исторіи, къ сожалѣнію, не оконченные. Костомаровъ былъ и беллетристъ. Историческія его повѣсти шли зачастую параллельно его историческимъ сочиненіямъ. Но, какъ это ни странно, первыя всегда уступаютъ въ художественности вторымъ. Важнѣйшее изъ его белетристическихъ произведеній, «Кудеяръ», по сюжету довольно рутинно и красиво лишь по частностямъ. Драма «Кремуцій Кордъ» написана, очевидно, pro domo sua. Неисторическія повѣсти Костомарова, напримѣръ, «Сорокъ лѣтъ», наоборотъ, отличаются большой оригинальностью; но ихъ не много и онѣ почти неизвѣстны публикѣ. Костомаровъ извѣстенъ и какъ малорусскій поэтъ подъ именемъ Іереміи Галки. Въ своихъ сочиненіяхъ какъ и всѣ малорусскіе поэты, онъ старался подражать южно-русской народной поэзіи.

Важнѣйшимъ источникомъ для знакомства съ жизнью и дѣятельностью Н. И. Костомарова является его автобіографія, изданная послѣ его смерти въ книгѣ «Литературное Наслѣдіе» (Спб. 1890 г.), гдѣ она, впрочемъ, доведена лишь до половины 1877 г. Но въ этой автобіографіи выпущены цѣлыя главы, касающіяся такихъ щекотливыхъ моментовъ, какъ разгромъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства и университетская исторія 1861—1862 г. Дополненіемъ къ этой автобіографіи является другая, ранѣе продиктованная Костомаровымъ г-жѣ Бѣлозерской и напечатанная въ «Русской Мысли» 1885 г., №№ 5 и 6; она доведена до конца 1862 г. и въ ней разсказано о братствѣ и объ университетской исторіи, и вообще есть много любопытныхъ подробностей о жизни Костомарова, отсутствующихъ въ позднѣйшей автобіографіи; есть разница въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ показаніяхъ; объясняется она удовлетворительно забывчивостью самого автора. Къ автобіографіи, сообщенной г-жею Бѣлозерской, приложена записка объ ученыхъ трудахъ Костомарова, составленная въ 1870 г., съ заявленіемъ, что составлена она имъ самимъ; но едва это такъ; вѣроятнѣе, что она составлена кѣмъ-либо изъ лицъ, предлагавшихъ Костомарова къ избранію въ профессора Университета или въ Академію Наукъ. Третья автобіографическая записка Костомарова же напечатана въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Императорскаго университета Св. Владиміра». (Кіевъ, 1884 г.); она очень краткая; но все же сообщаетъ и нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что доведена до 1884 г.; къ ней приложенъ тоже списокъ его трудовъ. Наконецъ, четвертая, очень короткая, доведенная лишь до 1860 г., напечатана въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» Тимма 1860 г., № 20 (перепечатана въ «Русской Старинѣ» 1891 г. № 2). Сверхъ того есть отдѣльныя воспоминанія Костомарова о различныхъ эпизодахъ его жизни, напримѣръ, о знакомствѣ съ Т. Г. Шевченко въ «Русской Старинѣ» 1880 г. № 3 и пр.

Изъ статей, напечатанныхъ о Н. И. Костомаровѣ, можно бы составить библіотеку; здѣсь укажемъ лишь важнѣйшія. Свѣдѣнія о дѣтствѣ Костомарова—въ статьѣ Ѳ. Щербины въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1885 г. № 144 (перепечатано въ «Кіевск. Ст.» 1895 г. № 4) и Гр. Василькевича въ «Кіевск. Ст.» 1898 г., № 11; объ уничтоженіи первой диссертаціи Костомарова—статья М. И. Сухомлинова въ «Др. и Нов. Россіи», 1877 г. № 1 и замѣтка въ «Русск. Стар.» 1878 г. № 11, стр. 387; о Костомаровѣ, какъ учителѣ—въ статьѣ В. В. Стасова: «Н. Н. Ге» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1895 г. № 1, и самого Ге въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета Св. Владиміра», Кіевъ, 1895 г., стр. 58—60; о панславизмѣ Костомарова и объ братствѣ Кирилла и Меѳодія у О. Миллера: «Даръ Пятидесятницы и наши первоучители»—«Кіевск. Старина» 1882 г. № 9, стр. 40—46, и тамъ же, 1897 г. № 2; уставъ братства напечатанъ О. Огоновскимъ въ «Исторіи Литературы русской» ч. II, Львъ. 1889 г.; для исторіи этого братства—см. предисловіе къ сборнику Н. Кулиша «Хуторская поэзія»; Костомарова, «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность»—въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г. № 3, стр. 228—230; кромѣ того, «Русск. Арх.» 1892 г. № 7; Барсукова «Жизнь и труды Погодина» т. XII, стр. 147, А. Коницкаго, «Т. Г. Шевченко», стр. 245. Объ этой же исторіи и о пребываніи Костомарова въ Саратовѣ разсказано въ неоконченномъ романѣ Д. Л. Мордовцева «Профессоръ Ратмировъ» въ «Книжкахъ Недѣли» 1889 г. №№ 1 и 2; о саратовской жизни Костомарова воспоминанія Д. Л. Мордовцева въ «Нови» 1888 г. № 15; И. І. Палимпсестова въ «Русск. Обозр.» 1895 г. № 7 и «Некрологъ» Д. М. Позднякa въ «Русск. Вѣстн.» 1896 г. № 11, стр. 361. О Костомаровѣ какъ о профессорѣ С.-Петербург-

ского университета—воспоминанія С. Терпигорева (Атавы) въ «Ист. Вѣстн.» 1896 г. № 4, стр. 55—56; и у Л. Майкова: «Некрологъ Е. Е. Замысловскаго» въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1896 г. № 8, стр. 56; у Григорьева: «Императ. Петерб. Унив.», стр. 313 и слѣд.; у В. Д. Спасовича «Пятидесятилѣтіе Петерб. Унив.» «Вѣстн. Евр.» 1870 г. № 5, стр. 312—345; воспоминанія И. Е. Андреевскаго въ «Рус. Стар.» 1882 г. № 5; изъ множества воспоминаній о послѣдующемъ пребываніи Костомарова въ Петербургѣ, важнѣйшія: Мордовцева въ «Рус. Стар.» 1885 г. №№ 6 и 12 и 1886 г. № 2 и въ «Нови» 1888 г. №№ 16 и 17; Д. К. М. Е., Подорожняго и Вашкевича въ «Кіевск. Стар.» 1891 г. № 7 и 1895 г. № 4; А. И. Маркевича—въ журналѣ «По морю и сушѣ» 1896 г. № 14. Одна изъ поѣздокъ Костомарова въ Новгородъ въ маѣ 1862 г. обстоятельно описана Н. П. Барсуковымъ въ «Русск. Обозр.» 1897 г. № 5; о жизни Костомарова въ с. Дѣдовцахъ—воспоминанія пасынка его Л. М. Киселя въ «Полтавск. Губ. Вѣдом.» 1895 г. № 7 (перепеч. въ «Кіевск. Стар.» 1896 г. № 1) и Мордовцева въ «Ист. Вѣстн.» 1884 г. № 12; о послѣднемъ времени жизни Костомарова статья В. Беренштама въ «Кіевск. Стар.» 1885 г. № 6 и 1895 г. № 4. О значеніи дѣятельности Костомарова вообще см. статью В. И. Семевскаго въ «Русск. Стар.» 1886 г. № 1, А. И. Маркевича въ «Одесскомъ Вѣстн.» 1885 г. №№ 123—127, А. Пыпина въ «Вѣстн. Евр.» 1885 г. № 5; о Костомаровѣ, какъ о южно-русскомъ писателѣ—Петровъ, «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст». Кіевъ, 1884 г., стр. 235—257 (съ указаніемъ статей о Костомаровѣ, напечатанныхъ до этого времени); о Костомаровѣ какъ историкѣ—В. Б. Антоновича въ «Кіевск. Стар.» 1885 г. № 5 и П. Н. Полевого въ «Ист. Вѣстн.» 1891 г. № 2; о Костомаровѣ, какъ этнографѣ—ст. В. Науменка въ «Кіев. Стар.» 1885 г. № 5 и А. Пыпина «Исторія Русской Этнографіи», т. III; обстоятельный перечень напечатанныхъ трудовъ Н. И. Костомарова въ книгѣ «Литературное наслѣдіе»; но онъ едва-ли совершенно полонъ; такъ, напримѣръ, не указана статья «Niema Rusi», о которой см. «Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. 2, т. IV, стр. 257 и слѣд; см. также «Русск. Стар.» 1891 г. № 2, стр. 484. Нѣкоторыя статьи Костомарова были напечатаны безъ его подписи, другія подписаны псевдонимами, которыхъ у него, повидимому, было два: Іеремія Галка для стихотвореній и Иванъ Богучаровъ для нѣкоторыхъ беллетристическихъ произведеній. Изданныя собранія сочиненій Костомарова (Историческія монографіи и изслѣдованія) далеко не заключаютъ всѣхъ его трудовъ, и опубликованіе полнаго собранія сочиненій его весьма желательно. *Ал. Маркевичъ.*

Костровъ, *Евстафій Степановичъ*, генералъ-маіоръ, директоръ Константиновскаго межевого института, ум. 11 февраля 1887 г. Происходилъ изъ дворянскаго рода Псковской губерніи, учился во 2-й московской гимназіи и на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ въ 1857 г. кандидатомъ. Въ томъ же году поступилъ вольноопредѣляющимся во 2-й гренадерскій Ростовскій полкъ, и черезъ годъ былъ произведенъ въ поручики. Въ 1861 г. принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ, затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, по окончаніи въ ней курса назначенъ на службу въ генеральный штабъ. Принималъ дѣятельное участіе въ работахъ по составлявшемуся тогда новому плану мобилизаціи русской арміи сообразно съ новымъ закономъ о воинской повинности. Въ чинѣ полковника и въ должности начальника отдѣленія главнаго штаба много поработалъ по мобилизаціи въ теченіе послѣдней восточной войны. Въ то же время Костровъ читалъ лекціи по военной администраціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и преподавалъ тотъ же предметъ въ нѣсколькихъ военныхъ училищахъ. Въ 1879 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ директоромъ Константиновскаго межевого института.

«Русскій Инвалидъ», 1887 г. № 38.

Костровъ, *Ермилъ Ивановичъ*, писатель, род. въ 1755 г., ум. 9 декабря 1796 г. Происходилъ изъ экономическихъ крестьянъ Вятской губерніи, Вобловитской волости, и первоначальное образованіе получилъ въ Вятской семинаріи. По выходѣ изъ семинаріи въ 1773 г., Костровъ, находясь въ стѣсненномъ положеніи, обратился къ своему земляку члену синода архимандриту Іоанну (Черепанову) съ просьбою, въ стихахъ, о доставленіи ему возможности продолжать образованіе въ Московской духовной академіи. Просьба эта имѣла успѣхъ и въ 1775 г. Костровъ является уже «Московской славяно-греколатинской Академіи священной богословіи студентомъ». Студентомъ академіи былъ онъ и въ 1776 г.; 23 января 1778 г. мы видимъ Кострова уже студентомъ Московскаго университета, а въ 1779 г. онъ былъ произведенъ въ баккалавры. Произведенный въ 1782 г. въ провинціальные секретари, Костровъ въ этомъ чинѣ оставался до конца своей жизни, живя постоянно въ Москвѣ и сохраняя связи съ университетомъ и его кураторами — Шуваловымъ и Херасковымъ. Благодаря вліянію послѣдняго Костровъ сдѣлался оффиціальнымъ университетскимъ стихотворцемъ, обязанность котораго состояла въ сочиненіи стиховъ на разные торжественные случаи, праздновавшіеся въ университетѣ. Но Костровъ не былъ до-

воленъ этимъ своимъ положеніемъ; ему, по словамъ гр. Хвостова, хотѣлось учить поэзіи съ каѳедры. Неудача въ этомъ содѣйствовала развитію въ немъ страсти къ пьянству, подъ вліяніемъ которой Костровъ такъ опустился, что подъ конецъ жизни не имѣлъ даже своего угла, а жилъ то въ университетѣ, то у разныхъ знакомыхъ.

Костровъ жилъ и писалъ въ ту эпоху, когда въ русскую литературу начиналъ проникать западноевропейскій сентиментализмъ, вытѣсняя мало-по-малу господствовавшее въ ней въ XVIII вѣкѣ ложноклассическое направленіе. Это литературное теченіе наложило свой отпечатокъ и на авторскую дѣятельность Кострова. Принадлежа первыми своими произведеніями къ ложноклассической школѣ, Костровъ, съ появленіемъ Державинской «Фелицы», отрекается отъ прежняго направленія и переноситъ мало-по-малу свои литературныя симпатіи на сторону сентиментализма. Какъ писатель, Костровъ былъ мало оригиналенъ. Большую часть его самостоятельныхъ произведеній составляютъ оды и стихи на разные торжественные случаи, написанные отъ имени университета. Оды Кострова, представляя подражаніе Ломоносову, составлены по ложноклассическому шаблону, крайне искусственны, лишены содержанія и совершенно чужды окружающей жизни. Если онѣ чѣмъ-нибудь и отличаются отъ однородныхъ произведеній другихъ писателей XVIII вѣка, то развѣ тѣмъ, что въ нихъ видно хорошее знакомство со Св. Писаніемъ, что объясняется богословскимъ образованіемъ поэта; въ нихъ отразилось, затѣмъ, вліяніе переведенныхъ авторомъ писателей. Костровъ и самъ чувствовалъ ложность своей поэзіи и симпатизировалъ новому направленію, какъ это видно изъ выбора имъ вещей для переводовъ. Но у него не хватало таланта для того, чтобы самостоятельно отрѣшиться отъ ложноклассической рутины. Новый путь былъ указанъ Державинымъ въ его «Фелицѣ», появленіе которой Костровъ привѣтствовалъ «Письмомъ къ творцу оды въ похвалу Фелицѣ» («Собесѣдн. любит. росс. слов.», 1784 г., ч. X, ст. V), въ которомъ онъ, восхваляя Державина, смѣется надъ торжественными одами и своимъ прежнимъ литературнымъ направленіемъ. И, дѣйствительно, съ этого времени Костровъ бросаетъ условный размѣръ, освобождается отъ правилъ «высокаго слога» и начинаетъ писать проще и естественнѣе, отчего его стихи много выигрываютъ. Подъ вліяніемъ Державина онъ ввелъ въ свою лирику упрощенный языкъ и разнообразіе размѣровъ; подъ вліяніемъ переведеннаго имъ (1780—1781 г.) Апулея онъ внесъ въ нее элементъ нѣжнаго, до тѣхъ поръ ей совершенно чуждый. Наиболѣе искренними и прочувствованными являются тѣ оды и стихи Кострова, которые писаны имъ не по обязанности и адресованы лицамъ, которыхъ поэтъ искренно уважалъ: Шувалову, Хераскову, Суворову и митрополиту Платону. Но и въ этихъ произведеніяхъ виденъ ложноклассикъ. Вообще оригинальныя піесы не даютъ Кострову права занять сколько-нибудь видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Его заслуга опредѣляется переводами, удачно выбранными и удачно исполненными. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1779 г. Это — переводъ небольшого сатирическаго стихотворенія Вольтера «La Tactique». Въ томъ же году Костровъ перевелъ, тоже съ французскаго, и напечаталъ: «Поэму Эльвирь, сочиненіе старшаго Арнода и Зенотемисъ, приключеніе марсельское, сочиненіе младшаго Арнода». «Зенотемисъ»—первый прозаическій переводъ Кострова. Языкъ его, хотя довольно чистый, все-таки тяжелъ и необработанъ. Въ слѣдующіе затѣмъ два года (1780 и 1781) Н. И. Новиковъ издалъ третій переводный трудъ Кострова — «Луція Апулея, платонической секты философа, Превращенія или Золотой оселъ» — въ двухъ частяхъ, съ объяснительными примѣчаніями. Этотъ переводъ отличается близостью къ подлиннику, чистотой и правильностью языка. Въ 1870 г въ Москвѣ вышло второе изданіе этого перевода. Послѣ Апулея Костровъ задумалъ дать русской литературѣ переводъ Иліады и черезъ шесть лѣтъ, въ 1787 г., появились въ печати первыя шесть пѣсней, съ стихотворнымъ посвященіемъ Екатеринѣ II. Въ 1811 г. были найдены еще VII, VIII и часть IX пѣсни Иліады въ переводѣ Кострова и въ томъ же году напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» (ч. LVIII, №№ 14 и 15). Этотъ трудъ Кострова представляетъ собою первый опытъ стихотворнаго перевода Иліады на русскій языкъ. Написанный александрійскимъ шестистопнымъ

ямбомъ, переводъ Кострова былъ хорошо принятъ читающей публикой. Однако, онъ страдаетъ серьезнымъ недостаткомъ, — именно напыщенностью и высокопарностью слога, изобилующаго церковно-славянскими формами и оборотами, что, впрочемъ, объясняется воззрѣніями господствовавшей въ то время литературной теоріи. Въ 1792 г. Костровъ издалъ свой послѣдній переводъ—пѣсни Оссіана, съ французскаго перевода. Кромѣ вышеуказанныхъ отдѣльныхъ изданій, произведенія Кострова появлялись въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», «Зеркалѣ свѣта», «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», «Аонидахъ» и «Приношеніи религіи».

Собраніе сочиненій и переводовъ Кострова имѣло два изданія: первое — въ Спб. 1802 года, второе (Смирдинское) въ Спб. 1849 г. Оба эти изданія неполны: въ нихъ нѣтъ прозаическихъ переводовъ Кострова.

«Отечеств. Зап.», 1851 г. ноябрь, статья А. Д. Галахова «Сочиненія Кострова»; Морозовъ, «Е. И. Костровъ, его жизнь и литературная дѣятельность». Воронежъ. 1876 г., (то же въ Филолог. Зап. 1876 г. № 2, стр. 67—82, № 3, стр. 1—26 и № 6, стр. 27—67); «Полное собраніе соч. кн. П. А. Вяземскаго,» т. VIII, стр. 10. Спб. 1883 г.; «Вятскіе стихотворцы XVIII в.» Вятка, 1897, стр. 68—92.

Н. Мичатекъ.

Костровъ, князь, *Николай Алексѣевичъ*, писатель, этнографъ, род. въ 1823 г., ум. 25 апрѣля 1881 г. Окончивъ въ 1840 г. курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, въ іюнѣ 1846 г. поступилъ въ г. Красноярскъ чиновникомъ особыхъ порученій при енисейскомъ губернаторѣ; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника 3-го отдѣленія енисейскаго общаго губернскаго управленія. Въ 1855 году кн. Костровъ назначенъ былъ минусинскимъ окружнымъ начальникомъ, и въ этой должности много потрудился для распространенія хлѣбопашества между мѣстными инородцами. Въ 1861 г. кн. Костровъ перешелъ на службу въ Томскую губернію, сперва коммиссіонеромъ по казенной соляной операціи, затѣмъ былъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета. Одновременно онъ принималъ участіе, на правахъ начальника отдѣленія, въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, завѣдывалъ польской корреспонденціей и вообще дѣлами польскихъ ссыльныхъ и состоялъ непремѣннымъ членомъ томской строительной комиссіи.

Научно-литературная извѣстность кн. Кострова основана на его статьяхъ этнографическаго и юридическаго содержанія. Начало его литературной дѣятельности относится къ 1851 г., когда въ «Москвитянинѣ» (№№ 16 и 24) появились двѣ его статьи: «Камачинцы» и «Онскія селенія». Затѣмъ онъ печаталъ свои работы въ «Москвитянинѣ», «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества», «Енисейскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», «Томскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». Помѣщенныя здѣсь статьи кн. Кострова посвящены, главнымъ образомъ, этнографіи, обычному праву и географіи западной Сибири и составляютъ капитальный вкладъ въ русскую этнографію и географію. Изъ работъ кн. Кострова наиболѣе важны: «Очерки юридическаго быта Якутовъ» и «Юридическій бытъ остяковъ Западной Сибири». Къ этимъ статьямъ примыкаетъ еще третій, однородный съ ними, трудъ кн. Кострова, напечатанный въ 1876 г. въ Томскѣ отдѣльною книгою: «Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ въ Томской губерніи». Въ 1878 г. совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества присудилъ кн. Кострову малую золотую медаль «за многолѣтніе труды его по изученію народнаго юридическаго быта». Кн. Костровъ состоялъ членомъ обществъ Императорскаго русскаго географическаго и кіевскаго юридическаго.

«Россійская библіографія» 1881 г. № 87, стр. 224; «Отчетъ Императ. русс. географ. общества за 1878 годъ», 86 и прилож. къ нему, стр. 17—20; «Сибирская Газета», 1881 г., № 12; «Записки западно-сибирскаго отдѣла Императ. русс. географ. общества», книжка IV, Омскъ 1882; Д. Языковъ, «Обзоръ».

Н. М.

Костыръ, *Николай Трофимовичъ*, докторъ славянской филологіи, профессоръ Кіевскаго и Харьковскаго университетовъ, род. въ 1818 г., въ м. Чернятинѣ, ум. 14 августа 1853 г. въ г. Валкахъ. Сынъ дворянина Полтавской губерніи, учился въ Харьковской губернской гимназіи и Кіевской первой гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1835 г. поступилъ въ Кіевскій университетъ; въ 1839 г. окончилъ курсъ, получивъ золотую медаль за сочиненіе на тему «Изложить постепенное развитіе русской литературы отъ самыхъ древнихъ памятниковъ ея до XVIII сто-

лѣтія, раздѣлить ходъ этого развитія на періоды и раскрыть характеръ каждаго періода». Прямо со студенческой скамьи онъ перешелъ на профессорскую каѳедру, такъ какъ съ осени же 1839 г. началъ читать лекціи, избранный совѣтомъ въ исправляющіе должность адъюнкта; Костырь былъ первымъ преподавателемъ Кіевскаго университета, вышедшимъ изъ числа его же питомцевъ. Началъ Костырь свое преподаваніе курсомъ исторіи древней русской литературы. Молодой профессоръ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и первый курсъ его пользовался большимъ успѣхомъ. Въ теченіе того же учебнаго года ему поручено было, за болѣзнью профессора Максимовича, читать курсъ теоріи прозы, поэзіи и драмы; этотъ курсъ ему удался уже гораздо менѣе; неподготовленный еще къ самостоятельному изложенію такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, Костырь слѣдовалъ довольно устарѣлому уже и въ то время руководству Зульцера и эстетикѣ Гегеля. Въ 1845 г. Костырь защитилъ диссертацію на степень магистра «О значеніи Жуковскаго и Батюшкова въ русской литературѣ», и былъ избранъ сотрудникомъ русскаго отдѣленія королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ. Съ 1846 г. Костырь началъ читать курсы филологическаго характера; содержаніемъ ихъ былъ разборъ трудовъ извѣстнѣйшихъ русскихъ филологовъ, объясненіе общихъ филологическихъ понятій и метода сравнительно-историческаго языкоизслѣдованія. Результатомъ этихъ чтеній былъ его новый трудъ: «Предметъ, методъ и цѣли филологическаго изученія русскаго языка», который онъ въ 1850 г. и защитилъ на степень доктора славянской филологіи; трудъ этотъ вызвалъ, однако, очень вѣскія замѣчанія и возраженія Буслаева. Въ 1851 г. Костырь перешелъ на службу въ Харьковскій университетъ; тамъ онъ прочелъ только два курса — эстетики и исторіи русской литературы. Вступительная лекція его «о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ» ему чрезвычайно удалась и составила въ Харьковѣ своего рода событіе. Въ Харьковѣ онъ также пріобрѣлъ любовь слушателей и держался съ ними очень близко, что въ то время было явленіемъ очень рѣдкимъ. Во время пребыванія въ Харьковѣ онъ написалъ работы: «Учрежденіе и открытіе Харьковскаго благороднаго собранія» и «Филологическія изысканія въ Переяславлѣ и Кіевѣ» (обзоръ памятниковъ XV—XVI в., хранящихся въ Златоверхомъ монастырѣ) труды эти напечатаны: одинъ въ отчетѣ Харьковскаго университета за 1851—1852 г., другой— въ «Журналѣ минист. народн. просв.», 1853 г. 72.

Иконниковъ, «Біограф. словарь профес. унив. Св. Владиміра».

Котельниковъ, *Евлампій Никифоровичъ*, донской казакъ, основатель секты духоносцевъ, род. въ 1774 или 1775 г., ум. между 1852 и 1855 г. Отецъ его былъ станичнымъ писаремъ въ Верхне-Курмоярской станицѣ. Е. Котельниковъ началъ службу въ 1789 г., въ 1800 г. былъ уже есауломъ. Въ 1804 г. онъ «содержалъ кордонный караулъ» на границахъ Австріи и за пропускъ черезъ границу товаровъ попалъ подъ судъ и 24 декабря 1804 г. былъ разжалованъ въ рядовые. Во время Отечественной войны онъ былъ все время при арміи и заслужилъ вниманіе Барклая де Толли и Платова, при которомъ онъ «во Франціи до Парижа и обратно состоялъ за дежурнаго штабъ-офицера и письмоводителемъ»; 18 апрѣля 1815 г. Котельникову былъ возвращенъ чинъ есаула. Время свое въ заграничномъ походѣ Котельниковъ раздѣлялъ между службою и чтеніемъ книгъ: онъ отличался большою любознательностью, за время похода овладѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ, пріобрѣлъ, по словамъ послужного его списка, «познанія по богословію, географіи, физикѣ и поэзіи». По возвращеніи на Донъ, Котельниковъ жилъ на досугѣ въ родной станицѣ и занимался усиленно чтеніемъ и размышленіемъ. Знакомство съ совершенно чуждыми для него прежде народами, ихъ образомъ жизни, дало Котельникову мысль описать быть близкихъ ему казаковъ и въ 1818 г. онъ составилъ: «Историческое свѣдѣніе о Верхне-Курмоярской станицѣ»; сочиненіе это снабжено планами и нѣсколькими рисунками, при сравнительно небольшомъ объемѣ очень богато содержаніемъ и представляетъ драгоцѣнныя бытовыя подробности; оно было издано три раза. Затѣмъ Котельниковъ увлекся совершенно другого рода дѣятельностью. Онъ имѣлъ, повидимому, какія-то связи съ Библейскимъ обществомъ и написалъ двѣ книги. Первая изъ нихъ—«Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутрен-

нему влеченію Духа Христова» вышла въ 1820 г. въ Петербургѣ и названа переводомъ съ французскаго. Эта книга была издана съ большимъ тщаніемъ, — съ виньеткою, рисованною гр. Ѳ. Толстымъ и гравированною Уткинымъ; по распоряженію кн. А. Н. Голицына она была даже разослана во всѣ семинаріи и духовныя академіи. Между тѣмъ Котельниковъ рѣшилъ основать особое общество, въ которомъ бы онъ могъ распространять свои идеи. Послѣдователи его, впрочемъ немногочисленные, приняли названіе духоносцевъ. Они проповѣдывали, что только они одни имѣютъ въ себѣ Духа Святого, что они посланы отъ Бога, и что въ лицѣ ихъ являются древніе пророки; богослуженіе у нихъ совершали и мужчины и женщины. Въ это время Котельниковъ написалъ и вторую свою книгу, подъ названіемъ: «Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ». Но въ это время на него уже шли доносы въ Петербургъ и въ 1824 г. онъ былъ вытребованъ туда. Котельниковъ утверждалъ, что главнымъ противникомъ его является Фотій и что вмѣстѣ съ нимъ дѣйствуютъ Муравьевъ, Аракчеевъ и митрополитъ Серафимъ; онъ утверждалъ, что ему и его послѣдователямъ многія заблужденія приписываются совершенно неосновательно. Какъ бы то ни было, но въ 1824 г. вторая книга его была признана еретическою, запрещена была вмѣстѣ съ тѣмъ и первая и самъ Котельниковъ долженъ былъ дать подписку, что отрекается отъ своихъ заблужденій и обязуется ихъ не распространять. Послѣ этого онъ былъ отправленъ обратно на родину, причемъ Аракчеевъ писалъ наказному атаману Иловайскому, чтобы онъ наблюдалъ, «дабы не было ему (Котельникову) оказываемо посмѣянія или какого-либо притѣсненія». Но по возвращеніи изъ Петербурга Котельниковъ снова началъ проповѣдывать свое ученіе. Тогда его съ дочерью взяли въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, а оттуда перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость. Дочь была черезъ нѣсколько мѣсяцевъ освобождена, а Котельниковъ сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Здѣсь онъ постригся въ монахи и жилъ до конца жизни, хотя при Николаѣ Павловичѣ былъ прощенъ и освобожденъ.

«Историческое свѣдѣніе о Верхне-Курмоярской станицѣ» напечатано было въ «Донскихъ Вѣдомостяхъ», 1860, № 12—16; въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. Древ.», 1863, кн. III и отдѣльно И. П. Поповымъ, въ 1886 г., въ Новочеркаскѣ, по постановленію областного Войска Донского Статистическаго комитета; въ предисловіи къ этому послѣднему изданію сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о Котельниковѣ; другія свѣдѣнія — въ «Донской Газетѣ», 1875, №№ 76—79 и въ «Древ. и Нов. Россіи», 1876, III, 94—97; Геннади, «Словарь», I, 165; подлинное дѣло о Котельниковѣ — въ архивѣ Управленія казачьихъ войскъ въ Петербургѣ.

Котельниковъ, *Иванъ Петровичъ*, профессоръ казанскаго университета, род. въ 1809 г. въ г. Сумахъ, ум. 28 мая 1879 г. Сынъ дворянина Курской губерніи; учился сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ курской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ математическаго факультета въ 1828 г. Въ это время началась отправка наиболѣе даровитыхъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ, въ Дерптъ и за границу, чтобы впослѣдствіи они могли занять профессорскія мѣста. Котельниковъ страстно желалъ попасть въ число этихъ молодыхъ людей, но встрѣтилось затрудненіе со стороны врача, который долго не рѣшался выдать ему свидѣтельство въ томъ, что здоровье даетъ ему возможность заниматься, такъ какъ дѣйствительно здоровье Котельникова было очень слабо; однако, въ концѣ концовъ, свидѣтельство было получено и Котельниковъ посланъ въ Дерптъ. Въ Дерптѣ онъ отдался занятіямъ съ величайшимъ рвеніемъ и скоро обратилъ на себя вниманіе всѣхъ профессоровъ; Н. И. Пироговъ, бывшій одновременно съ нимъ въ университетѣ, свидѣтельствуетъ, что и товарищи очень его цѣнили и уважали. Среди вообще усиленныхъ занятій, Котельниковъ въ теченіе февраля, марта и апрѣля занимался почти безъ перерыва отъ шести часовъ утра до десяти вечера, помогая профессору Струве окончить вычисленія для одного изъ его изданій. Это отозвалось на его здоровьи чрезвычайно вредно; доктора рѣшительно приговорили его къ смерти; поэтому, когда онъ нѣсколько оправился, и пожелалъ держать экзаменъ на доктора, ему позволили сдѣлать это, когда угодно. Онъ успѣшно сдалъ экзаменъ, 8 февраля 1833 г. защитилъ диссертацію «Exponuntur formulae analyticae quibus perturbatio motus giratorii terrae determinatur» и весною того же года былъ отправленъ въ Берлинъ, гдѣ и занимался до весны 1835 г. Здѣсь онъ слушалъ лекціи Штейнера и

Лежена-Дихирле, но вообще, послѣ перенесенной въ Дерптѣ болѣзни, онъ уже не могъ заниматься такъ усиленно и такъ плодотворно, какъ прежде; онъ самъ жаловался Пирогову не только на припадки удушья, но и на то, что временами ощущаетъ какую то странную тяжесть, точно камень, въ мозгу.

Весною 1835 г. Котельниковъ въ числѣ другихъ вернулся въ Петербургъ и прочелъ пробныя лекціи въ Академіи Наукъ; 7 августа 1835 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Казань. Ему очень было непріятно не только покидать столицу, но ѣхать даже и не въ тотъ университетъ, гдѣ онъ учился. Это не помѣшало ему, однако, весьма ревностно приняться за преподаваніе своихъ любимыхъ наукъ; началъ онъ преподаваніемъ, въ помощь Лобачевскому, алгебры и дифференціальнаго исчисленія, въ 1837 г. онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1839—ординарнымъ; съ 1839 по 1863 г. онъ былъ непрерывно деканомъ факультета, многократно исправлялъ должность ректора, въ 1878 г.—единогласно былъ избранъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета; кромѣ того, былъ членомъ строительнаго комитета университета, въ 1842—1848 г.г., членомъ водопроводной комиссіи, устроившей въ Казани водопроводъ, членомъ казанскаго общества любителей русской словесности, съ 1854 г. безвозмездно преподавалъ физику въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Около 15-ти лѣтъ сряду читалъ онъ еще публичныя лекціи прикладной механики и общедоступной астрономіи. Кромѣ обширныхъ свѣдѣній въ математикѣ, П. И. Котельниковъ отличался также превосходнымъ знакомствомъ съ философіею Гегеля, которою заинтересовался въ Берлинѣ и которую не переставалъ изучать и послѣ, въ Казани; наконецъ онъ былъ отличнымъ знатокомъ музыки и довольно хорошимъ піанистомъ. Болѣзнь помѣшала ему продолжать свои научныя работы столь-же энергично и успѣшно, какъ онъ ихъ началъ, и онъ не успѣлъ сдѣлать въ математикѣ столько, сколько ожидали отъ него въ молодости. Но тѣмъ не менѣе, онъ является однимъ изъ очень выдающихся русскихъ профессоровъ математики и его дѣятельности Казанскій университетъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ, что за его математическимъ факультетомъ и послѣ Лобачевскаго сохранилась громкая и почетная извѣстность. Котельниковъ необыкновенно добросовѣстно и съ величайшею любовью относился къ дѣлу преподаванія. По отзывамъ его слушателей, занимающихъ тоже каѳедры математики, внѣшняя отдѣлка его лекцій была изумительна; ясность изложенія была такъ велика, что, пожалуй, являлась даже и излишнею, ибо слушателю почти не приходилось прилагать труда для усвоенія читаемаго. Изложеніе свое онъ еще сопровождалъ чрезвычайно удачными остротами и каламбурами, изъ которыхъ многіе надолго сохранились въ памяти слушателей. «Воспитанный на Кантѣ и Гегелѣ, говоритъ проф. Суворовъ, онъ съ особенною строгостью относился къ критикѣ основныхъ принциповъ науки, съ замѣчательною ясностью умѣлъ передать оцѣнку точности тѣхъ сужденій, на которыхъ опирается установленіе того или другаго принципа. Онъ умѣлъ съ наглядностью выяснить объемъ каждаго изъ принциповъ, взаимное соотношеніе ихъ и приведеніе принциповъ къ наименьшему ихъ числу, показывая, какъ одни изъ принциповъ могутъ быть разсматриваемы, какъ непосредственное слѣдствіе другихъ». — Кромѣ названной выше докторской диссертаціи Котельниковъ написалъ еще: «О численномъ значеніи суммъ» (Ученыя Записки Казанск. универ., 1848) «Преобразованіе одного дифференціальнаго параметра» и двѣ актовыя рѣчи: «О предубѣжденіяхъ противъ математики» (1842) и «Судьба астрономической географіи въ Россіи» (1851).

«П. И. Котельниковъ». Изданіе секціи физико-матем. наукъ Общества естествоисп. при Казан. универ., Казань, 1887.

Котельниковъ, *Николай Григорьевичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1804 г. ум. послѣ 1863 г.; изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, въ 1819 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, 1 марта 1821 г. произведенъ въ мичманы; въ 1827 г. участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ св. Анны 4 ст., въ 1830 г. участвовалъ въ блокадѣ Дарданеллъ и затѣмъ вернулся въ Кронштадтъ. Въ 1832 г. командовалъ брантвахтеннымъ ботомъ «Новая Земля» при Архангельскомъ портѣ; затѣмъ командовалъ судами въ Балтійскомъ морѣ: люгеромъ «Стрѣла», бригомъ «Несторъ» и корветомъ «Наваринъ». Въ 1844 г., командуя фрегатомъ

«Аврора», ходилъ въ Англію. Въ 1854 г. въ чинѣ капитана 1 ранга, на Кронштадтскомъ рейдѣ подъ флагомъ адмирала Рикорда, участвовалъ въ оборонѣ города отъ нападенія союзнаго флота. Въ 1858 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командующимъ надъ Ревельскимъ портомъ; въ 1860 г. зачисленъ по резервному флоту. Въ 1863 г. произведенъ въ вице-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы.

«Общій Морской списокъ», Спб. 1893 г. ч. VII, 316—317; «Полный послужной списокъ»—дѣла Архива Морского Министерства, № 531.

Котельниковъ, *Семенъ Кирилловичъ*, академикъ, род. въ 1723 г., ум. 30 марта 1806 г. Сынъ рядового Преображенскаго полка; выучившись читать по-русски у своего отца, одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ школу, которую Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ при своемъ домѣ на рѣчкѣ Карповкѣ. По смерти Ѳеофана въ 1738 г. Котельниковъ былъ помѣщенъ въ Александро-невскую семинарію. Пробывъ въ семинаріи около трехъ лѣтъ и пройдя въ ней синтаксиму, піитику и риторику (т. е. 4-й, 5-й и 6-й классы), Котельниковъ 31 іюля 1741 г. переведенъ былъ въ академическую гимназію, а 3 сентября 1742 г. поступилъ въ академическій университетъ. Здѣсь онъ слушалъ, между прочимъ, у Ломоносова лекціи по физикѣ, которую впослѣдствіи избралъ своею спеціальностью. Въ академическомъ университетѣ Котельниковъ пробылъ около девяти лѣтъ. Выполненныя имъ за это время научныя работы (диссертація его De rectificatione et quadratura conchoidis per tangentem и другія) заслужили общее одобреніе со стороны его академическихъ наставниковъ. Котельниковъ былъ удостоенъ званія адъюнкта и отправленъ за границу для довершенія своего научнаго образованія, съ особою инструкціей отъ Академіи. 29-го іюня 1751 г. Котельниковъ выѣхалъ изъ Кронштадта и черезъ Гамбургъ 6 сентября 1751 г. прибылъ въ Лейпцигъ, куда онъ былъ назначенъ къ профессору Гейнзіусу. Но такъ какъ Котельниковъ не зналъ нѣмецкаго языка, то приходилось слушать у профессоровъ частныя лекціи на латинскомъ языкѣ, и платить за это сравнительно большія деньги; съ 1 декабря 1751 г. слушалъ механику у профессора Кестнера, а съ 1 января 1752 г.—алгебру у Гейнзіуса. Но съ Пасхи 1752 г. Котельникову слушаніе лекцій пришлось прекратить, такъ какъ Гейнзіусъ уѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Карлсбадъ, а Кестнеру онъ не имѣлъ возможности платить за чтеніе лекцій. Котельниковъ просилъ о денежной поддержкѣ Академію, но получилъ предписаніе ѣхать «для дополненія алгебраическихъ лекцій» къ почетному члену академіи Эйлеру, берлинскому профессору. Въ Берлинѣ Котельниковъ пробылъ съ іюня 1752 г. по іюль 1756 г., отсюда онъ прислалъ диссертацію «Solutio cujusdam problematis geometrici». Отзываясь съ большой похвалой объ этомъ трудѣ, Эйлеръ вообще давалъ самые лестные отзывы объ успѣхахъ и знаніяхъ Котельникова и рекомендовалъ его на каѳедру высшей математики въ петербургской Академіи Наукъ, отдавая ему предпочтеніе передъ нѣкоторыми изъ иностранныхъ ученыхъ, пользовавшихся извѣстностью въ наукѣ. По предложенію нѣкоторыхъ академиковъ, въ томъ числѣ Ломоносова, Котельниковъ, хотя и послѣ долгихъ колебаній, былъ избранъ 14 декабря 1756 г., экстраординарнымъ профессоромъ на эту каѳедру и 29 сентября 1760 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Кругъ занятій Котельникова по Академіи Наукъ не ограничивался чисто ученою областью, а обнималъ собою различныя отрасли академической, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественной жизни. 6 апрѣля 1761 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ академической гимназіи. Котельниковъ нашелъ крайне неудовлетворительнымъ состояніе академической гимназіи и университета и въ Академіи поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи названныхъ учрежденій. Канцелярія Академіи нашла въ этомъ посягательство на ея права по попеченію о благѣ учащагося юношества и Котельниковъ былъ уволенъ отъ должности инспектора гимназіи 2 января 1766 г. Котельниковъ завѣдывалъ географическимъ департаментомъ, библіотекою и кунсткамерою; преподавалъ въ морскомъ шляхетномъ корпусѣ математическія и навигаціонныя науки. 22 апрѣля 1759 г. ему, вмѣстѣ съ академикомъ С. Я. Румовскимъ, была поручена Академіей Наукъ цензура журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». Самолюбіе Сумарокова доставляло Котельникову много непріятностей, и уже 19 іюня 1759 г. онъ просилъ объ увольненіи отъ цензированія «Пчелы».

Котельниковъ былъ членомъ академической комиссіи, учрежденной въ 1766 г. «для разсмотрѣнія академическихъ дѣлъ и для управленія ими». Сверхъ всѣхъ этихъ обязанностей, Котельникову, какъ и другимъ академикамъ приходилось не разъ давать отзывы по различнымъ вопросамъ, иногда не имѣвшимъ ничего общаго съ его научной компетенціей (напримѣръ, юридическимъ). При открытіи Россійской Академіи 21 октября 1783 г. Котельниковъ былъ избранъ въ ея члены и былъ однимъ изъ наиболѣе усердныхъ посѣтителей ея собраній до 18 августа 1795 г., когда его имя въ послѣдній разъ встрѣчается въ спискѣ лицъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи. Онъ былъ избранъ въ члены одного изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ Россійской Академіи, именно объяснительнаго, который занимался опредѣленіемъ значенія словъ, а также ихъ корней и состава. Въ академическомъ словарѣ Котельникову принадлежатъ опредѣленія словъ, означающихъ мѣру и вѣсъ. Съ 1785 г. по 1796 г. Котельниковъ, кромѣ лекцій для студентовъ академическаго университета, читалъ въ лѣтніе мѣсяцы съ замѣчательнымъ успѣхомъ публичныя лекціи по математикѣ, учрежденныя при Академіи Наукъ, по иниціативѣ кн. Е. Р. Дашковой, съ разрѣшенія Императрицы Екатерины II. При учрежденіи въ Россіи цензуры въ 1797 г. директоръ Академіи П. П. Бакунинъ назначилъ Котельникова, противъ его желанія ученымъ цензоромъ въ Петербургѣ, съ увольненіемъ изъ Академіи. При выходѣ изъ Академіи, Котельниковъ «для сообщенія съ оною» произведенъ въ ея почетные члены. Состоя ученымъ цензоромъ Котельниковъ и умеръ 30 марта 1806 г.

Учено-литературная дѣятельность Котельникова выразилась главнымъ образомъ въ мемуарахъ, написанныхъ преимущественно на латинскомъ языкѣ; самый ранній изъ нихъ относится къ 1757 г., самый поздній—къ 1795 г.; они были помѣщены въ ученыхъ изданіяхъ Академіи Наукъ; нѣсколько его сочиненій вышли отдѣльно. Въ изданіи Novi Commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae напечатаны слѣдующіе мемуары Котельникова: 1) Phaenomenorum iridis seu arcus coelestis disquisitio (t. VII, p. 252—276), 2) De aequilibrio virium corporibus applicatarum commentatio (t. VIII, p. 286—303), 3) De commoda acus declinatoriae suspensione dissertatiuncula (t. VIII. p. 304 — 312), 4) Demonstratio seriei $\frac{4.\,6.\,10.\,14.\,18.\,22.\,\ldots\,(4n-10)}{2.\,3.\,4.\,5.\,6.\,7.\,\ldots\,(n-1)}$ etc. (t. X. p 199—204, и ранѣе въ Commentarii academiae imperialis scientiarum petropolitanae t. VII), Затѣмъ Котельниковъ принималъ участіе въ слѣдующихъ работахъ: 1) Jugement de messieurs les commissaires nommés par l'académie pour examiner le modéle d'un pont de bois à construire sur la Neva présenté à l'assemblée par mr. Nordstern, horologe de l'académie imp. des beaux-arts (Acta academiae scient. imper. petropolitanae, II, p. 85 — 88) и 2) Sur une machine pour mâter les vaisseaux. Extrait du rapport sur un mémoire de mr. Polef (Nova acta ac. sc. imp. petr. t. XIII). На русскомъ языкѣ Котельниковымъ изданы: 1) Рѣчь о восхожденіи паровъ, говоренная въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6 сентября 1758 г. Спб. 1758, 2) Слово о пользѣ упражненія въ чистыхъ математическихъ разсужденіяхъ, предложенное въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6 сентября 1761 г. Спб. 1761, 3) Первыхъ основаній маѳиматическихъ наукъ часть первая (содержащая въ себѣ ариѳметику) Спб. 1766, 4) Молодой геодетъ или первыя основанія геодезіи, Спб. 1766; 5) Книга, содержащая въ себѣ ученіе о равновѣсіи и движеніи тѣлъ, Спб. 1774 и 6) Сокращеніе первыхъ основаній математики Хр. Вольфа. Перев. съ лат. Спб. 1770—1771 и 1791. Котельникову также принадлежитъ статья «О водныхъ метеорахъ или о приключеніяхъ отъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ бываемыхъ», появившаяся безъ подписи въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1757 г. за октябрь (стр. 349—376) и ноябрь (стр. 446—462). Кромѣ того, Котельниковъ переводилъ «Элементы» Эвклида и, вмѣстѣ съ сочленами своими по Академіи, Н. П. Соколовымъ и В. Ѳ. Зуевымъ, перевелъ третью часть «Всеобщей и частной естественной исторіи» Бюффона, содержащую въ себѣ исторію животныхъ. Помимо этихъ работъ, въ 1792 г. Котельникову поручено было изданіе хранившихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ русскихъ лѣтописей. Котельниковымъ изданы: 1) Русская лѣтопись съ воскресенскаго списка, подареннаго въ оной воскресенскій монастырь патріархомъ Никономъ въ 1658 г. 1-я часть—1793 г.; 2-я часть—1794 г., и 2)

Россійская лѣтопись по списку софейскому великаго Новаграда въ продолженіе издаваемыхъ манускриптовъ библіотеки Академіи Наукъ по ея повелѣнію 1795 г. часть 1-я. Не имѣя спеціальной подготовки для такого рода работы, Котельниковъ издалъ лѣтописи безъ надлежащей критической провѣрки текста и, заботясь лишь о точности передачи, сохранилъ даже явныя ошибки безграмотнаго писца, не обращая вниманія на очевидные пропуски и искаженія. Этимъ же отсутствіемъ спеціальной подготовки объясняется нерѣдко встрѣчающееся въ изданныхъ Котельниковымъ лѣтописяхъ неправильное разсѣченіе текста на слова.

П. Пекарскій, «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг.» Спб. 1867 г., стр. 30; «Tableau général méthod. et alphab. des matières conten. dans les public. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pét.», 1-re partie, 19, 57, 62, 143, №№ 334, 973, 974, 1063, 1064 и 2189; То же Часть II. Сочиненія на русскомъ языкѣ Спб., 1875 г. стр. 17 и 45. М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. III, 2—64; Геннади, «Словарь»; «Русская Старина» 1893 г., т. 77, стр. 248; 1898 г.; т. 94, стр. 238; 1899 г., т. 98, стр. 170. *Н. М.*

Котельницкій, *Василій Михайловичъ*, профессоръ Московскаго университета. Сынъ чиновника, род. въ Москвѣ въ 1770 г., ум. 11 января 1844 г. По окончаніи курса въ гимназіи при Московскомъ университетѣ въ 1789 г. поступилъ въ университетъ и за успѣхи въ медицинскихъ наукахъ получилъ двѣ серебряныя медали. Въ 1804 г., по представленіи диссертаціи «De corporum combustione vitae animalium analoga», удостоенъ степени доктора медицины. Избранный въ томъ же году совѣтомъ университета въ адъюнкты, онъ вначалѣ преподавалъ медицинскую химію, а затѣмъ фармакологію, рецептуру и врачебную исторію. Въ 1810 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; съ 1814 г. состоялъ, сверхъ того, ученымъ секретаремъ Московской Медико-Хирургической Академіи; съ 1826 г. былъ инспекторомъ студентовъ и долгое время былъ деканомъ медицинскаго факультета. Въ 1835 г. вышелъ въ отставку. Онъ перевелъ съ французскаго «Делароша. Разсужденія о врачебныхъ и хирургическихъ дѣйствіяхъ опія. М. 1803.» Вмѣстѣ съ Венсовичемъ издавалъ «Медико-физическій журналъ отъ общества соревнователей врачебныхъ и физическихъ наукъ», М. 1818—1821 г. 3 ч. и напечаталъ произнесенное имъ въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1811 г. «Слово о началѣ, успѣхахъ и постоянномъ усовершенствованіи химіи» (М. 1811.).

Змѣевъ. «Русскіе врачи писатели»; Шевыревъ. «Слов. проф. Моск. Унив.»; Геннади, «Словарь».

Котляревскій, *Александръ Александровичъ*, профессоръ, род. въ 1837 г. въ посадѣ Крюковѣ, предмѣстьи Кременчуга, ум. 29 сентября 1881 г. въ Пизѣ. Происходилъ изъ малороссійскаго дворянскаго рода, къ которому принадлежалъ и знаменитый генералъ П. С. Котляревскій. Въ 1846 г отданъ былъ въ полтавскую гимназію; въ 1853 г. окончилъ въ ней курсъ и поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго университета. Въ университетѣ Котляревскій учился въ ту пору, когда тамъ особенно развились интересы къ изученіямъ историческимъ, филологическимъ и этнографическимъ; особенно увлекался онъ чтеніями Буслаева, лекціи котораго открывали слушателямъ новыя перспективы въ сравнительномъ языкознаніи и въ изученіи народной поэзіи и внесли коренныя измѣненія въ постановку и разработку историко-литературныхъ задачъ. Котляревскій занимался съ жаромъ; скоро онъ выдѣлился между товарищами и серьезнымъ запасомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, и самою своею личностью, своимъ живымъ, обширнымъ умомъ, блестящими ораторскими способностями, своимъ юморомъ и беззаботною веселостью; онъ былъ первымъ въ студенческихъ кружкахъ—и въ серьезной бесѣдѣ, и въ устройствѣ шумныхъ, шаловливыхъ затѣй и выходокъ. Еще на студенческой скамьѣ были написаны имъ: статья о Ломоносовѣ, по поводу столѣтія со дня выхода его грамматики, статьи о книгахъ П. Лавровскаго, о Якимовской лѣтописи и Гр. Данилевскаго объ Основьяненкѣ,—статья «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ» и статья о русскомъ богатырствѣ; двѣ послѣднія появились въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1855—1857 годъ; кромѣ того, въ этомъ году и въ слѣдующіе годы онъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько мелкихъ замѣтокъ, частью полемическаго характера, за подписью Н. Ч. или «Н. Челышевскій»; псевдонимъ этотъ, впрочемъ, принадлежалъ не ему одному: имъ пользовались и нѣкоторые другіе изъ обитателей дома Челышева, преимущественно населеннаго студентами

и малоизвѣстными работниками въ тогдашнихъ московскихъ журналахъ и газетахъ.

Котляревскій окончилъ курсъ въ 1857 г. со степенью дѣйствительнаго студента, изъ-за какого-то недоразумѣнія, происшедшаго у него на экзаменѣ богословія; кандидатскій экзаменъ онъ выдержалъ уже впослѣдствіи при Петербургскомъ университетѣ. Въ 1857 же году онъ началъ преподавательскую дѣятельность въ московскомъ Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ заведеніе это тогдашніе начальники его: П. А. Грессеръ и Е. К. Баумгартенъ, умѣли привлечь лучшихъ московскихъ преподавателей—К. Н. Бестужева-Рюмина, С. В. Ешевскаго, М. Н. Капустина, Н. С. Тихонравова и др.; Котляревскій и среди ихъ быстро занялъ выдающееся положеніе; онъ умѣлъ необыкновенно заинтересовывать своихъ учениковъ, возбуждать въ нихъ интересъ къ предмету и желаніе работать, а тѣхъ, кто начиналъ работать, онъ умѣлъ отлично поддерживать, направлять и руководить. Въ 1859 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи «Московскаго Обозрѣнія», начатаго при ближайшемъ участіи и руководствѣ К. Н. Бестужева-Рюмина; изданіе это, какъ извѣстно, прекратилось на второй книжкѣ; но всѣ статьи въ нихъ очень замѣчательны; Котляревскому принадлежитъ въ «Московскомъ Обозрѣніи» статья объ «Исторіи русской словесности» Шевырева.

Въ 1862 г. Котляревскаго постигло большое несчастіе. Онъ вступилъ въ какія-то отношенія съ эмигрантомъ Кельсіевымъ, который пріѣзжалъ въ Москву по подложному паспорту; сношенія эти были совершенно мимолетны; кажется, Котляревскій тутъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своей давнишней страсти — библіофильства: онъ получилъ отъ Кельсіева нѣсколько книжекъ изданныхъ имъ за границей матеріаловъ для исторіи раскола и со своей стороны прислалъ ему, съ надписью, одну рѣдкую книжку, которая могла интересовать Кельсіева. Кельсіевъ упомянулъ объ Котляревскомъ въ одномъ изъ писемъ, которое попало въ руки полиціи; Котляревскій былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ; здѣсь онъ провелъ около полугода въ крѣпости; хотя, сравнительно, положеніе его было довольно сносно — ему доставлялись книги, разрѣшено было писать и пр.,—но тѣмъ не менѣе столь незаслуженное заключеніе не осталось безъ печальныхъ слѣдовъ на всю жизнь Котляревскаго; помимо того, что онъ долго лишенъ былъ права преподавать, и такимъ образомъ былъ удаленъ съ той дороги, на которой работалъ съ такимъ увлеченіемъ и успѣхомъ, вѣроятно, въ это же время заложены были въ него зародыши той болѣзни, которая свела его преждевременно въ могилу.

Выпущенный изъ крѣпости Котляревскій возвратился въ Москву; положеніе его было крайне неопредѣленное, энергія ослабѣла; однако, онъ встрѣтилъ поддержку у нѣсколькихъ расположенныхъ къ нему лицъ и снова принялся за работу. Въ теченіе 1862—1863 г. онъ работалъ преимущественно для «Филологическихъ Записокъ», ученаго журнала, основаннаго въ Воронежѣ Хованскимъ; Котляревскій давалъ туда свои статьи, переписывался съ издателемъ о планѣ изданія, указывалъ иностранныя сочиненія, которыя слѣдовало бы перевести, и вообще всѣми способами старался быть полезнымъ ученому предпріятію, которому очень симпатизировалъ. Въ эти же годы Котляревскій былъ въ оживленной перепискѣ съ И. И. Срезневскимъ и А. А. Куникомъ, которые старались поддержать его и устроить его судьбу. Срезневскій думалъ устроить Котляревскому причисленіе къ Петербургскому университету для приготовленія къ профессорскому званію; дважды университетъ входилъ въ министерство съ представленіемъ объ этомъ, но получался отрицательный отвѣтъ; Куникъ предполагалъ организовать при Академіи Наукъ ученое предпріятіе, посвященное изученію славянства, и въ этомъ предпріятіи дать постоянную работу Котляревскому — но ничего не вышло и изъ этихъ плановъ. Срезневскій настаивалъ постоянно, чтобы Котляревскій скорѣе писалъ магистерскую и докторскую диссертацію, утверждая, что одно это можетъ окончательно измѣнить къ лучшему его положеніе. Послѣ долгихъ колебаній въ выборѣ темы Котляревскій остановился окончательно на темѣ «обычаи и обряды языческихъ славянъ при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи»; но въ это время участіе въ новомъ ученомъ предпріятіи отвлекло его отъ этой работы, хотя и послужило къ развитію и расширенію его ученыхъ интересовъ и области его изслѣдованій. Въ 1864 г. основано

было гр. А. С. Уваровымъ Московское археологическое общество; еще до утвержденія его устава и оффиціальнаго его открытія у гр. Уварова собирался кружокъ лицъ, интересовавшихся археологіей; въ немъ явился виднымъ членомъ и Котляревскій; съ открытіемъ общества онъ продолжалъ энергично работать въ немъ; подъ его редакціей вышли первые томы предпринятаго обществомъ изданія «Древности», подъ его же редакціей, вышли и всѣ шесть книжекъ «Археологическаго Вѣстника» въ 1865—1867 г. Работы по этимъ изданіямъ и вообще по обществу поставили Котляревскаго въ сношенія съ множествомъ ученыхъ археологовъ, напр., съ Н. И. Костомаровымъ, М. А. Максимовичемъ, А. К. Киркоромъ, П. И. Лерхомъ, гр. Е. и К. Тышкевичами и др.; съ нѣкоторыми изъ нихъ отношенія его перешли въ тѣсныя, дружескія.

Наконецъ, въ 1867 г. состоялось возвращеніе Котляревскаго и къ учебной дѣятельности. Гр. А. С. Уваровъ въ январѣ 1867 г. письмомъ просилъ министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого, о снятіи съ Котляревскаго запрещенія преподавать; это ходатайство осталось безуспѣшнымъ. Но въ томъ же году возникло новое. Въ Дерптскомъ университетѣ оставилъ преподаваніе русской словесности проф. Розбергъ, и проф. Ширренъ съ разрѣшенія попечителя гр. Кейзерлингъ обратился, въ февралѣ 1867 г., къ Котляревскому съ предложеніемъ занять это мѣсто. Получивъ его согласіе, гр. Кейзерлингъ вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи избрать Котляревскаго въ Дерптскій университетъ. Министръ народнаго просвѣщенія запросилъ тогда мнѣніе начальника III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, гр. П. А. Шувалова — и на основаніи отзыва гр. Шувалова, сопровождавшагося даже просьбою разрѣшить Котляревскому преподаваніе въ Дерптскомъ округѣ—гр. Толстой 8 мая 1867 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на допущеніе Котляревскаго, если онъ будетъ избранъ, на службу по учебной части, «но только въ Дерптскомъ округѣ». Котляревскій и былъ осенью 1867 г. единогласно избранъ какъ въ филологическомъ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ Дерптскаго университета. Однако, начало университетской дѣятельности Котляревскаго затянулось изъ-за того, что онъ не былъ еще магистромъ; наконецъ, 13 іюня 1868 г. онъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ свою диссертацію «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» и 22 іюня утвержденъ былъ «экстраординарнымъ профессоромъ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще» въ Дерптскомъ университетѣ.

Котляревскій читалъ въ университетѣ русскую литературу и спеціальный курсъ «энциклопедіи славистики», подготовлялъ докторскую диссертацію и явился дѣятельнымъ членомъ «ученаго эстонскаго общества». Въ 1869 г. у него обнаружились первые признаки чахотки; лѣто 1871 и лѣто 1872 г. онъ провелъ подъ Москвою, пользуясь кумысомъ, но безъ особеннаго результата; осенью 1872 г. онъ уже не вернулся въ Дерптъ, а уѣхалъ за границу, получивъ ученую командировку на годъ. Черезъ Варшаву, Бреславль, Дрезденъ, Прагу и Вѣну проѣхалъ онъ въ Неаполь; во всѣхъ помянутыхъ городахъ завязалъ онъ личныя сношенія съ наиболѣе извѣстными представителями славяновѣдѣнія. Не получивъ большого облегченія и послѣ зимы проведенной на югѣ Италіи, Котляревскій въ октябрѣ 1873 г. послалъ прошеніе объ отставкѣ, получилъ ее и 8 декабря 1873 г. былъ причисленъ къ министерству. Лѣто 1873 г. онъ провелъ въ Римѣ, затѣмъ переселился въ Прагу и здѣсь въ началѣ 1874 г. напечаталъ свою докторскую диссертацію: «Древности правъ Балтійскихъ славянъ», которую и защитилъ на степень доктора 17 ноября 1874 г. въ Петербургѣ, затѣмъ вернулся въ Прагу, гдѣ и жилъ снова цѣлую зиму; несмотря на расшатанное здоровье онъ продолжалъ неутомимо свои ученыя работы и особенно пополненіе своей библіотеки. Котляревскій являлся въ это время въ Прагѣ центромъ кружка молодыхъ славистовъ,—русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Прагу, и мѣстныхъ, чешскихъ; онъ былъ такъ же первымъ ктиторомъ русской православной церкви, открытой въ это время въ Прагѣ; первымъ настоятелемъ ея былъ священникъ Лебедевъ, умершій въ 1898 г. въ званіи протоіерея Казанскаго собора въ Петербургѣ; церковь эта была открыта по частному договору Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества съ Пражскою думою, безъ соблюденія всѣхъ формальностей, необходимыхъ по австрій-

скимъ законамъ; поэтому чешскій намѣстникъ нашелъ возможнымъ ее закрыть; благодаря энергіи Котляревскаго, однако, это закрытіе удалось отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ она снова была открыта.

Между тѣмъ, Кіевскій университетъ сталъ усиленно хлопотать о приглашеніи Котляревскаго въ составъ своихъ преподавателей и, для этого, о снятіи съ него запрещенія преподавать гдѣ либо, кромѣ дерптскаго округа. Эти хлопоты, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ и осенью 1875 г. Котляревскій выѣхалъ изъ Праги въ Кіевъ. Въ теченіе 1876—1881 гг. онъ прочелъ въ Кіевскомъ университетѣ рядъ спеціальныхъ курсовъ, въ цѣломъ составляющихъ настоящую энциклопедію славяновѣдѣнія. Съ весны 1876 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Кіевскаго славянскаго благотворительнаго общества; это было время, когда борьба сербовъ съ Турціей вызвала огромное движеніе добровольцевъ и Котляревскому пришлось понести массу утомительнаго труда; съ 1879 г. онъ былъ предсѣдателемъ общества Нестора лѣтописца. Въ то же время онъ далъ рядъ статей въ «Филологическія Записки», напечаталъ тамъ послѣднюю свою большую работу—«Библіологическій опытъ», издавалъ третій томъ сочиненій Максимовича. Въ маѣ 1881 г. по требованію докторовъ Котляревскій выѣхалъ за границу и уже не вернулся. Проживъ безъ всякой пользы для здоровья въ Рейхенгалле около четырехъ мѣсяцевъ, Котляревскій направился въ Италію и скоропостижно скончался въ Пизѣ 29 сентября ст. ст.; тѣло его было привезено въ Москву и погребено 14 октября въ Покровскомъ монастырѣ.

Котляревскій оставилъ свыше ста различныхъ ученыхъ работъ, помимо множества мелкихъ критическихъ замѣтокъ и отзывовъ, небольшихъ археологическихъ замѣтокъ, некрологовъ и рѣчей; изъ критическихъ его статей наиболѣе значительны по объему и содержанію статьи о слѣдующихъ книгахъ: «Исторія русской словесности, лекціи Ст. Шевырева» (въ «Московскомъ Обозрѣніи», 1859, № 1, 90—108); «Опытъ исторической грамматики русскаго языка, Ѳ. Буслаева» (въ «Отечественныхъ Записках», 1859, № 8—9, за подписью Эк. С-ъ), разборъ сочиненія Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» въ «Отчетѣ о десятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова» и сборникъ «Старина и народность за 1861 г.», содержащій рядъ рецензій на книги, вышедшія въ 1861 г., печатавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1862 г.; изъ самостоятельныхъ его работъ заслуживаютъ вниманія двѣ статьи, относящіяся еще къ первымъ годамъ его ученой дѣятельности — «Взглядъ на старинную жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ» (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1857 г, литературное прибавленіе №№ 132, 135 и 137) и «Сказаніе о русскихъ богатыряхъ» (тамъ же №№ 56, 64 и 66), затѣмъ «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» (Спб. 1868 г.), «Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ» (часть I, Древности права Балтійскихъ славянъ. Прага. 1874), «Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ славянъ въ XII в.», «Матеріалы для славянской исторіи и древностей. I. Сказаніе объ Оттонѣ Бамбергскомъ» (Прага 1874), «Объ изученіи древнерусской письменности» (ч. I—Историческое обозрѣніе; ч. II—Систематическое обозрѣніе—въ «Филологическихъ Записках», 1879, выпускъ IV—VI и 1880, вып. IV—VI) и «Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія». (Воронежъ, 1881). «Отличительнымъ свойствомъ и направленіемъ ума Котляревскаго,—читаемъ въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ «Словарѣ профессоровъ университета Св. Владиміра»—было стремленіе стать во всемъ на историческую почву, восходить къ началамъ... Богатство свѣдѣній Котляревскаго, его широкое образованіе, его многосторонняя любознательность, были истинно замѣчательны... Въ немъ было рѣдкое сочетаніе обширной и точной учености, всесторонняго образованія и зоркаго, яснаго ума, способнаго вѣрно понимать и цѣнить самыя разнообразныя точки зрѣнія и направленія въ наукѣ... Сила профессора заключалась не столько въ учености его, какъ спеціалиста, сколько въ широтѣ филологическаго образованія, открывавшей ему доступъ ко всѣмъ источникамъ свѣдѣній и пріемамъ изслѣдованія, которыми пользуются филологическія науки». Въ то время, когда Котляревскій начиналъ свою ученую дѣятельность, гриммовская школа была послѣднимъ словомъ западно-европейской науки; установленіемъ ея методовъ и при-

мѣненіемъ ея къ изученію русской жизни былъ занятъ и учитель Котляревскаго — Буслаевъ; къ этому движенію примкнулъ и Котляревскій. Заслуги его на поприщѣ изученія русскихъ и славянскихъ древностей останутся замѣтными навсегда, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ его воззрѣнія и выводы и исправлены дальнѣйшими изученіями.

Котляревскій былъ страстный библіофилъ и оставилъ библіотеку, замѣчательную по своему богатству; она пріобрѣтена въ Московскій историческій музей.

Сочиненія Котляревскаго изданы Академіею Наукъ въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности», въ томахъ 47, 48, 49 и 50; въ послѣднемъ и обширный «Очеркъ біографіи» его, составленный А. Н. Пыпинымъ, и полный списокъ его сочиненій; тутъ указана и литература о Котляревскомъ; важнѣйшія въ ней — статьи о немъ въ «Словарѣ» профессоровъ Кіевскаго университета (303—325) и статья Бестужева-Рюмина по поводу I тома «Собраніе сочиненій» его, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889, іюнь.

Котляревскій, *Иванъ Петровичъ*, писатель, возродитель новой малорусской литературы. Род. въ Полтавѣ 29 августа 1769 г., ум. тамъ же 29 октября 1838 г. Отецъ Котляревскаго занималъ должность канцеляриста въ полтавскомъ городовомъ магистратѣ, дѣдъ дьяконствовалъ въ полтавскомъ Успенскомъ соборѣ; родъ Котляревскихъ принадлежитъ къ малороссійскому шляхетству и въ 1793 г. значился внесеннымъ въ шестую часть дворянской родословной книги Екатеринославскаго намѣстничества, иначе говоря Новороссійской губерніи. Родители Котляревскаго не были богаты; имъ принадлежала небольшая усадьба въ Полтавѣ и кусокъ земли въ окрестностяхъ города.

О томъ, гдѣ получилъ Котляревскій первоначальное образованіе, не сохранилось никакихъ свѣдѣній; младшіе современники его только предположительно говорятъ, основываясь на частыхъ припоминаніяхъ его о субботкахъ, что учился онъ по тогдашнему обычаю у дьячка. Рано проявившаяся въ мальчикѣ любовь къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ побудили его родителей отдать сына въ находившуюся въ то время въ Полтавѣ «словенскую семинарію»; семинаріею этою въ тѣ годы управлялъ Никифоръ Ѳеотоки, іерархъ, получившій образованіе въ заграничныхъ университетахъ и между прочимъ извѣстный расширеніемъ учебной семинарской программы и введеніемъ въ нее сверхъ древнихъ языковъ преподаванія языковъ нѣмецкаго и французскаго.

Еще до поступленія въ семинарію, десяти лѣтъ отъ роду, если вѣрить послужному списку, Котляревскій былъ записанъ на службу въ находившуюся въ г. Кременчугѣ Новороссійскую канцелярію; здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ формуляръ, его произвели въ 1779 г. въ подканцеляристы, въ 1781 г.—въ канцеляристы, въ 1783 г.—въ губернскіе регистраторы. Сколько времени длилась эта фиктивная служба, кончилась ли она службой дѣйствительной, совпала ли съ пребываніемъ Котляревскаго въ семинаріи, или прекратилась съ поступленіемъ его въ это учебное заведеніе—положительныхъ свѣдѣній нѣтъ: формуляръ замолкаетъ на цѣлые тринадцать лѣтъ, годовыя же даты о времени пребыванія Котляревскаго въ семинаріи доселѣ не извлечены изъ мѣстныхъ архивовъ (по словамъ одного изъ знакомыхъ Котляревскаго, онъ поступилъ въ семинарію на 14-мъ году отъ рожденія, т. е., въ 1782 г.; но свѣдѣніе это нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ). По окончаніи курса ученія Котляревскій отказался отъ предложенія вступить въ духовное званіе и сталъ заниматься учительствомъ въ помѣщичьихъ семьяхъ, по большей части въ Золотоношскомъ уѣздѣ; здѣсь, въ хуторахъ основной Малороссіи, Котляревскій съ особой любовью предался изученію народа; переодѣвшись въ народное платье, онъ ходилъ по сходбищамъ, записывалъ пѣсни, изучалъ языкъ, повѣрья и преданія, наблюдалъ нравы, обычаи, обряды; эта жизнь въ глуши Украйны была для него тою главною практическою школой, которая дала ему богатѣйшія знанія родного народа, впослѣдствіи такъ ярко имъ выказанныя; здѣсь же, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, по сообщенію одного изъ его біографовъ, онъ изучилъ польскій языкъ. Около 1793 года, судя по подлинному документу, сохранившемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, странствованія Котляревскаго по Малороссіи окончились: въ январѣ этого года онъ былъ уже протоколистомъ полтавской дворянской опеки и ходатайствовалъ объ утвержденіи своихъ

дворянскихъ правъ для поступленія на коронную службу и, вѣроятно, для полученія права на первый классный чинъ; вступилъ ли онъ на службу или нѣтъ, свѣдѣній не сохранилось.

Рядъ точныхъ данныхъ о служебной дѣятельности Котляревскаго начинается только съ 1796 г. Въ апрѣлѣ этого года,—какъ говорятъ, вслѣдствіе несчастной любви—Котляревскій отказался отъ штатской службы и опредѣлился кадетомъ въ Сѣверскій карабинерный полкъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ аудиторы; въ 1798 г. въ прапорщики, въ 1799 г. послѣдовательно въ подпоручики и поручики, въ 1806 г. въ штабсъ-капитаны. Начавъ свою военную службу въ строю Сѣверскаго полка, Котляревскій затѣмъ получилъ мѣсто адъютанта при инспекторѣ по кавалеріи Днѣстровской и Крымской инспекціи, маркизѣ Дотишампѣ; по словамъ аттестата, даннаго ему маркизомъ въ февралѣ 1806 г., «отличною рачительностью и прилежаніемъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ «расторопностью и точностью», съ которою исполнялъ всѣ возлагаемыя на него порученія, онъ выказалъ себя во всѣхъ частяхъ хорошимъ офицеромъ. Въ 1806 г. Котляревскій былъ прикомандированъ въ качествѣ адъютанта къ барону Мейндорфу, начальнику 2-го корпуса войскъ, назначенныхъ для войны съ турками и занятія Молдавскихъ княжествъ. При вступленіи въ Молдавію онъ принялъ участіе въ осадѣ Бендеръ; затѣмъ исполнилъ трудное дипломатическое порученіе—склонить къ миру Буджакскихъ татаръ, кочевавшихъ тогда у Чернаго моря между Днѣстромъ и Дунаемъ (въ нынѣшнемъ Аккерманскомъ и Бендерскомъ уѣздахъ Бессарабской губ.); съ опасностью для жизни онъ успокоилъ мятежниковъ, готовыхъ подняться противъ русскихъ, уговорилъ ихъ признать власть Россіи и привелъ съ собою заложниковъ; за этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени; далѣе въ теченіе той же войны Котляревскій «отличилъ себя неустрашимостью» при двукратной осадѣ крѣпости Измаила, за что два раза удостоился получить монаршее благоволеніе. Въ 1807 г. (3 декабря), вслѣдъ за отставкой барона Мейндорфа, онъ оставилъ дѣйствующую армію и вступилъ въ Псковской драгунскій полкъ, квартировавшій въ тогдашней Литовской губерніи. Въ 1808 г. по прошенію онъ былъ уволенъ въ отставку въ чинѣ капитана.

Послѣ скитаній въ Петербургѣ и долгихъ, неудачныхъ поисковъ службы по гражданскому вѣдомству, дойдя до самаго бѣдственнаго положенія, Котляревскій, при помощи малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, получилъ мѣсто надзирателя полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ съ жалованьемъ въ 300 рублей въ годъ (въ іюнѣ 1810 года). Отечественная война вызвала его снова къ военной дѣятельности: по порученію Лобанова-Ростовскаго онъ, съ замѣчательною быстротою, доставившею ему впослѣдствіи монаршее благоволеніе, сформировалъ 5-й полтавскій конный полкъ украинскаго казачьяго войска; затѣмъ въ 1813 г. по приказанію того же кн. Лобанова ѣздилъ съ донесеніемъ на Высочайшее имя въ Дрезденъ. Послѣ этого Котляревскій снова отдался дому воспитанія дѣтей; онъ усердно хлопоталъ чрезъ посредство кн. Лобанова о расширеніи заведенія, устроилъ больницу, сдѣлалъ рядъ нововведеній военнаго характера, между прочимъ ввелъ преподаваніе черченія, ситуаціи, военныя упражненія, ввелъ форменную одежду и пр. За дѣятельность по Полтавскому дому, въ 1817 г., при посѣщеніи Полтавы императоромъ Александромъ I-мъ, Котляревскій былъ награжденъ, во вниманіе къ его просьбѣ, несмотря на службу по гражданскому вѣдомству, военнымъ чиномъ майора, и кромѣ того подаркомъ брилліантоваго перстня и пенсіономъ по смерть въ 500 рублей сверхъ получаемаго жалованья («за дѣятельность и усердіе его», какъ сказано въ грамотѣ, «коими улучшилъ сіе заведеніе»). Въ 1827 г. Котляревскій былъ опредѣленъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія съ оставленіемъ въ должности надзирателя дома воспитанія бѣдныхъ. Обѣ эти должности онъ исполнялъ до старости, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока могъ двигаться. Разстроенное на службѣ здоровье заставило его просить отставки въ іюлѣ 1834 г.; отставка была дана 31 января 1835 г. съ пенсіономъ въ 600 рублей.

Кромѣ коронной службы въ Полтавѣ Котляревскій несъ частную обязанность казначея и книгохранителя полтавскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества (съ 1819 до 1830 г.). Въ связи съ этой стороной дѣятельности было участіе его въ

массонской ложѣ «Любовь къ истинѣ», дѣйствовавшей въ Полтавѣ около 1820-хъ годовъ. Совсѣмъ иной характеръ интересовъ выказался въ исполненіи по порученію генералъ-губернатора кн. Репнина должности управителя и режиссера такъ называемаго вольнаго театра, устроеннаго Репнинымъ въ Полтавѣ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что Котляревскій состоялъ въ числѣ членовъ санктпетербургскаго общества любителей россійской словесности (былъ избранъ въ 1822 году).

Послѣдніе годы жизни Котляревскій провелъ въ уединеніи безвыходно въ своемъ полтавскомъ домикѣ, по слабости здоровья рѣдко кого принимая. Онъ умеръ на 70-мъ году жизни и похороненъ въ Полтавѣ на городскомъ кладбищѣ по Кобеляцкой дорогѣ. Женатъ Котляревскій не былъ.

Литературныя наклонности проявились въ Котляревскомъ съ юности. Еще въ семинаріи, какъ говоритъ его товарищъ протоіерей Насвѣтовъ, онъ началъ писать стихи и за искусство подбирать риѳмы былъ прозванъ риѳмачемъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ писалъ въ семинаріи вирши на малорусскомъ языкѣ; по словамъ Шевченка въ годы семинарской жизни онъ составлялъ нѣчто въ родѣ сатирическаго журнала «Полтавскую муху», осмѣивавшую «пошлость и низость людскую»; весьма вѣроятно, вирши и стихи и составляли эту «Муху»—настоящую пчелу, какъ говорилъ о ней Шевченко. Наряду съ любовью къ стихотворству въ Котляревскомъ началъ развиваться интересъ къ римскимъ классикамъ, въ особенности къ Вергилію. Къ этимъ литературнымъ интересамъ присоединилось стремленіе къ изученію малорусскаго народа. Такъ еще въ молодости Котляревскаго сложились тѣ три начала, изъ которыхъ создался впослѣдствіи его литературный обликъ: знакомство съ классиками въ связи съ любовью къ поэзіи дало внѣшность и техническія достоинства его произведеніямъ; вторымъ элементомъ была склонность его къ сатирѣ и юмору; третій важнѣйшій элементъ заключался въ знаніи малорусскаго народа; это знаніе представляетъ собою основу его литературной славы и сущность его малорусской поэзіи.

Съ именемъ Котляревскаго обыкновенно соединяются четыре произведенія: «Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная», «Наталка Полтавка», «Москаль чаривникъ» и «Ода до князя Куракина». Кромѣ этихъ главнѣйшихъ его произведеній, писанныхъ по малорусски, извѣстны два русскихъ: «Ода Сафо» и «Размышленія на евангеліе отъ Луки, переведенныя съ французскаго сочиненія аббата Дюкеня».

«Энеида»—первое по времени произведеніе Котляревскаго—писалась впродолженіе многихъ лѣтъ; созданіе начала ея (части 1—3) относится, вѣроятно, къ первой половинѣ 1790-хъ годовъ, средина (часть 4-я) была написана въ годы военной службы Котляревскаго, конецъ (части 5-я и 6-я)—до 1820 г., какъ видно изъ письма Мельгунова 1820 г. о предложеніи московскаго издателя издать полную Энеиду. Три начальныя части Энеиды были напечатаны безъ дозволенія автора черниговскимъ помѣщикомъ Парпурою два раза—въ 1798 и 1808 гг.; первое авторское изданіе, заключавшее въ себѣ четыре части, было выпущено въ свѣтъ въ 1809 году и напечатано иждивеніемъ полтавскаго помѣщика С. М. Кочубея, которому и было посвящено; полное изданіе всей Энеиды (6 частей) вышло въ свѣтъ уже послѣ смерти Котляревскаго въ 1842 году. «Энеида, переложенная на малороссійскій языкъ», представляетъ собою сатирическую переработку произведенія Вергилія на украинскіе нравы XVIII вѣка. Подобныя операціи надъ Энеидою не были новостью въ литературѣ. На западѣ Европы онѣ начались въ XVII вѣкѣ и дали длинный рядъ бурлескныхъ Энеидъ, начавшійся съ поэмы итальянца Лалли Eneida travestita (1633) и Скаррона—Le Virgile travesti (1648—1653) и имѣвшій представителей въ литературахъ англійской, провансальской, бургундской и нѣмецкой. Алоизу Блумауеру, написавшему Wirgils Aeneis (1784—1788) явился подражатель и въ Россіи; это былъ Осиповъ, со своей «Энеидой, вывороченной на изнанку» (1791—1795 г.). Разительное сходство Энеиды Осипова съ Энеидой Котляревскаго давно дало поводъ думать, что одинъ изъ этихъ писателей подражалъ другому; право на первенство сочиненія, вопросъ о томъ, который писатель долженъ быть признанъ подражателемъ другому, долго составляли предметъ споровъ изслѣдователей; тщательное разсмотрѣніе вопроса о взаимоотношеніи Энеидъ Осипова и Котляревскаго.

исполненное въ послѣднее время г. Стешенкомъ, неоспоримо утвердило первенство за Осиповымъ. Но зависимость Энеиды Котляревскаго отъ Энеиды Осипова, не смотря на то, что изложеніе во многихъ мѣстахъ сходно, а иногда является прямымъ переводомъ русскаго текста, ни мало не уменьшаетъ значенія малорусской поэмы: напротивъ, произведеніе Котляревскаго оставляетъ далеко за собою свой прототипъ. Превосходя Энеиду Осипова съ внѣшней стороны богатствомъ языка, яркостью образовъ и краткостью въ изложеніи, она по своимъ внутреннимъ достоинствамъ не можетъ даже быть сравниваема съ нею. Достоинствомъ малорусской Энеиды является во-первыхъ то, что цѣлью поэмы Котляревскаго было сознательное созданіе сатиры на нравы современнаго поэту малорусскаго общества; цѣль Осипова была не такъ серьезна: она заключалась лишь въ желаніи вызвать въ читателѣ смѣхъ съ помощью не всегда удачной шуткой или попытокъ комически сочетать римскихъ героевъ съ русской обстановкой. За внѣшнею забавною формой малорусской Энеиды, полной неподдѣльнаго юмора, скрывается энергическое порицаніе зла, за рѣзкою насмѣшкою и грубою, иногда впадающею въ цинизмъ, внѣшностью, проглядываетъ привязанность къ родинѣ и любовь къ своему народу. Дальнѣйшая заслуга Котляревскаго заключается въ реальности изображенія малорусской жизни XVIII в.; поэма явилась какъ бы отраженіемъ дѣйствительности современной Малороссіи со всѣми неприглядными ея сторонами, съ картинами тяжелаго положенія народа, съ панствомъ, считавшимъ людей за скотовъ, съ попами, гнавшимися за деньгами, съ неправедными судьями, взяточниками, жидами, поляками, москалями и пр.; все проходитъ предъ читателемъ въ живыхъ образахъ, нарисовано безъ прикрасъ, правдиво и отчетливо. Это достоинство поэмы еще усугубляется ея народностью, сказавшеюся въ знаніи жизни народной, ея обычаевъ, обрядовъ, старины; народность Энеиды, поставившая Котляревскаго въ рядъ начинателей малорусской этнографіи, сообщила поэмѣ много жизни, для современника ея созданія особенно замѣтной; описанія вечерницъ, похоронныхъ обрядовъ, поминокъ, панскихъ пировъ, танцевъ, игоръ, пѣсенъ, изображеніе старинной малорусской латинской школы, казачества, остатковъ Запорожской Сѣчи, выходцы изъ которой являются въ образѣ троянцевъ-спутниковъ Энея, изображеніе старыхъ полковъ казацкихъ и пр.—давало обильную пищу читателю и вызывало глубокій интересъ къ поэмѣ. Честныя цѣли автора, реальность и жизненность его произведенія, наконецъ, народность или этнографичность Энеиды—все это вмѣстѣ, высоко поставивъ поэму Котляревскаго, явилось причиной ея долгой жизни: въ противоположность пародіи Осипова давно забытой и сданной въ архивъ, малорусская «Энеида» до сихъ поръ пользуется вниманіемъ и не выходитъ изъ литературнаго обихода.

Если Энеида представляетъ изображеніе по преимуществу отрицательной стороны жизни Малороссіи, то двѣ другія важнѣйшія піесы Котляревскаго, опера «Наталка Полтавка» и водевиль «Москаль чаривникъ», являются какъ бы противовѣсомъ первой. Основная ихъ идея—дать привлекательное изображеніе малорусской женщины, которая является центральной фигурой въ этихъ произведеніяхъ; остальныя дѣйствующія лица съ одной стороны служатъ ей фономъ, съ другой выводятся для приданія мѣстнаго колорита пьесамъ. Поводомъ къ сочиненію «Наталки Полтавки» и «Москаля чаривника» было появленіе на харьковской и полтавской сценахъ оперы-водевиля кн. Шаховского «Козакъ-стихотворецъ», плохой пьесы, въ которой авторъ безъ всякаго знанія малороссійской жизни и нравовъ неудачно пытался изобразить малороссовъ въ смѣшномъ или неправдоподобномъ видѣ, заставлялъ дѣйствующихъ лицъ пѣть русскія пѣсни, говорить на какомъ-то выдуманномъ нарѣчіи. Имѣвшая успѣхъ въ Петербургѣ, пьеса пришлась не по вкусу южнорусской публикѣ и вызвала строгую рецензію въ «Украинскомъ Вѣстникѣ». Котляревскій — большой любитель театра — по своему знанію Малороссіи могъ быть раздосадованъ болѣе чѣмъ всякій другой произведеніемъ кн. Шаховскаго; какъ бы въ осужденіе и въ исправленіе ея—что показываютъ слова дѣйствующихъ лицъ «Наталки»—на сценѣ Полтавскаго театра въ 1819 г. и появились пьесы Котляревскаго. Обѣ пьесы были приняты съ восторгомъ и быстро разошлись по всей Малороссіи и отчасти въ Великороссіи, сначала въ рукописныхъ спискахъ, затѣмъ

въ печатныхъ изданіяхъ (полностью «Наталка» и «Москаль» были напечатаны въ первый разъ въ «Украинскомъ Сборникѣ» И. И. Срезневскаго въ 1838 и въ 1841 гг.; ранѣе въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 г. была помѣщена одна пѣсня изъ «Наталки Полтавки»). Наибольшую извѣстность пріобрѣла «Наталка Полтавка», которая донынѣ не снимается съ репертуара малорусскихъ труппъ. Фабула «Наталки Полтавки» не замысловата. Главныя дѣйствующія лица — взаимно влюбленные Наталка и Петро—по бѣдности не могутъ сыграть свадьбы; Петро идетъ на чужую сторону зарабатывать деньги. Въ отсутствіи его, подъ вліяніемъ бѣдности, мать Наталки вынуждаетъ у дочери согласіе выйти за посватавшагося за нее старика вознаго; возвращеніе Петра разстраиваетъ эти планы и все кончается къ общему благополучію, причемъ и самъ возный принимаетъ участіе въ устроеніи брака влюбленныхъ молодыхъ людей. Пьеса представляетъ собою идилическую картину старой полтавщины; доброе, благодушное настроеніе автора проникаетъ все произведеніе; его не нарушаютъ и блестяще нарисованные отрицательные типы пьесы —возный и выборный; и въ ихъ изображеніи авторъ старается не миновать тѣхъ сторонъ, которыя могутъ привлечь къ нимъ симпатіи. Они такіе же живые люди, какъ и другія дѣйствующія лица пьесы, какъ и сама немного идеализованная Наталка, какъ Петро и Микола, типъ бурлака, и старуха мать Наталки. Народность и трезвый реализмъ въ связи съ художественностью и драматизмомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, даютъ «Наталкѣ Полтавкѣ» главнѣйшее мѣсто въ ряду произведеній Котляревскаго. Помимо достоинствъ пьесы, какъ произведенія драматическаго, она замѣчательна своими пѣснями, которыя въ наиболѣе патетическихъ и сильныхъ мѣстахъ замѣняютъ прозаическую рѣчь дѣйствующихъ лицъ; эти образцовыя лирическія произведенія, созданныя Котляревскимъ въ подражаніе народной поэзіи, сами по себѣ, безъ придатка другихъ сочиненій, могли бы составить славу ихъ автору.

Значительно уступаетъ этой пьесѣ водевиль «Москаль чаривникъ», дающій картину изъ жизни семьи чумака и изображающій неудачныя ухаживанія за женой чумака судового паныча; центральное лицо пьесы, жена чумака, является положительнымъ типомъ малорусской женщины, разумной, вѣрной мужу, но не лишенной доли лукавства и хитрости. Панычъ, въ противоположность ей изображенный непривлекательными чертами, представляетъ собою типъ человѣка, вкусившаго верховъ образованія, полнаго самодовольства, гнушающагося своими родичами сельчанами. Остальныя дѣйствующія лица— чумакъ и солдатъ — стоятъ въ отношеніи обработки на второмъ планѣ. Если можно согласиться, что изображеніе чумака довольно жизненно, то нельзя того же сказать о солдатѣ, представленномъ слишкомъ грубыми чертами и потому портящемъ пьесу. Главная цѣль «Москаля чаривника» заключается въ стремленіи осмѣять неестественные выродки изъ народа и показать нравственное превосходство людей, оставшихся вѣрными своей средѣ. Фабула пьесы, по разслѣдованію г. Дашкевича, въ значительной мѣрѣ заимствована Котляревскимъ изъ французской оперетки «Le soldat magicien», которая въ свою очередь находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ произведеній въ западной литературѣ, близкихъ къ ней по сюжету; уступая въ отношеніи разработки фабулы своему французскому прототипу, малорусскій водевиль далеко ушелъ отъ него въ обработкѣ характеровъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ богатствѣ рѣчи, чисто народной въ устахъ чумака и его жены, канцелярски-искусственной въ изъясненіяхъ судового паныча.

Изъ лирическихъ произведеній Котляревскаго кромѣ пѣсенъ, вошедшихъ въ его драматическія пьесы, сохранилось всего одно, хотя по нѣкоторымъ намекамъ въ воспоминаніяхъ его знакомыхъ можно думать, что ихъ было и больше; это произведеніе— «Ода до князя Куракина», написанная въ 1805 г., напечатанная впервые въ 1861 г. Кулишемъ и съ его же стороны подвергшаяся жестокой критикѣ. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, занимавшій при Александрѣ I постъ генералъ-губернатора Малороссіи, человѣкъ честный по убѣжденіямъ и врагъ крѣпостного права, былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени; эта сторона его дѣятельности и явилась поводомъ похвалъ оды; ода не грѣшила противъ правды, не превозносила своего героя, не унижала автора и

этимъ выдвинулась изъ ряда другихъ подобнаго рода произведеній. Помимо такихъ отрицательныхъ достоинствъ, она замѣчательна какъ художественно-реальное изображеніе современной народной жизни, какъ любовное описаніе народа; но этимъ не исчерпываются ея достоинства: они заключаются въ простотѣ, свободѣ отъ ложноклассическихъ пріемовъ, народномъ стилѣ, наконецъ, въ искренности и сквозящемъ въ ней добродушіи автора.

Кромѣ перечисленныхъ четырехъ малорусскихъ произведеній Котляревскаго съ именемъ его, какъ отмѣчено выше, связано два русскихъ—«Ода Сафо» и «Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. евангеліи ев. Луки». Стройная и изящная по формѣ ода Сафо является интереснымъ свидѣтельствомъ умѣнья Котляревскаго владѣть русскимъ стихомъ и языкомъ; она была написана въ 1819 г. и напечатана только въ 1843 г. въ альманахѣ Бецкаго «Молодикъ». «Размышленія» представляютъ собою переводъ съ нѣкоторыми дополненіями сочиненія аббата Дюкеня «L'évangile medité et distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre évangélistes»; надъ «Размышленіями» Котляревскій работалъ съ 1823 по 1838 г. изо дня въ день и, вѣроятно, безъ мысли о напечатаніи; рукопись ихъ въ неполномъ видѣ сохранилась въ Императорской публичной библіотекѣ (изъ четырехъ томовъ, видѣнныхъ въ свое время Стеблинъ-Каминскимъ, имѣется только одинъ первый). «Размышленія» важны въ біографическомъ отношеніи, какъ указаніе на религіозное настроеніе, овладѣвшее Котляревскимъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ его жизни. Два русскія произведенія украинскаго поэта стоятъ особнякомъ въ общей его дѣятельности и ничего не прибавляютъ къ его литературной славѣ.

Слава Котляревскаго сложилась исключительно благодаря его малорусскимъ произведеніямъ. Въ нихъ онъ явился возродителемъ потухавшей въ то время малорусской литературной рѣчи; забываемая высшими слоями общества, безсознательно поддерживаемая народомъ въ его пѣсенной поэзіи и сочинителями виршей, вертепной драмы и другихъ произведеній книжно-народной словесности, она ожила подъ перомъ Котляревскаго. Поэтъ въ душѣ и человѣкъ образованный, Котляревскій пробудилъ малорусскую литературу; онъ далъ ей новыя художественныя формы, и указалъ путь совершенствованія при посредствѣ изученія устной словесности. Вліяніе его было громадно: своими литературными трудами онъ вызвалъ къ жизни рядъ новыхъ писателей, своими сознательными этнографическими наблюденіями далъ толчекъ къ изученію народа; съумѣвъ заинтересовать современниковъ своими произведеніями, создалъ малорусскую читающую публику во всѣхъ слояхъ общества и сблизилъ между собой эти слои.

Чистый и безупречный образъ Котляревскаго-писателя слился, какъ свидѣтельствуютъ воспоминанія его современниковъ, съ образомъ человѣка высокой честности, прекрасной души и свѣтлаго ума; это былъ, по словамъ Сементовскаго, «благодѣтель, помощникъ сиротамъ и нищимъ, другъ и пріятель знавшимъ его лично», «любитель правды и истинный христіанинъ». Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что Котляревскій оставилъ по себѣ память, какъ о замѣчательномъ острословѣ, прекрасномъ разсказчикѣ, умѣло пользовавшемся своимъ знаніемъ малорусскихъ пословицъ и присловій.

С. Стеблинъ-Каминскій, «Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ», Полтава, 1883 г.; И. Стешенко, «Поэзія И. П. Котляревскаго (къ 100-л. юбилею его Энеиды)», Кіевъ, 1898 г.; (двѣ статьи: «И. П. Котляревскій и Осиповъ» и «И. П. Котляревскій въ свѣтѣ критики» ранѣе были напечатаны «въ Кіевской Старинѣ)»; П. Житецкій, «Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея» («Кіевская Старина» 1899 — 1900 г.); Н. Дашкевичъ, «Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды» («Кіевская Старина», 1898 г., № 9); «Вергиліева Энеида на малороссійскій языкъ переложенная И. П. Котляревскимъ», Кіевъ, 1898 г., (съ свѣдѣніями о ея прежнихъ изданіяхъ); В. П. Науменко, «Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго» («Кіевская Старина», 1888 г. № 11); А. И. Соболевскій, «Къ юбилею И. П. Котляревскаго» («Библіографъ» 1889 г. № 10—11); І. Франко, «Писаня І. П. Котляревьского в Галичині», («Записки наукового товариства імени Шевченка, 1898 г. кн. 6»); В. И. Срезневскій, «Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ» («Кіевская Старина», 1899 г. № 1); В. Срезневскій, «Записки И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Турецкую войну 1806 г.» («Кіевская Старина», 1900 г. № 12); В. Симоновскій, «Участіе Малороссійскихъ казаковъ въ Отечественной войнѣ 1812 г.» («Полтавскія Губернскія Вѣдомости», 1900 г. № 153), письма здѣсь помѣщенныя, перепечатаны В. Науменкомъ въ «Кіевской Старинѣ», 1900 г. № 9: «Два неизвѣстныя письма И. П. Котляревскаго»); Т. І. Шевченко, «Близнецы», («Кіевская Старина»,

1886 г. т. 16, 232—234, 243—245, 410, 426, 442); касающееся Котляревскаго въ повѣсти перепечатано отдѣльно въ переводѣ на малорусскій языкъ въ статьѣ «Шевченко про Котляревського» — «Літературно-науковни вістнік», 1898 г. № 11. «Два письма о Котляревскомъ»—(«Кіевская Старина», 1898 г., т. 62, отд. 2, 1—2); «Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ г. Полтавѣ» (тамъ же, 1884 г. № 10), «Двѣ малорусскія оды изъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ» (тамъ же, 1886 г. № 1); «Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени наполеоновскихъ войнъ» (тамъ же, 1886 г. № 4); В. Перетцъ «Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы Котляревскаго «Москаль Чаривникъ» (тамъ же, 1894. т. 44, 548—551); «Письма Евгенія Болховитинова къ Анастасевичу» (Русскій Архивъ», 1899, т. 2, 66); А. Ефименко, «Котляревскій въ исторической обстановкѣ», (Вѣстникъ Европы, 1900. № 3). Въ 1898 г. по поводу столѣтней годовщины выхода въ свѣтъ перваго изданія малорусской Энеиды появилось большое количество біографическихъ и историко-литературныхъ замѣтокъ о Котляревскомъ; свѣдѣнія о важнѣйшихъ изъ нихъ помѣщены въ «Кіевской Старинѣ», 1899 г. январь, отд. 2, стр. 20—23 (см. также «Літературно-науковни вістнік», 1898 г. № 10—12, гдѣ помѣщены статьи М. Грушевскаго, С. Смаль-Стоцкаго, Гр. Коваленка, О. Колессы.— Библіографія о Котляревскомъ до 1897 г. почти вся введена въ указанную выше статью г. Стешенка «Котляревскій въ свѣтѣ критики».

В. Срезневскій.

Котляревскій, *Петръ Степановичъ*, генералъ отъ инфантеріи, покоритель Закавказья, род. 12 іюня 1782 г., ум. 21 октября 1852 г. Онъ былъ сынъ бѣднаго священника изъ дворянъ въ с. Ольхатовкѣ Купянскаго уѣзда Харьковской губерніи. Учиться началъ въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ и выказалъ такія способности, что 10 лѣтъ уже былъ въ классѣ риторики. Зимою 1792 г. въ одну ненастную ночь въ домикѣ Котляревскаго-отца укрылись отъ мятели харьковскій гражданскій губернаторъ и подполковникъ Лазаревъ. Священникъ радушно встрѣтилъ неожиданныхъ гостей, и тѣ у него прожили цѣлую недѣлю. Мальчикъ Котляревскій какъ разъ въ это время жилъ дома на вакаціяхъ и своею смышленностью не по лѣтамъ обратилъ на себя вниманіе Лазарева. Тотъ уговорилъ священника отдать ему мальчика, обѣщая ухаживать за нимъ, какъ за сыномъ, и сдѣлать изъ него «человѣка»; черезъ пять мѣсяцевъ, 1 мая 1793 г., пріѣхалъ отъ Лазарева сержантъ за «фурьеромъ» Котляревскимъ и увезъ его въ Моздокъ, гдѣ стоялъ полкъ Лазарева, входившій въ составъ знаменитаго Суворовскаго корпуса. Лазаревъ встрѣтилъ Котляревскаго какъ сына, и черезъ годъ произвелъ въ сержанты. Въ 1796 г. Котляревскій принялъ участіе въ походѣ за Кавказскій хребетъ противъ персовъ. Уже въ этой первой экспедиціи Котляревскій ознакомился со способомъ веденія войны на Кавказѣ, понялъ, что каждый камень здѣсь важенъ, убѣдился воочію, насколько вѣроломными являются персы, и уже во всю жизнь не забывалъ этого урока. Со вступленіемъ на престолъ Павла I, война съ Персіей была прекращена, но персы стали вести себя настолько вызывающе, что пришлось въ 1799 г. опять двинуть противъ нихъ войска. Этотъ второй походъ далъ Котляревскому чинъ подпоручика и званіе шефскаго адъютанта 17-го Егерскаго полка, гдѣ шефомъ былъ Лазаревъ. Походъ былъ удаченъ для русскихъ. Грузинскій царь Георгій XIII, видя невозможность защищаться отъ персовъ, которые обратились на него, просилъ помощи у русскаго правительства. Тогда въ Тифлисъ былъ посланъ русскій отрядъ подъ начальствомъ Лазарева. Вскорѣ Лазаревъ оказался фактически главнымъ начальникомъ Грузіи, такъ какъ Георгій XIII все предоставилъ въ его распоряженіе. Лазаревъ поручалъ Котляревскому наиболѣе отвѣтственныя секретныя дѣла, велъ черезъ него переговоры съ царемъ. Въ тифлисскихъ архивахъ сохранилось много бумагъ очень важныхъ по содержанію, какъ, напр., о членахъ царской семьи, о мѣрахъ противъ моровой язвы, написанныхъ рукою Котляревскаго и выдающихся своей дѣловитостью. Появленіе русскихъ войскъ въ Грузіи не остановило персидскихъ набѣговъ; въ октябрѣ 1800 г. Котляревскій опять выступилъ со своимъ полкомъ въ походъ. За сраженіе близъ с. Кагабетъ и р. Іоры онъ получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго и былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. По возвращеніи въ Тифлисъ онъ получилъ отъ Лазарева очень щекотливое порученіе. Царь Георгъ XIII умеръ, передавъ по завѣщанію Грузію въ подданство Россіи, а братья его, недовольные этимъ завѣщаніемъ, воспользовались временемъ, пока изъ Петербурга не пришло еще согласіе Государя на принятіе Грузіи въ подданство, и подняли мятежъ въ Карталиніи. Котляревскій былъ посланъ въ Мухранъ уговорить недовольныхъ. Онъ выполнилъ это порученіе осторожно и очень успѣшно: Карталинскіе князья торжественно выра-

зили «готовность пролить кровь за Русскаго Государя». 18 января 1801 г. опубликованъ былъ первый манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и одновременно пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ Кнорринъ, которому Государь поручилъ лично убѣдиться въ желаніи грузинъ принять русское подданство. Послѣ его донесенія въ утвердительномъ смыслѣ послѣдовалъ второй, уже окончательный, манифестъ отъ 12 сентября 1801 г. и жителей начали приводить къ присягѣ на вѣрность Россіи. Лазареву поручено было принять присягу отъ татаръ — жителей Бамбакской провинціи. Татары толпами бѣжали къ персамъ въ Эривань, такъ что Лазареву приходилось вооруженной силой водворять ихъ на мѣсто жительства; и въ этомъ дѣлѣ Котляревскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ. Вскорѣ по возвращеніи Лазарева съ Котляревскимъ въ Тифлисъ, главноначальствующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ кн. Цицiановъ, который прежде всего счелъ нужнымъ убѣдить потомковъ послѣднихъ грузинскихъ царей уѣхать изъ Грузіи въ Россію. Въ это время Котляревскій лишился своего покровителя Лазарева, который былъ зарѣзанъ въ покояхъ одной изъ царицъ, въ тотъ моментъ, когда явился поторопить ее отъѣздомъ изъ Тифлиса. Вскорѣ Цицiановъ выступилъ въ походъ противъ ханствъ Ганжинскаго, Шекинскаго (въ нынѣшней Елисаветпольской губерніи), Ширванскаго, Бакинскаго и Карабагскаго и предложилъ Котляревскому быть его адъютантомъ; Котляревскій, произведенный уже въ капитаны, отклонилъ это предложеніе и предпочелъ командовать своею ротою въ 17 Егерскомъ полку. Въ дѣлѣ 2 декабря 1803 г. онъ былъ раненъ пулей на вылетъ въ лѣвую ногу, но тѣмъ не менѣе продолжалъ походъ; 3 января 1804 г. была взята штурмомъ Ганжа, ханъ ея, Джаватъ, былъ убитъ; Котляревскій за отличіе получилъ орденъ св. Анны 3-й степени и былъ произведенъ въ маіоры. Затѣмъ онъ былъ посланъ для переговоровъ къ Шекинскому хану Селиму. Котляревскій подготовилъ свиданіе хана съ Цицiановымъ, а въ результатѣ этого свиданія Нуха была присоединена къ Россіи безъ кровопролитія.

Между тѣмъ, узнавъ о взятіи русскими Ганжи, сынъ персидскаго шаха Аббасъ-Мирза съ большимъ войскомъ вторгся въ Карабагское ханство. Полковникъ Карягинъ и Котляревскій съ 600 солдатами Егерскаго полка и 2 орудіями были посланы противъ него. Въ урочищѣ Кара-Агачъ-баба они были окружены 20-тысячнымъ персидскимъ войскомъ. Два дня русскіе отбивались, потеряли почти всѣхъ офицеровъ и 257 человѣкъ рядовыхъ, самъ Котляревскій былъ опять раненъ пулею въ ногу; наконецъ, на третій день ночью они пробились сквозь ряды осаждающихъ къ небольшой крѣпости Шахъ-Булаху, выбили изъ нея персидскій гарнизонъ въ 400 человѣкъ и засѣли тамъ. На разсвѣтѣ къ крѣпости явился Аббасъ-Мирза; онъ оставилъ подъ крѣпостью 8.000 человѣкъ, а самъ ушелъ брать крѣпость Аскарань. 13 дней длилась осада Шахъ-Булаха; наконецъ, пришлось очистить крѣпость — русскіе ночью покинули крѣпость и ушли къ крѣпости Мухрату. Походъ былъ очень тяжелый, такъ какъ три четверти отряда состояло изъ раненыхъ; за то ознаменовался онъ неслыханными примѣрами самопожертвованія: въ одномъ мѣстѣ глубокая канава положительно дѣлала невозможнымъ перевезти черезъ нее пушки; но выискались четыре солдата, которые согласились, чтобы пушки перетащены были по ихъ тѣламъ—и легли въ канаву; двое изъ этихъ героевъ были раздавлены на смерть, двое остались живы. Въ Мухратѣ опять пришлось отбиваться отъ цѣлой арміи Аббасъ-Мирзы; Котляревскій снова былъ раненъ картечью въ лѣвую руку. Только черезъ двѣ недѣли къ нему явился на выручку Цицiановъ изъ Ганжи. За подвиги въ этихъ дѣлахъ Котляревскій получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; несмотря на раны, онъ остался въ отрядѣ. Послѣ Шахъ-Булахской обороны жители Закавказья стали произносить имя Котляревскаго не только съ уваженіемъ, а съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ; борьба его противъ врага, въ двадцать разъ сильнѣйшаго, казалась имъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Въ августѣ 1804 г. Котляревскій усмирилъ въ Карабагѣ бунтъ кочанцевъ, а затѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ Цицiановымъ, двинулся къ Баку. Мустафа-ханъ Ширванскій добровольно покорился Россіи, но Баку оказало сопротивленіе, Цицiановъ былъ измѣнически убитъ, и русскіе принуждены были возвратиться.— Послѣ этого до 1806 г. военныхъ дѣйствій не происходило.

Въ іюнѣ 1806 г. Аббасъ-Мирза опять вступилъ въ Карабагъ; въ сраженіи подъ Хонашинскимъ дефилеемъ, гдѣ 1644 человѣка русскихъ разбили на голову 20-тысячный персидскій отрядъ, Котляревскій опять отличился и довершилъ побѣду. Онъ былъ произведенъ въ подполковники и оставленъ въ Шушѣ. Вскорѣ, однако, своимъ горячимъ заступничествомъ за одного изъ своихъ товарищей, полковника Лисаневича, попавшаго подъ судъ, онъ навлекъ на себя гнѣвъ тогдашняго главноначальствующаго на Кавказѣ, гр. Гудовича, и былъ отозванъ въ Тифлиссъ, гдѣ провелъ въ бездѣйствіи весь 1807 г. Въ началѣ 1808 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, командированъ въ отрядъ ген. Небольсина и опять сражался съ Аббасъ-Мирзою близъ дер. Кара-баба. Въ 1809 г. смѣнившій Гудовича ген. Тормасовъ поручилъ Котляревскому охрану безопасности всего Карабага. Съ этихъ поръ начинается вполнѣ самостоятельная дѣятельность Котляревскаго. 1809 г. прошелъ спокойно, но въ началѣ 1810 г. Аббасъ-Мирза, подстрекаемый Англіею и Турціею, съ сильнымъ войскомъ снова выступилъ противъ русскихъ. Котляревскій съ отрядомъ изъ 400 егерей и 40 конныхъ карабагцевъ пошелъ ему навстрѣчу и по пути 15 іюня взялъ штурмомъ считавшуюся неприступною крѣпость Мигри, гдѣ было 2.000 человѣкъ гарнизона и пять батарей; самъ Котляревскій получилъ рану въ лѣвую ногу. Небольсинъ приказывалъ ему отступить изъ Мигри, но Котляревскій оставался тутъ; сюда подошли къ нему въ подкрѣпленіе двѣ роты, а Аббасъ-Мирза осадилъ его съ 10-тысячнымъ отрядомъ. Двѣ недѣли, до 5 іюля, простоялъ Аббасъ-Мирза безъ всякаго результата подъ Мигри и, наконецъ, отступилъ къ Араксу. Тогда Котляревскій ночью съ 460 человѣками пѣхоты и 20 казаками нагналъ его во время переправы черезъ Араксъ и нанесъ полное пораженіе. «Уронъ непріятеля опредѣлить невозможно по его чрезвычайности; писалъ онъ въ рапортѣ Тормасову, у насъ убито—4, ранено 13 солдатъ». За эту побѣду Котляревскій былъ назначенъ шефомъ Грузинскаго гренадерскаго полка, получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. (за Мигри) и золотую шпагу съ надписью «за храбрость», персы же начали послѣ этого почитать его за колдуна и питать къ нему какой-то суевѣрный страхъ. Укрѣпивъ Мигри, Котляревскій въ октябрѣ 1810 г. пріѣхалъ въ Тифлисъ лѣчиться отъ ранъ; но уже въ началѣ 1811 г. отправился въ Гори, чтобы прекратить возникшее тамъ волненіе, а въ сентябрѣ того же года ему былъ порученъ штурмъ крѣпости Ахалкалаки, подъ которою Гудовичъ въ 1807 г. потерялъ 3 орудія и 2.000 человѣкъ. Котляревскій взялъ съ собою два батальона, 100 казаковъ, въ страшную непогоду перебрался черезъ снѣжныя горы и явился къ стѣнамъ Ахалкалакъ столь неожиданно, что гарнизонъ схватился за оружіе лишь тогда, когда русскіе стали переходить черезъ крѣпостной ровъ, и крѣпость сдалась почти безъ сопротивленія. 16 орудій и 40 пудовъ пороха были трофеями побѣдителей. Русскіе потеряли убитыми и ранеными одного офицера и 29 солдатъ. За этотъ успѣхъ Котляревскій получилъ чинъ генералъ-маіора.

Между тѣмъ, въ Карабагѣ наши войска потерпѣли неудачу: одинъ батальонъ, близъ Салтанбута былъ окруженъ персами и взятъ въ плѣнъ. Послѣ этого успѣха персы подняли голову, а преданные Россіи ханы стали колебаться, англичане же прислали Персіи оружія и амуниціи на 12.000 человѣкъ и назначили ей ежегодную субсидію въ 3 мил. руб. (100 т. тумановъ) на военные расходы. Одновременно и въ Грузіи открылся заговоръ въ пользу грузинскаго царевича Григорія. Котляревскій немедленно началъ энергичныя дѣйствія и двинулся къ Араксу; сильная оттепель помѣшала идти за рѣку, но все же ему удалось разбить по дорогѣ нѣсколько небольшихъ персидскихъ отрядовъ и навести ужасъ на жителей пограничныхъ съ Персіею областей взятіемъ считавшейся неприступною крѣпости Кара-Кахъ. За это дѣло онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. и прибавку жалованья по 1.200 р. въ годъ. Наступилъ 1812 г.—тяжелый для Россіи, но еще болѣе тяжелый для русскихъ на Кавказѣ. Войскъ и для защиты Россіи едва хватало, а кавказскія войска совсѣмъ не пополнялись новыми рекрутами. Враги Россіи на Кавказѣ стали опять готовиться къ войнѣ, а между тѣмъ вновь назначенный главноначальствующій на Кавказѣ, ген. Ртищевъ, сознавая недостатокъ своихъ силъ, старался дѣйствовать мирными средствами. Такъ, напримѣръ, онъ завелъ переговоры съ Аббасъ-Мирзою, который, на-

значивъ совѣщаніе уполномоченныхъ въ Асландузѣ, самъ съ войсками вторгнулся въ Ленкорань. Котляревскій видѣлъ, что персы обманываютъ, и настаивалъ на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ; разногласія доходили до того, что разъ Котляревскій заявилъ, что выходитъ въ отставку, и только по усиленной просьбѣ ген. Ртищева согласился не оставлять кавказской арміи. Въ іюнѣ 1812 г. Ртищевъ пріѣхалъ съ Котляревскимъ въ Шушу, чтобы осмотрѣть шушинскія укрѣпленія; въ это время пришло извѣстіе о приближеніи лезгинъ къ Тифлису, и онъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ въ Тифлисъ, предупредивъ Котляревскаго, чтобы тотъ безъ его распоряженія не вступалъ въ сраженіе съ персами. При отъѣздѣ главнокомандующаго изъ Шуши, мѣстный ханъ Мехти-Кули позволилъ себѣ не явиться проводить Ртищева, вопреки установившемуся уже обычаю. Понимая, какое впечатлѣніе произведетъ на населеніе подобное отношеніе хана къ русскому генералу, Котляревскій одинъ съ казакомъ прискакалъ къ Мехти-Кули во дворъ, гдѣ тотъ важно сидѣлъ среди своихъ приближенныхъ и, размахивая нагайкой, началъ кричать на хана—и ханъ до такой степени растерялся отъ этой дерзости, что извинился и поскакалъ догонять главнокомандующаго на Тертеръ, гдѣ и простился съ нимъ очень почтительно.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза подошелъ къ Араксу и, не обращая вниманія на рѣзкое письмо Котляревскаго, требовавшаго, чтобы онъ вернулся назадъ, сталъ грабить мѣстныхъ жителей русскихъ подданныхъ. Тогда Котляревскій послалъ Ртищеву оффиціальный рапортъ и частное письмо, въ которомъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій, написалъ завѣщаніе, составилъ подробную диспозицію войскамъ, велѣлъ войскамъ приготовиться къ легкому походу, безъ шинелей, съ 40 патронами вмѣсто 60, и 18 октября 1812 г. выступилъ съ отрядомъ изъ 1.500 человѣкъ пѣхоты, 500 человѣкъ конницы и 6 орудій, противъ Аббасъ-Мирзы, имѣвшаго 30.000 войска, въ томъ числѣ 14.000 регулярнаго. Отрядъ шелъ чрезвычайно поспѣшно. Аббасъ-Мирза никакъ не ожидалъ нападенія. Увидѣвъ вдали передовой отрядъ татарской конницы, онъ сказалъ бывшему при немъ англійскому офицеру, что, кажется, какой-то ханъ ѣдетъ къ нему; англичанинъ, взглянувъ въ зрительную трубу, замѣтилъ, что это не ханъ, а Котляревскій; Аббасъ-Мирза презрительно замѣтилъ, что русскіе какъ поросята сами лѣзутъ подъ ножъ. Персы такъ мало ожидали новаго нападенія, что даже не разставили пикетовъ; атака русскихъ была столь стремительна, что персіяне бѣжали, оставивъ весь лагерь и много оружія; Котляревскій пустился въ догонку за ними, раздѣливъ свой небольшой отрядъ на три колонны и послалъ казаковъ къ Араксу на перерѣзъ бѣгущимъ. 537 плѣнныхъ, 5 знаменъ и 11 пушекъ (всѣ англійскія съ надписью: «отъ Короля надъ Королями Шаху надъ Шахами въ даръ») были трофеями побѣдителей. Число потери непріятельской простиралось до 9.000 человѣкъ. Котляревскій въ оффиціальномъ донесеніи о сраженіи показалъ 1.200 убитыхъ и на возраженіе, что эта цифра, вѣдь, уменьшена, отвѣтилъ: «Пишите такъ: вѣдь все равно не повѣрятъ, если мы скажемъ правду»; съ нашей стороны было 28 человѣкъ убитыхъ и 99 раненыхъ. Асландузская битва подавляющимъ образомъ подѣйствовала на персовъ и сильно подняла нашъ престижъ; персы очистили все Закавказье, кромѣ Талышинскаго ханства, гдѣ они укрѣпились въ крѣпости Ленкорань. Котляревскій за Асландузскую битву получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. и чинъ генералъ-лейтенанта. 17 декабря онъ пошелъ къ Ленкорани съ отрядомъ изъ 1.500 человѣкъ пѣхоты и 470 казаковъ при 6 орудіяхъ. Онъ занялъ безъ боя превосходно укрѣпленную англичанами крѣпость Аркевань, гарнизонъ которой изъ 1.900 человѣкъ бѣжалъ при его приближеніи, бросивъ орудія и всѣ припасы; въ Аркевани Котляревскій оставилъ еще 100 человѣкъ и всю конницу и съ остатками отряда осадилъ Ленкорань. Въ крѣпости было 4.000 человѣкъ гарнизона; Котляревскій послалъ письмо къ коменданту крѣпости Садыхъ-хану, потомъ къ почетнымъ жителямъ города, убѣждая сдаться, но и въ тотъ, и въ другой разъ получилъ отказъ. Тогда онъ издалъ по отряду лаконическій приказъ, въ которомъ объявилъ, что «отступленія не будетъ» и въ ночь на 31 декабря штурмовалъ крѣпость. Аттака сначала едва не была отбита, но въ рѣшительный моментъ Котляревскій кинулся въ самый огонь и увлекъ за собою солдатъ. При этомъ онъ полу-

чилъ двѣ тяжелыя раны — въ ногу и голову. Послѣ трехчасового штурма крѣпость была взята. Садыхъ-ханъ и 10 хановъ были убиты, изъ защитниковъ крѣпости погибло 3.700 человѣкъ. Взято было 8 орудій и 2 знамени; но и русскимъ побѣда стоила дорого: было убито и ранено 900 рядовыхъ и 40 офицеровъ, самъ Котляревскій былъ изувѣченъ такъ, что теперь онъ уже долженъ былъ покинуть военное поприще; Государь выразилъ израненному герою свое особое благоволеніе и пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 2-й ст. Взятіе Ленкорани закончило 13-лѣтнюю тяжелую войну съ Персіей. Эта побѣда дала Россіи славный Гюлистанскій миръ, по которому Персія уступила ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышинское, отказалась отъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію. Котляревскій долго лѣчился на минеральныхъ водахъ кавказскихъ, но здоровье его не поправлялось, и онъ долженъ былъ, оставивъ службу, «живымъ мертвецомъ» уѣхать въ Россію. Здѣсь на ссуду, данную ему Государемъ, онъ купилъ себѣ сельцо Александрово близъ Бахмута и, поселившись въ немъ, послѣ долгой разлуки увидѣлся со своимъ старикомъ отцомъ. 12 августа 1826 г. въ день коронаціи Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему чинъ генерала отъ инфантеріи и въ чрезвычайно милостивомъ рескриптѣ выразилъ надежду, что при угрожавшей тогда войнѣ онъ не откажется вступить на то поприще, на которомъ подвизался съ такимъ успѣхомъ; Государь писалъ, что одного имени его достаточно будетъ, чтобы одушевить войска, и устрашить врага. Но какъ нарочно въ это самое время здоровье Котляревскаго было особенно плохо и онъ принужденъ былъ отказаться отъ приглашенія Государя; главнокомандующимъ былъ назначенъ Паскевичъ.

Вся послѣдующая 26-лѣтняя жизнь Котляревскаго прошла тихо, незамѣтно, среди постоянныхъ физическихъ страданій, которыя онъ старался скрыть отъ окружающихъ. Въ своемъ уединеніи Котляревскій внимательно слѣдилъ за литературой, касающейся Кавказа, и два раза самъ брался за перо: одинъ разъ написалъ письмо къ редактору «Русскаго Инвалида» (Рус. Инв., 31 января 1837 г., №№ 25 и 26) для опроверженія неправильнаго, по его мнѣнію, описанія Ленкоранскаго сраженія, помѣщеннаго въ этомъ журналѣ за 1836 г., а въ другой разъ написалъ въ 1836 г. письмо Воейкову, автору статьи о взятіи Ахалкалакъ, указавъ, что онъ недостаточно оцѣнилъ подвиги Гренадерскаго полка. Передъ смертью Котляревскій велѣлъ принести къ себѣ Высочайшій рескриптъ 1826 г. и шкатулку, гдѣ хранились 40 костей, вынутыхъ изъ раны въ его головѣ, и передалъ все это племянницѣ со словами: «Это вамъ оставляю на память; вотъ что было причиною, что я не могъ служить до гроба Царю и Отечеству». Умеръ онъ 21 октября 1852 г.— Котляревскій былъ человѣкомъ крѣпкаго сложенія, высокаго роста съ черными волосами, сѣрыми глазами, молчаливый, застѣнчивый, скромный, онъ не любилъ говорить о себѣ и о своихъ подвигахъ. На просьбы друзей разсказать о своей жизни, Котляревскій всегда отвѣчалъ: «Біографія моя никогда не выйдетъ— отъ этого потери не будетъ, но одно вѣрное описаніе военныхъ дѣлъ, въ которыхъ я принималъ участіе, можетъ принести пользу военной молодежи». Онъ былъ очень религіозенъ и, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, обладалъ доброю, кроткою душой, отзывчивой на все хорошее. Какъ боевой генералъ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ военныхъ дѣятелей XIX в. Въ настоящее время Котляревскому, по иниціативѣ художника Айвазовскаго, воздвигнутъ изящный памятникъ въ г. Ѳеодосіи, а также скромный монументъ въ г. Елисаветполѣ, бывшей столицѣ Ганжинскаго ханства.

«Біографія П. С. Котляревскаго», гр. Соллогуба, Тифлисъ, 1854 г.; Бобровскій, «Исторія 13 лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго полка», Спб. 1892 г., т. II—VII; Казбекъ, «Исторія Грузинскаго полка», 1865 г.; Шабановъ, «Исторія лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго полка», ч. I, гл. 5—6; «Кавказъ», 1852 г., № 62, 1866 г. №№ 21, 46, 65; «Сѣверная Пчела», 1840 г. № 255; «Русскій Инвалидъ» 1837 г. №№ 25—22; «Русскій Архивъ» 1876 г. №№ 10, 203—204; «Воспоминанія Вигеля», т. I, ч. 4. 176; «Военный Сборникъ» 1871 г., т. 78, № 3. 165—196, «Генералъ Котляревскій»; «Таврическія епархіальныя вѣдомости», 1870 г., № 22; «Таврическія губернскія вѣдомости», 1871 г., №№ 62 и 64.

Котляревскій, *Николай Васильевичъ*, протоіерей военнаго собора въ Карсѣ. сынъ священника, род. въ 1818 г. въ

Екатеринославской губерніи, ум. 3 апрѣля 1891 г. Кончилъ курсъ въ Екатеринославской духовной семинаріи, 16 декабря 1839 г. рукоположенъ въ діакона, 23 декабря того же года — въ священника въ г. Верхнеднѣпровскъ. 21 сентября 1842 г. назначенъ священникомъ въ Подольскій егерскій полкъ и затѣмъ болѣе 25 лѣтъ былъ полковымъ священникомъ на Кавказѣ, въ самую трудную пору въ исторіи Кавказа. Любопытные факты изъ тогдашней жизни на Кавказѣ, матеріалы для исторіи покоренія Кавказа можно найти въ «Рѣчахъ» Котляревскаго. Въ 1875 г. онъ перешелъ въ Петербургъ къ церкви Николаевскаго военно-сухопутнаго госпиталя и состоялъ законоучителемъ при врачебныхъ курсахъ. Въ 1885 г. въ санѣ протоіерея перемѣщенъ въ Карскій военный соборъ; въ 1886 г. по болѣзни удалился на покой и жилъ во Владикавказѣ. Напечатаны его «Рѣчи, сказанныя предъ войсками въ Дагестанѣ» (Спб. 1859 г.).

«Церковн. Вѣдом.», 1891 г. № 22; дѣло Арх., Св. Синода, 1846 г. № 41. *Здр.*

Котовъ, *Ѳедотъ Аѳанасьевичъ*, московскій купецъ. Имя Ѳедота Котова встрѣчается впервые въ историческихъ памятникахъ подъ 1617 г.; въ этомъ году члены боярской думы, желая вознаградить англичанъ, за участіе въ только что состоявшемся Столбовскомъ договорѣ, обсуждали просьбу Джона Мерина, англійскаго посла, объ отводѣ англичанамъ участка земли около Вологды для сѣянія льна; спрошенные по поводу этого купцы, представители гостиной сотни, отвѣчали отказомъ; но Котовъ съ нѣсколькими другими стоялъ за позволеніе, не видя въ этомъ никакого ущерба ни торговлѣ русской, ни льняной промышленности. Затѣмъ около 1619 г. Котовъ также, и почти одинъ, настаивалъ на дозволеніи англичанамъ производить торговлю съ Персіей чрезъ Московское государство.

Въ 1623 г. Котовъ отправился «въ купчинахъ, съ государевою казною» въ Персію. Сопровождаемый восемью «товарищами» онъ выѣхалъ изъ Москвы 5 мая и до Астрахани шелъ обычнымъ воднымъ путемъ—по рр. Москвѣ, Окѣ и Волгѣ. «Съ Астрахани же», говоритъ Котовъ, «ходятъ на русскихъ бусахъ и на большихъ стругахъ моремъ подлѣ Черни; только это далеко, ходу моремъ при хорошой погодѣ двое сутокъ, а въ тихое время—недѣля. Ходятъ сухимъ путемъ степью въ станицахъ». Котовъ избралъ первый путь: «поклавъ государеву казну на двѣ бусы», онъ выступилъ изъ Астрахани 8 августа и 14 числа того же мѣсяца «присталъ къ Ширванской землѣ». Идя далѣе сухимъ путемъ и частью рѣками, Испагани онъ достигъ только на слѣдующій годъ 20-го іюня.

Послѣ Испагани Котовъ побывалъ въ «Турской землѣ», въ «Индѣи» и городѣ «Индѣйскомъ Урзумѣ». Свое путешествіе онъ описалъ подъ заглавіемъ: «О ходу въ Персицкое царство и изъ Персиды въ Турскую землю и въ Индію и въ Урзумъ, гдѣ корабли приходятъ» (напечатано въ XV томѣ «Временника», 1852 г.). Описаніе это довольно интересно; авторъ останавливается на разныхъ подробностяхъ видѣнныхъ имъ мѣстностей, городовъ, мечетей, на способахъ передвиженія; указываетъ почти всюду разстоянія между городами и мѣстечками, производя счетъ на дни. Особенно подробно описана встрѣча Аббаса шаха (26 іюня 1624 г.), возвращавшагося послѣ взятія Багдада; кромѣ того, Котовъ говоритъ «о праздникахъ бусурманскихъ въ Персицкой землѣ»; предпослѣдняя глава носитъ такое заглавіе: «здѣ пишетъ о ходу изъ Шамахи въ Турскую землю» (внѣшнее и краткое описаніе пути и встрѣченныхъ во время пути городовъ)—и послѣдняя: «здѣ писанъ ходъ изъ Перскіе земли въ Индѣю».

Путешествіе Котова: «О ходу въ Персидское царство»—«Временникъ» 1852 г., т. XV; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, стр. 1129, 1177, 1392 и 1393.

Котошихинъ, *Григорій Карповичъ*, подъячій Посольскаго приказа, писатель, казненъ въ Стокгольмѣ въ 1667 г. Годъ рожденія неизвѣстенъ; повидимому, Григорій Котошихинъ еще не служилъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; съ другой стороны видно, что въ 1658 г. онъ былъ уже не совсѣмъ молодымъ человѣкомъ; поэтому, годъ его рожденія, вѣроятно, близокъ къ 1630 г.; отецъ его служилъ казначеемъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей. Свѣдѣній о томъ, гдѣ и чему учился Гр. Котошихинъ, не имѣется; вѣроятно, обученіе его ограничилось изученіемъ грамоты, а всѣ свои свѣдѣнія, которыми обладалъ Котошихинъ впослѣд-

ствіи, онъ пріобрѣлъ уже за время службы. Около 1645 г. Котошихинъ поступилъ писцомъ въ Посольскій приказъ; повидимому, незадолго до 1658 г. или въ этомъ году произведенъ въ подъячіе. Въ 1658 г. Котошихинъ состоялъ при русскомъ посольствѣ, которое вело переговоры со шведскимъ въ Валлисари, близъ Нарвы, и затѣмъ въ переговорахъ въ Пюхестекулэ; въ 1659—1660 гг. онъ находился при русскомъ посольствѣ въ Дерптѣ; въ апрѣлѣ 1660 г. онъ подвергся наказанію за описку въ царскомъ титулѣ въ одной изъ грамотъ; но это не имѣло никакого неблагопріятнаго вліянія на его службу. Въ томъ же году Котошихинъ дважды ѣздилъ изъ Дерпта въ Ревель, съ грамотою къ находившемуся тамъ шведскому посольству, 9 октября и 11 декабря. Послѣ заключенія—21 іюня 1661 г.—Кардисскаго мира Котошихинъ, присутствовавшій при его заключеніи, вернулся въ Москву; въ это время онъ былъ уже женатъ. Безъ него въ Москвѣ отецъ его былъ обвиненъ въ растратѣ монастырской суммы, суммы совершенно ничтожной, да, по словамъ Котошихина, и несправедливо; но домъ и все имущество Котошихиныхъ были отобраны за эту растрату. Осенью того же года Котошихинъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ съ письмомъ царя къ шведскому королю; прибывъ въ Стокгольмъ около 20 сентября, Котошихинъ вскорѣ же былъ отпущенъ обратно; за посылку эту онъ получилъ въ Стокгольмѣ обычные въ подобныхъ случаяхъ подарки, а въ Москвѣ прибавку къ годовому жалованью, — вмѣсто 13 р. онъ сталъ получать 19 р.—и полугодовое жалованье не въ зачетъ; въ началѣ 1663 г. Котошихинъ получилъ еще небольшую прибавку къ жалованью и опять полугодовой окладъ (теперь 10 р.) не въ зачетъ. Въ этомъ же году Котошихинъ началъ и тайныя сношенія съ шведскимъ правительствомъ: шведскій уполномоченный Эберсъ, который велъ въ Москвѣ переговоры объ опредѣленіи взаимныхъ денежныхъ претензій, подкупилъ Котошихина сообщить ему, на какія крайнія уступки уполномочены русскіе представители; произошло это, повидимому, въ первой половинѣ іюля 1663 г.: при донесеніи Эберса отъ 22 іюля 1663 г. находится переводъ сообщенной ему Котошихинымъ инструкціи; за сообщеніе ея Котошихинъ получилъ 40 руб. Весною 1664 г. Котошихинъ посланъ былъ для веденія канцелярскихъ дѣлъ въ войска дѣйствовавшія противъ поляковъ подъ начальствомъ кн. Я. К. Черкасскаго; въ концѣ августа 1664 г. онъ бѣжалъ въ Польшу. Самъ Котошихинъ объясняетъ свое бѣгство такъ: по его словамъ, кн. Ю. А. Долгорукій, замѣнившій кн. Черкаскаго, потребовалъ отъ него, Котошихина, чтобы былъ составленъ доносъ на кн. Черкаскаго, будто бы онъ умышленно дѣйствовалъ во вредъ русскимъ и въ пользу поляковъ; Котошихинъ, не пожелавъ такого ложнаго доноса писать и опасаясь мести и преслѣдованій со стороны кн. Долгорукаго, бѣжалъ. Провѣрить въ данномъ случаѣ Котошихина трудно; обстоятельства командованія кн. Черкасскаго съ одной стороны, извѣстная крутость нрава кн. Долгорукаго съ другой—дѣлаютъ такое объясненіе довольно вѣроятнымъ; но возможно, что Котошихинъ и просто боялся возвратиться въ Москву послѣ своихъ сношеній съ Эберсомъ. Пославъ изъ Вильны къ королю просьбу о принятіи на службу, Котошихинъ былъ опредѣленъ состоять при великомъ канцлерѣ литовскомъ, Пацѣ, съ жалованьемъ въ 100 р.; но такимъ положеніемъ Котошихинъ доволенъ не былъ; въ началѣ 1665 г. онъ написалъ новую просьбу къ королю, выражая желаніе быть при его особѣ и обѣщая дать полезныя указанія въ войнѣ съ «москалемъ»; неизвѣстно, дошла ли просьба до короля, и каковъ былъ ея результатъ; но въ августѣ 1665 г. Котошихинъ уже опять бѣжалъ—въ Силезію. Со времени своего пребыванія въ Польшѣ Котошихинъ называется Иваномъ Александромъ Селицкимъ; въ Польшѣ же онъ познакомился съ Воиномъ Ординымъ-Нащокинымъ, сыномъ извѣстнаго дипломата, тоже бѣжавшимъ изъ Москвы. Черезъ Пруссію Котошихинъ пробрался въ Любекъ, оттуда поѣхалъ въ Нарву и здѣсь, 24 октября 1665 г., подалъ находившемуся въ Нарвѣ ингерманландскому губернатору Як. Таубе прошеніе о принятіи его въ шведскую службу. Таубе, знавшій Котошихина еще съ его поѣздки въ Стокгольмъ, немедленно послалъ королю извѣщеніе о просьбѣ Котошихина и даже, не ожидая отвѣта, нѣсколько помогъ деньгами Котошихину, находившемуся въ сильной нуждѣ. Вслѣдъ за письмомъ Таубе, а можетъ быть и одновременно съ нимъ, самъ Котошихинъ отправилъ къ королю шведскому

прошеніе о принятіи на службу; въ прошеніи этомъ онъ сообщалъ разныя обстоятельства своей жизни; сохранились важнѣйшія части этого прошенія въ переводѣ на шведскій языкъ. 16 ноября 1665 г. прошеніе было разсмотрѣно въ Совѣтѣ, а 24 состоялось рѣшеніе выдать Котошихину 200 риксдалеровъ и привезти его въ Стокгольмъ, какъ «человѣка, хорошо знающаго русское государство и изъявляющаго готовность сдѣлать разныя полезныя сообщенія». Между тѣмъ пребываніе Котошихина въ Нарвѣ сдѣлалось извѣстно новгородскому воеводѣ кн. В. Гр. Ромодановскому и онъ 11 декабря 1665 г. потребовалъ отъ Таубе его выдачи; но Котошихинъ съумѣлъ скрыться; 9 же января 1666 г. пришло въ Нарву къ Таубе королевское письмо о Котошихинѣ; 5 февраля 1666 г. Котошихинъ прибылъ въ Стокгольмъ; 28-го марта 1666 г., послѣ того какъ Котошихинъ подавалъ два прошенія, онъ былъ принятъ на службу, съ жалованьемъ въ 150 далеровъ. Котошихинъ принялъ здѣсь протестанство. Затѣмъ онъ сталъ извѣстенъ ближе канцлеру гр. Магнусу Делагарди и, повидимому по его побужденію, составилъ свой извѣстный историческій трудъ. 29-го ноября 1666 г. послѣдовалъ указъ, которымъ жалованье Котошихину было удвоено.— 25 августа 1667 г. Котошихинъ нанесъ смертельныя раны хозяину дома, въ которомъ онъ жилъ, Анастазіусу, въ дракѣ, возникшей вслѣдствіе того, что Анастазіусъ приревновалъ къ Котошихину свою жену; въ ночь на 9 сентября Анастазіусъ скончался. Котошихинъ былъ судимъ и приговоренъ къ смертной казни, которая и была совершена въ началѣ ноября 1667 г.; тѣло его было анатомировано въ Упсалѣ Рудбекомъ и кости хранились въ музеѣ университета, по крайней мѣрѣ въ 1682 г.

Значеніе Котошихина—въ томъ, что онъ авторъ извѣстнаго, весьма любопытнаго сочиненія, являющагося однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ русской литературы XVII в. Оно написано въ Стокгольмѣ и вполнѣ закончено: самимъ авторомъ сдѣлано къ нему оглавленіе. Сочиненіе Котошихина содержитъ 13 главъ, въ которыхъ 235 статей. Въ трудѣ своемъ Котошихинъ сообщаетъ различныя свѣдѣнія о царской фамиліи, о служилыхъ людяхъ, о дипломатическихъ сношеніяхъ московскаго государства съ сосѣдями (главы 1—5), о дворцовомъ хозяйствѣ (гл. 6), объ приказахъ и другихъ центральныхъ органахъ московской администраціи (гл. 7, самая обширная), объ областномъ управленіи, о военныхъ дѣлахъ (гл. 8 и 9) о торговыхъ людяхъ и о царской торговлѣ (гл. 10 и 12), о крестьянахъ (гл. 11) и, наконецъ, (гл. 13) о нравахъ московскихъ людей. Такимъ образомъ сочиненіе это изложено въ извѣстной системѣ, хотя и не безъ разныхъ нарушеній ея; нѣсколько разъ въ послѣдующихъ главахъ даются свѣдѣнія, которыя должны дополнять ранѣе изложенное въ другомъ мѣстѣ. Не всѣ сообщенія Котошихина могутъ быть провѣрены по другимъ источникамъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ его показанія являются единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній; но для большинства случаевъ такая повѣрка возможна; она приводитъ къ заключенію, что показанія Котошихина, въ общемъ, вѣрны; нѣкоторыя ошибки вполнѣ естественны у человѣка, который всѣ свои свѣдѣнія пріобрѣлъ лишь изъ практической своей дѣятельности; отъ этого же явилась и та неравномѣрность, которая замѣчается въ его изложеніи; дѣла посольскія, напримѣръ, изложены всего вѣрнѣе и всего полнѣе. Но и при всѣхъ своихъ ошибкахъ сочиненіе Котошихина весьма важно, какъ показатель умственныхъ интересовъ человѣка того времени и той суммы свѣдѣній о своемъ государствѣ, какая была у тогдашнихъ московскихъ дѣятелей. Признавая въ Котошихинѣ нѣсколько болѣе живой умъ, чѣмъ у тогдашнихъ среднихъ людей, мы все таки можемъ считать его свѣдѣнія за нѣчто близкое къ тому, чѣмъ располагали и другіе современные ему средніе дѣятели. Что касается оцѣнки разныхъ сторонъ московской дѣйствительности, то тутъ, конечно, Котошихинъ болѣе субъективенъ; несомнѣнно, что не всѣ русскіе люди XVII в., даже не большинство ихъ, смотрѣли такъ и на нравственность московскихъ жителей, и на дѣятельность и значеніе думы боярской, какъ Котошихинъ. Знакомство съ нравами другихъ народовъ, съ ихъ государственнымъ устройствомъ въ теченіе всего XVII в. дѣлало большіе успѣхи въ московскомъ государствѣ; но въ ту пору, когда жилъ и дѣйствовалъ Котошихинъ, еще не создалось почти въ умахъ русскихъ людей идеи о возможности заимствовать многое отъ иностранцевъ и остаться въ то же время вполнѣ русскими; лишь такіе выдающіеся

умы, какъ А. Ординъ-Нащокинъ, представляли себѣ эту возможность; большинство же примыкало къ одному изъ двухъ крайнихъ рѣшеній—или отрицать все чужое, отвращаться отъ него, или отказаться отъ всего своего, отъ родины и вѣры. Котошихинъ пошелъ вторымъ путемъ; онъ былъ, очевидно, человѣкъ вообще очень неуравновѣшенный, что доказалъ и всею своею жизнью и самою смертью. — Сочиненіе Котошихина въ 1669 г. было переведено на шведскій языкъ; въ XVII же вѣкѣ подлинная рукопись Котошихина досталась шведскому ученому Спарвенфельдту, знавшему русскій языкъ; онъ именно сдѣлалъ на ней помѣту, въ которой ошибочно назвалъ автора «Кошихинымъ», не замѣтивъ двухъ буквъ, поставленныхъ подъ титломъ; какъ извѣстно, ошибка эта нѣкоторое время не была исправлена и въ русской ученой литературѣ; отъ Спарвенфельдта рукопись перешла въ упсальскій университетъ, гдѣ находится и понынѣ. Въ Швеціи сочиненію Котошихина придавалось большое значеніе; съ перевода его сочиненія было снято въ XVII в. нѣсколько копій; въ началѣ XVIII в. еще вспоминали о немъ. Изъ русскихъ впервые узналъ о немъ, около 1835—1837 г., А. И. Тургеневъ и доложилъ объ этомъ государю; затѣмъ оно было списано профессоромъ Гельсингфорскаго университета С. В. Соловьевымъ, и трижды издано Археографическою Комиссіею (въ 1840, 1859 и 1884 гг.) подъ названіемъ: «О Россіи въ царствованіе ц. Алексѣя Михайловича».

Свѣдѣнія о Котошихинѣ собраны въ предисловіи ко 2-му изданію его сочиненія; затѣмъ кое-что есть въ «Протоколахъ» Археогр. Комиссіи, въ «Исторіи Россіи» Соловьева, т. XI, пр. 22, и въ статьѣ Я. К. Грота «Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ», представляющей пересказъ статьи шведскаго ученаго Ерне; статья эта напечатана въ «Сбор. отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ», т. 29; наиболѣе полный сводъ всего, что извѣстно о Котошихинѣ, а также и лучшій пока анализъ его труда — въ сочиненіи А. И. Маркевича: «Гр. Кар. Котошихинъ и его сочиненіе о Моск. госуд. XVII в.», Одесса 1895, 181 стр.

Котянъ Сутоевичъ, половецкій ханъ. Въ 1205 г., по смерти галицкаго князя Романа воевалъ въ Галицкомъ княжествѣ и едва не попалъ въ плѣнъ. Въ 1223 г., послѣ нашествія татаръ на половецкую землю, Котянъ пришелъ въ Галичъ и просилъ своего зятя, князя Мстислава Мстиславовича галицкаго, и другихъ русскихъ князей помочь ему противъ татаръ, но тѣ ограничились однимъ обѣщаніемъ. Въ 1225 г. Мстиславъ проводилъ его къ себѣ, собираясь идти на ляховъ, бывшихъ въ союзѣ съ Даніиломъ Романовичемъ, а въ 1228 г. Котянъ помогалъ великому князю кіевскому Владиміру Рюриковичу противъ Даніила. Нѣсколько же лѣтъ спустя онъ съ своими половцами помогалъ Даніилу, воевавшему противъ венгровъ. Разбитый въ астраханскихъ степяхъ татарами Батыя въ 1238 г. Котянъ бѣжалъ съ 4.000 половцевъ въ Венгрію; король венгерскій принялъ ихъ въ свое подданство и далъ землю для поселенія.

Полное собр. рус. лѣтописей: I, 216—217; II, 156, 165—167, 170, 173; III, 39—40; IV, 28; VII, 129—130; Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. IV, стр. 7; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. I, стр. 642, 808 и 823.

Кохановская, Н., писательница, псевдонимъ, см. **Соханская,** *Надежда Степановна.*

Коховскій, *Всеволодъ Порфирьевичъ,* генералъ-лейтенантъ, директоръ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, род. 2 марта 1835 г., ум. 2 іюня 1891 г. По окончаніи курса въ Дворянскомъ полку въ 1853 г., былъ зачисленъ поручикомъ въ Дунайскую армію, участвовалъ въ переправѣ черезъ Дунай и въ осадѣ Силистріи. По возвращеніи въ Россію въ 1854 г. былъ зачисленъ въ Финляндскій полкъ. Въ 1860 г. поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба и по окончаніи въ ней курса въ 1862 г. былъ сперва прикомандированъ къ Павловскому кадетскому корпусу, а по упраздненіи послѣдняго перечисленъ въ Павловское военное училище командиромъ 1-й роты. Въ томъ же году получилъ назначеніе состоять при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній для приготовленія къ должности инспектора классовъ. Въ 1864 г. назначенъ на должность начальника учебнаго отдѣленія. Состоя въ этой должности, принималъ дѣятельное участіе въ реформѣ военно-учебныхъ заведеній. Въ 1867 г. произведенъ въ полковники. Въ 1874 г. зачисленъ чиновникомъ IV класса при Главномъ управленіи

военно-учебныхъ заведеній и принялъ въ завѣдываніе Педагогическій Музей, а по утвержденіи штатовъ этого учрежденія (въ 1889 г.) утвержденъ въ должности директора. Въ 1874 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1889 г. въ генералъ-лейтенанты.

Имя В. П. Коховского тѣсно связано съ исторіей Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, учрежденнаго въ 1864 г. Будучи начальникомъ учебнаго отдѣла и понимая, какую услугу можетъ оказать музей въ дѣлѣ обученія, онъ способствовалъ его учрежденію и относился къ нему съ особенной заботливостью. Принявъ его въ свое завѣдываніе, онъ расширилъ его, пополнивъ новыми коллекціями; обративъ вниманіе на относительно высокую стоимость учебныхъ пособій, большею частью выписывавшихся изъ-за границы, онъ нашелъ русскихъ производителей и настолько удешевилъ и улучшилъ учебныя пособія, что они сдѣлались предметомъ вывоза за границу. Благодаря его усиліямъ коллекціи музея были прекрасно разработаны и музей былъ удостоенъ почетныхъ наградъ на выставкахъ въ Парижѣ 1875 и 1878 гг., Брюсселѣ 1876 и 1880 гг., Лондонѣ 1876 г., Филадельфіи 1876 г. и Венеціи 1881 г. Съ 1871 г. по мысли В. П. Коховскаго при музеѣ учреждены чтенія съ туманными картинами первоначально для солдатъ, а потомъ и для народа; организація этихъ чтеній поручена имъ особой комиссіи изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній подъ его предсѣдательствомъ; въ комиссію эту онъ привлекалъ лучшія педагогическія силы. Кромѣ сего, по предложенію В. П. Коховскаго, профессора высшихъ учебныхъ заведеній читали публичныя лекціи по различнымъ отраслямъ знаній. Съ 1884 г. при музеѣ были образованы спеціальныя комиссіи по воспитанію и обученію, русскому языку и словесности, математикѣ, иностраннымъ языкамъ, физики, химіи и космографіи, школьной гигіенѣ, музыкѣ и пѣнія.

В. П. Коховскому принадлежитъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій; они были помѣщены въ журналѣ «Педагогическій Сборникъ», издаваемомъ при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній; изъ статей его можно указать на слѣдующія: Матеріалы, извлеченные изъ протоколовъ педагогическихъ комитетовъ и годовыхъ отчетовъ военныхъ гимназій за 1863—1868 гг. (1868 г. кн. 1 и 2); Реформа военно-учебныхъ заведеній. Ея причины, способъ осуществленія и результаты (1862 — 1869 гг.) (1869 г. кн. 3); Результатъ преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ цифрахъ стоимости учебныхъ заведеній (1869 г. кн. 3); Вопросы изъ воспитательской практики (1870 г. кн. 2 и 8); Отчетъ объ осмотрѣ учебныхъ пособій на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 г. (1873 г. кн. 10 и 11); По поводу участія Педагогическаго Музея въ международной выставкѣ и географическомъ конгресѣ въ Парижѣ 1875 г. (1875 г. кн. 11); Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и его дѣятельность за время съ 1864 по 1874 г. (1876 г.); Каталогъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій педагогическаго отдѣла военнаго министерства. Выставка 1870 г. (Каталогъ снабженъ весьма обстоятельными примѣчаніями). Подробности внѣшняго и внутренняго устройства Брюссельской образцовой начальной школы. Спб. 1880 г.

«Формулярн. списокъ» о службѣ Коховскаго; «Педагог. Сборникъ», изд. при Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній; П. Роговъ: «Памяти В. Коховского»; «Русская Школа», 1891 г., кн. 12; Личныя воспоминанія о В. Коховскомъ.

П. Васильевъ.

Кохъ, *Владиміръ Ивановичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ 1817 г., ум. 26 апрѣля 1886 г. Сынъ митавскаго мѣщанина; въ 1835 г. окончилъ курсъ въ Митавской гимназіи; въ 1836 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, въ 1841 г. кончилъ курсъ со степенью лѣкаря 1-го отдѣленія и былъ первое время сельскимъ врачемъ; въ 1843 г. опредѣленъ ассистентомъ при Дерптской акушерской клиникѣ; въ 1846 г. получилъ степень доктора медицины и назначенъ адъюнктомъ акушерской клиники въ Московскомъ университетѣ, въ 1852 г. назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора и директора акушерской клиники.

«Біогр. словарь профес. Моск. унив.», I, 431.

Кохъ, *Иванъ*, коллежскій ассесоръ, совѣстный судья въ Охотскѣ, ум. послѣ 1795 г. Въ 1784 г. открывалъ по порученію Иркутскаго генералъ-губернатора

новыя учрежденія въ Охотскѣ. Главнымъ начальникомъ края былъ, собственно говоря, комендантъ полковникъ Козловъ-Угренинъ, но наибольшее значеніе имѣлъ Кохъ. Управленіе Козлова и Коха является образчикомъ того, что могли тогда позволить себѣ люди безсовѣстные и смѣлые на такой далекой окраинѣ. Благодаря полному невѣжеству Козлова и Коха въ морскомъ дѣлѣ пять русскихъ казенныхъ судовъ, находившихся при ихъ вступленіи въ должность на лицо, скоро всѣ пропали, частью погибли, а частью сгнили; въ управленіи господствовало взяточничество и казнокрадство. Въ 1789 г. Козловъ по своему прошенію, былъ смѣненъ, но всѣ усиленія его передать свое мѣсто Коху не удались; Военная Коллегія не нашла возможнымъ назначить главнымъ начальникомъ отдаленной окраины статскаго и прислала капитана Шмалева, который до того долго жилъ въ томъ краю и зналъ продѣлки Коха и Козлова. Шмалевъ сталъ держать себя очень независимо и 7 ноября того же 1789 г. скоропостижно умеръ; совѣстному судьѣ Коху было поручено произвести строжайшее слѣдствіе о причинахъ его смерти, но слѣдствіе не выяснило правды, ибо самъ Кохъ былъ сильно замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; въ сентябрѣ Козловъ уѣхалъ изъ Охотска, передавъ временно главное управленіе Коху, который исправлялъ эту должность, съ перерывомъ въ годъ, когда былъ комендантомъ полковникъ Виттенъ, до 1795 г., когда прибылъ новый комендантъ, премьеръ-маіоръ кн. Мышецкій; за это время Кохъ въ 1792 г. принималъ участіе, какъ волонтеръ, въ экспедиціи профессора Лаксмана къ берегамъ Японіи. По пріѣздѣ кн. Мышецкаго стали раскрываться злоупотребленія Козлова, а въ порту, находившемся въ вѣдѣніи Коха — большіе безпорядки; тогда Кохъ отправился въ Иркутскъ и очернилъ въ глазахъ начальства кн. Мышецкаго настолько, что его предали суду, хотя потомъ и оправдали. Въ Охотскѣ про Коха сложилась пословица «На Небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ». Надо, однако, указать, что за время своего управленія Кохъ много способствовалъ распространенію образованія въ округѣ и, завелъ нѣсколько школъ и особенно заботился объ Охотской Навигакой школѣ, которая была до него въ большомъ упадкѣ; онъ выхлопоталъ ей субсидію отъ правительства.

«Морск. Сборникъ» 1869 г. № 11 и 12, ст. Сгибнева; Хлѣбниковъ, «Жизнеописаніе А. А. Баранова» Спб. 1835 г.; С. Максимова «Сибирь и каторга» ч. 3. Спб. 1871 г.

П. Бѣлавенецъ.

Коцауровъ, *Николай Васильевичъ*, адъюнктъ математики въ Московскомъ университетѣ, род. въ 1798 г., ум. послѣ 1848 г. Сынъ поручика; рано потерялъ отца, а когда ему было 8 лѣтъ—умерла и мать его, на другой день послѣ того, какъ пришла съ двумя своими сыновьями, изъ которыхъ младшему было лишь 5 лѣтъ, въ Москву, безъ всякихъ средствъ, хлопотать о помѣщеніи куда-нибудь своихъ дѣтей. Въ сиротахъ принялъ участіе оберъ-камергеръ кн. А. М. Голицынъ; ихъ помѣстили въ сиротское заведеніе при матросской богадѣльнѣ; въ 1810 г., по окончаніи курса въ этой школѣ, Коцауровъ былъ переведенъ въ гимназію, въ 1816 г. перешелъ въ университетъ; 5 іюля 1819 г. окончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическаго отдѣленія философскаго факультета съ серебряною медалью. Съ 18 января 1820 г. началъ службу преподавателемъ математики въ университетскомъ пансіонѣ, въ 1823 г. по избранію совѣта университета поручено ему чтеніе лекцій по математикѣ студентамъ перваго курса; 10 января 1824 г., защитивъ разсужденіе «Объ измѣреніи высотъ посредствомъ барометра», получилъ степень магистра; съ 1822 г. служилъ въ Воспитательномъ домѣ, и съ 16 апрѣля 1834 г. оставилъ службу въ университетѣ, занявъ должность помощника инспектора классовъ при Московскомъ воспитательномъ домѣ.

«Біогр. словарь профес. Моск. унив.», I, 432.

Коцебу, *Августъ - Фридрихъ - Фердинандъ*, извѣстный драматургъ, род. въ Веймарѣ 3 мая нов. ст. 1761 года, убитъ Зандомъ, въ Маннгеймѣ, 23 марта н. ст. 1819 г. — Лишившись отца въ 1763 г., онъ получилъ воспитаніе подъ ближайшимъ руководствомъ матери. Женщина образованная, одаренная литературнымъ и художественнымъ вкусомъ, она внушила сыну съ малыхъ лѣтъ сильнѣйшую любовь къ чтенію; онъ зачитывался сначала исторіей Ромео и Юліи, затѣмъ Донъ-Кихотомъ и, особенно, Робинзономъ Крузе. Это увлеченіе мать умѣряла, читая съ нимъ Эзопа, Геллерта, Галлера, Бодмера, Глейма, Уца и Гагедорна. Чтеніе этихъ писателей, бывшихъ тогда въ модѣ, вну-

шило мальчику желаніе подражать имъ и онъ шести лѣтъ отъ роду уже пишетъ стихотворенія и даже пытается сочинить комедію. Увидавъ въ Веймарѣ представленіе труппы странствующихъ артистовъ, Коцебу увлекся театромъ. Когда мальчику подошло время учиться, его отдали въ Веймарскую гимназію, гдѣ въ числѣ учителей находился его дядя, Музеусъ, писатель, обращавшій особенное вниманіе на развитіе въ своихъ ученикахъ способности къ самостоятельному творчеству. Въ это время Коцебу впервые увидѣлъ Гете. Великій поэтъ, посѣщавшій домъ m-me Коцебу, обратилъ вниманіе на даровитаго мальчика, позволялъ ему приходить къ себѣ и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ, побуждая его трудиться; Гете даже удостоилъ мальчика чести играть вмѣстѣ съ нимъ въ любительскомъ спектаклѣ, въ своей пьесѣ «Братъ и сестра». Это былъ первый театральный дебютъ Коцебу. Къ гимназическому періоду жизни Коцебу относится и его знакомство съ Клингеромъ, авторомъ знаменитой драмы «Sturm und Drang»; съ Клингеромъ и Музеусомъ мальчикъ пѣшкомъ совершилъ путешествіе изъ Веймара въ Готу.

Не имѣя полныхъ 16 лѣтъ, Коцебу въ 1777 г. поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ изучалъ латинскій и греческій языки и поэзію; въ то же время онъ постоянно участвовалъ въ спектакляхъ общества артистовъ-любителей, исполняя, въ виду своей молодости, женскія роли ingenues. Онъ продолжалъ заниматься стихотворствомъ и въ 1777 г. его стихотвореніе «Ralph und Guido» было напечатано въ изданіи Виланда «Der deutsche Mercur». Пробывъ годъ въ Іенскомъ университетѣ, Коцебу перешелъ, по обычаю того времени, въ другой университетъ, въ Дуисбургѣ, гдѣ тотчасъ же составилъ любительскую труппу и началъ давать спектакли въ католическомъ монастырѣ, такъ какъ протестантское населеніе отказалось дать помѣщеніе для такого дѣла. Въ 1779 г. Коцебу возвратился въ Іенскій университетъ, и продолжалъ здѣсь свое юридическое образованіе. Сдавъ окончательный экзаменъ, онъ вернулся въ Веймаръ и занялся адвокатурой. Въ это время онъ написалъ первую свою комедію (непоявившуюся, впрочемъ, въ печати) «Модныя женщины», сюжетъ которой заимствованъ изъ современной скандальной хроники. Въ Веймарѣ Коцебу нашелъ Музеуса, и сталъ подражать ему въ своихъ произведеніяхъ, какъ до тѣхъ поръ подражалъ Гете, Виланду и Бюргеру. Ежедневно онъ приходилъ къ Музеусу, и по нѣсколько часовъ они за однимъ и тѣмъ же письменнымъ столомъ проводили за литературной работой. Первымъ результатомъ этихъ занятій у Музеуса былъ первый появившійся въ печати трудъ Коцебу: «Ich. Eine Geschichte in Fragmenten zu Nutz und Frommen der mannbaren Jugend. Eisenach, 1781». За тѣмъ, въ короткое время послѣдовали: «Erzählungen von A. von Kotzebue. Leipzig, 1781», «Das dreifache Gelübde. Weimar, 1781», и «Er und Sie. Vier romantische Gedichte. Eisenach, 1781». Такая быстрота творчества уже предвѣщала въ лицѣ Коцебу писателя, который впослѣдствіи написалъ нѣсколько сотъ литературныхъ произведеній.

Осенью 1781 г. Коцебу покинулъ отечество и прибылъ въ Россію. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ къ графу Ф. Герцу, тогдашнему прусскому посланнику при русскомъ дворѣ, Коцебу получилъ мѣсто секретаря у генерала Баура и сдѣлался помощникомъ его по дирекціи существовавшаго въ Петербургѣ нѣмецкаго театра. Для этого театра Коцебу написалъ пятиактную трагедію «Demetrius Zaar von Moscau» (Спб. 1782), и комедію «Die Nonne und das Kammermädchen», написанную по случаю притѣсненія монастырей въ Австріи въ царствованіе Іосифа II. Въ 1783 г. Бауръ умеръ и Коцебу получилъ въ Ревелѣ мѣсто ассессора апелляціоннаго суда—очень хорошее при его молодыхъ годахъ. Черезъ два года, въ 1785 г., Коцебу былъ назначенъ президентомъ Ревельскаго магистрата. На такомъ, сравнительно высокомъ, мѣстѣ Коцебу, по молодости, позволялъ себѣ иногда мальчишескія проказы, что въ значительной степени подорвало его авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Авторитетъ его еще болѣе палъ, когда онъ основалъ любительскій театръ и сталъ лично участвовать въ платныхъ спектакляхъ, хотя и съ благотворительной цѣлью. Въ это время онъ написалъ первыя двѣ драмы, которымъ самъ придавалъ нѣкоторое значеніе: «Der Eremit auf Formentera. Reval, 1787» и «Adelheid von Wulfingen. Leipzig, 1788». Ободренный сценическимъ успѣхомъ этихъ произведеній, Коцебу быстро

написалъ рядъ пьесъ: свою саму извѣстную драму: «Menschenhass und Reue. Berlin 1789», затѣмъ «Das Kind der Liebe», «Die Sonnenjungfrau», «Die Spanier in Peru oder Rolla's Tod», «Die Indianer in England», «Bruder Moritz der Sonderling oder Die Colonie für Pelew-Inseln». Всѣ эти пьесы, за исключеніемъ «Menschenhass und Reue», встрѣтили въ нѣмецкой публикѣ восторженный пріемъ; но «Menschenhass und Reue» вызвала не мало разныхъ нападковъ; вообще же драмы Коцебу давали полные сборы, и онъ воцарился на германской сценѣ. Въ это же время Коцебу задумалъ написать исторію царствованія Генриха Льва. Онъ собралъ значительный матеріалъ по этому вопросу въ архивахъ Ганновера и Вольфенбюттеля и уже приступилъ къ отдѣлкѣ своего труда, но въ то же самое время появились въ печати два сочиненія объ этомъ государѣ; тогда Коцебу оставилъ свой трудъ. Въ 1786 г. онъ основалъ для Эстляндіи и Лифляндіи ежемѣсячное изданіе, просуществовавшее, впрочемъ, одинъ только годъ: «Für Geist und Herz. Eine Monatsschrift für die nordischen Gegenden. Reval, 1786». Коцебу задумалъ около этого времени большое философское сочиненіе, но напечаталъ только отрывокъ изъ него: «Vom Adel. Bruchstücke eines grösseren historisch-philosophischen Werks, über Ehre und Schande, Ruhm und Nachruhm aller Völker, aller Jahrhunderte. Leipzig, 1792», гдѣ Коцебу превозноситъ соціальную полезность знати; этотъ отрывокъ посвященъ Екатеринѣ II. Въ этотъ же періодъ Коцебу напечаталъ сантиментальный романъ «Die Leiden der Ortenbergischen Familie (I-ая часть St.-Petersburg, 1785, 1 и 2 чч. Leipzig 1787—1788 и новое изданіе Leipzig, 1792), историческій разсказъ «Zaïde oder die Entthronung Muhameds des Vierten. Leipzig, 1786», романъ «Die gefährliche Wette. Leipzig, 1790», издалъ «Nachgelassene Schriften des verstorbenen Professors Musaeus. Leipzig, 1791» и свой переводъ (съ французскаго) сочиненія маркиза Жозефа де Буа-Роберъ де ла Валле «Philosophisches Gemälde der Regierung Ludwigs des XIV-ten. Leipzig, 1791». Изданіе этого перевода причинило Коцебу не мало непріятностей. Его заподозрили въ томъ, что онъ раздѣляетъ взгляды французскаго автора, отъявленнаго приверженца революціи.

Въ 1790 г. Коцебу отправился на воды въ Пирмонтъ, а затѣмъ въ Веймаръ, гдѣ ждала его жена, которая вскорѣ умерла въ родахъ; эту потерю Коцебу съ приторной откровенностью оплакалъ въ своемъ сочиненіи «Meine Flucht nach Paris im Winter 1790. Leipzig, 1791», написанномъ по поводу кратковременнаго пребыванія автора во Франціи съ 12 декабря 1790 по 7 января 1791 года (по новому стилю), въ самый разгаръ революціи.

Еще въ Пирмонтѣ Коцебу познакомился съ небезъизвѣстнымъ докторомъ Циммерманомъ, корреспондентомъ Екатерины II и противникомъ господствовавшей тогда въ Германіи партіи Aufklärung. Бардтъ, основатель общества, извѣстнаго подъ именемъ «Двадцати двухъ» или «Германскаго союза» и имѣвшаго задачей пропаганду философскихъ идей, непримиримымъ противникомъ которыхъ былъ Циммерманъ, написалъ по адресу Циммермана язвительную брошюру «Mit dem Herrn Zimmermann deutsch gesprochen von D. C. F. Bahrdt». Коцебу, которому попала въ руки эта брошюра, задумалъ отомстить за Циммермана и издалъ переходящій всякія границы памфлетъ, въ видѣ драмы «Doktor Bahrdt mit der eisernen Stirn oder die deutsche Union gegen Zimmermann. 1790» и подписалъ это произведеніе не своимъ именемъ и не псевдонимомъ, а фамиліей барона Книгге, писателя, который былъ однимъ изъ противниковъ Циммермана. Успѣхъ этого памфлета былъ необычайный, но подлогъ этотъ не прошелъ для Коцебу безнаказанно. Одинъ изъ выведенныхъ въ памфлетѣ лицъ, ганноверскій полицейскій чиновникъ, подалъ въ ганноверскую полицію формальную жалобу съ просьбой оффиціально разслѣдовать дѣло. Судъ объявилъ награду въ нѣсколько сотъ талеровъ тому, кому удастся открыть настоящаго автора памфлета. Коцебу понялъ, въ какую непріятную исторію онъ впутался и сначала рѣшился на полупризнаніе. 18 августа (н. ст.) 1791 г. онъ объявилъ, что, подъ вліяніемъ дружбы своей съ Циммерманномъ, онъ принималъ участіе въ составленіи памфлета, но что онъ совершенно непричастенъ ко всему тому, что касается Ганновера и выведенныхъ въ памфлетѣ персонажей. Дальнѣйшія разоблаченія онъ обѣщалъ сдѣлать тогда, когда будутъ наказаны памфлетисты, годами преслѣдовавшіе Циммермана. Эти недомолвки только укрѣпили въ публикѣ увѣ-

ренность, что Коцебу былъ авторомъ памфлета. Не желая признаться въ авторствѣ и видя, что истина, тѣмъ не менѣе, неминуемо откроется благодаря энергическимъ разслѣдованіямъ, Коцебу рѣшилъ уѣхать обратно въ Россію. Этотъ скандалъ скомпрометтировалъ Коцебу въ глазахъ всей Германіи, которая не простила ему его поступка, несмотря на публичное покаяніе, принесенное имъ въ брошюрѣ «An das Publikum von A. von Kotzebue, 1794», которую онъ поручилъ раздавать безплатно по всей Германіи. Какъ отразилась эта исторія на служебной карьерѣ Коцебу въ Россіи, въ точности неизвѣстно. Впрочемъ, служебное его положеніе было и безъ того не особенно прочно, какъ это можно заключить изъ отзывовъ о немъ Екатерины II, которая въ письмахъ къ Гримму въ 1791 г. говоритъ: «Коцебу не думаетъ о своихъ обязанностяхъ: беретъ жалованье, а другіе дѣлаютъ за него дѣло. Онъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Циммермана, который его хвалитъ; но за всѣмъ тѣмъ я предвижу минуту, когда Сенатъ ему пришлетъ отставку за то, что онъ не исполняетъ своей должности», а въ другомъ мѣстѣ—«Г. Коцебу мнѣ надоѣлъ. Я не имѣю чести его знать, но знаю одно, что онъ всѣхъ заставляетъ ко мнѣ писать, а самъ вездѣ, только не тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало быть... У насъ онъ слыветъ завзятымъ пруссакомъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ Густавомъ».

Въ 1795 г. Коцебу вышелъ въ отставку, и поселился, со своей молодой второй женой, въ своемъ имѣніи Фриденталь, въ 40 верстахъ отъ Нарвы, занимаясь исключительно литературными трудами. Черезъ два года онъ получилъ приглашеніе въ Вѣну на должность секретаря императорскаго театра. 30 января (н. ст.) 1798 г. Коцебу прибылъ въ Вѣну, былъ на другой же день весьма милостиво принятъ императоромъ Францемъ и немедленно вступилъ въ отправленіе своей новой должности. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ прибытіи въ Вѣну, Коцебу, благодаря своей литературной извѣстности, сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ вѣнскомъ театрѣ. Авторитетъ Коцебу былъ такъ высокъ, что Шиллеръ, присылая для Вѣнскаго театра свою трилогію «Валленштейнъ», уполномочивалъ Коцебу сдѣлать въ трилогіи всѣ измѣненія, которыя онъ признаетъ полезными. Во время пребыванія въ Вѣнѣ Коцебу написалъ поражающее количество театральныхъ піесъ—комедій и «фарсовъ для пищеваренія», по его собственному выраженію. Желая поднять театръ на возможную высоту, Коцебу требовалъ отъ артистовъ серьезнаго труда и при распредѣленіи ролей не щадилъ самолюбія артистовъ; послѣдніе подали на Коцебу коллективную жалобу директору театровъ; слѣдствіе оправдало Коцебу, но онъ, не желая повторенія подобныхъ исторій, отказался отъ должности. Получивъ отъ императора ежегодную пенсію въ тысячу флориновъ, титулъ придворнаго поэта и разрѣшеніе поселиться, гдѣ ему угодно, съ однимъ лишь обязательствомъ отдавать вѣнскому театру первенство въ представленіи своихъ новыхъ произведеній, сохраняя, впрочемъ, право ставить ихъ въ то же время и на другихъ сценахъ,—Коцебу пропутешествовалъ весну 1799 г. по южной Германіи, а въ началѣ лѣта поселился на родинѣ, въ Веймарѣ.

10 апрѣля (н. ст.) 1800 г. Коцебу выѣхалъ изъ Веймара въ Россію, для свиданія съ родственниками своей жены и дѣтьми отъ перваго брака, воспитывавшимися въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Но въ Полангенѣ Коцебу былъ неожиданно по Высочайшему повелѣнію арестованъ и отправленъ въ Сибирь. По дорогѣ онъ пытался бѣжать, но неудачно. Мѣстожительствомъ ему былъ назначенъ городъ Курганъ. Однако, въ ссылкѣ Коцебу пробылъ недолго: уже въ началѣ іюля 1800 г. ему была возвращена свобода. Этимъ онъ обязанъ своей, въ общемъ посредственной, пьескѣ «Лейбъ-кучеръ Петра III», появившейся впервые въ Лейпцигѣ въ 1799 г. (Der alte Leibkutscher Peter des Dritten») и представляющей изъ себя изображеніе одного великодушнаго поступка отца Императора Павла. Прочтя случайно эту пьеску въ русскомъ переводѣ Краснопольскаго, Павелъ былъ очень растроганъ, вспомнилъ о сосланномъ имъ авторѣ, приказалъ его немедленно освободить, пожаловалъ ему имѣніе въ Лифляндіи съ 400 душъ, чинъ надворнаго совѣтника и назначилъ, сверхъ всего, директоромъ петербургскаго Императорскаго нѣмецкаго театра. Кромѣ того, Императоръ избралъ Коцебу для перевода на нѣмецкій языкъ извѣстнаго своего вызова европейскимъ государямъ, составленнаго имъ собственноручно на французскомъ

языкѣ. Переводъ очень понравился Императору и онъ пожаловалъ Коцебу табакерку съ брилліантами и поручилъ ему составить описаніе вновь выстроеннаго Михайловскаго дворца («Краткое описаніе Императорскаго Михайловскаго дворца, 1801 г.»). За составленіемъ этого описанія застала Коцебу смерть Императора Павла. По вступленіи на престолъ Александра I, Коцебу подалъ Императору прошеніе объ увольненіи его отъ должности директора театра и о разрѣшеніи выѣхать за границу. Прошеніе это было удовлетворено, и Коцебу 29 апрѣля (н. ст.) 1801 г. выѣхалъ изъ Петербурга за границу. Разсказанныя только-что приключенія Коцебу описалъ въ автобіографическомъ сочиненіи, появившемся одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin, 1801», и «Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue». Paris, 1801»; въ рукописи сохранились значительно болѣе подробныя воспоминанія Коцебу объ этомъ пребываніи его въ Россіи.

Покинувъ Россію, Коцебу поселился въ Веймарѣ; частью личное соперничество, частью противоположность взглядовъ, какихъ придерживался онъ, и тѣхъ, какіе тогда все болѣе и болѣе распространялись въ германскомъ обществѣ, поставили его въ непріязненныя отношенія къ общепризнаннымъ тогда руководителямъ умовъ Германіи; Гёте и Шиллеръ, учители идеалистической школы, упрекали реалиста Коцебу въ томъ, что онъ играетъ на низменныхъ сторонахъ человѣческой природы, что онъ гонится за внѣшними эффектами; Шлегель назвалъ пьесы Коцебу «позоромъ нѣмецкой сцены». Такіе нападки задѣли Коцебу за живое и онъ написалъ ядовитую сатиру на безтактный романъ Ф. Шлегеля «Lucinde» — «Der hyperboraeische Esel oder die heutige Bildung. Ein classisches Drama und philosophisches Lustspiel für Jünglinge in 1 Aufzuge. Leipzig, 1799». Вильгельмъ Шлегель рѣшилъ отмстить за брата и написалъ въ отвѣтъ на комедію Коцебу сатирическій сборникъ эпиграммъ, сонетовъ, одъ и т. п., подъ заглавіемъ «Ehrenpforte und Triumphbogen für den Theaterpraesidenten von Kotzebue, bei seiner gehofften Rückkehr in's Vaterland. 1800». Сборникъ этотъ, однако, не имѣлъ такого успѣха, какъ сатира Коцебу и общественное мнѣніе осталось на этотъ разъ на сторонѣ Коцебу. Вскорѣ Коцебу всталъ въ непріязненныя отношенія къ Гёте, который отказался, въ виду несдержанности и порывистости Коцебу, принимать его у себя на интимныхъ вечерахъ. Къ этимъ непріятностямъ для Коцебу присоединилась еще одна. Къ сочиненію своему «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens» онъ приложилъ разборъ «Секретныхъ мемуаровъ о Россіи Массона», въ которомъ заключалась защита памяти Императора Павла отъ нападокъ Массона. Послѣдній отвѣтилъ Коцебу книгой «Nöthige Erläuterungen zu der Schrift des H. von Kotzebue etc., von einem Freund der Wahrheit. Leipzig, 1802». Здѣсь Массонъ не столько возражаетъ Коцебу по существу, сколько старается опозорить его, какъ человѣка, въ глазахъ нѣмецкой публики. Всѣ эти происшествія вооружили въ концѣ концовъ общественное мнѣніе Веймара противъ Коцебу, и онъ счелъ за лучшее удалиться оттуда, и переселился въ Берлинъ въ 1802 г.

Находясь уже въ Берлинѣ, Коцебу напечаталъ «Kurze und gelassene Antwort des H. von Kotzebue auf eine lange und heftige Schmähschrift des H. von Masson. Berlin, 1802». Около этого времени было удовлетворено самолюбіе Коцебу: онъ былъ назначенъ членомъ Берлинской Академіи Наукъ и получилъ за свои сочиненія каноникатъ, связанный съ матеріальными выгодами. Нападки противниковъ Коцебу, однако, не прекращались. Главнымъ ихъ органомъ была «Zeitung für die elegante Welt». Чтобы имѣть возможность защищаться, Коцебу основалъ свою газету «Der Freimüthige. Berlin, 1803 — 1806», которую издавалъ сначала одинъ, а потомъ въ товариществѣ съ Гарлибомъ Меркелемъ; въ этомъ изданіи Коцебу велъ ожесточенную литературную войну съ Гёте и, въ особенности, со Шлегелями и всей романтической школой.

Въ 1803 г. Коцебу потерялъ свою вторую жену; чтобы разсѣяться, онъ поѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Лифляндію и здѣсь женился въ третій разъ на m-lle Крузенштернъ, родственницѣ своей второй жены. Съ молодой женой Коцебу совершилъ путешествіе въ Италію, которое описалъ въ «Erinnerungen von einer Reise aus Liefland nach Rom und Neapol. Berlin, 1805». По возвращеніи въ Берлинъ онъ, продолжая издавать свою газету, предприни-

маетъ изданіе «Almanach dramatischer Spiele zur geselligen Unterhaltung auf dem Lande. Berlin, Riga und Leipzig, 1803—1819», издаетъ «Almanach der Chroniken für das Jahr 1804. Leipzig, 1803», пишетъ разсказы и массу драмъ и комедій, оригинальныхъ и подражательныхъ. Въ это же время онъ написалъ «Preussens ältere Geschichte. Riga, 1809», «Geschichte Ludwigs des Vierten. Leipzig, 1812» и «Geschichte des deutschen Reichs, von dessen Ursprung bis zu dessen Untergange. Leipzig, 1814—1815»; научной цѣнности эти труды не имѣютъ.

Послѣ Іенскаго сраженія Коцебу переѣхалъ сначала въ Кенигсбергъ, а когда французы начали угрожать этому городу,—въ Россію, въ свои эстляндскія помѣстья. Здѣсь, не покидая своихъ чисто-литературныхъ занятій, онъ взялся за перо политическаго писателя, съ цѣлью писать противъ Наполеона. Для этого онъ основалъ небольшой сатирическій листокъ «Die Biene», 1808—1809 (11 выпусковъ), а затѣмъ издавалъ послѣдовательно въ томъ же духѣ «Geist aller Journale. Riga, 1809» (6 вып.), «Clio's Blumenkörbchen. Darmstadt, 1810—1812», «Die Grille. Königsberg, 1811—1812» и «Politische Flugblätter. Königsberg, 1814—1815».

Въ 1813 г. Коцебу за русскими войсками возвратился въ Берлинъ и исключительно занялся политическимъ писательствомъ. Въ это время ему поручено было Александромъ I редактировать выходившій при главной квартирѣ полуофиціальный журналъ «Russisch-deutsches Volksblatt» (вышло 39 №№). Въ воздаяніе услугъ, оказанныхъ Коцебу общему дѣлу, онъ, независимо отъ избранія 4 октября (ст. ст.) 1815 г. въ члены-корреспонденты Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, былъ въ 1816 г. назначенъ русскимъ консуломъ въ Кенигсбергѣ. Въ этой должности Коцебу пробылъ недолго, но успѣлъ все-таки издать брошюру «Kurze Uebersicht der Manufacturen und Fabriken in Russland. Königsberg, 1816», имѣющую цѣлью ознакомить Германію съ успѣхами русской промышленности.

Время борьбы союзниковъ съ Наполеономъ было періодомъ усиленной авторской дѣятельности Коцебу. Онъ составлялъ отъ имени союзниковъ воззванія къ нѣмецкому народу («An die Deutschen und an die deutschen Blätter. Leipzig, 1814»), редактировалъ политическіе журналы, перевелъ съ русскаго книгу Стурдзы («Betrachtungen über die Lehre und Geist der orthodoxen Kirche Leipzig, 1817»), издалъ свою «Geschichte des deutschen Reichs». Въ этомъ послѣднемъ трудѣ были усмотрѣны откровенно-реакціонныя идеи и общественное мнѣніе Германіи поднялось противъ Коцебу; особенно непопуляренъ сдѣлался Коцебу среди студенчества. На извѣстномъ Вартбургскомъ праздникѣ студенты торжественно предали сожженію сочиненіе Коцебу «Geschichte des deutschen Reichs», вмѣстѣ съ кодексомъ Наполеона и прусскимъ указомъ о жандармеріи. Коцебу сталъ выставлять это сожженіе, какъ стремленіе поколебать принципъ авторитета власти; но не одно только студенчество было враждебно настроено по отношенію къ Коцебу, всѣ сторонники либеральныхъ идей видѣли въ немъ заклятаго врага.

Императоръ Александръ I поручилъ Коцебу представлять ему ежемѣсячные отчеты о движеніи новыхъ идей, занесенныхъ изъ Франціи въ Германію и касающихся политики, статистики, финансовъ, народнаго просвѣщенія и т. п.; въ 1816 г. Коцебу поселился въ Веймарѣ, расположенномъ недалеко и отъ книжнаго центра—Лейпцига, и началъ составлять свои отчеты. Однажды его переписчикъ, затруднившись разобрать оригиналъ, просилъ помочь ему нѣкоего доктора Линднера, который заинтересовался рукописью, сдѣлалъ изъ нея выписки и показалъ ихъ своему пріятелю, іенскому профессору Лудену, издававшему журналъ «Nemesis». Луденъ усмотрѣлъ въ этихъ донесеніяхъ Коцебу шпіонство и, желая обличить его предъ германской публикой, напечаталъ въ своемъ журналѣ сообщенныя ему Линднеромъ выписки и этимъ возстановилъ противъ Коцебу тѣхъ писателей, о сочиненіяхъ которыхъ послѣдній давалъ отзывы въ своемъ отчетѣ. Всеобщая ненависть къ Коцебу и подозрѣніе его въ русскомъ шпіонствѣ привели къ тому, что одинъ изъ фанатиковъ либерализма, студентъ богословія Карлъ-Фридрихъ Зандъ, считая Коцебу главнѣйшимъ тормазомъ къ распространенію либеральныхъ идей Германіи, убилъ его кинжаломъ 23 марта 1819 г. въ Маннгеймѣ. Убійство Коцебу не на шутку встревожило германскихъ государей и послужило какъ бы сигналомъ къ начавшейся вскорѣ реакціи.

Какъ писатель, Коцебу поражаетъ своей плодовитостью: онъ написалъ 211 драматическихъ произведеній, 10 романовъ, 3 сборника разсказовъ, 2 сборника стихотвореній, 5 историческихъ трудовъ, 4 автобіографическихъ сочиненія и 9 сочиненій полемическаго характера, кромѣ того, имъ переведено пять сочиненій съ иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ стихотворенія Г. Р. Державина; онъ былъ редакторомъ и издателемъ 10 періодическихъ изданій, значительная часть текста которыхъ принадлежитъ его перу. Его извѣстность зиждется на его драматическихъ произведеніяхъ, остальные же его труды не возвышаются надъ уровнемъ посредственности и никогда не имѣли серьезнаго значенія; впрочемъ, его періодическимъ изданіямъ нельзя отказать въ нѣкоторомъ политическомъ значеніи. Драматическія произведенія Коцебу несомнѣнно имѣли значительное вліяніе на исторію нѣмецкой драматургіи, хотя большинство нѣмецкихъ историковъ литературы старается донельзя умалить это вліяніе и отводятъ Коцебу въ исторіи театра самое ничтожное мѣсто. Такой взглядъ трудно согласить съ тѣмъ фактомъ, что Коцебу господствовалъ на нѣмецкой сценѣ въ теченіе болѣе полустолѣтія. Указываютъ, что піесы Коцебу поверхностны, не продуманы, не облагораживаютъ зрителей, а иногда даже просто вредны, и, вообще, не выдерживаютъ серьезной критики; въ этихъ утвержденіяхъ есть значительная доля правды, но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что даже и теперь, несмотря на измѣнившіеся вкусы, нѣкоторыя комедіи Коцебу кажутся весьма забавными, а нѣкоторыя его драмы производятъ довольно сильное впечатлѣніе. Кромѣ того, Коцебу можно упрекнуть за нѣкоторую неоригинальность его пьесъ: сюжеты для нихъ заимствованы иногда у Мольера, Пикара, Мармонтеля, Шамфора и др.; типы—у Дидро и Руссо; въ драматическихъ мотивахъ замѣтно иногда подражаніе Гете; въ стихотворной формѣ его піесъ чувствуется вліяніе Шиллера; даже у осмѣиваемыхъ имъ романтиковъ Коцебу заимствовалъ святыхъ и духовъ-хранителей и вѣру въ предопредѣленіе; наконецъ, кое-чѣмъ Коцебу пользовался и у болѣе мелкихъ нѣмецкихъ писателей. Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Коцебу особенно любилъ противополагать культурѣ природу, хотя часто при этомъ смѣшивалъ первую съ неестественнымъ. Французская революція и германоманія, жеманство и ханжество, масонство и суевѣріе, френологія и романтика,—послужили ему объектомъ для насмѣшки; также не избѣгли его злого пера веймарскіе классики и прославленные писатели, къ которымъ Коцебу относился, конечно, не безъ зависти. Глубокаго наблюденія жизни, основательнаго изученія окружавшаго міра у Коцебу нѣтъ; но ему прекрасно удавались отдѣльные комическіе типы. При составленіи своихъ піесъ Коцебу пользовался старинными рецептами, вродѣ переодѣваній, недоразумѣній и т. п. Въ общемъ, необыкновенною популярностью своихъ произведеній Коцебу обязанъ всего болѣе умѣнію понять болѣе низменные инстинкты массы, ея потребность въ развлеченіи, умѣнію свободно пользоваться литературными образцами, отличнымъ знаніемъ условій сцены, своей ловкости въ примѣненіи средствъ и способности создавать для артистовъ благодарныя роли.

На русской сценѣ піесы Коцебу появились въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, когда такъ называемая «мѣщанская драма» уже нѣсколько сократила неограниченное господство надъ русскимъ театромъ французско-классической трагедіи и комедіи. Драмы Коцебу быстро завоевали симпатіи русской публики и заняли преобладающее мѣсто въ репертуарѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Сынъ любви», давались очень часто и всегда съ чрезвычайнымъ успѣхомъ, и оставались на сценѣ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, не теряя интереса для зрителей. Собраніе его театральныхъ произведеній вышло въ нѣсколькихъ переводахъ и каждый переводъ имѣлъ по нѣсколько изданій. Коцебу явился для русскаго театра виднѣйшимъ представителемъ того «мѣщанскаго» направленія, которое вывело русское драматическое искусство изъ безусловнаго подчиненія французскому псевдоклассицизму и на путь дальнѣйшаго прогресса. Поклонники стараго направленія, наполнившіе «Бесѣду», въ своемъ органѣ «Драматическій вѣстникъ» начали настоящій походъ противъ новаго направленія, направляя свои стрѣлы по преимуществу на Коцебу. Но походъ этотъ былъ неудаченъ: піесы Коцебу продолжали восхищать и забавлять публику. Завоевавъ такимъ образомъ симпатіи публики на сторону

мѣщанской драмы, Коцебу пріобрѣлъ тѣмъ громадное значеніе въ исторіи русскаго театра, такъ какъ своими піесами далъ, оказавшееся на дѣлѣ весьма могущественнымъ, орудіе новому направленію въ его борьбѣ съ поработившимъ русскую сцену ложноклассицизмомъ.

Литература о жизни и дѣятельности Коцебу чрезвычайно обширна; указываемъ важнѣйшее. A. Kotzebue: «Meine Flucht nach Paris im Winter 1790»; «Die jüngsten Kinder meiner Laune», B. V. Leipzig, 1796; «Das merkwürdigste Jahr»; «Erste und letzte Beilage zu dem Buche: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens». Berlin, 1802; «Kurze und gelassene Antwort Herrn v. Masson», Berlin, 1802; «Erinnerungen aus Paris im Jahre 1804», Berlin, 1804; «Erinnerungen von einer Reise aus Liefland nach Rom und Neapel». Berlin, 1805.— Allgemeine Literatur-Zeitung» 1792, B. 3, № 234, стр. 497; «Kritische Bibliothek der schönen Wissenschaften», Kothen, 1795. B. 2, стр. 339; «A. v. Kotzebue als Knabe, Jüngling, Schriftsteller und Exulant», Breslau, 1802; «Ueber A. v. Kotzebue in den vorzüglichsten und interessantesten Verhältnissen als Mensch, Dichter und Geschäftsmann», Frankfurt, 1802; I. G. Eichhorn, «Geschichte der Literatur von ihrem Anfang bis auf die neuesten Zeiten», B. IV;—K. H. Jördens, «Lexicon deutscher Dichter und Prosaisten», B. 3, 1808; — «Kotzebuana», Hamburg, 1809; «Kotzebues Tod am 23 März 1819»; «Kotzebues Leben, Wirken und tragisches Ende»; 1819; K. Nikolai, «Kotzebues litterarisches und politisches Wirken», Tobolsk, 1819; «Kotzebues vollständige Biografie», 1819; «Kotzebue aus seinen eignen schriftlichen Mittheilungen wahrhaft und treu dargestellt von einem seiner Jugendfreuden, Weimar», 1819;—«Ausführliche Lebensbeschreibung Kotzebues», 1819; «Joh. v. Hundt-Radowsky, «Aug. v. Kotzebues Ermordung, in Hinsicht ihrer Ursachen und ihrer wahrscheinlichen literarischen Folgen», 1819; Fr. Kramer, «Kotzebues Leben», 1820; Bar. Fr. de la Motte Fouqué, «Der Mord Augusts v. Kotzebue», 1820; «Dramaturgische Blätter» von Ludwig Tieck. Theil 1; Recke und Napiersky, «Allgem. Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon der Provinz Liv, Est und Kurland», B. 2; «Nachträge», 1 Band; H. Döring. «Aug. v. Kotzebues Leben», 1830. — О немъ въ исторіяхъ нѣмецкой литературы:—W. Menzel'я, H. Laube, A. Vilmar'a, Jul. Schmidt'a, K. Goedeke, H. Kurz'a. — «Das Inland 1853, № 42.— E. Winkelmann, «Bibliotheeca Livoniae historica», Berlin, 1878. Wilhelm v. Kotzebue «August von Kotzebue, Urtheile der Zeitgenossen und der Gegenvart», Dresden, 1881. — «Allgemeine deutsche Biographie», 16, стр. 772 — 780. — C. Schäffer und C. Hartmann, «Die königlichen Theater in Berlin». Berlin, 1886; Charles Rabany, «Kotzebue, sa vie et son temps, ses oeuvres dramatiques» 1893; «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1894, № 1, стр. 34—62, Ludwig Geiger, «Berlin 1688—1840. Geschichte des geistigen Lebens der preussischen Hauptstadt», B. 2. Berlin, 1895. Index. «Москов. Журналъ», 1792 г., ч. VII; «Вѣстникъ Европы» 1804 г., ч. 13, 1819 г., ч. 104; «Рус. Инвалидъ», 1819 г. №№ 77—103; «Соревнов. Просвѣщ.» 1821 г., ч. XIV, «Репертуаръ русскаго театра», 1840 г., кн. 12, «Русскій Архивъ» 1863, 1869, 1870, 1876, 1878, 1879. «Сочиненія Державина», 2-е академическое изданіе, т. 5.—«Русская Старина», 1876 г., т. 16, 1898, т. 94. Геннади, «Справочный словарь». — Августъ Коцебу, «Достопамятный годъ моей жизни». Приложеніе къ «Древн. и Нов. Россіи» на 1879 г.—Записки П. А. Каратыгина; В. П. Шеміотъ, «Общій списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ» Спб. 1873; Мамѣевъ, «Документы, относящіеся къ ссылкѣ Августа Коцебу въ Сибирь». Тобольскъ, А. Галаховъ. «Исторія русской словесности древней и новой», т. II.

Н. Мичатекъ.

Коцебу, *Александръ Евстафьевичъ*, художникъ-баталистъ, род. въ Кенигсбергѣ 9 іюня 1815 г., ум. 8 февраля 1889 г. Свое раннее дѣтство онъ провелъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ его отецъ, Августъ Коцебу, извѣстный драматургъ и писатель, былъ русскимъ генеральнымъ консуломъ; четырехлѣтнимъ ребенкомъ онъ лишился своего отца. Послѣ трагической кончины Ав. Коцебу его семейство перебралось въ Россію, въ Петербургъ, гдѣ Александръ Коцебу былъ вскорѣ отданъ во второй кадетскій корпусъ, откуда онъ былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Еще съ юношескихъ лѣтъ онъ обнаружилъ большую склонность къ живописи; съ годами она настолько развилась, что онъ оставилъ военную службу и поступилъ въ Академію Художествъ. Академическіе классы онъ сталъ посѣщать съ 1837 г., избравъ для себя баталическій родъ живописи. За пять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ стѣнахъ Академіи, работая подъ руководствомъ профессора А. Зауэрвейда, Александръ Коцебу получилъ всѣ отличія Академіи Художествъ: въ 1839 г. малую серебряную медаль, въ 1840 г. большую, за картину—«Сраженіе при Ливенбергѣ», въ 1843 г. малую золотую медаль за большое полотно—«Битва при Кулевчѣ», и, наконецъ, за картину «Взятіе Варшавы» — большую золотую, дававшую ему право на командировку за-границу. Но художнику не удалось тотчасъ воспользоваться этимъ правомъ. Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на его талантъ и заказалъ ему рядъ картинъ; заказъ этотъ удержалъ его на три года и только окончивъ его и выставивъ на Академической выставкѣ 1847 г. исполненныя имъ картины: «Взятіе крѣпости Шлиссельбурга, въ 1702 г.» и «Взятіе Нарвы въ 1704 г.», Коцебу отправился въ заграничное путешествіе казеннымъ пенсіонеромъ. Онъ побывалъ во Франціи, въ Италіи, гдѣ посѣщалъ мастерскія лучшихъ художниковъ,

а затѣмъ поселился въ Мюнхенѣ. Здѣсь онъ подготовлялся къ исполненію новаго Высочайшаго заказа—написать нѣсколько картинъ изъ исторіи Семилѣтней войны; по окончаніи этой работы, для исполненія новаго Высочайшаго заказа — написать рядъ картинъ, въ которыхъ были бы изображены важнѣйшія событія изъ суворовскаго похода, Коцебу объѣздилъ Италію и Швейцарію и сдѣлалъ массу эскизовъ мѣстностей, гдѣ происходили эти событія

Въ 1857 г. Коцебу былъ признанъ профессоромъ за картины «Переходъ русскихъ войскъ черезъ Чортовъ мостъ въ 1799 году», «Битва при Нови» и «Сраженіе въ Муттенской долинѣ», а въ восьмидесятыхъ годахъ онъ получилъ званіе академика. Важнѣйшія работы Коцебу—«Осада Нарвы», «Битва при Требіи», «Русскіе въ Берлинѣ», «Взятіе Кольсберга», «Сраженіе при Кунерсдорфѣ» и «Переходъ русскихъ черезъ Чортовъ мостъ въ 1799 г.», Большинство изъ произведеній Коцебу находятся въ Зимнемъ Дворцѣ и нѣкоторыхъ другихъ дворцахъ. Блестящій колоритъ, смѣлый, всегда полный жизни и правды какъ въ композиціи фигуръ, такъ и въ ландшафтѣ, рисунокъ—вотъ достоинства, которыми отличаются произведенія этого талантливаго баталиста; замѣчаютъ иногда, что фигуры русскихъ солдатъ у Коцебу не довольно національны—объясняется это тѣмъ, что Коцебу писалъ преимущественно за-границей, и не могъ пользоваться русскими натурщиками; но во всякомъ случаѣ, о картинахъ Коцебу Пехтъ въ свое время справедливо замѣтилъ, что нѣтъ ни одного художника, военныя картины котораго были бы такъ естественны и въ такой мѣрѣ, какъ у Коцебу, вводили бы въ данное положеніе.

И. Лазаревскій.

Коцебу, *Морицъ Августовичъ*, генералъ-лейтенантъ, ум. въ 1861 г. Изъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса 28 сентября 1806 года произведенъ въ подпоручики въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части; съ іюня 1803 года по августъ 1806 г. находился по Высочайшему повелѣнію въ путешествіи вокругъ свѣта на фрегатѣ «Надежда». Въ 1807 г., за отличіе подъ Фридландомъ, гдѣ былъ раненъ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1807 г. былъ командированъ на съемку Эстляндской губерніи, и занимался этою работою до 1810 г. Въ 1810 г. командированъ въ разные пункты имперіи для исправленія подробной карты Россіи. Произведенный въ 1811 г. въ поручики, назначенъ въ 5-ю пѣхотную дивизію и 10 августа 1812 г., на рекогносцировкѣ при м. Бѣломъ, захваченъ французами въ плѣнъ, въ которомъ находился по 27 апрѣля 1814 г. Пребываніе свое въ плѣну онъ описалъ въ книгѣ «Der russische Kriegsgefangene unter den Franzosen. Leipzig, 1815» (по-русски—«Русскій военнопленный, или приключенія М. фонъ-Коцебу въ плѣну у французовъ, перев. съ нѣм. М. 1816 г.»). По вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ, М. Коцебу былъ зачисленъ на службу по прежнему въ свиту Его Величества. Съ 29 іюля 1816 г. состоялъ при посольствѣ генерала Ермолова въ Персіи и описалъ это путешествіе въ книгѣ «Reise nach Persien mit der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817. Weimar, 1819». Въ 1818 г. командированъ былъ въ разныя мѣста Грузіи для астрономическихъ опредѣленій. 20 іюня 1822 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, 23 апрѣля 1823 г. произведенъ въ полковники. 8 марта 1825 г. назначенъ на должность оберъ-квартирмейстера резервныхъ войскъ. Въ 1826 г. совершилъ походъ въ Персію, сначала въ отрядѣ Ермолова, а затѣмъ—генерала кн. Эристова. 14 января 1831 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Главнаго штаба Его Величества по военнымъ поселеніямъ. 9 апрѣля 1831 г. назначенъ также исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера резервной арміи, съ оставленіемъ при прежней должности. 13 мая 1831 года назначенъ въ отрядъ генералъ-маіора Ширмана для исправленія должности начальника штаба и того же года съ 10 іюля исправлялъ должность военнаго начальника Шавельскаго уѣзда. 16 октября 1831 г. объявленъ ему Высочайшій выговоръ за то, что, бывъ назначенъ начальникомъ отряда войскъ, дѣйствовавшихъ противъ литовскихъ мятежниковъ для защиты Шавлей, оставилъ этотъ городъ безъ всякой уважительной причины. 25 января 1833 г., по переименованіи Свиты Его Величества въ Генеральный Штабъ, командированъ въ образцовый пѣхотный полкъ. 15 октября 1831 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ на-

значеніемъ командиромъ 1-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи. 14 мая 1845 г. назначенъ командиромъ 4-ой пѣхотной дивизіей. 21 іюня 1846 г. назначенъ комендантомъ Ивангородской крѣпости; 23 марта 1847 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 25 апрѣля 1854 г. уволенъ отъ службы, за болѣзнью, съ мундиромъ и съ сохраненіемъ въ видѣ пенсіона полнаго жалованья. 4 августа 1855 г. опредѣленъ изъ отставныхъ вновь на службу, съ повелѣніемъ присутствовать въ варшавскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената.

Формуляръ. — Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und-Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland», Mitau, 1829, 13. II, 540;—«Nachträge und Fortsetzungen» von. T. Beise, Mitau, 1859, стр. 330.—Геннади, «Справочный словарь», Берлинъ, 1876 г.

Коцебу, *Отто Евстафьевичъ*, капитанъ 1 ранга, извѣстный путешественникъ вокругъ свѣта, второй сынъ писателя Августа фонъ-Коцебу, род. въ Ревелѣ 19 декабря 1788 г., ум. тамъ-же 3 февраля 1846 г.—10 мая 1796 г. опредѣленъ въ сухопутный (нынѣ 1-й) корпусъ кадетомъ; въ 1803 г. поступилъ волонтеромъ на корабль Русско-Американской компаніи «шлюпъ Надежда», совершилъ на немъ, подъ командой Крузенштерна, кругосвѣтное плаваніе, и по возвращеніи былъ произведенъ 28 сентября 1806 г. въ мичманы; въ 1808—1809 гг., во время войны со Шведами командовалъ взятымъ въ плѣнъ транспортомъ «Фрау Корнелія», крейсеровалъ между Аландскими и Финскими шхерами; въ 1811—1814 гг., въ чинѣ лейтненанта командовалъ въ Бѣломъ морѣ яхтою «Ласточка», а затѣмъ берегомъ вернулся въ Кронштадтъ.

Въ 1815 г. была снаряжена на личныя средства Государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева экспедиція на бригѣ «Рюрикъ» (въ 180 тоннъ) подъ командою лейтенанта Коцебу. Эта экспедиція должна была, «слѣдуя изъ Берингова пролива по сѣверной сторонѣ Америки, искать соединеній Великаго Океана съ Атлантическимъ». Коцебу дана подробная инструкція, составленная капитаномъ Крузенштерномъ и астрономомъ Горнеромъ. Бригъ 30 іюля 1815 года вышелъ съ Кронштадтскаго рейда. Принявши по пути на бригъ ученыхъ Вормскіольда и Шамиссо, Коцебу въ Плимутѣ принялъ инструменты, 5 октября вышелъ въ океанъ, послѣ продолжительной борьбы съ жестокимъ штормомъ; 23 ноября пересѣкъ экваторъ и 12 декабря былъ въ Бразиліи, на ост. Св. Екатерины.

Огибая мысъ Горнъ Коцебу встрѣтилъ страшный штормъ, который продолжался съ 10 по 17 января 1816 г.; при этомъ чуть не погибъ самъ командиръ: огромный валъ выкатился на палубу и смылъ Коцебу за бортъ, но къ счастью онъ успѣлъ ухватиться за какой то канатъ и его далеко не отнесло. Выдержавъ еще штормъ Коцебу добрался 11 февраля къ городу Талкагуано, гдѣ исправилъ главныя поврежденія и направился въ южную часть Великаго океана; тутъ онъ открылъ группы необитаемыхъ острововъ, названныя имъ островами Румянцева, Спиридова, цѣпь острововъ Рюрика и наконецъ о-ва Крузенштерна, принадлежащія къ архипелагу Низменныхъ острововъ, опредѣлилъ положеніе Пендриковыхъ острововъ, вновь перешелъ экваторъ, открылъ двѣ отдѣльныя группы коралловыхъ острововъ Кутузова и Суворова, принадлежащія къ архипелагу Маршалла. Отсюда Коцебу пошелъ къ Камчаткѣ; 13 іюня онъ выдержалъ штормъ отъ SW, а послѣ шторма наступилъ вдругъ такой морозъ, что всѣ паруса, рангоутъ и такелажъ превратились въ сплошную кору. 19-го іюня онъ прибылъ въ Петропавловскій портъ и здѣсь обшилъ подводную часть своего брига мѣдью, оставшеюся послѣ шлюпа «Діана». Исправившись, попошелъ въ Беринговъ проливъ, гдѣ открылъ островъ Ратманова, на Американскомъ берегу заливъ, названный Зундъ Коцебу. «Рюрикъ» доходилъ до широты 67° 30° N и не найдя прохода по сѣверной оконечность Америки, вернулся къ Уналашкѣ; зимой Коцебу производилъ обслѣдованія въ южной части океана, заходилъ въ С.-Франциско въ Калифорніи, на Сандвичевы острова. 1 января 1817 г. былъ вновь на Маршальскихъ островахъ и открылъ группу Новаго Года, сдѣлалъ съемку группы Румянцева и Крузенштерна. На обратномъ пути бригъ едва не погибъ во время сильнѣйшаго шторма 13 апрѣля, а командиръ былъ огромною волною брошенъ на палубу грудью и получилъ серьезный ушибъ. 18-го апрѣля «Рюрикъ» снова чуть не потерпѣлъ крушенія у острова Унимака и наконецъ 24-го прибылъ въ Уналашку. Исправившись, Коцебу 27-го іюня пошелъ къ сѣверу, но вступивъ въ холод-

ныя страны, почувствовалъ въ груди такую боль, что былъ принужденъ вернуться въ Уналашку гдѣ пробылъ съ 11-го іюля до 18-го августа, когда пошелъ къ Сандвичевымъ островамъ, на пути открылъ острова Смита, окруженныя мелями, на которыхъ опять едва не погибъ «Рюрикъ». Проходя цѣпь Радяка, открылъ и опредѣлилъ обитаемую группу острововъ гр. Гейдена, затѣмъ заходилъ на Маріинскіе и Филиппинскіе острова и 3 августа 1818 г. возвратился на родину. За это плаваніе Коцебу награжденъ чиномъ капитанъ-лейтенанта орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и орд. св. Георгія 4 кл. за 18 морскихъ кампаній,—достойно замѣчанія, что онъ состоялъ на службѣ всего 13 лѣтъ.

Съ 1819 по 1822 г. Коцебу находился въ Ревелѣ при адмиралѣ Спиридовѣ для особыхъ порученій.

Въ 1823—1826 гг. Коцебу совершилъ свое второе кругосвѣтное путешествіе на шлюпѣ «Предпріятіе». Экспедиція сначала предназначалась для открытій, но передъ самымъ отправленіемъ было получено приказаніе отвезти въ Камчатку разные грузы и затѣмъ занять постъ для охраненія береговъ Сѣверо-Американскихъ колоній. 28 іюля 1823 г. шлюпъ оставилъ Кронштадтъ. 28 сентября Коцебу достигъ о. Тенерифа, гдѣ хотѣлъ пополнить свои припасы и воду, но при входѣ на рейдъ Санто-Круцъ былъ встрѣченъ ядрами—какъ оказалось потомъ губернаторъ острова былъ ярый республиканецъ; 26 декабря прибылъ въ Ріо-Жанейро, обогнувъ м. Горнъ, 17 января 1824 г. бросилъ якорь въ бухтѣ Зачатія. Идя дальше 3 марта открылъ обитаемый островъ, принадлежащій къ Низменному архипелагу и назвалъ его Предпріятіе; описалъ вновь острова Аракчеева, Карлгофа, Пализера и Короля Георга и пр. При выходѣ изъ архипелага шлюпъ едва не разбился на коралловомъ рифѣ. 14 марта Коцебу бросилъ якорь въ Матавайской бухтѣ острова О-Таити, гдѣ простоялъ 9 дней и произвелъ съемку какъ этой бухты, такъ и бухты Мутуау. При дальнѣйшемъ переходѣ къ островамъ Мореплавателей (Гамоа) 26 марта открылъ новую группу острововъ Беллингсгаузена, а черезъ нѣсколько дней небольшой островъ Курдюкова, затѣмъ изслѣдовалъ группу Гамоа. На пути къ Камчаткѣ заходилъ на островъ Отдіа (группы Радака) для магнитныхъ наблюденій; 8 іюня прибылъ въ Петропавловскій портъ, гдѣ сдалъ грузы и пошелъ въ Ново-Архангельскъ на смѣну фрегата «Крейсеръ».

Въ началѣ октября, съ разрѣшенія начальника колоніи Муравьевъ, Коцебу пошелъ въ С.-Франциско, для возобновленія провизіи; сюда онъ прибылъ 9 ноября во время страшнаго, небывалаго въ С.-Франциско наводненія, — это было въ день страшнаго наводненія и въ Петербургѣ. Изъ Калифорніи Коцебу пошелъ къ Сандвичевымъ островамъ; 14 декабря пришелъ на рейдъ Гоно-руру, гдѣ простоялъ до февраля 1825 г., занимаясь наблюденіями, а шлюпъ приготовляя къ зимнему плаванію въ Ситху. 24 февраля былъ уже на станціи въ Ново-Архангельскѣ, простоялъ около 5 мѣсяцевъ, занимаясь точными опредѣленіями мѣста и подробною съемкою входовъ. Около этого времени была заключена конвенція съ Соединенными С.-Американскими Штатами, а потому дальнѣйшее пребываніе въ колоніяхъ военнаго судна сдѣлалось безполезнымъ. 11 августа 1825 г. шлюпъ «Предпріятіе» ушелъ изъ Ново-Александровска и взялъ курсъ къ Сандвичевымъ островамъ, слѣдуя, по возможности, дальше отъ путей извѣстныхъ мореплавателей. 4 сентября, Коцебу прошелъ черезъ то мѣсто, гдѣ на картахъ Арросмита находился о-въ Maria-Laxaro, но даже признаковъ земли не было отыскано. 14 сентября пришелъ въ Гоноруру. 6 октября вблизи архипелага Маршалла опредѣлилъ о. Пескадоресъ, затѣмъ сдѣлалъ открытіе еще двухъ группъ Римскаго-Корсакова—о-ва эти были названы такъ въ честь лейтенанта на шлюпѣ «Предпріятіе», впослѣдствіи онъ былъ директоромъ Морскаго Корпуса—и Эшшольца, принадлежащіе къ цѣпи Раликъ. Съ 8 ноября 1825 г. до 10 января 1826 г. Коцебу простоялъ въ Маниллѣ, дѣлая исправленіе на шлюпѣ. Черезъ Зондскій проливъ и Индѣйскій океанъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько штормовъ, посѣтивъ о-въ Св. Елены, гдѣ простоялъ 9 дней—до 7 апрѣля, Коцебу 9 іюня прибылъ въ Портсмутъ, а 10 іюля сталъ на якорь въ Кронштадтѣ.

За это кругосвѣтное плаваніе Коцебу произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1827 г. назначенъ состоять при адмиралѣ Спиридовѣ, а потомъ былъ командиромъ корабля «Императоръ Петръ I» и 23 флотскаго экипажа въ г. Кронштадтѣ. 14 ноября 1828 г. переведенъ въ Гвардейскій

экипажъ и уволенъ въ Ревель для излѣченія болѣзни; въ 1829 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга, 12 февраля 1830 г., по разстроенному здоровью уволенъ отъ службы. Послѣдніе годы жизни онъ предался вполнѣ сельскому хозяйству—и на этомъ поприщѣ заслужилъ извѣстность между лучшими хозяевами Эстляндіи. Проболѣвъ тяжело 5 мѣсяцевъ, онъ скончался въ Ревелѣ, гдѣ и погребенъ въ Вышгородѣ, въ соборѣ, рядомъ съ адмираломъ Грейгомъ; надъ его гробомъ воздвигнута великолѣпная мраморная гробница.

Путешествія Коцебу описаны имъ самимъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: «Путешествіе въ Южный океамъ и въ Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго прохода, предпринятое въ 1815, 1816, 1817 и 1818 гг., иждивеніемъ графа Н. Н. Румянцева, на кораблѣ «Рюрикъ», подъ начальствомъ флота лейтенанта Коцебу» (3 ч. Спб. 1821 и 1823 г., 4°) съ портретомъ автора, 10 раскрашенными рисунками, 2 чертежами и атласомъ картъ въ 21 листъ. Это сочиненіе было переведено на нѣмецкій языкъ (Weimar 1821 и Hannover 1821), англійскій (London, 1821) и голландскій (Amsterdam, 1822); «Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Александра Перваго, на военномъ шлюпѣ «Предпріятіе», въ 1823, 1824, 1825 и 1826 годахъ, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Котцебу» (Изд. Морского вѣдомства. Спб. 1828 г., 8°, IV ненум. и 200 стр. съ 4 л. картъ) — было переведено на англійскій языкъ (London, 1830), шведскій (Stokholm, 1830) и нѣмецкій (Weimar, 1830 и Leipzig, 1848). Кромѣ того, въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1820 г. напечатано: «Краткое извѣстіе о путешествіи лейтенанта О. Коцебу на «Рюрикѣ». Изъ письма къ родителю»; въ «Сынѣ Отечества» за 1822 г., № 45 «Оправданіе Коцебу. Противъ Quarterly Review. «О путешествіи на «Рюрикѣ» — въ «Русскомъ Инвалидѣ», за 1823 г., № 25; Отвѣтъ г. Коцебу на статью «Замѣчанія русскаго на нѣкоторые отрывки, помѣщенные въ путешествіи Г. Коцебу вокругъ свѣта, изданномъ на нѣмецкомъ языкѣ (Русскій Инвалидъ 1822 г., 284—7, 9. 301—6); «О плаваніи шлюпа «Предпріятіе» въ Южномъ морѣ, 1824 г.». (Записки Государственнаго адмиралтейскаго департамента, 1825 г., VIII и IX; 1826—XI); выписка изъ журнала брига Рюрикъ отъ Камчатки до Новаго Альбіона; (Духъ журналовъ, 1817 г., XXI); Извѣстіе о плаваніи корабля «Рюрикъ» 1 октября 1811 г. — 16 іюля 1818 г. («Сынъ Отечества» 1818 г., 32).

«Общій морской списокъ», Спб. 1893, VII, 318—320; «Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по восточнымъ берегамъ Восточнаго океана», выпускъ 4 «Морск. Сборн.», 1861 г., № 4, приложеніе; «Русскіе кругосвѣтные путешествія», Ивашинцевъ—Записки Гидрографическаго департамента, 1849 г., VII, 1850, VIII; «Двукратныя изысканія въ южномъ Ледовитомъ океанѣ Беллингсгаузена»—Зап. учен. ком. Морск. Штаба, XI; «Записка о упражненіяхъ Госуд. Адмир. департамента по ученой части за 1823 г. «Зап. Гос. Адм. Деп.», 1824 г., VI; «Инструкція капитану-лейтенанту Коцебу, отправляющемуся въ дальній вояжъ», тамъ-же VI; «Мнѣніе Ѳ. И. Шуберта о наблюденіяхъ на шлюпѣ «Предпріятіе» капитанъ-лейтенанта Коцебу надъ размахами маятника», 1826 г., тамъ-же X; «Мнѣніе проф. Щеглова объ ученыхъ трудахъ Ленца и Гофмана и бездѣйствіи доктора Ештальца въ кругосвѣтномъ плаваніи на шлюпѣ «Предпріятіе» тамъ-же X, XI и 1827 г., XII; «мнѣніе астронома Вишнякова объ ученыхъ трудахъ Прейса на шлюпѣ «Предпріятіе»; тамъ же 1827, XII; «Патріотическое предпріятіе Румянцева посылки «Рюрика» — «Сынъ Отечества» 1815 г., № 14; «Отправленіе «Рюрика» изъ Кронштадта», тамъ-же 1815 г., 31; «Выписка изъ журнала командующаго «Рюрикомъ» лейтенанта Коцебу, тамъ же 1817 г., № 18 и Спб. Вѣд. 1817 г., №№ 41, 44, 46 и 47; «Разсмотрѣніе открытій ученыхъ въ Великомъ океанѣ на кораблѣ «Рюрикъ»—Крузенштернъ,—«Сынъ Отечества, 1822 г., 23 и 24; «Извѣстіе, сообщенное Мальтбрюномъ о путешествіи г. Хорнса вокругъ свѣта на бригѣ «Рюрикъ», подъ наачльствомъ Г. Коцебу, «Сѣверный Архивъ» 1822 г., III, 17 «Письмо Ленца; изъ Бразиліи»—«Сынъ Отечества», 1824 г., 21; «Путешествіе по южному Австральному океану и вокругъ свѣта капитана Коцебу и Бэнчея. Изъ Rev. encycl.»—«Московскій Телеграфъ» 1831 г., XLI, 21 и 22; «Оттонъ Евстафьевичъ Коцебу»—«Спб. Вѣдомости» 1846 г., № 68; Военно-энциклопедическій лексиконъ, Спб. 1855 г.; ч. VII.

П. Бѣлавенецъ.

Коцебу, *Павелъ Евстафьевичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 10 августа 1801 г., ум. въ Ревелѣ 19 апрѣля 1884 г.; сынъ извѣстнаго Августа Коцебу. Воспитывался сначала въ С.-Петербургской гимназіи, а потомъ въ заведеніи колоновожатыхъ въ Москвѣ. 24 марта 1819 г. поступилъ на службу колоновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ). 12 марта 1820 г. произведенъ въ прапорщики, а въ сентябрѣ 1821 г. былъ командированъ подпоручикомъ въ Кавказскій корпусъ къ А. П. Ермолову. Въ 1821—1826 г.

Коцебу принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ горцами и получилъ чинъ поручика и ордена св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость» — за взятіе укрѣпленія близъ сел. Катехи — и орденъ св. Анны 3-й ст. за съемку Кабардинской земли. Въ Персидскую кампанію 1826 — 1828 гг. Коцебу участвовалъ въ блокадѣ Эривани, въ осадѣ Сердаръ-Абада и былъ награжденъ орденами св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и св. Анны 2-й ст. и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ апрѣлѣ 1829 г. въ составѣ 2-й арміи онъ вступилъ въ турецкіе предѣлы. Въ эту кампанію онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. за осаду Силистріи и чинъ капитана. Въ ноябрѣ 1830 г. онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, посланъ въ Сербію для посредничества между коммиссарами Порты и сербскаго народа въ дѣлѣ осуществленія постановленій Адріанопольскаго договора, касавшихся Сербіи. Исполнивъ это порученіе, Коцебу принялъ участіе въ польской кампаніи и въ взятіи г. Варшавы 25 августа 1831 г., за что получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; за осаду крѣпости Модлина былъ произведенъ въ полковники. Затѣмъ Коцебу состоялъ въ распоряженіи начальника главнаго штаба и генералъ-квартирмейстера 2-го армейскаго корпуса и въ отсутствіе начальника штаба неоднократно исполнялъ его обязанности. Въ 1837 г. онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба Кавказскаго отдѣльнаго корпуса; въ 1839 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, осмотрѣлъ крѣпости и укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря, составилъ планъ военныхъ дѣйствій на 1840 г. и проектъ будущаго устройства края. Съ 1843 по 1854 г. Коцебу былъ начальникомъ штаба сначала 2-го армейскаго корпуса, а потомъ опять на Кавказѣ; въ 1843 г. былъ назначенъ въ свиту Его Величества; въ 1847 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и въ томъ же году сдѣланъ генералъ-адъютантомъ за отличіе при взятіи штурмомъ аула Салты. Въ Крымскую кампанію Коцебу былъ начальникомъ 3-го, 4-го и 5-го армейскихъ корпусовъ; 11 марта 1854 г. при переправѣ изъ Браилова на правый берегъ Дуная командовалъ десантнымъ отрядомъ и успѣшно занялъ укрѣпленія противоположнаго берега. За осаду Силистріи въ апрѣлѣ того же года онъ получилъ золотую шпагу съ брилліантами. Въ февралѣ 1855 г. Коцебу былъ начальникомъ штаба Южной арміи и всѣхъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ. Во время осады Севастополя неоднократно руководилъ вылазками и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. Съ 1855 по 1859 г. Коцебу послѣдовательно былъ командиромъ 5-го армейскаго корпуса и начальникомъ штаба 1-й арміи; въ это же время былъ назначенъ шефомъ 60-го Замосцкаго полка и произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. 12 декабря 1862 г., по образованіи военныхъ округовъ, ему ввѣренъ былъ постъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Одесскаго военнаго округа. Съ этого времени, послѣ почти сорокалѣтней чисто-боевой службы, онъ 18 лѣтъ (до 1880 г.) трудился на гражданскомъ поприщѣ. Онъ много сдѣлалъ для экономическаго развитія Новороссійскаго края. При немъ построены или проектированы всѣ мѣстныя желѣзныя дороги; и нѣсколько разъ ему приходилось усиленно работать и хлопотать, чтобы добиться той или другой дороги. Не менѣе, чѣмъ о желѣзнодорожныхъ путяхъ сообщенія, заботился Коцебу и о рѣчныхъ — при немъ были предприняты обширныя работы по углубленію фарватера въ Керченскомъ проливѣ и по очисткѣ въ Днѣпрѣ пороговъ и гирлъ. При немъ же произведены были улучшенія въ Одесскомъ портѣ, и изысканія для устройства порта близъ Маріуполя, начались работы по замощенію Одессы и снабженію ея водою изъ Днѣстра; при немъ, наконецъ, началось развитіе городскихъ банковъ въ Новороссіи. 25 октября 1863 г. П. Е. Коцебу былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; 12 марта 1870 г., въ день пятидесятилѣтія его служенія въ офицерскихъ чинахъ, получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. 7 сентября 1872 г. Высочайше повелѣно 60-му пѣхотному Замосцкому полку именоваться Замосцкимъ пѣхотнымъ генералъ-адъютанта Коцебу полкомъ. Съ 11 января 1874 г. по 18 мая 1880 г. Коцебу занималъ постъ Варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа. Въ эти годы онъ дважды

удостоился знаковъ особаго монаршаго благоволенія; въ 1874 г. ему пожалованъ былъ графскій титулъ, а въ августѣ 1880 г. Государь пожаловалъ ему свой портретъ осыпанный бриллiантами. Въ званіи члена Государственнаго Совѣта Коцебу, какъ предсѣдатель особой высшей военной комиссіи, разсматривалъ вопросъ объ окружной и корпусной системахъ военнаго управленія.

«Новое Время» 1884 г. № 2928; «Русскій Инвалидъ» 1884 г. № 97; «Варшавскій Дневникъ» 1884 г. 23 апр. № 114; «Памятная книжка Сѣдлецкой губерніи» 1876 г. стр. 232—236; «Календарь Гатцука» 1874 г. стр. 1—17; «Словарь современныхъ дѣятелей Россіи»; «Одесскій Вѣстникъ» 1870 г. №№ 55—59; «Біографія П. Е. Коцебу»; «Одесскій Вѣстникъ» 1874 г. № 31; «Бессарабскія губернскія вѣдомости» 1874 г. № 13; «Георгіевскіе кавалеры» 1861 г. № 2.

Кочановъ (Конановъ), *Алексѣй Васильевичъ*, псковскій степенный посадникъ, въ 1458 г. упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ этомъ санѣ. Въ 1463 г. онъ выступалъ противъ нѣмцевъ, громившихъ псковскіе посады; получивъ извѣстіе, что они ушли на Колпино, пошелъ туда и одержалъ надъ ними полную побѣду. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ намѣстникомъ кн. Иваномъ Александровичемъ Звенигородскимъ, Кочановъ заложилъ на р. Сини новый деревянный городъ, который былъ названъ Краснымъ городцомъ. Въ 1465 г., когда у псковичей произошелъ раздоръ съ новгородцами «про владычню землю и воду, что псковичи отняли у Новагорода», Кочановъ посланъ былъ въ Новгородъ и добился мира съ новгородцами. Черезъ годъ Кочановъ отправился въ Москву, къ великому князю, просить въ намѣстники для Пскова или кн. Ивана Стригу-Оболенскаго, или кн. Ѳедора Юрьевича Патрикѣева; великій князь отпустилъ во Псковъ послѣдняго. Въ 1471 г. Кочановъ ѣздилъ уполномоченнымъ на съѣздъ съ польскими панами по дѣлу о разграниченіи порубежныхъ земель и водъ, но на съѣздѣ никакого соглашенія не было достигнуто. По этому же дѣлу и въ томъ же году онъ отправленъ былъ посломъ въ Вильну къ самому королю, который принялъ посольство съ почетомъ и обѣщалъ, что если его паны опять не учинятъ управы, то онъ самъ лично будетъ на рубежѣ и все досмотритъ своими очами. Черезъ два года Кочанову пришлось отправиться на съѣздъ съ нѣмцами по такому же дѣлу. Въ теченіе недѣли съѣзжались послы, но управы никакой не учинили; это обстоятельство заставило псковичей обратиться къ великому князю съ челобитьемъ о томъ, чтобы онъ боронилъ свою отчину Псковъ отъ нѣмцевъ; въ 1474 г. псковичи послали Кочанова съ поминками въ Москву опять просить Іоанна, чтобы боронилъ ихъ отъ нѣмцевъ. Въ ноябрѣ въ Псковъ прибылъ воевода кн. Даніилъ Холмскій. Въ 1476 г. по порученію Пскова, Кочановъ поставилъ гор. Городецъ у рѣчки Лоди въ Кокшинской волости, а въ 1478 г. псковичи отрядили его съ войскомъ въ помощь Іоанну III въ войнѣ его съ новгородцами; онъ былъ на службѣ великаго князя подъ самымъ Новгородомъ и на этой службѣ и умеръ. Тѣло его перевезли въ Псковъ и похоронили въ церкви св. Спаса у Стараго костра.

«Полн. собр. рус. лѣтоп.», IV, 217, 223, 228—231, 237, 239, 247, 250, 252, 257, 259—261; V, 34, 37; VI, 214, 215; VIII, 192, 193. *А. Э.*

Кочетовъ, *Дмитрій Ивановичъ*, С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, род. въ 1707 г., ум. въ 1762 г. Въ службу вступилъ въ 1721 г. 30 мая, «солдатомъ» къ великому князю Петру Алексѣевичу; въ 1723 г. пожалованъ въ пажи къ Императрицѣ, съ 24 ноября 1726 г. былъ камеръ-пажемъ, сначала при ней, потомъ при Императорѣ Петрѣ II; съ 12 октября 1728 г. былъ гофъ-юнкеромъ при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, 29 апрѣля 1729 г. переведенъ капитанъ-поручикомъ въ Семеновскій полкъ; при коронаціи Елизаветы Петровны пожалованъ въ полковники; 16 декабря 1752 г. пожалованъ бригадиромъ и петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

Дѣло Сената, въ Москвѣ, 1754 г. №№—частный 21, общій—8122.

Кочетовъ, *Іоакимъ Семеновичъ*, протоіерей Петербургскаго Петропавловскаго собора, сынъ діакона села Кочетовки Спасскаго уѣзда Тамбовской губ., род. 1 сентября 1789 г., ум. 16 марта 1854 г. Въ 1799 г. поступилъ въ Тамбовскую семинарію, причемъ ему и дана была фамилія Кочетова. Въ 1809 г. принятъ въ число казенно-коштныхъ студентовъ перваго курса только что учрежденной С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ и закончилъ свое образованіе подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ богослововъ того времени, будущихъ митрополитовъ: мос-

ковскаго Филарета и кіевскаго Филарета, архіепископа Евгенія, пензенскаго епископа Иннокентія. По окончаніи академическаго курса въ 1814 г. со степенью магистра 13 сентября того же года оставленъ при академіи баккалавромъ гражданской исторіи. 10 сентября 1818 г. назначенъ членомъ конференціи, 3 іюня 1826 г.—членомъ внѣшняго правленія академіи. Въ 30-хъ годахъ состоялъ членомъ комитета, назначеннаго для обревизованія хозяйственныхъ дѣлъ С.-Петербургской духовной семинаріи съ 1809 г. по 1826 г. Въ 1842 г. ревизовалъ Архангельскую семинарію. 28 сентября 1817 г. Кочетовъ занялъ въ академіи каѳедру церковной исторіи. По исторіи русской церкви имъ были составлены особыя записки на основаніи источниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ то время были ему одному доступны. Онъ также составилъ записки по исторіи церкви XVIII и XIX вв., въ дополненіе къ «Начертанію» преосвященнаго Иннокентія. По словамъ его біографа, «эти послѣднія чтенія служили вѣнцомъ и украшеніемъ всего историческаго курса какъ по близости, важности и занимательности церковныхъ событій, такъ и по основательности, подробности, искренности и живости ихъ изложенія»; разнообразныя занятія помѣшали прот. Кочетову приготовить свои лекціи къ печати. Какъ профессору и члену академической конференціи, ему поручалось разсмотрѣніе и оцѣнка книгъ и рукописей различнаго содержанія. Онъ принималъ участіе въ «Христіанскомъ Чтеніи», въ книжкахъ котораго напечаталъ статью: «Христіанская церковь на Востокѣ въ XVIII вѣкѣ». По порученію конференціи академіи Кочетовымъ было исправлено «Начертаніе церковной исторіи отъ временъ Библейскихъ до XVIII вѣка», и книга эта надолго сдѣлалась учебнымъ руководствомъ. Благодаря ему появился въ печати извѣстный трудъ: «Обозрѣніе способовъ содержанія христіанскаго духовенства отъ временъ Апостольскихъ до XVIII в.» (изд. 1851 г.). Съ 1817 г. до конца жизни своей, онъ состоялъ профессоромъ въ императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ; 7 октября того же года рукоположенъ во священника и причисленъ къ придворной Царскосельской церкви. Кромѣ первоначальныхъ уроковъ по Закону Божію прот. Кочетовъ преподавалъ въ лицеѣ библейскую и церковную исторію, каноническое право, нравственное богословіе; ему же было поручено съ 1849 г. чтеніе лекцій по логикѣ и опытной психологіи. Плодомъ его ученыхъ занятій въ Лицеѣ было напечатанное въ 1823 г. сочиненіе: «Черты дѣятельнаго ученія вѣры, или начертаніе христіанскихъ обязанностей, изложенное въ духѣ православной греко-россійской церкви». Это сочиненіе было первымъ произведеніемъ по нравственному богословію на русскомъ языкѣ, и авторъ его Комиссіею духовныхъ училищъ 13 октября 1823 г. утвержденъ въ степени доктора богословія. Въ 1827 г. Кочетовъ вторую часть указаннаго сочиненія исправилъ, дополнилъ и издалъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Начертаніе христіанскихъ обязанностей по ученію православно-каѳолической церкви». Объ этомъ послѣднемъ сочиненіи данъ весьма лестный отзывъ въ отчетѣ Академіи Наукъ за 1850 г.; по представленію лицейскаго начальства авторъ награжденъ былъ отъ Императора бриллiантовымъ перстнемъ; до 1851 г. «Черты дѣятельнаго ученія вѣры» имѣли пять изданій, а «Начертаніе христіанскихъ обязанностей» — шесть; обѣ книги долгое время были учебнымъ руководствомъ въ Лицеѣ и др. учебныхъ заведеніяхъ. Протоіерей Кочетовъ составилъ для воспитанниковъ Лицея собственныя записки по логикѣ и психологіи, а послѣ смерти его найдено совершенно приготовленное къ печати сочиненіе подъ заглавіемъ: «Психологія или наука о душѣ». 4 мая 1839 г. прот. Кочетовъ награжденъ бриллiантовымъ крестомъ. 1 марта 1820 г. опредѣленъ законоучителемъ въ Главное Инженерное Училище, гдѣ и состоялъ до 13 ноября 1822 г. Въ 1825 г. 30 іюля Кочетовъ «по уваженію къ особенному просвѣщенію и превосходной нравственности» возведенъ въ санъ протоіерея и перемѣщенъ настоятелемъ къ Смоленской кладбищенской церкви. Жалкій видъ представляло Смоленское кладбище послѣ бывшаго въ концѣ 1824 г. наводненія; много пришлось Кочетову потрудиться для его благоустройства. 4 мая 1829 г. Кочетовъ опредѣленъ благочиннымъ церквей на Васильевскомъ островѣ; 9 марта 1831 г.—членомъ консисторіи; 6 марта 1833 г. награжденъ палицею. Въ 1832 г. 22 ноября перемѣщенъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Петропавловскій соборъ. Въ 1833 г.,

на средства, пожалованныя Императоромъ Николаемъ I, Петропавловскій соборъ всецѣло былъ обновленъ, и протоіерей Кочетовъ, какъ настоятель собора, будучи членомъ Строительнаго Комитета, назначеннаго для производства означенныхъ исправленій, много потрудился для прочнаго обновленія и украшенія храма. 5 мая 1828 г. онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Россійской академіи. Обязанности академика вполнѣ соотвѣтствовали его вкусу и призванію. Въ совѣщательныя засѣданія постоянно приносилъ онъ плоды зрѣлыхъ сужденій своихъ, ясныхъ и точныхъ знаній, филологическихъ и философскихъ, свои кроткія, но твердыя убѣжденія и всегда здравыя мысли. Приготовительныя работы по изданію словаря, грамматики и прочія занятія Академіи составляли его любимое дѣло, которому онъ готовъ былъ посвятить послѣдній свободный часъ свой. Изслѣдованія по языку отечественному онъ считалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ священнымъ долгомъ, возлагаемымъ на каждаго изъ насъ отечествомъ. Естественно, что Академія съ удовольствіемъ пользовалась его усердіемъ, приглашая его къ участію въ работахъ разныхъ комитетовъ, которые составлялись въ ней подъ разными наименованіями. Въ повременномъ изданіи Академіи подъ заглавіемъ: «Труды Императорской Россійской Академіи» за 1840—1842 гг. напечатано разсужденіе Кочетова подъ заглавіемъ: «О пагубныхъ слѣдствіяхъ пристрастія къ иноземнымъ языкамъ». Въ 1841 г., когда Россійская Академія присоединена была къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ отдѣленія русскаго языка и словесности, всѣ дѣйствительные члены бывшей Академіи переименованы были почетными членами II отдѣленія, а Кочетовъ введенъ былъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ кругъ дѣятельности Отдѣленія наравнѣ съ ординарными академиками; въ 1846 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ академикомъ. Онъ обработалъ четвертый, послѣдній, томъ Словаря Академіи. Въ 1849 и 1850 годахъ онъ доставилъ много матеріаловъ уже для дополненія изданнаго словаря. Когда II Отдѣленіе приступило къ изданію Словаря по новому плану, Кочетовъ взялъ на себя обработку всѣхъ словъ на букву Г и точное опредѣленіе словъ, входящихъ въ психологію. Онъ принималъ большое участіе въ составленіи «Опыта областного великорусскаго словаря». Въ 1848 г. Копенгагенское Королевское Общество изыскателей сѣверныхъ древностей почтило его званіемъ своего сотрудника.

Архангельскій, «О жизни и трудахъ протоіерея С.-Петербургскаго Петропавловскаго каѳедральнаго собора І. С. Кочетова», 1857 г.; «Справочный Энциклопедическій Словарь 1847 г.», т. 6. «Извѣстія И. А. Н. по отдѣленію русскаго языка и словесности», т. III, 1854 г., стр. 225 — 234; Флоринскій, «Историко-Статистическое описаніе С.-Петербургскаго Петропавловскаго собора»; «Вѣстникъ Европы» 1871 г., т. IV, № 7 и 8, т. V, № 9; Геннади, «Словарь»; Чистовичъ, «Біографическій списокъ студентовъ С.-Петерб. Духов. Академіи перваго курса 1809—1814 г.г.»; Сухомлиновъ, «Истор. Росс. Академіи», тт. VII и VIII.

Ан. Ник—ій.

Кочневъ, (по другому прозвищу Негодяевъ), *Степанъ Тимофеевичъ*, корабельный мастеръ, род. въ 1739 г., ум. 1828 г. Онъ былъ уроженецъ Холмогоръ; гдѣ и какъ онъ учился—неизвѣстно; онъ выдвинулся еще какъ самоучка; затѣмъ, онъ бывалъ въ Петербургѣ, былъ извѣстенъ Ломоносову и пользовался расположеніемъ своего знаменитаго земляка, который любилъ его за сметливость и понятливость. Кочневъ работалъ на частныхъ архангельскихъ верфяхъ Баженина, Наледина и Свѣшникова; онъ строилъ суда по своимъ собственнымъ чертежамъ и эти суда пользовались извѣстностью даже за границею за свою прочность и легкость хода; особенно цѣнили ихъ англичане во время войны съ Франціей и отпавшими отъ метрополіи сѣвероамериканскими колоніями; нерѣдко и англійскіе купцы заказывали суда въ Архангельскѣ, ставя непремѣннымъ условіемъ, чтобы они были работы Кочнева и за построенныя имъ охотно платили значительно дороже. Въ 1785 г. Адмиралтействъ-коллегіи приглашала Кочнева на службу, но онъ отказался отъ этого, заявивъ, что состояніемъ своимъ доволенъ.

Огородниковъ, «Очеркъ исторіи города Архангельска», 235, 236.

Кочубей, *Александръ Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 23 августа 1788 г., ум. 23 февраля 1866 г. Родной правнукъ Василія Леонтьевича Кочубея. Образованіе получилъ домашнее, въ семьѣ своей, проживавшей въ с. Ярославецъ, Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи; руководителемъ его и его братьевъ

былъ аббатъ Фроманъ, присланный къ нимъ по выбору В. П. Кочубея, который близко интересовался воспитаніемъ этихъ своихъ троюродныхъ братьевъ. Службу началъ, опредѣлившись въ 1802 г. юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1818—1831 г. былъ оберъ-прокуроромъ въ разныхъ отдѣленіяхъ 3-го департамента Сената, затѣмъ сенаторомъ, и наконецъ съ 1846 г., членомъ Государственнаго Совѣта. Дѣятельность А. В. Кочубея, не богатая внѣшними крупными фактами, была, тѣмъ не менѣе, замѣчательна и плодотворна. Она была отмѣчена необыкновенно сильнымъ и живымъ чувствомъ правомѣрности, опредѣлявшимъ собою всѣ его поступки и въ общественной дѣятельности, и въ частной жизни. Вся дѣятельность его одинаково и постоянно проникнута была широкимъ, великодушнымъ пониманіемъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ каждаго лица, постояннымъ и неизмѣннымъ сочувствіемъ и стремленіемъ содѣйствовать всему, что водворяетъ въ человѣческихъ отношеніяхъ начала законности. Въ своихъ принципахъ А. В. Кочубей являлся человѣкомъ твердымъ и непоколебимымъ, въ частной жизни отличаясь замѣчательною мягкостью и уступчивостью. Постоянно слѣдя за всѣмъ выдающимся въ области искусства, литературы и науки, А. В. Кочубей обладалъ обширными свѣдѣніями и большою начитанностью; послѣ него осталась обширная библіотека; реформы Александра II встрѣтили въ его лицѣ горячаго и убѣжденнаго сторонника. При своихъ сравнительно небольшихъ средствахъ А. В. Кочубей, какъ это стало извѣстно только послѣ его смерти, широко благотворилъ нуждающимся.

«Сѣверная Почта», 1866, № 45.

Кочубей, *Аркадій Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 9 февраля 1790 г. въ г. Новгородѣ-Сѣверскѣ, ум. 4 марта 1878 г.; братъ предыдущаго. До 12 лѣтъ воспитывался дома, съ братомъ Александромъ Васильевичемъ. Съ 1802 по 1807 г. воспитывался въ Петербургѣ, въ аристократическомъ пансіонѣ Николя. Въ бытность въ пансіонѣ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, гр. С. П. Потемкинымъ, составилъ по поэмѣ Богдановича оперу «Душенька», которая и была тогда же роскошно издана съ гравюрами. Въ 1809 г. началъ службу въ канцеляріи принца Георгія Ольденбургскаго и въ 1811 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ. 13 октября 1812 г. поступилъ въ Гродненскій гусарскій полкъ и участвовалъ во многихъ дѣлахъ въ Россіи и во время заграничнаго похода. Въ 1815 г. онъ переведенъ былъ въ корпусъ гр. Воронцова, стоявшій во Франціи. Въ 1824 г. перешелъ на службу по особымъ порученіямъ къ начальнику почтоваго департамента; въ 1828—1830 гг. былъ кіевскимъ вице-губернаторомъ, въ 1830—1837 гг. орловскимъ губернаторомъ; въ 1842 г. назначенъ сенаторомъ, въ 1847 г.—почетнымъ опекуномъ и болѣе двадцати лѣтъ управлялъ Больницею Всѣхъ Скорбящихъ. Въ 1868 г. уволенъ по разстроенному здоровью отъ службы; онъ имѣлъ всѣ ордена, до ордена св. Владиміра 1 ст. включительно.

Гр. Милорадовичъ, «Арк. Вас. Кочубей», Спб. 1878; «Голосъ», 1878, № 66; «Рус. Старина», 1878, т. 23, 546—550.

Кочубей, князь *Василій Викторовичъ*, род. 1 января 1812 г., ум. 10 января 1850 г., помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, нумизматъ. Второй сынъ канцлера кн. В. П. Кочубея. Образованіе получилъ домашнее; слабость его здоровья заставила его родителей воспитывать его на югѣ Россіи, гдѣ онъ и закончилъ его въ теченіе 1825—1826 г. въ Одессѣ, подъ руководствомъ гувернера француза Joyeux; уже здѣсь и въ это время онъ началъ заниматься нумизматикою. Въ 1827 г. вступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, 14 октября 1828 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и нѣсколько разъ былъ отправляемъ съ второстепенными дипломатическими порученіями въ Дрезденъ, Штутгардтъ, Лондонъ, Константинополь. Въ 1843 г. вышелъ въ отставку, чтобы сопровождать заграницу свою мать, нуждавшуюся въ леченіи. Послѣ ея смерти, въ 1844 г., снова поступилъ на службу и былъ причисленъ къ канцеляріи кн. М. С. Воронцова, намѣстника кавказскаго. 7 апрѣля 1846 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и 25 ноября 1848 г. назначенъ помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Отличаясь большою любовью къ искусству, кн. В. В. Кочубей собралъ отличную коллекцію картинъ, фарфора и древняго серебра; но особенно замѣчательна его коллекція древнихъ греческихъ монетъ, чрезвычайно богатая и въ Россіи первая послѣ коллекціи Эрмитажа. Кн. В. В. Ко-

чубей пополнялъ её постоянно, съ большою любовью къ дѣлу и съ большими знаніями. Какъ извѣстный нумизматъ онъ былъ, въ первое же засѣданіе только что учрежденнаго Русскаго Археологическаго Общества избранъ въ дѣйствительные его члены (13 января 1848 г). Описаніе его собранія было издано Б. Кене уже послѣ его смерти, въ 1857 г. подъ названіемъ: «Описаніе музеума покойнаго князя Василія Викторовича Кочубея и изслѣдованія объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи, равно какъ царствъ: Понтійскаго и Босфора Киммерійскаго» (С.-Петербургъ, 1857, 2 тома, 4^0, съ XXVIII таблицами).

«Записки Импер. Рус. Археолог. Общ.», III, 1851, 158—167. «Журн. Мин. Народ. Просв.», 1851, ч. 71, 40—42.

Кочубей, *Василій Леонтьевичъ,* генеральный судья, казненъ 14 іюля 1708 г. Василій Леонтьевичъ Кочубей есть первое извѣстное въ русской исторіи лицо изъ рода Кочубеевъ. «Общій Гербовникъ» говоритъ о его дѣдѣ — знатномъ бей, выѣхавшемъ изъ Крыма въ Украйну и названномъ въ крещеніи Андреемъ, и объ его отцѣ — Леонтіи, служившемъ «въ знатныхъ малороссійскихъ чинахъ», но самъ Василій Леонтьевичъ о своихъ предкахъ, не исключая и отца, не упоминаетъ даже тамъ, гдѣ было бы кстати сказать о знатности своего происхожденія; родился онъ, надо полагать, около 1640 г. Службу началъ въ гетманской канцеляріи и уже при Брюховецкомъ былъ въ ней довольно виднымъ человѣкомъ; и вся его служба была, главнымъ образомъ, канцелярская, гражданская, хотя приходилось ему и «кровью помазаться». Кочубей служилъ и при Дорошенкѣ, которымъ былъ посланъ въ 1675 г. въ Турцію съ какимъ-то порученіемъ; Кочубею не удалось достигнуть желаннаго Дорошенкомъ результата, и онъ перешелъ къ Самойловичу, у котораго былъ «реентомъ» канцеляріи и заслужилъ довѣріе, что не помѣшало, однако, Кочубею принять вмѣстѣ съ Мазепой участіе въ доносѣ, погубившемъ Самойловича и давшемъ гетманство Мазепѣ. Съ Мазепой Кочубей вообще не враждовалъ; однако, около 1692 г. многимъ казалось, что онъ мѣтитъ самъ въ гетманы и что, поэтому, онъ враждебенъ Мазепѣ; Мазепа позднѣе упрекалъ его за «бунтовничій» духъ, напоминая, что уже 16 лѣтъ онъ, Мазепа, прощаетъ Кочубею какіе-то проступки,— возможно, что и дѣйствительно Кочубей велъ въ 1692 г. какую то интригу противъ Мазепы.—Въ 1687 г. за службу подъ Азовомъ и въ другихъ походахъ и за слѣдствіе надъ Самойловичемъ назначенъ генеральнымъ писаремъ и пожалованъ деревнями, какъ отъ Московскаго правительства, такъ и отъ Мазепы. Въ 1694 г. Кочубей отказался отъ писарства и былъ выбранъ въ генеральные судьи; въ 1700 г., по ходатайству Мазепы, получилъ званіе стольника. Мало-по-малу Кочубей вступилъ въ родственныя связи съ видными малороссійскими семьями: женатъ былъ онъ на дочери знатнаго полтавскаго полковника Жученки — Любови Ѳедоровнѣ; одну дочь Кочубей выдалъ за Забѣлу, другую за Обидовскаго—Мазепина племянника; полтавскій полковникъ Искра былъ Кочубею свояк.

Мазепа, овдовѣвъ въ 1702 г., посватался къ Матренѣ, своей крестницѣ, а Кочубеевой дочери; родители, ссылаясь на церковное запрещеніе, отказали; Мазепа, повидимому, пользовался расположеніемъ Матрены и, когда онъ сталъ подсылать къ Матренѣ своихъ слугъ съ разными предложеніями и обѣщаніями,—она убѣжала къ гетману;—такъ было въ дѣйствительности, хотя Кочубей писалъ, что гетманъ зазвалъ его дочь къ себѣ въ гости и «изнасиловалъ блудомъ». Послѣ этого у Мазепы съ Кочубеемъ завязалась переписка, полная взаимныхъ укоризнъ и, наконецъ, гетманъ отпустилъ Матрену домой. Происходило это въ 1703 — 1704 г.; но эти происшествія не помѣшали Мазепѣ, уѣзжая въ 1706 и 1707 гг., оставлять Кочубея наказнымъ гетманомъ, т. е. полнымъ хозяиномъ всей Украйны; не скрывалъ Мазепа отъ Кочучея, что намѣренъ отложиться отъ Москвы; совѣтовалъ не торопиться выдавать Матрену замужъ, говоря, что скоро Украйна отойдетъ къ Польшѣ и между знатными поляками найдется ей женихъ.

Около 1706 г. уже несомнѣнна была невѣрность Мазепы Петру, и въ августѣ 1707 г. Кочубей посылалъ въ Москву захожаго монаха Никанора, донося, что гетманъ намѣренъ передаться полякамъ; Никаноръ явился со своимъ доносомъ въ Преображенскій приказъ; но на этотъ разъ дѣло какъ-то осталось безъ послѣдствій и для Мазепы, и для Кочубея. Въ началѣ 1708 г. Кочубей вторично послалъ, черезъ выкреста Яценку, въ Москву доносъ, что

гетманъ хочетъ передаться Польшѣ и намѣренъ сдѣлать покушеніе на особу царя, если бы тотъ пріѣхалъ въ Батуринъ. О томъ же Кочубей и его своякъ и пріятель, бывшій полтавскій полковникъ Иванъ Искра, поручили полтавскому священнику Ивану Святайлѣ сообщить ахтырскому полковнику Осипову, съ просьбой довести дѣло до царя, и при этомъ предупреждали, что необходимо дѣйствовать осторожно, такъ какъ между людьми, близкими къ царю, найдутся Мазепины пріятели. 27 февраля Петръ получилъ доносъ Осипова, но еще за 3 дня получилъ отъ Мазепы предупрежденіе о доносѣ и просьбу розыскать доносчиковъ На Мазепу было уже нѣсколько доносовъ; но всѣ предъидущіе оказывались ложными; Петръ не повѣрилъ и доносу Кочубея и писалъ гетману, что довѣряетъ ему и ему самому поручаетъ поймать доносчиковъ, имена которыхъ были ему сообщены.

Мазепа послалъ полковниковъ Трощинскаго и Кожуховскаго съ отрядомъ войска на Диканьку, имѣніе Кочубея, гдѣ онъ съ нѣкотораго времени жилъ, ссылаясь на нездоровье. Кочубей, предупрежденный миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ, успѣлъ вызвать къ себѣ Искру и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать въ Ахтырскій полкъ, слѣдовательно за предѣлы юрисдикціи гетмана; бѣглецы отдались подъ защиту Осипова. Пользуясь расположеніемъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ Петру лицъ, Мазепа успѣлъ овладѣть своими врагами, причемъ ему предоставлено было дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію и дѣйствовалъ онъ очень неблаговидно, впрочемъ, должно признаться, при содѣйствіи царскихъ чиновниковъ. Чтобы вѣрнѣе поймать доносчиковъ, сдѣлали видъ, что царь имъ довѣряетъ и велитъ явиться лично — сперва только Искрѣ; Кочубей поѣхалъ его провожать, но по дорогѣ получилъ приказъ ѣхать вмѣстѣ съ Искрой. Доносчики прибыли въ Смоленскъ, а оттуда 18 апрѣля—въ Витебскъ къ Головкину (канцлеру); кромѣ Кочубея и Искры сюда же прибыли Святайло, Яценко и сотникъ полтавскаго полка Кованько, на показанія котораго Кочубей думалъ ссылаться для подтвержденія вѣрности доноса, и еще 11 другихъ лицъ. 19 апрѣля Кочубей подалъ Головкину и Шафирову письменный доносъ на Мазепу, обвиняя его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ поляками, намѣреніи передаться имъ, недовольствѣ московскимъ владычествомъ, распространеніи слуховъ о разныхъ бѣдахъ, которыя Москва готовитъ Украйнѣ, восхваленіи измѣнившихъ прежде гетмановъ, разныхъ злоупотребленіяхъ и прочее. Но изъ обвинителя Кочубей скоро очутился въ положеніи обвиняемаго; въ виду довѣрія царя и Меньшикова къ Мазепѣ, не стали изслѣдовать, вѣренъ ли доносъ, а предрѣшили, что онъ ложенъ, и стали допытываться, по какимъ побужденіямъ, не по наущенію ли шведовъ, онъ сдѣланъ. Поводомъ къ измѣненію характера слѣдствія послужило то, что Кочубей и Искра разошлись въ показаніяхъ: Искра говорилъ, что Мазепа хочетъ покуситься на жизнь царя, а Кочубей въ письменномъ доносѣ объ этомъ не говорилъ. Разногласившихъ доносчиковъ обыкновенно подвергали пыткѣ; и Кочубея и Искру посадили подъ караулъ, отдѣльно другъ отъ друга и рѣшили пытать. Не допуская до пытки, Кочубей объявилъ, что вины за гетманомъ не знаетъ, и доносилъ по «домашней злобѣ за дочь». Искра подъ пыткой объявилъ, что доносилъ исключительно со словъ Кочубея, и послѣдняго пытали, чтобы узнать, не по наущенію ли непріятелей, съ цѣлью замѣнить вѣрнаго гетмана ихъ единомышленникомъ, сдѣланъ доносъ, и кто въ немъ участвовалъ, кромѣ Кочубея (подозрѣніе было на миргородскаго полковника Апостола). Кочубей и на пыткѣ давалъ прежнія показанія: измѣны за гетманомъ не знаетъ, съ непріятелями сношеній не имѣлъ, причина доноса — личная ненависть къ гетману; сообщники— одинъ Искра. Министры признали Кочубея и Искру достойными смертной казни и отправили ихъ (30 апрѣля) въ Смоленскъ, до царскаго указа; Головкинъ совѣтовалъ выдать ихъ Мазепѣ; этого просилъ и Мазепа, боясь внезапнаго поворота дѣла въ невыгодную для него сторону, а ссылаясь на то, что замедленіе дѣла порождаетъ на Украйнѣ толки о томъ, что гетманъ находится въ подозрѣніи. Но Петръ, не теряя еще надежды открыть сношенія доносчиковъ со шведами, велѣлъ привезти ихъ опять въ Витебскъ и снова пытать; 28 мая Кочубей былъ снова пытанъ, но показаній не измѣнилъ.

Тогда рѣшено было выдать ихъ Мазепѣ; 29 іюня Кочубей и Искра, подъ великороссійскимъ конвоемъ, привезены въ Кіевъ и 11 іюля выданы Мазепѣ. Кочубея снова

подъ пыткой допрашивали объ его имуществѣ и 14 іюля 1708 г., подъ конвоемъ великороссійскихъ солдатъ, при громадномъ стеченіи народа, казнили вмѣстѣ съ Искрой въ мѣстечкѣ Борщаковкѣ, подъ Бѣлой Церковью. Петръ ожидалъ почему то, что Мазепа будетъ просить помилованія доносчиковъ, но этого не случилось. Похороненъ Кочубей въ Кіево-Печерской Лаврѣ. — Возвышеніемъ своимъ Кочубей обязанъ не столько своимъ талантамъ—онъ не былъ выдающейся личностью,—сколько своему усердію и честолюбію жены; она же, кажется, подстрекнула его и къ доносу, вызванному, вѣроятно, не столько преданностью къ Москвѣ, сколько личной враждой къ Мазепѣ и надеждой возвыситься, въ случаѣ успѣха доноса.

«Источники малорос. исторіи, собр. Бантышъ-Каменскимъ»—Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г., т. I; «В. Л. Кочубей въ разсказѣ его современника»—«Рус. Стар.» 1883 г., № 12; Лазаревскій—«Очерки исторіи нѣкот. малорос. фамилій» «Рус. Арх.» 1876 г., кн. III; Бантышъ-Каменскій—«Словарь достопамятныхъ людей», т. III; Соловьевъ—«Исторія Россіи». т. XV; Костомаровъ—«Мазепа», глава XII.

Кочубей, *Викторъ Павловичъ*, князь, государственный канцлеръ внутреннихъ дѣлъ, род. 11 ноября 1768 года, ум. въ Москвѣ, въ ночь съ 2 на 3 іюня 1834 года. Онъ былъ сыномъ Павла Васильевича Кочубея и правнукомъ знаменитаго Василія Леонтьевича Кочубея; мать его, Ульяна Андреевна, была родною сестрою Александра Андреевича Безбородко. Павелъ Васильевичъ Кочубей, занимавшій мѣсто головы въ подкоморномъ полтавскомъ судѣ, не былъ расположенъ особенно заботиться о воспитаніи и образованіи своихъ двухъ сыновей—Аполлона и Виктора; эту заботу принялъ на себя А. А. Безбородко. Назначенный въ концѣ 1775 г. «быть у принятія челобитій», Безбородко взялъ племянниковъ къ себѣ въ Петербургъ; 10 іюля 1776 г. Викторъ Кочубей записанъ былъ капраломъ въ гвардію, 30 августа того же года произведенъ въ унтеръ-офицеры, а 24 ноября—въ сержанты. Безбородко въ началѣ 1778 г. помѣстилъ племянника въ пансіонъ де-Вильнева. Де-Вильневъ прежде былъ однимъ изъ преподавателей тогдашняго шведскаго короля Густава III; его пансіонъ считался однимъ изъ лучшихъ и аристократическихъ въ столицѣ; плата за ученіе и полное содержаніе была 220 р. въ годъ;. Безбородко постоянно съ похвалою отзывался объ успѣхахъ своего племянника и о его дарованіяхъ.

1-го января 1784 г. В. Кочубей получилъ первый офицерскій чинъ, назначенъ адъютантомъ къ кн. Потемкину и причисленъ къ нашей миссіи въ Швеціи, Проведя лѣто въ отпуску у родителей. В. Кочубей 14 декабря отправился въ Стокгольмъ. Но первый годъ онъ продолжалъ свое образованіе, слушая лекціи въ Упсальскомъ университетѣ; слѣдомъ этихъ занятій остались въ его бумагахъ записки о правѣ народномъ. Со второго года пребыванія своего въ Швеціи онъ посвятилъ себя исключительно дѣламъ. Благодаря покровительству Безбородка онъ получилъ доступъ къ важнѣйшимъ дѣламъ посольства; большинство депешъ проходили черезъ его руки; нѣсколько разъ побывалъ онъ курьеромъ въ Петербургѣ. Въ іюлѣ 1786 г. умеръ его отецъ; В. Кочубей получилъ безсрочный отпускъ для устройства дѣлъ и уѣхалъ въ свое имѣніе, Диканьку. 22 сентября того же года онъ съ старшимъ братомъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а затѣмъ былъ въ свитѣ императрицы, во время поѣздки ея въ Крымъ, причемъ, вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ и камеръ-юнкеромъ гр. П. А. Шуваловымъ находился постоянно при императрицѣ. Повидимому, во время проѣзда черезъ Москву въ 1786 году Кочубей вступилъ въ масонскую ложу Минервы, гдѣ былъ мастеромъ кресла Фроловъ-Багрѣевъ, а надзирателемъ Ив. Замятнинъ: въ бумагахъ Кочубея сохранился дипломъ на званіе члена этой ложи, данный «на востокѣ Кременчуга» и помѣченный четвертымъ мѣсяцемъ 5787 г. Около этого же времени Кочубей сталъ извѣстенъ в. кн. Павлу Петровичу и заслужилъ его расположеніе; на такое заключеніе наводитъ то обстоятельство, что, когда началось слѣдствіе надъ московскими масонами и когда очень старались выяснить отношенія масоновъ къ в. кн. Павлу Петровичу—и Новикова, и Лопухина и Тургенева и кн. Н. П. Трубецкаго спрашивали: «кѣмъ уловленъ былъ» въ ихъ сообщество Кочубей, хотя въ глазахъ этихъ главныхъ дѣятелей масонства вступленіе его въ ложу было фактомъ столь незначительнымъ и незамѣтнымъ, что они не знали, когда и кѣмъ онъ принятъ и сходились лишь въ показаніи, что поступилъ онъ при гр. З. Г. Чернышевѣ, т. е.,

значитъ, до августа 1786 г., когда Чернышевъ умеръ.

По возвращеніи въ Петербургъ Кочубей, весною 1788 года, причисленъ былъ къ лондонской нашей миссіи, съ правомъ путешествовать по Европѣ для окончанія образованія. По предположенію Безбородка онъ долженъ былъ провести около двухъ лѣтъ въ Англіи, затѣмъ черезъ Лиссабонъ и Мадритъ проѣхать въ Парижъ, прожить тамъ годъ и послѣ того, черезъ Италію, съ продолжительною остановкою въ Вѣнѣ, вернуться въ Россію.

Въ ноябрѣ 1788 г. Кочубей выѣхалъ изъ Петербурга; не останавливаясь подолгу нигдѣ, проѣхалъ въ Голландію и весною 1789 г. былъ въ Англіи. Безбородко поручилъ его особенному вниманію гр. С. Р. Воронцова, тогдашняго посланника нашего въ Англіи; Кочубей успѣлъ заслужить большое расположеніе Воронцова и на всю жизнь сохранилъ наилучшія отношенія съ нимъ, съ его братомъ, гр. А. Р. Воронцовымъ, и съ его сыномъ, впослѣдствіи княземъ, М. С. Воронцовымъ; въ теченіе дальнѣйшей своей дѣятельности онъ поддерживалъ съ Воронцовымъ постоянную переписку, со старшими часто совѣтовался въ затруднительныхъ или важныхъ случаяхъ; со своей стороны С. Р. Воронцовъ постоянно самымъ лестнымъ образомъ отзывался о В. Кочубеѣ.

Въ началѣ 1791 г. В. Кочубей посѣтилъ на нѣсколько дней Парижъ, затѣмъ до осени провелъ время въ Швейцаріи, потомъ вернулся въ Парижъ и остался тутъ до начала 1792 г. Въ эту поѣздку онъ прослушалъ курсъ исторіи литературы у Жана Франсуа Лагарпа; въ бумагахъ Кочубея сохранился довольно подробный конспектъ этихъ чтеній, свидѣтельствующій и объ интересѣ къ нимъ слушателя и объ его недюжинномъ умѣньи схватывать суть дѣла и ясно ее формулировать. Лагарпъ въ этихъ чтеніяхъ касался не однихъ только литературныхъ вопросовъ въ исторіи древнеклассической и французской литературы, но посвятилъ большое вниманіе и философамъ XVIII в., первое мѣсто между которыми отведено, конечно, Вольтеру и Монтескье; успѣхи философіи въ XVIII в. Лагарпъ почитаетъ весьма значительными сравнительно съ XVII в. и идеи философовъ XVIII в. находитъ въ высшей степени замѣчательными и полезными; ученіе Монтескье о монархіи онъ подвергалъ обстоятельному разбору и представлялъ противъ него возраженія—къ сожалѣнію, возраженій этихъ Кочубей не помѣстилъ въ своемъ конспектѣ, сохранивъ ихъ, повидимому, только въ памяти, и лишь отмѣтилъ, что они были въ данномъ мѣстѣ сдѣланы.

Хотя, отправляясь въ Парижъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Англіи, Кочубей вполнѣ слѣдовалъ программѣ, начертанной ему Безбородкомъ, но эта поѣздка пришлась уже во время революціи и какъ разъ въ такой моментъ, когда въ Россіи принимались по отношенію къ французамъ различныя мѣры строгости, такъ что Безбородко былъ очень ею недоволенъ; онъ писалъ племяннику, что это можетъ очень и очень повредить всей его карьерѣ. «Во Францію вы ѣхать не можете и не должны», писалъ онъ, какъ будто бы не зная, что это уже совершилось, «ибо иначе вы подвергнете себя опасности не только не употреблену быть никогда въ дѣло, а иногда и секвестру имѣнія. Я столько добрыхъ имѣю о васъ мыслей, что и думать не смѣю, чтобы вы хотя малѣйше заразились духомъ разврата французскаго».

Конечно, Кочубей имѣлъ слишкомъ много трезвости ума, чтобы увлечься происходившимъ тогда во Франціи, и поѣздка эта не навлекла ему никакихъ дурныхъ послѣдствій. Неудовольствіе противъ него скоро улеглось, и въ 1792 г., какъ разъ въ то время, когда Кочубей собирался ѣхать въ Лиссабонъ и Мадридъ, чтобы продолжать свое путешествіе по Европѣ, онъ былъ вызванъ въ Россію. Онъ прибылъ въ Петербургъ 9 іюля; Безбородко имѣлъ въ виду назначить его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Турцію.

Въ Петербургѣ В. П. Кочубей произвелъ очень выгодное впечатлѣніе. «Онъ пріобрѣлъ великія знанія какъ въ наукахъ, такъ и въ дѣлахъ», писалъ Безбородко своей матушкѣ о ея любимомъ внукѣ, «отъ всѣхъ отлично рекомендованъ и всѣми любимъ. Государыня изволитъ назначать его чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Царьградъ... Я увѣренъ, что онъ дѣла не испортитъ и себѣ честь принесетъ».

Впрочемъ, доставить своему племяннику это назначеніе Безбородкѣ удалось не безъ труда; подъ разными вліяніями императрица долго колебалась и разъ даже сказала Безбородкѣ, что онъ хочетъ на-

значить туда своего племянника, чтобы доставить ему случай получить крупное пожалованіе деревнями, послѣ того какъ турки засадятъ его въ Едикуль, что, по словамъ императрицы, непремѣнно случится при его молодости и недостаточной еще опытности. Со своей стороны Кочубей старался заручиться могущественными покровителями и помимо своего дяди: изъ его писемъ узнаёмъ, что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ П. А. Зубовымъ. Осторожность Кочубея шла еще далѣе: прежде чѣмъ принять предложенное ему мѣсто, онъ почелъ нужнымъ узнать, угодно ли предположенное его назначеніе цесаревичу, и согласился только тогда, когда цесаревичъ высказалъ свое полное удовольствіе по поводу такого назначенія; предъ самымъ отъѣздомъ къ мѣсту новаго служенія Кочубей по приглашенію наслѣдника провелъ у него два дня въ Гатчинѣ. Въ это же пребываніе въ Петербургѣ Кочубей очень сблизился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и заслужилъ, можно сказать, совершенно исключительное его расположеніе: великій князь писалъ ему въ Константинополь очень дружественныя и интимныя письма: въ одномъ изъ нихъ, напр., онъ съ трогательною нѣжностью упрекаетъ Кочубея за то, что онъ, изъ боязни его обезпокоить, скрылъ отъ него свое нездоровье, въ другомъ настаиваетъ, чтобы Кочубей въ обращеніяхъ къ нему какъ можно рѣже употреблялъ его титулъ, наконецъ въ третьемъ, самомъ большомъ, онъ описываетъ Кочубею очень просто, обстоятельно и интересно свое знакомство, отъ первой встрѣчи, съ великою княжною, впослѣдствіи императрицею, Елизаветою Алексѣевною. Наконецъ къ В. П. Кочубею написано и то извѣстное письмо, въ маѣ 1796 г., въ которомъ великій князь высказываетъ свое глубокое неудовольствіе всѣми окружающими престолъ людьми и рѣшимость, повидимому твердую, отказаться отъ престола, какъ только онъ къ нему перейдетъ. Именно около этого времени — нѣсколько позже—сдѣланы были со стороны императрицы Екатерины рѣшительные шаги къ тому, чтобы получить согласіе своего внука на воцареніе его помимо отца. Обращеніе великаго князя къ Кочубею въ это время и по такому поводу, безспорно величайшей важности, вполнѣ доказываетъ его безусловное довѣріе къ своему другу. Что отвѣчалъ Кочубей—намъ неизвѣстно; очень можетъ быть, что онъ не рѣшился довѣрять бумагѣ отвѣтъ на письмо такого содержанія; но вообще, по свидѣтельству Растопчина, письма Кочубея къ великому князю производили на послѣдняго сильное впечатлѣніе; вліянію ихъ Растопчинъ приписывалъ возобновленіе великимъ княземъ своихъ серьезныхъ занятій, которыя были имъ совершенно заброшены въ первое время послѣ свадьбы.

Указъ о назначеніи Кочубея полномочнымъ министромъ въ Царьградъ состоялся 11 октября 1792 г.; къ новому мѣсту своего назначенія Кочубей выѣхалъ въ концѣ 1792 г., ѣхалъ черезъ Вѣну и прибылъ въ Константинополь въ февралѣ 1793 г.

Положеніе его здѣсь было не изъ легкихъ. Послѣ только что окончившейся войны, въ Турціи было еще очень сильно недовѣріе и враждебность къ Россіи; опасаясь нападенія со стороны своего недавняго противника, Порта и въ свою очередь готова была снова вступить въ борьбу съ Россіей; продолжавшіяся смуты въ Польшѣ постоянно грозили доставить для этого поводъ; впрочемъ, съ этой стороны опасность была скоро уничтожена побѣдами Суворова. Воинственное настроеніе Порты поддерживалось еще и внушеніями агентовъ французской революціи, которые всячески старались втянуть Турцію въ нападеніе на Австрію, которая тогда начинала борьбу съ Франціей; между тѣмъ, при тогдашнихъ отношеніяхъ дворовъ петербургскаго и вѣнскаго, нападеніе Турціи на Австрію неизбѣжно должно было вызвать и войну Россіи съ Турціей. Представители всѣхъ державъ боролись въ Константинополѣ противъ французскихъ агентовъ и долго успѣвали удерживать Порту отъ признанія ею республики. Наконецъ, весною 1795 г., признаніе это состоялось, но за то Турція объявила, что войны она не начнетъ и, дѣйствительно, миръ былъ сохраненъ. Дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ переговорахъ принималъ и Кочубей; ему приходилось тратить много вниманія и времени еще и на улаживаніе разныхъ мелкихъ, но довольно частыхъ, пограничныхъ столкновеній, въ которыхъ онъ, переписываясь съ своими друзьями, не могъ не обвинять иногда и русскихъ начальниковъ пограничныхъ областей. Кочубею удалось даже достигнуть

измѣненія въ желательномъ для Россіи направленіи торговаго тарифа и согласія Порты на то, чтобы и вновь присоединенныя къ Россіи отъ Польши области въ уплатѣ торговыхъ пошлинъ были приравнены всѣмъ остальнымъ русскимъ областямъ. Въ Петербургѣ были очень довольны дѣятельностью Кочубея: 1 января 1795 г. онъ получилъ званіе дѣйствительнаго камергера, 22 сентября того же года ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Но самъ Кочубей очень тяготился своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ. Помимо тѣхъ непріятностей при самомъ его назначеніи, о которыхъ мы уже упоминали, и благодаря которымъ онъ хотѣлъ остаться въ Константинополѣ лишь два года, онъ тяготился и своими обязанностями. Ему казалось тяжело вести переговоры съ турецкими министрами, которые съ одной стороны отличались крайнею медленностью и упорствомъ въ своихъ мнѣніяхъ, съ другой—чрезвычайною измѣнчивостью во взглядахъ и рѣшеніяхъ. Тяготился Кочубей и тѣмъ, что ему приходилось постоянно касаться дѣлъ торговыхъ: такъ какъ торговлю между Россіей и Турціей вели тогда по преимуществу армяне и греки, то, по словамъ Кочубея, дѣла эти не только большею частью мелочныя, но почти всегда и не совсѣмъ чистыя. Наконецъ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ Кочубей, вообще не отличавшійся хорошимъ здоровьемъ, почти постоянно хворалъ припадками давно мучившей его подагры. Жалобы его въ письмахъ къ друзьямъ, повидимому, отражаютъ его дѣйствительно угнетенное настроеніе духа тѣмъ вѣрнѣе, что онъ, жалуясь на скуку мелкихъ дѣлъ, занимался ими тѣмъ не менѣе, очень добросовѣстно, изучалъ эти самыя торговыя дѣла: въ его бумагахъ сохранились копіи съ переписки французскаго посла гр. Шуазеля Гуфье съ марсельскою торговою палатою. нѣсколько записокъ о финансахъ Турціи и о торговлѣ въ ней и съ нею, наконецъ — обширная корреспонденція съ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ консуловъ на востокѣ, Фонтономъ, касающаяся преимущественно нашихъ коммерческихъ интересовъ въ Турціи и вообще на юговостокѣ. Во всякомъ случаѣ, весною 1796 г. Кочубей рѣшительно заявлялъ желаніе бросить службу, или по крайней мѣрѣ, оставить Константинополь.

Воцареніе Павла Петровича, который въ бытность наслѣдникомъ выказывалъ къ Кочубею большое расположеніе, побудило его остаться еще на своемъ посту. Новый императоръ немедленно осыпалъ его знаками своего благоволенія: 13 января 1797 г., по полученіи первой депеши Кочубея, адресованной уже къ новому императору, Государь пожаловалъ ему одновременно чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ св. Александра Невскаго; и дальнѣйшими его депешами Государь казался очень доволенъ. Но и въ отношеніяхъ къ Кочубею проявилъ онъ ту же неустойчивость, то же непостоянство, какими отмѣчены отношенія его и ко всѣмъ другимъ, его окружавшимъ. Въ томъ же году Кочубей навлекъ на себя сильнѣйшій гнѣвъ Государя запискою, въ которой указывалъ на недостатокъ устройства южныхъ окраинъ Россіи; «огонь былъ большой», пишетъ Безбородко Кочубею послѣ того, какъ по настоятельной просьбѣ самого Кочубея доложилъ Государю его записку. Къ веснѣ 1798 г. Государь повидимому вернулъ ему свое расположеніе: онъ согласился на назначеніе Кочубея въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а Безбородко, кажется, и не скрывалъ своего намѣренія передать своему любимому племяннику фактически веденіе всѣхъ дѣлъ. Въ іюнѣ 1798 г. Кочубей прибылъ въ Петербургъ и 18-го числа этого мѣсяца былъ очень милостиво принятъ Императоромъ и по приглашенію его провелъ нѣсколько дней въ Павловскѣ. Здѣсь онъ имѣлъ неоднократно продолжительные разговоры съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ; Императоръ дважды встрѣтилъ его у великаго князя и, казалось, былъ очень доволенъ ихъ сближеніемъ; однажды онъ провелъ въ бесѣдѣ съ ними около часу и, уходя, сказалъ Кочубею, что очень желалъ бы, чтобы онъ былъ при его сынѣ тѣмъ же, чѣмъ при немъ самомъ Безбородко, такъ чтобы имъ составить une espèce de quatuor. Конечно, бесѣды Кочубея съ великимъ княземъ касались по преимуществу государственныхъ дѣлъ; вѣроятно въ связи съ ними находится «Записка объ управленіи государствомъ», нѣсколько листовъ черновика которой, писанныхъ рукою самого Безбородко, сохранились въ бумагахъ Кочубея,—на нихъ сдѣлана имъ помѣтка, что записка эта составлена по просьбѣ ве-

ликаго князя въ 1798 году. Однако, къ октябрю Кочубей замѣтилъ полное охлажденіе къ себѣ Государя; черезъ Кутайсова ему даже было сказано, чтобы онъ не ходилъ къ Государю по вечерамъ. Но скоро милость къ нему опять вернулась: 23 октября 1798 г. онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, въ декабрѣ 1798 г. управлялъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ во время поѣздки Безбородко въ Москву и 10 декабря получилъ командорскій крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ опять замѣтна стала холодность Государя къ Кочубею, и даже къ Безбородкѣ; о Кочубеѣ Государь отзывался не разъ Растопчину, что онъ «умничаетъ», а когда однажды Растопчинъ рѣшился спросить, что это значитъ, Государь отвѣтилъ, что Растопчинъ этого понять не можетъ. Въ февралѣ 1799 г., по случаю обрученія великой княжны Александры Павловны съ палатиномъ Іосифомъ, Кочубей получилъ въ подарокъ 50,000 р., а 4 апрѣля 1799 года возведенъ былъ въ графское достоинство Россійской Имперіи; 21 апрѣля 1799 г. ему пожаловано по ордену Іоанна Іерусалимскаго командорское имѣніе, бывшее за Безбородкомъ до его смерти. Тѣмъ не менѣе Кочубей чувствовалъ постоянно, что Императоръ имъ недоволенъ; изъ одного письма Кочубея узнаёмъ, что однажды Императоръ заговорилъ съ нимъ объ Императрицѣ и съ крайнимъ неудовольствіемъ отзывался о ея стремленіи вмѣшиваться въ дѣла; Кочубей вообще былъ очень не высокаго мнѣнія о тактичности Императрицы Маріи Ѳеодоровны (что онъ даже въ довольно рѣзкой формѣ высказалъ въ письмѣ 8 апрѣля нов. ст. 1801 г. изъ Дрездена), но счелъ нужнымъ успокаивать Императора; это не понравилось и послѣ Кочубей говорилъ, что Императоръ недоволенъ имъ, подозрѣвая въ немъ излишнюю преданность великому князю Александру Павловичу и государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; поэтому вскорѣ послѣ смерти кн. Безбородко (который умеръ 6 апрѣля 1799 г.) Кочубей попросился въ отставку и 8 августа 1799 г. послѣдовалъ указъ: «вице-канцлера нашего Кочубея по желанію его всемилостивѣйше увольняя отъ службы, повелѣваемъ остаться ему при исправленіи должности до пріѣзда тайнаго совѣтника гр. Панина»; гр. Н. П. Панинъ вступилъ въ должность 25 сентября 1799 г.—За время вице-канцлерства Кочубея привелось принимать участіе въ переговорахъ, которые завершились договоромъ 17 ноября 1798 г. съ неаполитанскимъ королемъ Фердинандомъ IV о поданіи ему помощи, затѣмъ союзомъ и конвенціею съ Англіею (17 декабря 1798 г. и 10 іюня 1799) и наконецъ—союзнымъ договоромъ съ Португаліею (7 сентября 1799 года), но, конечно, рядомъ съ Безбородко ему въ это время принадлежала только второстепенная роль.

Позднею осенью 1799 г. В. П. Кочубей уѣхалъ въ Диканьку, послѣ того какъ 13 ноября состоялась его свадьба съ Маріею Васильевною Васильчиковой, сестрою Илл. Вас. Васильчикова, впослѣдствіи князя; отецъ графини Кочубей былъ дѣйствительный камергеръ В. С. Васильчиковъ, родной братъ Александра Семеновича Васильчикова, а мать—Анна Григорьевна, рожденная гр. Разумовская; супруга В. П. Кочубея родилась 10 сентября 1779 г., умерла 12 января 1844 г. въ званіи статсъ-дамы. Въ маѣ 1800 г. онъ выѣхалъ черезъ Кіевъ заграницу и узнавъ въ Дрезденѣ, въ концѣ марта 1801 г. по старому стилю, о воцареніи Императора Александра, немедленно выѣхалъ въ Петербургъ и изъ Берлина написалъ ему какое то, повидимому горячее, письмо. Въ то же время, 27 марта, гр. Кочубей писалъ къ гр. С. Р. Воронцову изъ Дрездена: «Je pars parce que je crois devoir quelque chose au Grand Duc Alexandre; je pars, parce que je crois que tous les honnêtes gens doivent se réunir autour de lui et faire tous leurs efforts pour cicatriser les plaies infinies portées par son père à sa patrie; et après cela voudra-t-il m'employer, je le servirai de mon mieux, et de préférence dans quelque branche de l'administration interne».

Однако, по дорогѣ, изъ Кенигсберга, написалъ онъ, между прочимъ, слѣдующее въ одномъ изъ писемъ къ гр. Воронцову: «Желаніе перемѣны было каждому естественно и никто оныя болѣе меня не желалъ; но насиліе таковаго рода, каковое, сказываютъ было, должно быть какъ гнусно, такъ и опасно для переду. По истинѣ, если бы было мнѣ возможно, если бы не отозвался я письмомъ къ самому о пріѣздѣ моемъ, никакъ бы не двинулся изъ Берлина; но теперь долженъ ужъ слѣдовать первому теченію, въ твердомъ будучи, однако же, намѣреніи убраться, какъ скоро

нѣкоторыя непріятныя обстоятельства найдутся основательными». Мы не знаемъ въ подробности, какъ разрѣшились для Кочубея эти тяжелыя сомнѣнія; повидимому, ему были сообщены такія свѣденія о послѣднемъ времени царствованія Павла Петровича, которыя убѣдили его, что неизбѣжною оказалась катастрофа — такой взглядъ сквозитъ во многихъ письмахъ Кочубея, писанныхъ въ первое же время пребыванія его въ Петербургѣ; во всякомъ случаѣ онъ остался въ Петербургѣ и занялъ мѣсто въ ряду ближайшихъ сотрудниковъ и интимныхъ друзей молодого государя.

Сразу же онъ встрѣтилъ наилучшій пріемъ; немедленно ему предложено было мѣсто посла въ Парижѣ, но Кочубей отказался, желая, если служить, то въ Россіи; молодой императоръ, повидимому, остался очень доволенъ этимъ его рѣшеніемъ и Кочубей былъ въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, постоянно бывалъ при дворѣ.

Вмѣстѣ съ Н. Н. Новосильцевымъ, гр. П. А. Строгоновымъ и кн. А. А. Чарторижскимъ Кочубей принималъ постоянно участіе въ засѣданіяхъ того негласнаго комитета, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на важнѣйшія дѣла и который Императоръ называлъ въ шутку Comité du salut public. Кн. Чарторижскій называетъ Кочубея самымъ осторожнымъ и благоразумнымъ изъ всѣхъ членовъ этого комитета; повидимому, дѣйствительно, Кочубей стоялъ въ немъ нѣсколько особнякомъ; въ публикѣ тоже говорили о тріумвиратѣ Чарторижскаго, Строганова и Новосильцева, не присоединяя къ этимъ именамъ имени Кочубея; это не мѣшало, однако, наилучшимъ отношеніямъ къ Кочубею Императора; И. И. Дмитріевъ, говоря о вступленіи новыхъ лицъ въ управленіе, вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ, Кочубея признаетъ «главою» той партіи, которую онъ называетъ партіею «молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованія и улучшеній». Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. Кочубей представлялъ Императору записку, въ которой говорилъ, что нѣтъ необходимости принимать ежедневно всѣхъ министровъ и вообще постоянно принимать доклады, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры по неволѣ должны будутъ нерѣдко занимать государя дѣлами, которыя вовсе не требуютъ, въ сущности, такого вниманія и могутъ быть разрѣшаемы самими министрами сообразно законамъ; необходимость измѣнить установившійся при покойномъ императорѣ порядокъ Кочубей доказывалъ, между прочимъ, ссылками на примѣръ Екатерины II, перваго консула и на порядокъ существующій въ Англіи. Въ засѣданіи комитета 10 іюня 1801 г. ему поручено было составить записку о новыхъ основаніяхъ для внѣшней политики Россіи; Кочубей попросилъ въ томъ же засѣданіи самого Императора дать ближайшія указанія по этому предмету и въ результатѣ разговоровъ принято было, что Россія должна «поступать такъ, чтобы всѣ державы дорожили ея дружбою, но не связывать себя никакими обязательствами подобно тому, какъ сдѣлала покойная императрица, заключивъ въ одно и то же время союзные трактаты съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, коихъ интересы противуположны между собою». Въ августѣ Кочубей представилъ свою записку по этому вопросу. Повторивъ указанныя выше положенія и разсматривая въ частности отношенія Россіи къ разнымъ державамъ, онъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о взаимномъ положеніи Россіи и каждой изъ другихъ европейскихъ державъ: Турція и Швеція являются естественными врагами Россіи, но въ настоящее время не опасны по своей слабости; распаденіе Турціи представляется возможнымъ и въ случаѣ наступленія этого событія необходимо настоять, чтобы Молдавія и Валахія не перешли къ Австріи, а составили бы самостоятельное государство. Въ отношеніяхъ къ Пруссіи и Австріи, которыя постоянно соперничаютъ между собою, слѣдуетъ соблюдать нейтралитетъ, «отклоняться же отъ него въ пользу одной изъ сихъ державъ только лишь тогда, когда этого потребуютъ наши собственныя выгоды»; на мелкія государства Германіи мы должны сохранять вліяніе, но перемѣны во внутреннемъ устройствѣ Германіи для насъ не представляютъ важности. Въ ноябрѣ Кочубею поручено было составить проектъ указа объ улучшеніи участи крестьянъ; но этотъ вопросъ занималъ комитетъ менѣе, относительно него не было выработано самостоятельнаго рѣшенія и проекта такого указа Кочубей не представлялъ; вскорѣ затѣмъ ему же поручено было со-

ставить планъ учрежденія совѣта; наконецъ, въ мартѣ 1802 г. онъ читалъ первоначальные наброски плана учрежденія министерствъ; впрочемъ, эта послѣдняя работа была уже дѣломъ Сперанскаго, котораго Кочубей узналъ и сталъ приближать къ себѣ съ тѣмъ умѣньемъ цѣнить и выбирать людей, какое признаютъ за нимъ всѣ, его знавшіе, и даже такой вообще недоброжелательный и желчный свидѣтель, какъ Ф. Ф. Вигель.

Возвращаясь въ Петербургъ, Кочубей выражалъ намѣреніе если ужъ служить, то никакъ не по дипломатической части, даже и въ Россіи, не говоря уже о какомъ нибудь мѣстѣ за границей. 23 іюля 1801 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ съ повелѣніемъ состоять при особѣ Его Величества; этимъ, по словамъ Кочубея, было подчеркнуто нѣсколько исключительное положеніе его и дана ему свобода отъ участія въ текущихъ дѣлахъ Сената; черезъ руки его прошла, между прочимъ, переписка Ф. Ц. Лагарпа съ Государемъ о позволеніи ему пріѣхать въ Россію, чему, какъ извѣстно, очень не сочувствовали многіе, занимавшіе тогда видныя мѣста, напр. гр. Н. П. Панинъ. 30 сентября 1801 г. гр. Н. П. Панинъ, съ 21 марта 1801 г. завѣдывавшій иностранными дѣлами, былъ уволенъ въ трехлѣтній отпускъ и Кочубею пришлось уступить настояніямъ Государя и принять въ свое управленіе коллегію иностранныхъ дѣлъ, со званіемъ присутствующаго въ ней; онъ и управлялъ ею до 8 сентября 1802 г.; 24 ноября 1801 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ объ образованіи Новороссійскаго края и объ образованіи Астраханскаго края; 11 декабря того же года—членомъ Государственнаго Совѣта.

Гр. Кочубей принялъ управленіе внѣшними дѣлами крайне неохотно; самое назначеніе его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ состоялось безъ его вѣдома; но при своихъ отношеніяхъ къ Государю онъ не счелъ возможнымъ не принять этого мѣста. Въ виду неоднократныхъ заявленій Кочубея, что дипломатическія сношенія представляются ему менѣе интересными и менѣе важными, чѣмъ дѣла внутренняго управленія, мы не можемъ, конечно, и ожидать у него опредѣленной, широкой, а тѣмъ болѣе самостоятельной программы дѣйствій въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Но нельзя не поставить ему въ заслугу, что на этомъ мѣстѣ онъ явился вѣрнымъ послѣдователемъ знаменитыхъ екатерининскихъ дипломатовъ графа Н. И. Панина и его преемника, князя А. А. Безбородко. Какъ и они, онъ имѣлъ твердое убѣжденіе, что русское правительство обязано заботиться о непосредственныхъ, ближайшихъ выгодахъ своего народа. Россія, говорилъ онъ, слишкомъ часто и безъ достаточнаго повода вмѣшивалась въ дѣла, прямо ея не касавшіяся и вела войны, дорого ей стоившія и для нея безполезныя; русское населеніе не извлекало изъ нихъ никакихъ выгодъ, между тѣмъ несло и огромныя экономическія невыгоды, не говоря уже о потерѣ людьми. «Я буду стараться слѣдовать національной системѣ, т. е. системѣ, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи къ той или другой державѣ», писалъ онъ гр. С. Р. Воронцову. Ему всегда представлялось крайне нежелательнымъ, чтобы Россія подчинялась въ своихъ международныхъ отношеніяхъ какой либо европейской державѣ; мы не можемъ сказать, чтобы Кочубей ясно и опредѣленно видѣлъ,—а тѣмъ болѣе, указалъ-бы,—путь, какимъ надо и можно идти къ этой цѣли, но несомнѣнно, что по его убѣжденію къ этой цѣли правительство не пойдетъ, если будетъ слѣдовать слѣпо за какою бы то ни было другою державою. И онъ очень чутко относился ко всѣму, что казалось ему опаснымъ въ этомъ отношеніи; такъ, ему не нравилось, что императоръ оказываетъ слишкомъ большое расположеніе къ Пруссіи; одновременно отзывался онъ о донесеніяхъ Крюденера изъ Берлина и Разумовскаго изъ Вѣны, что первый слишкомъ поддается взглядамъ прусскаго министерства, а второй—взглядамъ вѣнскаго. Въ дѣйствіяхъ своихъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Кочубей оставался совершенно вѣренъ тѣмъ общимъ положеніямъ, какія высказывалъ онъ въ упомянутыхъ выше запискахъ своихъ, читанныхъ въ секретномъ комитетѣ. Когда въ началѣ 1802 года сдѣлалось извѣстно намѣреніе Императора имѣть свиданіе съ прусскимъ королемъ, Кочубей дважды поднималъ объ этомъ разговоръ въ негласномъ комитетѣ. Въ засѣданіи негласнаго комитета 24 марта 1802 г. Кочубей доложилъ Государю, что многія обстоятельства убѣдили его въ существованіи предположенія, имѣющаго цѣлью

союзъ между Россіей, Пруссіей и Франціей и что поэтому онъ осмѣливается спросить — нѣтъ ли какихъ либо признаковъ этому въ перепискѣ его съ королемъ прусскимъ; Государь отвѣтилъ, что не получалъ отъ короля прусскаго ничего, кромѣ извѣстныхъ Кочубею писемъ, въ которыхъ о союзѣ не говорится; на вопросъ Кочубея, какъ же слѣдуетъ отвѣчать, если бы такое предложеніе было сдѣлано, Государь отвѣтилъ, что онъ не видитъ въ немъ ничего вреднаго. Кочубей возражалъ, но Государь не согласился съ его доводами; однако, онъ далъ прямое обѣщаніе, что въ Мемелѣ состоится только дружественная встрѣча, на которой вопросы политическіе не будутъ затронуты; указанныя выше замѣчанія Кочубея, что перемѣны во внутреннемъ устройствѣ Германіи для насъ не представляютъ важности, направлены, несомнѣнно, противъ вліянія на Императора разныхъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей, которые, къ большому неудовольствію Кочубея, постоянно посѣщали русскую столицу и втягивали Императора, какъ казалось Кочубею, въ свои интересы, отношенія и интриги. Кочубей, вмѣстѣ съ Новосильцевымъ, гр. П. А. Толстымъ, кн. П. М. Волконскимъ, кн. П. П. Долгоруковымъ и гр. К. А. Ливеномъ, сопровождалъ императора Александра въ маѣ 1802 г. въ его поѣздкѣ въ Мемель; онъ былъ осыпанъ наградами — король прусскій пожаловалъ ему оба высшіе прусскіе ордена—Краснаго орла и Чернаго орла, но тѣмъ не менѣе, Кочубей остался недоволенъ тѣмъ, что, по его наблюденіямъ, любезности всякаго рода, какія расточены были предъ Императоромъ всею прусскою королевскою фамиліею, не остались безъ вліянія и что Императоръ сталъ ближе прежняго принимать къ сердцу прусскіе интересы.

Кратковременное управленіе Кочубея министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ознаменовано только однимъ сколько нибудь выдающимся событіемъ—присоединеніемъ Грузіи, которое состоялось 11 октября 1801 г. Гр. Кочубей былъ противъ этого присоединенія, находя, что выгоды оно принесетъ малыя, а осложненія можетъ вызвать значительныя. Впрочемъ, впослѣдствіи, уже будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ въ своихъ мѣропріятіяхъ относительно этой вновь присоединенной области руководствовался правиломъ, которое и высказывалъ прямо, что разъ уже присоединеніе это состоялось—необходимо извлекать изъ него всѣ возможныя выгоды.

8 сентября 1802 г. обнародованъ былъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ и Кочубей назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ему пришлось, такимъ образомъ, создавать новое министерство, сформировать его. Ближайшимъ сотрудникомъ его, и въ сущности главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи, явился М. М. Сперанскій. Трощинскій, ближайшимъ помощникомъ котораго по Совѣту былъ тогда Сперанскій, узнавъ о предположеніи назначить его во вновь создаваемое министерство, очень хлопоталъ, чтобы Сперанскій остался при немъ или по крайней мѣрѣ, сохранилъ бы за собою и прежнее свое мѣсто; но по особому представленію Кочубея 8 же сентября 1802 года послѣдовалъ указъ — «статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ».

При первоначальной организаціи министерства въ немъ (7 января 1803 года) былъ учрежденъ одинъ лишь департаментъ, директоромъ котораго и назначенъ Сперанскій; затѣмъ, 18 іюля 1803 г., учреждена въ министерствѣ экспедиція государственнаго хозяйства, названная первой, и поручена т. с. Габлицу (Hablitzl); 31 декабря 1803 г. учреждена третья экспедиція «государственной медицинской управы», порученная Кампенгаузену; Сперанскій, остававшійся по прежнему душею министерства, сохранилъ за собою непосредственное управленіе второю экспедиціею — «экспедиціею государственнаго благоустройства».

Чрезвычайно любопытныя данныя о дѣятельности Кочубея какъ министра внутреннихъ дѣлъ заключаетъ отчетъ его по министерству за 1803 г., составленный, по свидѣтельству барона Корфа, Сперанскимъ: въ отчетѣ этомъ—первомъ за полный годъ—высказаны общія соображенія, какими руководились гр. Кочубей и его ближайшій помощникъ, и намѣчены тѣ вопросы, которые они почитали стоящими на ближайшей очереди; журналы комитета министровъ, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ своего управленія министерствомъ Кочубей почти не выходилъ за предѣлы, намѣченные въ первомъ его отчетѣ.

По словамъ этого отчета, «предметы министерства внутреннихъ дѣлъ вообще при-

надлежатъ къ государственному хозяйству и общему благоустройству»; министерство впервые должно объединить въ своемъ вѣдѣніи многіе предметы, которые прежде входили въ кругъ вѣдѣнія разныхъ учрежденій и не были связаны. Собравъ свѣдѣнія о мѣстахъ, которыя должны теперь подлежать вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, министръ раздѣлилъ ихъ на три вышеупомянутыя экспедиціи. Первой экспедиціи поручены были: заботы о земледѣліи, о разныхъ отрасляхъ промышленности и опека иностранныхъ поселенцевъ; второй—заботы вообще «о внутренней тишинѣ», которая опредѣлена, какъ «равновѣсіе и непоколебимость тѣхъ отношеній, въ коихъ разные классы государства и члены, ихъ составляющіе, находятся между собою и въ коихъ поставлены они закономъ»; наконецъ третьей экспедиціи были переданы всѣ дѣла бывшей медицинской коллегіи.

Дѣятельность первой экспедиціи была направлена прежде всего на обезпеченіе имперіи продовольствіемъ. Въ 1803 году были частные недороды въ губерніяхъ Смоленской и сѣверныхъ; министерство закупило въ другихъ мѣстностяхъ хлѣба приблизительно на 180,000 руб. и успѣло предотвратить острый недостатокъ въ продовольствіи и сильное повышеніе цѣнъ. Вслѣдъ за тѣмъ обращено было вниманіе на лучшее устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, заведеніе которыхъ предписано было еще въ 80-хъ годахъ XVIII в., но которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ существовали лишь на бумагѣ. Выработанъ былъ проектъ лучшаго надзора за ними и составленія въ теченіе 48 лѣтъ годового запаса, путемъ взноса ежегодно по получетверику съ души озимого хлѣба и по полугарнцу ярового; мѣра эта не осуществилась въ полномъ своемъ размѣрѣ, особенно благодаря тому, что въ 1805 году снова былъ неурожай, еще болѣе сильный. Бо́льшіе результаты были достигнуты въ заботахъ объ обезпеченіи населенія солью. Недостатокъ соли — это былъ бичъ, съ которымъ приходилось постоянно бороться правительству въ теченіе всего XVIII в.; въ 1802 году недостатокъ этотъ снова проявился. Соляной промыселъ вообще находился въ большомъ неустройствѣ. Благодаря неизбѣжной необходимости развозить соль на громадныя разстоянія, торговля ею давно уже приносила казнѣ убытки, а не барыши, на которые часто расчитывали; въ 1802 году потери казны на этой операціи достигали 750,000 руб. Лучшею организаціею торговъ министерство успѣло не только совершенно уничтожить эту потерю, но даже получить для казны небольшую прибыль. Это было достигнуто благодаря тому, что во-1) торги на поставку соли были произведены въ Петербургѣ не разновременно для разныхъ губерній, а одновременно для всѣхъ—благодаря этому явилось больше конкурентовъ, а во-2) подряды сданы были не на годъ, а на три, на четыре года—благодаря этому цѣны были ниже, ибо необходимые для начатія дѣла расходы явилась возможность безопасно разложить на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, усилена была добыча соли въ Эльтонѣ и доведена съ 8.000,000 пудовъ въ годъ до 9.600,000 пудовъ, и, наконецъ, введены значительныя улучшенія въ соляные промыслы илецкій, дедюхинскій и старорусскій.

Въ первые же годы управленія Кочубея министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ принятъ рядъ частныхъ мѣръ къ улучшенію въ Россіи рыбныхъ промысловъ, овцеводства, пчеловодства, къ развитію шелководства, винодѣлія, сахароваренія; мѣры эти, впрочемъ, не были особенно крупны и особыхъ результатовъ не принесли. Относительно обрабатывающей промышленности въ отчетѣ своемъ министръ внутреннихъ дѣлъ высказывалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ, по которому не только всякія казенныя промышленныя предпріятія идутъ всегда хуже частныхъ, но и вообще промышленность всего лучше развивается, если ей предоставлена полная свобода, если въ ея ходъ меньше вмѣшиваются; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ отчетѣ заявлено, что для государства, въ которомъ промышленность еще не успѣла достаточно развиться и окрѣпнуть, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, силою обстоятельствъ поставлено въ неизбѣжныя сношенія съ другими государствами, несравненно болѣе развитыми въ промышленномъ отношеніи — необходимо принимать нѣкоторыя особыя мѣры для поддержанія своей промышленности. Министерство намѣревалось обратить на это дѣло особое вниманіе; было высказано между прочимъ, предположеніе, что полезно было бы создать особый капиталъ, для поддержки фаб-

рикъ и заводовъ; всего ихъ считалось тогда въ Россіи 2,393.

Наконецъ, вѣдѣнію первой экспедиціи подлежали и поселившіеся въ Россіи иностранцы. Всѣхъ иностранцевъ, вышедшихъ въ Россію съ 1764 г.,—канцелярія, которая имѣла своимъ предметомъ ихъ вызовъ, была учреждена 22 іюля 1763 г.—считалось до 50,000; въ послѣднія 10—15 лѣтъ царствованія Екатерины II приглашеніе переселенцевъ изъ Западной Европы было прекращено: съ одной стороны правительство убѣдилось, что оттуда является по преимуществу элементъ нежелательный—разные неудачники и лѣнтяи, которые немогли найдти работы дома,—съ другой стороны въ эти годы вниманіе правительства было обращено по преимуществу на переселенцевъ, выходившихъ изъ Крыма и изъ армянскихъ областей Турціи. Кочубей возобновилъ вызовъ колонистовъ изъ Западной Европы и въ теченіе 1802—1803 гг. изъ Германіи, Швейцаріи, Пруссіи и Болгаріи переселилось въ Россіи до 3,000 человѣкъ; имъ, по прежнему, предоставлены были различныя финансовыя льготы, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры, способныя устранить изъ числа переселяющихся въ Россію всѣ нежелательные элементы и обезпечить, наоборотъ, принятіе въ число переселяемыхъ лишь дѣйствительно знающихъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Что касается переселеній казенныхъ крестьянъ внутри имперіи, къ чему обнаруживали большую склонность нѣкоторые губернаторы, подъ предлогомъ, якобы, недостатка въ той или другой мѣстности земель, годныхъ для обработки, то Кочубей не признавалъ вообще, чтобы въ тогдашней Россіи существовали такія мѣстности и нѣсколько подобныхъ предложеній отклонилъ, совершенно справедливо находя ихъ безцѣльными для государства и вредными для благосостоянія крестьянъ. Добровольнымъ ихъ переселеніямъ онъ, конечно, не ставилъ препятствій—такъ въ эти два года переселились свыше 1,000 человѣкъ изъ Слободско-уральской губерніи на кавказскую линію; въ это же время устроено поселеніе для молоканъ на урочищѣ Молочныя воды въ Екатеринославской губерніи.

Ко второй экспедиціи, непосредственно подчиненной Сперанскому, относились дѣла по государственному благоустройству; въ отчетѣ по этой экспедиціи на первомъ мѣстѣ поставлены разсужденія о лучшемъ устройствѣ полиціи, а главное вниманіе посвящено разсужденіямъ о внутренней тишинѣ, подъ которою — несомнѣнно по изложенію—разумѣется установленіе и соблюденіе должныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщичьей власти. Если такого рода дѣла были въ ближайшемъ вѣдѣніи Сперанскаго, то, ему, дѣйствительно было въ чемъ «стремиться къ преобразованіямъ смѣлымъ», о которыхъ говоритъ баронъ Корфъ; но если правъ баронъ Корфъ, приписывая Сперанскому такія стремленія, то, вѣроятно, правъ онъ и въ своемъ свидѣтельствѣ, что Кочубей сдерживалъ своего помощника: по этимъ вопросамъ сдѣлано было въ министерство Кочубея очень мало; самая вторая экспедиція была организована окончательно послѣ первой и третьей и только уже въ 1806 году.—20 февраля 1803 г. вышло положеніе о свободныхъ хлѣбопашцахъ. На другой день, 21 февраля 1803 г. даны были министру внутреннихъ дѣлъ правила для руководства при утвержденіи условій между помѣщиками и крестьянами. Сообщая циркулярно начальникамъ губерній о томъ, что они получатъ вскорѣ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, гр. Кочубей слѣдующимъ образомъ истолковывалъ этотъ указъ: «Намѣреніе сего установленія состоитъ въ томъ, чтобы доставить помѣщикамъ возможность отдавать свои земли въ наемъ или обращать въ продажу, за выгоднѣйшія цѣны, не въ однѣ чужія руки, но и собственнымъ ихъ крестьянамъ, если господинъ найдетъ въ томъ свою выгоду и пожелаетъ доставить имъ прочную пользу... Никакъ не предполагается при семъ ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами и ни малѣйшей перемѣны не вводится въ образѣ управленія сихъ послѣднихъ»—при такомъ отношеніи къ этому указу со стороны того вѣдомства, которому принадлежала наибольшая роль при его осуществленіи, не удивительно, что законъ этотъ не получилъ широкаго примѣненія; въ теченіе 1803—1805 годовъ устроены были сообразно этому законоположенію крестьяне гр. С. П. Румянцева, кн. Куракина, д. с. с. Петрово-Соловово, помѣщицы Балакиревой и купца Пантелеева; впослѣдствіи освобождалось такимъ образомъ въ годъ приблизительно по 1,000 душъ среднимъ числомъ. Эта важная мѣра

не получила сколько нибудь значительнаго развитія; освобожденіе было обставлено слишкомъ большими формальностями и указъ примѣнялся сколько нибудь чаще лишь въ самое первое время послѣ обнародованія. Положеніе крестьянъ въ остзейскихъ провинціяхъ занимало также вниманіе правительства; 11 мая 1803 г. Кочубей назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета для составленія положенія о крестьянахъ лифляндскихъ и эстляндскихъ. Второй экспедиціи поручены были заботы и о казенныхъ строеніяхъ; новыя постройки въ довольно широкихъ размѣрахъ и были предприняты: на первый же годъ ассигновано было на нихъ до 1.000,000 руб.; наконецъ, въ вѣдѣніи той же экспедиціи находились Приказы общественнаго призрѣнія; суммы этихъ послѣднихъ въ общемъ возрасли, по счисленію, произведенному въ 1803 году, до 5.000,000 руб.; но большинство учрежденій, подвѣдомственныхъ этимъ приказамъ, оказалось въ довольно плачевномъ состояніи; Кочубей лично осмотрѣлъ всѣ больницы Петербурга и другія подобныя учрежденія въ столицѣ и энергично принялся за улучшенія въ нихъ. При дальнѣйшемъ изученіи дѣлъ этихъ приказовъ оказалось, что къ 1803 г. суммы ихъ достигали не 5 милл., а восьми слишкомъ; къ 1819 году, когда снова вступилъ въ управленіе министерствомъ Кочубей, было уже 14. милл. слишкомъ собственно суммъ приказовъ и свыше 16 милл. суммъ, находившихся въ приказахъ на храненіи.—Экспедиція медицинская заботилась о снабженіи имперіи докторами и медикаментами и объ распространеніи оспопрививанія.

Изъ отдѣльныхъ мѣропріятій Кочубей въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ отмѣтимъ раздѣленіе губерніи Новороссійской на три—Таврическую, Херсонскую и Екатеринославскую (указъ 8 октября 1802 г.) и Тобольской—на двѣ Тобольскую и Томскую (указъ 26 февраля 1803 г.); затѣмъ обращено было большое вниманіе на устройство Одессы. 27 января 1803 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ города герцогъ Ришелье и энергично принялся за его устройство, а Кочубей со своей стороны весьма сочувственно и внимательно относился къ его представленіямъ; городъ и весь край такъ замѣтно прогрессировали, что вскорѣ Кочубей могъ высказать надежду, что въ ближайшемъ будущемъ Одесса сдѣлается важнѣйшимъ экспортнымъ пунктомъ имперіи.—Обращено было, наконецъ, вниманіе на положеніе евреевъ и крещенныхъ инородцевъ. 9 ноября 1802 г. Кочубей былъ назначенъ членомъ «комитета о благоустроеніи евреевъ», въ составъ котораго входили кромѣ него: гр. В. А. Зубовъ. Г. Р. Державинъ, кн. А. А. Чарторижскій и гр. С. О. Потоцкій; 9 декабря 1804 г, утверждено выработанное этимъ комитетомъ положеніе о евреяхъ; но положеніе это не было осуществлено, потому что, въ виду вниманія, которое началъ съ 1806 г. обнаруживать къ евреямъ Наполеонъ, и императоръ Александръ счелъ нужнымъ пересмотрѣть этотъ вопросъ снова и онъ затянулся чуть не на десять лѣтъ. 5 сентября 1805 г., предъ самымъ отправленіемъ Государя къ арміи, былъ учрежденъ «комитетъ для совѣщанія по дѣламъ, сохраненія всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и облегченія народнаго продовольствія»; въ составъ его вошли: главнокомандующій въ Петербургѣ, С. К. Вязмитиновъ, министръ юстиціи кн. П. В. Лопухинъ и гр. Кочубей.

Кочубей управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до осени 1807 года. Тильзитскій миръ внесъ рѣзкую перемѣну въ политику императора Александра и вызвалъ рѣзкую перемѣну въ его характерѣ. По всему, что мы знаемъ о Кочубеѣ, мы не удивимся, что и онъ со своей стороны измѣнилъ отношеніе къ императору Александру; отзывы его объ императорѣ въ письмахъ совершенно измѣнились; они стали нетолько холодными, а прямо недружелюбными; Кочубей не скрывалъ теперь, что совершенно не сочувствуетъ направленію, какому слѣдуетъ въ политикѣ императоръ; кромѣ того, онъ дѣйствительно страдалъ въ Петербургскомъ климатѣ отъ подагры; онъ просился въ отставку и 24 ноября 1807 г. уволенъ по болѣзни въ отпускъ. Съ этого времени до 1810 г. онъ оставался вдали отъ дѣлъ. Впрочемъ, отношенія его съ императоромъ мало по малу возстановлялись; въ 1809 г. онъ принималъ участіе въ комитетѣ, которому было поручено изыскать средства къ возстановленію равновѣсія въ бюджетѣ; со Сперанскимъ онъ сохранилъ близкія и хорошія отношенія и въ эпоху высшаго вліянія Сперанскаго выработанный имъ проектъ новаго устройства Государственнаго Совѣта былъ сообщенъ до

обнародованія лишь четыремъ лицамъ—кн. Лопухину, гр. Салтыкову, гр. Завадовскому и гр. Кочубею; 1-го января 1810 г. при самомъ учрежденіи Государственнаго Совѣта по новому положенію, Кочубей назначенъ былъ его членомъ по департаменту государственной экономіи и въ этомъ званіи энергично содѣйствовалъ проведенію плана финансовыхъ реформъ, который былъ выработанъ также Сперанскимъ, и въ предварительныхъ обсужденіяхъ котораго Кочубей принималъ дѣятельное участіе; манифестомъ 2 февраля 1810 г. было объявлено объ утвержденіи этого плана. Въ то же время, въ теченіе 1810—1811 гг. Кочубей, тоже вмѣстѣ только съ двумя лицами—кн. Лопухинымъ и гр. Завадовскимъ,—разсматривалъ и обсуждалъ выработанный Сперанскимъ же проектъ преобразованія Сената, согласно которому Сенатъ долженъ былъ раздѣляться на правительственный и судебный. Послѣ жаркихъ споровъ и эта реформа прошла черезъ Государственный Совѣтъ, и была утверждена Государемъ; но въ исполненіе она не была приведена: немедленное ея осуществленіе было задержано необходимыми подготовительными работами, а затѣмъ настала опала Сперанскаго и великая борьба съ Наполеономъ, настроеніе же правительства въ послѣдніе годы царствованія Александра I такой реформѣ было вовсе не благопріятно.

Причины опалы и ссылки Сперанскаго остались неизвѣстны Кочубею, но эта перемѣна въ судьбѣ Сперанскаго прервала на время отношенія къ нему Кочубея; вотъ какъ говоритъ самъ онъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ Сперанскому, писанномъ въ сентябрѣ 1818 г. и съ котораго отношенія ихъ возобновились: «Если съ 1812 г. оставался я въ молчаніи, то легко вы себѣ представить можете, что оно было для меня столь же прискорбно, сколько и самое положеніе ваше. Никогда не могъ вообразить, чтобы могло имѣть какое либо основаніе взведенное что то на васъ непріятелями вашими, ибо и доселѣ я ничего о семъ не знаю; но какъ скоро гласное удаленіе васъ знаменовало гнѣвъ Высочайшій, то я, почитая оный какъ должно, ожидалъ въ молчаніи, чтобъ вѣра Его Величества была просвѣщена и всегдашняя его склонность къ благотворенію обратилась на васъ». На это письмо Сперанскій отвѣчалъ самымъ сердечнымъ письмомъ и переписка между ними уже не прекращалась во все время до возвращенія Сперанскаго съ сибирскаго генералъ-губернаторства. Съ обѣихъ сторонъ письма отличались полнѣйшею сердечностью; Сперанскій несомнѣнно вполнѣ вѣрилъ искренности Кочубея, который со своей стороны писалъ ему очень откровенно, не стѣсняясь довольно сурово порицать ходъ дѣла въ Петербургѣ. Въ одномъ письмѣ Кочубей говоритъ: «Знаете ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мирѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько нибудь насъ возвышающихъ. Я до ссылки вашей жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе или менѣе казалось, что люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ; но тутъ увидѣлъ я, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое, и говорятъ не краснѣя и смотря тебѣ въ глаза, какъ бы ничего не бывало». Нельзя находить нималѣйшаго недоброжелательства къ Сперанскому и въ одной запискѣ Кочубея, приводимой, по черновику, Корфомъ въ его біографіи Сперанскаго; тамъ видно лишь, что Кочубей, послѣ періода войнъ, убѣдился, что предположенныя по плану Сперанскаго финансовыя мѣры частью не могли быть осуществлены, частью оказались недостаточными; въ этой же самой запискѣ видно полное сочувствіе общимъ идеямъ, руководившимъ ея составителя и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Кочубей былъ въ данномъ случаѣ неискрененъ.

20 января 1812 г. Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта; при началѣ войны онъ находился въ свитѣ Государя. Послѣ Бородинской битвы ему предложено было мѣсто посла въ Англіи, съ которою предстояло установить тѣсное сближеніе, при чемъ Кочубею подавали надежду, что вскорѣ онъ будетъ сдѣланъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; но Кочубей заявилъ, что не желаетъ покидать отечества въ моментъ когда положеніе такъ необыкновенно важно и когда еще не ясно, чѣмъ кончится великая борьба; вообще Кочубей не любилъ покидать Россію надолго и въ одномъ письмѣ прямо говоритъ, что долгое пребываніе внѣ отечества противъ его правилъ. Когда возникли серьезныя разногласія между Барклаемъ-де-Толли и Багратіономъ, рѣ-

шеніе вопроса объ организаціи главнаго командованія арміею было поручено особому совѣщанію, въ которомъ призваны были участвовать гр. Салтыковъ, ген. Вязмитиновъ, гр. Аракчеевъ, ген.-адъют. Балашевъ, кн. Лопухинъ и гр. Кочубей; по единогласному рѣшенію этихъ лицъ, состоявшемуся 5 августа, и поручена была главная команда Кутузову. Кочубей послѣдовалъ за императоромъ и въ Германію и находился при немъ все время заграничнаго похода; когда объявлено было уничтоженіе Рейнскаго Союза, онъ былъ въ мартѣ 1813 г. назначенъ президентомъ учрежденнаго тогда, но не долго дѣйствовавшаго, Центральнаго Совѣта, въ которомъ были членами отъ Россіи онъ и баронъ Штейнъ, а отъ Пруссіи Шёнъ и Ридигеръ. 30 августа 1814 г. Кочубей былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра I степени.

10 января 1816 г. Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта; большую часть 1817 и 1818 гг. провелъ за границей, преимущественно въ Парижѣ, по семейнымъ обстоятельствамъ.

Весною 1819 г. умеръ О. П. Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ; Государь въ это время находился въ отсутствіи, совершая поѣздку по сѣверу Россіи, и временно завѣдываніе дѣлами министерства было поручено кн. А. Н. Голицыну, управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; затѣмъ, въ октябрѣ 1819 г., при самомъ возвращеніи Государя въ Петербургъ, умеръ министръ полиціи, гр. С. К. Вязмитиновъ; 4 ноября министерство внутреннихъ дѣлъ поручено было гр. Кочубею и одновременно къ этому министерству присоединены всѣ дѣла бывшаго министерства полиціи.

Гр. Кочубей принялъ управленіе министерствомъ лишь со званіемъ управляющаго и сохранилъ за собою мѣсто предсѣдателя въ департаментѣ Государственнаго Совѣта, высшее чѣмъ министерское. Это второе его министерство обнимало время съ 4 ноября 1819 г. по 25 февраля 1823 г. Въ общемъ оно является продолженіемъ перваго; но если и тогда Кочубей не только не совершилъ существенныхъ реформъ, а можно сказать и не предпринялъ никакихъ крупныхъ преобразованій, то теперь еще того болѣе онъ ограничился почти только отправленіемъ текущихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Сперанскому за это время онъ жалуется, что «никто съ системою дѣлами управленія не занимается. Главною цѣлью полагаютъ исполнители очищать сколько можно болѣе бумагъ и непрестанно оказываются противорѣчія». Дѣйствительно, послѣднее десятилѣтіе Александровскаго царствованія отмѣчено такимъ общимъ характеромъ; но Кочубей, понимая ясно недостаточность такой системы,—если не сказать, такого отсутствія системы—самъ не сумѣлъ при такомъ общемъ направленіи дѣйствовать иначе.

Изъ мѣръ, принятыхъ во второе его министерство и имѣвшихъ значеніе для послѣдующаго времени, должно отмѣтить реорганизацію обезпеченія населенія отъ неурожаевъ. Сильный недородъ въ теченіе 1820, 1821 и 1822 гг. показалъ недостаточность хлѣбныхъ магазиновъ для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ. Выяснилось, что въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе постоянно должно покупать хлѣбъ, положительно невозможно собрать въ магазинахъ такіе запасы, которые бы дѣйствительно обезпечивали населеніе при неурожаѣ въ мѣстностяхъ, которыя снабжаютъ своимъ хлѣбомъ другія мѣста. Поэтому было принято за правило, что хлѣбные запасы должны быть накопляемы лишь тамъ, гдѣ обыкновенно производится хлѣбъ въ избыткѣ; для остальныхъ же мѣстностей положено было впредь образовать особые продовольственные капиталы путемъ сбора по 25 к. съ души ежегодно и изъ этихъ капиталовъ выдавать при наступленіи нужды ссуды населенію, съ тѣмъ, чтобы ссуды эти были впослѣдствіе возвращаемы. Впрочемъ и эти мѣры являлись, въ сущности палліативами; изъ работъ комитета, обсуждавшаго этотъ вопросъ, всего важнѣе было, что онъ прямо призналъ необходимость уничтожить всякія стѣсненія во внутренней перевозкѣ хлѣба и торговлѣ имъ.

Ко времени второго министерства Кочубея дѣла по фабрикамъ и заводамъ отошли уже къ министерству финансовъ, но Кочубей по прежнему интересовался ими и, сколько могъ, оказывалъ содѣйствіе торговлѣ. Такъ, при немъ было много сдѣлано для улучшенія Нижегородской ярмарки: организовано лучшее управленіе ею, построенъ отличный гостиный дворъ,

стоившій до полутора милліона рублей, и ежегодно отпускаемо было по 100,000 р. на улучшеніе ярмарки; стоимость привозимыхъ на нее товаровъ превысила полтораста милліоновъ и доходовъ въ пользу казны собиралось на ней свыше 350,000 руб. Въ 1823 г. утверждено было общество для заведенія пароходовъ по Волгѣ; учредителями его явились Нарышкинъ, гр. Воронцовъ, гр. Нессельроде, д. с. с. Уваровъ и тит. сов. Евреиновъ.—Капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія возросли до 14 милл. руб., а съ суммами, находившимися въ нихъ на храненіи — до 31 милл.; въ 1820 г. Кочубей издалъ правила объ ихъ употребленіи. Наконецъ, по прежнему заботилось министерство о привлеченіи колонистовъ; правительство употребляло на нихъ довольно значительныя суммы: такъ въ одинъ изъ годовъ вторичнаго управленія министерствомъ Кочубея было истрачено на этотъ предметъ до 88,000 р., въ другой — до 340,000; теперь колонистовъ направляли по преимуществу въ Бессарабію, недавно присоединенную; 10 іюля 1822 г. Кочубею ввѣрено было временное управленіе Бессарабіею: оно было въ то время организовано совершенно самостоятельно и стояло внѣ подчиненія министерствамъ; управлявшій этою областью до того времени, генералъ гр. Ланжеронъ, навлекъ на себя неудовольствіе императора и долженъ былъ выдти въ отставку. 30 августа 1821 г. Кочубей получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ теченіе 1820—1823 гг. Кочубей, помимо управленія министерствомъ, не разъ былъ членомъ разныхъ особыхъ комитетовъ. Такъ, въ 1820 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ финансоваго и по азіатскимъ дѣламъ, въ 1821 г., вмѣстѣ съ гр. Гурьевымъ, гр. Аракчеевымъ, кн. А. Н. Голицынымъ, Кампенгаузеномъ и Сперанскимъ, былъ членомъ комитета для рѣшенія по поводу открытыхъ въ Сибири злоупотребленій; въ слѣдующемъ году черезъ министерство прошелъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ проектовъ Сперанскаго по устройству управленія въ Сибири; Кочубей оказалъ имъ всякое содѣйствіе. Но вообще Кочубей былъ не особенно доволенъ своимъ положеніемъ; во-первыхъ, отъ министерства его, какъ мы видѣли, отошелъ департаментъ торговли и мануфактуръ, которымъ онъ интересовался, затѣмъ отошло управленіе путями сообщенія; съ другой стороны присоединенію дѣлъ бывшаго министерства полиціи Кочубей былъ вовсе не радъ, такъ какъ этого рода дѣлами онъ вовсе не интересовался,—въ публикѣ же по свидѣтельству нѣсколькихъ современниковъ, подчиненіе ему этой части было принято съ большимъ удовольствіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Кочубей, какъ мы уже видѣли, нѣсколько тяготился общимъ направленіемъ, какое приняли дѣла. Къ тому же сильно захворала его дочь и по совѣту врачей онъ долженъ былъ везти ее въ Крымъ. 25 февраля 1823 г. онъ пересталъ быть управляющимъ министерствомъ и съ наступленіемъ весны прямо изъ Петербурга водою тронулся онъ въ путь каналами, затѣмъ по Волгѣ спустился до Царицына, оттуда доѣхалъ до Дона на лошадяхъ и далѣе снова водою въ Крымъ; зиму провелъ онъ въ Одессѣ, затѣмъ уѣхалъ за границу, гдѣ дочь его и умерла; въ то же время умеръ и императоръ Александръ.

Весною 1826 года Кочубей вернулся въ Петербургъ; онъ былъ отлично принятъ при дворѣ и всѣ несомнѣвались, что онъ получитъ высокое назначеніе. Дѣйствительно, 29 апрѣля 1827 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; кромѣ того, онъ получилъ цѣлый рядъ менѣе выдающихся порученій: немедленно по пріѣздѣ онъ былъ назначенъ въ комитетъ для разслѣдованія злоупотребленій по соляной части, затѣмъ предсѣдателемъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній касательно улучшеній въ государственномъ устройствѣ, т. е. въ такъ называемомъ «комитетѣ 6 декабря 1826 г.»; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ ходатайствовалъ предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ о смягченіи участи осужденныхъ декабристовъ; 10 марта 1827 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія хозяйства С.-Петербургской городской думы, 6 января 1828 г. членомъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, затѣмъ предсѣдателемъ комитета для разслѣдованія о злоупотребленіяхъ по флоту, 24 марта того же года получилъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго украшенные брилліантами, а 5 декабря—портретъ Императора Николая; 24 апрѣля 1828 г., по случаю отъѣзда Государя Императора въ армію учреждена была временная верховная коммиссія, въ составѣ

гр. П. А. Толстого, кн. А. Н. Голицына и гр. В. П. Кочубея, въ качествѣ предсѣдателя; порядокъ управленія на время отсутствія Государя былъ установленъ особымъ наказомъ, даннымъ на имя членовъ коммиссіи; 29 декабря 1829 г. гр. Кочубей былъ сдѣланъ предсѣдателемъ попечительнагосовѣта заведеній общественнаго призрѣнія; 6 декабря 1831 г. возведенъ въ княжеское достоинство; въ 1833 г. назначенъ былъ членомъ комитета объ усовершенствованіи земледѣлія.

Въ царствованіе государя Николая Павловича, такимъ образомъ, В. П. Кочубей уже не руководилъ непосредственно никакою отраслью управленія; исполняя обязанности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и комитета министровъ и участвуя въ нѣсколькихъ особыхъ комитетахъ, Кочубей оказывалъ, конечно, извѣстное вліяніе на ходъ работъ всѣхъ этихъ учрежденій; но результаты ихъ дѣятельности зависѣли отъ него лишь отчасти и болѣе относятся не къ его біографіи, а къ общей исторіи того царствованія; здѣсь мы ограничимся, поэтому, лишь общими замѣчаніями о его взглядахъ и лишь въ общихъ чертахъ укажемъ, каково могло быть его вліяніе.

Въ эту пору своей дѣятельности Кочубей посвящалъ большое вниманіе финансамъ и государственному хозяйству въ широкомъ смыслѣ слова; въ бумагахъ его находится множество документовъ, относящихся къ различнымъ вопросамъ денежнаго обращенія того времени, къ вопросамъ устроенія городовъ и содѣйствія русской промышленности и т. п. Что касается крупнѣйшаго вопроса внутренняго положенія Россіи того времени — крѣпостного состоянія крестьянъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что Кочубей вполнѣ сочувствовалъ идеѣ ихъ освобожденія. Тургеневъ, не соглашаясь съ образомъ дѣйствій Кочубея по одному частному вопросу въ отношеніи крѣпостного права, въ то же время прямо заявляетъ въ своихъ запискахъ, что «Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столь же безсильныя и безплодныя, сколько они были малс серьезны». Въ одномъ изъ писемъ 1801 г. Кочубей говоритъ, что вполнѣ придерживается мнѣнія, которое высказывалъ еще кн. А. А. Безбородко, именно, что должно прекратить продажу людей безъ земли и превращеніе крестьянъ въ дворовые,—причемъ и положеніе этихъ послѣднихъ должно быть улучшено,—и тогда разрѣшить всѣмъ сословіямъ покупку земель, «но само собою разумѣется, безъ крестьянъ», прибавляетъ онъ; онъ находилъ, что это все слѣдовало и можно было сдѣлать немедленно, и жалѣлъ о нерѣшительности Государя. Въ одномъ письмѣ къ Сперанскому, въ 1819 г., Кочубей писалъ: «Безпокойство на счетъ вольности крестьянъ не уменьшается. Приписываютъ Его Величеству намѣреніе произвести оную по одиночкѣ въ губерніяхъ... Я тѣхъ мыслей, что несравненно бы лучше произвести съ подлежащею осторожностью общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новыя неудовольствія». Въ бумагахъ Кочубея есть черновикъ его мнѣнія, что слѣдовало бы устроить быть казенныхъ крестьянъ такъ, чтобы онъ могъ послужить образцомъ при освобожденіи всѣхъ другихъ; освобожденіе это представляется Кочубею совершенно неизбѣжнымъ; въ убѣжденіи этомъ его утверждаютъ даже не какія нибудь общія отвлеченныя соображенія, а наблюдаемые факты: онъ указываетъ, что ожиданіе воли распространяется постоянно, что крестьяне переносятъ свое положеніе съ все возрастающимъ недовольствомъ и что такое настроеніе постоянно поддерживается и усиливается благодаря тому, что въ среду крестьянъ хотя и понемногу, но постоянно и неудержимо проникаютъ новыя знанія, своего рода развитіе. Сочувствіе Кочубея идеѣ освобожденія въ послѣдніе годы его жизни для насъ совершенно несомнѣнно и пожалуй даже яснѣе, чѣмъ въ началѣ его дѣятельности. Но сколько нибудь крупныхъ, рѣшительныхъ мѣръ онъ, вѣроятно, не предполагалъ; онъ никогда къ нимъ не былъ склоненъ, а къ этому времени и долгій опытъ государственной дѣятельности и самые годы—ему было уже за 60 лѣтъ—конечно, не содѣйствовали тому, чтобы онъ являлся дѣятелемъ рѣшительнымъ, энергичнымъ. Это ослабленіе энергіи, эта свойственная извѣстному возрасту медлительность дѣйствій и рѣшеній проявились, по мнѣнію нѣ-

которыхъ современниковъ, въ недостиженіи успѣшнаго результата Комитетомъ 6 декабря 1826 г. въ коемъ Кочубей предсѣдательствовалъ; но такое обвиненіе лишено основанія. Комитету предписано было разсмотрѣть многіе важные вопросы, касавшіеся государственныхъ преобразованій; Сперанскій, участвовавшій въ этомъ комитетѣ—другими членами его были кн. А. Н. Голицынъ, гр. П. А. Толстой, гр. И. И. Дибичъ и Ил. В. Васильчиковъ,—составилъ немедленно обширную программу работъ этого комитета, по которой предположено было осуществленіе важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ преобразованій. Но приведеніе ихъ въ дѣйствіе было остановлено опозиціею в. к. Константина Павловича, на заключеніе коего императоръ Николай посылалъ предложенія Комитета, осуществившіяся почти всецѣло уже въ царствованіе императора Александра II.

Весьма рѣшительно высказывался Кочубей по вопросу о внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи. Въ одной запискѣ онъ развивалъ мысль, что политика всякаго государства непремѣнно должна быть національная, должна преслѣдовать непремѣнно только интересы своего народа; всякія другія соображенія въ политикѣ внѣшней, по его мнѣнію, непремѣнно вредны, должны вызвать въ гражданахъ чувство недовѣрія и оппозиціи, «что, по его словамъ, всегда опасно». Главнѣйшею цѣлью правительства должно быть сохраненіе цѣлости государства извнѣ, а внутри сохраненіе порядка и развитіе благосостоянія. По его словамъ всѣ великія европейскія державы всегда преслѣдуютъ только свои интересы; онъ указываетъ, что и въ настоящее время (записка составлена, повидимому, между 1825 и 1830 гг.) онѣ изъ отношеній съ Россіею по Священному Союзу извлекаютъ пользу лишь для себя: будучи совершенно спокойны со стороны Россіи и даже пользуясь ея силами въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онѣ значительно сократили свои расходы на военныя надобности и направили огромныя средства на развитіе у себя торговли и промышленности; и въ то же время, по словамъ Кочубея, державы эти всегда находятъ поводъ уклоняться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій, связанныхъ съ расходами и трудами, дѣйствій, которыхъ, по смыслу Священнаго Союза Россія могла бы отъ нихъ ожидать и требовать; потому Кочубей настаиваетъ, что и Россія должна и имѣетъ полное право точно такъ же держаться по отношенію къ своимъ союзникамъ и такъ же обратиться преимущественно къ улучшенію внутренняго состоянія государства, отказавшись отъ заботъ о сохраненіи спокойствія и порядка въ государствахъ западно-европейскихъ. Провозглашая все это, Кочубей являлся прямымъ послѣдователемъ совѣтниковъ Екатерины II,—Н. И. Панина и А. А. Безбородко—имѣвшихъ счастье съ полною откровенностью высказывать свои искренніе просвѣщенные патріотическіе взгляды самой монархинѣ.

22 апрѣля 1834 г., въ день принесенія присяги наслѣдникомъ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, кн. В. П. Кочуеей пожалованъ былъ званіемъ канцлера внутреннихъ дѣлъ.

Помимо того, что кн. Кочубей достигъ высшихъ наградъ по государственной службѣ, онъ былъ почетнымъ членомъ Россійской Академіи (съ 31 октября 1819 г.), Московскаго и Петербургскаго университетовъ (съ 8 іюля 1832 г. въ первомъ и 31 декабря 1828 г. во второмъ), С.-Петербургской духовной академіи (съ 13 января 1814 г.), обществъ—Вольнаго экономическаго (съ 8 января 1821 г.), Московскаго сельскихъ хозяевъ (съ 5 марта 1818 г.) и носилъ званіе: l'associé étranger du Société pour l'enseignement élémentaire (съ 1 февраля новаго стиля 1818 г.).—Отправившись послѣ торжествъ, сопровождавшихъ принесеніе присяги наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, въ свои имѣнія, онъ скоропостижно скончался въ Москвѣ, отъ припадка грудной жабы, въ ночь со 2 на 3 іюня; погребенъ въ Александроневской Лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

Познакомившись съ дѣятельностью кн. В. П. Кочубея среди тогдашняго русскаго правительства, мы можемъ сказать, что преувеличеніемъ было бы приписывать ему главное вліяніе на общій ходъ дѣлъ, но, несомнѣнно, что онъ имѣлъ въ свое время большое, и вполнѣ заслуженное значеніе. Переписка его почти со всѣми сколько нибудь вліятельными и значительными представителями тогдашней администраціи была громадна; обращались къ нему чуть не со всякимъ сколько нибудь важнымъ или труднымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность В. П. Кочубея была всегда на-

правлена къ пользѣ Россіи, пользѣ, обыкновенно правильно понимаемой. По сочетанію нравственныхъ свойствъ и государственныхъ достоинствъ князь Кочубей представляется выходящимъ изъ ряду на пользу отечества дѣятелемъ. Природныя способности, неизмѣнное усердіе къ пріобрѣтенію познаній, искренное желаніе добра въ сдержанныхъ формахъ житейскаго проявленія, любовь къ Россіи, не исключающая уваженія къ степени просвѣщенія достигнутой другими народами, умѣнье находить людей и устанавливать съ ними добрыя человѣческія отношенія, безъ коихъ невозможна плодотворная человѣческая дѣятельность, мужество въ отстаиваніи своихъ коренныхъ убѣжденій, слово правды предъ царемъ, какъ первый долгъ вѣрноподданнаго,—таковы главныя черты, свѣтло озаряющія историческую личность князя В. П. Кочубея. Кн. И. М. Долгоруковъ, служившій какъ губернаторъ подъ начальствомъ Кочубея, даетъ самый лучшій отзывъ о немъ, какъ о министрѣ: «Онъ исправлялъ, — говоритъ Долгоруковъ—должность со всею возможною дѣятельностью, не кичился своимъ титуломъ, но всю его тягость несъ и раздѣлялъ нашу неослабно; былъ строгъ съ разборчивостью, никогда злобенъ или спесивъ... Онъ любилъ говорить (съ губернаторами) о дѣлахъ губерній и распрашивалъ обо всемъ, что до нея касалось, не сбивался въ посторонніе матеріи, но, очертя кругъ своего разговора, всегда находился въ той губерніи, о которой давался отчетъ... Во всю службу мою, я не могу вспомнить времени, въ которомъ бы она столь пріятна была для меня какъ подъ начальствомъ Кочубея... по мнѣнію моему не было въ Россіи министра просвѣщеннѣе его и способнѣе къ его званію». Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ по поводу извѣстія о смерти Кочубея: «Государь былъ неутѣшенъ; новые министры повѣсили головы». Но лучшую похвалу В. П. Кочубею можно найдти въ отношеніяхъ къ нему Сперанскаго и особенно въ нѣкоторыхъ его письмахъ; такъ однажды Сперанскій пишетъ ему, что въ провинціи всѣ вообще чрезвычайно хорошо о немъ думаютъ; а съ другой разъ, по поводу сообщенія Кочубея, что онъ совершитъ длинное и медленное путешествіе въ Крымъ, Сперанскій написалъ ему, что онъ, безъ сомнѣнія, увидитъ много любопытнаго въ Россіи, «да нехудо и Россіи узнать и увидать васъ», прибавилъ онъ.

Документы архива кн. В. С. Кочубея въ Диканькѣ.—«Архивъ кн. Воронцова», особ. тт. XI, XIV, XV, XVIII. и нѣкоторые др.; «Сборникъ Императорскаго Русскаго истор. общ.», т. т. 26 и 29, (Н. И. Григоровичъ, «Канцлеръ кн. Безбородко»), «Журналы Комитета Министровъ» I, II; «Архивъ Государственнаго Совѣта»; Шильдеръ, «Императоръ Александръ I»; Богдановичъ, «Исторія царствованія Императора Александра I»; Корфъ, «Жизнь гр. Сперанскаго»; сборникъ «Въ память гр. М. М. Сперанскаго»; Варадиновъ, «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ» I, II; Иконниковъ «Графъ Мордвиновъ и его время»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Терещенко, «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи» II; «A la mémoire du prince Kotschoubey, chancelier de l'Empire de Russie», par Gillet, St.-Pét., 1834; Записки Вигеля, Державина и др.; «Капище моего сердца» кн. Долгорукаго, подъ 8 дек.; Бантышъ-Каменскій, «Словарь» III, 104—109; «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1835 г., № 3, 485—541.—День смерти,—3 іюня — въ нѣкоторыхъ некрологахъ указанный мѣсяцемъ позже, устанавливается надписью на памятникѣ и счетомъ мѣсяцевъ и дней жизни Кочубея, тамъ даннымъ.

Н. Чечулинъ.

Кочубей, *Демьянъ Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта, род. въ 1787 г., ум. 17 апрѣля 1859 г.; братъ Ал. В. Кочубея и Ар. Вас. Кочубея; получилъ образованіе домашнее, закончилъ его въ пансіонѣ Николя. Въ 1812 г. оставилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при принцѣ Г. Ольденбургскомъ и поступилъ ротмистромъ въ Гродненскій гусарскій полкъ и принялъ участіе въ Отечественной войнѣ и въ заграничномъ походѣ; по окончаніи войны имѣя уже чинъ полковника, вышелъ въ отставку и возвратился къ гражданской службѣ. Постояннымъ чтеніемъ онъ значительно пополнилъ свое образованіе; въ служебной дѣятельности отличался неутомимою преданностью дѣлу и въ то же время чрезвычайною скромностью въ оцѣнкѣ своей дѣятельности. Съ большимъ интересомъ относился онъ къ быту крестьянъ и свои знанія по этому вопросу имѣлъ случай впослѣдствіи примѣнить къ дѣлу, когда, въ послѣдніе годы его жизни началась подготовка крестьянской реформы. Въ 1833 г. былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1843—членомъ Государственнаго Совѣта.

«Русскій Инвалидъ» 1859, № 104.

Кочубей, *Любовь Ѳеодоровна*, жена генеральнаго судьи В. Л. Кочубея, рож-

денная Жученко, подстрекала, вѣроятно, мужа къ доносу. Полковники Трощинскій и Кожуховскій, посланные Мазепой арестовать ея мужа, не успѣвъ въ этомъ, хотѣли арестовать Кочубеиху; та была въ церкви и не хотѣла выходить, говоря, что пострадаетъ у алтаря, какъ Захарія; наконецъ, вышла и была отведена къ полковнику Трощинскому, тотъ заставилъ ее дожидаться, и она, съ опасностью жизни, пробралась къ крыльцу дома, гдѣ полковникъ спалъ; по выходѣ его, она обратилась къ нему съ рѣзкими упреками. Трощинскій уже велѣлъ было стрѣлять по ней, но Кожуховскій его удержалъ. Кочубеиху посадили подъ караулъ сначала въ Диканькѣ, потомъ въ Батуринѣ; потомъ она была выпущена изъ-подъ стражи и скиталась въ разныхъ мѣстахъ. Когда измѣна Мазепы обнаружилась, она письмомъ на имя ея старшаго сына вызвана къ Петру и представилась ему въ декабрѣ 1708 г.; по ея просьбѣ, царь возвратилъ ей имѣнія и обѣщалъ сдѣлать ея старшаго сына полтавскимъ полковникомъ. Это была, какъ видно, женщина съ характеромъ крутымъ и суровымъ, смѣлая и честолюбивая. Мазепа, находя въ ея мужѣ «бунтовничій» духъ, приписывалъ это вліянію жены.

Кочубей, *Матрена* (или Мотря) *Васильевна*, дочь генеральнаго судьи В. Л. Кочубея, крестница и любовница Мазепы. Влюбившись въ старика, она бѣжала къ нему; впослѣдствіи Мазепа отослалъ Мотрю обратно; но, по выраженію родителей, «очародѣйствовалъ» ее такъ, что она не хотѣла жить съ родителями, ругалась, плевала на нихъ и металась, а съ гетманомъ вела переписку; однако, впослѣдствіи любовь охладѣла; въ 1707 г., несмотря на совѣтъ Мазепы подождать, ибо скоро Украйна присоединится къ Польшѣ, была выдана за сына генеральнаго судьи Чуйкевича. Чуйкевичи вмѣстѣ съ Мазепой передались шведамъ и послѣ Полтавской битвы были сосланы въ Сибирь; Матрена же умерла на родинѣ, въ монастырѣ. Костомаровъ въ ней видитъ «очень ограниченное женское существо». Въ поэмѣ Пушкина «Полтава» эта Матрена Кочубей является съ именемъ Маріи.

Источники свѣдѣній о Матренѣ Кочубей и ея матери тѣ же, что объ В. Л. Кочубеѣ.

Кошанскій, *Николай Ѳедоровичъ*, профессоръ Царскосельскаго лицея, учитель А. С. Пушкина, род. въ 1781 г., ум. 22 декабря 1831 г. Получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, гдѣ одновременно прослушалъ полный курсъ по двумъ факультетамъ—юридическому и философскому; 30 іюня 1802 г. Кошанскій получилъ отъ философскаго факультета золотую медаль за отличные успѣхи въ наукахъ, а 30 августа того же года степень кандидата. Еще будучи студентомъ, Кошанскій, по особому избранію начальства, преподавалъ риторику въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ. Сдѣлавшись кандидатомъ, онъ получилъ синтаксическіе классы въ Академической гимназіи и былъ опредѣленъ на службу учителемъ латинскаго и греческаго языковъ. 30 іюня 1805 г., въ день пятидесятилѣтняго юбилея Московскаго университета, Кошанскій былъ утвержденъ въ степени магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ это время на Кошанскаго обратилъ вниманіе тогдашній попечитель Московскаго университета и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьевъ. Поручивъ Кошанскому перевести на русскій языкъ «Археологію» Милленя, Муравьевъ предназначилъ его къ отправленію заграницу, преимущественно въ Италію, для изученія археологіи и изящныхъ искусствъ. Война 1805 г. помѣшала осуществленію этой поѣздки и взамѣнъ ея Кошанскому было предписано остаться на годъ въ Петербургѣ для изученія древностей Эрмитажа и занятій въ Академіи Художествъ. Этимъ временемъ Кошанскій воспользовался для обработки своей докторской диссертаціи «Illustratio mythi de Pandora et operum antiquae artis ad eum spectantium» (М. 1806) и, возвратившись въ началѣ 1807 г. въ Москву, былъ, по выдержаніи надлежащаго испытанія, 10 февраля того же года утвержденъ въ степени доктора философіи. Послѣдовавшая 29 іюля 1807 г. смерть покровительствовавшаго Кошанскому М. Н. Муравьева остановила назначеніе Кошанскаго на университетскую каѳедру, и онъ принужденъ былъ ограничиться преподаваніемъ въ высшихъ классахъ гимназіи Московскаго воспитательнаго дома; въ 1809 г. онъ занялъ сверхъ того должность секретаря при цензурномъ комитетѣ московскаго округа; въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ и утвержденъ секретаремъ при комиссіи испытаній для полученія чиновъ. Въ то же время онъ получилъ мѣсто преподавателя русской словес-

ности въ высшихъ классахъ Екатерининскаго московскаго института. Одновременно Кошанскій имѣлъ уроки въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Будучи недоволенъ такою разрозненною дѣятельностью, онъ 6 декабря 1811 г. обратился къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому, съ просьбою о предоставленіи ему мѣста во вновь учреждавшемся тогда Царскосельскомъ лицеѣ. Просьба эта была уважена и Кошанскій былъ переведенъ на службу въ лицей со званіемъ профессора россійской и латинской словесности. Въ 1819 г. Кошанскій былъ избранъ членомъ Московскаго общества любителей россійскаго слова. Въ 1823 г. былъ назначенъ членомъ комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія пособій, употребляемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ всей Россіи. Въ 1824 г. получилъ мѣсто директора С.-Петербургскаго института слѣпыхъ Императорскаго человѣколюбиваго общества. 15 марта 1828 г. былъ уволенъ отъ службы въ лицеѣ. Умеръ въ Петербургѣ отъ холеры, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ печати имя Кошанскаго появляется еще во время его студенчества: въ «Новостяхъ русской литературы» помѣщены его стихотворенія. «На смерть ея сіятельства княгини Анны Денисовны Касаткиной-Ростовской» (1802 г., ч. IV, стр. 269) и «Амарилла», эклога (1803 г., ч. VIII, стр. 321). Затѣмъ появляются послѣдовательно: 1) Рѣчь о лучшемъ способѣ какъ писать исторію, Буле (переводъ съ лат. М. 1806, 2) Таблицы латинской грамматики (М. 1805 и Спб. 1817), 3) Правила, отборныя мысли и примѣры латинскаго языка, съ краткимъ словаремъ (М. 1807), 4) Руководство къ познанію древностей, Миллина (перев. съ франц. М. 1807), 5) Журналъ изящныхъ искусствъ, изд. Буле, 3 книжки (перев. съ лат. М. 1807), 6) Стихотвореніе «На смерть Біона» («Вѣстн. Евр.» 1809 г., ч. 44, стр. 170—181), 7) Цвѣты греческой поэзіи 1811, 8) Стихотвореніе «На смерть гр. Ожаровской» («Вѣстн. Евр.» 1814 г., ч. 78, № 23, стр. 218), Басни Федра, Спб. 1814 и 1832, 10) Корнелій Непотъ о жизни славнѣйшихъ полководцевъ... (текстъ, примѣчанія, переводъ и словари) Спб. 1816 и 1840, 11) Ручная книга древней классической словесности, Эшенбурга, умноженная Крамеромъ и дополненная Кошанскимъ. 2 ч. Спб. 1818—1817, 12) Рыцари лебедя или дворъ Карла Великаго, соч. Жанлисъ. (6 ч. М. 1817 и 1821), 13) Сокращенная священная исторія (Спб. 1818), 14) Образованіе художника (Сынъ Отеч. 1818 г., ч. 50, № 51, стр. 241—257), 15) Общая риторика Спб. 1829 г.; 2-е изд. 1830 г.; 9-е изд. 1844 г.; 10-е изд. 1849 г. и 16) Частная риторика, Спб. 1832. Изд. 6-ое 1845 и 7-е 1849. Кромѣ того Кошанскій печаталъ статьи въ «Новостяхъ литературы», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Вѣстникѣ Европы», и представилъ въ Общество любителей россійской словесности, въ формѣ письма къ предсѣдателю его А. А. Прокоповичу-Антонскому, критическій разборъ академическаго синтаксиса, напечатанный подъ заглавіемъ «О русскомъ синтаксисѣ» въ «Трудахъ» этого общества 1819 г., ч. XV, стр. 86—118 и въ «Сынѣ Отеч.» 1820 г., ч. 59, стр. 115—128 и 145—159. Изъ всѣхъ этихъ произведеній Кошанскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія его «Риторики», которыя долгое время оставались у насъ лучшими учебниками по этой части. Еще въ 1848 г. П. А. Плетневъ называетъ «Риторику» «дѣльной, умной, хотя и очень педантской книгой», характеризуя всѣ другіе однородные учебники, какъ «глупые, безтолковые и обличающіе прямое невѣжество».

Относительно московскаго періода педагогической дѣятельности Кошанскаго извѣстій не сохранилось. Что же касается его лицейской профессуры, то о ней намъ свидѣтельствуютъ воспоминанія его бывшихъ учениковъ и въ ихъ числѣ Я. К. Грота. Кошанскій взошелъ на профессорскую каѳедру лицея уже подготовленнымъ педагогомъ, за которымъ былъ десятилѣтній опытъ. Первое время, до изданія «Риторики», преподаваніе Кошанскаго носило по преимуществу практическій характеръ. Самою существенной стороной литературнаго образованія онъ считалъ умѣніе писать. Желая развить въ своихъ ученикахъ это умѣніе, Кошанскій старался и умѣлъ возбуждать ихъ вниманіе и самодѣятельность, то задавая темы для ихъ сочиненій, то предоставляя самимъ учащимся придумывать ихъ и всегда требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ лицеистовъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ. При оцѣнкѣ ученическихъ произведеній Кошанскій слѣдовалъ такому правилу, имъ же самимъ выраженному въ его учебникѣ:

«попытки учащихся не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде*, что хорошо и почему, а *послѣ* показываетъ, что должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Будучи очень усерднымъ педагогомъ, Кошанскій, къ несчастью, не обладалъ большимъ художественнымъ вкусомъ и, сообразно съ духомъ времени, поощрялъ напыщенность и ходульность, порицая простоту, какъ нѣчто несовмѣстное съ поэзіей. Онъ былъ не въ состояніи возвыситься надъ устарѣлыми школьными привычками и предразсудками, а между тѣмъ не желалъ, чтобы его считали старомоднымъ педантомъ и старался даже усвоить себѣ тонъ и привычки свѣтскаго человѣка. Онъ любилъ бывать въ свѣтскомъ обществѣ,—онъ былъ частымъ гостемъ у царскосельскаго коменданта графа Ф. П. Ожаровскаго и ухаживалъ за его женой. Преждевременную смерть ея Кошанскій оплакалъ въ высокопарной элегіи (Вѣстн. Евр. 1814 г., № 23, стр. 228). Одинъ изъ его учениковъ, баронъ А. А. Дельвигъ, осмѣялъ эту элегію въ пародію «На смерть кучера Агафона» («Библіограф. Зап.» 1859 г., т. II, ст. 148). Эта насмѣшка до нѣкоторой степени указываетъ на паденіе авторитета Кошанскаго среди лицеистовъ. Еще яснѣе объ этомъ свидѣтельствуетъ написанное въ 1815 г. А. С. Пушкинымъ посланіе «Моему Аристарху», гдѣ Пушкинъ иронически называетъ Кошанскаго «трезвымъ» Аристархомъ, намекая на несчастную слабость учителя къ крѣпкимъ напиткамъ. Вслѣдствіе этой слабости Кошанскій въ 1814 г. хворалъ бѣлой горячкой и его каѳедру временно занялъ А. И. Галичъ, адъюнктъ философіи въ педагогическомъ институтѣ, шеллингіанецъ, сторонникъ свободы искусства. Строгія требованія отдѣлки слога возвратившагося на каѳедру Кошанскаго, естественно, не понравились лицеистамъ послѣ свободы, которой они пользовались при Галичѣ, и между наставникомъ и его способнѣйшими учениками возникли нѣсколько непріязненныя отношенія. По мнѣнію одного изъ лицеистовъ, графа М. А. Корфа, эти отношенія сложились благодаря зависти Кошанскаго къ своимъ ученикамъ, такъ какъ самъ учитель, не обладая поэтическимъ талантомъ, писалъ стихи всегда плохіе, а среди учениковъ его были Пушкинъ, Дельвигъ и др. Но это мнѣніе врядъ ли справедливо; гораздо вѣроятнѣе вышеприведенное объясненіе натянутости отношеній между учениками и учителемъ, принадлежащее Л. Н. Майкову. Но такія отношенія сложились у Кошанскаго только къ первому курсу лицеистовъ. Въ послѣдующее время авторитетъ его среди воспитанниковъ лицея стоялъ очень высоко. По свидѣтельству одного изъ его учениковъ, Я. К. Грота, лицеисты заслушивались его разсказовъ и чтеній во время преподаванія имъ латинской и русской словесности. Они любили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои «поэтическіе грѣхи». «Когда Кошанскій, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣздить и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта»—говоритъ Я. К. Гротъ—«мы поняли, что значитъ личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе».

«Сѣверная Пчела» 1831 г. № 293; «Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 годъ», Спб. 1856, стр. 142 и слѣд.; М. Лонгиновъ, «Общество любителей россійской словесности» — «Русскій Вѣстникъ», 1858 годъ, т. XV, іюнь, кн. 2, стр. 603; И. Селезневъ, «Историческій очеркъ Императорскаго Александровскаго лицея съ 1811 по 1861 г.», Спб. 1861; Гаевскій, «Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія», «Современникъ» 1863, іюль, т. XCVII; Г. Геннади, «Справочный словарь»; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» т. III, стр. 194. Спб. 1896; «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы» Я. Грота. Спб. 1899, стр. 41—45; «Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ», т. I, стр. 183—191. Спб. 1899. *Н. М.*

Кошелевъ, *Александръ Ивановичъ*, писатель публицистъ, род. 9 мая 1806 г., ум. 3 ноября 1883 г. Отецъ его, Иванъ Родіоновичъ, состоялъ генеральсъ-адъютантомъ при кн. Потемкинѣ; по разсказамъ, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе императрицы Екатерины II и вслѣдствіе этого былъ удаленъ княземъ Потемкинымъ изъ Петербурга въ провинцію. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстность одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; мать Александра Ивановича, Дарья Николаевна, рожденная Дежарденъ (Desjardins), дочь французскаго эмигранта, была также очень умной и образованной женщиной. Подъ руководствомъ своихъ родителей А. И.

Кошелевъ получилъ первоначальное образованіе, а затѣмъ бралъ приватные уроки у профессоровъ Московскаго университета; изъ послѣднихъ особенное вліяніе оказали на своего питомца Мерзляковъ, преподававшій ему русскую и классическую словесность, и Шлецеръ-сынъ, преподававшій политическія науки; первый пристрастилъ молодого Кошелева къ древнимъ классикамъ, а второй—къ нѣмецкой литературѣ. Въ сентябрѣ 1822 г. Кошелевъ поступилъ въ Московскій Университетъ, но, не желая подчиняться требованіямъ начальства, долженъ былъ выйдти изъ него не окончивъ курса и держалъ въ университетѣ въ 1824 г. выпускной экзаменъ экстерномъ. Получивъ аттестатъ высшаго учебнаго заведенія, Кошелевъ поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и принималъ участіе въ литературномъ кружкѣ, который, подъ предсѣдательствомъ С. Е. Райча, собирался сначала въ домѣ Муравьева, на Дмитровкѣ, а потомъ на квартирѣ сенатора Рахманова. Къ этому кружку принадлежали Ѳ. И. Тютчевъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ, А. С. Норовъ, А. Н. Муравьевъ и многія другія лица, пріобрѣвшія впослѣдствіи извѣстность въ литературѣ; иногда кружокъ удостаивался посѣщеній популярнаго московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына. Кромѣ того Кошелевъ съ друзьями своего дѣтства, кн. Одоевскимъ, Ив. Кирѣевскимъ и Дм. Веневитиновымъ, основали другой кружокъ, занимавшійся философскими вопросами; существованіе этого кружка держалось въ тайнѣ. Этотъ кружокъ просуществовалъ до середины декабря 1825 г., когда его члены рѣшили прекратить свои собранія какъ потому, что не хотѣли привлечь на себя вниманіе полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточили на себѣ все ихъ вниманіе. Въ сентябрѣ 1826 г. Кошелевъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ дядя его, членъ Государственнаго Совѣта, Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, занималъ видное положеніе, хотя со смертью Императора Александра I, къ которому былъ очень близокъ, онъ и лишился части своего вліянія. Онъ принялъ племянника очень ласково. Въ его домѣ Кошелевъ познакомился съ кн. А. Н. Голицынымъ, М. М. Сперанскимъ и другими видными государственными дѣятелями. Молодой Кошелевъ поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ ему поручено было составлять извлеченія изъ заграничныхъ газетъ для Императора Николая I. При своихъ связяхъ и при своихъ способностяхъ Кошелевъ могъ разсчитывать на блестящую карьеру, но въ этомъ ему помѣшалъ его характеръ, благодаря которому онъ имѣлъ нѣсколько довольно рѣзкихъ столкновеній съ видными представителями администраціи. Столкновенія эти составили ему репутацію безпокойнаго человѣка и самъ Императоръ Николай Павловичъ, какъ разсказываетъ Кошелевъ, называлъ его не иначе какъ «mauvais homme». Изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Кошелева перевелъ въ свое вѣдомство Д. Н. Блудовъ, управлявшій въ то время дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь А. И. Кошелевъ принималъ участіе, въ качествѣ дѣлопроизводителя, въ комитетѣ для составленія «Общаго устава для лютеранскихъ церквей въ Имперіи» и не разъ горячо защищалъ намѣренія правительства, клонившіяся къ объединенію постановленій для протестантскихъ церквей всей Россіи, противъ членовъ комитета изъ остзейскихъ нѣмцевъ. Ко времени пребыванія Кошелева въ С.-Петербургѣ относится и его первое знакомство съ извѣстнымъ славянофиломъ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ онъ сошелся особенно близко у одра умирающаго Веневитинова и который имѣлъ впослѣдствіи рѣшительное вліяніе на его образъ мыслей. Въ 1831 г. Кошелевъ уѣхалъ за границу, гдѣ познакомился съ такими европейскими знаменитостями, какъ Шлейермахеръ, Гансъ, Савиньи и наконецъ Гете. Особенное вліяніе оказали на путешественника лекціи, въ Женевѣ, по юридическимъ наукамъ знаменитаго Росси (впослѣдствіи министръ папы Пія IX). «Этотъ человѣкъ», пишетъ о немъ Кошелевъ, «развилъ во мнѣ настоящій либерализмъ, который, къ сожалѣнію, у насъ рѣдко встрѣчается, ибо въ средѣ нашихъ такъ называемыхъ либераловъ, по большей части встрѣчаются люди, проникнутые западнымъ доктринерствомъ и руководящіеся чувствами и правилами скорѣе деспотизма, чѣмъ истиннаго свободолюбія и свободомыслія. Этому доброму на меня вліянію знаменитаго Росси я весьма многимъ обязанъ въ дѣятельности моей и по дѣлу освобожденія нашихъ крѣ-

постныхъ людей и по управленію дѣлами въ Царствѣ Польскомъ». По возвращеніи въ отечество Кошелевъ служилъ еще нѣкоторое время совѣтникомъ губернскаго правленія въ Москвѣ, но потомъ, женившись на дѣвицѣ Ольгѣ Ѳедоровнѣ Петровой-Соловой, вышелъ въ отставку, купилъ себѣ имѣніе въ Сапожковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и сталъ здѣсь заниматься откупами. Въ 1848 г. онъ оставилъ откупа и подалъ въ Министерство Финансовъ записку, въ которой указывалъ на вредъ этой системы и совѣтовалъ замѣнить ее акцизнымъ сборомъ; запискѣ этой не было дано ходу. Главное вниманіе Кошелева было сосредоточено въ это время на крестьянскомъ вопросѣ: будучи сапожковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, онъ неоднократно вступался за крестьянъ своего уѣзда противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые ихъ притѣсняли, чѣмъ вызвалъ неудовольствіе со стороны мѣстнаго дворянства, а особенно — со стороны губернскаго предводителя. Объ интересѣ Кошелева къ крестьянскому дѣлу свидѣтельствуетъ относящаяся къ этому времени переписка его съ П. В. Кирѣевскимъ по этому вопросу, а также его статья: «Охота пуще неволи», появившаяся въ 1847 г. въ «Земледѣльческой Газетѣ», которую тогда редактировалъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ этой статьѣ авторъ развивалъ мысль о томъ, что свободный трудъ производительнѣе крѣпостного и что только лѣнь русскихъ помѣщиковъ мѣшаетъ имъ обратить, на основаніи указа отъ 12 іюня 1844 г., своихъ дворовыхъ въ обязанныхъ крестьянъ. Однако, въ своей перепискѣ съ Кирѣевскимъ Кошелевъ возлагалъ всѣ надежды на добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами и даже не хотѣлъ, чтобы эти сдѣлки были извѣстны полиціи, покуда крестьяне пріучатся къ мірскому управленію и къ нѣкоторой законной самостоятельности; «кто Вамъ мѣшаетъ 5—10 лѣтъ оставаться ихъ попечителемъ», писалъ онъ. Не довольствуясь теоретической разработкой крестьянскаго вопроса, Кошелевъ обратился къ дворянству своей губерніи съ предложеніемъ ходатайствовать предъ правительствомъ о составленіи комитета изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для выработки проэкта мѣръ «къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Рязанской губерніи». Предложеніе это встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны губернскаго предводителя дворянства. Тогда Кошелевъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что Государь не согласится на учрежденіе такого комитета, но что авторъ предложенія можетъ самъ обратить своихъ крестьянъ въ обязанные на основаніи указа отъ 12 іюня 1844 г. Однако Кошелевъ, владѣлецъ болѣе трехъ тысячъ душъ, не пожелалъ воспользоваться этимъ указаніемъ. Въ 1849 г. онъ снова обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запиской, въ которой предлагалъ: 1) воспретить помѣщикамъ переводить впредь кого-либо изъ крестьянъ въ дворовые; 2) считать и теперь дворовыми только тѣхъ, которые не владѣютъ и болѣе 10 лѣтъ не владѣли никакимъ полевымъ земельнымъ надѣломъ, не имѣютъ постоянной осѣдлости и которые сами изъявятъ желаніе на перечисленіе ихъ въ дворовые, 3) перечисленіе это произвести безъ раздробленія семействъ. Однако и на эту записку Кошелевъ не получилъ никакого отвѣта. Точно также осталось безъ отвѣта и предложеніе, сдѣланное имъ въ 1850 г., обратить своихъ крестьянъ въ обязанные съ надѣленіемъ ихъ землею, находящейся въ ихъ распоряженіи, съ платой по 40 р. за десятину,—вѣроятно оттого, что Кошелевъ разсчитывалъ получить эти деньги отъ казны. Таковы были попытки Кошелева затронуть крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Николая I.

Въ 1851 г. Кошелевъ съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ, къ которому онъ примкнулъ подъ вліяніемъ Хомякова, рѣшилъ издать четыре тома сборника, который они окрестили «Московскимъ» и въ которомъ собирались высказать свои взгляды на различные предметы. Въ 1852 г. вышелъ первый томъ этого «Сборника»; во 2 томѣ Кошелевъ хотѣлъ помѣстить статью о своей поѣздкѣ въ 1851 г. на всемірную Лондонскую выставку, но этотъ томъ не былъ пропущенъ цензурой.

Болѣе широкое поприще дѣятельности открылось для Кошелева со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II. Въ разгаръ Севастопольской войны Кошелевъ подалъ Государю записку о нашихъ финансахъ, въ которой говорилъ о необходимости поднять кредитъ внутри государства и предлагалъ созвать для этого выборныхъ со всей земли Русской; эта записка оста-

лась, какъ и прежнія, безъ всякихъ послѣдствій. Въ то же время Кошелевъ принялся за изготовленіе своего проекта освобожденія крестьянъ; Государь узналъ о трудѣ Кошелева и выразилъ черезъ генералъ-адъютанта князя Долгорукаго желаніе ознакомиться съ нимъ. Проектъ Кошелева былъ поданъ Государю въ 1858 г., одновременно съ проектами Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго и оказался самымъ радикальнымъ. Самаринъ предлагалъ только расширить и сдѣлать болѣе удобнымъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, кн. Черкасскій предлагалъ освобожденіе крестьянъ только съ усадьбами, а Кошелевъ — выкупъ крестьянъ со всей землею, находящейся въ ихъ владѣніи. Такое освобожденіе по проекту Кошелева должно было совершиться въ 12 лѣтъ; предполагалось предоставить помѣщикамъ сначала право въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ входить съ крестьянами въ добровольныя сдѣлки на счетъ количества выкупаемой земли, ея цѣны при maximum'ѣ, установленномъ правительствомъ по разнымъ губерніямъ, и на счетъ сроковъ уплаты и границъ отводимаго надѣла. Потомъ имѣлось въ виду назначить трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго условія о выкупѣ должны составляться при посредничествѣ выборныхъ отъ дворянства и отъ крестьянъ. Наконецъ въ третій, уже шестилѣтній, срокъ при продолженіи дѣйствія первыхъ двухъ способовъ имѣло вступить въ дѣйствіе обязательное опредѣленіе всѣхъ условій выкупа, черезъ чиновниковъ, назначенныхъ отъ правительства. Впослѣдствіи эти записки, какъ и многія другія, были переданы сперва въ главный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, а за тѣмъ въ редакціонныя коммиссіи, учрежденныя подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева и здѣсь, по словамъ Кошелева, его проектъ сначала оказался самымъ радикальнымъ, но скоро радикализмъ его былъ превзойденъ и и его «чуть-чуть не зачислили въ отсталые». Пользуясь бо́льшей свободой печати, наступившей въ новое царствованіе, Кошелевъ сталъ издавать въ 1856 г. журналъ «Русская Бесѣда», который выходилъ четыре раза въ годъ, а съ декабря 1857 г., какъ прибавленіе къ этому журналу, книжки «Сельское Благоустройство», посвященныя исключительно крестьянскому вопросу. О направленіи обоихъ изданій даютъ понятіе слѣдующія слова издателя: «Скорѣе вода пойдетъ противъ обычнаго своего теченія», писалъ онъ въ «Русской Бесѣдѣ» въ 1857 г., «чѣмъ русскій поселянинъ можетъ быть оторванъ отъ земли, упитанной его потомъ». «Мы убѣждены», говорилось въ программѣ журнала «Сельское Благоустройство» на 1859 г., «что освобожденіе крестьянъ съ землею должно быть нашимъ, т. е. русскимъ способомъ разрѣшенія великой предлежащей намъ общественной задачи. Мы убѣждены, что общинное устройство, при общинномъ землевладѣніи, представляетъ вѣрнѣйшее средство къ обезпеченію осѣдлости и благоденствія крестьянъ, къ упроченію настоящихъ выгодъ землевладѣльцевъ и къ утвержденію спокойствія и могущества Россіи. Вотъ тѣ главныя начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны служить основою предстоящаго великаго дѣла». Все это составило Кошелеву, по крайней мѣрѣ въ началѣ, репутацію либерала въ крестьянскомъ вопросѣ; когда были учреждены губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, онъ не былъ избранъ въ рязанскій комитетъ, но онъ былъ назначенъ туда членомъ отъ правительства, по предложенію рязанскаго губернатора Клингенберга. Здѣсь Кошелевъ скоро сталъ во враждебныя отношенія ко всѣмъ остальнымъ членамъ. Особенно обострились эти отношенія по слѣдующему поводу. И. С. Аксаковъ, завѣдывавшій изданіемъ «Русской Бесѣды» въ отсутствіе Кошелева, напечаталъ въ ней статью кн. В. А. Черкасскаго, въ которой было сказано, что не желательна внезапная отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ крестьянскомъ быту. Эта статья вызвала бурю негодованія и въ печати, и въ обществѣ какъ противъ автора, такъ и противъ издателя журнала, ее помѣстившаго, т. е. противъ Кошелева. Возражая на эти нападки, Аксаковъ написалъ, что не слѣдуетъ нападать на людей, которые борются въ настоящее время въ губернскихъ комитетахъ противъ своекорыстія и невѣжества. Это заявленіе вызвало новыя бури уже въ губернскихъ комитетахъ: въ тульскомъ противъ кн. Черкасскаго, а въ рязанскомъ противъ Кошелева. Члены рязанскаго комитета, потребовали, чтобы Кошелевъ возражалъ противъ «клеветы» напечатанной Аксаковымъ; онъ отказался, и тогда они подали ходатайство начальнику губерніи о томъ,

чтобы онъ былъ исключенъ изъ комитета. Однако Кошелевъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, представилъ тамъ дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ и добился, что другой членъ отъ правительства, Масловъ, который подписалъ ходатайство объ его удаленіи и вообще дѣйствовалъ противъ него, былъ самъ удаленъ, по Высочайшему повелѣнію, а на его мѣсто былъ назначенъ, по выбору самого Кошелева, Д. Ѳ. Самаринъ. Съ новымъ своимъ товарищемъ Кошелевъ продолжалъ энергически защищать крестьянское дѣло въ Рязанскомъ комитетѣ, но, когда были учреждены подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева редакціонныя комиссіи, онъ не былъ приглашенъ въ составъ ихъ и примкнулъ къ оппозиціи послѣднимъ: въ 1859 г. Кошелевъ, будучи однимъ изъ такъ называемыхъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ перваго созыва, подалъ вмѣстѣ съ 18 другими депутатами ходатайство о томъ, чтобы имъ было дозволено представить свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу и написалъ на нихъ самую жестокую критику. Главнѣйшія изъ выставленныхъ имъ противъ комиссіи обвиненій были слѣдующія: 1) комиссіи нарушаютъ совершенно безъ всякой необходимости право собственности помѣщиковъ отцачей ихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянамъ за неизмѣнныя повинности; Кошелевъ требовалъ обязательнаго выкупа; 2) онѣ произвольно назначаютъ высшіе крестьянскіе надѣлы по губерніямъ, и 3) благодаря комиссіямъ совершенно устраняется вліяніе дворянъ на крестьянъ, а на смѣну ему является вліяніе чиновниковъ. Этой критикой Кошелевъ навлекъ на себя сильное неудовольствіе правительства и поэтому долженъ былъ совершенно устраниться отъ активнаго участія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Въ книжкѣ, изданной имъ зимою 1861—62 г. въ Дрезденѣ: «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго положенія», онъ доказывалъ, что для успѣшнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса необходимо созвать общую земскую думу. Антиконституціонныя воззрѣнія автора этой книжки вызвали въ обществѣ толки о его неискренности и онъ, чтобы объясниться, написалъ новую брошюру: «Конституція, самодержавіе и земская дума» (Berlin 1862 г.), въ которой онъ доказывалъ непригодность для Россіи первой и необходимость второго. Нельзя обойти молчаніемъ, что все, что мы знаемъ о Кошелевѣ какъ о помѣщикѣ, говоритъ противъ его искренности въ крестьянскомъ вопросѣ: какъ видно изъ «Приложеній къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій» въ главномъ имѣніи Кошелева во второй половинѣ 50-хъ годовъ изъ крестьянъ 858 тяголъ состояло на барщинѣ и только 86 на оброкѣ; изо всѣхъ тринадцати имѣній сапожковскаго уѣзда, размѣръ оброка которыхъ извѣстенъ, въ десяти онъ былъ ниже и только въ двухъ выше, чѣмъ въ имѣніи Кошелева, относительно же величины земельнаго надѣла имѣнье Кошелева занимало среднее мѣсто; какъ неоднократно указывалось въ печати, крестьяне Кошелева получили послѣ окончательнаго освобожденія нищенскій надѣлъ. Все это заставляетъ признать въ Кошелевѣ человѣка далеко не безкорыстнаго, хотя и умѣвшаго идти какъ бы наряду съ духомъ времени.

Съ 1860 г. открылся для Кошелева новый родъ дѣятельности. Въ этомъ году онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ въ комиссію для составленія проекта замѣны откуповъ системой акцизныхъ сборовъ и предсѣдательствовалъ здѣсь въ винокуренной подкомиссіи. Здѣсь онъ защищалъ прусскую акцизную систему противъ членовъ комиссіи изъ чиновниковъ. Такъ какъ комиссіи было вмѣнено въ обязанность удержать прежнюю цифру доходовъ, т. е. 160 милліоновъ рублей, то въ проектѣ, выработанномъ подъ предсѣдательствомъ Кошелева, предлагалось установить четырехъкопѣечный сборъ съ градуса алкоголя, а торговля виномъ становилась свободной. Этотъ проектъ былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ съ двумя существенными ограниченіями: акцизъ съ четырехъ копѣекъ былъ повышенъ на 5 и продажа вина была подчинена надзору акцизныхъ чиновниковъ и полиціи. Слова: «вольная торговля» были удержаны въ Положеніи, хотя послѣ произведенныхъ измѣненій они и утратили смыслъ. Въ это же время Кошелевъ принималъ участіе еще въ двухъ комиссіяхъ: по начертанію проекта нормальнаго устава для поземельныхъ банковъ и по разсмотрѣнію составленнаго уже проекта гипотечнаго положенія, который былъ отвергнутъ комиссіей. Когда въ 1864 г. рѣшено было образовать при намѣстникѣ

Царства Польскаго особый «Учредительный Комитетъ» и на главныя административныя должности назначали русскихъ, то Кошелевъ былъ приглашенъ въ члены этого Комитета и сначала долженъ былъ имѣть надзоръ надъ финансовой администраціей края, а затѣмъ принять на себя званіе «главнаго директора (т. е. министра) финансовъ». На этомъ посту Кошелевъ былъ очень полезенъ: дѣйствуя вполнѣ въ русскихъ интересахъ, онъ не забывалъ, однако, справедливости по отношенію къ мѣстному населенію. Такъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы въ Высочайше утвержденную Комиссію для пересмотра и переустройства разныхъ податей въ Царствѣ были назначены члены и изъ поляковъ, какъ болѣе освѣдомленныхъ о мѣстныхъ условіяхъ. Избѣгая всякихъ насильственныхъ мѣръ для введенія русскаго языка въ краѣ, онъ всячески поощрялъ употребленіе его. Наконецъ, онъ требовалъ одинаково справедливаго отношенія какъ къ крестьянству, такъ и къ шляхтѣ, въ чемъ рѣзко расходился съ директоромъ внутреннихъ дѣлъ кн. В. А. Черкасскимъ, сознательно проводившимъ мысль о томъ, что «надо поддерживать дурныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами, не поощрять добровольныхъ между ними сдѣлокъ, а имъ противодѣйствовать и всячески поддерживать существующую между ними вражду: въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ для Россіи невозобновленія волненій въ краѣ и попытокъ его отторженія отъ имперіи». Встрѣчая постоянныя противодѣйствія въ своихъ планахъ со стороны Н. А. Милютина, который былъ назначенъ въ 1866 г. статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго, Кошелевъ подалъ въ этомъ году въ отставку и уѣхалъ изъ Польши, напутствуемый сожалѣніями со стороны мѣстнаго общества. Въ концѣ того же года онъ подалъ Государю записку о дѣлахъ польскихъ, въ которой изложилъ очень разумные взгляды на управленіе краемъ, совѣтуя прекратить въ немъ какъ можно скорѣе неопредѣленное военное положеніе и ввести общія государственныя учрежденія.

Остальная жизнь А. И. Кошелева была посвящена земской и публицистической дѣятельности. Кошелевъ былъ долгое время гласнымъ Москвы и президентомъ Московскаго общества сельскаго хозяйства. Поприщемъ его земской дѣятельности была Рязанская губернія, гдѣ находилось главное его имѣніе. Особенно много и плодотворно поработалъ онъ въ должности предсѣдателя училищнаго совѣта Сапожковскаго уѣзда, которую онъ оставилъ послѣ введенія Положенія о народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. Въ 1872 г. онъ былъ приглашенъ въ комиссію, извѣстную подъ названіемъ Валуевской, занимавшуюся изслѣдованіемъ положеніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи, но не сошелся во взглядахъ съ большинствомъ ея членовъ, относившимся отрицательно къ нашей общинѣ, и напечаталъ свое мнѣніе по этому вопросу за границей («Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи», Berlin, 1875 г.). Въ Россіи публицистическая дѣятельность Кошелева за этотъ періодъ выразилась главнымъ образомъ въ дѣятельномъ участіи въ двухъ періодическихъ изданіяхъ: въ журналѣ «Бесѣда», издававшемся подъ редакціей С. А. Юрьева (1871—1872 г.) и въ газетѣ «Земство» (1880—1882 г.), которую редактировалъ В. Ю. Скалонъ. Оба изданія существовали недолго. Кромѣ того, Кошелевъ издалъ за-границей по разнымъ вопросамъ нашей общественной жизни еще рядъ книгъ, которыя не могли появиться въ Россіи по цензурнымъ условіямъ. Отмѣтимъ еще отношеніе Кошелева къ славянскому вопросу. Хотя онъ и относился къ нему пассивнѣе, нежели другіе славянофилы, но во время своихъ частыхъ путешествій за-границу выказывалъ большое вниманіе къ положенію нашихъ единоплеменниковъ и близко сошелся со многими ихъ передовыми дѣятелями. Въ этомъ вопросѣ онъ также рѣшительно расходился съ кн. В. А. Черкасскимъ и И. С. Аксаковымъ, видѣвшими въ православіи единственную возможную почву для сближенія славянскихъ народовъ между собою, и справедливо указывалъ на то, что такое отношеніе къ дѣлу должно оттолкнуть отъ насъ всѣхъ славянъ-католиковъ. А. И. Кошелевъ умеръ въ Москвѣ 3 ноября 1883 г. и погребенъ на Даниловомъ кладбищѣ. Изъ сочиненій Кошелева вышли отдѣльно: «Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго положенія», Лейпцигъ, 1862 г.; «Конституція, самодержавіе и земская дума», Berlin, 1862 г.; «О кн. В. Ѳ. Одоевскомъ», Москва, 1869 г.; «Наше положеніе», Berlin, 1875 г.; «Общая земская дума въ Россіи. Дополненіе къ книгѣ: «Наше положеніе», Berlin, 1875 г.; «О мѣрахъ къ возстановленію цѣнности нашего рубля», Спб., 1875 г.; «Объ общин-

номъ землевладѣніи въ Россіи», Berlin, 1875 г.; «Что теперь дѣлать?», Berlin, 1879 г.; «О кредитѣ землевладѣльцамъ при покупкѣ ими земли», Москва, 1880 г.; «Голосъ изъ земства», Москва, 1880 г.; «Гдѣ мы? куда и какъ идти?», Berlin, 1881 г.; «О сословіяхъ и состояніяхъ Россіи», Москва, 1881 г.; «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства», Москва, 1881 г.; «Записки», Berlin, 1883 г. Изъ его журнальныхъ статей наиболѣе крупныя: «Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи» («Рус. Бесѣда», 1856 г., т. I и III); «О способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи» (ib. 1857 г., кн. II); «По поводу журнальныхъ статей о замѣнѣ обязательной работы наемной и объ общинной поземельной собственности» (ib. кн. IV); «Нѣчто о грамотности» (ib. 1858 г., кн. I); «О цензѣ» («День», 1862 г., №№ 18, 20, 23); «О процентныхъ денежныхъ знакахъ» (ib. № 29); «О главныхъ препятствіяхъ къ устройству и успѣхамъ нашихъ сельскихъ хозяйствъ» (ib. 1864 г., № 7); «Неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ и круговая порука» (ib. № 10); «О нашемъ денежномъ кризисѣ» (ib. №№ 13, 14); «О подушныхъ податяхъ» («Бесѣда», 1871 г., кн. I); «О государственномъ земскомъ сборѣ» (ib. кн. II); «О прусскихъ податяхъ классной и подоходной и о томъ, желательно ли и можно ли ввести ихъ у насъ?» (ib. кн. II); «Отвѣтъ на замѣтки г. Колюпанова о переложеніи подушной подати» (ib. кн. III); «О военной повинности съ земской точки зрѣнія» (ib. кн. IV); «Въ чемъ мы болѣе всего нуждаемся?» (ib. кн. VIII); «О всесословной волости» (ib. 1872 г., кн. III).

Некрологи Кошелева: въ «Руси» (И. С. Аксакова) и въ «Новомъ Времени» (1883 г. ноябрь; тамъ же въ «Новомъ Времени» замѣтка: «Памяти земскаго человѣка»). Статьи С. А. Юрьева и Чупрова («Русская Мысль», 1883 г. XII). Семевскій В. И., «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія», Спб., 1889 г.; Колюпановъ. «Біографія А. И. Кошелева», Москва. 1889—1892 г. (доведена только до 1856 г.). *В. Строевъ.*

Кошелевъ, *Иванъ Родіоновичъ*, капитанъ-командоръ, ум. 22 апрѣля 1732 г. Въ 1702 г. поступилъ въ математическую школу, въ 1707 г. посланъ «для науки мореплаванія» въ Голландію и Англію; по возвращеніи назначенъ подпоручикомъ въ галерный флотъ. 17 августа 1713 г. былъ посланъ доставить письмо шведскому адмиралу; при этомъ ему дано было секретное порученіе—разузнать о мѣстонахожденіи шведскаго флота и сдѣлать, по возможности, промѣры; Кошелевъ исполнилъ порученіе успѣшно. Съ 1720 г. Кошелевъ является уже командиромъ корабля. 1723 г. назначенъ командиромъ эскадры изъ 3 судовъ, которая должна была идти съ грузомъ русскихъ ружей, снарядовъ, и другихъ припасовъ въ Испанію; однако, эта эскадра дошла только до Ревеля и тамъ зазимовала; въ 1724 г. Кошелевъ назначенъ былъ совѣтникомъ въ такъ называемую Мадагаскарскую экспедицію, которая секретно снаряжалась подъ начальствомъ вице-адмирала Вильстера; но эта экспедиція не была отправлена. Въ маѣ 1725 г. Кошелевъ повелъ 3 русскія судна (корабль Девонширъ и 2 фрегата) въ Испанію, въ августѣ достигъ Кадикса; распродавъ товаръ, онъ въ апрѣлѣ 1726 г. возвратился въ Ревель и 16 мая «другимъ не въ образецъ», «понеже онъ въ Испаніи съ россійскими кораблями былъ первый», былъ произведенъ черезъ чинъ, изъ капитановъ 3-го ранга въ капитаны 1-го ранга. Въ 1727 г. опредѣленъ директоромъ московской адмиралтейской конторы, въ 1729—произведенъ въ капитанъ-командоры, въ 1730 г. назначенъ членомъ судной коммиссіи по дѣлу, возникшему между Адмиралтействъ-коллегіею и вице-адмираломъ Вильстеромъ.

«Общій Морск. Списокъ», I, 190—191; Веселаго, «Очеркъ русс. морск. исторіи», т. I; изд. 1875; «Матеріалы для исторіи русс. флота», I.

П. Бѣлавенецъ.

Кошелевъ, *Иванъ*, шкиперъ, ум. послѣ 1738 г. Былъ въ числѣ участниковъ въ экспедиціи Беринга для обозрѣнія береговъ Ледовитаго океана. Въ 1735 г. ему поручено было совершить путь по р. Оби и затѣмъ по океану до устья Енисея. Соорудивъ въ 1738 г. въ Тобольскѣ ботъ «Почтальонъ», онъ совершилъ первый плаваніе по этому пути.

Берхъ, «Хронологич. исторія путешествій въ сѣверныя страны».

Кошка, *Петръ*, ум. около 1890 г., матросъ 30-го флотскаго экипажа, участникъ севастопольской обороны. Уроженецъ дер. Заметецъ, Гайсинскаго уѣзда Каменецъ-Подольской губерніи. Участникъ почти всѣхъ вылазокъ, пріобрѣлъ почти легендарную извѣстность своею беззавѣтною храбростью и ловкостью, съ которою онъ появлялся совершенно неожиданно у самыхъ

траншей непріятеля, уносилъ оружіе часовыхъ и совершалъ другія подобныя продѣлки. Первый извѣстный подвигъ Кошки былъ совершенъ немедленно послѣ первой вылазки нашей: англичане врыли въ землю, предъ самою своею батареею, трупы двухъ убитыхъ русскихъ солдатъ, такъ что наши выстрѣлы почти неизбѣжно должны были разстрѣлять эти трупы. Тогда Кошка вышелъ изъ окоповъ, выкопалъ, подъ выстрѣлами, тѣла своихъ несчастныхъ товарищей, взвалилъ ихъ себѣ на плечи и унесъ, преслѣдуемый градомъ пуль, изъ которыхъ нѣкоторыя попали въ трупы, имъ уносимые. Самъ же Кошка только разъ былъ раненъ, ударомъ штыка въ грудь. Имѣлъ знакъ Военнаго ордена. Его изображеніе помѣщено на памятникѣ Корнилову въ Севастополѣ.

О подвигахъ Кошки говорится во всякомъ трудѣ, посвященномъ севастопольской оборонѣ.

Кошка, *Ѳедоръ Андреевичъ*, московскій бояринъ, младшій изъ пяти сыновей А. И. Кобылы, предокъ царя Михаила Ѳеодоровича, ум. до 1408 г. Онъ былъ весьма близокъ ко двору вел. князей Димитрія Донского и сына его Василія. Такъ, онъ подписался свидѣтелемъ на первой и на второй духовныхъ грамотъ Донского (1371 и 1389 гг.); въ 1380 г., при выступленіи Димитрія въ походъ противъ Мамая, ему поручено было «блюсти» Москву и великокняжеское семейство. При Василіи Димитріевичѣ, въ 1393 г., онъ ѣздилъ для утвержденія мира въ Новгородъ, взявшійся за оружіе противъ великаго князя. О значеніи, а отчасти и о характерѣ его дѣятельности, какъ совѣтника великаго князя, мы имѣемъ свидѣтельство Эдигея, который писалъ великому князю въ 1408 г.: «Вся твоя дѣла не добры. Добрые нравы и добрая дѣла и добрая дума къ ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки — добрый былъ человѣкъ: которыи добры дѣла ордыньскія тотъ тебѣ поминалъ, и то ся минуло». По родословнымъ у него значатся дѣти: Иванъ Кошкинъ, Ѳедоръ Голтяй, дочь котораго Марья была за Ярославомъ-Аѳанасіемъ Владиміровичемъ, княземъ серпуховско-малоярославецкимъ, Александръ Беззубецъ, прадѣдъ первыхъ Шереметевыхъ, Михаилъ Дурной и дочь Анна, бывшая за Ѳедоромъ Михайловичемъ, удѣльнымъ княземъ микулинскимъ.

Пол. соб. рус. лѣт. IV, 78, 100, 111; V, 246; VI, 92, 123; VIII, 36, 64; XVI, 111, 158; Никон. л., IV, 202; Собр. госуд. грам. и дог. I. №№ 30 и 34; Степ. кн. I, 521; Карамз. V, пр. 116; Campenhausen, «Geneal.-chron. Gech. des allerdurchl. Hauses Romanow» etc. Для этого Кошки и для Кошкиныхъ—см. «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Мих. Ѳеод.» I, Спр. 1901.

А. Э.

Кошкинъ, *Елисей Ивановичъ*, академикъ гравированія, род. 14 іюля 1761 г., ум. 26 іюня 1836 г. Сынъ домоваго служителя И. И. Бецкаго, принятъ въ Академію Художествъ въ 1767 г.; въ 1782 г. получилъ золотую медаль и посланъ за границу; тамъ провелъ три года и по возвращеніи въ 1806 г. награвировалъ по назначенію Академіи портретъ гр. Стакельберга, за который и получилъ званіе «назначеннаго»; въ 1790 г. назначенъ былъ для рѣзанія на мѣди къ князю Потемкину; въ 1828 г. служилъ въ гидрографическомъ депо морского министерства, затѣмъ въ межевой чертежной. Работы его—числомъ до 20—второстепеннаго достоинства; онъ награвировалъ нѣсколько копій съ иностранныхъ эстамповъ: «Цѣлованіе Елизаветы», съ Лебрена, портреты Стакельберга и доктора Самойловича, виньетки и заглавные листы для «Придворнаго мѣсяцеслова» на 1805 г. и для «Начальнаго управленія Олега», въ 1791 г., статую Екатерины II, въ видѣ Минервы, работы Козловскаго; подъ его смотрѣніемъ гравированы: атласъ для книги «Heinr. Reimers, Reise der Russisch-Kaiserlichen... Gesandschaft an die Ottomanische Pforte ins Jahre 1793», Petersburg, 1803, «Описаніе второго путешествія капитана Кука», 15 картинокъ и виньетокъ въ книгу «Учрежденіе Воспитательнаго Дома», 1789 и 63 доски для книги «Уставъ Императора Павла I, объ орденахъ».

Петровъ, «Сборникъ матер. для исторіи Академіи Художествъ», I, 142, 146, 161; Ровинскій, «Подроб. словарь рус. граверовъ», 382—384.

Кошкинъ, *Захарій Ивановичъ*, младшій изъ четырехъ сыновей Ивана Ѳедоровича Кошкина, московскій бояринъ. Въ лѣтописяхъ находимъ о немъ извѣстія во первыхъ, о томъ что въ 1433 г. февраля 8, на свадебномъ пиру великаго князя Василія Васильевича, онъ началъ исторію изъ-за пояса князя Василія Косого, а во вторыхъ, что въ 1445 г. онъ былъ въ числѣ пановъ-воеводъ литовскихъ; бо́льшихъ подробностей о немъ не имѣется. Этотъ Кошкинъ имѣлъ сыновей: Якова и Юрія, писавшихся Кошкиными-Захарьи-

ными, просто Захарьиными и даже—Захарьичами, и Василія, прозваніемъ Ляцкаго.

Пол. соб. рус. лѣтоп. V, 264—265; VI, 148; VIII, 111—112; Арханг. лѣт. 138; Campenhausen: «Geneal.-chronol. Gesch. des allerdurchl. Hauses Romanow».

А. Э.

Кошкинъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*; старшій сынъ Ѳ. Кошки, московскій бояринъ, ум. послѣ 1425 г. Онъ былъ такъ же близокъ къ великимъ князьямъ Димитрію Донскому и сыну его Василію, какъ и отецъ его: въ 1389 г. онъ подписался, въ качествѣ свидѣтеля, на второй духовной Донского, а въ 1405 г.—на первой духовной Василія. О значеніи его при дворѣ Василія Эдигей говорилъ такъ въ письмѣ къ великому князю: «И нынѣча (1408 г.) же у тебе сынъ его (Ѳедора Кошки) Иванъ, казначей, любовникъ и старѣйшина, и ты изъ того слова не выступаешь, и старцевъ земскыхъ думы ни слова не слушаешь, которыи вѣдають; ино того думою учинилася улусу (Руси) пакость» (здѣсь разумѣется нашествіе Эдигея на Москву).

Пол. собр. рус. лѣт. IV, 111; Соб. гос. гр. и доч. I, №№ 34, 39 и 42,—II, № 15.

А. Э.

Кошкинъ-Захарьинъ, *Яковъ Захаръевичъ*, московскій бояринъ, сынъ Захарія Ивановича Кошкина, ум. въ 1511 г.; упоминается въ лѣтописяхъ впервые, уже въ качествѣ намѣстника новгородскаго, съ 1485 г. Въ этомъ году, по приказу великаго князя, онъ водилъ новгородскіе полки на Тверь. Въ 1488 г. новгородцы составили заговоръ на жизнь его; но заговоръ обнаружился, и Яковъ Захарьичъ казнилъ и повѣсилъ многихъ житьихъ людей, а болѣе 8 тысячъ бояръ, именитыхъ гражданъ и купцовъ отослалъ въ Москву; они получили земли въ разныхъ подмосковныхъ городахъ: Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ и пр., на ихъ-же земли присланы московскіе служилые люди и гости. Въ 1488 и 1490 г.г. онъ, вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ, принималъ оффиціальное участіе въ розыскѣ и наказаніи приверженцевъ ереси жидовствующихъ; въ послѣднемъ году мы видимъ его и въ Москвѣ, гдѣ онъ велъ переговоры съ посломъ германскаго императора, Попелемъ. Въ 1492 г. къ нему въ Новгородъ присылалъ своего писаря полоцкій намѣстникъ Янъ Забережскій по поводу сватовства литовскаго князя Александра къ дочери Іоанна III. Послѣдній чрезъ Кошкина далъ понять литовскому князю, что думать о сватовствѣ, ранѣе заключенія мира между Москвой и Литвой, нельзя. Въ томъ же 1492 г. начались сношенія Іоанна съ Даніей, бывшей тогда въ союзѣ съ Литвой и раздорѣ съ Швеціей, съ которою и московскій князь приходилъ въ столкновенія. Вслѣдствіе этихъ сношеній Данія примкнула къ великому князю московскому, который, въ угоду ей, въ 1495 г., послалъ Якова Кошкина на шведовъ подъ Выборгъ. Города Кошкинъ взять не могъ, но Выборгскую землю сильно опустошилъ. Въ концѣ XV в. мы видимъ Я. Кошкина намѣстникомъ (или воеводой) половины Костромы, между тѣмъ какъ въ другой половинѣ намѣстникомъ былъ введеный бояринъ Судимонтъ, родомъ литвинъ. Кошкинъ билъ государю челомъ, что двоимъ имъ на Костромѣ «сытымъ быти не съ чего» и былъ пожалованъ городомъ Владиміромъ. Въ 1500 г., когда русскіе предприняли на Литву походъ; главнымъ предводителемъ назначенъ былъ бывшій казанскій царь Магметъ-Аминь, но управлялъ всѣмъ Кошкинъ, бывшій въ большомъ полку. Тогда завоеваны были: Мценскъ, Серпейскъ, Брянскъ, Путивль, Дорогобужъ; черниговскій и трубчевскіе князья поддались добровольно. Собственно Я. Кошкинъ завоевалъ всю Литовскую Русь отъ нынѣшнихъ Калужской и Тульской губерній до Кіевской. Въ 1502—1508 гг. онъ также нѣсколько разъ ходилъ на Литву: въ 1502 г. съ сыномъ Іоанна Димитріемъ,—въ 1506 г. воевалъ Смоленскую область,—въ 1508 г., во время войны съ Сигизмундомъ, водилъ московскіе полки къ Оршѣ, потомъ изъ Вязьмы ходилъ къ Дорогобужу.

Пол. соб. рус. лѣт. III, 147; IV, 135, 155, 165, 269, VI, 45, 46, 52, 53, 238—239, 243, 247; VIII, 216, 218, 230, 239, 248—249; Разряды у Карамз. VI, пр. 381, 428, 483, 504, 541, 544,—VII, пр. 22; Акт. Ист. I, 164, 521—522; Акт. Арх. Эксп. I, 346, 479; Степ. кн. II, 131, 159, 163, 177; Древн. росс. Вивл. XX, 12, 15.

Э. А.

Кошкуль, *Василій Карловичъ*, лейтенантъ род. въ 1827 г., погибъ при крушеніи парохода «Куба» 14 августа 1857 г. Съ 1841 г. учился въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, 21 августа 1846 г. произведенъ въ мичманы; въ 1849 г. произведенъ въ лейтенанты и въ 1850 г. наз-

наченъ преподавателемъ въ Морской кадетскій корпусъ. Въ 1856 г. назначенъ былъ помощникомъ капитанъ-лейтенанта Н. А. Ивашинцева, начальствовавшаго надъ экспедиціею для описанія Каспійскаго моря. Кошкулю поручены были главнымъ образомъ астрономическія наблюденія и веденіе астрономическихъ и хронометрическихъ журналовъ; онъ ревностно и успѣшно исполнялъ это дѣло, подготовившись къ нему усердными занятіями на Пулковской обсерваторіи. Въ отчетѣ директора гидрографическаго департамента за 1857 г. сказано: «Крушеніе парохода «Куба» уничтожило большую часть трудовъ экспедиціи, добросовѣстно и удачно начатыхъ; но величайшая потеря экспедиціи состоитъ въ гибели лейтенанта Кошкуля, подававшаго большія надежды».

«Морской Сборникъ», 1857, № 11; 1858. № 3; № 5.

Кошкуль, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 26 января 1786 г., ум. 27 ноября 1852 г. Происходилъ изъ дворянъ курляндской губерніи; 11 января 1794 г. былъ записанъ подпрапорщикомъ въ гатчинскіе гвардейскіе батальоны. Цесаревичъ поручилъ его лично Аракчееву для обученія русскому языку. 29 декабря 1796 г. Кошкуль переведенъ былъ подпрапорщикомъ же въ л.-гв. Измайловскій полкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ и учился шесть лѣтъ. По окончаніи курса въ корпусѣ, 2 апрѣля 1802 г., поступилъ на дѣйствительную службу юнкеромъ въ л.-гв. Конный полкъ. Въ составѣ этого полка онъ принималъ участіе въ многихъ дѣлахъ всѣхъ кампаній съ 1804 г. по 1815 г.; 2 февраля 1817 г. произведенъ былъ въ полковники, съ 5 ноября 1819 г. по 19 февраля 1834 г. командовалъ л.-гв. Кирасирскимъ полкомъ (впослѣдствіи л.-гв. Кирасирскій Его Величества полкъ); въ генералъ-маіоры произведенъ 21 мая 1826 г. Въ 1831—32 г. участвовалъ со своимъ полкомъ въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ и послѣ взятія Варшавы получилъ орденъ св. Анны I ст.; 1 октября 1833 г. назначенъ командующимъ 2-ю бригадою гвардейской кавалерійской дивизіи съ оставленіемъ командующимъ полкомъ, а 19 февраля 1834 г.—командующимъ 1-ю кирасирскою дивизіею. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ 1835 г. Въ 1845 г. назначенъ инспекторомъ гвардейскихъ запасныхъ эскадроновъ. Въ 1849 г., съ выступленіемъ гвардіи въ походъ, командовалъ всѣми оставшимися въ Петербургѣ частями гвардіи; въ томъ же году награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

«Русс. Инвалидъ», 1853, № 21.

Кошкуль, фонъ, *Фридрихъ Германовичъ*, изъ дворянъ Курляндской губерніи, горный инженеръ, ум. 20 февраля 1886 г. По окончаніи въ 1852 г. курса въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, онъ служилъ на Уралѣ, гдѣ подъ руководствомъ профессора Гофмана занимался геологическими изслѣдованіями, затѣмъ съ академикомъ Гельмерсеномъ производилъ такія же изслѣдованія въ Олонецкомъ горномъ округѣ въ 1856 г., наконецъ, самостоятельно въ Калужской губерніи; въ 1859 г. онъ былъ посланъ въ Киргизскія степи, гдѣ устроилъ Воскресенскій мѣдный заводъ и первый сталъ разработывать Карагандинскія каменноугольныя мѣсторожденія. Въ 1862 г. Кошкуль переведенъ былъ на Кавказъ; здѣсь онъ изслѣдовалъ бакинскіе нефтяные источники и составилъ статистическія таблицы нефтяного промысла на Апшеронскомъ полуостровѣ, которыя служили впослѣдствіи основаніемъ для оцѣнки нефтяныхъ промысловъ при передачѣ ихъ въ частныя руки. Въ 1864 и 1865 г. Кошкуль занимался изслѣдованіемъ минеральныхъ богатствъ въ Закубанскомъ краѣ и въ своемъ отчетѣ объ этой командировкѣ, напечатанномъ въ «Горномъ Журналѣ», указалъ на необходимость буровыхъ работъ въ этой мѣстности — впослѣдствіи здѣсь открыты были нефтяные фонтаны. Великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ Кавказа, командировалъ тогда Кошкуля въ Америку для изученія тамъ нефтянаго производства. Важны и полезны были для Кавказа развѣдочныя работы Кошкуля въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ и Абасъ-Туманѣ и его изслѣдованія каменноугольныхъ копей Тквибульскихъ и въ Кубанской области. Въ 1884 г., по приглашенію начальника Закаспійской области А. В. Комарова, онъ изслѣдовалъ мѣсторожденіе нефти въ этой области. Во время пребыванія своего въ Тифлисѣ Кошкуль, состоя членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, своими трудами поддерживалъ изданія этихъ обществъ; въ особенности же много пользы принесъ онъ Кавказскому отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго

Общества. Географическое Общество поручило ему сдѣлать полный переводъ геологическихъ трудовъ академика Абиха, но этой работы Кошкуль не окончилъ. Многочисленныя статьи Кошкуля по разнымъ ученымъ вопросамъ были напечатаны въ различныхъ журналахъ; изъ нихъ наиболѣе важны: «О строеніи и геологіи Дагестана, соч. Абиха, пер. Кошкуля», Спб. 1862 г.; «Объ островѣ, вновь появившемся на Каспійскомъ морѣ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, служащихъ къ познанію грязныхъ вулкановъ Прикаспійскаго края соч. Абиха, перев. Кошкуля», 1863 г.; «Статистическія таблицы нефтяного промысла Апшеронскаго полуострова» (Записки Кавк. Отд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Тифлисъ, 1864 г., т. VI, стр. 154—165). Кромѣ того въ «Горномъ Журналѣ» помѣщены слѣдующія статьи объ изслѣдованіяхъ его на Кавказѣ: «Мѣсторожденія нефти Закубанскаго края и Таманскаго полуострова» (1865 г., № 7 и 8); «О кубанскомъ каменномъ углѣ» (1867, № 5); «Геологическія изслѣдованія, произведенныя въ хребтахъ Терскомъ и Кабардинско-Сунженскомъ, и въ находящейся между ними долинѣ Алханъ-Чуртъ» (1879, № 8). Своими рѣдкими душевными качествами Кошкуль пріобрѣлъ на Кавказѣ и вездѣ, гдѣ его знали, много друзей и почитателей. Безкорыстный, скромный и обходительный онъ всегда съ удовольствіемъ дѣлился своими учеными познаніями со всѣми, кто обращался къ нему за совѣтомъ.

Формуляръ; «Новое Время», 26 февраля, 1886, № 3591; «Горный Журналъ», 1888, № 6—въ статьѣ «Истор. замѣтка о горномъ дѣлѣ на Кавказѣ».

Коштульскій, *Иванъ Станиславовичъ*, докторъ, род. 2 октября 1790 г. въ Витебской губерніи, ум. 8 февраля 1868 г. Въ 1813 г. окончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ кандидатомъ философіи, затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ и выпущенъ въ 1818 г. (26 мая) со степенью магистра медицины. Защитивъ диссертацію «De castratione», 7 марта 1820 г. получилъ степень доктора медицины и въ томъ же году началъ медицинскую практику въ Ковнѣ. Въ 1828 г. назначенъ городскимъ акушеромъ въ Варшаву и тамже, позднѣе, состоялъ членомъ медицинскаго совѣта; въ 1863 г. вышелъ въ отставку. Онъ напечаталъ рядъ статей: «Zapalenie krtani po raz siódmy...» (Pam. tow. lek. warsz. 1890 T. III), «Poród utrudniony...», (тамъ же, 1840 T. III), «Smiałe uzycie krwi upustów w zapaleniach» (тамъ же 1841 T. V) и др.

Змѣевъ «Русскіе врачи—писатели»; Kośmiński, «Słównik lekarzów polskich»; «Tygodnik illustr.», 1868, № 22.

Кояловичъ, *Михаилъ Осиповичъ*, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, сынъ возсоединившагося съ православною церковью уніатскаго священника, род. въ 1828 г., въ м. Кузницѣ (Сокольскаго уѣзда Гродненской губерніи), ум. 23 августа 1891 г.; Учился въ Супрасльскомъ духовномъ училищѣ съ 1841 по 1845 г., въ Литовской духовной семинаріи въ Вильнѣ съ 1845 по 1851 г. и въ Петербургской духовной академіи съ 1851 по 1855 г. Послѣ кратковременной службы съ 6 ноября 1855 г. преподавателемъ Рижской и Петербургской духовныхъ семинаріяхъ, призванъ былъ 12 мая 1856 г. занять въ Петербургской духовной академіи каѳедру обличительнаго богословія, къ которой тогда отнесена была и исторія русскаго раскола; съ слѣдующаго учебнаго года, съ 20 сентября 1857 г., перешелъ на каѳедру русской церковной и гражданской исторіи, которую и занималъ сначала съ званіемъ баккалавра, а потомъ, съ 28 февраля 1862 г., экстра-ординарнаго профессора; со времени преобразованія академіи (съ 1869 г.) преподавалъ только русскую гражданскую исторію. Въ степени магистра богословія утвержденъ 5 февраля 1857 г., въ степени доктора богословія 6 іюня 1873 г., послѣ публичной защиты диссертаціи 20 мая 1873 г.; тогда же (13 іюня 1873) избранъ въ званіе ординарнаго профессора; 3 іюля 1881 г. удостоенъ званія заслуженнаго ординарнаго профессора. Кромѣ профессорскихъ онъ несъ еще и другія обязанности въ академіи: инспектора академіи четыре года (съ 27 сентября 1874), помощника ректора по церковно-историческому отдѣленію (съ 19 мая 1878 г.) и члена академическаго правленія (съ 15 августа 1884 г.).

Первымъ научнымъ трудомъ профессора Кояловича, начатымъ имъ еще на студенческой скамьѣ, была его «Литовская церковная унія» (2 тома, 1859 и 1862 г.), сразу же создавшая ему славу знатока западно-русской исторіи. Въ наступившую вскорѣ затѣмъ польскую смуту онъ при-

нялъ дѣятельное участіе въ историческомъ разъясненіи русско-польскихъ дѣлъ и отношеній. Въ 1864 г. въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга, пожелавшихъ ознакомиться съ исторіей западной Россіи, онъ читалъ лекціи по ея исторіи, напечатанныя тогда же въ «Днѣ» (1864, №№ 14—29) и вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ; впослѣдствіи, въ 1884—1885 гг., онѣ вышли еще тремя изданіями и удостоены преміи Петра Великаго. Кромѣ этихъ лекцій имъ напечатаны въ «Днѣ» (1862 №№ 36—42) «Лекціи о западно-русскихъ православныхъ братствахъ» и нѣсколько небольшихъ историческихъ статей. Въ то же время, по порученію Археографической комиссіи (членомъ ея онъ состоялъ съ 15 іюня 1863 г.), онъ издалъ въ 1865 г. «Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ восточной Россіи и къ Польшѣ», съ переводомъ на французскій языкъ, а въ 1869 г.—«Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года», по двумъ редакціямъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Предварительно (2 мая 1862 г.) онъ съ Высочайшаго соизволенія командированъ былъ съ ученою цѣлью въ западныя губерніи. Въ 1872 г., по порученію той же Археографической комиссіи, онъ издалъ первый томъ «Русской исторической библіотеки», а въ 1874 и 1880 гг.—два выпуска Макарьевскихъ Четьихъ-Миней (за октябрь). Въ 1876 г. издалъ «Лѣтопись осады Пскова Баторіемъ». Въ послѣднее время передъ смертью занятъ былъ работами по изданію, предпринятому Археографической комиссіей, тайныхъ писемъ іезуитовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Кояловичъ вернулся къ спеціальнымъ занятіямъ западно-русскою церковною исторіей. Онъ принялся за изученіе массы уніатскихъ дѣлъ и документовъ, переданныхъ при возсоединеніи въ архивъ Св. Синода, и результатомъ этого изученія была его докторская диссертація «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ, старыхъ временъ», именно въ царствованія Екатерины II и Павла. Свои разысканія по уніатскимъ дѣламъ въ синодальномъ архивѣ онъ тогда же продолжилъ и далѣе, въ царствованія Александра I и Николая и впослѣдствіи (въ 1889 г.) воспользовался ими для полемики (въ «Журн. мин. нар. просв.», 1890, № 6) съ Бобровскимъ (авторомъ книги «Русская грекоуніатская церковь при Александрѣ I») и цѣлаго ряда историческихъ статей о дѣлахъ и людяхъ той эпохи (по преимуществу въ «Церковномъ Вѣстникѣ»).

По своимъ общеисторическимъ взглядамъ Кояловичъ ближе всего стоялъ къ славянофильсвой школѣ. Всего ярче его своеобразная личность, его собственный строй мыслей и чувствъ, отразились въ его «Исторіи русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (Спб., 1884), представляющей ничто иное, какъ курсъ его академическихъ лекцій по литературѣ русской исторіи. Безпристрастная ученая критика признала въ этой книгѣ не полную исторію русскаго самосознанія, а рядъ статей, неравномѣрно разработанныхъ, посвященныхъ вопросамъ, связаннымъ съ исторіею самосознанія, но книга эта все-таки во многихъ отношеніяхъ любопытна, особенно же—какъ живое отраженіе оригинальной личности ея автора. Публицистическая дѣятельность, которой онъ вообще много удѣлялъ времени и которою успѣлъ составить себѣ довольно широкую извѣстность, началась въ разгаръ польской смуты 1863 года рядомъ статей въ «Днѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ». Съ 1875 года, когда при петербургской духовной академіи началъ выходить еженедѣльный «Церковный Вѣстникъ», онъ открылъ въ немъ рядъ руководящихъ статей по вопросамъ западно-русской религіозно-политической жизни, не прекращавшійся до самой его смерти. Основной идеей всей его публицистической дѣятельности была мысль о необходимости тѣснѣйшаго внутренняго объединенія западныхъ окраинъ съ общерусскимъ государственнымъ центромъ, въ частности же, вовсе не будучи врагомъ Польши въ ея этнографическихъ границахъ, онъ постоянно, подчасъ рѣзко и запальчиво, старался защитить отъ польскихъ притязаній западный край Россіи. Въ этихъ видахъ онъ написалъ цѣлый рядъ статей о поднятіи въ западной Россіи православія и русской народности, между прочимъ объ необходимости открыть въ Вильнѣ духовную академію, какъ умственное средоточіе православнорусскихъ силъ сѣверо-западнаго края. Кояловичъ рѣдко выѣзжалъ изъ Петербурга въ западную Россію: послѣ упомянутой выше ученой командировки туда, онъ только въ

1886 году побывалъ въ Вильнѣ, Минскѣ, Гроднѣ и др. мѣстахъ Западнаго края, и результатомъ этой поѣздки былъ длинный рядъ его путевыхъ наблюденій, явившихся на страницахъ «Церковнаго Вѣстника» (за 1886—1887 гг.). Въ послѣдній разъ онъ ѣздилъ въ Вильну, въ качествѣ депутата отъ Петербургской духовной академіи на юбилей 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ (8 іюня 1889 г.). Къ этому юбилею, на средства Св. Синода, для безплатной раздачи народу западныхъ епархій, имъ напечатаны «Семь проповѣдей митр. Іосифа» и «Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 году». Но, проживая почти безвыѣздно въ Петербургѣ, Кояловичъ умѣлъ путемъ всякаго рода сношеній поддерживать самыя тѣсныя связи съ западной Россіей; послѣ его смерти осталось множество писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ изъ западныхъ губерній.— 6 ноября 1890 года торжественно праздновалось 35-лѣтіе его профессорской службы. Славянское благотворительное общество (членомъ котораго онъ состоялъ съ 23 мая 1868 и на торжественныхъ собраніяхъ котораго произнесъ 12 рѣчей), избрало его (25 ноября 1890 г.) въ свои почетные члены. М. О. Кояловичъ выдавался какъ лекторъ; преподавательскую дѣятельность онъ любилъ горячо и не разъ отказывался отъ предложенныхъ ему видныхъ должностей, не желая оставлять преподаванія. Умеръ онъ въ Петербургѣ и погребенъ на Александроневскомъ кладбищѣ, гдѣ его учениками и почитателями поставленъ могильный памятникъ. Преосвященный Антоній—ректоръ Академіи—(нынѣ митрополитъ с.-петербургскій) такими словами характеризовалъ М. О. Кояловича въ надгробномъ словѣ ему: «Какъ человѣкъ, М. О. Кояловичъ былъ одинъ изъ рѣдкихъ людей, какими въ особенности небогато наше время. Это былъ человѣкъ твердости непоколебимой и честности не подкупной. Это былъ человѣкъ правды, строгой законности и порядка. Это былъ истинный рыцарь, для котораго голосъ чистаго сердца и незапятнанная честь были дороже всего на свѣтѣ».

Некрологъ его въ «Церк. Вѣст.», за 1891, № 35, въ «Журн. мин. нар. просв.» за 1891 г., октябрь (Бершадскаго), въ «Славянскомъ Обозрѣніи», за 1892 г. № 1 (Жуковича) и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ», за 1891 годъ, декабрь—рѣчь проф. Пальмова «Памяти М. О. Кояловича», въ которой между прочимъ приведенъ полный списокъ научныхъ и публицистическихъ статей Кояловича. *Ж.*

Краббе, *Николай Карловичъ*, генералъ-адъютантъ, управляющій морскимъ министерствомъ, род. въ Грузіи 20 августа 1814 г., ум. 3 января 1876 года. 25 февраля 1826 г. былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ; ходилъ въ плаваніе по Невской губѣ, еще будучи кадетомъ, на галіотѣ «Церера» въ 1828 г. и въ 1829 г. на бригѣ «Пожарскій». Въ 1830 г. февраля 3 былъ произведенъ въ гардемарины; лѣтомъ плавалъ на кораблѣ «Кульмъ» подъ командой капитана 1 ранга Андрея Петровича Лазарева — брата знаменитаго М. П. Лазарева, 10 апрѣля 1832 г. былъ произведенъ въ мичмана; 10 іюля 1834 г. назначенъ на люгеръ «Ораніенбаумъ»— который былъ яхтою кн. Меншикова, по званію его начальника главнаго морского штаба. 6 декабря 1836 г. произведенъ за отличіе въ лейтенанты; 2 января 1837 г. былъ командированъ въ Архангельскъ «для показанія въ 45 флотскомъ экипажѣ порядка фронтовой службы и внутренняго устройства, соблюдаемаго въ балтійскихъ экипажахъ», а затѣмъ въ Каспійское море, «для указанія должнаго порядка на судахъ флотиліи»; отсюда былъ назначенъ состоять при ген.-лейт. Вельяминовѣ въ предстоящей экспедиціи противъ горцевъ. Въ этой экспедиціи Краббе отличился нѣсколько разъ. Исполняя обязанности адъютанта при ген. Вельяминовѣ, Краббе долженъ былъ помогать дежурному штабъ-офицеру по морской части отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ горцевъ, капитану 1 ранга Серебрякову. «Въ воздаяніе ревностной службы и отличнаго мужества, оказаннаго въ сраженіи противъ горцевъ», Краббе былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 4-й степени въ началѣ 1838 года Краббе вернулся въ С.-Петербургъ, ему было объявлено Монаршее благоволеніе. 3 октября 1838 г. Краббе былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику главнаго морского штаба Его Величества князю Меншикову, и вскорѣ былъ посланъ въ Азовское море, гдѣ снаряжалась десантная экспедиція для занятія опорныхъ пунктовъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря и участвовалъ въ высадкѣ при рѣкахъ Субаши и Шахе подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта М. П. Лазарева; лейт. Краббе состоялъ при

генералъ-маіорѣ Раевскомъ, исполняя разныя порученія во время самаго жаркаго боя, а затѣмъ за дѣйствія во время десанта при Псезуапэ, былъ 3 мая награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; еще раньше (26 марта), онъ былъ зачисленъ въ гвардейскій экипажъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ опять посланъ въ октябрѣ въ Оренбургъ къ генералъ-адъютанту Перовскому для участія въ Хивинской экспедиціи; здѣсь Краббе опять заслужилъ Высочайшее благоволеніе. Вернувшись 11 мая 1840 г. въ С.-Петербургъ изъ Хивинскаго похода, онъ былъ въ іюнѣ назначенъ на пароходъ «Богатырь» сопровождать генералъ-адмирала въ Киль. 1 янв. 1842 г. по Высочайшему повелѣнію командированъ съ контръ-адмираломъ Путятинымъ въ Персію по дѣлу о прекращеніи турецкихъ разбоевъ на персидскомъ побережьѣ. Въ теченіе 1843—1846 гг. неоднократно былъ командируемъ съ особыми порученіями начальникомъ главнаго морского штаба въ Ревель, Астрахань, Севастополь, Архангельскъ и др. мѣста. Въ мартѣ 1847 г. былъ командированъ въ Оренбургъ — состоять при командирѣ отдѣльнаго корпуса для исполненія порученій по морской части во время предстоявшаго похода на Сыръ-Дарью и на Аральское море. Краббе поручено было «собрать свѣдѣнія относительно судоходства и рыболовства на рѣкахъ, изслѣдовать фарватеръ отъ пункта, избраннаго для укрѣпленія, и до устья и, наконецъ, собрать свѣдѣнія о выгодахъ и неудобствахъ для заселенія этого пространства»; на р. Сыръ-Дарьѣ Краббе построилъ баркасы, на которыхъ потомъ и плавалъ по Сыръ-Дарьѣ отъ Раимскаго укрѣпленія (впослѣдствіи Аральскаго) внизъ по рѣкѣ и въ Аральское море, гдѣ сдѣлалъ нѣсколько изслѣдованій; въ слѣдующемъ 1848 г. въ этихъ работахъ его замѣнилъ лейтенантъ И. Бутаковъ, а Краббе, вернувшись 20 августа въ Петербургъ былъ, за отличіе по службѣ, произведенъ въ капитаны 2 ранга, 6 декабря 1849 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга, съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ начальнику главнаго морского штаба Его Величества. Въ теченіе 1850—1853 г. опять исполнялъ многократно разныя особыя порученія начальника главнаго морского штаба и былъ въ командировкахъ въ разныхъ портахъ.

Въ 1853 г. находился въ свитѣ чрезвычайнаго посланника кн. Меншикова, въ его посольствѣ къ султану, которое закончилось объявленіемъ войны; изъ Одессы Краббе отвозилъ въ Петербургъ депеши Меншикова; 28 іюня онъ вновь отправился въ Севастополь. Здѣсь онъ принялъ дѣятельное участіе въ перевозкѣ на Кавказъ моремъ отряда въ 16,000 человѣкъ; десантъ этотъ былъ произведенъ, подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала П. С. Нахимова; приказъ царскій былъ полученъ въ Севастополѣ 13 сентября, а 24 войска уже были высажены на кавказскій берегъ; 26-го Краббе былъ съ донесеніями посланъ къ Государю Императору и прибылъ въ Петербургъ 3 октября; 7-го октября Краббе былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., а 8-го вновь, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Севастополь и плавалъ на пароходѣ «Громоносецъ» въ отрядѣ вице-адмирала Корнилова въ крейсерствѣ по Черному морю. 7 ноября, въ должности начальника штаба на эскадрѣ вице-адмирала Серебрякова, участвовалъ въ бомбардированіи, занятаго передъ тѣмъ турками укрѣпленія св. Николая. По возвращеніи въ Севастополь Краббе былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го кл. за выслугу лѣтъ. 25 декабря былъ посланъ съ донесеніями къ Государю; въ апрѣлѣ 1854 г. вновь командированъ въ Севастополь и въ іюнѣ обратно въ С.-Петербургъ съ депешами къ августѣйшему управляющему морскимъ министерствомъ и тамъ-же 30 іюня былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и вице-директоромъ инспекторскаго департамента морского министерства. Предшествовавшая продолжительная служба Краббе, множество выполненныхъ имъ порученій и командировокъ, наконецъ указаніе и совѣтъ опытныхъ моряковъ, которыми онъ имѣлъ случай пользоваться, вполнѣ оправдывали это назначеніе. Но время было не такое, чтобы энергичный человѣкъ могъ сидѣть въ кабинетѣ; въ январѣ 1855 г. Краббе снова былъ въ командировкѣ по Высочайшему повелѣнію въ г. Севастополь къ главнокомандующему. 22 іюня 1855 г. Краббе былъ назначенъ директоромъ инспекторскаго департамента и управлялъ департаментомъ почти 5 лѣтъ, до 18 апрѣля 1860 года, когда Краббе, будучи уже генералъ-адъютантомъ и контръ-адмираломъ, вступилъ въ управленіе ми-

нистерствомъ; занимая этотъ постъ до конца жизни, подъ личнымъ руководствомъ августѣйшаго главнаго начальника флота, съ заботливостью и успѣхомъ шелъ по указанному ему генералъ-адмираломъ пути. За время министерства Краббе было сдѣлано множество измѣненій въ составѣ флота; принемъ произведенъ былъ переходъ къ пароходамъ, а затѣмъ къ броненосным судамъ. Производить реформы приходилось въ тяжелое время; подъ впечатлѣніемъ потери Черноморскаго флота раздались даже голоса: «нуженъ-ли намъ флотъ!»; иные предлагали упразднить морское министерство, преобразовавъ его лишь въ отдѣльный департаментъ военнаго министерства; извѣстно, какъ, благодаря усиліямъ великаго князя Константина Николаевича, нашъ флотъ не только не ослабѣлъ, а напротивъ, усилился; Краббе былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ великаго князя въ этомъ великомъ его дѣлѣ. Судостроеніе, артиллерія далеко и быстрыми шагами шли впередъ. Обуховскій сталелитейный заводъ былъ созданъ подъ личнымъ, безпрерывнымъ наблюденіемъ Краббе; работы завода не уступали лучшимъ Европейскимъ заводамъ.—Краббе имѣлъ всѣ ордена до св. Владиміра 1 степени, который онъ получилъ въ 1873 г. при милостивомъ рескриптѣ.

Письмо Н. К. Краббе по поводу статьи «Изъ воспоминаній Севастопольца»,—«Русскій Архивъ», 1868, № 4 — 5, стр. 877—878.—Общій морской списокъ Спб. 1898 X, 433—438; «Генералъ-адъютантъ Ник. Карл. Краббе» біографическій очеркъ, Спб. 1876 (изъ Мор. Сб. 1876 № 2); «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера ч. I, Спб. 1865 г.; «Биржевыя Вѣдомости» 1876, № 4, некрологъ, «Нива» 1875, № 38, стр. 594.—«Всемірная Иллюстрація» 1876, № 367; «Голосъ», 1876, № 4, некрологъ,—«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1876, № 29 и 31, статья Стренцеля; «С.-Петербургскій Листокъ», 1871, № 14; «Пчела» 1876, № 2 (съ портретомъ), Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1876 г.; «Изъ записокъ Севастопольца»—«Русскій Архивъ», 1867, № 12, стр. 1579—1637.

П. Бѣлавенецъ.

Кравковъ, *Евдокимъ Михайловичъ*, капитанъ-лейтенантъ, старовѣръ, род. въ 1744 году, ум. послѣ 1796 г. Сынъ дворянина Владимірской губерніи, учился въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ съ 1761 г., въ 1768 выпущенъ мичманомъ; участвовалъ въ архипелагской экспедиціи; въ 1771 г., по болѣзни, отправленъ въ Петербургъ и служилъ ассессоромъ въ береговой корабельной комиссіи; послѣ кратковременной службы въ эскадрѣ Грейга въ 1776 г., въ 1777 г. ходилъ въ Черное море и въ томъ же году отставленъ за болѣзнью. Явившись въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, Кравковъ ничего не могъ добиться и очень бѣдствовалъ; затѣмъ гр. Р. И. Воронцовъ опредѣлилъ Кравкова засѣдателемъ въ верхній земскій судъ, въ Владимірѣ. Вскорѣ, однако, Кравковъ который вообще велъ жизнь очень нетрезвую, оставилъ совершенно службу и какъ то попалъ въ среду раскольниковъ; нѣкоторое время онъ провелъ въ скитахъ; въ 1784 г. онъ былъ задержанъ въ Нижнемъ Новгородѣ, одѣтый въ простое крестьянское платье и съ бородою; онъ объявилъ, что онъ раскольникъ. Раскольники въ то время уже не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ; но дворянинъ, штабъ-офицеръ, раскольникъ—это было явленіе столь необычное, что нижегородскій ген.-губ. Ребиндеръ счелъ нужнымъ донести объ этомъ въ Петербургъ и по приказанію кн. Вяземскаго Кравковъ былъ доставленъ въ Тайную Канцелярію. Здѣсь его долго усовѣщивали съ той именно точки зрѣнія, что неприлично просвѣщенному человѣку слѣдовать ученію фанатиковъ и изувѣровъ, людей совершенно непросвѣщенныхъ; Кравковъ не охотно давалъ отвѣты, но стоялъ твердо на томъ, что онъ «не только духовенство, но и церковь не почитаетъ, таинствъ принимать не желаетъ»; онъ говорилъ, что его могутъ пытать и мучить, а ничего другого онъ не скажетъ и желаетъ быть отпущеннымъ за границу и тамъ жить съ раскольниками. Кравкова, конечно, не пытали и не мучили, а онъ въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ, содержимый въ Тайной Канцеляріи, не сказалъ болѣе ни слова. Не подѣйствовали увѣщанія митрополита Гавріила (въ февралѣ 1785 г.). 17 февраля 1785 г. послѣдовалъ указъ, чтобы Кравкова, какъ человѣка, который «противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ соблазнъ», заключить въ Ревельскую крѣпость.

«Евд. Мих. Кравковъ, дворянинъ-старовѣръ», статья В. И. Ламанскаго, въ 1 т. сборника: «Памятники новой русской исторіи», 36—48.

Кравченко, *Павелъ Павловичъ*, генералъ-лейтенантъ. Род. 2 марта 1829 г.; ум. 22 января 1889 г. въ Сухумѣ, дворянинъ Черниговской губерніи. По окончаніи 1-го кадетскаго корпуса въ 1847 г., а затѣмъ въ академіи генеральнаго штаба, Кравченко въ 1853 г. былъ назначенъ въ

отдѣльный кавказскій корпусъ. Участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, между прочимъ при плѣненіи Шамиля и взятіи Гуниба. Съ 1864 г. командовалъ Тифлисскимъ гренадерскимъ полкомъ, въ 1871 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи. Въ апрѣлѣ 1872 г. назначенъ начальникомъ Сухумскаго отдѣла, и много потрудился надъ умиротвореніемъ края и надъ введеніемъ въ немъ русской гражданственности и цивилизаціи. Въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Кравченко выдержалъ бомбардировку Сухума турецкимъ флотомъ и задерживалъ высадившійся десантъ, въ рядѣ дѣлъ—у Очемчири, Званбая, Дранды, села Александровскаго, Аканскихъ высотъ и Баготскаго моста на р. Кодорѣ. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ 1881 г.; умеръ командиромъ 36-й пѣхотной дивизіи.

«Русскій Инвалидъ» 1889 г., № 28. «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», Леера, т. IV, стр. 383.

Краевичъ, *Николай Александровичъ*, воспитанникъ И. В. Лопухина, род. въ 1756 г. ум. 24 іюня 1790 г. въ Москвѣ. Принадлежалъ къ числу масоновъ и пользовался большимъ уваженіемъ въ кругу розенкрейцеровъ. Онъ написалъ статью мистическаго содержанія «Откровенія», не появившуюся въ печати на русскомъ языкѣ. Она была переведена на французскій языкъ («Revelations faites au Fr. C...») и въ такомъ видѣ напечатана. Кромѣ этой статьи Краевичъ, по свидѣтельству Лопухина, ничего не писалъ.

«Надгробный памятникъ», Москва 1798; «Вѣстникъ Европы» 1872, № 1 стр. 174—214.

Краевскій, *Андрей Александровичъ*, журналистъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса», род. 5 февраля 1810 г., въ небогатой семьѣ, въ Москвѣ, ум. 8 августа 1889 г. въ Павловскѣ, похороненъ въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Дѣтство Краевскій провелъ въ домѣ извѣстнаго въ то время въ Москвѣ вельможи, московскаго оберъ-полиціймейстера въ царствованіе императрицы Екатерины II, Н. П. Архарова. Выдающіяся способности мальчика обратили на него вниманіе его покровителя и онъ принялъ въ судьбѣ Краевскаго самое близкое участіе. Въ 1825 г., пятнадцати лѣтъ, А. Краевскій былъ помѣщенъ въ Московскій университетъ на философскій (теперь историко-филологическій) факультетъ, причемъ, чтобы обойти законъ, требовавшій для поступленія въ университетъ 18-лѣтняго возраста, въ документахъ Краевскаго было прибавлено ему два года. Въ 1828 г. Краевскій окончилъ университетъ со степенью кандидата политическихъ наукъ и поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Къ этому времени относится и начало литературной дѣятельности Краевскаго: въ 1828 г. онъ дебютировалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», гдѣ за 1828 и слѣдующій годы помѣстилъ нѣсколько статей по исторіи литературы и философіи, почти всѣ безъ подписи, даже безъ иниціаловъ; здѣсь же онъ велъ библіографическій отдѣлъ.—Въ это время Краевскій хотѣлъ посвятить себя научнымъ занятіямъ, но семейныя обстоятельства его въ это время рѣзко измѣнились, онъ вынужденъ былъ оставить Москву и отправился въ 1831 г., совершеннымъ бѣднякомъ, но «съ радужными надеждами», въ Петербургъ искать себѣ средствъ къ жизни. По пріѣздѣ въ столицу, Краевскій причислился къ департаменту министерства народнаго просвѣщенія и давалъ на первыхъ порахъ, уроки исторіи и русской литературы въ частныхъ домахъ. Скоро онъ пріобрѣлъ извѣстность талантливаго педагога, вошелъ въ кругъ петербургскаго высшаго общества, и познакомился съ другомъ М. Ю. Лермонтова—княземъ В. Ф. Одоевскимъ, который ввелъ его въ тогдашніе литературные кружки Петербурга, и потомъ часто помогалъ ему въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Въ 1832 г. Краевскій получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ корпусахъ Пажескомъ и Павловскомъ кадетскомъ. Одновременно онъ состоялъ сотрудникомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ помѣщалъ компилятивныя статьи по философіи, а въ 1834 г. былъ назначенъ помощникомъ редактора этого журнала. Въ слѣдующемъ 1835 г. Краевскій началъ сотрудничество въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ обширную біографію Бориса Годунова; въ этой работѣ онъ выступилъ съ оригинальнымъ въ то время мнѣніемъ, что Годуновъ не былъ повиненъ въ убійствѣ царевича Димитрія. Біографія надѣлала много шуму, вызвала негодованіе многихъ ученыхъ, и когда потомъ во главѣ изданія «Лексикона» сталъ Сенковскій, онъ по-

мѣстилъ подъ буквою «Г» статью «Годуновъ», опровергавшую мнѣнія, высказанныя въ статьѣ «Борисъ». Въ 1836 г. біографія Бориса Годунова вышла отдѣльною брошюрою, за подписью автора. Тогда же Краевскій издалъ и другую брошюру: «Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго, съ образцовою историческою таблицей для древней исторіи» и въ томъ же году Археографическая комиссія избрала его въ свои члены и ему было поручено редактированіе IV тома «Актовъ Историческихъ». Въ это же время Краевскій помогалъ Пушкину въ редактированіи «Современника». Скопивъ нѣкоторыя средства, Краевскій въ 1836 г. ходатайствовалъ, при посредничествѣ кн. Одоевскаго, о разрѣшеніи на изданіе ежемѣсячнаго, съ широкой программою, журнала «Русскій Сборникъ»; но изданіе не было разрѣшено, такъ-какъ тогда новые органы періодической печати не разрѣшались, можно было только обновлять старые. Въ 1837 г. Краевскій, однако, сдѣлался самостоятельнымъ, хотя и не гласнымъ издателемъ и редакторомъ пріобрѣтенной имъ отъ Воейкова газеты «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». Въ 1838 г. онъ пріобрѣлъ отъ П. П. Свиньина прекратившіяся по недостатку подписчиковъ, плохія, безцвѣтныя «Отечественныя Записки»— и онѣ подъ его умѣлымъ и энергичнымъ руководительствомъ, несмотря на скудныя на первыхъ порахъ матеріальныя средства, сразу оживились и скоро пріобрѣли симпатіи общества и наконецъ заняли первое мѣсто въ ряду другихъ періодическихъ органовъ печати. Цѣлью «Отечественныхъ Записокъ» было «способствовать, сколько возможно, русскому просвѣщенію по всѣмъ его отраслямъ, передавая отечественной публикѣ все, что только могло встрѣтиться въ литературѣ и жизни замѣчательнаго, и полезнаго, и пріятнаго, все, что могло обогатить умъ знаніемъ или настроить къ воспріятію впечатлѣній изящнаго, образовать вкусъ».—«Отечественныя Записки» выступили на журнальное поприще съ программой чрезвычайно обширной, богатой и разнообразной, программой, какой до тѣхъ поръ не выставлялъ ни одинъ русскій журналъ. Краевскій понялъ, что въ обществѣ назрѣла потребность въ независимомъ органѣ печати, и онъ привлекъ, для удовлетворенія этой потребности, къ своему журналу лучшія силы того времени, предоставивъ имъ полный просторъ. Во главѣ съ Бѣлинскимъ здѣсь подвизались въ первое семилѣтіе существованія «Отечественныхъ Записокъ» Лермонтовъ, кн. Одоевскій, графъ Сологубъ, Хвощинская, Кольцовъ, Достоевскій, Писемскій, Страховъ, а также товарищи Краевскаго по университету: Герценъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Огаревъ, Катковъ, Галаховъ, Ешевскій, Соловьевъ. Участіе выдающихся талантовъ продолжалось и во все время существованія этого органа, въ болѣе чѣмъ сорокалѣтній періодъ времени. Много, однако, усилій нужно было прилагать Краевскому, чтобы постоянно держать свое изданіе на уровнѣ съ требованіями вѣка и общественными тенденціями; Краевскій сумѣлъ провести свой журналъ невредимымъ сквозь массу препятствій и затрудненій. Особенно тяжелы были для журнала 1848 и 1849 годы, но редакторъ не падалъ духомъ и не переставалъ поддерживать свое изданіе даже и тогда, когда передалъ его Дудышкину. Только съ передачею въ 1868 г. негласной редакціи Некрасову и, по смерти его, Салтыкову, Краевскій не принималъ уже никакого участія въ органѣ, которому отдалъ лучшіе годы своей жизни. Конечно, не его статьямъ «Отечественныя Записки» были обязаны своимъ успѣхомъ, но онѣ были обязаны ему своимъ существованіемъ. Въ чемъ бы ни заключались мотивы, побудившія Краевскаго основать, или, правильнѣе сказать, обновить «Отечественныя Записки», нельзя предполагать, что всѣ его побужденія были невысокаго свойства (какъ доказывали иногда его литературные враги), и чрезвычайно цѣннымъ представляется, во всякомъ случаѣ, ихъ результатъ. До разрыва съ Бѣлинскимъ «Отечественныя Записки» пользовались такимъ громаднымъ успѣхомъ и имѣли такое вліяніе, какихъ съ тѣхъ поръ не выпадало на долю ни одному журналу... Основавъ ежемѣсячный журналъ, Краевскій не покидалъ и «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду». Въ 1840 г. они были переименованы въ «Литературную Газету», въ 1843 г. редакція ея была передана Ѳ. А. Кони, но въ 1844 г. Краевскій снова взялъ ее на себя и издавалъ, съ политипажами и съ приложеніемъ «Записокъ для хозяевъ», до 1846 г., когда «Газета» была прекращена, а въ слѣдующемъ году Краевскій передалъ ее В. Р. Зотову. Этотъ органъ также твердо шелъ

среди различныхъ невзгодъ. Съ 1843 г. Краевскій состоялъ помощникомъ редактора, а въ 1847 г. былъ назначенъ редакторомъ «Русскаго Инвалида», каковую должность исполнялъ до 1852 г., когда онъ, совмѣстно съ Очкинымъ и подъ его фирмою, взялъ въ аренду «С.-Петербургскія Вѣдомости». Изъ жалкаго листка, съ трудомъ влачившаго свое существованіе, не имѣвшаго и тысячи подписчиковъ, Краевскій въ десять лѣтъ сдѣлалъ прекрасную газету, съ 12-ю тысячами подписчиковъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» положили основаніе матеріальному благосостоянію ихъ арендатора, что объясняется, впрочемъ, кромѣ умѣлой организаціи, и исключительными обстоятельствами того времени: Крымская война, подъемъ общественнаго настроенія послѣ нея, реформы новаго царствованія—все это привлекало многочисленный кругъ читателей; дѣла Краевскаго шли такъ хорошо, что онъ получалъ въ это время до 50,000 ежегоднаго дохода. Но когда окончился срокъ аренды Краевскаго, Академія съ 1862 г. закрѣпила «Вѣдомости», на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, за новымъ редакторомъ, В. Ѳ. Коршемъ, устранивъ Краевскаго. Послѣ этого Краевскій рѣшился основать свой собственный органъ. При помощи министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, онъ очень скоро выхлопоталъ разрѣшеніе на изданіе новой политической газеты, и съ 1 января 1863 г. началъ выходить «Голосъ». Новая газета должна была назваться «Голосъ Народа», но это названіе признано было слишкомъ притязательнымъ и измѣнено. Пробудившееся въ это время подъ вліяніемъ новыхъ преобразованій, вызвавшихъ новыя идеи и стремленія, общество сочувственно пошло на встрѣчу «Голосу», и онъ скоро занялъ первенствующее мѣсто въ русской періодической печати того времени. Множество разнообразныхъ вопросовъ первой важности по всѣмъ отраслямъ государственныхъ и соціально-экономическихъ знаній въ ихъ практическомъ разрѣшеніи, разработка вводившихся реформъ, облегченіе примѣненія ихъ къ жизни—такова была цѣль этого органа. «Голосъ», созданный реформой, по мѣрѣ силъ и служилъ ей. Въ сравненіи съ «Отечественными Записками» общественная роль «Голоса» была гораздо меньше, но, все-таки, вліяніе его было весьма значительно. Главное свое вниманіе «Голосъ» сосредоточивалъ на отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, на корреспонденціяхъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Въ концѣ 1862 г. редакторомъ былъ разосланъ родъ циркуляра, въ которомъ говорилось: «Я поставилъ»—говоритъ редакторъ—«одной изъ главныхъ задачъ газеты ознакомленіе читателя съ внутренней жизнью Россіи посредствомъ приведенія въ общую извѣстность того, что до сихъ поръ имѣло такъ-называемый мѣстный интересъ... Нужно знать, что думаетъ Россія о своихъ общественныхъ интересахъ, что ей нравится, что ею отвергается. Мнѣ кажется, что настала пора гласнаго проявленія своихъ нуждъ и стремленій, своего горя и радости; а гласнымъ органомъ служитъ намъ пока только журналистика». Программа была самая обширная, касавшаяся разныхъ сторонъ народной жизни. Международная политика иностранныхъ державъ и ихъ отношенія къ Россіи получили впервые въ новомъ органѣ серьезную правильную оцѣнку и европейская дипломатія стала иногда прислушиваться къ сужденіямъ «Голоса». Много препятствій пришлось преодолѣть и «Голосу» на первыхъ порахъ своего существованія; ему приходилось бороться и съ клеветой и съ завистью конкурентовъ, и съ недовѣріемъ администраціи, и съ тяжелыми матеріальными обстоятельствами. Но Краевскій вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла и не измѣнялъ избранному имъ пути. 13 февраля 1883 г., когда «Голосъ», на основаніи временнаго постановленія 6 іюня 1882 г., послѣ шестимѣсячной пріостановки, долженъ былъ поступить подъ цензурный надзоръ, Краевскій не пожелалъ издавать подцензурной газеты и «Голосъ» прекратился. Черезъ два мѣсяца послѣ этого были запрещены также и «Отечественныя Записки».—Такимъ образомъ, журнальная дѣятельность Краевскаго прекратилась. Лишенный возможности дѣйствовать въ интересахъ народнаго просвѣщенія какъ издатель, онъ сталъ работать на пользу народнаго образованія и городского самоуправленія. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ, при старой общей думѣ, Краевскій принялъ участіе въ городскомъ общественномъ управленіи Петербурга; послѣ же введенія въ дѣйствіе городового положенія 1870 года Краевскій былъ избранъ гласнымъ Петербургской думы и состоялъ въ этомъ званіи до самой смерти. Въ 1874 г. онъ побудилъ думу ходатайствовать о предо-

ставленіи ей права открывать начальныя городскія школы. Когда это ходатайство было удовлетворено, Краевскій сталъ работать для развитія начальнаго образованія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ началѣ его дѣятельности всѣхъ училищъ въ Петербургѣ было только 16, съ 300 учениковъ; въ 1878 г., вступая, послѣ смерти Ѳ. Ѳ. Эвальда, въ должность предсѣдателя, состоящей при Петербургской думѣ, училищной комиссіи, онъ принялъ въ свое вѣдѣніе 51 училище, а подъ конецъ его дѣятельности ихъ было 250, съ 12,000 учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ. По иниціативѣ Краевскаго учреждено было общество для пособія недостаточнымъ ученикамъ и ученицамъ начальныхъ городскихъ училищъ. Кромѣ этого, Краевскій былъ однимъ изъ основателей общества пособія сценическимъ дѣятелямъ; былъ членомъ Литературнаго фонда, Общества поощренія художествъ, губернскимъ гласнымъ въ Петербургскомъ земскомъ собраніи, членомъ-наблюдателемъ въ комитетѣ кредитнаго общества взаимнаго страхованія; членомъ Вольнаго экономическаго, Императорскаго Географическаго и Славянскаго благотворительнаго обществъ, членомъ многихъ благотворительныхъ учрежденій и разныхъ комиссій.—Такова была дѣятельность Краевскаго. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся журналистовъ своего времени. Какъ предсѣдатель училищной комиссіи, Краевскій сдѣлалъ весьма много для народнаго образованія.—Умирая, Краевскій довольно крупную сумму назначилъ на пользу просвѣщенія: онъ оставилъ университетамъ — Московскому и Петербургскому по 10,000 р, на стипендіи; Литературному фонду, обществу пособія ученикамъ городскихъ начальныхъ школъ и обществу пособія сценическимъ дѣятелямъ назначилъ также по 10,000 р.; Обществу поощренія художествъ—6,000 руб., и т. д. Богатую свою библіотеку Краевскій завѣщалъ городскимъ училищамъ, а всѣ рукописи и свою корреспонденцію, имѣющую большой литературный интересъ — Публичной Библіотекѣ (часть ихъ издана И. А. Бычковымъ—«Бумаги А. А. Краевскаго, Спб., 1893 г.»).—Краевскій вообще былъ умный и энергичный человѣкъ; но ему были чужды, или, по крайней мѣрѣ, занимали въ его жизни второстепенное мѣсто, тѣ идеалистическія стремленія, а не практическія соображенія, которыя волновали лучшихъ людей въ «сороковые» и «шестидесятые» годы. Краевскій весьма часто выступалъ какъ руководитель и организаторъ. Почти не было ни одного русскаго выдающагося писателя, который бы не работалъ подъ его руководствомъ. Уже въ годъ смерти Пушкина Краевскій занималъ довольно видное мѣсто въ нашей литературной средѣ; онъ былъ однимъ изъ лицъ, разбиравшихъ бумаги послѣ смерти Пушкина, и вмѣстѣ съ Плетневымъ принялъ на себя издательскія обязанности послѣ великаго поэта по «Современнику». Краевскій былъ настоящимъ устроителемъ тѣхъ органовъ, которые издавалъ. Онъ былъ отличный практикъ, угадывалъ вкусы и требованія публики, и успѣшно пользовался ими; онъ готовъ былъ и на компромиссы. Во время реакціи послѣ европейскихъ событій 1848 г. Краевскій написалъ статью. «Россія и Западная Европа», въ которой проводилъ мысли Погодина, которыя онъ не задолго передъ этимъ порицалъ. Такая непослѣдовательность возмутила и самого Погодина. Лавируя между требованіями общества и внѣшними давленіями, онъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ воздерживался отъ крайностей и былъ почти постоянно представителемъ умѣреннаго либерализма. Въ своихъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ Краевскій былъ человѣкомъ холоднымъ, даже суровымъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на работниковъ и требовалъ отъ нихъ подчасъ крайняго напряженія силъ. Особенно тяжело было положеніе Бѣлинскаго. Много, конечно, у Краевскаго было и завистниковъ, недоброжелателей, которые осыпали его часто и незаслуженными упреками и обвиненіями.

В. Зотовъ. «А. А. Краевскій, Несторъ русской журналистики». «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., т. XXXVIII, ноябрь, стр. 356—374; «Вѣстникъ Европы»; «Русская Мысль»; «Истор. Вѣстникъ», 1889 г., августъ—сентябрь; «Новости», 1889 г., № 217; «Новое Время», № 4829 и 4832; «Спб. Вѣдомости», 1889 г., № 217; «Московскія Вѣдомости», 1889 г., № 222; «Всемірная Иллюстрація», 1889 г., № 1074 (8); «Новь», 1889 г., № 20; «Нива», 1889 г., № 34; «Русскій Архивъ», 1889 г., ч. II, стр. 368; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ. Т. 2, Спб., 1869 г., «Словарь современныхъ дѣятелей Россіи»; Календарь на 1874 г. А. Гатцука; «Литературныя воспоминанія И. И. Панаева, отъ 1830—1839 г.», Спб. 1876 г., ч. I, «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», 1867—1888. Спб., 1888 г.; «Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой», Спб. 1890 г.; А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», Спб. 1876 г.; «Записки К. А. Полевого», Спб. 1888 г.; Н. И. Гречъ, «Записки о моей жизни», Спб. 1886 г.

С. Шевыревъ, «Исторія Императ. Московскаго университета», М. 1855 г.; А. В. Никитенко, «Записки и дневникъ», 1826—1877. Спб. 1893 г.; В. И. Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, М. 1895 г., т. IV, М. 1898 г.; С. Весинъ, «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», Спб. 1881 г., стр. 257, 258, 345, 346; «Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ». Спб. 1878 г.; «Бумаги А. А. Краевскаго. Опись... И. А. Бычкова», Спб. 1893 г. См. кромѣ того: «С.-Петерб. Вѣдом.», 1867, № 47; 1869, №№ 187, 188; 1870, № 98; 1872, №№ 78, 81, 91, 170; «Бирж. Вѣд.», 1868, № 346; 1871, № 352; 1872, №№ 81, 258, 301; «Петерб. Лист.», 1869, №№ 104, 123; 1871, №№ 75, 131; «Голосъ», 1869, №№ 204, 242; 1870, № 34; «Иллюстр. Газ.». 1872, № 23; «Вѣсть», 1868, № 144; 1869, №№ 39, 230; «Русскій Міръ», 1873, № 57; «Гражданинъ», 1873, № 2; «Русскій Архивъ», 1873, № 6, 867—1017; «Всемір. Иллюстр.», 1869, № 31; «Судеб. Вѣстн.», 1869, № 179; «Дѣло», 1869, № 7, 82—93; «Современникъ», 1869, № 6, 293 — 304; «Недѣля», 1868, №№ 1, 2; «Домашн. Бесѣда», 1875, № 13. *Ив. Дав.*

Краевскій, *Евгеній Андреевичъ*, сынъ извѣстнаго публициста, род. въ 1840 г., ум. 16 марта 1883 г. въ Каирѣ. Окончивъ въ 1861 г. курсъ въ петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету со степенью кандидата, сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ издававшейся его отцомъ газеты «Голосъ»; въ первые годы онъ печаталъ въ «Голосѣ» свои статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ, преимущественно-же составляя обозрѣнія петербургской и иностранной общественной жизни; послѣднія пятнадцать лѣтъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ газеты.

Д. Языковъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. III, стр. 48.

Крамаревъ, *Григорій Никифоровичъ*, протоіерей, уроженецъ Харьковской губерніи, Ахтырскаго уѣзда, сынъ священника, род. въ 1817 г., ум. въ 1868 г. Учился въ ахтырскомъ училищѣ, въ Харьковскомъ коллегіумѣ и въ Кіевской Академіи, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1841 г. со степенью магистра; 27 августа того же года опредѣленъ профессоромъ волынской семинаріи, откуда въ 1844 г перемѣщенъ въ Кіевскую Академію баккалавромъ всеобщей церковной исторіи. 6 ноября 1849 г. рукоположенъ во священника къ церкви кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ, а въ 1851 г. опредѣленъ законоучителемъ въ томъ же институтѣ. 7 сентября 1853 г. произведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора академіи. Въ 1854 г. уволенъ по прошенію отъ службы при институтѣ и назначенъ къ университетской церкви св. Владиміра и 27 ноября того же года произведенъ въ протоіереи. Въ 1856 г. 1 апрѣля опредѣленъ къ Кіево-софійскому каѳедральному собору ключаремъ; 5 августа 1863 г. сдѣланъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Состоялъ членомъ кіевской консисторіи, комитетовъ по возобновленію Кіево-андреевской церкви и постройкѣ Владимірскаго собора въ Кіевѣ, губернскаго статистическаго комитета, благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей, цензоромъ проповѣдей кіевскаго градского духовенства, членомъ кіевскаго губернскаго присутствія по улучшенію быта православнаго духовенства и предсѣдателемъ святовладимірскаго братства. Извѣстенъ какъ проповѣдникъ; много поученій его помѣщено на страницахъ «Руководство для сельскихъ пастырей» и «Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей».

«Кіевскія епархіальныя вѣдомости» за 1868 г. № 15. «Руководство для сельскихъ пастырей» за 1868 г. № 33.

Крамеръ, *Адольфъ Бернгардъ*, адъюнктъ Академіи Наукъ по каѳедрѣ исторіи ум. въ ноябрѣ 1734 г. Въ 1725 г. Мартини, отправляясь въ Петербургъ въ академію, взялъ съ собою изъ одной любекской школы Крамера, который въ Петербургѣ и былъ записанъ сначала въ студенты академіи, съ жалованьемъ въ 200 р. въ годъ, а 17 октября 1732 г. сдѣланъ адъюнктомъ. Онъ помѣстилъ много дѣльныхъ статей въ «Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ», въ отсутствіи же Миллера почти одинъ ихъ наполнялъ, издалъ 3 послѣдніе выпуска его Sammlung Russischer Geschichte. Крамеръ умеръ очень молодымъ; послѣ него осталось нѣсколько рукописей, указывающихъ, что онъ занимался русскою исторіею.

Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», I, 491—493.

Крамеръ, *Анна Ивановна*, гофмейстерина, род. въ 1694 г., ум. въ 1770 г. Дочь нарвскаго купца; въ 1704 г., по взятіи Нарвы, вмѣстѣ съ прочими плѣнными, отправлена была въ Вологду, оттуда въ Казань; въ Казани была нѣкоторое время въ услуженіи у ген. Апраксина, затѣмъ у Балка и у фрейлины Гамильтонъ. Послѣ казни Гамильтонъ Крамеръ была взята камеръ-юнгферою ко двору императрицы Екатерины и заслужила большое расположенія императорской четы; въ 1716 г. сопровождала ее въ заграничномъ путешествіи. По личному порученію Петра Крамеръ приготовляла къ погребенію тѣло

несчастнаго царевича Алексѣя. Затѣмъ Крамеръ была гофъ-фрейлиной и гофмейстериной царевны Наталіи Алексѣевны; послѣ ея кончины поселилась въ Нарвѣ; пользовалась вниманіемъ и милостями Анны Іоанновны, которая пожаловала ей исключительное право на рубку лѣса по Наровѣ и на продажу его заграницу, въ количествѣ до 27.000 деревъ ежегодно.

Петровъ В. П., «Городъ Нарва», 364—367.

Кранихфельдъ, *Александръ Ивановичъ*, профессоръ Петербургскаго университета, род. въ 1811 г., ум. послѣ 1863 г. Образованіе получилъ въ с.-петербургской третьей гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1830 г. и былъ причисленъ ко II-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи для приготовленія къ профессурѣ; въ 1831 г. отправленъ съ тою же цѣлью въ Берлинъ; вернулся оттуда лѣтомъ 1834 г. защитилъ тезисы и получилъ степень доктора правъ и въ декабрѣ 1835 г. опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1838 г. ординарнымъ по каѳедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ; вскорѣ былъ приглашенъ профессоромъ въ Училище Правовѣдѣнія; съ 1841 г. былъ въ училищѣ инспекторомъ; съ 1842 г. по 1861 г. читалъ гражданское право. Онъ напечаталъ: въ 1843 г. «Начертаніе россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи», въ 1845 и 1857 гг. актовыя рѣчи: «Взглядъ на финансовую систему и финансовыя реформы Петра Великаго» и «О государственныхъ налогахъ взимаемыхъ по доходу». Въ 1861 г., по выслугѣ 25-ти-лѣтняго срока, вышелъ въ отставку; въ первые годы по введеніи мировыхъ судей былъ мировымъ судьей въ С.-Петербургѣ.

Григорьевъ, «Импер. С.-Петерб. университетъ», 163—164.

Крамской, *Иванъ Николаевичъ*, художникъ, род. 27 мая 1837 г., ум. 25 марта 1887 г. «Я родился,—писалъ И. Н. Крамской въ своей автобіографіи,—въ уѣздномъ городкѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписаннымъ къ мѣстному мѣщанству. 12 лѣтъ я лишился отца своего, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ, дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель и, кажется, былъ тоже какимъ то писаремъ на Украйнѣ. Дальше генеалогія моя не поднимается. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмѣтками «5» по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ то свидѣтельствуетъ и атестатъ мой; мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же атестатъ, съ тѣми же отмѣтками, только съ перемѣною года. Не имѣя средствъ перевести меня въ воронежскую гимназію, куда мнѣ очень хотѣлось, меня оставили въ родномъ городѣ, и я сталъ упражняться въ каллиграфіи въ той же городской думѣ, гдѣ мѣсто моего отца занималъ тогда старшій братъ (старше меня лѣтъ на 15). Потомъ служилъ нѣсколько времени у посредника по полюбовному межеванію. Какъ рано появилось у меня влеченіе къ живописи—не знаю. Помню только, что 7-ми лѣтъ я лѣпилъ изъ глины казаковъ, а потомъ по выходѣ изъ училища рисовалъ все, что мнѣ попадалось, но въ училищѣ не отличался по этой части, скучно было». Въ письмѣ къ А. С. Суворину Крамскій вспоминаетъ о рисованіи въ школѣ: «Во второмъ классѣ намъ наложили много оригиналовъ на выборъ, и я, помню, выбралъ литографію св. Семейства; фигуры были съ ногами. Я началъ, да такъ и не кончилъ и помню, что учитель обозвалъ за это меня лѣнтяемъ, зарывающимъ талантъ свой въ землю; что это значило—для меня тогда было загадкой неразрѣшимой, но я былъ радъ, что учитель не настаивалъ на рисованіи». Не любя рисовать въ классѣ, онъ много рисовалъ дома и по выходѣ изъ училища желаніе Крамского учиться рисовать было такъ велико, что онъ неотвязчиво приставалъ къ роднымъ, прося отдать его въ ученіе къ какому нибудь живописцу; но никто и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Только спустя два года Крамскому удалось настоять на своемъ и онъ былъ отданъ въ науку къ какому то воронежскому иконописцу. Съ радостью отправился Крамской къ этому иконописцу, но каково было огорченіе его, когда онъ увидѣлъ, что къ работѣ его и близко не подпускаютъ, не даютъ ему ни кистей, ни карандаша, а

заставлялъ лишь растирать краски, бѣгать по посылкамъ, носить воду изъ рѣки или мыть бочки да корыта! Понятно, онъ недолго пробылъ у такого учителя и при первой возможности возвратился обратно, во Острогожскъ. Здѣсь онъ познакомился съ однимъ страстнымъ любителемъ живописи, впослѣдствіи виднымъ дѣятелемъ на поприщѣ фотографіи, М. Б. Тулиновымъ, цѣлые дни проводилъ за рисованіемъ, пользуясь совѣтами и рисовальными принадлежностями своего новаго знакомца, который его ими охотно снабжалъ.

Между тѣмъ Острогожскъ оживился: началась севастопольская кампанія, Острогожскъ былъ на пути военныхъ корпусовъ, и различные полки то приходили, то уходили. Среди пришлаго люда былъ харьковскій фотографъ Я. П. Данилевскій. Передъ походомъ офицеры спѣшили заказывать свои портреты, и у Данилевскаго работы было такъ много, что ему пришлось обратиться за нѣкоторыми фотографическими принадлежностями къ Тулинову; они познакомились и, когда у Данилевскаго ушелъ ретушеръ, онъ опять обратился къ Тулинову и предложилъ ему занять мѣсто ретушера. Тулиновъ на отрѣзъ отказался, но вспомнивъ о своемъ пріятелѣ Крамскомъ, обѣщалъ Данилевскому отыскать ретушера. Крамской страшно обрадовался предложенію Тулинова, подъ его руководствомъ быстро постигъ науку ретуши и согласился на условія, которыя представилъ ему Данилевскій. Мать Крамского долго не соглашалась, чтобъ ея сынъ поступалъ «къ жиду» (Данилевскій былъ крещеный еврей), да еще уѣзжалъ съ нимъ Богъ вѣсть куда. Лишь послѣ долгихъ усилій удалось убѣдить старушку не противиться поступленію сына на три года въ ученье къ фотографу. «Это была суровая школа», говоритъ Крамской про жизнь у Данилевскаго и прибавляетъ: «фотографъ былъ еврей!» Работая усиленно у своего хозяина, Крамской въ то же время много и усидчиво читалъ; онъ съ ранняго юношества пристрастился къ чтенію, и поглощалъ все печатное, попадавшееся ему; онъ подолгу обдумывалъ прочитанное, стараясь уяснить себѣ непонятое; съ глубокимъ интересомъ и вниманіемъ слушалъ онъ отъ своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ о художникахъ, искусствѣ, объ академіи. Онъ всею душою рвался въ Петербургъ въ высшее училище; Крамской считалъ академію какимъ то храмомъ, «полагая найти тамъ тѣхъ же вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ начитался, поучающихъ огненными рѣчами благоговѣйно внемлющихъ имъ юношей», какъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ. Прослуживъ у Данилевскаго условленные три года, онъ тотчасъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію, благо тогда (1857 г.) никакихъ словесныхъ экзаменовъ для поступленія не требовалось. Какъ не разъ разсказывалъ И. Н. Крамской, въ виду того, что фотографическіе павильоны въ большинствѣ случаевъ были очень плохи, портреты выходили крайне слабыми и лишь благодаря ретушеру они начинали походить на оригиналы. Крамскому приходилось для большей удачи работы запоминать лица закащиковъ и этому, по его словамъ, онъ много обязанъ тому, что привыкъ такъ удивительно схватывать особенности лицъ и переносить ихъ на полотно или бумагу. Получая у Данилевскаго 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, И. Н. Крамской, пріѣхавъ въ Петербургъ, скоро остался безъ гроша, а такъ какъ онъ «никогда и ни отъ кого, ни отъ брата, ни отъ матери, и ни отъ кого изъ благодѣтелей не получалъ ни копѣйки», то поступилъ ретушеромъ къ фотографу Александровскому. Отъ Александровскаго Крамской перешелъ къ Деньеру и, благодаря его ретушерскому таланту (Крамского прозвали «богомъ ретуши»), эта фотографія сдѣлалась первой въ столицѣ. Трудъ ретушера у Деньера оплачивался сравнительно хорошо, и матеріальное положеніе Крамского улучшилось настолько, что онъ имѣлъ возможность переѣхать на небольшую квартиру въ три комнаты гдѣ то на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь у Крамского почти что каждый день собирались его товарищи по Академіи и, работая, вели нескончаемые споры объ искусствѣ и душой этихъ вечеровъ былъ всегда самъ хозяинъ. Эта группа учениковъ играла значительную роль во все пребываніе Крамского въ Академіи. Какъ Крамскому, такъ и его друзьямъ скоро пришлось горько разочароваться въ академическихъ профессорахъ: вмѣсто ожидаемыхъ дѣльныхъ совѣтовъ, указаній и объясненій, они слышали лишь сплошь ничего не говорящія замѣчанія— «вотъ это длинно, а это коротко, это хорошо, а это скверно», но почему такъ выхо-

дило — добиться не было возможности, и «только товарищество, говоритъ Крамской, двигало массу впередъ, давало хоть какія нибудь знанія, вырабатывало хоть какіе нибудь пріемы и помогало справляться со своими задачами...».

Глубокое впечатлѣніе на Крамскаго произвела, появившаяся въ 1858 г. картина Иванова: «Явленіе Христа народу». «Это не картина—а слово», говорилъ Крамской. Въ статьѣ «Взглядъ на историческую живопись» Крамской такъ отзывается о картинѣ Иванова: «Твоя картина будетъ школой, въ которой окрѣпнутъ иные дѣятели, и она же укажетъ многимъ изъ молодого поколѣнія ихъ назначеніе. Часъ старой исторической живописи пробилъ, и предъ твоею картиною не одинъ изъ юныхъ художниковъ искренно помолится и искренно заплачетъ въ глубинѣ духа объ утратѣ вѣры въ людей, и не у одного изъ нихъ вылетитъ ужасающій вопль о пустотѣ и безплодности человѣческаго сердца и не одинъ изъ нихъ почувствуетъ исполинскую силу для представленія всего безобразія и пустынности человѣческаго рода и всего того, къ чему пришло человѣчество со своимъ эгоизмомъ, безвѣріемъ и знаніемъ. Да, твоя картина—для художниковъ!» Такъ писалъ двадцатилѣтній самоучка! Крамского сильно интересовалъ Ивановъ «его положеніе, судьба...» и какъ громъ поразила его безвременная смерть великаго художника. По глубинѣ, по силѣ своего художественнаго таланта Крамской имѣлъ много общаго съ Ивановымъ, но еще болѣе приближаетъ его къ этому художнику такое же исканіе истины, такое же глубокое и вдумчивое отношеніе къ искусству, къ живописи, къ художникамъ, какъ у Иванова... Крамской пишетъ про себя Рѣпину—«Всякій сюжетъ, всякая мысль, всякая картина разлагалась безъ остатка отъ безпощаднаго анализа».

Между тѣмъ занятія Крамского въ Академіи шли очень успѣшно. Въ 1860 г. появилась его первая картина, первый опытъ собственнаго сочиненія: «Смертельно раненый Ленскій» по поэмѣ Пушкина; за эту работу онъ получилъ вторую серебряную медаль. Годъ спустя, на академической выставкѣ кромѣ картины Крамскаго «Молитва Моисея по переходѣ израилитянъ черезъ Чермное море», появилось еще семь портретовъ его работы. Въ 1862 г. изъ его мастерской вышла неоконченная программная работа на 2-ю золотую медаль «Походъ Олега на Царьградъ», двѣ большія копіи: съ картины Я. Капкова «Силоамская купель» для академической церкви и съ картины П. Петровскаго «Ангелъ приноситъ пастухамъ вѣсть о Рождествѣ Христовомъ», а также рядъ портретовъ.

Въ 1862 же году Крамской поступилъ преподавателемъ въ рисовальную школу Императорскаго общества поощренія художествъ, находившуюся тогда въ завѣдываніи М. П. Дьяконова. Живо и горячо отнесся Крамской къ новому для него дѣлу. Его преподаваніе въ школѣ—яркій контрастъ той системы, что Крамской встрѣтилъ въ Академіи Художествъ. Въ школѣ онъ «нашелъ—какъ вспоминаетъ одна изъ его ученицъ, Е. П. Михальцева,—учениць горячо желавшихъ учиться, но неимѣвшихъ должной подготовки; мы дѣлали большія композиціи, не зная анатоміи, даже не умѣя правильно и вѣрно нарисовать глазъ или носъ». Крамской тотчасъ указалъ учащимся на ихъ недостатки и многія, убѣдившись въ правотѣ его словъ и мнившія наканунѣ чуть не выступать на выставкахъ, мужественно снова перешли рисовать части тѣла съ гипсовыхъ моделей». Видя полное незнаніе анатоміи, Крамской принялся за чтеніе краткаго курса этой науки. Онъ настолько близко принималъ къ сердцу успѣхи своихъ ученицъ, что никогда не отказывалъ посмотрѣть ихъ работы на дому, содѣйствуя успѣху работъ своими дѣльными совѣтами. Чтобы объединить и преподавателей и ученицъ, онъ организовалъ рисовальные вечера, гдѣ ученицы могли работать, имѣя вокругъ себя такихъ художниковъ, какъ Кёлеръ, Корзухинъ, М. П. Клодтъ, Бенземанъ, самъ Крамской и др. Словомъ, Крамской своимъ отношеніемъ оживилъ школу и принесъ ей большую пользу. И изъ тогдашнихъ его учениковъ и ученицъ вышло немало молодыхъ дѣвушекъ и людей, посвятившихъ себя искусству, и оправдавшихъ тѣ надежды, что возлагалъ на нихъ Крамской. Е. М. Бёмъ, И. Е. Рѣпинъ, Н. А. Ярошенко съ признательностью вспоминаютъ и вспоминали то время, когда работали подъ руководствомъ Крамского, и считаютъ, что своими успѣхами они во многомъ обязаны ему. Въ 1863 г. Крамской окончилъ программную работу на 2-ю золотую медаль «Моисей источаетъ воду изъ камня» и удостоился

искомой награды, причемъ ему была зачтена и прошлогодняя работа. Кромѣ того, въ томъ же году онъ исполнилъ нѣсколько портретовъ и 45 рисунковъ, 8 картоновъ съ изображеніемъ Бога-Саваоѳа со Св. Духомъ, двухъ рукъ, Христа и 4 апостоловъ для купола храма Христа въ Москвѣ, отчасти по эскизу А. Маркова. Оставалось еще исполнить программу на полученіе 1-й золотой медали, дающей такой широкій путь для развитія таланта и денежное обезпеченіе на поѣздку казеннымъ пенсіонеромъ за-границу.

Но тутъ произошло событіе, рѣзко отразившееся на всей остальной жизни художника. Дѣло въ томъ, что въ 1863 г. совѣтъ Академіи постановилъ новыя правила для искателей 1-й золотой медали, настолько тяжелыя для конкурентовъ, настолько ихъ стѣсняющія въ свободной работѣ, что они подали прошенія объ отмѣнѣ ихъ или хотя бы о точномъ истолкованіи. Отвѣта не послѣдовало ни на первое прошеніе, ни на второе. Тогда конкурренты выбрали депутацію лично поговорить съ членами академическаго совѣта; въ числѣ депутатовъ былъ и Крамской. Исключая лишь одного, всѣ члены совѣта приняли депутацію очень холодно, выражая депутатамъ свое полное несочувствіе и порицаніе ихъ затѣи и только Ѳ. Бруни вселилъ въ нихъ нѣкоторую надежду на счастливый исходъ дѣла... Но этой слабой надеждѣ не суждено было осуществиться, и совѣтъ всѣмъ 14 конкурентамъ продиктовалъ одну программу—«Пиръ въ Валгаллѣ». Тутъ всѣ попросили освободить ихъ отъ участія въ конкурсѣ и лишь выдать дипломы на званія художниковъ, и вышли навсегда изъ стѣнъ Академіи.

Это событіе, по словамъ Крамского, заставило его проснуться, потому что жизнь ученика не давала возможности правильно развиваться. «И вдругъ, толчокъ... проснулся... 63 годъ, 9 ноября, когда 14 человѣкъ отказались отъ программы. Единственный хорошій день въ моей жизни, честно и хорошо прожитый. Это единственный день, о которомъ я вспоминаю съ чистою и искренней радостью» пишетъ Крамской въ письмѣ къ Рѣпину въ январѣ 1874 г. По выходѣ изъ Академіи всѣ бывшіе конкуренты рѣшили не расходиться, а соединиться вмѣстѣ и работать, составить изъ себя художественную артель. Душой этого предпріятія сталъ Крамской. Онъ много потрудился надъ осуществленіемъ этой идеи и ближе всѣхъ другихъ членовъ артели принималъ къ сердцу всѣ ея дѣла—искренно радовался ея успѣхамъ, болѣлъ сердцемъ при неудачахъ, или когда замѣчалъ, что среди членовъ вспыхивала искра раздора. Онъ строго и зорко слѣдилъ, чтобы члены артели исправно вносили условленный процентъ съ выполненныхъ работъ и не задумываясь внесъ въ 1869 году 3.000 р. процента съ полученнаго гонорара за расписываніе купола храма Христа въ Москвѣ, совмѣстно съ Венигомъ и Н. Кошелевымъ. Артель отказывалась принять этотъ процентъ, но онъ настоялъ на своемъ. Тѣмъ не менѣе артель вскорѣ распалась; спустя нѣсколько лѣтъ стало замѣтно, что нравственная связь, объединявшая членовъ артели, начинаетъ ослабѣвать; одинъ членъ артели сталъ хлопотать о томъ, чтобы его послала за-границу Академія Художествъ на казенный счетъ.... Крамской возмущался этимъ, а еще болѣе тѣмъ, что остальные члены артели не видѣли въ поступкѣ отщепенца артели ничего особеннаго предосудительнаго. Окончилась эта исторія уходомъ Крамского изъ числа членовъ артели. И художественная артель, распавшись въ корнѣ, скоро совсѣмъ прекратила свое существованіе.

Но эту художественную артель замѣнило нѣчто болѣе крупное—возникло «товарищество передвижныхъ выставокъ». И все, что было лучшаго въ художественной артели, во главѣ съ Крамскимъ, перешло въ ряды членовъ новаго товарищества, мысль о возникновеніи котораго заронилъ еще въ 1868 г. членъ артели художникъ Г. Г. Мясоѣдовъ — осуществиться ей пришлось лишь два года спустя.

Все это время Крамской неустанно работалъ; онъ начинаетъ достигать извѣстности своими великолѣпными портретами, напримѣръ И. И. Шишкина (1869 г.), кн. Е. А. Васильчиковой (1867 г.), гр. Д. А. Толстого (1869 г.)—за послѣдніе портреты онъ получилъ званіе академика, кн. Васильчикова (1867 г.) и нѣкот. др. Въ 1869 г. онъ впервые ненадолго поѣхалъ за-границу. Въ Дрезденѣ его сильно поразила «Сикстинская Мадонна». Въ письмѣ къ его женѣ отъ 19 ноября 1869 г. читаемъ: «Никакая книга, ни описаніе, ни что другое не можетъ разсказать такъ цѣльно человѣческой физіономіи, какъ ея

изображеніе». «Мадонна Рафаэля, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дѣйствительно произведеніе великое и дѣйствительно вѣчное, даже и тогда, когда человѣчество перестанетъ вѣрить, когда научныя изысканія (насколько это наука сдѣлать въ силахъ) откроютъ дѣйствительныя историческія черты обоихъ этихъ лицъ».

Наиболѣе блестящимъ періодомъ дѣятельности Крамского были семидесятые годы. Въ теченіе ихъ онъ далъ рядъ великолѣпныхъ портретовъ: великихъ князей Павла и Сергія Александровичей (1870 г.), Ѳ. Васильева, М. Антокольскаго, Т. Г. Шевченки (1871 г.), И. И. Шишкина, гр. П. Валуева (1873 г.), Гончарова, Н. Ярошенко (1874 г.), Я. Полонскаго (1875 г.), Д. В. Григоровича, Мельникова, наслѣдника цесаревича Александра Александровича (1876 г.), Некрасова, С. Т. Аксакова, А. Д. Литовченко, Лавровской на эстрадѣ, Ю. Ѳ. Самарина (1877—1878 гг.), М. Е. Салтыкова-Щедрина, С. П. Боткина, И. И. Шишкина, великаго князя Сергія Александровича, императрицы Маріи Александровны и много другихъ; эти работы упрочили за нимъ навсегда славу выдающагося художника портретной живописи. Самымъ яркимъ и самымъ поразительнымъ портретомъ по экспрессіи, по техникѣ и по колориту является портретъ А. Д. Литовченки: «лицо Литовченко живетъ, глаза блещутъ, — по отзыву В. В. Стасова—въ портретѣ Литовченки чувствуется вдохновеніе, могучій порывъ, созданіе однимъ махомъ, неудержимое увлеченіе». Иначе и нельзя сказать объ этомъ удивительнѣйшемъ произведеніи Крамского. Кромѣ того изъ общей группы его блестящихъ портретовъ выдѣляются портретъ писателя Д. В. Григоровича, портретъ Е. Лавровской оригинально представленной на эстрадѣ, А. С. Суворина, И. И. Шишкина и Владиміра Соловьева. Кромѣ портретовъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ появилось нѣсколько картинъ—«Майская ночь», «Охотникъ на тягѣ», «Пастѣчникъ», «Христосъ въ пустынѣ», «Лунная ночь» и полукартина, полупортретъ,—«Созерцатель» и великолѣпнѣйшіе этюды—«Лѣсникъ», «Оскорбленный еврейскій мальчикъ» (удивительнѣйшее произведеніе по силѣ экспрессіи), «Мельникъ»; такихъ картинъ и этюдовъ было немного, подавляющее число составляло портреты. Крамской говоритъ въ своей автобіографіи — «потомъ (съ 1870 годовъ) пошли портреты, портреты и портреты, и карандашемъ, и красками, и чѣмъ попало».

Уже было отмѣчено, какое глубокое впечатлѣніе произвела на Крамского картина Иванова — «Явленіе Мессіи», и его никогда не покидала мысль создать «своего» Христа, и когда въ 1872 году появилась картина Крамского — «Христосъ въ пустынѣ», то публика встрѣтила эту картину восторженно, критики сочувственно. Въ письмѣ къ А. Д. Чиркину, отъ 27 декабря 1873 г., Крамской писалъ: «когда мнѣ пришла въ первый разъ идея написать Его, я отправился, проработавши уже годъ, за-границу въ 1869 г., чтобы видѣть все, что сдѣлано въ этомъ родѣ и чтобы раздвинуть рамки сюжета, обогатившись знакомствомъ съ галлереями». «Я видѣлъ, пишетъ онъ дальше, эту странную фигуру слѣдилъ за нею, видѣлъ какъ живую и, однажды, я вдругъ почти наткнулся на нее: она именно тамъ и сидѣла, сложивши руки, опустивши голову. Онъ меня не замѣтилъ, и я тихонько на цыпочкахъ удалился, чтобы не мѣшать, и затѣмъ уже я не могъ забыть ее...». Такъ онъ создалъ своего Христа—тихаго, спокойнаго, задумчиваго, величаваго!

Въ теченіе семидесятыхъ годовъ написаны были лучшія и интереснѣйшія письма Крамского, — переписка его впослѣдствіи была издана и составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ книгъ въ русской художественной литературѣ. Особенно въ письмахъ къ И. Е. Рѣпину и къ молодому безвременно погибшему художнику-пейзажисту Ѳ. А. Васильеву ярко отпечатлѣлся глубокій и пытливый умъ Крамского. Письма эти—рядъ великолѣпныхъ статей объ искусствѣ, удивительныхъ характеристикъ современныхъ художниковъ и ихъ произведеній; эти письма—живыя и блестящія страницы исторіи русскаго искусства... Въ апрѣлѣ 1876 г. Крамской вторично отправился за-границу и проѣхалъ сначала въ Римъ. «Италія (а Римъ въ особенности), пишетъ Крамской П. М. Третьякову въ апрѣлѣ 1876 г., не произвели на меня никакого впечатлѣнія». Изъ Рима онъ отправился въ Неаполь, потомъ въ Помпею и тутъ много работалъ. Переѣхавъ затѣмъ въ Парижъ, Крамской, кромѣ работъ надъ картинами, принялся за большой офортъ—портретъ цесаревича Александра Александровича. Изъ путеше-

ствія Крамской вернулся въ декабрѣ тогоже года. Причиной такого скораго возвращенія было съ одной стороны семейныя обстоятельства, а съ другой, «все, или почти все, что, по политическимъ состояніямъ въ Европѣ мнѣ было необходимо видѣть — видѣлъ», — писалъ онъ П. М. Третьякову незадолго до отъѣзда изъ Парижа. Когда Крамской окончилъ своего «Христа въ пустынѣ», онъ писалъ въ уже цитированномъ письмѣ къ А. Д. Чиркину въ декабрѣ 1873 г.—«Я еще разъ думаю воротиться къ Христу, это — завязка» «...но что вы скажете, пишетъ онъ дальше, напримѣръ, о слѣдующей сценѣ: когда Его судили, воины на дворѣ, наскучивъ бездѣйствіемъ, всячески издѣвались надъ Нимъ, и вдругъ имъ пришла счастливая мысль нарядить этого смирнаго человѣка царемъ; сейчасъ весь шутовской костюмъ былъ готовъ; эта выдумка понравилась, и вотъ докладываютъ господамъ, чтобы они удостоили взглянуть; все, что было во дворѣ, въ домѣ, на балконахъ и галлереяхъ покатилось громкимъ хохотомъ, а нѣкоторые вельможи благосклонно хлопаютъ въ ладоши. А Онъ, между тѣмъ, стоитъ спокоенъ, нѣмъ, блѣденъ, какъ полотно, и только кровавая пятерня горитъ на щекѣ отъ пощечины. Костры, едва начинающій зарождаться день, все, какъ сказано». Въ другомъ письмѣ къ И. Рѣпину отъ 6 января 1874 г., Крамской писалъ «Вѣдь я долженъ еще разъ вернуться къ Христу». И дальше: «Я долженъ это сдѣлать, не могу перейти къ тому, что стоитъ на очереди, не развязавшись съ этимъ!» Крамской много и упорно трудился надъ этой картиной; всѣ фигуры, долженствовавшія быть въ ней, были вылѣплены изъ глины — (до 150 штукъ), чтобы художнику было легче компоновать группы. Крамской около пяти лѣтъ работалъ надъ ней. Но «Христосъ въ пустынѣ» былъ несравненно удачнѣе и сильнѣе этой картины: «Радуйся, Царю Іудейскій!»

Въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ изъ подъ его кисти вышло еще очень много портретныхъ работъ; онѣ уступаютъ лучшимъ портретамъ, которые были написаны Крамскимъ въ семидесятыхъ годахъ, но все же остаются исключительными по своимъ удивительнымъ достоинствамъ. Портреты: Императора Александра Александровича—впослѣдствіи принесенный въ даръ музею Императора Александра III А. А. Половцовымъ,—И. И. Шишкина, С. П. Боткина, В. В. Самойлова, Лемоха, А. И. Соколова, неоконченный портретъ В. В. Верещагина, его самаго съ дочерью, великаго князя Владиміра Александровича,—писанный для А. А. Половцова,—А. С. Суворина, А. С. Кольцова, А. Г. Рубинштейна за фортепіано—вотъ наиболѣе замѣчательные изъ написанныхъ Крамскимъ за восьмидесятые годы. Кромѣ этихъ портретовъ Крамской написалъ много этюдовъ, большое число рисунковъ «Неизвѣстная» (богато одѣтая красавица въ полуколяскѣ) и двѣ великолѣпнѣйшія картины:—«Лунная ночь» и «Неутѣшное горе»; послѣдняя картина—это цѣлая поэма въ краскахъ; поразительно полное скорби лицо женщины у гроба...

Крамской съ любовью работалъ и надъ гравюрой крѣпкой водкой (офортъ) и уже въ 1872 г., какъ видно изъ письма Крамскаго къ Ѳ. А. Васильеву отъ 22 февраля 1872 г., имѣлъ свою собственную офортную мастерскую. Большинство офортныхъ работъ Крамского—превосходны; онѣ сочны, пріятны и эффектны. Какъ лучшія изъ нихъ можно отмѣтить портретъ цесаревича Александра Александровича очень большихъ размѣровъ, портретъ императрицы Маріи Александровны на смертномъ одрѣ, поясной; одинъ $^3/_4$ влѣво, другой въ профиль (отпечатаны были лишь по 25 экземпляровъ); портретъ художника А. И. Иванова; портретъ Тараса Шевченки въ шубѣ и мѣховой шапкѣ, погрудный, «Христосъ въ пустынѣ» съ собственной картины; этюды къ картинѣ «Майская ночь» (два оттиска).

Крамской неутомимо трудился и послѣдніе годы своей жизни... Но тяжелая болѣзнь все сильнѣе и сильнѣе подтачивала его; кашель душилъ и мучилъ его. Постоянное недомоганіе, такъ туго поддававшееся лѣченію, очень измѣнило характеръ Крамскаго; онъ сдѣлался крайне раздражительнымъ; взгляды его на русскую живопись и на русскихъ художниковъ перемѣнились и стали пессимистическими. Въ Крамскомъ угасала жизнь, но талантъ его, его художественная мощь еще были сильны въ немъ. Смерть, послѣдовавшая отъ аневризма, была мгновенной. Крамской упалъ, работая у мольберта надъ портретомъ доктора Раухфуса, съ кистями въ рукахъ, въ оживленномъ разговорѣ. И этотъ неоконченный портретъ Раухфуса яркое и

блестящее свидѣтельство того, какова была художественная мощь у Крамского и до послѣдняго момента его жизни.—Въ лицѣ Крамского русское искусство и русское общество имѣли выдающагося художника, чуткаго критика и воодушевленнаго борца за все свѣжее, хорошее и талантливое, неутомимаго борца противъ рутины, противъ какихъ бы то ни было тормазовъ, задерживавшихъ развитіе дорогого его сердцу родного искусства. Многія изъ его критическихъ статей на долгіе годы останутся глубоко важными для всѣхъ и особенно для молодыхъ художниковъ—они найдутъ въ этихъ статьяхъ рядъ живыхъ, свѣтлыхъ идей, правдивые и вѣрные взгляды на современное искусство.

В. В. Стасовъ, «Ив. Никол. Крамской». СПБ. 1887 г.»; «Ив. Никол. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. СПБ. 1888 г.»; Н. Собко, «Иллюстрированный каталогъ картинъ, рисунковъ и гравюръ И. Н. Крамскаго. 1887 г. СПБ.»; В. Стасовъ, «Сѣв. Вѣстн.» 1888 г. V кн. «Крамской и русскіе художники» т. I и II полнаго собр. сочин. В. В. Стасова, «Вѣстникъ Европы» 1887 г. ст. В. Стасова; И. Е. Рѣпинъ. «Воспоминанія» стр. 1—76.

Ив. Лазаревскій.

Красильниковъ, *Василій Алексѣевичъ*, докторъ, род. въ 1834 г. въ Севастополѣ, ум. 21 февраля 1869 г. Кончивъ курсъ въ симферопольской гимназіи съ серебряную медалью, въ 1851 г. поступилъ въ петербургскую Медико-Хирургическую академію, откуда, во время Крымской кампаніи, выпущенъ лѣкаремъ до окончанія курса и назначенъ въ севастопольскій военный госпиталь. Въ 1857 г. поступилъ на службу въ Общество пароходства и торговли, въ 1860 г. вновь перешелъ въ севастопольскій военный госпиталь младшимъ ординаторомъ. Сознавая незаконченность своего медицинскаго образованія, Красильниковъ уѣхалъ за границу и работалъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. По возвращеніи изъ заграницы, защитивъ диссертацію: «Матеріалы для физіологіи желудочнаго пищеваренія», 23 мая 1864 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1865 г. въ званіи приватъ-доцента открылъ курсъ лекцій по сифилидологіи и дерматологіи въ медико-хирургической академіи; черезъ годъ перешелъ старшимъ врачемъ въ городскую Калинкинскую больницу. Въ 1867 г. сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ Шульца.—Красильниковъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ сифилидологовъ и пользовался извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Имъ напечатанъ: переводъ съ нѣмецкаго: «Цейсль. Руководство къ изученію общаго сифилиса для врачей и студентовъ медицины» (Спб. 1864 г.) и статьи «Объ экземахъ» («Воен.-мед. журн.» 1863 г.) и «Сифилитическая вакцина» (Арх. суд. мед. 1865 г.).

Змѣевъ, «Русск. врачи писатели», «Арх. суд. мед.», 1869 г. № 1, «Мед. Вѣстн.». 1869 г. № 10.

Красинъ, *Михаилъ Яковлевичъ*, ординарный профессоръ казанской Духовной Академіи, сынъ діакона. Род. въ 1832 г. въ брянскомъ уѣздѣ орловской губерніи, сынъ сельскаго дьячка; ум. 6 іюля 1880 г. Обучался въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, орловской семинаріи и Московской Академіи. По окончаніи въ 1858 г. курса съ степенью магистра, Красинъ въ томъ же году былъ назначенъ въ ярославскую духовную семинарію преподавателемъ русской словесности, а 31 января 1859 г. переведенъ въ казанскую Духовную Академію баккалавромъ по каѳедрѣ физики, а потомъ и математики. Тѣ же предметы онъ преподавалъ въ пансіонѣ Чулковой, въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, въ гимназіи и въ частныхъ домахъ; онъ преподавалъ кромѣ того въ академіи французскій языкъ и во второй гимназіи — латинскій языкъ. 10 января 1868 г. получилъ званіе ординарнаго профессора академіи. Въ 1869 г. по новому уставу духовныхъ академій занимаемая Красинымъ каѳедра физики и математики была закрыта; тогда Красинъ сталъ преподавать римскую словесность и латинскій языкъ. 29 ноября 1873 г. получилъ степени доктора богословія за изслѣдованіе о сочиненіи блаж. Августина «De civitate Dei». Оставивъ частные уроки, Красинъ состоялъ съ 1875 г. членомъ казанскаго комитета духовной цензуры, членомъ академическаго совѣта и разныхъ коммиссій по составленію правилъ о пріемѣ студентовъ и инструкцій для инспектора, помощника его и врача. Въ 1875 г. Красинъ приглашенъ былъ для чтенія лекцій по римской словесности на историко-филологическій факультетъ Императорскаго Казанскаго университета, каковую каѳедру и занималъ тамъ до 1880 г., не покидая въ то же время академіи. Изъ сочиненій его укажемъ: «Твореніе блаж. Августина De civitate Dei, какъ

апологія христіанства въ его борьбѣ съ римскимъ язычествомъ», Казань 1873 г.; «Обзоръ опредѣленій константинопольскаго собора по вопросамъ Ѳеогноста Сарайскаго» («Православный собесѣдникъ» 1863 г.). I), «Обзоръ опредѣленій собора владимірскаго 1274 г.» (тамъ же 1863 г.). II), «Обзоръ опредѣленій собора виленскаго 1509 г.» (тамъ же, 1863 г. III); «Обзоры правилъ древнихъ русскихъ митрополитовъ» (тамъ же, 1864 г., III; 1865 г., I и II и 1866 г., I), и «Положеніе женщины въ древнѣйшемъ Римѣ» (тамъ же, 1877 г. III; актовая рѣчь).

«Правос. Собссѣд.», 1880 г., іюль, стр. 301—332. Знаменскій, «Исторія казанской духовной академіи», т. I, стр. 167, 247, 296, 322; т. II, 83—89, 174, 263, 520—521, 578, 583—584, 589—591; III, 251 и 288. И. С. Терновскій, «Историческая записка о состояніи казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія», стр. 75, 97, 128, 140, 403—405.

Красновъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, писатель, род. въ 1802 г.; **ум.** 14 апрѣля 1871 г. Сынъ генералъ-маіора Ивана Кузьмича Краснова, сподвижника Суворова и Платова, воспитанникъ благороднаго пансіона при Харьковскомъ Университетѣ. Началъ военную службу въ 1818 г. въ л.-гв. Казачьемъ полку; чрезъ три года былъ назначенъ адъютантомъ командира 2-го кавалерійскаго корпуса гр. В. В. Орлова-Денисова; въ 1828—1829 гг. участвовалъ въ турецкой войнѣ и въ 1831 г. въ усмиреніи польскаго мятежа. Вернувшись послѣ этого на родину, на Донъ, занимался общественными дѣлами и мало-по-малу сталъ центромъ болѣе образованной части донцовъ, особенно учащейся молодежи, для которой въ то же время былъ и щедрымъ благотворителемъ. Въ 1838 г. онъ былъ выбранъ старшимъ членомъ войскового правленія, т. е. помощникомъ атамана по гражданской части. Въ 1841 и 1842 гг. состоялъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, служившихъ на Кавказѣ и составилъ за время своего пребыванія тамъ «Записки о Кавказской войнѣ» (остаются въ рукописи). Въ 1843—1848 г.г. былъ командиромъ л.-гв. Казачьяго полка, а съ 1849 г. служилъ преимущественно по выборамъ дворянства. Въ Крымскую кампанію, въ званіи походнаго атамана донскихъ полковъ крымской арміи, защищалъ отъ непріятелей Таганрогъ и его окрестности. Въ 1856 г. былъ назначенъ окружнымъ генераломъ 4-го военнаго округа донского войска; 31 января 1868 г., въ день 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, зачисленъ въ списки л.-гв. Казачьяго полка.

Прерванная Крымскою кампаніею общественная дѣятельность Краснова въ 1856 г. возобновилась съ новою силою. Хорошо понимая устарѣлость прежнихъ формъ быта донского войска, онъ много сдѣлалъ для его устройства и преобразованія. Однимъ изъ орудіевъ для этой дѣятельности служила для него публицистика. Въ статьяхъ, которыя печаталъ онъ сначала въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ», а потомъ въ «Военномъ Сборникѣ» и другихъ органахъ, онъ постоянно указывалъ на то, что казачество не можетъ оставаться въ прежнемъ состояніи, и горячо боролся съ «казакоманами». Наиболѣе крупныя статьи его о донскомъ войскѣ слѣдующія: «О донской казачьей службѣ», «Низовые и верховые донскіе казаки» («Военный Сборникъ», 1858 г. № 2), «Малороссіяне на Дону», «Партіи на Дону», «О строевой казачьей службѣ», «Донцы на Кавказѣ. Учрежденіе на Кавказѣ постоянныхъ штабовъ донскихъ казачьихъ полковъ» («Военный Сборникъ» 1861 г., № 9), «Оборона Таганрога и береговъ Азовскаго моря въ 1855 г.» (Спб., 1862 г.), «О народности въ донскомъ войскѣ», «Мѣстный патріотизмъ въ донскомъ войскѣ» («Современная Лѣтопись», 1865 г., № 16), «Въ отвѣтъ на предложеніе о формированіи казачьихъ полковъ» («Военный Сборникъ», 1865 г. № 11) и др. Нѣкоторыя изъ названныхъ статей имѣютъ и значительный историческій интересъ; въ этомъ отношеніи наиболѣе любопытны его «Записки», оставшіяся ненапечатанными и послужившія между прочимъ матеріаломъ для исторіи л.-гв. Казачьяго полка. Литературную дѣятельность Красновъ началъ съ писанія стиховъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. «Тихій Донъ», «Князь Василько», пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ.

«Иллюстриров. Газета», 1871 г, № 18;—«Русскій Инвалидъ», 1871 г., № 94: «Донскія Войсковыя Вѣдомости»; Геннади, Словарь; «Исторія лейбъ-гвардіи Казачьяго полка».

Красновъ, *Иванъ Кузьмичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1752 г., ум. въ августѣ 1812 г. Происходилъ изъ донской области; службу началъ рядовымъ; за сраженіе на

Кинбурнской косѣ въ 1787 г. получилъ чинъ поручика. Въ 1788 г. Красновъ съ небольшимъ отрядомъ отправился на поискъ къ Бендерамъ; по тонкому льду онъ переправился черезъ Днѣстръ совершенно неожиданно для турокъ и уничтожилъ сторожевую команду; затѣмъ, подстерегши турецкое судно на Дунаѣ, напалъ на него со своими казаками на плотахъ и овладѣлъ имъ; отличился при штурмѣ Измаила и при Мачинѣ. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ онъ затѣмъ противъ польскихъ войскъ. Въ 1803 г., въ чинѣ генералъ-маіора, былъ назначенъ атаманомъ бугскаго казачьяго войска. Въ 1812 г. принялъ начальство надъ девятью казачьими полками въ арміи кн. Багратіона; въ сраженіи у Колоцкаго монастыря былъ смертельно раненъ.

«Справ. Энцикл. Словарь», Края, VI; «Русскій Вѣстникъ», 1817 г. №№ 3—6.

Красноцвѣтовъ, *Семенъ Ивановичъ*, протоіерей, сынъ дьячка. Род. 3 февраля 1804 г., ум. 2 декабря 1858 г. въ Калужской губерніи. Образованіе получилъ въ калужской духовной семинаріи и въ петербургской Духовной Академіи, гдѣ кончилъ въ 1829 г. курсъ со степенью магистра богословія, былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ гражданской исторіи и 31 января 1830 г. опредѣленъ помощникомъ библіотекаря академіи. 4 августа 1830 г. Красноцвѣтовъ былъ рукоположенъ во священника къ Крестовоздвиженской церкви при миссіи нашей въ Швейцаріи и состоялъ тамъ духовникомъ великой княгини Анны Ѳеодоровны. Въ маѣ 1832 г., онъ перемѣщенъ былъ въ Петербургъ къ Смоленской кладбищенской церкви. Въ 1838 г., онъ, по порученію Св. Синода, сотрудничалъ при изданіи «Правилъ свв. апостоловъ и св. соборовъ вселенскихъ»; въ 1839—1840 г.г. преподавалъ Законъ Божій въ школѣ женскаго патріотическаго общества и обучалъ тамъ еще чистописанію и ариѳметикѣ. Въ іюнѣ 1844 года онъ перемѣщенъ былъ къ Воскресенскому всѣхъ учебныхъ заведеній собору и опредѣленъ законоучителемъ въ Александровское училище при обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ январѣ 1849 г. Красноцвѣтовъ возведенъ въ санъ протоіерея и перемѣщенъ къ Александроневской церкви при обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Онъ составилъ программу преподаванія Закона Божія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1852 г. онъ состоялъ членомъ комитета для составленія историко-статистическаго описанія казенныхъ церквей при учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства и принималъ дѣятельное участіе въ исполненіи этого предпріятія. Въ апрѣлѣ 1854 года перемѣщенъ къ Успенской на Сѣнной церкви; тутъ онъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ общества попеченія о тюрьмахъ, состоялъ членомъ комитетовъ оспеннаго и общественнаго здравія, а съ октября 1855 г. былъ членомъ комитета при Духовной Академіи для изданія краткихъ и дешевыхъ духовно-нравственныхъ книгъ. Въ декабрѣ 1857 г. онъ вернулся къ прежнему мѣсту своего служенія, Воскресенскому всѣхъ учебныхъ заведеній собору, и избранъ въ члены духовной консисторіи и благочиннымъ. Кромѣ участія въ различныхъ изданіяхъ, о. Красноцвѣтовъ извѣстенъ, какъ авторъ «Библейской исторіи для дѣтей», вышедшей въ 30-хъ годахъ; впослѣдствіи это сочиненіе было изъято изъ употребленія и авторъ подчиненъ былъ на нѣкоторое время надзору епархіальнаго начальства. Въ 1856 г. онъ издалъ книгу «О богослуженіи православной церкви».

Дѣла архива св. синода: 1830 г. № 296. «Истор. статист. опис. Спб. епархіи», т. III, стр. 314—316.

Краснощековъ, *Иванъ Матвѣевичъ*, бригадиръ, атаманъ донскихъ казаковъ, убитъ 12 августа 1740 г. подъ Бомбеле, около Гельсингфорса. Участвовалъ почти во всѣхъ дѣйствіяхъ донскихъ казаковъ первой трети XVIII вѣка и выдѣлялся среди ихъ удалью и военными дарованіями; въ 1726 г. былъ войсковымъ старшиной, въ 1729 г. уже называется походнымъ атаманомъ, въ 1740 г. бригадиромъ; въ 1736 г. велъ переговоры съ некрасовцами, но не успѣлъ склонить ихъ къ возвращенію въ Россію; вмѣстѣ съ другимъ виднымъ донскимъ атаманомъ того времени, Даніломъ Ефремовымъ, былъ почти постоянно при извѣстномъ калмыцкомъ тайшѣ Дундукъ-Омбо и пользовался его особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ; вмѣстѣ съ Дундукъ-Омбо привелъ въ покорность Россіи нѣсколькихъ кубанскихъ владѣльцевъ. О храбрости Краснощекова, о его выносливости въ бояхъ и въ попойкахъ, а такъ же и о его жестокости, ходили легенды; онъ остался однимъ изъ любимѣйшихъ героевъ казачьихъ пѣсенъ; въ

1741 г. его видѣлъ англійскій резидентъ въ Петербургѣ и былъ пораженъ его дикимъ видомъ и множествомъ на немъ ранъ и рубцовъ. Въ войнѣ со шведами онъ нагонялъ страхъ на враговъ; но однажды его раненаго загнали въ болото, откуда лошадь уже не могла его вынести; тутъ его пристрѣлили. Его сынъ отличался въ Семилѣтней войнѣ, внукъ—въ первой турецкой; второй Краснощековъ слылъ за колдуна и между казаками, и между врагами. О Краснощековыхъ до сихъ поръ поется въ народныхъ пѣсняхъ, и даже—нетолько у донцовъ.

Савельевъ, А. М.. «Трехсотлѣтіе войска Донского, 68 и слѣд.; «Рус. Архивъ». 1877, II, 295—298; «Жур. и протоколы Верх. Тайн. Совѣта».

Красовскій, *Александръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, предсѣдатель комитета иностранной цензуры, сынъ протоіерея Петропавловскаго собора, род. въ 1780 г., ум. 19 ноября 1857 г. По окончаніи курса въ гимназіи Академіи Наукъ, поступилъ въ 1796 г. переводчикомъ въ канцелярію Академіи; съ 1800 г. — былъ библіотекаремъ Публичной Библіотеки, и съ 1810 г.—секретаремъ ея. Въ 1821 г. опредѣленъ былъ цензоромъ въ цензурный комитетъ, а въ 1826 г. — въ главный цензурный комитетъ, по закрытіи котораго въ 1828 г. былъ уволенъ отъ званія цензора; 11 мая 1832 г. назначенъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной. Съ 1838 г. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи, а съ 1841 г.—почетнымъ членомъ II отдѣленія Академіи Наукъ. Какъ человѣкъ Красовскій отличался всѣми качествами самаго исполнительнаго чиновника, у котораго вся жизнь, всѣ чувства были примѣнены къ желаніямъ высшаго начальства—и чаще, конечно, неправильно понимаемымъ. Онъ оставилъ послѣ себя курьезный дневникъ, подъ названіемъ «Записки наблюденій за здоровьемъ, сномъ, погодой и тому подобными предметами»; ему же принадлежитъ «Опытъ исторіи Императорской Россійской Академіи». Спб. 1849 г.

«Русс. Старина», 1874 г., т. IX, стр. 106—140; Скабичевскій, «Очерки по исторіи русской цензуры»; Сухомлиновъ. «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII.

Красовскій, *Аполлинарій Каэтановичъ*, инженеръ, тайный совѣтникъ, род. въ 1818 г., ум. 9 іюня 1875 г. Кончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1849—1862 г. читалъ строительное искусство въ Петербургскомъ Университетѣ; въ концѣ сороковыхъ годовъ назначенъ директоромъ Строительнаго училища; подъ его управленіемъ дѣло преподаванія въ институтѣ было значительно улучшено; уставомъ 27 декабря 1851 г. училище это было причислено къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и лицамъ, окончившимъ въ немъ курсъ, даны значительныя преимущества при назначеніи на должности архитекторовъ; впослѣдствіи въ 1882 г. училище преобразовано было въ Институтъ гражданскихъ инженеровъ. Написалъ «Курсъ гражданской уархитектры» (Спб., 1851), который долгое время оставался лучшимъ руководствомъ по этому предмету.

«Голосъ», 1875, № 22.

Красовскій, *Аванасій Ивановичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, ум. въ 1843 г. Службу началъ при Павлѣ I, въ 13-мъ егерскомъ полку; въ 1804 г. отправленъ былъ на эскадрѣ черноморскаго флота въ Корфу, въ 1805 г.—въ Неаполь, гдѣ русскій корпусъ былъ назначенъ вытѣснить французовъ изъ Неаполитанскаго королевства и потомъ идти въ Сѣверную Италію; однако по дорогѣ въ Римъ этотъ отрядъ получилъ извѣстіе объ Аустерлицкомъ сраженіи, и возвратился въ Неаполь и оттуда въ Корфу. Въ 1806—1807 гг. Красовскій находился въ адріатической экспедиціи, потомъ участвовалъ въ войнѣ съ Турціей, былъ при штурмѣ Браилова, взятіи Мачина, Гирсова, Кюстенджи, при осадѣ Силистріи, при переправѣ русскихъ войскъ чрезъ Дунай у Туртукая и въ дѣлахъ подъ Рущукомъ и подъ Журжею. Затѣмъ при взятіи Праова, Брегова и Гургусовцы. Въ 1811 г., будучи уже въ чинѣ маіора, отличился въ сраженіяхъ подъ Виддиномъ, Калофатомъ и Ломъ-Паланкой; въ послѣднемъ дѣлѣ онъ съ сотнею охотниковъ, ударивъ въ тылъ турокъ, нападавшихъ на отрядъ генерала Засса, заставилъ ихъ обратиться въ бѣгство. Въ Отечественную войну, назначенный командиромъ 13-го егерскаго полка, Красовскій отличился въ сраженіи при Городечнѣ, при атакѣ у Борисова непріятельскихъ укрѣпленій разбилъ коллону польскихъ войскъ, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. Въ 1813 г. участвовалъ при взятіи Познани, блокадѣ Кистрина и въ сраженіяхъ при Гроссъ-

Бееренѣ, Денневицѣ и Лейпцигѣ, за отличіе въ послѣднемъ произведенъ въ генералъ-маіоры; въ слѣдующемъ году одинъ съ своимъ 13-мъ егерскимъ полкомъ остановилъ у Краона многочисленнаго непріятеля; участвовалъ при взятіи Реймса. Въ 1815 г. Красовскій былъ снова во Франціи и Парижѣ, командуя 3-й бригадой 3-й гренадерской дивизіи. Въ 1826 г., съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи, поступившей на усиленіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса, по случаю войны съ Персіею, и здѣсь удачно дѣйствовалъ противъ лезгинъ, при блокадѣ Эривани и съ 3000 солдатъ при 12 орудіяхъ въ теченіе 10-тичасового боя при Утаганѣ (17 августа) выдерживалъ натискъ 20-титысячнаго корпуса Аббасамурзы. Затѣмъ Красовскій принималъ участіе при взятіи крѣпости Сардарь-Абада, командовалъ осаднымъ корпусомъ подъ Эриванью и послѣ сдачи ея былъ назначенъ предсѣдателемъ временнаго правленія Армянской области. Въ 1829 г. находился при осадѣ Силистріи и Шумлы—Шумлу онъ, будучи начальникомъ всѣхъ осаждавшихъ войскъ, принудилъ къ сдачѣ; въ 1830—1831 г. дважды разбилъ польскихъ повстанцевъ подъ Юзефовымъ и при Лаговѣ и занялъ Краковъ; это были послѣдніе его военно-боевые подвиги, доставившіе ему орденъ св. Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями и чинъ генералъ-адъютанта. Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и въ 1842 г. командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса.

«Справочный Энциклопедическій Словарь», т. VI, стр. 895 — 896 и «Энциклопед. военныхъ и морскихъ наукъ» Леера, т. IV, 393—394 стр.; «Русскій Архивъ», 1890, III, 142.

Красовскій, *Василій Ивановичъ*, сынъ придворнаго протоіерея, род. въ Костромѣ въ 1782 г. ум., 22 ноября 1824 г.; обучался въ гимназіи С.-Петербургской Академіи Наукъ съ 1790 по 1799 годъ. Служилъ въ государственной Берг-Коллегіи переводчикомъ до 1804 г., когда перешелъ на службу въ с.-петербургскій цензурный комитетъ на должность секретаря; въ 1813 г., по болѣзни, вышелъ въ отставку. Красовскій основательно зналъ латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, онъ былъ однимъ изъ основателей и ревностнѣйшихъ членовъ учрежденнаго въ 1801 г. петербургскаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Въ изданномъ этимъ обществомъ въ 1802 г. альманахѣ «Свитокъ музъ» напечатаны три стихотворенія Красовскаго: «Благополучіе въ уединеніи», «Осень» и «Осеннее чувство». Въ «Сынѣ Отечества» (1825 г., ч. 99, № IV, стр. 427—434) напечатанъ сдѣланный имъ переводъ изъ поэмы Сенъ-Ламбера «Les Saisons», подъ заглавіемъ «Зима». Въ изданномъ вышеупомянутымъ обществомъ «Періодическомъ изданіи» 1804 г. помѣщено стихотвореніе Красовскаго «Ручей» (стр. 2—4). Въ томъ же «Періодическомъ изданіи» указывается, что Красовскимъ въ теченіе 1801—1802 гг. составлены и представлены въ общество: 1) «Велизарій, въ темницѣ умирающій» 2) «Разсужденіе о духовной словесности въ Россіи» и 3) «Объ англійской трагедіи»—переводъ. Кромѣ того Красовскій, служа въ Берг-Коллегіи, переводилъ съ нѣмецкаго языка разныя сочиненія по минералогіи и горному искусству академика И. Ф. Германа. Наконецъ Красовскому принадлежитъ нѣсколько переводныхъ статей въ «С.-Петербургскомъ карманномъ календарѣ» академика А. О. Севастьянова.

«Періодическое изданіе общества любителей словесности, наукъ и художествъ» 1804 г. стр. I—VII; «Сынъ Отечества» 1825 г., ч. 99. № 4, стр. 427—434; «Библіографическіе листы», Кеппена, 1825 г., № 9, стр. 125; Геннади. «Справочный словарь». *Н. М.*

Красовскій, *Иванъ Ивановичъ*, придворный протоіерей, родомъ изъ Костромской губерніи, ум. 5 апрѣля 1811 г. Образованіе получилъ въ костромской духовной семинаріи, а затѣмъ былъ въ ней преподавателемъ и священникомъ. Въ 1783 г. перемѣщенъ законоучителемъ въ 1-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, затѣмъ опредѣленъ къ придворной каменно-островской церкви, потомъ былъ священникомъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ то же время законоучителемъ въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ С.-Петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. Съ 1806 г. онъ состоялъ протоіереемъ и сакелларіемъ большой придворной церкви, гдѣ и скончался. Изъ сочиненій его изданы: «Службы на явленіе чудотворныя иконы Пресв Богородицы Ѳеодоровской», (1777 г.). Два разсужденія «О предѣльности міра сего» и

«О неподложности свидѣтельства о Христѣ, находящагося въ исторіи Іосифа Флавія». Переводы съ греческаго: «Ѳемистокловы письма»; «Аѳинагорово ходатайство за христіанъ къ Марку Аврелію Антонину»; «Епископа Антіохійскаго Ѳеофила 1-я книга къ язычнику Автолику». Переводы съ латинскаго: Три разсужденія изъ Бингамовыхъ церковныхъ древностей—«о праздновании христіанской пасхи», «о Пятидесятницѣ» и «о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ»; два разсужденія изъ Калмета—«о разныхъ упражненіяхъ древнихъ евреевъ», «о чиновникахъ царей еврейскихъ и еврейскій мѣсяцесловъ». Былъ членомъ Россійской Академіи.

«Историч. зап. о Костр. дух. семинаріи»; дѣла архива. Св. Син. 1805 г. № 207 и 1811 г. № 337.

Красовъ, *Василій Ивановичъ*, магистръ русскаго языка и словесности, поэтъ-лирикъ, сынъ протоіерея, род. въ 1810 г. въ г. Кадниковѣ (Вологодской губерніи), ум. въ 1855 г. По окончаніи курса въ вологодской семинаріи поступилъ въ Московскій университетъ, и въ 1835 г. кончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата словесныхъ наукъ, 3 апрѣля 1837 г. опредѣленъ преподавателемъ русской словесности въ черниговскую гимназію, 29 сентября того же года назначенъ и. д. адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1839 г., послѣ неудачной защиты докторской диссертаціи, оставилъ университетъ и переселился въ Москву, гдѣ примкнулъ къ кружку Станкевича и Грановскаго. Въ Москвѣ Красовъ занималъ сначала частное мѣсто, а съ 6 марта 1843 г. по 29 августа 1843 состоялъ преподавателемъ 2-й московской гимназіи. Красовъ не обладалъ качествами ученаго, ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ; онъ весь отдался поэзіи, писалъ и переводилъ исключительно лирическія, стихотворенія, преимущественно изъ Овидія, Гейне, Гёте, Байрона. Въ первый разъ имя Красова появилось въ печати въ 1832 г. («Телескопъ»—«Куликово поле»); онъ сотрудничалъ въ «Москвѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Кіевлянинѣ», «Галатеѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Репертуарѣ», «Сѣверной Пчелѣ». Поэзія его не отличалась многосторонностью и глубиной, но ей нельзя отказать въ задушевности, въ теплотѣ и истинной гуманности; написаны его стихотворенія не всѣ одинаково хорошимъ языкомъ; Бѣлинскій далъ о произведеніяхъ Красова вообще благопріятный отзывъ. Собраніе стихотвореній Красова было издано Шейномъ въ 1859 г., а въ послѣднее время, въ «Лептѣ Бѣлинскаго», напечатано еще нѣсколько неизданныхъ его стихотвореній. Кромѣ разныхъ стихотвореній, между прочимъ исполненныхъ на актѣ московскаго университа въ 1833 г. съ музыкою Кашина, Красовъ написалъ еще одну статью: «Нѣсколько словъ противъ г. Соловьева о Дмитріѣ Самозванцѣ».

Иконниковъ, «Словарь проф. универ. Св. Владиміра»; «Лепта Бѣлинскаго», М. 1892, с. 12, 35; Шульгинъ, «Исторія университета Св. Владиміра»; Гулевичъ, «Историч. записка о 50-лѣтіи Московской 2-й гимназіи», М. 1885, с. 220; Сочиненія Бѣлинскаго тт. III, XII.

Красовъ, *Иванъ Ивановичъ*, магистръ русской исторіи, педагогъ, род. 28 іюля 1821 г., ум. 21 августа 1888 г., братъ предыдущаго; кончилъ курсъ въ вологодской семинаріи и въ Петербургскомъ университетѣ, въ 1844 г. со степенью кандидата по философскому факультету, по разряду общей словесности; въ 1851 защитилъ магистерскую диссертацію «О мѣстоположеніи древняго Новгорода». Съ 1844 г. по 1851 г. состоялъ въ новгородской гимназіи старшимъ учителемъ латинскаго языка, потомъ—исторіи. Съ 1851 по 1861 гг. былъ старшимъ учителемъ исторіи въ 3-й с.-петербургской гимназіи, патріотическомъ институтѣ и въ кадетскихъ корпусахъ, первомъ и Павловскомъ. Съ 1861 по 1881 гг. состоялъ директоромъ вологодскихъ гимназій (мужской и женской), директоромъ училищъ Вологодской губ. и начальникомъ землемѣрно-таксаторскихъ классовъ при вологодской гимназіи, преподавая латинскій и греческій языки. Въ 1881 г. былъ переведенъ директоромъ гимназіи въ Псковъ, гдѣ преподавалъ исторію.—Красовъ былъ однимъ изъ выдающихся педагоговъ своего времени, умѣлъ отрѣшиться отъ ненужныхъ мелочей и сообщалъ важнѣйшее для усвоенія каждаго предмета, пріучая вмѣстѣ съ тѣмъ учениковъ къ самостоятельному мышленію. Кромѣ магистерской диссертаціи Красовъ напечаталъ: «Разборъ мнѣній о населеніи древняго Новгорода» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1854, ч. LXXXI, и отдѣльно) и «Что такое Польша» («Кіевлянинъ», 1865, №№ 98—101). Съ 1860 г

состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

К. Хоцяновъ, «Некрологъ Красова», Псковъ. 1888. «Псков. вѣд.», 1888, № 34. Григорьевъ, «Спб. университетъ» с. XIX, LXXXI.

Крассовскій, *Каетанъ Никодимовичъ*, докторъ философіи, адъюнктъ Виленскаго университета, ум. послѣ 1835 г. учился въ виленской гимназіи и въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1812 г. назначенъ учителемъ физики въ виленской гимназіи, въ 1814 г. назначенъ состоять при физическомъ кабинетѣ Виленскаго университета; съ 1815 по 1819 г. преподавалъ въ этомъ же университетѣ физику и раціональную топографію. Въ 1818 г. сдѣланъ адъюнктомъ университета, съ 1819 по 1823 г. читалъ основы земледѣлія, въ 1823 г. назначенъ директоромъ виленской гимназіи и эту должность исполнялъ до 1835 г. Его сочиненія 1) O nawozach, czyli o poprawieniu roli przez nawozy. Wilno 1820. изъ Dzienn. Wil. 1820 I—II. 2) Ogrodnictwo krótko zebrane. Wilno, 1821, 8°, 2-е изд., 1823. Это сочиненіе было предназначено для сельскохозяйственныхъ школъ. 3) Sposob stawiania budowli gospodarskich z wrzosu i gliny. Wilno, 1834, 2-е изд., 1839 г.

Bielinski, «Stan nauk matematycz».

Кратценштейнъ, *Христіанъ-Теофилъ*, академикъ, род. въ 1723 г. въ Вернигероде, ум. въ Копенгагенѣ 25 іюня (6 іюля) 1795 г. Принадлежалъ къ семейству, въ которомъ были значительно развиты умственные интересы и которое дало нѣсколькихъ видныхъ ученыхъ дѣятелей. Съ юныхъ лѣтъ отличался способностями и трудолюбіемъ и еще на студенческой скамьѣ получилъ премію отъ академіи въ Бордо за работу на тему: «Theorie de l'élévation des vapeurs et des exhalaisons». Въ 1746 г. получилъ степень доктора отъ университета въ Галле и началъ чтеніе лекцій. Въ 1748 г. онъ былъ избранъ академикомъ и прибылъ въ іюлѣ этого года въ Петербургъ. Въ 1751 г. произнесъ рѣчь въ академіи о новыхъ инструментахъ для астрономическихъ наблюденій, затѣмъ совершилъ поѣздки съ ученою цѣлью на Бѣлое море и въ Сибирь. Черезъ пять лѣтъ, въ 1753 г., въ августѣ онъ уѣхалъ, получивъ приглашеніе въ Копенгагенскій университетъ, гдѣ послѣднее время жизни занималъ мѣсто декана медицинскаго факультета. Онъ пріобрѣлъ за границею громкую извѣстность какъ ученый физикъ, и былъ почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій въ Германіи, Швеціи, Португаліи. Онъ сохранилъ званіе члена академіи и, напечатавъ нѣсколько статей въ Novi Commentarii, продолжалъ и изъ-за границы время отъ времени присылать свои работы; въ 1780 г. и въ 1794 г. получилъ отъ Академіи награды за работы по изученію звука и земного магнетизма. Умеръ вслѣдствіе испуга и потрясеній, испытанныхъ во время страшнаго пожара въ Копенгагенѣ, уничтожившаго, между прочимъ, его домъ, библіотеку и лабораторію.

«Nova Acta Academiae Scientiarum Petrop.», 1802, XIII, 8; «Allgem. Deutsche Biographie», XVII, 57—61.

Крафстремъ, *Евстафій Борисовичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, попечитель дерптскаго учебнаго округа, род. 16 августа 1784 г., ум. 7 сентября 1854 г. Въ 1800 г. вступилъ въ службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ; въ чинѣ полковника переформировалъ въ 30-хъ годахъ нѣсколько армейскихъ полковъ; затѣмъ командовалъ л.-гв. Московскимъ полкомъ; въ 1836 г. былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго округа, въ чинѣ генералъ-маіора; былъ членомъ Главнаго правленія училищъ.

«Москвитянинъ», 1854, т. V, отд. V, 117—118; «Сѣв. Пчела», 1854, № 204.

Краузе, *Альбертъ-Фридрихъ*, род. въ 1812 г. въ Кенигсбергѣ, ум. послѣ 1856 г.; съ 1831 г. изучалъ медицину въ Кенигсбергѣ, Іенѣ и Берлинѣ и въ 1837 г. получилъ степень доктора медицины въ Берлинскомъ университетѣ. Затѣмъ поселился въ Данцигѣ, гдѣ сначала завѣдывалъ холернымъ лазаретомъ, занимался въ городской больницѣ. Въ 1840 г. назначенъ врачемъ для бѣдныхъ и преподавателемъ акушерскаго и родовспомогательнаго заведенія. Съ октября 1850 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ терапіи и клиники въ Дерптскомъ университетѣ и занималъ эту каѳедру до апрѣля 1856 г.; изъ трудовъ его извѣстно: «Die Theorie und Praxis der Geburtshülfe».

Дѣло въ Архивѣ Юрьев. унив.

Краузе, *Іоганнъ-Вильгельмъ*, профессоръ, род. 1 іюля 1757 г. близъ Швейдница въ Нижней Силезіи, ум. 10 августа 1828 г.; былъ студентомъ Лейпцигскаго университета и поступилъ затѣмъ въ воен-

ную службу, въ которой оставался недолго. Въ 1796 г. переселился въ Лифляндію какъ сельскій хозяинъ; 28 марта 1803 г. былъ назначенъ профессоромъ экономіи и архитектуры въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ скоро получилъ званіе доктора философіи. Онъ былъ главнымъ руководителемъ при постройкѣ новаго зданія университета. Его труды: «Englisches Lesebuch in Prosa und Gedichten für Anfänger», Dresden, 1792; «Oeconomie und Architectur. Eine Skizze über den Wechselseitigen Einfluss derselben auf Gemeinwohl», 1803; «Baurede beim Richten des Daches der kaiserlichen Bibliothek zu Dorpat», 1804; «Uebersicht der Landwirthschaft in Tabellen, zum Behuf academischer Vorlesungen entworfen», 1806; «Uebersicht der bürgerlichen Baukunst, in Tabellen zum Behuf akademischer Vorlesungen entworfen» 1806; «Worte bei der Legung des Grundsteins zum Hauptgebäude der kaiserlichen Universität»; «Ein Paar Worte über die kleine Schrift: Ueber Verbesserung livländischer Bauerwohnungen», 1814; «Allgemeine Ansicht der Vortheile, welche Livland aus einem Zusammenhängengen Ausweserungssysteme beziehen könnte» 1818.

Дѣло въ архивѣ Юрьев. унив.

Крафтъ (*Логинъ Юрьевичъ*) *Вольфгангъ-Людовикъ*, ординарный академикъ, род. 25 августа 1743 г. въ Петербургѣ, ум. тамъ же 20 ноября 1814 г. Онъ былъ сыномъ академика Іоанна-Вольфганга, и въ 1744 г. былъ увезенъ въ Германію, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто профессора въ Тюбингенскомъ университетѣ. Родные готовили его къ духовному званію, но онъ чувствовалъ влеченіе къ тѣмъ же наукамъ, которыя доставили извѣстность его отцу, и уже въ 1764 г. напечаталъ въ Тюбингенѣ «De ratione ponderum sub polo et aequatore». Когда въ 1767 г. петербургская Академія организовала нѣсколько экспедицій для наблюденія прохожденія Венеры, Крафтъ, находившійся въ родствѣ съ нѣкоторыми членами Академіи, искалъ назначенія въ одну изъ этихъ экспедицій и былъ отправленъ въ Оренбургъ. Послѣ этого въ 1768 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ Академіи, въ 1771 г. ординарнымъ академикомъ и работалъ вмѣстѣ съ Эйлеромъ, помогая ему въ вычисленіяхъ для трактатовъ: «Theoria motus lunae». Въ 1782 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ математики въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ профессоромъ въ инженерномъ корпусѣ, въ 1802 г. почетнымъ членомъ департамента адмиралтейства. Преподавалъ математику дѣтямъ императора Павла — великимъ князьямъ Константину, Николаю, Михаилу и великимъ княжнамъ. Былъ членомъ императорскаго вольнаго-экономическаго общества, общества естествоиспытателей въ Москвѣ, въ Берлинѣ, въ Лондонѣ. Напечаталъ нѣсколько ученыхъ мемуаровъ въ изданіяхъ академіи: Acta, Nova Acta, и Novi Commentarii; за статью «Essai sur les tables lunaires d'Euleur» (Nova Acta, 1788) получилъ премію отъ одного изъ англійскихъ ученыхъ обществъ; замѣчателенъ его мемуаръ: «Essai sur les nombres premiers» (Nova Acta, 1802) и статья объ оспопрививаніи въ Россіи (Nova Acta, VIII).

«Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences», t. VI, 1818, 6—9. «Allgem. deutsche Biographie», XVII, 20—21.

Крафтъ, *Іоаннъ-Вольфгангъ*, академикъ, род. 15 іюня 1701 г. въ Дюттлингенѣ, въ Виртембергскомъ герцогствѣ, ум. 16 іюля 1754 г. въ Тюбингенѣ. Сынъ пастора, образованіе получилъ въ Тюбингенскомъ университетѣ; въ немъ же получилъ и степень магистра. Биллингеръ, приглашенный въ петербургскую Академію, устроилъ приглашеніе туда и Крафта. Крафтъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1725 года. Нѣкоторое время онъ занимался подъ руководствомъ Делиля, помогалъ ему въ его наблюденіяхъ и работахъ, съ 1730 г. по 1733 г. велъ протоколы академическихъ конференцій; 31 января 1731 г. онъ былъ назначенъ академикомъ по каѳедрѣ «генеральной математики», а въ 1733 г., послѣ Эйлера, занялъ каѳедру физики. 29 мая 1738 г. сдѣланъ былъ инспекторомъ гимназіи; 29 мая 1744 г. получилъ, по прошенію, увольненіе изъ Академіи; со слѣдующаго же года, по волѣ всесильнаго Шумахера, съ которымъ Крафтъ всегда отлично ладилъ, сталъ получать пенсію, которою и пользовался до самой своей смерти; по возвращеніи на родину былъ немедленно избранъ профессоромъ Тюбингенскаго университета.

Крафтъ читалъ въ Академіи преимущественно физику и положилъ много стараній на то, чтобы завести и устроить физическій кабинетъ; кромѣ того ему, какъ и другимъ академикамъ того времени, приходилось исполнять иногда порученія, имѣющія съ наукою очень мало общаго. Такъ,

онъ составилъ «Подлинное и обстоятельное описаніе ледяного дома» (въ 1741 г.); затѣмъ, такъ какъ онъ занимался метеорологическими наблюденіями, то по приказанію императрицы Анны, отъ него требовали не только метеорологическихъ предсказаній, а даже и астрологическихъ; и Крафтъ съ полною серьезностью составлялъ разные отвѣты и гороскопы; современники замѣчаютъ, что они иногда сбывались и привлекали этимъ благосклонность императрицы къ Академіи. Наконецъ, въ 1729 г. Крафтъ приступилъ къ составленію точнаго и обстоятельнаго, въ крупныхъ размѣрахъ, плана г. Петербурга; его работа лежитъ въ основаніи перваго плана, изданнаго академіей въ 1745 г. Нѣсколько десятковъ статей Крафта по вопросамъ математики, физики, астрономіи и метеорологіи напечатаны въ т.т. II—XIV «Commentariorum» Академіи, въ т.т. I—VI «Novorum Commentariorum» и въ «Примѣчаніяхъ» къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ»; нѣкоторыя статьи его повторены во II и III книгахъ сборника: «Physikalische und medicinische Abhandlungen der Academie der Wissenschaften in Petersburg» (Riga, 1783, 1785). Кромѣ того, Крафтъ составилъ нѣсколько учебниковъ, которые, въ переводахъ на русскій языкъ, служили руководствами по математикѣ, физикѣ и механикѣ еще въ началѣ XIX в.; по руководству Крафта «Einleitung zur mathematische und natürlichen Geographie» читалъ Ломоносовъ, когда былъ адъюнктомъ.

Въ 1746 и 1749 г. Крафту было сдѣлано приглашеніе возвратиться въ петербургскую Академію; но онъ отклонилъ его; въ откровенныхъ письмахъ къ Эйлеру онъ говоритъ, что не можетъ «находиться въ параллели» съ господами Третьяковскимъ и Тепловымъ или заискивать ихъ расположенія; кромѣ того, онъ ссылался на то, что въ Тюбингенскомъ университетѣ къ нему очень хорошо относятся, что герцогъ построилъ отличную обсерваторію и поручаетъ ее ему, такъ что было бы неблагодарностью съ его стороны, если бы онъ уѣхалъ.

Перечень всего написаннаго Крафтомъ—у Пекарскаго, «Исторія Академіи Наукъ», I, 457—468; дополненія—у Геннади, «Словарь», II; у Пекарскаго же указаны и источники для біографіи Крафта; нѣкоторые документы, служащіе дополненіемъ къ сообщаемымъ Пекарскимъ, напечатаны въ разныхъ томахъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ»; «Allgemeine deutsche Biogr.», XVII, 9.

Крафтъ, *Николай Осиповичъ*, генералъ-маіоръ, инженеръ путей сообщенія, род. въ 1798 г., ум. въ 1857 г. По окончаніи курса, въ 1820 г., въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, принималъ участіе въ разныхъ гидротехническихъ работахъ вѣдомства путей сообщенія; между прочимъ ему поручено было разработать проектъ соединенія каналомъ Волги съ Дономъ. Въ 1836 г. былъ назначенъ преподавателемъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Въ 1839 г., когда возникло предположеніе построить желѣзную дорогу между Петербургомъ и Москвою, Крафтъ, вмѣстѣ съ инженеромъ П. П. Мельниковымъ, былъ отправленъ въ Сѣверную Америку, чтобы изучить тамъ ближе устройство и дѣйствіе желѣзнодорожныхъ линій и рѣшить, примѣнимы-ли въ Россіи желѣзныя дороги. Когда начата была постройка желѣзной дороги между столицами, сооруженіе участка отъ Петербурга до Бологое было поручено Мельникову, а отъ Бологое до Москвы — Крафту. По окончаніи дороги, въ 1852 г., былъ назначенъ ея начальникомъ, въ 1855 г. переведенъ начальникомъ округа путей сообщенія въ Варшаву. Въ 1838—1842 гг. напечаталъ нѣсколько спеціальныхъ статей въ «Журналѣ министерства путей сообщенія».

«Жур. минист. пут. сообщенія», 1887, № 1. «Очеркъ эксплуатаціи Никол. жел. дороги, 1868—1893», I, введеніе; «Словарь» Брокгауза и Эфрона.

Крашенинниковъ, *Михаилъ Ивановичъ*, московскій купецъ, благотворитель. Род. въ 1775 г., въ Серпуховѣ, ум. 3 января 1849 г. Былъ сынъ довольно зажиточнаго купца, который, однако, совершенно разорился и умеръ, когда его единственному сыну было всего четыре года. М. И. Крашенинниковъ выросъ въ нуждѣ и лишеніяхъ и 14 лѣтъ отъ роду былъ отпущенъ матерью въ Москву съ семью копейками въ карманѣ. Въ Москвѣ онъ поступилъ сначала мальчикомъ въ лавку, затѣмъ сталъ прикащикомъ; отличаясь замѣчательною аккуратностью и дѣловитостью, онъ къ 27 годамъ скопилъ небольшія средства и съ ними открылъ ткацкую фабрику. Дѣла его быстро стали развиваться, онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ заграничными рынками и имѣлъ уже довольно крупное состояніе, когда, въ началѣ 40-хъ годовъ, послѣдовало, въ виду политическихъ осложненій, запре-

щеніе ввоза хлопка; у Крашенинникова въ это время были громадные его запасы; цѣны на хлопокъ страшно поднялись—и состояніе Крашенинникова въ скоромъ времени утроилось и достигло колоссальной по тому времени цифры — около 10 мил. рублей. Начиная съ этого времени Крашенинниковъ сталъ очень много жертвовать на дѣла благотворенія. Въ теченіе 10 лѣтъ онъ внесъ и разослалъ въ разные города до 2-хъ мил. рублей, для выдачи изъ процентовъ вспомоществованій бѣднымъ невѣстамъ при выходѣ ихъ замужъ; свыше 3-хъ милліоновъ оставилъ онъ по завѣщанію съ такимъ же назначеніемъ; капиталы его имени имѣются въ Москвѣ, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ московской губерніи и въ нѣкоторыхъ городахъ сосѣднихъ губерній. Своимъ наслѣдникамъ—сыну и нѣсколькимъ дочерямъ и своей вдовѣ—онъ оставилъ немногимъ болѣе, чѣмъ пожертвовалъ на дѣла благотворенія. Въ частной жизни отличался крайнею простотою, умѣренностью и замѣчательною аккуратностью.

Статья М. П. Погодина—въ «Москвитянинѣ», 1851, I, 39—65; на основаніи ея составлены статьи въ сборникахъ «Наше купечество», вып. II, 49—64, и «Русскіе люди», I, 41—53; «Жур. Мин. Вн. Дѣлъ», 1851, ч. 33, 303—315.

Крашенинниковъ, *Серѣй Петровичъ*, редакторъ «Морского Сборника» ум., 21 апрѣля 1870 г. Въ 1823 г. поступилъ въ Морской корпусъ кадетомъ, въ 1825 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1828 г. произведенъ въ мичманы и оставленъ въ офицерскомъ классѣ; въ 1837—1843 г.г. находился въ экспедиціи при съемкѣ береговъ Финскаго залива, въ 1847 г. вышелъ въ отставку и 4 октября поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство съ переименованіемъ въ коллежскіе ассесоры, съ 1850 г., по предложенію морского ученаго комитета, не оставляя службы въ почтовомъ вѣдомствѣ, поступилъ въ правители канцеляріи ученаго комитета, и сталъ завѣдывать редакціей «Морского Сборника». 5 января 1863 г. уволенъ отъ службы изъ почтоваго вѣдомства съ чиномъ статскаго совѣтника. Онъ написалъ нѣсколько статей, изъ которыхъ важнѣйшія: «Біографія Пахтусова», въ «Запис. Гидрогр. Департ.», 1844, II, 412—419; «Распоряженія по управленію генералъ-гидрографа и замѣненіе его гидрографическимъ депо 1827—1837 г.г.»—въ «Зап. Гидрогр. Департ.», 1842, I, 1852, X; «Многоязычные морскіе словари»—въ «Морск. Сборникѣ», 1850, VIII, «Воспоминанія о службѣ капитана Бологовскаго», тамъ же, 1851, X; «Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи», тамъ же, 1867. XII, «Вице-адм. Рейнеке», тамъ же, 1869, V. Кромѣ того Крашенинникову принадлежитъ нѣсколько рецензій, нѣсколько статей въ другихъ періодическихъ изданіяхъ съ 1828 г.; онъ участвовалъ въ «Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ» Зедделеръ подъ буквами С. П. К.

«Общій морской списокъ 1898 г., т. X, 443—444. Біографія въ «Морск. Сб.», 1870 г. № 6. «Кронштадтскій Вѣстникъ», 1870 г.

П. Бѣлавенецъ.

Крашенинниковъ, *Степанъ Петровичъ*, профессоръ ботаники, адъюнктъ Академіи Наукъ, род. 18 октября 1713 г., ум. 12 февраля 1755 г. Сынъ солдата; учился въ Заиконоспасской школѣ и въ 1732 г. изъ философскаго класса взятъ въ студенты Академіи Наукъ. Въ 1733 г., когда снаряжена была камчатская экспедиція академиковъ Гмелина, Миллера и Делиль-де-ля Кройера, Крашенинниковъ былъ отправленъ съ нею вмѣстѣ съ пятью другими студентами, причисленными къ экспедиціи. По отзыву Ломоносова изъ всѣхъ ихъ вышелъ дѣльнымъ одинъ Крашенинниковъ, а остальные всѣ во время экспедиціи испортились,—«отъ недостатка смотрѣнія», какъ объясняетъ Ломоносовъ; со своей стороны Крашенинниковъ сообщалъ Ломоносову, что въ Сибири Гмелинъ читалъ ему лекціи тайкомъ отъ Миллера, который былъ противъ того, чтобы во время экспедиціи профессора еще обучали студентовъ. Экспедиція выѣхала изъ Петербурга 19-го августа 1733 г., весною 1735 г. прибыла въ Иркутскъ. По дорогѣ академики собирали всевозможнаго рода свѣдѣнія; Крашенинниковъ очень ревностно работалъ и помимо ближайшихъ къ его спеціальности свѣдѣній, записывалъ, по порученію академиковъ, наблюденія надъ образомъ жизни разныхъ племенъ, съ которыми экспедиція сталкивалась, списывалъ въ городскихъ архивахъ разные акты и пр. Сношенія съ морскою экспедиціею Беринга, которая должна была выслать суда къ устью Амура для перевозки экспедиціи академиковъ въ Камчатку, затянулась; Гмелинъ съ Миллеромъ жили въ Иркутскѣ, совершая довольно отдаленныя экскурсіи по окрест-

нымъ мѣстамъ, а Крашенинниковъ, по собственному его желанію, въ 1736 г. одинъ отправленъ былъ въ Камчатку. Онъ объѣхалъ весь полуостровъ и собралъ почти одинъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи были обнародованы въ его извѣстномъ трудѣ и долгое время были почти единственными научными свѣдѣніями о Камчаткѣ въ европейской литературѣ; вмѣстѣ съ наблюденіями естественноисторическими онъ и тутъ собиралъ историческія свѣдѣнія и снималъ копіи съ старинныхъ грамотъ въ разныхъ острогахъ. Крашенинникъ провелъ въ этомъ путешествіи почти пять лѣтъ. Только въ 1740 г. прибылъ въ Камчатку новый работникъ, адъюнктъ академіи Штеллеръ; онъ въ 1738 г. присоединился къ Миллеру и Гмелину въ Иркутскѣ; но такъ какъ незадолго передъ тѣмъ пожаръ въ квартирѣ Гмелина уничтожилъ и попортилъ разные инструменты, то старшіе академики не пожелали продолжать своего путешествія далѣе и Штеллеръ 9 іюня одинъ поѣхалъ въ Камчатку. Проработавъ здѣсь съ Крашенинниковымъ около года, онъ въ 1741 г. самъ отправился изслѣдовать и описывать сѣверо-восточные берега Америки, а Крашенинникова отослалъ въ Иркутскъ. Крашенинниковъ присоединился тутъ къ Миллеру и Гмелину и вмѣстѣ съ ними возвратился въ Петербургъ въ февралѣ 1743 г.

Въ 1745 г. Крашенинниковъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ Академіи, въ 1750 г. профессоромъ ботаники; онъ былъ первый изъ русскихъ ученыхъ, преподававшій эту науку. Въ 1750 г. онъ говорилъ на публичномъ собраніи Академіи рѣчь «О пользѣ наукъ и художествъ во всякомъ государствѣ»; съ 1748 г. онъ былъ ректоромъ академической гимназіи; онъ упражнялъ учениковъ въ переводахъ съ латинскаго и греческаго. Въ 1749 г. онъ былъ въ числѣ тѣхъ пяти академиковъ, которымъ поручено было разсмотрѣть диссертацію Миллера «Происхожденіе народа и имени россійскаго», надѣлавшую столько шуму въ свое время. Крашенинниковъ былъ даже секретаремъ этой комиссіи академиковъ; его отношеніе къ диссертаціи Миллера было вполнѣ отрицательное.

Главная работа Крашенинникова — это извѣстное его «Описаніе земли Камчатки». Обработку матеріаловъ, собранныхъ имъ за время пребыванія на этомъ полуостровѣ, онъ началъ немедленно по возвращеніи. Такъ какъ Штеллеръ умеръ въ 1745 г., возвращаясь въ Петербургъ, въ Тюмени отъ горячки, то Крашенинникову поручено было воспользоваться и тѣми матеріалами, собранными Штеллеромъ, которые онъ ранѣе привезъ въ Петербургъ. Крашенинниковъ успѣлъ напечатать, но не успѣлъ выпустить своего труда въ свѣтъ: онъ умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ, уже совершенно больной, прочелъ послѣднюю корректуру послѣдняго листа. Это произведеніе было для своего времени весьма замѣчательнымъ по богатству свѣдѣній, по точности и серьезности описаній; замѣчательна книга и по своему языку, для того времени и для тѣхъ предметовъ, о какихъ приходилось трактовать, очень хорошему. Сочиненіе это было переиздано по русски въ 1786 и въ 1818 годахъ; кромѣ того— въ теченіе 1764—1770 гг.—оно появилось въ переводахъ англійскомъ, нѣмецкомъ, двухъ французскихъ и двухъ голландскихъ; нѣмецкое изданіе было повторено въ 1789 г. Когда Шереръ, въ 1774 г., напечаталъ, что Beschreibung von der Lände Kamtschatka составлено Штеллеромъ послѣ того какъ онъ раздѣлился съ Крашенинниковымъ и въ предисловіи отзывался о Крашенинниковѣ неуважительно и утверждалъ, что онъ очень многое позаимствовалъ изъ матеріаловъ Штеллера, то Бюшингъ, Палласъ и анонимный критикъ Allgemeine deutsche Bibliothec горячо заступились за Крашенинникова и доказали, что не только онъ не скрывалъ никогда заимствованій изъ наблюденій Штеллера, но что его собственныя наблюденія и описанія нерѣдко точнѣе и важнѣе описаній Штеллера. При жизни Крашенинникова изъ трудовъ его были напечатаны, кромѣ нѣсколькихъ мемуаровъ по ботаникѣ въ I и II томахъ Novi Commentarii, переводъ «Квинта Курція, Исторія о Александрѣ Великомъ, царѣ Македоніи, съ дополненіями Фрейнсгейма и съ примѣчаніями» (Спб. 1750—1751, 2 части); изданіе это было повторено еще пять разъ, послѣдній разъ въ 1813 г.; послѣ смерти Крашенинникова вышли его произведенія: «Слово о пользѣ наукъ и художествъ», Спб. 1756 и «Flora ingrica, ex schedis S. Krascheninnikof confecta... a D. Gorter», Спб. 1761.

Миллеръ, написавшій предисловіе къ «Описанію земли Камчатки» слѣдующими словами говоритъ о покойномъ профессорѣ,

съ которымъ при жизни его онъ не очень ладилъ: «Онъ былъ изъ числа тѣхъ, кои ни знатною природою, ни фортуны благодѣяніями не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли въ люди, кои ничего не заимствуютъ отъ своихъ предковъ, и сами достойны называться начальниками своего благополучія».

Евгеній, «Словарь свѣт. писат.», I, 314—316; Бантышъ-Каменный, «Словарь»; Билярскій, «Матеріалъ для біогр. Ломоносова»; Геннади, «Словарь»; Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», I; «Описаніе земли Камчатки», I, предисловіе.

Н. Ч.

Крейтонъ, *Александръ Александровичъ*, (Crichton, sir Alexandre) род. 2 декабря (н. ст.) 1763 г. въ Эдинбургѣ, ум. 4 іюня (н. ст.) 1856 г. Медицинское образованіе получилъ въ родномъ городѣ. Продолжая изучать медицину, онъ посѣтилъ Штутгардъ, Галле, Вѣну, Парижъ и Лейденъ, и здѣсь получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи изъ за границы, онъ занялся въ Лондонѣ медицинскою практикою и читалъ лекціи о химіи и практической медицинѣ въ Вестминстерскомъ госпиталѣ. Въ 1793 г. появилось его извѣстное сочиненіе «объ умопомѣшательствѣ»—«An inquiry into the nature and origin of mental derangement, etc». (London, 1793, 2 т. переведено на языки нѣмецкій (Hoffbauer) и голландскій). Въ 1804 г. онъ былъ вызванъ въ Россію, гдѣ и прослужилъ въ званіи лейбъ-медика до 1819 г., а затѣмъ вернулся въ Англію.

Кромѣ уже названнаго труда, ему принадлежатъ: 1) A synoptical table of diseases, etc. London, 1805».—2) «An account of some experiments made with the vapour of boiling tar, in the cure of pulmonary consumption. Edinburg. 1817.»—Переведено на французскій и нѣмецкій языки; 3) Practical observations on the treatment and cure of severel varieties of pulmonary consumption... London, 1823 сочиненіе о чахоткѣ, замѣчательнѣйшее въ свое время; 4) Commentaries on some doctrines ets. London, 1842 — опыты и наблюденія надъ разными болѣзнями, собранные авторомъ въ продолженіе своей практики.

Никитинъ. Краткій обзоръ медицины въ Россіи въ царств. Имп. Екат. II; Hirsch., «Biogr. Lexikon der Aertzte».

Крейцвальдъ, *Фридрихъ Рейнгольдъ*, докторъ медицины, эстонскій поэтъ, род. 14 декабря 1803 г., ум. 13 августа 1882 г. Родился въ Іемперѣ, въ везенбергскомъ уѣздѣ въ Эстляндіи, учился въ Дерптскомъ университетѣ съ 1826 по 1832 г., степень доктора медицины получилъ при одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. 7 апрѣля 1833 г. былъ опредѣленъ городскимъ врачемъ въ городѣ Верро и здѣсь прослужилъ 44 года; въ 1877 г. оставилъ медицинскую практику, переселился въ Дерптъ и жилъ здѣсь до кончины. Крейцвальдъ въ дѣтствѣ заучилъ много эстонскихъ сказокъ и пѣсенъ, а на 16 году познакомился съ однимъ 80-лѣтнимъ старикомъ, по ремеслу рыбакомъ, обладавшимъ юношески-свѣжею памятью и поэтическимъ воображеніемъ; этотъ старикъ, по имени Яковъ, много разсказывалъ Крейцвальду сказокъ — о Калевѣ, о его путешествіи черезъ Финскій заливъ и о приключеніяхъ его въ Финляндіи и др. Сказки эти были источникомъ для позднѣйшихъ этнографическихъ изслѣдованій Крейцвальда. Затѣмъ, около 1826 г. Крейцвальдъ познакомился съ Фальманомъ, извѣстнымъ знатокомъ эстонской народности и народныхъ преданій, и еще будучи студентомъ много путешествовалъ, во время каникулъ, по Эстоніи, собиралъ и записывалъ народныя эстонскія сказанія и пѣсни. Въ тридцатыхъ годахъ стали появляться его статьи объ эстонскихъ древностяхъ, миѳологіи, народныхъ преданіяхъ и о пѣсняхъ и сказкахъ. Самою выдающеюся работою Крейцвальда является его «Калевипоэгъ»—(т. е. «Сынъ Калева»)—обработка разныхъ частей эстонской народной поэмы о Калевѣ, вышедшая въ 1857—1859 гг.; сначала она состояла изъ 12 пѣсенъ, затѣмъ была дополнена до 20. Поэма эта была впослѣдствіи переведена на нѣсколько языковъ. Сочиненія Крейцвальда: 1) Ueber ein im Blanken-See versunkenes Gut.-Inland 1838 № 39. 2) Ueber die Monatsnamen der Esten. St. Petersb. 1857. 3) Ueber die Orthographie Este, Estland, estnisch... — Reval. Zeit. 1861 № 51. 4) Die Schöpfung der Thiere. Estnische Volkssage.—Verhandl. der Ges. estn. Gesch. III p. 102. 5) Etwa zur Sagengeschichte der Esten. Inland 1856 № 39. 6) Kalewipoeg, eine Estnische Sage. Verdeutscht von C. Reinthal. Dorpat. Verhandl. der Ges. Estn. Gesch. V. 7) Fählmans Leben. Dorpat. 1852. 8) Der Esten abergläubische Gebräuche. St. Petersb. 1854. 8°. 9)

Mythische und magische Lieder der Esten. 1854. 10) Mittheilungen über alte Gräber in der Umgegend. von Werro.—Archiv. VI. 1851 p. 80. 11) Wie Olew die Kirche in Reval baute. Estnische Sage.—Inland. 1847. № 45. 12) Die Stadt Narwa in estnischen Erinnerungen—Sitzung der Narew. Altethum. Gesell. 1865, p. 24. 13) Estnische Gebräuche bei den Sterbenden und Todten. Inland. 1836 № 18. 14) Einiges über Aberglauben, Sitten und Sagen der Esten.—Inland 1837 № 41—42. 15) Beitrag zur Mythologie der Esten — Inland. № 9. 1638. 16) Ueber den Charakter der estnischen Mythologie.—Verhand. d. Ges estn. Gesch. 1850 II p. 36. Кромѣ того Крейцвальдъ издалъ около 40 книжекъ разнаго содержанія на эстонскомъ языкѣ.

«Голосъ», 1882 № 222 и «Verhandl. d. Estn. Gesellsch» 1882.

Крейцъ, графъ, *Ципріанъ Антоновичъ*, генералъ отъ кавалеріи, род. 26 іюня 1777 г. ум. въ 1850 г. Происходилъ изъ старинnаго славянскаго рода, представители котораго занимали въ XVI ст. довольно высокіе посты въ Пруссіи, а съ XVII ст. переселились въ Польшу, гдѣ дѣдъ гр. Ципріана Крейца получилъ графскій титулъ. Принятъ былъ въ русскую службу въ 1801 г. полковникомъ, изъ генералъ-адъютантовъ послѣдняго польскаго короля. Отличился въ войнахъ съ французами 1804—1807 гг., какъ искусными дѣйствіями, такъ и подвигами замѣчательной личной храбрости: однажды, напр., окруженный превосходными силами непріятеля, онъ пробился, получивъ 13 ранъ. При началѣ Отечественной войны онъ командовалъ Сибирскимъ драгунскимъ полкомъ и отличился въ защитѣ м. Ошмяны, подъ Витебскомъ—за послѣднее дѣло произведенъ въ генералъ-маіоры, — подъ Смоленскомъ, Вязьмой и подъ Бородинымъ, гдѣ командовалъ 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ. Въ 1813 г. отличился въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Въ 1814 г. назначенъ начальникомъ авангарда войскъ, направленныхъ на Шлезвигъ-Голштинію, затѣмъ, исправляя уже должность военнаго губернатора въ этомъ герцогствѣ, блокировалъ и взялъ Гамбургъ, за что получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Въ 1824 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ войнѣ 1828—1829 гг. принялъ дѣятельное участіе и неоднократно одерживалъ верхъ надъ турками, то въ качествѣ одного изъ частныхъ командировъ въ большихъ сраженіяхъ — подъ Силистріей и при Кулевчѣ, — то въ качествѣ командира отдѣльныхъ отрядовъ. Столь же успѣшно дѣйствовалъ онъ въ 1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ; за побѣду подъ г. Казимиржемъ, въ мартѣ 1831 г., гдѣ онъ взялъ въ плѣнъ до 3.000 чел., произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Затѣмъ онъ разбилъ Хржановскаго при Замостьѣ, нанесъ нѣсколько пораженій корпусу Гелгуда и вытѣснилъ его изъ предѣловъ имперіи въ Пруссію; въ это время онъ былъ уже командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Очистивъ отъ мятежниковъ Литву, Крейцъ присоединился къ главной арміи и за участіе въ сраженіи подъ Варшавою получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. Въ 1845 г. уволенъ по прошенію, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья отъ командованія корпусомъ.

«Справ. Энцик. лекс.», Края, VI; «Журн. для чтенія воспит. военно-учебныхъ заведеній», 1851, т. 92, стр. 270—299.

Крекшинъ, *Петръ Никифоровичъ*, писатель, род. въ 1684 г., ум. въ 1763 г. Свѣдѣнія о жизни его весьма скудны. Происходилъ онъ изъ новгородскихъ дворянъ; служилъ въ Кронштадтѣ смотрителемъ работъ; въ 1714 г., вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ и, въ наказаніе, въ Кронштадтѣ же назначенъ работать при казенныхъ строеніяхъ. Черезъ 3 года былъ оправданъ и служилъ снова въ Кронштадтѣ; съ 1722 по 1727 г. онъ былъ при какомъ то «слѣдствіи кронштадтскихъ дѣлъ» и получалъ жалованья 240 р. въ годъ. 16 іюня 1727 г. онъ былъ назначенъ въ Москву—по неясному выраженію самого Крекшина «при дѣлахъ его императорскаго величества». Изъ этого несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что неточно извѣстіе, будто послѣ смерти Петра Великаго Крекшинъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя собиранію свѣдѣній о Петрѣ; кажется даже, что онъ служилъ до конца 1730-ыхъ гг.—Почти одновременно съ переводомъ въ Москву отъ него спрашивали, чтобы онъ подалъ свѣдѣніе «объ отдѣленіи лигатуры отъ гривенниковъ»; въ 1737 г., въ академіи наукъ комиссія изъ Эйлера, Крафта и Нартова неоднократно свидѣтельствовали вѣсы, устроенные Крекшинымъ для взвѣшиванія монетъ и драгоцѣнныхъ металловъ; переписку объ

этихъ вѣсахъ вела съ Академіею комиссія объ учрежденіи мѣръ и вѣсовъ, и именовала всегда Крекшина комиссаромъ, а не отставнымъ; весьма возможно, что именно назначеніе къ монетному дѣлу Крекшинъ и имѣлъ въ виду, говоря что онъ назначается «при дѣлахъ его величества». Въ 1742 году Крекшинъ представилъ императрицѣ томъ собранныхъ имъ свѣдѣній о Петрѣ; императрица разрѣшила ему пересмотрѣть дѣла и бумаги Петра Великаго, находившіяся тогда въ Петропавловской крѣпости. Крекшинъ не ограничился этимъ, а продолжалъ свои поиски и выписки и дальше; одна исторія Петра Великаго обнимала, по свидѣтельству Миллера, 15 фоліантовъ, а Крекшинъ писалъ и многое другое; попутно онъ собиралъ и разныя древнія рукописи вообще. Послѣ его смерти въ 1791 г. его рукописи были вывезены кѣмъ то на рынокъ; здѣсь купилъ ихъ извѣстный Сопиковъ, а затѣмъ отъ него пріобрѣлъ гр. Мусинъ-Пушкинъ. Въ собраніи Крекшина было, повидимому, нѣсколько цѣнныхъ манускриптовъ; Татищевъ свидѣтельствуетъ о древности и отличной сохранности одной рукописи Крекшина, которою онъ пользовался; въ 1737 г. Крекшинъ представилъ въ Академію Наукъ «собственную свою книгу древняго письма, написанную на пергаментѣ, и правила вселенскихъ соборовъ», которой «прилично быть въ императорской библіотекѣ» и просилъ въ обмѣнъ на нее двѣ изданныя академіею книги; Академія согласилась на этотъ обмѣнъ. Рукописями изъ собранія Крекшина, когда оно было уже въ рукахъ Мусина-Пушкина, пользовались кн. Щербатовъ, Голиковъ, Болтинъ; говорятъ, что ихъ осматривала императрица Екатерина и кое что выбрала для Эрмитажной Библіотеки. Что сталось съ прочими — неизвѣстно. Въ 1742 г. Крекшину пришлось было имѣть дѣло съ Тайной Канцеляріей изъ-за того, что Крекшинъ писалъ какія то объясненія по поводу появившейся въ этомъ году кометы, которую Крекшинъ призналъ за звѣзду предвѣщательную; кто то изъ личныхъ враговъ Крекшина сообщилъ объ этомъ Ушакову. Крекшинъ, однако, вышелъ изъ этой исторіи благополучно—толкованія кометѣ онъ давалъ, конечно, не предосудительныя съ точки зрѣнія тогдашнихъ властей; кромѣ того, онъ былъ человѣкъ достаточно опытный и даже доносителей противъ себя съумѣлъ поставить въ неловкое положеніе путемъ толкованій нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ доносовъ.

Крекшинымъ были составлены до 45 фоліантовъ, изъ нихъ 27 относились къ исторіи Петра; кромѣ огромной исторіи Петра Великаго, онъ написалъ еще: «Родословіе великихъ князей и царей россійскихъ»; «Исторію о вел. кн. Ольгѣ, нареченной во святомъ крещеніи Еленою»; «Лѣтописи отъ начала царствованія ц. Іоанна Васильевича, съ 1531 г. до 1560 г.»; «Исторію о царѣ Борисѣ Годуновѣ по 1600 г.»— они утрачены. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ имѣются работы Крекшина: «Журналъ великославныхъ дѣлъ великихъ государей... Іоанна и... Петра... собранный... Крекшинымъ... въ лѣто... 1758 г...»; «Экстрактъ» изъ журнала, за 1682 г., составленный еще въ 1754 г., «Экстрактъ изъ великославныхъ дѣлъ кесарей восточныхъ и западныхъ и изъ великославныхъ дѣлъ императора Петра Великаго»—писанный въ 1759 г. и заключающій, между прочимъ, такое положеніе: «всѣхъ реченныхъ кесарей дѣла предъ великославными дѣлами Петра Великаго столь малы, какъ моря предъ великимъ окіаномъ». Напечатано изъ написаннаго Крекшинымъ: «Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго... представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ» (четырежды—въ 1788 г., 1789 г., 1791 г. и 1808 г.), «Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ царенія государя Петра Великаго» и т. д. (пять разъ – отдѣльно въ 1787, 1795, 1835 гг.,—въ «Собраніи разныхъ записокъ», Туманскаго, I, и въ «Отечественн. Записк.», 1848, LIX,—безъ обозначенія имени автора), «Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго, самодержца всероссійскаго, собранное чрезъ недостойные труды послѣднѣйшаго раба Петра Крекшина дворянина Великаго Новгорода» (издано Сахаровымъ въ 1841 г., въ сборникѣ «Записки русскихъ людей»; въ это сочиненіе входитъ какъ часть предшествующее); наконецъ, въ XLVII выпускѣ «Памятниковъ древней письменности» напечатано о. Леонидомъ «Родословіе императрицы Елизаветы Петровны», по довольно вѣроятному предположенію издателя принадлежащее Крекшину.

Насколько можно судить по напечатаннымъ произведеніямъ Крекшина — его

писанія о Петрѣ Великомъ не могутъ имѣть историческаго значенія; въ такомъ именно смыслѣ отозвался объ его исторіи Петра Великаго и Миллеръ. «Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ Петра Великаго» изложено чрезвычайно напыщенно, содержитъ множество самыхъ мелкихъ, но очевидно измышленныхъ, подробностей; всякое событіе излагается съ собственными рѣчами дѣйствующихъ лицъ, и рѣчи эти—высокопарны, многословны и написаны языкомъ богослужебныхъ книгъ; содержаніемъ произведеніе Крекшина чрезвычайно бѣдно и едва ли можно выдѣлить въ немъ хотя одну жизненную, исторически цѣнную, подробность. При всемъ множествѣ восторженно похвальныхъ эпитетовъ, какими снабжаетъ Крекшинъ Петра, составляя похвалу ему чуть ли не отрывками изъ разныхъ акаѳистовъ и «похвалъ» агіографическаго характера, у автора почти не видно искренняго, живого увлеченія своимъ героемъ; едва ли Крекшинъ не болѣе увлекался возможностью витіевато говорить по поводу какого нибудь событія, чѣмъ событіемъ самимъ по себѣ. Несимпатичныя черты прибавляютъ къ характеристикѣ Крекшина и разныя отрывочныя и мелкія свидѣтельства о его дѣятельности. Такъ, въ 1727 г., при назначеніи въ Москву, онъ подалъ прошеніе на имя императора, гдѣ «Богомъ свидѣтельствуется»,—не представляя не только доказательствъ, но даже и объясненій—что онъ издержалъ на разныя казенныя дѣла до 2000 р., которыхъ не получилъ, и сейчасъ же переходитъ къ сообщенію, что такой то и такой-то должны столько то за разные матеріалы, причемъ неясно уже, кому они и должны, Крекшину или казнѣ; въ 1735 г. онъ представилъ «въ академію наукъ предложеніе»; въ немъ онъ «съ покорностью просилъ высокоучрежденную академіи наукъ канцелярію разсмотрѣть о началѣ рода славянскаго, и почему славяне нарицались, и почему россы, и гдѣ ихъ столичный градъ Славянскъ былъ»; въ заключеніе онъ заявляетъ, «что со всякою охотою показать готовъ», что Новгородъ назывался въ древности Славянскъ Великій и былъ общею славянскою столицею и пр. Начиная, такимъ образомъ, съ вопроса какъ бы научнаго, общаго, и въ свое время интересовавшаго даже не только такихъ начетчиковъ, какъ Крекшинъ, Крекшинъ въ той же бумагѣ какъ бы невольно переходитъ въ частный доносъ—сообщаетъ, что кн. Гагаринъ, почему то, не обратилъ вниманія на необходимость лучше сохранять разныя «древнія письма» въ Новгородѣ, хотя онъ, Крекшинъ, ему на это и указывалъ. Въ 1746 г. Крекшинъ подавалъ доносъ на Миллера, обвиняя его въ оскорбленіи величества, по поводу того, что Миллеръ привелъ въ своихъ матеріалахъ выписку о томъ, что московскіе великіе князья унижались предъ татарскими послами. Въ 1749 г. Крекшинъ сдѣлалъ сообщеніе, тоже имѣвшее характеръ доноса, что въ Псковѣ гніютъ до 20.000 книгъ, собранныхъ въ разныхъ завоеванныхъ у шведовъ городахъ; былъ посланъ освидѣтельствовать ихъ академикъ Фишеръ—нашелъ тамъ только два сундука со старыми газетами и календарями. Другое подобное же указаніе Крекшина было справедливо и принесло пользу: по его указанію, что въ Петропавловской крѣпости гніютъ бумаги Меншикова, бумаги эти были разобраны въ 1749 и 1750 гг. Миллеромъ. Въ 1751 г. Крекшинъ, конечно, по его прошенію, допущенъ былъ въ засѣданіе Сената и «доносилъ», что въ напечатанной Ломоносовымъ книжкѣ сказано: «статуя Петрова», а писать такъ недолжно, надо писать «персона»; Сенатъ отвѣтилъ ему, что напечатанс такъ съ подлежащей апробаціи «и противности никакой нѣтъ».

Сахаровъ, «Записки русскихъ людей»; Геннади, «Словарь»; Бантышъ-Каменскій, «Словарь», IV; Новиковъ, «Опытъ истор. словаря»; Устряловъ, «Исторія Петра Великаго» ,I, XL, XLIII; Евгеній, «Словарь»; Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», т. I; Шмурло, «Петръ Великій въ русской литературѣ», 80—82, 99—100; А. Бычковъ, «Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Импер. Публ. Библ.» Спб. 1872; «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ», тт. II—IV; «Русская Старина», 1873, VII, 859. «Древ. и Нов. Россія», 1878. № 4, 338—342. *Н. Ч.*

Кремпинъ, *Валеріанъ Александровичъ*, педагогъ, журналистъ, умеръ въ 1889 г. Служилъ въ артиллеріи и былъ воспитателемъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1859 г. основалъ ежемѣсячный журналъ «Разсвѣтъ», явившійся отголоскомъ прогрессивныхъ стремленій шестидесятыхъ годовъ и имѣвшій цѣлію, главнымъ образомъ,—содѣйствовать развитію молодого женскаго поколѣнія. Въ журналѣ участвовали: Стюнинъ, Хмыровъ, М. Семевскій и др.; въ немъ начали свою литературную дѣятельность Н. К. Михайловскій, К. А. Скальков-

скій (оба еще кадетами), Фирсовъ (Рускинъ) и Писаревъ. Самъ Кремпинъ участвовалъ въ библіографическомъ обзорѣ журнала и написалъ статью «Державинъ» (1859 г., № 10). По прекращеніи «Разсвѣта» Кремпинъ служилъ въ акцизѣ.

«Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 4; «Словарь» Брокгауза и Ефрона, XVI, 643.

Креницынъ, *Александръ Николаевичъ*, писатель, род. 5 марта 1801 г., ум. 28 августа 1865 г. Воспитывался сначала въ Царскосельскомъ лицеѣ; въ сентябрѣ 1812 г. переведенъ былъ въ Пажескій корпусъ; здѣсь онъ особенно сблизился съ Я. И. Ростовцевымъ и Е. А. Баратынскимъ и самъ рано началъ писать стихи; А. А. Бестужевъ замѣтилъ и поощрялъ его талантъ. Стихотворенія Креницына были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» въ 1819 г. (XXXVI, 137—138), затѣмъ въ журналѣ Воейкова «Славянинъ», въ «Русскомъ Инвалидѣ», за 1828 г.; но большинство изъ нихъ оставались не напечатанными и ходили по рукамъ; одно—«Панскій бульваръ», — ѣдко осмѣивавшее многихъ видныхъ лицъ своего времени, чуть было не повлекло за собою исключеніе Креницына изъ корпуса. Въ 1820 г., за оскорбленіе одного изъ воспитателей, онъ былъ исключенъ и отданъ въ солдаты; только черезъ 3 года произведенъ онъ былъ въ прапорщики, а въ 1828 г. вышелъ въ отставку подпоручикомъ. Съ этого времени онъ поселился въ своемъ имѣніи Мишнево, псковской губерніи, гдѣ и жилъ до кончины, занимаясь чтеніемъ; онъ собралъ отличнѣйшую библіотеку и хорошую коллекцію гравюръ и разныхъ рѣдкостей. Нѣсколько разъ совершалъ онъ поѣздки за границу и всегда возвращался оттуда съ богатымъ запасомъ книгъ. Нерѣдко отзывался онъ остроумными стихами къ кому-нибудь изъ числа своихъ друзей, между которыми было не мало выдающихся людей своего времени. Нѣкоторые стихи его напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 г.

«Иллюстр. Газета», 1865 г., № 40; «С.-Петерб. Вѣдомости», 1865 г., № 241; «Отечеств. Записки», 1865 г., августъ, 285—299.

Креницынъ, *Петръ Кузьмичъ*, капитанъ 1 ранга, утонулъ 4 іюля 1770 г. въ р. Камчаткѣ. Въ 1742 г. поступилъ въ Морскую Академію ученикомъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ гардемарины, въ 1748 г. въ мичманы. Въ 1760 г., командуя бомбардирскимъ кораблемъ «Юпитеръ», участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и заслужилъ самую лестную аттестацію контръ-адмирала Мордвинова. Когда до свѣдѣнія императрицы Екатерины II дошло, что русскими промышленниками открыты нѣсколько острововъ въ Сѣверномъ Великомъ океанѣ Государыня повелѣла адмиралтействъ Коллегіи отправить «немедленно, по своему разсужденію сколько надобно, офицеровъ и штурмановъ, поруча надъ онымі команду старшему, котораго-бы знаніе въ морской наукѣ и прилежаніе къ оной извѣстно было». Выборъ палъ на капитанъ-лейтенанта Креницына, который при этомъ получилъ отъ императрицы Екатерины чинъ капитана 2 ранга и золотые часы; онъ былъ назначенъ въ 1764 г. начальникомъ «секретной» экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія новооткрытыхъ острововъ. Сухимъ путемъ онъ отправился въ Охотскъ, куда прибылъ въ концѣ 1765 года, а 10 октября 1766 г., командуя бригантиной «Св. Екатерина» съ отрядомъ изъ 4-хъ мелкихъ судовъ, отправился изъ Охотска; но суда его были разлучены сильнымъ штурмомъ и потерпѣли крушеніе 25 октября у береговъ Камчатки, близъ г. Большерѣцка: стоя на одномъ оставшемся якорѣ на двухъ дрекахъ, Креницынъ переправилъ команду на берегъ и самъ послѣднимъ оставилъ судно. Въ 1767 г. на построенномъ имъ самимъ ботѣ «Св. Гавріилъ» перешелъ изъ Большерѣцка въ Нижнекамчатскъ; въ 1768 г., командуя гальотомъ «Св. Екатерина», вышелъ изъ рѣки Камчатки и дошелъ до острова Унимака, гдѣ и зазимовалъ. Въ 1769 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга и, командуя тѣмъ же гальетомъ и начальствуя экспедиціею, перешелъ въ Камчатку. Вслѣдствіе дурной и поспѣшной постройки судовъ, недостатка провіанта и враждебнаго отношенія туземцевъ экспедиція эта окончилась черезъ 4 года безъ видимаго результата; во время этой-то экспедиціи Креницынъ и утонулъ 4 іюля 1770 г. въ р. Камчаткѣ, послѣ чего суда экспедиціи вернулись въ Охотскъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Левашева, который, забравъ людей, вернулся въ С.-Петербургъ. Изъ открытій Креницына извѣстна очень удобная гавань на о-вѣ Уналашкѣ, названная гаванью Св. Павла.

«Общій мор. списокъ», II; «Матеріалы для исторіи русск. флота», VIII—XI; Соколовъ, А.,

«Лѣтопись крушеній», Спб., 1855; его-же статьи въ «Зап. Гидрогр. департ.», 1846, IV и 1852, X; Колкевичъ, «Лѣтопись крушеній», 1874; Берхъ, «Достопам. происшествія» въ «Зап. Госуд. адмир. департ.», 1824, VII.

П. Бѣлавенецъ.

Крестининъ, *Василій Васильевичъ*, историкъ Двинской земли и административный дѣятель. Род. въ 1729 г., ум. 5 мая 1795 г.; уроженецъ Архангельска, сынъ купца. Его отецъ, Василій Крестининъ, происходилъ, по словамъ его сына, изъ «бѣдныхъ сиротъ Холмогорскаго посада»; благодаря уму и трудолюбію, «вышелъ въ первостатейные купцы» и въ 1735 г. былъ избранъ даже ратушскимъ бургомистромъ. Дѣтство и отрочество В. Крестинина были окружены большимъ достаткомъ въ домѣ его отца; послѣдній, хорошо сознавая весь вредъ собственной малограмотности, старался дать лучшее образованіе своему сыну; кто и чему обучали будущаго историка, нѣтъ извѣстій, но изъ его трудовъ видно, что онъ принадлежалъ къ образованнымъ людямъ своего времени, хорошо владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ, былъ начитанъ и знакомъ съ языками нѣмецкимъ и латинскимъ.

Въ 1747 году отецъ историка потерялъ въ какомъ-то неудачномъ предпріятіи большую часть своего имущества, и тогда В. Крестининъ долженъ былъ поступить на должность — какъ онъ говоритъ — «мѣщанскаго писаря»; потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ архиваріусомъ и секретаремъ въ городскомъ магистратѣ. Несмотря на массу работы и подавляющій канцелярскій духъ ея, онъ твердо хранилъ свою врожденную страсть къ научнымъ занятіямъ. Въ 1759 году, вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ, А. И. Ѳоминымъ, онъ основалъ въ Архангельскѣ «Общество для историческихъ изслѣдованій», поставивъ главною его цѣлью собираніе древнихъ актовъ, лѣтописцевъ и другихъ рукописей для представленія въ Академію Наукъ. Не щадя трудовъ и издержекъ, основатели собирали все, что могли, въ частныхъ хранилищахъ,—правительственные архивы были имъ недоступны. Всѣ ихъ просьбы къ тогдашнему губернатору Головцыну о разрѣшеніи заняться въ этихъ архивахъ только вооружали начальника губерніи противъ просителей. Вскорѣ и мѣстное общество, особенно чиновники, стало подозрительно относиться къ членамъ историческаго кружка; многіе называли ихъ — «фармазонами» (франкмасонами), упрекали въ близкомъ знакомствѣ съ иностранцами и обвиняли въ отступничествѣ отъ православной религіи; при такихъ условіяхъ кружокъ распался, не просуществовавъ и десяти лѣтъ.

Но В. В. Крестининъ и А. И. Ѳоминъ продолжали свое дѣло и послѣ распаденія общества. Изъ своего собранія грамотъ и актовъ Крестининъ не мало сообщилъ академику Лепехину, сопровождая ихъ своими объясненіями, и академику Озерецковскому, съ которымъ долго состоялъ въ перепискѣ. Въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» были помѣщены рѣдкіе списки такихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ церковные уставы Владиміра Святаго и Ярослава Мудраго и «Русская Правда», которые Крестинину посчастливилось отыскать въ одной Кормчей.

Когда въ 1767 г. была учреждена «гражданская» или «посадская комиссія о исправленіи торговъ и цеховъ Архангельскаго посада», съ правомъ суда надъ нарушителями торговыхъ правилъ, въ число восьми членовъ ея былъ избранъ и В. Крестининъ. Но дѣйствовала эта полезная комиссія только 14 мѣсяцевъ. Въ 1768 г. всѣ ея члены «отказались», какъ говоритъ нашъ историкъ Крестининъ о городѣ Архангельскомъ» (стр. 33), «вслѣдствіе препинаній со стороны губернатора Головцына». Въ слѣдующемъ году (1769) В. Крестининъ былъ выбранъ посадскимъ старшиною или «присяжнымъ старшиною посада» и состоялъ въ этой должности до 1786 г. Въ 1780 г. онъ былъ выбранъ засѣдателемъ отъ мѣщанъ въ совѣстный судъ. Сколько лѣтъ онъ пробылъ въ этой должности, неизвѣстно; вѣроятно, онъ вышелъ въ отставку вскорѣ послѣ 1785 г., когда жаловался на массу работы, сопряженную съ его службою и отвлекавшую его отъ научныхъ занятій. Кромѣ этого онъ состоялъ еще попечителемъ архангельскаго отдѣленія московскаго воспитательнаго дома, учрежденнаго въ 1777 г. Бурениннымъ, и народныхъ училищъ съ 1786 г.

Около 1780 г. В. Крестининъ прислалъ въ Академію Наукъ первый свой трудъ, появившійся въ печати—«Историческіе начатки о двинскомъ народѣ», и съ тѣхъ поръ почти ежегодно присылалъ по одному, а иногда и по нѣсколько сочиненій, которыя

и печатались Академіей или отдѣльными изданіями, или въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», или въ «Мѣсяцесловахъ историческихъ и географическихъ».

Наиболѣе крупное значеніе имѣютъ его историческія работы, во главѣ которыхъ должна быть поставлена «Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ». Начинается она съ «Предувѣдомленія», гдѣ авторъ говоритъ о значеніи своей работы, о матеріалахъ, послужившихъ для ея составленія (матеріалами этими были по преимуществу рукописи, а для исторіи съ 1700 г.—и свидѣтельства современниковъ автора) и о содержаніи книги. «Исторія» изложена въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ (тѣхъ и другихъ 190). Съ перваго вопроса—«Гдѣ стоитъ городъ Архангельскъ?»—авторъ знакомитъ съ топографіей города, затѣмъ переходитъ къ его исторіи и особенно подробно говоритъ о состояніи его въ XVIII вѣкѣ. Причиною основанія города, по его словамъ, послужили «торги, заведенные англійскими и голландскими купцами». Какъ правительство ни старалось пріохотить къ нимъ архангелогородскихъ жителей, но ихъ «торги были плохи», не больше какъ на 12,000 рублей, въ то время какъ пріѣзжіе вологодскіе купцы платили одной пошлины со своихъ товаровъ болѣе 6,000 рублей. Состояніе гражданъ при первыхъ бургомистрахъ, говоритъ онъ въ 29 отвѣтѣ, было «раболѣпное» вслѣдствіе жестокихъ и крутыхъ мѣръ послѣднихъ, особенно Дудина. Оканчивается повѣствованіе Крестинина на 1780 году, и затѣмъ идетъ «Прибавленіе», состоящее изъ 1) «хронологической росписи городовыхъ приключеній съ основанія города до 1780 г.», 2) именного списка градоначальниковъ посада, служившихъ въ теченіе 80 лѣтъ по выборамъ въ бургомистрахъ ратушскихъ, магистратскихъ и въ магистратскихъ ратманахъ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о болѣе выдающихся, и 3) архивныхъ документовъ: грамотъ XVI—XVIII вѣковъ, доношеній, писемъ и челобитныхъ XVIII вѣка (занимающихъ 90 стр.).

Въ книгѣ своей «Начертаніе исторіи города Холмогоръ», авторъ поправляетъ ошибки Стурлезона и Ломоносова, и въ приложеніи помѣстилъ два листа сошнаго письма, изданнаго Озерцковскимъ.—«Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ», содержатъ много цѣннаго матеріала для исторической этнографіи Двинского края. Любопытно помѣщенное въ видѣ приложенія къ этому труду «Мнѣніе о имени, языкѣ и происхожденіи половцевъ», которыхъ авторъ считаетъ за чудское племя, выводитъ изъ области верхней Камы, и самое имя половецъ сопоставляетъ съ «ловецъ». Наконецъ, много цѣннаго матеріала въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи для Двинской земли даетъ «Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа на сѣверѣ».

Всѣ эти труды были напечатаны отдѣльными изданіями; кромѣ нихъ не мало было помѣщено Крестининымъ статей въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» и «Мѣсяцесловахъ». Большинство этихъ статей географическаго содержанія; наиболѣе цѣнныя изъ нихъ—о самоѣдахъ. Изъ историческихъ статей замѣчателенъ по богатству матеріала «Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ государя императора Петра Великаго отъ 1693 по 1719 г.», помѣщенный въ «Мѣсяцесловѣ» 1795 г. (стр. 1—111).

Въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» напечатаны двѣ любопытныя педагогическія статьи Крестинина. Въ одной изъ нихъ онъ сообщаетъ о старинномъ и современномъ воспитаніи дѣтей у двинянъ, а въ другой—о власти родительской и учительской надъ дѣтьми мужского пола; въ томъ и другомъ случаѣ рисуются весьма грустныя картины.

Значеніе Крестинина для русской исторической науки не велико: оно исчерпывается сохраненіемъ для потомства нѣкоторыхъ важныхъ старинныхъ документовъ и сообщеніемъ цѣннаго матеріала изъ городскихъ архивовъ, на основаніи мѣстнаго знакомства, о состояніи нашего сѣвера въ XVIII вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе его образъ, какъ историка и общественнаго дѣятеля, является весьма симпатичнымъ. Неустанно работая въ магистратѣ, въ комиссіяхъ, въ судѣ и т. д., онъ много потрудился и для разсѣянія той темноты невѣжества, которая окружала его согражданъ. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для этого онъ считалъ ознакомленіе ихъ съ прошлыми судьбами своей страны и съ примѣрами выдающихся дѣятелей—предковъ. Въ своихъ трудахъ онъ обнаружилъ много критическаго такта, исправляя Стурлезона, Ломоносова,

Шмидта и др.; историкъ, говорилъ онъ, долженъ быть «чуждъ похлебства», долженъ «открыть истину, не таить». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ скроменъ и не разъ высказывалъ прямо свое незнаніе, напримѣръ, въ области филологіи, и въ то же время, просидѣвъ всю жизнь въ Архангельскѣ, былъ знакомъ съ Виргиліемъ, Овидіемъ и Цицерономъ — цитаты изъ нихъ нерѣдки въ его сочиненіяхъ — и хорошо былъ знакомъ съ Magazin'омъ Бюшинга.

Со словъ митрополита Евгенія, Геннади и Заринскій утверждаютъ, что Крестининъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ въ 1786 г. Вѣроятнѣе, кажется, относить это избраніе къ 1791 г.; съ этого года, по свидѣтельству того же Евгенія, онъ сталъ получать ежегодно по 200 руб., а до того ему присылали единовременныя небольшія пособія.

Крестининымъ напечатаны слѣдующіе труды: «Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ», Спб., 1784 г. и «Начертаніе исторіи г. Холмогоръ», Спб., 1790 г.: рядъ статей: «Краткое географическое извѣстіе о землѣ Самоѣдской и о состояніи самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельскомъ намѣстничествѣ», въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», за 1786 г., № 8; «Географическое извѣстіе объ о. Калгуевѣ»—«Мѣсяцесловъ» на 1787 г.; «Разсужденіе о началѣ и происхожденіи самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельскомъ намѣстничествѣ», «Вопросы и отвѣты о вѣрѣ самоѣдской», «Вопросы и отвѣты касательно до самоѣдовъ», «Вопросы и отвѣты вообще касательно какъ до канинскихъ и тиманскихъ, такъ до пустозерскихъ, устьцылемскихъ и ижемскихъ самоѣдовъ», «Вопросы и отвѣты о состояніи земли, обитаемой самоѣдами, и ихъ промыслы», «Толкованіе на древнее въ россійскомъ языкѣ реченіе гридинъ», «Историческое извѣстіе о нравственномъ воспитаніи дѣтей у двинскихъ жителей», «Географическія извѣстія о новой землѣ полуночнаго края», «Объ употребленіи надъ дѣтьми мужскаго пола власти родительскія и учительскія по старинному воспитанію двинскаго народа», «Письмо къ Озерецковскому съ приложеніемъ документовъ», «Историческія примѣчанія о коммерческомъ кредитѣ внѣшнія торговли»—всѣ въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» за 1786—1792 гг.; «Выписка изъ начертанія исторіи г. Холмогоръ, сдѣланная Озерецковскимъ»—«Мѣсяцесловъ» на 1790 г.; «Историческій опытъ о внѣшней торговлѣ государя императора Петра Великаго отъ 1693—1719»,—«Мѣсяцесловъ» на 1795 г. Кромѣ того, у митрополита Евгенія находимъ извѣстіе, что въ 1790 г. Крестининъ прислалъ въ Академію «Чертежъ ежегодныхъ историческихъ записокъ, служащихъ основаніемъ къ продолженію исторіи г. Архангельскаго отъ 1780 г.», и что написалъ «поэму о Мининѣ и Пожарскомъ», оставшуюся въ рукописи у наслѣдниковъ.

«В. Крестининъ», статья В. Рудакова въ «Журн. мин. нар. просв.», 1895 г., май, 219—225.

Кретовъ, *Николай Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 12 іюля 1773 г. въ Москвѣ, ум. 11 января 1839 г. Сынъ генералъ-поручика, тамбовскаго предводителя дворянства; записанъ былъ въ дѣтствѣ въ л.-гвардіи Преображенскій полкъ; 1 января 1793 г. выпущенъ капитаномъ въ армію; въ 1794 г. участвовалъ волонтеромъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ поляковъ; въ 1795 г. поступилъ волонтеромъ на русскую эскадру Ханыкова, находившуюся въ Англіи; нѣкоторое время находился на англійскомъ флотѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ его съ французами. По возвращеніи въ Россію поступилъ въ 1797 г. въ Московскій драгунскій полкъ, назначенъ въ свиту Его Величества и ѣздилъ съ особымъ порученіемъ къ французскимъ принцамъ, впослѣдствіи занимавшимъ престолъ подъ именемъ Людовика XVIII и Карла X; затѣмъ сопровождалъ Суворова въ его итальянскомъ походѣ, причемъ Суворовъ оказывалъ ему особенное расположеніе и нерѣдко диктовалъ ему свои «замѣтки». 31 декабря 1801 г. уволенъ по прошенію въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. 27 іюля 1806 г. принятъ былъ снова на службу, немедленно отправился въ армію Беннигсена, и отличился въ сраженіяхъ подъ Пултускомъ, при Прейсишъ-Эйлау и подъ Гудштадтомъ. Въ это же время Кретовъ былъ назначенъ командиромъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка, который довелъ до отличной степени совершенства. Въ войнѣ 1812—1814 г. Кретовъ принималъ дѣятельное участіе, находился въ битвахъ подъ Смоленскомъ, въ Бородинскомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., подъ Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и Фер-

шампенуазомъ. 7 ноября 1823 г. назначенъ сенаторомъ; 16 января 1831 г. уволенъ въ отставку.

«Военная Галл. Зимн. Дворца», VI; «Справ. Энцикл. Словарь», Края, VI.

Кречетниковъ, *Михаилъ Никитичъ*, графъ, генералъ-аншефъ, род. въ 1729 г., ум. 9 мая 1793 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; учился въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ; въ Семилѣтней войнѣ принималъ участіе уже въ чинѣ секундъ-маіора; въ 1764 г. встрѣчаемъ отзывъ о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ полковниковъ русской арміи. Въ 1769 г. находился при арміи кн. А. М. Голицына, осаждавшей Хотинъ, и за отличіе въ пораженіи, нанесенномъ великому визирю 23 августа 1769 г., произведенъ въ бригадиры; вскорѣ получилъ чинъ генералъ-маіора. За храбрость, оказанную въ кагульской битвѣ и за пораженіе турокъ и взятіе г. Краева пожалованъ, 28 декабря 1770 г., орденомъ св. Анны 1 ст. Еще не окончилась война, въ теченіе которой Кречетниковъ получилъ уже нѣсколько наградъ, какъ онъ былъ призванъ къ совершенно новой дѣятельности: 14 мая 1772 г. онъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ Каховскимъ, управлять двумя губерніями, образованными изъ земель, полученныхъ Россіею по первому польскому раздѣлу; Кречетниковъ былъ назначенъ губернаторомъ псковскимъ, Каховскій—могилевскимъ; генералъ-губернаторомъ этихъ губерній былъ гр. З. Гр. Чернышевъ. Императрица снабдила новыхъ губернаторовъ обстоятельною инструкціею; наставленія ея были мудры, отмѣчены твердостью и умѣренностью. Нелегкая, все-таки, задача представлялась этимъ первымъ русскимъ администраторамъ края; надлежало установить единеніе съ Россіею областей, среди населенія которыхъ было много элементовъ, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей; нужно было установить отношенія къ духовенству, извѣстному своею ревностью и враждебностью ко всему русскому; нужно было ладить съ крупными землевладѣльцами края, которые, въ случаѣ нежеланія принести присягу, должны были быть лишаемы своихъ земель, но которыхъ, конечно, желательно было пріобрѣсти въ подданство Россіи; нужно было произвести совершенно непривычную населенію перепись, ввести новые суды, новыя таможни и пр.; вообще же, предписано было новымъ губернаторамъ «управлять такъ, чтобы населеніе ощутительно почувствовало превосходство своего настоящаго положенія предъ прежнимъ»; на нѣсколько лѣтъ облегчены были поборы, преимущественно, падавшіе на людей низшаго класса. Различные вопросы управленія постоянно обсуждались въ перепискѣ Кречетникова съ гр. З. Чернышевымъ, причемъ послѣдній обыкновенно вполнѣ одобрялъ предположенія и мѣры перваго. Императрица была тоже вполнѣ довольна дѣятельностью Кречетникова. Въ 1773 г. Кречетниковъ и Каховскій были назначены комиссарами для окончательнаго установленія новой границы съ Польшею; и это порученіе исполнили они вполнѣ успѣшно; они же подписали и актъ окончательнаго разграниченія между Россіею и Польшею. При праздноваліи мира съ Турціей, въ 1775 г., Кречетниковъ получилъ чинъ генералъ-поручика.—Немедленно вслѣдъ за изданіемъ «Учрежденія о губерніяхъ», въ ноябрѣ же 1775 года, Кречетниковъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тверь; генералъ-губернаторомъ новгородскимъ и тверскимъ былъ Я. Сиверсъ; Сиверсъ писалъ Кречетникову, что это назначеніе «открываетъ ему дорогу на первое мѣсто» и, дѣйствительно, 24 августа 1776 года уже дано было ему порученіе открыть губерніи: Калужскую,—что онъ и выполнилъ въ январѣ 1777 г.,—затѣмъ Тульскую и Рязанскую; нѣкоторое время онъ и управлялъ ими всѣми тремя; но такъ какъ почти всегда генералъ-губернаторы или намѣстники получали въ свое управленіе по двѣ губерніи, то Рязанская, въ 1782 г. была соединена съ Тамбовскою, подъ управленіемъ М. Ѳ. Каменскаго, а Кречетниковъ остался намѣстникомъ калужскимъ и тульскимъ. Онъ открывалъ по новому учрежденію уѣздные города, набиралъ въ нихъ штатъ служащихъ, разграничивалъ уѣзды и самыя губерніи; большое вниманіе обратилъ онъ на благоустройство Тулы и Калуги, въ чемъ, дѣйствительно, тогдашніе русскіе города очень нуждались и чѣмъ очень интересовалась императрица; онъ былъ, еще указомъ 31 мая 1778 г., назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной императрицею для улучшенія тульскихъ заводовъ; изъ инструкціи, ему данной, видно, что императрица руководствовалась

наказомъ, который данъ былъ отъ тульскихъ оружейниковъ депутату въ комиссіи 1766 г. На Тульскомъ оружейномъ заводѣ Кречетниковъ произвелъ нѣкоторыя улучшенія: исправилъ плотину, установилъ болѣе правильный надзоръ за приготовленіемъ оружія, замѣтивъ, что иногда дѣлается однихъ предметовъ въ излишествѣ, а другихъ—недостаточно; ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ распредѣленіи работъ между приписанными къ заводу рабочими, предоставивъ это почти цѣликомъ на ихъ собственное усмотрѣніе и взаимное соглашеніе; при немъ было издано новое Положеніе о тульскихъ оружейныхъ заводахъ. О дѣятельности Кречетникова на этомъ мѣстѣ, особенно объ его образѣ жизни, пышномъ, представительномъ—сообщаетъ живыя подробности извѣстный А. Т. Болотовъ; «Калужскій лѣтописецъ» называетъ Кречетникова «отличнѣйшимъ начальникомъ». За время управленія этимъ намѣстничествомъ Кречетниковъ получилъ ордена св. Александра Невскаго и св. Владиміра 1 степени, чинъ генералъ-аншефа (въ 1790 г.) и 1016 душъ въ Бѣлоруссіи (въ 1780 г.). Въ 1789 г. императрица думала одно время назначить Кречетникова главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшею противъ Швеціи, и спрашивала мнѣнія объ этомъ Потемкина, говоря, что со своей стороны, она предпочла бы, выбирая между Кречетниковымъ и Игельстромомъ, перваго; почему-то, однако, былъ назначенъ Игельстромъ. Какъ будто бы Потемкинъ не хотѣлъ отпускать Кречетникова отъ себя: еще въ 1787 г. онъ просилъ, чтобы рекруты были предварительно поручасмы, для лучшаго ихъ обученія, въ вѣдомство Кречетникова; съ 1790 г. Кречетниковъ, за уходомъ Румянцева, управлялъ тремя малороссійскими губерніями; въ Кіевѣ онъ учредилъ инвалидный домъ; въ 1791 г. Потемкинъ, жалуясь, что у него «нѣтъ генераловъ на дѣло», просилъ прислать къ арміи Гудовича, Бальмена и Кречетникова. Въ виду этого надо сказать, что если и есть часть правды въ отзывахъ нѣкоторыхъ современниковъ, что Кречетниковъ сдѣлалъ свою карьеру благодаря расположенію Потемкина, то, во всякомъ случаѣ, Потемкинъ, очевидно, считалъ Кречетникова способнымъ и полезнымъ дѣятелемъ.

Въ 1792 г. Кречетникову пришлось руководить самостоятельно довольно обширными операціями. Заключивъ миръ съ Турціей и Швеціей, императрица Екатерина имѣла въ виду рѣшительнымъ образомъ вмѣшаться въ дѣла Польши, ходомъ которыхъ она имѣла всѣ причины быть недовольною. Партія, которая ввела въ Польшѣ въ 1791 г. такъ-называемую конституцію 3 мая, преслѣдовала, главнымъ образомъ, цѣль серьезную—усиленіе своего государства путемъ уничтоженія царившей въ немъ анархіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, партія эта не упускала ни одного случая, чтобы не сдѣлать вызова или почти прямого оскорбленія Россіи. Между тѣмъ Екатерина постоянно имѣла въ виду усиленіе Россіи насчетъ Польши; по гарантіи, принятой ею на себя еще въ 1768 г., она съ формальной точки зрѣнія была не только вправѣ, а даже обязана возстановить старый строй государственныхъ учрежденій; къ этому же прямо приглашали Россію многіе поляки, недовольные конституціею 3 мая.

Екатерина II направила на Польшу такія силы, которымъ поляки не могли оказать никакого серьезнаго сопротивленія. Съ юга долженъ былъ дѣйствовать Каховскій съ арміею въ 65.000 чел., въ Литву долженъ былъ вступить Кречетниковъ съ 32.000 чел.; движеніе должно было начаться одновременно, въ началѣ мая 1792 г.—7 мая русскій посолъ въ Варшавѣ, Булгаковъ, представилъ декларацію императрицы, гдѣ сообщалось о начинаемыхъ дѣйствіяхъ и излагались ихъ причины—или, точнѣе, поводы. Поляки ожидали вмѣшательства, и, по своему, даже готовились къ нему; но армія ихъ осталась по прежнему малочисленной и неорганизованной, не было ни денегъ, ни боевыхъ запасовъ. Скоро Каховскій одержалъ рѣшительные успѣхи; быстро подвигался и Кречетниковъ, который, впрочемъ, встрѣчалъ менѣе сопротивленія. Войска его двигались четырьмя колоннами, подъ начальствомъ генераловъ Ферзена, гр. Меллина, кн. Долгорукова и польскаго генерала Коссаковскаго. 11 мая перешли они границу; 31 мая занята была Вильна; въ тотъ же день генералъ Меллинъ разбилъ подъ м. Миръ польскаго генерала Юдыцкаго; 6 іюня взятъ былъ послѣ недолгой обороны Несвижъ. 14 іюня Кречетниковъ, съ привычною ему торжественностью и пышностью, открылъ въ Вильнѣ генеральную конфедерацію великаго княжества литовскаго; 25 іюня занята была Гродна; 7 іюля Каховскій на-

несъ польскимъ войскамъ рѣшительное пораженіе при Дубенкѣ (Уханкѣ); русскія войска быстро приближались къ Варшавѣ. Король тогда приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, т. е. призналъ требованія той партіи, которую поддерживала Россія. Вооруженная борьба кончилась; Кречетниковъ поѣхалъ въ Петербургъ и получилъ (28 іюля 1792 г.) орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Здѣсь не мѣсто излагать тѣ сложныя обстоятельства, въ силу которыхъ въ 1793 г. совершился второй раздѣлъ Польши. Соглашеніе объ этомъ между Россіею и Пруссіею состоялось 12 февраля; въ мартѣ сообщено было о немъ польскому правительству; согласіе на уступку областей Россіи послѣдовало со стороны сейма только 14 іюня въ Гроднѣ. Но присоединеніе ихъ къ Россіи фактически состоялось уже въ теченіе марта и апрѣля 1793 г.; Кречетниковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками во вновь присоединенной области и генералъ-губернаторомъ ея; еще 8 декабря 1792 г. былъ подписанъ указъ объ этомъ, содержавшій вмѣстѣ и обстоятельную программу дѣйствій. 27 марта въ м. Лабуни, въ главной квартирѣ Кречетникова, было торжественно объявлено о состоявшемся присоединеніи; такія же объявленія были сдѣланы и во всѣхъ городахъ и важнѣйшихъ мѣстечкахъ.

Кречетниковъ раздѣлилъ, согласно высочайшимъ указаніямъ, свое генералъ-губернаторство на три губерніи, началъ вводить тамъ русскіе порядки, но не успѣлъ сдѣлать ничего выдающагося въ своемъ новомъ, особенно отвѣтственномъ и трудномъ, положеніи; 9 мая слѣдующаго года онъ скончался. Черезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, еще до полученія объ этомъ извѣстія, императрица возвела его въ графское достоинство.

По отзыву извѣстнаго военнаго писателя, князя Н. Голицына, М. Н. Кречетниковъ былъ храбрый генералъ, но безъ крупныхъ военныхъ дарованій; какъ администраторъ онъ не обладалъ способностью къ иниціативѣ, даже къ особенно активной дѣятельности; но онъ былъ, безъ сомнѣнія, очень толковый и дѣльный исполнитель; императрица Екатерина совершенно вѣрно характеризовала его въ рескриптѣ, высказывая свое полное довѣріе къ его «опытности, знанію дѣла», и «наипаче усердію и точному и скорому всегда исполненію» воли государыни.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь», III; І. Ѳедоровъ, «Гр. М. Н. Кречетниковъ», Каменецъ-Подольскъ, 1893 г.—Письма къ Кречетникову и его журналы исходящихъ бумагъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ.», 1863 г., IV, 1877 г., II, 124; «Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.», т.т. 26, 47, 51, особ. 42; «Арх. Госуд. Сов.», I; «Полн. Собр. Законовъ», №№ 14.498, 14.758, 17.108.—Петровъ, «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами»; Смитъ, «Суворовъ и паденіе Польши», II; Болотовъ, «Жизнь и приключенія», по указателю.

Н. Ч.

Кречетниковъ, *Никита Семеновичъ*, президентъ-ревизіонъ коллегіи, ум. послѣ 1741 г. Въ 1740 г. былъ генералъ-провіантмейстеромъ. Въ это время кн. Н. Ю. Трубецкой задумалъ возстановить и усилить институтъ прокуроровъ и, получивъ на это согласіе регента Бирона, представилъ Кречетникова на должность оберъ-прокурора Св. Синода, остававшуюся вакантною послѣ увольненія, въ 1730 г., второго оберъ-прокурора, А. П. Баскакова. Кречетниковъ, указомъ 3 ноября 1740 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода, съ производствомъ въ генералъ-маіоры; но низверженіе Бирона повлекло за собою и отмѣну проекта кн. Трубецкаго. Кречетниковъ не вступалъ въ должность и въ февралѣ 1741 г. просилъ объ назначеніи его къ какому-нибудь мѣсту; 8 іюля 1741 г. онъ былъ назначенъ президентомъ ревизіонъ-коллегіи.

Благовидовъ. «Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII в.», 99—102.

Кречетниковъ, *Петръ Никитичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1727 г., ум. послѣ 1800 г. Старшій братъ генералъ-аншефа графа М. Н. Кречетникова. Въ 1764 г. былъ уже полковникомъ; въ 1767—1769 г. начальствовалъ значительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ; тутъ онъ навлекъ на себя неудовольствіе тѣмъ, что своими движеніями слишкомъ близко отъ турецкой границы раздражилъ турокъ, и безъ того готовившихся начать съ Россіею войну; кромѣ того, до императрицы дошло, что Кречетниковъ производилъ очень большіе поборы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проходилъ съ войсками, и обращалъ эти поборы преимущественно въ свою пользу. Онъ былъ отозванъ. Въ 1771—1772 г. стоялъ съ воинскою командою въ Ярославлѣ для наблюденія предосторожностей противъ распространенія чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ и

вскорѣ послѣ того, по покровительству Чернышевыхъ, былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ; но и здѣсь дѣйствіями его, въ теченіе 1771—1774 г., были недовольны, и онъ получилъ въ 1775 г. отставку.

«Чтенія Моск. Общ. Ист. древн.». 1863 г., кн. III; «Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общ.»,

Крешевъ, *Иванъ Петровичъ*, поэтъ, род. около 1824 г., ум. 21 марта 1859 г. Воспитывался въ Петербургской 2 гимназіи, окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету въ 1845 г. со степенью кандидата, и посвятилъ себя литературному труду. Матеріально необезпеченный, онъ съ первыхъ шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ долженъ былъ, ради добыванія средствъ къ жизни, браться за самую разнообразную литературную работу: онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Сынѣ Отечества», «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ Инвалидѣ» и во многихъ другихъ журналахъ и чуть ли не во всѣхъ газетахъ, за исключеніемъ «Сѣверной Пчелы»; онъ писалъ фельетоны, переводилъ выдержки изъ иностранныхъ газетъ, даже составлялъ пояснительный текстъ къ картинкамъ модъ. Въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяны стихотворенія Крешева, которыя онъ писалъ урывками въ свободное отъ срочной журнальной работы время. Стихотворенія эти по смерти Крешева были собраны и изданы въ Петербургѣ въ 1862 г. отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: «Переводы и подражанія И. П. Крешева». Почти половину этого собранія составляютъ переводы одъ Горація (22 оды), затѣмъ идутъ переводы изъ Проперція, Катулла, Шиллера, Мура, Шенье, Байрона, Гёте, Гейне, Уланда, Рюккерта, Гервега и В. Гюго. Кромѣ того Крешеву принадлежитъ цѣлый рядъ статей по русской словесности въ энциклопедическомъ словарѣ Края. Въ непосильной борьбѣ съ матеріальною нуждою, Крешевъ такъ разстроилъ свою нервную систему, что въ 1858 г. сошелъ съ ума.

«Русскій Инвалидъ», 1859 г., №№ 75 и 77; «Библіографическія Записки», 1861 г., № 4; «Переводы и подражанія И. П. Крешева», Спб. 1862 г., предисловіе;—Григорьевъ, «Имп. Спб. универ.», LXXXIII;—Геннади, «Словарь»;—«Сборникъ отдѣленія русс. яз. и слов. Акад. Наукъ», «Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.» Спб., 1884 г., стр. 11—15;—«Истор. Вѣстн.», 1890 г., сентябрь, 529;—«Кв. Горацій Флаккъ. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями П. Порфирова». Спб., 1898 г., стр. 12—13.

Кржижановскій, *Іеронимъ Осиповичъ*, сенаторъ, род. въ 1819 г., ум. въ 1875 г. Въ 1843 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата, и поступилъ на службу въ кодификаціонную комиссію. Въ 1850 г. избранъ ординарнымъ профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ польскихъ гражданскихъ законовъ и судопроизводства; должность эту занималъ до осени 1859 г., когда переведенъ былъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія и визиторомъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа.

Григорьевъ, «С.-Петерб. университетъ», 165.

Кривоносъ, *Михаилъ*, генеральный писарь, соратникъ Богдана Хмѣльницкаго. Годы рожденія и смерти его неизвѣстны. Впервые Кривоносъ становится извѣстенъ въ началѣ 1648 г., въ званіи генеральнаго писаря и командующаго резервомъ войскъ Хмѣльницкаго. Сойдясь съ гетманомъ у Каменецъ-Подольска, онъ участвовалъ въ занятіи этой крѣпости и въ пораженіи польскаго гетмана Калиновскаго. Отсюда Кривоносъ вмѣстѣ съ другими военачальниками былъ отправленъ гетманомъ для «истребленія жидовъ и поляковъ» въ Подолію. 27 іюня того же 1648 г. онъ участвовалъ въ пораженіи польской арміи Хмѣльницкимъ подъ Корсунемъ. Изъ Корсуня Кривоносъ пошелъ къ г. Бару, на пути близъ Константинова былъ разбитъ Вишневецкимъ, но тѣмъ не менѣе, дойдя съ остатками своего отряда до Бара, онъ при помощи хитрости, взялъ крѣпость, перебилъ множество поляковъ и жидовъ, многихъ взялъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и гетмана Потоцкаго, и уходя оставилъ въ Барѣ казацкій гарнизонъ. Въ слѣдующемъ году Кривоносъ, начальствуя частью войска, шедшаго подъ предводительствомъ самого Хмѣльницкаго, осаждалъ Зборажъ и затѣмъ участвовалъ въ заключеніи Зборовскаго договора.

Маркевичъ, «Исторія Малороссіи», М. 1842 г.

Кривцовъ, *Иванъ Алексѣевичъ*,—см. **Іаковъ** Кривцовъ.

Кривцовъ, *Николай Ивановичъ*, помѣщикъ, род. въ 1791 г., ум. 31 іюля 1843 г. Изъ дворянъ Орловской губерніи, род. въ с. Тимоѳеевскомъ, Болховскаго уѣзда; учили его сначала дома, но довольно небрежно, потому что мальчикъ

отличался слабымъ здоровьемъ. 16-ти лѣтъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ своимъ родственникомъ, Сер. Ник. Тургеневымъ, отцомъ Ив. Серг. Тургенева, и 1 сентября 1807 г. зачисленъ юнкеромъ въ л.-гв. Егерскій полкъ; произведенный въ прапорщики Кривцовъ со страстью отдался военному дѣлу; онъ принималъ участіе въ войнѣ 1812 г. и въ походѣ за границу; подъ Кульмомъ ядро оторвало ему ногу и это положило конецъ его военной службѣ. Послѣ продолжительнаго леченія Кривцовъ оправился рѣшился служить на гражданскомъ поприщѣ и, прежде всего, счелъ нужнымъ пополнить свои знанія. Три года — съ 1814 по 1817 г., — провелъ онъ въ путешествіи по Европѣ; въ Женевѣ и затѣмъ въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи технологіи, физики, политической экономіи, литературы, права; изучалъ ланкастерскую систему обученія и написалъ о ней записку, которая была представлена Государю Лагарпомъ, съ которымъ Кривцовъ сблизился и который ввелъ его въ кругъ людей широко образованныхъ и замѣчательныхъ: Грегуаръ, Ж. Б. Сей, Контъ были его постоянными собесѣдниками. Въ это же пребываніе въ Парижѣ Кривцовъ прилежно посѣщалъ музеи и тамъ познакомился съ величайшими художественными произведеніями. Онъ обладалъ яснымъ, точнымъ умомъ замѣчательно практическаго склада и благодаря этому легко усваивалъ во всемъ видѣнномъ и слышанномъ наиболѣе важное и наиболѣе примѣнимое къ русской жизни. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1817 г., Кривцовъ вступилъ въ тотъ литературный кругъ, который собирался около Карамзина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго, сблизился и съ молодымъ Пушкинымъ, только что выпущеннымъ изъ Лицея. Государь, которому Кривцовъ былъ рекомендованъ Лагарпомъ, оказывалъ ему большое вниманіе; онъ былъ сдѣланъ камергеромъ, опредѣленъ въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и 1 января 1818 г. причисленъ къ посольству нашему въ Лондонѣ; здѣсь онъ провелъ 1818—1819 гг. и сблизился съ Д. Н. Блудовымъ. Въ Англіи Кривцовъ усердно изучалъ англійскія учрежденія, особенно же плѣнился онъ англійскимъ бытомъ; англійская жизнь въ замкахъ казалась ему идеаломъ частнаго существованія. Въ 1821 г. Н. И. Кривцовъ былъ отозванъ изъ Лондона и въ томъ же году женился на Ел. Өед. Вадковской, внучкѣ гр. Ив. Гр. Чернышева; 5 октября 1823 г. въ чинѣ статскаго совѣтника онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, 26 февраля 1824 г. переведенъ въ Воронежъ. Но здѣсь его горячность, не разъ и прежде ему вредившая, навлекла ему особенно сильныя непріятности: изобличивъ въ явной недобросовѣстности секретаря губернскаго правленія, онъ рѣзко разбранилъ его въ самомъ присутствіи; по требованію секретаря составленъ былъ объ этомъ протоколъ; другіе чиновники, тоже не отличавшіеся честностью, рады были избавиться отъ молодого, энергичнаго и безусловно честнаго губернатора; дѣлу былъ приданъ такой видъ, что Кривцовъ страдаетъ припадками умопомраченія; еще 12 сентября 1826 г. переведенный губернаторомъ въ Нижній Новгородъ, Кривцовъ 3 апрѣля 1827 г. былъ причисленъ къ департаменту герольдіи; онъ нышелъ тогда въ отставку; вскорѣ друзья его выхлопотали ему аренду.

Аренда и состояніе жены дали возможность Кривцову устроить жизнь по своему вкусу. Онъ поселился въ имѣніи своемъ Любичи, Тамбовской губерніи, на границѣ Саратовской, на р. Вяжлѣ, впадающей въ Ворону; здѣсь онъ устроилъ себѣ усадьбу совершенно въ англійскомъ вкусѣ, съ удобнымъ, изящнымъ, хотя и не роскошнымъ домомъ, съ прекраснымъ паркомъ, съ отличнымъ хозяйствомъ. Мѣстность эта изобиловала помѣщиками, и помѣщиками замѣчательными по своимъ умственнымъ интересамъ и дарованіямъ. Въ трехъ верстахъ, въ с. Уметѣ, жило семейство Чичериныхъ, главный представитель котораго, отецъ извѣстнаго ученаго Б. Н. Чичерина, былъ человѣкъ высокаго ума и рѣдкихъ нравственныхъ качествъ; въ 15 верстахъ, въ имѣніи Мара, жило семейство Баратынскихъ, поэтъ и его братья, всѣ замѣчательно даровитые люди; между Любичами, Уметомъ и Марою были постоянно живѣйшія сношенія; въ Марѣ получались произведенія Баратынскаго, Кривцову присылалъ свои новыя вещи Пушкинъ; въ Уметъ Чичеринымъ сообщалъ о литературныхъ и ученыхъ новостяхъ и присылалъ много книгъ другъ Чичерина-отца, извѣстный Н. Ф. Павловъ. Жизнь въ этихъ трехъ помѣстьяхъ отличалась самымъ высокимъ умственнымъ уровнемъ. Широкую, мастерскую картину ея

далъ Б. Н. Чичеринъ въ своей статьѣ, которую онъ написалъ въ видѣ предисловія къ предположенному изданію дневника Кривцова, веденнаго имъ за границею—предисловіе это напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1890 г., I, 501—525. Н. И. Кривцовъ занималъ среди своихъ сосѣдей первенствующее положеніе и по своимъ годамъ, и по обширному своему уму и образованію, между бумагами его, послѣ его смерти, были найдены проекты освобожденія крестьянъ; съ годами онъ выработалъ въ себѣ и характеръ.—Два младшіе брата его воспитывались на средства императора Александра въ одномъ пансіонѣ въ Швейцаріи; одинъ изъ нихъ, Сергѣй, былъ впослѣдствіи въ числѣ декабристовъ; другой, Павелъ, служилъ по дипломатической части и въ 40-хъ годахъ былъ уполномоченнымъ въ Римѣ и, между прочимъ, былъ начальникомъ русскихъ художниковъ, посылаемыхъ Академіею за границу.

Кромѣ упомянутой статьи Чичерина—Гаевскій, «Пушкинъ и Кривцовъ», въ «Вѣстн. Европы», 1877 г., № 12; «Русская Старина», 1880 г., т. 60, стр. 721 – 730.

Кригеръ (Вевель фонъ Кригеръ), *Григорій Александровичъ*, вице-адмиралъ, ум. 27 марта 1881 г. Въ 1831 г. поступилъ въ Морской Корпусъ, въ 1835 г. произведенъ въ гардемарины, 23 декабря 1836 г. въ мичманы съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ, въ 1839 г. переведенъ въ Черноморскій флотъ и назначенъ адъютантомъ къ главному командиру Черноморскаго флота и портовъ, знаменитому адмиралу Лазареву, и участвовалъ въ десантной высадкѣ при занятіи Туапсе. Въ 1844 г. переведенъ въ гвардейскій экипажъ, въ 1845 — 1848 г., командуя шкуной, ходилъ въ Средиземное море; въ 1851 г. назначенъ временно-управляющимъ гидрографическимъ депо Чернаго моря; въ 1855 г. назначенъ помощникомъ вице-адмирала Метлина по возведенію укрѣпленій вокругъ Николаева и по оборонѣ его, 26 сентября назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества съ оставленіемъ въ должности начальника депо; въ 1856 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга и назначенъ вице-директоромъ гидрографическаго департамента морского министерства, 28 марта назначенъ членомъ коммисіи для изслѣдованія причины обмеленія Азовскаго моря; 30 августа 1861 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. 18 сентября назначенъ военнымъ губернаторомъ города Ковно и ковенскимъ гражданскимъ губернаторомъ; 29 ноября назначенъ военнымъ начальникомъ Ковенской губерніи. 27 іюня 1861 г. назначенъ состоять при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ свитѣ; 26 сентября назначенъ военнымъ губернаторомъ города Екатеринослава и екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ. 14 октября 1869 г. назначенъ членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній Въ 1872 г. назначенъ командиромъ Ревельскаго порта и директоромъ балтійскихъ маяковъ, въ 1873 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1874 г. назначенъ директоромъ гидрографическаго департамента морского министерства.

«Общ. мор. спис.» X, 453—455, «Кронштадт. Вѣстникъ», 1881 г. № 47, «Морс. Сбор.»; 1881 г., VI, 75—78. *П. Бѣлавенецъ.*

Криденеръ, баронесса *Варвара-Юлія*, дочь ливонскаго магната и богача Оттона-Германа фонъ-Фитингофа, внучка съ материнской стороны знаменитаго фельдмаршала Миниха, род. 21 ноября (н. ст.) 1764 г., ум. 13 декабря 1824 г., крещена была по лютеранскому обряду. Воспитана она была на тогдашній свѣтскій манеръ: главное вниманіе обращено было на французскій языкъ, манеры, танцы, во всемъ остальномъ воспитаніе было очень поверхностно и небрежно. На 19-мъ году ее выдали замужъ, не спрашивая о ея согласіи, за образованнаго и почтеннаго человѣка, барона фонъ-Криденера, тогдашняго русскаго министра въ Курляндіи, который былъ старше своей невѣсты на 20 лѣтъ. Лѣтомъ 1784 г. баронъ былъ назначенъ посланникомъ въ Венецію. Въ баронессѣ стала обнаруживаться страстная натура; ея сантиментальные порывы не находили отвѣта въ серьезности барона. Разница въ лѣтахъ начала сказываться, и г-жа Криденеръ охладѣвала къ мужу. Кромѣ того, баронъ, человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, знатокъ философіи и поклонникъ Руссо, замѣтивъ на первыхъ же порахъ пробѣлы въ образованіи своей жены, сталъ стараться перевоспитать ее, обогатить познаніями ея умъ, развить ея вкусъ, пробудить въ ней охоту къ серьезнымъ занятіямъ, но потерпѣлъ въ этихъ попыткахъ полнѣйшую неудачу. Онъ пріучилъ жену

къ чтенію, но она стала читать одни сантиментальные романы. Въ это время секретарь ея мужа, Александръ Стахіевъ, влюбился въ баронессу; онъ долго скрывалъ свои чувства, наконецъ покинулъ домъ Криденера, въ которомъ былъ дружески принятъ, и открылъ въ письмѣ свою любовь мужу. Баронъ имѣлъ неосторожность показать письмо Стахіева женѣ и молодая женщина, увѣрившись въ своей способности внушать сильныя чувства, бросилась въ вихрь свѣтскихъ развлеченій. Въ 1786 г. баронъ былъ переведенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Жизнь баронессы потекла здѣсь, какъ и въ Венеціи, въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Отправившись для леченія въ южную Францію, она проѣздомъ провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это было въ маѣ 1789 года, когда въ парижскомъ обществѣ носились новыя идеи. Она сразу замѣтила, что остается чужда интересамъ окружающаго ее элегантнаго общества, которое было чуть не помѣшано на идеяхъ свободы и равенства, на правахъ человѣка, на раздѣленіи властей. Классическія воспоминанія республиканской древности были у всѣхъ на языкѣ. Баронесса никогда до сихъ поръ не занималась политикой, но теперь, увлекаемая всеобщимъ потокомъ, она изучила «Путешествіе молодого Анахарсиса», увлеклась республиканскими идеями и попыталась играть роль въ либеральныхъ салонахъ Парижа. Къ этому же времени относится и начало ея литературнаго и художественнаго образованія, которымъ она обязана философу Сюару, сдѣлавшемуся, несмотря на тридцатилѣтнюю разницу въ возрастѣ, возлюбленнымъ баронессы. Сюаръ читалъ съ ней избранныя сочиненія, осматривалъ достопримѣчательности Парижа, посѣщалъ музеи, библіотеки, засѣданія Академіи, театры... Но при всемъ томъ тогдашнее общественное движеніе осталось для г-жи Криденеръ мало понятнымъ. Одна только черта тогдашней жизни пристала къ ней — это преувеличенная сентиментальность и мечтательная экзальтація. Замѣтивъ, что ея попытки играть роль въ Парижскихъ салонахъ не имѣютъ особеннаго успѣха, г-жа Криденеръ, въ концѣ 1790 года покинула Парижъ и на водахъ въ Монпелье и Барежѣ весело зажила въ кружкѣ нѣсколькихъ лицъ изъ французской и русской аристократіи. Съ водъ она вернулась въ Парижъ и, ослѣпленная страстью къ гр. Фрежвиллю, написала мужу письмо съ просьбой о разводѣ, но получила отказъ. Изъ Парижа она вынуждена была выѣхать изъ боязни попасть подъ подозрѣніе, такъ какъ была близко знакома съ г-жею Корфъ, которая являлась одною изъ главныхъ участницъ въ попыткѣ королевской семьи къ бѣгству. Фрежвилль эмигрировалъ вмѣстѣ съ г-жею Криденеръ, переодѣвшись лакеемъ. Очутившись безъ пристанища и почти безъ денегъ, баронесса не могла ѣхать къ мужу въ Копенгагенъ,—ей пришлось отправиться къ роднымъ въ Ригу; она примирилась съ мужемъ въ 1792 году; Фрежвилль, подъ тѣмъ предлогомъ, что долженъ стать подъ знамена на защиту отечества, вернулся во Францію. Но съ 1794 г. баронесса начала снова прежнюю жизнь. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ домѣ мужа, бывшаго тогда посланникомъ въ Берлинѣ, г-жа Криденеръ опять бросила мужа и отправилась на воды въ Теплицъ, а оттуда въ Швейцарію, гдѣ проводила время въ обществѣ г-жи Сталь. Изъ Швейцаріи она переѣхала въ Парижъ, гдѣ г-жа Сталь познакомила ее съ Шатобріаномъ, который сталъ частымъ ея посѣтителемъ. Въ Парижѣ застала ее смерть мужа, послѣдовавшая 14 іюля 1802 года; подъ впечатлѣніемъ этой смерти г-жа Криденеръ стала искать уединенія и отправилась осенью 1802 года въ Ліонъ.

Къ этому, приблизительно, времени относится начало литературной дѣятельности г-жи Криднеръ. Въ 1800 году она, въ подражаніе «максимамъ» Ларошфуко, стала импровизировать краткія изреченія. Эти изреченія составили цѣлую тетрадь, которая и была напечатана въ Mercure de France (du 10 vendémiaire, an XI). Затѣмъ эти изреченія нѣсколько разъ издавались подъ заглавіемъ: «Pensées d'une dame étrangère» или «Pensées inédites de madame de Krüdener». Потомъ она написала: «Eliza», «Alexis» (напечатано въ альманахѣ La Guêteuse. Odessa, 1834, стр. 42—82) и «La cabane des lataniers»— три пасторали во вкусѣ Бернардена де-Сенъ-Пьера,—и, наконецъ, во время своего пребыванія въ Ліонѣ,—романъ «Valerie». Желая во что бы то ни стало добиться литературной извѣстности, г-жа Криденеръ подготовляла успѣхъ своего романа нѣкоторыми, довольно неумѣстными, пріе-

мами. Она поручила одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ, доктору Гэю, заказать кому-нибудь, хорошо владѣющему стихомъ, написать посланіе къ Сидоніи (имя героини въ ея «Cabane des lataniers», которая она дѣлала своимъ псевдонимомъ). Эти стихи надо было помѣстить въ газетѣ (заплативъ за это, сколько нужно), чтобы заинтересовать публику личностью, къ которой обращалось бы посланіе. Когда въ декабрѣ 1803 г. вышла «Валерія», интересъ къ ней, дѣйствительно, былъ возбужденъ. Основнымъ мотивомъ романа является упомянутый выше эпизодъ со Стахіевымъ; въ романѣ повторены почти всѣ существенные факты этого эпизода, но сантиментально-трагическая развязка не имѣетъ ничего общаго съ дальнѣйшей судьбой Стахіева. Героиня романа должна, конечно, представлять автора. Валерія, небесная женщина, столь чистая душой, что, будучи уже замужемъ, она совершенно не понимаетъ бурной страсти молодого Густава, который изнываетъ у нея на глазахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при чтеніи «Валеріи» нельзя не замѣтить, что эта книга, повидимому, столь высоконравственная, написана словно съ задней мыслью раздражать чувственность и возбуждать переутомленные нервы читателей и особенно читательницъ. «Валерія» имѣла на первыхъ порахъ большой успѣхъ, но успѣхъ внѣшній: онъ объясняется тою искусною и безцеремонною рекламою, которая при появленіи въ свѣтъ романа была пущена въ ходъ баронессою. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что не только подкупленная критика, но даже и такія литературныя свѣтила, какъ Шатобріанъ и г-жа Сталь, отзывались одобрительно о «Валеріи», если не въ печати, то по крайней мѣрѣ въ салонахъ. Г-жа Криденеръ имѣла, такимъ образомъ, основаніе торжествовать; но она считала торжество это неполнымъ до тѣхъ поръ, пока ея «Валерія» не удостоится милостиваго отзыва изъ устъ самого Наполеона Бонапарте. По просьбѣ баронессы библіотекарь Наполеона, Барбье, положилъ на читальный столикъ перваго консула ея «Валерію». Наполеонъ пробѣжалъ нѣсколько страницъ и на другой день замѣтилъ библіотекарю, что романы въ письмахъ годятся только для женщинъ, которыя не знаютъ, на что терять свое время. Тогда Криденеръ поднесла Наполеону свой романъ въ великолѣпномъ переплетѣ, съ письмомъ, въ которомъ просила перваго консула принять милостиво твореніе иностранки, избравшей Францію родиною своего сердца. Наполеонъ далъ снова очень неблагосклонный отвѣтъ баронессѣ; баронесса отправила ему третій экземпляръ и Наполеонъ тогда отозвался о ней уже чрезвычайно рѣзко. Вѣсть объ этомъ произвела на баронессу очень сильное впечатлѣніе; она возненавидѣла Бонапарта всѣми силами своей души. Она не могла оставаться долѣе «въ резиденціи этого демона зла»; она убѣжала изъ Парижа и въ 1804 г. отправилась въ Лифляндію, гдѣ поселилась въ отцовскомъ имѣніи Коссе. Здѣсь она жила совершенно уединенною жизнью и проводила время почти исключительно со своей дочерью, которая, готовясь къ конфирмаціи, занималась закономъ Божіимъ подъ руководствомъ мѣстнаго проповѣдника. Г-жа Криденеръ повторяла вмѣстѣ съ нею катехизисъ, прочитывала различныя религіозныя книги и брошюры и проводила иногда время въ набожныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ. Это подготовило почву для той перемѣны въ характерѣ г-жи Криденеръ, которая рѣзко отдѣляетъ ея послѣдующую жизнь отъ прежней. Разсказываютъ, что ближайшимъ поводомъ къ этой перемѣнѣ была смерть отъ апоплексіи на ея глазахъ одного изъ ея бывшихъ обожателей. Этотъ случай поразилъ ее до сильнаго нервнаго разстройства; она впала въ меланхолію и изъ нея вышла на путь религіозной экзальтаціи. Баронесса сдѣлалась ревностной сторонницей геррнгуттерскихъ мнѣній, начала посѣщать братскія собранія и бесѣды, изучила сочиненія Цинцендорфа, съ рвеніемъ предавалась чтенію библіи, внутреннему религіозному созерцанію и благотворительности. Постоянное сосредоточенное созерцательное настроеніе довело ее вскорѣ до того, что она стала ощущать въ себѣ способность къ внутреннимъ откровеніямъ, къ прозрѣнію будущаго и къ общенію съ самимъ Божествомъ. Въ 1806 г. доктора послали ее въ Висбаденъ. Это было началомъ ея новой странической жизни, которая на этотъ разъ посвящена была цѣлямъ религіознаго совершенствованія, а затѣмъ и пропаганды. Въ Кёнигсбергѣ баронесса встрѣтила прусскую королеву Луизу, въ которой своимъ благочестиво-филантропическимъ настроеніемъ возбудила большую симпатію. Онѣ вмѣстѣ заботились о жертвахъ войны и

посѣщали госпитали. Затѣмъ она посѣтила въ Саксоніи поселенія моравскихъ братьевъ и завязала много благочестивыхъ знакомствъ. Юнгомъ Штиллингомъ, тогдашнимъ первымъ авторитетомъ въ мистической религіи, г-жа Криденеръ была очарована и, чтобы вполнѣ воспользоваться его опытностью, поселилась въ средѣ его семейства въ Карлсруэ (около 1808 г.). Штиллингъ ей преподалъ свои идеи духовидѣнія, предвѣщанія о второмъ пришествіи и т. п.,—она перенимала все это очень успѣшно. Затѣмъ она познакомилась съ пасторомъ Оберлиномъ, однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ британскаго библейскаго общества; сблизилась съ Іоанномъ-Фридрихомъ Фонтэнемъ. Сначала революціонеръ и санкюлотъ, а затѣмъ набожный пасторъ, восторженный мистикъ и пророкъ, Фонтэнь имѣлъ большую репутацію въ піэтистическихъ кругахъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ просто шарлатанъ. Фонтэню удалось убѣдить г-жу Криденеръ основать въ Вюртембергѣ христіанскую колонію; для этой цѣли былъ купленъ домъ, въ которомъ и поселились баронесса и Фонтэнь со всей своей семьей. Но вюртембергскій король приказалъ посадить въ тюрьму Марію Куммринъ, прорицательницу у Фонтэня, которая дѣлала прежде какія-то непонравившіяся ему предсказанія, а г-жѣ Криденеръ предложилъ оставить Вюртембергъ въ 24 часа. Баронесса появилась въ Баденѣ; въ ноябрѣ 1811 года она уже начала проповѣдовать передъ многочисленными слушателями—въ Баденѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ. Въ 1812 г. она продолжала жить въ южной Германіи, а въ октябрѣ этого года сдѣлала экскурсію въ Страсбургъ, гдѣ ревностно занималась обращеніями и устраивала религіозныя собранія. Въ 1813 г. она отправилась въ Женеву, гдѣ также принимала многочисленныхъ посѣтителей, назидая ихъ своими поученіями. Здѣсь она познакомилась съ молодымъ католическимъ священникомъ Эмпейтазомъ, лишеннымъ сана за своеобразныя воззрѣнія, и пригласила его слѣдовать за ней, въ намѣреніи пользоваться его обширными богословскими познаніями, которыя такъ нужны были въ ея дѣятельности и которыхъ ей такъ недоставало. Эмпейтазъ принялъ приглашеніе и сдѣлался съ сихъ поръ ея неразлучнымъ спутникомъ. Письма баронессы этого времени преисполнены предсказаній, которыя были достаточно темны, чтобы можно было ловить ее на словѣ. Они затрагивали всеобщее тревожное чувство и потому дополнялись собственными соображеніями тѣхъ, кому высказывались. Ей какъ будто представлялось нѣчто вродѣ свѣтопреставленія или начала тысячелѣтняго царства. Изъ Женевы г-жа Криденеръ переѣхала въ Карлсруэ, гдѣ жила тогда императрица Елисавета Алексѣевна. Баронесса завязала дружескую связь съ любимой фрейлиной императрицы Роксаной Скарлатовной Стурдза, при содѣйствіи которой сблизилась и съ самой императрицей. Когда Стурдза, отправилась съ императрицей въ Вѣну, баронесса продолжала вести съ ней переписку. Письма ея заняты совѣтами предаться Христу, обратиться къ «океану любви» и т. п. Есть въ нихъ, конечно, и предвѣщанія, которыя на этотъ разъ начинаютъ все ближе касаться императора Александра. Одно изъ писемъ (отъ 27 октября 1814 г.), въ которомъ г-жа Криденеръ, послѣ разныхъ грозныхъ предсказаній, выражаетъ увѣренность, что увидитъ императора Александра, и заявляетъ, что имѣетъ сказать ему множество вещей, «такъ какъ испытала многое по его поводу», было показано императору, который получилъ сильное желаніе видѣть г-жу Криденеръ. Первая встрѣча ихъ, которая завязала между ними на нѣсколько времени тѣсныя религіозно-мистическія отношенія, произошла 4 іюня 1815 г. въ Гейльброннѣ, гдѣ баронесса поджидала императора, слѣдовавшаго изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи. Объ этой встрѣчѣ самъ императоръ Александръ разсказывалъ слѣдующее: «Утомленный заботами дня, я вздохнулъ, наконецъ, свободно вечеромъ. Моимъ первымъ движеніемъ было взять книгу, которую я ношу всегда при себѣ. Я началъ читать, но мое сознаніе, омраченное темными облаками, не въ состояніи было проникнуть въ смыслъ Писанія; мои мысли мѣшались, сердце мое удручено было скорбью. Я положилъ книгу и подумалъ, какое утѣшеніе дала бы въ этотъ моментъ бесѣда съ дружескою душою. Эта мысль напомнила мнѣ васъ, я припомнилъ и все то, что говорили вы мнѣ о m-me Криденеръ, а равно и мое тогдашнее желаніе познакомиться съ нею. Гдѣ бы она могла быть теперь и гдѣ бы могъ я встрѣтиться съ нею? подумалъ я про себя. Никогда! Но едва

лишь мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ послышался стукъ у дверей. То былъ князь Волконскій. Съ тономъ сдержанной досады, онъ объявилъ мнѣ, что онъ безпокоитъ меня противъ своего желанія въ такой поздній часъ, но что онъ вынужденъ былъ сдѣлать это, чтобы отвязаться отъ женщины, которая во что бы то ни стало желаетъ видѣть меня. И онъ назвалъ затѣмъ имя m-me Криденеръ. Можете себѣ представить мое изумленіе! Мнѣ казалось, что я грежу! Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль не могъ показаться мнѣ дѣломъ случая. Я приказалъ тотчасъ же впустить ее. Какъ бы читая въ моей душѣ, она обратилась ко мнѣ съ словами столь сильными и утѣшительными, что они сразу успокоили волненіе, не дававшее мнѣ столь долгое время покоя. Ея присутствіе было благодѣяніемъ для меня, я далъ себѣ слово поддерживать столь драгоцѣнное для меня знакомство». Императоръ, такимъ образомъ, не передаетъ въ своемъ разсказѣ подробностей своей первой бесѣды съ баронессой. По словамъ же Эмпейтаза, единственнаго свидѣтеля въ данномъ случаѣ, г-жа Криденеръ почти 3 часа съ большимъ одушевленіемъ говорила императору на тему о его грѣховномъ состояніи, о заблужденіяхъ его прежней жизни, о необходимости углубиться въ самого себя, смириться предъ Іисусомъ и просить у него прощенія грѣховъ. На другой день Александръ отправился въ главную квартиру (въ Гейдельбергъ), и тотчасъ по пріѣздѣ написалъ баронессѣ, чтобы она пріѣхала также, потому что ему хотѣлось бы подробнѣе говорить о томъ, что давно занимало его мысли. Уже 9 іюня баронесса была въ Гейдельбергѣ и поселилась въ десяти минутахъ ходьбы отъ того загороднаго дома, гдѣ жилъ императоръ. Александръ бывалъ у нея обыкновенно черезъ день и проводилъ съ нею по нѣскольку часовъ въ благочестивыхъ бесѣдахъ, чтеніи Священнаго Писанія и молитвѣ. Эти частыя посѣщенія г-жи Криденеръ императоромъ не были ни для кого тайной и, естественно, вызывали самые разнорѣчивые толки. Въ одномъ только всѣ сходились— это въ увѣренности, что вліяніе баронессы на Александра громадно и молва объ этомъ вліяніи быстро разнеслась. 25 іюня императоръ Александръ отправился изъ Гейдельберга во Францію и, уѣзжая, просилъ г-жу Криденеръ послѣдовать за нимъ. Это путешествіе г-жи Криденеръ въ Парижъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Несчастное населеніе встрѣчало ее, какъ ангела-освободителя; префекты и меры привѣтствовали ее рѣчами и просили ея заступничества предъ русскимъ царемъ. 14 іюля она прибыла въ Парижъ и поселилась въ сосѣдствѣ съ дворцомъ, гдѣ жилъ императоръ. Послѣдній посѣщалъ ее ежедневно, бесѣдовалъ съ ней, слушалъ ея благочестивыя изліянія и самъ участвовалъ въ нихъ. Явился въ Парижъ и Фонтэнь со своей пророчицей Маріей Куммринъ. Въ домѣ г-жи Криденеръ онъ представился императору. Александру преподнесли пророчество Куммринъ, съ перваго же раза закончившееся просьбою о деньгахъ на устройство христіанской общины. Императоръ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не далъ себя эксплуатировать; но невыгодное впечатлѣніе, произведенное этой исторіей на императора, пока еще миновало г-жу Криденеръ. Она продолжаетъ играть свою роль, и въ началѣ сентября фигурировала на смотру въ Вертю, гдѣ Александръ оказывалъ ей большое вниманіе. Торжество въ Вертю баронесса описала въ брошюрѣ: «Le camp des Vertus, ou la grande revue de l'armée russe dans la plaine de ce nom par l'empereur Alexandre. 1815». Близость баронессы къ императору возбудила и политическое любопытство: въ ихъ сношеніяхъ подозрѣвали скрытыя политическія цѣли. Баронессѣ приписывали даже самую идею Священнаго Союза. Но это врядъ ли вѣрно. Хотя этотъ вопросъ до сихъ поръ окончательно еще и не выясненъ, однако, есть много данныхъ за то, что идея Священнаго Союза принадлежитъ лично Александру. Въ 1818 г. проф. Кругъ издалъ брошюру, гдѣ сообщаетъ, что въ разговорѣ съ нимъ г-жа Криденеръ приписывала себѣ «изобрѣтеніе Священнаго Союза». Когда этотъ разговоръ былъ обнародованъ въ названной брошюрѣ, императоръ остался крайне недоволенъ этой публикаціей. Баронессѣ было внушено, чтобы впредь она была сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ, и когда ей вскорѣ потомъ предложили вновь вопросъ объ ея участіи въ Священномъ Союзѣ, то она отвѣчала: «Богъ и императоръ сдѣлали все. Спрошенная моимъ государемъ, я одобрила его проекты и посвятила себя служенію тому великому

дѣлу, которое было предпринято имъ».— Передъ отъѣздомъ (27 сентября) изъ Парижа, Александръ просилъ г-жу Криденеръ пріѣхать также въ Петербургъ и оставилъ ей паспортъ, предоставлявшій ей пріѣхать съ кѣмъ ей угодно и какимъ угодно путемъ. Недостатокъ въ деньгахъ задержалъ ея отъѣздъ изъ Парижа до конца октября; потомъ другія обстоятельства надолго удержали ее отъ поѣздки въ Россію. Но вскорѣ и самыя отношенія къ ней императора измѣнились, который уже скоро въ ней разочаровался и сказалъ про нее: «Нѣсколько времени я думалъ, что Богъ именно ее и хотѣлъ назначить для этой цѣли (т. е. помочь ему правильно понять Божью волю); но я *очень скоро* увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ не что иное, какъ ignis fatuus». Кромѣ личныхъ впечатлѣній, на мнѣніе о ней императора должны были подѣйствовать дальнѣйшія ея похожденія въ Швейцаріи и Германіи. Выѣхавъ въ концѣ октября изъ Парижа, она отправилась въ Швейцарію и въ Базелѣ примкнула къ библейской дѣятельности, въ которой ревностнымъ пропагандистомъ былъ нѣкто Келльнеръ, ставшій теперь ближайшимъ сотрудникомъ и спутникомъ г-жи Криденеръ, которая продолжала проповѣдывать новую религію. Когда проповѣди ея самой и ея друзей стали привлекать многочисленныя сборища, бернское правительство попросило ее удалиться изъ города. Съ этихъ поръ начинается періодъ ея особенной экзальтаціи, когда она выступила съ проповѣдью своего ученія передъ народными массами и практически примѣняла свою религію. Поселившись въ Гернлейнѣ, въ неурожайный годъ, она ревностно предалась филантропическимъ заботамъ о бѣднякахъ и вмѣстѣ проповѣдывала послѣднимъ; около нея собирались толпы народа; мѣстному правительству показалось это не безопаснымъ и въ началѣ 1817 г. г-жѣ Криденеръ было предложено выѣхать изъ Базельскаго кантона. Затѣмъ ее послѣдовательно удаляли изъ Вармбаха, Рейнфельда, Мунгца, Ааргау, Золотурна, Люцерна. Ея религія сводилась въ это время къ слѣдующимъ главнымъ чертамъ. Она проповѣдовала соединеніе христіанъ въ одну великую семью, связанную поклоненіемъ Христу. Она не причисляла себя ни къ какой существующей церкви. Истинная церковь, по ея словамъ, была церковь первыхъ двухъ вѣковъ; съ третьяго вѣка эта церковь перестала существовать. Начало реформы, напр., усилія Гуса, стремилось именно къ возстановленію этой церкви; но г-жа Криденеръ, тѣмъ не менѣе, возставала противъ протестантства, какъ «хитраго дѣла сатаны», который внушилъ людямъ слишкомъ большую самоувѣренность и гордость дѣлами, вмѣсто одной слѣпой вѣры и полнаго самоуничиженія, какихъ требовала она. «Въ наше время — говорила баронесса — это оставленіе истинной вѣры дошло до своего крайняго предѣла; необходимо должна воспослѣдовать страшная битва невѣрія противъ вѣры. Французская революція была предисловіемъ къ ней...».—Затѣмъ г-жу Криденеръ выслали изъ Цюриха, Тургау; ея не пустили въ Констанцъ, Шафгаузенъ, Сентъ-Галленъ; не пустили ея и въ австрійскія владѣнія. Скитаясь такимъ образомъ по Швейцаріи, она въ началѣ сентября 1817 г. попала въ Вальдсгутъ, откуда была перевезена жандармами во Фрейбургъ (въ Баденѣ). Баденская полиція передала ее виртембергской, эта — баварской, баварская — саксонской. Изъ Саксоніи ее перевезли въ Пруссію, откуда она уже, наконецъ, переправилась въ Россію. Поселилась она въ Лифляндіи, сначала въ помѣстьѣ своего брата, гдѣ провела лѣто 1818 г., а затѣмъ переѣхала въ собственное имѣніе Коссе. Продолжая оставаться въ пророческомъ настроеніи, она стала здѣсь писать религіозные гимны крайне мистическаго характера. Въ это время въ ней все больше и больше развиваются аскетическія наклонности, благодаря вліянію г-жи Гюйонъ, извѣстной представительницы такъ-называемаго квіетизма. Въ началѣ 1821 г. баронесса, съ разрѣшенія императора, отправилась въ С.-Петербургъ, гдѣ познакомилась съ кн. Анной Сергѣевной Голицыной. Въ обществѣ, собиравшемся у послѣдней, г-жа Криденеръ проповѣдывала передъ многочисленными слушателями. Императоръ Александръ въ то время благопріятно смотрѣлъ на царившую въ обществѣ религіозную экзальтацію всякихъ оттѣнковъ. Но когда до его свѣдѣнія дошло, что во время своихъ приключеній въ Баденѣ и Швейцаріи баронесса дѣлала компрометирующія ссылки на Священный Союзъ и въ особенности когда она съ жаромъ стала проповѣдывать освобожденіе грековъ и возставать на равнодушіе къ ихъ судьбѣ,—онъ счелъ

нужнымъ остановить пропаганду г-жи Криденеръ и написалъ ей длинное письмо, въ которомъ тономъ друга, но такого, который при желаніи могъ бы говорить совершенно иначе, указывалъ на неудобство ея поведенія, и заканчивалъ письмо сообщеніемъ, что «ея присутствіе въ столицѣ возможно только на условіи хранить почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго онъ не могъ измѣнить по ея желанію». Г-жа Криденеръ не могла выдержать такого принужденія и въ концѣ 1821 г. возвратилась въ Коссе, гдѣ предалась исключительно благочестію и аскетической практикѣ. Она держала самый строгій постъ, выносила въ комнатѣ температуру болѣе чѣмъ въ 20° ниже нуля по Реомюру. Эти эксперименты сильно разстроили ея здоровье, и она приняла приглашеніе кн. Голицыной, которая звала ее въ свое имѣніе въ Крыму. Онѣ поѣхали по Волгѣ, остановились на нѣсколько времени въ Ѳеодосіи и въ половинѣ сентября 1824 г. прибыли въ Карасубазаръ. Съ началомъ зимы болѣзнь г-жи Криденеръ усилилась, и она умерла 13 декабря 1824 г. Ея останки положены были въ армянской церкви въ Карасубазарѣ, а потомъ перенесены въ православную церковь, которую кн. Голицына выстроила въ основанной ею колоніи Кореизѣ.

«La Quotidienne» 1815, «Über Frau v. Krüdener und ihrem religiösen Sinn und Wandel», 1817,—«Frau von Krüdener in der Schweiz», 1817; Voith, «Winke der Wahrheitsliebe, die Frau v. Krüdener betreffend», 1817;—«Journal des Débats» 1817, 28 mai и 1852, 21 mai; «Weimarische Zeitung» 1817, № 29; «Der lebendige Glaube des Evangeliums, dargestellt in dem öffentlichen Leben der Frau v. Krüdener, 1817; «Frau von Krüdener, ein Zeitgemälde», 1817; «Fr. v. Dillenburg, Freimüthige Wiederlegung...» 1817,—Carstensen, C.; «Frau de Krüdener»; Heinr. Burdach, «Frau von Krüdener und der Geist der Zeit» 1818; Brescius und Spieker, «Beiträge zu einer Charakteristik der Frau von Krüdener», 1818; W. T. Krug, «Gespräch unter vier Augen mit Frau v. Krüdener», 1818;—H. Meisel, «Frau v. Krüdener», 1818; «Anzeiger der Deutschen», 1821, № 324; Schindel, «Deutsche Schriftstellerinnen». T. I, s. 277—294, T. III, s. 191; Schmidt, «Neuer Nekrolog der Deutschen», 2-ter Jahrgang, 1824, s. 1229—1239; С. В. Руссовъ, «Библіографическій каталогъ россійскимъ писательницамъ», Спб. 1826; Adèle du Thon, «Notice sur m-me de Krüdener» 1827; Recke und K. E. Napiersky, «Allgem. Schriftsteller— und Gelehrten-Lexikon», II, 553—558 и «Nachträge» I, 333; «Телескопъ», 1834 г., ч. XXIII, стр. 61—92; Вигель, «Воспоминанія», ч. VII, стр. 6—7, 80; «Histoire de France sous Napoléon», par m-r de Bignon, 1838, t. 10-me, p. V—VIII; «Biographie universelle et portative des contemporains»; H. L. Empaytaz, «Notice sur Alexandre empereur de Russie», Genéve-Paris 1840; Eynard, «Vie de madame de Krüdener» 2 vol.. 1849; «La Presse», 1853, 6 novembre; «Ласточка», 1859 г., № 9, стр. 455—456; «Revue Contemporaine», 1859, №№ 15 и 30, septembre; «Вѣсть», 1863 г., №№ 14 и 18; M. J. Crusenstolpe, «Der russische Hof.», 1866, стр. 108—124; Capefigue, «La baronne de Krüdener et l'empereur Alexandre I», 1866; «Русск Вѣстн.», 1866 г., № 9, стр. 317—331; А. Пыпинъ, «Баронесса Крюденеръ», «Вѣстн. Евр.», 1869 г., №№ 8 и 9; Ziethe W., «Julianne v. Krüdener», 1874; Jacob Bibliophile, «M-me de Krüdener», 1881; «Memoires de la comtesse Edling (née Stourdza)», 1888; Кн. Н. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», Спб. 1889, стр. 297—298; Mühlenbeck, «Etude sur les origines de la Sainte-Alliance»; Надлеръ, «Императоръ Александръ I и идея священнаго союза». Т. V, Рига, 1892, стр. 292—329, 468—473, 532—551, 604—643. Г. Брандесъ, «Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ», т. I, стр. 318—342. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», т. III, Спб., 1897 г., стр. 321—322, 324—326, 328, 339—342, 344, 400, 401; т. IV, Спб., 1898 г., стр. 82, 220, 232—236, 472, 474; Joseph Turquan, «Une illuminée au XIX-me siècle», 1900; Архивъ кн. Воронцова, VIII, 410; XXIII, 434, 435, 461, XXXV, 37—391 (р.р.).—«Русскій Архивъ», 1865 г., 1867 г., 1868 г., 1870 г., 1874 г., 1885 г., 1886 г., 1887 г., 1889 г., 1891 г., по указателю; «Русская Старина», т. 26, т. 29, т. 63, т. 81, по указателю; «Историческій Вѣстникъ», т. 8, стр. 6 и сл.; т. 35, стр. 174; т. 57, стр. 406, т. 61, стр. 673 и слѣд., 1898 г. февраль, стр. 704—707.

Н. Мичатекъ.

Крижаничъ, *Юрій Гаспаровичъ*, хорватъ, род. въ 1617 г., ум. послѣ 1682 г. происходилъ изъ обѣднѣвшей дворянской семьи и рано осиротѣлъ. По окончаніи курса въ загребской католической духовной семинаріи онъ отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Римъ и Болонью въ мѣстныя хорватскія коллегіи. Въ началѣ 1641 г. Крижаничъ хлопоталъ о позволеніи поступить въ римскую коллегію св. Аѳанасія, учрежденную для подготовки грекославянскихъ уніатовъ къ миссіонерской дѣятельности среди православныхъ въ пользу уніи съ Римомъ. Какъ католику, Крижаничу разрѣшено было жить въ коллегіи лишь въ качествѣ конвиктора. Во время своихъ занятій Крижаничъ основательно изучалъ богословскія и юридическія науки, а также пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ нѣмецкомъ, итальянскомъ и греческомъ языкахъ. При выходѣ изъ коллегіи онъ заявилъ о своемъ желаніи ѣхать миссіонеромъ въ Московію на счетъ Конгрегаціи пропаганды уніи и далъ обычную въ этихъ случаяхъ присягу. Въ 1642—1646 г. Крижаничъ былъ свя-

щенникомъ на родинѣ и состоялъ въ числѣ миссіонеровъ уніи среди валаховъ. Встрѣча въ 1643 г. съ русскимъ уніатскимъ епископомъ города Холма, Меѳодіемъ Терлецкимъ, окончательно укрѣпила Крижанича въ его давнемъ намѣреніи ѣхать въ Московію миссіонеромъ уніи. Онъ обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ къ секретарю Пропаганды, причемъ, вслѣдствіе соображеній экономическаго свойства, просилъ устроить дѣло такимъ образомъ, будто Конгрегація сама вызываетъ его въ Римъ. Разныя затрудненія были улажены и Крижаничъ въ концѣ 40-хъ годовъ XVII в. побывалъ первый разъ въ Россіи, откуда вывезъ такъ называемую Кириллову книгу, изданную въ 1644 г. въ Москвѣ. По возвращеніи изъ Россіи Крижаничъ съ австрійскимъ посольствомъ отправился въ Константинополь, а съ 1652 г. поселился въ Римѣ, гдѣ занялся литературной дѣятельностью. Плодомъ ея явился въ 1656 г. большой томъ сборника полемическихъ сочиненій противъ католичества, написанныхъ въ разное время и въ разныхъ странахъ и переведенныхъ Крижаничемъ на латинскій языкъ съ древне- и новогреческаго и московскаго (т. е. церковнославянскаго) языковъ подъ названіемъ: «Bibliotheca Schismaticorum universa...» Изданіемъ этого труда Крижаничъ выполнилъ первую часть своей давнишней мысли—собрать всѣ сочиненія схизматиковъ и написать на нихъ возраженія. Поѣздка въ Россію и литературные труды доставили Крижаничу нѣкоторую пенсію отъ папскаго правительства, но онъ добивался совсѣмъ не этого: онъ стремился непремѣнно стать миссіонеромъ въ Россію; въ 1657 г. онъ добился, что былъ назначенъ конгрегаціей Пропаганды, но папа отнесся къ этому дѣлу неодобрительно, находя его несвоевременнымъ. Тогда Крижаничъ на свой страхъ отправился въ восточную Россію черезъ Венгрію, Угорскую и Галицкую Русь. 1659—1660 г. Крижаничъ прожилъ въ Малороссіи. Къ этому времени относятся два его сочиненія: «Описаніе пути отъ Львова до Москвы» и «Рѣчь къ Черкасамъ». Въ первомъ сочиненіи авторъ указываетъ на вліяніе поляковъ и грековъ, какъ причину нерасположенія малороссовъ къ великороссамъ, во второмъ совѣтуетъ малороссамъ подчиниться Московіи. Вскорѣ по прибытіи въ Москву (въ 1661 г.) Крижаничъ былъ отправленъ въ Тобольскъ съ тѣмъ, чтобы «быть ему тамъ у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно, а кормовыхъ ему денегъ велѣно давать по семи рублей съ полтиной на мѣсяцъ». По всей вѣроятности причиной этой замаскированной ссылки было то, что Московское правительство узнало объ истинной цѣли пріѣзда Крижанича въ Россію, т. е. о желаніи его пропагандировать унію; а тѣмъ мотивамъ, которые выставлялъ Крижаничъ, говорившій о своемъ желаніи составить грамматику и лексиконъ русскаго языка, написать исторію русскаго народа, открыть русскимъ обманы иноземцевъ—Московское правительство повидимому не повѣрило. Трудно и намъ повѣрить искренности подобной мотивировки, разъ мы знаемъ предшествовавшую жизнь и дѣятельность Крижанича. Кромѣ того нѣкоторыя изъ сочиненій Крижанича, написанныхъ въ Тобольскѣ, показываютъ намъ, что и въ ссылкѣ авторъ ихъ не переставалъ работать на пользу уніи. Никакого «государева дѣла» въ Тобольскѣ Крижаничу и не поручалось; но самъ онъ неутомимо составлялъ здѣсь свои сочиненія. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій Крижанича, относящихся къ эпохѣ 1661—1676 г. является «Разговоры объ владательству». Въ этомъ сочиненіи на ряду съ панславистскими идеями и похвалами русскому народу находятся рѣзкая критика тогдашняго строя и положенія Россіи, страстныя нападки на нѣмцевъ и грековъ, которые не могутъ принести для Россіи ничего, кромѣ вреда, и разные совѣты для исправленія золъ.—«Разговоры объ владательству» обнаруживаютъ умъ и знанія ихъ автора; критика Крижанича вообще мѣткая и часто справедливая, но въ общемъ краски очень густы и мрачны, а средства, предлагаемыя для искорененія золъ, зачастую наивны и практически непригодны. Въ трудѣ, написанномъ въ тотъ же періодъ времени и озаглавленномъ «De providentia Dei», Крижаничъ разсматриваетъ роль Провидѣнія въ исторической жизни народа и все благоденствіе или злополучіе людей объясняетъ воздѣйствіемъ Промысла. Въ 1666 г. Крижаничъ написалъ «Грамматично изказаніе объ русскомъ іезику», которое доставило ему почетное названіе «отца славянской сравнительной филологіи». Сочиненія, появившіяся въ послѣд-

ніе годы ссылки Крижанича, явно ратуютъ за католичество и унію съ нимъ; но и «Разговоры объ владательству» и «De providentia» являются какъ бы пробными шарами пропаганды. Въ этихъ сочиненіяхъ Крижаничъ старается подорвать довѣріе русскихъ къ грекамъ (схизматикамъ) и нѣмцамъ-протестантамъ (еретикамъ съ точки зрѣнія папскаго престола), доказать ложность и грѣховность взглядовъ на Москву, какъ на третій Римъ и убѣдить русское общество въ необходимости явиться примирителемъ грековъ съ латынянами, другими словами, въ необходимости уніи. Въ трудѣ же своемъ, озаглавленномъ «Об Светом Крещеню» и написанномъ, очевидно, послѣ 1667 г. Крижаничъ доказываетъ правильность и истинность римскаго крещенія, а также всѣми силами старается унизить и очернить патріарха Фотія, знаменитаго соперника папы Николая I. Къ 1674 г. относится одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній Крижанича, открытое проф. М. И. Соколовымъ и изданное имъ подъ заглавіемъ «Толкованіе историческяхъ пророчествъ» («Собраніе сочиненій Юрія Крижанича, выпускъ второй, М. 1891 г.»). Цѣль этого сочиненія, какъ явствуетъ изъ его содержанія, показать необходимость и своевременность уніи русскихъ съ Римомъ. Послѣдній трудъ Крижанича, писанный въ Тобольскѣ,—это «Соловечка челобитна, об суіевѣрству и об раздору». Здѣсь Крижаничъ старается выяснить вредъ, происходящій отъ церковныхъ раздоровъ, и попутно защищаетъ цѣлый рядъ мнѣній и обычаевъ римской церкви. Въ 1676 г. Крижаничъ былъ переведенъ изъ Тобольска въ Соловецкій монастырь и обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ письмомъ «на счастливое его государское вѣнчаніе»; въ письмѣ этомъ Крижаничъ просилъ дозволенія уѣхать на родину. Впослѣдствіи Крижаничъ удалился изъ Россіи и поступилъ въ Литвѣ въ монашескій орденъ доминиканцевъ, гдѣ принялъ имя Августа (въ 1678 г.). Раскаявшись черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1682 г.) въ своемъ поступкѣ, онъ просилъ папскаго нунція въ Польшѣ объ увольненіи изъ ордена и сослался на то, что, будучи питомцемъ Пропаганды, клятвенно обязался не принимать монашества. При этомъ Крижаничъ просилъ дозволенія пріѣхать въ Римъ, между прочимъ для того, чтобъ дать отчетъ Пропагандѣ о своихъ путешествіяхъ въ Московію, и выражалъ мысль о возможности и своевременности уніи русскихъ съ Римомъ. Изъ доклада Пропагандѣ секретаря ея, монсиньора Чибо, мы узнаемъ, что клятва, данная Крижаничемъ, имѣла силу лишь первые три года по выходѣ его изъ Коллегіи св. Аѳанасія. Безъ сомнѣнія это обстоятельство было извѣстно Крижаничу, а потому поступокъ его еще разъ обнаруживаетъ нѣкоторую наклонность прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ ухищренію и обману. Дальнѣйшая судьба Крижанича совсѣмъ не извѣстна.—Любопытно, что и въ 1682 г. Крижаничъ думаетъ объ уніи русскихъ съ Римомъ. Очевидно дѣло пропаганды было для него дѣломъ жизни, цѣликомъ посвященной Крижаничемъ на проповѣдь уніи. Поэтому и панславизмъ его носилъ строго католическій характеръ. Конечно пропаганда Крижанича не имѣла ни малѣйшаго успѣха и заслуга его для Россіи и остальнаго славянства заключается не въ ней: Крижаничу мы обязаны блестящею, хотя и невсегда справедливой, критикой слабыхъ сторонъ ея жизни въ XVII стол., а всѣ славянскіе народы—первымъ трудомъ по сравнительной славянской филологіи.

Статья проф. М. И. Соколова «Новооткрытое сочиненіе Юрія Крижанича» (Журн. М. Н. Пр. 1891 г. апрѣль—май); В. Бильбасовъ—«Юрій Киржаничъ. Новыя данныя изъ римскаго архива» (Русская Старина 1892 г. декабрь); остальныя библіографическія свѣдѣнія см. въ статьѣ г. Н. В. (Энциклопедич. Слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVI).

Пл. В.

Криницкій, *Иванъ Андреевичъ,* профессоръ Харьковскаго университета, род. 2 іюля 1797 г., ум. 30 сентября 1838 г. Родился въ Звенигородскѣ, кіевской губерніи, учился въ Уманьской гимназіи и въ Виленскомъ университетѣ; въ 1821 г., по окончаніи курса, совершилъ поѣздку съ проф. Юндзилло по виленской губерніи для естественно-историческихъ изслѣдованій. Въ 1823 г. назначенъ преподавать сельское хозяйство въ Виленскомъ университетѣ, въ 1825 г. переведенъ въ Харьковскій университетъ для преподаванія минералогіи; въ 1826 г. сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ, въ 1829 г.—экстраординарнымъ и въ 1835 г.—ординарнымъ. Въ 1835 г. совершилъ путешествіе съ ученою цѣлью по Кавказу; во время его заболѣлъ лихорадкою; вслѣдствіе отсутствія у него

какихъ либо медицинскихъ средствъ, болѣзнь укоренилась въ немъ и была причиною его смерти. Онъ занимался съ одинаковымъ жаромъ наблюденіями во всѣхъ царствахъ природы, и сдѣлалъ множество открытій въ энтомологіи, особенно арохнографіи; онъ открылъ болѣе 70 видовъ совершенно неизвѣстныхъ ранѣе слизняковъ; сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ открытій и въ области геогнозіи и минералогіи; именемъ его названы нѣкоторыя открытыя имъ насѣкомыя, окаменѣлости и одинъ видъ птицъ. За сравнительно недолгую свою дѣятельность Криницкій напечаталъ 14 научныхъ статей; они доставили ему званіе члена ученыхъ обществъ іенскаго, гейдельбергскаго и дрезденскаго, а такъ же послужили матеріаломъ для обширной переписки его съ Брандтомъ, Фишеромъ фонъ Вальдгеймомъ и др. современными естествоиспытателями.

«Жур. Мин. Нар. Просв». 1839, прибавленіе, 18—24, статья И. Калиниченко.

Криницкій, *Павелъ Васильевичъ*, протопресвитеръ, ум. послѣ 1828 г. Изъ дворянъ черниговской губерніи, образованіе получилъ въ Черниговской коллегіи и Кіевской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой былъ нѣкоторое время учителемъ поэзіи и греческаго языка въ черниговской коллегіи. Съ 1783 по 1791 г. былъ священникомъ въ Парижѣ. При отправленіи въ Парижъ дозволено ему носить наперсный крестъ,—награда, по тому времени крайне рѣдкая. Пробывъ въ Парижѣ въ самое тревожное время революціи, о. Криницкій возвратился въ Россію и съ 1793 г. по 1795 г. состоялъ законоучителемъ въ Академіи Художествъ, въ 1799 г. опредѣленъ законоучителемъ Августѣйшихъ дѣтей императора Павла Петровича и протоіереемъ Софійскаго собора. 1 декабря 1803 г. переведенъ къ придворной церкви, 27 января 1806 г. назначенъ старшимъ надъ придворнымъ духовенствомъ. 3 апрѣля 1808 г. назначенъ духовникомъ царскимъ и членомъ Св. Синода. При учрежденіи коллегіи духовныхъ училищъ назначенъ членомъ ея. Послѣ смерти императора Александра I оставался духовникомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а послѣ ея смерти—титуловался «бывшимъ духовникомъ покойной государыни императрицы».

И. А. Чистовичъ, «Руковод. дѣятели дух. просвѣщ. въ Россіи», Спб. 1894. *С. Г. Р.*

Кристофари, *Николай Антоновичъ*, почетный опекунъ, род. въ 1802 г., ум. 9 марта 1881 г. По окончаніи курса во второй петербургской гимназіи (тогда — губернской), въ 1820 г. поступилъ на службу въ ссудную казну и въ 1823 г. назначенъ помощникомъ директора ея. Въ 30-хъ годахъ имъ составлено собраніе постановленій, относящихся къ ссудной казнѣ, со времени ея учрежденія въ 1772 г. по 1833 г.; въ 1850 годахъ ему поручена была ревизія документовъ и вкладовъ этой казны. Съ 1855 г. завѣдывалъ канцеляріей опекунскаго совѣта, въ 1866 г. — назначенъ почетнымъ опекуномъ и получилъ въ свое управленіе карточную фабрику. Въ 1859 г. былъ членомъ комиссіи для составленія проекта общаго устава для заемнаго банка и въ комиссіи для разсмотрѣнія предположеній о финансовыхъ мѣрахъ къ облегченію крестьянамъ выкупа земельныхъ угодій; въ 1860 г. командированъ былъ за границу для изученія управленія воспитательными и благотворительными учрежденіями. На карточной фабрикѣ онъ много сдѣлалъ для улучшенія быта рабочихъ,—устроилъ обширныя зданія дешевыхъ квартиръ для рабочихъ, училища для мальчиковъ (въ 1867 г.), для дѣвочекъ (въ 1868 г.) и родовспомогательный пріютъ. Всецѣло преданный своему дѣлу Кристофори только одно лѣто провелъ за границей на водахъ, а во всѣ остальные—оставался въ Петербургѣ и съ большою охотою принималъ на себя завѣдываніе тѣми благотворительными учрежденіями, попечители которыхъ уѣзжали въ отпускъ.

«Голосъ», 1881, № 84.

Критскій, *Николай Дмитріевичъ*, контръ-адмиралъ. Родомъ грекъ, ум. послѣ 1834 г. Въ 1789 г. поступилъ въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ кадетомъ, въ 1794 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1796 г. въ мичманы съ назначеніемъ въ Черное море; съ 1799 г. командовалъ судами и неоднократно былъ назначенъ для производства гидрографическихъ работъ по съемкѣ береговъ Чернаго и Азовскаго морей; въ 1804—1807 гг. находился на службѣ на канонерскихъ судахъ; въ 1807 г., командуя отрядомъ 5 канонерскихъ лодокъ, участвовалъ въ взятіи 5 мая крѣпости Анконы и 31 мая въ Трапезунтской экспедиціи, окончившейся неудачею, вслѣдствіе того, что она пред-

принята была по показаніямъ, которыя оказались невѣрными. Въ 1827 г., въ чинѣ капитана 2 ранга, состоялъ при главномъ командирѣ Черноморскаго флота вице-адмиралѣ Грейгѣ для особыхъ порученій. Въ 1827 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга. Въ 1828 г. на кораблѣ «Парижъ» участвовалъ при взятіи Анапы и при осадѣ Варны. Начальствуя отрядомъ изъ 2 фрегатовъ, 1 корвета, 1 бригантины и 1 катера, посланъ былъ для овладѣнія мѣстечкомъ Иноди, гдѣ произвелъ 17 августа высадку, овладѣлъ укрѣпленіемъ, истребилъ запасы, взорвалъ пороховой погребъ и взялъ 12 пушекъ; за это дѣло былъ награжденъ золотою саблею «за храбрость»; затѣмъ командовалъ кораблемъ «Парижъ», на которомъ имѣлъ пребываніе императоръ Николай Павловичъ; 18 ноября опредѣленъ исправлять должность оберъ-интенданта Черноморскаго флота, въ 1829 г. получилъ Монаршее благоволеніе, въ 1832 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1834 г. уволенъ отъ службы.

«Общій морск. спис.», 1890 г., IV, 154—156. Кумани Н. М., «Обзоръ гидрографическ. съемокъ Чернаго и Азовскаго морей»—въ «Зап. Гидр. Деп-та 1844 г.», II, 377—411; Савваитовъ, «Адмиралъ С. А. Пустошкинъ», Спб., 1853 г.; Михайловскій-Данилевскій «Описаніе Турецкой войны 1806—1812 г.г.» I; Кротковъ, А., «Повседневная запись»; Висковатовъ, А., «Военныя дѣйствія эскадры кап. Пустошкина изъ Анапы 1807 г.»,—«Славянинъ» 1828 г.; его-же «П. В. Пустошкинъ»—«Сѣверная Пчела», 1829 г., № 13—15; его-же «Трапезондская экспедиція 1807 г.»—«Сѣв. Пч.» 1829 г., № 61—66; «Письма о дѣйствіяхъ Черном. флота въ 1826 г.»—«Сѣв. Пч.», 1829 г., № 57—59; Мелиховъ, В. И., «Описаніе дѣйствія Черн. флота въ продолженіи войны съ Турціею въ 1828—1829 г.г.», Спб. 1850 г. (изъ «Мор. Сб.» 1850 г.); Асланбековъ А. «Адмиралъ Ал. Сал. Грейгъ» Спб. 1873 г.

П. Бѣдавенецъ.

Кроа (Крои, Круа, Сгоу), *Карлъ Евгеній*, герцогъ, фельдмаршалъ польской службы, род. въ 1651 г., ум. 30 января 1702 г. Происходилъ изъ рода венгерскихъ королей; герцогское достоинство фамилія эта получила отъ короля французскаго Генриха IV. Карлъ де Кроа 25-ти лѣтъ принялъ участіе въ войнѣ Даніи противъ Швеціи, отличился нѣсколькими удачными дѣйствіями и получилъ отъ короля Христіана V чинъ генералъ-лейтенанта и должность коменданта крѣпости Гельзингборгъ; черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ на службу императора германскаго, съ чиномъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенанта, успѣшно дѣйствовалъ противъ турокъ въ 1687—1693 гг.—при Гранѣ, Офенѣ, Ниссѣ, Эссекѣ; въ 1693 г. временно исправлялъ должность главнокомандующаго и осаждалъ Бѣлградъ, но безуспѣшно. Возвратившись въ 1699 г., по заключеніи мира, въ Вѣну, Кроа встрѣтилъ при дворѣ холодный пріемъ—были недовольны его образомъ жизни во время похода, такъ какъ Кроа предавался неумѣренному пьянству и велъ постоянно большую игру. Въ 1700 г. вступилъ на службу къ польскому королю, а затѣмъ пріѣхалъ къ Петру Великому, въ то время, когда осаждена была русскими Нарва. Кроа привезъ отличнѣйшія рекомендаціи изъ Австріи и Петръ убѣдилъ его принять начальство надъ арміею, осаждавшею Нарву; Кроа, совершенно незная ни русскихъ войскъ, ни русскаго языка, согласился на это только послѣ продолжительныхъ отказовъ. Царь послѣ этого, въ силу государственныхъ соображеній, уѣхалъ отъ войска. 19 ноября 1700 г. напалъ на русскихъ Карлъ XII и нанесъ имъ сильное пораженіе; русскіе солдаты совершенно недовѣряли своимъ нѣмецкимъ начальникамъ и даже въ теченіе битвы бросались на нѣмцевъ, бывшихъ въ русскомъ войскѣ. Кроа сдался въ плѣнъ шведамъ. Онъ былъ отвезенъ въ Ревель. Здѣсь, не получая никакого жалованья или пансіона и желая попрежнему широко жить, Кроа надѣлалъ много долговъ; когда онъ умеръ, заимодавцы заарестовали его трупъ. Болѣе ста лѣтъ пролежалъ онъ непогребеннымъ въ придѣлѣ церкви Св. Николая въ Ревелѣ, затѣмъ перенесенъ былъ въ подвалъ и и тамъ долго лежалъ на столѣ, подъ стеклянною крышкою, наконецъ уже былъ преданъ землѣ.

«Allgem. Deutsche Biographie», IV, 621; Nottbeck und Neumann, «Gesch. d. Stadt Reval»; «Справ. Энциклоп. Лек.», Края, VI, 921.

Кровковъ, *Матвѣй Осиповичъ*, ум. около 1700 г. Одинъ изъ первыхъ, вмѣстѣ со Змѣевымъ и Шепелевымъ, «генераловъ» русскихъ. Въ 1658 г. упоминается какъ стряпчій рейтарскаго строя; въ 1678 г. называется уже генераломъ, иногда генералъ-маіоромъ, иногда генералъ-поручикомъ выборнаго солдатскаго полка; званіе генерала въ то время еще не получило вполнѣ точнаго значенія и мѣста въ служебной іерархіи; оно равнялось приблизительно чину думнаго дворянина: въ генералы жаловали изъ стольниковъ, а изъ генераловъ

Шепелевъ былъ пожалованъ въ окольничьи. Въ Чигиринскомъ походѣ Кровковъ упоминается вторымъ послѣ главнаго воеводы кн. Мих. Алег. Черкасскаго; въ походѣ этомъ онъ былъ раненъ и «за рану и за то, что выборные солдатскіе полки всякому строю и ополченію изучилъ, и за то, что отводомъ велъ отъ непріятельскихъ людей обозъ великимъ и крѣпкимъ ополченіемъ», получилъ прибавку къ жалованью въ 43 р., въ годъ. Въ маѣ 1682 г. во время возстанія противъ провозглашенія одного Петра государемъ, стрѣльцы, прежде чѣмъ идти въ Кремль, связали Кровкова. Правительство Софьи, повидимому, не благоволило Кровкову: съ 1683 г. видимъ его воеводою и генераломъ въ Якутскѣ; здѣсь онъ поставилъ новый острогъ, т. е. укрѣпленіе, взамѣнъ прежняго, который былъ начатъ слишкомъ обширнымъ и на неудобномъ мѣстѣ; въ Якутскѣ Кровковъ оставался воеводою приблизительно до 1700 г.

«Акты Истор.», V; «Дополн. къ Актамъ Истор.» VIII, IX, X; «Книги Разрядныя», II.

Кроль, *Николай Ивановичъ*, писатель, род. 5 марта 1823 г., ум. 28 марта 1871 г. По окончаніи курса въ Дворянскомъ полку поступилъ на службу въ вѣдомство путей сообщенія, въ концѣ 50-хъ годовъ оставилъ службу и занялся литературою; еще въ 1849 г. была напечатана и шла съ успѣхомъ на сценѣ одна его комедія изъ современной жизни; затѣмъ поставлены были его пьесы «Бракъ при Петрѣ Великомъ»; въ 1857 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ его стихотвореній «Эскизы» и повѣсть «Деревянный домикъ»; затѣмъ Кроль совершилъ продолжительное путешествіе по Западной Европѣ, въ сообществѣ съ Я. П. Полонскимъ, и написалъ въ это время цѣлый рядъ стихотвореній — напечатаны они въ журналѣ «Русское Слово». По возвращеніи въ Петербургъ Кроль печаталъ свои стихотворенія въ «Искрѣ», «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ», «Гудкѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ Кроль являлся вполнѣ представителемъ такъ называемыхъ людей 60-хъ годовъ; поэтическое дарованіе его было не изъ крупныхъ; по своему нравственному облику это былъ замѣчательно честный и искренній человѣкъ.

«Иллюстр. Газета», 1871, № 19; «Рус. Архивъ», 1873. № 8.

Кронебергъ, *Андрей Ивановичъ*, писатель—критикъ и переводчикъ, сынъ ректора Харьковскаго университета, ум. 10 апрѣля 1855 г., въ Харьковѣ. А. И. Кронебергъ былъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» 1840—1845 гг., «Современника» 1847—1852 гг. и «Библіотеки для Чтенія» 1849—1850 гг. Какъ оригинальные, такъ и переводные труды Кронеберга обладаютъ несомнѣнными достоинствами, но извѣстность его основывается, главнымъ образомъ, на переводахъ изъ Шекспира. Кронебергу принадлежатъ слѣдующіе переводы: изъ Гейне: Стихотвореніе («Отечественныя Записки» 1840 г., т. XIII); «Ганимедъ», Изъ Гете (ibid. 1841 г., т. XV); «Двѣнадцатая ночь, или что угодно». Драма Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ (ibid., 1841 г., т. XVII); «Лукреція Флоріани», романъ Жоржъ-Зандъ («Современникъ» 1847 г., т. I); «Послѣдніе романы Жоржъ-Занда»—критическая статья (ibid., т. I); «Битва жизни», повѣсть Ч. Диккенса, переводъ (ibid, т. II); «Святочные разсказы» Диккенса (ibid., т. II); «Много шуму изъ ничего», комедія В. Шекспира, въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ (ibid., т. VI); «Драматическая литература въ Германіи». Статья I-я (ibid., 1848 г., т. VIII); «Томъ Джонсъ, романъ въ XVIII книгахъ», Генриха Фильдинга (ibid., т. IX—XII); «Богатства древняго Рима и знакомство его съ Греціей и Востокомъ». Статья 1-я (ibid., 1849, т. XIV); «Цыганъ», романъ Д. П. Р. Джемса, въ 6 частяхъ, переводъ (ibid., т. XVII и XVIII); «Шахматы» (ibid., 1850 г., XIX—XXI; «Денежный бракъ», романъ въ 4-хъ частяхъ, переводъ съ французскаго (ibid., 1850 г., т. XIX—XX); «Скрипка», повѣсть въ 2-хъ частяхъ (ibid., т. XX—XXI); «Охотники новѣйшаго времени». Сочиненіе маркиза де-Фудраса, въ 5 частяхъ («Библіотека для Чтенія» 1849 г., тт. XCVII, XCVIII); «Плѣнники», комедія М. А. Плавта (ibid.; т. XCVIII); «Оттилія», романъ В. Гете (Сочиненія В. Гете въ русскомъ переводѣ, подъ редакціей П. И. Вейнберга, т. I). Отдѣльно изданы: «Гамлетъ». Трагедія В. Шекспира, Харьковъ. 1844 г., второе изд. М. 1861 г.; «Макбетъ». Трагедія В. Шекспира, М. 1862 г.; «Роль Макбета изъ трагедіи Шекспира, исполненная г. Айра-Ольриджемъ», М 1862 г.

«Современникъ», 1855 г., т. LI, № 6, отдѣлъ V, стр. 277; Геннади, «Словарь»; Галаховъ, «Русская хрестоматія», т. II, стр. 415—424—431; Н. Гер

бель, «Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб. 1875 г.. стр. 44—52, 83—84; «Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей»; «Воспоминанія», А. Я. Головачевой Панаевой, стр. 155, 196; «Молодикъ» 1843 г., ч. I, стр. 210—226.

Кронебергъ, *Иванъ Яковлевичъ* (Johan Christian Kroneberg), статскій совѣтникъ, докторъ философіи, ординарный профессоръ и ректоръ Харьковскиго университета, род. 19 февраля 1788 г., въ Москвѣ, ум. 19 октября 1838 г., въ Харьковѣ. Въ 1800 г. Кронебергъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, былъ отправленъ въ Германію, въ педагогическое заведеніе въ Галле, гдѣ пробылъ до 1805 г., занимаясь подъ руководствомъ профессора Нимейера. Изъ Галле онъ перешелъ въ Іенскій университетъ и тамъ началъ было изучать юриспруденцію, но вскорѣ, «утомленный сухостію сего предмета», взялся за философію и литературу. Изъ Іены И. Я. Кронебергъ предпринималъ два путешествія: одно пѣшкомъ въ Нюрнбергъ, другое въ Брауншвейгъ. Въ 1806 г. французская кампанія прервала его занятія. Онъ служилъ въ это время чичероне маршалу Дюроку. Въ 1807 г. Кронебергъ получилъ степень доктора философіи и былъ избранъ членомъ Іенскаго великогерцогскаго латинскаго общества, а вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Россію, и въ 1814 г. былъ назначенъ директоромъ коммерческаго училища въ Москвѣ, гдѣ пробылъ до 1818 г.; 20 февраля 1818 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени; въ 1819 г. назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ, по каѳедрѣ классической филологіи, и въ томъ же году былъ произведенъ въ экстраординарные профессора. Въ 1822 г. онъ ревизовалъ училища въ Курской, Орловской и Воронежской губерніяхъ; въ 1826, 1829 и съ 1833 по 1838 гг. былъ ректоромъ университета.— Какъ профессоръ И. Я. Кронебергъ много способствовалъ поднятію уровня преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ. Его лекціи были полны мысли и жизни и увлекали слушателей. Онъ разбиралъ произведенія древнихъ писателей въ отношеніяхъ филологическомъ, археологическомъ и литературномъ. Въ ученo-литературныхъ трудахъ своихъ Кронеберъ знакомилъ русское общество съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы; въ издаваемыхъ имъ брошюрахъ и сборникахъ находились статьи о средневѣковой поэзіи, о Шекспирѣ, котораго онъ явился однимъ изъ первыхъ цѣнителей, о нѣмецкой философіи и критикѣ и о многихъ предметахъ, относящихся къ міру классической древности, къ ея искусству и литературѣ.— И. Я. Кронебергу принадлежатъ слѣдующіе труды: «Объ обрядахъ и обычаяхъ древнихъ римлянъ», Харьковъ, 1818 г.; «Латинско-россійскій лексиконъ», 2 части, М. 1819—1820 гг.; словарь этотъ имѣлъ 8 изданій, послѣднее въ 1876 г.; «Латинская грамматика», Харьковъ, 1820 г.; «Antiquitates Romanae in usum praelectionum suarum adumbravit...», Charkowiae 1823; «Quinti Horatii Flacci epistola ad Augustum, commentario perpetuo illustravit...», Chark. 1823; «Taciti Annalium I. Edidit Croneberg», Ch. 1823; «О завоеваніяхъ римлянъ», Харьковъ 1824 г.; «Амалтея, или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности», 2 части. Харьк. 1825—1826 гг.; «Compendium antiquitatum romanarum», Chark. 1827 «Censura ingenii et morum A. Persii Flacci»; «Caji Crispi Sallustii de Catilinae conjuratione liber, commentario perpetuo illustravit», Chark. 1830; «Брошюрка», 10 книжекъ, Харьк. 1830—1833 гг.: «Историческій взглядъ на эстетику»; «Отрывки»: Заливъ Неаполитанскій. Сирія; Макбетъ; О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ; Матеріалы для исторіи эстетики; Отрывки и афоризмы; Маргиналіи и выписки; Поэзія. Шесть одъ Горація. Вертеръ. Apocalypsis cum figuris; Философія Ноланская о причинѣ, о началѣ и одномъ; M. Tullii Ciceronis oratio pro lege Manilia in usum scholarum commentario perpetuo illustravit, adjectis procœmio historico, narratione de Magni Pompeji rebus in Asia gestis, et indice verborum, Chark. 1834; Минерва, 4 части, Харьк. 1885 г. (Сборникъ рецензій и статей, относящихся до классическихъ древностей); Письма («Московскій Наблюдатель» 1838 г., №№ 5 и 9); «Характеристика древнихъ грековъ и римлянъ» (ibid., № 10); Маргиналіи и выписки: Астъ. Гейнротъ. Риттеръ (ibid., № 11); Антикритика на разборъ Бѣлинскаго «Гамлета», перев. Полевого (ibid., № 13). — Послѣ И. Я. Кронеберга осталось много бумагъ, большею частью относящихся къ послѣднему и главному труду его «Основанія науки древностей».

Дѣло о дворянствѣ рода Кронеберга (По Харь-

ковской губ. 1852 г., сенатскій архивъ, № 129). «Московскій Наблюдатель», 1839, ч. 1, № 2, смѣсь, стр. 21 — 27; М. Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи» (Журн. Мин. Нар. Просв.», 1865 г., № 10, ч. 128, стр. 107); Геннади, «Словарь»; «Справочный энциклопедическій словарь», А. Старчевскаго, ч. VI, «Сынъ Отечества» 1838 г., т. VI. отд. V, стр. 64; «Харьковскія губ. Вѣдомости» 1838 I. № 43, стр. 373—375; «Воспоминанія о Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ, за полстолѣтіе назадъ».—Статья И. Б. («Харьковскія губ. Вѣдомости» 1870 г., № 36). «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1871 г., № 3, т. CLIV, стр. 59 — 62; А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. III. Спб. 1891 г., стр. 90, 164.

Кропотовъ, *Андрей Фроловичъ*, писатель, изъ дворянъ, род. въ 1780 г., ум. около 1821 г. Въ 1788 г. былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ, въ 1794 г. пожалованъ чиномъ гардемарина, 1 мая 1796 г. произведенъ въ мичмана, а 10 сентября 1804 г. отставленъ отъ службы «по худой аттестаціи». Ему принадлежатъ: «Ландшафтъ моихъ воображеній». Спб. 1603 г.; «Чрезвычайныя происшествія: угнетенная добродѣтель, или поросенокъ въ мѣшкѣ», Спб. 1809 г.; «Духъ россіянки. Истинное русское происшествіе». Спб. 1809 г.; «Жизнь графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, почерпнутая изъ достовѣрныхъ источниковъ россейскихъ и иностранныхъ С. Ушаковымъ», Спб. 1816 г.; «Демокритъ», журналъ 1815 г., 6 книгъ, гдѣ помѣщено много его статей, отличительной чертой которыхъ является ненависть къ иностранцамъ; «Пантеонъ славныхъ россійскихъ мужей на 1816 г.», 12 книгъ, и на 1818 г., 4 книги, съ портретами; въ прозѣ и стихахъ. «Русское сочиненіе», издано по смерти, Спб. 1831 г.

«Справочный энциклопедическій словарь», А. Старчевскаго, т. VI, Геннади, «Словарь», т. II, «Сынъ Отечества» 1816 г., т. XXXV. стр. 106. т. XLI, стр. 105. Г. Кругликовъ, «Изъ воспоминаній участвовавшаго въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ первой половины XIX столѣтія» («Петербургская Газета» 1871 г., № 34); Формулярный списокъ Кропотова за 1805 г.

Кропотовъ, *Дмитрій Андреевичъ*; полковникъ, писатель; род. въ 1817 г., ум. 21 ноября 1875 г. По окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1835 г. произведенъ въ офицеры; служилъ дежурнымъ офицеромъ въ 1 корпусѣ, принималъ участіе въ редактированіи журнала «Чтеніе для солдатъ», былъ помощникомъ военнаго цензора. Охотно занимался историческими вопросами и былъ отличнымъ знатокомъ исторіи Петербурга; ему принадлежитъ нѣсколько статей въ «Военно-Энциклопедическомъ лексиконѣ» и рецензій въ «Отечественныхъ Запискахъ». Польская смута 1862 г. привлекла его вниманіе къ исторіи нашего сѣверо-западнаго края, онъ вступилъ въ ученыя сношенія съ Гильфердингомъ, Кояловичемъ и др. Въ 1874 г. вышелъ первый томъ предпринятаго имъ труда. «Жизнь графа М. Н. Муравьева»; тутъ изложены событія, имѣющія отношеніе къ біографіи Муравьева, до начала 30-хъ годовъ; книга эта замѣчательна, какъ одно изъ первыхъ сочиненій въ Россіи, въ которыхъ сообщено довольно много достовѣрныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о декабристахъ.

«Русскій Инвалидъ», 1875 г. № 278. «Голосъ», 1875 г. № 325.

Кропотовъ, *Иванъ Ивановичъ*, полковникъ, драматическій писатель, переводчикъ Мольера, род. 24 февраля 1824 г., ум. 18 мая 1769 г. Въ 1740 г. былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ 1755 г. произведенъ изъ сержантовъ въ подпоручики, 19 августа 1757 г. участвовалъ и былъ раненъ въ сраженіи при Гросъ-Егерсдорфѣ, въ 1758 г. уволенъ въ отставку въ чинѣ капитанъ-поручика, съ 1762 по 1764 гг. ссстоялъ начальникомъ войскъ нашихъ по границамъ Китая, тогда у насъ дипломатическія сношенія съ Небесной имперіей были прерваны и необходимыя сношенія совершались черезъ начальника войскъ. Кропотову принадлежатъ слѣдующіе переводы: «Скупой», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, Мольера, М. 1767 г., 2-е изданіе, М. 1788 г.; «Школа женъ», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, его же, М. 1757 г., 2-е изданіе, М. 1788 г.; «Школа мужей», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, его же, М. 1857, 2-е изд. М. 1788 г.; «Тартюфъ или лицемѣръ», его же, М. 1757 г., изданіе 2-е, М. 1788 г., «Комедіи изъ театра» Мольера, ч. I, М. (безъ означенія года); «Гордость и бѣдность», комедія въ 5 дѣйствіяхъ Гальберта, переведена въ 1757 г., въ январѣ, и того же года представлена на придворномъ театрѣ, напечатана М. 1774 г., изданіе 2-е, М. 1788 г. «Несчастная княгиня изъ Вѣны», съ нѣмецкаго, М. 1794 г.— Переводы Кропотова по своему времени считались довольно хорошими, и ставились въ Московскомъ театрѣ—«оперномъ домѣ», учрежденномъ въ 1758 г. «на свой коштъ»

содержателемъ итальянской комической оперы—Локателли.

В. Руммель, Родъ Кропотовыхъ (Рукопись). «Московскія Вѣдомости» 1757 г., прибавленіе къ № 78; П. Диринъ, «Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка», т. II, 102; «Архивъ князя Воронцова», VII, 358; «Русскій Архивъ» 1871 г., № 12, стр. 2,044 и 2,050; Соловьевъ, «Исторія», Книга VI, стр. 273; Шевыревъ, «Истор. Москов. унив.», 77, 92; Порошина, «Записки», 68, 116; Геннади, «Словарь», II.

Кропотовъ, *Петръ Андреевичъ,* драматическій писатель, сынъ воеводы Рязанской провинціи, жилъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Образованіе получилъ въ Сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1756 г. прапорщикомъ въ Копорскій пѣхотный полкъ. Въ 1757 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1761 г.—поручики, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ предсѣдателемъ Рязавской верхней расправы, а 2 февраля 1785 г. былъ уволенъ отъ службы. П. А. Кропотову принадлежитъ: «Ѳомушка, бабушкинъ внучекъ». Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненная 1785 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ чрезъ коллежскаго ассессора (1782 г.) Петра Кропотова. Спб. 1790 г. (и «Россійскій Ѳеатръ» 1790 г., т. XXXV, стр. 183—272).

В. Руммель. Родъ Кропотовыхъ (Рукопись); Геннади, «Словарь»; «Московскій Наблюдатель» 1837 г., т. XV, стр. 231.

Кроссъ, *Густавъ Густавовичъ,* профессоръ С.-Петербургской консерваторіи, род. въ 1831 г., ум. 13 октября 1885 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургской Ларинской гимназіи и въ С.-Петербургскомъ университетѣ поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Любя съ дѣтства музыку, онъ серьезно занимался ею, какъ въ учебные свои годы, такъ и состоя уже на службѣ—въ это время онъ бралъ уроки у извѣстнаго Гензельта. Когда въ 1862 г. открыта была въ С.-Петербургѣ консерваторія, Г. Г. Кроссъ оставилъ службу и поступилъ туда ученикомъ. Въ 1865 г. онъ окончилъ въ ней курсъ, вмѣстѣ съ Чайковскимъ и Ларошемъ, получивъ, вмѣстѣ съ Чайковскимъ, серебряныя медали—высшую награду, какую тогда консерваторія давала. Немедленно по окончаніи курса онъ оставленъ былъ при консерваторіи сначала въ качествѣ преподавателя, а затѣмъ сдѣланъ профессоромъ. Его классъ всегда отличался многолюдствомъ учениковъ, изъ которыхъ многіе составили себѣ впослѣдствіи громкое имя въ музыкальномъ мірѣ. Педагогическія занятія заставили Кросса отказаться отъ карьеры виртуоза, хотя онъ имѣлъ для этого всѣ данныя и одно время былъ первымъ послѣ А. Г. Рубинштейна піанистомъ Петербурга. Слѣдя внимательно за музыкальною литературою, Кроссъ впервые познакомилъ петербургскую публику со многими выдающимися произведеніями Листа, Чайковскаго, Сенъ-Санса и др.

«Всемірная Иллюстр.», 1885, № 879.

Кротовъ, *Яковъ Ивановичъ,* псковскій посадникъ, ум. послѣ 1485 г. Участвовалъ вмѣстѣ съ другими боярами въ переговорахъ псковичей съ епископомъ юрьевскимъ и архіепископомъ рижскимъ о перемиріи въ 1461 г. Въ 1463 г., по порученію Пскова, Кротовъ ѣздилъ въ Москву «просити князя во Псковъ по псковской старинѣ, которой князь Пскову любъ», и вскорѣ въ Псковъ пріѣхалъ кн. Иванъ Александровичъ Звенигородскій. Въ 1470 г. Кротовъ ходилъ въ Новгородъ по дѣламъ церковнымъ, оттуда пріѣхалъ въ Москву къ великому князю «о своихъ дѣлахъ», а въ слѣдующемъ году Псковъ отрядилъ его на съѣздъ съ литовскими панами по порубежнымъ дѣламъ, назначенный въ Березничахъ. Послы, однако, разъѣхались, ничему не учинивши управы. Въ томъ же 1471 г. онъ «головами выправилъ» въ Новгородѣ псковичей, сидѣвшихъ отъ биричей въ порубахъ и съ псковскою силой ходилъ на помощь къ Іоанну III, воевавшему съ Новгородомъ. Въ 1473 г. Кротовъ ѣздилъ въ Новгородъ для заключенія мира съ ливонскими нѣмцами, который, впрочемъ, не состоялся, а въ слѣдующемъ году—въ Ригу для утвержденія мирнаго договора. Въ 1480 г. воевавшій за Псковъ съ нѣмцами кн. Андрей Никитичъ Оболенскій-Ноготь, недовольный псковичами, выѣхалъ изъ Пскова, которому грозила опасность со стороны ливонскаго магистра Бернгарда: псковичи послали къ нему Кротова съ челобитьемъ, но Оболенскій не принялъ его. Впрочемъ, черезъ два года Кротовъ заключилъ миръ съ нѣмцами въ Новгородѣ на 10 лѣтъ. Въ 1483 г. у него и у многихъ другихъ посадниковъ и бояръ псковичи за что-то «посѣкоша дворы». Въ послѣдній разъ Кротовъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1485 г.: вмѣстѣ съ другими псковичами онъ ѣздилъ

къ Іоанну III бить челомъ объ отдачѣ имъ нелюбья за казнь смердовъ.

П. С. Р. Л. IV, 221—222, 233—236, 247, 249, 250, 262—263, 266; V, 34, 36, 38, 43; VI, 22.

А. Э.

Кроунъ (Кронъ, Кровнъ, Crovn) *Романъ Васильевичъ*, адмиралъ, род. въ 1754 г., ум. 21 апрѣля 1841 г. въ С.-Петербургѣ. Родомъ изъ Шотландіи, изъ округа Пертъ, онъ еще въ ранней молодости оставилъ домъ своихъ родителей и, противъ желанія ихъ, поступилъ въ морскую службу, сначала на комерческія суда, а затѣмъ и на военныя. Въ 1778 г. участвовалъ въ Сѣверо-Американской войнѣ. Командиръ фрегата «Діана», капитанъ Джонстонъ, оцѣнивъ способности штурмана Кроуна, поручилъ ему отвѣтственную должность перваго лейтенанта. Не получивъ, несмотря на всѣ хлопоты ближайшаго начальства, офицерскаго чина въ англійскомъ флотѣ, Кроунъ перешелъ 4 февраля 1788 г. на русскую службу съ чиномъ лейтенанта, а 10 марта произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и былъ назначенъ въ эскадру вице-адмирала Фонъ-Дезина, въ Средиземное море, но дойдя до Копенгагена былъ назначенъ командиромъ купленнаго въ Англіи катера «Меркурій» и крейсировалъ на немъ въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ взялъ призами 29 шведскихъ коммерческихъ судовъ. Въ 1789 г. 29 апрѣля, послѣ «довольнаго сопротивленія», взялъ съ бою 12-ти-пушечный тендеръ, 21 мая взялъ съ бою 40-пушечный фрегатъ «Венусъ»— за что былъ награжденъ чиномъ капитана 2 ранга, орденомъ св. Георгія 4 ст., пенсіономъ по смерть, съ назначеніемъ командиромъ взятаго имъ фрегата; женѣ Кроуна, бывшей на катерѣ «Меркурій» во время боя и ухаживавшей за ранеными, пожалованъ былъ орденъ св. Екатерины. Съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова Кроунъ вернулся въ Ревель. 2 мая 1790 г., въ составѣ эскадры Чичагова, участвовалъ въ Ревельскомъ сраженіи и получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; 22 іюня участвовалъ въ Выборгскомъ сраженіи, гдѣ, имѣя подъ своею командою отрядъ мелкихъ судовъ, потопилъ 15 непріятельскихъ судовъ гребной флотиліи, взялъ катеръ «Луиза-Ульрика», 4 галеры, транспортъ и канонерскую лодку, за что пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.; преслѣдуя далѣе непріятельскій флотъ, подъ самымъ Свеаборгомъ 23 іюня взялъ съ бою шведскій 64-хъ-пушечный корабль «Ретвизанъ» и былъ «за отличную храбрость» произведенъ въ капитаны 1 ранга и пожалованъ пожизненною арендою въ 1.000 р. Съ 1791 по 1795 г. служилъ въ Черномъ морѣ при Николаевскомъ портѣ; въ 1794—1795 г. снова служилъ въ С.-Петербургѣ при береговой командѣ; въ 1795—1797 гг. командовалъ разными кораблями. Въ 1798—1799 г.г., командуя кораблемъ «Мстиславъ» въ эскадрѣ вице-адмирала Макарова, плавалъ у береговъ Англіи и крейсировалъ съ англійскою эскадрою въ Нѣмецкомъ морѣ; въ 1799 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и до 1804 г. былъ при береговыхъ командахъ въ Кронштадтѣ; 11 февраля 1804 г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы бѣлаго флага; въ 1807 — 1812 г.г., по случаю разрыва съ Англіею былъ удаленъ, съ прочими своими соотечественниками, въ Москву, гдѣ получалъ полное содержаніе. Въ 1812 г. Кроунъ изъ Москвы былъ отправленъ въ Архангельскъ, гдѣ принялъ командованіе 8-ю кораблями и перешелъ съ ними въ Свеаборгъ, а затѣмъ, позднею осенью, съ 7-ю кораблями былъ посланъ къ берегамъ Англіи; потерявъ по дорогѣ одинъ корабль, поступилъ подъ общее начальство британскаго адмирала Юнга. Участвовалъ въ блокадѣ голландскихъ береговъ по 1814 г., когда сопровождалъ изъ Англіи во Францію французскаго короля Людовика XVIII, затѣмъ ѣздилъ въ Лондонъ для встрѣчи императора Александра Павловича и сопровождалъ Государя по Англіи. Принявъ на свою эскадру (13 кораблей, 1 фрегатъ и 1 бригъ) наши войска въ Шербургѣ, доставилъ ихъ въ Кронштадтъ; въ 1814—1827 гг. ежегодно командовалъ практическими эскадрами въ Балтійскомъ морѣ—въ ущербъ русскимъ по рожденію флагманамъ, которые, благодаря столь долгому командованію Кроуна, оставались безъ плаванія и практики. Въ 1824 г. былъ произведенъ въ адмиралы. Императоръ Александръ I очень уважалъ Кроуна. Въ 1830 г. Кроунъ принялъ русское подданство. Въ 1832—1838 годахъ командовалъ ежегодно лѣтомъ соединенными дивизіями Балтійскаго флота. Умеръ въ С.-Петербургѣ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Кроунъ былъ человѣкъ очень дѣятельный, быстро и точно выполнялъ всѣ требованія службы и былъ, какъ говорятъ моряки, счастливъ на попутные вѣтры;

онъ воспиталъ много хорошихъ моряковъ.

«Общій морской списокъ», IV, 161 — 163; «Кроунъ» — въ «Крон. Вѣст.» 1878 г. № 24;— «Первые годы жизни Р. В. Кроуна» — «Кронш. Вѣстн.» 1876 г. 46 и 52;—«О невѣрности компасовъ на судахъ эскадры Кроуна» — «Зап. Гос. Адмир. Департ.» 1824 г., IV, 17—23; — Берхъ, В. Н., «Достопр. происш.»,—«Зап. Гос. Адмир. Департ.» 1827 г., XIII, 237 — 284; — «Адмиралъ Р. В. Кроунъ» — «Зап. Мор. Учен. Ком.», 1842, XVI, 434 — 437; — «Гибельное положеніе фл. кор. «Нордъ-Адлеръ» въ эскадрѣ в.-а. Р. В. Кроуна»— «Морск. Сборн.», 1857, II, 124—131; «О разногласіи въ статьяхъ, относящихся до морской военной исторіи»—«Морс. Сборн.» 1857, I, 15—32; «Адмир. Р. В. Кроунъ» — «Морс. Сборн.», 1866, X, 35—36 и 1871, VIII 30—37; Анрепъ, Ф. «Дополненіе къ статьѣ «О подвигахъ русскихъ морякахъ»—«Русск. Инв.» 1833, № 52 и 53; «Біографія Ад. Кроуна» изъ «Naut. Mag.» —«Маякъ» 1841, 22—24; Кротковъ, А., «Повседневная запись»; его-же, «Русскій флотъ во времена Импер. Екатерины II»— «Морс. Сборн.»; его-же, «Кор. Чесма»—«Кронш. Вѣст.» 1887 и 1888 г.г. «Собраніе равныхъ полученныхъ отъ главноком. арміи и флота ко двору донесеній 1788 — 1790 г.г.»; Головачевъ, «Дѣйствіе Русскаго флота въ войнѣ со шведами 1588—1790 г.г.», Спб. 1871; «Эпизодъ изъ войны со шведами»—«Морс. Сборн.» 1863, VII—Веселаго, Θ. Θ., «Списокъ русск. военныхъ судовъ»;—его-же, «Краткая исторія Русскаго флота»; — Шишковъ А., «Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ шведскаго 1788—1790 г.», Спб. 1800 г.; его-же «Собраніе Морскихъ журналовъ» Спб. 1800 г.; статья Крашенинникова, въ «Военно-Энциклоп. Лексиконѣ» Спб. 1855 г.

П. Бѣлявенецъ.

Кругъ, *Филиппъ Ивановичъ* (Iohann Philipp Krug) ординарный академикъ, род. 18 января (ст. ст.) 1764 г. въ Галле на Заалѣ, ум. 4 іюня 1844 г. въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ университетѣ роднаго города, на богословскомъ факультетѣ. По словамъ самого Круга, еще въ дѣтствѣ явилась у него любовь къ собиранію монетъ; въ болѣе широкихъ размѣрахъ сталъ онъ заниматься нумизматикою, какъ только получилъ для этого нѣкоторыя средства—съ поступленіемъ въ 1787 г., на мѣсто учителя дѣтей и чтеца у маргграфа Шведтскаго (von Schwedt). Въ 1791 г. Кругъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство польскаго полковника Курціуса, въ Калишѣ. Послѣ второго раздѣла Польши Курціусъ принялъ русское подданство и пріѣхалъ въ 1795 г. въ Москву; сюда послѣдовалъ за нимъ и Кругъ, который съ этихъ поръ уже не покидалъ Россіи. Онъ имѣлъ въ это время довольно хорошее собраніе монетъ и медалей, частью пріобрѣтенныхъ имъ самимъ, частью унаслѣдованныхъ отъ отца. Въ Москвѣ Кругъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ домѣ графини Орловой, вдовы графа И. Г. Орлова; онъ познакомился въ Москвѣ съ извѣстнымъ профессоромъ Баузе, со Стриттеромъ, а въ домѣ графини—со многими представителями высшаго московскаго общества, между прочимъ съ извѣстнымъ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Одинъ изъ новыхъ знакомыхъ Круга предложилъ ему обмѣнять его нумизматическое собраніе на собраніе русскихъ монетъ и Кругъ, видя, что никогда не въ состояніи будетъ составить сколько нибудь полной коллекціи монетъ различныхъ европейскихъ государствъ, рѣшился на этотъ обмѣнъ и началъ собирать съ этого времени только русскія монеты. Съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и усидчивостью онъ принялся теперь изучать русскій языкъ, а въ особенности языкъ церковно-славянскій, чтобы разбирать надписи на монетахъ. По собственнымъ словамъ Круга онъ ранѣе усвоилъ церковно-славянскій языкъ, чѣмъ современный ему русскій. Въ то же время Кругъ продолжалъ пополнять полученное имъ собраніе. Онъ разсказываетъ, что въ то время въ Москвѣ попадалось множество древнихъ монетъ, выкопанныхъ изъ земли; иногда онъ встрѣчалъ монеты, склеившіяся въ видѣ массы съ грязью и плѣсенью; Кругъ пріобрѣлъ много знакомыхъ между торговцами и они предлагали ему первому для обозрѣнія всякія вновь попавшіяся имъ старыя монеты. Мало по малу Кругъ сдѣлался дѣйствительно отличнымъ знатокомъ русской нумизматики; овладѣвъ русскимъ языкомъ вполнѣ, онъ перечиталъ все, что можно было достать тогда по русской исторіи,— и читалъ не только печатное, но кое-что и изъ рукописныхъ лѣтописныхъ сборниковъ.

Въ 1801 г., окончивъ воспитаніе дѣтей гр. Орловой, Кругъ поступилъ въ другое семейство; въ матеріальномъ отношеніи онъ при этомъ потерялъ, но за то получилъ больше свободнаго времени; Кругъ же очень этимъ дорожилъ, потому что въ это время онъ задумалъ написать сочиненіе о русской нумизматикѣ. Для окончанія его ему нужно было познакомиться съ нумизматическимъ собраніемъ Эрмитажа въ Петербургѣ; Баузе, которому Кругъ сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, вполнѣ одобрилъ его намѣреніе,

а вскорѣ, самъ уѣхавъ въ Петербургъ, чтобы вести переговоры о продажѣ своего нумизматическаго собранія въ Эрмитажъ, сталъ усиленно звать туда Круга. Баузе съ чрезвычайными похвалами говорилъ вездѣ въ Петербургѣ объ историческихъ познаніяхъ Круга. Когда Кругъ пріѣхалъ въ столицу—15 августа 1803 г.—онъ встрѣтилъ отличный пріемъ въ немногочисленной тогда средѣ ученыхъ въ Петербургѣ, а 28 марта 1804 г. получилъ мѣсто помощника хранителя библіотеки и минцъ-кабинета Эрмитажа. Въ то же время возникла мысль привлечь Круга въ Академію Наукъ. Въ Академіи уже нѣсколько десятилѣтій историческія науки не имѣли представителя; при предстоявшемъ преобразованіи Академіи рѣшено было ввести въ ней и каѳедру русской исторіи. Академикъ по каѳедрѣ политической экономіи, Шторхъ, единственный представитель въ Академіи гуманитарныхъ и историческихъ наукъ, познакомился въ это время съ Кругомъ и посовѣтовалъ ему написать какое нибудь сочиненіе по русской исторіи и явиться соискателемъ на имѣющую открыться каѳедру. Въ февралѣ 1805 г. Кругъ представилъ Шторху свою работу «Einleitung in die Münzgeschichte des Russischen Reichs. Erster Zeitraum, vom Anfange des Staates bis auf die Regierung Wladimirs des I». 27 марта 1805 г. Кругъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи; конкуррентомъ его являлся одинъ ревельскій ученый; изъ 12 голосовъ Кругъ получилъ 9:

Осенью 1805 г. напечатано было вышеупомянутое изслѣдованіе Круга на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1807 г. оно вышло въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Критическія розысканія о древнихъ русскихъ монетахъ». Сочиненіе это заслужило самые лестные отзывы какъ въ русской, такъ и въ иностранной печати; весьма похвальные отзывы появились въ «Московскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ» профессора Буле, въ «St.-Petersburgische Monatsschrift» (1806, I) въ «Wochentlishe Unterhandlungen» (Mitau, 1806, № 2), въ «Allgemeine Hallische Litteratur-Zeitung» (1806, —120, Шлихтергроля), въ «Magazin encyclopedique» par Millin (1807, decembre, Оберлина); привѣтствовалъ Круга и Карамзинъ. Но особенно дорого было автору, что хорошо встрѣтилъ его книгу Ав. Людв. Шлецеръ (рецензія его въ «Göttingenische gelehrten Anzeigen» 1806, № 163). Шлецеръ не отказывался отъ прежнихъ своихъ мнѣній, которыя часто опровергалъ Кругъ, но вполнѣ призналъ научныя достоинства его книги.

Въ сочиненіи своемъ о древнихъ русскихъ монетахъ Кругъ затронулъ много вопросовъ древнѣйшей русской хронологіи. Эта отрасль исторической науки отнынѣ особенно привлекаетъ его. Сначала онъ думалъ было продолжать свои нумизматическія изслѣдованія; 5 марта 1806 г. онъ представилъ Академіи продолженіе своего труда: «Разсужденіе о гривнѣ. Часть первая. О гривнѣ, какъ ожерельѣ древнихъ руссовъ». Но затѣмъ онъ окончательно перешелъ на изслѣдованія хронологическія. Въ теченіе 1806 г. онъ представилъ Академіи докладъ «Объ источникахъ Нестора»; въ теченіе 1807 г. доклады: «Повѣрка нѣкоторыхъ чиселъ въ русскихъ лѣтописяхъ» и «Поправка хронологіи въ русскихъ лѣтописяхъ первой половины XII вѣка». Въ 1810 г. вышелъ главный трудъ Круга «Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie» (Критическій опытъ Византійской хронологіи въ связи съ древнѣйшею исторіею Руси) XVI+ 326 стр. 8°—было сдѣлано два перевода этого сочиненія на русскій языкъ, но авторъ не разрѣшилъ ихъ напечатанія. Сочиненіе Круга встрѣтили громкими похвалами такіе авторитеты въ византійской исторіи, какъ Фр. Христ. Шлоссеръ и Газе; впрочемъ Шлоссеръ тогда же (въ «Heidelberger Jahrbücher», 1812, № 26) указалъ, что нѣкоторые источники, которымъ Кругъ довѣряетъ вполнѣ, содержатъ иногда недостовѣрныя показанія и вообще указалъ, что греческія хроники не такого качества, чтобы по нимъ можно было опредѣлять не только годы и мѣсяцы, но даже и числа событій. Самые лестные отзывы были даны о трудѣ Круга въ «Göttingenische gelehrten Annalen» 1811, № 173, Гереномъ въ «Hallische Literatur-Zeitung» (1811, № 277), «Leipzige Literatur-Zeitung» (1812, № 144), «Allgemeine Literatur-Zeitung» (1813, № 57, Рюсомъ), «Ergänzungsblätter zur jenaischen allg. Lit.-Zeitung» (1814, № 4, Гюльманомъ) и въ «Magazin encyclopedique, par Millin», (1814, avril — статья Газе). Не смотря на недостатки, указанные Шлоссеромъ, новое изслѣдованіе Круга было признано, и совершенно справедливо, трудомъ классическимъ. Оно является исходною точкою

русскихъ работъ по византійской исторіи, поставленныхъ впослѣдствіи такъ высоко А. А. Куникомъ и—особенно—В. Г. Васильевскимъ. Въ этомъ сочиненіи разъяснены и неоспоримо доказаны многіе факты древнѣйшей русской исторіи, вызывавшіе прежде сомнѣнія—установлено окончательно время крещенія Ольги въ Константинополѣ, устранены сомнѣнія въ подлинности договоровъ Олега и Игоря съ греками и т. п.; въ труды лучшихъ византинистовъ западной Европы Кругъ внесъ не мало поправокъ и дополненій.

Къ сожалѣнію, несмотря на самые лестные отзывы ученыхъ, многіе несомнѣнно вѣрные выводы и поправки Круга очень долго не вошли въ ученый оборотъ: попрежнему повторялись многія утвержденія, ошибочность которыхъ была имъ доказана. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что такія изслѣдованія, какъ эти изслѣдованія Круга, требуютъ чрезвычайно внимательнаго изученія. Тѣмъ не менѣе это нѣсколько обижало Круга и послѣ изданія второго своего труда Кругъ уже ничего не напечаталъ при жизни, хотя продолжалъ работать попрежнему; въ ближайшіе къ выходу этой книги годы онъ занялся изданіемъ сочиненій своего умершаго друга, академика Лерберга—ум. въ 1813 г., сочиненія его вышли въ 1818 г.; въ то же время онъ продолжалъ и свои изслѣдованія по древнѣйшему періоду русской исторіи.

Послѣ нумизматики, хронологіи и византійской исторіи Кругъ принялся за изученіе вопроса о происхожденіи варяговъ-Руси; съ обычнымъ своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ изучилъ онъ множество источниковъ не только русскихъ и византійскихъ, но и латинскихъ и скандинавскихъ; онъ открылъ нѣсколько новыхъ свидѣтельствъ, освѣщающихъ этотъ трудный и темный вопросъ.

Оставшіеся послѣ его смерти трактаты изданы въ 1848 г. въ двухъ томахъ подъ редакціею А. А. Куника подъ заглавіемъ «Forschungen in der älteren Geschichte Russlands». Изъ нихъ видно, между прочимъ, что Кругъ еще въ 1806 г. открылъ первоначальный источникъ Несторовой лѣтописи, котораго тщетно искалъ Шлецеръ, именно хронику Георгія Амартола,—но это открытіе осталось неизвѣстнымъ и въ 1826 г. Строевъ самостоятельно его сдѣлалъ и опубликовалъ; правильно Кругъ отвергъ теорію о чисто германскомъ происхожденіи Русской Правды; нѣкоторыя изъ его разсужденій по вопросу о началѣ Руси при ихъ изданіи явились уже устарѣлыми. Отчасти помѣшало Кругу обнародовать свои труды и то обстоятельство, что онъ всегда работалъ чрезвычайно тщательно, входилъ въ вопросы глубоко и разсматривалъ ихъ всесторонне,—а тутъ уже и годы мѣшали ему работать такъ усиленно и много, какъ онъ почиталъ нужнымъ.

Заслуги Круга не малы еще и въ заботахъ его о разныхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Изъ нихъ первое мѣсто для русской исторіи занимаетъ археологическая экспедиція Строева, въ 1829 г. снаряженная Академіею Наукъ и послужившая поводомъ къ основанію Археографической комиссіи, такъ много, въ свою очередь, сдѣлавшей для науки русской исторіи. Кругъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи экспедиціи и въ теченіе ея постоянно переписывался со Строевымъ, который обращался къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. На эту экспедицію Кругъ предложилъ обратить деньги, пожертвованныя Академіи гр. Румянцевымъ; собственно гр. Румянцевъ предназначалъ ихъ на изданіе лѣтописей и тогдашній министръ народняго просвѣщенія гр. Разумовскій предложилъ Кругу взять изданіе на себя; но Кругъ отклонилъ это предложеніе и представилъ проектъ экспедиціи, тѣмъ болѣе, что и гр. Румянцевъ допускалъ не только изданіе лѣтописей, но и другое какое нибудь ученое предпріятіе. Съ большимъ интересомъ относился Кругъ къ лицамъ, занимавшимся историческими работами. Онъ руководилъ первыми шагами А. И. Тургенева на ученомъ поприщѣ, содѣйствовалъ приглашенію въ Академію Лерберга, Френа, Погодина, Шегрена, Устрялова, былъ другомъ Эверса. Особенно замѣчательны его отношенія къ гр. Н. П. Румянцеву. Знаменитый меценатъ, близко познакомившись съ Кругомъ, сдѣлалъ его своимъ другомъ и ближайшимъ совѣтникомъ въ ученыхъ предпріятіяхъ; Кругъ рекомендовалъ Румянцеву Востокова; черезъ посредство Круга Газе издалъ на средства гр. Румянцева роскошнымъ образомъ твореніе Льва Діакона; Румянцевъ далъ средства и для другихъ изданій византійскихъ источниковъ, но за смертью канцлера работы эти не были продолжены. Предъ

смертью гр. Н. П. Румянцевъ передалъ Кругу 12.500 р. для ученыхъ предпріятій Академіи и заставилъ въ его присутствіи, своего брата и наслѣдника, гр. С. П. Румянцева, дать обязательство объ ежегодномъ отпускѣ 100.000 р. ассигнаціями для содержанія музея и его дома и для окончанія начатыхъ ученыхъ работъ. Но послѣ смерти канцлера не всѣ эти обѣщанія были выполнены. Отъ предложеннаго Кругу мѣста директора Румянцевскаго музея онъ отказался.—Изъ адъюнктовъ Кругъ былъ произведенъ въ экстраординарные академики въ 1807 г.; въ ординарные въ 1818 г.; въ 1832 г. онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1817 г. безъ вѣдома Круга онъ былъ назначенъ главнымъ хранителемъ Эрмитажной библіотеки, но онъ отказался отъ этого мѣста. Умеръ Кругъ отъ ушибовъ, разбитый лошадьми.

Кавелинъ, въ статьѣ посвященной обозрѣнію сочиненій Круга, говоритъ о немъ такъ: «онъ былъ замѣчательный знатокъ, добросовѣстный изслѣдователь русской исторіи, но не былъ и не могъ быть у насъ историкомъ»: «чтобы написать національную исторію, говоритъ Кавелинъ, надо необходимо принадлежать къ народу по рожденію и воспитанію»; но по словамъ Кавелина «то, что Кругъ сдѣлалъ для русской исторіи своимъ вліяніемъ, совѣтами, покровительствомъ, столь же важно, какъ и его ученые труды; быть можетъ, даже важнѣе».

Біографія Круга, написанная А. А. Куникомъ, помѣщена въ «Forschungen»; статья Билярскаго—«Очеркъ біографіи академика Круга» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1849, № 12; тамъ же, 1850, № 1—«Содѣйствіе Круга канцлеру гр. Румянцеву въ пользу русской исторіи»; біографія, написанная П. Фуссомъ—въ «Журн. Мнв. Нар. Просв.», 1845, ч. 45; см. еще тамъ же ч. 46, и 1848, ч. 59; «Recueil des actes de l'Acad. Imper. d. Sciences», 1844, 4—15; «Bulletin historique», II, 279—286; статья Кавелина по поводу «Forschungen»,—«Собр. сочинен. К. Д. Кавелина», т. I 925 и слѣд. «Воспоминанія» Устрялова—въ «Нов. Времени», 1872, № 31. *Б. Гл—въ.*

Крузе, *Карлъ Фридрихъ* (Карлъ Ѳедоровичъ), лейбъ-медикъ, род. въ 1727 г., ум. 29 іюня 1799 г. Родился въ Килѣ, въ Голштиніи, учился въ Лейденѣ, гдѣ и защитилъ въ 1749 г. диссертацію De causis acidi in primis viis. Пріѣхавъ вскорѣ въ Россію, онъ былъ назначенъ старшимъ докторомъ въ адмиралтейскій генеральный госпиталь, по контракту на три года, и профессоромъ въ училищѣ при госпиталѣ. Крузе женился на дочери лейбъ-медика Бургава и пріобрѣлъ большую практику; въ 1753 г. назначенъ главнымъ докторомъ войскъ гвардіи. 18 іюля 1761 г. Крузе былъ назначенъ лейбъ-медикомъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ жалованьемъ въ 4000 р. въ годъ; онъ пользовалъ Императрицу Елизавету Петровну во время послѣдней ея болѣзни. Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ уволилъ его отъ службы 19 апрѣля 1762 г., но вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II Крузъ снова былъ принятъ на службу на прежнюю должность. Съ 1756 г. былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ; въ «Комментаріяхъ Академіи» (т. IX) напечаталъ изслѣдованіе Бургава о меркуріѣ. Послѣ его смерти его дочь представила императору Павлу прошеніе, чтобы приняты были у нея многочисленные манускрипты Бургава, хранившіеся у ея отца, съ его библіотекою, а замѣнъ того — выплаченъ казною долгъ въ 63.000 р., лежавшій на домѣ Крузе. Императоръ Павелъ исполнилъ прошеніе дочери своего лейбъ-медика, хотя, по разсмотрѣніи въ Медицинской Коллегіи принятыхъ книгъ и манускриптовъ, оказалось, что они не представляютъ ничего особенно цѣннаго; бумаги эти были сданы въ библіотеку Медико-хирургической Академіи.

Чистовичъ, «Исторія перв. медиц. школъ въ Россіи», CLXXXIX — CLXCI; Геннади, «Словарь»; «Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ.», т. VII, X, XIII. Hirsch, «Biograph. Lexicon der Aertzte».

Крузенштернъ, *Александръ Ивановичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1807 г., ум. 7 іюня 1888 г. Сынъ знаменитаго адмирала, Ивана Ѳедоровича Крузенштерна. Окончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ въ 1826 г., и былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; съ конца 1830 г. состоялъ при фельдмаршалѣ гр. Дибичѣ. Въ 1832 г. былъ переведенъ въ Варшаву въ дипломатическую канцелярію кн. Паскевича. Въ 1837 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, въ 1840—предсѣдателемъ генеральной консисторіи евангелическихъ исповѣданій Царства. Съ 1849 по 1853 г. управлялъ дипломатическою канцеляріею Царства, въ 1858 г. произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ варшавскихъ департа-

ментовъ Сената. Въ 1861 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства и предсѣдательствующимъ въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ. Въ 1863 г. онъ былъ, по прошенію, переведенъ на службу въ Имперію сенаторомъ; съ 1875 г. онъ былъ первоприсутствующимъ въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента Сената; 12-го сентября 1876 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1882 г., по болѣзни, уволенъ въ безсрочный отпускъ; послѣ этого жилъ почти безвыѣздно въ имѣніи своемъ Дойлиды, гродненской губерніи, гдѣ и скончался. Послѣ него осталось значительное количество бумагъ, содержащихъ частью записки, составленныя имъ по разнымъ вопросамъ администраціи, частью — воспоминанія объ отдѣльныхъ эпизодахъ его долгой жизни, частью переписку со многими выдающимися современными, какъ то съ Гумбольдтомъ; Тьеромъ, Гизо и др. Изъ произведеній А. И. Крузенштерна было напечатано въ 1837 г въ Варшавѣ «Précis du système des progrés et de l'état de l'instruction publique en Russie».

«Правит. Вѣстникъ», 1888, № 139.

Крузенштернъ, *Иванъ* (Адамъ) *Ѳедоровичъ*, адмиралъ, первый русскій кругосвѣтный мореплаватель, ученый, писатель. Род. 8 ноября 1770 г. въ имѣніи Гонгундъ Нюландской губерніи, ум. 12 августа 1846 г. Воспитывался сначала дома, потомъ три года посѣщалъ въ Ревелѣ вышгородскую церковную школу, въ 1785 г. былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ кадетомъ, черезъ два года произведенъ въ гардемарины. Это было очень тяжелое время въ жизни корпуса. Директоръ его, адмиралъ Голенищевъ-Кутузовъ, весьма рѣдко посѣщалъ корпусъ, надзора за кадетами не было, господствовали суровыя наказанія. Когда началась въ 1788 г. шведская война, за недостаткомъ офицеровъ былъ произведенъ выпускъ изъ корпуса гардемариновъ «за мичмана» — въ числѣ другихъ выпущенъ былъ и Крузенштернъ и назначенъ на корабль «Мстиславъ» подъ команду капитана Муловскаго. Муловскій былъ предназначенъ къ кругосвѣтной экспедиція, которую отложили вслѣдствіе того, что началась война. Отъ Муловскаго впервые получилъ Крузенштернъ мысль о кругосвѣтномъ плаваніи, осуществить которую удалось ему только 20 лѣтъ спустя. На кораблѣ «Мстиславъ» Крузенштернъ участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи. 1 января 1789 г. произведенъ въ мичманы и лѣтомъ участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи, въ 1790 въ Ревельскомъ и Выборгскомъ; въ послѣднемъ «Мстиславъ» взялъ въ плѣнъ шведскій контръ-адмиральскій корабль; Крузенштернъ былъ назначенъ состоять при плѣнномъ контръ-адміралѣ Лиліенфельдѣ; за отличіе въ сраженіяхъ онъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1791 и 1792 гг. Крузенштернъ былъ на берегу въ Кронштадтѣ и близко сошелся съ лейтенантомъ Яковомъ Берингомъ, — внукомъ извѣстнаго мореплавателя; подъ вліяніемъ этого знакомства еще живѣе стало его желаніе совершить дальнее плаваніе; въ 1793 г. Крузенштернъ и Берингъ, въ числѣ 12-ти лучшихъ русскихъ морскихъ офицеровъ, были посланы въ Англію учиться морскому дѣлу; Берингъ скоро умеръ, а Крузенштернъ пошелъ на фрегатѣ «Thetis» въ крейсерство къ берегамъ Сѣверной Америки и участвовалъ въ сраженіяхъ съ французскимъ флотомъ; пользуясь временемъ, пока фрегатъ исправлялся, Крузенштернъ на небольшомъ суднѣ отправился въ Вестъ-Индію и посѣтилъ Барбадосъ, Суринамъ и Бермудскіе острова; онъ вообще всегда и впослѣдствіи пользовался всякимъ случаемъ изучить во всѣхъ отношеніяхъ мѣста, куда его бросала судьба; вернулся Крузенштернъ въ 1796 г. въ Англію на фрегатѣ «Клеопатра» и у береговъ Ирландіи едва не былъ взятъ въ плѣнъ французскимъ кораблемъ «Кастроръ». По возвращеніи Крузенштернъ роздалъ матросамъ всѣ причитавшіяся ему довольно значительныя призовыя деньги. Въ это время уже созрѣлъ у Крузенштерна планъ проложить торговый путь для русскихъ судовъ въ Остъ-Индію и Китай. Чтобы лучше познакомиться съ условіями дальняго плаванія, онъ устроился такъ, что получилъ возможность пойти на англійскомъ военномъ кораблѣ до Мыса Доброй Надежды, а потомъ—на фрегатѣ «Oiseau» ходилъ въ Остъ-Индію.

Въ Калькуттѣ Крузенштернъ встрѣтилъ лифляндца Торклера, который хорошо зналъ сѣверо-западный берегъ Америки; Торклеръ указалъ молодому Крузенштерну, какія выгоды Россія пріобрѣла бы, доставляя туда и въ Китай свои товары. Оставивъ фрегатъ «Oiseau», Крузенштернъ на небольшомъ суднѣ добрался

до Кантона. Собравъ здѣсь различныя, интересовавшія его свѣдѣнія, Крузенштернъ на кораблѣ Остъ-Индской компаніи вернулся въ 1799 г. вокругъ Африки въ Россію; покинувъ Россію молодымъ, неопытнымъ лейтенантомъ, онъ, послѣ шести лѣтъ непрерывнаго плаванія, вернулся опытнымъ и знающимъ мореплавателемъ.

Крузенштернъ представилъ морскому начальству проектъ кругосвѣтнаго плаванія, указывая, что русскій флотъ посредствомъ дальнихъ плаваній возвысится до уровня лучшихъ иностранныхъ флотовъ и что получитъ широкое развитіе колоніальная торговля и сдѣлается болѣе выгоднымъ снабженіе нашихъ американскихъ колоній всѣмъ для нихъ необходимымъ.

Флотъ нашъ къ концу XVIII столѣтія, несмотря на многочисленныя побѣды надъ турками и шведами, былъ въ такомъ упадкѣ и неувѣренность въ себѣ у русскихъ флотскихъ дѣятелей была столь велика, что многіе, сочувствуя самой идеѣ Крузенштерна, считали русскихъ матросовъ совершенно неспособными къ дальнему плаванію и совѣтовали для кругосвѣтнаго путешествія нанять англичанъ. При тогдашнихъ смутныхъ событіяхъ въ Европѣ проектъ Крузенштерна оставался нѣсколько лѣтъ безъ окончательнаго разсмотрѣнія и только уже по ходатайству министра коммерціи (впослѣдствіи канцлера) гр. Румянцева и адмирала Мордвинова былъ утвержденъ самимъ Государемъ Александромъ I; при этомъ по волѣ Государя исполнителемъ проекта назначенъ былъ Крузенштернъ. Крузенштернъ въ это время былъ уже женатъ и помышлялъ объ отставкѣ, но лестное мнѣніе о немъ Государя заставило его принять это назначеніе.— Въ Англіи были куплены два небольшихъ, въ 430 и 370 тоннъ, судна, названныя «Надежда» и «Нева»; на первомъ командиромъ былъ самъ Крузенштернъ, а на второмъ капитанъ-лейтенантъ Лисянскій. Государь лично осмотрѣлъ въ Кронштадтѣ оба судна и кромѣ другихъ наградъ пожаловалъ женѣ Крузенштерна на 12 лѣтъ аренду по 1500 рублей, дабы, по словамъ Императора, «обезпечить благосостояніе жены во время продолжительнаго и неизвѣстности подверженнаго отсутствія мужа». Государь разрѣшилъ на обоихъ судахъ поднять военные флаги и расходы на содержаніе одного принялъ на свой счетъ, а за другой платили Русско-Американская компанія и гр. Румянцевъ. Съ Крузенштерномъ ушли въ кругосвѣтное плаваніе назначенный посланникомъ въ Японію дѣйствительный статскій совѣтникъ камергеръ Резановъ, астрономъ Горнеръ и естествоиспытатели Тирезіусъ и Лангсдорфъ; матросы были взяты всѣ русскіе.

Экспедиція вышла изъ Кронштадта 26 іюля 1803 года. Она заходила въ Копенгагенъ и 28 сентября прибыла въ Фальмутъ; здѣсь пришлось еще разъ проконопатить всю подводную часть обоихъ судовъ; 5 октября экспедиція пошла дальше къ югу, зашла на островъ Тенерифъ; 14 ноября, на 24° 20′ зап. долготы отъ Гринвича, она пересѣкла экваторъ—впервые развѣвался теперь русскій флагъ въ южномъ полушаріи, что и было отпраздновано съ большою торжественностью.

Дойдя до 20° южной широты, Крузенштернъ тщетно искалъ островъ Вознесенія, о положеніи котораго были очень сбивчивыя указанія; 9 декабря онъ прибылъ къ о-ву Св. Екатерины у бразильскихъ береговъ, гдѣ нѣкоторыя исправленія на кораблѣ «Нева» заставили пробыть до 23 января 1804 г. Отсюда плаваніе обоихъ кораблей было сначала весьма успѣшно: 20 февраля они обогнули мысъ Горнъ; но вскорѣ ихъ встрѣтили крѣпкіе вѣтры съ градомъ, снѣгомъ и туманами. Корабли разлучились и 24 апрѣля Крузенштернъ одинъ достигъ острововъ Маркиза Мендоза. Тутъ онъ опредѣлилъ положеніе острововъ Фетуга и Уагуга, затѣмъ зашелъ въ портъ Анна-Марія на островѣ Нукагива. 28 апрѣля туда-же прибылъ и корабль «Нева». На о-вѣ Нукагива Крузенштернъ открылъ и описалъ превосходную гавань, которую назвалъ портомъ Чичагова. 4 мая экспедиція покинула Вашингтоновы острова и 13 мая, на 146° западной долготы, вновь перешла экваторъ по направленію на сѣверъ; 26 мая показались Сандвичевы острова. Здѣсь суда раздѣлились: Крузенштернъ торопился до наступленія осени достигнуть Японіи, куда ѣхалъ Резановъ, а потому пошелъ въ Камчатку, а Лисянскому предписалъ посѣтить острова Овайги и др. Самъ Крузенштернъ за разными причинами принужденъ былъ пробыть въ Петропавловскомъ портѣ, въ Камчаткѣ, съ 3 іюля по 27 августа; на пути въ Японію, онъ вытерпѣлъ три

жестокихъ шторма и при послѣднемъ, 20 августа, обратившемся въ тифонъ, едва не потерялъ мачты; ртуть въ барометрѣ такъ низко опустилась, что даже при качкѣ не поднималась до начала дѣленій. По пути Крузенштернъ описалъ юго-восточную и южную стороны острова Кіу-сіу, назвавъ мысы и отличительныя вершины именами замѣчательныхъ людей и происшествій новѣйшей исторіи и 26 сентября прибылъ въ Нагасаки. Японцы приняли нашихъ путешественниковъ съ чрезвычайными предосторожностями, отказавъ даже посланнику во многихъ удобствахъ жизни. До 23 марта 1805 г. время прошло въ ожиданіи комисара отъ японскаго императора для начала переговоровъ, которые потомъ окончились тѣмъ, что японцы не только не приняли нашего посольства, но не взяли и подарковъ, присланныхъ отъ нашего Императора. 5 апрѣля Крузенштернъ оставилъ берега Японіи и пошелъ почти совсѣмъ неизвѣстнымъ европейцамъ Японскимъ моремъ, опредѣлилъ положеніе острововъ Тсусъ, Оки, лежащихъ по западную сторону острововъ Кіу-сіу и Нипона; описалъ сѣверо-западный берегъ послѣдняго острова, опредѣлилъ входъ въ Сангарскій проливъ и положеніе города Матемой. Потомъ, идя къ сѣверу, описалъ весь западный и сѣверо-западный берегъ острова Іессо, опредѣляя астрономически какъ мысы и бухты острова, такъ и высшіе пункты ближайшихъ малыхъ острововъ. На сѣверной оконечности острова Іессо Крузенштернъ остановился на якорѣ въ бухтѣ, названной имъ Румянцевской; отсюда прошелъ Лаперузовымъ проливомъ между Іессо и Сахалиномъ, описалъ заливъ Анива, находящійся на южной сторонѣ Сахалина, восточный берегъ и бухту Терпѣнія, которую оставилъ 13 мая. Огромное количество льда, встрѣченное имъ на другой день на 48° широты препятствовало ему продолжать плаваніе на сѣверъ и онъ спустился къ Курильскимъ островамъ. Здѣсь, 18 мая, открылъ 4 каменные острова, названные имъ «Каменныя ловушки»; около нихъ онъ встрѣтилъ такое сильное теченіе, что, при свѣжемъ вѣтрѣ и ходѣ восьми узловъ, корабль «Надежда» не только не подавался впередъ, но его относило на подводный рифъ. Съ трудомъ избѣгнувъ здѣсь бѣды, Крузенштернъ 20 мая прошелъ проливомъ между островами Оннекотана и Харамукотаномъ, а 24 мая вновь прибылъ въ Петропавловскій портъ. 23 іюня онъ пошелъ къ Сахалину, чтобы окончить описаніе его береговъ, 29 прошелъ Курильскіе острова, проливомъ между Раукоке и Матауа, который названъ имъ Надеждою. 3 іюля прибылъ къ мысу Терпѣнія. Изслѣдуя берега Сахалина, онъ обошелъ сѣверную оконечность острова, спустился между имъ и берегомъ Татаріи до широты 53° 30′ и въ этомъ мѣстѣ 1 августа нашелъ прѣсную воду, по которой заключилъ, что не далеко устье рѣки Амура, но изъ-за быстро уменьшающейся глубины идти впередъ не рѣшился. На другой день всталъ на якорь въ заливѣ, названномъ имъ заливомъ Надежды; 4 августа пошелъ обратно въ Камчатку, гдѣ исправленіе корабля и пополненіе запасовъ задержали его до 23 сентября. При выходѣ изъ Авачинской губы изъ-за тумана и снѣга, корабль едва не сѣлъ на мель. На пути къ Китаю онъ тщетно искалъ острововъ, показанныхъ на старыхъ испанскихъ картахъ, выдержалъ нѣсколько штормовъ и 15 ноября пришелъ въ Макао. 21 ноября, когда «Надежда» была уже совсѣмъ готова идти въ море, пришелъ корабль «Нева» съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ и остановился въ Вампоа, куда перешелъ и корабль «Надежда». Въ началѣ января 1806 г. экспедиція окончила свои торговыя дѣла, но была задержана китайскимъ портовымъ начальствомъ безъ всякой особенной причины, и только 28 января русскія суда оставили китайскіе берега. Выходя изъ Зондскаго пролива, корабль «Надежда» опять только благодаря поднявшемуся вѣтру справился съ теченіемъ, въ которое попалъ и которое несло его на рифы. 3 апрѣля «Надежда» разлучилась съ «Невой»; черезъ 4 дня Крузенштернъ обогнулъ Мысъ Доброй Надежды и 22 апрѣля прибылъ на островъ Св. Елены, пройдя путь отъ Макао въ 79 дней, черезъ 4 сутокъ Крузенштернъ ушелъ и 9 мая вновь пересѣкъ экваторъ на 22° западной долготы. Еще на островѣ Св. Елены было получено извѣстіе о войнѣ Россіи съ Франціей, а потому Крузенштернъ рѣшилъ идти кругомъ Шотландіи; 5 іюля онъ прошелъ между островами Ферръ и Шотландскими и, пройдя подъ парусами 86 дней. прибылъ 21 іюля въ Копенгагенъ, а 7 августа въ Кронштадтъ, совершивъ все путешествіе въ 3 года 12 дней. Замѣчательно, что во время всего плаванія на кораблѣ «На-

дежда» не было ни одного смертнаго случая, да и больныхъ было очень мало, тогда какъ на другихъ судахъ тогда множество людей умирало и во внутреннемъ плаваніи; даже всѣ потери на «Надеждѣ» ограничились тѣмъ, что утеряны были 1 вернъ и 2 кабельтова у Нукагивы, да два гребныхъ судна разбиты были тифономъ у береговъ Японіи.

Императоръ Александръ I щедро наградилъ Крузенштерна и его подчиненныхъ. Всѣ офицеры получили слѣдующіе чины, командиры ордена св. Владиміра 3 ст. и по 3000 руб., лейтенанты по 1000, а мичманы по 800 рублей пенсіона по смерть. Нижніе чины, по желанію, уволены въ отставку и награждены пенсіономъ по смерть отъ 50 до 75 рублей. По Высочайшему повелѣнію была выбита особая медаль для всѣхъ участниковъ этого перваго кругосвѣтнаго путешествія.

Описаніе этой экспедиціи напечатано на счетъ кабинета Его Величества подъ заглавіемъ «Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ на корабляхъ Надежда и Нева, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна», въ 3 томахъ, съ атласомъ изъ 104 картъ и гравированныхъ картинъ, Спб. 1809 г.; это сочиненіе было переведено на англійскій, французскій, нѣмецкій, голландскій, шведскій, итальянскій и датскій языки.

Путешествіе Крузенштерна составило эпоху въ исторіи русскаго флота и нашихъ колоній и обогатило географію и естественныя науки многими свѣдѣніями о странахъ, мало извѣстныхъ. Съ этого времени начинается непрерывный рядъ русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій, въ которыхъ образовались многіе отличнѣйшіе офицеры и матросы, съ этого времени снабженіе нашихъ колоній всѣмъ необходимымъ стало производиться морскимъ путемъ; колоніальная торговля получила значительное развитіе и во многомъ измѣнилось къ лучшему управленіе Камчаткой. Изъ офицеровъ, бывшихъ съ Крузенштерномъ, многіе съ честью служили впослѣдствіи въ русскомъ флотѣ, а кадетъ Отто Коцебу—былъ самъ потомъ командиромъ корабля, ходившаго въ кругосвѣтное путешествіе. 1808 г. капитанъ 2 ранга Крузенштернъ принятъ былъ въ почетные члены Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, въ 1809 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга и назначенъ командовать кораблемъ «Благодать»; въ 1810 г. награжденъ Прусскимъ орденомъ Краснаго Орла 1-й степени, а 4 апрѣля 1811 г. назначенъ инспекторомъ Морского кадетскаго корпуса. Благодаря въ значительной степени его вліянію снаряжена была графомъ Румянцевымъ кругосвѣтная экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Отто фонъ-Коцебу; Крузенштернъ начерталъ для нея подробный планъ и инструкцію, и весною 1814 г. отправился самъ въ Англію, дабы заказать необходимые астрономическіе и другіе инструменты для этой экспедиціи; во время этой поѣздки онъ, между прочимъ, посѣтилъ всѣ главные военные порта Англіи для изученія успѣховъ англійской морской силы. По возвращеніи изъ Англіи Крузенштернъ въ 1815 г. просилъ объ увольненіи отъ службы, но Государь не согласился на это, а далъ ему только отпускъ «на неопредѣленное время по разстроенному дальнимъ вояжемъ здоровью».

Получивъ свободу отъ служебныхъ занятій, Крузенштернъ занялся сочиненіемъ атласа Южнаго моря и принадлежащихъ къ нему гидрографическихъ записокъ, которыя и представилъ въ Адмиралтейскій Департаментъ въ 1821 г. Не успѣвъ еще закончить этой работы, онъ, въ 1818 г., по Высочайшему повелѣнію былъ призванъ изъ отпуска для присутствія въ комитетѣ по заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ; въ 1819 г. произведенъ былъ въ капитанъ-командоры, въ 1823 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ Адмиралтейскаго Департамента, съ назначеніемъ завѣдывать его библіотекою; въ 1824 г. назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ и комитета по устройству гражданскихъ учебныхъ заведеній; въ 1826 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ вновь инспекторомъ классовъ Морского корпуса, но со званіемъ помощника директора, затѣмъ сдѣланъ и директоромъ. Управляя Морскимъ корпусомъ Крузенштернъ сдѣлалъ въ немъ много полезныхъ преобразованій и улучшеній: онъ почти уничтожилъ въ корпусѣ физическія наказанія, распредѣлилъ кадетъ по возрастамъ, установилъ строгій порядокъ въ распредѣленіи времени занятій, вызвалъ составленіе лучшихъ руководствъ; при немъ улучшены методы преподаванія и введены новые предметы, необходимые для морскихъ офицеровъ, обновленъ составъ пре-

подавателей, обращено большое вниманіе на изученіе иностранныхъ языковъ, увеличена библіотека, устроена обсерваторія, наконецъ, учреждены при корпусѣ офицерскіе классы.

21 января 1839 г. Крузенштернъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей своей службы; при этомъ случаѣ ему поднесена была сослуживцами по флоту спеціально выбитая медаль.

Императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ полезную службу его и при увольненіи отъ должности директора въ исходѣ 1842 г. Крузенштернъ, бывшій уже адмираломъ и кавалеромъ всѣхъ орденовъ, до знаковъ ордена св. Александра Невскаго, брилліантами украшенныхъ, былъ назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Крузенштернъ скончался 12 августа 1846 г., въ имѣніи своемъ Ассъ, близъ Ревеля; останки его были перевезены въ Ревель, гдѣ похоронены въ Вышгородской церкви (Domkirche) и поставленъ мраморный монументъ рядомъ съ гробницею адмирала Сам. Кар. Грейга.— Благодаря своему высокому образованію, отличному знанію иностранныхъ языковъ и симпатичному привлекательному характеру Крузенштернъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, познакомился за границей со многими извѣстными учеными и государственными людьми; впослѣдствіи это знакомство перешло у него со многими изъ нихъ въ самыя дружескія отношенія, и до конца жизни онъ велъ обширную переписку съ учеными и моряками всѣхъ странъ и иностранными учеными путешественниками, напр., съ Гумбольдтомъ, Мурчисономъ и пр. При строгой справедливости и полномъ безпристрастіи онъ былъ со всѣми чрезвычайно добросердеченъ и привѣтливъ. Честность и безпристрастіе его доходили до педантизма. Заслуги Крузенштерна были высоко цѣнимы въ ученомъ мірѣ. С.-Петербургская Академія Наукъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ; Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ — почетнымъ докторомъ философіи; французскій Институтъ избралъ его въ свои корреспонденты, а лондонское Королевское общество, Геттингенское общество наукъ и многія другія русскія и иностранныя приняли его въ число своихъ членовъ. Петербургская Академія Наукъ присудила ему, за трудъ по составленію картъ Южнаго моря, полную Демидовскую премію, отъ которой онъ отказался въ пользу другихъ авторовъ. 6 ноября 1873 г. открытъ ему памятникъ противъ Морского училища. Въ честь его названы въ Сѣверномъ Великомъ океанѣ острова: 11 октября 1805 г. капитанъ-лейтенантомъ Лисянскимъ кораловый островъ и 1 марта 1817 г. лейтенантомъ Коцебу, командиромъ брига «Рюрикъ», вновь открытая группа острововъ. Кромѣ упомянутаго описанія путешествія своего, Крузенштернъ издалъ еще: «Wörtersammlung aus den Sprachen einiger Völker des östlichen Asiens und der Nordwestküste von Amerika», St.-Petersburg, 1813; «Mémoire sur une carte du détroit de la Sonde et de la rade de Batavia», St.-Pet. 1813; «Rechtfertigung des Lord Cochrane», Berlin, 1807; «Beiträge zur Hydrographie der grösseren Oceane als Erläuterungen zu einer Karte des ganzen Erdkreises nach Mercator's Projection». Leipzig, 1813; «Атласъ Южнаго моря. Спб. 1823—1826 гг. (съ 9 листами). Изд. Гидрографическаго Департамента и пофранцузски—Atlas de l'Océan Pacifique, Publié par ordre de Sa Maj. Imp. t. I—II, 1824—1827 гг. (34 листа); «Собраніе сочиненій, служащихъ разборомъ и изъясненіемъ атласа Южнаго моря», Спб. 1823—1826 гг. и пофранцузски—«Récueil de mémoires hydrographiques pour servir d'analyse et d'explication à l'Atlas de l'Océan Pacifique», t. I, et II, 1826—1827; «Дополненія» къ предъидущему сочиненію, послужившія къ составленію атласа южнаго моря, изданы въ Петербургѣ въ 1835 г. и по французски «Suppléments ou récueil de mémoires hydrographiques publiés en 1826—1827, pour servir d'analyse et d'explication à l'Atlas de l'Océan pacifique». Спб. 1835 г.; «Таблицы склоненій компаса. Изданы Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ», Спб. 1807, и 5 дополненій къ нимъ; «О погрѣшности компаса». Спб. 1821 г. и много другихъ болѣе мелкихъ статей.

«Общій Морской Списокъ», Спб. 1890, т. IV, 163—167; «Адмиралъ Ив. Ѳед. Крузенштернъ». Спб. 1869 г.; «Къ біографіи адм. Ив. Ѳед. Крузенштерна», «Голосъ» 1869, № 300, 1870, № 305 и 1873, № 308; Веселаго, «Краткая исторія русскаго флота»; его-же, «Очеркъ исторіи Морского кад. корп.»; Каргуевъ, «Обзоръ преобразованій Морского кад. корп»; «Кругосвѣтное плав. к.-л. И. Ѳ. Крузенштерна»,—«Зап. Мор. Уч. Ком.», 1853, X, 244—278; Ивашинцевъ, «Рус. круг. путеш.»,—«Зап. Гидрогр. Деп.», 1849, VII; «Адм. Ив. Ѳ. Крузенштернъ»—«Зап. Гидр. Деп., 1850,

VIII, 433—437; «50 л. юбилей»—«Сѣв. Пчела», 1839, № 25, «Русскій Инв.», 1839, №№ 30—33; Біографіи: «Жур. мин. нар. просв.», 1846 г., № 10; «Рус. Инв.», № 231; «Сѣв. Пч.», 255—260, Иверсенъ, «Медали на частныхъ лицъ»; «Собраніе Русскихъ медалей», изданное Имп. Археограф. комис.; рукописныя: Дѣла архива Эстляндскаго двор. депут. собр., метрическія записи Лютеранскаго собора въ Вышгородѣ въ Ревелѣ и въ приходской школѣ за старые годы.

П. Бѣлавенецъ.

Крузенштернъ, *Павелъ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, ум. въ іюнѣ 1881 г. Сынъ адмирала Ивана Ѳедоровича Крузенштерна; въ 1823 г. поступилъ въ Царскосельскій лицей (что нынѣ Императорскій Александровскій); 19 мая 1826 г. поступилъ на службу юнкеромъ въ гвардейскій экипажъ и въ 1826—1829 гг. на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» совершилъ кругосвѣтное плаваніе подъ командою капитанъ-лейтенанта Ѳедора Петровича Литке; въ 1827 г. произведенъ въ мичманы, а за кругосвѣтное плаваніе награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. и удвоеніемъ числа плаваній; въ 1830—1832 гг. на бригѣ «Коммерстраксъ» дѣлалъ въ Финскомъ заливѣ съемки; въ 1833 г. на фрегатѣ «Касторъ» плавалъ у береговъ Голландіи; въ 1835 г. на кораблѣ «Фершампенуазъ» съ десантомъ ходилъ къ Данцигу, затѣмъ назначенъ адъютантомъ къ ревельскому военному губернатору графу Гейдену; въ 1843 г. сопутствовалъ графу Кейзерлингу въ его ученой экспедиціи къ рѣкѣ Печорѣ, по возвращеніи награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.; въ 1849—1850 гг. на своей собственной шхунѣ «Ермакъ» ходилъ въ Бѣлое море; опредѣлилъ и описалъ устье рѣкъ Печоры и Индиги; въ 1851 г. прикомандированъ къ морскому ученому комитету; въ 1852 г. посланъ былъ отъ министерства государственныхъ имуществъ въ Печерскій край для описанія удобныхъ путей сплава печерскихъ корабельныхъ лѣсовъ; въ 1861—1862 гг. на свой счетъ снарядилъ экспедицію въ Ледовитый океанъ—въ составъ ея вошли шхуна «Ермакъ» и ботъ «Эмбріо», подъ общей командой сына П. И. Крузенштерна, лейтенанта Павла Павловича Крузенштерна; эта экспедиція потерпѣла крушеніе у береговъ земли Ялмалъ; въ 1864 г. произведенъ въ контръ-адмиралы, съ зачисленіемъ по резервному флоту; февраля 24 1869 г. произведенъ въ вице-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы.

П. И. Крузенштерну принадлежатъ слѣдующіе труды: «Изложеніе астрономіи» Д. Гершеля (перев.), Спб., 1838 г., 2 ч.; «Извѣстіе объ изслѣдованіи р. Печеры к.-л. Крузенштерна въ экспедиціи графа Кейзерлинга» — «Зап. Гидрог. Департ.», 1844, II, 439; «О морской паровой машинѣ, о ея силѣ и дѣйствіи; изложеніе для морскихъ офицеровъ и для другихъ участвующихъ въ важныхъ пользахъ пароходства англійскаго флота кап. Робинсона» (перев.), Спб, 1844, «Рѣка Индига (по осмотру Крузенштерна)» — «Зап. Гидр. Департ.», 1851, IX, 181—183; «Астрономическія опредѣленія» — «Зап. Гидр. Департ.», 1851, IX, 641—643; «Таблица приливовъ для Бѣлаго моря, Лапландскаго берега и нѣкоторыхъ пунктовъ Ледовитаго моря» — Карлсруэ, 1851, 4° и тамъ-же, 1852; «Изслѣдованіе о сообщеніи рѣки Индиги съ р. Печерою» — «Арханг. губ. вѣд.», 1851 и «Зап. Гид. Департ.», 1851, IX; «Печерскій край въ географическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ» — «Жур. Мин. Вн. Дѣл.», 1851, № 6—9, «Извѣстіе о шхунѣ «Ермакъ», принадлежащей капитану Крузенштерну» — «Мор. Сб.», 1853, VIII, 174; «Ящикъ для сохраненія постоянной температуры при хронометрахъ» — «Мор. Сб.», 1858, VII, 42—50; «Извѣстіе объ экспедиціи къ устью рѣки Енисея», 1862, «Мор. Сб.», 1862, XII, 35—37, 1813, I—II; II, 33—59.

«Общій Мор. Спис.», Спб., 1898, X, 464—466; Ивашинцевъ, «Русскіе кругосвѣтные путешествія» — «Зап. Гид. Д-а», VIII, 76—93; «О предоставленіи кап. Крузенштерну поставки лиственнаго лѣсу въ Архангельскій портъ» — «Мор. Сб.», 1859, VI, оф. 335—337; «Извѣстіе о командѣ затертой во льдахъ Карскаго моря шхунѣ «Ермакъ». «Кронштадтскій Вѣстн.», 1863, № 7; «Кон.-адм. П. И. Крузенштернъ», біог. свѣд.—«Мор. Сб.», 1867, XI, библ. 18—19; «П. И. Крузенштернъ» (некрологъ), «Кронштадтскій Вѣст.», 1861, № 147; «Бесѣды о сѣверѣ Россіи, въ 3 отд. Импер. Вол.-Эк. Об.», Спб. 1867.

Крузенштернъ, *Павелъ Павловичъ*, капитанъ-лейтенантъ, арктическій путешественникъ, ум. 8 августа 1871 г. Началъ службу въ балтійскомъ флотѣ юнкеромъ въ 1852 г.; 7 января 1854 г. произведенъ въ мичманы и во 2-мъ баталіонѣ гребной флотиліи былъ при защитѣ города Або отъ нападеній англо-французскаго флота; въ 1855 г. командовалъ подводной лодкой Бауера; въ 1860—1862 гг., командуя собственной шхуной «Ермакъ», плавалъ въ Карскомъ морѣ; съ нимъ былъ полупалубный норвежскій ботъ-

яхта «Эмбріо»; въ экспедиціи на «Ермакѣ» приняли участіе: волонтеромъ баронъ Алексѣй Будбергъ, штурманъ, шкиперскій ученикъ и 13 матросовъ 3-го ластоваго экипажа, 2 юнги; на ботѣ было команды 5 человѣкъ. Экспедиція, снабженная всѣмъ необходимымъ въ деревнѣ Куй, находящейся на рѣкѣ Печерѣ, въ 40 верстахъ отъ г. Пустозерска, 1 августа тронулась въ путь, 4-го вышла въ море и, начиная съ 9-го, уже стала встрѣчать массы льдовъ. Отъ острова Вародея, обогнувъ островъ Долгій съ сѣвера, бригъ льдомъ былъ пронесенъ въ Карское море черезъ Югорскій Шаръ; затертый окончательно льдами и не имѣя никакой возможности самостоятельно управиться, онъ былъ принесенъ къ берегамъ земли Ялмала. Судно такъ сжато было льдами, что путешественникамъ грозила опасность быть раздавленными; потому 9 сентября всѣ люди перебрались на ледъ и пѣшкомъ, испытавъ массу бѣдствій, добрались 16-го до твердой земли, гдѣ встрѣтили кочевниковъ и добрались до жилья. Въ 1863—1864 гг. П. П. Крузенштернъ командовалъ винтовою лодкою «Хватъ», плавалъ въ Финскихъ шхерахъ; въ 1868 г. переведенъ въ Аральскую флотилію и по 1871 г., командуя баржею № 3 и пароходомъ «Аралъ», ходилъ по рѣкѣ Сырь-Дарьѣ.

«Общ. Мор. Спис.», X, 466—467; «Извѣстіе объ экспедиціи къ устьямъ рѣки Енисея 1862 г.», «Мор. Сб.», 1862, XII, оф. 35—37, 1863, I—II; II, 33—59; «Извѣстіе о командѣ затертой во льдахъ Карскаго моря шхуны Ермакъ»—«Кронш. Вѣст.», 1863, № 7; «Бесѣды о сѣверѣ Россіи въ 3 отд. Импер. Вольно-Экон. Общ.», Спб., 1867; «Еще о бѣдствіяхъ экипажа шхуны Ермакъ», «Мор. Сб.», 1863, II, 69—72; «Черты изъ жизни лейт. Пав. Пав. Крузенштерна»—«Мор. Сб.», 1874, №1, 9—16.

Крузіусъ, *Христіанъ*, профессоръ при академическомъ университетѣ по каѳедрѣ «древностей и исторіи литеральной», род. въ 1715 г., въ Вольбахѣ, въ Фогтландѣ, ум. 7 февраля 1767 г. въ Виттенбергѣ. Сынъ пастора, учился сначала дома, потомъ слушалъ лекціи въ Галле и въ Лейпцигѣ; былъ сотрудникомъ извѣстнаго изданія Acta eruditorum. Въ 1738 г., по рекомендаціи Юнкера, приглашенъ въ Петербургскую Академію Наукъ; по контракту, подписанному 28 марта 1740 г., Крузіусъ обязался пять лѣтъ заниматься въ Академіи греческими, римскими и русскими древностями и исторіей и преподавать все это; жалованье ему было назначено 360 руб. Прибывъ въ Петербургъ 17 іюня 1740 г., Крузіусъ 17 декабря того же года читалъ въ собраніи академиковъ «Observatio de ludis, quos Octavium victoriae Caesaris edidisse Svetonius scripsit»... Въ 1740 г. Крузіусъ написалъ латинское стихотвореніе къ академику Крафту, въ 1741—1745 гг. принималъ участіе въ составленіи описанія академическихъ монетъ и медалей, напечатаннаго во II томѣ изданія Musei imperialis Petropolitani..., въ 1742 г. и 1743 г. занимался составленіемъ разныхъ надписей и эмблемъ къ тріумфальнымъ воротамъ; въ 1745 г. представилъ разсужденіе De originibus pecuniae (напечатано въ 1748 г.), и, по прошенію своему, получилъ мѣсто ординарнаго академика. Крузіусъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Шумахеромъ и Тепловымъ; подъ ихъ вліяніемъ гр. Разумовскій въ 1749 г. 20 апрѣля отставилъ его отъ Академіи; сохранились извѣстія, что его обвиняли за какія то клеветы на отдѣльныхъ лицъ «и на цѣлый народъ»; на расплату съ долгами Крузіусу было выдано третное жалованье; въ 1749 же году Крузіусъ выѣхалъ въ Германію. По поводу увольненія своего Крузіусъ обращался съ письмами къ епископу псковскому Симону (Тодорскому), наставнику въ законѣ Божіемъ великокняжеской четы; въ этихъ письмахъ Крузіусъ просилъ заступничества противъ Шумахера и Теплова, увольненіе свое объяснялъ ихъ враждою, а вражду эту—тѣмъ, что онъ постоянно противился притязаніямъ Шумахера повелѣвать профессорами и его тенденціи усиливать въ Академіи занятія учениковъ ремеслами въ ущербъ ихъ научнымъ занятіямъ. Заступался ли Тодорскій за Крузіуса — неизвѣстно, но Крузіусу пришлось покинуть Петербургъ. Онъ получилъ мѣсто профессора краснорѣчія въ Виттенбергскомъ университетѣ и занималъ его до кончины. Въ Германіи онъ издалъ много мелкихъ трактатовъ и статей; они перечислены въ Meusel's, Lexicon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen Schriftteller, II, 244—247, и у Adelung'a, Fortsetzung und Ergänzungen zu Jocher's... Lexicon, II, 561—564; нѣкоторые трактаты переизданы у Klotz'a, Opuscula ad historiam et humanitatis litteras spectantia, IV.

Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ» I, 689 — 696; «Духовная Бесѣда», 1872, №№ 24—26.

Крузъ, фонъ, (Крюйсъ), *Александръ Ивановичъ*, адмиралъ, род. 26 октября 1731 г.,

ум. 5 мая 1799 года въ Кронштадтѣ. Отецъ его былъ родомъ датчанинъ (Ywan wan Kruse); съ именемъ Ивана Егоровича фонъ Круза онъ принятъ былъ въ русскій флотъ унтеръ-лейтенантомъ въ 1723 г., скончался въ чинѣ капитана-командора въ 1764 г. Родство этихъ Крузовъ съ адмираломъ Корниліемъ Ивановичемъ Крюйсомъ, предполагаемое нѣкоторыми учеными,— сомнительно. Джемсъ Кеннеди, впослѣдствіи извѣстный адмиралъ, былъ воспріемникомъ А. Круза, онъ воспитывалъ его, бралъ съ собою въ плаванія, а затѣмъ и усыновилъ его. Въ 1747 г. А. фонъ-Крузъ экзаменовался въ комиссіи, но, изъ-за плохого знанія русскаго языка, его соглашались принять на русскую службу лишь гардемариномъ. Тогда Кеннеди отправилъ его на свой счетъ въ Англію, гдѣ тотъ много плавалъ и въ 1753 г., по новому экзамену, былъ принятъ на русскую морскую службу съ чиномъ унтеръ-лейтенанта «по контракту на 2 года». Въ 1754—1758 былъ въ компаніяхъ по Балтійскому и Сѣверному морямъ. Въ 1758 г. произведенъ былъ въ лейтенанты и командовалъ придворными яхтами. Въ 1760—1761 г. участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи и былъ раненъ. Въ 1769 г., командуя кораблемъ «Св. Евстафій Плакида», перешелъ въ эскадру адмирала Спиридова въ Средиземное море, 24 іюня 1770 г. участвовалъ въ Хіосскомъ сраженіи и во время самаго жаркаго боя сцѣпился на абордажъ съ турецкимъ флагманскимъ кораблемъ «Реалъ Мустафа», который загорѣлся отъ выстрѣловъ русскихъ. Скоро оба корабля взлетѣли на воздухъ и изъ бывшихъ на томъ и другомъ спаслись очень немногіе; самъ адмиралъ Спиридовъ и его штабъ раньше съѣхали съ горѣвшаго корабля въ шлюпкѣ, а А. И. Крузъ полетѣлъ съ обломками корабля въ воду, но былъ спасенъ подошедшей шлюпкою. При этомъ случилось съ нимъ происшествіе, оставившее свой слѣдъ на всей его дальнѣйшей жизни: когда онъ, плавая, держась за обломокъ мачты, очутился близъ шлюпки, принадлежавшей его-же кораблю, то вмѣсто руки помощи съ нея, получилъ онъ ударъ весломъ по головѣ: матросы, доведенные до озлобленія чрезвычайною строгостью и даже жестокостію Круза, не хотѣли принять его на шлюпку; наконецъ одинъ изъ нихъ, движимый человѣколюбіемъ, вступился за своего капитана и вытащилъ его изъ воды; Крузъ обѣщалъ матросамъ не помнить ихъ поступка, и дѣйствительно, всегда благодѣтельствовалъ этимъ гребцамъ, а особенно избавителю своему, который впослѣдствіи былъ шкиперомъ 7-го класса; послѣ этого онъ совершенно перемѣнилъ свое обращеніе съ подчиненными и въ теченіе всей дальнѣйшей жизни заслужилъ ихъ общую любовь и уваженіе. Въ Чесменскомъ сраженіи былъ сожженъ весь турецкій флотъ — былъ взятъ въ плѣнъ одинъ корабль «Родосъ» и Крузъ былъ назначенъ его командиромъ и повелъ корабль въ Россію; но на пути 31 октября былъ застигнутъ бурей, отъ которой корабль пострадалъ такъ сильно, что оказалось необходимымъ пристать къ берегу, хотя бы и непріятельскому. Вечеромъ 5 ноября корабль былъ занесенъ къ восточному берегу Коронскаго залива, сѣвернѣе мыса Матапанъ. При видѣ корабля, терпящаго бѣдствіе, на берегъ явилась толпа вооруженныхъ майнотовъ; хотя они и считались тогда подъ покровительствомъ Россіи, но, живя разбоями, хотѣли воспользоваться обстоятельствами и бросились вплавь къ кораблю съ цѣлью овладѣть имъ, но были отражены командою; тогда они начали какъ бы осаду корабля. Осаждаемый майнотами, въ самомъ бѣдственномъ положеніи Крузъ находился 16 дней, потерявъ въ это время 2 офицеровъ и 21 матроса умершихъ отъ изнуренія. Наконецъ, оставивъ корабль, онъ перебрался на островъ Цириго и вскорѣ былъ взятъ на эскадру. Послѣ этого Крузъ получилъ отъ Орлова позволеніе уѣхать въ Россію. Въ 1771 г. «за сожженіе въ 1770 г. главнаго непріятельскаго корабля» пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 кл. Въ 1773 г. назначенъ командиромъ корабля «Св. Андрей Первозванный», а потомъ ему былъ порученъ отрядъ, состоявшій изъ фрегата «Св. Маркъ». 2-хъ пакетботовъ и 1 гальета — это была такъ называемая «особая комиссія», снаряженная въ г. Любекъ за принцессой Гессенъ-Дармштадтской, Вильгельминой— невѣстой, а затѣмъ первой супругой Цесаревича. 6-го іюня эта эскадра пришла на Ревельскій рейдъ и въ тотъ же день принцесса Вильгельмина отбыла съ фрегата. Крузъ въ томъ же году, командуя кораблемъ «Св. Андрей Первозванный», плавалъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова. Въ 1775 г. командовалъ отрядомъ изъ двухъ

кораблей въ Финскомъ заливѣ. Въ 1776 г. произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга. Въ это время были сформированы 2 дивизіи, подраздѣлявшіяся каждая на 4 эскадры—но это было лишь подраздѣленіе чисто береговое, ибо въ плаваніи суда въ эскадрахъ мѣнялись довольно произвольно. Крузъ былъ назначенъ вновь командиромъ корабля «Андрей Первозванный» и 2-й эскадры первой дивизіи, состоявшей изъ 4 кораблей, 1 фрегата и 1 пакетбота. Въ 1777 г. назначенъ помощникомъ къ контръ-адмиралу Ѳедоту Клокачеву, командовавшему заведимымъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ флотомъ. Въ 1778 г., крейсируя съ Азовскою флотиліею по Черному морю, Крузъ не допустилъ турокъ сдѣлать высадку въ Крымъ. 1 января 1779 г. произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, 14 переименованъ въ контръ-адмиралы, а въ февралѣ по прошенію переведенъ въ С.-Петербургъ. Въ 1780 и 1782 гг. командовалъ эскадрами въ Нѣмецкомъ морѣ съ цѣлью охраны началъ, провозглашенныхъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Въ 1783 г. произведенъ въ вице-адмиралы. Въ 1785 г. командовалъ практическою эскадрою въ Балтійскомъ морѣ и пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1788 г. командовалъ запасной сборной эскадрой, стоявшей у Кронштадта. Въ 1789 г. командовалъ частью гребной флотиліи до принятія надъ нею главнаго начальства вице-адмираломъ принцемъ Нассау-Зигеномъ. Въ 1790 г. командовалъ поспѣшно вооруженной и очень мало обученной эскадрой, состоявшей изъ 17 кораблей и 8 фрегатовъ и съ нею у Красной Горки встрѣтилъ 23 мая шведскую эскадру герцога Карла Зюдерманландскаго, состоявшую изъ 21 корабля, 8 фрегатовъ, съ 2,000 пушками — у Круза было всего 1,400 пушекъ. Произошло такъ называемое Красногорское сраженіе. Оно началось въ 4 ч. утра, происходило въ разныхъ мѣстахъ и, наконецъ, въ 8 часовъ вечера шведы отступили. Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ боя. Крузъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и аренду въ Лифляндіи, по смерть его и жены. Императрица пожаловала ему еще богатую золотую табакерку, украшенную алмазами, съ надписью: «Громами отражая громъ, онъ спасъ Петровы градъ и домъ». При отправленіи вице-адмирала Круза въ этотъ походъ, Императрица ободряла его и прямо просила его не подпускать шведскій флотъ къ Кронштадту; Крузъ отвѣчалъ, что непріятель не пройдетъ иначе, какъ развѣ по щепамъ его кораблей. 22 іюня онъ участвовалъ въ Выборгскомъ сраженіи, имѣя флагъ на кораблѣ «Князь Владиміръ»; 6 іюля произведенъ въ адмиралы и награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса, а 8 сентября, при заключеніи мира со Швеціей, получилъ шпагу, украшенную алмазами, и аренду въ Лифляндіи, утвержденную за нимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ 1795 г. за болѣзнею, уволенъ въ годовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья. 5 января 1797 г. пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и лѣтомъ командовалъ дивизіею краснаго флага, когда самъ Императоръ командовалъ флотомъ; адмиралъ находился на 100-пуш. кораблѣ «Св. Николай», на которомъ для него былъ устроенъ спеціальный трапъ, такъ какъ адмиралъ сильно страдалъ ногами. За это плаваніе Крузу были пожалованы богато осыпанная брилліантами табакерка съ вензелемъ Его Величества и каменный домъ въ Кронштадтѣ. Въ 1798 г. командовалъ эскадрою въ 15 кораблей и 10 другихъ судовъ и содержалъ крейсерство по всему Балтійскому морю, дабы не допускать въ него никакихъ военныхъ судовъ — во исполненіе договора о вооруженномъ нейтралитетѣ. Это былъ послѣдній походъ адмирала фонъ Круза. Погребенъ онъ въ Кронштадтѣ на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ возвышается—памятникъ Круза, ростральная мраморная колонна, дорическаго ордена, съ тою же надписью, что была и на табакеркѣ, пожалованной ему Императрицей Екатериною Великой.

Запись въ метрической книгѣ Елизаветинской евангелической церкви въ г. Кронштадтѣ, гдѣ точно высчитаны годы и дни жизни адмирала. «Общій морской списокъ», т. II, 211—214; Козакевичъ, «Опыты опредѣл. температуры моря въ 1793 г.»—въ «Зап. Гидр. Д-та» IV, 418—421; Бергъ, «Достоприм. проис.»—въ «Запис. Госуд. адм. Д-та», VII, 2211—314 и XIII, 237—284; его-же, «Жизнеописаніе первыхъ адмираловъ (Кеннеди)»; Соколовъ, «Исторія Архипелагской экспедиціи» — въ «1764—74 гг. «Зап. Гидр. Д-та», VIII, 230—401; его-же, «Лѣтопись пожаровъ и крушеній»; его-же, «Военныя дѣйствія русскаго флота въ войну со Шведами»—«Записки мор. уч. Комитета», VIII, 234—255 и IX, 253—273; его-же, «Военныя дѣйствія эскадры в.-а. Круза»—въ «Мор. Сб.»; 1857, IX, 41—49; его-же, «Вѣнценосный генералъ-адмиралъ»—въ «Зап. Мор. Уч. Ком.» XII, 255—289; его-же, «Повелѣніе Императора Павла адмиралу Крузу»,—«Мор. Сб.», 1855, VI, 261; его-же «Списокъ

судовъ вице-ади. Круза»,—«Мор. Сб.», 1851, VII, 91—94; Головачевъ, В. Ф., «Дѣйствія русскаго флота въ войну со Шведами»,—«Мор. Сб.», 1871; Тридечный, «Замѣчанія стараго моряка»,—«Мор. Сб.», 1856. XII,1—9; его-же, «Морскія сраженія русскаго флота подъ нач. гр. А. Орлова съ турецк. фл. въ Хіосскомъ проливѣ»,—«Мор. Сб.», 1855, VI, 325—329; Милюковъ П., «Адмиралъ Александръ Ив. фонъ-Крузъ»,—«Мор. Сб.», 1855, VI, 229—271; Мармышевъ, (Гардемаринъ) «Анекдоты про Круза» — «Славянинъ» 1830, XIII, 1; А. В. (Висковатовъ), «Два происшествія изъ жизни покойнаго адмирала Круза»—«Сѣв. Пчела», 1833, 272; Шишковъ, «Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Швеціи 1788 — 90 г.»; «Морскіе журналы», Спб. 1801; «Къ издателю Отечественныхъ Записокъ объ А. Ив. фонъ Крузѣ»,—«Отеч. Зап.», 1820 г. IV, 67—88; Храповицкаго, «Дневникъ»; Иконниковъ В., «Гр. Н. С. Мордвиновъ», Спб. 1873; Шильдеръ, Н. К., «Императоръ Александръ I», Спб. 1897; Веселаго, Ѳ. Ѳ., «Матеріалы», т. V, XV, «Краткая исторія Русскаго флота»; Кротковъ А., «Повседневная запись», «Флотъ при Екатеринѣ II»; Бѣлавенецъ, П. И., (біографическій очеркъ)—«Котлинъ», 1899; его-же — «Нива», 1899, № 20, съ портретомъ Круза; Брикнеръ, «Исторія Императрицы Екатерины II»; Филевскій, П. И., «Исторія города Таганрога», М., 1898; Огородниковъ. С. Ѳ., «Очеркъ исторіи города Архангельска», Спб. 1890; Мирошевскій. В., «Воспоминанія о Русскомъ флотѣ», Спб. 1853.

П. Бѣлавенецъ.

Крупенскій, *Матвѣй Егоровичъ*, статскій совѣтникъ, бессарабскій вице-губернаторъ, изъ бояръ Молдавскаго княжества, род. въ 1781 г., ум. послѣ 1823 г. Въ 1808 г., во время войны съ Турціей, поступилъ на русскую службу, въ качествѣ депутата отъ Молдавскаго княжества и находился въ этой должности до заключенія мирнаго Бухарестскаго трактата, т. е. до 12 апрѣля 1812 г. Потомъ, оставшись при главнокомандующемъ дунайской арміей адмиралѣ Чичаговѣ, Крупенскій былъ опредѣленъ помощникомъ управляющаго Бессарабской областью; вскорѣ принятъ въ число россійскихъ подданныхъ, 19 сентября 1812 г., «за заслуги и преданность» награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, а по присоединеніи Бессарабской области къ Россіи, ему ввѣрено было управленіе казною области. 19 апрѣля 1813 г. Крупенскій произведенъ въ коллежскіе совѣтники, 19 апрѣля 1818 г. назначенъ бессарабскимъ вице-губернаторомъ, 7 января 1822 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники, 7 декабря 1823 г., за болѣзнью, уволенъ отъ службы.

Формулярный списокъ М. Крупенскаго за 1836 г.; «Записки», Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, М. 1892 г., стр. 104, 110, 141, 144, 166, 175, 177, 192.

Крутень, *Матвѣй Самсоновичъ*, докторъ, сынъ магистратскаго бургомистра, род. въ Черниговѣ въ 1737 г., ум. въ 1770 г. Учился въ Кіевской духовной академіи, откуда въ 1757 г. перешелъ ученикомъ въ петербургскій генеральный госпиталь. 27 января 1758 г. произведенъ въ подлѣкари, 30 января 1759 г.—въ лѣкари, съ прикомандированіемъ къ тому же госпиталю. Въ 1760 г. командированъ сопровождать партію рекрутъ подъ Данцигъ и переведенъ лѣкаремъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Въ 1761 г. отправленъ заграницу, гдѣ слушалъ курсъ медицины въ Лейденѣ и тамъ-же, въ 1765 г., защитилъ диссертацію на степень доктора медицины. Въ 1767 г. возвратился изъ за границы и, по болѣзни, только черезъ годъ (7 февраля 1768 года) держалъ въ медицинской Коллегіи экзаменъ на право практики. Въ 1769 г. назначенъ докторомъ въ 1-ю дивизію генерала Олица; вскорѣ переѣхался въ Петербургъ въ адмиралтейскій госпиталь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ.

Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи»; Никитинъ, «Краткій обзоръ состязанія медицины въ Россіи въ царств. Имп. Екат. II»; Геннади, «Словарь»; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Крутицкій, *Антонъ Михайловичъ*, знаменитый комикъ, род. въ 1754 г., въ Москвѣ, ум. въ Ревелѣ, 21 іюля 1803 г. Сынъ солдата; учился въ Сиротскомъ домѣ; случайно замѣтилъ его актеръ Каллиграфъ и взялъ въ труппу Книпера, въ началѣ 70-хъ годовъ. На казенной сценѣ онъ дебютировалъ ролью Мельника въ пьесѣ Аблесимова и произвелъ фуроръ своею игрою; на первомъ представленіи Л. А. Нарышкинъ бросилъ ему на сцену кошелекъ съ золотомъ, императрица дала ему богатый денежный подарокъ; пьеса шла подрядъ 27 разъ. Затѣмъ онъ игралъ въ «Олегѣ». Особенно отличался онъ въ пьесахъ серьезнаго репертуара—Коцебу, «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» (графъ) и Мольера (Гарпагонъ, Тартюфъ); по отзывамъ современниковъ игрою его въ мольеровскихъ пьесахъ восторгались даже иностранцы. Крутицкій явился создателемъ роли Кривосудова въ «Ябедѣ» Капниста; восхищенный его игрою авторъ далъ ему право напечатать и въ свою пользу продавать комедію; императоръ Павелъ тоже отличалъ Крутицкаго; онъ игралъ, между прочимъ, главную роль въ той пьесѣ Коцебу — «Лейбъ-кучеръ

Петра III», въ пьесѣ, которая такъ понравилась императору, что авторъ возвращенъ былъ изъ ссылки и съ этихъ поръ пользовался особеннымъ расположеніемъ императора. Съ 1794 г. Крутицкій былъ кромѣ того, что премьеромъ на комическія роли, еще инспекторомъ по драматической части. Онъ путемъ самостоятельнаго труда пріобрѣлъ отличное образованіе, хорошо усвоилъ языки французскій и нѣмецкій, недурно рисовалъ, отлично игралъ на скрипкѣ, написалъ двѣ пьесы «Медимнъ и Лука» и «Обмѣнъ двухъ шлянъ». По словамъ современниковъ Крутицкій не обладалъ благопріятными для сцены данными: онъ былъ небольшого роста, имѣлъ маленькіе глаза, рябое лицо; но за то голосъ его былъ удивительно гибокъ и пріятенъ, комическій талантъ его былъ необыкновененъ; его веселость была самая заразительная, способность постигать роль—удивительная.—Послѣ смерти Крутицкаго четверымъ его дѣтямъ была назначена пенсія до ихъ совершеннолѣтія по 1000 р. асс. въ годъ каждому.

«Талія», 1825, 44—46; «Пантеонъ», 1855, № 5, 103 — 114; «Сѣв. Вѣстникъ», I, 216; Араповъ, «Лѣтопись рус. театра», 86, 104—115, 135—141, 158, 162; Геннади, «Словарь».

Крутовскій, *Аѳанасій Максимовичъ*, протоіерей. Род. 25 апрѣля 1779 г. въ с. Араповѣ, ум. въ 1853 г.—Сынъ священника, въ послѣдніе годы жизни бывшаго при Преображенскомъ соборѣ с. Павлова, горбатовскаго уѣзда, Въ 1791 г. поступилъ въ нижегородскую духовную семинарію. По окончаніи семинарскаго курса въ 1803 г. рукоположенъ во священника въ с. Павлово, ардатовскаго уѣзда. Въ 1804 г. назначенъ благочиннымъ. 5 августа 1808 г. переведенъ въ г. Макарьевъ и назначенъ законоучителемъ макарьевскаго уѣзднаго училища. Въ 1813 г. возведенъ въ санъ протоіерея. 29 сентября 1817 г. переведенъ къ церкви арзамасской Алексѣевской общины. Въ 1826 г. получилъ камилавку—награда по тому времени рѣдкая; въ 1829 г. назначенъ попечителемъ сиротъ духовнаго званія, въ 1832 г.—присутствующимъ въ духовномъ правленіи. Какъ членъ духовнаго правленія выдавался своею правдивостью и пользовался большимъ вліяніемъ: ни одно дѣло не рѣшалось безъ его совѣта или указанія; какъ человѣкъ, отличался простотою, привѣтливостью и особенно благотворительностью. Его благотворительность извѣстна была по всей епархіи и къ нему за помощью приходили часто издалека, а у его дома всегда толпилось множество нищихъ, которыхъ онъ никогда не отпускалъ безъ подаянія. Для нищихъ у него былъ заведенъ особый мѣшокъ съ мѣдными пятаками, часто обновлявшій свое содержимое. Какъ священникъ о. Крутовскій могъ служить примѣромъ для другихъ—благочестивый, строго исполнительный, любившій церковное богослуженіе. Скончался за штатомъ, уволившись на покой по прошенію за старостью. Имѣлъ золотой наперсный крестъ.

«Странникъ», 1871 г., іюль, стр. 2—78.

С. Г. Р.

Крушевскій, *Николай Вячеславовичъ*, докторъ сравнительнаго языкознанія, профессоръ Казанскаго университета, род. 6 декабря 1851 г., ум. 31 октября 1887 г. По окончаніи курса на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета въ 1875 г., началъ службу преподавателемъ древнихъ языковъ въ гимназіи въ г. Троицкѣ. Одаренный живыми научными интересами, Крушевскій имѣлъ цѣлью посвятить себя ученой дѣятельности и университетскому преподаванію. Усиленно работая и ведя самую скромную жизнь, во всемъ себѣ отказывая, онъ съумѣлъ скопить кое-какія средства, которыя дали ему возможность оставить службу и переѣхать въ Казань, чтобы тутъ работать при университетѣ и готовиться къ профессорскому званію. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ 1878 г. и началъ усиленно заниматься подъ руководствомъ выдающагося лингвиста И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Предавшись дѣлу со всѣмъ жаромъ, Крушевскій, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, быстро выдѣлился среди молодыхъ ученыхъ, работавшихъ при Казанскомъ университетѣ, въ 1880 г. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ, въ 1881 г. — доцентомъ, въ 1883 г. — экстра-ординарнымъ профессоромъ, въ 1885 г.—ординарнымъ. Но непомѣрные труды сломили его здоровье, и безъ того некрѣпкое, и онъ умеръ на 36 году жизни. Крушевскій написалъ цѣлый рядъ лингвистическихъ работъ, различныхъ по объему, но всегда строго научныхъ, свидѣтельствующихъ объ обширныхъ познаніяхъ автора и о философскомъ складѣ его ума, постоянно стремившагося къ обобщеніямъ, и именно къ обобщеніямъ,

очснь важнымъ по массѣ изслѣдованія, а не къ фантазіямъ. Наиболѣе крупными работами Крушевскаго были: «Наблюденія надъ нѣкоторыми фонетическими явленіями, связанными съ акцентуаціей» (Казань, 1879)—диссертація pro veria legendi; «Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованія въ области старославянскаго вокализма» (1881)—магистерская диссертація—въ ней особенно цѣнно введеніе, заключающее блестящія замѣчанія по методологіи фонетики; «Очерки науки о языкѣ» (1883), докторская диссертація; сочиненіе это было въ томъ же году напечатано въ журналѣ «Techmer's Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft», подъ названіемъ «Principien der Sprachentwikelung»; въ 1881 г. Крушевскій выпустилъ на нѣмецкомъ языкѣ переработку части своей магистерской диссертаціи, подъ названіемъ—«Ueber die Lautanwechselung» — сочиненіе это было отмѣчено въ западноевропейской ученой литературѣ, какъ выдающееся явленіе. Послѣ смерти Крушевскаго изданы были подъ редакціей проф. Богородскаго его курсы.

Некрологъ Богородскаго въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», 1887, № 288; статья С. Булича, въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгауза и Эфрона, 32 полут., 849.

Крыжановскій, *Евѳимій Михайловичъ*, членъ учебнаго комитета и училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, сынъ священника, род. въ октябрѣ 1831 года въ Кіевской губерніи, ум. 26 іюня 1888 г. Обучался въ кіевскомъ софійскомъ духовномъ училищѣ, въ кіевской семинаріи и академіи. По окончаніи въ 1857 г. курса въ духовной академіи Крыжановскій, по слабости здоровья, провелъ годъ въ деревнѣ и затѣмъ поступилъ учителемъ въ кіевскую духовную семинарію. Съ 1859 г. преподавалъ гражданскую исторію, а затѣмъ—греческій и нѣмецкій языки. Въ 1860 г. онъ сталъ издавать журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей» и въ первыхъ номерахъ изданія помѣстилъ нѣсколько статей изъ быта сельскаго духовенства. Любовь къ исторіи и въ особенности—интересъ къ исторіи польско-русскихъ отношеній заставляли его работать по этому вопросу и привели къ ясному пониманію высокаго государственнаго значенія православія, спасшаго русскую народность отъ насилія поляковъ и умственныхъ хитросплетеній іезуитизма. Крыжановскій принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ кіевскаго губернскаго статистическаго комитета, дѣйствительнымъ членомъ котораго онъ состоялъ съ 1861 г. Въ 1862 г. онъ избранъ былъ въ баккалавры Кіевской духовной академіи и преподавалъ тамъ французскій языкъ. Въ ноябрѣ 1864 г. онъ занялъ постъ директора народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи. Глубоко преданный православію, близко знакомый съ историческими судьбами края, Крыжановскій возмущался положеніемъ уніатовъ въ этомъ краѣ и всею душою отдался мысли о возсоединеніи ихъ съ церковью. Безпрерывные разъѣзды по школамъ, борьба за дорогіе сердцу религіозные и педагогическіе идеалы, различныя непріятности и огорченія подорвали его слабое здоровье; въ 1869 г. онъ долженъ былъ перейдти на службу въ Варшаву директоромъ первой гимназіи. Не разъ болѣзнь заставляла его брать продолжительные отпуски и ѣздить для лѣченія за границу, а въ 1883 г. онъ совершенно вышелъ въ отставку по министерству народнаго просвѣщенія и въ ноябрѣ назначенъ былъ членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ. Въ 1885 г. назначенъ членомъ вновь учрежденнаго училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. Въ этихъ двухъ учрежденіяхъ онъ былъ очень виднымъ дѣятелемъ: новый уставъ 1884 г. для духовныхъ семинарій и академій, проэкты и положенія объ устройствѣ вновь зарождавшихся тогда церковно-приходскихъ школъ,—все это было дѣломъ рукъ Е. М. Крыжановскаго. Кромѣ этого, по порученію оберъ-прокурора Св. Синода, Крыжановскій занимался изученіемъ вопроса о ненормальномъ положеніи православной церкви въ Остзейскомъ краѣ, много работалъ для улучшенія религіознаго и педагогическаго дѣла въ чешскихъ колоніяхъ Волынской губерніи. Не разъ ѣздилъ онъ туда и труды его много содѣйствовали подчиненію этихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія и стремленію чеховъ къ православію. Плодомъ этихъ работъ были двѣ брошюры, напечатанныя въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ: «О православіи въ Остзейскомъ краѣ» и «Историческая записка по вопросу о стремленіи чеховъ къ православію и о подчиненіи ихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія». Онъ много работалъ для журнала «Церковно-приходская школа», который сталъ выходить

съ 1887 г. Послѣднимъ дѣломъ его было подготовленіе торжественнаго празднованія въ Кіевѣ 900-лѣтія крещенія Руси. Скончался Е. М. Крыжановскій въ Кіевѣ, куда прибылъ на юбилейныя торжества.—Его статьи: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1868 г., № 5: «Волненіе уніатовъ на Подлясьѣ»; въ «Журн. мин. нар. просв.», 1875 г. №№ 4 и 5 — «Русскія школы и обученіе русскому языку въ Привислянскомъ краѣ, до изданія указовъ 30 августа 1864 г.».

«Церковн. Вѣстникъ» 1888 г., № 32; «Церковныя Вѣдомости», 1888 г. №№ 31, 32, 35.

Крыжановскій, *Максимъ Константиновичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1777 г., ум. 6 мая 1839 г. Службу началъ въ 1793 г. капенармусомъ 13-го флотскаго баталіона, служилъ во флотѣ, въ составѣ 1-го морского полка. Въ 1806 г., въ чинѣ майора, былъ назначенъ командиромъ такъ называемаго батальона императорской милиціи, получившаго такое наименованіе потому, что онъ составленъ былъ изъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній; въ январѣ 1808 г. этотъ батальонъ былъ сравненъ по правамъ съ гвардіей, а въ ноябрѣ 1811 г., подъ ближайшимъ наблюденіемъ цесаревича, Крыжановскій переформировалъ его въ полкъ, получившій названіе л.-гв. Финляндскаго; еще въ 1810 году Крыжановскій же формировалъ гвардейскій экипажъ. Въ 1812 г. подъ командою Крыжановскаго Финляндскій полкъ отличился въ битвахъ при Бородинѣ, при Тарутинѣ, подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Краснымъ и подъ Добрымъ, гдѣ Финляндцы взяли весь обозъ маршала Даву и его маршальскій жезлъ. Участвуя въ битвахъ подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ, Финляндскій полкъ отличился беззавѣтною храбростью и понесъ огромныя потери подъ Лейпцигомъ, при атакахъ на дер. Госсу 4 октября: свыше 500 человѣкъ выбыло въ этотъ день изъ строя въ этомъ полку. Крыжановскій былъ раненъ въ обѣ ноги въ началѣ боя; но онъ приказалъ перевязать ихъ и продолжалъ руководить боемъ. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ жестокую контузію ядромъ въ грудь; грудь его быстро опухла, дыханіе стало чрезвычайно затруднительно; въ это время въ пятнадцати шагахъ отъ него, французскій солдатъ прицѣлился въ него и выстрѣлилъ; пуля раздробила плечо, вогнала въ рану разорванный эполетъ и вызвала обильнѣйшее кровотеченіе; это спасло жизнь Крыжановскому. Онъ до конца жизни говорилъ, что отлично помнитъ тотъ моментъ и самое лицо солдата, явившагося невольнымъ его спасителемъ. Съ этого времени Крыжановскій уже не способенъ былъ нести строевой службы; четыре года лѣчился онъ отъ своихъ ужасныхъ ранъ; 22 августа 1826 г. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты; 1 іюля 1836 г. назначенъ директоромъ Чесменской богадѣльни, 2 іюня 1837 г.— командиромъ с.-петербургской крѣпости, 7 іюня 1837 года—членомъ военнаго совѣта, съ оставленіемъ въ двухъ послѣднихъ должностяхъ. Имѣлъ всѣ ордена до знаковъ ордена св. Александра Невскаго съ бриллiантами включительно.

«Военная Галл. Зимн. Дворца», IV; «Справ. энц. словарь», Края, VI.

Крыжановскій, *Николай Андреевичъ*, генералъ адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, оренбургскій генералъ-губернаторъ, род. 30 октября 1818 г., ум. 29 апрѣля 1888 г. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. По окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ въ 1837 г. былъ произведенъ въ офицеры полевой артиллеріи и какъ прекрасно окончившій курсъ былъ оставленъ при училищѣ. Въ 1839 г. онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи 1-ю артиллерійскую бригаду и въ томъ же году командированъ въ Берлинъ помощникомъ нашего военнаго агента. Съ 1842 г. Н. А. Крыжановскій находился въ войскахъ Черноморской береговой линіи, гдѣ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами и получилъ нѣсколько наградъ за боевыя отличія. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ штабъ офицеромъ по искусственной части при кіевскомъ арсеналѣ, а потомъ занималъ должность начальника артиллеріи Южной арміи, участвовалъ въ осадѣ Силистріи и за отличіе былъ награжденъ 22 мая 1854 г. золотою полусаблею съ надписью «за храбрость», а по взятіи Силистріи былъ произведенъ, 19 ноября 1854 г., въ генералъ-маіоры. Съ открытіемъ Крымской кампаніи Н. А. Крыжановскій отправился въ Севастополь, гдѣ состоялъ начальникомъ штаба артиллеріи въ арміи князя М. Д. Горчакова; въ Севастополѣ онъ былъ сильно контуженъ непріятельскимъ ядромъ, при чемъ подъ нимъ была убита лошадь. Въ дѣлѣ 4 августа 1855 г. у Черной рѣки Н. А.

Крыжановскій принималъ дѣятельное участіе; по окончаніи Крымской кампаніи въ 1857 г. былъ назначенъ начальникомъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и Артиллерійской академіи. Состоя на этой должности, Н. А. Крыжановскій улучшилъ постановку учебныхъ занятій и привлекъ въ составъ преподавателей лучшія силы того времени. Въ 1860 г. Н. А. Крыжановскій былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба 1-й арміи, находившейся въ Царствѣ Польскомъ, а въ 1861 г. исправлялъ должность варшавскаго военнаго генералъ-губернатора и одновременно завѣдывалъ особою канцеляріею намѣстника Царства Польскаго. За отличное исполненіе этихъ трудныхъ и отвѣтственныхъ должностей Н. А. Крыжановскій былъ возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта Его Величества и кромѣ того удостоился нѣсколькихъ наградъ и выраженій Высочайшаго благоволенія. Отозванный въ С.-Петербургъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, учрежденной для начертанія общихъ основаній военнаго и морского судопроизводства и устройства, а въ 1863 г., когда ожидались осложненія въ отношеніяхъ съ западною Европою, Н. А. Крыжановскій состоялъ помощникомъ командира кронштадскаго порта и былъ занятъ вооруженіемъ этой крѣпости; въ 1864 г. былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками виленскаго округа, 9 февраля 1865 г. былъ назначенъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа. На этой должности Крыжановскій явился дѣятельнымъ администраторомъ и отчасти военачальникомъ. Независимо отъ должности генералъ-губернатора на него было возложено главное начальство надъ вновь пріобрѣтенной Туркестанскою областью и надъ войсками, въ ней расположенными. Непосредственными начальниками дѣйствовавшихъ войскъ въ Туркестанѣ были генералы Черняевъ и Романовскій, которые со 2 мая начали военныя дѣйствія противъ бухарцевъ взятіемъ Ніязъ-Бека, Чиназа, Ташкента, Нау, Ходжента и Ура-Тюбе. Въ іюнѣ 1866 г. Н. А. Крыжановскій прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій и предполагалъ открыть военныя дѣйствія противъ Коканда, но генералъ Романовскій доказывалъ, что, не окончивъ войны съ бухарцами, нельзя предпринимать новаго похода и что намѣреніе Н. А. Крыжановскаго очень рискованное. Въ Петербургѣ Крыжановскій тоже не встрѣтилъ сочувствія къ осуществленію своихъ плановъ и принужденъ былъ ограничиться окончаніемъ военныхъ дѣйствій съ Бухарою. 18 октября 1866 г. подъ его личнымъ начальствомъ былъ взятъ городъ Джюзакъ, считавшійся оплотомъ бухарскаго ханства—съ паденіемъ его окончательно пало и значеніе Бухары. За это дѣло Н. А. Крыжановскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ концѣ октября онъ возвратился въ Ташкентъ, гдѣ принялся за составленіе проекта временнаго положенія для управленія новою областью. Вскорѣ Крыжановскій, имѣя на то Высочайшія полномочія, принялъ въ русское подданство туземцевъ Ташкента, Зачирчикскаго края, Ходжента и др. городовъ, просившихъ его объ этомъ особыми депутаціями. Въ ноябрѣ 1866 г. Н. А. Крыжановскій отправился для обозрѣнія ввѣреннаго ему генералъ-губернаторства, а также и Уфимской губерніи, которая 5 мая 1856 года была имъ, для удобства управленія, отдѣлена отъ Оренбургской, такъ какъ вслѣдствіе слишкомъ значительнаго различія въ условіяхъ быта этихъ губерній, дѣлалось неудобнымъ единообразное управленіе ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Крыжановскій старался оживить или лучше сказать вызвать въ краѣ умственные и научные интересы: въ 1866 г. онъ открылъ въ Оренбургскомъ краѣ дѣйствія статистическаго комитета, 30 мая 1867 г. оренбургскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, учредилъ губернскую типографію и основалъ «Губернскія Вѣдомости». 1 іюля было обнародовано новое положеніе о оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, явившееся плодомъ почти единоличнаго труда Н. А. Крыжановскаго. Большое вниманіе Н. А. Крыжановскій обращалъ на развитіе торговли и достигъ того, что привозъ товаровъ по восточной границѣ возросъ съ 7.000.000 до 10.000.000 р., а отпускъ—съ 3.000.000 дошелъ до 12.000.000 р.; по представленнымъ Н. А. Крыжановскимъ проэктамъ было введено земство, сначала въ Оренбургской, а въ 1874 г. и въ Уфимской губерніяхъ, и введены въ краѣ новыя судебныя учрежденія. Подъ наблюденіемъ Крыжановскаго сословная коммисія привела въ ясность городское хозяйство Оренбурга и увеличила городскіе доходы съ

32.000 до 135.000 рублей. Средствами, бывшими въ распоряженіи Н. А. Крыжановскаго, онъ построилъ въ Оренбургѣ прекрасный каменный театръ, употребивъ для того зданіе манежа; развелъ на берегу рѣки Урала бульвары—до этого времени въ городѣ почти не имѣлось растительности. Попеченіями и стараніями его была учреждена въ Оренбургѣ 2 декабря 1868 г. гимназія, также открыты гимназіи въ городахъ Уральскѣ и Троицкѣ, открыто въ Оренбургѣ мужское реальное училище, женскія гимназіи въ Оренбургѣ и въ Уральскѣ, Неплюевскій кадетскій корпусъ преобразованъ въ военную гимназію и кромѣ того основана военная прогимназія и юнкерское училище; заложено прекрасное зданіе для 2-й военной гимназіи и такое же для 2-й прогимназіи, основано ремесленное училище и учреждены пріютъ, семинарія; много низшихъ учебныхъ заведеній открыто по разнымъ городамъ губерній. 18 мая 1874 г. былъ учрежденъ Оренбургскій учебный округъ. Крыжановскимъ былъ принятъ рядъ мѣръ и по устройству быта инородцевъ. Такъ окончательно было введено положеніе о башкирахъ; народъ этотъ вошелъ въ общую массу населенія съ опредѣленіемъ правъ его на собственность и раціональнымъ административнымъ устройствомъ его быта. Все управленіе киргизскою степью, раздѣленною Крыжановскимъ на Тургайскую и Уральскую, получило коренную реформу и было преобразовано въ духѣ общихъ государственныхъ губернскихъ учрежденій съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными мѣстными условіями. Крупный переворотъ общаго жизненнаго строя киргизъ вызвалъ даже среди ихъ возстаніе; но Крыжановскій военною силою водворилъ порядокъ; киргизы смирились и съ этихъ поръ остаются вѣрными Россіи. Большое участіе принялъ Н. А. Крыжановскій въ сооруженіи самаро-оренбургской желѣзной дороги, которая для своего время являлась грандіознымъ сооруженіемъ. Не мало сдѣлалъ Крыжановскій для поднятія образованія въ войскахъ: было учреждено нѣсколько библіотекъ при полкахъ и баталіонахъ, на что отпускались имъ спеціальныя средства. Когда подготовлялся хивинскій походъ, Н. А. Крыжановскій изслѣдовалъ пути наступленія на ханство и вообще много сдѣлалъ для успѣха хивинской экспедиціи 1873 года.—Административная дѣятельность Крыжановскаго, энергичная и богатая результатами, къ сожалѣнію, имѣла и крупные пороки. Въ 1881 г. сенаторская ревизія раскрыла въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ множество злоупотребленій по раздачѣ башкирскихъ земель, начатой въ 1869 г. со введеніемъ новыхъ правилъ о надѣлѣ припущенниковъ; непосредственно виновные были преданы суду, а Н. А. Крыжановскій, за недостаточность наблюденія за подчиненными, былъ 30 марта 1881 года уволенъ отъ должности безъ прошенія. Выйдя въ отставку съ чиномъ генерала отъ артиллеріи и со званіемъ генералъ-адъютанта, онъ поселился въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи Матвѣевкѣ, находящемся въ Полтавской губерніи Золотоношскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялся литературными трудами.

Еще въ бытность начальникомъ Михайловскаго артиллерійскаго училища Крыжановскій составилъ нѣсколько полезныхъ руководствъ для войсковыхъ частей—таковы: «Правила пріема войсками предметовъ артиллерійскаго довольствія» (1858 г.), «Очеркъ устройства и хозяйства французской артиллеріи съ изложеніемъ главныхъ основаній организаціи французской арміи» (1858 г.). Въ 1859 г. въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» были напечатаны его статьи, заключавшія обзоръ свѣдѣній, полученныхъ съ театра войны изъ Италіи, и тогда же составлено имъ руководство—«Записки по фортификаціи для дивизіонныхъ артиллерійскихъ школъ».

Въ 1884 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ его романъ «Дочь Алаяръ-хана»; затѣмъ, въ «Русской Старинѣ» въ 1886 г.—«Историческія записки», «Севастополь и его защитники въ 1855 г.», «Севастополь въ ночь съ 27 на 28 августа 1855 г.». Въ то же время Н. А. Крыжановскій собирался приступить къ составленію исторіи польскаго возстанія, для чего изучалъ польскій языкъ. Среди этихъ трудовъ Крыжановскій и умеръ въ своемъ имѣніи Матвѣевкѣ. Въ память Н. А. Крыжановскаго во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Оренбургской и Уфимской губерній основано много стипендій его имени, между прочимъ и для сиротъ туземныхъ киргизскихъ племенъ; онъ былъ избранъ жителями Оренбурга и Уфы почетнымъ гражданиномъ; Уральское казачье войско адресомъ въ 24.000 подписей исхода

тайствовало зачисленіе Н. А. Крыжановскаго съ потомствомъ въ составъ своего войскового сословія.

«Уфимскія Губернскія Вѣдомости», 1875 года № 10, 11, 12; «Военный Сборникъ», 1872 года т. LXXXV № 5, стр. 41—68, гл. VII; «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости», 1875 г. № 10; «Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища 1820—1870 гг.», А. Платовъ и Л. Кирпичевъ, Спб., 1870 г., гл. VII; «Военный Сборникъ», 1867 г., т. LIII, № 1, стр. 8 — 24; «Записки оренбургскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества» 1870 г., вып. I, стр. 8 — 13; «Русскій Туркестанъ», вып. 3; «Замѣтки по средне-азіатскому вопросу», соч. Д. И. Романовскаго, Спб., 1868 г.; «Описаніе обороны Севастополя», соч. Тотлебена, ч. II, отд. II, стр. 314 и 315; «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Эфрона, т. XVI, стр. 862; «Московскія Вѣдомости», 1888 г., № 147 и 228; «Новое Время», 1888 года, № 4373; «Русская Старина» 1889 г., т. LXIV, стр. 836 и т. LXI, стр. 97, т. LXIV, стр. 77.

Крыжинъ, *Александръ Петровичъ*, оберъ секретарь Святѣйшаго Синода, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. въ 1829 г. въ селѣ Стемасѣ алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи, ум. 8 декабря 1878 г.; изъ потомственныхъ дворянъ. Въ 1851 г. кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата и 29 іюня того же года поступилъ бухгалтеромъ по лѣсному отдѣленію въ казанскую палату государственныхъ имуществъ, въ февралѣ 1853 г. принужденъ былъ по болѣзни оставить службу. Съ 24 іюня 1854 года началась его служба по министерству внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи симбирскаго гражданскаго губернатора, гдѣ онъ получилъ 25 іюня 1858 г. мѣсто правителя канцеляріи; одновременно онъ работалъ въ симбирскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, въ совѣтѣ симбирскаго елизаветинскаго женскаго училища и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ женскихъ школъ въ гг. Алатырѣ и Курмышѣ. Съ 27 января 1863 г. онъ служилъ въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.; въ томъ же 1863 г. Крыжинъ былъ сдѣланъ старшимъ секретаремъ, а 3 февраля 1867 г. — оберъ-секретаремъ. Съ 1865 г. онъ былъ дѣятельнымъ членомъ коммиссіи для разбора дѣлъ синодальнаго архива, однимъ изъ членовъ-учредителей Общества любителей древней письменности, въ которомъ нѣкоторое время исполнялъ обязанности секретаря; состоялъ дѣлопроизводителемъ коммиссіи по устройству с.-петербургскихъ кладбищъ; былъ командированъ въ 1874 г. отъ духовнаго вѣдомства въ коммиссію для всесторонняго обсужденія дѣлъ о раскольникахъ; извѣстно также его дѣятельное участіе и въ составленіи оберъ-прокурорскихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ. — Небезъизвѣстно имя его и въ литературѣ: онъ издалъ I и II томы «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдом. правосл. исповѣд.», и въ Запискахъ Географическаго Общества напечаталъ статью — «Опытъ изслѣдованія скопческой секты въ симбирской губерніи».

Дѣло архива Св. Синода 1863 г. № 4350.

Крыловъ, *Аврамъ Егоровичъ*, съ 17 августа 1804 г. директоръ училищъ Олонецкой губерніи, ум. 22 сентября 1806 г., одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ распространителей народнаго образованія: имъ открыто 20 сельскихъ церковно-приходскихъ школъ въ различныхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи.

А. С. Вороновъ, «Историко-статистич. обозрѣніе с.-петерб. учебн. округа», I, 147, «Олонецкія губ. вѣдом.» 1869 г., №№ 91—94.

Крыловъ, *Андрей Ивановичъ*, раскольничій писатель, род. въ 1747 г., ум. въ въ 1810 г.; архангельскій мѣщанинъ, раскольникъ поморскаго толка, ревностный писатель противъ бракоборцевъ, близкій человѣкъ къ Выгорѣцкому киновіарху Андрею Борисовичу, Павлу Любопытному и другимъ виднымъ современнымъ ему дѣятелямъ раскола. Ему принадлежатъ пять крупныхъ по объему и высоко почитаемыхъ раскольниками посланій по разнымъ догматическимъ вопросамъ, семь вопросовъ къ Іонѣ монаху о таинствѣ законнаго брака и 11 вопросовъ ко всѣмъ старовѣрческимъ церквамъ о нѣкоторыхъ обрядахъ въ богослуженіи; были и другія его сочиненія, но утрачены.

«Каталогъ» Павла Любопытнаго.

Крыловъ, *Александръ Абрамовичъ*, коллежскій ассессоръ, стихотворецъ, род. въ 1798 г., въ Вытегрѣ, ум. 14 іюня 1829 г. въ своемъ имѣніи Кулибино, тихвинскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Петрозаводской гимназіи и Педагогическомъ институтѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1816 г.; былъ затѣмъ преподавателемъ въ училищѣ глухонѣмыхъ въ Петербургѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Жоффре; съ 1819 г. состоялъ членомъ Вольнаго общества любителей россійской словесно-

сти и принималъ участіе въ трудахъ этого общества, какъ одинъ изъ редакторовъ журнала «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія». Въ 1821 г. Крыловъ оставилъ службу въ училищѣ глухонѣмыхъ и поселился въ своемъ новгородскомъ помѣстьѣ; съ 1825 г. былъ почетнымъ смотрителемъ приходскаго и уѣзднаго училищъ въ Тихвинѣ.—А. А. Крыловъ писалъ немного, въ элегическомъ духѣ. Его произведенія, довольно посредственныя какъ по содержанію, такъ и по формѣ, исполнены грусти, унынія, меланхоліи. Въ послѣдніе годы своей жизни Крыловъ изучилъ итальянскій языкъ и готовился переводить на русскій языкъ итальянскихъ поэтовъ. Онъ оставилъ планъ историческаго романа, въ которомъ предполагалъ изобразить обычаи и повѣрья провинціальной Руси XVII вѣка, но не успѣлъ исполнить задуманное. Произведенія Крылова помѣщались въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» 1818—1824 г.г., «Благонамѣренномъ» 1382 г., «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 и 1829 г.г. и проч. Ему принадлежатъ: «Отрывокъ изъ Делилевой поэмы—L' Imagination. Начало IV пѣсни»; «Оскаръ и Дермидъ». Подражаніе Оссіану; «Эпитафія В. А. Озерову»; «Минвана»: «Къ К....у»; «Портретъ моей невѣсты»; «Весна»; «Могила персидскаго поэта», изъ Мильвуа; «Неувѣренность», элегія—въ «Соревнователѣ просвѣщенія» чч. I, III VI, XIII, XIV и XV; переложенія нѣсколькихъ псалмовъ, изданныя въ книгѣ: «Священная Лира, или преложенія въ стихахъ избранныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія», М. 1819 г.; «Разлука»; «Къ другу»; «Н. Н. Уньковскому»; «Вакхическіе поэты»; «Къ А. Е. Измайлову»; «Истребленная роща», изъ Мильвуа—въ «Благонамѣренномъ», №№ III, VI, X и XVI.

Дѣло Правительствующаго Сената Департамента Герольдіи 1851 г.; «Справ. энцикл. словарь», А. Старчевскаго; Геннади, «Словарь»; «Сѣверная Пчела» 1829 г., № 92, некрологъ Я. Бередникова; «Бабочка» 1830 г., № 49; «Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ», т. I, Спб. 1899 г., стр. 174, т. II, стр. 479.

Ив. Дав.

Крыловъ, *Александръ Лукичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, цензоръ, редакторъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», сынъ священника, род. въ 1798 г., ум. 31 мая 1853 г., въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ Смоленской духовной семинаріи, Главномъ Педагогическомъ институтѣ и С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1823 г. съ золотою медалью, со степенью кандидата историко-филологическаго факультета и былъ оставленъ при университетѣ «для исправленія должности магистра». Въ 1824 г. онъ преподавалъ въ университетѣ географію по руксводству Зябловскаго. въ 1825—1830 гг читалъ древнюю исторію по Кайданову и среднюю по Коху, а потомъ объ по своимъ запискамъ, которыя были, однако, простымъ перифразомъ Кайданова и Коха. Въ то же время былъ учителемъ греческаго языка въ С.-Петербургской гимназіи, преподавателемъ исторіи и географіи въ военно-сиротскомъ отдѣленіи и преподавателемъ латинскаго языка въ высшемъ классѣ при С.-Петербургскомъ воспитательномъ домѣ. 1 декабря 1828 г. утвержденъ секретаремъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета; 11 мая 1829 г. утвержденъ въ званіи адъюнкта всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ, и 30 іюня того же года — адъюнктомъ по латинской словесности въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ находился по 31 января 1834 г.; 30 іюня 1831 г. назначенъ цензоромъ Петербургскаго цензурнаго комитета, 2 августа 1833 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ статистики при С.-Петербургскомъ университетѣ; при преобразованіи университета по уставу 1835 г. остался за штатомъ 1 января 1836 г. и оставленъ цензоромъ комитета; въ 1837 г., 26 января, опредѣленъ въ статистическое отдѣленіе совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Съ 25 февраля 1837 г. по 1842 г. былъ редакторомъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». 3 октября 1850 г. «за отличное знаніе статистики и опытность въ дѣлахъ внутренняго управленія» избранъ статистическимъ отдѣленіемъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ въ члены-корреспонденты отдѣленія, 16 ноября 1850 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и уволенъ изъ вѣдомства II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—А. Л. Крылову принадлежатъ слѣдующіе труды: «Руководство къ изученію россійской географіи, изданное для кантонистовъ» (1826 г.); «Изъясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ въ русской исторіи

словъ, занятыхъ изъ Константина Багрянороднаго» («Сынъ Отечества», 1828 г.); «Введеніе въ исторію» (1830 г.)—часть курса, который Крыловъ думалъ издать подъ заглавіемъ. «Историческія записки»; «Краткій словарь греческаго языка Ф. Роста. Приспособленъ къ употребленію русскимъ юношествомъ А. Крыловымъ», 2 части (1831—1832 гг.)—этотъ словарь былъ принятъ комитетомъ по устройству учебныхъ заведеній для употребленія въ гимназіяхъ; «Предварительные уроки, читанные студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета при начатіи преподаванія общей статистики европейскихъ государствъ» (1833 г.); «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ, при статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ» (1850 г.).

Формулярный списокъ А. Крылова, за 1852 г.; В. Григорьевъ, «Спб. Университетъ»; Геннади, «Словарь»; «Биржевыя Вѣдомости», 1872 г., №№ 347, 348, 355; «Сѣверная Пчела» 1854 г., № 138.

Крыловъ, *Владиміръ Васильевичъ*, генералъ-майоръ, ум. въ апрѣлѣ 1885 г. Изъ дворянъ Вятской губерніи, службу началъ въ 1843 г. подпрапорщикомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, въ которомъ состоялъ по 1865 г. Въ 1853 г. былъ прикомандированъ къ Томскому егерскому полку и въ составѣ его принималъ участіе сначала въ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, затѣмъ въ оборонѣ Севастополя. Въ чинѣ майора принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа; послѣ освобожденія Болгаріи былъ, съ Высочайшаго соизволенія, уволенъ для поступленія въ болгарскую службу, съ производствомъ въ генералъ-майоры; онъ занималъ должность военнаго министра Болгаріи до 1883 г., когда, съ перемѣною министерства, вышелъ изъ болгарской службы и былъ вновь зачисленъ на русскую, съ назначеніемъ командовать 1-ю бригадою 19 дивизіи.

«Русскій Инвалидъ», 1885 г., № 176.

Крыловъ, *Иванъ Андреевичъ*, знаменитый русскій баснописецъ, род. 2 февраля 1769 г., по преданію — въ Москвѣ, ум. 9 ноября 1844 г. въ Петербургѣ. Раннее дѣтство Крылова прошло въ Оренбургѣ, гдѣ служилъ въ то время отецъ его, Андрей Прохоровичъ, имѣющій нѣкоторое право на извѣстность въ исторіи. Изъ указа объ отставкѣ, выданнаго ему при выходѣ его изъ военной службы въ 1775 г., мы узнаемъ, что онъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, умѣлъ читать и писать, но «наукамъ не учился»; службу началъ въ 1751 г. въ оренбургскомъ драгунскомъ полку. Въ 1772 г. онъ, уже въ чинѣ капитана, участвовалъ, подъ командою генерала Фреймана, въ усмиреніи бунта яицкихъ казаковъ, а два года спустя, вмѣстѣ съ полковникомъ Симоновымъ, руководилъ доблестной защитой Яицкаго городка отъ пугачевскихъ шаекъ. Отставка, взятая имъ «по разстроенному здоровью», сопровождалась тщетными хлопотами о повышеніи въ чинѣ, не смотря на хвалебный отзывъ начальника «секретной комиссіи о бунтѣ», П. С. Потемкина. Въ томъ же году Крыловъ переселился въ Тверь, гдѣ поступилъ вскорѣ на гражданскую службу и умеръ 17 марта 1778 г. въ чинѣ коллежскаго асессора, занимая должность второго предсѣдателя губернскаго магистрата.

Смерть А. П. Крылова оставила вдову его, Марью Алексѣевну, и двухъ сыновей, Ивана и Льва, въ необезпеченномъ положеніи, отголоскомъ котораго является черновая прошенія его вдовы на Высочайшее Имя, случайно сохранившаяся въ бумагахъ И. А. Крылова, перешедшихъ послѣ его смерти къ родственникамъ его крестницы Савельевой—что же касается самаго прошенія, то неизвѣстно, было ли оно подано. Этотъ документъ имѣетъ также то значеніе, что позволяетъ съ точностью установить годъ рожденія баснописца, именно 1769, а не 1768, который до сихъ поръ еще приводится во всѣхъ его біографіяхъ и который принятъ былъ также за основаніе при празднованіи его столѣтняго юбилея. Прошеніе писано вскорѣ послѣ смерти А. П. Крылова («мужъ мой *сего* году, марта 17, окончившій жизнь»), а упоминая о сыновьяхъ, М. А. Крылова пишетъ: «одному десятый, другому второй годъ»; напомнимъ, что днемъ рожденія И. А. Крылова было 2 февраля; годъ же смерти Крылова отца (1778) установленъ точно: во первыхъ, М. А. Крылова въ томъ же прошеніи говоритъ, что, начавъ службу въ 1751 г., онъ прослужилъ 27 лѣтъ, во вторыхъ, имя А. П. Крылова исчезаетъ изъ Мѣсяцеслововъ именно съ 1779 г.; будущему баснописцу вскорѣ послѣ 17 марта 1778 г. могъ идти 10-й

годъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ родился въ 1769 г. Это опредѣленіе возраста И. А. Крылова, сдѣланное его матерью, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое встрѣчаемъ позднѣе въ письмѣ младшаго брата къ старшему отъ 6 января 1823 г.: «тебѣ, голубчикъ-тятенька, пишетъ онъ, 54 скоро минетъ». Это приводитъ насъ къ тому же 1769 г. Ошибочная дата 1768 года, явившаяся въ самомъ раннемъ біографическомъ очеркѣ Крылова (въ «Опытѣ краткой исторіи русской литературы» Н. Греча, 1822 г.) и не опровергнутая самимъ баснописцемъ—вслѣдствіе ли крайняго равнодушія къ тому, что писалось о его *жизни*, вслѣдствіе ли того, что подъ старость онъ плохо помнилъ свое дѣтство (то и другое не подлежитъ сомнѣнію)—*должна быть разъ навсегда оставлена.*

При переселеніи семьи Крыловыхъ въ Тверь въ 1775 г. тамъ имѣлось только одно учебное заведеніе—духовная семинарія; въ слѣдующемъ году возникла «школа для купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей» и только въ 1779 г.—«дворянское училище»; въ это время Крыловъ уже лишился отца и мать не имѣла никакой возможности доставить ему школьное обученіе. Первые біографы Крылова (г-жа Карльгофъ, Лобановъ и Плетневъ) характеризуютъ намъ ее со словъ сына какъ женщину энергичную, горячо любящую сыновей и умную отъ природы, хотя необразованную, даже будто бы (по Лобанову) неграмотную. Намъ разсказываютъ про «сундукъ съ книгами», доставшійся Крылову отъ отца, про французскіе переводы сына, которые мать провѣряла, руководствуясь только ходомъ мысли, про француза, гувернера губернаторскихъ дѣтей (губернаторомъ въ то время былъ Тутолминъ), научившаго Крылова читать по-французски, про домъ Н. П. Львова, гдѣ онъ былъ радушно принимаемъ и могъ также кой-чему научиться и пр. Эти подробности лишены, однако, достовѣрности. Несомнѣнно то, что въ эти отроческіе годы будущій писатель окруженъ былъ условіями неблагопріятными для образованія и что только счастливымъ случайностямъ да необыкновенной природной его даровитости слѣдуетъ приписать то развитіе и нѣкоторыя познанія, напр. въ томъ же французскомъ языкѣ, которыя онъ вскорѣ обнаружилъ. Возможно, что уже въ Твери положено было, должно быть, также урывками,—начало его музыкальнаго образованія: извѣстно, что уже молодымъ человѣкомъ Крыловъ хорошо игралъ на скрипкѣ. По преданію, мальчикъ-Крыловъ любилъ посѣщать народныя сборища, прислушиваться къ говору народа и присматриваться къ его нравамъ.

Будущему поэту пришлось очень рано знакомиться съ тяжелой стороной жизни и думать о зарабатываніи денегъ. Еще при жизни отца (съ 1777 г.) онъ числился подканцеляристомъ въ Калязинскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, гдѣ, по догадкѣ Л. Н. Майкова, служба его могла быть «чисто номинальной», подобно тѣмъ раннимъ записямъ въ полки, которыми пользовались сыновья дворянъ. Но тотчасъ послѣ смерти отца, въ іюнѣ 1778 г., Крыловъ, обозначенный въ бумагахъ «пятнадцатилѣтнимъ», переведенъ тѣмъ же чиномъ въ тверской губернскій магистратъ, гдѣ служилъ его отецъ; съ этихъ поръ могла начаться для него настоящая служба, хотя нѣтъ никакой возможности опредѣлить, получалъ ли онъ тогда какое нибудь жалованье. Документы, разысканные (въ 1846 г.) въ архивѣ тверского губернскаго правленія, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти темные годы. Изъ нихъ мы узнаемъ слѣдующее: въ іюлѣ 1782 г. подканцеляристъ Крыловъ уволенъ въ 29-ти-дневный отпускъ въ Петербургъ; въ апрѣлѣ слѣдующаго года магистратъ хватился все еще отсутствующаго Крылова и послалъ пристава къ нему на квартиру, гдѣ послѣдній нашелъ одну только «бабку его»; отъ нея онъ узналъ, что Крыловъ «зимнимъ временемъ» выѣхалъ въ Петербургъ; результатъ поисковъ сообщенъ магистратомъ намѣстническому правленію, которое въ іюлѣ пишетъ въ петербургское губернское правленіе, прося «сыскать проживающаго за срокомъ» подканцеляриста и «прислать за присмотромъ». Но пока шла эта переписка, въ августѣ явился самъ Крыловъ и вслѣдъ затѣмъ по собственному желанію уволенъ отъ службы въ магистратѣ (23 августа 1783 г.), при чемъ награжденъ чиномъ канцеляриста. За все время его отсутствія «дѣлъ за нимъ не числилось»; о жалованьи ничего не упоминается.

Поѣздка въ столицу не пропала даромъ: нѣсколько дней спустя, вся семья переселяется въ Петербургъ, гдѣ Крыловъ уже

въ сентябрѣ 1783 г. поступаетъ на службу въ казенную палату «приказнымъ служителемъ». М. А. Крылова все еще надѣялась выхлопотать пенсію, но надежда ея не оправдалась. О службѣ Крылова въ казенной палатѣ мы знаемъ слѣдующее: уже въ ноябрѣ того же года онъ произведенъ въ провинціальные секретари; первоначальное вознагражденіе его неизвѣстно; но въ концѣ 1786 г., выходя оттуда, онъ получалъ уже отъ 26 р. 66 к. до 30 р. въ треть (почему-то трети, то съ оклада въ 80, то съ оклада въ 90 р.). Однако этимъ, повидимому, не ограничивалось вознагражденіе; въ окончательномъ итогѣ за годъ ему приходилось дополучить изъ какой-то «остаточной суммы отъ канцелярскихъ служителей и расхода» еще цѣлыхъ 182 р. 82 к. Дополнительное вознагражденіе такимъ образомъ значительно превышало самый «окладъ». Судя по этому матерьяльное положеніе семьи Крыловыхъ вскорѣ послѣ переселенія въ столицу представляется въ сравнительно благопріятномъ видѣ; тѣмъ непонятнѣе для насъ его ранній уходъ (въ декабрѣ 1786 г.) изъ казенной палаты въ чистую отставку. Единственнымъ вѣроятнымъ мотивомъ поступка представляется намѣреніе сосредоточить свои силы на литературѣ и театрѣ.

Первая попытка на поприщѣ литературы сдѣлана была Крыловымъ, вѣроятно, въ первый же годъ жизни въ Петербургѣ: онъ продалъ книгопродавцу - издателю Брейткопфу рукопись «Кофейницы» за 60 р., которые предпочелъ получить французскими книгами, выбравъ сочиненія Расина, Мольера и Буало. Время написанія этого ранняго произведенія не поддается совершенно точному опредѣленію; по мнѣнію Плетнева, оно было написано еще въ Твери, по Лобанову,—уже въ Петербургѣ «16-тилѣтнимъ» Крыловымъ, какъ гласитъ надпись, сдѣланная имъ на подаренной ему Крыловымъ рукописи. Послѣднее вѣроятнѣе (кромѣ обозначеннаго возраста), такъ какъ то знакомство съ условіями сцены, которое уже проглядываетъ въ этой полудѣтской вещи, трудно предположить въ человѣкѣ, не видавшемъ театра, котораго въ Твери въ то время не было. Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ разсказа, помѣщеннаго въ «Живописцѣ» Новикова, о помѣщицѣ, по наговору кофегадательницы несправедливо наказавшей дворовaго. У Крылова также идетъ рѣчь о пропажѣ ложекъ, розыскиваемыхъ при помощи гаданія на кофейной гущѣ; стакнувшись съ похитителемъ-прикащикомъ, гадалка указываетъ на молодого парня Петра, у котораго прикащикъ хочетъ отбить невѣсту. Имѣя въ виду *комическое* сочиненіе, молодой авторъ измѣнилъ развязку: подъ перомъ сатирика жертва несправедливости впадаетъ въ преступленіе,—у Крылова обманъ разоблачается, и Петръ женится на Анютѣ. Но различіе этимъ не ограничивается: новиковская Скупягина превратилась въ г-жу Новомодову, особу легкомысленныхъ нравовъ и иностраннаго воспитанія, которое не мѣшаетъ ей быть жадной и деспотичной помѣщицей; такимъ образомъ прибавлена лишняя сатирическая черта. Пьеса написана пріемами тогдашнихъ «комическихъ оперъ»; стихи, назначенные для пѣнія, чередуются съ прозой. Весьма правдоподобно, что юный авторъ видѣлъ на сценѣ «Мельника» Аблесимова, можетъ быть, уже въ первый свой пріѣздъ въ столицу, гдѣ въ то именно время пьеса давалась часто на частномъ театрѣ Книппера.

Недостатки «Кофейницы» слишкомъ явны; кромѣ неловкости языка и несладицы нѣкоторыхъ стиховъ, неискусно выдержаны характеры и оттого не вполнѣ правдоподобна самая развязка: злая и жадная барыня превращается въ добрую и щедрую, а находчивый плутъ - прикащикъ слишкомъ легко теряется. Но это молодое произведеніе имѣетъ и свои достоинства; въ немъ есть веселость, занимательность и теплота отношенія къ извѣстнымъ лицамъ, сообщающаяся и читателю; есть, наконецъ, сильныя, живыя выраженія народнаго пошиба, удачно примѣненныя пословицы и т. п., позволяющія предчувствовать языкъ будущихъ басенъ. Литературная судьба «Кофейницы» слѣдующая: покупая ее, Брейткопфъ взялся написать къ ней музыку; но по неизвѣстнымъ причинамъ пьеса не была даже имъ напечатана; много лѣтъ спустя, когда прежній издатель сдѣлался сослуживцемъ Крылова по Императорской Публичной Библіотекѣ, онъ возвратилъ ему рукопись «Кофейницы», которую, какъ утверждаетъ въ своей біографіи Плетневъ, у него «выпросилъ» впослѣдствіи Гнѣдичъ и завѣщалъ послѣ смерти вмѣстѣ со своей библіотекой полтавской гимназіи, гдѣ онъ

воспитывался; вѣроятно, она и теперь тамъ находится. Когда въ 1847 г. выходило первое «Полное собраніе сочиненій» Крылова, «Кофейница» не была включена въ него, какъ «недостойная печати по мнѣнію самого автора», и только въ 1869 г. въ юбилейномъ сборникѣ Академіи Наукъ въ память Крылова она увидѣла свѣтъ, при чемъ была напечатана съ другой рукописи, которую Крыловъ подарилъ своему сослуживцу и будущему біографу М. Е. Лобанову, а сынъ послѣдняго принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Рукопись эта не была окончательно исправлена, чѣмъ и объясняются неисправности печатнаго текста пьесы, умноженныя еще небрежностью переписчика. Многочисленныя поправки, которыя напрашиваются сами собою (онѣ сдѣланы А. И. Кирпичниковымъ) позволяютъ возстановить первое произведеніе знаменитаго писателя въ болѣе благопріятномъ видѣ.

Вѣроятно, изученіе французскихъ классиковъ, полученныхъ отъ Брейткопфа, натолкнуло Крылова на мысль написать трагедію. Въ 1785 г. имъ была написана «Клеопатра», которая не была напечатана и до насъ не дошла. Извѣстно, что молодой авторъ читалъ ее И. А. Дмитревскому; оцѣнка знаменитаго актера, бывшаго, какъ извѣстно, тонкимъ критикомъ, была, должно быть, неблагопріятна. Однако, годъ спустя, Крыловъ выступаетъ съ новой трагическей пьесой — «Филомелой», дѣйствіе которой происходитъ во Ѳракіи. Пьеса крайне слаба, лишена движенія, написана напыщеннымъ и неуклюжимъ языкомъ; самыя имена дѣйствующихъ лицъ (Прогнея, Херсесъ) звучатъ дико; герой пьесы—«злодѣй», въ которомъ нетрудно узнать копію Дмитрія Самозванца Сумарокова; встрѣчается даже неискусная перефразировка удачнаго монолога сумароковскаго героя, равно какъ и извѣстныхъ заключительныхъ словъ его передъ смертью. По догадкѣ Плетнева, эта пьеса также была прочтена Дмитревскому, съ которымъ Крыловъ поддерживаетъ въ послѣдующіе годы оживленныя сношенія; она была напечатана 7 лѣтъ спустя въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», но никогда не увидѣла сцены.

Неуспѣхъ трагическихъ попытокъ долженъ былъ навести Крылова на мысль вернуться къ комическому роду и опять имѣя въ виду сцену. Въ томъ же 1786 г. имъ написаны двѣ комедіи: «Бѣшеная семья» и «Сочинитель въ прихожей», изъ которыхъ первая была вскорѣ поставлена на сцену. Несмотря на большую, чѣмъ прежде, опытность въ сценическихъ пріемахъ, обѣ пьесы не выдерживаютъ сравненія съ «Кофейницей»: выведенные въ нихъ образы грубо каррикатурны, непріятно чувствуется сухое, какъ бы злорадное отношеніе автора къ изображаемымъ уродствамъ. Можетъ быть, борьба за существованіе, переживаемая авторомъ въ эти годы, и низменная служебная среда, въ которой все еще ему приходилось вращаться, оказали свое невыгодное вліяніе. Сюжетъ «Бѣшеной семьи»— кокетство, которымъ поголовно заражены всѣ женскіе члены семьи нѣкоего Сумбура: его дочь, жена (Ужима) и даже бабушка (Горбура); стихи, весьма неуклюжіе, перемѣшаны съ прозой. Предметъ общаго увлеченія, офицеръ Постанъ, достается болѣе скромной Пріятѣ; сценическую путаницу производитъ хитрый деньщикъ Пронырь.—Вторая пьеса, выигрывая отъ отсутствія стиховъ, страдаетъ тѣми же недостатками; тяжелое впечатлѣніе производитъ унижающійся писатель; есть черта нѣсколько циничнаго реализма въ лицѣ двусмысленной г-жи Новомодовой, ведущей книгу своимъ любовникамъ и часамъ ихъ пріема. Несовершенства обѣихъ пьесъ, сами по себѣ понятныя въ 17-лѣтнемъ авторѣ, подчеркиваются для насъ и болѣе бросаются намъ по сравненію съ тѣмъ художественнымъ реализмомъ и тонкимъ чувствомъ комическаго, которыя слились для насъ съ литературнымъ образомъ Крылова. Но для истиннаго комизма у него не могло быть въ то время ни достаточно вкуса, ни достаточной глубины чувства; а образцовъ художественнаго реализма не представляла тогдашняя литература, если не считать «Недоросля», явившагося всего за 4 года раньше и бывшаго, конечно, явленіемъ исключительнымъ, сразу оцѣненнымъ немногими.

Къ 1787 или 1788 году относится третья комедія Крылова—«Проказники», въ которой чувствуется гораздо большая горячность сатиры; она представляетъ значительный біографическій интересъ. «Проказники» были напечатаны и поставлены на сцену только въ 1793 г., но, повидимому, гораздо раньше стали извѣстны въ рукописи, о чемъ постарался самъ авторъ:

комедія была актомъ личной мести и содержала въ себѣ сатиру на лица. Въ лицѣ писателя Риѳмокрада, основавшаго свой успѣхъ, какъ драматурга, на однихъ заимствованіяхъ, узнали Я. Б. Княжнина, въ женѣ Риѳмокрада, Тараторѣ, обманывающей мужа, самомнительной писательницѣ и злорѣчивой сплетницѣ—жену Княжнина Екатерину Александровну, дочь А. П. Сумарокова; прочія лица тоже имѣли живыхъ оригиналовъ: педантъ Тянисловъ долженъ былъ изображать стихотворца Карабанова, а врачъ Ланцетинъ — театральнаго доктора и переводчика оперъ И. Віена. Ключъ къ комедіи, затерянный въ слѣдующемъ поколѣніи, былъ снова найденъ съ появленіемъ записокъ Н. И. Греча, С. Н. Глинки и М. А. Дмитріева. Поводъ къ такой мести, неточно излагавшійся у раннихъ біографовъ Крылова, обстоятельно выясненъ теперь въ статьѣ Л. Н. Майкова: супруги Княжнины, люди вліятельные въ литературной и театральной сферѣ, пренебрежительно отозвались о начинающемъ юношѣ-писателѣ, имъ лично незнакомомъ, затронуто было то, что составляло лучшую часть тогдашняго существованія Крылова и его надежду въ будущемъ; затронуто было вмѣстѣ съ тѣмъ и больное мѣсто—неудачныя до сихъ поръ попытки молодого драматурга провести свои произведенія на сцену,—отсюда смѣлость и страстность личной сатиры. Не ограничиваясь комедіей, Крыловъ пишетъ къ Княжнину *оправдательное* письмо, которое является лишь новымъ актомъ мести: прикидываясь доброжелателемъ обиженнаго Княжнина, онъ *не можетъ повѣрить*, чтобы знаменитый писатель узналъ себя и жену въ отталкивающихъ образахъ комедіи: неужели *есть* какое нибудь сходство въ лицахъ и обстоятельствахъ!?.. Письмо написано горячо, съ большимъ задоромъ и даже талантомъ и раскрываетъ намъ истинный темпераментъ Крылова, котораго мы слишкомъ привыкли представлять себѣ въ безстрастномъ обликѣ позднѣйшихъ лѣтъ. По всей вѣроятности письмо не было отправлено по адресу, но распространилось въ публикѣ стараніями автора и дошло до Княжнина, который узналъ себя и имѣлъ неосторожность это высказать. Письмо явилось, такимъ образомъ, усугубленіемъ обиды, причиненной комедіей.

Немногимъ позже разразилась другая исторія, въ которой Крыловъ проявилъ тѣ же черты характера—на этотъ разъ съ еще большею смѣлостью. Съ 1783 по 1786 г. однимъ изъ членовъ театральнаго комитета былъ Петръ Александровичъ Соймоновъ; благодаря ему, Крылову былъ выданъ даровой билетъ для постояннаго входа въ театръ и заказано перевести съ французскаго оперу «L'infante de Zamora», которая была потомъ поставлена, но не имѣла успѣха; вмѣстѣ съ тѣмъ, молодому автору подана была надежда на постановку и другихъ его пьесъ. Но въ 1786 г. Соймоновъ оставилъ службу въ театральномъ вѣдомствѣ и перешелъ въ Кабинетъ Его Величества; туда же въ 1787 или 1788 г. поступилъ,—какъ можно догадываться, чрезъ посредство того же Соймонова—и Крыловъ, который съ декабря 1786 былъ въ отставкѣ. Все указываетъ на благосклонное отношеніе Соймонова къ Крылову; но скоро наступила рѣзкая перемѣна. Въ мартѣ 1789 г. театральное управленіе было преобразовано и, вмѣсто комитета, во главѣ его было поставлено два лица: Соймоновъ и А. В. Храповицкій. Когда вскорѣ Крыловъ представилъ въ театръ свою оперу «Американцы» (до насъ не дошедшую, но передѣланную впослѣдствіи А. Клушинымъ), она не была принята на сцену, равно какъ и комедія «Проказники», какъ слишкомъ рѣзкая *сатира на лица*, несмотря на то, что раньше Соймоновъ одобрялъ ее (если вѣрить письму Крылова); вмѣстѣ съ тѣмъ автора комедіи перестали пускать безплатно въ театръ. Оскорбленный этимъ, Крыловъ прибѣгнулъ къ прежнему способу протеста: распространилъ въ публикѣ свое письмо къ Соймонову, написанное тѣмъ же пріемомъ, какъ и письмо къ Княжнину; въ немъ несдержаніе Соймоновымъ обѣщаній, данныхъ Крылову, выставляется какъ возмутительная клевета, которой авторъ письма не вѣритъ и отъ которой старается *защитить* Соймонова; иронія мѣстами граничитъ съ издѣвательствомъ; тонъ дерзкій, то ироническій, то болѣе грубый («и послѣдній подлецъ, каковъ только можетъ быть, Ваше Превосходительство, огорчился бы» и т. д.),—выдержанъ съ талантомъ и силой; изъ подъ пера молодого автора, мстившаго за личную обиду, вылился настоящій памфлетъ; письмо, конечно, не было послано, но разошлось по рукамъ. Это столкновеніе должно

было отрѣзать Крылову путь къ театру, по крайней мѣрѣ на продолжительное время, что, вѣроятно, и заставило Крылова взяться за другой родъ литературы.

Вышеизложенный случай разъясненъ подробно также въ статьѣ Л. Н. Майкова, въ которой, быть можетъ, слѣдуетъ оспорить только характеристику Соймонова, какъ слишкомъ благопріятную. Извѣстно, въ какой непривлекательной роли именно какъ начальникъ театровъ является онъ въ переданномъ много разъ эпизодѣ молодой актрисы Урановой, со сцены эрмитажнаго театра, при представленіи оперы «Ѳедулъ съ дѣтьми», обратившейся къ императрицѣ съ мольбой о заступничествѣ отъ ухаживаній Безбородки, которымъ содѣйствовало театральное начальство, удалившее нарочно въ Москву актера Сандунова, послѣ того, какъ онъ искалъ ея руки. Эпизодъ этотъ произошелъ въ 1791 г., послѣ чего Соймоновъ и Храповицкій, который разсказываетъ его совершенно откровенно въ своихъ запискахъ, были устранены отъ управленія театромъ, которое перешло къ кн. Н. Б. Юсупову. Эта подробность въ характеристикѣ Соймонова можетъ, пожалуй, пролить болѣе снисходительный свѣтъ на образъ дѣйствій Крылова по отношенію къ нему.

Около этого времени (въ 1788 г.) скончалась Марья Алексѣевна Крылова, о которой баснописецъ сохранялъ всю жизнь очень теплое воспоминаніе. Въ это время Льву Андреевичу было 11 лѣтъ; мы лишены возможности прослѣдить ближе его жизнь съ братомъ, равно какъ и условія его воспитанія; изъ формулярнаго списка его мы узнаемъ, что уже въ 1786 г., т. е. 9 — 10 лѣтъ, онъ числился «фурьеромъ» въ Измайловскомъ полку, но съ производствомъ въ офицеры въ 1797 г. онъ былъ переведенъ въ армію; тогда братья разстались, повидимому, навсегда. Съ января 1800 г. мы находимъ слѣдъ довольно оживленной переписки между братьями, которая длится до самой смерти Льва Андреевича въ 1824 г. и даетъ кое что цѣнное для характеристики баснописца, хотя его письма и не сохранились; она помѣщена (въ извлеченіяхъ) въ книгѣ В. Коневича. Здѣсь мы имѣемъ рѣдкій случай заглянуть въ интимную жизнь И. А. Крылова, весьма несообщительнаго и впослѣдствіи бѣднаго личными интересами, и впечатлѣніе, которое мы выносимъ, чрезвычайно благопріятно для его нравственной личности. Уже въ первомъ письмѣ братъ благодаритъ его за присылку 100 рублей; съ тѣхъ поръ самое участливое отношеніе старшаго брата къ младшему и денежная помощь не прекращаются, возрастая по мѣрѣ измѣнявшихся къ лучшему обстоятельствъ И. А. Крылова и вызывая всегда съ другой стороны горячую благодарность; Левъ Крыловъ чрезвычайно уважаетъ знаменитаго брата, гордится имъ и называетъ въ письмахъ постоянно «братецъ-тятенька». Прочитавъ басни Измайлова, Л. А. Крыловъ произноситъ въ письмѣ слѣдующее любопытное сужденіе: «въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли: ни той плавности въ слогѣ, ни красоты, а особливо простоты, съ какой ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностью могутъ читать, хотя не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый». Сужденіе любопытно, какъ голосъ массы, подсказанный вѣрнымъ національнымъ инстинктомъ. Младшій Крыловъ былъ скромный, ничѣмъ не выдававшійся человѣкъ; послѣ участія въ итальянской кампаніи съ Суворовымъ и въ походѣ на Молдавію въ 1806 и 1807 гг., онъ въ чинѣ капитана переведенъ былъ въ гарнизонную службу, и въ ноябрѣ 1824 г. умеръ офицеромъ Винницкой инвалидной команды. Сохранилось въ бумагахъ Крылова письмо начальника команды съ извѣщеніемъ о его смерти; въ немъ есть трогательныя подробности: умирающій заставлялъ читать себѣ вслухъ письмо брата и цѣловалъ его портретъ. Изъ разсказа, сохраненнаго Оленинымъ о томъ, какъ разстроенъ («на себя не похожъ») былъ И. А. Крыловъ послѣ смерти брата, мы имѣемъ право заключить, что онъ платилъ ему теплымъ, братскимъ чувствомъ.

Одновременно съ театральными неудачами и размолвкой съ Соймоновымъ, Крыловъ берется серьезно за журнальную дѣятельность; въ это время у него уже имѣлись литературныя связи и знакомства. Уже въ 1786 г. въ еженедѣльникѣ «Лѣкарство отъ скуки и заботъ», издававшемся Туманскимъ, встрѣчается эпиграмма за подписью И. Кр., должно быть принадлежащая его перу; а въ 1788 г. онъ сотрудничаетъ въ еженедѣльномъ журналѣ И. Рахманинова «Утренніе часы»,

гдѣ могутъ быть ему приписаны съ значительною вѣроятностью три басни, напечатанныя съ подписью С. И. Кр. — т. е. сочинилъ И. Крыловъ—а именно: «Стыдливый игрокъ», «Судьба игроковъ» и «Павлинъ и соловей», три басни напечатанныя безъ подписи:—«Новопожалованный оселъ», «Олень и заяцъ» и «Недовольный гостьми стихотворецъ»—и два сатирическіе очерка. Имя Крылова находится также въ числѣ подписчиковъ журнала. Личность Ивана Герасимовича Рахманинова, съ которымъ Крыловъ въ то время сблизился и вскорѣ подружился, несмотря на значительную разницу лѣтъ и нѣсколько угрюмый его характеръ, заслуживаетъ вниманія. Первоначально офицеръ Конной гвардіи, онъ вышелъ въ отставку капитаномъ и занялся популяризаціей и защитой идей Вольтера, котораго былъ большимъ почитателемъ; въ 1785 г. имъ было переведено и издано сочиненіе І. Дюбоа: «Извѣстіе о болѣзни, о исповѣди и смерти г. Вольтера»; въ предисловіи переводчикъ защищаетъ вольтеровскій скептицизмъ, какъ законное достояніе мыслящаго ума и вѣрный путь къ истинѣ. Хорошія средства давали возможность Рахманинову затѣвать литературныя предпріятія, рѣдко въ то время окупавшіяся; въ 1789 г. онъ завелъ собственную типографію и сталъ во главѣ серьезнаго журнала—«Почта духовъ», куда привлекъ и И. А. Крылова. Заглавіе журнала и литературная форма, имъ принятая: переписка духовъ—заставляютъ вспомнить «Адскую почту», журналъ Ѳ. Эмина, выходившій въ 1769 г.; сличеніе обоихъ журналовъ указываетъ на сходство въ самомъ направленіи ихъ, даже на совпаденіе нѣкоторыхъ темъ, которое не говоритъ, однако, о заимствованіи; въ свое время «Адская почта» стояла за серьезность сатирическихъ нападокъ и въ извѣстномъ спорѣ «Трутня» и «Всякой всячины» не соглашалась съ послѣдней въ требованіи «добросердечія» отъ сатирическаго писателя; краткій расцвѣтъ сатирической журналистики окончился съ прекращеніемъ «Кошелька» (1774 г.); такимъ образомъ «Почта духовъ» беретъ снова порвавшуюся нить серьезной сатиры черезъ пятнадцатилѣтній промежутокъ. Случайно или нѣтъ, въ предыдущемъ (1788) году «Адская Почта» была дважды переиздана П. Богдановичемъ, впрочемъ, оба раза въ сокращенномъ и даже искаженномъ видѣ и подъ измѣненными заглавіями: «Курьеръ изъ ада съ письмами» и «Адская почта, или курьеръ изъ ада съ письмами». Удержавъ въ общихъ чертахъ тотъ же литературный пріемъ, заимствованный Эминымъ у Лесажа, журналъ Рахманинова замѣняетъ двухъбѣсовъ—«хромого» и «кривого»—восемью духами: Зоромъ, Буристономъ, Астаротомъ, Вѣстодавомъ, Бореидомъ, Дальновидомъ, Свѣтовидомъ и Выспрепаромъ, философомъ Эмпедокломъ и волшебникомъ Маликульмулькомъ. Журналъ сталъ выходить съ конца января и продержался только 8 мѣсяцевъ; вышло 8 книжекъ, заключающихъ въ себѣ предувѣдомленіе, вступленіе и 48 писемъ. Статьи журнала не подписывались настоящими именами авторовъ; отсюда возникаетъ вопросъ о размѣрахъ авторства Крылова въ «Почтѣ духовъ»; вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію.

Когда въ 1847 г. выходило первое «Полное собраніе сочиненій Крылова», издатели помѣстили въ немъ вступленіе и 18 писемъ,—все, по заявленію Плетнева, «что принадлежало собственно его перу», но не открыли намъ основанія, которымъ руководствовались при выборѣ: руководились ли они преданіемъ, или самъ Крыловъ открылъ имъ свои псевдонимы. Одна допущенная ими неточность можетъ быть легко указана: они опустили 12-е письмо Буристона, несомнѣнно принадлежащее Крылову; письмо оканчивается стихами, въ которыхъ осмѣивается писатель—рогоносецъ, «лишь красть чужое тароватый», очевидно, тотъ же Княжнинъ, нападки на котораго Крыловъ продолжаетъ и въ журналѣ. Намъ извѣстны и причины, заставившія издателей выпустить это письмо,—это были цензурныя затрудненія, вызванныя изображеніемъ въ немъ судейской неправды, которое, хотя не богато красками, но написано съ жаромъ и способно возбудить чувство. Такимъ образомъ число крыловскихъ писемъ можетъ быть доведено до 19-ти, а именно: 12 писемъ Зора, 5 — Буристона и 2 Вѣстодава. Присматриваясь къ нимъ, мы дѣйствительно замѣтимъ сходство въ стилѣ и общность большинства именъ фигурирующихъ въ нихъ лицъ. Однако, вопросъ этимъ не исчерпывается,—позволительно спросить, нѣтъ ли возможности приписать Крылову и другія письма — всѣ или часть? Разными лицами изъ послѣдую-

щаго времени «Почта духовъ» неоднократно называлась огульно «сочиненіемъ Крылова»; когда въ 1802 г. она была переиздана купцомъ Свѣшниковымъ, послѣдній сдѣлалъ это съ согласія Крылова. Въ 1868 г. академикъ Я. К. Гротъ готовъ былъ раздвинуть рамки авторства Крылова гораздо шире, чѣмъ ихъ установило «Полное собраніе», находя во всѣхъ письмахъ журнала очень много сходства и единства. Но отъ такого мнѣнія слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отказаться; напротивъ, мы находимъ въ «Почтѣ духовъ» два различныхъ типа писемъ: одинъ даетъ конкретный матеріалъ — лицъ, сценъ, эпизодовъ, какъ бы списанныхъ съ натуры, другой—развиваетъ общія истины, поднимаетъ теоретическіе вопросы, охотно разсуждая объ устройствѣ государствъ, о долгѣ государей и т. п. и черпая примѣры изъ исторіи. Письма перваго рода колки, комичны, подчасъ грубоваты и безцеремонны въ тонѣ; въ письмахъ второго рода преобладаетъ возвышенный тонъ съ оттѣнкомъ скорбнымъ и меланхолическимъ. Самый слогъ различенъ: болѣе легкій и бойкій въ первыхъ, болѣе книжный и нерѣдко тяжелый во вторыхъ. Приписать тѣ и другія письма одному автору нѣтъ никакой возможности, въ частности невозможно представить себѣ авторомъ ихъ 20-тилѣтняго юношу уже по самому настроенію, въ нихъ господствующему. Ихъ авторъ можетъ быть теперь названъ съ увѣренностью, именно А. Н. Радищевъ, котораго и современники, и послѣдующее поколѣніе всегда ставили въ связь съ «Почтой духовъ». Какъ извѣстно, въ сочиненіи Массона (Memoires secrets sur la Russie, 1800), довольно долго жившаго въ Россіи и хорошо освѣдомленнаго насчетъ литературы, «Почта духовъ» названа прямо сочиненіемъ Радищева, о судьбѣ котораго говорится съ большимъ сочувствіемъ. Но такое мнѣніе, какъ мы видѣли, преувеличено: лишь о письмахъ второго, только что характеризованнаго типа, можетъ быть рѣчь, какъ о сочиненіяхъ Радищева и сличеніе ихъ съ другими сочиненіями его (напр. съ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву» сдѣланное въ статьѣ А. Лященко) вполнѣ подтверждаетъ это; четвертое письмо Дальновида (о «мизантропахъ») представляетъ собою превосходную самохарактеристику Радищева; самыя темы остальныхъ писемъ этого рода также характеризуютъ его своеобразную личность—они говорятъ «о томъ, что глупые люди часто на свѣтѣ бываютъ счастливѣе ученыхъ», «о нѣкоторой болѣзни, подобной меланхоліи» и т. п. Къ письмамъ такого рода слѣдуетъ отнести всѣ письма сильфовъ Дальновида (11) и Выспрепара (3). Только письмо 7-е (Дальновида) о торговкѣ, соблазняющей молодую дѣвушку-золотошвейку, выдѣляется своимъ «нравоописательнымъ» содержаніемъ, но, вчитавшись въ него, мы замѣтимъ особую серьезность тона вмѣстѣ съ отсутствіемъ комизма и бойкости изложенія, которыя есть у Крылова; оно напоминаетъ описательныя мѣста «Путешествія». Мнѣніе объ участіи Радищева въ «Почтѣ духовъ» (хотя и въ меньшихъ размѣрахъ) защищалось А. Н. Пыпинымъ и Л. Н. Майковымъ. Выключивъ эти 14 писемъ, какъ навѣрно не принадлежащія Крылову, и оставляя въ сторонѣ отмѣченныя выше 19, какъ навѣрно принадлежащія ему, получимъ еще 15, относительно которыхъ мы не въ состояніи высказаться съ увѣренностью; во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточныхъ основаній рѣшительно отрицать участіе въ нихъ Крылова: они не рознятся сколько нибудь существенно отъ писемъ Зора и Буристона; если нѣкоторыя изъ нихъ скучны (напр. письма Бореида), то то же можно сказать и о письмахъ Вѣстодава, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ въ аду и идетъ рѣчь о Прозерпинѣ и Плутонѣ. Что касается участія въ журналѣ самого Рахманинова, то скорѣе всего, оно ограничивалось издательствомъ; Крыловъ (въ разговорѣ съ Быстровымъ) припоминалъ однажды, что «ссорился» съ Рахманиновымъ изъ за названія журнала и что послѣдній «давалъ матеріалы», а они («мы») «писали». Возможно, что первое, коротенькое письмо самого Маликульмулька (28-е), въ которомъ онъ обращается съ похвалами къ глубокомысленному Дальновиду — Радищеву, написано именно Рахманиновымъ. О другихъ сотрудникахъ журнала мы ничего не знаемъ, если не считать глухо упоминаемаго Н. Эмина, сына издателя «Адской почты».

Сравнивая письма Зора и Буристона, которыя представляютъ собою самыя талантливыя страницы «Почты духовъ», съ тѣмъ, что написано Крыловымъ до 1789 г., мы замѣчаемъ значительный успѣхъ; можетъ быть, болѣе свободная повѣствова-

тельно-описательная форма изложенія помогла ему развернуть свои силы шире, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ драматической формѣ. Самая проза Крылова здѣсь весьма хороша для 1789 года — года поѣздки Карамзина заграницу; въ образахъ и сценахъ иногда замѣтны художественныя достоинства, хотя и нѣтъ умѣнья создать типъ; по прежнему карикатурная преувеличенность нѣкоторыхъ чертъ, свидѣтельствующая о неразвитомъ еще чувствѣ мѣры, вредитъ больше всего и художественности, и типичности; другой недостатокъ — многословіе; оно ослабляетъ, такъ сказать разжижаетъ, впечатлѣніе только что найденнаго мѣткаго и живописнаго слова — повтореніями и ненужными разсужденіями, которыми вообще грѣшила литература эпохи. То же можно сказать о діалогѣ: мѣстами онъ очень живъ и просится на сцену, мѣстами—растянутъ и скученъ — тамъ, гдѣ кто-либо изъ дѣйствующихъ лицъ начинаетъ поучать или слишкомъ длинно разсказывать; у молодого автора уже есть краски, но ихъ не хватаетъ на тотъ объемъ сочиненія, который имъ выбранъ и который обыкновенно слишкомъ обширенъ по сравненію съ сюжетомъ,—недостатокъ, который такъ блистательно побѣжденъ впослѣдствіи въ басняхъ. Что касается содержанія писемъ, то оно удивляетъ своимъ разнообразіемъ для столь молодого автора; если Рахманиновъ и «давалъ матеріалы», то требовался запасъ собственнаго жизненнаго развитія для того, чтобы сообщить имъ ту степень занимательности и естественности изображенія, которую они пріобрѣли въ обработкѣ. У автора еще нѣтъ юмора, но есть сатирическая острота и сатирическій жаръ, выразившійся напримѣръ, въ подборѣ контрастовъ (напр. «воръ-живописецъ и воръ-государственный»); ему удается безстыдно-откровенный тонъ въ рѣчахъ разныхъ щеголей (Припрыжкина, Скотонрава), которымъ они разсказываютъ о своихъ гнусностяхъ, какъ о вещахъ самыхъ натуральныхъ; дѣйствіе этого тона на читателя весьма вѣрно разсчитано сатирикомъ. Наиболѣе серьезныя темы: неправый судъ, безнаказанность сильныхъ (особенно въ 12-мъ письмѣ Буристона, гдѣ можно видѣть прототипъ басенъ «Вороненокъ», «Щука» и т. п.); бюрократизмъ и рутина чиновниковъ съ неизбѣжнымъ господствомъ плутовъ-секретарей затрогиваются не разъ; такъ въ 21-мъ письмѣ (Вѣстодава) можно найти зародышъ будущихъ басенъ: «Оракулъ», «Вельможа» и т. п. Но едва ли не самой распространенной темой, чрезвычайно существенной въ литературной дѣятельности Крылова, является французоманія и вредное, растлѣвающее вліяніе французовъ, какъ проводниковъ моды и роскоши и какъ учителей и воспитателей; она разработана главнымъ образомъ въ 14, 39 и 42 письмахъ (Зора), а также въ 21-мъ (Вѣстодава); въ двухъ первыхъ изображена «модная лавка», сюжетъ, обработанный Крыловымъ уже въ «Утреннихъ часахъ» и впослѣдствіи въ комедіи. Наконецъ молодой сатирикъ не могъ не вернуться къ тому, что такъ занимало его въ предшествующіе годы, именно къ театру, причемъ опять мы встрѣчаемся съ сатирой на лица; въ упомянутомъ уже письмѣ Буристона (12) высмѣянъ тотъ же Княжнинъ; въ 30-мъ письмѣ Зора мы встрѣчаемся съ нимъ снова; авторъ опять вставляетъ стихи, весьма гладкіе для того времени и безцеремонные по откровенности намековъ: Риѳокрадъ, обезпокоенный слухами о невѣрностяхъ Тараторы, успокаивается, послѣ того, какъ она объяснила ему, что «руша супружески уставы», она способствуетъ его же успѣху, задабривая критиковъ и зрителей въ театрѣ; стихотвореніе названо «сказкою». Болѣе общій вопросъ—объ упадкѣ театра и о допущеніи бездарныхъ пьесъ на сцену затронутъ въ письмѣ 44-мъ и отчасти 46-мъ, въ которыхъ надо искать намековъ на Соймонова.

Несмотря на выдающіяся по тому времени достоинства какъ по содержанію, такъ и по литературной формѣ, «Почта духовъ» имѣла мало успѣха, чѣмъ и надо объяснить ея прекращеніе послѣ августовской книжки; число подписчиковъ, имена которыхъ, по обычаю, печатались при журналѣ, доходило всего до 80-ти. Переизданная въ 1802 г., она была разбита на 4 книги безъ раздѣленія на мѣсяцы и продавалась по 5 р.

Быть можетъ, сравнительный неуспѣхъ первыхъ серьезныхъ журнальныхъ попытокъ Крылова вызвалъ перерывъ въ его литературной дѣятельности; единственнымъ слѣдомъ ея за 1790 г. является «Ода на заключеніе мира Россіи со Швеціей» съ полнымъ именемъ «Ивана Крылова» и

подношеніемъ государынѣ, напечатанная отдѣльной брошюрой въ типографіи Шпора. Не можетъ быть сомнѣнія, что такой родъ сочинительства былъ кореннымъ образомъ несроденъ дарованіямъ Крылова; неудивительно поэтому, что изъ подъ его пера вышло произведеніе крайне напыщенное и слабое, полное заимствованій изъ извѣстной оды Ломоносова въ честь «Елизаветы и тишины» (1747 г.) и изъ «Фелицы» Державина, напечатанной всего за 7 лѣтъ передъ тѣмъ; шведы въ одѣ Крылова названы «готѳами»; дѣйствующимъ лицомъ выведенъ богъ Арей; но мысль о «драгоцѣнности народной крови, которую должны щадить монархи» выражена (дважды) безъ реторики, съ значительной простотой и силой; любопытно, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя та же мысль удачно выдѣлилась въ «Одѣ на взятіе Измаила» Державина, вообще страдающей крайнимъ гиперболизмомъ. Забытая, вѣроятно тотчасъ послѣ ея появленія, ода Крылова была случайно отыскана издателями 1847 г. и внесена съ особой нумераціей въ это изданіе въ послѣдній моментъ. Рукопись ея находится въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ томъ же году произошло событіе, которое могло, повидимому, отразиться невыгодно на судьбѣ Крылова: въ іюнѣ появилось въ свѣтъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», за которымъ послѣдовалъ арестъ Радищева и судъ надъ нимъ. Одно время думали, что это обстоятельство послужило причиной выхода Крылова въ отставку изъ кабинета, гдѣ онъ въ то время служилъ; но цифры не подтверждаютъ такой догадки: Крыловъ покинулъ службу только 7 декабря 1790 г. Передавался еще разсказъ, что въ типографіи Крылова былъ сдѣланъ обыскъ, съ тѣмъ, чтобы конфисковать всѣ экземпляры изданія; обыски въ типографіяхъ дѣйствительно производились, пока Радищевъ не сознался, что книга печаталась въ его домашней типографіи; но дѣло въ томъ, что типографія «Крылова съ товарищи» возникла только въ 1792 г., когда въ ней началъ печататься «Зритель». Все это заставляетъ заключить, что дѣло Радищева не отразилось нисколько на судьбѣ Крылова, слишкомъ не равнаго послѣднему по возрасту (Радищевъ родился въ 1749 г.), общественному положенію, образованію и серьезности настроенія, чтобы быть его «сообщникомъ». Тѣмъ не менѣе много лѣтъ спустя, старикъ Крыловъ, по свидѣтельству Лобанова, не любилъ вспоминать о литературныхъ отношеніяхъ той поры и называлъ ихъ глухо «проказами».

Жизнь Крылова за 1791 г. намъ совершенно неизвѣстна; но въ слѣдующемъ году мы видимъ его уже издателемъ журнала «Зритель», печатающагося въ собственной типографіи, пріобрѣтенной у Рахманинова; журналъ началъ выходить почему то съ февраля и продолжался до конца года; вышло 11 книжекъ. Главнымъ сотрудникомъ Крылова былъ Александръ Ивановичъ Клушинъ, но, повидимому, еще не на равныхъ правахъ съ Крыловымъ, какъ это было потомъ; отношенія между ними были дружескія; возможно, что они встрѣчались еще въ Твери, гдѣ Клушинъ служилъ; онъ родился въ 1763 г., былъ весьма даровитъ и заявилъ уже себя какъ писатель для театра. Извѣстный А. Т. Болотовъ отзывается съ большой похвалой объ умѣ и талантахъ Клушина, но ужасается его вольнодумства («атеистъ и ругатель христіанскаго закона»); такимъ образомъ мы снова встрѣчаемъ будущаго баснописца и человѣка охранительнаго образа мыслей въ обществѣ людей противоположнаго направленія. Сотрудниковъ «Зрителя» было довольно много; кромѣ Крылова и Клушина, насчитывается до 10 именъ; въ число ихъ Карамзинъ (въ письмѣ къ Дмитріеву) помѣщаетъ также актеровъ Дмитревскаго и Плавильщикова, подписи которыхъ подъ статьями впрочемъ не встрѣчаются. Вѣроятно, это сравнительное многолюдство и пестрота участвующихъ заставили редакцію начать такимъ заявленіемъ: «Одинъ или многіе будутъ издавать «Зрителя», о томъ, кажется нѣтъ нужды увѣдомлять любезнаго читателя». Направленіе журнала серьезное и столько же сатирическое, сколько націоналистическое; поднимается вопросъ о «врожденномъ свойствѣ душъ Россійскихъ» и опровергается обвиненіе русскихъ въ способности къ одному лишь перениманію чужого, причемъ берется однако подъ защиту реформа Петра Великаго. Въ 5 книжкахъ журнала тянется превосходная статья о театрѣ, которую слѣдуетъ приписать Дмитревскому или Плавильщикову; въ ней дается критика ложноклассицизма на сценѣ, настаивается

на созданіи репертуара, черпающаго прямо изъ жизни; дѣлаются ссылки на успѣхъ «Мельника» Аблесимова, несмотря на его недостатки, и на равнодушіе публики къ «Нелюдиму» Мольера. Любопытенъ совѣтъ «критику», представителю противоположныхъ мнѣній, прогуляться весной по набережной и прислушаться къ разговорамъ мужиковъ на баркахъ: авторъ статьи въ восторгѣ отъ ихъ ума и врожденнаго комизма. Эти совѣты обращены къ Карамзину, издававшему въ то время «Московскій Журналъ», причемъ вѣрно подмѣчено то, что составляло и потомъ слабую сторону въ его литературныхъ понятіяхъ: отсутствіе чуткости и любви къ народно-русскому элементу въ языкѣ и въ жизни. Біографъ Крылова имѣетъ основаніе остановиться на этихъ замѣчательныхъ для эпохи мысляхъ, высказанныхъ въ его журналѣ, такъ какъ онѣ обрисовываютъ, безъ сомнѣнія, и его литературную физіономію въ эти годы.

Личное участіе Крылова въ «Зрителѣ» выразилось, кромѣ переводной оды «Утро», въ 6 прозаическихъ статьяхъ подписанныхъ его именемъ; самая обширная изъ нихъ, «Ночи», помѣщенная въ 4 хъ книжкахъ журнала, представляетъ довольно неискусный опытъ романа приключеній, подсказанный Жиль-Блазомъ съ обычными карикатурными личностями Обманы, Тратосила и т. п.; авторъ не замѣчаетъ, что неизбѣжная шаблонность подобныхъ образовъ мѣшаетъ правдоподобію самого разсказа; рядомъ съ ними весьма некстати фигурируютъ Діана и Фебъ. Восточная повѣсть «Каибъ», помѣщенная въ двухъ книжкахъ, есть не только лучшая изъ шести крыловскихъ статей въ «Зрителѣ», но и вообще лучшее, что когда либо было имъ написано прозой; успѣхъ, сдѣланный авторомъ сравнительно съ лучшими изъ писемъ «Почты духовъ», бросается въ глаза. Слогъ «Каиба» гораздо легче, остроуміе тоньше, отчасти потому, что авторъ избѣгаетъ многословія, но главное—есть теплота и юморъ, которыхъ ему такъ часто недоставало; черта тривіальности и грубости воображенія, которая замѣчалась раньше, здѣсь отсутствуетъ; нѣсколько натуралистическихъ подробностей («чистительное», «помои») не мѣшаютъ струѣ чисто идеальной—въ любви Каиба и Роксаны, изображенной поэтично и въ то же время безъ слащавости. Каибъ разочаровывается въ одахъ, эклогахъ, идиліяхъ и рѣчахъ ораторовъ,—это даетъ автору поводъ для мѣткихъ критическихъ замѣчаній на тогдашніе литературные вкусы; въ пастушкахъ осмѣивается сентиментализмъ, вводимый Карамзинымъ. «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ въ присутствіи пріятелей за чашей пунша», переноситъ насъ къ пріемамъ и темамъ «Трутня» и «Живописца» и любопытна тирадой о помѣщикѣ-крѣпостникѣ, которая можетъ удивлять своею смѣлостью черезъ 2 года послѣ дѣла Радищева. Остальныя три сочиненія Крылова въ «Зрителѣ»: «Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ», «Разсужденіе о дружествѣ» и «Мысли философа по модѣ»—незамѣчательны. «Зритель» давалъ читателямъ болѣе разнообразное содержаніе, чѣмъ «Почта духовъ» и имѣлъ больше успѣха; число подписчиковъ дошло до 169; «Московскій Журналъ» Карамзина имѣлъ ихъ, однако, 300.

Съ начала 1793 г. «Зритель» превратился въ «Санктпетербургскій Меркурій», просуществовавшій также годъ и вышедшій въ 12 книжкахъ, изъ которыхъ послѣднія печатались уже не въ типографіи «Крылова съ товарищи», а въ академической типографіи. Журналъ начался и кончился совмѣстнымъ обращеніемъ къ публикѣ Крылова и Клушина. Новый журналъ замѣтно отличается отъ предшествующаго: онъ менѣе серьезенъ, больше заботится о томъ, чтобы развлекать читателя; встрѣчается большое количество стиховъ, преимущественно въ сентиментальномъ или игривомъ родѣ, на которыхъ замѣтно вліяніе карамзинской школы и «анакреонтическихъ» пьесъ Державина, «россійскіе анекдоты», повѣсти и т. п. Личный вкладъ Крылова не великъ: 4 прозаическихъ статьи и 8 стихотвореній; болѣе извѣстна: «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», относительно которой постоянно повторяется догадка Я. К. Грота, что она была направлена на Карамзина и его послѣдователей, догадка очень мало вѣроятная. На самомъ дѣлѣ «Рѣчь» осмѣиваетъ расшатанность литературныхъ понятій и литературную предпріимчивость и развязность невѣжественныхъ бездарностей, которыя кичатся знаніемъ иностранныхъ писателей, не умѣя даже произнести ихъ именъ по незнанію

иностранныхъ языковъ—могъ-ли кто нибудь такими глазами смотрѣть на Карамзина? Ермалафидъ представленъ крайнимъ неучемъ, берущимся рѣшительно за все; но его трагедіи не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и публика смотрѣла ихъ безчувственно, «какъ цѣлый народъ строгихъ стоиковъ», а когда Ермалофидъ взялся за комедію, онъ наполнилъ ее одной грубостью и простонародностью,—есть ли возможность отнести хоть что либо изъ этихъ нападокъ къ Карамзину и карамзинистамъ?... Полемика съ «Московскимъ Журналомъ» въ это время не продолжалась, потому что онъ прекратился въ декабрѣ 1792 г.—Заслуживаютъ вниманія двѣ замѣтки Крылова на только что поставленныя пьесы Клушина: «Смѣхъ и горе» и «Алхимистъ»; Крыловъ обнаруживаетъ здѣсь критическое умѣнье и тактъ.—«Похвальная рѣчъ наукѣ убивать время»—незначительна. Что касается стихотвореній Крылова въ «Меркуріи», то большая часть ихъ (5) содержатъ исторію сентиментальныхъ отношеній къ какой-то Анетѣ; рѣчь идетъ объ обмѣнѣ нѣжностей, размолвкахъ, «волоскахъ похищенныхъ въ перстень» и заканчивается разлукой (въ стихотвореніи «Мой отъѣздъ»). Была сдѣлана попытка (Русск. Архивъ, 1868 г., стр. 992) отыскать ключъ къ этой сентиментальной страничкѣ литературной дѣятельности Крылова: будто бы незадолго передъ тѣмъ Крыловъ встрѣтилъ въ брянскомъ уѣздѣ орловской губерніи молоденькую дѣвушку, дочь священника, Анну Алексѣевну Константинову, которую успѣлъ полюбить, нашелъ взаимность, искалъ ея руки, получилъ отказъ родителей въ виду необезпеченности его положенія, разстался и, нѣсколько лѣтъ спустя, самъ отвѣчалъ отказомъ, когда Константиновы пытались возобновить съ нимъ отношенія. Крыловъ могъ выѣзжать изъ Петербурга только въ 1791 г., но мы не знаемъ ничего положительнаго по этому поводу; въ самихъ стихотвореніяхъ «къ Анетѣ» можно отыскать внутреннее противорѣчіе: подразумѣвается то красавица, живущая въ деревнѣ, то столичная щеголиха, которую должно разогорчить запрещеніе парижскихъ товаровъ. Но, быть можетъ, романическій эпизодъ въ жизни Крылова все же существовалъ, только разыгрался позже, напр. въ 1794—96 гг., и стихотворенія «Меркурія» не имѣютъ съ нимъ никакой связи; лицо, сообщившее разсказъ, видѣло А. А. Константинову въ 1864 г. глубокой старушкой-дѣвицей и передаетъ эпизодъ со словъ ея родныхъ. Къ концу года участіе обоихъ издателей въ журналѣ замѣтно ослабѣваетъ; въ ноябрской книжкѣ Клушинъ печатаетъ: «Благодарность Екатеринѣ Великой за увольненіе меня въ чужіе края съ жалованьемъ», изложенную въ крайне напыщенныхъ стихахъ, а въ декабрѣ журналъ оканчивается слѣдующимъ заявленіемъ Крылова и Клушина: «Годъ Меркурія кончился—и за отлучкою издателей продолжаться не будетъ». Эти подробности любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ намъ въ сомнительномъ свѣтѣ догадку, высказываемую нѣкоторыми, будто оба писателя навлекли на себя въ это время подозрительный взглядъ правительства; догадка составилась, кажется, a priori: въ «Меркуріи» была напечатана статья Клушина о «Вадимѣ» Княжнина съ подробнымъ пересказомъ содержанія; но статья, помѣщенная въ отдѣлѣ «Новыя книги» за августъ мѣсяцъ, очевидно, была написана тотчасъ послѣ появленія пьесы въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», когда она не была еще инкриминирована, что случилось, какъ извѣстно, не сразу; притомъ Клушинъ далъ разборъ ея исключительно со стороны слога и драматической техники, многое не одобряя въ ней и ставя ее гораздо ниже «Дидоны».

Уѣхалъ ли Крыловъ дѣйствительно изъ Петербурга съ началомъ 1794 г., — если уѣхалъ, то куда, чѣмъ былъ занятъ слѣдующіе года 2—3, откуда бралъ средства къ жизни, съ кѣмъ водился,—все это вопросы, на которые мы не имѣемъ никакой возможности отвѣтить. По разслѣдованію Кеневича, книги съ обозначеніемъ типографіи «Крылова съ товарищи» появляются до 1796 г., когда окончились печатаніемъ пресловутыя «Приключенія шевалье Фоблаза», о которыхъ Клушинъ уже давалъ отчетъ въ «Меркуріи»; но это еще не значитъ, что Крыловъ продолжалъ заниматься типографіей и получать съ нея доходы. Притомъ дѣятельность ея была всегда незначительна: за все время въ ней было напечатано только 10 изданій. Надо думать, что слова Вигеля всего ближе подошли къ истинѣ: «неимущій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого

нибудь»,—въ такомъ положеніи мы и видимъ его скоро въ усадьбѣ кн. Сергѣя Ѳедоровича Голицына. Литературныя занятія съ конца 1796 г. сдѣлались затруднительны; послѣдовалъ указъ о закрытіи частныхъ типографій, и вскорѣ «музы, по выраженію Карамзина, закрыли лица свои чернымъ флеромъ».

Когда и гдѣ сблизился Крыловъ съ Голицынымъ, не поддается точному опредѣленію; Ф. Ф. Вигель, узнавшій Крылова, когда ему самому было 13 лѣтъ, т. е. въ 1799 г., утверждаетъ, что онъ былъ при Голицынѣ уже года два передъ этимъ, но это написано Вигелемъ слишкомъ 30 лѣтъ спустя; во всякомъ случаѣ 1799—1801 г. проведены Крыловымъ въ малороссійскомъ имѣньѣ князя—Казацкомъ, куда онъ пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ, посѣтивъ раньше роскошное родовое помѣстье князя Зубриловку (саратовской губерніи); преимущества климата заставляли Голицыныхъ жить въ плохо устроенномъ Казацкомъ, которое досталось имъ недавно отъ польскихъ владѣльцевъ; князь былъ въ опалѣ и жилъ въ деревнѣ по приказу императора Павла вмѣстѣ со всѣми сыновьями, также высланными изъ полковъ; помѣщались довольно тѣсно, но жили весело и привольно; Крыловъ проживалъ въ неопредѣленномъ положеніи собесѣдника-гостя, на которое было бы несправедливо смотрѣть современными глазами; не переступить черты, за которой стоялъ потѣшникъ-приживальщикъ, зависѣло отъ самого человѣка, отъ его знанія людей, его характера и такта, которыхъ, повидимому было очень много у Крылова уже въ то время; съ княземъ, прямымъ, мужественнымъ и доброжелательнымъ, ладить было нетрудно; труднѣе съ княгиней, племянницей Потемкина, взбалмошной и нравной подчасъ до неистовства.—Будущій баснописецъ прижился въ типичной барской семьѣ; жилъ въ ладу со всѣми, не ступавывая своей личности, и оставилъ симпатіи. Но нетрудно было взглянуть также иными глазами на его роль и обдуманный способъ поведенія; такъ сдѣлалъ Вигель, который говоритъ намъ объ «умномъ, искусномъ, смѣломъ раболѣпствѣ Крылова съ хозяевами», объ умѣньи во время поддаться, обнаружить свою же слабую сторону и т. п. Общій приговоръ крайне неблагопріятенъ: «человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостаивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ». Характеристика Вигеля, очевидно, имѣетъ въ виду не только Крылова тѣхъ годовъ,—она сливаетъ его въ одинъ образъ со старикомъ Крыловымъ; она, можетъ быть, тѣмъ цѣннѣе, но тѣмъ понятнѣе разногласіе съ нею въ разсказѣ М. П. Сумароковой, записанномъ Я. К. Гротомъ (Сборникъ Акад. Наукъ, 1869 г.). Дочь родственника князя, проживавшаго тоже въ Казацкомъ и помогавшаго хозяину въ письменныхъ дѣлахъ, она пользовалась уроками Крылова и сохранила намъ симпатичный его образъ, выразившійся очень хорошо въ уцѣлѣвшемъ письмѣ его къ ней (Рус. Арх. 1865 г.); оно писано въ 1801 г. и полно теплаго вниманія и умной доброжелательности къ 15-ти-лѣтней умненькой ученицѣ; не забыты любимыя птицы, книги, ея намѣреніе учиться рисовать, французскій журналъ, который она начала вести по его совѣту, няня Кузьминишна, по разсказу Сумароковой, всегда сидѣвшая съ чулкомъ на ихъ урокахъ; не простой фразой звучитъ совѣтъ: не быть похожей «на тѣхъ пригоженькихъ куколъ, которыя тогда только и живутъ, когда онѣ вальсируютъ».—Но и характеристика Вигеля богата положительными чертами: онъ восхищается умомъ и разносторонней даровитостью Крылова, говоритъ о его музыкальномъ талантѣ, о математическихъ способностяхъ; урокамъ Крылова, которыми онъ пользовался вмѣстѣ съ двумя сыновьями князя, онъ приписываетъ большое вліяніе на все свое развитіе; они были совершенно чужды учебнаго педантизма, возбуждали пытливость, самодѣятельность. Обращаясь къ болѣе общей характеристикѣ Крылова у Вигеля, нельзя не признать, что итогъ подведенъ вѣрно: дарованія его дали гораздо меньше того, что могли дать; духовные интересы въ значительной мѣрѣ заглохли «подъ тяжестью тѣла, приковавшаго его къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ»; жизненный фактъ, осторожно и остро осмѣиваемый, сдѣлался однако же очень вѣскимъ даннымъ въ его моральномъ кодексѣ; прикровенная форма басни была уступкой со стороны врожденнаго комика и сатирика дѣйствительности, какъ она есть, и лѣнивымъ инстинктамъ собственной натуры. Замѣчательны слова П. А. Плетнева въ письмѣ

къ Жуковскому (1845 г.), написанныя по поводу отзыва Вигеля, прочитаннаго Плетневымъ въ рукописи: «есть много остраго и даже справедливаго (хотя и не въ пользу Крылову) о той эпохѣ, когда Крыловъ жилъ въ деревнѣ у Голицына».

По словамъ Вигеля, никто въ Казацкомъ не смотрѣлъ на Крылова, какъ на писателя; однако, литературныя занятія не были имъ въ то время заброшены: рукопись «Трумфа», или «Подщипы», съ поправками, сдѣланными рукой самого Крылова, носитъ надпись: «сочинена въ Казацкомъ 1800 г.». Это карикатурная по пріемамъ и безцеремонная по нѣкоторымъ подробностямъ, но чрезвычайно талантливая пародія въ сценической формѣ на напыщенную ложно-классическую трагедію. Авторъ не останавливается передъ очень элементарными комическими эффектами (косноязычіе, ломаная русская рѣчь), передъ самыми карикатурными именами (Подщипа, Слюняй, Дурдуранъ), но даетъ цѣлый рядъ стиховъ и сценъ уморительно смѣшныхъ и веселыхъ; быть можетъ, это самое талантливое изъ сочиненій Крылова въ драматической формѣ. Издатели «Полнаго собранія» затруднились напечатать «Трумфа»; онъ былъ изданъ въ первый разъ въ Берлинѣ (въ 1859 г.) съ большимъ числомъ ошибокъ и, наконецъ, напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (1871 г., т. III). Была сдѣлана позднѣе попытка толковать «Трумфа», какъ политическую сатиру, то на русское правленіе, то на Наполеона, Франца I и Марію Луизу, что создало для безобидной шутки Крылова даже цензурныя затрудненія. Пьеса была разыграна у Голицыныхъ, при чемъ 13-лѣтняя М. П. Сумарокова исполняла роль цыганки. Вигель о ней не упоминаетъ.

Съ воцареніемъ Александра I кн. Голицынъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу и взялъ Крылова къ себѣ въ секретари; но послѣдній пробылъ въ этой должности всего два года — отъ октября 1801 до сентября 1803 г. и получилъ очень хвалебный аттестатъ отъ своего принципала. Съ тѣхъ поръ началась для Крылова бродячая жизнь, о которой мы не знаемъ ничего опредѣленнаго; со словъ самого Крылова передаютъ, что онъ пристрастился въ то время къ карточной игрѣ, имѣлъ исторіи съ шулерами, выигралъ, однакожъ, значительную сумму (30 тысячъ), которая и могла обезпечить ему жизнь на нѣкоторое время. 25 января 1804 г. была играна на московскомъ театрѣ его комедія «Пирогъ», которая 10 іюля слѣдующаго года была поставлена въ Петербургѣ. Пьеса имѣетъ характеръ водевиля и не лишена веселости и комизма; личность плута-слуги разработана правдивѣе, чѣмъ прежде, въ лицѣ Ужимы, толкующей о ручейкахъ и лужайкахъ, осмѣянъ модный въ то время сентиментализмъ. Рукопись пьесы долго считалась потерянной, но въ 1861 г. была розыскана въ библіотекѣ Александринскаго театра и напечатана въ академическомъ сборникѣ. Вѣроятно, въ эти уже годы (до 1806) Крыловъ работалъ надъ комедіей «Лѣнтяй» (иначе «Лѣнивый» или «Лѣнтулъ»), которая, по разсказу Лобанова, была окончена и читана авторомъ у гр. Чернышева, послѣ чего рукопись утратилась по его небрежности. До насъ дошелъ, черезъ семью Олениныхъ, только отрывокъ—все 1-е дѣйствіе и часть 2-го—написанный стихами. Мотивъ пьесы оригиналенъ: герой, о которомъ только идетъ рѣчь въ сохранившемся отрывкѣ, повидимому, добродушный, не лишенный образованія и ума молодой человѣкъ, въ то же время страшно лѣнивый,—какъ бы прототипъ будущаго Обломова; отрывокъ напечатанъ въ «Сборникѣ» Академіи Наукъ; объ утратѣ произведенія нельзя не пожалѣть: это была первая серьезная попытка Крылова создать *характеръ*.

Около этого же времени совершился переломъ въ литературной дѣятельности Крылова, вскорѣ направившій ее на другой путь. Въ 1805 г. онъ встрѣтилъ въ Москвѣ И. И. Дмитріева и показалъ ему 2 или 3 басни, переведенныя изъ Лафонтена; это были: «Дубъ и трость», «Разборчивая невѣста» и, можетъ быть, также «Старикъ и трое молодыхъ». Дмитріевъ, чуждый соперничества, чрезвычайно одобрилъ ихъ и съ его рекомендаціей онѣ были напечатаны въ 1 кн. журнала «Московскій зритель» за 1806 г., съ указаніемъ отъ издателя, кн. П. Шаликова, на рекомендацію Дмитріева, названнаго инціалами «И. И. Д.» Басни были посвящены «С. К. Бкндрфвой» (т. е. Бенкендорфъ); за ними послѣдовала въ февральской книжкѣ третья. По словамъ Лобанова, Дмитріевъ сказалъ Крылову: «это истинный вашъ родъ; наконецъ, вы нашли его»;

совѣтъ былъ принятъ и будущее доказало его справедливость.

Однако, прежде чѣмъ ему послѣдовать окончательно, будущій баснописецъ еще разъ возвращается къ театру, который такъ давно имѣлъ для него притягательную силу: 27 іюля 1806 г. была поставлена его комедія въ 3 дѣйствіяхъ: «Модная лавка»; 31 декабря того же года — «волшебная опера» въ 3 дѣйствіяхъ, «Илья Богатырь», а 18 іюля 1807 г.—одноактная комедія «Урокъ дочкамъ». Нѣтъ возможности вполнѣ точно опредѣлить, когда были написаны эти пьесы; діалогъ въ нихъ, конечно, свободнѣе, естественнѣе, нежели въ первыхъ, полудѣтскихъ пьесахъ, стихи (въ «Ильѣ») болѣе складны, но мы встрѣчаемся опять съ тѣмъ же неумѣньемъ создать характеры, типы, съ той же бѣдностью вѣрныхъ, характерныхъ подробностей современной жизни, съ тѣми же «образами безъ лицъ», доведенными обыкновенно до карикатуры. «Илья богатырь» поражаетъ хаотическимъ нагроможденіемъ самыхъ нескладныхъ приключеній — проваловъ, превращеній при помощи колдуній, очарованныхъ лебедей и пр. Тѣмъ не менѣе, всѣ три пьесы имѣли успѣхъ; опера дѣлала даже большіе сборы, хотя современники и сознаются, что были по адресу ея «насмѣшки завистливыхъ критиковъ». Очевидно, крайній недостатокъ пониманія русской старины и народности не чувствовался тогдашней публикой, и не рѣзали уха имена въ родѣ: Владисилъ, князь черниговскій, Всемила, Добрада и т. п.

Успѣхъ обѣихъ комедій нетрудно объяснить особеннымъ настроеніемъ русскаго общества въ тѣ годы. Послѣ пораженія нашихъ войскъ подъ Аустерлицемъ общество было охвачено жаждой отмщенія, сильно возбужденнымъ національнымъ чувствомъ и самоувѣренностью; фридландское пораженіе только усилило до степени афекта первое чувство, раздраженное вслѣдъ затѣмъ тильзитскимъ договоромъ. Выразителями и возбудителями этихъ чувствъ явились литературныя произведенія; возникла въ короткое время цѣлая патріотическая литература: «Мысли на Красномъ крыльцѣ» гр. Ростопчина, «Дмитрій Донской» Озерова, «Пожарскій» Крюковскаго, «Русскій Вѣстникъ» С. Глинки «Дмитрій Донской» былъ данъ въ январѣ 1807 г. и имѣлъ успѣхъ, которому нѣтъ равнаго во всей исторіи русскаго театра. Вѣроятно, то же настроеніе побудило и Крылова выступить снова на театрѣ.

Разсматриваемыя съ вышеуказанной точки зрѣнія, комедіи Крылова должны были достигать своей цѣли; въ обѣихъ осмѣиваются французы и страсть русскихъ ко всему французскому; самая карикатурность образовъ, въ которой мы справедливо видимъ погрѣшность, была цѣлесообразна какъ *лирическое* средство: авторъ «карикатурилъ» потому, что слишкомъ живо и страстно чувствовалъ, и этимъ попадалъ въ тонъ публикѣ, вовсе не расположенной къ безпристрастію. Сюжетъ «Модной лавки» намѣченъ уже въ «Почтѣ духовъ», а можетъ быть и раньше—въ «Утреннихъ часахъ»; въ пьесѣ затронутъ, однако, болѣе матеріальный ущербъ, причиняемый русскимъ семьямъ алчными французами: помѣщица Сумбурова разоряетъ мужа на наряды; Сумбуровъ—здравомыслъ пьесы, вопреки своему имени—выхваляетъ чистоту коренныхъ русскихъ нравовъ; французская нація представлена владѣлицей магазина и плутомъ, бывшимъ лакеемъ, Тришѣ; пьеса чрезвычайно растянута. Послѣ успѣха въ публикѣ, она была играна во дворцѣ, на половинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Сюжетъ «Урока дочкамъ», болѣе складный и живой, почти цѣликомъ повторяетъ «Précieuses ridicules» Мольера, съ очень слабымъ переложеніемъ на русскіе нравы. Высмѣивается то, что служило для толпы самымъ наглядным выраженіемъ французоманіи—привычка говорить по-французски; французовъ на сценѣ нѣтъ; ихъ изображаетъ въ карикатурѣ плутъ-слуга Семенъ, да упоминается о m-me Григри, бывшей воспитательницѣ двухъ жертвъ французоманіи—Ѳеклы и Лукерьи; здравомысленный идеалъ, противопоставленный французскому легкомыслію, очень элементаренъ: помѣщикъ Велькаровъ выдаетъ дочекъ замужъ по старинѣ—за имъ выбранныхъ жениховъ. Къ чести Крылова слѣдуетъ замѣтить, что самое живое лицо комедіи то, которое онъ внесъ въ пьесу самостоятельно; это няня Василиса, обрисованная довольно типично: слушая разсказъ мнимаго маркиза—Семена о его злополучіяхъ, она плачетъ, потому что вспомнила, какъ «внука Егорку за пьянство въ солдаты отдавали». Несмотря на всѣ недостатки, комедія «Урокъ

дочкамъ» имѣла успѣхъ и держалась на сценѣ до 50-хъ годовъ. Послѣднимъ слѣдомъ интереса Крылова къ сценѣ является его участіе въ основаніи журнала «Драматическій Вѣстникъ» въ 1808 г., въ которомъ имъ были помѣщены 18 басенъ; въ числѣ ихъ уже нѣсколько оригинальныхъ.

Въ томъ же году (6 октября) Крыловъ снова опредѣляется на службу, на этотъ разъ въ Монетный департаментъ, откуда выходитъ въ отставку 30 сентября 1810 г.; аттестатъ о службѣ, полученный имъ при этомъ, долгое время сбивалъ біографовъ Крылова невѣрными данными о его первоначальной службѣ, проставленными, очевидно, какъ попало; они исправляются главнымъ образомъ при помощи матеріаловъ, сообщенныхъ М. Семевскимъ (въ Сборникѣ Академіи Наукъ). Все это время дѣятельность его какъ баснописца продолжается и въ 1809 г. выходитъ первое изданіе «Басенъ Ивана Крылова» (числомъ 23); оно было повторено (съ нѣкоторыми измѣненіями текста) въ 1811 г., а нѣсколькими мѣсяцами раньше, въ томъ же году, явилась книжка «Новыхъ басенъ» (числомъ 21); появились сочувственные разборы Жуковскаго (1809) и А. Е. Измайлова-баснописца; въ короткое время создается широкая и прочная популярность; въ 1811 г. (16 декабря) Крыловъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Съ 7 января 1812 г. началась его служба въ Императорской Публичной библіотекѣ, сперва помощникомъ библіотекаря, потомъ (съ 1816 г.) библіотекаремъ, продолжавшаяся почти до самой смерти и сопровождавшаяся цѣлымъ рядомъ монаршихъ милостей и наградъ, большею частью при посредствѣ директора Библіотеки А. Н. Оленина, относившагося къ Крылову очень доброжелательно; уже въ февралѣ 1812 г. ему назначена пенсія изъ Кабинета въ полторы тысячи р., которая была удвоена въ 1820 г. и увеличена вчетверо въ 1834 г.; кромѣ того, отпускаются суммы на новыя изданія басенъ; жалуются ордена и чины; при выходѣ въ отставку въ 1841 г. (1-го марта) Крылову назначаютъ все получаемое имъ содержаніе (11,700 р. асс.) въ пенсію. Служебнымъ отличіямъ отвѣчали и другіе успѣхи; съ основаніемъ «Бесѣды любителей русскаго слова» въ 1811 г. Крыловъ дѣлается ея членомъ и въ первомъ же засѣданіи (14 марта) читаетъ басню «Огородникъ и философъ»; съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ его басенъ (23) появляется въ ея «Чтеніяхъ»; различныя ученыя и литературныя общества выбираютъ его своимъ членомъ; а въ 1841 г., уже послѣ отставки, при преобразованіи Академіи Наукъ, Крыловъ назначается ординарнымъ академикомъ по отдѣленію словесности. Изрѣдка Крыловъ выступалъ публично въ качествѣ представителя Библіотеки и знаменитаго писателя: такъ, 2 января 1814 г., когда Библіотека впервые открылась, какъ общедоступное книгохранилище, имъ была прочитана въ торжественномъ засѣданіи басня «Водолазы»; 2 января 1817 г. въ тѣхъ же условіяхъ имъ были прочитаны басни: «Кукушка и горлинка», «Похороны» и «Сочинитель и разбойникъ». Въ 1838 г. былъ справленъ 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова съ небывалой торжественностью, поздравленіями отъ Высочайшихъ особъ, рѣчами и стихами — первый литературный юбилей въ Россіи, принявшій размѣры общественнаго событія. Большое впечатлѣніе произвела также смерть баснописца, послѣдовавшая 9 ноября 1844 г. Выйдя въ отставку, Крыловъ долженъ былъ покинуть казенную квартиру въ зданіи Библіотеки, обстановка которой увѣковѣчена въ извѣстномъ описаніи Плетнева, и поселился на Васильевскомъ островѣ, гдѣ и застигла его смерть на 76-мъ году жизни, послѣ короткаго нездоровья; отпѣваніе совершилось въ Исаакіевскомъ соборѣ, похороны на кладбищѣ Александро-Невской лавры, при огромномъ стеченіи народа. Извѣстный памятникъ въ Лѣтнемъ саду поставленъ былъ въ 1855 г.

Литературная исторія басенъ, обнимающая 31 годъ (1805—1836), подробно разсмотрѣна въ изслѣдованіи В. Кеневича, къ которому сдѣланы до сихъ поръ только незначительныя дополненія; за это время Крыловымъ было написано 200 басенъ (201-я: «Обѣдъ у медвѣдя»—сомнительна); двѣ изъ нихъ: «Пестрыя овцы» и «Пиръ»—явились въ печати только послѣ смерти автора. По годамъ басни распредѣляются очень неравномѣрно: за 20 лѣтъ Александровскаго царствованія (1805—1825) ихъ написано 168; но непосредственно за плодовитымъ 1825 годомъ (когда ихъ было написано 22) наступаетъ перерывъ въ 3 года, послѣ чего дѣятельность басно-

писца возобновляется, но уже далеко не достигаетъ прежней производительности: съ 1829 г. по конецъ 1836 г. написано всего 32 басни. Крыловъ началъ подражаніемъ Лафонтену, но уже въ 1807 г. была имъ написана первая оригинальная басня «Ларчикъ»; число басенъ Крылова, имѣющихъ вообще связь съ Лафонтеномъ, доходитъ до 40; съ 1818 г., научившись на пари греческому языку (по извѣстному разсказу Плетнева), Крыловъ пробуетъ черпать сюжеты прямо изъ Эзопа; такихъ басенъ можно насчитать семь. Не говоря вообще о «заимствованіяхъ» Крылова, надо весьма расширить это понятіе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ чужое произведеніе давало только намекъ для свободнаго творчества изъ своихъ, русскихъ матеріаловъ.

Интереснѣе, чѣмъ вопросъ о заимствованіяхъ нашего баснописца,—вопросъ о тѣхъ отдѣльныхъ фактахъ и лицахъ современной дѣйствительности, которые могли дать непосредственный поводъ для той или другой басни. Уже современники Крылова искали ключей ко многимъ баснямъ; ихъ продолжаютъ искать и до сихъ поръ; но надо сознаться, что единственная серьезная попытка въ этомъ направленіи (Кеневича) дала неудовлетворительные результаты. За исключеніемъ басенъ, подсказанныхъ историческими событіями, остальныя пріурочиваются къ фактамъ и лицамъ гадательно и сбивчиво, иногда прямо неправдоподобно. Но число историческихъ басенъ невелико; 1812 г. вызвалъ ихъ 5: кромѣ общеизвѣстныхъ 4-хъ («Волкъ на псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и курица», «Щука и котъ») слѣдуетъ считать въ ихъ числа еще басню «Котъ и поваръ», написанную въ самый моментъ замѣны Барклая Кутузовымъ; возвращеніе Александра I изъ Парижа вызвало басню «Чижъ и ежъ», впрочемъ, болѣе личнаго, чѣмъ общественнаго содержанія. Вѣнскій конгрессъ осмѣянъ въ баснѣ: «Собачья дружба» и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія мелкія происшествія, которыя могли дѣйствительно надоумить Крылова, скоро забылись и затерялись; самъ онъ, по свидѣтельству Лобанова и Булгарина, очень не любилъ давать ключъ въ своимъ баснямъ. Любопытно, что смыслъ нѣкоторыхъ басенъ объясняли изъ послѣдующихъ событій, совершившихся уже послѣ ихъ написанія; нѣкоторыя, напротивъ того, относили къ фактамъ, случившимся раньше и давно переставшимъ, конечно, интересовать сатирика; такъ, напримѣръ, въ баснѣ «Дикія козы» (1825 г.) думали видѣть намекъ на поляковъ и учредительную хартію (1815 г.). Извѣстная догадка на счетъ Сперанскаго, представленнаго подъ видомъ паука («Орелъ и паукъ») также сомнительна: въ ноябрѣ 1811 г., когда басня одобрена цензурой, паденіе Сперанскаго еще не предвидѣлось. Вообще въ этомъ стремленіи отыскать, во что бы то ни стало, современный, общественный смыслъ въ басняхъ Крылова, которое обнаруживала, какъ мы видимъ, русская публика, вопреки самой хронологіи басенъ, не сказывалась ли ея неудовлетворенность слишкомъ общимъ, отвлеченно поучительнымъ смысломъ, сбивавшимся на общее мѣсто, которымъ, между тѣмъ, можетъ быть, вовсе не тяготился самъ авторъ, довольно равнодушный къ общественной жизни? Для него басня «Дикія козы» могла быть дѣйствительно просто басней на людскую неблагодарность. Это не мѣшало ему, однако, въ отдѣльныхъ басняхъ возвышаться до роли общественнаго сатирика и мѣтить не въ лгуновъ и хвастуновъ, а въ продажныхъ судей, взяточниковъ и т. д. Особую группу среди басенъ Крылова составляютъ тѣ, въ которыхъ прямо и въ аллегорической формѣ разбирается общій теоретическій вопросъ—о просвѣщеніи, добрыхъ нравахъ и т. п., въ нихъ сатира уже совершенно уступаетъ мѣсто дидактикѣ. Повидимому, самъ баснописецъ ими особенно дорожилъ,—вспомнимъ чтеніе «Водолазовъ» на актѣ Имп. Публ. Библіотеки; но мы врядъ ли можемъ теперь присоединиться къ такой ихъ оцѣнкѣ, въ виду сбивчивости и малой содержательности выраженныхъ въ нихъ мыслей, что не мѣшаетъ, напримѣръ, баснѣ «Сочинитель и разбойникъ» быть превосходной въ литературномъ отношеніи; врядъ ли и въ то время онѣ удовлетворяли многихъ своимъ идейнымъ содержаніемъ. Въ болѣе новыя времена не разъ поднимался вопросъ о нравственномъ, этическомъ элементѣ въ басняхъ Крылова и дѣлались выводы большею частью неблагопріятные; но при этомъ упускалось изъ виду, что басня, съ ея комизмомъ, ея анекдотичностію и обязательствомъ поучать шутя и вполоткрыто, по слову Крылова,—совер-

шенно не подходящая форма для выраженія возвышенныхъ идей и настроеній; лучшимъ подтвержденіемъ служатъ «идеальныя» басни самого Крылова,—такія, какъ «Василекъ», «Орелъ и пчела» и др.; онѣ оставляютъ читателя холоднымъ и звучатъ даже фальшиво.

Истинное значеніе знаменитыхъ басенъ, конечно, не въ новизнѣ, глубинѣ или особой возвышенности высказанныхъ ими идей—оно заключается въ ихъ высокой художественности, мѣткости, типичности, разносторонности, въ богатомъ комизмѣ, въ сильномъ, истинно русскомъ языкѣ. Подобно Лафонтену, своему единственному сопернику, Крыловъ показалъ, какъ можно остаться поэтомъ, будучи баснописцемъ; его описанія и разсказы, состоящіе всего изъ нѣсколькихъ строкъ, всегда художественны, характеристики лицъ выдержаны мастерски; діалоги заслуживаютъ, можетъ быть, еще большей похвалы; извѣстно, какъ они выигрываютъ при драматическомъ чтеніи: въ басняхъ Крыловъ былъ болѣе драматургъ, чѣмъ въ своихъ многочисленныхъ пьесахъ; наиболѣе удачныя басни именно тѣ, въ которыхъ преобладаютъ разговоры; при томъ самъ баснописецъ, описывая, разсказывая или разсуждая, говоритъ обыкновенно совершенно индивидуальной, сценической манерой, являясь самъ интереснымъ лицомъ басни; вотъ особенность, которой Крыловъ превосходитъ Лафонтена; если французскій баснописецъ, съ извѣстнымъ отпечаткомъ чего-то дѣтскаго, сохранившимся въ немъ до старости, могъ быть болѣе симпатичнымъ въ своихъ басняхъ, то физіономія нашего баснописца-дѣдушки, которую мы видимъ все время за пестрой толпой его лицъ, была интереснѣй и значительнѣй.

Комическое дарованіе Крылова, которое такъ невыгодно представилось намъ въ его предыдущихъ вещахъ, вслѣдствіе другихъ крупныхъ недостатковъ этихъ произведеній, теперь, въ формѣ басни, могло выразиться безъ помѣхи. Оттѣнки его комизма въ басняхъ чрезвычайно разнообразны—отъ самаго элементарнаго смѣха до тонкихъ штриховъ ироніи; онъ владѣетъ способностію говорить самыя смѣшныя вещи съ серьезнѣйшимъ видомъ, прикидываться наивнымъ, не понимающимъ того, что онъ отлично понимаетъ, и т. п.; предметы, самые недоступные, повидимому, для комизма, дѣлаются неожиданно самыми комичными подъ его перомъ (напр. рѣка въ баснѣ «Крестьяне и рѣка»). Интересно его отношеніе къ классическимъ подробностямъ: вначалѣ онъ пользуется ими на манеръ XVIII вѣка, скорѣе какъ риторическимъ средствомъ, не чувствуя, насколько онѣ неблагодарны для художника потому, что не возбуждаютъ въ читателѣ воображенія (напр. въ баснѣ «Дубъ и трость»); но впослѣдствіи онъ умѣетъ вдохнуть жизнь въ тѣ же ветхія формы и онѣ оживаютъ подъ его перомъ: адскій судья Эакъ (въ «Вельможѣ»)— типичный судья-юмористъ; отъ костра, разведеннаго Мегерой подъ разбойникомъ, «трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень»; въ первомъ случаѣ живой водой оказался комизмъ, во второмъ — художественный реализмъ описанія.

Наконецъ, басни Крылова имѣютъ еще право на литературную долговѣчность — какъ памятникъ языка. Это значеніе есть первое и важнѣйшее для прочной литературной славы и на русскомъ языкѣ очень немногія произведенія обладаютъ имъ въ такой мѣрѣ, какъ книжка Крыловскихъ басенъ, одна изъ популярнѣйшихъ книгъ въ Россіи. То, что печатается обыкновенно подъ именемъ «изслѣдованій языка такого то писателя» обыкновенно не идетъ дальше перечня словъ и формъ; но дѣло не столько въ орудіи, сколько въ умѣньи владѣть имъ. Почему сухая фраза: «пошли домой» (въ баснѣ «Крестьяне и рѣка») полна особеннаго выраженія? Она лучше передаетъ здѣсь безнадежность положенія, чѣмъ самое краснорѣчивое описаніе отчаянія; это чувствовалъ Крыловъ и чувствуетъ русскій читатель; между тѣмъ, взятый примѣръ одинъ изъ незначительныхъ и блѣдныхъ. Крылову-баснописцу удалось развернуть живописныя и выразительныя силы русскаго языка съ такой полнотой и ширью, которыя по плечу только первымъ его мастерамъ. Художественная работа надъ баснями производилась Крыловымъ тщательно и любовно; новыя редакціи басенъ старательно имъ переписывались и сохранялись; отзывы о басняхъ принимались съ самымъ живымъ интересомъ: художникъ не умеръ въ Крыловѣ до послѣднихъ дней жизни.

Историко-литературное значеніе басенъ

Крылова является намъ въ двоякомъ свѣтѣ. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ, конечно, къ образцовымъ созданіямъ русскаго слова и достойны стоять рядомъ съ лучшими произведеніями первоклассныхъ русскихъ писателей; но самая ограниченность и элементарность басеннаго рода, его тѣсныя рамки и крайне простыя задачи должны были неминуемо обречь ихъ на сравнительно невліятельную роль въ нашемъ литературномъ развитіи. Явившись задолго до того, какъ появились лучшія вещи Пушкина, и обладая въ высокой степени тѣми самыми свойствами, которыя позволили послѣднимъ начать новую эпоху въ русской литературѣ, онѣ такъ и остались яркимъ, но обособленнымъ явленіемъ, которое, исчерпавъ само себя, не дало сѣмянъ для будущаго. Можно отмѣтить только вліяніе языка и стиха басенъ на комедію Грибоѣдова, вліяніе, простиравшееся, конечно, только на форму. Но не одна только второстепенность басеннаго рода лишила Крылова болѣе вліятельной роли въ нашемъ литературномъ развитіи; была причина, лежавшая глубже; чтобы понять ее, слѣдуетъ бросить общій взглядъ на всю его біографію.

Жизнь Крылова, въ послѣдней своей половинѣ, обезпеченная, покойная, полная литературныхъ успѣховъ, почета и общаго вниманія, представляетъ самый рѣзкій контрастъ съ его существованіемъ до 40-лѣтняго возраста; ранніе его біографы, лично знавшіе оригинальнаго, внушительнаго старика, знаменитаго писателя, мало знали о его прошломъ и даже мало интересовались имъ; для нихъ первыя 38—40 лѣтъ его жизни были только временемъ исканій, попытокъ, утратившихъ всякое значеніе послѣ того, какъ «настоящій путь» былъ найденъ. Контрастъ между первой и второй половиной біографіи для нихъ былъ чисто внѣшній; они не видѣли и даже не подозрѣвали возможности глубокихъ внутреннихъ перемѣнъ, которыя могли совершиться въ Крыловѣ за его долгую жизнь, такъ рѣзко расколовшуюся надвое. Въ иномъ положеніи находимся мы. Хотя наши свѣдѣнія о первой половинѣ жизни Крылова тоже далеко не полны, матеріалы скудны и содержатъ много недомолвокъ, но она рисуется намъ не въ безцвѣтныхъ и малоинтересныхъ, а напротивъ, яркихъ и замѣчательныхъ чертахъ. Двѣ стороны въ тогдашней его личности останавливаютъ вниманіе изслѣдователя и заставляютъ горько сожалѣть о неполнотѣ матеріала: Крыловъ, какъ энергичный, способный и самолюбивый бѣднякъ, пробивающій себѣ дорогу, и Крыловъ какъ несомнѣнный, прирожденный сатирикъ, который оставался сатирикомъ всю жизнь, началъ сатирой въ 1783 г. и окончилъ въ 1836, когда были написаны послѣднія басни.

Когда Плетневъ и позднѣе Я. К. Гротъ характеризовали старика Крылова, съ его невозмутимостью и безразличіемъ, съ его уравновѣшенностью, доходившей до апатіи, они относились къ нему положительно, а не отрицательно, видѣли въ немъ воплощеніе той житейской мудрости, которую высказывали его басни. Еще у Плетнева мы скорѣе замѣтимъ оттѣнокъ критики, осужденія, легко догадаться, чѣмъ вызваннаго: ему трудно простить Крылову апатію сердца, оскудѣніе любви; для Я. К. Грота это былъ человѣкъ, много пережившій и естественно искавшій покоя подъ старость, скромный, боявшійся шума и толпы. Припомнивъ кипучую дѣятельность юноши и даже мальчика Крылова, горячія мѣста въ «Почтѣ духовъ» и Каибѣ, схватку съ Княжнинымъ и Соймоновымъ, мы должны будемъ признать, что невозмутимость Крылова въ его поздніе годы была результатомъ болѣе глубокаго и болѣзненнаго процесса, чѣмъ это казалось его тогдашнимъ пріятелямъ и знакомымъ; въ ней было похоронено гораздо больше душевнаго огня, больше страстей, сознанія своей личности и любви къ человѣку, чѣмъ они могли подозрѣвать. Крыловъ, берущійся за перо, чтобы осмѣять Соймонова, и Крыловъ, проживающій у Голицына, отдѣлены 10-ю годами, которые за скудостью матерьяла мы принуждены излагать сухимъ, дѣловымъ тономъ, но эти 10 лѣтъ были цѣлымъ рядомъ крушеній и разочарованій, которымъ, повидимому, хорошо противостояла жизнерадостность и колоссальное здоровье Крылова; какой цѣной однако покупалось *такое* залечиваніе ранъ, объ этомъ догадывался уже проницательный Вигель, говоря «о власти тѣла, приковывавшей къ землѣ». Намъ разсказываютъ, что, разставаясь въ Ригѣ съ Голицынымъ, Крыловъ собирался за границу,—вмѣсто того, онъ очутился въ кампаніи игроковъ на нижегородской ярмаркѣ. Возвращеніе къ литературѣ яви-

лось почти вынужденнымъ; прежняго душевнаго отношенія къ ней не могло остаться; но тутъ-то и ждалъ его литературный успѣхъ, открывшій ему двери къ тихой пристани; потянулись однообразные, безсодержательные старческіе годы, которые начались для него чуть-ли не раньше 50 лѣтъ; описаніе ихъ въ біографіи Плетнева всѣмъ хорошо извѣстно. Свѣтлымъ лучемъ является искренняя привязанность къ семьѣ Олениныхъ, выразившаяся, между прочимъ, въ посланіи къ А. Н. Оленину, да работа надъ баснями, работа художественной отдѣлки, гораздо болѣе кропотливая и тщательная, судя по сохранившимся варіантамъ, чѣмъ это думали современники, наслаждаясь непринужденностью изложенія басенъ, напоминающихъ экспромпты, и зная лѣнивыя привычки автора.

Другая сторона личности Крылова, неполно понимавшаяся современниками—его истинное сатирическое призваніе, была оцѣнена гораздо правильнѣе къ столѣтнему его юбилею. Для Плетнева онъ сталъ серьезнымъ сатирикомъ тогда, когда, познавъ людей опытомъ многихъ лѣтъ, умудрившись самъ и успокоившись духомъ, могъ видѣть ихъ насквозь и читать ихъ мысли и желанія. Но уже Я. К. Гротъ остановился на сравненіи сатиры басенъ съ ранней сатирой Крылова и отмѣтилъ ограниченность и меньшую жизненность басенной формы, художественное совершенство которой подъ перомъ Крылова подкупало его современниковъ. Крыловъ далъ уже *всѣ* свои басни, когда явился «Ревизоръ» Гоголя, который оказался въ болѣе близкомъ духовномъ родствѣ со многимъ яркимъ и искреннимъ въ сравнительно далекомъ прошломъ, чѣмъ съ прикрытой и недоговоренной сатирой басенъ. Если бы авторъ писемъ Зора и Буристона могъ увидѣть въ минуту художническаго экстаза свой литературный замыселъ въ совершенномъ, недосягаемомъ для него выполненіи, ему пригрезился бы «Ревизоръ», а не его будущія басни. Понятая въ такомъ освѣщеніи, біографія Крылова получаетъ новый интересъ въ ея цѣломъ; оттого и мельчайшіе факты ея первой половины пріобрѣтаютъ цѣнность.

Но такое истолкованіе духовной исторіи Крылова не должно вводить насъ въ односторонность объясненія, которая въ данномъ случаѣ можетъ проявиться двояко.

Было бы односторонне искать объясненія вышеуказанной перемѣны въ Крыловѣ, какъ сатирикѣ, въ однихъ только общественныхъ условіяхъ русской жизни, цензурныхъ строгостяхъ и пр., оставляя въ сторонѣ нравственную личность самого Крылова, въ которой, несомнѣнно, были отрицательныя стороны; онѣ тоже должны были участвовать въ томъ пониженіи интереса къ общественной жизни и какъ бы оскудѣніи самой вѣры въ ея обновленіе, которыя мы замѣчаемъ у Крылова въ эпоху басенъ. Біографическія данныя, какъ мы видѣли, не даютъ права заключить, чтобы его дѣятельность до 1793 г. была заподозрѣна въ неблагонадежности: положительныхъ фактовъ, которые подтверждали бы это, неизвѣстно. Цензурныя затрудненія онъ имѣлъ, напротивъ, позже — по поводу басенъ: «Рыбьи пляски (1824 г.) и «Вельможа» (1835 г.); въ первой онъ измѣнилъ редакцію, вторую отстоялъ, прочитавъ ее лично императору Николаю на придворномъ маскарадѣ.

Второе упущеніе, которое дѣлаютъ, разсматривая дѣятельность Крылова какъ сатирика со стороны ея содержанія,—это то, что забываютъ условія литературнаго развитія, т. е. исторію постепенной выработки самыхъ формъ и пріемовъ; между тѣмъ, для пониманія и оцѣнки Крылова это особенно важно. Ему суждено было родиться съ талантомъ къ реалистическому творчеству, къ правдивому воспроизведенію жизни, родиться, безъ сомнѣнія, слишкомъ рано—тогда, когда русская литература была совсѣмъ на другихъ путяхъ, когда молодому писателю съ его данными приходилось воспитываться на совершенно не подходящихъ образцахъ; прибавимъ къ этому нешироkое образованіе Крылова, пожалуй, также извѣстную косность въ литературныхъ взглядахъ, которая заставила его быть заодно съ противниками Карамзина, не сочувствовать арзамасцамъ, держаться ложноклассической техники въ театральныхъ пьесахъ еще въ 1807 г. и пр.; до самаго конца жизни въ немъ замѣтно литературное старовѣрство, которое часто шло въ разрѣзъ съ тѣмъ, что самъ онъ примѣнялъ практически въ басняхъ. Удивительно, какъ мало уцѣлѣло для насъ литературныхъ сужденій Крылова, хотя онъ до самой смерти водился съ литераторами и былъ свидѣтелемъ столькихъ великихъ литера-

турныхъ явленій.—И такъ, вотъ едва-ли не главный ключъ къ литературной судьбѣ Крылова: его большой талантъ явился несвоевременно; не мудрено, что онъ не далъ всѣхъ своихъ плодовъ и, можетъ быть, именно лучшихъ.

Раннія біографіи И. А. Крылова, имѣющія значеніе, дали лица, знавшія его лично, а именно: Е. А. Карьегофъ въ журналѣ «Звѣздочка» 1844 г., № 1 (безъ имени автора); М. Е. Лобановъ: «Сынъ Отечества», 1847 г., № 1, также отдѣльной книгой въ томъ же году, П. А. Плетневъ при изданіи 1847 г., т. I—много разъ перепечатана,—въ изд. 1859 г. и нѣсколькихъ другихъ; ей предшествовала статья того же автора въ «Современникѣ», 1845 г., XXXVII; также И. П. Быстрова: «Отрывки изъ записокъ о Крыловѣ»,—«Сѣверн. Пчела» 1845 и 1846 г. (перепечатано въ книгѣ В. Кеневича). Самымъ обширнымъ собраніемъ біографическаго и литературнаго матеріала о Крыловѣ является юбилейный «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», т. VI (1869), въ которомъ помѣщенъ и трудъ В. Ф. Кеневича: «Библіографическія и историческія примѣчанія о басняхъ Крылова», перепечатанный отдѣльно въ 1878 г., вмѣстѣ съ біографическими матеріалами изъ того же Сборника. Къ тому же времени вышли: Н. А. Лавровскій: «Крыловъ и его лит. дѣятельность» — «Ж. Мин. Нар. Пр.» 1868 г.; нѣкоторые матеріалы указаны въ текстѣ.—Изъ новыхъ работъ о Крыловѣ важнѣйшія: Л. Н. Майковъ, «Историко-литературные очерки» 1895; раньше въ «Русск. Вѣстн.» 1889, № 5; статья А. І. Лященко, въ «Ист. Вѣстн.», 1894, № 11, А. И. Кирпичникова въ сборникѣ «Починъ», М. 1895 г.; его же біографическій очеркъ Крылова въ «Энцикл. словарѣ» Брокгауза и Эфрона; П. В. Владимірова—«Крыловъ и его басни», Кіевъ, 1895; статьи В. Е Якушкина, въ «Русск. Вѣд.», 1894, №№ 310 и 333. Кромѣ того, по случаю 50-тилѣтія со дня смерти Крылова, статьи: В. Воскресенскаго («Русск. Школа», 1894, № 11); В. П. Острогорскаго, («Міръ Божій», 1894 г. № 11); В. Сиповскаго («Образованіе», 1894); Терновскаго («Филол. Записки», 1894); Переца: «Крыловъ какъ драматургъ» («Ежегодникъ Имп. театровъ», 1893—1894 гг.) и др. Содержаніе басенъ разсмотрѣно въ статьяхъ: Аммона: «Жизненная правда и теорет. взгляды въ басняхъ Крылова» («Журн. М. Нар. Пр.», 1895, № 8); А. Нечаева—«Объ отношеніи Крылова къ наукѣ» («Ж. М. Нар. Пр.», 1895, № 7); отвѣтомъ на послѣднюю служитъ брошюра А. І. Лященко: «Басня И. А. Крылова *Водолазы*», 1895 г. Языкъ басенъ Крылова разсмотрѣнъ въ статьѣ В. Истомина («Русск. Фил. Вѣстникъ», 1895, № 1—2).—Витбергъ, «Первыя басни И. А. Крылова»—въ «Извѣстіяхъ отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ», т. V (1900). — Отношенію Крылова къ Лафонтену и другимъ иностраннымъ баснописцамъ посвящена брошюра: Jean Fleury, «Krylov et ses fables», Paris, 1869; о переводахъ басенъ на иностранные языки даетъ подробныя свѣдѣнія статья П. Драганова—(«Журн. М. Нар. Пр.», 1895, № 7). Подробная библіографія (до 1878 г.) помѣщена въ книгѣ В. Кеневича.

А. Шалыгинъ.

Крыловъ, *Иванъ Захарьевичъ*, писатель, сынъ почетнаго гражданина, род. въ 1815 г., ум. 12 декабря 1869 г., въ Москвѣ. Образованіе получилъ въ Московской практической академіи, по окончаніи курса въ ней занялся литературой. И. З. Крыловъ писалъ много, но произведенія его весьма не высокаго достоинства, отличаются плохой обработкой, напыщенностью; впрочемъ, они удовлетворяли вкусамъ невзыскательной части публики и расходились во множествѣ; нѣкоторыя переиздавались по нѣскольку разъ въ теченіе почти 50 л. Ему принадлежатъ: «Осужденный», повѣсть (М. 1835 г.); «Юрій, послѣдній великій князь Смоленскій». Русская быль лѣта 1406 (М. 1840 г.); «Достопамятныя могилы въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ» (М. 1841 г.); «Жизнь Іоанна Предтечи» (выдержала 6 изданій, съ 1842 по 1858 годъ); «Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти» (выдержало 5 изданій, съ 1843 по 1859 г.); «Страшное приключеніе отставнаго солдата Архипа Сергѣича. Старинное русское преданіе» (4 изданія — въ 1844, 1862, 1881 и 1897 гг.); «Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полеваго» (М. 1849 г.); «Исторія креста, на которомъ былъ распятъ Іисусъ Христосъ» (4 изданія, съ 1850 по 1855 г.); «Для чего женился человѣкъ», романъ (М. 1851 г. и 1853 г.); «Влюбленный въ самого себя» (тоже 2 изданія); «Сказаніе о воздвиженіи Креста Господня» (М. 1855 г.); «Тюфякъ», романъ въ 2 частяхъ (М. 1855 г., изд. 2-е, М. 1862 г. и еще въ «Библіотекѣ романовъ», изд. Н. Улитина, вып. 8, — 11); это лучшее произведеніе И. З. Крылова, отмѣченное дѣйствительнымъ дарованіемъ; «Истинная любовь или тѣ же декораціи черезъ два года» (М. 1852 г. и въ «Библіотекѣ романовъ», вып. 5, и 6); «Историческое описаніе всѣхъ коронацій великихъ князей и царей россійскихъ» (М. 1856 г.); «Историческое описаніе всѣхъ коронацій Императоровъ и Императрицъ» (М. 1856 г.). «Убіеніе Димитрія царевича въ Угличѣ», повѣсть (3 изданія, въ 1857 и 1863 г.); «Чудныя видѣнія, бывшія въ Москвѣ предъ нашествіемъ Магометъ-Гирея» (М. 1862 г.); «Исторія Ерофея Ерофеича, изобрѣтателя ерофеича» (М. 1863 г.); «Житія апостоловъ Христовыхъ» (2 части, 2 изданія, 1863—1864 г., 1869 г.); «Чудеса мощей

св. царевича Димитрія» (3 изданія. М. 1870 г., 1874 г. и 1891 г.).

Геннади, «Словарь» 191 — 192, и дополненія, стр. 412; «Русскій Архивъ», 1871 г., № 3, стр. 491—492; «Московскія епархіальныя вѣдомости», 1889 г., № 51, стр. 12.

Крыловъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, классный художникъ скульптуры, род. въ 1786 г., ум. въ 1850 г. Сынъ протоколиста смоленской казенной палаты, получилъ начальное образованіе дома и былъ отправленъ отцомъ въ Петербургъ «для употребленія во обученіе разнымъ языкамъ и протчему». Крыловъ былъ очень любознателенъ; его привлекало вообще искусство, и главнымъ образомъ рисованіе; въ 1795 г. онъ уже поступилъ въ число учениковъ академическаго училища. Въ Академіи онъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи и уже въ 1804 г. и въ 1805 г. получилъ серебряныя медали. Въ 1807 г. онъ началъ исполнять программу для полученія золотой медали: «Три благородные отрока іудейскіе Седрахъ, Мисахъ и Авденаго отрекаются поклониться поставленному Навуходоносоромъ кумиру», но исполнилъ не се, а лишь задачу конкурса слѣдующаго года — «представить, когда Мароа посадница въ ночное время приходитъ въ пустыню къ дѣду своему Ѳеодосію Борецкому съ юнымъ Мирославомъ»; за этотъ барельефъ Крыловъ былъ удостоенъ малой золотой медали. Но для того, чтобы ѣхать докончить свое художественное образованіе за границу, надо было получить первую золотую медаль и для полученія ея Крылову было задано исполнить конкурсную работу-барельефъ: «Андромаха, оплакивающая Гектора»; онъ исполнилъ эту работу вполнѣ успѣшно, получилъ въ 1809 г. первую золотую медаль и въ сентябрѣ того же года былъ выпущенъ изъ Академіи художествъ съ аттестатомъ первой степени и шпагой. Передъ молодымъ художникомъ открывался широкій путь для развитія его способностей—образовательная заграничная поѣздка на средства казны; но политическія событія того времени надолго задержали отъѣздъ художника за границу. На время ожиданія своей отправки за границу Крыловъ опредѣлился въ мастерскую скульптора адъюнктъ-ректора Мартоса—ранѣе Крыловъ работалъ подъ руководствомъ Ѳ. Шубина. Между тѣмъ политическія европейскія волненія все не утихали, и потому отъѣздъ Крылова приходилось все откладывать и откладывать. Наконецъ, въ началѣ 1817 г. ему было объявлено отъ Академіи, чтобы онъ искалъ себѣ занятій на сторонѣ, такъ какъ Академія дала ему все, что могла дать, и справедливость требуетъ, чтобы онъ далъ мѣсто другимъ воспитанникамъ. Крылову пришлось жить частной, случайной работой и иногда очень нуждаться.

Наконецъ, 29 іюля 1818 г., послѣ долгаго перерыва въ отправкѣ художниковъ за границу, корабль «Der gute Heinrich» повезъ въ далекій путь пятерыхъ пенсіонеровъ Академіи художествъ; въ числѣ ихъ находился и Михаилъ Крыловъ. Путь отъ Штеттина до Рима онъ совершилъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, скульпторомъ С. И. Гальбергомъ. Маршрутъ пенсіонеровъ академіи былъ чрезъ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Вѣну, Лайбахъ, Тріестъ, Венецію, Болонью и Флоренцію — въ Римъ. Римъ произвелъ на нихъ всѣхъ большое впечатлѣніе. Въ первое время они только и дѣлали, что ходили по вѣчному городу, осматривали его, восхищались памятниками искусства. Но скоро настроеніе ихъ измѣнилось подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ: чрезвычайно низкій курсъ нашего ассигнаціоннаго рубля, общая дороговизна послѣ военныхъ погромовъ послѣднихъ лѣтъ заставляли молодыхъ художниковъ очень нуждаться, ютиться въ маленькихъ конуркахъ по двое; денегъ не хватало даже на художественныя принадлежности. Въ такомъ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи Крыловъ находился до февраля 1819 г., когда въ Римъ прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ; онъ заказалъ обоимъ пенсіонерамъ, скульпторамъ Гальбергу и Крылову, исполнить по статуѣ— Ахиллеса и Гектора съ такимъ разсчетомъ, чтобы обѣ фигуры вмѣстѣ составляли бы одну общую группу. Былъ кинутъ жребій, кому изваять Ахиллеса, а кому Гектора, и Гальбергу достался Ахиллесъ, Крылову—Гекторъ; художники должны были получить за свою работу каждый по 2,500 р. Крыловъ дѣятельно принялся за работу и уже въ ноябрѣ 1820 г. доносилъ Академіи, что статую Гектора онъ надѣется окончить къ концу года, занимаясь въ то же время не мало измѣреніями различныхъ древнихъ статуй. Академическія донесенія Крылова отличались горячностію и пыломъ.

Въ протоколѣ засѣданія іюля 1819 г. о немъ сказано такъ: «онъ мыслитъ хотя и не всегда правильно, но выраженія его сильны и показываютъ всю живость его чувствованій; сія чувствительность и пылкость мыслей есть необходимый даръ для художника, сколько способствуетъ ему достигать до высшей степени совершенства, если онъ, образуя себя ученіемъ, покорилъ сію пылкость строгому разсудку и опыту, столько же, напротивъ, послужитъ ко вреду его таланта, если художникъ сильно будетъ предаваться необузданнымъ ея порывамъ». Академики даже предполагали, на основаній донесеній Крылова, въ которыхъ «онъ старается все отличить себя отъ прочихъ», что ему покажется, что онъ достигъ уже совершенства въ скульптурѣ и «что въ произведеніяхъ другихъ художниковъ для него нѣтъ примѣровъ». Насколько близка къ истинѣ первая характеристика Крылова, настолько далека—послѣдняя: Крыловъ отличался нѣкоторымъ самолюбіемъ, но самомнѣніе у него не было развито настолько, чтобы ему показалось, что онъ достигъ совершенства и ему уже нечего учиться. Напротивъ, за все время своего пребыванія за границей, Крыловъ не переставалъ много и серьезно работать надъ художественнымъ самообразованіемъ.

Крыловъ, большую часть своего времени удѣляя исполненію статуи Гектора, успѣвалъ заниматься и иными работами—бюстами, небольшими статуями и т. д.; изъ болѣе крупныхъ работъ его этого времени надо отмѣтить изготовленіе монумента намогилу гр. А. И. Кутайсова, убитаго въ Бородинскомъ бою. Но Крылова все какъ-то преслѣдовали неудачи при началѣ его работы надъ статуей Гектора—она не разъ падала и разбивалась, такъ что Крыловъ долженъ былъ четыре раза начинать работу сызнова. Исполняя эту статую, Крыловъ рѣшилъ слѣдовать системѣ грековъ—во время производства работы имѣть много различныхъ натурщиковъ для извлеченія идеальныхъ красотъ формъ и пропорцій изъ самой натуры; такая манера работы, понятно, сильно осложняла исполненіе ея, но за то содѣйствовала блестящему успѣху ея по окончаніи. Въ мастерскую къ Крылову нерѣдко заходилъ знаменитый Канова, который вообще съ рѣдкимъ доброжелательствомъ относился къ русскимъ молодымъ скульпторамъ, и не мало помогалъ ему своими совѣтами и указаніями. Наконецъ, Крыловъ донесъ Академіи Художествъ, что статую кончилъ; отлитая изъ алебастра она была прислана въ Петербургъ.

Выставленная на академической выставкѣ 1824 г. статуя Гектора вызвала много похвалъ. Въ «Журналѣ Изящныхъ Искусствъ» 1825 г. читаемъ, что статуя эта дѣлаетъ художнику большую честь и что онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ скульпторовъ.

Въ 1825 г. Крыловъ вернулся въ Петербургъ; онъ получилъ много заказовъ отъ частныхъ лицъ и отъ Императорскаго Двора. Имъ исполнено не мало бюстовъ разныхъ лицъ, изъ коихъ наибольшей извѣстностью пользуются бюсты Императора Николая I и богача Собакина; изъ другихъ его работъ извѣстны барельефы, украшающіе зданіе Михайловскаго дворца. Лучшее, что вышло изъ подъ его рѣзца—это статуя, изображающая «Русскаго кулачнаго бойца«. Изваять эту статую требовала программа на званіе академика по части скульптуры; Крыловъ великолѣпно исполнилъ конкурсную задачу; по знанію анатоміи человѣческаго тѣла, по красотѣ и гармоничности линій, по твердой и умѣлой лѣпкѣ, которыми выдѣляется статуя «Русскаго кулачнаго бойца», можно судить о выдающейся талантливости скульптора. Чистотой и вѣрностью пропорцій и линій, превосходнымъ знаніемъ анатоміи отмѣчено вообще большинство произведеній Крылова, занявшаго въ исторіи русской скульптуры немаловажное мѣсто.

М. Г. Крыловъ оставилъ два небольшія печатныя произведенія — «Разборъ нѣкоторыхъ скульптурныхъ произведеній» и «Разсужденіе о важности цѣли изящныхъ искусствъ»—оба безъ обозначенія мѣста и года.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ» П. Н. Петрова, тт. 1, 2 и 3; «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» 1884 г.: «Письма и записки С. И. Гальберга»; «Энциклоп. слов.» Брокгауза и Ефрона, т. 32, ст. А. П. Сомова; «Журналъ изящныхъ искусствъ» 1825 г. кн. 1, стр. 72; на 2 стр. 44—58, Геннади, «Словарь»; Петровъ П. Н., «Русскіе скульпторы».

Ив. Лазаревскій.

Крыловъ, *Никита Ивановичъ*, профессоръ Московскаго университета, сынъ діакона, род. въ 1807 г. въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, ум. 26 декабря 1879 г. Учился въ мѣст-

ной семинаріи и затѣмъ въ Петербургской духовной академіи, предъ окончаніемъ курса въ которой былъ въ 1829 г. приглашенъ Сперанскимъ къ слушанію лекцій по римскому праву и латинской словесности въ Петербургскомъ университетѣ и къ практическимъ занятіямъ во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Сдавъ блистательно въ 1831 г., въ присутствіи Сперанскаго, экзаменъ, Крыловъ попалъ въ группу молодыхъ людей (Рѣдкинъ, Неволинъ, Калмыковъ; братья Баршевы, Куницынъ и др.), которые были, по мысли Сперанскаго, предназначены къ занятію юридическихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ и отправлялись для окончательнаго усовершенствованія въ Берлинъ, гдѣ, подъ руководствомъ и особымъ попеченіемъ извѣстнаго послѣдователя знаменитаго Савиньи, Адольфа Рудорфа (1809—1873 г.), слушали Эйхгорна, Ганса и Савиньи. Послѣдній являлся самымъ глубокимъ и блестящимъ представителемъ историческаго направленія въ изученіи права,—Гансъ былъ убѣжденнымъ и талантливымъ ученикомъ Гегеля и въ основу изученія права ставилъ философію. Лекціи этихъ свѣтилъ тогдашней юриспруденціи давали слушателямъ всесторонній и богатый матеріалъ знанія и создавали почву для глубокаго юридическаго развитія. Гансъ имѣлъ огромное вліяніе на Рѣдкина, Савиньи завербовалъ Крылова, на всю его жизнь, въ свои горячіе сторонники. Пробывъ три года за границею, при чемъ въ 1832 году онъ лично видался и бесѣдовалъ о своихъ занятіяхъ съ проѣзжавшимъ чрезъ Берлинъ Сперанскимъ, — Крыловъ сдалъ докторскій экзаменъ и занялъ съ 1836 г. въ Московскомъ университетѣ каѳедру Римскаго права. Лекціи его—блестящія по формѣ, содержательныя по существу—сразу стали оказывать сильное вліяніе на аудиторію, которая состояла обыкновенно не изъ однихъ студентовъ-юристовъ, но и изъ студентовъ другихъ факультетовъ. Въ числѣ первыхъ его слушателей, воспринявшихъ отъ него научный методъ изслѣдованія правовыхъ явленій въ области гражданскихъ отношеній, былъ К. Д. Кавелинъ, получившій въ 1839 г. золотую медаль за сочиненіе на заданную Крыловымъ тему «о римскомъ владѣніи». Живя почти безвыѣздно въ Москвѣ, Крыловъ занималъ свою каѳедру, какъ профессоръ, до 1870 г. и затѣмъ продолжалъ еще четыре года читать лекціи, какъ частный преподаватель.—Курсъ Крылова былъ трехлѣтній: на второмъ курсѣ юридическаго факультета онъ читалъ исторію римскаго права (по 4 лекціи въ недѣлю), на третьемъ и четвертомъ догму (по 3 лекціи въ недѣлю). Будучи яркимъ представителемъ исторической школы, онъ вносилъ историческій элементъ въ значительной степени и въ изложеніе догмы римскаго гражданскаго права. Благодаря этому, содержаніе его лекцій пріобрѣтало живой оттѣнокъ, чуждый отвлеченной схематичности и каждое догматическое положеніе являлось у него одновременно и результатомъ сложнаго историко-бытового процесса и источникомъ, въ своемъ практическомъ примѣненіи, новыхъ жизненныхъ отношеній, слагавшихся, съ теченіемъ времени, въ одно органическое цѣлое. Въ своей обширной, изложенной живымъ и образнымъ языкомъ рѣчи «Объ историческомъ значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ», произнесенной въ торжественномъ собраніи университета въ 1838 г., Крыловъ указывалъ на всемірно-историческое значеніе римскаго права, на его вліяніе не только на правовую, но и на политическую жизнь народа и на его классическое значеніе, обусловленное удивительнымъ, точнымъ языкомъ его, призваннымъ выражать не отвлеченныя, безформенныя *идеи*, а строго опредѣленныя *понятія*, свойственныя правовому античному мышленію. «Языкъ,—говорилъ Крыловъ, – есть лучшій, свободный органъ народности, — онъ также не отчуждаемъ и не передаваемъ, какъ самъ народъ; съ нимъ онъ живетъ, съ нимъ и умираетъ, какъ его историческая принадлежность; законъ есть одно изъ органическихъ *явленій* народной жизни,—онъ есть *проявленіе* связи между народною жизнью, юридическими вѣрованіями народа и его исторіею». Поэтому, жалѣя о ничтожномъ *рефлексѣ* римскаго права на русскую жизнь, Крыловъ указывалъ въ своемъ курсѣ на переходъ къ намъ этого права чрезъ Византію, «въ обломленномъ и искаженномъ видѣ, на неизвѣстномъ намъ языкѣ, подъ названіемъ Номоканона, перенесенномъ дьяками и монахами безъ пониманія его духа и безъ практической его примѣнимости къ жизни». Отдавая, въ 1857 г.,

отчетъ о книгѣ Б. Н. Чичерина «Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ», Крыловъ говорилъ: «самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи Чичерина—это научное построеніе русской исторіи, возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ лица; времена, обыкновенно сливаемыя, здѣсь раздѣляются; событія разнообразныя и темныя получаютъ смыслъ; невидимые моменты въ исторіи духа народнаго выясняются и выходятъ наружу; видно движеніе началъ, мыслей,—однимъ словомъ, исторія представляется не въ одномъ пространствѣ, но и во времени, при чемъ авторъ связываетъ разложенныя и какъ бы случайныя явленія въ стройную систему, извлекаетъ изъ массы событій общіе итоги, преломляетъ старую жизнь подъ извѣстнымъ умственнымъ угломъ и тѣмъ самымъ вводитъ въ нее господство началъ, идей и понятій. Исторія человѣчества есть *откровеніе общечеловѣческихъ идей, а не безсмысленное происшествіе*». Глубокое уваженіе къ исторической правдѣ и объясненіе правовыхъ понятій типическими формами, выработанными народною жизнью, заставляло Крылова расходиться во взглядѣ на многія явленія русскаго прошлаго со славянофилами сороковыхъ годовъ, не смотря на сотрудничество его въ «Русской Бесѣдѣ» и близкое знакомство со многими изъ нихъ. Въ этомъ онъ отчасти походилъ на Погодина. Его мало привлекали наши старые порядки «съ волостелями, намѣстниками, дьяками и воеводами, отъ которыхъ трепетала нѣкогда Русь».—Онъ признавалъ еще въ 1839 г., что Россія была призвана совершить, воспринимая новыя идеи, идущія съ запада, трудный и нѣсколько болѣзненный для народной гордости путь, «ведшій ее прямо и быстро къ одной высокой цѣли, къ осуществленію вѣчныхъ идей человѣчества *во времени*, въ предназначенныхъ каждому народу предѣлахъ». Россіи слѣдовало, по его мнѣнію, обратиться къ Западу, чтобы взять у него, какъ у наслѣдника классической древности, все лучшее и, доведя до собственнаго сознанія, усвоить себѣ уже подъ своею *народною* формою. «Мы готовы, говорилъ Крыловъ, принимая отъ другихъ все *истинное, доброе, изящное* и дѣлая изъ него свою собственность, *освоять* себѣ чужое; этотъ пропускъ идей человѣчества въ наше отечество открытъ впервые Великимъ Преобразователемъ Россіи». Исторія римскаго права въ томъ видѣ, какъ ее читалъ Крыловъ, не была сухимъ перечнемъ послѣдовательно развивавшихся правовыхъ формъ и институтовъ,—это была полная и яркая картина всего политико-юридическаго роста римскаго государственнаго организма; каждое новое понятіе или учрежденіе являлось, въ его лекціяхъ, результатомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ — религіозныхъ, экономическихъ, политическихъ,—и факторы эти очерчивались яркими и рельефными чертами. Римскій гражданинъ, во всей полнотѣ своихъ правъ, — этотъ «автократъ и автономъ», по выраженію Крылова—особенно ему нравился. Онъ восхищался имъ какъ правовымъ явленіемъ, онъ любовался имъ, какъ художникъ. Притомъ, вслѣдствіе тонкаго психологическаго пониманія человѣка, Крыловъ умѣлъ всегда поставить его въ центрѣ историческихъ явленій, не перечисляя ихъ въ извѣстномъ порядкѣ болѣе или менѣе искусственномъ, а развертывая предъ слушателями весь сложный ходъ послѣдовательнаго развитія римскаго гражданина въ различные—исторические и бытовые—періоды его жизни и давая возможность прослѣдить зарожденіе и движеніе его правового творчества. Взаимодѣйствіе римскихъ юридическихъ нормъ и институтовъ и римской общественной и политической жизни изображалась Крыловымъ въ яркихъ и выпуклыхъ чертахъ. «Умственное, нравственное и политическое состояніе общества, обрисованное въ рядѣ индивидуальныхъ положеній; затаенный психическій двигатель явленій, переданный языкомъ драмы; смѣлая и блестящая аналогія, призванная для выясненія общечеловѣческой стороны даннаго предмета; рѣзкое и блестящее противуположеніе, употребленное для передачи національныхъ или временныхъ особенностей его—все это, сведенное къ своимъ общимъ, опредѣленнымъ и отвлеченнымъ началамъ—вотъ слабый набросокъ обычнаго строя лекцій Крылова»,—сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ о немъ его даровитый преемникъ по каѳедрѣ, профессоръ С. А. Муромцевъ.

Изложеніе догмы римскаго права Крыловъ велъ сравнительно съ германскимъ и римскимъ правомъ, стремясь прослѣдить, съ большою вдумчивостью, вліяніе каж-

даго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ, стараясь изучить и указать отдаленные слѣды его въ новѣйшихъ юридическихъ формахъ. Особенно блестящими въ его курсѣ послѣднихъ лѣтъ были—очеркъ наслѣдственнаго права и теоріи сервитутовъ. Все, что говорилъ Крыловъ съ каѳедры, всегда было чрезвычайно жизненно и, несмотря на юмористическія и подчасъ саркастическія выходки, въ концѣ концовъ, возвышенно по руководящей мысли. Картины римскаго правового быта постоянно противупоставлялись явленіямъ русской дѣйствительности или, въ рядѣ примѣровъ и шутливыхъ сравненій, остроумно переплетались съ нею. Предъ своими слушателями Крыловъ являлся не кабинетнымъ ученымъ, преподающимъ отвлеченное отъ современной жизни знаніе, а живымъ человѣкомъ, горячо любившимъ свой народъ, болѣвшимъ за него сердцемъ и никогда не забывавшимъ ни этой любви, ни этой боли, уходя мысленно въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. Его слушатели это понимали. Они охотно забывали, что въ послѣдніе годы своего преподаванія Крыловъ начиналъ отставать въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ своей науки, въ чемъ онъ самъ, съ рѣдкимъ прямодушіемъ, иногда сознавался съ каѳедры. Они видѣли, что предъ ними человѣкъ любящій и глубоко понимающій то, о чемъ онъ говоритъ, — чувствующій то, что онъ, въ образной и легко усвояемой формѣ, высказываетъ — и связывающій ихъ съ собою невидимою, но живою нравственною связью. Они всегда наполняли его аудиторію, ждали съ удовольствіемъ его лекцій, съ любовью ихъ записывали, съ особеннымъ вниманіемъ издавали записки по его курсу (одно изданіе было съ прекраснымъ портретомъ), а выслушавъ на послѣдней лекціи горячее, сердечное напутствіе его въ предстоящую жизнь трудовой разработки права, провожали своего «Никиту» (такъ звали его студенты между собою) съ нѣжнымъ и искреннимъ уваженіемъ. Послѣ труднаго и подчасъ весьма строгаго экзамена у Крылова слушатели его расходились по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Но когда проходили годы, стиравшіе подробности знаній, вынесенныхъ изъ университета, и многимъ изъ нихъ приходилось вдругъ встрѣтиться съ новыми вопросами гражданскаго права, они не оказывались чуждыми или неясными. Основныя понятія этого права, отличительные признаки отдѣльныхъ его институтовъ оказывались не забытыми, и не забытыми потому, что жили въ памяти, намѣченные въ твердыхъ, художественныхъ образахъ Крыловымъ. Поэтому теплая и благодарная память о Крыловѣ сохранилась у его слушателей всю жизнь, — воспоминаніе о даровитомъ и оригинальномъ наставникѣ связывалось со свѣтлыми представленіями о Московскомъ университетѣ — и часто гдѣ нибудь въ глуши, за однообразною ежедневною работою, дѣйствовало благотворно, заставляя забывать сѣрую дѣйствительность и переноситься отъ будничныхъ мыслей къ широкимъ историко-философскимъ идеямъ и представленіямъ. Каждый годъ, до самой своей смерти, Крыловъ получалъ въ день празднованія основанія университета, 12-го января, съ разныхъ концовъ Россіи телеграммы отъ благодарно вспоминавшихъ его слушателей.

Печатныхъ трудовъ Крылова мало. Кромѣ рѣчи 1838 г., критическихъ замѣчаній на «Областныя учрежденія» Чичерина, напечатанныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. и отдѣльно, и нѣсколькихъ «юридическихъ замѣтокъ» въ «Молвѣ» 1857 г.—онъ не печаталъ ничего. Въ 1880 г. редакція «Журнала уголовнаго и гражданскаго права» сообщала, что послѣ кончины Н. И. Крылова у него найдено нѣсколько почти оконченныхъ трудовъ, но какая судьба постигла эти труды—донынѣ неизвѣстно. Статьи въ «Русской Бесѣдѣ» и «Молвѣ» подали въ свое время поводъ къ надѣлавшей много шуму полемикѣ. Въ ней ожесточеннымъ противникомъ Крылова выступилъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ былъ помѣщенъ рядъ «изобличительныхъ писемъ» Байбороды (псевдонимъ) и статьи Каткова и Леонтьева, пытавшіяся сорвать съ Крылова «пышную мантію незаслуженнаго авторитета», изобличая его въ нѣкоторыхъ фактическихъ и грамматическихъ, въ сущности очень мелкихъ и спорныхъ, ошибкахъ. За Крылова вступились молодой ученый Шпилевскій и профессоръ Шевыревъ (подъ псевдонимомъ *Яропольскій*). Страстный тонъ нападеній и ихъ ѣдкость очень подѣйствовали на впечатлительную натуру Крылова, — онъ, какъ видно изъ дневника Погодина, заболѣлъ и на всемъ складѣ его дальнѣйшей жизни отразилось въ извѣстной степени вліяніе пережитого

имъ за это время душевнаго состоянія. Въ сороковыхъ годахъ (1839—1844). Крыловъ нѣсколько лѣтъ несъ обязанности цензора Московскаго цензурнаго комитета. По свидѣтельству И. А. Баженова, въ его надгробной рѣчи Крылову, въ тяжелое въ цензурномъ отношеніи время, послѣдній, горячо любя и оберегая русскую мысль и ея живое, цѣлостное выраженіе, часто рисковалъ своей службой, смѣло принимая на свою отвѣтственность содержаніе «рискованныхъ» произведеній.

Обнародованіе въ 1864 г. Судебныхъ Уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ живѣйшею радостью. Онъ привѣтствовалъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для «отысканія и присужденія», какъ онъ выражался, правды *жизненной*, взамѣнъ правды *приказной*; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго процесса и, когда Уставы были введены въ дѣйствіе, живо интересовался дѣятельностію своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе, которое имѣло его образное, талантливое слово на этихъ слушателей въ то время, когда для умѣнья владѣть живою рѣчью не было другой школы, кромѣ каѳедры университета, — отразилось впослѣдствіи и на томъ неожиданномъ появленіи и расцвѣтѣ многихъ ораторскихъ дарованій, которыми ознаменовались первые годы введенія судебной реформы.

Крыловъ былъ небольшого роста, съ мягкими чертами гладко выбритаго лица, оживленнаго лукаво-добродушною усмѣшкою и веселымъ взоромъ умныхъ глазъ. Его чисто-русская, полная изящной простоты и народныхъ оборотовъ рѣчь, лилась свободно, сопровождаемая выразительною мимикою. «Профессоръ-поэтъ», по выраженію С. А. Муромцова,—онъ *жилъ* на каѳедрѣ и вполнѣ овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, съ сожалѣніемъ отрывавшихся отъ его лекцій, когда звучалъ несносный въ этомъ случаѣ звонокъ...-Говорилъ онъ великорусскимъ говоромъ, съ легкимъ удареніемъ на *о*,—любилъ употреблять вопросительную форму, прибавляя къ ставимымъ имъ себѣ вопросамъ—тихій звукъ «ге?». («А что дѣлаетъ «ге»-Крыловъ?» — пишетъ Плетневъ Гроту въ 1840 г.). «Съ яркостью выдѣляется въ моихъ студенческихъ воспоминаніяхъ, пишетъ извѣстный юристъ и публицистъ П. Н. Оболенскій— симпатичная маленькая фигурка Н. И. Крылова, подымающагося тихимъ, методически-размѣреннымъ шагомъ по высокой, вьющейся вокругъ стѣнъ, лѣстницѣ, въ верхнюю аудиторію, со склоненною на бокъ головою и непремѣнно со шляпою въ согнутой локтемъ рукѣ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, Никита Ивановичъ неизмѣнно клалъ съ одного ея боку красный платокъ, съ другого—табакерку, внушительно откашливался и тихимъ шопотомъ начиналъ лекцію всегда такими словами: «въ прошлый разъ, господа, мы остановились на...» и послѣ такого вступленія постепенно возвышалъ голосъ, который къ концу лекціи уже гремѣлъ на всю аудиторію. Иногда послѣ словъ «мы остановились на...» Крыловъ внезапно обращался къ кому нибудь изъ студентовъ, дѣлалъ угрожающую мину и спрашивалъ: «а? на чемъ бишь? а? не помнишь?»

Крыловъ скончался въ Москвѣ 26 декабря 1879 г., послѣ долгой и тяжкой болѣзни. Отпѣваніе его въ университетской церкви и погребеніе въ Донскомъ монастырѣ собрало его многочисленныхъ учениковъ и на могилѣ его произнесены были рѣчи, полныя нелицемѣрнаго признанія его заслугъ и искренней скорби. Одинъ изъ говорившихъ—бывшій ректоръ университета С. И. Баршевъ — указалъ въ своемъ словѣ, что юридическій факультетъ Московскаго университета достигъ апогея своей славы при *мощномъ содѣйствіи* усопшаго, который, чуть не полвѣка приводя въ восторгъ своихъ многочисленныхъ слушателей, былъ красою, честью и гордостью университета.

Между бывшими слушателями Крылова былъ собранъ, послѣ его смерти, капиталъ для образованія на юридическомъ факультетѣ стипендій его имени.

Даты важнѣйшихъ событій въ жизни Крылова — см. «Біогр. словарь» проф. Моск. унив.

А. Ѳ. Кони.

Крыловъ, *Никита*, архангельскій купецъ, умеръ около 1750 года Сначала онъ былъ перевозчикомъ, затѣмъ занялся постройкою судовъ и торговлею, разбогатѣлъ, устроилъ въ 1732 г. собственную верфь въ трехъ верстахъ выше Архангельска на Двинѣ; впослѣдствіи къ его верфи присоединилась уже раньше существовавшая верфь Баженинныхъ; съ 1735 по 1745 г. Крыловъ и Баженинъ посылали, первые изъ архангельскихъ куп-

цовъ, свои корабли въ Амстердамъ и Гамбургъ. Сынъ его, Петръ, воспитанный въ Голландіи, былъ любитель науки и литературы и въ 1766—1767 гг. былъ архангельскимъ бургомистромъ.

«Русскіе замѣч. люди изъ урожд. арханг. губ.», 7—9.

Крыловъ, *Петръ Никифоровичъ*, коллежскій ассессоръ, умеръ послѣ февраля 1764 г. Пріобрѣлъ печальную извѣстность слѣдствіемъ, которое онъ производилъ въ Иркутскѣ. Въ 1756 г. оберъ-прокуроръ Сената А. И. Глѣбовъ заключилъ договоръ съ Сибирскимъ приказомъ на поставку вина въ Иркутской губерніи, по 1 р. 42 к. за ведро. Въ Иркутскѣ продажа вина находилась въ завѣдываніи магистрата, который вносилъ за это въ казну 57,585 р. въ годъ; получивъ извѣстіе объ условіи, заключенномъ съ Глѣбовымъ, иркутское купечество представило, что нѣтъ надежды выручить сумму, которую оно прежде платило въ казну, если назначить цѣну ведра выше 1 руб. Тогда Глѣбовъ, утверждая, что представленіе иркутскаго купечества ложно, добился того, что питейные сборы въ Иркутской губерніи сданы были въ откупъ, вліяніемъ своимъ устранилъ всякихъ конкурентовъ, явился единственнымъ соискателемъ откупа и получилъ его на 7 лѣтъ съ 28 ноября 1758 г. за 58,000 р. въ годъ, черезъ четыре мѣсяца уступилъ свои права нѣсколькимъ петербургскимъ купцамъ за 25,000 р. въ годъ, и получилъ сразу всю сумму 175,000 руб. Между тѣмъ уже въ 1756 г. повѣренный Глѣбова Евреиновъ явился въ Иркутскъ и потребовалъ, чтобы всѣ винные заводы были сданы его довѣрителю, ссылаясь на указъ 19 сентяѣря 1755 г., который запрещалъ винокуреніе кому-либо, кромѣ дворянъ, а въ Иркутской губерніи заводами владѣли только купцы, такъ какъ состоятельныхъ дворянъ тамъ вовсе не было. Но мѣстный магистратъ и вице-губернаторъ Вульфъ не исполнили требованія Евреинова и вице-губернаторъ представилъ объ этомъ Сенату, какъ о недоразумѣніи, ссылаясь на оговорку, сдѣланную въ томъ же указѣ 19 сентября 1755 г., о томъ, что въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ заводы уже отданы лицамъ другихъ сословій, прежніе владѣльцы могутъ ихъ сохранить. Тогда Глѣбовъ представилъ Сенату, что въ Иркутскѣ происходятъ большія злоупотребленія по винной продажѣ. 13 января 1758 г. изъ сенатской конторы отправленъ былъ слѣдователемъ Крыловъ, съ указомъ, который требовалъ отъ всѣхъ мѣстныхъ властей всякаго содѣйствія этому слѣдователю.

Крыловъ прибылъ въ Иркутскъ 8 іюля 1758 г., съ секретаремъ, двумя канцеляристами и четырьмя писцами. Онъ съ почетомъ былъ встрѣченъ мѣстными властями; купцы поднесли ему различные подарки, онъ ихъ принялъ; затѣмъ пріѣхавшій перезнакомился со всѣмъ городомъ и въ глазахъ всѣхъ явился весьма привѣтливымъ, простымъ по тогдашнимъ понятіямъ, и вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Винокуреніе и продажа вина продолжались прежнимъ порядкомъ. Такъ прошло около полугода, когда, наконецъ, Крыловъ проявилъ себя съ совершенно другой стороны. Дѣйствія его съ этого времени приняли характеръ чего-то психопатическаго; во всякомъ случаѣ—они далеко оставили за собою все, что извѣстно о самыхъ возмутительныхъ безобразіяхъ представителей администраціи того времени.

Началось съ того, что Крыловъ самъ послалъ купить бочку вина на одномъ изъ сосѣднихъ заводовъ и, когда ее везли въ Иркутскъ, арестовалъ ее и началъ слѣдствіе о незаконной продажѣ вина. Онъ приказалъ собрать и опечатать всѣ дѣла магистрата о питейныхъ сборахъ съ 1728 по 1758 г.; затѣмъ онъ предъявилъ какія-то имъ самимъ составленныя вѣдомости о томъ, сколько должно было поступить денегъ въ казну, объявилъ, что открылъ огромныя — свыше 800,000 р.—хищенія казенныхъ денегъ и велѣлъ арестовать весь магистратъ, а затѣмъ всѣхъ членовъ его заковалъ въ цѣпи, предсѣдателя же, кромѣ того, бросилъ въ тюрьму. Затѣмъ онъ сталъ допрашивать купцовъ, членовъ магистрата и гражданъ, требуя признаній въ хищеніяхъ; при этомъ онъ собственноручно билъ по щекамъ не признававшихся, нѣсколькихъ купцовъ подвергалъ неоднократно сѣченію плетьми и пыткѣ, отъ которыхъ черезъ четыре мѣсяца и умеръ богатѣйшій купецъ Иркутска Бечевинъ. Путемъ такихъ ужасныхъ средствъ Крыловъ съ 120 человѣкъ собралъ 155,295 р. Эта расправа продолжалась около двухъ лѣтъ. О дѣйствіяхъ своихъ Крыловъ доносилъ,—конечно, многое скрывая,—въ Сенатъ, помимо уже сенатской конторы и Глѣбовъ умѣлъ представить дѣло такъ, что

Крыловъ получалъ отъ Сената похвалы. Въ сентябрѣ 1759 г. Крыловъ заставилъ несчастныхъ купцовъ отправить въ Петербургъ бумагу, въ которой они сознавались въ разныхъ злоупотребленіяхъ по винной торговлѣ. Нѣсколько попытокъ отослать въ Петербургъ истинное описаніе происходившаго въ Иркутскѣ, не удались; Крыловъ успѣвалъ перехватывать доносы. Мѣстная администрація, представленная вице-губернаторомъ Вульфомъ, молчала; однажды Вульфъ попробовалъ удержать Крылова, но тотъ отвѣтилъ ему, что присланъ Сенатомъ и мѣстной администраціи не подчиненъ; Вульфъ отправилъ доношеніе на имя императрицы, но доношеніе до императрицы не дошло, а Вульфъ получилъ отъ Сената замѣчаніе за обращеніе непосредственно къ императрицѣ. Кромѣ описанныхъ беззаконій, Крыловъ позволялъ себѣ постоянно возмутительнѣйшія насилія надъ женщинами; обиженныя искали защиты у мѣстнаго архіерея, но и его предстательство, конечно, не могло удержать Крылова, очевидно, потерявшаго уже всякое сознаніе того, что онъ дѣлаетъ. Онъ отстранилъ отъ должности губернаторскаго помощника, билъ чиновниковъ, дошло, наконецъ, до того, что, поссорившись съ Вульфомъ, Крыловъ арестовалъ его и объявилъ, что принимаетъ на себя управленіе губерніей. Но къ этому времени дошло, наконецъ, къ митрополиту письмо иркутскаго архіерея о совершавшихся въ Иркутскѣ ужасахъ; митрополитъ далъ знать объ этомъ въ Сенатъ и въ то же время Вульфъ успѣлъ извѣстить сибирскаго губернатора о поступкѣ съ нимъ Крылова. 9 ноября 1760 г. пришелъ указъ изъ Сената, отъ 20 сентября посланный съ нарочнымъ изъ Петербурга, объ арестованіи Крылова. Но наканунѣ былъ уже полученъ указъ объ этомъ же отъ сибирскаго губернатора и въ ночь на 9-е Крыловъ былъ арестованъ Вульфомъ; при этомъ пришлось подготовить отрядъ изъ вооруженныхъ солдатъ, чтобы сломить сопротивленіе, котораго надо было ожидать отъ Крылова—онъ жилъ въ Иркутскѣ постоянно съ сильною стражею, для которой собралъ изъ разныхъ городовъ Сибири отрядъ въ 78 чел. Только благодаря смѣлости казачьяго сотника удалось взять Крылова безъ кровопролитія; попытка его стрѣлять въ арестовавшихъ его была безуспѣшна.

20 ноября 1760 г. Крыловъ былъ подъ карауломъ отосланъ изъ Иркутска. 25 мая 1761 г. императрица Елизавета предписала произвести строжайшее слѣдствіе по этому дѣлу. Но, благодаря вліянію Глѣбова, слѣдствіе тянулось очень медленно. Въ самый день восшествія на престолъ Петра Ѳеодоровича Глѣбовъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ; дѣло о Крыловѣ, вѣроятно, заглохло-бы. Но Императрица Екатерина повела это дѣло энергичнѣе. Въ личномъ присутствіи своемъ въ Сенатѣ 4 ноября 1762 г. она дала указъ непремѣнно покончить это дѣло согласно съ справедливостью; въ началѣ 1764 г. Сенатъ представилъ свой докладъ по этому дѣлу. Въ именномъ указѣ, состоявшемся по поводу его, выражено порицаніе всему прежнему составу Сената за явныя неправильности, допущенныя имъ въ отношеніи къ дѣйствіямъ Глѣбова и Крылова; Глѣбовъ лишенъ званія генералъ-прокурора и генералъ-кригсъ-комиссара и повелѣно впредь его къ дѣламъ не опредѣлять; Крыловъ признанъ достойнымъ смертной казни, но взамѣнъ ея онъ приговоренъ къ наказанію плетьми въ Иркутскѣ и къ вѣчной каторгѣ. Повидимому, однако, къ Крылову не было примѣнено этого наказанія; въ иркутскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что судьба его неизвѣстна, но что его видалъ пріѣзжій изъ Иркутска свободно разгуливающимъ по улицамъ Петербурга; во всякомъ случаѣ именемъ его еще въ началѣ XIX в. пугали дѣтей. Мало вѣроятія, чтобы послѣ вышеприведеннаго указа Крыловъ оставался на свободѣ и въ Петербургѣ; но почти несомнѣнно, что онъ не былъ подвергнутъ наказанію и въ Иркутскѣ—объ этомъ должна была бы сохраниться память.

«Лучъ», 1866, т. I, 186—201, статья К. Щукина; „Иркутск. губ. вѣд.», 1859, №№ 24, 27, 30, 33; «Пермск. еп. вѣд.», прибавленія, 1875, № 46: «Сборн. Импер. Русск. Ист. Общ.», I, 215—252; VII, 235—237, 299, 344.

Крыловъ, *Тимоѳей Семеновичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель-переводчикъ, изъ духовнаго званія, род. въ 1779 г., ум. 11 мая 1846 г. въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ Орловской духовной семинаріи и петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ, поступилъ 15 марта 1799 г. учителемъ въ Орловскую семинарію. 18 января 1808 г. Крыловъ оставилъ

преподаваніе въ семинаріи и 4 мая 1808 г. былъ назначенъ въ канцелярію государственнаго адмиралтейскаго департамента. 1 сентября того же года перешелъ въ канцелярію оберъ-священника арміи и флота съ тѣмъ, чтобы быть въ армейской соминаріи учителемъ философіи и нѣмецкаго языка, а 24 ноября 1862 г. снова опредѣленъ въ государственный адмиралтейскій департаментъ помощникомъ столоначальника по ученой части. 19 іюня 1816 г. былъ назначенъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, 24 мая 1817 г. опредѣленъ членомъ горнаго суда, 12 апрѣля 1829 г. назначенъ оберъ-контролеромъ временной счетной коммиссіи, 2 января 1830 г., за упраздненіемъ временной счетной коммиссіи, опредѣленъ оберъ-контролеромъ въ контрольную коммиссію для членовъ гражданскаго вѣдомства. Изъ трудовъ Т. С. Крылова извѣстны: «Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи, въ пользу наслѣднаго принца Брауншвейгскаго и Люненбургскаго, Іерузалема», съ нѣмецкаго, 6 частей, 1806—1834; «Часы благоговѣнія», Цшокке, съ нѣмецк., 8 частей, 1836—1845 гг.; «Словарь русскихъ синонимовъ», 9 выпусковъ, Спб. 1840 — 1841 гг.

Формулярный списокъ 1832 г.; Геннади, «Словарь»; «Сынъ Отечества» 1838 г., т. VI, отд. VI, стр. 105—106; «Сѣверная Почта» 1818 г., № 100, 1819 г., №№ 7 и 24; Мѣсяцесловъ на 1847 г., стр. 175; «Протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Леванда. Его біографія, проповѣди и письма», Кіевъ, 1897 г., стр. 287—288; «Обзоръ русской духовной литературы», кн. I, стр. 459.

Ив. Дав.

Крюйсъ, *Корнелій Ивановичъ* (Крейцъ, Крейсъ), адмиралъ, вице-президентъ Адмиралтействъ-коллегіи, род. въ Ставангирѣ (въ Норвегіи) 4 іюня 1657 г., ум. 3іюня 1727 г. Съ юности посвятилъ себя морскому дѣлу, много плавалъ, былъ нѣсколько разъ въ Индіи, Америкѣ и Средиземномъ морѣ, участвовалъ въ построеніи кораблей, гаваней, крѣпостей и, наконецъ, получилъ мѣсто оберъ-такелажмейстера въ Амстердамскомъ адмиралтействѣ. Здѣсь съ нимъ встрѣтился въ 1697 г. Петръ Великій; Крюйсъ произвелъ на царя выгодное впечатлѣніе и Петръ предложилъ ему поступить на русскую службу съ чиномъ вице-адмирала и жалованьемъ по 400 руб. въ годъ, кромѣ того, ему положено было 36 четвертей муки, 72 р. въ годъ на денщиковъ и 3% оцѣнки со всѣхъ призовъ. Крюйсъ согласился и 9 апрѣля 1698 г. подписалъ контрактъ. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, по своему чину, однимъ изъ первыхъ лицъ во вновь созидающемся русскомъ флотѣ, Крюйсъ энергично принялся за дѣло: прежде всего онъ составилъ, на основаніи голландскаго и датскаго уставовъ, инструкцію о «первыхъ правилахъ морской службы», затѣмъ озаботился подысканіемъ себѣ помощниковъ среди иностранныхъ моряковъ и, пріѣхавъ съ ними въ этомъ же году въ Россію, отправился въ Воронежъ, гдѣ занялся устройствомъ флота и адмиралтейства. Въ 1699 г. Крюйсъ принялъ участіе въ «забавномъ» (практическомъ) походѣ Петра по Дону въ Азовское море, предпринятомъ для сопровожденія отправляемаго въ Константинополь посла Украинцева, причемъ Государь ѣхалъ на кораблѣ «Апостолъ Петръ», а Крюйсъ командовалъ кораблемъ «Благое начало». Описаніе этого похода содержится въ «Экстрактѣ изъ журнала, держаннаго отъ господина вице-адмирала Крейса на пути изъ Москвы на Воронежъ, съ Воронежа на Азовъ, на Таганрогъ и Керчь, а оттуда паки назадъ къ Азову 1699 года», а результатомъ этой поѣздки явилось составленіе Крюйсомъ двухъ трудовъ; одинъ изъ нихъ — описаніе теченія р. Дона съ 14 картами и составленною Крюйсомъ же картою Азовскаго моря, изданъ въ 1703 году въ Амстердамѣ Генрихомъ Доньеромъ на русскомъ и голландскомъ языкахъ и озаглавленное: «Вице-адмирала Корнилія Крейса описаніе р. Дона по ея истинному положенію, расширенію и теченію отъ города Воронежа до впаденія ея въ море, купно съ изображеніемъ Азовскаго и Чернаго морей, со всѣми ихъ губами, мелями и впадающими въ нихъ рѣками, причемъ означенъ прокопъ соединенія рѣкъ Волги и Дона, посредствомъ рѣкъ Илавлы и Камышинки»; вторымъ трудомъ Крюйса было историческое извѣстіе о рѣкѣ Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о казакахъ и пространнымъ посвященіемъ Царевичу Алексѣю Петровичу. Въ 1700 и 1701 г.г. Крюйсъ продолжалъ свои работы въ Воронежѣ, а затѣмъ въ 1702 г. посланъ былъ Петромъ въ Архангельскъ, трудился здѣсь надъ укрѣпленіемъ города, постройкой эскадры

Бѣлаго моря и, командуя этою эскадрою, крейсировалъ съ нею въ Онежскомъ заливѣ. Осенью 1702 г. онъ поѣхалъ на иностранномъ купеческомъ суднѣ въ Голландію и здѣсь пробылъ до конца 1704 г., наблюдая за обученіемъ присланныхъ Петромъ изъ Россіи молодыхъ людей и матросовъ и вербуя мастеровъ и офицеровъ для нашего флота. Благодаря его хлопотамъ, удалось получить разрѣшеніе амстердамскаго адмиралтейства на пріемѣ голландскую службу 1000 человѣкъ русскихъ матросовъ; въ эту поѣздку Крюйсъ принялъ къ себѣ въ качествѣ секретаря 19-лѣтняго Генриха Остермана, впослѣдствіи знаменитаго вице-канцлера. По возвращеніи въ Петербургъ, Крюйсу было поручено управленіе балтійскимъ флотомъ и онъ въ короткое время установилъ порядокъ въ распредѣленіи командъ по судамъ, далъ двѣ инструкціи снабженія судовъ и адмиралтейства припасами продовольствіемъ и обмундированіемъ, словомъ, привелъ флотъ въ боевую готовность, такъ что Петръ Великій въ письмѣ изъ Нарвы отъ 25 іюля 1704 г. съ большой похвалой отзывается о его дѣятельности. Въ слѣдующемъ 1705 г. Крюйсу пришлось отстаивать Котлинъ отъ шведовъ, начальствуя надъ флотомъ, расположеннымъ у Кронштота, и имѣя флагъ на 24-пушечномъ кораблѣ «Дефамъ». Оборона о-ва Котлина длилась съ 4 іюня по 15 іюля 1705 г. Шведскій адмиралъ Анкерштернъ. съ цѣлымъ флотомъ изъ 7 линейныхъ кораблей (отъ 54 до 64 пушекъ), 6 фрегатовъ (отъ 28 до 36 пушекъ) и многихъ мелкихъ судовъ подступилъ къ Котлину, возлѣ котораго стояла эскадра Крюйса изъ восьми 24-пушечныхъ кораблей, шести—12-пушечныхъ шнявъ, двухъ брандеровъ и шести галеръ. Первая же попытка шведовъ 4 іюня высадить десантъ была отбита съ большимъ урономъ и, несмотря на то что, по разсказамъ плѣнныхъ адмиралъ Анкерштернъ и генералъ Мейдель бились по рукамъ, давая другъ другу слово 4 іюня быть къ Кронштотѣ, осада продолжалась болѣе мѣсяца, и 15 іюля шведы, послѣ ожесточеннаго боя, во время котораго они потеряли плѣнными 7 человѣкъ офицеровъ, 28 рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ и болѣе 400 человѣкъ убитыми, принуждены были отказаться отъ своего намѣренія и уйти въ море. Крюйсъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого испытанія, но несмотря на это, онъ не былъ доволенъ своими помощниками, съ которыми вообще постоянно ссорился, подозрѣвая ихъ въ недоброжелательствѣ и интригахъ. И теперь, 27 іюня 1705 г., онъ писалъ Апраксину: «Истинно, мой пріятельный господинъ, еслибъ да милость здѣсь со мною въ управленіи поволилъ быть и мы-бъ еще въ службѣ Государевой много къ лучшему чинили, а нынѣ, какъ по пряму рѣчить, такъ у меня здѣсь дѣло идетъ истинно съ неправедными людьми, какъ которые нынѣ у адмиралтейскихъ дѣлъ есть...» Съ своей стороны и подчиненные не были довольны Крюйсомъ и недружелюбно относились къ нему; это видно, напр., изъ поступка Сиверса. Сиверсъ, будучи посланъ Крюйсомъ въ августѣ 1705 г. къ Петру Великому въ Гродно съ донесеніемъ о состояніи флота, заявилъ Государю, что Крюйсъ не дѣлалъ экзерцицій съ флотомъ, этимъ вызвалъ сильное неудовольствіе Государя противъ Крюйса, такъ что послѣднему пришлось оправдываться—онъ говорилъ, что Сиверсъ пріѣхалъ къ флоту очень поздно, «по слышанному вѣданью вѣдалъ то, что говорилъ». Подобныя столкновенія и неудовольствія при сношеніяхъ съ подчиненными омрачали радость, которую Крюйсъ долженъ былъ ощущать при видѣ столь успѣшныхъ результатовъ своей дѣятельности, и создавали ему тяжелое положеніе во флотѣ. Въ слѣдующемъ 1706 г. Крюйсъ снова крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ, имѣя флагъ на кораблѣ «Дефамъ», и эта кампанія тоже закончилась серьезной ссорой съ галернымъ шаутбенахтомъ Боцисомъ; ссора эта вызвала вмѣшательство самого Петра, который въ письмѣ къ Апраксину съ неодобреніемъ говоритъ о строгости и взыскательности Крюйса. Ссора эта тянулась нѣсколько лѣтъ и уже въ январѣ 1713 г. Крюйсъ пишетъ Апраксину: «Я принужденъ объявить, что съ онымъ шаутбенахтомъ на водѣ и на сухомъ пути служить никогда не могу, и кромѣ того надѣюся, что Его Царское Величество мнѣ правый судъ учинитъ, а безъ того я недостоинъ ни въ какой командѣ быть... Боже онаго смутителя грека по винѣ его да накажетъ». До октября 1710 г. Крюйсъ находился въ Балтійскомъ флотѣ, плавая почти исключительно на кораблѣ «Олифантъ»; помимо плаванія, онъ продолжалъ работы по устройству и снабженію судовъ галер-

наго и корабельнаго флота, по укрѣплѣнію Кронштота, въ апрѣлѣ 1710 г. составилъ инструкцію офицерамъ «о порядкахъ въ хожденіи парусномъ и въ баталіи». Въ 1708 г. Крюйсу снова пришлось отражать нападеніе шведовъ, желавшихъ овладѣть Ингерманландіею, и онъ опять вышелъ побѣдителемъ. На этотъ разъ онъ имѣлъ дѣло съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ и поэтому пустилъ въ ходъ хитрость. Узнавъ, что генералъ-маіоръ Любскеръ перешелъ черезъ Неву у Тосны и направляется къ Петербургу, онъ прежде всего сжегъ незащищенные русскіе провіантскіе магазины, чтобы такимъ образомъ лишить шведовъ средствъ продовольствія, выставилъ на Невѣ цѣлый флотъ изъ старыхъ, негодныхъ судовъ, а затѣмъ послалъ къ бригадиру Фразеру, стоявшему съ небольшимъ отрядомъ въ Копорьѣ, куда шли шведы, крестьянина съ письмомъ, отъ имени Апраксина, въ которомъ убѣждалъ Фразера защищаться, заявляя, что онъ черезъ 24 часа придетъ къ нему на помощь съ 40-тысячнымъ отрядомъ и съ флотомъ, идущимъ по Невѣ. Крюйсъ разсчитывалъ, что письмо попадетъ въ руки шведовъ, но оно попало къ Фразеру, который, однако, понялъ цѣль Крюйса и, когда явились шведы, послѣ небольшого сопротивленія, отступилъ, оставивъ въ своей палаткѣ письмо. Любскеръ, прочитавъ письмо, повѣрилъ ему и поторопился отступить къ морю, подъ защиту шведскаго флота; оставивъ позади себя 800 человѣкъ изъ своего отряда для истребленія повозокъ—этотъ отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ подоспѣвшими русскими. Въ октябрѣ 1710 г., по случаю начавшейся войны съ турками, Крюйсъ былъ посланъ Петромъ Великимъ въ Воронежъ для приготовленія къ кампаніи азовскаго флота и 1711 г. до октября мѣсяца начальствовалъ надъ азовскою эскадрою, стоявшею въ таганрогской гавани, причемъ имѣлъ свой флагъ на кораблѣ «Меркуріусъ», а нѣкоторое время, въ маѣ мѣсяцѣ, плавалъ на 60-пушечномъ кораблѣ «Черепаха». Тогда же, въ виду желанія Петра Великаго провести нѣсколько судовъ изъ Чернаго моря въ Кронштотъ, онъ оставилъ для этого случая инструкцію капитанамъ Андрею Самсону и Симеону Шхону; впрочемъ, инструкція эта оказалась ненужною, такъ какъ суда были проданы турецкому правительству.— 28 іюля 1711 г. Петръ писалъ Апраксину: «Изволь вице-адмирала со всѣми морскими отъ Азова отпустить, дабы онъ могъ до Москвы осенью, а по первому пути въ С.-Петербургъ поспѣть» — и немедленно по возвращеніи Крюйса поручилъ ему постройку кронштотской гавани, казармъ и наблюденіе за всѣми мастерскими. Очевидно, Петръ остался доволенъ энергіею, съ которою Крюйсъ взялся за порученное ему дѣло: онъ постоянно выказывалъ ему свое благоволеніе, а на свадьбѣ Государя въ 1712 г. Крюйсъ занималъ «отцово мѣсто». Лѣтомъ 1712 г. онъ плавалъ съ эскадрою на кораблѣ «Рига», защищая Кронштадтъ отъ нападенія шведовъ, высылалъ суда въ крейсерство и, между прочимъ, 24 іюля, погнавшись за тремя шведскими судами, близко подошедшими къ русской эскадрѣ, очень неудачно упустилъ ихъ, позволивъ соединиться со шведскимъ флотомъ. Случай этотъ самъ по себѣ былъ бы не важенъ, но враги Крюйса, которыхъ, благодаря его неуживчивости и взыскательности, у него было достаточно, воспользовались имъ, чтобы поставить и его на видъ въ слѣдующемъ году, когда Крюйсъ допустилъ новую и довольно большую оплошность, вызвавшую сильный гнѣвъ Петра Великаго. Весною 1713 г. Петръ пошелъ въ Гельсингфорсъ съ 200 гребныхъ судовъ и 16,000 войска и, занявъ этотъ городъ, вернулся въ Кронштадтъ, чтобы двинуть въ море эскадру, находившуюся подъ начальствомъ Крюйса. Планъ Государя, который самъ непремѣнно желалъ принимать участіе въ походѣ, былъ таковъ: идти къ Ревелю съ эскадрой изъ 11 кораблей и пяти мелкихъ судовъ на соединеніе со стоявшими въ Ревелѣ недавно приведенными изъ Англіи четырьмя кораблями и фрегатомъ, а по пути гнать къ Ревелю же шведскую эскадру или постараться запереть ее въ Гельсингфорсѣ. Крюйсъ, узнавъ о желаніи Петра участвовать тоже въ походѣ, рѣшилъ, что Петръ, благодаря происканъ его враговъ, до нѣкоторой степени потерялъ къ нему довѣріе и желаетъ лично контролировать его дѣйствія; онъ написалъ Петру большое письмо, въ которомъ приводилъ рядъ примѣровъ изъ исторіи о томъ, какія грозятъ въ походѣ опасности, уговаривалъ Государя поберечь себя для блага отечества и отказаться отъ своего намѣренія. Въ заключеніе онъ упрашивалъ Петра не вѣрить доносамъ непріятелей его, желающихъ

очернить его въ глазахъ Государя. Письмо это сильно разсердило Петра и онъ отвѣчалъ Крюйсу рѣзкимъ письмомъ отъ 8 іюня 1713 г.; цитируя примѣры грозящихъ на войнѣ опасностей, приводимые Крюйсомъ, онъ противъ каждаго изъ нихъ сдѣлалъ ироническія замѣчанія, говорилъ, что до сихъ поръ его присутствіе всегда доставляло радость тѣмъ, съ кѣмъ онъ желалъ ѣхать, а теперь, видя нежеланіе Крюйса совершить походъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ, конечно, какъ подчиненный шаутбенахтъ, сочтетъ своимъ долгомъ послушать вице-адмирала и прибавилъ, что планъ его относительно морской кампаніи остается не измѣннымъ и онъ, уже какъ Государь, требуетъ, чтобы Крюйсъ немедленно приступилъ къ его точному выполненію, «а именно, чтобы корабли ревельскіе препроводить». Съ такимъ напутствіемъ Крюйсъ выступилъ 9 іюля, имѣя флагъ на кораблѣ «Рига». На другой день около полудня, близъ о-въ Соммерса и Лавонсара, шедшіе впереди крейсеры замѣтили три непріятельскія судна. Началась погоня за ними. На разсвѣтѣ 11 іюня корабли «Антоній», «Полтава» и «Выборгъ» настолько приблизились къ непріятельскимъ судамъ, что приготовились взять ихъ на абордажъ, ожидая только сигнала съ адмиральскаго судна, но въ этотъ самый моментъ шведы повернули суда къ вѣтру, какъ бы вызывая на бой, а затѣмъ, пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, ловкимъ маневромъ обошли тянувшуюся гряду подводныхъ камней и отошли на значительное разстояніе отъ преслѣдователей; шедшій ближе всѣхъ къ непріятелю «Выборгъ» налетѣлъ на подводные камни и сталъ тонуть, за нимъ въ то же положеніе попалъ корабль Крюйса «Рига», у котораго вдобавокъ непріятельскимъ ядромъ пробило крюйтъ-камеру. Крюйсъ растерялся и, вмѣсто того, чтобы подать условленный сигналъ ка абордажу, велѣлъ прекратить погоню и кап. Рейсъ, бывшій на «Полтавѣ» и успѣвшій снова догнать непріятелей, вполнѣ готовый схватиться на абордажъ, по сигналу Крюйса отступилъ; шведы благополучно ушли отъ преслѣдованія. Утромъ 12 іюля Крюйсъ снялъ «Ригу» съ мели, сжегъ затонувшій «Выборгъ» и безъ другихъ приключеній дошелъ до Ревеля; экспедиція вышла неудачна: шведы не понесли никакого урона, а мы потеряли корабль; вина Крюйса была несомнѣнна и Петръ, и безъ того недовольный поведеніемъ Крюйса, рѣшилъ примѣрно наказать виновнаго. Въ концѣ 1713 г. была назначена спеціальная судебная коммиссія для разбора этого дѣла; въ составъ ея вошли: генералъ-адмиралъ Апраксинъ, контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ (т. е. самъ царь), капитанъ-командоръ князь Меншиковъ, капитаны: Нальсонъ, Кронсбургъ, Змаевичъ и Сиверсъ, капитанъ-лейтенантъ Берингъ, лейтенанты Мишуковъ и Зотовъ; каждый изъ судей долженъ былъ отдѣльно изложить свой приговоръ въ письменной формѣ. На судѣ Крюйсъ, вмѣсто того, чтобы признать себя виновнымъ и указывать лишь смягчающія вину обстоятельства, держался очень гордо и заносчиво, сваливалъ всю вину на подчиненныхъ, обвиняя ихъ въ непослушаніи, невѣжествѣ и желаніи оклеветать его, этимъ еще болѣе раздражилъ и безъ того враждебно настроенныхъ по отношенію къ нему судей. Въ результатѣ ему было поставлено въ вину и его прошлогодняя неудачная погоня за шведскими судами, и по дѣлу 1712 г. онъ былъ обвиненъ въ неумѣлыхъ распоряженіяхъ и недостаткѣ энергіи, по дѣлу же 1713 г. въ томъ, 1) что не далъ соотвѣтствующей инструкціи офицерамъ, а говорилъ лишь о предстоящемъ планѣ дѣйствій частнымъ образомъ, за обѣдомъ, и не при полномъ собраніи всѣхъ офицеровъ; 2) что не подалъ условленнаго сигнала къ абордажу, и 3) что не пересѣлъ немедленно на другой корабль, когда его судно сѣло на мель, и такимъ образомъ оставилъ эскадру на время безъ начальника. Приговоръ этотъ былъ цѣликомъ списанъ съ мнѣнія, поданнаго Петромъ Михайловымъ, т. е. самимъ Государемъ. Постановлено было: «Вице-адмирала Корнеліуса Крейса, за его преступленія и неисполненіе своей должности противъ перваго артикула наказать смертью». 22 января 1714 г. приговоръ былъ прочитанъ Крюйсу, а вслѣдъ затѣмъ объявлено, что по Монаршей милости смертная казнь замѣняется ему лишеніемъ чиновъ и ссылкой въ Казань. Въ Казани Крюйсъ пробылъ 13 мѣсяцевъ; при немъ тамъ находилось 50 чел. матросовъ, онъ выстроилъ себѣ большой домъ и пользовался большою независимостью, что видно изъ того, что нѣкоторыя столкновенія его съ мѣстнымъ губернаторомъ закончились торжествомъ Крюйса. Несмотря на это,

почти немедленно вслѣдъ за пріѣздомъ на мѣсто ссылки, Крюйсъ сталъ посылать слезныя письма Апраксину, прося его вымолить у Государя помилованіе ему, а спустя нѣкоторое время подалъ смиренную просьбу Государю, въ которой уже не оправдывался и не жаловался на своихъ враговъ, а просилъ только во вниманіе къ его долголѣтней, вѣрной, радѣтельной службѣ и его старости простить его. 13 марта 1715 г. ему было разрѣшено вернуться въ Петербургъ, а черезъ два дня по пріѣздѣ Петръ черезъ Меншикова вернулъ ему шпагу и пожаловалъ ему снова всѣ прежніе чины, назначивъ его завѣдывающимъ адмиралтейскими и экипажескими дѣлами. Есть разсказъ, что Петръ, пославъ Крюйсу шпагу съ Меншиковымъ, черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ къ нему самъ, обнялъ его и сказалъ: «Я уже больше не сердитъ», на что будто бы и Крюйсъ также коротко отвѣтилъ: «да и я уже больше не сердитъ»; этотъ отвѣтъ весьма вѣроятенъ при неукротимой, своенравной натурѣ вице-адмирала. Лѣтомъ 1713 г. Крюйсъ плавалъ въ составѣ ревельской эскадры Апраксина, а затѣмъ остальную часть года посвятилъ приведенію въ порядокъ запущенныхъ, по его мнѣнію, экипажескихъ дѣлъ. Онъ подалъ Государю обширный докладъ, въ которомъ намѣчалъ цѣлый рядъ необходимыхъ улучшеній и преобразованій и указывалъ на необходимость устройства «хамовнаго двора», на которомъ можно было бы «изготовлять канифасъ, фламское, любское и остербрунское полотна дешевле заморскаго 80 процентами». Ссылка не измѣнила характера Крюйса, у него снова начались прежнія безпрерывныя ссоры и непріятности съ подчиненными, на которыхъ онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ Апраксину, утверждая, что они нарочно подводятъ его, чтобы очернить передъ Государемъ. Особенно эти ссоры усилились послѣ назначенія Крюйса въ началѣ 1716 г. исполняющимъ должность генералъ интенданта. Можетъ быть интригами и наговорами со стороны враговъ Крюйса и объясняется тотъ фактъ, что Петръ на первыхъ же порахъ остался недоволенъ дѣятельностью Крюйса и 7 февраля послалъ ему изъ Риги суровое письмо: «Господинъ вице-адмиралъ, съ великимъ неудовольствіемъ слышу, что Ревельская эскадра такъ у Васъ неисправлена и осеннее удобное время пропущено; ежели впредь такъ поступать станете, можете животъ свой потерять». Крюйсъ оправдывался, что всѣ нужныя вещи у него были готовы къ отсылкѣ, но не могли быть отправлены вслѣдствіе недоставленія оберъ-коммиссаромъ лошадей, но, очевидно, письмо Государя его встревожило и онъ началъ подумывать объ отставкѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ въ іюлѣ 1716 г. письмо Апраксину. Впрочемъ, Петръ, въ ноябрѣ, узнавъ о болѣзни Крюйса, милостиво уже писалъ ему изъ Альтоны: «За управленіе Вамъ благодарствую и зѣло сожалѣю о Вашей болѣзни, желаю, чтобы паки Богъ Вамъ далъ здоровья», а въ февралѣ 1717 г., по поводу донесенія Апраксина о ссорахъ Крюйса съ Григ. Петр. Чернышевымъ, писалъ Апраксину .изъ Амстердама: «О ссорахъ Крюйса съ Чернышевымъ—и въ томъ извольте ихъ развесть — а именно, которые во флотѣ — тѣ у Чернышева, а которые на верфи и ластовыхъ судахъ — тѣ у вице-адмирала. Что же проситъ абшиту (Крюйсъ)—и то не чаю, а паче до моего прибытія». Въ томъ же 1717 г. Крюйсъ былъ посланъ въ Ревель для принятія мѣръ по укрѣпленію порта и вооруженію стоявшихъ тамъ судовъ, въ виду ожидаемаго нападенія непріятеля, затѣмъ лѣтомъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, осенью ему переданы были въ управленіе московская парусная фабрика, ижорскія пильныя мельницы и угольные заводы. Въ декабрѣ Петръ поручилъ ему составить проектъ учрежденія адмиралтействъ-коллегіи, что Крюйсъ и выполнилъ вполнѣ добросовѣстно: составилъ обширный докладъ, съ приложеніемъ регламентовъ шведской и голландской адмиралтействъ-коллегій. Адмиралтействъ-коллегія тогда же была учреждена, и Крюйсъ 15 декабря назначенъ въ ней вице-президентомъ, въ каковомъ званіи и состоялъ до самой своей смерти. Съ 1718 г. и до самой смерти Петра Великаго въ 1725 г. въ судьбѣ Крюйса не произошло значительныхъ перемѣнъ. Онъ попрежнему работалъ много, справляясь съ разнородными порученными ему дѣлами, въ отсутствіе Апраксина въ январѣ 1719 г., въ 1722 г. и въ іюлѣ 1723 г. исполнялъ обязанности президента Адмиралтействъ-Коллегіи, попрежнему ссорился съ ненавидѣвшими его другими ея членамн, не желавшими подчиниться ему, причемъ особенно сильно

было его столкновеніе въ декабрѣ 1721 г. съ Сиверсомъ изъ-за признанія вновь принятаго вице адмираломъ Вильстера старшимъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Петръ Великій относился къ нему милостиво и не разъ выказывалъ ему свое благоволѣніе: 22 октября 1729 г., по случаю заключенія Ништадтскаго мира — о чемъ Петръ собственноручнымъ письмомъ увѣдомилъ Крюйса, — онъ былъ произведенъ въ адмиралы; на торжественномъ обѣдѣ по этому поводу у Петра Великаго Крюйсъ сидѣлъ за столомъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. На большомъ балу у него 18 апрѣля 1723 г. у него была въ гостяхъ вся Царская Фамилія, а въ сентябрѣ того же года на праздникѣ въ честь ботика— дѣдушки русскаго флота, на ботикѣ гребцами были онъ и Апраксинъ, въ то время, какъ рулемъ правилъ самъ Государь. Тогда же на торжествахъ онъ командовалъ передовой флотиліей, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Гангутъ». Въ маѣ 1723 г. Петръ въ награду Крюйсу за постройку и удачный спускъ 44 пушечнаго корабля «Михаилъ» повелѣлъ генералу Бутурлину сложить для постройки каменнаго дома Крюйса каменную кузницу, горны и доставить для нихъ уголь. Къ концу царствованія Петра Великаго здоровье все болѣе и болѣе стало измѣнять престарѣлому адмиралу. Въ 1724 г. ему предписано было начать плаваніе на кораблѣ «Фридрихштатъ», но онъ 26 апрѣля обратился къ Апраксину съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на полнѣйшую невозможность принять участіе въ кампаніи изъ за разныхъ болѣзненныхъ припадковъ. Въ 1724 г. онъ почти уже не бывалъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи и когда Апраксинъ въ мартѣ мѣсяцѣ уѣхалъ въ Москву на торжество коронаціи Екатерины Алексѣевны, Крюйсъ требовалъ наиболѣе важныя дѣла къ себѣ на домъ; пергаментною и бумажной фабриками, порученными ему, онъ управлялъ тоже, не выходя изъ дому. На похоронахъ Петра Великаго 10 марта онъ уже не могъ присутствовать. Сознавая свою полную неспособность работать долѣе, онъ 25 іюня 1725 г. подалъ прошеніе Государынѣ объ увольненіи его въ отставку и просилъ письмомъ Апраксина тоже похлопотать объ этомъ. Можно думать, что это прошеніе было отчасти вызвано донесеніемъ Адмиралтействъ - Коллегіи Апраксину отъ 15 мая 1725 г. о томъ, что Крюйсъ въ коллегію не ѣздитъ и задерживаетъ дѣла, посылаемыя ему на домъ для подписи. Какъ бы то ни было, отставка Крюйса не была принята Государыней. Престарѣлый адмиралъ попрежнему продолжалъ числиться, къ зависти его недруговъ, на службѣ, никуда не выходя изъ дому. 28 марта 1727 г. Адмиралтействъ-Коллегія снова сдѣлала докладъ относительно Крюйса, что онъ за старостью не можетъ исполнять воинской службы и въ коллегіи уже нѣсколько лѣтъ не бывалъ, но отвѣтомъ на это былъ слѣдующій Высочайшій указъ отъ 6 мая 1727 г.: «Пожаловали Мы вице-адмирала свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова за его вѣрныя службы Намъ и Государству Нашему въ адмиралы краснаго флага; Петра Сиверса, Томаса Гордона, Матвѣя Змаевича за ихъ службы въ адмиралы же. А понеже имѣется только одна вакансія,—ибо хотя коллегія объ адмиралѣ Крюйсѣ предлагаетъ, что онъ старъ и въ коллегію не ходитъ, однако за его службу отъ чина и жалованья отрѣшать невозможно — того для, кромѣ свѣтлѣйшаго, прочимъ быть въ ихъ вице-адмиральскомъ жалованьи». Это проявленіе Монаршей благосклонности было послѣдней радостью для Крюйса: 3 іюня онъ скончался; тѣло его отвезено было въ Амстердамъ. Женѣ его Высочайшимъ указомъ 9 іюня 1727 г. предоставлено было пожизненное владѣніе деревнями, пожалованными ея мужу. Крюйсъ былъ дѣятельнѣйшимъ помощникомъ Петра Великаго во всемъ, что касалось устройства флота и морской русской силы. По словамъ Бюшинга, люди, знавшіе Крюйса лично, описывали его высокимъ, виднымъ мужчиною, имѣвшимъ на лицѣ большое красное родимое пятно. Его хвалили за честность, благородство, справедливость и гостепріимство, прославляли какъ опытнаго моряка и экипажмейстера, но не любили за его рѣзкость и способность говорить всѣмъ правду въ глаза. Онъ былъ очень религіозенъ — построилъ на своей землѣ въ Петербургѣ первую нѣмецкую церковь и состоялъ дѣятельнымъ членомъ голландско-реформатской и евангелическо-лютеранской общинъ.

Полн. Собр. Зак. т. V, №№ 3071, 3114, 3133, 3457; «Сбор. Императ. Русск. Историч. Об—ва» т. XI; т. XL, т. XLIX; С. Елагинъ «Матеріалы для исторіи русскаго флота»: I — VI; Соловьевъ «Исторія Россіи» — книги III — IV; «Письма и

бумаги Петра Великаго» тт. I — VI;. Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. IV, ч. I, 263 — 269, т. IV, ч. II; «Общій Морской списокъ», I, с. 197—199; Берхъ, «Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ» I, 147—219; Бантышъ-Каменскій «Словарь достоп. людей», III; Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», тт. I — XI, XIV, XV; Петровъ «Исторія С.-Петербурга», 47, 73, 147; прим. 100, 101, 103, 104, 141; «Записки Гидрограф. Департ. Морск. Мин.», VIII, 367—394; «Морской Сборникъ» 1849 г. № 1, стр. 57—76; Ал. Соколовъ, «Судъ надъ вице-адмираломъ Крюйсомъ 1713 г.»—«Морской Сборникъ» 1857 г., № 1, т. XXVII, с. 15—32; Зейдель, «О разногласіи въ статьяхъ, относящихся до военной морской исторіи».—«Морской Сборникъ» 1864 г., I. LXX, № 1, с. 12—16; «Современное обозрѣніе»; «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1855 г. Устряловъ, «Петръ Великій въ Голландіи и Англіи»—«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1867 г. №№ 93—94; Зейдель, «Матеріалы для исторіи Кронштадтскаго порта» — «Русская Старина» 1872 г.; т. V, № 6, с. 903—951.

Крюковскій, *Иванъ*, кобзарь, род. около 1815 г., ум. въ іюлѣ 1885. Былъ крѣпостнымъ помѣщика Крюковскаго; въ дѣтствѣ, лѣтъ 10-ти, лишился зрѣнія; родители отдали его тогда къ кобзарю Ивану Кравченко. Ив. Крюковскій былъ однимъ изъ послѣднихъ кобзарей; по количеству думъ, пѣсенъ и псальмъ, которыя онъ пѣлъ, онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между кобзарями, дожившими до конца XIX в.; разными изслѣдователями записано съ его словъ двѣнадцать неизвѣстныхъ раньше пѣсенъ и варіантовъ. Умеръ въ г. Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ жилъ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни, послѣ того, какъ пересталъ странствовать по разнымъ ярмаркамъ и селамъ.

«Кіевская Старина», 1885, т. XII, 740—743.

Крюковскій, *Матвѣй Васильевичъ*, драматургъ, род. 16 ноября 1781 г., въ Петербургѣ, ум. въ 1811 г. тамъ же. Образованіе получилъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ поручикомъ въ армію. Потомъ онъ служилъ офицеромъ при корпусѣ и, наконецъ, переводчикомъ въ комиссіи составленія законовъ, до 1808 г., когда на казенный счетъ былъ отправленъ «для усовершенствованія трагическаго таланта» въ Парижъ, гдѣ пробылъ два года и возвратился въ 1810 г. въ Петербургъ. Ранѣе, чѣмъ прославиться какъ драматическій писатель Крюковскій издалъ слѣдующія произведенія: «О политической экономіи» соч. Гершванда, переводъ, «Проэктъ благотворительнаго сбора въ пользу бѣдныхъ дѣвицъ» въ «Періодическомъ изданіи вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ», 1804 г.; «О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ», Гершванда. Затѣмъ онъ написалъ драму—«Пожарскій, или освобождаемая Москва», трагедія въ 3 дѣйствіяхъ (въ стихахъ), Спб. 1807 г., изд. 2-е, Спб. 1810 г., изд. 3-е, Спб. 1828 г.; кромѣ того вышла дважды въ нѣмецкомъ переводѣ—Karlsruhe. 1815, и С.-Петербургъ, 1834 г. Трагедія эта—подражаніе Озерову. Она была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 22 мая 1807 г. и имѣла большой успѣхъ,—главнымъ образомъ не за поэтическія ея достоинства, а вслѣдствіе подъема въ то время патріотическаго чувства; черезъ нѣсколько дней трагедія была повторена въ Зимнемъ Дворцѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ Парижѣ Крюковскій написалъ трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, «Елисавета, дочь Ярослава», (Спб. 1820 г.)—это была пьеса уже прямо плохая; надежды которыя подавалъ Крюковскій, какъ драматургъ — онъ не оправдалъ. Сочиненія Крюковскаго, изданы А. Смирдинымъ; Спб. 1854 г.

Сочиненія Н. Греча, изд. А. Смирдина, т. III; Н. Гречъ, «Опытъ крат. исторіи рус. литер.»; А. Галаховъ, «Исторія русской словес.», т. II; «Записки» Ф. Ф. Вигеля; Воспоминанія Ѳ. Булгарина—въ («Библіотекѣ для чтенія» 1846 г.); «Дневникъ чиновника» С. П. Жихарева—въ «Отечеств. Зап.» 1855 г., т. CI; А. Висковатовъ, «Краткая исторія 1-го кадет. корп.»; Араповъ, «Лѣтопись рус. театр.», 180—181; Мѣсяцесловъ на 1807 г.; Геннади, «Словарь»; «Сынъ Отечества» 1820 г., ч. 65, № 44, стр. 184—185; «Московскій Телеграфъ» 1829 г., ч. 27, № 11, стр. 375—378.

Ив. Дав.

Крюковъ, *Дмитрій Львовичъ*, докторъ философіи, профессоръ римской словесности и древностей и преподаватель древней исторіи въ Московскомъ университетѣ, род. въ Казани 8 апрѣля 1809 г., ум. 5 марта 1845 г. Воспитаніе получилъ въ домѣ родителей. Отецъ его—преподаватель рисованія въ Казанскомъ университетѣ—былъ человѣкъ эстетически образованный, любившій музыку и не жалѣвшій издержекъ и заботъ для образованія и музыкальнаго развитія сына. Съ ранней молодости Д. Л. Крюковъ уже имѣлъ видъ того щеголеватаго изящества, который отличалъ его всегда впослѣдствіи. До 11 лѣтъ онъ былъ лѣнивъ и дѣлалъ мало успѣховъ, но затѣмъ сталъ очень быстро развиваться. Лучшіе казанскіе педагоги были его преподавателями: латинскій языкъ препода-

валъ ему А. Т. Ананьевъ, впослѣдствіи директоръ и инспекторъ Тверской гимназіи, любимый учитель Крюкова, французскій языкъ Краузе, потомъ директоръ дворянскаго института, нѣмецкій языкъ—профессоръ Эрдманъ. Крюковъ много занимался и музыкою: сначала учился играть на скрипкѣ, а потомъ на фортепьяно, въ игрѣ на которомъ онъ достигъ впослѣдствіи большихъ успѣховъ. Въ 1824 г. Крюковъ поступилъ въ университетъ по словесному отдѣленію и здѣсь обратилъ на себя вниманіе попечителей Магницкаго, а потомъ Мусина-Пушкина, который, тотчасъ по окончаніи Крюковымъ въ 1827 г. университета со степенью кандидата словесныхъ наукъ, пригласилъ его преподавать латинскую словесность студентамъ 1-го курса. Эту обязанность онъ исполнялъ недолго и вскорѣ посланъ былъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ университета, въ новоучрежденный въ С.-Петербургѣ профессорскій институтъ. На экзаменѣ онъ удивилъ экзаменаторовъ академиковъ своими познаніями въ латинскомъ языкѣ. Послѣ защиты въ 1833 г. диссертаціи подъ заглавіемъ: «In Taciti Agricolam observationes» онъ получилъ степень доктора философіи, посланъ былъ за границу и слушалъ лекціи въ Берлинѣ (Бёка и др.); кромѣ того, закончилъ онъ въ это время и свое музыкальное образованіе. По возвращеніи въ Россію, въ 1835 году, онъ опредѣленъ былъ преподавателемъ въ Московскомъ университетѣ, въ томъ же году утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ римской словесности и древностей, а въ 1837 г. назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Онъ издалъ въ 1837 г. «Агриколу» Тацита съ примѣчаніями, а въ 1842 г., подъ псевдонимомъ—Dr. C. Pellegrino—изслѣдованіе: «Andeutungen über den ursprünglichen Religions unterschied der römischen Patricier und Plebeier». Изъ другихъ его печатныхъ трудовъ можно указать рѣчь его на актѣ въ 1836 г. «De Q. Curtii Rufi aetate» и двѣ статьи въ «Москвитянинѣ» за 1831 г.: «О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита» и «Нѣсколько словъ о дѣлѣ драматическаго искусства по поводу игры Каратыгина». Лекціи его, выказывавшія въ немъ хорошаго латиниста, основательно знакомаго съ классическими источниками, отличались своимъ прекраснымъ, изящнымъ изложеніемъ. Какъ профессоръ и лекторъ, онъ производилъ такое впечатлѣніе на слушателей, что его ставили рядомъ съ Грановскимъ. Погодинъ въ своихъ «Школьныхъ воспоминаніяхъ» пишетъ о немъ: «Между новыми профессорами однимъ изъ лучшихъ былъ Крюковъ—прекрасныхъ свойствъ молодой человѣкъ, отлично знавшій латинскую словесность, но исполненный нѣмецкихъ предразсудковъ и не успѣвшій нѣсколько ознакомиться съ состояніемъ русской жизни. Онъ видѣлъ и уважалъ великихъ нѣмецкихъ ученыхъ и былъ отъ души увѣренъ, что, для достиженія цѣли преподаванія, должно и у насъ непремѣнно идти тѣмъ же путемъ, т. е. учреждать училища, гимназіи и университеты по нѣмецкимъ образцамъ». Въ результатѣ своего увлеченія нѣмецкимъ способомъ преподаванія Крюковъ и самъ былъ педантиченъ и строгъ по отношенію къ своимъ слушателямъ; это нѣсколько портило, по словамъ Погодина, его отношенія съ ними, но тотъ же Погодинъ признаетъ, что «при своихъ способностяхъ и познаніяхъ Крюковъ вскорѣ понялъ бы ошибочность своего взгляда, если бы смерть рано не поразила его».

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», I, 438—443; Геннади, «Словарь»; «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № 8, стр. 605—630; «Московскія Вѣдомости», 1845 г., № 28.

Крюковъ, *Иванъ Ефимовичъ*, классный художникъ исторической живописи, род. въ 1823 г., ум. въ 1857 г. Учился въ академіи художествъ и былъ въ числѣ учениковъ Ѳ. А. Бруни. Въ 1848 г. Крюковъ получилъ серебряную медаль второго достоинства за этюдъ съ натуры. Хотя Крюкову много мѣшала въ успѣшности его художественныхъ занятій крайняя бѣдность, которую онъ терпѣлъ, но въ декабрѣ 1848 г. онъ получилъ уже первую серебряную медаль за живопись съ натуры, а въ 1849 г. конкурировалъ на золотую медаль второго достоинства исполненіемъ картины на тему: «Геркулесъ бросаетъ юнаго Ликоса въ море» и получилъ награду. Въ 1850 г. за исполненіе программы на соисканіе первой золотой медали—«Іисусъ Христосъ по сошествіе съ горы послѣ Преображенія исцѣляетъ бѣснующаго», былъ признанъ достойнымъ этой высшей академической награды и получилъ званіе класснаго художника. Съ первой золотой медалью связано казенное образовательное путешествіе за

границу; Крюковъ также былъ отправленъ въ Римъ, но «за лѣность и весьма дурное поведеніе» былъ возвращенъ въ 1855 г. обратно въ Петербургъ; здѣсь Крюковъ добывалъ средства къ жизни, занимаясь реставраціей картинъ и достигъ въ этомъ дѣлѣ немалаго мастерства.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи академ. художествъ» И. Н. Петрова, т. 3; академическ. дѣла 1854 г. № 1032; А. Сомовъ, «Каталогъ оригин. произведен. русской живописи въ галлереѣ Имп. Акад. Художествъ», т. I, стр. 80 и 220.

Кряжевъ, *Василій Степановичъ*, директоръ Московскаго коммерческаго училища, род. 27 января 1771 г., ум. послѣ 1822 г. Гдѣ получилъ образованіе—неизвѣстно; въ 1791 г. выпустилъ «Руководство къ аглицкому языку»—вторымъ изданіемъ вышло въ 1801 г.; затѣмъ послѣдовалъ рядъ переводовъ Кряжева: «Меринваль», трагедія Арнода, съ французскаго (1792), «Жизнь и страданія Людовика XVI... Де-Лимона», съ французскаго, (1793) «Перуанка», комедія Коцебу (1794) и др. Въ началѣ XIX в. вышло нѣсколько книгъ для дѣтскаго чтенія, частью переводныхъ, частью составленныхъ Кряжевымъ. Въ первые годы столѣтія онъ имѣлъ типографію, совмѣстно съ Меемъ, но дѣла ихъ шли плохо и типографія закрылась; съ 1806 г. Кряжевъ былъ учителемъ, а потомъ и директоромъ Московскаго коммерческаго училища».

Геннади, «Словарь»; Евгеній, «Словарь», I, 321.

Ксенія, *Борисовна Годунова* (въ иночествѣ Ольга), дочь царя Бориса Ѳедоровича, род. въ 1582 г., ум. въ 1622 г. Ксеніи исполнилось 16 лѣтъ при избраніи Бориса Ѳедоровича на Московскій престолъ. Во время торжественнаго вступленія новаго царя въ Москву, 30 апрѣля 1598 г., она шла рядомъ съ отцомъ и братомъ, съ ними присутствовала на богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ и вступила впервые въ царскія палаты. Вездѣ царевна упоминалась на ряду съ братомъ своимъ Ѳедоромъ: въ крестоцѣловальной грамотѣ присягавшіе клялись оберегать здоровье дѣтей царя, въ молитвѣ передъ заздравной чашей просили о здравіи «царскихъ дѣтей». Царь Борисъ мечталъ о блестящей партіи для своей дочери и извѣстно нѣсколько брачныхъ проектовъ съ иностранными государями. Первымъ женихомъ Ксеніи былъ Густавъ, принцъ Шведскій, прибывшій въ Москву въ 1598 г., бракъ не могъ состоятъся вслѣдствіе отказа жениха перемѣнить вѣру. Въ 1602 г. пріѣхалъ герцогъ Датскій Іоаннъ, братъ короля Христіана; онъ соглашался стать русскимъ удѣльнымъ княземъ и принялся изучать русскіе обычаи. Ксенія Борисовна поѣхала передъ свадьбой на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру съ родителями и братомъ; сохранилось описаніе этой пышной поѣздки. Женихъ тѣмъ временемъ внезапно заболѣлъ и скончался къ большому горю невѣсты. Борисъ Ѳедоровичъ завелъ тогда брачные переговоры съ Шлезвигскимъ герцогомъ Филиппомъ, искалъ жениха для Ксеніи и на православномъ востокѣ, въ Грузіи, откуда ему прислали описаніе грузинскаго царевича Хозроя. Всѣ эти переговоры прервались появленіемъ Лжедимитрія; по слухамъ, въ эти тяжелыя минуты руку дочери сулилъ Годуновъ Басманову. Смерть царя Бориса 15 апрѣля 1605 г.—поворотный пунктъ въ судьбѣ Ксеніи. Ей присягала Москва на ряду съ Ѳедоромъ Борисовичемъ и матерью его, а черезъ полтора мѣсяца, когда толпа ворвалась въ Кремль и свергла Годуновыхъ, Ксенія была отвезена съ родными въ ихъ прежній боярскій домъ. Спустя нѣсколько томительныхъ дней, 10 іюня, на глазахъ ея убили мать и брата, а ее безчувственную, по приказу Лжедимитрія, отвезли въ домъ Массальскаго. Самозванецъ опозорилъ Ксенію и этотъ позоръ царевны оплаканъ въ сказаніи кн. Катырева Ростовскаго. Мнишекъ въ письмѣ своемъ упрекалъ будущаго зятя въ близости къ нему дочери Годунова и передъ пріѣздомъ Марины Ксенія была пострижена въ монахини, подъ именемъ Ольги, и удалена въ одинъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей. О дочери Годунова вспомнилъ царь Василій Шуйскій. Когда въ 1606 г. онъ торжественно переносилъ тѣло царя Бориса, его жены и сына изъ Варсонофіева монастыря въ Троице-Сергіеву Лавру, Ольга (Ксенія) Борисовна ѣхала за процессіей въ закрытыхъ саняхъ и громко оплакивала гибель своего рода отъ руки Самозванца. Переводимая изъ монастыря въ монастырь, Ксенія—инокиня Ольга—находилась въ Троице-Сергіевой Лаврѣ во время знаменитой осады. Отъ этого времени, отъ 29 марта 1609 г., до насъ дошло письмо ея къ теткѣ. Царевна описываетъ страшный моръ и нужду, которую терпѣли осажденные, а также

безпорядки, происходившіе въ Лаврѣ. О себѣ упоминаетъ, что она со своими старицами больна и съ часу на часъ ожидаетъ смерти. Въ іюлѣ того же года инокиня Соломонида, служанка царевны, извѣщая мать объ успѣшно отбитомъ приступѣ и ослабленіи эпидеміи, писала, что по милости царевны онѣ не терпятъ нужды и что Ольга (Ксенія) Борисовна дала рубль на похороны одного ихъ знакомаго, котораго не на что было хоронить. — Переживъ Смутное время, несчастная дочь Бориса скончалась въ 1622 г., 40 лѣтъ, во Владимірскомъ монастырѣ; она завѣщала передъ смертью похоронить ее рядомъ съ родителями; послѣдняя воля царевны была исполнена и могила ея въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Краткія свѣдѣнія о ней разсѣяны по многимъ памятникамъ, но наиболѣе подробныя заключаются въ сказаніяхъ смутнаго времени (сказанія кн. Катырева Ростовскаго: «Временникъ дьяка Тимоѳеева» и др.), сохранилась также память о царевнѣ и о превратной судьбѣ ея въ пѣсняхъ народа, именно, въ пѣснѣ, записанной Джемсомъ въ 1619 — 1620 гг. Судя по преданіямъ, Ксенія Борисовна отличалась замѣчательною красотою: она была средняго роста, бѣлая и румяная, съ черными волнистыми волосами и большими черными глазами Современники отмѣтили и душевныя качества царевны, ея умъ, начитанность; она любила чтеніе и пѣніе духовное.

«Истор. Библіот.» т. XIII: «Карамзинъ»; «Исторія», тт. XI и XII, Соловьевъ; «Исторія», т. VIII, Иловайскій; «Смутное время Московскаго государства»; Костомаровъ, «Русск. ист. въ жизнеописаніяхъ его главн. дѣятелей», вып. 3-й.

Ксенія *Григорьевна*, юродивая. Род. около 1732 г,, ум. около 1803 г. Была замужемъ за пѣвчимъ придворнаго хора Андреемъ Федоровичемъ Петровымъ, около 1758 г. овдовѣла и приняла на себя юродство: она называла себя Андреемъ Федоровичемъ, жила большею частью въ купеческихъ домахъ. Ночи проводила за городомъ въ молитвѣ и имѣла много почитателей. Погребена на Смоленскомъ кладбищѣ. Могила ея и до сего времени посѣщается.

«Раба Божія Ксенія»,— свящ. Булгаковскаго.

Ксенія *Ивановна Романова*, въ иночествѣ Марѳа, мать царя Михаила Ѳедоровича, ум. 27 января 1631 г., годъ рожденія неизвѣстенъ; можно полагать, что скончалась она лѣтъ шестидесяти. Дочь дворянина Ив. Вас. Шестова и жены его Маріи. Вышла замужъ за Ѳедора Никитича Романова,—впослѣдствіи патріархъ Филаретъ—около 1590 года. Ѳедоръ Никитичъ и Ксенія Ивановна Романовы имѣли пять сыновей и дочь; трое старшихъ—Борисъ, Никита и Левъ умерли въ младенчествѣ (первые два—29 ноября 1592 г., третій—21 сентября 1597 г.); Михаилъ, впослѣдствіи царь, род. 12 іюля 1596 г., послѣ него слѣдовали сынъ Иванъ и дочь Татьяна. Когда въ 1598 г. Романовыхъ постигла опала, Ксенія Ивановна была разлучена съ мужемъ и съ дѣтьми; мужъ ея былъ вскорѣ постриженъ, дѣти отправлены были на Бѣлоозеро; здѣсь Иванъ и скончался въ 1599 г. Ксенія Ивановна была тоже вскорѣ пострижена подъ именемъ Марѳы и заточена въ Толвуйскомъ погостѣ, въ нынѣшнемъ Петрозаводскомъ уѣздѣ. Ея заточеніе не было особенно строгимъ, а мѣстные жители и духовенство относились къ ней съ большимъ почтеніемъ. Въ мартѣ 1602 г. опала съ Романовыхъ была снята и Ксенія Ивановна поселилась вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ с. Клинъ, Юрьевскаго уѣзда. Съ воцареніемъ Лжедимитрія Романовы были приближены къ престолу и инокиня Марѳа съ дѣтьми прибыла въ Москву. Здѣсь же жила она и во время царствованія Шуйскаго, жена котораго, царица Марья, рожденная княжна Буйносова - Ростовская, была въ дружбѣ съ инокинею Марѳою; за родственника царицы, кн. Михаила Кафтырева - Ростовскаго, выдана была Татьяна Ѳедоровна Романова. Инокиня Марѳа съ сыномъ провела время въ Москвѣ до конца октября 1612 г.; они перенесли всю осаду и были выпущены поляками изъ Кремля только наканунѣ сдачи его войскамъ Пожарскаго. Черезъ Ярославль инокиня Марѳа отправилась въ свое родовое имѣніе село Домнино, Костромского уѣзда; здѣсь провели они съ сыномъ зиму и въ началѣ 1613 г. прибыли вмѣстѣ въ Кострому, гдѣ поселились въ Ипатьевскомъ монастырѣ. 14 марта 1613 г. въ монастырь явилось посольство отъ собора, засѣдавшаго въ Москвѣ и избравшаго на царство Михаила Романова. Вновь избранный царь со своею родительницей встрѣтили посольство предъ святыми воротами монастыря, сразу же отвѣтили

отказомъ и не скоро согласились даже войти въ церковь, гдѣ, послѣ молебнаго пѣнія, возобновлены были просьбы къ Михаилу, чтобы онъ принялъ царство, а къ его родительницѣ, чтобы она благословила сына на царство. Цѣлые шесть часовъ продолжались въ церкви совѣщанія, прежде чѣмъ Марѳа благословила сына; лѣтописныя извѣстія говорятъ, что Марѳа первая уступила и воскликнула, обращаясь къ образу Богородицы: «Се, Тебе, о, Богомати, Пречистая Богородице! въ Твои руцѣ, Владычице, чадо свое предаю и како же хощеши, устроиши ему полезная и всему православному христіанству!»

Черезъ пять дней Михаилъ и Марѳа выѣхали на Ярославль; прибывъ сюда 21 марта, они провели здѣсь время до 16 апрѣля; 2 мая—въѣхали въ Москву. При молодомъ царѣ были ближайшими совѣтниками его дядя Иванъ Никитичъ Романовъ, двоюродный его братъ, князь Ив. Борис. Черкасскій, и бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Но наибольшимъ вліяніемъ на царя пользовалась его родительница. О вліяніи этомъ можно заключить изъ того, что имя «великой старицы» Марѳы упоминается во многихъ грамотахъ, и изъ обстоятельствъ, связанныхъ съ женитьбою ц. Михаила; непосредственно же отъ царевой матери исходили различныя благотворительныя и хозяйственныя распоряженія. Такъ, она позаботилась объ участи многихъ постриженицъ, судьба которыхъ связана была съ судьбою царствовавшихъ до Михаила государей, именно объ инокиняхъ Дарьѣ — Аннѣ Колтовской, четвертой супругѣ Грознаго, Еленѣ—вдовѣ Шуйскаго, Александрѣ Сабуровой и Прасковьѣ Соловой, вдовахъ царевича Іоанна; затѣмъ Марѳа наградила людей, оказывавшихъ ей вниманіе во время заточенія ея въ Толвуйскомъ погостѣ и крестьянъ села Домнина, особенно родственниковъ Ивана Сусанина. 14 іюня 1619 г. возвратился въ Москву изъ польскаго плѣна митр. Филаретъ, вскорѣ возведенный въ званіе патріарха. Въ 1619 и 1620 г.г. царь Михаилъ, въ сопровожденіи матери своей, совершилъ двѣ поѣздки по монастырямъ.

При участіи великой инокини состоялось въ 1616 г. первое обрученіе царя Михаила съ дѣвицей Маріей Хлоповой; какъ извѣстно, свадьба не состоялась; невѣста была признана больною и удалена въ Нижній Новгородъ. Филаретъ, ознакомившись съ обстоятельствами, сопровождавшими сватовство, заподозрилъ интриги со стороны Салтыковыхъ; молодой царь, повидимому, сохранилъ расположеніе къ своей прежней невѣстѣ — и въ 1623 г. было отправлено посольство привезти Хлопову снова въ Москву; Салтыковыхъ, родственниковъ Марѳы, обвиненныхъ въ козняхъ противъ этого брака, Филаретъ отправилъ въ ссылку. Это такъ раздражило Марѳу, что она высказала непреклонное несогласіе свое на вступленіе Михаила въ бракъ съ Хлоповой. Въ сентябрѣ 1625 г. Михаилъ женился, по выбору матери, на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгоруковой; молодая царица умерла въ январѣ слѣдующаго года; въ 1628 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ во второй бракъ съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой. Эта женитьба, повидимому, ни мало не отдалила сына отъ матери; одни и тѣ же люди были ближайшими лицами и старицы Марѳы, и царской четы. Инокиня Марѳа скончалась 27 января 1631 года и погребена въ усыпальницѣ Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Хрущовъ И. П.—«Ксенія Иван. Романова»—въ «Древней и Новой Россіи», 1876 г. и отдѣльно—Кіевъ 1876 г., и С.-Петербургъ, 1882 г., въ «Сборникѣ литерат., историч. и этнограф. статей и замѣтокъ»,' Спб., 1901 г., 135—174.; Селифонтовъ, «Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ ц. Мих. Ѳеод.».

Ксенія *Юрьевна*, вторая супруга съ 1263 г. великаго князя тверского и владимірскаго Ярослава Ярославича, дочь новгородскаго боярина Юрія Михайловича, ум. въ 1312 г. Нѣкоторые изслѣдователи неправильно почитаютъ ее дочерью князя тарусскаго того же имени и отчества. Въ 1285 г. Ксенія, на мѣсто деревянной Козмодаміанской церкви, заложила въ Твери каменный Преображенскій соборъ (главная святыня Твери) и присутствовала на освященіи его 8 ноября 1290 г. Лѣтописи отмѣчаютъ, что она воспитала сына своего Михаила (святого) «во страсѣ Господни, и научи святымъ книгамъ и всякой премудрости». Въ то же почти время, съ ея соизволенія, мѣсто перваго тверского епископа Симеона занялъ гордый и легкомысленный Андрей, сынъ литовскаго князя Герденя, бывшій до того времени игуменомъ Общаго монастыря. Въ 1304 г. митрополитъ Максимъ именемъ Ксеніи удерживалъ кн. московскаго

Юрія Даниловича отъ его намѣренія предвосхитить право на великокняжескій столъ у Михаила тверского: «азъ имаюся тебѣ съ в. кн. Оксиньею, матерію в. кн. Михаила, чего восхощешь изо отчины вашея, то ти дасть». Ксенія скончалась инокиней и схимницей въ 1312 г. и погребена въ основанномъ ею Спасопреображенскомъ соборѣ.

Полн. Собр. Рус. Лѣт., I, 207; V, 207; VII, 164. 188. 189; X, 144, 166—168, 178; Борзаковскій, «Ист. Тверскаго княж.».

Ксенофонтовъ, *Иванъ Степановичъ*, академикъ исторической живописи, род. 25 марта 1817 г., ум. 20 декабря 1875 г. Первоначальное обученіе получилъ дома; чувствуя влеченіе къ рисованію, онъ сталъ посѣщать с.-петербургскую рисовальную школу для приходящихъ и оказалъ такіе успѣхи, что спустя два года имѣлъ возможность перейти уже въ Академію Художествъ; въ 1843 г. онъ былъ опредѣленъ въ ученики къ К. П. Брюллову. Въ академіи Ксенофонтовъ пошелъ впередъ довольно успѣшно. Въ 1845 г. за живопись съ натуры онъ получилъ вторую серебряную медаль. Въ 1850 г. Ксенофонтову за исполненіе программы—«Товій исцѣляетъ глаза отцу своему въ присутствіи Архангела Гавріила», Академія присудила серебряную медаль перваго достоинства, удостоила званія художника и предоставила ему продолжать работать на полученіе второй золотой медали, назначивъ ему программой исполненіе: «Воскресеніе Господне»; за эту программу Ксенофонтову присудили 2-ю золотую медаль. Первую золотую медаль Ксенофонтовъ получилъ въ 1852 г. за картину: «Ной благословляетъ сыновей своихъ Сима и Афета и отвергаетъ неблагословеннаго имъ сына Хама». Въ 1855 г. Ксенофонтовъ былъ отправленъ за-границу пенсіонеромъ академіи; за-границей онъ преимущественно жилъ въ Италіи. Тамъ онъ не мало работалъ, присылая свои картины на академическія выставки; написанныя правильно и достаточно вѣрно по краскамъ, эти работы не производили большого впечатлѣнія главнымъ образомъ по сухости исполненія и не богатству фантазіи художника. Руководительство К. П. Брюллова, а потомъ Ѳ. А. Бруни, положило извѣстный отпечатокъ на художественную дѣятельность Ксенофонтова; его композиціи—больше на религіозныя темы—отличаются весьма сухой и условной компановкой, сухимъ и рѣзкимъ рисункомъ. Будучи за границей онъ, между прочимъ, написалъ картину: «Снятіе со Креста», «Явленіе Христа женамъ мироносицамъ при Гробѣ Господнемъ», «Успеніе Пресвятыя Богородицы» и т. д. Въ 1863 г. Ксенофонтовъ получилъ званіе академика за картину-образъ «Успеніе Богородицы» (въ церкви русской миссіи въ Іерусалимѣ).

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Худож.», П. Н. Петрова т. 3; Донесенія пенсіонеровъ Академіи за-границей за № 1706, 1859 г., № 489, 1861 г., № 946—1861 г.; Ѳ. И. Булгаковъ, «Наши художники», т. I.

Ив. Лазаревскій.

Ксенофонтъ, преподобный Робейскій, мѣстно чтимый, скончался 26 іюня 1262 г. Ученикъ преп. Варлаама Хутынскаго, былъ настоятелемъ Хутыня монастыря послѣ преп. Антонія, затѣмъ отошелъ въ уединеніе и основалъ пустынь на рѣк. Робейкѣ, въ 18 верстахъ отъ Новгорода; въ этой пустынѣ подъ спудомъ его мощи.

Кн. Эристовъ, «Слов. истор. о святыхъ», 142.

Ксенофонтъ (*Троепольскій*), архіепископъ каменецъ-подольскій, ум. 4 мая 1834 г. Окончилъ курсъ въ сѣвской семинаріи, постригся въ монашество, и былъ черезъ нѣсколько времени назначенъ префектомъ той же семинаріи. 6 іюня 1796 г. возведенъ въ санъ архимандрита Зеленецкаго монастыря, назначенъ законоучителемъ Морского шляхетскаго корпуса. 1 февраля 1798 г. переведенъ настоятелемъ въ казанскій Спасо-Преображенскій монастырь и преподавателемъ Казанской духовной академіи; 24 августа 1799 г.—настоятелемъ свіяжскаго монастыря и ректоромъ академіи. 15 января 1800 г. посвященъ во епископа свіяжскаго, викарія казанской епархіи, 24 февраля того же года назначенъ епископомъ во Владиміръ; 3 іюня 1821 г. переведенъ архіепископомъ въ Каменецъ-Подольскъ; съ 24 января 1832 г. жилъ на покоѣ въ Коржевскомъ монастырѣ подольской епархіи

Горталовъ, «Крат. біогр. свѣд. объ іерарх. Казан. епархіи», 30; Благовѣщенскій, «Ист. каз. дух. акад.»; «Влад. епарх. вѣдом.», 1874, 401—409.

Кубаревъ, *Алексѣй Михайловичъ*, адъюнктъ по каѳедрѣ римской словесности въ Московскомъ университетѣ, магистръ словесныхъ наукъ, род. въ Москвѣ 25 сентября 1796 г., ум. 14 іюня 1881 г. Сынъ священника церкви св. Троицы на Листахъ близъ Сухаревой башни, учился

сначала въ славяно-греко-латинской академіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1819 г. кандидатомъ словеснаго отдѣленія, причемъ для полученія этой степени представилъ разсужденіе «De utilitate latini sermonis». Въ университетѣ онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время профессора греческой и римской словесности Р. Ф. Тимковскаго, который имѣлъ на него своими бесѣдами громадное вліяніе, и благодаря содѣйствію котораго Кубаревъ, послѣ защиты диссертаціи на тему «De orgine, summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae» и полученія степени магистра, занялъ, въ 1826 г. въ Московскомъ же университетѣ каѳедру римской словесности. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до 1839 г., когда его противъ его желанія назначили экстраординарнымъ профессоромъ въ Кіевскій университетъ; онъ не пожелалъ покинуть Москву, вышелъ въ отставку и остальную часть своей жизни посвятилъ занятіямъ палеологіей, являясь однимъ изъ очень дѣятельнымъ членовъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Изъ трудовъ Кубаревъ за первый періодъ его дѣятельности наиболѣе важенъ переводъ «Краткой Латинской грамматики Цумпта», выдержавшій въ короткое время (1832 — 1847 гг.) пять изданій; дополненіемъ къ этой книгѣ является «Собраніе темъ или краткихъ задачъ на правила Цумптовой грамматики» (3 изданія 1834, 1838, 1848 гг.); по выходѣ въ отставку Кубаревъ написалъ: «Несторъ — первый писатель россійской исторіи церковной и гражданской» («Русскій историческій сборникъ», Москва, 1840 г.) и «О патерикѣ печерскомъ и описаніе харатейнаго списка Печерскаго патерика» («Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей», 1847 г., кн. 9), — труды, не лишенные серьезныхъ достоинствъ; затѣмъ издалъ переводъ «Корнелія Непота жизнеописанія главнѣйшихъ полководцевъ» (Москва, 1867 г.) и «Новыя критическія примѣчанія къ жизнеописаніямъ Корнелія Непота» (Москва, 1873 г. — работы эти вызвали обстоятельныя критическія статьи со стороны Р. А. Фохта въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1868 и 1874 гг.); «О Саллюстіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ, находящихся въ риторическомъ наставленіи Квинтилліана» (Москва 1870 г.), трудъ, посвященный академику Августу Карловичу Науку, въ которомъ авторъ доказываетъ, что рѣчь противъ Цицерона, приписываемая Саллюстію, на самомъ дѣлѣ принаддежитъ лютѣйшему врагу Цицерона — Клодію. Послѣднимъ произведеніемъ Кубарева была его статья въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ» 1873 г. № 4 — «Откуда произошло слово Кремль», въ которой Кубаревъ возражалъ академику Гроту, доказывая, что слово «Кремль» произошло не отъ псковскаго слова «кромъ», а отъ греческаго «χρημνός» — крутизна. Несмотря на то, что Кубаревъ прожилъ долго и умеръ сравнительно недавно—свѣдѣній о его жизни почти не имѣется; онъ жилъ уединенно, нелюдимомъ; судя и по портрету Кубарева, приложенному къ книгѣ Барсукова «Русскіе палеологи 40-хъ годовъ», и по его перепискѣ съ Сахаровымъ и др., можно думать, что онъ былъ человѣкъ болѣзненный, нервный и раздражительный. Одинъ изъ современниковъ его, Н. В. Закревскій, писалъ о немъ, что онъ «чрезвычайно интересный человѣкъ, но, кажется, гипохондрикъ: говоритъ болѣе о своей болѣзни, чѣмъ о древностяхъ славянскихъ». Какъ учитель и профессоръ онъ былъ человѣкъ очень знающій и умѣлъ вызывать къ себѣ любовь въ ученикахъ. Объ этомъ можно заключить по одному разсказу, передаваемому Н. П. Барсуковымъ: князь А. И. Барятинскій уже въ 1860 году, встрѣтившись въ Боржомѣ съ Погодинымъ и узнавъ, что онъ хорошо знаетъ Кубарева, переслалъ черезъ него Кубареву на память свой портретъ. Самъ Погодинъ отзывался о Кубаревѣ, что «это латинистъ, какихъ у насъ мало».

«Біограф. Словарь профессоровъ Московскаго университета», ч. I, с. 443; Барсуковъ, «Русскіе палеологи 40-хъ годовъ», 1880 г.; Барсуковъ «Жизнь и труды Строева»; «Древняя и новая Россія», Спб. 1880 г., кн. II, стр. 260—261; Языковъ, «Обзоръ» за 1881 г.; «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1868 г., № 8, с. 669—691 и 1874 г., № 8, 111—138; «Московскія Вѣдомости» 1881 г., № 165; «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № 8, стр. 611—Погодинъ, «Школьныя воспоминанія».

Кубасовъ, *Сергій Іевлевъ*, тобольскій сынъ боярскій, жившій въ XVII ст., переписчикъ, а можетъ быть и составитель одного изъ хронографовъ русской редакціи XVII ст.—Впервые хронографъ Кубасова

былъ напечатанъ въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» — изданіи московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, со списка, подареннаго библіотекѣ Московскаго университета П. Г. Демидовымъ. Въ настоящее время демидовскій списокъ хронографа болѣе не существуетъ, а извѣстно только два другихъ его списка: въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (изъ собранія рукописей Пискарева) и у Попова. Трудъ Кубасова представляетъ собою одну изъ девяти отдѣльныхъ попытокъ перестроить хронографъ, внести въ него новый порядокъ и новый историческій матеріалъ; озаглавленъ онъ: «Граногрaфъ, сирѣчь лѣтописецъ отъ сотворенія свѣта»; начинается онъ какъ показано въ заглавіи и доходитъ до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича; по содержанію распадается на двѣ неравныя части: одна заимствована главнымъ образомъ изъ хронографа первой редакціи, лѣтописей и немногихъ другихъ источниковъ, другая—оригинальная, принадлежащая автору и охватывающая періодъ отъ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Матеріалъ расположенъ оригинально: строго отдѣлена обще-историческая часть отъ части, касающейся русской исторіи; въ первыхъ 244 главахъ; излагающихъ событія, отъ сотворенія міра и до паденія Константинополя, исключительнымъ источникомъ является первая редакція хронографа (1512 г.): составитель сдѣлалъ сокращенія, подновилъ языкъ, прибавилъ нѣсколько новыхъ выписокъ изъ библейскихъ книгъ; въ этой обще-исторической части работы нѣтъ заимствованій изъ западныхъ и польскихъ источниковъ. Источниками при изложеніи русской исторіи до царствованія Іоанна Грознаго были лѣтописи (изъ нихъ начальная лѣтопись въ позднѣйшемъ изводѣ) и русскія статьи первой редакціи хронографа. Эта часть, крсмѣ немногихъ вставочныхъ статей, не встрѣчающихся въ другихъ хронографахъ, не представляетъ историческаго интереса. Вторая, оригинальная, часть труда носитъ общее заглавіе: «Повѣсть книги сея отъ прежнихъ лѣтъ о началѣ царствующаго града Москвы и о корени великихъ князей московскихъ и о пресѣченіи корени царскаго отъ Августа царя и о настатье Бориса царя и о приходѣ богомерскаго еретика Гришки Отрепьева Растриги на Царствующій градъ и о началѣ его и убіеніи его и о мятежѣ въ Царствующемъ градѣ и о пришествіи Ляховъ и о разореніи царствующаго града Москвы собраніемъ и попеченіемъ всего православнаго россійскаго христіанства и о избраніи на царствующій градъ Москву и на всѣ Россійскія государства царя Михаила Федоровича и о возрастѣ и о мужествѣ и о нравахъ прежнихъ царей царствующаго града Москвы». Источниками «повѣсти», по словамъ автора, является лишь то, что «онъ самъ существенно видѣлъ или слышалъ отъ другихъ». Заканчивается «повѣсть» словами: «Написана бысть сія книга въ лѣто 7134 (1626 г.) іюля въ 28 день», а затѣмъ: «труды же и тщаніемъ многогрѣшнаго раба Тобольскаго сына боярскаго Сергія Кубасова». Профессора Ключевскій и Платоновъ пришли къ заключенію, что упомянутая «повѣсть о смутѣ» написана въ 1626 г. и вѣроятно — не Кубасовымъ, а княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ - Ростовскимъ, виднымъ административнымъ и военнымъ дѣятелемъ въ смутное время и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, принимавшемъ участіе въ 1608 г. въ убіеніи Лжедимитрія, сосланнымъ въ Сибирь за измѣну царю Василію Ивановичу, бывшимъ Тобольскимъ воеводою и умершимъ въ Москвѣ въ 1641 году. Кубасовъ-же скорѣе всего былъ лишь переписчикомъ этого труда. О самой «Повѣсти» Платоновъ пишетъ слѣдующее: «она написана довольно витіевато и торжественно, но была передѣлана, какъ думаютъ, оффиціально и стала извѣстна подъ именемъ «Рукописи Филарета». Объ этой рукописи историки отзываются, какъ о поэмѣ, и авторъ дѣйствительно несомнѣнно обладалъ поэтическимъ талантомъ». Во всякомъ случаѣ, можно сказать лишь, что Кубасовъ скончался позднѣе Катырева-Ростовскаго, такъ какъ есть указаніе, что еще въ январѣ 1668 г. черезъ него была переслана Государю докладная записка «о способахъ къ увеличенію казенныхъ доходовъ въ Тобольскѣ и пригородахъ тамошняго уѣзда».

Ключевскій, «Боярская Дума» с. 375; А. Поповъ «Обзоръ этнографовъ русской редакціи», ч. II, с. 231—236, Москва 1869; С. Платоновъ. «Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени». Спб. 1886, с. 134; «Русскія достопамятности», изд. общ. ист. и древн. росс. Москва. 1815 г., ч. I, с. 170 — 175, «Дополненія къ актамъ историческимъ», т. V, с. 331—332; Буслаевъ «Русская хрестоматія», Москва 1870 г.

Кубенскіе, удѣльные князья, вѣтвь ярославскихъ. Первымъ княземъ Кубенскимъ назывался *Семенъ Дмитріевичъ*, въ первой половинѣ XV в.; онъ былъ внукомъ кн. Василія Васильевича, который со стороны матери, былъ внукомъ Калиты. Семенъ Дмитріевичъ утратилъ свой удѣлъ, который незадолго до 1447 г. былъ присоединенъ къ Москвѣ; отъ брака съ княжною Дѣевою онъ имѣлъ двухъ сыновей Ивановъ, изъ которыхъ младшій умеръ бездѣтнымъ, въ чинѣ окольничаго, около 1500 г.; два сына *Ивана Семеновича большого*, Иванъ Ивановичъ и Михаилъ Ивановичъ, были боярами при Іоаннѣ Грозномъ. Наиболѣе выдающимся изъ нихъ былъ бояринъ кн. *Михаилъ Ивановичъ* Кубенскій, который былъ воеводою въ нѣсколькихъ походахъ. Въ 1524 г., въ походѣ на Казань, онъ былъ первымъ въ сторожевомъ полку; походъ этотъ увѣнчался успѣхомъ; въ 1526 г. получилъ санъ боярина. Въ 1530 г. въ новомъ большомъ походѣ на Казань кн. М. И. Кубенскій былъ третьимъ въ большомъ полку судовой рати, гдѣ выше его стояли кн. Ив. Ѳед. Бѣльскій и кн. Мих. Вас. Горбатый. Въ 1532 г. онъ былъ отправленъ посломъ къ Исламу царевичу, который заявилъ желаніе выйдти служить великому князю; князь Кубенскій принялъ отъ царевича шерть и объявилъ ему, что великій князь принимаетъ Ислама въ службу и братство и называетъ его своимъ сыномъ. Присутствовалъ въ числѣ ближайшихъ бояръ при кончинѣ вел. кн. Василія Ивановича. Въ 1535 г. кн. М. И. Кубенскій былъ первымъ воеводою правой руки въ рати, которую великій князь направилъ изъ Новгорода и Пскова, чтобы дѣйствовать противъ литовскихъ войскъ совмѣстно съ ратью князя Мих. Вас. Горбатаго; и этотъ походъ былъ удаченъ. Въ 1541 г. участвовалъ въ заговорѣ, свергшемъ Ив. Бѣльскаго; въ томъ же году былъ третьимъ въ большомъ полку рати, выходившей на берегъ Оки противъ Сафа-Гирея; умеръ около 1550 г.—*Иванъ Ивановичъ*, бояринъ съ 1535 г., былъ при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ крайчимъ; въ 1541 г. участвовалъ въ заговорѣ противъ Ив. Бѣльскаго; послѣ паденія Шуйскихъ заключенъ былъ въ тюрьму; освобожденный черезъ пять мѣсяцевъ, онъ вскорѣ опять подвергся опалѣ; въ 1545 г., по обвиненію, что онъ, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, виновникъ возстанія въ Новгородѣ, убитъ по повелѣнію Іоанна. Родъ князей Кубенскихъ угасъ при Грозномъ.

Экземплярскій, «Вел. и удѣльные князья», II, 112—114; Пол. Собр. Рус. Лѣт., IV, 299 — 300; VI, 265; VIII, 270, 275, 279, 288, 299; Устряловъ, «Сказанія Курбскаго», пр. 15.

Кубли, *Павелъ Павловичъ*, медальеръ, род. въ Петербургѣ, въ 1817 г., ум. тамъ же 4 октября 1882 г. Учился въ Швейцаріи, затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, съ 1833 г. у медальера Монетнаго двора Губе и послѣ его смерти занялъ въ 1849 г. мѣсто медальера С.-Петербургскаго монетнаго двора. Онъ занимался по преимуществу монетными штемпелями. Вырѣзалъ медаль въ память перваго археологическаго съѣзда и лицевую сторону медали «За покореніе Кавказа».

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».

Кублицкій, *Михаилъ Егоровичъ*, писатель, род. 28 ноября 1821 г. въ Рязани, ум. въ ночь со 2 на 3 іюня 1875 г. въ Москвѣ. Нѣкоторое время служилъ при Московскомъ губернскомъ прокурорѣ, въ 1848 г. посѣтилъ Парижъ, и съ того времени ежегодно проводилъ лѣто за границею. Болѣе 30 лѣтъ сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, помѣщалъ фельетоны, театральныя рецензіи и велъ библіографическую хронику. Большинство своихъ статей онъ подписывалъ буквами М. К. Въ нихъ Кублицкій излагалъ въ общедоступной формѣ новое, высказанное писателями и учеными, преимущественно по эстетикѣ. Его статьи читались публикой съ интересомъ, по нимъ провѣряли свои впечатлѣнія посѣтители театровъ, музеевъ, картинныхъ выставокъ и галерей; въ нихъ художники и артисты находили полезныя для себя указанія. Произведенія Кублицкаго представляютъ обильный матеріалъ для характеристики времени, когда въ Россіи интересъ къ искусству сводился къ отыскиванію самыхъ задачъ искусства. Кублицкій былъ также глубокимъ знатокомъ исторіи русской церковной музыки. Сочувствуя развитію музыкальнаго образованія, Кублицкій при жизни сдѣлалъ значительное пожертвованіе въ пользу Московской консерваторіи. Послѣ него осталась значительная библіотека, много автографовъ; онъ завѣщалъ это своему другу, поэту Я. Полонскому. Изъ произведеній М. Е. Кублицкаго назовемъ: «Мольеръ». Біографія («Ре-

пертуаръ и Пантеонъ» 1844 г., т. V) и рядъ писемъ о театрѣ различныхъ европейскихъ столицъ въ томъ же журналѣ за 1845 годъ; «Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ, съ рисунками и планомъ театра» (М. 1849 г.); «Матеріалы для исторіи средневѣковаго театра. Состояніе театра во II, III и IV вѣкахъ» («Пантеонъ» 1856 г., т. XXV); «Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы. Пѣвцы. Пѣвицы» (М. 1874).

«Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., № 24; «Гражданинъ» 1876 г., № 4, стр. 104; «Газета Гатцука» 1875 г., № 22; «Московскія Вѣдомости» 1875 г., № 142; «Музыкальный Листокъ» 1875 г., № 2.

Кугушевъ, князь, *Григорій Васильевичъ*; драматургъ, род. 5 марта 1824 г., ум. 21 сентября 1871 г., въ Москвѣ, похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Кугушеву принадлежитъ нѣсколько комедій, игравшихся съ успѣхомъ въ Петербургѣ и Москвѣ: «Пари», «Голубой капотъ», «Пріемышъ», «Друзья-пріятели», «Комедія безъ названія» («Пантеонъ» 1851 и 1852 гг.), «Маркиза Караба», «Евгеній Онѣгинъ», оригин. драма, «Емелюшка-дурачекъ», ориг. водевиль, «Наказанная кокетка», ориг. комедія и др. Кугушеву же принадлежатъ «Корнетъ Отлетаевъ», повѣсть въ трехъ частяхъ, «Пыль», повѣсть въ 2 част., «Странникъ», эскизъ провинціальной жизни; «Постороннее вліяніе», романъ въ 4 частяхъ; Кугушевымъ написано либретто для «Мазепы», большой драматической оперы, въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ, съ танцами, сюжетъ заимствованъ изъ «Полтавы» Пушкина. Музыка барона Фитинтофа, П. 1859 г.; «Д. Т. Ленскій», некрологъ. «Драматическія сочиненія» Кугушева изданы С. Разсохинымъ, въ 2-хъ томахъ; романы и повѣсти напечатаны частью отдѣльно, частью въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», за 1856 и 1857 гг. Братъ кн. Г. В. Кугушева, князь *Флоръ Васильевичъ* Кугушевъ, род. въ 1851 г., ум. 6-го ноября 1881 г., былъ тоже писателемъ, писалъ въ журналахъ юмористическіе очерки.

Геннади, «Словарь», «Русскій Архивъ» 1873 г., № 8, «Отечественныя Записки» 1859 г., т. CXXV, стр. 36—41.

Кудрявскій, *Емельянъ Аѳанасьевичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1775 г., ум. 12 апрѣля 1845 г. Происходилъ изъ дворянъ польскихъ областей, отошедшихъ къ Римской Имперіи. Въ 1794 г. вступилъ на службу студентомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и опредѣленъ къ посольству въ Вѣну; съ 1807 г. былъ въ отставкѣ, 31 января 1814 г. вновь опредѣленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; 27 августа 1821 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 31 декабря въ тайные; 19 января 1835 г. назначенъ первымъ директоромъ канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; русское подданство принялъ въ 1839 г.

Формуляръ въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

Кудрявскій, *Христіанъ Емельяновичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1815 г., уы. 8 декабря 1878 г. Изъ дворянъ; воспитывался въ Калишскомъ кадетскомъ корпусѣ; службу началъ въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ 23 декабря 1831 г.; 12 февраля 1838 г. назначенъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Копенгагенѣ, затѣмъ занималъ ту же должность въ Парижѣ и Лондонѣ. 26 августа 1850 г. назначенъ секретаремъ миссіи и генеральнымъ консуломъ въ Гамбургѣ; 8 іюня 1855 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ при вольныхъ городахъ Германіи, 15 апрѣля 1855 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 3 марта 1864 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Лиссабонскомъ дворѣ, 3 апрѣля 1881 года—чрезвычайнымъ посланникомъ при Мадридскомъ дворѣ; въ Мадридѣ и скончался.

Формуляръ въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

Кудрявцевъ, *Александръ Николаевичъ*, профессоръ Новороссійскаго университета, род. въ 1840 г., ум. 15 сентября 1888 г. Сынъ сельскаго священника владимірской губерніи; учился въ духовномъ училищѣ, Виѳанской семинаріи и Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ по первому разряду въ 1866 г. Въ томъ же году назначенъ дьякономъ при церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ; здѣсь онъ занимался изученіемъ славянства и писалъ статьи о современномъ его положеніи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». 25 января 1873 г. Кудрявцевъ получилъ степень магистра богословія и 1 мая 1873 г., по представленію профессора богословія въ Новороссійскомъ университетѣ, Павловскаго, покидавшаго каѳедру,

избранъ ему преемникомъ, съ званіемъ исправляющаго должность профессора. 4 октября 1873 г. рукоположенъ во священники и съ января 1874 г. началъ чтеніе лекцій; 29 марта 1880 г. утвержденъ въ званіи профессора; въ 1888 г. Кудрявцевъ имѣлъ перейти на каѳедру богословія въ Московскій университетъ, но предъ самымъ переходомъ заболѣлъ плевритомъ и умеръ въ Одессѣ. Въ университетѣ Кудрявцевъ читалъ нѣсколько лѣтъ каноническое право; онъ былъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Одессы и преподавалъ въ Одесской городской Маріинской женской гимназіи; 11 іюня 1883 г. возведенъ въ санъ протоіерея.— Кудрявцевъ пользовался въ Одессѣ извѣстностью какъ проповѣдникъ; слушать его собирались въ большомъ числѣ; его проповѣди носили обыкновенно обличительный характеръ и отличались энергіею и страстностію. Въ университетѣ онъ былъ очень крупнымъ и виднымъ дѣятелемъ. Печатныхъ отдѣльныхъ трудовъ онъ не оставилъ. Много проповѣдей и словъ его напечатано въ одесскихъ газетахъ; болѣе крупныя работы, напечатанныя имъ, слѣдующія: «Мухаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской»—въ «Записк. Имп. Новоросс. университета», т. XX, «Отношеніе духовенства къ церковному хозяйству», пять статей въ «Церковно-обществ. Вѣстникѣ», 1889 г.; актовая рѣчь «Нищенство, какъ предметъ попеченія церкви, общества и государства»—въ «Запискахъ» университета, т. XLIV; послѣ смерти Кудрявцева изданъ его «Краткій курсъ по православному богословію», 3 ч., М. 1889.

Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе Импер. Ново. росс. университета», 168—172; «Церковн. Вѣдомости», 1888; «Херсонскія епарх. вѣд.», 1888; Смирновъ С., «Исторія моск. дух. академіи».

Кудрявцевъ, *Меѳодій Никитичъ*, род. около 1676—1680 г., убитъ въ іюлѣ 1774 г. Онъ началъ службу въ 1704 г. рядовымъ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ, сражался противъ Карла XII подъ предводительствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Черезъ годъ онъ былъ вахмистромъ, въ 1706 г. произведенъ въ поручики. Въ 1711 г. Кудрявцевъ служилъ въ Казани, гдѣ отецъ его былъ комендантомъ, и участвовалъ въ походѣ Апраксина на Кубань. Въ 1712 г. онъ, вмѣстѣ съ «прибыльщикомъ» Матвѣемъ Нестеровымъ, долженъ былъ осмотрѣть и описать годные для кораблестроенія дубовые лѣса по Волгѣ, Окѣ и другимъ рѣкамъ. Въ 1718 г. переведенъ съ чиномъ поручика въ гвардейскій Преображенскій полкъ, а въ 1722 г., во время персидскаго похода, былъ посланъ Петромъ Великимъ въ калмыцкіе улусы, для «взятія калмыцкаго войска и для другихъ дѣлъ», при чемъ царь вручилъ ему 10,000 р. на раздачу калмыкамъ и на покупку для войска лошадей. 29 апрѣля 1727 г., еще при жизни своего отца Никиты Алферовича, М. Н. Кудрявцевъ былъ назначенъ на его мѣсто вице-губернаторомъ въ Казань. Онъ не сошелся съ А. П. Волынскимъ, присланнымъ вторично губернаторомъ въ Казань въ 1728 г., а во время его распри съ казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ держалъ сторону послѣдняго, вслѣдствіе своихъ родственныхъ отношеній къ всесильному въ Синодѣ ростовскому архіепископу Георгію Дашкову, который покровительствовалъ Сильвестру. При содѣйствіи Кудрявцева казанскіе инородцы подали въ Сенатъ жалобу на Волынскаго, обвиняя его въ противозаконныхъ съ нихъ поборахъ, и 29 іюля 1728 г. Верховный Тайный Совѣтъ поручилъ Кудрявцеву и флота капитанъ-командиру Козлову произвести слѣдствіе по этому дѣлу. Въ концѣ 1729 г. Кудрявцевъ уѣхалъ въ Москву, пробылъ тамъ до половины 1730 г., и добился увольненія Волынскаго отъ должности казанскаго губернатора и преданія его суду. Черезъ три года, въ 1733 г., во время губернаторства въ Казани гр. Пл. Ив. Мусина-Пушкина, Кудрявцевъ испыталъ самъ на себѣ превратности судебъ. Онъ былъ арестованъ по указу Сената и привезенъ изъ деревни въ Казань. Причиной ареста Кудрявцева и его родственниковъ было ихъ родство съ Георгіемъ Дашковымъ; къ тому же жена Кудрявцева, узнавъ, въ началѣ 1731 г. о печальной участи Георгія, своего дяди, сосланнаго въ 1730 г. въ Каменный монастырь, на Кубенское озеро, тайно послала къ нему изъ Казани гостинцы; Георгій не взялъ дорогихъ мѣховъ и денегъ, а остальные гостинцы принялъ и велѣлъ сказать племянницѣ, что скоро будетъ посхимленъ по предписанію Синода. Допросы Кудрявцевыхъ о сношеніяхъ съ опальнымъ Георгіемъ Дашковымъ окончились для нихъ

благополучно, и въ томъ же 1733 г. Кудрявцевъ получилъ должность оберъ-комиссара казанскаго адмиралтейства и «по рангу этой должности» произведенъ въ бригадиры. Осенью этого года онъ принималъ у себя ученую, такъ называемую Камчатскую, экспедицію, снаряженную Академіей Наукъ для изслѣдованія сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири. Одинъ изъ членовъ этой экспедиціи, академикъ Гмелинъ, характеризуетъ Кудрявцева, какъ радушнаго хлѣбосола, привѣтливаго со своими гостями и человѣка, весьма разговорчиваго и любезнаго въ обращеніи. Въ регентство Бирона, 30-го октября 1740 г. Кудрявцевъ былъ уволенъ отъ службы, безъ повышенія рангомъ, но 12 дней спустя, по низложеніи самого Бирона, Анна Леопольдовна наградила его чиномъ генералъ-майора. По выходѣ въ отставку, Кудрявцевъ жилъ то въ Казани, то въ подгородномъ своемъ селѣ Каймарахъ. Въ маѣ 1767 г., когда императрица Екатерина II посѣтила Казань, Кудрявцеву было болѣе 90 лѣтъ, онъ плохо видѣлъ и слышалъ, но тѣмъ не менѣе непремѣнно желалъ видѣть императрицу и такъ обрадовался встрѣчѣ съ ней, что не могъ говорить отъ волненія; императрица приняла отъ него въ подарокъ четверку прекрасныхъ вороныхъ лошадей Каймарскаго завода. Въ 1774 г., когда шайки Пугачева подступили къ Казани съ востока и сѣверо-востока, Кудрявцевъ отправилъ въ дворянскій легіонъ, организованный для борьбы съ мятежниками, своего сына, своего внука, П. А. Татищева, и правнука, П. П. Татищева, заповѣдавъ имъ не щадить жизни въ борьбѣ за правду. Самъ Кудрявцевъ пріѣхалъ въ Казань изъ Каймаръ незадолго до прихода въ Каймары пугачевцевъ. 12 іюля пугачевцы завладѣли загороднымъ домомъ Кудрявцева въ Казани и устроили тамъ свои баттареи. Нѣкоторые служилые люди, помѣщики и казанскіе обыватели заперлись въ казанской крѣпости, другіе искали убѣжища въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Кудрявцевъ, надѣявшійся найти спасеніе въ церкви, близъ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Но Казанскій монастырь былъ разрушенъ, а Кудрявцевъ умерщвленъ на паперти пугачевцами. Въ преданіи о его смерти дѣйствительность прикрашена вымысломъ, такъ что въ памяти ближайшихъ потомковъ Кудрявцевъ являлся героемъ, мученикомъ за убѣжденія.

Д. А. Корсаковъ: «Н. А. Кудрявцевъ и его потомство», въ книгѣ: «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.». Казань. 1891 г. Въ этой монографіи указаны источники, на основаніи которыхъ составлены біографическіе очерки М. Н. Кудрявцева и отца его, Никиты Алферовича Кудрявцева.

В. Корсакова.

Кудрявцевъ, *Михаилъ Андреевичъ*, художникъ жанристъ, род. 1 ноября 1847 г., ум. 28 сентября 1872 г. Въ 1864 г. онъ поступилъ въ Академію Художествъ и еще будучи ученикомъ сталъ извѣстенъ публикѣ своими талантливыми жанровыми работами. Въ 1864 г. Кудрявцевъ получилъ за рисунки двѣ малыя серебряныя медали, а въ 1868 г. двѣ большія за этюдныя работы. Въ 1871 г. онъ исполнилъ программу «Каинъ и Авель» на полученіе золотой медали и получилъ малую золотую медаль. Съ 1868 г. ежегодно Кудрявцевъ экспонировалъ свои картины на академическихъ выставкахъ; изъ числа работъ его наиболѣе достойны вниманія: «Отдыхъ нищихъ», «Сцена изъ деревенскаго быта», «Портретъ Шаломовой» и «Смѣющійся мальчикъ» и др. Кудрявцевъ хорошо владѣлъ рисункомъ и картины его вообще интересны; въ укоръ ему можно поставить нѣсколько сухой и условный колоритъ, присущій, впрочемъ, большинству русскихъ художниковъ того времени. Умеръ отъ чахотки.

Ѳ. И. Булгаковъ, «Наши художники», т. I, стр. 226. «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ», В. Н. Петрова, т. II и III.

Кудрявцевъ, *Никита Алферовичъ*, ум. 13 февраля 1728 г. въ глубокой старости. Онъ началъ службу жильцемъ, въ 1692 г. былъ стольникомъ, въ 1695 и 1696 гг. участвовалъ въ походахъ Петра Великаго подъ Азовъ, а съ 1697 г. до самой смерти прослужилъ въ Казани послѣдовательно въ должностяхъ товарища воеводы, воеводы, коменданта и вице-губернатора. Въ 1697 г. воеводой въ Казань былъ назначенъ окольничій кн. Петръ Лукичъ Львовъ, а товарищемъ къ нему Кудрявцевъ, Въ царскомъ наказѣ, данномъ имъ, вниманіе ихъ обращается на кораблестроеніе, на положеніе въ краѣ инородцевъ—татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ, бывшихъ въ то время еще опасными воинственнными врагами

русской власти, на иноземцевъ, поселенныхъ въ краѣ и находившихся тамъ на службѣ, и на мѣдное рудокопное дѣло, начатое въ Казани и ея окрестностяхъ въ 1653 г. Въ 1699 г. кн. Львовъ получилъ другое назначеніе, а Кудрявцевъ остался въ Казани самостоятельнымъ воеводой, съ подчиненіемъ лишь Приказу Казанскаго дворца, бывшему въ Москвѣ. Особенно поручено было его заботамъ сохраненіе корабельныхъ лѣсовъ въ Казанскомъ краѣ, и разработка и сплавъ корабельнаго лѣса изъ Казани и ея окрестностей Волгой и Дономъ въ Азовъ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ отправлять рабочихъ изъ казанскихъ инородцевъ въ Ингрію для постройки Санктпетербурга и набирать людей и лошадей въ драгунскіе полки.

Самыми трудными годами въ службѣ Кудрявцева были 1705 — 1709 гг., когда вспыхнули инородческія движенія во всемъ среднемъ и нижнемъ Поволжьи и Прiуральи. Башкирскій бунтъ возникъ въ 1705 г. изъ-за произвольныхъ поборовъ съ инородцевъ уфимскихъ воеводъ, въ особенности воеводы Сергѣева, астраханскій бунтъ въ томъ же 1705 г. изъ-за преобразованій Петра Великаго, при чемъ зачинщиками были стрѣльцы, сосланные на службу въ Астрахань послѣ московскаго мятежа 1698 г. Для усмиренія возставшихъ башкиръ и астраханцевъ царь послалъ находившагося въ то время въ Курляндіи фельдмаршала Б. П. Шереметева. Онъ прибылъ въ Казань лишь въ концѣ 1705 г. и еще на пути туда предпринялъ рядъ мѣръ, несогласныхъ съ распоряженіями, сдѣланными уже Кудрявцевымъ. Шереметевъ и Кудрявцевъ не поладили между собою: Кудрявцевъ не намѣренъ былъ безпрекословно исполнять приказаній фельдмаршала, и Шереметевъ писалъ, между прочимъ, адмиралу Ѳ. А. Головину: «Я въ Казани живу какъ въ крымскомъ полону. Писалъ я къ самому капитану (т. е. государю), чтобы указалъ мнѣ быть къ себѣ; нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ». Кудрявцевъ съ своей стороны въ письмѣ къ кн. А. Д. Меншикову подробно изложилъ всѣ обстоятетьства уфимскихъ неурядицъ и жаловался на послабленія башкирамъ со стороны фельдмаршала. Слѣдствіемъ этого письма былъ царскій приказъ Шереметеву спѣшить по Волгѣ къ Астрахани, предоставивъ всѣ казанскія дѣла Кудрявцеву. Послѣ этого Кудрявцевъ отправился въ Москву для личныхъ переговоровъ съ Тихон. Никит. Стрѣшневымъ, который, за нахожденіемъ Петра Великаго на театрѣ военныхъ дѣйствій, управлялъ всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ государства. Кудрявцевъ остался доволенъ своей поѣздкой въ Москву: онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Казань, но, при этомъ скромномъ званіи, получилъ отъ царя «полную мочь» относительно башкирскихъ и астраханскихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ мѣстныхъ воеводъ низовыхъ городовъ: Петръ Великій считалъ Кудрявцева «вящше свѣдущимъ въ тамошнихъ дѣлахъ». Къ половинѣ 1706 г. Шереметевъ прекратилъ возмущеніе въ Астрахани, а волненіе среди башкиръ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе, и была даже попытка основать независимое башкирское ханство. Въ началѣ 1708 г. Кудрявцевъ писалъ царю, что «башкирское воровство умножается», что къ башкирамъ пристали татары Казанскаго уѣзда и осадили нѣсколько пригородовъ, людей побили или взяли въ плѣнъ, а поселенія пожгли. Въ февралѣ 1708 г. толпа мятежныхъ башкиръ была въ 80 верстахъ отъ Казани. Присланный Петромъ Великимъ съ войскомъ бояринъ къ П. И. Хованскій вступилъ въ переговоры съ бунтовщиками и этимъ, конечно, только ухудшилъ положеніе дѣла; бунтовщики шли впередъ и, наконецъ, были уже въ 30 верстахъ отъ Казани, но, благодаря энергичнымъ распоряженіямъ Кудрявцева, Казань была спасена, а вся восточная часть теперешней Казанской губерніи усмирена. Хотя Кудрявцевъ не совѣтовалъ кн. Хованскому вступать въ переговоры съ башкирами и татарами, хорошо зная ихъ «воровство», но кн. Хованскій тѣмъ не менѣе отправился въ башкирскую землю съ войскомъ и обѣщалъ мятежникамъ прощеніе, подъ условіемъ выдачи султана, во имя котораго они подняли знамя бунта. Султанъ былъ выданъ и казненъ, а мятежи въ Башкиріи все-таки не прекратились. Вмѣсто награды за свою дѣятельность Кудрявцевъ получилъ отъ царя выговоръ: вѣроятно, Петръ Великій приписалъ произвольныя дѣйствія уфимскихъ воеводъ, вызвавшія бунтъ, его нерадѣнію, а Шереметевъ и кн. Хованскій усилили недовольство царя своими навѣтами.

Въ 1708 г., при введеніи въ Россіи губерній (на первое время всего восьми), въ составъ Казанской губерніи вошли всѣ низовые города и Башкирія. Первымъ губернаторомъ въ Казани былъ окольничій П. М. Апраксинъ, а Кудрявцевъ, управлявшій Казанью уже одиннадцать лѣтъ, и товарищъ его Вараксинъ, не получили никакого назначенія. Это побудило ихъ написать кн. А. Д. Меншикову,— и Кудрявцевъ былъ по прежнему оставленъ комендантомъ въ Казани. Въ 1712 г. онъ назначенъ главнозавѣдующимъ корабельными лѣсами во всемъ Поволжьи, отъ устья Оки до Каспійскаго моря, а въ 1714 г., оставаясь при корабельныхъ лѣсахъ, назначенъ казанскимъ вице-губернаторомъ и сохранилъ эту должность при трехъ губернаторахъ: П. С. Салтыковѣ, его сынѣ А. П. Салтыковѣ и А. П. Волынскомъ. Съ 1714 г. Кудрявцевъ вступилъ въ дѣятельную переписку съ Петромъ Великимъ по части кораблестроенія, заготовки и сплава по Волгѣ корабельныхъ лѣсовъ. Въ 1718 г., когда въ Казани было основано адмиралтейство для строенія судовъ, Кудрявцевъ сдѣлался не только завѣдующимъ корабельными лѣсами, но и главнымъ кораблестроителемъ, такъ какъ подъ его наблюденіемъ, по подробной инструкціи Петра Великаго, строились въ Казани «рейсъ-шифы» (расшивы) и «гортгоуты». Несмотря на то что съ учрежденіемъ адмиралтейства, дѣла у Кудрявцева прибавилось, Петръ Великій счелъ возможнымъ дать ему еще порученіе заготовлять въ Казани 15,000 пудовъ соленаго свиного мяса для русскаго флота. Кудрявцевъ тяготился обязанностью наблюдать за соленьемъ свинины, не имѣя никакихъ свѣдѣній по этому предмету, и въ письмѣ къ Петру Великому выражалъ опасеніе, что навлечетъ на себя его гнѣвъ какой либо неисправностью, тѣмъ болѣе, что при Казанскомъ адмиралтействѣ состоялъ особый «мясосольный мастеръ», голландецъ Классъ-Геретсинъ. Были у Кудрявцева разныя столкновенія съ Сенатомъ; вслѣдствіе того, что Казанская губернія считалась богатой, Сенатъ требовалъ отъ нея больше, нежели сколько она могла дать. Вѣроятно, Кудрявцевъ получилъ не одно замѣчаніе за неисполнительность, прежде чѣмъ рѣшился написать въ 1717 г. кабинетъ-секретарю Макарову слѣдующее: «Я послалъ Царскому Величеству особое просительное письмишко, чтобъ меня помиловалъ за бѣдную мою дряхлость и безпамятство, указалъ меня отъ губернаторскихъ дѣлъ освободить: несносно стало, по указамъ отъ правительствующаго сената трудно исправляться. Другія губерніи милуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству приносимъ оправданіе, здраваго разсмотрѣнія не чинятъ и не принимаютъ; одно затвердили, что наша губернія богата: она такъ богата сдѣлалась, что передъ другими губерніями съ дворовъ все вдвое сбираемъ и всеконечно опустѣетъ; а перемѣнить нельзя: хотя чего малаго не дошлемъ, все штрафы, да разоренье». — Въ 1722 г. Петръ Великій предпринялъ походъ въ Персію и проѣздомъ по Волгѣ къ Каспійскому морю, былъ въ Казани и остался весьма доволенъ состояніемъ адмиралтейства.—Въ послѣдніе годы своей жизни Кудрявцевъ не могъ относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ такъ же энергично, какъ прежде, и незадолго до смерти былъ подвергнутъ штрафу въ 500 р., за неисполненіе предписаній Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Источники указаны при біографіи М. Н. Кудрявцева. *В. Корсакова.*

Кудрявцевъ, *Петръ Николаевичъ*. профессоръ Московскаго университета, род. 1816 г., ум. 18 января 1858 г. Отецъ его былъ священникомъ на Даниловскомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Матери онъ лишился очень рано. Дѣтства своего П. Н. Кудрявцевъ не любилъ вспоминать, такъ какъ, по его словамъ, оно прошло въ самой тяжелой обстановкѣ. Образованіе будущій ученый получилъ сначала въ семинаріи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ по 1-му отдѣленію философскаго факультета, и еще въ бытность свою студентомъ обратилъ на себя своими способностями вниманіе Т. Н. Грановскаго. Уже въ университетѣ Кудрявцевъ началъ литературную дѣятельность—именно, напечаталъ двѣ повѣсти: «Катенька Пылаева» и «Флейта», первую въ «Телескопѣ», а вторую въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Авторъ подписалъ ихъ начальными буквами выбраннаго имъ псевдонима «Нестроевъ» (А. Н.). По окончаніи курса въ университетѣ, въ 18 г., онъ получилъ, благодаря рекомендаціи А. Д. Галахова, уроки русской словесно-

сти въ институтѣ оберъ-офицерскихъ сиротъ московскаго воспитательнаго дома, гдѣ служилъ до августа 1843 г. Здѣсь П. Н. Кудрявцевъ скоро пріобрѣлъ симпатію учениць: его преподаваніе было вполнѣ чуждо схоластическаго изученія одной теоріи словесности, которое господствовало тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ старался знакомить своихъ слушательницъ съ лучшими образцами отечественной словесности и для этого организовалъ, вмѣстѣ съ Галаховымъ, особый классъ чтенія, благодаря которому ученицы и имѣли возможность познакомиться даже съ такими авторами, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, изученіе которыхъ тогда не входило въ программу преподаванія. Педагогическая дѣятельность Кудрявцева не мѣшала ни его литературнымъ занятіямъ, ни научнымъ. Еще студенческіе опыты сблизили его съ Бѣлинскимъ, который въ это время стоялъ во главѣ «Московскаго Наблюдадателя»; уѣзжая въ Петербургъ, Бѣлинскій рекомендовалъ Кудрявцева на свое мѣсто редакціи «Русскаго Инвалида» и «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ онъ велъ библіографическій отдѣлъ. Съ этого времени въ журналахъ появляется рядъ рецензій, написанныхъ Кудрявцевымъ. Самыя крупныя изъ нихъ были: «Объ учебной книгѣ русской словесности Греча», «О спорѣ между Голохвастовымъ и его противниками по поводу сочиненія Голохвастова «Объ осадѣ Троицкой лавры», о сочиненіяхъ Языкова, Полонскаго, Фета («Отечественныя Записки») и характеристика Мерзлякова (въ «Литературной Газетѣ»). Кромѣ того, въ «Отечественныхъ Записках» и «Современникѣ» было напечатано нѣсколько повѣстей Кудрявцева: «Цвѣтокъ», «Недоумѣніе», «Живая картина», «Послѣдній визитъ», «Ошибка», «Сбоевъ», «Безъ разсвѣта». Тонкій психологическій анализъ и грустное настроеніе были отличительными признаками беллетристическихъ произведеній Кудрявцева. Одну изъ его повѣстей («Послѣдній визитъ») Бѣлинскій назвалъ первой истинно патологической повѣстью на русскомъ языкѣ. Но главные труды П. Н. Кудрявцева были посвящены исторической наукѣ. Къ мартѣ 1845 г. Кудрявцевъ былъ отправленъ за границу на казенный счетъ и пробылъ тамъ до средины 1847 г. Одинъ семестръ онъ занимался въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ Шеллинга, одинъ въ Парижѣ, а остальное время провелъ въ Гейдельбергѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ, гдѣ съ любовью изучалъ памятники искусства. Свои впечатлѣнія онъ излагалъ въ письмахъ къ Галахову, которыя печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ». По возвращеніи на родину въ 1847 г., Кудрявцевъ сталъ читать лекціи въ Московскомъ университетѣ, сначала какъ преподаватель, а затѣмъ, послѣ смерти Грановскаго (ум. 4 октября 1855 г.), былъ утвержденъ въ званіи профессора. Онъ читалъ курсы древней, средней и новой исторіи, но особеннымъ успѣхомъ пользовались его лекціи по исторіи древняго Востока, обогатившейся тогда множествомъ важныхъ открытій. Съ этого же времени появляется въ печати длинный рядъ трудовъ Кудрявцева по исторіи Западной Европы. Уже раньше онъ представилъ диссертацію на степень магистра: «Папство и имперія въ IX, X, XI и въ началѣ XII столѣтія», но она не была принята философскимъ факультетомъ Московскаго университета, вслѣдствіе того, что деканъ Шевыревъ усмотрѣлъ въ ней симпатіи къ папству. Въ 1846 г. въ «Отечественныхъ Записках» появились двѣ статьи Кудрявцева по исторіи искусства, которое было всегда его любимымъ предметомъ: «Бельведеръ» и «Венера Милосская», въ первой авторъ далъ превосходную характеристику итальянскихъ художниковъ. Въ 1850 г. Кудрявцевъ блестяще защитилъ диссертацію на степень магистра: «Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ В.». Въ этой книгѣ онъ отмѣчаетъ значеніе Лангобардскаго начала въ исторіи Италіи и даетъ замѣчательную характеристику Каролингской династіи. Въ 1851 г. онъ выступилъ съ горячо написанной статьей: «О достовѣрности исторіи» («Отечественныя Записки»), въ которой защищалъ свой предметъ противъ записки президента Академіи Наукъ С. С. Уварова: «Достовѣрнѣе ли становится исторія»,— въ этой послѣдней утверждалось, что исторія — не что иное, какъ цѣпь преданій, и отрицалось за ней всякое научное значеніе. Въ 1852 г. Кудрявцевъ началъ печатать въ «Отечественныхъ Записках» статьи: «Каролинги въ Италіи»; статьи эти являлись продолженіемъ его диссертаціи. Въ нихъ изобра-

жалось зарожденіе итальянской націи и указывались ея отличительныя черты — къ исторіи Италіи Кудрявцевъ питалъ особенный интересъ, потому что страна эта въ его время боролась за свое единство и независимость. Изъ трехъ статей, написанныхъ Кудрявцевымъ на эту тему, могла быть напечатана только одна, такъ какъ остальныхъ цензура не хотѣла пропустить въ томъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ подъ пера автора; насколько мелочны были придирки, видно изъ того, что цензоръ не хотѣлъ пропустить разсказъ объ одномъ убійствѣ въ Латеранскомъ дворцѣ и о заступничествѣ папы за убійцъ передъ императоромъ, какъ бросающую дурную тѣнь на св. отца; Кудрявцевъ со своей стороны несогласился на исправленія и его статьямъ объ Италіи при Каролингахъ не пришлось увидѣть свѣта при жизни автора. Въ томъ же году въ сборникѣ «Пропилеи», издававшемся подъ редакціей П. М. Леонтьева, появился прекрасный этюдъ Кудрявцева о знаменитой трагедіи Софокла: «Эдипъ царь» и замѣчательная рецензія его на книгу Бабста: «Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія» подъ заглавіемъ: «Послѣднее время греческой независимости», а въ «Отечественныхъ Запискахъ»—статья: «О современныхъ задачахъ исторіи», вызванная чтеніями Грановскаго на ту же тему. Въ своей рецензіи на книгу Бабста Кудрявцевъ указалъ на односторонность ея: Бабстъ въ своей книгѣ старался доказать необходимость для Греціи въ послѣднее время ея независимости подчиниться власти македонскихъ царей, которая одна могла дать ей единство, и упрекалъ Демосѳена и его партію за близорукость; Кудрявцевъ возражалъ на это, что вся предшествующая исторія Греціи не могла привести къ единству. Особенно интересны слова его объ Эсхинѣ и его противникахъ: «Благородно, говоритъ онъ, всякое усиліе поднять несправедливо опозоренное имя въ исторіи (разумѣется Эсхинъ), но иное дѣло, когда за недостаткомъ матеріала для оправданія, защита выставляетъ равносильныя обвиненія противъ другихъ»(противниковъ Эсхина). Эти слова прекрасно рисуютъ нравственный образъ Кудрявцева, какъ человѣка, стремившагося прежде всего къ безпристрастію. Въ статьѣ его по поводу чтеній Грановского указывается тѣсная связь исторіи съ другими науками, особенно съ психологіей и естествовѣдѣніемъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ Кудрявцевъ никогда не шелъ такъ далеко, какъ впослѣдствіи многіе ученые шестидесятыхъ годовъ послѣдователи Бокля.

Когда въ 1854 г. вышелъ знаменитый трудъ по римской исторіи Швеглера, Кудрявцевъ познакомилъ съ нимъ русскую публику въ прекрасной статьѣ: «Древнѣйшая римская исторія по изслѣдованіямъ Швеглера («Отечественныя Записки», т. XCIII). Въ этой статьѣ онъ отнесся критически къ Швеглеру и указалъ на значеніе трудовъ базельскихъ ученыхъ, противоположнаго со Швеглеромъ направленія, Герлаха и Баховена. Послѣ смерти Грановскаго Кудрявцевъ написалъ «Воспоминанія» о немъ («Отечественныя Записки», 1855 г.), работалъ надъ изданіемъ его сочиненій, написалъ введеніе къ нимъ— «Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго» (напечатано уже послѣ смерти Кудрявцева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1858 г.) и усердно принялся за составленіе біографіи своего учителя, окончить которую ему помѣшала смерть: онъ успѣлъ написать только «Дѣтство и юность Грановскаго» (напечатано также уже послѣ смерти Кудрявцева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1858 г.). — 1855 г. былъ особенно плодотворенъ для Кудрявцева въ литературномъ отношеніи: въ этотъ годъ изъ подъ пера его вышла рецензія на диссертацію Ешевскаго: «Аполлинарій Сидоній» («Отечественныя Записки»), «Осада Лейдена»,—эпизодъ изъ исторіи борьбы Нидерландовъ за свою независимость (напечатано въ «Сборникѣ статей профессоровъ Московскаго университета», Москва 1855), рядъ очерковъ о завоеваніи французами Неаполя, напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и статья: «Данте, его вѣкъ и жизнь» («Отечественныя Записки»). Въ рецензіи на диссертацію Ешевскаго было много намековъ на современность, въ родѣ слѣдующаго: «Какъ должны завидовать запоздалые риторы нашего времени Сидонію и его современникамъ! Тогда ихъ искусство вѣнчалось даже поэтической славой, хитросплетенная фраза заслуживала своему автору дипломъ на поэтическое достоинство. Двумя-тремя громкими панегириками можно было проложить себѣ дорогу къ безсмертію». Поэтому многія мѣста статьи были

вычеркнуты цензурою. «Осада Лейдена» была написана подъ вліяніемъ Севастопольскихъ событій, а очерки завоеванія Неаполя французами были обязаны своимъ появленіемъ изданной въ 1853 — 1854 гг. въ 10 томахъ перепискѣ Жозефа Бонапарта; въ своихъ очеркахъ Кудрявцевъ характеризовалъ Наполеона, какъ великаго кондотьери. Что касается до статьи о Данте, то она представляетъ мало оригинальнаго, такъ какъ написана вполнѣ подъ вліяніемъ трудовъ Форіэля и Вегеле.

Въ 1856 г. появилось сочиненіе Кудрявцева: «Римскія женщины по Тациту», представляющее рядъ блестящихъ характеристикъ замѣчательныхъ женщинъ времени нравственнаго упадка римскаго общества. Съ 1856 г. Кудрявцевъ былъ однимъ изъ редакторовъ «Русскаго Вѣстника», на страницахъ котораго, въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись», онъ выражалъ глубокое сочувствіе Италіи, боровшейся въ это время за свое единство и независимость. Для этого же журнала онъ написалъ монографію: «Карлъ V», личность котораго онъ, впрочемъ, понималъ не вполнѣ правильно: въ этомъ великомъ представителѣ новыхъ государственныхъ порядковъ онъ видѣлъ бойца за отжившіе идеалы Священной Римской Имперіи.— Постоянные труды надломили и безъ того слабое здоровье Кудрявцева, и осенью 1856 г. онъ долженъ былъ уѣхать за границу для поправленія своего здоровья. Однако, и за границей онъ не покидалъ своихъ научныхъ занятій, какъ показываетъ написанная имъ въ то время статья: «Юность Екатерины Медичи» («Русскій Вѣстникъ» 1857 г.). Статья эта, впрочемъ, не имѣетъ самостоятельнаго научнаго значенія, а является хорошею компиляціей книги Реймона, съ тѣмъ же заглавіемъ. Въ мартѣ 1857 г. Кудрявцевъ былъ опечаленъ кончиной жены, съ которой былъ очень счастливъ; здоровье его самого все ухудшалось и, по возвращеніи осенью 1857 г. на родину, онъ прожилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: онъ скончался 18 января 1858 г. Смерть его повергла всю интеллигентную Москву въ глубокую скорбь.

Кудрявцевъ въ университетѣ занялъ каѳедру Грановскаго и если пользовался меньшею славою, чѣмъ его предшественникъ, то все-таки былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ своего времени. Онъ во многомъ не походилъ на своего знаменитаго предшественника: Грановскій любилъ давать слушателямъ общія картины эпохи, не вдаваясь въ детали; Кудрявцевъ сосредоточивалъ свое вниманіе на спеціальныхъ вопросахъ. Грановскій былъ силенъ своей глубокой вѣрой въ конечное торжество справедливости и правды и имѣлъ примиряющее вліяніе на слушателей, въ лекціяхъ Кудрявцева слышалась всегда грустная нота, звучавшая въ его повѣстяхъ, и сознаніе того, что въ исторіи далеко не всегда торжествуетъ правда. Равны они были по неотразимой силѣ художественнаго таланта. Какъ Грановскій, Кудрявцевъ былъ всегда другомъ и неутомимымъ руководителемъ своихъ учениковъ: домъ его былъ всегда открытъ для всѣхъ начинающихъ ученыхъ; онъ былъ всегда готовъ оказать имъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку. Поэтому его имя рядомъ съ именемъ Грановскаго будетъ всегда занимать почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія.

«Повѣсти и разсказы» Кудрявцева изданы въ 2-хъ томахъ въ Москвѣ въ 1866 г., всѣ остальныя «Сочиненія» — въ трехъ большихъ томахъ тамъ же въ 1877 — 1878 гг.

«По поводу кончины Кудрявцева» Ешевскаго («Московскія Вѣдомости», 1858 г., № 9); его же: «Кудрявцевъ какъ преподаватель» («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 2). «Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета», ч. I, стр. 444; Крыловъ, «Мои воспоминанія о Грановскомъ и Кудрявцевѣ» («Журналъ для воспитанія», 1858 г., т. III); «Воспоминаніе о Кудрявцевѣ студента» («Московскія Вѣдомости», 1858 г., № 123); некрологъ Кудрявцева, написанный М. Н. Катковымъ («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 1); «Воспоминанія о Кудрявцевѣ» М. И. Капустина («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 3); надгробная рѣчь проф. С. М. Соловьева («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 2); некрологъ въ «Современникѣ» 1858 г., № 2; «Воспоминанія о Кудрявцевѣ» А. Д. Галахова («Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 4); Евг. Туръ (гр. Сальясъ), «Проф. П. Н. Кудрявцевъ» въ «Полярной Звѣздѣ»; Пыпинъ А. Н., «Исторія русской этнографіи», т. II, 42, 424 — 425; Герье В. И., «П. Н. Кудрявцевъ въ его ученo-литературныхъ трудахъ» («Вѣстникъ Европы», 1887 г., №№ 9—10).

В. Строевъ.

Кудрявцевъ, *Степанъ Борисовичъ*, ум. въ 1646 г. Съ 1629 г. по годъ смерти былъ послѣдовательно дьякомъ приказовъ: Казанскаго дворца, Большой Казны, Че-

лобитнаго и Посольскаго. Въ 1631 и 1637 гг. присутствовалъ при пріемахъ персидскаго посла и литовскихъ посланниковъ и гонца, въ 1638 г. онъ — дьякъ съ разрядомъ, на службѣ въ Тулѣ по крымскимъ вѣстямъ; въ 1639 г. встрѣчалъ персидскаго посла, въ 1639—1640 гг. дьякъ въ Казани при воеводахъ: бояринѣ кн. Ив. Андр. Голицынѣ и Ѳ. В. Бутурлинѣ; въ 1644 г. встрѣчалъ датскаго королевича Вольдемара въ средней встрѣчѣ на Красномъ крыльцѣ, вмѣстѣ съ Ив. Петр. Шереметевымъ.

А. А. Э. III, IV; Акты ист., I, III, IV, V; Доп. къ акт. ист., III, V, VI, VIII, IX, X; С. Г. Г. и Д, III; Акты Моск. госуд., I; Дворц. разр. II, Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., I, II.

Кудрявцевъ - Платоновъ, *Викторъ Дмитріевичъ*, профессоръ философіи въ Московской духовной академіи, род. 3 октября 1828 г. въ Новоржевскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, ум. 3 декабря 1891 г. Сынъ полкового священника. Первоначальныя условія его образованія сложились не совсѣмъ благопріятно: его отецъ, принужденный слѣдовать за своимъ полкомъ, велъ кочевую жизнь и постоянно долженъ былъ переводить мальчика изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Отданный сначала въ Свенцянское уѣздное училище для дворянъ (соотвѣтствовавшее нынѣшней прогимназіи), Кудрявцевъ въ 1840 г. былъ переведенъ въ только что открывшееся тогда Варшавское духовное училище и, по окончаніи въ немъ курса, продолжалъ свое образованіе въ Волынской, Могилевской и Черниговской семинаріяхъ. Несмотря на эти скитанія, Кудрявцевъ вездѣ учился превосходно. Писанныя имъ въ то время русскія и латинскія «хріи» и «разсужденія» могли бы служить интересными документами для историка русскихъ духовныхъ школъ и свидѣтельствуютъ о хорошемъ формальномъ развитіи мышленія, объ умѣньи разбираться въ самыхъ тонкихъ вопросахъ тогдашней семинарской схоластики.

Въ 1848 г. Кудрявцевъ поступилъ въ Московскую духовную академію. Это было время, когда въ академіи еще преподавалъ одинъ изъ выдающихся представителей ея старины, философъ протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, когда уже была въ полномъ расцвѣтѣ научная дѣятельность универсальнаго ученаго богослова А. В. Горскаго, когда начинали свою такъ рано прерванную профессорскую карьеру Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и мятежный мистикъ, впослѣдствіи разстригшійся архимандритъ, Ѳеодоръ Бухаровъ. Все это были талантливые люди, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Горскаго, можно прямо назвать учеными подвижниками, жизнь которыхъ походила на «житіе». Но этимъ талантливымъ людямъ приходилось дѣйствовать при своеобразныхъ условіяхъ. Надъ академіей тяготѣлъ суровый надзоръ митрополита Филарета, вмѣшивавшагося во всѣ мелочи ея жизни. Умѣя оградить свою академію отъ всѣхъ невзгодъ, грозившихъ ей извнѣ, Филаретъ былъ безпощадно строгъ къ тому, что совершалось внутри ея. Онъ не терпѣлъ даже тѣни свободомыслія и жестоко преслѣдовалъ все, что по его мнѣнію могло произвести «соблазнъ» въ умахъ. Подъ страхомъ тяжелыхъ каръ и позорнаго униженія на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ, профессора не смѣли открыто высказывать въ своихъ лекціяхъ ничего, что сколько нибудь отступало бы отъ принятыхъ мнѣній, и должны были изощрять свое остроуміе только въ критикѣ ложныхъ или «непринятыхъ» идей. Тѣ изъ нихъ, кто хотѣлъ расширить эти узкія рамки и преподавать съ извѣстной долей научной независимости, принуждены были хитрить и, читая въ аудиторіи свои лекціи согласно съ собственнымъ убѣжденіемъ и проводя въ нихъ иногда довольно либеральные взгляды, они должны были давать студентамъ для публичныхъ экзаменовъ записки, составленныя въ совершенно противоположномъ духѣ. Но, какъ показываетъ судьба Гиляровa-Платонова, ихъ не всегда спасала и эта уловка: постоянно возможенъ былъ доносъ, способный погубить профессора. Еще болѣе была стѣснена ихъ литературная дѣятельность. Профессора не могли напечатать въ академическомъ журналѣ ни одной строки, которая не была бы поправлена рукою Филарета, и эта властная рука нерѣдко вытравляла изъ ихъ произведеній самое живое и оригинальное. Этотъ суровый, недовѣрчивый и никогда не ослабѣвавшій контроль развивалъ въ профессорахъ академіи осторожность, доходящую до болѣзненной мнительности и вмѣстѣ съ тѣмъ порождалъ у нихъ робость мысли и нерѣдко приво-

дилъ къ тому, что люди съ несомнѣнными дарованіями и съ очень благонамѣренными стремленіями, но не умѣвшіе приспособиться къ обстоятельствамъ, были фатально осуждены на полное умственное безплодіе. Въ такой атмосферѣ протекли студенческіе годы и значительная часть дальнѣйшей службы Кудрявцева и эта атмосфера не могла не отразиться на немъ. Кудрявцевъ учился въ академіи такъ же блистательно, какъ и въ семинаріи. Въ качествѣ лучшаго студента своего курса онъ вскорѣ получилъ въ награду за свои успѣхи стипендію митрополита Платона, которая давала ему право носить двойную фамилію: Кудрявцевъ-Платоновъ. Онъ усердно занимался всѣми академическими науками и писалъ большія сочиненія на самыя различныя темы; но всего болѣе его интересовала философія. Академія научила Кудрявцева критически мыслить, но, повидимому, не дала ему опредѣленно сложившагося міровоззрѣнія. Здѣсь, на студенческой скамьѣ, воспиталась его способность къ труду и созрѣлъ его литературный талантъ; и здѣсь же, конечно, вполнѣ опредѣлился складъ его ума, ясный, аналитическій, чрезвычайно осторожный и мало склонный къ оригинальному творчеству.

Въ 1852 г. Кудрявцевъ окончилъ курсъ академіи первымъ магистромъ XVIII выпуска и тотчасъ же былъ оставленъ баккалавромъ библейской исторіи и греческаго языка. Но ему не долго пришлось быть на богословской каѳедрѣ: въ 1854 г. онъ перешелъ на каѳедру метафизики и исторіи древней философіи, освободившуюся послѣ смерти прот. Голубинскаго. Съ этого времени начинается его широкая профессорская, литературная и практическая дѣятельность, связывающая его имя со всею дальнѣйшею исторіей Московской духовной академіи до послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка. Благодаря своимъ способностямъ и удачно слагавшимся обстоятельствамъ, Кудрявцевъ очень рано выдвинулся и съ поразительною быстротой сдѣлалъ свою ученую карьеру: уже въ 1857 г. онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ и членомъ академической конференціи. Среди студентовъ онъ сразу завоевалъ себѣ выдающійся успѣхъ. Какъ показываютъ сохранившіяся записки его слушателей 1855 г., онъ сначала читалъ подъ именемъ метафизики философію религіи. Этотъ первоначальный его курсъ, ясный и систематичный по изложенію, но довольно хаотичный и противорѣчивый по взглядамъ, былъ окрашенъ сильнымъ вліяніемъ гегельянства и отличался, по мѣстамъ, большимъ и необычнымъ для будущаго теиста либерализмомъ. Не называя вещей своими именами, не дѣлая никакихъ выводовъ и не давая собственныхъ рѣшеній, молодой профессоръ подвергалъ здѣсь довольно остроумной критикѣ, на ряду съ пантеистическими теоріями, церковно-догматическое ученіе о твореніи, объ отношеніи Божества къ міру, о происхожденіи зла и о цѣляхъ вселенной. Но эти молодыя увлеченія были непродолжительны. Ихъ скоро спугнула грозная тѣнь митрополита Филарета, а затѣмъ пришло, повидимому, искреннее убѣжденіе, что полный раціонализмъ можетъ завести только въ лабиринтъ безысходныхъ противорѣчій, что мысль нуждается въ твердыхъ и незыблемыхъ точкахъ опоры, что такія точки опоры можно найти только въ истинахъ вѣры, что обоснованіе этихъ истинъ есть долгъ разума и требованіе сердца. Такъ возникло то міросозерцаніе, защитѣ котораго онъ посвятилъ всю свою литературную дѣятельность, міросозерцаніе не глубокое и не оригинальное по своимъ философскимъ основамъ, но почтенное по своимъ задачамъ, очень цѣльное и послѣдовательное по своей формѣ и строго православное по своему направленію.

Первымъ литературнымъ трудомъ Кудрявцева была его магистерская диссертація «О единствѣ рода человѣческаго», напечатанная въ 1852—1854 гг. въ тогдашнемъ академическомъ журналѣ «Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ въ русскомъ переводѣ». Несмотря на нѣкоторую схоластичность мысли и рутинность пріемовъ, эта работа была несомнѣнно выдающимся явленіемъ въ тогдашней духовной литературѣ; она свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи и обнаруживаетъ хорошія по тому времени богословскія и естественнонаучныя знанія. За нею послѣдовалъ длинный рядъ философско-апологическихъ статей въ различныхъ богословскихъ журналахъ: «О единобожіи» («Приб. къ твор. св. отцевъ», 1857 г.), «О первоначальномъ происхожденіи на землѣ рода человѣческаго» («Прав. Обозр.», 1860 г.), «Безусловный прогрессъ и истин-

ное усовершенствованіе рода человѣческаго» («Приб. къ твор. св. отцевъ», 1860), «О религіозномъ индифферентизмѣ» («Дух. Бесѣда», 1861), «Объ источникѣ идеи Божества» («Приб. къ твор. св. отцевъ»; 1865), «Религія и позитивная философія» («Прав. Об.», 1875), «Телеологическая идея и матеріализмъ» (тамъ же, 1877), «Телеологическое значеніе природы» (тамъ же, 1878), «Матеріалистическій атомизмъ» («Приб. къ твор. св. отцевъ», 1880), «О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія трансформаціи» (тамъ же, 1883), и другія. Большинство этихъ статей стоитъ въ связи съ умственными теченіями 50—60-хъ годовъ и преломляетъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія господствовавшіе тогда научные и философскіе интересы. Бурная эпоха всколыхнула все, чѣмъ до тѣхъ поръ жило русское общество. Разрушивъ обветшавшія формы жизни, она опрокинула и старое міросозерцаніе. На смѣну гегельянству и славянофильству людей40-хъ годовъ явились матеріализмъ, позитивизмъ и эволюціонизмъ, имѣвшіе для того времени весь интересъ новизны и все обаяніе послѣдняго слова науки. Всѣ проблемы религіи, философіи, морали, эстетики подвергались коренному пересмотру въ духѣ новыхъ теорій и увлеченіе этими теоріями иногда приводило къ изумительнымъ крайностямъ. Религія разсматривалась какъ собраніе сказокъ, въ которыя наука уже не позволяетъ болѣе вѣрить; метафизическая философія считалась шарлатанствомъ, а занимающіеся ею обманщиками и тунеядцами; искусство объявлялось праздной забавой, которая больше не нужна практическому вѣку. Эти увлеченія не могли не вызвать реакціи и однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ и талантливыхъ противниковъ ихъ выступилъ Кудрявцевъ. Тѣмъ не менѣе, его борьба противъ матеріалистическихъ доктринъ не имѣла характера личной полемики, подобно надѣлавшей столько шума полемикѣ Юркевича съ Чернышевскимъ; это была спокойная и отвлеченная ортодоксальная критика враждебныхъ христіанству философскихъ и научныхъ принциповъ. Кудрявцевъ никогда не издавалъ своихъ статей отдѣльно и онѣ оставались очень мало извѣстными большой публикѣ, не читающей духовныхъ журналовъ; но онѣ имѣли громадный успѣхъ среди духовенства, очень скоро были оцѣнены славянофилами и замѣчены въ офиціальныхъ кругахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ учреждались философскія каѳедры въ русскихъ университетахъ и министерство искало людей для замѣщенія этихъ каѳедръ. Въ цѣляхъ борьбы съ матеріализмомъ Кудрявцевъ былъ очень желаннымъ человѣкомъ; поэтому онъ одинъ изъ первыхъ получилъ приглашеніе сначала, въ 1860 г., въ Московскій университетъ, на каѳедру, которую вскорѣ занялъ Юркевичъ, а затѣмъ, въ 1861 г., въ Петербургскій, на каѳедру, которую занималъ впослѣдствіи Владиславлевъ. Оба эти предложенія были отклонены имъ, отчасти по собственному побужденію, отчасти по волѣ митрополита Филарета, который очень цѣнилъ его «здравую философію» и особымъ письмомъ просилъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, гр. Путятина, «не ослаблять философской каѳедры въ Московской духовной академіи взятіемъ отъ нея профессора Кудрявцева».

Одна изъ упомянутыхъ выше статей Кудрявцева, «О первоначальномъ происхожденіи рода человѣческаго», напечатанная въ только что появившемся тогда журналѣ «Православное Обозрѣніе» (1860, февраль — мартъ), обратила на себя вниманіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и очень понравилась ему своимъ спокойнымъ и чуждымъ желчи тономъ. Такъ какъ воспитатель Цесаревича, гр. С. Г. Строгановъ, считалъ полезнымъ ввести въ программу занятій своего Августѣйшаго воспитанника изученіе философіи, то онъ воспользовался этимъ случаемъ и Кудрявцевъ, съ согласія митр. Филарета, былъ приглашенъ ко Двору. Въ продолженіе года, съ января 1861 г. до января 1862 г., онъ читалъ Наслѣднику Цесаревичу популярный курсъ логики и метафизики, а въ то же время давалъ уроки психологіи Николаю Максиміліановичу, герцогу Лейхтенбергскому. Наградой за этотъ почетный трудъ былъ слѣдующій отзывъ гр. Строганова въ его письмѣ къ митр. Филарету: «Исполнивъ съ примѣрнымъ усердіемъ и съ замѣчательнымъ талантомъ ввѣренное ему ученіе, молодой профессоръ умѣлъ возбудить въ Августѣйшемъ своемъ ученикѣ сочувствіе къ самому предмету ученія и, конечно, много содѣйствовалъ въ продолженіе истекшаго года къ просвѣщенію его разума и къ укрѣпленію

нравственныхъ его силъ. Постоянно слѣдя за лекціями г-на Кудрявцева, я обязанностью считаю свидѣтельствовать о принесенной имъ пользѣ и благодарить Ваше Высокопреосвященство за милостивое содѣйствіе, оказанное Вами въ образованіи Наслѣдника Престола. Пріятно Вамъ будетъ слышать отъ самого наставника, съ какимъ чувствомъ и въ какихъ выраженіяхъ Николай Александровичъ прощался съ нимъ». Въ свою очередь, Кудрявцевъ былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ своего царственнаго ученика и хранилъ, какъ драгоцѣнную реликвію, его большой кабинетный портретъ, съ собственноручной надписью Цесаревича: «Въ воспоминаніе нашихъ занятій въ 1861 году. Николай». Отъ обычной пожизненной аренды, предлагавшейся наставникамъ Цесаревича, Кудрявцевъ долженъ былъ, по желанію митр. Филарета, отказаться и она была замѣнена ему орденомъ.

Въ 1869—1870 гг. совершилась реформа духовныхъ академій, кореннымъ образомъ измѣнившая строй ихъ жизни и создавшая новыя условія для дѣятельности ихъ преподавателей. Академіи были освобождены отъ власти епархіальныхъ архіереевъ и получили нѣкоторую долю самоуправленія. Монашеская администрація была замѣнена протоіереями и свѣтскими лицами, съ полномочіями, значительно ограниченными совѣтомъ; было увеличено число каѳедръ и предметы преподаванія распредѣлены по тремъ отдѣленіямъ (на подобіе факультетовъ): богословскому, историческому и практическому; для ординарныхъ профессоровъ была сдѣлана обязательною степень доктора богословія и проч. Періодъ дѣйствія этого устава (съ 1870 г. по 1884 г.) былъ въ исторіи Московской духовной академіи эпохой особеннаго расцвѣта историческихъ наукъ. Въ теченіе всего этого періода Кудрявцевъ состоялъ помощникомъ ректора (деканомъ) на богословскомъ отдѣленіи, не разъ исправлялъ временно должность ректора и вообще былъ одною изъ главныхъ пружинъ академическаго самоуправленія. Къ этому же времени принадлежатъ его наиболѣе крупные ученые труды. Въ 1873 г. онъ защищалъ свою докторскую диссертацію «Религія, ея сущность и происхожденіе» (М., 1871), въ которой развилъ, систематизировалъ и попытался критически обосновать мысли, отчасти уже высказанныя имъ по этому вопросу въ прежнихъ статьяхъ. Съ 1879 г. онъ принималъ близкое участіе въ изданіи академическаго журнала, какъ членъ редакціоннаго комитета, и много печаталъ въ «Православномъ Обозрѣніи», а позднѣе, въ основанномъ при его моральной поддержкѣ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ». Въ «Православномъ Обозрѣніи» кромѣ названныхъ выше статей началъ появляться въ это время его обширный курсъ «Изъ чтеній по философіи религіи» (1879—1889), посвященный историко-критическому изслѣдованію основныхъ формъ религіознаго сознанія, религіозно-философскихъ міросозерцаній и доказательствъ бытія Божія. Этотъ курсъ, стоящій въ связи съ его докторскою диссертаціей, представляетъ принципіальную переработку тѣхъ лекцій, которыя онъ читалъ въ первые годы своей профессорской дѣятельности. Въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» онъ печаталъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1884—1891), въ видѣ отдѣльныхъ статей, свои лекціи по метафизикѣ, хорошо извѣстныя его слушателямъ позднѣйшаго времени. Изъ этихъ лекцій имъ опубликованы здѣсь введеніе въ философію, гносеологія, часть космологіи и часть раціональной психологіи.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда возникла мысль объ отмѣнѣ академическаго устава 1869 г. и при Св. Синодѣ былъ учрежденъ Комитетъ для преобразованія духовныхъ учебныхъ заведеній, подъ предсѣдательствомъ Казанскаго архіепископа (впослѣдствіи митрополита Московскаго) Сергія, въ числѣ немногихъ академическихъ профессоровъ, вызванныхъ для занятій въ этомъ Комитетѣ, былъ и Кудрявцевъ. Результатомъ работъ Комитета былъ дѣйствующій въ настоящее время уставъ духовныхъ академій, возвратившій ихъ почти къ прежнему состоянію: академіи были снова подчинены епархіальнымъ архіереямъ, опять возстановлена монашеская администрація, уничтожены отдѣленія и т. д. Кудрявцевъ не противился этимъ преобразованіямъ и, принимая довольно значительное участіе въ нихъ, вполнѣ подчинилъ свои взгляды волѣ начальства; но онъ отстоялъ существовавшія въ нихъ по уставу 1869 г. три философскихъ каѳедры (метафизики съ логикой, психологіи и исторіи философіи), вопреки проекту предсѣдателя Комитета, желав-

шаго сократить ихъ число, и провелъ предложеніе, въ силу котораго общая каѳедра русской словесности и иностранныхъ литературъ была раздѣлена на двѣ. Вслѣдъ за преобразованіемъ академій были реформированы въ томъ же направленіи духовныя семинаріи и Кудрявцеву было поручено Св. Синодомъ составить для нихъ новыя программы философскихъ наукъ, дѣйствующія до настоящаго времени. Позднѣе, по такому же порученію, имъ написаны были и учебники примѣнительно къ этимъ программамъ: «Введеніе въ философію» (М., 1889) и «Начальныя основанія философіи» (I — II вып., М., 1889—1890). Эти превосходные учебники, выдержавшіе съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій, представляютъ сокращеніе его академическаго курса.

Постояннымъ и самымъ любимымъ предметомъ чтеній Кудрявцева была метафизика, въ которую, кромѣ общаго введенія въ философію, обыкновенно входила гносеологія, раціональная теологія (или философія религіи), космологія, раціональная психологія и иногда элементы нравственной философіи. Сверхъ того онъ читалъ въ разное время исторію древней философіи (1854—1870) и логику (1880 — 1891), и преподавалъ много лѣтъ нѣмецкій и французскій языки. Прекрасный профессоръ, умѣвшій излагать свой предметъ очень ясно, просто и послѣдовательно, Кудрявцевъ всегда пользовался большимъ успѣхомъ у своихъ слушателей и имѣлъ въ ихъ глазахъ выдающійся ученый и нравственный авторитетъ. Кромѣ ученыхъ заслугъ, съ его именемъ соединяется учрежденіе «Братство Преподобнаго Сергія, для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской духовной академіи», основаннаго въ 1877 — 1880 гг. кружкомъ его учениковъ, сослуживцевъ и почитателей въ память 25-лѣтія его профессорской дѣятельности. До конца жизни Кудрявцевъ состоялъ предсѣдателемъ этого Братства и ему же завѣщалъ всѣ свои труды. Послѣ его смерти Братство Преподобнаго Сергія издало (отчасти на завѣщанныя имъ средства) собраніе его сочиненій, въ трехъ большихъ томахъ (Сергіевъ Посадъ, 1892—1894). Въ это, къ сожалѣнію не совсѣмъ удовлетворительно редактированное, изданіе вошли почти всѣ напечатанные имъ статьи, диссертаціи и курсы.

Какъ мыслитель, Кудрявцевъ былъ самымъ виднымъ представителемъ русскаго теизма и занималъ у насъ, toutes proportions gardées, такое же положеніе, какое, напр., занимали на Западѣ его современники Ульрици, Поль Жанэ или Секретанъ. Его, разумѣется, нельзя назвать основателемъ какой нибудь новой и оригинальной философской системы; но онъ былъ превосходный философскій писатель и талантливый апологетъ христіанства. Примиреніе разума и вѣры, обоснованіе міросозерцанія, согласнаго съ христіанскимъ ученіемъ,—такова была его задача. Отношеніе нашего познанія къ опытному и сверхъопытному бытію, идея Бога, происхожденіе религіи, доказательства бытія Божія, вопросъ объ отношеніи Бога къ міру, происхожденіе міра, цѣлесообразность природы, сущность органической жизни, проблема духа и матеріи, безсмертіе души, свобода воли, трансцендентныя основы морали — вотъ главные предметы его изслѣдованій. Въ теоріи познанія Кудрявцевъ держался точки зрѣнія стараго догматизма и защищалъ мысль о полномъ соотвѣтствіи мышленія и бытія. Идею Бога онъ дѣлалъ центральнымъ пунктомъ своей метафизики и отстаивалъ ея теистическое пониманіе противъ пантеизма и деизма. Происхожденіе религіи онъ объяснялъ изъ непосредственнаго дѣйствія Божества на духъ человѣка и внутренняго ощущенія человѣкомъ Божества, изъ безконечнаго объективнаго воздѣйствія и конечнаго субъективнаго воспріятія, выражающагося въ исторіи религіи такъ или иначе на языкѣ представленій, понятій и чувствованій. Спеціальнымъ внутреннимъ органомъ такого воспріятія онъ считалъ умъ, какъ способность индуктивнаго познанія, и представлялъ дѣйствіе этой способности совершенно аналогичнымъ съ дѣятельностію внѣшнихъ чувствъ. Признавая недостатки отдѣльныхъ доказательствъ бытія Божія, онъ видѣлъ въ ихъ совокупности вполнѣ достаточную теоретическую опору для религіозной вѣры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, философскую основу для нашихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о Божествѣ. Свою точку зрѣнія на отношеніе Божества къ міру онъ называлъ трансцендентальнымъ монизмомъ, который объединяетъ противоположности бытія посредствомъ безконечнаго, личнаго и трансцендентнаго су-

щества и стоитъ одинаково далеко какъ отъ деистическаго дуализма, такъ и отъ пантеистическаго «субстанціальнаго» монизма. Въ вопросѣ о происхожденіи міра онъ доказывалъ, вопреки матеріализму и эволюціонизму, необходимость абсолютной первопричины и защищалъ идею творенія. Ясное доказательство существованія абсолютной разумной причины міра онъ видѣлъ въ его цѣлесообразности. Внутренняя (имманентная) цѣль міровой жизни заключается, по его мнѣнію, въ ея собственномъ сохраненіи и развитіи; ея внѣшнею цѣлью служитъ нравственно-разумное бытіе, благо и совершенство человѣка; ея абсолютная цѣль состоитъ въ приближеніи міра къ абсолютному совершенству, въ достиженіи того идеала, который составляетъ мечту оптимизма, и въ устраненіи тѣхъ золъ, которыя наблюдаетъ въ немъ пессимизмъ. Считая невозможнымъ механическое объясненіе органической жизни, Кудрявцевъ отстаивалъ старую виталистическую теорію. Его отношеніе къ проблемѣ духа и матеріи не совсѣмъ опредѣленно. Безусловно отвергая матеріализмъ и доказывая самостоятельность психическаго начала въ человѣкѣ, онъ, съ одной стороны, признавалъ духъ и матерію двумя противоположными и равноправными инстанціями, съ другой — склоненъ былъ разсматривать матерію почти какъ призрачный субстрактъ для проявленія духа: схоластическій дуализмъ и платоническій идеализмъ борются у него другъ съ другомъ. Въ вопросѣ о безсмертіи души онъ не шелъ далѣе исторически извѣстныхъ доказательствъ этой идеи и оцѣнивалъ ихъ совершенно такъ же, какъ и доказательства бытія Божія: не считая ихъ вполнѣ достаточными каждое въ отдѣльности, онъ полагалъ, что они взаимно дополняютъ другъ друга и въ общей совокупности могутъ служить твердою основой для философской увѣренности въ вѣчномъ существованіи нашего духа. Его точку зрѣнія на свободу воли можно назвать умѣреннымъ индетерминизмомъ. Признавая волю по существу безусловно свободной, онъ допускалъ ограниченность ея эмпирическихъ проявленій; въ области послѣднихъ свобода, по его мнѣнію, есть только идеалъ, къ которому человѣкъ долженъ стремиться. Въ этикѣ Кудрявцевъ былъ до извѣстной степени сторонникомъ кантовской теоріи нравственнаго долга; но онъ разсматривалъ долгъ не какъ автономный принципъ, а какъ законъ Божественной воли, которой человѣкъ призванъ подчиняться изъ чувства безкорыстной преданности и любви.

Нѣкоторыя изъ философскихъ воззрѣній Кудрявцева въ настоящее время уже не выдерживаютъ критики. Его гносеологія есть ни что иное, какъ самый обыкновенный «наивный реализмъ». Его теорія происхожденія религіи, нѣсколько своеобразная по формѣ но отнюдь не оригинальная по существу, основана на устарѣлыхъ психологическихъ схемахъ и сталкивается съ непреодолимыми логическими и фактическими затрудненіями. Его «трансцендентальный монизмъ» есть скорѣе простая словесная формула, чѣмъ сколько-нибудь ясный философскій принципъ: въ томъ смыслѣ, въ какомъ Кудрявцевъ употребляетъ эту формулу, она выражаетъ только неудачную попытку соединить несоединимыя понятія. Неопредѣленность его представленій объ отношеніи духа и матеріи тѣмъ именно и объясняется, что онъ, несмотря на скрытое стремленіе къ монистической точкѣ зрѣнія, на дѣлѣ всегда продолжалъ держаться довольно незамысловатаго дуализма. Защищаемая имъ виталистическая теорія если и не отжила свой вѣкъ, то во всякомъ случаѣ нуждается теперь въ очень существенныхъ измѣненіяхъ. Не всегда можно назвать удовлетворительными и пріемы изслѣдованій Кудрявцева. Его критика враждебныхъ ему идей иногда поверхностна, ненаучна и мало убѣдительна. Его доказательства собственныхъ взглядовъ иногда слабы, схоластичны и даже близки порой къ софизмамъ. Постоянное стремленіе во что бы то ни стало приспособиться къ защищаемой догмѣ дѣлаетъ нѣкоторыя его построенія искусственными и лишаетъ ихъ интереса. Тѣмъ не менѣе, сочиненія Кудрявцева имѣли немаловажное значеніе въ исторіи русской философской мысли и не утратили извѣстной цѣнности до настоящаго времени. Безпристрастный историкъ поставитъ ему въ заслугу то обстоятельство, что онъ защищалъ права философскаго умозрѣнія и отстаивалъ христіанскій идеализмъ въ ту эпоху, когда у насъ безповоротно отвергались всѣ вѣковыя пріобрѣтенія философіи, когда охватившій русское общество прекрасный

нравственный энтузіазмъ шелъ рука объ руку съ самымъ крайнимъ теоретическимъ отрицаніемъ. Если въ этой борьбѣ Кудрявцевъ не былъ болѣе глубокъ и оригиналенъ, то объясняется это, главнымъ образомъ, тѣми условіями, при которыхъ ему пришлось развиваться и дѣйствовать. Современный читатель найдетъ у него не малую долю поучительнаго даже тамъ, гдѣ онъ платитъ дань устарѣвшимъ традиціямъ, и оцѣнитъ его литературный талантъ. Какъ популярный философскій писатель, Кудрявцевъ имѣетъ у насъ немного себѣ равныхъ. Несмотря на нѣкоторую растянутость, его работы всегда отличаются рѣдкою ясностью, послѣдовательностью, логическою стройностью и законченностью. Его терминологія не свободна отъ небольшихъ архаизмовъ и неточностей; но въ общемъ его языкъ замѣчательно правиленъ, простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наученъ. Нѣкоторыя страницы его сочиненія могли бы до сихъ поръ служить лучшими образцами философскаго стиля.

Колубовскій, «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи»,—приложеніе къ журналу «Вопросы философіи и психологіи», кн. 4, стр. 20—32; его же, «Очеркъ философіи въ Россіи», прил. къ «Исторіи философіи Ибервега-Гейнце, Спб., 1890, стр. 580—581; П. Соколовъ, «Краткія свѣдѣнія о жизни и трудахъ В. Д. Кудрявцева» — «Богословскій Вѣстникъ», 1892, январь, стр. 215—233; его же, «В. Д. Кудрявцевъ» — «Библіографическія Записки», изд. Шибанова, 1892, мартъ—іюнь; А. Введенскій, «Основатель системы трансцендентальнаго монизма» — «Вопросы фил. и псих.», кн. 14—15 (то же въ прилож. къ I т. Сочиненій Кудрявцева); И. Корсунскій, «В. Д. Кудрявцевъ» (Біографическій очеркъ), прилож. къ I т. Сочиненій Кудрявцева. стр. 1—56.

П. Соколовъ.

Кудряшевъ, *Петръ Михайловичъ*, писатель, род. въ 1801 г., ум. въ 1892 г. Родился въ Верхнеуральскѣ въ бѣдномъ семействѣ; въ 1815 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ мѣстный гарнизонный батальонъ; въ 1822 г. переведенъ былъ аудиторомъ въ оренбургскій ордонансъ-гаузъ. Познакомившись здѣсь хорошо съ бытомъ и правами башкиръ, написалъ нѣсколько недурныхъ повѣстей, изображающихъ ихъ нравы и жизнь; повѣсти его—«Айдаръ и Абдряшъ», «Кучакъ Галій», «Искакъ», «Киргизскій плѣнникъ» и др.—помѣщались въ разныхъ журналахъ 20-хъ годовъ XIX в.

«Справ. энцикл. словарь», Края, VI, 946.

Куземскій, *Михаилъ*, холмскій уніатскій епископъ, галичанинъ. Род. въ 1808 г., ум. 25 ноября 1876 г. Въ Галиціи онъ состоялъ членомъ львовскаго сейма и предсѣдательствовалъ въ галицко-русскомъ обществѣ Народнаго Дома. Въ 1868 г. перешелъ въ Холмъ и сдѣлался однимъ изъ виднѣйшихъ галицко-русскихъ дѣятелей. Дѣятельность его была направлена на очищеніе уніатскаго обряда отъ польско-латинскихъ наслоеній и подготовляла почву для окончательнаго возсоединенія холмско-русскаго народа съ православіемъ: онъ уничтожилъ въ церквахъ органы, колокольчики, лавки для сидѣнья, возстановилъ иконостасы. Но присоединиться къ православію окончательно онъ не захотѣлъ, удалился въ Галичину и скончался въ Лашкахъ Горныхъ, совершенно покинувъ всякую общественную дѣятельность.

«Волжск. епарх. вѣд.», 1880 г., № 1.

С. Г. Р.

Кузьминъ (Козминъ) *Истома*, дьякъ, ум. послѣ 1566 г. Въ 1557 и 1559 г.г. былъ въ походахъ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; за его приписью посланъ отвѣтъ казначеямъ на вопросъ относительно того, какъ поступать съ плѣнниками и съ иноземцами, принявшими православную вѣру и не служащими царю, но желающими поступить на службу къ частнымъ лицамъ. За его же приписью послана казначеямъ слѣдующая интересная память, въ дополненіе къ царскому Судебнику: «Лѣта 7067 апрѣля въ 25 день, память царя и великаго князя казначеемъ Ѳедору Ивановичу Сукину да Хозяину Юрьевичу Тютину. Въ который день живетъ панихида болшая, митрополитъ у Государя за столомъ, а Государь передъ нимъ стоитъ, и въ той день смертною и торговою казнію вамъ въ своемъ Приказѣ казнити не велѣти никого». Н. П. Лихачевъ полагаетъ, что дьякъ Истома Козминъ одно лицо съ дьякомъ Истомой Ноугородовымъ.

А. А. Э., I, 184, 230, 234, 236, 238; Акты ист., I, 206; Лихачевъ, «Разр. дьяки», стр. 274 277.

Кузьминъ, *Романъ Ивановичъ*, профессоръ архитектуры; род. въ 1811 г., ум. въ 1867 г. Получилъ начальное и высшее художественное образованіе пенсіонеромъ Черноморскаго войска въ Академіи Художествъ, въ которой окончилъ курсъ въ 1832 г. со званіемъ класснаго художника и 2-й золотой медалью за ис-

полненіе проекта семинаріи на 200 чел. На слѣдующій годъ по окончаніи курса въ Академіи Художествъ Кузьминъ получилъ первую золотую медаль за исполненіе программы «проектъ зданіямъ для жительства богатаго помѣщика въ имѣніи его». Эта награда дала Кузьмину право путешествовать по чужимъ краямъ на средства казны и въ 1834 г. Кузьминъ отправился за-границу; проѣхавъ по Европейской Турціи, онъ довольно много времени провелъ въ Греціи, осматривая и изучая памятники древняго искусства; изъ Греціи проѣхалъ въ Италію, въ Римъ. Тутъ онъ занимался реставраціей форума Траяна. Совѣтъ Академіи Художествъ, по разсмотрѣніи его проекта реставраціи, нашелъ его трудомъ превосходнымъ и единогласно положено было удостоить Кузьмина званія академика по части архитектуры. Въ 1840 г. Кузьминъ вернулся въ Россію. Съ прекращеніемъ пенсіонерскаго содержанія, Кузьминъ остался совершенно безъ средствъ и принужденъ былъ просить совѣтъ Академіи объ исходатайствованіи ему, на основаніи постановленій, существующихъ при Академіи Художествъ, содержанія отъ правительства, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что не имѣетъ ни занятій, ни службы. Совѣтъ Академіи, во вниманіе къ нему, какъ художнику, отличившемуся за границей своимъ искусствомъ, опредѣлилъ назначить Кузьмину содержаніе на три года и назначилъ ему исполнить проектъ «Медико-хирургической академіи съ анатомическимъ театромъ, клиникою и ботаническимъ садомъ». Кузьминъ выполнилъ программу настолько удачно, что академическимъ совѣтомъ въ сентябрѣ 1841 г. было постановлено: «извѣстнаго своими дарованіями въ архитектурномъ художествѣ, академика Романа Иванова Кузьмина, по исполненной имъ программѣ: представить проектъ медико-хирургической академіи—возвести въ званіе профессора архитектуры». Имя Кузьмина, какъ талантливаго и способнаго архитектора, стало извѣстно. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто старшаго архитектора при гофъ-интендантской конторѣ и, занимая эту должность, возвелъ не мало отличныхъ построекъ. Прежде всего онъ устроилъ нѣсколько корпусовъ для Императорскихъ конюшенъ. Церковь русскаго посольства въ Аѳинахъ, греческая посольская церковь въ Петербургѣ, домъ Утина на Конногвардейскомъ бульварѣ, русская церковь въ Парижѣ на улицѣ Дарью и, наконецъ - его послѣднее сооруженіе — часовня около ограды Лѣтняго сада, на набережной — вотъ выдающіеся памятники зодческаго таланта Кузьмина, таланта крупнаго и самобытнаго. Главнымъ же трудомъ Кузьмина являются его работы въ Гатчинѣ: онъ перестроилъ и значительно расширилъ Гатчинскій дворецъ; по его же проекту воздвигнутъ гатчинскій городской соборъ. Въ 1845 г. совѣтъ Академіи постановилъ, чтобы онъ замѣщалъ каѳедру въ Академіи Художествъ на время отлучекъ К. Тона. Кузьминъ отлично зналъ и понималъ стили; владѣя тонкимъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго, Кузьминъ создавалъ крайне интересные проекты, отличавшіеся необыкновенной строгостью и изяществомъ линій и пропорцій и цѣлесообразностью.

«Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Художествъ» П. Н. Петрова, гг. 1, 2.—«Иллюстрированная Газета», 1867 г., № 46; «Голосъ» 1867 г., № 320 (фельетонъ); «Русская Старина» 1875 г., т. 2, № 5, стр. 154—158; «Энциклопед. словарь» Брокгауза и Ефрона, т. 32, стр. 941.

И. Л.

Кузьминъ - Караваевъ, *Василій Михайловичъ*, воевода, ум. послѣ 1611 г. Въ 1578 г. былъ третьимъ воеводой въ Чебоксарахъ; въ 1581—1585 г.г. былъ въ плѣну въ Польшѣ; въ 1586 г. былъ приставомъ у польскихъ пословъ, въ 1589 г.—вторымъ воеводой въ Теркахъ. въ 1592 г.—объѣзжимъ головой въ Москвѣ, въ 1594 г. посланъ въ Алатырь; въ 1598 г. былъ вторымъ судьей Московскаго Суднаго приказа и воеводой въ серпуховскомъ походѣ; въ 1600 г.—приставомъ у персидскихъ пословъ, въ 1601 и 1605 г.г.—вторымъ воеводой въ Казани; въ 1602 г. былъ судьей Казеннаго двора, въ 1606 г.—объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

Руммель, «Ист. рус. двор.», I, с. 469. «Оп. Моск. Арх. Мин. Юст.», I, 291.

Кузмичевъ, *Ѳедотъ Семеновичъ*, род. около 1809 г., ум. въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія. Кузьмичевъ былъ писатель-самоучка, или, какъ онъ самъ называлъ себя — «сынъ природы»; онъ оставилъ болѣе 300 рукописей лубочнаго характера, романическаго, драматическаго, историческаго и публицистическаго содержанія; онъ былъ однимъ изъ главныхъ поставщиковъ лубочной литературы. Напечатано

низъ его произведеній до шестидесяти; назовемъ нѣкоторыя: «Ночь въ градѣ Арзерумѣ, или трепещущіе граждане при покореніи онаго побѣдоноснымъ россійскимъ оружіемъ» (М., 1829 г.); «Стонъ отступника Магомета на развалинахъ Ахалцыха» (М., 1830 г.) и другія, въ подобномъ духѣ и съ подобными названіями; «Спасенная Ниневія пророчествомъ Іоны», поэма въ 4 пѣсняхъ (М., 1831 г.)—имѣла 4 изданія; «Громъ въ Атласѣ, или нечаянное предсказаніе», нравственно-сатирическая повѣсть (М., 1831 г.); «Хитрая сваха, или отказъ доброму жениху», комическій романъ (М. 1834 г.); «Медвѣжья голова, или лихая баба», новѣйшая сказка (М., 1834 г.); «Письма влюбленнаго, или измѣнница» (М., 1834 г.); «Сельскій колдунъ, или крестьянская свадьба» (М., 1835 г.)—имѣлъ четыре изданія, послѣднее въ 1884 г.; «Таинственная цыганка, предсказывающая судьбу женихамъ и невѣстамъ» (М. 1836 г.)—имѣла четыре изданія; «Дочь разбойника, или любовникъ въ бочкѣ», народное преданіе временъ Бориса Годунова (М., 1839 г.)—имѣло 12 изданій, послѣднее въ 1882 г.; «Картина Бородинской битвы» (М., 1839 г.); «Торжество закладки храма во имя Христа Спасителя 10 сентября 1839 г. (М., 1839 г.)—имѣло три изданія; «Блокада Одессы и Синопская битва и побѣдитель Нахимовъ» (М., 1855 г.); «Разсказы изъ современныхъ военныхъ событій» (М., 1856 г.); «Златолавровый вѣнокъ Ѳ. С. Кузьмичева, или приглашеніе на юбилей по случаю совершившагося 35-лѣтія его авторствованія» (М., 1859 г.),

Геннади, «Словарь»; «Роспись» книжнаго магазина И Глазунова, В. Межова, № 8,263 и прибавленія, Спб. 1882 г., третье и пятое; «Невознаградимая потеря для литературы» («Москвитянинъ») 1849 г., мартъ, ч. II, № 6, кн. 2, стр. 26—27); «Отечественныя Записки», 1849 г., т. 63, смѣсь, стр. 323—324; «Московскія Полицейскія Вѣдомости» 1849 г., № 49 и 50; Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» т. I, Спб. 1889 г., стр. 962; Полное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго, подъ редакціей С. Венгерова, т. II, 253, т. IV, 295.

Ив. Дав.

Кузнецовъ, *Евѳимій*, иркутскій 1-й гильдіи купецъ, статскій совѣтникъ, сынъ купца. Род. въ Иркутскѣ въ 1771 г., ум. 26 сентября 1851 г. Отличался широкою благотворительностію; кромѣ многочисленныхъ пожертвованій на церкви и богоугодныя заведенія, онъ устроилъ въ Иркутскѣ женское духовное училище, которое съ Высочайшаго соизволенія именуется «Училищемъ Евѳимія Кузнецова»; на это дѣло Кузнецовымъ была пожертвована крупная по тому времени сумма—свыше 60,000 р.; училище открыто уже въ 1854 г., при значительной поддержкѣ наслѣдниковъ Кузнецова. 3 сентября 1850 года за сдѣланныя имъ пожертвованія для общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ Восточной Сибири, онъ получилъ рѣдкое въ то время отличіе—не въ примѣръ прочимъ, пожалованъ въ статскіе совѣтники.

«Объ училищахъ дѣвицъ дух. званія», Спб. 1866; Дѣла арх. Св. Син. 1849 г. №№ 1,470 и 1,582. *Здр.*

Кукольникъ, *Василій Григорьевичъ*, статскій совѣтникъ, первый директоръ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, род. 30 января 1765 г. въ Венгріи, ум. въ Нѣжинѣ 6 февраля 1821 г. Происходилъ изъ стариннаго карпато-русскаго дворянскаго рода; предки его имѣли даже княжескій титулъ, утраченный во время преслѣдованій, какимъ подвергаемы были уніаты со стороны іезуитовъ. Учился въ Лембергской академіи; побуждаемый врожденною любознательностію, онъ расширялъ свои изученія далеко за предѣлы тогдашнихъ программъ, очень тѣсныхъ. Не чувствуя охоты служить въ Австріи, Кукольникъ, около 1790 г., поступилъ профессоромъ въ Замостскій лицей, и преподавалъ сначала физику и естественную исторію, а потомъ — сельское хозяйство; здѣсь онъ издалъ,, въ 1803—1804 гг.: «Dzieło Ekonomiczne», 5 ч. г. и «Dziennik Ekonomiczny», 12 ч.. Въ 1803 г. Н. Н. Новосильцевъ, по совѣту карпато-русса И. С. Орлая, служившаго въ Петербургѣ уже около 10 л., пригласилъ въ Петербургъ М. А. Балугьянскаго, П. Д. Лодія и Кукольника; всѣ они предназначены были занять мѣста въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; 6 августа 1803 г. Кукольникъ и былъ назначенъ въ немъ профессоромъ физики. Быстро изучивъ, благодаря своимъ способностямъ и прилежанію, русскій языкъ, Кукольникъ преподавалъ въ институтѣ физику и, кромѣ того, въ разное время еще химію, технологію и сельское хозяйство, въ Петербургской первой гимназіи—опытную физику, и на публичныхъ курсахъ для чиновниковъ — физику и римское право — три года и

частное русское право — четыре года; римское право поручено было ему преподавать и въ только что открытомъ Высшемъ училищѣ правовѣдѣнія. Съ учрежденіемъ въ 1809 г. экзаменной комиссіи для чиновниковъ, Кукольникъ четыре года былъ въ ней экзаменаторомъ и оставилъ эту должность только тогда, когда, 20 апрѣля 1813 г., былъ назначенъ преподавать римское и гражданское россійское право великимъ князьямъ—Николаю и Михаилу Павловичамъ; преподаваніе его при дворѣ продолжалось до іюля 1817 г. Въ 1814 г. В. Г. Кукольникъ получилъ должность члена временнаго департамента Коммерцъ-Коллегіи и, въ качествѣ визитатора, долженъ былъ неоднократно обозрѣвать учебныя заведенія, казенныя и частныя, въ Петербургской и Псковской губерніяхъ; въ то же время онъ былъ назначенъ членомъ правленія Главнаго Педагогическаго института, два раза временно исполнялъ должность директора его и читалъ римское и отечественное право на публичныхъ курсахъ при институтѣ.

2 марта 1819 г. В. Г. Кукольникъ былъ назначенъ профессоромъ положительныхъ правъ и предсѣдательствующимъ въ конференціи только что учрежденнаго Петербургскаго университета; общій голосъ прочилъ его и на должность ректора, котораго предстояло избрать. Но, открывая собраніе совѣта, долженствовавшее выбрать ректора, Кукольникъ просилъ не подавать за него голоса, такъ какъ было уже рѣшено, что онъ покидаетъ Петербургъ. Гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко пригласилъ Кукольника устроить учебное заведеніе, на основаніе котораго онъ давалъ средства; рѣшено было учредить въ Нѣжинѣ учебное заведеніе особаго типа; оно наименовано было гимназіей высшихъ наукъ кн. Безбородко. Облеченный полнымъ довѣріемъ гр. Кушелева-Безбородко, Кукольникъ горячо принялся за дѣло, тѣмъ болѣе, что состояніе здоровья нѣкоторыхъ членовъ его семьи требовало отъѣзда въ болѣе мягкій климатъ. 1 октября 1819 г. Кукольникъ отказался отъ предсѣдательства въ конференціи университета, 29 іюля 1820 г. уволенъ отъ службы при немъ, и назначенъ директоромъ новаго учебнаго заведенія, 5 августа выѣхалъ въ Нѣжинъ. Здѣсь, въ концѣ сентября, онъ уже началъ преподавать—сначала, пока не собрались приглашенные имъ преподаватели, все преподаваніе велъ онъ самъ, со своимъ старшимъ сыномъ Платономъ. Но вскорѣ его постигла душевная болѣзнь. Зачатки ея были, вѣроятно, и раньше, а теперь, подъ вліяніемъ усиленныхъ трудовъ и неблагопріятныхъ условій жизни, въ глухой провинціи, скучая безъ общества людей образованныхъ, Кукольникъ впалъ въ меланхолію и утромъ 6 февраля 1821 г., выбросившись изъ окна третьяго этажа, убился до смерти.—Кромѣ вышеназванныхъ двухъ изданій на польскомъ языкѣ, В. Г. Кукольникъ напечаталъ еще въ Петербургѣ: «Курсъ хозяйственныхъ свѣдѣній», 12 книгъ (1805), «Экономическій журналъ», 3 части (1807), «Начальныя основанія сельскаго домоводства» (1810 и 1816), «Начальныя основанія римскаго гражданскаго права» (1810), «Начальныя основанія россійскаго частнаго права», (1813 г.), «Россійское частное гражданское право», 2 ч. (1815 и 1818), «Руководство къ преподаванію римскаго права», 2 ч. (1821).

Познанія В. Г. Кукольника были весьма разносторонни, но не особенно глубоки и самостоятельнымъ ученымъ онъ, конечно, не былъ; въ своихъ сочиненіяхъ по сельскому хозяйству онъ популяризировалъ у насъ результаты, добытые только что создававшеюся тогда наукою агрономіи. Какъ юристъ, Кукольникъ давалъ элементарное изложеніе положительныхъ нормъ римскаго и русскаго права по институціонной системѣ, безъ всякаго освѣщенія, толкованія или критики; сочиненія его, во всякомъ случаѣ, послѣдовательны, ясны и содержатъ удовлетворительное истолкованіе мало извѣстныхъ тогда понятій и терминовъ; основою юриспруденціи онъ считаетъ исторію и рекомендуетъ юристамъ изученіе ея, философіи, логики и психологіи.

Статья Н. В. Кукольника въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко»; изд. I, 63—69, изд. II, 181—189; Геннади, «Словарь», Брокгаузъ и Эфронъ, «Словарь».

Кукольникъ, *Нестор*ъ *Васильевичъ*, поэтъ и драматургъ, род. 8 сентября 1809 г., ум. 8 декабря 1868 г., пятый сынъ В. Г. Кукольника. Родился въ Петербургѣ; первоначальное воспитаніе и образованіе получилъ въ Нѣжинѣ, въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородки, первымъ по времени директоромъ которой былъ его отецъ. По смерти отца онъ въ 1822 г. былъ

взятъ матерью изъ гимназіи и жилъ два года въ Виленской губерніи, а въ 1824 г. снова поступилъ въ нѣжинскую гимназію, прямо въ 4-й классъ. Несмотря на эти перерывы въ обученіи въ гимназіи, будущій писатель блестяще прошелъ гимназическій курсъ; онъ считался въ гимназіи однимъ изъ способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ учениковъ. Однокашникъ Гоголя, Гребенки, Кукольникъ принималъ живое участіе въ литературныхъ опытахъ и предпріятіяхъ своихъ товарищей (журналъ «Звѣзда») и на школьной скамьѣ успѣлъ проявить свои задатки; драматическая фантазія «Торквато Тассо», затеплившаяся страсть къ театру и увлеченіе музыкой были юношескими, но вѣрными залогами будущей дѣятельности Кукольника. Библіотека гимназіи, богатая историческими сочиненіями, два-три недурныхъ педагога и компанія даровитыхъ товарищей содѣйствовали основанію прочнаго фундамента въ образованіи Н. В. Кукольника: онъ вышелъ изъ гимназіи развитымъ, начитаннымъ юношей, хорошо знавшимъ новые языки, исторію, литературу... По окончаніи гимназіи, онъ около двухъ лѣтъ пробылъ въ Вильнѣ, въ качествѣ преподавателя россійской словесности въ 1-й и 2-й гимназіяхъ и успѣлъ зарекомендовать себя отличнымъ педагогомъ (отчетъ Н. Н. Новосильцева). Лѣтомъ 1831 г. онъ оставилъ Вильну и отправился съ ректоромъ Виленскаго университета В. В. Пеликаномъ, въ качествѣ чиновника при ректорѣ университета для письменныхъ дѣлъ, въ Петербургъ. Получивъ вскорѣ чинъ коллежскаго ассесора, Н. В. Кукольникъ вышелъ въ отставку; въ 1833 г. онъ вновь поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра; съ 1837 г. служилъ въ Капитулѣ орденовъ; съ 1839 по 1843 г. былъ въ отставкѣ, затѣмъ снова поступилъ въ канцелярію военнаго министра; съ 1843 г., въ теченіе четырехъ лѣтъ, Н. В. Кукольникъ служилъ въ Петербургѣ, съ 1847 по 1856 г. провелъ въ командировкахъ. По возвращеніи въ Петербургъ получилъ отпускъ за границу для леченія; вернувшись изъ за границы, вышелъ въ отставку и навсегда оставилъ Петербургъ. Онъ переселился въ Таганрогъ, гдѣ и умеръ въ 1868 г. — Общественно-литературная жизнь Кукольника раздѣляется на четыре періода. Первый— до пріѣзда въ Петербургъ; второй — съ 1832 по 1847 г., періодъ наиболѣе продуктивной дѣятельности Кукольника и наиболѣе интересный для историка литературы; третій—съ 1847 по 1857 г.— періодъ странствованій Кукольника по Россіи и за границей и, наконецъ, четвертый — пребываніе его въ Таганрогѣ. Прибывъ въ 1832 г. въ Петербургъ съ литературнымъ багажемъ, въ которомъ находился и «Торквато Тассо», начатый еще въ Нѣжинѣ, Кукольникъ скоро выступилъ въ печати. Звучные стихи только что названной драматической фантазіи, въ которыхъ чувствовался свѣжій и несомнѣнный талантъ, имѣли громадный успѣхъ и сразу создали Кукольнику славу поэта. Польщенный ласковымъ пріемомъ, онъ въ слѣдующемъ же году выпустилъ драматическую фантазію «Джакобо Санназаръ», а затѣмъ и знаменитую драму «Рука Всевышняго отечество спасла». Послѣдняя пьеса имѣла успѣхъ, превзошедшій ожиданія автора. Правда, она не отличалась по своему времени никакими выдающимися достоинствами ни въ литературномъ, ни въ историческомъ отношеніяхъ, но она окружила имя Кукольника ореоломъ страстнаго поэта-патріота. Молодой писатель понялъ настроеніе и вкусы минуты, сумѣлъ польстить тогдашнему понятію о «патріотизмѣ», сорвалъ шумные апплодисменты и привлекъ къ себѣ симпатію лицъ, вниманіе которыхъ считалъ для себя и выгоднымъ, и полезнымъ.

Кукольника превозносили, его должны были превозносить, и скоро слава его,—по словамъ одного современника (П. А. Инсарскаго)—была такова, что «трудно представить для поэта и вообще для литератора славу блестящѣе той, какою въ то время (конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ) пользовался Кукольникъ. Не говоря о томъ, что малыя литературныя силы льнули къ нему, заискивали передъ нимъ, ему посчастливилось пользоваться симпатіями и дружбой лицъ, отмѣнно знаменитыхъ въ русскомъ искусствѣ: Глинка и К. Брюлловъ были первыми друзьями поэта, вообще щедро надѣленнаго отъ природы. Глинка писалъ музыку къ его произведеніямъ, Брюлловъ писалъ съ него и его братьевъ портреты. Въ хорѣ похвалъ не слышны были нѣкоторые голоса, критиковавшіе его пьесу; нѣсколько экспромптовъ, и довольно колкихъ, не распространялись далѣе литературныхъ

кружковъ. Натура артистическая, Кукольникъ имѣлъ отличный музыкальный слухъ, не малыя художественныя способности и познанія и пониманіе въ искусствахъ. Отличный собесѣдникъ, любитель-музыкантъ, пѣвецъ и композиторъ, общительный человѣкъ, онъ умѣлъ выбирать себѣ по сердцу друзей и пріятелей, и поддерживать знакомство съ нужными ему людьми. Въ пріязненныхъ, близкихъ или просто хорошихъ отношеніяхъ онъ былъ чуть ли не съ половиной извѣстныхъ лицъ Петербурга и Москвы. Поистинѣ изумительная способность быстро сочинять и писать и сравнительно высокій гонораръ, которымъ въ свое время оплачивались произведенія Кукольника, обезпечивали поэту безбѣдное существованіе. Кукольникъ жилъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, и задавалъ вечеринки, на которыя собиралось многочисленное общество представителей литературы, искусства и лицъ, занимавшихъ видное положеніе въ сферахъ, съ искусствомъ ничего общаго не имѣвшихъ. Правда, эти шумныя сборища, съ обильными возліяніями, во имя литературы и искусства, не имѣли для послѣднихъ серьезнаго значенія и «салонъ» Кукольника пользовался не совсѣмъ-то лестной репутаціей. Писатели, болѣе дорожившіе своимъ званіемъ, съ Кукольникомъ не старались сближаться, да и не сближались—товарищъ его по гимназіи Гоголь сторонился его и только за послѣдніе свои годы, какъ видно изъ неизданнаго дневника, бывалъ нѣсколько разъ у своего прежняго однокашника Кукольника. Но должно отмѣтить, что общеніе поэта съ людьми, посвятившими такъ или иначе свой вѣкъ на служеніе прекрасному, было для Кукольника не безполезно. Общество его—литераторы, артисты, художники—расширяли интересы и усиливали привязанность его къ искусствамъ, нѣкоторыя же матеріальныя средства позволили ему проявить свой интересъ и любовь къ русскому искусству на дѣлѣ. Кукольникъ на свой страхъ предпринялъ изданіе дорогихъ, по тому времени, художественныхъ журналовъ, которые, несмотря на краткость своего существованія, содѣйствовали подъему въ нашей публикѣ эстетическихъ потребностей и вкусовъ и составили страницу въ исторіи нашихъ художественныхъ изданій. Съ передачей Башуцкому послѣдняго своего періодическаго изданія и съ отъѣздомъ изъ Петербурга (1847 г.), можно сказать, и прекратилась дѣятельность Кукольника, какъ писателя по преимуществу. Служба его къ качествѣ чиновника при военномъ министерствѣ, требовавшая постоянныхъ и продолжительныхъ разъѣздовъ, да и самый характеръ ея, разобщили Кукольника со столицами и представителями литературы и искусствъ. Къ тому же ему выпало на долю пережить многихъ своихъ славныхъ и знаменитыхъ пріятелей, соратниковъ по искусствамъ... Разъѣзжая по югу Россіи по дѣламъ службы и принимаясь за перо для разнаго рода «реляцій», Кукольникъ лишь изрѣдка набрасывалъ планъ или этюдъ какого-нибудь новаго своего романа или повѣсти, а иногда и драмы. За десятилѣтній промежутокъ странствованій изъ подъ пера его вышло немного (сравнительно съ предъидущими годами) вполнѣ законченныхъ произведеній. Наши военныя дѣйствія на югѣ, свидѣтелемъ которыхъ былъ Кукольникъ, не могли не произвести на него впечатлѣнія, и онъ откликнулся на нихъ въ цѣломъ рядѣ произведеній, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю его драмы «Морской праздникъ въ Севастополѣ». Продолжительная служба утомила уже пятидесятилѣтняго Кукольника; онъ выхлопоталъ отпускъ за границу и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, вернулся въ Петербургъ, чтобы подать прошеніе объ отставкѣ. Переселившись въ Таганрогъ, онъ скоро сталъ тамъ въ ряды видныхъ гражданъ, былъ избранъ въ гласные городской думы и, говорятъ, не мало потрудился надъ благосостояніемъ своего города. Изрѣдка напоминалъ онъ о себѣ, какъ о литераторѣ; но онъ пережилъ свою литературную славу. Не успѣло пройти 20 лѣтъ литературной дѣятельности Кукольника, какъ ему пришлось убѣдиться въ охлажденіи къ нему публики; изданное въ 1851 г. собраніе сочиненій его не имѣло значительнаго успѣха. Бѣлинскій, еще года за четыре до сего изданія давшій понять Кукольнику въ одной изъ своихъ рецензій, что въ собраніи сочиненій его публика врядъ ли нуждается, оказался правъ. Баронъ Брамбеусъ и другіе подобные критики не разъ производили Кукольника въ геніи, сравнивали его съ Гете, роднили съ Брюлловымъ и т. п. Но Бѣлинскій замѣтилъ: «талантъ Кукольника не такъ слабъ, чтобы ограничиться

бездѣлками, доставляющими фельетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобы создать что-нибудь выходящее за черту посредственности». Дѣйствительно, если внимательно приглядѣться къ произведеніямъ Кукольника, не трудно убѣдиться, что, несмотря на все ихъ разнообразіе съ внѣшней стороны, они слишкомъ однообразны по духу, ихъ проникающему, по манерѣ, и положительно скучны и утомительны по расплывчатости, обилію подробностей и дѣйствующихъ лицъ. Драмы его полны трескучихъ фразъ и дешевыхъ эффектовъ, въ тысячѣ героевъ его романовъ рѣдко встрѣтишь типъ или выдержанный до конца характеръ; въ повѣстяхъ съ сюжетомъ изъ временъ Петра Великаго—это наиболѣе удачныя произведенія Кукольника—мы имѣемъ, строго говоря, пересказы извѣстныхъ анекдотовъ, иной разъ довольно живые, но непріятные по одностороннему и поверхностному пониманію авторомъ значенія реформы Петра и его удивительно пристрастному отношенію къ ихъ сторонникамъ и противникамъ; вообще—въ произведеніяхъ Нестора Кукольника мало вдохновенія, творчества. Отсутствіе у него качествъ выдающагося писателя, съ одной стороны, съ другой—новыя вѣянія въ нашемъ обществѣ, нарожденіе новыхъ идей, которыхъ Кукольникъ едва ли былъ сторонникомъ, наконецъ, появленіе въ нашей литературѣ плеяды талантливѣйшихъ писателей—все это отодвинуло произведенія Кукольника въ область забвенія. Въ 1847 году Бѣлинскій, подводя итогъ только что сдѣланному имъ оборѣнію драмъ и романовъ Кукольника, совершенно вѣрно сказалъ: «все это теперь забыто и всего этого не разбудишь отъ вѣчнаго сна никакими новыми изданіями». Произведенія Кукольника, написанныя имъ до 1851 г., вошли (за ничтожными исключеніями) въ 10 т. «Полнаго собранія сочиненій» его (Спб., 1851 — 1853); затѣмъ повѣсти и разсказы его переизданы (съ дополненіями) въ 1871 г. въ пяти томахъ («Повѣсти и разсказы Н. В. Кукольника», (Спб. 1871. въ 1886—1888; 1895—1897, 1901). Роскошныя изданія, которыя предпринималъ Кукольникъ, были слѣдующія: «Художественная Газета» (1836—1841 г.г.—закончилъ изданіе А. Струговщиковъ); «Новогодникъ» (Спб. 1830 г.), «Сказка за сказкой» въ 4-хъ томахъ (Спб. 1841—1844); «Дагеротипъ» (1842 г.); «Картины русской живописи» (1846 г.); «Иллюстрація» (1845—1847 г.г. изданіе закончилъ Башуцкій); кромѣ того, Кукольникъ былъ однимъ изъ редакторовъ «Русскаго Вѣстника», издававшагося С. Глинкой, принималъ участіе во многихъ крупныхъ журналахъ, газетахъ и альманахахъ («Сынъ Отечества», «Библіот. для Чтенія», «Маякъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Бесѣда», «Репертуаръ и Пантеонъ», «Современникъ», «Журналъ министерства нар. просвѣщенія», «Русское Слово», «Сѣверная Пчела», «Русскій Инвалидъ», «Финскій Вѣстникъ», «Санктпетерб. Вѣдомости», «Голосъ», «Сѣверн. Почта», «Биржевыя Вѣдомости», «Комета Бѣлы», «Альманахъ на 1838 г.», «Утренняя Заря» (1839 — 1843), «Одесскій альманахъ» (1839 г.), «Молодикъ» (1843 г.), «Альціона» (1843 г. и др.). Нѣкоторыя произведенія Кукольника переведены на иностранные языки: «Nadinka Fran Ryskan» (Helsingfors 1846); A. P. Zichontschich (Abo 1856 г.); см. также «Russische Geschichten herausg. von Zewald» (1846 г.).

Полный перечень произведеній Кукольника—въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», Спб. 1881 г., отд. 2, стр. XLVI—LX. Перечень опубликованныхъ его писемъ см. въ статьѣ Кубасова—«Кукольникъ и его письма» («Русская Старина» 1901 г., № 3); Отрывки изъ дневника его напеч. въ «Баянѣ» за 1888 г., №№ 9 — 16. Рецензіи на сочиненія Кукольника и отзывы о немъ, какъ о писателѣ можно встрѣтить во всѣхъ столичныхъ современныхъ ему журналахъ и газетахъ; наиболѣе любопытны (и въ различныхъ направленіяхъ)—Сенковскаго (Сочиненія т. 8-й), Бѣлинскаго («Сочиненія» т. 5, 6, 7 и 11), В. К. Кюхельбекера (въ «Дневникѣ») и Шевырева (въ «Москвитянинѣ» 1842, ч. II). Біографическія свѣдѣнія — въ некрологахъ, помѣщенныхъ въ «Полицейск. Листкѣ Таганрогскаго Градоначальства» (1868, № 49), «Русск. Вѣдомостяхъ» (1868, № 277), въ статьѣ Гербеля («Гимназія высш. наукъ и Лицей кн. Безбородко» изд. 2-е, Спб., 1881, стр. 403—408); въ брошюрѣ А. И. Шверубовича «Братья Кукольники» (Вильна, 1885), въ общихъ курсахъ, словаряхъ, и въ воспоминаніяхъ И. И. Панаева (ч. I), Драшусовой («Русскій Вѣстникъ» 1881 г., № 9), Головачевой-Панаевой, А. В Никитенки; И. А. Арсеньева („Истор. Вѣстн.» 1887 г., № 2-й; см. на эти воспоминанія возраженіе И. Пузыревскаго—«Какъ пишутъ иногда у насъ мемуары», въ «Новостяхъ» 1887 г. за мартъ); въ «Запискахъ П. А. Каратыгина», М. И. Глинки и др. Біографическимъ матеріаломъ могутъ служить отрывки изъ дневника и часть обнародованныхъ писемъ (см. выше). О могилѣ его см. «Новое Время» 1899 г. № 8480 (отд. хроники).

Ив. Кубасовъ.

Кукольникъ, *Павелъ Васильевичъ*, профессоръ Виленскаго университета, род. въ 1795 г. въ Замосцѣ, ум. 3 сентября 1884 г. въ Вильнѣ, — второй сынъ В. Г. Кукольника. Десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ привезенъ матерью въ Петербургъ, обучился здѣсь русскому языку и въ четыре года подготовился къ экзамену для полученія права на чинъ. Службу началъ съ 1810 г. канцеляристомъ въ 1-мъ департаментѣ римско-католической коллегіи, затѣмъ перешелъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ, потомъ въ почтовый департаментъ, наконецъ, вновь опредѣлился въ министерство государственныхъ имуществъ переводчикомъ. Дѣла служебныя не мѣшали Кукольнику въ его научныхъ занятіяхъ: въ 1815 г. онъ защитилъ диссертацію «О вліяніи римскаго права на всероссійское» (на латинскомъ языкѣ) въ Полоцкой іезуитской академіи. Изъ наукъ особенное предпочтеніе отдавалъ онъ исторіи—въ 1818—1820 г.г. перевелъ и издалъ пять томовъ «Всеобщей исторіи» Сегюра, исторію же и преподавалъ онъ въ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1824 г., по представительству Н. Н. Новосильцова, былъ назначенъ профессоромъ въ Виленскій университетъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи и статистики. Въ Вильнѣ П. В. Кукольникъ и провелъ всю свою остальную жизнь. Должность профессора онъ совмѣщалъ съ должностью цензора виленскаго цензурнаго комитета до 1831 г., пока университетъ не былъ закрытъ. По закрытіи университета, Кукольникъ былъ назначенъ членомъ комитета по упраздненію университета, съ окончаніемъ же дѣятельности и этого послѣдняго, онъ, не оставляя службы по цензурѣ, читалъ лекціи по всеобщей исторіи въ виленской римско-католической духовной академіи. Съ открытіемъ въ Вильнѣ медико-хирургической академіи (въ 1833 году) назначенъ въ эту академію преподавателемъ русскаго языка. При открытіи академіи, Кукольникъ читалъ рѣчь: «О вліяніи небеснаго промысла на судьбы народовъ и царствъ». Съ упраздненіемъ медико-хирургической академіи продолжалъ служить въ цензурѣ до выхода въ отставку въ 1865 г. Съ этого времени почти до послѣднихъ своихъ дней безвозмездно преподавалъ исторію въ Виленскомъ женскомъ пріютѣ при Маріинскомъ монастырѣ; преклонныя лѣта и болѣзни заставили его отказаться отъ какой бы то ни было общественной дѣятельности. Знавшіе П. В. Кукольника особенно указываютъ на его доброе и отзывчивое сердце и на сильно развитое чувство религіозности. Свою преданность православной церкви съ принятіемъ православія (до 1821 г. онъ былъ уніатомъ) П. Кукольникъ выражалъ строгимъ выполненіемъ ея уставовъ, и съ профессорской каѳедры перомъ и словомъ. Между прочимъ, онъ издалъ нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ статей религіознаго содержанія въ духѣ православной церкви. Трудовъ собственно по исторіи — своей спеціальности — онъ оставилъ немного. Значительную цѣнность имѣютъ собранные имъ матеріалы по исторіи нашей сѣверо-западной окраины. Кромѣ того, онъ былъ большой любитель поэзіи, писалъ много стиховъ; не мало ихъ и печаталъ, но какъ поэтъ, онъ не имѣлъ никакого значенія— онъ былъ вполнѣ лишенъ сколько нибудь выдающагося поэтическаго таланта. Впрочемъ, онъ и самъ не рѣшался распространять своихъ стихотворныхъ произведеній въ публикѣ и, выпуская ихъ въ свѣтъ исключительно для друзей или покровителей, которымъ обыкновенно посвящалъ плоды своего вдохновенія, предупредительно просилъ критиковъ воздержаться отъ суда надъ его музой; не мало стиховъ его осталось въ рукописи; увидѣть свѣтъ имъ, вѣроятно, не суждено.—Труды П. В. Кукольника: 1) по исторіи и этнографіи: переводъ «Сокращенной всеобщей исторіи» Сегюра, въ пяти томахъ (Спб. 1818 — 1820); «Исторія управленія и законодательства въ Литвѣ» (въ «Памятн. кн. Виленской губ.» на 1853); «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа», Вильна 1854 г.;—сюда вошли нѣкоторыя изъ прежде напечатанныхъ статей; «Историческія воспоминанія о рѣкѣ Нѣманѣ» (въ «Памятн. кн. Виленской губ.» на 1860 г., ч. II); «Историческія замѣтки о Литвѣ» (Вильна 1864 г.) — обширный трудъ и цѣнный по собраннымъ матеріаламъ; рядъ статей и сообщеній, касающихся исторіи и этнографіи Виленскаго края помѣщенъ Кукольникомъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ «Вѣстникѣ юго-западной Россіи» (въ 1860-хъ годахъ); большая часть ихъ вошла въ его «Историческія замѣтки о Литвѣ», кромѣ того,

говорятъ, что имъ была составлена «Исторія великаго княжества Литовскаго», но отпечатана не была, такъ какъ авторъ считалъ этотъ свой трудъ несовершеннымъ; 2) сочиненія религіознаго характера: «Голосъ христіанина по прочтеніи книги Ренана «La vie de Jésus»; переводъ двѣнадцати проповѣдей Берсье (въ рукописи); сюда же можно отнести его драму «Св. апостолъ Іуда—братъ Господень», напечатанную въ Лейпцигѣ въ 1866 г.; 3) стихотворныя произведенія къ отдѣльныхъ изданіяхъ: «6-е сентября 1858 г. въ Вильнѣ» (Вильна 1858 г.); «Стихотворенія» т. I (Вильна 1861 г.); «19-е іюня 1862 г.» (Вильна 1862 г.); «Марія» — повѣсть среднихъ вѣковъ, въ стихахъ (Спб. 1870 г.); «Стихотворенія» т. II (Вильна 1872 г.); «Дѣдушкино видѣніе» — разсказъ въ стихахъ (Вильна 1879 г.); «Послѣдній кусокъ моей духовной пищи» (Вильна 1882 г.).—Нѣсколько стихотвореній П. В. Кукольника были напечатаны въ «Художественной Газетѣ» и «Новогодникѣ», издававшихся братомъ его—Н. В. Кукольникомъ. Кромѣ перечисленнаго перу П. Кукольника принадлежатъ воспоминанія о Н Н. Новосильцовѣ («Русск. Архивъ» 1873 г.) и статья «Анти-Фотій» (ibid. 1874 г.), въ которой авторъ защищаетъ извѣстную Е. Ѳ. Татаринову.

А. И. Шверубовичъ: «Братья Кукольники» (Вильна, 1885 г.); некрологи въ «Виленскомъ Календарѣ» на 1885 г., и газетахъ: «Свѣтъ», «Kraj», «Kurjer Warszawski» за 1884 г., и въ журналѣ «Русская Старина» (1885 г., кн. 12-я). Изъ отзывовъ о трудахъ П. Кукольника укажемъ на рецензію И. Б. въ «Журналѣ мин. народн. просв.» (1854 г., т. LXXXIII).

Ив. Кубасовъ.

Кукольникъ, *Платонъ Васильевичъ*, род. въ началѣ XIX в. въ Замосцѣ, ум. въ 1848 г. въ Петербургѣ, — четвертый сынъ В. Г. Кукольника. По окончаніи курса въ петербургской гимназіи, поступилъ на службу въ Римско-католическую духовную коллегію; въ 1820 г. сдалъ экзаменъ при петербургскомъ университетѣ и поступилъ учителемъ низшихъ классовъ въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ кн. Безбородко, директоромъ которой былъ его отецъ. Со смертью отца (въ 1821 г.) оставилъ гимназію и Нѣжинъ и поселился въ пожалованномъ отцу его имѣніи (въ Виленской губерніи). Спустя три года поступилъ экзекуторомъ въ Виленскій университетъ, гдѣ братъ его Пав. Вас. Кукольникъ былъ профессоромъ; съ упраздненіемъ университета (въ 1831 г.) недолгое время состоялъ на службѣ въ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Послѣ трехлѣтняго промежутка, былъ приглашенъ Н. Н. Новосильцовымъ (покровителемъ всей семьи Кукольниковъ) состоять при немъ для занятій по дѣламъ Царства Польскаго. Въ 1838 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и черезъ десять лѣтъ умеръ въ Петербургѣ отъ холеры.

Біографія П. В. Кукольника, написанная братомъ его Несторомъ, помѣщена въ «Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко» (Спб: 1881 г., стр. 261—268). Въ «Словарѣ» Геннади (т. II, стр. 119) и въ «Сѣверн. Пчелѣ» (1850 г., стр. 70). Платонъ Васильевичъ Кукольникъ ошибочно названъ писателемъ, вмѣсто брата Павла Васильевича Кукольника.

Ив. Кубасовъ.

Кукша, святой мученикъ, іеромонахъ Кіево-печерскаго монастыря, убитъ 27 августа 1217 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Предполагаютъ, что онъ былъ уроженецъ страны вятичей. Онъ рѣшилъ проповѣдать христіанство среди язычниковъ своего племени и среди инородцевъ, жившихъ по рѣкѣ Окѣ, въ нынѣшнихъ Орловской, Курской и Черниговской губерніяхъ. Въ монашество постригся онъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ и жилъ тамъ до 1215 г., подготовляясь къ своему подвигу. Выступивъ на проповѣдь евангелія, Кукша имѣлъ успѣхъ; лѣтописи окружаютъ его дѣятельность чудесами; по словамъ житія — языческіе жрецы, желая прекратить обращеніе въ христіанство, вооружили противъ св. угодника изувѣровъ, которые схватили св. Кукшу, много мучили и 27 августа 1217 г. отсѣкли ему голову. Мощи его въ Кіевѣ, въ Антоніевыхъ пещерахъ.

«Кіево-печ. патерикъ», Викторовой; «Орловск. епарх. вѣд.» 1866 г., № 19. «Житія святыхъ» архіеп. Филарета. «Кіевъ и его древности»; «Церковно-приходская школа» 1894 г., ноябрь».

Здр.

Кулаковскій, *Генрихъ Казиміровичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины и профессоръ военной Медико-Хирургической академіи въ С.-Петербургѣ; род. въ 1808 г., ум. 7 января 1890 г. Родился въ Минской губ., учился въ Виленскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. Окончивъ курсъ, нѣкоторое

время занимался частными уроками. Медицинѣ учился въ Виленской медико-хирургической академіи, и окончилъ курсъ наукъ въ 1837 г. со степенью лѣкаря 1-го класса, былъ назначенъ помощникомъ при терапевтической клиникѣ, былъ прозекторомъ у профессора Бѣлькевича, затѣмъ у Сѣврюка. Въ 1840 г. остался безъ должности, такъ какъ Виленская медико-хирургическая академія была присоединена къ университету св. Владиміра, въ 1841 г. переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ получилъ должность инспектора при Медико-Хирургической академіи, здѣсь же получилъ степень доктора медицины; въ 1842 г. Кулаковскій былъ назначенъ адъюнктомъ при терапевтической клиникѣ этой же академіи. Въ 1849 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1852 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ фармакологіи. Въ 1869 г. вышелъ въ отставку, въ 1871 г. сдѣланъ главнымъ докторомъ желѣзныхъ дорогъ главнаго общества и хорошо устроилъ санитарную ихъ службу, въ 1870—1871 г. былъ консультантомъ Максимиліановской лечебницы. Его сочиненія: 1) De heiloplastice et stomatoposi. Dissert. inaug. Vilnae 1842. 8°. 2) De plica (Воен. мед. журн. 1846, ч. 48); 3) De pathogenia plicae. Petropoli 1847. 8°. 4) Considerations generales sur la vie organique (Memoires envoyé à l'Academie de Medicine de Paris 1862).

Bielinski, «Stan Nauk».

Кулеманъ, *Иванъ*, докторъ, ум. послѣ 1772 г. Родомъ изъ Вестфаліи; въ русской службѣ состоялъ съ 1750 г. Во время Семилѣтней войны, въ 1758 — 1762 былъ, по выбору графа П. С. Салтыкова, генералъ-штабъ-докторомъ русской арміи. Въ 1763 г. былъ назначенъ докторомъ въ московскую дивизію, состоявшую подъ начальствомъ П. С. Салтыкова, а затѣмъ занялъ мѣсто старшаго доктора московской Павловской больницы. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ докторовъ, на долю которыхъ выпала первоначальная борьба съ чумою въ Москвѣ и неопытность и неумѣлость которыхъ были какъ причиною страшнаго усиленія чумы въ Москвѣ въ 1771—1772 гг., такъ и народнаго возбужденія и недовѣрія къ докторамъ.

Чистовичъ, «Исторія перв. медиц. школы въ Россіи», LXIV.

Кулжинскій, *Иванъ Григорьевичъ*, писатель, педагогъ, род. 14 апрѣля 1803 г., ум. въ 1883 г. Сынъ дьякона въ г. Глуховѣ, учился въ черниговской семинаріи, по окончаніи въ ней курса поступилъ въ 1823 г. учителемъ въ черниговское духовное училище, въ маѣ 1825 г. былъ приглашенъ Орлаемъ занять мѣсто учителя въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ; въ 1829 г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа перевелъ Кулжинскаго старшимъ учителемъ въ харьковскую гимназію; съ 1832 по 1841 былъ директоромъ гимназій—сначала въ Луцкѣ, потомъ въ Немировѣ; въ 1841 г.—былъ назначенъ инспекторомъ въ преобразованный Лицей кн. Безбородко, въ августѣ 1843 г. назначенъ директоромъ училищъ Закавказья, въ 1847 г. вышелъ въ отставку и до самой смерти жилъ въ Нѣжинѣ. Кулжинскій былъ довольно плодовитый писатель; онъ составилъ «Курсъ всеобщей исторіи» (въ 3 том., Спб. 1859), «Исторію Польши» (1864), «Разсказы изъ русской исторіи» (1863), напечаталъ рѣчь «О различіи между классической и романтической поэзіей» (Харьковъ, 1830), «О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ народовъ» (М. 1840), нѣсколько романовъ и повѣстей въ журналахъ — «Дамскомъ журналѣ», «Украинскомъ журналѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ», въ «Русской Бесѣдѣ», «Маякѣ», «Москвитянинѣ» онъ помѣстилъ рядъ стихотвореній, разсказовъ и повѣстей, драмы «Кочубей», «Юродивый», разсужденія: «Нѣкоторые замѣчанія касательно исторіи и характера малороссійской поэзіи», «Нѣкоторыя черты о воспитаніи». «О латинскомъ языкѣ», «Очная ставка русскимъ обычаямъ», «Воспоминанія учителя» и др.—Литературныя и историческія произведенія Кулжинскаго посредственны; въ разсужденіяхъ своихъ онъ является врагомъ всякихъ новшествъ.

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко», 271—274.

Кулибинъ, *Иванъ Петровичъ*, механикъ Императорской Академіи Наукъ, членъ Императорскаго Вольнаго экономическаго общества. Сынъ мѣщанина Нижняго Новгорода, род. въ Нижнемъ Новгородѣ 10 апрѣля 1735 г., ум. тамъ же 30 іюля 1818 г. Кулибинъ предназначался отцомъ торговать мукой, но онъ съ юности стремился къ занятіямъ механикой и не съ цѣлью забавы, а для серьезнаго практи-

ческаго ея примѣненія. Исключительныя способности Кулибина проявились весьма рано и разнообразно. Въ саду Кулибиныхъ былъ прудъ, гдѣ вода не имѣла протока и гдѣ гибла рыба—молодой Кулибинъ придумалъ такое гидравлическое устройство, при которомъ вода изъ сосѣдней горы собиралась въ бассейнѣ, оттуда шла въ прудъ, а лишняя вода выводилась изъ пруда; съ тѣхъ поръ рыба въ прудѣ начала плодиться. Это дѣло побѣдило отца изобрѣтателя, до тѣхъ поръ недружелюбно смотрѣвшаго на занятія сына механикой. Тогда въ Нижнемъ Новгородѣ не было ни одного часовыхъ дѣлъ мастера, часы для починки посылались въ Москву. Устройство часовъ давно интересовало Кулибина, онъ пытался и самъ сдѣлать часы, но, не имѣя инструментовъ, не могъ этого достигнуть; случайно въ Москвѣ досталъ отъ одного мастера колесную, хотя и испорченную машинку и ручной токарный станокъ, сдѣлалъ часы съ кукушкою и продалъ ихъ за хорошую цѣну; вскорѣ затѣмъ онъ починилъ англійскіе часы съ репетиціей и тогда разнеслась по городу слава о немъ какъ о часовомъ мастерѣ. До сихъ поръ въ Нижнемъ-Новгородѣ существуетъ фирма часовыхъ дѣлъ мастера Пятерикова—это былъ ученикъ Кулибина. Въ концѣ 1764 г. Кулибинъ задумалъ сдѣлать часы особаго устройства, чтобы поднести ихъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Черноярскій купецъ Михаилъ Андреевичъ Костроминъ, увѣровавъ въ дарованія Кулибина, вызвался помогать ему въ его предпріятіи и взялъ на себя содержаніе Кулибина съ семействомъ и ученикомъ, пока часы не будутъ сдѣланы. При проѣздѣ Императрицы Екатерины II черезъ Нижній въ 1767 г., губернаторъ Аршеневскій указалъ Кулибина гр. Г. Г. Орлову, а послѣдній представилъ механика Императрицѣ. Осмотрѣвъ издѣлія Кулибина и еще неоконченные часы, Государыня изъявила желаніе, чтобы послѣ окончанія часовъ, Кулибинъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своими издѣліями. 1 апрѣля 1769 г. Кулибинъ, вмѣстѣ съ Костроминымъ, поднесли въ Петербургѣ Императрицѣ часы. Часы имѣли форму и величину гусинаго яйца; каждый часъ они отворялись, представляя храмъ и въ немъ—Воскресеніе Христа; въ полдень они играли музыку, сочиненія самаго Кулибина, кантату на слова оды въ честь Императрицы. Въ награду Кулибину—за издѣліе, а Костромину—за содѣйствіе, дано было по 1000 р. каждому, издѣлія переданы для храненія въ Кунтскамеру, Кулибинъ назначенъ механикомъ при Академіи Наукъ, съ жалованьемъ 300 р. въ годъ, при казенной квартирѣ, а Костромину пожалована серебряная кружка—«за благородное и великодушное вспомоществованіе дарованіямъ Кулибина». Кромѣ механическихъ работъ, Кулибинъ поднесъ Государынѣ еще и оду своего сочиненія. Работая надъ часами Кулибинъ не пропускалъ случая изучить что нибудь полезное. Онъ самъ выучился физикѣ, химіи и механикѣ; онъ умѣлъ играть на фортепьяно и пѣлъ. По видѣннымъ образцамъ онъ доходилъ до существа предмета и такимъ образомъ сдѣлалъ самъ электрическую машину, телескопъ, микроскопъ и двѣ зрительныя трубы. Прочитавъ въ 1772 г. въ газетахъ, что въ Англіи назначена премія за проектъ моста въ одинъ пролетъ, Кулибинъ занялся проектомъ такого моста черезъ Неву; мостъ предполагался въ 140 саженъ длины. Академикъ Эйлеръ провѣрилъ вычисленія Кулибина, вполнѣ ихъ одобрилъ и напечаталъ о нихъ въ Комментаріяхъ Академіи Наукъ, съ самыми лестными отзывами объ авторѣ проекта. Модель моста, въ десятую часть противъ настоящей величины, была построена Кулибинымъ и 27 декабря 1776 г. испытывалась на дворѣ Академіи. Уже двѣ подобныя модели другихъ механиковъ были испытаны въ Академіи безъ успѣха; весьма естественно, что послѣ того къ кулибинской модели академики относились недовѣрчиво; даже Эйлеръ допускалъ, что, не взирая на его теоретическія вычисленія, модель на практикѣ не оправдаетъ ожиданій. Только Кулибинъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и до того, что когда модель выдержала назначенный грузъ, онъ велѣлъ наложить на нее еще большой лишній грузъ лежавшаго на дворѣ кирпича, самъ взошелъ на свой мостъ и пригласилъ на него всѣхъ зрителей и рабочихъ. Пожаловавъ уже 1000 р. на постройку модели моста, послѣ испытанія Императрица приказала выдать Кулибину въ награду 2000 р. Что же касается до англійской преміи, біографы Кулибина ничего не говорятъ о ней; повидимому, какъ это часто бываетъ съ подобными газетными объявленіями, трудно было найти путь къ полученію этой преміи. Модель моста, цѣликомъ, безъ разборки ея, была

перевезена Кулибинымъ и стояла нѣкоторое время въ саду Таврическаго дворца. Кулибинъ поставилъ Инструментальную палату при Академіи на ту степень совершенства, что она доставляла въ казенныя мѣста, для ученыхъ экспедицій и по частнымъ заказамъ математическіе, физическіе и др. инструменты; чтобы оцѣнить значеніе этого факта, надо принять въ соображеніе, что это было въ концѣ XVIII-го столѣтія. Въ 1775 г. Кулибинъ, со своимъ семействомъ, былъ исключенъ изъ подушнаго оклада. Графъ В. Г. Орловъ совѣтовалъ Кулибину оставить русское платье и сбрить бороду, чтобы, войдя въ общій строй служилыхъ людей, получать общія отличія — чины, ордена и т. д.,—Кулибинъ не согласился на это. Императрица, узнавъ объ этомъ и одобряя уваженіе Кулибина къ обычаямъ родины, пожаловала ему въ 1778 г. особую золотую медаль для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ; такая медаль давала право входа во дворецъ на торжества вмѣстѣ съ штабъ-офицерами, и до тѣхъ поръ была жалована только одному полковнику, прибывшему посломъ отъ Запорожскихъ казаковъ. Въ 1779 г. Кулибинъ устроилъ фонарь съ отражательными стеклами, такого совершеннаго устройства, что при пробѣ этого фонаря, горѣвшаго въ Петербургѣ, свѣтъ его былъ виденъ за 24 версты отъ столицы, изъ Краснаго Села. Фонари эти стали употребляться для освѣщенія длинныхъ галлерей, для маяковъ и т. д.; Державинъ упоминаетъ о кулибинскомъ фонарѣ въ одѣ Афинейскому витязю. Дѣятельность Кулибина была неутомима. Онъ производилъ не только такія замысловатыя вещи, какъ его часы, или такія серьезныя, какъ модель моста черезъ Неву, но безпрестанно примѣнялъ къ дѣлу знаніе законовъ физики и механики. Вотъ неполное перечисленіе его работъ. Онъ первый началъ дѣлать для ампутированныхъ искусственныя руки и ноги; обыкновенно считаютъ, что такія ноги были изобрѣтены во Франціи послѣ русскаго похода Наполеона I,—но есть основаніе думать, что изобрѣтатель ихъ воспользовался идеями Кулибина. Въ Царскосельскомъ дворцѣ форточки въ окнахъ помѣщались слишкомъ высоко; для открываніе ихъ люди должны были карабкаться по карнизамъ; опасность этой работы была замѣчена Императрицей и, по ея желанію, Кулибинъ придумалъ къ форточкамъ такое устройство, что ихъ стали отворять и запирать, дѣйствуя снизу шнурками—это тотъ способъ, который теперь распространенъ. Нижніе коридоры того-же дворца были очень темны; Кулибинъ освѣтилъ ихъ днемъ съ помощью зеркалъ. Онъ-же починилъ машину, принадлежавшую Академіи и представляющую движеніе планетъ. Въ домѣ Л. А. Нарышкина театральный механикъ Бригонцій взялся перенести на другое мѣсто автомата, игравшаго въ шашки и дававшаго посѣтителямъ разные отвѣты; разобравъ механизмъ и не будучу въ состояніи вновь собрать его, Бригонцій заявилъ, что исполнить это можетъ только изобрѣтатель системы. Тогда Нарышкинъ обратился къ Кулибину, который возстановилъ автомата. На стекляномъ заводѣ Кулибинъ сдѣлалъ приспособленія для безопаснаго передвиженія горшковъ съ расплавленнымъ стекломъ. Для Императрицы придумалъ подъемную машину, гдѣ кресло двигалось безъ цѣпей и канатовъ по винтовой линіи. Устроилъ во дворцѣ комнатный фейерверкъ, съ ракетами, огненными фонтанами и выстрѣлами, но безъ дыма и пороха. При спускѣ 130-ти пушечнаго корабля Благодать, остановившагося на эллингѣ и не поддававшаго никакимъ усиліямъ строителей для спуска, обратились къ Кулибину, который очень скоро сдвинулъ корабль съ мѣста и спустилъ его на воду. Однажды Кулибинъ, поздно вечеромъ, былъ экстренно потребованъ къ коменданту, который сообщилъ ему дошедшее до Императора извѣстіе, что шпиль Петропавловской крѣпости погнулся; думали, что это слѣдствіе недавней бури или даже никѣмъ незамѣченнаго колебанія почвы. Императоръ поручилъ Кулибину, вмѣстѣ съ архитекторомъ Гваренги, осмотрѣть шпиль; Гваренги впрочемъ еще до того осматривалъ шпиль и заявилъ, что тутъ нуженъ механикъ. Кулибинъ отправился въ крѣпость, осмотрѣлъ шпиль, вывѣрилъ его, влѣзалъ даже съ работникомъ на шпиль по проволочнымъ лѣстницамъ, подвергаясь при своемъ преклонномъ возрастѣ опасности, но не нашелъ ни малѣйшаго уклона. Тогда комендантъ крѣпости привелъ его къ одной двери и просилъ посмотрѣть на шпиль въ отношеніи къ косяку: Кулибинъ посмотрѣлъ и доказалъ коменданту, что не шпиль погнулся, а криво стоитъ косякъ двери. По этому

случаю, Императоръ Павелъ I, узнавъ, что Кулибинъ пятый годъ безвозмездно повѣряетъ дворцовые часы и при старости своей, ходитъ для того на высокій фронтонъ Зимняго Дворца, приказалъ выдавать ему жалованье за этотъ присмотръ по 1,200 р. въ годъ и выдать 4,800 р. за прошедшіе четыре года. Императоръ Александръ I два раза принималъ Кулибина; а въ 1801 г., по прошенію, уволилъ отъ службы при Академіи, съ назначеніемъ въ пенсію его жалованья, квартирныхъ денегъ по 300 р. въ годъ и съ единовременною выдачею 6000 р. на уплату долговъ, которые образовались у Кулибина благодаря его постояннымъ опытамъ по механикѣ. Кулибинъ отправился на житье въ Нижній Новгородъ, гдѣ купилъ домикъ. Тутъ онъ занялся проектомъ судна, которое могло бы ходить противъ теченія. Такое судно было имъ придумано и испытано съ успѣхомъ въ 1782 г. въ Петербургѣ; оно двигалось посредствомъ той же воды, которая мѣшала ему идти. Въ Нижнемъ опытъ тоже удался и въ 1806 г. Кулибинъ ходатайствовалъ о принятіи этой системы судовъ для общаго употребленія. Ему выдали 6,000 р. въ возмѣщеніе расходовъ на это изобрѣтеніе, а модель судна была сдана въ Нижегородскую ратушу, гдѣ осталась безъ примѣненія къ дѣлу, а со временемъ уничтожилась. Въ Нижнемъ Кулибинъ составилъ проектъ желѣзнаго моста черезъ Волгу, о трехъ пролетахъ, на быкахъ; тогда же онъ обратился и къ разрѣшенію вопроса о вѣчномъ движеніи (perpetuum mobile). Еще въ 1794 г. одинъ нѣмецкій механикъ прислалъ въ Петербургъ проектъ своей машины, будто бы разрѣшающей задачу вѣчнаго движенія. Кулибинъ нашелъ проектъ несостоятельнымъ и доказалъ это, построивъ модель проектированной машины. Сынъ Кулибина въ статьѣ, помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1854 г. (т. V, стр. 27) говоритъ, что Кулибинъ напалъ на мысль о разрѣшеніи этой задачи, но умеръ, не сообщивъ никому своей идеи. Кулибинъ скончался въ полной бѣдности. На его похороны, вмѣстѣ съ толпою народа, явились учителя и ученики Нижегородской гимназіи, и проводили прахъ Кулибина до могилы. Гробъ до могилы несли на рукахъ Пятериковъ съ именитыми гражданами. За годъ до смерти Кулибина учитель гимназіи Веденецкій написалъ его портретъ; механикъ изображенъ сидящимъ у стола, съ циркулемъ въ рукахъ; на столѣ стоитъ телескопъ, а на немъ висятъ часы, въ формѣ яйца, которые Кулибинъ поднесъ Императрицѣ Екатеринѣ II; на шеѣ Кулибина—медаль, пожалованная ему за отличіе; портретъ этотъ находится во владѣніи рода Кулибиныхъ.—Кулибинъ былъ женатъ три раза; въ послѣдній разъ женился около 70 лѣтъ отъ роду. Отъ всѣхъ браковъ онъ имѣлъ дѣтей, сыновей: Семена, Димитрія, Павла, Александра и Петра и семь дочерей. Старшій сынъ получилъ на службѣ чинъ статскаго совѣтника, Димитрій занялся гравированіемъ, младшіе двое воспитывались въ Горномъ Институтѣ и стали горными инженерами. Могила Кулибина находится на Петропавловскомъ или Всѣхсвятскомъ кладбищѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ней поставленъ памятникъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковомъ. По дѣламъ своимъ и слѣду, оставленному имъ въ русской жизни, Кулибинъ является выдающимся человѣкомъ; когда онъ вернулся на житье въ Нижній, жители приняли его съ гордостью. Въ Нижегородской думѣ портретъ Кулибина находится вмѣстѣ съ портретомъ Минина; въ городѣ открыто Кулибинское ремесленное училище, основанное по мысли Нижегородскаго клуба всѣхъ сословій, заявленной при воспоминаніи 50-тилѣтія со дня смерти Кулибина. Весьма неудачно біографы Кулибина укрѣпили за нимъ прозвище механика-самоучки. Самоучкой зовутъ того, кто, учась правильно, достигъ кое-чего, Кулибинъ же учился много, хотя и безъ руководителей, и овладѣлъ своимъ предметомъ въ совершенствѣ; работы его вызвали удивленіе академиковъ. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо знаменитаго Д. Бернулли къ академику Фуссу отъ 7-го іюня 1777 г., послѣ того, какъ Бернулли получилъ изъ Петербурга сообщеніе о проектѣ моста черезъ Неву; оно свидѣтельствуетъ, что Бернулли смотрѣлъ на Кулибина, какъ на человѣка, который въ общемъ съ нимъ дѣлѣ пошелъ дальше его, Бернулли. Профессоръ А. Ершовъ, въ статьѣ «О значеніи механическаго искусства въ Россіи» («Вѣстникъ промышленности» Ѳ. Чижова, 1859, № 3, мартъ), отзываясь о Кулибинѣ, что онъ могъ бы стать нашимъ Уаттомъ или Фультономъ, приводитъ отзывъ извѣстнаго строителя

мостовъ, инженера Д. Журавскаго, о модели Кулибинскаго моста: «На ней печать генія; она построена по системѣ, признаваемой новѣйшею наукою самою раціональною; мостъ поддерживаетъ арка, изгибъ ея предупреждаетъ раскосная система, которая, по неизвѣстности того, что дѣлается въ Россіи, называется американскою». Ершовъ выражаетъ надежду, что гдѣ нибудь могутъ быть найдены чертежи судна, изобрѣтеннаго Кулибинымъ для плаванія противъ теченія, силою самой сопротивляющейся ходу воды.

Литература о Кулибинѣ весьма обширна, есть даже драматическое представленіе подъ именемъ нашего механика («Пантеонъ», журналъ Ѳ. Кони, 1850, т II). Списокъ всего, напечатаннаго о Кулибинѣ, находится при третьемъ и слѣдующихъ изданіяхъ брошюры г. Ремезова: «Кулибинъ, механикъ самоучка».—Главными матеріалами для біографіи Кулибина служатъ: «Воспоминанія о И. П. Кулибинѣ», П. Пятерикова («Москвитянинъ», 1853 г.). «Матеріалы для біографіи», собранные статскимъ совѣтникомъ Кулибинымъ («Москвитянинъ», 1854, т. VI); «Жизнь русскаго механика Кулибина», сост. П. Свиньинымъ. Автобіографія, весьма краткая, упоминающая только о поднесеніи Императрицѣ Екатеринѣ часовъ и др., напечатана въ «Русской Старинѣ» 1873, т. VIII, стр. 734; Пекарскій, «Ист. Имп. Акад. Наукъ», I, 118; Ивановъ, «Наши самородки» въ журналѣ «Вѣкъ», 1862, №№ 9, 10; «Русскій Ремесленникъ», 1862, № 1; «Грамотѣй». 1862, № 1; «Воскресный Досугъ», 1864, № 7, «Русск. Худ. Лист.» 1759 г. № 8, «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1862, № 1; «Производитель и промышленность», 1859, № 2, ст. Лебедева и др. *Н. Н. П.*

Куловъ, *Параскева*, діаконъ. — Род. въ 1816 г., ум. послѣ 1855 г. Сынъ священника, посвященъ во діакона къ соборной церкви въ г. Евпаторію 28 августа 1843 г. Когда во время крымской войны въ 1854 г. г. Евпаторія былъ занятъ турками, о. Куловъ, вмѣстѣ съ соборнымъ священникомъ Ананіемъ Манжелеемъ, остался добровольно въ плѣну, ради неуспѣвшихъ уйти изъ города православныхъ людей, для совершенія богослуженія и требъ. 15 іюня 1855 г., по приказанію турецкаго начальства, вмѣстѣ со священникомъ и 249 душами евпаторійскихъ православныхъ, на англійскомъ пароходѣ привезенъ въ Одессу и одесскимъ архіепископомъ Иннокентіемъ опредѣленъ, по его желанію, къ карасубазарской церкви. Св. Синодъ, по представленію преосвященнаго Иннокентія, преподалъ о. Кулову свое благословеніе и выдалъ единовременную награду въ 120 р. с.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1855 г. № 3,480.

С. Г. Р.

Кульманъ, *Елизавета Борисовна*, писательница, род. 5 іюля 1808 г., въ Петербургѣ, ум. 19 ноября 1825 г., тамъ же, погребена на Смоленскомъ кладбищѣ, дочь коллежскаго совѣтника, прежде служившаго офицеромъ, сподвижника Румянцева и Суворова. Лишившись отца вскорѣ послѣ своего рожденія, маленькая Кульманъ дѣтство свое провела среди разнаго рода бѣдствій и лишеній. Только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ ея замѣчательныя способности имѣли возможность развиться и проявиться. Съ семействомъ Кульманъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ одинъ иностранецъ, домашній учитель въ Петербургѣ, Гроссъ-Гейнрихъ, хорошій знатокъ древнихъ и новыхъ языковъ. Онъ и взялъ на себя руководительство Е. Кульманъ въ ея образованіи. Замѣтивъ необыкновенныя дарованія своей питомицы, онъ рѣшилъ сдѣлать изъ нея умственную силу, хотя болѣе наблюдательный глазъ можетъ быть понялъ бы, что Е. Кульманъ была еще болѣе одарена чувствомъ и фантазіей, чѣмъ умственными силами. Для Гроссъ-Гейнриха, который искренно привязался къ своей ученицѣ Е. Кульманъ была драгоцѣннѣйшей находкой, надъ которой онъ рѣшилъ поработать. За эту любовь Е. Кульманъ, сердечный и чувствительный ребенокъ, платила своему учителю глубокимъ уваженіемъ, доходившимъ до обожанія, до подчиненія ему всѣхъ своихъ мыслей, взглядовъ; дѣлать такъ, какъ учитель находитъ лучшимъ, было ея единственнымъ желаніемъ. Уже на пятомъ году Е. Кульманъ начала обнаруживать изъ ряда выходящія дарованія. Проводя время въ бѣдности и одиночествѣ, маленькая Кульманъ привязалась къ природѣ, замѣнившей ей не только игрушки, но и живыхъ существъ, которыхъ не доставало въ ея жизни; природа въ глазахъ ея была олицетворенной, живой; дѣвочка разговаривала съ цвѣтами, бабочками, звѣздами, какъ бы съ живыми, считала ихъ своими друзьями; при этомъ она обладала удивительною памятью. Семи лѣтъ, спустя годъ послѣ начала ученія, она легко и правильно говорила по нѣмецки, достаточно владѣла французскимъ языкомъ, а десяти лѣтъ знала итальянскій языкъ, который она очень любила и предпочитала другимъ, и англійскій. На всѣхъ этихъ языкахъ она много прочла; русскіе

писатели оставались въ забвеніи, что объясняется вліяніемъ ея учителя. Кульманъ не знала Пушкина даже тогда, когда онъ выступилъ съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Когда Е. Кульманъ шелъ двѣнадцатый годъ, условія жизни ея измѣнились къ лучшему: ея мать получила мѣсто домоправительницы у овдовѣвшаго священника Горнаго Корпуса Абрамова; черезъ Абрамова мать Кульманъ познакомилась съ семействомъ тогдашняго директора Горнаго корпуса Медера, человѣка умнаго и образованнаго, и въ его семействѣ маленькая Кульманъ нашла себѣ подругъ, онъ же доставилъ ей возможность изучать естественную исторію, ею очень любимую, музыку, рисованіе; подъ руководствомъ Гроссъ-Гейнриха она продолжала заниматься изученіемъ языковъ и литературы; въ это же время Кульманъ начала учиться латинскому языку. Это изученіе было вызвано желаніемъ ея сдѣлать что нибудь пріятное облагодѣтельствовавшему ее священнику; зная его любовь къ древней словесности, она рѣшила на латинскомъ языкѣ высказать ему свою признательность въ день ангела. Блестящіе результаты были достигнуты всего въ нѣсколько мѣсяцевъ. Священникъ Абрамовъ въ награду предложилъ дѣвочкѣ уроки славянскаго языка, на что она согласилась съ радостію. Отъ Абрамова Кульманъ познакомилась и съ именами нашихъ поэтовъ и писателей. На тринадцатомъ году Е. Кульманъ изучила въ нѣсколько мѣсяцевъ греческій языкъ. Вскорѣ она начала переводить Анакреона на русскій, итальянскій, французскій и латинскій языки, а на четырнадцатомъ году взялась за изученіе Гомера; затѣмъ Павзаній сталъ ея постояннымъ чтеніемъ; благоговѣніемъ къ Гомеру она была проникнута во всю свою жизнь. Съ богатымъ запасомъ филологическихъ познаній не трудно было Кульманъ изучить и другіе языки—испанскій, португальскій, новогреческій. Обыкновенно мѣсяца черезъ три она свободно читала на новомъ языкѣ и могла переводить съ него. Наконецъ, Е. Кульманъ попробовала свои силы и въ поэтическомъ творчествѣ. Подъ вліяніемъ своего учителя, яраго поклонника классическихъ образцовъ, Кульманъ начала писать въ духѣ греческихъ поэтовъ. Прежде всего она написала «Вѣнокъ», сборникъ стихотвореній, изъ которыхъ каждое носитъ названіе какого-нибудь цвѣтка: лавръ, роза, фіалка, ирисъ и проч. Затѣмъ, она написала «Стихотворенія Коринны». Около этого времени Гроссъ-Гейнрихъ выбралъ изъ стихотвореній Кульманъ тридцать лучшихъ нѣмецкихъ, шесть итальянскихъ и четыре французскихъ, переписалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ и отослалъ на судъ въ Веймаръ къ Гете и въ Байрейтъ къ Жанъ-Полю Рихтеру, а стихотворный переводъ Анакреона, черезъ одну высокопоставленную даму, поднесъ Императрицѣ, безъ вѣдома своей ученицы. Вскорѣ Гете прислалъ письмо, въ которомъ говорилъ: «Объявите молодой писательницѣ отъ моего имени, отъ имени Гете, что я пророчу ей со временемъ почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ ей языковъ ни вздумала писать». Ж. П. Рихтеръ прислалъ лестный отзывъ, а извѣстный знатокъ греческой литературы Фоссъ говорилъ о «Стихотвореніяхъ Коринны»: «Эти стихотворенія можно почесть мастерскимъ переводомъ твореній какого-нибудь поэта блистательныхъ временъ греческой литературы, о которомъ мы до сихъ поръ не знали: до такой степени писательница умѣла вникнуть въ свой предметъ. Нѣтъ слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, какъ столь молодая дѣвушка могла уже пріобрѣсти такія глубокія и обширныя познанія въ искусствѣ и древности...». Императрица прислала драгоцѣнный подарокъ. Когда самимъ Гете былъ признанъ поэтическій талантъ Кульманъ, ея учитель все еще продолжалъ свою опеку, не давая ей свободы, и заставляя писать въ подражаніе классическимъ образцамъ. Однако, вскорѣ Кульманъ пришла къ мысли, что ея произведенія, если она будетъ писать такъ, какъ начала, могутъ быть доступны лишь знатокамъ греческой жизни и не могутъ представлять интереса для простого читателя; у нея явилось желаніе сдѣлаться народной писательницей. Она обратилась, по обыкновенію, къ Гроссъ-Гейнриху,—и тотъ посовѣтовалъ ей заняться обработкой народныхъ сказокъ. Она сначала написала рядъ нѣмецкихъ сказокъ, подъ именемъ «заморскихъ», а потомъ принялась за обработку русскихъ, написала «Василія Буслаева», «Добрыню Никитича» и друг. Но складъ этихъ сказокъ напоминаетъ величавый тонъ греческаго эпоса, тонъ

поэмъ, далеко отступающій отъ безъискусственности сказочной рѣчи; все здѣсь — картины, сравненія, рѣчи—греческое или дантовское. Увлеченная Грецiей, воспринявшая Русь Кульманъ оказалась не въ силахъ. Въ годъ болѣзни Кульманъ написала послѣднюю часть своихъ произведеній—«Стихотворенія Беренники», посвященныя Беренникѣ, матери Птоломея, покровительницѣ искусства, а также—сказку въ стихахъ «Волшебная лампада», на сюжетъ изъ «1001 ночи». Стихотворенія Кульманъ, помимо удивительнаго знанія греческой древности, въ нихъ отразившейся, не представляютъ достоинствъ; они водянисты и усыпительны, больше походятъ на прозу, часто очень тяжелы. Въ свѣтъ появились произведенія Кульманъ послѣ ея смерти. Академія Наукъ, одобривъ ихъ въ 1832 г., издала подъ заглавіемъ: «Піитическіе опыты» 3 ч., Спб. 1833 г., и вторично подъ заглавіемъ: «Полное собраніе русскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ стихотвореній Е. Кульманъ», Спб. 1839 г.; третье изданіе полнаго собранія вышло въ Петербургѣ-же въ 1841 г. Кромѣ того, отдѣльно изданы: «Sämmtliche Dichtungen», 4 Th. Pet. 1835; «Сказки», 3 части, Спб. 1839. Литературы нѣмецкая и итальянская считаютъ Кульманъ также своею. Въ Италіи и Германіи ея произведенія выдержали по нѣсколько изданій, въ Германіи Кульманъ относится къ числу классическихъ писателей.

А. Никитенко, «Жизнеописаніе дѣвицы Кульманъ» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1832 г., т. VIII, и отдѣльно; «Е. Кульманъ и ея стихотворенія»—«Библіотека для Чтенія» 1849 г., тт. 94, 95 и 96; Д. Мордовцевъ, «Русскія женщины». М. Вольфъ, «Русскіе люди», 351, т. I; «Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 12. стр. 551—579; кн. Н. Голицынъ, «Словарь русскихъ писательницъ»; «Русскій Архивъ» 1865 г., изд. II. стр. 1433); «Е. Кульманъ и ея стихотворенія», соч. К. Гроссъ-Гейнриха, перев. съ нѣм. М. и Е. Бурнашевыхъ, Спб. 1849 г.; «Разсвѣтъ» 1861 г., № 12; «Живописный Сборникъ» Плюшара, 1857 г., № 445; М. Цебрикова, «Русскія женщины писательницы», «Недѣля» 1876 г., № 13—14, «Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 21; П. Билевичъ, «Русскія писательницы XIX вѣка» «Московскій Городской Листокъ» 1847 г., №№ 108, 109, 113, 114; «Kulmann und ihre Gedichte», von K. Grossheinrich, Leipzig 1844; F. Miltner, «Dichtungen von E. Kulmann», Heidelberg. 1815; «Пол. ное собраніе сочиненій В. Бѣлинскаго», т. V, Спб. 1901 г.; Письмо К. Гроссъ-Гейнриха къ А. Востокову отъ 20 авг. 1837 г.—въ «Сборникѣ статей, читаемыхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ», т. V, Спб. 1873 г., стр. 334—336; Геннади, «Словарь»; «Отечествен. Зап.» 1850 г., т. 68; «Сѣверн. Пчела» 1833 г., № 239, 1835 г., № 215, 1850 г., № 2; «Маякъ» 1842 г., т. I; «Москвитянинъ» 1850 г., № 16; «Молва» 1857 г., № 32, стр. 373; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1841 г., № 119; «Русскій Вѣстникъ» 1841 г., № 8.

Ив. Дав.

Кульманъ, *Квиринъ* (Kuhlman), религіозный мечтатель, мистикъ, род. 15 февраля (ст. ст.) 1651 г. въ Бреславлѣ, сожженъ въ Москвѣ 4 октября 1689 г. Отецъ его былъ торговый человѣкъ; онъ умеръ, когда сыну было всего четыре года. Кв. Кульманъ учился въ бреславльской гимназіи; съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ задумывался надъ вопросами вѣры и рѣшалъ ихъ по своему, такъ что ректоръ гимназіи сказалъ ему однажды: «изъ тебя выйдетъ или великій богословъ или великій еретикъ». Въ 1669 г. Кв. Кульманъ перенесъ тяжелую и продолжительную болѣзнь; въ теченіе ея его посѣщали видѣнія—онъ видѣлъ себя то въ раю, то въ аду среди демоновъ. Со времени этой болѣзни Кульману, по его собственнымъ словамъ, постоянно сопутствовалъ съ лѣвой стороны свѣтлый лучъ; а мать его молилась Богу, чтобы Онъ вернулъ ея сыну разумъ. Въ 1670 г. Кульманъ поступилъ въ Іенскій университетъ и изучалъ право, затѣмъ перешелъ въ Лейпцигскій; но университетскія занятія его неудовлетворяли и интересовали мало; въ немъ развивалось недовѣріе къ наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ о широкихъ, громкихъ ученыхъ трудахъ. Въ это время онъ познакомился съ «Великою наукою» іезуита Кирхера, которая является подражаніемъ «Великой наукѣ» Раймунда Луллія; Кв. Кульманъ прочиталъ и эту послѣднюю и увлекся тѣми, чисто химерическими способами обогащенія знаній, которые рекомендованы этими фантазерами. Кульманъ еще болѣе сталъ мечтать о созданіи великихъ ученыхъ трудовъ; но писалъ онъ въ это время только стихотворенія на нѣмецкомъ языкѣ, которыя и были изданы; старанія же его получить докторскую степень въ Іенѣ или Лейпцигѣ оставались безуспѣшными. Кульманъ въ 1673 г. отправился въ Амстердамъ, а оттуда въ Лейденъ. Здѣсь онъ познакомился съ ученіемъ теозофа Якова Бёма и увлекся его писаніями; въ 1674 г. онъ написалъ книгу «Воскресшій Бемъ» (Neubegeisterter Böhme), въ которой высказалъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ того

ученія, по которому истинное знаніе пріобрѣтается человѣкомъ не путемъ науки, а путемъ религіознаго совершенствованія себя; къ современной наукѣ Кульманъ послѣ этого относится уже вполнѣ отрицательно и является убѣжденнымъ проповѣдникомъ необходимости религіознаго совершенствованія, близкой гибели существующихъ церквей, какъ неудовлетворяющихъ требованіямъ и идеаламъ закона Божія; вмѣстѣ съ этою проповѣдью—у него, какъ и у другихъ теозофовъ—развивается вѣра въ предсказанія, въ близкое наступленіе новаго, истинно Іисусова, тысячелѣтняго царствія. Кульманъ сблизился въ Голландіи съ «пророками» Ротомъ и Брекклингомъ, увлекся книгою Я. Ам. Коменскаго «Lux a tenebris», въ которой собраны подобныя вышеуказаннымъ проповѣди и предсказаніе Котера, Дробика и Понятовской. Мало по малу, онъ пришелъ къ убѣжденію, что именно онъ призванъ осуществить на землѣ наступленіе новаго царства. Онъ рѣшительно сталъ проповѣдывать это въ Лейденѣ; его изгнали изъ города. Послѣ этого онъ побывалъ въ Амстердамѣ, Гренингенѣ, Гамбургѣ, Любекѣ; здѣсь онъ женился на одной вдовѣ, которая, по его словамъ, была ведена къ нему видѣніями. Затѣмъ онъ отправился въ Англію, въ Лондонъ, успѣлъ здѣсь внушить нѣсколькимъ лицамъ довѣріе къ своимъ мечтаніямъ и они дали ему средства отправиться въ Турцію, такъ какъ обращеніе турокъ въ христіанство было, по словамъ Кульмана, одною изъ первыхъ ступеней водворенія на землѣ новаго царства. Въ мартѣ 1678 г. выѣхалъ Кульманъ изъ Лондона, въ августѣ былъ въ Константинополѣ; понятно, что миссія его не была успѣшна и надо сказать даже, что еще очень счастливо кончилась для Кульмана его попытка бороться съ кораномъ, если онъ былъ высланъ изъ Константинополя въ октябрѣ, только послѣ тѣлеснаго наказанія. Въ апрѣлѣ 1679 г. въ Амстердамѣ Кульманъ отпустилъ свою жену; затѣмъ онъ разъѣзжалъ по Голландіи, Англіи, Франціи, въ Англіи вторично женился; онъ повсюду проповѣдывалъ свои идеи и составлялъ краткія стихотворенія о разныхъ случаяхъ своей жизни и о своихъ видѣніяхъ; стихотворенія эти составили его «Прохладительный псалтырь» (Kuhl Psalter), напечатанный въ Лондонѣ въ 1679 г. и въ Амстердамѣ въ 1685—1686 годахъ.

Въ этихъ странствованіяхъ Кульманъ познакомился съ Отто Генинымъ, сыномъ московскаго полковника; Генинъ учился заграницей живописи; Кульманъ заказывалъ ему рисунки для своей «Псалтыри» и распрашивалъ о Московскомъ государствѣ. Теперь у него явилась рѣшимость ѣхать въ Москву. Сначала онъ посылалъ Генину въ Москву свои воззванія, съ просьбою представить ихъ царямъ; но Генину отсовѣтовали это дѣлать. 27 апрѣля 1689 г. Кульманъ явился въ Москву и остановился въ Ново-нѣмецкой слободѣ у лекаря Репира Петлинга.

Съ этого момента дѣятельность Кульмана получаетъ значеніе и интересъ въ исторіи Россіи. Она была непродолжительна, но важна тѣмъ, что въ связи съ нею раскрываются интересы и міросозерцаніе той нѣмецкой слободы, которой суждено было играть въ эту именно эпоху такую роль въ жизни великаго преобразователя Россіи. Совершенно несомнѣнно, что ошибочно мнѣніе, которое ставило дѣятельность Кульмана въ прямую связь съ развитіемъ раскола или зарожденіемъ духоборства. Но тѣмъ не менѣе, любопытны и характерны тѣ явленія въ жизни нѣмецкой слободы, которыя вскрылись именно благодаря появленію Кульмана.

Кульманъ встрѣтилъ въ Москвѣ не мало людей, знакомыхъ съ теозофическими ученіями и увлеченныхъ ими. Во главѣ ихъ стоялъ купецъ Кондратій Нордерманъ; онъ давно уже знакомъ былъ съ сочиненіями Бёма и съ сочиненіями Кульмана; онъ вполнѣ усвоилъ себѣ ихъ мечты и надежды; особенно внимательно останавливался онъ на вопросахъ соціальныхъ; онъ ожидалъ, что съ водвореніемъ новаго царства «царей, королей, князей и вельможъ не будетъ, а будутъ всѣ равные, всѣ вещи будутъ общественныя и никто ничего своимъ называть не будетъ...»

Въ Москвѣ пасторъ Мейнке встрѣтилъ Кульмана недружелюбно; онъ отказался вступать съ нимъ въ знакомство; Кульманъ отправилъ ему черезъ Генина воззваніе; Мейнке отвѣчалъ на него суровымъ, враждебнымъ Кульману письмомъ на имя Генина и въ церкви говорилъ противъ новыхъ ересей. Нордерманъ написалъ страстное возраженіе противъ Мейнке и устроилъ 5 мая собраніе у иноземца Вернера, гдѣ Кульманъ пророчествовалъ самъ

и сообщалъ пророчества своей третьей жены, Эсѳири, остававшейся въ Германіи. Мейнке продолжалъ свои проповѣди противъ Кульмана, Нордерманъ продолжалъ устраивать собесѣдованія Кульмана; въ Нѣмецкой слободѣ началось чрезвычайное возбужденіе. Оно обратило на себя вниманіе правительства. 28 мая Кульманъ и Нордерманъ были взяты къ допросу. Ихъ спрашивали, кѣмъ приглашенъ Кульманъ въ Москву и нѣтъ ли у него какого злого умысла. Тотъ и другой утверждали, что Кульманъ пріѣхалъ только для проповѣди и побужденный ангеломъ, безъ всякаго приглашенія изъ Москвы; то же повторяли они послѣ пытки, прибавляя, что если Кульману причинено будетъ что-либо, то надъ Московскимъ царствомъ разразится великій гнѣвъ Божій. Сочиненія Кульмана, а равно и теозофскія книги, взятыя у Нордермана, были отданы на разсмотрѣніе пасторамъ Мейнке и Вагециру и іезуитамъ Тихановскому и Давиду; отзывы ихъ, особенно Мейнке, были крайне неблагопріятны для Кульмана; Мейнке прямо взывалъ о строжайшемъ наказаніи. Рѣшеніе было постановлено по этимъ отзывамъ, безъ всякаго вмѣшательства въ дѣло патріарха или вообще православнаго духовенства. 4 октября Кульманъ и Нордерманъ были брошены въ обширный костеръ и сожжены; послѣдними словами Кульмана предъ костромъ были: «Ты справедливъ, великій Боже, и праведны суды Твои, Ты вѣдаешь, что мы умираемъ безъ вины!»; Генинъ, привлеченный къ слѣдствію, отравился въ тюрьмѣ.

Послѣ этой ужасной казни, послѣдователи Бема и Кульмана затихли; но несомнѣнно, что они еще долго встрѣчались между иноземцами Московской Нѣмецкой слободы.

Исчерпывающая статья о Кульманѣ — Н. С. Тихонравова, въ II т. его «Сочиненій», 305—385; первоначально очеркъ этотъ въ менѣе полномъ видѣ былъ напечатанъ въ «Русск. Вѣстн.», 1867, №№ 11 и 12; въ 1872 г., съ рукописи, дополненной, сдѣланъ нѣмецкій переводъ Фехнеромъ и изданъ въ Ригѣ; въ «Сочиненіяхъ» статья еще болѣе обработана. Въ дополненіе нужно указать только на подлинное дѣло о Кульманѣ, напечатанное Д. Цвѣтковымъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1883, кн. 3.

Кульневъ, *Яковъ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, убитъ 20 іюля 1812 г. Годъ рожденія точно неизвѣстенъ; на основаніи различныхъ источниковъ указывается то 1763, 1764, то 1766 г.—Отецъ Я. П. Кульнева былъ Петръ Васильевичъ Кульневъ, небогатый дворянинъ; род. онъ въ 1727 г., началъ службу капраломъ въ 1746 г., участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ; во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ 1769 г. тяжело раненъ подъ Камшемъ, и вышелъ въ отставку; послѣ 1775 г. служилъ городничимъ въ г. Люцинѣ, гдѣ умеръ въ 1795 г. Жена П. В. Кульнева, мать героя, была рожденная Гребеницъ, нѣмка по происхожденію и католичка по вѣроисповѣданію—умерла она въ 1811 г. Кульневъ женился на ней, повидимому, во время заграничнаго похода и старшій сынъ его, Павелъ, очевидно родившійся за границей, былъ даже крещенъ и воспитанъ въ католичествѣ—П. П. Кульневъ католикомъ и остался до самой смерти; въ 1805 г. онъ былъ даже арестованъ по какому то подозрѣнію, но затѣмъ онъ оправдался и получилъ мѣсто плебана въ Люцинѣ; онъ умеръ въ 1808 г.—Я. П. Кульневъ вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ отданъ былъ въ Сухопутный шляхетскій корпусъ, откуда оба брата были выпущены, 18 февраля 1785 г., поручиками въ Черниговскій пѣхотный полкъ; въ томъ же году Я. П. Кульневъ переведенъ былъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ и съ нимъ отправился въ турецкій походъ; находясь при блокадѣ и сдачѣ Бендеръ, въ 1789 г., Кульневъ былъ замѣченъ кн. Потемкинымъ. Переведенный въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, Кульневъ, въ составѣ корпуса генерала Кнорринга, принималъ участіе въ 1794 г. въ дѣлахъ подъ Ошмянами, подъ Лидою и въ окрестностяхъ Вильны. Обратилъ особенное вниманіе на Кульнева и Суворовъ, Кульневъ, въ свою очередь, питалъ къ великому полководцу особенное благоговѣйное обожаніе. Кульневъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Кобриномъ 4 сентября, подъ Брестъ-Литовскомъ, 8 сентября; 24 октября, при штурмѣ Праги, однимъ изъ первыхъ ворвался во вражескія укрѣпленія; отличія въ польскомъ походѣ доставили Кульневу чины ротмистра и маіора.

Затѣмъ наступилъ для Кульнева продолжительный періодъ полнаго бездѣйствія. Полкъ его не попалъ въ число тѣхъ войскъ, которыя сражались подъ предводительствомъ Суворова въ Италіи; не имѣя никакихъ связей, Кульневъ не могъ получить перевода въ войска, участвовавшія въ походѣ Суворова. Не

привелось Кульневу участвовать и въ войнѣ съ французами въ 1804—1805 г. Подробности жизни его за эти годы неизвѣстны—но, очевидно въ это именно время Кульневъ выработалъ себѣ то умѣнье обращаться съ солдатами, умѣнье понимать ихъ и жить ихъ интересами, которое въ близкомъ будущемъ дало ему громкую популярность въ войскахъ и въ теченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ его активной боевой жизни сдѣлало имя его славнымъ и громкимъ по всей Россіи.

Переведенный въ Гродненскій гусарскій полкъ въ чинѣ подполковника, Кульневъ принялъ участіе въ кампаніи 1807 г. 24 мая онъ сражался при Гутштадтѣ, 25—произвелъ чрезвычайно смѣлое и удачное нападеніе на двѣ непріятельскія колонны; 29 мая онъ участвовалъ въ битвѣ при Гейльсбергѣ и 2 іюня—въ битвѣ подъ Фридландомъ; во время одной изъ атакъ въ этой битвѣ Кульневъ, съ своимъ Гродненскимъ полкомъ, былъ совершенно окруженъ, плѣнъ казался неизбѣжнымъ, но гродненцы пробились сквозь ряды непріятелей. Въ письмахъ къ брату Кульневъ описываетъ эти свои дѣйствія; онъ не сообщаетъ большихъ подробностей о себѣ; онъ говоритъ, что «въ самомъ веществѣ война самая успѣшнѣйшая не что иное есть, какъ истребленіе рода человѣческаго и разореніе жителей, на что безъ содраганія сердца нельзя взирать»; себя онъ называетъ постоянно Донкихотомъ и выражаетъ увѣренность, что ему не выйдти изъ войны цѣлымъ, «ибо не выходитъ у меня изъ головы поймать Бонапарта»; въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что ничего не взялъ себѣ изъ добычи, а сжегъ то что ему досталось, потому что не желаетъ ничего другого, какъ поймать Бонапарта. Это Кульневу, конечно, неудалось; но его храбрость, рѣшительность, энергія сдѣлали его имя извѣстнымъ и уважаемымъ во всей арміи.

Въ февралѣ 1808 г. Кульневъ состоялъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ шведовъ въ Финляндіи. Съ этого времени—онъ всегда начальствовалъ авангардомъ при наступленіи и арріергардомъ при отступленіи. Первымъ его подвигомъ было упорное, продолжительное преслѣдованіе отряда Адлеркрейца. Двигаться приходилось въ мѣстности чрезвычайно пересѣченной, среди глубокихъ снѣговъ и при морозахъ, достигавшихъ 25°; шведскому отряду трудности были до извѣстной степени облегчены не только большимъ знаніемъ мѣстности, но и содѣйствіемъ жителей; русскій же отрядъ встрѣчалъ только затрудненія; тѣмъ не менѣе Кульневъ не отставалъ отъ непріятеля ни на шагъ и въ рядѣ мелкихъ стычекъ постоянно одерживалъ верхъ; самъ онъ былъ постоянно впереди. Въ исходѣ марта отрядъ Кульнева достигъ Гампе-Карлебн и поступилъ тутъ подъ начальство Тучкова I. 1, 4 и 6 апрѣля—у Калаіоки, Пихаіоки и Сигаіоки—Кульневъ имѣлъ схватки съ арріергардомъ непріятеля; всѣ онѣ одинаково отмѣчены были храбростью Кульнева и его отряда, но послѣдняя окончилась неудачею: Кульневъ наткнулся на отрядъ шведовъ, значительно превышавшій численностью русскихъ, и принужденъ былъ отступить съ довольно значительными потерями. Глубоко огорченный тѣмъ, что своею неосмотрительностью навлекъ первую неудачу для русскаго оружія, Кульневъ искалъ смерти, кидаясь въ опаснѣйшія мѣста; онъ уцѣлѣлъ, однако, а поведеніе его было таково, что Тучковъ ему именно поручилъ арріергардъ своего отряда, когда пришлось отступать обратно къ Гампе-Карлебн, когда, послѣ дѣла подъ Сигаіоки, 15 апрѣля былъ разбитъ еще отрядъ Булатова. Въ іюнѣ возобновились военныя дѣйствія, прекращенныя вскрытіемъ рѣкъ въ концѣ апрѣля. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ около Лаппо, русскія войска снова принуждены были отступать и опять арріергардомъ командовалъ Кульневъ; это отступленіе было еще труднѣе, чѣмъ прежнія, потому что народная война была въ полномъ разгарѣ; русскіе солдаты нуждались во всемъ; Кульневъ своею бодростью и умѣньемъ обращаться съ солдатами много способствовалъ тому, что отрядъ не потерялъ своей боевой силы.

19 августа ген. Каменскій, принявшій общее начальство надъ передовыми войсками, по требованіи главнокомандующаго, Буксгевдена, двинулся на шведскія позиціи. Въ этотъ день Кульневъ имѣлъ двѣ удачныя стычки, а 20-го разыгралось Куортанское сраженіе. Бой продолжался цѣлый день, и остался нерѣшительнымъ; наступленія ночи прекратило битву; Каменскій, обдумывая результаты дня, готовился уже приказать къ утру отступленіе, когда вдругъ явился къ нему Кульневъ и сообщилъ, что шведы отступаютъ уже: всегда

послѣдній отходя ко сну, Кульневъ ночью объѣзжалъ нашу цѣпь и по неяснымъ признакомъ, которые онъ уловилъ привычнымъ глазомъ и ухомъ, онъ понялъ, что непріятельское войско удаляется со своихъ позицій. Немедленно удостовѣрившись въ этомъ Каменскій двинулся преслѣдовать шведовъ; опять Кульневъ командовалъ авангардомъ; опять началъ онъ тѣснить непріятели и снова, увлекаемый своею горячностью, наткнулся подъ Оравайсомъ на весь корпусъ Клингспора; дѣло грозило снова серьезною неудачею, но подоспѣли главныя русскія силы и послѣ жестокаго рукопашнаго боя шведы были совершенно разбиты.

12 декабря 1808 г. Кульневъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій Кульневу порученъ было, 26 февраля 1809 г., авангардъ колонны гр. Строгонова, которая послана была обойдти Аландскіе острова съ юга и отрѣзать отступленіе шведскому гарнизону острововъ. Это движеніе по льду не встрѣчало сопротивленія со стороны непріятелей, но было сопряжено съ огромными затрудненіями, благодаря морозамъ, всякому отсутствію прикрытій, недостатку въ топливѣ для бивуаковъ. Только у о-ва Сигнаскера Кульневъ имѣлъ стычку съ небольшимъ шведскимъ отрядомъ, который онъ скоро обратилъ въ бѣгство, захвативъ 114 плѣнныхъ и 2 пушки. Затѣмъ, съ отрядомъ изъ трехъ эскадроновъ Гродненскихъ гусаръ, лейбъ-уральской сотни и 400 донскихъ казаковъ, Кульневъ достигъ шведскаго берега, разбивъ на льду небольшой отрядъ, пытавшійся его задержать. Кульневъ вышелъ на шведскую землю утромъ 7 марта около м. Гриссельгама, всего въ 100 в. отъ Стокгольма. Испуганное правительство шведское спѣшило заключить перемиріе, и Кульневъ, проведя въ Гриссельгамѣ два дня, двинулся, по приказанію главнокомандующаго, обратно. Орденъ Св. Анны I степени былъ наградой за этотъ походъ. До окончанія войны Кульневъ оставался помощникомъ при ген. Демидовѣ, оставленномъ начальникомъ гарнизона на Аландскихъ островахъ.

Въ февралѣ 1810 г. Каменскій, назначенный главнокомандующимъ на Дунай, взялъ съ собою Кульнева, и поручилъ ему начальство надъ авангардомъ. 5 мая Кульневъ переправился черезъ Дунай и двинулся къ Силистріи. Онъ отличился въ сраженіи при Батинѣ 26 августа, и получилъ за него золотую саблю, съ алмазами и съ надписью «за храбрость»; но онъ имѣлъ при этомъ столкновеніе съ Каменскимъ, который, какъ извѣстно, отличался крайнею горячностью и вспыльчивостью. Поэтому, Кульневъ оставилъ армію и въ январѣ 1811 г. былъ назначенъ шефомъ Гродненскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ Витебской губерніи. Въ это время онъ задумалъ жениться и получилъ уже согласіе; но когда наступила борьба съ Наполеономъ, онъ принялъ рѣшеніе жениться только послѣ окончанія войны; невѣста же требовала, чтобъ онъ вышелъ въ отставку; тогда Кульневъ вернулъ ей ея слово; фамилія его невѣсты неизвѣстна.

При началѣ войны 1812 года Кульневъ былъ въ отрядѣ гр. Витгенштейна и начальствовалъ арріергардомъ. Когда главная русская армія выступила изъ Дрисскаго лагеря, Кульневу поручено было опредѣлить, какое движеніе предприметъ непріятель. Во время этого поиска Гродненскій полкъ, входившій въ составъ отряда Кульнева, взялъ въ плѣнъ ген. Сенъ-Жени и до 200 французскихъ кавалеристовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было, какое движеніе приняли войска Наполеона изъ Вильны. 13 іюля Кульневъ опять, смѣлымъ ударомъ, захватилъ изъ отряда Удино въ плѣнъ 430 чел., нѣсколько офицеровъ, истребилъ часть обоза. Эти подвиги, первыя удачи наши въ войнѣ 1812 г., распространили славу имени Кульнева по всей Россіи. 19 іюля Витгенштейнъ разбилъ отрядъ Удино при Клястицахъ. Кульневъ отличился въ этой битвѣ, а во время преслѣдованія захватилъ почти весь обозъ и до 900 плѣнныхъ. Но и на этотъ разъ Кульневъ слишкомъ увлекся: на другой день, продолжая преслѣдованіе, онъ наткнулся на главныя силы Удино и, послѣ нѣсколькихъ отчаянно храбрыхъ аттакъ, отбитый съ большими потерями, принужденъ былъ отступить. Перейдя на другой берегъ р. Дриссы, Кульневъ печально шелъ въ послѣднихъ рядахъ своего отряда—вдругъ непріятельскимъ ядромъ ему оторвало обѣ ноги выше колѣна; онъ упалъ и моментально умеръ. Тѣло его было погребено близъ дер. Сивошина, затѣмъ перевезено было въ имѣніе его сестры, баронессы Мантейфель-Сей, а от-

туда—въ помѣстье Ильзенбергъ, принадлежащее братьямъ покойнаго.

Кульневъ былъ высокаго роста, смуглъ лицомъ; въ обыкновенное время это былъ молчаливый и застѣнчивый человѣкъ; въ битвѣ онъ преображался, его громовой голосъ слышался среди горячаго боя; проходили минуты опасности и оживленія—и Кульневъ снова обращался въ спокойнаго, повидимому совершенно не замѣчательнаго человѣка. Кульневъ и послѣ того, какъ быстро выдвинулся впередъ и достигъ генеральскаго чина, жилъ какъ простой солдатъ, ѣлъ и спалъ вмѣстѣ съ солдатами, и постоянно, нетомимо, и неослабно заботился о своихъ подчиненныхъ. Его обращеніе съ солдатами и къ солдатамъ отчасти напоминало Суворовскій языкъ и Суворовскіе пріемы: но это не было простое подражаніе Суворову, повтореніе его словъ—это было полное усвоеніе суворовскаго духа; Кульневъ не только говорилъ оригинальнымъ и понятнымъ для солдатъ языкомъ—онъ, несомнѣнно, такъ думалъ и чувствовалъ. Его цѣлостная, своеобразная и яркая личность живо выступаетъ въ его перепискѣ съ братомъ; онъ является тутъ человѣкомъ рѣдкой храбрости, беззавѣтно преданнымъ своимъ обязанностямъ, человѣкомъ съ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ и въ то же время постоянно готовымъ и на подвигъ самой отчаянной храбрости и на самый отчаянный кутежъ въ свободное время на стоянкахъ; дарованіями настоящаго военачальника Кульневъ не обладалъ: онъ часто увлекался въ пылу боя и не разъ терпѣлъ неудачи, именно благодаря тому, что бросался на враговъ, не разсчитавъ силъ своихъ и чужихъ; но какъ храбрецъ, онъ имѣлъ не много себѣ равныхъ; подъ его предводительствомъ солдаты шли впередъ тогда, когда едва ли кто нибудь другой рѣшился бы двинуть ихъ впередъ.

«Военная Галлерея Зимняго Дворца», I; Михайловскій-Данилевскій, «Александръ I и его сподвижники»; Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 г.», его же «Исторія парствованія Императора Александра I»; «Русская Старина», три статьи въ т. т. XIII и LVIII—тутъ біографическій очеркъ и родословіе Кульнева, нѣсколько писемъ его, статья о его могилахъ.

Кумельскій *Норбертъ Альфонсъ*, род. 6 іюня 1802 г., ум. 9 августа 1853 г.; адъюнктъ виленскаго университета и членъ московскаго общества испытателей природы. Воспитывался въ медзиричской гимназіи, окончивъ въ ней курсъ въ 1819 г., былъ въ ней же учителемъ нѣмецкаго языка, затѣмъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Виленскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра и остался при университетѣ въ качествѣ помощника библіотекаря. Въ 1826 г. приглашенъ совѣтомъ университета на каѳедру общей технологіи и въ 1830 г. для усовершенствованія въ наукахъ посланъ за границу на три года; когда онъ возвратился въ Вильно, въ 1833 г., университетъ былъ уже закрытъ, и Кумельскій поступилъ на службу секретаремъ правительственной комиссіи юстиціи въ Царствѣ Польскомъ. Кумельскій много трудился для распространенія техническихъ и другихъ знаній въ Сѣверо-западномъ краѣ. Много статей въ журналѣ «Dziennik Wileński» напечатано безъ надписи и съ подписью Кумельскаго. Статьи большею частью переведены на польскій языкъ съ иностранныхъ языковъ.

Bielinski, «Stan nauk»; «Kuryer Lit.», 1832, № 55.

Кунинскій, *Михаилъ Ивановичъ*, протоіерей.—Сынъ священника, род. 5 января 1796 г. въ с. Кунинѣ, близъ Новгорода, ум. въ ночь на 28 января 1873 г. Образованіе получилъ въ новгородской семинаріи и петербургской Духовной Академіи (съ 1817 г.). По окончаніи академическаго курса, 28 іюля 1826 г. опредѣленъ учителемъ еврейскаго и нѣмецкаго языковъ въ псковскую духовную семинарію. Не оставляя семинарской службы, въ 1826 г. опредѣлился священникомъ къ псковскому петропавловскому собору. Въ 1829 г. произведенъ въ протоіереи въ г. Митаву, въ 1839 г. произведенъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Ригу. Во время службы въ Митавѣ и Ригѣ занималъ различныя должности по епархіальному управленію. Перечисленный въ 1833 г. (вмѣстѣ съ г. Митавой) въ полоцкую епархію, принималъ участіе въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ 1839 г. Въ Ригѣ въ 40-хъ годахъ принималъ дѣятельное участіе въ движеніи между латышами и эстами въ Лифляндіи изъ лютеранства въ православіе. Вмѣстѣ съ другими дѣятелями остзейскаго края при генералъ-губернаторѣ кн. Суворовѣ былъ переведенъ въ Псковъ въ іюлѣ 1852 г., тоже каѳедральнымъ протоіереемъ, но на должность гораздо менѣе обезпеченную въ матеріальномъ от-

ношеніи. Въ синодальномъ указѣ о его перемѣщеніи было сказано, что онъ переводится «какъ опытный въ дѣлахъ епархіальнаго управленія для содѣйствія управлявшему тогда псковскою епархіей рижскому преосвященному Платону (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій) въ приведеніи въ надлежащее устройство псковской духовной консисторіи», подпавшей въ то время судебному преслѣдованію за допущенныя въ дѣлахъ злоупотребленія и растрату казенныхъ суммъ. При увольненіи отъ службы въ духовномъ училищѣ награжденъ пожизненною пенсіей въ 185 р. «за свыше 30-лѣтнюю службу по учебнымъ вѣдомствамъ, постоянно одобрительную». Въ 1862 г., вмѣстѣ со всѣми другими членами консисторіи, отрѣшенъ отъ присутствія въ консисторіи и преданъ суду, но былъ оправданъ. Въ 1871 г. получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степ. Въ многочисленныхъ столкновеніяхъ съ людьми и превратностяхъ жизни умѣлъ всегда сохранить удивительное спокойствіе и твердость духа; сохранились впрочемъ отзывы о личности Куницинскаго и не столь благопріятныя. Отличался любовью къ собиранію старинныхъ рукописей, картинъ и книгъ; въ 1838 г. онъ пожертвовалъ въ библіотеку полоцкой духовной семинаріи болѣе двухъ тысячъ книгъ, въ 1870 г.—въ библіотеку семинаріи псковской до 500 книгъ, за что получилъ благословеніе св. Синода съ выдачею грамоты; въ псковскую семинарскую библіотеку назначено было имъ до полуторы тысячи книгъ, оказавшихся у него послѣ его смерти.

«Странникъ», 1874 г., февраль; «Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 113, ч. 2; Дѣло Архива св. Синода 1832 г. № 1546.

С. Г. Р.

Куницкій, *Павелъ Алексѣевичъ*, ординарный профессоръ греческой словесности въ Харьковскомъ университетѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ. Онъ читалъ также и всеобщую статистику. Куницкій былъ сотрудникомъ «Украинскаго Вѣстника», гдѣ имъ помѣщено: «Москова идилія», стих., перев. съ греческаго (1816 г., мартъ, 349—351); «Времена года», Біонова идилія, (1816, май, 216—217); «Доблесть», «Ода Эринны» (1816, апрѣль, 80—81); «Орфей и Евридика». Изъ Виргиліевыхъ Георгикъ (1816, октябрь, 92—97); «Отрывокъ изъ Каллимахова гимна Аполлону» (1818 г., апрѣль, 99—101).

И. Б. «Воспоминанія о Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ», въ «Харьков. губ. вѣдомос.», 1870 г. №№ 33, 36 38.

Куницынъ, *Александръ Петровичъ*, профессоръ Петербургскаго университета. род. въ 1783 г., ум. 1 іюля 1840 г. Происходилъ изъ духовнаго званія тверской губерніи, учился въ духовномъ училищѣ въ Кашинѣ, затѣмъ въ тверской семинаріи и въ Педагогическомъ институтѣ, въ 1808—1811 г. закончилъ свое образованіе въ Гейдельбергѣ и Геттингенѣ. Въ 1811 г. поступилъ адъюнктъ-профессоромъ въ только что учрежденный Царскосельскій Лицей по каѳедрѣ нравственной философіи и правовѣдѣнія; съ 1817 г. занялъ въ качествѣ ординарнаго профессора въ Главномъ педагогическомъ институтѣ каѳедру «правъ общихъ»; съ открытіемъ университета читалъ тѣ же предметы и въ немъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей своего времени; Пушкинъ посвятилъ ему сочувственныя и благодарныя строки въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Два сочиненія Куницына, напечатанныя въ эти годы—«Изображеніе взаимной связи государственныхъ свѣдѣній» (1817) и «Право естественное» (1818—1820, 2 тома) свидѣтельствуютъ о большомъ талантѣ автора, сильной логикѣ и замѣчательной для того времени научной самостоятельности, хотя онъ придерживался такой теоріи и такихъ положеній, которыя уже и въ то время признаваемы были за устарѣвшія; между прочимъ, по его ученію «властитель общества, какъ ограниченный, такъ и неограниченный, обязывается наблюдать: a) права членовъ, b) права самого общества и c) условія и коренные законы, содержащіеся въ договорѣ соединенія и въ договорѣ подданства. Употребленіе власти общественной безо всякаго ограниченія есть тиранство и кто оное производитъ, есть тиранъ». Когда разыгралась извѣстная исторія Магницкаго и Рунича, книга Куницына о естественномъ правѣ была, по представленію Рунича, признана Главнымъ правленіемъ училища «противорѣчащею явно истинамъ христіанства и клонящеюся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ»; экземпляры повсюду были отбираемы и сожигаемы;

Куницынъ въ мартѣ 1821 г. уволенъ отъ службы и ему угрожалъ нѣкоторое время даже судъ. Впрочемъ онъ сохранилъ мѣсто преподавателя въ Пажескомъ корпусѣ, куда былъ причисленъ еще въ 1820 г., а въ 1826 г. Балугьянскимъ былъ причисленъ на службу въ II отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи и, вмѣстѣ съ Плисовымъ, получилъ порученіе подготовить къ поѣздкѣ за границу, для завершенія научнаго образованія, тѣхъ молодыхъ людей, которые были выбраны къ этому, по Высочайшему повелѣнію. Въ 1838 г. назначенъ предсѣдателемъ комитета для надзора за печатаніемъ Полнаго Собранія Законовъ и избранъ С.-Петербургскимъ университетомъ въ почетные члены. 27 апрѣля 1840 г. назначенъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій. — Въ 1843 г. уже послѣ смерти Куницына, напечатано его сочиненіе: «Историческое изображеніе судопроизводства въ древней Россіи».

Григорьевъ «С.-Петерб. университетъ», 12—13, 35, 87; Селезневъ, «Истор. очеркъ Алекс. лицея», 122—123; Геннади, «Словарь».

Куницынъ, *Алексѣй Васильевичъ*, тайный совѣтникъ, профессоръ, докторъ правъ, род. въ 1807 г., ум. 7 февраля 1883 г. Сынъ священника села Порѣчья, въ Тверской губерніи; воспитывался въ тверской семинаріи и Петербургской духовной академіи; еще до окончанія курса въ ней былъ избранъ въ число молодыхъ людей, предназначенныхъ къ отправленію за границу для приготовленія къ профессорскому званію, помѣщенъ, вмѣстѣ съ другими, въ Петербургскомъ университетѣ; это молодые люди слушали тамъ лекціи и, кромѣ того, занимались у К. И. Арсеньева, М. Г. Плисова и др., подъ общимъ надзоромъ М. М. Сперанскаго. Съ сентября 1831 г. по 1834 г. Куницынъ, вмѣстѣ съ С. И. и Я. И. Баршевыми, И. В. Платоновымъ и др., пробылъ въ Берлинѣ, занимался у Савиньи, а по возвращеніи—выдержалъ особое испытаніе, защитилъ при Петербургскомъ университетѣ въ томъ же году тезисы на степень доктора правъ—«О наслѣдованіи по закону по началамъ русскаго законодательства»—и 15 сентября 1835 г. былъ назначенъ преподавателемъ гражданскихъ законовъ въ Харьковскій университетъ; въ 1837 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1838 — ординарнымъ; былъ въ разное время деканомъ юридическаго факультета, и проректоромъ, въ 1838—1841 гг. былъ ректоромъ, завѣдывалъ состоявшимъ при Харьковскомъ университетѣ педагогическимъ институтомъ; въ 1862 г., выслуживъ 30-лѣтній срокъ, вышелъ въ отставку, причемъ университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1866 г. былъ избранъ профессоромъ гражданскаго права во вновь открытый Новороссійскій университетъ, гдѣ и читалъ лекціи до 1874 г. Нѣкоторое время Куницынъ преподавалъ и римское право; 1 іюня 1874 г. окончательно вышелъ въ отставку, переселился въ Харьковъ; тамъ и скончался. Какъ профессоръ А. В. Куницынъ имѣлъ большія достоинства; онъ излагалъ предметъ очень ясно, точно, такъ что слушатели отлично усвоивали преподаваемое имъ. Въ сношеніяхъ со студентами, особенно за послѣднее время своего преподаванія, онъ являлся яркимъ типомъ профессоровъ прежняго времени, которые обращались со студентами какъ съ еще дѣтьми и позволяли какъ себѣ относительно ихъ, такъ и имъ относительно себя многое такое, что казалось инымъ, пожалуй, страннымъ; но если нужно было заступиться за провинившагося юношу—Куницынъ являлся первымъ защитникомъ его и защитникомъ чрезвычайно энергичнымъ. Нѣсколько статей Куницына, посвященныхъ преимущественно наслѣдственному и завѣщательному праву, помѣщены въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», за 1861—1866 гг.; отдѣльно издано: «О правѣ наслѣдства лицъ женскаго пола» (Харьк. 1844); «О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія по русскому законодательству»—напечатано въ книгѣ: «Актъ Харьковскаго университета, 1859 г.».

Маркевичъ, «Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новоросс. университета», 509—513, 498—499; «Голосъ», 1883, № 43.

Кунстъ, *Іоганъ*, актеръ, ум. послѣ 1704 г. Въ 1702 г. прибылъ въ Москву съ труппою изъ девяти человѣкъ, приглашенный устроить въ Москвѣ театральныя представленія. По контракту онъ обязывался «царскому величеству всѣми вымыслами потѣхами угодить и къ тому всегда доброму, готовому и должному быти»; за все это Кунстъ долженъ былъ получать по 5,000 ефимковъ въ годъ и изъ этой суммы самъ обязанъ былъ удовлетворять своихъ служащихъ. Немедленно по прибытіи Кунста

начата была на Красной площади постройкою «театральная храмина»—«а въ ней театрумъ, и хоры, и лавки, и двери, и окна»; «внутри ея потолокъ подбитъ и кровля покрыта, а снаружи обита тесомъ». Представленія начались немедленно—еще до окончанія «храмины» — въ домѣ Лефорта; самъ царь нерѣдко ихъ посѣщалъ. Представленія давались по два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ. Извѣстны названія слѣдующихъ пьесъ, исполненныхъ у Кунста: «Арцукъ Фридрихъ фонъ Поплей или честный измѣнникъ», комедія въ 7 дѣйствіяхъ, сочиненная Яганомъ Сплавскимъ, актеромъ, который именно и пригласилъ Кунста по порученію Петра; двѣ пьесы самого Кунста: «Фронтополь король Эпирскій, Мирондонъ сынъ его», комедія въ 8 д., и «Пресыщенный и любящій», комедія въ 7 д., «Донъ Педро, почитаемый шляхта, и Амарилисъ, дочь его», драма въ 4 д., «Катонъ въ Ливаніи», драма въ 2 д., и другія, всего числомъ до 10; между ними «Докторъ принужденный» — передѣлка Мольеровской комедіи. Въ концѣ 1703 г. готовъ былъ театръ и открытъ большимъ героическимъ представленіемъ: «Александръ Македонскій и Дарій». Кунсту отданы были въ ученіе актерному дѣлу двѣнадцать русскихъ молодыхъ людей, выбранныхъ изъ разныхъ приказовъ; Кунстъ долженъ былъ «ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и всякимъ откровеніемъ»; онъ просилъ себѣ за эти труды особой прибавки и ему назначено еще 500 руб. Но Кунстъ былъ неособенно доволенъ ни своими нѣмецкими актерами, ни русскими учениками, ни зрителями даже; на первыхъ и вторыхъ онъ жаловался, что они лѣнивы, а относительно публики—въ прошеніяхъ. Посольскому приказу выражалъ негодованіе, по поводу упрековъ, за то, что костюмы у актеровъ не настоящіе шелковые, а кумачные, что мечи и вооруженія не настоящіе, а картонные и т. п.—онъ говорилъ, что и на 100.000 р. нельзя было бы всего этого сдѣлать настоящимъ. 1 апрѣля 1704 г. Кунстъ позволилъ себѣ довольно странную выходку: было объявлено большое представленіе—и когда собралась многочисленная публика, занавѣсъ взвился—и предстала декорація съ надписью: «Сегодня 1 апрѣля»,—затѣмъ занавѣсъ опустился и этимъ представленіе кончилось. Повидимому, опасаясь дурныхъ послѣдствій этой шутки, Кунстъ вскорѣ бѣжалъ изъ Москвы; оставшіяся послѣ него принадлежности театральныхъ представленій были продаваемы съ аукціона. Въ 1705 г. мѣсто Кунста заступилъ Отто Фирштъ; у него играли однѣ и тѣ же пьесы его актеры по-нѣмецки и выученные Кунстомъ подъячіе по-русски.

«Музыкальн. и театр. вѣстникъ», 1856, 70—72; «Современникъ», 1858, № 2—ст. Пекарскаго, 185—198, Араповъ, «Лѣт. русск. театр.», 21—27.

Кунъ, *Александръ Людвиговичъ*, д. ст. сов., помощникъ попечителя виленскаго учебнаго округа, род. въ 1840 г. ум. 24 октября 1888 г. Въ 1865 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ факультета восточныхъ языковъ, получивъ почетный отзывъ за сочиненіе «Обозрѣніе Алкорана въ религіозномъ и юридическо-политическомъ отношеніи»; въ 1865 г. поступилъ на службу въ департаментъ морскихъ отчетовъ; въ 1868 г. назначенъ въ распоряженіе туркестанскаго генералъ-губернатора для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій края и для составленія проекта устройства учебнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ; въ 1876 г. занялъ должность главнаго инспектора училищъ края—въ ней онъ и служилъ до 1882 г.; за это время онъ напечаталъ статьи: «Вакуфы» (въ «Туркестанскихъ губ. вѣдом.», 1872, № 21) и «Очеркъ Коканскаго ханства» (въ «Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.», 1876, № 1 и отдѣльно); въ 1874 г. онъ былъ командированъ делегатомъ на международный съѣздъ оріенталистовъ въ Лондонъ и былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Института живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ; 1875 годъ онъ провелъ въ Петербургѣ, работая въ комитетѣ, подготовлявшемъ международный конгрессъ оріенталистовъ въ Петербургѣ. Въ 1882 г. назначенъ помощникомъ попечителя виленскаго учебнаго округа; на этомъ мѣстѣ онъ быстро пріобрѣлъ симпатіи сослуживцевъ и подчиненныхъ; особое вниманіе посвящалъ онъ церковно-приходскимъ школамъ.

«Новое Время», 1888, № 4549; «Энциклоп. Словарь» Брокгауза, т. 33.

Купреяновъ, *Василій Андреевичъ*, капитанъ 2-го ранга, редакторъ «Морскаго Сборника» род. 24 апрѣля 1846 г., ум. 19 ноября 1888 г. въ С.-Петербургѣ; изъ дворянъ Костромской губерніи; по окончаніи

въ 1864 г. курса въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1866 году былъ произведенъ въ мичмана, въ 1868 г. поступилъ въ Николаевскую морскую академію, въ гидрографическій ея отдѣлъ; въ 1870 г. окончилъ курсъ ея по первому разряду Въ то время животрепещущимъ вопросомъ являлось подводное плаваніе; стали появляться разные проекты подводныхъ судовъ; одна такая лодка, построенная по проэкту Александровскаго, подверглась испытанію въ 1863 г. и послѣ испытанія ея было предположено соорудить нѣсколько такихъ лодокъ; но Купреяновъ строго-научными доводами доказалъ несостоятельность этого изобрѣтенія и тѣмъ отвратилъ значительныя затраты, на которыя было согласилось морское вѣдомство. Затѣмъ Купреяновъ придумалъ остроумный способъ поднятія изъ воды затонувшихъ грузовъ съ помощью воздушныхъ мѣшковъ, которые опускались на дно безъ воздуха, затѣмъ по прикрѣпленіи къ грузу, черезъ особыя трубки наполнялись воздухомъ и всплывали на поверхность воды, увлекая за собою и затонувшіе предметы. Этотъ способъ описанъ Купреяновымъ въ «Морскомъ Сборникѣ» 1875 г., №№ 1, 2, 3, 4. Въ 1878 г. въ «Морскомъ Сборникѣ» появились его статьи «Изслѣдованіе качествъ подводной лодки системы Александровскаго», окончательно доказавшія неосновательность надеждъ, возбужденныхъ этимъ изобрѣтеніемъ.

Въ 1878 году Купреяновъ въ былъ назначенъ преподавателемъ въ минномъ офицерскомъ классѣ въ Кронштадтѣ и началъ чтеніе по совершенно новому для того времени предмету: «о приложеніи механики къ минному дѣлу». Эти лекціи были посвящены той отрасли морскаго дѣла, о которой не имѣлось до того времени литературы; онѣ представляли собою рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій и имѣли большой успѣхъ, посѣщались часто и высшимъ морскимъ начальствомъ. Управляющій морскимъ министерствомъ Лисовскій пожелалъ привлечь Купреянова къ участію въ редактированіи журнала «Морской Сборникъ» и въ 1881 г. онъ, не переставая быть лекторомъ въ минномъ офицерскомъ классѣ, былъ назначенъ помощникомъ редактора «Морского Сборника». Отдавшись работѣ по журналу Купреяновъ въ 1884 г. оставилъ преподавательскую дѣятельность; по порученію морского министерства въ 1884 г. онъ напечаталъ обширный курсъ: «Приложеніе механики къ минному дѣлу», одобренный морскимъ ученымъ комитетомъ для руководства въ минномъ офицерскомъ классѣ; 1-го января 1886 г., будучи въ чинѣ капитана 2-го ранга, Купреяновъ былъ назначенъ редакторомъ журнала «Морской Сборникъ» и подъ его редакціей журналъ этотъ сдѣлался живымъ и научно-литературнымъ, доступнымъ и интереснымъ не только для моряковъ. Литературный матеріалъ въ изобиліи поступалъ въ редакцію и Купреяновъ всѣми силами старался поощрять молодыхъ офицеровъ, сотрудничавшихъ въ его журналѣ. и самъ очень много отдавалъ времени на просмотръ, дополненія и исправленіе статей. Купреяновъ не оставлялъ и своихъ литературныхъ работъ, помѣщая время отъ времени статьи и исполняя порученія морскаго министерства и ученаго комитета; онъ перевелъ съ англійскаго языка сочиненій Ричарда Соннета: «Морскія паровыя машины». Напечатавъ это сочиненіе въ 1888 г., Купреяновъ принялся за переводъ, съ англійскаго сочиненія Бокса: «О сопротивленіи матеріаловъ», но смерть прервала эту работу.

«Морской Сборникъ» 1875 г., №№ 1, 2, 3, 4; 1877 г., №№ 4, 5; 1878 г., №№ 5, 6; «Приложеніе механики къ минному дѣлу», СПб., 1884 г.: «Морскія паровыя машины», С.-Петербургъ 1888 г. «Морской Сборникъ» 1888 г., № 12; «Историческій Вѣстникъ» 1889, XXXV, январь, стр. 260; Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VIII, стр. 57; «Новое Время», 1888 г., № 4575.

Купреяновъ, *Павелъ Яковлевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. 4 августа 1789 г. въ с. Патинѣ, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, ум. 23 марта 1874 г. Изъ дворянъ; окончилъ курсъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ 1806 г. и выпущенъ въ только что сформированный «батальонъ Императорской милиціи», вскорѣ за отличія переформированный въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Купреяновъ принималъ участіе въ битвахъ подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ, Фридландомъ; за отличіе въ сраженіи подъ Фридландомъ получилъ орденъ св. Анны 4-й ст. За отличіе подъ Бородинымъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», затѣмъ принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Краснымъ, Добрымъ, въ 1813 г.—подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ, Кульмомъ и подъ Лейпцигомъ; участвовалъ во

взятіи Парижа. Изъ заграничнаго похода Купреяновъ вернулся въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ 1824 г., послѣ извѣстнаго большого наводненія, постигшаго Петербургъ, на него возложено было наблюденіе за распредѣленіемъ пособій пострадавшимъ жителямъ Васильевскаго острова и Галерной гавани и за исправленіемъ пострадавшихъ домовъ ихъ. Въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-майоры.

Въ турецкой войнѣ 1828 г. Купреяновъ принялъ участіе начальникомъ 2-й бригады 10-й дивизіи и участвовалъ въ переправѣ черезъ Дунай по Сатуновскому мосту. Вскорѣ Купреяновъ, въ составѣ отряда ген. Сухтелена, былъ направленъ къ кр. Варнѣ; отрядъ этотъ долженъ былъ наблюдать за этою крѣпостью; но вскорѣ гарнизонъ ея былъ настолько усиленъ, что самъ перешелъ въ наступленіе, обложилъ русскій отрядъ и произвелъ на него рядъ усиленныхъ аттакъ; потребовалось большое мужество и большая стойкость, чтобы отражать непріятеля. Купреяновъ былъ всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и показалъ въ нѣсколькихъ случаяхъ не только большую отвагу, но и замѣчательную распорядительность; онъ получилъ двѣ легкія раны; дѣйствія его были награждены орденомъ св. Анны 1-й ст.

Въ началѣ іюня Купреяновъ былъ въ отрядѣ ген. Бенкендорфа, занявшемъ городокъ Праводы, чрезвычайно важный пунктъ для движенія черезъ Балканы. Турки оставили этотъ пунктъ неукрѣпленнымъ—это обстоятельство способствовало его занятію; но оно же оказалось неблагопріятнымъ, когда турки, въ теченіе второй половины іюля и въ августѣ сдѣлали три сильныя попытки отнять его, однако каждый разъ они были отражаемы; на долю Купреянова въ значительной степени приходится честь этихъ трехъ побѣдъ.

Когда представилось необходимымъ, въ виду санитарныхъ условій, перевести почти всю русскую армію на лѣвый берегъ Дуная, возникъ вопросъ—покидать Праводы или удерживать ихъ. Удержаніе было чрезвычайно желательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось крайне затруднительнымъ, въ виду отдаленности этого пункта отъ главныхъ силъ арміи. Купреяновъ на военномъ совѣтѣ энергически высказался за сохраненіе Праводъ и поручился, что онъ удержитъ Праводы, если ему дано будетъ подкрѣпленіе въ размѣрахъ одной бригады. Предложеніе его было принято, просимое подкрѣпленіе дано—и небольшой русскій отрядъ остался зимовать у подножья Балканъ, въ то время, какъ почти вся остальная армія была за Дунаемъ.

Зимовка въ Праводахъ—дѣло не яркое, не блестящее, но весьма замѣчательное. Много нужно было энергіи, изобрѣтательности и бодрости духа, чтобы обезпечить всѣмъ необходимымъ отрядъ, зимовка котораго не предполагалась вовсе въ такомъ отдаленіи отъ Варны и при такихъ неудобныхъ путяхъ сообщенія, каковы были тогда на театрѣ войны. Однако, Купреяновъ выполнилъ это дѣло успѣшно; солдаты не только были удовлетворены всѣмъ необходимымъ, но, при своей привычкѣ довольствоваться самымъ малымъ, жили, на ихъ взглядъ, даже съ удобствами. Постройки были заботливо приспособлены къ зимовкѣ, продовольствіе обезпечено—скота для мяса было довольно, не мало дичи; успѣлъ Купреяновъ снабдить свой отрядъ и хлѣбными запасами, на свой страхъ распорядившись и такими, которые приготовлялись для будущаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ Праводы были, земляными работами, обращены въ довольно сильное укрѣпленіе. Командовавшій войсками въ Болгаріи, генералъ отъ кавалеріи Ротъ, извѣстный за начальника чрезвычайно строгаго и неохотника до похвалъ подчиненнымъ — выразилъ Купреянову самую живую благодарность.

Съ наступленіемъ весны турки начали наступательныя дѣйствія противъ Праводъ; русскій гарнизонъ недостигавшій въ теченіе зимы 3,000 чел., былъ усиленъ еще 2,000, когда 17 мая турецкая армія силою свыше 30.000 чел. появилась подъ Праводами и начала усиленную бомбардировку русскихъ позицій, 12 дней продолжалась она; на приступъ турки не рѣшились, такъ какъ всѣ ихъ попытки заложить траншеи близко отъ русскихъ укрѣпленій, были отражаемы вылазками. 29 мая турецкая армія стала отступать — ее принудило къ этому движеніе Дибича на пути сообщеній осаждавшей Праводы арміи съ Шумлою. Купреяновъ выступилъ преслѣдовать турокъ; неосторожное движеніе передового коннаго отряда, попавшаго въ засаду, дало туркамъ возможность причинить ему большія потери и Купреянову пришлось отступать въ Праводы. Но въ тотъ же день

турки понесли сильное пораженіе у Кулевчи и 31 мая Купреяновъ снова двинулся преслѣдовать турокъ; при этомъ ему удалось вернуть орудія, потерянныя 29 мая. Побѣда при Кулевчѣ и дальнѣйшіе успѣхи Дибича были въ значительной степени подготовлены геройскою обороною отряда Купреянова въ Праводахъ: задержавъ здѣсь турецкую армію на 12 дней, отрядъ этотъ далъ Дибичу возможность сосредоточить значительныя силы для рѣшительнаго удара. Приказомъ по арміи Дибичъ выразилъ особенную благодарность гарнизону Праводъ; Купреяновъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. и назначенъ начальникомъ 9-й пѣхотной дивизіи. Въ 1831 году Купреяновъ принималъ участіе въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Въ 1836 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1845 г. назначенъ командующимъ 2-го корпуса, въ 1848 г. получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1848 г. принялъ участіе въ венгерской кампаніи и въ сраженіи подъ Дебречиномъ получилъ столь тяжелую рану въ ногу, что ногу пришлось ампутировать. Императоръ австрійскій пожаловалъ ему орденъ Св. Леопольда 1-й ст. большого креста съ особымъ рескриптомъ; послѣ того, какъ рана лишила Купреянова возможности продолжать строевую службу, онъ былъ приказомъ 29 іюля 1849 г. назначенъ членомъ военнаго совѣта. Въ 1851 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи; имѣлъ всѣ ордена до ордена Св. Александра Невскаго съ брилліантами включительно. Императоръ Николай Павловичъ наградилъ Купреянова еще особымъ образомъ: онъ даровалъ дворянское достоинство рижскому купцу Верману, за которымъ замужемъ была единственная дочь Купреянова. Купреяновъ умеръ отъ воспаленія легкихъ; несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ былъ еще довольно бодръ. Купреяновъ отличался тонкимъ наблюдательнымъ умомъ, чрезвычайною скромностью въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ и живымъ искреннимъ доброжелательствомъ ко всѣмъ людямъ. Онъ велъ «походный журналъ», родъ дневника, изобилующій весьма любопытными и цѣнными замѣчаніями. Журналъ этотъ напечатанъ въ «Военномъ Сборникѣ», 1875 г., № 2, 159—190 и № 3, 5—53.

«Русскій Инвалидъ», 1874 г., №№ 70, 79, 80, — некрологъ, написанный А. Станкевичемъ.

Купріяновъ, *Иванъ Купріяновичъ*, преподаватель Новгородской гимназіи и Гатчинскаго Николаевскаго Сиротскаго института, писатель-археологъ, род. въ 1820 г., ум. около 1878 г. Въ 1846 г. поступилъ въ Новгородскую гимназію учителемъ русской грамматики и географіи, въ 1865 г. переведенъ помощникомъ учителя географіи въ Гатчинскій Николаевскій Сиротскій Институтъ, въ 1866 г. онъ назначенъ здѣсь учителемъ географіи. Купріянову принадлежатъ слѣдующіе труды: «Матеріалы для исторіи и статистики Новгорода и его области». Извлечено изъ архива Новгородской казенной палаты («Вѣстн. Импер. Русск. Географ. Общ.», 1852 г., ч. V), «Матеріалы для исторіи и географіи Новгородской области» (ibid., ч. VI). «Празднованіе новолѣтія 1675 г. въ Москвѣ» («Москвитянинъ», 1853 г., № 1). «Указаніе на нѣкоторыя рукописи Новгородскихъ церквей и монастырей» («Журн. Мин. Народ. Просв.», 1853 г., № 12), «Памятники древней русской словесности» (ibid. 1854 г., ч. LXXXIV), «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи» («Москвитянинъ», 1855 г., № 10 и С.-Петербургскія Вѣдомости», 1855 г., № 163); «Замѣтки И. К. Купріянова» («Изв. Импер. Акад. Наукъ», 1855 г., т. IV, вып. 5); «Описаніе замѣчательной псалтири» («Журн. Мин. Народ. Просв.» 1855 г., ч. LXXXVIII); «Два неизвѣстные проэкта Посошкова» («Отечеств. Зап.», 1856 г., № 3); «Матеріалы для исторіи русской педагогіи. Изъ рукописи прошлаго столѣтія: Наставленіе малымъ дѣтямъ и объ обычаяхъ въ училищѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1856 г., ч. LXXXIX); «Историческій очеркъ Софійской Библіотеки» («Изв. Акад. Наукъ», 1856 г., т. V, вып. 7); «Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи» («Журналъ для воспитанія», 1857 г., т. II); «О старинномъ обычаѣ въ Россіи съ декабря мѣсяца начинать учить дѣтей грамотѣ, о современномъ воспитаніи и статистическія данныя о числѣ учащихся въ Новгородской губерніи» («Петерб. Вѣдом.», 1857 г., № 273); «Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки» («Изв. Акад. Наукъ», 1857 г., т. VI, вып. 1 и 4 и отдѣльно СПб. 1857); «Историческій очеркъ учрежденія и распространенія училищъ въ Новгородской губерніи съ 1786 по 1808 гг.» («Русскій педагогическій вѣстникъ», 1858 г., № 7, стр. 109—

132); «Матеріалы для исторіи чумы въ Москвѣ и убіеніе архіепископа Амвросія 1771 г.» («Русское Слово», 1860 г., № 11, отд. 1); «Ярославово дворище въ Новгородѣ» («Памят. книж. Новгор. губ.», 1860 г., стр. 1—32»); Списки иконописныхъ подлинниковъ Новгородской Софійской библіотеки» («Извѣстія Императ. Археологическаго Общества» 1863 г. вып. 2, столб. 85—92); въ изданіяхъ этого общества Куприяновъ обнародовалъ не мало и другихъ мелкихъ замѣтокъ. «Краткій очеркъ жизни Ея Императорскаго Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны», СПб. 1869 г.

«Адресъ-Календари», 1845—1879 гг.; Ламбинъ, «Русская истор. библіографія», 1855—1863, Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи», т. I, кн. 1.

Купферъ, *Адольфъ Яковлевичъ* (Adolph Theodor), академикъ, сынъ митавскаго купца, род. 27 декабря 1798 г. въ Митавѣ; ум. 23 мая 1865 г. въ Петербургѣ. Интересъ къ естествознанію Купферъ обнаружилъ еще во время пребыванія въ Митавской гимназіи; по окончаніи въ ней курса поступилъ въ Дерптскій университетъ въ 1813 г., а въ 1816 г., окончивъ курсъ, отправленъ въ Берлинъ, и здѣсь занимался подъ руководствомъ знаменитаго Вейса, преимущественно минералогіею. Экскурсіи въ горахъ Каринтіи и въ Тиролѣ окончательно привлекли его къ этой наукѣ. Въ 1819 г. онъ путешествовалъ по Гарцу, затѣмъ занимался практической химіею у Штромейера въ Геттингенѣ и получилъ здѣсь степень доктора за диссертацію «De calculo crystallonomico» (1821). Изъ Геттингена онъ отправленъ въ Парижъ, слушалъ здѣсь знаменитаго минералога Гаи (Hauy) и пріобрѣлъ особенное расположеніе этого ученаго; подъ его ближайшимъ руководствомъ Купферъ представилъ въ 1823 г. Берлинскую академію «Preisschrift über genaue Messung der Winkel an Krystallen» (напечатано въ 1826 г.) и получилъ за нее премію; работа эта считается классическимъ сочиненіемъ по кристаллографіи,— уже въ этомъ сочиненіи проявилось чрезвычайное остроуміе Купфера въ пріисканіи простѣйшихъ и удобнѣйшихъ методовъ для изслѣдованія трудныхъ и требующихъ чрезвычайной точности изученія явленій. Купферъ получилъ въ томъ же 1824 г. приглашеніе занять каѳедру физики въ Казанскомъ университетѣ; онъ совершилъ по порученію министерства, поѣздку по разнымъ ученымъ центрамъ Европы, пріобрѣтая приборы для физическаго кабинета, и въ 1824-же г. явился въ Казань. 27 августа 1827 г. избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, въ 1828 г., по смерти Севергина, избранъ академикомъ по каѳедрѣ минералогіи; съ избраніемъ въ Академію онъ покинулъ Казань и переселился въ Петербургъ; въ 1840 г., за выходомъ въ отставку Паррота, переведенъ на каѳедру физики и въ 1843 г. сдѣланъ ординарнымъ академикомъ. Въ 1831 г. Купферъ выпустилъ въ свѣтъ свое главное сочиненіе «Handbuch der rechnenden Krystallographie» (VIII+589), которое поставило его на ряду съ первоклассными минералогами его времени. Купферъ написалъ затѣмъ длинный рядъ работъ по минералогіи, кристаллографіи и физикѣ, имѣющихъ важное научное значеніе. Работы его имѣли и крупное практическое значеніе: онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ коммиссіи для установленія точныхъ мѣръ и вѣсовъ; результаты работъ этой коммиссіи, которые являются вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ образомъ результатами работъ Купфера, были узаконены Высочайшимъ указомъ въ 1835 г.; описаны эти работы въ «Travaux de la commission pour fixer les mésures et les poids de l'empire de Russie», 2 тома, СПб., 1841. Кромѣ того Купферъ явился дѣятельнымъ работникомъ по устройству въ Россіи метеорологическихъ наблюденій; онъ былъ директоромъ основанной благодаря его энергіи магнитной обсерваторіи Академіи Наукъ; обсерваторія эта являлась центральнымъ органомъ для цѣлой сѣти метеорологическихъ станцій, учрежденныхъ въ Россіи — для нихъ Купферъ же составилъ инструкцію. Вмѣстѣ съ Кемцемъ Купферъ основалъ въ Дерптѣ метеорологическій журналъ. Въ Петербургѣ Купферъ читалъ лекціи въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, въ Институтѣ корпуса путей сообщенія и въ офицерскихъ классахъ Института горныхъ инженеровъ. Изъ сочиненій Купферъ упомянемъ еще «Voyage dans les environs de mont Elbrouz» (1830)—описаніе поѣздки, совершенной имъ по Высочайшему повелѣнію въ 1829 г. вмѣстѣ съ академикомъ Ленцомъ и Менетріе; сочиненіе это переведено на нѣмецкій языкъ; «Психометрическія и барометрическія таблицы»

(1841—и на французскомъ языкѣ), «Руководство къ дѣланію магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій» (1841—и на нѣмецкомъ языкѣ), длинный рядъ статей въ Poggendorf's Annalen der Physik und Chemie (до тридцати статей въ томахъ II—LII), рядъ статей въ Bulletin Scientifique (въ томахъ V—X) и въ «Бюллетеняхъ» Академіи Наукъ. Редактировалъ два тома «Observations méthéorologiques et magnétiques, faites dans l'etendue de l'empire de Russie», 9 томовъ (съ 1837 по 1846). «Annuare magnétique et méthéorologique de corps des ingenieurs des mines de Russie» и 6 томовъ «Annales de l'observatoire physique central de Russie» (1841—1851).

Мѣсяцесловъ на 1866, стр. 396—397; Записки Академіи Наукъ; IX, 1; Recke und Naprersky, «Allegem. Schriftsteller und Gelehrten Lexicon», II, 581—582 и «Nachträge» 345—351, тутъ полный списокъ работъ Купфера по 1859 г.; «Иллюстр. Газета», 1865, № 44, біографія и портретъ; «Отчетъ Имп. Рус. Геогр. Общества» за 1865; «Записки Имп. Акад. Наукъ», т. VIII (1865), 299—301; Геннади, «Словарь».

Купферъ, *Карлъ-Генрихъ*, коллежскій совѣтникъ, докторъ философіи, род. 1 декабря 1789 г., ум. 11 января 1837 г. Братъ академика Купфера; по окончаніи курса въ Митавской гимназіи и Дерптскомъ университетѣ въ 1815 г. слушалъ лекціи въ берлинской Bauacademie; въ сентябрѣ 1820 г. опредѣленъ приватъ-доцентомъ въ Дерптскій университетъ; въ 1823 г. переведенъ учителемъ въ Ревельскую гимназію. Здѣсь онъ издавалъ первый на русскомъ языкѣ «Математическій журналъ»; въ 1833 г. назначенъ профессоромъ математики въ Нѣжинѣ, въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко. Лекціи Купфера были слишкомъ серьезны для учениковъ, которые не были подготовлены къ пониманію тѣхъ глубокихъ разсужденій, которыя излагалъ имъ Купферъ; непосредственныхъ знаній ученики его выносили изъ его лекцій немного. Но за то онъ производилъ на учениковъ обаятельное впечатлѣніе своею личностью, своею беззавѣтною преданностью наукѣ, среди занятій которою онъ забывалъ рѣшительно все окружающее, своимъ ровнымъ характеромъ и преданностью долгу, преданностью, которую онъ запечатлѣлъ и своей смертью: онъ умеръ простудившись во время работъ въ нетопленномъ помѣщеніи библіотеки, которую ему поручено было привести въ порядокъ послѣ бывшаго въ гимназіи пожара. Купферу принадлежатъ: «Dissertatio inauguralis de summetione serierum...» Mitaviae, 1813; и «Versuch einer Methode... algebraischen Gleichung» Dorpat, 1819.

«Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко» 274—275; Геннади, «Словарь»; Recke und Napierski, «Allgem. Schriftsteller und Gelehrten Lexicon», II. 583.

Куракинъ, князь *Александръ Борисовичъ*, оберъ-шталмейстеръ, род. 31 іюля 1697 г., ум. 2 октября 1749 г. Сынъ князя Бориса Ивановича Куракина. По восьмому году отецъ началъ учить его нѣмецкому языку, по десятому—латинскому; затѣмъ онъ сопровождалъ своего отца въ его заграничномъ пребываніи и пріобрѣлъ отличное знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ и нѣкоторыя познанія въ наукахъ. Въ 1722 г. былъ уже камеръ-юнкеромъ и совѣтникомъ посольства въ Гагѣ, гдѣ отецъ его былъ посломъ. 4 мая 1722 г., по отозваніи изъ Франціи посла нашего кн. Вас. Лук. Долгорукаго, назначенъ быть при французскомъ дворѣ, выѣхалъ изъ Гаги 14 іюня, 30 прибылъ въ Парижъ и 1 августа имѣлъ аудіенцію у короля. Первое время дѣйствіями его руководилъ его отецъ кн. Б. И. Куракинъ, который сопровождалъ его въ этой первой поѣздкѣ, какъ частный человѣкъ, хотя и имѣлъ секретныя порученія. Въ началѣ 1724 г. посломъ въ Парижѣ былъ назначенъ кн. Б. И. Куракинъ, а кн. А. Б. Куракинъ пожалованъ 15 мая 1724 г. камергеромъ и велѣно ему быть представителемъ нашего двора при версальскомъ вмѣстѣ съ отцомъ. Послѣ смерти кн. Б. И. Куракина, послѣдовавшей 17 октября 1727 г., кн. А. Б. Куракинъ остался одинъ русскимъ представителемъ во Франціи; въ началѣ 1728 г. онъ просилъ о разрѣшеніи ему ѣхать въ Россію и, получивъ это разрѣшеніе, 25 іюня имѣлъ прощальную аудіенцію и 11 іюля выѣхалъ. Въ бытность свою въ Парижѣ онъ покровительствовалъ В. К. Тредіаковскому, который учился за границей; кн. Куракинъ взялъ его съ собою и привезъ въ Петербургъ; В. К. Тредіаковскій посвятилъ ему свой переводъ поэмы «Ѣзда на островъ любви».

Въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ въ январѣ 1729 г., князь А. Б. Куракинъ, какъ родственникъ императора Петра II — его мать была родной сестрой бабкѣ императора—занялъ сразу видное мѣсто при дворѣ; онъ примкнулъ къ партіи противниковъ

Меншикова и способствовалъ его паденію. Свое положеніе онъ сохранилъ и при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; 6 марта 1730 г. онъ былъ назначенъ въ число камергеровъ, составившихъ ближайшій кругъ императрицы, 22 іюня того же года получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и вскорѣ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ; въ 1736 г. былъ вмѣстѣ съ Волынскимъ, Шепелевымъ и Салтыковомъ членомъ высшаго суда, созваннаго подъ предсѣдательствомъ самой императрицы по жалобѣ кн. Конст. Кантеміра на неправое рѣшеніе Сената по дѣлу его съ мачехою. Кн. А. Б. Куракинъ все время царствованія Анны Іоанновны былъ вѣрнымъ сторонникомъ Бирона, усердно поддерживалъ его и въ борьбѣ съ Волынскимъ; въ 1739 г. кн. Куракинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинѣ, но затѣмъ назначеніе это было отмѣнено. Когда во время предсмертной болѣзни императрицы возникъ вопросъ о регентствѣ—онъ былъ въ числѣ первыхъ, которые выразили желаніе видѣть регентомъ Бирона. Послѣ паденія Бирона и провозглашенія регентства Анны Леопольдовны, кн. А. Б. Куракинъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; новая правительница спѣшила раздать милости высшимъ сановникамъ; были награждены, кромѣ Куракина,—Минихъ, Остерманъ, кн. Черкасскій, Головкинъ, Левенвольдъ, кн. Трубецкой, Лопухинъ, Ушаковъ, Головинъ; но затѣмъ, когда подвергнутъ былъ допросу и суду павшій вмѣстѣ съ Бирономъ Бестужевъ-Рюминъ, возникло обвиненіе и противъ почти всѣхъ этихъ лицъ; 24 апрѣля 1741 г. было всѣмъ имъ объявлено, что хотя и нужно было бы по открывшимся обстоятельствамъ «въ конецъ дослѣдовать» ихъ поведеніе, но что правительница ихъ прощаетъ, «въ надеждѣ, что они впредь вѣрно истинно поступать будутъ и къ такимъ бездѣльнымъ вредительнымъ дѣламъ приставать не станутъ». При воцареніи Елизаветы Петровны кн. А. Б. Куракинъ былъ пожалованъ золотою цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго; 12 декабря 1741 г. назначенъ сенаторомъ и затѣмъ нерѣдко участвовалъ въ особыхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ при дворѣ.—Кн. А. Б. Куракинъ былъ женатъ на Аграфенѣ Ивановнѣ Паниной, сестрѣ извѣстныхъ впослѣдствіи графовъ; имѣлъ одного сына кн. Бориса-Леонтія—по старому обычаю, державшемуся еще и въ XVIII ст., иногда люди назывались въ жизни не тѣмъ именемъ, какое получали при крещеніи.

«Архивъ кн. Куракина», I, V; Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. IV и V; «Восемнадцатый вѣкъ»; II, III; Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣш. сношеній», IV.

Куракинъ, князь *Александръ Борисовичъ*, канцлеръ россійскихъ орденовъ, дѣйст. тайн. совѣтн. 1-го класса, членъ Государственнаго Совѣта, род. 18 января 1752 г., ум. 24 іюня 1818 г. Отецъ его былъ кн. Бор. Алек. Куракинъ, первый президентъ Коллегіи экономіи, мать — княгиня Елена Степановна, рожденная Апраксина, дочь фельдмаршала графа С. Ѳ. Апраксина. По обычаю времени кн. А. Б. Куракинъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ сержантомъ и въ 1761 г. имѣлъ уже чинъ подпоручика. Въ 1763 г. кн. Б. А. Куракинъ изъ Москвы, гдѣ жилъ онъ, устраивая Коллегію Экономіи и управляя Камеръ-Коллегіей, отправилъ своего сына въ Петербургъ; маленькаго князя принялъ на свое особенное попеченіе дяди его, гр. Н. И. Панинъ; князь Александръ Куракинъ былъ товарищемъ игръ и занятій в. кн. Павла Петровича и между ними завязались еще съ этого времени дружескія отношенія, которыя впослѣдствіи постоянно крѣпли. Въ 1764 г. кн. Куракинъ-отецъ умеръ и молодые Куракины поступили подъ опеку четырехъ лицъ, изъ числа которыхъ ближайшимъ образомъ занимались ими Н. И. и П. И. Панинъ.

Объ учебныхъ годахъ кн. Ал. Бор. Куракина мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, которыя любопытны отчасти и сами по себѣ, а особенно—потому, что рисуютъ намъ и объемъ и характеръ обученія цѣлой группы его сверстниковъ, молодыхъ людей знатныхъ и богатыхъ фамилій.

Кн. А. Б. Куракинъ находился на непосредственномъ попеченіи Штрубе де-Пирмонта, впослѣдствіе академика; Штрубе обучалъ его и латинскому языку; учителями другихъ предметовъ были къ нему приглашены извѣстные преподаватели того времени Г. А. Полетика и К. Ф. Модерахъ. Отецъ очень интересовался ученіемъ сына; онъ постоянно спрашивалъ его въ письмахъ объ ходѣ его занятій, о томъ, есть-ли у него преподаватель—или, какъ онъ писалъ, «мастеръ»,—«достаточный къ наученію россійскаго штиля» и высказывалъ непремѣнное желаніе, чтобы сынъ его «для познанія россійскаго языка чи-

талъ чаще, и со вразумленіемъ, записывая слова, псалтирь, къ оному знанію наилучшее чтеніе» — такъ крѣпко еще держалась въ высшемъ тогдашнемъ русскомъ обществѣ традиція обученія дѣтей по церковнымъ книгамъ; но то поколѣніе, къ которому принадлежалъ молодой кн. Куракинъ, было уже кажется, послѣднимъ, которое такъ училось.

Въ 1766 г. кн. А. Б. Куракинъ отправленъ былъ въ Киль, въ Альбертинскую коллегію; въ ней онъ слушалъ лекціи около года, начиная съ іюня 1766 г., числясь въ то же время при русскомъ посольствѣ въ Копенгагенѣ и получивъ даже въ 1766 г. датскій орденъ. Въ іюнѣ 1767 г. онъ былъ въ Пирмонтѣ, затѣмъ совершилъ путешествіе по Германіи и въ 1769 г. вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ надѣлалъ какія-то шалости, долги— хотя, несомнѣнно, ничего особеннаго въ его проступкахъ не было. Въ началѣ 1770 г. онъ былъ отправленъ въ Лейденъ—отчасти доучиваться, отчасти какъ бы и въ видѣ наказанія; нѣкоторое неудовольствіе опекуновъ противъ него видно изъ того, что въ письмахъ своихъ кн. А. Б. Куракинъ неоднократно выражаетъ свое раскаяніе, обѣщается исправиться и дѣлаетъ попытки—но безуспѣшныя—склонить Н. И. Панина на ускореніе обратнаго пріѣзда его въ Петербургъ; но что проступки молодого князя было вовсе не серьезны, объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ и содержаніе и тонъ писемъ къ нему Н. И. Панина, котораго кн. Куракинъ всегда называлъ своимъ вторымъ отцомъ.

Кн. Куракинъ провелъ на этотъ разъ за границей немного болѣе трехъ лѣтъ. Съ 1770 г. по 1776 г. въ Лейденѣ была какъ бы колонія представителей русской аристократіи: около полутора года пробыли тамъ кн. А. Б. Куракинъ, гр. Н. П. Шереметевъ и кн. Гагаринъ, послѣ нихъ сейчасъ—два князя Волконскіе и кн. Голицынъ, затѣмъ два графа Румянцевы, кн. Юсуповъ, гр. Сиверсъ, Нарышкинъ, наконецъ кн. Алексѣй Бор. Куракинъ и гр. С. С. Анраксинъ; эта Лейденская колонія существовала одновременно съ Лейпцигскою, въ которой съ 1766 по 1775 г. перебывали свыше 20 молодыхъ людей, среди которыхъ были тоже и представители русской аристократіи, и которая особенно извѣстна тѣмъ, что къ ней принадлежалъ и знаменитый впослѣдствіи Радищевъ. Представители Лейденской колоніи были, однако, люди и болѣе богатые и болѣе знатные; почти всѣ они путешествовали по Европѣ даже почему-то подъ псевдонимами: кн. Куракинъ назывался Борисовымъ, гр. Шереметевъ—Мещериновымъ, кн. Гагаринъ—Пензинымъ и т. д. Лейденская колонія была обставлена значительно лучше лейпцигской и въ смыслѣ воспитателей и преподавателей ея. То мѣсто руководителя, главнаго наблюдателя, какое въ Лейпцигѣ занималъ майоръ Бокумъ, стяжавшій себѣ печальную извѣстность своею грубостью и безтактностью, въ Лейденѣ занималъ Карлъ Сальдернъ, братъ извѣстнаго дипломата, державшійся несравненно тактичнѣе и благоразумнѣе Бокума. Главными преподавателями были извѣстные въ свое время ученые — Фр. Вильг. Пестель и Жакъ Николай Алламанъ; съ обоими ими, особенно съ Пестелемъ, кн. А. Б. Куракинъ сохранилъ и впослѣдствіи отличныя отношенія. Предметами занятій были: ежедневно—латинскій языкъ и математика, четыре раза въ недѣлю философія, съ которою соединялись физика и естественная исторія, и столько же—естественное право и исторія, кромѣ того языки французскій, нѣмецкій и итальянскій, наконецъ музыка и фехтованье. Кн. А. Б. Куракинъ такъ опредѣлялъ предметъ и объемъ своихъ занятій: «спекулятивная философія, право естественное и право народное, разныя части математики и отношенія европейскихъ государствъ между собою». Алламанъ въ своихъ чтеніяхъ давалъ: «предварительныя понятія изъ экспериментальной физики, затѣмъ знакомилъ съ первоначальными причинами множества замѣчательныхъ явленій, какія мы видимъ въ природѣ, которыми мы иногда восхищаемся, не умѣя, однако, понять ихъ прелесть»; затѣмъ онъ переходилъ «къ логикѣ и морали, объяснялъ правила морали и поведенія, основанныя не на томъ, что принято только учеными, а на томъ, что принято въ мірѣ такъ, какъ онъ есть, въ мірѣ, въ которомъ и должно жить». «Сколько познаній имѣлъ я случай пріобрѣсти въ Лейденѣ!», восклицаетъ А. Б. Куракинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; «до этого времени я жилъ лишь для себя, забывая цѣль моего Создателя, забывая цѣли добраго гражданина, наконецъ, даже обязанности признательнаго сына»; теперь онъ непремѣнно имѣлъ въ виду стать

«просвѣщеннымъ гражданиномъ, полезнымъ для своего отечества»; занятіями своими въ Лейденѣ онъ былъ вполнѣ доволенъ, довольны были и всѣ его родственники. Совершенно также опредѣлялся курсъ, который проходили въ Лейденѣ и всѣ другіе вышепоименованные молодые люди; они тѣхъ же слушали и профессоровъ.

Проведя въ Лейденѣ 15 мѣсяцевъ, кн. А. Б. Куракинъ и гр. Н. П. Шереметевъ отправились путешествовать; они проѣхали по всей тогдашней Голландіи въ Англію; во время пребыванія здѣсь кн. Куракинъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его камеръ-юнкеромъ. Возвратившись на материкъ онъ посѣтилъ Парижъ, Ліонъ, нѣкоторые другіе города южной Франціи и направился въ Россію, куда прибылъ въ концѣ весны 1773 г. Путешествіе это было описано кн. Куракинымъ въ особомъ сочиненіи, которое затѣмъ, въ 1815 г., было напечатано имъ, въ Петербургѣ у Плюшара, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и давно стало большою библіографическою рѣдкостью. Произведеніе это—Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre par le P. A. K. à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 1770, 1771 et 1772—не окончено; дополненіемъ къ нему являются десять обширныхъ писемъ кн. А. Б. Куракина къ цесаревичу. По характеру своему это произведеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ такому же описанію путешествій княгини Е. Р. Дашковой, включенному ею въ ея записки и частью напечатанному по русски. Произведенія кн. Куракина содержатъ не столько фактическую исторію поѣздки, сколько описаніе достопримѣчательностей тѣхъ мѣстностей, какія были посѣщаемы, а особенно—историческія воспоминанія, съ ними связанныя, и замѣтки о современномъ положеніи посѣщаемыхъ государствъ, замѣтки такого рода, что несомнѣнно онѣ извлечены изъ какихъ либо другихъ трудовъ, а не составляютъ результатъ самостоятельныхъ непосредственныхъ наблюденій автора; когда кн. Куракинъ разсуждаетъ о безпорядкѣ, царящемъ во французскихъ финансахъ или о боевыхъ качествахъ французскаго солдата—конечно, онъ просто приводитъ извлеченія изъ какихъ-либо чужихъ трудовъ; впрочемъ, именно такъ писались въ XVIII в. и многія другія описанія путешествій; извѣстно, что даже въ «Письмахъ русскаго путешественника» много прямыхъ—и, конечно, вовсе не скрытыхъ авторомъ—заимствованій изъ литературныхъ произведеній. Все заграничное пребываніе кн. А. Б. Куракина обошлось ему приблизительно въ 13.000 р.,—предполагалось же употребить на эту поѣздку 10.000 р.

Вернувшись въ Петербургъ, кн. А. Б. Куракинъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ цесаревичу людей; съ вступленіемъ цесаревича въ бракъ, въ 1773 г., кн. А. Б. Куракинъ вмѣстѣ съ графомъ А. К. Разумовскимъ и Н. И. Салтыковымъ, назначеннымъ состоять при цесаревичѣ послѣ увольненія Н. И. Панина, составлялъ постоянный кружокъ в. кн. Павла Петровича.—3 ноября 1774 г. въ комнатахъ цесаревича состоялся интимный спектакль, въ которомъ разыгрывали французскую пьесу цесаревичъ, его супруга, гр. Людвикъ гессенскій, четыре придворныя дамы и пять кавалеровъ, въ числѣ ихъ былъ и кн. А. Б. Куракинъ. Когда послѣ смерти великой княгини Натальи Алексѣевны подготовлялся второй бракъ цесаревича и онъ отправился, 13 іюня 1776 г. въ Берлинъ, чтобы увидаться съ будущею супругою своею, кн. А. Б. Куракинъ былъ въ числѣ шести лицъ, сопровождавшихъ цесаревича въ этой поѣздкѣ. По совершеніи бракосочетанія в. кн. Павла Петровича съ в. кн. Маріей Ѳеодоровной, кн. А. Б. Куракинъ былъ отправленъ 7 октября, въ Стокгольмъ для сообщенія шведскому королю объ вторичномъ бракѣ цесаревича. Изъ Стокгольма кн. А. Б. Куракинъ писалъ донесенія Н. И. Панину,—они очень любопытны не тѣми фактами, какіе тутъ кн. Куракинъ сообщаетъ, не наблюденіями его, а тою увѣренностью въ силѣ Россіи, которою они проникнуты и которая особенно замѣчательна въ письмахъ къ Н. И. Панину его племянника; кн. Куракинъ видитъ ненависть шведовъ къ его отечеству, но нимало ея не страшится; это очень характерная черта въ перепискѣ съ гр. Н. И. Панинымъ близкаго ему человѣка. Во время пребыванія кн. А. Б. Куракина въ Стокгольмѣ произошелъ у него романъ съ молодою графинею Ферзенъ; она влюбилась въ статнаго, ловкаго и остроумнаго красавца-князя; какія препятствія помѣшали ихъ браку—неизвѣстно; но трогательное и симпатичное впечатлѣніе производятъ сохранившіяся и недавно опубликованныя письма графини Ферзенъ къ кн. Куракину. Князь

Куракинъ пробылъ въ Стокгольмѣ около трехъ мѣсяцевъ; при отъѣздѣ его изъ Стокгольма, въ началѣ января 1777 г., королевская академія наукъ избрала его почетнымъ своимъ членомъ. Близкія отношенія между кн. А. Б. Куракинымъ и цесаревичемъ не ослабѣвали; кн. Куракинъ былъ однимъ изъ наиболѣе пріятныхъ ему и частыхъ его собесѣдниковъ и спутниковъ. Кн. А. Б. Куракинъ случайно сопровождалъ великаго князя и въ той его прогулкѣ по набережной Невы, когда великому князю было какое-то видѣніе, о чемъ онъ самъ разсказывалъ и разсказъ его о чемъ воспроизведенъ баронессой Оберкирхъ.

Съ поѣздкою кн. Куракина въ Стокгольмъ связано участіе его въ масонствѣ. Есть извѣстія, что онъ вступилъ въ петербургскую ложу Capitulum Petropolitanum еще въ 1773 г., немедленно по возвращеніи изъ заграницы. Время командировки кн. А. Б. Куракина въ Швецію совпало съ тѣмъ временемъ, когда петербургскіе массоны искали завязать непосредственныя сношенія съ заграничными; Куракину было вручено рекомендательное письмо къ Стокгольмской главной ложѣ и просьба — посвятить его въ высшія степени и прислать съ нимъ статуты. Просьба эта была исполнена, съ тѣмъ, чтобы кн. Куракинъ принялъ на себя гросмейстерство русской провинціальной ложи, подчинивъ ее главному шведскому капитулу. По возвращеніи кн. Куракина въ Петербургъ онъ предъявилъ все это петербургскимъ массонамъ, но вскорѣ, въ 1779 г., сдалъ гросмейстерство кн. И. С. Гагарину, который и открылъ торжественно главную петербургскую ложу. Кн. Куракинъ затѣмъ удалился отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ ордена, но совершенно его не оставлялъ; когда возникли попытки привлечь къ участію въ орденѣ и цесаревича, попытки эти дѣлались черезъ кн. А. Б. Куракина.

Когда весною 1781 г. начались приготовленія къ заграничной поѣздкѣ великокняжеской четы, кн. А. Б. Куракинъ былъ включенъ въ составъ свиты по особому, прямо высказанному цесаревичемъ, желанію; свиту эту составили: ген.-ад. Н. И. Салтыковъ, камергеры кн. П. Б. Юсуповъ и кн. А. Б. Куракинъ, камеръ-юнкеръ Вадковской, затѣмъ Бенкендорфъ, Плещеевъ, Клингеръ, Лафермьеръ, Николаи, докторъ Крузе, священникъ Самборскій, и нѣсколько придворныхъ дамъ. Императоръ Іосифъ II, говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ о свитѣ цесаревича, которую онъ узналъ во время пребыванія въ Вѣнѣ высокаго путешественника, о кн. Куракинѣ отозвался въ такихъ выраженіяхъ: «Кн. Куракинъ, сопутствующій Ихъ Высочествамъ по чувству личной преданности, состоитъ при нихъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Будучи племянникомъ графа Панина, онъ уже этимъ имѣетъ право на признательность великаго князя и пользуется довѣріемъ и отмѣннымъ вниманіемъ Ихъ Высочествъ. Это человѣкъ любезный и съ обращеніемъ высшаго общества». Свое довѣріе и доброе расположеніе къ кн. Куракину великій князь высказалъ между прочимъ и въ томъ, что, прибывъ въ Лейденъ, лѣтомъ 1782 г., онъ посѣтилъ въ сопровожденіи кн. Куракина университетъ и сказалъ встрѣтившимъ его профессорамъ, что имъ онъ обязанъ тѣмъ, что благодаря ихъ трудамъ, многіе изъ его соотечественниковъ сдѣлались способными съ честью и пользою служить своей родинѣ.

Кн. А. Б. Куракинъ былъ въ это время, дѣйствительно, ближайшимъ къ цесаревичу человѣкомъ; онъ едва-ли не чаще всѣхъ посѣщалъ его и въ Гатчинѣ, и въ Павловскѣ; онъ пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ и супруги цесаревича Павла Петровича Маріи Ѳеодоровны;— императрица Марія Ѳеодоровна неизмѣнно сохранила свое расположеніе къ кн. А. Б. Куракину до самой его кончины, была съ нимъ постоянно въ перепискѣ, а послѣ смерти князя, на могилѣ его въ церкви Павловска, по повелѣнію императрицы Маріи Ѳеодоровны воздвигнутъ былъ памятникъ, съ надписью «Другу супруга моего»; въ письмахъ своихъ къ ближайшимъ людямъ кн. А. Б. Куракинъ называетъ цесаревича «Павлушка». Но во время заграничной поѣздки произошло событіе, повидимому маловажное, но имѣвшее послѣдствіемъ продолжительное отсутствіе кн. А. Б. Куракина отъ двора цесаревича. Молодой флигель-адъютантъ Павелъ Бибиковъ, сынъ извѣстнаго Алек. Ильича Бибикова, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Александру Борисовичу отзывался очень неодобрительно о положеніи дѣлъ въ Россіи, давалъ ясно понять свое недовольство дворомъ и говорилъ о своей неизмѣнной преданности цесаревичу, о готовности дока-

зать эту преданность на дѣлѣ и даже о надеждѣ, что представится случай къ этому. Письмо было перлюстровано; Бибиковъ былъ сосланъ въ Астрахань; перехвачено было и отвѣтное письмо кн. А. Б. Куракина, въ которомъ онъ говорилъ, что образъ мыслей Бибикова достоинъ сочувствія всѣхъ честныхъ людей. Императрица извѣстила обо всей этой исторіи сына и невѣстку; кн. А. Б. Куракинъ написалъ письмо, въ которомъ старался оправдаться, но въ виду отвѣта его Бибикову императрица не придала этому оправданію никакой цѣны и даже съ большимъ неудовольствіемъ отозвалась о немъ въ письмѣ къ цесаревичу. По возвращеніи въ Россію кн. А. Б. Куракину повелѣно было жить въ его саратовскомъ имѣньи; черезъ нѣкоторое время цесаревичъ испросилъ у императрицы разрѣшеніе кн. Куракину разъ въ два года посѣщать его въ одномъ изъ его загородныхъ дворцовъ. Взаимное искреннее расположеніе кн. Куракина и вел. кн. Павла Петровича не ослабѣвало; кн. А. Б. Куракинъ однажды заложилъ свое имѣніе, чтобы доставить извѣстную сумму цесаревичу, нуждавшемуся въ то время въ деньгахъ.

Поселившись въ имѣніи своемъ Куракино, кн. А. Б. Куракинъ переименовалъ его въ Надеждино, богато, роскошно, устроилъ свою резиденцію и зажилъ жизнью богатаго русскаго барина XVIII в. Вигель, знавшій это имѣніе, такъ описываетъ его и образъ жизни кн. А. Б. Куракина. «Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ сотворилъ онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ, также нѣчто похожее на дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворцовыхъ управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ, библіотекарь и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; распредѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія вел. кн. Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и рощѣ тамъ-сямъ встрѣчались не весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ. Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Тріанона и Маріи Антуанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему аллею». Обширнымъ штатомъ служащихъ дому, преимущественно, почти исключительно, иностранцевъ, всегда окружалъ себя кн. А. Б. Куракинъ; въ деревнѣ же онъ все поставилъ еще болѣе на широкую ногу. Онъ жилъ открыто, хлѣбосольно; для гостей были составлены особыя правила, имѣвшія цѣлью предоставить каждому полную свободу и не стѣснять и хозяина; два пункта гласили, между прочимъ, слѣдующее: «Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ, или на два, или на многіе дни, чтобъ, бывъ въ его домѣ, почитали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ единственно въ семъ качествѣ; приказывали-бы его людямъ все надобное для ихъ услуги и, однимъ словомъ, распоряжались бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снаравливаяся къ провожденію времени самого хозяина, который черезъ то, съ новою къ нимъ благодарностью, получитъ всю свободу имъ предпринятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнить.—Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день въ девять часовъ вечера, будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ прибывшихъ къ столу; и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, несмотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать». Надо, впрочемъ, сказать, что кн. А. Б. Куракинъ въ уединеніи своемъ постоянно пріобрѣталъ и книги и оставилъ отлично подобранную библіотеку.

Съ великолѣпіемъ, соотвѣтствующимъ такому образу жизни, предпринималъ иногда кн. Куракинъ и поѣздки по своимъ имѣніямъ; одна изъ нихъ описана въ книгѣ, изданной въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и давно составляющей величайшую рѣдкость: «Описаніе путешествія въ 1786 г. Его Сіятельства... кн. А. Б. Куракина, внизъ по Сурѣ отъ Красноярской до Чирковской пристани...» (Спб. 1793). Подобный образъ жизни вовлекъ кн. А. Б. Куракина въ довольно значительные долги; часть кн. А. Б. Куракина изъ

унаслѣдованнаго имѣнія не давала ему болѣе 12.000 р. въ годъ.—Императоръ Павелъ, воцарившись немедленно вполнѣ вознаградилъ кн. Куракина за его постоянную ему вѣрность и дружбу и возмѣстилъ ему всѣ его издержки. Приказаніе вызвать кн. А. Б. Куракина изъ деревни было дано императоромъ графу А. А. Безбородко уже 6 ноября 1796 г.; на испытаннаго друга излился дождь милостей. 16 ноября онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, 17-го ноября произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; черезъ нѣсколько дней онъ получилъ 150.000 р. на уплату долговъ и орденъ св. Андрея Первозваннаго; въ день коронаціи своей императоръ Павелъ пожаловалъ кн. Александру Борисовичу Куракину 4.300 душъ въ псковской губерніи и, въ общее ему съ братомъ кн. Алексѣемъ, владѣніе 20.000 десятинъ въ тамбовской губерніи и волость Велье, въ псковской, перешедшую въ казну послѣ генералъ-адъютанта А. Д. Ланского; 10-го апрѣля 1797 же года особымъ именнымъ указомъ двумъ братьямъ Куракинымъ пожалованы были въ вѣчное владѣніе рыбныя ловли и казенные учуги, въ низовьяхъ Волги, бывшіе съ 1762 г. на откупу у астраханскаго купечества за 30.000 р. въ годъ; князья Куракины должны была платить за нихъ ежегодно въ казну 30.000 р. и 12.000 р. въ пользу купечества гор. Астрахани. Это послѣднее пожалованіе было особенно значительно; доходами съ этихъ рыбныхъ ловель жило населеніе цѣлой большой области. Послѣ вступленія на престолъ императора Александра поднятъ былъ вопросъ объ измѣненіи порядковъ и правилъ пользованія водами и рыбною ловлею въ низовьяхъ Волги и 27 августа 1802 г. высочайшимъ повелѣніемъ опредѣлено было рыбныя ловли по Каспійскому морю съ землями и урочищами ихъ обратить въ общее и для всѣхъ доступное употребленіе.

Однако, и кн. А. Б. Куракинъ, испытанный, старый другъ императора Павла; не сохранилъ его благосклонности непрерывно. Прошло менѣе двухъ лѣтъ съ его возвращенія къ дѣламъ, а 9 сентября 1798 г. онъ былъ уволенъ отъ службы и уѣхалъ въ деревню. Наиболѣе замѣчательнымъ актомъ, въ установленіи котораго привелось кн. А. Б. Куракину въ это время участвовать, была конвенція о принятіи Мальтійскаго ордена подъ покровительство императора Всероссійскаго (4 января 1797 г.). Паденіе Куракина знаменовало вообще ослабленіе партіи Куракина, Нелидовой и Плещеева и торжество Ростопчина, съ которымъ у Куракина были самыя дурныя отношенія. Но не долга была эта единственная отъ имп. Павла опала кн. Куракина; онъ былъ въ Петербургѣ уже на освященіи зданія новаго Михайловскаго замка, 1 февраля 1801 г.; 20 февраля гр. Ростопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и того же числа кн. Александру Бор. Куракину повелѣно было попрежнему вступить въ должность вице-канцлера. Хорошія прежнія отношенія, повидимому, возстановились; кн. Куракинъ опять сталъ часто бывать во дворцѣ, въ ближайшемъ кругу императора; онъ присутствовалъ, между прочимъ, и за послѣднимъ вечернимъ столомъ императора Павла, 11 марта.

По кончинѣ императора Павла кн. А. Б. Куракину поручено было опечатать и разобрать бумаги покойнаго государя. По вскрытіи завѣщанія императора Павла, оказалось, что онъ кн. Куракину «своему вѣрному другу» завѣщалъ звѣзду ордена Чернаго Орла, которую носилъ прежде Фридрихъ II, самъ передавшій ее русскому цесаревичу, и шпагу, принадлежавшую графу д'Артуа.

При императорѣ Александрѣ кн. А. Б. Куракинъ сохранилъ мѣсто вице-канцлера и управляющаго Государственною Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ до 5 сентября 1802 г., когда эта должность была поручена гр. Ал. Ром. Воронцову; князь А. Б. Куракинъ былъ назначенъ при этомъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра I ст. При образованіи Государственнаго Совѣта онъ былъ назначенъ членомъ его и постоянно сохранялъ свое мѣсто среди первыхъ сановниковъ государства. Послѣ Аустерлицкаго пораженія кн. А. Б. Куракинъ подалъ Государю докладную записку, въ которой говорилъ о необходимости приготовить значительныя военныя силы, чтобы защищать предѣлы Россіи, но въ то же время искать сближенія съ Франціей. 12 декабря 1805 г. онъ, вмѣстѣ съ кн. А. А. Прозоровскимъ, подносилъ императору Александру знаки ордена св. Георгія 1 степени, въ ознаменованіе храбрости, проявленной Государемъ въ сраженіи, — Государь согласился возложить на себя только орденъ 4 степени.

18 іюля 1806 г. кн. А. Б. Куракинъ былъ назначенъ посломъ въ Вѣну, на мѣсто гр. А. К. Разумовскаго, который былъ назначенъ въ Лондонъ; но гр. Разумовскій не пожелалъ принять этого назначенія и потому замедлился отъѣздъ его изъ Вѣны и отправленіе туда кн. Куракина. Князю Куракину предстояло вести очень щекотливые и интимные переговоры; императоръ Францъ, желая вступить въ третій бракъ, искалъ руки в. кн. Екатерины Павловны; великая княжна не была расположена принять это предложеніе и покончить это дѣло былъ избранъ кн. Куракинъ. Онъ былъ при императорѣ Александрѣ, когда онъ направился къ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона въ союзѣ съ пруссаками. Пораженіе при Фридландѣ заставило искать мира. Тильзитскій договоръ 26 іюня (8 іюля 1807 г.) былъ подписанъ кн. А. Б. Куракинымъ и кн. Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ. Во время переговоровъ Наполеонъ и Талейранъ нѣсколько разъ высказывали желаніе, чтобы посломъ въ Парижъ былъ назначенъ кн. Куракинъ.

Изъ Тильзита кн. А. Б. Куракинъ продолжилъ свое путешествіе въ Вѣну, куда и прибылъ въ началѣ іюля. Въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя кн. А. Б. Куракина отъ 27 іюня ему вмѣнено было въ обязанность стараться о сохраненіи прежнихъ дружественныхъ отношеній къ Австріи, которыя начали колебаться и по выше указанной причинѣ и вслѣдствіе неуспѣха попытокъ императора Александра втянуть Австрію въ борьбу противъ Наполеона. Самъ кн. А. Б. Куракинъ, подписывая Тильзитскій миръ, дѣйствовалъ такъ только изъ сознанія невозможности продолжать войну при томъ положеніи, въ какомъ находились тогда дѣла. «Дружба и союзъ съ Австріею, — писалъ онъ въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ—суть два фактора, которыхъ никогда не должно упускать въ нашей политической системѣ и наше соглашеніе съ Франціею нисколько намъ не препятствуетъ въ этомъ случаѣ». Кн. Куракинъ сознательно стремился къ тому, чтобы держаться въ Вѣнѣ совершенно самостоятельно отъ французскаго посланника и ничѣмъ не подать повода заключать о вліяніи Франціи на наши дѣйствія и рѣшенія. Скоро ему представился случай высказаться въ этомъ отношеніи. Въ 1805—1807 гг. шли у насъ переговоры съ Австріей о возвращеніи Австріи крѣпости Каттаро, занятой русскими войсками въ 1805 г.; австрійское правительство и англійскій посолъ употребляли постоянно всѣ средства убѣжденій и угрозъ, чтобы ускорить возвращеніе Каттаро, въ принципѣ признанное русскимъ правительствомъ обязательнымъ для себя; но русское правительство не спѣшило выполненіемъ этого обязательства, не установивъ еще удовлетворительныхъ для себя подробностей передачи крѣпости; когда послѣ Тильзитскаго мира по представленію французскаго посланника австрійское правительство обязалось предоставить русскимъ войскамъ, имѣвшимъ очистить Каттаро, свободный проходъ, кн. Куракинъ былъ очень недоволенъ этимъ вмѣшательствомъ, находя, что ниже достоинства русскихъ пользоваться какъ-бы покровительствомъ Франціи,—и со своей стороны посодѣйствовалъ тому, что Каттаро было передано, къ величайшему неудовольствію австрійцевъ, русскими прямо французамъ, а для русскаго отряда, возвращавшагося изъ этой крѣпости, кн. Куракинъ добился разрѣшенія—отправиться по такому пути, по какому австрійскому министерству очень не хотѣлось его пропускать. При Вѣнскомъ дворѣ кн. А. Б. Куракину не удалось установить желательныхъ ему отношеній; австрійскій императоръ былъ слишкомъ напуганъ и угнетенъ и никакъ не хотѣлъ рѣшиться на какое либо сближеніе съ Россіею, опасаясь возбудить неудовольствіе императора французовъ; отказъ вел. кн. Екатерины Павловны тоже не содѣйствовалъ улучшенію отношеній; лѣтомъ 1808 г. императоръ Францъ женился на моденской принцессѣ, а кн. А. Б. Куракинъ былъ переведенъ посломъ въ Парижъ. Это было уже то время, когда появились первые признаки возникавшихъ у насъ съ Франціей несогласій. На время торжествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Наполеона съ Маріей Луизой (1 апрѣля новаго стиля) въ Парижъ прибылъ еще спеціальнымъ представителемъ братъ кн. Александра Борисовича, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. 1 іюля 1810 г., на одномъ изъ баловъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе, у кн. Шварценберга, произошелъ пожаръ, возникла паника, кн. Александръ Бор. Куракинъ былъ сбитъ съ ногъ, скатился въ суматохѣ съ лѣстницы и получилъ сильные обжоги; отъ этого случая здоровье его сильно пострадало и

до самой смерти онъ уже не могъ совершенно поправиться.

Относительно Наполеона и его правительства кн. А. Б. Куракинъ нимало не обманывался. Онъ ясно видѣлъ, что Наполеонъ нисколько не расположенъ дружественно къ императору Александру и что онъ только ждетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобъ напасть на Россію— именно успѣховъ для своихъ войскъ на Пиринейскомъ полуостровѣ и неудачъ для насъ въ войнѣ съ Турками. Кн. Куракинъ въ письмахъ непосредственно къ императору Александру совѣтовалъ заручиться заблаговременно союзомъ съ Пруссіей и Австріей, а если это невозможно, то хотя бы ихъ нейтралитетомъ, затѣмъ примириться съ турками и заключить союзъ со Швеціей: онъ, предлагалъ, наконецъ, вступить въ соглашеніе съ Англіей; «союзъ съ Англіей, писалъ онъ, еще важнѣе и очевидно—величайшая выгода для насъ не только не отвергать его при настоящихъ обстоятельствахъ, а искать его, потому что если несмотря на всю добросовѣстность, съ какою Ваше Величество исполняли свои обязательства относительно Франціи, она непремѣнно желаетъ напасть на Васъ,—Ваше Величество въ правѣ, по всѣмъ законамъ человѣческимъ и божескимъ, не обращать больше вниманія на свои прежнія обязательства и имѣете право, по справедливости, пользоваться всѣми средствами, которыя могутъ помочь Вамъ и отразить нападеніе». Очень правильно представлялъ себѣ кн. Куракинъ предстоящую войну Россіи съ Франціей: «Лучшая система этой войны, писалъ онъ, по моему мнѣнію—это избѣгать генеральнаго сраженія и сколько возможно слѣдовать примѣру малой войны, примѣняемой противъ французовъ въ Испаніи; и стараться затрудненіями въ подвозѣ припасовъ разстроить тѣ огромныя массы, съ какими идутъ они на насъ».

Сообщая, въ концѣ апрѣля, что уже потребовалъ себѣ паспортовъ для отъѣзда изъ Парижа, вслѣдствіе несомнѣнныхъ признаковъ того, что война рѣшена окончательно, кн. А. Б. Куракинъ писалъ государю: «я питаю твердую надежду, что Ваше Величество, вооружившись мужествомъ и энергіею, и опираясь на любовь своихъ подданныхъ и на неизмѣримые рессурсы Вашей обширной имперіи, никогда не отчаетесь въ успѣхѣ и не положите оружія иначе, какъ выйдя съ честью изъ борьбы, которая рѣшитъ славу Вашего царствованія и неприкосновенность и независимость Вашего царства. Невозможно, чтобы въ виду явной опасности, русскіе показали бы менѣе твердости и преданности, чѣмъ испанцы». Въ такомъ же духѣ писалъ кн. А. Б. Куракинъ донесенія и канцлеру гр. Н. П. Румянцеву: «не время уже намъ манить себя пустою надеждою,— говорилъ онъ еще въ декабрѣ 1811 г.,— но наступаетъ уже для насъ то время, чтобы съ мужествомъ и непоколебимою твердостью достояніе и цѣлость настоящихъ границъ Россіи защитить»; уступая нѣсколько извѣстному французофильству канцлера, кн. А. Б. Куракинъ еще въ февралѣ 1812 г. предлагалъ ему начать переговоры съ французскимъ правительствомъ, объ улаженіи взаимныхъ неудовольствій и предлагалъ принять на себя ихъ веденіе, — хотя, очевидно, онъ и не вѣрилъ въ благотворныя послѣдствія такой попытки. 15 апрѣля Наполеонъ принялъ князя Куракина въ Сенъ-Клу; аудіенція была продолжительная, но ни къ чему не привела, конечно; съ каждой стороны высказывались обвиненія другой въ нарушеніи обязательствъ и утверждалось, что нарушенія эти ничѣмъ не были мотивируемы; Наполеонъ прямо сказалъ, что и Пруссія, и Австрія будутъ въ предстоящей войнѣ на его сторонѣ. 27 апрѣля императоръ выѣхалъ къ арміи, а князь Куракинъ сложилъ съ себя полномочія и остался дожидаться паспортовъ, какъ частный человѣкъ; онъ поселился на загородной дачѣ. Ему дали знать, что выѣздъ изъ Франціи ему будетъ разрѣшенъ не прежде, какъ по полученіи извѣстія, что свободно отпущенъ изъ Россіи ген. Лористонъ и только въ іюлѣ выѣхалъ кн. Куракинъ въ Россію.

По возвращеніи въ Петербургъ кн. Куракинъ, по болѣзненному своему состоянію, почти не принималъ уже участія въ дѣлахъ; онъ бывалъ частымъ гостемъ императрицы-матери. Умеръ князь А. Б. Куракинъ въ Веймарѣ, гдѣ остановился ожидать вдовствующую императрицу, возвращаясь изъ заграничной поѣздки, которую онъ предпринялъ для леченія.

Кн. А. Б. Куракинъ, помимо избранія почетнымъ членомъ Стокгольмской Академіи, былъ избранъ въ 1776 г. членомъ Вольнаго Экономическаго общества; въ 1798 г. управляющій Академіею Наукъ

П. П. Бакунинъ предложилъ избрать въ члены Россійской Академіи князей Александра и Алексѣя Куракиныхъ; собраніе высказалось, что «пріобщеніе такихъ членовъ почитаетъ за пріобрѣтеніе, однако желать осталось знать на сіе ихъ согласіе». П. П. Бакунинъ въ слѣдующее засѣданіе сообщилъ о согласіи князя Александра Куракина и онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены; въ благодарственномъ письмѣ онъ выразился, что для него «отмѣнно пріятно быть облечену титломъ, любовію къ просвѣщенію и доброжелательствомъ ко всему полезному пріобрѣтаемымъ». Этими словами кн. А. Б. Куракинъ вѣрно охарактеризовалъ себя. Не какія либо выдающіяся заслуги, а случайныя обстоятельства и знатное происхожденіе вознесли его на высоту и въ близость монарховъ. Но онъ въ отношеніяхъ къ своему высокому другу высказалъ самыя искреннія чувства и во всё продолженіе своей службы ничѣмъ не омрачилъ своей репутаціи, а всегда являлся ревностнымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ. Вигель, котораго склонность къ злорѣчію очень извѣстна, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ говоритъ о кн. А. Б. Куракинѣ, что «безчисленныя фразы, затверженныя имъ во Франціи, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость; но за то, какою искусною представительностью, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностью въ дружбѣ замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!». Кн. А. Б. Куракинъ, дѣйствительно, былъ однимъ изъ лучшихъ типовъ русскаго вельможи, настоящаго барина XVIII в. — Одной изъ своихъ вотчинъ кн. А. Б. Куракинъ даровалъ послѣ своей смерти свободу; его состояніе—какъ бальи малтійскаго ордена не имѣлъ права жениться — перешло къ брату его кн. Алексѣю Борисовичу Куракину. Какъ мы уже упоминали, кн. А. Б. Куракинъ былъ не чуждъ литературной дѣятельности; кромѣ названныхъ уже его трудовъ онъ оставилъ еще «Précis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de Panine», Londres, 1784, 16°, 28 pag.

Біографія кн. А. Б. Куракина—у Терещенко, въ его «Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ», ч. II, 150—157, неполная и неточная; дополненія къ ней—въ статьѣ племянника кн. А. Б. Куракина, въ «Жур. Мин. Народ. Просв.», 1839, ч. XXII; то и другое перепечатано въ восьмой книжкѣ «Архива кн. Куракина», 421—434. Главные матеріалы — въ «Архивѣ кн. Куракина» книги V—X; въ этомъ же изданіи, кн. VI, 471—477, перечислено все, что напечатано въ разныхъ изданіяхъ и отдѣльно, изъ написаннаго кн. А. Б. Куракинымъ.—Кромѣ указаннаго тамъ—см. еще Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ»; Шильдеръ, «Императоръ Павелъ Первый»; его же, «Императоръ Александръ I»; Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна»; Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Академіи» VII; Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ», трактаты съ Австріею, 1762—1808; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Вигель, «Записки», I—V. *Н. Ч.*

Куракинъ, князь *Алексѣй Борисовичъ*, канцлеръ россійскихъ орденовъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ перваго класса, род. 19 сентября 1759 г., ум. 30 декабря 1829 г. Сынъ кн. Бориса-Леонтія Александровича Куракина, братъ вице-канцлера. Послѣ смерти отца, въ 1764 г., и матери, въ 1768 г., былъ на попеченіи гр. Н. И. и П. И. Паниныхъ, родныхъ братьевъ его бабки. По достиженіи 16-тилѣтняго возраста въ началѣ 1775 г. кн. Алексѣй Куракинъ былъ отправленъ въ Лейденъ, слушать курсы тѣхъ же профессоровъ, которыхъ слушалъ и кн. Александръ Куракинъ и о которыхъ сказано въ біографіи этого послѣдняго. Кн. Алексѣй Куракинъ рано обнаружилъ опредѣленный интересъ къ наукамъ юридическимъ; «правы мнѣ особенно полюбились», говоритъ онъ въ письмахъ къ брату Александру, онъ представлялъ своимъ дѣдамъ, Паниным, какія-то обширныя диссертаціи, составленныя имъ на основаніи сочиненій Гроція, Пуффендорфа и др. И профессора Пестель и Алламанъ и гувернеръ кн. Куракина, Муасси, постоянно отзываются съ большою похвалою о его занятіяхъ; кн. Алексѣй Куракинъ посѣщалъ и публичные курсы Пестеля; онъ пріобрѣталъ постоянно множество книгъ, по преимуществу серьезнаго содержанія: не менѣе 500 томовъ вывезъ онъ съ собою въ Россію; наконецъ Ф. Ф. Вигель, злой языкъ котораго такъ извѣстенъ, признаетъ, что кн. Алексѣй Куракинъ своими юридическими познаніями положительно выдѣлялся среди всѣхъ своихъ сверстниковъ, не исключая и тѣхъ, которые прошли такую же какъ онъ школу въ томъ же самомъ Лейденѣ. Письма кн. Алексѣя Куракина къ старшему брату содержатъ нѣсколько подробностей, весьма характерно рисующихъ міровоззрѣніе и умственные интересы русскихъ людей конца XVIII в. Читая Пуффендорфа, Гроція, Бурмалаки, Вольфа, Кумберланда и раз-

вивая въ письмахъ къ брату свои взгляды на жизнь и обязанности гражданина, молодой кн. Ал. Куракинъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ сообщаетъ, что онъ читаетъ Буало, Вольтера и Руссо, чтобы «извлечь изъ нихъ правила для разныхъ случаевъ, которые могутъ представиться въ жизни и къ которымъ необходимо быть приготовленнымъ какъ возможно лучше», а затѣмъ говоритъ: «Метаморфозы Овидія въ переводѣ аббата Болье меня очень занимаютъ; въ этомъ пунктѣ я ничего не знаю, но я долженъ его знать, такъ какъ свѣдѣнія эти, хотя сами по себѣ пустыя, тѣмъ не менѣе абсолютно необходимы для молодого человѣка изъ общества и вообще для человѣка, который хочетъ доказать, что онъ получилъ воспитаніе. Какой позоръ будетъ, если, прогуливаясь съ дамами въ картинной галлереѣ, на просьбу объяснить картину, представляющую освобожденіе Персеемъ Андромеды или гибель Фаэтона, какой позоръ будетъ отвѣтить: я не знаю!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Алексѣй Куракинъ, записанный еще въ дѣтствѣ въ военную службу и въ 1774 г. уже бывшій вахмистромъ Конной гвардіи, очень интересовался знать, когда получитъ онъ первый оберъ-офицерскій чинъ, который дастъ ему право «сѣсть въ карету» и писалъ, что до полученія его ни куда не поѣдетъ, а лучше «просидитъ въ комнатѣ сто лѣтъ, чѣмъ покажется въ публикѣ въ чинѣ сержанта».

Кн. Алексѣй Куракинъ оставилъ Лейденъ лѣтомъ 1776 г. и осенью былъ въ Москвѣ; здѣсь онъ пользовался большимъ вниманіемъ гр. П. И. Панина, который охотно засиживался въ бесѣдахъ съ нимъ до часу, до двухъ ночи; 22 сентября 1776 г. состоялось производство молодого кн. Куракина въ прапорщики. Въ 1776-же г. прибылъ онъ въ Петербургъ и въ 1777 г. получилъ званіе камеръ-юнкера. Въ 1780 г. былъ избранъ засѣдателемъ верхняго земскаго суда; съ учрежденіемъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ поступилъ на службу въ нее; въ 1792 г. мы видимъ его уже первымъ совѣтникомъ третьей экспедиціи для свидѣтельствованія счетомъ; управляющимъ ею былъ извѣстный Алексѣй Ив. Васильевъ; въ 1795 г. мѣсто управляющаго экспедиціею занялъ кн. Алексѣй Бор. Куракинъ. Опала, постигшая его брата, кн. Александра Куракина, нимало не коснулась кн. Алексѣя, несмотря на то, что братья были очень дружны между собою; очевидно, кн. Алексѣй Куракинъ несъ настоящую службу, а не числился только на своей должности; въ 1793 г. онъ былъ пожалованъ камергеромъ, въ 1794 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й ст., въ 1795— произведенъ въ тайные совѣтники. Дружба цесаревича Павла Петровича съ княземъ Александромъ Куракинымъ привлекла его расположеніе и къ его брату, кн. Алексѣю; по вступленіи на престолъ императора Павла, онъ немедленно занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди высшихъ представителей тогдашней русской администраціи.

4 декабря 1796 г. кн. Алексѣй Бор. Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ и присутствующимъ въ совѣтѣ Его Величества; 19 декабря того же года получилъ орденъ св. Александра Невскаго, затѣмъ напмененъ «удѣльныхъ имѣній департамента министромъ» и «Ассигнаціоннаго банка главнымъ директоромъ»; по установленіи въ Россіи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго онъ былъ назначенъ «Ордена Россійскаго по всѣмъ кавалерскимъ наименованіямъ казначеемъ», имѣя званіе дѣйствительнаго камергера. Въ день коронованія императора Павла Петровича, 5 апрѣля 1797 г., произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ въ общее съ братомъ, кн. Александромъ, владѣніе — дворцовую волость Велье въ псковской губерніи, а затѣмъ еще обширныя рыбныя ловли въ низовьяхъ Волги,— впрочемъ, это послѣднее пожалованіе черезъ пять лѣтъ было обращено въ общее пользованіе всѣхъ мѣстныхъ жителей. 19 декабря 1797 г., за работы по организаціи вспомогательнаго для дворянъ банка, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и назначенъ главнымъ управляющимъ вновь устроеннаго банка.

Въ царствованіе императора Павла происходила, какъ извѣстно, ломка многихъ екатерининскихъ учрежденій — закрытіе однихъ присутственныхъ мѣстъ, измѣненіе штатовъ или учрежденіе другихъ, измѣненія въ границахъ и устройствѣ губерній, и т. д.; во всѣхъ дѣлахъ внутренняго управленія кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, по должности генералъ-прокурора, конечно, принималъ ближайшее участіе. Мы отмѣтимъ здѣсь тѣ изъ распоряженій, проходившихъ черезъ его руки, которыя имѣли болѣе крупное

общее значеніе, а не являлись только дѣломъ текущаго управленія, или которыя предприняты были по иниціативѣ самого кн. А. Б. Куракина.

16 декабря 1796 г. именнымъ указомъ поручено было кн. А. Б. Куракину собрать въ уложенную комиссію, начальству его ввѣренную, всѣ дотолѣ изданныя узаконенія и изъ нихъ составить три книги—узаконеній уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ; въ помощь ему для этой работы назначены были д. с. с. Ив. Яковлевъ и д. с. с. Алексѣй Полѣновъ; 31 мая 1797 г. назначены были для предварительнаго разсмотрѣнія собранныхъ и изложенныхъ узаконеній сенаторы Колокольцовъ, Леонтьевъ и фонъ-Гейкингъ. 19 декабря 1796 г. особымъ именнымъ указомъ поручено кн. Алексѣю Борисовичу Куракину принять въ свое попеченіе устройство государственнаго коннозаводства. 1 января 1797 г. объявлено о возстановленіи при Сенатѣ школы юнкеровъ изъ дворянъ, для обученія ихъ правовѣдѣнію; 14 декабря 1797 г. высочайше утвержденъ представленный кн. Куракинымъ докладъ объ устройствѣ ея при канцеляріи петербургскихъ департаментовъ Сената; при этомъ утвержденъ и планъ преподаванія, составленный кн. Куракинымъ, и школа поставлена въ непосредственное его завѣдываніе. 21 января 1797 г. высочайше утверждено представленное кн. Куракинымъ предположеніе о новомъ распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ Сената и объ учрежденіи трехъ временныхъ департаментовъ—мѣра эта была необходима въ виду множества накопившихся въ Сенатѣ нерѣшенныхъ дѣлъ. Изъ другихъ распоряженій, вышедшихъ за время генералъ-прокурорства кн. Алексѣя Борисовича Куракина, наиболѣе замѣчательны: постановленіе, что опекаемые могутъ вчинать дѣла о дурномъ управленіи ихъ имуществомъ опекунами по достиженіи совершеннолѣтія (30 декабря 1796 г.) и указъ, опредѣлявшій размѣры барщины тремя днями (5 апрѣля 1797 г.). 27 октября 1797 г. утвержденъ былъ докладъ кн. А. Куракина по должности его казначея россійскихъ орденовъ о томъ, что въ обязанность кавалеровъ входитъ надзираніе и попеченіе надъ благотворительными учрежденіями. Въ іюлѣ 1798 г. кн. Алексѣю Куракину, совмѣстно съ кн. Безбородко и Васильевымъ, поручено было обсудить финансовое положеніе казны и былъ утвержденъ рядъ ихъ докладовъ и мѣръ ими предложенныхъ.

Но многочисленные и необыкновенные знаки милости и расположенія императора Павла къ своему молодому генералъ-прокурору не обезпечили ему постояннаго благоволенія государя. Борьба придворныхъ партій повела къ торжеству партіи Кутайсова и Ростопчина и къ охлажденію императора къ Нелидовой и братьямъ Куракинымъ; 8 августа 1798 г. князю Алексѣю Борисовичу Куракину повелѣно присутствовать въ I департаментѣ сената; вскорѣ послѣ этого онъ вышелъ въ отставку и жилъ частью въ Москвѣ, частью въ имѣніяхъ своихъ. Въ жизнеописаніи кн. Алексѣя Борисовича Куракина нельзя не упомянуть, что онъ былъ первый, который выдвинулъ на служебномъ поприщѣ знаменитаго впослѣдствіи М. М. Сперанскаго. Первоначально Сперанскій былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя къ сыну князя Алексѣя Бор. Куракина, затѣмъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими необыкновенными дарованіями и помѣщенъ былъ въ канцелярію генералъ-прокурора; здѣсь онъ служилъ до 1802 г., когда получилъ званіе статсъ-секретаря и былъ назначенъ во вновь образованное министерство внутреннихъ дѣлъ. Упомянемъ еще, что кн. А. Б. Куракинъ, узнавъ, что родная сестра знаменитаго Ломоносова остается попрежнему въ крестьянствѣ, испросилъ Высочайшее повелѣніе объ изъятіи всѣхъ родственниковъ Ломоносова отъ подушной подати и рекрутской повинности.

Императоръ Александръ Павловичъ вскорѣ по вступленіи на престолъ снова назначилъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина сенаторомъ I департамента. Въ день коронаціи, 15 сентября 1801 г., былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ; членовъ въ эту комиссію предоставлено было назначить сенату—и избраны были предсѣдателемъ ея кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и членами Новосильцовъ, Козодавлевъ и Макаровъ. 23 сентября 1801 г. этой комиссіи былъ данъ замѣчательный именной указъ, въ которомъ государь говорилъ, что «счелъ нужнымъ изъяснить къ единственному ея свѣдѣнію слѣдующія разсужденія»: «неоднократно до свѣдѣнія Моего доходило, что люди, вины которыхъ важны были

только по обстоятельствамъ политическимъ и не предполагали, впрочемъ, ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общаго государственнаго порядка, осуждены и сосланы были, какъ преступники, на вѣчное заточеніе. Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, безъ намѣренія произнесенное, заставляли правительство, при разныхъ его преображеніяхъ, исторгать изъ среды общества людей невинныхъ для того только, чтобы сокрыть свидѣтелей какого-либо происшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ, именемъ закона наказывалось не преступленіе, не порокъ, но единая возможность разглашенія и государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, кои въ ней участвовали, но кои могли или предполагали въ ней участвовать. Между тѣмъ обстоятельства, рѣшившія правительство на такую строгую мѣру, прошли совершенно, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а можетъ быть и по самой неизвѣстности, куда они сосланы и гдѣ теперь находятся. Сей родъ людей долженъ составить первый классъ въ розысканіяхъ комиссіи и для открытія ихъ она будетъ въ необходимости собирать свѣдѣнія съ самыхъ мѣстъ заточенія. Было время, когда, сообразуясь съ нравами и народнымъ понятіемъ, правительство полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу вреда отъ нихъ проистекающаго, но по уваженію лицъ, къ коимъ они относились. Такимъ образомъ, оскорбительныя величеству слова были признаны въ числѣ первыхъ злодѣяній; но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимыя сіи злодѣянія не что другое суть въ существѣ своемъ, какъ сущій припадокъ заблужденій или слабоумія и что власть и величіе государей, бывъ основана на общемъ законѣ, не можетъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Сколь ни естественно сіе заключеніе, но встрѣтилось оно весьма поздно разуму законодателей и тогда уже, какъ тысячи жертвъ принесены были противному предразсудку. Сіи-то жертвы Я желалъ бы открыть и облегчить ихъ участь. Указать Мнѣ ихъ въ мѣстахъ заточенія и ссылки будетъ вторымъ предметомъ комиссіи. Преступленія не намѣренныя, безъ умысла, не представляющія ни вреда государству, ни разврата въ правилахъ и нравахъ, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ сопряженія обстоятельствъ должны составить третій классъ упражненій комиссіи; но при изслѣдованіи причинъ сихъ преступленій она должна принять за правило, что нѣтъ Моего намѣренія ослабить силу закона, ни дѣянія ему противныя, и что считаю Я себѣ недозволеннымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностью государей.—Ввѣряя сіи правила единственному свѣдѣнію комиссіи, отъ трудовъ ея надѣюсь Я имѣть то утѣшеніе, что откроетъ она мнѣ случай безъ нарушеній справедливости облегчить судьбу страждущаго человѣчества». Князю Алексѣю Борисовичу Куракину привелось, такимъ образомъ, принять видное участіе въ осуществленіи одного изъ самыхъ популярныхъ, высокогуманныхъ предначертаній молодого государя; участіе его въ этой комиссіи могло быть особенно полезно въ виду того, что при императорѣ Павлѣ онъ былъ главнымъ начальникомъ, какъ генералъ-прокуроръ, и надъ секретными дѣлами; тѣмъ не менѣе, онъ не былъ все-таки въ числѣ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ молодого государя; 4 февраля 1802 г. онъ былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и занялъ, такимъ образомъ мѣсто, хотя и высокое, но низшее, чѣмъ занималъ прежде, и сталъ въ подчиненное положеніе къ В. П. Кочубею, старому своему сопернику, который теперь былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Кн. А. Б. Куракинъ пробылъ генералъ-губернаторомъ около пяти лѣтъ; важнѣйшими изъ проведенныхъ имъ за это время мѣръ были слѣдующія: по его представленію 27 марта 1802 г. утверждено было новое опредѣленіе границъ и пространства малороссійскихъ губерній; 10 апрѣля 1802 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о составленіи комиссіи, которая бы подготовила производство въ Малороссіи генеральнаго межеванія; 14 апрѣля того же года состоялось повелѣніе объ открытіи кредита до 800.000 р. на улучшеніе состоянія городовъ въ Малороссіи; 25 апрѣля 1802 г. послѣдовало повелѣніе о введеніи въ Мало-

россіи совѣстныхъ судовъ; въ Полтавѣ кн. Куракинъ возвелъ обширныя, отличныя постройки для благотворительныхъ заведеній.

Вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира наступилъ переломъ въ личныхъ взглядахъ императора Александра и во внутренней его политикѣ; прежніе ближайшіе сотрудники Государя мало по малу потеряли его расположеніе. В. П. Кочубей былъ въ числѣ тѣхъ, расположеніе Государя къ которымъ поколебалось; 24 ноября 1807 г. онъ оставилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и министромъ въ тотъ же день назначенъ былъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

За время своего управленія министерствомъ кн. А. В. Куракинъ прежде всего усилилъ штаты министерства, что оказывалось необходимымъ въ виду все развивавшейся его дѣятельности. Сверхъ усиленія штатовъ въ существовавшихъ уже тогда двухъ экспедиціяхъ министерства при немъ—27 іюня 1898 г.—устроено было Главное правленіе мануфактуръ; положеніе его, въ общихъ чертахъ опредѣлено было такъ: Главное правленіе мануфактуръ зависѣло непосредственно отъ министра внутреннихъ дѣлъ и, поступая во всемъ по его распоряженіямъ, исполняло тѣ же обязанности, какія ранѣе лежали на Мануфактуръ-Коллегіи. 9 декабря 1809 г. Высочайше утверждено было наставленіе товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, составленное княземъ Куракинымъ. Этимъ актомъ точно опредѣлены были предѣлы правъ и обязанностей товарища министра, должность котораго была учреждена еще въ 1802 г., но предѣлы и значеніе которой не были еще опредѣлены. Согласно наставленію «товарищъ министра является его дѣйствительнымъ помощникомъ и замѣняетъ министра во всѣхъ случахъ, гдѣ надобность того востребуетъ»; товарищъ министра долженъ былъ быть «употребляемъ въ дѣлахъ, составляющихъ его завѣдываніе и собственно на министрѣ лежащихъ», долженъ былъ «участвовать въ упражненіяхъ по онымъ министра и, такъ сказать, раздѣлять съ нимъ сужденіе о сихъ дѣлахъ»; товарищъ министра долженъ былъ быть «помощникомъ министра по дѣламъ ему ввѣреннымъ, слѣдуя впрочемъ общимъ правиламъ подчиненности». Товарищемъ министра былъ назначенъ тайный совѣтникъ О. П. Козодавлевъ. 21 сентября 1809 г. къ министерству внутреннихъ дѣлъ причисленъ комитетъ для приведенія въ лучшее состояніе человѣколюбивыхъ заведеній; 16 октября того же года преобразована въ особое Почтовое отдѣленіе состоявшая при министрѣ канцелярія по штату главнаго директора почтъ.

Въ 1808 г. первое мѣсто среди дѣлъ новаго министра занимали заботы о народномъ здравіи; въ Саратовѣ оказалась какая то подозрительная болѣзнь, — ее сочли чумою, приняли противъ распространенія ея самыя энергическія мѣры и, дѣйствительно, успѣли прекратить болѣзнь. Недостатокъ врачебныхъ силъ и средствъ побудилъ кн. Куракина выработать новый уставъ Медико-хирургической Академіи и новыя правила объ экзаменахъ на медицинскую степень при главномъ медицинскомъ управленіи, въ университетахъ, которыя и были утверждены 28 и 31 іюля и 22 августа 1808 года. Въ то же время приходилось принимать различныя мѣры къ обезпеченію населенія отъ недостатка въ хлѣбѣ по случаю недорода и отъ недостка въ соли, угрожавшаго по случаю задержки Эльтонской соли, вывозъ которой былъ обставленъ разными предосторожностями въ виду эпидеміи въ Саратовѣ,—недостатокъ соли отвращенъ былъ тѣмъ, что было лучше организовано устройство соляныхъ промысловъ въ Крыму. Въ 1809 г. основано было при министерствѣ періодическое изданіе — «Сѣверная почта или Новая С.-Петербургская Газета»; редактированіе ея было поручено Козодавлеву. Въ 1809 г. министерство испросило у Государя разрѣшеніе на выдачу ссудъ и пособій купцамъ или мѣщанамъ, которые бы пожелали заводить новые фабрики или заводы; ссуды эти должны были быть обезпечиваемы залогомъ недвижныхъ имуществъ или поручительствомъ магистратовъ и городского общества; на эти выдачи было опредѣлено до 3 милл. рублей.

1 января 1810 г. при учрежденіи Государственнаго Совѣта по новому положенію, возвѣщено было предстоящее измѣненіе и въ устройствѣ министерствъ. Кн. Куракинъ въ немъ уже не участвовалъ. Есть свидѣтельства современниковъ, которыя говорятъ, что тайные недоброжелатели Куракина—и между ними даже будто бы, Сперанскій—поспѣшили подъ благовиднымъ предлогомъ удалить Куракина изъ Петер-

бурга, не безъ основанія разсчитывая въ его отсутствіе привести министерство внутреннихъ дѣлъ въ такой видъ, что кн. Куракинъ не пожелаетъ оставаться министромъ. Предлогъ представился очень хорошій: Наполеонъ вступалъ въ бракъ съ дочерью императора австрійскаго и бракосочетаніе должно было быть отпраздновано съ особеннымъ великолѣпіемъ. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ отправленъ въ Парижъ чрезвычайнымъ посломъ для принесенія поздравленій Наполеону,—для приданія особаго блеска представительству Россіи, которая сохранила въ это время въ качествѣ посла въ Парижѣ и князя Александра Борисовича Куракина. Въ концѣ марта 1810 г. кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ выѣхалъ въ Парижъ съ собственноручнымъ письмомъ императора Александра; прибылъ онъ въ Парижъ 1 мая, 26 мая былъ принятъ въ особой торжественной аудіенціи императоромъ, только что возвратившимся изъ продолжительной поѣздки по Франціи. Наполеонъ былъ очень любезенъ съ чрезвычайнымъ посломъ Александра; онъ много говорилъ о своей радости при видѣ такого знака вниманія и о своемъ непремѣнномъ желаніи соблюдать лучшія отношенія съ императоромъ Александромъ, и на первой аудіенціи, и на прощальной, имѣвшей мѣсто 7 августа,—это было какъ разъ то время, когда съ австрійскимъ посломъ Меттернихомъ Наполеонъ устраивалъ соглашеніе, имѣвшее первою цѣлью изолировать Россію на случай замышляемаго Наполеономъ нападенія на нее; русскіе представители, впрочемъ, не были обманываемы дружелюбною внѣшностью; кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ скоро сталъ сообщать русскому правительству о замыслахъ Наполеона. — Во время этого пребыванія кн. Алексѣя Куракина въ Парижѣ братъ его получилъ серьезные ушибы и обжоги во время пожара, случившагося на балу у кн. Шварценберга 1 іюля 1810 г.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, за время отсутствія министра внутреннихъ дѣлъ, реформированіе министерства было произведено такимъ образомъ, что кн. Куракинъ по возвращеніи, дѣйствительно, не пожелалъ сохранить за собою управленіе министерствомъ, въ значительной степени лишеннымъ своего прежняго значенія: изъ круга дѣлъ, подлежавшихъ прежде вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ значительная часть была передана въ вѣдѣніе министерства финансовъ, именно дѣла по соляной и винной части, дѣла о казенныхъ земляхъ и наблюденіе за городскимъ хозяйствомъ; часть — въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія — управленіе Медико-хирургическою академіей и связанныя съ этимъ дѣла по цензурѣ ученыхъ сочиненій, наконецъ, прямо изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ было выдѣлено особое министерство полиціи и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Вернувшись въ Петербургъ 6 октября 1810 г. кн. А. Б. Куракинъ уже не вступалъ въ управленіе министерствомъ и въ январѣ 1811 г. былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ; онъ былъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и замѣщалъ, съ 1821 г. предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя П. В. Лопухина въ случаѣ его отсутствія.

11 ноября 1825 г. кн. А. Б. Куракинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для пособія раззореннымъ отъ наводненія. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ верховнымъ маршаломъ печальной церемоніи перевезенія тѣла императора Александра I и его погребенія. День 14 декабря кн. А. Б. Куракинъ провелъ безвыходно въ Зимнемъ Дворцѣ подлѣ царской фамиліи, вмѣстѣ съ другимъ высшимъ чиномъ кн. П. В. Лопухинымъ и съ гр. Аракчеевымъ. Въ 1826 г. кн. А. Б. Куракинъ назначенъ былъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ. Въ верховномъ судѣ надъ декабристами кн. А. Б. Куракинъ былъ членомъ и замѣнялъ въ случаѣ надобности предсѣдателя суда князя П. В Лопухина.

Кн. А. Б. Куракинъ былъ женатъ на Натальѣ Ивановнѣ Головиной и имѣлъ одного сына, кн. Бориса.

«Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина», т. т. V — X; Ивановъ, «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ»; Шильдеръ, «Императоръ Александръ I», Барациновъ, «Исторія минист. внутр. дѣлъ», I, II; Вигель, «Записки»; «Полное собраніе законовъ», т.т. XXIV—XXXII. *Н. Ч.*

Куракинъ, князь *Борисъ Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-майоръ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ, дипломатъ времени Петра Великаго, род. 20 іюня

1676 г., въ Москвѣ, ум. 17 октября 1727 г. въ Парижѣ, погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ. Сынъ князя Ивана Григорьевича Куракина и первой супруги его, рожденной княжны Одоевской; воспріемниками его былъ самъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и царевна Екатерина Алексѣевна. На седьмомъ году потерялъ отца, матери же лишился еще ранѣе; въ 1673 году назначенъ былъ въ спальники къ царю Петру Алексѣевичу и началъ учиться грамотѣ; ученье это покончилось черезъ два года; причиною этого было отчасти то, что и курсъ первоначальнаго обученія былъ тогда не великъ, отчасти и слабость здоровья молодого князя; въ запискахъ о своей жизни онъ многократно и постоянно говоритъ о своихъ болѣзняхъ; мы скажемъ о нихъ здѣсь нѣсколько словъ, какъ потому, что болѣзненность кн. Б. И. Куракина является довольно немаловажнымъ обстоятельствомъ въ виду его постоянныхъ переѣздовъ и путешествій, такъ и потому, что иныя сообщенія его драгоцѣнны въ бытовомъ отношеніи.

Уже трехъ и четырехъ лѣтъ онъ подвергался какимъ то двумъ операціямъ; по шестому году упалъ съ лошади и сильно расшибся, по девятому—упалъ съ лѣсовъ и два часа лежалъ безъ памяти; съ девяти лѣтъ хворалъ постоянно лихорадкою — «по вся годы лежалъ огневою и лихорадкою много времени»—и отъ болѣзни приходилъ въ такое положеніе, что временами казалось окружающимъ будто онъ какой то слабоумный. На пятнадцатомъ году, пишетъ кн. Б. И. Куракинъ, «пришла ко мнѣ болѣзнь въ осень самую, мѣсяца ноября или октября, чечуйная, которую лѣчилъ Евдокимъ полякъ, сажаючи на кадку паровъ, которая болѣзнь мнѣ была весьма трудна». Лѣченія всѣ помогали очень мало — и неудивительно; удивительно, какъ они не всегда убивали. На 19-мъ году, возвращаясь изъ Азова, кн. Б. И. Куракинъ подвергся особенно сильному приступу лихорадки—и вотъ что онъ съ собой сдѣлалъ: «до Стараго Оскола довезли больного и тутъ лежалъ. И по трехъ дняхъ метали кровь изъ правой руки, ничѣмъ же получилъ свободу, и отчаянъ былъ къ смерти. Токмо въ седьмой день, въ самомъ безпамятствѣ, людямъ своимъ велѣлъ принесть воды самой холодной, со льдомъ, ушатъ, а самъ легъ на постелю и велѣлъ себя поливать въ такомъ самомъ жару, ажъ покамѣстъ пришелъ въ безпамятство и уснулъ. И заснувъ, пробудился отъ великаго холоду и озябъ; и потомъ велѣлъ себя положить къ печи и окутать. И пришелъ въ великій потъ и спалъ чуть не цѣлыя сутки. И по томъ сну пробудясь пришелъ въ великую тощету и слабость; а жару и ознобу или какой лихорадки и огневой больше не послышалъ въ себѣ, только въ великой слабости былъ, такъ что не могъ ходить дня съ четыре; и потомъ имѣлъ великій апетитъ до яденья». Въ слѣдующемъ году кн. Б. И. Куракинъ «получилъ себѣ великую болѣзнь мѣсяца ноября: имѣлъ гипохондрію и меланхолію. Такъ былъ въ домѣ своемъ, что никогда радостенъ не былъ, а всегда плакалъ, а причины нимало не зналъ, для чего такъ: чуть живъ ходилъ и до ѣды апетиту нимало не имѣлъ»; но какой то грекъ Спиридонъ далъ ему три раза въ квасѣ какія то «кислыя капли» и онъ «отъ той меленхоліи получилъ свободу, такъ что ужъ къ тому не помянулася». Въ 1701 г. ѣздилъ въ Карлсбадъ лѣчиться; лѣчился затѣмъ и во время пребыванія въ Италіи и въ Парижѣ...

Состоя при ц. Петрѣ кн. Б. И. Куракинъ принималъ участіе и въ его потѣхахъ, и въ его первыхъ серьезныхъ предпріятіяхъ. Въ 1691, 1692 и 1693 гг. онъ былъ въ потѣхахъ подъ Семеновскимъ; въ 1694—подъ Кожуховымъ; въ этой обстановкѣ пріобрѣлъ кн. Б. И. Куракинъ пристрастіе къ вину, отъ котораго не могъ уже никогда отдѣлаться, несмотря на то, что оно причиняло особый вредъ его и безъ того слабому здоровью; въ 1691 г. кн. Б. И. Куракинъ женился на Ксеніи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, родной сестрѣ Евдокіи Ѳеодоровны, супруги царя Петра. Въ 1694 же году пошелъ онъ въ первый азовскій походъ прапорщикомъ Семеновскаго полка; въ слѣдующемъ походѣ онъ былъ поручикомъ первой роты полка. По возвращеніи въ Москву послѣ взятія Азова Петръ рѣшилъ отправить русскихъ молодыхъ людей за границу для обученія разнымъ наукамъ; выбраны были спальники, изъ обѣихъ комнатъ, т. е. изъ штатовъ царя Петра и его покойнаго брата, царя Іоанна; одна партія послана была въ Голландію, другая въ Италію, «для наукъ навтичныхъ»; во вторую попалъ кн. Б. И. Куракинъ. Выѣхалъ онъ изъ Москвы въ

началѣ марта 1696 г., съ особою грамотою, въ которой онъ именованъ «дворяниномъ Борисомъ Ивановымъ» черезъ Смоленскъ, Могилевъ, Варшаву, Ченстоховъ и Вѣну проѣхалъ онъ въ Венецію, куда прибылъ въ іюнѣ; онъ считаетъ, что «подъемъ» этотъ стоилъ ему до 2000 руб. Въ Венеціи онъ «учился наукъ математическихъ; выучился аретьметики, геометріи теорики (т. е. теоретической) 5 книгъ Евклидеса, геометріи практики, тригонометріи планы (т. е. на плоскости?), астрономіи часть до навтики (относящаяся?), навтики, механики, фортификаціи офеньсивы и дифенсивы. И во свидѣтельство всѣхъ тѣхъ моихъ наукъ отъ мастера и за венецкаго князя рукою и печатью свидѣтельствованный листъ. И также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать итальянскаго языку научась, доволенъ». Въ Москву онъ возвратился въ февралѣ 1698 г., черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда умерла его жена. Похоронивъ ее, кн. Б. И. Куракинъ поѣхалъ «въ Воронежъ, для свидѣтельства своихъ наукъ»; свидѣтельство это окончилось для него очень благопріятно: «при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье я себѣ видѣлъ отъ Его Величества, и отъ всѣхъ не такъ сталъ быть пріемъ, какъ прежъ того, и чемъ выше я явилъ»; изъ Воронежа онъ посланъ былъ подъ Азовъ, оттуда въ слѣдующемъ году ходилъ на кораблѣ, сопровождавшемъ посла нашего Украинцова, который впервые ѣхалъ въ Константинополь на русскомъ кораблѣ; осенью того же 1699 г. кн. Куракинъ вторично женился на княжнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Урусовой. Въ 1700 г. былъ въ несчастномъ для насъ сраженіи подъ Нарвою. Въ 1702 г. кн. Б. И. Куракинъ былъ въ походѣ, закончившемся взятіемъ Шлиссельбурга, и въ слѣдующемъ году былъ въ отрядѣ, который, подъ начальствомъ самого Петра, взялъ Нотербургъ, былъ и при томъ, какъ «по взятіи того города начали дѣлать Санктъ-Петербургъ и того же лѣта къ осени сдѣлали и сдѣлавъ, тутъ оставя гарнизонъ, сами всѣ пошли къ Москвѣ».

Молодой государь оказывалъ большое вниманіе и расположеніе кн. Б. И. Куракину — «той зимы между всѣми видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье великое, а наипаче де суо маеста»—записалъ князь въ своей автобіографіи; въ это время онъ былъ произведенъ въ майоры Семеновскаго полка. Осенью 1709 г. кн. Куракинъ былъ снова подъ Нарвой и участвовалъ во взятіи крѣпости штурмомъ; расхворавшись особенно сильно въ слѣдующую зиму, кн. Б. И. Куракинъ получилъ отпускъ и въ 1705 г. уѣхалъ въ Карлсбадъ лѣчиться. Возвратился онъ въ Москву осенью 1706 г.; въ началѣ 1707 г. пріѣхалъ къ Петру, стоявшему въ Жолквѣ, былъ отлично принятъ государемъ и вскорѣ произведенъ въ подполковники; 18 января 1707 г. посланъ былъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Римъ, къ папѣ Клименту XI - Петръ желалъ, чтобы папа не признавалъ короля Станислава Лещинскаго. Съ апрѣля по октябрь провелъ Куракинъ въ Римѣ, переговариваясь съ папскимъ правительствомъ. Онъ успѣлъ получить отвѣтъ только уклончивый; папа не признавалъ Лещинскаго, но отказался высказать это въ выраженіяхъ столь категорическихъ и опредѣленныхъ, какъ того желалъ Петръ; вообще же пріемомъ папы Куракинъ былъ очень доволенъ. На обратномъ пути Куракинъ посѣтилъ Венецію, Вѣну, Гамбургъ и Голландію, исполняя разныя порученія Петра, какъ напримѣръ, добиваясь у разныхъ владѣтелей запрещенія вербовать изъ ихъ подданныхъ въ шведскую армію; возвращаясь изъ Голландіи видѣлся и велъ переговоры съ княземъ Ракоцци; осенью 1708 г. пріѣхалъ кн. Куракинъ въ Кіевъ, а затѣмъ, какъ разъ передъ полученіемъ извѣстія объ измѣнѣ Мазепы, прибылъ къ государю, въ деревню Погребки. Немедленно Петръ отправилъ Меншикова взять городъ Батуринъ, резиденцію гетмана, а Куракина послалъ въ Кіевъ, чтобы онъ привезъ съ собою высшихъ представителей духовенства въ Глуховъ для избранія новаго гетмана. Предпріятіе было не безопасное — во многихъ селахъ происходили броженія и даже открытые бунты; нѣсколько чиновныхъ лицъ были убиты; вѣрность самихъ архіереевъ и ихъ готовность исполнить волю царя не были несомнѣнны; князь Куракинъ ѣхалъ тайно, всего самъ-четвертъ; онъ прибылъ въ Кіевъ благополучно и на другой же день двинулся съ епископами обратно; на обратномъ пути грозила имъ другая опасность — шведская армія приблизилась и разсыпала разъѣзды. Кн. Куракинъ однако благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принималъ участіе въ Полтавской битвѣ, командуя Семеновскимъ полкомъ. За эту побѣду онъ

не получилъ никакой награды, о чемъ съ горестью говоритъ въ своей автобіографіи.

Къ этому именно времени относится непродолжительный періодъ охлажденія къ государя къ Б. И. Куракину; Петръ даже какъ бы совершенно лишилъ его прежняго расположенія, ни о чемъ съ нимъ не разговаривалъ, хотя прежде явно отличалъ его. Это очень огорчало князя; онъ совершенно не могъ указать причины такой перемѣны и приписывалъ ее тайнымъ происканъ и наговорамъ своихъ недоброжелателей. Возможно, что Петръ остался недоволенъ желаніемъ кн. Б. И. Куракина посвятить себя по преимуществу дипломатической дѣятельности, предположивъ тутъ просто желаніе уклониться отъ тягостей службы военной. Повидимому, грустное настроеніе обращало кн. Б. И. Куракина по преимуществу къ воспоминаніямъ о прежней своей дѣятельности и о прежнемъ расположеніи царя — въ это именно время кн. Куракинъ написалъ свою автобіографію.

Но вскорѣ положеніе кн. Куракина перемѣнилось; государь вполнѣ вернулъ свое благоволеніе своему давнему сподвижнику и съ этого времени до конца жизни кн. Б. И. Куракинъ служилъ Россіи и, пользуясь полнымъ довѣріемъ царя, работалъ на поприщѣ дипломатическихъ сношеній и только разъ — въ 1711 г.—на короткое время возвращался въ отечество.

23 октября 1709 г. кн. Б. И. Куракину поручено было ѣхать ко двору курфирста Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Онъ долженъ былъ явиться туда «инкогнито» и начать сначала частныя сношенія съ высшими правительственными дѣятелями, а когда убѣдится, что предложенія Россіи будутъ встрѣчены хорошо—тогда объявить о своемъ характерѣ уполномоченнаго; онъ велъ тутъ дѣло о бракѣ царевича Алексѣя. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что въ архивѣ Куракина почти нѣтъ никакихъ документовъ о сношеніяхъ его съ царевичемъ Алексѣемъ, которыя кн. Б. И. Куракинъ, вѣроятно, велъ какъ по служебному своему положенію, такъ и по своему родству съ царевичемъ: кн. Б. И. Куракинъ по женѣ былъ дядею царевича; является даже предположеніе, не уничтожилъ ли кн. Куракинъ впослѣдствіи, когда царевичъ подпалъ гнѣву отца, всякіе слѣды переписки съ опальнымъ царскимъ сыномъ. 11 ноября 1709 г. кн. Куракинъ прибылъ въ Ганноверъ и къ веснѣ 1710 успѣлъ достигнуть соглашенія, которое ратификовано было 3 іюля 1710 г. Курфирстъ Ганноверскій обѣщалъ дружественный нейтралитетъ, и обязался не нападать на союзниковъ Петра,—на Данію и на владѣнія короля саксонскаго и польскаго. 24 октября 1710 г. кн. Б. И. Куракинъ прибылъ въ Лондонъ и 6 ноября имѣлъ аудіенцію у королевы, домогаясь, чтобы Англія исполняла свои обязательства по сохраненію нейтралитета въ германской имперіи; 11 января 1711 г. кн. Б. И. Куракину дано званіе полномочнаго министра при англійскомъ дворѣ; изъ Лондона онъ былъ вызванъ въ Россію лично докладывать государю и 17 октября того же года, сохранивъ свое мѣсто въ Англіи, сдѣланъ министромъ при Голландскихъ штатахъ и въ этой новой должности дѣйствовалъ сообща съ А. А. Матвѣевымъ, который былъ тогда нашимъ представителемъ въ Голландіи; вскорѣ, за отъѣздомъ Матвѣева, онъ остался одинъ представителемъ при обоихъ правительствахъ.

Кн. Б. И. Куракинъ былъ охранителемъ интересовъ Россіи и во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію Утрехтскаго мира; офиціально Россія въ нихъ участія не принимала, но на дѣлѣ кн. Куракину пришлось много поработать, чтобы отвратить разныя соглашенія, задѣвавшія интересы Россіи. 14 сентября 1712 г. кн. Куракинъ получилъ чинъ генералъ-майора; въ 1713 г. онъ получилъ сверхъ того чинъ тайнаго совѣтника; 30 апрѣля 1714 г. назначенъ былъ полномочнымъ представителемъ Россіи на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, гдѣ обсуждался вопросъ о мирѣ между Россіею и Швеціей, хотя, какъ извѣстно, безъ результатовъ. 11 февраля 1715 г. кн. Б. И. Куракину дана была грамота на заключеніе «новаго подтвердительнаго ближайшаго союза» съ королемъ датскимъ и на заключеніе союза съ королемъ англійскимъ бывшимъ курфирстомъ ганноверскимъ—въ послѣднемъ случаѣ, однако, Куракинъ потерпѣлъ полную неудачу: бывшій союзникъ Петра, ставъ королемъ англійскимъ, безцеремонно принялъ сторону Швеціи. Куракинъ все это время безпрерывно разъѣзжалъ между Гагой и Лондономъ, смотря по тому, гдѣ требовали его присутствія дѣла. Ему при-

ходилось исполнять множество порученій государя—по заказу кораблей, по приглашенію на русскую службу иноземцевъ и т. п.; впослѣдствіи, при основаніи въ Петербургѣ Академіи Наукъ, черезъ кн. Б. И. Куракина ведены были переговоры о приглашеніи въ Петербургъ разныхъ ученыхъ; между прочимъ, онъ, послѣ многихъ хлопотъ, заключилъ условіе и съ извѣстнымъ Делилемъ.—18 марта 1717 г. пріѣхалъ въ Гагу Петръ, совершавшій свое путешествіе съ государыней; онъ остановился у кн. Б. И. Куракина, былъ съ нимъ очень милостивъ и собственноручно вручилъ ему знаки ордена св. Андрея. Куракинъ сопровождалъ государя въ Парижъ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Головкинымъ и Шафировымъ онъ заключилъ 15 августа 1717 г. договоръ между Россіею, Франціею и Пруссіею о дружбѣ, союзѣ, торговлѣ и о возстановленіи мира въ Европѣ; онъ велъ переговоры о возстановленіи мира и непосредственно со шведскими уполномоченными—министромъ Герцемъ, ген. Понятовскимъ и уполномоченнымъ шведскимъ въ Голландіи Прессомъ. Когда въ 1722 г. Петръ двинулся самъ въ походъ въ Персію, Куракину было оказано особое довѣріе: ему поручено было непосредственное руководительство дѣйствіями русскихъ представителей за границей, къ нему они должны были направлять свои донесенія и отъ него получать инструкціи. Въ 1722 же году сынъ кн. Б. И. Куракина, кн. А. Б. Куракинъ, былъ назначенъ состоять при посольствѣ въ Парижѣ и кн. Б. И. Куракину поручено было, отправившись въ столицу Франціи, какъ бы для сопровожденія сына, попытаться заключить тамъ заемъ, съ тѣмъ, «чтобы иногда товарами уплачивать»; заемъ, однако, не удался. Въ 1723 г. кн. Б. И. Куракинъ снова былъ посланъ въ Парижъ и сталъ работать для заключенія съ Франціею болѣе тѣснаго союза. Въ то же время онъ началъ переговоры о женитьбѣ короля Людовика XV на русской великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Оба предпріятія не удались; заключенію союза помѣшало то, что Франція, отыскивая союзниковъ противъ Австріи и Испаніи, сблизилась съ Англіею, и соглашалась на союзъ съ Россіей только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Россія заключила союзъ и съ Англіей, на что немогли согласиться ни Петръ, ни его преемники въ виду явно враждебнаго образа дѣйствій, который приняла относительно Россіи сама Англія въ Швеціи.

Нельзя сказать, чтобы дипломатическая дѣятельность князя Б. И. Куракина увѣнчивалась крупными успѣхами; но положеніе его, какъ и другихъ русскихъ представителей тогда за границей, было столь трудно, что заслуживаетъ признательности, если они успѣвали избѣгнуть большихъ неудачъ. Имъ приходилось отстаивать интересы Россіи предъ правительствами, которыя нимало не были расположены признавать ихъ законность, которыя искали въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать или сводить только свои счеты; къ тому же и исходъ борьбы не былъ несомнѣненъ,—Швеція еще такъ незадолго играла въ Европѣ одну изъ первыхъ ролей и славилась какъ военная держава. Русскимъ представителямъ были предложены, напримѣръ, такія условія, что державы согласны принять на себя посредничество между Россіею и Швеціею, но съ тѣмъ условіемъ, что если которая нибудь сторона не приметъ предложенныхъ условій, то ее принудить къ ихъ принятію. Конечно, такія условія были отклонены, но самое предложеніе ихъ рисуетъ обстановку, въ которой русскимъ дипломатамъ приходилось дѣйствовать. Нельзя отказать кн. Б. И. Куракину и въ вѣрномъ взглядѣ его на отношенія европейскихъ державъ къ Россіи вообще. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что и Франція и Англія, соперничая между собою, въ то же время «великою ненавистью дышутъ на настоящіе успѣхи его царскаго величества»; онъ видѣлъ, что на предстоящемъ съѣздѣ о мирѣ онѣ желали бы «выстеречь» интересы шведовъ; онъ понималъ, что долго еще будутъ помѣхою въ нашихъ политическихъ сношеніяхъ съ другими державами ихъ исторически-сложившіяся отношенія къ Швеціи, Польшѣ и Турціи, ибо не легко другимъ державамъ сообразовать свои традиціонныя отношенія къ этимъ государствамъ съ тѣмъ, какія были къ этимъ державамъ у Россіи.

Князь Куракинъ сохранилъ свое отличное служебное положеніе и послѣ смерти, Петра Великаго; 14 ноября 1725 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; съ воцареніемъ Петра II была мысль назначить его однимъ изъ чле-

новъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; но это не состоялось, рѣшено было оставить кн. Куракина за границей, чтобы онъ могъ быть представителемъ Россіи на Суассонскомъ конгрессѣ, куда онъ и былъ назначенъ въ іюнѣ 1727 г.; но до начала этого конгресса кн. Б. И. Куракинъ скончался въ Парижѣ. Обряды, совершенные надъ тѣломъ усопшаго царскаго посланника, привлекли большое вниманіе парижской публики, совершенно неимѣвшей еще тогда представленія о православномъ служеніи, и это обстоятельство вызвало даже особую переписку между президентомъ полиціи, кардиналомъ Флери и сыномъ покойнаго.

Въ ряду петровскихъ дипломатовъ кн. Б. И. Куракинъ занимаетъ во всякомъ случаѣ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ; немногіе современные ему русскіе дѣятели на томъ же поприщѣ превосходили его дарованіями и еще менѣе такихъ, которые бы были лучше его освѣдомлены въ министеріальныхъ дѣлахъ. Въ частной жизни своей онъ отличался привѣтливостью и добротою; сыну своему онъ завѣщалъ построить въ Москвѣ церковь и богадѣльню для 15 престарѣлыхъ офицеровъ и обезпечить ихъ содержаніе; это и было исполнено. Сенъ-Симонъ такъ говоритъ о кн. Б. И. Куракинѣ въ своихъ мемуарахъ: «C'était un grand homme, bien fait, qui sentait fort la grandeur de son origine, avec beaucoup d'esprit, de tour et d'instruction. Il parlait assez bien français et plusieurs langues; il avoit fort voyagé, servi à la guerre, puis été employé en différentes cours. Il ne laissait pas de sentir encore le russe et l'extrême avarice gâtait fort ses talents» (t. IX, pag. 225). Въ объясненіе послѣдняго замѣчанія Сенъ-Симона надо сказать, что Куракинъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ представляли себѣ его современники, а тѣмъ болѣе — французы высшаго общества.

Въ лицѣ кн. Б. И. Куракина мы видимъ человѣка, на которомъ характерно и рельефно отразились черты дѣятеля переходной эпохи. Прежде всего бросается въ глаза его неугомонная дѣятельность, которой не сломили постоянныя болѣзни и слабое здоровье; затѣмъ замѣчательно разнообразіе и многоразличность его интересовъ. Интересы его не глубоки и взгляды не широки и не самостоятельны; но его занимаетъ безъ преувеличенія все, съ чѣмъ только приходится ему сталкиваться. Онъ замѣчательно легко усвоивалъ иностранные языки и въ свои произведенія вставляетъ не только слова, но и цѣлыя фразы, даже цѣлые періоды польскіе и особенно итальянскіе; онъ постоянно закупаетъ много книгъ; внимательно и неутомимо осматриваетъ онъ всевозможныя мѣстныя достопримѣчательности всюду, куда ни закидывала его судьба и служба; заноситъ въ свои записки замѣчанія и о политическомъ устройствѣ земель, которыя онъ посѣщаетъ, и о ихъ финансахъ, и о представителяхъ администраціи. Онъ, очевидно, цѣликомъ поглощенъ жаждою увидать и узнать новое; и то, что ново—все одинаково его интересуетъ; другое мѣрило для критики онъ утратилъ. И высокія проявленія западной цивилизаціи и отрицательныя ея стороны, нравственная распущенность, одинаково оцѣниваются имъ только какъ новое; глубокаго различія между одними и другими явленіями онъ какъ бы не чувствуетъ, или, во всякомъ случаѣ, не это различіе стоитъ для него на первомъ планѣ. Это, впрочемъ, та ступень развитія, черезъ которую необходимо должны перейти и цѣлыя общества, какъ отдѣльныя лица,—если только данное лицо не отличается геніальными дарованіями. Князь Б. И. Куракинъ геніемъ, конечно, не былъ, но онъ несомнѣнно былъ однимъ изъ наиболѣе преданныхъ, энергичныхъ и умѣлыхъ помощниковъ Великаго Петра. И Петръ его постоянно отличалъ своею довѣренностью; послѣ небольшаго охлажденія въ 1709 г. отношенія между государемъ и подданнымъ вновь установились наилучшія. И длинный рядъ порученій, которыя непрерывно возлагались Петромъ на кн. Б. И. Куракина, свидѣтельствуетъ, что Петръ все выше и выше цѣнилъ его.

Князь Б. И. Куракинъ былъ женатъ дважды: на Ксеніи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, родной сестрѣ первой жены Петра Великаго, а затѣмъ на кн. Маріи Ѳедоровнѣ Урусовой. Отъ второго брака имѣлъ дочь и сына Сергія, умершаго въ младенчествѣ; отъ перваго— дочь и сына Александра; за смертію въ младенчествѣ племянника своего кн. Василія Михайловича, князь Б. И. Куракинъ является родоначальникомъ всѣхъ находящихся нынѣ въ живыхъ князей Куракиныхъ.

Князь Б. И. Куракинъ оставилъ огромное количество бумагъ: въ архивѣ с. На-

деждина хранится свыше 80 переплетенныхъ томовъ, содержащихъ его бумаги, многія изъ этихъ бумагъ приведены въ порядокъ самимъ кн. Б. И. Куракинымъ и снабжены имъ соотвѣтственными заголовками. Тутъ находится обширная корреспонденція его съ разными видными дѣятелями его времени, весьма важная и любопытная для исторіи его времени, и многочисленныя бумаги его, касающіяся управленія его имѣніями, важныя для исторіи внутренняго быта Россіи. Подробно велъ онъ «протоколы посольствъ» своихъ, записывая всѣ внѣшніе факты своего посольства, сообщая точныя даты, содержаніе переговоровъ и копіи съ бумагъ, къ нимъ относящихся; нерѣдко включалъ онъ въ протоколы и замѣтки о странѣ, ея устройствѣ, а иногда и весьма любопытныя характеристики владѣтельныхъ особъ и ихъ министровъ. Но кромѣ этихъ дѣловыхъ бумагъ, кн. Б. И. Куракинъ оставилъ и самостоятельныя произведенія, составленіе которыхъ не было нимало для него обязательно и которыя вызваны были единственно его любознательностью, живостью и разносторонностью его ума.

Первое мѣсто среди этихъ произведеній занимаютъ его автобіографія и исторія о Петрѣ Великомъ. Первая носитъ итальянское названіе Vita del Principe Boris Koribut-Kourakin del familii de Polonia et Litvánia, а вторая—Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ; первое произведеніе составлено въ 1705—1709 году, второе—въ 1723 г. «Гисторія» есть отрывокъ изъ значительно большаго труда, написать который задумывалъ кн. Б. И. Куракинъ. Сохранилось «Вѣдѣніе о главахъ въ Гисторіи»—какъ бы планъ или конспектъ этого обширнаго труда. Оно составлено было, или по крайней мѣрѣ начато составленіемъ, въ Гагѣ, въ 1723 г. Въ началѣ его читается: «Вѣдѣніе заглавій книги сей, начатой, которая имѣетъ быти учинена къ пользѣ и къ славѣ народу Всероссійской Имперіи. Здѣсь теперь при помощи Божеской, начинаемъ писать, откуль что собрать матерій, въ сію книгу, съ отмѣтками на сторонахъ, а потомъ начнемъ книгу писать формально»... и т. д. «Начать надобно гисторію, откуль Славяноросейской народъ вышелъ, вкратцѣ». «Потомъ начало князей линіи Кіевскихъ. И потомъ всѣхъ фамилій той линіи раздѣленныхъ, также фамилій выѣзжихъ. Потомъ перенесеніе столицы изъ Кіева въ Володиміръ»—вотъ наименованіе первыхъ четырехъ главъ; «о избраніи на царство царя Петра Алексѣевича» должно было говориться уже въ главѣ 95; всего главъ предположено было 344, причемъ изложеніе доходило бы до установленія Синода. Написанная часть «Гисторіи» обнимаетъ главы съ 93 по 129. Она содержитъ множество любопытныхъ частностей, важныхъ для исторіи Петра Великаго. Взаимно дополняясь съ автобіографіей, эти два произведенія кн. Б. И. Куракина являются драгоцѣнными вкладами въ литературу записокъ русскихъ людей и по своему значенію и интересу должны занять одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ мемуаровъ петровской эпохи. Къ этой же группѣ произведеній кн. Б. И. Куракина принадлежатъ его записки или замѣтки о русско-шведской войнѣ, съ 1701 по 1710 г., и его дневники, веденные имъ во время заграничной поѣздки въ 1705—1708 г.; особенно замѣчателенъ дневникъ—документъ драгоцѣнный для того, кто хочетъ понять впечатлѣнія, какія выносилъ русскій человѣкъ эпохи преобразованій, когда изъ старинной московской обстановки, изъ строгаго и въ извѣстномъ смыслѣ стройнаго уклада древне-русской жизни онъ былъ перенесенъ въ круговоротъ западно-европейской жизни, западно-европейскихъ отношеній. Эти всѣ произведенія даютъ намъ живое и яркое изображеніе князя Б. И. Куракина. Наконецъ, въ оставшихся послѣ него бумагахъ находится большое количество записокъ по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, стоявшимъ тогда на очереди въ русской политикѣ и въ разрѣшеніи которыхъ кн. Б. И. Куракину приходилось принимать участіе.

Всѣ литературно-историческія произведенія кн. Б. И. Куракина и нѣсколько тысячъ бумагъ его дѣловой переписки напечатаны въ десяти томахъ сборника. «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина», 1890—1902 года. Тутъ же въ приложеніяхъ къ VIII тому—перепечатана и біографія кн. Б. И. Куракина, помѣщенная у Бантыша-Каменскаго, въ «Дѣяніяхъ знаменитыхъ полководцевъ».

Бекетовъ, П., «Собраніе портретовъ Россіянъ знаменитыхъ»; Соловьевъ, «Исторія Россіи», книга III и IV: «Автобіографія» Куракина была напечатана ранѣе чѣмъ въ «Архивѣ» въ «Кіевской Старинѣ», 1884, №№ 9, 11 и 12; въ «Рус. Архивѣ», 1893, № 2—напечатано завѣщаніе его объ основаніи богадѣльни; Елагинъ, «Матеріалы для

исторіи русск. флота», ч. I; по поводу изданія «Архива кн. Ѳ. А. Куракина»—статьи: Шмурло, въ «Жур. Мин. Народ. Просв.»; 1891, январь и Брикнера въ «Вѣстникѣ Европы» 1891, № 9 и въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1892, № 1, содержащія нѣкоторыя свѣдѣнія и о кн. Б. И. Куракинѣ; въ VI книгѣ «Архива кн. Ѳ. А. Куракина», 465—469, напечатанъ списокъ всѣхъ обнародованныхъ въ разныхъ изданіяхъ до 1896 г. бумагъ кн. Б. И. Куракина; «Матер. для исторіи Акад. Наукъ», I.

Н. Ч.

Куракинъ, князь, *Борисъ-Леонтій Александровичъ*, президентъ Камеръ-Коллегіи и Коллегіи Экономіи, сенаторъ, род. 11 іюля 1733 г., ум. 22 ноября 1764 г. Сынъ оберъ-шталмейстера кн. А. Б. Куракина. О дѣтскихъ и юношескихъ его годахъ ничего не извѣстно въ печати; мы встрѣчаемъ его уже въ первый годъ царствованія Екатерины II генералъ-поручикомъ и гофмейстеромъ. Несомнѣнно, что онъ обладалъ обширными по своему времени знаніями въ области наукъ государственныхъ. Учредивъ 29 ноября 1762 г. комиссію для рѣшенія вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ, Екатерина назначила въ эту комиссію изъ свѣтскихъ лицъ сенатора гр. Ив. Воронцова, кн. Сер. Гагарина, оберъ-прокурора св. Синода кн. Козловскаго, Теплова и кн. Б. А. Куракина. По учрежденіи Коллегіи Экономіи 12 мая 1763 г. кн. Б. А. Куракинъ былъ назначенъ ея президентомъ. Это было весьма важное назначеніе: Коллегія-Экономіи должна была собирать свыше полу тора милліона доходовъ, т. е. почти десятую часть всего тогдашняго бюджета Россіи; эти суммы не были еще ни на что разассигнованы и распоряженіе ими было весьма серьезнымъ вопросомъ. Но князя Куракина ожидало еще новое несравненно болѣе важное дѣло; указомъ 30 марта 1764 г. его управленію поручена была еще и Камеръ-Коллегія, причемъ кн. Куракинъ былъ сдѣланъ сенаторомъ. Изъ бумагъ императрицы узнаемъ, что она была недовольна «безмолвственнымъ положеніемъ» такой важной коллегіи, какъ Камеръ-Коллегія и назначеніемъ въ президенты ея Куракина надѣялась ее оживить; еще яснѣе смыслъ этого назначенія раскрывается изъ доклада, сдѣланнаго по кончинѣ кн. Куракина его дядею, гр. П. И. Панинымъ, которому императрица поручила представить ей свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ обѣихъ коллегіяхъ, бывшихъ въ управленіи кн. Б. А. Куракина. Панинъ пишетъ между прочимъ: «если Вашего Императорскаго Величества намѣреніе о государственной пользѣ клониться соизволяетъ на препорученіе всѣхъ вообще государственныхъ доходовъ съ ихъ статами въ управленіе и надзираніе въ одно государственное мѣсто—то сія коллегія (Коллегія Экономіи), по учрежденію вышеписаннаго, можетъ уже быть присоединена или и совсѣмъ обращена въ департаментъ того единаго государственнаго надъ всею казною мѣста». Отсутствіе высшаго правительственнаго учрежденія, которое бы вѣдало финансы государства въ ихъ цѣломъ составѣ, было весьма существеннымъ пробѣломъ въ русскомъ государственномъ устройствѣ въ теченіе всего XVIII в., и попытка созданія такого вѣдомства, начатая соединеніемъ Камеръ-Коллегіи и Коллегіи-Экономіи, въ высшей степени замѣчательна. А князю Б. А. Куракину принадлежала въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, главная роль. Въ государственномъ архивѣ хранятся два замѣчательные доклада, представленные имъ императрицѣ, по вопросамъ государственнаго хозяйства; послѣ нихъ онъ и былъ назначенъ президентомъ Камеръ-Коллегіи и одинъ изъ его докладовъ послужилъ основою именного указа отъ 30 марта 1764 г., въ которомъ обрисовано и неудовлетворительное положеніе Камеръ-Коллегіи въ данное время и тотъ кругъ задачъ и обязанностей, которыя должны опредѣлять ея дѣятельность для того, чтобъ дѣятельность эта получила истинно-государственное значеніе. Камеръ-Коллегія въ то время дѣйствовала по регламенту 1731 г., который значительно сузилъ ея задачи сравнительно съ тѣмъ, какъ очертилъ ихъ Петръ Великій. Кн. Куракинъ предлагалъ вернуться въ общемъ къ тому, что ставилъ задачею коллегіи Петръ. Онъ доказывалъ, что Камеръ-Коллегія должна не вѣдать только доходы, а ими управлять, открывать и создавать новые источники доходовъ, улучшая, главнымъ образомъ, положеніе тѣхъ классовъ, которые преимущественно доходы доставляютъ. Императрица Екатерина высоко цѣнила дѣятельность Куракина. Получивъ въ Петербургѣ вѣсти о серьезной его болѣзни, она отправила ему 21 ноября 1764 г. слѣдующій рескриптъ, въ которомъ двѣ послѣднія фразы приписала собственноручно: «Князь Борисъ Александровичъ! Я безмѣрно сожалѣю, что вы больны и желаю слышать о вашемъ облегченіи. Рекомендую вамъ

для того оставить всѣ ваши труды по дѣламъ, на васъ положенные, потому что вы, какъ слышу, и въ болѣзни ихъ не покидаете. Не безпокойте себя отнюдь ничѣмъ, по коихъ поръ совершенно не выздоровѣете. Я слышу, что вы лекарства не принимаете, пожалуй хоть для меня побеpегитеся; мнѣ ваше здоровье надобно». Преемникъ кн. Б. А. Куракина по президенству въ Камеръ-Коллегіи, извѣстный А. П. Мельгуновъ, вполнѣ усвоилъ идеи Куракина, и наказъ отъ коллегіи для депутата въ Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія явился повтореніемъ докладовъ кн. Куракина. Напечатанныя письма кн. Б. А. Куракина къ сыну кн. А. Б. Куракину за 1763 и 1764 г. рисуютъ намъ кн. Б. А. Куракина человѣкомъ очень сердечнымъ, серьезнымъ и строго преданнымъ своему дѣлу.

«Архивъ кн. Куракина», т. I, V; «Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.», т. X, XXVIII; Государств. Архивъ, разрядъ XIX.

Куракинъ, князь *Григорій Семеновичъ*, бояринъ и воевода, род. до 1606 г.— въ этомъ году умеръ его отецъ,—ум. послѣ 1679 году. Приходился троюроднымъ племянникомъ дѣятеля Смутнаго времени, кн. Ив. Сем. Куракина, и дѣдомъ знаменитаго кн. Бориса Ивановича Куракина. Стольникомъ былъ уже съ 1629 г.; въ 1638 году былъ воеводою въ Вязьмѣ, въ 1641 г.—на Веневѣ, въ 1643—1644—въ Тобольскѣ, въ 1647—1649—въ Ливнахъ; въ 1643 г. посланъ былъ разбирать дѣтей боярскихъ въ Тулу и ближайшіе уѣзды. 8 ноября 1651 г. сказано ему боярство. Въ 1652 г. посланъ въ Яблоновъ, причемъ попеченіямъ его ввѣрена вся сѣть укрѣпленій, ограждавшихъ Московское государство съ «Поля» отъ нападеній татаръ. Сохранился длинный рядъ документовъ, говорящихъ объ исполненіи кн. Г. С. Куракинымъ возложеннаго на него порученія; въ отпискахъ своихъ царю кн. Куракинъ сообщалъ о состояніи укрѣпленій въ разныхъ пунктахъ, представлялъ свои соображенія по вопросу объ исправленіи старыхъ и возведеніи новыхъ укрѣпленій, сообщалъ объ затрудненіяхъ, какія возникали, благодаря нежеланію окрестныхъ помѣщиковъ исполнять необходимыя работы и ихъ самовольнымъ отлучкамъ; къ донесеніямъ своимъ кн. Куракинъ прилагалъ чертежи засѣкъ и другихъ укрѣпленій. Приведя въ исполненіе эти порученія въ 1652—1653гг., кн. Г. С. Куракинъ въ 1653—1654 г. былъ въ Москвѣ, принимая участіе во всѣхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ и оставаясь въ Москвѣ на время непродолжительныхъ отлучекъ царя. Въ 1654 г. онъ былъ первымъ товарищемъ кн. А. Н. Трубецкаго при началѣ войны съ Польшею, участвовалъ во взятіи Мстиславля, Шклова и при пораженіи Радзивила; въ 1655 г. онъ былъ оставленъ въ Москвѣ на все время похода царскаго съ войскомъ; въ 1656 г. участвовалъ въ переговорахъ съ польскими послами, занимая второе мѣсто, ниже одного только кн. А. Н. Трубецкого,—третьимъ былъ кн. Ю. А. Долгорукій; въ томъ же году кн. Куракинъ получилъ награду — разныхъ даровъ на 290 руб. Въ 1657 г. сидѣлъ первымъ въ Съѣзжей избѣ; 3 февраля 1657 г. назначенъ первымъ воеводою въ Новгородъ; 29 марта онъ былъ «у руки» у царя и выѣхалъ затѣмъ къ мѣсту назначенія, — 17 марта 1659 г. царь послалъ къ нему съ милостивымъ словомъ, «спросить о здоровьи»; 27 февраля 1661 г. былъ вызванъ въ Москву и оставался снова въ ней первымъ на время продолжительнаго отсутствія царя. Въ 1662 г. отправленъ съ полкомъ въ Бѣлевъ и Сѣвскъ и имѣлъ удачное дѣло съ крымцами — разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ Ширинскаго князя, за что снова царь «приказалъ спросить его о здоровьи». 9 мая 1662 г. назначенъ былъ первымъ воеводою въ Казань; денежный окладъ его въ это время былъ уже 660 р.; 12 декабря 1662 же года царь снова спрашивалъ его «о здоровьи», а въ 1666 г. назначилъ ему еще въ прибавку по 200 р. ежегодно. Въ 1668 г. онъ былъ вызванъ въ Москву и назначенъ первымъ воеводою въ Сѣвскъ; выступивъ 28 мая, онъ вскорѣ одержалъ нѣсколько значительныхъ успѣховъ надъ польскими войсками; затѣмъ онъ навлекъ было на себя неудовольствіе и письменные упреки царя Алексѣя Михайловича тѣмъ, что вопреки предписаніямъ быстро идти къ Нѣжину и Чернигову занялся продолжительною осадою Глухова; кн. Г. С. Куракинъ оправдывался болѣзнью и во всякомъ случаѣ никакихъ серьезныхъ послѣдствій для него это неудовольствіе царя не имѣло; нѣсколько удачныхъ дѣлъ съ непріятелями вполнѣ вернули ему благоволеніе царя. Въ 1669 г. за свои службы кн. Г. С. Куракинъ удо-

стоился довольно рѣдкаго отличія: онъ и его помощникъ получили торжественную аудіенцію у царя; они представлялись царю въ «ратномъ платьѣ» и изъ устъ самого царя выслушали благодарность, затѣмъ получили богатые дары; кн. Куракинъ получилъ еще 200 руб. ежегодной прибавки. Послѣ этого кн. Г. С. Куракинъ уже не исполнялъ никакихъ порученій внѣ Москвы; онъ жилъ въ столицѣ, участвуя во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ, въ теченіе 1673 — 1675 г. постоянно оставаясь на Москвѣ при кратковременныхъ отлучкахъ царя; 24 ноября 1674 г., между прочимъ, царь, выступая изъ Москвы въ одинъ изъ своихъ походовъ по монастырямъ, поручилъ особенно попеченію кн. Г. С. Куракина своего духовника Андрея Саввиновича, предписавъ боярину охранять духовника царскаго отъ какого либо притѣсненія или даже и ареста со стороны патріарха, гнѣвъ котораго навлекъ на себя Андрей Саввиновичъ. 18 іюля 1675 г. кн. Г. С. Куракинъ былъ замѣненъ въ обязанности блюсти Москву въ отсутствіе царя боярином Пет. Вас. Шереметевымъ. Среди бояръ онъ занималъ въ это время четвертое мѣсто, затѣмъ выше его сталъ еще кн. Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ получилъ титулъ намѣстника сибирскаго и псковскаго.

«Акты Историч.», тт. III—V; «Дополненія къ Акт. Ист.», тт. II, IV—IX; «Акты Моск. госуд.», II; «Дворцовые разряды»; III, IV; Соловьевъ, «Исторія», кн. II, III; Долгорукій, кн. «Родословная книга», I; рукописные матеріалы, сообщен. В. И. Смольяниновымъ.

Куракинъ, князь *Иванъ Семеновичъ*, боринъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей Смутнаго времени, ум. въ 1632 г. Онъ былъ правнукомъ кн. Андрея Петровича изъ рода Булгаковыхъ, носившаго прозвище Кура́ка и родоначальника Куракиныхъ. Въ 1606 г. кн. И. С. Куракинъ былъ воеводою и намѣстникомъ Смоленскимъ. Въ томъ же году онъ былъ виднымъ членомъ кружка бояръ, произведшихъ сверженіе съ престола нареченнаго Дмитрія и возведшихъ на престолъ князя Василія Шуйскаго. Въ 1607 и въ началѣ 1608 г. кн. Ив. Сем. Куракинъ успѣшно дѣйствовалъ противъ второго самозванца, содѣйствовалъ спасенію отъ его полчищъ Брянска; когда его обязанности переданы были кн. Д. И. Шуйскому, дѣло сразу пошло замѣтно хуже. Весною 1608 г. кн. Куракинъ нанесъ рѣшительное пораженіе Лисовскому, наступавшему со значительными силами отъ Коломны къ Москвѣ, послѣ успѣха, одержаннаго надъ П. Ляпуновымъ; Куракинъ разсѣялъ отрядъ Лисовскаго и отнялъ Коломну; въ концѣ 1609 г. и въ началѣ 1610 г. былъ въ числѣ воеводъ, которые подъ общимъ руководствомъ кн. Скопина-Шуйскаго очищали отъ разбойничьихъ шаекъ подмосковныя области. Безсиліе Шуйскаго водворить порядокъ въ государствѣ привело кн. И. С. Куракина, вмѣстѣ съ кн. Ѳ. И. Мстиславскимъ, къ мысли о необходимости избрать царя на Московское государство не изъ среды его бояръ, а изъ какого нибудь иноземнаго царственнаго рода: особенно открыто сталъ выражать кн. И. С. Куракинъ эту мысль, когда послѣдовало сверженіе Шуйскаго. Онъ былъ сторонникомъ идеи избранія Владислава; а когда московское боярское правительство, такъ называемая «семибоярщина», не находя возможнымъ согласиться на условія, предложенныя Сигизмундомъ, стало отклоняться отъ мысли объ избраніи Владислава, кн. И. С. Куракинъ открыто перешелъ на сторону Сигизмунда. Какъ извѣстно, преслѣдуемые имъ планы не осуществились и кн. И. С. Куракинъ получилъ за свой образъ дѣйствій однѣ непріятности: въ 1611—1612 годахъ ему пришлось быть при отрядѣ Гонсѣвскаго и играть роль, конечно, не почетную, а очень обидную для его самолюбія; въ глазахъ же современниковъ русскихъ онъ оказался однимъ изъ самыхъ явныхъ «измѣнниковъ»; въ 1615 г. онъ былъ удаленъ на службу въ Тобольскъ, т. е. въ почетную ссылку, и пробылъ тамъ пять лѣтъ.

Князь Долгоруковъ, «Родословная книга», I; Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты», по указателю; Соловьевъ, «Исторія», кн. II.

Куракинъ, князь *Степанъ Борисовичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, род. 9 іюля 1754 г., ум. 8 іюля 1805 г. Братъ вице-канцлера кн. А. Б. Куракина и генералъ-прокурора кн. А. Б. Куракина. Въ 1769 г. произведенъ въ мичманы и отправленъ въ Швецію для обученія разнымъ наукамъ; въ 1770 г. поступилъ волонтеромъ въ армію гр. П. Панина и по взятіи Бендеръ отправленъ съ ключами крѣпости къ императрицѣ; 10 августа 1770 г. произведенъ въ капитаны; въ 1771 г. находился въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ подъ начальствомъ кн. Н. В. Репнина; въ 1772—

1773 г. находился въ Польшѣ въ отрядахъ, дѣйствовавшихъ противъ конфедератовъ; 6 іюня 1773 г. взятъ А. И. Бибиковымъ въ генеральсъ-адъютанты и былъ затѣмъ при освобожденіи Оренбурга отъ Пугачева; въ 1783 г. ходилъ въ Крымъ, въ отрядѣ, посланномъ для усмиренія волновавшихся татаръ; 21 апрѣля 1784 г. произведенъ въ полковники; съ началомъ второй турецкой войны находился въ дѣйствующей арміи, при осадѣ Очакова. 1 января 1789 г. отпущенъ въ Москву для излеченія болѣзни, 21 апрѣля произведенъ въ бригадиры; императоромъ Павломъ произведенъ въ тайные совѣтники, затѣмъ былъ сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умеръ бездѣтнымъ; женатъ былъ дважды, на Нат. Петр. Нарышкиной и на Екат. Дм. Самойловой. О первой женѣ его даетъ восторженный отзывъ кн. Ив. Мих. Долгорукій, въ сочиненіи «Капище моего сердца», какъ о женщинѣ высокихъ душевныхъ свойствъ.

«Архивъ кн. Куракина», кн. VIII, 475.

Куракинъ, князь *Ѳедоръ Семеновичъ*, братъ кн. Григорія Семеновича, умеръ 2 ноября 1656 года. Въ 1615 г. и въ 1617 г., въ званіи стольника участвовалъ въ качествѣ рынды при пріемахъ пословъ датскаго и кизильбашскаго. Въ томъ же 1615 г. принималъ участіе въ борьбѣ съ Лисовскимъ; кн. Ѳ. С. Куракину одному изъ всѣхъ московскихъ воеводъ удалось столкнуться съ Лисовскимъ и нанести ему нѣкоторое пораженіе, хотя не особенно значительное — во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ Литовскій, уходя послѣ стычки съ кн. Д. Пожарскимъ подъ Орломъ, успѣвалъ избѣгать встрѣчи съ воинскими отрядами и неуловимо для нихъ выходилъ изъ Московскаго государства, отмѣчая путь свой пожарами и разореніями населенныхъ пунктовъ. Военная дѣятельность кн. Ѳ. С. Куракина была почти непрерывная: въ 1616 и 1617 гг. онъ былъ воеводою большого полка на Тулѣ, въ 1619—воеводою передового полка на Дѣдиловѣ и успѣшно бился съ татарами; въ 1621 г. былъ посланъ въ тверской и кашинскій уѣзды «разбирать» дѣтей боярскихъ и собирать ратныхъ людей для предстоявшей борьбы съ Польшею. Въ 1623, 1627 и 1628 г. опять видимъ его воеводою въ большомъ полку на Тулѣ; въ 1628 — 1631 г. онъ былъ воеводою въ Астрахани; въ 1634 г. былъ воеводою въ Калугѣ и опять имѣлъ счастливыя стычки съ литовскими людьми; въ 1635—1636 г. былъ воеводою въ Псковѣ; въ 1635 году, нося званіе чашника, участвовалъ въ торжественномъ пріемѣ литовскихъ пословъ. Въ 1640 г. былъ воеводою на Крапивнѣ; въ 1645 — въ Новгородѣ и 30 сентября этого года пожалованъ въ бояре; съ 1646 по 1650 г. былъ вторично воеводою въ Астрахани и между прочимъ—устраивалъ тамъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, виноградный садъ; въ 1652—1653 г. оставался на Москвѣ при кратковременныхъ отлучкахъ государя, 5 апрѣля 1652 г. участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ мощей св. патріарха Іова; въ 1653 г. приводилъ къ шерти царевичей Сибирскихъ и Касимовскаго, и посланъ былъ въ Кіевъ осаднымъ воеводою; здѣсь имѣлъ разныя столкновенія съ митрополитомъ, который жаловался на него царю.

«Акты Историч.», III; «Раздряд. книги», I, II; «Дворцовые разряды», IV; «Акты Моск. госуд.», II; Долгоруковъ, кн., «Родослов. книга», I; Соловьевъ, «Исторія», книга II; рукописные матеріалы, сообщенные В. Н. Смольяниновымъ.

Куракинъ, князь *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, бояринъ, ум. послѣ 1683 г. Сынъ кн. Ѳедора Семеновича. Въ 1640 г. встрѣчаемъ его уже стольникомъ; въ 1654 — 1656 г. сопровождалъ царя въ походѣ его, былъ сначала «головою у огней», затѣмъ «головою первой сотни стольниковъ»; въ 1654 г. ходилъ съ отдѣльнымъ отрядомъ и занялъ Дубровку; въ 1658 г. ходилъ противъ Выговскаго, въ 1659 г. былъ первымъ товарищемъ у кн. А. Н. Трубецкаго; 23 февраля 1660 г. сказано ему боярство; въ числѣ другихъ участниковъ войны и кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ получилъ богатые подарки—шубу въ 330 руб., кубокъ, 8,000 ефимковъ на покупку вотчины и придачи къ денежному жалованью 160 р. въ годъ; въ эти же годы мы встрѣчаемъ его участникомъ многихъ придворныхъ и церковныхъ церемоній. Въ 1661 г. ходилъ съ полками на Тулу, въ 1662 г. сидѣлъ въ Судномъ Володимерскомъ приказѣ, затѣмъ былъ воеводою въ Переяславлѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ; неоднократно былъ оставляемъ въ теченіе 1662—1666 г. вѣдать Москву на время непродолжительныхъ отлучекъ изъ столицы царя. 1 сентября 1674 г., при «объявленіи» царевича Ѳеодора Алексѣевича, былъ назначенъ

къ нему дядькою, вмѣстѣ со стольникомъ Ив. Богд. Хитрово, и съ этого времени является неизмѣннымъ спутникомъ царевича при всѣхъ его выходахъ или выѣздахъ изъ Москвы; но 30 мая 1675 г. кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ былъ отосланъ изъ дворца съ запрещеніемъ выѣзжать съ своего двора, по дѣлу о какой то бабѣ ворожеѣ и гадалкѣ, которую онъ держалъ у себя во дворѣ; дѣло это коснулось представителей многихъ виднѣйшихъ фамилій тогдашняго московскаго общества и тянулось до самаго конца царствованія Алексѣя Михайловича. При царскомъ вѣнчаніи царя Ѳедора Алексѣевича видимъ снова кн. Ѳ. Ѳ. Куракина однимъ изъ ближайшихъ къ нему лицъ, съ прежнимъ титуломъ дьяка; но большой роли кн. Куракинъ въ новое царствованіе не игралъ Современники отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ незначительномъ.

Долгорукій, кн., «Родословная книга», I; Соловьевъ. «Исторія Россіи», кн. II, III; «Дворцовые разряды», III, IV; «Акты Моск. госуд.», II; рукописные матеріалы, сообщенные В. И. Смольяниновымъ.

Курбатовъ, *Алексѣй Александровичъ*, архангельскій вице-губернаторъ, извѣстный «прибыльщикъ» Петровскаго царствованія, ум. лѣтомъ 1721 г. Крѣпостной слуга Бор. Петр. Шереметева; сопровождалъ своего господина, въ качествѣ «маршалка», въ поѣздкѣ его въ 1697—1698 гг. въ Италію и на о. Мальту. По возвращеніи подметнымъ письмомъ предложилъ ввести, для увеличенія государственныхъ средствъ, гербовую бумагу, незадолго предъ тѣмъ вошедшую въ употребленіе на Западѣ; предложеніе Курбатова было принято и самъ онъ, получивъ свободу, поступилъ на службу и пользовался замѣтнымъ вниманіемъ Петра. Курбатовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые горячо сочувствовали начинаніямъ Петра, умѣли ихъ понять и умѣли направить свою дѣятельность такъ, что она являлась, дѣйствительно, помощью, поддержкою для государя.

За свое изобрѣтеніе Курбатовъ былъ щедро награжденъ деньгами и сдѣланъ дьякомъ Оружейной палаты. По просьбѣ Курбатова государь поручилъ особому его наблюденію «математическія и навигацкія школы»; Курбатовъ энергически работалъ надъ улучшеніемъ преподаванія, заботился объ составленіи учебниковъ; Магницкій составилъ свою ариѳметику при его ближайшемъ участіи и содѣйствіи; «нынѣ, писалъ Курбатовъ царю, многіе изо всякихъ чиновъ люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскіе люди и молодые изъ приказовъ подьячіе приходятъ съ охотою немалою». Самъ Курбатовъ былъ человѣкъ довольно начитанный: послѣ него остались нѣмецкія и латинскія книги разнообразнаго содержанія. Въ 1703 г. онъ писалъ государю, что «прибрано и учатся 200 чел.».—Въ 1700 г., 15 октября, умеръ патріархъ Адріанъ; Курбатовъ немедленно написалъ объ этомъ къ царю, бывшему тогда подъ Нарвою, и писалъ, между прочимъ: «избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами; для надзора же за всѣмъ и для сбора домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго»; «изъ мірскихъ для смотрѣнія за казною и сбора ея очень хорошъ бояринъ Ив. Ал. Мусинъ-Пушкинъ или стольникъ Д. П. Протасьевъ»; какъ извѣстно, Петръ не только не назначилъ новаго патріарха, но именно Мусину-Пушкину поручилъ монастырскій приказъ, учрежденный вмѣсто патріаршаго разряда, такъ что указаніе Курбатова по крайней мѣрѣ совпало съ намѣреніями государя, если даже не внушило Петру принятое рѣшеніе.

Въ 1701 г. Курбатовъ былъ посланъ къ гетману Мазепѣ, а Протасьевъ къ запорожцамъ для водворенія между ними согласія; обѣ стороны были крайне враждебно другъ къ другу настроены; посланцы изъ Москвы успѣли кое-какъ установить между ними соглашеніе.

Въ 1705 г. Курбатовъ былъ назначенъ оберъ-инспекторомъ Ратуши и такимъ образомъ получилъ первую роль въ тогдашнемъ финансовомъ управленіи. Онъ весьма энергично принялся за дѣла, раскрылъ во многихъ городахъ и за многими лицами утайку денежной казны, энергично боролся съ корчемствомъ; еще ранѣе онъ раскрылъ большое дѣло о продажѣ фальшиваго серебра и уличилъ богатыхъ купцовъ Шустовыхъ въ неправильномъ показаніи о размѣрахъ своего имущества и за это получилъ отъ Петра въ награду 5.000 р.—Петръ не былъ щедръ на денежныя награды и такая

крупная по тому времени сумма доказываетъ, что государь находилъ дѣятельность Курбатова очень полезною. Курбатовъ признавалъ большое значеніе за центральными государственными учрежденіями и когда Петръ началъ устраивать губерніи, что являлось децентрализаціею государственнаго управленія, Курбатовъ прямо возражалъ противъ его плановъ: «ей, государь, писалъ онъ, немногая бываетъ и будетъ польза въ разномъ правленіи». «О томъ мы уже довольно разсуждали и нынѣшнаго порядка не нашли хуже», отвѣчалъ ему Петръ. Въ 1709 г. Курбатовъ поздравлялъ Петра съ полтавскою побѣдою и, надѣясь на близкое окончаніе войны, просилъ государя объ облегченіи суровыхъ мѣръ, принятыхъ около этого времени для взысканія недоимокъ—и Петръ сдѣлалъ распоряженіе соотвѣтственно просьбѣ Курбатова.

22 февраля 1711 г. Курбатовъ былъ назначенъ начальникомъ Архангелогородской губерніи, 6 марта 1712 г. именованъ вице-губернаторомъ. Хотя Архангельскъ былъ въ то время первымъ по торговлѣ городомъ Россіи,—что, вѣроятно, и имѣлъ въ виду Петръ, назначая туда Курбатова—но Курбатову это назначеніе было непріятно; ему не хотѣлось оставлять Москву, уѣзжать далеко отъ государя. Онъ написалъ въ такомъ духѣ письмо Петру. Петръ отвѣчалъ ему письмомъ: «Господинъ Курбатовъ! вчерашняго дня получилъ я письмо отъ васъ, въ которомъ вы зѣло опечалились ѣздою къ городу (такъ тогда обыкновенно называли Архангельскъ) образомъ малодушества, то не наноминая, въ какихъ бѣдахъ вашъ предводитель и печаляхъ обрѣтается; что же мните, будто я ради какого сердца на васъ сіе учинилъ, то извольте вѣрить воистину, что ниже въ мысли моей то было, ибо ежели-бъ я хотѣлъ, явно-бъ могъ безъ подлоговъ учинить, о чемъ пространнѣе услышите, когда у васъ назавтра буду. Piter»; Курбатовъ просилъ званія губернатора; «построй три корабля и будешь губернаторомъ», отвѣчалъ государь.

Назначеніе въ Архангельскъ оказалось дѣйствительно несчастливо для Курбатова. Онъ началъ управлять своею обширною губерніею со свойственною ему энергіею: «во всѣхъ врученныхъ дѣлѣхъ работалъ онъ, Курбатовъ,—такъ говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ,—со всякимъ истиннымъ усердіемъ, вседушевно, не льстясь къ богатству». Онъ озаботился снабженіемъ гарнизонныхъ войскъ достаточнымъ количествомъ оружія, разыскалъ по разнымъ городамъ утаенные государевы товары и деньги, увеличилъ доходъ отъ питейной торговли, заботился о разведеніи въ окрестностяхъ Вологды и Устюга лучшаго скота, завелъ «шпитали» и училища, собралъ въ школу свыше 40 человѣкъ еще до изданія общаго указа заботиться о заведеніи школъ, наконецъ построилъ въ Архангельскѣ семь кораблей. Но не только онъ не получилъ обѣщаннаго ему губернаторства, а еще попалъ подъ судъ. Курбатовъ столкнулся съ Меншиковымъ.

При первыхъ своихъ шагахъ по службѣ, задѣвая иногда сильныхъ людей, Курбатовъ опирался всегда на Меншикова, который ему покровительствовалъ; бывали и между ними столкновенія и разногласія, но не серьезныя. Теперь же, въ Архангельскѣ, Курбатовъ былъ назначенъ «всѣ казенные товары принимать и отпускать за море», вмѣстѣ съ оберъ-комиссаромъ Дм. Соловьевымъ». Соловьевъ былъ креатура Меншикова—и черезъ годъ, въ маѣ 1713 г. послѣдовалъ новый сенатскій указъ, которымъ Курбатовъ былъ отстраненъ отъ пріема товаровъ и пошлинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «отъ разныхъ управителей чинится въ торгахъ царскаго величества не безъ поврежденія». Указъ этотъ явно знаменовалъ недовольство Курбатовымъ. Курбатовъ тогда, въ іюнѣ 1713 г., подалъ доносъ на Соловьева, обвинялъ его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ при казенной торговлѣ, въ присвоеніи доходовъ и явно указывалъ и на участіе вмѣстѣ съ нимъ Меншикова. Тогда изъ Архангельска поступилъ доносъ на самого Курбатова, что онъ беретъ отъ торговыхъ людей взятки. Началось слѣдствіе; въ маѣ 1714 г. Курбатовъ былъ отстраненъ отъ должности. Это были тѣ именно года, когда раскрывались одно за другимъ ужасныя злоупотребленія Меншикова и когда вполнѣ Петръ не довѣрялъ, кажется, уже никому. И чѣмъ хуже было положеніе самого Меншикова, тѣмъ сильнѣе старался онъ доказывать виновность другихъ. Слѣдствіе надъ Курбатовымъ велось сначала въ Архангельскѣ, потомъ въ Устюгѣ, наконецъ въ Петербургѣ; Курбатовъ сначала вполнѣ отрицалъ какія либо вины за собою; согласно духу времени онъ не признавалъ

за что-либо противузаконное, если «малое что, ради прокормленія, отъ денегъ, и питей, и провіанта себѣ бралъ»; позднѣе, однако, Курбатовъ признанъ самовольное израсходованіе до 10.000 р. Но насколько малы были вины Курбатова, видно изъ того, что въ 1717 г. началось дѣло по обвиненію Соловьевыхъ—и окончилось оно начетомъ на нихъ въ суммѣ свыше 600.000 р.; большой начетъ былъ сдѣланъ и на самого Меншикова; въ декабрѣ 1717 г. разстрѣлянъ былъ кн. Волконскій, по докладу котораго Курбатовъ былъ отстраненъ отъ должности, такъ какъ было теперь доказано, что онъ производилъ слѣдствіе неправильно. Тѣмъ съ большею энергіею боролся теперь Курбатовъ противъ Меншикова, который всячески старался его погубить—казалось возможнымъ, что Курбатову удастся доказать, что если онъ и виновенъ, то меньше, чѣмъ его враги,—но Курбатовъ умеръ не дождавшись рѣшенія; особый судъ призналъ, что съ Курбатова слѣдуетъ взыскать около 16.000 р., изъ которыхъ 1.085 р. было признано взятками, остальные — неправильно израсходованными.

Уже въ то время, когда Курбатовъ находился подъ слѣдствіемъ, онъ неоднократно писалъ самому царю по своимъ дѣламъ; кромѣ того, въ 1721 г. онъ представилъ государю весьма любопытные «пункты о кабинетъ-коллегіумѣ», въ которыхъ развивалъ мысль о необходимости учредить такое мѣсто, которое было бы высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ, высшею административною и судебною инстанціей, наблюдало за исполненіемъ всякихъ дѣлъ, порученныхъ другимъ учрежденіямъ, «кромѣ иностранныхъ дѣлъ»; учрежденіе это должно было заботиться объ заведеніи въ государствѣ разныхъ училищъ. И въ данномъ случаѣ Курбатовъ сошелся съ мыслями Петра, потому что Сенатъ, послѣ реформъ, произведенныхъ въ немъ въ 1722—1724 гг., весьма приблизился къ тому, что предлагалъ создать Курбатовъ подъ именемъ кабинетъ-коллегіума или «архиканцеляріи имперіи».

Соловьевъ, III, 1213, 1214, 1342—1359, 1394, 1557; IV, 10, 191—205; Павловъ-Сильванскій, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго».

Курбскіе, князья, происходятъ отъ внука Мономахова, кн. Ростислава Мстиславовича Смоленскаго, родоначальника кн. Вяземскихъ и Смоленскихъ, изъ которыхъ одна вѣтвь въ XIII в. княжила въ Ярославлѣ. Изъ Ярославскаго княжества позднѣе другихъ выдѣлились удѣлы: Курбскій, Шехонскій и Ухорскій; первымъ принялъ прозвище Курбскаго — по имени своей наслѣдственной вотчины *Курбы*, находившейся въ 25 верстахъ отъ Ярославля,—кн. *Семенъ Ивановичъ*.

Курбскій, князь, *Андрей Дмитріевичъ*, ум. послѣ 1521 г. Въ 1494 г. былъ воеводою большого полка подъ Оршею; въ 1495 г. былъ въ походѣ къ Новгороду съ великимъ княземъ Іоанномъ III; въ 1508 г.—воеводою сторожевого полка въ Смоленскомъ походѣ, въ 1512 г.—воеводою большого полка. Въ 1513 г. во время похода вел. кн. Василія Ивановича къ Смоленску стоялъ со сторожевымъ полкомъ на Тулѣ Въ 1521 г. былъ воеводою въ Нижнемъ.

Курбскій, кн. *Андрей Михайловичъ*, боярин и воевода, писатель, род. въ 1528 г., ум. въ 1583 г. Въ первый разъ имя кн. Курбскаго встрѣчается въ 1549 г., когда онъ сопровождалъ царя Іоанна IV въ Казанскій походъ, въ званіи стольника, и находился въ осаулахъ вмѣстѣ съ братомъ царицы Анастасіи—Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, который со стороны его матери, рожденной Тучкою, приходился ему правнучатнымъ братомъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Казанскаго похода, кн. Курбскій былъ отправленъ воеводою въ Пронскъ, для охраны юго-восточныхъ границъ отъ набѣга татаръ, а въ слѣдующемъ, 1551 г., вмѣстѣ съ кн. Щенятевымъ начальствовалъ полкомъ правой руки, стоявшимъ на берегу р. Оки, въ ожиданіи нападенія крымскихъ и казанскихъ татаръ. Несмотря на свою молодость, кн. Курбскій пользовался особымъ довѣріемъ царя, что видно напр. изъ слѣдующаго: воеводы, стоявшіе въ Рязани, стали мѣстничаться съ кн. Мих. Ив. Воротынскимъ и отказались къ нему ѣздить, вслѣдствіе чего въ войскѣ произошелъ сильный безпорядокъ. Узнавъ объ этомъ, царь послалъ кн. Курбскому грамоту съ порученіемъ объявить воеводамъ, чтобы они были «безъ мѣстъ». Въ концѣ того же 1551 г. царь собрался съ большимъ войскомъ въ походъ къ Казани. Получивъ на пути къ Коломнѣ извѣстіе, что крымцы осадили Тулу, царь велѣлъ идти на выручку Тулы полку правой

руки, подъ предводительствомъ кн. Курбскаго и кн. Щенятева, а также передовому и большому полкамъ. Тулу сильно осаждалъ въ теченіе двухъ дней самъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, а теперь онъ бѣжалъ въ степи, испугавшись прихода русскихъ войскъ. Кн. Курбскій и кн. Щенятевъ нагнали крымцевъ на берегу рѣки Шивороны, разбили ихъ, отняли многихъ плѣнныхъ и взяли ханскій обозъ. Въ этой битвѣ кн. Курбскій получилъ тяжкія раны въ голову, плечи и руки, что не помѣшало ему, однако, черезъ восемь дней снова выступить въ походъ. Полкъ правой руки направился черезъ Рязанскую область и Мещеру, по лѣсамъ и «дикому полю», прикрывая собою движеніе царя къ Казани отъ нападенія ногайцевъ. 13 августа царь и все войско прибыли въ Свіяжскъ, гдѣ отдохнули нѣсколько дней; 20 августа переправились черезъ Казанку, а 23 всѣ полки стали на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Полкъ правой руки, подъ начальствомъ кн. Курбскаго и кн. Щенятева, расположился на лугу за р. Казанкой, между большими болотами, и сильно терпѣлъ какъ отъ стрѣльбы съ крѣпостныхъ стѣнъ Казани, построенныхъ на крутой горѣ, такъ и отъ безпрестанныхъ нападеній, съ тылу, черемисъ, выѣзжавшихъ изъ дремучихъ лѣсовъ, наконецъ отъ дурной погоды и вызванныхъ ею болѣзней. Въ рѣшительномъ приступѣ къ Казани 2 октября 1552 г. кн. Курбскій съ частью полка правой руки долженъ былъ идти на Елбугины ворота, снизу отъ Казанки, а другому воеводѣ правой руки, кн. Щенятеву, велѣно было подкрѣплять его. Татары подпустили русскихъ къ самой крѣпостной стѣнѣ и тогда стали лить на ихъ головы кипящую смолу, бросать бревна, камни и стрѣлы. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя татары были опрокинуты со стѣнъ; войска большого полка ворвались черезъ проломы въ городъ и вступили въ ожесточенную битву на улицахъ, а кн. Курбскій стоялъ у входа въ Елбугины ворота и заграждалъ татарамъ путь изъ крѣпости. Когда татары, видя, что дальнѣйшая борьба невозможна, выдали русскимъ своего царя Едигера, а сами стали бросаться со стѣнъ на берегъ р. Казанки, намѣреваясь пробиться сквозь расположенные тамъ туры полка правой руки, а затѣмъ, отбитые тутъ, стали переправляться въ бродъ на противоположный берегъ, кн. Курбскій сѣлъ на коня и съ 200 всадниковъ бросился въ погоню за татарами, которыхъ было по крайней мѣрѣ 5,000: давъ имъ немного отойти отъ берега, онъ ударилъ на нихъ въ то время, когда послѣдняя часть отряда находилась еще въ рѣкѣ. Въ своей «Исторіи кн. вел. Московскаго», кн. Курбскій, разсказывая объ этомъ подвигѣ своемъ, прибавляетъ: «Молюся, да не возомнитъ мя кто безумна, самъ себя хвалюща! Правду воистину глаголю и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ». Кн. Курбскій прежде всѣхъ ворвался въ толпу татаръ, и во время битвы конь его трижды врѣзывался въ ряды отступавшихъ, а въ четвертый разъ и конь, и всадникъ, сильно раненые, повалились на землю. Кн. Курбскій очнулся нѣсколько времени спустя и видѣлъ, какъ его, точно мертвеца, оплакивали двое его слугъ и два царскихъ воина; жизнь его была спасена, благодаря бывшей на немъ крѣпкой праотеческой бронѣ. Въ «Царственной книгѣ» имѣется подтвержденіе этого разсказа: «А воевода кн. Андрей Мих. Курбскій выѣде изъ города, и всѣде на конь, и гна по нихъ, и пріѣхавъ во всѣхъ въ нихъ; они же его съ коня збивъ, и его сѣкоша множество, и прейдоша по немъ за мертваго многіе; но Божіимъ милосердіемъ послѣди оздравѣлъ; татарове же побѣжаша на рознь къ лѣсу».

Въ началѣ марта 1553 г. царь Іоаннъ IV сильно занемогъ и, на случай смерти, велѣлъ боярамъ присягнуть въ вѣрности своему малюткѣ сыну Димитрію. Среди бояръ нашлись сторонники двоюроднаго брата царя, кн. Влад. Андр. Старицкаго; бояре спорили, горячились и медлили съ присягой, говорили о нежеланіи своемъ служить Захарьинымъ во время малолѣтства Димитрія. Самые вліятельные и близкіе къ царю люди, Сильвестръ и Адашевъ, и тѣ въ эту тяжелую минуту выказали отсутствіе безусловной преданности и сердечнаго расположенія къ царю. Кн. Курбскій, принадлежавшій къ партіи Сильвестра и Адашева, что ясно видно изъ его многочисленныхъ лестныхъ отзывовъ о нихъ, во время болѣзни царя къ нимъ не примкнулъ. Въ своемъ отвѣтѣ на второе посланіе Іоанна онъ говоритъ между прочимъ: «А о Володимерѣ братѣ воспоми-

наешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: воистину, о семъ не мыслихъ: понеже и не достоинъ былъ того». Надо полагать, что царь оцѣнилъ образъ дѣйствій кн. Курбскаго, потому что, по выздоровленіи своемъ, взялъ его съ собою въ числѣ немногихъ сопровождающихъ на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Первая остановка по выѣздѣ изъ Москвы была въ Троицы-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ въ то время жилъ Максимъ Грекъ, пользовавшійся уваженіемъ царя. Максимъ сталъ отговаривать царя отъ задуманнаго далекаго путешествія, особенно съ женою и маленькимъ сыномъ, доказывалъ, что такіе обѣты неразумны, что «Богъ вездѣсущъ и всюду зритъ недреманнымъ окомъ своимъ, и что святые его внимаютъ молитвамъ нашимъ, взирая не на мѣсто, гдѣ онѣ приносятся, а на добрую волю и власть нашу надъ собою»; вмѣсто поѣздки въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь Максимъ совѣтовалъ собрать вокругъ себя вдовъ, сиротъ и матерей тѣхъ воиновъ, которые погибли во время Казанскаго похода, и стараться утѣшить ихъ и устроить ихъ судьбу. Царь упорствовалъ однако въ своемъ намѣреніи, и Максимъ высказался въ духѣ пророческомъ, поручивъ царскому духовнику Андрею Протопопову, кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскому, Алексѣю Адашеву и кн. Курбскому, сопутствовавшимъ царю, передать ему, что въ случаѣ непослушанія, сынъ его Димитрій умретъ во время путешествія. Царь не внялъ совѣтамъ Максима Грека и отправился въ Дмитровъ, оттуда въ Пѣсношскій монастырь, лежащій на р. Яхромѣ, гдѣ были приготовлены суда для дальнѣйшаго путешествія. Въ Пѣсношскомъ монастырѣ жилъ на покоѣ бывшій коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ, любимецъ и приближенный Іоаннова отца, вел. кн. Василія Ивановича. Весьма интересенъ отзывъ кн. Курбскаго о бесѣдѣ царя Іоанна съ Вассіаномъ, и мы остановимся на немъ при разсмотрѣніи сочиненія кн. Курбскаго «Исторія кн. вел. Московскаго».

Царь и его спутники возвратились съ богомолья въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ іюлѣ 1553 г. Въ началѣ 1554 г. кн. Курбскій вмѣстѣ съ Шереметевымъ и съ кн. Микулинскимъ былъ посланъ усмирить мятежъ въ землѣ Казанской, такъ какъ вотяки, черемисы и татары не хотѣли платить дань и повиноваться царскимъ намѣстникамъ и тревожили своими набѣгами нижегородскіе предѣлы. Русскія войска углубились въ лѣса, гдѣ скрывались бунтовщики, пользуясь знаніемъ мѣстности; цѣлый мѣсяцъ воеводы преслѣдовали ихъ и успѣшно сражались съ ними болѣе двадцати разъ: они побили 10.000 непріятелей, съ ихъ атаманами Янчурою и Алекой Черемисиномъ во главѣ, и возвратились въ Москву ко дню Благовѣщенія съ «пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстьми». Послѣ этого арская и побережная сторона покорились и обѣщали давать дань, а царь наградилъ воеводъ золотыми шейными гривнами со своимъ изображеніемъ. Въ 1556 г. кн. Курбскій былъ посланъ вмѣстѣ съ кн. Ѳеод. Ив. Троекуровымъ усмирять снова возставшихъ луговыхъ черемисъ. По возвращеніи изъ этого похода онъ, въ должности воеводы полка лѣвой руки, находился въ Калугѣ, для охраны южной границы отъ угрожавшаго нападенія крымцевъ, а затѣмъ стоялъ въ Каширѣ, начальствуя вмѣстѣ съ кн. Щенятевымъ правой рукой. Въ этомъ же году онъ былъ пожалованъ въ бояре.

Въ январѣ 1558 г. началась война съ Ливоніей изъ-за отказа ея платить дань, обѣщанную Московскому государству еще при Іоаннѣ III магистромъ Плеттенбергомъ. Громадное русское войско (по словамъ кн. Курбскаго было 40 тысячъ, или даже болѣе) выступило изъ Пскова и вошло въ Ливонію тремя отрядами, причемъ сторожевымъ полкомъ начальствовали кн. Курбскій и Головинъ. Войску было дано приказаніе «воевать зѣмлю», т. е. жечь и опустошать посады, но никакъ не осаждать города. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца русскіе опустошали Ливонію и возвратились съ большимъ количествомъ плѣнныхъ и съ богатою добычею. Послѣ этого Ливонія хлопотала о мирѣ, но Іоаннъ не согласился даже на перемиріе. Весной 1558 г. былъ взятъ Сыренскъ (Нейшлоссъ), и воеводой тамъ оставленъ Заболоцкій, а остальнымъ воеводамъ царь приказалъ идти на соединеніе съ кн. Петр. Ив. Шуйскимъ и съ кн. Курбскимъ, шедшими изъ Пскова на Нейгаузъ; кн. Курбскій начальствовалъ передовымъ полкомъ, кн. Шуйскій—большимъ полкомъ, кн. Вас. Сем. Серебряный — правой рукой. Нейгаузъ былъ взятъ послѣ трехнедѣльной

осады; затѣмъ осажденъ былъ Дерптъ, въ которомъ затворился самъ дерптскій епископъ. 18 іюля были подписаны условія сдачи, а на слѣдующій день русскіе заняли укрѣпленія города. Въ это лѣто русскіе завоевали до двадцати городовъ. «И пребыхомъ въ той землѣ ажъ до самаго первозимія, — пишетъ кн. Курбскій, — и возвратихомся ко царю нашему со великою и свѣтлою побѣдою».

Не прошло и полугода послѣ возвращенія изъ Ливоніи, какъ кн. Курбскій былъ посланъ на южную украину, которой угрожали крымцы. 11 марта 1559 г. были росписаны воеводы по полкамъ, и кн. Курбскій вмѣстѣ съ кн. Мстиславскимъ назначены воеводами правой руки; сначала они стояли въ Калугѣ, а затѣмъ имъ было велѣно перейти ближе къ степямъ, въ Мценскъ. Въ августѣ, когда опасность миновала, войска были распущены по домамъ, и кн. Курбскій тоже, вѣроятно, возвратился въ Москву. Между тѣмъ изъ Ливоніи приходили неутѣшительныя вѣсти, а дѣйствіями посланнаго туда главнаго воеводы царь былъ повидимому не совершенно доволенъ: «Сего ради, — пишетъ кн. Курбскій,—введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и зѣло любовными и къ тому со обѣщаньми многими: «Принужденъ быхъ, рече, отъ оныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ итти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу помогающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ». Кн. Курбскій со своимъ отрядомъ направился къ Дерпту и, въ ожиданіи прибытія въ Ливонію другихъ воеводъ, произвелъ движеніе къ Вейссенштейну (Пайдѣ). Поразивъ подъ самымъ городомъ ливонскій отрядъ, онъ узналъ отъ плѣнныхъ, что магистръ съ войскомъ стоитъ въ восьми миляхъ, за большими болотами. Ночью кн. Курбскій выступилъ въ походъ, пришелъ утромъ къ болотамъ и цѣлый день употребилъ для переправы черезъ нихъ войска. Еслибы ливонцы встрѣтились въ это время съ русскими, то поразили бы ихъ, будь даже болѣе многочисленное войско у кн. Курбскаго, но они, по словамъ его, «яко гордые, стояли на широкомъ полѣ отъ тѣхъ блатъ, ждуще насъ, аки двѣ мили, ко сраженію». Переправившись черезъ эти опасныя мѣста, воины отдохнули немного и затѣмъ около полуночи начали перестрѣлку, а затѣмъ, вступивъ въ рукопашную, обратили ливонцевъ въ бѣгство, преслѣдовали ихъ и нанесли большой уронъ. Возвратившись въ Дерптъ и получивъ въ подкрѣпленіе отрядъ изъ 2.000 воиновъ, добровольно къ нему присоединившихся, кн. Курбскій послѣ десятидневнаго отдыха выступилъ къ Феллину, гдѣ находился отказавшійся отъ должности магистръ Фюрстенбергъ. Кн. Курбскій послалъ впередъ татарскій отрядъ, подъ начальствомъ кн. Золотого-Оболенскаго, будто бы для того, чтобы жечь посадъ; Фюрстенбергъ выѣхалъ противъ татаръ со всѣмъ своимъ гарнизономъ и едва спасся, когда кн. Курбскій ударилъ на него изъ засады. Когда въ Ливонію вступило наконецъ ожидаемое большое войско, подъ начальствомъ кн. И. Ѳ. Мстиславскаго и кн. Петра Ив. Шуйскаго, кн. Курбскій съ передовымъ полкомъ присоединился къ нимъ и они вмѣстѣ пошли къ Феллину, послалъ въ обходъ отрядъ кн. Барбашина. Вблизи города Эрмеса на кн. Барбашина напалъ ливонскій отрядъ подъ начальствомъ ландмаршала Филиппа Шаль-фонъ-Белля; ландмаршалъ потерпѣлъ пораженіе и вмѣстѣ съ командорами былъ взятъ въ плѣнъ. Кн. Курбскій съ великой похвалой отзывается о немъ: «бѣ бо мужъ, яко разсмотрихомъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый, но и словеста полонъ, и остръ разумъ и добру память имущь». Отсылая его съ другими важными плѣнными въ Москву, кн. Курбскій и прочіе воеводы письменно умоляли царя не казнить ландмаршала — онъ былъ, однако, казненъ, за рѣзкое выраженіе, сказанное царю на пріемѣ. Во время трехнедѣльной осады Феллина кн. Курбскій ходилъ подъ Венденъ и разбилъ начальника литовскаго отряда кн. Полубенскаго, посланнаго противъ него Іеронимомъ Ходкѣвичемъ, а подъ Вольмаромъ поразилъ ливонцевъ и новаго ландмаршала. Сраженіе кн. Курбскаго съ кн. Полубенскимъ было первымъ столкновеніемъ русскихъ съ польскимъ королемъ изъ-за правъ на Ливонію. Явилась необходимость для защиты границъ отъ литовскихъ набѣговъ разставить по городамъ воеводъ, которымъ было приказано также ходить опустошать литовскія пограничныя мѣста. Кн. Курбскій стоялъ на Лукахъ Великихъ, и въ іюнѣ 1562 г. сдѣлалъ нападеніе на Витебскъ и сжегъ

посадъ. Въ августѣ того же года онъ былъ отправленъ противъ литовцевъ, опустошавшихъ окрестности Невля. Показанія польскихъ историковъ Стрыйковскаго, Бѣльскаго и Гваньини противорѣчатъ Псковской лѣтописи. Если вѣрить имъ, то кн. Курбскій потерпѣлъ сильное пораженіе подъ Невлемъ, имѣя несравненно больше войска нежели литовцы, и бѣжалъ потомъ въ Литву, изъ опасенія царскаго гнѣва; въ Псковской же лѣтописи сказано только: «приходили литовскія люди подъ Невлю городокъ великого князя, и волости воевали и пошли прочь; и ходилъ за ними кн. Андрей Курбской и съ иными воеводами, и мала была помощь, съ обѣихъ сторонъ потернулися и языковъ наши взяли у нихъ» и царь въ своемъ отвѣтѣ на посланіе кн. Курбскому пишетъ, между прочимъ, относительно битвы подъ Невлемъ: «съ 15 тысячами вы не могли побѣдить 4 тысячи, и не только не побѣдили, но и сами отъ нихъ едва возвратились, ничего не успѣвъ»—такимъ образомъ и лѣтопись и царь согласно говорятъ, что кн. Курбскому не удалось побѣдить литовцевъ, но изъ этого еще нельзя заключить о пораженіи, грозившемъ ему гнѣвомъ царя, — Іоаннъ, конечно, попрекнулъ бы Курбскаго пораженіемъ. Бѣльскій высказываетъ мнѣніе, что послѣ Невльской битвы царь подозрѣвалъ кн. Курбскаго въ измѣнѣ, но и это сомнительно, какъ потому, что для этого не было никакого повода, такъ и въ виду того, что въ такомъ случаѣ царь едва-ли бы взялъ его съ собою 30 ноября того же года въ походъ подъ Полоцкъ и оставилъ бы въ началѣ марта 1563 г. воеводой въ новозавоеванномъ городѣ Дерптѣ. «Коли бы мы тебѣ въ томъ не вѣрили, — писалъ Іоаннъ кн. Курбскому,—и мы бы тебя въ ту свою вотчину не посылали». Съ небольшимъ годъ спустя послѣ этого, ночью 30 апрѣля 1564 г. кн. Курбскій бѣжалъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей боярскихъ, въ ливонскій городъ Вольмаръ къ польскому королю, оставивъ на произволъ судьбы жену и девятилѣтняго сына. Вѣрный слуга его Шибановъ былъ схваченъ дерптскими воеводами и отосланъ въ Москву къ царю, гдѣ и казненъ; мать, жена и сынъ кн. Курбскаго посажены въ тюрьму и умерли тамъ отъ тоски. Всѣ лица, близко къ нему стоявшія, были повидимому подвергнуты допросу; по крайней мѣрѣ объ этомъ можно судить потому, что были записаны «рѣчи старца отъ Спаса изъ Ярославля, попа чернаго отца духовнаго Курбскаго», очевидно, того Ѳеодорита, о которомъ Курбскій отзывается съ большою похвалою въ 8-й главѣ своей «Исторіи».

Такъ какъ ни самъ кн. Курбскій въ «Исторіи» и въ посланіяхъ къ царю, ни Іоаннъ въ своихъ отвѣтахъ на посланія не указываютъ, что именно побудило кн. Курбскаго отъѣхать въ Литву, то мы можемъ лишь дѣлать догадки и предположенія. Если вѣрить повѣствованію дерптскаго бюргера Ніенштедта и неизвѣстнаго по имени ливонскаго лѣтописца, кн. Курбскій велъ въ 1563 г. переговоры о сдачѣ нѣсколькихъ ливонскихъ городовъ, но переговоры эти не увѣнчались успѣхомъ. Очень возможно, что кн. Курбскій опасался, какъ бы царь не приписалъ эту неудачу его злому умыслу и какъ бы его не постигла участь Сильвестра и Адашева и другихъ его единомышленниковъ. Какъ видно изъ словъ самого кн. Курбскаго, онъ не сразу рѣшился покинуть отечество и считалъ себя невинно изгнаннымъ: «Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ, — пишетъ онъ въ посланіи, — и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возволъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея жъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть!.. Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ея поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша». Іоаннъ въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе говоритъ между прочимъ: «А за такія ваши послуги, еже выше рѣхомъ, достойны есте были многихъ опалъ и казней; но мы еще съ милостію къ вамъ опалу свою чинили, аще бы твоему достоинству, и ты бъ къ не-

другу нашему не уѣхалъ, и въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, и утеканія тебѣ сотворити было невозможно... Зла же и гоненія безлѣпа отъ мене не пріялъ еси, и бѣдъ и напастей на тя не нодвиглъ есмя; а кое и наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твое преступленіе: понеже согласился еси съ нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихъ же не сотворилъ еси, на тебя не взваживалъ есмя; а которые еси свои проступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по тому и наказаніе чинили». По всему вѣроятію, на кн. Курбскомъ лежала опала за его участіе въ «избранной радѣ» и за его близость къ Сильвестру и Адашеву, гоненіе противъ которыхъ Іоанномъ Грознымъ было воздвигнуто послѣ смерти царицы Анастасіи Романовны въ 1560 г. Намекъ на опалу и на то, въ чемъ состояла измѣна, мы находимъ въ словахъ Іоанна которыя онъ велѣлъ гонцу Колычеву сказать польскому королю Сигизмунду-Августу: «Курбскаго и его совѣтниковъ измѣны то, что онъ хотѣлъ надъ государемъ нашимъ и надъ его царицею Настасьею и надъ ихъ дѣтьми умышляти всякое лихое дѣло: и государь нашъ, увѣдавъ его измѣны, хотѣлъ было его посмирити, и онъ побѣжалъ».

Въ удѣльно-вѣчевую пору, какъ извѣстно, существовало право отъѣзда, т. е. перехода бояръ отъ одного князя къ другому. Это было право дружинниковъ. Со времени усиленія Москвы, главнымъ же образомъ съ княженія Іоанна III, это право отъѣзда, въ силу необходимости, должно было ограничиться: сѣверо-восточная Русь объединилась подъ властью московскихъ князей-собирателей, и отъѣздъ сталъ возможенъ только въ Орду, или въ Литовское великое княжество, что въ глазахъ государей московскихъ стало считаться уже измѣной, слѣдовательно преступленіемъ, а не законнымъ правомъ. При Іоаннѣ III, при Василіи Ивановичѣ, а въ особенности при Іоаннѣ IV со многихъ виднѣйшихъ бояръ были взяты клятвенныя записи, съ поручительствомъ митрополита и другихъ бояръ и служилыхъ людей въ томъ, что они не отъѣдутъ изъ Московскаго государства. На отъѣздъ къ «бусурманамъ», разумѣется, не находилось охотниковъ,— и Литовское великое княжество было единственнымъ убѣжищемъ для бояръ, недовольныхъ московскими порядками. Великое княжество Литовское, населенное русскимъ православнымъ народомъ, привлекало къ себѣ бояръ большей независимостью тамъ высшаго служилаго класса, начинавшаго уже организоваться по образу и подобію польскаго магнатства. Отъѣзды бояръ въ Литву особенно усилились съ наплывомъ «княжатъ» въ средумосковскаго боярства, такъ какъ эти княжата имѣли все основаніе считать себя не дружинниками, но все таки «вольными» слугами московскаго государя. Но и въ Литовскомъ великомъ княжествѣ не всѣ княжата были въ свою очередь довольны тамошними порядками, и также считали себя въ правѣ отъѣзжать изъ Литвы въ Москву, гдѣ ихъ, въ противоположность своимъ отъѣзжимъ князьямъ, не только не считали измѣнниками, но, напротивъ, принимали весьма ласково и награждали вотчинами. Булгаковы, Патрикѣевы, Голицыны, Бѣльскіе, Мстиславскіе, Глинскіе выѣхали изъ Литвы и играли выдающуюся роль въ Московскомъ государствѣ. Отъѣзды княжатъ изъ Москвы въ Литву и обратно при Іоаннѣ III создали большую неустойчивость въ пограничной между этими государствами территоріи, въ которой находились вотчины этихъ княжатъ: они то признавали надъ собою власть Литвы, то Москвы, мѣняя эту зависимость сообразно своимъ личнымъ обстоятельствамъ. Эта неустойчивость пограничной территоріи, даже называвшейся въ ту пору «страною князей», была постоянно причиною враждебныхъ отношеній Московскаго государства къ Литовскому, а съ теченіемъ времени привела и къ враждебнымъ столкновеніямъ между Москвою и Польшей. Кн. Курбскій, подобно другимъ княжатамъ, не признавалъ за царемъ Іоанномъ права запретить отъѣздъ изъ Московскаго государства и въ своемъ отвѣтѣ на второе посланіе Іоанна писалъ: «затворилъ еси царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, яко во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку, до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертьми».

Одинъ изъ изслѣдователей жизни кн. Курбскаго (Иванишевъ) высказываетъ предположеніе, что онъ «дѣйствовалъ обдуманно и только тогда рѣшился измѣнить своему царю, когда плату за измѣну на-

шелъ для себя выгодною». Другой изслѣдователь (Горскій) говоритъ: «Если бы Курбскій бѣжалъ въ Литву дѣйствительно изъ страха смерти, то, вѣроятно, онъ сдѣлалъ бы это и безъ приглашенія короля, потому что ему, безъ сомнѣнія, было извѣстно, какъ хорошо принимаетъ король русскихъ измѣнниковъ. Видно, что Курбскій дѣлалъ свое дѣло не торопясь, даже слишкомъ не торопясь, потому что для окончанія всѣхъ переговоровъ, какіе онъ велъ съ Сигизмундомъ-Августомъ, требовалось много времени. Эта медленность есть лучшее доказательство, что насчетъ жизни своей Курбскій былъ совершенно спокоенъ». Изъ сохранившихся грамотъ «листовъ» королевскихъ на имя кн. Курбскаго—видно, что польскій король, дѣйствительно, приглашалъ его переѣхать въ Литву, но въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго; и раньше переманивались въ Литву московскіе бояре и всѣ пригодные къ военной службѣ. Что касается «выгодной платы за измѣну», то ни польскій король Сигизмундъ-Августъ, ни литовскій гетманъ Радзивилъ не высказали ничего опредѣленнаго: король обѣщалъ въ охранной грамотѣ быть къ князю Курбскому милостивымъ (где се ему ласково обецуетъ ставить), а гетманъ обѣщалъ приличное содержаніе. Въ виду этого нѣтъ основанія утверждать, что Курбскій рѣшился на отъѣздъ изъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій.

Отъѣхавъ въ Вольмаръ, кн. Курбскій отправилъ Іоанну посланіе, въ которомъ упрекалъ его за побіеніе бояръ и воеводъ, за оклеветаніе вѣрныхъ подданныхъ, говорилъ о своемъ собственномъ гоненіи и о необходимости покинуть отечество и совѣтовалъ удалить наушниковъ. И отъ побѣга Курбскаго и отъ его посланія Іоаннъ былъ внѣ себя отъ гнѣва: онъ написалъ пространный отвѣтъ, ссылался на древнюю исторію, на книги Св. Писанія и творенія св. отцевъ, оправдывалъ свои дѣла, винилъ бояръ. Въ началѣ отвѣта Іоаннъ кратко изложилъ свою родословную, какъ доказательство неоспоримыхъ правъ на престолъ и преимущества своего рода передъ родомъ кн. Курбскаго, упомянувшаго въ посланіи къ царю, что онъ до конца дней будетъ въ молитвахъ «печаловаться на него Пребезначальной Троицѣ» и призывать на помощь всѣхъ святыхъ, «и государя моего праотца, кн. Ѳеодора Ростиславовича». Въ этихъ словахъ царь увидалъ вѣроятно намекъ на желаніе быть самостоятельнымъ квязем, такъ какъ употребилъ слѣдующее обращеніе къ кн. Курбскому: «князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ». На это письмо или, какъ Курбскій его называлъ—«зѣло широкую эпитолію» вел. кн. Московскаго послѣдовало «краткое отвѣщаніе» кн. Курбскаго; начинается оно такъ: «Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и выразумѣхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо цареви, такъ великому и во всей вселенной славимому, но и простому, убогому воину сіе было не достойно». Далѣе онъ говоритъ, что заслуживаетъ не укоризнъ, а утѣшенія: «не оскорбляй—рече пророкъ,—мужа въ бѣдѣ его, довольно бо таковому», что сначала онъ хотѣлъ отвѣчать на каждое слово царское, но затѣмъ рѣшилъ предать все суду Божію, считая, что «рыцарю» неприлично вступать въ перебранку, а христіанину стыдно «отрыгать глаголы изъ устъ нечистые и кусательные».

Руководимый чувствомъ мести противъ Іоанна кн. Курбскій въ октябрѣ 1564 г. принялъ участіе въ осадѣ польскими войсками Полоцка, незадолго передъ тѣмъ взятаго Іоанномъ. Вслѣдъ затѣмъ, зимой 1565 г., на второй недѣлѣ великаго поста, 15,000 литовцевъ вторглись въ область Великолуцкую и кн. Курбскій участвовалъ въ этомъ нашествіи. Въ 1579 г., уже при Стефанѣ Баторіи, онъ опять былъ подъ Полоцкомъ, который на этотъ разъ не устоялъ противъ нападенія поляковъ. На третій день послѣ осады Полоцка, т. е. 2 сентября 1579 г., кн. Курбскій отвѣтилъ на второе посланіе Іоанна, присланное ему за два года передъ тѣмъ изъ Владиміра Ливонскаго, того самаго Вольмара, гдѣ онъ укрывался послѣ бѣгства изъ Московскаго государства. Овладѣвъ Вольмаромъ, царь вспомнилъ объ бѣгствѣ туда Курбскаго и съ ироніей писалъ ему: «И гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Волмерѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, за Божію волею: съугнали!» Въ этомъ посланіи царь упрекалъ кн. Курбскаго въ томъ, что «избранной рада», къ которой Курбскій принадлежалъ, хотѣла присвоить себѣ высшую власть: «вы хотѣстѣ съ попомъ Селиве-

стромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти; Богъ же даетъ власть, ему-жъ хощетъ... не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ, азъ бых государь, а дѣломъ ни чего не владѣлъ». Гордый успѣхами своими въ Ливоніи, Іоаннъ хвалился, что и безъ крамольныхъ бояръ побѣждаетъ «претвердые грады германскіе силою животворящаго креста», «аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюсь на милость благоутробія Божія, можетъ пучиною милости своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суща, и блудника, и мучителя помилова...» Въ своемъ отвѣтѣ на это посланіе кн. Курбскій снова укоряетъ царя въ оклеветаніи благочестивыхъ мужей, упрекаетъ въ неблагодарности къ Сильвестру, исцѣлившему на время его душу, перечисляетъ бѣдствія, обрушившіяся на Московское государство послѣ изгнанія и избіенія мудрыхъ совѣтниковъ, убѣждаетъ царя вспомнить лучшую пору своего царствованія и смириться и въ заключеніе совѣтуетъ не писать въ чужія земли чужимъ слугамъ. Къ этому отвѣту кн. Курбскій приложилъ переводъ двухъ главъ изъ Цицерона. Вѣроятно, кн. Курбскій нашелъ, что недостаточно полно изобразилъ разницу между лучшей порой царствованія Іоанна и эпохой гоненій и казней, потому что 29 сентября того же 1579 г. написалъ еще посланіе Іоанну; въ этомъ посланіи онъ подробно сравнивалъ время Сильвестра съ временемъ наушниковъ и совѣтовалъ Іоанну опомниться, чтобы не погубить себя и родъ свой.

Посмотримъ, что получилъ кн. Курбскій во владѣніяхъ польскаго короля и какъ протекала его жизнь на чужбинѣ. 4 іюля 1564 г. Сигизмундъ-Августъ далъ ему въ вознагражденіе за земли, покинутыя въ отечествѣ, обширныя помѣстья въ Литвѣ и на Волыни: въ Литвѣ, въ Упитскомъ повѣтѣ (въ нынѣшней Виленской губ.) староство Кревское и до 10 селъ, при которыхъ считалось болѣе 4,000 десятинъ, на Волыни — городъ Ковель съ замкомъ, мѣстечко Вижву съ замкомъ, мѣстечко Миляновичи съ дворцемъ и 28 селъ. Всѣ эти помѣстья были даны ему только «на выхованье», т. е. во временное пользованіе, безъ права собственности, вслѣдствіе чего сосѣдніе князья и паны начали заселять и присвоивать себѣ земли Ковельской волости, нанося обиды ему и крестьянамъ. Въ 1567 г. «въ награду за добрую, цнотливую (доблестную), вѣрную, мужнюю службу во время воеванія съ польскимъ рыцарствомъ земли князя Московскаго» Сигизмундъ-Августъ утвердилъ всѣ эти помѣстья въ собственность за кн. Курбскимъ и за потомствомъ его въ мужскомъ колѣнѣ. Съ этого времени онъ сталъ называть себя во всѣхъ бумагахъ: кн. Андрей Курбскій и Ярославскій, въ письмахъ къ царю Іоанну, Андрей Курбскій княжа на Ковлю, а въ завѣщаніи своемъ: Андрей Михайловичъ Курбскій, Ярославскій и Ковельскій.

Въ первомъ посланіи своемъ къ Іоанну кн. Курбскій писалъ, что надѣется, съ помощью Божіей, быть «утѣшенъ отъ всѣхъ скорбей государскою милостію Сигизмунда-Августа». Надежды его однако не оправдались: недостаточно было милости польскаго короля для утѣшенія скорби. Съ одной стороны до кн. Курбскаго доходили слухи обо всѣхъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ Московское государство — «въ отечествѣ слышахъ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ»; съ другой стороны онъ очутился между людьми «тяжкими и зѣло не гостелюбными и къ тому въ грѣсѣхъ различныхъ развращенными» — такъ выражается онъ самъ въ «Предисловіи на Новый Маргаритъ», изъ котораго можно почерпнуть цѣнныя свѣдѣнія о его душевномъ настроеніи и о научныхъ занятіяхъ въ Литвѣ. Упоминая о слухахъ, доходившихъ до него изъ Московскаго государства, онъ говоритъ: «Азъ же вся сія вѣдахъ и слышахъ и быхъ объятъ жалостію и стиснясмъ отовсюду унынiемъ и снѣдающе тѣ нестерпимыя предреченныя бѣды, яко моль, сердце мое».

Князь Курбскій жилъ большею частью въ Миляновичахъ, верстахъ въ 20 отъ Ковеля. Онъ обнаружилъ за эту эпоху своей жизни тяжелый нравъ: въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, отличался суровостью и властолюбіемъ, нарушалъ права и привиллегіи своихъ ковельскихъ подданныхъ и не исполнялъ королевскихъ повелѣній, если находилъ ихъ несогласными со своими выгодами. Такъ напр., получивъ королевскій приказъ объ удовлетвореніи кн. Чарторижскаго за разбой и грабежъ крестьянъ его, кн. Курбскаго, въ Смедынѣ, онъ такъ въ присут-

ствіи вижа, присяжнаго слѣдователя дѣлъ подлежавшихъ суду воеводъ, и повѣтовыхъ старостъ отвѣчалъ присланному отъ кн. Чарторижскаго съ королевскимъ листомъ: «Я-де, у кгрунтъ Смедынскій уступоватися не кажу; але своего кгрунту, который маю з'ласки Божье господарское, боронити велю. А естли ся будутъ Смедынцы у кгрунтъ мой Вижовскій вступовать, въ тые острова, которые Смедынцы своими быть менятъ, тогды кажу имать ихъ и вѣшать». На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. волынскіе магнаты жаловались королю на притѣсненія, которыя терпятъ отъ кн. Курбскаго, и требовали, чтобы отъ него были отобраны имѣнія, ему данныя. Сигизмундъ-Августъ не согласился, объявивъ, что Ковель и старство Кревское даны кн. Курбскому по весьма важнымъ государственнымъ причинамъ. Тогда магнаты стали сами управляться съ непріятнымъ чужеземцемъ. Кн. Курбскій такъ говоритъ объ этомъ: «ненавистные и лукавые сусѣди прекаждаху ми дѣло сіе, лакомствомъ и завистію движими, хотяще ми выдрати данное ми имѣнье з'ласки королевскія на препитаніе, не только отъяти и поперети хотяще многія ради зависти, но и крови моей насытися желающе». Два тома актовъ, изданныхъ въ Кіевѣ Временной комиссіей, посвящены жизни кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни—и почти всѣ эти акты касаются процессовъ кн. Курбскаго съ различными частными лицами и столкновеній его съ правительствомъ изъ-за правъ владѣнія разными имѣніями, а также дѣла по убіенію поляками нѣкоторыхъ москвитянъ, выѣхавшихъ съ нимъ въ Литву.

Въ 1571 году кн. Курбскій женился на знатной и богатой полькѣ Марьѣ Юрьевнѣ, происходившей изъ древняго княжескаго рода Голшанскихъ. Она была никакъ не моложе, а можетъ быть и старше его, и выходила уже въ третій разъ замужъ. Отъ перваго брака съ Андреемъ Монтовтомъ у нея было два взрослыхъ сына; отъ второго брака съ Михаиломъ Козинскимъ — одна дочь, вышедшая замужъ за кн. Збаражскаго, а потомъ за Фирлея. Бракъ съ Марьей Юрьевной казался кн. Курбскому выгоднымъ, такъ какъ черезъ него онъ вступалъ въ родство съ кн. Сангушками, Збаражскими, Сапѣгами, Полубенскими, Соколинскими, Монтовтами, Воловичами и пріобрѣталъ обширныя помѣстья въ Литвѣ и на Волыни. Лѣтъ пять кн. Курбскій жилъ согласно со своею женою, въ тихомъ уединеніи, большею частью тоже въ Миляновичахъ. Затѣмъ, Марья Юрьевна, сильно захворавъ, написала духовное завѣщаніе, которымъ отказывала всѣ свои имѣнія мужу, а сыновьямъ отъ перваго брака завѣщала только Голтенки и заложенныя въ частныя руки два села, предоставляя ихъ выкупить и владѣть ими нераздѣльно, какъ вотчиною. Марья Юрьевна не умерла, но черезъ годъ начались семейные раздоры: пасынки кн. Курбскаго, Монтовты, люди буйные и строптивые, винили его въ дурномъ обращеніи съ ихъ матерью изъ корыстныхъ цѣлей, т. е. изъ желанія захватить ея помѣстья. Правда, князь Курбскій заперъ свою жену и никого не допускалъ къ ней, но имъ руководили при этомъ совершенно другія соображенія, заставившія его въ 1578 г. искать развода. Владимірскій епископъ Ѳеодосій утвердилъ разводъ, безъ объявленія тѣхъ причинъ, по которымъ церковные законы дозволяютъ распоряженіе брака: въ Литвѣ и Польшѣ существовалъ обычай давать разводъ только на основаніи согласія обѣихъ сторонъ.

Въ апрѣлѣ 1579 г. кн. Курбскій женился въ третій разъ на Александрѣ Петровнѣ Семашко, дочери старосты кременецкаго. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, княжна Марина, а въ 1582 г. сынъ, князь Дмитрій. Марья Юрьевна подала тогда королю Стефану Баторію жалобу на своего бывшаго мужа въ незаконномъ расторженіи брака. Король передалъ жалобу митрополиту кіевскому и галицкому Онисифору, назначенъ былъ духовный судъ и къ суду вытребованъ кн. Курбскій. Кн. Курбскій не явился въ судъ, ссылаясь на болѣзнь, но представилъ свидѣтельскія показанія, дававшія ему право на разводъ; позднѣе онъ заключилъ съ Марьей Юрьевной мировую сдѣлку, въ которой между прочимъ сказано: «она уже до меня и до маетности моея ничего не маетъ».—Чувствуя ослабленіе силъ и предвидя близкую кончину, кн. Курбскій написалъ духовное завѣщаніе, по которому Ковельское имѣніе оставилъ сыну. Вскорѣ послѣ этого, въ маѣ 1583 г., онъ скончался и погребенъ въ монастырѣ св. Троицы, въ трехъ верстахъ отъ Ковеля.

Избранный по смерти Стефана Баторія на польскій престолъ Сигизмундъ III сталъ преслѣдовать вдову и дѣтей кн. Курбскаго

и рѣшилъ даже отобрать Ковельское имѣніе, какъ незаконно присвоенное; въ мартѣ 1590 г. состоялось рѣшеніе королевскаго суда, по которому Ковельское имѣніе было отобрано отъ наслѣдниковъ.

Единственный сынъ кн. Курбскаго, кн. Димитрій Андреевичъ, былъ подкоморіемъ упитскимъ, перешелъ въ католичество и основалъ въ имѣніи своемъ Криничинѣ церковь во имя св. св. апостоловъ Петра и Павла для распространенія римско-католической религіи. Онъ умеръ послѣ 1645 г., и оставилъ двухъ сыновей: Яна и Андрея и дочь Анну; по свѣдѣніямъ же, имѣющимся въ русскомъ государственномъ архивѣ, у него былъ еще третій сынъ Кашперъ, имѣвшій маетности въ витебскомъ воеводствѣ. Кн. Янъ Дм. Курбскій былъ градскимъ писаремъ упитскимъ, а братъ его кн. Андрей отличался мужествомъ въ военныхъ походахъ и доказалъ свою преданность королю Яну Казиміру во время нашествія на Польшу шведскаго короля Карла X, за что и былъ награжденъ почетнымъ званіемъ маршалка упитскаго. По свидѣтельству королевской грамоты Станислава-Августа (Понятовскаго) 1777 г. и по показанію польскаго писателя Окольскаго, родъ князей Курбскихъ угасъ со смертью его внуковъ Яна и Казиміра, не оставившихъ мужескаго потомства. Но изъ дѣлъ русскаго государственнаго архива извѣстны правнуки кн. Андрея Мих. Курбскаго, князь Александръ и князь Яковъ, дѣти Кашпера Курбскаго, выѣхавшіе изъ Польши въ Россію въ первые годы царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей. Оба они возвратились въ лоно православія и вступили въ русское подданство. Въ послѣдній разъ имя кн. Курбскихъ упоминается въ 1693 г.

Кн. Андрей Михайловичъ Курбскій, по своему образованію и по своимъ стремленіямъ принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ людей XVI в. Онъ не былъ чуждъ тому умственному движенію, основанному на изученіи классическаго міра, которое въ то время, распространяясь изъ Италіи, охватило Германію и Францію и извѣстно въ исторіи подъ именемъ гуманизма. И переписка его съ царемъ Іоанномъ, и произведенія, написанныя имъ уже въ предѣлахъ Литвы, даютъ ему видное мѣсто среди литературныхъ дѣятелей древней Руси.

Какъ видно изъ предисловія кн. Курбскаго къ переводу сочиненій Іоанна Дамаскина, онъ не довольствовался изученіемъ одного Св. Писанія и совѣтовалъ молодымъ людямъ знакомиться также и со свѣтскими науками, которыя онъ называетъ то шляхетными, то внѣшними. Въ число этихъ внѣшнихъ наукъ онъ вводитъ грамматику, риторику, діалектику, астрономію, присоединяя къ нимъ «естественную» и «нравоказательную» философію, съ которыми познакомился по латинскому переводу Аристотеля. Ему были, какъ видно, извѣстны философія Парменида и Платона и нѣкоторыя сочиненія Цицерона. Свѣдѣнія же его изъ астрономіи были настолько велики, что онъ зналъ о движеніи семи планетъ и кометъ вокругъ солнца, имѣлъ совершенно правильное понятіе объ эклиптикѣ и осуждалъ астрологію. — Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ кн. Курбскаго, надо полагать, что большое вліяніе на его умственное развитіе имѣлъ еще во дни его молодости Максимъ Грекъ, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ Тучковыми, изъ семьи которыхъ происходила мать кн. Курбскаго. И въ «Исторіи вел. кн. Московскаго» и въ «Предисловіи на Новый Маргаритъ» кн. Курбскій съ глубокимъ уваженіемъ и любовью упоминаетъ о Максимѣ Грекѣ, называетъ его «святымъ», «преподобнымъ», «превозлюбленнымъ учителемъ», а слова его «сладчайшими паче меда», говоритъ, что онъ былъ «мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ многъ, но и философски искусенъ, и по Бозѣ въ терпѣніи исповѣдалческомъ украшенъ». Въ томъ же «Предисловіи» кн. Курбскій вспоминаетъ, какъ бесѣдуя однажды съ Максимомъ Грекомъ, спросилъ его: всѣ-ли книги великихъ восточныхъ учителей переведены съ греческаго на славянскій языкъ, и гдѣ находятся, у сербовъ, у болгаръ, или у другихъ славянскихъ племенъ? Максимъ Грекъ ответилъ, что онѣ не переведены на славянскій языкъ и долгое время не были переведены даже на латинскій языкъ, несмотря на то, что римляне очень желали этого и неоднократно просили дозволенія у византійскихъ императоровъ и что только послѣ взятія Константинополя турками, когда константинопольскій патріархъ Аѳанасій съ клиромъ и со всѣми книгами духовнаго содержанія бѣжалъ въ Венецію, привезенныя имъ книги были переведены съ греческаго на латинскій языкъ людьми

свѣдущими въ Св. Писаніи и въ философскихъ наукахъ и что переводы эти были напечатаны и поступили въ продажу по недорогой цѣнѣ не только въ Италіи, но и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Воспоминаніе объ этой бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ и желаніе перевести книги Св. Писанія съ латинскаго на славянскій языкъ побудили кн. Курбскаго уже въ зрѣлыхъ годахъ приступить къ изученію латинскаго языка, а также грамматики, діалектики и прочихъ наукъ. Когда онъ достаточно освоился съ латинскимъ языкомъ, то купилъ книги и упросилъ нѣкоего юношу Амброзіо, у котораго учился «внѣшнимъ наукамъ», помочь ему въ переводѣ. Сначала они перевели одну рѣчь Григорія Богослова и одно слово Василія Великаго, затѣмъ кн. Курбскій намѣревался переводить толкованія Іоанна Златоуста па посланія св. апостола Павла, но тутъ вышла задержка: кн. Курбскій боялся взяться за этотъ трудъ лишь съ помощью одного кн. Михаила Оболенскаго, который по его совѣту и настоянію провелъ три года въ Краковѣ и два года въ Италіи, для усовершенствованія въ наукахъ, — «бо не обвыкли мы словенску языку въ конецъ». Не найдя ни изъ монаховъ, ни изъ свѣтскихъ людей никого, кто бы владѣлъ въ должной мѣрѣ славянскимъ книжнымъ языкомъ, кн. Курбскій письменно обратился къ Марку Сарыгозину, просилъ его пріѣхать и помочь въ переводѣ: «Яви любовь ко единоплемянной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати, на колько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискусству». Въ это время въ распоряженіи кн. Курбскаго находились уже всѣ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и хроника Никифора Каллиста, въ которой Устряловъ видитъ церковную исторію Софійскаго монаха въ 38 книгахъ, составленную по Евсевію, Созомену, Евагрію и другимъ авторамъ. Одинъ изъ біографовъ кн. Курбскаго, Ясинскій, говоритъ: «Лучшимъ доказательствомъ высокаго патріотизма Курбскаго служитъ его литературная дѣятельность, которую онъ всецѣло посвятилъ на благо своей родины: видя, что «святорусская земля голодомъ духовнымъ таетъ», онъ не удовлетворился словомъ осужденія, но въ преклонныхъ лѣтахъ сѣлъ за латинскую азбуку и переводы твореній великихъ отцовъ церкви».

Начитанность въ Св. Писаніи и знакомство съ твореніями великихъ отцевъ церкви давали кн. Курбскому возможность видѣть слабыя стороны католичества и лютеранства. Вслѣдствіе этого онъ еще выше ставилъ родное православіе, что однако не мѣшало ему съ грустью замѣчать нѣкоторыя нежелательныя явленія въ русской церкви: увлеченіе апокрифическими сочиненіями, пристрастіе къ внѣшности и паденіе нравственности среди монашествующихъ. Еще при Іоаннѣ III возникла борьба между Ниломъ Сорскимъ и Іосифомъ Санинымъ: одинъ былъ сторонникомъ нестяжательности, другой — защищалъ право монастырей владѣть имуществомъ. Эта принципіальная вражда Нила Сорскаго къ стяжательности монаховъ перешла у кн. Курбскаго въ ненависть къ «Осифлянамъ», т. е. ученикамъ Іосифа Санина, которыхъ онъ называетъ «въ злости презлые, скорые послушники и всему злому потаковники, лукавая чета, лукавства исполненный монашескій родъ»... Но кромѣ «стяжательныхъ» наклонностей въ «Осифлянахъ» кн. Курбскій бичуетъ въ нихъ несимпатичныя для него качества: угодничество передъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ, неподобающее стремленіе оправдать его самовластныя наклонности ученіемъ православной религіи и забвеніе прямой обязанности высшаго духовенства ходатайствовать и заступаться передъ верховной властью за угнетенныхъ и оскорбленныхъ.

Главнѣйшимъ сочиненіемъ Курбскаго и однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для исторіи его времени является «Исторія князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Вотъ ея содержаніе: въ предисловіи кн. Курбскій выясняетъ причину, побудившую его приняться за составленіе «Исторіи». Онъ говоритъ, что неоднократно «многіе свѣтлые мужи» обращались къ нему съ вопросомъ: «Отчего произошла перемѣна съ прежде добрымъ и примѣрнымъ государемъ, который много разъ, забывая о себѣ для отечества, въ походахъ противъ враговъ креста Христова переносилъ, обливаясь потомъ, труды тяжкіе и изнуренія и у всѣхъ пользовался доброю славою»? Долгое время кн. Курбскій отмалчивался, вздыхая и скорбя, но наконецъ,

вслѣдствіе частныхъ разспросовъ, рѣшилъ представить очеркъ событій, произведшихъ эту перемѣну въ государѣ.—Начало всѣхъ золъ кроется, по мнѣнію кн. Курбскаго, въ разводѣ вел. кн. Василія Ивановича съ Соломоніей и въ женитьбѣ его на Еленѣ Глинской. Отъ этого несчастнаго брака родился Іоаннъ, оставшійся по смерти родителей на попеченіи бояръ, которые потворствовали его дурнымъ наклонностямъ, вступали въ пререканія между собою и способствовали дальнѣйшему развитію «злого начала». Придя въ возрастъ, Іоаннъ казнилъ одного за другимъ многихъ родовитыхъ людей ни въ чемъ неповинныхъ и «началъ всякими безчисленными злостными превосходити». Богъ, «усмиряющій лютость его», попустилъ, чтобы сгорѣла Москва; вслѣдъ за пожаромъ произошло возмущеніе черни и убійство родного дяди царя, князя Михаила Глинскаго. Въ эту трудную минуту Богъ послалъ помощь и успокоеніе «всей землѣ» въ лицѣ Благовѣщенскаго протоіерея Сильвестра, явившагося къ царю въ Воробьево. Сильвестръ «претяще ему отъ Бога священными письмами и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ... душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ новымъ наставляюще на стезю правую». Съ этого времени царь особенно приблизилъ къ себѣ Сильвестра и возвысилъ Алексѣя Адашева, который, по словамъ кн. Курбскаго, былъ имъ «зѣло любимъ и согласенъ» и былъ «общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ». Главная заслуга Сильвестра и Адашева заключается въ томъ, что, удаливъ отъ царя «ласкателей и человѣкоугодниковъ», они «собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ: другихъ же, еще и въ среднемъ вѣку, тако жъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и еще ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничесоже устроити или мыслити. Воистину премудрому Соломону глаголющу: «Царь, рече, добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ»; и паки: любяй, рече, совѣтъ, хранить свою душу, а не любяй его, совсѣмъ изчезнетъ: понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, аще всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада; воистину по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устроютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышшія степени возводились».

Вторая глава «Исторіи» посвящена описанію похода подъ Казань и покоренія ея. Кн. Курбскій игралъ, какъ мы видѣли, выдающуюся роль во взятіи Казани, но писалъ по памяти, уже будучи въ Литвѣ, много-много лѣтъ спустя послѣ тѣхъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ. Вслѣдствіе этого встрѣчаются нѣкоторыя неточности и ошибки въ датахъ (какъ видно изъ изслѣдованія г. Ясинскаго, гдѣ описаніе казанскаго похода кн. Курбскаго свѣрено съ другими источниками).

Въ 3-й главѣ кн. Курбскій неодобрительно говоритъ о поспѣшномъ возвращеніи царя изъ Казани въ Москву, несмотря на совѣты мудрыхъ воеводъ провести зиму въ Казани для окончательнаго устройства города и усмиренія инородцевъ. Объ опасной болѣзни царя, постигшей его вскорѣ по возвращеніи изъ Казани, кн. Курбскій упоминаетъ лишь вскользь, но зато весьма обстоятельно разсказываетъ о поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Кн. Курбскій подробно останавливается на бесѣдѣ царя съ Вассіаномъ Топорковенымъ, который былъ «единосовѣтенъ и во всемъ уго денъ и согласенъ» его отцу вел. кн. Василію Ивановичу. Царь спросилъ Вассіана: «како бы могъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти»? Вассіанъ отвѣтилъ: «аще хощеши самодержцемъ быти, не держи собѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго собя: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по

нуждѣ будеши послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ руку Вассіана и сказалъ: «О! аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми»! Кн. Курбскій же считаетъ этотъ совѣтъ «силлогизмомъ сатанинскимъ» и находитъ, что Вассіану слѣдовало отвѣтить такъ: «самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды». Кн. Курбскій разсуждаетъ такъ: «Царь же аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могучство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ». Кн. Курбскій говоритъ, что Вассіанъ Топорковъ, «въ сердце царя христіанского всѣялъ такую безбожную искру, отъ которой во всей святорусской землѣ возгорѣлся лютый пожаръ», и что самъ онъ можетъ быть названъ не топоркомъ, т. е. малою сѣкирою, а широкою и большою сѣкирою, уничтожившею «благородныхъ и славныхъ мужей въ великой Россіи», ибо царь, погубившій имъ и множество простонародья, былъ имъ же «прелютостію наквашенъ». Курбскій говоритъ, что исполнилось и предвѣщаніе Максима: путешествіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь закончилось весьма печально: на обратномъ пути умеръ сынъ Іоанна царевичъ Димитрій. — Далѣе идетъ описаніе возмущенія казанскихъ инородцевъ и того похода противъ нихъ, въ которомъ, участвовалъ кн. Курбскій. Возмущеніе это кн. Курбскій считаетъ «попущеніемъ Божіимъ», чтобы «смирить гордость» Іоанна, не послушавшаго мудрыхъ совѣтниковъ и не оставшагося въ Казани «дондеже до конца искоренить отъ земли оныя бусурманскихъ властей». Повѣствуя затѣмъ о приходѣ Крымскаго хана и о колебаніи царя вступить въ сраженіе съ крымцами, разбившими уже часть русскаго войска, кн. Курбскій говоритъ, что царь принялъ совѣтъ храбрыхъ и отвергъ совѣтъ «страшливыхъ» и пошелъ къ Тулѣ, намѣреваясь сразиться съ бусурманами за православное христіанство: «Се таковъ нашъ царь былъ, поки любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ, а не презлыхъ ласкателей, надъ нихъ же губительнѣйшаго и горшаго во царствѣ ничтожъ можетъ быти». Послѣ этого «паки, акибы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ: ужаснулся бы о наказаніяхъ оныхъ отъ Бога».

Въ 4-й главѣ кн. Курбскій излагаетъ причины, побудившія Іоанна начать Ливонскую войну, разсказываетъ о взятіи нѣсколькихъ нѣмецкихъ городовъ, о завоеваніи Астрахани. Описавъ всѣ побѣды, одержанныя русскими войсками въ Ливоніи и надъ крымцами, кн. Курбскій говоритъ: «Въ тѣ жъ то лѣта царь нашъ смирился и добрѣ царствовалъ и по пути Господня закона шествовалъ, тогда ни о чесомъ же, яко рече пророкъ, враги его смирилъ, и на наступающихъ языковъ народу христіанскому возлагалъ руку свою. Произволеніе человѣческое Господь всещедрый паче добротою наводитъ и утверждаетъ, нежели казнію; ащели же уже зѣло жестоко и непокориво обращается, тогда прещеніемъ, съ милосердіемъ смѣшеннымъ, наказуетъ; егдажъ уже неисцѣльно будетъ, тогда казни, на образъ хотящимъ беззаконовати. Приложилъ еще же и другое милосердіе, яко рѣкохъ, дарующе и утѣшающе въ покаянію суща царя христіанскаго». Изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію кн. Курбскаго, Іоаннъ могъ счастливо царствовать и побѣждать враговъ своихъ до тѣхъ поръ, пока Богъ былъ милостивъ къ нему за внимательность къ совѣтникамъ. Разсказавъ о походѣ противъ крымцевъ кн. Вишневецкаго, предложившаго въ 1557 г. Іоанну свои услуги для покоренія южной днѣпровской области, кн. Курбскій вспоминаетъ, какъ доброжелательные люди совѣтовали царю воспользоваться удобнымъ временемъ и самому итти на крымскую орду, или послать большое войско; «онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка». Далѣе, упрекая поляковъ, что они также не воспользовались благопріятными обстоятельствами къ покоренію Крыма, кн. Курбскій подробно останавливается на изнѣженномъ образѣ жизни польскаго ко-

роля Сигизмунда-Августа и польскихъ пановъ и объясняетъ себѣ ихъ самохвальство, трусость и нерадѣніе о пользѣ и безопасности отечества тѣмъ, что они отринули истинную вѣру и уклонились въ «люторскую ересь». Лишь одинъ волынскій полкъ, со своимъ храбрымъ и славнымъ военачальникомъ кн. Константиномъ Острожскимъ, неоднократно выказалъ себя достойнымъ защитникомъ отечества (Польши)—потому что остался вѣренъ православію.—Послѣ этого отступленія, кн. Курбскій снова обращается къ описанію военныхъ дѣйствій въ Ливоніи, въ которыхъ принималъ живое участіе.

Въ 5-й главѣ подробно говорится объ удаленіи Сильвестра и Адашева, вслѣдствіе происковъ «презлыхъ ласкателей» и братьевъ царицы Анастасіи Романовны. Несмотря на просьбы, они не были допущены для оправданій передъ царемъ, и соборное обвиненіе ихъ произошло заочно. Изъ того монастыря, гдѣ Сильвестръ добровольно постригся до начала гоненія, онъ былъ отправленъ въ Соловки, а Алексѣй Адашевъ, назначенный намѣстникомъ въ новозавоеванный ливонскій городъ Феллинъ, перевезенъ оттуда въ Дерптъ, посаженъ въ тюрьму и умеръ въ заточеніи.

Въ 6-й, 7-й и 8-й главахъ, озаглавленныхъ: «О побіеніи княжескихъ родовъ» «О побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ», «О страданіи священномучениковъ», перечислены всѣ казни, совершенныя Іоанномъ. По словамъ Устрялова: «Всѣ почти лица, погибшія по извѣстію Курбскаго, несчастною смертію, поименованы въ Кирилловскомъ Синодикѣ; о тѣхъ же особахъ, которыя тамъ не означены, осталась память въ нашихъ лѣтописяхъ, въ разрядахъ, въ спискѣ старинныхъ сановниковъ, въ дѣлахъ посольскихъ; однимъ словомъ, не болѣе двухъ или трехъ извѣстій Курбскаго остаются недоказанными». Въ 9-й главѣ Іоаннъ сравнивается съ другими мучителями и новые мученики сравниваются съ древними.

На сочиненіяхъ Курбскаго долгое время почти исключительно основывали наши историки свое сужденіе о характерѣ грознаго царя и объ отношеніяхъ его къ Московскому боярству. Карамзинъ, слишкомъ довѣрчиво отнесшись къ свидѣтельству кн. Курбскаго, призналъ крутую перемѣну въ характерѣ Іоанна IV, происшедшую по смерти первой его супруги, Анастасіи Романовны, результатомъ навѣтовъ злыхъ ласкателей и наушниковъ и объяснялъ жестокости Іоанна въ эпоху опричнины исключительно тѣмъ, чѣмъ объясняетъ ихъ и кн. Курбскій: удаленіемъ отъ себя лучшихъ изъ бояръ, а затѣмъ преслѣдованіемъ ихъ ради мести за прежнее ихъ верховенство надъ нимъ. Такая безусловная довѣрчивость историографа къ кн. Курбскому обратила на себя вниманіе Н. С. Арцыбашева, прилежно изучавшаго кн. Курбскаго, и онъ сталъ доказывать отсутствіе у Карамзина строгихъ пріемовъ исторической критики. Само собою разумѣется, что кн. Курбскаго нельзя считать объективнымъ повѣствователемъ о личныхъ качествахъ царя Іоанна и событіяхъ его царствованія. Будучи сторонникомъ партіи иного воззрѣнія, чѣмъ Іоаннъ IV, видя своихъ политическихъ друзей въ гоненіи и на плахѣ и рискуя самъ испытать ту же участь, кн. Курбскій, весьма естественно, односторонне объясняетъ и личныя свойства Іоанна IV и причины преслѣдованія имъ бояръ. Конечно, не отстраненіе отъ себя «мудрыхъ совѣтниковъ и стратиговъ» и приближеніе «наушниковъ» привело царя къ гоненію на бояръ, а, наоборотъ, — и то и другое было результатомъ присущихъ Іоанну психическихъ свойствъ, которыя лишь были заглушены въ немъ во время правленія избранной рады. Въ этомъ случаѣ Іоаннъ IV правъ, утверждая въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ кн. Курбскому, что онъ находился въ то время подъ исключительнымъ, тяготившимъ его, вліяніемъ членовъ избранной рады. Такъ называемая «перемѣна» въ Іоаннѣ была не перемѣной, а болѣе сильнымъ обнаруженіемъ тѣхъ же его свойствъ — своеволія и жестокости, которыя проявлялись въ немъ и въ пору его юности. Затѣмъ цѣлая масса другихъ условій и обстоятельствъ способствовали тому, что эти свойства съ особой силой выразились въ Іоаннѣ послѣ 1560 года. Но несмотря на односторонность объясненій «перемѣны» въ Іоаннѣ кн. Курбскимъ его «Исторія» не можетъ быть почтена безусловнымъ памфлетомъ. Много частныхъ объясненій кн. Курбскаго, какъ напр., его замѣчанія о роли Осифлянъ, его изображеніе заслугъ избранной рады и ея политическихъ воззрѣній — должны быть серьезно приняты во вниманіе историкомъ. Что же касается до фактической стороны «Исторіи», то и

въ повѣствованіи о войнахъ Іоанна и о его казняхъ—она безусловно вѣрна, что доказывается сличеніемъ свидѣтельствъ кн. Курбскаго съ другими современными ему историческими источниками, и даже офиціальными: лѣтописями, разрядами, синодикомъ Іоанна IV и др.; встрѣчающіяся въ ней неточности таковы же, какія встрѣчаются во всякихъ подобныхъ сочиненіяхъ современниковъ описываемыхъ событій.

Посланія кн. Курбскаго къ Московскому царю, написанныя горячо, въ приподнятомъ душевномъ настроеніи, своеобразнымъ прекраснымъ для XVI в. языкомъ, являются драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія характера самого кн. Курбскаго—властнаго, неукротимаго, мстительнаго—и доказываютъ его умъ, начитанность и литературное образованіе.

Военная и политическая дѣятельность кн. Курбскаго съ перваго упоминанія объ участіи его въ военныхъ походахъ царя Іоанна IV до отъѣзда его въ Литву происходила во время правленія Московскимъ государствомъ такъ называемой «избранной рады» и даетъ ему видное мѣсто среди дѣятелей его времени. Въ своей «Исторіи князя великаго Московскаго» и въ своей перепискѣ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ кн. Курбскій достаточно опредѣленно выражаетъ свою политическую программу, которая драгоцѣнна для характеристики этого замѣчательнаго русскаго человѣка XVI в.

Подъ перомъ историковъ 1840 и 1850 годовъ и ученыхъ школы родового быта и славянофиловъ, кн. Курбскій является сторонникомъ или отживавшихъ уже свой вѣкъ дружинно-родовыхъ началъ, или боярско-олигархическихъ, чуждыхъ народу, стремленій. Симпатіи историковъ этихъ двухъ противоположныхъ направленій на сторонѣ Іоанна Грознаго, бывшаго, по ихъ воззрѣніямъ, представителемъ государственныхъ и демократическихъ прогрессивныхъ началъ. Сравнительно лишь съ недавняго времени (80-хъ—90-хъ годовъ XIX вѣка), когда психическая природа Іоанна Грознаго съ одной стороны и исторія московскаго боярства съ другой — стали болѣе выясняться, личность кн. Курбскаго является въ иномъ освѣщеніи.

Кн. Курбскій, по новѣйшимъ историческимъ изученіямъ, принадлежитъ къ той группѣ «бояръ-княжатъ» восточной Руси, которая, начиная съ эпохи Іоанна III, заполоняетъ ряды высшихъ служилыхъ людей Московскаго государства, оттѣсняя на второй планъ немногочисленныхъ по количеству «изстаринныхъ» московскихъ и выѣзжихъ въ Москву, бояръ и другихъ думныхъ людей. Эта группа княжатъ, памятуя свое родословіе отъ «корени Владиміра Святого», въ большинствѣ случаевъ по родословнымъ счетамъ была старше линіи Московскихъ князей; она смотрѣла на нихъ поэтому нѣсколько свысока и не раздѣляла единовластительныхъ стремленій потомства Калиты, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта группа не стремилась и къ удѣльной обособленности. Княжата-Рюриковичи очень хорошо сознавали историческую необходимость объединенія русскихъ земель, и въ этомъ отношеніи сходились въ воззрѣніяхъ съ Московскими собирателями земли Русской, но государственный распорядокъ въ этомъ объединеніи понимали они діаметрально противоположно съ Московскими великими князьями. Они не считали правильнымъ, чтобы Московскіе великіе князья и цари рѣшали «всѣ дѣла самъ третей запершись у постели», какъ мѣтко выразился про вел. кн. Василія Ивановича Берсень Беклемишевъ, а основывали политическій распорядокъ Московскаго государства на единеніи царя съ боярской думой и на обращеніи его въ важнѣйшихъ случаяхъ къ «всенародію», къ совѣту «всей земли». Въ настоящее время мы знаемъ, что во главѣ правительства Московскаго государства съ 1547 по 1560 г. стояли не только Сильвестръ съ Адашевымъ, но «лучшіе люди», какъ изъ бояръ-княжатъ, такъ и изъ Московскихъ нетитулованныхъ бояръ, съ присоединеніемъ къ нимъ «властей», т. е. духовенства, съ митрополитомъ Макаріемъ во главѣ, и нѣсколькихъ лицъ изъ «всенародія». Это былъ кружокъ сторонниковъ реформъ, кружокъ, который со словъ кн. Курбскаго называется обыкновенно «избранною радой», и къ которому онъ самъ принадлежалъ. Эта «рада» оставила по себѣ хорошую память у потомства цѣлымъ рядомъ весьма важныхъ реформъ, прославившихъ царствованіе Іоанна IV. Избранная рада прежде всего укрѣпила и возвысила верховную власть Московскаго государя, побудивъ вел. кн. Московскаго Іоанна Васильевича принять титулъ царя, какъ символъ всероссійскаго самодержавнаго властителя. Эта царская власть по-

лучила свое освященіе въ вѣнчаніи государя на царство и въ объединеніи интересовъ всѣхъ разрозненныхъ областей Московскаго государства путемъ созыва перваго Земскаго Собора въ 1547 г. Затѣмъ избранная рада ознаменовала свою дѣятельность въ слѣдующихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ: она составила новый Судебникъ, учредила цѣлый рядъ соборовъ по дѣламъ церковнымъ, изъ которыхъ самымъ главнымъ является такъ называемый Стоглавый соборъ, высказавшійся за необходимость расширенія низшаго народнаго образованія; основала первую типографію въ Москвѣ, обратилась къ императору германскому Карлу V съ просьбой прислать въ Московское государство ремесленниковъ, художниковъ и разныхъ другихъ техниковъ, издала рядъ постановленій для лучшаго внутренняго управленія (уставныя и губныя грамоты и учрежденіе общинныхъ «цѣловальниковъ»), стремилась улучшить военную организацію и упорядочить поземельныя владѣнія (ограниченіе мѣстничества, первый опытъ учрежденія постояннаго войска въ видѣ стрѣльцовъ, первые опыты размежеванія земель), начала торговыя сношенія съ Англіей. Во время правленія этой рады покорены царства Казанское и Астраханское, сибирскій царь обязался платить дань царю московскому. Эти успѣхи въ тогдашнемъ нашемъ восточномъ вопросѣ прекращали зависимость Москвы отъ грозной нѣкогда Кипчакской орды. «Рада» предполагала нанести столь же рѣшительный ударъ четвертому улусу татарскому—Крыму.

Политическая программа кн. Курбскаго заключается въ исповѣданіи началъ, положенныхъ въ основу дѣятельности «избранной рады» и оправданныхъ ея широкою государственною дѣятельностью.

«Сказанія» кн. Курбскаго были изданы Н. Г. Устряловымъ въ первый разъ въ 1833 г., 2-е изд. вышло въ 1842 г., 3-е изд. въ 1868 г. Въ 3-мъ изданіи напечатаны: «Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима»; «Переписка съ царемъ Іоанномъ IV» (четыре письма къ нему); «Письма къ разнымъ лицамъ—числомъ 16»; «Исторія Флорентійскаго Собора» и «Предисловіе на Новый Маргаритъ».—Сахаровъ издалъ въ «Москвитянинѣ» 1843 г. одно письмо кн. Курбскаго неизвѣстному въ Дерптъ. кн. Оболенскій — въ «Библіогр. Зап.» 1858 г., № 12, напечаталъ предисловіе Курбскаго къ книгѣ Дамаскина «Небеса».—А. С. Павловъ въ «Правосл. Собес.» 1863 г. издалъ три письма къ неизвѣстнымъ лицамъ; А. С. Архангельскій въ приложеніи къ своей статьѣ «Очерки изъ исторіи западно-русской литературы»—Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1888 г.—издалъ примѣчанія Курбскаго къ переводу твореній Іоанна Златоуста и Дамаскина. — Сохранились слѣдующіе переводы кн. Курбскаго: Шесть бесѣдъ Іоанна Златоуста, нѣсколько отрывковъ изъ исторіи Евсевія, Діалогъ патріарха Геннадія, Богословіе, Діалектика и 7 другихъ сочиненій Дамаскина. Значительная часть «Новаго Маргарита» посвящена переводу житія Златоуста, составленнаго Эразмомъ Роттердамскимъ, «сказу» самого кн. Курбскаго и переводу дополнительныхъ къ житію Златоуста свѣдѣній изъ хроники Никифора Каллиста, а остальныя главы этого сборника въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились, представляютъ переводъ различныхъ словъ и бесѣдъ Златоуста. — М. П. Петровскій, «Библіогр. замѣтки о сочин. кн. Курбскаго», перечисляетъ всѣ сочиненія его, пропущенныя у Устрялова, напечатана эта статья въ «Зап. Каз. ун.» 1879, № 4, и отдѣльно подъ назван.: «Кн. А. М. Курбскій», 1873 г. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Курбскаго—Др. Рос. Вивл., т.т. VIII и XIII;—«Отеч. Зап.» 1830 г., часть 44; «Акты Арх. Эксп.», т.т. I и II; «Доп. къ акт. ист.», I; «Акты Литовской метрики» при 2-мъ и 3-мъ изданіи «Сказаній» Устрялова;—Царств. книга;—Псковская лѣтопись;— Никон. Лѣтопись, VII;—Ундольскій, «Описаніе рукописей Хлудова»; Востоковъ, «Описаніе рукописей Румянцовскаго музея»; Архангельскій, А. С., «Творенія отцевъ церкви въ древне-русской письменности», въ «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1888 г., № 8; Устряловъ, Н. Г., «Сказанія кн. Курбскаго». 3-е изд., 1868 г.; Карамзинъ, т. VII — XI; Соловьевъ, «Исторія родов. отношеній князей Рюрикова дома» 1847 г. и реценвія на эту книгу К. Д. Кавелина, — «Сочиненія», 1897 г., т. I; Соловьевъ «Исторія», т. VI; и К. С. Аксаковъ реценвія на этотъ томъ, въ «Сочиненіяхъ» Аксакова, т. I, 1861 г.; «Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни»—«Акты Времен. Комиссіи», Кіевъ. 1849 г., т.т. I и II, съ предисл. проф. Н. Д. Иванишева—переп. въ «Сочиненіяхъ Иванишева», 153—231; Горскій, С., «Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго», 1858 г.; В. С. Иконниковъ, «Русскіе общественные дѣятели XVI в.» 1866 г.; Оппоковъ, «Князь А. М. Курбскій»—въ «Кіев. Унив. Изв.» 1872 г., 6—8; Н. И. Костомаровъ, «Русск. ист. въ жизнеоп.», I; Ясинскій, «Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ»—въ «Кіев. Унив. Изв.» 1888 г., 10 и 11; В. О. Ключевскій, «Боярская дума древней Руси».

В. Корсакова.

Курбскій, князь *Иванъ Михайловичъ*, ум. въ 1553 г., братъ извѣстнаго князя А. М. Курбскаго. Описывая осаду Казани войсками Іоанна IV въ 1552 г., кн. Андрей Курбскій такъ говоритъ о своемъ братѣ, не называя его по имени: «Братъ мой родной первымъ взошелъ на городскую стѣну по лѣстницѣ, а съ нимъ и другіе храбрые воины... Потомъ, когда татары двинулись къ болоту, за которымъ большой лѣсъ, мой братъ засталъ ихъ

еще среди луга и, бросивъ поводья, такъ мужественно, такъ храбро врѣзался въ передовой татарскій отрядъ, что, по общему свидѣтельству очевидцевъ, трудно представить себѣ такого храбреца: дважды проѣхалъ онъ среди враговъ, поражая ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Когда же онъ врѣзался въ татарскіе полки въ третій разъ,—ему помогъ одинъ благородный воинъ и вмѣстѣ съ нимъ побивалъ бусурманъ, такъ что съ ограды казанской всѣ смотрѣли и дивились; тѣ же, которые не знали, что царь казанскій сдался, думали, что это онъ ѣздитъ между своими татарами. Его ранили такъ сильно, что въ ногахъ его было по пяти стрѣлъ, не считая прочихъ ранъ; но, по милости Божіей, онъ остался живъ, потому что на немъ была крѣпкая броня. Онъ былъ такъ мужественъ, что когда подъ нимъ ранили коня, и конь не могъ уже двинуться съ мѣста, онъ выпросилъ другого коня у дворянина царскаго брата (т. е. двоюроднаго брата Іоанна IV, кн. Влад. Андр. Старицкаго) и, забывъ, а болѣе того, не обращая вниманія на свои сильныя раны, бросился снова въ басурманскій полкъ, вмѣстѣ съ другими воинами, побивая татаръ, вплоть до самаго болота. Воистину имѣлъ я такого брата, храбраго, мужественнаго и добронравнаго, и къ тому же весьма разумнаго, такъ что во всемъ христіанскомъ войскѣ не было храбрѣе и лучше его; еслибы кто нашелся, Господи Боже! да былъ бы таковъ же! Онъ былъ сильно любимъ мною и я желалъ бы душу свою положить за него и своею жизнію заплатить за его здоровье: онъ умеръ потомъ, на другое лѣто, отъ этихъ лютыхъ ранъ».

Курбскій, князь *Михаилъ Михайловичъ*, ум. въ 1546 г., отецъ извѣстнаго кн. А. М. Курбскаго. Въ 1526 и 1530 гг. былъ воеводою правой руки подъ Казанью, въ 1534 г.—первымъ воеводою въ передовомъ полку на Коломнѣ, а въ 1535 г. въ Литовскомъ походѣ, затѣмъ стоялъ въ лѣвой рукѣ на Коломнѣ. Въ 1536 г. былъ воеводою въ Муромѣ; въ Казанскомъ походѣ былъ воеводою большого полка. Въ 1537 г. былъ воеводою въ лѣвой рукѣ на Коломнѣ, затѣмъ въ Муромѣ. Въ 1541 г. былъ воеводою во Владимірѣ за городомъ, для обороны восточной украйны отъ казанцевъ; когда, по казанскимъ вѣстямъ, воеводы должны были идти въ Нижній-Новгородъ, то кн. Курбскій былъ назначенъ вторымъ воеводой въ большой полкъ. Въ 1543 и 1544 гг. былъ въ большомъ полку во Владимірѣ, въ Муромѣ и въ Коломнѣ. Въ 1545 г. былъ воеводою передового полка при походѣ изъ Новгорода въ Литовскую землю. Въ своемъ отвѣтѣ кн. Андрею Михайловичу Курбскому Іоаннъ IV пишетъ о его отцѣ и о его дѣдѣ со стороны матери: «отецъ твой кн. Михайло съ вел. кн. Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великого государя Василія, многи пагубныя смерти умышляли; тако же и мати твоея дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили; тако же и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече... а отцу твоему кн. Михайлу гоненія зѣло много, да и убожества: а измѣны такой, что ты, не учинилъ».

Курбскій-Карамышъ, кн. *Михаилъ Ѳедоровичъ*, старшій сынъ кн. Ѳед. Сем. Курбскаго, убитъ въ 1506 г. подъ Казанью. Въ 1497 г. онъ былъ намѣстникомъ въ Муромѣ; въ 1500 г. для обереганья казанскаго царя Абдылъ-Летифа отъ нападенія ногайскихъ мурзъ былъ посланъ въ Казань воеводою вмѣстѣ съ кн. Петромъ Семеновичемъ Лобаномъ-Ряполовскимъ. Въ томъ же году присутствовалъ на свадьбѣ кн. В. Д. Холмскаго съ великою княжной Софіей Ивановной, дочерью Іоанна III, и былъ «у саней» невѣсты. Въ 1501 г. былъ вторымъ воеводой въ большомъ полку въ Литовскомъ походѣ, въ 1502 г.—вторымъ воеводой въ лѣвой рукѣ въ Смоленскомъ походѣ, въ 1506 г.—воеводой передового полка въ походѣ подъ Казань, гдѣ и былъ убитъ. Въ отвѣтномъ посланіи Іоанна IV кн. Андрею Мих. Курбскому царь поминаетъ какую то «измѣну», будто бы задуманную кн. М. Ѳ. Курбскимъ: «Вы привыкли—говоритъ онъ—отъ прародителей своихъ измѣну чинить: дѣдъ твой, кн. Михайло Карамышъ, съ кн. Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великого государя Ивана, умышлялъ измѣнные обычаи» — другихъ, болѣе безпристрастныхъ свѣдѣній объ подобномъ эпизодѣ въ жизни кн. М. Ѳ. Курбскаго нѣтъ.

Курбскій, кн. *Семенъ Ѳедоровичъ*, второй сынъ кн. Ѳед. Сем. Курбскаго, ум. въ 1527 г., бездѣтнымъ. Въ 1495 г. участвовалъ въ походѣ Іоанна III къ Новгороду; въ 1499 г. вел. кн. Іоаннъ III послалъ его воеводою, вмѣстѣ съ кн. П. Ѳ. Ушатымъ и Заболоцкимъ-Бражникомъ съ 5,000 устюжанъ, двинянъ и вятчанъ за Уральскія горы, для окончательнаго покоренія Югорской земли. Когда они доплыли разными рѣками до Печоры, то заложили на ея берегу крѣпость и отправились на лыжахъ къ «Каменному Поясу», т. е. къ Уральскимъ горамъ. Объ этомъ именно походѣ кн. С. Ѳ. Курбскій разсказывалъ Герберштейну и говорилъ, между прочимъ, что онъ 17 дней взбирался на гору, которая называется *Столпомъ*, но все-таки не достигъ ея вершины. Съ великимъ трудомъ перейдя черезъ Каменный Поясъ, кн. Курбскій и его товарищи спустились въ долину и остановились у городка Ляпина (нынѣ вогульское мѣстечко въ Березовскомъ у.); Курбскій и Ушатовъ взяли 32 города, болѣе тысячи плѣнныхъ и 50 князей; затѣмъ сюда съѣхались югорскіе и обдорскіе владѣтели, съ предложеніемъ мира и вѣчнаго подданства московскому государю. Владѣтельные князья, а также и московскіе воеводы сидѣли на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями, а сани воиновъ были запряжены собаками. Инородческіе князьки дали клятву вѣрности московскому великому князю; воеводы возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Въ 1506 г., когда вел. кн. Василій Ивановичъ отправилъ къ Казани большое войско подъ предводительствомъ своего брата, кн. Дмитрія Ивановича,—однимъ изъ воеводъ, стоявшихъ съ судовой ратью на Камѣ на перевозѣ, былъ кн. Курбскій. Въ 1508 г. онъ былъ воеводою передового полка въ Литовскомъ походѣ, въ 1511 г. вел. кн. Василій Ивановичъ свелъ съ Псковскаго намѣстничества Морозова и Челяднина, которыми псковичи были недовольны, и на мѣсто ихъ прислалъ князей — Петра Великаго-Шуйскаго и Сем. Ѳеод. Курбскаго. Эти намѣстники были «добры до псковичей», — говоритъ лѣтописецъ, — и горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псковъ. Въ 1513 г., во время второго похода къ Смоленску, кн. Курбскій былъ отправленъ съ Лукъ Великихъ къ Полоцку воеводой въ правой рукѣ; въ 1515 г. былъ воеводою передового, а затѣмъ сторожевого полка, при походѣ изъ Смоленска къ Мстиславлю; въ 1516 г. воеводою въ большомъ полку при походѣ съ Бѣлой къ Витебску. Въ 1519 г. воеводы: кн. Вас. Шуйскій изъ Смоленска, кн. Горбатый изъ Пскова, кн. Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны, разбили нѣсколько литовскихъ отрядовъ и шли на главное литовское войско, стоявшее въ Кревѣ, но оно уклонилось отъ битвы и удалилось за Лоскъ, въ непроходимыя мѣста, такъ что московскимъ воеводамъ пришлось удовольствоваться добычею и плѣнными. Въ 1523 г. Курбскій участвовалъ въ основаніи г. Василя на р. Сурѣ (нынѣшняго Васильсурска); въ 1524 г. былъ воеводою передового полка въ судовой рати въ походѣ подъ Казань; въ 1525 г., вмѣстѣ съ инокомъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ, былъ ревностнымъ противникомъ развода вел. кн. Василія Ивановича съ Соломоніей Сабуровой. Вслѣдствіе этого вел. кн. Василій Ивановичъ, по словамъ «Сказаній кн. А. М. Курбскаго»,—«князя Семена отъ очей своихъ отогналъ, даже до смерти его». Отзывъ Герберштейна о кн. Курбскомъ показываетъ, что недовольство его разводомъ великаго князя опредѣлялось его почти аскетическимъ отношеніемъ къ жизни. «Семенъ Ѳедоровичъ—пишетъ Герберштейнъ въ своихъ «Запискахъ»—человѣкъ старый и сильно изнуренный необыкновенно воздержною и суровою жизнью, которую велъ съ молодыхъ лѣтъ. Въ продолженіи многихъ годовъ онъ не употреблялъ въ пищу мяса и питался рыбою только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ, а по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ посту воздерживался даже и отъ рыбы».

Курбскій, князь, *Ѳедоръ Семеновичъ*, сынъ перваго князя Курбскаго, ум. послѣ 1483 г. Въ 1482 г. стоялъ съ войскомъ въ Нижнемъ Новгородѣ, для береженья отъ нападенія Алегаша, царя казанскаго. Въ 1483 г. кн. Курбскій и воевода Травинъ были посланы въ сѣверо-западную Сибирь противъ вогуловъ и Югры, которые хотя были обложены данью воеводами московскаго великаго князя еще въ 1465 г., но продолжали нападать на Великую Пермь и находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ пермяками и вятчанами.

До 1465 г. сѣверо-западная Сибирь была извѣстна Новгороду и платила ему дань, а въ 1483 г., по покореніи Новгорода, великій князь московскій Іоаннъ III рѣшилъ окончательно завоевать и сибирскія инородческія земли. Кн. Курбскій и Травинъ отправились съ устюжанами, вологжанами, вычегжанами, вымичами, сысольчами и пермяками. На устьѣ рѣки Пелыми они встрѣтили вогуличей и разбили ихъ; оттуда пошли внизъ по Тавдѣ, мимо Тюмени, и по дорогѣ взяли много плѣнныхъ и разной добычи. Въ Сибири они поплыли внизъ по Иртышу, затѣмъ Обью, въ Югорскую землю, гдѣ взяли въ плѣнъ главнаго князя Молдана, и возвратились въ Устюгъ 1 октября, т. е. послѣ пятимѣсячнаго похода. Югорскій и вогульскіе князья просили мира и присягнули въ вѣрности великому князю московскому; окончательно подчинилъ Москвѣ зауральскихъ сибирскихъ инородцевъ сынъ кн. Ѳедора Семеновича Курбскаго, кн. Семенъ Ѳедоровичъ, въ 1499 г.

Источники свѣдѣній о кн. Курбскихъ вообще: Акты Арх. Эксп., т. I; Герберштейнъ, «Записки о Московіи»; кн. Долгоруковъ, «Родосл. книга», т. I; «Древ. Рос. Вивл.», т. XIII; Карамзинъ, т.т. VI, VII, VIII; Лихачевъ, «Разрядные дьяки»; «Никон. Лѣт.», т.т. VI, VII, «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44; «Пол. Собр. Рус. Лѣт.», т. VI; «Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е, Устрялова; Соловьевъ, т.т. V, VI; «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос.» 1902 г. т. I; Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси», т. I и II; Маркевичъ, «Ист. мѣстничества».

В. Корсакова.

Курановъ, *Николай Гавриловичъ*, математикъ, профессоръ морского корпуса, авторъ «Письмовника», сынъ унтеръ-офицера, род. въ 1725 г. или въ 1726 г. въ Москвѣ, ум. 13 января 1796 г., въ Кронштадтѣ. Образованіе получилъ сначала въ школѣ навигаціонныхъ наукъ, которая была открыта при Сухаревой башнѣ (гдѣ онъ учился «математическимъ наукамъ» у извѣстнаго составителя первой русской ариѳметики Магницкаго), а съ 1741 г.—въ Петербургской «морской академіи». Въ 1744 г. Курановъ именуется «ученикомъ большой астрономіи», а въ 1746 г. опредѣленъ «ученымъ подмастерьемъ» — нѣчто въ родѣ младшаго лаборанта—математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, и превратился, такимъ образомъ, изъ учениковъ старшаго класса прямо въ преподавателя. Тогда же, въ 1746 г., онъ съ адъюнктомъ Академіи Наукъ, Красильниковымъ, ѣздилъ опредѣлять берега Балтійскаго моря; въ 1750 и 1752 гг. былъ посылаемъ Академіей Наукъ съ профессоромъ Гришовымъ (Grichow) для астрономическихъ работъ на о. Эзель; въ томъ же 1752 г., при преобразованіи морской академіи въ морской корпусъ, Курановъ былъ опредѣленъ къ корпусу въ прежней должности «ученаго подмастерья», въ 1756 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1760 г. — въ поручики. Въ 1761 г. Курановъ участвовалъ въ работахъ Красильникова при наблюденіи, по порученію Академіи, прохожденія Венеры; въ 1765 г. былъ пожалованъ чиномъ капитана и произведенъ въ учители, въ 1767 г., по порученію начальства, «разбиралъ разныя вещи», накопившіяся за долгое время подъ куполомъ адмиралтейства. Въ 1771 г., когда зданіе морского корпуса сгорѣло и корпусъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, Курановъ назначенъ былъ исправлять должность инспектора классовъ, въ 1772 г. онъ былъ произведенъ въ секундъ-маіоры, 7 марта 1774 г., удостоенъ Академіей Наукъ званія профессора, а въ 1775 г. былъ отставленъ отъ должности инспектора и оставленъ только профессоромъ. Въ 1784 г. Курановъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, въ 1785 г. награжденъ владимірскимъ крестомъ, въ 1791 г. произведенъ въ подполковники и въ 1792 г. назначенъ инспекторомъ морского корпуса, въ каковой должности онъ и скончался. Какъ профессоръ, Курановъ обладалъ обширными по своему времени познаніями, педагогическимъ тактомъ и рѣдкою энергіей. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, могъ читать по своему предмету латинскія и англійскія книги; большое количество изданныхъ имъ сочиненій и переводовъ указываютъ на полезность его ученой дѣятельности. Въ отличіе отъ многихъ своихъ современниковъ, Курановъ не стремился придать важности своему преподаванію намѣреннымъ затемненіемъ преподаваемаго предмета, а, напротивъ, старался по возможности упрощать преподаваніе и передавать всё ясно, понятно и занимательно. Сочиненныя имъ руководства долго употреблялись при преподаваніи. — Курганову принадлежатъ слѣдующіе труды: «Универсальная ариѳметика». Спб. 1757 г., двѣ части; изд. 2-е подъ заглавіемъ: «Генеральная ариѳметика»... три части, Спб.

1794 г.; эта «Универсальная ариѳметика» вытѣснила ариѳметику Магницкаго и имѣла широкое распространеніе.—«Новая ариѳметика, или числовникъ», Спб. 1776 г., изд. 2-е, подъ заглавіемъ: «Ариѳметика, или числовникъ», Спб. 1776 г., изд. 3, Спб. 1691 г.—«Бугерово новое сочиненіе о навигаціи, содержащее теорію и практику морского пути, съ французскаго», Спб. 1764 г.—и еще четыре изданія, въ 1785—1802 г.—«Опредѣленіе вещамъ, содержащимся въ новой Бугеровой навигаціи», Спб. 1776 г.—«Генеральная геометрія», Спб. 1765 г.—«Элементы геометріи», Спб. 1769 г.—«Россійская универсальная грамматика, или вообще письмословіе», Спб. 1769 г.; 2-е изданіе, съ небольшими измѣненіями, озаглавленное: «Книга-письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія», 2 части, Спб. 1777 г.; эта книга, сначала безъ перемѣнъ, затѣмъ—съ нѣкоторыми измѣненіями, выдержала еще 10 изданій—съ 1788 г. по 1837.—«О точности морского пути»... съ французскаго, Спб. 1773 г.—«Наука морская, сирѣчь опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблемъ и флотомъ военнымъ», съ франц., Спб. 1774. — «Книга о наукѣ военной», Спб., 1777 г. – «Пополненія Бугеровой науки мореплаванія», Спб. 1790 г., и еще два изданія—1794 г. и 1801 г. Между перечисленными произведеніями Курганова въ свое время важное значеніе имѣлъ его теперь совершенно забытый «Письмовникъ». Содержаніе этой книги весьма характерно для той эпохи. Она начинается свидѣтельствами св. Іоанна Дамаскина, Аристотеля, Виргилія Урбина, Ломоносова и Сумарокова о пользѣ грамматики; далѣе слѣдуетъ «приложеніе благочестивому читателю, доброму человѣку»,—это предисловіе, въ которомъ авторъ разъясняетъ, что онъ взялся не за свое дѣло по необходимости, начавъ учить дѣтей грамматикѣ и усмотрѣвъ, что прежде изданныя книги трудны для пониманія юношества. За предисловіемъ помѣщенъ «краткій повѣстной лѣтописецъ», до основанія корпуса, за нимъ излагается «грамматика». Она написана довольно ясно, со знаніемъ педагогическаго дѣла, но все же не приспособлена къ пониманію дѣтей. Затѣмъ идутъ «присовокупленія», числомъ семь: 1-е, сборникъ разныхъ пословицъ и поговорокъ русскихъ, расположенныхъ по алфавиту; 2-е, самое важное, болѣе всего способствовавшее успѣху грамматики, называется: «краткія замысловатыя повѣсти», въ числѣ 321-й — разныя шутки, разномысленныя предложенія, достопамятныя рѣчи, опредѣленія и сравненія или уподобленія, хорошія мнѣнія, опись качествъ знатнѣйшихъ европейскихъ народовъ, загадки; 3-е, древнія апоѳегмы, Епиктетово нравоученіе; 4-е, разные учебные разговоры (между «книжникомъ и мальчикомъ»,—объ употребленіи времени, объ образѣ житія человѣческаго, о миѳологіи, о различіи изреченія и писанія); 5-е, «Сборъ разныхъ стиходѣйствій». Этотъ отдѣлъ съ одной стороны показываетъ, какія произведенія россійской музы считалъ занимательными для своихъ читателей такой опытный человѣкъ и искусный педагогъ, какъ Курановъ,—а съ другой, огромная популярность «Письмовника» дѣлала выбранныя имъ стихотворенія общеизвѣстными и на нихъ воспитывались цѣлыя поколѣнія. Курановъ старался угодить всякимъ вкусамъ; въ его «Сборѣ» есть и высокая лирика всѣхъ видовъ, и пѣсни, и басни, и эпитафіи, и анекдоты въ стихахъ, и загадки, словомъ—всѣ виды и роды, кромѣ поэмы и драмы. Въ «Сборѣ» есть нѣсколько романсовъ XVIII вѣка, не народныхъ по происхожденію, но ставшихъ народными, благодаря распространенности «Письмовника». Тутъ есть пѣсни духовныя (кіевокаликскія, какъ онѣ названы) и свѣтскія. Присовокупленіе 6-ое заключаетъ въ себѣ обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣка, или всеобщій чертежъ (краткая энциклопедія) наукъ и художествъ, «Наказъ медицинскій и рудометъ нѣмецкій», т. е., изображеніе человѣческой фигуры съ обозначеніемъ, въ какой мѣсяцъ, изъ какой части тѣла полезно и изъ какой вредно пускать кровь. Наконецъ, присовокупленіе 7-ое заключаетъ «Словарь разноязычный, или толкователь еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ; толкъ днямъ и мѣсяцамъ, оговорки, т. е., объясненія къ «Словарю»... Цѣль этой книги была увеличить число грамотныхъ людей и пріохотить къ чтенію. И эта цѣль была достигнута. Заключая въ себѣ массу полезныхъ свѣдѣній для людей самыхъ разнообраз-

ныхъ спеціальностей, будучи необходимою книгой для человѣка посредственнаго образованія, но имѣвшаго литературные интересы, «Письмовникъ» Курганова скоро получилъ самое широкое распространеніе. Онъ расчищалъ дорогу серьезнымъ и поучительнымъ книгамъ съ одной стороны, съ другой — доказывалъ людямъ, которые смотрѣли на чтеніе, какъ на тяжелый трудъ, что чтеніе можетъ доставлять и удовольствіе. Замысловатыя повѣсти и стихотворенія списывались въ особыя тетрадки и распространялись между людьми, которые не видали въ глаза «Письмовника», проникали въ народъ, въ народную словесность, а въ интеллигентныхъ читателяхъ народныя пѣсни, собранныя въ «Сборѣ», возбуждали интересъ къ русской безыскусственной поэзіи и подготовляли «Древнія россійскія стихотворенія» Кирши Данилова и проч. Грамматика же и статьи по риторикѣ и піитикѣ изучались въ школахъ. Ни одна другая книга XVIII вѣка не была такъ популярна, какъ «Письмовникъ» Курганова.

А. Кирпичниковъ, «Кургановъ и его Письмовникъ»—«Истор. Вѣстникъ», 1887 г., сентябрь; Берхъ, «Жизнеописаніе Курганова»—«Сынъ Отечества» 1829 г., ч. 128, и отдѣльно; Колбасинъ, «Кургановъ и его Письмовникъ» — «Библіотека для чтенія», 1857 г., т. 141; его же, «Литературные дѣятели прежняго времени», Спб. 1859 г.; Веселаго, «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса»; А. Галаховъ, «Историческая хрестоматія», т. I; «Записки гидрограф. депар. мор. министр.», т. VII; Герценъ, «Былое и думы», т. III; «Сочиненія Пушкина», «Исторія села Горохина»; Геннади, «Словарь»; Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. I; «Морской Сборникъ» 1856 г., № 12, Смѣсь, стр. 1—9; 1857 г. № 2. Библіографія. *Ив. Дав.*

Курика, *Ѳеодосій Константиновичъ*, профессоръ Московскаго университета, сынъ казака, род. въ 1755 г., ум. въ 1785 г. Въ 1777 г. изъ академической гимназіи при Московскомъ университетѣ поступилъ въ студенты университета и, проходя медицинскій курсъ, награжденъ золотою медалью. По окончаніи курса въ университетѣ отправленъ за границу, и 19 сентября 1784 г. защитилъ въ Лейденѣ диссертацію на степень доктора медицины, и въ томъ же году опредѣленъ въ Московскій университетъ экстра-ординарнымъ профессоромъ натуральной исторіи.

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели»; Шевыревъ, «Словарь професс. Моск. унив.».

Курисъ, *Иванъ Онуфріевичъ*, волынскій губернаторъ, ум. въ 1834 г. Сынъ сотеннаго городового атамана, по происхожденію грекъ, Курисъ началъ службу въ 1773 г. рядовымъ въ Днѣпровскомъ полку. Въ 1780 г. былъ переведенъ въ штатъ новороссійской губерніи, съ 1784 г. снова опредѣлился на военную службу, въ 1797 г., будучи контуженъ, перечислился въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйст. стат. сов., сначала вице-губернаторомъ въ Новгородъ и въ томъ же году губернаторомъ въ Оренбургъ. Въ 1800 переведенъ былъ въ волынскую губернію «для исправленія въ ней безпорядковъ», а въ 1802 уволился отъ службы. Съ 1787 участвовалъ почти во всѣхъ кампаніяхъ Суворова. Находился въ перепискѣ съ Державинымъ, гр. Хвостовымъ и въ особенно близкихъ отношеніяхъ былъ съ Суворовымъ; Суворовъ, получившій во время празднованія Ясскаго мира отъ императрицы право по собственному выбору пожаловать въ кавалеры ордена Георгія 3 ст. одного изъ своихъ сподвижниковъ, возложилъ этотъ орденъ на Куриса.

«Записки Одесс. общ. ист. и древн.», 1872, т. VIII, біографія Куриса и отдѣльно; «Сочиненія Державина», т.т. II, VI; Вейдемейеръ, «Дворъ и замѣч. люди въ Россіи», II, 134.

Курицынъ, *Аѳанасій Ѳедоровичъ*, сынъ дьяка Ѳ. В. Курицына, ум. послѣ 1537 г. О раннемъ періодѣ его дѣятельности ничего неизвѣстно. Въ 1520 г. онъ именуется дьякомъ въ «боярскомъ приговорѣ», а съ 1522 по 1537 г. присутствовалъ при пріемѣ пословъ и самъ ѣздилъ съ посольствомъ въ Казань. Въ 1522—1523 г.г. встрѣчалъ польскихъ и литовскихъ пословъ, въ 1524 г. участвовалъ въ Казанскомъ походѣ. Въ 1525 г. былъ посланъ съ кн. Вас. Дан. Пенковымъ въ Казань для переговоровъ, вслѣдствіе желанія казанцевъ имѣть царемъ Сафа-Гирея. Въ 1527 г. подписался въ грамотѣ поручной бояръ по кн. Мих. Льв. Глинскомъ, о невыѣздѣ его изъ Московскаго государства. Въ 1531 г вел. кн. Василій Ивановичъ положилъ опалу на воеводъ кн. Ив. Мих. Воротынскаго, кн. Ив. Овчину и Ив. Ляцкаго, стоявшихъ на Тулѣ по крымскимъ вѣстямъ, и Аѳ. Курицыну поручено было привезти ихъ къ Москвѣ въ Разрядъ. Послѣ изгнанія изъ Казани Сафа-Гирея великій князь Василій Ивановичъ приказалъ Морозову и дьяку Курицыну возвести на казанскій престолъ Еналея. Въ 1534 г. А. Ѳ. Курицынъ своимъ подписомъ скрѣпилъ мно-

жество монастырскихъ льготныхъ грамотъ; въ 1535 г. посланъ съ наказомъ относительно военныхъ дѣйствій къ можайскому воеводѣ кн. Мих. Вас. Горбатову. Въ 1535 г. былъ въ числѣ дьяковъ, находившихся при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ во время его предсмертной болѣзни; въ 1535 — 1537 г.г былъ разряднымъ дьякомъ.

«Акты ист.», I; «Акты Археогр. Экспед.», I; «Др. Рос. Вивл.», XIII; Ник. Лѣт., VI; «Собр. Госуд. грам. и дог.», I; Царств. книга; «Чт. Моск. Общ. И. Д. Р.», 1902 г., I; «Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.». т.т. XXXV и XLI; Карамзинъ, VI, VII, VIII; Лихачевъ, «Разрядные дьяки»; Соловьевъ, V; Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», I.

Курицынъ, *Иванъ-Волкъ Васильевичъ*, братъ слѣдующаго, ум. 27 декабря 1504 г. Въ 1492 г. дьякъ, посланъ Іоанномъ III съ Юріемъ Траханіотомъ для переговоровъ къ германскому императору Максимиліану; въ 1495 г. былъ въ новгородскомъ походѣ съ великимъ княземъ Іоанномъ III, затѣмъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами отправленъ на островъ рѣки Наровы для разбора неудовольствій между Москвой и Ганзой; въ 1497 г. посланъ вмѣстѣ съ Лобаномъ Заболоцкимъ къ литовскому великому князю Александру, чтобы уговорить его не воевать съ волошскимъ воеводой Стефаномъ. 1504 г. соборъ, созванный противъ ереси жидовствующихъ, осудилъ нѣкоторыхъ еретиковъ, въ томъ числѣ Курицына, который 27 декабря былъ сожженъ живымъ въ клѣткѣ.

Источники см. въ предшеств. біографіи.

Курицынъ, *Ѳедоръ Васильевичъ*, дьякъ, ум. около 1500 г. Точныхъ свѣдѣній о происхожденіи этой фамиліи не имѣется, но, повидимому, эти Курицыны не принадлежали къ тѣмъ Курицынымъ, которые ведутъ свое начало отъ знатнаго рода Свибловыхъ и записаны въ Бархатную книгу. Ѳ. В. Курицынъ въ теченіе двадцати лѣтъ занималъ первенствующее положеніе между дьяками и пользовался большимъ довѣріемъ Іоанна III. Въ 1482 г. онъ былъ отправленъ къ венгерскому королю Матвѣю Корвину, для утвержденія договора, заключеннаго въ Москвѣ съ венгерскимъ посломъ, и для обмѣна грамотъ. На возвратномъ пути онъ былъ задержанъ турками въ Бѣлградѣ и освобожденъ лишь стараніями короля Матвѣя и крымскаго хана Менгли-Гирея. Іоаннъ III письменно поблагодарилъ Менгли-Гирея за содѣйствіе къ освобожденію Курицына и двухъ мастеровъ (пушечника и каменьщика), выписанныхъ изъ Италіи и попавшихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Курицынымъ. Кромѣ того Іоаннъ просилъ Менгли-Гирея разузнать, справедливо ли говорили турецкіе паши Курицыну о желаніи султана жить въ дружбѣ съ великимъ княземъ московскимъ? На это Менгли-Гирей получилъ отъ султана Баязета II слѣдующій отвѣтъ: «ежели государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ». Въ 1488 году Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи рыцаря Николая Поппеля, присланнаго германскимъ императоромъ Фридрихомъ къ великому князю Іоанну III съ предложеніемъ заключить бракъ племянника императора, Альбрехта маркграфа баденскаго, съ одной изъ дочерей великаго князя, Еленой или Ѳеодосіей; въ 1490 г. встрѣчалъ вмѣстѣ съ окольничимъ Чеботовымъ посланника императора Максимиліана, Георгія Делатора, на великокняжескомъ дворѣ, на лѣстницѣ. Въ 1491 г. рыцарь Поппель, пріѣзжавшій въ 1488 г. посланникомъ отъ нѣмецкаго императора, прислалъ великому князю Іоанну III письмо и богатые подарки, но великій князь не принялъ подарковъ и велѣлъ Курицыну отвѣтить слугѣ Поппеля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Государь твой Николай писалъ къ Государю нашему не по пригожу какъ есть пишутъ къ Великимъ Государемъ: ино намъ поминки его не надобѣ». Въ 1493 г. Курицынъ записывалъ рѣчи Ивана Подося, присланнаго мазовецкимъ княземъ Конрадомъ, желавшимъ посвататъ одну изъ дочерей великаго князя Іоанна III и предлагавшимъ союзъ противъ преемниковъ польскаго короля Казиміра IV. Въ 1494 г. былъ посланъ вмѣстѣ съ князьями Вас. Ив. Патрикѣевымъ и Сем. Ив. Ряполовскимъ въ Вильну къ литовскому королю Александру для утвержденія условій его брака съ дочерью Іоанна III—Еленой. Въ 1495 г. участвовалъ въ новгородскомъ походѣ Іоанна III; въ 1491—1500 г.г. рядомъ съ дьякомъ Андреемъ Майкомъ и всегда на одномъ изъ первыхъ мѣстъ упоминается въ записяхъ о пріемѣ и переговорахъ съ послами польско-литовскаго короля.

Курицынъ принадлежалъ къ числу лицъ, причастныхъ къ умственному движенію въ Московскомъ государствѣ XV—XVI в.в.,

возбужденному ересью такъ называемыхъ жидовствующихъ. Эта ересь—смѣсь іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ—появилась въ Кіевѣ въ половинѣ XV в., оттуда перешла въ Новгородъ, а изъ Новгорода была перенесена въ 1480 г. двумя главными еретиками, священниками Діонисіемъ и Алексѣемъ, въ Москву, куда эти два лица были взяты самимъ великимъ княземъ Іоанномъ III, на котораго они произвели при первомъ знакомствѣ весьма благопріятное впечатлѣніе. Назначенные къ Успенскому и Архангельскому соборамъ, они скоро распространили свое ученіе между вліятельными людьми. Въ числѣ ихъ сторонниковъ были: Симоновскій архимандритъ Зосима, получившій вскорѣ мѣсто московскаго митрополита, невѣстка великаго князя Елена, мать наслѣдника престола, и братья дьяки, Ѳедоръ Васильевичъ и Иванъ-Волкъ Васильевичъ Курицыны. Въ 1490 г. новгородскій архіепископъ Геннадій, собравъ всѣ извѣстія о ереси жидовствующихъ, прислалъ доказательства вмѣстѣ съ виновными на судъ великому князю и перечислилъ и московскихъ единомышленниковъ, кромѣ Зосимы и дьяка Ѳ. В. Курицына. Названные Геннадіемъ еретики были наказаны, а Курицынъ не только не пострадалъ вмѣстѣ съ ними, но и не лишился прежняго довѣрія великаго князя, что̀ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ его служебной дѣятельности за 1491—1500 г.г. Въ 1494 г. Зосима, за открывшееся еретичество и далеко не монашескій образъ жизни, былъ удаленъ съ каѳедры; преемникомъ ему явился Симонъ—на этотъ разъ Курицыну не удалось провести послѣдователя ереси; за то именно Курицынъ успѣлъ устроить назначеніе въ Новгородъ въ архимандриты Юрьева монастыря еретика Кассіана, черезъ котораго снова распространилась ересь въ Новгородѣ, почти подавленная было суровыми мѣрами Геннадія. Въ Москвѣ же Курицынъ успѣвалъ убѣждать великаго князя, что ереси вовсе нѣтъ, и что слухи объ ея существованіи, доходившіе до великаго князя, суть плодъ неумѣренной ревности къ вѣрѣ нѣкоторыхъ, слишкомъ подозрительныхъ людей. Извѣстный историкъ церкви, Голубинскій, даетъ такое объясненіе вопроса, какъ удавалось Курицыну убѣждать въ этомъ Іоанна, несмотря на двукратное признаніе на соборахъ факта существованія ереси: онъ приводитъ свѣдѣніе о томъ, что Курицынъ былъ довольно свѣдущъ въ астрологіи и предполагаетъ, что ему удавалось убѣдить Іоанна Васильевича въ томъ, что дѣйствительные еретики были въ Новгородѣ и были осуждены соборомъ и уничтожены послѣ него, а что затѣмъ въ Москвѣ оставались только люди, занимающіеся астрологіею,—занятія же астрологіею съ точки зрѣнія церковной тоже запрещенныя, тѣмъ не менѣе не могли не представляться Іоанну значительно менѣе опасными и менѣе незаконными; вмѣстѣ съ тѣмъ — вовсе не трудно было представить государю, что именно эти занятія являются въ глазахъ многихъ весьма большимъ религіознымъ преступленіемъ и подаютъ поводъ утверждать существованіе ереси; нѣтъ ничего невозможнаго даже и въ томъ, что Іоаннъ III, какъ многіе и изъ образованнѣйшихъ его современниковъ, вѣрилъ и самъ въ астрологію.—Ѳ. Курицынъ умеръ между 1497 и 1504 г., — и вслѣдъ за его смертью произошелъ новый разгромъ еретиковъ: въ декабрѣ 1504 г. Иванъ Курицынъ, Иванъ Михайловъ и другіе были сожжены, иные были подвергнуты другимъ наказаніямъ; ересь теперь была уничтожена окончательно.

Востоковъ полагаетъ, что извѣстная повѣсть о Дракулѣ, воеводѣ волошскомъ, написана или самимъ Курицынымъ, или кѣмъ нибудь изъ его спутниковъ, бывшихъ съ нимъ въ 1482 г. въ Венгріи. Это предположеніе основано на заявленіи сочинителя повѣсти о Дракулѣ, что онъ самъ видѣлъ въ Венгріи, въ Будинѣ, Дракулиныхъ сыновей, привезенныхъ туда королемъ Матвѣемъ. Соловьевъ съ своей стороны высказываетъ мнѣніе, что сочинитель повѣсти о Дракулѣ составилъ и лѣтопись временъ Іоанна III, такъ какъ лѣтописецъ говоритъ, что видѣлъ изгнанныхъ турками владѣтельныхъ лицъ, а это могъ сказать только человѣкъ, бывшій за границей, напримѣръ въ Венгріи. Если эти догадки справедливы, то Курицынъ является не только государственнымъ дѣятелемъ, но и бытописателемъ.

Голубинскій, «Ист. рус. церкви», т. II, половина I, 560—580; Соловьевъ, «Исторія», кн. I, 1437, 1547—1553, 1577, 1578; Жмакинъ, «Митр. Даніилъ», 38—53; Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», I, 756, III, 78; другіе источники см. въ біографіи Аѳан. Курицына.

В. Корсакова.

Курляндцевъ, *Николай Дмитріевичъ*, профессоръ Ришельевскаго лицея, род. въ 1802 г., ум. въ 1835 г. По окончаніи курса въ московской гимназіи и въ Московскомъ университетѣ, въ 1823 г. поступилъ учителемъ въ московскій воспитательный домъ, 1826 г. переведенъ профессоромъ въ Ришельевскій лицей; преподавалъ сначала военныя науки, потомъ физико-математическія; въ 1832 г. назначенъ цензоромъ при одесскомъ цензурномъ комитетѣ. Въ лицеѣ на торжественныхъ собраніяхъ произнесъ двѣ рѣчи: въ 1832 г.—«О началѣ, постепенномъ развитіи и настоящемъ состояніи опытной физики» и въ 1833 г.—«О существенной цѣли и способѣ преподаванія математики въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ предметомъ образованіе общее»; въ 1834 — 1835 г.г. въ Одессѣ изданъ былъ имъ переводъ слѣдующихъ книгъ: «Главныя черты космогоніи» Шуберта, «Введеніе въ умозрительную физику» Шеллинга, «Физическая картина Европы» Шува и «О постепенномъ развитіи природы» Стефенса.

«Ученыя зап. Моск. унив.». X, 350—354; Геннади, «Словарь»; «Справ. энцикл. словарь» Края, VI, 973.

Курлятевъ, кн. *Владиміръ Константиновичъ*, казненъ послѣ 1568 г. Въ 1564—1565 г.г. былъ воеводою въ Полоцкѣ и Брянскѣ; въ 1566 г. подписался подъ грамотой, поручной по тѣхъ боярахъ, которые ручались по кн. Мих. Ив. Воротынскомъ о невыѣздѣ его изъ Московскаго государства; въ томъ же году подписался подъ грамотой о продолженіи войны съ Ливоніей. Въ 1568 г. былъ воеводою лѣвой руки въ Ливонскомъ походѣ. Неизвѣстно, въ которомъ году казненъ по подозрѣнію въ участіи въ заговорѣ противъ Іоанна Грознаго. Въ «Исторіи князя великаго московскаго», написанной кн. Андр. Мих. Курбскимъ, вслѣдъ за разсказомъ объ убіеніи кн. П. С. Серебрянаго-Оболенскаго, говорится: «Потомъ того же роду княжатъ побіено: Александра Ярославова (Ярославскаго) и кн. Владиміра Курлятева...; и были тѣ оба, паче же Александръ, мужіе воистину ангеломъ подобные жительствомъ и разумомъ: бо были такъ искусны въ книжномъ разумѣ православныхъ догматъ, иже всѣ священныя писанія во устахъ имѣли; къ тому и въ военныхъ дѣлахъ свѣтлы и нарочиты». Имя кн. Курлятева вписано въ Синодикъ Іоанна Грознаго.

Курлятевъ, кн. *Дмитрій Ивановичъ*, бояринъ, ум. послѣ 1563 г. Въ 1526 г. присутствовалъ на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича съ Еленой Глинской; въ 1532 г. былъ однимъ изъ приставовъ при казанскомъ царѣ Шигалеѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1533 г.—воеводою на Рязани «съ городомъ» при намѣстникѣ кн. Мих. Бор. Туренинѣ, затѣмъ на Мещерѣ при кн. Ив. Ив. Турунтаѣ-Пронскомъ. Кн. Курлятевъ былъ, повидимому, близокъ къ великому князю Василію Ивановичу: во время предсмертной болѣзни великаго князя, постигшей его въ 1533 г., когда онъ охотился въ окрестностяхъ Волока-Ламскаго, въ числѣ сопровождавшихъ его находился и кн. Курлятевъ; при переѣздѣ изъ Волока въ Іосифовъ монастырь въ саняхъ съ больнымъ великимъ княземъ сидѣли кн. Курлятевъ и кн. Дм. Ѳеод. Палецкій; они помогали больному во время пути переворачиваться съ одной стороны на другую—самъ онъ не могъ уже двигаться, а пріѣхавъ въ монастырь, взяли его подъ руки и повели въ церковь. При возвращеніи изъ Іосифова монастыря въ Москву кн. Курлятевъ и кн. Палецкій опять сидѣли въ однѣхъ саняхъ съ великимъ княземъ. Въ 1535 г. кн. Д. И. Курлятевъ былъ воеводою сторожевого полка при походѣ изъ Стародуба въ Литву. Въ томъ же году былъ въ числѣ воеводъ, посланныхъ правительницей Еленой Глинской съ московскими войсками противъ кн. Андрея Старицкаго, который, подъ предлогомъ болѣзни, неоднократно отказывался ѣхать по ея вызову въ Москву, а затѣмъ направился изъ своего удѣла къ Новгороду. Московскіе воеводы настигли кн. Старицкаго въ Тюхоли, но дѣло до сраженія не дошло—кн. Старицкій покорился. Въ 1537 и 1539 г. кн. Курлятевъ былъ воеводою правой руки на Коломнѣ, въ 1538 г.—воеводою правой руки въ судовой рати въ Казанскомъ походѣ, въ 1542 г. воеводою въ Серпуховѣ. Въ 1543 г. участвовалъ въ томъ засѣданіи Боярской думы, когда, въ присутствіи вел. кн. Ивана Васильевича и митрополита, любимецъ великаго князя Воронцовъ былъ схваченъ боярами и едва не убитъ ими. Въ 1548 г. былъ въ передовомъ полку на Коломнѣ съ кн. Влад. Андр. Старицкимъ, въ 1549 г. воеводою правой руки въ Нижнемъ Новгородѣ; въ томъ же году пожалованъ въ бояре. Въ 1550 г. во время отсутствія царя Ивана

Васильевича изъ Москвы былъ въ числѣ бояръ, оставленныхъ тамъ съ кн. Влад. Андр. Старицкимъ, для управленія дѣлами царства. Когда въ 1552 г. царь Иванъ Васильевичъ сильно занемогъ и требовалъ, чтобы бояре присягнули на вѣрность его сыну, младенцу Дмитрію—кн. Курлятевъ и казначей Никита Фуниковъ попробовали совсѣмъ не явиться во дворецъ, отговариваясь болѣзнію; болѣзни, вѣроятно, были лишь предлогомъ; можно предполагать, что совмѣстная служба за послѣдніе годы кн. Курлятева съ кн. Влад. Андр. Старицкимъ повела къ ихъ сближенію, къ тому же и его «изстаринныя» вотчины были между прочимъ въ тверскомъ уѣздѣ, вблизи отъ наслѣдственныхъ вотчинъ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго; симпатіи Курлятева были, повидимому, на сторонѣ кн. Старицкаго, а не Захарьиныхъ: ходили слухи, что кн. Курлятевъ, Фуниковъ и нѣкоторые другіе желали, въ случаѣ смерти царя Ивана Васильевича, видѣть на престолѣ не младенца Дмитрія, а кн. Владиміра Андреевича Старицкаго. Но осторожность и благоразуміе взяли верхъ и кн. Курлятевъ на третій день послѣ присяги бояръ, когда волненіе затихло, велѣлъ принести себя, какъ бы больного, во дворецъ и присягнулъ царевичу Дмитрію.

Въ 1553 г. кн. Курлятевъ былъ посланъ въ Казань, съ назначеніемъ въ большой полкъ вмѣстѣ съ кн. Юр. Мих. Булгаковымъ, кромѣ того другіе воеводы отправлены были «годовать» въ Казани и Свіяжскѣ. Князья Курлятевъ и Булгаковъ должны были выступить весной изъ Нижняго Новгорода къ Свіяжску; кн. Курлятевъ и кн. А. И. Воротынскій затѣяли было на этомъ походѣ мѣстничество, но царь велѣлъ кн. Курлятеву быть въ Казани и чтобы онъ «дѣла своего берегъ по наказу, какъ его въ Казань отпущавъ наказывалъ». Въ 1555 г. кн. Курлятевъ былъ въ походѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Коломну; въ 1556 г. былъ воеводою большого полка, а затѣмъ, по новой росписи, вторымъ воеводою большого полка; въ 1557 г. былъ воеводою въ большомъ береговомъ полку; въ 1558 г. начальствовалъ русскими войсками въ Ливоніи, вмѣстѣ съ кн. Репнинымъ. Недовольный ихъ дѣйствіями царь отозвалъ ихъ изъ Ливоніи. Въ 1559 г., во время похода царя Ивана Васильевича, кн. Курлятевъ оставался въ Москвѣ съ братомъ царя, кн. Юріемъ Васильевичемъ; въ 1560 г. былъ воеводою въ большомъ полку противъ крымцевъ.

Судя по перепискѣ Іоанна Грознаго съ кн. Курбскимъ, кн. Дм. Ив. Курлятевъ былъ близокъ къ Сильвестру и Адашеву и считался членомъ «избранной рады» или неофиціальной думы, управлявшей Московскимъ государствомъ съ 1547 по 1560 г. Въ отвѣтъ на первое посланіе кн. Андрея Мих. Курбскаго въ 1564 г., царь съ укоризною говоритъ о томъ, какъ Сильвестръ, подружившись съ Адашевымъ, началъ составлять себѣ партію подобно мірскимъ людямъ, какъ онъ своего единомышленника кн. Дмитрія Курлятева къ царю «въ сиклитію припустилъ» и началъ злоумышлять съ нимъ противъ царской власти, поставивъ всюду своихъ угодниковъ и поступая по собственному произволу. «Намъ же что аще и благо совѣтующе—пишетъ царь—сія вся непотребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху»! Далѣе, упомянувъ о своей болѣзни и отказѣ нѣкоторыхъ лицъ принести присягу царевичу Дмитрію, Іоаннъ IV говоритъ, что съ того времени измѣнники находились въ почетѣ, а онъ, царь, въ «утѣсненіи»; въ одномъ изъ такихъ «утѣсненій» будто бы и кн. Курбскій принималъ участіе, собираясь вмѣстѣ съ кн. Курлятевымъ судить царя за кн. Сицкаго. Припомнивъ о какихъ-то боярскихъ земельныхъ судныхъ дѣлахъ, царь Иванъ Васильевичъ спрашиваетъ: «А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой! Да много того; и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати». Отвѣчая на второе посланіе царя Ивана Васильевича, кн. Курбскій говоритъ, что онъ не понимаетъ, о какихъ узорочьяхъ пишетъ царь, и прибавляетъ, что, по премудрому Соломону, вообще не подобаетъ отвѣчать «глупающему», такъ какъ всѣхъ упоминаемыхъ царемъ, не только Прозоровскихъ и Курлятевыхъ, но и «безчисленныхъ благородныхъ лютость мучительская пожерла, а въ то мѣсто остались калики, ихъ же воеводами поставляти усильствуешь, или любо пришься упрямѣ сопротивъ разума и Бога».

Обстоятельства послѣднихъ лѣтъ жизни кн. Д. И. Курлятева неизвѣстны; въ по-

служномъ спискѣ подъ 1562 г. сказано, что «умеръ боярин кн. Дм. Ив. Курлятевъ»; но есть упоминаніе въ одной грамотѣ «о кн. Дм. Курлятевѣ, какъ велѣно его везти въ монастырь къ Спасу на Волокъ... лѣта 7071 (1563)»; изъ описи царскаго архива видно, что Курлятевъ съ женою и дочерьми заключенъ былъ въ Каргопольскомъ Челмскомъ монастырѣ. Курбскій говоритъ въ своей «Исторіи», что царь велѣлъ насильно постричь въ монашество кн. Курлятева вмѣстѣ съ женою и съ малыми дѣтьми, а затѣмъ, нѣсколько времени спустя, они всѣ были задушены. Кн. Курлятева кн. Курбскій въ «Исторіи князя великаго Московскаго» называетъ «мужемъ совершеннымъ и нарочитымъ въ разумѣ сигклитомъ, избраннымъ въ *радѣ*» (въ изданіи Устрялова напечатано *въ родѣ*).

Курлятевъ, кн. *Иванъ Константиновичъ большой*, ум. въ 1583 г. въ Серпуховѣ.—Въ 1571 г. подписался въ записи поручной по тѣхъ боярахъ, которые ручались по кн. Мстиславскомъ, въ 1573 г. былъ воеводою на Коломнѣ и въ Тулѣ, посланъ въ Казань противъ возмутившихся черемисъ вторымъ воеводой большого полка, въ 1574 г.—береговой воевода въ лѣвой рукѣ, въ 1577 г.—воевода на Коширѣ въ лѣвой рукѣ, въ 1579 г.—одинъ изъ воеводъ въ большомъ полку въ Ливонскомъ походѣ. Въ 1580 г. царь Иванъ Васильевичъ, находясь во Псковѣ, вызвалъ къ себѣ войска и назначилъ кн. Курлятева третьимъ воеводой въ большой полкъ. Въ томъ же году былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ; въ 1581 г. стоялъ на Волокѣ-Ламскомъ; въ 1582 г. въ Новгородѣ, въ 1583 г. стоялъ въ Серпуховѣ, гдѣ и умеръ въ этомъ году.

Курлятевъ, князь, *Константинъ Ивановичъ*, ум. въ 1552 г. Въ 1526 г. присутствовалъ на свадьбѣ вел. кн. Василія Ивановича съ Еленой Глинской; въ 1533 г. былъ вторымъ полковымъ воеводой въ Муромѣ, а затѣмъ въ Мещерѣ, въ 1535 г.—въ передовомъ полку, въ 1538 г., въ Казанскомъ походѣ, въ лѣвой рукѣ. Въ 1539—1540 г.г. стоялъ на Коломнѣ воеводой сначала въ правой, а потомъ въ лѣвой рукѣ; въ 1542—1544 г.г. былъ воеводою въ Серпуховѣ, Одоевѣ и Бѣлевскомъ участкѣ. Вслѣдствіе мѣстническихъ споровъ князей Щенятева, Курятева и Ив. Мих. Воротынскаго крымцы, напавшіе на Одоевскія и Бѣлевскія мѣста, ушли съ «большимъ полономъ», т. е. взявъ въ плѣнъ много русскихъ. Въ 1550 г., когда зимою явились ногайскіе мурзы въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани,—кн. Курятинъ вмѣстѣ съ другими воеводами прогнали ногайцевъ до Шацкихъ воротъ, нанеся имъ большой уронъ. Въ 1551 г. былъ воеводою въ Муромѣ.

О кн. Курлятевыхъ вообще — «Древ. Рос. Вивл.», XIII; «Собр. Гос. Грам. и Догов.» I, II; «Ник. Лѣт.», VII;—«Акты Ист.», I;—«От. Зап.» 1830 г., ч. 44;—«Чт. Мос. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1902 г., I; «Сказанія кн. Курбскаго», изд. 3-е 1868 г.; «Симб. Сборн.»; Кн. Долгоруковъ «Родосл. кн.», I; Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», VIII, IX; Соловьевъ, «Ист. Россіи», VII; Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», I; Лихачевъ, «Разрядные дьяки»; Маркевичъ, «Ист. мѣстничества»; Платоновъ, «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.»; Рождественскій, «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка».

В. Корсакова.

Курочкинъ, *Василій Степановичъ*, поэтъ, изъ дворянъ, род. 28 іюля 1831 г. въ Петербургѣ, ум. 15 августа 1875 г. тамъ-же, похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ. Въ 1841 г. поступилъ въ 1-й кадетскій корпусъ и еще кадетомъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ лучшихъ тогдашнихъ преподавателей—И. Введенскаго, который и помѣстилъ безъ вѣдома автора въ «Журналѣ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній» одно изъ юношескихъ стихотвореній Курочкина, написанное на классную тему въ 1846 г. По окончаніи курса въ корпусѣ Курочкинъ поступилъ въ Дворянскій полкъ и былъ выпущенъ въ 1849 г. прапорщикомъ въ гренадерскій принца Евгенія Виртембергскаго полкъ. Въ сентябрѣ того же года, Курочкинъ, возвращаясь съ полкомъ съ высочайшаго смотра, по дорогѣ оставилъ строй и уѣхалъ. Это было замѣчено императоромъ Николаемъ, Курочкинъ былъ отданъ подъ судъ и, по приговору его, послѣ трехмѣсячнаго сидѣнья на гауптвахтѣ, заключенъ на мѣсяцъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ апрѣлѣ 1853 г. Курочкинъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ департаментъ ревизіи и отчетовъ по министерству путей сообщенія; въ 1855 г. оставилъ службу и занялся исключительно литературой.—Начиная съ 1854 г. стихотворенія Курочкина стали появляться въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ, сначала безъ подписи; черезъ два-три года

стихотворенія его стали появляться въ «Библіотекѣ для Чтенія» Старчевскаго, «Сынѣ Отечества» и другихъ, тоже не обращая на себя вниманія; но сразу были замѣчены его переводы изъ Беранже, которые впослѣдствіи пріобрѣли ему извѣстность. Тогда же Курочкинъ вступилъ въ число сотрудниковъ «Современника» и началъ участвовать во многихъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Курочкинъ умѣлъ передать Беранже живымъ, увлекательнымъ стихомъ, сохранившимъ юморъ, теплоту и добродушіе французскаго поэта; переводы изъ Беранже были лучшими стихотвореніями Курочкина и дали ему имя. Значеніе Курочкина важнѣе, какъ издателя «Искры», лучшаго русскаго сатирическаго журнала въ XIX в. «Искра» выходила подъ редакціей Курочкина и Н. С. Степанова, извѣстнаго каррикатуриста, съ 1859 г. по 1873 г. «Искра» была лучшимъ и единственнымъ дѣйствительно сатирическимъ, а не смѣхотворнымъ русскимъ журналомъ того времени; журналъ этотъ зорко слѣдилъ за пробудившеюся общественною жизнью и нещадно преслѣдовалъ и высмѣивалъ перомъ и карандашомъ все, что могло тормозить тогдашнее общественное движеніе и что можно было считать общественнымъ недугомъ; «Искра» была органомъ серьезной сатиры и сразу заняла выдающееся положеніе въ нашей періодической печати. Курочкинъ сумѣлъ привлечь въ сотрудники лучшія молодыя силы того времени; въ журналѣ принимали постоянное участіе П. Вейнбергъ, В. Буренинъ, И. Горбуновъ, Н. Лейкинъ, Н. Успенскій, А. Левитовъ, М. Вороновъ, Д. Минаевъ, А. Плещеевъ и другіе. Но душой журнала былъ самъ редакторъ; онъ готовъ былъ оставаться невидимымъ, никому неизвѣстнымъ работникомъ, утонуть въ псевдонимѣ и анонимѣ и довольствоваться лишь сознаніемъ полезной службы обществу. Успѣхъ «Искры» былъ по тому времени выдающійся, какъ матеріальный, такъ и нравственный—по тому вліянію, которое она имѣла тогда въ русскомъ обществѣ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Степановъ организовалъ свой собственный сатирическій журналъ «Будильникъ» и вышелъ изъ редакціи; съ этого времени «Искра» постепенно стала утрачивать свою силу и жизненность и въ 1873 г., на 35-мъ нумерѣ, прекратила свое существованіе. Съ этого времени Курочкинъ работалъ уже изъ-за куска хлѣба. Онъ сталъ писать статьи о театрѣ, переводить оперетки, въ 1875 г. сдѣлался воскреснымъ фельетонистомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Но эта роль была не по немъ и ни одинъ изъ его фельетоновъ этого времени не можетъ быть названъ достойнымъ его таланта. — Кромѣ Беранже, изъ котораго Курочкинъ переводъ особенно много, онъ переводилъ изъ Мольера («Мизантропъ»), Вольтера («Макаръ и Телэма»), Альфреда де-Виньи, Альфреда де-Мюссе, Виктора Гюго, Барбье, Густава Надо, Бёрнса, Шиллера и другихъ поэтовъ; кромѣ того, переводилъ Курочкинъ для сцены. Изъ сочиненій и переводовъ Курочкина были изданы отдѣльно: «Пѣсни Беранже», Спб. 1858 г.; въ томъ же году вышло второе изданіе, затѣмъ — еще четыре. «Собраніе стихотвореній В. Курочкина» въ 2-хъ томахъ имѣло два изданія; отдѣльно изданы либретто оперетокъ «Фаустъ на изнанку» и «Дочь рынка».

Послужной списокъ 1854 г.; Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб. 1874 г.; Н. Михайловскій, «Литературныя воспоминанія и современная смута», I, 15, 32—37; «Русскія Вѣдомости» 1900 г., № 230; А. Талычовъ, «Беранже и его переводчикъ» — «Отечественныя Записки», 1862 г., № 9, стр. 1—54; «Библіотека для Чтенія», 1858 г., апрѣль, стр. 1—21; «Биржевыя Вѣдомости», 1875 г., № 224, 230, 232). Въ годъ смерти Курочкина некрологи о немъ были помѣщены почти во всѣхъ газетахъ и въ журналахъ: «Всемірная Иллюстрація», № 349; «Отечественныя Записки», № 10, стр. 88—94; «Газета Гатцука», № 3; «Недѣля», № 1; «Петербургскій Листокъ». № 58; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 82; Геннади, «Словарь»; В. Межовъ, «Систематическая роспись».

Из. Дав.

Курочкинъ, *Николай Степановичъ*, врачъ, писатель-беллетристъ и публицистъ, братъ предыдущаго, изъ дворянъ, род. 2 іюня 1830 г., въ Петербургѣ, ум. 2 декабря 1884 г., тамъ же. Образованіе получилъ въ 3-й петербургской гимназіи и въ Петербургской Медико-хирургической академіи. Еще гимназистомъ онъ помѣщалъ свои переводы въ «Пантеонѣ», а все время студенчества жилъ литературными трудами. Въ 1854 г. Курочкинъ вышелъ изъ академіи съ званіемъ лекаря и былъ назначенъ младшимъ окружнымъ докторомъ петербургской губерніи. Въ 1855 и 1856 гг. онъ служилъ врачемъ Ораніенбаумскаго военнаго госпиталя, откуда былъ командированъ на

театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ, а послѣ войны, въ томъ же 1856 г., вышелъ въ отставку. Черезъ годъ Н. Курочкинъ снова поступилъ врачемъ въ Русское пароходное общество и около трехъ лѣтъ провелъ въ путешествіяхъ, причемъ побывалъ на Кавказѣ, во Франціи, Италіи, Азіи и Африкѣ. Послѣ этого онъ занялся литературою, которой и не оставлялъ до дня кончины.—Курочкинъ былъ умный, разносторонне начитанный и преданный литературѣ и ея интересамъ человѣкъ. Ему принадлежатъ нѣсколько переводовъ съ французскаго и итальянскаго—романовъ, драмъ, переводъ книги Макіавелли «Государь» (С.-Петербургъ, 1869 г.), нѣсколько переводовъ изъ Шевченки. «Недоразумѣніе», повѣсть («Сынъ Отечества», 1850 г., кн. 12); «Очеркъ отношенія врача къ обществу въ древней Россіи» («Московская Медицинская Газета», 1858 г., №№ 33 и 34), и много переводныхъ стихотвореній, особенно Бодэлера; нѣсколько стихотвореній Н. Курочкина напечатаны уже послѣ его смерти. Кромѣ многочисленныхъ произведеній, подписанныхъ полной фамиліей, иниціалами или псевдонимами (Н. Кинъ, Ефимъ Скорпіоновъ), Н. Курочкинъ помѣщалъ оригинальныя и переводныя сочиненія въ «Искрѣ» съ 1859 г. (подъ псевдонимами Преображенскій, Новоспасскій, Шередо и др.), въ «Русскомъ Мірѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» 1868—1871 гг., въ «Наблюдателѣ» (подъ псевдонимомъ: Поэтъ околодочный); онъ былъ также редакторомъ «С.-Петербургской Медицинской Газеты», 1859 г., «Искры». 1861 г., «Иллюстраціи», 1862 г., «Книжнаго Вѣстника», 1865 и 1866 гг. и «Невскаго Сборника», Спб. 1867 г.

Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ», IV, V, VII; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; Михайловскій, «Литературныя воспоминанія»; Пыпинъ. «Исторія русской этнографіи», т. II, 67; Вольфъ. «Хроника Петербургскихъ театровъ», III, 60, 77; Мей, «Изъ личныхъ воспоминаній» («Русская Мысль» 1887 г.; кн. 7; «Библіографъ», 1869 г., т. I, № 2, 1885 г., № 1; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1869 г., № 243; «Новь», 1884 г., кн. 4, стр. 268—269; «Русскій Курьеръ», 1884 г., № 337.

Ив. Дав.

Куроѣдовъ, *Василій Петровичъ*, инженеръ-архитекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, изъ дворянъ бугурусланскаго уѣзда Самарской губерніи, род. въ 1834 г., ум. 30 апрѣля 1888 г. Въ 1853 г. окончилъ курсъ въ Строительномъ училищѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) и въ томъ же году былъ прикомандированъ къ управленію по постройкѣ С.-Петербурго-варшавской желѣзной дороги; въ 1857 г. былъ переведенъ въ распоряженіе строителя новаго шпица надъ колокольнею Петропавловскаго собора. 28 декабря 1858 г. назначенъ репетиторомъ въ Строительное училище, въ 1859 г. преподавателемъ тамъ же, въ 1870 г. возведенъ въ званіе инженеръ-архитектора, въ 1877 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1878 г.—ординарнымъ профессоромъ по гражданской архитектурѣ; въ дѣйствительные статскіе совѣтники произведенъ въ 1887 г. Напечаталъ: «Гражданская архитектура» (1878), «Руководство къ выдѣлыванію черепицы и къ возведенію черепичныхъ крышъ» (1881).

«Новости», 1888 г., 3 мая.

Куртенеръ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, статскій совѣтникъ, лекторъ французскаго языка въ Московскомъ университетѣ, род. 12 сентября 1795 г., ум. послѣ 1855 г. Родители его были французскіе подданные, жившіе въ Москвѣ съ 1785 г. Съ 1803 г. по 1805 Ѳ. Куртенеръ учился въ Страсбургѣ, а затѣмъ возвратился въ Россію и дальнѣйшее ученіе продолжалъ въ домѣ Лажечниковыхъ, а затѣмъ — князя Черкасскаго; въ 1806 г. все семейство Куртенеръ приняло русское подданство; въ 1811 г. Ѳ. Куртенеръ выдержалъ при Московской гимназіи экзаменъ на право преподавать французскій и нѣмецкій языки и математику. Съ 1816 г. началъ службу при канцеляріи ген. Карбоньера, завѣдывавшаго различными казенными постройками въ Москвѣ, и служилъ здѣсь до 1821 г. Съ 1817 г. по 1832 г. преподавалъ французскій языкъ въ Московскомъ Александринискомъ училищѣ, въ Воспитательномъ Домѣ, въ институтахъ Александринискомъ и Восточныхъ языковъ; 10 декабря 1830 г. опредѣленъ вторымъ лекторомъ французскаго языка въ Московскій университетъ; при университетѣ служилъ до 1848 г.; послѣ оставленія службы при университетѣ продолжалъ служить въ Александринискомъ институтѣ. Куртенеръ издалъ рядъ учебниковъ и учебныхъ пособій для преподаванія французскаго языка.

«Словарь професс. Москов. университета», I.

Курута, *Дмитрій Дмитріевичъ*, графъ, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1770 г., ум. въ 1838 г. Родомъ грекъ; учился въ отдѣленіи для грековъ, устроенномъ при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1787 г. выпущенъ изъ него подпоручикомъ въ Петербургскій гренадерскій полкъ и назначенъ состоять при вел. кн. Константинѣ Павловичѣ, для практики великому князю въ греческомъ языкѣ. Въ 1789 г. зачисленъ мичманомъ во флотъ и участвовалъ въ гохландскомъ сраженіи; въ 1794 г. состоялъ при посольствѣ Кутузова въ Константинополѣ, въ качествѣ инженернаго офицера, и по возвращеніи въ Россію командовалъ фрегатомъ «Автроиль». Въ 1800 г. завѣдывалъ устройствомъ по берегамъ Финскаго залива маяковъ и сигнальныхъ станцій. Въ 1803 г. переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части; участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1805—1807 гг., и за гейльсбергское сраженіе произведенъ въ полковники. Въ 1809 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ вел. кн. Константину Павловичу и командиромъ Дворянскаго полка. Въ 1812—1814 гг. участвовалъ въ битвахъ подъ Бородинымъ, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и въ бояхъ, предшествовавшихъ взятію Парижа; въ концѣ 1812 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; по возвращеніи въ Россію назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса съ сохраненіемъ шефства надъ Дворянскимъ полкомъ. Въ 1816 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ штаба вел. кн. Константина Павловича, по званію его главнокомандующаго польскими войсками, литовскимъ корпусомъ и гвардейскимъ отрядомъ. При усмиреніи мятежа 1830 г. командовалъ гвардейскимъ отрядомъ и участвовалъ въ дѣлахъ при Вавръ, Гроховѣ и Остроленкѣ. Получивъ затѣмъ порученіе преслѣдовать Гелгуда, онъ разбилъ его подъ Вильною и заставилъ перейти предѣлы Пруссіи, гдѣ мятежники были обезоружены. Имѣлъ всѣ ордена до ордена св. Андрея Первозваннаго включительно; титулъ графа получилъ 22 августа 1826 г.

Д. Д. Курута былъ ближайшимъ другомъ и самымъ довѣреннымъ лицомъ великаго князя Константина Павловича. Онъ постоянно выступаетъ во множествѣ событій жизни цесаревича; роль его, впрочемъ, не была особенно крупная; онъ умѣлъ лучше другихъ сдерживать вспыльчивость цесаревича и, если она прорывалась — не смущаясь выносилъ первые ея взрывы, выражавшіеся въ потокѣ ругательствъ, преимущественно на греческомъ языкѣ, которыми осыпалъ его цесаревичъ; зато, успокоившись цесаревичъ умѣлъ цѣнить беззавѣтную преданность Куруты.

«Справ. энциклоп. словарь», Края, VI, 982.

Кусовъ, *Алексѣй Ивановичъ*, коммерціи совѣтникъ, род. въ 1790 г., ум. въ 1848. Внукъ основателя этой извѣстной среди петербургскаго купечества фамиліи; съ 1808 г. былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества; при жизни отца былъ его ближайшимъ помощникомъ по общему управленію дѣлами фирмы. Въ 1822 г. былъ директоромъ отъ купечества въ Государственномъ коммерческомъ банкѣ, съ 1827 г.—членомъ Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій; въ 1830 г. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета по учрежденію больницъ для холерныхъ и спеціально завѣдывалъ больницею на Сѣнной площади; въ 1839 г. былъ въ числѣ учредителей высшаго коммерческаго пансіона. 27 марта 1830 г. возведенъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ потомственное дворянство.

Кусовъ, *Василій Григорьевичъ*, род. 1 января 1729 г., въ посадѣ у Троицы-Сергіева монастыря, ум. 18 сентября 1788 г., въ Петербургѣ. Съ 1766 г. поселился въ Петербургѣ, и завелъ обширную заграничную торговлю; вступивъ въ непосредственныя сношенія со многими портами Германіи, Франціи и Англіи, даже Испаніи, онъ отправлялъ за границу лѣсъ, сало, пеньку, желѣзо, и въ огромномъ количествѣ ввозилъ колоніальные товары. Онъ положилъ основаніе фирмѣ, болѣе 100 л. занимающей одно изъ видныхъ мѣстъ въ петербургскомъ купечествѣ.

Кусовъ, *Иванъ Александровичъ*, коммерціи совѣтникъ, род. въ 1765 г., сынъ тотемскаго мѣщанина, ум. въ октябрѣ 1823 г. въ Тотьмѣ. Въ 1787 г., по примѣру другихъ тотьмичей, отправился въ Сибирь искать счастья. Въ Иркутскѣ 20 мая 1790 г. онъ заключилъ контрактъ съ А. А. Барановымъ, по которому принялъ званіе помощника Баранова, быв-

шаго главнымъ правителемъ компаніи Голикова и Шелехова въ Русско-Американскихъ колоніяхъ. Вскорѣ способностями и усердіемъ Кусовъ обратилъ на себя вниманіе; въ 1806 г. получилъ званіе коммерціи совѣтника. Министръ коммерціи, графъ Н. П. Румянцевъ писалъ Кусову: «Я буду весьма доволенъ если вы примите домогательство мое о сей наградѣ въ той цѣнѣ, въ коей я ставлю ее; ибо со времени управленія мнѣ ввѣреннымъ министерствомъ только пятеро удостоены сего отличія, и нынѣ вы получаете его отъ Монаршаго благоволенія, какъ достоинство вамъ по справедливости слѣдующее». Въ 1812 г. Кусовъ учредилъ на берегахъ Верхней Калифорніи небольшую колонію и устроилъ въ ней крѣпость «Россъ», комендантомъ которой и былъ назначенъ. Въ 1822 г. онъ оставилъ службу въ компаніи и получилъ аттестатъ, въ которомъ главный правитель компаніи Матвѣй Муравьевъ пишетъ: «Господинъ коммерціи совѣтникъ Кусовъ издавна продолжалъ служеніе свое въ Америкѣ, въ честь своего имени и на пользу отечества, за что былъ взысканъ Высочайшею милостью. Послѣднее время пребыванія его въ Америкѣ онъ начальствовалъ на берегахъ Новаго Альбіона, въ селеніи и крѣпости «Россъ», сію крѣпость онъ г. Кусовъ самъ основалъ и выстроилъ, завелъ въ ней корабельную верфь и построилъ тамъ три купеческіе корабля, которые и поднесь, съ великою пользою употребляются въ колоніяхъ Русско-Американской компаніи. Онъ среди дикихъ народовъ, близъ крѣпости, завелъ скотоводство, огородство и часть землепашества; онъ умирилъ враждующія между собой толпы дикихъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ удерживалъ сихъ дикарей въ союзѣ съ живущими въ крѣпости, и единственно мѣрами кротости и справедливости». Въ 1823 г. Кусовъ возвратился на родину и въ томъ же году умеръ бездѣтнымъ.

«Вологод. губ. вѣд.» 1848 г., № 8.— «Русскій Архивъ» 1898 г., № 10;—В. Т. Поповъ, «Городъ Тотьма».

Кусовъ, *Иванъ Васильевичъ*, сынъ В. Г. Кусова, коммерціи совѣтникъ, род. 7 января 1750 г., ум. 18 августа 1819 г. Унаслѣдовавъ обширное торговое дѣло отъ отца, еще значительно расширилъ его. Главною конторою въ Петербургѣ завѣдывалъ онъ самъ, а обширными конторами въ Москвѣ и въ Амстердамѣ управлялъ черезъ двухъ своихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Илья, постоянно за границей и жилъ, тамъ и умеръ. Вступивъ въ непосредственныя торговыя сношенія съ Америкой, впослѣдствіи былъ однимъ изъ учредителей Россійско-Американской компаніи; въ Петербургѣ завелъ нѣсколько фабрикъ и заводовъ; съ 1800 г. по смерть былъ членомъ совѣта Коммерческаго училища, съ 1818 г.—членомъ Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Въ 1799 г. былъ вмѣстѣ съ пятью другими представителями петербургскаго купечества приглашенъ къ засѣданіямъ Совѣта при Императорскомъ Дворѣ, въ которыхъ обсуждались вопросы объ измѣненіи нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ; въ 1800 г. получилъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, въ 1818 г.—орденъ св. Владиміра 4 ст. Императоръ Александръ Павловичъ лично зналъ И. В. Кусова и неоднократно удостоивалъ его своимъ посѣщеніемъ. Извѣстенъ былъ широкою благотворительностью. Имѣлъ большое семейство и послѣ раздѣла между его 17-ю дѣтьми представители рода Кусовыхъ не такъ уже отличались богатствомъ, но сохранили все же почетное положеніе въ петербургскомъ купечествѣ.

Кусовъ, *Николай Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, коммерціи совѣтникъ, род. въ 1780-хъ годахъ, ум. въ 1856 г., сынъ предыдущаго. Съ 1824 по 1833 г. былъ петербургскимъ городскимъ головою и по отказѣ его отъ службы съ Высочайшаго соизволенія петербургское купечество поднесло ему золотой кубокъ на золотомъ блюдѣ съ особою надписью. Время службы Н. И. Кусова совпало съ тяжелыми событіями городской жизни и всегда столица находила въ немъ энергичнаго и умѣлаго работника: послѣ наводненія 1824 г. онъ былъ предсѣдателемъ биржевого комитета для оказанія помощи пострадавшимъ, въ 1831 г. завѣдывалъ устройствомъ холерныхъ бараковъ и неоднократно лично докладывалъ по этому дѣлу императору Николаю Павловичу; былъ дѣйствительнымъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, однимъ изъ директоровъ Россійско-Американской компаніи, былъ членомъ нѣсколькихъ комитетовъ—между прочимъ комитета о сооруженіи постояннаго моста черезъ Неву и

комитета для соображенія законовъ, къ вексельному уставу принадлежащихъ.

«Очеркъ столѣтней непрерывной торговой и общественной дѣятельности Кусовыхъ». Спб. 1866 г.

Кустодіевъ, *Константинъ Лукичъ*, протоіерей иромской церкви близъ Пешта въ Венгріи, сынъ сельскаго дьякона, родъ около 1837 г. въ с. Царевѣ саратовской губерніи, ум. въ 1875 г. Образованіе получилъ въ саратовской духовной семинаріи и въ московской Духовной академіи. Въ началѣ октября 1862 г. опредѣленъ былъ псаломщикомъ въ Мадритъ; въ 1864 г. рукоположенъ къ мадритской же церкви въ священника, а въ 1870 г. произведенъ въ санъ протоіерея и перемѣщенъ къ иромской церкви въ Венгріи, устроенной надъ могилой великой княгини Александры Павловны. Еще студентомъ академіи въ 1861—1862 гг. онъ напечаталъ въ «Русской Рѣчи», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Обзоръ духовной журналистики въ 1860 г.»; «Свѣдѣнія о капуцинахъ и іезуитахъ въ Астрахани въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія»; «Объ исповѣданіи вѣры сектанта Бандырева, саратовскаго раскольника-протестанта». Поступивъ на службу въ Мадритъ, онъ посѣщалъ университетъ, изучилъ испанскій языкъ и занимался въ посольскомъ архивѣ. Плодомъ его занятій былъ рядъ статей въ «Христіанскомъ Чтеніи», «Православномъ Обозрѣніи» и «Русскомъ Архивѣ»: «О состояніи испанскихъ духовныхъ семинарій»; «Христіанство въ Испаніи подъ владычествомъ мусульманъ»; «Испанскіе мистики»; «Изслѣдованіе о музеробской литургіи въ Толедо»; «Жизнь сельскаго духовенства въ Англіи»; «О церкви и государствѣ въ Америкѣ»; «Послѣднее auto-da-fe въ Севильѣ»; переводъ «Писемъ о Россіи» дюка де-Лиріа; отдѣльно изданы: «Опытъ исторіи библейской женщины»; «Переводъ на испанскій языкъ литургіи св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго», и на испанскомъ-же языкѣ—«Сравнительное изложеніе главнѣйшихъ христіанскихъ исповѣданій». Въ Мадритѣ онъ былъ избранъ въ члены ученаго общества «Атеней» и читалъ тамъ нѣкоторое время (въ ноябрѣ 1862 г.) лекціи по русскому языку. Въ Иромѣ о. Кустодіевъ занялся исторіей угорской Руси и напечаталъ статьи; «Послѣднее дѣло угорскихъ русиновъ въ Вѣнѣ въ 1849 г.»; «Конгрессъ католиковъ въ Венгріи и угорскіе русскіе»; «Церковь угорскихъ русскихъ и сербовъ въ ихъ взаимоотношеніи»; «Церковно-административныя реформы сербской церкви въ Венгріи»; «Петръ Великій въ Карлсбадѣ», и «Исторія прятовской (русской) епархіи въ Венгріи». Въ «Голосѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдом.», «Биржевыхъ Вѣдом.», и въ духовныхъ журналахъ печатались корреспонденціи о. Кустодіева. Въ февралѣ 1874 г. онъ былъ избранъ въ профессора Петербургскаго университета на каѳедру богословія, но не вступивъ еще въ эту должность о. Кустодіевъ скончался въ 1875 г. во время поѣздки по Италіи въ Миланѣ; погребенъ въ Иромѣ, близъ Пешта.

«Странникъ» 1884 г. №№ 1 и 2; «Гражданинъ» 1876 г. № 4.

Кутайсовъ, графъ *Александръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, род. 30 августа 1784 г., убитъ подъ Бородинымъ 26 августа 1812 г. Второй сынъ перваго графа Кутайсова, онъ 10-ти лѣтъ былъ записанъ въ л.-гв. Конный полкъ, въ 1796 г. пожалованъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на 12-мъ году жизни, назначенъ капитаномъ въ Великолуцкій полкъ, съ причисленіемъ къ штабу М. И. Кутузова; по восшествіи на престолъ императора Павла пожалованъ въ оберъ-провіантмейстеры, а въ 1798 г.—въ генералъ-провіантмейстеръ-лейтенанты. Въ 1799 г. назначенъ полковникомъ въ л.-гв. Артиллерійскій полкъ. Гр. А. И. Кутайсовъ отличался большою любознательностью и недюжинными дарованіями; онъ отлично изучилъ артиллерійское дѣло и, получивъ свое мѣсто, конечно, по расположенію императора Павла къ его отцу, онъ сумѣлъ сдѣлаться дѣйствительно достойнымъ этого мѣста. Въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1804—1805 г. Кутайсову не привелось принять участія. Но въ 1806 и 1807 г. онъ явился въ рядахъ русской арміи и подъ начальствомъ его артиллерія отлично дѣйствовала подъ Голынинымъ и особенно — подъ Прейсишъ-Эйлау; въ этомъ сраженіи Кутайсовъ командовалъ артиллеріею на правомъ нашемъ крылѣ; пока на правомъ крылѣ происходила довольно слабая перестрѣлка, Кутайсовъ поѣхалъ къ центру нашей позиціи осмотрѣть, что тамъ происходитъ;

по движеніямъ непріятеля онъ пришелъ къ убѣжденію, что Наполеонъ готовитъ сильнѣйшій ударъ на наше лѣвое крыло. Тогда Кутайсовъ, на свой страхъ, рѣшился двинуть нѣсколько батарей на помощь лѣвому крылу—и дѣйствительно, онъ поспѣлъ какъ разъ во время и французы совершенно неожиданно для себя встрѣтили сопротивленіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ предполагали; 23-хъ-лѣтній Кутайсовъ, неимѣвшій еще ни одного ордена, кромѣ ордена Іоанна Іерусалимскаго, получилъ за этотъ подвигъ Георгіевскій крестъ 3-й ст. Императоръ Александръ, лично обозрѣвавшій черезъ два съ половиной мѣсяца поле Прейсишъ-Эйлауской битвы, высказалъ Кутайсову особенную благодарность. За дѣйствія подъ Ломитеномъ Кутайсовъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст.; послѣ несчастной для насъ Фридландской битвы артиллерія была спасена лишь благодаря распорядительности Кутайсова. Въ Тильзитѣ и начальникъ французской артиллеріи и самъ Наполеонъ съ особенными похвалами отозвались о дѣйствіяхъ нашей артиллеріи.

Въ 1810—1811 г. Кутайсовъ взялъ заграничный отпускъ и предался научнымъ занятіямъ. Сначала въ Вѣнѣ, побуждаемый своею любознательностью, изучалъ онъ языкъ турецкій и арабскій и овладѣлъ ими настолько, что довольно свободно на нихъ говорилъ; затѣмъ отправился въ Парижъ и занялся изученіемъ математики и особенно—баллистики; по утрамъ онъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ слушалъ лекціи извѣстнѣйшихъ ученыхъ или работалъ въ библіотекахъ, а вечеромъ—въ обществѣ наполеоновскихъ генераловъ бесѣдовалъ онъ объ военныхъ вопросахъ.

Съ началомъ Отечественной войны Кутайсовъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ арміи Барклая-де-Толля; начальникомъ артиллеріи оставилъ Кутайсова и Кутузовъ. Подъ его ближайшимъ руководительствомъ начала русская артиллерія свое дѣло и въ Бородинской битвѣ. Кутузовъ, очень довѣрявшій Кутайсову, не разъ въ теченіе дня совѣщался съ нимъ о ходѣ дѣла. Артиллерія дѣйствовала отлично. Посланный Кутузовымъ ознакомиться съ ходомъ дѣла на лѣвомъ крылѣ, по дорогѣ, въ центрѣ Кутайсовъ и спутникъ его Ермоловъ оказались у курганной батареи, какъ разъ послѣ того момента, когда батарея эта перешла въ руки французовъ; оба генерала рѣшились принять участіе въ отбитіи батареи у французовъ. Въ этой атакѣ Кутайсовъ былъ убитъ. Смерть его была тяжелою потерею для арміи, ибо только онъ одинъ зналъ всѣ распоряженія, сдѣланныя по артиллеріи; нѣкоторыя баттареи послѣ его смерти не получали своевременно новыхъ снарядовъ и вообще дѣйствіе артиллеріи нѣсколько ослабѣло.—Гр. А. И. Кутайсовъ былъ чрезвычайно богато одаренный человѣкъ: онъ отлично зналъ шесть иностранныхъ языковъ, писалъ стихи по-русски и по-французски, отлично рисовалъ, обладалъ обширными познаніями въ артиллеріи, фортификаціи, архитектурѣ; постоянно занимался онъ этими предметами даже и въ военное время, не говоря уже о тѣхъ немногихъ годахъ спокойной жизни, которые выпали на его долю.

«Воен. гал. Зим. дворца», т I.

Кутайсовъ, графъ *Иванъ Павловичъ*, егермейстеръ, род. около 1759 г., ум. 9 января 1834 г. Родомъ турокъ, изъ города Кутая. Взятъ былъ русскими войсками, дѣйствовавшими подъ Бендерами, попалъ ко двору и императрицею былъ подаренъ великому князю. Цесаревичъ крестилъ его, держалъ при себѣ для услугъ и привязался къ нему. По повелѣнію его Кутайсовъ былъ отправленъ въ Берлинъ и Парижъ, гдѣ выучился парикмахерскому и фельдшерскому дѣлу, и по возвращеніи занялъ при великомъ князѣ мѣсто камердинера. Обладая умомъ и смѣтливостью, онъ отлично изучилъ характеръ своего повелителя и сумѣлъ пріобрѣсти на него большое вліяніе. Въ царствованіе Екатерины II, однако, цесаревичъ не находилъ возможности повысить своего любимца выше чина фурьера; но уже 8 ноября 1796 г. Кутайсовъ сдѣланъ гардеробмейстеромъ 5-го класса; затѣмъ, по разсказамъ современниковъ, онъ представился больнымъ, былъ на время замѣненъ въ исполненіи своихъ прежнихъ обязанностей другимъ лицомъ, а затѣмъ къ обязанностямъ этимъ уже не возвращался. Расположеніе императора Павла онъ сохранилъ вполнѣ; можно указать лишь одинъ-два коротких момента охлажденія императора къ своему любимцу, который, во всякомъ случаѣ, оставался неизмѣнно при дворѣ и былъ постоянно почти всесильнымъ фаворитомъ. Въ 1798 г. онъ былъ уже оберъ-

гардеробмейстеромъ 4-го класса и кавалеромъ ордена св. Анны 1 ст., 22 февраля 1799 г. возведенъ въ бароны Россійской имперіи и назначенъ егермейстеромъ, 5 мая 1799 г. «за отличную ревность, усердіе и приверженность», возведенъ въ графское достоинство, 21 іюля пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; въ 1800 г. возведенъ въ оберъ-шталмейстеры, пожалованъ орденами св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста и св. Андрея Первозваннаго съ бриллiантами; король Людовикъ XVIII далъ Кутайсову орденъ св. Лазаря. Кутайсовъ получалъ и богатыя имущественныя пожалованія: 5,000 душъ крестьянъ, до 50,000 десятинъ земли, по преимуществу въ Курляндіи, и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ—послѣднія, однако, были отобраны общимъ распоряженіемъ императора Александра, обратившаго этотъ промыселъ въ безвозмездное пользованіе всѣхъ прибрежныхъ жителей вообще. Фаворъ Кутайсова былъ однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ дѣйствій императора Павла; всѣ современники, оставившіе свои отзывы объ этомъ, за исключеніемъ, кажется, одного Саблукова, выражаютъ крайнее негодованіе по этому поводу и, вѣроятно, заходятъ даже слишкомъ далеко, обвиняя Кутайсова во многихъ вредныхъ для Россіи дѣйствіяхъ правительства. Послѣ смерти императора Павла Кутайсовъ былъ на короткое время арестованъ, а затѣмъ счелъ нужнымъ немедленно отправиться въ заграничное путешествіе. По возвращеніи, онъ жилъ до конца дней преимущественно въ Москвѣ или въ имѣніяхъ. Онъ съ интересомъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и ввелъ въ своихъ имѣніяхъ многія улучшенія: онъ устроилъ отличную большую мукомольную мельницу, фабрики полотняную и суконную, въ Тамбовскомъ имѣніи онъ устроилъ отличный конный заводъ, для котораго выписывалъ лошадей изъ Англіи и изъ Аравіи.

Разсказъ, что гр. Кутайсовъ, по небрежности, оставилъ нераспечатаннымъ письмо, которое получилъ 11 марта и которое будто бы извѣщало о подробностяхъ заговора—невѣренъ: Коцебу сообщаетъ со словъ самого гр. Кутайсова, что письмо 11 марта онъ дѣйствительно получилъ и дѣйствительно его не распечатывалъ, но потому, что, услыхавъ отъ кого письмо, зналъ, что оно содержитъ благодарность за исполненіе одной просьбы—какъ это и дѣйствительно, оказалось, когда онъ чрезъ нѣсколько дней письмо это вскрылъ.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь», II, 266—239; Гельбихъ, въ «Рус. Старинѣ», т. LIV.

Кутайсовъ, графъ *Павелъ Ивановичъ*, дѣйств. тайн. совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 15 ноября 1782 г., ум. 9 марта 1840 г. Началъ служить въ военной службѣ, но скоро перешелъ въ гражданскую и былъ особенно отличаемъ императоромъ Павломъ. По вступленіи на престолъ императора Александра былъ причисленъ къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ поступилъ въ Министерство Юстиціи, въ 1807 г. назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 6-й департаментъ Сената, въ 1809 г.—оберъ-прокуроромъ; вскорѣ назначенъ сенаторомъ. Съ 1822 по 1832 г. былъ членомъ управленія Императорскими театрами, въ 1825 г.—членомъ комитета для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія, съ 1825 по 1835 годъ—членомъ комитета по постройкѣ Исаакіевскаго собора, въ 1829 г.—ревизовалъ Закавказскій край. Въ 1832 г. изъ егермейстеровъ переименованъ въ гофмейстеры, съ назначеніемъ вице-президентомъ гофъ-интендантской конторы, въ 1834 г. произведенъ въ оберъ-гофмейстеры и назначенъ президентомъ этой конторы. Эту послѣднюю должность оставилъ въ 1838 г. Въ 1837 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и первоприсутствующимъ въ соединенныхъ собраніяхъ 4, 5 и 6 департаментовъ Сената. Былъ предсѣдателемъ Общества поощренія художествъ.

«Справ. энцикл. лексиконъ», Края, т. VI.

Кутейниковъ, *Ефимъ Дмитріевичъ*, походный атаманъ войска донского, род. въ 1725 г., умеръ послѣ 1779 г. Службу началъ въ 1746 г. при атаманѣ Краснощековѣ, затѣмъ служилъ долгое время при атаманѣ Ефремовѣ и съ нимъ совершалъ походы въ Семилѣтнюю войну, причемъ отличился въ Гросъ-Эгерсдорфской битвѣ. Съ 1763 г. командовалъ полкомъ и служилъ на границахъ Донской области, оберегая ее отъ калмыковъ и крымскихъ татаръ. Въ первую турецкую войну отличился при осадѣ и штурмѣ Бендеръ, а затѣмъ—въ Крымскомъ походѣ кн. Долгорукаго въ 1771 г. Въ 1774 г. за болѣзнію оставилъ дѣйствительную службу и былъ выбранъ годовымъ судьею войска. Въ 1776 г. былъ походнымъ атаманомъ

въ поголовномъ ополченіи донцовъ противъ ногайцевъ и черкесъ; въ 1778 г. командовалъ всѣми донскими полками въ Польшѣ, въ 1779 г.—линіей на Моздокѣ. Младшій сынъ его, Дмитрій Ефимовичъ, былъ генераломъ отъ инфантеріи и наказнымъ атаманомъ войска донского, съ 7 іюня 1827 г. по 10 февраля 1836 г.; управленіе его отличалось бездѣятельностью и слабостью администраціи; при немъ введено новое войсковое положеніе, 1 января 1836 г.; Д. Е. Кутейниковъ умеръ въ 1839 г.

Сенюткинъ, «Донцы», ч. II, стр. 32—36; «Рус. Старина», т. XIII, стр. 41—61.

Кутлубицкій, *Николай Осиповичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ императора Павла, комендантъ Михайловскаго замка, ум. 15 іюля 1849 г., сынъ канцелярскаго чиновника въ канцеляріи гр. П. А. Румянцева. Изъ кадетъ артиллерійскаго корпуса былъ назначенъ въ артиллерійскую батарею, которую, по желанію Павла Петровича, тогда еще великаго князя, формировалъ для него Аракчеевъ. Кутлубицкій заслужилъ большое расположеніе цесаревича и тотъ, между прочимъ, переслалъ съ нимъ однажды какое-то очень важное тайное письмо гр. П. А. Румянцеву. По воцареніи императора Павла Кутлубицкій былъ однимъ изъ его любимѣйшихъ и приближенныхъ адъютантовъ и не разъ исполнялъ особыя порученія государя. Въ вечеръ, предшествовавшій кончинѣ государя, Кутлубицкій былъ арестованъ по приказанію гр. Палена; на другой день онъ получилъ свободу.—Очень любопытныя и цѣнныя для исторіи императора Павла воспоминанія Кутлубицкаго, записанныя однимъ изъ близкихъ ему людей, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ».

Кутневичъ, *Василій Ивановичъ*, протопресвитеръ, главный священникъ арміи и флота, членъ Синода, сынъ протоіерея, род. въ с. Гладковѣ, Могилевской губерніи, въ 1787 г. 1 января, ум. 2 апрѣля 1866 г. Обучался въ могилевской семинаріи и петербургской Духовной академіи; въ ней же съ 1807 г. былъ учителемъ французскаго языка; 25 сентября 1808 г. опредѣленъ учителемъ философіи въ могилевскую семинарію; 1 января 1809 г., для продолженія образованія, снова поступилъ въ преобразованную Петербургскую духовную академію, кончилъ въ ней курсъ со степенью магистра въ 1814 г. и сряду же былъ опредѣленъ баккалавромъ физико-математическихъ наукъ въ Московскую духовную академію, гдѣ преподавалъ нѣкоторое время и нѣмецкій языкъ, съ 25 августа 1815 г. былъ тамъ же профессоромъ математики, философіи и психологіи. 17 іюля 1818 г. онъ рукоположенъ былъ въ діакона, 21 числа того же мѣсяца и года—во священника, а 4 августа того же года произведенъ въ протоіерея московскаго каѳедральнаго Архангельскаго собора. За послѣдніе годы службы въ академіи состоялъ членомъ внѣшняго академическаго правленія, академической конференціи и цензурнаго комитета. Въ 1824 г. оставилъ преподаваніе; 5 февраля 1825 г. избранъ былъ въ благочинные кремлевскихъ церквей, а чрезъ годъ—въ члены духовной консисторіи и въ дѣйствительные члены духовной академіи. 17 декабря 1832 г. протоіерей Кутневичъ былъ назначенъ оберъ-священникомъ арміи и флота. 7 іюля 1833 г. Высочайше повелѣно ему присутствовать въ Св. Синодѣ и быть членомъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ 1844 г. о. Кутневичъ былъ избранъ въ почетные члены Казанской духовной академіи. Въ 1848 г исполнялъ обязанности оберъ-священника Главнаго штаба Его Императорскаго Величества. 3 апрѣля 1849 г. утвержденъ членомъ Св. Синода. Въ 1858 г. переименованъ въ главнаго священника арміи и флота. 10 февраля 1862 г. избранъ въ дѣйствительные члены конференціи Петербургской духовной академіи. Имѣлъ всѣ знаки отличій до ордена св. Александра Невскаго включительно.

По отзыву Морошкина, выборъ Кутневича въ оберъ-священники «былъ чрезвычайно удачный. Кутневичъ имѣлъ твердый и ясный умъ, убѣжденія благонамѣренныя и просвѣщенныя. Присутствіе его въ Синодѣ ознаменовалось самымъ живымъ участіемъ во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ, и едва ли кто другой изъ членовъ Синода былъ знакомъ такъ, какъ онъ, съ дѣлами синодальными. Семейныя дѣла его замужней дочери, получившія излишнюю огласку, поставили его на нѣкоторое, довольно продолжительное время, въ неловкое положеніе въ Синодѣ; но послѣднія 20 лѣтъ онъ пользовался снова вполнѣ заслуженнымъ большимъ вниманіемъ. Ему поручено было Синодомъ увѣ-

щаніе кн. З. Волконской, перешедшей въ католичество, и сношенія съ Пальмеромъ, который подавалъ надежду на соединеніе части англиканской церкви съ православною».

Въ 1840 г. Кутневичъ занимался переводомъ православнаго катехизиса на нѣмецкій языкъ, а въ 1843 г. составилъ «Наставленіе священнослужителямъ военныхъ заведеній касательно обращенія воспитанниковъ іудейскаго исповѣданія въ христіанскую вѣру». Извѣстно его сочиненіе «О книгѣ Бытія», 1814 г. и лекціи его въ академіи на латинскомъ языкѣ: «Institutiones psychologiae empiricae». Изъ многихъ его проповѣдей напечатаны только три. Извѣстны въ печати еще: «Разсужденіе о религіи патріарховъ до закона жившихъ и о пользѣ и важности церковной исторіи, читанныя... студентами Вас. Кутневичемъ и А. Скородумовымъ», Спб. 1807, и «Разсужденіе, въ которомъ противу новѣйшихъ вольнодумцевъ доказывается, что Моисей точно существовалъ», 1808.

«Дѣла архива Сд. Синода», 1832 г., № 211; № 2629 и мн. др. «Дух. Бесѣда», 1865 г., № 22; «Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ..» т. 113; Мюнстеръ, «Порт. галлерея», I, 34; Чистовичъ, «Истор. С.-Петерб. дух. акад.».

Куторга, *Михаилъ Семеновичъ*, профессоръ исторіи С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, род. 6 іюля 1809 г., въ Могилевѣ, ум. 26 мая 1886 г., въ своемъ имѣніи Боркахъ, мстиславскаго уѣзда, могилевской губерніи. Общее образованіе М. С. Куторга получилъ въ 3-й Петербургской гимназіи, откуда въ 1827 г. поступилъ на словесное отдѣленіе историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, но пробылъ тамъ только одинъ годъ: въ ноябрѣ 1827 г. состоялось Высочайшее повелѣніе избрать въ университетахъ человѣкъ двадцать способнѣйшихъ студентовъ, «непремѣнно природныхъ русскихъ», и отправить ихъ для научныхъ занятій сначала въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ или Парижъ. Въ числѣ шести питомцевъ Петербургскаго университета, избранныхъ въ число этихъ двадцати, находился и М. Куторга. Выдержавъ предварительный экзаменъ въ Академіи Наукъ, профессоранты 16 іюля 1828 г. отправились въ Дерптъ и здѣсь, въ такъ-называемомъ «профессорскомъ институтѣ», М. Куторга пробылъ болѣе четырехъ лѣтъ, съ іюля 1828 г. до начала 1833 г. Здѣсь онъ написалъ первый свой ученый трудъ, подъ заглавіемъ: De tribubus Atticis eorumque cum regni partibus nexu, Dorpati, 1832, и, защитивъ эту диссертацію 15 декабря того же года, получилъ степень магистра философіи. Затѣмъ Куторга отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей спеціальности за границу. Въ 1833 и 1834 гг. онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, но большую часть двухгодичнаго пребыванія своего въ чужихъ краяхъ провелъ въ Берлинѣ. Въ это время въ нѣмецкихъ университетахъ получила широкое развитіе такъ-называемая «Нибуровская школа». Профессора исторіи преимущественно занимались изученіемъ античнаго міра. Путемъ строгаго критическаго анализа, чрезъ непосредственное знакомство съ классическими писателями, возсоздавали и объясняли они исторію Греціи и Рима, съ ихъ особеннымъ политическимъ бытомъ и учрежденіями, съ ихъ различными литературой и искусствами. Къ этому научному направленію примкнулъ и М. С. Куторга. По возвращеніи изъ-заграницы, въ августѣ 1835 г. онъ былъ назначенъ для преподаванія въ Петербургскомъ университетѣ древней, средней и новой исторіи и вскорѣ же по своемъ поступленіи въ университетъ получилъ званіе адъюнкта; въ 1838 г. онъ защитилъ докторскую диссертацію — «Колѣна и сословія аттическія», Спб. 1838 г. (переведена на французскій языкъ Шопеномъ и издана въ Парижѣ), и въ томъ же году возведенъ въ экстра-ординарные профессора, а въ 1844—въ ординарные. Въ 1864 г. Куторга былъ избранъ въ почетные члены Петербургскаго университета. Съ первыхъ же шаговъ своей преподавательской дѣятельности М. Куторга началъ знакомить своихъ слушателей съ тѣмъ направленіемъ, какое усвоилъ онъ въ заграничныхъ университетахъ. Свои лекціи Куторга читалъ, руководствуясь лучшими нѣмецкими историками. Лекціи эти явились для слушателей «живительною и плодотворною новостью», составили даже «эпоху». Не одну массу именъ и годовъ выносили слушатели изъ его аудиторіи, а знакомились въ ней съ методомъ научныхъ занятій, съ требованіями научнаго изслѣдованія. Къ каждой лекціи молодой профессоръ основательно готовился; онъ излагалъ преимущественно исторію внутренняго

развитія государства, событія же внѣшнія предоставлялъ студентамъ проходить по пособіямъ, на которыя указывалъ. Знакомя слушателей съ литературой, Куторга излагалъ прежніе и новые взгляды на изучаемые факты и къ упоминаемымъ сочиненіямъ относился строго-критически,—этого не было у большинства его предшественниковъ, которые обыкновенно прямо читали «по такому-то» руководству. Преподаваніе Куторги, дававшее живую и ясную картину постепеннаго развитія человѣческаго общества, при дарѣ слова профессора, привлекало слушателей, возбуждало въ нихъ самодѣятельность, располагало къ самостоятельному занятію предметомъ. Съ конца 40-хъ годовъ Куторга завелъ у себя на дому особыя «вечернія бесѣды» — зародышъ семинаріевъ. Тутъ занимался онъ спеціально разборомъ отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, задавалъ темы студентамъ для разработки, разбиралъ сочиненія, которыя они представляли и такимъ образомъ на дѣлѣ знакомилъ молодыхъ людей съ требованіями и пріемами исторической критики. Изъ этихъ семинаріевъ вышло не мало историко-критическихъ работъ, многіе изъ занимавшихся въ семинаріяхъ пріобрѣли впослѣдствіи извѣстность въ наукѣ, таковы: Стасюлевичъ, Бауэръ, Люперсольскій, Васильевскій. Свой первоначально обширный курсъ чтеній въ Петербургскомъ университетѣ Куторга впослѣдствіи сократилъ. Въ чтеніяхъ по греческой исторіи онъ ограничивался обыкновенно IV и V столѣтіями, со введеніемъ, въ которомъ излагалось вліяніе Востока на Грецію; въ курсѣ римской исторіи ограничивался онъ первыми двумя столѣтіями республики, т. е. эпохой борьбы патриціевъ съ плебеями; въ курсѣ средней исторіи—феодальной системой, ея образованіемъ, развитіемъ, учрежденіями, наконецъ—въ курсѣ новой исторіи—событіями XVIII столѣтія до Семилѣтней войны. Сверхъ того въ послѣдніе годы читалъ онъ введеніе въ науку исторіи. Съ 1838 г., когда было положено читать всеобщую исторію для юристовъ отдѣльно отъ филологовъ, Куторгѣ предоставлено было читать лекціи для первыхъ. Въ Петербургѣ Куторга состоялъ въ университетѣ до 22 марта 1869 г. Затѣмъ, со второй половины этого года онъ перенесъ свою профессорскую службу въ Московскій университетъ, гдѣ преподавалъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1869 до 1874 гг. Въ Москвѣ М. Куторга читалъ лекціи по древней исторіи филологамъ первыхъ двухъ курсовъ, вмѣстѣ съ первокурсниками юристами. Но въ это время лекціи его уже не производили такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили онѣ въ Петербургѣ—тотъ способъ преподаванія, какой впервые былъ введенъ Куторгою въ 30-хъ годахъ, къ концу 60-хъ годовъ уже прочно утвердился, не былъ уже новинкою, какъ бы откровеніемъ, появились и болѣе талантливые, выдающіеся преподаватели. Но за М. С. Куторгою остается та заслуга, что онъ первый изъ русскихъ ученыхъ сталъ разрабатывать самостоятельно классическія древности, подвергая изученію и изслѣдованію какъ тексты, такъ и памятники. Съ этою цѣлью онъ во время своей профессуры совершилъ три поѣздки за границу: въ 1859 и 1861 гг.—въ Грецію, Малую Азію и Египетъ, и въ 1870 г.—въ Грецію; и среди современныхъ ему знатоковъ эллинизма онъ занималъ почетное мѣсто. Куторга былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ и членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, и во время пребыванія въ Петербургѣ читалъ всеобщую исторію въ римско-католической духовной академіи.—Выйдя въ отставку М. С. Куторга поселился въ своемъ имѣніи, но не переставалъ интересоваться наиболѣе любимымъ предметомъ—исторіей Греціи. Въ 1882 г. былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей ученой его дѣятельности, причемъ его вспомнили многіе изъ его учениковъ, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ Россіи, а Петербургскимъ университетомъ и Историко-филологическимъ институтомъ были посланы для привѣтствія юбиляра депутаціи.

Кромѣ названныхъ выше диссертацій Куторгѣ принадлежатъ слѣдующіе труды: «Политическое устройство германцевъ до VI столѣтія», Спб. 1837 г.; «Историческія воспоминанія путешественника. Версаль», Спб. 1839 г.; «О собраніи называемомъ: Notitia dignitatum Imperii Romani», Спб. 1839 г.; «Людовикъ XIV, историческій очеркъ» («Современникъ», 1843 г., кн. 1 и 2); «О поэтической и философической сторонѣ аѳинской образованности»,—актовая рѣчь («Годичный актъ Петерб. унив.», 1843 г.); «Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада»,

Спб. 1848 г.—это сочиненіе удостоено Демидовской преміи; «Периклъ, историческій очеркъ» («Современникъ» 1850 г., т. XIX); «Леопольдъ Ранке» («Библіотека для Чтенія», 1850 г., т. XCIX); «Исторія папской власти до Карла Великаго и возстановленіе Западной Римской имперіи» («Современникъ», XXI); «Очеркъ науки древностей» («Библіотека для Чтенія», 1850 г., т. CIV); «Die Ansichten des Dikäarchos über den Ursprung der Gesellschaft» («Bullet. de l'Académie Impériale des sciences», VIII); «Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмэонида Клисѳена» («Пропилеи», изд. П. М. Леонтьевымъ, М. 1853 г., кн. 3—это изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ напечатано въ «Mélanges Gréco-Romains, tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Pétersbourg», 1853 г., т. I, 358—409); «Хронологическія разысканія, относящіяся къ событіямъ персидскихъ войнъ» («Годичный актъ С.-Петербургскаго университета», Спб. 1853 г.)—этотъ трудъ, нѣсколько измѣненный и дополненный, вышелъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Персидскія войны, критическія изслѣдованія о событіяхъ этой эпохи древней греческой исторіи», Спб. 1858 г., и удостоенъ половинной Демидовской награды въ 1859 г. Съ нѣкоторыми перемѣнами напечатанъ онъ по французски подъ заглавіемъ: «Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres Médiques» («Mémoires presentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et belles-lettres», 1861 г., t. VII); «О раздѣленіи собственности въ Аѳинахъ и о трапезитахъ» («Годичный актъ С.-Петербургскаго университета», Спб. 1858 г.)—этотъ трудъ, въ измѣненномъ видѣ, былъ напечатанъ и на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Essai historique sur les Trapézites («Compte rendu de l'Acad. des Sciences morales et politiques» 1859, 24 Septembre»); «Mémoire sur le parti persan dans la Grèce ancienne» и «Mémoire sur le procès de Thémistocle» («Mémoires presentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et belles-lettres», 1860 г., т. VI); «Les villes de Cyrtanes et de Corçia, et les ruines d'Halae» («Revue Archéologique», 1860 г.); «Examen de la dissertation de Richard Bentley sur l'authenticité des lettres de Themistocle», Paris, 1861; «О днѣ и праздникѣ новаго года у аѳинянъ передъ Пелопонесскою войною» («Записки Импер. Академіи Наукъ», VIII, приложеніе); «Введеніе въ исторію древней греческой образованности», («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1867 г., ч. CXXXIII, кн. 5, о тд. II, стр. 154—172); «Объ историческомъ развитіи понятія исторіи отъ древнѣйшей эпохи на Востокѣ до нашего времени» (тамъ же, 1868 г., ч. CXXXVII, кн. 2 и 3); «Историческое развитіе понятія исторіи» («Извѣстія Московскаго университета», 1870 г.). Нѣсколько рецензій и статей болѣе популярнаго характера напечаталъ М. Куторга въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за 1870—1880 гг.

Григорьевъ. «С.-Петербургскій университетъ»; Языковъ, «Обзоръ», VI, VII, VIII; «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat, 1853, 107; Устряловъ, «Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 8, стр. 297—300); Языковъ, «Воспоминанія о М. С. Куторгѣ» (тамъ же, 1886 г., кн. 9, стр. 563—568); А. Ч., «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ» («Русскій Архивъ», 1888 г., кн. 9, стр. 139—142); Никитенко, «Дневникъ»; А. Пыпинъ., «Исторія русской этнографіи», т. II, 42; «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886, кн. 7; «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости», № 17; «Церковный Вѣстникъ», № 22.

Ив. Дав.

Куторга, *Степанъ Семеновичъ*, профессоръ, род. 12 февраля 1805 г., въ городѣ Мстиславѣ, могилевской губерніи, ум. 25 апрѣля 1861 г. Родители его были не богаты, но дали своему сыну хорошее образованіе. Въ 1813 г. семейство Куторги переселилось въ Петербургъ, гдѣ служилъ отецъ двухъ будущихъ профессоровъ, Семенъ Мартыновичъ Куторга. Первоначальное воспитаніе С. С. Куторга получилъ дома, подъ руководствомъ своего отца, который скончался въ 1817 г. Съ того времени вся забота объ его дальнѣйшемъ образованіи принадлежала его матери. Въ 1818 г. С. С. Куторга былъ опредѣленъ вольноприходящимъ въ Петербургскую губернскую гимназію (нынѣ 2-я гимназія), бывшую въ то время единственною въ столицѣ. Въ этомъ учебномъ заведеніи онъ пробылъ два года. Въ 1820 г., когда учрежденъ былъ въ столицѣ «Учительскій Институтъ» на 30 казенно-коштныхъ воспитанниковъ, въ это заведеніе перешелъ С. С. Куторга. Институтъ состоялъ въ завѣдываніи извѣстнаго педагога Ѳедора Ивановича Миддендорфа (впослѣдствіи директора Главнаго Педагогическаго Института); воспитателями и учителями

были извѣстные впослѣдствіи педагоги: Буссе, Тимаевъ, Александръ Ободовскій и Свенске. Въ 1823, г. по представленію тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго округа Рунича, Институтъ былъ закрытъ и всѣ воспитанники переведены во вновь учрежденную Петербургскую гимназію—нынѣ 3-я. С. С. Куторга, окончивъ здѣсь полный курсъ ученія, поступилъ въ январѣ 1827 г. въ Петербургскій университетъ, по физико-математическому факультету. Когда въ 1827 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ избраніи въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Виленскомъ и Харьковскомъ 20 молодыхъ людей, чтобы, отправить ихъ въ Дерптскій университетъ, а впослѣдствіи, въ Германію, для приготовленія къ занятію профессорскихъ должностей въ русскихъ университетахъ,—Ст. С. Куторга попалъ въ число избранныхъ. Уже въ іюлѣ 1828 года онъ перешелъ въ Дерптскій университетъ; предметомъ своихъ занятій онъ избралъ зоологію, но, сознавая, сколь необходимо для успѣшной разработки этой науки основательное знаніе анатоміи и физіологіи, онъ перешелъ на медицинскій и по нему и окончилъ курсъ.

Выслушавъ въ Дерптскомъ университетѣ полный курсъ медицины и хирургіи, онъ выдержалъ въ 1832 году экзаменъ на степень доктора медицины и, по защищеніи диссертаціи, подъ заглавіемъ «De organis vocis et loquelae psittaci erytaci». утвержденъ въ этой степени въ концѣ 1832 года. Докторская диссертація Куторги была уже ученымъ трудомъ, плодомъ самостоятельнаго естественно-историческаго изслѣдованія и сохранила надолго свое значеніе. Профессоръ зоологіи Дерптскаго университета Ратке, намѣреваясь предпринять ученое путешествіе въ Крымъ, просилъ министерство командировать вмѣстѣ съ нимъ доктора Куторгу, который, какъ писалъ Ратке, «весьма много обѣщаетъ для науки». Ратке получилъ на это разрѣшеніе и вмѣстѣ съ С. С. Куторгою отправился въ Крымъ чрезъ Петербургъ и Москву, въ декабрѣ 1832 года. Черезъ полгода, лѣтомъ 1833 года, оба путешественника возвратились въ Дерптъ. и уже во второй половинѣ того же 1833 года С. С. Куторга получилъ въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру зоологіи, которую занималъ до того профессоръ Ржевскій. Поступивъ преподавателемъ зоологіи въ Петербургскій Университетъ въ 1833 г., онъ въ 1835 г. былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго, а въ 1837 г. въ званіи ординарнаго профессора. Въ 1835 году онъ былъ назначенъ цензоромъ Петербургскаго цензурнаго комитета и состоялъ въ этой должности до 1848 года. Въ разное время, по назначенію попечителя Петербургскаго учебнаго округа, былъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ и, сверхъ того, нѣсколько разъ командировался для обозрѣнія губернскихъ и уѣздныхъ училищъ въ Петербургской губерніи. Въ 1848 году онъ получилъ мѣсто ординарнаго профессора минералогіи и геогнозіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и оставался въ этой должности до закрытія института.

Куторга явился у насъ одинъ изъ первыхъ и лучшихъ популяризаторовъ естественно-историческихъ знаній. Онъ обладалъ въ совершествѣ русскимъ словомъ и какъ его чтенія въ университетѣ и институтѣ, такъ и его статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» знакомили русскую публику съ многими животрепещущими вопросами естественныхъ наукъ, привлекали живое вниманіе читающей публики.

Значеніе С. С. Куторги, какъ профессора весьма значительно въ исторіи Петербургскаго университета. Поступивъ въ университетъ на службу въ то время, когда преподаваніе естественныхъ наукъ находилось у насъ чуть не въ зародышѣ, онъ съ перваго раза сумѣлъ придать интересъ своему предмету и сдѣлался однимъ изъ любимыхъ профессоровъ; студенты видѣли въ немъ не только руководителя, но и друга, готоваго поддержать каждаго, въ комъ онъ замѣчалъ искреннюю преданность наукѣ.

Дѣятельность Куторги на поприщѣ профессуры встрѣчала не мало препятствій. Скудны были въ то время въ университетѣ средства для занятій естественными науками. Химическую лабораторію составляла небольшая комнатка, зоологическій кабинетъ былъ крайне бѣденъ, о ботаническомъ садѣ не было и помину. Когда студенты обращались къ профессору ботаники съ вопросомъ, гдѣ имъ познакомиться съ растеніями, — онъ указывалъ на далекій ботаническій садъ Апте-

карскаго острова, который въ то время считался почти заповѣднымъ,—«а впрочемъ», съ грустною улыбкою прибавлялъ онъ, «книга природы раскрыта для всѣхъ». Куторга принадлежалъ къ числу тѣхъ университетскихъ дѣятелей, которые, несмотря на скудность средствъ, умѣли возбудить въ своихъ слушателяхъ охоту къ занятіямъ и приготовить для Россіи цѣлый рядъ достойныхъ натуралистовъ; собственными средствами составилъ онъ весьма удовлетворительную орнитологическую коллекцію, приготовлялъ съ своими учениками анатомическіе препараты и положилъ основаніе несуществовавшему до него въ Петербургскомъ университетѣ палеонтологическому собранію. Блестящее краснорѣчіе С. С. Куторги, которымъ всегда увлекалась его аудиторія, часто заставляло слушателей забывать неполноту демонстрацій. Онъ понималъ, что задача учителя заключается не въ томъ, чтобы забросать слушателей подробностями и мелочами, а въ томъ, чтобы возбудить въ нихъ интересъ и любовь къ предмету и обратить къ самостоятельному труду, къ этому именно и стремился—и этимъ, до извѣстной степени, приходилось и довольствоваться; строго научные курсы было иногда невозможно дать: при малочисленности тогдашняго состава профессоровъ въ университетѣ, на каждомъ лежало слишкомъ много обязанностей: Куторгѣ приходилось преподавать въ одно и то же время зоотомію, со включеніемъ анатоміи человѣка, зоологію, палеонтологію,—науки, для которыхъ въ настоящее время считается недостаточнымъ ограничиться тремя или даже четырьмя преподавателями. Приходилось довольствоваться достиженіемъ иной цѣли—возвысить значеніе естественныхъ наукъ во мнѣніи мало знакомаго съ нимъ въ то время большинства; и въ этомъ отношеніи С. Куторга достигъ хорошихъ результатовъ. Его университетскіе и публичные курсы, его популярныя сочиненія, пользовались большимъ сочувствіемъ образованной публики и не мало способствовали къ возбужденію въ ней уваженія къ естественнымъ наукамъ.

Ученая дѣятельность С. С. Куторги была довольно разнообразна, хотя по значенію она уступаетъ его преподавательской дѣятельности. Плодомъ путешествія въ Крымъ было нѣсколько статей: «Отрывки изъ путешествія моего въ Крымъ» («Журналъ министер. народнаго просвѣщ. 1834») и «Описаніе нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлостей изъ долины Салгира при Симферополѣ». Интересъ къ геологіи, выразившійся въ этихъ работахъ, остался преобладающимъ въ научныхъ интересахъ С. С. Куторги.

«Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Дерптѣ—говоритъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ палеонтологическихъ сочиненій,—я часто дѣлалъ зоологическія экскурсіи въ прелестныхъ окрестностяхъ Дерпта и каждый разъ возвращался въ мою рабочую комнату со богатою добычею животныхъ и въ наилучшемъ расположеніи духа. Каждый разъ мое вниманіе болѣе и болѣе привлекало внутреннее строеніе этихъ прекрасныхъ ландшафтовъ, и я твердо рѣшился изслѣдовать его точнѣе». Лѣтомъ въ 1834 г. онъ побывалъ снова въ Дерптѣ и воспользовался случаемъ для осуществленія давно задуманнаго плана: собранный имъ при этомъ матеріалъ послужилъ къ составленію напечатаннаго въ слѣдующемъ году сочиненія: «Beiträge zur Geognosie und Palaeontologie Dorpats und seiner nächsten Umgebungen, St. Petersburg 1835».

Въ началѣ 40-хъ годовъ Куторга обратился къ изученію геогностическаго строенія и палеонтологическихъ богатствъ Петербургской губерніи, почва которой была уже, впрочемъ, хорошо изслѣдована Странгвейсомъ, Пандеромъ, Эйхвальдомъ, Кейзерлингомъ, Мурчисономъ. Въ 1846 г. послѣ появленія знаменитаго сочиненія Мурчисона, онъ приступилъ къ собиранію матеріала для составленія подробной геологической карты Петербургской и сопредѣльныхъ съ нею губерній и въ своемъ предпріятіи нашелъ дѣятельную поддержку со стороны тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа, Мусина-Пушкина. Плодомъ ежегодныхъ экскурсій по Петербургской губерніи и Финляндіи, которыя въ лѣтніе мѣсяцы совершалъ Куторга, былъ рядъ палеонтологическихъ и геологическихъ статей, напечатанныхъ въ «Verhandlungen» Императорскаго Минералогическаго Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ знакомить русскую публику съ своими трудами въ различныхъ журналахъ; его «Геологическій очеркъ дороги къ водопаду Има-

тры», 1849 и «Геологъ-путеводитель по Финляндскимъ берегамъ и островамъ Ладожскаго озера и Финскаго залива» 1851, не одному туристу подали мысль посѣтить живописную Финляндію.

Работы Куторги по собиранію матеріаловъ для геологической карты начались въ 1846 году, въ Царскосельскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе и дѣятельную поддержку со стороны предводителя дворянства А. П. Платонова, Г. М. Искурина, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Лѣто 1847 года было посвящено преимущественно изслѣдованію границъ девонской и силурійской системъ, отложеній известковаго туфа въ деревнѣ Пудости и обозрѣнію мѣстности между Царскимъ Селомъ и рѣкой Наровою. Въ 1848 году Куторга путешествовалъ въ восточной части Петербургской губерніи и посѣтилъ также Выборгскую, для ознакомленія съ ея кристаллическими породами, обломки которыхъ разсѣяны по сѣверо-западной полосѣ Россіи. Въ 1849, 1850 и 1851 году онъ предпринималъ еще нѣсколько поѣздокъ въ Петербургскую губернію и Финляндію, для провѣрки и пополненія собраннаго въ теченіе прежнихъ лѣтъ матеріала.

Въ 1852 году издана его «Геологическая карта С.-Петербургской губерніи», въ масштабѣ въ 10 верстъ въ дюймѣ. Къ сожалѣнію, къ картѣ этой не было приложено геологическаго описанія, такъ что значительная часть матеріала, послужившаго къ ея составленію, за исключеніемъ статей, помѣщенныхъ въ «Verhandlungen» Минералогическаго Общества, не была обнародована.

Независимо отъ ученыхъ трудовъ, находившихся въ связи съ составленіемъ геологическаго описанія Прибалтійскихъ губерній, имъ были изданы въ теченіе того же періода еще слѣдующія сочиненія: «О системѣ Лафатера» (Библіотека для Чтенія, 1845 г. сентябрь), «Нога и рука человѣка» (Библіотека для Чтенія, 1845 г., № 10), «Общій законъ появленія, существованія и изчезанія организмовъ» (Библ. для Чтенія, 1850 г., № 1), «Естественная исторія земной коры», С.-Петербургъ, 1855», «Химическіе законы образованія, разрушенія и превращенія минеральныхъ формъ», Спб. 1851. 8°. (Библіотека для Чтенія 1850 г., № 12); «Berichte über die Fortschritte im Bereiche der Mineralogie, Geognosie, Palaeontologie und mineralogischen Chemie in Russland, für die Jahre 1851 und 1852» (Verhandlungen der R. K. Min. Gesellsch. 1853), «О происхожденіи камней» (въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1860 г., № 4).

Въ началѣ своей университетской службы кромѣ палеонтологіи проф. Куторга дѣятельно занимался зоотоміею и зоологіею. Въ 1834 году онъ издалъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Scolopendrae morsitantis anatome, observationibus zoologicis atque physiologicis illustrata». Petropoli 1834. Въ 1835 и 1836 году онъ дважды ѣздилъ въ Дерптъ для пополненія собраннаго имъ прежде матеріала и напечаталъ «Zweiter Beitrag zur Palaeontologie und Geognosie Dorpats» etc. St. Petersb. 1837» До 1842 года имъ изданы, кромѣ того, еще слѣдующія сочиненія: «Beitrag zur Kenntniss der organischen Ueberreste des Kupfersandsteines am westlichen Abhange des Urals» St. Petersb. 1838». «Естественная исторія наливочныхъ животныхъ, составленная преимущественно изъ наблюденій Эренберга, съ атласомъ. Спб. 1839—(эта работа переведена была въ послѣдствіи на нѣмецкій языкъ, съ дополненіями, подъ заглавіемъ: Naturgeschichte der Infusionsthiere, etc. Carlsruhe 1841. 8°); «Einige Worte gegen die Theorie der Stufenweisen Entstehung der Erde. Bonn. 1839. 8°», «Zur Naturgeschichte der Phoca communis» въ «Bulletin» Московскаго Общества испытателей природы за 1839 г.); «Zwei Beobachtungen der Knochendrüche bei den Heerschnepfen» (тамъ же, 1839). Съ 1842 года С. С. Куторга помѣщалъ почти всѣ свои спеціальные труды и изслѣдованія въ основанномъ имъ и издаваемомъ подъ его редакціею, повременномъ изданіи Минералогическаго Общества: «Verhandlungen der Russisch-Kaiserlichen Mineralogischen Gessellschaft zu St. Petersburg».—большая часть ихъ геологическаго и преимущественно палеонтологическаго содержанія.

Куторга былъ членомъ Императорскаго Минералогическаго Общества, Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, членомъ Данцигскаго Общества Естествоиспытателей, членомъ Кювьеровскаго Общества (Société Cuvierienne) въ Парижѣ, Общества Русскихъ врачей, Курляндскаго общества литературы и искусства въ Митавѣ, членомъ-корреспонден-

томъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, членомъ Ветераускаго Общества Естествоиспытателей во Франкфуртѣ на Майнѣ и Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Въ 1842 г. С. Куторга былъ избранъ директоромъ Минералогическаго Общества, и сохранилъ это званіе до послѣдняго дня своей жизни. При вступленіи его въ эту должность. Минералогическое Общество не имѣло еще постояннаго органа своей ученой дѣятельности. Въ 1830 и 1842 году изданы были, правда, на русскомъ, а также на нѣмецкомъ языкѣ 2 тома его «Трудовъ», но они не имѣли характера періодическаго изданія, а были скорѣе сборниками, въ составъ которыхъ вошли статьи, обнародованныя Обществомъ въ различное время. Честь основанія періодическаго изданія при Минералогическомъ Обществѣ принадлежитъ С. С. Куторгѣ, положившему въ 1842 г. начало журналу «Verhandlungen der Kaiserlich-Russischen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg» — впослѣдствіи изъ этого изданія возникли и «Записки» этого общества на русскомъ языкѣ.

Статья Пузыревскаго, въ II ч. второй серіи «Записокъ Импер. Рус. Минер. Общ.».

Кутузовъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1777 г., ум. 15 сентября 1817 г. Изъ дворянъ, родился въ валдайскомъ уѣздѣ новгородской губерніи; съ 1791 г. учился въ школѣ при Измайловскомъ полку числясь сержантомъ этого полка; по восшествіи на престолъ Императора Павла Петровича, когда всѣмъ совершеннолѣтнимъ дворянамъ, записаннымъ въ военную службу, приказано было явиться на дѣйствительную службу, поступилъ въ полкъ. Участвовалъ въ Аустерлицкомъ и Фридландскомъ сраженіи и былъ раненъ и контуженъ. Участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи; Измайловскій полкъ былъ въ этой битвѣ въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ, на лѣвомъ нашемъ крылѣ; онъ выдержалъ нѣсколько отчаянныхъ атакъ и потерялъ 608 нижнихъ чиновъ и 176 офицеровъ убитыми и ранеными; изъ всѣхъ офицеровъ полка А. П. Кутузовъ одинъ остался нераненымъ. За отличіе въ этомъ сраженіи онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Затѣмъ Кутузовъ участвовалъ въ битвахъ при Тарутинѣ, подъ Малоярославцемъ, подъ Краснымъ, въ преслѣдованіи непріятеля и въ заграничномъ походѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Люценомъ, гдѣ былъ раненъ; 15 сентября 1813 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Для лѣченія раны долженъ былъ возвратиться въ Россію; 5 апрѣля 1815 г. назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи. Участвовалъ въ заграничномъ походѣ въ 1815 г., затѣмъ испросилъ себѣ переводъ въ кавказскій корпусъ; 4 января 1817 г. былъ назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи и командующимъ войсками въ Грузіи; во время посольства Ермолова въ Персію Кутузовъ управлялъ на Кавказѣ всею военною и гражданскою частью.

«Воен. Галлерея Зим. дворца», IV.

Кутузовъ, *Алексѣй Михайловичъ*, мартинистъ и розенкрейцеръ, членъ «дружескаго ученаго общества» и «типографической компаніи», писатель, ум. въ 1790 г., въ Берлинѣ. Образованіе получилъ въ Московскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, куда былъ отправленъ съ десятью товарищами (между ними были Ѳ. Ушаковъ и А. Радищевъ) и гдѣ онъ находился съ 1766 по 1770 г. Въ Лейпцигѣ слушалъ лекціи по философіи и по юридическимъ наукамъ. Распространившееся тогда по Европѣ ученіе энциклопедистовъ и книга Гельвеція «De l'esprit» не остались безъ вліянія и на нашихъ студентовъ. Но по возвращеніи въ Россію въ Кутузовѣ и его другѣ А. Радищевѣ произошла перемѣна: послѣ увлеченій юности, вовлекшихъ ихъ въ матеріализмъ, они подпали вліянію противоположныхъ идей; Кутузовъ сдѣлался мартинистомъ, вступивъ въ ближайшія сношенія съ «дружескимъ обществомъ», котораго главными дѣятелями были Н. Новиковъ и И. Лопухинъ. А. М. Кутузовъ сблизился съ Новиковымъ и съ 1775 г. по 1779 онъ былъ членомъ Петербургской ложи (Дубянскаго), потомъ онъ перешелъ въ Москву, гдѣ съ начала 1781 г. состоялъ членомъ «дружескаго ученаго общества», въ 1782 г. былъ избранъ мастеромъ стула ложи «Свѣтоноснаго треугольника» и съ 1782 же года былъ членомъ учрежденнаго въ Россіи Шварцомъ ордена розенкрейцеровъ, съ которыми завязалъ отношенія еще въ Лейпцигѣ. Съ 1784 г. онъ членъ «типографической компаніи», а въ 1782 г., какъ пользовавшійся ея особымъ довѣріемъ и хо-

рошо знавшій нѣмецкій языкъ, былъ командированъ розенкрейцерами въ Берлинъ для «изученія высшихъ орденскихъ упражненій, химіи и алхиміи», чтобы въ будущемъ времени заступить мѣсто посредника въ сношеніяхъ съ Берлиномъ, вмѣсто Шварца, который намѣревался вскорѣ отправиться въ Берлинъ. Въ Берлинѣ Кутузовъ и умеръ, сдѣлавшись «жертвой несчастныхъ обстоятельствъ», которыя до сихъ поръ неизвѣстны... Въ кругѣ «дружескаго общества» около 1785 г. Кутузовъ сошелся съ Карамзинымъ, котораго ввелъ туда И. П. Тургеневъ... Радищевъ посвятилъ Кутузову свое знаменитое «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву». Кутузову принадлежатъ: «Химическая псалтирь, или философическія правила о камнѣ мудрыхъ», Парацельса, съ нѣмецкаго, М. 1784 г.—алхимическое сочиненіе, сожженное послѣ разразившейся надъ Новиковымъ грозы; «Плачъ, или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи», съ приложеніемъ двухъ поэмъ: Страшный судъ и Торжество вѣры, Эд. Юнга, вновь переведенныя съ англійскаго С. Д., 2 части, М. 1785 г. (2-е изд., М. 1799 г., 3-е, Спб. 1812 г.); «Мессія», поэма Клопштока, съ нѣмецкаго (прозой) 2 части, М. 1785—1787 гг., и 4 части, М. 1820 г. Кромѣ этого: «Наставленіе отца сыну, котораго отправляетъ онъ въ академію» («Московское Ежемѣсячное изданіе», 1781 г., ч. II, стр. 259); «Почему не хорошо предузнавать судьбу свою» (ibid., ч. III, стр. 47); «О пріятности грусти» (ibid., стр. 141); «Таинство креста», М. 1784 г., переведено анонимно вмѣстѣ съ Багрянскимъ.

Лонгиновъ, «Новиковъ и Московскіе мартинисты»; его же, «Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ, 1766—1770», («Библіограф. Зап.», 1859 г., т. II); («Русская Старина», 1874 г., т. IX, 57—72, 258—276, 465—472); «Записки» И. Дмитріева, 275; «Осмнадцатый Вѣкъ», кн. 2, М. 1868 г.; «Русскій Вѣстникъ» 1858, № 25, стр. 399—402; «Современникъ» 1856, № 8, т. 58, стр. 147—150; А. Неустроевъ. «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ за 1703—1802 гг.», Спб. 1898 г.; Геннади, «Словарь»; Бантышъ-Каменскій, «Словарь», т. IV. *Ив. Дав.*

Кутузовъ (Голенищевъ-Кутузовъ), *Иванъ Логиновичъ*, адмиралъ, род. 21 августа 1729 г., въ торопецкомъ уѣздѣ нынѣшней псковской губерніи, ум. 21 августа 1802 г. въ Петербургѣ, похороненъ въ Лаврѣ. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Въ 1742 г. опредѣленъ въ Сухопутный Шляхетскій корпусъ, въ 1743 г. переведенъ въ Морской, потому что принадлежалъ къ дворянству новгородской губерніи, а Петръ Великій завѣщалъ изъ дворянъ этой губерніи по преимуществу опредѣлять офицеровъ во флотъ. Въ 1744 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1746—въ мичманы; два года былъ подъ начальствомъ адмирала Нагаева при описи Финскаго залива. Въ 1753—1754 гг. командовалъ небольшимъ фрегатомъ, съ которымъ ходилъ изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно; 15 марта 1754 г. произведенъ «въ капитанъ-лейтенанты майорскаго ранга» и затѣмъ состоялъ при адмиралѣ Мишуковѣ; 21 января 1758 г. произведенъ въ капитаны 3 ранга, 3 августа того же года—въ капитаны 2 ранга. Въ 1758 г. командовалъ кораблемъ «Москва», въ 1760 г.—кораблемъ «Сѣверный Орелъ»; въ 1761 г. назначенъ секундъ-интендантомъ; 19 іюня 1762 г. повелѣно ему быть генералъ-интендантомъ флота и директоромъ Морского кадетскаго корпуса; въ 1763 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Преподавалъ морскія науки цесаревичу Павлу Петровичу. Торопецкое дворянство избрало И. Л. Голенищева-Кутузова своимъ депутатомъ въ Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, и онъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ ея работахъ, какъ въ качествѣ оратора въ большомъ собраніи, такъ и въ качествѣ члена одной изъ спеціальныхъ комиссій. 12 ноября 1764 г. И. Л. Кутузовъ былъ назначенъ членомъ «комиссіи россійскихъ флотовъ» и съ этихъ поръ присутствовалъ въ Адмиралтействъ Коллегіи; онъ пользовался въ ней большимъ вліяніемъ, благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ и твердости своего характера. 2 января 1773 г. онъ былъ назначенъ генералъ-казначеемъ; 10 іюля 1775 г., при празднованіи мира съ Турціей, произведенъ въ вице-адмиралы; 1 января того же года онъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст., 28 іюня 1782 г. произведенъ въ адмиралы; 24 ноября того же года получилъ орденъ Александра Невскаго; 13 марта 1788 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст.; 11 іюля 1797 г. «за дѣятельность и расторопность въ снабженіи и окопированіи (sic) флота» сдѣланъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи; 31 октября 1798 г. пожалованъ президентомъ ея, съ тѣмъ, однако же, что

«генералъ-адмираломъ ему не быть». И. Л. Кутузовъ былъ въ числѣ очень немногихъ высшихъ правительственныхъ лицъ, которыя неизмѣнно пользовались расположеніемъ императора Павла и ни разу не навлекли на себя его гнѣва.

Въ исторіи русскаго флота И. Л. Кутузову принадлежитъ видное мѣсто, потому что онъ сорокъ лѣтъ стоялъ во главѣ единственнаго тогда у насъ морского учебнаго заведенія; черезъ его руки прошло свыше 2.000 морскихъ русскихъ офицеровъ и въ послѣдніе годы его жизни всѣ офицеры русскаго флота, начиная отъ контръ-адмирала и ниже, были воспитанниками Морского корпуса за время начальствованія надъ корпусомъ И. Л. Кутузова. Онъ посвящалъ постоянно этому учебному заведенію большое вниманіе. Его заботами оно снабжаемо было всегда хорошими преподавателями; онъ умѣлъ всегда выхлопатывать нужныя для развитія училища средства. Въ 1771 г. сильный пожаръ уничтожилъ почти всѣ зданія Морского корпуса; пришлось перевести воспитанниковъ въ Кронштадтъ. Адмиралтействъ-Коллегія постановила прекратить на время, за недостаткомъ мѣста, пріемъ новыхъ воспитанниковъ,—Кутузовъ сумѣлъ устроить въ Кронштадтѣ помѣщеніе кадетовъ такъ, что занятія могли идти правильно и оказалось возможнымъ принимать и новыхъ учениковъ; въ 1777 г. Коллегія поручила ему выработать планъ лучшаго обученія и приготовленія штурмановъ. Обладая солидными спеціальными свѣдѣніями, Кутузовъ былъ вообще дѣятельнымъ, энергическимъ человѣкомъ, которому были не чужды довольно разнообразные и широкіе интересы. Въ 1764 г. онъ напечаталъ «Собраніе списковъ, содержащее имена всѣхъ служившихъ въ россійскомъ флотѣ флагмановъ, оберъ-сарваеровъ и корабельныхъ мастеровъ»—это изданіе заключаетъ много точныхъ хронологическихъ датъ и замѣчательно, какъ первая попытка русской морской исторіи; въ томъ же году Кутузовъ издалъ переводъ сочиненія Госта «Искусство военныхъ флотовъ»; въ 1789 г. переводъ этотъ вышелъ вторымъ изданіемъ; въ 1765 г. Кутузовъ издалъ переводъ Вольтерова «Задига»,—второе и третье изданіе этого перевода вышли въ 1788 и 1795 гг.; въ 1788 г. вышелъ его же переводъ «Нравоучительныхъ писемъ», Душа. При самомъ открытіи Россійской Академіи, 21 октября 1783 г., И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ былъ провозглашенъ ея членомъ; онъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ первыхъ засѣданіяхъ Академіи и отчасти въ работахъ по ея Словарю. Своему родственнику, знаменитому М. И. Кутузову-Смоленскому, онъ былъ въ его юности вѣрнымъ руководителемъ и другомъ.

«Матеріалы для ист. рус. флота», тт. X—XVI; Веселаго, «Очеркъ исторіи Морск. кад. корпуса»; «Записки Гидрограф. деп-та», VII, 402—410; Геннади, «Словарь»; Сухомлиновъ, «Истор. Росс. Акад.», VII, 104—106; «Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ.», тт. IV, VIII, XIV, XXXII; «Справ. энциклоп. словарь», Края.

Кутузовъ (Голенищевъ-Кутузовъ), *Иларіонъ Матвѣевичъ*, генералъ-поручикъ, сенаторъ, ум. около 1794 г. Происходилъ отъ выѣхавшаго въ XIII столѣтіи, во времена вел. кн. Александра Невскаго, изъ Германіи рыцаря, именемъ Гавріила, который участвовалъ въ сраженіи при Ижорѣ въ 1241 году. Праправнукъ Гавріила Ѳедоръ Александровичъ носилъ прозвище «Кутузъ», а его братъ Ананій имѣлъ сына, прозваннаго «Голенище». Отсюда и произошла фамилія Голенищевыхъ-Кутузовыхъ.

Ил. М. Кутузовъ началъ службу при Петрѣ Великомъ и прослужилъ не менѣе тридцати лѣтъ въ инженерныхъ войскахъ. За умъ и способности его называли «разумною книгою». При Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ составилъ проектъ проведенія Екатерининскаго канала для предотвращенія отъ жителей Петербурга гибельныхъ слѣдствій разливовъ рѣки Невы. Проектъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе при Императрицѣ Екатеринѣ Великой, причемъ Кутузову была пожалована золотая табакерка, осыпанная брилліантами. Онъ былъ лично извѣстенъ Императрицѣ Екатеринѣ II уже въ началѣ ея царствованія. 3-го февраля 1765 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Затѣмъ онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 1769 — 1774 гг., подъ начальствомъ гр. Румянцева и считался «весьма свѣдущимъ не только въ военныхъ дѣлахъ, но и въ гражданскихъ». Отъ брака его съ Беклемишевою (по инымъ съ Беклешевою) родился единственный его сынъ Михаилъ, впослѣдствіи князь.

Кутузовъ (Голенищевъ-Кутузовъ), *Лонгинъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, родъ. въ 1769 г., ум. 22 марта 1845 г. Сынъ

адмирала И. Л. Кутузова. Съ 1785 г. служилъ волонтеромъ во флотѣ; въ 1788 г.—былъ капитаномъ Морского корпуса; за отличіе въ морскихъ сраженіяхъ при Гохландѣ и Роченсальмѣ получилъ въ 1790 г. чинъ подполковника и орденъ св. Георгія 4 ст.; въ 1798 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Послѣдніе годы жизни своего отца Л. И. Кутузовъ фактически управлялъ Морскимъ корпусомъ подъ общимъ наблюденіемъ престарѣлаго адмирала И. Л. Кутузова. 8 декабря 1800 г. избранъ въ члены Россійской Академіи; въ 1801 г.—въ генералъ-лейтенанты. Съ учрежденіемъ въ 1827 г. ученаго комитета морского министерства назначенъ его предсѣдателемъ; началъ изданіе «Записокъ» этого комитета, каковыхъ и выпустилъ въ теченіе 1828—1842 гг. шестнадцать частей. Изданіе это для своего времени было весьма полезнымъ и интереснымъ для моряковъ; всего въ немъ напечатано 383 статьи, изъ числа которыхъ только 16 написаны не самимъ предсѣдателемъ. Онъ составлялъ статьи по самымъ разнымъ вопросамъ морской техники и практики, много переводилъ изъ иностранныхъ ученыхъ изданій и далъ рядъ оригинальныхъ очерковъ по исторіи русскаго флота.

«Записки Гидрограф. департ.», ч. IX, 476—482.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, князь *Михаилъ Иларіоновичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, род. 5 сентября 1745 г., ум. 3 апрѣля 1813 г. въ г. Браунау. Послѣ смерти матери онъ былъ принятъ на воспитаніе своею бабкою, а затѣмъ отецъ, переѣхавъ въ Петербургъ на службу, взялъ его къ себѣ и въ это время и было положено прочное основаніе прекрасному образованію М. И. Кутузова. Отличительнымъ свойствомъ его въ дѣтствѣ было любопытство, которое онъ проявлялъ, слушая сказки и разсказы. Съ теченіемъ времени оно перешло въ любознательность. Онъ болѣе любилъ находиться въ обществѣ взрослыхъ людей, чѣмъ проводить время съ сверстниками; взрослымъ нерѣдко предлагалъ такіе вопросы «о причинахъ вещей», на которые не легко было и отвѣчать. Опредѣленный въ инженерную школу, въ 1757 г., крѣпкаго сложенія, красивый, веселый и смѣлый мальчикъ обратилъ на себя вниманіе уже на школьной скамьѣ. Особенно благосклонно къ нему относился полковникъ Мордвиновъ, помощникъ графа П. И. Шувалова по завѣдыванію названною школою, одинъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей того времени. М. И. Мордвиновъ обратилъ на Кутузова вниманіе и графа Шувалова; Кутузовъ учился очень хорошо, но, конечно, не только корпусу онъ обязанъ своимъ замѣчательно широкимъ и основательнымъ образованіемъ; несомнѣнно, что онъ и по окончаніи учебнаго курса много работалъ, а благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, онъ свободно усваивалъ то, чѣмъ занимался. Онъ отлично зналъ математику, фортификацію, инженерное дѣло, былъ знакомъ съ богословіемъ и философіею, отлично зналъ исторію, словесность русскую и нѣмецкую, интересовался науками юридическими и общественными, отлично владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ, могъ объясняться на шведскомъ, англійскомъ и даже турецкомъ языкахъ, зналъ нѣсколько и латинскій. 10 октября 1759 г. онъ былъ произведенъ въ капралы артиллеріи, 20 того же мѣсяца и года, «за прилежность къ наукамъ», въ каптенармусы, 1 января 1760 г., за «особенную прилежность и въ языкахъ и математикѣ знаніе, а паче, что принадлежитъ для инженера, имѣетъ склонность, въ поощреніе прочимъ», въ кондукторы 1-го класса Инженернаго корпуса и оставленъ «при школѣ къ вспоможенію офицерамъ для обученія прочихъ». Въ школѣ онъ преподавалъ кадетамъ ариѳметику и геометрію.

1 января 1761 г. М. И. Кутузовъ былъ произведенъ въ прапорщики, а черезъ два мѣсяца былъ отчисленъ въ войска. Во все это время ему оказывалъ особенное покровительство родственникъ его, директоръ морского кадетскаго корпуса И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ, къ которому М. И. Кутузовъ во всю свою жизнь относился какъ къ отцу.

По отчисленіи въ строй будущій фельдмаршалъ попалъ въ превосходную школу: ему довелось служить въ Астраханскомъ пѣхотномъ полку, подъ начальствомъ А. В. Суворова; невзирая на свой юношескій возрастъ онъ съ успѣхомъ командовалъ ротою въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Императрица Екатерина Алексѣевна, знавшая службу Кутузова—отца, относилась милостиво и къ сыну. По ея ходатайству императоръ Петръ III, 1 марта 1762 года, назначилъ молодого Кутузова

флигель-адъютантомъ къ принцу Гольштейнъ-Бекскому, ревельскому военному губернатору. Въ этой должности Кутузовъ управлялъ канцеляріею принца и исполнялъ различныя порученія, въ то же время много читалъ и работалъ надъ усовершенствованіемъ своего образованія.

21 августа 1762 года Кутузовъ былъ «переименованъ» въ капитаны; посѣтивъ въ 1764 г. Ревель, императрица, при отъѣздѣ, спросила Кутузова, желаетъ ли онъ «отличиться на полѣ чести». «Съ большимъ удовольствіемъ, всемилостивѣйшая государыня», отвѣчалъ Кутузовъ—и этотъ отвѣтъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на императрицу, которая съ этихъ поръ уже никогда не забывала Кутузова; со свойственнымъ ей даромъ понимать людей она, кажется уже видѣла, что Кутузовъ не дюжинный офицеръ.

Когда въ 1764 г. русскія войска были двинуты въ Польшу, Кутузовъ просилъ о назначеніи въ дѣйствующія войска и ходатайство его было удовлетворено.

Въ Польшѣ онъ находился сначала въ составѣ отряда князя Дашкова, потомъ—подполковника Бока и въ другихъ. Кутузовъ участвовалъ въ бою противъ князя Радзивилла 28 іюня 1764 года, гдѣ Радзивиллъ былъ разбитъ и бѣжалъ; затѣмъ въ другихъ мелкихъ стычкахъ этого похода, какъ въ 1764, такъ и въ 1765 году. Въ концѣ этого похода, однажды, командуя небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ, Кутузовъ совершенно разбилъ конфедератовъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Съ этихъ поръ начальство стало чаще возлагать на него особыя порученія.

По окончаніи военныхъ дѣйствій почти всѣ русскія войска возвратились на родину; позже другихъ, въ 1765 году, возвратился къ своему мѣсту служенія при принцѣ Гольштейнъ-Бекскомъ Кутузовъ. Вскорѣ ему пришлось снова отправиться въ Польшу, гдѣ Россія поддерживала диссидентовъ. Кутузовъ участвовалъ въ операціяхъ противъ Барской конфедераціи въ 1768 и 1769 гг., подъ начальствомъ Вейсмана и Суворова. Командуя лично небольшимъ отрядомъ, онъ разбилъ конфедератовъ при м. Орынинѣ и участвовалъ въ разбитіи генералъ-маіоромъ Измайловымъ поляковъ, засѣвшихъ въ окопахъ близъ Овруча. Въ сентябрѣ 1769 г. онъ произвелъ удачное нападеніе на непріятельскихъ фуражировъ, а вскорѣ послѣ того, съ маіоромъ Паткулемъ, нанесъ сильный ударъ конфедератамъ, захватилъ нѣсколько орудій и немало плѣнныхъ. Уже въ этихъ мелкихъ стычкахъ Кутузовъ выдѣлился и храбростью и умѣлымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него порученій. Но всѣ эти подвиги остались безъ награды, а самъ Кутузовъ впослѣдствіи (въ 1812 г., въ Тарутинѣ, въ разговорѣ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ) такъ отозвался объ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ: «Мы жили очень весело, дрались съ поляками, но войны я еще не понималъ».

Въ концѣ 1769 г. М. И. Кутузовъ просилъ о переводѣ въ первую армію, поступившую въ это время подъ начальство графа Румянцева, и переводъ этотъ состоялся въ 1770 г., какъ разъ къ тому времени, когда графъ Румянцевъ перешелъ въ наступленіе въ Бессарабію.

Вскорѣ по прибытіи къ арміи, М. И. Кутузовъ былъ назначенъ исполняющимъ обязанности оберъ-квартирмейстера въ авангардѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ Баура, о которомъ самъ Румянцевъ говорилъ: «подобнаго ему наукою въ семъ чинѣ, въ мою службу, у насъ не было». Попавъ такимъ образомъ въ отличную школу, Кутузовъ могъ увидѣть здѣсь лучшіе образцы военнаго искусства и завершить свое военное образованіе. Кутузовъ дѣятельно и умѣло помогалъ Бауру, обнаруживъ отличныя способности для службы въ генеральномъ штабѣ.

10 іюня турки атаковали Баура у с. Цецоры, но Бауръ отбилъ ихъ атаку, а затѣмъ самъ перешелъ въ наступленіе, разбилъ и преслѣдовалъ турокъ. Кутузовъ участвовалъ въ этомъ преслѣдованіи; особенную храбрость и искусство онъ выказалъ въ сраженіи при Рябой Могилѣ 17 іюня, за что 1 іюля того же года пожалованъ оберъ-квартирмейстеромъ премьеръ-маіорскаго чина. Затѣмъ онъ участвовалъ въ бою 5 іюля и въ сраженіи 7 іюля на р. Ларгѣ, при наводкѣ Бауромъ мостовъ, а послѣ на лѣвомъ флангѣ атаки; 5 іюля онъ былъ посланъ Бауромъ съ двумя ротами легкихъ войскъ на помощь къ подполковникамъ Анжели и Елчанинову, причемъ «показалъ и здѣсь удивительную храбрость, стоявъ долго и неподвижно сомкнутымъ фронтомъ противъ сильнаго огня непріятельскаго, и отбивался... одною безпрерывною пальбою, а при наступленіи непріятельскихъ наѣзд-

никовъ устремлялся на нихъ самъ съ своею командою и всегда отгонялъ ихъ отъ фронта»; 7 іюля, командуя баталіономъ гренадеръ, онъ содѣйствовалъ овладѣнію турецкимъ лагеремъ и поддержанію при этомъ полнаго порядка. Въ сраженіи при Кагулѣ 21 іюля Кутузовъ дѣйствовалъ въ составѣ авангарда праваго крыла, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Бауромъ, велъ преслѣдованіе непріятеля до Исакчи, близъ которой потопилъ нѣсколько судовъ.

Хотя, такимъ образомъ, Кутузовъ и оказалъ не мало отличій и былъ старшимъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ распоряженіи Баура, тѣмъ не менѣе, награды выпали главнымъ образомъ на барона фонъ-Берга, который былъ произведенъ изъ «секретарей порутчичьяго ранга» прямо въ премьеръ-маіоры. Этимъ были обижены всѣ секундъ-маіоры, а болѣе другихъ Кутузовъ, ибо хотя онъ и былъ произведенъ въ маіоры, но для него не оказывалось мѣста въ генеральномъ штабѣ. Повидимому, это находилось въ связи съ неудовлетворительными отношеніями между русскими и нѣмецкими чинами генеральнаго штаба первой арміи. Въ виду подобныхъ отношеній, Кутузовъ просилъ даже о переводѣ въ Смоленскій пѣхотный полкъ.

По занятіи Измаила, Кутузовъ былъ отправленъ туда, вмѣстѣ съ артиллерійскимъ генералъ-маіоромъ Унгерномъ, для возможнаго укрѣпленія и вооруженія этого пункта, а во время осады Бендеръ, одновременно съ поѣздкою Баура ко 2-й арміи, командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго этою арміею графа П. И. Панина. Здѣсь, когда минные подступы приближались къ концу и когда графъ Панинъ намѣревался сдѣлать попытку ворваться въ крѣпость, Кутузовъ былъ въ числѣ офицеровъ, вызвавшихся командовать частями назначенныхъ для сего войскъ, и былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ главнокомандующій довѣрилъ командованіе названными частями; какъ и въ другихъ случаяхъ, Кутузовъ и здѣсь служилъ образцово.

Въ 1771 году онъ состоялъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Текелли, а затѣмъ въ корпусѣ генералъ - поручика Эссена и участвовалъ въ разбитіи 19 октября 30,000—40,000 турокъ при Попештахъ (въ Валахіи). Эссенъ доносилъ Румянцеву, что Кутузовъ «не только былъ неоднократно посланъ въ разныя мѣста для осмотрѣнія ихъ положеній, и несмотря на встрѣчавшіяся съ нимъ опасности, доставлялъ начальству своему вѣрнѣйшія свѣдѣнія; но даже въ самый день сраженія напрашивался на всѣ опасные случаи». За оказанную въ этомъ бою храбрость и распорядительность онъ былъ произведенъ въ подполковники 8 декабря того же года.

Въ 1772 г. произошелъ случай, имѣвшій большое вліяніе на характеръ Кутузова. Съ веселымъ нравомъ онъ соединялъ искусство подражать любому человѣку въ походкѣ, выговорѣ, ухваткахъ и т. п., что очень нравилось товарищамъ; однажды, на какой то пирушкѣ, онъ не пощадилъ и главнокомандующаго, котораго также передразнилъ. Кто то изъ присутствовавшихъ донесъ объ этомъ; графъ Румянцевъ разгнѣвался и Кутузовъ былъ переведенъ во вторую армію, подъ начальство генералъ-аншефа князя Долгорукаго, имѣвшаго цѣлью овладѣть Крымскимъ полуостровомъ; съ этого времени Кутузовъ сдѣлался очень сдержаннымъ, въ его характерѣ развились скрытность и недовѣрчивость.

Въ 1773 г. Крымская армія ограничивалась охраненіемъ Крыма и наблюденіемъ за Очаковымъ и Кинбурномъ. Кутузовъ съ 6 ноября 1773 г. до 22 апрѣля 1774 г. находился въ отдѣльномъ отрядѣ генералъ-маіора Кохіуса, расположенномъ на Днѣпрѣ, въ Алешкахъ, причемъ, хотя участвовалъ лишь въ мелкихъ стычкахъ, но за то «бывъ отряженъ... для осмотрѣнія мѣстоположеній, выполнилъ порученіе это съ такимъ успѣхомъ, что послѣдствія превзошли самыя ожиданія; ибо по соображеніи всѣхъ свѣдѣній, которыя собралъ Кутузовъ... приняты были столь удачныя мѣры, что... всѣ покушенія непріятельскія оставались тщетными въ разсужденіи нападенія на наши войска». Затѣмъ Кутузовъ находился въ отрядѣ генералъ-поручика графа Мусина-Пушкина, дѣйствовавшемъ въ южной части Крыма.

Въ то время, когда уже былъ заключенъ (10 іюля) Кучукъ - Кайнарджійскій миръ, но прежде чѣмъ извѣстіе о его заключеніи распространилось по всему театру войны, турецкая эскадра, подъ начальствомъ сераскира Гаджи-Али-Бея, высадила, 22 іюля, десантъ на южномъ берегу Крыма, у Алушты, послѣ чего турки укрѣпили и заняли позицію у самой Алушты,

Тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ двинулся 24 іюля къ мѣсту высадки непріятеля, атаковалъ турокъ, занимавшихъ окопы у дер. Шумы, взялъ ихъ и преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля. Въ преслѣдованіи, послѣ этой незначительной стычки, Кутузовъ едва не погибъ: врываясь впереди войскъ, со знаменемъ въ рукахъ, въ укрѣпленное селеніе Шумы, онъ былъ чрезвычайно опасно раненъ: пуля ударила его въ лѣвый високъ и вылетѣла у праваго глаза или, какъ сказано въ формулярѣ, онъ былъ «раненъ пулею на вылетъ въ голову позади глазъ». Врачи обрекли его на смерть, — но, вопреки ихъ мнѣнію и къ общему удивленію, онъ началъ выздоравливать, лишившись, впрочемъ, глаза. Для леченія онъ отправился въ Петербургъ. Императрица призывала его къ себѣ нѣсколько разъ, бесѣдовала съ нимъ, пожаловала ему орденъ Св. Георгія 4-й степени и уже тогда говорила: «надо поберечь Кутузова». Онъ былъ отправленъ на счетъ Государыни для окончательнаго излеченія заграницу, онъ побывалъ въ Германіи, Англіи, Голландіи и Италіи — и поѣздкою этою онъ воспользовался не только для леченія, но и для пополненія своего образованія.

По пути въ Лейденъ, славившійся своимъ медицинскимъ факультетомъ, Кутузовъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ представился Фридриху Великому, который принялъ его весьма ласково. Въ Лейденѣ онъ прожилъ довольно долго. Если въ Россіи его выздоровленіе считалось чуть ли не чудомъ, то и за границею оно вызвало удивленіе и медиками было написано нѣсколько статей о столь опасной ранѣ и о ея «чудесномъ» заживленіи. По окончаніи леченія Кутузовъ отправился въ Россію черезъ Вѣну, гдѣ познакомился съ генералами Ласси и Лаудономъ и имѣлъ случай неоднократно съ ними бесѣдовать; бесѣды съ этими выдающимися представителями военнаго міра Австріи, конечно, представляли для него не малый интересъ.

Такимъ образомъ первая турецкая война хотя едва не свела Кутузова въ могилу, но за то сдѣлала его имя извѣстнымъ не только военному, но отчасти и ученому міру, и дала ему возможность видѣть Западную Европу и довершить свое самообразованіе. Эта же война послужила ему отличною боевою школою, въ которой онъ многому научился, особенно у такихъ учителей, какъ Румянцевъ и Бауръ. Эта же война, наконецъ, послужила ему и житейскою школой—научила его не особенно довѣрять людямъ, даже друзьямъ, и это было тѣмъ болѣе кстати, что уже въ это время своими высокими дарованіями онъ нажилъ нѣсколько недоброжелателей, которые ему завидовали и готовы были ему вредить.

По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1776 году, Кутузовъ благодарилъ императрицу, которая, продолжая заботиться о его здоровьи, отправила его на югъ Россіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ въ распоряженіе Суворова, который съ нимъ сблизился и, вмѣстѣ съ нимъ, отправился въ Крымъ, дабы исполнить возложенное на него порученіе окончить политикою дѣло, начатое оружіемъ, т. е. не только довершить покореніе южныхъ областей отъ Крыма до Ногайскихъ земель и Кубани, но и умиротворить все покоренное. Для усмиренія бунтовъ въ Крыму были введены туда наши войска, при помощи которыхъ Суворовъ охранялъ берега Крыма отъ покушеній турецкихъ войскъ и флота до 1779 года. Кутузовъ, со своею ловкостью въ обращеніи и удивительнымъ тактомъ, былъ здѣсь дѣятельнымъ помощникомъ Суворова во всемъ, что было въ ихъ миссіи не спеціально военнаго, а кромѣ того содѣйствовалъ ему въ 1777 г.—въ разсѣяніи скопищъ преданнаго Турціи крымскаго хана Девлетъ-Гирея и въ утвержденіи ханомъ Шагинъ-Гирея; въ 1778 г.—въ переселеніи въ екатеринославскую губернію 20,000 грековъ и армянъ, и въ 1779 г.—въ возстановленіи спокойствія въ Крыму. По ходатайству Суворова, онъ былъ произведенъ, 28 іюня 1777 г., въ полковники, съ назначеніемъ въ Маріупольскій легкоконный полкъ.

Съ 1779 г. вліяніе Россіи въ Крыму усилилось, но въ 1782 г. тамъ снова начались волненія; покровительствуемый Россіею ханъ былъ низложенъ. Въ виду этого признано было необходимымъ занять снова Крымъ нашими войсками и возстановить тамъ законный порядокъ. Потемкинъ призвалъ на совѣтъ (изъ Астрахани) Суворова, дабы рѣшить вопросъ о выборѣ начальниковъ, на которыхъ можно было бы возложить это дѣло. Выборъ палъ на генералъ-маіора А. Б. де-Бальмена, а помощникомъ ему былъ

назначенъ Кутузовъ. Возстаніе было подавлено, свергнутый ханъ былъ снова возведенъ на престолъ. За это Кутузовъ былъ произведенъ, 28 іюня 1782 г., въ бригадиры.

Въ 1783 г., ханъ отрекся отъ престола и передалъ всѣ свои владѣнія Россіи. Начались возстанія во всѣхъ татарскихъ кочевьяхъ. Суворовъ усмирялъ ихъ на Кубани, а Кутузовъ въ Крыму, гдѣ онъ находился съ 20 мая до 29 октября. По представленію Потемкина, за усмиреніе этого возстанія, онъ былъ произведенъ, 24 ноября 1784 г., въ генералъ-маіоры. Въ это время онъ числился, по-прежнему, въ Маріупольскомъ легкоконномъ полку. Вскорѣ онъ былъ назначенъ шефомъ Бугскаго егерскаго корпуса, который былъ имъ сформированъ, тщательно обученъ и подготовленъ къ требованіямъ военнаго времени. Корпусъ этотъ перешелъ изъ Крыма въ Малороссію, поступилъ въ составъ екатеринославской арміи и былъ расположенъ близъ границъ Польши. Когда императрица совершала, въ 1787 г., путешествіе на югъ Россіи и посѣтила Полтаву, близъ этого города былъ произведенъ, въ ея присутствіи, маневръ, воспроизведшій знаменитое Полтавское сраженіе. Кутузовъ участвовалъ въ этомъ маневрѣ, командуя корпусомъ, и получилъ изъ рукъ самой государыни орденъ св. Владиміра 2-й степени. Императрица, сверхъ того, замѣтивъ, что Кутузовъ ѣздитъ на горячей лошади, сказала ему: «вы должны беречь себя; запрещаю вамъ ѣздить на бѣшенныхъ лошадяхъ и никогда не прощу, если услышу, что вы не исполняете моего приказанія».

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, осенью 1787 г., началась вторая турецкая война. Кутузовъ находился въ составѣ первой дивизіи екатеринославской арміи князя Потемкина. Потемкинъ поручилъ ему охранять границы по Бугу, причемъ писалъ ему: «Ваша распорядительность и искусство меня совершенно обезпечиваютъ и я съ надеждою полагаюсь на ваше бдѣніе»; черезъ нѣсколько дней, извѣщая Кутузова о нападеніи турокъ на Кинбурнскую косу, онъ же писалъ: «Я увѣренъ, что турки не получатъ успѣха тамъ, гдѣ храбрость и искусство соединенно дѣйствуютъ, чего я ожидаю отъ Васъ». Кутузовъ прикрывалъ эту границу до іюля 1788 г., когда его притянулъ къ своимъ главнымъ силамъ Потемкинъ, приступившій къ осадѣ Очакова.

18 августа того же года турецкая пѣхота, выйдя изъ крѣпости, атаковала егерей, прикрывавшихъ батарею на берегу лимана. Завязался бой, продолжавшійся четыре часа. Турки были отбиты, но въ числѣ выбывшихъ изъ строя у насъ и притомъ въ самомъ началѣ боя былъ командовавшій егерями Кутузовъ. Находившійся при этомъ принцъ де-Линь писалъ императору Іосифу: «Вчера опять прострѣлили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра онъ умретъ». Почти невѣроятный случай произошелъ съ Кутузовымъ: онъ второй разъ получилъ рану, чрезвычайно опасную, почти совершенно такую же, какую получилъ 13 лѣтъ тому назадъ—и остался живъ. Онъ былъ отправленъ изъ арміи для леченія раны, но не надолго. «Сей опасной сквозной прорывъ нѣжнѣйшихъ частей и самыхъ важныхъ, по положенію височныхъ костей, глазныхъ мышцъ, зрительныхъ нервовъ, мимо которыхъ на волосокъ... прошла пуля, и мимо самаго мозга... не оставилъ другихъ послѣдствій, какъ только, что одинъ глазъ нѣсколько искосило!» И объ этомъ излеченіи медики писали диссертаціи и называли его «чудомъ», а врачъ, лечившій Кутузова, говоритъ: «Надобно думать, что Провидѣніе сохраняетъ этого человѣка для чего-нибудь необыкновеннаго, потому что онъ исцѣлился отъ двухъ ранъ, изъ коихъ каждая смертельна».

Императрица писала князю Потемкину 31 августа 1788 г.: «Отпиши, каковъ Кутузовъ и какъ онъ раненъ и отъ меня прикажи навѣдываться»; 18 сентября того же года: «Я весьма жалѣю о его ранахъ», а 7 ноября того же года спрашивала о немъ въ третій разъ. Затѣмъ государыня незадолго до его отъѣзда къ мѣсту новаго назначенія, пожаловала ему орденъ св. Анны 1-й степени.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ Кутузовъ поправлялся настолько быстро, что успѣлъ принять участіе въ штурмѣ и взятіи Очакова 6 декабря 1788 г. Затѣмъ, въ мартѣ 1789 г., Потемкинъ спросилъ Кутузова, не можетъ ли онъ, по состоянію своего здоровья, принять начальство надъ войсками, охраняющими турецкія и польскія границы. Кутузовъ согласился и вступилъ въ командованіе этими войсками въ маѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ онъ командовалъ отря-

домъ, дѣйствовавшимъ между Днѣстромъ и Бугомъ, причемъ произвелъ смѣлый поискъ къ Бендерамъ и разбилъ значительный непріятельскій отрядъ, положивъ на мѣстѣ болѣе 200 и взявъ въ плѣнъ 70 человѣкъ; сверхъ того было взято два знамени.

Въ августѣ и сентябрѣ того же года, ему была ввѣрена передовая конница, во главѣ которой онъ дѣйствовалъ на правомъ берегу Днѣстра. Здѣсь, подъ начальствомъ генералъ-поручика П. Потемкина, онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ подъ Каушанами; около этого же времени онъ оказалъ поддержку генералъ-поручику Гудовичу, дѣйствовавшему противъ Гаджабея (нынѣ Одесса), причемъ неожиданно ударилъ во флангъ противнику и обратилъ его въ бѣгство. Затѣмъ тотчасъ же возвратился къ Каушанамъ и успѣлъ принять участіе въ сраженіи 13 сентября, и въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ подъ Бендерами, гдѣ захватилъ бунчужнаго пашу; послѣ этого, подъ начальствомъ самого главнокомандующаго участвовалъ въ занятіи Аккермана въ концѣ того же мѣсяца и въ дѣйствіяхъ противъ Бендерской крѣпости до сдачи ея 3 ноября 1789 г.

Въ 1790 г. военныя дѣйствія долго не открывались. Велись переговоры о мирѣ. Кутузову были подчинены войска, расположенныя въ Аккерманѣ и на пространствѣ между Аккерманомъ и Бендерами. За свои успѣшныя дѣйствія противъ легкихъ турецкихъ войскъ онъ былъ награжденъ, 8 сентября, орденомъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ войска, назначенныя для дѣйствій противъ турокъ и находившіяся въ Молдавіи, были раздѣлены на правое и на лѣвое крыло; послѣднее состояло подъ начальствомъ генералъ-аншефа барона И. И. Меллеръ-Закомельскаго; Кутузовъ состоялъ при пѣхотѣ этого крыла, ввѣренной генералъ-поручику князю Волконскому.

Въ сентябрѣ кн. Потемкинъ приказалъ Меллеръ-Закомельскому овладѣть Киліею, а Кутузову, съ его егерями и двумя баталіонами Троицкаго пѣхотнаго полка,—не дозволять гарнизону Измаила тревожить наши войска, дѣйствовавшія противъ Киліи. 27 сентября Кутузовъ сталъ на дорогѣ изъ Измаила къ Киліи и нѣсколько разъ разбивалъ и отгонялъ турецкіе отряды, выходившіе изъ Измаила. Послѣ паденія Киліи 18 октября отрядъ Кутузова былъ притянутъ къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Измаила, который имѣлъ весьма важное значеніе, такъ какъ, пока эта крѣпость, обороняемая гарнизономъ, по меньшей мѣрѣ, въ 30.000 человѣкъ, находилась въ рукахъ турокъ,—переговоры о мирѣ приводили только къ потерѣ времени, а наша черноморская флотилія не могла пройти мимо укрѣпленій Измаила и роль ея ограничивалась лишь плаваніемъ по низовьямъ Дуная. Хотя собравшійся военный совѣтъ и постановилъ, въ виду поздняго времени года, отступить отъ Измаила, но Потемкинъ съ этимъ не согласился и поручилъ овладѣніе этою крѣпостью Суворову. Въ письмѣ на имя послѣдняго онъ не упустилъ случая рекомендовать Кутузова, котораго, впрочемъ, Суворовъ зналъ и самъ. На военномъ совѣтѣ, созванномъ Суворовымъ, рѣшено было, конечно, штурмовать Измаилъ (на что имѣлось и повелѣніе главнокомандующаго), но члены совѣта расходились во взглядахъ по вопросу о томъ, какъ штурмовать. Когда Рибасъ представилъ Суворову свои предположенія относительно штурма, Суворовъ показалъ ихъ Кутузову, и онъ ему сказалъ: «Если вы согласитесь съ Рибасомъ, вся слава взятія Измаила будетъ принадлежать ему», Суворовъ же, въ свою очередь, замѣтилъ по этому поводу: «Кутузова и Рибасъ не обманетъ!»...

Штурмъ былъ назначенъ на 11 декабря. Для штурма войска были раздѣлены на девять колоннъ, изъ коихъ шесть должны были вести атаку съ сухого пути, а три со стороны Дуная. Кутузову была ввѣрена Суворовымъ сухопутная лѣво-фланговая, 6-я, колонна, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ и 120 стрѣлковъ Бугскаго егерскаго корпуса, двухъ баталіоновъ Херсонскаго гренадерскаго полка и 1.000 казаковъ. Эта колонна направлялась противъ восточной оконечности прирѣчной части Измаила; противъ нея же направлялись кромѣ того 1-я и 2-я колонны генералъ-маіоровъ Львова и Ласси съ югозапада и три десантныхъ колонны (Рибаса) съ юга, со стороны Дуная. Для согласованія дѣйствій всѣхъ этихъ колоннъ требовалось проявленіе начальниками ихъ необходимаго военнаго глазомѣра, находчивости и вообще большого искусства. По первой ракетѣ, въ три часа пополуночи, войска заняли мѣста, назначенныя по диспозиціи,

Движеніе колоннъ началось по второй ракетѣ, въ 5½ часовъ утра. Движенію этому благопріятствовалъ густой туманъ, но турки ожидали штурма, узнавъ о немъ отъ перебѣжчиковъ. Начало штурма было возвѣщено третьею ракетою, въ 6½ часовъ утра. Ранѣе другихъ ворвалась вторая, а за нею первая колонны. Одновременно съ ними, колонна Кутузова произвела, съ противоположной стороны, отчаянную атаку на бастіонъ у Килійскихъ воротъ. Пренебрегая сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, колонна эта спустилась въ ровъ противъ исходящаго угла названнаго бастіона. Въ это время былъ убитъ бригадиръ Рибопьеръ, командовавшій егерями, которые подготовляли атаку огнемъ, расположившись правѣе и лѣвѣе колонны, вдоль эскарпа крѣпостнаго рва. Тѣмъ не менѣе, войска колонны, коимъ самъ Кутузовъ подавалъ примѣръ мужества и воинской доблести, приставивъ лѣстницы, взошли на валъ и овладѣли бастіономъ. Однако выбитый непріятель, получивъ значительныя подкрѣпленія, готовился взять бастіонъ обратно и не дозволялъ нашимъ войскамъ двинуться, вдоль по куртинѣ, къ сосѣднимъ бастіонамъ. Кутузовъ донесъ о критическомъ положеніи дѣлъ Суворову—Суворовъ, въ отвѣтъ на это, велѣлъ поздравить Кутузова съ назначеніемъ комендантомъ Измаила и прибавилъ, что онъ уже отправилъ курьера съ донесеніемъ о взятіи крѣпости. Кутузовъ притянулъ находившійся въ резервѣ его колонны Херсонскій полкъ, двинулъ его въ атаку и опрокинулъ собравшагося передъ нимъ непріятеля, послѣ чего войска его колонны двинулись по куртинѣ для очищенія сосѣднихъ бастіоновъ и вошли въ связь съ войсками 5-й колонны бригадира Платова, овладѣвшей куртиною, которая соединяла старую крѣпость съ новою. Успѣхи этихъ колоннъ облегчили успѣхъ и на остальныхъ пунктахъ атаки. Въ восьмомъ часу утра вся крѣпостная ограда была уже занята нашими войсками, которыя, однако, понесли не малыя потери и до извѣстной степени разстроились. Между тѣмъ турки упорно оборонялись внутри крѣпости, такъ что каждый шагъ впередъ приходилось дѣлать, преодолѣвая отчаянное сопротивленіе. При этомъ Кутузовъ искусно направлялъ дѣйствія своей колонны къ достиженію общей цѣли. Огромное каменное зданіе, гдѣ засѣло до 2.000 турокъ, Кутузовъ взялъ штыками, затѣмъ разбилъ толпу янычаръ на одной изъ площадей, выручилъ охваченный врагомъ отрядъ казаковъ и окончилъ свои подвиги боемъ съ многочисленною толпою, собравшеюся на главной площади вокругъ султана Каплапъ-Гирея и его дѣтей. Въ часъ пополудни крѣпость была вполнѣ въ рукахъ нашихъ войскъ. Въ этомъ классическомъ бою 30.000 русскихъ вырвали сильнѣйшую крѣпость изъ рукъ сильнѣйшаго числомъ противника, причемъ не менѣе 26.000 турокъ было убито, а 9.000 взято въ плѣнъ.

Когда затѣмъ Суворовъ благодарилъ своихъ сподвижниковъ, Кутузовъ спросилъ его, что означало назначеніе его комендантомъ Измаила въ такой моментъ, когда успѣхъ былъ сомнителенъ, и получилъ на это слѣдующій отвѣтъ: «Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова: Суворовъ былъ увѣренъ, что Кутузовъ будетъ въ Измаилѣ, а еслибъ не былъ взятъ Измаилъ, Суворовъ умеръ бы подъ стѣнами его и Кутузовъ также!»

Въ своей реляціи Суворовъ такъ аттестовалъ Кутузова: «Достойный и храбрый генералъ-маіоръ и кавалеръ Голенищевъ-Кутузовъ мужествомъ своимъ былъ примѣромъ подчиненнымъ и сражался съ непріятелемъ. Остановленъ ретраншаментомъ, призвалъ резервъ и непріятель побитъ. Твердая въ той сторонѣ нога поставлена и войска простирали побѣду по куртинѣ къ другимъ бастіонамъ. Всѣ сіи три колонны (1-я, 2-я и 6-я) исполняя мужественно, храбро и съ удивительной быстротой по данной диспозиціи первое стремленіе, положили основаніе побѣды». Сверхъ того, при описаніи дѣйствій Кутузова, было изложено: «Показывая собою личный примѣръ храбрости и неустрашимости, онъ преодолѣлъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля всѣ встрѣченныя имъ трудности; перескочилъ чрезъ палисадъ, предупредилъ стремленіе турокъ, быстро взлетѣлъ на валъ крѣпости, овладѣлъ бастіономъ и многими батареями, и когда усилившійся непріятель въ превосходномъ числѣ принудилъ его остановиться, закричалъ: «съ нами Богъ!» и съ этими словами, мужественно и отважно нагрянувъ на враговъ, отразилъ ихъ напоръ, превозмогъ упорное сопротивленіе, удержалъ мѣсто, утвердился въ крѣпости, продолжалъ наносить удары и распространять

свои пораженія до самой средины города, одерживая вездѣ поверхность, побѣду и одолѣніе». Наконецъ, въ спискѣ представленныхъ къ наградамъ, Суворовъ собственноручно приписалъ къ лестному о немъ же отзыву: «Генералъ Кутузовъ оказалъ новые опыты воинскаго искусства и личной своей храбрости; онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою моей рукою». Потемкинъ, съ своей стороны, также отозвался о Кутузовѣ въ высшей степени лестно. Императрица, 25 марта 1791 г., пожаловала ему орденъ св. Георгія 3-го класса, сверхъ того, онъ былъ тогда же произведенъ въ генералъ-поручики.

Черезъ недѣлю послѣ взятія Измаила Суворовъ выступилъ съ своими войсками къ Галацу, а Кутузовъ остался въ Измаилѣ въ должности коменданта, имѣя подъ своимъ начальствомъ два мушкетерскихъ полка, четыре баталіона егерей и 2.000 казаковъ; ему же пришлось принять на свое попеченіе больныхъ и раненыхъ. Въ это же время ему были подчинены и другія крѣпости, лежавшія между Прутомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ; самъ же онъ подчинялся князю Репнину, который, въ февралѣ 1791 г., принялъ начальство надъ арміею въ виду отъѣзда князя Потемкина въ Петербургъ. Репнинъ, узнавъ о скопленіи турецкихъ войскъ при Мачинѣ, рѣшилъ перенести военныя дѣйствія за Дунай, для чего прежде всего произвести поискъ на правомъ берегу этой рѣки. Съ этою цѣлью генералъ-поручикъ князь С. Ѳ. Голицынъ, съ 2.000 пѣхоты, 600 казаковъ и 600 арнаутовъ, долженъ былъ спуститься на судахъ изъ Галаца къ Исакчѣ и соединиться тамъ съ отрядомъ Кутузова (3.000 пѣхоты, 800 пѣшихъ казаковъ и 500 конныхъ казаковъ), послѣ чего эти соединенные отряды должны были предпринять общія дѣйствія за Дунаемъ въ направленіи на Мачинъ.

Въ исполненіе этой задачи, отрядъ Кутузова переправился 25 марта на Сулинъ островъ и 26 на правый берегъ Дуная, у мыса Чатала. Непріятель былъ потѣсненъ и бѣжалъ изъ Исакчи и окрестностей—частью въ Мачинъ, частью по дорогѣ на Бабадагъ. Кутузовъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ къ Бабадагу, 27 марта разбилъ непріятеля у с. Монастырище, отрѣзалъ его отъ Бабадага и отбросилъ въ направленіи на Силистрію, послѣ чего возвратился въ Исакчѣ, гдѣ соединился съ княземъ Голицынымъ. 28 марта оба отряда двинулись къ Мачину; на пути, при д. Лункавицѣ, разбили высланный противъ нихъ турецкій отрядъ, а подъ самою крѣпостью разбили защитника ея, Арслана-Мегмета-пашу, и овладѣли крѣпостью, послѣ чего всѣ укрѣпленія Мачина были срыты. Затѣмъ Кутузовъ оказалъ существенную поддержку князю Голицыну въ его дѣйствіяхъ противъ Браилова, послѣ чего оба они возвратились на лѣвый берегъ Дуная. Императрица, въ виду успѣховъ Голицына и Кутузова, намѣревалась развить въ предстоявшую кампанію дѣйствія въ Болгаріи, рядомъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ сломить сопротивленіе Порты и предписать ей условія мира. Между тѣмъ были получены свѣдѣнія о томъ, что главныя силы визиря направляются къ Мачину. Въ виду этого Репнинъ приказалъ Кутузову произвести вторично сильный поискъ къ Бабадагу.

Въ ночь на 3 іюня Кутузовъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ 20 некомплектныхъ баталіоновъ, 12 эскадроновъ и небольшой отрядъ черноморскихъ казаковъ, переправилъ этотъ отрядъ близъ Тульчи на правый берегъ Дуная и двинулся къ Бабадагу, а 4 іюня атаковалъ и разбилъ близъ этого города 23.000 турокъ и татаръ, находившихся подъ начальствомъ сераскира Ахмедъ и Джуръ-Оглу-пашей и совершенно не ожидавшихъ нападенія; при этомъ войска Кутузова захватили нѣсколько знаменъ, 8 пушекъ, весь лагерь противника, до 30.000 четвертей хлѣба и большой запасъ пороха; турки и татары потеряли до 1.500 чел. убитыми, а наши войска всего лишь нѣсколькихъ человѣкъ; непріятель бѣжалъ въ различныя стороны. Бабадагъ былъ сожженъ, а Кутузовъ 5 іюня вернулся въ Измаилъ.

Между тѣмъ князь Репнинъ получилъ извѣстіе, что въ укрѣпленномъ лагерѣ у Мачина находится уже до 30,000 турокъ, что непріятель постоянно усиливается подкрѣпленіями и что самъ визирь намѣренъ слѣдовать туда же съ арміею, доходящею до 80.000—100.000 чел.; сверхъ того, до 50 турецкихъ судовъ было собрано у Браилова. Репнинъ принялъ рѣшеніе предупредить визиря и не дать ему времени собрать всѣ его силы, для чего рѣшилъ самъ безотлагательно атаковать турокъ. Сосредоточивъ свою армію къ Галацу, онъ

навелъ мостъ близъ этого города, перешелъ на правый берегъ Дуная, прошелъ въ ночь на 28 іюня 30 верстъ и къ разсвѣту появился передъ неожидавшимъ ничего подобнаго непріятелемъ. Планъ его заключался въ томъ, чтобы частью силъ («корпусомъ» князя Голицына) привлекая на себя вниманіе непріятеля съ фронта, другою частью обойти его правый, наиболѣе открытый флангъ, послѣ чего дѣйствовать противъ турокъ съ двухъ сторонъ и такимъ образомъ нанести имъ рѣшительное пораженіе. Рѣшающая роль въ предстоявшемъ сраженіи выпадала на «корпусъ» Кутузова, составленный изъ 12 баталіоновъ и 10—11 конныхъ полковъ при 24 полевыхъ орудіяхъ, который и долженъ былъ, совершивъ вышеуказанное обходное движеніе, атаковать правый флангъ непріятеля. Сверхъ того «корпусъ» князя Волконскаго (10 баталіоновъ и 3 конныхъ полка при 16 орудіяхъ) долженъ былъ связывать войска князя Голицына и Кутузова и поддерживать послѣдняго.

Армія наступала четырьмя колоннами, изъ коихъ двѣ лѣвыя составляли корпусъ Кутузова и казаки Орлова. Въ полночь наши войска остановились на привалъ у р. Чичуль, на которой былъ устроенъ наканунѣ мостъ. Передъ разсвѣтомъ 28 прежде всего перешелъ корпусъ Кутузова, который затѣмъ продолжалъ движеніе влѣво для обхода непріятельскаго фланга. Однако, вскорѣ передовыя турецкія части замѣтили фланговый маршъ Кутузова еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться на высоты. Это побудило Репнина поспѣшить переправою корпуса Голицына, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Кутузова.

Въ шестомъ часу утра Голицынъ развернулся и готовился атаковать турокъ, занимавшихъ высоты съ крутыми скатами, а въ это время Волконскій еще только переправлялся черезъ мостъ на р. Чичуль, вслѣдствіе чего между Голицынымъ и Кутузовымъ образовался значительный интервалъ. Впрочемъ, вскорѣ начали подходить войска Волконскаго, который вошелъ въ связь съ Кутузовымъ. Въ это же время, Кутузовъ атаковалъ высоты на правомъ флангѣ турокъ, которые, пользуясь его отдѣльнымъ положеніемъ, заставили его брать съ боя каждый шагъ. Высланные Кутузовымъ два баталіона егерей, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера Пистора, быстро взобрались по скатамъ несмотря на ихъ чрезвычайную крутизну, отбросили непріятеля и очистили версты на двѣ открытую поляну, составлявшую вершину высотъ, и этимъ обезпечили вступленіе на тотъ же гребень остальныхъ войскъ Кутузова; немедленно послѣднія, въ свою очередь поднявшись на высоты, были построены Кутузовымъ въ пять карре, въ двухъ линіяхъ, съ кавалеріею на лѣвомъ флангѣ второй линіи, и продолжали наступленіе.

Передъ лѣвымъ ихъ флангомъ открывалась обширная поляна, удобная для дѣйствія большихъ массъ конницы. Съ этой стороны и слѣдовало ожидать атаки противника. Чтобы не дозволить непріятелю произвести ожидаемую атаку, Кутузовъ быстро перемѣнилъ фронтъ и построилъ всѣ свои каре въ одну линію, имѣя кавалерію во второй линіи за лѣвымъ флангомъ. Едва только это построеніе было окончено, какъ огромныя массы турецкой конницы, дѣйствительно, атаковали Кутузова съ фронта, но были отбиты огнемъ его пѣхоты. Получая все новыя подкрѣпленія съ главной позиціи, турки нѣсколько разъ возобновляли атаку, желая отрѣзать Кутузова отъ Волконскаго, но безуспѣшно: Кутузовъ отразилъ всѣ эти атаки, чему не мало содѣйствовали отдѣленные отъ авангарда Волконскаго Харьковскій конно-егерскій и Сѣверскій карабинерный полки, которые всякій разъ атаковали лѣвый флангъ непріятеля, устремлявшагося на Кутузова, а затѣмъ, съ подходомъ пѣхоты Волконскаго и съ закрытіемъ упомянутаго интервала—высланные имъ Свято-Николаевскій, Малороссійскій и Московскій гренадерскіе полки; эти послѣдніе, приблизившись къ крутымъ скатамъ, отдѣлявшимъ ихъ отъ Кутузова, огнемъ своимъ и своей артиллеріи наносили непріятелю сильный уронъ. Тогда турки произвели общее нападеніе и атаковали не только Кутузова, но и Волконскаго, и Голицына; однако и эти атаки были отбиты нашими войсками, которыя потѣснили турокъ по всему фронту боевого порядка, а затѣмъ повели общую атаку на главную непріятельскую позицію у самаго Мачина; при этомъ Кутузовъ атаковалъ своею кавалеріею правый флангъ непріятеля, скопившагося въ огромныхъ массахъ за лагеремъ, и рѣшилъ здѣсь бой въ нашу пользу. Непріятель былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ болѣе 4,000 чел., 35 орудій и 15 знаменъ,

не говоря уже о добычѣ въ двухъ лагеряхъ; нашимъ войскамъ эта побѣда стоила 141 чел. убитыхъ и 300 раненыхъ.

Кутузовъ горячо благодарилъ своихъ подчиненныхъ и многихъ представилъ къ наградамъ; онъ говорилъ при этомъ, что имъ принадлежитъ честь одержанныхъ успѣховъ. Въ этомъ случаѣ онъ рельефно проявилъ и ранѣе уже обнаруженную имъ черту—скромность, полное отсутствіе стремленія присвоить себѣ чужія заслуги,—и напротивъ, стремленіе отдать другимъ должное, выставить и подчеркнуть то, что они сдѣлали, и что, безъ подобнаго его отношенія къ дѣлу, быть можетъ, осталось бы вовсе неизвѣстнымъ. Въ свою очередь и князь Репнинъ отдавалъ должное Кутузову и въ своемъ донесеніи императрицѣ, между прочимъ, писалъ: «Расторопность и сообразительность генерала Голенищева-Кутузова превосходятъ всякую мою похвалу; одна ваша монаршая щедрота можетъ замѣнить ее». Однако, за это дѣло Кутузовъ долго оставался безъ награды, вѣроятно, вслѣдствіе неудовольствія князя Потемкина, который самъ хотѣлъ предписать Турціи условія мира, досадовалъ, что нанести туркамъ рѣшительный ударъ выпало на долю Репнина и поэтому не давалъ хода его представленіямъ, такъ что вызвалъ даже напоминанія со стороны императрицы — только 18 марта 1792 г. Кутузовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія большого креста 2-го класса.

Какъ относился Репнинъ къ Кутузову, видно изъ письма перваго на имя послѣдняго: «Какіе я рапорты послалъ къ его свѣтлости о бывшей за Дунаемъ экспедиціи, съ оныхъ, для вашего только свѣдѣнія, въ дружеской откровенности копіи при семъ сообщаю. Божіей милостію все было несказанно благополучно, ему.... все благодареніе, а вамъ, тамошнимъ начальникамъ, вся честь и слава». Замѣчательно, что способности и службу Кутузова высоко оцѣнивали и Суворовъ, и Потемкинъ, и Репнинъ, которые между собою далеко не всегда и не во всемъ были согласны.

Вскорѣ послѣ пораженія турокъ подъ Мачиномъ начались переговоры о мирѣ, который и былъ заключенъ въ Яссахъ въ декабрѣ 1791 года.

Во вторую турецкую войну Кутузовъ снова показалъ свои блестящія дарованія, удостоился многихъ наградъ, былъ снова опасно раненъ и, по выздоровленіи, продолжалъ по прежнему ревностно служить государынѣ и Россіи. Не долго ему пришлось отдыхать.

Затруднительнымъ положеніемъ Россіи во время второй турецкой войны воспользовались польскіе патріоты, которые не могли примириться съ тѣмъ, что Польша послѣ перваго ея раздѣла 1772—1773 г.г. находилась подъ вліяніемъ и покровительствомъ Россіи, гарантировавшей неприкосновенность ея государственнаго устройства. 3 мая 1791 г., эти «патріоты» произвели государственный переворотъ, ввели новое государственное устройство и отвергли зависимость Польши отъ Россіи. Не ограничиваясь этимъ, польское правительство потребовало отъ Россіи удаленія изъ юго-восточныхъ областей Польши русскихъ войскъ и магазиновъ. Императрица повелѣла исполнить это требованіе, дабы не дать Польшѣ повода присоединиться къ Турціи, но, по окончаніи войны съ послѣднею, приняла подъ свое покровительство Тарговицкую конфедерацію, образованную поляками, недовольными введеніемъ «конституціи 3 мая». 8 (19) мая 1792 года посланникъ Булгаковъ объявилъ правительству Речи Посполитой, что императрица повелѣла своимъ войскамъ вступить въ Польшу «для содѣйствія въ возстановленіи старинныхъ польскихъ правъ и вольностей»; началась вторая польская война 1792 года.

Вооруженныя силы Польши въ это время не превышали 55,000—60,000 чел., изъ коихъ для военныхъ дѣйствій можно было употребить 40,000—45,000 чел. Изъ нихъ до 30,000 чел. подъ начальствомъ генерала князя Іосифа Понятовскаго обороняли нынѣшній югозападный край противъ главной русской арміи генералъ-аншефа Каховскаго (64,000 чел.). Понятовскій выдвинулъ отряды генерала Віельгорскаго къ Чечельнику, подполковника Грохов-скаго къ Могилеву и генерала Костюшки къ Фастову, а самъ съ главными силами расположился у Браилова, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, поддержать тотъ или другой отрядъ. Армія Каховскаго, находившаяся частью въ Молдавіи и Бессарабіи, частью у Кіева и вообще на Днѣпрѣ, была раздѣлена на четыре «части» или корпуса, подъ начальствомъ Кутузова, Дунина, Дерфельдена и Леванидова; эти корпуса сосредоточились у Могилева, Сорокъ, Ольвіополя и Василькова. «Часть»

Кутузова была сильнѣе прочихъ — она состояла изъ 20 баталіоновъ, 30 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ, или 15,000 пѣхоты и 10,600 конницы, а съ артиллеріею изъ 23,600 чел. Кутузовъ и Дунинъ должны были вторгнуться въ принадлежавшія Польшѣ русскія земли съ юга, Дерфельденъ съ юговостока и Леванидовъ съ востока; угрожая постоянно флангамъ и тылу польскихъ отрядовъ, они должны были вынудить ихъ къ скорѣйшему очищенію страны.

Кутузовъ перешелъ черезъ Днѣстръ 8 (19) мая у Могилева и двинулся усиленными переходами черезъ Шаргородъ и Брайловъ къ Винницѣ, противъ праваго фланга поляковъ, въ то время, какъ Дунинъ шелъ правѣе его отъ Косницы къ Рогознѣ; Дерфельденъ, перешедшій границу у Ольвіополя, направлялся къ Умани. 17 мая Кутузовъ былъ отряженъ съ половиною своего корпуса къ м. Красному для преслѣдованія генерала Віельгорскаго, отступавшаго отъ Мурафы къ Тиврову и прикрывавшаго отступленіе князя Понятовскаго къ Винницѣ; Кутузовъ, двигаясь черезъ Ворошиловку, подошелъ къ Винницѣ 20 мая. Поляки поняли опасность своего положенія и начали отступать чрезвычайно быстро отъ Винницы на Пиковъ, гдѣ Понятовскій сосредоточилъ свои войска 31 мая. Но въ этотъ же самый день Кутузовъ и Дунинъ соединились въ Литинѣ и снова двинулись противъ праваго фланга противника, къ Хмѣльнику, между тѣмъ какъ Дерфельденъ снова угрожалъ его лѣвому флангу, направляясь на Погребище. Въ виду этого польская армія отошла усиленными переходами къ Любару на Волыни и заняла позицію за р. Случь. Теперь роль Кутузова перешла къ Леванидову, который былъ направленъ черезъ Чудновъ и Мирополье къ Полонному, въ тылъ непріятелю; къ Полонному же былъ направленъ и Дунинъ, въ то время, какъ Кутузовъ шелъ черезъ Старую Сѣниву на Остропольи Лабунь. Леванидовъ былъ обманутъ демонстраціею Костюшки, выдвинутаго Понятовскимъ къ Чарторыгѣ, и не тронулся съ мѣста, дойдя до Мирополя; благодаря этому Понятовскій съ частью силъ безпрепятственно прошелъ въ Полонное, но его обозъ и колонна, замѣнявшая арріергардъ, были атакованы главными силами арміи, а арріергардная колонна разбита Кутузовымъ. 6 (17) іюня войска Кутузова и Дунина заняли очищенное поляками Полонное и спасли отъ огня большую часть зажженныхъ ими запасовъ; въ брошенныхъ непріятелемъ укрѣпленіяхъ было найдено 45 орудій.

7 (18) іюня генералъ-маіоръ Марковичъ, съ частью войскъ Кутузова, составлявшею авангардъ арміи, разбилъ поляковъ у м. Городище, а затѣмъ войска Кутузова, въ составѣ главныхъ силъ арміи, продолжали наступательный маршъ черезъ Заславль къ Острогу, 16 (27) іюня заняли Острогъ, а 20 іюня (1 іюля) Дубно. 22 іюня Кутузовъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, перешелъ къ Торче, а 6 іюля переправился черезъ Бугъ и подошелъ къ Дубенкѣ.

7 (18) іюля часть войскъ Кутузова участвовала въ пораженіи поляковъ въ бою при Дубенкѣ и Уханкѣ, а 14 іюля военныя дѣйствія окончились, такъ какъ Польша смирилась предъ Россіей.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ корпусъ Кутузова игралъ видную роль, но его дѣятельность была заслонена присутствіемъ самого главнокомандующаго, вслѣдствіе чего его имя, какъ самостоятельнаго начальника, въ эту кампанію встрѣчается весьма рѣдко. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь дѣятельность его не только должна быть признана безупречною, но можетъ считаться образцовою; тамъ, гдѣ ему приходилось распоряжаться лично и гдѣ успѣхъ зависѣлъ отъ него, все шло гладко; не даромъ Каховскій поставивъ его во главѣ сильнѣйшаго изъ корпусовъ, пользовался этимъ корпусомъ какъ самымъ надежнымъ—въ томъ смыслѣ, что на него можно было возложить какую угодно задачу и быть спокойнымъ и увѣреннымъ въ томъ, что она будетъ выполнена не только вслѣдствіе отличныхъ боевыхъ качествъ самихъ войскъ, которыя были присущи всѣмъ частямъ арміи безъ исключенія, но и вслѣдствіе первокласснаго военнаго таланта ихъ начальника. Въ послѣднемъ рѣшительномъ бою при Дубенкѣ и Уханкѣ Кутузовъ съ частью кавалеріи своего корпуса обошелъ правый флангъ польскаго отряда генерала Костюшки, атаковалъ его съ фланга и тыла и этимъ содѣйствовалъ быстрому рѣшенію боя въ нашу пользу. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ исполнилъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и полнымъ усердіемъ различныя боевыя порученія и задачи, хотя бы даже самыя скромныя. Въ общемъ, не взирая на столь неблаго-

пріятныя условія для того, чтобы обратить на себя вниманіе, Кутузовъ и въ эту кампанію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду вождей нашей арміи. За участіе во второй польской войнѣ и вообще за свою службу онъ получилъ, въ сентябрѣ 1793 г., богатыя имѣнія въ Волынской губерніи съ 2,667 душъ крестьянъ; сверхъ того, ему было повелѣно именоваться правящимъ должность генералъ-губернатора Казанскаго и Вятскаго.

Въ началѣ 1793 г. Кутузовъ былъ вызванъ въ Петербургъ и съ этого времени начинается продолжительный періодъ его мирной дѣятельности на разныхъ поприщахъ государственной службы.

Императрица знала его съ самой лучшей стороны, называла его «своимъ генераломъ» и нерѣдко говорила: «надобно беречь Кутузова»; отзывы, которые она получала о немъ отъ его начальниковъ, совпадали съ ея собственнымъ мнѣніемъ. Государыня, давно оцѣнивъ его природный умъ и талантливость, его образованіе, его умѣнье очаровывать всѣхъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ въ обществѣ и, наконецъ—его осторожность, ловкость въ обращеніи съ самыми разными лицами, назначила его чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь, гдѣ русскому представителю предлежала сложная задача: вытѣснить вліяніе Франціи, упрочить послѣ едва закончившейся войны вліяніе Россіи и склонить Турцію къ заключенію союза съ Россіею и съ другими европейскими державами, которыя собрались дѣйствовать сообща противъ революціонной Франціи, угрожавшей общему миру и спокойствію.

Кутузовъ вступилъ на турецкую территорію 5 іюня, въ то самое время, когда въ наши предѣлы вступилъ турецкій посолъ Мустафа-паша. Оба посла обмѣнялись привѣтствіями и подарками и направились по назначенію. Точно также, по предварительному соглашенію, оба посла въ одинъ и тотъ же день совершили и свой торжественный въѣздъ въ столицы обоихъ государствъ. Въѣздъ Кутузова въ Царьградъ въ сопровожденіи громадной свиты поразилъ населеніе этой столицы своимъ великолѣпіемъ. Гриммъ писалъ императрицѣ: «Можно думать, что читаешь сказки тысячи и одной ночи, когда знакомишься со всѣми этими подробностями. Генералъ Кутузовъ былъ окруженъ и имѣлъ за собою цѣлую великолѣпно снаряженную русскую армію». Такая пышность и великолѣпіе были вполнѣ умѣстны и даже необходимы, ибо на востокѣ весьма многое зависитъ отъ впечатлѣнія. 12 ноября Кутузовъ былъ принятъ въ аудіенціи султаномъ Селимомъ III и весьма быстро снискалъ расположеніе повелителя оттомановъ и его матери султанши валидэ, а въ то же время вошелъ въ дружескія отношенія какъ съ находившимися въ Константинополѣ представителями европейскихъ державъ, такъ съ великимъ визиремъ, съ Капуданъ-пашею и съ другими высшими турецкими сановниками. Великій визирь и Капуданъ-паша удивлялись, какимъ образомъ «человѣкъ, столь ужасный въ бояхъ, могъ быть столь любезенъ въ обществѣ». Престарѣлый рейсъ-эфенди, котораго—по словамъ современниковъ—«никто не помнилъ улыбающимся», бывалъ веселъ и смѣялся въ обществѣ Кутузова. Между тѣмъ, Кутузовъ, привлекая къ себѣ сердце людей и вліяя на ихъ умы, пользовался этимъ въ видахъ исполненія, возложеннаго на него порученія: переговоры съ Портою увѣнчались успѣхомъ; недоразумѣнія по нѣкоторымъ статьямъ Ясскаго договора были устранены; французы, признававшіе республиканское свое правительство, получили повелѣніе выѣхать изъ предѣловъ Турціи; молдавскій господарь, выславшій изъ своихъ владѣній митрополита, который пользовался покровительствомъ Россіи, былъ смѣненъ, а митрополитъ отправился обратно въ Яссы; плаваніе русскихъ купеческихъ судовъ въ Архипелагѣ было обезпечено соотвѣтственными обязательствами Порты. Тщетно Франція пыталась подкупами и подобными средствами уничтожить русское вліяніе въ Царьградѣ;—Кутузовъ искусно сохранялъ и поддерживалъ пріобрѣтенное положеніе и перевѣсъ на сторонѣ Россіи. Сохранилось много любопытныхъ и характерныхъ анекдотовъ дѣятельности Кутузова. Въ это время, когда при дворѣ султана зашла рѣчь о томъ, что, пожалуй, турецкое посольство не было представлено и обставлено такъ же торжественно и великолѣпно, какъ русское въ Константинополѣ, то Селимъ III будто бы сказалъ: «Я сдѣлалъ бы ошибку, если бы производилъ по этому случаю расходы выше моихъ средствъ; я давно знаю моего великодушнаго сосѣда и друга, русскую го-

сударыню; она не потерпѣла бы, чтобы мое посольство было обставлено хуже, чѣмъ подобаетъ; я совершенно спокоенъ на этотъ счетъ»... Еще лучше рисуетъ поведеніе Кутузова и вліяніе его личности слѣдующій эпизодъ.

Кутузовъ обозрѣвалъ однажды верхомъ окрестности столицы и вдругъ направился къ султанскому саду, входъ въ который былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни и въ которомъ въ тому же, въ этотъ день, прогуливались жены султана. Въ свитѣ посла находилось нѣсколько турецкихъ чиновниковъ и въ ихъ числѣ одинъ бимбаши (штабъ-офицеръ). Послѣдній, полагая, что Кутузовъ сбился съ дороги, или же не знаетъ о грозномъ запрещеніи, доложилъ ему, что входъ въ этотъ садъ воспрещенъ всѣмъ безъ различія званія и достоинства. «Знаю, знаю», отвѣчалъ Кутузовъ и продолжалъ ѣхать къ воротамъ. Взволновалась изумленная стража; самъ начальникъ султанской гвардіи выступилъ впередъ и спросилъ: «кто ѣдетъ?»—Кутузовъ отвѣчалъ: «Представитель Монархини, предъ которою ничто не вянетъ, а все цвѣтетъ, Екатерины Великой, Императрицы Всероссійской, которая нынѣ милуетъ васъ миромъ»—начальникъ гвардіи палъ на колѣни; караулъ очистилъ путь, Кутузовъ въѣхалъ въ садъ, осмотрѣлъ все въ немъ находившееся и спокойно возвратился въ посольство—затѣмъ тотчасъ же довелъ обо всемъ случившемся до свѣдѣнія самаго султана, причемъ хвалилъ умъ, вѣрность и исправность караула, который точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей привелъ его въ удивленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ Екатерины Великой, просилъ «правосуднаго, человѣколюбиваго монарха наградить столь достойныхъ подданныхъ, жертвовавшихъ собою для поддержанія дружбы обоихъ дворовъ». Въ то время, когда султану сдѣлалось извѣстнымъ посланіе Кутузова, явился великій визирь съ донесеніемъ о неслыханной дерзости русскихъ и о не подлежавшемъ прощенію преступленіи караула; но султанъ разорвалъ это донесеніе и велѣлъ отвѣчать Кутузову, что «уважая высокое имя Екатерины Великой, онъ произвелъ начальника стражи въ бунчужные паши, а караульныхъ прилично наградилъ». Если въ этихъ и въ имъ подобныхъ разсказахъ и заключается извѣстное преувеличеніе, то все же они обрисовываютъ достаточно рельефно и наглядно отношеніе къ Россіи, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ той самой Турціи, правители которой до Екатерины и даже въ началѣ ея царствованія не стѣснялись, при разрывѣ сношеній, заключать представителей русскихъ государей въ Семибашенный замокъ. Кутузовъ былъ достойнымъ представителемъ императрицы и много способствовалъ установленію этихъ новыхъ отношеній между обѣими державами. Онъ какъ бы отдыхалъ послѣ своей предыдущей трудовой, походной и боевой дѣятельности подъ благодатнымъ южнымъ небомъ, среди преданнаго нѣгѣ народа, и самъ впослѣдствіи называлъ это время «счастливѣйшимъ въ своей жизни»; но это нисколько не уменьшало его усердія въ дѣлѣ исполненія обязанностей службы. Въ непродолжительное время онъ оправдалъ довѣріе императрицы, обнаруживъ рѣдкія способности къ дипломатической дѣятельности, отлично исполнилъ задачу, возложенную на него государынею, сослуживъ ей и Россіи великую службу. Императрица, конечно, лучше другихъ понимала это и цѣнила его заслуги, а потому оставляла его въ Константинополѣ лишь до тѣхъ поръ, пока это было необходимо; но какъ только явилась возможность его отозвать, то это и было ею сдѣлано, въ видахъ возложенія на него другихъ порученій.

Осенью 1794 года Кутузовъ возвратился въ Россію. Около этого времени графъ А. А. Безбородко писалъ графу А. Р. Воронцову: «... Кутузовъ во всенижайшихъ слугахъ графа Зубова». Едва ли однако слѣдуетъ признавать это безусловно справедливымъ; весьма вѣроятно, что Безбородко далъ не совсѣмъ безпристрастный отзывъ о человѣкѣ такъ обращавшемъ на себя вниманіе государыни; повидимому, Кутузовъ хотя и ладилъ съ П. А. Зубовымъ, но нѣтъ фактовъ, чтобы онъ поступался собственнымъ достоинствомъ.

Въ началѣ 1795 г., въ виду возможности разрыва съ Швеціею, Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми сухопутными войсками, флотиліею и крѣпостями въ Финляндіи, съ оставленіемъ въ должности генералъ-губернатора Казанскаго и Вятскаго. Въ это время великій князь Константинъ Павловичъ, по волѣ императрицы, совершилъ поѣздку для обозрѣнія Роченсальмской крѣпости и порта;

его сопровождалъ Кутузовъ, которому затѣмъ великій князь изъявилъ свою признательность и благоволеніе. Сверхъ того Кутузовъ былъ назначенъ, вмѣсто умершаго графа Ангальта, главнымъ директоромъ Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, который сама Императрица называла «разсадникомъ великихъ людей». Здѣсь онъ возстановилъ дисциплину и надлежащій внутренній порядокъ, ввелъ преподаваніе тактики, обращалъ особенное вниманіе на лучшихъ воспитанниковъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, нерѣдко самъ преподавалъ кадетамъ въ присутствіи офицеровъ тактику, военную исторію и другія науки и даже словесность и вообще явился мастеромъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія будущихъ офицеровъ нашей арміи. Корпусъ при немъ стоялъ весьма высоко; замѣчательно, что отличныхъ результатовъ онъ достигъ не производя никакихъ крутыхъ перемѣнъ.

Въ 1796 году шведскій король Густавъ IV Адольфъ и его дядя-регентъ пріѣхали въ Петербургъ и посѣтили Императрицу. Кутузовъ былъ назначенъ состоять при королѣ и регентѣ; порученіе это, при тогдашнихъ отношеніяхъ между обоими дворами, требовало особенной тонкости въ обращеніи и—какъ того и ожидала Императрица—было имъ выполнено отлично, при чемъ и высокіе гости Государыни относились къ нему съ полнымъ расположеніемъ. Государыня продолжала оказывать Кутузову свое благоволеніе до конца своего царствованія, чуть ли не ежедневно приглашала его ко двору и такимъ образомъ онъ принадлежалъ къ тѣсному кругу приближенныхъ, составлявшихъ ея общество. Въ этомъ обществѣ онъ находился и въ послѣдній вечеръ передъ кончиною императрицы Екатерины II, которая и ранѣе совѣтовалась съ нимъ по многимъ важнымъ вопросамъ, а въ послѣднее время—особенно по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, гдѣ въ то время уже обращалъ на себя вниманіе генералъ Бонапартѣ.

По вступленіи на престолъ императора Павла I многихъ видныхъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія постигла немилость и опала, но она не коснулась Кутузова, который сохранилъ расположеніе Государя. 20 ноября 1796 года онъ былъ вызванъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, а въ началѣ 1797 г. отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго министра къ прусскому королю, на мѣсто князя Репнина, которому неудалось исполнить порученія, возложеннаго на него Государемъ, въ теченіе происходившихъ въ это время въ Берлинѣ совѣщаній, съ участіемъ представителей всѣхъ германскихъ владѣтелей, а также и Франціи: Репнинъ не смогъ успѣшно бороться противъ французскаго вліянія. Кутузовъ и здѣсь обнаружилъ большое искусство и въ значительной степени ослабилъ это вліяніе: онъ «столь дѣйствовалъ неутомимо, столь дѣлалъ свои представленія настоятельно и выдерживалъ важность своего званія столь сильно и удачно, что менѣе нежели въ теченіе одного года приведены были политическія тогдашняго времени дѣла къ желаемому концу наилучшимъ образомъ». Во время совѣщаній въ Берлинѣ и въ Раштадтѣ Западная Европа узнала, что Императоръ Всероссійскій желаетъ поддержать существующій въ Германіи порядокъ вещей; Кутузовъ, возвѣщая волю своего государя, умѣлъ произвести на тѣхъ, къ кому обращался, должное впечатлѣніе; нечего и говорить, что переговоры онъ велъ весьма искусно. Въ Берлинѣ прусскій король выразилъ ему свое удовольствіе, а что еще важнѣе — его дѣятельностью остался доволенъ императоръ Павелъ. Хотя, въ декабрѣ 1797 года, Кутузовъ и былъ уволенъ отъ должности главнаго директора Сухопутнаго кадетскаго корпуса, но тогда же онъ былъ назначенъ инспекторомъ войскъ Финляндской инспекціи и шефомъ Рязанскаго мушкетерскаго полка, а 4 января 1798 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи; 2 апрѣля того же года Рязанскому полку было повелѣно именоваться мушкетерскимъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова полкомъ.

Передъ войною 1799 г. Кутузовъ командовалъ войсками въ Финляндіи и первоначально не получилъ боевого назначенія, но когда дѣйствія генерала Германа въ Голландіи вызвали неудовольствіе Государя, то Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками на голландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Кутузовъ отправился по назначенію, но на пути, въ Гамбургѣ, узналъ о пораженіи Германа, а затѣмъ и объ измѣненіи политическихъ отношеній, находившемся въ связи съ отказомъ императора Павла отъ союза съ Австріею и Англіею; въ виду

этого онъ возвратился въ Россію. 4 октября того же года онъ былъ пожалованъ кавалеромъ большого креста ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, въ томъ же мѣсяцѣ назначенъ шефомъ Псковскаго пѣхотнаго полка и получилъ имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ, въ добавокъ къ помѣстьямъ, пожалованнымъ ему императрицею Екатериною Великою; 19 декабря 1799 г. онъ былъ назначенъ Литовскимъ генералъ-губернаторомъ.

Въ послѣдней должности Кутузовъ состоялъ нѣсколько болѣе полутора года, до 11 іюля 1801 года, но въ краѣ, ввѣренномъ его управленію, находился сравнительно немного времени. Вслѣдствіе измѣненія политическихъ отношеній становилась вѣроятною война съ прежними союзниками. Рѣшено было сформировать двѣ арміи, одну въ Литвѣ, а другую на Волыни, начальство надъ этими арміями предполагалось поручить генераламъ графу Палену и Кутузову. Какъ бы желая испытать этихъ двухъ будущихъ полководцевъ, императоръ Павелъ назначилъ, въ началѣ сентября 1800 г., большіе маневры подъ Гатчиною, при чемъ маневрировавшими корпусами командовали оба кандидата въ главнокомандующіе. Императоръ Павелъ остался доволенъ ихъ распоряженіями и восторгался тѣмъ, что имѣетъ въ своей арміи двухъ «столь отличныхъ тактиковъ». Въ Высочайшемъ приказѣ по поводу этихъ маневровъ было изложено: «для Его Величества весьма утѣшно было видѣть достиженіе войска его до такого совершенства, въ каковомъ оно себя показало во всѣхъ частяхъ подъ начальствомъ таковыхъ генераловъ, которыхъ качества и таланты, при дѣйствіи таковыхъ войскъ и таковой націи, какова Россійская, могутъ ручаться совершенно за утвержденіе и обезпеченіе безопасности и цѣлости государства»;—въ день окончанія маневровъ, 8 сентября, государь возложилъ на Кутузова орденъ св. Андрея Первозваннаго, щедро наградивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его подчиненныхъ.

13 ноября 1800 г. было повелѣно: «по теперешнимъ политическимъ обстоятельствамъ быть инспекціямъ... украинской, брестской и днѣстровской — подъ начальствомъ генерала Голенищева-Кутузова, которымъ и быть готовымъ къ выступленію въ походъ по первому повелѣнію»;. 14 декабря того же года состоялось повелѣніе о формированіи трехъ армій, изъ коихъ армія Кутузова должна была сосредоточиться у Владиміра Волынскаго. Въ составъ этой арміи было назначено: 24 пѣхотныхъ и 6 егерскихъ полковъ, 11 гренадерскихъ баталіоновъ, 14 кавалерійскихъ и 16 казачьихъ полковъ, 1 полкъ и 1 баталіонъ артиллеріи и 3 роты піонеръ съ минерною и саперною командами, всего до 75,000 человѣкъ. Кутузовъ прибылъ къ арміи въ концѣ января 1801 г., но дѣйствовать во главѣ ея ему не пришлось.

Въ это время составлялась могущественная коалиція противъ Англіи; въ составъ ея вошли Россія и Швеція. Въ концѣ ноября 1800 г. шведскій король Густавъ IV Адольфъ самъ прибылъ въ Петербургъ, съ цѣлью укрѣпить связи съ императоромъ Павломъ. Кутузовъ, по повелѣнію Государя, встрѣтилъ короля на границѣ. Король былъ почитателемъ военнаго таланта Кутузова, зналъ его и какъ пріятнаго собесѣдника; при встрѣчѣ они обнялись и поцѣловались, а затѣмъ ѣхали вмѣстѣ до самаго Петербурга. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, приведшихъ къ благопріятнымъ результатамъ, король отправился обратно въ Швецію, также въ сопровожденіи Кутузова, и, разставаясь съ нимъ, осыпалъ его знаками своего благоволенія.

Въ то время, какъ Кутузовъ отправлялся къ арміи, вышеуказанное измѣненіе политическихъ отношеній привело къ соотвѣтственному измѣненію стратегическаго развертыванія нашихъ войскъ: свыше 60,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Палена, были назначены для обороны береговъ Балтійскаго моря, а изъ этого числа около 11,000 чел. (большая часть гвардіи) составили резервный корпусъ, расположенный въ Ораніенбаумѣ, Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и Павловскѣ; корпусъ этотъ былъ ввѣренъ Кутузову.

Въ концѣ царствованія императора Павла Кутузовъ находился въ Петербургѣ и временно исправлялъ должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора, когда графъ Паленъ былъ посланъ въ Ригу для переговоровъ съ англичанами. Государь часто призывалъ Кутузова къ себѣ, совѣтовался съ нимъ и продолжалъ оказывать ему свое благоволеніе. 11 марта 1801 года, какъ и раньше, Кутузовъ былъ приглашенъ къ Высочайшему обѣденному, а затѣмъ и къ вечернему столу, послѣ чего Государь долго

съ нимъ бесѣдовалъ. Повидимому, иногда—впрочемъ весьма рѣдко—но императоръ колебался все таки въ довѣріи, которое онъ оказывалъ графу Палену, и въ лицѣ Кутузова онъ какъ бы держалъ готоваго ему замѣстителя...

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I въ Россіи восторжествовала на первыхъ порахъ мирная политика и приготовленія къ войнѣ были отмѣнены. Кутузовъ былъ окончательно возвращенъ въ Петербургъ и, «по увольненіи за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ» графа фонъ-деръ-Палена (17 іюня 1801 года) назначенъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ іюлѣ того же года снова назначенъ инспекторомъ войскъ, находившихся въ Финляндіи. Въ день коронованія, 15 сентября, государь пожаловалъ Кутузову табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. Но затѣмъ императоръ Александръ остался недоволенъ его управленіемъ и неудовлетворительнымъ состояніемъ петербургской полиціи, вслѣдствіе чего, 29 августа 1802 года, Кутузовъ былъ уволенъ, по прошенію отъ должности военнаго губернатора и получилъ Высочайшее разрѣшеніе отправиться въ отпускъ въ свои помѣстья, гдѣ находился до начала марта 1805 года. Онъ избралъ для своего пребыванія деревню Горошки житомирскаго уѣзда волынской губерніи, имѣвшую «наипрекраснѣйшее мѣстоположеніе» и весьма плодородную почву. Кутузовъ и здѣсь нашелъ приложеніе своему неутомимо дѣятельному духу: самъ направлялъ хозяйство, ѣздилъ верхомъ по полямъ и лѣсамъ, осматривалъ полевыя работы своихъ крестьянъ, подолгу бесѣдовалъ съ ними о домашнихъ дѣлахъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ, поощрялъ ихъ къ трудамъ отеческими наставленіями и совѣтами, возбуждалъ въ нихъ духъ довольства и безропотнаго повиновенія и нерѣдко проводилъ по нѣсколько часовъ на охотѣ, которую страстно любилъ съ молодыхъ лѣтъ. Кутузовъ любилъ общество, собиралъ вокругъ себя и военныхъ, статскихъ и даже духовныхъ, но главнымъ образомъ такихъ людей, которые были свѣдущи въ богословіи, въ исторіи, и въ вообще въ наукахъ общественныхъ, самъ же много занимался чтеніемъ и продолжалъ дѣло самообразованія. Если духовныхъ лицъ онъ удивлялъ своими познаніями въ богословіи, то неудивительно, что и другихъ его собесѣдниковъ поражали его познанія въ сферѣ другихъ наукъ, не говоря уже о военныхъ наукахъ, совершенное знаніе которыхъ онъ сочеталъ съ таковымъ же знаніемъ практики военнаго дѣла. Естественно, являлся вопросъ: неужели этотъ лучшій генералъ нашей арміи, этотъ готовый главнокомандующій, такъ и будетъ оставаться, въ эту эпоху войнъ, у себя въ деревнѣ, какъ бы не у дѣлъ?...

Этого не случилось. Въ 1805 году онъ въ деревнѣ узналъ о войнѣ съ Франціею и о назначеніи своемъ главнокомандующимъ арміею, начинавшею дѣйствія противъ французовъ—что подало поводъ называть Кутузова Цинцинатомъ. Къ этой войнѣ Россію привело стремленіе императора Александра I «къ возстановленію генеральнаго въ Европѣ мира на такомъ основаніи, которое на будущія времена могло бы обезпечить бытіе союзныхъ Россіи государствъ, и слѣдственно удалить всякую опасность, отъ непомѣрнаго властолюбія нынѣшняго правителя Франціи для самой имперіи россійской въ послѣдствіи произойти могущую». Въ предстоявшей войнѣ на сторонѣ Россіи находились Англія, Австрія, Швеція и Неаполь; но помощь послѣднихъ двухъ союзниковъ имѣла второстепенное значеніе, Англія на сушѣ, въ военномъ отношеніи, также представляла силу далеко не перворазрядную, а Австрія потерпѣла уже не мало пораженій отъ «дѣйствовавшаго (по мнѣнію австрійцевъ) не по правиламъ» генерала Бонапарте, превратившагося теперь въ императора Наполеона. Силы коалиціи доходили до 400,000 чел., а силы Наполеона только до 300,000 чел., но зато послѣднія были болѣе сосредоточены, а что всего важнѣе—Наполеонъ, уступая своимъ противникамъ въ силахъ вообще, умѣлъ быть сильнѣе ихъ, какъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ частности, такъ и въ рѣшительныхъ боевыхъ столкновеніяхъ въ особенности.

Планъ кампаніи, выработанный австрійцами, заключался въ слѣдующемъ: Австрія выставляетъ три арміи: 1-ю, 90,000 чел., въ долинѣ Дуная, 2-ю, до 143,000 чел., въ сѣверной Италіи, и 3-ю, около 53,000 чел. въ Тиролѣ и Форарльбергѣ (для связи между первыми двумя арміями); главныя рѣшительныя дѣйствія возлагались на 2-ю армію (эрцгерцога Карла), которая должна была немедленно начать наступленіе къ

р. Аддѣ; 1-я армія должна была также немедленно наступать и дойти до р. Леха, здѣсь выждать прибытія русской арміи, а по прибытіи послѣдней двинуться черезъ Шварцвальдъ и Швейцарію во Францію; Россія обязывалась выставить двѣ арміи: одну около 55,000 чел. и 8,000 коней при 200 орудіяхъ, подъ начальствомъ Кутузова—эта армія къ 8 (20 октября) должна была дойти до р. Инна—и другую, въ 40,000 чел., подъ начальствомъ Буксгевдена, которую предполагалось назначить сначала для демонстрацій противъ Пруссіи, а затѣмъ для овладѣнія Швейцаріею. Остальныя войска коалиціи должны были произвести диверсіи на прочихъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

Планъ этотъ былъ слишкомъ сложенъ; главная масса силъ коалиціи сосредоточивалась не на самомъ важномъ направленіи (Вѣна — Парижъ), а на второстепенномъ, итальянскомъ театрѣ, что не отвѣчало ни интересамъ всей коалиціи, ни даже истиннымъ интересамъ Австріи, но отвѣчало ложному пониманію этихъ же интересовъ самими австрійцами; указанный планъ грѣшилъ и въ томъ отношеніи, что первая австрійская армія должна была начать наступленіе, не ожидая прибытія русской арміи Кутузова; наконецъ, наступленіе должно было производиться съ вредными для успѣха операціи перерывами. Уже самый фактъ принятія подобнаго плана свидѣтельствовалъ о подчиненіи русской политики политикѣ австрійской,—естественно явилось и подчиненіе русской стратегіи—стратегіи австрійской. Общаго главнокомандующаго не было; номинально принялъ на себя это званіе австрійскій императоръ Францъ, который, однако, арміею не командовалъ и даже почти вовсе при ней не находился. Онъ взялъ себѣ въ помощники, офиціально въ генералъ-квартирмейстеры, генерала Макка, человѣка крайне односторонняго, который приписывалъ мѣстности на войнѣ абсолютное значеніе, былъ склоненъ къ необузданному фантазерству и къ тому же еще не обладалъ необходимою силою воли. Онъ былъ фактическимъ главнокомандующимъ австрійскою Дунайскою арміею, во главѣ которой офиціально былъ поставленъ эрцгерцогъ Фердинандъ; по соединеніи союзныхъ армій Кутузовъ долженъ былъ подчиняться австрійскому главнокомандующему, еслибы имъ былъ одинъ изъ эрцгерцоговъ. Само собою разумѣется, что подобныя условія были въ высшей степени неблагопріятны именно для Кутузова, который былъ поставленъ въ необходимость подчиниться тѣмъ самымъ австрійцамъ, несостоятельность которыхъ въ военномъ дѣлѣ обнаружилась уже столько разъ.

Между тѣмъ Наполеонъ рѣшилъ сосредоточить 200.000 чел. на Рейнѣ и бить союзниковъ по частямъ; прежде чѣмъ австрійцы успѣли опомниться, онъ уже далъ блестящій образецъ исполненія имъ составленнаго плана: 7 (19) октября Маккъ, подвергшійся тактическому окруженію подъ Ульмомъ, сдался на капитуляцію вмѣстѣ съ 30,000 австрійцевъ. Въ это время армія Кутузова еще не окончила своего сосредоточенія у Браунау и, конечно, не могла выручить Макка.

Армія эта (первоначально 49,370, а безъ нестроевыхъ 46,400 чел.) въ теченіе десяти дней, съ 13 по 23 августа, начала частями движеніе изъ Радзивилова черезъ Тешенъ, Брюннъ и Кремсъ къ границѣ Баваріи; она двигалась шестью эшелонами, въ видахъ обезпеченія быстроты движенія и удобства довольствія средствами страны. Въ Бродахъ армію встрѣтилъ австрійскій генералъ Штраухъ, на котораго было возложено устройство продовольственной ея части и вообще снабженіе ея всѣмъ необходимымъ. Кутузовъ былъ вызванъ въ Петербургъ для полученія необходимыхъ указаній, а затѣмъ отправился къ арміи, нагналъ ее и принялъ начальство 11 сентября, когда войска наши подходили къ Тешену.

До этого пункта переходы не превосходили 25 верстъ въ день, а дневки назначались черезъ три дня въ четвертый. Въ Тешенѣ была получена просьба императора Франца ускорить маршъ, который, при дальнѣйшемъ движеніи, обратился въ форсированный: пѣхота половину переходовъ шла пѣшкомъ, а другую половину ее везли на подводахъ; перевозились и вьюки кавалеріи; запряжка артиллеріи была удвоена обывательскими лошадьми; таковыя же лошади отпускались и подъ обозъ; дача провіанта и фуража была увеличена. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ величина переходовъ была доведена до 60 верстъ въ день. Австрійское правительство просило о еще большемъ ускореніи марша, но Кутузовъ отклонилъ это требованіе въ виду чрезмѣрнаго утомленія войскъ и боль-

шихъ потерь отсталыми и больными (около 5,000 чел.). Первый эшелонъ подошелъ къ Браунау 29-го сентября, предпослѣдній 7 (19) октября, а послѣдній, задержанный назади въ виду обостренія отношеній къ Турціи и потомъ снова двинутый на присоединеніе къ Кутузову, могъ присоединиться не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли

При арміи Кутузова состояло 8 чиновъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части съ генералъ-маіоромъ Л. И. Герардомъ во главѣ. Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Австрію, Герарду пришлось играть вторую роль. такъ какъ къ Кутузову былъ назначенъ австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ, облеченный неограниченнымъ довѣріемъ императора Франца и пользовавшійся высокимъ уваженіемъ въ австрійской арміи; это былъ, дѣйствительно, отличный генералъ. Такъ или иначе, въ добавокъ къ прочимъ неблагопріятнымъ условіямъ, вопросы объ организаціи, подготовкѣ и постановкѣ вспомогательныхъ органовъ высшаго военнаго управленія и командованія получили въ арміи Кутузова неудовлетворительное рѣшеніе. И ему, и арміи предстояло тяжелое испытаніе.

Въ то время какъ армія шла къ Браунау, Кутузовъ съѣздилъ въ Вѣну, представился императору Францу и старался установить соглашеніе съ австрійскимъ правительствомъ по разнымъ, стоявшимъ на очереди, вопросамъ. Въ Вѣнѣ онъ получилъ самыя успокоительныя свѣдѣнія объ арміи Макка подъ Ульмомъ: соединеніе союзныхъ армій до встрѣчи съ Наполеономъ представлялось возможнымъ. 27 сентября Кутузовъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Браунау. Уже въ это время начали носиться зловѣщіе слухи о положеніи австрійцевъ подъ Ульмомъ. Нашъ посланникъ въ Баваріи сообщилъ Кутузову о занятіи французами Мюнхена, а 2 (14) октября въ Браунау распространился слухъ, что въ 30 верстахъ отъ города стоитъ Мармонъ съ 40,000 французовъ, а въ 15 верстахъ отрядъ австрійскаго генерала Кинмайера. Полученныя изъ Ульма письма обстановки не разъяснили. Кутузовъ выдвинулъ авангардъ Багратіона, а отъ него конные отряды за р. Иннъ, для собиранія свѣдѣній о противникѣ, а 6 (18) октября собралъ въ Браунау военный совѣтъ, на которомъ всѣ генералы высказались въ пользу того, чтобы идти впередъ и дать бой Мармону; однако Кутузовъ съ этимъ не согласился. Вскорѣ къ нашей арміи присоединились корпусъ Кинмайера, отброшенный отъ Донауверта, и отрядъ графа Ностица, отрѣзанный отъ Ульма, но и они не могли разъяснить обстановку. Силы Кутузова дошли до 50,000 чел. и австрійскіе генералы требовали наступленія къ Мюнхену, съ цѣлью силою открыть сообщеніе съ Ульмомъ, но Кутузовъ снова съ этимъ не согласился, не находя возможнымъ рисковать до выясненія обстановки. 12 (24) октября Маккъ прибылъ въ Браунау,—онъ былъ по условіямъ капитуляціи отпущенъ французами;—обстановка разъяснилась и всѣмъ стало ясно, что Кутузовъ, проявляя должную осторожность, былъ совершенно правъ.

Теперь Кутузову приходилось одновременно и спасать свою армію отъ той же участи, которая постигла австрійцевъ подъ Ульмомъ, и защищать Вѣну. Онъ принялъ рѣшеніе спасать армію «ретирадою», чтобы, задерживая противника шагъ за шагомъ, прикрывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько возможно, и путь къ Вѣнѣ. Между тѣмъ австрійцы предлагали Кутузову медленно отступать за р. Траунъ, куда должны были подойти арміи эрцгерцоговъ Іоанна и Карла; тогда впереди Вѣны сосредоточилось бы 150,000 чел., съ которыми можно было бы задерживать французовъ до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Кутузовъ, 16 (28) октября, въ Вельсѣ, въ присутствіи императора Франца, предложилъ свой планъ: сначала—насколько дозволитъ безопасность арміи,—задерживать французовъ на переправѣ черезъ р. Энсъ, затѣмъ перейти на лѣвый берегъ Дуная, преградить туда доступъ непріятелю, подъ прикрытіемъ Дуная собрать разрозненныя части союзныхъ войскъ и только послѣ этого начать новый походъ. Императоръ Францъ одобрилъ этотъ планъ, но считалъ возможнымъ сосредоточить союзныя арміи и на правомъ берегу Дуная; въ виду этого было рѣшено: русской арміи держаться за р. Энсомъ, а затѣмъ въ предмостномъ укрѣпленіи у Кремса до подхода подкрѣпленій.

Рѣшивъ отступать, Кутузовъ отправилъ прежде всего больныхъ, обозы и артиллерію; мосты на Иннѣ были разрушены. Отступательный маршъ былъ начатъ 14 (26) октября и производился вслѣдствіе неблагопріятнаго времени года по одной дорогѣ,

подъ прикрытіемъ арріергарда Багратіона; въ то же время Кинмайеръ и Ностицъ отходили отъ Зальцбурга къ Штейеру и отъ Пассау къ Линцу и прикрывали фланги Кутузова. Французы преслѣдовали по пятамъ, угрожая обходами, и 17 заняли Браунау. 18 Бернадоттъ занялъ Зальцбургъ, а шедшій за нимъ Мармонъ направленъ къ Штейеру для обхода лѣваго фланга Кутузова, въ случаѣ его остановки за р. Трауномъ или р. Энсомъ; 18 же Мюратъ настигъ у Рида австрійскій отрядъ Шустека, поддерживавшій связь между Кутузовымъ и Кинмайеромъ; Шустекъ впрочемъ избѣжалъ полнаго пораженія, но все же нужно было дать возможность Кинмайеру выйти на одну высоту съ русскими войсками; къ тому же Кутузовъ 19 октября, идя до Ламбаха, нагналъ свои обозы, задержанные дурными дорогами, а между тѣмъ Мюратъ снова нагналъ и атаковалъ Шустека. Это привело къ бою у Ламбаха 19 октября, въ которомъ русскіе (4 баталіона и 1 эскадрона при 12 орудіяхъ), поддержанные австрійцами, дрались съ большимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, но затѣмъ должны были отойти, подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника, на Вельсъ.

20 октября Кутузовъ достигъ Эберсберга, гдѣ къ нему присоединился Ностицъ, отступавшій изъ Пассау и также преслѣдуемый французами. 22 октября Кутузовъ перешелъ за р. Энсъ, парализовавъ попытки Мюрата отрѣзать наши войска отъ переправы; при этомъ арріергардный бой на переправѣ продолжался до поздней ночи. Повинуясь волѣ императора Франца, Кутузовъ предполагалъ держаться за линіей р. Энса возможно долѣе, для чего были построены вдоль рѣки укрѣпленія; Меерфельдъ долженъ былъ обезпечивать лѣвый флангъ нашихъ войскъ, расположившись у Штейера,—но въ этотъ же день Мюратъ выбилъ австрійцевъ изъ Штейера, а Даву, Мармонъ и Бернадоттъ перешли на правый берегъ р. Энса и угрожали лѣвому флангу Кутузова, который, такимъ образомъ, былъ представленъ самому себѣ, а потому приказалъ отступать далѣе, къ Амштеттену. Отступленіе Кутузова почти безъ боя навело Наполеона на мысль, что русскіе рѣшили сосредоточиться на С.-Пельтенскомъ плато для защиты Вѣны, а потому онъ направилъ свои войска для атаки нашей арміи съ фронта и для охвата ея съ обоихъ фланговъ; сверхъ того еще изъ Линца онъ направилъ корпусъ Мортье по лѣвому берегу Дуная съ цѣлью угрожать сообщеніямъ Кутузова съ Моравіею и облегчать доступъ къ Вѣнѣ.

24 октября Мюратъ настигъ арріергардъ князя Багратіона у Амштеттена и вынудилъ его къ отступленію, но Кутузовъ успѣлъ притянуть войска Милорадовича, приближеніе которыхъ было скрыто лѣсистою мѣстностью, и французы, преслѣдуя Багратіона, неожиданно встрѣтили свѣжія войска; произошелъ новый бой, отличавшійся крайнимъ ожесточеніемъ и упорствомъ обѣихъ сторонъ, французы были опрокинуты.

Послѣ Амштеттенскаго боя Кутузовъ, довольный побѣдою, благодарилъ войска и приказалъ отступать къ С.-Пельтену, подъ прикрытіемъ арріергарда Милорадовича. Въ своихъ донесеніяхъ Государю онъ говорилъ о доблести войскъ и представилъ многихъ подчиненныхъ къ наградамъ. Между тѣмъ, онъ получилъ отъ Государя повелѣніе не вступать въ бой съ французами до соединенія съ арміею Буксгевдена. Когда наши войска подходили къ Мельку, была замѣчена на противоположномъ берегу Дуная колонна войскъ, причемъ признано, что это былъ корпусъ Мортье. Пользуясь выгодою болѣе коротkаго разстоянія, отдѣлявшаго его отъ Кремса, Мортье могъ отрѣзать отъ этого пункта войска Кутузова, а настойчивое преслѣдованіе Мюрата угрожало безопасности переправы черезъ Дунай. Въ виду этого Кутузовъ, не имѣя никакой возможности прикрывать Вѣну, рѣшилъ отступать въ Моравію по кратчайшей дорогѣ, по лѣвому берегу Дуная. Онъ приказалъ спѣшить отступленіемъ, чтобы успѣть переправиться черезъ Дунай и принялъ мѣры для маскированія своего отступленія къ Кремсу. 27 октября кавалерія Кинмайера развернута была между Билахомъ и Тразеномъ съ приказаніемъ, при натискѣ непріятеля, отступать къ Вѣнѣ, за кавалеріею расположенъ былъ отрядъ Милорадовича, а за нимъ Багратіона. 28 октября произошло дѣло у С.-Пельтена, продолжавшееся до ночи, подъ прикрытіемъ которой Милорадовичъ, разложивъ костры у С.-Пельтена, отступилъ къ Маутерну, а между тѣмъ, главныя силы Кутузова переправились на лѣвый берегъ Дуная; 29 за ними переправился и арріергардъ, послѣ чего мостъ у Кремса былъ сожженъ.

Успѣхъ переправы былъ очень важенъ для насъ: послѣ переправы положеніе нашей арміи измѣнилось къ лучшему, ибо она была обезпечена съ фронта и съ лѣваго фланга. Кутузовъ предполагалъ дать въ Кремсѣ отдыхъ войскамъ, утомленнымъ непрерывными форсированными маршами по испорченнымъ дождями дорогамъ, продвинуть впередъ обозы и устранить задержку движенія арміи. Однако, обстановка заставила его измѣнить это рѣшеніе. Уже въ день переправы плѣнные показали, что близъ Дюрренштейна находится самъ Мортье съ дивизіею Газана а всѣ прочія его войска отстали; на слѣдующее утро лазутчики подтвердили это показаніе и сверхъ того, выяснили, что дивизія Дюпона находится у Шпица, дивизія Дюмонсо въ переходѣ позади, флотилія съ артиллеріею на одной высотѣ съ Газаномъ, а кавалерія направлена къ Цветтелю. Въ это время Мортье, предполагая, что Кутузовъ отступаетъ въ Моравію безостановочно, рѣшилъ немедленно атаковать его арріергардъ со всѣми силами, кои имѣлись подъ рукою. Въ свою очередь, Кутузовъ, уяснивъ себѣ положеніе войскъ Мортье и видя, что въ мѣстѣ соприкосновенія съ непріятелемъ русскіе сильнѣе французовъ, составилъ планъ захвата французовъ, въ чемъ ему помогъ Шмитъ, который, какъ уроженецъ Кремса, отлично зналъ мѣстность. Исполненіе этихъ рѣшеній обѣими сторонами привело къ Дюрренштейнскому бою 30 октября (11 ноября).

Планъ Кутузова сводился къ тому, чтобы запереть Газана въ тѣснинѣ, образуемой горами и Дунаемъ между Дюрренштейномъ и Кремсомъ, и разбить его до подхода Дюпона. Для этого было приказано: Милорадовичу (съ 6 баталіонами и 2 эскадронами), ставъ впереди Штейна, удерживать французовъ съ фронта; Дохтурову (съ 16 бат. и 2 эск.), слѣдуя черезъ Эгельзее, захватить Дюрренштейнъ и отрѣзать французовъ отъ подкрѣпленій сзади; Штрику (съ 5 бат.)—дѣйствовать во флангъ французамъ со стороны Эгельзее; Багратіону (съ 12 бат. и 20 эск.) наблюдать изъ Цветтеля за дорогой къ Кремсу; Эссену съ резервомъ (10 бат. и 6 эск.) находиться позади Штейна; артиллеріи (кромѣ легкой) дѣйствовать на берегу Дуная по флотиліи; къ Мортье подосланы лазутчики съ показаніемъ, что противъ него находится только арріергардъ Кутузова. Войска Дохтурова ночью заняли Эгельзее и въ 5 час. утра двинулись далѣе въ трехъ колоннахъ: 1-я (Гергарда) для удара во флангъ французовъ къ старому замку, 2-я (Дохтурова) по долинѣ Пфаффенталь въ тылъ непріятелю и 3-я (Шмита) на Решъ, для задержанія Дюпона. Въ 8 часовъ утра 30 октября французскій авангардъ атаковалъ Милорадовича; деревня Унтеръ-Лойбенъ нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки; Мортье ввелъ въ дѣло всю дивизію и къ 12 часамъ дня оттѣснилъ Милорадовича до Штейна; но лѣвая его колонна не могла оттѣснить правый флангъ русскихъ далѣе Гейсберга. Около часу дня Штрикъ спустился съ горъ и атаковалъ французовъ во флангъ. Тогда Мортье убѣдился, что передъ нимъ вся армія Кутузова и приказалъ отступать, прикрывшись арріергардомъ иославъ 2 эскадрона драгунъ въ атаку на колонну Штрика, но эти эскадроны были отбиты огнемъ русскихъ каре. Между тѣмъ Милорадовичъ началъ тѣснить Мортье съ фронта и къ 4 часамъ пополудни оттѣснилъ его за Унтеръ-Лойбенъ. Около 5 часовъ утра спустился съ горъ авангардъ 2-й колонны Дохтурова, который вскорѣ захватилъ Дюрренштейнъ; этимъ отступленіе французамъ было отрѣзано и положеніе ихъ стало критическимъ; но въ это время приблизился Дюпонъ; Дохтуровъ вынужденъ былъ строить спускающіяся войска на два фронта, ибо самъ очутился между двухъ огней. Мортье, узнавъ, что Дюрренштейнъ занятъ русскими, послалъ туда кавалерію, чтобы очистить путь отступленія своимъ войскамъ, но атака ея была отбита; тѣмъ не менѣе Мортье рѣшилъ пробиться, что было ему облегчено содѣйствіемъ артиллеріи и наступившею темнотою. Дюпонъ, спѣшившій на выстрѣлы, столкнулся около 5 часовъ пополудни съ Дохтуровымъ у Дюрренштейна, а подходя къ Вадштейну, обнаружилъ колонну Шмидта, послѣ чего атаковалъ обѣ эти колонны; Шмидтъ при этомъ былъ убитъ; Дохтуровъ не могъ долго держаться въ Дюрренштейнѣ, куда ворвались французы. Около 9 часовъ вечера Дохтуровъ, пропустивъ остатки дивизіи Газана, отступилъ. Наши войска потеряли около 4100 чел., а французы 5500 убитыми, 1600 плѣнными (не считая раненыхъ), 1 штандартъ, 1 знамя, нѣсколько знаменныхъ древокъ и 5 орудій.

Дивизія Газана была бы совершенно

истреблена, если бы съ нашей стороны не были допущены нѣкоторыя погрѣшности: не вполнѣ соотвѣтственная группировка силъ, несоотвѣтственныя дѣйствія одной изъ колоннъ и не вполнѣ соотвѣтственное расходованіе резерва, главнымъ же образомъ—если бы обходная колонна не опоздала на 10 часовъ, выступивъ въ 5 часовъ пополудни вмѣсто 7 часовъ утра; вредило и недостаточное знаніе мѣстности. Бой этотъ имѣлъ тѣмъ не менѣе важныя стратегическія послѣдствія: Мортье 31 октября переправился обратно на правый берегъ Дуная и избавилъ Кутузова отъ опасности, угрожавшей его правому флангу и тылу; Кутузову предоставлялась свобода дѣйствій. Важно было также моральное значеніе побѣды надъ войсками Наполеона. За эту побѣду императоръ австрійскій пожаловалъ Кутузову орденъ Маріи-Терезіи 1-го класса.

Теперь армія Кутузова сосредоточилась у Кремса и впервые отдохнула послѣ двухнедѣльныхъ форсированныхъ маршей и ряда арріергардныхъ боевъ; 31 октября къ ней присоединилась 6-я колонна Шепелева (9 бат. и 5 эск.). Но безопасное положеніе отступавшей арміи продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока мостъ у Вѣны находился въ рукахъ австрійцевъ. Наполеонъ, узнавъ о результатахъ Дюрренштейнскаго боя, приказалъ своимъ войскамъ немедленно занять Вѣну, захватить мостъ черезъ Дунай и идти на Цнаймъ, съ цѣлью отрѣзать Кутузова отъ Моравіи; въ то же время корпуса Бернадотта и Мортье должны были стать у Маутерна, при первомъ извѣстіи объ отступленіи русскихъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная и тѣснить Кутузова съ тыла.

31 октября Мюратъ захватилъ Вѣну и мостъ и перешелъ черезъ Дунай, «въ виду цесарскихъ войскъ... безъ всякаго со стороны ихъ сопротивленія, и не касаясь отнюдь цесарцевъ объявилъ, что онъ идетъ искать Россійскаго главнокомандующаго». Поведеніе австрійцевъ въ этомъ случаѣ совершенно необъяснимо. Тотчасъ послѣ перехода черезъ Дунай бригада французской кавалеріи двинулась вслѣдъ за отступавшимъ отъ Вѣны австрійскимъ отрядомъ князя Ауэрсперга, драгунская дивизія къ Штокерау для розысканія Кутузова, а кавалерія Мюрата, гренадеры Удино и корпуса Сульта и Ланна двинулась на перерѣзъ пути отступленія русской арміи.

Не теряя ни минуты, Кутузовъ, въ ночь на 2 ноября, выступилъ изъ Кремса, оставивъ въ немъ 1331 больныхъ и раненыхъ, шелъ всю ночь и, до полудня 2 же ноября, достигъ Мейссау, гдѣ далъ войскамъ отдыхъ. Въ это время онъ получилъ письмо отъ императора Франца съ извѣщеніемъ о занятіи французами Вѣны и съ совѣтами, какъ противъ нихъ дѣйствовать... Между тѣмъ, Мюратъ дошелъ до Штокерау и находился въ двухъ переходахъ отъ Мейссау; на такое же разстояніе подошла и французская драгунская дивизія; Бернадоттъ, Мортье и дивизія С.-Илера находились у Маутерна. Арміи Кутузова оставалось пройти до Эцельсдорфскаго перекрестка 35 верстъ, а Мюрату—42, но за то по лучшей дорогѣ и безъ обозовъ; къ тому же отрядъ Мюрата состоялъ главнымъ образомъ изъ кавалеріи, а потому могъ легко предупредить Кутузова у Эцельсдорфа и держаться тамъ до прибытія главныхъ силъ французовъ. Наши же войска, двигавшіяся по необходимости весьма медленно, снова очутились въ критическомъ положеніи—и если бы Мюрату удалось предупредить Кутузова у Эцельсдорфа, то спасти русскую армію стало бы, вѣроятно, невозможно. Въ это время Кутузовъ доносилъ Государю: «...Люди наши весьма утомлены; я долженъ перейти пять миль въ Эцельсдорфъ, чтобы хотя нѣсколько перейти тѣ дороги, которыя ведутъ мнѣ въ тылъ. Шестую колонну подкрѣпилъ я, приказавъ ей, ежели она тамъ будетъ атакована, продержаться столько, чтобы я по другой дорогѣ могъ ее миновать, дабы не быть отрѣзаннымъ». Начальство надъ войсками, оставленными для прикрытія фланговаго марша арміи (6000—7000 чел.), было поручено Кутузовымъ Багратіону съ приказаніемъ удерживать французовъ у Голлабрунна, не взирая ни на какую несоразмѣрность въ силахъ, до тѣхъ поръ, пока мимо его не пройдутъ всѣ главныя силы арміи. Вмѣстѣ съ Багратіономъ долженъ былъ дѣйствовать и австрійскій отрядъ Ностица. Кутузовъ со слезами на глазахъ отпустилъ Багратіона, а позже говорилъ и доносилъ: «Хотя я и видѣлъ неминуемую гибель, которой подвергался корпусъ Багратіона, не менѣе того я долженъ былъ считать себя счастливымъ спасти пожертвованіемъ онаго армію»...

Во исполненіе приказаній Кутузова

отрядъ Багратіона выступилъ изъ Мейссау и въ 9 час. утра 3 ноября прибылъ къ Голлабрунну и расположился нѣсколько позади за р. Голлерсбахъ, близъ Шенграбена, имѣя въ авангардѣ Ностица и казаковъ. Между тѣмъ, около полудня 3 же ноября, подошелъ къ Голлабрунну Мюратъ, оттѣснилъ Ностица къ Шенграбену и, обозрѣвъ расположеніе Багратіона, не счелъ возможнымъ атаковать его одною кавалеріею, а потому, желая выиграть время до подхода Ланна и Сульта, завелъ переговоры о перемиріи и успѣлъ даже увѣрить Ностица въ томъ, что перемиріе между Франціею и Австріею уже заключено; вслѣдствіе этого Ностицъ вскорѣ вовсе оставилъ Багратіона. Въ это время Кутузовъ проходилъ недалеко отъ расположенія послѣдняго. Получивъ отъ Багратіона донесеніе о предложеніи Мюрата заключить перемиріе, Кутузовъ тотчасъ же рѣшилъ воспользоваться разгаданною имъ хитростью Мюрата, а потому послалъ къ нему генералъ-адъютанта барона Винценгероде для заключенія перемирія, котораго на дѣлѣ онъ вовсе не имѣлъ въ виду заключить. Винценгероде подписалъ вмѣстѣ съ Мюратомъ актъ перемирія, условія котораго казались Мюрату весьма выгодными, послѣ чего этотъ актъ былъ посланъ для ратификаціи и къ Наполеону, и къ Кутузову. Кутузовъ медлилъ отвѣтомъ въ теченіе болѣе двадцати часовъ, а между тѣмъ продолжалъ отступленіе и успѣлъ миновать Цнаймъ и отойти отъ французовъ на два перехода; Наполеонъ же, понявъ хитрость Кутузова, былъ чрезвычайно разсерженъ, перемирія, конечно, не разрѣшилъ и предписалъ Мюрату немедленно сбить русскихъ и пресѣчь путь Кутузову, что привело къ классическому бою у Шенграбена 4 (16) ноября. Въ этомъ бою отрядъ Багратіона, силою отъ шести до семи тысячъ, выдерживалъ, въ теченіе 8 часовъ, удары 25,000 французовъ и былъ ими окруженъ, послѣ чего пробился съ потерею около 3000 чел. и нѣсколькихъ орудій, но и не безъ трофеевъ, и присоединился къ Кутузову, армія котораго, 7 (12) ноября, отошла къ Вишау и на другой день соединилась съ арміею генерала Буксгевдена у Просница, между Брюнномъ и Ольмюцемъ.

Ульмская операція завершилась блестящимъ успѣхомъ Наполеона, который покончилъ съ австрійскою арміею Макка. Наполеонъ надѣялся покончить точно также и съ русскою арміею Кутузова, но то, что удалось ему относительно австрійцевъ, не удалось съ русскими. Армія Кутузова не только не была уничтожена, но отступила благополучно и даже одержала частные успѣхи; неоднократно были разстроены искусно соображенныя комбинаціи Наполеона, а его маршалы, предоставленные самимъ себѣ, оказались не въ силахъ тягаться съ Кутузовымъ: неосторожно отдѣлившіяся войска Мортье едва избѣжали полнаго уничтоженія, Мюратъ, хотѣвшій обмануть Кутузова, самъ попался въ свои сѣти. Русская армія, съ Кутузовымъ во главѣ, проявила самую неутомимую дѣятельность: почти весь походъ былъ рядомъ форсированныхъ маршей, совершаемыхъ при крайне разнообразной обстановкѣ и всякій разъ поучительныхъ въ смыслѣ положительномъ: обозы и тяжести высылались впередъ; маршъ прикрывался надежными охраняющими отрядами, во главѣ которыхъ были поставлены надежнѣйшіе начальники въ родѣ Суворовскаго сподвижника князя Багратіона или Милорадовича; при первой возможности войска были направляемы по нѣсколькимъ дорогамъ; хотя поспѣшность отступленія и вынуждала иногда оставлять по дорогѣ больныхъ и раненыхъ, но, во всякомъ случаѣ, принимались всѣ возможныя мѣры къ обезпеченію ихъ леченія. Весь походъ совершался подъ напоромъ втройнѣ превосходнаго противника, безъ палатокъ, подъ дождемъ или снѣгомъ, по колѣно въ грязи, не только днемъ но и ночью; для успѣха такого похода необходимъ былъ надлежащій подъемъ духа войскъ, тогда какъ отступленіе способствуетъ его паденію; тутъ то Кутузовъ и показалъ свое умѣнье вліять въ этомъ смыслѣ на войсковую массу. Такихъ образцовъ, какъ фланговый маршъ отъ Кремса къ Цнайму, въ исторіи немного, да и весь вообще этотъ походъ долженъ быть признанъ образцовымъ; не даромъ одинъ изъ сподвижниковъ Наполеона, Мармонъ, называетъ это отступленіе Кутузова «классически-геройскимъ». Кутузову приходилось сталкиваться постоянно съ своекорыстными соображеніями и съ нецѣлесообразными распоряженіями австрійскаго правительства; мало того, приходилось даже идти въ [illegible] съ волею импера-

тора Франца для того, чтобы спасти русскую армію; чтобы дѣйствовать въ такихъ обстоятельствахъ сколько нибудь успѣшно—необходимы были и первоклассный военный талантъ, и большое гражданское мужество; въ эту операцію Кутузовъ и проявилъ и большой талантъ, и большое гражданское мужество.—Такъ или иначе, Кутузовъ вывелъ нашу армію изъ той западни, въ которой она очутилась благодаря подчиненію операцій нашихъ войскъ австрійскимъ политикамъ и стратегамъ. 10 (22) ноября соединенныя войска Кутузова и Буксгевдена отошли къ Ольшанамъ близъ Ольмюца; черезъ два дня подошла наша гвардія—тогда у Ольмюца всего было сосредоточено: 113½ баталіоновъ и 153 эскадрона (въ томъ числѣ 20½ бат. и 43 эск. австрійскихъ), или 70,000 пѣхоты и 16,000 конницы, итого 86,000 чел. Перевѣсъ въ силахъ перешелъ на сторону союзниковъ, такъ какъ въ этоже время у Наполеона на главномъ театрѣ было подъ рукою не болѣе 50,000 чел.; впрочемъ, онъ могъ въ три дня притянуть часть своихъ разбросанныхъ войскъ и усилиться до 73,000 чел. Австрійцы составляли пятую или четвертую часть всѣхъ силъ союзной арміи; по справедливости, они должны были бы отказаться отъ какого бы то ни было руководительства операціями. При русскихъ войскахъ находились три генерала нашей квартирмейстерской части (Сухтеленъ, Штейнгель и Герардъ),—эта отрасль военной организаціи до извѣстной степени соотвѣтствовала тому, что теперь генеральный штабъ. — но генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ русско-австрійскихъ войскъ, соединенныхъ номинально подъ начальствомъ Кутузова, былъ назначенъ австрійскій генералъ Вейротеръ, состоявшій въ 1799 г. при Суворовѣ; возлагались большія надежды на его способности и на знаніе имъ мѣстности—забыто было, какія странныя, если не сказать нелѣпыя, дѣлалъ онъ предложенія во время Суворовскаго перехода изъ Италіи въ Швейцарію. При арміи находились императоры Александръ и Францъ, которые, однако, не приняли на себя главнаго начальства. Первую роль въ отношеніи веденія операцій игралъ Вейротеръ, а съ нимъ вмѣстѣ и австрійскій генералъ-квартирмейстерскій штабъ. Офицеры этого штаба щеголяли тѣмъ, чтобы «систематически» распредѣлять войска по разнымъ подраздѣленіямъ арміи, при чемъ сложность считалась главнымъ достоинствомъ военныхъ соображеній; смѣшивать и разводить войска, считалось верхомъ военной мудрости. Каковы были результаты примѣненія подобной мудрости къ дѣлу—показалъ цѣлый рядъ пораженій, понесенныхъ австрійцами въ теченіе многолѣтней борьбы ихъ съ французами. И тѣмъ не менѣе — австрійцамъ, а не Кутузову ввѣрена была судьба арміи.

Почему Кутузовъ былъ поставленъ въ такое ужасное положеніе? Почему онъ примирился съ выпавшею теперь на его долю ролью номинальнаго главнокомандующаго, имя котораго прикрывало соображенія австрійскаго генералъ-квартирмейстерскаго штаба? Объясненіе можно находить только въ томъ, что наша квартирмейстерская часть въ мирное время стояла далеко отъ войскъ и не обладала надлежащею подготовкою; надѣялись поправить дѣло, поставивъ на первое мѣсто казавшійся ученымъ австрійскій генеральный штабъ, упуская изъ вида, что ложная наука гораздо вреднѣе чѣмъ малое знаніе, и что послѣдній недочетъ можетъ быть пополненъ въ боевой школѣ, тогда какъ эта же школа не могла не только устранить извращенныхъ идей, господствовавшихъ у «ученыхъ» австрійцевъ, но даже хотя бы сколько нибудь ослабить ихъ. Кутузовъ, быть можетъ, надѣялся хитростью добиться того, что считалъ онъ необходимымъ и добиваться чего открыто у него теперь не хватало гражданскаго мужества. Онъ не былъ сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій. Съ теченіемъ времени союзники должны были еще болѣе усилиться; арміи эрцгерцоговъ Карла и Іоанна (80,000 чел.) приближались къ Дунаю и могли соединиться съ Кутузовымъ въ началѣ декабря; подходили новыя подкрѣпленія изъ Россіи; Пруссія готовилась выступить противъ Наполеона, выставивъ 120,000—170,000 чел.; положеніе Наполеона ухудшалось, а положеніе союзниковъ улучшалось. Выжиданіе было для нихъ выгодно—и Кутузовъ, быть можетъ разсчитывалъ, что онъ успѣшнѣе всякаго другого протянетъ необходимое время. Въ этомъ смыслѣ и было принято рѣшеніе главною квартирою союзной арміи, вслѣдствіе чего армія эта и отошла къ Ольмюцу, близъ котораго имѣлась для нея весьма сильная позиція у Ольшанъ.

Иначе смотрѣла на дѣло пылкая, неопытная и самоувѣренная молодежь, съ кн. П. П. Долгоруковымъ во главѣ, окружавшая Государя и жаждавшая отличій. Указывая на разбросанность силъ Наполеона, на крайнее утомленіе его войскъ, шедшихъ три мѣсяца отъ береговъ Ламанша къ Моравіи, на значительныя потери, понесенныя французами, на бездѣйствіе Наполеона у Брюнна и наконецъ на успѣхи, одержанные нами у Амштеттена, Кремса и Шенграбена, — эта юная часть главной квартиры требовала немедленнаго, рѣшительнаго наступленія и генеральнаго сраженія, т. е. какъ разъ того, что болѣе всего отвѣчало интересамъ Наполеона. На сторону этой партіи сталъ Вейротеръ, сдѣлавшійся главнымъ совѣтникомъ императора Александра. Въ концѣ концовъ «неопытная неосторожность взяла верхъ надъ терпѣливой опытностью»: 12 (24) ноября рѣшено было наступать; два дня употреблено на снабженіе войскъ продовольствіемъ, а 15 (27) началось исполненіе наступательной операціи; впрочемъ, пока у союзниковъ еще не было окончательно опредѣленнаго плана. Первоначальною цѣлью было лишь простое сближеніе съ противникомъ. Армія была раздѣлена на правый флангъ графа Буксгевдена (1-я и 2-я колонны), центръ главнокомандующаго Кутузова (3-я колонна генералъ-лейтенанта Першибышевскаго, 24 баталіона, 13.800 чел.), лѣвый флангъ генералъ-лейтенанта князя Лихтенштейна (4-я и 5-я колонны) и резервъ цесаревича Константина Павловича. Такимъ образомъ Кутузовъ, высказывавшійся противъ принятаго образа дѣйствій, былъ отстраненъ отъ главнаго командованія и превратился какъ бы въ начальника центра, т. е. одной только 3-й колонны.

15 (27) ноября армія двинулась параллельно большой Просницкой дорогѣ и дошла до линіи Кобельнишекъ—Бржезовицъ. 16 (28) ноября рѣшено было взять Вишау, что было возложено на Багратіона съ 56 эскадронами и пѣхотою князя Долгорукова. Войска эти захватили врасплохъ стоявшую тамъ бригаду французской кавалеріи Трельяра, который едва успѣлъ отойти къ Раусницу, на кавалерію Мюрата; когда же Багратіонъ двинулся въ атаку на Раусницъ, то Мюратъ отступилъ къ Позоржицу, во исполненіе приказаній Наполеона, который, желая втянуть союзниковъ въ наступательный бой, придерживался крайне пассивнаго образа дѣйствій и даже показывалъ видъ, что онъ болѣе всего опасался быть атакованнымъ. Это ничтожное дѣло усилило еще болѣе самонадѣянность главной квартиры союзниковъ. Отступленіе французовъ, бывшее дѣломъ глубокаго разсчета со стороны Наполеона, сторонники наступленія объясняли его слабостью и робостью. Окончательно былъ принятъ планъ, предложенный Вейротеромъ: захватить путь отступленія Наполеона, обойдя его съ праваго фланга и отрѣзать его отъ Вѣны. Но этотъ ударъ билъ въ пустую, ибо Наполеонъ подготовилъ себѣ коммуникаціонную линію и путь отступленія на Иглаву (Иглау), а потому путь на Вѣну для него значенія уже не имѣлъ; союзники же теряли время на опасный трехдневный фланговый маршъ по мѣстности открытой и доступной въ разстояніи одного перехода и, такимъ образомъ, обнаруживали свои намѣренія Наполеону.

17 и 18 (29 и 30) ноября армія производила движеніе влѣво. Къ 19 ноября были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ организаціи арміи, причемъ первыя три колонны перешли на лѣвый, а 4-я и 5-я на правый флангъ, для чего пришлось исполнить контръ-маршъ. 19 числа колонны расположились: 1-я—у Клейнъ-Гостіерадека, 2-я—на Праценскихъ высотахъ, 3-я—у Працена, имѣя за собою 4-ю и 5-ю, и резервъ впереди Аустерлица; армія прикрывалась авангардами Багратіона и Кинмайера. Все это было исполнено безпрепятственно; Наполеонъ приказалъ даже своимъ развѣдывательнымъ частямъ, при встрѣчѣ съ противникомъ, тотчасъ отступать.

Дѣло при Вишау обнаружило Наполеону намѣренія союзниковъ. Чтобы выиграть время, онъ послалъ въ главную квартиру союзниковъ своего адъютанта Саварн, съ предложеніемъ заключить перемиріе хотя бы на 24 часа. Союзники отказали, но исполняя свой обходъ, дали ему трое сутокъ, которыми онъ отлично воспользовался для сосредоточенія своихъ силъ (73—74,000 чел.) и вообще для подготовки успѣха сраженія. Наканунѣ этого сраженія французская армія стояла позади Бозеницкаго ручья и Гольдбаха. Планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы скрытно, въ теченіе ночи, перевести

всѣ войска, кромѣ одной дивизіи корпуса Сульта (на правомъ флангѣ), на лѣвый берегъ Бозеницкаго ручья и собранными въ центрѣ массами, фронтальнымъ ихъ наступленіемъ на Працень и Блазовицъ, ударить на флангъ и тылъ обходящихъ войскъ. Во исполненіе этого плана имъ и были своевременно сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія.

Между тѣмъ Вейротеръ, хвалившійся тѣмъ, что отлично знаетъ мѣстность, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и вовсе не заботился о сборѣ таковыхъ свѣдѣній. Мало того, онъ вообразилъ, что французская армія, силою не свыше 40.000 чел., расположена вся за Гольдбахомъ, и предполагалъ при этомъ, что французы такъ и останутся въ этомъ положеніи и будутъ вести бой пассивно оборонительный, что совершенно не отвѣчало характеру дѣйствій Наполеона. Кутузовъ и теперь былъ того мнѣнія, что «не слѣдуетъ атаковать непріятеля, пока съ точностью не будетъ извѣстно его расположеніе»; онъ высказывался въ пользу того, чтобы держать армію возможно сосредоточенною и составить диспозицію на самомъ полѣ сраженія, согласно съ обстановкою; далѣе онъ считалъ необходимымъ «избѣгать сложныхъ маневровъ». Къ сожалѣнію, голосъ стараго, опытнаго генерала остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ...

Сущность диспозиціи союзниковъ сводилась къ слѣдующему. Предполагалось, что союзная армія «во многомъ дебордировала» правый флангъ непріятеля, на который и долженъ былъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ, для чего первыя четыре колонны должны были форсировать переходъ черезъ Гольдбахъ, послѣ чего зайти направо и наступать широкимъ фронтомъ между Шлапаницемъ и Турасскимъ лѣсомъ; обходное движеніе прикрывалось кавалеріею Лихтенштейна и авангардомъ Багратіона, за которыми долженъ былъ идти резервъ Цесаревича; кавалерія Кинмайера прикрывала лѣвый флангъ и тылъ первыхъ четырехъ колоннъ; мѣсто Кутузова указано при 4-й колоннѣ, которая должна была форсировать переходъ у Кобельницкаго пруда.

Къ часу пополуночи на 20 ноября (2 декабря) старшіе начальники были собраны въ главной квартирѣ Кутузова, въ Кршеновицѣ. Здѣсь Вейротеръ прочиталъ имъ свой планъ. Во время этого чтенія Кутузовъ дремалъ, и даже спалъ; этимъ только и выразилось его несогласіе съ планомъ, который былъ уже принятъ Государемъ. По окончаніи чтенія одинъ только Ланжеронъ спросилъ: «что мы будемъ дѣлать, если Наполеонъ насъ предупредитъ и атакуетъ у Працена?» На это Вейротеръ отвѣтилъ, что атака со стороны Наполеона «ни въ какомъ случаѣ не предвидится» и что составленная имъ диспозиція отвѣчаетъ всѣмъ возможнымъ случаямъ. Въ три часа утра Кутузовъ проснулся и отпустилъ генераловъ, послѣ чего маіоръ Толь приступилъ къ переводу диспозиціи съ нѣмецкаго языка на русскій. Диспозиція эта была написана на нѣсколькихъ листахъ, наполнена совершенно чуждыми для русскихъ названіями озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышенностей; все въ ней было такъ запутано, что ни запомнить ее, ни даже понять безъ тщательнаго изученія не было никакой возможности; списывать же ее въ войскахъ не позволялось, потому что надобно было успѣть прочитать ее многимъ начальникамъ, а между тѣмъ диспозиція имѣлась въ недостаточномъ числѣ экземпляровъ. Къ тому же диспозиція была доставлена въ войска къ шести часамъ, а выступленіе назначено въ семь часовъ утра. Все было до нельзя усложнено и запутано; войска какъ бы попали въ какой то заколдованный кругъ, изъ котораго имъ невозможно было выбраться, а Кутузовъ снова очутился въ самомъ жалкомъ положеніи,—и на этотъ разъ у него не хватило гражданскаго мужества доложить всю правду Государю,—да и нельзя утверждать, чтобы такой докладъ имѣлъ бы успѣхъ, если бы даже Кутузовъ его и сдѣлалъ...

Въ 8½ часовъ утра Кинмайеръ занялъ Тельницъ. Вскорѣ сюда подошла 1-я колонна, при которой находился начальствовавшій лѣвымъ флангомъ Буксгевденъ. Французы должны были отойти на линію прудовъ у Отмарау. Буксгевденъ приказалъ 1-й колоннѣ остановиться, въ ожиданіи подхода 2-й. Такимъ образомъ здѣсь 4.000 французовъ Леграна удерживали и занимали 22.000 союзниковъ. Между тѣмъ Даву, съ дивизіею Фріана и драгунами Бурсье, услышавъ канонаду справа, двинулъ часть своихъ войскъ на помощь Леграну и въ 9 часовъ занялъ Тельницъ, но когда затѣмъ французы перешли далѣе въ наступленіе—они были атакованы союз-

никами и опрокинуты за Тельницъ и Гольдбахъ.

Въ 9½ часовъ Ланжеронъ овладѣлъ Сокольницемъ и удержалъ его за собою, не взирая на попытки Даву вырвать у него этотъ пунктъ. Въ то же время и Першибышевскій овладѣлъ Сокольницкимъ замкомъ и расположилъ свою колонну на обоихъ берегахъ Гольдбаха. Затѣмъ Ланжеронъ и Першибышевскій атаковали войска Даву, который отразилъ ихъ атаки, перешелъ въ наступленіе, овладѣлъ Сокольницемъ и замкомъ и снова уступилъ ихъ союзникамъ въ 11 часовъ дня. Такимъ образомъ, здѣсь 12.500 французовъ, съ 7½ до 11 часовъ, держались противъ 42.000 союзниковъ, цѣлая половина силъ которыхъ была сосредоточена на второстепенномъ участкѣ поля сраженія.

4-я колонна, при которой находился Кутузовъ, начала наступленіе послѣ 9 часовъ—вмѣсто семи. Причинами этой проволочки были отчасти вытягиваніе и перекрещиваніе 3-й и 5-й колоннъ, главнымъ же образомъ то, что Кутузовъ, вѣрно оцѣнивъ значеніе Праценскихъ высотъ—этотъ пунктъ командовалъ всѣмъ полемъ сраженія и прикрывалъ тылъ 1-й, 2-й и 3-й колоннъ—неохотно оставлялъ ихъ и подъ разными предлогами оттягивалъ выступленіе. Въ исходѣ девятаго часа къ 4-й колоннѣ прибылъ Государь, выразилъ Кутузову неудовольствіе по поводу его промедленія и приказалъ безотлагательно начать наступленіе. Тогда Кутузовъ тотчасъ же двинулся, выславъ авангардъ (3 бат. и взводъ драгунъ), при которомъ находился Милорадовичъ. Между тѣмъ Сультъ съ двумя дивизіями, около 8½ часовъ, началъ движеніе на Праценскія высоты, только что очищаемыя союзниками; передовыя части его корпуса столкнулись съ авангардомъ Кутузова и обратили его назадъ. Вслѣдъ за Сультомъ двинулись: Бернадоттъ на Блазовицъ и кавалерія Мюрата между Блазовицемъ и Кругомъ. У союзниковъ никому кромѣ Кутузова и въ голову не приходило, чтобы высоты, на которыхъ ночевали наши войска, могли быть утромъ уже заняты непріятелемъ. Занятіе французами этихъ высотъ поставило союзниковъ въ положеніе оборонительное и вовлекло ихъ въ случайный бой, со всею присущею такому бою безпорядочностью. Союзники теперь сознали необходимость вновь овладѣть высотами и стремились къ этой цѣли, но войска находились въ неудобномъ для боя походномъ порядкѣ, общаго плана и общаго руководства не было. Слѣдствіемъ этого былъ упорный, отчаянный бой отъ 9 до 11 часовъ, состоявшій изъ ряда блестящихъ частныхъ атакъ, безъ внутренней связи между собою.

Кутузовъ, не взирая на всю трудность своего положенія, успѣлъ, тѣмъ не менѣе, развернуть часть войскъ позади дер. Працена и построить ихъ въ боевой порядокъ въ 3 линіи. Въ это время уже не только дер. Праценъ и самый возвышенный пунктъ Праценскихъ высотъ были во власти французовъ, но Вандаммъ, съ лѣвофланговою дивизіею Сульта, наступалъ уже къ сѣверу отъ Працена. Кутузовъ, въ видахъ обезпеченія своего праваго фланга отъ Вандамма, послалъ къ Лихтенштейну просить подкрѣпленій, а Коловрату приказалъ наступать противъ правофланговой дивизіи Сульта (С.-Илера), чтобы отнять командующую высоту. Милорадовичъ атаковалъ Вандамма съ фронта, а присланные Лихтенштейномъ 4 полка кавалеріи угрожали его лѣвому флангу; но всѣ атаки Милорадовича окончились неудачею, не взирая на личное участіе въ бою самаго Кутузова,—численный перевѣсъ французовъ въ этомъ пунктѣ былъ слишкомъ великъ... Въ виду безуспѣшности этихъ атакъ и разстройства войскъ еще до 11 часовъ Государь приказалъ Милорадовичу отойти къ Аустерлицу. Въ это же время и настолько же безуспѣшно Коловратъ велъ бой противъ правофланговой дивизіи Сульта, но пока еще держался. Въ виду этого, Кутузовъ отправился теперь къ войскамъ Коловрата. Поднимаясь на гору, онъ нашелъ здѣсь бригаду графа Каменскаго 1-го, слѣдовавшую въ хвостѣ 2-й колонны. Каменскій, замѣтивъ французскія войска, поднимавшіяся на Праценскія высоты, и донеся объ этомъ Ланжерону, по собственному почину двинулъ бригаду на высоты и вышелъ на правый флангъ дивизіи С.-Илера. Пользуясь этимъ, Коловратъ возобновилъ фронтальную атаку, Каменскій, въ присутствіи Кутузова, раненаго при этомъ въ щеку, произвелъ три блестящихъ атаки, замедлилъ наступленіе С.-Илера, но не могъ его остановить, а затѣмъ былъ, въ свою очередь, атакованъ бригадою Левассера въ лѣвый флангъ и вынужденъ

къ отступленію. Кутузовъ, съ бригадою Каменскаго, отступилъ къ Гостіерадеку, послалъ приказаніе Буксгевдену начать отступленіе и дальнѣйшаго участія въ сраженіи не принималъ.

Послѣ отступленія Кутузова былъ опрокинутъ Коловратъ, а затѣмъ послѣдовали блестящія атаки Ланжерона, Цесаревича, лейбъ-уланъ, Конной гвардіи, Кавалергардовъ и казаковъ, безъ внутренней связи между собою; всѣмъ этимъ войскамъ пришлось отступить.—На третьемъ участкѣ поля сраженія бой между Ланномъ и Багратіономъ принялъ серьезный характеръ лишь послѣ 11 час. Въ 11 час., съ прорывомъ центра союзниковъ, съ отступленіемъ Кутузова и Цесаревича, сраженіе было уже выиграно Наполеономъ, который обратился къ рѣшительному наступленію съ цѣлью развитія одержаннаго успѣха; остававшіяся еще на полѣ сраженія наши войска, не исключая и войскъ Буксгевдена, который не исполнилъ вышеупомянутаго приказанія Кутузова, были также вынуждены къ отступленію. Наша армія потеряла въ этомъ сраженіи 21,000 чел., 130 орудій и 30 знаменъ, а австрійская нѣсколько менѣе 6,000 чел. и 25 орудій.

Главными причинами неудачи всей операціи союзниковъ являлись: неправильность основной идеи операціи; пренебреженіе къ тщательному изученію обстановки и предвзятость плана, крайне опасный трехдневный фланговый маршъ, несоотвѣтствіе марша той цѣли, для которой онъ былъ задуманъ и къ которой привести не могъ, и ошибочная организація всей арміи и въ особенности ея главнаго командованія: вмѣсто одного полновластнаго и за все отвѣтственнаго главнокомандующаго — во главѣ стоялъ въ сущности безвластный Кутузовъ, въ дѣйствительности же всѣмъ распоряжались нѣсколько лицъ. Въ то же время главными причинами разгрома арміи союзниковъ собственно въ сраженіи подъ Аустерлицемъ слѣдуетъ признать: предвзятость идеи атаки, игнорированіе обстановки и построеніе плана атаки на данныхъ измышленныхъ; принятіе, на основаніи подобныхъ данныхъ, плана атаки, шедшей въ разрѣзъ съ дѣйствительною обстановкою, и упорное продолженіе боя въ духѣ диспозиціи, не взирая на перемѣну обстановки, при непониманіи необходимости сообразоваться съ послѣднею. «Союзники атаковали армію, которой они не видѣли; предполагали ее на позиціи, которой она не занимала, и разсчитывали на то, что она останется настолько же неподвижною, какъ пограничные столбы». Въ результатѣ армія, превосходившая противника числомъ и одушевленная прекраснымъ духомъ, потерпѣла жестокое пораженіе, а побѣдитель получилъ право сказать въ своемъ бюллетенѣ: «Императоръ, съ высоты своего бивуака, увидѣлъ съ неописанною радостью начало фланговаго движенія русской арміи... Онъ увидѣлъ тогда, до какой степени предвзятость и невѣжество въ отношеніи военнаго искусства помрачили верхи этой храброй арміи; онъ сказалъ: «...Завтра передъ вечеромъ эта армія будетъ въ моихъ рукахъ».— Русскіе «верхи» этой арміи добровольно пошли въ науку къ австрійцамъ и совершенно имъ подчинились. Одинъ Кутузовъ понималъ обстановку и, повидимому, предвидѣлъ пораженіе, но онъ не могъ поправить дѣла, ибо его не слушали. Онъ долженъ былъ бы, можетъ быть, прямо указать Императору очевидную неизбѣжность неудачи — онъ этого не сдѣлалъ, быть можетъ, предполагая, что его не послушаютъ, и не имѣлъ достаточно гражданскаго мужества рѣшиться тѣмъ не менѣе на это, чтобы вывести Государя изъ его заблужденія. Этого ему долго простить не могъ императоръ Александръ I, считавшій его чуть ли не главнымъ виновникомъ неудачи.

Во всю Аустерлицкую операцію Кутузовъ находился въ положеніи недостойномъ главнокомандующаго и то обстоятельство, что онъ примирился съ этою ролью, не говоритъ въ его пользу. Во всякомъ случаѣ о немъ какъ о полководцѣ, слѣдуетъ судить не по Аустерлицкой операціи, а по предшествовавшему ей періоду кампаніи, когда онъ не былъ стѣсняемъ въ своихъ распоряженіяхъ, или же хотя и былъ стѣсняемъ, но не настолько, чтобы не имѣть возможности разорвать налагаемыя на него оковы. Строгій разсчетъ, вѣрная оцѣнка обстановки, большая выдержка и осторожность, подчасъ и хитрость, въ необходимыхъ случаяхъ рѣшительность, а вообще всегда полная энергія и настойчивость въ достиженіи разъ избранной цѣли, — вотъ отличительныя черты Кутузова, какъ полководца, обри-

совывающіяся въ этотъ періодъ кампаніи 1805 года. Едва ли можно оспаривать мнѣніе Тьера, по словамъ котораго, «изъ всѣхъ генераловъ, современниковъ Наполеона... осторожный и хитрый Кутузовъ былъ... его самымъ опаснымъ противникомъ»—мы должны, конечно, сдѣлать оговорку: послѣ смерти Суворова.

Послѣ Аустерлицкаго сраженія Австрія отказалась отъ союза съ Россіею и заключила миръ съ Франціею, вслѣдствіе чего русскія войска должны были возвратиться въ Россію. Веденіе ихъ было поручено Государемъ Кутузову, который исполнилъ эту задачу отлично, такъ что непріятель не могъ быть опаснымъ для нашей арміи, которая вскорѣ, соединившись съ корпусомъ Эссена, сдѣлалась снова столь же сильною, какъ и до Аустерлицкой неудачи.

Прибывъ съ арміею въ Броды, Кутузовъ послалъ полковника Ланского во французскую армію для размѣна плѣнныхъ. 13 января 1806 г. онъ представилъ Государю описаніе Аустерлицкаго сраженія, составленное на основаніи полученныхъ имъ донесеній и прочихъ имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ. 24 февраля того же года ему былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени «за подвиги и труды» въ теченіе этой кампаніи, собственно же за его классическое отступленіе отъ р. Инна въ Моравію.

Вскорѣ послѣ того Кутузовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ не несъ никакой отвѣтственной службы и только присутствовалъ при парадахъ и разводахъ. Въ началѣ октября 1806 г. онъ былъ назначенъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, причемъ ему было повелѣно управлять и гражданскою частью. Это была какъ бы почетная ссылка; нѣкоторые друзья и вообще близкіе люди совѣтовали Кутузову выдти въ отставку, но онъ не послѣдовалъ этому совѣту, ибо желалъ служить Государю и Россіи до конца своей жизни. Передъ въѣздомъ Кутузова въ Кіевъ ему была устроена торжественная встрѣча чиновниками, дворянствомъ и купечествомъ съ обычными церемоніями, а на другой день былъ данъ городомъ въ его честь пышный балъ.

Вступивъ въ должность, Кутузовъ обратилъ вниманіе на всѣ части гражданскаго управленія. Онъ не входилъ во всѣ уголовныя и т. п. дѣла, но, въ случаѣ жалобы притѣсненнаго въ судѣ или невинно осужденнаго, вникалъ въ самое существо дѣла и старался воздавать правосудіе каждому въ томъ нуждавшемуся, облегчать участь несчастныхъ и «приводить въ истинный разумъ» заблуждавшихся. Онъ преслѣдовалъ взяточничество и принималъ всѣ возможныя мѣры къ возстановленію въ городѣ надлежащаго порядка и общественной безопасности. Особенныя затрудненія въ этомъ отношеніи возникали во время «контрактовъ» (съ середины января почти до середины февраля). Въ это время въ Кіевъ съѣзжалось множество помѣщиковъ и дворянъ, главнымъ образомъ поляковъ изъ ближайшихъ западно-русскихъ губерній и даже изъ польскихъ земель, не принадлежавшихъ Россіи. Польскіе паны и шляхтичи платили дорого за квартиры, но пользовались ими, какъ своею собственностью, и притомъ жили въ нихъ весьма безпечно и неосторожно, что сплошь и рядомъ приводило къ пожарамъ. По распоряженію Кутузова были учреждены караулы и посты изъ жителей, которые по очереди бодрствовали по ночамъ и наблюдали за соотвѣтственными улицами и домами; за исполненіемъ же ими своихъ обязанностей должна была слѣдить полиція, подъ строгою ея отвѣтственностью. Благодаря этому, были чуть ли не вовсе предупреждены не только пожары, но и безчинства, буйства и безпорядки, безпокоившіе до того времени населеніе Кіева. Между тѣмъ успѣхи Наполеона въ борьбѣ противъ Пруссіи и вызванное ими національное польское движеніе, приведшее къ открытому возстанію въ прусской Польшѣ, отразилось и на настроеніи поляковъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, что и обнаружилось во время «контрактовъ» въ Кіевѣ въ началѣ 1807 г. Слухи преувеличивали успѣхи Наполеона; поляки ликовали, надѣясь на возстановленіе Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ; русское населеніе Кіева приходило въ уныніе, въ виду якобы угрожавшей ему опасности. Кутузовъ старался успокоить гражданъ Кіева, объявивъ имъ, что никакой опасности нѣтъ и что «во всѣхъ случаяхъ долгъ его есть пещись объ ихъ благоденствіи, личной и общественной безопасности». Населеніе, видя его бдительность и заботливость, успокоилось.

Такимъ образомъ здѣсь его управленіе дало отличные результаты: въ короткое

время онъ снискалъ любовь и уваженіе управляемаго имъ населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство не могло не быть довольнымъ его дѣятельностью.

Въ это время, начиная съ 1806 г., Россія находилась въ войнѣ съ Турціею. Въ сентябрѣ 1807 г. главнокомандующій Дунайскою арміею, престарѣлый князь Прозоровскій, здоровье котораго къ этому времени сильно разстроилось, просилъ о назначеніи къ нему помощникомъ Кутузова, причемъ писалъ Государю: «...Онъ почти мой ученикъ и мою методу знаетъ», а военному министру: «я могу съ полнымъ удовлетвореніемъ свидѣтельствовать, что онъ должность генерала и часть военную хорошо разумѣетъ... я въ немъ одинъ недостатокъ нахожу: что онъ въ характерѣ своемъ не всегда твердъ бываетъ, а паче въ сопряженіи съ дворскими дѣлами; при томъ же онъ отъ природы лѣнивъ къ письму; но по части войсковой совершенно имъ доволенъ, и онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ помощникъ... я признаю его въ искусствѣ военномъ изъ лучшихъ генераловъ Государя Императора». Вслѣдствіе этого ходатайства Кутузову было повелѣно отправиться въ Дунайскую армію, какъ для помощи князю Прозоровскому, такъ и для исправленія его должности въ случаѣ тяжкой его болѣзни или и смерти.

Отъѣзжая изъ Кіева къ арміи, Кутузовъ имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что населеніе оставляемаго имъ города дѣйствительно относилось къ нему съ любовью. Онъ прибылъ въ Яссы 20 апрѣля 1808 г. Здѣсь ему было ввѣрено управленіе квартирмейстерскою частью, а также все, что касалось военныхъ совѣтовъ. Когда французскій посланникъ въ Константинополѣ, генералъ Себастіани, прибылъ въ Яссы, Кутузовъ бесѣдовалъ съ нимъ и, со свойственною ему дипломатическою ловкостью, ничего своего ему не обнаруживая, старался выяснить дѣйствительныя цѣли французской политики. Онъ же велъ переговоры съ сербскими депутатами и убѣдилъ ихъ въ томъ, что интересы Сербіи будутъ горячо поддерживаться русскимъ правительствомъ, насколько это будетъ возможно. Это на время успокоило сербовъ. Въ это же время Кутузовъ былъ поставленъ во главѣ главныхъ силъ арміи (19 бат., 30 эск., полкъ казаковъ, 2 роты батарейной и 1 рота конной артиллеріи, 1 піонерная и 1½ понтонная роты), расположенныхъ въ лагерѣ у Каліени на р. Серетѣ. Онъ помогалъ князю Прозоровскому и въ дѣлѣ боевой подготовки войскъ. Главнокомандующій обучалъ главныя силы построенію боевого порядка, который онъ считалъ наилучшимъ для дѣйствій противъ турокъ (въ 1-й линіи 3, во 2-й—2 и въ 3-й—1 каре, съ конницею въ интервалахъ) и доносилъ затѣмъ государю: «Желая показать сіе построеніе не бывшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, назначалъ я маршъ колоннами по тремъ дорогамъ. Признаться долженъ я... что войско безпорядочно, и только при поправленіяхъ генерала Кутузова и моихъ устроилось».

Въ ноябрѣ 1808 г. армія расположилась на зимнія квартиры, причемъ главныя силы Кутузова заняли Яссы, Фокшаны, Рымникъ, Обилешти, Каліени и Плоешти съ окрестностями; въ мартѣ же 1809 г., когда князь Прозоровскій предполагалъ начать военныя дѣйствія, корпусъ Кутузова (41 бат., 25 эск. и 5 ротъ артиллеріи) сосредоточился въ окрестностяхъ Фокшанъ. Кутузову было приказано овладѣть Браиловымъ. Тотчасъ же начато было заготовленіе всего необходимаго для осады этой крѣпости. 28 марта корпусъ Кутузова выступилъ изъ Фокшанъ, 3 апрѣля прибылъ къ Визирскому броду на р. Бузео и 5 перешелъ по понтонному мосту на правый берегъ этой рѣки. 6 Кутузовъ произвелъ рекогносцировку путей, ведущихъ къ крѣпости, 7 началъ движеніе и 8 расположилъ войска своего корпуса на позиціяхъ вокругъ крѣпости въ трехъ группахъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ: на правомъ флангѣ—Каменскаго 1-го, въ центрѣ—Маркова 1-го и на лѣвомъ флангѣ—Эссена 3-го. Войска приступили къ постройкѣ необходимыхъ укрѣпленій; вылазка гарнизона была отражена. 11 апрѣля прибыли осадныя орудія, а по Дунаю подошла наша флотилія. Князь Прозоровскій, находившійся лично при колоннѣ Кутузова, узнавъ о разногласіи среди гарнизона (до 12,000 чел.), рѣшился взять крѣпость штурмомъ. Кутузовъ указывалъ на несвоевременность этой мѣры, такъ какъ ни одно изъ непріятельскихъ орудій въ крѣпости не было еще подбито и вообще штурмъ не былъ подготовленъ. Поэтому главнокомандующій ограничился лишь намѣреніемъ овладѣть однимъ только

крѣпостнымъ «ретраншаментомъ» и приказалъ овладѣть имъ 20 апрѣля.

Кутузовъ составилъ диспозицію для атаки въ духѣ идей главнокомандующаго. Для атаки было назначено три колонны по два баталіона каждая—генералъ-маіоровъ Репнинскаго, Хитрово и князя Вяземскаго, всего до 8,000 чел., впереди которыхъ шли команды охотниковъ и рабочихъ и за которыми имѣлись частные резервы по 3 баталіона и общій резервъ 8 эскадроновъ и 12 орудій. Со стороны Кутузова сдѣлано было все, отъ него зависѣвшее, въ видахъ обезпеченія успѣха штурма, но ему не было дано возможности распоряжаться операціею вполнѣ самостоятельно; къ тому же и силы, назначенныя для атаки, были недостаточны. Преждевременная атака лѣвой колонны, въ то время, когда двѣ другія еще не подошли къ «ретраншаменту», дала непріятелю время приготовиться къ отпору. Атака окончилась неудачею; наши потери: 2.229 чел. убитыми и 2.550 ранеными (а по нѣкоторымъ показаніямъ до 9.000 чел.). Князь Прозоровскій рыдалъ, падалъ на колѣни и рвалъ остатки своихъ волосъ; находившійся же при этомъ Кутузовъ сказалъ: «Не такія бѣды бывали со мною, я проигралъ аустерлицкое сраженіе, рѣшившее участь Европы, да не плакалъ».

Послѣ этой неудачи главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, который принялъ планъ, повидимому, составленный Кутузовымъ, опять таки согласно съ идеями князя Прозоровскаго: овладѣть Браиловымъ правильною осадою, затѣмъ перейти черезъ Дунай у Туртукая, Браилова и Галаца, овладѣть всѣми дунайскими крѣпостями, двинуться къ Балканамъ, поднять болгаръ, разбить турецкую армію, если бы она встрѣтила насъ въ Болгаріи и идти на Адріанополь, чѣмъ вынудить турокъ просить мира. Между тѣмъ императоръ Александръ находилъ необходимымъ быстро наступать къ Константинополю, не стараясь овладѣть всѣми крѣпостями, и вообще дѣйствовать съ возможно большею энергіею. Князь Прозоровскій, съ своей стороны, не только съ этимъ не соглашался, но даже не признавалъ возможнымъ начинать наступленіе хотя бы во исполненіе плана, принятаго военнымъ совѣтомъ. Кутузовъ, въ свою очередь, не соглашался съ главнокомандующимъ и находилъ возможнымъ начать наступленіе. Такое противорѣчіе не нравилось фельдмаршалу. Онъ жаловался военному министру на Кутузова и писалъ будто бы онъ «порочитъ его дѣйствія, возбуждаетъ недовѣріе къ нему и служитъ ему не помощникомъ, а помѣхою». Въ виду этого Государь писалъ князю Прозоровскому 4 іюня 1809 г.: «Желая изыскать лучшій и благовидный способъ къ порученію отдѣленнаго отъ васъ поста генералу Кутузову, я избралъ за лучшее назначить его командиромъ резервнаго корпуса .. Полагаю, что таковое назначеніе, отдаляя его, непримѣтнымъ образомъ, отъ арміи, удовлетворитъ желанію вашему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалитъ всякія заключенія, могущія возродиться въ семъ случаѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, князю Прозоровскому былъ доставленъ и рескриптъ на имя Кутузова о новомъ его назначеніи, съ тѣмъ, чтобы фельдмаршалъ лично вручилъ ему этотъ рескриптъ, когда признаетъ нужнымъ. Но князь Прозоровскій находилъ это недостаточнымъ и 18 іюня писалъ Государю: «Будучи обращенъ въ резервный корпусъ, Кутузовъ имѣлъ бы обширное поле обратить все дѣйствіе его интригъ противъ меня, такъ что онъ принудилъ бы меня возвратиться изъ за Дуная, или же, прижавшись къ сей рѣкѣ, послать къ нему отрядъ; сверхъ того, будучи тонокъ и зная службу, онъ могъ бы допустить непріятеля сжечь магазины и, нѣкоторымъ образомъ, преподать туркамъ къ тому способъ, а вину возложить на частнаго, на постѣ находящагося генерала, который бы за это пострадалъ; онъ же самъ всегда былъ бы правъ». На это Государь, увѣдомляя князя Прозоровскаго объ увольненіи отъ должности литовскаго военнаго губернатора генерала А. М. Римскаго-Корсакова, спрашивалъ, не назначить ли на его мѣсто Кутузова. Фельдмаршалъ, желая имѣть Кутузова подальше отъ себя, съ радостью на это согласился.

Государь, конечно, не могъ повѣрить этому чудовищному и нелѣпому утвержденію Прозоровскаго, что Кутузовъ можетъ даже измѣнить присягѣ и долгу, лишь бы только повредить князю Прозоровскому; тѣмъ не менѣе, подобное отношеніе фельдмаршала не могло не уронить Кутузова въ мнѣніи Государя еще болѣе, чѣмъ это произошло послѣ аустерлицкой неудачи. Во всякомъ случаѣ, Государь не могъ также

игнорировать прежнія заслуги Кутузова. Назначеніе его на должность литовскаго (виленскаго) военнаго губернатора состоялось 3 іюля 1809 года. Въ этомъ же мѣсяцѣ онъ и выѣхалъ изъ арміи, причемъ обнаружилось такое отношеніе къ нему войскъ, какое далеко не всегда выпадаетъ на долю отъѣзжающихъ начальниковъ: генералы и офицеры, за малыми исключеніями, сожалѣли объ его отъѣздѣ, а солдаты даже плакали.

Населеніе Вильны было очень довольно назначеніемъ извѣстнаго уже ему Кутузова, который хорошо зналъ поляковъ вообще и ополяченныхъ литовцевъ въ частности, умѣлъ обращаться съ ними и побуждать ихъ къ дѣйствіямъ, согласнымъ съ интересами Россіи, не теряя, въ то же время, ихъ любви и расположенія. Поляки, дурно относившіеся къ русскимъ вообще и къ талантливымъ русскимъ людямъ въ особенности, были въ восторгѣ отъ Кутузова и давали о немъ самые лучшіе отзывы; относительно же его ума были самаго высокаго мнѣнія и говорили: «O Kutuzow! to to głowa!» (Кутузовъ, это голова). Такое отношеніе къ Кутузову управляемаго имъ населенія рельефно обнаружилось 15 марта 1811 года, когда жители Вильны проливали слезы и провожали благословеніями Кутузова, покидавшаго Вильну, чтобы отправиться снова къ Дунайской арміи и принять главное начальство надъ нею, вмѣсто графа Н. М. Каменскаго 2-го, впрочемъ, безъ отчисленія отъ должности виленскаго генералъ-губернатора; послѣдняя должность оставалась за нимъ до 17 апрѣля 1812 года — дѣйствительное ея исправленіе было имъ поручено генералъ-маіору князю И. С. Гургелову.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ Дунайскою арміею было вызвано отчасти болѣзнью графа Каменскаго 2-го, главнымъ же образомъ предположеніемъ императора Александра назначить Каменскаго на болѣе важный постъ главнокомандующаго одной изъ западныхъ армій въ предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ. 7 марта Государь писалъ Каменскому: «Я далъ повелѣніе генералу Кутузову поспѣшить пріѣздомъ въ Букарестъ и принять командованіе Молдавской арміи. Вамъ же предписываю, сдавъ оную преемнику вашему, подъ видомъ слабости здоровья вашего... и извѣстя его подробно о всѣхъ моихъ намѣреніяхъ, отправиться, коль скоро возможно будетъ, въ Житомиръ, гдѣ получите вы отъ меня повелѣніе принять главное начальство надъ второю арміею»...

Кутузовъ, съ своей стороны, по случаю своего назначенія, писалъ военному министру 1 марта: «довѣренность Государя въ столь важномъ случаѣ заключаетъ въ себѣ все, что только льстить можетъ человѣка, хотя наименѣе честолюбиваго. Въ лѣтахъ менѣе престарѣлыхъ былъ бы я болѣе полезенъ. Случаи дали мнѣ познаніе той земли и непріятеля. Желаю, чтобы мои силы тѣлесныя, при исполненіи обязанностей моихъ, достаточно соотвѣтствовали главнѣйшему моему чувствованію».

Прибывъ въ Букарештъ, Кутузовъ, 1 апрѣля, вступилъ въ командованіе арміею. Это сильно подняло духъ нашихъ войскъ, нѣсколько «смущенныхъ» болѣзнью Каменскаго.

Обстановка, при которой Кутузовъ принялъ начальство надъ этою арміею, была весьма неблагопріятна: его предмѣстникъ располагалъ 137 баталіонами, 122 эскадронами, 27 казачьими полками, а съ частями артиллеріи и инженерныхъ войскъ имѣлъ до 78,000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, не считая двинутой сюда же 10 пѣхотной дивизіи, и тѣмъ не менѣе не могъ вынудить турокъ къ заключенію мира, на подписаніе котораго ему была дана Государемъ полная мочь; въ виду предстоявшей борьбы съ Наполеономъ пять дивизій были выдѣлены изъ состава дунайской арміи и двинуты къ Днѣстру; въ распоряженіи Кутузова оставалось изъ прежнихъ лишь четыре дивизіи пѣхоты, а всего, считая же и другіе роды войскъ, едва ли болѣе 40,000—46,000 чел.; съ этими войсками онъ долженъ былъ выполнить ту задачу, которая оказалась не по силамъ Каменскому, или же оборонять Дунай на протяженіи чуть ли не 1000 верстъ, имѣя, къ тому, въ виду, что турки уже къ веснѣ 1811 года выставили 70,000 чел. и что эта армія могла еще увеличиваться.

При этихъ именно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ лучше всего обнаруживается блестящій военный талангъ Кутузова: онъ отлично и издавна знакомъ былъ съ характеромъ и образомъ дѣйствій турокъ и не пренебрегалъ ими; располагая тѣми силами, кои находились у Каменскаго, онъ воспользовался бы готовымъ

уже наступательнымъ планомъ дѣйствій, составленнымъ имъ еще въ 1793 и 1794 гг., во время слѣдованія въ Константинополь, въ качествѣ посланника, и обратно въ Россію; теперь же онъ призналъ невозможнымъ не только наступать за Дунай, но даже хотя бы удерживать всѣ переправы на Дунаѣ, что привело бы къ крайней разброскѣ силъ и могло бы дать непріятелю возможность перейти въ рѣшительное наступленіе; предполагая, что турки, ограничившись на нижнемъ Дунаѣ демонстраціями, вѣроятнѣе всего направятъ главную массу своихъ силъ на средній Дунай, съ цѣлью овладѣть главнымъ городомъ Валахіи, Букарештомъ,—онъ рѣшилъ стянуть возможно больше силъ къ Рущуку, придерживаться строго оборонительнаго образа дѣйствій, чтобы внушить визирю мысль о томъ, что русскіе будто бы весьма слабы и боятся турокъ, этимъ вызвать его самаго на наступленіе и покончить съ турками въ открытомъ полѣ. 20 мая онъ писалъ военному министру: «не упущу случая, чтобы не воспользоваться всякимъ необдуманнымъ шагомъ непріятеля. Идти къ визирю въ Шумлу, атаковать его въ семъ сильномъ натурою и нѣкоторою степенью искусства утвержденномъ укрѣпленіи, и невозможно, и пользы никакой бы не принесло; да и пріобрѣтеніе таковаго укрѣпленія, по плану оборонительной войны, совсѣмъ не нужно. Но, можетъ быть, что скромнымъ поведеніемъ моимъ, ободрю я самого визиря выдти, или выслать, по возможности знатный корпусъ, къ Разграду, или далѣе къ Рущуку. И если таковое событіе мнѣ посчастливится, тогда, взявъ весь корпусъ Эссена 3, кромѣ малаго числа, которое въ Рущукѣ остаться должно,—поведу ихъ на непріятеля. На выгодномъ для войскъ нашихъ мѣстоположеніи не укрѣпленнаго Разграда, конечно, съ Божіею помощью, разобью я его и преслѣдовать могу, верстъ до 25, безъ всякаго риску».

Сообразно съ принятымъ планомъ дѣйствій, Кутузовъ старался сколь возможно болѣе сократить свой стратегическій фронтъ путемъ сосредоточенія главныхъ силъ къ центру, Букаресту и Рущуку; укрѣпленія Силистріи и Никополя были уничтожены; всѣ войска, кромѣ находившихся у Рущука, возвращены съ праваго берега на лѣвый, съ оставленіемъ для ближайшаго бокового обезпеченія, приблизительно въ трехъ переходахъ вправо и влѣво, отрядовъ Войнова у Слободзеи и Турчанинова у Турну. Дальнѣйшее боковое охраненіе справа возложено на отряды: генералъ-лейтенанта Засса (9 бат. и 3 полка кавалеріи) въ Малой Валахіи и графа О'Рурка (6 бат., 1 полкъ кавалеріи, 1 полкъ казаковъ и 18 орудій) у Бѣлграда; на лѣвомъ же флангѣ соотвѣтственная задача была возложена на отрядъ Тучкова, съ флотиліею на нижнемъ Дунаѣ. Въ случаѣ надобности, Кутузовъ могъ собрать въ три дня у Рущука свои главныя силы (38 бат., 51 эск. и 4 казачьихъ полка съ артиллеріею).

При этомъ развертываніи нашей арміи, правый флангъ не былъ достаточно обезпеченъ; такъ понималъ это дѣло и Кутузовъ, но онъ избѣгалъ во что бы ни стало разброски силъ, а потому приказалъ Зассу дѣйствовать подкупомъ и угрозами на Мулла-пашу виддинскаго.

Между тѣмъ, свѣдѣнія о противникѣ собирались всѣми возможными способами. Кутузовъ воспользовался установленными еще до его прибытія къ арміи тайными сношеніями съ Мулла-пашею, которому были предоставлены большія льготы по торговлѣ хлопкомъ съ Австріею и который очень ими дорожилъ. Въ Виддинъ былъ отправленъ Кутузовымъ для секретныхъ переговоровъ, маіоръ Бибиковъ, который указалъ Мулла-пашѣ на опасность, угрожавшую ему въ Турціи со стороны его враговъ, обнадежилъ его поддержкою со стороны Россіи и убѣдилъ заключить соглашеніе на слѣдующихъ условіяхъ: Мулла паша, насколько возможно, будетъ противиться, вторженію турецкихъ войскъ въ Малую Валахію и постарается скорѣе сжечь, чѣмъ предоставить туркамъ 400 торговыхъ судовъ, кои имѣлись у Видина; если онъ будетъ вынужденъ передать эту флотилію турецкимъ властямъ, то увѣдомитъ объ этомъ заблаговременно русскія власти, дабы онѣ могли принять соотвѣтственныя мѣры; Мулла-паша постарается повліять на владѣльцевъ этихъ судовъ въ томъ смыслѣ, чтобы убѣдить ихъ продать свои суда русскимъ, и не позволитъ никому пройти изъ Видина въ Малую Валахію.

Тотъ же Мулла-паша и виддинскій епископъ сообщили Кутузову, что еще бывшій великій визирь предполагалъ наступать по двумъ направленіямъ, изъ Шумлы

къ Рущуку и изъ Софіи къ Никополю, съ цѣлью вторженія въ Малую Валахію; теперь же можно было бы предполагать, что и настоящій визирь намѣренъ дѣйствовать по тѣмъ же направленіямъ, причемъ противъ Рущука будетъ произведена только демонстрація, а главный ударъ будетъ нанесенъ со стороны Малой Валахіи, для чего визирь переправится близъ устья р. Жіо (Шилъ) и соединится съ 25,000 чел. Измаилъ-бея, который двинется туда же, послѣ переправы у Виддина.

Около 10 іюня Кутузовъ узналъ о планѣ визиря во всѣхъ его подробностяхъ. Въ виду того, что въ достовѣрности ранѣе полученныхъ свѣдѣній теперь уже не приходилось сомнѣваться, дунайская флотилія получала большую важность; Кутузовъ готовъ былъ дать за суда этой флотиліи, осмотрѣнныя Бибиковымъ, до 20,000 червонцевъ, а на случай неудачи въ дѣлѣ этой покупки приказалъ насыпать, для обстрѣливанія дунайскаго фарватера, сильную батарею при впаденіи р. Жіо въ Дунай и устроить нѣсколько береговыхъ батарей выше Рущука.

Между тѣмъ время проходило, а Измаилъ-бей не дѣйствовалъ. Это побудило визиря измѣнить свой планъ и двинуться съ своею арміею къ Рущуку съ тѣмъ, чтобы овладѣть этою крѣпостью, переправиться здѣсь черезъ Дунай и идти на Букарештъ. Наступленіе въ этомъ направленіи обнаружилось въ половинѣ іюня. Пройдя Разградъ, визирь съ 60,000 чел. (въ томъ числѣ 30,000 конницы) при 78 орудіяхъ сталъ лагеремъ между дд. Писанцы и Кадыкіой. Для дѣйствій противъ него Кутузовъ располагалъ «главнымъ корпусомъ» и нѣкоторыми мелкими частями, всего до 15,000 чел., не считая рущукскаго гарнизона. Узнавъ о наступленіи визиря, Кутузовъ двинулся отъ Букарешта черезъ Журжу и Рущукъ на правый берегъ Дуная и 19 іюня расположилъ свои войска — 32 батальона, 40 эскадроновъ и 3 полка казаковъ съ артиллеріею — въ четырехъ верстахъ къ югу отъ крѣпости, тыломъ къ ней, на разградской дорогѣ и выслалъ впередъ кавалерію (1,500 чел.) генералъ-лейтенанта Войнова.

Позиція, занятая нашею арміею, по словамъ Кутузова, была «не совсѣмъ выгодна, но единственная, которая была на дорогѣ, по которой наступалъ визирь». Въ этотъ же день турецкая конница (до 5000 чел.), пользуясь сильнымъ туманомъ, неожиданно атаковала наши передовые посты, которые были поддержаны Войновымъ; Кутузовъ, въ свою очередь, подкрѣпилъ Войнова 4 баталіонами генералъ-маіора Энгельгардта. Турецкая конница была отбита. Впрочемъ, со стороны турокъ это была лишь рекогносцировка. Визирь, убѣдившись въ малочисленности нашихъ войскъ, рѣшилъ атаковать Кутузова, который только этого и желалъ. 20 и 21 турки готовились къ бою, а 22 на разсвѣтѣ произвели общее наступленіе. Кутузовъ, своевременно получавшій необходимыя свѣдѣнія, построилъ свои войска для боя, имѣя въ первой линіи пять и во второй четыре каре за интервалами первой (по нѣкоторымъ источникамъ 8 каре «en échiquier»); кавалерія составила третью линію. Правый флангъ позиціи прикрывался крутыми скатами, спускавшимися къ сторонѣ р. Лома, но къ лѣвому флангу прилегала обширная равнина, по которой визирь могъ направить свою многочисленную конницу въ обходъ этого фланга и въ тылъ позиціи Кутузова, которая отдѣлялась отъ Рущука почти сплошною массою садовъ. Визирь обратилъ на это вниманіе и полагая, что въ Рущукѣ не осталось вовсе нашихъ войскъ, надѣялся быстрымъ налетомъ своей конницы захватить Рущукъ, уничтожить имѣвшійся тамъ нашъ мостъ черезъ Дунай, припереть нашу армію къ рѣкѣ и тутъ же съ нею покончить. Но Кутузовъ все это предвидѣлъ и принялъ соотвѣтственныя мѣры, а въ Рущукѣ было оставлено шесть баталіоновъ, кромѣ части войскъ, взятыхъ съ судовъ нашей флотиліи.

Турки, начавъ наступленіе, остановились верстахъ въ семи отъ Рущука и здѣсь окопались, устроивъ одинъ большой «ретраншаментъ». Въ семь часовъ утра, турецкая конница, тремя отдѣльными массами, стремительно атаковала нашъ центръ и оба фланга, имѣя позади пѣхоту и 8 орудій; послѣднія своимъ огнемъ содѣйствовали атакѣ. «Движенія непріятеля (доносилъ Кутузовъ Государю) были расположены такъ мудро, что могли бы служить славою и самому искусному генералу». Этотъ натискъ непріятельской конницы былъ остановленъ огнемъ артиллеріи изъ каре 1-й линіи, послѣ чего турки отхлынули къ своимъ флангамъ; впрочемъ, зна-

чительная часть этой конницы тотчасъ же обскакала правый флангъ Кутузова, съ цѣлью привлечь наше вниманіе въ эту сторону. Кутузовъ выслалъ, для поддержанія праваго фланга, правофланговое каре второй линіи (37-й егерскій полкъ), Лифляндскихъ драгунъ и казаковъ Мельникова; благодаря этой поддержкѣ, непріятель былъ отбитъ отъ праваго фланга. Тогда 10,000 отборной анатолійской конницы понеслись въ обходъ лѣваго фланга нашего боевого порядка, прорвались между крайними лѣвыми каре обѣихъ линій пѣхоты, смяли стоявшихъ за ними Бѣлорусскихъ гусаръ и Кинбурнскихъ драгунъ и понеслись далѣе по направленію къ Рущуку; другія же массы конницы проскакали къ самому Дунаю, намѣреваясь проникнуть въ крѣпость съ этой стороны. Но рущукскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и отбросилъ турецкую конницу въ сады. Въ то же время Кутузовъ выслалъ всю свою кавалерію для атаки турецкой конницы, заскакавшей въ тылъ его позиціи; турки были атакованы во флангъ, отступили, заняли высоту на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ и готовились къ новому нападенію. Кутузовъ, для усиленія лѣваго фланга, двинулъ еще одно каре изъ второй линіи (7-го егерскаго полка), которое подошло къ высотѣ, открыло сильный огонь и заставило турецкую конницу отступить на позицію визиря. Въ 2 часа пополудни, визирь, бросивъ весь шанцевый инструментъ въ ретраншаментѣ, поспѣшно отступилъ, подъ прикрытіемъ конницы, въ свой укрѣпленный лагерь и ожидалъ тамъ атаки Кутузова.

Но Кутузовъ, вовсе не предполагая атаковать его въ этомъ лагерѣ, двинулъ свой боевой порядокъ только до брошеннаго турками «ретраншамента» и остановилъ тутъ свои войска, выславъ впередъ только кавалерію, которая преслѣдовала непріятеля на протяженіи 10 верстъ. Наши потери въ этомъ бою не превышали 500 чел.; турки же потеряли (по показанію плѣнныхъ) не менѣе 4,000 чел., въ томъ числѣ 1,500 убитыми, оставленными на полѣ сраженія, и 13 большихъ знаменъ, не считая уничтоженныхъ нашими войсками во время боя.

О сраженіи подъ Рущукомъ Кутузовъ доносилъ Государю: «Поведеніе всѣхъ мнѣ подвѣдомственныхъ начальниковъ было таково, что я, ни въ которомъ пунктѣ всей моей позиціи, не былъ въ безпокойствіи ни на одну минуту... Во всякомъ воинѣ Вашего Императорскаго Величества видѣлъ я истиннаго русскаго и 22 іюня будетъ навсегда доказательствомъ того, что́ возможно малому числу, оживленному послушаніемъ и храбростію, противу безчисленныхъ толпъ непріятельскихъ. — Господа генералы были мнѣ совершенными помощниками; и я съ симъ вмѣстѣ повергаю къ стопамъ Вашего Величества имена отличившихся. — Всѣхъ офицеровъ, бывшихъ со стрѣлками..... представляю я къ чинамъ, которые были и въ большой опасности, и потому, что они изъ лучшихъ офицеровъ въ полку въ должности сіи назначаются». Затѣмъ 3-го іюля Кутузовъ писалъ военному министру: «Я не могу довольно поставить на видъ..... твердости нашей пѣхоты и искусства артиллеріи, наносившей ужасный вредъ непріятелю..... Прежде еще окончанія дѣла, увѣренность въ побѣдѣ была написана на ихъ лицахъ. Я во всякомъ видѣлъ истинный духъ русскихъ».

Кутузовъ не упустилъ случая оцѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ, какъ это онъ и всегда неизмѣнно дѣлалъ; но скольже велики были въ этой операціи его собственныя заслуги? Вся эта операція внѣ упрековъ со стороны самой строгой критики. Государь пожаловалъ Кутузову свой портретъ, украшенный бриллiантами, цѣною въ 150,000 рублей.

Послѣ пораженія турокъ подъ Рущукомъ нѣкоторые частные начальники настаивали на продолженіи наступленія. На это Кутузовъ отвѣчалъ: «Если пойдемъ за турками, то вѣроятно достигнемъ Шумлы, но потомъ что станемъ дѣлать! Надобно будетъ возвратиться какъ и въ прошломъ году..... Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмета-бея (визиря) и онъ опять придетъ къ намъ». Онъ старался дать понять визирю, что (будтобы) побѣда обошлась намъ дорого, и что мы послѣ нея стали слабѣе прежняго. Ни одного выстрѣла не было сдѣлано послѣ боя 22 іюня; не посылались даже разъѣзды къ сторонѣ непріятеля. Мало того, Кутузовъ принялъ на первый взглядъ даже очень странное рѣшеніе — онъ рѣшилъ бросить Рущукъ и перейти на лѣвый берегъ Дуная, чтобы окончательно убѣдить визиря въ томъ, что побѣда будто бы осталась за турками и чтобы вызвать его на рѣшительное наступленіе.

Это былъ шагъ, до такой степени для всѣхъ неожиданный, что всѣ были смущены. Никто не понималъ значенія подобнаго образа дѣйствій и глубокихъ разсчетовъ Кутузова.

Въ своемъ донесеніи Государю Кутузовъ объяснялъ цѣлесообразность этого шага: «Съ начала кампаніи я видѣлъ, сколь много положеніе наше затрудняется рущукскимъ ретраншаментомъ, и намъ связываетъ руки сей постъ». Далѣе онъ излагалъ приблизительно слѣдующее: запереться со всею арміею въ Рущукѣ было бы крайне затруднительно; къ тому же, это значило бы приговорить себя къ бездѣйствію, которымъ визирь, конечно, воспользовался бы и переправилъ бы свои войска въ разныхъ пунктахъ черезъ Дунай для вторженія въ Валахію. Тогда пришлось бы оставить для обороны Рущуда не менѣе 18 баталіоновъ пѣхоты, а съ остальными, не болѣе 11 баталіоновъ, перейти въ Валахію и тамъ гоняться за непріятельскими отрядами. Стоять передъ Рущукомъ и закрывать его «кое какъ собранными силами» — было также неудобно. Единственная позиція была та, на которой велся бой 22 іюня. Сады, отдѣлявшіе эту позицію отъ крѣпости, мѣстами подходили къ самому крѣпостному рву и были расположены на крутыхъ скатахъ высотъ, командующихъ крѣпостью. Непріятель могъ утвердиться въ этихъ садахъ, стать на сообщеніи арміи съ Рущукомъ, разбить мостъ у этой крѣпости и прервать сообщеніе наше съ Валахіею. Въ виду этого Кутузовъ доносилъ: «Всѣ сіи причины столь важны, что я, по совершенному убѣжденію, принялъ мысль, тотчасъ послѣ одержанной надъ визиремъ побѣды, оставить Рущукъ: сіе только и можно было произвесть послѣ выигранной баталіи; въ противномъ случаѣ казалось бы то дѣйствіемъ принужденнымъ; и ежели бы вмѣсто выиграннаго сраженія была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить всѣ неудобства и для чести оружія не оставлять Рущукъ. Итакъ, несмотря на частный вредъ, который оставленіе Рущука сдѣлать можетъ только лично мнѣ и предпочитая всегда малому сему уваженію пользу Государя моего, я, выведя жителей, артиллерію, снаряды, словомъ все, и подорвавъ нѣкоторыя мѣста цитадели, перешелъ 27 числа на лѣвый берегъ Дуная».

При этомъ переходѣ жителямъ Рущука было приказано переѣхать съ ихъ имуществомъ также на лѣвый берегъ Дуная. Вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпленія въ Журжѣ были исправлены; въ крѣпости оставлено 4 баталіона; тамъ же хранились матеріалы разобраннаго Рущукскаго моста на случай новой переправы. 23 іюня было получено извѣстіе, что Измаилъ-бей, съ 15,000—20,000 чел., двинулся изъ Софіи къ Виддину. Въ виду этого Кутузовъ направилъ Эссена съ 8 баталіонами, 10 эскадронами и полкомъ казаковъ на р. Ольту, отправилъ обратно въ Турну и Слободзею притянутыя оттуда передъ боемъ войска, а весь «центральный» корпусъ Ланжерона (три дивизіи) расположилъ въ Петрикахъ (въ переходѣ отъ Журжи) и въ окрестностяхъ, имѣя въ виду изъ этого центральнаго пункта двинуться туда, куда потребуютъ обстоятельства.

Между тѣмъ турки готовились къ переправѣ; армія визиря усилилась до 70.000 чел., не считая войскъ Измаилъ-бея. Къ Ломъ-Паланкѣ подошелъ непріятельскій отрядъ; тамъ же находилось 50 шлюпокъ изъ состава виддинской флотиліи, изъ которой Мулла-паша успѣлъ передать нашимъ войскамъ только 29 судовъ. Отъ арміи визиря были отдѣлены и направлены внизъ и вверхъ по Дунаю значительные отряды, которые забирали наличныя суда и производили приготовленія къ переправѣ въ различныхъ пунктахъ. Въ виду этого Кутузовъ, которому все это было извѣстно, принялъ слѣдующія мѣры: были высланы 3 баталіона въ корпусъ Засса, къ устью р. Жіо, гдѣ была устроена батарея на 12 орудій; туда же, еще ранѣе, были направлены 18 судовъ, хорошо вооруженныхъ, и отрядъ генералъ-маіора гр. Воронцова; 6 баталіоновъ и 15 эскадроновъ передвинуты изъ Слободзеи въ Обилешти; 4 баталіона и 5 эскадроновъ генералъ-маіора Денисова высланы изъ Браилова въ Шербешти, откуда отрядъ этотъ могъ въ 1 переходъ прибыть къ Браилову или къ Слободзеѣ и даже усилить Обилештскій отрядъ. Независимо отъ этого, Кутузовъ, имѣя въ виду, что военныхъ дѣйствій на западной границѣ въ скоромъ времени не предвидѣлось, дважды просилъ военнаго министра о дозволеніи приблизить, на 10 переходовъ къ Дунаю, 9-ю дивизію изъ Яссъ и 15-ю изъ Хотина. Затѣмъ онъ ожидалъ дальнѣйшихъ предпріятій про-

тивника съ тѣмъ, чтобы съ ними сообразовать свои дѣйствія.

15 іюня войска Измаилъ-бея прибыли къ Арцеръ-Паланкѣ, послѣ чего перешли къ Виддину и начали тамъ переправу черезъ Дунай. Зассъ хотѣлъ раздѣлить свой отрядъ на три части и каждою изъ нихъ оборонять одинъ изъ проходовъ черезъ болото, за которымъ расположились турки. Кутузовъ, съ своей стороны, находилъ, что раздѣленіе отряда на части ослабитъ весь отрядъ, а потому совѣтовалъ Зассу держать всѣ силы въ совокупности, за среднимъ проходомъ и возвести редуты для продольнаго обстрѣливанія каждаго прохода—изъ этого видно, какъ правильно Кутузовъ смотрѣлъ на дѣло управленія войсками, дѣйствовавшими отдѣльнымъ корпусомъ, что встрѣчалось и встрѣчается весьма рѣдко.

Начиная съ 22 іюля, Измаилъ-бей пытался опрокинуть Засса и вступить въ Малую Валахію, но безуспѣшно. Между тѣмъ армія визиря оставалась близъ Рущука. Въ началѣ августа самъ визирь предполагалъ двинуться къ Виддину, соединиться съ Измаилъ-беемъ и начать общее наступленіе въ Малую Валахію. Но слухъ о томъ, что наши 9-я и 15-я дивизіи съ пятью полками казаковъ, возвращаются отъ Днѣстра къ Дунаю, побудилъ его отказаться отъ указаннаго плана и принять мѣры къ усиленію своей арміи и къ осуществленію новаго плана дѣйствій. Онъ притянулъ войска, стоявшія у Никополя, и даже 4000 кирджаліевъ (изъ балканскихъ разбойниковъ) и рѣшилъ переправиться со всѣми наличными войсками черезъ Дунай у Рущука, послѣ чего разбить Кутузова до прибытія къ нему подкрѣпленій. Такъ какъ мѣры, принятыя Кутузовымъ, привели къ тому, что визирь не могъ воспользоваться судами виддинской флотиліи, то ему пришлось строить паромы и плоты. Когда эти приготовленія были окончены, визирь рѣшилъ произвести переправу верстахъ въ четырехъ выше Рущука, гдѣ рѣка, дѣлая изгибъ, становится уже, а правый ея берегъ покрытъ густымъ кустарникомъ, скрывавшимъ войска при подходѣ ихъ къ мѣсту переправы.

Для отвлеченія вниманія русскихъ визирь переправилъ, въ ночь на 28 августа, у Рущука противъ Слободзеи небольшой отрядъ, который былъ сброшенъ въ Дунай баталіономъ Архангелогородскаго полка. Въ это же самое время, пользуясь темнотою ночи и пониженіемъ уровня воды на Дунаѣ, турки произвели дѣйствительную переправу. Значительная часть переправившейся непріятельской пѣхоты поспѣшно окопалась на лѣвомъ берегу Дуная, а на правомъ берегу турки выставили сильныя батареи. Кутузовъ отправилъ изъ своего лагеря къ мѣсту переправы генералъ-маіора Булатова съ пятью баталіонами и приказалъ ему опрокинуть перешедшихъ черезъ Дунай турокъ. Булатовъ повелъ атаку, мѣстами занялъ турецкіе окопы и вогналъ часть дессантныхъ войскъ въ рѣку, гдѣ многіе изъ нихъ погибли; но прибытіе къ туркамъ новыхъ подкрѣпленій и особенно—сильный огонь съ турецкихъ батарей праваго берега рѣки принудили отрядъ Булатова, не взирая на подкрѣпленіе его семью баталіонами, отойти назадъ въ окопы, наскоро устроенные въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятельской позиціи. Къ туркамъ постоянно прибывали подкрѣпленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣятельно укрѣпляли свое расположеніе. Кутузовъ, принимая во вниманіе опасность положенія Булатова, приказалъ ему отойти еще нѣсколько назадъ, на болѣе удобную позицію; при исполненіи этого приказанія пришлось оставить въ камышахъ одно полковое орудіе, лишившееся всѣхъ лошадей. Хотя въ этомъ бою турки потеряли до 3000 чел., а наши войска не болѣе 1,000 чел., но для послѣднихъ, въ виду ихъ малочисленности, эти потери были весьма чувствительны.

Теперь Кутузову было ясно, что визирь намѣренъ прочно утвердиться на лѣвомъ берегу Дуная и дать ему бой. Въ виду этого онъ приказалъ спѣшить къ Журжѣ не только войскамъ Эссена изъ Обилешти, но и 9-й дивизіи, которая все еще не была ему подчинена. Разсчитывая имѣть до 10,000 чел. противъ 20,000 переправившихся турокъ, Кутузовъ «надѣялся съ Божіею помощію, разбить визиря», если бы послѣдній атаковалъ его «на равнинахъ», о чемъ онъ донесъ Государю 1 сентября; но такъ какъ на лѣвомъ берегу Дуная находилась пока лишь меньшая часть силъ визиря, который могъ переправить и остальныя свои войска съ праваго берега рѣки, то равновѣсіе могло нарушиться окончательно въ пользу турокъ, а такъ какъ, въ то же время, составъ нашихъ войскъ былъ очень ослабленъ значительнымъ числомъ

больныхъ, то являлась настоятельная необходимость въ новомъ усиленіи нашей арміи. Въ виду этого Кутузовъ счелъ себя обязаннымъ «осмѣлиться подвинуть и 15-ю дивизію, какъ обсерваціонную, къ Обилештамъ, Слободзеѣ и Бузео», о чемъ донесъ Государю 8 сентября. Оба раза, посылая эти приказанія 9-й и 15-й дивизіямъ, онъ не находилъ возможнымъ ожидать разрѣшенія изъ Петербурга, на что потребовалось бы не менѣе трехъ недѣль, и принималъ на себя большую отвѣтственность ради интересовъ арміи и государства. Визирь въ скоромъ времени могъ атаковать его 10,000 чел. уже не двойными, а четверными силами, и потеря времени была бы большою ошибкою; Кутузовъ времени и не потерялъ и этимъ еще разъ доказалъ, что онъ былъ одаренъ рѣдкою способностью вѣрно оцѣнивать обстановку, принимать соотвѣтственныя рѣшенія и не отступать передъ препятствіями къ ихъ исполненію, чего бы это ни стоило. Нельзя не отмѣтить это замѣчательное проявленіе рѣшительности въ прославившемся своею осторожностью Кутузовѣ.

Въ это же время Кутузовъ передвинулъ армію изъ лагеря близъ Журжи вправо, ближе къ непріятелю, и расположилъ ее близъ Слободзеи противъ Рущука. Турки не трогались съ мѣста и продолжали укрѣплять свое расположеніе. Весьма возможно, что они ожидали нападенія со стороны Кутузова. Во всякомъ случаѣ, это промедленіе было выгодно для Кутузова и вредно для визиря; турки скоро начали ощущать недостатокъ въ фуражѣ. Они высылали, отъ своего лѣваго фланга, отряды конницы на фуражировку, но, благодаря мѣрамъ, которыя были приняты Кутузовымъ, имъ приходилось всякій разъ ни съ чѣмъ уходить назадъ. Одна изъ такихъ фуражировокъ была ими предпринята 10 сентября; наша кавалерія атаковала турецкую и обратила ее назадъ, положивъ на мѣстѣ 300 чел.,—плѣнные показали, что въ этомъ дѣлѣ былъ легко раненъ самъ визирь. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ приближенный къ визирю чиновникъ, который сообщилъ, что визирь предполагаетъ произвести еще одну переправу у Туртукая. Кутузовъ, признавая это показаніе правдоподобнымъ, расположилъ по 6 баталіоновъ 15-й дивизіи на обоихъ берегахъ р. Арджишъ, близъ впаденія ея въ Дунай, и теперь уже былъ спокоенъ относительно своего лѣваго фланга. Но, въ это время, на правомъ флангѣ нашего стратегическаго фронта дѣла начали принимать неблагопріятный оборотъ. Измаилъ-бей 7 сентября вынудилъ Засса очистить Калафатъ и отойти нѣсколько назадъ; теперь онъ могъ уже вступить въ Малую Валахію. Зассъ, намѣреваясь вести упорную оборону, притянулъ изъ Сербіи отрядъ О'Рурка и просилъ Кутузова выслать къ Краіовѣ хотя бы малую часть войскъ для усиленія его относительно слабаго корпуса. Кутузовъ самъ располагалъ небольшими силами, но, принимая во вниманіе опасное положеніе Засса, подкрѣпилъ его 6 баталіонами и 5 эскадронами, съ тѣмъ, чтобы онъ, не ограничиваясь оборономъ, отбросилъ Измаилъ-бея къ Виддину.

Между тѣмъ войска визиря продолжали стоять на мѣстѣ переправы; впереди своего ретраншамента они устроили двѣ сильныя батареи. Въ свою очередь Кутузовъ въ ночь на 12 сентября возвелъ противъ этихъ батарей два редута, а въ слѣдующіе дни устроилъ, впереди своего фронта, еще семь редутовъ, расположенныхъ полукругомъ и примыкавшихъ къ Дунаю, выше и ниже турецкаго ретраншамента. Наше расположеніе было раздѣлено на три участка: а) редуты праваго фланга, прикрывавшіеся отрядомъ Булатова; б) редуты лѣваго фланга, прикрывавшіеся отрядомъ Гартинга, который былъ расположенъ у берега Дуная, противъ Рущука, и в) центръ, къ западу отъ Слободзеи, корпусъ Эссена, за которымъ стоялъ, въ видѣ резерва, корпусъ Маркова.

Кутузовъ писалъ военному министру 26 сентября: «Необходимо нужно было запереть непріятеля такимъ образомъ, чтобы: 1) стѣснить ему способы прокормленія конницы и 2) чтобы толпы ихъ не могли никакъ объѣхать нашъ правый флангъ, и надѣлать какихъ нибудь шалостей позади насъ; тогда бы должно было отдѣлять отряды и гоняться за непріятелемъ». Армія визиря постоянно получала подкрѣпленія. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ «не считалъ себя противъ него слабымъ». Мало того, пользуясь бездѣйствіемъ визиря, ожидавшаго приближенія Измаилъ-бея отъ Виддина, онъ послѣ дѣла 10 сентября составилъ весьма смѣлый планъ дѣйствій противъ главныхъ силъ турокъ, котораго не довѣрилъ никому и о кото-

ромъ даже въ письмѣ военному министру упоминалъ только въ общихъ чертахъ: «возымѣлъ я—писалъ онъ—намѣреніе противъ визиря, не атакою его во фронтъ, подъ пушками его батарей... но *инымъ* образомъ; какъ бы то ни было, скоро долженъ быть берегъ здѣшній очищенъ отъ непріятеля».

Планъ Кутузова состоялъ въ томъ, чтобы переправить корпусъ Маркова на правый берегъ Дуная и атаковать находившійся тамъ лагерь той части турецкой арміи, которая не переправлялась на лѣвый берегъ; если бы удалось занять этотъ лагерь, то, пользуясь возвышеннымъ его положеніемъ, можно было бы, посредствомъ артиллеріи, нанести сильнѣйшее пораженіе войскамъ визиря, находившимся въ ретраншаментѣ на лѣвомъ, низменномъ берегу Дуная, а затѣмъ дѣйствовать «смотря по тому, какое сіе произведетъ дѣйствіе надъ непріятелемъ»...

Вниманіе турокъ было усыплено «скромнымъ поведеніемъ» Кутузова. Визирь былъ далекъ отъ мысли, что наша армія, искавшая, какъ онъ думалъ, спасенія въ отступленіи за Дунай, можетъ вновь перейти на правый его берегъ для нападенія на турокъ, и притомъ въ то самое время, когда она должна была выдѣлить значительную часть войскъ противъ Измаилъ-бея. Кутузовымъ приняты были всѣ предосторожности для того, чтобы скрыть переправу корпуса Маркова. Мѣсто для переправы было выбрано въ 18 верстахъ выше нашего лагеря, куда турецкіе разъѣзды не доходили. Для отвлеченія вниманія визиря въ другую сторону Кутузовъ приказалъ произвести отъ Турну поискъ на правый берегъ Дуная къ с. Мусели, гдѣ находился турецкій магазинъ при небольшомъ прикрытіи. Генералъ-маіоръ Турчаниновъ исполнилъ это приказаніе 14 сентября, разбилъ прикрытіе, занялъ Мусели, взялъ съ собою часть запасовъ, другую роздалъ голодавшему населенію, а остальные припасы сжегъ, послѣ чего возвратился въ Турну. Между тѣмъ Измаилъ-бей 18 и 30 августа атаковалъ Засса, но оба раза потерпѣлъ пораженіе; визирь же все еще ожидалъ его подхода и ограничивался частными стычками, въ которыхъ, впрочемъ, турки успѣха не имѣли. Переставъ надѣяться на помощь Измаилъ-бея со стороны Виддина, визирь намѣревался незамѣтно для Засса переправить корпусъ Измаилъ-бея у Виддина же обратно на правый берегъ Дуная, затѣмъ быстро передвинуть его къ Ломъ-Паланкѣ, переправить его здѣсь снова на лѣвый берегъ и отрѣзать Засса отъ Кутузова, а флотилію направить къ Рущуку. Но Кутузовъ отъ лазутчиковъ узналъ объ этомъ планѣ и рѣшилъ уничтожить непріятельскую флотилію и этимъ разстроить предположенія визиря; задача эта была имъ возложена на подполковника Энгельгардта, въ распоряженіе коего были назначены 4 баталіона пѣхоты и наша флотилія. Въ концѣ августа и въ началѣ сентября Энгельгардтъ занялъ островъ на Дунаѣ у Ломъ-Паланки и уничтожилъ стоявшую тамъ турецкую флотилію, что давало теперь возможность спустить часть нашихъ судовъ къ Рущуку и привести въ исполненіе вышеизложенный планъ Кутузова. Къ тому же нельзя было и медлить, такъ какъ визирь, въ арміи котораго начались уже обычные къ концу года побѣги, могъ отступить къ Балканамъ и этимъ снова затянуть войну.

Для переправы корпуса Маркова были заготовлены на р. Ольтѣ и спущены внизъ по Дунаю паромы, но ихъ было недостаточно; въ виду этого рѣшено было воспользоваться еще судами изъ Ломъ-Паланки, которыя хотя и прибыли послѣ начала переправы, но все же принесли большую пользу. 29 сентября, къ ночи, корпусъ Маркова (5.000 пѣхоты и 2.500 конницы при 38 орудіяхъ) выступилъ по назначенію, 1 октября произвелъ переправу, расположился затѣмъ на ночлегъ, соблюдая возможную тишину, и 2-го атаковалъ турецкій лагерь, въ которомъ никто не ожидалъ появленія русскихъ. «Всѣ войска наши на лѣвомъ берегу Дуная (писалъ Кутузовъ военному министру 3 октября) были свидѣтелями ужаса, который распространился по всему турецкому лагерю при нечаянномъ приближеніи генерала Маркова». По мѣрѣ движенія Маркова, наша флотилія слѣдовала внизъ по Дунаю, на высотѣ его лѣваго фланга. Войска Маркова заняли лагерь, овладѣли батареями и судами противника и обратили турокъ въ бѣгство, потерявъ при этомъ всего около 50 чел.; турки же потеряли до 1.800 чел. убитыми и плѣнными, 8 пушекъ, 22 знамени, большіе запасы пороха и свинца и т. п.

По окончаніи боя Марковъ занялъ позиціи на высотахъ между Дунаемъ и низовьями Лома, а для усиленія этой позиціи и для пальбы по лагерю визиря на лѣвомъ берегу Дуная было устроено пять редутовъ. Теперь визирь былъ отрѣзанъ отъ Рущука, гдѣ находилась административно-хозяйственная часть его арміи и куда бѣжали турецкіе начальники изъ лагеря, взятаго Марковымъ. Начальники эти собрались на военный совѣтъ и къ вечеру 2 октября прислали къ Маркову парламентера, съ просьбою отправить его къ визирю для объявленія, что совѣтъ пашей въ Рущукѣ находитъ необходимымъ приступить къ переговорамъ о мирѣ и немедленно заключить перемиріе. Марковъ отослалъ этого парламентера къ Кутузову, который, въ свою очередь, отправилъ его обратно въ Рущукъ съ объявленіемъ, что никого къ визирю изъ крѣпости не пропуститъ, а впрочемъ, обѣщалъ не препятствовать письменнымъ сношеніямъ пашей съ визиремъ. Вслѣдъ затѣмъ явился другой парламентеръ съ письмомъ отъ самаго визиря, который предлагалъ заключить перемиріе и отвести наши войска назадъ. Кутузовъ обѣщалъ дать отвѣтъ, а самъ прежде всего принялъ мѣры, чтобы не допустить въ лагерь визиря доставки какихъ бы то ни было продовольственныхъ припасовъ. Въ этихъ видахъ былъ занятъ войсками Маркова островъ Голя, противъ лагеря главныхъ силъ визиря, и на этомъ островѣ устроены двѣ батареи, каждая на 2 орудія; флотилія наши, притянутыя отъ мѣста переправы и отъ Журжи, стали перпендикулярно теченію Дуная, выше и ниже острова Голя, и заняли всю ширину рѣки; отрядъ Гартинга былъ подвинутъ впередъ, на 250 саж. отъ турецкаго лагеря.

Кутузовъ рѣшилъ ожидать, «на что люди, такимъ образомъ отрѣзанные, рѣшатся», и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ визирю слѣдующій отвѣтъ: «я не вправѣ отстраниться отъ данныхъ мнѣ Государемъ моимъ повелѣній и не прекращу военныхъ дѣйствій, доколѣ не узнаю, на какомъ основаніи Порта хочетъ мириться? Пусть Ахметъ-бей предварительно объяснится по сему предмету откровенно со мною, своимъ старинным другомъ». Но визирь не дождался отвѣта и, еще до перерыва сообщенія по Дунаю, воспользовавшись темнотою ночи, на 3 октября, на небольшой лодкѣ, успѣлъ пробраться въ Рущукъ, передавъ начальство надъ войсками въ лагерѣ, на лѣвомъ берегу Дуная сераскиру Чабанъ-оглу-пашѣ. Кутузовъ, узнавъ объ этомъ, говорилъ: «Если бы визирь не ушелъ, то некому было бы извѣстить султана о положеніи, въ какое мы поставили его армію» — во всякомъ случаѣ, Кутузовъ, конечно, зналъ, что въ силу обычая турокъ визирь, окруженный непріятелемъ, не имѣетъ права вести переговоры о мирѣ. Вскорѣ визирь прислалъ отвѣтъ на письмо Кутузова, въ которомъ указывалъ на необходимость назначенія уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ для переговоровъ.

Между тѣмъ, брошенная имъ армія (усилившаяся при немъ до 35,000 — 36,000 чел. при 56 орудіяхъ) была отрѣзана отовсюду и обстрѣливаема со всѣхъ четырехъ сторонъ; орудія на валахъ турецкаго ретраншамента были сбиты; у турокъ были разстрѣляны всѣ снаряды и туркамъ пришлось прекратить пальбу. Хлѣба не было; турки съѣли всѣхъ уцѣлѣвшихъ лошадей, а затѣмъ начали питаться «травяными кореньями». Холодъ развивалъ болѣзни; ощущался недостатокъ топлива. По свидѣтельству самого Кутузова, турки, «не имѣя дровъ и будучи почти наги, умирали... по нѣсколько сотъ ежедневно... Терпѣніе сими людьми, оказанное, достойно быть описано перомъ историка», писалъ онъ.

Для большаго еще увеличенія бѣдствій турецкихъ войскъ, Кутузовъ предпринялъ переправу на правый берегъ Дуная и въ другихъ пунктахъ. По его приказанію, генералъ Гамперъ, стоявшій, съ частью войскъ 15-й дивизіи у Обилешти, переправилъ черезъ Дунай и выслалъ къ Туртукаю небольшой отрядъ полковника Грекова 8-го, а самъ съ другимъ отрядомъ направился къ Силистріи. Туртукай былъ занятъ первымъ отрядомъ безъ боя 10 октября, а Силистрія взята войсками Гампера открытою силою 11 октября; при этомъ были взяты: до 1000 плѣнныхъ, 8 знаменъ, 12 орудій, арсеналъ, нѣсколько судовъ и богатая добыча. Укрѣпленія Силистріи и Туртукая были разрушены, послѣ чего Гамперъ возвратился на лѣвый берегъ Дуная, оставивъ на правомъ берегу часть казаковъ для развѣдокъ. Однако, визирь могъ еще разсчитывать на помощь со стороны Виддина. Въ виду этого Кутузовъ приказалъ Зассу повторить про-

тивъ Измаилъ-бея тотъ самый маневръ, который былъ такъ удачно произведенъ имъ самимъ противъ арміи визиря; при этомъ принималось во вниманіе, что Мулла-паша, попрежнему, ради корыстолюбія, расположенъ къ русскимъ. Зассъ выслалъ на правый берегъ Дуная, для дѣйствій на сообщенія Измаилъ-бея, генералъ-маіора графа Воронцова съ 3 баталіонами и 3 эскадронами. Воронцовъ скрытно переправился черезъ Дунай у Груи 8 октября, соединился съ сербскимъ отрядомъ Велько близъ Брегова, 9 октября произвелъ фланговый маршъ въ виду крѣпости Виддина и хотя былъ при этомъ нѣсколько разъ атакованъ превосходными силами турецкой конницы, вышедшей изъ крѣпости, но отразилъ всѣ эти атаки и удержался на правомъ берегу Дуная, установивъ связь съ Зассомъ. Послѣ боя 9 октября, Измаилъ-бей черезъ парламентера изъявилъ готовность отойти на правый берегъ Дуная въ случаѣ, если русскіе отойдутъ отъ Виддина. Въ этомъ смыслѣ и было заключено соглашеніе, но этого было мало: нужно было воспрепятствовать движенію Измаила-бея къ Журжѣ или къ Рущуку. Задача эта была возложена на генералъ-маіора Репнинскаго 1-го съ отрядомъ изъ 6 баталіоновъ, 2 эскадровъ, 200 пандуръ и 3000 казаковъ, которому было приказано переправиться на правый берегъ Дуная и, въ случаѣ наступленія противника, задержать его у Ломъ-Паланки. Репнинскій, въ ночь на 4 ноября, произвелъ переправу, а 6 — былъ атакованъ превосходными силами турокъ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Затѣмъ, 12 ноября, графъ Воронцовъ, съ небольшимъ отрядомъ, овладѣлъ турецкими запасами продовольствія въ д. Василевцахъ, что побудило Измаилъ-бея на другой же день начать отступленіе на Берковацъ и Софію. Послѣдняя надежда на помощь у турокъ, окруженныхъ Кутузовымъ, исчезла.

Переговоры съ турками о мирѣ велись еще до назначенія Кутузова, но успѣху ихъ препятствовали: крайне неблагопріятная политическая обстановка и въ особенности происки нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ, изъ коихъ Франція и Австрія, даже состоя въ союзѣ или «въ дружбѣ» съ Россіею, скорѣе вредили ей, чѣмъ помогали; казавшіяся туркамъ слишкомъ невыгодными для нихъ и неумѣренными мирныя условія, которыя предъявляла Россія, а въ особенности требованіе границы по Дунай, частая смѣна главнокомандующихъ, отсутствіе одной общей руководящей идеи во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, дипломатическихъ и военныхъ, и слишкомъ частыя предложенія вести переговоры о мирѣ, исходившія отъ насъ, а не отъ турокъ; послѣднее обстоятельство, въ связи съ недостаточною энергіею въ веденіи нами операцій, приводило турокъ къ заключенію, что Россія гораздо болѣе нуждается въ мирѣ, чѣмъ Турція. Такимъ образомъ, до назначенія Кутузова, дѣло уже было до крайности испорчено и на него выпала неблагодарная задача все это поправлять.

Прибывъ къ арміи, Кутузовъ получилъ полномочіе для веденія переговоровъ 26 апрѣля, послѣ чего тотчасъ же отправилъ къ визирю письмо, съ увѣдомленіемъ о своемъ назначеніи и съ выраженіемъ желанія, чтобы визирь прислалъ отъ себя довѣренное лицо, для веденія переговоровъ о мирѣ. Мѣстомъ переговоровъ былъ избранъ Букарештъ, куда 24 мая прибыли турецкій уполномоченный Гамидъ-Эфенди и его секретарь князь Мурузи. Съ нашей стороны переговоры велъ Фонтонъ, но дѣйствія его направлялись самимъ Кутузовымъ. Не взирая на все дипломатическое искусство Кутузова переговоры эти не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ и были прекращены Кутузовымъ, который отлично понималъ, что сила гораздо скорѣе подѣйствуетъ на турокъ, чѣмъ самая утонченная дипломатическая казуистика, но исполнялъ то, что ему было предписано изъ Петербурга. Впрочемъ, теперь самъ графъ Румянцевъ соглашался съ Кутузовымъ и писалъ ему: «холодность наша теперь и молчаніе вызовутъ скорѣе Порту сдѣлать намъ новыя предложенія и, вѣроятно, съ большею податливостью къ уступкѣ»... Кутузовъ не только все это понималъ какъ нельзя лучше, но и вынудилъ турокъ быть болѣе уступчивыми своимъ искуснымъ веденіемъ операцій.

Послѣ окруженія турецкой арміи Кутузовымъ подъ Рущукомъ визирь, 5 октября, предлагалъ уступить Россіи Хотинъ съ окрестностями, или же уплатить, вмѣсто этого, соотвѣтственную денежную сумму. Кутузовъ отклонилъ это предложеніе. Тогда визирь прислалъ въ лагарь Кутузова Мех-

медъ-Эссадъ-эфенди, для личныхъ переговоровъ; Кутузовъ назначилъ для этой цѣли Фонтона. Порта соглашалась сначала уступить Россіи часть Бессарабіи до рр. Кундухъ и Быкъ, а затѣмъ всю Бессарабію, но Кутузовъ пока не имѣлъ права и не считалъ еще возможнымъ на это согласиться, а потому требовалъ сверхъ того и части Молдавіи до р. Серета. Въ это время положеніе Турціи, которая, въ довершеніе другихъ бѣдствій, не имѣла хлѣба для своей столицы, было критическое. Съ ея стороны, для веденія переговоровъ, были назначены уполномоченные, во главѣ коихъ стоялъ Гулибъ-эфенди, а со стороны Россіи - бывшій уже съ 1802 г. по 1806 г. посланникомъ въ Константинополѣ, тайн. совѣт. А. Я. Италинскій, генералъ-маіоръ И. В. Сабанѣевъ и І. П. Фонтонъ. Назначеніе Сабанѣева объясняется тѣмъ, что Кутузовъ понималъ безусловную необходимость полнаго согласованія интересовъ политики и стратегіи.

13 октября турецкіе уполномоченные прибыли въ Журжу, гдѣ и открылись «конференціи» мирнаго конгресса, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ и руководствомъ Кутузова. Представители Порты уступили уже было по главнымъ пунктамъ, соглашаясь даже признать границею р. Серетъ, а въ Константинополѣ правительство также склонялось къ требуемымъ уступкамъ; но французскій посланникъ, сообщивъ Портѣ, что Наполеонъ приказалъ уже своимъ многочисленнымъ войскамъ быть готовыми къ вторженію въ Россію, убѣждалъ турокъ запастись терпѣніемъ и дождаться недалекаго уже времени, когда Россія, принужденная къ оборонѣ, сама откажется отъ предъявляемыхъ ею Турціи требованій. Эти внушенія не прошли безслѣдно. Султанъ не согласился признать р. Серетъ границею Россіи и не нашелъ возможнымъ исполнить нѣкоторыя другія ея требованія. Старшій представитель Турціи заявилъ объ этомъ на конференціи 17 ноября, а 21 ноября предложилъ провести границу по р. Пруту до Фальчи, затѣмъ по прямой линіи до р. Кундухъ, и по лѣвому берегу этой рѣчки и озера Сасикъ къ Черному морю. Объ этомъ исходѣ переговоровъ было послано донесеніе въ Петербургъ, а засѣданія конгресса перенесены въ Букарештъ.

Между тѣмъ, окруженная турецкая армія быстро таяла; несчастнымъ остаткамъ этой арміи, не имѣвшимъ ни боевыхъ, ни продовольственныхъ припасовъ, угрожала полная гибель. Тогда Кутузовъ указалъ визирю, что онъ, во всякое время, легко могъ бы заставить его армію сдаться военноплѣнною; но, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, предлагаетъ заключить безсрочное перемиріе и взять остатки турецкой арміи «на сохраненіе», такъ какъ иначе она вся перемретъ до послѣдняго человѣка. Пушки и оружіе также должны были быть взяты на сохраненіе, до разъясненія дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Визирь, уступая роковой необходимости, 25 ноября подписалъ условіе о передачѣ его арміи «на сохраненіе» русскимъ и объ установленіи безсрочнаго перемирія. Турецкая армія сдалась; 3,000 больныхъ и раненыхъ изъ ея состава были перевезены на правый берегъ Дуная и переданы турецкимъ властямъ, а остальные обезоружены и размѣщены въ окрестностяхъ Малки; пушки и оружіе свезены въ Журжу. До окончательнаго устройства турокъ на попеченіи русскихъ военныхъ властей Кутузовъ посылалъ къ нимъ врачей съ медикаментами, хирурговъ для производства операцій и даже хлѣбъ, насколько это было возможно безъ ущерба для своихъ войскъ.

14 декабря Кутузовъ писалъ военному министру: «я смѣю себя ласкать надеждою, что армія турецкая, которая не столь важна по количеству составляющихъ ее людей, какъ по знатности чиновниковъ и корпусовъ, у насъ въ рукахъ имѣющихся, есть способъ дѣйствительнѣйшій къ миру, нежели нѣсколько набѣговъ, которые бы я могъ сдѣлать. Я началъ кампанію съ малыми способами и ничего не могъ отдавать на произволъ судьбы. Исчисленія мои, не столь смѣлыя, какъ заботливыя, смѣю я сказать, не могли быть, по крайней мѣрѣ, ошибочными, и были таковы, что непріятель не долженъ былъ возмочь сдѣлать шага отъ берега Дунайскаго». Указавъ затѣмъ на то, что ему приходилось оборонять линію Дуная на протяженіи 1,000 верстъ всего только съ четырьмя дивизіями, изъ коихъ у Рущука имѣлось лишь 19, а у Виддина—12 баталіоновъ, къ тому же еще ослабленныхъ болѣзнями, Кутузовъ продолжалъ: «признаюсь, когда бы имѣлъ я дѣло съ пред-

пріимчивымъ и отважнымъ непріятелемъ, то онъ весьма озаботилъ бы меня, въ обоихъ названныхъ пунктахъ, и я не отвѣчаю за то, что въ состояніи ли бы я былъ удержать стремленіе его отъ обоихъ сихъ мѣстъ, когда бы, не предвидѣвъ все то, что онъ возможетъ противу меня, не привелъ я заранѣе въ движеніе войска 9 и 15 дивизій».

Въ этотъ же мѣсяцъ Кутузовъ отправилъ 15-ю дивизію обратно къ Хотину, расположилъ свою армію на зимнія квартиры въ ближайшихъ къ нашей коммуникаціонной линіи частяхъ Валахіи и Молдавіи и ожидалъ отвѣта изъ Петербурга на посланное донесеніе. Въ концѣ декабря онъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ императоръ Александръ, выразивъ неудовольствіе по поводу всего, что произошло въ послѣднее время на Дунаѣ, писалъ Кутузову: «нахожу нужнымъ вамъ предписать слѣдующее: 1) если до полученія сего повелѣнія вы не успѣли склонить турецкихъ полномочныхъ къ принятію предлагаемыхъ нами кондицій, то объявите имъ, что когда султанъ не одобрилъ предварительныхъ условій, на которыя визирь согласился, я имѣю равное право не одобрить капитуляціи, сдѣланной вами о принятіи турецкаго войска въ вашъ присмотръ, и повелѣлъ вамъ, если турецкіе полномочные не примутъ, послѣ сего извѣщенія, предлагаемыя нами кондиціи, считать сей корпусъ совершенно военноплѣннымъ,... отрядить достаточное число нашихъ войскъ для препровожденія... во внутрь Россіи; 2) не приступать къ подпискѣ мира иначе, какъ на тѣхъ условіяхъ, кои мною вамъ были предписаны; 3) въ противномъ случаѣ объявить турецкимъ полномочнымъ, что военныя дѣйствія тотчасъ начнутся, къ чему и приготовить все нужное во ввѣренной вамъ арміи»...

Кутузовъ исполнилъ повелѣніе Государя: на конференціи 31 декабря представители Россіи заявили, что императоръ Александръ не признаетъ въ Европѣ иной границы съ Турціею, какъ р. Серетъ, а въ Азіи граница должна остаться въ томъ видѣ, въ какомъ она находится по день заключенія мира; сверхъ того Турція должна признать независимость Сербіи подъ покровительствомъ Россіи. Представители Порты были смущены и просили подождать отвѣта султана. Кутузовъ согласился, но объявилъ, что военныя дѣйствія будутъ немедленно возобновлены; 3 января 1812 г. онъ объявилъ по арміи о прекращеніи перемирія и о томъ, что турецкая армія признается военноплѣнною, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи ея изъ Журжи въ Руше-де-Веде.

Вести операціи за Дунаемъ въ широкихъ размѣрахъ было невозможно, ибо не имѣлось ни достаточныхъ силъ, ни необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, Кутузовъ показалъ со своей стороны видъ готовности немедленно открыть военныя дѣйствія въ Болгаріи. Направленные имъ отряды Булатова, Гартинга, графа Ливена и Тучкова въ февралѣ перешли по льду черезъ Дунай, захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ вооруженныхъ жителей, взяли нѣкоторое число припасовъ и, нигдѣ не встрѣтивъ турецкихъ войскъ, возвратились на лѣвый берегъ Дуная. Между тѣмъ, самъ Кутузовъ въ частныхъ бесѣдахъ съ представителями Турціи, со свойственною ему ловкостью, внушалъ имъ мысль, что Порта сильно заблуждается, разсчитывая на чью-либо помощь, и склонялъ ихъ къ миру. Въ связи съ интригами враговъ Россіи въ Константинополѣ переговоры затягивались, конференціи прерывались и возобновлялись. Наконецъ, 5 мая были окончательно установлены главныя статьи договора, въ силу котораго: военныя дѣйствія прекращались; Турція уступала Россіи въ Европѣ Бессарабію; границы въ Азіи «de jure» оставались въ томъ видѣ, въ какомъ находились до начала войны, но «de facto» Россія получала право пользоваться почти всѣмъ морскимъ берегомъ отъ устья Ріона до Анапы и устроенными ею до войны укрѣпленными мѣстами для складовъ, Сербіи предоставлялось автономное внутреннее устройство и управленіе подъ верховною властью Турціи. Съ 8 по 16 мая были формально подписаны всѣми уполномоченными постановленія конференцій въ ихъ окончательной формѣ. Война была окончена.

Заключеніе Букарештскаго мирнаго трактата было послѣднимъ дѣломъ Кутузова на Дунаѣ. Между тѣмъ въ Петербургѣ начали уже сомнѣваться въ способности Кутузова заключить миръ, становившійся настоятельно необходимымъ въ виду близости окончательнаго разрыва съ

Наполеономъ. Главнокомандующимъ дунайскою арміею на мѣсто Кутузова былъ назначенъ адмиралъ Чичаговъ, который прибылъ въ Букарештъ 6 мая, т. е. на другой день послѣ того, какъ соглашеніе было достигнуто. Кутузовъ сдалъ армію Чичагову 12 мая и въ этотъ же день отдалъ по войскамъ замѣчательный прощальный приказъ. Въ этомъ приказѣ онъ вспомнилъ всѣ подвиги, совершенные ввѣренною ему арміею, и прежде всего выразилъ свою «главнѣйшую признательность... корпуснымъ, отряднымъ, полковымъ и прочимъ начальникамъ, ихъ же усердіемъ, искусствомъ и храбростью достигаетъ воинство желаемой цѣли» и говорилъ, что дружба ихъ къ нему «иногда услаждая горькія минуты, нераздѣльныя съ трудами и безпокойствомъ въ военной осторожности... способствовала тѣмъ событіямъ, которыя время оправдало...» Затѣмъ Кутузовъ выразилъ «чувствительнѣйшую... благодарность всему вообще войску и за ту любовь, которая оградила (его) употребить власть... къ обращенію кого либо силою къ своимъ обязанностямъ, но единственно, на исходатайствованіе щедротъ... отъ высочайшей руки».—Подчиненные любили Кутузова, который всегда отечески заботился о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, не упускалъ случая и ранѣе отличать ихъ заслуги, не упустилъ этого случая и теперь. Заслуги Кутузова были награждены тѣмъ, что 29 октября 1811 г., въ ознаменованіе высочайшаго благоволенія «къ знаменитымъ заслугамъ и въ особенности къ отличнымъ подвигамъ и благоразумнымъ воинскимъ усмотрѣніямъ, оказаннымъ въ теченіе настоящей противу турокъ кампаніи», Кутузову, съ нисходящимъ потомствомъ, было пожаловано графское достоинство; 5 апрѣля 1812 г. Государь отозвалъ Кутузова отъ арміи въ Государственный Совѣтъ, причемъ писалъ ему: «нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія за всѣ знаменитыя заслуги, кои вы оказали мнѣ и отечеству». Государь не былъ доволенъ дѣятельностью Кутузова въ отношеніи заключенія мира; статьи заключеннаго имъ договора признавались въ Петербургѣ слишкомъ мало отвѣчавшими интересамъ Россіи: были недовольны, что Кутузовъ не успѣлъ заключить оборонительнаго и наступательнаго союза съ турками; по мнѣнію же императора Александра только такой союзъ могъ вознаградить насъ за потерю прямыхъ сношеній съ сербами и доставить намъ средство пользоваться содѣйствіемъ балканскихъ славянъ противъ французовъ и ихъ союзниковъ. Въ связи съ этимъ были даже сдѣланы попытки измѣнить мирныя условія, принятыя Кутузовымъ, но отъ этихъ попытокъ пришлось вскорѣ отказаться. Въ концѣ концовъ былъ ратификованъ трактатъ, заключенный Кутузовымъ, и самъ императоръ Александръ, получившій султанскую ратификацію уже во время отступленія арміи къ Москвѣ, назвалъ этотъ миръ «Богомъ дарованнымъ» ..

Кутузовъ въ кампанію 1811 г., располагая меньшими силами, чѣмъ его предшественники, далъ первостепенные образцы стратегическаго и тактическаго искусства, таковы именно—тщательное изученіе и рѣдкое пониманіе обстановки; замѣчательно искусная оборона линіи Дуная съ четырьмя дивизіями на протяженіи 1,000 верстъ; парализованіе всѣхъ комбинацій непріятельскаго главнокомандующаго; своевременный стратегическій переходъ въ наступленіе на правый берегъ Дуная, завершенный классическимъ активно-оборонительнымъ боемъ подъ Рущукомъ; рѣдкое пониманіе соотношенія живой силы и крѣпостей; переходъ къ «скромному поведенію», умѣнье выманить непріятеля въ открытое поле и даже побудить его къ рискованному переходу на лѣвый берегъ Дуная; классическая дунайская операція, завершившаяся тактическимъ окруженіемъ и постановкою непріятельской арміи въ безвыходное положеніе, и во все время кампаніи—удивительно гармоническое сочетаніе осторожности съ необходимыми проявленіями рѣшительности. Рядомъ съ этимъ должно поставить искусное рѣшеніе военно-хозяйственныхъ вопросовъ и полную заботливость о ввѣренныхъ ему войскахъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ эту же войну, въ качествѣ помощника князя Прозоровскаго, Кутузовъ явился образцовымъ начальникомъ штаба арміи, хотя и не носилъ [illegible]го наименованія; не его вина, если главнокомандующій не умѣлъ пользоваться его помощью; когда же онъ самъ сталъ главнокомандующимъ, то подъ его руководствомъ всѣ вообще вспомогательные органы высшаго военнаго управленія и командованія дѣйствовали отлично. Въ общемъ Кутузовъ

въ эту войну обнаружилъ первостепенный талантъ и въ сферѣ политики и дипломатіи, и въ сферѣ стратегіи, тактики и военной администраціи. Благодаря этому онъ вывелъ Россію изъ того крайне затруднительнаго положенія, изъ котораго не могъ ее вывести ни одинъ изъ его предшественниковъ. Все это ставитъ Кутузова на первое мѣсто въ ряду полководцевъ его времени, за исключеніемъ Наполеона. Здѣсь онъ доказалъ, что скорѣе всѣхъ прочихъ онъ достоинъ былъ чести вести русское воинство противъ новаго всемірнаго завоевателя. Но время для этого еще не пришло...

Сдавъ дунайскую армію Чичагову, Кутузовъ отправился въ свое волынское помѣстье, Горошки, куда пріѣхала къ нему дочь его, княгиня Е. М. Кудашева, съ дѣтьми. Здѣсь онъ провелъ недѣли двѣ, отдыхая послѣ продолжительной, тяжелой походной и боевой дѣятельности на Дунаѣ. Между тѣмъ получилось извѣстіе о томъ, что Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Россіи. Силы его, простиравшіяся до 500.000—600.000 чел., были настолько превосходны въ сравненіи съ нашими, что объ оборонѣ границъ нельзя было и думать. Всѣмъ было ясно, что война будетъ внесена во внутрь Россіи, которой угрожала опасность, небывалая, можно сказать, со временъ нашествія монголовъ. Въ такое время всякъ долженъ быть на своемъ посту. Кутузовъ поспѣшилъ въ Петербургъ и прибылъ туда въ началѣ іюля.

Съ началомъ Отечественной войны, въ іюнѣ 1812 г., наши западныя арміи, 1-я (127.000 чел.) подъ начальствомъ генераловъ Барклая-де-Толли, и 2-я (40.000 чел.) князя Багратіона, имѣвшія противъ себя не менѣе 375.000 наполеоновскихъ войскъ, очутились въ критическомъ положеніи, изъ котораго вышли только 22 іюля по соединеніи у Смоленска. Затѣмъ Барклай-де-Толли продолжалъ дѣйствовать въ духѣ разъ принятой идеи уклоненія отъ рѣшительнаго сраженія съ цѣлью завлечь противника въ глубь страны и дать ему бой лишь послѣ того, какъ обстановка измѣнится въ нашу пользу. Это постоянное отступленіе вызывало ропотъ и въ арміи, и въ народныхъ массахъ, и въ образованномъ обществѣ. Всеобщее неудовольствіе стало обращаться противъ Барклая, котораго считали не только главнымъ руководителемъ операцій, но и главнымъ виновникомъ неудачъ, во время командованія котораго, къ тому же, иностранцы играли въ главной квартирѣ арміи слишкомъ большую роль и съ которымъ, въ довершеніе всего, не ладилъ старшій въ чинѣ, но обязанный ему подчиняться, любимецъ арміи и народа, Багратіонъ.

Послѣ соединенія армій, важнѣйшее значеніе въ ряду обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣху нашихъ дѣйствій въ борьбѣ противъ Наполеона, принадлежало неправильной организаціи верха нашихъ армій, организаціи, въ силу которой отсутствовала единая власть, въ рукахъ одного главнокомандующаго. Всѣми сознавалась необходимость назначенія полководца, выше всѣхъ поставленнаго и обладающаго «полною мочью», по опредѣленію Суворова; всѣми чувствовалась также необходимость назначенія на этотъ постъ такого человѣка, который пользовался бы всеобщимъ довѣріемъ. Взоры всѣхъ стали обращаться къ Кутузову.

Выразителемъ мнѣнія всей Россіи явилось прежде всего дворянство петербургской губерніи, которое единодушно избрало его главнымъ начальникомъ вновь вызываемаго къ жизни вида вооруженной силы — земскаго ополченія. Особая депутація была отправлена къ нему, чтобы просить его принять это избраніе. Кутузовъ долго не соглашался и наконецъ уступилъ, но съ условіемъ, чтобы дворянство испросило на это соизволеніе Государя. Соизволеніе послѣдовало.

Кутузовъ, вступивъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей, исполнялъ ихъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. По его предложенію были учреждены два комитета: устроительный и экономическій, изъ коихъ первый вѣдалъ предварительныя постановленія о всѣхъ вообще потребностяхъ ополченія, опредѣленіе начальниковъ и офицеровъ, пріемъ ратниковъ и ускореніе всего относящагося къ ихъ военному образованію; на второй же комитетъ были возложены сборъ пожертвованій, жалованья и провіанта, обмундированіе и вооруженіе, доставка обоза и лошадей, вызовъ священниковъ и медицинскихъ чиновъ и снабженіе послѣднихъ лекарствами и инструментами. Самъ Кутузовъ проводилъ цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, входилъ въ подробности ихъ

обмундированія и т. п. и занимался лично ихъ обученіемъ и боевою подготовкою. Каждый воинъ имѣлъ на шапкѣ крестъ изъ латуни, съ вензелемъ Государя и съ надписью «за Вѣру и Царя». Ратники должны были имѣть ружье, суму, ранецъ и, по особенному настоянію Кутузова, топоръ и лопатку. Согласно съ его же мнѣніемъ ополченіе дѣлилось на дружины и сотни, состоявшія изъ людей одного уѣзда или въ сосѣдствѣ живущихъ. Обученіе ихъ было самое простое: умѣть колоть и стрѣлять. Соотвѣтствіе особенностямъ народнаго характера и замѣчательная практичность характеризуютъ всѣ эти его мѣропріятія.

Дѣятельность Кутузова въ качествѣ главнаго начальника петербургскаго ополченія была чрезвычайно успѣшна. Государь вскорѣ обратилъ на нее вниманіе; 28 іюля Кутузовъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ было начертано: «Съ удовольствіемъ усмотрѣли Мы въ Санктпетербургскомъ дворянствѣ то же самое рвеніе и усердіе къ Намъ и Отечеству, какое видѣли въ Московскомъ дворянствѣ. По чему и поручаемъ вамъ— губернатору, предводителю и всему здѣшнему благородному сословію объявить благоволеніе Наше и признательность». Въ этотъ же день вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна препроводила въ распоряженіе Кутузова, при весьма милостивомъ рескриптѣ, 50.000 рублей и объявила, что такая же сумма будетъ ею вносима ежегодно до окончанія войны на организацію, обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и содержаніе соотвѣтственной части ополченія, хотя ея вотчины и были освобождены отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Въ концѣ этого же мѣсяца митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Амвросій, какъ бы предвидя долженствующее выпасть на Кутузова высокое призваніе, благословилъ его образомъ Св. Александра Невскаго.

29 іюля Государь, въ изъявленіе «особеннаго благоволенія» своего къ службѣ и трудамъ Кутузова, «способствовавшаго къ окончанію съ Оттоманскою Портою войны, и къ заключенію полезнаго мира, предѣлы... Имперіи распространившаго», возвелъ его съ потомствомъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости а 2 августа повелѣлъ ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ занятіяхъ послѣдняго Кутузовъ принималъ участіе до самаго отъѣзда своего изъ столицы.

Въ это время Императоръ Александръ убѣдился уже въ неотложной необходимости назначенія новаго главнокомандующаго. Впослѣдствіи (24 ноября) онъ писалъ Барклаю-де-Толли: «Москва и Петербургъ въ одинъ голосъ славили... Кутузова, какъ единственнаго полководца, могшаго спасти Имперію,... толковали, что даже старшинство въ чинѣ надъ вами Тормасова, Багратіона и Чичагова, существенно вредившее успѣху военныхъ дѣйствій, могло быть устранено назначеніемъ Кутузова... Мнѣ оставалось только согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, по предварительномъ обсужденіи вопроса въ Комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ имперіи» (графы Н. И. Салтыковъ, Аракчеевъ и Кочубей, генералы Вязмитиновъ и Балашевъ и князь Лопухинъ). Комитетъ этотъ, собравшись 5 августа, выслушалъ чтеніе рапортовъ главнокомандующихъ 1-ю и 2-ю арміями и частныхъ писемъ князя Багратіона и другихъ генераловъ, уяснилъ себѣ положеніе дѣлъ и призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями положительной единогласной власти». Продолжая обсужденіе вопроса, комитетъ нашелъ «необходимо нужнымъ назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго»; когда же затѣмъ, при избраніи таковаго, было произнесено имя Кутузова, то всѣ члены комитета единогласно постановили ввѣрить ему начальство надъ всѣми арміями, предоставить ему одному власть, опредѣленную положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій и т. д. 8 августа Государь призвалъ къ себѣ Кутузова, объявилъ ему о назначеніи его главнокомандующимъ всѣми русскими арміями и ополченіями и уполномочилъ его дѣйствовать по его собственному усмотрѣнію, запретивъ лишь вступать въ переговоры съ Наполеономъ и приказавъ при этомъ, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми жителями, которые по отношенію къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ.

Извѣстіе о назначеніи Кутузова было встрѣчено во всей Россіи съ невыразимымъ восторгомъ. Самъ онъ, непосредственно послѣ аудіенціи у Государя, отправился въ Казанскій соборъ, здѣсь снялъ съ себя всѣ украшенія и долго молился Богу и до самаго своего отъѣзда изъ Петербурга ежедневно дѣлалъ то же самое въ этомъ же соборѣ и въ другихъ церквахъ. 8 же августа, вечеромъ, Кутузовъ, въ кругу своихъ родныхъ, говорилъ, что «услышалъ повелѣніе Государя съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше»; когда же одинъ изъ родственниковъ спросилъ его: «Неужели вы надѣетесь разбить Наполеона?» — Кутузовъ отвѣчалъ: «разбить? Нѣтъ, а обмануть—надѣюсь». Самъ Наполеонъ, узнавъ о томъ, что противъ него выступаетъ Кутузовъ, назвалъ его: «le vieux renard du Nord». «Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ», замѣтилъ Кутузовъ, когда ему сдѣлался извѣстнымъ этотъ отзывъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Кутузовъ письменно благодарилъ петербургскихъ дворянъ, которые его избрали «единомысленно къ начальству надъ ними» и попрощался съ ними. Наканунѣ отъѣзда протоіерей Казанскаго собора поднесъ ему крестъ и икону Казанской Божіей Матери. 11 августа провожать отъѣзжавшаго Кутузова собрались не только его родственники и знакомые, но и цѣлыя толпы народа, которыя желали ему счастливаго пути и провожали его восклицаніями: «спаси насъ! побей супостата!» Кутузовъ поклонился народу, простился со всѣми и выѣхалъ изъ Петербурга. Дальнѣйшій переѣздъ его къ арміи имѣлъ видъ непрерывнаго торжественнаго шествія; жители городовъ и селеній стекались на дорогу, по которой онъ проѣзжалъ; многіе, привѣтствуя его, становились на колѣни. Чувствовалась какая то стихійная сила въ этомъ подъемѣ духа великаго народа, предвѣщавшая успѣхъ въ борьбѣ за Вѣру, Царя и Отечество.

На пути Кутузовъ встрѣтилъ возвращавшагося изъ арміи въ Петербургъ генерала Беннигсена, далеко не безупречнаго въ своихъ отношеніяхъ къ нему,—зная его недостатки и достоинства и отдавая предпочтеніе послѣднимъ, Кутузовъ объявилъ ему Высочайшее повелѣніе—возвратиться въ армію; затѣмъ они поѣхали вмѣстѣ въ одной каретѣ.

15 августа Кутузовъ прибылъ въ Вышній Волочокъ и здѣсь узналъ отъ земскаго исправника, что недалеко отъ Вязьмы уже находятся непріятельскіе разъѣзды. Въ виду этого онъ направился къ Смоленску, но 16, проѣхавъ Торжокъ, узналъ, что Смоленскъ уже взятъ французами. Тогда онъ продолжалъ путь на Гжатскъ, близъ котораго, 17 августа, узналъ отъ выѣхавшихъ къ нему навстрѣчу изъ арміи должностныхъ лицъ, что обѣ наши арміи отступаютъ отъ Вязьмы къ Цареву Займищу. Тутъ же онъ былъ встрѣченъ множествомъ мѣстныхъ жителей, которые остановили экипажъ, выпрягли лошадей и довезли его сами до приготовленнаго для него дома. Въ Гжатскѣ оказались офицеры квартирмейстерской части, высланные для обозрѣнія позицій по пути на Москву. «Не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы и безъ того уже слишкомъ далеко отступили», сказалъ Кутузовъ и приказалъ этимъ офицерамъ возвратиться въ армію. Здѣсь же, увидѣвъ первый встрѣтившійся ему полкъ, онъ сказалъ: «Боже мой! кто бы могъ меня увѣрить въ томъ, чтобъ когда либо врагъ нашъ могъ сражаться на штыкахъ съ такими молодцами, какъ вы, братцы». Изъ Гжатска Кутузовъ отправился въ Царево Займище, гдѣ находилась главная квартира обѣихъ армій; прибывъ туда, онъ принялъ почетный караулъ и сказалъ при этомъ, какъ будто про себя, но довольно громко: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами»! Солдаты ободрились; всю армію облетѣло слово: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ»; по всей Россіи разнеслась вѣсть, что въ моментъ появленія Кутузова предъ арміей надъ головою его вознесся огромный орелъ и сопровождалъ его при объѣздѣ войскъ. Въ нѣсколько часовъ совершилось то, чего никакъ нельзя было достичь до этого момента въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: армія составляла съ своимъ вождемъ одно цѣлое и готова была идти за нимъ куда угодно, безъ ропота и безъ сомнѣній.

Прежде всего необходимо было установить необходимый порядокъ въ высшемъ управленіи соединенными арміями. Начальникомъ главнаго штаба при Кутузовѣ былъ назначенъ Беннигсенъ, а генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоръ Вистицкій—какъ бы въ видѣ уступки Барклаю, — послѣдній, впрочемъ, совер-

шенно стушевался. Незадолго до прибытія Кутузова было приказано выѣхать изъ арміи полковнику Толю, который исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера 1-й арміи и которымъ были не довольны, какъ Барклай, такъ и Багратіонъ. Кутузовъ зналъ Толя еще на школьной скамьѣ и гордился тѣмъ, что еще тогда предугадалъ его военныя способности. Онъ приказалъ Толю вернуться въ армію и оставилъ его при себѣ. Теперь Толь снова распоряжался квартирмейстерскою частью въ 1-й арміи и вскорѣ занялъ первое мѣсто среди офицеровъ этой части и въ обѣихъ соединенныхъ арміяхъ. Онъ былъ неразлученъ съ Кутузовымъ, помѣщался обыкновенно въ одномъ съ нимъ домѣ и работалъ въ его присутствіи.

Кутузовъ подобно Барклаю признавалъ необходимымъ отступать вглубь страны, уклоняясь отъ рѣшительнаго сраженія, впредь до существеннаго измѣненія обстановки въ нашу пользу. Если теперь онъ рѣшался принять бой, то лишь потому, что сознавалъ необходимость сдѣлать уступку мнѣнію всей Россіи.

Онъ осмотрѣлъ позицію у Царева-Займища, нашелъ ее сильною и приказалъ ускорить постройку на ней укрѣпленій. Армія ждала боя. Но непріятель все еще былъ значительно сильнѣе и Кутузовъ призналъ необходимымъ дождаться подходившихъ покрѣпленій, а потому 18 августа приказалъ отступать. 22 армія подошла къ с. Бородину (въ 10 верстахъ отъ Можайска); здѣсь къ ней присоединились части Московскаго и Смоленскаго ополченій (до 10,000 чел.)—и здѣсь Кутузовъ, располагавшій 110,000 чел. (безъ ополченія) при 640 орудіяхъ, рѣшилъ дать бой Наполеону, который имѣлъ до 130,000 чел. при 587 орудіяхъ.

Бородинская позиція (отъ р. Москвы до с. Утицы, 7 верстъ) пересѣкалась у Бородина новою, а у Утицы старою Смоленскою дорогою; съ фронта она была отчасти прикрыта Колочею, притокомъ Москвы; весьма важное значеніе на ней имѣли: высота въ центрѣ, на которой была построена «батарея Раевскаго», и высоты у Семеновскаго, впереди котораго были устроены «Багратіоновы флеши». Позиція эта была сильна на правомъ флангѣ и отчасти въ центрѣ и крайне слаба—на лѣвомъ флангѣ, особенно важномъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ Наполеону было выгодно обойти этотъ нашъ флангъ и отбросить нашу армію на сѣверъ, отрѣзавъ отъ Москвы и отъ южныхъ губерній.

Для замедленія наступленія непріятеля, а главное для раскрытія направленія, въ которомъ наступала главная масса французскихъ войскъ, была выбрана, усилена укрѣпленіями и занята 11,000 чел. изъ 2-й арміи передовая позиція у Шевардина. 24 августа Наполеонъ направилъ для атаки этой позиціи до 35,000 чел. Хотя наши войска были подкрѣплены Багратіономъ, но и онъ, протянувъ бой до 11 часовъ ночи, долженъ былъ отступить на главную позицію. Цѣль боя была достигнута: стало ясно, что непріятель перевелъ часть своихъ войскъ на правый берегъ Колочи и что главная опасность угрожаетъ нашему центру и въ особенности лѣвому флангу. Наполеонъ считалъ необходимымъ разгромить нашу армію, чтобы заставить императора Александра просить мира. Опасаясь, чтобы наша армія снова не уклонилась отъ боя, а можетъ быть, считая лѣсъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ неудобопроходимымъ для большихъ массъ войскъ, онъ рѣшилъ произвести фронтальную атаку нашего расположенія, для чего вести двѣ главныя атаки: одну на батарею Раевскаго—войсками вице-короля Евгенія, а другую на Багратіоновы флеши — корпусами Даву, Нея и Жюно, вести демонстративную атаку — небольшими силами на нашъ правый флангъ, и вспомогательную атаку — корпусомъ князя Понятовскаго по направленію старой Смоленской дороги. За войсками вице-короля долженъ былъ слѣдовать одинъ, а за корпусами Даву, Нея и Жюно — три кавалерійскихъ корпуса; гвардія оставлена въ общемъ резервѣ.

Между тѣмъ, на основаніи диспозиціи Кутузова отъ 24 августа и дополнительныхъ къ ней приказаній, наши арміи были расположены: 1-я правѣе, а 2-я лѣвѣе, въ слѣдующемъ порядкѣ: на крайнемъ правомъ флангѣ: 2-й, а лѣвѣе его 4-й, 6-й и 7-й пѣхотные корпуса и 27-я пѣхотная дивизія; войска эти составляли «коръ-де-баталь» и были построены въ двѣ линіи; частями коръ-де-баталіи командовали: правымъ флангомъ, за Колочею, до Горокъ (2-мъ и 4-мъ корпусами) Милорадовичъ, цен-

тромъ, отъ Горокъ до батареи Раевскаго (6-мъ корпусомъ) — Дохтуровъ и лѣвымъ флангомъ, отъ батареи Раевскаго до Семеновскаго (2-й арміи 7-й корпусъ и 27-я дивизія)—князь Горчаковъ 2-й; за пѣхотными корпусами стали 1-й, 2-й, 3-й и 4-й кавалерійскіе корпуса; въ центрѣ за кавалеріею стали резервы: 3-й, а за нимъ 5-й (или гвардейскій) корпусъ и гренадерскіе баталіоны четырехъ дивизій у Князькова («главный резервъ»); артиллерійскій резервъ (300 орудій) у Псарева; 2-я гренадерская дивизія и гренадерскіе баталіоны 2-й арміи за 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ (резервъ 2-й арміи); егерскіе полки 1-й арміи были притянуты на правый ея флангъ, частью для занятія лѣсовъ, частью же для составленія резерва праваго фланга арміи; остальныя войска 8-го корпуса (кромѣ 2-й гренадерской дивизіи) занимали Багратіоновы флеши; кирасирскіе полки должны были образовать двѣ дивизіи и стать позади гвардейскаго корпуса; 6 казачьихъ полковъ направлялись къ Утицѣ; 5 казачьихъ полковъ наблюдали за нижнимъ теченіемъ Колочи; Барклай и Багратіонъ продолжали командовать войсками своихъ армій; самъ же Кутузовъ избралъ для себя мѣсто за 6-мъ корпусомъ.

Въ этомъ расположеніи онъ предполагалъ «привлечь на себя силы непріятельскія и дѣйствовать сообразно его движеніямъ». Предоставляя главнокомандующимъ 1-ю и 2-ю арміями «дѣлать соображенія дѣйствій на пораженіе непріятеля», онъ рекомендовалъ имъ только беречь резервы сколь возможно долѣе, ибо «тотъ генералъ, который сохранилъ еще резервъ, не побѣжденъ». Въ случаѣ наступленія въ бою, Кутузовъ приказывалъ: «стрѣльбою отнюдь не заниматься, но дѣйствовать быстро холоднымъ оружіемъ». На случай неудачи генералъ-квартирмейстеръ Вистицкій долженъ былъ сообщить только Барклаю и Багратіону, по какимъ дорогамъ должно быть произведено отступленіе, а въ случаѣ успѣха, самъ Кутузовъ былъ намѣренъ дать особыя повелѣнія.

Послѣ Шевардинскаго боя войска, ведшія этотъ бой, отошли къ Семеновскому, при чемъ сводная гренадерская дивизія графа Воронцова заняла флеши; за нею стала 27-я дивизія, а позади ихъ частный резервъ 2-й арміи (2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизіи), 3-й пѣхотный корпусъ былъ переведенъ къ Утицѣ, а для связи между нимъ и войсками Багратіона, въ лѣсу между Утицею и Семеновскимъ, было расположено 4 егерскихъ полка князя Шаховскаго. Крайне опасный лѣвый нашъ флангъ былъ усиленъ, но все еще недостаточно.

Причины этого въ точности не выяснены.

25 августа обѣ стороны готовились къ бою. Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войскъ чудотворную икону Божіей Матери, сопровождавшую ихъ отъ Смоленска, а самъ объѣзжалъ войска, говорилъ съ солдатами, стараясь всячески поднять ихъ духъ и поселить въ нихъ готовность пожертвовать собою для защиты Москвы и Россіи.

26 августа, около 6 часовъ утра, французы открыли артиллерійскій огонь, а затѣмъ повели атаки на Багратіоновы флеши и на батарею Раевскаго. Войска Даву, при первой атакѣ на флеши, были отбиты, а затѣмъ, поддержанныя корпусомъ Нея, кавалерійскими корпусами, корпусомъ Жюно и дивизіею Фріана, дважды овладѣли флешами и дважды были оттуда выбиты нашими войсками; однако, у насъ выбыло изъ строя много начальниковъ; самъ Багратіонъ былъ тяжело раненъ; войскамъ же его, въ $11^1/_2$ час., пришлось уступить флеши французамъ и отойти на вторую позицію, за оврагъ у Семеновскаго; начальство надъ 2-ю арміею было поручено Кутузовымъ Дохтурову. Между тѣмъ, Ней и Мюратъ рѣшили сломить сопротивленіе оборонявшихъ Семеновскій оврагъ нашихъ войскъ, при помощи кавалерійскихъ корпусовъ Нансути и Латуръ-Мобура, двинутыхъ въ атаку правѣе и лѣвѣе Семеновскаго. Атаки эти были отбиты, но дали возможность непріятелю овладѣть Семеновскимъ и выставить на правомъ берегу оврага артилерію, причинявшую сильный вредъ нашимъ войскамъ. Крайне разстроенныя войска 8-го корпуса отошли на третью позицію, на разстояніе орудійнаго выстрѣла отъ Семеновскаго оврага, и на ней удержались до конца боя.

Въ центрѣ вице-король атаковалъ батарею Раевскаго въ 10-мъ и въ 11-мъ часу утра, и оба раза былъ отбитъ. При второй атакѣ одна французская бригада успѣла ворваться въ укрѣпленіе, но находившійся здѣсь начальникъ штаба 1-й

арміи А. П. Ермоловъ, отправлявшійся по приказанію Кутузова ва правый флангъ, схватилъ первыя попавшіяся ему части, пристроилъ отступавшія войска Раевскаго къ сохранившему порядокъ баталіону Уфимскаго полка, бросился съ ними на батарею и около полудня выбилъ оттуда французовъ. Толь, распоряжавшійся также именемъ Кутузова, привелъ сюда 4-ю дивизію 2-го корпуса, передвигаемаго на лѣвый флангъ. Сюда же прибылъ 4-й корпусъ и самъ Барклай, который занялъ свѣжими войсками батарею и участокъ позиціи близъ нея.—Позже другихъ началъ наступленіе Понятовскій, который занялъ Утицу и высоту позади этой деревни, но, въ 12 час., на лѣвый нашъ флангъ прибыла 17-я дивизія, послѣ чего наши войска отняли эту высоту у французовъ. Въ первомъ часу французы готовились къ 3-й атакѣ на батарею Раевскаго; Наполеонъ подготовлялъ послѣдній, рѣшительный ударъ, но долженъ былъ пріостановить эту атаку въ виду дѣйствій казаковъ Платова, которые, вмѣстѣ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Уварова, были передвинуты на лѣвый берегъ Колочи для отвлеченія вниманія французовъ къ сторонѣ ихъ лѣваго фланга. Уваровъ наткнулся на непріятельскую пѣхоту, занимавшую Бородино и правый берегъ р. Войны, и далѣе наступать не могъ; казаки же перешли черезъ Войну въ бродъ, разсыпались между непріятельскими колоннами и зашли имъ въ тылъ. Это внезапное ихъ появленіе въ тылу лѣваго фланга французовъ было причиною суматохи на ихъ пути отступленія, которая заставила Наполеона потерять два часа, пока дѣло не было разъяснено. Эта пріостановка атаки дала возможность Барклаю усилить угрожаемый пунктъ войсками съ праваго фланга и изъ резерва. Наполеонъ, успокоясь за свое лѣвое крыло, приказалъ вице-королю, поддержанному кавалеріею Груши и Монбрена, возобновить атаку на батарею Раевскаго. Въ 3 часа пополудни, послѣ упорнаго боя, батарея эта была взята французами. Для преслѣдованія отступавшихъ войскъ Барклая они выдвинули массы кавалеріи. Съ нашей стороны было сдѣлано то же; завязалось большое кавалерійское дѣло, подъ прикрытіемъ котораго вице-король сильно занялъ позицію у батареи, а наши войска, отойдя за оврагъ, расположились въ 400 саж., примыкая правымъ флангомъ къ Горкамъ. Войска крайняго лѣваго фланга также отошли на версту по старой Смоленской дорогѣ. Въ общемъ, наша армія отошла на полъ-версты или на версту отъ прежняго расположенія, уступивъ французамъ лишь Багратіоновы флеши и батарею Раевскаго, которыя они къ ночи оставили. Обѣ стороны потеряли приблизительно по 40,000 человѣкъ.

Результатъ этого кровопролитнаго сраженія былъ ничтоженъ. Правда, Наполеонъ не ввелъ въ дѣло гвардіи (20,000 чел.), не говоря уже о томъ, что онъ направилъ главную атаку на сильную сторону нашего расположенія, но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ побоищѣ, между двумя арміями, стоившими одна другой, «французская армія разбилась о русскую». Наполеонъ не одержалъ полной побѣды, а операціонная линія его уже непомѣрно удиннилась; онъ удалился на большое разстояніе отъ источниковъ своихъ средствъ; тылъ его находился въ опасномъ положеніи; между тѣмъ, наше стратегическое положеніе, вслѣдствіе сближенія съ нашими источниками комплектованія и продовольствія, улучшилось; къ тому же и разница въ силахъ была уже не велика. Такимъ образомъ, хотя видимый успѣхъ былъ на сторонѣ Наполеона, но, въ стратегическомъ отношеніи, взаимное положеніе обѣихъ сторонъ начало измѣняться въ нашу пользу. Поворотнымъ пунктомъ съ этой точки зрѣнія, явилось именно Бородинское сраженіе.

На сколько же былъ причастенъ къ этому великому дѣлу Кутузовъ? Онъ вполнѣ понималъ, что въ этомъ сраженіи, которое было имъ дано вопреки своему убѣжденію и которое представляло какъ бы очистительную жертву за предстоявшую сдачу Москвы, было трудно разсчитывать на успѣхъ. Оставалось принять всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы, если не удастся разбить непріятеля, низвести, по крайней мѣрѣ, его успѣхи до минимума. И этого онъ достигъ.

Во время сраженія Кутузовъ находился на избранномъ имъ мѣстѣ, сохранялъ полное спокойствіе, держалъ себя безукоризненно и слѣдилъ за ходомъ боя. Предоставивъ необходимую самостоятельность начальникамъ главныхъ частей боевого порядка, онъ дѣлалъ лишь такія распоряженія, которыя были необходимы съ точки зрѣнія общаго управленія соединенными арміями, въ чемъ ему помогали посылаемыя имъ

на важнѣйшіе участки довѣренныя лица. Когда ожидалось наступленіе Наполеоновской гвардіи, Барклай послалъ къ Кутузову флигель-адъютанта Вольцогена для доклада о положеніи арміи и для полученія приказаній. Вольцогенъ доложилъ Кутузову, что всѣ важнѣйшіе пункты нашей позиціи въ рукахъ непріятеля и что наши войска совершенно разстроены. Такое нѣсколько преувеличенное изложеніе дѣла не понравилось Кутузову, который выразилъ весьма рѣзко свое неудовольствіе Вольцогену и сказалъ ему: «что касается до сраженія, то ходъ его извѣстенъ мнѣ самому какъ нельзя лучше. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской». Одобривъ затѣмъ распоряженія Барклая, Кутузовъ увѣдомилъ его о своемъ намѣреніи возобновить сраженіе и предписалъ сдѣлать, въ теченіе ночи, всѣ необходимыя къ тому приготовленія. Соотвѣтственное приказаніе было послано и Дохтурову. Одинъ изъ адъютантовъ былъ посланъ тотчасъ же предварить войска о предстоявшемъ сраженіи. Спокойствіе Кутузова, его заявленіе о томъ, что непріятель повсюду остановленъ, и его приказъ объ атакѣ на слѣдующій день, произвели на войска то именно дѣйствіе, которое было необходимо: тѣ самые люди, которые были уже близки къ тому, чтобы считать себя побѣжденными, ободрились и были готовы снова схватиться съ врагомъ, чтобы сдѣлаться несомнѣнными побѣдителями. Кутузовъ замѣчательно вѣрно оцѣнилъ моральное состояніе войскъ. Упорное ихъ сопротивленіе въ этомъ сраженіи поселило въ нихъ надежду преградить непріятелю путь къ Москвѣ; невозможное казалось возможнымъ; самъ Барклай проникся сущностью приказаній Кутузова и былъ вполнѣ готовъ къ возобновленію боя. Не есть ли это величайшая похвала для полководца, что онъ, при такой обстановкѣ, умѣлъ такъ дѣйствовать на войска и на подчиненныхъ ему начальниковъ?

Въ сумерки, возвратившись въ главную квартиру, на мызу Татаринову, Кутузовъ поручилъ Толю обозрѣть расположеніе 2 й арміи и вообще лѣваго крыла и оцѣнить состояніе войскъ. Толь объѣхалъ линіи этихъ войскъ, нашелъ ихъ разстроенными и убѣдился въ невозможности возобновленія боя, о чемъ доложилъ Кутузову, который, послѣ этого, приказалъ отступать по пути на Москву. Опасаясь, чтобы дальнѣйшее отступленіе нашей арміи и предстоявшая потеря Москвы не оказали вреднаго вліянія на духъ народа, онъ старался скрывать свои намѣренія до послѣдней минуты. Въ донесеніи Государю Кутузовъ, между прочимъ, писалъ: «...послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться и за потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль, будучи устремлена на истребленіе французской арміи — ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артилерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля»... Императоръ Александръ, повидимому, уразумѣлъ истину, но официально принялъ рапортъ Кутузова, какъ извѣстіе о побѣдѣ, произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100,000 руб.; жена его, вмѣстѣ съ тѣмъ, была пожалована въ статсъ-дамы къ императрицамъ. Соотвѣтственныя награды были даны главнымъ сподвижникамъ Кутузова; не были забыты и нижніе чины, участвовавшіе въ Бородинскомъ сраженіи.

Во всякомъ случаѣ, произошло нѣчто непонятное для массы современниковъ. Обыкновенно въ рѣшительномъ сраженіи, данномъ Наполеономъ, непріятель бывалъ разгромленъ и спасался бѣгствомъ. Здѣсь же осталось неизвѣстно, кто побѣдилъ, Наполеонъ, или Кутузовъ; армія наша не была уничтожена; во всякую минуту она могла снова дать отпоръ врагу. Хотя и обидно было возобновлять отступленіе, но всѣми чувствовалось, что обстоятельства измѣняются къ лучшему. Быть можетъ, такой же результатъ былъ бы достигнутъ и при другомъ главнокомандующемъ, но Кутузовъ достигъ этого лучше и искуснѣе всякаго другого. Всякій другой могъ бы въ такомъ положеніи лишиться всеобщаго довѣрія,—Кутузовъ его не лишился.

Утромъ 28 августа, армія снялась съ позиціи и, прикрываясь арріергардомъ Пла-

това, отошла къ Можайску; 28-го—Кутузовъ продолжалъ отступленіе къ Землину и Лутинскому. Непріятель преслѣдовалъ все сильнѣе и сильнѣе. Кутузовъ усилилъ арріергардъ (10 полковъ пѣхоты, кавалерійскій корпусъ и казаки) и ввѣрилъ его Милорадовичу, который заставилъ насѣдавшаго на него Мюрата быть болѣе осторожнымъ. Продолжая отступленіе, армія 1 сентября подошла къ Москвѣ и остановилась въ двухъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы. Войска и вся Россія ожидали вторичнаго сраженія подъ стѣнами первопрестольной столицы. Для этого была выбрана Беннигсеномъ позиція между Москвою и Воробьевыми горами. Строились укрѣпленія на Поклонной горѣ, на которую прибылъ Кутузовъ; сюда же съѣзжались старшіе войсковые начальники. Барклай, Ермоловъ и Толь нашли позицію невыгодною; Кутузовъ потребовалъ отъ Ермолова и Толя письменнаго доклада о ея недостаткахъ и къ пяти часамъ пополудни созвалъ военный совѣтъ у себя въ главной квартирѣ, въ Филяхъ. На этомъ совѣтѣ Беннигсенъ поставилъ вопросъ: «выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами Москвы, или оставить ее непріятелю». Кутузовъ нашелъ этотъ вопросъ несообразнымъ, самъ объяснилъ всѣ полученныя о позиціи свѣдѣнія и послѣ этого сказалъ: «пока будетъ существовать армія и пока она сохранитъ возможность противиться непріятелю, до тѣхъ поръ остается надежда успѣшно окончить войну; напротивъ того, по уничтоженіи арміи, не только Москва, но и Россія потеряна». Затѣмъ, въ заключеніе, онъ предложилъ вопросъ: «ожидать ли нападенія на невыгодной позиціи, или уступить непріятелю Москву?» Мнѣнія раздѣлились; пренія были довольно продолжительны. Кутузовъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, окончилъ совѣщаніе слѣдующими словами: «я вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить». Въ военномъ журналѣ главной арміи отмѣчено, что Кутузовъ, обратясь къ членамъ совѣта, сказалъ: «съ потерею Москвы еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ укрѣпленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ».

Въ ночь на 2 сентября двинулись обозы, а въ три часа утра того же дня потянулись войска въ одной колоннѣ (регулярная кавалерія, ополченіе, пѣхота съ артилеріею и въ хвостѣ казаки). Движеніе было весьма трудно, такъ какъ улицы были загромождены народомъ и массою повозокъ. Войска вступали въ Москву чрезъ Дорогомиловскую заставу и, выйдя изъ города, располагались на привалъ. Затѣмъ Кутузовъ направилъ главныя силы арміи къ с. Панкамъ, въ 17 верстахъ отъ Москвы по рязанской дорогѣ. Маршъ прикрывался арріергардомъ Милорадовича, которому удалось заключить перемиріе съ Мюратомъ на одинъ день (для свободнаго оставленія Москвы). Вслѣдъ за арміею потянулось почти все населеніе столицы, которая сразу опустѣла, а по вступленіи въ нее Наполеона запылала со всѣхъ концовъ. Съ этого момента война стала вполнѣ народною.

Императоръ Александръ, узнавъ объ оставленіи арміею Москвы отъ графа Растопчина, 7 сентября отправилъ въ армію генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать о положеніи арміи и о причинахъ рѣшенія, принятаго Кутузовымъ, а черезъ два дня получилъ привезенное полковникомъ Мишо донесеніе Кутузова, который, изложивъ причины, побудившія его оставить Москву, писалъ, что вступленіе непріятеля въ первопрестольную столицу не есть еще покореніе Россіи и доносилъ о своемъ намѣреніи совершить фланговое движеніе для прикрытія Тулы, Брянска и плодороднѣйшихъ губерній имперіи, а также для того, чтобы угрожать непріятельскому пути дѣйствій, на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска. Кутузовъ поручилъ полковнику Мишо доложить Государю «обстоятельнѣе положеніе дѣлъ». Это донесеніе Кутузова въ связи съ объясненія Мишо успокоило Государя.

Между тѣмъ Кутузовъ, сдѣлавъ съ главными силами два перехода по Рязанской дорогѣ, перешелъ черезъ р. Москву, двинулся по правому берегу р. Пахры, черезъ Подольскъ, и 9 числа достигъ с. Красной Пахры, на старой Калужской дорогѣ. Этотъ фланговый маршъ былъ произведенъ Кутузовымъ во исполненіе того плана, который былъ имъ изложенъ въ донесеніи Государю. Опасная сторона этого марша ослаблялась значительнымъ разстояніемъ отъ противника; сверхъ того,

онъ прикрывался р. Пахрою и обезпечивался искусными мѣрами, какія принялъ Кутузовъ для скрытія своего марша. Рискъ уменьшался также вслѣдствіе вялаго и поздняго преслѣдованія со стороны французовъ, которое было вызвано ошибочнымъ предположеніемъ Наполеона, что съ занятіемъ Москвы должна кончиться война. Не сбылся и другой разсчетъ Наполеона: дать въ Москвѣ отдыхъ своимъ изнуреннымъ войскамъ; на развалинахъ Москвы они не нашли ни удобныхъ квартиръ, ни хлѣба, ни фуража для лошадей. Наполеонъ упустилъ изъ виду армію Кутузова и только 10 сентября выслалъ Мюрата для ея преслѣдованія. Мюратъ узналъ, гдѣ находятся русскіе только послѣ того, какъ повернулъ съ Рязанской дороги къ Подольску.

Между тѣмъ къ Кутузову явился флигель-адъютантъ Чернышевъ и представилъ ему рескриптъ Государя съ выработаннымъ въ Петербургѣ планомъ дѣйствій противъ Наполеона. Сущность этого плана заключалась въ одновременномъ и рѣшительномъ переходѣ въ наступленіе всѣхъ силъ, дѣйствовавшихъ на флангахъ, съ тѣмъ чтобы, по разбитіи войскъ, охранявшихъ тылъ Наполеона, преградить путь отступленія французской арміи и покончить съ нею: дунайская армія Чичагова, передвинутая на Волынь, должна двигаться къ Несвижу, на сообщенія Шварценберга, овладѣть Минскомъ, занять линію р. Березины, преградить здѣсь отступленіе французской арміи и установить связь съ Витгенштейномъ, который, въ свою очередь, долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ, отрѣзать С.-Сира отъ главной французской арміи, отбросить его къ западу, занять затѣмъ теченіе р. Улы и преградить Наполеону отступленіе на пространствѣ между Березиной и Двиной; 3-я резервная армія Тормасова должна была сначала обезпечивать армію Чичагова со стороны Шварценберга и Реньо, а затѣмъ расположиться въ Несвижѣ, прикрывать тылъ Чичагова и наблюдать теченіе Березины къ Бобруйску; наконецъ, финляндскій корпусъ Штейнгеля долженъ былъ высадиться въ Ревелѣ, наступать черезъ Ригу и отвлечь Макдональда отъ содѣйствія С.-Сиру, затѣмъ смѣнить Витгенштейна въ преслѣдованіи войскъ С.-Сира, отбросить ихъ за Нѣманъ и наконецъ, расположиться въ Вильнѣ, составляя резервъ армій, направленныхъ въ тылъ Наполеону. Такимъ образомъ, преграждение пути отступленія французской арміи предполагалось достичь занятіемъ линій рр. Улы и Березины; сосредоточеніе на этой линіи назначенныхъ для этой цѣли войскъ (до 160,000 чел.) предполагалось исполнить къ 20 октября. Государь предоставлялъ Кутузову полную свободу принять или отвергнуть этотъ планъ. Кутузовъ немедленно отправилъ командующимъ частными арміями и отдѣльными корпусами повелѣнія въ духѣ этого плана, но, повидимому, не вполнѣ вѣрилъ въ возможность осуществленія такого, довольно сложнаго плана. Въ донесеніи Государю онъ высказывалъ, что «отдаленныя диверсіи отъ главнаго дѣйствія войны не могутъ имѣть такого вліянія, какъ ближнія» и предусматривалъ возможность препятствій «въ подробномъ исполненіи плана, даннаго адмиралу Чичагову». Между тѣмъ императоръ Александръ давалъ исполнителямъ указанія и разъясненія и прямо отъ себя. Это способствовало развитію въ начальникахъ частныхъ группъ стремленія къ самостоятельности и ослабляло авторитетъ Кутузова.

Во всякомъ случаѣ, Кутузовъ съ своею арміею дѣйствовалъ пока на основаніи своего собственнаго плана. Вышеуказанное движеніе Мюрата противъ Кутузова могло быть началомъ общаго наступленія арміи Наполеона. Въ виду этого Кутузовъ, опасаясь въ особенности обхода справа, рѣшилъ отступить къ Тарутину, куда и прибылъ съ арміею 20 сентября. Расположеніе у Тарутина также какъ и у Красной Пахры удовлетворяло условіямъ, вытекавшимъ изъ плана Кутузова, но было лучше обезпечено отъ обхода. Тарутинская позиція на старой Калужской дорогѣ была центральною по отношенію къ новой Калужской и Тульской дорогамъ и какъ фронтальная, надежно прикрывала югъ Россіи: вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ фланговая, находясь вблизи пути Москва-Смоленскъ, служила прекраснымъ основаніемъ для дѣйствій на операціонную линію противника. Расположеніе это прикрывалось авангардомъ Милорадовича, находившимся между дд. Глодовой и Дѣдней. Въ виду Милорадовича, на правомъ берегу р. Чернишки, расположился французскій авангардъ Мюрата (26.500 чел.). Въ такомъ положеніи обѣ стороны оставались до 6 октября.

На пути къ Тарутину Кутузовъ убѣ-

дился въ необходимости измѣнить организацію управленія войсками, и 16 сентября объявилъ въ приказѣ о присоединеніи 2-й арміи къ 1-й, при чемъ пять пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ корпуса были подчинены Барклаю-де-Толли, а резервъ изъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ и двухъ кирасирскихъ дивизій—Милорадовичу; Ермоловъ остался начальникомъ главнаго штаба арміи; генералъ-квартирмейстеромъ былъ назначенъ Толь, а дежурнымъ генераломъ — Коновницынъ. Повидимому, эти перемѣны находились въ связи съ прибытіемъ въ главную квартиру арміи (въ Красную Пахру) князя Волконскаго, который пробылъ при арміи нѣсколько дней. Тогда же начальство надъ Дунайскою и 3-ю резервною арміями было объединено въ рукахъ Чичагова, а Тормасовъ отозванъ въ главную армію Кутузова. Совершившіяся перемѣны отразились на положеніи Барклая, который носилъ только званіе главнокомандующаго, приказанія же по ввѣреннымъ ему войскамъ отдавались и исполнялись безъ его вѣдома. Въ письмѣ Государю онъ изобразилъ мрачную картину безпорядковъ, происходившихъ въ главной квартирѣ и вообще въ управленіи войсками и отражавшихся на дѣйствіяхъ арміи, говорилъ также и о плохомъ снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ. Эти тѣневыя стороны несомнѣнно существовали, но, при данныхъ условіяхъ обстановки, были неизбѣжны; Барклай же, подъ вліяніемъ дурныхъ отношеній къ Кутузову, преувеличивалъ то, что видѣлъ. Онъ просилъ фельдмаршала уволить его, по болѣзни, въ отпускъ и уѣхалъ изъ арміи. Послѣ отъѣзда Барклая Кутузовъ объявилъ, что, впредь до назначенія другого на его мѣсто, онъ принимаетъ всѣ его обязанности на себя.

Между тѣмъ положеніе Наполеона въ Москвѣ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, не взирая на то, что онъ весьма тщательно готовился къ этой войнѣ и съ чрезвычайною энергіею продолжалъ эту подготовку во время самой войны. Кромѣ главной базы на Вислѣ, онъ устроилъ рядъ промежуточныхъ базъ: 1-ю—по Нѣману (Ковна—Гродна), 2-ю—въ Вильнѣ, 3-ю—подъ прикрытіемъ рр. Березины и Улы, 4-ю — на линіи Витебскъ—Орша—Могилевъ и 5-ю—въ Смоленскѣ. Для пополненія магазиновъ на промежуточныхъ базахъ производились реквизиціи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, но количество собранныхъ запасовъ было недостаточно. Для обезпеченія столь длинной коммуникаціонной линіи Наполеону пришлось выдѣлить значительныя силы: слѣва—войска Макдональда, Удино, С.-Сира и Виктора и справа—Шварценберга, Рейнье и Домбровскаго. Тѣмъ не менѣе, тылъ и сообщенія французовъ не были въ достаточной степени обезпечены. Кутузовъ, съ своей стороны, теперь заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы произвести возможно большее давленіе на сообщенія и тылъ противника. Еще во время отступленія арміи къ Бородину онъ далъ для этой цѣли небольшой конный отрядъ подполковнику Давыдову; 9 сентября онъ выслалъ къ Вереѣ Дорохова съ 2.000 чел. при 2 орудіяхъ, а по занятіи Тарутинской позиціи далъ партизанскимъ дѣйствіямъ широкое развитіе. Наши партизаны, поддержанные ополченіемъ, окружили французовъ въ Москвѣ, перехватили всѣ дороги въ тылу у нихъ, производили безпрерывные набѣги, неожиданно появлялись повсюду и прервали всякое сообщеніе французовъ съ тыломъ и съ окрестной страной. Каждый транспортъ дѣлался ихъ добычею; ни одна фуражировка не обходилась французамъ даромъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для партизановъ служило народное возстаніе; крестьяне составляли отряды, предводимые священниками, помѣщиками и старшинами; эти отряды дѣйствовали и въ связи съ партизанскими отрядами и самостоятельно и жестоко мстили крестьяне за пожаръ Москвы и за разореніе русскихъ земель тѣмъ французамъ, которые попадали имъ въ руки.

Положеніе французовъ въ Москвѣ сдѣлалось бѣдственнымъ; они пали духомъ; дисциплина почти исчезла; сильно развилось мародерство; голодъ заставилъ питаться мясомъ павшихъ лошадей; начались болѣзни. Наполеонъ самъ сдѣлалъ мирныя предложенія черезъ Лористона. Кутузовъ, желая выиграть время, обѣщалъ Лористону доложить объ этомъ Государю, но въ перемиріи отказалъ; Государь оставилъ это предложеніе безъ отвѣта.

Кутузовъ ясно понималъ, что французская армія таетъ, а потому былъ противъ рѣшительныхъ дѣйствій; однако, уступая просьбамъ Толя, Коновницына, Багговута и Беннигсена, онъ рѣшилъ атаковать Мюрата, удаленнаго отъ Москвы на 60 верстъ,

что привело къ бою при Тарутинѣ 6 октября. Беннигсенъ, съ 3-мя пѣхотными и однимъ кавалерійскимъ корпусами и съ 10-ю казачьими полками, пошелъ въ обходъ лѣваго фланга противника. Планъ атаки былъ составленъ хорошо, но невѣрный разсчетъ движенія, затрудненія при исполненіи ночного марша и отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ разстроили это предпріятіе: предполагавшееся нечаянное нападеніе всѣми силами обратилось въ частное нечаянное нападеніе одной только правой колонны Орлова-Денисова; когда же Беннигсенъ сосредоточилъ свои войска, то непріятель находился уже въ полномъ отступленіи. Наши потери: до 1.200 чел.; французы же потеряли болѣе 2.000 чел. и 38 орудій. Хотя поставленная цѣль и не была достигнута, но все же былъ одержанъ первый успѣхъ послѣ 6-недѣльнаго перерыва въ операціяхъ, и это было весьма важно въ моральномъ отношеніи. Кутузовъ, хотя и не былъ доволенъ результатами Тарутинскаго боя, но не желалъ ослаблять произведеннаго имъ на войска впечатлѣнія, а потому торжествовалъ его какъ побѣду. Государь, получивъ его донесеніе объ этомъ боѣ, пожаловалъ ему золотую шпагу, богато осыпанную алмазами и украшенную лавровымъ вѣнкомъ, и прислалъ собственноручный, весьма милостивый рескриптъ; были награждены и участники боя съ Беннигсеномъ во главѣ. Тѣмъ не менѣе Беннигсенъ вообразилъ, что Кутузовъ съ умысломъ удержалъ значительную часть арміи, чтобы лишить его славы рѣшительнаго успѣха; съ этого дня онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ фельдмаршала, держалъ себя по отношенію къ нему не корректно и вооружилъ его противъ себя настолько, что Кутузовъ счелъ необходимымъ устранить его отъ обязанности по званію начальника главнаго штаба армій. Спустя нѣкоторое время, Беннигсенъ въ письмѣ Государю взвелъ на Кутузова обвиненія служебнаго характера и даже вошелъ въ подробности его частной жизни, выставивъ его сибаритомъ, утопавшимъ въ нѣгѣ и наслажденіяхъ. Государь послалъ это письмо Кутузову. Слѣдствіемъ этого было удаленіе Беннигсена изъ арміи.

Наполеонъ, получивъ извѣстіе о Тарутинскомъ боѣ, поспѣшилъ выступить изъ Москвы. Имѣя въ виду отступать на Смоленскъ, но желая избѣжать движенія по разореннному смоленскому тракту, онъ рѣшилъ обойти Кутузова по новой Калужской дорогѣ и, отбросивъ его къ югу, открыть себѣ путь отъ Калуги на Смоленскъ. 6 же октября 107,000 французовъ были двинуты Наполеономъ по старой Калужской дорогѣ; впереди шелъ авангардъ вице-короля, который 9 перешелъ къ Ѳоминскому, на новую Калужскую дорогу, за нимъ послѣдовали и другія войска, а на старой дорогѣ, для скрытія марша, были оставлены войска Нея и Мюрата. Но Кутузовъ еще 7 былъ извѣщенъ о появленіи французовъ у Ѳоминскаго и направилъ туда Дохтурова съ 6 пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами, приказавъ ему овладѣть этимъ селеніемъ. Дохтуровъ выступилъ изъ Тарутина 10 и у Аристова узналъ отъ Сеславина, что у Ѳоминскаго сосредоточены огромныя силы подъ начальствомъ самого Наполеона. Въ виду этого Дохтуровъ, по собственной иниціативѣ, повернулъ на Малоярославецъ, прибылъ туда на разсвѣтѣ 12 и нашелъ уже тамъ Платова, который былъ направленъ туда же Кутузовымъ тотчасъ по полученіи донесенія Сеславина. Однако городъ былъ уже занятъ французскою дивизіею Дельсона.

Кутузовъ, получивъ донесеніе Дохтурова о движеніи французовъ по новой Калужской дорогѣ, выждалъ еще донесенія Милорадовича о томъ, что старая Калужская дорога очищена, и только 11 вечеромъ двинулъ армію къ Малоярославцу, куда она прибыла 12 вечеромъ. Между тѣмъ, въ этотъ день, уже съ 5 часовъ утра кипѣлъ бой подъ Малоярославцемъ. Городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и хотя, въ концѣ боя, былъ отданъ французамъ, но не они были побѣдителями; обѣ стороны потеряли по 6.000 чел.; наша цѣль была достигнута: французы были задержаны, армія Кутузова была сосредоточена; дальнѣйшій путь наступленія Наполеона на Калугу былъ прегражденъ.

Теперь Кутузовъ могъ дать сраженіе, которое должно было рѣшить кампанію, или же искать уничтоженія арміи Наполеона болѣе осторожнымъ путемъ. Въ пользу перваго рѣшенія было наше превосходство въ силахъ: 127,000 русскихъ при 622 орудіяхъ противъ 63,000 французовъ при 360 орудіяхъ; къ тому же мы располагали, кромѣ 20.000 казаковъ, еще 10.000 отличной регулярной кавалеріи, тогда какъ

французская кавалерія находилась въ жалкомъ состояніи. Въ пользу рѣшительнаго образа дѣйствій были и многіе сподвижники Кутузова, а въ ихъ числѣ и Толь: но Кутузовъ принялъ второе, болѣе осторожное рѣшеніе, которое и стало руководящею идеею всѣхъ дальнѣйшихъ его дѣйствій.

Въ это же время Наполеонъ, согласно съ мнѣніемъ большинства маршаловъ, рѣшилъ отступить къ Смоленской дорогѣ кратчайшимъ путемъ черезъ Боровскъ и Верею на Можайскъ. Движеніе это было начато 14. Между тѣмъ Кутузовъ 13 получилъ донесеніе отъ Иловайскаго, находившагося у Медыни съ 3 полками казаковъ, о томъ, что непріятель подходилъ къ Медыни со стороны Кременскаго, но былъ имъ отброшенъ. Тогда Кутузовъ, предполагая, что Наполеонъ намѣренъ пройти черезъ Медынь на Калугу, оставилъ у Малоярославца часть силъ подъ начальствомъ Милорадовича, а самъ двинулся къ Гончарову и Детчину. Получивъ затѣмъ донесеніе Милорадовича объ отступленіи Наполеона на Боровскъ, онъ поручилъ его преслѣдованіе Платову, а самъ болѣе сутокъ оставался у Гончарова и Детчина; когда же было получено извѣстіе о движеніи непріятеля отъ Боровска и Вереи къ Медыни, дававшее невѣрное представленіе о дѣйствительномъ направленіи движенія главныхъ силъ противника, то фельдмаршалъ рѣшилъ запереть Медынскую дорогу, для чего 15 двинулъ къ Полотняннымъ заводамъ одну дивизію пѣхоты съ полкомъ драгунъ, а въ ночь на 16—всю армію.

Одновременно съ прибытіемъ Кутузова къ Полотняннымъ заводамъ, 16 числа Наполеонъ вышелъ на Смоленскую дорогу въ Можайскѣ. Съ приближеніемъ къ Смоленской дорогѣ положеніе французовъ все болѣе и болѣе ухудшалось. Огромные обозы съ награбленнымъ имуществомъ сопровождали армію; она тащила съ собою и значительное количество запасовъ, но никто не обращалъ вниманія на правильное ихъ распредѣленіе; запасы расхищались; безпорядокъ достигъ страшныхъ размѣровъ; деморализація была почти полная.

Съ 16 Кутузовъ пересталъ сомнѣваться въ полномъ отступленіи Наполеона; не выяснилось только направленіе этого отступленія. Кутузовъ предположилъ организовать параллельное преслѣдованіе, предоставляя бѣдственной обстановкѣ довершить пораженіе противника. Онъ не спѣшилъ преслѣдованіемъ: въ теченіе двухъ дней армія сдѣлала лишь два небольшихъ перехода, до с. Кременскаго и затѣмъ свернула на Вязьму; 21 она прибыла въ Дубровну; Милорадовичъ съ боковымъ авангардомъ пошелъ на Никольское и 21 прибылъ въ Спасское; Платовъ и Паскевичъ преслѣдовали французовъ съ тыла и въ ночь на 22 ночевали между Царевымъ Займищемъ и Федоровскимъ; партизаны тревожили непріятеля съ сѣвера и юга, а вновь сформированный отрядъ графа Ожаровскаго посланъ прямо на Смоленскъ. Наполеону угрожала опасность быть отрѣзаннымъ отъ Смоленска. Въ виду этого онъ ускорилъ маршъ и, въ ночь на 22, съ корпусомъ Жюно и гвардіею, успѣлъ не только миновать Вязьму, но даже отойти отъ нея на 30 верстъ по дорогѣ на Смоленскъ. Не успѣли миновать Вязьмы войска вице-короля, Понятовскаго и Даву. Наполеонъ оставилъ въ Вязьмѣ корпусъ Нея и приказалъ ему, пропустивъ Даву, слѣдовать въ аріергардѣ. Милорадовичъ и Платовъ поставили себѣ задачею на 22 октября отрѣзать корпусъ Даву, но, вмѣсто одного, имъ пришлось имѣть дѣло съ четырьмя корпусами; Вязьма была ими взята, хотя Кутузовъ поддержалъ ихъ только кавалеріею Уварова. Потери наши: 1.800 чел.; французы же потеряли 7.000 чел. (въ томъ числѣ 3.000 плѣнныхъ).

Безостановочное отступленіе усиленными переходами по разоренной странѣ продолжало губить французскую армію, которая съ выхода изъ Москвы потеряла до 40.000 чел. (изъ коихъ въ бояхъ не болѣе 15.000 чел.). Съ Вязьмы выпалъ снѣгъ; начались морозы. Лошади, некованныя на шипы и лишенныя фуража, падали сотнями; это вынуждало бросать артиллерію и повозки. Отъ Вязьмы Наполеонъ отступалъ къ Смоленску черезъ Дорогобужъ; Кутузовъ же направилъ свои главныя силы изъ Быкова черезъ Ельню на Красный и Оршу, снова угрожая пресѣчь Наполеону путь отступленія. Въ то-же время были приняты мѣры, чтобы преградить ему всѣ пути на югъ: часть кавалеріи и калужское и смоленское ополченія сосредоточились у Ельни, тульское ополченіе направлялось къ Рославлю, а малороссійскія къ Могилеву, отрядъ Эртеля къ Бобруйску, а Чичагову приказано спѣ-

шить къ Минску и Борисову. Между тѣмъ стужа усиливалась съ каждымъ днемъ; мѣста французскихъ бивуаковъ стали обозначаться сотнями замерзшихъ; гибель лошадей отъ безкормицы принуждала бросать больныхъ и раненыхъ.

28 Наполеонъ прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ войска его надѣялись увидѣть конецъ бѣдственному отступленію и стать на квартиры. Вмѣсто этого, они не были даже впущены въ городъ и расположились внѣ его, въ ожиданіи раздачи запасовъ, которые были получены только гвардіею; остальные корпуса бросились грабить магазины. Въ виду движенія Кутузова къ Ельнѣ и успѣховъ русскихъ на флангахъ, Наполеонъ не могъ оставаться въ Смоленскѣ долѣе 4 дней. При выступленіи изъ Смоленска въ рядахъ его арміи считалось 50.000 чел. (въ томъ числѣ 5.000 кавалеріи); за нею тянулось до 30.000 безоружныхъ; большая часть артиллеріи была брошена; припасовъ могло хватить на два дня, а пройти оставалось еще 40 переходовъ по мѣстности опустошенной. Выступленіе французовъ изъ Смоленска началось 31 октября и окончилось 5 ноября; армія Наполеона растянулась на четыре перехода. Между тѣмъ армія Кутузова 2 и 3 ноября находилась въ Юрьевѣ; 3 же Милорадовичъ вышелъ на большую дорогу, обстрѣлялъ Наполеоновскую гвардію, атаковалъ французскій арріергардъ и захватилъ 11 орудій и 2.000 плѣнныхъ. Наполеонъ, достигнувъ Краснаго и узнавъ, что Кутузовъ находится отъ него въ разстояніи лишь одного перехода, рѣшилъ остаться съ гвардіею у Краснаго, чтобы облегчить отступленіе войскъ вице-короля, Даву и Нея, что привело къ боямъ подъ Краснымъ 4, 5 и 6 ноября.

4-го главныя силы Кутузова подошли къ Новоселкамъ и Шилову, а Милорадовичъ занялъ позицію у Мерлина, близъ Смоленской дороги. Въ 4 часа пополудни подошелъ корпусъ вице-короля, окруженный казаками; онъ атаковалъ Милорадовича, но былъ отбитъ; съ наступленіемъ темноты онъ двинулся вправо и съ слабыми остатками своего отряда, пробрался въ Красный. Между тѣмъ Кутузовъ получилъ донесеніе объ отступленіи Наполеона въ Ляды и, уступая просьбамъ Толя и Коновницына, согласился атаковать французовъ 5 ноября, направляя главный ударъ на Доброе (на Оршинскую дорогу), чтобы отрѣзать подходившіе къ Красному корпуса Даву и Нея. Съ этою цѣлью онъ приказалъ: Тормасову съ тремя пѣхотными корпусами и одною кирасирскою дивизіею—идти къ Доброму; Милорадовичу съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими корпусами, стать у дд. Никулиной и Ларіоновой, пропустить непріятеля и атаковать его съ тыла; князю Голицыну съ однимъ пѣхотнымъ корпусомъ и одною кирасирскою дивизіею атаковать непріятеля съ фланга, со стороны д. Уваровой; графу Остерману съ однимъ пѣхотнымъ корпусомъ — демонстрировать отъ Корытки къ Смоленску. Планъ Кутузова былъ хорошъ; безъ Милорадовича и Остермана онъ былъ въ два раза сильнѣе Наполеона; на успѣхъ нельзя было не разсчитывать; но донесеніе объ отступленіи Наполеона оказалось невѣрнымъ, мало того, Наполеонъ съ гвардіею перешелъ въ наступленіе противъ князя Голицына. Кутузовъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же послалъ приказаніе Тормасову пріостановить начатое наступленіе. Между тѣмъ Милорадовичъ пропустилъ подъ сильнымъ огнемъ подошедшаго Даву и затѣмъ началъ тѣснить его къ Красному. Тогда Наполеонъ, присоединивъ войска Даву и предоставляя Нея его собственной участи, началъ отступленіе. Замѣтивъ это, Кутузовъ послалъ Тормасову приказаніе продолжать прерванное (на три часа) движеніе; но Тормасовъ былъ принужденъ двигаться по проселочной дорогѣ, заваленной глубокимъ снѣгомъ, и не могъ помѣшать отступленію Наполеона; только авангардъ его въ сумерки вышелъ къ Доброму и отрѣзалъ арріергардъ корпуса Даву и обозы. 6 ноября подошелъ Ней и атаковалъ Милорадовича, но былъ отбитъ; тогда, отобравъ 3.000 чел. способныхъ еще сражаться, онъ двинулся ночью, безъ дорогъ, къ Днѣпру, перешелъ по льду черезъ эту рѣку, былъ неоднократно атакованъ Платовымъ и 8 ноября прибылъ въ Оршу лишь съ 800—900 чел.

Бои подъ Краснымъ еще болѣе разстроили французскую армію. Французы потеряли болѣе 20.000 плѣнными, до 6.000 убитыми и ранеными, 228 орудій (изъ коихъ 112 бросили сами) и т. д. Наши потери: до 2.000 чел. Императоръ Александръ, хотя и неоднократно изъявлялъ сожалѣніе о нерѣшительности нашихъ дѣйствій, наградилъ Кутузова за побѣды

подъ Краснымъ и вообще въ Смоленской губерніи, повелѣвъ ему именоваться Смоленскимъ; были даны соотвѣтственныя награды и его сподвижникамъ.

Вступая въ Бѣлоруссію, Кутузовъ отдалъ по арміи приказъ, въ которомъ воспретилъ ввѣреннымъ ему арміямъ «всякій духъ мщенія и нареканія въ чемъ либо жителямъ Бѣлорусскимъ, тѣмъ паче причиненіе имъ обидъ и притѣсненій». За это Государь выразилъ ему благодарность особымъ рескриптомъ.

Между тѣмъ Чичаговъ, исполняя планъ императора Александра, 25 октября прибылъ въ Слонимъ и узналъ здѣсь объ отступленіи французовъ изъ Москвы, о взятіи Витгенштейномъ Полоцка и о нѣкоторыхъ другихъ нашихъ успѣхахъ. Выступивъ затѣмъ изъ Слонима, онъ сосредоточилъ свои главныя силы 5 ноября въ Минскѣ, который былъ занятъ наканунѣ съ боя его авангардомъ. Такимъ образомъ одна изъ промежуточныхъ базъ Наполеона оказалась въ нашихъ рукахъ. Витгенштейнъ 19 октября атаковалъ Виктора и Удино у Чашниковъ и, послѣ нерѣшительнаго боя, остановился здѣсь на крѣпкой позиціи за р. Улой. Наполеонъ приказалъ Виктору отбросить Витгенштейна за р. Двину. Исполненіе этого приказанія привело къ бою подъ Смолянцами 2 ноября, неуспѣшному для Виктора, который послѣ этого отошелъ къ Череѣ. Однако и Витгенштейну не удалось отрѣзать непріятельскія войска, дѣйствовавшія на Двинѣ, отъ арміи Наполеона и лишь слабый баварскій корпусъ былъ отброшенъ въ западномъ направленіи. Корпусъ Штейнгеля былъ присоединенъ къ арміи Витгенштейна. Такъ или иначе, 6 ноября арміи Чичагова и Витгенштейна стояли въ тылу Наполеона. Въ это время боевая сила его арміи не превосходила 23.000 штыковъ и 2.000 сабель при 30—40 орудіяхъ; число покинувшихъ ряды постоянно возростало; разстройство и этого остатка «великой арміи» быстро увеличивалось.

6 ноября Наполеонъ прибылъ въ Дубровну. Здѣсь онъ узналъ о пораженіи Виктора при Смолянцахъ и о занятіи Минска войсками Чичагова. Опасность угрожала Борисовскому тетъ-де-пону, обезпечивавшему переправу французской арміи черезъ Березину. Въ виду этого Наполеонъ приказалъ дивизіи Домбровскаго и корпусу Удино спѣшить къ Борисову для обороны переправы у этого пункта; 8 самъ онъ выступилъ съ гвардіею изъ Орши, которая была очищена послѣдними его войсками 9 ноября. Затѣмъ французская армія, уничтоживъ переправы на Днѣпрѣ, дабы замедлить движеніе Кутузова, продолжала движеніе къ Борисову. Кутузовъ съ главными силами арміи 7 ноября оставался въ ближайшихъ окрестностяхъ Краснаго. Здѣсь, въ Добромъ, онъ получилъ рескриптъ Государя, которому англійскій генералъ Вильсонъ, состоявшій при главной квартирѣ Кутузова, постоянно жаловался на вялость и нерѣшительность его дѣйствій. Государь выражалъ опасеніе, что Наполеонъ, выигравъ нѣсколько переходовъ, успѣетъ соединиться съ Викторомъ и разбить Витгенштейна, причемъ писалъ фельдмаршалу: «Напоминаю вамъ, что всѣ несчастья, изъ того произойти могущія, останутся на личной вашей отвѣтственности». Въ виду этого Кутузовъ, считая болѣе вѣроятнымъ движеніе Наполеона на Минскъ, рѣшилъ идти на Копысъ; выступивъ затѣмъ изъ окрестностей Краснаго, онъ съ главными силами 9 прибылъ въ Ланенки; передовые же наши отряды дошли до линіи Днѣпра, отъ Шклова до Орши. 10 Кутузовъ получилъ донесеніе отъ Платова, что, подойдя наканунѣ къ Оршѣ, онъ обнаружилъ движеніе французской гвардіи ва Кохановo. Это указывало на движеніе Наполеона къ Борисову и должно было привести его къ встрѣчѣ съ Чичаговымъ. Тогда фельдмаршалъ отправилъ къ Чичагову флигель-адъютанта Орлова съ сообщеніемъ свѣдѣній о состояніи французской арміи и о своихъ распоряженіяхъ, въ силу коихъ Ермоловъ, находившійся между Дубровною и Оршею, долженъ былъ согласовать свои дѣйствія съ дѣйствіями Платова, шедшаго отъ Орши къ Кохановy; Милорадовичъ долженъ былъ переправиться у Копыса, идти на Толочинъ, присоединить къ себѣ Ермолова и преслѣдовать противника съ тыла; самъ Кутузовъ, съ главными силами, предполагалъ продолжать параллельное преслѣдованіе, угрожая правому флангу французовъ, и идти черезъ Копысъ и Староселье на Нижнее Березино; наконецъ, всѣ партизанскіе отряды получили приказаніе предшествовать движенію Кутузова и дѣйствовать также противъ праваго фланга противника.

Между тѣмъ графъ Ламбертъ, съ аван-

гардомъ арміи Чичагова, атаковалъ Домбровскаго, предупредившаго его въ Борисовѣ, и послѣ упорнаго боя, 9 ноября, овладѣлъ и тетъ-де-пономъ, и городомъ. 10 къ вечеру армія Чичагова заняла линію Березины, отъ Зембина до Уши, причемъ главныя ея силы сосредоточились у Борисова. Въ этотъ же день Наполеонъ, подходя съ гвардіею къ Толочину, получилъ донесеніе отъ Удино о пораженіи Домбровскаго, о потерѣ имъ Борисовской переправы и о его рѣшеніи продолжать движеніе и попытаться выбить русскихъ изъ Борисова. Наполеонъ одобрилъ рѣшеніе Удино и приказалъ ему овладѣть гдѣ бы то ни было переправою черезъ Березину въ случаѣ, если бы русскіе уничтожили мостъ у Борисова. Удино отдалъ предпочтеніе переправѣ у Студенки и приступилъ къ подготовительнымъ работамъ и мѣропріятіямъ. Между тѣмъ главныя силы Наполеона продолжали движеніе къ Борисову. Это было извѣстно Чичагову, который долженъ былъ устроить у Борисова укрѣпленный лагерь, занять лѣсныя дефиле по пути Бобръ—Борисовъ и укрѣпить на немъ рядъ позицій, пользуясь которыми можно было бы замедлить движеніе французовъ. 11, передъ разсвѣтомъ, графъ Паленъ, замѣстившій Ламберта, съ авангардомъ арміи Чичагова двинулся къ Лошницѣ; не доходя до этого пункта, онъ былъ атакованъ войсками Удино и отброшенъ къ Борисову; преслѣдуя его, французы ворвались въ городъ; наши войска, съ Чичаговымъ во главѣ, едва успѣли выбраться изъ города, потерявъ обозы и до 1.000 чел., но успѣли уничтожить мостъ черезъ Березину. Теперь Чичагову пришлось обратиться, вмѣсто активной, къ пассивной оборонѣ этой рѣки. Эта неудача нанесла сильный ударъ его самоувѣренности и отразилась на послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Предполагая, что Наполеонъ направитъ свои усилія къ тому, чтобы проложить себѣ дорогу на Минскъ, онъ принялъ соотвѣтственныя мѣры для обороны линіи Березины, причемъ самъ, съ главными силами, остался у тетъ-де-пона; для наблюденія и обороны выше Борисова былъ высланъ къ Брили отрядъ Чаплица, а для той же цѣли ниже Борисова былъ направленъ къ Ушкевичамъ отрядъ О'Рурка. Затѣмъ Чичаговъ былъ введенъ въ заблужденіе демонстраціею противника у Ухолодъ и другими неблагопріятными обстоятельствами и 13 пришелъ къ убѣжденію, что Наполеонъ хочетъ форсировать Березину въ нижней части ея теченія, а потому, оставивъ у тетъ-де-пона 4.000—5.000 чел. Ланжерона, онъ приказалъ Чаплицу перейти къ тетъ-де-пону и оставить для наблюденія за верхнимъ участкомъ рѣки только одни посты, а самъ, съ резервомъ (14.000—16.000 чел.), перешелъ къ с. Забашевичамъ. Чаплицъ, оставивъ у Брили Корнилова съ 1 егерскимъ и 2 казачьими полками при 4 орудіяхъ, передъ разсвѣтомъ 14 двинулся къ тетъ-де-пону. Въ это время Наполеонъ прибылъ въ Студенку и сдѣлалъ послѣднія распоряженія для переправы, которая была начата въ этотъ же день и производилась по устроеннымъ двумъ мостамъ. Переправившись, Удино потѣснилъ Корнилова, который, впрочемъ, вскорѣ былъ поддержанъ Чаплицемъ. Между тѣмъ Чичаговъ, уразумѣвъ свою ошибку, сдѣлалъ распоряженія о сосредоточеніи арміи къ лѣвому флангу, а 16 рѣшилъ атаковать находившіяся противъ Чаплица непріятельскія войска, въ то время какъ Наполеонъ продолжалъ переправу 15 и рѣшилъ удерживать ее за собою 16, а Витгенштейнъ двинулся къ Борисову, вынудилъ къ сдачѣ отрѣзанную дивизію Партуно и только послѣ этого обратился противъ войскъ, прикрывавшихъ переправу у Студенки. Все это привело къ боямъ на обоихъ берегахъ Березины у Брили и у Студенки 16 ноября; при этомъ въ дѣйствіяхъ Чичагова и Витгенштейна не было необходимаго единства, что, въ связи съ нѣкоторыми съ ихъ же стороны погрѣшностями, дало возможность Наполеону окончить переправу, вывести свою армію изъ критическаго положенія и начать дальнѣйшее отступательное движеніе—черезъ м. Камень. Потери французовъ на р. Березинѣ въ точности опредѣлить трудно: по всему вѣроятію, онѣ доходили до 30.000 чел. Остатки «великой арміи» если еще не перестали существовать, то были уже близки къ этому неизбѣжному для нихъ концу похода.

Какое же участіе принималъ въ завершеніи этой операціи Кутузовъ? 12 ноября онъ прибылъ съ главными силами въ Копысь, 14 перешелъ черезъ Днѣпръ и 17 прибылъ къ Мижевичамъ. 15, въ Кругломъ, онъ получилъ донесенія Витген-

штейна и Платова, изъ которыхъ узналъ, что армія Чичагова прибыла на Березину, что Домбровскій отброшенъ на лѣвый берегъ рѣки и что Витгенштейнъ потѣснилъ Виктора и 13 почевалъ въ Баранахъ, тогда какъ Платовъ занялъ Крупки, имѣя позади себя Ермолова и Милорадовича. Въ этотъ же день Кутузовъ доносилъ Государю: «Изъ рапорта ген. Витгенштейна усмотрѣлъ я, что сходно предписаніямъ моимъ, выполняется общій планъ Вашего Императорскаго Величества... Таковое критическое положеніе непріятеля, окруженнаго повсюду, предвѣщаетъ нѣкоторыя послѣдствія»... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ Витгенштейну, сообщая ему о положеніи частей своей арміи: «изъ сего усмотрѣть можете, сколь пагубно есть положеніе Наполеона... и что одна и главнѣйшая цѣль нашихъ дѣйствій есть истребленіе врага до послѣдней черты возможности, и потому не могъ я еще рѣшиться отдѣлить васъ отъ того театра войны, гдѣ рѣшительные удары непріятелю нанесены быть должны»... Кутузовъ вѣрилъ въ это время, что существованію французской арміи на берегахъ Березины будетъ положенъ конецъ; на послѣднемъ переходѣ къ Березинѣ, узнавъ о переправѣ Наполеона, онъ сначала усомнился въ истинѣ этого извѣстія, а затѣмъ потребовалъ объясненій отъ Чичагова, что онъ дѣлалъ во время этой переправы; затѣмъ въ донесеніи Государю онъ призналъ Чичагова виновникомъ неполноты осуществленія плана. Однако и самъ Кутузовъ находился весьма далеко отъ рѣшительнаго пункта и не могъ принять на себя руководство столь важною операціею, что было крайне необходимо. Вслѣдствіе его отсутствія отмѣченныя имъ ошибки Чичагова и совершенно не соотвѣтствовавшія обстановкѣ дѣйствія Витгенштейна дали возможность Наполеону ускользнуть изъ западни. Трудно въ виду этого цѣликомъ отвергать обвиненіе Кутузова въ бездѣйствіи во время Березинской переправы, но должно принять во вниманіе: трудность исполненія какого бы то ни было плана дѣйствій не тѣмъ лицомъ, которое его составляло, а тѣмъ болѣе столь сложнаго плана, какъ принятый въ данномъ случаѣ; трудность руководства дѣйствіями нѣсколькихъ армій, между которыми нѣтъ возможности установить и поддерживать достаточно дѣйствительную связь, въ особенности, если главнокомандующій не пользуется «полною мочью»; сущность плана самаго Кутузова, который стремился къ уничтоженію французской арміи путемъ осторожнымъ, безъ блестящихъ атакъ и рискованныхъ предпріятій («все это развалится и безъ меня», говорилъ онъ своимъ совѣтникамъ, которые убѣждали его дѣйствовать рѣшительно); необходимость беречь армію, которая замѣтно таяла вслѣдствіе чрезвычайно трудныхъ условій осенняго и зимняго похода: въ три недѣли изъ 100.000 выбыло 50.000 чел., въ томъ числѣ въ бояхъ только 10.000 чел., — и наконецъ физическую слабость фельдмаршала, перенесшаго столько трудовъ, лишеній и нравственныхъ страданій, неоднократно тяжело раненнаго, много разъ извѣдавшаго печальныя послѣдствія людской зависти, несправедливости, интригъ и теперь уже недалекаго отъ могилы....

Дальнѣйшее отступленіе арміи Наполеона потеряло характеръ правильнаго движенія и обратилось въ бѣгство. Съ нашей стороны производилось преслѣдованіе, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы отрѣзать остатки главной французской арміи отъ боковыхъ ея корпусовъ. Преслѣдованіе остатковъ арміи Наполеона было поручено легкимъ отрядамъ, за которыми двинута Дунайская армія; войска Витгенштейна направлены правѣе ея, на Вилейку, а главная армія Кутузова—лѣвѣе, на Ольшаны. Морозы въ 27—30° довершили разстройство французской арміи; вся дорога была усѣяна трупами людей, погибшихъ отъ холода и голода. Самъ Наполеонъ, передавъ начальство Мюрату, 23 ноября отправился изъ Сморгони въ Парижъ, принявъ возможныя мѣры къ облегченію отступленія остатковъ арміи, которые, по достиженіи Вильны, не превышали 4.300 чел. Кутузовъ желая теперь непосредственно управлять войсками, приближавшимися къ Вильнѣ, 24 ноября прибылъ въ Радошкевичи, къ авангарду Милорадовича, а 29 въ Вильну, которая была очищена французами 28 и занята въ этотъ же день казаками Платова и пятью нашими передовыми отрядами. 29 же прибыли въ Вильну главныя силы Чичагова, который встрѣтилъ Кутузова въ замкѣ и представилъ ему почетный рапортъ и городскіе ключи. По показаніямъ очевидцевъ, встрѣча эта была

«холодна до крайности», но почти въ это самое время Кутузовъ писалъ Чичагову: «Благодарю васъ... за все, что произошло со времени сближенія вашего съ нами и наконецъ благодарю васъ за Вильну. Лестно всякому имѣть такого сотрудника и такого товарища, какого я имѣю въ васъ». Въ Вильнѣ населеніе, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, устроило Кутузову торжественную встрѣчу. Поэты его воспѣвали. Въ театрѣ былъ данъ спектакль, на которомъ представлена опера: «Добрый Панъ», и сверхъ того выставлена прозрачная картина, съ изображеніемъ побѣдоноснаго фельдмаршала и съ надписью: «Избавителю Отечества».

Кутузовъ предполагалъ остановить въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ главныя силы всѣхъ армій и предоставить дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля лишь авангардамъ Чичагова и Витгенштейна, о чемъ донесъ Государю еще 25, изъ Радошкевичей. Онъ основывалъ это предположеніе на томъ, что наши арміи понесли большія потери: въ главной арміи оставалось не болѣе 12.000 чел., у Чичагова—17.000—18.000 и у Витгенштейна—около 34.000—36.000 чел.—всего около 90.000 чел.—а главное на томъ, что цѣль войны, по его мнѣнію, заключалась въ изгнаніи непріятеля изъ Россіи. Но императоръ Александръ видѣлъ цѣль войны въ полномъ ниспроверженіи власти Наполеона и въ освобожденіи отъ его ига всей Европы, а потому принялъ мѣры къ укомплектованію арміи, разрѣшилъ Кутузову оставить въ Вильнѣ лишь наиболѣе разстроенныя части войскъ и приказалъ ему безостановочно преслѣдовать непріятеля и внѣ предѣловъ Россіи. Французы, очистивъ Вильну, бѣжали за Нѣманъ черезъ Ковну, гдѣ былъ оставленъ аріергардъ Нея, который 2 декабря былъ обращенъ въ бѣгство нашими казаками; перешли обратно черезъ нашу границу у Ковны до 1.000 чел. вооруженныхъ французовъ при 9 орудіяхъ и около 20.000 безоружныхъ. Фланговые непріятельскіе корпуса также отступили, причемъ пруссаки даже вовсе отдѣлились отъ Наполеона. Въ серединѣ декабря ни одного вооруженнаго врага не осталось въ Россіи. Главная армія была расположена Кутузовымъ на квартирахъ между Вилькомиромъ и Воложиномъ; армія Чичагова 21 вступила въ предѣлы Пруссіи и подошла къ Сталупянамъ; Витгенштейнъ былъ также направленъ въ Пруссію на Гумбиненъ.

11 декабря Государь прибылъ въ Вильну, былъ встрѣченъ Кутузовымъ у подъѣзда замка съ строевымъ рапортомъ, обнялъ его, бесѣдовалъ съ нимъ долго наединѣ въ своемъ кабинетѣ и пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 1-й степени.

Въ первый періодъ Отечественной войны, до назначенія главнокомандующимъ Кутузова, наши 1-я и 2-я арміи съ трудомъ избѣжали той западни, въ которую каждая изъ нихъ могла попасть при исполненіи плана Фуля и дополнявшей ее инструкціи Барклая-де-Толли. Послѣ назначенія Кутузова операціи окончились не скоро, но въ веденіи ихъ уже не было той искусственности и запутанности, которыя характеризуютъ первый, фулевскій, періодъ этой войны и которыя не годятся ни для какихъ войскъ, а въ особенности для русскихъ. Этой только перемѣны, при возможномъ напряженіи силъ Россіи, оказалось достаточнымъ для того, чтобы совершенно сломить Наполеона. Кутузовъ удовлетворялъ всѣмъ условіямъ, необходимымъ для главнокомандующаго, а что всего важнѣе, онъ былъ природный русскій человѣкъ, что, въ эту войну, имѣло первостепенную важность. Ему довѣряла вся Россія; за нимъ готовы были идти, куда угодно, русскіе воины. Онъ справдалъ это довѣріе.

Продолжая дѣйствовать, въ общемъ, въ духѣ той же идеи, которая была положена въ основаніе плана дѣйствій Барклая, Кутузовъ своевременно сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію и далъ нецѣлесообразное, съ чисто военной точки зрѣнія, бородинское сраженіе, которое является цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія связи войны съ политикою. Послѣ занятія Москвы Наполеономъ основною идеею всѣхъ дѣйствій Кутузова сдѣлалось давленіе на операціонную линію противника, вполнѣ законное въ этомъ случаѣ, такъ какъ эта линія достигла крайняго предѣла своей длины, а перевѣсъ въ силахъ перешелъ на нашу сторону. Идея эта послѣдовательно получила весьма широкое примѣненіе, вполнѣ согласно съ требованіями обстановки, въ трехъ формахъ: въ формѣ окруженія французской арміи въ Москвѣ партизанскими и народными отрядами, въ формѣ параллельнаго преслѣдованія и въ

формѣ захвата пути отступленія непріятеля на берегахъ Березины. Видя, что непріятельская армія разлагается, что окончательное ея разрушеніе есть только вопросъ времени, и предпочитая скромное «вѣрное» блестящему «невѣрному», Кутузовъ до конца кампаніи остался вѣренъ идеѣ дѣйствій всѣми силами и способами на сообщенія непріятеля. И онъ былъ правъ, не исключая и Березинской операціи, когда ему приходилось исполнять весьма сложный планъ, не имъ составленный, осуществленіе котораго представлялось ему мало вѣроятнымъ. Онъ умѣлъ извлечь пользу изъ времени, климатическихъ и прочихъ условій обстановки и принималъ превосходныя мѣры для преслѣдованія противника, для безпрестаннаго тревоженія его и для угрозъ его пути отступленія, не рискуя боемъ. Въ эту кампанію онъ далъ первостепенные образцы стратегическаго искусства и самымъ уклоненіемъ отъ случаевъ, въ коихъ онъ могъ бы дать таковые же образцы искусства тактическаго, доказалъ, что онъ былъ и стратегъ и тактикъ, вполнѣ постигшій всю сущность военнаго искусства. И вполнѣ можно сказать, что въ 1812 г. Кутузовъ пріобрѣлъ право называться побѣдителемъ величайшаго мастера военнаго дѣла, Наполеона, и что благодаря своему знанію дѣла, своимъ глубокимъ соображеніямъ и искусному проведенію ихъ въ жизнь, а равно и умѣнью пользоваться положительными качествами своихъ помощниковъ, мужествомъ и трудами арміи, неусыпною дѣятельностью легкихъ войскъ и всѣми вообще элементами обстановки,— онъ совершилъ великое дѣло, возложенное на него Государемъ для блага Россіи и заслужилъ безсмертіе въ исторіи.

По прибытіи Государя въ Вильну послѣдовали измѣненія въ организаціи высшаго управленія войсками. Государь замѣтилъ, что труды и заботы послѣдней кампаніи весьма ослабили здоровье и силы фельдмаршала, и сталъ самъ входить въ дѣло управленія арміями, при чемъ сборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній о состояніи войскъ и о средствахъ къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ были поручены лицамъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ императора Александра. Была образована главная квартира Государя, съ начальникомъ главнаго штаба генералъ-адъютантомъ княземъ Волконскимъ во главѣ, которому былъ подчиненъ и бывшій до сихъ поръ правою рукою Кутузова генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Эти перемѣны въ организаціи высшаго военнаго управленія вполнѣ соотвѣтствовали измѣненіямъ, происшедшимъ въ это же время въ составѣ арміи, а равно и въ цѣляхъ и характерѣ самой войны: война 1812 г., справедливо названная Отечественною, имѣла цѣлью изгнаніе враговъ изъ предѣловъ отечества и являлась войною оборонительною, тогда какъ война 1813 г., названная тогда же войною «за освобожденіе Германіи», имѣла цѣлью— путемъ быстраго наступленія къ Вислѣ и Одеру вовлечь Пруссію въ войну съ Наполеономъ, а затѣмъ, въ союзѣ съ нею, поднять и всю Германію, а слѣдовательно являлась войною наступательною. Политическія соображенія усложняли и затрудняли военныя операціи; столкновеніе интересовъ государственныхъ, личныхъ взглядовъ союзныхъ государей, разнородность состава ихъ армій, несовершенство устройства административной и хозяйственной части этихъ армій, — все это оказывало сильнѣйшее вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Все это приходилось улаживать и притомъ не положительными приказаніями, но увѣщаніями, разными доводами, нерѣдко просьбами, склоняя союзниковъ къ единомыслію и т. п. Возложить исполненіе такихъ задачъ на полководца, побѣдившаго самого Наполеона, который постоянно побѣждалъ нашихъ союзниковъ и даже насъ, когда мы ихъ слушали, было бы неудобно. Поэтому все это было возложено на князя Волконскаго, Кутузову былъ представленъ весь подобавшій ему почетъ, онъ оставался даже главнокомандующимъ и притомъ не въ такомъ положеніи, какъ въ 1805 г. подъ Аустерлицемъ; во всякомъ случаѣ, ему приходилось склоняться предъ волею Государя. Какъ истинно русскій человѣкъ и вѣрноподданный, повинующійся царю «не за страхъ, а за совѣсть», онъ это доказалъ тутъ же, близъ границъ Россіи, передъ выступленіемъ въ новый походъ, отдавъ по войскамъ замѣчательный приказъ, въ которомъ требовалъ, чтобы войска не обижали населенія и вообще вели себя внѣ предѣловъ отечества такъ, какъ подобаетъ себя вести благочестивымъ русскимъ воинамъ; приказъ этотъ оканчивался слѣдующими словами: «Герой Монархъ отдаетъ справед-

ливость заслугамъ вашимъ и щедро награждаетъ ваши отличія; признательное Отечество благословляетъ своихъ избавителей и молится за насъ Богу. — Заслужимъ же благодарность иноземныхъ народовъ и заставимъ Европу съ чувствомъ удивленія восклицать: «непобѣдимо воинство русское въ бояхъ и неподражаемо въ великодушіи и добродѣтеляхъ мирныхъ»! Вотъ благородная цѣль, достойная героевъ; будемъ же стремиться къ ней, храбрые воины!»

Само собою разумѣется, что въ отношеніи подготовки къ этому походу со стороны Кутузова было сдѣлано все, что отъ него зависѣло. Финансы Россіи были разстроены, да и всѣ вообще средства государства были истощены только что выдержанною борьбою, устройство продовольственной части арміи было сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями. Въ одинъ критическій въ этомъ отношеніи моментъ Кутузовъ (въ Вильнѣ) умѣлъ такъ расположить поляковъ и литовцевъ въ пользу Россіи, что они обязались добровольно поставить трехдневный запасъ хлѣба и крупы для людей, и овса и сѣна для лошадей всей нашей арміи.

Кампанія 1813 г. началась зимнимъ походомъ, цѣль котораго съ нашей стороны заключалась въ уничтоженіи боковыхъ корпусовъ французской арміи и въ преслѣдованіи съ фронта остатковъ ея, пытавшихся собраться на Вислѣ и на Одерѣ. Передъ началомъ этого похода Мюратъ (съ 20,000 чел.) находился у Кенигсберга; Макдональдъ отошелъ къ Данцигу; Шварценбергъ и Ренье отошли къ Варшавѣ, гдѣ находились и остатки корпуса Понятовскаго; въ крѣпостяхъ находились непріятельскіе гарнизоны. Мюрату было приказано держаться на Вислѣ, усиливъ гарнизоны Данцига, Торна и Модлина, но наступленіе русскихъ сдѣлало это невозможнымъ. Вице-король, смѣнившій Мюрата, отошелъ къ Познани, гдѣ имѣлъ не болѣе 10,000 человѣкъ.

Главныя силы Кутузова, 18,000 челов., 28 декабря выступили изъ Вильны, переправились черезъ Нѣманъ у Мереча и 24 января прибыли въ Плоцкъ, угрожая лѣвому флангу противника, расположеннаго у Варшавы, Модлина и Сѣроцка, въ то время какъ противъ его фронта наступали: Милорадовичъ отъ Гродны черезъ Ломжу, а Сакенъ и Радтъ черезъ Гранно на Варшаву — всего 35,000 челов. Такъ какъ между Австріею и Россіею начались переговоры, то Шварценбергъ отошелъ въ Галицію; туда же пошелъ и Понятовскій, а Ренье двинулся къ Кракову. Кутузовъ послалъ на перерѣзъ послѣднему отрядъ Винценгероде, который 1 февраля нанесъ саксонцамъ рѣшительное пораженіе у Калиша.

Чичаговъ 16 января подошелъ къ Торну, обложилъ его и двинулъ къ Познани авангардъ Воронцова, который 29 января разбилъ поляковъ у Рогозна; Витгенштейнъ, имѣя до 30,000 челов., переправился черезъ Вислу у Диршау и выслалъ летучіе отряды Чернышева, Бенкендорфа и Теттенборна въ обходъ лѣваго фланга и тыла вице-короля. Тогда вице-король очистилъ Познань и отошелъ къ Франкфурту и Кроссену; за нимъ пошелъ и Ренье. На Одерѣ къ вице-королю присоединилось 20,000 челов. свѣжихъ войскъ, половину которыхъ онъ отправилъ въ Берлинъ. Такимъ образомъ, линія Вислы была нами занята, но прусскій король колебался еще, перейти ли ему на сторону Россіи, или оставаться въ выжидательномъ положеніи, а Кутузовъ, въ виду этого, не находилъ возможнымъ двинуться за Одеръ и направилъ на лѣвый берегъ этой рѣки лишь 6 партизанскихъ отрядовъ. Войска наши, усиленныя до 140,000 челов., расположились: главныя силы Кутузова у Калиша, Ровича и Гостины; Витгенштейнъ у Дризена и Ландсберга; Барклай, смѣнившій Чичагова, блокировалъ Торнъ, Паскевичъ—Модлинъ, а Радтъ—Замостье; Сакенъ дѣйствовалъ противъ Понятовскаго; Левизъ наблюдалъ за Данцигомъ; Паленъ занималъ Варшаву; сверхъ того формировалась резервная армія въ 180,000 челов.

16 февраля былъ заключенъ союзный договоръ съ Пруссіей, которая обязалась выставить не менѣе 80,000 челов. и увеличивать эти силы по мѣрѣ возможности; но, на первыхъ порахъ, она выставила только 56,000 челов. Кутузовъ остался главнокомандующимъ союзною арміею, которая была раздѣлена на три отдѣльныя: сѣверная армія, Витгенштейна (50,000 чел.), должна была наступать на Берлинъ; южная, Блюхера (40,000 челов.)—на Дрезденъ, и главная (резервъ—30,000 челов.) оставалась частью на Одерѣ, частью у Калиша.

Кутузовъ не сочувствовалъ такому рѣшительному наступленію. Прусскій король старался привлечь его на свою сторону:

онъ пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла, табакерку съ своимъ портретомъ, осыпаннымъ бриллiантами, самъ его посѣщалъ и черезъ канцлера Гарденберга обѣщалъ подарить ему имѣніе; но Кутузовъ отвѣчалъ, что «императоръ Александръ не оставитъ его и дѣтей» и настаивалъ на своемъ мнѣніи, а потому до конца февраля—когда были сформированы прусскіе резервы—рѣшительныя дѣйствія большими силами и не велись, а только партизанскіе отряды оперировали далеко впереди фронта арміи. 27 февраля былъ занятъ союзниками Берлинъ; вице-король отступилъ къ Магдебургу, собралъ до 52,000 чел. и началъ угрожать Берлину, чтобы задержать наступленіе союзниковъ, но былъ вынужденъ отойти къ Нижней Заалѣ. Тогда Витгенштейнъ перешелъ черезъ Эльбу и Рослау и сталъ подвигаться на соединеніе съ южною арміею, которая уже 22 марта частью занимала Лейпцигъ, частью двигалась изъ Дрездена въ Альтенбургъ; нѣсколько позади слѣдовалъ Милорадовичъ; главныя же силы двигались изъ Калиша черезъ Бунцлау на Дрезденъ; партизаны продолжали дѣйствовать на сообщенія непріятеля и возбуждали возстанія противъ французовъ въ Гамбургѣ, Любекѣ, Лауэнбургѣ и т. д.

Между тѣмъ Наполеонъ, преодолѣвъ огромныя затрудненія, успѣлъ къ апрѣлю создать армію въ 200.000 чел. при 350 орудіяхъ и изъ нихъ сосредоточить въ окрестностяхъ Эрфурта до 125,000 чел. Хотя эта армія состояла большею частью изъ новобранцевъ и была особенно слаба кавалеріею (всего до 8.000 чел.), но Наполеонъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Союзники располагали только 192.000 чел., но превосходили Наполеона кавалеріею (20.000) и артиллеріею (650 орудій). Въ началѣ апрѣля они заняли Саксонію, при чемъ главная армія находилась у Дрездена,—но Кутузовъ не могъ уже слѣдовать съ нею: по прибытіи главной квартиры въ Бунцлау, 6 апрѣля, болѣзнь его, усилившаяся отъ простуды, заставила его остановиться. Императоръ Александръ и прусскій король оставались здѣсь до 9 и ежедневно навѣщали Кутузова, который уже на смертномъ одрѣ вручилъ государю ключи крѣпости Торна. Отъѣзжая въ Дрезденъ, Государь оставилъ при немъ князя Волконскаго и Толя. Прусскій король прислалъ къ нему знаменитаго врача Гуфеланда, но и тотъ не могъ уже ему помочь и вскорѣ уѣхалъ. Кутузовъ, питавшій всегда отвращеніе къ лекарствамъ, послѣ его отъѣзда вовсе уже ихъ не принималъ, но исповѣдывался и пріобщился Святыхъ Таинъ. Незадолго до смерти онъ заботился еще о сосредоточеніи силъ союзной арміи и давалъ соотвѣтственныя наставленія Витгенштейну, свидѣтельствующія о томъ, что онъ чуть ли не до послѣдняго момента своей жизни сохранилъ всю силу своего замѣчательнаго ума и полную ясность въ пониманіи обстановки и происходившихъ операцій. Во всякомъ случаѣ, онъ понималъ все это лучше, чѣмъ тѣ, кому пришлось вести послѣ него союзныя войска на новый бой съ Наполеономъ. Отсутствіе его вскорѣ дало себя чувствовать въ дни памятныхъ сраженій и неудачъ при Люценѣ и Бауценѣ.

Въ кампанію 1813 г. Кутузовъ дѣйствовалъ, въ общемъ, такъ же какъ во время Аустерлицкой операціи 1805 г.—сдерживая излишніе порывы главной квартиры союзниковъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; теперь однако онъ пользовался такимъ авторитетомъ, что его мнѣніемъ нельзя было пренебрегать—и это принесло большую пользу союзникамъ, которыхъ онъ не разъ предохранилъ отъ новыхъ рискованныхъ шаговъ и новыхъ разочарованій.

Кутузовъ умеръ 16 апрѣля 1813 г.; Государь выразилъ свое соболѣзнованіе по поводу смерти фельдмаршала въ рескриптѣ на имя его супруги: «Судьба Вышняго... опредѣлила супругу вашему посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей переселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для однихъ васъ, но для всего Отечества потеря!.. съ Вами плачу Я и плачетъ вся Россія. Богъ да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное Отечество не забудетъ никогда заслугъ его, Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удивляться, и внесутъ его имя въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же уважитъ землю, порождающую толь великихъ мужей. Все получаемое имъ содержаніе повелѣлъ Я производить вамъ».

По вскрытіи тѣла Кутузова оказалось, что сердце его было «удивительной вели-

чины»; по свидѣтельству очевидцевъ, «подобное было только у фельдмаршала графа Румянцова»; сверхъ того «внутренности его такъ были перепутаны», что врачи удивлялись, какъ онъ могъ такъ долго жить. Въ концѣ апрѣля гробъ съ набальзамированнымъ тѣломъ Кутузова былъ отправленъ черезъ Митаву, Ригу, Нарву и Ямбургъ въ Петербургъ. Повсюду производились торжественныя встрѣчи и совершались заупокойныя службы. Разсказывали, что когда шествіе вступало въ предѣлы петербургской губерніи, то надъ гробомъ вдругъ появился большой орелъ, что произвело на очевидцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Въ Ямбургѣ, при входѣ въ городъ, былъ поставленъ обелискъ съ надписью: «Слабое приношеніе Спасителю Отечества». Въ Нарвѣ, въ Ополье и въ Чирковицахъ народъ выпрягъ лошадей и везъ на себѣ гробъ до слѣдующихъ станцій. 24 мая тѣло было привезено въ Сергіевскую пустынь, гдѣ находилось 17 дней; служились торжественныя заупокойныя обѣдни и панихиды и народъ допускался «для воздаянія послѣдней почести» покойному. 11 іюня тѣло было привезено въ Петербургъ, встрѣчено митрополитомъ Амвросіемъ, духовенствомъ, генералитетомъ, сановниками гражданскими, высшимъ обществомъ и массою народа и, по особому церемоніалу, слѣдовало къ Казанскому собору; и здѣсь народъ выпрягъ лошадей и везъ его на себѣ; съ 11 до 13 оно находилось на катафалкѣ, а 13 состоялось торжественное погребеніе, въ присутствіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей; соборъ, площадь и ближайшія улицы были полны народомъ. Архимандритъ Филаретъ произнесъ трогательное слово на текстъ: «Благопоспѣшно бысть спасеніе рукою Его; и огорчи царя многи; и возвесели Іакова въ дѣлѣхъ своихъ и даже до вѣка память его во благословеніе». По окончаніи погребальнаго обряда гробъ былъ опущенъ въ могилу въ лѣвой сторонѣ собора, противъ царскихъ вратъ придѣла Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. По случаю кончины Кутузова было написано много сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Всѣхъ выраженій скорби, вызванной смертію его въ Россіи, перечесть невозможно. Впослѣдствіи былъ поставленъ ему памятникъ близъ Казанскаго же собора; другой (чугунный обелискъ) воздвигнутъ на мѣстѣ его кончины, въ Бунцлау.

Имя его присвоено (съ 1826 г.) полку, шефомъ котораго онъ былъ въ 1799—1801 гг. и который въ настоящее время носитъ названіе 11-го пѣхотнаго Псковского генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полка.

У Кутузова было много завистниковъ, недоброжелателей и враговъ, но гораздо больше почитателей и друзей. У него были, конечно, недостатки и слабыя стороны; указывали на его склонность къ нѣгѣ и наслажденіямъ. Отрицать это вполнѣ нельзя, но не слѣдуетъ преувеличивать. Одни, знавшіе его, свидѣтельствуютъ, что онъ «любилъ вкусныя блюда, великолѣпныя палаты, мягкое ложе», другіе — что онъ «не любилъ пышности и щегольства... одѣвался просто и всегда бывалъ въ форменномъ мундирѣ, даже въ мирное время»; впрочемъ и первые отмѣчаютъ, что онъ «на войнѣ никогда по ночамъ не раздѣвался». Онъ, въ старости, «выступалъ медленно, ѣздилъ въ покойномъ экипажѣ» и «рѣдко садился на лошадь по причинѣ тучности тѣла». Все это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе состояніе его здоровья. И тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ служить государю и Россіи, перемогая самого себя. Пожалуй, основательнѣе всего указанія современниковъ на его отношенія къ молодымъ и красивымъ женщинамъ, которыя плѣняли его почти до конца его жизни: такъ, въ Калишѣ, въ началѣ кампаніи 1813 г., на балу, онъ еще ухаживалъ за 16-тилѣтнею красавицею. Но какъ только долгъ и польза службы его призывали, онъ тотчасъ же забывалъ о существованіи чего бы то ни было, кромѣ того, что относилось къ дѣлу. Въ кругу прекраснаго пола, да и вообще въ какомъ бы то ни было обществѣ, онъ былъ незамѣнимъ; онъ оживлялъ общество любезностью, даромъ слова и занимательностью разсказовъ и очаровывалъ собесѣдниковъ. Его считали ловкимъ и утонченнымъ царедворцемъ и, пожалуй, не безъ основанія, хотя, впрочемъ, не во всѣхъ случаяхъ это качество приносило ему пользу. Въ молодости онъ былъ очень горячъ, но, съ теченіемъ времени, сдѣлался сдержаннымъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ добръ, въ мѣру снисходителенъ къ другимъ и щедръ, отличался гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ и радушіемъ; это и была одна изъ причинъ, почему онъ ощу-

щалъ нерѣдко недостатокъ въ деньгахъ.

Кутузовъ былъ вѣрующій христіанинъ, благочестивъ, но не ханжа, сознавалъ свои недостатки и каялся въ нихъ. Религіозность нисколько не препятствовала ему быть глубокомыслящимъ человѣкомъ. «Чѣмъ болѣе я живу, писалъ онъ одной изъ дочерей, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что слава есть дымъ. Я всегда любилъ философствовать, но теперь болѣе, нежели когда-либо... Я смѣюсь надъ собою, когда размышляю, съ какой точки зрѣнія смотрю на званіе мое, на мою власть и на почести, меня окружающія»...

Указанныя выше черты отражались и на военной дѣятельности Кутузова. Опровергая сужденія тѣхъ, кои обвиняли его въ сибаритствѣ, онъ, передъ Бородинскимъ сраженіемъ, когда вся армія спала, осматривалъ важнѣйшую часть поля сраженія. Онъ говорилъ, правда, за обѣденнымъ столомъ: «Главная квартира не монастырь; веселость солдата ручается за его храбрость»—и допускалъ около себя шутки и смѣхъ,—но лишь только это было нужно, дѣлался молчаливымъ и, во время боя, даже «важнымъ» и трудно доступнымъ. Въ это время, онъ «не требовалъ мнѣній постороннихъ», не терпѣлъ, чтобы ему давали совѣты и чтобы приказанія его оставались безъ исполненія, при чемъ съ виновныхъ взыскивалъ строго, несмотря на званіе. Самъ онъ въ бою былъ неустрашимъ—въ молодые годы онъ доказалъ это многократно,—да и въ старости остался такимъ же: подъ Бородинымъ приближенные нѣсколько разъ отводили его лошадь за поводья, когда онъ стоялъ подъ выстрѣлами непріятельской батареи и былъ «осыпаемъ ядрами»; особенно долго онъ стоялъ подъ огнемъ въ сраженіи при Малоярославцѣ, когда желалъ собственными глазами увидѣть то, что могло дать ему понятіе о намѣреніяхъ Наполеона.

Кутузовъ никогда не пренебрегалъ непріятелемъ, но старался возможно лучше его изучить и уловить его слабую сторону, куда и направлялъ ударъ. Онъ никогда не забывалъ производить необходимыя развѣдки и вообще организовать надлежащимъ образомъ сборъ свѣдѣній о непріятелѣ и о мѣстности; поэтому и его планы дѣйствій были всегда отлично обоснованы. При веденіи военныхъ операцій онъ поражалъ всѣхъ своею осторожностью и «медлительностью», почему его иные называли Фабіемъ Кунктаторомъ («Фабій Ларіоновичъ и Михаилъ Баярдъ» по выраженію Репнина); но въ необходимыхъ случаяхъ онъ проявлялъ и рѣшительность, насколько этого требовала обстановка съ его точки зрѣнія. Онъ обладалъ замѣчательнымъ военнымъ глазомѣромъ и рѣдкою проницательностью и предусмотрительностью: подобно тому, какъ человѣка угадывалъ и опредѣлялъ чуть ли не съ перваго раза, такъ и обстановку на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія обнималъ быстро. Люди, знакомившіеся съ нимъ, удивлялись его обширнымъ свѣдѣніямъ въ теоріи и въ практикѣ не только военнаго дѣла вообще, но и каждаго рода службы въ особенности; знавшіе же его хорошо не удивлялись, ибо имъ было извѣстно, что онъ былъ, въ свое время, отличнымъ офицеромъ инженернымъ, артиллерійскимъ, кавалерійскимъ, квартирмейстерскимъ, формировалъ части легкой конницы и пѣхоты, командовалъ разными отрядами и цѣлыми арміями и при удачѣ, и при неудачѣ, бралъ крѣпости, управлялъ городами и областями, исполнялъ дипломатическія порученія и т. д. Все это могъ совершить лишь человѣкъ великаго ума, способнаго и склоннаго къ разсчету, находившагося въ равновѣсіи съ волею и чуждаго увлеченій.

Кутузовъ, подобно своему учителю Суворову, въ совершенствѣ постигъ искусство овладѣвать войсковыми массами и направлять ихъ согласно съ требованіями долга, пользы службы и военной обстановки. Сидя въ кругу солдатъ на соломѣ и раздѣляя съ ними пищу, онъ приговаривалъ: «хлѣбъ да вода—солдатская ѣда». Обозрѣвая полки въ 1812 г., когда войско не могло быть представлено въ щегольскомъ видѣ, онъ сказалъ: «я пріѣхалъ только посмотрѣть, здоровы ли вы, дѣти мои? Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать; ему должно отдыхать и готовиться къ побѣдѣ». Преслѣдуя Наполеона, онъ подъѣхалъ къ одному изъ полковъ и, узнавъ, что солдаты не получили ни хлѣба, ни говядины, ни вина, грозно сказалъ: «Я велю повѣсить провіантскихъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать».—«Покорнѣйше благодаримъ», отвѣчали солдаты. «Да, вотъ что, братцы—продолжалъ Кутузовъ—пока вы станете

отдыхать, злодѣй-то, не дожидаясь васъ, уйдетъ».—Въ одинъ голосъ солдаты воскликнули: «Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять!» Тогда фельдмаршалъ, поднявъ глаза къ небу и утирая слезы, произнесъ: «Великій Боже! чѣмъ возблагодарить Тебя за милость, что имѣю счастіе командовать такими молодцами!» Неумолкаемое «ура» было отвѣтомъ солдатъ. Кутузовъ говорилъ съ ними какъ будто бы не по Суворовски, а результатъ получался тотъ же.

Только такой, любимый войсками полководецъ, при наличности и прочихъ необходимыхъ данныхъ, могъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Наполеона, о которомъ самъ Кутузовъ говорилъ: «Разбить онъ меня можетъ, но обмануть никогда»; Наполеонъ же, въ свою очередь, сознался, что «хитрецъ Кутузовъ» обманулъ его своимъ фланговымъ маршемъ въ 1812 г.; самому Наполеону не удалось разбить Кутузова, но Кутузовъ такъ все устроилъ, что армія, которую Наполеонъ созидалъ въ теченіе добрыхъ 12—15 лѣтъ и съ которою онъ побѣдилъ почти всѣ западноевропейскія государства, «развалилась» въ 2—3 мѣсяца. Кутузовъ явился такимъ образомъ первымъ въ ряду тѣхъ, которымъ удавалось одерживать успѣхи надъ Наполеономъ, т. е. настоящимъ побѣдителемъ Наполеона. Неудивительно, что историки даютъ ему «мѣсто, за услуги, оказанныя Отечеству—возлѣ Пожарскаго, а за военныя дарованія—возлѣ Суворова».

Но это еще не все. Отличаясь непоколебимою вѣрностью и преданностью своему государю и Россіи, Кутузовъ упорно отстаивалъ ихъ интересы и достоинство въ отношеніяхъ своихъ къ иностраннымъ правительствамъ; иноземнымъ государямъ, хотя бы состоявшимъ въ союзѣ съ Россіею, онъ оказывалъ весь подобавшій имъ почетъ, но ни на волосъ не уступалъ ни въ чемъ ради ихъ расположенія, какъ это дѣлали въ его время другіе; впрочемъ, это являлось слѣдствіемъ и того, что онъ и въ сферѣ политики зналъ и понималъ то, что было недоступно пониманію другихъ видныхъ дѣятелей этой эпохи. Какъ дипломатъ, онъ не много имѣлъ себѣ равныхъ въ теченіе императорскаго періода исторіи Россіи, въ отношеніи правильнаго и здраваго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ государства, безъ примѣси какихъ бы то ни было фантазій, иллюзій и увлеченій. Какъ градоправитель и начальникъ края, онъ обладалъ замѣчательными административными способностями; если первый опытъ въ Петербургѣ былъ не вполнѣ удаченъ, то тутъ должно принять во вниманіе трудность и особенности задачи, которая была на него возложена—исправить быстро то, что долго портили другіе, было невозможно,—управленіе же его въ Кіевѣ и Вильнѣ дало блестящіе результаты, что вообще рѣдко случалось въ этихъ мѣстностяхъ; часть населенія, враждебно относившаяся къ Россіи и ко всему русскому, умиротворялась и склонялась къ поведенію и къ дѣйствіямъ согласнымъ съ видами и интересами Верховной власти и государства. Кутузовъ, хотя и недолго, былъ членомъ только что преобразованнаго Государственнаго Совѣта; самый фактъ этого назначенія, при извѣстномъ отношеніи къ нему императора Александра, свидѣтельствуетъ о томъ, что Государь высоко ставилъ его дарованія и на этомъ поприщѣ государственной дѣятельности. Россія имѣла въ лицѣ Кутузова первокласнаго полководца и вообще такого многосторонняго государственнаго дѣятеля, какіе въ ея исторіи считаются лишь единицами, и въ памяти русскихъ людей онъ будетъ жить вѣчно и съ теченіемъ времени его незабвенный обликъ будетъ становиться все болѣе и болѣе величавымъ.

Съ 27 апрѣля 1778 г. Кутузовъ былъ женатъ на дочери генералъ-поручика Екатеринѣ Ильиничнѣ Бибиковой, сестрѣ извѣстнаго Александра Ильича Бибикова и Авдотьи Ильиничны Бибиковой жены адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова. Жена нерѣдко сопровождала Кутузова въ походахъ. У него былъ только одинъ сынъ Николай, нечаянно задушенный кормилицею на первомъ году отъ роду, и пять дочерей: Прасковья, въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ М. Ф. Толстымъ; Анна, за генералъ-маіоромъ Н. З. Хитрово; Елизавета, за графомъ Ф. И. Тизенгаузеномъ, а затѣмъ за Н. З. Хитрово; Екатерина, за княземъ Н. Д. Кудашевымъ, и Дарья, за Ф. П. Опочининымъ — впослѣдствіи оберъ-гофмейстеръ, одинъ изъ друзей вел. кн. Константина Павловича. Сверхъ того, послѣ него остались: братъ Семенъ и сестра Дарья Голенищевы-Кутузовы.

«Формулярный списокъ о службѣ Маріуполь-

ского легкоконнаго полка генералъ-маіора Голенищева-Кутузова», за 1785 г., въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба, гусарскаго повытья, опис. 213, связ. 155; «Военно-учебный архивъ Главнаго штаба, Отдѣленіе 2-е, №№ 1214, 1351, 1356, 1368, 1343, 1386, 1399, 1400, 1402, 1406 и др.; «Анекдоты или достопамятныя сказанія о его свѣтлости кн. М. Ил. Голенищевѣ-Кутузовѣ», С.-Петербургъ, 1814 г.; «Архивъ Князя Воронцова», Москва, 1870—1887 (книга 8-я и др.); Ахшарумовъ, «Описаніе войны 1812 г.» С.-Петербургъ, 1819 г.; Бантышъ-Каменскій, «Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», С.-Петербургъ, 1840 г. 3 тома; его же, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», С.-Петербургъ, 1847 г.; Богдановичъ М., «Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ», С.-Петербургъ, 1859 г. три тома; его же, «Исторія войны 1813 года за независимость Германіи по достовѣрнымъ источникамъ», Спб. 1863 г., томъ I; Бутовскій, «Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ», Спб. 1858, Бутурлинъ, «Картина войнъ Россіи съ Турціею въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й и Императора Александра I-го» (переводъ съ французскаго), С.-Петербургъ, 1829 г.; его же, «Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 г.», (переводъ съ французскаго, Хатова), С.-Петербургъ, 1823 и 1837 г. 2 тома; «Военный Журналъ», Рахманова 1810—1819 гг.; «Военный Сборникъ», 1849, 1866, 1871 и др.; Высочайшіе приказы по военному вѣдомству до 1813 года; «Гербовникъ общій дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи», начатый въ 1797 г. С.-Петербургъ; Глиноецкій, «Исторія русскаго генеральнаго штаба», С.-Петербургъ, 1883 г., т. I; Давыдовъ Д., «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія», Москва, 1822 г.; «Дѣянія Россійскихъ Полководцевъ и Генераловъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ», С.-Петербургъ, 1822 г. 4 тома; Дубровинъ, «Отечественная война въ письмахъ современниковъ 1812—1815 гг.», С.-Петербургъ, 1882 г.; Жомини, «Политическая и военная жизнь Наполеона» (переводъ съ французскаго), С.-Петербургъ, 1837 и 1844 гг.; «Жизнь, военныя и политическія дѣянія его свѣтлости генералъ-фельдмаршала и князя Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, съ достовѣрнымъ описаніемъ частной или домашней его жизни отъ самаго рожденія до славной его кончины и погребенія», С.-Петербургъ, 1813 и 1814 гг. Части I—VI; «Записки Алексѣя Петровича Ермолова о войнѣ 1812 года», Londres, Bruxelles 1863 г.; его же, «Записки», Москва, 1863 г.; «Историческія записки о живни и воинскихъ подвигахъ генералъ-фельдмаршала М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго», С.-Петербургъ, 1813 г.; «Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ», составилъ С. М. Середонинъ, С.-Петербургъ, 1902 г. томъ I; Карцовъ, «Военно-историческій обзоръ войны 1812 года», С.-Петербургъ, 1852 года; Лееръ (подъ его редакціей), «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней», С.-Петербургъ, 1885 г. часть I; его же, то-же, изданіе 2-е, 1893 г. часть I; его же, «Стратегія». Часть I. Изданіе 6-е, С.-Петербургъ, 1898 г.; его же (реценэія), «Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг. Составилъ А. Н. Петровъ», С.-Петербургъ, 1888 г.; Липранди, «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г.», С.-Петербургъ, 1855 г.; его же, «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня», Москва, 1867 г.; его же, «Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 г.», С.-Петербургъ, 1867 г.; Масловскій, «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи», выпускъ II, С.-Петербургъ, 1894 г.; его же, «Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ», выпускъ IV, «Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева 1787—1789 гг.», С.-Петербургъ, 1893 г.; «Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба.—Отечественная война 1812 года». Отд. I. Т. I. Ч. I и II и т. д., С.-Петербургъ, 1900 г. и т. д.; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году», С.-Петербургъ, 1844 г.; его же, «Описаніе Турецкой войны въ царствованіе Императора Александра съ 1806 до 1812 г.», С.-Петербургъ, 1843 г. 2 тома; его же, «Описаніе Отечественной войны въ 1812 году», С.-Петербургъ, 1839 г. 4 тома; его же, «Описаніе войны 1813 года», С.-Петербургъ, 1844 г. 2 тома; его же, «Записки о походѣ 1813 года», С.-Петербургъ, 1834 г. и 1836 г.; Новицкій, «Краткій путеводитель по Бородинскому полю сраженія», С.-Петербургъ, 1902 г.; «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства». Составилъ А. Энгель, 1869—1870 г. томъ I; Орловъ, «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», С.-Петербургъ, 1890 г; Петровъ, «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», С.-Петербургъ, 1866—1874 гг. 5 томовъ; его же, «Вторая Турецкая война въ царствованіе Императрицы Екатерины II 1787—1791 гг.»; С.-Петербургъ, 1880 г. 2 тома; его же, «Война Россіи съ Турціею 1806 — 1812 г.», С.-Петербургъ, 1885 г. 3 тома; «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», С.-Петербургъ, томы XXIV—XXXII; «Русская Старина», 1870—1878 гг. и др.; «Русскій Архивъ», 1869—1876 гг.; «Русскій Инвалидъ», 1813—1902 гг.; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», томы III, VI, XVI, XXIX, XLV, LXXXVIII, LXXXIX и др.; Смитъ, «Суворовъ и паденіе Польши», С.-Петербургъ, 1867 г.; «Столѣтіе Военнаго Министерства». (1802 — 1902). Главный Штабъ. IV. Ч. I. Кн. 2. Отд. 1. Подъ редакціей г.-л. Д. А. Скалона и г.-м. Н. И. Михневича, «Историческій очеркъ возникновенія и развитія Генеральнаго Штаба въ Россіи до конца царствованія Императора Александра I включительно. Составилъ ген.-маіоръ П. А. Гейсманъ», С.-Петербургъ, 1902 г.; «С.-Петербургскія Вѣдомости» (съ «Прибавленіями» къ нимъ), 1792 г. и т. д.; Фуксъ, «Собраніе разныхъ сочиненій», С.-Петербургъ, 1827 г.; Харкевичъ, «Война 1812 года отъ Нѣмана до Смоленска», Вильна, 1901 г.; его же, «1812 г. Березина. Военно-историческое изслѣдованіе», С.-Петербургъ, 1893 г.; Храповицкій, «Памятныя записки статсъ-секретаря Императрицы Екатерины II-й», Москва, 1862 г.; Шильдеръ, «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», С.-Петербургъ, 4 тома, особенно томъ III, 1897 г.; его же, «Императоръ Павелъ Первый», С.-Петербургъ, 1901 г.; Шишковъ, «Краткія записки, веденныя имъ во время пре-

бываніе его при Императорѣ Александрѣ I-мъ, въ бывшую съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну», С.-Петербургъ, 1831 г.; Chambray, «Histoire de l'expédition de Russie», Paris, 1825, 3 volumes; «Correspondance militaire de Napoléon 1-er», Paris, 1876, 10 volumes; Fain, «Manuscrit de 1812, contenant le précis des événements de cette année pour servir à l'histoire de l'Empereur Napoleón», Paris, 1827, 2 volumes; Gourgaud, «Napoléon et la grande armée en Russie, ou examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur», Paris, 1827, 2 volumes; Langeron, «Journal des campagnes faites au service de la Russie par le Comte de Langeron, général-en-chef» — въ рукописи, особенно: 13-me campagne... 1811» и «14-me campagne... 1812». Часть этихъ записокъ издана на русскомъ языкѣ подъ редакціей К. Менскаго: «Березинская операція въ войну 1812 года»; Ségur, «Napoléon et la grande armée», Paris, 1822, 2 volumes; Ségur, «Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812», Paris, 1826, 9 édition, 2 volumes; Thiers, «Histoire du Consulat et de l'Empire», Leipzig, 1845, 20 volumes; Vaudoncourt, «Relation impartiale du passage de la Bérézina par l'armée française en 1812», Paris, 1815; Rüstow, «Der Krieg von 1805 in Deutschland und Italien», 2 Auflage, Zürich, 1859; Roth von Schreckenstein, «Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa (Borodino) am 7 september 1812», Münster, 1858; Clausewitz, «Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegsführung. Vom Kriege», Berlin, 1867; Bernhardi, «Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserlichen-russischen Generals der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll», 2 Auflage, Leipzig, 1865—1866, 4 Bände; Wilson (aus dem englischen), «Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland», Leipzig, 1861 и др.

П. А. Гейсманъ.

Кутузовъ (Голенищевъ-Кутузовъ), *Павелъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 1 ноября 1767 г., ум. 13 сентября 1829 г. Записанъ въ Днѣпровскій пикинерскій полкъ кадетомъ 1 января 1776 г., въ 1780 г. произведенъ уже въ подпоручики; въ началѣ 1783 г. произведенъ въ капитаны и взятъ кн. Потемкинымъ въ адъютанты; въ январѣ 1785 г. перешелъ въ адъютанты къ адм. Грейгу, участвовалъ въ сраженіи при Гохландѣ и отправленъ былъ съ донесеніемъ о немъ къ Императрицѣ; произведенъ по этому случаю въ подполковники 10 іюля 1786 г., съ назначеніемъ въ Павловскій драгунскій полкъ, въ составѣ котораго принималъ участіе въ нѣсколькихъ дѣлахъ въ Финляндіи со шведами. 7 ноября 1796 г. поднесъ императору Павлу оду на его возшествіе на престолъ, произведенъ въ полковники и пожалованъ золотою табакеркою. 26 марта 1798 г. произведенъ въ дѣйствит. стат. сов. и назначенъ однимъ изъ трехъ кураторовъ Московскаго университета; 2 августа 1799 г. получилъ бриллiантовый перстень за поднесенную оду на побѣды русскихъ войскъ въ Италіи; въ 1800 г. представилъ проектъ преобразованія благороднаго университетскаго пансіона въ кадетскій корпусъ и «планъ новаго образа ученія въ университетѣ» и за эти труды получилъ чинъ тайнаго совѣтника и бриллiантовый перстень. Въ первые годы царствованія императора Александра былъ удаленъ отъ университета: при устройствѣ университета по новому уставу должность куратора была уничтожена и Голенищевъ-Кутузовъ 20 ноября 1803 г. былъ причисленъ къ герольдіи, съ награжденіемъ орденомъ св. Анны I ст. Незадолго до того, 10 января 1803 г., «Россійская академія, отдавая справедливость многимъ рукописнымъ стихотвореніямъ отъ него сообщеннымъ» избрала Кутузова своимъ членомъ; 22 августа 1805 г. назначенъ сенаторомъ, 17 мая 1810 г.—попечителемъ Московскаго университета. Поэтическая дѣятельность Кутузова продолжалась; время съ 1805 по 1810 г. наиболѣе богато его произведеніями—по преимуществу торжественными одами на разные случаи; къ этому же времени относится его переводъ Пиндара и поэмы Берни «Четыре части дня». Попечительство Кутузова въ Москвѣ совпало со временемъ разворенія Москвы, ея университета и большей части учебныхъ заведеній округа. Надъ возобновленіемъ зданій университета, его библіотеки, разныхъ богатыхъ коллекцій онъ добросовѣстно поработалъ. Осматривалъ, по Высочайшему повелѣнію, Демидовское училище въ Ярославлѣ и учебныя заведенія въ нѣсколькихъ губерніяхъ. По поводу событій 1813—1814 г. написалъ три торжественныя оды. 30 декабря 1816 г. уволенъ отъ должности попечителя, въ 1821 г.—вышелъ въ отставку.

Геннади, «Словарь»; Шевыревъ, «Исторія Моск. унив.»; 293, 314, 321, 380—454; Сухомлиновъ, «Ист. Рос. Акад.», VII, 760; Жихаревъ, «Записки»; Свербѣевъ, «Записки», 125; «Остафьевскій Архивъ», I, II; Нилъ Поповъ, «Ист. моск. общества ист. и др.», 1884 г.; «Рус. Арх.», 1881 г., III, 424; «Рус. Старина», т. IX, 614; Ghennady, «Les écrivains franco-russes», 25.

Кухаренко, *Яковъ Герасимовичъ*, генералъ-маіоръ, наказной атаманъ Черноморскаго войска, малороссійскій писатель-драматургъ, род. въ 1800 г., въ Екатеринодарѣ, ум. 26 сентября 1862 г., въ плѣну у абадзеховъ, въ Майкопѣ, похороненъ въ Екатеринодарѣ. Учился въ

войсковой Екатеринодарской гимназіи, изъ 4-го класса которой ушелъ въ 1814 г. и поступилъ на службу сотеннымъ есауломъ Черноморскаго войска. Своими способностями и усердіемъ Кухаренко постоянно обращалъ на себя вниманіе начальства и ему давались неразъ порученія, не соотвѣтствовавшія его чину: въ чинѣ сотника онъ командовалъ артиллерійской ротой при осадѣ и взятіи Анапы, въ чинѣ есаула онъ служилъ, по выборамъ дворянства, ассессоромъ въ войсковой канцеляріи, полковникомъ въ 1851 г. исправлялъ должность наказного атамана Азовскаго казачьяго войска, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ исправлять должность начальника штаба наказного атамана Черноморскаго казачьяго войска. Въ 1853 г. Кухаренко былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году способствовалъ передвиженію кордонной линіи съ почтоваго тракта къ берегамъ рѣки Кара-Кубани, чѣмъ сократилъ линію и вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасилъ лежащій позади ея край. Въ 1856 г. онъ, въ качествѣ депутата отъ Черноморскаго казачьяго войска, присутствовалъ въ Москвѣ при коронованіи Александра II. Въ 1861 г. стоялъ во главѣ черноморцевъ, предназначенныхъ къ переселенію за Кубань. Онъ старался привести въ извѣстность права и преимущества своихъ переселявшихся соотечественниковъ и былъ ихъ руководителемъ до тѣхъ поръ, когда казаки, подстрекаемые немногими старыми и молодыми крикунами, вовсе отказались отъ переселенія. Въ томъ же 1861 г. на Кухаренко возложено было управленіе Нижне-Кубанской кордонной линіей и командованіе Шапсугскимъ Закубанскимъ отрядомъ. Въ половинѣ сентября 1862 г. онъ былъ вызванъ командующимъ войсками Кубанской области, по дѣламъ службы, въ Ставрополь. При переправѣ черезъ Кубань, ночью 19 сентября, на него напала партія конныхъ абадзеховъ, въ числѣ восьми человѣкъ, изранили его и взяли въ плѣнъ, гдѣ онъ отъ ранъ и скончался. Тѣло его было выкуплено сыномъ его и погребено на родинѣ.—Кухаренко поддерживалъ знакомство съ современными малороссійскими писателями, былъ знакомъ съ Н. Костомаровымъ, съ Шевченко. Перу Кухаренко принадлежатъ: «Черноморскій побигъ на Кубани міжъ 1794 и 1796 роками», оперетта въ 3-хъ дѣйствіяхъ, написанная въ 1836 г. и рисующая быть кубанскихъ казаковъ во время первоначальнаго заселенія прикубанской равнины остатками разбѣжавшагося запорожскаго войска и другими выходцами изъ Украины. Это произведеніе написано въ подражаніе оперѣ Котляревскаго «Наталка-Полтавка»; Т. Г. Шевченко хвалилъ его, самъ отдалъ въ 1842 г. въ цензуру и желалъ видѣть его въ печати, но оперетта не издана была въ то время, и только въ 1861 г. въ Основѣ» была напечатана первая часть «ея. «Вороній кінь» («Основа» 1861 г.) — народная сказка; «Пластуни»; «Вивци и чабани въ Чорноморіи» (ibid. 1862 г.)—имѣютъ этнографическій интересъ; «Чабанський словарь» (ibid. 1862 г.). Полное собраніе произведеній Кухаренко издано въ 1880 г. въ Кіевѣ Ф. Пискуновымъ, подъ заглавіемъ: «Збирнык творивъ Кухаренко, наказного атамана земли війска Чорноморскаго. Посмертне выдання».

Н. П. Петровъ, «Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія»; Огоновскій, «Исторія литературы русской», ч. II; «Народная Бесѣда», 1862 г., кн. 6; «Солдатская Бесѣда» 1862 г., кн. 6; «Русская Сцена», 1865 г., № 6—7; И. Рудченко, «Народныя южно-русскія сказки», вып. 11; «Галичанинъ», литературный сборникъ, кн. I, вып. 2, стр. 13—14; А. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 217; А. Пыпинъ и В. Спасовичъ, «Исторія славянскихъ литературъ», т. I: «Иллюстрація» 1863 г., т. XI, № 257, стр. 107.

Ив. Дав.

Кухарскій, *Андрей*, писатель, род. въ 1795 г. въ петроковскомъ уѣздѣ, ум. въ Варшавѣ, въ 1862 г. Окончивъ курсъ въ піарскихъ школахъ, былъ учителемъ въ Люблинѣ, Плоцкѣ и Варшавѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщалъ университетъ. Въ 1821 г. получилъ степень магистра наукъ и искусствъ и былъ отправленъ на 5 лѣтъ въ западно-славянскія земли для приготовленія къ профессорскому званію. Но Кухарскій занялся разработкою отдѣльныхъ, по преимуществу мелкихъ научныхъ вопросовъ и работы его серьезнаго научнаго значенія не имѣли. Кромѣ нѣсколькихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ издалъ отдѣльно въ 1838 г. «Najdawniejsze pomniki prawodawstwa słowiańskiego». Послѣ его смерти его библіотека, отлично составленная, пріобрѣтена была Одесскимъ университетомъ.

«Encyklopedyja powszechna», VII; «Справ. слов.» Края, т. VI.

Куцинскій, *Трофимъ Егоровичъ*, протоіерей, ум. послѣ 1805 г. О годѣ его рожденія и первыхъ годахъ жизни официальныя свѣдѣнія, основанныя на показаніяхъ самого Куцинскаго, противорѣчатъ другъ другу. По однимъ, онъ родился въ 1759 г. въ г. Шаровѣ, «польской области», гдѣ его отецъ былъ причетникомъ, до 15-ти лѣтъ обучался въ мѣстной «семинаріи», затѣмъ «вышелъ въ Кіевъ» и занялся тамъ обученіемъ купеческихъ дѣтей, посѣщая «приватно» уроки кіевской академіи «по реторику»,—затѣмъ вернулся въ Шаровъ и былъ здѣсь дьячкомъ, послѣ того въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, обучалъ купеческихъ дѣтей «россійской грамотѣ». Здѣсь вступилъ въ бракъ; 29 сентября 1784 г. греческій митрополитъ ренскій и браиловскій произвелъ его во діакона, а 1 октября — во священника къ могилевской георгіевской церкви. Пробывъ всего недѣлю въ Могилевѣ, онъ отправился съ женою въ Яссы, гдѣ «находился годъ подъ защитою россійскаго консула», а въ маѣ 1786 г., вмѣстѣ со многими молдаванами, вышелъ на жительство въ Россію, въ таврическую область. По другимъ свѣдѣніямъ онъ родился въ г. Яссахъ 19 сентября 1749 г. «отъ родителей сербской націи, дворянскаго происхожденія, тамъ проживавшихъ», и тамъ же, 3 октября 1784 г. митрополитомъ Кирилломъ посвященъ во іерея къ ясской церкви св. Димитрія, откуда и вышелъ въ Россію. Съ выхода въ Россію жизнь Куцинскаго можно уже прослѣдить по документамъ—она любопытна, какъ рисующая типы и бытъ духовенства въ новозаселявшихся областяхъ на югѣ Россіи. По переселеніи въ Россію, Куцинскій въ сентябрѣ 1786 г. изъ таврической области явился въ Полтаву и преосвященнымъ Никифоромъ былъ опредѣленъ къ полтавской николаевской церкви. Черезъ полгода новый архіепископъ Амвросій послалъ его въ слободу Волненку, павлоградскаго уѣзда. Недолго спустя онъ былъ опредѣленъ въ Павлоградскій легкоконный полкъ, съ которымъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ крѣпостью Кинбурномъ. Въ іюлѣ 1789 г. переведенъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, съ которымъ былъ во вторую турецкую войну при взятіи Очакова, Бендеръ и подъ стѣнами Измаила, гдѣ при штурмѣ крѣпости шелъ впереди полка по лѣстницѣ на стѣну съ крестомъ, воодушевляя солдатъ, и получилъ рану въ лѣвую ногу. За этотъ подвигъ былъ награжденъ бриллiантовымъ крестомъ на георгіевской лентѣ, саномъ протоіерея, единовременною наградой въ 500 р. и ежегодною пенсіей въ 300 р. Въ концѣ 1791 г. перешелъ въ Днѣпровскій приморскій гренадерскій полкъ и съ нимъ два раза былъ за Дунаемъ. Въ январѣ 1792 г. оставилъ полкъ, уѣхалъ въ Яссы, а въ октябрѣ явился въ екатеринославскую духовную консисторію и просилъ опредѣлить его на протоіерейское мѣсто. Но такъ какъ въ консисторіи не было грамоты о посвященіи Куцинскаго, а въ тѣ времена въ южной и западной Россіи нерѣдко появлялись изъ заграницы самозванные священники, то консисторія дѣло объ Куцинскомъ представила на разрѣшеніе Св. Синоду. Не дожидаясь указа изъ Синода, Куцинскій пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ опредѣлить его протоіереемъ въ новозавоеванный г. Дубоссары. Св. Синодъ направилъ Куцинскаго къ управлявшему тогда екатеринославскою епархіей, епископу Іову (Потемкину), и предписалъ дать ему мѣсто въ Дубоссарахъ, если окажется возможнымъ, или «другое приличное, во уваженіе его заслугъ». Преосвященный Іовъ, замѣтивъ противорѣчіе показаній Куцинскаго въ прошеніи Св. Синоду съ имѣющимися въ консисторіи документами, заподозрилъ дѣйствительность его священства и представилъ о томъ Св. Синоду. Св. Синодъ предписалъ произвести строгое разслѣдованіе. Новый екатеринославскій архіерей преосвященный Гавріилъ, благоволившій къ Куцинскому, по разслѣдованію призналъ несомнительность священства Куцинскаго и сдѣлалъ о немъ благосклонный отзывъ Св. Синоду. Послѣ этого Куцинскому выдана была грамота на протоіерейство и по его желанію онъ былъ опредѣленъ «снова въ полки», бывшіе подъ командою графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Но почти тотчасъ же оставилъ войсковую службу и въ концѣ 1794 г., когда началось возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію, явился къ преосвященному Виктору (Садковскому), съ рекомендательнымъ письмомъ графа Румянцева, и принималъ участіе въ работѣ возсоединителей. Впутанный затѣмъ въ какое то кляузное дѣло противъ брацлавскаго епископа Іоанникія онъ былъ лишенъ креста, пенсіи и опредѣленъ на

безысходное пребываніе въ полтавскій крестовоздвиженскій монастырь. Однако, черезъ годъ, по ходатайству самого архіерея, былъ освобожденъ, и съ 1 января 1799 г. состоялъ священникомъ при богоявленской церкви въ г. Черниговѣ. Въ 1800 г. осенью Куцинскій обратился на Высочайшее Имя съ прошеніемъ о выдачѣ ему его грамотъ и отпускѣ на родину въ Яссы. Прошеніе было исполнено. Черезъ два года онъ, однако, снова вернулся въ Россію и просилъ у Св. Синода опредѣлить его попрежнему «на службу въ полки». Св. Синодъ отказалъ, на томъ основаніи, что онъ уже не состоитъ русскимъ подданнымъ. Но дѣло неожиданно получило другой оборотъ. Императоръ Александръ, по восшествіи на престолъ, учредилъ комиссію для пересмотра «списка сосланнымъ людямъ въ разныя мѣста». Въ спискѣ числился и Куцинскій. Высочайше повелѣно было возвратить ему крестъ и пенсію, и опредѣлить къ приличному мѣсту по усмотрѣнію Св. Синода. 20 декабря 1802 г. онъ и былъ опредѣленъ въ уѣздный городъ Волчанскъ къ соборной церкви, а затѣмъ вскорѣ былъ опредѣленъ полковымъ священникомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, стоявшаго на Кавказѣ, и благочиннымъ по кавказской инспекціи. Въ октябрѣ 1803 г. онъ уволился изъ полка, явился въ Кіевъ и здѣсь былъ опредѣленъ къ кіевской Доброникольской церкви. Не прошло и полугода, какъ онъ опять выпросилъ себѣ полковое мѣсто, въ Олонецкомъ мушкетерскомъ полку, стоявшемъ въ Москѣ, 14 мая 1804 г. Но черезъ годъ ушелъ и отсюда. По прошенію былъ уволенъ, по слабости здоровья, на «отчизну», въ Яссы, заграницу, навсегда, съ сохраненіемъ получаемой имъ пенсіи. Выѣхалъ изъ Москвы въ серединѣ августа 1805 г. Былъ первый изъ духовныхъ кавалеръ креста на георгіевской лентѣ, даваемаго за воинскую храбрость.

«Истор. Вѣстн.» 1894 г., іюль, статья С. Г. Рункевича, «Прот. Т. Е. Куцинскій».

С. Г. Р.

Кучевскій, *Мартынъ Альбертовичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 11 ноября 1817 г., ум. 25 февраля 1888 г. Изъ дворянъ могилевской губерніи. По окончаніи, въ 1838 г., курса въ Смоленской гимназіи поступилъ рядовымъ въ пѣхотный герцога Веллингтона полкъ (нынѣ Смоленскій); въ 1841 г. произведенъ въ прапорщики. Участвовалъ въ Венгерской кампаніи и за отличіе произведенъ въ капитаны. Въ началѣ Восточной войны былъ старшимъ адъютантомъ штаба 3 и 4 пѣхотныхъ корпусовъ; съ перенесеніемъ театра военныхъ дѣйствій въ Крымъ назначенъ старшимъ адъютантомъ главнаго штаба и пробылъ въ Севастополѣ все время осады. Въ 1860 г. произведенъ въ полковники и, состоя старшимъ адъютантомъ дежурнаго генерала главнаго штаба Его Величества, работалъ во многихъ комиссіяхъ, какъ то: въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, состоявшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ комиссіи для пересмотра устава о паспортахъ; въ 1865 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ по особымъ порученіямъ при начальникѣ главнаго штаба. Въ теченіе 1867 — 1868 гг. онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи для разсмотрѣнія вопроса объ окладахъ пенсій чиновниковъ военнаго вѣдомства и комиссіи для разсмотрѣнія вопроса о прогонныхъ и суточныхъ чинамъ военнаго вѣдомства. Въ 1870 г. назначенъ членомъ главнаго военно-кодификаціоннаго комитета; въ 1871 г. принималъ участіе въ работахъ комиссіи по составленію новаго положенія о запасныхъ, резервныхъ и мѣстныхъ войскахъ и о государственномъ ополченіи. Въ 1876 г. назначенъ для особыхъ порученій при начальникѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи, а съ началомъ движенія арміи къ границамъ—вторымъ помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи. Въ ноябрѣ 1877 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

«Русск. Инвалидъ», 1888 г., № 64.

Кучкинъ, *Михаилъ*, медальеръ, ум. 25 декабря 1873 г. Воспитывался въ горной технической школѣ, въ 1845 г. поступилъ на службу медальеромъ. Работы его: большая наградная медаль управленія государственнаго коннозаводства, лицевая сторона медали на 50-лѣтіе Михайловской артиллерійской Академіи, оборотная сторона медали на восшествіе на престолъ императора Александра II. Копировалъ нѣсколько старинныхъ медалей, между прочимъ петровскихъ.

Иверсенъ, «Словарь медальеровъ».

Кучко, *Іоакимъ*, бояринъ въ суздальской землѣ, жилъ въ XII в. Былъ въ приближеніи у кн. Андрея Боголюбскаго; за какое то неизвѣстное намъ преступле-

ніе великій князь казнилъ брата его Петра; тогда Іоакимъ Кучко составилъ заговоръ и великій князь Андрей Боголюбскій былъ убитъ 29 іюня 1174 г.—Іоакимъ и Петръ Кучки были братьями первой жены кн. Андрея; отецъ ихъ, Степанъ Кучко, былъ тоже виднымъ бояриномъ въ суздальской землѣ. Въ ихъ владѣніяхъ, изъ одного изъ поселковъ, возникъ городъ Москва. Въ 1176 г. братъ Андрея, кн. Михаилъ Юрьевичъ, казнилъ убійцъ — вѣроятно, въ ихъ числѣ и Іоакима Кучко. Только это и есть достовѣрные факты о Кучковичахъ: романтическія исторіи, связанныя съ этою фамиліею, — о томъ, что будто кн. Юрій убилъ Степана Кучко, или разсказы о невѣрности второй жены Андрея, которая будто бы увлеклась однимъ изъ Кучковичей, болѣе похожи на позднѣйшіе вымыслы, чѣмъ на факты. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что на почвѣ историческаго факта—убіенія кн. Андрея Кучковичами и ихъ сторонниками — наросло множество легендъ.

«Пол. Собр. рус. лѣт.», I, 157; II, 113; V, 163—165; VII, 89, 234; VIII, 10; IX, 249; Соловьевъ, кн. 1, 496—521; Забѣлинъ, «Исторія г. Москвы», I, 31—48.

Кучковскій, *Ѳома Карповичъ*, докторъ медицины, дѣйств. стат. сов., род. въ 1786 г., ум. въ 1843 г. Происходилъ изъ дворянъ волынской губерніи, воспитывался въ петербургской Медико-хирургической академіи; въ 1807 г. окончилъ курсъ со степенью лекаря 1-го класса и награжденъ золотою медалью. Въ 1810 г. назначенъ баталіоннымъ лекаремъ въ лейбъ-гвардіи артиллерію, въ 1812 г. назначенъ штабъ-лекаремъ и зачисленъ въ свиту вел. кн. Константина Павловича, въ 1817 г. назначенъ штабъ-докторомъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса. 19 іюня 1818 г. признанъ докторомъ медицины петербургскою Медико-хирургическою академіею за диссертацію «De magnetismo animali», Varsoviae. Въ 1828 г. назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ войскъ, находящихся подъ командою вел. кн. Константина Павловича, въ 1832 г. — главнымъ докторомъ госпиталей Царства Польскаго, по упраздненіи этого поста—членомъ медицинской комиссіи царства. 28 октября 1833 г. назначенъ исполняющимъ должность ея вице-президента; 25 января 1834 г. утвержденъ въ этой должности, а 10 мая 1835 г. утвержденъ въ должности президента виленской Медико-хирургической академіи и эту должность исполнялъ до закрытія академіи въ 1840 г. Получивъ отставку поселился въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ. Его сочиненія: 1) О эпидемическомъ глазномъ воспаленіи вообще и о таковомъ въ войскахъ варшавскаго гарнизона. Варшава, 1822. 2) Die Ruhrepidemie im Sommer 1826 (Leo, Magazin. I, p. 477). 3) Angina pectoris («В. Мед. Жур.» 1824, ч. 4, 1). 4) Historia rei medicae publicae in Imperio Rutheno, и нѣкоторыя другія.

Bielinski, «Stan nauk lek.».

Кушакевичъ, *Иванъ Матвѣевичъ*, вице-адмиралъ, род. въ 1807 г., ум. 8 февраля 1886 г. Началъ службу въ 1823 г. въ морской артиллеріи; принималъ участіе въ морскихъ бояхъ въ турецкую войну 1828—1829 гг.: въ Пендеракліи сжегъ 60-ти-пушечный турецкій корабль, въ Акчесарѣ затопилъ корветъ. 12 мая 1854 г., когда флотъ союзниковъ вошелъ въ Азовское море и угрожалъ завладѣть русскими военными судами, далеко уступавшими ему силою, Кушакевичъ зажегъ свой пароходъ «Могучій»; взрывомъ пороховой его камеры онъ былъ сильно брошенъ въ воздухъ и получилъ жестокую контузію и опасные ушибы. При занятіи англійскими войсками Керчи онъ, лежа въ госпиталѣ, сталъ англійскимъ плѣннымъ, но черезъ нѣсколько дней былъ похищенъ изъ плѣна лейтенантомъ Федоровичемъ. Тяжелыя раны заставили Кушакевича покинуть строевую службу. Въ концѣ 50-хъ годовъ былъ полиціймейстеромъ въ Херсонѣ, въ 1863 г. назначенъ презусомъ военнаго суда Николаевскаго порта; съ 1876 г. по 1882 г. былъ предсѣдателемъ этого суда; въ 1882 г. отчисленъ, вслѣдствіе болѣзни, по флоту. Въ средѣ всѣхъ знавшихъ его Кушакевичъ оставилъ по себѣ прекрасную память, какъ человѣкъ твердый, стойкій, строгой честности и чрезвычайно добрый.

«Новое Время», 1886, № 3595; «Кронштт. Вѣстн.», 1886 г., 28 февр.

Кушелевъ, *Григорій Григорьевичъ*, графъ, адмиралъ, род. въ 1754 г., ум. 14 ноября 1833 г. Десяти лѣтъ опредѣленъ былъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ 1768 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1769 г.—въ сержанты, въ 1770 г.—въ мичманы. Участвовалъ въ Архипелагской экспедиціи. По возвращеніи въ Петербургъ сталъ извѣстенъ великому князю, пріобрѣлъ его расположеніе и, со времени за-

веденія цесаревичемъ собственныхъ войскъ въ Гатчинѣ, командовалъ стоявшею тамъ на озерахъ флотиліею. Расположеніемъ цесаревича Кушелевъ пользовался постоянно все болѣе и болѣе и былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ близкихъ къ нему лицъ, которыя, кажется, ни разу не подвергались опалѣ какъ до воцаренія, такъ и по воцареніи Павла Петровича. По службѣ Кушелевъ въ царствованіе Екатерины II шелъ не быстро; въ 1791 г. произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга, въ 1793 г.— въ капитаны 1 ранга, но съ воцареніемъ императора Павла на Кушелева излился дождь милостей: 7 ноября 1796 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ; 3 марта 1798 г.—въ вице-адмиралы; 1 ноября того же года назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, 9 декабря того же года пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго; въ началѣ 1799 г. онъ былъ уже адмираломъ, 22 февраля того же года пожалованъ въ графы, 29 іюня 1799 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; получилъ, кромѣ того, и богатыя земельныя пожалованія.

Съ первыхъ дней царствованія Павла Петровича дѣятельность Кушелева была неразрывно связана съ флотомъ; почти исключительно черезъ него шли всѣ распоряженія Императора, касавшіяся флота. Самъ гр. Г. Г. Кушелевъ въ одномъ изъ писемъ къ сыну говоритъ: «я при покойномъ императорѣ Павлѣ командовалъ всѣмъ флотомъ, дорожною экспедиціею, водяною коммуникаціею, часто за отлученіемъ Аракчеева генералъ-квартирмейстерскою частію, былъ основателемъ и начальникомъ депо картъ». Дѣйствительно, гр. Кушелевъ работалъ много и дѣятельно — особенно по части улучшенія у насъ корабельнаго дѣла и собиранія географическихъ картъ; онъ пріобрѣталъ лучшіе заграничные атласы, старался развивать и непосредственное изученіе русскими моряками Балтійскаго моря; при ближайшемъ его участіи составленъ новый «Уставъ военнаго флота», изданный 25 февраля 1797 г.; еще въ 1788 г. онъ издалъ «Военный Мореплаватель или собраніе разныхъ на войнѣ употребляемыхъ судовъ»; въ 1797 г. вышла I часть новаго произведенія Кушелева «Разсужденіе о морскихъ сигналахъ, служащихъ къ распоряженію военныхъ флотовъ»; по повелѣнію Императора 1000 экземпляровъ этой книги пріобрѣтены были у автора для раздачи морскимъ офицерамъ; въ 1799 г. вышла II часть этого сочиненія. Въ 1800 г. по представленію Кушелева послѣдовало высочайшее повелѣніе завести въ адмиралтействѣ «огневую машину, подобную той, каковая существуетъ на заводахъ аглицкаго купца Берда, чтобы оная могла исправлять блоковыя всѣ работы и тогда не будетъ уже нужды для оныхъ содержать и кормить лошадей, равно обдѣлку и обтачиваніе всѣхъ инструментовъ для работъ при кораблестроеніи нужныхъ... словомъ, всѣхъ работъ, кои могутъ быть посредствомъ оной производимы». Нашъ посолъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ Кушелеву, что онъ приноситъ огромную пользу нашему флоту, который долго былъ въ «непростительномъ нерадѣніи»; онъ находилъ, что дѣятельность графа очень полезна и въ Адмиралтействъ-Коллегіи, которая, по словамъ Воронцова, «подобна была старой и дряхлой бабѣ, которая оглушена, ослѣпла и потеряла движеніе рукъ своихъ». Но нѣтъ сомнѣнія, что оцѣнка эта въ значительной степени преувеличена; заслуги Кушелева едва ли соотвѣтствовали и полученнымъ имъ отличіямъ, и вообще его фавору. Гр. Г. Г. Кушелевъ былъ въ числѣ немногихъ, которые были устранены отъ дѣлъ немедленно по восшествіи на престолъ императора Александра. Послѣ своей отставки гр. Кушелевъ большею частью жилъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, занимаясь хозяйствомъ; расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны онъ пользовался до конца ея дней.

«Матеріалы для исторіи русскаго флота», тт. XIII—XVI; «Записки гидрограф. деп-та», ч. VII; «Письма графа Г. Г. Кушелева къ сыну Александру», Чернитовъ.

Кушелевъ, графъ *Григорій Григорьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 9 марта 1802 г., ум. 15 февраля 1855 г. Второй сынъ перваго графа Кушелева. Въ 1819 г. произведенъ изъ портупей-юнкеровъ въ прапорщики гвардейской конной артиллеріи. Въ 1827 г. участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и находился при взятіи Эчміадзина и въ дѣлахъ подъ крѣпостью Саардарь-Абу. Въ 1828 г. участвовалъ въ турецкой кампаніи, за отличіе подъ Шумлою произведенъ въ капитаны; посланный изъ подъ Силистріи съ донесеніями въ

Петербургъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1831 г. произведенъ въ полковники; въ 1839 г.—въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ 1838 г. назначенъ вице-директоромъ артилерійскаго департамента, въ 1840—его директоромъ, въ 1846—членомъ Военнаго совѣта.

«Справ. энциклоп. словарь», Края, т. VI.

Кушелевъ, *Егоръ Андреевичъ*, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ. Изъ дворянъ псковской губерніи, род. въ 1763 г., ум. 23 марта 1826 г. Въ службу записанъ въ 1773 г. фурьеромъ сухопутной артиллеріи; въ 1777 г. переведенъ капраломъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, 1 января 1786 г. выпущенъ капитаномъ въ армію; съ октября 1789 г. служилъ въ главномъ комиссаріатѣ; 18 ноября 1796 г. произведенъ въ полковники и назначенъ московскимъ комендантомъ; 12 іюля 1797 г. назначенъ шефомъ гарнизоннаго своего имени полка и динабургскимъ комендантомъ; 2 февраля 1798 г. произведенъ въ генералъ-майоры; 28 октября 1799 г. опредѣленъ оберштеръ-кригсъ-комиссаромъ флота и присутствующимъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи; 19 октября 1800 г. произведенъ въ генералъ-кригсъ-комиссары. Съ этой должности уволенъ въ 1803 г., въ 1820 г. назначенъ сенаторомъ.

«Справоч. энциклоп. словарь» Края, т. VI.

Кушелевъ, *Сергѣй Егоровичъ*, генералъ-адъютантъ, род. въ 1821 г., ум. 18 сентября 1890 г., сынъ предыдущаго; изъ дворянъ псковской губерніи; воспитаніе получилъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ и поступилъ на службу въ 1839 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; въ слѣдующемъ же году назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Въ 1841 г. командированъ былъ на Кавказъ и въ отрядѣ гр. Граббе принималъ участіе во многихъ дѣлахъ; въ 1844 г. снова былъ на Кавказѣ въ отрядѣ генерала-отъ-инфантеріи Лидерса; по возвращеніи въ Петербургъ неоднократно исполнялъ разныя особо возлагаемыя на него порученія, въ 1848 г. произведенъ въ полковники; въ 1853 г. назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка, въ 1855 г.—командиромъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ томъ же году произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1861—1862 гг. исполнялъ должность военнаго губернатора минской губерніи, въ 1862 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и командиромъ 1-й гренадерской дивизіи, вскорѣ уволенъ въ безсрочный отпускъ; въ 1866 г. вновь вступилъ на дѣйствительную службу, въ 1872 г. назначенъ членомъ военно-госпитальнаго комитета, въ 1889 г.—членомъ военно-санитарнаго комитета; въ генералы отъ инфантеріи произведенъ въ 1878 г.—С. Е. Кушелевъ былъ талантливымъ акварелистомъ; работы его обращали на себя вниманіе на многихъ выставкахъ.

„Русскій Инвалидъ“ 1890 г., № 210.

Кушелевъ-Безбородко, графъ *Александръ Григорьевичъ*, род. 4 марта 1800 г. въ Петербургѣ, ум. 6 апрѣля 1855 г. въ Москвѣ; похороненъ въ Свято-Духовской церкви Александро-Невской Лавры. Старшій сынъ перваго графа Кушелева и супруги его, Любови Ильинишны, рожденной графини Безбородко; послѣ смерти графа Ильи Андреевича Безбородко Высочайшимъ указомъ повелѣно графу А. Г. Кушелеву «въ уваженіе къ отличному служенію покойнаго князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившему, именоваться впредь графомъ Кушелевымъ-Безбородко, дабы знаменитая заслугами фамилія сія съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угасла, но паки обновясь, пребыла навсегда въ незабвенной памяти россійскаго дворянства». Дѣтскіе годы свои гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко провелъ на попеченіи своей тетки княгини К. И. Лобановой-Ростовской, въ доставшемся ей подгородномъ имѣніи кн. Безбородко, Полюстрово; княгиня отличалась большою домовитостью, любовью къ порядку и хозяйству — и умѣла до извѣстной степени привить такіе же вкусы и племяннику. Въ 1813 г. онъ былъ отданъ въ приготовительный пансіонъ при Царскосельскомъ Лицеѣ; окончивъ въ немъ курсъ въ 1816 г., графъ Кушелевъ выдержалъ при Педагогическомъ Институтѣ экзаменъ на право полученія чиновъ, а въ іюлѣ того же года получилъ въ Московскомъ университетѣ, по экзамену, степень доктора этико-политическихъ наукъ; утвержденный, по этой степени, въ чинѣ коллежскаго ассесора, молодой графъ въ началѣ 1817 г. былъ опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Отецъ его выхлопоталъ ему порученіе заграницу, отвезти депеши въ Вюртембергъ, а затѣмъ состоять при канцеляріи императора въ

Ахенѣ на время собиравшагося тамъ конгресса. Съ этимъ служебнымъ порученіемъ соединялся планъ и путешествія заграницей для завершенія образованія.

Гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко выѣхалъ изъ Петербурга 8 августа 1818 г.; проѣздомъ въ Дерптѣ онъ осматривалъ университетскія учрежденія, познакомился съ Парротомъ, Моргенштерномъ, затѣмъ черезъ Кенигсбергъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ тоже осматривалъ университетъ. Во время поѣздки этой молодой графъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ отцомъ, который давалъ ему разные совѣты и высказывалъ удовольствіе по поводу того, что сынъ обнаруживалъ серьезные интересы и знакомился съ учеными людьми. Но впослѣдствіи старому графу уже не такъ нравилось, что сынъ его менѣе интересуется успѣхами по службѣ, чѣмъ учеными занятіями или искусствами; въ письмахъ за 1820—1826 гг. отецъ не рѣдко выражалъ неудовольствіе, что сынъ его не подвигается по службѣ такъ быстро, какъ это казалось ему естественнымъ по воспоминаніямъ о временахъ его молодости, а также и за то, что при раздѣлѣ съ тетушкой онъ предпочелъ получить картинную галлерею, а не взялъ доходнаго имѣнія.

Въ Ахенѣ молодого графа отлично принялъ Каподистрія и далъ ему порученіе: «сочинить сравненіе политики нынѣшнихъ временъ съ прежней, а въ особенности слѣдствій и правилъ, произведенныхъ Вестфальскимъ миромъ, съ духомъ и слѣдствіями Вѣнскаго конгресса и мира Парижскаго». Изъ Ахена гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко пріѣхалъ въ Парижъ, отчасти имѣя въ виду заняться указанною гр. Каподистріей темою, отчасти привлекаемый желаніемъ осмотрѣть достопримѣчательности Парижа, познакомиться въ немъ съ умственною жизнью и дѣятельностью. Посѣщеніе камеръ, судовъ, лекцій, обозрѣніе учебныхъ заведеній, покупка книгъ — вотъ что преимущественно занимало его въ Парижѣ, гдѣ провелъ онъ время съ конца 1818 г. до конца апрѣля 1819 г. Отложивъ первоначальное намѣреніе свое ѣхать въ Англію, гр. Кушелевъ-Безбородко поѣхалъ въ Россію черезъ Швейцарію, Италію и Австрію; въ Женевѣ онъ познакомился съ Дюпономъ, Бонстедтомъ, въ Иверденѣ посѣтилъ Песталоцци и подробно ознакомился съ его учебнымъ заведеніемъ, въ Болоньи познакомился съ Меццофанти и читалъ ему отрывки изъ Державина и Озерова, которыхъ Меццофанти еще не зналъ; 22 августа 1819 г. гр. А. Г. Кушелевъ прибылъ къ отцу, въ его имѣніе Краснопольцы, псковской губерніи, а 4 сентября пріѣхалъ въ Петербургъ. Его призывало сюда дѣло, которое интересовало его и за все время пребыванія его за границей: съ 1805 г. шло дѣло объ устройствѣ въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, для которой гр. И. А. Безбородко назначилъ большія средства, частью въ исполненіе воли своего покойнаго брата, князя А. А. Безбородко, частью по собственному желанію. Ко времени смерти гр. И. А. Безбородко гимназія еще не была открыта, не было еще окончательно выработано и утверждено и положеніе о ней; заботы обо всемъ этомъ лежали на гр. А. Г. Кушелевѣ-Безбородко; для своей будущей гимназіи онъ пріобрѣталъ книги за границей, имѣя въ виду устройство ея, знакомился и съ разными учебными учрежденіями. Теперь, возвратившись въ Петербургъ, онъ сталъ усиленно хлопотать, преимущественно черезъ гр. В. П. Кочубея, который приходился ему двоюроднымъ дядей, чтобы дѣлу былъ данъ скорѣйшій ходъ. Наконецъ, 19 апрѣля 1820 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, учреждавшій въ Нѣжинѣ высшее учебное заведеніе подъ именемъ Гимназіи высшихъ наукъ; гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко былъ при этомъ назначенъ его попечителемъ съ тѣмъ, что попечительство переходитъ послѣ него къ старшему въ родѣ Кушелевыхъ-Безбородко; уставъ новаго учебнаго заведенія еще не былъ готовъ, но благодаря настояніямъ графа разрѣшено было начать въ этомъ заведеніи занятія — они и начаты были 4 сентября 1820 г. въ личномъ присутствіи графа. Гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко постоянно съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдилъ за дальнѣйшею дѣятельностью этого заведенія и неоднократно дѣлалъ ему пожертвованія. Въ 1832 г. 7 октября послѣдовало преобразованіе гимназіи въ лицей, сравненный по правамъ образованія съ университетами. Ко дню 25-тилѣтія этого учебнаго заведенія графъ подарилъ ему 175 картинъ разныхъ школъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ были размѣщены въ разныхъ комнатахъ лицея и служили бы для развитія изящнаго вкуса воспитанниковъ.

Въ 1820 г. гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко былъ пожалованъ въ камергеры; 1826 г. сдѣланъ членомъ главнаго правленія училищъ; въ 1830 г. избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ; въ 1834 г. назначенъ управляющимъ Государственнымъ заемнымъ банкомъ, въ 1837 г.—директоромъ департамента государственнаго казначейства, въ 1844 г.—сенаторомъ, въ 1847 г.; — почетнымъ опекуномъ, въ 1850 г.—государственнымъ контролеромъ.

Гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось замѣчательнаго въ области наукъ и литературы. Съ 1828 г.; онъ былъ женатъ на княжнѣ Е. Н. Репниной, которая скончалась въ 1836 г., оставивъ ему двухъ сыновей — Григорія и Николая, и двухъ дочерей, изъ которыхъ Варвара Александровна была замужемъ за П. А. Кочубеемъ а Любовь Александровна—за гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ; за бездѣтною смертью графовъ Г. А. и Н. А. Кушелевыхъ-Безбородко попечительство надъ Нѣжинскимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ перешло въ родъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко»; 150—175, «Справоч. энциклопед. словарь», Края, VI; «Письма гр. Г. Г. Кушелева къ сыну Александру», Черниговъ.

Кушелевъ-Безбородко, графъ *Григорій Александровичъ*, род. 20 января 1832 г., ум. 7 мая 1870 г. Старшій сынъ перваго графа Кушелева-Безбородко, послѣдній представитель этого рода, который съ его бездѣтною кончиною въ мужской линіи пресѣкся. Извѣстенъ своею благотворительною дѣятельностью. По окончаніи курса въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, 17 іюня 1850 г. поступилъ на службу въ канцелярію Комитета Министровъ; въ 1855 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ и затѣмъ, послѣ смерти своего отца, попечителемъ Нѣжинскаго Лицея. 2 января 1859 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ попечителемъ богадѣльни на Малой Охтѣ. Лицею князя Безбородко онъ подарилъ нѣсколько рукописей Гоголя, портреты перваго попечителя лицея гр. А. Г. Кушелева-Безбородко, Гоголя, Кукольника и Гребенки; затѣмъ въ память своего отца гр. Г. А. Кушелева-Безбородко въ годъ его смерти основалъ «пріютъ для пріема кормилицъ и для вскармливанія дѣтей, въ память гр. А. Г. Кушелева-Безбородко»; для пріюта этого онъ купилъ особый домъ; въ 1858 г. онъ назначилъ по 11.000 р. ежегодно на содержаніе женской богадѣльни, которой и присвоено названіе «Богадѣльни гр. Григорія Кушелева-Безбородко». Самъ онъ занимался литературою; свои произведенія помѣщалъ частью въ журналахъ, частью печаталъ отдѣльно; ему принадлежатъ: «Очерки и разсказы и путевыя замѣтки» (Спб. 1868), «Очерки и разсказы» (Спб. 1857—подъ псевдонимомъ Грицко Григоренко); онъ основалъ журналъ «Русское Слово», «Шахматный Листокъ», далъ средства для изданія, подъ редакціей Костомарова, «Памятниковъ старинной русской литературы», издалъ стихотворенія А. Майкова, повѣсти Полонскаго, сочиненія Мея, рисунки къ сочиненіямъ Гоголя.

«Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», 176—178; «Всемір. Иллюстр»., 1870, № 71; Геннади, «Словарь».

Кушниръ, *Даніилъ*, крестьянинъ мѣстечка Мліева около Смѣлы, убитъ уніатами 29 іюля 1766 г. Кушниръ былъ ктиторомъ мѣстной православной церкви. Когда она была обращена въ уніатскую, прихожане не пожелали допустить до служенія въ ней уніатское духовенство, убрали всѣ священные предметы и церковь заперли; не рѣшаясь, однако, коснуться св. престола, они просили присланнаго уніатскаго священника снять съ престола и убрать запасные дары, но онъ не исполнилъ ихъ просьбы. Тогда, по совѣту нѣкоторыхъ прихожанъ, Даніилъ, ктиторъ церкви, человѣкъ уже пожилой, снялъ св. дары самъ и убралъ ихъ. Уніатскій священникъ донесъ на него, обвиняя его въ кощунствѣ, и состоялся приговоръ: обмотать Кушниру руки паклею, обмазать смолою и обжечь, а затѣмъ отсѣчь ему голову. Кушниру было предложено купить себѣ прощеніе присоединеніемъ къ уніи, но онъ отвергъ это предложеніе и даже отвѣтилъ рѣзкими отзывами объ уніи. Тогда ужасный приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, въ полѣ, у мѣстечка Ольшаной 29 іюля 1766 г.

«Руководство для сельск. паст.», 1860, I, 40—56, статья П. Лебединцева; «Кіев. губ. вѣд.», 1864, №№ 13, 14; «Кіев. епар. вѣд.» 1864, № 11.

Кущевскій, *Иванъ Аѳанасьевичъ*, писатель, род. въ 1847 г., въ Барнаулѣ, ум. 12 августа 1876 г., въ Петербургѣ. Образованіе получилъ въ Томской гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1865 г. Изъ Сибири онъ пріѣхалъ въ Петербургъ

и поступилъ въ университетъ, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію; ему пришлось учиться при самой неблагопріятной обстановкѣ и лишеніяхъ, а вскорѣ онъ долженъ былъ и оставить университетъ. Добывая себѣ средства къ существованію, онъ работалъ на патронной фабрикѣ, былъ отливщикомъ на чугунно-литейномъ заводѣ, матросомъ на пароходѣ, служилъ на биржѣ, продавалъ апельсины, таскалъ кули на Калашниковской пристани. Однажды онъ простудился на работѣ, заболѣлъ тифомъ и попалъ въ больницу. Случайное сосѣдство въ больницѣ съ однимъ сотрудникомъ газеты натолкнуло его на мысль заняться литературой. Онъ написалъ повѣсть «На постояломъ дворѣ», которая была помѣщена въ «Искрѣ»; затѣмъ онъ написалъ романъ «Николай Негоревъ, или благополучный россіянинъ», который и былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1871 г.). Въ послѣдующее время онъ помѣстилъ рядъ мелкихъ разсказовъ въ «Дѣятельности», «Народномъ Голосѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Иллюстрированной Газетѣ», а послѣдніе два года, изъ нужды, погрузился въ газетную работу, писалъ подъ разными псевдонимами въ «Будильникѣ», «Новостяхъ», «Дѣлѣ» и «Сынѣ Отечества» литературныя обозрѣнія, разсказы и фельетоны, обращавшіе на себя вниманіе остроуміемъ и умѣньемъ схватывать комическую сторону сюжета; помѣстилъ нѣсколько очерковъ сибирской заводской жизни въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1876 г. Отдѣльно изъ произведеній Кущевскаго напечатаны: «Николай Негоревъ» (Спб. 1872 г.); романъ этотъ—произведеніе отмѣченное крупнымъ талантомъ; это одно изъ самыхъ яркихъ явленій современной Кущевскому литературы. Онъ блестяще и живо изображаетъ общественное пробужденіе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, мастерски и съ настоящимъ юморомъ рисуетъ условія жизни и школы, въ которыхъ вырабатывались характеры молодежи тѣхъ годовъ; «Маленькіе разсказы. Очерки, картинки и легкіе наброски», Спб. 1875 г.—лучшіе изъ этихъ «Маленькихъ разсказовъ»: «Настоящій пролетарій», «Наши дѣти», «Драбанты» — потрясающія картины петербургской нищеты и пролетаріата; «Драбанты» кромѣ того служатъ характеристикой больничной обстановки, современной автору; далѣе замѣчательны: «Сѣятель пустыни», «Два нигилиста», «Начинающій паразитъ», «Современная кошка»; въ 1882 г. появились отдѣльною книгою «Неизданные разсказы». И. А. Кущевскій обладалъ яркимъ и истиннымъ литературнымъ талантомъ; ранняя кончина не позволила ему проявить себя какимъ нибудь произведеніемъ столь крупнымъ, какого вполнѣ можно было ожидать отъ него, судя по первому роману 24-хъ-лѣтняго автора.

«Иллюстрированная Газета», 1871 г., № 14, 1876 г., № 33; «Народная Молва», 1876 г., № 9, приложеніе, стр. 6; «Голосъ», 1876 г., № 223; «Сибирь», 1876 г., № 40 и 44; А. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. IV, 372; Геннади, «Словарь». *Ив. Дав.*

Кюгельхенъ — семейство художниковъ. — *Карлъ* Кюгельхенъ — пейзажистъ, род. 25 января 1772 г., ум. 29 декабря 1831 г. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Жераромъ въ 1798 г.; его хорошій рисунокъ, довольно пріятный колоритъ и, главное, умѣнье выбрать мѣсто, съ котораго писать видъ, обратили на него вниманіе нѣсколькихъ лицъ высшаго общества и Кюгельхенъ былъ сдѣланъ придворнымъ живописцемъ. Императоръ Александръ I любилъ его произведенія и съ благосклонностью относился къ молодому художнику. Кюгельхенъ нѣсколько разъ былъ командированъ въ различныя мѣста Россійской Имперіи для срисовыванія видовъ: дважды предпринималъ путешествіе въ Крымъ и привезъ изъ этихъ поѣздокъ свыше четырехсотъ работъ; затѣмъ онъ посѣтилъ съ такою же цѣлью Финляндію. Нѣкоторые изъ видовъ Кюгельхенъ издалъ въ литографіяхъ. Умеръ Кюгельхенъ въ Ревелѣ, работая надъ четырьмя заказанными ему Петербургской биржей картинами, изъ которыхъ онъ успѣлъ написать лишь одну. Кюгельхенъ, несмотря на то, что довольно много работалъ и прожилъ въ Россіи тридцать пять лѣтъ, не имѣлъ никакого вліянія на русскую пейзажную живопись. — Сынъ его, *Константинъ* Кюгельхенъ (род. въ 1808 г.), былъ въ 1831 г. отправленъ для завершенія художественнаго образованія въ чужіе края по Высочайшему повелѣнію на четыре года.—Братъ-близнецъ Карла Кюгельхена, портретистъ *Жераръ* Кюгельхенъ жилъ нѣкоторое время въ Россіи и тоже пользовался расположеніемъ императора Александра I, съ котораго онъ написалъ нѣсколько портретовъ; написалъ нѣсколько

портретовъ лицъ высшаго петербургскаго общества, сдѣлалъ также нѣсколько гравюръ офортомъ. Убитъ въ Германіи разбойниками въ 1820 г.

Ровинскій, «Словарь русскихъ граверовъ», 1895 г., стр. 394—395; Nagler, «Künstlerlexicon», VII, стр. 196; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской акад. худож.» П. Н. Петровъ, т. II. *И. Л.*

Кюхельбекеръ, *Вильгельмъ Карловичъ*, поэтъ, декабристъ; род. 10 іюня 1797 г. въ Гатчинѣ, ум. 11 августа 1846 г. въ Тобольскѣ. По собственному свидѣтельству Кюхельбекера онъ—нѣмецъ по отцу и матери, но не по языку: «до шести лѣтъ—говоритъ онъ—я не зналъ ни слова по-нѣмецки, природный мой языкъ—русскій». Но обстановка, среди которой протекли его дѣтскіе годы въ имѣньи отца Авинормѣ (эстляндской губ.), окружавшая среда, рано проявившаяся наклонность къ фантазіи и восторженности, подогрѣваемая увлеченіемъ рыцарской поэзіей, а затѣмъ обученіе въ г. Верро (эстляндской губ.)—дѣлали мальчика Кюхельбекера совсѣмъ не русскимъ юношей. Въ Царскосельскій лицей (тотчасъ по открытіи послѣдняго) онъ поступилъ съ весьма нетвердымъ знаніемъ русскаго языка. По блестящемъ окончаніи курса въ Лицеѣ, изъ котораго Кюхельбекеръ вышелъ порядочнымъ знатокомъ новыхъ языковъ и литературы и восторженнымъ поклонникомъ классическаго міра, онъ опредѣлился въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ старшимъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ Благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; въ то же время онъ состоялъ секретаремъ въ Обществѣ учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, давалъ частные уроки (между прочимъ былъ гувернеромъ будущаго композитора М. И. Глинки) и былъ дѣятельнымъ членомъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Но занятія педагогическія, досугъ отъ которыхъ онъ посвящалъ занятіямъ литературнымъ, Кюхельбекеръ скоро оставилъ. Въ августѣ 1820 г. онъ отправился за границу въ качествѣ секретаря при канцлерѣ россійскихъ орденовъ оберъ-камергерѣ А. Л. Нарышкинѣ. Въ 1821 г., побывавъ съ Нарышкинымъ въ Германіи и южной Франціи, Кюхельбекеръ жилъ въ Парижѣ. Тамъ онъ сблизился съ нѣкоторыми писателями и учеными и выступилъ въ Athenée Royal съ публичными лекціями о славянскомъ языкѣ и русской литературѣ. Лекціи эти до насъ не дошли, но едва ли онѣ были удачны,—по крайней мѣрѣ А. И. Тургеневъ, въ рукахъ котораго онѣ были, называетъ ихъ курьезомъ, для Кюхельбекера же послѣдствія его дебюта передъ французами въ качествѣ лектора были весьма печальны: послѣ одной лекціи, въ которой онъ говорилъ о вліяніи на древнюю русскую письменность вольнаго города Новгорода и его вѣча, онъ получилъ чрезъ посольство приказаніе прекратить чтеніе лекцій и вернуться въ Россію; Нарышкинъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Возвратившись въ Петербургъ, Кюхельбекеръ очутился въ весьма бѣдственномъ положеніи: безъ средствъ и подъ подозрѣніемъ по поводу лекцій въ Парижѣ. Впрочемъ, по ходатайству А. И. Тургенева и гр. Нессельроде ему удалось получить мѣсто въ Тифлисѣ состоять при Ермоловѣ, вмѣстѣ съ которымъ осенью 1821 г. онъ и выѣхалъ на Кавказъ. Но и здѣсь онъ пробылъ не долго: въ слѣдующемъ году у него вышла съ однимъ изъ приближенныхъ Ермолова крупная ссора, кончившаяся дуэлью; Кюхельбекеру пришлось оставить службу, вмѣстѣ съ этимъ ему пришлось разстаться и съ А. С. Грибоѣдовымъ, съ которымъ онъ находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Онъ уѣхалъ въ смоленскую губернію и до половины 1823 г. прожилъ въ имѣньи своей сестры (селѣ Закупѣ). Матеріальная необезпеченность заставила Кюхельбекера искать какой-либо службы. Онъ намѣревался перебраться на службу въ Петербургъ, мечталъ издавать журналъ, искалъ потомъ мѣста въ Одессу къ гр. Воронцову; но ни личныя просьбы, ни ходатайства друзей не имѣли успѣха и онъ два года съ небольшимъ провелъ въ Москвѣ, существуя на средства, которыя доставляли ему уроки. Въ Москвѣ же онъ вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ издалъ 4 книжки сборника «Мнемозина». Главными цѣлями этого теперь малоизвѣстнаго изданія были: «распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратить вниманіе читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему пристрастію къ французскимъ теоретикамъ; наконецъ, показать, что не всѣ

предметы исчерпаны, что мы, отыскивая въ чужихъ странахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся». Правда, не всѣ цѣли, намѣченныя редакціей, были достигнуты съ равнымъ успѣхомъ, но «Мнемозина» довольно удачно ознакомила русскую публику съ плодами нѣмецкой культуры и философіи и сборникъ этотъ представляетъ большой историко-литературной интересъ, хотя выдающимся успѣхомъ въ свое время не пользовался; въ немъ приняли участіе, кромѣ редакторовъ, такіе крупные писатели, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, кн. Вяземскій и др. Въ «Мнемозинѣ» же между прочимъ Кюхельбекеръ помѣстилъ и свои интересныя обширныя воспоминанія о заграничномъ путешествіи.

1825 годъ Кюхельбекеръ провелъ безъ опредѣленныхъ занятій частью въ Москвѣ, частью въ Петербургѣ, частью въ имѣніи сестры. Осенью этого года онъ вернулся въ Петербургъ и поселился у своего пріятеля кн. А. И. Одоевскаго. Здѣсь онъ присоединился къ обществу лицъ, принявшихъ участіе въ возмущеніи 14 декабря. Вечеромъ этого рокового дня покинувъ столицу, Кюхельбекеръ провелъ нѣсколько дней въ имѣніяхъ своихъ родственниковъ (въ псковской и смоленской губ.) и намѣревался бѣжать заграницу. Но тотчасъ по прибытіи въ Варшаву былъ узнанъ, арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. Слѣдствіе показало, что Кюхельбекеръ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, въ которое былъ введенъ Рылѣевымъ; верховнымъ уголовнымъ судомъ онъ былъ признанъ «виновнымъ въ покушеніи на жизнь вел. кн. Михаила Павловича во время мятежа на площади, въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова» и т. д. Приговоромъ суда онъ отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; но по ходатайству великаго князя Михаила Павловича былъ помилованъ: смертная казнь была замѣнена 15-тилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпостяхъ, а по истеченіи этого срока пожизненною ссылкою въ Сибирь. Въ заключеніи Кюхельбекеръ пробылъ 10 лѣтъ, сначала въ Петропавловской крѣпости, затѣмъ Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и, наконецъ, Свеаборгской; въ декабрѣ 1835 г. онъ былъ отправленъ на поселеніе въ восточную Сибирь, въ Забайкальскую область, въ г. Баргузинъ, гдѣ жилъ его братъ Михаилъ Карловичъ, также сосланный за участіе въ возмущеніи 14-го декабря. На первыхъ порахъ жизнь въ Баргузинѣ показалась Кюхельбекеру «отрадною и привольною»; ему казалось, что для полнаго благополучія ему недоставало лишь средствъ и необходимаго для него общества. Но скоро онъ началъ испытывать томленіе и скуку, которыхъ не могла разсѣять и женитьба его; онъ женился на дочери мѣстнаго почтмейстера, но жена не понимала и не раздѣляла его увлеченій поэзіей и не сочувствовала его стихотворнымъ занятіямъ, въ которыхъ Кюхельбекеръ по прежнему находилъ для себя единственное утѣшеніе. Онъ горько жаловался, что «увязъ въ ничтожныхъ мелкихъ мукахъ, въ заботахъ грязныхъ утонулъ». Своими литературными трудами онъ думалъ, между прочимъ, облегчить и матеріальное положеніе, но двукратная попытка испросить разрѣшеніе на изданіе своихъ сочиненій не имѣла успѣха. Нужда и болѣзни окончательно сломили надорванное здоровье слабаго Кюхельбекера и онъ въ началѣ 1845 г. сталъ уже плохо видѣть, а вскорѣ почти ослѣпъ; въ августѣ слѣдующаго года онъ скончался отъ чахотки въ Тобольскѣ, куда ему разрѣшили переѣхать во вниманіе къ его разстроенному здоровью. Всѣ находившіеся въ Тобольскѣ декабристы были при немъ въ послѣднія минуты его жизни и отдали ему послѣднюю дань.—Такъ грустно закончилась многострадальная судьба Кюхельбекера, имя котораго сохранила исторія не столько въ виду его заслугъ передъ отечественной литературой, сколько въ виду особыхъ условій: его имя нельзя было выключить изъ созвѣздія славныхъ именъ нашихъ писателей начала XIX вѣка, ибо послѣдніе всегда считали его самымъ близкимъ членомъ своей среды; съ другой стороны Кюхельбекера не могли забыть и по его злополучной судьбѣ.

Уже въ Лицеѣ проявилась его страсть къ стихотворству, но онъ долго не могъ справиться съ техникой нашего стихосложенія, за что подвергался частымъ насмѣшкамъ со стороны своихъ знаменитыхъ впослѣдствіи товарищей; въ стилистическихъ же погрѣшностяхъ противъ русскаго языка его упрекалъ совершенно

основательно А. И. Тургеневъ даже въ 1820-хъ годахъ. Но какъ добраго, милаго товарища Кюхельбекера очень любили его однокашники, въ числѣ которыхъ были Пушкинъ, Дельвигъ, Пущинъ, баронъ Корфъ и др. Къ Кюхельбекеру-юношѣ влекли всѣхъ, его знавшихъ, его способность искренно увлекаться, его чувствительность, доброта сердца, довѣрчивость; этихъ чертъ не изгладили въ его характерѣ даже и тяжкія испытанія, какія выпали на долю злополучнаго писателя въ продолженіе его жизни. Грибоѣдовъ писалъ о немъ: «онъ отдается каждому встрѣчному съ самымъ искреннимъ увлеченіемъ, радушіемъ и любовью»; Жуковскій говорилъ ему: «вы созданы быть добрымъ... вы имѣете нѣжное сердце»; кн. Вяземскій находилъ въ немъ «много достойнаго уваженія и сострадательности»; для Пушкина онъ былъ всегда «лицейской жизни милый братъ». Да и весь кругъ его знакомыхъ, среди которыхъ были чуть ли не всѣ выдающіеся наши писатели того времени (Пушкинъ, Жуковскій, Дельвигъ, Гнѣдичъ, Баратынскій, Грибоѣдовъ, Одоевскій, Тургеневъ, кн. Вяземскій и др.) всегда относился къ нему съ радушіемъ, всѣ сострадали ему въ его несчастіяхъ, столь часто его постигавшихъ, и всѣ, чѣмъ могли, старались облегчить его существованіе. Въ 1823 г. В. И. Туманскій писалъ ему: «какой-то неизбѣжный fatum управляетъ твоими днями и твоими талантами и совращаетъ тѣ и другіе съ прямого пути».

Впрочемъ, и въ литературной дѣятельности Кюхельбекера найдутся черты, ясно и выгодно выдѣляющія его изъ толпы посредственныхъ писателей того времени. Писать Кюхельбекеръ началъ рано и еще будучи лицеистомъ онъ уже видѣлъ свои произведенія въ печати за подписью: Вильгельмъ. Его первыми опытами были стихи и статьи критическаго характера. Поэтическая дѣятельность Кюхельбекера и ранней и поздней эпохи гораздо ниже его критическихъ статей. Стихъ Кюхельбекера тяжелъ, невыдержанъ и обличаетъ въ авторѣ неумѣлаго версификатора; стиль Кюхельбекера далеко неправиленъ, благодаря несовершенному знанію русскаго языка и пристрастію къ литературнымъ мнѣніямъ Шишкова. Должно согласиться съ современниками Кюхельбекера, что въ стихахъ его замѣтно не мало ума, знанія, начитанности, но почти не замѣтно того истиннаго воодушевленія, безъ котораго поэзія обращается въ стихотворство. Въ Кюхельбекерѣ было много восторженности, экзальтаціи, фантазіи, чувствительности, но поэтическаго паѳоса ему дано не было. Но никто не можетъ отрицать въ немъ искренности и самой пылкой любви къ поэзіи. Едва ли не лучшими стихотворными произведеніями Кюхельбекера слѣдуетъ признать стихи, написанные имъ въ ссылкѣ: въ нихъ много живого религіознаго чувства и ихъ мягкій, чуждый озлобленія элегическій тонъ трогаетъ душу читателя. Всѣ болѣе мелкія стихотворенія Кюхельбекера — лирическія и преимущественно элегіи. Большихъ поэтическихъ достоинствъ мелкія стихотворныя произведенія Кюхельбекера не имѣютъ, ихъ нѣтъ и въ болѣе крупныхъ, какъ «Шекспировы Духи», мистерія «Ижорскій», и поэма «Вѣчный жидъ». Извѣстно, что даже Пушкинъ, съ такой симпатіей относившійся къ своему другу, назвалъ его «Шекспировы Духи»—дрянью, а поэму его совершенно забраковалъ Бѣлинскій.— Болѣе достоинствъ и значенія имѣютъ критическія статьи Кюхельбекера, хотя нельзя не признать, что и въ области критики Кюхельбекеръ не имѣлъ прочно сложившихся убѣжденій. Такъ, несмотря на все свое уваженіе къ Пушкину, онъ однажды не затруднился поставить его на одну доску съ Кукольникомъ, а кн. Шихматова сравнивалъ съ Кальдерономъ. Тѣмъ не менѣе—нѣкоторые теоретическіе взгляды Кюхельбекера на литературу заслуживаютъ, по своему времени, вниманія — таковы, напр., его попытка отнестись строго-критически къ авторитетамъ стараго времени, указаніе на «вѣру праотцевъ, нравы, отечественныя лѣтописи и сказанія народныя, какъ на лучшій, чистѣйшій, вѣрнѣйшій источникъ для нашей словесности»; не лишены значенія для того времени и призывы Кюхельбекера къ реализму, народности, его серьезныя разсужденія о романтизмѣ и пр. Поэтому, несмотря на нѣкоторыя странности и заблужденія Кюхельбекера, должно признать за нимъ недюжинный умъ, отличное знакомство съ иностранной литературой (особенно нѣмецкой) и несомнѣнныя способности, правильному развитію, направленію и выраженію которыхъ сильно вредили крайняя экзальтація его и отсутствіе чувства мѣры. Какъ человѣкъ, Кюхельбекеръ имѣлъ много хорошихъ сторонъ, изъ которыхъ главныя—

его искренность и доброта. Кажется, никто не понималъ его лучше Баратынскаго, который между прочимъ писалъ о немъ: «Онъ человѣкъ занимательный во многихъ отношеніяхъ... онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женевскаго чудака (Руссо); та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мнѣній, и порой та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принесть въ жертву; человѣкъ, вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ и для несчастія». Менѣе доброжелательную, но едва ли не болѣе вѣрную характеристику далъ о немъ Е. А. Энгельгардтъ: «Кюхельбекеръ имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ то донъ-кихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ выходитъ изъ этого болѣзненнаго состоянія».

Полнаго собранія сочиненій Кюхельбекера нѣтъ; стихотворенія и статьи его печатались въ слѣдующихъ журналахъ и сборникахъ: «Амфіонѣ» (1815 г.), «Сынѣ Отечества» (1816—1825 гг.), «Благонамѣренномъ» (1818 — 1825 гг.), «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» (1819 — 1821 г.), «Невскомъ Зрителѣ» (1820 г.), «Полярной Звѣздѣ» (1825 г.) и др. Кромѣ того, много произведеній Кюхельбекеръ помѣстилъ и въ сборникѣ «Мнемозина»; по смерти Кюхельбекера были напечатаны нѣкоторыя произведенія и дневникъ его въ «Отечественныхъ Запискахъ» (т. 139), «Библіографическихъ Запискахъ» (1858 г.), «Русской Старинѣ». Наибольшее количество стихотвореній Кюхельбекера помѣщено въ «Собраніи стихотвореній декабристовъ» (Библіотека русскихъ авторовъ, вып. II, Берлинъ 1862 г.) и въ книжкѣ «Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера», Веймаръ, 1880 г. Отдѣльно изданы слѣдующія сочиненія Кюхельбекера: «Смерть Байрона», Москва 1824 г.; «Шекспировы Духи»—драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ, посвящается А. С. Грибоѣдову, СПб. 1825 г.; «Ижорскій»—мистерія, СПб. 1835 г. (издана анонимно, притомъ лишь первая часть, остальныя свѣта не видѣли); «Вѣчный жидъ»—поэма, СПб. 1878 г. Не мало произведеній Кюхельбекера осталось въ рукописи.

Литература о Кюхельбекерѣ обширна. Наибольшее количество свѣдѣній сохранилось о немъ, какъ объ участникѣ въ возмущеніи 14 декабря; такого рода свѣдѣнія можно найти во всей литературѣ о декабристахъ. Главнѣйшіе источники и пособія: «Донесенія слѣдственной комиссіи», СПб. 1826 г.; А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, «Декабристы въ Западной Сибири», М. 1895 г.; М. И. Богдановичъ, «Исторія царствованія императора Александра I»; Schnitzler, «Histoire intime de la Russie», Brux. 1847, III; Н. А. Гастфрейндъ; «Кюхельбекеръ и Пущинъ»; СПб. 1901 (раньше въ «Вѣстн. Всемірной Исторіи» 1900 г., № 12); А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи»; его же, «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I»; Н. И. Гречъ, «Записки о моей жизни», СПб. 1886 г.—характеристика Кюхельбекера, сдѣланная Гречемъ, весьма рѣзкая и не вполнѣ справедливая и вообще свѣдѣнія, даваемыя имъ о Кюхельбекерѣ, во многомъ неточны; см. его же воспоминанія въ «Полярн. Звѣздѣ» 1862 г. и въ «Русск. Вѣстникѣ» 1868 г., № 6; біографическіе очерки о Кюхельбекерѣ см. въ «Русск. Старинѣ» 1875 г., т. 13 (поправки къ этой статьѣ въ «Древн. и Нов. Россіи» 1878 г., № 2) и у Колюпанова «Біографія А. И. Кошелева», т. I, М. 1889 г., кн. II (тамъ же въ примѣніяхъ и списокъ трудовъ Кюхельбекера); кромѣ того: «Русскій Архивъ» 1870 г. №№ 2, 6, 8 — 9; 1871 г. № 2; 1881 г., № 1; «Русская Старина» 1870 г., № 4; 1873 г. № 7; 1875 т. 13; 1883 г. т. 39 и 40; 1884 г. т. 41; 1891 г. т. 69. Записки: М. И. Глинки, СПб. 1887 г., П. А. Каратыгина, СПб. 1880 г.; И. И. Панаева, СПб. 1876 г., и др.; словари Геннади, Брокгауза, Толля и др.; «Сборникъ старин. бумагъ Щукина», т. VIII, М. 1901 г.; «Современникъ» 1863 г., VII; «С.-Петерб. Вѣд.» 1866 г. № 176; Гротъ, «Пушкинъ, — его лицейскіе товарищи и наставники» СПб. 1887 г.; «Нов. Время» 1880 г., № 1640. Сочиненія А. С. Пушкина (изд. Литер. фонда и Академическое); Сочиненія А. С. Грибоѣдова СПб. 1889 г.; «Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ» т. II, СПб. 1899 г. (и прим.). Объ отцѣ В. К. Кюхельбекера — Карлѣ Ивановичѣ (ум. въ 1809 г.), первомъ директорѣ Павловска см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. I, стр. 429—434 и въ книгѣ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе». СПб. 1877 г. О сынѣ В. К. Кюхельбекера, Михаилѣ Вильгельмовичѣ, (род. 29 іюля 1840 г., ум. 22 дек. 1879 г.) см. «Новое Время» 1879 г. № 1374, «Молва» 1879 г., № 356, «Голосъ» 1879 г., № 325.

Ив. Кубасовъ.